

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

II МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ИМЕНИ
ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ
ВЕРБИЦКОЙ

19–26 марта 2024, Санкт-Петербург

Сборник тезисов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2024

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Главный редактор:

д-р филол. наук, профессор *Валерий Михайлович Мокиенко* (СПбГУ)

Секретари редакционной коллегии:

канд. филол. наук *И. Э. Васильева* (СПбГУ), канд. филол. наук *К. В. Манёрова* (СПбГУ)

Редакционная коллегия:

В. Д. Алташина (СПбГУ), А. В. Бабанов (СПбГУ), Г. А. Баева (СПбГУ), А. В. Белобратов (СПбГУ), О. В. Блинова (СПбГУ), Н. В. Богданова-Беглярян (СПбГУ), Л. Д. Бугаева (СПбГУ), И. Э. Васильева (СПбГУ), О. В. Васильева (СПбГУ), М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН), С. В. Вяткина (СПбГУ), Л. Н. Григорьева (СПбГУ), О. В. Гусева (СПбГУ), Л. Н. Дониная (ИЛИ РАН), Н. А. Дубинина (СПбГУ), А. П. Жуков (СПбГУ), Е. И. Зиновьева (СПбГУ), Е. Ю. Иванова (СПбГУ), В. П. Казаков (СПбГУ), А. А. Карпов (СПбГУ), Ю. А. Клейнер (СПбГУ), М. Ю. Копыловская (СПбГУ), Т. В. Костылева (СПбГУ) М. В. Корышев (СПбГУ), М. Ю. Котова (СПбГУ), К. В. Манёрова (СПбГУ), Н. Г. Мед (СПбГУ), Л. В. Московкин (СПбГУ), Л. Ю. Муковская (СПбГУ), И. Ю. Павловская (СПбГУ), Т. И. Петухова (СПбГУ), Д. Д. Пиотровский (ПСПбГМУ), М. М. Позднев (СПбГУ), М. Б. Попов (СПбГУ), Т. И. Попова (СПбГУ), Т. В. Рождественская (СПбГУ), Т. С. Садова (СПбГУ), А. В. Сизиков (СПбГУ), Н. П. Силинская (СПбГУ), П. А. Скрелин (СПбГУ), В. И. Теркулов (ДонГУ), Е. К. Тимофеева (СПбГУ), Т. П. Третьякова (СПбГУ), Е. В. Хворостьянова (СПбГУ), М. В. Хохлова (СПбГУ), Т. В. Черниговская (СПбГУ), Д. А. Черноглазов (СПбГУ), А. В. Шаврова (СПбГУ), Е. А. Шамина (СПбГУ), П. М. Эйсмонт (СПбГУ)

(16 Мб) LII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 19–26 марта 2024 года, Санкт-Петербург: сборник тезисов.

Сборник содержит тезисы докладов LII Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, прошедшей 19–26 марта 2024 года в Санкт-Петербургском государственном университете. В сборнике представлены результаты теоретических и прикладных исследований по самому широкому кругу актуальных проблем по филологии, разделенных по направлениям «История литературы», «Классическая филология, библеистика, неоэллинистика, балканистика», «Культурная антропология и теоретические аспекты гуманитарных исследований», «Междисциплинарные исследования», «Русский язык», «Русский язык как иностранный и методика его преподавания», «Общее языкознание», «Романо-германская филология», «Славистика», «Фёдоровские чтения», «Теория и практика обучения иностранным языкам. Тестология». Характер материалов сборника позволяет адресовать его филологам, лингвистам, литературоведам, культурологам, переводчикам, педагогам, студентам и аспирантам филологических специальностей, а также использовать в научной, учебной и учебно-методической работе преподавателей высших учебных заведений.

Языки тезисов: русский, английский.

Тезисы докладов представлены в авторской редакции.

LII Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference, March 19–26, 2024, St. Petersburg: The Book of Abstracts.

The Book contains abstracts of the theses of the LII Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference, which took place on March 19–26, 2024, at St. Petersburg State University. The Book of Abstracts presents the results of theoretical and applied research on a wide range of topical problems in philology, divided according to the areas of research “History of Literature”, “Classical Philology, Biblical Studies, Neohellenic Studies, and Balkan Studies”, “Cultural Anthropology and Theoretical Aspects of Humanitarian Research”, “Interdisciplinary Studies”, “Russian language”, “Russian as a foreign language and the methodology of teaching”, “General Linguistics”, “Romano-Germanic Philology”, “Slavistics”, “Fedorovsky Readings”, “Theory and Practice of Foreign Language Education. Testology”. The Book of Abstracts is to refer to philologists, linguists, literary scholars, culture scientists, translators, teachers, students and graduate students of philological majors, as well as for scientific, educational and teaching work.

Languages: Russian, English.

Published in the authors' versions.

Подписано к использованию 05.08.2024

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22

E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Добровольский Дмитрий Олегович</i> К грамматике идиом: факторы синтаксической и дискурсивной свободы	61
<i>Карпов Александр Анатольевич</i> Отражения творчества А. С. Пушкина в литературе его времени	63
<i>Коваль Владимир Иванович</i> О некоторых способах образования неофразем в русском языке	65
<i>Супрун Василий Иванович</i> Славянские колоронимы и их отражение к лингвокультуре славян	67
<i>Черноглазов Дмитрий Александрович</i> Рекомендательное письмо в ранней Византии: этикетные мотивы и формулы	69
<i>Чернявская Валерия Евгеньевна</i> «Давайте говорить как петербуржцы»: язык и социальная индексальность.....	71

КРУГЛЫЙ СТОЛ «К 300-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТА И АКАДЕМИИ НАУК»

<i>Власов Сергей Васильевич, Московкин Леонид Викторович</i> Исследования учебников русского языка как иностранного XVIII в. в Санкт-Петербургском (Ленинградском) государственном университете	72
<i>Воейкова Мария Дмитриевна</i> Александр Владимирович Бондарко в Университете и в Академии наук.....	74
<i>Клейнер Юрий Александрович, Светозарова Наталия Дмитриевна</i> Общество и его журнал.....	76
<i>Кочеткова Ульяна Евгеньевна, Скрелин Павел Анатольевич</i> Вклад Л. В. Щербы в развитие экспериментальной фонетики в Санкт-Петербургском государственном университете: неизвестные страницы русско-французских научных связей	78
<i>Хомякова Елизавета Георгиевна</i> История школы англистики в СПбГУ.....	80

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

<i>Абдураимова Дилафруз Баходировна</i> Понятие «локальный текст» в современном литературоведении.....	83
---	----

Алькайси Рашид Низар Назир

- За закрытыми дверями: игра беспорядка в романе
«Петровы в гриппе и вокруг него» Алексея Сальникова 85

Аствацатурова Вера Викторовна

- Свидетельства европейских современников о Петербурге
первой четверти XVIII века как документальный источник
для научного изучения Петербурга петровской эпохи 87

Белоусова Евгения Александровна

- Методологически продуктивные выводы гуманитарных дисциплин
в изучении категории поступка литературного персонажа
(«Дело Тулаева» В. Сержа и «Мнимые величины» Н. Нарокова)..... 89

Богумил Татьяна Александровна

- Образы городов Алтая в контексте общесибирской культурной парадигмы 91

Большев Александр Олегович

- Лимоновский «след» в рассказе М. Елизарова «Мы вышли покурить на 17 лет»..... 93

Вахненко Екатерина Евгеньевна

- Творчество Алексея Ремизова в оценках журналистов и критиков юга России
(1900–1910-е гг.)..... 95

Гун Аньпин

- Дзенская практика в прозе В. Пелевина (на примере романов «Чапаев и Пустота»
и «Священная книга оборотня») 97

Гуськов Николай Александрович

- Композиция сборника сочинений В. В. Капниста 1796 года..... 99

Ермакова Лия Леонидовна

- Немецкие учителя и предшественники Вячеслава Иванова:
Христиан Август Лобек 101

Корсунская Анастасия Геннадьевна

- Лирическая книга О. А. Охупкина «Моление о Чаше»: опыт анализа 103

Лаппо-Данилевский Константин Юрьевич

- Формальная школа в литературоведении и теория звукообраза Вяч. Иванова 105

Лю Гаочэнь

- Царт-двойник: из истории коллективной мистификации 107

Лю Найшо

- «Маньчжурский текст» в литературе русской дальневосточной диаспоры
первой половины XX века 109

Маштакова Любовь Владиславовна

- Школа реалистического символизма:
Вяч. Иванов в рецензиях на книги учеников 111

Мельникова Софья Владимировна

- Путевая проза сибирского православного духовенства
второй половины XIX — начала XX вв.: к вопросу становления художественности
в региональной литературе 113

Николаева Екатерина Геннадьевна

- Реклама и комиксы о Супермене в «Просвечивающих предметах» В. Набокова 115

Отрадин Михаил Васильевич

- Два романиста лицом к лицу (автор и герой в «Обрыве» Гончарова)
психологический роман; физиологизм; метод 117

Петров Андрей Алексеевич

- Студенческие волнения в Санкт-Петербургском университете
в романе В. В. Крестовского «Панургово стадо»: диалектика антинигилизма 119

Сёмина Юлия Ивановна

- Роль народных казачьих песен в прозе Ф. Д. Крюкова 121

Соловьев Андрей Юрьевич

- Неосуществленное собрание сочинений Д. И. Фонвизина в издательстве
«Academia» (1932–1937) 123

Титаренко Светлана Дмитриевна

- Методология исследований Д. Е. Максимова и теория символизма Вяч. Иванова 125

Трофимов Артём Евгеньевич

- Екатерина II и Сибирь: заметки к теме 127

Чжан Шицун

- Изображение народовольцев в романе Николая Свечина «Охота на царя» 129

Чэнь Шаньшань

- О дезориентации в раннем творчестве А. Битова 131

Шпилева Елена Николаевна

- «Тайный физиологизм» романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» в контексте
исследований в области физиологии второй половины XIX века 133

Suyunova Maftuna Do'sqobil qizi

- The depiction of the image of war in Shukhrat's novels 135

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР

Абдурахманова-Павлова Дарья Владимировна

- Жанровые особенности романизированной биографии
и биографического романа (на материале жизнеописаний Джона Вулмена) 138

Анцыферова Ольга Юрьевна

- Кризис самоидентификации и топос двойничества
в культуре рубежа XX–XXI веков 140

Аствацатуров Андрей Алексеевич

Джозеф Конрад в поисках новой литературной формы (повесть «Сердце тьмы») 142

Барабанова Юлия Михайловна

Реконструкция прошлого в трансатлантическом контексте:
«Мемуары американской леди» Энн Грант и исторические романы
Дж. К. Полдинга и Дж. Ф. Купера 144

Вишневская Елена Александровна

Средневековая латинская секвенция: к вопросу жанра 146

Волкова Анна Геннадьевна

«Книга» Марджери Кемп: опыт первой женской автобиографии 148

Жуков Андрей Павлович, Феррейра Рафаэль Бэсса

Браз Кубас Машаду де Ассиса и Обломов И. А. Гончарова:
«лишний человек» в тропических странах 150

Зиновьева Кира Андреевна

Интерпретация исторического романа Х. Мантел
в зарубежной и отечественной литературной критике 152

Игнатьева Дарья Сергеевна

Миф и наука в романе Ричарда Пауэрса «Эхотворец» 154

Иовенко Валерий Алексеевич

Повесть Мигеля Отеро Сильвы «Когда хочу плакать, не плачу» — забытое наследие
латиноамериканской литературы 156

Климовская Алиса Яковлевна

Осмысление второй Мировой войны в женской прозе — П. Фицджеральд,
А. Брукнер, Ф. Уэлдон 158

Макарова Людмила Юрьевна

К вопросу о визионерской традиции в просветительском эссе
«Видение скрижали славы» (Tatler, № 81, 15 October, 1709) 160

Молодинская Вера Алексеевна

Преломление неоромантической традиции в малой прозе Р.Л. Стивенсона
(на примере рассказа «Сатанинская бутылка») 162

Моркина Марта Александровна

Образ исторической родины в творчестве Юнаса Хассена Кемири 164

Назаренко Надежда Ивановна

Тема брака в романах Джейн Остен и Энн Бронте 166

Ненарокова Мария Равильевна

«Предисловие» к «Шекспиру, рассказанному детям» Ч. и М. Лэм
как теоретическое обоснование литературной адаптации 168

Николаева Ольга Станиславовна

«Бьервильские элегии» Карлеса Рыбы и «Кладбище Синеры» Салвадора Эсприу
как осмысление исторических событий в Испании 1930–40 годов..... 169

Орлова Татьяна Сергеевна

Кинематографичность как прием в творчестве Кадзуо Исигуро..... 171

Павлова Ирина Николаевна

Книги М. Шелли о путешествиях как образец жанра travel writing
первой половины XIX века..... 173

Полубояринова Лариса Николаевна, Кулишкина Ольга Николаевна

Немецкие литературные контакты И. С. Тургенева:
сетевой аспект проблемы..... 175

Ткаченко Вера Владимировна

Миф о Граале в сборнике рассказов Д. Джойса «Дублинцы» 177

Хомухина Елена Ивановна

Оскар Уайльд и Танидзаки Дзюньитиро:
еще раз к вопросу о литературном влиянии..... 179

Цветкова Марина Владимировна

Ролевая лирика в британской и русской поэтической традиции..... 181

Belova Margarita Alexandrovna

Stage, scaffold, and a bloody feast: the ideology of violence
in Early Modern revenge tragedy 183

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Апенко Елена Михайловна

Роман П. Акройда «Мильтон в Америке»:
границы интерпретативного своеволия автора 185

Баева Екатерина Михайловна

Длинный список Букеровской премии-2023
по современной англоязычной литературе 187

Вихрова Ксения Александровна

«Контрзаговор» Ф. Рота в историографической метапрозе..... 189

Игнатов Кирилл Юрьевич

Проблема идентичности в пьесе Сьюзан-Лори Паркс «Победитель/Побеждённый»... 191

Ильина Александра Михайловна

Поэтика границы в лирике Поля Целана..... 193

Исламова Алла Каримовна

Семиотические коннотации повествовательного текста и философского
метатекста в романе-эпопее К. Уилсона «Мир пауков»..... 196

Котелевская Вера Владимировна

Фрагментарный и/или открытый текст: к романтическим истокам поэтологии
и эпистемологии В. Беньямина..... 198

Мазняк Мария Михайловна

Европейские мотивы в африканской литературной традиции.
Постколониальный (контр)дискурс..... 200

Радько Елена Вячеславовна

К вопросу о набоковском тексте в романах В. Пелевина..... 202

Сафина Анна Сергеевна

«Венский текст» в романе Петера Розая «Вена Metropolis»..... 204

Силаев Павел Витальевич

Метатекстуальное своеобразие романа Иэна Макьюэна «Сластена» 206

Старикова Надежда Николаевна

По следам «Трамвая “Желание”»: интертекстуальный нарратив репрезентации
топоса Нового Орлеана в романе Д. Янчара «Насмешливое вожделение» 208

Тимошкина Мария Игоревна

Трансформация «готики» в австрийском экспрессионизме
(на материале романов Г. Майринка) 210

Хорошевская Юлия Павловна

Гибридность как необходимое условие выживания
в мире будущего (Визенор, Батлер, Эмберстоун) 212

Aliyeva Emiliya Natig

Language and communication problem in Christine Brooke-Rose’s creativity (Xorandor)... 214

ФРАНЦУЗСКИЕ ЧТЕНИЯ: ТРАНСФЕР И ТРАНСФИКЦИОНАЛЬНОСТЬ

Бакаева София Андреевна

Рецептивная игра с классическим произведением
в современной франкоязычной литературе 216

Банников Константин Валерьевич

Данте в поэтике художественных комментариев к Библии Поля Клоделя 218

Белавина Екатерина Михайловна

В тигле культурного трансфера: к вопросу о просодическом компоненте
во французских переводах и переложениях в 20–30-х годах XIX века 220

Васильева Екатерина Николаевна

Я в роли Другого: литературные эксперименты Монтескье на тему метемпсихоза 221

Гусева Юлия Викторовна

Человек перед лицом катастрофы: Поэтический цикл
Сен-Жон Пэрса «Изгнание» в контексте эпохи..... 223

Кондратьева Екатерина Александровна

Трансфикциональность в прозе Жана Мари Гюстава Леклезю: новелла «Bonheur» («Счастье») как окончательная встреча персонажей..... 225

Кротов Артем Александрович

Шекспировские мотивы в философских драмах Эрнеста Ренана..... 227

Легенькова Елизавета Александровна

В поисках «Земли обетованной»: путешествие Ж.-Р. Блока в Палестину..... 229

Михайлова Оксана Александровна

Тема женской доблести у Боккаччо, Жана Лефевра и Кристины Пизанской..... 231

Никитина Наталья Александровна, Тулякова Наталья Александровна

В поисках истории: выбор материала и повествовательной стратегии в «Оловянном солдатики» Анатоля Франса..... 233

Патракова Ольга Николаевна

Балет П. И. Чайковского «Спящая красавица» в диалоге искусств России и Франции 235

Петрова Елизавета Валерьевна

Интерпретация образа парижского кафе во французском искусстве второй половины XIX — начала XX века..... 237

Симонова Лариса Алексеевна

Смерть Помпея» (1643): логика власти или игра Корнелия в «другое» и «то же самое»..... 239

Чадова Елизавета Владимировна

Концепция «женского письма» Элен Сиксу: вопросы теории и практики..... 241

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, БИБЛЕИСТИКА, НЕОЭЛЛИНИСТИКА, БАЛКАНИСТИКА

БАЛКАНИСТИКА, НЕОЭЛЛИНИСТИКА И ВИЗАНТИНИСТИКА

Бобрецова Екатерина Валентиновна

Литературные реминисценции в романе Марии Иорданиду «Кавказские каникулы»..... 244

Боброва Ольга Борисовна

Эммануил Ройдис и языковой вопрос, или История писателя-димотикиста, никогда не писавшего на димотике..... 246

Голант Наталия Геннадьевна, Струтинский Иван Михайлович

Образ дерева в румынских фольклорных текстах, связанных с погребальной обрядностью 248

<i>Гришин Алексей Юльевич</i>	
Расхождение лингвоаксиологических принципов и случаи его проявления при переводе дипломатической терминологии в паре русский-греческий	250
<i>Гришин Дмитрий Алексеевич</i>	
Художественный диалог в византийской агиографии: к постановке проблемы	252
<i>Домосилецкая Марина Валентиновна, Новик Александр Александрович</i>	
Айва в полиэтничной Метохии: этноботанический и фитонимический портрет	254
<i>Дугушина Александра Сергеевна</i>	
Современное свадебное меню в Албании: взгляд на еду из перспективы языка и идентичности	256
<i>Йованович Елена Любомировна</i>	
О древнем слое сербской традиционной культуры в сельском пении и говоре в области Копаоника в сопоставлении с другими частями Сербии	258
<i>Кикило Наталья Игоревна</i>	
Категория эвиденциальности в нарративах македонского меньшинства в Республике Сербии	260
<i>Кисилиер Максим Львович, Новаковски Марцель, Гарсия Чапарро Хайме</i>	
О проекте онлайн-словаря цаконского диалекта новогреческого языка	262
<i>Климова Ксения Анатольевна</i>	
Ритуальная пища понтийских греков России: лексика, символика, аксиология	264
<i>Маковецкий Евгений Анатольевич</i>	
Образ Елены Прекрасной, «вызванный к жизни средствами монтажного построения»: как С. М. Эйзенштейн мог бы прочитать Константина Манасси	266
<i>Морозова Мария Сергеевна</i>	
Об одном случае грамматического заимствования в говорах албанской исторической диаспоры	268
<i>Пилипенко Глеб Петрович, Борисов Сергей Александрович, Немчинов Владислав Алексеевич</i>	
Специфика гибридизации небалканских переселенческих идиомов в сербскохорватском языковом окружении	270
<i>Сатдарова Анна Александровна</i>	
Бессловесный абстрактный автор в многоголосии нарраторов (на материале романов «То τρίτο στεφάνι» К. Тахциса и «То διπλό βιβλίο» Д. Хадзиса)...	272
<i>Смирнов Сергей Александрович</i>	
Преимственность и самобытность в образном строе «Иоанниды» Флавия Крескония Кориппа	274
<i>Тоноян Лариса Грачиговна</i>	
Вклад М. В. Ломоносова в становление русской логической терминологии	276

Тресорукова Ирина Витальевна

Пейоративные хоронимы-окказионализмы с морфемой -отав:
к вопросу о наименовании Греции в СМИ и блогосфере 278

Харламова Анастасия Вадимовна

Особенности веляризации [l] в арумынском говоре г. Селеница (Албания):
акустический аспект..... 280

Чёха Оксана Владимировна

Сюжетные мотивы новогреческих легенд о хлебе 282

Чуева Софья Юрьевна

Особенности формирования существительных женского рода от nomina agentis
с суффиксами -τήρ, -τήρ, -τήρ (анализ диахронии)..... 284

Якушкина Екатерина Ивановна, Дияна Црняк

Вариативность в сербском литературном языке в свете оппозиции
«свой-чужой» 286

БИБЛИЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Браткин Дмитрий Александрович

Между библейской филологией и свободным мифотворчеством: С. С. Кондурушкин
и художественная литература как субститут «поиска исторического Иисуса»
в русской культуре конца XIX — XX века..... 288

Витковский Вадим Евгеньевич

Евангелие от Иоанна и синоптические Евангелия как его источники:
Нафанаил из Каны Галилейской (Ин 21:2) и его предшественники..... 290

Джункова Катарина

Новый Завет (1954) в переводе Карола Стрменя.
Словацкий поэт в эмиграции в США переводит Библию..... 292

Каргальцев Алексей Витальевич

«Страсти Святой Марцианы»: к вопросу о структуре и исторической
достоверности памятника..... 294

Карякина Мария Валерьевна

Текстология книги Притчей: вариации структуры текста..... 296

Лопатин Матвей Денисович

Эктопаразиты в ветхозаветных и клинописных источниках..... 298

Мещерская Елена Никитична

Апостолы в сирийском апокрифе Исход Марии..... 300

Немировская Адель Владимировна

Genesis: Miscellanea Babylonica et Aegyptiaca (Ноев ковчег)..... 302

<i>Сизиков Александр Владимирович</i> Церковнославянский перевод книги Премудрости Иисуса сына Сирахова в рукописи XVII в. из собрания Министерства иностранных дел.....	304
<i>Смирнова Екатерина Андреевна</i> Об одной форме повелительного наклонения в Четье 1489 года (в сравнении с «простомовными» памятниками XVI века).....	306
<i>Спиридонова Анастасия Сергеевна</i> Теория скопоса как подход к переводу YouTube-контента духовной тематики.....	308
<i>Фомичева Софья Владимировна</i> Ветхозаветные и кумранские истоки термина «rāzā» («тайна, символ») в богословии Ефрема Сирина (IV век).....	310
<i>Шулежкова Светлана Григорьевна</i> Письменность для православного тюркского народа	312
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ	
<i>Алмазова Нина Александровна</i> Кифародический ном и проэмии	314
<i>Барышева Ольга Игоревна, Позднев Михаил Михайлович</i> Ratio Quique Reddenda — что подразумевал Свертс?.....	316
<i>Беликов Григорий Сергеевич</i> Апология Анаксагора в XVI речи Максима Тирского	318
<i>Верлинский Александр Леонардович</i> Теория языка в «Седьмом письме» Платона (342 a — 344 d).....	320
<i>Егорова Софья Кондратьевна</i> Дионис-лев или Дионис vs лев? (Hor. Carm. 2, 19, 23–24).....	322
<i>Исаенко Роман Андреевич</i> Hdt. 2, 54–57: две легенды о Додонском оракуле. Рационализация мифа как форма мифотворчества.....	324
<i>Казанская Мария Николаевна</i> Термин μετὰ Ὑπώσις в античной филологической традиции.....	326
<i>Костылева Татьяна Владимировна</i> Eur. Orestes 251–2: ὑνῶμη или начало приступа безумия?	328
<i>Котова Анастасия Викторовна</i> Сравнения в прямой речи в «Аргонавтике» Валерия Флакка: коммуникативный контекст.....	330
<i>Павлова Анастасия Владимировна</i> Heracl. Pont. F97 Schütr (= F170 Wehrli): Эсхил и его братья.....	332

Сергеев Михаил Львович

- Юлиан Отступник под маской Марка Аврелия: к истории одной греческой цитаты в «Библиотеке» (1545) Конрада Гесснера..... 334

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МИФ, ФОЛЬКЛОР, РИТУАЛ В ПОВСЕДНЕВНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ

Березнев Владислав Игоревич, Ясинская Мария Владимировна

- Национальная кухня как маркер идентичности русских переселенцев в странах Латинской Америки..... 337

Коновалова Мария Александровна

- Перформативные глаголы в заговорах XVII и XX веков (на материале «Олонецкого сборника» и сборника «Русские заговоры Карелии»)..... 340

Куприянова Софья Олеговна, Мариничева Юлия Юрьевна

- Кумулятивные сказки: к вопросу о фольклорном перформансе..... 342

Лызлова Анастасия Сергеевна

- Выступления исполнителей фольклора Советской Карелии «в столицах»: культура памяти..... 344

Степанова Юлия Николаевна

- Фольклорный дискурс в прозе Е. Д. Айпина 1980-х — начала 1990-х годов..... 346

СТИХОВЕДЕНИЕ

Двинятин Федор Никитич

- Ленора: Бюргер — Пушкин — Набоков..... 348

Каракуц-Бородина Любовь Анатольевна

- Nabokov simulated: проза Набокова в исполнении нейросетей..... 350

Лалетина Ольга Сергеевна

- Лексический состав рифмы В. В. Набокова в контексте лексики русской поэзии..... 352

Хворостьянова Елена Викторовна

- Рифма В. В. Набокова: К проблеме описания фонического аспекта рифмы XX века.... 354

Юй Цзюньтао

- Критика первой половины XX века о стихе: поэзия Терапиано..... 356

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бушканец Лия Ефимовна

- Систематизация текстов мемуаров об А. П. Чехове как академическая задача..... 358

<i>Ван Цзысюань</i>	
Метафотографические тексты в романе М. М. Степановой «Памяти памяти»	360
<i>Васильева Ирина Эдуардовна</i>	
Майков и Батюшковы: к вопросу о методологии анализа рецептивного поля	362
<i>Васильева Ирина Эдуардовна, Оверина Ксения Сергеевна</i>	
«Крестовый календарь» А. А. Гатцука как источник сюжетов «малой прессы»	364
<i>Ло Цюно</i>	
В. К. Мочульский как исследователь творчества Достоевского (роман «Бесы»)	365
<i>Мурадова Офелия</i>	
Этапы психологической деградации личности в повести Натига Расул-Заде «Всадник в Ночи»	367
<i>Оверина Ксения Сергеевна</i>	
Большие формы в творчестве А. П. Чехова: начало	369
<i>Ротанов Алексей Николаевич</i>	
Этапы развития поэтики графического романа в творчестве Аскольда Акишина.....	371
<i>Русанова Марфа Максимовна</i>	
Литература сквозь революционную действительность: статус художественной литературы в дневниках 1917–1920-х годов.....	373
<i>Хадынская Александра Анатольевна</i>	
Пушкинские аллюзии в лирике Георгия Шенгели	375

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КИНО|ТЕКСТ: КИН(О)ВЛАСТИ

<i>Андрианова Мария Дмитриевна</i>	
Фильм «1993»: ресайклинг прошлого как способ конструирования будущего	378
<i>Бронникова Анна Сергеевна</i>	
Сюжет сакрализации и десакрализации власти в драматургии фильма.....	380
<i>Головачева Ирина Владимировна</i>	
Власть двойника и творческое бессилие в психопатическом кинодискурсе	382
<i>Ежевский Александр Викторович</i>	
«Следствие по делу гражданина вне всяких подозрений», как антигосударственный фильм.....	384
<i>Еланская Светлана Николаевна</i>	
Киноальманах «Волшебная сила»: власть искусства как социальное действие	386
<i>Иваницкий Александр Ильич</i>	
Эрос и тоталитаризм в западном кино: два типа отношений	388

<i>Касмынин Алексей Иванович</i>	
Структура лабиринта как пространственное средство репрезентации власти в кинопроизведении.....	390
<i>Кащенко Елена Сергеевна</i>	
Хрупкое очарование власти: фон Штернберг, Коппола, Кройцер.....	392
<i>Клименко Надежда Вячеславовна</i>	
Сюжет «власть и смерть» фильма А. Н. Сокурова «Сказка» как метасюжет творчества режиссера.....	394
<i>Кочеляева Нина Александровна</i>	
Художник и власть: тема противостояния (на примере документальных и игровых фильмов 2020-х годов)	396
<i>Логинова Марина Сергеевна</i>	
Золушка российского кинематографа: отечественная анимация и власть.....	398
<i>Мариевская Наталья Евгеньевна</i>	
Пространственные стратегии власти в сюжете современного фильма.....	400
<i>Минаева Елизавета Васильевна</i>	
Смена лидера-патриарха в пространстве праздника (на материале фильмов Ф. Коппола, Л. Висконти, Т. Винтерберга)	402
<i>Романова Екатерина Назаровна, Заморщикова Людмила Софроновна</i>	
Киноязык холодного мира: якутский феномен	404
<i>Селиверстов Игорь Константинович</i>	
«Власть земли». Сюжетообразующая роль мотива жертвоприношения земле в драматургии фильма	406
<i>Семенчук Светлана Александровна</i>	
Фильм «Убийцы» (1956) А. А. Тарковского и Ю. А. Файта как социально-политический феномен	408
<i>Степанова Полина Михайловна</i>	
Трагедия разделенности: Специфика сценарных структур южнокорейских фильмов о разделе Корейского полуострова начала XXI века	410
<i>Торопыгина Марина Юрьевна</i>	
Политические комедии Эрнста Любича: актуальные сюжеты и универсальные смыслы	412
<i>Тульчинский Григорий Львович</i>	
Отечественное авантюрно-приключенческое немое кино и власть (с А. С. Пушкиным и без него)	414

СЦЕНА|ТЕКСТ

<i>Азарова Валентина Владимировна</i> Особенности либретто оперы О. Мессиана «Святой Франциск Ассизский. Францисканские сцены»	417
<i>Батаршин Роман Раифович</i> Бенефис актрисы как театральное событие: Светлана Крючкова в спектакле «Привидения» БДТ им. Г. А. Товстоногова.....	419
<i>Гудков Максим Михайлович</i> Американский «Клоп»: премьерная постановка пьесы В. Маяковского в Нью-Йорке (1931 г.).....	421
<i>Дудкина Анастасия Игоревна</i> Марта Грэм. женщина-революционер и ее танец, написанный памятью крови	423
<i>Исаева Елизавета Ильинична</i> Юрий Трифонов: «Московский текст» и его сценическое прочтение	425
<i>Ларин Сергей Алексеевич</i> Персонажная структура «бытовых» пьес А. Н. Островского: мужское и женское (лингвостатистический обзор).....	427
<i>Левченко Татьяна Викторовна</i> «Симпатичная старушка (мировая бодряга!), припудрив недавние синяки снова рвется в бой». об одном письме А. Я. Бруштейн в архиве литературного критика Ф. М. Левина	429
<i>Матвиенко Кристина Николаевна</i> Проблематизация «женского» в современном театральном и перформативном искусстве	431
<i>Меньщикова Мария Константиновна</i> Бинарность системы персонажей в драматургических интерпретациях мифа об Амфитрионе	433
<i>Мухамедзянова Анна Алексеевна</i> Н. И. Сац как режиссёр с педагогической оптикой.....	435
<i>Наумов Александр Владимирович</i> «Бабы» МХАТ–2 (1929): новый опыт студийности в режиссуре и музыка спектакля....	437
<i>Семенова Наталья Валерьевна</i> Фрагменты прогулок влюбленных: дрейф героев в пространстве оттепельных пьес	439
<i>Сылова Елена Андреевна</i> Мужское и женское в романе Андрея Белого «Петербург» и на сцене (спектакль М. Чехова «Петербург», МХАТ-2, 1924, и спектакль А. Могучего «Петербург», Александринский театр, 2004).....	441

<i>Тютелова Лариса Геннадьевна</i>	
Процесс самопознания героя современной подростковой драмы в контексте возрастных проблем (становление «Я» героя и его отличие от «Другого»)	442
<i>Усачева Анастасия Викторовна</i>	
Он и Она: литературные архетипы персонажей пьес М. Вишнека.....	444
<i>Шарыпина Татьяна Александровна</i>	
Интермедиальные эксперименты в сценических трансформациях сюжета о Медее XX–XXI вв.	446
<i>Шевченко Елена Николаевна</i>	
Смена ролевых приемов в художественной концепции спектакля в современном театре (на примере театров Татарстана)	448
<i>Щукина Марина Сергеевна</i>	
Репрезентация темы женской судьбы в пьесе Т. Ахтман «Офелия, Гертруда, Дания и другие».....	450
<i>Юрьев Андрей Алексеевич</i>	
Противостояние мужского и женского как проблема строительства личности в «Кукольном доме» Хенрика Ибсена.....	452

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И ТЕСТОЛОГИЯ

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

<i>Божик Святослава Любомировна</i>	
Определение уровня культурной и гражданской идентичности студентов полилингвальной аудитории и его роль в изучении иностранного языка в условиях российского ВУЗа.....	455
<i>Вишаренко Светлана Владимировна</i>	
О возможности применения логопедических методик для постановки дыхания при обучении иноязычному произношению носителей слогового языка (китайского).....	457
<i>Золотая Елизавета Леонидовна</i>	
Проблема социокультурной интерференции в процессе обучения английскому языку	459
<i>Кулигина Наталья Вячеславовна</i>	
Способы преодоления трудностей пересказа художественных иноязычных текстов студентами-филологами из КНР	461
<i>Лыпкань Татьяна Витальевна, Вихрова Анастасия Юрьевна</i>	
Сравнение особенностей параметра времени начала озвончения взрывных смычных согласных в устной речи русскоязычных билингвов Германии и монолингвов России	463

<i>Петрова Виолетта Владимировна</i>	
Стратегии учебной деятельности по изучению иностранного языка и их влияние на образовательный результат	465
<i>Рустамова Нодира Рустамовна</i>	
Учет лингвокультурного контекста врачебной этики при обучении иностранных студентов в медицинском вузе (на примере Ташкентского государственного медицинского института)	467
<i>Суханова Валентина Ильинична</i>	
Organizing petroleum geology students for learning the structural elements of Modern English at technical university	470
<i>Тимофеева Елена Константиновна, Чао Итун</i>	
Английские заимствования в китайском и русском языках как компонент культурно-языкового взаимодействия	472
<i>Усманова Комола Хикматуллаевна</i>	
Некоторые психологические и культурологические проблемы обучению английскому языку	474

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

<i>Бугреева Елена Александровна</i>	
Системно-матричная модель планирования и организации профессионально-ориентированного языкового образования	476
<i>Вострикова Ирина Юрьевна</i>	
К вопросу о формировании иноязычной коммуникативной компетенции в рамках блока «Учебно-познавательная сфера общения»	478
<i>Гавриленко Наталья Григорьевна, Соколова Алина Юрьевна</i>	
Координация курсов латинского и иностранного языков как ключ к успешному формированию коммуникативной компетенции будущего врача	480
<i>Гальчинский Дмитрий Николаевич</i>	
Using hedging while teaching students of humanities dialogical speech in tertiary institutions.....	482
<i>Доброва Татьяна Евгеньевна, Рубцова Светлана Юрьевна</i>	
Подготовка к кандидатскому экзамену по английскому языку (направление юриспруденция): дополнительные возможности.....	484
<i>Евтушенко Татьяна Геннадьевна</i>	
Интерактивные средства обучения в онлайн-курсе «Английский язык для специальных целей»	486
<i>Ковтунова Елена Анатольевна</i>	
Формирование иноязычной профессиональной дискурсивной компетенции (на примере учебников по профессионально-ориентированному немецкому языку как иностранному)	488

Копыловская Мария Юрьевна

Учебные стратегии как лингводидактический концепт 490

Косых Екатерина Андреевна

Стилистические особенности англоязычной устной академической речи 492

Мазуренко Инна Владимировна

Методика применения мобильных технологий в обучении иностранному языку студентов медицинских вузов 495

Марницына Екатерина Сергеевна

Video self-introduction as a Learning Artefact in ESP courses..... 497

Редникова Ирина Петровна

Reasons behind using spontaneous language in developing speaking skills in engineering students in a near-to-native environment; 499

Сорокина Ангелина Сергеевна

Компетенция преподавателя иностранных языков в области визуализации учебного материала 501

Темуриян Кристина Телмановна

Использование технологий искусственного интеллекта для развития классной интерактивной компетенции будущих преподавателей английского языка 503

Чаленко Елена Сергеевна

Комплексное использование методов повышения эффективности преподавания немецкого языка как второго иностранного (на примере опыта Воронежского государственного университета) 505

Ялышева Алевтина Викторовна

Особенности развития эмотивной иноязычной компетенции у обучающихся с ОВЗ в средней школе..... 507

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Аксёнова Татьяна Вадимовна

Драматизация как средство формирования иноязычной речевой готовности студентов в учебном процессе..... 509

Болдова Татьяна Анатольевна

Интегративные методики в преподавании иностранных языков и культур 511

Вороневская Наталья Викторовна

Обучение грамматике студентов неязыковых вузов (на материале профессионально-ориентированной лексики)..... 513

Горбунова Каролина Борисовна

Методы активизации внимания обучающихся при изучении иностранного языка.... 515

Коздринь Пётр Романович

Трансформационная роль искусственного интеллекта
в преподавании иностранных языков..... 517

Кривошеева Наталья Николаевна

Психологический аспект обучения иноязычной речи
по методу полного языкового погружения..... 519

Кубасова Анна Олеговна

Тренировка навыков аудирования при прослушивании подкастов
на румынском языке..... 521

Малинина Светлана Михайловна

Этапы обучения англоязычной терминологии курсантов-судоводителей
морских вузов 523

Мясников Алексей Анатольевич

К вопросу о психологической готовности к педагогической деятельности учителя
/ преподавателя иностранного языка..... 525

Охотникова Елена Васильевна

Психологический аспект возникновения ошибки при обучении
иностранному языку и методы эффективной коррекции 527

Плехова Ольга Геннадьевна

Элективный курс на английском языке «Знаменитые деятели России»
(из опыта работы школы МДЦ «Артек»)..... 529

Пьянкова Ксения Алексеевна

Роль мотивирующих факторов в ходе обучения
иностранному языку курсантов военно-учебных заведений..... 531

Тарнаева Лариса Петровна, Никульникова Надежда Юрьевна

Лингвокультурологический подход к обучению студентов-испанистов
особенностям национальных вариантов испанского языка Латинской Америки 533

Тарнаева Лариса Петровна, Шаврова Анна Владимировна

Дискурсивные формулы англоязычного политического дискурса
(лингводидактический аспект проблемы) 535

Тарнаева Лариса Петровна, Шерстнёва Анастасия Андреевна

Особенности терминологической системы лингводидактического дискурса..... 537

Ударья Борисовна

Особенности обучения фразеологическим единицам китайского языка
студентов-востоковедов 539

Хижнякова Майя Эдуардовна

Проблема формирования дискурсивной компетенции
как компонента коммуникативной компетенции 541

Шагбанова Хабиба Садыровна

Интернет-технологии в практике преподавания
английского языка: преимущества и недостатки 543

Шумейко Екатерина Игоревна

Обучение студентов-лингвистов письменному переводу англоязычного
дискурса информационных технологий с использованием предметно-языкового
интегративного подхода 545

Яковлева Елена Владимировна

Категория искренности / неискренности в контексте коммуникативного явления
консенсуса 547

ТЕСТОЛОГИЯ

Атабекова Анастасия Анатольевна

Русский и иностранные языки в системе национального высшего образования:
инструменты укрепления цивилизационного кода России в современном мире 549

Глухова Юлия Николаевна

Устная часть ЕГЭ по французскому языку:
к вопросу совершенствования критериев оценки 551

Исакович Анастасия Петровна

Развитие и оценивание ключевых когнитивных метакомпетенций
студентов-режиссеров на занятиях по английскому языку 553

Камнева Лариса Эдуардовна, Кучеренко Светлана Николаевна

Креативно-созидательное использование технологий искусственного интеллекта
в учебно-методической и контрольно-оценочной деятельности 555

Корнев Алексей Александрович

Использование искусственного интеллекта для разработки и проведения
процедур оценивания и тестирования 558

Кубацкая Виктория Сергеевна

Тестовые интегративные задания во взаимосвязанном обучении рецептивным
и продуктивным видам речевой деятельности с использованием электронных
образовательных ресурсов 560

Маслова Людмила Сергеевна

Бухгалтерский баланс как ресурс для формирования и оценивания
общепрофессиональных и лингвистических компетенций будущих экономистов 562

Маэрцзян Еэркэнь

Контроль знания пиньиня в изучении и чтении иероглифов
на начальном этапе обучения китайскому языку 565

Павловская Ирина Юрьевна

Уроки истории: о тестологии и не только 567

<i>Павловская Ирина Юрьевна, Козлова Елизавета Дмитриевна</i> SELT-проверка эффективности полимодального обучения школьников рецептивными навыкам с помощью аудиокниг коллекции Oxford Readers.....	569
<i>Петрусевич Виктория Игоревна</i> Разработка тестирования фонологической компетенции с учётом русско-итальянской интерференции.....	571
<i>Сказочкина Татьяна Валерьевна</i> Метод оценки перевода лексических единиц в художественном произведении	573
<i>Титова Светлана Владимировна</i> Интеллектуальные модели оценивания для обратной связи и контроля в языковом обучении	575
<i>Gorizontova ANNA V.</i> Computer-assisted language testing and automated scoring: milestones, prospects and MIPT experience.....	577

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Германова Наталия Николаевна</i> «Лекции по риторике и изящной словесности» Х. Блэра в России.....	580
<i>Золотухин Денис Сергеевич</i> Инструменты создания общелингвистической теории в рукописи Ф. де Соссюра «De l'essence double du langage»	582
<i>Клубкова Татьяна Владимировна</i> «Пазилогия» Эдварда Гроувза (1846)	584
<i>Лейтуш Алина Гадельжановна</i> Этимологические исследования в журнале XIX века «Русский филологический вестник»	586
<i>Лукин Олег Владимирович</i> Л. И. Бакмейстер: био- и библиографические источники.....	588

ОРФОЭПИЯ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

<i>Антонова Ольга Валентиновна</i> Акцентуация существительных ж. р. 3-го склонения в современном русском литературном языке	590
<i>Журавлёва Александра Евгеньевна</i> Особенности акцентуации некоторых имен существительных (в сочетании с количественными числительными и другими словами с семантикой количества)	592

<i>Каленчук Мария Леонидовна</i>	
О хронологических вариантах произносительной нормы.....	594
<i>Коробейникова Татьяна Николаевна</i>	
Нешуточное дело: произношение звуков на месте буквосочетания <i>чн</i> в словах в составе фразеологизмов	596
<i>Корпечкова Елена Владимировна</i>	
Особенности акцентуации наречий на -о и соотносимых с ними частей речи.....	599
<i>Никитин Никита Владимирович</i>	
Абсолютные и относительные ударные клитики: проблемы выделения.....	601
<i>Савинов Дмитрий Михайлович</i>	
Новый школьный словарь русского произношения	603
<i>Арыджан Дерья</i>	
Локативные и экзистенциальные конструкции неглагольной предикации в романе Г. Шульпякова «Красная планета»	605
<i>Воейкова Мария Дмитриевна</i>	
«Мы уберем оттудова эту функцию» — о просторечных морфологических формах наречий в разговорной речи.....	607
<i>Гордиевская Мария Львовна</i>	
Способы выражения ближнего и дальнего пространственного дейкиса в русском языке	609
<i>Григорьян Елена Леонидовна</i>	
Согласование в роде: альтернативы и объяснения.....	611
<i>Казаковская Виктория Виладиевна</i>	
Диминутивизация в симметричной и асимметричной вербальной коммуникации...	613
<i>Кашлева Ксения Константиновна, Краснощекова Софья Викторовна</i>	
О маркировании посессивности в русском языке.....	615
<i>Коршунова Анастасия Сергеевна</i>	
Репрезентация пространственных отношений в новостном интернет-дискурсе	617
<i>Крамскова Анна Сергеевна</i>	
Статус категории миративности в лхасском диалекте тибетского языка.....	619
<i>Матханова Ирина Петровна</i>	
Референциальный ключ научного текста и проблемы кореференции	621
<i>Первунина Светлана Ивановна</i>	
Специфика экспликации референциальных статусов субъектов в русских пословицах	623
<i>Пучкова Анастасия Ильинична</i>	
Параметры варьирования при обозначении часового времени в языках Евразии....	625

Толмачева Гульнара Салаватовна

Сравнительно-уподобительные наречия как периферийный компонент функционально-семантического поля компаративности и особенности их употребления в высказывании 627

Юань Линь

Единство противоположностей категорий начало и конец в русском и китайском языках..... 629

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Атугодаге Марк Махешевич, Митрофанова Ольга Александровна

Динамика изменения сложности русскоязычных юридических текстов на рубеже XX–XXI веков 631

Бердникова Татьяна Владимировна

Выражение согласия/ несогласия в диалогах с криминалистически значимой информацией..... 633

Богданова Светлана Юрьевна

Разработка учебно-методических материалов для преподавания дисциплины «Квантитативная лингвистика» 635

Власова Екатерина Дмитриевна

Сирийский конфликт во франкоязычных и русскоязычных медиа: сопоставительное исследование семантики политического дискурса..... 637

Донина Ольга Валерьевна, Горбунов Никита Сергеевич

Оценка эффективности методов машинного обучения при автоматическом извлечении метафор 639

Корышев Михаил Витальевич, Хохлова Мария Владимировна,

Куликова Любовь Алексеевна, Мазин Константин Владимирович
Голос современной немецкоязычной культуры сквозь призму тематически значимой лексики 641

Крылов Сергей Александрович

Научная картина мира и корпусные методы её изучения..... 643

Митрофанова Ольга Александровна

Исторические тексты в дистрибутивно-семантических и тематических моделях..... 645

Ольховская Александра Игоревна, Зельникова А. А.

К вопросу об усовершенствовании методики корпусного отбора новой фразеологии 647

Пименов Иван Сергеевич, Саломатина Наталья Васильевна

Автоматизация коррекции аргументативной разметки в научных статьях на русском языке..... 649

<i>Подзолкова Татьяна Александровна</i>	
Нейросетевой перевод с китайского: проблема определения именных сущностей..	651
<i>Рогозина Елена Андреевна, Алексеева Елена Леонидовна,</i> <i>Азарова Ирина Владимировна, Сипунин Константин Владимирович</i>	
Комплексное представление восьми житий в корпусе СКАТ	653
<i>Серова Олеся Усмановна</i>	
Индикаторы феномена Translationese в машинном переводе научных статей с английского на русский язык.....	655
<i>Тимофеева Мария Кирилловна</i>	
Термины-близнецы в языкознании и логике	657
<i>Хохлова Мария Владимировна</i>	
База данных коллокаций русского языка: представление устойчивых словосочетаний в словарях и корпусах	659
<i>Чебанов Сергей Викторович</i>	
Понятия и терминология основополагающих лингво-семиотических текстов и прикладная лингвистика.....	661
<i>Чжу Хуэй</i>	
Исследование перевода и коммуникации в Китае (2012–2021): визуализация на основе программы CiteSpace.....	663
<i>Firsanova Victoria Igorevna</i>	
Exploring the Impact of Conversational AI on Education.....	666
 ПСИХОЛИНГВИСТИКА	
<i>Абрамова Евгения Викторовна</i>	
Эмоционализация медийного дискурса как стратегия манипулятивного воздействия.....	668
<i>Альгина Ольга Владимировна</i>	
Восприятие, понимание, интерпретация как ключевые составляющие смысла письменного текста	670
<i>Бирюлина Екатерина Андреевна</i>	
Ассоциативно-вербальное поле 仁 (гуманность) в языковом сознании китайских студентов.....	672
<i>Бурсов Кирилл Григорьевич, Слюсарь Наталия Анатольевна</i>	
Сочинение и подчинение в тексте: выделенность на уровне предложения и дискурса	674
<i>Ван Лина</i>	
Способы указания на средство передвижения в речи русских детей и китайских студентов, осваивающих русский язык как иностранный.....	676

<i>Горбачева Александра Вячеславовна, Берлин Хенис Александра Алехандровна, Скороходов Иван Вадимович</i>	
Вербализация как инструмент оценки когнитивных компетенций при анализе поликодовых текстов.....	678
<i>Королькова Анна Владиславовна</i>	
Влияние окружения ребенка на его речь (на материале романов «Жутко громко и запрательно близко» Дж. С. Фоера и «Мальчик Кирон Смит» Дж. Келмана).....	681
<i>Краснощекова Софья Викторовна</i>	
Анафорический корпус высказываний ребенка: опыт разметки и анализа.....	683
<i>Круглякова Татьяна Александровна, Хуан Вэнь</i>	
Освоение русской глагольной морфологии носителями китайского языка (по данным эксперимента).....	685
<i>Пиотровская Лариса Александровна</i>	
Эмотивные высказывания: эмоциональная и рациональная оценка.....	687
<i>Прокаева Валерия Олеговна, Риехакайнен Елена Игоревна</i>	
Поиск лингвистических параметров коммуникативной координации в педагогическом дискурсе	689
<i>Рабхи Умайма</i>	
Виртуальная коммуникативная ситуация: специфика организации.....	691
<i>Риехакайнен Елена Игоревна, Судакова Ульяна Андреевна</i>	
«Мы уже взрослые»: употребление местоимений «мы» и «наш» в речи учителей.....	694
<i>Сизова Ольга Борисовна</i>	
Ответы и ответственность: плюсы и минусы вопросов в речи взрослых, обращенной к ребенку	696
<i>Сытник Ольга Сергеевна</i>	
К вопросу о расхождениях в интерпретации речевых жанров и коммуникативных стратегий	698
<i>Фомина Зинаида Евгеньевна</i>	
Культура памяти, чувств и разума в педагогике Иммануила Канта.....	700
<i>Цуй Хуэйин</i>	
Языковая репрезентация внешних проявлений эмоций в русском и китайском языках (на материале концепта «стыд»)	702
<i>Чебанов Сергей Викторович, Кузнецова Вера Владиславовна</i>	
Способы представления синестезии в словесном тексте	704
<i>Черезова Мария Александровна</i>	
Языковая реализация коммуникативных стратегий деструктивной направленности в электронных немецких СМИ	706
<i>Pavel Trushchelev</i>	
Students' Strategies in Reading Expository Text in History	708

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Зайкина Ольга Евгеньевна

Лингвистическая реализация фрейма судебных заседаний
по гражданским делам..... 711

Куралесина Екатерина Николаевна, Миретина Мария Сергеевна

О перспективах русского языка в Африке 713

Пантелеенко Олеся Александровна

Речевые предпочтения населения в условиях близкородственного билингвизма
(на материале социолингвистического опроса в итальянском приграничье)..... 715

Приходкин Алексей Валентинович

Смыслы региональной вариативности французского языка в эпоху постмодерна.... 717

Раевская Марина Михайловна

Эритажный испанский язык (ELH) и особенности социолингвистического профиля
его носителей 719

Руднева Екатерина Алексеевна

Лингвоантропологические аспекты нейроразнообразия 721

Темников Никита Андреевич

«Мужская» и «женская» речь: опыт корпусного исследования
(на материале нидерландского языка) 723

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЭТИКА

Бабаина Елена Аркадьевна, Пиотровский Дмитрий Дмитриевич,

Зайчик Михаил Леонидович

Настоящее историческое время в романе «Сэр Гавейн и зеленый рыцарь»
как грамматическое средство 725

Бабаина Елена Аркадьевна, Тихонова Елена Сергеевна

Соотношение авторского, традиционного и надтрадиционного
в идеализирующих описаниях Небесного Иерусалима 727

Бондарко Николай Александрович, Еселева Анастасия Александровна

Древнесаксонская и древнеанглийская поэмы «Бытие» в контексте
раннесредневековых переложений библейских текстов на германские языки:
между точным переводом и новым поэтическим текстом 729

Межерицкая Светлана Игоревна

Приветственная речь («προσφωνητικὸς») в системе риторических жанров
Второй Софистики..... 733

Михайлова Татьяна Андреевна

Слава поэта? Проекция образа адресата на судьбу автора:
особенности хвалебной поэзии в Древней Ирландии 735

УРАЛИСТИКА

<i>Авцинов Вячеслав Михайлович</i> Особенности перевода научных текстов по истории с финского языка на русский на примере перевода монографии О. Юссилы «Великие мифы финляндской истории»	737
<i>Арекеева Светлана Тимофеевна</i> Эпистолярные тексты в структуре произведений удмуртской литературы: функции, стилистика	739
<i>Братчикова Надежда Станиславовна</i> Исторический и литературный нарратив в монографии Т. Кескисарьи «Война “шляп”»	741
<i>Бубина Кристина Федоровна</i> Говоры собственно южного диалекта удмуртского языка в материалах и исследованиях	743
<i>Дементьева Александра Максимовна</i> Социалист с шампанским и тюлень Кангиа: неологизмы 2023 года в финском языке.....	745
<i>Доловаи Доротья Мария</i> Возможности использования онлайн-переводчиков в развитии переводческих навыков студентов в процессе преподавании венгерского языка.....	747
<i>Жужа Шаланки, Ведерникова Елена</i> Современное состояние преподавания финно-угорских дисциплин при кафедре финно-угроведения в Университете им. Лоранда Этвёша (Будапешт, Венгрия)	749
<i>Карпова Людмила Леонидовна</i> Характерные особенности числительных в говоре слободских удмуртов.....	751
<i>Кондратьева Наталья Владимировна</i> Сравнение как средство репрезентации количественных отношений в современном удмуртском языке	753
<i>Коровина Надежда Степановна</i> Фольклорные традиции в творчестве А. А. Сухановой	755
<i>Люблинская Марина Дмитриевна, Мизонова Александра Николаевна, Суржикова Анастасия Дмитриевна</i> Изосемичность соматических терминов в уральских языках	757
<i>Осьмак Наталья Андреевна</i> «Siperia orettaa»: функционирование фразеологической единицы в финноязычном публицистическом дискурсе	760
<i>Родионова Александра Павловна</i> О некоторых инновациях открытого корпуса вепсского и карельского языков.....	762

<i>Сойни Елена Григорьевна</i> Китайские реминисценции в творчестве Катри Вала.....	764
<i>Федорова Любовь Петровна</i> Казанский период жизни и творчества удмуртской поэтессы Акилины Векшиной (Ашальчи Оки)	766
<i>Хорохорин Павел Андреевич</i> Проблема функционирования карелоязычной топонимии на официальном уровне...	768
<i>Шкляев Александр Григорьевич</i> К вопросу о периодизации истории удмуртской литературы	770
<i>Ivett Kelemen, Bettina Szalóczy</i> North Saami bird names containing the color term 'black' and their Hungarian equivalents.....	772
ФОНЕТИКА И ФОНОСЕМАНТИКА	
<i>Айыл Нур Ахмад</i> Реализация дифтонгов в языке пушту: на материале гильзайского диалекта	774
<i>Беседина Елена Ивановна, Веселова Марина Владиславовна, Шамина Елена Анатольевна</i> Как сохранить фоносемантическую составляющую переводного текста: экспериментальное исследование.....	776
<i>Дерябина Светлана Александровна, Кажанова Злата Алексеевна</i> Исследование гласных [a], [e] в русской речи китайцев с использованием экспериментально-фонетических программ	778
<i>Евдокимова Вера Вячеславовна, Долгушин Михаил Дмитриевич</i> Фонетические характеристики автоматически клонированной речи.....	781
<i>Караваяева Вероника Георгиевна, Андросова Светлана Викторовна, Морозова Ольга Николаевна</i> Автоматический анализ устной эвенкийской речи: гласные	783
<i>Ливанова Александра Николаевна</i> Глаголы с семантикой колебания и звукоизобразительность в норвежском языке....	785
<i>Лю Хун, Андросова Светлана Викторовна</i> Просодические корреляты эмоциональности в китайском футбольном комментарии	787
<i>Малышева Валерия Николаевна</i> Влияние латинских заимствований на формирование фонестемной группы CR- английского языка.....	789
<i>Стреке Янина Викторовна, Андросова Светлана Викторовна</i> Слабые формы слов в общественно-политическом дискурсе (на материале женской речи и мужской речи)	792

<i>Сыпачёва Кира Николаевна</i>	
Разработка методики перцептивной оценки высокого терминального тона в английских диалектах	794
<i>Флакман Мария Алексеевна</i>	
Семантическое развитие звукосимволической лексики английского языка, имитирующей физиологические процессы	796
<i>Холявин Павел Андреевич</i>	
Просодические характеристики коммуникативных типов в русском, английском и французском языках	798
<i>Цыганова Валерия Вячеславовна</i>	
Фразовая интонация в японском языке как аспект преподавания японской интонации	800
<i>Шамина Елена Анатольевна, Давыдова Варвара Алексеевна</i>	
О двух способах конструирования фоносемантических вербальных единиц в вымышленных языках.....	802
<i>Шипило Александр Владимирович</i>	
Фонетическая лаборатория. Графический интерфейс и набор скриптов для подготовки аудио материала для исследования.....	804

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ГРАММАТИКА (РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА)

<i>Алыпина Светлана Алексеевна</i>	
Глаголы-достижения в составе герундиальных перифраз испанского языка.....	807
<i>Ануфриев Александр Александрович</i>	
Особенности сочетаемости итальянских предикатов субъективной оценки с эпистемической и аксиологической семантикой	809
<i>Большакова Татьяна Михайловна</i>	
Синтаксические средства каузальности как маркеры стратегии аргументирования в школьном нормативном дискурсе (на материале немецкого языка)	811
<i>Горбанева Виктория Вадимовна</i>	
Культурные ценности как регулятор выбора внутренних модификаторов при выражении реквестивных речевых актов на итальянском языке в контексте реализации негативной вежливости	813
<i>Гудкова Кира Владимировна</i>	
Одушевление неодушевленного подлежащего как типологическая черта английского синтаксиса.....	815
<i>Евстафьева Екатерина Вячеславовна</i>	
Некоторые особенности ретороманского (сурсельвского) конъюнктива	817

Калятин Игорь Сергеевич

Контрастивный анализ каузальных коннекторов
в немецком и итальянском языках..... 819

Кириченко Мария Александровна, Райчева Мира Красимирова

Личное местоимение *pous* как средство выражения причастности к адресату
в дискурсе Э.Макрона 822

Кондратенко Полина Игоревна, Дубина Анастасия Михайловна

К вопросу о выборе правильного предлога с названием медиа-ресурса
в немецком языке..... 824

Крупнова Наталия Александровна

Способы производства композитов как членов словообразовательного гнезда
в немецком языке (на примере гнезда с вершиной *lieben*)..... 826

Михайлова Ирина Михайловна

Синтаксическая конструкция инверсии «тетушка Бетье»
и другие в нидерландской грамматике XX–XXI вв. 829

Никифорова Светлана Александровна

Об использовании времен *Pretérito Perfecto* и *Pretérito Indefinido de Indicativo*
в испаноязычной Америке..... 831

Репина Ксения Сергеевна

Синтаксис глагольных конструкций в гентском диалекте нидерландского языка..... 833

Соколова Алина Юрьевна

Виды ассимиляции заимствованных единиц: терминологический аппарат..... 835

ДИСКУРС И ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аксенова Надежда Владимировна, Денисова Наталья Викторовна,

Магнес Наталья Олеговна,

Смысловые доминанты англо- и русскоязычных искусствоведческих рецензий
в сопоставительном аспекте 837

Алимджанов Абдуазиз Абдихакимович

Неволшебные политкорректные сказки:
влияние политического дискурса на жанр..... 839

Беляева Любовь Евгеньевна

Пейоративная оценка в критическом искусствоведческом дискурсе 841

Бутенко Татьяна Владимировна, Кузина Марина Анатольевна

Этноспецифичность эксплицитного образного сравнения:
на материале англоязычной транслингвальной литературы..... 843

Джабиева Латифа Шарифовна

Окказиональность экспрессивных коллокаций
в английском языке 845

<i>Емельянова Ольга Витальевна</i>	
Роль социальных стереотипов и прошлого опыта индивида в формировании эффекта обманутого ожидания.....	847
<i>Захарова Ольга Сергеевна</i>	
Способы репрезентации негативной эмоциональной оценки в англоязычном аналитическом обзоре валютного рынка	849
<i>Зуева Анастасия Игоревна</i>	
Особенности экологического дискурса в научных и публицистических текстах (на материале английского языка)	851
<i>Иванова Елизавета Васильевна</i>	
К вопросу о потенциальных фразеологических единицах.....	853
<i>Клочкова Елена Сергеевна</i>	
Виды речевой оценки в виртуальной научной дискуссии на английском языке.....	855
<i>Кондрашова Вера Николаевна, Шустрова Елена Николаевна</i>	
Интенциональные нарушения языковой нормы в англоязычном художественном дискурсе: прагматика и перевод на русский язык.....	857
<i>Корокина Полина Жановна</i>	
Путешествие из Лондона в Кембридж: аксиопространство травелога У.Гилпина	859
<i>Лаврухина Анастасия Витальевна</i>	
Знаки-персоналии в пандемическом дискурсе (на материале англоязычных СМИ)...	861
<i>Макарова Кристина Николаевна</i>	
К вопросу о классификации комментариев пользователей на платформах цифрового самиздата.....	863
<i>Никитенко Татьяна Васильевна</i>	
Семантические переходы в группе прилагательных, обозначающих дерзкое поведение	865
<i>Осадчая Ольга Николаевна</i>	
Лексико-семантическая структура юридических фразеологизмов в английском и русском семейном праве	867
<i>Павленко Елена Александровна</i>	
Функционирование «говорящих» имен собственных (на материале британских мультсериалов).....	870
<i>Пантеева Ксения Владимировна</i>	
Трансформация оценочного дискурса в интернет-пространстве: функциональный аспект	872
<i>Петухова Татьяна Ивановна</i>	
Сенсорика пейзажа в современной британской прозе	874

<i>Сахибуллина Кадрия Азатовна</i>	
Медицинские термины-фразеологизмы в английском языке.....	876
<i>Сигаева Мария Сергеевна</i>	
Мультимодальная репрезентация образа аспиранта в интернет-мемах.....	878
<i>Склярова Наталья Геннадиевна</i>	
Фразеологизмы с ономастическим компонентом в английском языке: лингвистический и лингвокультурологический аспекты	880
<i>Солнцева Елена Сергеевна</i>	
Социокультурная специфика тематической репрезентации референтного события в медиадискурсе	882
<i>Толочин Игорь Владимирович</i>	
Сложное слово — простое значение? (schoolgirl в английских толковых онлайн словарях)	884
<i>Травина Екатерина Андреевна</i>	
Языковая реализация ценностных установок женщин-аборигенок: на материале современного новозеландского медиадискурса.....	886
<i>Троценкова Екатерина Владимировна</i>	
Осмысление роли продукции с политической символикой в англоязычном медиадискурсе.....	888
<i>Чупахина Александра Олеговна</i>	
Фрейм VISUAL PERCEPTION в дискурсе интервью с художником	890
<i>Щербак Нина Феликсовна</i>	
Языковая репрезентация мотивов Востока в англоязычном художественном дискурсе: психоаналитическая и постколониальная оптика, методы CDA.....	892
<i>Badridinova Aziza Abrol Qizi</i>	
Representing forms of discourse in the examples.....	894
<i>Movsumova Parvana Firdovsi</i>	
Navigating the dual role of specialized terminology in academic discourse: precision and challenges	896
ИСТОРИЯ ЯЗЫКА (РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА)	
<i>Баева Галина Андреевна</i>	
Новое или хорошо забытое старое: дискурсивные маркеры обыденности в истории немецкого языка	898
<i>Бирр-Цуркан Лилия Федоровна</i>	
Запрет в зеркале „Tugendspiegel eines honetten Mannes und galanten Frauenzimmers im Reiche der Lebendigen“ (1750)	900

<i>Григина Елена Анатольевна</i>	
Фейки и их влияние на культурно-языковую идентичность каталонцев: cui prodest?	902
<i>Диттрих Артём Геннадьевич</i>	
Категория эмотивности в немецких проповедях Бертольда Регенбургского.	904
<i>Жаров Борис Сергеевич</i>	
Две буквы или одна? К вопросу о современной исландской орфографии	906
<i>Жилюк Сергей Александрович</i>	
Первая Сибирская. Размышления лингвиста над дневником экспедиции Д. Г. Мессершмидта	908
<i>Иванова Екатерина Павловна, Бурчанова Анастасия Александровна</i>	
К вопросу об истории переселения восточно-романских народов на юг России.....	910
<i>Милованова Наталья Сергеевна</i>	
Лексические особенности внутриязыковых переводов «Песни о нибелунгах»	912
<i>Мухин Сергей Владимирович</i>	
Семантика корпоральности в древнеанглийских версиях псалмов	914
<i>Нешкес Ольга Владимировна</i>	
Дискурсивно-лингвистическая характеристика жанра дипломатического донесения (на материале испанских дипломатических донесений второй половины XVIII — первой половины XIX века)	916
<i>Нифонтова Дарья Евгеньевна</i>	
К вопросу формирования словарного состава ладинского языка	918
<i>Петрова Элеонора Борисовна</i>	
Заметки и воспоминания Гюстава Лансона о воспитании и обучении французскому языку царских детей в России. Год 1886-й	920
<i>Пономарёва Анастасия Алексеевна</i>	
Функционирование диалекта в коммерческой рекламе Южной Германии	922
<i>Тихонова Елена Сергеевна</i>	
Ein heidensch vrowe gût: к вопросу о номинации женщин в Старшей Ливонской рифмованной хронике	924
<i>Чупрына Ольга Геннадьевна</i>	
Мир со своими и мир с чужими: представления о мире в древнеанглийском языке...	926
<i>Ширшикова Алиса Александровна</i>	
Особенности употребления общенаучной лексики (на материале немецкоязычных грамматик XVIII века)	928
<i>Школьниковна Ольга Юрьевна</i>	
Bel stile ... de dicter et faire beaulx livres: язык и стиль Кристины Пизанской в исторической и традуктологической перспективах	930

Яковлева Мария Станиславовна

- Переводческие стратегии и тактики в травнике Old English Herbarium 932

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ (РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА)

Аккуратова Ирина Борисовна

- Лингвопрагматическая и когнитивная специфика прецедентности
в немецкоязычных медийных текстах 934

Амфитеатрова Жанна Сергеевна, Иванова Екатерина Павловна

- Крымские французы: прошлое и современность 936

Баканова Анна Валентиновна

- Сборники испанских фольклорных текстов XVIII века 938

Бражникова Ирина Евгеньевна, Чеснокова Ольга Станиславовна

- Национальная идентичность мексиканцев в футбольном дискурсе 940

Бурак Михаил Сергеевич

- Время и Сознание в некоторых произведениях Х. Л. Борхеса
в языковом и культурологическом аспектах 943

Буренкова Светлана Витальевна

- Gerechte Sprache как инструмент языковой политики Германии
(на примере экологических неологизмов современного немецкого языка) 945

Вяльяк Криста Энновна

- Об особенностях речи персонажей-беспризорников
(на материале колумбийского фильма «Los reyes del mundo») 947

Гринина Елена Анатольевна, Романова Галина Семеновна

- Дневники чилийского генерала Пратса: вымысел и реальность 949

Гурова Елена Александровна

- Конструкция *må gerne* как маркер вежливости в датском языке 951

Дойникова Марина Игоревна

- Речевой портрет федерального канцлера Олафа Шольца
(лингвистический аспект) 953

Дубовицкая Яна Андреевна

- Фразеологические единицы прозы А. С. Пушкина в переводах на испанский язык 955

Евдокимова Анна Александровна

- К вопросу о модернизации испанского языка юриспруденции 957

Езан Ирина Евгеньевна

- Видеосюжеты в структуре мультимодальной аргументации политического ток-шоу
„Hart aber fair“: лексический аспект 959

Жильцова Елена Леонидовна

- Словообразовательные особенности эпонимов в шведском языке 961

<i>Зыкова Ирина Владимировна, Руджери Федерика</i> Специфика функционирования глагольных эмотивов и их жестовых сопроводителей в итальянском телевизионном дискурсе.....	963
<i>Иванова Анна Викторовна</i> «Tosca ferro» и другие рефлексy черного металла в каталанской фразеологии.....	965
<i>Карпенко Елена Игоревна</i> Библиейские аналогии и типы связности в тексте (на материале немецкого языка)	967
<i>Ковалев Борис Вадимович</i> Устаревшая лексика как проблема перевода (на материале перевода романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на каталанский язык)	970
<i>Коржукова Елена Станиславовна</i> Фольклорные элементы в современном испанском детективе (на примере «Трилогии о Бастане» Долорес Редондо)	972
<i>Крылова Эльвира Борисовна</i> О вариативности датских пространственных предлогов i и på.....	974
<i>Кутькова Анастасия Владимировна</i> Дискурсивный маркер por cierto и его эквиваленты в португальском и русском языках (на материале испанского сериала El Ministerio del Tiempo).....	976
<i>Кучина Дарья Дмитриевна</i> Коммуникативная стратегия текстопорождения в комментариях к постам немецкой партии «Альтернатива для Германии» в социальной сети	978
<i>Ларионова Марина Владимировна</i> Слова года: неологические модели смыслообразования	980
<i>Максимова Виктория Вячеславовна</i> Употребление коллокаций в дискурсе вины (на материале текстов немецких мемуаров о периоде Второй мировой войны).....	983
<i>Манёрова Кристина Валерьевна</i> Сочетаемость немецкой предложной группы aus Höflichkeit в свете теории синтаксической семантики	985
<i>Матыцина Ирина Витальевна</i> Язык шведских законов в XIX веке.....	987
<i>Мед Наталья Григорьевна</i> Образ человека в испанских фразеологизмах с нумеративным компонентом	989
<i>Мельгунова Анна Владиславовна</i> Титулы в метафорическом значении как определяемые компоненты немецких композитов.....	991

Микаэлян Юлия Игоревна

«Компромисс» С. Довлатова: к проблеме передачи юмора
(на примере перевода сборника новелл на испанский и португальский языки) 993

Москвина Татьяна Николаевна

Словообразование в говорах российских немцев Сибири
как отражение языковых и культурных контактов 995

Немцева Анастасия Алексеевна

Особенности согласования собирательных существительных с прилагательными
и притяжательными местоимениями в датском языке 997

Нефедова Любовь Аркадьевна

Дискуссии по вопросу (не)образованности политика в современном
медиадискурсе Германии как объект лингвистического исследования 999

Никитина Екатерина Яковлевна

Петраркистские метафоры: От любви до ненависти,
от плотской страсти до религиозного экстаза 1001

Петрова Анастасия Дмитриевна

Детская и взрослая интонация книги «Маленький принц» в переводе Норы Галь:
стилистическое единообразие как разрушение идиолекта 1003

Петрова Галина Викторовна

Понятия «свой» и «чужой» в русском и португальском языках и способы
их перевода 1005

Попова Евгения Андреевна, Игнашина Зоя Николаевна

Экспрессивная этническая номинация в песенной культуре
(на материале испанского языка Мексики) 1007

Рейпольская Маргарита Юрьевна

Анализ межъязыковых соответствий в итальянском и русском языках
как инструмент предотвращения лексической интерференции 1009

Саванкова Екатерина Владимировна

Лексические единицы (комплексные знаки)
с компонентами-соматизмами в немецкоязычном юридическом дискурсе 1011

Сапрыкина Ольга Александровна

Бразильская топонимия как система 1013

Скромблевич Валерия Болеславовна

Особенности представления омонимов русского, белорусского
и итальянского языков в словарях разных типов 1015

Слинина Людмила Ярославна

Вопросы фразеологии в немецкой популярной лингвистике 1017

Соловьева Мария Владимировна

К вопросу о своеобразии старофранцузской парной синонимии
(на примере абстрактных прилагательных *corrociez, iriez, dolent*) 1019

<i>Степанов Евгений Сергеевич</i>	
Реализация дескрипторного компонента концепта «запах» в немецко- и русскоязычных парфюмерных обзорах.....	1022
<i>Терещук Андрей Андреевич</i>	
Этимология лексемы «guiri» в испанском языке.....	1024
<i>Усманов Тимур Фазлитдинович</i>	
Вестиментарные загадки в испанском и русском языках.....	1026
<i>Фадеева Галина Михайловна, Терехова Елена Алексеевна</i>	
Иронический взгляд на воссоединение Германии 1990 года в художественном тексте.....	1028
<i>Хуторецкая Ольга Александровна, Курочкин Тимофей Олегович</i>	
Значение случайности / неожиданности действия в семантической структуре глагольной перифразы «venir à + инфинитив» (на материале современного французского языка).....	1030
<i>Цветаева Елена Николаевна, Панкратьева Елена Сергеевна</i>	
Корпус «визуализированной» фразеологии: источники, методы и возможности разработки.....	1032
<i>Чекалина Елена Михайловна</i>	
Полифункциональное слово då в шведском языке.....	1034
<i>Яковлева Александра Алексеевна</i>	
Междометия с компонентом «Бог» в нидерландском языке.....	1036
<i>Якушкина Ксения Валерьевна</i>	
Языковая «одномерность» как один из наиболее эффективных инструментов манипуляции массовым сознанием в испаноязычной медийной коммуникации	1038

РУССКИЙ ЯЗЫК

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ (РУССКИЙ И ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ)

<i>Зорина Екатерина Сергеевна</i>	
Вопросительные предложения в структуре художественного повествования (на материале романа Е. Водолазкина «Чагин»).....	1041
<i>Зубова Сусанна Викторовна</i>	
Субъектная перспектива как способ воздействия на адресата (на примере книги Л. Данилкина «Юрий Гагарин»).....	1043
<i>Лебедев Александр Александрович</i>	
Синтаксическая структура риторических вопросов в поэзии Ф. Прокоповича и М. В. Ломоносова.....	1045

<i>Патроева Наталья Викторовна</i>	
Система тропов и фигур речи в поэзии Феофана Прокоповича	1047
<i>Попова Лариса Владиславовна</i>	
Развитие модально-оценочного значения в глаголе «называться».....	1049
<i>Ткачева Валентина Николаевна</i>	
Чужая речь в современной прозе	1051
<i>Топорков Пётр Евгеньевич</i>	
Проблемы референции коннотативных оценочных имён и оценочных метафор	1053
<i>Уржа Анастасия Викторовна</i>	
Прагматика русских деепричастий и иерархизация зоны фона в повествовании.....	1055
<i>Филатова Ганна Алексеевна</i>	
«Заобеденный спич» или «застольная речь»: интерпретация разговорного синтаксиса в переводах новеллы О.Генри	1057
<i>Холод Светлана Ивановна</i>	
Грамматические особенности образования форм действительных причастий будущего времени в языке Рунета.....	1059
<i>Чжао Пань</i>	
Несобственно-прямая речь и её функции в романе Е.Г.Водолазкина «Чагин».....	1061
<i>Цзян Тяньцзяо</i>	
Аспекты анализа маркеров эвиденциальности в текстах русскоязычных интернет-публикаций о Китае	1063
<i>Янь Минъюй</i>	
Классификация триггеров пресуппозиции в русском языке	1065

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

<i>Буланин Дмитрий Михайлович</i>	
Нил Грек или Максим Грек? Неучтенная афонская легенда.....	1067
<i>Ганиев Сеймур Аббас Оглы</i>	
Слово некто в русских текстах XVII в. (на материале Национального корпуса русского языка).....	1069
<i>Житенева Анна Михайловна</i>	
«Сокращенные» буквенные начертания в кириллических источниках XI–XV вв.	1071
<i>Кулева Наталья Александровна</i>	
Отображение различных литературных традиций в лексическом составе февральской минеи четьи первой четверти XV в. (РГБ ф. 173 № 92)	1073
<i>Новак Мария Олеговна</i>	
Наименования должностных лиц в славянских переводах «Церковных анналов» Барония (XVII в.).....	1075

Пентковская Татьяна Викторовна

Рецепция творений Петра Скарги книжниками московского Чудова монастыря во второй половине XVII века..... 1077

Рождественская Татьяна Всеволодовна

Из истории изучения древнерусской эпиграфики: акад. А. С. Орлов и его «Библиография русских надписей XI–XV вв.» 1079

Сабурова Анна Васильевна

Особенности употребления дательного самостоятельного в Житии митрополита Петра 1081

Сапожникова Ольга Сергеевна

Кожеозерский старец Боголеп Львов — переписчик Жития Антония Сийского 1084

Чао Чэньяо

История исследования частей речи: от древнегреческих философов до Ломоносова..... 1086

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (ПАМЯТИ В. В. КОЛЕСОВА)

Ахмадеева Светлана Альфредовна

Концепты Любовь, Жизнь Смерть в пространстве трех миров рассказа И. А. Бунина «Часовня» (1944)..... 1088

Богданова Людмила Ивановна

Метафоры цвета как характеристики эмоций тоски и скуки в русском языке..... 1091

Бубнова Нина Викторовна

Ономастическое пространство локального текста русской литературы: особенности выявления и описания (на примере «армянского текста» русской поэзии)..... 1093

Бугорская Валерия Вячеславовна

Концепт враг в современном православном дискурсе..... 1095

Бурляй Анна Сергеевна

Особенности языкового дискурса персональных телеграм-каналов российских военных корреспондентов..... 1097

Бурмина Виктория Ильинична

Концепт «печь» в русской и татарской лингвокультуре (на примере паремий) 1099

Ван Цзиншу

Представление о добре и зле в повести Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» 1101

Гаврилова Марина Владимировна

Экспликация концепта «гражданин» в выступлениях российских президентов 1103

<i>Гладкая Наталия Витальевна</i> Когнитивный характер влияния интернет-мемов в условиях информационной войны.....	1105
<i>Дзюба Елена Вячеславовна, Белослудцев Александр Николаевич</i> Транспарентность как семантическая категория в языке политики.....	1107
<i>Донина Людмила Николаевна, Чуньянь Жэнь</i> Отношения противопоставления между концептами разных типов (конструктивными, ментальными, содержательными).....	1109
<i>Жмакина Ирина Сергеевна</i> Имидж знакового объекта города: фреймовая модель описания.....	1111
<i>Ильченко Ольга Сергеевна</i> Когнитивная грамматика: Instrumentalis обозначений частей тела в русском языке.....	1113
<i>Кириллова Ксения Игоревна</i> Роль социоморфной метафоры в формировании современной политической картины мира (на материале идеологемы США в российских газетных массмедиа).....	1115
<i>Купчик Елена Викторовна</i> Метафорические модели со сферой цели радость в русских поэтических текстах.....	1117
<i>Лабынцева Елена Вячеславовна</i> «И не подкупный голос мой был эхо русского народа». Опыт лингвокогнитивного анализа поэтического высказывания на примере строки из стихотворения А. С. Пушкина «К Н. Я. Плюсковой (На лире скромной...)».....	1119
<i>Ли Синьюй</i> Гиперконцепт свобода воли в стихах Г. Лысенко.....	1121
<i>Ли Хуаньхуань</i> Роль предлогов в когнитивном моделировании времени в русском языке.....	1123
<i>Оводова Мария Кирилловна</i> Библиейские прецедентные феномены и библиейские фразеологизмы как интертекстуальные маркеры детективного рассказа.....	1125
<i>Панчехина Мария Николаевна</i> О региональной идентичности жителей Донецка: лингвистический аспект.....	1127
<i>Парахонько Людмила Вячеславовна</i> Гештальт-синергетический подход как моделирование семантического пространства художественного текста А. П. Чехова.....	1129
<i>Пенягина Елена Борисовна</i> Вариативность концепта «аптека» (на материале Национального корпуса русского языка).....	1131

Пименова Марина Васильевна

Владимир Викторович Колесов о видах формул-синтагм в древнерусском тексте
(на материале глагольно-именных синкретем) 1133

Раткович Драгана

Зоонимические пейоративные имена для человека и концепт человека
как животного в речи Пирота (лингвокультурологический аспект) 1135

Романова Татьяна Владимировна

В. В. Колесов о терминосистеме когнитивной лингвистики
(к 90-летию со дня рождения ученого) 1137

Сирота Елена Владимировна

Сопоставительная характеристика концептов «безумие» и «сумасшествие»
в когнитивном аспекте 1139

Смирнов Евгений Сергеевич

Константы «свои» и «чужие» в лингвокультуре Енисейской Сибири:
лингвоэмотиологический аспект
(на материале дневников епископа Никодима (Казанцева)) 1141

Халикова Наталья Владимировна

Ментальные типы Дурака, Странника в ранней дневниковой прозе Л. Н. Андреева .. 1143

Чжоу Биньбинь

Специфика представлений о «прекрасном» на Востоке и Западе 1145

Якушевич Ирина Викторовна

Вербальный профиль символа ЛИСА (на материале диалектной лексики) 1147

Naghiyeva Shafa Rafiq

Core Concepts in the Economic Discourse 1149

КОЛЛОКВИАЛИСТИКА. ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Блинова Ольга Владимировна

Конструкции с лёгкими глаголами в русской повседневной речи:
проблемы идентификации 1151

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

КАК СКАЗАТЬ и ИЛИ КАК СКАЗАТЬ как прагматические маркеры
русской повседневной речи (к расширению словника ПМ) 1154

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна, У Нань

Полифункциональность разноуровневых единиц русской повседневной речи:
на стыке семантики и прагматики 1156

Военушкина Екатерина Алексеевна

Севернорусская быличка: опыт применения метода мультимодального анализа
речи 1158

Гулько Юлия Александровна

Прецедентные феномены в устной непринуждённой речи и телеинтервью
(на материале апелляций к произведениям А. С. Пушкина)..... 1160

Ерофеева Елена Валентиновна

Дискурсивная конструкция «*вот + X + вот*» в устной спонтанной речи:
вариативность, функции и социолингвистическое варьирование 1162

Курмакаева Нина Петровна

О некоторых особенностях глагольного управления в донецком региолекте..... 1164

Попова Татьяна Витальевна

Русская орфография на обложке современной книги:
взгляд лингвиста, дизайнера, маркетолога 1166

Попова Татьяна Ивановна

Окказионализмы как устойчивые неоднословные единицы:
проблема классификации и описания..... 1168

Се Жоу

Чужая речь в монологах на родном и неродном языке:
неклассические типы передачи..... 1170

Сян Янань

Прагматический маркер-аппроксиматор ВРОДЕ:
лингвистический анализ контекстных «соседей»..... 1173

Чжао Цзэли

Морфологические особенности русских монологов-рассказов китайцев
в зеркале социо- и психолингвистики..... 1175

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ (РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Брыкова Александра Андреевна

Заимствованная лексика в «Уставе вексельном»:
способы глоссирования и особенности употребления 1177

Бунчук Татьяна Николаевна

Глухота и глупость в славянской языковой картине мира 1179

Влавацкая Марина Витальевна

Критерии женской идентичности в новых поговорках русского языка..... 1181

Воронина Татьяна Михайловна

Лексические единицы с семантикой определенности/неопределенности
в идеографическом словаре 1183

Гик Анна Владимировна

Функционирование метафорических цветообозначений в поэтическом тексте
начала XX века 1185

Зайцева Ирина Павловна

Фразеологизм как средство образно-речевой конкретизации
в научно-популярном дискурсе (об одной особенности
индивидуально-стилистической манеры Л. В. Успенского) 1187

Казаковцева Ольга Сергеевна

Особенности употребления темпоральной лексики
в «Елегиях любовных» А. П. Сумарокова 1189

Козловская Наталия Витальевна

Цифровая неография для лингвистической экспертизы: движение навстречу 1191

Куликовская Екатерина Николаевна

К семантике глагола «благодарить» и его производных в корпоративном
этикетном общении 1193

Лукьянова Людмила Владимировна

Словарь Д. Н. Кайгородова: к вопросу о русской лесной терминологии 1196

Малышев Александр Александрович

Понятийное осмысление бюрократии в русском общественном диалоге XIX века 1198

Маринова Елена Вячеславовна, Волочек Елизавета Андреевна

Терминология цифрового общества как объект лексикографии 1200

Мельничук Виктория Александровна

Лексико-семантическая динамика слова вибрион
(по материалам петербургских массовых газет начала XX в.) 1202

Николина Наталия Анатольевна, Петрова Зоя Юрьевна,

Фатеева Наталья Александровна

Национально-маркированные языковые единицы в составе
компаративных тропов (на материале современной русской прозы) 1204

Попов Сергей Александрович

«Топонимический мартиролог Российской Федерации»
как разновидность ономастического словаря 1206

Ребецкая Наталия Александровна

Корпусные исследования по Интерактивному Словарю языка Пушкина 1208

Руднев Дмитрий Владимирович

Способы передачи математической терминологии в «Уставе ратных,
пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (1607–1621) 1210

Садова Татьяна Семёновна

Текст в тексте: тема любви в одном из печатных Манифестов Петра I 1212

Секиро Ольга Олеговна

Некоторые лексико-фразеологические особенности публицистики И. С. Аксакова
в аспекте славянофильской концепции «идеального народного языка» 1214

Семенова Софья Юльевна

Глагол определить как диагностический контекст параметрических
существительных (учет корпусных данных)..... 1216

Стебунова Алла Николаевна

Выражение эмоций человека фразеологическими средствами языка 1218

Чекина Анастасия Артемовна

К вопросу о классификации этикетных форм народной речи 1220

Шарапова Екатерина Вячеславовна

Смерть как метафора в романе Екатерины Манойло
«Ветер уносит мертвые листья» 1222

Шарихина Миляуша Габдрауфовна

Слово каменка в «Уставе ратных, пушечных и других дел» 1620 года:
семантический архаизм, регионализм или гапакс? 1224

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Большакова Наталья Валентиновна

Тексты мифологической прозы как новый источник
«Псковского областного словаря»..... 1226

Васильева Ольга Владимировна

Имена существительные с префиксом под-
в Псковском областном словаре с историческими данными..... 1228

Карпун Мария Александровна

Хромоним «белый» в донских диалектных фитонимах 1230

Козлова Анна Юрьевна

Лингвистические особенности подачи диалектного материала в записях
В.К. Влазнева — крестьянина с. Белоомута Зарайского уезда Рязанской губернии .. 1232

Колесникова Елена Валентиновна

Звуки [л], [l], [ľ] на месте этимологического <л> и их место
в фонологических системах архангельских говоров
в лингвогеографическом аспекте 1234

Макшакова Татьяна Аркадьевна

К вопросу об энантиосемии русского диалектизма очунеть 'прийти в себя,
очнуться' и 'потерять сознание' 1236

Мызникова Янина Валерьевна

Ареальная дифференциация лексики погребально-поминального обряда
в русских говорах Ульяновской области 1238

Приображенский Андрей Владимирович, Королькова Мария Денисовна

Свод диалектных и региональных словарей:
предварительные итоги работы и перспективы..... 1240

Тер-Аванесова Александра Валерьевна

Изоглоссы поморской и вологодско-вятской групп севернорусских говоров 1242

Шубина Наталья Григорьевна

К вопросу о семантической специфике заимствованных лексем
в диалектном словаре 1244

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И МОРФООБРАЗОВАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Борозенец Дарья Игоревна

Словообразовательное гнездо как модель семантического поля
(на примере словообразовательного гнезда «знать») 1246

Данилина Наталия Ивановна

О некоторых особенностях деривации на лексической периферии 1249

Лашина Ксения Сергеевна

Состав и структура словообразовательного типа именованных лиц женского пола
в современном русском литературном языке 1251

Островая Юлия Сергеевна

Референциальное указание на лиц женского пола в современном русском языке ... 1253

Рязанова Валерия Александровна

Нарушение языковых норм при расшифровке аббревиатур
как проявление действия дешифровальных стимулов 1255

Станкус Екатерина Николаевна

Псевдоунивербализация реляционных дешифровальных стимулов 1257

Теркулов Вячеслав Исаевич

Инициальные аббревиатуры как формально-ономасиологический класс 1259

Халабузарь Алла Олеговна

О методике определения значений аббревиатур «авиа» 1261

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Васильева Анастасия Владимировна

НИР в магистратуре как средство формирования профессионально-
коммуникативной компетенции иностранного студента-нефилолога 1264

Вахрушева Мария Александровна

Обучение механизмам рационализации эмоциональной речи
в практике преподавания РКИ 1266

Го Ваньтин

Понимание эвфемизмов при обучении русскому языку как иностранному:
эффективный способ управления коммуникацией..... 1268

Голубева Анна Владимировна

Некоторые мифы об освоении иностранного / второго языка
и их преодоление в учебных пособиях по РКИ 1270

Гордиенко Ольга Антоновна

Использование геймификации в преподавании русского языка как иностранного
в целях формирования учебной мотивации 1272

Дай Юньфан

Обучение китайских студентов порядку слов
в русском предложении как методическая проблема 1274

Епифанова Валентина Валерьевна

Изучение лексики в рамках семантического поля «Дружба»
на занятиях РКИ: смыслоориентированный подход..... 1276

Иванов Сергей Юрьевич

Работа с видовой парой и способом глагольного действия
на занятиях по РКИ в иностранной аудитории 1278

Картушина Елена Александровна

Лингво-прагматические особенности учебного текста РКИ
для итальяно-говорящих студентов начального уровня
(на материале учебника Makovesckaja R., Trusina L. Nuovo Russo, Milano 1989) 1280

Лядская Диана Владимировна, Торрезин Линда

Корпусный анализ и лексический портрет учебников РКИ, изданных в Италии 1282

Мамбетова Роза Балтабаевна, Шерниязова Гоззал Алишеровна

К вопросу о разработке комплекса упражнений по развитию речевых навыков
у студентов при изучении русского языка..... 1285

Никольская Зоя Александровна

Таблица редукции гласных в учебнике для начинающих
«Ta russisk nybegynnerkurs» автора доклада..... 1287

Нурманов Абдиназар Ташбаевич

Современные подходы к изучению русского языка как иностранного..... 1289

Первушина Ирина Сергеевна

Сравнительное описание звуковых систем вьетнамского, лаосского
и кхмерского языков применительно к обучению русскому языку
как иностранному 1292

Пономарева Зинаида Николаевна

Читать и видеть мир по-русски 1294

Прокудина Ирина Сергеевна

Формирование представлений
о традиционных российских духовно-нравственных ценностях
в процессе обучения РКИ на материале новостных текстов 1296

Решетникова Валентина Валентиновна

Педагогические технологии развития метакогнитивной компетентности
в процессе обучения русскому языку как иностранному 1298

Романова Наталья Юрьевна, Налимова Татьяна Анатольевна

Особенности подготовки иностранных аспирантов к кандидатскому экзамену
по русскому языку 1300

Сарычева Мария Романовна

Восприятие прецедентных имен на занятиях по русскому языку как иностранному
на начальном этапе обучения 1302

*Сидорова Елена Юрьевна, Гончарова Екатерина Ивановна,
Игнатъева Наталья Дмитриевна*

Концепция учебного пособия для иностранных студентов
«Русская речь в XXI веке» 1305

Филиппова Елена Владимировна

Стратегии обучения русскоязычной профессиональной речи иностранных
студентов в техническом вузе 1307

Цревар Сунчица

Диктогloss как методический приём для подготовки студентов
к поступлению в вуз 1310

Цховребов Алан Солтанович

Выявление сложных конструкций в текстах учебников
по профильным дисциплинам 1312

Шорохова Ольга Анатольевна

Использование устного народного творчества при обучении детей инофоно
русскому языку 1317

*Matukhin Pavel Granitovich, Petrova Marina Georgievna,
Petrov Grigorij Pavlovich*

Master class information structure "AI tools in the RFL teaching" 1318

ПРОБЛЕМА ТИПОВ ТЕКСТА И УЧАСТИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ИХ ОРГАНИЗАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аль Наджар Фатен Мохаммед

Значение русской литературы в преподавании русского языка
иностранным студентам: проблемы и задачи вызовы 1321

<i>Грехнева Лариса Всеволодовна</i>	
Специфика перифразы в современных СМИ (функциональный аспект)	1323
<i>Зырянова Елена Васильевна</i>	
Репрезентация адресата в лирике М. Ю. Лермонтова.....	1325
<i>Колесова Дарья Владимировна</i>	
Аргументация в научно-учебном тексте: анализ аргументирующей тактики в ВКР бакалавра и магистра	1327
<i>Коломиец Екатерина Андреевна</i>	
Редакторская колонка: функциональный аспект	1329
<i>Коньков Владимир Иванович</i>	
Творчество Захара Прилепина как продолжающийся монолог.....	1331
<i>Ли Чжэньго</i>	
Языковые особенности текстов петербургских вывесок.....	1333
<i>Лисова Олеся Олеговна</i>	
К вопросу объективации степени выдвижения текстового фрагмента.....	1335
<i>Лоу Шифань</i>	
Выражения концепта «Я» в современной антиутопии (на материале рассказа «Край, где сбываются мечты» Г. Садулаева)	1337
<i>Нерсисян Кристина Арменаковна</i>	
Параметры усложнения учебного текста на примере работы с искусственным интеллектом.....	1339
<i>Омельченко Лилия Николаевна</i>	
Тип речи «рассуждение» в художественном тексте: прагматический аспект	1341
<i>Парвизи Могоддам Элхам</i>	
Проблема перевода русской коммерческой терминологии на персидский язык	1343
<i>Пивоварчик Тамара Анатольевна</i>	
К вопросу о субъектной организации научно-популярного медиатекста	1345
<i>Пименова Алина Вадимовна</i>	
Метафорический экфрасис как вербальное включение визуального образа в романах Виктора Пелевина.....	1347
<i>Пинежанинова Наталья Павловна</i>	
Трансформация цитаты как метафорическая модель события в рассказе В. Набокова «Облако, озеро, башня».....	1349
<i>Попова Татьяна Игоревна</i>	
Чужая речь и уровень сложности сообщения в СМИ.....	1351
<i>Сергеева Елена Владимировна</i>	
Специфика художественного дискурса как коммуникативно-эстетического феномена.....	1353

Су Лэсюе

Структурно-семантическая организация рассказов Чехова «Гриша» и «Дома»..... 1355

Файзуллина Наргиза Дамировна

Синкрисис в русской поэзии XIX века 1357

Фельде Ольга Викторовна

«Свои» и «свое пространство» как ценностно-смысловые доминанты
традиционной лингвокультуры старожилов Енисейской Сибири..... 1360

Хандархаева Ирина Юрьевна

К вопросу о контаминации текстов типа описание и рассуждение 1362

Ху Цзымин

Реализация стратегии презентации в российской телевизионной рекламе
продуктов питания..... 1364

Чжао Жонань

Исследование языковой стратегии продвижения в научных статьях:
теория, метод и перспектива 1366

Чжао Цзэхун

Реализация стратегии вежливости в политическом дискурсе
(на материале брифингов официальных представителей МИД России)..... 1368

Ши Линь

Синтаксические средства выражения эмотивности в диалоге
художественного произведения 1370

СИСТЕМА ЯЗЫКА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ В АСПЕКТЕ РКИ

Галюк Алина Андреевна

Синонимы опекать и оберегать в аспекте когнитивной лингводидактики 1372

Дай Цзини

Применение понятия «языковой мем» в исследовании молодежного сленга..... 1374

Жэнь Чуньянь

Изучение антонимов в курсе РКИ с применением приемов концептуального
анализа 1376

Левина Ирина Николаевна

Проблемы идеографического представления состава моделей изъяснительных
предложений в учебном словаре 1378

Лекарева Ирина Николаевна, Орлова Галина Викторовна

Синонимы и паронимы в учебно-научных текстах при обучении РКИ 1380

Любимова Нина Александровна, Ходченкова Мария Эдуардовна

Интонационное оформление эмоции возмущение в речи носителей
современного русского языка 1382

Сюй Яо

Характеристика неприятного собеседника сквозь призму его речи:
итоги анкетирования 1384

У Маньхуа

Функционально-семантические характеристики синонимов знаток и дока 1386

Чай Минь

Глаголы с семантикой 'сочинительство' в поэтическом контексте:
регулярные и нерегулярные смыслы 1388

Чжан Сяоянь

Способы выражения директивных речевых совета и просьбы
(на материале современной русской драматургии) 1391

Чжан Яньцю

Лингвокультурологические особенности
русских и китайских пословиц с компонентом сон 1393

Чжао И

Отсутствие соответствующих условий как препятствие для осуществления
действия (на материале русской паремики) 1396

Чжао Сюй

«Начало» как важный аспект восприятия мира (на материале русских пословиц)..... 1398

Чэн Цзиньтао

Семантика и функционирование прилагательного толерантный
в современном русском языке 1400

Чэн Юйфань

Название китайского блюда «Маро doufu» в меню русского ресторана..... 1402

Юй Липин

Лексико-грамматическая классификация коммуникем-энантонимов
в русской публицистической речи 1404

ТЕСТИРОВАНИЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аверьянова Дарья Владимировна, Фаррахова Маргарита Владимировна

О преподавании РКИ в рамках системы ТРКИ в африканской аудитории:
опыт СПбГУ 1406

Белова Наталья Викторовна

Национально-ориентированный подход к тестированию по русскому языку
как иностранному (опыт реализации образовательных программ в Нигерии) 1408

Беляева Рахиль Эдуардовна

Тестирование по языку специальности на примере
медико-биологического профиля 1410

Булышева Елизавета Сергеевна

Сравнение тестирования на уровень С2 русского, английского и французского языков (говорение и письмо): требования к кандидату и система оценки..... 1412

Булышкина Ирина Александровна

ТРКИ в контексте курсового обучения: опыт языкового центра в Италии 1414

Гуськова Екатерина Владимировна

Учебное пособие «Русская лексика для жизни» и подготовка к ТРКИ 1416

Довголюк Михаил Николаевич

Учёт национальных особенностей слушателей из Зимбабве и Кении при подготовке к ТРКИ элементарного уровня 1418

Дубинина Надежда Александровна, Белецкий Станислав Борисович

Тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) в аспекте межкультурной коммуникации..... 1420

Жизневская Ольга Николаевна

Новостной медиатекст в аспекте подготовки к ТРКИ (субтест «Аудирование»)..... 1422

Криницкий Олег Григорьевич, Пономарева Мария Андреевна

К вопросу о реновации формата уровня ТРКИ-IV/C2 1424

Лебедева Мария Юрьевна

Проектирование учебных и измерительных материалов по русскому языку в модели обратного дизайна: теоретические аспекты и практическое применение. 1426

Матенова Юлия Умидовна

Трудности и перспективы проведения ТРКИ в Узбекистане 1428

Матич Мила, Дубинина Надежда Александровна

Типичные ошибки в письменной русской речи сербских гимназистов (на примере уровня B2) 1431

Ныклова Людмила Викторовна

Подготовка к сертификационному тестированию по русскому языку как иностранному разных уровней на курсах русского языка при Русском доме в Праге 1434

Погадаева Полина Викторовна

ТРКИ: опыт Малайзии. Сложности и перспективы 1435

Пономарева Мария Андреевна, Ильичёва Ирина Юрьевна

Задания продуктивного типа в тестировании по русскому языку как иностранному: актуализация критериев оценки..... 1437

Ротанов Алексей Николаевич

Создание текстов в соответствии с требованиями ТРКИ (опыт проведения факультативного учебного курса «Я — будущий тестолог»)..... 1439

Старовойтова Ирина Александровна

К вопросу об обновлении требований теста по русскому языку как иностранному
(Субтест Говорение, уровень С2) 1441

*Ханова Айгуль Филусовна, Майорова С. А., Лученкова А. А., Закирова Л. И.,
Еремينا Ольга Сергеевна, Драгой Ольга Викторовна*

Разработка и апробация теста быстрой и объективной оценки уровня владения
русским языком как иностранным LexRus. 1443

Хасанов Эльдар Ринатович

О проделанной работе и перспективах сотрудничества
с Санкт-Петербургским государственным университетом 1447

СЛАВИСТИКА

АНДРЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ)

Амелина Анна Вячеславовна

Русская литература в чешской католический периодике 1920-х годов
(журнал «Арха») 1450

Гусева Ольга Валерьевна

Символистские драмы С. Пшибышевского в России 1452

Дробышева Марина Николаевна

Процесс формирования национальной литературы
в период Иллиризма в Хорватии, Славонии и Далмации 1454

Колянов Алексей Юрьевич

«Две новеллы» Артура Брейского: история литературной мистификации 1456

Розинская Ольга Валерьевна

Роль эмигрантской печати в жизни русской эмиграции
в Польше межвоенного двадцатилетия 1458

Тоичкина Александра Витальевна

Н. В. Гоголь и П. А. Кулиш в исследованиях Д. И. Чижевского 1460

ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ.

СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

Алексова Красимира Славчева

Неопределенные местоимения типа който и да било
в современном болгарском языке 1462

Аникин Михаил Александрович

Огнян Дянков-Благоев (Фотохудожник, философ, славянин.
К проблеме взаимосвязей русской и болгарской культуры) 1465

Велев Георги

«Староболгарский язык» в трудах венгерских языковедов начала XX века 1467

Гливинская Вера Николаевна

Формирование и развитие социокультурной компетенции
студентов-болгаристов 1469

Голант Наталия Геннадьевна

Заметки о погребальной обрядности болгар и румын:
дерево в обрядах и мифологических представлениях, связанных со смертью 1471

Иванова Елена Юрьевна

Линейно-синтаксические свойства клитик в гребенском диалекте
болгарского языка..... 1473

Мосинец Анастасия Геннадьевна

Перевод поэзии Гане Тодоровского на болгарский и русский языки:
поэтика и лингвистика 1476

Тимонина Елена Васильевна

Подготовка филолога-слависта к устному переводу:
необходимые и возможные направления работы 1478

Dimitrova Tsvetana Ivanova

On verbal clitics in Bulgarian 1480

Koeva Svetla P., Ivanova Elena Yu.

Exploring Linguistic Tests for Distinguishing Eventuality Types (with a Focus on
Two Slavic Languages)..... 1482

*Leseva Svetlozara Ilieva, Kukova Hristina Nikolova, Todorova Maria Andreeva,
Stefanova Valentina Georgieva*

Towards an Analysis of the Features Building up Aspectual Classifications 1484

СЛАВЯНЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: КОМПАРАТИВИСТИКА, ИМАГОЛОГИЯ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Дракулич-Прийма Драгана

Пословицы и фразеологизмы в романе «Тврђава» («Крепость») Меши Селимовича
и их перевод на русский и английский языки..... 1486

Зимони-Калинина Ирина Евгеньевна

О переводе на венгерский язык поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»..... 1488

Колесникова Анна Леонидовна, Абакумова Ольга Борисовна, Загоруй Алёна Александровна

Анализ перевода пословиц в рассказе И. С. Тургенева «Однодворец Овсяников»
на материале переводов на немецкий и английский языки 1490

Мущинская Виктория Владиславовна

К вопросу о переводах поэзии Т. Г. Шевченко и И. Я. Франко на английский язык..... 1492

Сергиенко Олеся Сергеевна

Переводы современной чешской художественной литературы
на английский язык и их восприятие в англоязычных странах 1494

**СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ. ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА
СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОЛОГИИ**

Алёшин Алексей Сергеевич

Шведские и русские антипословицы компаративной структуры в аспекте
фразеологической неологии 1496

Генералова Елена Владимировна

Репрезентация концепта «деньги» в современной русской фразеологии..... 1498

Гулякова Ирина Геннадьевна

Ирония как семантическая доминанта портретных фразеологизмов
(на материале прозвищ известных политиков)..... 1500

Дронов Павел Сергеевич

Морфемная вариантность идиом как потенциальный источник неологизмов..... 1502

Дубровская Елена Михайловна

Фразеологические неологизмы с компонентами-этнонимами и ойконимами
как потенциальные лингвокультурные типажи 1504

Зиновьева Елена Иннокентьевна

Социокультурно обусловленные неофразеологизмы в старорусском языке 1506

Иванов Евгений Евгеньевич

Неологические устойчивые фразы-афоризмы белорусского языка 1508

Ковшова Мария Львовна

О восприятии незнакомых идиом и загадок носителями языка 1509

Королькова Анжелика Викторовна

Актуальные неологические процессы в русской афористике и крылатологии 1511

Куныгина Ольга Владимировна

Идеографический потенциал служебных фразеологизмов 1513

Лызлов Алексей Игоревич

Колоративы как элементы значения фразеологизмов
в английском и русском языке 1515

Мокиенко Валерий Михайлович

Идеографическая картина современной фразеологической неологии 1517

Николаева Елена Каировна

Барабан в новой русской фразеологии 1518

Ничипорчик Елена Владимировна

Сайты-путеводители в мир фразеологии 1520

Орлова Ольга Сергеевна

Репрезентация новых понятий и реалий в загадках 1522

Павлова Людмила Панасовна

Нидерландские фразеологические неологизмы
в свете некоторых положений неологии..... 1524

Савенкова Людмила Борисовна

На крайняк — это как? История появления и семантика некодифицированной
фразеологической единицы в русском языке 1526

Селиверстова Елена Ивановна

Сфера труда в свете фразеологической неологии 1528

Хмелевский Михаил Сергеевич, Кузнецова Ирина Владимировна,

Савченко Александр Викторович

Авторские неологизмы — устойчивые сравнения и конструкции
(на материале украинской художественной литературы) 1530

Цицкун Виолетта Владимировна

Роль метафоры в формировании семантики потенциальных фразеологизмов
(на материале русского языка) 1532

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ващенко Дарья Юрьевна

Семантика «минутного» в словацком языке на фоне чешского, русского,
венгерского и немецкого (по корпусным данным)..... 1534

Кондратенко Михаил Михайлович

Полисемия в славянских народных обозначениях времени 1536

Левушкина Ружица

Лексемы семантического поля христианские добродетели на материале
произведения Подвижнические и богословские главы преподобного
Иустина (Поповича) и их перевод на русский язык..... 1538

Низовцева Ксения Вячеславовна

Семантизация цветообозначений синий/голубой и zils
в составе фразеологизмов русского и латышского языков 1540

Рылов Станислав Александрович

К проблеме синтаксической типологии современных славянских языков:
чешское простое предложение в сопоставлении с русским 1542

Шалаева Татьяна Владимировна

Ксеномотивация в названиях животных
(по материалам «Общеславянского лингвистического атласа») 1544

ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Аврutiна Аполлинария Сергеевна, Сабри Гюрсес

Translations of Russian poetry into agglutinative language: Eugene Onegin in Turkey 1547

Ауксель Юлия Валентиновна

English and Russian terminology in restoration of wooden art objects 1549

Баскакова Ирина Николаевна

О работе Социального Центра переводов СПбГУ 1551

Васильева Ирина Игоревна

Проблема содержания курса «Лингвострановедение» для переводчиков, экспериментальный онлайн дизайн и коллаборативная методика преподавания (на примере авторского дистанционного курса в MS Teams, 2022) 1553

Войку Ольга Константиновна, Николаева Ольга Станиславовна

О прочтении смыслов при переводе Корана на испанский язык 1555

Волкова Людмила Васильевна, Гыля Айгерим Асылхановна

Новейшие технологии в практике перевода современной художественной сказки (на материале литературной сказки) / The latest technologies in the practice of translating modern fairy tales (based on the material of a literary fairy tale) 1557

Гасимова Айгюн Рамиз

Equivalence as one of the main concepts of translation 1559

Григорьева Любовь Николаевна

«Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина в аспекте перевод 1561

Дмитриенко Елизавета Валерьевна

Парадигматическая обусловленность комбинаторных девиантов при переводе 1563

Кузнецова Екатерина Дмитриевна

Искусственный интеллект в переводе (на материале поликодового искусствоведческого дискурса) 1565

Кутафьева Наталия Витальевна

Проблема перевода существительных с количественным значением с японского языка на русский 1567

Лебедева Екатерина Сергеевна

Перевод транслингвальной литературы и их переводов на русский язык: на материале англоязычных произведений Ольги Грушиной, Гари Штейнгарта и Александра Хемона 1569

Морилова Екатерина Сергеевна

Трансформация процесса киноперевода в России за последние 30 лет: от перевода, выполненного человеком, к автоматизированному переводу и машинному переводу 1571

Разумовская Вероника Адольфовна

Литературные тексты о Сибири как объекты «ближней» антропологии и перевода . 1573

Рубцова Светлана Юрьевна

Прецедентные единицы как маркеры интертекстуальности и ретрансляторы «вечных» концептов в аспекте перевода (на примере библеизмов) 1575

Рыженкова Анна Александровна

Российские культуронимы в английском языке как переводческая проблема..... 1577

Соболева Нина Павловна, Тушев Андрей Николаевич

Прием затрудненной формы в «Воскресенье/и» Л. Н. Толстого (на материале синтаксиса англоязычных переводов) 1579

Рафаэль Гусман Тирадо

Перевод русской литературы как эффективный стимул изучения русского языка 1581

Фернандо Феликс

К вопросу сохранения культурно-специфической лексики при переводе литературных произведений с русского на сингальский язык 1583

Фирсова Мария Алексеевна

К вопросу о терминологическом статусе глаголов в текстах судебных решений (на материале судебных решений России и Франции) 1585

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Алевич Анисия Вячеславовна

«Не перевести, а пережить»: о роли личности переводчика художественной литературы 1587

Загудалина Юлия Викторовна

Особенности перевода детских поэтических текстов на русский язык — на примере перевода стихотворения Доры Алонсо «Juega conmigo» и стихотворения неизвестного автора..... 1589

Лекомцева Ирина Алексеевна

О деятельностном типе онтологии перевода 1591

Раренко Мария Борисовна

«Что знала Мейзи» про «Развод в большом городе»: О семиотическом переводе сегодня 1593

Сайфуллоева Зулайхо Абдулхамидовна

Персидско-таджикская классическая поэзия: приемлемость перевода и некоторые проблемы поэтического перевода на русский язык..... 1595

Силинская Наталия Павловна

К вопросу о переводческих комментариях и «видимости» переводчика 1597

Уржа Анастасия Викторовна, Филатова Ганна Алексеевна

Сопоставительный лингвистический анализ редакций перевода:
первые результаты работы с архивом Норы Галь 1599

Шутёмова Наталья Валерьевна

Эналлага в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:
способы репрезентации в переводе Дж. Фейлена..... 1601

Добровольский Дмитрий Олегович

д-р филол. наук, проф., главный научный сотрудник,

Институт русского языка РАН, Институт языкознания РАН, Стокгольмский университет

К ГРАММАТИКЕ ИДИОМ: ФАКТОРЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ И ДИСКУРСИВНОЙ СВОБОДЫ

Хотя довольно долго в лингвистике бытовало представление о том, что идиомы — как центральная часть фразеологической системы — характеризуются максимальной стабильностью формы, их реальное поведение в дискурсе обнаруживает существенную степень свободы. С одной стороны, эта свобода далеко не безгранична, с другой — описывать идиомы как «длинные слова» (*idioms as long words**), имея в распоряжении корпусные данные и прочий богатый эмпирический материал, сегодня не представляется возможным. Поскольку на первый взгляд дискурсивное поведение идиом кажется непредсказуемым (почему, например, одни идиомы допускают изменение порядка слов и характеризуются синтаксической проницаемостью, а другие — нет?), поиск причин различий в степени дискурсивной свободы и предложение обоснованных объяснений — важные лингвистические задачи.

Одно из объяснений свободного обращения со структурой идиомы в дискурсе лежит в области креативности. Проблемы креативности в языке в последнее время активно обсуждаются в литературе, в том числе в рамках Грамматики конструкций, уделяющей значительное внимание фразеологии; ср., например, [Hoffmann 2020]. Креативные модификации идиомы практически не имеют формальных ограничений. Так, в художественном тексте допустимы почти любые изменения канонической формы идиомы, часто носящие характер языковой игры:

- (1) Далее минут десять он разводил *искусствоведческие турысы на огромных колесах...* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)]

К креативным модификациям относятся также случаи материализации метафоры, лежащей в основе внутренней формы идиомы. Ср. пример (2) из «Палисандрии» Саши Соколова, в котором так же, как в примере (1), используется идиома *турысы на колесах*.

- (2) <...> второй господин восседал на высокой конструкции для расслабленных, что будила в Вашем воображении образ *турыс на колесах*. Кроме *колес* у нее различались страховочные перильца по трем сторонам, спинка и полка для ночного горшка под сиденьем с овальным провалом. [Саша Соколов. Палисандрия]

Другое объяснение дискурсивной свободы идиом лежит в области особенностей их семантики. В наших предыдущих работах на сходную тему обсуждалась скрытая категория, характеризующая некоторые типы фразеологических единиц, — семантическая членимость идиом. Поскольку компоненты идиом в принципе сохраняют статус слова, неудивительно, что в ряде случаев они сохраняют не только морфологические признаки, свойственные им в свободном употреблении, но определенную семантическую автономность**. Потенциальная разложимость некоторых фразеологизмов на осмысленные составные части объясняет, в частности, почему

---

* Ср., напр., [Bobrow, Bell 1973: 343]: “the idiomatic meaning seems to be understood by combining several words into a complex ‘idiom word’ and finding the meaning of the phrase by a search through a mental ‘idiom word’ dictionary”.

** Изучение семантической членимости началось уже в 1980-х гг.; ср. [Райхштейн 1980; Мелерович 1982; Wasow et al. 1983].

одни идиомы допускают ввод прилагательного в свою структуру (ср.: *сухая капля в огромном море, катить большую бочку на кого-л.*), а другие — нет (??*наострить новые лыжи, ??сыграть в крепко сколоченный ящик*). Помимо этих примеров из [Добровольский 2022], в НКРЯ можно найти массу контекстов, показывающих принципиальные различия в отношении этой модификации. Так, идиома *турусы на колесах* допускает ввод прилагательного только как элемент языковой игры (ср. пример (1) — единственный пример такой модификации в НКРЯ*), а прилагательное в структуре идиомы *лить воду на (чью-л.) мельницу* — довольно обычное явление; ср. следующие — довольно стандартные, то есть неигровые — примеры:

- (3) Не хочу никого обсуждать и осуждать, предлагаю и вам не *лить воду на чужую мельницу*, чтобы заново не раздувать скандал, который успел позабыться. [Ванденко А. Человек со свистком // Советский спорт, 09.09.2008]
- (4) Ведь в его власти было как одобрить любое творческое начинание, так его и уничтожить, объявив безыдейным, вредным, «*льющим воду на вражескую мельницу*»... [Как шутили знаменитые // Аргументы и факты, 2003.12.19]
- (5) На этот раз, к сожалению, уж правы: те страницы и абзацы, которые цитирует меморандум, безусловно *льют воду на коммунистическую мельницу*. [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943–1958)]
- (6) Думаю, что и политика Польши *льет воду на германскую мельницу*. [В. А. Вернадский. Дневник (1919)]

Важно при этом, что семантической автономностью обладает компонент мельница, но не вода. Это объясняется структурой метафоры, что будет подробно рассмотрено в докладе. Пример на ввод прилагательного, относящегося к компоненту *вода*, встретился в НКРЯ только один раз, и данная модификация несомненно придает соответствующей фразе игровой характер:

- (7) Но тогда вместо слов «Пейте охлажденным!» на этикетке уместнее было бы напечатать: «Особо опасный преступник! Разыскивается Интерполом...» Граждане коммерсанты, давайте не будем *лить газированную воду на мельницу* недомыслия и дурновкусия! [Олег Шаповалов. Пузырьки ударяют в нос, в глаз и по кумполу // Комсомольская правда, 24.05.2002]

В докладе в фокусе внимания находятся операциональные критерии выделения множества семантически членимых идиом, а также соотношение стандартного и нестандартного (креативного, игрового) употребления фразеологии в речи.

Литература

- Добровольский Д. О. Между лексиконом и грамматикой: о синтаксисе идиом // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2022. С. 6.
- Мелерович А. М. Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982.
- Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980.
- Bobrow S., Bel S. On catching on to idiomatic expressions // Memory and Cognition 1. 1973. P. 343–346.
- Hoffmann Th. Construction grammar and creativity: Evolution, psychology, and cognitive science // Cognitive Semiotics. 2020. Vol. 13, no 1. <https://doi.org/10.1515/cogsem-2020-2018>.
- Wasow Th., Sag I. A., Nunberg G. Idioms: an interim report // Proceedings of the XIIIth international congress of linguists / eds Sh. Hattori, K. Inoue. Tokyo: CIPL, 1983. P. 102–115.

* А примеров ввода прилагательного в структуру, например, идиомы *толочь воду в ступе* в НКРЯ не нашлось вообще. Это показывает, что идиомы, для которых нехарактерна семантическая членимость, допускают эту модификацию лишь окказионально.

Карпов Александр Анатольевич

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
a.karpov@spbu.ru

ОТРАЖЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА В ЛИТЕРАТУРЕ ЕГО ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: Пушкин; рецепция; полемика; травестия; эпигонство.

Проблема рецепции произведений Пушкина в творчестве его современников имеет долгую историю изучения. Вместе с тем, перспективы ее дальнейшего исследования неисчерпаемы. Данный доклад содержит связанные с ней новые наблюдения.

Как пример произведения, созданного по предложенной Пушкиным модели, интересна повесть Е. А. Баратынского «Перстень» (1831). На рубеже 1820–30-х гг. Баратынского занимают проблемы развития русской прозы. По его мнению, современность требует создания «эклектичного» романа, который соединил бы традицию эмпирического изображения действительности с традицией воссоздания душевной жизни человека. Пример разрешения этой задачи Баратынский увидел в «Повестях Белкина», с которыми он познакомился еще в 1830 г. При рассмотрении «Перстня» на фоне пушкинского цикла обращает на себя внимание интерес обоих авторов к сфере будничного и вместе с тем общее для них стремление соединить ее изображение с рассказом о необыкновенных характерах и происшествиях. Подобно «Повестям Белкина», «Перстень» отличает сочетание лаконизма повествования с усложненностью его организации. Вслед за Пушкиным Баратынский использует приемы, присущие «поэтической» прозе: насыщение текста литературными аллюзиями, столкновение различных точек зрения на изображаемое, многократное варьирование отдельных образов и тем. Подобно «Повестям Белкина», произведение Баратынского характеризуется активной опорой на предшествующую литературу (романы «Мельмот Скиталец» Метьюрина и «Дон Кихот» Сервантеса, драмы Гете («Фауст») и Кальдерона («Маг-чародей», «Жизнь есть сон»), легенды об Агасфере и о магическом кольце царя Соломона). В результате соединения фабул и образов-прототипов формируется смысловой фон, основу которого составляют мотивы греховной страсти, отступничества, искупления, иллюзорного существования.

Иначе ориентированы на сборник Пушкина произведения О. И. Сенковского. Подписанные псевдонимом А. Белкин «Потерянная для света повесть», «Турецкая цыганка» (обе 1835) и «Джулио» (1836) иронически интерпретировали фигуру пушкинского циклизатора. Рамочный сюжет «Сентиментального путешествия на гору Этна» заключал в себе травестийную версию «Метели». Еще одна часть «Фантастических путешествий Барона Брамбеуса» (1833) — «Поэтическое путешествие по белу-свету» — содержала травестийные отсылки к «Евгению Онегину» и «Пиру во время чумы».

Наряду с многочисленными стихотворными откликами, поэма «Кавказский пленник» нашла отражение и в прозе пушкинской эпохи. «Черкесская повесть» «Новый кавказский пленник» (1837) В. Бурьянова (В. Н. Бурнашева) представляла собой адаптацию «южной» поэмы Пушкина для детской аудитории. «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» (1831) А. А. Бестужева-Марлинского и «быль» «Кавказский пленник» (1838), подписанная инициалами Н. М. (Н. С. Мартынов), разрабатывая пушкинские темы неволи и бегства, соотносились со своим претекстом, прежде всего, полемически, подчеркнуто депоэтизируя мир Кавказа.

Распространенное мнение о том, что «маленькие трагедии» Пушкина не оставили следа в драматургии его эпохи, опровергается при обращении к массовой литературной продукции 1830-х годов. Так, первая часть драматической поэмы В. С. Печерина «Pot-pourri, или Чего хочешь, того просишь» (1833) воспроизводила общую ситуацию и сюжетно-композиционную схему «Пира во время чумы» (изображение группы пирующих, будущее которых сулит им несчастья и гибель). Еще ближе следовал за Пушкиным в своей мистерии «Последний день» (1834, 1837) яркий представитель русского низового романтизма А. В. Тимофеев. Начальные страницы его произведения представляли собой кальку с «Пира во время чумы». Многочисленные

переклички с «драматической сценой» содержал и последующий текст мистерии. Казалось бы, сочинение Тимофеева — явный случай плагиата. Однако автор «Последнего дня», вероятно, иначе оценивал откровенную вторичность своего текста. Пушкинские темы он развивал в рамках иного замысла, заостряя и выдвигая на передний план эсхатологическую тему. Дублирующая «Пир во время чумы» часть мистерии играла у него роль экспозиции, в дальнейшем же ведущую роль приобретали иные претексты — христианская апокалиптика и связанная с ней традиция западноевропейской литературы. Сопоставление «маленькой трагедии» Пушкина и мистерии Тимофеева позволяет описать один из вариантов освоения «массовой» словесностью вершинных достижений литературы. Взятый в его отношении к «Пиру во время чумы», «Последний день» парадоксально сочетал вторичность с установкой на грандиозность.

Соединение очевидного эпигонства и претензии на оригинальность характеризует и повесть П. С. Смирновского «Утопленник» (1838) — еще один пример трансформации гениального создания представителем тривиальной словесности. «Утопленник» представляет собой переложение сюжетной части поэмы «Медный всадник». Рассказывая историю молодого чиновника, надежды которого на счастье были разрушены петербургским наводнением 1824 г., Смирновский воспроизводит множество пушкинских изобразительных деталей, но полностью игнорирует философско-историческую проблематику и символично-мифологический план поэмы. Однако и это примитивное прочтение заслуживает внимания. В отличие от большинства читателей, воспринявших главным образом государственно-исторический пафос поэмы Пушкина, Смирновский откликнулся на заключенный в ней рассказ о человеческой трагедии, предвосхитив позднейшие трактовки «Медного всадника» как произведения, полного сочувствия к «маленькому человеку».

Рассмотренные произведения относятся к разным уровням и формам словесной культуры. Различны и представленные в них виды рецепции пушкинских сочинений. Однако все они свидетельствуют о живом интересе современников к творчеству поэта.

Коваль Владимир Иванович

д-р филол. наук, профессор, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины;
vlad-kov@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОФРАЗЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: неологизмы; способы образования; фразеологизация.

Значительная часть новых фразеологических единиц образуется в результате приобретения обычными словами (обычно — именами прилагательными) нового переносного значения, позволяющего им вступать в «избирательную» сочетаемость с определенным словом либо с тематически ограниченным кругом слов. В результате возникают устойчивые словосочетания, в которых «значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное» [Виноградов 1972: 29]. Неологизмы рассматриваемого типа отличаются от «классических» фразеологических сочетаний типа *закадычный друг* и т. п. тем, что атрибутивный компонент реализует в их составе не прямое, а переносное значение.

Так, во фразеологизме *нигерийские письма* 'вид мошенничества, основанного на рассылке электронных писем с целью незаконного получения денежных средств' адъективный компонент обнаруживает почти полный «отрыв» от Нигерии (первоначально авторы таких писем представлялись нигерийцами) и развивает выразительную негативную коннотацию, связанную с обманом и манипуляцией.

Единичная сочетаемость характерна и для прилагательного *ковровый* в составе неологизмы *ковровые бомбардировки*, использующейся для обозначения непрерывных, интенсивных бомбометаний по военным объектам или населенным пунктам с целью полного уничтожения какого-либо объекта или личного состава противника. *Ковровыми*, как можно предположить, бомбардировки названы по их результату, поскольку уничтоженная территория (объект) напоминает лежащий на полу плоский ковер.

В целом отмечается возникновение целого ряда новых относящихся к военной сфере фразеологизмов, в которых используются компоненты, изначально связанные с позитивными представлениями. Например, слово *умный* 'обладающий здравым умом, сообразительностью', развивая новое значение 'оснащенный автоматизированной системой управления', образует устойчивые словосочетания с именами существительными, обозначающими различное военное снаряжение: *умный снаряд*, *умная бомба*, *умная пуля* и т. п. Показательно, что некоторые газетные материалы сообщают о нецелевом, антигуманном использовании *умных бомб* и тем самым «дезауируют» позитивно осмысливаемую семантику прилагательного *умный*: «Умная» бомба разбила детский дом в Багдаде (Ищенко С. Совсем не точечные удары // Труд-7, 28.03.2003).

Однако в большинстве случаев неологизмы с компонентом *умный* употребляются для обозначения различных систем, созданных для улучшения условий жизни людей: *умный город* 'городская структура, обеспечивающая устойчивое развитие, повышение уровня качества жизни своих жителей'; *умная остановка* 'интерактивный остановочный пункт, оборудованный дополнительными функциями для комфорта пассажиров'; *умный дом* 'система, обеспечивающая удобство, безопасность и ресурсосбережение для находящихся в таком здании людей'; *умный пылесос* 'пылесос, оснащенный сенсорами для обнаружения препятствий и системами навигации для эффективной уборки помещения'.

Ситуация, вызванная «Covid-19», стимулировала возникновение новых устойчивых словосочетаний, включающих в свой состав компонент *диванный* с фразеологически связанным значением 'некомпетентный, непрофессиональный': *диванный эксперт* 'человек, не обладающий профессиональными знаниями и навыками в той области, по поводу которой он высказывает мнение'; *диванный доктор* 'о том, кто дает непрофессиональные, неквалифицированные советы о методах лечения коронавирусной инфекции' [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021: 49].

В ряде неофразем адъективный компонент, напротив, сохраняет исходное значение, в то время как входящий в их состав субстантивный компонент приобретает переносную негативно маркированную семантику: *информационный вампиризм* 'использование чужой личной информации'; *информационный пузырь* 'ограничение получаемой информации'; *офисный планктон* 'офисные работники низшего звена'; *цифровая амнезия* 'отсутствие необходимости запоминать большие объёмы информации' и др.

Новые фразеологические единицы могут возникать в результате образного переосмысления не только свободных словосочетаний (*красная линия* 'граница дозволенного'), но и словосочетаний терминологического типа. Показателен в этом отношении процесс фразеологизации составного астрофизического термина *черная дыра* 'сгусток звездного вещества, степень сжатия и степень тяготения которого таковы, что не выпускают в космическое пространство никаких частиц и световых волн' [Большой толковый словарь русского языка 2000: 292]. Закономерным следствием активного функционирования данного астрофизического термина является его детерминологизация и переход в разряд неофразем, обладающих всеми отличительными признаками фразеологических оборотов. Сравн. следующий контекст, в котором неофразема *черная дыра* используется для характеристики убыточных, неэффективно функционирующих сфер народного хозяйства: *Может быть, техника еще как-то радует глаз в каких-нибудь аспектах, которые мне неизвестны. Но в культуре, по-моему, царит абсолютно черная дыра* (Сальников А. Б. Отдел // Волга. 2015).

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1972. 614 с.
Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер [и др.]; ред. коллегия М. Н. Приемышева (отв. ред.) [и др.]. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

Супрун Василий Иванович

д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет;
suprun@vsru.ru

СЛАВЯНСКИЕ КОЛОРОНИМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ К ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ СЛАВЯН

Ключевые слова: колороним, лингвокультура, славистика, цвета радуги.

Цвет пронизывает все сферы жизни человечества и каждого из его индивидов. «Трудно назвать такую область культуры, где цвет не играл бы более или менее существенной роли» [Миронова 1993: 172]. При этом восприятие цвета у разных народов специфично: известно, что белый цвет у китайцев и вьетнамцев — символ траура, печали, а у европейцев эти функции выполняет чёрный цвет. Р. М. Фрумкина отмечает в русской наивной картине мира семь цветов радуги, а также розовый, коричневый и так называемые ахроматический цвета — чёрный, белый, серый [Фрумкина 2001: 64–85]. Психофизиологические исследования привели к выявлению четырёх основных цветов: красный, жёлтый, зелёный и синий [Goldstein 2009].

В русской лингвокультуре была выработана мнемоническая формула «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», первые буквы слов этого предложения соответствуют последовательности цветов радуги: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Считается, что число 7 для описания радуги первым использовал в 1704 году Исаак Ньютон. Эту цифру он выбрал под влиянием древнегреческих философов и с учётом сакральности числа 7: учёный считал, что существует связь между цветами, музыкальными нотами, объектами Солнечной системы и количеством дней недели.

Поскольку в английском языковом сознании нет различий между синим и голубым цветом, они номинируются одной лексемой blue, Ньютон для голубого цвета оставил это цветообозначение, а синий цвет (violet-blue) обозначил заимствованной лексемой indigo, который незадолго до этого (с 1620-х годов) стал использоваться англичанами и как обозначение цвета, более тёмного, чем blue. Слово это было заимствовано из испанского indico, португальского endego или голландского (из португальского) indigo, восходящих к латинскому indicum. Латинская лексема была культурным заимствованием из греческого языка, в котором использовалось название синего красителя, прибывшего из Индии, ινδικόν, дериват от ινδικός 'индеец', Ινδία 'Индия'.

У англоязычных народов возникла своя мнемоническая формула — псевдоантропоним Roy G. Biv: red, orange, yellow, green, blue, indigo, violet. Французы также использовали название indigo для синего цвета, выстроив свою мнемоническую формулу в обратном порядке: VIBVJOR — violet, indigo, bleu, vert, jaune, orange, rouge. Немцы, для которых слово Indigo было непривычным, экзотизмом, включили в цвета радуги слова со значениями 'светло-синий' и 'тёмно-синий': Hellblau, Dunkelblau. В последнее время и в немецкую лингвокультуру вошла английская формула со словом Indigo, возникла аббревиатура ROGBIV: rot, orange, gelb, grün, blau, indigo, violett, для расшифровки была придумана мнемоническая формула с использованием ещё одного (подразумеваемого, не включаемого в расшифровку колоронимов) заимствования из английского: Römer Ohne Große Größe (chatten) Bis Vier 'Римляне без больших размеров (чатятся) до четырёх'.

Чехи обычно выделяют 6 цветов радуги (červená, oranžová, žlutá, zelená, modrá, fialová), для запоминания последовательности которых придумали несколько мнемонических подсказок: Češi obvykle žijí z mála financí 'Чехи обычно обходятся малыми финансами'; Číňan obličejem žlutého zamával modrým fáborem 'Китаец с жёлтым лицом замахал синей лентой'; Čermák oznámil, že zítra máme fyziku 'Чермак сообщил, что завтра у нас физика'. Под влиянием немцев они добавили в свой состав цветов колоронимы světle modrá, tmavě modrá, а затем заимствовали у англичан слово indigo как синоним к колорониму tmavě modrá 'тёмно-синий', после чего придумали новое предложения для мнемотехники: Červená opice žrala zelený meloun indickému fakírovi

‘Красная обезьяна жрала зелёный арбуз у индийского факира’. Подобные мнемотехнические предложения имеются и у других народов.

В современных лингвистических работах термин *колороним* получил достаточно широкое распространение, хотя пока ещё не попал в словари лингвистических терминов. Под ним понимается языковая единица, номинирующая цвет. Она может быть выражена словом (*чёрный, белый, зелёный; красно-коричневый, жёлтогорячий; бледно-розовый, тёмно-жёлтый; черно, бело; чернота, белизна*), словосочетанием (*цвета морской волны, черным черно*), корневой морфемой (*белокаменный, зелёноглазый*) и сложными текстовыми конструкциями. Слово создано по образцу лингвистических терминов *синоним, антоним, омоним*, в первой части содержит латинское *color* ‘цвет’, что связано с широкой представленностью латинского слова в европейских языках: англ. *color*, фр. *couleur, coloris*, исп. *color*, ит. *colore*, польск. *color*, идиш [קִיליר] *kolir*, укр. *колір*, блр. *колер*. В русском профессиональном языке также используется слово *колер* ‘цвет, окраска; оттенок и густота краски’. В англоязычной лингвистике употребляется термин *color terms*.

Славянские названия цветов радуги разделяются на исконные и заимствованные. К заимствованным относятся *оранжевый, фиолетовый* в русском языке и их соответствия в других славянских языках (в южнославянских языках с иным языком-донором). Исконными являются наименования цветов *жёлтый, зелёный, синий*, представленные у всех славян. Особое место в лингвокультуре славян занимает красный цвет, претерпевший ряд переименований [Супрун 2020]. История цветообозначений позволяет обнаружить культурные традиции и их специфику у разных славянских народов.

Литература

- Миронова Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека // Проблема цвета в психологии / отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж. М.: Наука, 1993. С. 172–188.
- Супрун В. И. Слова с корнем *rūd-/rūd-/roud- в славянской колоронимии // Język I pamięć: Księga jubileuszowa Panu Prof. Wojciechowi Chleddie z okazji 70. urodzin / Pod redakcją Walerija Mokijenki i Jadwigi Tarsy. Opole, 2020. S. 607–617.
- Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.
- Goldstein E. B. Sensation and Perception. 8th ed. Boston: Cengage Learning, 2009. 496 p.

Черноглазов Дмитрий Александрович

д-р филол. наук, профессор Санкт-Петербургский государственный университет;
d_chernoglazov@mail.ru

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ: ЭТИКЕТНЫЕ МОТИВЫ И ФОРМУЛЫ

Ключевые слова: византийская эпистолография, эпистолярный этикет, рекомендательное письмо, античная эпистолография.

Рекомендательное письмо (ἡ συστατικὴ ἐπιστολή, litterae commendaticiae) еще в античности — как в греческой, так и в латинской эпистолографии — было известно как отдельная жанровая форма письма, для которой был разработан определенный набор композиционных приемов, стандартных формул и клише. Этот жанр был широко распространен — сохранилось множество его образцов как среди сугубо деловой переписки, дошедшей до нас на папирусах, так и среди «литературных» посланий, напр., в эпистолярном собрании Цицерона. В Византии рекомендательное письмо было тоже весьма востребовано — послания, в которых автор представляет адресату своего протеже и, как правило, просит что-то для него исполнить, нетрудно найти в эпистолярных собраниях очень многих авторов от IV до XV в. Между тем, тогда как античное рекомендательное письмо неплохо изучено, этикет этого жанра в византийской традиции пока почти не исследовался.

Задача настоящего доклада — охарактеризовать этикетные нормы греческого рекомендательного письма в ранневизантийскую эпоху (IV — начало VII вв.), выявить присущие ему мотивы и устойчивые формулы, в которые эти мотивы могли облекаться, определить меру преемственности между античной и византийской традицией. Предметом исследования становятся как сугубо частные письма, сохранившиеся на папирусах, так и literarische Privatbriefe (по терминологии Г. Хунгера), принадлежащие таким авторам как Либаний, Василий Великий, Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст, Синесий Киренский, Феодорит Кирский, Прокопий Газский и др. Практика сопоставляется с эпистолярной теорией: рассматриваются определения и образцы рекомендательного письма, содержащиеся в трактатах Псевдо-Деметрия (I в.) и Псевдо-Либания (IV/V в.).

Исследование приводит к заключению о широкой вариативности канонов рекомендательного письма, об отсутствии какой-либо жесткой схемы, предполагающей четкую последовательность структурных элементов. Вместе с тем, представляется возможным выявить ряд повторяющихся этикетных мотивов, почти все из которых подчинены одной-единственной цели — убедить адресата проявить благосклонность к рекомендуемому, устроить его на службу или как-либо поддержать:

1. *Рекомендуемый — близкий человек (родственник / друг / ученик / соотечественник и т. п.) автора.* Это основополагающий мотив, присутствующий даже в самых кратких письмах. Нередко указание на то, что рекомендуемый — близкий человек автора, соединяется с другими распространенными темами дружеского письма — «у друзей все общее» и «друг — второе я»: если у друзей все общее, то адресат должен считать друзей автора своими собственными; поскольку друг — alter ego, адресат должен отнестись к другу автора, как к самому автору. Такой аргумент, востребованный и в античной, и в византийской традиции, было особенно трудно отвергнуть.

2. *Рекомендуемый — достойный человек.* Как правило, данный мотив служил дополнением к предыдущему и иногда разрастался до пространного энкомия рекомендуемому. Разумеется, положительная характеристика в адрес близкого родственника или друга могла быть поставлена под сомнение, и авторы различными способами подчеркивали, что податель письма и вправду достоин внимания. Напр., Синесий Киренский особо отмечает, что он рекомендует своего протеже не потому, что он ему родственник (хоть это и так), а потому что он «достойн» адресата «по своему нраву».

3. *Рекомендуемый претерпел несправедливость.* Наряду с тем, что податель письма близок автору и отличается достойным нравом, отмечалось, что он стал жертвой несправедливости или в чем-то виноват, но заслуживает снисхождения — аргумент, призванный убедить адресата использовать свое влияние, чтобы помочь рекомендуемому. Однако решающей оказывалась все же апелляция к дружбе: «если имярек не совершил проступок, отпусти его ради справедливости, а если совершил — отпусти ради нас», — пишет, перефразируя Плутарха, Григорий Назианзин.

4. *Адресат настолько справедлив / милостив / ценит добродетель, что обязательно поможет рекомендуемому.* Эпистолографы нередко прибегают к подобным «обязывающим комплиментам» — отклонив просьбу автора, адресат *eo ipso* опровергнет ту похвальную характеристику, которой тот его удостоил. Мотив представлен в различных вариантах: человеколюбие адресата внушает автору смелость и уверенность, что и его ходатайство будет удовлетворено; автор убежден, что адресат будет сам благодарен ему за повод совершить доброе дело; автор сомневается, что вообще необходимо писать рекомендательное письмо, так как адресат творит благодеяния без какого-либо побуждения.

5. *Если адресат отвергнет ходатайство, репутация автора пострадает.* Если рекомендательное письмо, адресованное влиятельной особе, достигало успеха, это укрепляло авторитет автора в кругу его друзей, учеников или соотечественников. Адресат мог бы проявить благосклонность к подателю письма хотя бы для того, чтобы автор «гордился» таким «покровителем», чтобы на него «смотрели благосклонно», или чтобы дружба автора с адресатом «не показалась вымыслом» — такие просьбы можно встретить в письмах нескольких ранневизантийских эпистолографов.

Эти и другие мотивы подробно анализируются, для некоторых указываются устойчивые формулы. Выявляются специфические черты этикетных мотивов в творчестве отдельных авторов. Предпринимается попытка определить, в какой мере каноны греческого рекомендательного письма IV–VII вв. восходят к античной традиции. Для сравнения привлекаются рекомендательные письма Цицерона и Плиния Младшего, послания апостола Павла, а также частные письма, сохранившиеся на позднеантичных папирусах. Кратко затрагивается тема о дальнейшей эволюции этикетных норм в византийской традиции.

Чернявская Валерия Евгеньевна

д-р филол. наук, проф., Высшая школа лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого

«ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ КАК ПЕТЕРБУРЖЦЫ»: ЯЗЫК И СОЦИАЛЬНАЯ ИНДЕКСАЛЬНОСТЬ

Ключевые слова: социальное значение, социальный индекс, социолингвистика, семантика и прагматика, метапрагматика.

Анализируется понятие «социальное значение», которое дискутировалось в лексической семантике с 1980-х гг. и стало центральным в современных концепциях в прагматике, социолингвистике и лингвистической антропологии для описания прагматических приращений в значении языковой единицы, которые она получает в контексте использования. Новые объяснительные подходы сложились в теориях метапрагматики и показывают социальное значение как социальный индекс, возникающий в контексте использования языкового знака. Социальный индекс отсылает к типизированным социальным ситуациям и типизированным социальным ролям участников коммуникативного акта. Социальное значение актуализируется тогда, когда оно может быть осмыслено в социальном взаимодействии как использованное для выражения определенных смыслов. Представляется современный понятийный аппарат и инструментарий, позволяющий лингвисту описывать социальный контекст в интерпретации смыслопорождения. Эмпирический материал в рамках предлагаемого анализа отражает современную социокультурную и речевую практику, на примере лингвистической вариативности в русском языке показывается, как языковой знак получает устойчивый индексальный характер и используется для выражения социальной атрибуции. *«Давайте говорить как петербуржцы!»* — под таким названием проходила социальная кампания, инициированная Л. А. Вербицкой. Обращенность к петербургской культуре фокусирует здесь ту типизированность действий с языком, по которой можно опознавать определенную социальную группу.

Власов Сергей Васильевич¹, Московкин Леонид Викторович²

1 канд. филол. наук, доцент кафедры французского языка,

Санкт-Петербургский государственный университет; *s.vlasov@spbu.ru*

2 д-р пед. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания,

Санкт-Петербургский государственный университет; *l.moskovkin@spbu.ru*

ИССЛЕДОВАНИЯ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО XVIII В. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ (ЛЕНИНГРАДСКОМ) ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Ключевые слова: Санкт-Петербургский государственный университет, XVIII в., русский язык как иностранный, учебники.

В Санкт-Петербургском (Ленинградском) государственном университете первые учебники русского языка как иностранного привлекают внимание ученых уже на протяжении 100 лет. Известна статья С. П. Обнорского о «Русской грамматике» Г. В. Лудольфа (1696), опубликованная в 1930-х гг. [Обнорский 1960]. Эта же грамматика стала и объектом исследования Б. А. Ларина. В дальнейшем Б. А. Ларин проанализировал составленный французскими купцами в 1586 г. «Словарь московитов» и русско-английский словарь-дневник английского путешественника Ричарда Джемса (1618–1619). Все три источника были переизданы в начале XXI в. в одной книге [Ларин 2002]. Также нельзя не упомянуть книгу О. С. Мжельской, посвященную изучению лексики обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. на основе анализа учебных руководств по русскому языку для иностранцев [Мжельская 2003].

Все указанные учебники и учебные руководства рассматривались как источники данных для изучения истории русского языка. Однако возможны и другие ракурсы их рассмотрения, например, их анализ с педагогической и культурологической точек зрения или с точки зрения истории грамматических учений. Именно такие ракурсы исследования учебников русского языка как иностранного XVIII в. отражены в более, чем 30 совместных работах авторов настоящего доклада, изданных с 2007 г. по настоящее время и посвященных анализу учебников Э. Копиевича, В. Е. Адодурова, М. В. Ломоносова, Ж.-Б. Ж. Шарпантье, Я. М. Родде, И. А. Гейма, Ф. В. Каржавина, а также анонимных «Грамматики французской и русской» (1730) и «Новой российской грамматики» (1788). Значительная часть этих книг была составлена сотрудниками Санкт-Петербургского академического университета и академической гимназии и опубликована в типографии Императорской Академии наук. Кратко охарактеризуем эти учебники.

Первым в России печатным учебником русского языка как иностранного была «Грамматика французская и русская», которую библиографы и историки русского языкознания долгое время считали учебником французского языка, а, обнаружив, что это первый печатный учебник русского языка как иностранного, безосновательно приписали его авторство переводчику академической канцелярии И. С. Горлицкому. Этот учебник, содержащий множество загадок, потребовал многолетнего исследования, результаты которого отражены в 16 научных статьях и в монографии авторов настоящего доклада [Власов, Московкин 2023]. В ходе исследования были описаны особенности русского и французского языков этой грамматики, проведен ее педагогический и культурологический анализ, установлены ее прототип и источники, осуществлена атрибуция учебника. Было установлено, что составителем «Грамматики французской и русской» был Иоганн Каспар Тауберт, жизнь которого была связана с Академией наук и ака-

---

Модератор: д-р филол. наук, проф. *Карнов Александр Анатольевич*, Санкт-Петербургский государственный университет.

демическим университетом: в разные годы он был учеником академической гимназии, студентом академического университета, адъюнктом по кафедре истории, унтер-библиотекарем, советником канцелярии Академии наук.

Интересным объектом анализа является очерк русской грамматики на немецком языке «Первые начала российского языка», изданный в 1731 г. в качестве приложения к немецко-латинско-русскому словарю, так называемому Вейсманнову лексикону. Его автором был Василий Евдокимович Адодуров, жизнь которого также была связана с Санкт-Петербургским академическим университетом. В разные годы он был учеником гимназии, студентом университета, адъюнктом по кафедре математике. Написанный им очерк грамматики, несмотря на его небольшой объем, оказал влияние на издававшиеся в XVIII в. учебники русского языка для шведов и немцев, и таким образом, заложил основы адодуровской традиции составления учебников русского языка.

Наиболее крупным достижением русистики XVIII в. была «Российская грамматика» (1755) Михаила Васильевича Ломоносова, который в разные годы был студентом академического университета, адъюнктом по кафедре физики, профессором по кафедре химии и советником академической канцелярии. Грамматика Ломоносова не была предназначена для обучения иностранцев, хотя и был выполнен ее немецкий перевод. Однако она положила начало ломоносовскому направлению в создании русских грамматик, в рамках которого составлялись учебники как для носителей русского языка, так и для иностранцев.

Одним из таких учебников была несколько раз издававшаяся книга «Elémens de la langue russe ou Méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage» (1768). Ее составителем был учитель французского языка академической гимназии Жан-Батист Жюд Шарпантье, опиравшийся при разработке грамматического раздела своего учебника не только на «Российскую грамматику» Ломоносова, но и на рукописную русскую грамматику своего коллеги Ф. де Мариньяна. Возможно, именно поэтому описания грамматических категорий в грамматиках Шарпантье и Ломоносова во многих случаях различаются, и это дает основания считать, что могла существовать и третья, французская традиция в написании русских грамматик XVIII в. О том, что такая традиция могла иметь место, говорит тот факт, что ряд идей Шарпантье был отражен в первой академической грамматике русского языка (1802).

Мысль о существовании трех разных традиций описания грамматических явлений русского языка в XVIII в., возникла у авторов доклада при изучении раздела «Местоимение», количества и наименования разрядов, состава каждого разряда. Вместе с тем, она не всегда подтверждается в ходе анализа других разделов грамматик. Очевидно, что их авторы, будучи опытными преподавателями русского языка как иностранного, использовали при написании своих трудов разные источники, а иногда и давали грамматическим явлениям русского языка собственные интерпретации.

Анализ учебников русского языка как иностранного XVIII в. показал, что Санкт-Петербургский академический университет был не только наиболее крупным центром преподавания русского языка, но и центром его научного изучения, в котором формировались основные традиции его описания.

Литература

- Власов С. В., Московкин Л. В. Первый в России печатный учебник русского языка как иностранного: исследование и текст. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. 196 с. (История Санкт-Петербургского университета)
- Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 684 с.
- Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 218 с.
- Обнорский С. П. Русская грамматика Лудольфа 1696 года // Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1960. С. 144–162.

Воейкова Мария Дмитриевна

д-р филол. наук, зав. Отделом теории грамматики,
Институт лингвистических исследований РАН;
maria.voeikova@gmail.com

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ БОНДАРКО В УНИВЕРСИТЕТЕ И В АКАДЕМИИ НАУК

Ключевые слова: вид и время глагола, функционально-семантическое поле, категориальная ситуация, морфология, русский глагол.

Научная биография Александра Владимировича Бондарко неразрывно связана с тремя ведущими гуманитарными центрами Санкт-Петербурга — СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена и ИЛИ РАН. Его научное наследие органично вписано в историю всех трех учреждений, однако их роль в его судьбе была различна. Филологический факультет СПбГУ (тогда ЛГУ им. А. А. Жданова) стал его *alma mater*, здесь сформировались его научные интересы и принципы. Поступая на недавно организованную кафедру славистики в 1948 году после блестящего окончания школы, он еще не был уверен в избранной специальности. Однако именно на филфаке он получил фундаментальное образование, овладел несколькими славянскими языками, в первую очередь, чешским, слушал лекции и на кафедре славистики, и на кафедре общего языкознания, обучаясь фактически по индивидуальной усиленной программе. В то время не требовалось никаких административных разрешений для того, чтобы прослушать лишний курс или заниматься дополнительным языком. Поэтому помимо славянских языков Александр Владимирович занимался древнегреческим и французским. Немецкий он учил в детстве в «прогулочной» группе, которые организовывали для дошкольников образованные родители в Ленинграде (о биографии А. В. Бондарко см. [Воейкова, Рождественская 2017]). Славянские языки дали возможность читать в оригинале труды участников Пражского лингвистического кружка, которые оказали влияние на его теорию стратификации семантики. Главной удачей он считал знакомство со своим будущим научным руководителем профессором Юрием Сергеевичем Масловым, который определил одну из основных тем его творчества — описание видо-временной системы русского глагола.

Несмотря на успешную учебу в аспирантуре (1954–1957) и блестящую защиту диссертации «Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках» (1958) остаться в ЛГУ не было возможности. Талантливого молодого кандидата наук пригласила на работу в ЛГПИ (ныне РГПУ) им. А. И. Герцена проф. С. Г. Ильенко. Герценовский институт на много лет стал его основным местом работы и полигоном для проверки идей, которые постепенно складывались в концепцию функциональной грамматики. В соавторстве со Л. Л. Буланиным (которому принадлежит глава «Категория залога») была написана книга «Русский глагол» (1967), ставшая классическим описанием глагольной системы, а уже через год после этого А. В. Бондарко защитил докторскую диссертацию «Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий)» (1968). Дальнейшая разработка этой темы нашла отражение в главах «Русской грамматики» о виде и времени русского глагола и взаимосвязях глагольных категорий. За эту работу он получил Государственную премию СССР вместе с другими авторами последней академической грамматики (1982).

При этом Александр Владимирович имел полную педагогическую нагрузку, читал курсы по современному русскому и чешскому языкам, общему языкознанию и по истории языка, руководил аспирантами и вел аспирантский семинар по истории русских лингвистических учений. Три года он был деканом филологического факультета, ездил со студентами на целину и на картошку, но одновременно вел научный семинар по функциональному анализу, в результате заседаний которого регулярно выходили коллективные сборники. Создавалась группа грамматистов-единомышленников и аспирантов, которые впоследствии составили Санкт-

Петербургскую Школу функциональной грамматики. Книга «Функциональная грамматика» (1984), которая появилась в результате этих исследований, стала программой научного направления, которое продолжается до сих пор [Научные школы ИЛИ РАН 2024].

К этому времени относится и переход А. В. Бондарко на постоянную работу в ЛОИЯ АН СССР (ныне ИЛИ РАН). Он возглавил Отдел теории грамматики и типологических исследований и начал дальнейшую разработку грамматики функционально-семантических полей (ФСП) и категориальных ситуаций (КС). Существенным признаком этой концепции стало описание «от семантики к средствам ее выражения», противопоставленное исходно формальной уровневой грамматике. Целесообразность такого подхода была продиктована тем, что именно от семантики отталкивается говорящий, выбирая подходящее оформление своей мысли. Поэтому функциональная грамматика разрабатывалась как грамматика активного типа, отражающая речевую деятельность говорящего. Понятие ФСП предполагает описание всей системы средств выражения семантической категории в конкретном языке с опорой на морфологические категории, лексические показатели, синтаксические конструкции и словообразовательные модели. Регулярное и обязательное морфологическое выражение определенных значений в языке рассматривается как центральный элемент каждого ФСП и служит критерием для его выделения в грамматической системе. Описание КС предполагает эмпирически выделенный при анализе конкретных текстов набор типовых содержательных структур, наиболее часто представленных в речи, т. е. охватывает речевые реализации элементов ФСП конкретных языков.

Концепция ФСП и КС оказалась легко совместима со многими теоретическими направлениями, сконцентрированными на анализе грамматической семантики. Основные труды научной школы опубликованы в шеститомной серии «Теория функциональной грамматики» (1987–1996), а также в продолжающейся до сих пор серии «Проблемы функциональной грамматики» (с 2000 по 2020 г. вышло 8 томов). Александр Владимирович был ответственным редактором всех томов, опубликованных до 2016 г., автором 14 монографий и более 350 статей. В последние десятилетия своей жизни он вернулся в СПбГУ, преподавал на кафедре общего языкознания, участвовал в работе Петербургского лингвистического общества, читал научные доклады и участвовал в работе диссертационного и Ученого совета филологического факультета. В 1997 году он был избран членом-корреспондентом РАН. Творческая биография Александра Владимировича — пример счастливого соединения академической науки и преподавания, исследования и передачи знаний, сохранения и развития традиции.

Литература

- Воейкова М. Д., Рождественская Т. В.* Предисловие // Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянских культур, 2017. <https://iling.spb.ru/persons/bondarko-aleksandr-vladimirovich> 26.03.2024
- Воейкова М. Д., Казаковская В. В.* Санкт-Петербургская Школа функциональной грамматики // Научные школы Института лингвистических исследований РАН. Коллективная монография, посвященная 300-летию Российской академии наук / отв. ред. акад. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2024.

Клейнер Юрий Александрович¹, Светозарова Наталия Дмитриевна²

¹д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания имени Л. А. Вербицкой, Санкт-Петербургский государственный университет; yurikleiner@hotmail.com

²д-р филол. наук, профессор кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет; ndsvetozar@gmail.com

ОБЩЕСТВО И ЕГО ЖУРНАЛ

Ключевые слова: Петербургское лингвистическое общество; семинары; журнал; авторы; темы; структура.

Конец бурных и трудных 1990-х гг. был ознаменован важным для петербургских филологов и их друзей за пределами города и страны событием — созданием в 1997 г. Петербургского лингвистического общества (ПЛО). Его цель состояла в образовании новой платформы для общения и обмена идеями, достижениями и сомнениями. Автором идеи был Вадим Борисович Касевич, его поддержали коллеги из Университета и его руководство в лице ректора университета Людмилы Алексеевны Вербицкой. Активное участие в организации Общества приняли и лингвисты других научных и учебных организаций Петербурга: Института лингвистических исследований РАН, РГПУ им. А. И. Герцена, Европейского университета. Общество мыслилось как объединение существовавших уже и функционировавших независимо друг от друга в главных центрах филологической науки города семинаров.

С самого начала своего существования ПЛО видело одну из своих важнейших задач в издательской деятельности. Общество должно было иметь свой печатный орган. Он был задуман как «толстый журнал», ежегодник большого объема, охватывающий широкий спектр лингвистических проблем, что нашло отражение в его названии: «Язык и речевая деятельность», с изящным сокращением ЯРД и отсылкой к известному тому трудов Л. В. Щербы. Была сформирована редколлегия журнала. Главным редактором стал В. Б. Касевич, его заместителем — Ю. А. Клейнер, ответственным секретарем — Н. Д. Светозарова. Члены редколлегии должны были курировать близкие им разделы общего языкознания и конкретные языки, поставляя журналу научные статьи, рецензии, обзоры и обеспечивая рецензирование поступающих извне статей. В тесном контакте с редколлекцией журнала работали руководители семинаров.

Конечно, состав редколлегии, а также постоянных авторов издания, со временем претерпевал неизбежные изменения: имена замечательных лингвистов перемещались с первой страницы журнала в его последний раздел. Но все основные принципы сохранялись.

Уже на следующий год после основания Общества вышел в свет первый том журнала. В нем была создана четкая структура разделов. Открывается он кратким обращением «От редактора» (в первом томе — от редколлегии). Его всегда с нетерпением ждали составители тома, и оно неизменно содержало интереснейшие, иногда парадоксальные мысли. Основной корпус составляют статьи, образующие три раздела: «Вопросы общей теории и синхронного описания языков», «Диахроническая лингвистика», «Направления и школы в лингвистике. Из истории языкознания». Далее следуют «Обзоры и рецензии». Важное место в журнале занимает «Хроника научной жизни» — содержащая обзоры прошедших за год конференций, конгрессов, семинаров и чтений, как в Петербурге, так и за его пределами. За хроникой идет, пожалуй, самый оригинальный и принципиальный для деятельности ПЛО раздел — «В семинарах Петербургского лингвистического общества». Завершается том печальным, но, увы, неизбежным разделом «Памяти коллег». С небольшими изменениями этот план выдерживается в каждом из томов.

Несмотря на то, что задумывался наш ЯРД во многом ради возможности быстрой и профессиональной публикации работ преимущественно членов ПЛО, большинство из которых петербуржцы, с первого же номера состав его был «междугородным» и даже интернациональным. Например, в первых четырех томах были опубликованы статьи из Москвы (А. В. Циммерлинг, Р. М. Фрумкина), Минска (Б. Ю. Норман), а также зарубежных стран: Австрии (W. Abraham), Великобритании (P. Mackridge), Исландии (Kristján Árnason), Нидерландов (Т. де Грааф), США

(K. G. Goblirsch, А. С. Либерман, К. Гор), Франции (B. Bichakjian, R. Gsell). Статьи на русском языке снабжаются резюме на английском, статьи на иностранных языках — кратким русским резюме.

Принципиальная демократичность издания состоит в том, что журнал принимает статьи по своей тематике без каких-либо ограничений по содержанию, объёму, возрасту и положению авторов, единственное условие — высокий научный уровень. Рабочими языками ЯРДа являются русский и английский (возможны также французский и немецкий), по принципу «автор пишет на родном языке», хотя возможны исключения, например, соответствие языка теме статьи. Присланные статьи проходят обязательное рецензирование, а затем работу с научным редактором при самом тесном контакте с автором.

Всего за период с 1998 по 2014 год вышло 14 томов ЯРДа. Не считая дополнительных томов, содержащих материалы конференций, было опубликовано более 250 статей и сообщений 172 авторов.

Внимательный читатель не может не заметить, что в своем рассказе авторы чередуют настоящее и прошедшее время. Конечно, правильнее было бы всюду использовать прошедшее время. То, что мы описываем уже история. В 2015 г. деятельность Общества и его печатного органа была прекращена.

Кочеткова Ульяна Евгеньевна¹, Скрелин Павел Анатольевич²

¹ канд. филол. наук, доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет; u.kochetkova@spbu.ru

² д-р филол. наук, профессор кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет; p.skrelin@spbu.ru

ВКЛАД Л. В. ЩЕРБЫ В РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ

Ключевые слова: экспериментальная фонетика; камертоны; инструментальный анализ; система гласных.

Настоящее исследование посвящено стажировке Льва Владимировича Щербы в Париже и ее роли в последующем развитии экспериментальной фонетики в России, в частности, в Санкт-Петербургском, а затем Ленинградском государственном университете.

В 1907 году Лев Владимирович Щерба, тогда еще молодой ученый, приезжает в Париж в качестве стажера Практической школы высших исследований на отделение исторических и филологических наук. Надо отметить, что Практическая школа высших исследований (École pratique des hautes études) размещалась по большей части в учебных помещениях Сорбонны. Поэтому, как правило, говорят о стажировке Л. В. Щербы в Сорбонне.

Известно, что в Париже Лев Владимирович посещает лекции Поля Пасси, Антуана Мейе и других выдающихся ученых того времени, которые неоднократно подчеркивали великолепную лингвистическую подготовку Льва Владимировича и зрелость его научных взглядов. Так Мейе в своем отчете о проведенном лекционном курсе характеризует Льва Владимировича как сформировавшегося лингвиста, способного на очень точные и умные замечания и наблюдения. По мнению Мейе, своими вопросами Лев Щерба умел пробудить во всех живой интерес к обсуждаемому предмету.

Лев Владимирович Щерба не ограничивается посещением лекций в Сорбонне и начинает изучение новейших методов экспериментальных исследований под руководством аббата Ж. П. Руссло, которого по праву называют «отцом экспериментальной фонетики». На дошедших до нас фотографиях Руссло работает с различными инструментами, предназначенными для анализа речи. Можно предположить, что действие происходит в Лаборатории экспериментальной фонетики, которая была создана в Коллеж де Франс по инициативе Мишеля Бреалья специально для Ж. П. Руссло. М. Бреаль был одним из первых и немногих, кто смог оценить значение работ Руссло в столь передовой области науки. Лаборатория официально была прикреплена к кафедре сравнительной грамматики и располагалась в весьма неудобных помещениях, в которых не всегда удавалось разместить редкую дорогостоящую аппаратуру. Лев Владимирович должен был не раз бывать в этой лаборатории. Кроме того, он мог бывать и на лекциях Руссло в Парижском Католическом институте, где Руссло с 1889 читал курс экспериментальной фонетики.

В своей монографии «Русские гласные в количественном и качественном отношении» Лев Владимирович Щерба пишет о том, что, с разрешения Руссло, он мог изучать характеристики русских гласных с помощью «роскошной коллекции» камертонов Кёнига, которая находилась в частной квартире самого Руссло. Речь идет о так называемом «большом тонометре», созданном известным акустиком Рудольфом Кёнигом, учеником и коллегой Германа фон Гельмгольца и учителем, а позднее, коллегой самого аббата Руссло. Эта коллекция состояла из камертонов и резонаторов и охватывала диапазон от 16 Гц до 90 КГц. Ж. П. Руссло не был обладателем этого сокровища. Ему было разрешено пользоваться данной коллекцией лишь временно — для проведения различных экспериментов. С помощью камертонов он устанавливал акустические характеристики гласных, их характерные тоны.

При изучении списка иностранных стажеров Практической школы высших исследований, в котором встретилось и имя супруги Л. В. Щербы — Татьяны Генриховны, обнаружилась интересная деталь. В этом списке указан их адрес: улица Fossé-Saint-Jacques, дом 19. Эта улица находится в латинском квартале, недалеко от Люксембургского сада, в 15 минутах ходьбы от Сорбонны. В другом документе, найденном в архиве Парижского лингвистического общества, есть сведения о вступлении Льва Владимировича в ряды этого общества 30 мая 1908 года; теперь указывается дом 21 на той же самой улице. При этом другие источники свидетельствуют о том, что в соседнем доме жил сам аббат Руссло.

Общение с Руссло и работа с коллекцией камертонов привели Л. В. Щербу к мысли о воссоздании подобной коллекции. Возвратившись в Россию после длительной стажировки, во время которой он посетил не только Францию, но и другие европейские страны, Лев Владимирович заказывает коллекцию камертонов Эрнесту Циммерману. Один из наборов, входящий в данную коллекцию — набор из 13 камертонов для французских гласных, к которым прилагается деревянный молоточек. На подставке выгравированы буквы латинского алфавита с диакритическими значками. При попытке соотнести данные обозначения с известными нам французскими гласными, оставалось неясным появление трех O, трех A, двух U и других парных обозначений. Возникло предположение, что в набор включены носовые гласные. Однако в дальнейшем это предположение не подтвердилось. Также мы можем видеть обозначения — цифровые и буквенные — на самих камертонах. Основной вопрос заключался в том, каким же французским гласным соответствуют камертоны. Почему их 13? Произношение какой части Франции они призваны воспроизвести? Каким образом они связаны с учебой Щербы в Париже? Для ответа на эти вопросы пришлось обратиться к трудам Ж. П. Руссло. В результате удалось установить тот факт, что камертоны иллюстрируют произношение французских носовых гласных самим Руссло. Лев Владимирович заказал этот набор Циммерману для воспроизведения звучания характерных тонов французских гласных, описанных аббатом Руссло. Этот факт дает редчайшую возможность для эмпирических исследований в области диахронии. Кроме того, данный набор положил начало исследованию не только французских, но и русских гласных. И по сей день он является живым свидетельством внедрения инструментальных методов, используемых основателями экспериментальной фонетики, в России — в Ленинградском, ныне Санкт-Петербургском государственном университете.

Хомякова Елизавета Георгиевна

*д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.khomyakova@spbu.ru*

ИСТОРИЯ ШКОЛЫ АНГЛИСТИКИ В СПбГУ

Ключевые слова: англистика, парадигма, прагматика, когнитивная семантика, структурная лингвистика, семантика.

В феврале 2024 года исполнилось 300 лет со дня основания СПбГУ. В своем докладе я хочу обратиться к более чем столетней исторической ретроспективе развития лингвистической школы в Университете, показать общие тенденции проводимых в области англистики исследований, их значимость для отечественной и мировой науки.

Свой научный суверенитет кафедра английской филологии обретает под руководством профессора В. Н. Ярцевой, которая сконцентрировала внимание на проблемах эволюции грамматической системы языка, исторической диалектологии, участвуя в формировании основ теории синтаксиса английского языка.

В этот период времени неопределимую роль сыграли труды профессора кафедры И. П. Ивановой, а ее учебник по истории английского языка вобрал в себя самые передовые на тот момент научные исследования всех уровней языка, раскрывая истоки динамики эволюции фонологических и морфологических структур языка. Исследуя современные английские диалекты в синхронии и диахронии, И. П. Иванова заложила основы изучения региональной вариативности английского языка.

К числу выдающихся германистов, диалектологов, историков следует отнести О. И. Бродович, профессора кафедры, ректора Института иностранных языков. Будучи признанным специалистом в области истории английского языка и профессионалом-диалектологом, в 1988 г. она издает книгу, посвященную Диалектной вариативности английского языка, а позднее выпускает учебник по истории английского языка, в котором наряду с историческими проблемами языкознания особое внимание обращает на особенности эволюционирования языка.

Исследования ученых кафедры в области теоретической грамматики заняли лидирующее положение в период доминирования структурно-синтаксической парадигмы. Своими новаторскими работами Л. Л. Иофик внесла большой вклад в развитие общей теории синтаксиса. Классическими для своего времени был ее учебник по теории английского языка, а также хрестоматия по теоретической грамматике. Учебное пособие и лекции Л. Л. Иофик, посвященные развитию трансформационной грамматики, знакомили читателей с мало тогда известными идеями американского лингвиста Ноама Хомского.

Труды выдающегося грамматиста, последовательного структуралиста, профессора В. В. Бураковой оказали значительное влияние на развитие филологической школы СПбГУ. Ее работы по теоретической грамматике, теории словосочетания, лекции, посвященные категории дейксиса знакомили с новыми для слушателей положениями прагмалингвистики.

Научную гордость кафедры, наряду с грамматистами, составляли лексикологи. Выдающийся советский лингвист, специалист по фразеологии и лексикологии английского языка, профессор Н. Н. Амосова была автором целого ряда теоретических трудов и лекционных курсов, посвященных исследованию Английской фразеологии, Английской контекстологии, Лексикологии английского языка, Английской лексикографии и Этимологических основ словарного состава английского языка, работы представляющей собой сочетание глубокой теории и проверенного справочного материала. Среди учеников Н. Н. Амосовой были основатель фоносемантики, профессор С. В. Воронин, а также автор трудов по английской лексикографии профессор Л. П. Ступин.

Особое место в исследовательской деятельности кафедры занимают работы Т. М. Беляевой. Ученый широких научных интересов, Т. М. Беляева известна прежде всего своими фундаментальными трудами по словообразованию. Её докторская диссертация предлагала широкую

интерпретацию многообразия словообразовательных интеграций и их семантических реализаций. Прекрасный знаток истории английского языка, Т. М. Беляева принимала участие в создании ставшей уже классической Истории английского языка.

Имя профессора С. В. Воронина связано в первую очередь с разработанной им теорией звукоизобразительности и звукосимволизма английского языка. В своей монографии он изложил основы новой интегративной научной дисциплины — фоносемантики, основанной на принципах произвольности, мотивированности и генезиса языкового знака и языка в целом.

Прагмакоммуникативный подход требовал от ученых новых методов исследования диалогического текста. Существенный вклад в развитие коммуникативного синтаксиса в отечественной лингвистике, внесла Л. П. Чахоян. В своей докторской диссертации, посвященной анализу диалогической речи, она изучала логико-семантические, коммуникативно-психологические и экспрессивно-стилистические параметры функционирования реплик в пьесах англоязычных авторов.

Не менее важным для развития прагмалингвистики, стал лингвофилософский подход. Среди ученых, проводящих исследования в области философии языка, имя профессора А. И. Варшавской занимает особое место. В своих работах иерархическую структуру естественного языка А. И. Варшавская трактовала как отражение структуры познавательной, речетворческой деятельности говорящего. Лексическое и грамматическое значение, «узальные» смыслы, дискурс рассматривались ею как упорядоченный опыт человека, что отвечало лингвофилософским убеждениям ученых-гуманитариев.

Профессор Б. Е. Зернов, вдумчивый ученый и блестящий англист, явное предпочтение в своей научной деятельности отдавал вопросам истории английского языка, теоретической грамматики и философии языка. В своей докторской диссертации он предложил глубокую, аргументированную теорию классификации частей речи в английском языке и спустя годы его открытия не теряют актуальности для современных филологов.

Пришел век XXI, а с ним новые задачи, иные парадигмы и их осмысление, англисты университета исследуют проблемы когнитивной семантики и лингвокультурологии, издают монографии, публикуют высокорейтинговые научные статьи, выступают с докладами и нет сомнения, что их ожидают новые открытия, истоки которых были заложены еще в прошлом веке нашими учителями и коллегами, которых с нами сегодня нет.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Абдураимова Дилафруз Баходировна

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами;
trki.tashkent22@gmail.com

ПОНЯТИЕ «ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ» В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Ключевые слова: локальный текст, *genius loci*, культурная функция.

Понятие «локальный текст» достаточно часто становится предметом внимания современной науки, однако еще не превратилось в словарное — не получило однозначной общепринятой трактовки и характеристики. Большинство ученых рассматривают локальный текст как разновидность сверткста, который по определению Н. Е. Меднис представляет собой «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис 2003]. Исследовательница, рассматривая сверткст в рамках семиотической концепции московско-тартусской школы, выделяет два его типа: 1) «порожденный некими топологическими структурами» — городской, локальный текст; 2) «именной», или «персональный» — например, Пушкинский текст.

Образ любого города, имеющего свою древнюю историю, запечатлевается в искусстве своеобразием и красотой монументальных форм. Благодаря определенным этническим, природным и архитектурным особенностям город всегда имеет свой лик, свою жизненную энергию, зависящую от множества разнообразных составляющих конкретного исторического периода. Соединение всех этих элементов в одно единое целое создает осязаемое пространство реально-зримого образа города по принципу живого организма — со своим характером, мироощущением, религиозной принадлежностью, языком и глубокими традициями. Художественная литература вбирает в себя эти особенности характера и создает некий пласт речи, способный вербально передать точную характеристику топонимического пространства и вызвать у читателя психологическое ощущение верности изображаемого.

Город имеет свой язык. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода разнородный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте.

В мировой литературе существует немало произведений, которые не могут быть до конца верно поняты, если их локальный или геокультурный аспект не будет замечен и «прочитан». То же самое касается их поэтики: мы не поймем ее специфики, если будем изучать ее абстрактно, безотносительно к поэтическим свойствам описанных мест, поэтической структуры их ландшафта и соответствующих локальных мифов.

Как отмечает профессор В. Щукин, специализирующийся на теме геокультурных аспектов русской литературы, «...литературный локальный текст бывает порожден особым стечением исторических обстоятельств. Эти обстоятельства могут быть самого различного характера: от макроисторических (романтическая или модернистская мода на «народное» и «деревенское», позитивистский культ точных и естественных наук и т. п.) до единичных, почти что случайных (типа «там любил гулять Карамзин», «здесь жил Гоголь»)» [Щукин]. По мнению ученого, локальный текст не является вместилищем, вбирающим в себя все художественные произведения (стихотворения, поэмы, прозу, музыку, живописные полотна и проч.), а также устные рассказы, легенды, шутки и анекдоты, темой которых становится данный регион, населенный пункт или

Ответственные редакторы: д-р филол. наук А. А. Карпов, канд. филол. наук И. Э. Васильева.

какой-либо иной локальный объект. «Этот особый вид метатекста в совокупности образуют только те реально написанные произведения, в которых заключена существенная информация о легендарных, мифологических свойствах данного места, о его репутации. Иными словами, локальный текст — это рассказ о «гении» данного места (*genius loci*), о его феноменальной, ноуменальной и мифологической (чудесной) сущности, составленный из десятков, сотен, а иногда и тысяч устных и письменных примарных текстов» [Щукин]. Культурная функция локального текста заключается в создании и распространении некоего семантического и идеологического комплекта — комплекса понятий и эмоций, призванных ассоциироваться с данным местом.

Если в известных работах В. Н. Топорова исследуется петербургский текст — «столичный», который представляется более насыщенным, то в современном литературоведении все большее значение приобретают исследования, посвященные провинциальным текстам. Следствием всеобщей текстуализации пространства становится устойчивый интерес к исследованию локусов, о чем свидетельствуют многочисленные научные статьи.

Таким образом, масштаб локальных текстов колеблется от локуса точечного до больших локальных измерений, в которые входят национальные литературы. При анализе локально-культурного текста того или иного художественного произведения можно отметить, что складывается некая модель художественного освоения действительности с элементами своей философии, религии и мировосприятия в целом. Культурная же функция локального текста заключается в создании и распространении комплекса понятий и эмоций, призванных ассоциироваться с данным местом.

Литература

Диалог культур: поэтика локального текста: материалы III Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 6–9 сентября 2012 г. / под ред. Н. С. Гребенниковой. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru>

Щукин В. Как и почему рождается литературный локальный текст. URL: <http://parkbelinskogo.ru>

Алькайси Рашид Низар Назир

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
rashed1727@outlook.com

ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ: ИГРА БЕСПОРЯДКА В РОМАНЕ «ПЕТРОВЫ В ГРИППЕ И ВОКРУГ НЕГО» АЛЕКСЕЯ САЛЬНИКОВА

Ключевые слова: человек играющий; кажимость; комическое; грипп; равнодушие.

В работе «Человек и смех» А. Г. Козинцев пишет, что смех «представляет собой врожденный и бессознательный метакоммуникативный сигнал несерьезности нарушения нормы. Он вводит особый фрейм негативистской игры, игры беспорядка...» [Козинцев 2011: 153]. В данном докладе игра изучается именно с ее негативистской точки зрения, как способ для человека «освободиться» от бремени культуры и окружающего его мира.

Роман Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» — полон загадок, заставляющих читателя заблудиться в поисках логичных связей. В работе я хочу обратить внимание на скрытый парадокс: хотя Петровы болеют гриппом и переживают высокую температуру, они испытывают, как ни странно, комическое развлечение. Грипп размывает границы между вымыслом и действительностью. Однако абсурдная картина мира перед читателем воспринимается Петровым несерьезно. Такие ситуации, как смерть, болезнь и убийство, становятся для них забавными и комическими.

Выдвигается гипотеза, что изображение жизни Петровых представляет собой имплицитную иронию над постсоветской реальностью в романе. Если в 1990-х годах, по словам Ш. Фицпатрик, «шок и дезориентация проявлялись во всем, от самой глубинной сферы ценностей до бытовой проблемы обращения к встречным» [Фицпатрик 2011: 349], то в 2000-е годы романа Сальникова проступают равнодушие и ностальгия, наполненные остатками шока и дезориентации. Равнодушие о происходящем в жизни царит внутри героев. Грипп позволяет им испытывать чувство развлечения; он дает Петровым возможность играть с недозволенными мыслями, с теми, что таятся у них в голове. В этом смысле игра беспорядка представляет собой сопротивление игре порядка, которая усиливает и подтверждает культурные нормы. Это имеет отношение и к внешним (социальным и геополитическим) и внутренним (экзистенциальным) факторам. Несколько раз в тексте даются сравнения между тем, как была жизнь в 1980-х и 1990-х годах и тем, как живут Петровы в 2000-х. Так описывается точка зрения Петровой в пятой главе: «Вроде бы и одеты все были лучше, и лица были более сытые, чем в девяностых, а вот чего-то людям не хватало. Не хватало как будто какой-то суеты <...>. Теперь все ходили по городу, как коты в квартире» [Сальников 2022: 214].

Петров не имеет никаких амбиций, ничего, кроме сына, не беспокоит его. В начале первой главы романа Петров едет домой в троллейбусе. Начиная болеть, он замечает, как водитель автобуса шутливо повторяет фразу: «Осторожно, двери не закрываются» [Сальников 2022: 11, 13]. Двери в романе выступают как метафора непроходимости, которые открываются перед Петровым, когда он в гриппе. За закрытой дверью находится то, что Петрову хотелось испытать. Можно предположить, что это связано с ограниченностью свободы героя. В главе о детстве Петрова нарратор повторно намекает, как Петрова куда-то «тащили» в детстве. В поликлинике с мамой, все двери оказываются закрытыми. В прошлое советское время двери и в буквальном и в переносном смысле (например, все двери перед Сергеем) оказываются закрытыми. Грипп заставляет Петрова вспоминать о конкретных событиях прошлого, которые, как прозрачные нитки, связываются в сюжете. С помощью гриппа двери открываются и его комиксы и сны сбываются.

Главным двигателем этих мыслей, вместе с гриппом, становится загадочный персонаж Игорь, который, по его словам, является «духом-покровителем Свердловска» [Сальников 2022: 50]. Игорь представляет собой трикстера, проявляющегося внезапно перед Петровыми по ходу сюжета. Он создает полный, но при этом несерьезный, беспорядок с самого первого проявле-

ния. Важнейшей особенностью трикстера, пишет М. Липовецкий, является трансгрессия (т. е. нарушение социальных и культурных норм) [Lipovetsky 2011: 34]. Игорь напивается в катафалке перед трупом, заставляет Петрова участвовать с ним в абсурдных приключениях, не имеет биографию, и т. п. Изображение Игоря одновременно и как трикстера и как воплощения Бога Смерти (фамилия, имя, отчество Игоря — Аид), по-видимому, имеет иронический подтекст. Намек на то, что скрывается в нем некая ирония состоит в том, что Игорь — дух Свердловска. Иными словами, дух советского прошлого, продолжающего проявляться в настоящем героев.

По ходу сюжета нарратор очень часто использует несобственно-прямую речь для описания переживаний героев. На самом деле, использование этого приема — маска, дающая нарратору возможность играть с фабулой и с точками зрения. Нарратор держит в тайне от читателя информацию, с помощью которой читатель мог бы понять те или иные моменты в романе. Примером может служить не упоминание имен и отчеств Петровых (нарратор упоминает имя Петровой один раз, но продолжает звать ее Петрову). Игра нарратора не ограничивается этим. Ассоциации между происходящим и аллюзиями на советскую культуру, отсылки к мифическому прошлому не поясняются нарратором. Нарратор в романе является ненадежным и играющим. Он не только не пытается пояснить границы между воображаемым и действительностью, но и участвует в их размывании. Слишком подробные до комизма описания жизни Петровых и иронический взгляд на повествуемую действительность дают представление, что нарратор комически описывает события.

Грипп оказывается способом освободить мысли и фантазии Петровых. Хотя пересечение границы в воображаемое описывается комически, оно также содержит некую трагичность. Грипп, нарратор и персонажи, как я попытался доказать в анализе, участвуют в отвлекающей от реальности игре, отменяющей правила повседневности и позволяющей попасть в вымышленные пространства.

Литература

- Козинцев А. Г.* Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007. 236 с.
- Сальников А.* Петровы в гриппе и вокруг него. М.: Эксмо, 2022. 413 с.
- Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л. Ю. Пангиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 375 с.
- Lipovetsky M.* Charms of the Cynical Reason: The Trickster's Transformations in Soviet and Post-Soviet Culture. Boston: Academic Studies Press, 2011. 296 p.

Аствацатурова Вера Викторовна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
veraastv@rambler.ru

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЕВРОПЕЙСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ О ПЕТЕРБУРГЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА КАК ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Ключевые слова: Санкт-Петербург, XVIII век, Петр I, мемуары, дневники.

Настоящий доклад (как и предыдущий, прочитанный на прошлогодней 51-й Конференции) представляет собой фрагмент обширного проекта, касающегося анализа документальных свидетельств европейцев, посетивших Санкт-Петербург. Мы обращаемся к документам, написанным в начальный, петровский период, в эпоху закладки города и первых строений.

Целью исследования должно стать выявление истоков, послуживших основой создания «петербургского мифа» [Топоров 2003: 22], складывавшегося в русском сознании в конце XVIII века и получившего и развитие на протяжении двух последующих веков. Интерес к этой проблематике сегодняшнего отечественного читателя, обосновывает ее актуальность. Соответственно определяется и задача данного доклада — выявить наиболее значительные европейские документальные источники, исходящие от живых свидетелей создания молодой столицы. Русская образованная публика была в основном знакома с этими документами. Именно тогда зарождались некие «маркеры» города, ставшие впоследствии органической частью «петербургского мифа» в русской литературе.

Методология данного исследования — сравнительный анализ различных текстов, выявление сходства и различия в зависимости от обстоятельств биографии и личности каждого автора.

Предметом нашего исследования будут переводные тексты шести авторов. Эти авторы: 1) Юст Юль, датский посланник в России, находившийся в Санкт-Петербурге в 1709–1712 гг. и ведший дневник, в долгу службы, в котором фиксировались все наблюдения; 2) анонимный немецкий автор, побывавший в Петербурге дважды (1710–1711 и 1716–1717) и оставивший сочинение с точным описанием Петербурга. По мнению Ю. Н. Беспятовых, автором текста является некий немецкий путешественник Геркенс [Беспятовых 1991: 7]; 3) Ларс Юхан Эренмальм, финляндский швед, побывавший в русском плену, находившийся в Петербурге в 1710–1714 гг. и оставивший «Описание города Петербурга вкупе с несколькими замечаниями»; 4) Фридрих Христиан Вебер — ганноверский резидент при русском дворе в царствование Петра Великого, автор записок под названием «Преображенная Россия», с подробным описанием столицы; 5) Питер Генри Брюс, военный деятель и писатель-мемуарист шотландско-прусского происхождения, путешественник, служивший в России и проживавший в Петербурге в 1714–1716 гг.; 6) Фридрих-Вильгельм Берхгольц — голштинский дворянин, приехавший в Петербург в июне 1721 года в составе свиты голштинского герцога Карла-Фридриха и писавший в 1721–1725 гг. подробный дневник с мельчайшими описаниями событий.

Многие из этих документов были в разное время переведены на русский язык. Одна из относительно ранних попыток свести их воедино относится к 1991 году — рубежу советского и постсоветского периода и была осуществлена Ю. Н. Беспятыми в книге «Петербург Петра I в иностранных описаниях» [Беспятовых 1991]. Позднее, в начале 2000-х гг., в преддверии 300-летнего юбилея Петербурга, было издано очень большое число документов такого рода. Наиболее интересный — «Дневник камер-юнкера Ф.-Б. Берхгольца», первоначально помещенный в книгу «Неистовый реформатор» [Неистовый реформатор 2000: 105–506], а затем опубликованный самостоятельным изданием.

Сопоставляя различные источники, можно отметить некоторые темы, затронутые всеми мемуаристами, но освещаемые по-разному каждым из них. Основные из них следующие: основание Петербурга и подробности строительства города; описание Петропавловской крепости

и самого города; быт, жизнь и нравы населения Петербурга; император, августейшая семья, двор. При этом бросается в глаза различие в содержании первых пяти мемуаристов, с одной стороны, и камер-юнкера Берхгольца — с другой. Первые пять авторов писали в 1710-е годы, они подробно описывали различные части Петербурга, Берхголец, ведший дневник в первой половине 1720-х годов, в основном касался событий, которым был свидетелем или участником, и описывал их также с большой степенью детализации.

Все первые пять мемуаристов начинают свои описания с основания Санкт-Петербурга Петром I в ходе Северной войны, упоминают взятие Нотебурга и Ниеншанца и выбор острова для закладки новой крепости. Затем идет описание самой крепости: авторы упоминают шесть земляных бастионов, церковь посредине территории крепости, жилые здания на территории крепости. Далее описываются «стороны» Невы (этот термин — один из первых «маркеров» Петербурга, сохранившихся до наших дней). Правобережная сторона называется «Финской», левобережная — «Ингерманландской». Еще один важный петербургский термин — «слободы»: поселения компактного проживания лиц разных вероисповеданий (Русская, Немецкая, Татарская слободы, Финские шхеры). Свидетелям первых лет петербургской жизни бросался в глаза интернационализм петровской политики в обустройстве столицы.

Шестой автор — камер-юнкер Ф.-В. Берхголец в основном описывает события 1721 г.: поездку в составе свиты в Петергоф, Ораниенбаум, Кронштадт, празднования различных годовщин, тезоименитств.

Записки мемуаристов, дневники и другие документы представляют собой важнейший источниковедческий материал не только для изучения изначальной истории Санкт-Петербурга, но и для выявления изначального образа города, проникнувшего впоследствии и в русскую литературу при создании «петербургского мифа».

Литература

- Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л.: Наука, 1991.
- Берхголец Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 105–506.
- Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. С. 7–118.

Белоусова Евгения Александровна

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
evgbel131@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИ ПРОДУКТИВНЫЕ ВЫВОДЫ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ПОСТУПКА ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА («ДЕЛО ТУЛАЕВА» В. СЕРЖА И «МНИМЫЕ ВЕЛИЧИНЫ» Н. НАРОКОВА)

Ключевые слова: В. Серж; Н. Нарок; поступок; междисциплинарный подход; психологизм.

Изучение категории поступка литературного героя представляется важным для современного литературоведения. Однако сам термин не имеет претендующего на полноту описания в контексте литературоведческого анализа, хотя и выступает одной из важнейших категорий для осмысления личности.

В философии важнейшие работы по изучению категории поведения и поступка принадлежат М. М. Бахтину. Философ исследует морально-этические проблемы, задумывается над вопросами формирования и развития личности, анализа и осмысления сущности поступка. Последний анализируется М. М. Бахтиным не в отдельных аспектах, а в целостности, в своем онтологическом статусе. Поступок в философии М. М. Бахтина — это мерило ценностного бытия личности, это детерминированное, но в то же время свободное проявление человеческой индивидуальности.

С точки зрения социологии, поступок — социально оцениваемый акт поведения, побуждаемый осознанными мотивами. Это действие, в котором находят отражение нравственные ориентиры человека. С категорией поступка в социологии связано имя М. Вебера, он ввел понятие социального действия. М. Вебер предложил четыре типа социального поведения в соответствии с порядком возрастания эмоциональности: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное [Вебер 1990: 607]. Такой порядок позволяет объяснить различные характеры субъективной мотивации индивида или группы.

С позиции марксистской психологии личности, поступок представляет собой целостное поведенческое проявление конкретной личности в той или иной системе обстоятельств и ситуаций межличностных отношений. Как картезианское пространство развитие поступков обрывается развитием свободы, самостоятельности и ответственности.

Сторонники бихевиоризма рассматривают поведение человека с позиций его формирования под влиянием внешнего окружения. По словам основоположника теории Дж. Уотсона, люди — продукт их опыта, их поведением можно управлять, изменяя окружающую среду [Уотсон 1998: 81]. Поведение человека можно «запрограммировать», так как оно часто вытекает из ожидания положительного и стремления избежать отрицательного подкрепления (наказания, боли, осуждения).

К. Левин в русле гештальтпсихологии разработал теорию «психологического поля», которая явилась оригинальной в объяснении человеческого поведения. Согласно ей, личность развивается в психологическом поле окружающих ее предметов, которые имеют определенную валентность (положительный или отрицательный заряд). Эти предметы путем воздействия на человека вызывают потребности или формируют конфликты.

Таким образом, психология рассматривает поступок под углом внутренних мотивов, социология — с точки зрения общественно значимых результатов, философия М. М. Бахтина углубляется в изучение его генезиса, его изначального онтологического статуса.

В художественном произведении мы сталкиваемся с несколько иным представлением поступка. Ведь текст становится ареной для реализации желаний и поведенческих установок героя, сам сюжет — это некий акт воплощения персонажем своих осознанных или неосознанных мотивов. А. П. Земляникин в работе, посвященной систематизации различных толкований по-

нения «поступок литературного героя», указывает на отсутствие единой точки зрения среди литературоведов, что следует понимать под данным концептом.

В прозе об эпохе Большого террора поступок как форма психологического изображения героя характеризует разноаспектные установки личности. В этой связи мы сочли возможным соотнести поведенческие особенности персонажей В. Сержа и Н. Нарокова с теми научными концепциями, которые описывают и объясняют их не в одном («единственно верном»), а в нескольких измерениях. Методологический плюрализм и рациональная кооперация разнонаправленных, на первый взгляд, моделей анализа отвечают современной научной мысли: «Многообразие теоретических подходов стимулирует разработку разнообразных методов исследования такого сложного феномена, как личность» [Товмасын 2007: 158]. Следовательно, нет никакого противоречия в том, чтобы, говоря о проявлениях внешнего конформизма героев, апеллировать к бихевиоризму, а, рассматривая персонажей, для которых характерен внутренний конформизм, — опираться на достижения марксистской психологии, которая оказывается более актуальной в условиях описываемых обоими авторами реалий. Когда литературоведческий инструментарий для изучения категории поступка не разработан должным образом, достижения смежных гуманитарных дисциплин (психологии, социологии, философии) в понимании индивида и его отношений с миром служат наиболее проверенным методологическим подспорьем. В конечном счете художественный психологизм непредставим без уяснения мотивов в поведении героев, динамики их душевных переживаний, наиболее осязаемое выражение которых дано читателю в поступке. Обращение к таким текстам, как «Мнимые величины» и «Дело Тулаева», обнаруживает, помимо прочего, неразрывную связь поведенческих особенностей персонажа с историческим временем и пространством, стимулирует наблюдения для осмысления внешнего и внутреннего конформизма как продукта эпохи (Супрунов, Ромашкин), и следствия сугубо личностных проявлений (Григорий Михайлович, Ершов, Макеев). Избежать конформного поведения удастся немногим. У Н. Нарокова это только Евлалия Григорьевна, а у В. Сержа — Рублев и Рыжик. Случаи, несомненно, разные, но в каждом — герой, требовательный к себе и ориентирующийся в собственных поступках на вневременные — моральные — ценности.

Литература

Вебер М. Основные социологические понятия. М., 1990.

Товмасын Р. М. Проблема многообразия теоретических подходов в психологии: методологический аспект // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2007. № 3. С. 155–159.

Уотсон Дж. Б. Психология как наука о поведении. М., 1998.

Богумил Татьяна Александровна

канд. филол. наук, доцент кафедры литературы,
Алтайский государственный педагогический университет;
tbogumil@mail.ru

ОБРАЗЫ ГОРОДОВ АЛТАЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСИБИРСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

Ключевые слова: сибирский текст, городской текст, Барнаул, Бийск, Змеиногорск.

Созданные в художественной литературе образы городов Алтая, обладая несомненной уникальностью, тем не менее, вписываются в общесибирскую матрицу городских тестов.

Номинация сибирских городов, в основном, связана с местом их основания: с гидронимами, этнонимами, аборигенными топонимами. Здесь обнаруживается общность с древнерусскими городами. Города, построенные после похода Ермака на территории Сибири, относились в основном относились к государственным поселениям-фронтам, что предполагало регулярную застройку. Они принадлежали к городам эксцентрического типа (в терминологии Ю. М. Лотмана), где актуализирована оппозиция «природное — культурное», ретроспективно семантически сближаясь с петербургским текстом русской культуры. Сдвиг фронта на восток и юг изменил статус многих сибирских города от окраинного к провинциальному или центральному. Соответственно, в разножанровых текстах, где создавался образ города, характерно новое наполнение метафоры рубежа (окно, ворота, ключ): от барьерной семантики к посреднической. В современном городе наличие исторического центра («старого города»), а также знаковых общественных и личных памятных мест, создает эффект культурного палимпсеста.

История города Бийска в общих чертах повторяет историю первых городов Сибири. Изначально это крепость (1709), фиксирующая сдвиг границ русских территорий на Восток. После 1846 года город перестает быть военно-административным центром и становится местом политической ссылки. Одновременно он превращается в торгово-промышленный провинциальный город, стоящий на стратегически важном торговом пути (Чуйский тракт). Анализ художественных текстов позволил выявить и описать реестр образов города: военный острог, узилище, город грязи, антитеза деревне, ад-рай, город-медиатор. Единого «ядра», помимо объекта описания, объединяющего довольно малый по количеству корпус текстов, не обнаружено. Большинство выявленных произведений о Бийске принадлежит к жанрам, тесно связанным с внехудожественной действительностью, что свидетельствует о близости литературного образа Бийска с реальным городом. Говорить о наличии бийского текста в том значении, которое определил в петербургском тексте В. Н. Топоров, не представляется возможным.

Змеиногорск репрезентирует русский Рудный Алтай целиком. Образ Змеиногорска на типологическом и генетическом уровне сближается с образами уральских горнозаводских городов (Екатеринбург, Пермь). В исторической повести П. А. Бородкина «Тайны Змеиной горы» (1966) выведена ключевая семантическая оппозиция образа горнозаводского города середины XVIII века. Она видится автором как антитеза «рай (природа) — ад (завод)». На уровне сверткста реализуется инвариантный для сибирского текста сюжет перехода от «рая» к «аду» (П. А. Бородкин) и наоборот (А. П. Хейдок). «Змеиная» топонимика актуализирует соответствующую мифологию и образность города, а также змееборческий сюжет, видоизмененный применительно к социальным обстоятельствам. Мифологический Змей становится метафорой начальства (П. А. Бородкин, Е. Евтушенко). В современной прозе Змею возвращаются его мифологические функции Хранителя подземных недр, но снимается конфликтность сюжета в пользу партнерства человека и природы (Юстасия Тарасава). Сверткст города находится в стадии становления, значительный мифологический и семантический потенциал Змеиногорска ожидает своей реализации.

Городской текст Барнаула, столицы Алтайского края, наиболее разработан. Семантический ореол города во многом создается языковой игрой с его названием, особенно продуктивной

в творчестве гостей города. Весьма существенна для литературного образа города его история, воплощенная в доминантных точках. Тяжелое и великое горнозаводское прошлое символизировали остатки корпусов сереброплавильного завода, пруд и плотина. Барнаульский текст по ряду параметров (гидроним, архитектура, этиологический и эсхатологический миф) сближается с петербургским текстом. Легенда о Голубой даме фиксирует главную точку соприкосновения — архетип строительной жертвы. Сопоставление пространственной организации романов А. В. Коробейщикова и В. Н. Токмакова позволило выявить инвариантную барнаульскую топичу. Система мистических доминантных точек Барнаула у обоих авторов практически тождественна. «Осевыми» пространствами, связующими сферы мироздания, являются Нагорное кладбище (позднее территория бывшей ВДНХ, сегодня — Нагорный парк), церковь, музей, старый особняк на окраине города. Все эти реалии города как хронотопы обладают тождественной медиальной функцией в художественной литературе.

Незначительный срок существования города, как показывает складывающийся вокруг Белокурихи корпус произведений, не является препятствием для возникновения локального текста и мифа. Семантический потенциал города-курорта связан как с его оздоровительной — преображающей — функцией, обусловленной уникальными природно-климатическими факторами, так и с очевидной привязкой топонима к беловодческой традиции.

Особое место занимает возникшая в советское время столица Республики Горный Алтай — Горно-Алтайск (до 1948 г. Ойрот-Тура, с 1928 по 1932 г. Улала). Преимущественно сельскохозяйственная и, на настоящий момент, туристическая направленность экономики региона делает неактуальным наличие городских поселений, а в плане семантики встраивает Алтай в оппозицию «город — деревня», «цивилизация — природа». Антиурбанистическим пафосом проникнута, к примеру, повесть Антона Сорокина «Алтай и города».

Итак, образы городов Алтая в русской художественной литературе формируются с учетом общесибирской историко-культурной парадигмы городского текста. Универсальные образные конструкции городского образа и текста приобретают локальную приуроченность за счет историко-географической и психолого-биографической конкретики.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00496 «Образ Алтая в сибирском тексте русской культуры», <https://rscf.ru/project/23-28-00496/>.

Большев Александр Олегович

д-р филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы,
Санкт-Петербургский государственный университет;
olegovich1955@mail.ru

ЛИМОНОВСКИЙ «СЛЕД» В РАССКАЗЕ М. ЕЛИЗАРОВА «МЫ ВЫШЛИ ПОКУРИТЬ НА 17 ЛЕТ»

Ключевые слова: Елизаров, Лимонов, бодибилдинг, культура, «братва», идентичность.

Автопсихологический герой рассказа (его зовут Михаил Елизаров), действие которого происходит в начале 1990-х годов в Харькове, — молодой человек, вознамерившийся резко трансформировать собственную жизнь: он решает променять университет и богемную среду на тренажерный зал и общение с «братвой». Герой начинает «отчаянно, депрессивно» заниматься бодибилдингом. Погрузившись в стихию наращивания мускулов, Елизаров практически прерывает с прежней подругой и университетскими товарищами, однако, несмотря на кажущуюся успешной адаптацию к новому поведенческому коду, не ощущает себя «своим» и в компании накачанных «братков». Елизаров ведет амбивалентное, «пороговое» существование. В наибольшей степени благоволит Михаилу Юр Юрич, самый старший и просвещенный из прибалтненских культуристов, он постоянно повторяет: «А вот Мишаня — интеллигентный юноша из хорошей семьи. Он Лимонова читал...». Лишь в конце рассказа главный герой вырывается за рамки антиномии духа и тела и обретает стабильное существование, сущность которого остается непроясненной.

Среди критических откликов на этот елизаровский рассказ выделяется исследовательским блеском и глубиной статья А. Аствацатурова «Архаический ритуал в творчестве Михаила Елизарова (на материале рассказа «Мы вышли покурить на семнадцать лет...»)». В центре внимания Аствацатурова оказывается ритуально-мифологический план содержания рассказа, в координатах которого автопсихологический герой рассказа «подчеркнуто лиминален, не обладает устойчивым статусом, внутренне странствуя между двумя мирами: миром духа, от которого он пытается отказаться, и миром «братков», куда он стремится войти» [Аствацатуров, 2022: 168].

В моем докладе внимание сфокусировано на дополнительной смысловой перспективе, которая возникает в елизаровском рассказе в связи с фигурой Эдуарда Лимонова. На первый взгляд, сообщение: «он Лимонова читал», — лишь иллюстрирует посыл об интеллигентности «Мишани», однако будущий вождь НБП явно помянут Юричем неспроста. Представляется, что акцентированный лимоновский «след» помогает под несколько иным углом зрения взглянуть на те колебания елизаровского alter ego между богемой и «братвой», которые и составляют сюжетно-концептуальную основу рассказа «Мы вышли покурить на 17 лет».

На вопрос о том, какие именно лимоновские тексты мог ценить начитанный харьковский «браток» в начале 1990-х годов, ответить несложно — очевидно, речь может идти прежде всего о трех романах: «Это я — Эдичка», «Подросток Савенко» и «Молодой негодяй». Причина проста: скандальный роман об Эдичке пользовался тогда невероятной популярностью, а действие двух других книг (не столь широко известных) происходит в родном для героев елизаровского рассказа городе, к тому же значительное место в них занимает изображение харьковской криминальной среды. Сопоставление елизаровского рассказа с романами Лимонова обнаруживает явные черты сходства и подобия, которые оттеняют принципиальные различия.

Все три романа автобиографичны, причем лимоновский герой, подобно елизаровскому, ведет напряженный поиск собственной идентичности, принимающий, по точному наблюдению А. Орловой, форму колебаний «между бандой и богемой» [Орлова, 2003: 33]. Эди-бэби («Подросток Савенко») живет в Салтовке, криминализированном районе Харькова, но при этом до поры до времени пользуется заслуженной репутацией книгочея и интеллектуала. Радикальный переворот в жизни Эди происходит после того, как его безжалостно избил второгодник Юрка. Буквально на следующий день после экзекуции герой принимается качать мышцы и сближает-

ся с уголовной средой. Однако вместо задуманного бесповоротного ухода от книг к физической силе и брутальности лимоновский герой завис между двумя мирами: в «Подростке Савенко» перед нами одновременно и известный в районе вор (едва ли не бандит!), и начинающий поэт-интеллектуал. Эти метания, отчасти напоминающие колебания елизаровского Мишани, продолжаются и в романе «Молодой негодяй», где автопсихологический герой, вознамерившись вернуться от «братвы» к книгам и культуре, сталкивается с целым рядом трудноразрешимых проблем. Печатью длительного опыта внеструктурного, лиминального существования отмечен и герой романа «Это я — Эдичка». Можно утверждать, что биографический текст самого Лимонова разворачивался под знаком антиномии «банды и богемы»: оставаясь в рамках этой бинарной оппозиции, он добился славы на литературном поприще, а далее преуспел также и в сфере суровой политической борьбы, сделавшись буйным и брутальным вождем экстремистской партии.

Что же касается героя елизаровского рассказа, то он в финале делает принципиально иной выбор, как бы преодолевая рамки вышеупомянутого бинаризма. Михаил, по его словам, вернулся «в зазеркалье, из которого <...> так опрометчиво бежал», однако очевидно, что перед нами не столько возвращение в прежнюю книжно-университетскую сферу, сколько открытие и освоение нового мира, основанного на совмещении плотского и духовного начал.

Литература

- Аствацатуров А.* Архаический ритуал в творчестве Михаила Елизарова (на материале рассказа «Мы вышли покурить на семнадцать лет...») // Текст и традиция: альманах, 10. СПб.: Росток, 2022. С. 153–174.
- Орлова А.* Между бандой и богемой: Центральная коллизия автобиографической трилогии Э. Лимонова об отрочестве и юности // Постмодернизм: теория и практика современной русской литературы: сб. ст. СПб.: Филологический факультет, 2003. С. 30–35.

Вахненко Екатерина Евгеньевна

канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы,
Иркутский государственный университет;
katy250579@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА В ОЦЕНКАХ ЖУРНАЛИСТОВ И КРИТИКОВ ЮГА РОССИИ (1900–1910-е гг.)

Ключевые слова: А. М. Ремизов, периодическая печать, критика.

Литературное содержание повременной печати юга России в 1900–1910-е гг. было ориентировано преимущественно на столичную интеллектуальную жизнь: регулярно освещались новинки отечественной словесности, опубликованные в авторских изданиях, сборниках, альманахах и на страницах периодики (под прицелом критики оказались как авторитетные журналы рубежа веков — «Русская мысль», «Современный мир», «Русское богатство», «Вестник Европы», так и печатные проекты нового времени — «Всеобщий журнал», «Новый журнал для всех», «Заветы», «Северные записки», «Современник», издания модернистов — «Аполлон», «Весы», «Золотое руно»). Популярными авторами, избранными критиками для пристального чтения, стали: Л. Андреев, Сологуб, Арцыбашев, Мережковский, Горький; не обделенными вниманием рецензентов оказались Куприн, Белый, Зайцев, Чириков, Гиппиус, Северянин.

Творчество Алексея Ремизова, вошедшего в литературную среду в 1905 г., регулярно освещалось в периодике центральной России, однако на страницах южной прессы его имя появилось в контексте журнальных обзоров только в 1908 г., когда в петербургском издании «Еос» вышел роман «Часы». В газетах Екатеринодара «Новая заря», «Кубанский край» и «Кубанский курьер» Ремизов был назван мастером слова, большим дарованием и надеждой современной литературы. Однако взгляды сотрудников этих изданий на творчество модернистов расходились. Журналисты газеты «Новая заря», популярной в широкой читательской среде, отмечали способность Ремизова реалистически просто и четко отображать действительность в абсолютно искренней, не декадентской манере (отклики на роман «Часы» и рассказ «Царевна Мымра»). Ведущие литературных рубрик газет «Кубанский край» и «Кубанский курьер» отмечали вычурность языка и стиля писателя, содержание произведений лишенным смысла, тяготеющим к абсурду.

Подлинный интерес журналистов и критиков причерноморских изданий к художественному миру Ремизова и его писательской манере проявился в 1910 г. Это было связано, во-первых, с появлением на страницах «Новой зари» рецензии секретаря петербургского «Нового журнала для всех» Виктора Гофмана на первый выпуск «Альманаха для всех», в котором увидела свет повесть Ремизова «Неуёмный бубен». В контексте мнений критиков столичной печати (Н. Архипова, М. Кузмина, К. Чуковского), отмечающих тяготение писателя к русскому быту, народному началу, Гофман выделяет влияние Гоголя: «Что-то есть в нем от Гоголя идущее — это издевка над непролазной пошлостью обыденщины, способность видеть ее в умноженных, в чудовищных размерах» [Гофман 1910]. Эту мысль в негативном ключе продолжила в отклике на повесть П. С. Владимирова: обвинив Ремизова в скучном повествовании, лишенном психологизма и глубины, она подчеркнула искусственное подражание классику, попытку возродить гоголевский жанр и стиль [П. С. (Владимирова) 1910].

Также поводом к обращению к творчеству Ремизова стал выход осенью 1910 г. двух первых томов Собрания сочинений писателя в петербургском издательстве «Шиповник», на которые пространной рецензией отозвалась газета «Голос Крыма». Впервые читателю юга России было представлено мнение об основах художественного мира писателя, суть которого сводилась к критике авторской нормы изображения действительности — беспросветном пессимизме и обращении к кошмарным, уродливым формам жизни, «опровергающим святое и заветное», но в то же время вызывающего «вместе с чувством протеста представление о другой светлой стороне жизни» [Алексей Ремизов 1911]. В этом ракурсе творчество Ремизова привлекало не-

однозначностью, самобытностью и вызывало интерес как профессионального, так и массового читателя. В 1912 г. П. С. Владимирова, литературный обозреватель газеты «Кубанский курьер», вступила в переписку с Ремизовым, став не только критиком, но и толкователем художественного мира его произведений. В двух развернутых статьях, посвященных повестям «Крестовые сестры» и «Пятая язва», она обозначила константы творчества писателя, которые определила как отражение русского национального миропонимания, чуждость европейской литературной традиции, объективность и в то же время глубокий психологизм в изображении человека, выявление «ноумена русского человека» [П. С. (Владимирова) 1912].

В связи с окончанием сотрудничества Владимировой с изданиями юга России, прекратилось знакомство регионального читателя со спецификой творчества Ремизова. В феврале 1912 г. завершилось издание восьмитомного Собрания сочинений Ремизова, перевыпущенного в этом же году издательством «Сирин», не вызвавшего более интереса причерноморских журналистов и критиков. Только в 1913 г. в ростовской газете «Утро юга» от 22 августа в отзыве на книгу рассказов «Подорожие» вновь прозвучало мнение анонимного автора о самобытности Ремизова, выступившего в литературе, прежде всего, стилизатором и имитатором; также и в отклике (от 12 января 1914 г.) на цикл легенд Ремизова «Цепь золотая» («Альманах “Сирин”», 1913) интерес автора к народным сказаниям был назван нецелесообразным, а стиль рафинированным. Таким образом, массовый читатель юга России получил весьма спорадическое и в определенной степени искаженное представление о даровании и наследии Ремизова, творчество которого оказалось непостижимо без глубокого проникновения и профессионального анализа.

Литература

- <Б. п.> Алексей Ремизов. Собрание сочинений. Т. I и II. Изд. Шиповник // Голос Крыма. 1911. 30 марта. № 359. С. 4.
- Гофман В. Альманах для всех. Книга первая. Изд. Нового журнала для всех. СПб. Стр. 194 // Новая заря. 1910. 23 апреля. № 1040. С. 1.
- П. С. (Владимирова). Под Гоголя. «Неуёмный бубен» // Утро Кавказа. 1910. № 3. С. 2.
- П. С. (Владимирова). Алексей Ремизов // Кубанский курьер. 1912. 13 октября. № 1194. С. 3.

Гун Аньпин

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
gar0921liza@yandex.ru

ДЗЕНСКАЯ ПРАКТИКА В ПРОЗЕ В. ПЕЛЕВИНА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА» И «СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ»)

Ключевые слова: дзен-буддизм, «Чапаев и Пустота», «Священная книга оборотня», Виктор Пелевин.

В прозе Виктора Пелевина всегда встречаются схожие концовки: главные герои завершают свою духовную практику и затем исчезают. В романе «Чапаев и Пустота» Петр Пустота завершил практику дзен с помощью мастера Чапаева и прибывает во «Внутреннюю Монголию»; в романе «Generation П» электронный двойник Татарского повсеместно присутствует на телевидении, но сам он становится иллюзией; в конце романа «Священная книга оборотня» героиня А Хули находит способ перестать создавать мир и исчезает в радуге на велосипеде. Пелевин обладает уникальной литературной теорией, то есть главная задача романа как литературной формы — спасти главного героя. Средство спасения главных героев в романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня» — это дзен-буддизм. Однако процесс духовной практики в двух романах разный. В докладе рассматривается функция философии дзен-буддизма в романах В. Пелевина.

Истина исчезновения героев В. Пелевина заключается в том, что они завершили свою духовную практику и стали просветленными. В романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня» просветление может быть достигнуто сразу после понимания определенного учения дзен: высшим учением дзен-буддизма в романе «Чапаев и Пустота» является понятие «пустота», и в романе «Священная книга перемен» высшее учение — «природа Будды». («Природа Будды» — это сила, которой обладает каждый. Но из-за смущения мысли мы не можем осознать ее в себе [Судзуки 2002: 261]). Именно эти высшие учения дзен определяют различия в методах практики дзен. Духовная практика героев Петра Пустоты и А Хули является представителем двух типов практик дзен: время практики Петра было недолгим и он достиг просветления с помощью дзен-коанов и мастера дзен Чапаева; древнекитайская лиса-оборотень А Хули, прожившая две тысячи лет, постепенно практиковала методом «созерцание сердца». В этом также разница между Северной и Южной школами китайского дзен-буддизма. Шэньсю, дзенский мастер Северной школы, выступал за постепенную практику и предложил метод «созерцание сердца». Он считает, что изначальный ум подобен чистому зеркалу и его нужно протирать ежечасно, чтобы ни одна пылинка не осквернила его поверхности [Дюмулен 2003: 88]. Основная практическая задача и цель практики созерцания синь — удалить три яда (в буддизме относятся к трём коренным клешам: моха (неведение, спутанное сознание), рага (жадность, чувственная привязанность) и дवेशа (отвращение, ненависть)). Коренная причина неспособности живых существ к освобождению заключается в том, что три яда обманули их сердца. Только устранив их с помощью практики «созерцание синь», можно восстановить изначальный ум и увидеть свою природу Будды. Метод духовной практики А Хули более близок к методу постепенной практики дзенской Северной школы. Она расслаивает сознание на три независимых потока: 1) вспоминание всех своих темных дел с незапамятных времен; 2) спонтанное и неожиданное дергание себя за хвост; 3) отрешенное наблюдение за первыми двумя потоками сознания и за самим собой. В практике А Хули появилось три вида ума, то есть, ее практика стала более сложной на основе Северной школы дзен. Единственный мастер дзен Желтый Господин в романе не играет центральную роль в ее пути к просветлению, акцент в ее практике был больше на размышлениях практикующего. Южная школа дзен выступает против громоздких методов и подчеркивает просветление в практике повседневной жизни. Это показано как использование коанов в романе «Чапаев и Пустота». Первоначальное значение коана — это судебный документ древнекитайского правительства. Коан стал популярным после династии Тан (618–907). Теперь

это относится к анекдотам древних мастеров дзен, беседам между мастерами и учениками, а также советам или вопросам мастера в классе [Suzuki 1964: 102]. Понимание коанов не требует каких-либо церемоний, это может произойти в любое время и в любом месте. Основная мысль коанов в романе «Чапаев и Пустота» — отказаться от дуализма и логики и осознать «пустоту» мира. Этот метод дзенской практики приводит к большому количеству диалогов в романе «Чапаев и Пустота». Будь то объяснение коанов или создание коанов, это необходимо реализовать в тексте с помощью слов героев. Хотя роман определяется автором как психологический дневник, в нем гораздо больше диалогов, чем психологических действий. Из-за небольшого объема внутренней деятельности духовная практика Петра Пустоты кажется совершенно пассивной. Таким образом, в письменной парадигме В. Пелевина философия дзен-буддизма — это инструмент, используемый для спасения главного героя, и она повлияла на сюжет и композицию романа посредством дзенской практики.

Литература

- Дюмулен Г.* История дзен-буддизма / пер. с англ. Ю. В. Бондарева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 317 с.
Судзуки Д. Т. Очерки о дзен-буддизме. Часть первая. СПб.: Наука, 2002. 472 с.
Suzuki D. T. An introduction to zen buddhism. New York: Evergreen Black Cat Book, 1964. 102 p.

Гуськов Николай Александрович

канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы,
Санкт-Петербургский государственный университет;
n.guskov@spbu.ru; kakto@mail.ru

КОМПОЗИЦИЯ СБОРНИКА СОЧИНЕНИЙ В. В. КАПНИСТА 1796 ГОДА

Ключевые слова: Капнист В.В., русская литература XVIII века, русская поэзия XVIII века, композиция сборника.

200-летие со дня смерти В.В. Капниста в 2023 г. прошло незамеченным. Творчество этого значительного писателя рубежа XVIII–XIX вв., особенно лирическое, по-прежнему привлекает мало внимания и изучено недостаточно. Большой интерес представляют прижизненные издания сочинений Капниста, рассматривавшиеся преимущественно текстологическом аспекте. «В основу обоих изданий, — полагала Г.В. Ермакова-Битнер, — был положен жанровый принцип построения, подсказанный теорией и практикой классицизма», признавая, что во многих текстах правила, характерные для этого направления, нарушаются [Ермакова-Битнер 1973: 28]. Хотя, действительно, тексты распределены по дановому принципу, расположение их в двух сборниках совершенно различно и не вполне соответствует принципу, считающемуся господствующим в XVIII в.: трехчастная структура с понижением степени возвышенности и серьезности произведений: Ближе к этой канонизированной модели «Лирические сочинения» (1806), состоящие из 4 разделов: оды духовные, торжественные, элегические и нравоучительные, го-рацианские и анакреонтические [Пономарева 2015]. Между тем, И.З. Серман, предложивший данную модель, анализируя первое собрание сочинений М.В. Ломоносов, утверждал: «Если такой порядок размещения стихов (сначала — богу, потом — царям) <добавим: затем — частным лицам — Н.Г.> и был общепринят в европейской поэзии, то чередование стихотворений внутри каждого раздела уже определялось индивидуальными намерениями автора» [Серман 1966: 39]. Это относится и к сборнику Капниста 1806, где тексты даны внутри разделов не хронологически, а в соответствии с оригинальным замыслом, и особенно к «Сочинениям», изданным в 1796, где структура не вполне иерархична. Возможно, именно не желая сталкиваться с явлением, отклоняющимся от привычной и эффектной схемы, исследователи обходят вопрос о композиции первого прижизненного сборника Капниста.. Подробный ее анализ представляется перспективным и предпринят в докладе.

В «Сочинениях» 1796 г. 32 текста распределены на следующие 6 разделов, хотя и неравномерно, но с определенной пропорциональностью: оды торжественные (далее — ОТ) — 5, «Сатира первая и последняя» (С) — 1, оды на разные случаи (ОР) — 8, лирические мелочи (ЛМ) — 7, эпиграммы и надписи (ЭиН) — 8 (4/4), приложения (П) — 3. Равное число текстов (8) в III и V разделах, остальные при попарном объединении тоже дают по 8 х число, четырежды воспроизведенное композиционно маркировано в сборнике (наряду с 4 и 2, которым оно кратно), организуя количественно архитектуру.

Внутри раздела ОР устанавливаются переключки между текстами, а по разным тематическим критериям — несколько групп, равных по числу произведений: 4 пары од, противоположных («На надежду» и «На уныние») или аналогичных («На смерть сына моего» и «На твердость духа», «На счастье» и «На дружество», «На смерть Пленеры» и «Годовое воспоминание Пленеры») по поводу и настроению (первая пара устанавливает идейные полюса раздела, отчасти и всего сборника); 4 оды универсально философского и 4 индивидуально биографического содержания. Несмотря на асимметрию их расположения, эти признаки явно маркированы. Сбалансированное колебание между жизнеутверждающей и пессимистической позицией, умилением и отчаянием — своего рода лирический сюжет раздела.

ЭиН распадаются на 2 равные (по 4 текста) жанровых раздела — низкий / комический (эпиграммы) высокий / комплиментарный (надписи, точнее — мадригалы). Внутри образуются пары по разным критериям. 2 надписи — дамам (Львовой и Тучковой), 2 мужчинам; 2 род-

ственникам (свояченице и отцу), 2 посторонним; 2 о переводах греческих поэтов (Гомера и Анакреона), 2 эпитафии. Эпиграммы объединяются в пары по аналогии: 2 ответа врагам на оскорбления; 2 насмешки над неудачливыми поэтами (самим собой и своим литературным противником). Эта часть также устремлена к равновесию полярных тенденций — снижающей и возвышающей.

Разделы С и ЛМ дополняют друга по ряду критериев как противоположности: сниженно-иронический и возвышенно-чувствительный, одна большая сатира и ряд идиллических или элегических мелочей; высмеивание и воспевание реальности, ориентация на общественные и на частные проблемы. Не только в С (ввиду специфики жанра), но и в ЛМ заметно колебание между указанными эмоциональными полюсами, причем идейно-тематически перекликающиеся тексты расположены симметрично: обрамляют раздел «Чижик» и «Мотылек», III и V место занимают элегии «На смерть дочери» и «На разлуку», между этими парами расположены «Неверность Лизеты», «Друзьям моим», «Старость и младость».

Аналогично соотносятся обрамляющие сборник разделы: высокие, серьезные ОТ, посвященные общегосударственным проблемам и членам царской семьи, и полемические, шуточные материалы П, касающиеся самого автора. Впрочем, центральное место среди од занимает «Ответ Рафаэля», синтезирующий возвышенное и комическое, политический панегирик и дружескую полемику с Державиным. Замыкает же сборник автоэпиграмма, иронический пуант, словно отрицающий все выше опубликованное [Гуковский 1939: 381].

В результате прослеживается прихотливый композиционный авторский замысел сборника в духе поэтики рококо, в целом, свойственной членам львовского кружка: 6 частей, группируясь, дополняя друг друга, образуют 4 смысловых раздела, равных по количественному и содержательному объему, гармонирующих противоположные жанрово-стилевые, идейные и эмоциональные тенденции. Осмысление этой структуры дает читателю и исследователю ключ к пониманию художественного мира, системы творческих установок Капниста.

Литература

Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939.

Ермакова-Битнер Г. В. В. В. Капнист // Капнист В. В. Избранные произведения. Л., 1973. С. 5–46.

Пономарева М. В. От канона к автору: композиционные принципы «Сочинений» Г. Р. Державина 1808–1816 гг. // Миргород. Т. 1 (5). Lausanne-Siedlce, 2015. С. 51–64.

Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. Л., 1966.

Ермакова Лия Леонидовна

канд. филол. наук, преподаватель,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
lermakova@hse.ru

НЕМЕЦКИЕ УЧИТЕЛЯ И ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: ХРИСТИАН АВГУСТ ЛОБЕК

Ключевые слова: Вяч. Иванов, Х.-А. Лобек, дионисизм, орфизм.

Говоря о немецких ученых, повлиявших на творчество Вяч. Иванова, исследователи уделяют внимание в основном его великим современникам, как, например, В. Дёрпфельду или У. Виламовицу-Мёллендорфу, однако не меньшее значение для работ Иванова о дионисизме имели труды предшественников. Среди них — «Aglaophamus» (1829) немецкого филолога-классика Христиана Августа Лобека, профессора Кёнигсбергского университета и члена-корреспондента Российской академии наук. Собранный в этой книге богатейший материал, Лобек стоит у истоков систематического научного изучения орфизма.

Вяч. Иванов неоднократно ссылается на Лобека в своих работах о дионисизме, однако его оценка немецкого предшественника была неоднозначной: так, в «Эллинской религии страдающего бога» он относит Лобека к гиперкритическому направлению, и, не умаляя значение его труда, отмечает, что автор «Aglaophamus» не только «не антрополог и не психолог, но и не историк в более широком значении слова», и потому не способен прочувствовать дух язычества; Иванов критикует тенденциозность исследователя, который, рассматривая древнюю религию через оптику христианской морали, «находит, что народная религия была развратна и груба, а искусственно воздвигнутое подлогами орфиков здание языческой церкви было колоссальной мистификацией» [Иванов 2014: 33]. В диссертации «Дионис и прадионисийство» он высказывается менее резко, но не менее критично, говоря, что Лобек «в духе просветительных стремлений XVIII века, видел в древней „theologia mystica“ только обман жрецов и народное легковерие» [Иванов 1923: 255]. В более поздней статье «Humanismus und Religion» (1934) Иванов находит нечто общее между книгой Лобека и трудом Виламовица «Der Glaube der Hellenen», а именно просветительский тон и рационализм, обширность собранного материала, личную антипатию к учреждениям греческих жрецов. Впрочем, если Виламовицу он не может простить язвительную критику в адрес тех филологов, чьи идеи Иванову были дороги, то Лобек, по его мнению, вполне справедливо высмеивал «теософское толкование мифов» своих современников. В немецком переводе «Диониса и прадионисийства» Иванов упоминает имя Лобека рядом с его учителем Г. Германом и рядом с Виламовицем, противопоставляя их метод методам К.-О. Мюллера, Ф.-Г. Велькера, Э. Роде и А. Дитериха [Ivanov 2012: 274].

В «Дионисе и прадионисийстве» Иванов ссылается на Лобека 27 раз, и все ссылки сохранены в немецком переводе диссертации; примечательно, что в одном случае ссылка перемещена в основной текст: если прежде автор ограничился фразой «Женские дионисийские таинства (teletai) знакомы и Гесиоду» и ссылкой на Лобека [Иванов 1923: 43], то в переводе он добавил, что исходит из мнения Лобека, который основывается на упоминании Гесиодом дочери Девкалиона Фиы [Ivanov 2012: 52]. Таким образом, авторитет Лобека для Иванова был велик и спустя годы.

В ряде случаев ссылки на немецкого ученого нужны Иванову как своего рода *argumentum ab auctoritate*, но нередко он полемизирует с его выводами, причем эта полемика не всегда сопровождается ссылками: например, когда в «Эллинской религии» он утверждает, что орфическая реформа афинского тирана Писистрата закрепляла уже существовавшие обряды, но «некогда обвиняли деятелей этого движения, особенно теолога при дворе Писистрата — Ономакрита, в сознательных подлогах» [Иванов 2014: 184], то под «некоторыми» подразумевается, в частности, Лобек, считавший орфическую доктрину изобретением жрецов.

Тщательно проштудировав книгу Лобека, Иванов часто обращается к ней как к своеобразной хрестоматии, заимствуя оттуда цитаты из древних авторов, которые немецкий филолог скрупулезно собрал в своем объемном труде. В личном фонде Иванова в РО ИРЛИ РАН сохранились подготовительные материалы к диссертации о Дионисе (Ф. 607. Ед. хр. 223), содержащие, в числе прочего, карточки с выписками из первоисточников и из работ ученых, включая Лобека. Выписки из «*Aglaophamus*» — это преимущественно цитаты из источников. Не все цитаты вошли в книгу «*Дионис и прадионисийство*», но иногда Иванов приводит сразу несколько примеров, собранных Лобеком в одной главе, так что можно говорить о влиянии самого принципа отбора и расположения цитат. Так, в девятом параграфе девятой главы Иванов приводит орфический гимн о Солнце и оракул Аполлона из «*Сатурналий*» Макробия, оракул из «*Церковной истории*» Сократа, три стиха из Авсония, цитату из Арнобия, орфическое изречение из Юлиана, стихи Марциана Капеллы, а в примечаниях — еще цитаты из Сократа, Авсония, Арнобия и Иустина [Иванов 1923: 179–182]. Все эти цитаты в том же объеме можно найти у Лобека, причем большинство — в одном параграфе о теокрасии [Lobeck 1829: 460–465]. Но если Лобек рационалистически объясняет присутствие в поздних источниках идеи монотеизма (например, заимствованием) и не делает далеко идущих выводов о почитании Диониса, то Иванов в тех же самых источниках видит естественное развитие дионисийской религии, подтверждающее изначальную склонность орфического культа к монотеизму.

Таким образом, Вяч. Иванов, хотя и критиковал подход Х.-А. Лобека к изучению орфизма, однако во многом зависел от его труда потому, что активно использовал и интерпретировал собранный им материал.

Литература

Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. Баку: 2-я Государственная типография, 1923.

Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога // *Символ*, 2014. С. 7–202.

Ivanov V. I. Dionysos und die vordionysischen Kulte. Tübingen: Mohr Siebeck, 2012.

Lobeck C. A. *Aglaophamus sive de theologiae mysticae Graecorum causis*. Königsberg: Gebrüder Bornträger, 1829.

Исследование проведено в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН в рамках работы по гранту РФФ № 23-28-00514 «Научно-педагогическое наследие Вячеслава Иванова (малоизвестные статьи и неопубликованные материалы)».

Корсунская Анастасия Геннадьевна

канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка,
Военный институт физической культуры

ЛИРИЧЕСКАЯ КНИГА О. А. ОХАПКИНА «МОЛЕНЬЕ О ЧАШЕ»: ОПЫТ АНАЛИЗА

Ключевые слова: Олег Охупкин, «Моление о Чаше», лирическая книга, ленинградский самиздат, неподцензурная литература.

Лирическую книгу петербургского поэта О. А. Охупкина «Моление о Чаше» постигла судьба большинства произведений самиздата. Созданная в 1970 году, она увидела свет и пришла к своему читателю спустя более 30 лет — в 2004 году — в год шестидесятилетия ее создателя. Именно тогда издательство «Митькилибрис» решило выпустить одну из книг поэта в честь юбилея [Охупкин 2004]. Иллюстрации выполнены самим Д. В. Шагиным. Следует признать, что в отличие от многих произведений Охупкина у книги в действительности счастливая судьба — она была издана при жизни своего автора.

Актуальность исследования обусловлена тем, что предметом специального анализа лирическая книга Охупкина «Моление о Чаше» становится впервые. Значимость изучения данного произведения представляется безусловной, так как текст лирической книги Охупкина — артефакт литературного процесса в России 60–70-х гг.

В «Моление о Чаше» объединено 55 стихотворных текстов, расположенных в хронологической последовательности, что для Охупкина было принципиальным, так как только естественная последовательность создания текстов, по мнению поэта, отражает логику жизни. И обратившись впоследствии к лирической книге, состоящей, на первый взгляд, из разнородных произведений, читающий сможет восстановить верную последовательность переживаний.

Название книги «Моление о Чаше» — аллюзия на евангельский сюжет. Из девяти известных лирических книг поэта в названии только рассматриваемого произведения содержится отсылка к конкретному эпизоду из Евангелия. В целом использование известных сюжетов из предшествующей культурной традиции является отличительной особенностью стиля Охупкина: лирический род литература не обладает возможностями эпоса для создания событийности, поэтому в целях создания цельного каркаса текста поэт часто обращался к известным сюжетам, уже насыщенным эмоционально и с заданными смыслами.

В исследуемой лирической книге Охупкин делает акцент на одной из многочисленных смысловых составляющих евангельского сюжета. Христос молился Богу Отцу о том, чтобы предначертанное и предсказанное пророками не сбылось по милости Всевышнего: «Отче мой! если возможно, а Тебе все возможно, да минует меня чаша сия; впрочем не как я хочу, но как Ты».

Охупкин в лирической книге «Моление о Чаше» уже в первом тексте высвечивает сквозную и стержневую идею, объединяющую художественное целое: пророк не может быть признан современниками, его слова и деяния устремлены в будущее.

Здесь Охупкин создает смысловую параллель. Творчество поэта ленинградского самиздата — представителя «второй» культуры России — в чем-то напоминает судьбу Христа — непризнанного в своем Отечестве пророка. Книга «Моление о Чаше» — о представителях творческой интеллигенции Ленинграда 60–70-х гг., чье художественное наследие в значительном количестве случаев так и осталось не признанным вовремя, то есть в ту эпоху, которой оно принадлежит. Большая часть текстов авторами вполне осознанно создавалась для будущего.

В лирической книге «Моление о Чаше» Охупкин рассматривает личность художника в контексте эпохи. При этом фокусом лирических переживаний становится современный автору Ленинград, где в конце 60-х гг. произошло знакомство двух поэтов — Охупкина и Бродского. Именно Бродскому посвящена книга «Моление о Чаше»:

Тебе, небесный брат, оратор вольный,
Тебе мой мирт и лавр с тех пор, как Смольный
Собор нас посвятил друг другу. Ты
Забывать не должен гордой высоты.
Где мы с тобой пред городом и Богом
Стоим и по сей день двойным итогом
Шестидесятых века. Наш союз
Превыше нас и наших дружных муз [Личный архив].

Стихотворение о двух поэтах, олицетворяющих эпоху, являющихся знаковыми лицами времени. Через два года после создания этого текста в 1972 году Бродский эмигрирует в Австрию, а Охепкин навсегда останется в Ленинграде-Петербурге. Бродский получит Нобелевскую премию и станет всемирно известным поэтом, а первый небольшой стихотворный сборник Охепкина появится в большой печати только в 1989 году. Именно так разительно сложились судьбы поэтов одного поколения.

Художественное время лирической книги многослойно: помимо событий культурной жизни Ленинграда рубежа 60–70-х гг., автор обращается к предшествующим эпохам и смежным видам искусства с целью создания важных смысловых акцентов.

Так в «Моленье о Чаше» Охепкин упоминает двух гениев музыки — Бетховена и Баха. В стихотворении «Посвящается Бетховену» представлен процесс творения в двух видах искусства — музыке и литературе:

Что совершенней тишины?
Об этом знал глухой Бетховен,
Чьи мозг и сердце сожжены
Не столько в угольях жаровен
Треножника и алтаря,
Сжигающего душу Феба,
Сколь глухотой, благодаря
Чему он слышал недра неба [Личный архив].

Глухота — источник гениальности музыки Бетховена, вот почему поэт должен искать тишину:

Едва лишь душу всполошишь
Тревогой слуха, оглушенный,
Второй Бетховен, слышишь тишь,
И плачешь, ею сокрушенный [Личный архив].

Акустический мир Охепкина — явление особенное. Это не наличие звуков, но ровно наоборот — их отсутствие. Тишиной всегда должен сопровождаться творческий процесс, ибо тогда художник получает возможность услышать «недра неба». Приобретенная физиологическая глухота Бетховена воспринимается Охепкиным как некий дар, как великая способность проникнуть в суть мироздания.

Литература

Личный архив О. А. Охепкина (личный архив хранится у вдовы поэта Т. И. Ковальковой; материалы, представленные в статье, публикуются с её разрешения).

Охепкин О. А. Моленье о Чаше. СПб.: Митькилибрис, 2004. 101 с.

Лаппо-Данилевский Константин Юрьевич

ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

ФОРМАЛЬНАЯ ШКОЛА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ТЕОРИЯ ЗВУКООБРАЗА ВЯЧ. ИВАНОВА

Ключевые слова: теория литературы, символизм, формализм, Вячеслав Иванов.

Отношение футуристов к литературной теории и практике писателей символистов (поначалу сдержанное, а порой и сочувственное, в дальнейшем же все более критическое) неоднократно подвергалось рассмотрению. В то же время восприятие символистами идей формализма и реакция на них исследованы явно недостаточно. В настоящем докладе будет обращено внимание на тот интерес, что проявил к утверждающемуся формализму поэт Вячеслав Иванов (1866–1949), один из наиболее значительных представителей литературы символизма в России, а также то, какое значение это имело для его теоретических воззрений, его понятийного аппарата и взглядов на глоттогенез и сущность поэтического творчества. Именно эти проблемы затрагивались в ранних публикациях формалистов, и прежде всего Виктора Шкловского. Отталкиваясь от высказываний Шкловского, отчасти соглашаясь с ними, а отчасти и полемизируя, Вяч. Иванов вырабатывает понятие «звукообраза», которое займет важное место в его печатных и устных выступлениях 1920-х годов.

Судя по всему, близкое знакомство Вячеслава Иванова с публикациями формалистов произошло довольно поздно, во время службы поэта в Наркомпросе. Как известно, лишь осенью 1918 года поэт признал, что большевистский режим достиг известной стабильности, и это означало для него неизбежность сотрудничества с советскими культурно-просветительскими учреждениями. 15 октября 1918 года он стал председателем Бюро Историко-теоретической секции Театрального отдела Наркомпроса. В 1919–1920 годах Вяч. Иванов работал также редактором отдела литературы и филологии в Научном отделе Государственного издательства, где в его обязанности входило, помимо прочего, рецензирование статей, предполагавшихся к публикации в изданиях Наркомпроса. Так Вяч. Иванову выпало по долгу службы оценить работы трех молодых ученых из лагеря формалистов: статью Б. В. Томашевского о ямбах Пушкина, полемическое выступление Р. О. Якобсона против «Науки о стихе» В. Я. Брюсова (1919) и исследование Б. И. Ярхо о латинской поэзии Каролингской эпохи.

Вскоре после этого Вяч. Иванов пишет обзор «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» (1920; опубл. 1922), в котором он рассматривал сочинения трех писателей-символистов: статьи Андрея Белого «Жезл Ааронов — о слове в поэзии» (1917) и «О художественной прозе» (1919), «Науку о стихе» (1919) В. Я. Брюсова и «Видение поэта» (1919) М. О. Гершензона. Здесь же Вяч. Иванов отрецензировал сборник «Поэтика» (1919), важнейший в ряду других манифестаций русских формалистов. Его составили статьи В. В. Шкловского, Л. П. Якубинского, Е. Д. Поливанова, О. М. Брига и Б. М. Эйхенбаума. При этом Шкловский количественно доминировал — был представлен четырьмя публикациями. Две из них уже были ранее напечатаны, две напечатаны в «Поэтике» впервые (далее сохранен порядок помещения статей в сборнике): «Потебня» (1919), «О поэзии и заумном языке» (1916), «Искусство как прием» (1917), «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля» (1919).

Для темы настоящего доклада особенно важна вторая из данных работ Шкловского — «О поэзии и заумном языке» (1916); в ней сочувственно цитируется пассаж о предпочтении Пушкиным в его поэме «Цыганы» звука «у» — «то глухого и задумчивого, уходящего в былое и минувшее, то колоритно-дикого» из статьи Вяч. Иванова «О „Цыганах“ Пушкина» (1908). Развивая свои мысли, Шкловский обращается к знаменитому труду Вильгельма Вундта «Психология народов» («Völkerpsychologie»), которым он пользовался, опираясь на обширное приложение «Вильгельм Вундт и психология языка» в книге Ф. Ф. Зелинского «Из жизни идей» (1911). Шкловский упоминает термин Вундта «Lautbild», явно затрудняясь найти для него русский эк-

вивалент, — он говорит то о «звукообразных словах», то о «звуковых образах», имея в виду «факт вызывания эмоций звуковой и произносительной стороной слова».

В своем обзоре, соглашаясь со Шкловским в том, что поэтам свойственно тяготение к «заумным, ничего не значащим словам», Вяч. Иванов противопоставляет десемантизированной зауми понятие звукообраза (в сущности речь идет о том же заумном языке, звукосочетания которого, по убеждению Вяч. Иванова, изначально сопряжены с зачаточными образными значениями). В потенции звукообраз оказывается связанным с мифом как его первый, зарождающийся прообраз и тем самым включен в контекст более ранних размышлений Вяч. Иванова о мифе и символе. Но «звукообраз» важен для Вяч. Иванова не только как лингвистическая категория, наглядно иллюстрирующая процесс словопорождения, но и как термин психологии творчества, благодаря которому может быть запечатлен один из ключевых моментов создания поэтического произведения. Постулируемая поэтом изначально «семантическая заряженность» глоссоаллических звучаний приводит к тому, что «заумь» в интерпретации Вяч. Иванова противостоит ее пониманию Шкловским, для которого как раз десемантизированность зауми является залогом ее поэтического воздействия.

Сформулированная в обзоре «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» (1920; опубл. 1922) концепция звукообраза получает свое дальнейшее развитие в лекциях по поэтике, прочитанных Вяч. Ивановым впервые в 1922 году в Азербайджанском государственном университете и затем дважды им там повторенных, а также в статье «К проблеме звукообраза у Пушкина», написанной в Риме в марте-апреле 1925 года и опубликованной во второй книге «Московского пушкиниста» в 1930 году.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00514, <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>, ИРЛИ РАН.

Лю Гаочэнь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st112042@student.spbu.ru

ЦАРТ-ДВОЙНИК: ИЗ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ МИСТИФИКАЦИИ

Ключевые слова: мистификация, Арно Царт, самиздат, журнал «Обводный канал».

Литературная мистификация в истории русской литературы представляет собой одну из важных тем, требующих особого внимания (см. работы Е. Ланна, Ю. Масанова, И. Поповой и др.). В докладе рассмотрена мистификация позднесоветского периода — сочинения «Арно Царта», вымышленного эстонского поэта. Розыгрыш был инициирован Е. Шварц, а потом подхвачен и обыгран другими поэтами самиздата.

Продукты совместного творческого акта отражают эстетический вкус и поэтический кругозор авторов, а также обозначают их общие идейно-духовные ориентиры. Эти тексты показывают внимание поэтов-неофициалов к религиозно-философским темам, их эрудицию в разных системах культурологием, и, самое важное, — интерес к маскировочно-игровой форме самовыражения и стремление к актуализации мифолого-метапоэтических представлений.

Псевдоним «Арно Царт» Е. Шварц придумала в 1979 году, а в 1981 году устроила «поэту» два дебюта (заочный и очный) перед участниками небольшого поэтического кружка [Шварц 2005]. Публику восхитили стихи, посвященные любви Царта к воображаемой лисице-оборотню из Китая. На основе сборников Е. Шварц «Стихи» (1987) и «Mundus Imaginalis» (1996) принято считать, что Цартом написано всего 5 произведений. Кроме двух открывающих цикл стихотворений, «Повесть о Лисе» (8 глав), «Стихи Лисы» (4 стихотворений) и «Второе путешествие лисы на северо-запад» (8 глав) представляют собой почти зеркальную структуру [Хабибуллина 2012: 374]. Некоторые из них были написаны, вероятно, после разоблачения мистификации, но невозможно установить, какие именно: цикл имеет общую датировку «1981 — фев. 1984».

У шварцевского Царта обнаруживается ряд религиозно-философских мотивов: 1) Буддистской «сансарой» овеяно нарушение чередования времен года в стихах, смешение хронотопов; 2) Медитация лирического героя уподоблена «сну Чжуан-Цзы о бабочке»; 3) Некоторые афористичные фразы напоминают библейские цитаты своей лаконичностью и поучительностью. Отметим и мотивы «искушения», «преображения», «обращения к Лисице Небесной с молитвой».

Другая характерная черта первичного Царта — установка «маска в маске». Вымышленный автор тут тождествен лирическому герою, ведущему повествование, и персонажу самой легенды. Отсюда берут начало метафорические формулы с представлениями «метапоэтики». По словам лисы-оборотня, стихи поэта-эстонца — сплав его «крови, слюны и земли», но, с другой стороны, бунтуют против его «владычества», ходатайствуя о зависимости и даже желая смерти творца. Переосмысливаются отношения между автором и текстом.

Чтобы обещанный визит поэта-эстонца к читателям состоялся, Шварц попросила Ю. Латышеву выдать себя за Царта и прочесть подготовленные ею стихи. Вопреки ожиданиям, жертвы мистификации, догадавшись о розыгрыше и не разоблачив его, стали предлагать собственные стихи вместо цартовских. С этого момента мистификация превратилась в «сотрудничество без уговора». К акции присоединились три поэта: В. Кривулин, затем С. Стратановский и А. Миронов. В самиздатском журнале «Обводный канал» опубликованы их стилизации [Обводный канал 1982–1983].

Кроме постоянно действующих лиц, т. е. Царта и Лисы, их «сиквелы» объединены и множественностью заданных Шварц условностей. Так, типичный сюжет «прогулка по берегу моря» нашел свое отражение как у Кривулина, так и у Миронова; а у Стратановского сохранились те же культурные элементы и та же сентиментальная тональность.

В общем, моделирование было в первую очередь на словесно-образном уровне, но коснулось также строфики и структуры стихов: в строках Кривулина, состоящих лишь из коротких номинативных предложений, обнаруживаются элементы восточной пейзажной поэтики и сим-

метричное расположение слов и эпизодов, напоминающее древнекитайские просодические приемы и философские схемы.

Немаловажны и индивидуальные стратегии обыгрывания для демонстрации собственного видения мира. Развивая шварцевский образ «тонко свистящего ветра» (знак явления лисы-мага), Кривулин создал свою версию мимолетной эпифании мистического духа, «ледяную струйку». У Миронова библейские мотивы облечены в более замысловатую форму: ср. стройку из собранных камней отвесных скал (а не шатров, или алтаря), рабство и служение в подземных садах (а не в земле или на небесах) и т. д.

Отметим, что у «Царта-младшего» также очерчены метапоэтические мысли: то воспроизводится автономность поэтического письма («Освободясь от моего насилия, // летит перо само собою, чертит // готические арки, островерхий // подробный город, окруженный рвом.»), то выдвигается новая идея печальной кончины поэзии, эстетики («Я вспоминаю плакальщицу-иву, // нефритовую глубину пруда, // где умершая поэтесса, // одежды сбросив, медлила войти // в зеленое свое подобье.»).

Участие коллег в розыгрыше не приветствовалось инициатором. Шварц выразила категорический протест против «самозванства», видимо, из своего энтузиазма, «детской» преданности задуманной ей самой литературной игре. О своей «монополии» на псевдоним она даже заявила в комментариях при издании стихов (в шутку — уже постфактум). Ведь новаторство культурного проекта и авторство умственного труда всегда остаются «святыней» литераторов, особенно в самиздатских кругах.

Литература

- Айзеништейн Е.* Хьюмби-поэт, или Цветные ангелы Елены Шварц // Нева. 2015. № 5. (без нумерации). URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2005/10/v-raznyh-zhanrah.html> (дата обращения: 04.01.2024).
- Обводный канал. № 3–4 (1982–1983). URL: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3Aobvodnyikanal> (дата обращения: 04.01.2024).
- Хабибуллина М.* Своеобразие жанра «маленькой поэмы» Е. Шварц (на примере поэмы «Сочинения Арно Царта») // Дергачевские чтения: материалы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Т. 2. С. 372–376.
- Шварц Е.* В разных жанрах: происхождение Арно Царта // Нева. 2005. № 10. (без нумерации). URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2005/10/v-raznyh-zhanrah.html?ysclid=lqs39eyueo532931761> (дата обращения: 04.01.2024).

Лю Найшо

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st096540@student.spbu.ru

«МАНЬЧЖУРСКИЙ ТЕКСТ» В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ДИАСПОРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Ключевые слова: литература русского зарубежья, дальневосточная диаспора, «маньчжурский текст», коммуникативные знаки-коды, синтез культур Востока и Запада.

В современном литературоведении возрос научный интерес к изучению локальных текстов, принципов их кодификации и составляющих их символических знаков. Благодаря семиотическим исследованиям Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова, «петербургский текст» был рассмотрен как сверхтекст, на основе которого продолжены исследования «московского текста», «лондонского текста», «шанхайского текста», «харбинского текста» в рамках поэтики русской литературы [см. Лотман]. Актуальность темы обусловлена, во-первых, тем, что необходимо определить понятие «маньчжурский текст» и его отличие от «харбинского текста», так как в некоторых исследованиях встречаются случаи, когда «маньчжурский текст» рассматривается в единстве с «харбинскими текстами». Во-вторых, данное исследование имеет большое значение для глубокого изучения литературы русской дальневосточной эмиграции первой половины XX века, так как намечены лишь отдельные аспекты разработки данной темы в работах А. А. Забияко, Н. И. Белозубовой, Цуй Лу и др.

Цель нашего исследования — рассмотрение малоизученной проблемы и сравнительный анализ различий между «маньчжурскими» и «харбинскими» текстами. Это позволяет углубить представления о природе и функциях «маньчжурского текста», выявить его культурно-историческую, семантическую и мифопоэтическую основы.

Малоизученным материалом является сборник рассказов «Звезды Маньчжурии» (1934) А. П. Хейдока, собрание сочинений «В горах и лесах Маньчжурии» (1914) и повесть «Великий Ван» (1936) Н. А. Байкова как представителей дальневосточной эмиграции, а также книга «По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии» (1903) П. Н. Краснова, дневниковые записи «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» (1898) Н. Г. Гарина-Михайловского и другие тексты русских писателей-предшественников в развитии этой темы.

Междисциплинарный и компаративный анализ с применением принципов семиотического анализа, предложенного Ю. М. Лотманом и В. Н. Топоровым, проведенный нами, показал перспективность исследования «маньчжурского текста» как метатекстового образования, возникшего в литературе русской дальневосточной диаспоры. На основе аналитического прочтения произведений писателей дальневосточной диаспоры А. П. Хейдока, Н. А. Байкова и их предшественников — писателей П. Н. Краснова, Н. Г. Гарина-Михайловского выявлены типологические признаки «маньчжурского текста», позволяющие понять его коммуникативные знаки-коды и проанализировать язык «текста» маньчжурской культуры.

В результате анализа было установлено, что на основании проделанного анализа произведений, в которых Маньчжурия является центральным образом-топосом, можно предположить, что «маньчжурский текст» сформировался как локальный текст русской литературы XX вв., когда КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога) была поделена между Советским Союзом и Китаем. Критериями выделения «маньчжурского текста» служит лексический состав произведений:

- 1) слова с семантикой красок («буровато-серый фон» [Байков 2009: 55], «солнце багрово-красным диском» [Байков 2009: 70] и др.);
- 2) слова с семантикой запаха («чистый, как кристалл [или хрусталь] (курсив мой — Н. Л.),

- горный воздух был напоен ароматом цветов и дыханием земли» [Байков 2009: 55]);
- 3) слова с семантикой звука («космическое спокойствие» [Хейдок 1994: 24], звуки хищных зверей и птиц: напр. «пу-гу» [Байков 2009: 55]);
  - 4) слова, называющие предметы и понятия восточной культуры (напр. закон тайги, закон природы, культ Духа Леса и Гор, культ священных мест, культ тигра, буддийская или даосская кумирня, образ таежника, образ деревенского колдуна, образ маньчжуров-звероловов, образ хунхузов, образ тигра и др.);
  - 5) слова-топонимы (напр. Маньчжурия, гора Татудинзы, берег Амура, хребет Малого Хингана и др.);
  - 6) слова, обозначающие специфику маньчжурского ландшафта (тайга, горы, речная долина и др.);
  - 7) мифологемы, такие, как Маньчжурия -- пространство полудикое, Маньчжурия -- пространство миров, Маньчжурия -- место вечного успокоения, Маньчжурия -- Вселенная, Маньчжурия -- город тайги, Маньчжурия -- мир вечного возвращения, Маньчжурия -- мир, в котором действуют инстинкты, жизненный опыт, азарт и закон природы.

Таким образом, «маньчжурский текст» имеет свой собственный «язык», и в нем представлен синтез традиций культур Востока и Запада. Писатели используют элементы восточного языка и философского мышления для создания образов, мотивов и сюжетов, важных для обретения своего родного дома в чужом пространстве как освоенном сознанием. Этот «текст» основан на оппозиции «своего» и «чужого», «прошлого» и «настоящего», «культуры» и «природы», «космоса» и «хаоса», «вечного» и «обречённого». Поэтому можно определить его, вслед за Топоровым, как насыщенный «монолитностью максимальной смысловой установки» [Топоров 2003: 27]. Он намечает путь к вечному возвращению во времени (напр. «ненарушимой тишины сна, смерти и покоя, рожденного вечностью» [Хейдок 1994: 25]). Русская литература дальневосточного зарубежья первой половины XX века, с этой точки зрения, представляет собой метатекстовое образование, которое формируется на основе синтеза традиций культуры Запада и Востока, диалога и взаимообогащения восточной, западной и русской философии, культуры и литературы.

Литература

- Байков Н. А. Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009.
- Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2. Таллин: Александра, 1992. С. 9–22.
- Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПб, 2003.
- Хейдок А. П. Огонь у порога. Магнитогорск: Амрита-Урал, 1994.

Маштакова Любовь Владиславовна

канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН;
lika170288@mail.ru

ШКОЛА РЕАЛИСТИЧЕСКОГО СИМВОЛИЗМА: ВЯЧ. ИВАНОВ В РЕЦЕНЗИЯХ НА КНИГИ УЧЕНИКОВ

Ключевые слова: реалистический символизм, школа символизма, Вяч. Иванов — педагог, литературная критика, Общество ревнителей художественного слова.

Принципы реалистического (религиозного) символизма были сформулированы Вяч. Ивановым в 1900-е гг. Реалистический символизм как проект позволил искусству выйти за рамки художественно-эстетических принципов к особому мировосприятию и теургическим принципам искусства, что нашло отражение в этапном для развития символизма сборнике статей Вяч. Иванова «По звездам» (1909) [Созина, Маштакова 2017]. Под «проектом» мы имеем в виду не идеи «реалиоризма», воплощенные в манифестах, вошедших в этот сборник, но и сформировавшуюся вокруг Иванова школу: от собраний на знаменитой «Башне», школы «Поэтической академии» — до Общества ревнителей художественного слова (далее — ОРХС) и других объединений как практик коммуникации. Анализ протоколов собраний и многочисленным дискуссиям посвящены работы Н. А. Богомолова, М. Л. Гаспарова, О. А. Кузнецовой, взаимоотношениям с молодыми поэтами — Е. А. Бусыгиной; подробно освещалось ученичество у Иванова-педагога отдельных поэтов. Проблема наставнической роли Иванова в процессе развития его собственных идей и значение этих идей для начинающих поэтов специально не рассматривалась.

Исследование проведено на материале малоизученных рецензий Иванова, опубликованных в журнале «Аполлон» (1910. № 7) на сборники стихов: М. Волошина (Стихотворения. 1900–1910 (1910); Н. Гумилева (Жемчуга (1910)); А. Герцык (Стихотворения (1910)) [Иванов 1910]. Важны критерии оценки теоретиком русского символизма сборников начинающих поэтов в соответствии с задачами развития этого движения. Рецензии представляются единым блоком, отражающим дискуссии в ОРХС. Они предваряют программную статью Вяч. Иванова «Заветы символизма» (Аполлон. 1910. № 8), «Мысли о символизме» (Труды и дни. 1912. № 1) и размежевание круга Иванова с В. Я. Брюсовым, А. Белым, А. А. Блоком [Грякалова, Титаренко 2017] и акмеизмом. Каждая из рецензий представляет собой практический пример воплощения ивановской теории преодоления кризиса символизма, а также манифестирует единство школы поэтов, группирующихся вокруг ОРХС, журнала «Аполлон» и прежде всего самого Иванова как лидера символистского движения.

В рецензии на книгу М. Волошина Иванов подчеркивает его ученичество: живопись учила поэта «видеть природу» особым зрением, книги о тайном знании — слышать сокровенное, творения поэтов — воплощать мелодию в звуки. Наблюдение согласуется с откликом М. Кузмина (тот же номер «Аполлона»): он называет поэта оккультистом и живописцем-импрессионистом. Оба определения поэтики Волошина лежат в русле дискуссий в ОРХС о типах творческого дара. В 1912 г. свою типологию представит Ю. Верховский, другой ученик Иванова. Он выделяет «мастера», «импровизатора» и «синтетика», позднее он доработает ее под влиянием статьи учителя «Мысли о символизме» [Верховский 1912]: это классическая триада поэта-живописца, певца и мудреца. Символистское искусство требует объединения художественных принципов, и Волошин ему соответствует. Однако для Иванова в искусстве символизма важна не только созидательная, но и движущая сила поэтического дара — умение и «поглощать мир», и «расточать душу», то есть быть жертвенно направленным вовне, в мир. Здесь он противопоставляет «Аполлона строя» «Дионису жизни». Подобное замечание находим в рецензии Иванова на книгу Гумилева. Он отмечает преобладание эпического начала в его поэзии над лирическим: там, где необходима отзывчивость на живую жизнь, появляется сказка. В рецензиях Ивановым выделяются «щедрость» и «отзывчивость» — две силы, движущая, коммуникативная, и сози-

дательная, лирическая, необходимые поэту-символисту, обе направлены на взаимодействие с внешним миром, поэтому они дионисийские по сути. Такой тип коммуникации представляет и поэзия А. Герцык, в которой происходит «возврат слова к стихии мифа». Способность поэзии Герцык магически очаровывать («деять чары»), обрядовая основа, не атавистическая, а органическая, близкая к изначальным функциям поэтической речи (что будет значимо для Иванова в дальнейших дискуссиях о путях искусства), прощает ей, как он считает, неровности и безыскусность формы. В рецензиях Иванова роль мастеров формы отдана Волошину и Гумилеву, однако книги двух поэтов объявляются нежизненными, в отличие от формально несовершенной книги Герцык. Три текста логически продолжаются статьей «Заветы символизма» с ее известными положениями о «ноуменальной открытости» художника и символической поэзии как «магическом внушении». В статье был продолжен разговор о преодолении кризиса символизма, вызвав полемические отклики некоторых поэтов и прежде всего А. Белого и А. Блока.

Литература

Верховский Ю. О символизме Боратынского // Труды и дни. 1912. № 3. С. 1–9.

Грякалова Н. Ю., Титаренко С. Д. Маргиналии А. Блока на статьях теоретиков символизма // Die Welt der Slaven. 2017. Bd. 62 (1). S. 100–115.

Иванов Вяч. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1910. № 7. С. 38–42.

Созина Е. К., Маштакова Л. В. Книга Вяч. Иванова «По звездам»: принципы «единого мирозерцания» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 1. С. 102–112.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-28-00514, <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>, ИРЛИ РАН.

Мельникова Софья Владимировна

канд. филол. наук, доцент, гл. научный сотрудник отдела библиографии,
Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека
им. И. И. Молчанова-Сибирского; metuaristika@yandex.ru

ПУТЕВАЯ ПРОЗА СИБИРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.: К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: сибирская словесность, путевая проза, православное духовенство, историко-литературный процесс.

Основы сибирской литературы были заложены в церковной словесности и исторической прозе рубежа XVII — XVIII вв.; становление светской литературной традиции началось в 1830-е гг.; наиболее значимый период регионального литературного развития пришелся на вторую половину XIX — начало XX вв. Одну из ключевых ролей на всех этих этапах играла путевая проза: в ней формировался язык описания Сибири и закладывались основы регионального самосознания, которые, в условиях полиэтничности и поликонфессиональности территории, определялись преимущественно географией как наиболее очевидной и универсальной основой сибирской идентичности.

Дореволюционная сибирская путевая проза (сочинения А. П. Словцова, Н. С. Щукина, Н. М. Ядринцева и проч.), а также путевая проза о Сибири (от дневников академических экспедиций XVIII в. до очерков В. Г. Короленко и А. П. Чехова) достаточно хорошо изучена, за исключением одной группы текстов — травелогов сибирского православного духовенства. Вместе с тем это достаточно обширный (не менее 400 наименований) корпус оригинальных, созданных на сибирском материале текстов, которые, по сути, только ожидают введения в научный оборот и включения в историю сибирской словесности, картина которой без их учета не может быть признана полной.

В основе травелогов духовенства изначально лежал церковный документ. Составление путевых журналов и отчетов входило в служебные обязанности миссионеров, а также лиц, сопровождавших архиереев в их поездках по обозрению епархий. Также могли описываться поездки при переводах по службе, весьма распространенных в синодальный период, и паломнические путешествия. Практически не встречаются описания частных поездок. Большая часть травелогов сибирского духовенства была создана и опубликована во второй половине XIX — начала XX вв., чему способствовало появление и развитие в это время епархиальной периодики.

Тексты травелогов могут быть поделены на два типа, определяемые двумя авторскими установками. Одни авторы остаются в рамках официального (институционального) дискурса и рассказывая, например, об обстоятельствах миссионерской поездки, ограничиваются соблюдением формальных требований к такого рода текстам и ориентируются на устоявшуюся структуру. Другие же, напротив, стремятся к преодолению рамок официального документа, приближаясь к литературно-художественному дискурсу и создавая сочинения, которые могут быть определены как путевая проза.

Переход от путевого отчета как церковного документа к эстетически организованной путевой прозе осуществляется за счет вводимых в текст описаний и рассуждений, метатекстовых элементов (предисловия, эпиграфы и проч.), внутритекстовой символики, интертекстуальности, нарративности и других приемов беллетризации. Их применение свидетельствует о расширении авторской модальности — включении в нее собственно эстетических задач. В результате присущая документу логическая и причинно-следственная связь событий перестраивается в эмоционально-ассоциативную, а сами сочинения наделяются аксиологическими и онтологическими смыслами, присущими целостному религиозному и в то же время эстетическому высказыванию.

Организованная подобным образом путевая проза духовенства реализуется в жанровых стратегиях литературного путешествия, мемуарно-автобиографических записок, публицистического очерка. При этом она оказывается чувствительна к современным ей тенденциям светской литературы и жанровым образцам, подобным сентиментальному литературному путешествию.

Среди наиболее значимых и эстетически совершенных примеров путевой прозы сибирского духовенства второй половины XIX — начала XX вв. можно назвать «Путевые записки» архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) [Православные духовные писатели 2018], путевые дневники епископа Герасима (Добросердова) [Православные духовные писатели 2019] и протоиерея П. В. Громова, «Путешествие по Лене» епископа Иакова (И. П. Домского), записки миссионера А. И. Аргентова и др. [Православные духовные писатели 2022]

Специфика этих сочинений определяется соединением в них духовной и светской традиций. С одной стороны, они сохраняют связь с хождениями и паломнической прозой, метафорически переосмысливают мотивы апостольского деяния и духовного странствия, с другой, в них реализуются типичные для региональной литературы способы концептуализации сибирского пространства (от летописного травелога до имперского), что сближает сочинения духовенства со светской путевой прозой. Соединение универсального христианского мировоззрения с региональным самосознанием сибиряков создает уникальную, но еще практически не востребованную сибирским литературоведением версию сибирского текста.

Изучение путевой прозы дореволюционного сибирского духовенства и введение ее в научный оборот, очевидно, способно открыть новые аспекты в становлении сибирской литературы как художественной системы, чье развитие определялось, в том числе, диалогом духовной и светской словесности. Полученные выводы, в свою очередь, могут быть применены к интерпретации общенационального литературного процесса XIX — начала XX вв.

Литература

- Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII — начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) / авт.-сост. С. В. Мельникова. Иркутск, 2018. 352 с. (Мемуары сибирского православного духовенства XIX века; вып. 3.)
- Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII — начала XX века: библиографический словарь / гл. ред. С. В. Мельникова, науч. ред. Д. Н. Шилов; сост. С. В. Мельникова [и др.]. Иркутск, 2022. 438 с.
- Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII — начала XX века. Дневники святителя Герасима (Г. И. Добросердова) / авт.-сост. С. В. Мельникова. Иркутск, 2019. 192 с. (Мемуары сибирского православного духовенства XIX века; вып. 4).

Николаева Екатерина Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы,
теории литературы и методики обучения литературе,
Новосибирский государственный педагогический университет; nikks@ya.ru

РЕКЛАМА И КОМИКСЫ О СУПЕРМЕНЕ В «ПРОСВЕЧИВАЮЩИХ ПРЕДМЕТАХ» В. НАБОКОВА

Ключевые слова: Набоков, реклама, комиксы, Супермен, «The Man of To-Morrow's lament», «Просвечивающие предметы».

Острое зрение Набокова-писателя было обращено к вещи: ее цвету, фактуре, материалу, функциональности и т. п. Но еще одна сфера, связанная с ней — реклама и маркетинг интересовали писателя не меньше. Он неоднократно упоминает рекламу в романах «Отчаяние», «Истинная жизнь Себастьяна Найта», «Лолита», «Просвечивающие предметы» и др. произведениях, — сравнивает героев, явления и др. с рекламой и процессами в этой индустрии. Обращается писатель к рефлексии по поводу рекламы, ее приемов и в статьях («Наш господин Чичиков», «Николай Гоголь» и др.). Интерес Набокова к рекламе неоднозначен: он много говорит о ее пошлости, примитивности и плоской изобразительности, ее вездесущести, но сам использует конкретные ее проявления не только для обрисовки среды, хронотопа (например, как в «Лолите», где отражен быт и повседневная «идеология» Америки), но и как «знак», «подтекст». Так, в «Просвечивающих предметах» Набоков обращается к двум рекламным продуктам: путеводителю «Мишлен» и вывеске «Допплер». Первый из них выпускался производителем шин с одноименным названием и официальным маскотом — Бибендумом — человеком, состоящим из уложенных друг на друга шин. Зная эту рекламу и прибегая к описанию Бибендума как «резинового» червя, в статье «Наш господин Чичиков», Набоков сравнивает с ним «округлого» Чичикова, который кажется писателю «тугим, кольчатым, телесного цвета червем» [Набоков 2004], интерпретируя тем самым его жизнь как путь пошлого и лишённого христианской метафоризации «жалкого червя мира сего».

Упоминание путеводителя «Мишлен» с «его установкой на картографическую точность и информативность делает его своего рода текстом, моделью реальности, в набоковском мире всегда специфически преломленной» [Николаева 2019]. Для героини романа, намечаемый путь по «Красному gidу» в реальности становится дорогой к смерти.

В романе герой видит рекламу «Допплер» (нем. *doppel* — «двойной», *Doppelgänger* — «двойник»). В этой же главе — отсылка к еще одному продукту, созданному для массового потребления — комиксу. Интерес к такого рода текстам в поэтике Набокова усилился в связи с обнаружением в 2021 году А. Бабиковым стихотворения «The Man of To-Morrow's lament» / «Жалобная песнь Супермена» (1942), считавшегося ранее утраченным. Исследователь отмечает, что Супермен появляется в таких романах, как «Лолита», «Просвечивающие предметы» и др. [Бабиков 2023]. Детально изученные А. Бабиковым история создания и контекст этого стихотворения [Бабиков 2023] открывают возможности для новых интерпретаций ряда произведений, в том числе и «Просвечивающих предметов».

Переключающаяся на лиловый цвет реклама «Допплер» рассмотрена нами как своеобразный прием — ее мигание осуществляет «переключение» между двойниками в духе историй о Супермене. Серия комиксов рисует его инопланетянином со сверхспособностями (в том числе — к полету), но, находясь среди людей, рядом со своей возлюбленной Лоис Лейн, он скрывает их, являясь в образе Кларка Кента, неуклюжего и занудного. В «Просвечивающих предметах» Хью Персон неуклюжий, с «большими лапами», робкий «двадцатидвухлетний угрюмец», влюбленный в Арманду. Но его природа оказывается такой же двойственной, как и в комиксе о Супермене, сверхвозможности которого проявляются и у Хью: «Спроси не что я делаю, а что могу делать <...>. Я могу за три минуты выучить страницу телефонной книги, но не помню собственного телефонного номера. Я могу слагать вирши, <...> каких не будет еще триста лет, но не напечатал ни одного стихотворения <...> я изобрел потрясающий прием подачи <...>, но вы-

дышаюсь после одного гейма. <...> я могу нарисовать непревзойденной призрачности озеро с отражением всех райских гор, но не умею изобразить лодки, моста, паники людей в горящих окнах пламовой виллы. Я преподавал французский в американских школах, но так и не избавился от канадского акцента моей матери, который мне явственен, когда я шепчу на этом языке: «Ouvre ta robe, Déjanire, и я взойду sur mon bûcher». Я могу на дюйм подняться над землей и десять секунд удерживаться, но не залезу на яблоню. У меня есть степень доктора философии, но я не знаю немецкого. <...> Короче говоря, я круглый гений» [Набоков 1998]. Хью, как и Супермен, способен к левитации, мгновенному запоминанию большого объема информации, владеет несколькими языками, суперсилой и огромным ростом («великан Хью»; величина и сила рук, ее сокрушительность в сомнамбулическом состоянии, в котором Персон становится своим «двойником» — Суперменом). Упоминаемая Хью цитата из Мюссе содержит отсылку к образу Геркулеса, восходящего на костер (что символически отзовется в финале книги, где герой сгорает при пожаре). Художники Джерри Сигел и Джо Шустер, создавшие образ Супермена, сожгли первый созданный ими комикс о нем, затем его образ был изменен, в том числе ему были переданы черты мифологических героев, таких как Самсон и Геркулес.

Прослеживаются и другие параллели между романом и комиксами об этом герое. Так, спасаемая Персоном из пожара Джулия, за которую в сомнамбулическом припадке Хью принимает свою жену, в романе носит оранжевую блузку, в такого же цвета платье одета Лоис Лейн. Супермен из комиксов обладает еще одной супервозможностью — микроскопическим зрением: он видит атомы и частицы, и суперзрением: благодаря «рентгену» он может смотреть сквозь любые предметы, кроме свинца. Однако эти способности в романе отданы не Хью, а загадочному «мы», которое наблюдает за всем происходящим на земле, прозрачным для «мы» с точки зрения структуры и процессов: «В мастерской у столяра <...> карандаш изнашивается до двух третей первоначальной длины. <...> можно было бы при желании восстановить всю запутанную историю последовательных срезов, стружки от которых <...> теперь рассыпались на атомы пыли, разбросанные по свету, отчего ужас перехватывает горло <...> Вернувшись еще на некоторое количество лет назад <...> и прослеживая потом историю нашей вещицы в направлении уже сегодняшнего дня, мы увидим, как <...> смешивают очень мелко размолотый графит с мокрой глиной. Эту массу <...> кладут в металлический цилиндр с голубым глазком — сапфир с просверленной в нем дырочкой, через которую и проталкивается графит. <...> он печется, смотрите, как варится в жиру (следуют моментальные снимки кучерявого зарезываемого жиродателя, снимок мясника, снимок пастуха и его мексиканца-отца) и как прилаживают к нему деревянную оправу. <...> Мы видим его в стволе, ствол в дереве, дерево в лесу, а лес в мире, который построил Джек» [Набоков 1998]. Эти два суперсвойства переданы «мы», которое может трактоваться как «авторское «мы»» — личность творца. Отсюда и лиловый блеск рекламы «Допплер», говорящий в поэтике Набокова о творческом начале и присутствии автора, и «рентгеновское» знание «мы» — не только о том, что в желудке героя, но и о его предстоящей гибели. В «Прозвучивающих предметах» обнаруживается связь и с самим стихотворением Набокова о Супермене — автоцитация, трансформированная в роман о «сыне» некоего «мы», напутствующего умирающего героя: «Легче, сынок, легче — сама, знаешь, пойдет!» [Набоков 1998].

Литература

- Бабинов А. «Возвращение “Супермена”» Набокова // Набоков В. В. The Man of To-Morrow's lament / Жалобная песнь Супермена (пер. А. Бабинова) // Набоков В. В. Поэмы 1918–1947. Жалобная песнь Супермена. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2023. С. 183–203.
- Набоков В. В. Истинная жизнь Себастьяна Найта. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 1998. С. 459, 376, 359–360, 444.
- Набоков В. В. Наш господин Чичиков // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 5 т. / пер. с англ.; сост. С. Ильина, А. Кононова; предисл. и коммент. А. Люксембурга. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 1. С. 457.
- Николаева Е. Г. Карты и путеводители в произведениях В. В. Набокова // Русский травелог XVIII–XX веков: Между литературой и документом: коллективная монография / под ред. Н. А. Ермаковой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019.

Отрадин Михаил Васильевич

д-р филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет;
leynina@mai.ru

ДВА РОМАНИСТА ЛИЦОМ К ЛИЦУ (АВТОР И ГЕРОЙ В «ОБРЫВЕ» ГОНЧАРОВА) ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН; ФИЗИОЛОГИЗМ; МЕТОД

В конце романа Райский, у которого скопился целый чемодан набросков и заметок, садится писать роман. Его творческого усилия хватает на то, чтобы написать на странице название, посвящение, эпиграф и только одно слово. И слово это — «однажды». Этим словом начинается «Обыкновенная история» Гончарова. То есть, герой на пороге своего дебюта в качестве романиста сопоставляется с самим автором «Обрыва».

Оригинальность «Обрыва» как романа о писателе в том, что герой пишет произведение о тех же проблемах, ситуациях и героях, что и автор. Заметки и рассуждения Райского часто подаются как рефлексия на роман, который пишет автор-повествователь. С помощью такого приема у читателя формируется «объемный», романский взгляд на конкретные жизненные ситуации. А заметки героя порой приближены по своему содержанию и словесному построению к страницам, которые воспринимаются как принадлежащие автору-повествователю. Читатель видит, как растет творческий потенциал Райского. Но в романе обозначен и предел этого роста. Как обозначен?

Человек, взявшийся в середине XIX века писать психологический роман, неизбежно сталкивался с проблемой: как представить «внутреннего человека». В самом начале своего творчества Гончаров, освоив пушкинский опыт, сделал одно из важнейших для своей прозы открытий: «обыкновенный» человек интересен тем, что в нем, как в почке, заложено «все». Или, во всяком случае, многое. И дело совсем не сводится к влиянию на героя внешних условий его существования. Это было начало растянувшегося на долгие годы спора Гончарова с «философией» физиологизма. О неприятии этого художественного метода Гончаров заставил резко высказаться Обломова. Литератор Пенкин расхваливает некий литературный опус под названием «Любовь взяточника к падшей женщине» и другие подобные этому произведения: «Как возьмут, купца ли, чиновника, офицера, будочника, — точно живым и отпечатают». На что Илья Ильич резко и убежденно заявит: «А жизни-то и нет» [IV, 2].*

С точки зрения автора «Обломова», идеалист — это «неизлечимый романтик». Романизм такого героя не сводится ни к возрасту, ни влиянию определенной среды или какой-то культуры. Первым идеалистом Гончарова был герой его «очерков», носящих название «Иван Савич Поджабрин» (1842). Это самое раннее произведение писателя из числа тех, которые он счел нужным напечатать. С него писатель начал свой путь к психологическому роману. В банальном герое, участнике банальных историй читатель обнаруживает какой-то небанальный, не сразу улавливаемый смысл. Литературность, цитатность, клишированность поданы у Гончарова как черты далекой от искусства, заурядной, даже пошлой жизни. Эта «литературность» как бы доступна каждому, она не усваивается осмысленно через прямой контакт с литературой, а впитывается вместе с дыханием.

С проблемой, первостепенной для психологического романа столкнется и Райский. В заключительной части «Обрыва» крещендо звучит тема нравственного подвига: идут абзацы о великих женщинах в годы страданий и испытаний («древняя еврейка», «без ропота, без малодушных слез», переносившая унижения, Марфа-посадница, жены «наших титанов», декабристов) — эти строки по своей интонации, ритму, образной нагруженности соответствуют «беспощадной фантазии» Райского. Но пафосная инструментовка не мешает читателю почувствовать, что по смыслу сказанного этот абзац не противоречит авторскому взгляду. Далее происходит переключение повествования, речь идет о внутреннем состоянии измученной Татьяны Марковны. Это знание — не уровень Райского, а уровень автора-повествователя: «Она готова рухнуть на землю, но чей-то голос, дающий силу, шептал ей: «Иди, не падай — дойдешь!» [IV,

670] Эта глубина постижения «внутреннего человека» Райскому не дана. Бабушка, как сказано, совершает свой «подвиг», изнуряя себя хотьбой, совершив его, она «мало по малу опять обращалась в простую женщину». Ее поведение понятно Райскому и вызывает его восхищение. Но когда речь идет о «подвиге» Якова, точка зрения героя уже не фиксируется. Такие истории и такие люди взгляд романиста Райского не притягивают. Но комический рассказ о дворовом человеке в высшей степени важен для автора «Обрыва». Яков дал обет в связи с болезнью Татьяны Марковны. После выздоровления барыни он, как и обещал, поставил большую вызолоченную свечу к иконе в приходской церкви. «Но у него оказался излишек от взятой из дома суммы. Крестьясь поминутно, он вышел из церкви и пришел в слободу, где оставил и излишек, и пришел домой «веселыми ногами» [VII, 693]. Выражение «веселыми ногами» взято из церковных, пасхальных песнопений (отмечено Л. С. Гейро). Автором интересующего нас канона является Иоанн Дамаскин. Нужный нам отрывок в переводе на русский язык звучит так: «Мы, связанные адскими узами, видя безмерное Твое милосердие, Христос, пошли к свету веселыми ногами, восхваляя вечную Пасху» (Триодь цветная, 1992; Л. Зоб.). И когда на недоуменный вопрос Татьяны Марковны: «Что с тобой, Яков?» — подвыпивший дворовый слуга отвечает: «Сподобился, сударыня!» — он абсолютно искренен и серьезен. Комическое описание поступка Якова не может скрыть проступающее сопоставление: он уподоблен Татьяне Марковне, которая, совершая «подвиг», изнуряющей хотьбой, признается Райскому: «Бог посетил: не сама хожу. Его сила носит...» [VII, 671].

«Я буду рисовать эту жизнь, отражать, как в зеркале» [VII, 270], — заявляет Райский, но его «зеркало» не передает всей полноты жизни. Поэтому его роман оборвался на первом слове.

Петров Андрей Алексеевич

*аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
sinavitruvor@mail.ru*

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В РОМАНЕ В. В. КРЕСТОВСКОГО «ПАНУРГОВО СТАДО»: ДИАЛЕКТИКА АНТИНИГИЛИЗМА

Ключевые слова: антинигилистический роман, Санкт-Петербургский университет, В. В. Крестовский.

Русский писатель В. В. Крестовский (1839–1895) — выпускник юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Впечатления Крестовского от обучения в университете нашли отражение в его романе «Панургово стадо» (1869), первой части антинигилистической диалогии «Кровавый пух».

Значительная часть романа посвящена студенческим волнениям, случившимся в Петербургском университете в 1861 году (выпускной год для самого Крестовского). В произведении демонстрируются реальные события, произошедшие осенью этого года, — ужесточение университетского устава, ударившее по малоимущим студентам, ввод матрикулов, отмена лекций и опечатывание аудиторий, студенческие сходки, шествия, аресты и проч. Непосредственным участником этих волнений становится Хвалынцев, главный герой романа, имеющий ряд автобиографических черт.

Фоном для написания романа стали уже новые студенческие волнения 1868–69 гг., которые М. Н. Катков, главный редактор «Русского вестника», где и был опубликован роман Крестовского, осветил в статье «Беспорядки в высших учебных заведениях». Катков сопоставляет актуальные события и беспорядки 1861 года, показывая, что нынешние студенты, в отличие от своих предшественников, «бедных молодых людей, сбитых с толку бессовестными жожаками», не поддались на провокации радикалов [Катков 2011: 295]. Несмотря на идеологическую близость Крестовского и Каткова, их оценки волнений 1861 г. разнятся: если для последнего единственной причиной событий в университете является политическая авантюра «жожаков», то оценка романиста оказывается сложнее и вскрывает общий диалектический характер его антинигилистических воззрений. В романе показано, что у волнения были объективные предпосылки, связанные с деятельностью правительства, и основной мотивировкой недовольства явилось желание студентов свободно получать образование. Как и Катков, Крестовский не отрицает, что сложившейся ситуацией пытались воспользоваться нигилисты (в романе — Ардальон Полояров и его товарищи) и стоящие за ними поляки, однако их роль заключалась только в попытке спровоцировать столкновения и вбросить в толпу политические лозунги, но первопричина волнений связывается не с этим. Таким персонажам противопоставляется сам Хвалынцев, ставший одним из лидеров студенческого движения благодаря своей взвешенной позиции и противящийся политизации волнений и обострению конфликта. Студенты у Крестовского предстают не просто жертвами обмана, но жертвами прежде всего несправедливости со стороны властей, имеющими все основания для волнений. Внутренний трагизм ситуации заключается в том, что, будучи формально правыми, протестанты против воли играют на руку врагам России, их действия оцениваются как вредные и разрушительные уже с точки зрения судьбы государства в целом.

Студенческие волнения в «Панурговом стаде» встают в один ряд с другими подобными эпизодами — крестьянским восстанием в деревне Снежки и отчислением гимназиста Шишкина, в пьяном виде прочитавшего на публике крамольное стихотворение В. С. Курочкина «Двуглавый орел». Волнения в деревне были спровоцированы поляками, пустившими после выхода манифеста об отмене крепостного права слух о некоем «законе за золотую строчкою» [Крестовский 2022: 15], по которому земля якобы отходит крестьянам во владение без всяких выкупных платежей. Сам виновник беспорядков полковник Пшецыньский и становится инициатором жестокого подавления восстания, приведшего к человеческим жертвам: по замыслу поляков,

такие действия помогут усугубить общественный конфликт, привести к революции в России и к ее разрушению. Эпизод с чтением стихов Курочкина, несмотря на внешнюю несхожесть, построен по той же схеме: гимназиста подпоил и подвиг на чтение запрещенных стихов учитель-поляк Анцыфров, а после сам он первым выступил за исключение мальчика из гимназии (против был только протагонист Устинов, который до этого как раз пытался помешать чтению крамолы). Несмотря на то что Крестовский не заявляет прямо, что за правительственными решениями, направленными против свободы универсантов, стоят враги России, здесь видится воплощение той же модели: поляки одной рукой создают бунт, а другой — провоцируют его подавление, тем самым усиливая в обществе протестный настрой. «Панурговым стадом» поляков являются не только революционеры (о чем говорится прямо), но и их формальные противники — реакционеры (что по цензурным соображениям не эксплицируется): неслучайно сам Полояров легко «переобувается» из жандармов в революционеры и обратно, нисколько не меняя своей внутренней сущности.

Диалектическая сущность антинигилистического мировоззрения Крестовского, одновременно и осуждающего революционеров, и признающего за ними некую правоту, выступающего против проявлений жестокой реакции, как представляется, связана с биографией этого писателя. В начале 1860-х гг. Крестовский вошел в круг леворадикальной молодежи, был близок с Д. И. Писаревым и мог изнутри понять логику нигилистов, взглянуть на вещи с их точки зрения. Переосмыслив юношеские взгляды и сменив политическую ориентацию на противоположную, писатель, очевидно, не полностью отринул прежние идеалы, сместив акцент на те факторы, которые не учитывал ранее. Подобный путь проходит и главный герой дилогии «Кровавый пух» Хвалынцев, мечущийся между двух огней и в результате выбирающий государственническую позицию.

Литература

Катков М. Н. Беспорядки в высших учебных заведениях // Катков М. Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3: Власть и террор. СПб., 2011. С. 284–297.

Крестовский В. В. Кровавый пух: в 2 кн. Кн. 1: Панургово стадо. М., 2022. 454 с.

Сёмина Юлия Ивановна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
yuliyasetmina@mail.ru.

РОЛЬ НАРОДНЫХ КАЗАЧЬИХ ПЕСЕН В ПРОЗЕ Ф. Д. КРЮКОВА

Ключевые слова: Фёдор Крюков, проза Крюкова, народная казачья песня.

Фольклор нашел отражение в творчестве многих русских писателей. Народная песня как «народная история, живая, яркая, исполненная красок истина, обнажающая всю жизнь народа», является одним из наиболее востребованных фольклорных жанров в художественной литературе. По заключению известного собирателя казачьих песен А. М. Листопадова, «редко какая из русских областей могла бы похвалиться таким самобытным и ярким песенно-историческим богатством, каким владеет Тихий Дон» [Листопадов 1949: 10]. Федор Дмитриевич Крюков (1870–1920) — русский писатель, родившийся на Дону, начал собирать казачий фольклор в студенческие годы. Еще до окончания Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института Крюков публикует свои первые произведения, в которые помещает куплеты донских напевов. В рассказе 1890 года «Что теперь поют казаки?» начинающий автор пишет: «... Не тронет «за живое» новая песня, не найти в ней того родного, бесконечно милого и дорогого, что дает старинная задушевная песня, в которой слышится и раздолье родной степи, пустынной и широкой, и горькая, безнадежная тоска в разлуке с родной стороной...» Первые произведения Федора Крюкова посвящены быту донских казаков. Казачья тематика, уже известная русской литературе конца XIX века, поддерживалась в основном авторами, не являвшимися казаками по происхождению. Крюкову, сыну казачьего атамана, уроженцу донской станицы Глазуновской, выпала роль одним из первых показать колорит Дона «изнутри», выполняя, в том числе, культурно-историческую функцию.

Собиратель казачьих песен А. М. Савельев называет донских казаков «народом в высшей степени певучим» [Савельев 1866: 7]. Казаки любят петь, ни одно более или менее многолюдное собрание не обходится у них без песен. Для Крюкова песня — это не просто фольклорная цитата в его тексте, или цитата и часть фабулы как, например, у И. А. Бунина в рассказе «Танька», где песня «Зоренька» не только воспроизводится, но и является предметом изображения. Для Федора Крюкова казачья песня — это близкая и понятная история, прожитая и прочувствованная казаком. В очерке «Гулебщики» (1892) писатель впервые пробует литературный приём, который потом будет использовать неоднократно: сюжет произведения развивается по линии вкрапленной в него песни. Молодой казак Филипп, отправляясь «в набег» к калмыкам, представляет, что «... как поётся в песне, лежит, умирает и просит он своих товарищей отнести поклон тихому Дону и родимой матушке: «пусть она не тужит, пусть не плачет обо мне; на то, знато, она родила меня, чтобы помереть в чужой стороне». Писатель словами песни, вложенной в уста своего героя, предвещает развитие сюжета. Рассказ закончится гибелью казака Филиппа, а двое его спутников унесут горькую весть на тихий Дон матушке. Тот же прием автор использует в этюде из истории Булавинского возмущения «Шульгинская расправа» (1894): Кондратий Булавин затягивает горькую песню, текст которой предвещает будущую расправу над казаками. Казачья песня становится соавтором Федора Крюкова, формируя совместно сюжет художественного произведения и задавая тон повествованию.

В отличие от многих других писателей, которые не дают фольклорным вкраплениям авторских комментариев или иных указателей на их первоначальную текстовую принадлежность, Крюков часто использует «указатели» из широкой жанровой принадлежности казачьих народных напевов: «глубокая», «частуха», «пересыпка», «старинушка», «кручинная», «походная» и т. п., подсказывая читателю настроение песни. Так, в рассказе «Мать» (1910) Крюков словами одного из героев предвосхищает вкрапление песни указанием, что она «плясовая», в очерке «На тихом Дону» (1898) — песня-«тоска», в очерке «Шквал» (1909) — «присяжная», в очерке «За Карсом» (1915) — песня-«жалоба».

Особое внимание исследователи народной казачьей песни уделяли ее полифонии. Преобладающее многоголосие казачьих напевов берет начало от общинного уклада жизни донских казаков с их «односумством», активным участием в интересах общественной жизни и общего землепользования. Песня при этом обычно посвящена одному действию, эпизоду, картине, но голоса и подголоски интонационно окрашивают ее разными оттенками восприятия и оценки песенного повествования. В поздней прозе Крюкова мы все реже находим яркие, динамичные сюжеты, но встречаем многоголосие его героев, подобное полифонии казачьей песни, при почти полном отсутствии сюжета как такового. Крюков голосами своих неярких, но типичных для казачьей среды персонажей пытается осмыслить истоки и своеобразие донского национального характера. Казаки и казачки Крюкова решают вневременные насущные проблемы, отражающие как специфику ментальности «донцов», так и в целом русского человека: как быть счастливым в эпоху исторических катаклизмов? Как быть достойным памяти предков? В чем предназначение человека?

Диалектизмы казачьих песен перетекают в прозу Ф. Д. Крюкова и становятся от нее неотделимы. А. М. Листопадову приписывается такое высказывание: «Я собрал 2500 казацких песен, а Крюков знал все». Полагаем, что эта фраза недалека от истины. Федор Крюков, будучи не только собирателем, но и страстным исполнителем народных песен, «играя» их на полголоске, впитал истинное звучание казачьей речи, позволяющее говорить о художественном языке Крюкова, как о явлении, которое, по словам А. С. Серафимовича, «трепещет красками, звуками, движением, и все это — настоящее, все это ... живое, как выдернутая из воды рыба, все это, если бы вы и хотели придумать, так не придумаете» [Смирнова 2017: 26].

Литература

Листопадов А. М. Песни донских казаков. Т. 1, ч. 2. М., 1949. 478 с.

Савельев А. М. Сборник донских народных песен. СПб.: Издание Донского Войскового Статистического Комитета, Типография И. Бургель, 1866. 91 с.

Смирнова Е. А. На рубеже эпох: литературное творчество и публицистика Ф. Д. Крюкова. Монография. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2017. 300 с.

Соловьев Андрей Юрьевич

канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
an.solovjov@gmail.com

НЕОСУЩЕСТВЛЕННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Д. И. ФОНВИЗИНА В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ACADEMIA» (1932–1937)

Ключевые слова: Д. И. Фонвизин, Г. А. Гуковский, Я. Л. Барсков, издательство «Academia».

В докладе предпринимается попытка реконструировать историю неосуществленного издания Собрания сочинений Д. И. Фонвизина, подготовленного Г. А. Гуковским и Я. Л. Барсковым в издательстве «Academia». Материалы, относящиеся к работе над ним, сохранились в архиве издательства в РГАЛИ (Ф. 629. Оп. 1), а также в личных фондах Г. А. Гуковского (ЦГАЛИ СПб. Р-145) и Я. Л. Барскова (ОР РГБ. Ф. 16). Инициатором подготовки издания выступил Гуковский, написав в 1932 году письмо с деловым предложением стоявшему во главе издательства Л. Б. Каменеву. Он же составил заявку и план издания в двух томах. Однако активная работа над ним началась в конце 1933 — начале 1934 года, когда собранием сочинений начал заниматься Барсков, в то время готовивший для «Academia» научное издание «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Помимо своей части исследовательской работы (статья и подготовка нескольких текстов), Гуковский вел организационную переписку с издательством. Он хлопотал о распределении работ таким образом, чтобы лучше оплачиваемая комментаторская работа досталась Барскову в ущерб собственным исследовательским интересам, настаивал на перезаключении договоров и т. п., торопил издательство с выплатами, в письмах напоминая о катастрофичном материальном положении ученого. Вместо него он ездил в Москву, чтобы помочь подготовить его рукописи к набору, по издательским требованиям отчасти сократил, отчасти отредактировал комментарии. По-видимому, оба ученых по-разному относились к принципам передачи текста, что роковым образом сказалось на судьбе теперь уже трехтомника Фонвизина. Только после смерти Барскова в августе 1937 года, когда Гуковский принялся за чтение корректуры, он обнаружил, что тексты были подготовлены им и Барсковым не единообразно. Чтобы довести дело до конца, ему пришлось взять на себя не только просмотр оставшихся после учебного материалов к изданию, но и заново проверить часть текстов, для чего он также привлек Л. Я. Гинзбург. Срочная сверка была затруднена тем, что основная часть фонвизинских рукописей, которыми занимался Барсков, находилась в московских архивах. Но в декабре 1937 года, когда работа была уже завершена, издательство было закрыто, и собрание сочинений так и не увидело свет.

Предполагавшийся объем издания на разных этапах подготовки составлял от 50 до 80 печатных листов, укладывавшихся то в два, то в три тома. В его состав должны были войти все оригинальные и переводные произведения Фонвизина (часть переводов в отрывках), его письма, дневники и основные варианты к художественным произведениям, а также статья, комментарии, аннотированный указатель и отдельно, вместо биографического слоя комментариев, хронологическая канва. Большое место в издании уделялось письмам Фонвизина, которые Гуковский и Барсков предполагали поместить целиком, объясняя это их художественной ценностью: «Письма Фонвизина вовсе не являются только документом его жизни, только биографическим материалом. Это — одно из наиболее блестящих его литературных произведений. Такие напр. письма, как те, которые он писал к П. И. Панину из-за границы, представляют собою очерки, статьи, иногда фельетоны, тщательно литературно обработанные и рассчитанные на широкое распространение в списках. Политика, “нравы”, все грани мировоззрения и культуры — отражены в этих письмах, необыкновенно живых и остроумных. Фонвизин собирал для них материалы, заимствовал те или иные мотивы и данные из книг (французских, конечно, но м. б. и русских), строил их и отделял как боевые и художественные произведения» [РГАЛИ: л. 2]. Также в план издания был включен путевой журнал Фонвизина 1787 года и другие его заметки о лечении, несмотря на противодействие редакции: «Не находите ли Вы, что дневники Фон-

визина можно было бы изъять из “Сочинений”? Ведь это писал человек сильно озабоченный своей болезнью и писал только о болезни. Что может дать читателю или исследователю записи о действии “генишева чая” или о том же действии Карлсбадских вод?» [РГАЛИ: л. 28–28 об.]. Не споря с тем, что дневники Фонвизина вряд ли представят интерес для обычного читателя, Гуковский тем не менее отмечал в ответном письме редактору, что для исследователя их ценность определяется тем, что они дают впервые публикуемый материал.

В какой-то мере план Гуковского–Барскова отразился в двухтомном собрании сочинений Фонвизина, изданном Г. П. Макогоненко [Фонвизин 1959]. Исследователь не включил в него полный текст фонвизинских дневников, а также часть переводов («Смерть Авелеву» и «Альзиру») и в целом придерживался проспекта издания, подготовленного самим писателем в 1788 году. Но план, представленный в «Academia», имел много общего с этим проспектом, что предопределило значительное совпадение состава томов. Также Макогоненко дал самый полный на сегодня корпус писем Фонвизина. Остается неясным, что он знал об участии Гуковского в подготовке собрания сочинений, ответственным за которое называет одного Барскова: «В советское время подготовкой Полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина занимался крупнейший знаток литературы XVIII века Я. Л. Барсков. К сожалению, смерть исследователя не позволила ему осуществить свой замысел» [Фонвизин 1959: 2, 638]. Макогоненко, лично занимавшийся реабилитацией учителя, безусловно, знал, что к 1959 году, когда уже вышли две посмертные книги Гуковского, запрета на его имя в печати не было. Так что отсутствие его упоминания в историческом обзоре можно объяснить, скорее всего, отсутствием или обрывочностью сведений. Вероятно, Гуковский рассказывал об этом совместном предприятии с акцентом на вклад в него старшего коллеги.

Литература

РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. № 213. 102 л.

Фонвизин Д. И. Собр. соч.: в 2 т. / сост., подг. текстов, вступ. статья и комм. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1959.

Титаренко Светлана Дмитриевна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
s.titarenko@spbu.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ Д. Е. МАКСИМОВА И ТЕОРИЯ СИМВОЛИЗМА ВЯЧ. ИВАНОВА

Ключевые слова: методология литературоведения, мифопоэтика, теория символизма, Вяч. Иванов, Д. Е. Максимов.

Д. Е. Максимов (1904–1987) как исследователь, преподававший в Санкт-Петербургском университете с перерывами в 1930–1970-е гг., является одним из основоположников изучения русского символизма. Его методология отличалась новизной и стремлением осуществить системный подход к рассмотрению художественного мира поэтов. Классическими на сегодняшний день считаются работы Максимова по творчеству А. А. Блока. Именно в них он наметил новаторские пути к исследованию мифопоэтики символистов, которые реализовались в трудах его учеников и последователей, таких, как З. Г. Минц, И. С. Приходько, А. В. Лавров и др. В тартуских сборниках, редактируемых Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц, стала возможной публикация его работ о Блоке и русском символизме, в которых он анализировал англо-американскую мифологическую школу (труды Н. Фрая, М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла, М. Бодкин) и работы Е. М. Мелетинского, А. Ф. Лосева, В. Н. Топорова, показывая перспективность нового для советского литературоведения направления. Современные зарубежные исследователи, такие, как А. Пайман и А. Ханзен-Леве, указывают на открытия Максимова в области изучения неомифологизма русских символистов.

Наименее исследованной является проблема влияния на методологию Максимова идей Вяч. Иванова как теоретика русского символизма, так как специальных работ, посвященных этому автору, в отличие от В. Брюсова, А. Белого или А. Блока, у него нет. Изучение поэзии Иванова проводилось с большой долей осторожности в советской науке в связи с религиозно-мистической направленностью его творчества и эмиграцией теоретика символизма в Италию. Но Максимов неоднократно ссылается на его стихи, а также статьи по теории символизма, называя сборники «По звездам» (1909), «Борозды и межи» (1916) и «Родное и вселенское» (1917), считая входящие в них работы «сохранившими в ряде случаев свое литературно-филологическое значение и до сих пор» [Максимов 1981: 222]. Вслед за М. М. Бахтиным и А. Ф. Лосевым он писал, что «именно в разработке теории символа-мифа и мифотворчества и заключается один из главных творческих вкладов Вяч. Иванова» [Максимов 1981: 220].

Созвучной идее Иванова о наступлении новой мифологической эпохи господства символа и мифа стала мысль Максимова о панмифологизме литературы XX века. Стремясь исследовать динамику смыслообразования через стратегию мифотворчества Блока, он утверждает, как и Иванов, что нельзя отождествлять древний и новый миф, и указывает на понимание мифа как динамической системы, устремленной от архаической формы к сюжетному действию и событию [Максимов 1979: 9]. На этом понимании основан литературоведческий метод, который он использует для анализа поэзии и прозы Блока. В статье «Поэт и чернь» (1904) Иванов доказывал, что «символ имеет душу и внутреннее развитие, он живет и перерождается» [Иванов 1909: 39]. Считая, что современные подходы не показывают глубину художественных открытий Блока, он пишет о принципе реализации символа, вслед за Ивановым, как одной из важнейших для поэта форм мифологизации [Максимов 1979: 16]. На этой основе Максимов предлагает изучать лирические циклы Блока как художественное целое, структуру его творческого пути и символы, которые являются образами-интеграторами его поэтического мышления. Анализируя один из важнейших для Блока — образ «Вечной Женственности» («Прекрасной Дамы»), Максимов употребляет понятие Иванова «основной миф», которое является заголовочным в его статье о Достоевском «Основной миф в романе “Бесы”» (1914). Он указывает, что «этот процесс обозначился у Блока тем более определенно, что рядом с основным мифом

в его поэзии росли и крепились новые мифологемы...» [Максимов 1979: 33]. Вводимое Максимовым понятие «основной миф» позволило ему сформулировать проблему синтеза мифологизма и историзма Блока как «идею пути» — аналога творческой эволюции. Подобный опыт изучения эволюции творчества знаменовал уход от эмпиризма, официальных схем и канонов и идеологизации творчества. Смена картин мира могла быть обусловлена прежде всего внутренними закономерностями художественного развития как интегративной системы, в которой большую роль играли символы-идеи, символы-категории, символы-мифы т. д. Понятие «реальный миф личности» Иванов использовал в ряде статей, указывая на него при анализе поэмы В. С. Соловьева «Три свидания» [Иванов 1909: 284]. Если формирование мифа о Вечной женственности у Блока в ранний период развития его символизма Максимов связывает с философией Соловьева, то в дальнейшем «идея пути», как он считает, образуется у него на основе категории стихии, обусловленной не только влиянием Ф. Ницше, но и дионисийского мифа Иванова. Этот «миф личности» развивается, трансформируется, и динамика его обусловлена историческими реалиями и идеей прозрения. Отмечая уникальную филологическую одаренность теоретика русского символизма и философскую насыщенность его идей, Максимов указывает на созвучность принципов символизации у Иванова и Э. Кассирера. Он считал, что идеи Иванова отсылают не только к мифотворчеству немецких романтиков, но и предвосхищают учение К. Г. Юнга [Максимов 1981: 243]. Таким образом, теория символизма оказала определенное влияние на методологию Максимова и сблизила его подходы с европейской мифологической школой и современными принципами мифопоэтического анализа.

Литература

Иванов Вяч. И. По звездам. СПб., 1909.

Максимов Д. Е. О мифопоэтическом начале в лирике Блока // Блоковский сборник. Вып. 3. Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Тарту, 1979. С. 3–33.

Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. 2-е изд. Л., 1981.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-00514, <https://rscf.ru/project/23-28-00514/> ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН.

Трофимов Артём Евгеньевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
artem_trofimov_9@mail.ru

ЕКАТЕРИНА II И СИБИРЬ: ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ

Ключевые слова: Екатерина II, Сибирь, XVIII век, идеологический концепт.

В творчестве императрицы Екатерины II тема Сибири всплывает не один раз. Столь пристальное внимание к этому региону обусловлено, очевидно, прежде всего исключительным политическим положением автора, что позже сказалось на перерастании Сибири из географической местности в художественно оформленный идеологический концепт. Представляемый доклад будет посвящён рассмотрению комплексного образа Сибири на материале трёх произведений Екатерины II разных лет — полемиического трактата «Антидот» 1770 г., оперы «Февей» 1786 г. и комедии «Шаман сибирский» 1786 г.

Основной тон восприятию Сибири императрицей был задан уже в первое десятилетие царствования. Взяться за перо Екатерину подтолкнуло издание в 1768 г. скандального «Путешествия в Сибирь» французского астронома Жана Шаппа д'Отроша (1722–1769). Эта книга известна своим обличительным пафосом в изображении нищеты, запустения и развращённых нравов России, а также критическими выпадами в адрес российского самодержавия. При этом стремление изобразить сибирские реалии натуралистично, как видится, обуславливалось желанием экзотизировать пространство, сделать чтение, с одной стороны, занимательным, с другой — нарочито иллюстративным (с учётом сложившихся в Западной Европе к XVIII в. стереотипов о России). Сибирь, как убедительно показывает Шапп д'Отрош, является страной азиатской, северной, холодной, дикой и необжитой — и именно такими характеристиками автор наделяет страну в целом. Другими словами, именно образ Сибири становится в сочинении Шаппа д'Отроша сущностью России, квинтэссенцией страны как таковой.

Одиозная книга не могла не вызвать реакцию со стороны императрицы. В 1770 г. без указания авторства на французском языке выходит пространное сочинение «Антидот», за которым современниками угадывалось перо российской императрицы. Уже сама Екатерина отмечала, что аббат, наблюдая лишь частные явления в отдельно взятом регионе России, делает выводы относительно всей страны в целом. Для того чтобы придать тексту дополнительную художественную выразительность, императрица вводит яркий образ рассказчика-апологета Российского государства [Акимова 2020: 238]. Несмотря на диаметрально противоположные цели и авторские стратегии, императрица и аббат схожи в определении роли Сибири в своих сочинениях. Обои авторами Сибирь начинает восприниматься не как частный отдалённый регион со своими особенностями, порядками и обычаями, отличными от европейской части страны, а как олицетворение всего государства, своеобразная витрина России. Прибегая волей-неволей к такому приёму расширенной синекдохи, оба автора так ли иначе апеллируют к стереотипам, сложившимся в России и Западной Европе о Сибири. Очевидно, обращение к этим стереотипам во много продиктовано политическими мотивами и игрой с разными группами читателей — россиянами и европейцами.

Опера «Февей» (музыка В. А. Пашкевича) была создана на основе «Сказки о царевиче Февее», написанной Екатериной II для своих внуков Александра и Константина, и, в целом, повторяет сюжет сказки. Действие произведения разворачивается в Сибири. Однако по своему антуражу и основному песенному репертуару опера обладает почти исключительно русским колоритом: отношения между персонажами напоминают дворянскую среду XVIII в., ряд действующих лиц имеет прямо славянские имена. По словам В. В. Сиповского, «нерусский сюжет своего произведения императрица постаралась облечь в народную русскую плоть» [Сиповский 1914: 336]. В этой связи примечательным видится решение венценосного автора поместить «русскую» оперу на условном «пограничье» с Востоком. Разумеется, Сибирь в «Февее» аллегорически-условна, экзотизирована и призвана создать атмосферу пространственной и временной внена-

ходимости. В то же время не менее экзотизирован и «русский» фон сказки: стилизованные под фольклор песни сочинены самой императрицей, персонажи обходятся друг с другом в галантной манере XVIII в. и изъясняются терминами, чуждыми народному сознанию — примерно так же, как и в других сочинениях императрицы. Таким образом, при кажущейся противоречивости «русская» и «сибирская» экспозиции оперы можно назвать явлениями одной природы — одинаково экзотическими и чуждыми для среды Екатерининского двора.

Наконец, комедия «Шаман сибирский», созданная императрицей в 1786 г., относится к так называемому «антимасонскому циклу» комедий Екатерины. В центре сюжета — столичное семейство Бобиных, в жизни которого появляется сибирский шаман Амбан-Лай, поражающий присутствующих своими заклинаниями и фокусами. Нового героя привлекают для устройства свадьбы дочери Бобиных Прелесты с нелюбимым женихом. В ходе ряда перипетий выясняется, что Амбан-Лай завоёвывал сердца слушателей мошенничеством и красноречием, за что в финале комедии изгоняется из дома. При общем сатирическом изображении сибирского шамана, за образом которого подразумеваются масоны, в сюжете комедии прослеживается и общий образ Сибири в целом — как места, где дела Бобиных прежде шли в гору: отец семейства занимался золотодобычей, а Прелеста впервые встретила свою истинную любовь; при этом мать семейства отзывается о Сибири как о страшном и холодном крае. Парадоксальным образом шаман Амбан-Лай как бы перестаёт ассоциироваться с богатым и счастливым краем, становясь лишь экзотизированной аллегорией масонской ереси.

Литература

- Акимова Т. И.* Авторские стратегии Екатерины II в «Антидоте» // Пушкинские чтения — 2020. Художественные стратегии в классической и новой словесности: Жанр, автор, текст. Материалы XXV международной научной конференции. СПб., 2020. С. 236–245.
- Ситовский В. В.* Императрица Екатерина II и русская бытовая комедия её эпохи // История русского театра. М., 1914. С. 317–340.

Чжан Шицун

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
aidazh@126.com

ИЗОБРАЖЕНИЕ НАРОДОВОЛЬЦЕВ В РОМАНЕ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА «ОХОТА НА ЦАРЯ»

Ключевые слова: Николай Свечин, «Охота на царя», народовольцы.

В изучении современных ретродетективов, как справедливо отмечает Л. А. Трубина, надо привлечь «более широкий интертекстуальный и междисциплинарный контекст, <...> включить в исследование не только художественную литературу, но публицистику, документалистику» [Трубина 2018: 432], то есть задействовать для изучения текстов ретродетективов обширный круг исторических источников (мемуары и дневники исторических деятелей, факты их биографий, а также исследовательские работы по той или иной проблеме). Такой подход к воспроизведению истории в ретродетективах исходит из переосмысления взаимоотношения литературы и истории, которое отвергает традиционное представление литературы как пассивного отражения исторических фактов. Главной задачей исследования исторической прозы, согласно А. М. Эткинду, должны стать «интертекстуальные раскопки», то есть попытки восстановить возможные источники в тексте исторической прозы и сопоставить их с текстом художественного произведения. Такая «реквотизация», как ученый называет эту работу, позволяет нам выявить, «что именно в данном тексте является исключительной фантазией автора; чем руководствовался он в отборе цитатного материала; на каких местах сюжета, источника и, соответственно, самой истории, автор ставил свой “текстоскоп” на увеличение» [Эткинд 2001].

В данной работе мы рассматриваем текст романа «Охота на царя» Николая Свечина, творчество которого отличается точным воспроизведением быта и духа описываемого исторического периода — второй половины XIX века. В романе главный герой Лыков раскрывает готовящую интригу народовольцев и пытается спасти жизнь царя от покушения.

Остановимся на изображении народовольцев, деятельность которых в романе изображается в основном косвенно. Так, барон Таубе рассказывает, что знаменитый Степан Халтурин, который устроил взрыв столовой Зимнего дворца, однажды случайно оказался наедине с Александром II. Народоволец не решился напасть на императора, по словам Таубе, так как боялся его хладнокровия и физической силы. В исторических материалах, однако, отступление Халтурина объясняется не однозначно. В книге В. А. Прокофьева «Степан Халтурин», например, говорится, что террорист в тот момент растерялся. Потом, по возвращении в подвал, у него внутри «все раздражало от возбуждения», так как упустил удобный случай покушения [Прокофьев 1958] (Кстати говоря, в романе Ю. В. Трифонова «Нетерпение» поступки Халтурина также объясняются неожиданностью и растерянностью). Историк Ю. А. Пелевин считает, что террорист не ударил царя молотком в связи с тактикой революционного террора того времени [Пелевин 2011: 85]. Товарищ Халтурина О. С. Любатович в мемуарах объясняет его отступление противоречивостью души террориста: в то время, как Халтурин считает Александра II «величайшим преступником против народа», он «неволью почувствовал обаяние его доброго, обходительного обращения с рабочими <...>» [Любатович 1930: 81]. Так или иначе, в романе в изображении Халтурина Свечин делает акцент на негативную сторону как характера террориста, так и деятельности революционного подполья вообще.

Народоволец-террорист, который в романе играет важную роль в покушении на царя — М. Ф. Фроленко. Описание личности террориста в романе соответствует образу исторического Фроленко в воспоминаниях современников. О хладнокровии и мужестве, которые выделяет в личности Фроленко Таубе, писала В. Н. Фигнера: «Рассудительный и хладнокровный, человек практики, каким он был, Фроленко имел громадный вес в организации» [Фигнер 1926: 15]. Теракты, перечисленные Таубе, в которых участвовал Фроленко, также совпадают с деятельностью террориста в реальной истории. Тем не менее, исторический Фроленко вряд ли мог

нанять уголовника для покушения на царя. Правда, сотрудничество с уголовниками впервые предлагал С. Г. Нечаев в «Катехизисе революционера» (1869). Однако деморализация революционной деятельности и связь с криминальным миром в Российской империи была характерна для экстремистов «нового поколения» — эсеров и большевиков в начале XX века [Гейфман 1997: 219]. Народовольцы, как писал П. А. Кропоткин, были люди, которые «могли устроить грабеж, <...> сами довольствовались коркой хлеба, когда вели подкоп под кишиневское казначейство и, рискуя погибнуть сами, принимали все меры, чтобы не пала как-нибудь ответственность на часового» [Кропоткин 1906]. Что касается Фроленко, то террорист в истории высоко ценил моральность революционного движения. Организатор подкопа Кишиневского казначейства, он стыдился этой формы пополнения партийной кассы: «Кража, хотя бы и государственных денег, все-таки считалась кражей. Умом я понимал целесообразность такого мероприятия <...> Очень часто смущала форма этого предприятия. Если бы эти деньги мы могли получить путем открытого нападения с оружием в руках, тогда бы это было гораздо приемлемее» [Дела казначейские].

Итак, сравнительный анализ образов народовольцев с историческими материалами о личности и деятельности экстремистов 70–80 гг. XIX века позволяет прийти к следующим выводам. С одной стороны, автор изображает народовольцев-революционеров на основе исторической действительности, стремясь к правдоподобию деталей в личности персонажа. С другой стороны, отталкиваясь от исторических материалов, Свечин намеренно акцентирует «изнанку» революционного подполья, и тем самым вносит в ход развития событий логичность и последовательность вместо случайности и смутности в реальной истории.

Литература

- Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. Дела казначейские. URL: <https://narovol.narod.ru/kazna.htm>
- Кропоткин П. А. Нравственные начала анархизма. URL: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/petr-kropotkin-nravstvennye-nachala-anarhizma>
- Любатович О. С. Далекое и недавнее. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930.
- Пелевин Ю. А. Степан Халтурин, «Народная воля» и покушение на Александра II в Зимнем дворце // Новый исторический вестник. 2011. № 27. С. 73–89.
- Прокофьев В. А. Степан Халтурин. URL: <https://litmir.org/books/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/44993-vadim-prokofev-stepan-xalturin.html>
- Трубина Л. А. Диалог литературы с историей в оценке современного литературоведения // Преподаватель XXI века. 2018. № 4–2. С. 429–443.
- Фигнер В. Н. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Михаил Федорович Фроленко. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1926.
- Эткинд А. М. Новый историзм, русская версия. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/1/novyj-istorizm-russkaya-versiya.html>

Чэнь Шаньшань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st103100@student.spbu.ru

О ДЕЗОРИЕНТАЦИИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. БИТОВА

Творчество Битова 60-х годов сосредоточено на акцентировании неорганичности и симулятивности современной жизни. Во многих своих текстах Битов рассматривает человека как элемент организма бытия, пишет о несуществующей природе современного человека и нынешнем состоянии «дезориентации». Эта дезориентация, по мнению М. Кормиловой, не только социальная, но и личная, психологическая, что, однако, тесно связано с социальной ролью героя [Кормилова 2009: 171]. Дезориентированные герои Битова живут в мире, которого не существует. Они активно обрывают связь с окружающим миром, и страдают от боли своего несуществования. Как отмечает А. Большев, что «авторпсихологический герой ранних битовских текстов буквально изнывает под бременем собственного «несуществования», его окружают симулякры. Если же герой поначалу производит впечатление органичного и уверенного в себе человека, то это лишь иллюзия, которая по ходу сюжета развеивается, обнаруживая все ту же тотальную симулятивность» [Большев 2007: 491]. При этом, он так же отметил, что еще в раннем творчестве Битова проявилось «изначально постмодернистское мироощущение, в координатах которого мир — это текст, игра и перекодировка знаков», и писатель занимается напряженными поисками «чрезвычайной воплощенности» [Большев 2009].

В отличие от своих современников, Битова не интересуют внешние политические события, он интересуется природой вещей и человека и стремится раскрыть внутренний мир своих героев, обладающих, как правило, значительным духовным потенциалом, которые ищут реальное присутствие и пытаются обрести «чрезвычайную воплощенность». Внутри виртуального мира Битовский герой не может по-настоящему узнать себя и сталкивается с симуляцией: можно только увидеть себя в зеркале, но не узнать; предметы повседневной жизни становятся знаком, за которым невозможно отыскать значение; и человек думает, что он не живёт, не существует, а видит на экране какую-то фильм. Вот это про него фильм, или сон какой-то...

Рассказ «Автобус» является для Битова отправной точкой поиска утраченной персональной идентичности. Это автобиографический рассказ, в самом начале рассказа Битов отмечает, что «Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь ... Ты кончишься и она кончится. И чтобы все это было — правда. Чтобы все — искренне...» но в конце концов он ничего не написал, никакую правду, не нашел. Все, что он написал это не было никогда. Рассказ «Автобус» закладывает основу для изображения героя в поисках утраченного «Я» в раннем творчестве Битова, а в более поздних работах герой тоже страдает от дезориентации.

В «Бездельнике» Виктор тоже сталкивается с дезориентацией, он сбежал от работы и бродил по городу но и мучительно чувствует, что не может найти смысл жизни, однако на следующий день ему все равно приходилось тащить свое уставшее тело и истощенный разум на работу. Трагедия бездельника заключается в том, что он живет в несовершенном мире, но не готов сталкиваться с виртуальной природой жизни, а просто пассивно принимает роль, которые отводит ему. При этом герой в «Бездельнике» сталкивается с необратимой утратой персональной идентичности: даже внешний его облик подвержен перманентным метаморфозам. Стоя перед зеркалом, Виктор не может узнать себя, а остальные видят его объективно. Ему кажется, что он сам- символ в мире, а сам мир — иллюзия.

В отличие от бездельника, в некоторые моменты битовский герой как бы нашел эту правду, например ключевой эпизод в рассказе «Жизнь в ветренную погоду» Сергей говорит сыну, речка, это было действительно речка, коза, это было действительно коза, это все было действительно, то есть полная, идеальная в соответствии знака, нет никакого зазор. Но оказывается, что вот есть только знаки, за которыми автор все время заглядывает в поисках реальности, а за знаком ничего нет. И вот здесь, Он ощущал нечто гениальное в этой назывной простоте вещей

и слов, и ему казалось, он находится на каком-то высшем пороге, за которым-то все и начинается, и что на этом пороге новой логики, нового мышления, нового мира, наверно, что редко кто стоял». Это что-то сверхчеловеческое мироощущение. Это идеал, который вообще выходит за рамки человеческого. Ну как же человек должен поступить, чтобы достичь этого баланса и гармонии? Битов нам говорил, что мы должны возвращаться к идеалу Достоевского: будьте как ребенок, чтобы преодолеть несовершенное бремя мира взрослых. Но нам понятно, что это было всегда идеал, возвращение на детский уровень развития невозможно.

Вот тот же самый идеал в повести «уроки Армении», герой путешественник как бы что-то нашел, тут дерево был деревом, человек был человеком, и Армении изображается как идеальный локус. Как страна тотальный адекватности аутентичности, никакого зазора между знаком и означаемом. Герой чувствуют подъём, но вдруг он понимал, что идеалы можно почерпнуть в искусстве и книгах, но в реальной жизни их найти трудно, а если открыть книги в поисках идеалов, то окажется, что они написаны трезвыми людьми в молодости, и тогда автор поймет, что природа идеала исключительно неясна материалисту, в материальном мире идеал не существует. В ходе своего путешествия Битов очень активно и энергично пытается найти крайнее воплощение, подлинность и неорганичность, но каждый раз, когда ему казалось, что он находит их вне времени и пространства, но оказалось это очередной иллюзией. И вот он ухватился за эту условную органичность, он радовался ей, он восхвалял ее, но вдруг ему казалось, что все рухнуло, и в его руках образовалась пустота. В «Пушкинском доме» автор также рассказывает о несуществовании и о дезориентации современного человека. Он считает Пушкин — это тоже идеальный человек, сосредоточие органичности подлинности воплощённости, но оказывается, что этот роман только мечта о золотом веке. Это роман, в котором речь идет о стремлении преодолеть неорганичность своего «несуществования» и приблизиться к обретению реальности.

Каждый раз, когда битовский герой эту реальность как ему кажется находят, но в конечном итоге оказывается, что это иллюзия, а не подлинность. Это очередной симулятор, все эти поиски идеал битовских героев обречены на неудачу. И нам придётся жить в этом несовершенном мире. И несовершенство в этом мире заключается в том, что ничего подлинного, абсолютного, аутентичного, воплощенного нет, человеку придется нести бремя дезориентации. В общем, Битов говорит о том, как «неправильно проживает свою жизнь человек», и как современный человек, несуществующий и потерявший себя, мучается жизнью и реальностью. И человек не может вырваться из этих мучений, и даже если на мгновение ему кажется, что он обретает реальность, в конечном итоге все оказывается иллюзией. И человек — это симулякр, тень, и признаки. Какие-то мифы и поиск воплощенности, подлинности, и тесно связаны с дезориентацией.

Литература

- Большев А. О.* Апология органичности в творчестве А. Битова // *Russian Literature LXI*. 2007. № 4. С. 491.
- Большев А. О.* Андрей Битов: в поисках «чрезвычайной воплощенности» // Роман Андрея Битова «Пушкинский дом». Серия «Текст и его интерпретация». Вып. 5. СПб.: Факультет филологии и искусств, 2009.
- Кормилова М. С.* Критика периода «перестройки» о романе А. Битова «Пушкинский дом»: Методологическая инерция и новые принципы критического анализа // *Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика*. 2009. № 6. С. 171–172.

Шпилевая Елена Николаевна

аспирант, Тюменский государственный университет;

elena-shpilevaya@mail.ru

«ТАЙНЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ» РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ФИЗИОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ключевые слова: русская литература середины XIX века, И. С. Тургенев, реализм, «тайный психологизм», историко-культурный контекст.

Несмотря на широкое применение историко-культурного подхода при изучении русской литературы середины XIX века, не всем сферам общественной жизни уделяется необходимое внимание. В классических работах, посвященных творчеству И. С. Тургенева, подробно говорится о социальном и политическом контексте. Однако рассмотрение периода рассвета русского реализма исключительно как эпохи масштабных социальных преобразований и дискуссий в корне неверно, поскольку заведомо неполно. Поиск идеального способа передачи объективной реальности производится каждым писателем эпохи реализма; но задача литературы — художественное, субъективное осмысление реальности. Задачу создать объективную картину мира и человека в нем ставит перед собой именно наука, и, конечно же, это относится и к науке середины XIX века, часто соотносимой с философией позитивизма и материализма. Представление о том, что писатели-реалисты, совершенствующие свой творческий метод, могли игнорировать этот факт, необоснованно. Необходимо также учесть, что не только литература стремиться проникнуть в сферу объективного, но и наука середины XIX века (в лице физиологии и психологии), в свою очередь, обращает свой взгляд на работу души человека, т. е. на область, принадлежащую до этого именно религии и искусству. Подобная провокация, даже вызов, не остаются незамеченными.

Русская литература, как и русское общество в целом, на разных этапах своего развития уделяла большее внимание определенным научным областям. Во второй половине XIX века такой областью становятся естественные науки, в частности физиология. Именно с пониманием её открытий связано тургеневское отношение к психологии и психологизму. Об этом пишет М. Фрейзер: «Научно-литературные круги... предлагали... подчеркнуто российский ответ нигилистической/позитивистской мысли» [Фрейзер 2020: 416]. Речь идет об отражении научных открытий в творчестве русских классиков второй половины XIX века: Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Н. Г. Чернышевского и др.

Русские писатели второй половины XIX века, находящиеся в непрерывном духовном поиске, исследовали человеческую природу, законы, по которым работает сознание. В своем поиске они учитывали, что о человеке и мире говорит современная им наука. Именно данный интерес позволяет русскому реализму прийти к особому способу изображения внутреннего мира человека, будь это «диалектика души» Л. Н. Толстого или «тайный психологизм» И. С. Тургенева. Реалисты второй половины XIX века стремятся объективно описать субъективный опыт, сложнейшие состояния психики человека.

Физиологами совершаются фундаментальные открытия в области работы мозга, изучаются поведение, рефлексы, влияние физиологии на «душу». И. С. Тургенев посещал лекции по физиологии, читал и обсуждал работы ученых, и, в некоторой степени полемизируя с наукой, все же приходил к интегрированию её открытий в собственный творческий метод [Вдовин]. Писателем изучены работы Людвиг Бюхнера («Сила и материя»), Александра Герцена-младшего («Физиологические беседы» и «Физиология души», «Физиологический анализ свободной воли человека» и др.), Карла Фогта («Физиологические письма») и др. О работе последнего в письме А. С. Фету он высказывался так: «Ужасно умен и тонок этот гнусный материалист!» [Тургенев 1978 Т. 4: 199]

Рассмотрим, как именно Тургенев, идейно спорящий с материализмом, делает открытия в области физиологии частью своего творческого метода. Следы данного влияния можно заметить в речи персонажей и авторских ремарках, указывающих на непроизвольность, импульсивность, рефлекторность действий и слов героев. Они не понимают, что и почему они испытывают, даже если пытаются. Потому самоанализ Базарова не столько проливает свет на внутреннюю работу души персонажа (как это бывает у Л. Н. Толстого или И. А. Гончарова), сколько запутывает как героя, так и читателя. Тургенев также не склонен объяснять работу души во многом из-за стремления к объективности при изображении сложных эмоций. Физиологи утверждают, что данная работа проходит незаметно для самого человека (потому чаще речь идет о реакциях, рефлексах и т. д.), и Тургенев, показывая физические проявления внутренних переживаний, отказывается от их анализа.

Рассмотрим прощание Базарова и Одинцовой. В словах и поступках Василия Ивановича, ожидающего Одинцову, прослеживается сочетание страха и надежды: «стал кусать себе пальцы»; «вскочил и бросился к окошку»; «не отдавая себе отчета»; «в порыве какой-то бессмысленной радости» [Тургенев 1978: т. 7, 180]. Порывистость, импульсивность и безотчетность, загадочность для персонажа своих же действий — все это иллюстрация утверждений физиологов времени Тургенева об иллюзорности свободы воли человека. Обратимся к описанию эмоций Одинцовой. Героине не понятна причина, по которой она соглашается на встречу с Базаровым. На эту причину указывают многие детали: «Она взглянула на Базарова... и остановилась у двери, до того поразило ее это воспаленное и в то же время мертвенное лицо... Она просто испугалась каким-то холодным и томительным испугом; мысль, что она не то бы почувствовала, если бы точно его любила — мгновенно сверкнула у ней в голове» [Тургенев 1978: т. 7, 182]. Анна Сергеевна не способна контролировать свои чувства, как их не смог контролировать и Базаров: при взаимодействии с героем она «невольнo содрогнулась», при угрозе прикосновения она подает «...ему напиток, не снимая перчаток и боязливо дыша» [Тургенев 1978: т. 7, 183]. Одинцова, что за все время общения с Базаровым не могла понять, чего же в ней больше — любви или испуга, хотела получить ответ на этот вопрос. При описании сложнейших человеческих переживаний Тургенев делает акцент на их физиологических проявлениях.

Таким образом, И. С. Тургенев, интересующийся культурными и научными открытиями, оттачивает мастерство изображения внутреннего мира персонажей во многом благодаря переосмыслению научных работ, посвященных физиологической стороне работы души.

Литература

- Вдовин А. В. Иван Тургенев и его время. URL: <https://magisteria.ru/category/ivan-turgenev-and-his-time>
- Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 7. М., 1978. С. 5–189.
- Тургенев И. С. Письма, 1860 // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 4. М., 1978. Письма. С. 135–277.
- Фрейзер М. Наука реализма // Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование. М., 2020. С. 408–430.

Suyunova Maftuna Do'sqobil qizi

*Doctorate student of National University of Uzbekistan after named Mirzo Ulugbek;
maftunasuyunova283@gmail.com*

THE DEPICTION OF THE IMAGE OF WAR IN SHUKHRAT'S NOVELS

Keywords: war; image; military fiction; theme; 20th Uzbek literature.

The theme of the war occupies a significant role in the history of fiction. Especially in the literature of the 20th century, the war became one of the leading topics of that time. The first and second world wars and the influence of the Afghan war on the life of people, the difficulties of the war period, the interpretation of people's courage, heroism, tragic destinies served as the main image of subject of Uzbek literature. Many Uzbek writers, poets and playwrights went to the front in order to defend their home with arms in their hands.

Among them Kh.Said, S. Djura. I. Rakhim, Sh.Rashidov, N. Safarov, Z. Fatkhulin and others. Such prominent writers of Uzbekistan as H. Olimjon, G. Gulyam, A. Kakhkhar, T. Tula and many others worked fruitfully [Saydulla Mirzayev 2005: 35]. It is essential to mention that they wrote about their native land, its history with excitement, glorified the glorious feats of Uzbek warriors and home front workers, glorified the greatest unity of the country's people in the global battle with the fascist enemy.

Poet and writer Gulom Aminov, who worked under the pseudonym Shukhrat was one of the great representatives of Uzbek literature of the 20th century. Shukhrat was the owner of a talent that attracted the attention of thousands of readers with his poems, epics, short stories, dramatic works, especially his extensive novels. Shukhrat plays an important role in our prose, his contribution to the development of our poetry is also invaluable. In the autumn of 1940, Shukhrat, who was called up for military service, bravely fought against the enemy as an officer in the battles of the Great Patriotic War and turned his pen against the German-Nazi invaders. His poems "Mehrol", "Dream and revenge" (1940), and the novels "Burning in love" (1964), "The Years of Chinells" (1959), "Stainless Gold" (1965) and "Seekers of paradise" (1971) were widely accepted by readers, researchers as well as published several times and translated into several languages. His novels "Stainless Gold" and "The years of Shinells" are considered the best examples of military prose in Uzbek literature. After his death, he was awarded the Order of the Greatest Services (2003).

So, Shuhrat is a prominent figure in Uzbek literature, a poet, publisher and playwright, also participated in the Second World War. His novel "The Years of Shinells" (1947–1957) tells about the life, heroism, patriotism, hardships and hope for the future of our people based on the great experience he has gained in World War II.

It is noteworthy to write that the verses of Shukhrat depict a spiritually rich person who thinks about the fate of the whole world, searches the meaning of human life and discovers the important truths in this search. The authenticity, sincerity and artistic perfection inherent in Shukhrat's poetry are also characteristic of his prose works. Indeed, between poetry and prose of the writer there is a common integrity and unity. The integrity and unity is manifested both in the content of themes and ideology, as well as in the sequences of the images, the harmony of internal logic and style. Mostly, the prose works of the author are devoted to depicting the events of new century, as it is mentioned above the writer participated in the 2nd World War and saw the difficulties of war in his eyes. Then he wrote the novels based on his experiences in the war. His works include national characteristics, such as patriotism, humanity, heroism, industriousness, creativity, devotion in them. Such as the author's novel "Stainless Gold" reflects injustice, the imprisonment of innocent people, unreasonable punishment, in short a living reflection of the dictatorial regime in the life of an honest Uzbek intellectual people. In this novel, the writer takes the main protagonist whose name is Sodik, who faces difficult life paths and days in his life. On the contrary, he does not have a conscience, he remains loyal to noble ideals and fights bravely in the path of this ideal. The faith of the son of the motherland is gold, the nobility, the integrity of this golden faith, triumphant celebration of the trials, that is, the inviolability of gold, make up the philosophy of the protagonist, the main pathos of the novel. Speaking about the work "Stainless

Gold”, the writer himself calls it “an open wound and gratitude of my heart”. I know the life in “Stainless Gold” well. They are the lives of the people I have been with, the people I have met. I was in this life, not around it.” Also, the novel is, by its very nature, a historical genre; In Belinsky’s words, it should be an epic of the time, a concept formed in it, a whole, a complete life and a person” [Normatov U 1974: 85]. The concept of personality, on the other hand, undoubtedly prevails in the image of the protagonist. Auxiliary protagonists, together with the protagonist, play an important role in revealing the idea of the work. In each play, the characters live, breathe, have their own destiny. They appear in different situations in the play, depending on the purpose of the writer.

In his autobiography, two words about myself, Shukhrat writes of the characters in the “Golden Stainless” [Shukhrat 1969: 9]. We can say that the image of Aziza in the novel is one of the characters “woven by the author himself.” So, what “position” did Aziza occupy in the novel? What task did the writer assign to Aziza? It can be said that Aziza is not the main character in “Golden Stainless” has a significant place, one plot line of the novel is connected with it.

It is essential to mention that the fate of writer’s artistic work is sometimes very complicated: if the work is well-received by readers, critics will not accept it favorably. Or, on the contrary, critics praise the work, but the reader ignores these praises. As a result, both are considered as a pity state for a literary work. If the novel will accepted by public well and the critics will meet it with great applause, this is a true luck, happiness and success of writer. Therefore, Shukhrat was one of the writers who deserve such happiness. His novel “The years of Shinells” is a work that is eagerly awarded by both readers and critics. The secret of the main success of this work was that, firstly, it was related to the writer’s personal life, and secondly, it described the great tragedy of the century — the events of the Second World War. This novel was the writer’s first experience in the novel genre, and the result of the first experience was not bad. It is one of the best examples of military patriotic literature of the former Soviet Union. In his work, Shukhrat aims to show the direct participation of the Uzbek people in the Cold War, their difficult but glorious struggle against the Nazi invaders together with the representatives of the fraternal nations. At the same time, we can call this novel as a novel-chronicle. As the story is based on the fate of the Uzbek guy Elmurod. The writer in his work writes about Elmurod from the beginning till the end of war. Through the adventures of this character, the writer manages to reveal the chronicle of the battle and show the situations of the war at different stages.

Since, this work is written by a writer who has seen the war, there is no speculation or abstraction in it, the scenes of the battle, the image of the military life are clearly, realistically described.

In “Shinelli yillar ” by Shuhtrat the war description started in the beginning of the novel:

Старший лейтенент Годинг бугунги отиш қодаларини билмаган кишини пулемётга яқинлаштирмаяжagini айтиб, бир чеккадан машқни ижро этишга жангчиларни чақира бошлади. Қолган взвод ва отделениялар отиш чизифидан нарида, ёлғондакам ўқ билан пулемётда машқ қилиб турдилар. Атрофда янграётган кичик командирларнинг товушлари бир-бирларини босиб кетарди:

— Юриб бораётган машинага ўн икки ўқда ,қисқа ўқ билан огон!

Shuhtrat described the war system in his novel so lively, Battalions, commanders everything was described in details.

In this given passage, we can see the author’s mastership in the description of the nature during the war:

Қуёш тик кўтарилиб, дарахтларнинг сояси қисқарди. Иссиқдан майсаларнинг боши эгилди. Узоқ-узоқлар жимирлайди. Гоҳо учиб қолган чигирткаларнинг қаноти товланади. Машқ учун қазилган ерлардан буғ кўтарилади. Жангчилар май байрами олдидан олган панамаларини бостириброк кийган, баъзилари хўллаб олган. [Shukhrat, 1980, 17]

In this piece, the writer describes the summer season, the fact that the warriors are ready to fight in any weather, proving that they will not retreat against the enemy in any situation.

There are many descriptions of the real war proposal:

Баравар ўқ узилди. Бўлмади. Аммо самолётлар энди аввалгидек ерни сийпаш даражасида пастга тушмас, мушт кўрсатмасди. Охир чўчиб бошқа ёққа ўтиб кетди. Жангчилар енгил нафас олди. [Shukhrat, 1980, 37]

It is important to say that, in this novel the author not only describes the theme of war but also portrays the real love. The themes of love and war are featured in literature, and inspire authors to write wartime romances that highlight these two themes. The novel “Shinelli yillar” also highlights the passionate relationship between Zebo and Elmurod. There are many events demonstrating the love in the novel:

Зебо ўзининг “анвинақа” сўзини Элмурод ҳам ишлатганини кўриб, ялт этиб унга қаради. Элмурод ҳам “анвинақа” сўзини ишқ –муҳаббат ма’носида тўғри тушунган эди. Кўзлар бирдан учрашди. Зебо бирдан қизариб кетди, ерга қаради.

In the given passage, we can understand that the love of Zebo and Elmurod is not only expressed in the words of the two young people, but also in their eyes.

All in all, Shukhrat is a person who has a great influence to the 20th century Uzbek literature. He was a talented writer, poem and playwright. The language of his works is simple, fluent, close to the folk language, more precisely, the artistic image of the people’s dreams. For this reason, the literary heritage of Shukhrat stands among the famous examples of Uzbek literature of the 20th century and directly serves to educate the younger generation in the spirit of goodness.

References

Normatov U. Nasrimiz ufqlari. Toshkent: G.G’ulom, 1974.

Shuhrat. Tanlangan asarlar. 3 t. T. 3. Toshkent: G.G’ulom, 1969.

Shuhrat. Shinelli yillar: Roman. Toshkent: Adabiyot va san’at nashriyoti, 1980.

Soatova N. “Oltin zanglamas” romanida romantik tafakkur // O’zbek tili va adabiyoti. 2013. № 3.

Абдурахманова-Павлова Дарья Владимировна

кафедра истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет;
dvar19@mail.ru

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНИЗИРОВАННОЙ БИОГРАФИИ И БИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЙ ДЖОНА ВУЛМЕНА)

Ключевые слова: романизированная биография, биографический роман, документальная проза, Джон Вулмен.

Романизированная биография и биографический роман — жанры, не только созвучные по названию, но и разделяющие во многом сходную судьбу в истории литературы. Несмотря на продолжающееся уже более столетия интенсивное развитие и большую популярность у читателей, в силу своей эстетической «гибридности» романизированная биография и биографический роман долгое время невысоко ценились критикой, а также почти не изучались академическим литературоведением. Началу пересмотра (1960-е гг.) значения названных жанров во многом способствовало осознание их родственности с таким прочно «узаконенным» жанром, как исторический роман. Впоследствии, к концу XX в., важную роль в повышении статуса романизированной биографии и биографического романа сыграло принятие критиками постмодернистских идей о проницаемости границ между фактом и вымыслом, исторической личностью и литературным героем.

Наглядным материалом для изучения специфики этих смежных жанров могут стать тексты, посвящённые одной и той же исторической личности. В предлагаемом докладе таким материалом становятся два жизнеописания известного американского проповедника и автобиографа XVIII века — Джона Вулмена (1720–1772): «Джон Вулмен, американский квакер» (*John Woolman; American Quaker*, 1942) Джэнет Пейн Уитни и «Джон Вулмен — дитя света» (*John Woolman: Child of Light*, 1954) Кэтрин Оуэнс Пир. Первое произведение в целом соответствует канонам романизированной биографии; второе — канонам биографического романа. Обращаясь к проблеме разграничения этих жанров, современный исследователь Майкл Лэки указывает на такие критерии их различия: в романизированных биографиях основная задача автора — отобразить всю жизнь, или же какой-то аспект жизни, реальной исторической фигуры максимально (с точки зрения этого автора) достоверно; создатели же биографических романов отказываются от такого стремления: их цель — на материале биографии героя показать своё видение жизни, мира и персонажа [Lackey 2016: 20]. Именно такие авторские интенции прочитываются в рассматриваемых текстах.

Англо-американскую писательницу Джэнет Уитни привело в литературу, по её собственному признанию, отчасти её детское увлечение сочинительством, но в гораздо большей степени — зародившийся у неё в юности интерес к истории. Краска жизни своих персонажей Уитни подходила с тщательностью учёного, результатом чего становились обстоятельные биографические исследования. Повествуя о событиях жизни Джона Вулмена, Уитни помещает их в масштаб общенациональной и всеобщей истории; она прослеживает родословную героя, находит сведения о его известных и рядовых современниках, упоминает в ходе рассказа целый ряд прославленных личностей и знаковых событий тех лет. Композиция каждой из 44-х глав повторяет общую композицию книги: открываясь «общим планом» — описанием эпохи и её

Ответственный редактор: канд. филол. наук А. П. Жуков.

веаний — повествование затем переходит к «крупному плану», затрагивающему события как внешней, так и внутренней, душевной жизни Вулмена. Используя «крупный план», Уитни в основном опирается на оригинальный источник — «Дневник» (1774) Джона Вулмена — но всё же иногда отступает от строгих требований исторической науки и добавляет в текст некоторые вымышленные эпизоды (например, для передачи умонастроений своего персонажа она приводит не вполне достоверное предположение о будто бы прочитанных им в юности книгах) [Whitney 1942: 45]. Пользуясь выражением современной исследовательницы, Джэнет Уитни можно сравнить с французским автором романизированных биографий Андре Моруа, осуществившему в своих книгах «синтез науки и художественного творчества» [Попова 2006: 233]. И всё же, в целом книга Уитни тяготеет к документальности, что заметно уже по объёму справочного аппарата, которым писательница снабжает свой труд.

Иную задачу ставила перед собой автор целой серии биографических романов, американская писательница Кэтрин Пир. Она была хорошо знакома с книгой Уитни и высоко ценила её, но не стремилась подражать своей предшественнице. Имея за плечами драматургический опыт, Пир интересовалась возможностью переработки довольно скупого на детали повседневной жизни биографического материала в роман, насыщенный выразительными сценами и диалогами. Целесообразность такой переработки была обусловлена, в числе прочего, ориентацией книги на детскую и юношескую аудиторию. Закономерно, что книга Пир окрашена назидательностью, однако писательнице удаётся уравновесить дидактический пафос яркой визуальной образностью и убедительной психологической интроспекцией. Одним из интереснейших примеров её подхода к воссозданию портрета биографического героя является сцена диалога Вулмена с его матерью [Peare 1954: 192–193]. Будучи сугубо вымышленной, эта сцена, тем не менее, является замечательным воплощением способности жанра биографического романа показывать «не буквальную правду событий, но подспудную, глубинную правду характера изображаемой личности» [Lackey 2016: 13].

Литература

- Попова А. В.* Концепция биографического жанра в творчестве А. Моруа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 11. С. 227–233.
- Lackey M.* The American Biographical Novel. New York: Bloomsbury, 2016. 278 p.
- Peare C. O.* John Woolman: Child of Light; The Story of John Woolman and the Friends. New York: The Vanguard Press, 1954. 256 p.
- Whitney J. P.* John Woolman; American Quaker. London: George G. Harrap & Co. Ltd., 1942. 432 p.

Анцыферова Ольга Юрьевна

*д-р филол. наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.antsyferova@spbu.ru; olga_antsyf@mail.ru*

КРИЗИС САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И ТОПОС ДВОЙНИЧЕСТВА В КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

Ключевые слова: двойничество, кризис самоидентификации, множественность версий саморепрезентации, альтернативные реальности.

Традиционный для культуры топос двойничества, ассоциирующийся с темной стороной человеческого «я», в наше время обретает особую остроту в связи с актуализацией проблем, связанных с самоидентичностью, меняющейся степенью автономности человеческого «я» и новыми формами самовыражения.

Описанные процессы порождают в культуре нарративы расщепленного сознания, обретая новые импликации, связанные с неизвестными ранее культурными нормами и технологиями. Одной из первых об этом заговорила американский социолог и клинический психолог Ш. Теркл: «Еще в недавнем прошлом стабильность, приверженность устойчивым культурным ценностям и стандартам поощрялась обществом и воспроизводилась культурными нормами. Не подвергаемая сомнениям сексуальная идентичность, неизменное место работы, жизнь, проведенная в одном и том же месте, — все это делало верность самому себя центральным, важнейшим пунктом самоидентичности. Но сейчас такого рода стабильность ушла в прошлое, и новые реалии требуют от человека умения приспособиться к новым, все время меняющимся условиям, — к смене работы, к новым карьерным требованиям, к новым гендерным ролям, к новым технологиям» [Turkcle 1995]. Все это неизбежно побуждает не только к поискам иных способов самоопределения, но и порождает новое напряжение, новые дилеммы: как можно, к примеру, в эпоху всякого рода множественности сохранять верность самому себе? Так был начат разговор о новой природе идентичности в постмодернистском обществе. Весьма противоречивые художественные размышления на тему «что значит быть человеком в 21 веке?» находятся в центре внимания множества культурных текстов и медиа. По мнению психолога К. Геггена, современный человек состоит из множества личностных ипостасей, имеет много голосов, которые не всегда находятся в согласии друг с другом. Последствия появления такого «множественного Я» (multiply populated self) трудно предсказать, и они, при всей гибкости и адаптивности постмодернистского я, несут с собой, в частности, риск децентрации Я [Gergen 2000]. Итак, наша фрагментированная постмодернистская идентичность характеризуется одновременно множественностью, адаптивностью и, в то же время, амбивалентным отношением к этим психологическим новациям [Humann 2018].

Достаточно очевидно, что фигуры двойников в XXI веке соответствуют иным культурным вызовам, нежели запросы мифологического сознания, и больше коррелируют с репродуктивными технологиями и клонированием. Ранее фигура двойника ассоциировалась с границей между естественным и сверхъестественным. Теперь она больше завязана на технологических проблемах. Но не только. Безусловно права Х. Д. Хьюманн, утверждая, что сегодня феномен двойничества приходит из самых разнообразных и конкурирующих между собой дискурсов. Новые открытия в геномной инженерии, изобретение искусственного интеллекта не только открывают новые научно-технологические пространства для культурного топоса двойничества, но и порождают новые этические проблемы.

Нынешняя непрерывная пролиферация текстов двойничества во всех сегментах культурного поля делает практически невозможной исчерпывающую их каталогизацию, но основные векторы силового поля, индуцирующие одержимость современной культуры темой двойничества, и факторы, их порождающие, безусловно являются актуальной проблемой

современной междисциплинарной гуманитаристики и заслуживают рассмотрения на наиболее репрезентативном материале.

Представляется, что в современной литературе топос двойничества маркирует три основные сферы обеспокоенности:

в связи с новыми достижениями науки и техники, имеющими амбивалентное значение для человеческого будущего. Этот *научно-фантастический вектор* двойничества восходит к текстам Филипа К. Дика с его проблематизацией темы андроидов. В этом русле можно интерпретировать, к примеру, роман К. Ишигуро *Never let me go* (2005), где топос двойничества возникает в связи с темой клонирования людей, а также романы Б. Крауча «Dark Matter» (2016) и Д. Палмера «Version Control» (2016), которые не могли бы быть написаны без открытий квантовой физики, без теории множественных миров, и роман М. Лафферти «Six Wakes» (2017), тематически продолжающий размышления Филипа К. Дика о рисках межпланетной колонизации для человеческой природы;

в связи с извечными *экзистенциальными проблемами*, когда традиционные для культуры темы поиска себя и страх обнаружить в себе непознаваемое обретают новые обертоны, связанные с эпохой «текучей идентичности» (боязнь потери идентичности, ужас, коренящийся в сердцевине бытия, потеря целостности, расщепление психики на множественные ипостаси). Проблематика таких текстов, как «Бойцовский клуб» (Fight Club, 1999) Ч. Паланика, «Двойник» (2002) Ж. Саррамаго, «Her fearful Symmetry» (2009) О. Ниффенегер и мн. др., восходит к традициям Э. А. По и Ф. М. Достоевского;

в связи с размышлениями *религиозно-этического характера* — о природе зла (тексты С. Кинг «Чужак» (The Outsider, 2018), а также более ранние его произведения, например «Талисман» (The Talisman, 1984), «Темная половина» (The Dark Half, 1989), «Роза Марена» (Rose Madder, 1995), о природе религии и церкви (Ф. Пулман «Добрый человек Иисус и негодник Христос» (The Good Man Jesus and the Scoundrel Christ, 2010).

Литература

Gergen K. The Saturated Self: Dilemmas of identity in Contemporary Life. Basic books, 2000. 320 p.

Humann H. D. Another Me: The Doppelganger in 21st Century Fiction, Television and Film. Jefferson (N. C.), McFarland & Co., Inc. Publishers, 2018. 169 p.

Turkle Sh. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. Simon & Schuster, 1995. 352 p.

Аствацатуров Андрей Алексеевич

*канд. филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.astvatsaturov@spbu.ru*

ДЖОЗЕФ КОНРАД В ПОИСКАХ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ФОРМЫ (ПОВЕСТЬ «СЕРДЦЕ ТЬМЫ»)

Ключевые слова: Конрад, модернизм, колониальная проза, приключенческий роман.

Джозеф Конрад (1857–1924) традиционно считается предтечей англоязычного модернизма. Работая с традиционными художественными формами, он виртуозно усложняет их, соединяя различные жанры и обманывая читательские ожидания. При этом Конрад существенно усложняет тот образ человека, который выработала литературе XIX в., стремясь открыть глубокие, неочевидные основания человеческого «я» и всего сущего.

Повесть «Сердце тьмы» (1902), формально выстроенная как колониальный приключенческий нарратив и вызывающая у представителей современной постколониальной традиции законное раздражение [Толкачев 2019], создает убедительный образ Британской империи [Богомолов 2004: 23–24] и описывает предчувствие ее скорой гибели. При этом речь идет о гибели не только конкретной страны, а о крушении европейского сознания. В данном контексте нас интересует, каким образом эта проблематика связана с особым отношением Конрада к жанру и к художественному слову.

Марлоу, рассказчик и главный герой, отправляется сначала в Брюссель, оттуда на побережье Африки, затем — по реке Конго вглубь материка, на далекую станцию, где занимается добычей слоновой кости некий Курц. Это его реальное путешествие, о котором он рассказывает своим товарищам. Одновременно он совершает другое путешествие — вглубь своего собственного сознания, к его основанию, к той области, где исчезает этика, представления о пространстве и времени, где исчезает человеческая речь и воцаряется молчание и где обнаруживается всеобщая безличная воля. Третье путешествие — символическое. Оно организуется различными символами и предъясняется в повести как путешествие по кругам Ада, в глубине которого находится Курц-дьявол.

Важно, что на всех уровнях повести происходит разрушение порядка, которым человеческий разум пытается сковать хаос в мире и в собственном сознании. Конрад описывает мир колонии, соотнося его с цивилизованным миром Европы. Этот мир, представляющий собой попытку приручить хаос, описывается как весьма хрупкий и недолговечный. Лондон и Брюссель выглядят бастионами цивилизации и разума, где всеобщая воля, изначальный хаос кажутся навсегда побежденными. Однако по мере того, как герой приближается к Африке, следов цивилизации становится меньше. Они (форты, станции, постройки) выглядят случайными, недолговечными, абсурдными, неукорененными в мире, готовыми в любой момент исчезнуть в океане хаоса. Возведенные дома выглядят так будто они вот-вот разрушатся, железные дороги ржавеют, зарастая травой, склад вспыхивает как спичечный коробок. Сами колонизаторы болеют малярией и постепенно тают как свечи. Рассказчик создает цепь изоморфных эпизодов, в основании которых одна и та же структура — стихия поглощает порядок. Так солдаты и чиновники, которых высаживают на африканский берег, тонут в волнах прибой, а экспедицию, которая отправляется в лес, навсегда поглощают безмолвные заросли. Ближе к финалу, где следы цивилизации окончательно пропадают, Марлоу оказывается в средоточии хаоса, в мире всеобщей воли. Здесь нет ни времени, ни пространства, и все превращается в непрерывно становящуюся субстанцию.

Тот же процесс мы наблюдаем и на уровне формы. Рассказ Марлоу слушатели поначалу готовы воспринять как очередную приключенческую историю. Однако по мере развития фабулы читатель видит, что строгая литературная форма постепенно распадается. Жанр не выдерживает натиска событий, впечатлений рассказчика и словно взрывается изнутри. Нарушается вре-

менная последовательность, исчезает четкая причинно-следственная обусловленность сцен. Развитие нарратива осуществляется посредством системы лейтмотивов (лес, туман, река, мрак, грязь), часто повторяющихся и обретающих всякий раз в новых контекстах дополнительные смыслы. Повествование постепенно превращается в своего рода магму, в поток непрерывно сменяющих друг друга картин, звуков, запахов, ощущений. Он выглядит совершенно неупорядоченным, спонтанным, нарушающим элементарные формальные правила. Форма повествования, как мы видим, соответствует своему содержанию, обнаружению рассказчиком в самом себе и в окружающей реальности всеобщей воли.

Со словом в повести происходят похожие процессы. С самого начала Марлоу не доверяет готовым словам и случайным обозначениям. Слова являются слугами разума, и с их помощью упорядочивается мир. Марлоу их избегает, поскольку они ненадежны. Лондон, Брюссель, Африка, Темза остаются в его рассказе безмянными. Сущность не вмещается в знак и как будто взрывает его. Марлоу совершает путешествие к истоку слова, к началу всякой речи, к референту. В какой-то момент слова уподобляются в повести материи, камням, падающим из ночного воздуха. В кульминационные моменты, когда возникает соприкосновение сознания Марлоу с мировой волей, его речь прерывается, и слово окончательно исчезает, растворившись в молчании.

Повесть «Сердце тьмы», как мы видим, подчинена инстинкту разрушения порядка, и этот инстинкт определяет не только ее тему, но и все уровни повествования.

Литература

Богомолов С. А. Художественное пространство Британской империи в творчестве Джозефа Конрада // Вестник ОГУ. 2004. № 6. С. 21–27.

Толкачев С. П. «Путешествие в сердце тьмы»: травестия традиционных сюжетов в творчестве мультикультурных писателей // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 5 (821). 2019. С. 301–312.

Барabanова Юлия Михайловна

канд. филол. наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский академический университет им. Ж. И. Алферова;
iuliya.barabanova@yandex.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОШЛОГО В ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: «МЕМУАРЫ АМЕРИКАНСКОЙ ЛЕДИ» ЭНН ГРАНТ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ ДЖ. К. ПОЛДИНГА И ДЖ. Ф. КУПЕРА

Ключевые слова: трансатлантизм, мемуары, исторический роман.

Для литературных связей британской и американской литератур первой половины XIX века характерны не только взаимные полемические выпады и стремление размежеваться, но и определенные взаимовлияния, формирующие новые модели трансатлантического повествования, в котором сюжеты, темы или стиль обусловлены исторической и литературной близостью культур Старого и Нового света. Значительную роль в этом процессе на протяжении нескольких десятилетий играл Дж. К. Полдинг (1778–1860), обширное литературно-публицистическое и художественное творчество которого было важным явлением этой эпохи. Его призывы к отказу от подражания британским образцам (включая исторические романы Вальтера Скотта) и к созданию подлинно американской национальной литературы [Полдинг 1990], тем не менее, сопровождались использованием европейских литературных форм (в частности, романов Дж. Филдинга). Ярким примером такого противоречия можно считать его роман «Очаг голландца» (1831), сюжет которого тесно связан с историей голландских поселений в долине реки Гудзон в середине XVIII века и который во многом следует канонам фронтирного романа, введенным в американскую литературу Купером в 1820-е годы.

Для воссоздания атмосферы и быта колониальной жизни той эпохи Полдинг обращается к «Мемуарам американской леди» (1808) Энн Грант (1755–1838), которые в предисловии к роману он называет «одним из лучших очерков раннеамериканских нравов» [Paulding 1837: 3]. Примечательно, что, вернувшись к этому историческому периоду, тем же источником воспользовался и Купер в «Сатанстоу» (1845), первом романе так называемой трилогии о земельной ренте («Землемер», 1845 и «Краснокожие», 1846). Многочисленные событийные и нравоописательные заимствования из «Мемуаров американской леди», которые возникают в «Очаге голландца» и «Сатанстоу», были отмечены еще в 1940 году в статье Дороти Дондор [Dondore 1940], однако ни она, ни последующие исследователи не предложили убедительного объяснения этим параллелям. Вероятно, одним из факторов интереса Полдинга и Купера ко времени и месту, описанию которых посвящены «Мемуары» Грант, стал тот факт, что оба писателя были потомками европейских поселенцев — голландских в случае Полдинга и шведских (по материнской линии) в случае Купера — в штате Нью-Йорк. Кроме того, «Мемуары» Энн Грант, публиковавшиеся и пользовавшиеся большим успехом по обе стороны океана, а также особенности ее биографии были своего рода связующим звеном между колониальным прошлым и современной Полдингу и Куперу эпохой, когда актуальной стала идея сохранения и художественного осмысления истории Америки. Дочь шотландского офицера, служившего в британских колониях в Америке, она провела детские годы (с 1758 по 1768) в провинции Олбани в мультикультурной и многоязычной среде. В основу «Мемуаров американской леди», написанных спустя 40 лет после возвращения Грант в Шотландию, легли ее детские воспоминания и рассказы о колониальном прошлом Маргариты Шуйлер, в доме которой воспитывалась Энн.

Основанные на тексте «Мемуаров американской леди» описания (например, провинции Олбани), портреты влиятельных членов общины, события (экспедиция в Тикондерогу, приготовления в войне с французами), мотивы (образ жизни и развлечения жителей Олбани) и темы (взаимоотношения с индейцами и рабами) вплетаются в ткань романного повествования и определяют не только общую атмосферу, но и отчасти развитие сюжета как у Полдинга, так и у Купера. Именно такие моменты, сохранившиеся в воспоминаниях свидетеля эпохи (хотя

и восполненные отчасти воображением мемуариста), придают достоверность и убедительность художественному тексту. Мемуарный нарратив об истории определенного места и периода в жизни голландской общины и ее представителей в изложении Энн Грант, а также их предыстория, реконструируемая по рассказам мадам Шуйлер, становятся частью коллективной памяти американцев и британцев. В романах Полдинга и Купера элементы этой коллективной памяти подвергаются трансформации в метаисторическом художественном повествовании, которое представляет новый взгляд на прошлое, формирующее национальную культуру и идентичность.

В сущности, эта модель исторического романа, основанного на коллективной памяти о недавнем прошлом, предшествующем поворотным событиям в истории и влияющем на национальное самосознание, была впервые реализована Вальтером Скоттом. Примечательно, что одним из важнейших источников «шотландского колорита» в его романе «Уэверли» (1814) стали «Очерки о суевериях шотландских горцев» (1811) Энн Грант, которую он с благодарностью упомянул в послесловии к роману, подчеркнув при этом принципиальное отличие ее описаний от его вымышленного повествования [Скотт 1990: 483]. Отношение Полдинга и Купера к шотландскому романисту было неоднозначным: первый призывал отказаться от подражания Скотту, второй, признавая себя учеником Скотта, критиковал его за почитание сословных привилегий. Тем не менее, оба американских автора, опираясь в данном случае на мемуарную прозу «американо»-шотландской писательницы, в целом следуют принципам историзма Вальтера Скотта, что подтверждает существование кросс-культурного дискурса в трансатлантическом контексте первой половины XIX века.

Литература

- Полдинг Дж. К.* Национальная литература // «Сделать прекрасным наш день...» Публицистика американского романтизма. М.: Прогресс, 1990. С. 56–61.
- Скотт В.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. М., 1990.
- Dondore D.* The Debt of Two Dyed-in-the-Wool Americans to Mrs. Grants' Memoirs: Cooper's Satanstoe and Paulding's The Dutchman's Fireside // *American Literature*. 1940. Vol. 12. № 1. P. 52–58.
- Paulding J. K.* The Dutchman's Fireside. New York: Harper & Brothers, 1837.

Вишневецкая Елена Александровна

преподаватель, Донецкий государственный университет;
u.elena.vishnevskaya@mail.ru

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛАТИНСКАЯ СЕКВЕНЦИЯ: К ВОПРОСУ ЖАНРА

Ключевые слова: секвенция, жанр, средневековая гимнография.

Исследование посвящено одному из наиболее популярных жанров средневековой латинской поэзии, украшавших римскую мессу в храмах и монастырях Европы, — секвенции, а именно ранним текстам начала IX — XII веков. Создание секвенции как формы лирического произведения, рожденного из духа музыки [Курциус 2021: 257], было живой традицией с IX до середины XVI веков. К концу десятого века секвенции уже были очень распространены в Аквитании, Сен-Галле, в Винчестере (Англия) и в северной Италии. В XVI в. на Тридентском соборе секвенции были запрещены в большинстве мест. Тем не менее, сохранилось около пяти тысяч секвенций и к концу девятнадцатого века ряд текстов был отредактирован в серии *Analecta hymnica medii aevi* [АН 1961].

Секвенция оказалась в поле зрения филологической науки относительно недавно. Особенности жанра, формы и функции поэтических компонентов описаны шведскими учеными Гунилой Иверсен и Дагом Норбергом. Исследовательская группа, связанная с так называемой стокгольмской школой постклассических латинистов, осуществила проект *Corpus Trogorum*, в рамках которого вышли издания литургических тропов и секвенций. В отечественной науке описанием жанра занимается М. Р. Ненарокова. Однако, критерии жанровой принадлежности до конца не обозначены и остаются одной из лакун научного изучения литературы этой эпохи.

Специфика жанра секвенции обусловлена ее местом и функцией в богослужении и, можно сказать, определяется ситуацией исполнения. Изначально термин «секвенция» применялся к бессловесной мелизме в конце псаломского стиха, за которым следовало слово «Аллилуйя». «Аллилуйя» пропевали между чтениями *sacra pagina* — Апостольских посланий и Евангелием. Средневековые комментаторы объясняют, что Апостольские послания, заканчивающиеся «Аллилуйя», имели целью подготовить душу к восприятию евангельского чтения. «Аллилуйя», еврейское выражение, буквально означающее «хвалите Господа», звучало криком радости. Конечная гласная, энергично распеваемая, становилась песнопением хвалы без слов. «Ликование означает звук, который выражает сердце, но который нельзя произнести» [цит. по Iversen 2010: 129]. Со временем к заключительной мелизме «Аллилуйя» стали добавлять текст. Первые упоминания об этом относятся к IX веку. Самые ранние секвенции не следуют строгим правилам метра, ритма или рифмы. Они исполнялись в форме диалога, антифонно, двумя полухорами. Эта коммуникативная направленность как важный жанрообразующий критерий объединяет секвенцию с другими религиозными текстами эпохи, такими, как проповедь или жития.

Новый жанр получил чрезвычайно широкое распространение. Тексты составлялись монастырскими гимнографами, тема праздника раскрывалась по правилам риторической школы. В текстах прослеживается отражение богословских и философских дискуссий своей эпохи. По сути, они представляют собой своего рода сжатый трактат или изложение, включенное в Мессу. Очевидно, их часто использовали для придания литургии местного колорита. Такого рода частное творчество становилось особенно востребованным в значимые праздники, когда возникала необходимость в дополнительном времени для сопровождения расширенного церемониального действия. Это достигалось путем добавления образов.

Кроме диалога, следует указать на наличие в секвенциях еще двух компонентов, присущих всему жанру литургической поэзии. Поскольку монашеские авторы жили в устной традиции, где чтение означало размышление над текстом, важное значение приобретало сохранение в уме цитат и цитирование по памяти. Другой компонент — литературный метод следования цепочке

свободных ассоциаций (в нашем понимании), когда одна библейская фраза предполагает другую из-за ассоциации по смыслу или по звукам.

Возникло очевидное противоречие между необходимостью сохранять в неизменном виде литургическое базовое пение и желанием создавать новые композиции. Наряду с неизменяемым репертуаром, установленным традиционным «григорианским пением», авторы вносили в него дополнения. Некоторые произведения явно противоречили канонам и в ряде случаев были запрещены. Несмотря на все усилия каролингских реформаторов по объединению и установлению единообразного богослужения, секвенции вносили разнообразие и вариативность в местное богослужение.

Подводя итог, можно сказать, что в поэтических жанрах эпохи и культуры, характеризующейся большим интересом к формированию литургии, мы можем обнаружить два противоречивых стремления: одно — сохранить «чистую» форму, не добавляя к ней ничего нового, а другое — создать новые стихи и песнопения, которые как можно точнее и красивее выражали бы эмоции и переживания молящихся. Секвенции, обладая жанровыми признаками литургической поэзии, выделились в самостоятельный жанр внутри культового комплекса текстов благодаря своему месту в богослужении и определенным правилам построения. Именно эти правила и дают нам возможность называть эти тексты «секвенциями».

Литература

- Куриус Э. Р.* Европейская литература и латинское Средневековье. Т. 1. М.: Издат. дом ЯСК, 2021. 559 с.
Analecta hymnica medii aevi. Prosarium Lemovicense. Die Prosen der Abtei St. Martial zu Limoges // Clemens Blume, Guido Maria Dreves. Vol. 7. Frankfurt am Main: Minerva, 1961 (repr.). 282 s.
Iversen G. Laus Angelica: Poetry in the Medieval Mass. Tournout: Brepols, 2010. 317 p.

Волкова Анна Геннадьевна

канд. филол. наук, руководитель,
Межрегиональный центр информационной безопасности, Калуга;
volkova.expert@mail.ru

«КНИГА» МАРДЖЕРИ КЕМП: ОПЫТ ПЕРВОЙ ЖЕНСКОЙ АВТОБИОГРАФИИ

Ключевые слова: мистицизм, Средневековье, женская проза, Марджери Кемп.

Творчество Марджери Кемп (Margery Kempe, 1373—1438?) пока не стало предметом пристального и активного изучения в отечественной науке, за исключением некоторых статей, например, работ М. И. Николы [Никола 2017: 23–27]. Однако «Книга» Марджери (The Book of Margery Kempe) является одной из первых автобиографий, написанных на английском языке, и представляет собой описание как духовного опыта Марджери, так и ее семейной, повседневной жизни, ее путешествий. Этот текст может быть рассмотрен с литературоведческой точки зрения как автобиографическое произведение, как начало жанра романа. Целью анализа текста Марджери является описание выстраивания и выражения авторской субъектности как опыта выбора своего пути. Методом медленного чтения, семантического и дискурсивного анализа представляется возможным выявить репрезентацию антропологического поворота, который Марджери делает в своем тексте, трансформируя традиционную риторику жанра мистических откровений в бытописательскую «женскую» автобиографию.

Марджери Кемп уже при жизни стала известна как визионерка и паломница и смогла соединить в своем пути замужество и следование Христу. Весь свой опыт — и религиозный (именно мистический, с видениями, откровениями и экстатическими состояниями), и бытовой, семейный — Марджери выразила в «Книге».

Текст «Книги» Марджери стал известным не сразу: издания XVI века содержат сокращенные версии, а полная версия текста была обнаружена лишь в 1934 г., после чего ее начали издавать и в оригинале, и в переводах на современный английский язык. Найденный полный текст исследователи датировали примерно 40-ми гг. XV в., однако все же считают этот текст копией, оригинал которой не сохранился и предположительно находился в Йоркшире в монастыре картузианцев [Taverners 1996: 114].

«Книгу» Марджери Кемп нередко упоминают в одном ряду с произведениями других английских авторов того же периода — Ричард Ролль из Гемпола (Richard Rolle of Hampole, 1300?–1349), Вальтер Хилтон (Walter Hilton, ?–1395), Юлиана из Нориджа (Julian of Norwich, 1343–1429?). к этому кругу относят и неизвестного автора сочинения «Облако неведомого» («The Cloud of Unknowing», 1370?). Однако в сравнении с этими текстами «Книга» Марджери выглядит местами экзальтированно, местами — слишком по-бытовому. Всех упомянутых авторов объединяет не только то, что они были современниками, но и то, что их тексты относятся к традиции мистической прозы Средневековья, притом что их поэтика и стилистика иногда кардинально отличается. Так называемые «мужские» тексты, как, например, тексты Ролля или Хилтона тяготеют к богословским трактатам. «Книга» Марджери написана от третьего лица, однако при этом считается одной из первых европейских автобиографий: элемент субъективности в этом произведении гораздо больше, чем в произведениях упомянутых выше авторов. В этом текст Марджери Кемп сближается с другим «женским» текстом — «Откровениями Божественной Любви» Юлиании Нориджской.

Текст начинается с того, как Марджери описывает свою жизнь в родном городе: свое замужество, рождение детей и даже «бизнес»-опыт (Марджери была одной из первых женщин в Англии, которая попыталась основать собственное дело). Кроме того, в «Книге» даны детальные рассказы о паломничествах Марджери, в течение которых она встречала разных людей, сталкивалась с трудностями, характерными для путешествий.

Переломный момент в биографии писательницы возникает после ее тяжелых первых родов: именно после рождения первенца Марджери начинают посещать видения — Марджери видит

бесов, боится смерти и призывает священника, чтобы исповедоваться. Однако исповедь у нее не получается, она делает попытку покончить с собой и богохульствует. Страдания женщины были прекращены чудесным видением Христа: однажды Марджери проснулась и увидела, что на краю ее кровати сидит Христос, заговоривший с ней и уверивший ее, что Он всегда был рядом. Это послужило выздоровлению Марджери и ее последующему религиозному обращению. Здесь видна контаминация религиозного и светского начал: с одной стороны, подобное видение, откровение является характерной чертой для западнохристианского дискурса, с другой стороны, это видение органично вплетается в бытовое повествование о жизни Марджери.

События частной жизни Марджери, с одной стороны, описываются как нечто значимое само по себе, но с другой — они являются контекстом встречи с Господом.

Притом, что у всех мистических авторов Средневековья (Ричард Ролль, Юлиана Нориджская, Облако неведомого) есть общая черта — все они вербализуют свой мистический, сверхчувственный визионерский опыт — текст Марджери стоит в этом ряду отдельно в силу того антропологического поворота в религиозном тексте, который совершает автор и который транслируется через проявления телесности в тексте и через архетипичный образ дороги — оба этих аспекта представляют собой проявления субъектности автора.

Литература

Никола М. И. «Книга Маджери» М. Кемп как памятник ранней английской прозы // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2017. № 10 (76). С. 23–27.

Tarvers J. K. The Alleged Illiteracy of Margery Kempe: A Reconsideration of the Evidence // *Medieval Perspectives.* 1996. Vol. XI. P. 113–124.

Жуков Андрей Павлович¹, Феррейра Рафаэль Бэсса

*1 канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
andreszh@yandex.ru*

БРАЗ КУБАС МАШАДУ ДЕ АССИСА И ОБЛОМОВ И. А. ГОНЧАРОВА: «ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» В ТРОПИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Машаду де Ассис, известный бразильский писатель XIX века и реноватор современной прозы, и И. А. Гончаров, выдающийся русский писатель того же периода, имеют ряд литературных перекличек.

И Машаду де Ассис, и Гончаров затрагивали в своих произведениях социальные и политические проблемы своей эпохи. И Браз Кубас, и Обломов изображены как праздные и ленивые персонажи. Браз Кубас после смерти пишет свои мемуары, подчеркивая свои промахи и безразличие к жизни, считая при этом, что он вышел из жизни с положительным итогом: «Я не достиг известности с помощью пластыря, я не стал ни министром, ни халифом, я не познал радостей супружеской жизни. Правда, мне не пришлось зато добывать себе хлеб в поте лица своего. Смерть доны Пласиды и помешательство Кинкаса Борбы не причинили мне страданий. Подытожив все это, кто-нибудь, пожалуй, вообразит, что одно уравновешивается другим и что мы с жизнью квиты. Но, решив так, он ошибется, ибо здесь, на том свете, я все же обнаружил сальдо в свою пользу: у меня не было детей, и я никому не оставил в наследство тщету нашего земного бытия.» [Assis 2020: 176]. Обломов, в свою очередь, известен своей крайней ленью и бездеятельностью, предпочитая комфорт своего дивана продуктивной деятельности: «Знаю я, — с возрастающей убедительностью говорил Обломов, — что значит перевозка! Это значит ломка, шум; все вещи свалят в кучу на полу: тут и чемодан, и спинка дивана, и картины, и чубуки, и книги, и склянки какие-то, которых в другое время и не видать, а тут черт знает откуда возьмутся!» [Gontcharov 2019: 88].

В романе И. А. Гончарова глава, озаглавленная «Сон Обломова», во вступление к которой сказано: «Где мы? В какой благословенный уголок земли перенес нас сон Обломова? Что за чудный край! / Нет, правда, там моря, нет высоких гор, скал и пропастей, ни дремучих лесов — нет ничего грандиозного, дикого и угрюмого» [Gontcharov 2019: 99].

В Посмертных записках есть похожий отрывок, который напоминает нам о странностях, увиденных во сне Обломова. Это глава под названием «Бред», в которой рассказчик Браз Кубас в сатирическом тоне рассуждает о собственной смерти и своем посмертном состоянии. Он показывает, что бредит на смертном одре, и начинает диалог с лихорадкой, олицетворяя ее с неопытным врачом: «Я попробовал заговорить, но из уст моих вырвался тревожный шепоток:

— Где мы?

— Миновали Эдем.

— Прекрасно; так остановимся у шатра Авраамова.

— Но ведь мы едем в обратную сторону! — прозвучал насмешливый ответ.

Я был раздосадован и сбит с толку. Путешествие казалось мне теперь утомительным и нелепым, холод — невыносимым, бег моего скакуна — слишком быстрым, результат всего — сомнительным» [Assis 2020: 25].

Во время этого бреда Браз Кубас выражает презрение к социальным условностям, критикует человеческое лицемерие и размышляет о собственной жизни, излагая свои мысли в ожидании прихода смерти и размышляя о краткости существования.

Браз Кубас — это образ бразильской элиты XIX века, а Обломов — образ русского дворянства XIX века. Оба персонажа отражают особенности и идиосинкразию своих культур и эпох. Как говорит Отто Мария Карпо: «Бесполезность и абулия Обломова имеют социальную основу: они продолжают быть функцией крепостного служения, деморализуя хозяина до такой степени, что он оказывается неспособным к работе, связанной с чтением книг или надеванием одежды» [Carreaux 2011: 1796].

Идея «лишнего человека» — постоянная тема в русской литературе XIX века, и ее можно соотнести с главным героем Обломова, а также с Бразом Кубасом Машаду де Ассиса. Концепция «лишнего человека», используемая различными русскими писателями, такими как И. А. Тургенев, Ф. М. Достоевский и, в некоторой степени, И. А. Гончаровым, раскрывается и в Бразе Кубасе. И бразильский герой, и русский «лишний человек» выражают определенное разочарование в социальных институтах своих культур. Они ставят под сомнение актуальность и эффективность этих институтов в условиях социальных и политических изменений, которые переживали их страны во второй половине XIX века.

Примечательно отношение Машаду де Ассиса к апатии Бразы Кубасы, который, как и Обломов, принимает бездеятельность за философскую рефлексию: «С наступлением пятнадцати лет я обнаружил в себе неутолимый аппетит к учебе. Правда, я выучил не все, но очень многое, к неудовольствию отца и удовлетворению матери, которая считала учебу прекрасной вещью» [Assis 2020: 15].

В приведенном выше отрывке Браз Кубас иронично и рефлексивно рассказывает о своей юности и интересе к учебе, подчеркивая при этом некоторую праздность. Аналогичным образом в романе И. А. Гончарова главный герой описывает и размышляет о своем душевном состоянии, иллюстрируя свою меланхолию и нежелание принимать на себя ответственность: «По этому плану предполагалось ввести разные новые экономические, полицейские и другие меры. Но план был еще далеко не весь обдуман, а неприятные письма старосты ежегодно повторялись, побуждали его к деятельности и, следовательно, нарушали покой. Обломов сознавал необходимость до окончания плана предпринять что-нибудь решительное» [Gontcharov 2019: 11].

Илья Ильич Обломов, в некотором роде олицетворяет «лишнего человека». Он изображен как человек чрезмерно пассивный, ленивый и не желающий противостоять требованиям и вызовам жизни. Его существование вращается вокруг бездействия, проволочек и неспособности осмысленно взаимодействовать с миром.

Таким образом, исследуя фигуры Обломова и Бразы Кубасы, можно внести вклад в обсуждение двух литературных традиций из разных контекстов, русской и бразильской, которые рассматривают сложности и проблемы, с которыми сталкивается «лишний человек» в условиях меняющегося общества, с точки зрения содержания текстов.

Литература

Assis M. de. Memórias Póstumas de Brás Cubas. São Paulo: Companhia das Letras, 2020.

Carpeaux O. M. História da Literatura Ocidental. Vol. 3. São Paulo: Leya, 2011.

Gontcharov I. Oblómov. São Paulo: Companhia das Letras, 2019.

Зиновьева Кира Андреевна

аспирант кафедры зарубежной литературы,
Минский государственный лингвистический университет;
kira_zinovieva@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА Х. МАНТЕЛ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Ключевые слова: исторический роман, Х. Мантел, спектральность, психологизм.

Созданные Х. Мантел исторические романы являют собой новый феномен, и много лет привлекают внимание литературоведов. За четырнадцать лет после выхода первого романа исторической трилогии о Томасе Кромвеле было множество попыток охарактеризовать ее творчество, но единого мнения или подхода к изучению книг писательницы до сих пор нет. Более того, выявляются совершенно разные направления в исследовании ее произведений в отечественной и зарубежной литературной критике.

Обобщенный анализ «Вулфхолла» («Wolf Hall», 2009) как исторического романа осуществил Дж. Де Гроот в одной из глав своей работы «Remaking History» (2015) с упором на этический аспект творчества Хилари Мантел как автора исторической прозы, следующей вслед за эпохой постмодернизма. Л. Арнольд отмечает, что спектральное в романах Мантел имеет одновременно потенциал раскрывать что-то новое и разрушать уже известное, а интертекстуальные фрагменты в творчестве английской писательницы исследователь понимает как спектры, которые преследуют нашу культуру и являются не просто метафорой для рассуждения об интертекстуальной игре, а осознанным центральным элементом ее творчества. В. Функ предлагает использовать в отношении творческого метода Х. Мантел термин «спектральный реализм», утверждая, что писательница разрушает дихотомию реальной истории и фикциональности ее репрезентации с помощью спектральной образности. Ученый добавляет, что трилогия Мантел о Томасе Кромвеле стала кульминацией ее обширного исследования литературных призраков. Читатель, согласно мнению В. Функа, принимает участие в борьбе Кромвеля, разграничивая фактическое и спектральное.

Ж. Карпентер указывает на остранение истории в романах Мантел: в такой истории прошлое становится потенциально «пористым» пространством, которое может быть по-разному использовано писателем, а понимание нормы размывается. Ш. О'Коннор изучает роман «Вулфхолл» с точки зрения репрезентации памяти в данном произведении, заявляя, что Мантел использует в качестве метафор Симонида и разрушающийся зал и театр памяти Джулио Камилло (античные мнемотехники), которые она позаимствовала из работы Ф. Йейтса «Искусство памяти» (1966).

Отечественное литературоведение рассматривает историческую прозу Мантел иначе. Б. М. Проскурнин изучает романы Мантел в сравнении с романами В. Скотта (в рамках термина «память жанра»). Ученый видит в произведениях писательницы как сходства с классическим историческим романом, так и значительные отличия. Проводя такое сопоставление, он использует идеи и понятия Г. Лукача (историческая правдивость историческим типам, «радикальная историческая потенциальность» и т. п.), хотя исследование жанра исторического романа данным венгерским ученым критиковали многие исследователи за его чрезмерный марксизм и узкое понимание данного жанра. Согласно Б. М. Проскурнину, Мантел фокусируется в своей трилогии на «культурологических сдвигах, которые переживала Англия XVI столетия» [Проскурнин 2016: 82]. Также исследователь отмечает высокий уровень психологизма исторических романов писательницы.

Анализирует историческую трилогию Х. Мантел с точки зрения воплощения в ней социальных и психологических теорий И. В. Кабанова. В образе Томаса Кромвеля исследователь видит «воплощение идеи рационального контроля социальных рисков» [Кабанова 2013: 49], а в сюжете книг — новые придуманные писательницей психологические мотивировки. В за-

ключительной части трилогии «Зеркало и свет» («The Mirror and the Light», 2020) И. В. Кабанова находит реализацию теорий власти, указывая на то, что «внутренняя динамика сюжетного развития — психологический симбиоз и одновременно противостояние короля и Кромвеля» [Кабанова 2022: 342].

Концентрируется на фигуре главного героя и проявлении психологизма в исторической трилогии о Томасе Кромвеле М. С. Рогачевская. Кромвель определяется исследователем как «механизм зарождения нового сознания» [Рогачевская 2020: 211], отмечаются присущие герою ценности, которые характерны не только Средневековью, и заявляет, что исторический образ Кромвеля намеренно осовременивается писательницей для постижения вневременных основ бытия.

В то время как зарубежные исследователи делают акцент на «хонтологию» (направление в гуманитарных науках, изучающее призраков), спектральность, репрезентацию памяти в своих работах об исторической прозе Х. Мантел, отечественные литературоведы осуществляют анализ произведений английской писательницы с точки зрения развития жанра исторического романа, «памяти жанра», психологизма, гуманизма, социальных и психологических теорий. Но данные направления исследований пока не дают возможности сделать определенные выводы по творчеству Х. Мантел как исторического романиста. Таким образом, можно прийти к заключению, что для более полного и всеохватывающего анализа исторических романов Хилари Мантел необходимо выработать новый подход к интерпретации жанра исторического романа, применимый для всех образцов жанра, а также определить главные характеристики ее творчества, объединив результаты и направления как зарубежного, так и отечественного литературоведения.

Литература

- Кабанова И. В.* Оценщик рисков: образ Томаса Кромвеля в исторической прозе Хилари Мантел // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2013. № 13 (1). С. 49–57.
- Кабанова И. В.* Психология власти в романе Хилари Мантел «Зеркало и свет» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2022. № 22 (3). С. 342–350.
- Проскурнин Б. М.* Историческая диалогия Хилари Мантел и «Память жанра» // Филологический класс. 2016. № 2 (44). С. 77–83.
- Рогачевская М. С.* Система ценностей Томаса Кромвеля в диалогии Хилари Мантел // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. статей [по материалам междунар. науч. конф.]. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. С. 208–211.

Игнатьева Дарья Сергеевна

преподаватель, Михайловская военная артиллерийская академия;
ignatyevadar@gmail.com

МИФ И НАУКА В РОМАНЕ РИЧАРДА ПАУЭРСА «ЭХОТВОРЕЦ»

Ключевые слова: Ричард Пауэрс, мифологический дискурс, научный дискурс, интердискурсивность.

Отличительной чертой прозы американского писателя Ричарда Пауэрса (р. 1957, Powers) является интердискурсивность: в рамках одного произведения писатель, как правило, соединяет научный, художественный и мифологический дискурсы. В романах «Галатея 2.2» (1995, «Galatea 2.2») и «Орфей» (2014, «Orfeo») автор использует научные теории и перерабатывает одноименные античные мифы с целью художественного осмысления природы современного человека. В романе «Верхний ярус» (2018, «The Overstory») научное знание и мифологические включения оказывают влияние на жанровую форму произведения: автор воспроизводит традицию мифологического повествования, создавая своего рода роман-миф, содержащий напутствие современному человечеству.

В романе «Эхотворец» (2006, «The Echo Maker»), принесшем Пауэрсу Пулитцеровскую премию, также прослеживается взаимосвязь научного и мифологического дискурсов.

В «Эхотворце» представлено два плана повествования, а точнее, история главных героев разворачивается на фоне повествования о журавлях. С короткого пассажа об этих птицах начинается каждая новая глава романа (всего пять глав), и в каждом новом пассаже автор разными способами раскрывает природу этих птиц. Для этого он использует научный и мифологический дискурсы, а также прием антропоморфизации.

Сначала журавли описываются с научной точки зрения: автор приводит научное название данного подвида, описывает их жизненные циклы и особенности миграции. Полагая, что современный человек по большому счету равнодушен к окружающей природе и не замечает ее, Пауэрс заставляет своего читателя присмотреться к этим птицам. Научная информация здесь служит инструментом: подобно линзам она приближает к читателю этот образ, делает его выпуклым и понятным.

Используя прием антропоморфизации и описывая поведение журавлей в человеческих терминах (забота о потомстве, уважение к предкам), писатель делает журавлей еще более близкими и родственными человеку. Наконец, включая отсылки к античным, древнеяпонским и древнеирландским мифам о превращении журавля в человека, писатель добивается их полного отождествления друг с другом. В результате же обращения к древнеегипетским, древнекитайским мифам и мифам коренных американцев, представляющих журавля в виде священной птицы, отождествление с человеком упраздняется, и журавль предстает перед читателем как очень древний могущественный вид. Таким образом, мифологические включения способствуют изменению перспективы взгляда читателя: он видит журавля из глубины веков и смотрит на него уже не сверху вниз, а так, как смотрели древние на почитаемое существо.

Природа современного человека анализируется Пауэрсом через призму современных нейронаучных и философских концепций (концепция о работе зеркальных нейронов, теория симулякра Жана Бодрийера). Главный герой претерпевает редкое нейропсихиатрическое заболевание — синдром Капграса, при котором больной не распознает лица родственников, считая, что их подменили самозванцы. Синдром Капграса является метафорой, помогающей писателю передать состояние современного человека и человеческой нации, в целом: «весь человеческий род страдает от Капграса. Эти птицы танцуют как наши сородичи, выглядят подобно им, рожают детей и учат их. Но люди отмахиваются от них: самозванцы!» [Powers 2006: 439]. Сопрягая недуг главного героя и отрыв современного человека от природы, писатель обозначает главную проблему романа — утрату человеком своих корней.

Эта мысль перекликается с теорией симулякра Жана Бодрийера, отсылки к которой обнаруживаются на разных уровнях текста: читатель «видит» события романа на экране

телевизора или в Интернете; читатель сталкивается с копиями и подделками — копия Стоунхенджа в Небраске, пластиковые фрукты и проч.; читатель встречает отсылки к фильму «Шоу Трумэна» и, наконец, видит весь «поддельный» мир главного героя. Это углубляет идейно-концептуальный план романа и создает определенный эмоциональный фон произведения, порождая чувство утраты реальности и подмены реальности копиями.

Идея копирования, в свою очередь, перекликается в романе с другой научной теорией — теорией зеркальных нейронов, которые заставляют человека на нейронном уровне копировать свое окружение и, тем самым, играют ключевую роль в коммуникации человека с внешней средой. Рассуждая о том, что человек в силу своей природы живет в процессе бесконечного копирования окружающей среды, писатель косвенно ставит вопрос о потерянном «авторе», том самом «эхотворце», который запустил процесс копирования.

Проанализировав оба пласта повествования, мы видим, что писатель сравнивает два биологических вида — журавля и современного человека. Выводы для последнего неутешительны: тогда как журавль, следуя законам природы, сохраняет на протяжении всей жизни семейные, социальные и межпоколенческие связи, человек свою первоначальную связь с природой распознавать перестал, он утратил чувство реальности и создал свой собственный сложный ненастоящий мир. Считая себя самым высокоразвитым существом на планете, человек возомнил себя Творцом и начал создавать искусственные аналоги своего мозга. В качестве подкрепления своей точки зрения писатель приводит изречение пророка Иеремии: «Черепаша, ласточка и журавль соблюдают время своего прилета. Только люди мои не могут вспомнить приказ Господа» [Powers 2006: 231].

Таким образом, мифологические и научные включения в данном романе являются инструментом для построения идейного каркаса романа. Мифологические элементы расширяют пространственно-временную перспективу, выводят идеи на общечеловеческий уровень, тогда как научные сведения выступают в роли метафоры и, тем самым, помогают наглядно и выразительно донести до читателя основные проблемы романа.

Литература

Powers R. Galatea 2.2. New York: Farrar, Straus, Giroux, 1995. 329 p.

Powers R. Orfeo. New York: W. W. Norton, 2014. 400 p.

Powers R. The Echo Maker. London: Vintage Books, 2007. 569 p.

Powers R. The Overstory. New York: W. W. Norton, 2018.

Иовенко Валерий Алексеевич

д-р филол. наук, профессор кафедры испанского языка,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
viovenko@rambler.ru

ПОВЕСТЬ МИГЕЛЯ ОТЕРО СИЛЬВЫ «КОГДА ХОЧУ ПЛАКАТЬ, НЕ ПЛАЧУ» — ЗАБЫТОЕ НАСЛЕДИЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: латиноамериканская литература, Мигель Отеро Сильва, три Викторино.

Вторая половина XX века — время расцвета латиноамериканской художественной литературы. Вряд ли можно найти в истории литературы пример столь высокого «удельного веса» выдающихся писателей, которые представляли бы один географический ареал и создавали бы свои литературные шедевры приблизительно в одни и те же временные рамки: колумбиец Габриэль Гарсия Маркес, перуанец Марио Варгас Льоса, аргентинцы Хорхе Луис Борхес, Хулио Кортасар, мексиканцы Октавио Пас, Карлос Фуэнтес, Хуан Рульфо, венесуэлец Мигель Отеро Сильва, гватемалец Мигель Анхель Астуриас, кубинец Алехо Карпентьер, парагваец Аугусто Роа Бастос, бразильцы Жоржи Амаду, Жоао Гимарайнс Роза. Четыре писателя из этого неполного списка — Анхель Астуриас, Гарсия Маркес, Октавио Пас и Варгас Льоса — стали Нобелевскими лауреатами.

Именно им мировая литература обязана возрождением такого уникального художественного стиля, как «магический реализм».

Венесуэльский писатель, публицист, политический и общественный деятель *Мигель Отеро Сильва*, о незаслуженно забытой повести которого «*Когда хочу плакать, не плачу*» (“*Cuando quiero llorar no lloro*”) мы вспоминаем, не вполне вписывается в формат магического реализма. Однако его имя и литературное творчество неотделимы от нового латиноамериканского романа. Мигель Отеро Сильва и по возрасту старше некоторых своих знаменитых литераторов-современников (он родился в Каракасе в 1908 году, а, например, Габриэль Гарсия Маркес, высоко оценивший эту повесть Мигеля Отеро Сильвы, родился на 20 лет позже, в 1928 году).

Перу Мигеля Отеро Сильвы принадлежат несколько романов, однако, именно его последней повести «*Когда хочу плакать, не плачу*», небольшой по размеру (всего 195 страниц) суждено было стать одним из важнейших знаковых произведений современной латиноамериканской литературы.

Мигель Отеро Сильва работал над повестью «*Когда хочу плакать, не плачу*» в течение четырёх месяцев, уединившись на своей вилле, на одном из итальянских островов. Впервые повесть была опубликована 53 года назад, в июне 1970 года, и она сразу стала бестселлером в испаноязычном мире. Спустя несколько лет, когда вышли её переводы на многие иностранные языки, эта книга по праву оказалась одной из самых читаемых в мире (повесть вышла в свет спустя три года после первой публикации в 1967 году «*Ста лет одиночества*» Гарсия Маркеса).

Повесть завораживает читателя необычной фабулой и непростыми, порой мозаичными сюжетными линиями, лабиринтом мыслей и действий, которые в итоге складываются в цельную картину. Это книга о жизни, о дерзости, о первой любви, о выборе, о материнском одиночестве. Книга поставила философские вопросы и представляет собой яркую палитру политической, социальной и повседневной жизни венесуэльской молодёжи (и не только венесуэльской, а всей южноамериканской молодёжи) в 60-годах прошлого века.

В повести Мигеля Отеро Сильвы втиснуто несколько жизней — от первого крика до последнего. Что общего и разного между солдатом по имени Викторино из императорской гвардии Древнего Рима, гибелью которого предваряется основной текст повести, и тремя юношами, которых также зовут Викторино? Три Викторино родились в Каракасе в один и тот же день и год (8 ноября 1948 года), по-разному отметили своё совершеннолетие и трагически погибли в свой 18-летний день рождения.

Первые страницы сложно и странно читать, но потом понимаешь, какой это мощный аккорд — весенний Древний Рим, многовековые сюжетные параллели, политические события в Венесуэле и в других странах в день рождения героев повести.

В книге три главных действующих лица, но среди них нет положительного героя. Один Викторино, Викторино Перес — бандит, из бедной семьи, юноша, попавший в руки криминала, ставший жестоким убийцей, которого власти назвали самым опасным преступником Венесуэлы. В свой день рождения он бежал из тюрьмы и был застрелен военными. Второй Викторино, Викторино Пердомо — выходец из семьи преподавателей, студент университета, который проникся левацкими идеями, вступил в военизированную организацию, совершившей несколько нападений на банки. В результате предательства одного из членов организации Викторино при ограблении банка был ранен, подвергнут пыткам и убит в полицейском участке. Третий Викторино, Викторино Перальта — из очень богатой семьи, любимец родителей, особенно матери, наглый, жестокий, самоуверенный молодой человек. Получил в день рождения в качестве подарка шикарный Мазерати и разбился на нем тем же вечером.

Несмотря на то, что у трёх молодых людей разное социальное происхождение, всех их объединяет одна судьба. Каждый ищет своё место в жизни, и каждому суждена смерть за свои убеждения.

И, конечно, эта книга о матерях, ещё трёх важных персонажах повести: *matá* — для первого Викторино, *madre* — для второго и *matí* — для третьего Викторино.

Три матери, которые никогда не были знакомы, встречаются на кладбище, где они прощаются со своими сыновьями. Мать Викторино Переса проводила сына в последний путь в полном одиночестве. С матерью Викторино Пердомо пришли друзья сына, обещавшие отомстить за пытки и убийство их товарища. Его отца, депутата парламента, брошенного в тюрьму за политические убеждения, власти не отпустили на похороны сына. Мать Викторино Перальты была окружена на кладбище великосветской свитой. Его отец в тот день находился в Лондоне на переговорах и смог прилететь в Каракас лишь на следующий день.

И всё же в этой повести, есть положительный герой: тот самый римский воин Викторино, который принял мученическую смерть, отказавшись раскаиваться в признании им новой христианской веры.

Повесть *«Когда хочу плакать, не плачу»* написана изысканным испанским языком, местами непростым, что заставляет даже искушённого читателя нередко обращаться к толковым словарям испанского языка.

Надеюсь, эта книга из литературного забвения вернётся в отечественный литературный испаноязычный обиход.

Климовская Алиса Яковлевна

канд. филол. наук, старший преподаватель,
кафедра английского языка в сфере наук о Земле,
Санкт-Петербургский государственный университет;
klimata@yandex.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ — П. ФИЦДЖЕРАЛЬД, А. БРУКНЕР, Ф. УЭЛДОН

Ключевые слова: Пенелопа Фицджеральд, Анита Брукнер, Фэй Уэлдон, послевоенный британский женский роман, художественный образ второй Мировой войны, повседневность.

Темой доклада стало художественное воплощение образа второй Мировой войны в прозе британских писательниц П. Фицджеральд (1916–2000), А. Брукнер (1928–2016) и Ф. Уэлдон (1931–2023), которые оказались непосредственными свидетельницами военных событий. Фицджеральд, которой в начале войны было 23, в годы «битвы за Англию» с успехом писала сценарии передач на Би-би-си. Брукнер, которой в начале войны исполнилось 11 лет, провела военные годы в Лондоне в окружении родственников и беженцев из Германии. Восемилетняя Уэлдон проживала с матерью в Новой Зеландии и вернулась в Лондон только в 1945 г. Избранная тема представляется актуальной, ибо она не становилась предметом отдельного исследования в англо-американской критической литературе о наследии Фицджеральд, Брукнер и Уэлдон, и тем более в России, где творчество этих писательниц изучено недостаточно.

Тема войны возникает на страницах романов Брукнер «Родные и друзья» (“Family and Friends”, 1985) и «Запоздавшие» (“Latecomers”, 1988), в романе «На воде» (“Offshore”, 1979) Фицджеральд и «Подруги» (“Female Friends”, 1975) Уэлдон. Тексты анализируемых романов интерпретируются с помощью методов сравнительно-сопоставительного, гендерного, мотивного, дискурсивного анализа. Образ войны трактуется всеми писательницами ретроспективно. Вторая Мировая война не выносится в центр описываемых событий, но присутствует в завуалированных ссылках. История войны приобретает персонифицированный характер, проявляется как личностная история персонажей. Делается вывод о том, что тема войны активно развивается романистками в аспекте повседневности. В этом состоит гендерное своеобразие трактовки образа войны. В семейной саге «Родные и друзья» вторая Мировая война изображается мелкими штрихами. Война вклинивается в историю еврейской семьи Дорн, перебравшейся в Англию из Центральной Европы, заставляет ее членов навеки разъединиться. Несмотря на невзгоды войны, этот период оказывается для Фредерика и Эви, эмигрировавших в Италию, «временем удивительного спокойствия, даже счастья» [Brookner 1985: 138]. При недостатке дел и гостей в собственной гостинице они концентрируют внимание друг на друге, в результате чего, Фредерик становится единственным продолжателем рода Дорн — отцом близнецов. Подобное событие служит свидетельством цикличности жизни, ее естественного продолжения, неизменного триумфа жизни над смертью в любых обстоятельствах. Роман Брукнер «Запоздавшие» повествует о жизни двух еврейских беженцев из Германии Хартманна и Фибиха, которые детьми были отправлены в Англию в начале войны. Их родители были уничтожены, а они страдают от чувства вины в качестве выживших и пытаются по-разному примириться с трагическими потерями прошлого. Судьба персонажей Брукнер определяется помимо наследственности социально-историческими обстоятельствами, на фоне которых прошло их детство, очень важный этап в формировании личности. Хотя возникает соблазн возложить на войну полную ответственность за формирование характеров героев «Запоздавших», однако, по сути, это типичные контрастные персонажи, свойственные всему творчеству Брукнер. Под непосредственным влиянием памятных исторических событий формируется и характер персонажей Уэлдон. Повседневная жизнь военного времени воссоздается Уэлдон с аутентичностью в романе «Подруги», который посвящен женской дружбе Хлои, Марджори и Грейс, зародившейся во время эвакуации девочек. Гибкая структура романа, действие которого

попеременно перемещается из настоящего в прошлое, вмещает в себя весьма пронизательные наблюдения над бытом и нравами представителей разных слоев английского общества [Конева 1985: 8]. Роман отличает внимание к деталям повседневной жизни, зримо воскрешающим атмосферу и реалии той суровой эпохи. Уэлдон выступает в этих эпизодах как мастер детали, емкой и умело подобранной, а временами использует даже звукопись, добиваясь эффекта «звучащего времени» [Конева 1985: 12]. Однако пристальное внимание к обыденности «не перерастает в заземленную бытийность благодаря всепроникающей и тонкой иронии Уэлдон» [Конева 1985: 13]. Война, воссозданная Уэлдон и Фицджеральд, меняет повседневную жизнь британских женщин, их облик и гендерные роли. Образ разбомбленного Лондона, Дюнкерка — «знакового, почти легендарного для британского сознания топоса войны» [Сидорова 2023: 124] используются Фицджеральд в романе «На воде». Его персонажи обитают на старых баржах, некоторые из которых участвовали еще в знаменитой Дюнкеркской операции 1940 г. по эвакуации заблокированных немцами войск. Ричард Блейк, бывший морской офицер, который участвовал в военных действиях и пережил три торпедные атаки, иронией судьбы становится жертвой контрабандиста в мирное время. Военная служба сформировала его характер. Типологическая общность прозы Брукнер и Фицджеральд состоит в том, что главные герои обеих — аутсайдеры. Жестокие обстоятельства войны не лишают персонажей Уэлдон, Брукнер и Фицджеральд естественной тяги к личной жизни. Хотя произведения вышеназванных авторов относятся к жанру семейного, быто- и нравоописательного, а не исторического романа, они хранят память о второй Мировой и ее последствиях в жизни британцев.

Литература

- Конева Н. Предисловие // Уэлдон Ф. Подруги: Роман. Рассказы / пер. с англ. М. Кан. М.: Радуга, 1985. С. 3–18.
- Сидорова О. Г. Женское лицо войны в прозе современных британских писательниц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 121–130.
- Brookner A. Family and Friends. New York: Pantheon Books, 1985. 138 p.

Макарова Людмила Юрьевна

канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания,
Уральский государственный педагогический университет;
zerpelin2302@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВИЗИОНЕРСКОЙ ТРАДИЦИИ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ЭССЕ «ВИДЕНИЕ СКРИЖАЛИ СЛАВЫ» (TATLER, № 81, 15 OCTOBER, 1709)

Ключевые слова: жанр видения, эссе, Просвещение, «Тэтлер».

Доклад посвящен «Видению скрижали славы», эссе, привлекающему исследовательское внимание визионерским хронотопом. Как известно, в английской литературе XVIII века эссе становится полем проявления традиции жанра видения: жанровая память и поэтика «одного из многочисленных видов средневековой поучительной литературы» [Ярхо 1989: 21] востребована в творчестве просветителей, побуждающих читателей к раздумьям и интеллектуальным дискуссиям. В произведениях С. Джонсона, Г. Филдинга, Дж. Эддисона мы нередко встречаемся с примерами модификации визионерской традиции в духе эпохи. Таким является и произведение раннего английского Просвещения, эссе №81, опубликованное в журнале «Тэтлер» в 1709 г.

В англоязычном литературоведении дебатировался вопрос в связи с авторством произведения. Вероятно, идея «видения» на тему славы принадлежала Дж. Свифту, и на этом основании эссе № 81 включено биографом и издателем Д. Хоуксвортом в собрание сочинений писателя. Но в комментарии к полному изданию номеров «Тэтлера» Д. А. Эйткин приводит свидетельство Р. Стила, признающего, что эссе № 81 написано в соавторстве с Дж. Эддисоном [The Tatler 1898: 225].

Размышления и дальнейшие комментарии Д. А. Эйткина свидетельствуют о том, что тема славы сквозная: будучи заявленной в полемических размышлениях в эссе № 67 и 68, она получает художественное оформление в эссе № 81 посредством развития мотива сна и разворачивающейся картины «видения».

В сюжете эссе повествование ведется от имени Исаака Бикерстафа, чей знаменитый образ был создан Дж. Свифтом в 1708 году, затем использовался Р. Стилом в журнале «Тэтлер». Размышляя о бессмертии и вечном блаженстве, дарованных в награду только достойным и за земные труды, рассказчик описывает «приятное видение», в котором он переносится на широкую равнину и наряду со многими людьми совершает трудное восхождение на гору. На вершине горы, будто в Раю, его ожидает многоярусная галерея выдающихся исторических деятелей, поэтов, историков древности, а также мифологических героев.

Текст эссе сопровождается эпиграфом: строки 660–665, взятые из VI песни «Энеиды» Вергилия, процитированы на латинском и на английском в переводе Драйдена. Неслучайно обращение именно к VI песне: в эпическом сюжете Эней со своими спутниками прибывает «в радостный край [...], где взору отрадна / Зелень счастливых дубрав, где приют блаженный таится» [Вергилий 1979: 235]. Мотив встречи, идея о том, что в «Элизийский простор» «переходят» лишь души достойных воинов, пророков, служителей искусства и тех, «кто среди живых о себе по заслугам память оставил» [Вергилий 1979: 236], а также откровение о героях прошлого, являющих нравственный образец для живых смертных — все эти моменты намечает эпиграф, соответствующий дидактической программе жанра видения.

Уточним, что, подобно Энею, рядом с которым фигура отца — прорицателя, Исаак Бикерстаф сопровождается «проводником» или «добрым демоном», как его называет сам рассказчик. Поводырь, или гений места, довольно распространен в просветительских «видениях», являясь образом наставляющим, поучающим и призывающим извлекать урок из увиденных картин.

Пространство «широкой и бескрайней равнины, покрытой невероятным множеством людей» может быть прочитано как аллегория жизненного пути, на котором человека ожидают «Лень, Невежество и Удовольствие» (текст эссе цитируем по этому изданию: [The British essayists 1803: 299–307]). Рассказчик обращает внимание на разное восприятие сладкозвучия

этих «Сирен»: податливость большинства «обманчивым божествам» и стойкость, присущую тем, кто наделен «прямотой и возвышенным духом», сопротивляющимся соблазну. Целью пути рассказчика, как и многих его спутников, становится гора, чья вершина скрыта облаками; подъем сопровождается различными препятствиями: тупиками, запутанными тропами. Сообразно свойствам характера люди воспринимают трудности и преодолевают их. В описании душ страждущих чувствуется ирония, разоблачающая суетность и самоуверенность в нравах толпы.

На вершине горы пространство меняется: рассказчику открываются бескрайние поля, освещенные «пурпурным цветом», символизирующим высшую славу; души спутников наполняются радостью и счастьем и погружаются в раздумья о прошлом. Кульминационной точкой «видения» становится галерея героев прошлого, среди которых Александр Македонский и Юлий Цезарь, Плутарх, Платон и Сократ, Диоген и Пифагор, Гомер и Вергилий. В их поведении отмечаются черты повседневные и негероические.

Ряды увенчанных славой продолжают герои легендарные и мифологические, восседающие за следующим столом: Ахилес, Гектор, Эней, Одиссей, Тесей, Геракл, Ясон, Орфей, Мусей, Эзоп, Фаларис. В ожидании двенадцатого героя Исааку Бикерстафу представляется, что назовут его имя; однако древние останавливают свой выбор на «самом достойном британце» — Робин Гуде. В состоянии изумления рассказчик пробуждается, однако о завершении видения он не сожалеет, так как его взор отныне будет обращен на славных героев, ныне живущих.

Традиция жанра видения помогла автору эссе осветить проблему славы таким образом, чтобы акцентировать внимание на нравственных качествах человека, которые обеспечат счастье и радость на земле и блаженство и покой в бессмертии. Художественный потенциал видения, способствуя расширению возможностей жанра эссе, оказался созвучен просветительскому поиску авторов журнала «Тэтлер».

Литература

- Вергилий. Энеида* // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. С. А. Ошерова; под ред. Ф. А. Петровского. М.: Художественная литература. 1979. С. 135–402.
- Ярхо Б. И.* Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 21–55.
- The British essayists; with prefaces by A. Chalmers. London: Printed for J. Johnson [et al.], 1803. P. 299–307. URL: Британские эссеисты; с предисловиями А. Чалмерса — Google Play Книги (дата обращения: 15.01.2024).

Молодинская Вера Алексеевна

*старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
verabatig@mail.ru*

ПРЕЛОМЛЕНИЕ НЕОРОМАНТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Р.Л. СТИВЕНСОНА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «САТАНИНСКАЯ БУТЫЛКА»)

«Сатанинская бутылка» (также «Дьявольская бутылка», «Волшебная бутылка», англ. The Bottle Imp, букв. «чертёнок из бутылки») — мистический рассказ Р.Л. Стивенсона, написанный для самоанской аудитории и повествующий о сделке с дьяволом, которую человек совершает, купив бутылку, исполняющую желания.

Кэаве, бедный коренной гавайец, покупает странную небьющуюся бутылку у грустного пожилого джентльмена, который приписывает этой бутылке свое состояние. Он обещает, что чертенок, обитающий в бутылке, также исполнит любое его желание.

Конечно, здесь есть подвох. Бутылка должна быть продана за наличные в убыток, то есть за меньшую сумму, чем первоначально заплатил ее владелец, и ее нельзя выбросить или подарить, иначе она волшебным образом вернется к нему. Все эти правила должны быть объяснены каждым продавцом каждому покупателю. Если владелец бутылки умрет, не продав ее в установленном порядке, душа этого человека будет вечно гореть в аду.

В рассказе «Сатанинская бутылка» неоромантизм предстает в реально-психологическом варианте в отличие от других произведений Стивенсона, например, «Остров сокровищ», где доминирует авантюрно-приключенческий дух.

Рассказ «Сатанинская бутылка» отражает впечатления Стивенсона, полученные во время его пятимесячного визита в Королевство Гавайи в 1889 году. Часть сюжетной линии разворачивается в маленьком городке Хо'окена в Коне побережье острова Гавайи, которое посетил автор. В сцене, которая происходит в Гонолулу, Стивенсон упоминает Генриха Бергера, капельмейстера Королевского гавайского оркестра. Имя жены Кэаве (Кокуа) происходит от гавайского слова *kōkuā*, что означает помощь. В каком-то смысле это «говорящее имя» — художественный прием, в котором имя прямо или недвусмысленно характеризует человека или указывает на его морально-этические качества. Из сюжета рассказа следует, что Кокуа была готова пожертвовать своей душой ради Кэаве.

В 1889 году Стивенсон также посетил колонию прокаженных на острове Молокаи и встретил там отца Дэмиена. Поэтому он на собственном опыте узнал о судьбе прокаженных. Эта тема также нашла отражение в рассказе, когда главного героя настигла проказа.

Стивенсон несколько раз использует гавайское слово *Haole*, которое является обычным термином для кавказцев, например, описывая последнего владельца бутылки.

Если говорить о преломлении неоромантической традиции в рассказе, то здесь необходимо отметить сиюминутность ярких ощущений, передающих любовь к жизни, которыми пронизан весь рассказ. Также неоромантизм верит в чудесное, что невозможное при желании возможно. В данном случае черт в бутылке выполнял желания героев рассказа.

В рассказе прослеживается связь истории любви Стивенсона и Фанни Осборн с историей любви главных героев этого рассказа — Кэаве и Кокуа. Стивенсон влюбился в Фанни с первого взгляда: увидел её силуэт в окне и понял, что это его женщина на всю оставшуюся жизнь. В рассказе главный герой Кэаве также влюбляется в Кокуа с первого взгляда, пораженный ее красотой.

Если обратиться к теме любви в неоромантизме, то она подтверждается опытом любви, достигшей своей цели.

Говоря о пространственной форме произведения, здесь прослеживается тот факт, что жанровая форма рассказа близка к притче. Притчи часто имеют мораль, которая помогает читате-

лю понять важные уроки жизни. В рассказе “Сатанинская бутылка” таких примеров немало. В целом рассказ иллюстрирует поучительный урок — своего рода продолжение темы продажи души дьяволу.

Автор создаёт в рассказе парадокс: какова наименьшая цена, за которую можно продать бутылку? Очевидно, что если купить её по цене, которая по условию принята минимальной, например один цент, её уже нельзя будет продать с убытком. Следовательно, её нельзя и продать за один цент, потому что любой покупатель, зная все условия сделки и последствия, которые она влечёт, откажется от покупки, потому что не сможет её перепродать. Точно так же её невозможно продать за два, за три цента и вообще за любую конечную сумму, поскольку ваш потенциальный покупатель, скорее всего, выразит сомнение в целесообразности такой сделки, имея в виду возможность последующей продажи: он рискует не найти покупателя на бутылку. С другой стороны, если цена на бутылку ещё достаточно высокая, всегда есть шанс найти покупателя на эту бутылку. Но с каждой продажей вероятность найти такого покупателя становится всё меньше, и тем меньше, чем больше убыток, с которым продаётся бутылка.

В рассказе есть попытки помочь главному герою — это разница курсов валют разных стран, самопожертвование близкого человека, готового выкупить бутылку за предельно низкую цену в ущерб своему спасению, и в конечном итоге безразличие человека к последствиям для своей души (ибо он столь грешен, что ему и без бутылки гореть в аду), — но они не отвечают на поставленный вопрос: какова самая низкая цена, за которую бутылку можно продать?

Если примерить данный парадокс к парадоксу неожиданной казни, то становится ясно, что ответа на поставленный вопрос нет. Для каждого покупателя бутылки, кроме последнего, ответ на этот вопрос будет зависеть только от случая. Логически вычислять свои шансы продать бутылку здесь бессмысленно, как и в парадоксе неожиданной казни.

Моркина Марта Александровна

старший преподаватель,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого;

marta.morkina@mail.ru

ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЮНАСА ХАССЕНА КЕМИРИ

Ключевые слова: шведская литература, постколониализм, историческая родина, культурная идентичность, Кемири.

Швеции, как и другим мультикультурным европейским странам, в которые после событий середины и конца XXв. хлынула волна мигрантов со всего мира, свойственно сосуществование различных культур на фоне принимающей, перенимание национальных стереотипов и т. д. Современные шведские авторы и авторы-мигранты неизменно поднимают в своих произведениях вопрос важности культурных корней, предпринимают попытки найти точки соприкосновения с другими культурами. Смещение фокуса повествования на проблемы инаковости переводит современную шведскую литературу в парадигму постколониального письма.

Юнас Хассен Кемири (в ранних переводах встречается написание Хемири) (р. 1978, шв. *Jonas Hassen Khemiri*) является одним из самых популярных авторов современной Швеции. Писатель является обладателем многочисленных литературных премий, среди которых особо выделяются премия Энквиста (2006), премия Шведского радио (2007), премия Ибсена, (2011), а также Августовская премия (2015).

Дебютный роман Кемири «На красном глазу» (2003, шв. *Ett öga rött*) повествует о подростке Халиме, борющемся за свое право оставаться арабом в шведском обществе. Второй роман писателя «Монтекор: уникальный тигр» (2006, шв. *Montecore: en unik tiger*) тематически связан с дебютным и рассказывает о жизни выходца из Туниса и его семьи в Швеции. Третий крупный роман писателя «Все, чего я не помню» (2015, шв. *Allt jag inte minns*) не затрагивает тему культурной идентичности напрямую, однако практически все герои являются выходцами из мультикультурных семей. В четвертом романе «Отцовский договор» (2018, шв. *Pappaklausulen*) и пятом, последнем на сегодняшний день — «Сестры» (2023, шв. *Systrarna*) автор вновь обращается к теме отцов и детей, на отношения которых неизменным образом оказывает влияние иностранное происхождение родителей.

В данном исследовании мы обратимся к вопросу изображения исторической родины отцов протагонистов романов «На красном глазу», «Монтекор: уникальный тигр», «Все, чего я не помню» и «Отцовский договор».

Постколониальному письму свойственно конструирование образа исторической родины: принимая одни элементы прошлого и отвергая при этом другие, авторы выставляют их затем как целостную национальную культуру и историю. Нередко для воссоздания образа родины постколониальные авторы обращаются к мифологии, истории, бытовым реалиям и т. д. Образ страны, являющийся фантазией авторов и героев, можно назвать «воображаемой родиной», имеющей мало общего с реальным положением вещей. Родина при этом может как представляться сказочной волшебной страной, так и демонизироваться.

Примером т.н. «топоса прекрасного места» может служить представление Халима из романа «На красном глазу» о родине родителей Марокко. В его фантазиях страна, где он никогда не бывал, похожа скорее на рай: «*Январь выдался солнечный, но не слишком жаркий, и белые цветки миндаля сияют, как маленькие солнца, на фоне зеленых оазисов и бурой земли. ... <...> мы приближаемся к поселку, где родился мой папа, я сбрасываю газ, показываю миндальные и оливковые деревья и маленькие поля тут и там*» [Хемири 2007: 146]. При этом отец протагониста отказывается видеть в родной стране хоть что-то хорошее и раз за разом разбивает представление подростка о ней, демонизируя ее и отказывая себе и сыну в арабском происхождении: «*Расскажи-ка мне про Западную Сахару. Или... о методах ведения полицейских допросов. <...>*

А может, ты что-нибудь знаешь о политике Хасана в отношении бедных, раз уж ты такой умный?» [Хемири 2007: 135].

В романе «Монтекор: уникальный тигр» историческая родина отца представляется бедной страной, наполненной, однако, запретными наслаждениями: «Наше первое лето юной свободы стало светлым временем пляжных вечеринок, танцев на дискотеках и постоянных ночных визитов в незнакомые номера отелей» [Khemiri 2006: 57, перевод наш]. Историческая родина сына — Швеция — рисуется страной более мрачной: «серое небо», «флажки без флагов», «замерзшие рвотные массы на улице после вечеринок» [Khemiri 2006: 141, перевод наш]. Кроме того, в Швеции ни отец, ни сын так и не находят желанных понимания и безопасности: оба подвергаются дискриминации на почве иностранного происхождения.

В романе «Все, чего я не помню» читателю ничего неизвестно об исторической родине отца главного героя, так как тот не принимал участия в воспитании сына. Единственное, что косвенно передает отношение протагониста к исторической родине — это то, что Самюэль завидует тем, кто может хорошо говорить по-арабски [Khemiri 2015: 200], т. е. общение с выходцами из родной страны отца представляется ему ценным.

Роман «Отцовский договор» предлагает лишь намеки на образ исторической родины отца протагониста. Так, читатель понимает, что тот происходит из мусульманской страны, где царит диктатура [Khemiri 2018: 105, 172–173], а Швеция, родная страна протагониста и его сестры, в глазах их отца представляется страной неискренних холодных людей, которые никогда не улыбаются [Khemiri 2018: 137], при этом множество мигрантов, к каковым он сам относится, воспринимается им негативно [Khemiri 2018: 87].

На наш взгляд, подобные противоречивые описания исторической родины отцов главных героев и Швеции, родной страны протагонистов, в раннем творчестве писателя призваны обосновать их потерянность и гибридную культурную идентичность. В более поздних произведениях Хемири практически не касается влияния родной культуры на жизнь героев. Можно предположить, что автор намеренно разрушает каноны постколониального письма, обращаясь к более универсальным жизненным категориям и показывая, что ни одна из картин мира не является истинной, ведь образ страны меняется в зависимости от опыта героев.

Литература

Хемири Ю. Х. На красном глазу / пер. О. Коваленко // Иностранная литература. Швеция XXI: Новые голоса. 2007. № 3. С. 98–199.

Khemiri J. H. Allt jag inte minns. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2015. 331 s.

Khemiri J. H. Montecore: en unik tiger. Stockholm: Nordsteds Förlag, 2006. 358 s.

Khemiri J. H. Pappaklausulen. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2018. 367 s.

Назаренко Надежда Ивановна

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации,
Маршупольский государственный университет имени А. И. Куинджи;
nazarenknad@rambler.ru

ТЕМА БРАКА В РОМАНАХ ДЖЕЙН ОСТЕН И ЭНН БРОНТЕ

Ключевые слова: реализм, стиль, тема брака, новый тип женщины.

В своем последнем романе «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» Энн Бронте воспроизводит жизнь представителей разных классов английского общества, разворачивает более разветвленный сюжет на широком временном и пространственном фоне по сравнению с первым романом «Агнес Грей», всесторонне и убедительно раскрывает характеры главных героев. Темой этого романа, главной целью которого, по словам автора, является «to tell the truth», следует считать изображение жизни и основ английского провинциального дворянства. Энн Бронте реалистично воспроизводит внешние и внутренние стороны существования мужчины и женщины в «крепости англичанина» и эта непосредственность иногда производит впечатление документальной точности описания. С формальной точки зрения, «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» напоминает эпистолярный роман. Один из главных героев романа, эсквайр Гилберт Маркхем в письмах своему зятю — мужу сестры — рассказывает о событиях своей молодости, главным образом раскрывая историю своей любви и последующей женитьбы. Основных сюжетных линий две: супружеская жизнь Хелен с Артуром Хантингдоном и любовь Хелен и Гилберта Маркхема. Побочные сюжетные линии — жизнь сестер Харгрейв, друзей Хантингдона, брата Хелен, знакомых и родных Гилберта.

Н. Михальская во вступительной статье к российскому изданию произведений младшей Бронте отмечает: «В описании жизни провинциального дворянства, образа жизни землевладельцев, проведение ими времени и обычаев в значительной степени проявляется не только опыт самой Энн Бронте, конечно, достаточно ограниченно знакомой с этой средой, а и литературная традиция, прекрасное знакомство писательницы с романами XVIII — начала XIX века» [Михальская 1990: 15].

Творчество Энн Бронте ближе к манере Джейн Остен, заложившей фундамент для дальнейшего развития женской литературной традиции в английской литературе XIX века, как тематикой, так и творческим методом. Стиль писательницы, особенно в повествовании Маркхема, своей тонкой иронией и точной характеристикой персонажей напоминает стиль Д. Остен. Реалистично описывая «жизнь нескольких семейств, живущих в сельской местности», Остен создала удивительно емкие образы [Демурова 1989: 12–13]. В романах Энн Бронте, как и в романах ее предшественницы, достаточно мало описаний внешности героинь, их туалетов, интерьера их домов. Большую роль в произведениях обеих писательниц играют диалоги, посредством которых более полно раскрываются характеры персонажей.

Одной из ведущих тем в ее романах является тема выбора спутника, тема брака как важного этапа в жизни, к которому должны подходить ответственно и молодые люди, и их родители. Героини Остен — Элизабет Беннет, Элинор Дэшвуд, Энн Эллиот, Эмма Вудхаус — считают, что брак должен быть основан на любви, а не только лишь на материальной выгоде. Это был новый тип женщины, обладающей рациональным складом ума, развитым чувством и способностью к самоанализу, к объективной оценке окружающей действительности. Но, вместе с тем, отметим, что эти женщины еще не задумывались о возможности самостоятельной жизни, обеспечивая ее своим трудом.

Хелен Грехем в романе Э. Бронте — яркая, незаурядная личность — в своем дневнике изображает свои девичьи годы, историю своей любви к мистеру Хантингдону, свои надежды на счастливую супружескую жизнь. Доведя рассказ до эпизода замужества, авторы традиционных викторианских романов обычно ставили на этом точку. Нарушая устоявшуюся традицию, писательница устами своей героини «подвергает сомнению ранневикторианский взгляд на социаль-

ный класс, гендерные роли и брак; борется с понятиями семейного долга и веры и представляет грубое и честное изображение алкоголизма, а также наркотической и игровой зависимости» [Carver 2020]. Как образно выразилась поэтесса Мэй Синклер, Хелен Хантингдон, захлопнув дверь своей спальни перед лицом жестокого мужа, захлопнула ее перед лицом общества и всех существующих моральных норм и условностей [Sinclair 1912]. Заслуга Энн Бронте в том, что она впервые в английской литературе показала бунт женщины и уход ее из семьи, попытку самой содержать себя и воспитывать маленького сына в соответствии с высокими моральными принципами. И, очевидно, именно изображение этого бунта явилось причиной забвения таланта младшей Бронте и ее вклада в развитие английского романа.

Литература

Демурова Н. «Милая Джейн...» // Остин Д. Гордость и предубеждение. М.: Правда, 1989. С. 3–16.

Михальская Н. Третья сестра Бронте // Бронте Э. Агнесс Грей. Незнакомка из Уайлдфелл-Холла. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1990. С. 5–16.

Carver S. The Other Brontë Sister. URL: <https://wordsworth-editions.com/the-tenant-of-wildfell-hall/>

Sinclair M. The Three Brontës. URL: <https://www.gutenberg.org/files/11698/11698-8.txt>

Ненарокова Мария Равильевна

д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ) РАН;
maria.nenarokova@yandex.ru

«ПРЕДИСЛОВИЕ» К «ШЕКСПИРУ, РАССКАЗАННОМУ ДЕТЯМ» Ч. И М. ЛЭМ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Авторские адаптации классической литературы для детского чтения появились в начале XIX в. Первым примером подобного изменения широко известных текстов для детей стала книга, которая сама стала одним из ключевых текстов англоязычной культуры, — «Шекспир, рассказанный детям» Чарльза и Мэри Лэмов., опубликованная в 1807 г.

Уильям Годвин, писатель, философ, религиозный мыслитель, журналист, высказывал свое мнение и по поводу образования детей, в частности детского и юношеского чтения. Вопреки распространенному на рубеже XVIII–XIX в. мнению о том, что дети должны читать только полезную литературу, которая подготовит их к практической деятельности, Годвин считал, что детей необходимо воспитывать на сказках и качественной классической литературе, развивая их фантазию. Среди произведений классической литературы, знакомство с которыми, по мнению Годвина, было необходимо маленьким англичанам, он называл Гомера, Вергилия, Горация, Мильтона и особенно Шекспира. С целью формирования круга детского чтения Годвин в 1805 г. основал так называемую Юношескую библиотеку, издательство, которое должно было выпускать книги для детей.

Многочисленные знакомства в литературной среде позволили Годвину приглашать для работы над детскими книгами талантливых авторов. Так, Чарльз Лэм, английский поэт, литературный критик, знаменитый эссеист, и его сестра Мэри получили заказ на адаптацию двадцати самых знаменитых пьес Шекспира для детей, в 1806 г. начали работу. В следующем, 1807 г. книга вышла в свет и сразу стала пользоваться популярностью у маленьких читателей.

Изменение текстов всем известных произведений для иной по возрасту аудитории было новым и непривычным явлением, поэтому Чарльзу Лэму пришлось написать «Предисловие», ставшее теоретическим обоснованием адаптации литературного произведения для детей. С точки зрения теории литературы «Предисловие» Ч. Лэма весьма актуально и в наши дни, поскольку адаптации-пересказы классики и сейчас весьма распространены и популярны.

В «Предисловии» Ч. Лэм объясняет причины, по которым была предпринята работа (знакомство с творчеством одной из ключевых фигур англоязычной культуры, чтение, учащее добру, позволяющее сформировать свою национальную идентичность), а также описывает сам процесс работы над текстами Шекспира. Большое внимание уделяется лексике: Ч. и М. Лэмы старались максимально сохранить словарь Шекспира, во многих случаях вписывая цитаты из пьес в создаваемый ими прозаический текст, но вынуждены были опускать слова, устаревшие к началу XIX в. или просто непонятные детям. Таким же образом авторам пришлось поработать и над грамматикой шекспировских пьес.

Ч. Лэм отмечает, что он и Мэри добивались того, чтобы, с одной стороны, пересказы пьес Шекспира сохраняли основное содержание текстов-источников, но, с другой, отвечали требованиям прозаических жанров, а не драматических. Жанрами, на которые ориентировались авторы, стали сказки и истории. В соответствии с требованиями этих жанров авторам пришлось перестраивать сюжеты произведений, опускать сюжетные линии, на их взгляд, не интересные и не понятные детям, менять число персонажей. Особую трудность представляли темы шекспировских пьес, которые не соответствовали по большей части возрасту и жизненному опыту маленьких читателей. Тем не менее, опыт оказался удачным, что можно продемонстрировать на примере трагедии «Гамлет», пересказанной для детей.

Николаева Ольга Станиславовна

старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.nikolaeva@spbu.ru

«БЬЕРВИЛЬСКИЕ ЭЛЕГИИ» КАРЛЕСА РИБЫ И «КЛАДБИЩЕ СИНЕРЫ» САЛВАДОРА ЭСПРИУ КАК ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ИСПАНИИ 1930–40 ГОДОВ

Ключевые слова: каталонская поэзия, ноусентизм, родина.

Каталонские исследователи связывают творчество Карлеса Рибы (1893–1959) с ноусентизмом, литературным и культурным движением в Каталонии первых десятилетий XX века. Для ноусентистов характерно увлечение авторами, стоявшими у истоков литературы на каталонском языке, французским символизмом и искусством Античности, приверженность урбанизму, окруженному аурой Средиземноморья, территории вне политических границ, объединившей Каталонию с культурой разных регионов и стран.

«Бьервильские элегии» Карлеса Рибы, написанные во Франции, куда поэту пришлось эмигрировать после гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании, были опубликованы в 1943 году. В 1949 году вышло второе издание, для которого Рибя подготовил предисловие и комментарии, позволяющие проследить связь цикла с реальными событиями, обусловившими появление книги. Эти тексты содержат нашедшие отражение в стихах размышления поэта о вынужденной эмиграции, которую он не только сравнивает со смертью, но и называет отправной точкой для создания элегий и для путешествия в глубины своей души. В комментариях Рибя рассказывает о путешествии в Грецию, воспоминания о котором лежат в основе стихотворений о творчестве, любви, свободе, демократии, справедливости.

В Бьервиле, на севере Франции, Рибя жил рядом с тенистым лесом и признавался, что вдали от Каталонии ему не хватало моря [Riba 2019: 499]. Картины северной природы, доминировавшие в первом стихотворении, сменяются пейзажами Средиземноморья. На одной из лесных дорог лирическому герою открывается залитый солнцем мыс, на котором возвышаются двенадцать колонн полуразрушенного греческого храма. Величественное сооружение ассоциируется с гибелью и поражением, но остается символом цивилизации. Из сказочного леса лирический герой-изгнанник отправляется на поиски себя. Возвращение к себе и возвращение на родину, это обратный путь и путь вперед. «Душа» и «родина» становятся синонимами.

В девятой элегии, восхваляя победу греков в Саламинском сражении, благодаря которой утвердился фундаментальный для европейской культуры дух свободы [Riba 2019: 252], поэт завершает стихотворение утверждением о том, что изгнанники откликаются на зов надежды и снова встают в строй.

Поэтический цикл Рибы, замыкается заверением в том, что элегии достигнут родины. Лирический герой сравнивает себя с Улиссом, стремящимся увидеть отчизну. Возвращение на родину, путь самопознания — путешествие в прямом и переносном смысле, движение, оказывается стержневым элементом для элегий Рибы.

В каталонской литературе 1940–50 гг. общим для поэтов разных поколений и эстетических взглядов было стремление осмыслить исторические события, произошедшие в Испании в конце 1930–1940 гг. О горечи потерь стихи тех лет поэтов Ж. Карнера, М. Торреса, А. Бартре, С. Эсприу.

В творчестве Салвадора Эсприу (1913–1985), вошедшего в каталонскую литературу в середине 1930 гг., исследователи находят неприятие принципов и идеалов ноусентизма, осмеянных этим автором в ряде довоенных сатирических рассказов, герой, одного из которых, напоминает Карлеса Рибу [Marrugat 2021: 463]. Несмотря на определенные расхождения во взглядах с К. Рибой, Эсприу посвящает старшему современнику сборник стихов «Шкура быка».

Диалог с автором «Бьервильских элегий» прослеживается при анализе стихотворения «Понтос» Салвадора Эсприу, в котором заметны параллели со второй элегией Рибы [Miralles 1986: 252–253]. Эсприу воспринимает море, окруженное радостью и светом в элегии Рибы, как синоним безразличия и смерти, а устремленную вверх колонну как символ боли, поясняя, что его поэзия возникает на месте разрушенного храма-миража [Miralles 1986: 253].

По мнению Ж. Марругата, тенденция к противостоянию с Рибой проявляется и в первом поэтическом сборнике Эсприу «Кладбище Синеры», вышедшем в Каталонии в 1946 году. В этой книге Эсприу не обращается к образам и героям Античности, как это делает Роба, он цитирует ветхозаветные сумрачные строки, акцентируя внимание на бедственном положении каталонской культуры [Marrugat 2021: 463].

Несмотря на очевидные различия, есть и то, что объединяет два поэтических сборника. В «Кладбище Синеры» путешествие тоже является сквозным элементом. В самом названии цикла присутствует важное для автора пространство, которое он называет маленькой родиной. За вымышленной Синерой скрывается описанный с любовью каталонский городок Аренсьс, окружающий его ландшафт, занятия жителей. Воспетая Эсприу Синера — это небольшое уютное селение, отделенное от мира чередой холмов и морем, в то время как открытая география «Бьервильских элегий» значительно обширнее. Роба посвящает много строк описанию знакомых для него мест. Собрав в своем произведении воспоминания о разных странах, он адресует элегии Каталонии, подчеркивая ее связь с европейской и средиземноморской культурой. Роба и Эсприу, каждый по-своему, сумели выразить любовь к родной земле и родному языку.

В «Бьервильских элегиях» нет отчаяния и разочарования в жизни. Поэта привлекает совершенство, красота и гармония. Несмотря на невзгоды, лирический герой цикла обращается к своему внутреннему я и находит в себе силы к возрождению. Лирический герой Эсприу оставляет борьбу и предпочитает смерть, поскольку земля отцов представляется ему могилой. Тем не менее, в последнем стихотворении сборника содержится обращение к следующим поколениям и, соответственно, надежда на будущее.

Литература

- Marrugat J. La poesia // Història de la literatura catalana. Literatura contemporània (III). Del 1922 al 1959. Barcelona, 2021. P. 433–504.
- Miralles C. El món clàssic en l'obra de Salvador Espriu // Miralles C. Eulàlia. Estudis i notes de literatura catalana. Barcelona: Edicions del Mall, 1986. P. 239–272.
- Riba C. Llibres de poesia. Amb tots els comentaris del poeta. Barcelona: Edicions 62, 2019. 568 p.

Орлова Татьяна Сергеевна

*преподаватель, Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия им. А.Л.Штиглица;
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
ots_prof@mail.ru*

КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТЬ КАК ПРИЕМ В ТВОРЧЕСТВЕ КАДЗУО ИСИГУРО

Ключевые слова: интермедиальность, кино, литература, роман, Исигуро.

Кино и литература взаимно влияют друг на друга, вдохновляя и обогащая свои сюжеты и образы. В век популяризации кинематографа подобный диалог искусств имеет большой потенциал для творца. Современные писатели черпают вдохновение из кино, особенно из тех фильмов, которые стремятся визуализировать внутренний мир персонажей и оказывать сильное эмоциональное воздействие на зрителя. Как считал С.М.Эйзенштейн, «...писатель, который довел до предела возможности литературного письма, дальше может передать эстафету только киноискусству. Автор, который вплотную подошел к созданию киноязыка, может сделать следующий скачок в кино» [Асеева 2010: 17]. Такие произведения ориентированы на новый тип реципиента, который можно назвать «читателем-зрителем» [Куряев 2021: 8], и они отражают осмысление реальности в рамках постмодернизма и новых литературных подходов.

Кадзуо Исигуро (р. 1954) является одним из влиятельных современных писателей, обладающих международным признанием. Его произведения тесно связаны с кинематографом, и в них четко прослеживается влияние кинематографии, а также использование кинематографических приемов и техник [Давыденко, Осадчая 2020: 145; Асеева 2010: 9]. Поэтому произведения Исигуро можно назвать «кинематографической прозой».

Доклад посвящен выявлению особенностей реализации кинематографического хронотопа в романах Кадзуо Исигуро, т. к. несколько его произведений были адаптированы для телевидения и кино и были номинированы на премию Оскар. Это свидетельствует о том, что этот писатель хорошо работает во взаимодействии с кинематографом, и его произведения успешно поддаются экранизации. Цель исследования состоит в выявлении особенностей реализации кинематографических техник в романах Кадзуо Исигуро. Данное исследование рассматривает «кинематографичность» в литературном контексте Кадзуо Исигуро как процесс, исходящий из взаимодействия литературы и кино, в результате которого объединяются литературные и кинематографические методы [Куряев 2021: 8].

В докладе литературная кинематографичность, во-первых, отмечается как прием создания аудиовизуального и психоэмоционального воздействия на читателя, который обуславливается влиянием работы Кадзуо Исигуро с киносценариями и личным интересом писателя к кинематографу. В результате исследования была выявлена реализация кинематографического кода в текстах Кадзуо Исигуро на нескольких уровнях. В частности, кинокод в романах Кадзуо Исигуро представлен в прагматической функции, что позволяет заключить о художественной ценности кинотехник в литературном тексте для развития современного интеллектуального романа.

Кинематографичность как аспект поэтики романов Кадзуо Исигуро помогает динамично развивать сюжет, ритмично чередовать образы, углублять проблематику и визуализировать психологические переживания протагонистов, погружая читателя в уникальный фикциональный мир. Так детальные описания и эмоционально насыщенные сцены, дополненные приемом крупного плана и наплыва, сближают литературную поэтику визуального в романах Кадзуо Исигуро с кинематографическими кадрами, что вызывает сильное воздействие на читателя, который уподобляется зрителю. Объединяя «разные сенсорные модальности взаимодействия» [Jensen 2016: 972], писатель добавляет динамики изображению, что позволяет писателю продвигать сюжет новаторским и увлекательным способом, предоставляя современному читателю эпохи клипового мышления и популяризации кино захватывающий опыт чтения.

Во-вторых, Кадзуо Исигуро мастерски использует лаконичный синтаксис при перебивке перспектив и смене пространственно-временных структур, что придает тексту сценарный характер. В рамках поэтики кинематографичности можно отметить, что Кадзуо Исигуро детально прорабатывает диалоги, похожие на субтитры так, чтобы они, углубляя проблематику, отражали сложные эмоциональные оттенки, тонкие нюансы взаимодействия внутреннего мира протагониста с окружающим миром.

Кроме того, нелинейное повествование, сочетание эффекта присутствия с ретроспективными отступлениями и эффекта замедленной съемки способствует раскрытию психологического портрета протагонистов, а также более глубокому восприятию читателем проблематики романов, например, темы памяти, ностальгии и потери. Использование смены ракурсов в соответствии с принципами сценарной структуры, монтажа и перемещения во времени создает нелинейное повествование, которое, однако, позволяет читателям постепенно собрать структуру текста, похожую на философскую головоломку, которую можно разгадать только в конце романа. Этот прием создает у читателя ощущение напряжения. Так же, как и эффект саспенса в кино [Давыденко, Осадчая 2020], напряжение в литературе позволяет создать эффект тревожного накала, который не затухает, что вызывает у читателя растущую тревогу. Сочетание динамичных и статичных сцен, эффект саспенса при акценте на мизансцену создают эмоционально напряженные сцены, важные для ведения фокуса читательского внимания.

Таким образом, взаимодействие литературы и кинематографа создает уникальный стиль повествования в романах Кадзуо Исигуро, который акцентирует внимание на сенсорных аспектах, выходящих за рамки одного вида искусства. Проведенное интермедialное исследование способствует более глубокому изучению идиостиля писателя Кадзуо Исигуро, а также позволяет изучить степень влияния кинематографа на современную литературу.

Литература

- Асеева О. А.* Феномен литературной кинематографичности в современном литературном процессе // Вестник УлГТУ. 2010. № 3 (51).
- Давыденко Е. Н., Осадчая Т. Ю.* Поэтика кинематографа в современной литературе (на материале романа И. Макьюэна «Суббота») // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. № 06 (62). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/poetika-kinematografa-v-sovremennoj-literature-na-materiale-romana-i-makyuena-subbota.html>
- Куряев И. Р.* Кинематографичность отечественной прозы рубежа XX–XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2021.
- Jensen K. B.* Intermediality// The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy. New Jersey: John Wiley & Sons, 2016. Vol. 4.

Павлова Ирина Николаевна

канд. филол. наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет

КНИГИ М. ШЕЛЛИ О ПУТЕШЕСТВИЯХ КАК ОБРАЗЕЦ ЖАНРА TRAVEL WRITING ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ключевые слова: Мэри Шелли, путешествия, наполеоновские войны.

Творческий путь М. Шелли начался и завершился книгами, посвященными путешествиям. Первой опубликованной ее работой стала «История шестинедельной поездки по некоторым областям Франции, Швейцарии, Германии и Голландии» (1817), а последней — книга «Странствия по Италии и Германии в 1840, 1842 и 1843 годах» (1844). Оба текста являются примечательными образчиками литературы о путешествиях (англ. travel writing/travelogue).

Великая французская революция и наполеоновские войны прервали зародившуюся еще в эпоху Ренессанса традицию так называемого Grand Tour — большого путешествия, в которое отправлялись молодые мужчины из высших классов европейского общества, чтобы завершить свое образование. Основными направлениями Grand Tour являлись Франция и Италия. В Англии невозможность следовать привычным маршрутам привела к поискам новых направлений и форм туризма и всплеску интереса к travel writing. Путешествия перестали быть привилегией знати, а также прерогативой мужчин. Популярностью пользовались работы женщин-путешественниц, в первую очередь М. У. Монтегю и матери М. Шелли, публицистки и общественной деятельницы М. Уоллстонкрафт. Для представителей среднего класса писатели и писательницы, создававшие книги о поездках, стали наставниками и советчиками. Литература о путешествиях объясняла различия между «своими» и «чужими» и формировала политические и эстетические взгляды.

К началу XIX века одной из важных особенностей travel writing стала эклектичность: этот жанр свободно заимствовал элементы мемуаров, журналистских очерков, путеводителей, личных писем [Guerra 2022: 13]. Чтобы повествование сочли правдоподобным, оно должно было быть рассказано от первого лица. Читатели знакомились с картинами жизни в других странах, как бы следуя взгляду автора-путешественника. Описания мест перемежались анекдотами, критическими очерками о литературе и театре, подборками разговорных фраз, информацией о маршрутах и гостиницах. Вместе с тем литература о путешествиях подверглась влиянию традиций романтизма. Влияние теорий Э. Берка и У. Гилпина привело к усложнению повествовательных техник — например, появилась традиция литературного описания ландшафтов с использованием эстетических категорий «возвышенного» и «живописного». Важную роль стали играть авторские рассуждения о моральных и социальных нормах, а также о политической ситуации в незнакомой читателю стране.

«История шестинедельной поездки» основана на впечатлениях от двух путешествий за границу М. Шелли, П. Б. Шелли и Дж. Клермонт в 1814 и 1816 гг. Поездка 1814 года по времени совпала с пребыванием Наполеона на о. Эльба. Таким образом, М. Шелли попала в число самых первых британцев, вновь открывавших для себя изменившуюся Европу. Короткая книга включает в себя повествование о перемещениях молодых людей по континенту, четыре письма о Швейцарии и первую редакцию стихотворения П. Б. Шелли «Монблан». Прозаическая часть текста основана на совместных дневниковых записях супругов Шелли и на их письмах. М. Шелли с юмором описывает бедность молодых путешественников и многочисленные дорожные трудности. Вместе с тем важным элементом повествования являются рассуждения о войне. Кульминацией первой книги становится противопоставление вечных сил природы крушению режима Наполеона. Одно из швейцарских писем посвящено рассуждениям о Ж.-Ж. Руссо и той роли, которую он сыграл в Великой французской революции.

«Странствия по Италии и Германии» стали для М. Шелли подведением итогов. Путешествие, целью которого было укрепить ее здоровье, сама писательница сравнивала с паломничеством

к священным местам — для М. Шелли таковыми стали место смерти П. Б. Шелли, его могила в Риме, а также могилы их детей. Судя по этим личным эпизодам, поездка помогла М. Шелли справиться с многолетним горем и обрести душевный покой. Вместе с тем текст имеет сильную политическую направленность. Несмотря на отрицательное отношение к Наполеону, М. Шелли, как многие авторы ее поколения, испытывала разочарование из-за стремления стран-победительниц уничтожить любые, даже позитивные реформы, связанные с Францией, а также из-за политических кризисов в английском обществе 1840-х годов. Либеральные устремления писательницы выразились в стремлении доказать британцам важность Рисорджименто — национально-освободительного движения за объединение Италии. Современники писательницы неоднозначно относились к итальянцам, сочувствие к итальянским эмигрантам смешивалось с недоверием и страхом. М. Шелли стремится убедить своих читателей в том, что итальянцы способны управлять своей страной самостоятельно, и что британцы находятся в плену предубеждений [Moskal 2003: 248–249]. Отдельный интерес представляют главы, посвященные промышленному туризму. М. Шелли описывает бумажную фабрику в Амальфи, производство стекловолна в Милане и литейный цех в Берлине.

К началу 1840-х годов сформировался новый тип путешественников, о чем может свидетельствовать факт открытия в 1841 году первой туристической фирмы Томаса Кука. Литература о путешествиях помогала впервые выехавшим за границу осознать самих себя одновременно как представителей своего сообщества и как частных лиц, переживающих новый опыт. Книги о путешествиях М. Шелли отвечают на запросы ее соотечественников, одновременно являясь способом выразить авторские убеждения.

Литература

- Guerra F.* Mary Shelley's Rambles in Germany and Italy in 1840, 1842, and 1843 in the Light of Samuel Rogers's Italy, A Poem, and Previous Women's Travelogues // *Universita Ca'Foscari, Venezia*. 2022. 155 p.
- Moskal J.* The Cambridge Companion to Mary Shelley // *Cambridge University Press*. 2003. 316 p.

Полубояринова Лариса Николаевна¹, Кулишкина Ольга Николаевна²

*1*д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
poluboyarinova@spbu.ru

*2*д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
o.kulishkina@spbu.ru

НЕМЕЦКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И. С. ТУРГЕНЕВА: СЕТЕВОЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: И. С. Тургенев, сетевые связи в литературе, Л. Пич, культурный трансфер, литературное поле.

В качестве «русского европейца», большую часть жизни проведшего за границей и активно поддерживавшего личные и эпистолярные контакты с представителями французской, немецкой, британской, австрийской, польской литературы и культуры, И. С. Тургенев неоднократно становился объектом внимания сравнительного литературоведения. Целый ряд солидных исследований посвящен выявлению его немецких связей и следов влияния немецких авторов в тургеневских текстах и *vice versa* [Thieme 2000, Петраш 2014, Gerigk 2017].

В то же время при изучении заграничных контактов Тургенева наблюдается тенденция уделять преимущественное внимание авторам, вписавшим себя в историю европейской или конкретной национальной литературы и тем самым близким русскому автору по рангу. Если следовать подобной логике, для контекста немецкой литературной истории главными «собеседниками» Тургенева оказываются Теодор Шторм, Эдуард Мёрике и Пауль Гейзе — авторы, с которыми русский писатель обменивался письмами и встречался лично в пору своего проживания в Баден-Бадене (1863–1870).

Цель предлагаемого доклада — уточнить сложившуюся картину, обратившись в качестве методологической опоры к теории литературного поля П. Бурдьё, идее культурного трансфера М. Эспанья и сетевому анализу (Social Network Analysis). Материалом исследования служит переписка И. С. Тургенева с его немецкими корреспондентами, при этом отдельный акцент делается как на количестве писем, которыми русский автор обменивается с представителями немецкого литературного поля, так и на объеме эпистолярных текстов, градусе личностного участия партнеров по переписке и прагматике эпистолярного обмена. Важным показателем прагматики общения и градуса личностного в нем участия выступают также материальные предметы, обращающиеся по каналам связи: пересылаемые книги, рукописи, фотографии.

Исследование сопровождалось построением сравнительной таблицы, отражающей вес и культурную значимость отдельных немецких литературных контактов Тургенева и выведением сетевого графика, эти контакты визуализирующего.

В результате приходим к выводу о том, что центр тяжести в немецких связях Тургенева смещен в сторону деловых контактов с издателями, переводчиками и потенциальными авторами журнальных или газетных рецензий на произведения самого русского писателя или близких ему представителей русской (А. Ф. Писемский) или французской (Г. Флобер) литературы. В частности, на первый план в качестве корреспондентов Тургенева выдвигаются издатель Бернхард Эрих Бере, литературные критики Юлиан Шмидт и Людвиг Генрих Фридендер, переводчик и литературный критик Людвиг Пич. Бере был издателем первого немецкоязычного собрания сочинений Тургенева, которое автор «Отцов и детей» курирует лично, неустанно заботясь о качестве переводов. Шмидт и Фридендер публикуют этапные для немецкого литературного контекста рецензии на тексты русского писателя. С Людвигом Пичем (Ludwig Pietsch, 1824–1911), журналистом по профессии, обладавшим также талантом рисовальщика, Тургенев сводит знакомство в 1847 г. в Берлине и с тех пор не упускает его из виду, поддерживая знакомство с Пичем посредством переписки и личных встреч. Именно Пич становится главным немецким конфидентом Тургенева, в немалой степени в силу своей способности и неизменной

готовности выступать не только переводчиком произведений русского автора, но и посредником в их дистрибуции в контексте немецкого литературного поля.

На фоне активной, наполненной живым взаимным дружеским и деловым интересом переписки с Пичем [Urban 2005] письма Тургенева, обращенные к известнейшему немецкому писателю-реалисту Теодору Шторму или мюнхенскому «литературному Папе» Паулю Гейзе (ставшему в 1910 г. первым лауреатом Нобелевской премии по литературе от Германии) представляются гораздо более дистанцированными и сдержанными. Оказывается возможным предположить, что в контактах с собратьями по перу Тургенев скорее руководствовался соображениями литературной конкуренции. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что он не реагирует на предложения углубленной содержательной дискуссии на литературные темы, время от времени исходившие от Т. Шторма. Соответственно, Тургенев проявляет себя в контактах с представителями немецкого литературного поля как профессиональный литератор, в большей мере заинтересованный в коммуникации с дистрибьюторами его собственного творчества, нежели в творческом обмене с коллегами по цеху (второй тип «писательства», по Бурдые).

Литература

- Петраш Е.* (отв. ред.) Тургеневские чтения. Т. 6. Тургенев и Германия. М.: Книжница, 2014.
- Gerigk H.-J.* (Hrsg.) Turgenjew — der russische Europäer: Fünf Vorträge der Turgenjew-Konferenz 2016 in Baden-Baden. Heidelberg: Mattes Verlag, 2017.
- Pietsch L.* Wie ich Schriftsteller geworden bin: der wunderliche Roman meines Lebens. Berlin: Aufbau-Verlag, 2000.
- Thieme G.* Ivan Turgenev und die deutsche Literatur. Sein Verhältnis zu Goethe und seine Gemeinsamkeiten mit Berthold Auerbach, Theodor Fontane und Theodor Storm. Bonn: Peter Lang, 2000.
- Urban P.* (Hrsg.). ‚Werther Herr!‘ Turgenevs deutscher Briefwechsel. Berlin: Friedenauer Presse, 2005.

Ткаченко Вера Владимировна

соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет;
bogdan.vera@bk.ru

МИФ О ГРААЛЕ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Д. ДЖОЙСА «ДУБЛИНЦЫ»

Ключевые слова: модернизм, ритуал, миф о Граале, роман-квест.

В докладе высказывается гипотеза, согласно которой в сборнике рассказов Д. Джойса «Дублинцы» наряду с реальным событийным планом произведения присутствует идеальный план, отсылающий к сюжетам средневековой литературы, главным из которых становится миф о святом Граале. С. С. Хоружий определяет авторскую стратегию Джойса как «стратегию ускользания» [Хоружий 2015: 375], когда ничто не утверждается автором окончательно, а за каждым утверждением следует подрыв утверждённого. Комментатор Джойса Д. Гиффорд отмечает, что в «Дублинцах» как минимум два рассказа отсылают к текстам средневековой литературы: «Печальное происшествие» — к «Роману о Тристане и Изольде», а «Милость Божия» — к «Божественной комедии» Данте [Gifford 1982: 8]. Он приходит к выводу, что это «демонстративно явленная пародия», ироническая шутка автора, толкающая интерпретатора к гиперинтерпретации. У. Эко утверждает, что Джойс наследует «поэтику намёка» С. Малларме, базирующуюся среди прочего на мгновенной ассоциации идей [Эко 2015: 294]. Автор доклада считает, что признание в «Дублинцах» средневекового литературного подтекста не противоречит замыслу писателя, а наоборот отражает интерес Джойса к игре с культурным материалом, а признание мифа о Граале ведущим в идеальном плане сборника позволяет глубже раскрыть тему Дублина как города, воплощающего паралич.

В начале XX века вокруг мифа о Граале велись оживлённые споры в интеллектуальной среде. К уже существующим христианской и кельтской версиям интерпретации мифа добавились различные оккультные и эзотерические трактовки. В 20–30-е годы под влиянием «Золотой ветви» Д. Фрэзера окончательно оформился ритуально-мифологический подход к мифу о Граале, усматривающий в мифе фикционализацию древних ритуалов плодородия, а также отголоски мистериальных обрядов инициации. В 1882 году вышла статья Г. фон Вольцогена об опере Р. Вагнера «Парсифаль», в которой он предвосхищает результаты исследования Д. Уэстон и называет главными мотивами оперы «внутреннее возвышение, очищение и обновление сил в служении своему Богу», отражённые наиболее заметно в элевсинских мистериях [Wolozogen 1889: 4]. У. Б. Йейтс вслед за А. Наттом отождествляет артефакты церемонии Грааля с сокровищами Туата де Даннан: копьём Луга, котлом Дагды, мечом Нуаду и камнем Фаль. В «Поминках по Финнегану» Джойс пародирует названия сокровищ (the sword of Nuada — Clive Solis, the cauldron of Dagda — Galorious Kettle, the spear of Lug — Pobiedo Lancey, Lia Fáil — Pierre Dusort), а также ссылается на Йейтса и Уэстон как на основателей фирмы Yates and Weston Inc. В письмах и эссе он упоминает и либретто Вагнера, и роман К. де Труа, таким образом, Джойс был включён в граалеведческий контекст эпохи.

Значимо также, что о замысле «Дублинцев» Джойс говорил в терминах католического ритуала, обозначив жанр сборника как «эпиклезы». Термин означает призывание Духа Святого для претворения хлеба и вина в Тело и Кровь Христа. В христианской версии интерпретации мифа чаша Грааля это Потир, так Грааль можно признать эмблемой сборника. Термин эпифания, кульминация ритуала, отражает стремление Джойса заменить религию искусством. Эко пишет о том, что в «Дублинцах» каждый рассказ отражает эпифанический опыт, запечатлевая мимолётный момент как метафору некоей нравственной ситуации [Эко 2015: 139]. Главная тема сборника — паралич, которые многие принимают за город. Паралич охватывает и рыцаря Персеваля в романе де Труа, порождая незаданный вопрос, препятствующий исцелению Короля Рыбака и возрождению бесплодной земли. Роман де Труа не окончен, рыцарь Персеваль застывает в лиминальной ситуации (термин А. ванн Геннепа), как и герои рассказов «Дублинцев». Расположение рассказов в сборнике в соответствии с периодами взросления человека указывает

на то, что макросюжет «Дублинцев» — сюжет перехода, серийно разложенный в рассказах. Но как и в рыцарском романе инициация и ритуал остаются незавершёнными, что позволяет говорить о тематическом сходстве «Дублинцев» и мифа о Граале в версии де Труа. При этом по высказыванию А. Д. Михайлова в «Повести о Граале» «само стремление становится целью». Это же можно сказать о героях рассказов «Дублинцев», только их стремления угасли.

Игра света и тени — лейтмотив сборника. Свет — качество Грааля, *claritas* в эстетической системе Джойса, в «Дублинцах» символически воплощён в большом разнообразии излучающих свет (фонари, светильники, луна, солнце) и граалевидных объектах (вазы, чаши, очаг). Все эпифанические сцены рассказов буквально подсвечены, но тьма и тень, соотносящиеся с угасанием воли, всегда побеждают.

Сюжетные компоненты мифа о Граале находят воплощение в следующих рассказах: Король Рыбак — рассказ «Сёстры» (мёртвый жрец-священник, совершивший грех; треснувшая евхаристическая чаша — чаша Грааля; мальчик — молодой жрец, которому священник объяснял смысл католических обрядов); незаданный вопрос — «Аравия» (структура квеста; куртуазная любовь мальчика-рыцаря к сестре Мэнгена, представшей перед ним, как Беатриче перед Данте; восточный колорит базара, напоминающий о Крестовых походах; незаданный вопрос; образы чаши и вазы); бесплодная земля — сам Дублин, «безнадёжное место», рассказ «Мертвые» (падающий снег как стирание мира и границ между пространствами живых и мёртвых). По модели квеста организованы также рассказы «Встреча», «Два рыцаря», «Облачко», в которых термину «рыцарь» придаётся сниженный пародийный оттенок. К средневековым мотивам можно отнести и повторяющийся мотив «Дублинцев» «дама в беде» (рассказы «Эвелин», «Два рыцаря», «Пансион»).

Литература

Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2015.

Эко У. Поэтики Джойса. М.: АСТ: Corpus, 2015.

Gifford D. Joyce Annotated. University of California Press, 1982.

Wolozogen H. von. A Key to Parsifal. Chappell&Co, 1889.

Хомухина Елена Ивановна

соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет;
sj.sezar@yandex.ru

ОСКАР УАЙЛЬД И ТАНИДЗАКИ ДЗЮНЪИТИРО: ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОМ ВЛИЯНИИ

Ключевые слова: эстетизм, японский неоромантизм, тема красоты, тема искусства, мотив соблазнения.

Проблема влияния творчества и эстетической концепции Оскара Уайльда на наследие японского писателя Дзюнъитиро Танидзаки (1886–1965) неоднократно освещалась в отечественном и зарубежном литературоведении. Танидзаки находился под глубоким и продолжительным воздействием уайльдовских текстов и идей; он также многократно упоминал Уайльда в личной переписке и дневниках [Санина 2003: 148]. Произведения Танидзаки сравнивали с уайльдовскими как при жизни автора, так и позднее: повесть «Дзётаро» (1914) с «Портретом Дориана Грея», ранний рассказ «Кири» — с пьесой Уайльда «Саломея» и др.

При широком освещении факта связи поэтики Танидзаки с творчеством Уайльда фактических обширных и подробных сопоставлений конкретных произведений насчитывается немного. Именно уточнению того, на какие именно стороны поэтики Уайльда опирался Танидзаки, как использовал его литературное наследие и посвящена данная статья.

Объекты исследования — романы Уайльда «Портрет Дориана Грея» и Танидзаки «Любовь глупца» (Сидзин но ай, 痴人の愛, 1924). Текст Танидзаки — переходный в его творчестве и знаменует собой переход от фанатичного поклонения западным эстетическим идеалам и первым обращением к национальной культурной традиции [Санина 2001: 141]. Фабула романа проста: Дзэдзи Каваи, повествователь, знакомится в кафе с девушкой по имени Наоми. Он восхищается тем, что девушка похожа на европейку, делает ее своей воспитанницей, а позже и женой. Наоми быстро выходит из-под контроля мужа, тратит его деньги, унижает, изменяет. Но даже после открытия этих измен и обнаружения настоящей (пошлой, грубой, агрессивной) сущности Наоми главный герой не может порвать с ней из-за неподконтрольного физического влечения.

Центральным при сопоставлении романов является мотив соблазнения: соблазняет Дориана лорд Генри Уоттон, соблазняет юную Наоми Дзэдзи Каваи. Важно, что совпадают контекст и условия: герои соблазняют и соблазняются тремя явлениями — роскошью, вседозволенностью и красотой.

Во-первых, Каваи показывает юной девушке все прелести обеспеченной безбедной жизни. Аппетиты Наоми растут и довольно скоро превращаются в основу их отношений. Во-вторых, вседозволенность в романе Танидзаки генетически также восходит к речам лорда Генри, обращенным к Дориану. Каваи освобождает свою спутницу в нескольких аспектах: позволяет ей почувствовать свое интеллектуальное превосходство над мужчиной (что в Японии той эпохи было нонсенсом) и игнорирует ее слишком вольное для замужней женщины общение с мужчинами. Любопытно, что тема измены входит в роман вместе с темой европейских танцев, которая заменяет тему театра в романе-прототипе.

В-третьих, при рассмотрении мотива соблазнения красотой наиболее важен идеалистический аспект: оба соблазнителя — и Генри Уоттон, и Дзэдзи Каваи привлекают соблазняемых ими героев путем приобщения к тому, что они (соблазнители) считают наивысшим благом, идеалом, жизненным ориентиром. Для персонажа Уайльда это вечная красота, не отягощенная моралью и нравственными догмами. Для Каваи единственной формой существования красоты является европейский эстетический канон: только западное может быть прекрасным. Поэтому герой выбирает в жены девушку с европейскими чертами лица, поэтому он наряжает ее в европейскую одежду, «воспитывает», освобождая от традиционных национальных представлений о жизни и любви.

Таким образом, мотивный комплекс соблазнения во всех его вариациях в романе Танидзаки связан с темой европейской культуры. Если в романе Уайльда Дориана губит трагический

разлад между искусством и жизнью, то в романе Танидзаки Наоми оказывается между двумя национальными традициями: покинув одну и не войдя в другую, она теряет собственную целостность. Так же, как личность Дориана распадается на его вечно молодое тело и меняющийся портрет, личность Наоми должна разделиться: приобщиться к иностранному обществу в Японии героиня может лишь отбросив свою духовную часть, продавая свое тело.

Отдельно отметим тему искусства: для Уайльда красота есть сущность мира, а искусство — возможность ее воплотить [Аствацатуров 2007: 16], для Танидзаки же искусство в женском образе фетишизировано и приобретает ценность только в своей порочности; эстетическую концепцию Уайльда он понимает очень буквально. Возможно, это связано не только с индивидуальными особенностями поэтики автора, но и с японским эстетическим наследием, в частности, с пониманием западной культуры исключительно как культуры формы, культуры Бытия (в противопоставление культуре Небытия на Востоке) [Скворцова 2021: 31–32].

Итак, Танидзаки во-многом опирается на концепцию Уайльда, поняв ее несколько упрощенно. Также в романе имеет место ироническая дистанция по отношению к героям, что было невозможно в «Портрете...». Но, хотя с эстетической точки зрения Каваи не понимает европейскую красоту и искажает ее, хотя сам автор оказывается разочарован в возможности соединить прекрасное в понимании Востока и Запада, все же функционально, художественно Танидзаки повторяет эстетический канон Уайльда, порождает целое течение среди японской молодежи, названное «наомизмом» и, по выражению японских критиков, вполне заслуживает высшей похвалы своего литературного учителя.

Литература

- Аствацатуров А. А.* Оскар Уайльд: искусство как гедонистический жест // Феноменология текста: Игра и репрессия. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 11–28.
- Санина К. Г.* Образы демонической красоты в произведениях Танидзаки Дзюнъитиро // Известия Восточного института. 2001. № 6. С. 133–144.
- Санина К. Г.* Роль западноевропейской литературы XIX века в развитии японского неоромантизма // Известия Восточного института. 2003. № 7. С. 145–155.
- Скворцова Е. Л.* Японская эстетика XX века. Антология. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 592 с.

Цветкова Марина Владимировна

д-р филол. наук, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации,
НИУ ВШЭ — Нижний Новгород;
mtsvetkova@hse.ru

РОЛЕВАЯ ЛИРИКА В БРИТАНСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова: ролевая лирика, драматический монолог, монодрама, русская лирика, британская лирика.

Сравнительный анализ произведений, относимых к «ролевой лирике», показывает, что английская и русская поэзия склонны использовать различные ее жанровые разновидности. Термин «ролевая лирика» применяется только в отечественном литературоведении, был введен в научный обиход В. В. Гиппиусом и подхвачен Б. О. Корманом, который определил данный жанр как стихотворения, написанные от лица разных героев, чье сознание не совпадает с сознанием лирического героя. В англоязычной традиции используется термин «*mask-lyric*», который, по сути, содержит ту же идею автора, скрывающегося за маской избранного им персонажа.

Зачатки ролевой лирики возникают уже в эпосе на поздних этапах его развития, когда создателей эпических песен начинает волновать внутренний мир персонажа и они передают ему слово. Пространные монологи персонажей, произносимые в момент высокого эмоционально напряжения, можно встретить в «Илиаде», «Одиссее», «Слове о Полку Игореве» и др.. Позднее, такой монолог нашел свое развитие в древних драматических жанрах, откуда шагнул в лирику, где прием говорения от имени другого лица соединился с родовой чертой лирики — исповедальностью.

В английской литературе ранними примерами использования ролевой лирики могут служить произведения, относящиеся к циклу древнеанглийских элегий, созданных с VII по X век: “*The Wanderer*” («Скиталец»), “*Deor’s Lament*” («Жалобы Деора»), “*The Wife’s Lament*” («Жалобы жены»). В русской словесности — плачи, написанные стихопрозой.

В отечественной традиции терминология, связанная с ролевой лирикой, в отличие от англоязычного литературоведения разработана гораздо менее детально, что косвенно указывает на большую популярность стихотворений этого жанра в англоязычной поэзии, чем в русской. Два ключевых англоязычных термина «*dramatic lyric*» и *monodrama* появились в викторианскую эпоху в связи с творчеством Р. Браунинга и А. Теннисона, поднявших искусство ролевой лирики на новый уровень.

По мнению Б. О. Кормана, возникновение ролевой лирики в России, как и в Англии, явилось реакцией на романтический субъективизм. Основателем ролевой лирики в России он предлагает считать Некрасова, хотя образцы стихотворений этого жанра встречаются и до него (у Пушкина, Лермонтова, Кольцова). Однако именно в творчестве Некрасова использование ролевой лирики стало программным.

Если до второй половины XIX в. приходится говорить лишь о типологических сходениях в развитии ролевой лирики в России и Британии, то на этом этапе можно проследить и генетические связи (стихотворение Некрасова «Плач детей», основную часть которого составляет горестный монолог детей, замученных непосильной работой, было основано на стихотворении Э. Б. Браунинг «*The Cry of the Children*» (Плач детей)).

В русской поэзии, за редким исключением, преобладала ролевая лирика, в которой лирический герой, хотя и далек от автора биографического, однако вызывает его сочувствие («Огородник» Некрасова). Установка на сопереживание говорящей персоне является коренным отличием русской ролевой лирики от драматического монолога Браунинга и монодрамы Теннисона, где говорящий был по преимуществу характерным персонажем, редко вызывавшим симпатию, обращение к которому было вызвано стремлением автора пережить необычный опыт, почувствовать себя «другим».

На рубеже XIX–XX вв. из всех разновидностей ролевой лирики русская традиция предпочла лирический монолог, где автор под маской исторического или литературного персонажа высказывает подчеркнуто личные переживания («Офелия — в защиту королевы» Цветаевой), то есть жанр, противоположный драматическому монологу и монодраме. Подобная тенденция русской ролевой лирики, часто выливавшаяся в подмену персонажа лирическим «я» предельно близким автору, вполне понятна в связи с характерной для русского культурного мира установкой на повышенную эмоциональность и открытое проявление чувств. Для англоязычной поэзии драматический монолог и монодрама оказались более продуктивными разновидностями жанра, чем для русской, что также связано со спецификой национальной картины мира. Если для русского сознания характерен акцент на чувствах, ключевой чертой английской ментальности является эмпиризм.

В XX в. драматический монолог и монодраму в англоязычной традиции разрабатывали Э. Паунд и Т. С. Элиот. Именно в связи с поэзией Элиота в литературный обиход войдут распространенные сегодня в англоязычном литературоведении термины «mask» и «persona» (Э. Паунд расшифровывал термин «persona» как «per + sonare» — нечто, произнесенное (звучащее) через маску). К Паунду и Элиоту примыкает У. Б. Йейтс, разработавший теорию «маски», провозглашающую максимальное «разведение» автора и лирического героя. Драматический монолог, монодрама и стихотворение-маска, возникшие на скрещении литературных родов, как нельзя лучше соответствовали идее Т. С. Элиота о необходимости сочетать предельную эмоциональность и экспрессивность с интеллектуализмом и бесстрастной «остраненностью». Его теория «деперсонализации» предлагала разделить в поэте личностное (personal) и надличностное (impersonal) и отказаться от личностного начала, как носителя узко-человеческих эмоций.

В британской поэзии 2-й половины XX в. драматический монолог, наряду с монодрамой, хотя подчас и в модифицированной форме, продолжает пользоваться популярностью (Т. Хьюз, Г. Максвелл, К. Э. Даффи), так как современная поэзия Великобритании является наследницей элиотовской традиции с ее установкой на деперсонализацию.

Belova Margarita Alexandrovna

PhD student, St. Petersburg State University;
st123878@student.spbu.ru

STAGE, SCAFFOLD, AND A BLOODY FEAST: THE IDEOLOGY OF VIOLENCE IN EARLY MODERN REVENGE TRAGEDY

Keywords: revenge tragedy, Renaissance drama, framing devices, ideology of violence, metatheatricity.

It is well known that the Early Modern revenge tragedy genre owes much to its ancient classical predecessor, the tragedies of Lucius Seneca. Seneca's *Thyestes* was one of the most influential classical tragedies, which had a great impact on Elizabethan drama. The final scene staging a bloody, cannibalistic feast finds its way into William Shakespeare's *Titus Andronicus*, John Marston's *Antonio's Revenge*, and Thomas Middleton's *The Bloody Banquet*. Taken more broadly, a sham scheme that conceals revenge had become an essential dramatic mechanism and can be found in a series of other revenge tragedies: a play-within-a-play in Thomas Kyd's *The Spanish Tragedy*, staged duels at the end of Shakespeare's *Hamlet* and George Chapman's *The Revenge of Bussy D'Ambois*, a mask, and a fake-date kill in Middleton's *The Revenger's Tragedy*, etc. However, the mechanism of concealment and disclosure is much more complex than simply taking a villain by surprise. The purpose of the present study is to show that this mechanism not only counterposes private revenge with divine providence and just retaliation; it also uses a metatheatrical framing device (a feast, a mask, a play), which, drawing attention to its own artificiality, emphasizes the fakeness and the deception behind the idea of just punishment.

Rene Girard and Regina Schwartz shrewdly point out that violence can be interpreted differently depending on the context or, in other words, when it is looked at within different frameworks. In a religious ritual, murder can be considered a sacrifice, which has a restorative function. In a legal context, at court or on a scaffold, murder turns into a just punishment and the spectacle of violence — into a spectacle of justice, which preserves the social equilibrium. Seen outside of these two contexts, murder is considered as nothing but pure violence [Girard 2005: 37]. At the same time, the imaginative space of a theatrical stage allows one to make all these interpretations simultaneously available to its audiences [Schwartz 2005: 148]. This idea can be best understood through the character of Hieronimo in Kyd's *The Spanish Tragedy* and his play-within-a-play, where the main character is at once a victim, a judge, and a revenger, and the final inset play is, at the same time, a violent, bloody revenge, a just punishment, and a theatrical spectacle.

The power of the theatre to manipulate several frameworks against each other simultaneously allows it to convey the crux of every revenge tragedy: the inability to separate the idea of violence from the idea of justice. Ronald Broude famously suggested that in Renaissance England, three different ideas of justice existed: private revenge, state justice, and divine providence. However, the relation and distinction between these three branches was subtle and complex. State justice was an institution with a sacred right to exercise divine providence, the same right that was forbidden to a private individual. Nevertheless, the inefficiency of state justice kept the practice of self-government or private revenge alive [Broude 1975: 42]. Even though private revenge was seen as a blameworthy act, it still had a restorative function. At the time, violence was seen as pollution. If state justice was incompetent, a private individual had to inherit its function of punishing the transgressor and restoring the social fabric.

Most revenge tragedies feature a private revenger who pretends to be a scourge of God and claims to exercise justice responding to a divine calling; notwithstanding, each play condemns the revenger, whose desire for justice is presented as a desire for violence. The main motto of revenge tragedy, borrowed from Seneca, states that the avenger must surpass the villain in violence and ingenuity. This exaggeration is underlined by the theatricality of the device used for its implementation. In other words, precisely those metatheatrical framing devices of a feast, a spectacle, or a mask, which emphasize violence over justice and atrocity over punishment.

One of the most significant characteristics of all revenge tragedies is their metatheatricity. Long soliloquies, plays-within-plays, masks, asides, inductions, supernatural characters invading the space of

the audience — each of these elements, especially those used at the end of the plays, highlight the idea that the just punishment presented at the end of the play is a spectacle of violence. However, this spectacle, along with the one outside of the theatre framework, is accompanied by moralizing. In Renaissance England, the public spectacle of law, i.e., public execution, was accompanied by a chorus, whose job was to elaborate on the sins of a person executed on the scaffold to prevent other people from following in his footsteps. The government attempted to monopolize its authority on violence, and such public spectacles were meant to promote the dominant ideological view. Revenge tragedies, however, introduce a different argument. They not only portray the impotence of state justice but also reveal that the distinction between private revenge as pure violence and public execution as just punishment, the very distinction the government so eagerly attempted to promote, is illusory and questionable.

It is, therefore, the purpose of this study to analyze the mechanism of concealment and disclosure and the metatheatrical framing devices used to employ it at the end of revenge tragedy plays to show how these important Renaissance plays challenge the dominant ideology of violence at the time, and how they force their audiences to reexamine their perception of this ideology.

References

- Broude R.* Revenge and Revenge Tragedy in Renaissance England // *Renaissance Quarterly*. Vol. 28, no. 1. Spring 1975. P. 38–58.
- Girard R.* Violence and the Sacred. 1977 / Transl. Patrick Gregory. New York: Continuum, 2005.
- Schwartz R. M.* Tragedy and The Mass // *Literature and Theology*. Vol. 19, no. 2. June 2005. P. 139–158.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Апенко Елена Михайловна

канд. филол. наук, преподаватель ДГПХ,
Санкт-Петербургский государственный университет;
eapenko@yandex.ru

РОМАН П. АКРОЙДА «МИЛЬТОН В АМЕРИКЕ»: ГРАНИЦЫ ИНТЕРПРЕТАТИВНОГО СВОЕВОЛИЯ АВТОРА

Ключевые слова: «альтернативная история», пуритане, постмодернистский нарратив.

Случившийся в самом начале колонизации англичанами Северной Америки, в 1625–1627 годах, конфликт пуритан Плимутской колонии и поселенцев колонии Мерри-Маунт известен нам благодаря двум документальным сочинениям XVII в.: «История поселения в Плимуте» губернатора Уильяма Брэдфорда и «Ново-Английский Ханаан» лидера колонистов Мерри-Маунт Томаса Мортон. Брэдфорд не принимал инакомыслие жителей Мерри-Маунт, он обличал их «греховность», а заодно и то, как они торгуют с индейцами. А Мортон в третьей части своей книги создал яркий сатирический очерк жизни соседей — пуритан.

Это было лишь одно из многих драматических событий в жизни первых поселенцев, однако и в XIX, и в XX столетиях писатели неоднократно о нем вспоминали. Последним по времени, в 1996 г., к нему обратился Питер Акرويد в романе «Мильтон в Америке». Все, кто занимался анализом этого произведения, непременно и обоснованно определяют его как образец постмодернистской «альтернативной истории». Время действия — 1662-й год. Великий английский поэт Джон Мильтон, в нашей реальности никогда в Америке не бывавший, из-за боязни преследований после реставрации Стюартов уезжает в Новый Свет, становится там главой одного из пуританских поселений и вступает в борьбу с колонистами из Мерри-Маунт. «Альтернативная» история не значит «невероятная», и более чем вероятно, что случись подобное, Мильтон, твердолобый пуританин, хорошо знавший, как многолетний секретарь Оливера Кромвеля, механизмы управления, стал бы не просто духовным лидером, но и диктатором в суровых условиях бытия отцов-пилигримов. В докладе предполагается проанализировать то, как английский писатель обращается с реальными фактами и вышеупомянутыми претекстами.

С одной стороны, имеют место прямые заимствования из обоих текстов. Есть и развернутые парафразы. Но на уровне деталей проявляется и «альтернативность». Акرويد последовательно адаптирует историю для восприятия ее в наши дни. Для этого автор и выбирает в главные герои великого английского поэта Джона Мильтона, который много более известен современному читателю, нежели Уильям Брэдфорд. Он также меняет смысл целого ряда реальных деталей и событий.

Тем не менее, в основу повествования положена нарративная ситуация двух версий. С одной стороны, акرويدовский Мильтон в подробностях пишет о богопротивной жизни и обычаях в Мерри-Маунт в письмах друзьям в Англию. С другой стороны, слуга Мильтона Гусперо ведет свой дневник, где с симпатией рассказывает об образе жизни и мыслей соседей. В итоге в тексте возникает свойственный постмодернизму конфликт точек зрения. Брэдфорд ведет свой рассказ то от первого, то от третьего лица, что оказывается созвучным технике потока сознания, и Акرويد выбирает именно ее для линии Мильтона. Постоянная смена повествовательной формы и стилистики помогает ему воссоздать мировосприятие пуританина. Совер-

---

Ответственный редактор: канд. филол. наук А. В. Белобратов.

шенно иначе выглядят записки Гуса. Это вполне «светские» тексты, и молодой человек смотрит на жизнь соседней общины и ее лидера Ральфа Кемписа не через призму библейских мифологем, но рационально, а потому с симпатией. В его зарисовках жизни пуритан, напротив, звучат подчас интонации, напоминающие сатиру Мортонна.

Особого разговора заслуживает изображение финала этой истории всеми тремя авторами. Брэдфорд упирает на то, что Мортон нарушал королевские законы, продавал индейцам оружие и учил им пользоваться, поэтому бедные мирные голландские и английские поселенцы не могли чувствовать себя в безопасности. Поэтому они арестовали Мортонна и отправили в Англию для суда. Томас Мортон, естественно, представляет свою версию: по его словам за ним была организована настоящая охота. Несмотря на разницу в описаниях, реальный финал конфликта однозначен — арест и высылка Томаса Мортонна и тихий закат колонии Мери-Маунт. В «альтернативной истории» Акройда все гораздо масштабнее и драматичнее. Мильтон поднимает на штурм еретиков все пуританские колонии. Разворачивается кровавая битва, в которой гибнут и колонисты Мери-Маунт, и их союзники индейцы. Акройд создавал финальные сцены, явно держа в памяти уже не тексты XVII века, а тот факт, что пуритане, едва устроившись, развязали две войны с индейцами. Историки утверждают, что именно победа во второй — т.н. войне короля Филиппа 1675–1676 годов — сделала существование английской пуританской колонии Массачусетса необратимым, что определило всю дальнейшую колонизацию северо-востока континента

Для современников история Мери-Маунт была мелким эпизодом. Ее глубинный символический смысл — противостояние ортодоксии и вольнодумства, жестокость, но неизбежность хода истории — проявился много позже. Под таким углом его увидел Натаниэль Готорн в XIX веке и представил в рассказе «Майский шест Веселой горы». В альтернативной истории Акройда победа пуритан над обитателями Мери-Маунт в полной мере воплощает логику истории реальной. При этом постмодернистская диалектика игры не отменяет философско-этического подтекста произведения. Но для того, чтобы читатель из XX века, приученный этой самой реальной историей реагировать только на масштабные катаклизмы, увидел эту логику, проникся трагизмом и воспринял символизм события, писателю пришлось его существенно гиперболизировать.

Баева Екатерина Михайловна

канд. филол. наук, заведующий кафедрой русского языка,
Санкт-Петербургский электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина);
etbaeva@etu.ru

ДЛИННЫЙ СПИСОК БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ-2023 ПО СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: Букеровская премия, литературные премии, современная англоязычная литература.

Букеровская премия является одной из самых престижных литературных премий в мире. Романы-лауреаты, как правило, получают большой культурный резонанс, переводятся на разные языки, а их авторы становятся знаменитыми, причем их влияние в дальнейшем распространяется не только на книжный рынок (ср. Салман Рушди). Традиционно литературные премии в Европе и США подчеркивают свою беспристрастность в поиске достойных внимания литературных произведений, но нельзя не признать, что эти же премии формируют не только современный литературный канон, но и культурную и ценностную повестку дня.

О. Джумайло выделяет следующие тенденции в представляемых публике списках номинантов Букеровской премии: 1) интермедальность попадающих в короткий список текстов; 2) возвращение «толстого» полифонического романа; 3) «экзотические» авторы; 4) номинирование авторов, исследующих вопрос гендера в литературе [Джумайло 2016]. Зарубежные исследователи подчеркивают тяготение жюри к постколониальному и политически ориентированному роману [English 2009]. Также отмечается, что не последнюю роль играют вопросы маркетинга и книжных продаж [Squires 2016].

В 2023 году жюри Букера, состоящее из пяти человек, возглавляла канадская писательница Эси Эдугян. Также в него входили актер, поэт и режиссер Адйоа Андо, поэт, лектор, редактор и критик Мэри-Джейн Чан, писатель и профессор Джеймс Шапиро, актер и писатель Роберт Уэбб. Избранное жюри встречается раз в месяц и обсуждает около 30 книг. К каждой выборке (длинный список, короткий список, победитель) романы читают заново, то есть книги из короткого списка будут прочитаны как минимум трижды.

Члены жюри прочли 163 романа, опубликованных в период с 1 октября 2022 года по 30 сентября 2023 года и поданных на конкурс издателями, и отобрали для длинного списка 13 текстов: Айобами Адебайо «Черета счастливых случаев», Себастьян Барри «Время Старого Бога», Сара Бернстайн «Исследование послушания», Джонатан Эскоффери «Если я переживу тебя», Илейн Фини «Как построить лодку», Пол Хардинг «Этот другой рай», Шан Хьюз «Перл», Виктория Ллойд-Барлоу «Маленькие птички сердца», Пол Линч «Песнь пророка», Мартин Макиннес «Вознесение», Четна Мару «Вестерн Лейн», Пол Марри «Укус пчелы», Тан Туан Энг «Дом дверей». Среди выбранных произведений — один научно-фантастический роман, один роман, написанный от лица нейроотличной героини, четыре дебютных романа, десять книг авторов, ранее не номинировавшихся на Букеровскую премию, и романы трех писателей с семью номинациями на троих. Из тринадцати романов шесть написаны женщинами, семь — мужчинами; среди авторов — четверо британцев, четверо ирландцев, двое американцев, одна канадка, одна нигерийка, один малаец.

При внимательном прочтении можно заметить, что все книги списка можно успешно сгруппировать по нескольким крупным тематическим блокам. Многие романы включают в себя все или многие из обозначенных тем.

Первая группа — романы о памяти, осмысляющие исторические события в масштабах личности и человечества, в синхроническом и диахроническом аспекте. Это романы Себастьяна Барри, Сары Бернстайн, Пола Хардинга, Пола Линча, Мартина Макиннеса, Тан Туан Энга. События, заслуживающие внимание автора, могут происходить в прошлом или будущем (сюда можно отнести написанную в жанре антиутопии «Песнь пророка» и научно-фантастическое

«Вознесение»), и главный вопрос — насколько велика (или мала) роль личности в глобальных мировых изменениях, а также степень ответственности индивидуума.

Вторая группа — темы поиска самоидентичности, выяснения границ личного и коллективного. Эти темы безусловно перекликаются с обозначенными выше, но не равны им. Авторы задаются вопросами национального самосознания, группового мышления, отношениями «свой–чужой» в рамках различных культур и социальных групп. В разной степени эти темы прослеживаются в номинированных романах Себастьяна Барри, Сары Бернстайн, Джонатана Эскоффери, Пола Хардинга, Пола Линча, Виктории Ллойд-Барлоу, Четны Мару, Тан Туан Энга.

Третья группа — романы о насилии, физическом или психологическом, также обсуждаемом в контексте ответственности индивидуума за собственные действия и их последствия. Здесь можно упомянуть романы Айобами Адебайо, Себастьяна Барри, Сары Бернстайн, Джонатана Эскоффери, Илейн Фини, Пола Хардинга, Шан Хьюз, Виктории Ллойд-Барлоу, Пола Линча, Мартина Макиннеса, Пола Марри.

Четвертая группа — тексты, в которых в центре внимания — парадигма семейных отношений «родитель–ребенок». Как правило, это — исследование пары «мать и дочь», по ходу сюжета они также могут менять роль, и повзрослевшая дочь также становится на позицию матери. В некоторых случаях фигура матери может отсутствовать, но являться катализатором многих решений дочери. Этой проблематике полностью или частично посвящены романы Айобами Адебайо, Илейн Фини, Шан Хьюз, Виктории Ллойд-Барлоу, Пола Линча, Пола Марри, Мартина Макиннеса, Четны Мару.

В качестве вывода можно отметить, что все эти темы находят свое отражение в романе-победителе «Песне пророка» ирландца Пола Линча. Однако этот блестящий роман-антиутопия, где каждая глава написана как один бесконечный абзац, а сюжет закручивается по спирали и не дает читателю выдохнуть, заслужил высокую оценку жюри не как текст, соответствующий всем популярным тенденциям, но как художественное произведение, обладающее яркой индивидуальностью и уникальным голосом.

Литература

Джумайло О. А. Британский «Букер», или Событие литературы // Вопросы литературы. 2016. № 5. С. 30–61.

English J. The Economy of Prestige: Prizes, Awards, and the Circulation of Cultural Value. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

Squires C. Book marketing and the Booker Prize // Judging a Book by its Cover. Routledge, 2016. С. 93–104.

Вихрова Ксения Александровна

старший преподаватель, Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица;
r2654256@gmail.com

«КОНТРАГОВОР» Ф. РОТА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ МЕТАПРОЗЕ

Ключевые слова: Филип Рот, историографическая метапроза, «Заговор против Америки».

Филип Рот (Philip Roth, 1933–2018) — один из наиболее выдающихся американских писателей «молчаливого поколения», — или «самого запропагандированного поколения», продукта послевоенной риторики, политики сдерживания в Холодной войне и средств массовой информации, как сам автор его определял [Roth 1975: 90]. Предметом художественного изображения Рота часто становились масштабные международные конфликты и события социально-политической истории США, оказавшие значительное влияние на жизнь американцев.

В 2005 г. Рот получил премию Общества американских историков «за выдающийся исторический роман» «Заговор против Америки» (*The Plot Against America*, 2004), в котором представил альтернативную историю США в начале 1940-х гг. В романе нашла отражение проблема соотношения микро- и макроистории, субъективности и объективности исторического процесса, а также рассуждения о проблеме национальной идентичности.

Повествование ведется от лица мальчика по имени Филип Рот, живущего на юго-западной окраине Ньюарка — месте рождения самого автора. Когда Франклин Делано Рузвельт в 1940 г. терпит поражение в ходе президентских выборов от знаменитого авиатора и популиста Чарльза Линдберга, страну захлестывает волна антисемитизма. После избрания изоляционист Линдберг заключает договор с Гитлером об отказе от помощи союзникам, и США постепенно движутся к фашизму. События «большой истории» вторгаются в жизнь семьи Ротов и чуть не разрушают ее: их принуждают к переезду, старший брат Филипа принимает участие в программе по «американизации» молодых евреев и демонстрирует презрение к семье, тетя Филипа также становится сторонницей нового режима. По всей стране разворачиваются гонения на евреев: власти прилагают усилия к тому, чтобы отправить их в гетто, а после исчезновения президента Линдберга начинаются антисемитские беспорядки. Эти события глубоко травмируют нарратора: «Непредсказуемым оказалось, как выяснилось, и наше прошлое, которое мы изучали в школе, ошибочно именуя этот предмет историей <...>. Ужас перед непредсказуемым — вот что закапывает в землю история, превращая катастрофическое развитие событий в эпическое течение [Рот 2022: 227]».

Роман «Заговор против Америки» служит примером историографической метапрозы, которая, согласно определению Линды Хатчеон (Linda Hutcheon), одновременно демонстрирует саморефлексивность и основывается на историческом материале, тем самым претендуя на реалистичность и историчность. Идея о том, что США могут стать фашистской страной, уже не раз проблематизировалась в произведениях художественной литературы. Критики сравнивают «Заговор против Америки» с романом-предостережением Синклера Льюиса (Sinclair Lewis, 1885–1951) «У нас это невозможно» (*It Can't Happen Here*, 1935) и научно-фантастическим романом Филипа Дика (Philip Dick, 1928–1982) «Человек в высоком замке» (*The Man in the High Castle*, 1962). Оба произведения можно интерпретировать как политические аллегории, отсылки к событиям того времени, когда они создавались. Роман Рота также часто рассматривается как комментарий к событиям начала XXI в. — избранию президентом США республиканца Джорджа Буша-мл. Кроме того, примечательно, что интерес к роману Рота резко возрос во время предвыборной кампании Дональда Трампа.

Однако Рот резко критиковал политическую интерпретацию своего произведения, утверждая, что он старался добиться максимальной реалистичности не для того, чтобы «обсудить настоящее с помощью [событий] прошлого, а чтобы обсудить прошлое с помощью прошлого» [Roth 2004: URL]. В отличие от Льюиса и Дика, Рот стремился к реалистичности, чтобы

эстетическими средствами доказать, что выдумка, которую он представил, столь же правдива, как и фактическая история в приложении к роману.

Рот показал, что определение США как страны, которая сражалась и победила нацистов, игнорирует фашизм и антисемитизм, наполнявшие американскую жизнь в 1940-х гг. и являвшиеся такой же частью американской истории, как и демократический третий срок Рузвельта, и желание остановить захват Европы нацистской Германией [Siegel 2012: 132]. Согласно его точке зрения, историческая истина не может быть заключена в одном монологическом нарративе. Она представлена в совокупности повествований, которые раскрывают многогранность опыта, составляющего историю.

Таким образом, Рот бросил вызов устоявшимся представлениям об американской идентичности. По его мнению, национальная идентичность Соединенных Штатов определяется не только реальными событиями, составляющими ее фактическую историю, но и альтернативной историей, в которой обнаруживаются глубинные течения фашизма и антисемитизма. В романе «Заговор против Америки» Рот продемонстрировал, что идентичность нации не может быть заключена в хронику реальных событий, но определяется бесчисленными сюжетными линиями, которые не актуализируются преимущественно из-за исторической случайности.

Литература

Rom Ф. Заговор против Америки / пер. с англ. В. Л. Топорова. М.: Книжники, 2022.

Roth Ph. On the Great American Novel // *Reading Myself and Others*. New York: Farrar, 1975. P. 75–92.

Roth Ph. The Story Behind ‘The Plot Against America’. 19.09.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/09/19/books/review/the-story-behind-the-plot-against-america.html>

Siegel J. ‘The Plot Against America’: Philip Roth’s Counter-Plot to American History // *Melus*. 2012. Vol. 37, no. 1. P. 131–154.

Игнатов Кирилл Юрьевич

канд. филол. наук, доцент,

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;

kirillignatov1972@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЬЕСЕ СЬЮЗАН-ЛОРИ ПАРКС «ПОБЕДИТЕЛЬ/ПОБЕЖДЁННЫЙ»

Ключевые слова: постмодернизм, драматургия, литература США, интертекстуальность.

Сьюзан-Лори Паркс (род. 1963) — известная представительница современной драматургии США. В 2002 году она стала первой афроамериканкой, получившей Пулитцеровскую премию в области драмы за пьесу «Победитель/Побеждённый» (*Topdog/Underdog*): на русском языке пьеса не издавалась, название иногда переводится как «Победитель/Неудачник» или «Победитель/Проигравший»).

Одноактная пьеса «Победитель/Побеждённый» состоит из шести сцен. На сцене всего двое героев — два брата-афроамериканца лет тридцати: старший, Линкольн, и младший, Бут. На протяжении всей пьесы Бут пытается освоиться с азартной игрой, представляющей собой форму мошенничества (на русском языке известной как «напёрстки», а в английском: *three-card monte* или *shell game*). Прежде старший брат Линкольн сам был картёжником, но забросил это дело, когда его друга убили, а подружка выгнала его из дома. Теперь он работает в зале игровых автоматов торгового центра, изображая президента Линкольна, и живёт у брата. Имена героев отсылают к убийству 16-го президента США Авраама Линкольна ярким противником аболиционистов Джоном Уилксом Бутом в вашингтонском театре Форда. Создание подобных очевидных интертекстуальных связей характерно для творчества Паркс [Larson 2012: 115–135], и зритель заранее готов к тому, что в конце действия, как и 14 апреля 1865 года, Бут застрелит Линкольна.

Пьеса представляет собой художественное исследование проблемы идентичности чернокожего американца, одной из центральных проблем драматургии Паркс, рассматриваемой в историческом, этическом и эстетическом контексте [Высоцкая 2007: 163–164]. Двойственность в драме становится стратегическим дискурсивным инструментом: всё разделено на две части, и изначальная двойственность внутреннего «я» и внешнего, исторического и современного, разыгрываемого и переживаемого персонажами, как и сами братья, две части одного целого, — всё становится дуалистическим фреймом, внутри которого развивается действие. Эти маркеры и формируют многослойное идейно-художественное представление афроамериканской идентичности в пьесе.

Во-первых, в драме противопоставляется реальное и воображаемое. Историческая реальность убийства президента Линкольна сопоставляется с разыгрываемым актёрами на сцене воображаемым действием, в котором один брат убивает другого. Интересно отметить, что библейские аллюзии совершенно не актуализированы. Не-реальное как изображаемое лишь обостряет противоречие: накладная борода, белила на лице и костюм позволяют чернокожему Линкольну стать белым Линкольном, то есть именно маска, скрывающая собственное «я» героя и навязывающая идентичность, позволяет ему существовать в сложившихся экономических обстоятельствах. Навязанная идентичность противостоит системе, в которой «уникальные традиции, образ жизни, язык представляют неотъемлемую культурно-историческую ценность» [Карелина 2019: 21].

Во-вторых, двойственность выражена в образах братьев. Маска Линкольна профессиональна, она нужна для выживания в мире чистогана. В то же время именно условность цвета кожи, условность расы и простого перехода из черного в белый подчёркивает искусственность и зыбкость расовых различий. В восприятии мира младшим братом определяющим является то, как он выглядит, и, в первую очередь, это следствие, а не инструмент достижения материального достатка. Отсюда и стремление соответствовать общепринятым стереотипам традиционной

маскулинности (агрессивность, сексуальность, притягательность для женщин). И здесь кроется основа драматического конфликта: поскольку в сложившихся обстоятельствах «победителем» оказывается Линкольн, то «побеждённый» Бут пытается «переиграть» сложившуюся жизненную ситуацию. В попытке одержать верх и достичь успеха он ворует из магазинов одежду, а для своей невесты Грейс ворует кольцо с камнем, «похожим на бриллиант», что свидетельствует о рациональном конструировании собственной идентичности («scheming and dreaming», как говорит о себе сам герой). И поэтому Бут пытается уйти от роли «Бута» и просит брата называть его «Три карты», видя в игре ключ к символической смене идентичности. Игра служит метафорой борьбы братьев, причём именно Линкольн учит младшего брата мошенничеству, объясняя, что успех зависит от возможности разделить то, что видится играющему и что происходит на самом деле.

В-третьих, трудные экономические и социальные обстоятельства приводят к соперничеству братьев. Бут строит планы на будущее, но они всегда связаны с мошенничеством, а Линкольн не хочет быть его соучастником, что вызывает негодование брата (он называет Линкольна «дядей Томом»). Соперничество героев у автора «во многом коррелирует с конфликтом между белыми людьми и рабами: братья воплощают разные системы ценностей, которые сформировались в результате парадоксов в развитии американской нации» [Криштон 2023: 87]. Соперничество братьев постепенно перерастает в борьбу, но при этом они по-прежнему представляют собой единое целое, семью, в которой две личности борются за доминирование. В конце Линкольн выигрывает у Бута деньги, оставленные ему в наследство мамой и спрятанные в носке, но и здесь победитель вопрошает: «А есть ли деньги в этом носке?» Стреляя в брата, Бут не стремится получить обратно 500 долларов — ему важна духовная связь с матерью, с иллюзорной жизнью, которая только и поддерживает его в безжалостной реальности.

Художественная литература — важный инструмент исследования и осмысления действительности через мир образов, эмоционального постижения окружающего мира. В списке действующих лиц автор указывает, что победителем является Линкольн, а Бут — побеждённым. В конце пьесы Бут убивает Линкольна, но получает ли он победу в этом споре, состязании, соперничестве? В пьесе эмоционально убедительно показано, что жестокость чернокожей Америки есть следствие навязанной идентичности: братоубийство становится реакцией на разрушение вымышленной реальности, в которой заключены персонажи драмы. И опасность не в разрушении вымысла, а в самом его существовании в отрыве от жизненной правды.

Литература

- Высоцкая Н. А. Слово как первоэлемент (ре)конструирования истории в драматургии Сьюзен-Лори Паркс // *Художественное слово в пространстве культуры*. Иваново: ИвГУ, 2007. С. 163–171.
- Карелина Н. А. Аборигенный туризм как одно из направлений сохранения и развития культуры коренных народов Канады // *Человек и культура*. 2019. № 4. С. 20–25.
- Криштон И. С. Роль исторической личности в творчестве Сьюзен-Лори Паркс // *Вестник Барановичского государственного университета*. Серия: Филологические науки (литературоведение). 2023. № 1 (13). С. 83–88.
- Larson J. *Understanding Suzan-Lori Parks*. Chapel Hill: University of South Carolina Press, 2012.

Ильина Александра Михайловна

аспирант, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева;
alessandrailina@gmail.com

ПОЭТИКА ГРАНИЦЫ В ЛИРИКЕ ПОЛЯ ЦЕЛАНА

Ключевые слова: поэтика порога, граница, изоляция.

В литературе о поэзии П. Целана часто отмечается важность категории порога как одной из функциональных форм границы. Пространство порога — болевая точка кризиса, когда происходит смена порядка — время останавливается: миг становится космическим временем и наоборот.

М. М. Бахтин в книге «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» писал, что хронотоп порога — «это хронотоп кризиса и жизненного перелома» [Бахтин 1975: 397], точки, когда прежний порядок жизни невозможен, а новый еще не выстроен. Порог — особое состояние жизненного перелома, принятия решения или затруднения совершения поступка, меняющих модус существования человека, это некая грань, разделяющая два различных пространства, порог — это состояние между существенно разными мирами, формами бытия. Такова семиотика порога — пространство, вещный мир, символизирует внутреннее — время: время интенсивных переживаний.

В лирике П. Целана показано блуждание лирического героя от одной границы к другой — именно опыт порога — причастность обоим пространствам и одновременно ни одной. В данной работе категория порога рассмотрена путем выделения следующих модусов порога:

- биографический опыт порога;
- отношение Я — Другой;
- граница телесного и метафизического.

В лирике на первом плане всегда субъект, который высказывает «свое внутреннее», свой опыт — пусть он и реализуется автором-творцом, отношения которого с лирическим «я» отличаются очень большой тонкостью. Отношения между стихотворением и самим поэтом, носителем человеческого опыта, так или иначе связываются если не с поэтом как биографическим автором, то безусловно с неким «я» поэта. Так, немецкоязычный румынский поэт П. Целан, еврей по происхождению, оказывается в пограничном состоянии, когда родной язык, язык творчества, становится языком фашизма, уничтожающего как целые нации, так и самое себя. Слово переводит мысль из мира идей в реальность, оно способно противостоять времени и пространству, оно отделяет материальное и метафизическое. Например, в стихотворении «Фуга смерти», рассказывающем об истреблении немецкими фашистами еврейского народа в лагерях смерти, представлено несколько модусов порога. Лирическое «мы» — еврейские заключенные-мученики, которые роют себе могилу по приказу антагониста — немецкого военного, надзирателя лагеря, пишущего письмо в Германию. Язык палача и смертников один — это немецкий язык: «смерть магистр германский» [Целан 2019: 33] — на нем пишется любовное письмо Маргарите — полное имя Гретхен из «Фауста» Гете — поэт вписывает немецкую литературу и культуру в контекст антигуманных идей Третьего рейха, создавая антитезу, что подчеркивает состояние порога между великим прошлым и ужасным настоящим. В то же время золотые косы Маргариты противопоставляются седым волосам Суламифи, еврейской женщины и олицетворению общины Израилевой. Суламифь — молодая возлюбленная царя Соломона, также это имя используется в качестве именованной невесты в ходе хупы, однако, в тексте стихотворения Суламифь седа — она страшна как мир, готова к смертельному исходу, она некрасива, но в ней есть сила вечности, так что внутренний стержень ее не сломить. Так опыт порога в лирике Целана представлен с точки зрения восприятия личного опыта еврейского автора, который пишет на немецком языке и является носителем немецкой и еврейских культур.

Граница рождается из разделения культуры на внутреннее (свое) и внешнее (чужое), неизбежно находящиеся в конфликтных отношениях, она создает контекст культуры. Это разделение на свое и чужое представляется отношениями Я и Другого, когда контакт миров представляет границу-пространство их разделения и при этом взаимодействия. Познание реальности предполагает переход границы заданностей, через которые проявляется внутренний закон поэтического мира — это создает дистанцию, которая необходима для постижения реальности. Так, изоляция является исходным актом творчества, когда объект индивидуализируется, он находится в точке наивысшей драматизации, когда прошлый порядок разрушен, а новый не установлен. Пространство стихотворения «Я слышал, говорят» представляет собой пространство порога, так как в нем происходит блуждание от одной границы к другой двумя фигурами: лирического героя и тополя, представляющего собой женский образ. Первая строфа начинается с «Я слышал» [Целан 2019: 58] — «слышал» — это пересказывание событий с позиции Другого, то есть, лирический герой сам не был их свидетелем. Во второй строфе лирическое Я видит тополь, который находится не в ситуации на пороге, а уже пересекает заданную границу пространства — мир под водой находится за порогом, а натуралистичные образы камня и кругов на воде трансформируются в материалистичные: хлебные крошки и ожерелье. То есть герой и здесь и в потустороннем мире, который открывается ему при обращении к Другому — в данном случае к тополи, как женскому образу, так и к символу мирового древа.

В лирике П. Целана телесное и метафизическое — две грани поэтического восприятия поэта, противостоящие и при этом дополняющие друг друга. Телесное — это мир наличествующей действительности, то, что возможно осязать, видеть, это вещные образы. Телесное есть с одной стороны бытовые образы, а с другой, это практически интимный мир — то, что физически чувствуется. Единственный способ преодоления границы вещного — дистанцирование и изоляция себя в себе, когда телесное начинает переживаться как грань внутреннего во внешнем, находящее выход в метафизическое, в бесконечное и глубокое. В стихотворении «Где лед» герой находится на пороге пространств: вещного, телесного, и вечного, метафизического. Телесное представлено через термические ощущения холода и жара, вызываемые контактом с Другим — в данном случае с женским образом, который трансформируется в образы поэзии Рильке:

*Где лед, там есть прохлада для двоих;
Да, для двоих: тебе я дал прийти.
Шло дуновение от тебя как от огня —
Пришла от розы ты. [Целан 2019: 62]*

Роза — часть бесконечного, чьи лепестки являются частью внутреннего мира, всегда находящегося «на пороге». Эти чувственные образы сопряжены с размышлениями о существе бытия и о человеке, о границах жизни и смерти, слова и невыразимого, недосказанного. Финал стихотворения представляется феноменологией бездомного сознания, проникнутого онтологическим одиночеством.

Лирические тексты П. Целана — это состояние поэта, который полностью погружен в реальность, у него нет иллюзий, — весь мир погружен в темное царство, — но он соединяет актуальные события с историей еврейского народа, религиозными представлениями и элементами немецкой культуры. В лирических текстах П. Целана происходит трансформация телесного в метафизическое, когда под метафизическим мы понимаем наследование поэтом традиции английских поэтов-метафизиков — передача опыта веры языковому инструментарию, когда компетентным оказывается оденовская формула «Время боготворит язык»: «Time <...> worships language» [Auden]. Высказывание становится наиболее хрупким и одновременно неуязвимым инструментом противостояния смерти, небытию, злу как таковому, а также является инструментом создания-сохранения собственной реальности.

Литература

- Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит, 1975. С. 397.
- Целан П.* Избранные стихотворения / пер. Н. Болдырева-Северского. М.: Володей, 2019. С. 371.
- Auden W. H.* In Memory of W. B. Yeats // The new republic. URL: <https://newrepublic.com/article/128298/mem-ory-w-b-yeats> (дата обращения: 18.01.24).

Исламова Алла Каримовна

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики и права,
Санкт-Петербургский государственный университет;
alla.islamova.52@mail.ru

СЕМИОТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА И ФИЛОСОФСКОГО МЕТАТЕКСТА В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ К. УИЛСОНА «МИР ПАУКОВ»

Ключевые слова: футурологический роман, философская фантастика, синергизм художественного и философского дискурсов, жанровая полимодель, полисемический образ.

Колин Уилсон — английский писатель и философ, представитель постмодернистского движения в культуре Запада XX в. Он начал свою писательскую деятельность с публикации аналитического эссе «Аутсайдер» (1956), выделив признаки кризисного состояния литературы после модернизма и наметив путь выхода из него за счет сближения литературы с философией по способу освоения действительности. С этой точки зрения, как полагает британский критик Г. Ф. Доссор, роман-эпопея «Мир пауков» (1987–2003) представляет «книгу итогов», или опыт обобщения эстетических и философских идей, созданных автором в течение нескольких десятилетий [Dossor 1990: 284]. В основной состав эпического цикла «Мир пауков» входят три части — «Башня» (1987), «Дельта» (1987) и «Маг» (1992). Совокупная полимодель названных произведений разрабатывалась автором в рамках футурологического проекта, цель которого заключалась в том, чтобы запечатлеть современную действительность человеческого бытия с пост-современных позиций и раскрыть гипотетические возможности ее будущих изменений. Художественное единство формообразующих и содержательных компонентов жанровой архитектуры достигается здесь за счет искусного сочетания образных средств литературного описания с философской интерпретацией изображаемых объектов.

Конструктивные связи повествовательного текста и идеологического метатекста обеспечиваются при помощи многозначных тропов, так как их полисемические свойства способствуют созданию межевых сетей смысловых корреляций для синергического взаимодействия обеих планов дискурса. Несущим элементом семиотической системы тропов является аллегорическое обрамление представленной картины мира, указывающее на ее прогностическую условность. Полная композиция картины включает символные и метафорические облики событий, обстоятельств и действующих лиц — людей, находящихся в под угрозой необратимой деградациии, и пауков, совершивших гигантский эволюционный скачок вследствие резких изменений условий жизни на Земле. В данном отношении образная система эпопеи вполне согласуется с замечанием известного семиолога У.Эко о том, что смысловые коннотации образов-знаков с предметными референтами и представлениями о них «взаимно поддерживают и мотивируют друг друга [Есо 1989: 40]».

Например, в первой книге эпопеи собирательный образ клана пауков-смертоносцев выполняет демонстративные функции, указывая на имплицитные тезисы философского метатекста о несостоятельности антропоцентрической модели мира и опасности катастрофического развития цивилизации из-за радикального расхождения ее целей с законами тотального бытия. Признание недостатка объективных данных о всемирном порядке вещей предусматривает продвижение центрального персонажа по пути постижения истины. Эта часть авторского замысла реализуется в описании стези познания героя, проходящей через временные стадии естественной и социальной истории. Поворотные этапы этой стези сопровождаются аллегорическими картинами мужественной, но безуспешной борьбы поработанных людей с кланами господствующих насекомых. Итоговый результат художественного и идеологического дискурсов заключается в выводе об исчерпанности онтологии, в рамках которой было возможно насильственное вторжение в общественную жизнь с целью ее революционного переустройства. Е. Ю. Козьмина пишет в этой связи, что при любом историческом измерении «конститутивные

человеческие качества» проявляются в условно фантастическом нарративе «на фоне именно нечеловеческого, в сопоставлении с ним [Козьмина 2017: 17]».

Скептическое отстранение от установки на изменение мира повлекло за собой смещение центра изображения в сторону имманентной способности человека изменить собственное сознание перед лицом объективной реальности. Во второй книге эпопеи герой выполняет эту задачу при помощи рефлексивных способностей разума, когда совершает вместе со своими соратниками паломническое путешествие в мир Природы и вступает в мысленный диалог с ней. Ход рефлексии направляется от феноменальных образов субъективного сознания к объектным референтам естественной среды, а сводным знаменателем предпринятого феноменологического исследования и сопутствующих философских рассуждений становится истолкование принципа эволюционного процесса как универсального закона природного и социального бытия.

В третьей книге эпопеи на передний план художественно-философских изысканий автора и героя выдвигается проблема гуманистического обоснования результатов когнитивного опыта. Продолжающаяся история протагониста свидетельствует о том, что этот вопрос оказался для него неразрешенным, невзирая на полную победу над могущественными пауками благодаря приобретенным знаниям. На уровне повествовательного текста факт поражения героя удостоверяется его восхождением на вершину абсолютной власти в мире пауков и попытками насаждать свободу и демократию железной рукой самодержца. Причинно-следственные связи между сюжетным развертыванием повествования и движением вопрошающей мысли протагониста устанавливаются при посредстве полисемических образов-феноменов, означающих открытые проявления антигуманных тенденций в обществе в плане бытийного содержания текста и скрытую тиранию идеологического принуждения на уровне философского метатекста. Тем не менее, эмерджентный итог взаимодействия двух линий дискурса превышает простое слагаемое их идейных смыслов. Разгадка знаковых кодов феноменальных образов выводит героя на путь познания истины через моральный опыт борьбы за нее между гуманистической сущностью и эгоистической самостью человеческой природы. В данном отношении, полагает американский литератор С. Р. Л. Кларк, семиотический интертекст «Мира пауков» К. Уилсона конституируют знаки художественной условности, указывающие на «победу человека над демонами» [Clark 2016: 12]».

Литература

- Козьмина Е. Ю.* Фантастический авантюрно-исторический роман: поэтика жанра. М., 2017.
- Clark S. R. L.* Lovecraft and the Search for Meaning // *The Proceedings of the First International Colin Wilson Conference* (University of Nottingham; July, 2016) / ed. by C. Stanley. Nottingham, 2017. P. 10–45.
- Dossor H. F.* Colin Wilson: The Man and His Mind. Shaftesbury; Dorset, 1990.
- Eco U.* The Open Work / transl. by A. Cancogni. Cambridge (Massachusetts), 1989.

Котелевская Вера Владимировна

канд. филол. наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы,
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
(Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону);
vvkotelevskaya@sfnu.ru

ФРАГМЕНТАРНЫЙ И/ИЛИ ОТКРЫТЫЙ ТЕКСТ: К РОМАНТИЧЕСКИМ ИСТОКАМ ПОЭТОЛОГИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ В. БЕНЬЯМИНА

Ключевые слова: Вальтер Беньямин, фрагментарность, романтическая критика.

Творчество и биография Вальтера Беньямина (1892–1940), ставшие предметом изучения на Западе не ранее 1970-х гг., когда прошла первая волна мемуарно-эссеистических толкований (Т. Адорно, Г. Шолем, Х. Арндт и др.), а в России — примерно с начала 2000-х гг. параллельно с публикацией первых комментированных переводов его философско-эстетической и художественной прозы, можно считать образцом модернистской формы и картины мира.

Характерная для мышления Беньямина «пороговость» — балансирование между дисциплинами, искусствами, жанрами и методами — воспринималась им как единственно возможная форма «схватывания», постижения духа модерна. Х. Арндт пронизательно указала на неизбежную несопоставимость и внекатегориальность его произведений: «Он был человеком гигантской учености, но не принадлежал к ученым; <...> его привлекала не религия, а теология и теологический тип истолкования, для которого текст сакрален, однако он не был теологом и даже не особенно интересовался Библией; он родился писателем, но пределом его мечтаний была книга, целиком составленная из цитат...» и т. п. [Арндт 2003: 178]. Между тем именно подобная апофатическая атрибуция применима к большинству шедевров модернизма.

Всякий, кто погружается в прозу Беньямина, должен отбросить ряд классических установок, и в первую очередь диктат целостности. Со времен Гёте и Канта художественное произведение мыслилось как организм со стадиями рождения — роста — зрелости — финала, сложная система, в которой Бог, Природа, человеческий Гений гармонично согласовали части, подчинив их единому замыслу. Писатель мог изображать несовершенный мир, но непременно в совершенной/завершенной форме. В «железный» XIX век реалисты вдохновлялись совершенным устройством машин, естественнонаучных классификаций. Однако в XX веке принцип многослойного симультанного сцепления сцен и размышлений, эссеизация мышления открывают путь фрагментарной форме. На смену кантовской «целесообразности» приходят случай, алеаторика, ризома, вместо сложноподчиненных связей — паратакис, вместо сюжетных линий — ломаные траектории и петли наподобие тех, что чертил Тристрам Шенди в знаменитом романе Стерна.

В данном докладе предлагается проследить становление поэтологии фрагментарного и принципиально открытого произведения у Беньямина и выявить авторские методы фрагментирования. В качестве исходной эпистемологической и эстетической позиции рассматривается рефлексия Беньямина о йенской романтической критике.

Роль этого раннего интеллектуального опыта философа и будущего писателя, успешно защитившего диссертацию «Понятие художественной критики в немецком романтизме» (1919) в Бернском университете [Benjamin 2008], недооценивается. Академический труд, выполненный по всем правилам филологической схоластики рубежа веков, заслоняется зрелыми произведениями, где идеи «руины» и целого, «литературного монтажа», «коллекционирования» артикулируются уже в узнаваемой авторской стилистике. Однако пристальное прочтение диссертации позволяет прийти к выводу, что экспликация идей Фридриха Шлегеля и Новалиса, главных теоретиков раннеромантической критики, является обоснованием и легитимацией собственного грядущего метода — мозаичного, «рапсодического» [Benjamin 1991: 1116–1117]. Именно этот метод, смешение «мозаики» и «трактата», будет практиковать, с преобладанием первого или второго начала, Беньямин в «Происхождении немецкой барочной драмы», «Улице

с односторонним движением», «Берлинском детстве на рубеже веков» и, несомненно, в главном открытом произведении — «Труде о пассажах».

«Рапсодия», «рапсодический» — понятия, часто фигурирующие как у Шлегеля, так и у Беньямина. Шлегель прибегает к ним в случаях, когда хочет подчеркнуть кажущуюся бессвязность формы, будь то «рапсодическая смелость» греческой комедии, «рапсодическая» бесформенность эпоса, который начинается *in medias res* и «прерывается», но «не кончается и не завершается», или замедленная, самосозерцающая «бессвязность и неупорядоченность» романа [Шлегель 1983: 372]. Немецкое слово „rhapsodisch“ (фрагментарный, несвязный) восходит к греческому *ῥαψῳδός* (*rapsodos*), произошедшему, в свою очередь, от *ῥάπτω* (*rapto* — ‘сшиваю’) и *ὕδῃ* (*ode* — ‘песнь’), то есть *rapsode* — тот, кто ‘сшивает песни’. Для Шлегеля, как и для Беньямина, суть поэтического состоит в способности части в качестве микрокосма представлять универсум. Согласно Новалису, стиль романа не должен быть континуумом: его композиция расчленена в каждом из пассажей, всякий фрагмент должен быть как бы отграниченным самостоятельным целым. Спустя век так будет писать о романе-монтаже Альфред Дёблин, вторя метафоре повествования-червя: его можно разрезать на дюжину кусков, но он будет продолжать двигаться и жить жизнью художественного целого.

Беньямин — наряду с современниками-модернистами — обосновывает и практикует новое понимание художественной и интеллектуальной целостности, которую следует связать не с позитивистским культом системы, а с мистическим опытом предшествующего поколения, с романтическим представлением о симультанном сосуществовании эпох, «истин» и принципиальной незавершенности произведения как части всеобщего, вневременного художественного универсума.

Литература

Арендт Х. Люди в темные времена. М.: Московская школа политических исследований, 2003.

Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М.: Искусство, 1983.

Benjamin W. Der Begriff der Kunstkritik in der deutschen Romantik. Frankfurt am M.: Suhrkamp, 2008.

Benjamin W. Gesammelte Schriften / Hrsg. von R. Tiedemann. In 6 Bd. Bd. 5, 2. Teil. Frankfurt a M.: Suhrkamp, 1991.

Мазняк Мария Михайловна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
m.maznyak@spbu.ru

ЕВРОПЕЙСКИЕ МОТИВЫ В АФРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ. ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ (КОНТР)ДИСКУРС

Ключевые слова: постколониальный контрдискурс, Мозамбик, готическая новелла, сказка, доминирующая культура.

Изучение художественного творчества с точки зрения постколониальной теории начинает развиваться с конца 80-х гг. XX в., по преимуществу в отношении англоязычных литератур; в 90-е гг. к ним добавляются франкофонные и испаноязычные реалии. Совсем недавно к этому списку стали прибавлять и лузофонный, то есть, португалоязычный мир.

Португалоязычные литературы Африки до сих пор не получили столь же широкого признания, как литературы упомянутых регионов, а между тем афропортугальские литературы заслуживают пристального внимания. Художественное качество произведений, созданных в регионах бывших португальских колоний отнюдь не ниже более известных афроанглийской и афрофранцузской литератур.

В постколониальный период происходит перестановка культурных контактов. Разные по характеру культуры, мыслимые как единое эстетическое целое — европейская и африканская — не просто сосуществуют, но взаимодействуют, накладываются друг на друга, порождая более сложные гибридные формы.

В литературном пространстве современной Африки большое распространение получили жанровые формы малой прозы. В литературе современного Мозамбика жанр короткого рассказа прочно занял привилегированное положение. Это объясняется тем фактом, что жанр рассказа близок устной сказительной традиции, понятной читателю. Более того, именно жанровая форма рассказа позволяет отобразить многогранную реальность современного Мозамбика, в которой причудливым образом соединяются принципы традиционной и чужеродной эстетической традиции. Синтез народного искусства и богатого наследия португальской культуры оказался плодотворным для современной прозы Мозамбика.

При анализе любого африканского произведения, написанного на одном из «европейских» языков, а именно английском, французском или португальском, необходимо учитывать весь спектр мультикультурного наследия, лежащего в его основе, который в совокупности затрагивает определённый круг тем, сводящимся к следующим аспектам: реконструкция своей идентичности через призму колониального гнёта, проблема алиеничности и отношение к другому, трансгрессия литературных жанров, принятых в западном мире [Мазняк 2015: 448].

В Мозамбике новый постколониальный лузофонный дискурс принадлежит поколению 80-х: писателей и поэтов, заставших период колониальных войн, осмысляющих историческое наследие в своих литературных произведениях, но пишущих уже по литературным законам и канонам современного этапа художественного дискурса [Afonso 2004: 188].

В фокус внимания попадают два автора, представляющих современную литературу Мозамбика: Алдину Муянга и Миа Коуту. Их стиль письма отличен, разнятся выбираемые сюжеты, расходятся взгляды на литературное творчество.

Алдину Муянга (р. 1950) — член Ассоциации писателей и основатель Ассоциации писателей-врачей Мозамбика. Португальский язык для писателя — неродной; осознанный выбор европейского языка/языка колонизаторов для создания литературных произведений невольно влечёт за собой и адаптацию европейской литературной традиции.

Муянга дебютировал в литературе, выпустив небольшой сборник рассказов под названием «Шитала Мати». Большинство коротких историй, составляющих этот сборник — страшные истории, которые, порой, носят не только развлекательный и завлекательный характер,

но и поучительный. В основе рассказов данного сборника лежит переосмысление традиции европейской готической новеллы.

Миа Коуту (р. 1950) — один из наиболее именитых и прославленных писателей не только современного Мозамбика, но и современного португалоязычного литературного пространства. Этнический португалец Миа Коуту решает вопрос о языке в своих литературных произведениях в рамках постмодернистской трансгрессии как механизм преодоления чёткой грани между возможным и невозможным.

В рассказе «Три сестры», опубликованном в 2004 году, нарративному, содержательному и стилистическому переосмыслению подвергается сюжет классической волшебной сказки. Монотонная жизнь трёх сестёр, живущих с отцом вдали от всего мира, внезапно оживляется приездом прекрасного незнакомца. Повествование предсказуемо диктует читателю один из возможных, «классических» вариантов развязки этой истории: 1) прекрасный незнакомец выберет одну из сестёр; 2) между сёстрами возникнет конфликт, борьба за сердце незнакомца; и, наконец, 3) грубое вмешательство отца, не желающего разлучаться с дочерьми. Однако Миа Коуту предлагает другой исход повествования, переосмысляя в иронической манере типичный сказочный финал.

Подобного рода повествования укладываются в теорию контрдискурса, выдвинутую американским исследователем Р.Тердиманом. По его мнению, в основе проявления контрдискурса лежит стремление изменить сложившееся мировидение, «раскодировать» механизмы доминирующего дискурса, которым в случае анализа литературного произведения, выступает язык и эстетическая традиция доминирующей культуры колонизатора. Наиболее характерным проявлением контрдискурса становится комический, иронический, пародийный элементы [Сапрыкина, Найденова 2018: 86].

Рассматриваемые авторы предлагают разные повествовательные стратегии, представляющие реализацию поэтики контрдискурса.

Литература

Мазняк М. М. Жайме Бунда vs Джеймс Бонд. Трансформация образа секретного агента в романах Пепетелы // Древняя и новая Романия, 2015. Вып. 16. С. 447–458.

Сапрыкина О. А., Найденова Н. С. Романские языки в Тропической Африке и постколониальный художественный дискурс. М.: ИНФРА-М, 2018.

Afonso M. F. O conto moçambicano. Escritas pós-coloniais. Lisboa: Editorial Caminho, 2004.

Радько Елена Вячеславовна

канд. филол. наук, доцент,
Уральский Федеральный университет им. Б. Н. Ельцина;
evrad@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НАБОКОВСКОМ ТЕКСТЕ В РОМАНАХ В. ПЕЛЕВИНА

Ключевые слова: поэтика романа, современная литература, набокровский текст.

Современный эклектичный русский писатель-постмодернист и русско-американский писатель, на первый взгляд, и стилистически, и ментально совершенно не похожие друг на друга творческие личности. Однако на уровне текста и авторской картины мира они нередко оказываются не так уж и далеки друг от друга. Например, Виктор Пелевин в нескольких своих романах («Чапаев и Пустота», «Священная книга оборотня» и др.) напрямую упоминает имя Владимира Набокова, названия его произведений или имена персонажей. Так, в частности, в романе «Чапаев и Пустота» встречаются аллюзии, отсылки к рассказу Владимира Набокова (в тексте Пелевина «случайно» появляются слова «Ультима Туле», отсылающие к одноименному рассказу Набокова). Аллюзии или отсылки встречаются также и в романе «Священная книга оборотня», так, эпиграф произведения сразу отсылает читателя к роману «Лолита» и словам Гумберта Гумберта, название произведения упоминается и в самом романе. Нередко стихотворения из «Лолиты» и другие фразы главного героя возникают в тексте Пелевина. Появляются и аллюзии к произведению «Ада, или радости страсти», которые использованы Пелевиным достаточно иронично, что в целом характерно для произведений постмодерниста: так, Адой называет героиня «Священной книги оборотня» свою возлюбленную девушку-оборотня (имя Ада возникает именно в описании эротических сцен или сцен страсти, в чем видна и ироничная переключка двух произведений). Пелевин действительно описывает «радыи страсти», но расширяет для читателя эротический контекст, оперируя культурно-фоновыми знаниями эрудированного читателя, в сознание которого должны «включиться» как минимум два текста В. Набокова, о которых мы упоминали ранее («Лолита» с ее завуалированными сценами табуированной любви и роман «Ада, или радости страсти», название которого Пелевин напрямую использует в развилках сюжета). Набоковский текст в романах Пелевина не исчерпывается только аллюзиями к произведениям русско-американского писателя или прямым упоминанием имен персонажей: например, в романе «Чапаев и Пустота» встречаются лейтмотивы многих произведений В. Набокова, в частности, детство как потерянный рай, тоска по недостижимому, страсть к девочке-ребенку. Однако можно сказать, что тоска по недостижимому, выход к трансцендентному, жизнь в сознании и поиск рая характерны и для самого Пелевина. Возможно, автор неслучайно упоминает ключевые мотивы произведений Набокова, поскольку они близки и ему самому, и в своем творчестве он как бы «отзеркаливает» наследие русско-американского писателя, вступает в ним и с читателем в беседу. Действительно, во многих произведениях В. Набокова герои выходят за границу реального мира или стремятся его покинуть, преодолеть разного рода пределы или препятствия. Например, главный герой романа «Подвиг» совершает и внешний путь, преодоление границы, но при этом стремится победить, преодолеть себя, совершая и путь духовный; шахматист романа «Защита Лужина» больше живет, как и многие персонажи В. Пелевина, в «психической реальности» [Маркова 2003: 148], мире своего шахматного сознания, мире шахматных фигур и комбинаций, постепенно отрываясь от реальности и совершая переход, точнее, «выход» из реального мира. Отвергает реальность и Цинцинат Ц., герой романа «Приглашение на казнь». Но если вспомнить произведения В. Пелевина, многие его герои тоже подвергают мир сомнению или отвергают реальную действительности: Петр из «Чапаева и Пустоты» живет в нескольких временных и пространственных планах одновременно. Определить, где сон, где явь или психическое отклонение невозможно, он выпадает из обычной реальности так же, как и персонажи Владимира Набокова. Этот мотив и сюжетный ход оказываются очень похожими у столь разных на первый взгляд писателей. Так же, как В. Набоков, В. Пелевин обращается

к потусторонности, вечному, ищет трансцендентное, но не может его найти. Обоих писателей и на уровне сюжетной организации произведений, и на уровне общей авторской картины мира как раз и сближает поиск этого потустороннего, нереального, мнимого. В. Пелевин использует и некоторые сюжетные ходы В. Набокова, возможно, иронично стараясь повторить успех (в том числе, и коммерческий, как у самого «продаваемого» и успешного романа Набокова) или «скандальность» нашумевшего романа «Лолита» в романе «Священная книга оборотня». В игровой форме и иронично-постмодернистски В. Пелевин использовал сюжетную провокацию Владимира Набокова о девочке-подростке (здесь точно прослеживаются сюжетные переключки двух произведений) и ее связи со взрослыми мужчинами. Главная героиня романа Пелевина даже цитирует текст «Лолиты», комментирует сюжетные линии и применяет описание героини напрямую к себе. Главная героиня романа Пелевина приезжает на «вызов» к клиентам, но далее с помощью «волшебных» манипуляций (все-таки, как мы помним, она оборотень) создает лишь иллюзию реальности, эротический гипноз, не вступая в физический контакт (то есть эротические или порнографические сцены в описании работы оборотня завуалированы, как и в романе Набокова «Лолита»). Хотя надо сказать, что Пелевин подошел к этой теме грубее, более откровенно и натуралистично, возможно, осуждая пошлость и меркантильность современности, нежели Набоков, которому удалось удержать тонкую грань между массовой литературой, откровенностью бульварных романов и высокой литературой, и эклектика у него не так заметна, как у Пелевина. Однако так же, как и в тексте Набокова, идет игра с массовой и элитарной литературой, попыткой соединить низкую, бульварную литературу с высокой поэзией. Как отмечал М. Липовецкий в книге «Русский постмодернизм»: «Однако при всей контрастности романтико-модернистического кода и кодов масскульта Набоков принципиально разрушает намечающуюся антитезу поэзии и пошлости. Вернее, такую антитезу пытается выстроить Гумберт, но автор-творец постоянно демонстрирует, вопреки воле автора-повествователя, тщетность этих попыток. Художественная оптика «Лолиты» двухмерна, и чуть ли не каждый образ, каждый сюжетный ход обнаруживает свою изнанку, так как одновременно прочитывается и в системе знаков высокой культуры модернизма, и в контексте масскульта» [Липовецкий 1997: 94]. Известно также, что В. Набоков любил шарады, текстовые загадки, интеллектуальные игры с читателем, романы писались с помощью переставленных карточек, что позволило многим критикам его творчества считать его одним из основоположников постмодернизма, в том числе в российской культуре. Пелевин также использует мистификации, «запаковывая» свои романы в несколько слоев, запутывая читателя в авторстве или истории создания текста (обычно с этого начинаются некоторые произведения писателя, например «Чапаев и пустота», «Священная книга оборотня»). Метафоричный стиль Набокова и эклектичный стиль Пелевина вновь кажутся непохожими и даже чуждыми друг друга, но сближает авторов поэтика мнимости, недосказанности, миражей. Неоднозначность, переходы, в частности, смена снов героев, чередование реальностей, сомнение в очевидности реальности, игра с реальностями, пространственно-временные переходы, смена ипостасей и образов, как в последней трилогии В. Пелевина о трансгуманизме, смена точек зрения при описании происходящего, несовпадение точек зрения, неустойчивость и неоднозначность в восприятии мира характерны как для произведений В. Набокова, так и для произведений В. Пелевина. Сомнение в очевидных истинах, здравом смысле (понятие, которое В. Набоков не признавал и всячески осмеивал, например, в цикле своих лекций о русской и зарубежной литературе) характерно и для творчества Виктора Пелевина. Поэтому, на наш взгляд, тема набоковского текста в творчестве В. Пелевина открывает много возможностей для критиков и исследователей произведений двух писателей и представляется актуальным и перспективным направлением для дальнейшего изучения.

Литература

- Липовецкий М. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997.
Маркова Т. Современная проза: конструкция и смысл. М., 2003.

Сафина Анна Сергеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st096055@student.spbu.ru

«ВЕНСКИЙ ТЕКСТ» В РОМАНЕ ПЕТЕРА РОЗАЯ «ВЕНА METROPOLIS»

Ключевые слова: «венский текст», Петер Розай, австрийская литература, городское пространство.

Изучение «городского текста» является одним из актуальных направлений в современной филологии. Учитывая многоаспектность городской семиотики, особенно интересным представляется исследование и анализ «венского текста» в современном австрийском романе, поскольку Вена играет значительную роль в культурной и литературной истории Австрии.

«Венский текст» представляет собой корпус литературных произведений австрийских писателей, где создается совокупность образов, мотивов и сюжетов, формирующих портрет Вены (и ее окрестностей), маркированный определенными топонимическими, топографическими, биографическими и историческими знаками. При этом «венский текст» складывается из различных художественных форм и стилей. В нем находят отражение современные социальные проблемы, политическая ситуация и повседневная жизнь современной Австрии. Важную сторону «венского текста» представляют попытки идентификации австрийских авторов с культурным и историческим наследием своей страны.

Исследуя феномен «венского текста», мы обратимся к творчеству одной из значительных фигур австрийской литературы последней трети XX — начала XXI вв., автору более пятнадцати романов Петеру Розаю (р. 1946). Как отмечает Н. С. Литвинец: «Петер Розай действительно очень австрийский писатель. [Литвинец 1982: 7] Его произведения отличаются почти репортажной, протокольной точностью в обрисовке повествовательного “здесь и сегодня”, ландшафты всегда подчеркнута характерные, сугубо “местные”». [Литвинец 1982: 7–8]

Роман Петера Розая «Вена. Метрополис» — первая книга его большого проекта «Венские файлы» («Wiener Dateien», 2005–2016). Тема настоящей статьи — образ города в романе П. Розая «Вена. Метрополис».

Действие в романе развивается в столице Австрии и ее окрестностях на протяжении второй половины XX столетия. Автор предпринимает попытку дать представление о Вене с первых послевоенных лет до наших дней. В повествовании представлены различные истории из жизни персонажей, переплетение их судеб. По замечанию Д. Бартенс, все стороны света и части бывшей монархии, самые разные социальные слои и этнические группы оказываются в венском «плавильном котле», и сам город отражает состояние этих героев, их путь и ход истории. [Bartens 2020: 193] Таким образом, одной из важных особенностей романа является тот факт, что портрет самого города, складывается из образов персонажей и их историй, которые по мере повествования оказываются в Вене и остаются там жить.

Структура романа напоминает концентрические круги. Начиная с истории двух офицеров, которые живут в маленькой квартирке в одном из районов Вены, Петер Розай вводит в романное поле других персонажей и их истории, описывая новые места в городе и за его пределами. Таким образом, постепенно круг повествования расширяется, охватывая новые районы Вены, танцевальные студии, кафе, пригород. Появляются «обыкновенные» истории действующих лиц. В результате автор воссоздает «карту» Вены, вовлекая читателя в путешествие по старым улицам, площадям и укромным уголкам города.

Говоря о языке данного произведения, Э. Абенштайн подчеркивает «лишенные иллюзий разыскания» писателя, «написанные языком, который производит впечатление традиционного и при этом постоянно просвечивает из-под поверхностного изображения своей почти мажорной легкостью». [Abenstein 2005: 3]

В романе присутствует целый ряд узнаваемых топонимов. Это названия районов Вены, городских улиц и площадей, архитектурных памятников, кофеен (улица Рингштрассе, Дунайский канал, площадь Шварценберг, кафе «Империал»). «Вена. Метрополис» дает представление

о быте, обычаях и нравах венцев. Названия — это топографическая основа реальности, и в своей совокупности они призваны вызывать в воображении структуру, уличную систему, следовательно, план города. Подобно флажкам на карте города, между которыми натянуты нити, в романе «Вена. Метрополис» отдельные названия мест выступают из текстового ландшафта и обозначают значимые для персонажей точки в городском пространстве. Система топонимов, а также имена собственные персонажей образуют в тексте романа две подсистемы, которые многократно взаимодействуют друг с другом и в тоже время имеют сильно выраженную референтную функцию. [Bartens 2020: 196]

По мысли В. Фогль: «Автор в данном романе выступает скорее как киноаналитик, он не описывает своих персонажей детально, не стремится анализировать их действия, но предпринимает попытку изобразить их как часть города, вплести их в “городское” пространство. Город не является лишь фоном действия, а играет свою уникальную роль». [Vogl 2006: 21]

В. Шмидт-Денглер отмечает тот факт, что «венский текст» в романе «Вена. Метрополис» — это панорама, каталог деталей или лоскутное одеяло, которое соткано из всевозможных историй и персонажей. «Венский текст» представлен как сеть взаимосвязей и пересечений, где каждый элемент имеет свое место и свою роль. Это полифоническая мозаика, в которой автор олицетворяет городскую жизнь. [Schmidt-Dengler 2005: 27]

Следует отметить, что в «венском тексте» П. Розая активно используются приемы монтажа и ретроспекции. Действие в романе развивается нелинейно, переключаясь между настоящим и воспоминаниями о прошлом, создавая сложную и многогранную картину Вены.

Изучив специфику «венского текста» в романе Петера Розая «Вена. Метрополис», исследовав образ города с точки зрения синтеза художественного и документального, мы приходим к выводу, что образ Вены в романе соткан, с одной стороны, из исторических реалий, узнаваемых топонимов, с другой — из субъективных авторских оценок, вымышленных сюжетов и персонажей.

Литература

- Литвинец Н. С.* Предисловие // П. Розай. Отсюда — туда. М.: Прогресс, 1982. С. 3–11.
- Bartens D.* „Wir sind alle von irgendwoher angekommen“ Zu Peter Roseis Wien Metropolis // *Extended Rosei*. Klagenfurt: Ritter, 2020. S. 192–213.
- Schmidt-Dengler W.* Urbane Polyfonie. Peter Roseis großer Roman „Wien Metropolis“ // *Der Standart*, 2005. v.2.7. S. 26–27.
- Vogl W.* Absolut Wien. Über Peter Roseis Roman „Wien Metropolis“ URL: <http://review.keioup.co.jp/PaperFolder/pdf/02/2006/0204201.pdf>

Силаев Павел Витальевич

канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка,
Смоленский государственный университет (СмолГУ);
jur_smol@mail.ru

МЕТАТЕКСТУАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ИЭНА МАКЬЮЭНА «СЛАСТЕНА»

Ключевые слова: метатекст, интертекст, пересказ, ненадежный рассказчик.

Роман известного английского прозаика Иэна Макьюэна «Сластёна» (2012 г.) при всей своей шпионско-любовной тематике в первую очередь обращает на себя внимание интересным взаимодействием метатекстуальных элементов, значимость которых возрастает к концу повествования, где читателю предлагается неожиданный код для расшифровки необходимости вкрапления такого количества метатекста в его нарративную структуру.

Основа сюжета – любовный роман неопытной шпионки Сирины Фрум и начинающего писателя Томаса Хейли в Великобритании 70-х гг. XX века. В первой трети романа мы знакомимся с Сириной, дочерью священника, поступившей в Кембридж. Благодаря любви к литературе и роману с профессором истории девушка попадает в британскую контрразведку, где спустя год ей поручают настоящее «дело» — операцию под кодовым названием «Сластена»: оказание тайной финансовой помощи писателям, активно отстаивавшим в своих трудах антикоммунистические взгляды. Ее деловые отношения с «объектом» переходят в страстный роман. Постоянно балансируя на грани разоблачения, она и не предполагала, насколько далеко заведет ее ложь.

Макьюэн делает метатекстуальные вставки важной частью нарративного построения романа. Знакомство со своим объектом наблюдения девушка начинает заочно с прочтения и литературного осмысления его последних рассказов («Это любовь», «Любовники», «Любовь и ломбард»), пытаясь составить по ним «психологический профайл» своего подопечного. Рассказы Хейли фигурируют в романе в виде пересказа Сирины, в них есть цитатные вкрапления, маркированные не кавычками, а курсивом. Аккумуляция стилистических приемов в пересказах контрастирует с обычным повествованием Сирины от первого лица, старающейся излагать события максимально лаконично (как настоящий секретный агент).

Проанализированные рассказы заставили Сирину задуматься о личности Хейли, его возможных или скрытых пороках. Познакомившись с писателем и влюбившись в него, она продолжила анализ его творчества, представив читателям подробный пересказ и анализ еще трех черновых произведений автора: рассказов «Раздумья обезьяны-альфонса», «Вероятная измена» и повести «С равнин и болот Сомерсета». Публикация повести и получение за нее престижной премии разрушает любовную идиллию: становится известно, что Хейли спонсируют английские спецслужбы, а Сирина – агент под прикрытием. Пересказ Сириной данной повести можно считать одновременно метатекстом и интертекстом, так как кроме выдуманного творения героя она является явной аллюзией на известный роман со схожим сюжетом Кормака Маккарти «Дорога», удостоенного Пулитцеровской премии в 2007 г. В отличие от «Дороги» у Хейли повесть заканчивается трагичной смертью всех главных героев.

Последняя глава романа является письмом Томаса Сирине. Мы узнаем, что Хейли уже давно догадался, что Сирина – шпионка, но решил себя не выдавать из-за блестящей мысли о написании романа, в котором главными героями будут Томас и Сирина. Именно этим и является книга «Сластена» до последней главы. Таким образом, роман «Сластена» в конце начинает восприниматься читателем как своеобразный метатекст, а Сирина превращается в «ненадежного рассказчика», под маской которого скрывался Томас Хейли. Автор заставляет нас кардинально поменять точку зрения на прочитанное, а также побуждает к повторному осмыслению метатекстуальных вставок романа. Подобный неожиданный вид концовки Макьюэн использовал и в романе «Искушение» (2001 г.), где главная героиня-писательница признается читателю, что

при помощи своего литературного дара она попыталась искупить свою вину перед погибшими сестрой и ее возлюбленным, дав им возможность хотя бы на страницах своей книги воссоединиться и жить счастливо.

Вдумчивому читателю становится понятно, что подробно пересказанные и проанализированные Сириной произведения Хейли – это своеобразные увеличительные зеркала, четче отражающие кажущуюся читателю «реальной» действительность повествования, фокусирующие разные этапы взаимоотношений Сирины и Томаса. Так, например, в рассказе «Это любовь» викарий полюбил женщину, которая его в итоге погубила (что в итоге сотворила Сирина с литературной карьерой Томаса). В рассказе «Любовники» герой возомнил, что любовница его живая, хотя он ее нафантазировал, а она кукла. Так же получилось у Томаса с Сириной, притворившейся той, кем она на самом деле не была. В рассказе «Любовь и ломбард» муж вожделеет жену, которая его обокрала, и испытывает особое наслаждение от того, что втайне знает о ее обмане, в этих же чувствах Томас признается Сирине в своем последнем письме.

Прямой параллелью ко всему сюжету «Сластены» выступает рассказ Хейли «Раздумья обезьяны-альфонса», написанный от лица говорящей обезьяны, где только на последней странице выясняется, что повествование ведется от лица писательницы, а обезьяны не существует. Примечательно, что он является и «авторским» интертекстом: рассказ «Раздумья обезьяны-альфонса» с похожим содержанием входит в сборник рассказов Макьюэна «Меж сбитых простыней» (1978 г.).

Таким образом, использованные Макьюэном метатекстуальные вставки (пересказ и цитирование произведений героя-писателя Томаса Хейли), с одной стороны, делают текстовую организацию произведения более фрагментарной (при этом обнаруживается четкая законченность повествовательной структуры вставных конструкций), с другой стороны, они делают более объемной и развернутой рефлексию героя-автора над своим произведением. К функциям метатекста в данном романе можно отнести: 1) создание многопланового характера повествования и повествователя при помощи усложненной нарративной организации произведения; 2) отражение основного сюжета повествования в предельно сжатом виде; 3) «подсказывающая» интерпретация развития основного сюжета произведения, позволяющая вдумчивому читателю догадаться о концовке романа, а также побуждающая его ретроспективно вернуться к данным вставкам после прочтения романа для их нового фабульного осмысления.

Старикова Надежда Николаевна

д-р филол. наук, зав. отделом, Институт славяноведения РАН;
nstarikova@mail.ru

ПО СЛЕДАМ «ТРАМВАЯ “ЖЕЛАНИЕ”»: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТОПОСА НОВОГО ОРЛЕАНА В РОМАНЕ Д. ЯНЧАРА «НАСМЕШЛИВОЕ ВОЖДЕЛЕНИЕ»

Ключевые слова: топос города, словенский роман, интертекстуальный нарратив.

«Насмешливое вожделение» (1993) — автобиографический роман словенского писателя Д. Янчара (р. 1948), основанный на впечатлениях от пребывания автора в Америке во второй половине 1980-х гг.: получив стипендию Фулбрайта, он жил и работал в Новом Орлеане, а затем в Нью-Йорке. «Переживание пространств» [Башляр 2004: 16] двух этих мегаполисов во многом обусловило поэтику романа. Представление о городском топосе как «пространственном континууме текста, в котором отображается мир объекта» [Лотман 1970: 280] складывается у писателя под влиянием трех опорных дискурсов: геопоэтического, психологического и литературно-культурологического. Последний особенно убедительно представлен при репрезентации в романе топоса Нового Орлеана. Контекстуально и интертекстуально нарратив новоорлеанских глав «Насмешливого вожделения» связан с пьесой «Трамвай “Желание”» (1947) Теннесси Уильямса, первой американской драмой, получившей мировое признание. Трагическая судьба разорившейся дочери плантатора Бланш Дюбуа, история об одиночестве, столкновении мировоззрений и конфликте между данным и желанным — один из самых востребованных на мировой сцене второй половины XX в. сюжетов. Атмосфера этой пьесы, ее художественная интонация, место действия, действующие лица, мотивы, даже форма диалогов отчетливо «проступают» в романе Янчара на уровне реминисценций и ассоциаций, иногда экзистенциальных, иногда ироничных.

Для главного героя литератора Грегора Градника, приехавшего в Америку читать лекции студентам новоорлеанского Колледжа Свободных Искусств, Теннесси Уильямс — безусловный литературный авторитет, однако первое, с чем он сталкивается в любимом городе драматурга, то, что имя автора бессмертной пьесы превратилось в бренд и является средством наживы для арендодателей, взвинчивающих цены: «Это же *Vieux Carré*, Французский квартал, здесь жил сам Теннесси Уильямс. «Трамвай „Желание“ и все такое...» [Янчар 2020: 12].

Время пребывания героя в Новом Орлеане совпадает с сезоном действия пьесы, жара, духота и влажность вносят свои коррективы в поведение действующих лиц обоих произведений: Градник так же, как Ковальский и Митч, изнывает от жары, его накрывают истома, страсть. Очевидна семантическая переключка названий: «Трамвай “Желание”» («A Streetcar Named Desire») и «Насмешливое вожделение» («Posmehljivo poželenje»). В обоих случаях смысловая нагрузка связана с глаголом «желать», причем, в его земном, чувственном наполнении. В янчаровском тексте так или иначе появляются все четыре главных персонажа пьесы: Стелла и Стэнли Ковальские, Харольд Митчелл (Митч) и Бланш Дюбуа. Чертами первой пары автор наделяет пожилых новоорлеанцев, соседей героя, за которыми тот периодически исподтишка наблюдает из окна своей квартиры: «К окну на противоположной стороне время от времени подходит мужчина в майке, с банкой пива в руке. Его мощная мускулатура перекачивается под тканью. Он постоянно вытирает пот со лба. Порой с постели встает блондинка. Когда-то она была красива, теперь спутанные пряди закрывают лицо. Оба постарели, из комнаты больше не выходят, на улице он их никогда не видел. Это Ковальский и Стелла» [Янчар 2020: 9]. Образ Бланш возникает опосредованно: находясь в разных локациях Нового Орлеана (дома, в баре, на улице) Градник то и дело слышит ее смех. Человека с лицом Митча он видит как-то за покером в баре «Ригби».

Ключевой для пьесы Уильямса мотив насилия (потасовки Ковальских, изнасилование Бланш) обыгрывается словенским писателем и буквально в сцене, где Гамбо избивает свою под-

ругу Луизу, и фигурально, с явным ироническим подтекстом. Последнее связано с переживаниями эмансипированной американки Ирэн, роман с которой является ключевым событием новоорлеанской жизни героя, по поводу ее соития с ним: как юрист-стажер героиня много раз участвовала в судебных разбирательствах об изнасиловании и после роковой ночи никак не может понять, произошло ли все с ее согласия или против ее воли.

В отдельных главах Янчар использует рваный, кинематографический ритм повествования, присущий пьесе. У Уильямса он подчинен ходу движения трамвая, остановкам трамвайного маршрута, отсюда — короткие сцены и лапидарные реплики в диалогах. Монтажность, фрагментарность, отсылающая к аранжировке «Трамвая “Желание”», лежит в основе передачи вакханалии карнавала Марди Гра и депрессивного состояния героя после расставания с Ирэн: техника «рваной киноплёнки» одинаково эффективно передает и состояние истерического веселья, и жестокой меланхолии. Наконец, диалоги героя и героини по алгоритму и синтаксису в некоторых фрагментах романа прямо напоминают обмен фразами Бланш и Митча:

Трамвай «Желание»	Насмешливое вождление
МИТЧ (вставая с постели). Что ж мы всё сумерничаем? БЛАНШ. А мне так больше нравится. В сумерках как-то уютней, МИТЧ. Да я, кажется, так ни разу и не видел еще вас при свете. Бланш беззвучно рассмеялась. МИТЧ. Ну да, ни разу. БЛАНШ. В самом деле? МИТЧ. Днем — ни разу. БЛАНШ. И по чьей же вине? МИТЧ. Днем вы не желаете показываться — все время так. [Уильямс 2011: 140]	И.: Держись от него подальше. Г.: Что ты говоришь? И.: Я сказала только, держись от него подальше. Г.: Тебя же тоже можно каждый день увидеть в суде. И.: И от меня можешь держаться подальше. Молчание. Г.: Это что сейчас? И.: Иди, давай. Я устала. Г.: Нет, что-то другое. И.: Конечно, другое. Питер будет звонить. Г.: Ясно. И.: Ничего тебе не ясно. Иди, давай. [Янчар 2020: 157–158]

Литература

- Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М., 2004.
 Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
 Теннесси У. Любовное письмо лорда Байрона. Пьесы / пер. П. В. Мелкова, Г. П. Злобин, А. Н. Дорошевич. М., 2011.
 Янчар Д. Насмешливое вождление / пер. Н. Стариковой. М., 2020.

Тимошкина Мария Игоревна

*старший преподаватель кафедры английского языка (Институт иностранных языков),
кафедры германской филологии и скандинавистики (Институт филологии),
аспирант кафедры германской филологии и скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет; mari.macha94@gmail.com*

ТРАНСФОРМАЦИЯ «ГОТИКИ» В АВСТРИЙСКОМ ЭКСПРЕССИОНИЗМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Г. МАЙРИНКА)

Ключевые слова: австрийский экспрессионизм, «черный» романтизм, готика, Г. Майринк.

Рубеж XIX — XX вв. — кризисное время смены столетий, *Jahrhundertwende* (нем.), — ознаменован глобальными изменениями социальной и эстетической парадигм, появлением новых направлений в литературе, объединивших «модернистский» подход к рассмотрению человека и мира. Для писателей рубежа веков значимой становится иная реальность — реальность «духа», «истинная реальность», противопоставляемая жизни в естественном, «бюргерском» понимании [История австрийской литературы 2009: 28]. Погружение в эту «истинную реальность» в модернизме как широком культурном явлении происходит путем исследования «слепых пятен сознания», «нечеловеческого, не поддающегося рационализации и реформированию» [Рыков 2001: 54]. Фантастика как прием, использовавшийся многими писателями того времени, явилась одним из средств, открывающих путь к так называемому «нечеловеческому», к «реальности духа» и бессознательному.

Г. Майринк (1868–1932) — один из выдающихся представителей Пражской литературной школы и австрийской литературы, творчество которого исследователи относят к экспрессионизму. В своих произведениях писатель, обращаясь к фантастике, оккультным и религиозным учениям, психоаналитическому погружению в подсознание героев, исследовал скрытые слои «истинной» реальности, «темную бездну» души человека в безумном мире хаоса и приближающейся катастрофы. Культурно-исторические реалии, все более усиливавшие апокалиптические настроения в обществе на рубеже веков, способствовали апелляции писателей того времени, в том числе и Г. Майринка, к мрачным образам «черного», или «готического» романтизма.

У Г. Майринка «готика», наряду с мистико-религиозными и оккультными символами, а также погружением в галлюцинаторные видения, сны героев (что также характерно литературе *fin de siècle*), становится основой для создания мистической атмосферы, пронизывающей все его произведения. В частности, писатель населяет Прагу — основной локус его романов — духами прошлого, облаченными в образы фантастических существ (глиняное изваяние Голем из еврейской легенды в одноименном романе, 1914) или inferнальных персонажей (старьевщик Вассертрум в «Големе»; актер Зрцadlo в «Вальпургиевой ночи», 1917), преследующих и наводящих ужас на героев его произведений. Использование сюжетов старинных легенд, обращение к материалу на стыке фольклора, оккультизма, религиозных учений — распространенные приемы в готической литературе, используемые и исследуемым писателем.

В то же время сама Прага, одушевляемая у Г. Майринка путем описания домов — «обозленных под дождем животных», «тайных и настоящих хозяев улицы» («Голем») [Майринк 1989: 19–20], — навеивает на читателя гнетущее чувство присутствия Нечто, не подвластного восприятию. Изображение старинных улиц, средневековых замков (Градчаны в «Вальпургиевой ночи»), построек с тайными ходами и помещениями; «комнаты без дверей» в «Големе», в которой, по поверьям, обитает Голем и куда попадает герой-сновидец, — атрибуты, также позволяющие провести параллель с готической литературой. Помимо прочего, готический эффект достигается благодаря мотивам остановки времени и замкнутого пространства, доводящих героя до состояния клаустрофобии и ледяного ужаса от присутствия потустороннего и грозящей гибели.

Трансформация традиций «черного» романтизма в рамках модернизма (и экспрессионизма как его значимой составляющей) у Г. Майринка заключается в апелляции к бессознательному, что, в целом, присуще литературе исследуемого периода. Путем описания пограничных состо-

аний сознания, галлюцинаций, сновидений, которые становятся ключом к поиску «истинной реальности», внутреннего «Я» героев, а также обращения к пласту оккультно-религиозных знаний, йогических практик, писатель во многом передает личные духовные откровения. Так же и фантастика, образы и сюжеты легенд, получают новую философскую «мотивировку», скрывающую пласты смыслов и аллегорий, требующих расшифровки.

К примеру, заглавный образ из романа «Голем» получает множество трактовок: это и фантастическое существо из легенды, которое является жителям Праги раз в 33 года, и коллективная галлюцинация, плод мыслей, «отравляющих воздух гетто» [Майринк 1989: 33]. В то же время, основу фабулы романа составляет сон героя, видящего себя резчиком камней Атанасиусом Пернатом; соответственно и Голем — образ из сновидения безымянного рассказчика, плод его собственного воображения.

С другой стороны, Голем выступает как темный двойник героя-сновидца — это бездуховная часть героя и, в целом, человечества. Встреча сновидца с этим образом, переживание душевного кризиса и озарений — это, в свою очередь, духовная инициация сновидца, аллегория его перерождения, «самооформления» и «обретения телесности» [Теличко 2014: 81]. Несмотря на усложнение фантастического образа и смыслов, заметен «готический» фундамент фабулы — наличие зловещей тайны, легенды, и некоего фантастического существа, преследующего жителей пражского гетто.

Таким образом, апеллируя к традиционным «готическим» пространствам, образам, сюжетам и мотивам, создающим своеобразную атмосферу всех романов, Г. Майринк создает глубоко-философские произведения на стыке литературы и эзотерики, собственных религиозно-оккультных откровений. В своих романах Майринк отражает тенденции нового, «модернистского» подхода к рассмотрению человека и реальности, прибегая, помимо прочего, к средствам «черного» романтизма и фантастического.

Литература

- История австрийской литературы XX века. Т. I. Конец XIX — середина XX века. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. 632 с.
- Майринк Г. Голем. Вальпургиева ночь / пер. с нем. Д. Л. Выготского, В. Ю. Крюкова; послесл. А. Г. Дугина; коммент. А. Г. Дугина и В. Ю. Крюкова. М.: Философское общество СССР, Историко-философский центр «ЭОН», 1989. С. 7–183.
- Рыков А. В. Искусство модернизма: основные принципы // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. Вып. 4. 2001. С. 51–56.
- Теличко А. В. Поэтологические особенности романов Г. Майринка: дис. ... канд. фил. наук. М.: Изд-во МГУ им. Ломоносова, 2014. 190 с.

Хорошевская Юлия Павловна

канд. филол. наук, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика»,
Ростовский государственный университет путей сообщения;
artaiti@mail.ru

ГИБРИДНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ВЫЖИВАНИЯ В МИРЕ БУДУЩЕГО (ВИЗЕНОР, БАТЛЕР, ЭМБЕРСТОУН)

Ключевые слова: постколониальная НФ, Indigenous Futurism, идентичность, свой/чужой.

Так называемый Indigenous Futurism был предложен в качестве термина (на фоне множатся синонимичных понятий типа афрофутуризма, индофутуризма и латинофутуризма) для обозначения представлений коренных народов о будущем, прошлом и настоящем в контексте научной фантастики.

Одной из ключевых стратегий в произведениях этнических авторов является стремление сместить точку зрения повествователя с представителя доминирующей культуры на Другого, предоставить ему право голоса. Постколониальное пространство, говорит О.Г.Сидорова, — это «континуум, в котором осуществляется встреча культур и их взаимодействие, причем культуры в данном случае “говорят” друг с другом, а не одна от имени другой, как это было, например, в колониальной литературе. В постколониальном пространстве актуализируется оппозиция “свой — чужой”, но “чужой” в данном случае — это необходимый элемент для осознания альтернативности культуры» [Сидорова 2005: 19].

Важность пространства и перемещения (как насильственного, так и добровольного) в постколониальной литературе довольно широко обсуждается. Так, персонаж может утрачивать собственную идентичность в результате опыта миграции. Поскольку ландшафт часто резко отличается от привычного, особенно флора/фауна, архитектура и географические особенности, новое окружение и приводит к упомянутой дезориентации, поскольку пространство играет значительную роль в формировании личности. Сам язык развивается на основе культурного окружения, поэтому способность даже называть предметы и явления вокруг себя снижается.

Однако эта потеря идентичности из-за перемещения происходит в первую очередь из-за неспособности примирить идентичность с ландшафтом, в котором находится герой, и другие элементы, такие как язык, часто являются симптомами этой основной проблемы. Тот же Эшкрофт упоминает, например, что «наиболее широко распространенной дискурсивной практикой, в рамках которой может быть идентифицировано это отчуждение, является конструирование “места”» [Ashcroft 2002: 9]. Неспособность чувствовать пространство «своим» в новом окружении еще больше усугубляется из-за неспособности назвать окружение и начать развивать новое чувство места. Поэтому сам ландшафт остается чуждым и Иным для перемещенного индивида.

Постапокалиптические пейзажи в романе Дж.Р.Визенора «Медвежье сердце: хроники наследия» (*Bearheart: The Heirship Chronicles*, 1990) выступают в качестве лиминальных пространств, разрушая устоявшиеся представления об истории, расе и этнической принадлежности. Постапокалиптическое пространство допускает множественную расовую, этническую, культурную и сексуальную идентификацию. Изменчивый ландшафт вынуждает людей и животных постоянно адаптироваться, принимать множественные образы. Любая попытка придерживаться жестких представлений об идентичности приводит к застою и, в конечном счете, смерти. Гибридные существа оказываются наиболее приспособленными для выживания в постапокалиптических условиях.

Встреча с иным, даже если она не приводит к завоеванию или смешению разных культур, однако же, оказывает фундаментальное влияние на эти культуры, значительно их изменяя. В трилогии Октавии Батлер «Ксеногенез» (*Xenogenesis trilogy*, 1987–1989) на Землю прибывают инопланетяне, которым, чтобы выжить и избежать генетического застоя, необходимо постоянно смешивать собственную ДНК с генетическим материалом других форм разумной

жизни, поэтому им нужны люди для поддержания своего вида. Они называют этот обмен генетическим материалом «торговлей», но совершенно очевидно, что человечество вступило в такие «торговые отношения» отнюдь не добровольно. Пришельцы убеждены, что превосходят людей, и поэтому пытаются улучшить человечество, смешивая его генетическую структуру со своей собственной.

В трилогии мы видим, как изменяются люди, теряя свою культуру, убеждения, родину и даже физическую форму. Но, при этом, изменяются и сами инопланетяне в результате использования ими генетического материала человека. И это культурно-генетическое смешение приводит к появлению гибридных форм жизни, культуры и мировоззрения.

В рассказе Селу Эмберстоун «Беженцы» (*Refugees*, 2004) люди вынужденно мигрируют в новую среду и оказываются неготовыми изменить привычные традиции и устои, равно как и принять ценности других культур. Чужая планета Эмберстоун — это не просто другая среда, к которой людям нужно приспосабливаться; это суровая, чужеродная среда, которая оказывает негативное воздействие на людей, которые в настоящее время там живут. «Беженцы» демонстрируют два взгляда на перемещение: людей, которые отказываются принять новую среду как дом, и тех, кто пытается адаптироваться, восстанавливая свою культуру в новой среде. Однако в конце истории Эмберстоун предполагает, что адаптация потребует больших затрат и может быть даже невозможной. Решение же автора поместить события своего текста в космосе также создает возможности для использования пограничных пространств, которые воспроизводят повествования о колонизации и диаспоре, допуская при этом альтернативные результаты.

В всех текстах гибридная идентичность персонажей и мультикультурные группы репрезентируются авторами как наиболее способные адаптироваться к новой среде, связывая идею гибридности и множественных идентификаций с выживанием человечества.

Литература

- Сидорова О. Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.
- Ashcroft B., Griffiths G. & Tiffin H. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures (New Accents)*. London: Routledge, 2002.

Aliyeva Emiliya Natig

*Teacher, Azerbaijan University;
Emiliya.Aliyeva@au.edu.az*

LANGUAGE AND COMMUNICATION PROBLEM IN CHRISTINE BROOKE-ROSE'S CREATIVITY (XORANDOR)

Keywords: Christine Brooke-Rose, narratology, communication, poststructuralism.

... critics have not found a critical language to talk about my books.

One of the youngest literatures in Europe, British literature introduced Shakespeare, Dickens, Swift, Bayron, J. Joys, A. Christie, and lots of classical writers like them, and led the significant literary trends and movements of the world. This research paper deals with the next great writer, critic in English literature Christine Brooke-Rose. She described the realities not only of Britain, but also of the world, and could include the features of realism, feminism, poststructuralism, postmodernism in her novels. The literary critic and writer Brooke-Rose searched and learned all aspects of those tendencies, joining the French Nouveaux romanciers, and creating fundamental works, so it is impossible to count her into exactly one of the literary movements in Britain.

According to the chronological line, the writer's creativity consists of ; the first- the realism period that consists of her early autobiographical novels, the second breaking with the realism, and the third- her later fiction- Intercom Quartet. The paper deals with the last period of her creativity, Intercom Quartet, and especially the second novel of the range Xorandor.

Christin Brooke-Rose is considered the valiant representative of the experimental movement in British literature after publishing her *Out* (1964), *Such* (1966), *Between* (1968), and *Thru* (1975). She tried to apply the characteristics of French nouveau roman to British prose. The influence of writings by French novelists such as Alain Robbe-Grillet and Natalie Sarraute is detected in her experimental novels. Being a bastion of theoretical and political radicalism, the French poststructuralist literary atmosphere affected the writer's style of writing.

C. Brooke-Rose lived in France and worked as a lecturer at university. Consequently, she accepted the theories of poststructuralists and figured the literary text out the reality. Like her French contemporaries, Brooke-Rose broke with the characteristic features of the traditional novel; traditional characters, plot, despite she preferred to use "stream of consciousness", free association and non-conventional lexicon, and a new way of narration.

After 9 year break, Brooke-Rose improved her practice of writing and began her Intercom Quartet, which differs from previous novels due to its narration, plot, style, and story, but the most important one is the new theme- the role of the technological inventions in human intelligence and communication skills. Her interlinked novels, called Intercom Quartet are *Amalgamemnon* (1984), *Xorandor* (1986), *Verbivore* (1990), *Textermination* (1991). The series demonstrates the humanitarian views on the future of novels, as a literary genre, and the author shows, that the electronic network will overcome printing- the main expressing way of words.

Xorandor is the second novel of the quarter, a written science fiction story of talking stone to humans. The writer improves her communication concept and this novel tells the story of the discovery of a parallel universe to our world. The protagonists of the novel are twin brothers who talk secretly to a silicon creature and call him Xorandor.

As already mentioned, Brooke-Rose is one of the significant figures of experimental novels and especially wrote her later novels in the type of new narration. She used computer, and cybernetics terms in her novel the analogy of linguistics and programming. The narrators of the novel Jip and Zab are independent in telling a story. They complain about the order of events for recording, and Jip says, who cares about the exact order of the events, they are storytellers, it is up to them, all the stories jumble things up, and flashback and so on.

Another approach to the communication problem is Xorandor's secret that shares with kids. It can communicate over long distances via radio pulses in binary code and warns mankind that people will face a dangerous syntax error in a few years. In the beginning people like the stone, believe it, but then they want to send it to the space. Although mankind supposes stone has already gone away, the parts of it remain on the Earth. This is the expression of belief to the dominance of science over human communication.

The language, communication ways, and codes were always actual in Christine Brooke-Rose's life and career because she worked at the British codebreaking service against Nazi Germany during World War II. As a result, codes and signs are analogies with the words and language. She has the ability to detect meanings from almost all ways of expressing ideas. Brooke-Rose wrote her novel as a combination of signs, meanings, themes, and even the worlds as in Xorandor. Additionally, the narrators of the novel Jip and Zab, twins were chosen deliberately, which demonstrate the binary points of reality. We can also see this binary code from the Xorandor's speech, it says that he is on the Earth for security or insecurity.

To summarize the paper, it must be mentioned, that Christine Brooke-Rose's Xorandor plays a significant role in the writer's views about human communication. As it was written in the novel, telling the story, even our own, is more complicated than making up the most complex program. She wants her readers to recognize that even the most basic logical tendencies involve an element of indeterminacy.

References

- Birch S.* Christine Brooke-Rose and contemporary fiction. Oxford, 1994.
Brooke-Rose C. Xorandor. Manchester, 1986.
Darlington J. Christine Brooke-Rose and post war literature. London, 2021.
Stade G. British writers Supplement IV. New York, 1997.

Бакаева София Андреевна

канд. филол. наук, доцент кафедры французского языка, МГИМО;
sophie1chloe@gmail.com

РЕЦЕПТИВНАЯ ИГРА С КЛАССИЧЕСКИМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: французская литература, переписывание, современная литература, рецепция.

В данном исследовании речь идет о литературной рецепции как об инструменте художественной саморефлексии у женщин-писательниц XX–XXI веков.

Вслед за Х. Р. Яуссом, который озвучил мысль о том, что история литературы — это и есть история рецепций [Яусс 2004: 94], а также опираясь на многочисленные литературоведческие исследования, логично заключить, что современная французская литература всё чаще прибегает к переосмыслению классических произведений. И хотя прием рецепции в виде романов-переписываний (*roman-géécriture*) и романов-продолжений (*roman-prolongement*) известен еще с XVI века, цели, которые преследует автор, прибегая к подобному приему, постепенно трансформируются. Так, проанализировав определенный корпус текстов современных франкоязычных писательниц, можно выделить целый ряд произведений, основанных на эстетике рецепции, замысел которых предполагает не просто создание текста в рамках литературного «эксперимента», но осознанное конструирование гендерной проблематики через текст романа-переписывания. Писательницы будто ведут открытый диалог с автором романа-предшественника или с персонажем, которого они решили «переписать». Не случайно таким персонажем оказывается женщина, яркая героиня классического произведения: например, Принцесса Клевская (судьбу которой переписала Мари Даррьесек), маркиза де Мертей (чью историю продолжила и переосмыслила Кристиан Барош), Эмма Бовари (которая фигурирует в большом количестве современных «романов-пределок» [Пахсарьян 2014: 177], например, у Моник Пру или Люси Кларанс) и другие. Все эти романы-переписывания писательниц объединяет то, что они выбрали героиню классического произведения, значительно удаленного по времени от настоящего, «присвоили» её для своего собственного текста, перенесли персонажа в современную им эпоху и попытались продемонстрировать перелом в развитии и трактовке образа, характера, поступков и, в целом, судьбы героини, которая уже «существует» в обществе XX или XXI века.

Безусловно, каждый отдельно взятый пример рецептивной «игры» с классическим произведением — это самостоятельный пласт смыслов, а также приёмов, художественных находок и, конечно, целей, которые преследует автор.

Так, например, французская писательница Кристиан Барош, решая продолжить историю и «переписать» персонажа Мадам де Мертей, открывает для читателей и исследователей многоуровневый способ интерпретаций: с одной стороны, писательница сочиняет абсолютно новую сюжетную линию для главной героини романа «Опасные связи» ровно с того момента, где её оставил автор Шодерло де Лакло. С другой стороны, в своём тексте Барош намеренно уходит от возможного подражания роману (или же автору XVIII века), напротив, читатель почти сразу замечает контраст между «классической» Мадам де Мертей и «новой». Этим приёмом Барош открывает перспективу анализа двух произведений: одна и так же героиня осмысливается мужчиной-автором (Шодерло де Лакло) и женщиной-автором (Кристиан Барош), что демонстрирует особенности саморефлексии в обоих случаях. Более того, в роман вводится еще одна

героиня — потомок маркизы де Мертей — современная девушка Керия. Этим автор вводит проблематику отношений между женщинами-писательницами, женщинами-читательницами и женщинами-героинями.

Похожий подход использует канадская писательница Моник Пру в своей новелле «Госпожа Бовари» (1996), когда пишет о тридцатичетырехлетней Диане, «современной» Эмме Бовари. Она живет в пригороде Монреаля, мечтает о лучшей жизни, влюбляется, изменяет, читает «Мадам Бовари», сравнивает себя с Эммой и пытается осознать свою идентичность. Моник Пру остаётся в сюжетной схеме романа Флобера, но использует *focalisation interne fixe*, чтобы показать историю исключительно глазами Дианы, встать на её сторону, по-человечески взглянуть на её переживания и из солидарности оправдать все её *faux pas*, а также дать надежду на будущее. Героиня современного романа (и одновременно читательница) ведёт внутренний диалог с героиней классического романа, и этот внутренний диалог становится основной для создания отдельного текста Моник Пру, соотносимого с классическим, но не менее функционального.

Ещё один пример «многоэтапного» использования классического текста с уклоном в саморефлексию — роман «Клевское» Мари Даррьёсек. В нём повествуется о девочке-подростке, взрослеющей и ищущей себя в условиях мировой сексуальной революции и социального расщепления. Рецептивная «игра» начинается с названия: образованный читатель неизбежно проследит связь между современным романом и романом Мадам де Лафайет «Принцесса Клевская», а также его содержанием. Образ Принцессы Клевской будет сопровождать читателя на протяжении всего романа, толкая на сравнения с героиней Даррьёсек. Писательница использует этот приём не только ради игры с горизонтом ожидания читателя, но для исследования поведенческих, ментальных и моральных различий «классической Принцессы» и «современной», насыщая текст натуралистическими подробностями, ставя вопросы общечеловеческих духовных ценностей, обсуждая проблему судьбы женщины в современном обществе, её принципы, отношение с собственным телом, противоположным полом и социумом в целом.

Таким образом, вышеизложенные примеры демонстрируют не только присутствие классических текстов в современной литературе, но указывают на определенную функцию рецепции в ракурсе гендерной саморефлексии. Разнообразии художественных приемов позволяет постмодернистским писательницам работать с уже известными романами, преследуя разные цели, создавая свои собственные оригинальные произведения.

Литература

- Пахсарьян Н. Т. Дописывая классику: современные продолжения эпистолярного романа Шодерло де Лакло «Опасные связи» (К. Барош, Л. де Грев) // *Метаморфозы жанра в современной литературе: сб. науч. работ. ИНИОН РАН. Отдел литературоведения / отв. ред. Е. В. Соколова; сост. Н. Т. Пахсарьян. М., 2014. С. 177–203.*
- Яусс Г. Р. *История литературы как вызов теории литературы. Современная литературная теория. Антология.* М.: Флинта: Наука, 2004. С. 94.

Банников Константин Валерьевич

старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации,
НИУ ВШЭ — Нижний Новгород;
kbannikov@hse.ru

ДАНТЕ В ПОЭТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОММЕНТАРИЕВ К БИБЛИИ ПОЛЯ КЛОДЕЛЯ

Ключевые слова: Поль Клодель, Данте, художественный комментарий к Библии, Поэт и Библия. художественная экзегетика.

Поль Клодель (1868–1955), французский писатель, поэт, драматург и дипломат, называет Данте одним из пяти поэтов, заслуживающих звания всемирных (*impériaux*) и католических (*catholiques*) [Claudel 1965: 422]. Поэт вбирает многовековую литературную европейскую традицию для конструирования поэтического я, опираясь среди прочих на Боссюэ, Паскаля, Шекспира и Данте. В серии интервью Жану Амрушу французский поэт высказывал восхищение и вдохновение «последним поэтом Средневековья» [Claudel 1969: 59]. Во «Введении к поэме о Данте» Клодель отмечает, что Данте «не тот, кто изобретает, а тот, кто соединяет и сближает вещи, позволяет нам понимать их» [Клодель 1994: 96].

Данте становится ключевой фигурой в построении клоделевской поэтики, в его выработке писательского стиля: в отношении к Писанию как набору образов, понимании красоты языка Вульгаты, его сохранении и подчеркивании в переводах, драме и прозе, в особенности в художественных комментариях к Библии, изданных в двухтомнике «*Le Poète et la Bible*» (1998; 2004) и представляющих собой уникальное явление для французской литературы XX века. Клодель обращается со словом Писания, как словом преобразенным, опрокинутым в повседневность и несущим тайну. Слово Писания для Клоделя диалогично, поскольку его недостаточно услышать, его нужно вопрошать, понять его внутреннюю форму. Клодель заявляет: «*il n'est pas défendu, à l'exemple des anciens Pères, et sur le conseil de Notre-Seigneur, de la scruter [l'Écriture], d'y faire ça et là des sondages*» («не запрещено, по примеру древних Отцов и по совету Нашего Господа, попытаться до него (Писания) и исследовать тут и там»). В этом понимании Клодель находится в стороне от Вольтера и Ренана, упрекавших поэтов в образном освещении библейской истины.

Особый клоделевский метод прочтения Библии формируется как на основе многовековой патристики, например, идеях Иоанна Кассиана, на литургии тридентской мессы, так и благодаря проводникам в мир художественной экзегетики (*exégèse figurative*). Из этой великой традиции Клодель берет то, что он может взять как поэт и католик. Он усваивает ее через посредников: «*il s'agit de l'exégèse jésuite baroque, celle de Cornelius a Lapide et de Menochius, sur lesquels nous reviendrons, mais aussi du renouveau patristique du XVIIème siècle français, avec Pascal et Bossuet, qui lui fournissent une précieuse théorie de l'exégèse figurative, ensuite illustrée par Dom Calmet, inspirateur de Balzac, au XVIIIème siècle, et l'abbé Vigouroux au XIXème*» («речь идет о барочной иезуитской экзегезе Корнелия Лапида и Менохия, к которой мы еще вернемся, а также о святоотеческом возрождении французского XVII века с Паскалем и Боссюэ, которые предоставили ему ценную теорию фигуративной экзегезы, затем иллюстрированной Домом Кальме, вдохновителем Бальзака, в XVIII веке и аббатом Вигуру в XIX веке»).

С помощью натуралистского подхода писатель обращается к наиболее глубинным смыслам веры, в творчестве система четырех смыслов становится опорой при комментировании текста Вульгаты. В художественно-экзегетическом комментарии к Библии «Поль Клодель вопрошает Песнь Песней» (1945) Клодель выстраивает произведение следующим образом: библейский текст Песни Песней на латыни переведен поэтом на современный ему французский, а далее представлен комментарий к каждой строке.

В предисловии поэт обращается к образу дантовской Беатриче, любовь к которой возможна вместе с любовью к Богу, поскольку «в каждой женщине мужчина находит образ души, которую

он получил от матери и которую Бог даровал ему, чтобы оставаться на протяжении жизни его подмогой, проводником и исполнителем» («Dans toute femme l'homme retrouve quelle qu'elle soit, l'homme retrouve une image de l'âme, cette âme qu'il a reçue de sa mère, et que Dieu lui a donné pour être à travers la vie sa servante, son guide et sa réalisatrice») [Claudel 2004: 23].

При комментировании строки первой главы Песни: «Fais paître tes chevreaux auprès des tentes des pasteurs» (Синодальный перевод: «...паси козлят твоих подле шатров пастушеских») [Песн. 1:7] Клодель вводит образ, противоположный образу послушного животного, который встречается у Данте, поскольку этимологически «chevreaux» порождает прилагательные «capricant» («неровный, своенравный») и «capricieux» («капризный»). В седьмой главе Клодель сопоставляет Беатриче и Возлюбленную по взгляду, далее продолжает ряд святыми Агнессой, Цецилией, Терезой и Девой Марией. Подготовленный в прошлые столетия фундамент позволяет Клоделю работать с текстом Библии поэтически, а не богословски.

Таким образом, именно Данте становится учителем в работе над образностью при работе с главным текстом, по мнению Клоделя — Вульгатой и позволяет поэту-католику создать ряд особенных произведений, не похожих с точки зрения жанров и образов на другие произведения эпохи, но принятые соотечественниками и Церковью. Дантовская традиция проявляется не только в форме, но и содержании, обращение к которому позволяет не выстраивать заново, но обратиться к устойчивым образам культуры.

Литература

Клодель П. Введение к поэме о Данте // Вопросы философии. 1994. № 7/8. С. 93–99.

Claudel P. Introduction à un poème sur Dante // Œuvres en prose. Paris : Gallimard. 1967. P. 422–434.

Claudel P. Mémoires improvisés. Paris : Gallimard, 1969. 380 p.

Claudel P. Paul Claudel interroge le Cantique des Cantiques // Le Poète et la Bible II. 2004. P. 21–302.

Белавина Екатерина Михайловна

канд. филол. наук, доц.,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В ТИГЛЕ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА: К ВОПРОСУ О ПРОСОДИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ В 20–30-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

При переводе поэтического текста две противоположные тенденции сосуществуют в противоборстве: сохранение содержания и сохранение формы. Мы рассмотрим маргинальные явления, связанные с культурным трансфером поэтического текста: рецепция без перевода, рецепция с полной или частичной принципиальной заменой просодического компонента.

Становление верлибра во Франции и его рецепция с России сопровождались очень бурными литературными дискуссиями, возможно именно потому, что менялось именно невербальное, просодическое «невыразимое» поэзии, неподконтрольное, адресующееся к подсознательному. Верлибр связан с когнитивными процессами восприятия и порождения речи в ситуации многоязычия, стирании национальной метрической матрицы и просодического маркирования иностранца как «чужого». Верлибр как не рифмованный стих без каких-либо внутренних соотношений с нормативной системой *avant la lettre*, до осмысления этой новой формы теоретиками, существовал в литературном языке уже с 1820-х годов, когда во Франции активно развивается перевод иностранной поэзии.

Перевод предполагает неизбежное «просодическое реформатирование», отношение к которому приводит к противоположенным тенденциям в Франции и в России. После ожесточенных споров французские переводчики пришли к убеждению, что раз невозможно передать звучание оригинала, предпочтительно переводить без метрики, правда, дихотомия проза/поэзия на тот момент четко предполагала взаимоисключение ее членов. В России перевод стихами считался предпочтительнее. Единственная сфера культурного трансфера, в которой просодический компонент может преобладать над семантическим, — это рецепция синтетических музыкальных произведений, таких как опера и романс. Романсы Даргомыжского на французские стихи Деборд-Вальмор представляют собой пример рецепции без перевода. Тогда как переложения Ростопчиной сохраняют только мелодику рефренов.

Во французской переводческой традиции XIX–XX вв. ярко выражены тенденции передавать стихотворные оригиналы прозой, либо значительно менять поэтическую форму оригинала в переводе. Эти процессы находят теоретические обоснования во многих работах французских исследователей и переводчиков, которые говорят о неизбежности смысловых и стилистических потерь в переводах, точно передающих поэтическую форму оригинального текста.

На примере рецепции романсов Деборд-Вальмор в России и ее собственных переводов и переложений мы проследим векторы культурного трансфера в 30 г. XIX в., а также особенности просодического компонента оформления переводов.

Васильева Екатерина Николаевна

канд. филол. наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.n.vasilieva@spbu.ru

Я В РОЛИ ДРУГОГО: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ МОНТЕСКЬЕ НА ТЕМУ МЕТЕМПСИХОЗА

Ключевые слова: метемпсихоз, философская мысль эпохи Просвещения, сатира, «Правдивая история», Монтескье.

Одним из преломлений моды на восточное в эпоху Просвещения стало проникновение идей метемпсихоза в художественную литературу. За столетний период (с конца XVII и до конца XVIII вв.) французскими авторами было создано порядка полутора десятка произведений, вдохновленных «модной» концепцией переселения душ и включающих истории о множественных перевоплощениях героя в тела других людей, животных и неодушевленные предметы. Однако в зависимости от намерения автора потенциал концепции использован неодинаково. У Т.-С. Гелетта, автора «Чудесных приключений мандарина Фум-Хоама» (1723), истории о перевоплощениях являются не более чем мистификацией. К. Кребийон в скандально знаменитой «нравоучительной сказке» «Софа» (1742) преподносит истории о перевоплощениях как факт реальности, преследуя при этом цель разоблачения псевдо-добропорядочных нравов эпохи. К этим и другим фикциональным сочинениям на тему метемпсихоза примыкает «восточная» повесть Ш.-Л. Монтескье «Правдивая история», написанная в конце 1730-х гг., но впервые опубликованная лишь в 1892 г. Повесть Монтескье одновременно и соотносится с современными ей образцами, и отстает от них. Автор исходит из идеи о том, что память может хранить воспоминание о каждом из неисчислимых перевоплощений, и именно память рассказчика выступает в качестве «повествовательной матрицы» [Perrin 2009: 170]. Между тем, автор избегает последовательного и развернутого описания пребывания души героя в той или иной оболочке, но предлагает краткие зарисовки, позволяющие высветить в каждом конкретном эпизоде одно определенное явление и точно подвергнуть его осмеянию. Примечательно, что значительный акцент делается на перевоплощениях в женщину [Gaillard 2005] и изображении любовных нравов, в частности таких явлений, как неверность, распутство и пр., которые относятся автором к разряду женских пороков. В эпизодах, посвященных этой теме, особенно ощутима ориентация на либертинскую литературу.

Между тем, в случае Монтескье идея метемпсихоза — больше, чем эффект моды, оригинальная повествовательная стратегия или инструмент сатиры. Она подчинена в том числе и более глубокой задаче философского характера, связанной с поиском ответов на фундаментальные вопросы бытия, входящие в проблемное поле эпохи Просвещения. Одной из ведущих категорий, которые подлежат осмыслению в повести, является категория счастья, относящаяся к фундаментальным понятиям французской просветительской мысли [Mauzi 1960]. Симптоматично, что она рассматривается Монтескье не сама по себе, а в соотношении с категорией богатства. В частности, в книге VI утверждается мысль о том, что счастье не может иметь материальной подоплеки, так как богатство является внешним по отношению к человеку фактором, тогда как источником счастья могут быть только имманентные свойства самого человека. Эти размышления соотносятся с мыслью, развитой в книге Лукиана «Сновидение, или Петух», где она является сквозной. Лукиана принято считать одним из основных источников «Правдивой истории», при этом имеются в виду лишь факт использования идеи метемпсихоза, положенной в основу повести «Сновидение, или Петух», и факт заимствования названия, которое восходит к сатирической повести Лукиана «Правдивая история» [Crisafulli 1953: 59]. Однако в действительности влияние античного автора представляется выходящим за рамки «внешних» заимствований, но реализующимся также и на идейном уровне.

Другой принципиальной проблемой является соотношение понятий власти и рабства. Эта проблема, в принципе очень важная для Монтескье и неоднократно поднимаемая писателем в его сочинениях, в данном случае решается на примере судьбы евнуха, являющегося одним из временных состояний героя. Евнухи — это люди, являющиеся рабами своей извращенной природы, ненавидящие навязанный им долг, вынужденные подавлять свое естество, которое возбуждает постоянное присутствие женской красоты — она представляет для евнуха неистощимый источник страдания, ибо отсутствие способа удовлетворить свою чувственность не спасает его от самой чувственности. Между тем, рабское состояние евнуха имеет свою оборотную сторону: его функция надзирателя над женщинами гарема позволяет ему думать, что он имеет над ними власть и право подчинять их своей воле. Осознание этой мнимой власти, мнимой силы становится своего рода компенсацией за физическую ущербность и отсутствие права на плотское удовольствие. В данном случае мы имеем дело с самоцитированием, так как Монтескье в общих чертах воспроизводит собственные идеи, развитые им ранее в романе «Персидские письма». Ряд косвенных показателей — например, центральное размещение этого эпизода в композиции произведения, объем фрагмента, существенно превышающий повествование об иных перевоплощениях героя, а также факт личного участия автора в его написании в противоположность основному массиву текста, доверенному руке секретаря — позволяют думать о значительности проблемы в мысли Монтескье.

Третья проблема, которая подлежит рассмотрению в повести, касается определения собственной идентичности, собственного «я» в отношении к Другому. В этом контексте особое значение имеет книга IV, в которой Монтескье демонстрирует оригинальную мысль о вечной и неизбежной внутренней борьбе между любовью к себе и завистью к чужому состоянию: человек всегда одновременно хочет быть собой и хочет быть Другим. Этот эпизод примечателен еще и тем, что в нем представлена невозможная ситуация — выбора собственного «я». Ввиду того, что герой демонстрирует неудовлетворенность всеми воплощениями, которые до сих пор принимала его душа, ему предоставляется право самому избрать свой будущий облик. Тем самым опрокидывается сам «закон» метемпсихоза как процесса, не зависящего от воли человека.

Как видно, метемпсихоз используется Монтескье как экспериментальный прием, своего рода доведенное до абсурда остранение, которое дает автору почти неограниченную свободу в трактовке острых или неоднозначных вопросов.

Литература

- Crisafulli A. S. Montesquieu's «Histoire véritable»: sources and originality of its satirical device // Studies in Philology. 1953. Vol. 50, no. 1. P. 59–67.*
- Gaillard A. Montesquieu et le conte oriental : l'expérimentation du renversement // Féeries. Études sur le conte merveilleux, XVIIe–XIXe siècle. 2005. Vol. 2, n° 2. P. 109–124.*
- Mauzi R. L'idée du bonheur dans la littérature et pensée française au XVIIIe siècle. Paris: A. Colin, 1960.*
- Perrin J.-F. Soi-même comme multitude : le cas du récit à métempsychose au 18e siècle // Dix-huitième siècle. 2009. Vol. 1, n° 41. P. 168–186.*

Гусева Юлия Викторовна

переводчик, Научно-издательский центр «Ладомир»;
Floreal18@gmail.com

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ КАТАСТРОФЫ: ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ СЕН-ЖОН ПЭРСА «ИЗГНАНИЕ» В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Ключевые слова: Сен-Жон Пэрс, французская поэзия XX века, лексические образные средства.

Творчество французского поэта Сен-Жон Пэрса (Алексиса Леже, 1887–1975) стоит особняком во французской литературе. Его литературное наследие сравнительно невелико — за свою долгую жизнь он написал всего 5 поэтических циклов и 8 отдельных поэм. Однако они обеспечили ему место в первом ряду французских поэтов XX века благодаря как силе созданных им художественных образов, так и своеобразию поэтики, ритмики, богатству лексических выразительных средств. Очень рано поэт обрел собственную литературную манеру, которой придерживался на протяжении всей жизни. Это, в первую очередь, отсутствие малых поэтических форм, напевность, сближающая его произведения с речитативом, как при соблюдении размера (часть поэм написана почти классическим ямбом, 11-ти- и 13-ти- сложной строфой), так в написанных более вольным слогом, но неизменно с сохранением внутреннего поэтического ритма, использование внутренних и перекрестных рифм, повторов, нередко служащих рефреном, а главное — богатство образов, метафор, их многослойность, глубокое чувство природы, пронизывающее все его произведения. По словам другого выдающегося поэта той эпохи, Рене Шара, все поэтическое творчество Сен-Жон Пэрса «образует глубокое и завершенное единое целое» [Char 1983: 1305]. Эти особенности ставят поэта вне любых литературных школ и направлений, хотя нельзя отрицать его близости к сюрреализму. Столь же необычным был и жизненный путь Пэрса — Алексиса Леже. Родившись на Гваделупе, он в ранней юности переехал в Париж, где избрал дипломатическую карьеру. Среди французских дипломатов традиционно было немало поэтов и писателей, как П. Валери, П. Клодель и другие, но они совмещали свою профессиональную деятельность с творчеством. Леже же резко разграничил их, избрав с этой целью поэтический псевдоним, под которым впоследствии получил мировую известность и Нобелевскую премию по литературе. В 1930-е же годы он был гораздо более известен под своим настоящим именем. В 1933 г. Леже достиг вершины карьеры, заняв пост генерального секретаря МИДа (начальника аппарата в ранге замминистра) и эти обязанности не оставили ему времени для творчества. Все в жизни Леже, как и в истории Франции, изменилось в мае 1940 г. со вторжением гитлеровских войск. 19 мая он был неожиданно отправлен в отставку и ушел с дипломатической службы. Это спасло поэту жизнь. Если бы он остался во Франции на своем посту, нацисты не пощадили бы его, так как Гитлер не простил французскому дипломату того, что тот посмел возражать ему во время Мюнхенской конференции 1938 г. [Crouy Chanel 1989: 232]. В последний момент Леже удалось выехать в США. Во Франции вишистские власти лишили его гражданства и конфисковали имущество. Так поэт лишился и родины, и дела своей жизни. Его единственным оружием осталось слово, а им он владел мастерски. И в эмиграции он после почти 20-летнего перерыва вновь обращается к поэзии, в которой пытается осмыслить и выразить то, что произошло и с Европой, и с его поколением. В 1941 г. Сен-Жон Пэрс пишет поэму «Изгнание», которая дала название всему поэтическому циклу. Оно трактуется как вечная тема: «Изгнание не вчера возникло!» [Saint-John Perse 1972: 125]. И от осознания личного одиночества Пэрс переходит к обобщению, лирический герой поэмы становится голосом тех, кого война вырвала из привычной жизни, но они пытаются выжить наперекор обстоятельствам, говорит от их имени, забыв о себе: «Время настало, Поэт, отринуть имя твое, рожденье и род» [Saint-John Perse 1972: 137]. Летом следующего года Пэрс создает поэму «Чужестранке», самую короткую и своеобразную из всего цикла. Она написана почти классическим ямбом и построена как мысленный диалог между лирическим героем и его собеседницей-эмигранткой. Не только тоска по родине, на которую невозможно возвратиться («Улица, где по-

хоронено сердце» — эти слова рефреном завершают каждую часть поэмы), но и боль за Европу, опустошенную войной, неотступно терзает героиню, которая замкнулась в своем горе: «И жизнь-изгнанница бредет среди царства смерти в этот год» [Saint-John Perse 1972: 172.] В этой поэме наиболее ярко звучит обличение войны. Третья поэма цикла «Снега» написана в 1944 г., вольным слогом, чей ритм напоминает кружение снежинок: «И всю ночь, незаметно для нас, эти легкие перышки возносили ввысь обломки и груз наших душ» [Anthologie 2000: 257]. Но их красота пробуждает в лирическом герое тоску по матери: «Протянетесь вы между нами, безжалостные снега разлуки?» [Anthologie 2000: 259]. В час одиночества лишь материнская любовь поддерживает его на пути в неизвестность. Последняя поэма цикла «Дожди» написана в том же 1944 г. В ней уже слышится надежда на скорые перемены, выраженные в образе очистительных дождей: «Дожди, омойте прекрасные дары людских сердец» [Saint-John Perse 1972: 151]. Таким образом, в поэтическом цикле «Изгнание» Сен-Жон Пэрс затрагивает животрепещущие проблемы современности и поднимает их на высоту художественного обобщения, что делает поэта голосом всех тех, кого война вынудила покинуть опустошенную войной Европу, выразителем их трагедии и надежд.

Литература

Anthologie de la poésie française / publ. par M. Décaudin. Paris, 2000. Vol. 1.

Char R. Œuvres complètes. Paris, 1983 (Bibliothèque de la Pléiade).

Crouy Chanel E. Alexis Léger ou L'autre visage de Saint-John Perse. Paris, 1989.

Saint-John Perse. Œuvres complètes. Paris, 1972 (Bibliothèque de la Pléiade).

Кондратьева Екатерина Александровна

*старший преподаватель, кафедра французского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет;
elli_verano@yahoo.fr, e.kondratieva@spbu.ru*

ТРАНСФИКЦИОНАЛЬНОСТЬ В ПРОЗЕ ЖАНА МАРИ ГЮСТАВА ЛЕКЛЕЗИО: НОВЕЛЛА « VONHEUR » («СЧАСТЬЕ») КАК ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА ПЕРСОНАЖЕЙ

Ключевые слова: экзистенциализм, модернизм, персонаж-ребёнок, антропоцентризм, мироцентризм.

« Histoire du pied et autres fantaisies » («История ноги и другие фантазии») (2011), один из относительно недавних сборников новелл Жана Мари Гюстава Леклезио, лауреата Нобелевской премии по литературе, представляет собой пёстрое по составу скопление текстов. Как правило, критики называют его «женским» сборником, так как преимущественное число новелл описывает женские судьбы, подчас под знаком постколониальной культуры. Однако, некоторые новеллы стоят особняком в этом собрании женских судеб: среди них написанная от первого лица множественного числа фантазмагория « Nos vies d'araignées » («Наши паучы жизни»), история нерождённого ребёнка, написанная от первого лица (« Personne », «Никто»), небольшой эпilog-апология автора (« À peu près apologue », «Практически апология»). И даже на этом фоне новеллу « Vonheur » («Счастье») [Le Clézio 2011: 235–287] можно считать особенной. Это написанный от первого лица безымянного персонажа рассказ о существовании в пучине страха, персонажа, который то ли сходит с ума, то ли достигает высшей степени прозрения в постапокалиптическом мире города-призрака. И лишь встречи с таинственным незнакомцем, мальчиком по имени Вирам, приносят ему видимое облегчение.

Дело в том, что встреча безымянного взрослого героя с мальчиком без возраста представляет собой встречу двух типичных для прозы Леклезио персонажей из разных пластов его творчества: первого — антропоцентричного, второго — «мироцентричного». Никогда прежде в произведениях французского писателя эти пласты, разведённые во времени, и, соответственно, эти персонажи не пересекались. Лишь в определённой точке повествования настал черёд их объединить.

Персонажи взрослого, но молодого повествователя и мальчика, всегда описываемого со стороны, от третьего лица, хранят в себе черты определённого мировоззрения, философского восприятия и изображения действительности, закреплённой в определённой стилистике. Существует ли различие между этими этапами? Коренное оно или эволюционное? Можно ли объединить эти два пласта без потерь, представив их осколками разных временных периодов? Или это невозможно, как невозможно сблизить разные этапы времени? Как бы то ни было, в постмире возможны даже подобные союзы, рифмующиеся с романтической и мистической линией двойничества.

Исследователи творчества Леклезио спорят о том, резонно ли делить его творчество на отдельные этапы, поскольку, вне зависимости от эволюции, которую претерпевали его тексты, основной посыл прозы французского писателя оставался, в сущности, неизменным. И всё же совокупность внутренних, смысловых, и внешних, формальных, факторов у молодого и уже зрелого писателя разная, что вынуждает говорить о двух мало совместимых друг с другом периодах творчества.

Первый период — антропоцентричный — с философской и формальной точки зрения наследует французской экзистенциалистской прозе. Однако почти минималистский синтаксис Леклезио усложняется экспериментами, проводимыми автором на уровне сочетания отдельных предложений. Текст раннего Леклезио — зачастую поток сознания, свойственный модернизму или «новому роману», но обрамлённый композиционными, структурными, мотивными особенностями повествования, которые можно встретить у экзистенциалистов. Персонаж этого этапа — молодой человек или человек без возраста, первый или последний житель Земли, обо-

стрённо чувствующий своё одиночество и некую обречённость, запертый в одном пространстве, как герой дебютного романа «Протокол» (« Le procès-verbal ») 1963 года Адам Полло, или странствующий по свету, как персонаж другого текста, «Книги бегств» (« Le livre des fuites ») (1969 год), подписывающий свои письма J.H.H. В любом случае, это человек, желающий познать себя одновременно в отделённости и в соприкосновении с этим миром и его проявлениями, испытывающий разом глухоту к нему и крайнюю восприимчивость, ставящий над собой и окружением эксперимент по проверке на подлинность — и нуждающийся в контакте с миром. Хорошо резюмирует данный этап творчества писателя название философско-поэтического эссе, написанного в 1967 году, «Материальный экстаз», в котором утверждается телесность человеческого бытия, его сопряжённость материальным проявлениям мира. Невзирая на поэтичность и изящество слога Леклезио уже того периода, его прозе и персонажам его текстов как будто недостаёт некоей высшей надстройки, одухотворённости, что обрекает путь героев на неудачу.

Конец 1970-х — начало 1980-х годов отмечен в творчестве писателя новыми тенденциями и новыми мотивами. Это время соприкосновения с южноамериканской культурой, представительницей великих цивилизаций прошлого и современных нам первобытных индейских племён. Из этого опыта Леклезио извлекает философию духовности, в которой человек занимает далеко не главное место в мире, где «быть» значит не «представлять собой», а воспринимать, чувствовать. Поэт и исследователь литературы Жан-Поль Мольпуа называл этот период «мироцентричным» [Maulpoix 2001]. Снова контакт с окружающим, но на этот раз он возможен и установлен, во многом посредством духовного героя, обладателя надмирной или детской сущности. В творчестве писателя возникает образ героя-ребёнка, обладающего более или менее абстрактными чертами. В одноимённой новелле его зовут Mondo [Le Clézio 1978: 9–78], и он воплощает в себе весь мир, но исчезает из него навсегда в отсутствие поддержки людей. В других новеллах он — земной мальчик или девочка (выход к женским образам 80-х и 90-х годов). В сборнике эссе «Неведомое на земле» (« L'Inconnu sur la Terre ») он — неведомый мальчик, некое духовное начало, хранящее весь мир, пронизанный яркими и возвышенными чувствами.

В новелле «Счастье» о мире, забывшем это слово, взрослый персонаж ранней прозы Леклезио и персонаж-ребёнок, герой зрелого творчества автора, встречаются в первый и последний раз на окончательном (синтетическом) этапе эволюции. Их контакт ведёт к схлопыванию эволюции, её революционному, катастрофическому завершению, дающему, однако, своеобразный катарсис как героям, так и читателю.

Литература

Le Clézio J. M. G. Mondo et autres histoires. Éditions Gallimard, 1978.

Le Clézio J. M. G. Histoire du pied et autres fantaisies. Éditions Gallimard, 2011.

Maulpoix J.-M. Deux hymnes de Le Clézio à la liberté vraie. 2001. URL: <http://www.maulpoix.net/clezio.html>

Кротов Артем Александрович

д-р филос. наук, зав. кафедрой истории и теории мировой культуры,
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;
uto@philos.msu.ru

ШЕКСПИРОВСКИЕ МОТИВЫ В ФИЛОСОФСКИХ ДРАМАХ ЭРНЕСТА РЕНАНА

Ключевые слова: Ренан, позитивизм, философская драма.

В многогранном творчестве Эрнеста Ренана особое место принадлежит философской проблематике. В своей знаменитой диссертации («Аверроэс и аверроизм», 1852) он проводил мысль о том, что изучение выдающихся философских систем прошлого должно вестись не ради поиска в них ответов на вопросы современности, а исключительно для лучшего понимания главных закономерностей в истории человеческого познания. Идеи наших предшественников не заменят обязательной для каждого поколения самостоятельной работы. Ренан выступает противником метафизики в любом ее проявлении, а потому он критически настроен в отношении философских построений предшествующих эпох. Наилучшей формой изложения философских идей он считал не диссертацию, а драму. Выступая оппонентом догматизма, он объявлял философский диалог оптимальной формой изложения и обсуждения мировоззренческих проблем. Ибо вера и знание отнюдь не тождественны, равным образом следовало бы разделять убеждение и достоверность, мнение и доказательства. Причем, согласно Ренану, диалог должен сопровождаться действием и воплотить такого рода единство возможно в сфере драматургии. Поэтому драму он рассматривает в качестве наиболее подходящего средства, позволяющего продвигаться вперед в области философской мысли. Именно драма за счет взаимодействия, даже противопоставления персонажей позволяет представить ту или иную проблему в ее различных аспектах, измерениях, ракурсах. В диалогах легко отразить сильные и слабые стороны различных теоретических позиций. Но философская драма, по Ренану, не сводится только к теоретическому измерению мировоззренческих проблем. Не менее важно отразить и практическую сторону дела. Поэтому система персонажей должна передавать самые многообразные оттенки различных чувств, симпатий, сомнений. Действующим лицам драмы должны быть свойственны характерные для человеческого рода эмоции, желания, влечения. Важнейшие мировоззренческие вопросы, волнующие человечество, весьма далеки от того, чтобы их оказалось возможно резюмировать в виде геометрических положений. Поиск истины сопровождается анализом различных свойств, явлений окружающей нас реальности, относительно которых нередко еще нам недостает твердых, доказательных знаний. Поэтому сохраняют актуальность предположения, гипотезы, суждения вероятностного толка. Оценить степень их ценности, плодотворности позволяет прием столкновения различных позиций, установок, аргументации. В этом отношении философская драма незаменима. Ренан не скрывал, что считает Шекспира образцом и идеалом драматурга. Шекспировская драма для него — своего рода точка отсчета, ориентир, благодаря которому он находит дорогу в мире театральных путей. С Шекспиром он связывает так называемую «свободную драму», вырывающуюся на простор общечеловеческих смыслов, которую невозможно свести к узкой «местной окраске». Обращаясь к истории, Шекспир к примеру, согласно Ренану, не столько описывает римские нравы, сколько создает шедевры «абсолютной психологии». Поэтому Ренан прямо заимствует имена шекспировских персонажей: Просперо, Калибан, Ариэль, Гонзало, Тринкуло. Более того, вводя этих персонажей в собственную систему координат, он делает их легко узнаваемыми для читателя и зрителя, наделяя чертами, характерными для шекспировского театра. В драме «Калибан» (1878), анонсированной в качестве продолжения «Бури», Ренан развивает собственные представления о ближайшем будущем человечества. Пьяный Калибан, лежа в луже вина, философствует о свободе и правах человека. Он объявляет Просперо преступником и узурпатором, призывает толпу захватить дворец и свергнуть эксплуататора, уничтожив книги, с помощью которых тот держит всех в подчинении. Толпа провозглашает Калибана своим героем, «великим гражданином». Просперо низвергнут,

Калибан становится правителем города. Но, захватив власть он находит, что ему выгодно покровительствовать философам и артистам для укрепления собственного положения. Он отказывается от мысли заключить Просперо в тюрьму, напротив, заявляет о том, что берет его под охрану, дабы он составил «славу правления» Калибана своими учеными изысканиями. Ренан разъяснял, что образ Просперо символизировал аристократию, а Калибана — народных масс. Если по происхождению цивилизация носит аристократический характер, то впоследствии народ закономерно предъявляет свои права на власть. Событие это сопровождается «гадким вещами», но ведь и сохранение господства аристократии в прежнем виде немыслимо. Получив власть, Калибан непременно изменится к лучшему. В драме «Источник юности» (1880) показано это изменение, сопровождаемое похоронами Просперо. В драме «Жрец немийский» (1885) Ренан выступает против фанатизма, обличает лицемерие и неискренность в сфере политики. Мудрый, чуждый всяческих предрассудков жрец, стремящийся придать религии лучшую форму, искоренить из жизни людей жестокости и несправедливость, погибает от руки убийцы. Но идеал, им провозглашенный, умереть не может. Таким образом, в философских драмах Ренана кристаллизуется следующая установка: разум в истории человечества непременно станет господствующей силой, но на основе науки, ученым надлежит вести за собой общество.

Легенькова Елизавета Александровна

канд. филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и романских языков,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов;
ussrrus133@yahoo.com

В ПОИСКАХ «ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ»: ПУТЕШЕСТВИЕ Ж.-Р. БЛОКА В ПАЛЕСТИНУ

Ключевые слова: Ж.-Р. Блок, травелог, Палестина, «Еврейский Робинзон».

Писателя-коммуниста Ж.-Р. Блока (1884–1947) в СССР переводили и хорошо знали, сегодня в России о нем почти не вспоминают. Но в связи с пополнением фонда писателя в Национальной библиотеке Франции и последовавшей за этим интенсивной публикации его архивов, Блок стал объектом внимания со стороны международных исследователей. О непонятом современниками значении многогранного таланта писателя, отдававшего дань не только политической, социальной и философской публицистике, но и поэзии, роману, драматургии, эпистолярному жанру, травелогам писал еще Л. Арагон [Блок 1984].

В 1920-е гг. Блок, отдает дань антиколониальному травелогу («Земляные орехи и бананы», 1921; «На грузовом пароходе», 1924), а в 1925 г. отправляется в Палестину и намерен написать об этом путешествии большое эссе. Поездка связана с открытием в Иерусалиме 1 апреля 1925 г. Еврейского университета. Почетным гостем церемонии был лорд Бальфур, бывший министр иностранных дел Великобритании, подписавший в 1917 г. историческую Декларацию, давшую импульс к созданию еврейского государства в Палестине. Французская делегация была неоднородной: ангажированные сионисты, ассимилированные во Франции иудеи, политики, ученые, деятели культуры провели в поездке около месяца, повидав не только библейские места, но и познакомившись с евреями-переселенцами и населяющими Палестину арабами, их культурой, образом мысли и жизни.

В идейном смысле поездка в Палестину стала для Блока поворотным этапом: выходец из ассимилированной эльзаской еврейской семьи, принадлежащий к поколению, приобретшему благодаря Делу Дрейфуса острое чувство справедливости, он с юности стоял перед выбором между идеями социализма и иудаизма.

Из Палестины Блок отсылает во французские журналы (*Le Quotidien*; *L'Intransigeant*) свои хроники-репортажи, ежедневно в переписке с женой делится впечатлениями об увиденном. Все это должно было лечь в основу большого эссе «Еврейский Робинзон» для открытой в 1925 г. в издательстве «Ридер» серии «Иудаизм», но не получившей поддержки со стороны Ромен Роллана. До конца 1920-х гг. Блок размышляет над этим эссе и в конечном итоге от него отказывается. Это решение он принимает на фоне разразившихся в 1929–1930 гг. столкновений между палестинскими арабами и евреями. Только в 1970 г. младший брат Блока Пьер Абраам, главный редактор журнала «Эроп» (1949–1974) опубликовал текст «Еврейского Робинзона» [Bloch 1970], найденный в архиве писателя. Один из входящих в него очерков носит то же название, в нем Блок, говоря о связанных с переселением евреев в Палестину множестве политических, исторических, экономических, этнографических и лингвистических проблем, считает своей задачей не изучение сионизма, а осмысление увиденного и выражение испытанных им эмоций.

Литературное качество текста травелога обусловлено не только талантом писателя, но и необходимостью передачи через слово зрительных образов, эмоций, особенностей восприятия в условиях, когда технические возможности визуализации (фотография, кино и т. п.) были ограничены. В этом отношении травелог Блока еще тяготеет к канону прошлого века, где портреты аборигенов, описания экзотического пейзажа, природы, экфрасис были необходимым нарративным приемом, создающим у читателя эффект присутствия.

Блок — тонкий наблюдатель и свидетель создания в Палестине некоей общности людей, приехавших строить новую жизнь со всего света. В годы, когда внимание западной интеллигенции в значительной мере было приковано к социальному эксперименту большевиков, о чем

свидетельствует обилие травелогов об СССР, Блока привлекает эксперимент в Палестине. Это создание универсального языка — иврита, своей объединяющей функцией сходного с эсперанто (писатель знакомится с семьей его родоначальника Елиэзера Бен-Йехуды); устройство детской колонии для пострадавших в погромах сирот, где преподает выходец из России, возможно, последователь Макаренко (очерк «Детская республика»); жизнь в киббуце; положение женщин; коллективный труд; деятельность английской администрации; несколько очерков посвящено Еврейскому университету.

Известно, что Блок послужил прототипом одного из протагонистов «Хроники семьи Паскье» Дюамеля — журналиста Жюстена Вейля, мечтавшего стать «великим еврейским поэтом», но не знавшего язык своих предков. Персонаж Дюамеля в поисках самоидентичности повторяет мессианские устремления молодого Блока, который в конечном итоге отказывается от иудаизма в пользу социализма и в поисках «Земли обетованной» приходит к идее о всеобщности человечества.

Литература

- Блок Ж.-Р.* Ответственность таланта. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1984. С. 29–116.
Bloch J.-R. Le Robinson juif // Europe. Juillet 1970, n° 495. P. 93–131.

Михайлова Оксана Александровна

магистр филологии, тьютор по французскому языку, НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург;
oksanamikhailova2020@gmail.com

ТЕМА ЖЕНСКОЙ ДОБЛЕСТИ У БОККАЧЧО, ЖАНА ЛЕФЕВРА И КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ

Ключевые слова: Боккаччо, Кристина Пизанская, Жан Лефевр, культурный трансфер, женская доблесть.

Данная работа рассматривает проблему трансфера и трансформации темы женской доблести на примере трех произведений европейской литературы второй половины XIV — начала XV в., а именно «О знаменитых женщинах» Джованни Боккаччо, «*Livre de Léesce*» Жана Лефевра и «О Граде женском» Кристины Пизанской.

Аллегорический трактат «О Граде женском» (1405) французской средневековой писательницы Кристины Пизанской (1364–1430) выводит на сцену галерею женских образов — мифических, легендарных или действительно существовавших — среди которых особо выделяются воительницы, правительницы или женщины, так или иначе сумевшие доказать свои мужество и силу духа, то есть качества, задолго до (и долгое время после) считавшиеся сугубо мужскими. В самом деле, с точки зрения эпохи доблесть являлась прерогативой воина и проявлялась на поле брани, в сфере традиционно мужской, откуда женщина была, за редкими исключениями, просто физически исключена, не говоря уже о том, что все христианские мыслители единодушно считали женщин существами от природы слабыми, боязливыми и душевно некрепкими.

И все же идея о том, что женщина может быть доблестной, как и сам жанр апологии женщин, к которому принадлежит упомянутое произведение Кристины Пизанской, не новы для позднего Средневековья. На рубеже XIV–XV веков во французских литературно-художественных кругах входит в моду нечто доселе немислимое — женский героизм.

Мода приходит извне, из Италии, где четырьмя десятилетиями ранее из-под пера Джованни Боккаччо появляется «О знаменитых женах», первое в западной истории собрание биографий вымышленных и реальных женщин, отобранных автором за свои выдающиеся качества и яркий след в истории. Интересно, что на создание этого сборника Боккаччо вдохновил трактат Франческо Петрарки «*De viris illustribus*» («О прославленных мужах»), продолжающий традицию античной нравоучительной литературы, а вовсе не написанный за многие столетия до того «*Gunaikon Aretai*» («О доблести женской») Плутарха — автора, практически неизвестного в Европе вплоть до конца XV века.

Сочинение Боккаччо быстро становится известно во Франции (как в оригинале, на латыни, так и в переводе на французский язык) и порождает многочисленные подражания, самые яркие из которых совершенно расходятся с первоисточником в осмыслении природы женской доблести. К одним из первых произведений такого плана можно отнести «*Livre de Léesce*» («Книга радости», между 1373 и 1387 гг.) французского юриста и писателя Жана Лефевра де Рессон (ок. 1320 — ок. 1380 гг.), который с энтузиазмом подхватывает новаторскую идею, но, в отличие от Боккаччо, не считает доблесть монополией своего пола. Кроме того, Лефевр совершает небольшую революцию, переосмысливая известный средневековый литературный канон «Девяти доблестных мужей» — девяти героев прошлого, олицетворявших идеал средневекового рыцаря. Вместо Александра, Цезаря, Карла Великого и др. достойных мужей автор впервые выводит на сцену девять античных героинь. Эта оригинальная находка пользуется таким успехом, что превращается в обратный культурный трансфер, и мотив «Девяти доблестных женщин» на долгие годы закрепляется в литературе и искусстве Западной Европы — с той оговоркой, что девять героинь выступают как самостоятельные персонажи лишь в книге Лефевра, а затем фигурируют исключительно в союзе с девятью героями как две части неразрывного целого [Ворошень 2014: 55].

Кристина Пизанская, несомненно знакомая с « Livre de Léesce », оказывается совершенно нечувствительной к обаянию «Девяти доблестных женщин» и предлагает собственное развитие темы женского героизма. Родившаяся в Италии и чрезвычайно ценившая Данте и Боккаччо, Кристина в куда большей степени, чем ее старший современник Лефевр, опирается на произведение великого итальянца, заимствуя у него тему, литературную форму и многих героинь, но на этом сходство двух произведений заканчивается. Те же самые образы под пером Кристины становятся почти неузнаваемы, а проявление доблести женщиной осмысливается принципиально иначе. Если для Боккаччо женщина, совершающая героический поступок и в принципе демонстрирующая высшие добродетели — явление исключительное и несколько противоестественное, французская писательница примыкает к Жану Лефевру, считая доблесть качеством общечеловеческим, в равной мере присущим как мужчине, так и женщине.

Анализ проблемы женского героизма в упомянутых произведениях позволяет утверждать, что трансформация этой темы на сравнительно коротком промежутке пространства и времени отражает процесс глубинных социокультурных изменений в европейском обществе, переосмысливающим привычные представления о человеческой природе и стоящем на пороге новой гуманистической эпохи.

Литература

- Боккаччо Д. О знаменитых женщинах. М.: Касталия, 2022. URL: <https://castalia.ru/product/o-znamenit-yh-zhenschinah>
- Ворошень В. А. «Девять доблестных мужей» и «Девять доблестных жен» в западноевропейском изобразительном искусстве XIV–XVI веков: дис. ... канд. Искусствоведения. М., 2014. 334 с.
- De Pizan C. La Cité des Dames / texte traduit et présenté par Thérèse Moreau et Eric Hicks. Paris : Ed. Stock/Moyen Âge, 2000.
- LeFèvre J. Les lamentations de Matheolus et Le livre de Léesce / édition critique, accompagnée de l'original latin des « Lamentations », d'après l'unique manuscrit d'Utrecht, d'une introduction et de deux glossaires, par A.-G. van Hamel. T. 2. Texte du « Livre de Léesce », introduction et notes. Paris, 1905.

Никитина Наталья Александровна¹, Тулякова Наталья Александровна²

¹канд. филол. наук, старший преподаватель департамента иностранных языков, НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург; gromovanat@list.ru

²канд. филол. наук; natuliakova@gmail.com

В ПОИСКАХ ИСТОРИИ: ВЫБОР МАТЕРИАЛА И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ В «ОЛОВЯННОМ СОЛДАТИКЕ» АНАТОЛЯ ФРАНСА

Ключевые слова: Анатолий Франс, самоцитация, повествовательная инстанция.

В творчестве Анатоля Франса часто встречается цитация текстов [Bersky 1969: 208–210] и отсылки к действительности [Blondheim 1918: 333], кроме того, оно изобилует примерами самоцитирования и самозаимствований, предоставляя исследователям редкую возможность сопоставить несколько опубликованных версий одного текста [Holbrook 1932]. Эти версии зачастую вступают друг с другом в диалог, создавая своего рода поле автотрансфикциональности. «Оловянный солдатик», опубликованный как новогодний рассказ в 1890 г., вошел в сборник «Перламутровый ларец» в 1892 г. в качестве финального рассказа, завершавшего как весь цикл, так и условно выделяемую исследователями третью его часть, объединяющую истории времен Французской революции. Эти рассказы представляли собой несколько переработанных глав романа Франса «Алтари страха» (1884). Одну из таких историй и рассказывает повествователю оживший в новогоднюю ночь оловянный солдатик. Однако в окончательном издании 1921 г. повествователь прерывает рассказ игрушки и обещает сам поведать этот сюжет; при этом этот, получивший название «Обыск» рассказ, предшествует «Оловянному солдатик». Солдатик же рассказывает о своих приключениях в битве при Фонтенуа; его история теряет связь с предыдущими новеллами третьей части.

Если «Оловянный солдатик» имеет два существенно отличных варианта, то история обыска у Жюли предстает в трех версиях, различия между которыми сконцентрированы в финале: в романе «Алтари страха» героиню (Фанни д'Авенэ) ждет казнь, в «Перламутровом ларце» 1892 г. — счастливый финал, а в цикле 1921 г. героиня избегает непосредственной опасности, но дальнейшая ее судьба не сообщается, и в контексте общего трагизма других историй финал предстает в какой-то степени открытым.

Представляется интересным проследить, как вслед за изменениями в сюжете анализируемого рассказа меняется архитектура всего «Перламутрового ларца». В обоих изданиях цикла в «Оловянном солдатике» в глаза бросается, с одной стороны, опора Франса на другой текст (собственного авторства или авторства Вольтера), а с другой, игра с повествовательными инстанциями (рассказ в рассказе). Этот прием в основном характерен для второй части «Перламутрового ларца», включающей истории из современной эпохи, в третьей же части он нигде более не применяется. Таким образом, «Оловянный солдатик» служит связью между отдельными пластами цикла, напоминает читателю о предыдущих новеллах и одновременно возвращает его в современность. Кроме того, в окончательной версии стилистика рамы, решенная с явной опорой на романтическую традицию (двойственность восприятия больного повествователя, оживание статуэток, новогодний парад оловянных солдатиков), вступает в контраст с сатирическим, сниженным тоном рассказа самого солдатика, вводя в текст две идеологически различные точки зрения, которые в свою очередь характерны для первой части цикла, сталкивающей христианство и язычество. В варианте 1892 г. этого контраста не наблюдается, рассказ солдатика не отличается от стиля предыдущих новелл.

Рассказ солдатика в окончательной версии интересен не столько сюжетом, сколько рассуждениями о смысле и правдивости истории: «— Я полагал, что маршал Саксонский был тяжело болен и руководил боем, не сходя с носилок.

— Вы вправе так думать. Ведь я и сам собственными глазами видел, как он недвижно лежал на своем переносном ложе. Но хорошее воспитание, почтение, уважение и благоговение к полководцу заставили меня об этом умолчать. И поскольку я знаю, как надобно рассказывать

о подобных вещах, я и заменил носилки резвым скакуном. Вот как следует писать историю. Уж вы, сударь, лучше за это дело не беритесь. У вас недостаточно возвышенный ум, и вы потерпите неудачу...» [Франс 1958: 799–800].

В рассказе поднимается вопрос об истинности исторического повествования и о ценности личного восприятия истории — та же самая мысль, что звучала в открывающем цикл «Прокураторе Иудеи». В связи с этим изменяется и восприятие предпоследнего рассказа цикла: Франс разрушает им же созданный порядок событий «Алтарей страха» и оканчивает «Перламутровый ларец» на счастливой ноте, поскольку именно такой финал представляется ему более уместным в контексте всего цикла.

Наконец, финальный рассказ «Перламутрового ларца» доводит до предела игру повествовательных инстанций. Герой-солдатик, придуманный рассказчиком (или померещившийся ему в бреду), начинает рассказывать как правдивую историю, в свою очередь написанную рассказчиком. Объектом осмысления становится сама идея повествования, рассказывания как попытка воссоздать и интерпретировать реальность, попытка, с одной стороны, обреченная на неудачу, а с другой — вечно повторяющаяся. Объективная реальность уступает место субъективной точке зрения, исторические события служат фоном для личной истории, а их противоречащие друг другу интерпретации существуют параллельно, не отменяя друг друга. Текст предстает изменчивым, мерцающим, принципиально незавершенным. Однажды опубликованный рассказ входит в контекст творчества писателя не как канонический текст, но как текст, способный самовоспроизводиться и генерировать новые тексты.

Литература

- Франс А. Оловянный солдатик // Франс А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1958. С. 795–801.
- Bresky D. The Art of Anatole France. The Hague; Paris: Mouton, 1969. 268 p.
- Blondheim D. S. Notes on the Sources of Anatole France // The Modern Language Review. 1918. Vol. 13, no. 3. P. 333–334.
- Holbrook W. C. A Note on the Technique of Anatole France // Modern Language Notes. 1932. Vol. 47, no. 1. P. 29–35.

Патракова Ольга Николаевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
преподаватель, Балтийский государственный технический университет
«ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова;
patrakova_o@mail.ru

БАЛЕТ П. И. ЧАЙКОВСКОГО «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА» В ДИАЛОГЕ ИСКУССТВ РОССИИ И ФРАНЦИИ

Ключевые слова: «Спящая красавица», балет, сюжет-палимпсест, диалог культур, нарративность.

Сюжет о «Спящей красавице» (№ 410 по классификации Аарне-Томпсона) является одним из наиболее известных и распространенных сюжетов мирового фольклора, он зафиксирован в народных и литературных сказках жителей разных уголков мира, неоднократно становился нарративным источником для создания произведений различной медиальной природы — опер, балетов, драматических спектаклей, художественных и мультипликационных фильмов во многих странах. При этом, именно на почве французской и русской культур возникли два знаковых произведения, получивших всемирную известность и ставших хрестоматийными для современного восприятия сюжета в целом — это литературная сказка французского писателя XVII века Ш. Перро «Спящая красавица» (фр. «La Belle au Bois dormant») и одноименный балет П. И. Чайковского, поставленный в конце XIX века на петербургской сцене театральным деятелем, директором императорских театров И. А. Всеволожским и балетмейстером французского происхождения М. Петипа. Связь двух данных произведений неоспорима — «Спящая красавица» Ш. Перро ложится в основу сюжета либретто русского балета, а в финальной части спектакля зритель и вовсе погружается в трансфикциональный мир, населенный множеством персонажей из сказок французского писателя. Однако лишь этим связь русской «Спящей красавицы» с французской культурой не исчерпывается.

Дело в том, что И. А. Всеволожский и М. Петипа не были первыми, кто перенес вербальный нарратив о заснувшей на сто лет девушке в искусство балета, до них балетные постановки на подобный сюжет уже дважды появлялись на французской почве: в 1829 году на сцене Парижской оперы состоялась премьера балета-пантомимы-феерии Ж.-П. Омера «La Belle au bois dormant» на музыку Л.-Ж.-Ф. Герольда и либретто О.-Э. Скриба, а в 1849 году Париж увидел балет Ж.-Ж. Перро «La Filleule des fées» («Крестница фей») на музыку А.-Ш. Адана и А. де Сен-Жюльена и либретто А. де Сен-Жоржа. Создатели русского балета, по всей видимости, были знакомы с предшествующими французскими постановками, имевшими успех у публики своего времени, и почерпнули в этих спектаклях ряд идей и элементов, связанных, как правило, с внешним обликом персонажей и декорациями, что особенно заметно при обращении к тексту либретто и эскизам к балету Ж.-П. Омера.

При этом, французское влияние на русский балет выражается не только в обращении к литературной основе и более ранней балетной традиции, но пронизывает спектакль на уровне художественного замысла и развертывания балетного повествования. «Чем больше вдумываешься в балеты Петипа, тем больше дивишься «Спящей красавице» — произведению, в котором театральность, фееричность, парадность удивительно естественно сочетаются с высокой образностью танца. Тонкий расчет балетмейстера в построении спектакля очевиден: достаточно познакомиться с его музыкально-хореографическим проектом. Огромное здание возводится обдуманно во всех деталях, выверено в частностях, поражает множеством неожиданных находок и завершается таким парадом танца, что преклоняешься перед безудержной фантазией постановщика», — писал известный танцовщик, хореограф и теоретик балета П. А. Гусев в статье «Заметки о хореографии “Спящей красавицы”» [Гусев, 1971: 287]. Именно «образность» и «фантазия» здесь являются ключевыми понятиями, поскольку трансфикциональный балет не просто заимствует содержание уже существующей сказки-палимпсеста, а привносит в нее

новые семантические и стилистические наслоения, посредством медиальной специфичности балетного нарратива отсылающие зрителя к французскому национальному колориту.

Элементы последнего связаны преимущественно с хронотопом балетного повествования. Место действия русского балета — Франция века Людовика XIV, о чем свидетельствуют говорящие имена персонажей, их костюмы и декорации спектакля, воссоздающие атмосферу галантного Версаля. Как отмечает Е. Федосова, «Историческая достоверность декораторами “Спящей красавицы” была соблюдена точно: они сумели воссоздать на сцене Мариинского театра столетнюю эстетическую эволюцию Французского королевства с конца XVI до конца XVII века — века Людовика XIV» [Федосова, 2022: 19]. Это было мечтой И. А. Всеволожского — страстного поклонника всего французского, считавшего себя, по свидетельству современников, «маркизом эпохи Людовика XIV».

Перенос зрителя в атмосферу старинной Франции поддерживался и посредством музыкального компонента. Известно, что И. А. Всеволожский предложил П. И. Чайковскому написать музыку для балета в духе и стиле старинных французских композиторов Ж.-Ф. Рамо и Ж.-Б. Люлли. Чайковский, в действительности, внес в балет некоторые аллюзии на «старинность», очертив тем самым хронотоп балетной наррации, но не прибегая к копированию и педантичной стилизации. «Местный колорит французский, а стиль русский», — писал по этому поводу балетный критик и близкий друг Чайковского Г. Ларош [Манулкина, 2022: 24–25].

Наконец, связь русского и французского проявилась и в ключевом балетном средстве передачи нарративной основы, а именно — в хореографии и пантомиме М. Петипа, воспитанника французской школы танца: «Голос предков заговорил в Петипа, притом именно тогда, когда он почувствовал себя русским художником и даже русским патриотом. “Спящая красавица” родилась из этих двух смешанных и очень сильных чувств, из этих нелегко согласуемых ориентаций. И тут ведь не только французская тема, французские сказки, французские имена. Тут сама Франция, прекрасная Франция, la belle France, и это слово la belle в названии балета относимо не только к Авроре, красавице принцессе, главному действующему лицу, но и прежде всего к самой Франции, стране-сказке» [Гаевский, 2022: 32].

Все эти французские нити, протянутые с разных сторон, сквозь различные медиумы — литературу, миф, историю, музыку, хореографию, живопись — объединяются и сплетаются в одном интермедийном и трансфикциональном действе, ложатся в основу миметической событийности спектакля, ставшего шедевром и символом русского балета.

Литература

- Гаевский В. В садах Мариуса Петипа // «Спящая красавица». Буклет Мариинского театра под ред. О. Макаровой. СПб., 2022. С. 30–37.
- Гусев П. А. Заметки о хореографии «Спящей красавицы» // Мариус Петипа: Материалы. Воспоминания. Статьи. Л., 1971. С. 287–303.
- Манулкина О. Грезы о прошлом: «Спящая красавица на пороге неоклассицизма» // «Спящая красавица». Буклет Мариинского театра под ред. О. Макаровой. СПб., 2022. С. 22–27.
- Федосова Е. Вельможа русского балета // «Спящая красавица». Буклет Мариинского театра под ред. О. Макаровой. СПб., 2022. С. 16–19.

Петрова Елизавета Валерьевна

*соискатель, кафедра зарубежного искусства факультета теории и истории искусств,
Санкт-Петербургская академия художеств им. Ильи Репина;
elisabeth.petrova@mail.ru*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ПАРИЖСКОГО КАФЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИСКУССТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Ключевые слова: парижское кафе, Батиньольская группа, натурализм.

Доклад посвящен влиянию феномена парижского кафе на художественную жизнь Франции второй половины XIX века. В этот период кафе становится неотъемлемой частью повседневной жизни парижанина и воплощает в себе сразу несколько функций: клуб по интересам, информационный центр, зал для собраний, театр, место развлечения и эскапизма. Именно в кафе формируются артистические группы, где в свободном обмене идеями художники и литераторы второй половины XIX века находят новые пути развития искусств. Такой, например, была Батиньольская группа, членами которой являлись Э. Мане, Ф. Базиль, Э. Дега, будущие импрессионисты (О. Ренуар, К. Моне, К. Писсарро, А. Сислей), а также Надар, П. Сезанн, З. Астрюк, А. Пруст, А. Фантен-Латур, Дж. Уистлер, К. Гис и Э. Золя.

Известно, что беседы Батиньольской группы, еженедельно собирающейся в кафе «Гербуа», касались преимущественно искусства, а главной темой на повестке дня была современность. Идею современности пропагандировал прежде всего друг Мане — Ш. Бодлер. Современность подразумевала для Батиньольской группы целый комплекс новых идей: отказ от всего искусственного, свободу самовыражения, новые живописные техники и сюжеты. Примечательно, однако, что несмотря на то значение, что имели встречи в кафе «Гербуа» для всех участников, в искусстве они практически не нашли отражения. Лишь Э. Мане создает в 1869 году одну литографию документального характера, а в 1886 году Э. Золя публикует роман «Творчество», где кафе Бодекена, как и послужившее для него прообразом кафе «Гербуа», становится символом творческой силы и уже ушедшей эпохи.

Для многих художников и писателей парижское кафе служило не только дискуссионным клубом единомышленников, но и источником вдохновения. Интерес к образу кафе как к типичной среде обитания современного парижанина был в немалой степени обусловлен распространением эстетики натурализма, в частности концепции Ипполита Тэна «раса, среда и момент», согласно которой судьба человека predetermined и находится в прямой зависимости от этих трех факторов, при этом среда оказывает наибольшее влияние. Человек же оказывается слишком слаб, чтобы противостоять ей. Нередко во французских романах второй половины XIX века именно парижское кафе воплощает роль той самой растлевающей человека среды. Именно таким кафе предстает в одном из первых романов натурализма «Жермини Ласерте», написанном братьями Гонкур в 1866 году. Резко отрицательной коннотацией обладает образ кафе и в романе «Западня» (1876) Э. Золя. Используя лексику из семантического поля смерти, автор уподобляет парижское кафе аду.

Публикация романа «Западня» предопределила появление образа парижского кафе во французской живописи, так как именно скандальная известность романа побудила Э. Дега создать первую живописную работу на до сих пор считавшуюся табуированной тему алкоголизма — «В кафе» (Абсент). Следует отметить, что живопись Дега далека от натуралистических подробностей романа Золя, кафе в его интерпретации отнюдь не уподобляется аду, а скорее воплощает тему одиночества и бегства от реальности. Для художников кафе пока еще овеяно романтикой новой эпохи, и потому они сглаживают откровенно неприглядные стороны жизни. Проблема социальной критики не стоит для них так остро, их творческие поиски лежат в несколько иной области: при помощи сценок в кафе они пытаются выразить темы одиночества, разобщенности и деперсонализации человека.

Наиболее ярко вся двусмысленность, что была свойственна кафе и кабаре той эпохи, проявляется в живописи А. де Тулуз-Лотрека. В его интерпретации кафе при всем своем блеске становится пристанищем маргиналов. При этом важно отметить то, как Тулуз Лотрек изображает своих героев: он не пытается вызвать к ним жалость или обличать их пороки. Он далек от морализаторства и, подобно Дега, ведет себя скорее как сторонний наблюдатель: он изучает человеческую природу, изучает пороки, но не задается целью искоренить их. Живопись Тулуз-Лотрека, таким образом, невероятно сближается с натуралистической литературой Золя с той только разницей, что Золя начал свой путь несколькими десятилетиями раньше.

Ближе всего к inferнальной трактовке образа кафе Э. Золя подошел П. Пикассо в своей картине «Мулен де ла Галетт» (1900), где образ кафе поражает своей почти потусторонней атмосферой, а участники сцены утрачивают человеческий облик и напоминают скорее плотоядно ухмыляющиеся зловещие маски.

К концу XIX века образ кафе в живописи начинает восприниматься все более трагично. Та гнетущая атмосфера безысходности, что была тонко намечена Дега в 1876 году, постепенно перерастает в мрачное экспрессионистическое отчаяние работ Тулуз-Лотрека и Пикассо. Парижское кафе из места увеселений и радости превращается в мрачное подземелье, полное порока и ужаса. Французская литература, таким образом, в своем реализме опережает живопись, которая не спешила расстаться со сложившейся эстетикой.

Симонова Лариса Алексеевна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Библиотека-читальня им. А. С. Пушкина;
mouette37@yandex.ru

СМЕРТЬ ПОМПЕЯ» (1643): ЛОГИКА ВЛАСТИ ИЛИ ИГРА КОРНЕЛЯ В «ДРУГОЕ» И «ТО ЖЕ САМОЕ»

Ключевые слова: Корнель, классицистическая трагедия, политический конфликт, драматический автор.

«Смерть Помпея» (1643) значительно отличается от более ранних трагедий [Forestier 1985; Kristinsdóttir-Urfalino 2019]: при всей очевидности основной идеи, которая подтверждается финалом (гибель злодеев и торжество справедливой политической силы как главный закон истории), — «расползается» риторическая конструкция пьесы, пропадает безусловная ясность дискурса, в котором доступно проявляет себя персонаж. «Смерть Помпея» — первая трагедия Корнеля, в которой драматурга интересует не личность, воплощающая собой власть, но механизм власти, причастность к которой довлеет над человеческой волей, заставляет избирать те или иные — защитительные или наступательные — действия, где всё решает цель, которая заслоняет собой, по существу, нивелируя их, все этические принципы. Подобная установка повлекла изменение принципа построения системы персонажей: помимо главных действующих лиц (царь Египта Птолемей, его сестра Клеопатра, будущий римский император Юлий Цезарь), заметную роль играют второстепенные герои — советник, командующий войсками, римский трибун (каждый из них демонстрирует активность позиции, отражающей ту или иную грань политики, сущность которой — наиболее надёжный способ удержания власти — остаётся общей для всех). Особое место в драматической конструкции занимает внесценический персонаж — Помпей, именем которого названа пьеса и в котором можно видеть след идеальной монументальности образов героической трагедии, свидетельство техники трагедийного письма раннего Корнеля и, следовательно, определённый консерватизм его драматургического мышления, цепляющегося за найденные образцы, но, помимо этого, ещё и контрпозицию ко всему действию.

К «ядру» сюжета и характеров Корнель идёт через повтор проблемных ориентиров традиционной жанровой риторики (часть из них была заимствована им из гуманистической трагедии, часть перенесена драматургом из более ранних его пьес), которые нужны ему всего лишь как рычаг, провоцирующий элемент дискурсивного оформления «политической фигуры». С самого начала трагедии текст Корнеля выводит к однородной, непротиворечивой подкладке — политической игре между союзниками / противниками. В этой трагедии Корнеля нет контрастного противопоставления великого и малого, высокой героики и низких интриг: здесь «римский характер» стёрт, величие полководцев Империи, прежде всего Цезаря, довольно относительное — наряду с Птолемеем он также поставлен в рамки политической необходимости. Используются определения «благородство», «великодушие», «милосердие» как желаемые для Корнеля в силу им же закрепляемой традиции характеристики власти, однако в данном тексте они не прирастают к фигуре Цезаря, не определяют его личности. Корнель пользуется подобными привычными для него риторическими образцами, заполняя ими текстовое пространство с большей или меньшей плотностью, однако они остаются пустыми знаками, в сущности, излишними, неработающими, как бы отпадающими по мере проявления единого механизма чистой политики, составляющей меру личностных характеристик и действий.

Через избыточные знаки драматический текст Корнеля продвигается к психологии героев, действительным побудительным причинам их публичной риторики и поступков. Этот принцип действует относительно трёх главных героев — Птолемея, Клеопатры и Юлия Цезаря. Если следовать «пустым» знакам — сигналам, перенесённым в текст «Смерти Помпея» из героической трагедии, требующей доминирования положительного образа-идеи, можно было бы говорить об антагонизме Птолемея и Клеопатры. Однако через неуклонное сползание дискурса в область

политического интереса обнаруживается сходство этих персонажей. На структурирующем текст смысловом уровне, свободном от «пустых», мало функциональных знаков, сущностное сходство героев обозначено использованием ими слова «l'intérêt» («интерес», «выгода»). Это целеполагающее слово уравнивает персонажей, устанавливает их принадлежность к «одному и тому же» — качественно однородной в силу её аккумулярующего принципа интриге, а также обеспечивает единство риторического построения трагедии. Несоответствие, противоречие между повторяющимися, однако неподтверждающимися, «зависающими», не закрепляющимися в общем риторическом построении, легко «выпадающими» знаками/ образами — и психологической подоплёкой намерений и усилий, объединяющей персонажей в единой — политической — области, определяют «неустановленность», «переходность» героев, которые могут противопоставляться и здесь же уподобляться друг другу, что можно обозначить как игру Корнелия в «другое» и «то же самое».

Отлаженный и функционирующий как бы сам собой, не нуждающийся больше ни в объяснении, ни в смысловой подпитке, поддерживающийся и укрепляющийся за счёт неистощимой в своей примитивности прагматической целесообразности политический механизм не может удовлетворить Корнелия как трагедийного Автора, ему необходима традиционная для высокого жанра идейная максима, способная если не покрывать собой весь драматический текст, то уж наверняка служить мощным противовесом выхолащивающей трагедию дегероизации. Поэтому, в соответствии с замыслом Корнелия, к финалу трагедии акцентологически усиливается характеристика славного римлянина — погибшего Помпея, о котором свидетельствует его жена Корнелия. Её образ позволяет драматургу закрепить оригинальную манеру письма, ориентированного на утверждение героического идеала, и при этом установить своё — авторское — превосходство над всеми другими персонажами как участниками «политического театра». В Корнелии проявилось тяготение Корнелия как Автора к «иному», «другому», устремлённостью к сверхмере значительно превосходящему банальный механизм борьбы-соперничества амбиций, включённость в который грозит умалением весомости своего собственного, стиранием отличительного — в личностном и историческом — до «того же самого». Автор сближается с Корнелией, роль которой заключается в актуализации великого мифа Помпея (не действующего лица, но только символа!), который является настоящим Героем в безгероическом пространстве политического противоборства.

Литература

- Forestier G. Une dramaturgie de la gageure // *Revue d'histoire littéraire de la France*. 1985. n° 5. P.811–819.
Kristinsdóttir-Urfalino G. Que faire de (la mort de) Pompée? Analyse poétique et politique d'une tragédie double // *Bergen Language and Linguistics Studies*. 2019. n° 1. URL://www.researchgate.net/publication/337115880

Чадова Елизавета Владимировна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st064895@student.spbu.ru

КОНЦЕПЦИЯ «ЖЕНСКОГО ПИСЬМА» ЭЛЕН СИКСУ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ключевые слова: женское письмо, нарративизация телесности, деконструкция, анти-теория.

Имя Элен Сиксу хорошо известно во франкоязычном и мировом пространстве благодаря ее термину *écriture féminine*, или «женское письмо», который стал основополагающим в разговорах о специфике женского литературного процесса. Именно ей принадлежит идея о том, что женское письмо можно обособить, выделяя некоторые его аспекты, связанные с натурализацией женского тела. Сиксу убеждена, что женское письмо всегда телесно, так как институты патриархальной власти, как любые властные инстанции работают через захват доступа к телу. В своем манифестационном эссе «Хохот Медузы» Сиксу говорит: «И почему же вы не пишете? Пишите! Письмо как процесс — это только для вас; ваше тело принадлежит вам, так возьмите же его. (...) Пишите самое себя. Ваше тело должно быть услышано. Только тогда неистощимые запасы бессознательного выплеснутся наружу. Наша драгоценная нефть — будь то черное или реальное золото — разольется по свету, мы утвердим величайшие ценности, которые изменят старые правила игры» [Сиксу 2001: 801, 804].

Сиксу утверждает процесс возвращения женщинами своей телесности как ключевой в практике женского письма: необходимо заявить о своей репродуктивной автономности, вернуть себе свои органы и свои желания, а также свою сексуальность, отнятую у женщин, столь плотно вплетенных в социальный и экономический контекст патриархальной культуры. Письмо, как и телесные практики, могло осуществлять урывками, тайно, в отрыве от основной деятельности. Говоря о возвращении женщинам телесности через практики письма, Сиксу затрагивает еще один важный момент — возвращение себе своих удовольствий. Удовольствий в том числе от творчества, в духе того, что Ролан Барт назвал *jouissance* («наслаждение»), размышляя над двумя видами текста в работе *Le Plaisir du Texte*, (1973). Французское слово *jouissance* использует и Сиксу, так как в языке оригинала оно особенно часто употребляется в разговоре о физическом наслаждении. В завершении своего манифеста Сиксу утверждает: «Я буду говорить о женском письме: о том, что оно совершит. Женщина должна писать самое себя: должна писать о женщинах и привлечь женщин к процессу писания, от которого они были отторгнуты так же жестоко, как от собственного тела, по тем же причинам, с помощью тех же законов и с той же фатальной целью». Ее теоретические установки особенно согласуются с культурным поворотом, начавшимся после событий мая 1968 года во Франции. Тело больше не отождествляется с дуалистической машиной в духе картезианства, управляемой разумом или душой; оно наделяется своей волей, желаниями, собственным удовольствием, и оно хочет быть написанным. Практики нарративизации телесности проникают в литературу не без большого участия теоретического наследия Сиксу, которая, кроме того, имела тесные дружеские связи с Жаком Деррида и вдохновлялась его концепцией деконструкцией бинарных оппозиций женского и мужского.

В докладе также пойдет речь о другом аспекте творческо-исследовательского пути Сиксу: а именно о том, можно ли называть ее теоретические работы таковыми в полной мере, отделяя от ее творчества. Несмотря на то, что писательницу часто относят именно к теоретикам женского письма, ряд исследователей, в числе которых Торил Мой, пишут, что внутренняя противоречивость концепций Сиксу не позволяет назвать ее теоретиком в полном смысле этого слова. Кроме того, и сама Сиксу порой подтверждает непоследовательность своих тезисов, так как намеренно предпочитает оставаться на стороне поэтического слова, видя себя в первую очередь как художницу. В интервью 1984 года Сиксу удостоверяет читателей в том, что сама осознает эти противоречия: «Если бы я была философом, я бы не могла себе позволить гово-

речь в терминах присутствия, сущности и т. д. или о смысле чего-либо. Я бы вполне справилась с философским дискурсом, но не делаю этого. Я позволяю поэтическому слову увлечь меня» [Мой 2004: 149].

Таким образом, некоторые исследователи говорят о том, что в намеренном отказе Сиксу «производить теорию» кроется более крупная установка на анти-теоретичность. Эта идея заключается в убеждении Сиксу в том, что феминистские критики неизбежно запутаются в иерархиях власти и бинарных оппозиций, уже вписанных в систему любой патриархальной теории и идеологий, созданной маскулинной западной культурой. В докладе предпринимается попытка проанализировать вопрос о проблемности и многообразии методологий литературной критики и теории. Также ставится задача понять, какую роль в этом процессе играет теоретизирующее творчество Сиксу. В качестве методологической базы рассматриваются идеи Донны Харауэй о научной объективности, которые она предлагает в работе «Расположенные знания»: «Нам не нужна теория наивной власти, позволяющая изображать мир, в котором язык и тела обнаруживают себя в блаженстве органического симбиоза. Мы также не хотим теоретизировать мир, а тем более действовать внутри него, в терминах глобальных систем, но нам необходима всемирная сеть связей, включающая способность частичного перевода знаний между очень разнообразными и по-разному привилегированными сообществами» [Харауэй 1988: 9].

Делается предположение о том, что творчество Сиксу предлагает своего рода сеть связей между теоретическими и практическими аспектами ее деятельности, которая помогает преодолеть бинарность языка и мышления в духе Донны Харауэй.

Литература

Мой Т. Сексуальная/текстуальная политика. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 237 с.

Сиксу Э. Хохот медузы // Введение в гендерные исследования / под ред. И. А. Жеребкиной. Ч. 2. СПб.: Алетея; Харьков: ХЦГИ, 2001. С. 799–821.

Харауэй Д. Расположенные знания. Вопрос науки в феминизме и преимущество частичной перспективы. URL: <https://garage.digital/ru/situated-knowledges-the-science-question-in-feminism-and-the-privilege-of-partial-perspective> (дата обращения: 06.01.2023).

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ,
БИБЛЕИСТИКА, НЕОЭЛЛИНИСТИКА,
БАЛКАНИСТИКА

Бобрецова Екатерина Валентиновна

*ответственный секретарь редакции,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.bobretsova@spbu.ru*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РОМАНЕ МАРИИ ИОРДАНИДУ «КАВКАЗСКИЕ КАНИКУЛЫ»

Ключевые слова: Мария Иорданиду, травелог, автобиографический роман, новогреческая литература, Ставрополь.

Увидевший свет в 1965 году роман-травелог Марии Иорданиду (1897–1989) «Кавказские каникулы» [Иорданίδου, 2010; Иорданиду 2024] основан на воспоминаниях автора о пребывании в России. Когда будущая писательница обучалась в константинопольском Американском колледже, она получила от своего дяди, обосновавшегося в Батуме предпринимателя, приглашение посетить Кавказ. Путешествие юной Марии пришлось на август 1914 г. и совпало с началом Первой мировой войны, поэтому своевременно вернуться в Константинополь она не смогла и задержалась в России на пять лет, застав здесь революции 1917 года и разгар Гражданской войны.

По возвращении в Константинополь Мария устроилась секретарем в иностранную фирму и вскоре переехала по службе в Александрию, где вышла замуж за коммуниста Иорданиса Иорданидиса. В 1923 году семья переселилась в Афины, там М. Иорданиду и прожила всю оставшуюся жизнь. Ее писательский дебют состоялся в 65 лет, когда была опубликована семейная сага «Локсандра», детально передающая колорит многонационального Константинополя рубежа веков. Второй книгой писательницы стали «Кавказские каникулы», а за ними последовали еще три автобиографических романа. Таким образом, все книги М. Иорданиду составили единый цикл, а ее пребывание в России легло в основу литературного произведения спустя полвека после описываемых событий.

На первой странице романа читатель получает предупреждение: «Почти все лица — вымышлены». Соотношение вымысла и действительности в произведениях М. Иорданиду требует отдельного исследования. Можно предположить, что в первых трех книгах доля вымысла больше, чем в двух последних, где повествуется о более близких по времени событиях. Косвенно свидетельствует об этом и то, что главная героиня первых трех романов представлена читателю под именем Анны и речь о ней идет в третьем лице.

Повествование о путешествии Анны по Кавказу и ее жизни в Ставрополе насыщено литературными реминисценциями, начиная с античных и библейских мотивов и заканчивая цитированием стихотворений современников писательницы — Игоря Северянина и греческого поэта Костаса Варналиса. Растянувшееся на пять лет возвращение Анны в Константинополь М. Иорданиду называет одиссеей, а начало ее приключений напоминает «Алису в Стране чудес»: подобно Алисе, скользнувшей вслед за Кроликом в нору и тут же потерявшей из виду своего провожатого, героиня уже на вокзале оказалась разлучена с встретившими ее родственниками. Как и Алису в Стране чудес, Анну в России на каждом углу поджидают всевозможные странности и несуразности, но непосредственность и находчивость героини помогают ей освоиться в далекой стране, где все столь велико и обильно, что «даже час там длится дольше».

Писательница не ограничивается цитированием классики, а вводит известных литературных персонажей в собственное повествование. Так, одним из первых мест пребывания Анны

Ответственный редактор: д-р филол. наук Д. А. Черноглазов.

в России становятся заразные бараки, куда она попадает со скарлатиной в компании троих военнопленных чехов — Франца, Ванека и бравого солдата Швейка, впрочем, тогда еще малоизвестных, поскольку их соотечественник Гашек еще «не успел даровать им бессмертие». Ближе к завершению своих «каникул» Анна узнает о дальнейшей судьбе Швейка, который, что вполне ожидаемо, в Гражданскую войну стал солдатом Чехословацкого корпуса.

Оказавшись в Ставрополе, Анна не только осваивает язык, но и проходит обучение в местной гимназии. Знакомясь с русской литературой, она обнаруживает, что сошедшие со страниц произведений классиков персонажи до сих пор обитают в русской провинции. Есть в городе Иван Никифорович («правда, не гоголевский Иван Никифорович, а его внук») и Иван Иванович, и когда после Февральской революции Ивану Никифоровичу случилось приобрести пару дуэльных пистолетов, Иван Иванович принялся настаивать, чтобы тот продал их ему (до ссоры дело не дошло, т. к. спор перешел в политическое русло). Ставропольский Обломов «каждый день ходил в отделение Государственного банка, где ему платили за то, что он сидел до трех и досматривал свой утренний сон», а прачка Феклуша, подобно своей тезке из «Грозы» Островского, привечала странников и пересказывала их пророчества.

Прототипы некоторых героев не указаны напрямую, но в идиллическом описании быта пожилой четы Кирилла Петровича и Прасковьи Афанасьевны узнаются «Старосветские помещики», при этом если герои повести Гоголя лишь обсуждают вероятность пожара в своем доме, то в романе М. Иорданиду оба супруга гибнут в огне, не решившись оставить свое хозяйство. Имя крестьянина Пантелея, на телеге которого Анна совершает путешествие по степи, напоминает о Пантелее из чеховской «Степи». Подтверждает догадку и звучащее из уст этого героя ругательство «анафема идолова», которое мы встречаем и в повести Чехова: писательница с несомненной иронией приводит эти слова (оба они происходят из греческого языка) как образец иностранного выражения, которое еще не освоившей русский Анне оказывается понятным исключительно по интонации.

По сказкам Пушкина (цитаты из них М. Иорданиду приводит в собственном поэтическом переводе на греческий) Анна постигает особенности русского менталитета: например, она обращает внимание на то, что Белоснежку в России спасли не гномы, а великаны-богатыри. Сказочный зачин «Негде, в тридевятом царстве, / В тридесятом государстве» напоминает ей об удельном периоде истории России. Также переводит она на греческий язык фрагменты народных песен и произведений городского фольклора — «Большой Крокодилы» и воровской баллады «Гоп со смычком».

Следует обратить внимание на то, что в других своих произведениях М. Иорданиду никак не демонстрирует свои познания в русской литературе. Очевидно, работая над романом «Кавказские каникулы» спустя более сорока лет после своего пребывания в России, она специально обратилась к текстам русской классики и наполнила почерпнутыми из них мотивами собственное повествование.

Литература

Иорданиду М. Кавказские каникулы / пер. с новогреч. Е. В. Бобрецовой СПб.: Алетейя, 2024. 196 с. (Библиотека новогреческой литературы).

Ιορδανίδου Μ. Διακοπές στον Καύκασο. 23η εκδ. Αθήνα: Βιβλιοπωλείον της «Εστίας» Ι. Δ. Κολλάρου & Σίας Α. Ε., 2010. 200 σ. (Νεοελληνική λογοτεχνία. Τ. 208).

Боброва Ольга Борисовна

канд. филол. наук, научный сотрудник, Ассоциация неоэллинистов России

ЭММАНУИЛ РОИДИС И ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС, ИЛИ ИСТОРИЯ ПИСАТЕЛЯ-ДИМОТИКИСТА, НИКОГДА НЕ ПИСАВШЕГО НА ДИМОТИКЕ

Ключевые слова: греческий языковой вопрос, Эммануил Роидис, кафаревуса, димотика.

Греческий язык на любом этапе существования представляет собой пестрое лоскутное одеяло из многочисленных региональных и социальных диалектов. В период борьбы за независимость и формирования греческого государства на рубеже XVIII — XIX веков ни один из них не мог претендовать на преобладающую роль, что породило т. н. «языковой вопрос» (γλωσσικό ζήτημα) — ожесточенные дискуссии по поводу того, каким должен быть национальный язык Греции.

Споры о «правильной и желательной форме письменного языка» [Beaton 1996: 369] свелись во второй половине XIX века к противостоянию двух точек зрения. Согласно первой, греческий литературный язык должен иметь в основе своей современный разговорный язык (димотика, δημοτική). Сторонники второй точки зрения утверждали, что по ряду причин димотика на роль государственного и литературного языка не подходит, и предлагали в качестве альтернативы некий искусственно «усовершенствованный» вариант греческого языка, избавленный от иностранных заимствований и лексически обогащенный и в целом «облагороженный» за счет древнегреческого и койне (кафаревуса, καθαρρεύουσα).

В полемике относительно языкового вопроса так или иначе участвовали все деятели культуры и особенно литературной среды, поскольку, даже если автор и воздерживался от теоретических дискуссий по этому вопросу, его позиция косвенно выражалась в том, кафаревусу или димотику он выбирает для обращения к своему читателю. В этой связи особенно интересна фигура Эммануила Роидиса (1836–1904), писателя, переводчика, публициста, редактора, издателя, критика, просветителя, культуртрегера, который, последовательно защищая димотику и настаивая на том, что это единственно возможный литературный язык, никогда (за единственным исключением) не писал на ней [Χαραλαμλάκης 2019: 77].

Свою позицию по языковому вопросу Э. Роидис обозначил уже в первом своем обращении к публике. В прологе к греческому переводу Шатобриана (1860) он отмечает, что современная кафаревуса — «смесь и сплав из разнообразных подлых словес, заимствований и неуместных архаизмов», а народный язык не имеет достаточно средств для выражения тонких движений души и ума [Αυδρεάδης 1911: 17]. Кроме того, для самого автора писать не на кафаревусе проблематично: он сообщает, что учился греческому по книгам, народным языком не владеет и за неимением лучшего «вынужден довольствоваться» кафаревусой [там же].

С этого первого заявления и далее позиция Э. Роидиса по языковому вопросу не изменялась и неоднократно высказывалась им публично. Вредоносность кафаревусы и необходимость скорейшего решения языкового вопроса ощущалась им очень остро. По этой причине, аргументируя свои доводы, Роидис прибегал ко всем доступным средствам. Помимо иронии и сатиры, используемых в качестве оружия против «апостолов двуязычия», одним из способов борьбы стало обращение к методам и данным современной науки, которая неизменно подтверждала аргументы сторонников димотики.

В 1893 году Э. Роидис издал работу «Τα Εἰδωλα» («Идолы»). В ней он пытается с опорой на достижения современного ему языкознания донести до широкой публики мысль о том, что язык развивается по своим внутренним законам и не терпит насильственного вмешательства извне, каковым представляется Роидису насаждение кафаревусы и вообще любое «очищение» языка, сколь бы благими целями оно ни было продиктовано.

«Идолы» стали вехой в истории языкового вопроса [Χαραλαμλάκης 2019: 79], отчасти потому, что увидели свет в период, когда и у защитников димотики, и у сторонников кафаревусы закончились новые аргументы. Работа Роидиса, не строго научная по своей сути, представляла

греческому просвещенному читателю новые для него научные данные, предлагая в дальнейшей полемике по поводу языка опираться не на призрачные категории вроде былого величия предков, а на вполне объективные результаты лингвистических исследований.

Важным для дальнейшего развития языковой полемики в Греции стал также тезис Роидиса о том, что следует различать язык письма и стиль письма, и этот последний не становится лучше и красочнее на кафаревусе. Напротив, начиная с Кораиса и далее выразительная сила письменного языка не переставала уменьшаться в точном соответствии с количеством замен живых слов на мертвые [Роΐδης 1893: κε']. Из современных писателей нельзя назвать «ни одного ... не то чтобы великого или незначительного, но хотя бы сносного» [Роΐδης 1893: ιδ'], в чем Роидис видит огромную проблему, сводящуюся к отсутствию современной национальной литературы.

Значительное влияние на ход полемики по языковому вопросу, а также на литературный процесс в Греции Роидис оказал также своим протестом против поэтических конкурсов. Конкурсы ежегодно проводились с 1851 года и довольно быстро стали знаменательным событием греческой культурной жизни. Победа обозначала для автора фактическое признание его заслуг, открывала многие двери и «давала путевку в жизнь». Поэтические произведения принимались к участию с соблюдением ряда условий: требовались строгое соблюдение жанровых канонов и ориентация на классические образцы как в выборе темы, так и в языковом плане. В 1877 году Роидис выступил с наделавшей шума публичной лекцией, в которой утверждал, что рамки поэтических конкурсов слишком тесны для поэзии и окончательно завели ее в тупик. Провокационное заявление Роидиса вызвало ожесточенную общественную дискуссию.

Описывая вклад Э. Роидиса в новогреческую литературу и историю языка, нельзя не учесть влияния, которое оказало на развитие языковой полемики его собственное литературное творчество и стиль. Критика приписывает Роидису «чувство совершенства фразы», а стиль его характеризует как «изящный», «прекрасный» [Beaton 1996: 93].

Многообразие творчества Э. Роидиса и его активная позиция в защиту димотики позволяют считать его одной из самых значимых фигур полемики по языковому вопросу в Греции.

Литература

- Ανδρέαδης Α.* Βιογραφικό σημείωμα // Ροΐδης Ε. Συριανά διηγήματα. Αθήνα: Εκδοτικός οίκος Φέξη, 1911.
Beaton R. Εισαγωγή στη νεότερη ελληνική λογοτεχνία. Αθήνα: Εκδόσεις Νεφέλη, 1996.
Ροΐδης Ε. Τα Είδωλα. Γλωσσική μελέτη. Αθήνα: Εκδόσεις Εστίας, 1893.
Χαραλαμπίκης Χ. Γλωσσικό ζήτημα από τον 19ο στον 20 αιώνα. Αθήνα: Καθημερινές Εκδόσεις ΑΕ, 2019.

Голант Наталия Геннадьевна¹, Струтинский Иван Михайлович²

¹канд. ист. наук, старший научный сотрудник,

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН;
natalita1977@yandex.ru; natalita311@mail.ru

²аспирант, Российский институт истории искусств;
sevdrif@gmail.com

ОБРАЗ ДЕРЕВА В РУМЫНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ, СВЯЗАННЫХ С ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТЬЮ

Ключевые слова: ель (пихта), яблоня, народная поэзия, погребальная обрядность.

В докладе рассматриваются фольклорные тексты, зафиксированные в разных областях Румынии, а также в румынских (влашских) населенных пунктах в восточной Сербии.

Хотя доклад посвящен фольклорным поэтическим текстам, связанным с погребальной обрядностью, в начале его следует отметить, что дерево присутствует в румынской погребальной обрядности как артефакт. Это «дерево покойника», которое несут в похоронной процессии, а затем помещают на могиле (в качестве такового может использоваться хвойное дерево — ель или пихта, плодородное — слива, яблоня, груша, изредка лиственное дикорастущее дерево — тополь, бук, дуб и др.).

На территории Румынии зафиксирован ряд текстов, которые чаще всего обозначаются термином *cântecul bradului* ('песня ели / пихты'). В некоторых населенных пунктах такая песня может называться *Florul* ('Тополь'), *Fagul* ('Бук'), *Gorunul* ('Дуб'), *Cu sulița* (букв. 'С копьем'), *Ale suliței* (букв. '(Песни) копьей') — в зависимости от того, какое именно дерево использовалось в том или ином селе и каково было его название как обрядового реквизита. Их могут исполнять по дороге со срубленным деревом из леса, при внесении его во двор и украшении [Паня 2017: 52–53, 161–162]. Тексты «Песни ели / пихты», встречающейся в погребальной обрядности румын Олтении, Баната и Трансильвании, обычно составлены в форме диалога, где присутствует вопрос, почему ель / пихта оставила место, где росла, и ответ, в котором может рассказываться, кто и как выбирал, рубил, нес / вез и украшал дерево [Паня 2017: 52–53, 161–163]. На юге Трансильвании встречаются тексты, в которых ель / пихта упоминается как невеста или жена умершего, который ушел из жизни, не успев вступить в брак (их исполняют в момент внесения дерева в дом, где находится умерший) [Marian 1995: 104]. (Здесь нужно отметить, что дерево присутствует и в свадебной обрядности румын. Во многих населенных пунктах Румынии «свадебное дерево» обозначается тем же термином, что и «дерево покойника». В качестве «свадебного дерева» также часто используется ель / пихта). Если же с елью хоронят человека, который был женат, то исполняют песню с другим текстом, в котором дерево символизирует самого умершего, и говорится о том, что жена будет поливать это дерево [Marian 1995: 104].

Также дерево (ель / пихта или яблоня) может упоминаться в текстах, обозначаемых терминами *zorile* ('зори', 'песни зорь'), *retrecerea mortului* ('проводы умершего'), *retrecături* ('проводы') и др. Согласно текстам этих песен, которые содержат описание пути на тот свет, дерево находится в начале этого пути или у входа в мир иной. Такие тексты зафиксированы, в частности, в румынском Банате и в румыноязычных населенных пунктах восточной Сербии (среди носителей банатских говоров румынского языка, в частности, в Борском и Браничевском округах) [Marian 1995: 117; Gasović 2012: 67]. Также встречаются тексты, в которых вид дерева, которое встречается умершему по дороге на тот свет, не уточняется (такой вариант зафиксирован, в частности, в с. Рунку (округ Горж, Олтения, Румыния)) [Паня 2017: 158–161].

В этих песнях дерево предстает как метафора дороги, как путь, по которому можно достичь загробного мира, что является характерным мотивом и для славянских поверий и обрядов, связанных со смертью (ср., в частности, обрядовую фразеологию: «уйти в кокорье», «глядець ў дуба», «дубеть» и др. в значении «умирать»), поминальные игры, имитирующие лазание по стволу, поверья о русалках (умерших девушках или детях), спускающихся с деревьев на землю

на Троицкой неделе и по окончании ее тем же способом возвращающихся на «тот свет» и др. [Агапкина 1995: 158–161].

Следует отметить, что чаще всего в обрядовой поэзии погребально-поминального цикла упоминаются пихта / ель и яблоня. Румынский этнограф и фольклорист второй половины XIX — начала XX вв. С. Фл. Мариан выводил румынский обычай использовать пихту / ель в качестве «дерева покойника» из римского обычая, упоминаемого, в частности, в текстах Вергилия и Горация, ставить перед домом умершего кипарис в знак траура (причем в северных провинциях, где кипарис не рос, его могли заменять пихтой или елью) [Marian 1995: 75]. Про яблоню Мариан писал, что ее присутствие в семейной обрядности румын связано с христианскими представлениями о рае, и что «христианская» яблоня отчасти заменила в погребальных обычаях «языческую» пихту или ель [Marian 1995: 115].

Литература

- Агапкина Т. А.* Дерево // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / ред. В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995. С. 158–161.
- Паня Н.* Грамматика погребальной обрядности / пер. с рум. Н. Г. Голант. СПб.: МАЭ РАН, 2017.
- Gasović S.* Petrecătura. Cântece de petrecut mortul la românii din Serbia. Bucureşti: Editura Etnologică, 2012.
- Marian S. Fl.* Trilogia vieţii. III. Înmormântarea la români. Bucureşti: Grai şi suflet — cultura naţională, 1995.

Гришин Алексей Юльевич

канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный лингвистический университет;
grishinaj@yandex.ru

РАСХОЖДЕНИЕ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ И СЛУЧАИ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПАРЕ РУССКИЙ-ГРЕЧЕСКИЙ

Ключевые слова: неоэллинистика, переводоведение, лингвоаксиология, лингвоконфликтология, дипломатия.

Несовпадение форм выражения оценочности в паре языков может привести к нарушению коммуникативного процесса, тем более в дипломатической области, особенно чувствительной к точности формулировок и адекватности их трансляции всем вовлеченным в акт коммуникации иноязычным сторонам.

Русский язык склонен к функциональной форме выражения оценочности, то есть такой, которая уже заложена в семантику лексемы [Маркелова 2013: 49; Беляков 2022: 174]. Такая оценочность реализуется в русском языке в том числе за счет лексем иностранного происхождения, которым присваивается негативное значение. Некоторые исследователи усматривают в этом явлении отголоски былых межэтнических конфликтов [Хроменков 2016(1): 83] или выражение идентификации по линии «мы — они» [Хроменков 2016(2): 9]. К этим доводам можно присовокупить то соображение, что иностранные заимствования в силу непрозрачности своей внутренней структуры легко изменяют свои коннотативные значения, теряя изначально им присущие и приобретая новые.

В новогреческом языке сложилась диаметрально противоположная ситуация, поскольку он в принципе избегает заимствований, а те немногие, что есть, автоматически попадают в сниженный, разговорный регистр языка, не составляя прямой конкуренции своим изначально греческим синонимам. Эта тенденция буквально называть все своими словами приводит к расширению значения уже существующих слов по сравнению с языками, легко заимствующими готовые лексемы, в том числе термины. Это касается и оценочности, которая, в отличие от русского языка, выражается не лексическим функционалом, но прагматикой контекста.

Для демонстрации этих соображений предлагается проанализировать использование в международном политическом дискурсе таких лексем как *προσάρτηση* (аннексия), *κατοχή* (оккупация) и *αποικισμός* (колониализм). Семантические соответствия этих пар при употреблении данных лексем в области международной дипломатии зафиксированы существующими двуязычными словарями, в том числе авторитетным словарем Хорикова-Малева. Негативное значение или, выражаясь в терминах лингвоаксиологии и лингвоконфликтологии, «конфликтотенность» этих лексем в русском языке очевидна [Хроменков 2016(1): 83 и 207] и содержится в самом их семантическом ядре.

В греческом языке также обнаруживается множество случаев употребления вышеперечисленных слов в негативном оценочном значении, которое можно квалифицировать как несоответствие норме [Маркелова 2013: 54], в данном случае — норме международного права. Однако, гораздо интереснее было бы продемонстрировать возможность наличия у этих лексем позитивных коннотаций, формируемых контекстом.

В качестве примера можно привести использование слово *προσάρτηση* в одной любопытной публикации, вышедшей за несколько месяцев до СВО. Речь идет об аналитической статье под заголовком «Περικύκλωση της Ρωσίας, Κριμαία και ο ρόλος της Ελλάδας» («Россия в окружении, Крым и роль Греции»), опубликованной в сентябрьском номере журнала *Hellenic Nexus* за 2021 г., с. 15–18. Автор статьи явно симпатизирует России, одобряя воссоединение Крыма с державой, которая когда-то включила крымскую землю в цивилизационное пространство, изгнав оттуда враждебные как русским, так и грекам племена и заселив полуостров переселенцами

из России и Греции. Интересно, что при таком подходе автор использует слово «προσάρτηση» в контекстах, гарантированно исключающих употребление лексемы «аннексия» в русском переводе, а именно: «96,7 % граждан высказались за присоединение к России» (с. 16) и «Хрущев в 1954 году... присоединил Крым к Украине» (там же). Далее в публикации приводится заявление НАТО, осуждающее «незаконную аннексию Крыма Россией», разумеется, с использованием того же слова. Таким образом, остается заключить, что в греческом языке слово προσάρτηση лишено функционального оценочного значения на уровне семантического ядра и может приобретать его лишь в силу ситуативной прагматики контекста.

Сходным образом используется в греческом языке и слово κατοχή («оккупация» в дипломатическом контексте). Тем не менее, на карте, демонстрирующей территориальные приобретения Греции со времен национально-освободительной революции 1821 года, территория северного Эпира с греческим населением, занимаемая греческими войсками с 1918 по 1923 год, обозначена как «υπό ελληνική κατοχή». Русский язык в данном случае не допускает использования при переводе слова «оккупация», поскольку в русскоязычных дипломатических контекстах употребление лексем, подобных «аннексии» или «оккупации», невозможно в ситуации одобрения описываемых действий или применительно к агенту от первого лица, поскольку это было бы равносильно признанию в совершении противоправных действий. Аналогичным образом проявляют себя, соответственно, в греческом и русском языках, лексема αποικισμός (колониализм). Так, председатель палаты представителей (парламента) Кипра Яннакис Омиру в своей статье от 09.06.2019 под заголовком «Συγκατάθεση στον αποικισμό» («Согласие на колониализм») осуждает пребывание британских военных баз на острове. В то же время в общепринятом греческом культурно-историческом дискурсе термины Α' αποικισμός и Β' αποικισμός обозначают соответственно первую и вторую волны греческой колонизации, однозначно оцениваемые положительно в силу их высокой цивилизационной роли. В данном случае в русском языке отсутствует оригинальная лексема, поэтому греческое слово αποικισμός в позитивном или нейтральном оценочном значении приходится переводить как «выведение колоний» или «колонизация».

В заключение хотелось бы привести некоторые методологические рекомендации при переводе терминов с совпадающим дескриптивным и разнящимся коннотативным значением. Чтобы выбор вектора оценки не казался произволом переводчика, вполне допустимо прибегать к определениям специализированных толковых словарей. Поскольку слова «аннексия» и «оккупация» описаны в них как противоправные, это создает основание для исключения их использования в тех контекстах, где их греческие аналоги προσάρτηση и κατοχή имеют позитивные коннотации.

Литература

- Беляков М. В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса: дис. ... д-р филол. наук. Воен. ун-т МО РФ, 2022.
- Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013.
- Хроменков П. Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: дис. ... д-р филол. наук. Воен. ун-т МО РФ, 2016.
- Хроменков П. Н. Лингвоконфликтология и политический дискурс. М.: Международные отношения, 2016.

Гришин Дмитрий Алексеевич

старший преподаватель, кафедра византийской и новогреческой филологии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
grdimitris@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АГИОГРАФИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: византийская литература, агиография, общение, диалог.

Диалог — одна из наиболее распространенных форм человеческого общения. В современной художественной литературе он также является стандартной формой коммуникации персонажей. Более того, как пишет Н. В. Изотова, «В художественной прозе диалогическая коммуникация, с одной стороны, наиболее достоверно и точно отражает естественную речевую коммуникацию, поскольку диалогический фрагмент текста, формирующийся сочетанием авторского и персонажного речевых планов, дает возможность читателю представить полноценную диалогическую ситуацию» [Изотова 2016: 834]. Именно поэтому представляется интересным проанализировать, насколько правомерно говорить о правдоподобном отображении коммуникативной ситуации в византийской литературе в целом и в агиографии в частности. Далее, мы рассмотрим употребление элементов коммуникации на примере двух произведений, являющихся яркими представителями разных направлений развития византийской агиографии — Жития Антония Великого и Чудес св. Артемия.

Одна из ключевых особенностей византийской литературы — мимесис — достаточно долгое время скорее осуждалась учеными. Прием «подражания», «уподобления» был одним из основных инструментов риторического искусства, которое в свою очередь нередко являлось основной многих литературных жанров. Византийское искусство речи ближе, скорее, не к современному умению «говорить красиво», но к техничному владению приемами и знанию классических образцов.

Влияние риторического жанра прослеживается и во многих произведениях византийской агиографии. Так, например, в Житии Антония Великого — одном из хрестоматийных образцов житийной литературы — случаи использования прямой речи чаще являются одиночными высказываниями героев или пространными монологами Антония, не формирующими полноценной беседы, и скорее походят на прием *oratio* античной и византийской историографии. При этом диалогов, в которых происходит неоднократный обмен реактивными репликами, не так уж и много (здесь и далее перевод автора):

«И, поскольку сокрушен был коварный, он, будто раболепствуя, теперь уже не искушал святого в мыслях, но, прибегнув к человеческой речи, говорил: “Я многих обманул и еще больше низверг, но ныне, [напав], как на прочих, на тебя и на труды твои, ослабел”. Потом, когда Антоний спросил: “Кто ты, обращающийся с этими речами ко мне?” — тот, не таясь, произнес жалобные слова: “Я — друг блуда, поручился [приготовлять] сети его и зуд против самых юных и я зовусь духом блуда. [...] Много раз смущал я тебя, и каждый раз был побежден тобой”. Антоний же, возблагодарив Господа, не страшась врага, сказал ему: “Поэтому ты особенно достоин презрения, ибо черен ты умом и, как дитя, слаб. Теперь нет у меня и заботы о тебе. «Господь мне помощник, и аз воззрю на враги моя (Пс. 117, 7)». Услышав это, темный немедленно бежал, остерегаясь этих слов и боясь даже приближаться к Антонию» [Bartelink G. J. M. 2004: 6. 7–27].

На первый взгляд, этот диалог обладает необходимыми чертами коммуникативного эпизода: имеется авторская пропозиция, глагол, запускающий коммуникацию, — локутивный, далее реплики носят реактивный характер, что выражается как вводными единицами, так и содержанием реплик. После обмена репликами наблюдается перлокутивный эффект — демон оставляет Антония после его слов. Но сам диалог в данном случае вводится автором скорее для иллюстрации полемических способностей святого, нежели с целью отобразить реальный коммуникативный эпизод. Цитаты из Священного Писания также говорят о главенствующей роли

риторики. Кроме того, разговорная речь с ее особенностями не удовлетворяет стилистическим и языковым особенностям данного памятника.

В другом, на наш взгляд, весьма нетрадиционном произведении византийской агиографии — «Чудесах св. Артемия» — по замечанию ряда ученых язык можно охарактеризовать как разговорный, а именно относящийся к нижнему или среднему регистру, для которого не свойственно изобилие классических словоформ или риторических средств украшения [Crisafulli 1996: xvi]. Эти особенности влияют и на изображение автором коммуникативных ситуаций с куда большим правдоподобием, чем можно видеть в житиях более высокого стиля, ср., напр.:

«Увидев болящего и вскипев от гнева, [кузнец] говорит ему: “ты опять сюда пришел?”, и настолько он был раздражен, что фыркнул и сказал ему: “За это я тебя убью”. Больной же осторожно говорит ему: “Не скрывай, господин, данной тебе милости такого исцеления”. А тот говорит ему резко: “Клади свою грыжу на наковальню”. Страждущий сделал так и сказал: “Я и сам хочу освободиться от такой жизни, ибо какой толк жить в муках?” А кузнец сказал: “Ты что, к палачу пришел?”, и, возбужденный от гнева, поднял молот двумя руками и с огромной силой собрался его обрушить» [Papadopoulos-Kerameus A 1975: 38].

Фрагмент изобилует структурными элементами довольно активного диалога, в процессе которого стороны обмениваются репликами, при этом отдельные реплики представляют собой косвенные речевые акты: ср., напр., Ты опять сюда пришел?, Ты что, к палачу пришел?, присутствуют весьма оригинальные невербальные компоненты (напр., фыркнул), дополняющие коммуникативную картину. Можно утверждать, что приведенный фрагмент диалога весьма правдоподобно воссоздает ситуацию общения между двумя людьми и едва ли несет дополнительные функции (напр., риторическую), которые могли бы повлиять на его форму.

Изображение коммуникативных актов в византийской агиографии весьма разнообразно, тем интересней представляется проведение исследования художественного диалога в свете зависимости реализма диалогов от стилистического регистра произведения. Дальнейший анализ его структуры с точки зрения коммуникативного подхода может дать весьма интересные результаты.

Литература

- Изотова Н. В.* Художественный диалог: своеобразие представления и восприятия (на материале творчества А. П. Чехова) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. Вып. 5. С. 834–839.
- Bartelink G. J. M.* Athanase d’Alexandrie, Vie d’Antoine. Sources chrétiennes 400. Paris : Éditions du Cerf, 2004.
- Crisafulli V.* The Miracles of St. Artemios: A Collection of Miracle Stories by an Anonymous Author of Seventh-Century Byzantium. Leiden: E. J. Brill, 1997.
- Papadopoulos-Kerameus A.* Varia graeca sacra, St. Petersburg, Kirschbaum. 1909 (repr. Leipzig: Zentralantiquariat der deutschen demokratischen Republik, 1975).

Домосилецкая Марина Валентиновна¹, Новик Александр Александрович²

¹канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
marinaling@mail.ru

²канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН;
доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
njual@mail.ru

АЙВА В ПОЛИЭТНИЧНОЙ МЕТОХИИ: ЭТНОБОТАНИЧЕСКИЙ И ФИТОНИМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Ключевые слова: айва, алиментарная система, народная медицина, фитонимы. Метохия.

Айва обыкновенная, или Айва продолговатая (*Cydonia oblonga* Mill.) — древняя плодовая культура, единственный представитель рода *Cydonia*. Родина растения расположена в Талышских горах на юго-востоке Закавказья (Азербайджан и северный Иран), а также в Алазанской долине (Грузия и Азербайджан) и в долине реки Тертер (Азербайджан) [Özbek 2022: 209–210].

О времени вхождения айвы в садоводческую культуру на Балканском полуострове сказать ничего определенного нельзя. Однако если судить по соответствующим албанским и сербско-хорватским заимствованным фитонимам, знакомство балканских насельников с этим растением произошло очень давно, а маршрут его проникновения совпадал с торговыми путями из Малой Азии через Грецию и Апеннинский полуостров, что вполне соответствует представлениям об айве фитогеографов [Özbek 2022: 211].

Айва в традиционной системе питания и народной медицине. Айва цветет в апреле–мае. Садовые крупные, крепкие, ароматные лимонно-желтые плоды неправильной бугристой формы созревают в сентябре–ноябре. Их стараются снять слегка недозрелыми, поскольку айва имеет тенденцию в спелом состоянии быстро портиться и гнить. См. связанное с этим распространённое у сербов поверье, что плоды айвы нельзя нюхать, потому что в таком случае они быстро сгниют [Чајкановић 1985: 83].

В народной медицине Косово, как сербской, так и албанской, традиционно использовались листья и плоды айвы, а также высушенные семена. Имеющие вкус горького миндаля, они довольно высоко ценились за свои целительные свойства. Их осторожно извлекают и высушивают на солнце, следя за тем, чтобы они не заплесневели. Отвары их применяются при диарее, дизентерии и рвоте и в целом как успокаивающее пищеварительную систему средство [Чајкановић 1985: 84]. Интересно, что снятая с плодов кожура шла, напротив, как послабляющее средство от запоров. Чай из айвовых семян пили как успокаивающее средство, против бессонницы и от неприятного запаха изо рта. Отваром листьев промывали глаза.

Сербы, и в Косово в частности, по традиции широко применяли айву против боли в сердце, а при высокой температуре и боли в горле пили айвовый сок. Полагали полезной айву и при специфических женских проблемах: болезненные месячные и трещины на сосках (прикладывают молотые семечки айвы). Особенно ценной для здоровья считалась айва, которая побывала в рождественском жарком — больные ее с радостью принимали в качестве подарка. Особняком стоит лечебное использование айвы у сербов — от кашля и коклюша.

Что показывают новейшие полевые исследования исторической области Метохия? В краинах Сречка/Средачка и Сиринич на юге края, где расположены албанские, сербские, а также смешанные села, в ход идет кожура айвы, ее листья и собственно сами фрукты [Mustafa et al. 2020: 7]. Важно отметить, что их использование разнится между албанцами и сербами. Только сербы заваривают чай из листьев айвы и лечат им респираторные заболевания и кашель; только сербы дистиллируют здесь айвовую ракию (ферментированную в течение 21 дня). С другой стороны, только албанцы широко используют специфические кулинарные формы: варенье из кожуры — *qeçel*, которая также важна как *msysh* «от дурного глаза», только албанцы заго-

товляют из айвы компот и заквашивают на зиму ее плоды. А вот единственное, что объединяет здесь в этом плане оба народа — это варенье из самой айвы.

Фитонимы для айвы. Об относительно позднем вхождении айвы в повседневный быт албанцев (и в Метохии, в частности) свидетельствует отсутствие у них междиалектных синонимов и собственных исконных мотивированных образований-фитонимов для наименований этого фрукта. Наблюдается повсеместная «привязка» к одному и тому же этимону.

В албанском стандартном языке (тоскская норма) имеется: *ftua*, *ftoi m. ftonj(të) pl.*, чему в северной, гегской, норме соответствует *fëtue* (Северная Албания), *ftue* (Косово и Метохия). Восходит к позднелат. *qudenaea māla* < лат. *cotōneum (mālum)* < *cydōneum (māla cydōnia* — плод айвы, *cydōnia (arbor)* айва-дерево).

Сербский и хорватский стандартный облик фитонима для *Cydonia oblonga* — *dunja*, восходящее через цепочку элизий и метатез к тому же латинскому источнику: *dunja, gunja* < *dgunja* < *gdunja* < лат. *cydoneum*. Ср. также арум. *gutun'jū*, рум. *gutui*.

Дополнительным подтверждением проникновения культуры на Балканы с запада, с Апеннин, является то, что характерное турецкое название айвы *ayva* здесь не привилось. Встречается лишь переносное название сортов фруктов, соотносимых по внешнему виду с айвой и название соответствующей древесины: алб. *ajvan* 'сорт яблок' (по всей видимости, желтых) (< *ayva-elma* 'айва-яблоко') и серб. (босн.) *хајванија, хајванилија* (Босния) 'древесина (айвы)'.

Литература

- Чайкановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. Београд: Српска академија наука и уметности, 1985.
- Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire de mots. Quatrième édition. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1967.
- Mustafa B., Hajdari A., Pulaj B., Quave C. L., Pieroni A.* Medical and food ethnobotany among Albanians and Serbs living in the Shtërpçë/Štrpce area, South Kosovo // *Journal of Herbal Medicine*. 2020. Vol. 22. P. 100344. <https://doi.org/10.1016/j.hermed.2020.100344>
- Özbek H.* *Cydonia oblonga* Mill // *Novel drug targets with traditional herbal medicines* / eds F. Tuğçe Güragaç Dereli et al. Springer, 2022. P. 209–225.

Дугушина Александра Сергеевна

канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
dygi@inbox.ru

СОВРЕМЕННОЕ СВАДЕБНОЕ МЕНЮ В АЛБАНИИ: ВЗГЛЯД НА ЕДУ ИЗ ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКА И ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: Албания, албанский язык, идентичность, пищевые практики.

Доклад посвящен особенностям современного свадебного меню в Албании, а также разговорам и рефлексиям о праздничной еде участников свадьбы. Новейшие разработки в исследованиях алиментарной культуры показывают, что сегодня антропологическое изучение пищи стало масштабной дисциплиной и касается не только традиционных систем питания и ритуалов, связанных с едой, но и многих сфер социальной повседневности: вопросов идентичности (этнической, конфессиональной и др.), принадлежности к различным группам общества, национализма, политических переменных, глобальных трендов и коммерциализации [Фаис-Лутская, Новик 2022]. Материалами для исследования послужили наблюдения, интервью, фото- и видеосъемка автора в сентябре 2021 г. на свадебной церемонии в Албании в округе Дуррес. В албанской традиции сохраняется двухчастное раздельное празднование свадьбы в семье жениха и в семье невесты, наши наблюдения проходили на свадьбе, организованной стороной новобрачной. Часть интервью была записана с молодоженами и членами семьи невесты в сентябре 2021 г. в Албании, часть — в мае 2022 г. через дистанционные средства связи.

Очевидно, что воспроизводство культуры тесно связано с сохранением праздничных традиций, важнейшей частью которых является приготовление специфических блюд. Еда для торжеств отличается от повседневного меню, и в этом отношении свадьба — уникальный ритуал. По сравнению с другими традиционными ритуалами жизненного цикла, он представляет собой демонстративную форму праздничной культуры, в которой все элементы предполагают презентацию всего лучшего, и в первую очередь — угощений. Албанская современная свадьба здесь не исключение: по словам информантов, первое и последнее, что будут обсуждать гости после свадьбы — это еда. Помимо того, что свадебное торжество остается востребованным для молодого поколения, нас будет интересовать, как праздничное меню отражает взаимосвязи между идентичностью и социальными нормами, традициями и трендами, а также межгрупповыми и внешними оценками [Chiaro, Rossato 2015]. Опираясь на понимание пищи как системы коммуникации, включающей образы, знаки, ситуации, поступки, и предполагающей определенную систему значений [Барт 2003: 368–370], мы обратимся к свадебному меню с точки зрения социальных практик [Chau 2014] с целью показать, как восприятие праздничной еды и пищевые привычки взаимосвязаны с языком, культурой и идентичностью.

Так, особую категорию в системе праздничного меню занимает мясо. Чем больше на столе мясных блюд или угощений с мясом в разном виде (цельные куски, запеченное с овощами и/или кисломолочными продуктами в глубокой таре, вареное или тушенное в бульоне, туша на вертеле, выпечка с мясом и т. д.), тем свадьба считается сытнее и богаче («Если даешь мясо, ты даешь все»). Кроме того, различные виды мяса наделяются маркерами «социально означаемых» [Барт 2003: 371]. Ягнятина, баранина, говядина помещены в категорию уместности на праздничном столе вне зависимости от конфессиональной принадлежности семьи, оставляя статус свинины и мяса домашних птиц в рамках повседневной пищи. Престижность определенного вида мяса, как например, мясо коз, считающееся наиболее диетическим и нежирным, будет связана не столько со стоимостью продукта, сколько с категорией «аутентичности» в системе питания. По этой причине популярные в последние десятилетия в Албании рыба и морепродукты не включаются в набор традиционных блюд из-за несоответствия консервативному запросу. Пища, отсылающая к аутентичности, то есть к традиционному, происходящему из сельской культуры, будет включать также маркеры региональной идентичности, важной для албанского общества

(север/юг/центр страны, город/село). Из этой перспективы важным компонентом аутентичной гастрономической культуры албанцев на свадебном столе будут блюда из внутренностей (печень, кишки и другие субпродукты мелкого рогатого скота) как знак принадлежности семейного коллектива к определенной региональной группе (например, запечённое на вертеле блюдо из внутренностей (алб. *kukuresi*), типичное для региона Пермет).

Особое внимание будет сосредоточено на собственно свадебном меню в его материальной форме, то есть предложенному гостям свадьбы списку блюд в определенной последовательности. Здесь важно отметить, что ресторан, в котором проходило празднество, специализируется на национальной албанской кухне. Локация “*Agroturizëm Gjerali*” позиционирует себя как агроферма, на земле которой выращиваются те продукты, из которых готовятся блюда в собственном ресторане. Существенным в репрезентации этнической кухни является и то, что владелец и шеф-повар агрофермы — успешный представитель диаспоры, организовавший локацию агротуризма (семейную ресторацию и ферму) на месте фермерского хозяйства своих предков. Эта кухня ориентирована и на «инокультурного» туриста, и одновременно на внутригрупповую аудиторию, предлагая «блюда со вкусом наших семейных традиций». Соответственно, и в системе коммуникации с потребителем в самом меню через различные дискурсивные способы (отход от стандартизированного написания названий блюд, описания блюд, структура меню и др.) обыгрывается консервативный запрос на «аутентичность» и одновременно поиск компромисса между традиционным и современным с учетом желания потребителей получать новые впечатления от еды.

Литература

- Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
- Фаис-Леутская О., Новик А.* Антропология питания как мета- и мегадисциплина: алиментарные практики, глобальные вызовы и конструирование имиджа // *Антропологический форум*. 2022. № 53. С. 177–194.
- Chau A. Y.* Culinary subjectification: The translated world of menus and orders // *Hau: Journal of Ethnographic Theory*. 2014. No. 4 (2). P. 141–160.
- Chiaro D., Rossato L.* Food and translation, translation and food // *The Translator*. 2015. No. 21 (3). P. 237–243.

Йованович Елена Любомировна

*д-р этномузыкологии, научный советник,
Музыковедческий институт Сербской академии наук и искусств;
jelena.jovanovic@music.sanu.ac.rs*

О ДРЕВНЕМ СЛОЕ СЕРБСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕЛЬСКОМ ПЕНИИ И ГОВОРЕ В ОБЛАСТИ КОПАОНИКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГИМИ ЧАСТЯМИ СЕРБИИ

Ключевые слова: Центральная Сербия, древняя культура, этномузыкология, лингвистика, традиционное пение.

Основой настоящего доклада стал синтез итогов систематических полевых исследований в сфере этномузыкологии и лингвистики. Этномузыкологические результаты основаны на полевых исследованиях и учитывают ранее собранные в тех же областях материалы, а кроме того в значительной степени опираются на результаты лингвистических исследований, которые наиболее актуальны по ряду причин. Речь идет о диалектологическом изучении нескольких областей Сербии, где установлено существование слоя старинной сербской традиционной культуры, воплощенной в народных говорах и традиционном сельском пении («сельское» в данном случае выступает как синоним крестьянской традиции пения). Задача доклада — рассмотреть определенные явления, наблюдаемые в старой сербской певческой традиции в районе горы Копаоник в отношении к более северным частям Сербии на основе систематических этномузыкологических исследований и с учетом уже проведенного изучения связи этногенеза и традиционной музыки, следуя восприятию музыкальных диалектов как «диахронии, разбросанной по просторам».

В северном направлении находятся районы Восточной и Южной Шумадии: Доня-Ясеница, Доня-Лепеница и Левач, а также Поморавле Великой Моравы. Эти регионы считаются в сербской науке выражено переселенческими на Балканах [Ивич 1955–1956: 105], но в то же время они являются и областями, где сохранились некоторые из древнейших славянских культурных (и, следовательно, как мы предполагаем, музыкальных) элементов, что объединяет в нашей работе результаты этномузыковедческих и лингвистических исследований. В центре внимания находятся культурные элементы, восходящие к так называемому предмиграционному периоду, то есть периоду до начала интенсивных перемещений населения в этой части Сербии в XV веке, вызванных османским вторжением. Эти элементы, как предполагается, принадлежат культуре древнего сербского населения [Ивич 1955–1956: 98]. По степени архаичности их, по мнению Никиты Толстого, можно сравнить с культурными элементами Полесья. С другой стороны, по горному району Копаоника (южное направление) веками проходили миграционные пути с юго-запада на северо-восток, то есть из Косово и Метохии до центральных частей Сербии, что отразилось как в сфере народной речи, так и в традиционном «старом» сельском пении [Радич 2010: 24–26; Йованович 2014: 301–302]. Таким образом, центральной темой работы становится культурная связанность различных регионов Сербии, особенно когда речь идет о косово-ресавском диалекте сербского языка. Эта тема тем более интересна, что в сербской этнологии подчеркивается высокая вероятность существования симбиоза элементов древней культуры с элементами культуры многовековых миграционных течений из регионов Косово и Метохии [Радич 2010: 37–38]. Эти длительные и продолжительные миграции определили географический облик косовско-ресавского диалекта как результата косовско-метохийского миграционного движения [Ивич 1955–1956: 105–106] и как доминирующей культурной матрицы переселенцев в указанные выше более северные регионы.

Этномузыкологические исследования в Шумадии и Поморавле основаны на многолетних полевых работах (1980–2010) и на методе так называемой московской этнолингвистической школы с техникой картографирования [Йованович 2014]. Благодаря этому было получено более глубокое понимание распространения определенных элементов и слоев старой вокальной

традиции этого региона в отношении этногенетических процессов и миграций. Кроме того, горный массив Копаоника представляет собой пространство уникальной культуры, воплощенной прежде всего в архаичных речевых чертах, которые относятся преимущественно к древнему сербскому населению [Radic 2010: 328–329]. Систематические этномузыкологические полевые исследования в различных районах Копаоника в первом десятилетии XXI века позволили получить звуковые записи «старого» сельского пения, в основном от рассказчиков старшего поколения. Эти выводы были описаны в нескольких научных работах [например, Яковлевич 2011]. После рассмотрения полевого этномузыкологического материала из двух регионов, а также изучения лингвистической литературы, посвященной особенностям разговорной речи в этих областях, стало ясно, что существует основа для сопоставительного рассмотрения элементов древнейшего слоя речевых и музыкальных традиций, показывающих свое сходство. Гипотеза состоит в том, что можно говорить о существовании пространственной непрерывности элементов одних и тех же или чрезвычайно схожих между собой древних культур сербского народа.

При сопоставлении старой вокальной традиции Копаоника со старой традицией Восточной Шумадии и Поморавли Великой Моравы наблюдаются следующие общие черты:

- 1) единоголосное, унисонное групповое пение;
- 2) мелодические модели (определяемые прежде всего метrorитмической структурой и стихосложением, а также мелодической линией), характерные для обеих областей в связи с определенными музыкально-фольклорными жанрами годового и жизненного цикла. Эти модели, за исключением Копаоника, встречаются во многих регионах Сербии, где представлен косово-ресавский, а также призренско-тимокский диалект сербского языка;
- 3) архаичная тетракордальная тональная последовательность в диапазоне чистой кварты, f-g-as-b, состоящая из большой секунды ниже тоникой (финалиса) и малой и большой секунды над тоникой (финалисом), в нескольких музыкально-фольклорных жанрах;
- 4) специфический тембр и орнамент в унисонном групповом пении, для которого в исследуемых областях были записаны родственные эмские термины, которыми пользуются сами носители традиции.

Презентация доклада будет сопровождаться соответствующими мелогографическими картами, а также нотными и звуковыми примерами.

Литература

- Ивић П. О неким проблемима наше историјске дијалектологије // Јужнословенски филолог. 1955–1956. Институт за српски језик САН. XXI. № 1–4. С. 97–125. (Ивич П. О некоторых проблемах нашей исторической диалектологии // Южнославянский филолог. 1955–1956. Институт сербского языка САН. XXI. № 1–4. С. 97–125.)
- Јаковљевић М. Вокална музичка традиција источног Копаоника. Београд: Факултет музичке уметности, Катедра за етномузикологију, 2011. Дипломски рад, рукопис. (Яковлевич М. Вокальная музыкальная традиция Восточного Копаоника. Белград: Факультет музыкального искусства, кафедра этномузыкологии, 2011. Дипломная работа, рукопись.)
- Јовановић Ј. Вокална традиција Јасенице у светлости етногенетских процеса. Београд: Музиколошки институт САНУ, 2014. (Йованович Е. Вокальная традиция Ясеницы в свете этногенетических процессов. Белград: Музыковедческий институт САНУ, 2014.)
- Радић П. Копаонички говор. Етногеографски и културолошки приступ. Београд: Српска академија наука и уметности. Етнографски институт, 2010. Посебна издања. № 70. (Радич П. Копаоничкий говор. Этногеографический и культурный подход. Белград: Сербская академия наук и искусств. Этнографический институт, 2010. Специальные издания. № 70.)

Кикило Наталья Игоревна

Институт Славяноведения РАН, НИУ ВШЭ

КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В НАРРАТИВАХ МАКЕДОНСКОГО МЕНЬШИНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБИИ

В многонациональном и поликультурном регионе Воеводина (Р. Сербия) выделяется компактный ареал проживания македонского меньшинства, формирование которого непосредственно связано с процессом колонизации данных территорий в результате Аграрной реформы СФРЮ в 1945–1948 гг. [Гаћеша 1984]. После войны большая часть земельного фонда была экспроприрована в пользу государства, в том числе владения немецкого населения Воеводины, которые были распределены между переселенцами из других малоземельных, горных регионов Югославии, в том числе из НР Македонии. Сегодня расположенные в Воеводине в общине Панчево населенные пункты Ябука (серб. Jabuka, нем. Apfeldorf, венг. Torontálalmás), Глогонь (серб. Glogonj, нем. Glogau, рум. Glogoni), Качарево (серб. Kačarevo, нем. Franzfeld) являются главным анклавом проживания македонского меньшинства, что по данным переписи 2022 г. составит 7021 человек [РЗС 2023].

В рамках полевого исследования в Воеводине в августе 2023 г. были записаны интервью у 22 информантов, которые в разной степени владеют македонским в его литературном и/или диалектном варианте. Участники интервью условно делятся на две группы: 1) потомки колонистов, чей идиом сохраняет диалектные особенности материнского ареала; 2) экономические мигранты, которые переехали из НР Македонии в 60–70 гг. и проживают в сербоговорящей среде уже более 40 лет; от первой группы они отличаются также тем, что получали начальное/среднее образование на македонском языке. Тематами интервью были история семьи, ее переселения, языковая биография информантов, сохранение македонских культурных традиций в первые годы колонизации.

Особенности языка македонских переселенцев в Воеводине уже становились объектом исследования [Станковиќ, Лаброска 2015], влияние сербского языкового окружения на идиом македонцев отмечается как на фонетическом, лексическом, так и на морфосинтаксическом уровнях. Системы глагольных форм и македонского, и сербского языков имеют так называемые л-формы глагола (ср. гл. дошол «пришел»), которые кодируют разные значения. В македонском они являются одновременно перфектными и эвиденциальными показателями, с помощью которых говорящим маркируется информация, полученная опосредованно. Приведем пример нарратива информанта, чей идиолект относится к центральным македонским говорам региона Крушево и преимущественно сохраняет систему эвиденциальных форм. Информант говорит о детстве своего дедушки, и в нарративе последовательно прослеживается употребление эвиденциалов при пересказе событий, свидетелем которых говорящий не был: Он бил ловџија // до деветсто једанаесета година // једанаест година имал кога Турците биле уште таму. Једанаесет години таму у то време // већ бил зрел маж. (СН, с. Качарево). «Он был охотником, и до 1911 года, когда ему уже было 11 лет, когда турки еще не покинули край. 11 лет в то время — это уже был зрелый мужчина».

Напротив, в сербском языке нет грамматикализованного эвиденциального показателя, а л-формы имеют значение претерита (завершенного действия в прошлом). Несовпадение ряда значений у похожей формы становится причиной интерференции в речи информантов, влияет на непоследовательное употребление эвиденциальных форм в македонских нарративах у тех информантов, в чьем идиолекте предположительно данная категория ожидаема. Один из участников интервью, идиолект которого был сформирован центральными говорами с. Богомила и с. Ореше Велешского региона, рассказывает о своем дяде, его судьбе. В примере аористные и имперфектные формы чередуются с л-формами: После стрико ми се врати во Македонија. Купил плац во Битола, беше врвен еден мајстор, беше алатничар и работеше во оваја (...) прва ударничка фабрика. (ЗЖ, Качарево). «Потом дядя вернулся в Македонию. Купил участок в Би-

толе, он был настоящим мастером, изготавливал инструменты и работал в той (...) первой ударной фабрике».

Предположительно, л-форма «купил» под влиянием сербского получает несвойственное ей в македонском значение завершённого действия в прошлом, наподобие македонских свидетельских форм аориста «се врати» и имперфектных «беше», «работеше».

Эвиденциальная сетка значений с единым перфектным показателем покрывает всю модально-темпоральную систему македонских глагольных форм, в том числе результативные формы haber- и esse-перфекта (напр., «он пришел» тој има дојдено и тој е дојден соответственно). Подробнее о трех формах с перфектным значением см.: [Graves 2000]. Предварительная обработка устного корпуса показывает тенденцию непоследовательного образования эвиденциалов от составных глагольных форм, ср. рассказ о прибытии в Воеводину колонистов из Македонии, историю переселения семьи: Тие се дојдени со воз и ништо немале донесено (ЗЖ, Качарево). «Они прибыли на поезде и ничего с собой не привезли». Татко ми е дојден така без родители као сирак, њему му умреле родителите таму, и сестра му го има донесено овде (БС, с. Јабука). «Мой отец приехал сюда сиротой, там у него умерли родители, и его сестра перевезла его сюда».

Влияние мажоритарного сербского языка на идиолект македонцев не ограничивается обозначенными тенденциями, последующая обработка корпуса текстов покажет, какие изменения претерпевает македонский язык, обладающим высоким индексом «балканизации», в тесном контакте с небалканизированным сербским диалектным окружением.

Литература

- Гаћеша Н. Аграрна реформа и колонизација у Југославији, 1945–1948. Нови Сад: Матица Српска, 1984.
- РЗС — Попис становништва, домаћинства и станова 2022. године. Београд: 2023. С. 26. URL: <https://publikacije.stat.gov.rs/G2023/Pdf/G20234001.pdf>
- Станковиќ С., Лаброска В. За српско-македонската језична интерференција на морфосинтаксичко рамниште кај Македонците во јужен Банат // Путеви ма српских идиома: зборник у част проф. Радивоју Младеновићу поводом 65. рођендана. Крагујевац, 2015. С. 241–253.
- Graves N. Macedonian — a language with three perfects? // Dahl O. (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 479–494.

Кисилиер Максим Львович¹, Новаковски Марцель², Гарсия Чапарро Хайме³

¹канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; m.kisilier@spbu.ru

²Ягеллонский университет; marcel.nowakowski@student.uj.edu.pl

³Университет Альфонсо Хэль Сабуо; jgchaparro@outlook.com

О ПРОЕКТЕ ОНЛАЙН-СЛОВАРЯ ЦАКОНСКОГО ДИАЛЕКТА НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: компьютерная лексикография, новогреческая диалектология, цаконский диалект.

Диалектная лексикография была и остается одним из важнейших направлений развития как диалектологии в целом, так и новогреческой диалектологии в частности. Казалось бы, диалектная лексикография новогреческих диалектов развивается весьма успешно: для многих диалектов были созданы словари, причем для некоторых даже более одного.

В настоящем докладе речь пойдет о цаконском диалекте, традиционно считающимся самым древним и наиболее загадочным из ныне существующих диалектов новогреческого языка (подробнее о нем см., в частности, [Kisilier 2021b]), на котором до сих пор говорят в одной из горных областей Аркадии на Пелопоннесе (Греция). История изучения этого диалекта насчитывает более 200 лет [Liosis 2016], и за это время появилось несколько диалектных словарей, и некоторыми из них пользуются как исследователи, так и сами носители цаконского. Самый большой из них, появившийся последним [Κωστάκης 1986–1987], даже претендует на комплексное отображение цаконской лексики и в целом пытается использовать достижения современной лексикографии. В нем, в частности, отражены локальные варианты цаконского диалекта, а также даются базовые сведения по грамматическим формам и по этимологии. Тем не менее, даже у этого, несомненно, удачного словаря наблюдается целый ряд серьезных недостатков. Позволим себе указать лишь на некоторые из них.

1. Поскольку перед его автором, замечательным греческим диалектологом Фанасисом Костакисом, не столько стояла задача описать родной диалект, а создать для него некий языковой стандарт, то и словарь во многом оказался не столько дескриптивным, сколько прескриптивным. В него не попала лексика или значения, которые автор по тем или иным причинам посчитал неисконными или незаслуживающими внимания. Например, в словарь не вошла лексема *baráka*, обозначающая дом с настезь открытыми окнами и дверьми, возможно, потому что она не зафиксирована в говоре родной деревни самого Костакиса. Кроме того, регулярно не фиксируются оттенки значений, которые могут существенно различаться от деревни к деревне. Так, *ajázi* в словаре переводится лишь как ‘ночной зимний холод, иней, изморозь’ [Κωστάκης 1986–1987: (I) 11], тогда как в одном из крупных цаконоязычных населенных пунктов *ajázi* служит для обозначения сквозняка (см. также [Kisilier 2021b: 232]).

2. Далеко не всегда понятен выбор словоформы, обозначающей лемму. Иногда это некий усредненный вариант цаконской лексемы, и тогда пользователь относительно легко может найти интересующее его слово. Однако нередко таким словом оказывается новогреческая лексема, и тогда словарная статья выглядит так:

αλήθεια α, αλήθη ΜΤ, αλήθᾶ Χ [Κωστάκης 1986–1987: (I) 47]

Словарная форма *αλήθεια* не встречается ни в одном из вариантов цаконского, а представляет собой собственно новогреческую лексему.

3. Пожалуй, наиболее существенной проблемой при использовании словаря может оказываться используемая графика. Дело в том, что цаконская фонетика довольно сильно отличается от фонетики стандартного новогреческого языка, и базового греческого алфавита оказывается недостаточным для передачи всех особенностей. Фанасис Костакис придумал как использовать греческий алфавит, однако созданная им графика не может использоваться без

специальной подготовки и вызывает целый комплекс проблем при использовании цифровых технологий. Поэтому разные цаконские энтузиасты регулярно придумывают свои способы записи цаконских лексем, и некоторые из этих способов значительно отличаются от того, что предложил Костакис.

Авторы настоящего доклада убеждены, что многие проблемы можно решить, используя современные технологии. Поэтому они приняли решение создать для цаконского диалекта онлайн-словарь нового типа, который позволил бы не только объединить разные варианты орфографии и создания поискового запроса, но создать лексическую базу данных, которая бы смогла включить в себя традиционные словари, опубликованные тексты, новейшие полевые материалы 2010–2023 гг., данные по этимологии и грамматике. Для последних могут использоваться методы машинного обучения, позволяющие строить полные парадигмы. Идеология подобного словаря была впервые сформулирована на материале понтийского диалекта новогреческого языка [Kisilier 2021a], однако для понтийского в связи с отсутствием финансирования удалось создать лишь небольшую демоверсию с крайне ограниченным функционалом (<http://web-corpora.net/PonticDictionary/>; дата обращения 03.01.2024).

Для цаконского словаря применены принципиально иные технологии (например, Fieldworks), что в значительной степени снижает его себестоимость и в разы повышает шансы успешной реализации проекта. В рамках настоящего доклада мы продемонстрируем уже реализованные возможности словаря и обсудим перспективы его дальнейшего развития.

Литература

Kisilier M. Pontic project: theoretical problems and modern technologies // MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021 / ed. by M. Kisilier. Leonidio: Tsakonian Archives, 2022. P. 73–84. (Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT) / ed. by A. Ralli, B. D. Joseph, M. Janse).

Kisilier M. L. Reconstructing past coexistence: Problems and mysteries in the multilingual history of Tsakonia, Greece // Between separation and symbiosis. South Eastern European languages and cultures in contact / ed. by A. N. Sobolev. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2021b. P. 215–263. (Language contact and bilingualism [LCB]. Vol. 20 / ed. by Y. Matras).

Liosis N. Tsakonian studies: The state-of-the-art // Μελέτες για την ελληνική γλώσσα. 2016. Τ. 36. Σ. 205–218.

Κωστάκης Θ. Π. Λεξικό της Τσακωνικής διαλέκτου. Τ. I–III. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1986–1987.

Климова Ксения Анатольевна

канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
научный сотрудник, Институт славяноведения РАН;
kaklimova@gmail.com

РИТУАЛЬНАЯ ПИЩА ПОНТИЙСКИХ ГРЕКОВ РОССИИ: ЛЕКСИКА, СИМВОЛИКА, АКСИОЛОГИЯ

Ключевые слова: греческий язык, понтийские греки, ритуальная пища, полевые исследования.

Ритуальная пища понтийских греков является частью общего кулинарного кода греческой культуры и выполняет множество функций: физиологическую, эстетическую, символическую, ритуальную, магическую, идентификационную. Исследование ритуально-символических значений элементов пищевой культуры позволяет раскрыть механизмы кодирования и создания особого пищевого кода культуры в этнолингвистическом понимании этого термина, в частности, проследить особенности трансформации блюда из разряда повседневного в ритуально маркированное.

Работа основана на данных, собранных в ходе четырех полевых экспедиций, состоявшихся в 2022–2024 гг. в регионы компактного проживания греков на территории России: район г. Сочи, регион Кавказских Минеральных Вод (Ессентуки, Минеральные Воды, Пятигорск, окрестные станицы и села) и греческие села Карачаево-Черкессии, причерноморский регион городов Анапы, Новороссийска и Геленджика, район г. Владикавказ (Северная Осетия). Во всех обследованных регионах проживают понтийские греки, представленные двумя этноязыковыми подгруппами: ромеями, которые говорят на понтийском диалекте греческого языка, и урумами, которые говорят на историческом северо-восточном диалекте турецкого языка. Эллинофоны используют самоназвание Ρωμαίοι (ромеи) ‘греки’ (букв. ‘римляне’), а для обозначения своего языка — эндолингвоним ρωμαίικα (ромéика) ‘ромейский язык’. Греки-урумы пользуются самоназванием urumlar ‘греки’, а свой язык они называют musulmanca ‘мусульманский язык’, osmanca ‘османский язык’ или bizim dilca ‘наш язык’. На русском обе языковые группы называют себя греками. Понтийские греки переселились на обследованные нами российские территории с малоазийского побережья Черного моря в несколько этапов в XIX–XX вв., большая часть переселенцев покинула свои исторические земли в Малой Азии после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., последовав за армией Российской империи, отступавшей с завоеванных османских территорий.

Работа по полевому исследованию языка и культуры греков России проводилась в основном по этнолингвистической программе А. А. Плотниковой, однако для изучения повседневной и ритуальной пищевой культуры понтийских греков нами был составлен специальный вопросник, включающий более 100 общих вопросов, разделенных на тематические разделы: режим питания (в течение суток, в рамках годового цикла, включающий сведения о названиях приемов пищи и частей трапезы, о календарных или окказиональных постах); предписания или запреты на употребление определенных видов пищи или напитков, животных или растений; обрядовая пища семейного цикла (родильная, детская, свадебная, поминальная); обрядовая пища календарного цикла (рождественская, крещенская, пасхальная и пр.) и ее символические функции; обрядовая пища, связанная с сельскохозяйственными и скотоводческими практиками; повседневная пища; безалкогольные и алкогольные напитки; лекарственные травы и вещества; табак; названия посуды и инструментов для приготовления и хранения пищи; терминология технологии приготовления пищи (чистить, нарезать, натирать, варить, жарить, печь и пр.). В ходе полевой работы было собрано 118 уникальных названий блюд (сирон, шурван, фусторон, киндеас, чумур, порания, пишия и пр.) и напитков (хошаф, ксиаглан, чалхаман и пр.) понтийской кухни, более 100 развернутых кулинарных рецептов и нарративов о традиционной понтийской пищевой культуре.

Особое внимание уделялось обрядовой пище похоронно-поминального цикла. Поминальная кутья (кокия, синин, едик) является главным ритуальным блюдом, при этом в разных локальных традициях существуют разные варианты ее символического украшения. В с. Красная Поляна в день похорон у креста на кутье должно быть расходящееся основание (крест-голгофа), на девятый день изготавливают кутью, где у креста закрыта одна створка, а на сороковой — уже обе, что призвано показать полный переход души покойного из живых в «иной мир». Крест также делит пространство тарелки на четыре части, в каждой едят по букве: И, Х, Н (Ἰησοῦς Χριστός νικά) и первую букву имени умершего.

Греческие этнические пищевые традиции сохраняются не только в ритуально-обрядовой сфере (в виде меню традиционных свадеб, поминок (например, традиции приготовления поминального блюда из вареной пшеницы кокия — едик, ср. кутья), календарных праздников (например, новогодний/крещенский пирог с запеченной внутри монеткой чурек/ пита — кете/ кяте и пр.), но и в повседневной жизни.

Названия одного и того же блюда могут значительно варьироваться в зависимости от региона фиксации лексемы. Так, распространенный в понтийской культуре суп из крупы на кисло-молочной основе может называться терминами, этимологически восходящими к тур. çorba 'суп, похлебка': ширван, шерван, шорван, шурван (σιρβάν, σουρβάν, τσορβάν, τσουρβάν), а также таноменон фаин (τανομένον φα(γ)ίτι) или (в среде тюркоговорящих греков-урумов) айран аши (ayran aşı).

Вторичное, ритуализованное использование блюд повседневной кухни в современной традиционной культуре понтийских греков обусловлено необходимостью подчеркнуть этническую составляющую обряда, сейчас фиксируется приготовление сирона и ширвана в качестве свадебных или поминальных блюд. Таким образом исторически повседневные блюда получают новую аксиологическую насыщенность, сопряженную с этнической идентичностью.

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Маковецкий Евгений Анатольевич

д-р филос. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.makovetsky@spbu.ru

ОБРАЗ ЕЛЕНА ПРЕРАСНОЙ, «ВЫЗВАННЫЙ К ЖИЗНИ СРЕДСТВАМИ МОНТАЖНОГО ПОСТРОЕНИЯ»: КАК С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙН МОГ БЫ ПРОЧИТАТЬ КОНСТАНТИНА МАНАССИ

Ключевые слова: Всемирная хроника Константина Манасси, Елена Прекрасная, С. М. Эйзенштейн, монтажный метод, образ красоты.

Многочисленные описания внешности человека, содержащиеся в византийских хрониках, довольно часто становились предметом изучения. Результаты этих исследований касаются различных аспектов творчества авторов хроник, особенностей жанра, природы экфрасиса и пр., поэтому и спектр выводов, к которым приходят исследователи, чрезвычайно широк: от аттестации автора в качестве неумелого поэта [Лессинг 1933: 132] до обнаружения специфической природы экфрасисов, содержащихся в хрониках [Любарский 2012].

Предметом доклада является описание Елены Прекрасной, содержащееся в стихотворной Всемирной хронике Константина Манасси [Lampsidis 1996: 1157–1167], византийского писателя XII века. Мы исходим из двух положений, принимаемых нами за аксиомы. Во-первых, образ Елены, созданный Константином Манасси, представляется неотчётливым, что явно противоречит главному требованию, предъявляемому к экфрасису: описываемый предмет должен ясно представлять взору слушателя и читателя. Во-вторых, Константин Манасси является мастером экфрасиса, поэтому затруднения с восприятием созданного им образа Елены связаны не с авторским упущением, а с необходимостью расширения герменевтического арсенала, имеющегося в распоряжении читателя данного описания. Герменевтическое понимание описания Константина Манасси заключается в том, чтобы найти способ увидеть Елену Прекрасную в данном экфрасисе. Для решения этой задачи мы заимствуем понимание С. М. Эйзенштейном «монтажа» [Эйзенштейн 1964] в качестве как способа восприятия, так и метода художественного творчества, и пытаемся проанализировать описание Елены в качестве «монтажного листа», на котором даны некие «изображения», которые, подчиняясь ритму повествования, складываются в «образ» Елены, существующий «внутри темы» красоты. Кинематографические метафоры «крупного плана» и «общего плана» используются нами также по примеру С. М. Эйзенштейна, использовавшего их для анализа произведений А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова.

При анализе описания Елены Прекрасной (кроме монтажного метода) мы вводим признак деления тех 25-ти эпитетов, которые использует Константин Манасси. За этот признак принимается природа различимости предмета описания: видим ли он телесным зрением, либо умозрителен. Оказывается, что эпитеты Манасси составляют два примерно равных ряда «изображений»: 14 зрительных и 11 умозрительных. Деление эпитетов по указанному признаку точно соответствует «кинематографическому» делению «планов съёмки» на крупные и общие: зрительные эпитеты даны крупными планами, умозрительные — общими. Кроме того, мы различаем эпитеты и по другому признаку: вводятся ли они автором «морфологически» для статического описания Елены, либо они вводятся «генетически» для описания динамики возникновения описываемых черт. Скажем, румянец сам по себе — это эпитет морфологический, а румянец, возникший как бы в результате погружения слоновой кости в багряную краску, — это эпитет генетический. Если эпитеты зрительные и умозрительные чередуются Манасси на протяжении всего описания, то ритм, задаваемый морфологическими и генетическими описаниями, строго очерчен (1–7 и 8–11 строки).

В результате применения описанной методологии к экфрасису Елены Прекрасной мы приходим к следующим выводам:

1. Деление эпитетов по введённым признакам сокращает ряды эпитетов и делает их более ясными для восприятия.
2. Соединение эпитетов разных родов создаёт сложный ритм описания («ритм движения камеры»).
3. Сложный ритм следования «видимых» и «умозрительных» эпитетов («планов съёмки») задаёт «динамическую характеристику образа» Елены. Суть этой динамики — в приведении отвлечённого образа «прекрасной женщины» к зрительному образу лебедя и умозрительному образу — «рождённой лебедем». К образу лебедя приводит следующее: последовательность повествования; цветовая гамма описания (багряное и белое); последовательность изображений (круговые движения восприятия и описания парных черт внешности (брови, щёки, глаза, ресницы, плечи, ещё раз щёки), прорезаемые «вертикалью» изображения длинной белой шеи); соединение изображений (крупный план) с умозрительными образами (общий план), создающее эффект раскачивания или движения крыльев.
4. Простой ритм, заданный сменой ряда морфологических эпитетов генетическими, открывает тайну божественной красоты Елены и тайну божественного происхождения этой красоты.
5. Уникальность читательского построения образа может заключаться в индивидуальном выборе собственного ряда «вдохновляющих» эпитетов из тех, что предложены Константином Манасси, а следовательно и в изменении «ритма» описания Елены. Характер и сама возможность «соавторского» прочтения описания иллюстрируется среднеболгарским переводом Хроники (XIV в.).
6. Нельзя исключать того, что в своём описании Елены Константин Манасси, кроме прочего, стремился к созданию исчерпывающего источника для многочисленных читательских построений образа красоты. Эта универсальность, заложенная автором в описание Елены, и является препятствием для непосредственного восприятия её образа, мешает современному читателю «увидеть» Елену, не прибегая к средствам «монтажного построения».
7. Возможный вывод из «монтажного» анализа экфрасиса Елены состоит в том факте, что его автор, отдавая предпочтение эпитетам умозрительным и генетическим, выражает и собственное понимание природы красоты как чего-то умозрительного, т. е. для обычного зрения невидимого.

Литература

- Лессинг Г. Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. Б. м.: ОГИЗ, ИЗОГИЗ, 1933.
- Любарский Я. Н. Герои «Хронографии» Иоанна Малалы // Любарский Я. Н. Византийские историки и писатели. СПб.: Алетейя, 2012. С. 21–30.
- Эйзенштейн С. М. Монтаж 1938 // Эйзенштейн С. М. Избранные произведения в шести томах. Т. 2. М.: Искусство, 1964. С. 156–188.
- Constantini Manassis Breviarium chronicum / Recensuit Odysseus Lampsidis. Athenis: Ἀκαδημία Ἀθηνῶν, 1996.

Морозова Мария Сергеевна

*канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
morozovamaria86@gmail.com*

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ В ГОВОРАХ АЛБАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ

Ключевые слова: мультилингвизм, албанские говоры диаспоры, заимствование грамматических элементов, местоименные клитики, посессивный показатель.

Заимствование элементов, выражающих грамматические значения (морфем, служебных слов), интенсивно изучается в последние десятилетия. Это явление, часто называемое заимствованием «материи» (англ. matter borrowing, или MAT-borrowing), в противоположность грамматическому калькированию, или заимствованию «модели» (англ. pattern borrowing, или PAT-borrowing), является достаточно редким. Важное место в работах, посвященных заимствованию грамматических элементов, занимают попытки установления обуславливающих его лингвистических факторов (степень свободы элемента, принадлежность к эмоционально-прагматической сфере и т. д.).

К числу факторов, способствующих заимствованию «материи», можно отнести мультилингвальный характер языкового контакта. Ср. заимствование эвиденциальных показателей из болгарского и турецкого в цыганские диалекты Балкан, заимствование албанского показателя адмиратива в арумынский фаршеротский говор с. Горна-Белица в Северной Македонии и др. При установлении межъязыковой эквивалентности между элементами двух своих языков (например L1 и L3) многоязычные говорящие актуализируют и знания третьего (например L2), облегчая тем самым не только копирование структуры, но и перенос грамматических морфем из одного языка в другой [Морозова, Русаков 2019: 80].

Как представляется, то, какие элементы отождествляются в ходе языкового взаимодействия, и, соответственно, результат грамматического заимствования во многом зависит от типа языкового сообщества (ср. типы, перечисленные в [Morozova, Rusakov 2021]) и, в особенности, языковой компетенции индивидуальных говорящих, составляющих это сообщество.

В докладе рассматривается случай грамматического заимствования в говорах двух языковых сообществ албанской исторической диаспоры: говоре с. Мандрица в Болгарии [Sokolova 1983] и говоре с. Каракурт на Украине [Морозова 2016]. Оба идиома являются говорами тоскского диалекта албанского языка, которые с XVI–XVII вв. существуют в отрыве от основного ареала, в контакте со славянскими (болгарский) и тюркскими идиомами (османский турецкий в случае Мандрицы и гагаузский язык — в случае албанцев Каракурта). Оба села долгое время были мультилингвальными и имели смешанное население, в разной степени владеющее албанским, болгарским и турецким/гагаузским.

Яркой особенностью албанских говоров Мандрицы и Каракурта является заимствование из болгарского дативных местоименных клитик, которые в балканославянских языках используются как средство маркирования посессора (1, 2). Поскольку для албанского языка не характерно использование дативных клитик в этой функции и, к тому же, местоимения в целом считаются плохо заимствуемыми элементами, можно сказать, что перед нами редкий случай заимствования «материи». Механизм заимствования, вероятно, включает в себя отождествление болгарских сочетаний с клитиками и тюркских сочетаний с посессивными показателями.

- (1) tat-hi-n
отец-3SG.POSS-ACC.SG.DEF
'его/ее отца' [Sokolova 1983: 107]
- (2) ma ma-to-n-tji
с мать-ACC.SG.DEF-2SG.POSS
'с твоей матерью' [Морозова 2016: 91]

При общем сходстве заимствуемых элементов, мультилингвальной контактной ситуации и генетической принадлежности взаимодействующих языков, лингвистические следствия контакта неодинаковы. Например, в албанском говоре Мандрицы посессивные клитики сочетаются с любыми терминами родства (и не только с ними), а в говоре Каракурта — только с заимствованными. В говоре Мандрицы клитика занимает в албанской словоформе позицию перед падежным окончанием (1), а в говоре Каракурта — после (2). В говоре Мандрицы болгарские клитики отождествляются с полными формами местоимений и, в частности, могут дублироваться албанской дативной клитикой (3). В говоре албанцев Каракурта клитика *i* регулярно используется в генитивной группе, структурно идентичной гагаузской изафетной конструкции с посессивным показателем *i*, присоединяемым к вершине (4).

(3) I=so-të hi.
3SG.DAT=говорить-PRS.3SG 3SG.DAT
'Он(а) говорит ему/ей.' [Sokolova 1983: 105]

(4) a ʃurə-s mam-u-i
L.F.NOM.SG девушка-GEN.SG.DEF мать-NOM.SG.DEF-3SG.POSS
'мать девушки' [Морозова 2016: 91]

В нашем исследовании мы предпринимаем попытку связать различия в поведении заимствованных элементов (и совпадающих с ними исконных элементов) с языковой ситуацией, существовавшей в Мандрице и в Каракурте по крайней мере до начала XX в.

Для Мандрицы было характерно интенсивное албанско-болгарское двуязычие и наличие смешанных браков между албанцами и болгарами. Турецким владели только мужчины, которые занимались торговлей с турками [Sokolova 1983: 7–9]. В результате болгарский (в особенности как L1 жителей села, усваивавших албанский в качестве L2) сыграл более весомую роль в процессе заимствования и адаптации рассматриваемых элементов в албанском говоре. Влияние турецкого (L3 части населения) проявляется скорее на уровне структуры (вероятно, его можно усмотреть в примере (1)) и сильно зависит от звукового сходства отождествляемых элементов.

Предки албанцев Каракурта переселились в Российскую империю в начале XIX в. из северо-восточной Болгарии, где их идиом мог находиться в ситуации контакта не только с болгарским, но и с гагаузским языком. Вероятно, эта ситуация была воспроизведена в Каракурте, где численно преобладающие албанцы поселились в соседстве с гагаузами и (немногочисленными) болгарами. К значимым факторам языкового контакта в данном сообществе можно отнести взаимное албанско-болгарско-гагаузское многоязычие, смешанные браки между представителями трех этнических групп и, как следствие, наличие в сообществе как поздних билингов, усваивавших албанский говор в качестве L2, так и говорящих, которые с детства владели двумя или более языками на высоком уровне. Следствием подобной ситуации стало, по-видимому, конвергентное развитие всех трех контактирующих идиомов, которое в албанском говоре проявляется как в калькировании отдельных конструкций (см. пример (4)), так и в адаптации заимствованных элементов в структуре говора и ограничении использования большинства из них сочетанием с заимствованными лексемами (2).

Литература

- Морозова М. С. Говор албанцев Украины: Грамматический очерк // «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / отв. ред. А. А. Новик, ред. М. С. Морозова, Д. С. Ермолин. СПб.: МАЭ РАН, 2016. Ч. 1, т. 2. С. 421–506.
- Морозова М. С., Русаков А. Ю. Языковые контакты в условиях трилингвизма: заимствование «материи» (matter borrowing) в балканских диалектах // Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. (Балканские чтения. 15.) С. 75–81.
- Morozova M. S., Rusakov A. Y. Societal multilingualism à la balkanique: the Montenegrin Velja Gorana and beyond // International Journal of Bilingualism. 2021. Vol. 25, issue 4. P. 999–1018.
- Sokolova B. Die albanische Mundart von Mandrica. Wiesbaden: Harrassowitz, 1983.

Пилипенко Глеб Петрович¹, Борисов Сергей Александрович²,
Немчинов Владислав Алексеевич³

¹канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН; glebpilipenko@mail.ru

²младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН;
borisovsergius@gmail.com

³исполнитель проекта, Институт славяноведения РАН;
магистрант, МГУ им. М. В. Ломоносова; vlad@gecko.ru

СПЕЦИФИКА ГИБРИДИЗАЦИИ НЕБАЛКАНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ИДИОМОВ В СЕРБСКОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКОВОМ ОКРУЖЕНИИ

Ключевые слова: гибридизация, языковые контакты, полевое исследование, славянские языки, балканские языки.

В докладе будут рассмотрены лингвистические особенности, проявляющиеся у небалканских переселенческих идиомов в результате контактирования с сербскохорватским языком. Речь идет о языках восточнославянской и западнославянской групп, носители которых образуют национальные миноритарные сообщества в Сербии, Боснии и Герцеговине и Хорватии. Целью доклада является установление наиболее подверженных гибридизации языковых уровней и явлений миноритарных переселенческих идиомов в условиях взаимодействия близкородственных славянских языков, возникшего как результат планомерной миграционной политики Австрийской (Австро-Венгерской) империи. Материал для анализа был собран авторским коллективом в результате серии полевых исследований с 2013 по 2023 гг. в Сербии (изучались носители украинского, чешского и словацкого языков), в Хорватии (внимание уделялось представителям чешского сообщества), а также в Боснии и Герцеговине (были обследованы носители польского, украинского и чешского языков). Языки переселенческих сообществ ранее не изучались во всей их совокупности с акцентом на контактное взаимодействие. Исследовалась прежде всего сохранность первичных диалектных черт из установленных зон переселения, например, украинских говоров из Галиции, чешских говоров из чешских земель [Mirković 1968; Токар 1972].

Гибридизация понимается как процесс, в котором отдельные и несопоставимые сущности или процессы порождают другую сущность или процесс, имеющие определенные общие черты с каждым из своих источников, но которые не полностью им подобны [Sanchez-Stockhammer 2012: 135]. П. Мэйскен писал о схожих явлениях, обозначая их термином «конгруэнтная лексикализация», при этом подразумевался процесс, когда языки, которые обладают схожей грамматической структурой, могут быть наполнены элементами контактирующих языковых систем [Muysken 2000].

Все перечисленные общины немногочисленны, проживают анклавно и разрозненно, тем не менее, анализируемые языки до сих пор активно используются в повседневной жизни, прежде всего в сфере домашнего общения.

В настоящем докладе будут рассмотрены наиболее частотные случаи гибридизации, которые были определены при транскрибировании записанного аудио и видеоматериала и характерны для всех обсуждаемых идиомов.

В поднестровском диалекте юго-западного наречия украинского языка в перфекте распространены (в отличие от литературной нормы) формы вспомогательного глагола для 1 и 2 л ед. и мн.ч.: а тепер šos' rob'iu i de-m pod'ila, de-m pod'ila, ne znaju de (и сейчас я что-то делаю и куда я дела (положила), куда я дела, не знаю куда). С одной стороны, под влиянием сербскохорватского языкового окружения в украинском языке в 1 и 2 л. ед. и мн.ч. наряду с исходными формами появляются вспомогательные глаголы из сербского языка: wže zabuw sam, ne ram'itaju (я уже забыл, не помню). С другой стороны, в 3 л. ед. и мн.ч., где не предполагалось изначально их использование, также начинают употребляться вспомогательные формы глагола biti: to je bulo

obovjazok (это было обязанностью); moji su davaly troška cukru (мои добавляли немного сахара). В отрицательных формах перфекта также фиксируются подобные формы: ja nisam vud'ila (я не видела). Эти формы приникают и в настоящее время и употребляются как глагол-связка: ale vonu su starši (но они старше). Встречается сербский вспомогательный глагол в полной форме в вопросительных конструкциях: jeste li jily šoš' tererka? (вы что-то сейчас ели?). В польском говоре села Челиновац отмечаются похожие процессы: samo sam zapomn'ala, jak še nazywało tymi (я только забыла, как это называлось). Подобные гибридные формы фиксируются только в перфекте, тогда как в будущем времени (где ожидается использование вспомогательного глагола htjeti) они не встречаются. В чешском литературном языке и в диалектах на территории Чехии вспомогательный глагол в 3 л. перфекта не используется, однако он фиксируется в рассматриваемых переселенческих говорах: po dvoře je bilo bláto i sn'ix (по [всему] двору была грязь и снег). Обнаруживается и отрицательная форма: nisu s cihama d'elali ti studn'i (они не из кирпичей делали эти колодцы).

Одним из наиболее примечательных фактов гибридизации является проникновение балканизмов — в частности, замена инфинитива да-конструкцией. Украинские примеры: ja to tper choču tak da budu tajak kolyes' da i vyežu druži (и я сейчас хочу так быть, как когда-то, и видеть других); i tper jag by moylo to da perejde do mene (и теперь если бы это могло перейти ко мне). Похожие примеры (чаще всего с модальными предикатами) встречались у чехов в Сербии и не фиксировались в Хорватии, например: a já slišel, že mladi nesmn'eli da dou sami na ti tanci, mušel i jít něgdo starši da de s nima (а я слышал, что молодые не могли одни пойти на танцы, должен был пойти кто-нибудь из старших, пойти с ними).

В повелительном наклонении наряду со специфическими для каждого языка способами выражения присутствуют гибридные образования с элементами нека, nemoj, nemojte: neka v'ın zaklyče (укр. пусть он позвонит), nemoj jty do nečo (укр. не иди к нему), nemojte mně n'igdo vjeřit (чеш. не верьте мне никто).

Из области словообразования показательно использование местоимений с неопределенным значением с элементом god, который следует после местоимения: xto god pryjde (укр. кто-нибудь придет), со god rov'e (пол. что-нибудь скажет), kolik god že taj lidu recimo (чеш. сколько-то здесь людей, скажем). В сфере употребления предлогов наиболее инвазивной оказывается конструкция с предлогом za: šo ty za mene pryn'is (укр. что ты для меня принес), za nas to bilo něso, něso veliki (чеш. для нас это было что-то, что-то большое), medži džedž'inami naprikład n'ake v'eci za kukuricu (слов. между деревнями, например, какие-то вещи для кукурузы), а также конструкции с предлогом od: potom idže biber, možno od pileča pečien'ka a potom suxu xleb (слов. потом добавляем перец, можно жаркое из курицы, а потом сухой хлеб).

Дальнейший анализ гибридных образований позволит выявить их частотность наряду с использованием неконтактных форм, а также определить механизмы гибридизации, которые действуют во всех обсуждаемых идиомах. Специфика гибридизации заключается в том, что одни области остаются устойчивыми, другие же обладают наибольшей проницаемостью.

Литература

- Токар Т. Я. Українські поселення в Югославії і вивчення їх говірок // Питання української діалектології і міжмовних (міждіалектних) контактів. Дніпропетровськ, 1972.
- Mirković D. Govori Čeha u Slavoniji (Daruvar i okolina). Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1968.
- Muysken P. Bilingual speech. A typology of code-mixing. Cambridge University Press. 2000.
- Sanchez-Stockhammer C. Hybridization in language // Conceptualizing Cultural Hybridization. A Transdisciplinary Approach. Springer, 2012. P. 133–157.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Сатдарова Анна Александровна

Военный университет им. князя Александра Невского,
Министерства обороны Российской Федерации, Москва;
annabechina@gmail.com

БЕССЛОВЕСНЫЙ АБСТРАКТНЫЙ АВТОР В МНОГОГОЛОСИИ НАРРАТОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ΤΟ ΤΡΙΤΟ ΣΤΕΦΑΝΙ» К. ТАХЦИСА И «ΤΟ ΔΙΠΛΟ ΒΙΒΛΙΟ» Д. ХАДЗИСА)

Ключевые слова: абстрактный автор, нарратор, новогреческая литература, послевоенная новогреческая проза, Димитрис Хадзис, Костас Тахцис.

И нарратор, и абстрактный автор (АА) — обязательные атрибуты произведения, они не могут существовать друг без друга, но, находясь в разных «системах координат», не могут совпадать или даже пересекаться. Их связь восстанавливается читателем на основе индициальных знаков, и характер этой взаимосвязи во многом определяет эстетическое впечатление от текста в целом.

Нарраторы многообразны, их речь и есть текст произведения. АА в сознании читателя чаще всего представляется внутритекстовой версией самого писателя. У него нет собственных слов в тексте, но он измышляет нарратора и по принципу транзитивности весь его текст. Особый интерес представляет прием включения двух или нескольких нарраторов: каким образом подобная сложная наррация влияет на восприятие восстанавливаемого АА? Попытаемся это выяснить на материале новогреческой прозы XX в., а именно, рассмотрев два романа: «Το τρίτο στεφάνι» К. Тахциса и «Το διπλό βιβλίο» Д. Хадзиса. Предполагается рассмотреть, каким представит для читателя абстрактный автор, в случае если он опосредован двумя или более повествовательными инстанциями, основываясь на

- 1) выявленности иерархии повествовательных уровней;
- 2) характерности / нейтральности наррации;
- 3) включенности нарраторов в повествуемые события;
- 4) особенностях смены нарраторов.

1. Иерархия повествовательных уровней.

Модель повествовательных уровней в романе К. Тахциса выявляется без затруднений. Нина — первичный нарратор, ее наррация формирует собственный нарративный уровень и включает наррацию вторичного нарратора — Экави. Наррация Нины представляет собой диалогизированный монолог, обращенный к фиктивному слушателю (имитирует устную речь), который связан с абстрактным автором по принципу двойничества. Наррация Экави по отношению к наррации Нины формирует диалог, так как реплики Нины определяют направление дальнейшей наррации, переключая речь Экави на другую тему или эпизод. Модель нарративных уровней «Το τρίτο στεφάνι» аналогична другим структурным элементам текста: системе персонажей, сюжетной и мотивной канве, организованным так же по принципам двойничества и цикличности. Система персонажей спиралью проходит через поколения двух семей, в которых сформировались идентичные разрушительные модели отношений между членами семьи. «Звучащие» голоса Нины и Экави как будто высвечены в бесконечной череде голосов гречанок и вторят тем, кто был до них, и тем, кто будет после.

Модель нарративных уровней «Το διπλό βιβλίο», на первый взгляд, обещает быть похожей на модель «Το τρίτο στεφάνι»: нарратор Костас обращает свой рассказ к слушателю, который, возможно, фиксирует его и формирует читаемую нами книгу (являясь, таким образом, двойником АА), Анастасия включена в повествование либо как герой наррации Костаса, либо, в случае наличия у нее собственной наррации, как вторичный нарратор.

Однако, в духе метатекстуальности, присущей «Το διπλό βιβλίο», «прямой» порядок нарративных уровней нарушается: предполагаемый реципиент превращается в Писателя, что комментируется Костасом: «Ο συγγραφέας βγήκε και αυτός από πίσω μου, έρχεται, στέκεται δίπλα μου.» [Χατζής: 81] Большая часть наррации Костаса, таким образом, превращается в диалогизированный монолог, нарушается однородность самой наррации, поскольку в текст Костаса проникает текст Писателя, появляются взаимные комментарии.

В связке нарраторов Писатель-Анастасия прослеживается простая иерархия: наррация Анастасии вводится в рамках наррации Писателя и является иерархически вторичной по отношению к ней.

2. Характерность нарраций.

Повествование в обоих романах либо полностью представляет собой («Το τρίτο στεφάνι»), либо включает в виде текстов нарраторов («Το διπλό βιβλίο») характерный сказ [Шмид: 183]. Наррации Нины, Экави, Костаса, Анастасии непрофессиональны, имитирует устную, произвольную, повседневную речь, обращенную к некоему слушателю.

3. Нарратор и события.

В обоих романах все персонажи, обремененные именами (Нина, Экави, Костас, Анастасия), излагают события своих жизней, являясь в них главными героями (что звучит парадоксально, поскольку все их истории — истории потери или отсутствия контроля в собственной жизни). Пространство для возможного сравнения здесь дает наличие в романе «Το διπλό βιβλίο» Писателя, который, в каком-то смысле, тоже участвует в повествуемых им событиях, с той разницей, что эти события — событие рассказывания и, опосредованно, событие восприятия.

4. Смена нарраторов.

Механизм переключения между нарраторами можно рассматривать на основании того, 1) мотивирована ли смена нарратора сюжетно, 2) кем или чем инициирована, 3) как она оформлена в тексте.

В «Το τρίτο στεφάνι» инициатор смены «звучащего» в тексте голоса — первичный нарратор. Наррация вторичного нарратора не выходит за пределы рамок наррации первичного и оформлена как прямая речь. Первичный нарратор регулирует процесс смены. Смена мотивирована сюжетно и логически: возникшее внутри речи Нины, повествование Экави прерывается в моментах, где по сюжету Нина и Экави прекращают общение, и полностью завершается после смерти Экави.

В романе «Το διπλό βιβλίο» аналогичный механизм смены нарратора внедрен для связки Писатель-Анастасия. В связке Костас-Писатель переключение происходит спонтанно, инициируется тем из нарраторов, который берет слово. В последней части романа наррация Писателя, напротив, выделяется графически (курсивом) и помещена внутрь наррации Костаса, что делает ее более значимой для читателя, но иерархически менее значимой по отношению к наррации Костаса.

Итак, внедрение двух (или более) характерных диегетических нарраторов, повествование которых организовано иерархически, усиливает размежевание АА и нарраторов («Το τρίτο στεφάνι» К. Тахциса). Размытые границы нарраций, отсутствие строгой иерархии повествовательных уровней, указание на принадлежность какого-либо из нарраторов к профессии писателя, спонтанная смена «звучащего» голоса усиливает двойничество АА с одним, либо с несколькими нарраторами («Το διπλό βιβλίο» Д. Хадзиса).

Литература

- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
Ταχτσής Κ. Το τρίτο στεφάνι. Αθήνα: Εκδόσεις Γαβριλίδης, 2009.
Χατζής Δ. Το διπλό βιβλίο. Αθήνα: Το Ροδακίο, 2008.

Смирнов Сергей Александрович

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st122346@student.spbu.ru

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И САМОБЫТНОСТЬ В ОБРАЗНОМ СТРОЕ «ИОАННИДЫ» ФЛАВИЯ КРЕСКОНИЯ КОРИППА

Ключевые слова: Ранневизантийская литература, позднеантичная эпическая традиция, раннесредневековый героический эпос, Флавий Кресконий Корипп, Иоаннида.

Имя Флавия Кориппа довольно редко фигурирует даже в узкоспециальных публикациях, так что представляется необходимым пояснить, какое место занимает его творчество в истории византийской литературы. Корипп резко выделяется на фоне своих современников как в силу происхождения — его молодость и ранняя зрелость прошли в Вандальском королевстве, — так и в силу используемого им языка, коим был латинский, а не греческий, как у большинства писателей Восточной Римской империи. Впрочем, не вызывает сомнения, что Корипп был прекрасно знаком и с эллинистическим наследием, поскольку ему удалось построить карьеру придворного поэта, чего едва ли возможно было добиться без тонкого понимания ромейской культуры. Надо сказать, что эрудиция Кориппа вовсе не удивительна, ведь археологические свидетельства указывают на глубокую интеграцию Северной Африки в мировую торговлю в V–VI вв., а значит, даже под властью вандалов регион сохранял связь с постантичным миром. Более того, Карфаген стал точкой пересечения ещё не утративших приверженцев греко-римских верований и стремительно распространявшегося христианства. Эти сложные переплетения мировоззренческих установок нашли отражение в главном произведении Кориппа — «Иоанниде», где повествуется о походе Иоанна Троглиты против мятежных племён, сопротивлявшихся установлению экзархата.

Долгое время «Иоаннида» не рассматривалась в контексте преемственности латиноязычной эпической традиции, в ней видели лишь относительно умелое подражание классическим образцам, но не самостоятельную веху в развитии жанра [Amann 1888]. Отчасти это представление подкреплялось убеждённой мыслью, что понятия, сформировавшиеся в эпоху классической древности, уже не имели прямых референтов в сознании человека VI в. п. Р. Х. и тем более позднейшего времени. То есть, согласно конвенциональному мнению, мифопоэтическое мышление оказалось вытеснено церковной догматикой и сохранялось лишь в форме отдельных суеверий, никоим образом не находя отражения в высоком искусстве. Соответственно, все упоминания божеств языческого пантеона трактовались либо как случаи метонимии, либо как условные риторические фигуры, напрямую заимствованные из того или иного источника. То же относилось и к введению в сюжетное полотно роковых или мистических сил — в них усматривали лишь средства, способствующие созданию эмоциональной напряжённости, необходимой для того, чтобы читатель сопереживал героям.

Однако именно «Иоаннида», не получавшая обстоятельного освещения в литературе последних лет, может существенным образом поколебать эти устоявшиеся взгляды. Более внимательное ознакомление с текстом поэмы даёт возможность заключить, что в значительном ряде случаев автор прибегает к мифологическим образам без ясной с риторической точки зрения цели, когда это не может послужить ни подчёркиванию связи с предшествующей традицией, ни созданию драматического эффекта, при этом временами вступая в противоречие с христианской мировоззренческой парадигмой. Например, вводя ряд новых эпитетов для ипостаси Бога-Отца и, казалось бы, не претендуя на явное подражание Вергилию или кому бы то ни было ещё из своих прославленных предшественников, Корипп неожиданно употребляет эпитет *tonans*, прочно ассоциировавшийся с Юпитером. Эта необычная деталь заставляет поднять и другой вопрос: например, почему герои чаще обращаются с молитвой к ипостаси Отца, а не Сына? Не исключено, что иерархичность языческого пантеона могла оказать влияние и на восприятие

триединства божественной природы, тем более что эта концепция была не вполне ясна людям, неискушённым в теологии и философии.

Здесь мы подходим к методологической рамке, необходимой для дальнейшего исследования, а именно к её ключевому принципу: говорить о подспудном влиянии мифопоэтических мировоззренческих установок можно лишь в том случае, когда обращение к атрибутам античного религиозного культа или распространённым в древности верованиям с иных позиций выглядит немотивированным, то есть не может быть отнесено за счёт сознательной имитации того или иного первоисточника и не имеет суггестивного воздействия на читателя.

Это в полной мере справедливо в отношении таких понятий, как «рок», «участь» и «судьба», к которым Корипп постоянно апеллирует на протяжении всех разворачивающихся в поэме событий [Coripp. Ioh.: III, 155; Coripp. Ioh.: IV, 202–213]. Совершенно очевидно, что христианская нравственная парадигма основана прежде всего на свободе выбора и способности человека распоряжаться собственной жизнью исходя из данного ему понимания добра и зла. Причём отсылка к роковой предопределённости не является неким привходящим атрибутом, служащим лишь напоминанием об участи Энея, добродетель которого зиждилась на принятии неизбежного. Напротив, знакомя читателя с предысторией событий, Корипп акцентирует внимание на том, что герой отправился воевать по собственному убеждению, хоть и следуя приказу правителя, но делая это в полной мере сознательно, не будучи гоним туда ни обстоятельствами, ни алчностью, ни даже ненавистью к противнику, к которому он питает скорее жалость из-за отторгнутости от она Церкви. Тем не менее, когда речь заходит о мятежах внутри ромейского стана, автор постоянно апеллирует к року, обвиняет фурий и Беллону [Coripp. Ioh.: III, 36–37; Coripp. Ioh.: V, 34], не следуя какому-либо узнаваемому образцу, но, как кажется, в силу искреннего побуждения. Конечно, это вовсе не означает, что существование фурий для него так же неоспоримо, как для человека времён Катона Старшего, но резонно предположить, что идея насылаемого фуриями гнева отчасти смешивалась в его сознании с идеей дьявольского наущения. В таком случае «рок» может выступать аналогом искушения, которое одним удаётся преодолеть, в то время как для других оно становится причиной гибели. Безусловно, это является допущением, но несомненно, что для Кориппа «sors» и «fatum» означают не ровно то же, что и для Вергилия, а значит, здесь уместно говорить об определённых семантических сдвигах, которые могут в дальнейшем стать объектом отдельного рассмотрения.

Литература

Amann R. De Corippo priorum poetarum imitatore. Oldenburg, 1888.

Flavii Cresconii Corippi “Iohannidos, seu De bellis Libycis” libri VII. Opera et studio Petri Mazzucchelli. Milan: Imperiale ac regium typographeum Mediolanense, 1820.

Jakobi R. Kritisches und Exegetisches zur Iohannis des Coripp // *Hermes*, no. 117. 1989. S. 95–119.

Тонян Лариса Грачиковна

канд. филос. наук,

Санкт-Петербургский государственный университет;

tonoyan2003@list.ru

ВКЛАД М. В. ЛОМОНОСОВА В СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, русская логическая терминология, логика, риторика.

В 300-летней истории Санкт-Петербургского университета М. В. Ломоносов (1711–1765) занимает важнейшее место. Большую часть своей сознательной жизни он жил, учился и занимался педагогической деятельностью в Санкт-Петербурге. В 1736 г. он обучался в Академическом университете, жил на 1 линии В.О., а после возвращения из Германии, с 1741 до своей смерти в 1765 г. занимал различные должности в системе Академии наук. В издательстве Академии вышли основные его труды. В последние годы жизни М. В. Ломоносов «фактически являлся ректором Университета и Гимназии при Академии наук. 19 января 1760 г. последовало распоряжение Президента Академии наук о передаче Ломоносову в единоличное ведение Университета и Гимназии без участия других членов Канцелярии» [4].

Из обширной научной и педагогической деятельности Ломоносова мы хотим выделить его вклад в логическое образование. Логику Ломоносов изучал в Славяно-греко-латинской Академии, где еще в начале XVIII века логику и риторику преподавали на греческом языке братья Лихуды (рукописи обоих учебников хранятся Московской Академии). «Греческий» период в истории Академии при Ломоносове сменился уже «латинским». Логику после Софрония Лихуды стали читать на латыни выпускники Киево-Могилянской академии арх. Феофилакт Лопатинский и др. Самому Ломоносову логику в 1735 г. преподавал ректор Антоний Кувечинский. Древнегреческий язык Ломоносову пришлось учить самостоятельно. Уже в декабре 1735 г. Ломоносов прибыл в Петербург. Академик Готтлиб Байер, проэкзаменовав четырех студентов-старшекурсников, переведенных из Славяно-греко-латинской академии в Академический университет в Петербург, дал такую оценку их знаниям: «Экзаменовав их в логике аристотелевской, нашел, что оные хорошо ее знают на свой лад».

Несомненно, во время обучения в Германии Ломоносов познакомился с популярными учебниками по философии и логике своего учителя Хр. Вольфа. Хр. Вольф считал очень важным создание научной терминологии на современном ему немецком языке и одним из первых в Германии издал свои научные сочинения не на латыни. Этим он вдохновил и М. В. Ломоносова к созданию научных трактатов на живом разговорном русском языке.

М. В. Ломоносов как поборник европейского образования, написав пособия по двум частям классического тривиума — грамматике и риторике, мог написать пособие и по третьей части тривиума — логике. Несомненно, что если бы ему удалось написать такой учебник, то он стал бы первым учебником по логике, написанным на столь высоко ценимом им живом российском/русском языке. По-видимому, у Ломоносова не было такого же интереса к логике, как к грамматике, риторике, физике или химии, и он, судя по его послужному списку, никогда не преподавал логику в качестве отдельной дисциплины. В результате первым пособием по логике на русском языке стал учебник иеромонаха Макария Пётровича (1731–1765), преподавателя риторики Славяно-греко-латинской академии [Логика 1758]. Учебник этот появился через 10 лет после «Риторики» Ломоносова и несет на себе следы влияния не только «Риторики», но и «Российской грамматики» (1755, опубликована в 1757). Сам же М. В. Ломоносов придерживался, по-видимому, традиции, согласно которой логика считалась частью риторики, поэтому посчитал достаточным поместить раздел о логике в курсе риторики. Уже в 1742г., вернувшись после обучения риторике в Москве и в Магдебурге, Ломоносов преподавал петербургским студентам курс «Стихотворство и стиль русского языка». В 1743 г. в тюрьме Ломоносов написал «Риторику», но издать ее удалось только в 1748 г. [Краткое руководство 1748].

Суждения исследователей логических взглядов Ломоносова основываются на нескольких частях из указанной «Риторике» 1748 г. М. В. Ломоносов дает в ней краткий обзор трех основных форм мысли: в гл. 2 — понятия (простая идея), в гл. 3 — суждения (рассуждения), в гл. 5 — умозаключения (довод/доказательство). «Логика, — указывает он, — после грамматики есть первая предводительница ко всем наукам. И для того предлагаемые в сей книге правила на ней основаны и употребляемых в ней здесь нужных речений [в издании 1759 г. — терминов] сила истолкована» [Краткое руководство 1748: § 46].

Как знаток латинского и греческого языков, он переводит, частично вводит в русский язык и активно употребляет множество новых слов-терминов. Таковы, например, встречающиеся в «Риторике», кроме перечисленных выше, слова: рассуждение, предложение, подлежащее, сказуемое, общие и особенные суждения, противные суждения, силлогизм (положительный, условный, разделительный), посредствующий термин, посылка, следствие, энтимема, дилемма, сорит, навод (наведение), определение и др. В то же время встречаются слова, которые не вошли в научный обиход, например, именники (номиналисты), вещественники (реалисты).

Ломоносов искал меру, золотую середину: говоря о пользе книг церковных и церковнославянского языка, он старался отойти от церковной риторики и предлагал обратиться к живой разговорной речи образованного русского общества. Если сравнивать с учебником о. Макария, то у Ломоносова гораздо меньше выходящих из употребления славянизмов, чем у о. Макария (взявший вместо большого термин), и меньше латинизмов, таких как резолвовать, конклюдия, экспериенция и др. Конечно, многие из терминов «Риторике» Ломоносова использовались и до него. Н. К. Гаврюшин указывает, что в России в начале XVIII в. выработка этих терминов происходила как в переводах «Диалектики» Иоанна Дамаскина, так и в составляемых разнообразных «Риториках» [Гаврюшин 2019: 31].

При Ломоносове в обществе боролись друг с другом византийское и европейское влияние. Ломоносов, очень хорошо осознавая взаимосвязь Руси и Византии, стремился уравновесить влияние на русский язык Востока и Запада. Заслуга Ломоносова состоит в том, что он, будучи переводчиком с греческого и с латыни, знатоком современного ему живого великорусского языка, а также высокого церковного византийского «штиля», отобрал и органично ввел в научный оборот основную часть русской логической терминологии.

Литература

Гаврюшин Н. К. «Риторика» М. В. Ломоносова и «Логика» Макария Петровича // Гаврюшин Н. К. Статьи разных лет. М., 2019. С. 26–49.

Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обою красноречия, то есть оратории и поэзии, сочинённая в пользу любящих словесные науки трудами Михаила Ломоносова Имп. Академии наук и Исторического собрания члена, химии профессора. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1748. [10], 315, [2] с.

Логика, собранная из разных авторов и удобным порядком расположенная на российском языке для употребления в Москве 1758 года московской Академии иеромонахом Макарием. Рукопись РНБ (собрание СПбДА), Ф. 573. оп. 1., № 206. 122 листа.

Ломоносов М. В. Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/1192-lomonosov-mikhail-vasil-yevich.html?ysclid=lrq95utzc594147762>

Тресорукова Ирина Витальевна

*канд. филол. наук, доцент кафедры византийской и новогреческой филологии,
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;
itresir@mail.ru*

ПЕЙОРАТИВНЫЕ ХОРОНИМЫ-ОККАЗИОНАЛИЗМЫ С МОРФЕМОЙ -ΣΤΑΝ: К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ ГРЕЦИИ В СМИ И БЛОГОСФЕРЕ

Ключевые слова: греческий язык, хоронимы, словообразование, пейоративность.

Ономастика является лингвистическим зеркалом этнического самосознания, и одной из ее частей является этнонимия, участвующая в отображении вещественного мира, что находит свое выражение в различных сферах ономастики [Маруневич 2010: 1].

Ономастика как наука выделяет такие категории онимов, как антропонимы, зоонимы, этнонимы, эргонимы и пр. Особое место в числе онимов занимают топонимы, которые в свою очередь подразделяются на оронимы, потамонимы, спелеонимы, инсулонимы и пр. В данной работе будет рассмотрена такая категория топонимов, как хоронимы (согласно определению А.В. Суперанской [2007], в нее включаются собственные имена территорий, стран, областей, районов (как природных, так и административных), а именно, пейоративные хоронимы-окказионализмы (ХО), используемые для обозначения Греции как страны в новогреческом языке.

Каждый пейоративный ХО отражает то или иное качество, стереотип или же восприятие страны носителем, использующим лексему такого рода. Семантика таких производных окказионализмов, которая обусловлена определенными ассоциациями, присущими данному хорониму в той или иной ситуации, служит качественным показателем отношения носителей к определяемому объекту. В данном случае, будут рассмотрены ХО, в составе которых содержится морфема -σταν как второй компонент сложного слова.

Для исследования материала применен метод корпусного анализа и сплошной выборки, в качестве материала привлечены блогосфера и корпуса текстов (elTenTen, SEK, EΘEG).

В процессе выборки было вычленено 28 уникальных хоронимов-окказионализмов, описывающих Грецию как страну на современном этапе ее истории. Все эти лексемы носят пейоративный характер, так как морфема -σταν в языковом сознании носителей греческого языка прежде всего ассоциируется с наименованием азиатских стран, таких как Αφγανιστάν, Πακιστάν, Ουζμλεκιστάν, Καζαχστάν и пр., культура и образ жизни которых непривычны для жителя Европы. Жители большинства этих стран присутствуют в Греции в качестве беженцев или нелегальных мигрантов из стран третьего мира, для которых свойственен более низкий уровень жизни, образования и социальных услуг [slang.gr]. Тем самым морфема -σταν стала использоваться в разговорном языке для формирования различных окказионализмов-хоронимов типа κοπαδισταν букв. 'стадо-стан' (неологизм употребляется для обозначения страны с азиатским менталитетом, где господствует авторитарная власть, а народ по большей части покорен и не выражает сопротивления), κουνουλακιστάν букв. 'комар-стан' (употребляется для обозначения пространства, где очень много комаров), Λαμπρακιστάν букв. 'Ламбракис-стан' (используется для обозначения концерта СМИ, принадлежавшего крупному греческому издателю Ламбракису), Τρεχαρωτασταν букв. 'Спеш-колесо-стан' (употребляется для обозначения отдаленных стран азиатского региона).

Структурный анализ образования ХО выявил следующую схему, при помощи которой получается сложное имя собственное:

R-реалия — ι — σταν

где R-реалия представляет собой актуальный денотат, отражающий современные процессы и явления, происходящие в общественно-культурной жизни общества, а соединительный гласный -ι- будет использоваться в 99% ХО за исключением отдельных, особо оговоренных случаев формирования окказионализмов. При этом для словообразовательной специфики

пейоративных ХО характерна словообразовательная деривация (телескопия и билингвальная гибридизация).

В процессе корпусного анализа пейоративные ХО были разбиты на группы, отсылающие к R-реалиям, связанным с религиозными, политическими воззрениями, экономической ситуацией или поведением самих граждан страны.

Так, например, в группу с R-реалией «политика» мы отнесли такие ХО, как Ελλαδιστάν (букв. 'Грече-стан'), Βυζαντινιστάν (букв. 'Византи-стан', где R-реалия отсылает к славному историческому прошлому Византийской империи), Γιουβανιστάν (букв. 'Греция', где R-реалия отсылает к турецкому названию Греции как страны), Ραγιδιστάν (букв. 'Раяди-стан', где R-реалия отсылает к турецкому гауа, при помощи которого обозначались христианские подданные Османской империи), Ευρωπαϊστάν (букв. 'Европа-стан') передающие отношение самих греков к своей стране как отсталому государственному образованию с рабским менталитетом, Μεταρρυθμιστάν (букв. 'Реформо-стан'), Διαφωτιστάν (букв. 'Просвещени-стан'), свидетельствующие об отношении граждан страны к происходящим процессам реформ и обновления, и пр., напр.:

Ένα είναι σίγουρο: ότι θα προσπαθήσουμε εμείς οι φοιτητές να μην γίνουμε η πτωχή (ευρωπαϊκή, ΕΕ-ική, καλλίτερα) επαρχία του Μεταρρυθμιστάν και Ψευδοεκσυγχρονιστάν (Одно точно: мы, студенты, постараемся не стать бедной (европейской, ЕС, точнее говоря) провинцией Реформостана и Псевдообновлени-стана).

Τα συγχαρητήρια μου στην διοίκηση της ΠΑΕ ΑΡΗΣ που δημοσιοποιεί όλα αυτά τα τραγελαφικά που συμβαίνουν στο Ελλαδιστάν σε αντίθεση με άλλους που περιέργως πάντα προτιμάνε τον δρόμο της σιωπής (Мои поздравления руководству ПАО АРИС, которое публикует все эти смешные до слез события, происходящие в Эллади-стане в отличие от остальных, которые странным образом предпочитают молчать).

В докладе будет показано, что катализаторами процесса появления пейоративных ХО являются различные лингвистические и экстралингвистические факторы. Кроме того, стоит отметить, что функционирование пейоративных ХО главным образом выявляется в медиадискурсе, что также является одним из аспектов нашего исследования.

Литература

Маруневич О. В. Аксиологические характеристики этнонимов во фразеосистемах русского и английского языков. URL: <http://cyberleninka.ru/article>, 2010 (дата обращения: 20.01.2024).

slang.gr. URL: www.slang.gr (дата обращения: 15.01.2024).

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного М.: Наука, 2007. 365 с.

Харламова Анастасия Вадимовна

аспирант, Институт лингвистических исследований РАН;
anastasia_kharlamova@icloud.com

ОСОБЕННОСТИ ВЕЛЯРИЗАЦИИ [l] В АРУМЫНСКОМ ГОВОРЕ Г. СЕЛЕНИЦА (АЛБАНИЯ): АКУСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: арумынский язык, веляризация, форманты, аппроксимант.

Доклад посвящён веляризации аппроксиманта [l] в арумынском говоре г. Селеница (Албания). Работа проводилась на основе материалов (в первую очередь — спонтанных нарративов и диалогов, также изредка ответов на вопросы и чтения), записанных нами в ходе полевых экспедиций 2018–2019 гг. в рамках масштабного исследования фонетики албанского и арумынского идиомов Селеницы.

Веляризация [l] представляет собой «формирование вторичной преграды в велофарингальном регионе посредством задней части спинки языка и некоторого опущения передней части спинки», что в плане акустики вызывает «повышение F1 и снижение F2 относительно невеляризованных аллофонов согласного» [Recasens, Farnetani 1990: 961]. Приоритетным, по мнению других исследователей, при определении наличия веляризации является показатель F2 [Andrade 1999: 543].

Хотя отдельные свидетельства веляризации [l] в арумынских говорах Албании имеются ещё в работах XIX в. у Г. Вейганда, ранее это фонетическое явление на арумынском материале отдельно не изучалось.

На предшествующих этапах работы нами было выявлено: записанные в Селенице материалы свидетельствуют о том, что в соседстве с гласными заднего ряда и [a] в арумынском говоре Селеницы переход [l] в [ɫ] фиксируется практически повсеместно (например, *mulți* [muɫts] ‘многочисленный.DIR.PL’). Более того, в словоформах с корнем *lucr-* ‘работа’ в отдельных случаях происходит полное выпадение аппроксиманта, что нашло отражение даже в письменной речи арумын Селеницы (информантка записала ожидаемое нами *am lucrat* ‘работать.PF.1SG’ как *am ukrat*).

Изначально наша гипотеза состояла в том, что вышеописанная активная веляризация в арумынском говоре Селеницы является следствием влияния доминантного албанского языка, однако впоследствии по итогам библиографической работы мы установили, что данный фонетический процесс ранее уже фиксировался в северных румынских диалектах [Király 1990: 179–180] и арумынских говорах Греции [Dahmen et al. 1976: 24].

Целью настоящего этапа исследования является рассмотрение случаев веляризации, зафиксированных нами в арумыноязычных материалах из Селеницы, с акустической точки зрения.

Вслед за исследователями, занимавшимися этим вопросом на материале других идиомов (см., например, [Andrade 1999]), мы считаем наиболее целесообразным рассмотрение веляризации [l] как континуума, особенно при привлечении акустических данных, так как в естественной речи между значениями формант для реализаций даже одной фонемы неизбежен разброс.

При помощи компьютерной программы *Speech Analyzer* нами были произведены замеры величин первой и второй формант исследуемых веляризованных аппроксимантов, равно как и аппроксимантов, не подвергшихся веляризации.

Результаты проведённых указанным образом замеров демонстрируют следующее.

Значения первой форманты у веляризованных аппроксимантов, как мы полагаем, зависят от окружения звуков, так как достаточно близки в пределах словоформ одной лексемы: так, в зафиксированных реализациях словоформы *alți* [altsə] ‘другой.DIR.PL’ они колеблются в пределах 640–740 Гц, в реализациях словоформы *anlu* [anlu] ‘год.DIR.SG.DEF’ — в пределах 560–670 Гц, словоформ *multu* [muɫtə] ‘много’ и *mulți* [muɫts]/[muɫs] ‘многочисленный.DIR.PL’ — в пределах 370–470 Гц. Единственное выявленное на данный момент исключение — *multu* [muɫtu] ‘много’

с F1 = 636 — в то же время является и редким случаем отсутствия редукции конечного гласного, что, на наш взгляд, повлияло на акустические свойства аппроксиманта.

В большинстве исследованных случаев веляризации значения второй форманты также не обнаруживают большого разброса в рамках одной словоформы: так, для реализаций словоформы *alți* их колебания находятся в диапазоне 1060–1160 Гц, для словоформы *anlu* — 1240–1270 Гц.

Однако для *multu* и *mulți* колебания в величине второй форманты чрезвычайно велики: разброс составляет 1110–1880 Гц для первой словоформы, 860–1410 Гц — для второй. Мы предполагаем, что подобная особенность, отличающая аппроксиманты в данных словоформах, является следствием их частотности. В самом деле, словоформы с корнем *mult-* составляют большую часть форм с зафиксированной веляризацией и крайне частотны в нарративах и диалогах наших информантов.

Возможно, именно вследствие этого формы на *mult-* в спонтанной речи в наибольшей степени подвержены изменениям, которые могут являться следствием не только окружения звука или просодических характеристик словоформы, но и индивидуальных особенностей речи информанта.

На последующих этапах работы мы прежде всего планируем провести аналогичное исследование акустической стороны веляризации на албаноязычном материале, собранном нами в Селенице. Это позволит нам определить, влияют ли на веляризацию интенсивные албаноязычные контакты в данном населённом пункте, а в случае обнаружения влияния — предположить, в каком направлении (от албанского на арумунский или наоборот) оно происходит.

Полученные результаты, как нам представляется, могут в дальнейшем послужить вкладом в крайне мало изученную на данный момент общую картину фонетики, фонологии и фонетической интерференции языков Балканского региона.

Литература

- Andrade A.* On /l/ velarization in European Portuguese / eds J.J. Ohala, Y. Hasegawa, M. Ohala, D. Granville, A. C. Bailey // *Proceedings of the 14th International Congress of Phonetic Sciences, San Francisco, CA, USA, 1999.* San Francisco: University of California, 1999. P. 543–546.
- Dahmen W., Kramer B., Kramer J., Rolshoven J.* Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Jahre 1976 // *Balkan-Archiv. Neue Folge, 1.* Hamburg: Buske, 1976. S. 7–78.
- Király F.* Contacte lingvistice: Adaptarea fonetică a împrumuturilor românești de origine maghiară. Timișoara: Editura Facla, 1990.
- Recasens D., Farnetani E.* Articulatory and Acoustic Properties of Different Allophones of /l/ in American English, Catalan and Italian // *First International Conference on Spoken Language Processing (ICSLP 90).* Kobe, Japan. November 18–22, 1990. P. 961–964. URL: https://www.isca-speech.org/archive/pdfs/icslp_1990/recasens90_icslp.pdf

Чёха Оксана Владимировна

канд. филол. наук, научный сотрудник, отдел этнолингвистики и фольклора,
Институт славяноведения РАН; tchoekha@gmail.com

СЮЖЕТНЫЕ МОТИВЫ НОВОГРЕЧЕСКИХ ЛЕГЕНД О ХЛЕБЕ

Ключевые слова: новогреческая традиционная культура, балканский фольклор, легенды о золотом веке, хлеб.

В рамках доклада предполагается рассмотреть основные сюжетные мотивы новогреческих легенд о хлебе, а также сравнить их с соответствующими мотивами южнославянских легенд на этот сюжет, чтобы определить, какие из них являются наиболее характерными для новогреческой традиции.

Как и другим народам, грекам известны легенды о том, что в древние, мифические времена хлеба было в изобилии («все камни были хлебом, весь мрамор был сыром») и люди жили, не зная забот, пока из-за человеческих прегрешений хлеб не обратился в камень, по образному выражению одного из собирателей, «подобно древней Ниобе».

Как правило, виновницей происшедшего становится женщина, которая подтирает своего ребенка ломтем хлеба или хлебной лепешкой.

Когда-то хлеба в мире было в изобилии, так много, что все те камни, что мы видим, были хлебом. Из-за поступка одной женщины Бог положил предел такому богатству хлеба. У этой женщины был маленький ребенок, а так как она была бедна и не хватало у нее тряпок подтереть своего ребенка, то взяла она хлеб и так справила это дело. Из-за такого неуважения Бог сильно рассердился и решил уменьшить [количество] хлеба. Он сказал: «Пусть хлеб превратится в камни!». Поэтому и сейчас, если вы приглядитесь внимательно, увидите, как много камней похожи на караваи из чистой пшеничной муки [АХКЕЕЛ, Хф. 148: 10].

В старые времена в Агио Мирона было большое счастье. Людям не было нужды возделывать поля, потому что земля на полях была готовыми ломтями хлеба, чтобы люди сразу могли употребить их в пищу. Называли их халепы [Прим. автора — χαλέπα крит. диал. ‘свисающий вниз пласт пахотной земли’]. Люди, которым не было нужды заботиться о [хлебе] насущном, мало-помалу перестали его ценить. Так, женщины брали хлеб и вытирали им зад своим детям. Тогда Бог разгневался и сделал землю на полях настоящей землей, так что пришлось людям начать работать, сеять и жать, чтобы добыть себе хлеба, начать говорить: «Слава тебе, Господи!». С тех пор осталось это название — халепы — и это самые плодородные поля в области Агио Мирона. (Крит), [Φραυκάκι 1979: 83].

В эпирском варианте легенды появляется ветхозаветный мотив небесной манны, а сама женщина оказывается еврейкой.

Снег в старые времена был мукой, падающей [с неба]. Одна еврейка взяла корку чистого хлеба и вытерла ею нечистоты своего ребенка. С тех пор Бог вместо муки бросает на землю снег. (Парамифья, Эпир) [АХКЕЕЛ, Хф. 1365: 390].

Во Фракии (область Ксанфи), являющейся зоной активных славяно-греческих контактов, отмечен вариант легенды о коротком колосе, хорошо известный всем славянским традициям [Народная Библия: 441–503] и повествующий о том, как собаки и кошки упростили Бога не уничтожать хлебный колос целиком и оставить на нем немного зерен для домашних животных.

Одна женщина замешивала хлеб. Ее ребенок испачкался, и она вместо того, чтобы взять тряпку, взяла питу и обтерла ребенка. После [этого] Бог послал вниз ангела сказать женщине, что впредь не будет у нее хлеба. «Не было у тебя, — говорит, — тряпки, чтобы вытереть ребенка?» Ангел потом отправился к пшенице, ухватился рукой за колос и повел [рукой по стеблю] вверх, чтобы на нем не осталось зерна. Когда он добрался до верхушки, то завыли собаки: «Оставьте нам, чтобы и мы ели хлеб», и осталась только самая-самая верхушка [с зерном у колоса]. Раньше же был от основания до верха колос с зерном. «Из уважения к собаке, — гово-

рит, — оставлю его». В том месте, где остановился палец [ангела], два сухих зернышка. (Мандра, Фракия) [АХКЕЕЛ, Хф. 2392: 280–281].

В некоторых вариантах в камень обращается не только хлеб, но и оскорбившая его женщина.

В те [давние] времена валуны были хлебами, а мрамор — сыром. У какой-то женщины обмочился ребенок и она обратилась с молитвой к Богу, чтобы тот послал ей что-нибудь, чем можно было бы вытереть ребенка. Тогда одежды не существовало, люди были нагими. Бог скинул ей полотенце, чтобы обтереть ребенка, но [женщине] стало жаль вытирать полотенцем — таким красивым оно было — она не хотела запачкать его, [так что] взяла кусочек хлеба и им и подтерла [ребенка]. Бог проклял ее, чтобы нигде не было ей пристанища. Скитаясь, заметила она какой-то сундук, [залезла в него] и окаменела. До сих пор виден и сундук, и след от ее ноги посередине. Осталось от нее мотовило, и оно превратилось в камень. Говорят, что она внутри камня живая. (о. Наксос), [АХКЕЕЛ, Хф. 2303: 251].

Это сближает рассматриваемые нами мифологические рассказы с обще-балканской легендой о мартовской старухе, посмеявшейся над месяцем мартом и замерзшей в горах вместе со своим стадом.

В Мармаре был овечий загон у одной пастушки. Было к нее много овец и коз, и все было благополучно. Однажды, когда она пеленала своего ребенка, оказался он грязный, потому что обделался по-детски, и нечем было ей его вытереть. Глянула она туда-сюда в поисках [какой-нибудь] латаной тряпки, но ничего не нашла. И [вдруг] прямо на то место, куда она глядела, видит, падает к ней золотой платок, и поняла она, что это Бог его ей сбросил, чтобы она смогла обтереть своего ребенка. Она подняла платок, но не стала вытирать ребенка, а отрезала ломтик хлеба и им-то и подтерла. Тогда проклял ее Бог, превратилась она в мраморную глыбу, а с нею вместе и все ее чаны и все козы. Ее бочка и котлы до сих пор там стоят на земле [окаменевшие]. (Лакония, Пелопоннес), [Φάβης 1913–1914: 461].

Литература

- «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004.
- Φάβης Β. Παραδόσεις Λακεδαιμόνος // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. 1913–1914. Τ. 4. Σ. 452–463.
- Φραγκάκι Ε. Κ. Σύμβολη στα λαογραφικά της Κρήτης. Αθήναι, 1979.
- АХКЕЕЛ = Αρχείο Χειρογράφων του Κέντρου Ερεύνης της Ελληνικής Λαογραφίας. Αρχив рукописей Центра изучения греческого фольклора. URL: <http://repository.kentrolaografias.gr/xmlui/>

Чуева Софья Юрьевна

аспирант, кафедра византийской и новогреческой филологии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
sophychuyeva@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА ОТ NOMINA AGENTIS С СУФФИКСАМИ -ΤΗΡ, -ΤΩΡ, -ΤΗΣ (АНАЛИЗ ДИАХРОНИИ)

Ключевые слова: существительное женского рода, диахрония, словообразование, nomina agentis, греческий язык.

Образование существительных женского рода в греческом языке не является исключительно современной тенденцией. В древнегреческом языке мы находим множество лексем женского рода, производных от nomina agentis мужского рода. В данном исследовании мы остановимся на существительных, производных от лексем, образованных посредством суффиксов -τήρ, -τωρ, -της, обратим внимание на продуктивность суффиксов женского рода на протяжении всей истории развития греческого языка, охарактеризуем семантику той или иной лексемы. Данный вопрос, на наш взгляд, является интересной и актуальной темой исследования, поскольку один из подобных суффиксов, а именно суффикс -τρια, сохранился и в новогреческом языке, являясь на современном этапе одним из наиболее продуктивных суффиксов.

На первый взгляд, в рамках исследования словообразования в древнегреческом языке существует достаточное количество работ [Debrunner 1917, Chantraine 1933 и др.], существуют исследования, посвященные nomina agentis (NA) с суффиксами -τήρ, -τωρ, -της, а также исследования, в рамках которых рассматривается вопрос о продуктивности суффиксов в диахронии [Browning 1983]. Среди современных исследований мы также находим работы, посвященные теме существительных женского рода и их образованию в диахронии. Тем не менее, все вышеуказанные исследования дают достаточно общую характеристику интересующих нас лексем и нуждаются в дополнении. Также важно отметить, что на данный момент мы не располагаем отечественными исследованиями данного вопроса.

Суффиксы -τήρ, -τωρ, -της лексем мужского рода в древнегреческом языке восходят к индоевропейскому суффиксу NA -t-. В случае -τήρ/ -τωρ данный суффикс сочетается с согласным r/ l, что соответствует образованию суффиксов NA и в других языках, напр. рус. -тель (строитель, создатель), лат. -tor (creator, salvator). Суффикс -της, в свою очередь, является уникальным формантом, характерным для греческого языка и не засвидетельствованным в других языках индоевропейской семьи [Debrunner 1917: 171]. Изначально простые отглагольные лексемы в древнегреческом языке образовывались посредством суффикса -τήρ/ -τωρ, напр. μῆστωρ «советник, наставник» (< μῆδεομαι), ἀρητήρ «возносящий моления, жрец» (< ἀράομαι). Отыменные и, в частности, сложные отыменные лексемы, в свою очередь, приобретали суффикс -της, напр. αἰχμητής «копейщик» (< αἰχμή), αἰθηρηγενέτης «рожденный эфиром (Борей)» (< αἴθηρη + γενέτης < γίγνομαι). Данное различие сохраняется в наиболее древних образцах литературы (у Гомера), а также в диалектах, за исключением ионийского, где суффикс -τήρ достаточно рано заменяется суффиксом -της. Подобное явление наблюдается также в аттическом диалекте, что в свою очередь наследуется и эллинистическим койне [Debrunner 1917: 170–171; Chantraine 1933: 317].

Словообразующие суффиксы феминитивов в древнегреческом языке восходят к индоевропейскому форманту -уа, участвующему в образовании лексем, характеризующих лиц женского пола, животных, а также инструменты, природные явления и иные категории [Chantraine 1933: 97]. Сочетание данного форманта с согласными основы дает различные варианты словообразующих суффиксов: ἀμφιέλισσα «с обеих сторон загнутый» (о корабле) < ἔλιξ «поворот, завиток», βασίλεια «царица» < βασιλεύς, κудιάνειρα «прославляющая мужей» < ἀνήρ и пр. [Chantraine 1933: 103].

В сочетании с суффиксом -τήρ формант -υά образует суффиксы феминитивов -τειρα и -τρια. Суффикс -τειρα получает широкое распространение в эпосе (δημήτειρα «укротительница, победительница» < δημητήρ), где суффикс -τρια не встречается [Chantraine 1933: 104]. Суффикс -τρια, в свою очередь, становится одним из наиболее продуктивных словообразующих суффиксов существительных в эллинистическом койне наряду с такими суффиксами, как -της, -εύς, -εύτης/-ευτής, -άριος, -ᾶς и суффикс феминитивов -ισσα [Browning 1983: 38–39]. В дальнейшем данный суффикс сохраняет свою продуктивность, продолжая активно участвовать в образовании существительных женского рода и в новогреческом языке. На современном этапе он встречается в двух вариантах: -τρια и -τρα (ομιλήτρια < ομιλητής «докладчица, оратор», ερευνήτρια < ερευνητής «исследовательница», κλέφτρα < κλέφτης «воровка», υφάντρα < υφαντής «ткачиха» и др.). Вариант -τρα появляется в народном языке и характерен для просторечных вариантов лексем.

Также NA на -τήρ в ионическом диалекте образуют лексемы женского рода на -τρίς. Так у Гомера мы находим лексему ἀλετρίς «рабыня-молочница», также мы встречаем ἀκεστρίς «акушерка» (< ἀκεστήρ < ἀκέω) у Гиппократа и пр. В аттическом диалекте и койне данный суффикс используется исключительно в лексемах со значением орудий, напр. μεταγιτρίς «чаша для ополаскивания рук» [Debrunner 1917: 191]. NA с суффиксом -τωρ образуют феминитивы с суффиксом -τορίς (напр. ἀκεστορίς < ἀκέστωρ «целительница, спасительница»), но данная модель не обладает большой продуктивностью, и в аттическом диалекте суффикс -τορίς заменяется на -τρια [Chantraine 1933: 328–329].

Наиболее распространенный суффикс существительных женского рода, образованных от отыменных лексем на -της в древнегреческом языке, является суффикс -ις (в варианте -τις) (напр. δραπέτις < δραπέτης «беглянка»). Данный вариант словообразующего суффикса обладал высокой продуктивностью в древнегреческом языке и сохранял ее вплоть до эллинистического койне [Palmer 1946: 91]. Позднее, когда в ионийско-аттическом диалекте суффикс -της заменяет собой суффиксы -τήρ/-τωρ, мы находим варианты образования существительных женского рода на -τρια и -τρίς от несоставных лексем с суффиксом -της, такие как ψάλτης > ψάλτρια «женщина-псалт», αὐλητής > αὐλητρίς «флейтистка» [Debrunner 1917: 175].

В результате морфологических изменений в период эллинистического койне суффикс -ις (-τις) наряду с такими суффиксами феминитивов третьего склонения, как -τρίς и -τορίς и суффиксом первого склонения -τειρα, уступает место суффиксам -τρια и -ισσα, продуктивность которых значительно возрастает в этот период [Browning 1983: 38–40].

Литература

- Browning R. Medieval and modern Greek. 2nd ed. Cambridge, 1983.
Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933.
Debrunner A. Griechische Wortbildungslehre. Heidelberg, 1917.
Palmer L. A Grammar of Post-Ptolemaic Papyri: The Suffixes. London, 1946.

Якушкина Екатерина Ивановна¹, Дияна Црняк²

¹д-р филол. наук, доцент,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
jkatia@yandex.ru

²д-р филол. наук, профессор,
Банялукский университет (Баня-Лука, Босния и Герцеговина);
dijana.crnjak@flf.unibl.org

ВАРИАТИВНОСТЬ В СЕРБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ»

Ключевые слова: Сербия, Босния и Герцеговина, сербский язык, миграции, иекавское произношение, экавское произношение, языковая адаптация.

В силу постоянных миграций населения по сербской языковой территории становится актуальной проблема восприятия речи приезжего населения со стороны новой среды. Одно из главных направлений миграции сербов в конце XX — начале XXI в. — из Боснии и Герцеговины в Сербию. Процесс языковой адаптации переселенцев и отношение к их речи жителей Сербии составляет основной предмет данного исследования. Материалом для него послужили интервью с переселенцами, в которых они рассказывают о своем опыте адаптации.

Литературную речь сербов в Боснии и Герцеговине от речи жителей Сербии отличает прежде всего иекавская произносительная норма (произношение *ije/je* или *e* с предшествующей мягкостью на месте старого «ять», в Сербии же на месте этого звука произносится *e* с предшествующим твердым согласным, в соответствии с чем местная норма получила название «экавской»). Кроме того, для разговорного стиля литературного языка в Боснии и Герцеговине характерна сильная редукция и некоторые лексические особенности.

Редукция гласных в новой среде закономерно воспринимается отрицательно как не соответствующая литературной норме, а использование региональных слов также отрицательно как «хорватизм». Иекавское произношение как литературное и кодифицированное не должно было бы маркироваться таким образом, однако и оно нередко отрицательно маркирует человека, который им пользуется.

С одной стороны, информанты разнообразно свидетельствуют, что их иекавская речь иногда вызывала негативное отношение, причем часто со стороны таких же, как они, переселенцев, только более ранней волны. Негативный стереотип иекавицы закреплен в анекдотах, ср.: *Je l' tu staје аутобус за Вјетреник? «Здесь останавливается автобус на Вьетреник?»* — спрашивает приезжий иекавец местного жителя в Воеводине и получает ответ: *Јок, за Фјугог «Нет, на Фьютог»*. В этом ответе вместо нормальной формы топонима Футог воеводинец, раздраженный речью приезжего, использует квазииекавскую форму с йотацией после согласного. С другой стороны, информанты приводят примеры того, что носители экавской нормы не понимают слова в иекавском произношении. Неоднократно в интервью подтверждено, что слово *двје* 'две' экавцы воспринимают как три, поэтому иекавцы, расплачиваясь за покупки, используют форму *две*, подтверждая ее жестами. По свидетельству одного из информантов, его не поняли в пекарне, когда он попросил хлеб (шта? «что?» — переспросила продавщица), и тогда следующий по очереди покупатель перевел это слово в экавскую форму *хлеб*.

Большинство переселенцев предпочитают языковую адаптацию, приспособление (серб. *прилагођавање*) к местному типу речи. В качестве устойчивой причины называют заботу о детях, желание облегчить ребенку жизнь созданием для него гомогенной языковой среды. Общаясь с экавцами в дошкольных и школьных учреждениях, ребенок не может понять причину двойственности, путается и недоумевает, что побуждает перейти на экавицу прежде всего мать, тогда как отец, проводящий большую часть своего времени на работе, может в этом случае сохранить исконное произношение.

Помимо желания стать «своим» в новой среде, не выделяться из нее (не быть приезжими — дошљак са стране), как отмечают информанты, иекавцы переходят в Сербии на экавицу из-за давления (серб. притисак) среды.

Как отмечают информанты, негативное восприятие иекавицы — это частный случай отрицательного стереотипа о боснийцах в сербской, в частности, в воеводинской среде. Жизнь в Боснии ассоциируется с бедностью, неразвитостью, бескультурием. Информанты связывают появление этого стереотипа с поведением боснийских переселенцев в Воеводине после Второй мировой войны и с посвященным этой миграции художественным фильмом «Восьмое наступление» (Осма офанзива). Одному из информантов, рожденных в Боснии, знакомая в Воеводине задала поразивший его вопрос: «Вы, боснийцы, все еще готовите еду в той же кастрюле, в которой кипятите белье?». Поэтому дети выходцев из Боснии особенно стараются освободиться от иекавицы. Муж информантки, сын боснийских переселенцев, переехавших в Нови-Сад, чувствовал «небольшой стыд» (благи стид), когда его жена говорила на иекавице. По выражению информанта, в экавской среде иекавцу одмах налепе етикету селяка необразованог «сразу наклеят ярлык необразованной деревенщины». Неприятие иекавицы в Воеводине особенно травмирует переселенцев, поскольку Воеводина традиционно является мультиэтническим и многоязычным регионом, а следовательно, толерантным культурным пространством.

Многие жители Сербии не знают, что в сербском литературном языке узаконены две проносительные нормы. Большой общественный резонанс в 2023 г. имел следующий случай. В суде г. Бор адвокату было поставлено на вид, что он пользуется иекавицей, которая якобы не свойственна административному языку Сербии. Адвокат обжаловал это требование, но Конституционный суд Сербии подтвердил решение судьи, и только Европейский суд по правам человека в Страсбурге установил незаконность этого решения (<https://hronograf.net/2023/04/29/evropski-sud-za-ljudska-prava-jednoglasno-srpske-sudije-ne-znaju-srpski-jezik/>).

Несмотря на давление среды, многим переселенцам иекавица дорога как средство идентификации с исконной средой. Она помогает им найти друг друга в новой среде и установить между собой контакт, которым они дорожат, но и помогает сохранить собственную личность: «Когда я говорю на иекавице, это в большей степени “я”».

Браткин Дмитрий Александрович

канд. ист. наук, доцент, кафедра философии религии и религиоведения,
Санкт-Петербургский государственный университет

МЕЖДУ БИБЛЕЙСКОЙ ФИЛОЛОГИЕЙ И СВОБОДНЫМ МИФОТВОРЧЕСКОМ: С. С. КОНДУРУШКИН И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СУБСТИТУТ «ПОИСКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИИСУСА» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XIX — XX ВЕКА

Ключевые слова: Исторический Иисус, Гегесипп, Евсевий, С. С. Кондурушкин, мейнстримное и маргинальное богословие.

1. Существует обширная литература, посвященная истории русской библеистики в последние десятилетия «долгого XIX века». Однако очевидно неисследованным, в числе прочих, остается важный вопрос о том, и где в отечественной рефлексии над библейскими и смежными сюжетами пролегла линия размежевания между критическим исследованием, которое подразумевает методологическую дисциплину ученого, и свободным мифопоэтическим постижением темы средствами художественной литературы. Беллетристический подход к трактовке (около)библейских сюжетов означал консервацию целого ряда старинных жанров, надежно засвидетельствованных в древней и средневековой литературе библейских апокрифов и псевдэпиграфов. Диапазон их простирается от жанра «переписанной Библии» (rewritten Bible), где смещаются акценты в повествовании, но при сохранении общей канвы сюжет расцветчивается и обогащается подробностями (как, например, в Книге Юбилеев), до «программного евангелия» гностического типа, где известные протагонисты помещены в принципиально новую ситуацию и транслируют принципиально новое содержание.

2. Для русского контекста XIX–XX века эта проблема стоит особенно остро, поскольку художественная литература, литературная критика и публицистика были вынуждены играть роль эрзаца для ряда гуманитарных дисциплин. Литературное осмысление того или иного сюжета оказывалось своеобразным субститутотом собственно академической его разработки *lege artis*. Специфическая богословская рефлексия немецкого Просвещения, оппонирующая рационализму Г.-С. Реймаруса и восходящая в конечном итоге к центральному вопросу Реформации о границах Откровения, порождает дисциплину, которую обычно называют «поиском исторического Иисуса». Рубежом в появлении научного подхода к критике евангелий справедливо считается «Жизнь Иисуса» Давида-Фридриха Штрауса (1835). (1) Ориентация на беллетристический стиль Эрнеста Ренана (1863) как на образец свободной трактовки образа Иисуса; (2) мистические, а не рационалистические идеалы интеллигентского богискательства; (3) отсутствие подлинного историзма в интересе к фигуре Иисуса и (4) то обстоятельство, что монография Альберта Швейцера о поиске исторического Иисуса (1906) фактически осталась в России неизвестной — все это привело к тому, что внецерковный интерес к личности Иисуса из Назарета воплощался прежде всего в виде художественных текстов.

3. После первой русской революции и публикации трудов Штрауса и Ренана по-русски появляется целый ряд беллетристических трактовок образа Иисуса и, аналогичные тексты о других библейских фигурах. Некоторые из этих работ закрепились в позднейшем каноне классики XX века, авторы других дополнили список «забытых и возвращенных имен».

К числу последних относится Степан Семенович Кондурушкин (1879–1919), журналист и писатель народнического и околоэсеровского направления, активный сотрудник М. Горького и участник сборников товарищества «Знание». Выходец из беднейшего слоя крестьян, Кондурушкин сумел окончить Казанский учительский институт, после которого 1898–1903 гг. преподавал в Назарете и Дамаске в школах Императорского Православного Палестинского общества, а затем в течение трех лет был вольнослушателем Петербургского университета (в 1903/1904 г. — Факультета восточных языков). С конца 1890-х гг. и до самой смерти Кондурушкин активно занимается литературной и репортерской деятельностью [Перминов 2022].

4. Как писатель Кондурушкин находится в литературной тени В. Г. Короленко и Максима Горького, хотя оригинальные его тексты экспрессивны и вполне индивидуальны. Среди его наследия, состоящего в основном из очерков о Ближнем Востоке и русской деревне, а также фронтовых корреспонденции времен I Мировой войны, выделяются два произведения на библейскую тему. Повесть «Моисей» (Сборник товарищества «Знание», 1908, XXV) — это вольный пересказ Числ 16. Рассказ «Потомки царя иудейского» («Русское богатство», 1912, март) представляет собой вольную фантазию на тему рассказа о преследовании Домицианом внуков Иуды, брата Иисуса, заимствованного из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (III, 19–20,7), который, в свою очередь ссылается на Гегесиппа (середина II века). Рассказ перенасыщен подробностями, которые, с одной стороны, намекают на знакомство Кондурушкина со старым русским переводом Евсевия [Сочинения Евсевия Памфила 1848: 143–144], а с другой не совпадают ни с одним параллельным дополняющим вариантом этой же традиции, цитируемой или парафразируемой у других авторов (Филиппа из Сиды и Епифания Монаха) [Bauckham 1990: 94–106]. Судя по всему, мы имеем здесь дело с безусловной фантазией, отталкивающейся от исходного повествования и не нуждающейся в дополнительных источниках для создания многочисленных ярких подробностей и деталей.

5. Пример данного произведения Кондурушкина, показывает, среди прочего:

а) насколько непредсказуемо широким оказывалось поле воздействия мейнстримной богословской литературы, в данном случае — перевода Евсевия, изданного при Санкт-Петербургской Духовной академии в 1848 году;

б) насколько свободным было отношение к этой мейнстримной богословской литературе в некоторых литературных и интеллектуальных кругах;

в) как действует психология составителя апокрифических версий и вариаций и сколь небольшим может быть стимул, включающий механизм художественного вымысла и фантазии.

Наконец, *last but not least*, проза Кондурушкина может оказаться одним из тех типологических мостиков, которые соединяют оригинальную и переводную русскую литературу конца XIX — начала XX в. с более поздними художественными текстами, построенными на трактовке евангельских сюжетов, к числу которых относятся, например, ершалаимские главы «Мастера и Маргариты» или «Иисус неизвестный» Д. С. Мережковского.

Литература

Сочинения Евсевия Памфила, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной академии. Т. I. СПб.: Тип. Е. Фишера, 1848.

Юрий Перминов: «В Омске о прахе писателя Кондурушкина позаботиться было некому» 06 мая 2022 — 10:50. URL: <https://bk55.ru/kolumnistika/article/202121/> (дата обращения: 24.01.2024).

Bauckham R. Jude and the Relatives of Jesus in the Early Church. Edinburgh: T&T Clark, 1990.

Schweitzer A. Von Reimarus zu Wrede: eine Geschichte der Leben-Jesu-Forschung. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1906.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-28-01158: Православные священнослужители кон. XIX — нач. XX вв. как исследователи религиозной культуры: от «мейнстрима» к «маргинальности».

Витковский Вадим Евгеньевич

канд. филол. наук, хабилитированный доктор, приват-доцент,
Humboldt-Universität zu Berlin;
wittkovx@hu-berlin.de

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА И СИНОПТИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ КАК ЕГО ИСТОЧНИКИ: НАФАНАИЛ ИЗ КАНЫ ГАЛИЛЕЙСКОЙ (ИН 21:2) И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Ключевые слова: Евангелие от Иоанна, синоптические Евангелия, «любимый ученик» в Евангелии от Иоанна, Нафанаил, Закхей.

В новозаветной науке до сих пор не существует единого мнения по вопросу о литературных связях между т. н. синоптическими Евангелиями, т. е. Евангелиями от Марка, Матфея и Луки, с одной стороны, и Евангелием от Иоанна, с другой. Нет ясности, прежде всего, с тем, что является признаком непосредственного заимствования одним автором текста другого (или других), а что следует считать результатом различной обработки устных или утраченных письменных источников.

В последние десятилетия среди исследователей постепенно распространяется понимание, что использование синоптических источников (претекстов) в Евангелии от Иоанна не отличается принципиально от использования, например, Евангелия от Марка в Евангелии от Матфея или от Луки. Одновременно с этим теряют поддержку прежде весьма распространенные теории «утраченных источников» Евангелия от Иоанна, в особенности теория «Источника знамений» (Semeia Source / Signs Gospel).

Особая роль в исследовании синоптических «следов» в Четвертом Евангелии принадлежит т. н. Лёвенской (Лувенской) школы, возглавлявшейся в последней трети XX века известным бельгийским новозаветником Франсом Нейринком. Эта школа, отказавшись признавать доказанность существования «источника Знаков», настаивает на том, что в Евангелии от Иоанна использовались все три синоптических Евангелия. Разумеется, в этом ее поддерживают защитники теорий использования одними синоптиками текстов других (нем. *Benutzungshypothesen*; в особенности использования Евангелия от Матфея автором Евангелия от Луки). Хартвиг Тюн в своем комментарии к Евангелию от Иоанна [Thyen 2005], систематически исходит из того, что автор этой книги «играет» с текстами синоптиков. Для современного состояния вопроса характерны итоги конференции 2018 г. в Афинах, многочисленные участники которой практически единодушно выступили в поддержку идеи использования в Четвертом Евангелии синоптических источников [Becker, Bond, Williams 2021].

Ученые-новозаветники, не желающие расстаться с идеей утраченного источника (или источников) как основы Евангелия от Иоанна, но вынужденные считаться с явными сходствами между всеми четырьмя каноническими Евангелиями, предлагают различные комбинации двух теорий. Там, где отрицать непосредственные литературные связи оказывается невозможно, признается влияние синоптиков на Иоанна, там же, где такие связи могут быть поставлены под сомнение, предлагается считать, что у Иоанна была какая-то не дошедшая до нас основа в виде чего-либо подобного «Источнику знамений»; один из наиболее известных сторонников такой комбинации американский новозаветник Пол Андерсен предлагает называть такой подход «биооптическим». На подобном подходе основан комментарий к Евангелию от Иоанна, изданный Фолькером Зигертом [Siegert 2008].

Представляется, что для внесения ясности в вопрос о взаимоотношении Четвертого Евангелия и синоптических Евангелий необходимо пристальное рассмотрение разных видов литературных связей между этими текстами. В предлагаемом сообщении подвергаются анализу лишь некоторые из таких связей, однако анализируемые места и их возможные взаимосвязи имеют принципиальное значение для понимания литературной стратегии автора Евангелия от Иоанна.

Дэвид Кетчпол опубликовал в 1998 г. статью [Catchpole 1998], где обосновал точку зрения, согласно которой дважды упомянутый в Четвертом Евангелии Нафанаил (Ин 1:45–51; 21:2) может быть отождествлен с «любимым учеником» Иисуса, неоднократно упомянутым у Иоанна (Ин 13:23–26; 19:25–27; 20:1–10; 21:7,20–24). К аргументам Кетчпола могут быть добавлены некоторые другие, относящиеся к источникам, использованным автором Евангелия. В сообщении рассматриваются связи между текстами Ин 1:45–2:11 и Лк 19:1–10, где в обоих случаях в начале упоминается желание Нафанаила/Закхея увидеть Иисуса, а в конце Иисус говорит о себе как о Сыне Человеческом. Далее, рассматриваются синоптические источники (форлаген), которые использовал в своем эпизоде с Закхеем Лука, откуда видно, что Иоанн также пользовался в своей двойной сцене (1:45–51 + 2:1–11) текстами, использованными до него Лукой в 19:1–10 (Мк 2:13–22 пар.; Мк 10:17–22 пар.; Лк 2:4–21). Выясняется, что образ Нафанаила в Евангелии от Иоанна демонстрирует сходства не только с образом Закхея (на что обращал внимание еще Амвросий Медиоланский в Толкованиях на Луку 8.90), но и с собеседником Иисуса, которого Он «возлюбил» (Мк 10:21), а также в мытарем Матфеем (Мф 9:9). В заключительной части сообщения делаются некоторые новые выводы относительно списка учеников Иисуса в последней главе Евангелия от Иоанна (21:2).

Предварительный итог рассмотрения указанных текстов Евангелия от Иоанна на фоне их синоптических соответствий таков: образы, созданные автором Четвертого Евангелия, основаны в большей степени на литературной обработке текстов синоптиков (Евангелий от Марка, Матфея и Луки), нежели на изображении реальных исторических лиц. Предположения об иных (утраченных) источниках Евангелия от Иоанна носят гадательный характер, поэтому требуется более внимательное изучение непосредственных литературных связей между дошедшими до нас текстами, прежде всего между каноническими Евангелиями.

Литература

- Becker E.-M., Bond H. K., Williams C. H. John's Transformation of Mark. Edinburgh, 2021.
- Catchpole D. The Beloved Disciple and Nathanael / eds C. Rowland, C. H. T. Fletcher-Louis // Understanding, Studying and Reading: New Testament Essays in Honour of John Ashton. Sheffield, 1998. P. 69–92.
- Siegert F. Das Evangelium des Johannes in seiner ursprünglichen Gestalt: Wiederherstellung und Kommentar/ Göttingen, 2008.
- Thyen H. Das Johannesevangelium. Tübingen, 2005.

Джункова Катарина

канд. филол. наук, аспирант Карлова университета, Прага (Чехия)

НОВЫЙ ЗАВЕТ (1954) В ПЕРЕВОДЕ КАРОЛА СТРМЕНИЯ. СЛОВАЦКИЙ ПОЭТ В ЭМИГРАЦИИ В США ПЕРЕВОДИТ БИБЛИЮ

Библейскому переводу на словацкий язык до сих пор не было уделено достаточного внимания с филологической точки зрения. Первым словацким переводом Св. Писания является рукопись XVIII в., получившая название «Камалдульская Библия». Словацкие протестанты использовали Кралицкую библию 1579–1593 гг. на чешском языке вплоть до середины XX в., а словацкие католики в основном пользовались переводом каноника Ю. Палковича 1829 г. Лишь в начале XX в. появился новый перевод Нового Завета (НЗ) от священника Я. Доновала, а в 1946–1947 гг. вышел новый, более современный перевод НЗ от Ш. Златоша и А. Шурянского на основе латинского источника в Обществе святого Войтеха.

Карол Стрмень (Карол Бекени, 1921, Палариково — 1994, Кливленд) был талантливым поэтом и выдающимся переводчиком, который перевёл многочисленные сочинения с более чем 20 языков [Marcinčin: 216–222]. Он обучался в католической семинарии в Эстергоме, а затем изучал филологию романских языков в Братиславе. Уже в молодом возрасте Стрмень отличился выдающимися переводами Данте или Э. А. По, но по политическим причинам эмигрировал в 1945 г. из Словакии в США.

В новых условиях он столкнулся с потребностью словацкой общины в духовной литературе на родном языке. Однако из-за коммунистического режима в Чехословакии было очень трудно отыскать современный перевод Библии. Поэтому в возрасте 33 лет Стрмень решился на создание нового перевода Нового Завета (НЗ) с разрешением местного епископа [Nový zákon...: введение]. Результатом стал оригинальный перевод, нацеленный на понятность текста, точность изложения библейских действий, с учётом их драматического характера. Перевод обладал высоким литературным качеством.

Целью доклада является анализ малоисследованного НЗ 1954 г., которого переводчиком являлся выдающийся знаток поэзии и драматических произведений. Перевод сравнивается с латинским оригиналом, который К. Стрмень взял при переводе за основу, попутно обращаясь к греческому тексту, а также к переводам НЗ от Я. Доновала 1913 г. (D) и Златоша-Шурянского 1946–1947 гг. (Z-Š).

Хотя есть подтверждения тому, что Стрмень придерживался переводческих решений и библейского стиля своих предшественников, он все же внес в текст и свой собственный вклад. В ходе исследования были выявлены несколько инноваций.

Стрмень отклонялся от буквального перевода с латыни, используя устойчивые словосочетания, напр. Мф 26,31: Omnes vos scandalum patiemini in me in ista nocte — Сын. Перевод: Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь — D: Vy všetci pohoršíte sa nado mnou tejto noci — Z-Š: Vy všetci sa pohoršíte na mne tejto noci — Стрмень: V túto noc všetci klesnete na duchu kvôli mne.

Стрмень употребляет синонимические выражения, особенно в случае глаголов, вводящих прямую речь — *verba dicendi*. Лат. *respondeo* или *dico* переводит глаголами *odseknúť* ‘отрезать’, *vyhlásiť* ‘объявить’, *zачаť* ‘начать’, *dodať* ‘добавить’ с учетом конкретной картины библейского действия. Напр. ответ Пилата Ин 19,22: *Respondit Pilatus: Quod scripsi, scripsi.* — Пилат отвечал: что я написал, то написал; переводит Стрмень глаголом *odseknúť* в значении ‘отрезать, отрубить’: *Pilát odsekol: „Čo som napísal, to som napísal!“*

Стрмень переводил драматические произведения Гёте, Элиота или Клодела, и поэтому имел хорошее представление о структуре драматического текста. Например, прямую речь Иисуса Стрмень старался обратить к адресату и вербум финитум переводил существительным: Лк 6,27: *Sed vobis dico, qui auditis* — Но вам, слушающим, говорю — Стрмень: *Vám však, poslucháči, hovorím...* Стрмень прибегает к разделению сложных латинских предложных конструкций. Например, речь Иисуса к ученикам в Гефсиманском саду он разделяет восклицательными знака-

ми на более короткие сегменты: Мф 26, 45–46: Dormite jam, et requiescite: ecce appropinquavit hora, et Filius hominis tradetur in manus peccatorum. Surgite, eamus: ecce appropinquavit qui me tradet. — Вы всё еще спите и поживаете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников; встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня. — Стрмень: Len spite a odročívajte! Tu je moja hodina! Syna človeka vydajú hriešnikom! Vstávajte! Poďme! Pozrite, prichádza môj zradca! Более аутентично переводит также фразу Amen, amen, dico tibi как: Veru ti poviem (Ин 3,3). Стрмень обращает внимание также на прямую речь Иисуса к Деве Марии, где лат. mulier (γύναι) в переводе žena ‘женщина’ оставляет впечатление определенной невежливости. Стрмень это переводит более вежливым обращением pani. Слова Иисуса Стрмень переводит по их смыслу. Ин 2,4: Quid mihi et tibi est, mulier? — Что Мне и Тебе, Жено? — Стрмень: Nechaj ma, pani.

Стрмень также местами включает в текст поэтические выражения., напр. Лк 9,58 volucres ‘птицы’ переводит как vtáč (вместо vtáky), которые встречаются также в лексике поэта П. Орсаса Гвездослава, с творчеством которого Стрмень был хорошо знаком. Ин. 3,8 Spiritus ubi vult spirat, et vocem ejus audis — Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь Стрмень переводит лат. vox как ‘шум’: Vietor veje, kam chce. Počuješ ho šumieť... Свои поэтические способности Стрмень также проявляет в гимнических отрывках Нового Завета. Славословие Девы Марии — Магнификат или Песнь Захарии он переводит ритмизированной формой.

В конце доклада уделяется внимание феномену словацкого библейского перевода, когда в первой половине XX века переводчиками Св. Писания становились священники или семинаристы — поэты. К этой категории относится и переводчик НЗ, католический священник Ян Доновал, который публиковал стихи под псевдонимом Тихомир Милкин, а также переводчик ВЗ Ян Швец-Славковян и лютеранский пастор Владимир Рой, переведший Книгу пророка Исаии.

Научную новизну доклада составляет анализ неизвестного перевода К. Стрменя, который использовался исключительно среди словацкой эмиграции в Америке в период коммунизма в ЧСР, и его включение в контекст словацкого библейского перевода.

Литература

Marčinčin M. Karol Strmeň — krištál na zabudnutom ostrove. Bratislava: Post Scriptum, 2022.

Nový zákon Pána nášho Ježiša Krista. Preložil Karol Strmeň, člen Slovenského ústavu pri opátstve sv. Andreja-Svorada v Clevelande, Scranton: Bosak Publications, 1954.

Каргальцев Алексей Витальевич

канд. ист. наук, старший преподаватель, кафедра истории религии и теологии,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
kargaltsev@gmail.com

«СТРАСТИ СВЯТОЙ МАРЦИАНЫ»: К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ПАМЯТНИКА

Ключевые слова: агиография, мученики, Северная Африка, Великое гонение, Римская империя.

«Страсти Святой Марцианы» (BHL 5256) — агиографический памятник, который нечасто привлекает внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей, и представляет собой рассказ о христианской деве, пострадавшей в период Великого гонения Диоклетиана на арене амфитеатра Кесарии Мавретанской. Он относится к так называемому «мавретанскому циклу» (*Passio sanctae Salsae* (BHL 7467), *Passio sancti Fabii* (BHL 2818), *Passio sancti Tyrsanii* (BHL 8354), *Passio sancti Victoris* (BHL 8565), куда входит целая группа сочинений, составленных или отредактированных, как считается, в V [Fialon 2016: 15]. Низкий исследовательский интерес, очевидно, связан с отсутствием в памятнике исторических реалий Великого гонения, однако он содержит массу деталей, характерных для последующих столетий христианской эпохи. В центре повествования судьба христианской девы Марцианы, известной своими набожностью и целомудрием, которая разбивает статую богини-девы Дианы, за что и претерпевает страдания. С одной стороны, здесь просматривается очевидное противопоставление языческого и христианского культов, с другой, в поступке девушки нет мотивов, характерных для времени Великого гонения. Не упоминаются эдикты Диоклетиана, не звучит требование отречься от веры или принести жертвы языческим богам. Уничтожение языческой статуи относит нас скорее к эпохе середины IV в., когда радикальные донатисты, с которыми активно боролась Церковь, терроризировали города Северной Африки, уничтожая все, что им представлялось безбожным. Именно образ и поступок Марцианы, а не ее мученичество, находятся в центре внимания автора. Похвала девству, безусловно, рефреном звучит в христианских сочинениях, начиная с Нового Завета (1Кор. 7: 26) и получает особое развитие в христианской литературе римской Африки в силу особенно буквалистских представлений о связи человеческих поступков и последующего спасения (см.: Tert. De virg. vel.). При этом очевидно и то, что статус мученика в III — начале IV вв. был столь высок, что не требовал легитимации добродетельной жизнью, ведь святые мученики напрямую попадают в рай (Tert. De anim. 55,4). Были и исключения, когда биограф Киприана Карфагенского дьякон Понтий пишет пространное житие епископа с целью доказать, что бегство епископа в начале его служения во время гонения Деция в 249–251 гг. не было следствием душевной слабости, но произошло по воле Божией, или сюжет из «Мученичества Максимы, Секунды и Донатиллы», где одна из героинь, не желая выходить замуж, хочет сохранить целомудрие ради и Христа и совершает самоубийство. Однако эти примеры лишь доказывают общее мнение христиан той эпохи, что подлинное мученичество не может быть спровоцировано самим героем, но является наказанием безвинного за его веру. В этом отношении история Марцианы совершенно нетипична. Можно лишь предположить, что подлинная история героини была спорной с точки зрения церковной традиции и требовала создания агиографического сюжета, оправдывавшего ее почитание в Мавретании. Главными героями второй части произведения являются иудеи. Именно они выступают главными гонителями девушки, последовательно добиваются мучительной расправы над ней, а в конце получают заслуженное наказание от Бога. Нельзя сказать, что иудеи никогда не участвовали в гонениях на христиан. В «Мученичестве Поликарпа» и в «Мученичестве Пиония», памятниках, рассказывающих о гонениях в Смирне во II–III вв., действительно присутствует прямая полемика с иудеями, равно как последние принимают самое деятельное участие в расправе над Поликарпом. Однако, очевидно, что за этим стояло реальное противостояние христианской и иудейской общин города. При этом несмотря на то, что в Северной Африке иудеи также

были широко представлены, равно как и Тертуллиану, и Псевдо-Киприану принадлежат антииудейские трактаты, трудно обнаружить следы реальной вражды в регионе между церковью и синагогой [Binder, Villey 2024: 527–246]. Между тем, тема козней со стороны иудеев является общим местом для всех агиографических памятников «мавретанского цикла». Кроме того, в проповедях Амвросия Медиоланского можно обнаружить явную переключку с сюжетом «Страстей Марцианы»: иудеи повинны в преследованиях христиан, и они получают должное воздаяние уже в этом веке [Seaver 1952: 46]. Можно предположить, что христианский анисемитизм IV в. объясняет двусмысленностью отношений церкви государства этого времени, когда, с одной стороны, христианство уже не только легальная, но и господствующая религиозная традиция в Империи, с другой, сохраняются языческие традиции. В такой ситуации открыто выступать против государственного язычества и политики гонений недавнего времени уже не так просто, и обвинение падает на иудеев. Поводя итог, можно констатировать, что «Страсти Марцианы» представляют собой интереснейший памятник эпохи, позднейшей по отношению к Великому гонению, но в полной мере отразивший центральные темы и сюжеты, характерные для латинского Запада.

Литература

- Binder S. É., Villey T.* 34 Jewish Communities in North Africa // *The Routledge Handbook of Jews and Judaism in Late Antiquity* / ed. by C. Hezser. London; New York: Routledge, 2024. P. 527–546.
- Fialon S.* La Passio sanctae Marcianae (BHL 5256): editio princeps // *Sacris erudiri*. 2014. Vol. 53. P. 15–68.
- Seaver J. E.* *Persecution of the Jews in the Roman Empire (400–438)*. Lawrence: University of Kansas, 1952. 100 p.

Карякина Мария Валерьевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
maria.karyakina@gmail.com

ТЕКСТОЛОГИЯ КНИГИ ПРИТЧЕЙ: ВАРИАЦИИ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

Ключевые слова: Книга Притчей, Септуагинта, Масоретский текст, славянские переводы Библии, паремийные чтения.

Книга Притчей Соломоновых — одна из наиболее сложных в текстологическом отношении библейских книг. Главной проблемой является соотношение еврейского (масоретского) текста этой книги (далее — МТ) и его греческого перевода (Септуагинты, далее — LXX). Хотя греческий перевод книг, относящихся к разделу еврейского канона «Писания» (книги Притч, Иова, Псалмов, Екклесиаста, Руфь, Неемии, Песнь Песней, и др.) и характеризуется как «очень свободный» по сравнению с переводом книг из разделов «Тора» и «Пророки» [Брюгеман 2009: 349], перевод книги Притч можно скорее назвать «парафразом»: переставлены местами целые разделы, отдельные стихи отсутствуют, но многие добавлены (по объему книга Притч в версии LXX больше версии МТ на 130 стихов).

Такая вариативность может быть обусловлена жанром: книга Притчей представляет собой сборник поучений, то есть коротких сентенций, не связанных единым сюжетом и лишь иногда соотносящихся с ближайшим контекстом. Заголовки, встречающиеся в еврейском (масоретском) тексте книги Притчей («Речения Соломона, сына Давидова» (1.1), «Притчи Соломона» (10.1), «Слова мудрых» (22.14), «И это (слова) мудрых» (24.23), «И это притчи Соломона, собранные мужами Езекии» (25.1), «Слова Агура» (30.1) и «Слова Лемуила» (31.1)) свидетельствуют о том, что эта книга представляет собой сборник нескольких коллекций притч, возможно, восходящих к разным традициям. Сами эти коллекции также неоднородны по составу: в них можно проследить разделы, объединяющие несколько отдельных поучений (притчей) тематически или структурно. Эти коллекции начали собираться воедино, вероятно, во времена царя Езекии (конец VIII– начало VII в. до н. э.), однако этот процесс, по-видимому, закончился не ранее времени создания LXX (III–II в. до н. э.).

Греческий текст отражает «параллельную редакцию» книги Притч [Тов 2001: 319], главным отличием которой является расположение материала в главах 24–31, в которых последовательность стихов такова: 24.1–22, 30.1–14, 24.23–24, 30.15–33, 31.1–9, 25.1–29.27, 31.10–31 (нумерация глав и стихов по МТ). Заголовки разделов в греческом тексте изменены с тем, чтобы сгладить разнородность коллекции и подчеркнуть единое авторство Соломона [Швинхорст-Шёнбергер 2008: 488]: заголовок МТ 10.1 «Изречения Соломона» в греческом варианте отсутствует; в 30.1 и 31.1,4 отсутствуют имена Агура и Лемуила, а «слова» переданы в косвенной речи; в заголовке 25.1 (согласно МТ, «И это (тоже) притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя Иудейского»), לְפִתּוּיִם («притчи») передано в LXX как παιδεία («наставления»), а не παροιμία (1.1, 26.7) или παραβολή «притча» (1.6). Лексема παιδεία используется в книге Притч 25 раз, обычно для перевода מוֹרָה («наставление»). Несомненно, в 25.1 редакторами выбор был сделан в пользу более частотного слова, чтобы фраза «наставления Соломона, собранные мужами Езекии» меньше выделялась из контекста и не воспринималась как начало нового раздела собрания притч (παροιμία).

Именно греческая версия книги была усвоена славянской традицией, однако это усвоение было постепенным. Изначально славяне познакомились с текстом Притч в виде паремийных чтений, содержащих около 2/3 общего объема книги [Алексеев: 177]. Притчи читаются за православным богослужением в течение первых шести недель Великого Поста, наряду с книгами Бытия и Исаии. Таким образом, в течение нескольких веков контекстом каждого из читаемых отрывков Притч являлся не тот контекст, который был задуман для них редакторами LXX или МТ, а чтения из Бытия и Исаии, читаемые в тот же день.

Самый ранний полный славянский список книги Притч содержится в Тырновской Библии (РНБ ОР F. I.461, 70-е гг. XVI в., далее — ТБ; в ТБ отсутствуют стихи 18.10–20.10). При создании полного списка книги Притч славянскими переводчиками были использованы существующие переводы паремийников, которые, по-видимому, сопоставлялись с полным греческим текстом книги с тем, чтобы добавить переводы фрагментов, отсутствующих в паремийниках (10.23–30, 24.6–31.7 и др.). Границы паремийных чтений обозначены в ТБ в виде помет за(ч) и кон иногда на полях, а иногда внутри текста, а иногда и отсутствуют. Однако заголовок 25.1 (Си наказаніа солонмнѣ), который пытались сгладить редакторы LXX, выделен таким же образом, как заголовки отдельных книг: более крупный шрифт, киноварь, стих 25.2 начинается инициалом. Заголовок последующей книги — Песни Песней — выглядит в ТБ гораздо скромнее заголовка Притч 25.1. Очевидно, что для составителя ТБ вторая часть книги Притч (25.1–31.31) представляется в виде отдельного текста.

То, в каком виде текст попадает в руки переводчика — в виде полного текста, структурированного редактором тем или иным образом, или в виде фрагментов, помещенных в совершенно иной контекст (т. е. в контекст паремийных чтений из других книг и в целом контекст богослужения и литургического календаря) — несомненно, влияет на восприятие текста и на сам процесс перевода. Анализ этого влияния требует тщательного сопоставления вариантов перевода и выявления изменений, вызванных изменением контекста.

Литература

- Алексеев А. А.* Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий. СПб.: Нестор-история, 2008.
- Брюгеманн У.* Введение в Ветхий Завет: Канон и христианское воображение. М.: ББИ, 2009.
- Тов Э.* Текстология Ветхого Завета. М.: ББИ, 2001.
- Швинхорст-Шёнбергер Л.* Книга Притчей // Введение в Ветхий Завет / под ред. Эриха Ценгера. М.: ББИ, 2008. С. 483–494.

Лопатин Матвей Денисович

ассистент, кафедра Древнего Востока,
Санкт-Петербургский государственный университет;
m.lopatin@spbu.ru

ЭКТОПАРАЗИТЫ В ВЕТХОЗАВЕТНЫХ И КЛИНОПИСНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Ключевые слова: древнееврейский язык, аккадский язык, наименования животных, вши, блохи.

Значимость наружных паразитов человека и домашних животных, в особенности, вшей и блох, на древнем Ближнем Востоке неоднократно подтверждается письменными источниками и данными археологии. Во время одной из Казней Египетских (Ех 8:12–15//Ps 105:31) паразиты *kinnim/kinnām* поражают человека и скот по всей стране. В клинописных лексических списках животных группа паразитов и вредителей (шум. eḥ) – одна из самых крупных, ей отведен фрагмент из 25 строк. При анализе контекстов упоминаний вшей, блох и других паразитов в ветхозаветных текстах могут быть полезными клинописные источники, дающие информацию о том, как воспринималась исходящая от них угроза и какие способы борьбы с ними существовали.

Роль этих насекомых обусловлена, прежде всего, угрозой, которую они представляют здоровью человека и скота. Различные виды вшей вызывают заболевания кожи и являются разносчиками возбудителей болезней, прежде всего тифа; некоторые виды блох могут стать разносчиками чумы. Вши и блохи засвидетельствованы в археологическом контексте на памятниках в Египте и Восточном Средиземноморье начиная с эпохи докерамического неолита, прежде всего, на волосах и расческах [Bain 2004: 82–85].

В ветхозаветном корпусе наружные паразиты человека и животных представлены, по всей видимости, описанием одной из Казней Египетских в Кн.Исход (Ех 8:12–15), где Аарон, ударив посохом, превращает «земной прах» (^u*par hā'ārāš*) в насекомых *kinnim/kinnām*, поражающих людей и животных. В повествовании Кн.Исход это третья Казнь, следующая после жаб (*šəpardə'im*) и перед некими животными *'ārob* (вероятно, также насекомыми); в параллельном перечислении в Кн.Псалмов (Ps 105:31) *'ārob* указаны прежде *kinnim*; еще одно перечисление Казней (Ps 78:44–51) не содержит упоминания *kinnim/kinnām*. В кумранском тексте 4Q422 10 а-е, содержащем пересказ событий Кн.Исход, термин *knym* стоит перед *'rwb*. Лексема *knym* упоминается также в Книге Сираха (Sir 10:11), по-видимому, среди животных, питающихся мертвым телом [Beentjes 1997: 35]. Вероятно, форма ед. ч. *ken* используется в Кн.Чисел (Nu 13:33) и в Кн.Исайи (Is 51:6), однако из контекста не ясно, идет ли речь именно о насекомых. Упомянутые случаи не позволяют однозначно идентифицировать евр. *kinnim/kinnām* как «вшей»; остается предположить, что эта лексема могла указывать на любых представляющих угрозу человеку небольших насекомых. Тем не менее, еврейское постбиблейское и иудео-арамейское *kinnā* определено имеет значение «вошь» [SED II: 159]. Термин *par'oš* «блоха» засвидетельствован в 1-й Кн. Царств (1S 24:15, 26:20) в качестве метафоры ничтожности; идентификация наименования подтверждается постбиблейским употреблением и семитскими когнатами с тем же значением [SED II: 246].

В клинописных памятниках на шумерском языке засвидетельствована лексема eḥ (uḥ), использовавшаяся для обозначения различных вредителей и паразитов, включая, по всей видимости, вшей и блох. Широкий круг значений данного термина подтверждается его употреблением в административно-хозяйственных документах, литературных памятниках и текстах заклинаний, где животные eḥ наносят вред посевам, тканям, скоту и, по всей видимости, человеку, а также пространном перечислении его аккадских эквивалентов в шумеро-аккадских лексических списках животных. В ассирийском списке Ura 14 254–277 (кон. 2-го — нач. 1-го тыс. до н.э.) лексема eḥ соответствуют четыре аккадских наименования: *urplu*, *nābu*, *kalmatu* и *puršū'u*, после чего перечислены 18 шумерских сочетаний eḥ и обозначений различных частей тела, животных, растений и других понятий, с которыми должно было ассоциироваться то или

иное животное [DCCLT: Q000089]. Большинство из них указывало на сельскохозяйственных вредителей, прежде всего, насекомых или червей. Два шумерских словосочетания в этом списке — eḥ saġ-du «eḥ головы» и eḥ saġ-du i₃-gu₇-e «eḥ, который ест голову» — приведены, среди прочих, в качестве обозначений вши, на что указывают шумерские эпитеты.

Среди аккадских наименований паразитов и вредителей в качестве обозначений вшей и блох использовались следующие: *pirša'u* (*piršu'u*, *pir'ašu* и др.) в значении «блоха» (очевидный когнат евр. *par'oš*), *nābu*, возможно, «гнида» или в целом «яйца (насекомых)», *uplu* и *mutqu* как обозначения вшей (идентификация подтверждается упоминаниями терминов как паразитов волос человека), *kalmatu* как общее обозначение вредителей и паразитов, поражающих как растения, так и человека и скот (в отдельных контекстах *kalmatu* прямо указывает на паразитов человека, в том числе головы), а также, вероятно, *tarmašu* (или *darmaš/zu*), отождествляемый с *pirša'u* в комментариях к лексическим спискам. Помимо лексических списков, данные термины засвидетельствованы в текстах заклинаний, медицинских текстах, предсказаниях, реже — в письмах и литературных произведениях, а также в качестве личных имен. С ветхозаветным описанием одной из Казней Египетских можно сравнить упоминания вшей и блох в контексте наказания или упоминания их нашествий. Так, в договоре ассирийского царя Асархаддона с вассалами (ок. 672 г. до н.э.) паразит *kalmutu*, в одном ряду с саранчой и различными сельскохозяйственными вредителями, должен поразить города и земли нарушителя договора, по-видимому, вместе с их жителями (SAA 2 6 §85). В одном из предсказаний серии *Šum-ta Ālu* указано, что вши *mutqu* «одолеют страну» (акк. *išabbat* досл. «схватят») (*Ālu* 58:57'). В старовавилонском тексте молитвы от порчи (YBC 6461 2–4) среди мучений, постигших молящегося («голод», «жажда», «озноб», «страдание»), вероятно, упоминаются вши *uplu*.

Литература

- Bain A. Irritating Intimates: The Archaeoentomology of Lice, Fleas, and Bedbugs // *Northeast Historical Archaeology*. 2004. Vol. 33/1. P. 81–90.
- Beentjes P. C. *The Book of Ben Sira in Hebrew*. Leiden; New York; Köln: Brill, 1997. vii, 183 p.
- DCCLT: Digital Corpus of Cuneiform Lexical Texts. URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/dcclt/>
- SED II: Kogan L., Militarev A. *Semitic etymological dictionary*. Vol. II: Animal Names. Münster: Ugarit, 2005. xci, 415 p.

Мещерская Елена Никитична

*д-р ист. наук, профессор, кафедра библеистики,
Санкт-Петербургский государственный университет*

АПОСТОЛЫ В СИРИЙСКОМ АПОКРИФЕ ИСХОД МАРИИ

Ключевые слова: апокриф, апостол, Дева Мария, успение.

В цикле апокрифических сирийских рассказов о кончине Девы Марии, который мы назвали Исход Марии, большую роль играют апостолы христианской Церкви. В их иерархии в этом повествовании первенствует «апостол любви» Иоанн. Он выбран в качестве основного героя не только потому, что является одним из первых и ближайших учеников Христа, став свидетелем главных чудес, им совершенных, но и потому, что стоял у распятия Христа вместе с Богородицей и взял на себя заботу о Матери Иисуса (Ин 19. 26–27). Иоанн фигурирует в нескольких сюжетно обособленных отрывках Исхода, важных для автора, — в рассказе об обретении книги, посвященной Богородице, в большей части повествования о кончине Девы Марии и разделе, который можно назвать Апокалипсис Марии.

Вторым значимым персонажем из числа апостолов в сочинении Исход Марии является Иаков, брат Господень, лидер первой иудео-христианской общины Иерусалима. Он был важен для автора произведения, поскольку был воплощением древнейшей традиции христианства, и в его лице автор Исхода Марии хотел найти опору для тех представлений о Деве Марии, которые нашли отражение в его сочинении. Иаков был подходящей фигурой, поскольку он много лет находился рядом с Богородицей и был свидетелем и участником многих событий периода раннего христианства, и с его именем связано происхождение Протоевангелия Иакова.

В отличие от текстов Нового завета, где много раз отмечается первенствующее значение апостола Петра, в Исходе Марии он появляется, только начиная с рассказа о прибытии апостолов к одру умирающей Богородицы. Апостолы отправляются в Вифлеем из разных областей христианского мира на небесной колеснице из облака, первым на нее восходит Петр, он же предлагает каждому из апостолов рассказа Деве Марии о своем путешествии. При первом упоминании он назван именем Симон Кифа, привычным для сирийской традиции, но затем постоянно в тексте Исхода Марии именуется Петром. Изменение имени, возможно, связано с тем, что рассказы, где апостол назван Петром восходят к грекоязычному оригиналу. Основной эпизод с его участием излагает историю наказания и исцеления дерзкого иудея Иефонии, попытавшегося сбросить с одра тело Богородицы при его перенесении апостолами к месту погребения. Этот рассказ входит практически во все разноязычные версии Успения Богородицы и его греческое происхождение вряд ли подлежит сомнению.

В Исходе Марии фигурируют две цифры для обозначения числа апостолов — двенадцать и семьдесят два. Двенадцать апостолов участвуют в перемещении тела Богородицы в Рай. Они же пишут книгу о кончине Богородицы, каждую книгу пишут два апостола. Этим объясняется деление одной из версий сочинения Исход Марии на 6 книг. Однако в рассказе о прибытии апостолов к одру умирающей Девы Марии, их перечень не совпадает по именам и численности с тем числом «двенадцать», что были избраны самим Иисусом Христом (Мф 10:3; Мк 3:18; Лк 6:16; Деян 1:13–26). Так по одной из версий Исхода Марии в список прибывших в Вифлеем апостолов вошли евангелисты Марк и Лука.

Апостолам в этом произведении отводится главная роль в установлении 3 праздников и нескольких памятных дат церковного календаря, связанных с Богородицей. Об исторических обстоятельствах утверждения этих праздников и их особенностях мы уже писали в одной из статей [Мещерская 2011:168–186].

Литература

- Мещерская Е. Н.* Времена года и богородичные праздники в сирийском апокрифе «Исход Марии» // Библиистика. Славистика. Русистика. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2011. С. 168–186.
- Апоскрыфа syriaca. The Protoevangelium Jacobi and Transitus Mariae / ed. and transl. A. Smith-Lewis // Studia Sinaitica. No. XI. London, 1902. P. kb-kyh.*
- Wright W.* The Departure of my Lady Mary from this World // The Journal of the Sacred Literature and Biblical Record. T. 6. London, 1865. P. 417–448; T. 7. 1865. P. 129–160.
- Wright W.* Contributions to the Apocryphal Literature. London, 1865. P. w-lg.

Немировская Адель Владимировна

канд. филол. наук, доцент, кафедра Древнего Востока,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.nemirovskaia@spbu.ru

GENESIS: MISCELLANEA BABYLONICA ET AEGYPTIACA (НОЕВ КОВЧЕГ)

Ключевые слова: Бытие, Ноев ковчег, египетский язык, Месопотамия, клинописная традиция.

В 1872 г. Джордж Смит (первый в истории штатный ассириолог Британского музея) обнаружил обнаруженный им на месте раскопок Ниневии (столица Ассирии в VIII–VII вв. до н.э.) фрагмент «Эпоса о Гильгамеше» с рассказом удостоенного бессмертия Ута-Напишти о пережитом им Великом потопе на построенном по совету покровительствующего ему бога Эйи семипалубном кубообразном корабле (шум. *giš.má* / акк. *eleppi* «лодка, судно»);).

За этой сенсационной находкой последовали десятилетия сопоставлений Ниневийской версии и других позднее обнаруженных клинописных вариантов месопотамского сказания (на шумерском и аккадском языках) с историей библейского Ноя и Ноева ковчега, поскольку при явном сходстве библейской и клинописной историй не менее явными кажутся и отличия. При этом с самого начала никто не сомневался в том, что библейская история Потопа (Быт. 6–9) является адаптацией долгой месопотамской писцовой традиции.

В 2014 г. появилась книга, посвященная ранее не публиковавшейся вавилонской клинописной табличке 1-й пол. 2-го тыс. до н.э. (из частной коллекции) в 60 строк [Finkel 2014], которая содержит подробное описание строительства гигантского судна Атрахасисом, героем вавилонской версии истории Потопа.

Примечательную лексическую особенность библейской версии составляет, прежде всего, наименование главного объекта истории Потопа (акк. *abūbum* / евр. *mabbūl*), а именно плавсредства, сооруженного людьми для выживания по божественному указанию. Автор библейской версии парадоксальным образом избирает для его названия египетский по происхождению термин *teba(t)*, обладающий исключительной семантической емкостью, которая, как полагают, объясняется слиянием двух лексем в результате особенностей позднеегипетского произношения. Первая основа — *db3.t* «святилище, гроб (саркофаг); дворец»; лексическая основа *db3*, как и сам иероглиф, которым она записывается, обозначает «поплавок» (тексты Среднего царства и Птолемеивской эпохи). Вторая основа — *db.t* «ящик». В так наз. демотическом египетском (по демотическому курсиву, засвидетельствованному с сер. VII в. до н.э.) обе лексемы сливаются в *tby(.t)*; в коптском ταιβΕ «гроб; большой ящик». Отсюда возникает такой греческий перевод библейского *teba(t)*, как κιβωτός «коробка, ящик, сундук», к которому в итоге и восходит славянский перевод «ковчег». Тем же египетским словом, как известно, названа плетенка из папируса (*tebat gomä*^{?)}, в которую поместили младенца Моисея (Исх. 2:3, 5), однако в Септуагинте оно фактически оставлено без перевода в форме θίβις [CDD T(12:1): 145–147; HALOT]. Библейскому автору (интерпретатору) истории Потопа удалось виртуозно составить семантический букет за счет одной удачно подобранной египетской лексемы, которая вобрала в себя максимум подходящих к случаю смыслов: 1) ящик; 2) гроб, саркофаг; 3) поплавок; 4) святилище, место принесения жертв; 5) дворец.

Связь «Ковчега» с дворцом обнаруживается в месопотамском прототипе. Ута-напишти в «Эпосе о Гильгамеше» назван сыном Убар-туту, который, согласно месопотамской традиции, с одной стороны, был последним царем до Великого потопы, а с другой — отцом Зиусудры (шумерский прообраз Ута-напишти), разбирающего дом (шум. *é*, акк. *bitum*), по другой версии — дворец (шум. *é-gal*, акк. *ekallum*) ради сооружения гигантского корабля (шум. *giš.má-gur(4)-gur(4)* / акк. *magurgurru*). Корабельщику, задровавшему судно, Ута-напишти дарит дворец (11-я таблица, строка 96) [George 2003: 154, 510, 708]. Показательно, что Иосиф Флавий сходным образом относит Ноя к династии правителей-долгожителей. Крайне удачна ассоциация с саркофагом. Ковчег и вправду оказывается своего рода египетским саркофагом,

и находящиеся внутри уходят в бездну (инобытие) — исходно в подземные воды Апсу, владения бога Энки/Эйи, покровителя Зиусудры/Ута-напишти, — чтобы обрести жизнь в другом, новом мире. «Святилище» отсылает нас к прототипу Ноева ковчега: корабль Ута-напиштира по габаритам совпадал с Э-темен-анки, храмом-зиккуратом бога Мардука в Вавилоне [George 2003: 513]. Ковчег в определенном смысле можно назвать и «местом жертвоприношений»: на него погружены по семь пар чистых (т. е. жертвенных) животных; после спада воды Ной там же (поблизости) приносит жертву, в результате чего принимается божественное решение больше не устраивать тотального уничтожения всего живого.

Рассмотренный лексический вопрос может быть увязан с обсуждением более общих тем, таких как проблема: а) времени и места создания библейской истории Потопа и кн.Бытие в целом (вероятно, в связке с кн.Исход); б) происхождения и культурно-языкового багажа людей, способных осознать весь семантический объем египетского слова; в) предпочтения ханаанского языка, а не арамейского при создании кн.Бытие и всего Пятикнижия. Думается, что будь авторы теснее связаны (ассоциировали себя больше) с Вавилонией, чем с Египтом и тесно связанным с ним Ханааном, оригинал кн.Бытие (если не всего Пятикнижия) — подобно части кн.Даниила и кн.Ездры — был бы не на древнееврейском (исторически точнее: ханаанском, или иудейском), а на арамейском языке. Отметим, что уже в VI–V вв. до н. э. и в Египте оказался распространенным именно арамейский, в том числе среди иудеев (ср. архив из Элефантины).

Литература

- Finkel I.* The Ark before Noah: Decoding the Story of the Flood. London, 2014.
- George A. R.* The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts. Vol. 1–2. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Johnson J. H.* (ed.). The Demotic Dictionary of the Institute for the Study of Ancient Cultures of the University of Chicago. Chicago, 2001. [=CDD].
- Koehler L., Baumgartner W., Stamm J. J.* The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Study Edition. 2 vols / transl. and ed. by M. E. J. Richardson. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2001. [=HALOT].

Сизиков Александр Владимирович

канд. филол. наук, доцент кафедры библеистики,
Санкт-Петербургский государственный университет; a.sizikov@spbu.ru

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД КНИГИ ПРЕМУДРОСТИ ИИСУСА СЫНА СИРАХОВА В РУКОПИСИ XVII В. ИЗ СОБРАНИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Ключевые слова: Бен Сира, Сирах, Премудрость Иисуса сына Сирахова, текстология, славянская Библия.

1. Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова в церковнославянской традиции известна в нескольких переводах. Наиболее распространенным является древнейший перевод, фрагменты которого представлены в Изборнике 1076 г., этот же перевод, переживший несколько этапов редактуры, воспроизведен в Острожской Библии и последовавших за ней печатных изданиях. Рукопись, которой посвящен наш доклад, содержит тот же самый перевод. На сегодняшний день нам известны следующие редакции древнейшего церковнославянского перевода книги Сираха.

1.1. В составе выборки в Изборнике 1076 г. Выборка Изборника 1076 г. представляет собой самостоятельную редакцию, известную в различном объеме еще по пяти спискам. В рукописи из Научной библиотеки Саратовского университета хранится наиболее полный список (НБСГУ 45, XV–XVI в.), в котором присутствуют чтения, утраченные в Изборнике 1076 г. Перевод книги в этой редакции содержит некоторые лексические упрощения, дублиеты, интерполяции из других источников, перевод нескольких чтений ГII.

1.2. В глаголических бревиариях. В глаголических бревиариях представлен только отрывок 1:1–6:16 (6:17). Фрагмент не содержит интерполяций и дублетов, но содержит перевод чтений ГII, положение которых в церковнославянском тексте совпадает с их расположением в составе Изборника 1076 г.: чтение 11:15–16 находится в составе третьей главы.

1.3. В Тырновской Библии. Тырновская Библия — древнейший сохранившийся полный список книги Сираха. Текст перевода содержит несколько дублетов, наблюдается непоследовательность в использовании лексических эквивалентов, что позволяет предположить редакторскую правку, присутствует несколько чтений ГII (1:5ab; 1:7ab; 4:23b; 11:15–16; 16:3cd; 16:9cd; 17:8c), чтение 11:15–16 находится в составе 11 главы, интерполяций из других источников нет.

1.4. В восточнославянских списках (русская редакция). В этой редакции последовательно удалены чтения ГII, устранены некоторые другие чтения, представленные не во всех редакциях греческого текста, нет интерполяций, нет дублетов, во всех списках присутствует перестановка тетради из-за ошибки гомоеархон — раздел 20:31–30:18a расположен между 10:16 и 10:17. Этот тип текста лежит в основе Геннадиевской Библии, в которой порядок следования глав и стихов частично было исправлен по Вульгате.

1.5. В списке Палеи из Троицкого собрания (РГБ, Ф. 304/1 №730). Список перевода Сираха сделан с двух антиграфов: основной — русская редакция (совпадает порядок расположения глав и стихов), второй — близкий к южнославянским источникам (Вербницкий бревиарий, Тырновская Библия), нет дублетов, присутствуют интерполяции и чтения ГII (1:5ab; 1:7ab; 4:23b; 11:15–16;), чтение 11:15–16 входит в состав 3 главы.

2. Перевод книги Сираха в рукописи Пчелы из собрания РГАДА, Фонд: МГА МИД, № 181, перв. пол. XVII в. полуустав, 4°, 226 л. Как и во многих других случаях книга Сираха находится в конце сборника л. 153–210. Эту рукопись упоминает М. Н. Сперанский, однако он почему-то полагал, что это выборка [Сперанский, 1904, с. 480–481]. В рукописи перевод книги представлен полностью, хотя и с крупными лакунами — пропущены отрывки 14:15–16:3c; 16:18–17:25; 18:1–12. Расположение объем и чтений ГII совпадает с рукописью Тр.730. Важным фактом является то, что в тех местах, где рукопись МИД181 имеет лакуны, рукопись Тр.730 следует «русской редакции» и не имеет существенных текстологических совпадений с Тырновской Библией. Совпадает и интерполяция из книги Притчей в Тр.730 и МИД181 в составе 7 главы. Рукопись

МИД181 во многих случаях поддерживает чтения Изборника 1076 г., в частности, употребление сложного союза «аще ... то», который А. А. Пичхадзе [Пичхадзе, 2003, с. 19] считает инновацией Изборника 1076 г., поскольку соотносительный союз «то» в большинстве случаев отсутствует в Тырновской Библии, в «русских» списках, для него нет греческого эквивалента. Употребление двойного союза сближает перевод с преславскими текстами.

3. Исследование текста Сираха в рукописи МИД181 подтвердило предположение о том, что список книги в Тр.730 выполнялся по двум источникам [Сизиков, 2022, с. 137]. Близость списка МИД181 к Изборнику 1076 г. и к Вербницкому бревиарию позволяет предположить, что эти источники лучше отражают чтения архетипа, чем Тырновская Библия или русская редакция, принимая во внимание, что они несут следы правки с использованием оригинала.

Литература

- Пичхадзе А.А.* Книга Иисуса Сирахова в Изборнике 1076 г. // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001*: сб. ст. / ред. А. М. Молдован, А. Г. Кравецкий. М.: Древлехранилище, 2003. С. 7–27.
- Сизиков А. В.* Книга Премудрости Иисуса Сына Сирахова в Изборнике 1076 г. и полных списках // *Fons Sapientiae Verbum Dei*. Сб. науч. ст. в честь 80-летия профессора Анатолия Алексеевича Алексева / ред. А. В. Сизиков. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 127–140.
- Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты. М.: Университетская типография, 1904. 830 с.

Смирнова Екатерина Андреевна

канд. филол. наук, научный сотрудник, отдел славянского языкознания,
Институт славяноведения РАН;
katarzina@yandex.ru

ОБ ОДНОЙ ФОРМЕ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ЧЕТЬЕ 1489 ГОДА (В СРАВНЕНИИ С «ПРОСТОМОВНЫМИ» ПАМЯТНИКАМИ XVI ВЕКА)

Ключевые слова: «проста мова», историческая грамматика, повелительное наклонение, Четья 1489 года.

Первые переводы церковных книг на «простую мову» появляются во второй половине XV века, толчком чему послужила Европейская реформация, породившая протестантизм и, как следствие, желание иметь богослужебные книги, доступные пониманию обычных людей. Примером такого перевода является Четья 1489 года, рукопись которой хранится в Центральной научной библиотеке им. В. И. Вернадского НАНУ (шифр ДА/415 л.).

Рукопись (375 л.) написана двумя писарями в Каменке над Лосной (к юго-востоку от с. Берестя, Белоруссия). Первая часть Четьи содержит жития святых, похвальные слова святым и праздникам и отражает белорусские языковые черты. Вторую часть (лл. 288–375) писал, вероятно, украинец из р-на Берестя или из Подляшья. Эта часть содержит поучительно-проповедные тексты и имеет языковые черты украинского языка. Первая часть (до л. 287) напоминает Четью-Минею и частично Торжественник, а вторая является комбинацией бесед Иоанна Златоуста и Измарагда.

Четья дошла не в оригинале, а в копии, о чем свидетельствует запись на л. 286 об. (т. е. оригинал является еще более ранним). По утверждению В. Н. Перетца, в основу оригинала легли не греческие, а славяно-русские тексты житийной и проповеднической литературы, на что указывает вольное обращение с текстом [Перетц 1928: 8–9]. В стремлении приблизить текст к живой народной речи переводчик сокращал, перефразировал и вольно пересказывал церковнославянский оригинал, а также вводил глоссы с пояснениями непонятных слов. Благодаря этим особенностям перевода можно проследить связь и зависимость текста памятника от славяно-русских оригиналов.

На том же л. 286 об. имеется запись об авторе копии Четьи. Им был Березка, сын литовского священника Симеона Долбнича из Новгородка Литовского (г. Каменец Берестейского уезда). Примечательно, что первая часть Четьи переписана старательно, а во второй много ошибок, исправлений, зачеркнутых малопонятных или малоупотребительных слов с их заменой на более понятные [Гринчишин 1995: 253] (т. е. наблюдается своего рода гезитация в письменной речи).

Элементы «простой мовы» в Четье наблюдаются на разных языковых уровнях — фонетическом, морфологическом и лексическом.

Рассмотрим формы повелительного наклонения 1 л. мн. ч., являющиеся маркированными в «простомовных» памятниках XVI века, см. [Смирнова 2021: 139, 141]. Стоит обратить внимание на то, что приведенные ниже примеры из Четьи не соответствуют общей для старобелорусских и староукраинских памятников тенденции к употреблению окончания 1 л. мн. ч. -мо в формах повелительного наклонения с редукцией суффиксального -и- → -ь-. Как правило, в таких случаях возникало (факультативное) различие: -ниць, но -ьмо [Жовтобрюх и др. 1980: 220], которое однако мы регулярно не наблюдаем в Четье (как, впрочем, и в Пересопницком Евангелии [далее ПЕ] и в Евангелии В. Тяпинского [далее ЕТ]): боудмо (293); вгажанмо (332); возвелнчьмо (329); возданмо (293); воздержкьмс (299 об.); возднханмо (325 об.); готовьмос (329); данмо (291); держкьль (299 об.); любкьль (364); мнлвнмо (331); молкьмс (329); навчанмо (357); встереганьмос (299 об.); пннмо (300 об.); подьмо (315 об.); пондкьль (296 об.); покладанмо (329); поклонкьмс (329); похвалкьль (329); прнготовьмос (291 об.); прощаньмос (331); радочньмос (351 об.); росканьмос (348 об.); сплшкьль (291); оуткшьмо (348) и др.

Содержание и функциональное назначение Четьи подразумевает наличие большого количества подобных примеров, они встречаются в тексте памятника регулярно и представлены

синтетическими формами: докол есть// дѣша в тѣлѣ нашихъ// и владаемъ оумо//мъ своимъ// воспла//уьмоу помнѣмъ// грехи свои нщнмъ// мѣтню даню по си//ле своей пощѣннѣ// просветѣмъ сѣца// не разгнѣваню// злымъ жнтьемъ// ѹлвколюкѣ бжн// (291); протѣ слы//шше друзи и брѣя// приготовлюс до//брымъ дѣлѣмъ с пока//панемъ пондѣмъ// къ боу слезамъ ѡ//мывающе прегрешѣ//ннѣ наша тако же// рѣ прркъ вечеръ оу//дворнѣ плачѣ// а завтра радостѣ тѣ//мъ же брѣя пондѣмъ// въ стѣю црковѣ мо//лѣмс боу со слезѣ// (291 об.), в отличие от ЕТ, где в 1 л. мн. ч. наблюдается конкуренция синтетических форм и императивных конструкций [Смирнова 2021: 139].

Описанная вариативность в Четье 1489 года отражает общую «простомовную» тенденцию к становлению языковой нормы и наглядно демонстрирует языковую витальность тех или иных глагольных форм в повелительном наклонении. Неоднородность также может быть связана с наличием нескольких писцов, работавших на памятнике: как в случае с Четьей и с Пересопницким Евангелием, над которым работало минимум двое (в тексте указываются Михаил Васильевич из Санюка и иеромонах Григорий, архимандрит Пересопницкий).

Литература

- Гринчишин Д. Четья 1489 року — видатна конфесійна пам'ятка української мови // Записки товариства імені Шевченка. Т. 229 (ССХХІХ): Праці Філологічної секції / ред. М. Ільницький, О. Купчинський. Львів, 1995. С. 251–276.
- Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинко І. І. Історична граматика української мови. Київ, 1980.
- Перетц В. Н. К изучению Четьи 1489 г. // Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв. Вып. 2. Л., 1928. С. 1–107.
- Смирнова Е. А. Повелительное наклонение в конфессиональных «простомовных» памятниках XVI века // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. Tom 69. Łódź, 2021. С. 135–147.

Спиридонова Анастасия Сергеевна

преподаватель, кафедра испанского языка,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России;
anastasiass3101@gmail.com

ТЕОРИЯ СКОПОСА КАК ПОДХОД К ПЕРЕВОДУ YOUTUBE-КОНТЕНТА ДУХОВНОЙ ТЕМАТИКИ

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, перевод YouTube-контента, динамическая эквивалентность, теория скопоса, библейский дискурс.

Библия изначально была обречена на перевод и не только с языка на язык. В эпоху Web 3.0 уже начался переход от только перевода Библии на другие языки к переводу Библии в другой формат восприятия — аудио-медиаальные произведения духовной тематики. Существуют фильмы, мультфильмы, трансмедийные проекты о и по Библии. Например, проект LUMO, чья цель — Священное Писание для визуальной эпохи. От человека печатной культуры мы переходим к человеку аудиовизуальной культуры.

Аудио-медиаальные форматы передачи текста и идей Священного Писания нуждаются в переводе. В этой связи особенно интересным нам представляется подход Ю. Найды. Работа над переводами Библии в Американском библейском обществе побудила его обратить особое внимание на проблему передачи при переводе коммуникативного эффекта оригинала, его прагматического воздействия на реципиента. Динамическая эквивалентность «базируется на «принципе эквивалентного эффекта», то есть стремится оказать равное воздействие на реципиента перевода, как и на реципиента оригинала. [Nida 1969: 54].

Ю. Найда задавался вопросом оценки перевода и ставил его во многом в свете теории скопоса, которая утверждает, что перевод должен отвечать определенной цели. Исследователи-лингвисты Катарина Райс и Ханс Фермеер так писали о своей теории: «В качестве основного правила теории перевода мы предлагаем ‘правило скопоса’: действие определяется его целью» [Reiß, Vermeer 1984: 31]. Ввиду чего переводчик в первую очередь должен определиться с переводческим заданием: для какой цели выполняется перевод? [Nord 2018: 9]. Идеи своих предшественников уже более четко и структурно раскрывает Кристиан Норд в своей книге «Перевод как целенаправленное действие». Как следует из названия книги перевод есть целенаправленное действие. В настоящее время особенно актуально целеполагание при планировании проектов, в том числе, когда мы говорим о реализации идей в Интернет-пространстве.

В настоящее время бóльшая часть аудио-медиаального материала воспринимается через видеохостинг YouTube, который по праву считается вторым по посещаемости веб-сайтом в мире. Авторы YouTube-канала для продвижения своего контента учитывают алгоритмы видеохостинга, методы ранжирования видео и поисковой оптимизации (SEO). Ввиду растущей популярности данной видеоплатформы есть запрос на качественный перевод аудио-медиаального контента. Данные технические параметры влияют на выбор переводческой стратегии. У авторов канала есть определенная цель, которая при том ещё и реализуется в конкретных технических условиях.

Специфика аудиовизуального перевода (АВП) состоит во взаимодействии между вербальным и невербальным языком, то есть переводчику необходимо учитывать несколько семиотических уровней: вербальный; визуальный; аудиальный [Millan 2012: 54]. Кроме того, переводчик учитывает экстралингвистических факторах, поскольку они не только накладывают некоторые ограничения, но и влияют на выбор переводческой стратегии и приемов. Основная стратегия АВП — ограниченный перевод (опущение наименее ценной информации и речевая компрессия).

Помня о технических ограничениях АВП и о том, что мы говорим о переводе аудио-медиаальных произведений на платформе YouTube, считаем теорию скопоса основополагающей.

Перевод предоставляется заказчику перевода, который использует его для размещения на своем канале.

Предлагаем рассмотреть следующий ролик на каналах духовной тематики YesHeIs на русском, испанском и английском языке. Видеоролик говорит об Иисусе и Его готовности спасти от греха каждого человека и дать утешение и надежду.

РЯ Пришел спасти https://www.youtube.com/watch?v=XhcnPF_grGM (дата обращения: 06.06.2024).

ИЯ Salvador de Hoy <https://www.youtube.com/watch?v=oDvUzBmImY8> (дата обращения: 06.06.2024).

АЯ God Can Heal You | He Is Still There With You Through It All <https://www.youtube.com/watch?v=WO-QmkXxTJRQ> (дата обращения: 06.06.2024).

В названии видеороликов мы наблюдаем реализованную переводческую стратегию согласно теории скопоса, которая была принята исходя из предпереводческого анализа и понимания переводческого задания. В чем цель? Рассказать людям о том, что Иисус рядом с каждым и хочет спасти человека несмотря на то, что человек закрылся от Бога. В русском варианте главенствует действие. Название дается двумя глаголами — отображение апеллятивности заложенной в ролик. В испанском варианте (с испан. дословно «Сегодняшний Спаситель») отражается содержание видеоролика без яркой экспрессии через два существительных, связанных атрибутивной связью. В английском же варианте мы наблюдаем смысловое развитие: «Бог может спасти тебя», переводчики сразу перешли в конечной мысли видеоролика.

Еще один пример из данного ролика:

	РЯ	ИЯ	АЯ
0.35–0.44	А Я стою и стучу в их двери. Каждый день, каждую минуту, в каждую ситуацию их жизни. Неустанно	Y Yo estoy ahí, a sus puertas, cada día, cada minuto y en cada situación de sus vidas. No me voy a cansar	But I stand there, at their doors, everyday, every minute, and in every situation of their lives. Untiringly

В этом примере английский и русский язык решили использовать неличную форму выражения отсутствия усталости. В испанском же варианте переводчики предпочли наречию личную форму глагола и грамматизированную конструкцию будущего времени, образованную из вспомогательного глагола *ir* в настоящем времени, предлога *a* и инфинитива основного глагола со смысловым оттенком намерения. В испанской версии посыл Иисуса быть всегда рядом персонифицируется через личную форму глагола и повышается экспрессивность высказывания: «Я не намерен устать (*стучаться в дверь твоего сердца*)», если дословно.

Переводчику АВП контента духовной тематики на YouTube стоит четко представлять себе переводческое задание и обращать внимание на прагматическую составляющую при предпереводческом анализе: для кого и в каком контексте делается перевод? Основываясь на портрете целевой аудитории, прагматическом аспекте и конечной цели конкретного аудио-медиального произведения принимать последовательные переводческие решения.

Литература

- Десницкий А. Современный библейский перевод: теория и методология; Правосл. Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, Ин-т востоковедения Российской акад. наук. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 429 с. ISBN 978-5-7429-0972-9.
- Nida E. A., Taber Ch. R. The Theory and Practice of Translation, With Special Reference to Bible Translating, 200. Leiden: Brill, 1969.
- Nord Ch. Translating as a Purposeful Activity (Translation Theories Explored). 2nd ed. ISBN: 9781138573369, 166. Taylor&Francis, 2018.
- Millan C., Bartrina F. The position of audiovisual translation studies // The Routledge Handbook of Translation Studies. Routledge Handbooks, 2012. P. 45–59.

Фомичева Софья Владимировна

аспирант, восточный факультет,

Санкт-Петербургский государственный университет; amerboozille@mail.ru

ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ И КУМРАНСКИЕ ИСТОКИ ТЕРМИНА «RĀZĀ» («ТАЙНА, СИМВОЛ») В БОГОСЛОВИИ ЕФРЕМА СИРИНА (IV ВЕК)

Богословие ключевого сирийского поэта-богослова Ефрема Сирина (ум. 373 г.) часто определяется исследователями как «богословие символов» (“symbolic theology”; “Bildtheologie”). Действительно, в лексиконе сирийского богослова присутствует более 20 слов, выражающих идею символа, знака, образа. Все эти слова, несмотря на небольшие нюансы в их значениях, используются в произведениях Ефрема Сирина практически как абсолютные синонимы. Одной из наиболее частотных из этих лексем является *rāzā*. Как отмечает Эдмунд Бек, основное значение слова *rāzā* у Ефрема Сирина — это «символ», и используется оно в его сочинениях как ключевой термин для прообразовательной интерпретации как Ветхого Завета, так и явлений окружающего мира [Beck 1957]. При этом исследователь кратко упоминает о том, что это слово имеет богатую предысторию: оно «встречается уже в арамейских частях книги пророка Даниила и в текстах Кумрана, где обозначает тайну Божественных и человеческих мыслей и решений» [Beck 1981: 240].

После ключевой статьи Бека появилось немало фундаментальных работ по теме богословия символов у Ефрема Сирина, принадлежащих таким выдающимся исследователям сирийской письменности, как Себастьян Брок, Роберт Мюррей, Джеффри Уикс и другие. Однако так и не был дан ответ на вопрос: какие традиции могли повлиять на «символьное» мировоззрение Ефрема Сирина, в частности, на использование термина *rāzā*, и каков был непосредственный вклад сирийского богослова в развитие этих традиций?

В данном докладе мы хотим сосредоточиться на использовании эквивалентов сирийского термина *rāzā* в еврейской Библии и в постбиблейской еврейской литературе, прежде всего в текстах Кумрана. Нашей целью является продемонстрировать, что многие функции, прослеживаемые у этого термина в богословии Ефрема Сирина, можно увидеть уже в еврейских текстах.

Так, в Ветхом Завете термин *raz* в значении «тайна» появляется 4 раза, в книге пророка Даниила. Этим словом здесь обозначается сон вавилонского царя, который Даниил пересказывает и объясняет его значение. Это значение было открыто Даниилу в ночном видении (Дан 2, 19). Также говорится о том, что вавилонские мудрецы, в отличие от Даниила, не могут правильно интерпретировать сон царя. Из этого библейского повествования можно выделить три основных признака явления, обозначаемого, как *raz*: во-первых, *raz* — это нечто видимое, в данном случае, речь идет о ночном видении; во-вторых, *raz* нуждается в правильной интерпретации; в-третьих, такую интерпретацию может осуществить только персона, обладающая соответствующим авторитетом (Даниил), а те, кто не имеет такой Божественной санкции (вавилонские мудрецы), не в силах правильно объяснить *raz*.

В постбиблейской литературе *raz* особенно часто — более 140 раз — появляется в текстах Кумрана, как еврейских, так и арамейских. Термин используется в библейских комментариях пешарим, в эсхатологических оракулах (например, 1Q 27), в текстах, связанных с литературой Премудрости (4Q 300) и других. Во многих случаях *raz* используется в контексте раскрытия и передачи Божественных тайн учителями мудрости. Важный пример использования *raz* содержится в тексте 4 Q300 (4Q Mysteriesb). В нем упоминаются некие «маги», не понимающие истинного смысла божественных видений, которые скрыты от них. Как показали исследователи, образность этого пассажа основывается на книге пророка Даниила. Здесь мы снова наблюдаем и визуальный характер *raz*, и необходимость его интерпретации, и неспособность лиц, не наделенных соответствующим авторитетом, осуществлять эту интерпретацию.

В то же время, как мы подчеркиваем, все эти признаки можно найти и в использовании *rāzā* у Ефрема Сирина. Так, его «тайна» всегда тесно связана с чем-то видимым. Как отмечает

Эдмунд Бек, «видимость принадлежит к сущности символа, но не исчерпывает его сущность» [Beck 1957: 28]. Во-вторых, «тайны-символы» сирийского богослова всегда требуют надлежащей интерпретации [Muto 1998: 45–47]. При этом Ефрем Сирин нередко говорит о неспособности персон, не наделенных соответствующим авторитетом — иудеев, еретиков, к правильной интерпретации.

Роберт Мюррей в одной из своих статей отметил, что Ефрем Сирин так сильно ломает традиции, что нам фактически нет необходимости знать предшествующую традицию, чтобы понимать его. Действительно, поэт-богослов подвергает предыдущие традиции такой большой личной и, можно сказать, художественной переработке, что истоки становятся трудно узнаваемыми. С другой стороны, понимание истоков предшествующей сирийскому богослову традиции все же необходимо, чтобы ответить на вопрос, в чем, собственно, суть его интерпретации, чем она отличается от предшествующей. Наш анализ показывает, что многие функции *gāzā* в произведениях Ефрема Сирина полностью идентичны предшествующей традиции использования термина. Даже, казалось бы, главная христианская инновация его применения — прообразовательная — тоже имеет некоторый аналог в Кумране. Так, в комментарии (пешер) на книгу пророка Аввакума (1Q pHab) говорится о том, что Учителю праведности кумранской общины были раскрыты все «тайны» слов пророков, в то время как пророк Аввакум только записал слова Бога. Это рассуждение не так уж далеко от христианского понимания еврейской Библии — именно христиане, а не ее «авторы», иудеи, надлежащим образом могут истолковать священный текст. Пожалуй, главной «инновацией» Ефрема Сирина является то, что он как бы расширяет сферу применения термина. Так, он видит «тайны» не только в пророческих видениях и в тексте Библии, но и вообще во всей окружающей действительности. Для него весь мир становится океаном, наполненным «тайнами», нуждающимися в интерпретации верующим.

Литература

Beck E. Symbolium-Mysterium bei Aphrahat und Ephräm // Oriens Christianus. 1957. Band 41. S. 19–40.

Beck E. Zur Terminologie von Ephräms Bildtheologie // Typus, Symbol, Allegorie bei den östlichen Vätern und ihren Parallelen im Mittelalter / Hrsg. von M. Schmidt. Regensburg, 1981. S. 239–277.

Muto S. Early Syriac Hermeneutics // The Harp. 1998. № 11–12. P. 45–65.

Шулежкова Светлана Григорьевна

*д-р филол. наук, профессор, кафедра русского языка,
общего языкознания и массовой коммуникации,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова;
shulezkova@gmail.com*

ПИСЬМЕННОСТЬ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОГО ТЮРКСКОГО НАРОДА

Ключевые слова: бесписьменный этнос, нагайбаки, вероисповедание, угроза исчезновения, алфавит.

О нагайбакском этносе написано больше исторических, этнографических и культурологических работ, чем обо всех 152 народах, проживающих на Южном Урале. Интерес, проявляемый к нагайбакам учёными и журналистами, объясним: у этого народа своеобразная культура, необычная судьба, славное казачье прошлое и, казалось бы, нечто несовместимое — тюркский язык и исповедание православия. И всё же нагайбакам, как и некоторым другим национальным меньшинствам России, грозит исчезновение. Доказательств тому немало: 1) утрата многих исконных нагайбакских слов и замена их татарскими или русскими лексемами; 2) активное развитие диалектных особенностей в разных нагайбакских посёлках; 3) забвение языка предков молодым поколением нагайбаков; 4) сокращение численности лиц, считающих себя нагайбаками (только за последние 10 лет их количество сократилось почти на 30%). Причины таких негативных процессов очевидны. Это отсутствие преподавания родного языка в местах компактного проживания нагайбаков и, что, с нашей точки зрения, является исключительно важным, — у нагайбаков нет своей письменности. При этом активная часть нагайбакского общества самоотверженно борется за сохранение идентичности своего народа.

В. М. Алпатов, анализируя языковую ситуацию в многонациональном государстве, пишет, что даже «в государствах, близких к одноязычию <...> почти никогда не бывает полного языкового единства», ибо каждый этнос стремится к сохранению своей идентичности. И потому «языковая политика в современном государстве» связана «с взаимодействием двух естественных, но противоположных друг другу потребностей <...> потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания» [Алпатов 2013: 11].

История взаимодействия этих потребностей поначалу складывалась для нагайбаков благополучно: пожалованные в казаки, они компактно проживали в отведённых им крепостях, а переселение в 1842–1843 гг. на Новую линию ещё больше их сплотило. Находясь под постоянным воздействием соперничавших мусульманских и православных священников, большая часть нагайбаков осталась верной православию. Все информанты-нагайбаки старшего поколения (О. И. Барышникова, Н. В. Павлов и др.) уверены: на Южный Урал их предки прибыли уже крещеными. С. Ю. Белоруссова считает, что «у нагайбаков центральной группы сформировалось осознание как отдельной общности со своими традициями, ритуалами, религией, фольклором, легендами о происхождении, историями о ратных казачьих подвигах» к началу XX в.» [Белоруссова 2017: 52]. Скорее всего это осознание сложилось гораздо раньше, иначе было бы непонятно, почему по инициативе Н. И. Ильминского в 1870–1871 гг. были открыты православные школы в нагайбакских станицах, где преподавание всех предметов велось на нагайбакском языке, а христианские книги были переведены на нагайбакский язык и напечатаны с использованием алфавита Ильминского.

За полвека функционирования этих школ в нагайбакской общине сложилась большая прослойка образованных православных мужчин и женщин. Нет сомнения в том, что эти школы способствовали укреплению православного вероисповедания у нагайбаков. Но после Гражданской войны, в которой многие казаки-нагайбаки, верные присяге, воевали на стороне белых, судьба священных книг, написанных буквами Ильминского на нагайбакском языке (ставшем в этих книгах аналогом церковнославянского), была предрешена: они оказались под запретом и уничтожались вместе с иконами, а около 3000 казаков и православные священники-нагайбаки подверглись репрессиям. Во время переписи населения 1920–1926 гг. нагайбаков уже на-

звали татарами, их язык — татарским, последняя нагайбакская школа была закрыта в 1932 г., и нагайбакская письменная традиция прервалась.

В годы культурной революции, несмотря на масштабную работу по изобретению алфавитов для бесписьменных народов в СССР, нагайбаки были обойдены вниманием лингвистов. Однако, утратив письменность, лишившись священных книг, глядя на разрушенные храмы, нагайбаки сохраняли свою веру. «При конструировании религиозного самосознания у нагайбаков сложилось особенное понимание себя и своей веры. Сегодня нагайбаки считают себя православными по существу: для них самоощущение приверженности православию важнее, чем исполнение церковных обрядов» (включая крещение)» [Белоруссова 2017: 56].

Только 24 марта 2000 г. нагайбаки были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ, что открыло им дорогу к обретению собственной письменности. Собранные коллективом Магнитогорской словарной лаборатории фольклорные материалы и данные живого разговорного языка нагайбаков послужили доказательством самобытности нагайбакского языка (см. [Шулежкова 2023: 3–8]) и стали базой для разработки нового варианта нагайбакского алфавита [Барышникова, Шулежкова 2023: 11]. При создании этого алфавита были учтены опыт изобретения Н. И. Ильминским алфавита для крещёных инородцев и математическая формула алфавита для тюркских языков, предложенная Н. Ф. Яковлевым [Яковлев: 41–64].

Литература

- Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире: одноязычная и двуязычная практики и проблема языковой ассимиляции // *Comparative Politics*. № 2 (12). 2013. С. 11–22.
- Белоруссова С. Ю. Православная идентичность нагайбаков // *Религиоведение*. 2017. № 3. С. 49–56.
- Шулежкова С. Г. Краткие сведения о нагайбакском языке // Барышникова О. И., Шулежкова С. Г. Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами. М.: ФЛИНТА, 2023. С. 3–9.
- Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита // *Культура и письменность Востока* // Сб. Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита. 1928. С. 41–64/

Исследование осуществлено за счёт гранта Российского научного фонда и Правительства Челябинской области. Проект № 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как базы для сохранения уникальной культуры и языка одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала».

Алмазова Нина Александровна

канд. искусствовед., доцент, кафедра классической филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
nialm@inbox.ru

КИФАРОДИЧЕСКИЙ НОМ И ПРОЭМИЙ

Ключевые слова: древнегреческая музыка, кифародический ном, проэмий, гомеровский гимн.

В докладе рассматривается соотношение между музыкально-поэтическими терминами νόμος и проοίμιον.

Этимология слова проοίμιον вызывает споры: уже в античности его возводили и к οἶμη «песня», и к οἶμος «путь». Проэмии существовали в самых разных жанрах: хоровой и сольной мелике, рапсодии и риторике. Как известно, Фукидид (III, 104, 4–5) называет «проэмием» гомеровский гимн к Аполлону. Сама возможность назвать «вступлением» пространное, в 546 стихов, эпическое произведение с законченным повествовательным сюжетом нуждается в объяснении. Однако для коротких гомеровских гимнов такое обозначение выглядело бы вполне уместно, тем более что обещание «другой песни» формально позиционирует многие из них как зачины. Со времен Ф. А. Вольфа считается, что малые гимны в самом деле могли предшествовать более длинным песням, тогда как большие в качестве «вступлений» открывали собой целое празднество или отдельную церемонию в его программе. Альтернативное объяснение — этимологически необоснованный перенос названия проοίμιον с малых гимнов на большие ввиду их жанровой однородности [Maslov 2012: 191–192, 194 n. 10]. Таким образом, корпус гомеровских гимнов дает нам образцы поэтической продукции, которая в античности могла называться проэмиями.

Термины «проэмий» и «ном» (в отличие от «гимна») никогда не употребляются как синонимы. Лишь одно свидетельство, на первый взгляд, дает основания приравнять проэмий к ному, — Sud. α 1701 s. v. ἀμφιακτίζειν. Однако при более внимательном рассмотрении становится понятно, что текст в нем испорчен и нуждается в эмендации.

Зато можно спорить, является ли проэмий первой частью нома или изолированным от него произведением в репертуаре кифареда. В отличие от гомеровских гимнов, мы не можем обратиться к анализу самих текстов. До нас дошел, причем фрагментарно, лишь один кифародический ном: «Персы» Тимофея (кон. V в. до н. э.). В остальном мы располагаем лишь несколькими названиями. Ни об одном из номов отца кифародии Терпандра не известно, каково было их содержание. Остается анализировать высказывания современников исполнения номов. От Платона до Квинтилиана (IV, 1, 1–2) наличие проэмия у кифародического нома само собой разумеется. При этом, с одной стороны, словосочетание «проэмий нома» подразумевает, что проэмий не был независимым произведением. К тому же, один и тот же зачин схолиаст Аристофана (Sch. Aristoph. Nub. 595c) относит к проэмиям, а Гезихий (α 3944 Latte) — к номам. С другой стороны, по утверждению Гераклида (Ps.-Plut. De mus. 4, 1132D), уже Терпандр кроме номов писал проэмии. В словаре Суды Тимофею Милетскому приписывается 19 номов, 36 проэмиев и 21 гимн.

Излюбленная метафора Платона — вводная часть философского рассуждения как «проэмий нома» (например, Leg. 722d) — говорит о взаимосвязи между их содержанием. Однако создается впечатление, что кифародический проэмий рано обособился и стал представлять собой самостоятельное произведение, которое можно было предпосылать разным основным частям и эстетически оценивать само по себе (Satyr. Vita Eur. T 4, 24 Kovacs; Athen. VIII, 350a). Издатели собирали их в отдельные сборники. Цицерон (De or. 2, 80) ясно дает понять, что в его

Ответственные редакторы: д-р филол. наук М. М. Позднев, канд. филол. наук Т. В. Костылева.

время тематической связи между вступлением и основным содержанием у кифаредов не было. Вероятно, стандартные, постоянно повторяющиеся обстоятельства исполнения обусловили шаблонность тем, которых полагалось касаться, что и сделало возможным обособление проэмия в самостоятельную песнь, которая могла предшествовать любому нарративу.

Картину осложняет свидетельство Полидевка (IV, 66) о структуре Терпандро́ва но́ма, первые две части которого — ἀρχή и μετὰρχή. Как соотносится с ними проэмий, неизвестно. Можно лишь предположить, что слово ἀρχή не применялось к вступлению как обособленной пьесе, между тем как словом проοίμιον можно назвать и первые строки, неотделимые от целого, и отдельную песню.

Псевдо-Плутарх (опираясь на Гераклида) свидетельствует, что Терпандр и другие кифареды клали на музыку свои стихи и стихи Гомера и других поэтов, а также что и проэмий, и номы Терпандр писал эпическим размером. В докладе рассматривается пассаж (De mus. 6, 1133C), где он ссылается на проэмий Терпандра в подтверждение своего рассуждения о номах. Автор предполагает, что ссылка «это видно по проэмиям Терпандра» доказывает только последний тезис: кифареды от Терпандра до Фринида сперва на свое усмотрение взывали к богам (и это проэмий), а потом переходили к стихам Гомера и других (и это ном). Возможность использовать в основном разделе чужие стихи способствовала тому, что проэмий записывались без следующих за ними номов и воспринимались как самостоятельные произведения.

Некоторые исследователи считают, что гомеровские гимны и есть кифародические проэмий терпандровского образца [Koller 1956: 184]; другие даже видят в них сами номы [Böhme 1937: 44]. Автор примыкает к тем, кто признает между гимнами и кифародией морфологическое родство [Power 2010: 188; 209]: для них засвидетельствованы одинаковые зачины (Schol. Aristoph. Nub. 595c) и концовки (Eustath. ad Il. p. 239, 19), общий размер. Очевидно, по аналогии с рапсодическими гомеровскими гимнами можно судить о содержании кифародических проэмиев. Не вызывает сомнений, что они содержали обращение к богам и *captatio benevolentiae*.

Литература

- Böhme R. Das Prooimion, eine Form sakraler Dichtung der Griechen. Bühl, 1937.
Koller H. Das kitharodische Prooimion // Philologus. 1956. Bd. 100. S. 159–206.
Maslov B. The real life of the genre of prooimion // Classical Philology. 2012. Vol. 107, no. 3. P. 191–205.
Power T. The Culture of Kitharôdia. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2010.

Барышева Ольга Игоревна¹, Позднев Михаил Михайлович²

¹старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет
²д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет

RATIO QUIQUE REDDENDA — ЧТО ПОДРАЗУМЕВАЛ СВЕРТС?

С картины Михаэля Свертса «Портрет молодого человека» из собрания Государственного Эрмитажа на нас задумчиво смотрит молодой мужчина. Он сидит за большим покрытым темно-зеленой тканью столом в расслабленной позе, поддерживая голову правой рукой. В его левой руке — сложенный лист бумаги, на столе перед ним — кошелек, выложенные рядами монеты, чернильница с перьями, бумаги и книги (вероятно, книги учета и финансовые документы). Создается впечатление, что он только что был погружен в работу, но, застигнутый какой-то внезапной мыслью, отвлекся и задумался, и в этот самый момент его и запечатлел художник. К ткани на столе булавкой приколот белый лист бумаги, на котором читаются дата — A. D. 1656, подпись художника — Michael Sweerts F, а также латинская фраза — Ratio Quique Reddenda.

Несомненно, что молодой человек на портрете по роду своей деятельности связан с миром денег: на это определенно указывают предметы, разложенные на столе, а многочисленные живописные параллели — портреты банкиров, менял и торговцев XVI–XVII вв. кисти голландских и фламандских мастеров — подкрепляют этот вывод. Но почему герой столь задумчив? О чем говорит его внимательный взгляд, направленный прямо в глаза зрителю? Почему Свертс взялся писать молодого банкира или торговца и почему поместил на переднем плане эту надпись — Ratio Quique Reddenda?

Казалось бы, эти непростые и интересные вопросы должны были стимулировать изучение портрета, однако он до сих пор не становился предметом самостоятельного исследования, и было предложено очень незначительное число его интерпретаций.

Согласно наиболее ранней, явно ошибочной интерпретации молодой человек, изображенный на полотне — банкрот. Именно под таким названием картина фигурирует в «Описи неподвижных вещей» К. Головачевского в 1773 г., где содержится каталог картин из коллекции И. И. Шувалова, принадлежавшей в то время Академии художеств. Неизвестно, кто дал картине такое название. Весьма вероятно, что один из иностранных торговцев предметами искусства, у которого И. И. Шувалов, скорее всего, и приобрел портрет, счел, что разложенные на столе монеты, задумчивый взгляд и надпись указывают на большие финансовые трудности молодого человека. Однако, уже в начале XX в. исследователи отмечали, что задумчивость или даже озабоченность, которую некоторые читали во взгляде молодого человека, не обязательно говорит о банкротстве.

Современная гипотеза предполагает, что молодой человек воплощает собой архетип меланхолика. Опираясь на выводы фундаментального исследования Р. Клибанского, Э. Панофского и Ф. Саксла «Сатурн и Меланхолия», сторонники этой гипотезы приводят целый ряд параллелей, среди которых первая и главная — знаменитая гравюра Альбрехта Дюрера «Меланхолия I». На меланхолический темперамент героя в произведениях изобразительного искусства указывает, в первую очередь, его поза. Он сидит, подперев голову рукой, словно погруженный в меланхолические размышления. Молодой человек у Свертса действительно сидит в той же позе, но, на наш взгляд, выражение его лица имеет мало общего с меланхолическим *facies nigra*.

Чтобы прояснить замысел художника и понять, о чем задумался молодой человек на портрете, обратимся к исследованию латинской надписи. В XVII в. выражение *rationem reddere* «давать отчет» у хотя бы мало-мальски образованного человека вызывает целый ряд библейских реминисценций: это и послания апостолов, и ряд евангельских притч — о неверном управляющем, о зарытом таланте, о немилосердном должнике. Все эти притчи задействуют одну и ту же группу образов: это богатый господин или даже царь, давший своим рабам часть имущества в управление или в долг, хорошие рабы, которые правильно распорядились вверенным, дурной

раб, который или не хочет преумножить вверенные ему деньги, или, сам вымолив прощение долга у господина, не прощает долг своего должника. При этом царь символизирует Бога, хорошие рабы — праведных христиан, а дурной раб — заблудшего грешника. Таким образом, утверждается параллелизм двух реальностей — земной и Небесной: как на земле, так и на Небе приходится давать отчет в управлении и платить по счетам. Этот параллелизм подчеркивается на гравюре Теодора Галле, служащей иллюстрацией к главе 93 из *Veridicus Christianus* — популярной в XVII в. книги, вполне вероятно, знакомой и Свертсу. Гравюра Галле и картина Свертса имеют ряд общих деталей, а одна из надписей на гравюре гласит: *redde rationem*. На наш взгляд, картина Свертса представляет собой размышление на ту же тему, воплощенное в рамках портретного жанра. Художник изобразил молодого банкира в тот момент, когда он отвлекся от подсчета денег и задумался о том, что один и тот же закон, заставляющий сводить дебет и кредит, действует и в дольном, и в горнем мире: *Ratio Quique Reddenda*.

Надпись имеет ряд особенностей, объяснить которые возможно с учетом параллелей и при понимании пафоса портрета. Во-первых, явным образом неслучайно ее расположение: она помещена вверху приколотого к столу листа бумаги сразу под датой, как если бы являлась заглавием, однако за ней не следует никакой текст — лист, за исключением подписи художника в нижнем левом углу, чист, и его белизна на общем темном фоне полотна, безусловно, привлекает внимание зрителя. Во-вторых, Свертс начинает каждое слово заглавной буквой, хотя ни состав, ни структура фразы, по-видимому, этого не требуют. В-третьих, фраза является не вполне согласованной с т. з. латинской грамматики: местоимение *quique* (Nom. pl. masc. от *quisque*) не встраивается в синтаксис предложения, и, вероятнее всего, заменило собой форму *Dat. sg. masc.*, т. е. *cuique*. Хотя ошибки в латыни время от времени встречаются на полотнах художников, трудно представить, что хорошо образованный Свертс, который в других случаях демонстрирует свое знание нюансов классической и постклассической латыни, случайно употребил неверную падежную форму местоимения.

Беликов Григорий Сергеевич

канд. филол. наук, доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук РАНХиГС;
старший научный сотрудник, Лаборатория комментирования античных текстов,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН;
grbelikoff@gmail.com

АПОЛОГИЯ АНАКСАГОРА В XVI РЕЧИ МАКСИМА ТИРСКОГО

Ключевые слова: Максим Тирский, Анаксагор, апология Сократа, деятельная и созерцательная жизнь.

XV и XVI речи Максима Тирского, как и еще две пары речей из его корпуса (XXIII–XXIV, XXXIX–XL), написаны в жанре *in utramque partem*. В них рассматривается вопрос, какой образ жизни предпочтителен: деятельный (XV) или созерцательный (XVI). Эта проблема восходит к ранним этапам истории философии, но настоящая полемика по этому вопросу, которая отразилась как в философской прозе, так и в трагедии («Антиопа» Еврипида, TrGF V Fr. 179–227 Kannicht), относится ко времени софистов и Платона (например, Pl. Grg. 485e–486a; Pl. Tht. 172d–176a). К II в. н. э. вопрос о предпочтительном образе жизни вошел в круг тем, активно обсуждавшихся в школьном платонизме. На это указывают как рассматриваемые в статье речи Максима Тирского, так и упоминания в сочинении «Платоне и его учение» Апулея (Ap. De dog. Plat. II. 23) и «Учебнике платоновской философии» Алкиноя (Alc. Did. II. 1). Таким образом Максим берет хорошо разработанный материал, но использует новую форму для его изложения — двойные речи.

С содержательной точки зрения этот текст не предлагает оригинальных идей, так как речи Максима Тирского — это не систематическое введение в учение Платона, как сочинения Алкиноя, Альбина или Апулея. Цель Максима — познакомить публику с некоторыми вопросами, рассматриваемыми в то время в философских школах. Если в XV речи он систематически излагает аргументы в пользу деятельного образа жизни, то в XVI речи автор выводит в качестве апологета созерцательной жизни Анаксагора, который должен защищаться перед судом в родном городе Клазомены. Выбор именно Анаксагора объясняется тем, что со времен Аристотеля он стал образцом философа, посвятившего себя созерцанию (Eth. Nic. VI. 7. 1141b3–8; Eth. Eud. I. 5. 1216a11–14). Вымышленное обвинение, которое выдвигается против Анаксагора, основывается на расхожей доксографической традиции: философ отдалился от своих сограждан и не участвует в общественной жизни; его земли стали пастбищем для овец, его очаг в запустении, а сам он проводит жизнь, изучая вдоль и поперек свою странную мудрость (Max. Tyr. XVI. 1; ср. Phil. Alex. Vit. Contempl. 14; Plut. Pericl. 16; Cic. De fin. V. 87; Tusc. V. 114).

Рассмотрению этой небольшой речи (Max. Tyr. XVI. 2–3) посвящен доклад. Среди исследователей сочинений Максима Тирского речи XV–XVI не пользуются популярностью. Автор монографии, посвященной проблеме деятельной и созерцательной жизни, Р. Жоли нелестно отзывается об этих речах, называя их «souvenir minable des discours antithétiques de la première Sophistique» [Joly 1956: 175–176]. В комментариях к XVI речи сказано только то, что апология Анаксагора написана с оглядкой на «Апологию Сократа» Платона (см., например, английский перевод с комментариями, подготовленный М. Траппом [Trapp 1997: 143]). Параллели между текстами Максима и Платона указаны в аппарате критического издания М. Траппа [Trapp 1994], а также в его английском переводе, указанном выше. Уже первое предложение речи Анаксагора напоминает текст Платона:

Ἵτι μὲν ὑμεῖς, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, πεπόνθατε ὑπὸ τῶν ἐμῶν κατηγορῶν, οὐκ οἶδα· (Plat. Ap. 17a)

Ἵτι μὲν πολλοῦ δέω ἀδικεῖν ὑμᾶς, ὧ ἄνδρες Κλαζομένιοι, εὖ τοῦτο οἶδα· (Max. Tyr. XVI. 2)

Помимо небольшого количества параллельных мест, есть еще один важный элемент, не учтенный до сих пор в научной литературе. Апология Анаксагора перекликается с речью Сократа в суде внутри корпуса сочинений Максима.

Третья речь Максима Тирского называется «Прав ли был Сократ, не защищаясь в суде» (Εἰ καλῶς ἐποίησεν Σωκράτης μὴ ἀπολογησάμενος). Этот текст основывается на парадоксальном тезисе, что Сократ вовсе не защищался в суде. Обычно в научной литературе ставился вопрос: следует ли рассматривать эту речь как исторический источник или как риторическое упражнение, несколько не претендующее на историческую достоверность (см. [Szarmach 1985: 24–28]). Для нашего доклада интересен другой аспект этой речи, а именно, какой аргумент Максим приводит, доказывая, что Сократ был прав, когда отказался защищаться на своем процессе. В пятой главе говорится, что Сократ не защищался, так как судьи не были достойны судить такого человека, как Сократ. Его добродетель и благочестивый образ жизни заслуживали других судей, других законов и других ораторов, которыми Сократ был бы оправдан, увенчан венком и оценен по достоинству (Мах. Тир. III. 5).

Тот же самый аргумент мы встречаем в четвертой главе XVI речи после апологии Анаксагора. Максим говорит, что судьи в Клазоменах, выслушав речь Анаксагора, засмеются и осудят его. Но если бы были настоящие судьи, которые получили эту обязанность не по жребию, но благодаря своему знанию, тогда они смогли бы вынести справедливое решение (Мах. Тир. XVI. 4).

Исходя из этого сопоставления, можно предположить, что противопоставление «недостойные судьи — истинный философ» входило в риторический арсенал Максима Тирского. В целом сопоставление текстов Платона и Максима показывает хорошую риторическую выучку последнего. Образованные слушатели уже с первых слов должны были узнать аллюзии на текст Платона, при этом, текст Максима не превращается в эпигонское подражание, но представляет собой оригинальное сочинение.

Литература

Joly R. Le Thème philosophique des genres de vie dans l'Antiquité Classique. Bruxelles, 1956.

Szarmach M. Maximus von Tyros. Eine litterarische Monographie. Torun, 1985.

Trapp M. (ed.) Maximus Tyrius. Dissertationes. Stuttgart-Leipzig, 1994.

Trapp M. (ed.) Maximus of Tyre, The Philosophical Orations / ed. and transl. by M. B. Trapp. Oxford, 1997.

Верлинский Александр Леонардович

д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
verlinsky@mail.ru

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В «СЕДЬМОМ ПИСЬМЕ» ПЛАТОНА (342 A — 344 D)

Ключевые слова: Платон, «Кратил», «Седьмое письмо», лингвистический натурализм/конвенционализм.

Согласно господствующему в настоящее время в науке мнению, теория соотношения слов и вещей, кратко сформулированная в «философском экскурсе» «Седьмого письма» Платона, сводится к пониманию этого соотношения в духе конвенционализма. В Письме буквально говорится следующее: не существует постоянного имени ни для какой вещи; любые именованья можно безболезненно поменять, и то, что сейчас именуется «круглым», можно называть «прямым» и наоборот. То же относится к высказываниям, которые состоят из «имен» и «предикатов» — в них также нет ничего постоянного (343 b).

Это рассуждение Платона обычно сопоставляют с дискуссией в более раннем «Кратиле», предметом которой является также вопрос, является ли соотношение слов и вещей обусловленным свойствами тех и других или же произвольным. Рассуждение в «Седьмом письме», на первый взгляд, в самом деле соответствует тому, что утверждает в «Кратиле» Гермоген, сторонник конвенционализма, из чего некоторые ученые делают вывод, что Платон в «Кратиле» в конечном счете поддерживает взгляды Гермогена [Robinson 1956/1969: 121–122]. Другие ученые, сходным образом понимая позицию Платона в Письме, утверждают, что высказывания в Письме не релевантны для понимания позиции Платона в «Кратиле», опираясь на то, что принадлежность Платону «Седьмого письма» (или отдельно — философского экскурса) вызывает споры [Sedley 2003: 154; Ademollo 2011: 425; Burnyeat, Frede, 2015: 132–133]. В докладе, напротив, будет сделана попытка доказать, что рассуждение Платона в Письме (которое мы считаем принадлежащим Платону) лишь поверхностно напоминает конвенционализм Гермогена но, напротив, вполне соответствует тому воззрению, которое в «Кратиле» защищает Сократ, то есть умеренному варианту натурализма.

Ученые, полагающие, что позиция Платона в Письме соответствует конвенционализму, принимают во внимание лишь оценку им реального состояния обыденного языка, в котором, как он констатирует, присутствуют произвольные и переименования. Это напоминает взгляды Гермогена в «Кратиле». Однако, хотя в «Кратиле» Сократ прямо не затрагивает эту тему, он не спорит с этими утверждениями Гермогена, и даже третий собеседник, Кратил, придерживающийся еще более радикальной версии натурализма, чем Сократ, не спорит с тем, что произвольные изменения именованья это реальный факт. Сократ, тем не менее, определенно не одобряет подобную практику, так как она вступает в противоречие с тем, в чем он видит назначение слов: слова в силу своего этимологического значения или в силу символических значений звуков, из которых они составлены, должны быть сжатыми определениями вещей, которые они обозначают. Слова, таким образом, должны принадлежать вещам «по природе», объективно, а не произвольно, на основе соглашения, как считает Гермоген. Различие между двумя позициями определяется в конечном счете различным пониманием назначения языка. Для Сократа высшим назначением слова является различение существенных свойств обозначаемой вещи уже в самый момент именованья, благодаря внутренним свойствам самого слова, так как это гарантирует безошибочное и однозначное использование слова в диалектической беседе. Обыденный язык, как показывает весь ход дискуссии в «Кратиле», может не соответствовать и часто не соответствует этому стандарту. Напротив, для Гермогена единственным назначением слов является то, которое они выполняют в обыденном языке, то есть простое указание на вещь, о которой идет речь, и точность подобного обозначения в достаточной степе-

ни обеспечивается простым соглашением об именовании вещи при посредстве произвольного набора звуков.

Ученые, считающие, что в Письме позиция Платона близка к Гермогену, обычно не учитывают, что в отличие от Гермогена, который считает произвольные переименования вполне соответствующими природе языка, Платон видит в этом огорчительный дефект обыденного языка (исключения: Р. Барни, которая видит в этом сожалении выражение «пессимизма», неверие в возможность существования языка, соответствующего принципам натурализма [Barney 2001: 167–168]; Ф. Адемолло, который, несмотря на это сожаление, считает автора сторонником конвенционализма [Ademollo 2011: 425]).

При этом незамеченным остался пассаж, в котором Платон, несмотря на эту критическую оценку обыденного языка, указывает на верное использование слов и состоящих из слов высказываний: оно может и должно преодолеть недостатки произвольного именования вещей в обыденном языке (344 b 3 — с 1).

Согласно этому месту, слова, вместе с высказываниями и данными чувств, должны быть подвернуты критической проверке, результатом которой в конечном счете будет постижение истины. Это подразумевает, что Платон в Письме не готов довольствоваться тем, что слова это лишь произвольные обозначения вещей (о них, в случае их неоднозначности, в таком случае можно было бы просто договориться в начале исследования). Напротив, слова есть орудия для постижения природы исследуемых вещей, и они подвергаются проверке путем сопоставления друг с другом в диалектической беседе, состоящей из вопросов и ответов. Таким образом, в словах, как в высказываниях и данных чувств, есть и истина, и ложь. С одной стороны, это напоминает рассуждение Сократа в первой части «Кратила»: слова должны быть не произвольными обозначениями, но сжатыми определениями, сообщающими истину о вещах, которые они обозначают. С другой, проверка истинности слов близка к позиции Сократа в финальной части «Кратила», согласно которой средством установления того, истинно или ложно значение слов, является познание самих вещей. Несмотря на краткость и специфический контекст этих высказываний Письма (рассуждение об ущербности записанных рассуждений в сравнении с диалектической беседой), они показывают, что одобрение Платоном натурализма остается неизменным.

Литература

- Ademollo F.* The Cratylus of Plato. A Commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Barney R.* Names and Nature in Plato's Cratylus. New York; London: Routledge, 2001.
- Burnyeat M., Frede M.* The Pseudo-Platonic Seventh Letter. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Robinson R.* A Criticism of Plato's Cratylus [1956] // Robinson R. Essays in Greek Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1969. P. 118–138.
- Sedley D.* Plato's Cratylus. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Егорова Софья Кондратьевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
s.egorova@spbu.ru

ДИОНИС-ЛЕВ ИЛИ ДИОНИС VS ЛЕВ? (HOR. CARM. 2, 19, 23–24)

Ключевые слова: Гигантомахия, Гораций, Ода к Вакху, Пергамский алтарь, А. Тренделенбург.

Целью доклада станет не попытка решить текстологический вопрос, обсуждаемый уже несколько столетий, а лишь его изложение в систематическом виде — насколько это возможно, когда речь идет о такой мистической фигуре, как Дионис-Вакх. В знаменитой оде 2, 19 Гораций перечисляет его деяния и в качестве кульминации (стт. 21–24) выводит участие божества в отражении атаки гигантов:

Tu <...>
Rhoetum retorsisti leonis
unguibus horribilique mala, <...>
Ты обратил в бегство <гиганта>
Рета когтями льва и ужасной пастью

Дискуссия о функции аблативов *unguibus ... mala* велась еще в древности: инструментальное значение, кажущееся несколько примитивным для лирики Горация, означает, что Вакх принимал облик льва, и позднеантичные схолии понимали изображаемую картину именно так: *Rhoetum enim Gigantem in leonem versus occiderat Dionysus* (Ps.-Acr.). Если же мы видим тут аблатив качества, то это определение может относиться и к Вакху (формально — к местоимению *tu*), но все же больше тяготеет к гиганту: им свойственны зооморфные метаморфозы, весьма реалистично переданные на изображениях, посвященных этому сюжету. И именно так понимал Порфирион, который прямо называет неуместным инструментальное значение аблатива при сказуемом (*Non 'leonis unguibus et horribili mala retorsisti'*) и переносит аблатив в характеристику Рета (*sed 'retorsisti Rhoetum, qui est leonis unguibus et horribili mala'*).

Хотя рукописная традиция не имеет каких-либо разночтений (за исключением пропуска начального *h*-), текст данного пассажа считался неблагополучным и предпринимались попытки исправить текст.

Уже в изданиях Нового времени — в критическом аппарате указываются Ричард Бентли и Самуил Бохарт (1599–1667) — был предложен именительный падеж *horribilisque*, относящийся к Вакху (с двумя аблативами причины: ужасный чем?). Косвенным аргументом в пользу этой конъектуры служит номинатив в пояснении Пс.-Акрона (*maxilla metuendus*), однако отметим, что схолиаст мог так пояснить и аблатив качества. Вместе с тем это исправление на наш взгляд сходно в своей нарочитой простоте с пониманием дошедшего текста с инструментальным значением, но при этом приносит новые затруднения, в частности, неясное использование частицы *-que* (например, в аналогичном метрическом оформлении в *Carm. 1, 29, 4* видим намного более прозрачное употребление: *regibus horribilique Medo*). Между тем это исправление находит сторонников и по сей день: Робин Нисбет и Маргарет Хаббард приводят его первым, видя в получившемся выражении «прекрасную антитезу» к *cornu decorum* в ст. 30 [Nisbet, Hubbard 1978: 327].

Другое исправление было предложено малоизвестным ученым А. Тренделенбургом, который на апрельском заседании берлинского Археологического общества в 1898 г. выступил против исправления Бентли и, указывая на изображенного полульва на южном фризе Пергамского алтаря, предложил перенести обличье льва на гиганта при помощи непосредственно согласованного с ним прилагательного *horribilemque*: «ты отразил Рета, ужасного когтями и пастью льва».

Протокол заседания [Archäologischer Anzeiger 1898, 127 f.] содержит несколько аргументов в пользу этого исправления — прежде всего оно усиливает образ противника Вакха, что кажет-

ся в данном случае желательным, ведь на могущество его самого поэт уже неоднократно указывал в предыдущей части оды. Именно это на наш взгляд и сделало почти случайно зафиксированную для научного сообщества конъектуру Тренделенбурга довольно популярной: ее вводит в основной текст Фридрих Фолльмер в своем издании Тейбнеровской серии 1907 г. и приводят как возможный вариант Нисбет и Хаббард.

Литература

Archäologischer Anzeiger. Beiblatt zum Jahrbuch des Archäologischen Institut. [Berlin] 1898.

Bentley 31869 = Q. Horatius Flaccus. Ex rec. et cum notis atque emend. R. Bentleii. T. I. Berolini, apud Weidmannos, 31869.

Harrison S. Horace, Odes Book II. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Nisbet R. G. M., Hubbard M. A Commentary on Horace. Odes Book II. Oxford: Clarendon Press, 1978.

Исаенко Роман Андреевич

ассистент, кафедра классической филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
isaenkora@mail.ru

НДТ. 2, 54–57: ДВЕ ЛЕГЕНДЫ О ДОДОНСКОМ ОРАКУЛЕ. РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ МИФА КАК ФОРМА МИФОТВОРЧЕСТВА

Ключевые слова: Геродот, Додона, Додонский оракул, мифология, религия.

Один из наиболее знаменитых оракулов Древнего мира, связанный с именами Зевса и Дионы, находился в Додоне, на северо-западе Греции, в области Эпир. Центром этого оракула был священный дуб, и о его глубокой древности говорит то, что упоминается он уже в поэмах Гомера. Особенно архаична картина, которую эпический поэт изображает в «Илиаде», где утверждается, что оракулу служат селлы, толкователи, которым предписывается не мыть ног и спать на земле (16, 233–235). Вероятно, это указывает на то, что оракул первоначально был тесно связан с хтонической стихией. В «Одиссее» впервые упомянут дуб, становящийся почти неизменным элементом более поздних описаний (14, 327–330; 19, 296–299).

Описывая происхождение Додонского оракула, Геродот пересказывает в своей «Истории» две легенды (2, 54–57). Согласно первой из них, которую, по утверждению историка, он услышал от жрецов в египетских Фивах, оракул бы основан фиванкой, похищенной финикийцами и проданной в Грецию, в то время как другая фиванская рабыня была продана в Ливию, где основала оракул Зевса Аммона. Согласно второй легенде, источником которой Геродот называет трех додонских жриц, из Фив в Грецию и Ливию прилетели черные голубки, человеческим голосом повелевшие основать оракулы.

Обсуждая эти легенды, Геродот устанавливает между ними следующее взаимоотношение: он предполагает, что фиванский вариант в большей степени отражает подлинную историю, а додонский скрывает исторические события под слоем поэтических образов: смуглые египтянки, чья речь напоминала бессмысленное щебетание, пока они не освоили языки тех стран, в которых оказались, становятся черными птицами.

Как отмечают последующие комментаторы [How, Wells 1936: 194; Nicol 1958: 136], производным скорее является фиванский вариант, который рационализирует додонский, устраняя из него сверхъестественный элемент и находя для него естественное соответствие, в то же время оставляя незатронутой общую фабулу. Такого рода подход к истолкованию мифов и легенд — в дальнейшем названный эвгемеризмом, по имени философа Эвгемера, по мнению которого в основе мифов о богах лежат деяния смертных правителей прошлого, — уже был выработан греческой мыслью ко времени жизни и творчества Геродота. Как сообщает в «Описании Эллады» Павсаний (3, 25, 5–6), Гекатей Милетский считал, что Кербер, которого Геракл привел к царю Эврисфею, был не трехглавым псом, а змеем, прозванным «псом Аида» за исключительную силу его яда. Классический облик стража подземного мира был создан дальнейшей поэтической традицией, интерпретировавшей этот эпитет буквально.

Этот подход становится влиятельным, и со временем подобные интерпретации становятся только более замысловатыми, а античные писатели, желающие объяснить подлинную природу того или иного мифического существа, находят сразу несколько различных прообразов для его различных частей. Так Сервий, комментируя Вергилия, предполагает, что в основе мифа о Химере — сраженном Беллерофонтом огнедышащем чудовище, обладавшем головой льва, козлиным туловищем и хвостом в виде змеи, — лежит находящийся в Киликии вулкан, в окрестностях которого водятся львы, козы и змеи (In Aen. 6, 288).

В пользу того, что более древним является именно додонский вариант легенды говорит и то, что мотив голубки часто присутствует и в других свидетельствах о Додонском оракуле. Согласно Servius Danielis, оракул был основан, когда голубка предостерегла дровосека, намеревавшегося срубить священный дуб (In Aen. 3, 466). Филострат описывает картину, изображавшую

золотую голубку, сидевшую на додонском дубе, возле которого лежал брошенный лесорубом Геллом топор (Imag. 2, 33). По другой легенде, которую передают схолии к «Одиссее», вещий дуб дал свое первое прорицание, когда додонский пастух обратился к богам с просьбой о том, чтобы они указали ему вора, похитившего у него скот. Уличенный преступник в гневе попытался срубить священное дерево, но был остановлен заговорившей с ним голубкой (14, 327). Согласно третьей легенде, переданной в схолиях к «Илиаде», оракул был основан после вселенского потопа, когда голубка повелела Девкалиону поселиться в Эпире и взять в жены океаниду Додону (16, 233). Таким образом, голубка является постоянным элементом легенд о создании Додонского оракула, хотя ее роль меняется от случая к случаю.

Примечательно, что Геродот, несмотря на очевидно книжные истоки рассказа, приписываемого им фиванским жрецам, преподносит его не как ученую интерпретацию, а как местный вариант легенды, как ветвь устной традиции, которая сама нуждается в интерпретации и в соотнесении с другими ветвями.

Доклад предлагает рассмотреть свидетельство Геродота как образец того, как рационалистическая рефлексия, формирующаяся в рамках письменной традиции, способна оказывать обратное влияние на устную традицию, послужившую ее первоначальным предметом, а производимые толкователями интерпретации мифов и легенд — становиться вариантами этих мифов и легенд, распространяемыми наравне с теми, которые они должны были объяснить.

Литература

How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. I. Oxford, 1936.

Nicol D. M. The Oracle of Dodona // Greece & Rome. 1958. Vol. 5, no. 2. P. 128–143.

Казанская Мария Николаевна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
доцент, кафедра классической филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
mkazanskaya@spbu.ru

ТЕРМИН ΜΕΤΑΤΥΠΩΣΙΣ В АНТИЧНОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова: μετατύπωσις, античная филологическая традиция, Трифон грамматик, Евстафий Фессалоникийский, схолии.

Термин μετατύπωσις, насколько можно судить по дошедшим до нас античным свидетельствам, существовал в античной филологической традиции ограниченное время. Употребление его засвидетельствовано настолько редко, что он не упоминается в фундаментальном труде Г. Лаусберга [Lausberg 1990]. Из немногих современных работ, в которых упоминается μετατύπωσις можно упомянуть две: Э. Дики включает μετατύπωσις в глоссарий греческих грамматических терминов, определяя его как “transformation, resolution of a compound into two simple words” [Dickey 2007: 247]; Я. Вакернагель приводит μετατύπωσις в числе терминов, которыми мог обозначаться тмесис [Wackernagel 2009: 612]. Данный доклад ставит задачей описание употребления термина μετατύπωσις в античности, определение его значения, и объяснить, почему он не закрепился в античной филологической терминологии.

Μετατύπωσις как филологический термин встречается в двух трактатах, связанных с именем Трифона грамматика (I в. до н.э.), в комментарии к Илиаде Евстафия Фессалоникийского (XII в. н.э.), и три раза в схолиях к Гомеру. При этом следует упомянуть, что Евстафий делает особый упор на том, что явление μετατύπωσις обсуждали οἱ παλαιοί: к сожалению, эта отсылка чрезвычайно расплывчата и применима как к схолиям, так к лексикографам, так и ранним трактатам и комментариям (о неспецифичности οἱ παλαιοί у Евстафия, см. [Pagani 2017: 86; 92–93]); однако тот факт, что μετατύπωσις трижды встречается в гомеровских схолиях в контекстах, соответствующих употреблению у Евстафия, подтверждает достаточно ранний характер этого термина.

Евстафий в комментарии к Илиаде говорит о μετατύπωσις дважды.

(1) в заметке к II. I, 174 (= I, 118 van der Valk) μετατύπωσις определяет использование приставки вместо приставочного глагола, с опорой на ряд примеров (ср. один из примеров ἐπεὶ οὐ οἱ ἔνι φρένες «поскольку у него нет разума», II. 14, 140, определяется как μετατύπωσις в bT схолиях ad loc.), а также использование бесприставочного глагола при том, что смысл требовал бы вариант с приставкой; об этом явлении, см. [Wackernagel 2009: 619–620].

(2) в заметке к II. 6, 88 (= II, 250 van der Valk) μετατύπωσις применяется к разложению двусоставного композита на исходную именную синтагму; два из приведенных Евстафием примеров также характеризуются в схолиях как μετατύπωσις (schol. D, schol. AT in II. 4, 105–6 Erbse; schol. D in II. 6, 88 van Thiel); следует подчеркнуть, что данная заметка Евстафия не имеет аналогов по подбору иллюстративных примеров (выражения почерпнуты из Геродота, Феокрита, Софокла и, возможно, Страбона).

В трактатах Περί τρόπων (I) и Περί παθῶν τῆς λέξεως, сохранившихся под именем Трифона грамматика (подробнее об опоре этих трактатов на подлинные сочинения Трифона, см. [Dickey 2007: 84]), термин μετατύπωσις также встречается дважды в виде леммы, определяющей и/или иллюстрирующей литературным примером данное явление.

(1) В Περί τρόπων I μετατύπωσις определяется как λέξις ἐνηλλαγμένα στοιχεῖα ἔχουσα («слово, имеющее перемену букв»), и иллюстрируется, например, гомеровским ὑπαί вместо ὑλό.

(2) В Περί παθῶν τῆς λέξεως (2, 3 Schneider) термину μετατύπωσις не дается определения, но для иллюстрации приводятся примеры ἐξ Ἰλίου Ἰλιόθεν «из Илиона», ἐξ οὐρανοῦ οὐρανόθεν «с неба». Перенести определение μετατύπωσις из Περί τρόπων I теоретически возможно, но не

представляется лучшим решением: при сопоставлении с перечисленными рядом языковыми явлениями, кажется, что составитель *Περὶ παθῶν* стремился подчеркнуть не столько изменение фонетического состава слова, сколько наречный характер *οὐρανόθεν* по сравнению с синтагмой *ἐξ οὐρανοῦ*.

На основании пересмотренных свидетельств (определений и иллюстрирующих примеров), можно сделать следующие заключения о времени и особенностях использования термина *μετατύπωσις*. Его появление в D схолиях с большой вероятностью свидетельствует о достаточно раннем его возникновении. Исходно *μετατύπωσις*, скорее всего, использовался для случаев трансформации существующего (двусложного или приставочного) слова, точнее, для «перековки» его в новую лексему или выражение: поэтому он был применим к композитам и приставочным глаголам (употребления 1 и 2 у Евстафия). Употребления в трактатах, приписывавшихся Трифону, как кажется, отражают переосмысление *μετατύπωσις*. Термин так и не стал общепринятым и, в частности, не был воспринят римской филологической традицией: для обозначения разложения композита на именную синтагму употребительным стал *τμήσις* (букв. «резание»); для изменений привычной формы слова в поэтических текстах (употребление 1 у Трифона) стандартным термином стал *μεταπλασμός* (букв. «перелепливание»; см. [Lausberg 1990: 259, § 479]).

Литература

- Dickey E. *Ancient Greek Scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica and Grammatical Treatises from Their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford, New York: OUP, 2007.
- Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik: Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft*. 3 Aufl. Stuttgart: Franz Steiner, 1990.
- Pagani L. *Eustathius' Use of Ancient Scholarship in his Commentary on the Iliad: Some Remarks* / eds F. Pontani, V. Katsaros, V. Sarris // *Reading Eustathios of Thessalonike*. Berlin; Boston: de Gruyter, 2017. P. 79–110.
- Wackernagel J. *Lectures on Syntax, with Special Reference to Greek, Latin, and Germanic* / ed. with notes and bibliography by D. Langslow. Oxford, New York: OUP, 2009.

Костылева Татьяна Владимировна

канд. филол. наук, доцент, кафедра классической филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
tatianakostyleva@yahoo.com

EUR. ORESTES 251–2: ΓΝΩΜΗ ИЛИ НАЧАЛО ПРИСТУПА БЕЗУМИЯ?

Ключевые слова: Еврипид, Орест, Ч.Уиллинк, филологический комментарий, реальный комментарий, рецепция трагедий Еврипида.

Орест — безумец *par excellence* древнегреческой, а затем и западноевропейской литературы, и приступы — дело частое, практически «житейское». Тем важнее оказывается для комментатора, как это ни удивительно, «отсрочить» момент начала приступа своими силами, найти подтверждение обратному, тому, что Орест в каком-то конкретном эпизоде или стихе ещё не безумен или не очевидно безумен.

Обратимся к интересующему нас пассажу и более широкому контексту сцены (текст приводится по изданию [Diggle 1994]):

{Нл.} Μενέλαος ἦκει, σοῦ κασίγνητος πατρός,
ἐν Ναυπλῖαι δὲ σέλμαθ' ὄρμισται νεώς.
{Ор.} πῶς εἶπας; ἦκει φῶς ἐμοῖς καὶ σοῖς κακοῖς
ἀνὴρ ὁμογενῆς καὶ χάριτας ἔχων πατρός;
{Нл.} ἦκει (τὸ πιστὸν τόδε λόγων ἐμῶν δέχου) 245
Ἐλένην ἀγόμενος Τρωϊκῶν ἐκ τειχέων.
{Ор.} εἰ μόνος ἐσώθη, μᾶλλον ἂν ζηλωτὸς ἦν·
εἰ δ' ἄλοχον ἄγεται, κακὸν ἔχων ἦκει μέγα.
{Нл.} ἐπίσημον ἔτεκε Τυνδάρεως φεῖς τὸν ψόγον†
γένος θυγατέρων δυσκλεές τ' ἀν' Ἑλλάδα. 250
{Ор.} σύ νυν διάφερε τῶν κακῶν, ἔξεστι γάρ,
καὶ μὴ μόνον λέγ' ἀλλὰ καὶ φρόνει τάδε.
{Нл.} οἴμοι, κασίγνητ', ὄμμα σὸν τaráσσεται,
ταχὺς δὲ μετέθου λύσσαν, ἄρτι σωφρονῶν.

Разбуженный хором Орест благодарит сон, который дал ему отдых от страданий, даёт Электре ухаживать за собой, он слаб, просит то положить его, то посадить на постели, чтобы он опустил ноги на землю (трогательно объясняя, что так ему кажется, что он здоров), а Электра спешит воспользоваться моментом пока брат ещё не безумен и сообщает, что вернулся Менелай. Орест рад, добавляя, что лучше бы Менелай вернулся без Елены, один. Электре нечего на это ответить, она говорит о дурной славе дочерей Тиндарея. В этот момент Орест внезапно грубо оскорбляет сестру, говоря «А ты такой не будь, возможность ещё есть, и давай, не только на словах, но на самом деле». Электра, в отличие от некоторых современных комментаторов, понимает, что такие оскорбления — признак безумия, и не реагирует никак (а ведь могла бы, она же ἄτεκνος, ἄγαμος), её слова «как внезапно, ты только что был в своём уме» стоит отнести к ст. 247–8. Это не вызывает сомнений у В. Ди Бенедетто, резкость и несоответствие ответа Ореста ситуации (укол тем острее, чем менее он соответствует реальности, обидеть Электру — сравнить её с Еленой или Клитемнестрой) он объясняет началом приступа безумия: *Oreste sta perdendo il controllo delle sue facoltà mentali <...> Euripide vuole rappresentare l'accesso di folia come un fenomeno patologico, che si verifica improvvisamente senza apparente giustificazione* [Di Benedetto 1967: 53].

Однако Ч. Уиллинк [Willink 1986: 127] готов видеть Ореста в ст. 251–2 не безумным, а всего лишь раздражённо изрекающим наставления общего характера: *The sentiment 'make sure that you are different from αἱ κακάι, though sour in tone, is a 'sane' enough γνώμη (expressly accepted as such by Electra in 254); it is also in character (cf. 1204–5, 1589–90). Всеми виной — логичность и синтаксическая связность слов Ореста (σύ νυν... γάρ... καὶ μὴ μόνον... ἀλλὰ καί). Стоит возраз-*

ить, что синтаксическая связность уровня «не только, но и» может не утрачиваться, но часто замещает содержание, которого уже нет в речи, создавая видимость здравомыслия, и в рассматриваемом эпизоде не может быть аргументом против безумия Ореста. То, что Уиллинк называет *sane enough γνώμη*, требует отдельного рассмотрения: в словах Ореста *σύ νυν διάφερε τῶν κακῶν, ἔξεστι γάρ, / καὶ μὴ μόνον λέγ' ἀλλὰ καὶ φρόνει τάδε* нет ничего гномического, это не обобщение, а прицельное оскорбление незамужней сестры; из параллелей, которые приводит Уиллинк, следует, что в характере Ореста видеть силу духа сестры (1204–5: *ὦ τὰς φρένας μὲν ἄρσενας κекτημένη, / τὸ σῶμα δ' ἐν γυναιξὶ θηλείαις πρέπον, / ὡς ἀξία ζῆν μᾶλλον ἢ θανεῖν ἔφυς*) и убивать таких женщин, как Клитемнестра и Елена (1589–90: *οὐκ ἂν κάμοιμι τὰς κακὰς κτείνων ἀεὶ*), ничего более.

Отметим также (ожидаемую) параллель к самому знаменитому безумцу на сцене в поведении самого знаменитого лжебезумца, шекспировского Гамлета, который сознательно использует тот же приём: в III, 1, в прозаической сцене сразу после знаменитых *The fair Ophelia! — Nymph, in thy orisons / Be all my sins remembered*, Гамлет притворяется безумным (именно так это понимает Офелия, на разный манер повторяя в ответ *God, restore him*) и оскорбляет Офелию: *Get thee to a nunnery <...> be thou as chaste as ice, as pure as snow, thou shalt not escape calumny. Get thee to a nunnery, go, farewell. Or if thou wilt marry, marry a fool; for wise men know well enough what monsters you make of them. To a nunnery, go, and quickly, too* [Shakespeare 1998: 670].

Таким образом мы надеемся показать, что в ст. 251–2 как раз и проявляются первые признаки очередного приступа безумия Ореста.

Литература

Diggle J. (ed.) *Euripidis fabulae*, Tomus III. Oxford: OUP, 1994.

Di Benedetto V. (comm.) *Euripidis Orestes*. Firenze, 1967.

Shakespeare W. *The Complete Works*. Oxford: OUP, 1998.

Willink Ch. (comm.) *Euripides Orestes*. Oxford: OUP, 1986.

Котова Анастасия Викторовна

канд. филол. наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины;

anastakot@gmail.com

СРАВНЕНИЯ В ПРЯМОЙ РЕЧИ В «АРГОНАВТИКЕ» ВАЛЕРИЯ ФЛАККА: КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ

Ключевые слова: римский эпос, Валерий Флакк, Аргонавтика, сравнения, прямая речь.

Речи персонажей являются традиционным элементом эпического жанра и в «Аргонавтике» Валерия Флакка характеризуются отражением роли риторики в римской общественной жизни эпохи Флавиев, когда риторические приемы становятся неотъемлемой частью языка поэзии. Среди средств, которые усиливают выразительную силу речи, значимую роль играют сравнения. В докладе представлен анализ использования художественного приема сравнения в прямой речи персонажей в «Аргонавтике» Валерия Флакка. Следует отметить, что, как и в предшествующей эпической традиции, в «Аргонавтике» сравнения являются отличительной чертой речи повествователя, в речи персонажей они встречаются значительно реже. Исследование проводится сплошным методом с целью определения коммуникативных контекстов на горизонтальной и вертикальной оси повествовательного полотна, в которых речи персонажей содержат сравнения, выявления внутри- и интертекстуальных параллелей и различий, установления функций сравнений, а также проведения сопоставительного анализа с предшествующей эпической традицией.

Очевидно, что одной из наиболее важных функций речей является раскрытие характера, поскольку они помогают определить личности и установки персонажей в целом и дать их психологические и эмоциональные характеристики в конкретных ситуациях [Dominik 2002: 186]. Два сравнения в речах Ясона иллюстрируют его стремление к славе и преклонение перед богами (I, 670–672; V, 543–544). Важно отметить, что эти черты характера, представленные поэтом как доминирующие еще в начале поэмы, определяют смелое решение Ясона принять приказ Пелия и отправиться в путешествие за золотым руном и сохраняют постоянство в меняющихся обстоятельствах жизни героя.

Речи в «Аргонавтике» отражают широкий спектр чувств различных персонажей, в которых сравнения передают глубину человеческих эмоций в конкретных драматических ситуациях. Так, реакцией на бегство Медеи является жалобный монолог ее матери, имеющий трехчастную структуру — плач, тема мести и оправдание Ясона, переходы между которыми характеризуются внезапной сменой настроения. Средняя часть монолога начинается сравнением, отражающим эмоциональный сдвиг от жалоб и причитаний к желанию отомстить Ясону за его коварство (VIII, 150–153). Сравнение является примером эпической техники Валерия Флакка, в которой проявляются сочетания мотивов и лексического материала из произведений литературных предшественников [Castelletti 2022: 136]: Val. Fl. VII, 293–294; Ov. Met. XIII, 613–614. Добавим, что пассаж Валерия Флакка также дает отсылку к сравнению из «Энеиды» (XI, 721–724), в котором дается описание мести Камиллы лигурийцу за обман и коварство.

Выбор и расположение сравнений, отражающих эмоции персонажей, прослеживается в тематической взаимосвязи речей в различных частях повествования. Примером этому служат два пассажа, характеризующие Амика.

В первом эпизоде аргонавты на пути в Колхиду высаживаются на берег страны бибриков, где находят Диманта, стонущего в уединенной долине и оплакивающего своего друга Отрея, убитого Амиком. В своем ужасе он отчаянно хочет, чтобы аргонавты спаслись, пока могут. Димант рассказывает им свою историю, соединяя ее с описанием Амика, в котором использует сравнение (IV, 150–153).

Во втором эпизоде аргонавты прибывают в Мариандинию, которой правит Лик, брат Отрея, убитого Амиком в кулачном поединке. Он демонстрирует радость, восхищаясь подвигом

Поллукса, который одержал великую победу над Амиком незадолго до того, как он сам достиг Бебриции, желая отомстить за смерть брата. В его рассказе очевидное удовольствие от вида мертвого Амика сопровождается описанием, в котором тело великана, распростертое у моря, сравнивается с морским чудовищем, выброшенным на берег (IV, 749–750).

Сравнения в этих двух эпизодах выражают эмоции говорящего и объединены темой Амика, а также кругом участвующих и упоминаемых лиц: аргонавты как слушатели, брат Отрея Лик как рассказчик, Димант, сочетающий обе роли.

В прямой речи сравнения используются не только для изображения собственных эмоций персонажа, но и для побуждения определенных чувств в слушателе (как, например, в речи Молвы в лемносском эпизоде и в речи Финейя, к которому аргонавты прибыли после победы над Амиком). В этих ситуациях ярко проявляются риторические приемы и особое место занимают сравнения.

Сравнения играют решающую роль в речах, которые проясняют эпические обстоятельства грядущих событий и характеризуют их участников. Такой пример содержится в пророчестве Финейя о предстоящем путешествии аргонавтов в Колхиду. Говоря об амазонках, провидец предупреждает Ясона о большой опасности, исходящей от них, используя сравнение с двумя воинственными богинями Энио и Минервой (IV, 601–605).

Сравнения в прямой речи персонажа используются в рассказе, обращающемся к параллельной истории, как, например, в песне Орфея о странствиях Ио, которая тематически соответствует повествованию об аргонавтах, пересекающих Босфор (IV, 367–369; IV, 400–401). Этого сюжета нет у Аполлония Родосского, и Валерий Флакк ввел его, следуя Овидию (Met. I, 583–751), преобразуя свою модель путем сокращений отдельных сцен, изменений мотивов, переносов некоторых элементов в другие контексты, а также дополнений [Albrecht 1999: 274–275].

Рассматривая интеграцию сравнений в речи персонажей с точки зрения коммуникативного контекста, можно отметить, что в «Аргонавтике» все они встречаются в традиционных эпических сценах и эпизодах: обращение к богам; сцены с посланниками; сцены встреч и приема; сцены пророчеств; сцены плача; вставные повествования; при этом Ясон, Финейя и Орфей используют в речах больше сравнений, чем остальные персонажи поэмы.

Говорящие персонажи, в речи которых включены сравнения, представлены преимущественно людьми и в единичных случаях богами. На вертикальной и горизонтальной оси эпического полотна общение в «Аргонавтике» происходит между живыми людьми и в одном случае между людьми и богами.

Отметим, что в «Аргонавтике» Валерия Флакка сравнения в речах персонажей служат для выражения эмоций в драматических моментах повествования, демонстрируя в этом аспекте связь между эпосом и трагедией. Кроме того, сравнения являются ключом к пониманию характеров и мотивации героев, а также имеют непосредственное отношение к развитию сюжета, особенно в сценах пророчества и речах дипломатического характера.

Литература

Albrecht M. von. Roman Epic: An Interpretative Introduction. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. x, 371 p.

Castelletti C. Valerius Flaccus. Argonautica, Book 8, edited with Introduction, Translation, and Commentary / eds A. Augoustakis, M. Fucocchi, G. Manuwald. Oxford: Oxford University Press, 2022. 273 p.

Dominik W.J. Speech in Flavian Epic / ed. By P. Defosse // Hommages à Carl Deroux 1: Poésie. Brussels: Latomus, 2002. P. 183–192.

Павлова Анастасия Владимировна

канд. филол. наук, старший преподаватель, кафедра классической филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет

HERACL. PONT. F97 SCHÜTR (= F170 WEHRLI): ЭСХИЛ И ЕГО БРАТЬЯ

Ключевые слова: история античной литературы, трагедия, Гераклид Понтийский, Эсхил.

Анонимный комментатор к «Никомаховой Этике» Аристотеля приводит свидетельство Гераклида Понтийского о том, что некогда Эсхила чуть не убили прямо во время постановки трагедии, а позже привлекли к суду за то, что он, якобы, показал на сцене нечто, относящееся к мистериям (Heracl. Pont. F97 Schütr = F170 Wehrli). По версии Гераклида, Эсхил избежал наказания из-за своих заслуг в Марафонской битве, ведь он был тяжело ранен, а его брату Кинегирю отрубили руки. Источником комментатор к Аристотелю называет сочинение Гераклида Περὶ Ὀμήρου.

О гибели стратега Кинегира в Марафонской битве очень кратко сообщает Геродот (VI.114). По версии Геродота, стратегу отрубили руку (одну) секирой, когда он схватился за корму персидского корабля. Однако Геродот нигде не упоминает, что Кинегир — брат Эсхила. Подвиг Кинегира, по словам Элиана (Hist. An. VII.38), был изображен в Стоа Пойкиле. У риториков эпохи второй софистики, таких как Фемистий или Антоний Полемон, героическая история Кинегира становится все более фантастической, однако о его родстве с Эсхилом они тоже умалчивают. Необыкновенно красочно смерть Кинегира описывает историк Марк Юниан Юстин (II.9): сначала Кинегир схватился за персидский корабль правой рукой, когда ее отрубили — схватился левой, а лишившись левой руки, впился в корму зубами. Несмотря, однако, на столь подробный рассказ, Юстин, как и Геродот, не вспоминает, что Кинегир был братом Эсхила. На это родство впоследствии указывают только очень поздние источники: жизнеописание Эсхила (Vita Aeschyli), словарь Суда, Библиотека Патриарха Фотия, фрагменты из поздних греческих грамматиков Anecdota Graeca. Все эти источники перечисляет Ю. Миллер в соответствующей статье в Realencyclopädie [Miller 1922: 2479], забывая только о названном выше Περὶ Ὀμήρου Гераклида Понтийского в пересказе анонимного комментатора.

Несколько иначе эту историю излагает Элиан в «Пестрых рассказах» (Hist. Var. V.19): младший брат Эсхила Аминий, отбросив гиматий, показал судьям, что в битве за Саламин ему по локоть отрубили руку. Только тогда судьи вспомнили о его доблести и помиловали Эсхила. Таким образом оказывается, что у Эсхила было двое братьев, каждый из которых потерял как минимум одну руку в Персидских войнах, а подобные удвоения часто выглядят подозрительно.

Свидетельств об Аминии сохранилось гораздо меньше, чем о Кинегире; находятся лишь единичные упоминания о том, что он был командиром корабля во время сражения при Саламине, у Геродота (VIII.84 и 93), Плутарха (Themist. 14), Диодора Сицилийского (XI.27). О том, что Аминий был братом Эсхила, говорит сначала Диодор, затем Vita Aeschyli. В названных источниках разнятся указания на происхождение Аминия: Геродот называет его уроженцем Паллены, Плутарх — уроженцем Декелеи; из свидетельства Диодора должно следовать, что Аминий, как и Эсхил, происходил из Элевсина. Рассказ Элиана о том, как Аминий вступился за Эсхила на суде, не упомянут в других источниках и очевидно напоминает пересказ сочинения Гераклида Понтийского, приведенный комментатором к Аристотелю.

Аристотель приводит эпизод с Эсхилом как пример того, что человек может рассказать о чем-то запретном, не зная, что об этом нельзя рассказывать. Климент Александрийский, рассуждая о невольных грехах (Stromata 2. XIV.60. 2), также обращается к случаю с Эсхилом и объясняет подробнее: на суде поэт сумел доказать, что не был посвящен в мистерии, потому его оправдали. (Кажется невероятным, что знатный уроженец Элевсина мог не быть посвящен в мистерии, однако этот вопрос не рассматривается в настоящем докладе).

Очевидно, что Гераклид Понтийский хочет обратиться к суду над Эсхилом и извлечь из него совсем другой урок, а именно — показать, как Эсхила оправдали за его заслуги перед Афинами.

И если в версии, предложенной Аристотелем, упоминание братьев или других членов семьи было бы неуместно, то в рассказе Гераклида привлечение не менее героического брата добавляет весомости и литературности. Зная, что Гераклид очень ценил художественность и всячески к ней стремился, и понимая, что ввиду всех свидетельств о его литературной деятельности и склонности к мифотворчеству, его нельзя считать надежным источником, мы позволим себе высказать предположение, что версия событий, рассказанная Гераклидом, могла быть выдумана им самим, как и родство Эсхила с Кинегиром. Источником вдохновения для Гераклида, который решил сделать двух выдающихся людей братьями, могла служить картина Марафонской битвы в Стоа Пойкиле, где был изображен не только Кинегир (см. выше), но и с большой долей вероятности Эсхил (см., например, свидетельство Павсания I.21. 3).

Труднее объяснить, как братом Эсхила оказался участник битвы при Саламине Аминий. Очевидно, что наиболее древнее из имеющихся свидетельств об их родстве принадлежит Диодору Сицилийскому и что Элиан, излагая свою версию суда над Эсхилом, берет за основу рассказ Гераклида Понтийского, но из двух братьев выбирает не погибшего при Марафоне Кинегира, но Аминия, который в такой версии становится активным участником процесса.

Литература

Die Schule des Aristoteles: [Heft 7] Herakleides Pontikos. Texte und Kommentar / ed. by F. Wehrli. Basel; Stuttgart: Schwabe & Co Verlag, 1944–1959; 21969.

Heraclides of Pontus. Texts and translations / ed. by E. Schütrumpf. New Brunswick; New Jersey: Transaction Publishers, 2008.

Miller J. Kynaigeiros // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1922. Bd. XI, 2. Sp. 2479.

Сергеев Михаил Львович

канд. филол. наук, научный сотрудник,

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова,
Российская национальная библиотека

ЮЛИАН ОТСТУПНИК ПОД МАСКОЙ МАРКА АВРЕЛИЯ: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ЦИТАТЫ В «БИБЛИОТЕКЕ» (1545) КОНРАДА ГЕССНЕРА

Ключевые слова: история филологии, библиография, гуманизм, ложная атрибуция.

Первое издание библиографического справочника «*Bibliotheca universalis*», вышедшее в 1545 г. и составленное Конрадом Гесснером (1516–1565), будущим издателем *editio princeps* «Размышлений» Марка Аврелия (1559) (см. подробнее [Sergeev 2021]), содержит обширную «*epistola nuncupatoria*», посвященную истории и задачам составления библиотек и принципам библиографии [Gessner 1545, *2a–*7a]. В частности, в ней говорится о бедствиях, постигших как античные, так и современные европейские библиотеки; утрата книг, согласно Гесснеру, равносильна утрате знаний, и ведет к деградации человечества [Gessner 1545, *3a]. Последней, впрочем, можно противостоять, составляя новые библиотеки и ведя реестр всех существующих и утраченных книг. Если вторая задача возлагается на филологов, то первая под силу только богатым и знатным людям, в особенности — королевским особам, которые, следуя античным образцам, избирают своим увлечением и призванием собирание книг и покровительство наукам.

В этом контексте в письме и появляется интересующая нас цитата. Следует заметить, что она приводится по-гречески, что, несомненно, сообщает ей особенную значимость, если иметь в виду предпочтение, которое Гесснер (как и многие гуманисты) отдавал греческому языку перед латынью («*Graecam Latinae absque mora praetulerim*»: *Lexicon Graecolatinum*. Basileae, 1543. fol. A7a), а также то, что весь текст предисловия, занимающий 10 страниц *in-folio*, включает всего две греческие цитаты, причем происхождение второй совершенно очевидно и потому не оговаривается: это ставшие пословицей слова «Илиады» о неравном обмене, относящиеся к доспехам Диомеда и Главка (χρῦσεα χαλκείων, ἐκατόμβοι ἔννεαβοίων: *Hom.* II. 6, 236).

Объясняя выбор императорского советника Леонарда Бека фон Бекенштейна в качестве адресата посвящения, автор «Библиотеки» прибавляет к внушительному ряду причин следующее: «К тому же, когда доходит до приобретения книг, ты проявляешь себя величайшим транжирой: о твоём образе мыслей справедливо даже утверждать то, что некогда написал о себе император Марк Антонин, прозванный Благочестивым и Философом: Ἄλλοι μὲν ἴππων, ἄλλοι δὲ ὀρνέων, ἄλλοι θηρίων ἐρῶσιν· ἐμοὶ δὲ βιβλίων κτήσεως ἐκ παιδαρίου δεινὸς ἐντέτηκε πόθος. Потому я избрал тебя своим Меценатом: к величию души твоей прибегают мои Музы, чтобы в милости твоей обрести восстановление сил, истощенных долгими трудами» [Gessner 1545, *6a]. Исходя из приведенных эпитетов — «*Pius*» и «*Philosophus*», — можно предположить, что автор сентенции соединил в себе образы двух императоров — Марка Аврелия Антонина, прозванного «Философом», и Антонина Пия. Такое смешение проявилось и в соответствующей статье «Библиотеки» (см. ниже). Однако имя — Марк — и увлеченность книгами, признание в которой и содержит цитата, позволяют утверждать, что автором называн, все же, Марк Аврелий.

Эта атрибуция, впрочем, кажется парадоксальной, даже если не обращаться к вопросу о подлинном авторе высказывания. Дело в том, что в статье «Библиотеки» s. v. *Antoninus Augustus* сообщается буквально следующее: «Итинерарий Антонина Августа вышел в типографии Альда. Его же книга ἐκ τῶν καθ' αὐτόν хранится в Риме, на греческом языке. Антонин Август упоминается во фрагментах *Codex Gregorianus*» [Gessner 1545, 53b]. Как видно, помимо опубликованного «Итинерария» (долгое время связывавшегося с именем Антонина Пия), который мог быть знаком Гесснеру, учитывая его интерес к географии [Leu 2008], ничего из текстов, дошедших под именем «Антонина Августа», Гесснеру знакомо не было: собрание Ватиканской библиотеки (как и библиотеки кардинала Виссариона), где хранились фрагменты «ἐκ τῶν καθ' αὐτόν», было

известно Гесснеру только по каталогу [Sabba 2012, 79–123]); что касается Codex Gregorianus (собрания конституций), то речь очевидным образом идет только о ссылках на Антонина Августа, упоминаниях его имени (“allegatur”).

Предвидя возможные возражения — стал ли бы Гесснер специально говорить о каждой сохранившейся цитате Марка Аврелия? — заметим, что автор «Библиотеки» был чрезвычайно скрупулезен при инвентаризации не только фрагментов античных авторов, но и всех сохранившихся свидетельств об их творчестве. В качестве примера достаточно упомянуть дополнение к рассмотренной статье во втором, систематическом томе «Библиотеки» — «Пандектах», вышедших три года спустя: здесь к названным ранее источникам прибавлены “apophthegmata Antonini” у Эразма (Gessner C. Pandectarum libri XXI. Tiguri, 1548. fol. 125b): подразумеваются «Адагии», в которых приведена сентенция из письма императора «Антонина» (вероятно, Каракаллы — тоже Марка Аврелия Антонина). Также следует принимать во внимание заметный интерес в XVI в. к фигуре Марка Аврелия и его неизданному труду, о чем свидетельствует появление поддельной «Libro áureo de Marco Aurelio» (1528) Антонио де Гевары, вскоре переведенной на множество языков.

Итак, невозможно представить, чтобы Гесснер раздобыл сентенцию Марка Аврелия, процитировал ее в оригинале — и не назвал источника своих знаний. Но он, вероятно, и не мог на него сослаться: дело в том, что приведенная в посвящении цитата не принадлежала ни одному из названных им «Антонинов», но представляла собой зачин одного из писем императора Юлиана (331–363) префекту Египта Екдикию. В чем была причина ложной атрибуции? Был ли цюрихский библиограф введен в заблуждение относительно источника текста или ему был знаком текст писем Юлиана? Об этих вопросах пойдет речь в докладе.

Литература

Gessner C. Bibliotheca universalis. Tiguri: Ch. Froschauer, 1545.

Leu U. B. Textbooks and their uses — an insight into the teaching of geography in 16th century Zurich // Scholarly knowledge: Textbooks in early modern Europe / ed. by E. Campi [et al.]. Genève: DROZ, 2008. P. 229–248.

Sabba F. La “Bibliotheca universalis” di Conrad Gesner: Monumento della cultura europea / Premessa di A. Serrai. Roma: Bulzoni editore, 2012.

Sergeev M. Bibliographical Scrupulousness and Philological Zeal: Conrad Gessner Working on the editio princeps of ‘Ad se ipsum’ // Erudition and the Republic of Letters. 2021. Vol. 6. P. 349–375.

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МИФ, ФОЛЬКЛОР, РИТУАЛ В ПОВСЕДНЕВНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ

Березнев Владислав Игоревич, Ясинская Мария Владимировна

канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ КАК МАРКЕР ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В ноябре–декабре 2023 г. в рамках проекта РНФ № 20-78-100300-П «Языковые и культурные контакты у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона в условиях социальных трансформаций» была проведена экспедиция в Аргентину и Уругвай с целью исследования языка и культуры славян-переселенцев, эмигрировавших в Южную Америку в разные годы. В настоящем докладе мы сосредоточим внимание на русских переселенцах разных волн миграции. В основном это потомки представителей религиозного движения «Новый Израиль», переехавших в Уругвай вслед за лидером секты Василием Лубковым в 1913 г. и основавших город Сан-Хавьер в провинции Рио-Негро. Кроме того, были записаны интервью с русскими, эмигрировавшими в Аргентину в 1991 г. после распада Советского Союза. Большинство наших информантов сохранили русский язык (диалектный вариант с чертами южнорусского наречия, поскольку их предки — выходцы из Воронежской губернии), хотя общение между жителями Сан-Хавьера происходит преимущественно на испанском языке, и они часто даже не знают, кто из соседей владеет русским. Также внутри одной семьи общение между представителями старшего и младшего поколения проходит на испанском, во многом это явилось следствием военной диктатуры в Уругвае в 70–80-е гг. XX в., когда русский язык и культура оказались под запретом, и русское население опасалось учить детей родному языку, чтобы не навредить им. Этот же фактор повлиял и на сохранность традиционной культуры, к тому же наши информанты в большинстве являлись потомками сектантов, отвергавших традиционные религиозные праздники (из праздников назывались только день рождения Василия Лубкова и день переселения), поэтому сведений о традиционном календаре, обрядах, мифологических представлениях и пр. записать не удалось. Единственным, что связывало потомков переселенцев с родиной и русскими традициями помимо языка, оказалась русская кухня, которую они противопоставляли кухне местной, частично отвергая, а частично принимая отдельные блюда последней.

Русская кухня. Основным русским блюдом, которое упоминали наши информанты, были **вареники**: «Да, вареники. Молоко когда это... надоим молока и заки..., как говорится, закиснет — сыр (я отбиваю сыр) и провеем это молоко на сметану, чтоб на вареники было. Когда со сметаной кушаем вареники, когда... знаете, что это «вареники»? Вареники — мука... делаем какое-то тесто и мешаем сыр — этот сыр, что отбивается — прокисает молоко и делается сыр. По-испански — *queso*, а по-русски — *сыр*. И мы потом этот сыр мешаем и с сме... соль, яичек. Потом делаем тесто и раскатываем и делаем вареники. Как пышки, *pero* они... Потом как сварюца — сметану или масло. Буваит, со сметаной только кушаем, а бывает-то, отбиваем эту сметану... называем... мы называем сметана» (ДК, Офир, Уругвай). По свидетельству наших информантов, вареники делали в основном с творогом, реже с картофелем: «Делаем из картошки, *pero* они не очень такие хорошие выходить у меня с картошкой, как из сыра. Повкусней. А с картошки вы как делаете из картошки? Я немного делал. У нас мама... пирóшки и всё это вот дело» (ДК, Офир, Уругвай). Вареники стали своего рода визитной карточкой русской кухни в Уругвае и Ар-

---

Ответственный редактор: канд. филол. наук И. С. Веселова.

гентине: их готовят на фестивалях мигрантов, праздниках. Наша собеседница, переселившаяся в Аргентину в 1991 г. из Риги, сетовала на то, что потомки переселенцев второго и третьего поколения не различают вареники и пельмени, мешая в начинку и то и другое одновременно: «Вот, знаете, с этими варениками они никак меня не понимают! Я им говорю: это не вареники, вы чё тут это?! Ну с годами, так как лень готовить вареники... это вареники — это творог внутри. А если мясо, то это уже пельмени! А они взяли — определили всё в одну кучу. Так что у них вареники — это с мясом и с творогом, перемешанная такая начинка. Да, да! С мясом! Мясо с творогом! И ещё они... разминают ещё картошку и картошку добавляют, и соус делают...» (ВФ, Бериссо, Аргентина).

Также в качестве русского блюда упоминался **борщ**: «Мы делаем борщ — это свёкла, чтоб был краснай. Мы уговорим борщ — русский борщ! И тут многие делают одинакова, хуч уже испанцы. Так привыкли. Тут уже русские с испанцами все замешаны» (ЕМ, Сан-Хавьер, Уругвай). Наши собеседники также вспоминали о том, как готовили **сырники**: «Это сырники. Сырнички. Это самое лучшее, даже лучше, чем вареники» (КЧ, Сан-Хавьер, Уругвай); **пельмени, блины**. Одна из собеседниц вспоминает, чем кормила детей, когда они были маленькими: «Вареники нравлюцца, пилимени нравлюцца, блинчики нравлюцца, сырники нравлюцца. Аха! Э! Один едить (живёт там, у Монтевидеи), уворит: “О, мама! Ты сделала мне блинчики с мясом! Я ехал, — уворить, — и думал: вот бы мама вспомнила мне блинчики сделать!” Ани привышные так. Змáличко. Так всё кушали» (ЕМ, Сан-Хавьер, Уругвай).

Чужая кухня. Говоря о своей кухне, наши информанты часто противопоставляли её кухне аргентинской и уругвайской, подчеркивая достоинства своей: «Аргентинское... у них особой кухни-то нету в Аргентине, они лентяи готовить. Вот на *паризу* кинут мясо — *bieno*, пускай оно жарится там. Они особо (*смех*)... особо не трудятся, чтоб там рецепты какие-то...» (ВФ, Бериссо, Аргентина). «А уругвайцы едят много мяса. Да... Мясо — это самый... Спросиш уругвайцев: *asado* — это самый первый!» (КЧ, Сан-Хавьер, Уругвай). При этом аргентинскому и уругвайскому **асадо** русские противопоставляли своё блюдо из мяса — шашлык, который, не будучи русским изначально, на чужбине стал восприниматься как часть русской кухни: «Шашлык — эта не русской, шашлык как будта нет. А вроде не знаю. Ну тут его сделали, чтоб русской был» (ЕМ, Сан-Хавьер, Уругвай).

Особое внимание нашими информантами уделялось обычаю аргентинцев и уругвайцев пить **мате** (напиток из высушенных листьев падуба тернистого). Многие наши русские собеседники в г. Сан-Хавьер переняли эту традицию у уругвайцев и ежедневно пьют мате: «Все русские пили *мату*, как научились! Испанцы пили *мату*, и они тоже хотели, пили воду. И так привыкли, что уже и русские и все пили *мату*. И дóсе пьют» (ЕМ, Сан-Хавьер, Уругвай). Однако, у переселенки первого поколения этот обычай всё ещё вызывает неприятие: «Дело в том, что не можно пренебрегать, это ихняя культура, ихние обычаи, но если проблемы какие-то с желудком, даже ихние врачи не рекомендуют пить. Потому что вот я как здесь убираю, если тут разольёшь *мате*, то месяц я не могу от... ничем, ни зубами не могу отчистить — вот какой он едкий! А я и своим говорю: “Вот посмотри, если я не могу отмыть, можешь представить, какой он едкий. А если в желудок попадает?!” Это довольно крепкое такое... крепкий напиток, и надо привыкнуть. Ай, мой муж под муху со всеми пил, со всеми пил. Я, во-первых, брезгую — с этой пипкой все, по кругу идёт эта пипка» (ВФ, Бериссо, Аргентина). В конце наша собеседница подчёркивает, что ей не нравится обычай, когда из одной бомбильи (трубочки) пьют вся семья или даже компания друзей. Она пояснила, что в период пандемии Covid-19 врачи рекомендовали каждому использовать индивидуальный сосуд для *мате* (калабасу) и отдельную бомбилью, но сейчас, когда пандемия прошла, всё вернулось к тому, как было заведено. Вместе с тем, некоторые блюда местной кухни заимствуются русскими: та же информантка рассказала, что научилась у аргентинцев готовить бисквитный рулет с солёными начинками: «Вот я у них научилась такое... вот это бисквитное такое вот полотно, и туда заворачивается... у нас заворачивают крем какой-то сладкий, с орешками там или шоколадный, или белый крем. А они меня научили, что туда можно заворачивать солёное! Вот, допустим, салат порезанный, огурцы мелко порезанные с луком, с помидорами. Можно добавить и колбаски. И вот такой типа... он

салат и салат, да, со сметаной. И всё вот это заворачивается в этот бисквитный... такое полотно» (ВФ, Бериссо, Аргентина).

Таким образом, помимо языка кухня остаётся практически единственным маркером национальной культуры, который помогает сохранить русскую идентичность в иноэтническом окружении в условиях эмиграции. Блюда национальной кухни передаются из поколения в поколение, любовь к национальным блюдам прививается детям даже в условиях военной диктатуры, когда остальные проявления национальной культуры находятся под запретом (уничтожаются книги, письма, дневники на русском языке). При этом потомки русских переселенцев оказываются открыты к заимствованиям у латиноамериканских соседей, однако память о том, что «своё», а что «чужое», сохраняется.

Коновалова Мария Александровна

старший преподаватель, кафедра германской филологии и скандинавистики,
институт филологии, Петрозаводский государственный университет;
аспирант, кафедра русского языка, институт филологии,
Петрозаводский государственный университет

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ЗАГОВОРАХ XVII И XX ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ «ОЛОНЕЦКОГО СБОРНИКА» И СБОРНИКА «РУССКИЕ ЗАГОВОРЫ КАРЕЛИИ»)

Ключевые слова: лингвофольклористика, заговор, перформатив, полуперформатив.

С древних времен человек стремился добиваться своих целей, пытался изменить окружающий мир в соответствии с определенными потребностями. Способы достижения результата, в зависимости от эпохи, мировоззрения и личностных особенностей могли быть разнообразными: от непосредственного физического воздействия на предметы материального мира, до психологического воздействия на окружающих, и даже обращения к магии. Одним из способов такого «магического» взаимодействия с миром стал заговор.

Заговор (также его могут называть заклинанием, приговором, шептанием, словом и др.) — это сакральный текст, имеющий неизменную форму, и призванный фактом его произнесения трансформировать существующую реальность. Заговор может быть как исключительно вербальным, так и сопровождаться определенными ритуальными действиями. Так или иначе, именно произнесенное слово заговора имеет доминирующее значение. Это свидетельствует о том, что весь заговорный текст является перформативным актом: сам факт произнесения заговора уже становится его реализацией. Тем не менее, мы можем выделить основной элемент перформативного акта — это глагол речевого действия, имеющий форму первого лица единственного числа настоящего времени в изъявительном наклонении, так называемый “канонический” перформатив. Однако Е. Н. Куликовская также выделяет в текстах и «заговорные полуперформативы»: «Семантика таких глаголов в заговорах очень разнообразна, но, как правило, сводится к физическому (ритуальному) действию над каким-либо объектом» [Куликовская, 162]. Наличие перформативов в заговорных текстах не ставится под сомнение и даже является одной из их важнейших характеристик. Использование перформативных глаголов подчеркивает значимость (или даже первостепенность) фигуры заговаривающего, обладание им сверхъестественными силами, способностью воздействовать окружающий мир.

В связи с тем, что заговор является одним из древнейших жанров фольклора, но продолжает свою историю вплоть до XXI века, нам кажется закономерным вопрос: содержится ли перформативные глаголы в текстах заговоров разного периода бытования в равном объеме? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились к двум сборникам заговоров, собранных примерно в одной местности с разницей в более чем два столетия: это «Олонецкий сборник» (далее — ОС), включающий тексты второй четверти XVII века и сборник «Русские заговоры Карелии» (далее — РЗК) с текстами преимущественно XX века.

В первую очередь рассмотрим тексты ОС: в нем содержится 130 заговоров, одиннадцать из которых являются карельско-вепскими, а еще одиннадцать описывают лишь ритуальные действия без вербальной составляющей. Таким образом, анализу подверглись 108 текстов.

Выделяя вслед за Е. Н. Куликовской «заговорные перформативные директивы (ЗПД), заговорные перформативные вокативы (ЗПВ), вершинный, собственно магический перформатив (СМП) *говорю* (и его аналоги) и ... перформативы «социальной перформации» (ПСП)» [Куликовская 2019: 71], можем привести следующие данные: в 108 текстах нами было обнаружено 4 словоупотребления ЗПД (*молюсь, молю, плачусь, прошу*), 1 — ЗПВ (*призываю*) и 16 — СМП (*наговариваю, говорю*), при этом 14 из них — в одном тексте. Кроме того, также видим необходимым выделить близкую к перформативам категорию, а именно полуперформативы, т.е. «глаголы, не обладающие речевой либо социально-институциональной семантикой»

[Куликовская 2021: 162], но обладающие казуативностью, ярко выраженными иллокутивными характеристиками, а также направленностью на определенный объект. В ОС было обнаружено 5 словоупотреблений полуперформативов (*стреляю, избиваю, из(це)ляю, ставлю*). Таким образом, перформативные глаголы составляют 84 % от общего объема интересующих нас глаголов (из них 64 % — собственно магические перформативы), а полуперформативы — лишь 16 %.

Сборник РЗК включает в себя 452 текста записи 1866–1991 гг. Методом сплошной выборки нами было выделено 42 словоупотребления полуперформативов (*нашу, подметаю, очищаю, рублю, перерубаю, копаю, мою, избавляю, курю, выкуриваю, выкуряю, горожу, брожу, ем, заедаю, звоню, исцеляю, загрызаю, устанавливаю, снимаю, беру*), 3 — ЗПД (*прошу, заклинаю*), 1 — ПСП (*предаюся*) и 20 — СМП (*колдую, говорю, заговариваю, закрепляю, заключаю*). Таким образом, перформативные глаголы составляют 36% (из них 30% — собственно магические перформативы) от общего объема интересующих нас глаголов, а полуперформативы — 64 %.

Тем не менее, некоторые фрагменты заговоров ОС и РЗК очень схожи. Приведем для сравнения выдержки из текстов лечебных заговоров, содержащих синонимичные полуперформативы: «Се аз, раб Б(о)жий имярек, *избиваю и *из(це)ляю* грыжу и щипоту, и всякой недуг, и всяку болезнь» [Топорков 2010: 133] (ОС) и «*избавляю, исцеляю* от детинца, от родинца, от припадка, от проклятой болезни» [Курец 2000: 67] (РЗК).

Итак, мы видим, что оба сборника содержат как перформативные, так и полуперформативные глаголы, однако их количество в отношении к общему количеству текстов значительно различается. Учитывая разный объем сборников, получаем следующие результаты: перформативных глаголов в ОС в 4 раза больше, чем в РЗК, а полуперформативов — в 2 раза меньше. Однако общее количество данных групп глаголов в ОС почти вдвое превышает их количество в РЗК.

Как мы отмечали ранее, данные типы глаголов транслируют волю говорящего и сообщают нам о его способности воздействовать словом на окружающий мир. Таким образом, мы можем сделать следующий вывод: значительное уменьшение доли перформативных глаголов с течением времени свидетельствует как об утрате знахарями, ведунами и колдунами этой способности, с одной стороны, так и об утрате их авторитета среди населения — с другой. Такой вывод кажется нам тем более закономерным, что в XIX–XX веках получила распространение традиция переписывания и сохранения заговоров более широкими слоями населения. Кроме того, некоторые заговоры публиковались в различных печатных изданиях, что впоследствии становилось причиной утраты текстами их сакральности.

Литература

- Куликовская Е. Н. К вопросу о «полуперформативных» глаголах в текстах русских заговоров // Art Logos. 2021. № 2 (15). С. 160–167.
- Куликовская Е. Н. Перформативность глаголов речевого действия в русских заговорах // Вестник ТГГПУ. 2019. № 3 (57). С. 65–73.
- Курец Т. С. Русские заговоры Карелии / сост. Т. С. Курец. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2000. 276 с.
- Топорков А. Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 832 с.

Куприянова Софья Олеговна¹, Мариничева Юлия Юрьевна²

¹научный сотрудник,

Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры;
sofyakupriianova@gmail.com

²канд. филол. наук, старший преподаватель, кафедра истории русской литературы,
Санкт-Петербургский государственный университет;
jmarinicheva@gmail.com

КУМУЛЯТИВНЫЕ СКАЗКИ: К ВОПРОСУ О ФОЛЬКЛОРНОМ ПЕРФОРМАНСЕ

Ключевые слова: фольклор, сказка, перформанс.

Как известно, В. Я. Пропп отнес сказки к области прозы, тем самым исключив их драматическое начало. Отчасти это связано с тем, что сам Пропп пользовался напечатанными фольклорными текстами и не наблюдал «живую» традицию. Его ученица Л. М. Ивлева писала о том, что «нельзя не признать, что вообще так называемые “театральные” элементы присущи фольклору в большей мере, чем искусствам профессионально-словесным. Это известно любому фольклористу, который имел дело с живым фольклором или его полноценной записью» [Ивлева 1974: 21]. Поскольку мы имеем дело с «живым» исполнением фольклорных произведений, для нас важным оказывается именно то, какие приемы для этого используются.

Мы рассмотрим то, какими средствами создается событие перформативности на материале речевых жанров (кумулятивные сказки, потешки), которые появляются в тот момент, когда ребенок только начинает осваивать речь и учится управлять своим телом.

Под перформансом мы, вслед за Э. Фишер-Лихте, понимаем событие, возникающее между актером и зрителем (в нашем случае между исполнителем и слушателем) [Фишер-Лихте 2021: 46]. Для Фишер-Лихте важно, каким образом происходит взаимодействие между участниками перформанса, как зритель включается в действие. Следуя научной фольклористической традиции, разработанной А. И. Никифоровым, К. В. Чистовым, Н. М. Герасимовой, мы исходим из того, что рассказывание сказок предполагает не просто роли рассказчика и слушателя (по аналогии с театральным актером и зрителем), а постоянное взаимодействие исполнителя и аудитории.

Э. Фишер-Лихте отмечает, что после «перформативного поворота», который произошел в 60-е гг XX в., в театральном искусстве было разработано большое количество приемов, которые должны были привлечь внимание к перформативному созданию спектакля: «В центре внимания художников оказались телесность спектакля, а также его пространственный и звуковые аспекты» [Фишер-Лихте 2021: 144]. Мы полагаем, что эти приемы релевантны и в отношении исполнения сказок.

Исследование того, как возникает событие перформанса, было в фокусе внимания театральных режиссеров (Е. Гротовский, П. Брук, Р. Шехнер). Зритель в равной степени с актером созидаёт представление, в независимости от того, разделяет их сцена или нет. По наблюдению П. Брука, один из ключевых моментов из которого рождается перформанс — установление контакта с публикой. Именно в этот момент начинается событие, которое разворачивается в результате взаимодействия актеров и зрителей [Брук 1996: 145–147]. Маленькие дети (подобно зрителям из другой культуры, с которыми встречались актеры труппы Брука) — самая критически настроенная публика. Их внимание быстро ускользает.

Среди наших материалов есть видеозапись рассказывания кумулятивных сказок («Колобок», «Репка»), сделанная в 2015 г. в г. Санкт-Петербурге. На ней можно увидеть, как мама использует различные приемы, чтобы, с одной стороны, привлечь и удержать внимание ребенка, с другой, сделать сюжет сказки максимально доступным для восприятия. Так, молодая женщина все время ловит взгляд ребенка, обнимает его, похлопывает. Также для создания сказочного перформанса она использует уже знакомые ребенку предметы: мячик, яблоко, разные игрушки.

Переключаясь от персонажа к персонажу, мама меняет интонацию и тембр голоса. Эти и другие перформативные приемы были описаны Э. Фишер-Лихте.

Телесность (прикосновение). Соотношение создания и восприятия телесности проявляется в двух феноменах: воплощение (embodiment) и присутствие. Рассказывание сказки предполагает участие тела. Наши собеседники или вспоминают о том, как их хватали, дергали, щекотали и т. д., когда они слушали сказки от старших; или сами «подключали» тело, исполняя текст. Последнее особенно наглядно.

Эмерджентность. В ситуации перформанса создаются новые смыслы. Так, знакомые предметы освобождаются от связи с привычным, уже освоенным контекстом (яблоко оказывается не просто фруктом, а персонажем сказки) и связываются с новыми означаемыми [Фишер-Лихте 2021: 256, 260].

Звук. Любой перформанс — это не только визуальное (theatron), но и звуковое пространство (auditorium). Для фольклорного произведения категория звучания является очень важной. Изменение интонации, ритма характерны и для исполнения сказок: сказочники изображают персонажей, изменяя свой голос.

Пространство. Пространство, в котором рассказываются сказки, конечно, существует и вне события сказки. Но оно особым образом создает сказочный перформанс. Соприсутствие в пространстве исполнителей и слушателей является одним из необходимых условий для того, чтобы сказка состоялась.

Литература

- Балашов Д. М. Обряд и обрядовое действие (к проблеме драматического рода в фольклоре) // Народный театр и драм: сб. статей / отв. ред. В. Е. Гусев. Л., 1974.
- Брук П. Блуждающая точка. М., 1996.
- Ивлева Л. М. Обряд. Игра. Театр (к проблеме типологии игровых явлений) // Народный театр и драм: сб. статей / отв. ред. В. Е. Гусев. Л., 1974.
- Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / пер. с нем. Н. Кандинской; под общ. ред. Д. В. Трубочкина. М., 2021.

Лызлова Анастасия Сергеевна

канд. филол. наук, научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН;

alyzlova@illh.ru

ВЫСТУПЛЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ФОЛЬКЛОРА СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ «В СТОЛИЦАХ»: КУЛЬТУРА ПАМЯТИ

Ключевые слова: Ленинград, Москва, выступления, сказители, Карелия.

В 1930-е годы в Карелии были «открыты» талантливые носители фольклорной традиции, часть из которых была позже принята в Союз писателей. Активно работал с этими людьми Карельский научно-исследовательский институт (КНИИ), преобразованный в Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК), в настоящее время — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Кураторство сотрудников учреждения подразумевало целый комплекс мероприятий: культурное обслуживание, заключающееся в приобретении и установке радиоприемников, выписывании газет и журналов, формировании домашних библиотек, покупке билетов в кино и театры; экскурсии, выезды в крупные города; путевки в санатории и дома отдыха, иная материальная помощь.

В предвоенное время часто осуществлялись поездки исполнителей фольклорных произведений в Петрозаводск, Ленинград и Москву с целью выступлений перед слушателями, что подробно освещалось в периодической печати [см. Сенькина 2012: 132 (сн. 1)]. Подобные выезды были характерны и для более раннего времени: в XIX столетии на сценах крупных городов выступали заонежане И. А. Федосова, Н. С. Богданова-Зиновьева, В. П. Щеголенок, Т. Г. Рябинин, И. Т. Рябинин. Этого вопроса касался К. В. Чистов, говоря о том, что «к сожалению, до сих пор еще не выявлены все необходимые документы, которые обрисовали бы достаточно полно все эти поездки и выступления. Однако и сейчас уже ясно, что на них побывали многие выдающиеся литераторы, артисты, композиторы, художники и ученые того времени» [Чистов 1980: 80].

В конце 1930-х годов практика выездов была возобновлена в связи с участием носителей фольклорной традиции в различных съездах и кампанией, связанной с созданием произведений на советскую тематику. В 1938 году состоялось событие, давшее сильнейший импульс для подобных поездок, — три носителя фольклорной традиции были не только приняты в Союз писателей Советской Карелии, но и удостоены ордена «Знак Почета» (заонежанин П. И. Рябинин-Андреев, пудожанин Ф. А. Конашков и помор М. М. Коргуев). Все они участвовали в выездах за пределы родных поселений задолго до этого, поскольку знакомство собирателей с ними происходило в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Так, в рассказе о своей жизни, датированном 1937 годом, сказитель Ф. А. Конашков подробно описывает свои многочисленные поездки: «20 лет назад из Русского музея приезжала за мною Гринкова Надежда Павловна и увезла меня в Петербург. Там возила меня по всему городу и по школам, где я выступал», потом «приезжал за мной Бородин Сергей Петрович и увез меня первый раз в Москву к Соколову Борису Матвеевичу. Он жил там, где Нескучный сад, где жила Екатерина II и царствовала. Выступал в музее и в летнем саду. Пел на разных вечерах, выступал по радио. <...>. Второй раз ездил в Москву через год. Жил в Историческом музее на Красной площади у Юрия Матвеевича Соколова, редкий день не выступал. Третий раз ездил в Москву через три года по вызову братьев Соколовых, вместе со сказительницей Богдановой Настасьей Романовной (Степановной. — А. Л.). Жил в общепитии у Мясницких ворот. Выступал везде. Четвертый раз был в Москве у профессора Колесова Василия Григорьевича — выступал по всей Москве с былинами и сказками. Пятый раз ездил в Москву 2 года тому назад. Выступал на съезде писателей <...>. Во время этих поездок никаких записей не производилось, были только выступления. Теперь (1937 г. — А. Линеvский) вызывают шестой раз в Москву в редакцию 2-й пятилетки для записи былин» [Сказитель Конашков 1948: 12]. По поводу П. И. Рябинина-Андреева сведения сообщает К. В. Чистов, которому «приходилось слышать его много раз в Ленинграде и в Петрозаводске. Он был в числе тех скази-

телей, которых мне удалось услышать еще в школьные годы. Я встретился с ним впервые на вечере в 1936 году, когда учился в девятом классе, потом встречал его в студенческие годы — он приезжал неоднократно в Ленинград и пел былины в университете, в Доме писателей, в Институте русской литературы, в Доме пионеров» [Чистов 1980: 102–103]. Что касается М. М. Коргуева, то «в 1936 году сказочник по приглашению карельских фольклористов приезжает в Петрозаводск, а затем по приглашению А. Н. Нечаева — в Ленинград. <...>. В 1937 году он выступал в Карельском издательстве, в Доме народного творчества; в феврале того же года он принимал участие в декаде Карельского искусства в Ленинграде; был участником Первой Всекарельской конференции мастеров народного искусства в Петрозаводске в 1939 году» [Сенькина 2012: 82].

В Научном архиве Карельского научного центра РАН имеется ряд уникальных документов, характеризующих работу КНИИК с носителями фольклорной традиции. Так, один из них представляет собой «Перечень расходов о поездке сказителей-орденоносцев в Москву» в феврале 1939 года. В нем содержатся сведения о покупке железнодорожных билетов не только до Москвы, но также из Ленинграда в Москву, из Ленинграда в Петрозаводск (видимо, поездка имела сложный маршрут); учитываются затраты на питание (в том числе обеды в Гранд-Отеле) и проживание; посещение киносеансов и циркового представления; оплата такси, метро и трамвая; подача телеграмм; приобретение справочной литературы и газет; покупка папирос; выдача наличных.

Весь комплекс активной работы со многими исполнителями фольклорных произведений в Карелии реализовывался в предвоенное время. А их разнообразные поездки, безусловно, принадлежат к числу интереснейших моментов в истории фольклористики.

Литература

Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы фольклористики Карелии. Петрозаводск, 2012.

Сказитель Конашков. Петрозаводск, 1948.

Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980.

Подготовлено в рамках выполнения госзадания Карельского научного центра РАН.

Степанова Юлия Николаевна

аспирант, кафедра языкознания и литературоведения,
Тюменский государственный университет;
yuliya-stepanova-979@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ДИСКУРС В ПРОЗЕ Е. Д. АЙПИНА 1980-Х — НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ

Ключевые слова: Е. Д. Айпин, повесть, роман, фольклорный дискурс.

Проза Е. Д. Айпина характеризуется сочетанием элементов синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества. Отсюда следует неосознанное сочетание у Е. Д. Айпина различных дискурсов в одном тексте, например, фольклорный дискурс, публицистический дискурс и др. В повестях «В тени старого кедра» и «Я слушаю Землю» и романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Е. Д. Айпина используются такие фольклорные жанры, как сказка, сказание, легенда, предание, загадка, примета, обрядовая песня.

Миф и сказка связаны в угорской культуре. Е. М. Мелетинский называет архаические сказки одной из первой форм сказок, которые он определяет «как нестрогие мифы, учитывая, что они включают мифологические представления» [Мелетинский 2000: 41–42]. Сказки, включенные в текст Айпина «Я слушаю Землю», имеют черты архаической сказки. В мифе-сказке «Луна-Человек» есть признаки как сказки, так и мифа. Признаками сказки являются использование традиционных формул (инициальная формула существования героя «жил»; «долго ли, коротко ли») и повторы действий (три раза герой пускается в путь). В данной сказке наблюдаются также оппозиции земля/потусторонний мир и земля/небо и метаморфозы героев (муж превращается в Луну, жена становится Солнцем), что присуще мифам.

В повестях и романе Е. Д. Айпина используются приметы. Первая часть примет связана с небесными объектами (мама Романа рассказывает о том, что нельзя указывать пальцем на Старика Месяца, потому что заболит палец), а вторая часть примет — с животным миром (отец рассказывает Микулю примету о медведях, в которой говорится, что необходимо обращать внимание на уши, когда охотишься на них; в романе упоминается примета о вое собаке, сопровождающая всю сюжетную линию). В приметах отражается восприятие бытия хантами как бесконечного движения. В повести «Я слушаю Землю» главный герой напоминает сестре старинную примету, в которой говорится, что если наступить кому-то на пятку, то пойдешь через год с этим человеком по той же тропе. Возвращения на определенные места имеет циклический характер, он обусловлен кочевым образом жизни, где физическое движение происходит по определенному маршруту в ритме отправления-возвращения, которые связаны со сменой времен года [Головнев 2012: 38].

В текст «Я слушаю Землю» введены загадки. Считается, что в педагогике младописьменных народов они имеют дидактическую сущность, которая заключается в описании макро- и микрокосма определенного этноса [Пермяков 1988: 201]. В повести Айпина описана характерная ситуация рассказывания загадок: вечером дети собирались в доме старца Ефрема, чтобы послушать загадки, сказки, легенды. Старец рассказывает две загадки, обе построены на метафоре, связанной с флорой, фауной и ландшафтом тайги. В первой хвост зверя сравнивается с тропинкой, во второй валежина сравнивается с носом, а пространство с двух сторон с глазами.

Роману «Ханты, или Звезда Утренней Зари» предшествует рассказ о Вверх Ушедшем Человеке. Автор не обозначает жанровую принадлежность этого рассказа, поэтому возникает сложность в его определении. Текст имеет жанровые признаки легенды, так в нем фантастически осмысляются события, связанные с миром людей и богов, в его основе лежит представление о чуде (восхождение на Небо), воспринимаемом как достоверность, происходящее в сознании главного героя связано с прошлым, настоящим и будущим [Зуева 2001: 433].

В повести «В тени старого кедра» отец рассказывает Микулю предание о священном месте, где когда-то жили боги. В нем тоже фигурируют два пространства: Средний и Верхний миры.

Отец вспоминает: старые люди рассказывали, что боги ушли к Нум-Торыму, а людям оставили землю, чтобы они эти места заповедные берегли. В данном предании отражены основные заповеди жизни в тайге: не трогать растения, не тревожить зверей, птиц и рыб без нужды. Так фольклорный жанр отражает контраст мифологического и настоящего времени: обилие популяции животных, птиц, рыбы в давние времена и их сокращение в сегодняшние дни.

В романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Демьян вспоминает, как рассказывал Марине об обряде Пляска Медведя, который устраивают для того, чтобы душа медведя после его смерти вернулась обратно в тайгу и обратилась медведем снова. Герой подробно описывает этот обряд, его частью являются обрядовые песни о хантыйских мифах. Тексты мифов-песен не включены в роман, но главный герой обозначает их названия и рассказывает сюжеты некоторых песен. В обряде Пляска Медведя описано исполнение первой песни, с помощью которой певец пытается разбудить Медведя. Певец надевает берестяную маску, что олицетворяет спящего Медведя: как только кепка на его голове отодвигается — значит он проснулся. Эта часть исполнения обряда акцентирует внимание на слиянии певца и Медведя, то есть певец воспроизводит его действия. Демьян отмечает, что без этих мифов-песен обряд не устраивают, так как они описывают представления о хантыйском Космосе: происхождение Земли и людей, Солнца и Луны, зверей, птиц и т. д..

Использование фольклорных текстов в повестях для детей «В тени старого кедра», «Я слушаю Землю» и романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» имеет разное функционирование. Функции фольклорных текстов в повестях: 1) воспитательная, то есть формирование качеств национального характера: уважение к предкам, ощущение родственности со всеми существами Вселенной; 2) познавательная, то есть формирование знаний о строении Вселенной; 3) этическая, то есть формирование знаний о нормах поведения в тайге, бережного отношения к природному миру. В романе функция фольклорных текстов становится сюжетобразующей.

Литература

- Головнёв А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. 608 с.
- Зуева Т. В.* Легенда // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. С. 432–434.
- Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе: учебное пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». М., 2000. 169 с.
- Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988. 235 с.

Двинятин Федор Никитич

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
f.dvinyatin@spbu.ru

ЛЕНОРА: БЮРГЕР — ПУШКИН — НАБОКОВ

Ключевые слова: Г. А. Бюргер, Пушкин, Набоков, Евгений Онегин, комментарий.

В 2024 году исполняется 225 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, 125 лет со дня рождения Владимира Владимировича Набокова и 250 лет первой публикации баллады Готфрида Августа Бюргера «Ленора», сыгравшей огромную историко-литературную роль [Voegner 1986]. Один локальный сюжет объединил три имени. Комментарий Набокова к «Евгению Онегину» [Nabokov 1964] Пушкина сыграл важную роль в писательской судьбе самого Набокова (конечно же, неслучайно его роман «Pale Fire», написанный вскоре после завершения работы над комментарием и изданный раньше припозднившегося издания «Онегина» — 1962 и 1964 соответственно — состоит из стихотворного текста и прозаического, преимущественно подстрочного, к нему комментария, а романы «Лолита» и «Ада» включают подтексты, относящиеся к Пушкину и околопушкинским темам), так и в истории комментаторской практики (специфику набоковского подхода могут оценивать по-разному, но в целом, как кажется, исходят из того, что удельный вес разделов и отдельных замечаний, относящихся к интертекстуальным параллелям и к поэтике текста, у него выше, чем в традиционном академическом комментарии и в комментарии «лотмановского» типа).

Комментирование строк: *Какъ часто, по скаламъ Кавказа / Она Ленорой, при лунь, / Со мной скакала на конь!* — не лишено трудности: почему поэт / нарратор выступает здесь в роли спутника Леноры, то есть фактически мертвеца и как будто будущего губителя своей музыки? Возможны три группы «явных» объяснений казуса Леноры. Согласно первой, главное в контексте — отсылка к Кавказу, его посещению Пушкиным в 1820, переключки с «Кавказским пленником» (на это обращал внимание, например, П. И. Бартнев). По второй группе объяснений, важнее всего роль баллады «Ленора» в судьбах русского романтизма, романтический период творчества Пушкина, признание ученичества у Жуковского (это уверенно подчеркивал П. Б. Струве). Третий слой связан с сюжетом «Леноры» и фигурой мертвого жениха (тут предполагал основной смысл В. С. Непомнящий; кстати говоря, зловещая атмосфера «Леноры» и мотив гибели юной героини могли привлечь внимание Э. А. По, у которого к этой балладе восходят ономастикон и мотивика некоторых стихотворений, а Набоков воспринимал «Ленору» в том числе в соотношении с ее прочтением у По).

Набоков осторожно предположил, что для Пушкина могла иметь значение картина виселицы — в связи с судьбой пяти декабристов (*I have often wondered why Pushkin chose to identify his Muse with that frightened girl, and although no doubt his choice may be understood as an acknowledgment of the romanticism that used to tinge his early inspirations, one is tempted to decipher the figures of five spectral Decembrists dangling from those gallows by the autobiographical road over which he swiftly passes in his retrospective fancy of 1829*). Возможны, хотя и менее вероятны, и другие объяснения (бурлескное начало в «Онегине» или размытость семантики ключевого имени).

В своем комментарии к четвертой строфе Осьмой главы, откуда взяты строки о Леноре, Набоков уделяет наибольшее значение двум аспектам, и другим, наряду с Ленорой, оказывается структура звуковых повторов («аллитераций», как он сам это называет).

Ответственный редактор: д-р филол. наук Е. В. Хворостьянова.

Действительно, звуко-смысловая организация строфы великолепна, и Набоков отметил ее еще в стихотворении, опубликованном в 1955 (*I analyze alliterations / That grace your feasts and haunt the great / Fourth stanza of your Canto Eight*). Для комментатора она заслоняет и такие, наглядные и имеющие историческую либо смысловую мотивировку особенности строфы 8, IV, как обилие оборотов с преименным родительным беспредложным, повышенная роль личных местоимений, все более активная от конструкции к конструкции синтаксическая и смысловая роль Музы, мотивное поле множественности и серийности, доминирование метонимических переносов.

Справедливо подчеркивая ведущую роль повторов на А, Л, С, З, К (ЛАСКовая... уСЛАЖ-даЛА... АСКАЗА... СКАЛАм КавКАЗА... СКАКАЛА и др.), Набоков опускает другие, менее серийные, но зачастую и более сильные (НЕМОЙ — НЕМОлчнЫЙ, МГЛЕ НОЧНОЙ — НЕМОЛЧнЫЙ, тут же может быть отмечена и нетривиальная вокалическая структура строфы). К числу таких повторов относится и ЛеНорой — ЛуНе. Самая устойчивая часть сюжета о мертвом женихе [Созонович 1893; Bryan 2017] в разных традициях — спаянная сильной звуко-смысловой связкой зловещая и эффектная приговорка типа «месяц светит, мертвец едет»; например, в разных германских языках и диалектах, в том числе по данным публикаций XIX века: *mánnin líðr dauðinn riðr*; *De Mond de schynt...* *De Doden ryet*; *mondlicht blinzet todter grinzet*; *the moon glides, death rides...* (в этом, помимо прочего, проявляется амбивалентная ориентация «Леноры» на устную и на литературную традиции; литературная генеалогия «Леноры» проявляется, например, в давно отмеченном влиянии И. К. Гюнтера, к которому почти наверняка восходит имя главной героини [Imelmann 1879] и, вполне возможно, метрико-строфическая организация баллады). Связка *на коне — при луне — Ленорой*, где первый и второй элементы объединены устойчивой рифмой, а второй и третий — окказиональной паронимазией, представляется очень прочной: Ленору могло «навевать» скачкой при луне: и сюжетом, и звуковым повтором; так объединяются две главных темы комментария Набокова к этой строфе.

Литература

- Созонович И. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзии, европейской и русской. Варшава, 1893.
- Boerner P. Bürger's ballad *Lenore* in Germany, France and England // *Sensus Communis. Contemporary trends in comparative literature*. Tübingen, 1986. P. 305–311.
- Bryan E. The Moon Glides, Death Rides: Pejoration and Aborted Otherworldly Journeys in “The Dead Bridegroom Carries Off His Bride” (ATU 365) // *Intégrité*. Vol. 16 (2017), no. 1. P. 13–30.
- Eugene Onegin. A Novel in Verse by Alexander Pushkin. Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. In 4 vols. New York, 1964.
- Imelmann J. Zu Herder und zu Bürger. 2. Der Name von Bürgers Lenore // *Die Grenzboten*. Jg. 38 (1879). Bd. 1. S. 277–280.

Каракуц-Бородина Любовь Анатольевна

канд. филол. наук, доцент,
Башкирский государственный медицинский университет;
karakuz@list.ru

НАВОКОВ SIMULATED: ПРОЗА НАБОКОВА В ИСПОЛНЕНИИ НЕЙРОСЕТЕЙ

Ключевые слова: нейросети, Набоков, стиль.

Интерес к генерированным текстам идет на спад: на смену стремлению развлечь публику приходит использование нейросетей в качестве удобного инструмента для решения типизированных интеллектуальных задач.

Предметом любопытства остаётся взаимодействие ИИ и художественной литературы. Важно, что тексты, получающиеся на выходе, воспроизводят часть стилистических особенностей обучающей выборки [Orekhov Fisher 2020: 243].

Произведения Владимира Набокова — идеальный объект для нейросетевого текстопорождения. Во-первых, до сих пор остается загадкой, как сделаны произведения Набокова, и можно ожидать, что отдельные черты стиля черты в «снятом» виде воспроизведёт нейросеть. Во-вторых, Набокову присуща некоторая бессюжетность, а значит, можно предполагать, что продукция нейросети будет правдоподобно отражать набоковский стиль, ведь главное, в чем нейросети проигрывают писателям, — сюжет. Наконец, сама атмосфера игры, мистификации, сопровождающая фигуру Набокова, располагает к подобному эксперименту.

Приведем некоторые результаты.

1. Рекуррентная нейронная сеть LSTM (июнь 2021; материалы Б. Орехова).

Она сама завершила его на постели, он поднялся к столу, полным красным признаком искал белый перед собой и пригласил глазами обратно на колени, как могло быть потом как бы насквозь призрачность попросилась еще невеста, но после обеда поздно было совсем потакта на двор <...>, и вдруг сказал: „Да, не могу быть, когда он понимает“. Слова здесь — результат обобщения распределения отдельных символов; отсюда окказионализмы.

2. Нейросети на основе архитектуры Transformer.

а) RuGPT-3 XL (июль 2021; при подаче на вход фразы «Роман Набокова «Смотри на Арлекинов»», а затем последней фразы генерированного фрагмента; материалы Б. Орехова): *Она улыбнулась шире широко открыв свои прекрасные зубы, и затем быстро повернулась ко мне спиной через перила веранды своего дома, так резко повернувшись, чтобы посмотреть куда идет моя жизнь. Я стоял внизу среди цветущих кустов сирени вдоль бульвара между двумя рядами кирпичной стены моего нового магазина для туристов во время грозы — видим типичные для Набокова сложные синтаксические конструкции с разнотипной связью.*

б) «Порфирьевич» (GPT-2; октябрь 2022, при подаче начальной фразы «Лолиты»): *Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Ничего кроме оральных ласк я не могу дать тебе, но я уже почти не молод. Если хочешь увидеть другого мужчину, убеди его зайти в — исходному тексту отвечает тематика продолжения.*

в) «Балабоба» (Яндекс YaLM; декабрь 2022, при подаче начальной фразы «Лолиты»): *Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя. Лолита: кончик языка совершает путь в три шажка вниз по нёбу, чтобы на третьем толкнуться о зубы. Л-о-л-и-т-а. Я не могу сказать ничего другого. Не знаю, почему этот текст вдруг зазвучал и стал для меня жизненно важным. Может быть, потому что я давно и безуспешно ищу этот звук, этот ритм, эту вибрацию, которые делают мою речь живой и настоящей. А может быть, это просто совпадение. Но так или иначе, я пишу это для тебя. Для тебя, Лолиты, моей души — нейросеть сначала точно цитирует оригинал, а затем имитирует стиль (парцелляции, бессоюзие).*

г) ChatGPT (декабрь 2023; задание «Напиши рассказ в стиле Набокова»):

Это была апрельская ночь, пропитанная запахом дождя и черного лака. На столе простерлась книга в коричневом переплете, словно пристенью доцепилась к поверхности деревянной плиты. Изящно украшенные буквы тихо бормотали свое волшебство, прежде чем устремиться к дальним мысленным просторам. <...> Так я блуждал по паутинах своего воображения, вдыхая и выпуская запахи и оттенки минувших мгновений, словно предвкушая аромат далеких роз на плечах ночи <...>.

Но, как и в жизни, всему наступал финал. Последнее слово на странице стало последней нотой в симфонии предложений. Оно унесло меня в настоящий мир, где косвенно находилось лишь то, что запечатлено — здесь узнаваемы тематика, метафоры, окказионализмы; есть зачатки сюжета.

д) ChatGPT (январь 2024; задание «Напиши рассказ В. Набокова «Призрак»»): Мне всегда было трудно описывать свои детские впечатления <...>. Но вот история, которую я сейчас расскажу, словно застыла в моей памяти <...>. Было это лето моего седьмого года. <...> Однажды, когда я гулял по берегу, вдруг увидел странный лифт. <...> Я поднялся на самый верх и оказался в небольшой крохотной квартирке. Я осторожно вошел в нее и немного разглядывал окружающее, когда услышал чей-то голос. — Кто ты?— спросил он. Я обернулся и увидел мальчика примерно моего возраста. <...> Однажды, когда я вновь пришел в гости, Владимира не оказалось на месте. Лифт вел меня в пустую квартиру, никаких следов его не было <...>. Стражник перевел взгляд на меня и вдруг побледнел. — Вы что-то не так выглядите, — сказал он. — Никто не живет в этом доме уже очень давно. А Владимир, мальчик, который жил в этой квартире... Это был единственный выживший из его семьи <...>. С тех пор я ни разу не видел Владимира, но я часто вспоминаю о нем. Возможно, это было всего лишь мое детское воображение, но я знаю одно — в тот день я повстречал настоящего друга, который навсегда останется в моем сердце. Здесь очевидны лексические сигналы полноценного нарратива; несложный, но полноценный сюжет.

Бестселлеры от ИИ эксперты обещали к 2050-м годам [Grace et al. 2018]. Кажется, дело идет гораздо быстрее. Однако научная интерпретация результатов этих экспериментов, вероятно, будет непростой задачей.

Литература

- Grace K., Salvatier J., Dafoe A., Zhang B., Evans O. When Will AI Exceed Human Performance? Evidence from AI Experts// Journal of Artificial Intelligence Research. 2018. Vol. 62. P. 729–754.
- Orekhov B., Fisher F. Neural reading. Insights from the analysis of poetry generated by artificial neural networks// Orbis litterarum. 2020. Vol. 75, no. 5. P. 230–246.

Лалетина Ольга Сергеевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
olalet@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ РИФМЫ В. В. НАБОКОВА В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИКИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Ключевые слова: В. В. Набоков, русская поэзия, русский стих, русская рифма.

Вопрос о специфике рифменного репертуара В. В. Набокова в контексте русского стиха XIX–XX вв. в настоящее время далек от разрешения. В обобщающей работе «Русский стих Набокова» Дж. Смит на материале отдельных выборок пришел к выводу о традиционности фонетики и грамматики рифмы Набокова, ее «старомодности», ориентированности на рифму русской поэзии XIX в. [Смит 2002: 109–110]. Проблема лексического своеобразия рифмы Набокова разработана еще меньше. Первые исследования в этой области были предприняты Л. В. Павловой и И. Р. Романовой, которые подготовили словарь цветообозначений, стоящих на рифменной позиции в поэзии Набокова, и охарактеризовали их «тематический ореол», определив, «какие с точки зрения тематики рифмующие слова попадают в пару к цветообозначениям»; анализ рифм Набокова в контексте русской поэзии XIX–XX вв. в задачи работы не входил [Андреев, Павлова и др.: в печати].

Очевидно, что наиболее серьезной причиной, препятствующей подготовке комплексного многоаспектного описания рифмы Набокова, является отсутствие необходимых справочных изданий — научного словаря рифм, конкорданса к стихотворным произведениям, словаря поэзии и словаря языка писателя. К настоящему времени в СПбГУ подготовлен полный электронный перечень словоформ стиховых окончаний рифмованного и безрифменного стиха Набокова. На основе этого перечня нами были выявлены 30 наиболее частотных имен существительных, стоящих на рифме в стихотворных текстах Набокова; подчеркнем, что зафиксированы не наиболее употребительные грамматические формы слов, а леммы (о необходимости и перспективности дифференцированного описания лемм и словоформ в ходе исследования русской рифмы см.: [Лалетина, Хворостьянова 2024]).

Частотные рифмующиеся существительные в поэзии Набокова семантически достаточно однородны (речь идет не о контекстуальных, а об узуальных значениях): прежде всего, это слова, которые характеризуют мир, — время (день, ночь, год, весна) и, в наибольшей степени, — пространство. Оно чаще всего описывается с помощью лексем, называющих природные объекты (земля, вода, река, цвет (в значении ‘цветок’), волна, облако, лес и др.); поименованиями рукотворных объектов являются леммы окно, стена и сад; лемма рай определяет пространство метафизическое. Показательно, что среди частотных лемм нет непосредственных характеристик звуков, но не раз встречаются обозначения образов, доступных визуальному восприятию (так, помимо слов *тень, свет, луч* в список вошли несколько наименований источников света — *луна, огонь, звезда*). Человек, напротив, охарактеризован небольшим числом лемм: из телесных характеристик присутствуют только *рука и глаз*, внутренний мир, чувства, состояния описаны словами *душа, сон, любовь, мечта*. Из общего ряда лексем, группирующихся вокруг пары «человек — мир», выпадает лишь лексема *бог* — второе наряду с лексемой *душа* обозначение потенциального субъекта действия и единственное в списке одушевленное существительное. Как видно, среди частотных существительных нет «уникальных», легко опознаваемых именно в качестве набоковских слов; более того, мир и герой охарактеризованы этими лексемами предельно условно и общо. С помощью частотных существительных рифма, таким образом, акцентирует внимание на плане универсального, вневременного, вечного.

К сожалению, данные по частотности рифмующихся слов большинства русских поэтов еще не собраны, поэтому корректный сопоставительный анализ рифменных репертуаров Набокова, его предшественников и современников остается делом будущего. На настоящем эта-

пе исследования в качестве сравнительного материала может быть использована статистика В. С. Баевского, который проанализировал 33 частотных словаря русской поэзии XVIII–XX вв., определил в каждом из словарей 30 наиболее частотных существительных и описал их в синхроническом и диахроническом аспектах: с одной стороны, выявил «общепозэтический слой лексики», концентрирующий основные темы стихотворных текстов, с другой — наметил эволюцию тематического репертуара, выделив слова, определяющие специфику творческих индивидуальностей, направлений и эпох в истории русской поэзии; дифференцированных подсчетов по рифме в работе исследователя нет [Баевский 2001]. Сравнительный анализ статистики демонстрирует, что Набоков отчетливо противопоставлен А. С. Пушкину: лишь 8 из 30 частотных рифмующихся существительных поэзии Набокова входят в число наиболее употребительных существительных пушкинских текстов (меньше совпадений с Набоковым дают только словари А. С. Грибоедова и К. Ф. Рылеева); из числа авторов XIX в. наиболее близки поэту неоромантики — Ф. И. Тютчев и А. А. Фет: с их словарями перечень частотных рифмующихся существительных поэзии Набокова объединяют, соответственно, 14 и 15 лексем. Вместе с тем 9 из 30 рифмослов стиха Набокова (почти треть) не встречаются в перечнях частотных существительных поэзии XIX в.

Со словарями авторов Серебряного века частотные существительные поэзии Набокова дают в целом больше «пересечений» (так, со словарем блоковских «Стихов о Прекрасной Даме» совпадает 16 лексем, поэзии К. Д. Бальмонта 1894–1903 гг. — 15, сборников «Вечер» и «Anno Domini MCMXXI» А. А. Ахматовой — 13). Показательно, что лишь 3 из рассмотренных существительных поэзии Набокова не находят совпадения в частотных словарях русских авторов начала XX в. Из числа поэтов более позднего периода, который В. С. Баевский именует «железным веком», Набокову ближе всего те, кто выступает хранителями и продолжателями Серебряного века, — М. Петровых и Г. Иванов (стихи 1943–1958 гг.).

Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что существительные, стоящие на сильной рифменной позиции, теснее связывают Набокова с авторами XX в., в первую очередь, с символистами и акмеистами, а также отличают его от предшественников, в частности, от поэтов пушкинского времени. Тем самым первые результаты исследования лексики рифмы в контексте лексического состава русской поэзии ставят под сомнение тезис о сознательной ориентации Набокова на традиции начала XIX в.

Литература

- Андреев В. С., Павлова Л. В., Романова И. В., Королькова А. В. Любовь моя разноцветная база данных «Цветонаименования в лирике Владимира Набокова» (в печати).
- Баевский В. С. Темы и вариации русской поэзии XIX–XX вв. // Баевский В. С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М., 2001. С. 192–217.
- Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. Леммы и грамматические формы стиховых окончаний поэзии М. В. Ломоносова // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXVIII. Материалы XXVIII чтений памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXVII». СПб., 2024 (в печати).
- Смит Дж. Русский стих Набокова // Смит Дж. Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002. С. 95–115.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, проект № 92565342.

Хворостьянова Елена Викторовна

*д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
ekhvorost@mail.ru*

РИФМА В. В. НАБОКОВА: К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ФОНИЧЕСКОГО АСПЕКТА РИФМЫ XX ВЕКА

Ключевые слова: В. В. Набоков, русская поэзия, русский стих, русская рифма.

В современном стиховедении отчетливо сложилось общепринятое представление об общем направлении эволюции русского стиха, берущее свое начало с первой фундаментальной монографии В. М. Жирмунского [Жирмунский 1975: 235–430]. Так, с точки зрения грамматики русская рифма на раннем этапе своего развития является преимущественно однородной грамматической, в поэзии романтиков все более становится однородной неграмматической, затем — разнородной, предполагающей рифмовку разных частей речи. С точки зрения звукового строения она эволюционирует от первоначальной фонетической и орфографической точности к установке на приблизительное звуковое совпадение. Этот процесс позднее был описан М. Л. Гаспаровым как многоэтапный, характеризующийся чередованием периодов стабилизации и периодов кризиса, характеризующихся появлением новых («аномальных») созвучий [Гаспаров 1984: 13–14]. Второй кризис русской рифмы приходится на 1900–1935 гг. Именно на это время приходится разрушение сложившегося во второй половине XIX в. узуса рифмовки, который активно разрушают в первую очередь символисты и акмеисты. «Наиболее влиятельными экспериментаторами» Гаспаров называет Брюсова и Блока [Гаспаров 1984: 13].

Как известно, В. В. Набоков, обретший мировую известность в качестве прозаика, начинал свой путь в литературу как поэт, причем в эмиграции нередко переходя в прозе на английский, оригинальные стихи продолжал писать на русском языке. Первые сборники его стихов приходятся на период второго кризиса русской рифмы, однако и в целом стих Набокова характеризуется исследователями как «консервативный», ориентированный на классические традиции пушкинской эпохи [см.: Смит 2002: 115; Федотов 2010: 112], что же касается рифмы, то с точки зрения ее звукового строения она — по словам Дж. Смита, демонстрирует, что здесь поэт еще «консервативнее, чем где бы то ни было» [Смит 2002: 110] (т. е. нежели в метрике, ритмике и строфике). Это искаженное представление о рифме Набокова отчасти объясняется использованием в подсчетах лишь выборок из сборников его стихов («по сто женских рифм» [Смит 2002: 109]), с другой стороны — культивированием поуровневого анализа стиха. Так, говоря о консерватизме или экспериментальных тенденциях в стихе того или иного поэта, исследователи — как правило — раздельно описывают метрический, строфический, рифменный репертуар, почти не прибегая к корреляционному анализу. В случае рифмы такой подход не только тормозит разработку научно корректной типологии русской рифмы, но и препятствует обнаружению качественно новых рифменных новаций.

Фронтальный обзор всех доступных к настоящему времени стихотворных текстов Набокова позволил установить, что вопреки утверждению Дж. Смита о том, что «во всех стихах Набокова есть лишь одна неточная рифма, “доска — небеса”» [Смит 2002: 111] (речь идет о мужских открытых рифмах с несовпадением опорных согласных), их не только много, но они еще и довольно разнообразны. Например, среди открытых мужских рифм находим: «ищу — черчу», «скрипя — мгла», «говорю — люблю», «горячо — еще», «нахожу — красоту», «могу — одну» и др. Среди мужских закрытых немало рифм с «пополнением» (т. е. добавлением еще одного согласного) или «меной» (т. е. финальный согласный меняется на другой): «краям — ямб», «надоест — навес», «чуж — дрожит», «восковой — разговор» и др. Еще более разнообразны женские рифмы, где помимо частотных «йотированных» («белой — тело» и т. п.), нередки случаи «пополнения», «усечения» (причем не только конечного согласного, но и в группе конечных согласных): «исчезнет — бездне», «апостол — просто», «Господня — поднял», «оставим — цветами»,

«месяц — предместье», «глазом — алмазах», «сиянье — нанял» и др. Наконец, одним из ярких открытий эпохи второго кризиса является использование неравносложных рифм. В учебной и справочной литературе обычно приводятся подобного рода рифмопары из поэзии В. Я. Брюсова и В. В. Маяковского. Однако у Набокова находим неравносложные рифмы, различающиеся не только на 1 слог (например, женское окончание рифмуется с дактилическим): «вещи — мерещится», «некуда — человеку», «око — кривобокою», «России — силимся»; но также на 2 слога (женское окончание рифмуется с гипердактилическим): «чистый — неистовствовал», «как их — Акакиевич».

Необходимость использования корреляционного анализа при описании рифмы становится особенно очевидной в тех случаях, когда одна и та же словоформа (предполагается, что в разных контекстах она требует однозначного фонетического воспроизведения) в разных рифмопарах порождает как точную или приближительную, так и неточную рифмовку, делая проблематичным выявление узуса рифмовки. Это особенно важно, поскольку нередко лингвисты выводят орфоэпические нормы эпохи, исходя из анализа рифмы. Проблематичность такого подхода становится особенно очевидной при обращении к словарям рифм. Так, например, у М. В. Ломоносова слово «Бог» предполагает использование на рифме только графически тождественного окончания («Бог — рог», «Бог — залог», «чертог — Бог»), хотя слова с аналогичным окончанием используют в заударной позиции «к» («подлог — мог», «немог — уголок»), несмотря на то, что в пореформенную эпоху литературная норма предполагала звучание «г» не взрывного, а фрикативного и его переходом в заударной позиции в «х». У А. С. Пушкина лишь в одном из 13 случаев «Бог» рифмуется с заударным «к» («венок — бог»). У Набокова мы находим все три способа рифмовки: «тревог — бог», «Бог — цветок», «неплох — Бог».

Литература

- Гаспаров М. Л.* Эволюция русской рифмы // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 3–36.
- Жирмунский В. М.* Рифма, ее история и теория // Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975. С. 235–430.
- Смит Дж.* Русский стих Набокова // Смит Дж. Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002. С. 95–116.
- Федотов О.* Поэзия Владимира Набокова-Сирина. Ставрополь, 2010.

Юй Цзюньтао

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st120893@student.spbu.ru

КРИТИКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА О СТИХЕ: ПОЭЗИЯ ТЕРАПИАНО

Ключевые слова: критика, стих, Юрий Константинович Терапиано, ритм, строфика.

Критика первой половины XX века не обходила вниманием стиха Ю. К. Терапиано, одного из значительных представителей парижских молодых поэтов. В качестве рецензентов стихотворений Ю. Терапиано выступали представители разных литературных кружков, эстетических, а в ряде случаев и идеологических установок (З. Н. Гиппиус, В. Ф. Ходасевич, Г. В. Адамович, В. В. Набоков, Г. П. Струве, Ю. П. Иваск, П. М. Пильский, Ю. П. Трубецкой, Л. Н. Гомолицкий, Л. Д. Червинская, И. В. Одоевцева и др.). Количество критических текстов или фрагментов, посвященных поэзии Терапиано, немало.

Одной из отличительных характеристик рецензий на его стихи является цитирование отдельных фрагментов или даже стихотворных строк, которые трактуются в качестве прямой декларации автора. Так, например, Пильский интерпретирует строку «Кто понял, что стихи не мастерство» в качестве «почтенного признания», которое звучит особенно достойно на фоне распространенного ныне снобизма, «сочиненного» «человеческим бесплодием» [Пильский 1935, 5]. Иную интерпретацию предлагает Адамович, по словам которого эта «программная строка» свидетельствует об «упорной, трудной и глубокой» внутренней работе, и в целом у Терапиано «мастерство остается как средство, но перестает быть целью» [Адамович 2015, 293]. Несмотря на столь разные трактовки, в этих интерпретациях прослеживается общая мотивировка: вхождение в литературу и Пильского, и Адамовича происходит в эпоху сознательных поэтических экспериментов (метрических, ритмических, строфических, рифменных, клаузульных), а потому именно с экспериментальным началом для значительной части поэтов и критиков связано понятие «мастерства». Однако у самого Терапиано эта формула отсылает к общей концепции ряда религий мира, в которых мастерство не только не является импульсом к созданию произведения, но и противопоставлено вдохновению; последнее обычно рассматривается как «дар богов». В самом стихотворении вдохновляющая энергия связана не с любовью, а с ненавистью. В этом смысле справедливо замечание Иваска о том, что поэту «удавались прерывистые “дольники” (паузки), но вообще он чуждался всякого экспериментирования в поэзии» [Иваск 2003, 368].

Рецензии на стихи Терапиано отличает еще одно общее свойство: почти все они пренебрегают рассмотрением лирического сюжета. Критики активно оценивают звуковую организацию стиха (Трубецкой, Адамович), ритмику (Одоевцева), композиционную завершенность текста (Адамович), возможную ориентацию на предшественников (Струве, Ходасевич, Червинская), наконец, творческий потенциал автора (Набоков, Ходасевич, Струве), однако сюжет остается вне их поля зрения. Показательным примером тому является отзыв Адамовича на первый сборник стихов Терапиано «Лучший звук». Так, например, третью строфу стихотворения «В пятницу» он рассматривает как поиск поэта «скорее звука и бряцания», нежели «внутренней спаянности стиха» [Адамович 1998, 24]. Между тем, в основе стихотворения лежит вполне прозрачный сюжет из жизни пророка Муххамета, а «несуществующее» имя Эльмонталеб опыт русско/французской передачи имени деда Муххамета по отцу — Абд аль Мутталиб (персидский и арабский «префикс» «аль» чаще по-русски передавался как «эль»).

Как известно, критика в качестве научной дисциплины начинает формироваться еще в XIX веке в рамках культурно-исторической школы, становясь позднее одной из основных литературоведческих дисциплин. Современная стиховедческая парадигма берет свое начало с работ 1910-х — 1920-х годов: А. Белого, Б. В. Томашевского, В. Я. Брюсова, Г. А. Шенгели, В. М. Жирмунского, Л. И. Тимофеева, Б. И. Ярхо и др. Большинство этих исследований были хорошо знакомы критикам и литераторам русского зарубежья. Между тем, даже в том случае, когда в рецензиях

на стихи Терапиано упоминается стиховедческая терминология («рифма», «строфа», «ритм», «композиция стиха» и т. п.), оценка любого текста поэта носит преимущественно не аналитический, а метафорический характер, мотивированный в одних случаях личными вкусовыми пристрастиями критиков, в других — личными отношениями с автором в сложной ситуации столкновения позиций разных групп русской литературной эмиграции.

Литература

Адамович Г. В. А. Яковлев. — «Лучший звук» Ю. Терапиано // Адамович Г. В. Литературные беседы. СПб., 1998. Кн. Вторая (Звено: 1926–1928). С. 20–25.

Адамович Г. В. «Память» И. Голенищева-Кутузова. — «Бессоница» Ю. Терапиано // «Последние новости»: 1934–1935. СПб., 2015. С. 289–295.

Иваск Ю. П. Юрий Терапиано // Письма запрещенных людей. Литература и жизнь в эмиграции. 1950–1980-е год. М., 2003. С. 367–370.

Пильский П. М. Бессоница. Новая кн. Стихов Ю. Терапиано // Сегодня, 1935. № 71. С. 5.

Бушканец Лия Ефимовна

*д-р филол. наук, профессор,
Казанский федеральный университет;
lika_kzn@mail.ru*

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ МЕМУАРОВ ОБ А. П. ЧЕХОВЕ КАК АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Ключевые слова: мемуары, А. П. Чехов, комплекс источников.

Интерес к мемуарам в последние годы обусловил идею, которая сформировалась в Чеховской комиссии при Совете по мировой культуре РАН — создание полного собрания мемуаров о писателе.

Существует несколько типов изданий мемуаров. 1. Сборник в серии «Писатель в воспоминаниях современников» с аналитической вступительной статьёй, отбором наиболее авторитетных текстов, комментариями. Первые сборники воспоминаний о Чехове вышли уже вскоре после его смерти, поскольку популярность писателя была огромной. Первое научное издание вышло в 1947 г. (дополненные издания вышли в 1956 и 1960 гг.) Огромную роль сыграла Н. И. Гитович, которая всю жизнь собирала мемуары о Чехове, разыскивала современников, записывала их устные воспоминания. Тексты располагались в соответствии с биографией писателя. В текстах были сделаны купюры, никак не обозначенные. В разные годы исчезали то упоминания о Ф. Достоевском, то критические высказывания Чехова о русском народе. В издание 1986 г. были включены новые тексты, восстановлены купюры, хотя в целом влияние цензуры осталось. 2. Еще один тип издания был задан В. Вересаевым: «Писатель в жизни». Чеховеды эту идею тоже осуществили: «Между тем именно чеховская жизнь <...> буквально напрашивается на подобную форму» [Сухих 2011: 1–2].

Несмотря на множество изданий, вряд ли можно назвать ситуацию с «мемуарным Чеховым» хорошей. Внимание привлекает несколько десятков источников, что само по себе ведет к научным просчетам. Так, многие любители литературы верят мемуарам Михаила Чехова, хотя в них есть множество ошибок и сознательных искажений: Михаил завидовал брату, считая себя талантливым и непризнанным писателем, что повлияло на созданный им образ [Иванова 2013: 115–135]. Публиковать надо всё: это воспоминания о Чехове около 400 авторов, им принадлежит более 700 текстов (не перепечатки и варианты, а разные воспоминания одного автора).

Весь этот огромный материал надо классифицировать. По каким основаниям?

Можно «пойти» по алфавиту авторов. Такой подход интересен тем, что лишает публикацию текстов «иерархичности» и преодолевает навязанную мемуарам оценку как правильных и неправильных.

Систематизация текстов «по авторам» может строиться по «временному» или тематическому принципу (члены семьи, гимназические и университетские приятели, литераторы, театральные деятели, случайные знакомые и пр.). И все же воспоминания обычно шире одной темы или охватывают большой временной промежуток.

Мемуары могут быть написаны в разных жанрах, так как разными были цели мемуаристов. Прежде всего, это документальные жанры. Мемуарист, сообщавший 1–2 эпизода, обращался к жанру заметки или письма в редакцию (например, кто-то был в толпе, когда Чехов гулял по набережной Ялты). Большая часть воспоминаний о Чехове написана в жанре документального

очерка или в жанре записок. Мемуары создавались в художественных жанрах. Например, воспоминания Александра Чехова сохраняют традиции «сценки» юмористических изданий 1880-х гг. О достоверности воспоминаний Л. Авиловой исследователи спорят постоянно, но решение проблемы невозможно без учета их жанра — повести. Важное место занимает литературный портрет. Отдельные воспоминания создавались в жанрах научной прозы: А. Лазарев-Грузинский написал мемуарное историко-литературное исследование (статья «Пропавшие романы и пьесы Чехова» 1914 г.). Есть и редкие жанры: мемуарный каталог-путеводитель по дому-музею в Ялте, мемуарные комментарии А. Амфитеатрова. На периферии комплекса находятся мемуарные свидетельства в дневниках, письмах и пр.

Однако систематизировать мемуары по вышеуказанным принципам сложно, так как есть множество пограничных ситуаций.

Наиболее продуктивным представляется издание в соответствии с временем создания мемуаров. Некоторые воспоминания появились уже при жизни Чехова. Смерть Чехова потрясла Россию — уже 3 и 4 июля, рядом с телеграммами из Германии, газеты печатали и некрологи, и первые воспоминания. В 1906–08 гг. новых воспоминаний появлялось мало, казалось, Чехов забыт и больше не нужен российскому читателю. Пики появления мемуаров связаны с юбилейными датами 1909 г., 1910 г. и 1914 г., которые вернули писателя в русскую литературу. Первая мировая война снова отодвинула интерес к Чехову, и до начала 1920-х гг. новые воспоминания почти не появлялись, а затем началось собирание материалов о дореволюционной России. Спустя почти 50 лет после смерти писателя были записаны рассказы М. Чеховой, что завершило формирование комплекса воспоминаний. А. Г. Тартаковский подчеркивал, что субъективная позиция мемуариста неотделима от положения автора в системе породившей мемуары действительности [Тартаковский 1980: 32–33]. Потому формирование комплекса мемуаров о писателе — это история формирования его литературной репутации.

Ещё одна проблема — объем комментария. В современном литературоведении комментариев к мемуарам иногда ставится самостоятельной книгой или рискует дублировать Летопись жизни и творчества.

Многие из отмеченных проблем может решить электронное издание.

Так в рамках комплекса источников преодолевается субъективность мемуарного текста. «Каждый видит то, что ему лично всего более сродни, и целостность изображения проступает лишь в совокупности впечатлений многих лиц, выдающихся писателей и более скромных, но добросовестных наблюдателей и поклонников, подчинившихся обаянию мощного таланта», — писал ещё в 1906 г. Ф. Д. Батюшков [Батюшков 1906: 36].

Литература

- Батюшков Ф. Д. А. П. Чехов по воспоминаниям о нем и письмам // На памятник А. П. Чехову: Стихи и проза. СПб, 1906. С. 3–38.
- Иванова Н. Ф. Михаил Павлович Чехов — первый биограф, первый мифолог // Проблемы писательской биографии: к 150-летию А. П. Чехова. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2013. С. 115–135.
- Сухих И. Н. Чехов в жизни. Сюжеты для небольшого романа. М.: Время, 2011. 414 с.
- Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980. 312 с.

Ван Цзысюань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st112874@student.spbu.ru

МЕТАФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В РОМАНЕ М. М. СТЕПАНОВОЙ «ПАМЯТИ ПАМЯТИ»

Ключевые слова: М. М. Степанова, «Памяти памяти», метафотографический текст, память, постпамять.

В романе-эссе М. М. Степановой «Памяти памяти. Романс» (2017), ставшем лауреатом премий «Большая книга» (2018), «Нос» (2018) и вошедшем в шорт-лист Международной Букеровской премии (2021), фотографические изображения получают вербальное описание (т. е. происходит текстуализация фотографии), что способствует установлению интермедийных связей литературы и фотографии. Подобный тип текста определяется как метафотографический текст (Marianne Hirsch, meta-photographic text).

Доклад посвящен анализу метафотографических текстов в романе «Памяти памяти». В работе с точки зрения эстетики фотографии исследуются вербализованные спонтанные и постановочные снимки в семейном альбоме писательницы; проводится анализ процесса вербализации аффилиативной постпамяти посредством публичной фотографии. В ходе исследования выявляются преимущества и недостатки использования приема текстуализации фотографии.

Вербализованные семейные фотографии, которые писательница помещает в отдельную главу «Некоторое количество фотографий», можно разделить на две категории — спонтанные и постановочные. Под спонтанной понимается «непостановочная случайная фотография, являющаяся наиболее адекватным эквивалентом воспоминания о ярком эпизоде прошлого» [Нуркова 2006: 209], оживление которого требует особого внимания к деталям фотографии. М. Степанова отразила в вербальном описании подобные детали, которые условно можно объединить в четыре группы: детали пространственной композиции, детали одежды персонажей, детали выражения лица и движения, а также детали света и тени. Кроме того, эмоции людей легко считываются в каждом вербализованном спонтанном снимке.

Постановочная фотография в романе М. Степановой представляет собой словесный фотопортрет, раскрывающий личность портретируемого. Групповые фотопортреты отражают социальную принадлежность отдельной личности и иногда даже уничтожают индивидуальность персонажа снимка [Нуркова 2006: 89]. Данная особенность отражена в вербальном описании фотографии, сделанной в доме отдыха «Райки». Считается, что фотография неспособна отражать объективную действительность совершенно точно, так как она может запечатлеть лишь определенный фрагмент жизни, а не весь ее процесс. Подобного рода недостаток может быть преодолен с помощью вербального описания: в процессе текстуализации группового фотопортрета под название «Бабушка на баррикадах» писательница подсказывает дополнительную информацию, чтобы читатели могли сами восстановить целую историю. В романе фигурируют также и словесные фотопортреты, обладающие способностью «обнаружить красоту в неприятном, убогом, ветхом» [Сонтаг 2013: 138]. Среди примеров — индивидуальный фотопортрет прабабушки Софьи. Обратимся и к индивидуальному фотопортрету пятилетней девочки (мамы писательницы в детстве). Такие фотографии могут быть интересными для будущих поколений, потому что они способны вызвать ощущение, будто люди могут преодолеть пространственно-временное препятствие, и тем самым участвовать в жизни предшественников. Тем самым обеспечивается функционирование механизма психологической компенсации. А вербализованный писательницей вариант избавляет читателей от иллюзии путешествия в прошлое и напоминает о существовании пространственно-временной дистанции.

Метафотографический текст, как и фотография, обладает функцией передачи постпамяти. Так, средством передачи аффилиативной постпамяти является вербализованный снимок, фиксировавший процесс труда ковровщиц в польском лодзинском гетто, в рассказе В. Г. Зебальда «Макс Фербер», который цитирует М. Степанова в своем романе-эссе. Сравнивая оригинал фо-

тографии с описанием Зебальда, М. Степанова замечает то, чего не видит Зебальд. В результате складывается более полная картина события, запечатленного на фотографии.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Прием текстуализации фотографии имеет свои достоинства и недостатки. Достоинства заключаются в том, что данный способ обеспечивает соблюдение законов пространства-времени и дает представление о контексте фотографий. Главный недостаток коренится в субъективности авторского описания и, как следствие, его односторонности. Эстетическая специфика спонтанной и постановочной фотографии проявляется в их текстовом варианте. Спонтанная фотография фиксирует эпизод прошлого, и требует особого внимания к ее деталям и эмоциональному состоянию. В процессе описания спонтанной фотографии писательница обращает внимание именно на эти элементы. С точки зрения эстетики фотографии любой фотопортрет является трогательным и красивым благодаря своему смысловому наполнению. Фотографическая красота, рожденная реальностью, также представлена писательницей в текстовом варианте. Таким образом, метафотографический текст, как и фотография, играет важную роль в передаче памяти и постпамяти.

Литература

- Нуркова В. В.* Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М., 2006.
Сонтаг С. О фотографии / пер. с англ. В. Гольшева. М., 2013.
Степанова М. М. Памяти памяти: Романс. М., 2021.
Hirsch M. Family frames: photography, narrative, and postmemory. Cambridge, 1997.

Васильева Ирина Эдуардовна

*канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
i.vasileva@spbu.ru*

МАЙКОВ И БАТЮШКОВЫ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА РЕЦЕПТИВНОГО ПОЛЯ

Ключевые слова: рецептивное поле, Майков, К. Н. Батюшков, П. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков.

Тема «Майков и Батюшковы» имеет несколько, на первый взгляд, не пересекающихся областей. Во-первых, историко-литературную. Тогда речь идет о подготовленном Л. Н. Майковым и В. И. Саитовым трехтомном собрании сочинений и писем поэта К. Н. Батюшкова. Три тома выходили в период с 1885 по 1887 г., и это издание стало событием не только в литературных и академических кругах. Широкий резонанс был обеспечен в том числе внешними характеристиками издания («три тома в почтенных и широких размерах <...> обставленные доступной только столице типографскою роскошью, на прекрасной бумаге, украшенные портретами поэта и некоторыми рисунками, имеющими отношение к его личности и к его произведениям» [Отчет 1889: 2]). Но главным открытием стала созданная в подробном и обстоятельном биографическом описании Майкова личность Батюшкова — гениального поэта с трагической судьбой.

Возможен и другой поворот темы «Майков и Батюшковы». Он предполагает внимание к истории отношений Л. Н. Майкова с Помпеем Николаевичем Батюшковым, младшим братом поэта Константина Николаевича. П. Н. Батюшков (1811–1892) в 1870–1880-е гг. был видной фигурой общественно-культурной жизни обеих столиц. Он стал известен благодаря своей научной этнографической деятельности, результаты которой опубликованы им в серии изданий «Памятники русской старины в западных губерниях» (первый том вышел в 1865 г., последний том вышел в 1886 г.). Он был вице-президентом Комиссии по сооружению храма Христа Спасителя в Москве в течение всех лет его строительства (1872–1882); в эти же годы (1873–1882) избирался гласным Московской городской думы. Переехав затем в Петербург, много занимался благотворительной деятельностью [Гродецкий 1891: 257–258; Крачковский 1892]. Мемуарных свидетельств о нем мало. Но именно по его инициативе и благодаря ему само издание майковского собрания сочинений стало возможным.

Наконец, третий поворот темы — это отношение к Л. Н. Майкову Ф. Д. Батюшкова. Ф. Д. Батюшков (1857–1920) — филолог, критик, внучатый племянник поэта К. Н. Батюшкова. Фигура Ф. Д. Батюшкова выходила в плеяду ярких лиц культурной жизни рубежа XIX–XX вв. В 1897 г. Ф. Д. Батюшков, став редактором русского отдела журнала «Cosmopolis», обратился к Чехову с письмом, предлагая сотрудничество в журнале, что стало началом его заочного знакомства с писателем. Известно 17 писем Чехова к Батюшкову и 24 ответных письма Батюшкова [подробнее о переписке Чехова и Ф. Д. Батюшкова, с публикацией обширных выдержек из ответных писем Батюшкова см.: Щербина 2015]. Лично они встречались только дважды. Позднее Батюшков описал эти встречи в своих мемуарных заметках «Две встречи с А. П. Чеховым». Батюшков начинал свою научную деятельность под руководством А. Н. Веселовского как ученый, сфера его научных интересов в первые годы университетской карьеры была связана со средневековой романской и германскими литературами. Затем он изучал французскую литературу эпохи классицизма. Но в середине 1890-х гг. довольно радикально изменил род своей деятельности, решив заняться критикой. Критические статьи, посвященные писателям-современникам, вышли двумя сборниками в 1900 и в 1902 гг. Все эти труды составляют важную часть филологического наследия отечественной научной школы. Интерес Батюшкова к Майкову определен, помимо понятных причин биографического характера, фундаментальным трудом ученого по подготовке известного собрания сочинений К. Н. Батюшкова. Концептуализацией вклада Майкова-филолога в отечественную культуру стал его некролог, написанный Ф. Д. Батюшковым. В результате, биографический и интеллектуальный диалог Майкова и Ф. Д. Батюшкова стал одной из ярких черт рецептивного поля конца XIX века.

Литература

- Городецкий М. И.* Батюшков П. Н. // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1891. Т. 2. С. 257–258.
- Крачковский Ю. Ф.* Памяти П. Н. Батюшкова. Вильна, 1892.
- Отчет о четвертом присуждении Пушкинских премий в 1888 году // Записки Импер. Академии наук. СПб., 1889. Т. 59. Приложение № 3: Четвертое присуждение Пушкинских премий. С. 2–45.
- Щербина А. И.* «В разум я верил... и вот избрал науку!» // Личная библиотека А. П. Чехова: Литературное окружение и эпоха: сб. материалов международной научной конференции. Таганрог, сентябрь 2015. Ростов н/Д, 2016. С. 70–82.

Васильева Ирина Эдуардовна¹, Оверина Ксения Сергеевна²

¹канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
i.vasileva@spbu.ru

²канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
k.overina@spbu.ru

«КРЕСТОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ» А. А. ГАТЦУКА КАК ИСТОЧНИК СЮЖЕТОВ «МАЛОЙ ПРЕССЫ»

Ключевые слова: крестовый календарь, демократическая литература, источниковедение, А. А. Гатцук, малая проза.

Хорошо известно, что ранний этап творчества А. П. Чехова связан с работой в юмористических изданиях. Поденная работа требовала постоянного поиска источников новых сюжетов. В одном из писем брата писателя Михаил Павловича Чехова содержатся сведения о выписках из «Крестового календаря». Как установили издатели «Полного собрания сочинений и писем» писателя, этот материал был использован им в одной из своих юморесок. Называлась она «<О марте. Об апреле. О мае. Об июне и июле. Об августе>: (Филологические заметки)» и была опубликована в журнале «осколки» в 1885 г. В этой юмореске Чехов в шуточной манере перечислял самые характерные черты каждого из летних месяцев. Так, например, было сказано, что «смерть своим неумолимым красным карандашом зачеркнула в июле шестерых русских поэтов и одного Памву Берынду» [Чехов 1975: 193]. Как видно из приведенной цитаты, имена поэтов здесь даже не названы, однако в письме М. П. Чехова, как и в «Крестовом календаре» А. А. Гатцука, откужа были взяты сведения, шестеро перечислены: Батюшков, Державин, Татищев, Лермонтов, Мерзляков, Новиков. Кроме них назван еще Памва Берында (ум. в 1632 г.), украинский лексикограф.

Календарь А. А. Гатцука был одним из первых светских общедемократических календарей. Он издавался ежегодно, с 1885 г. по 1918 г. Особенностью календаря была его направленность на русского адресата. В календаре сообщались общие сведения, а кроме них — еще назывались события и факты из истории русской общественной и культурной жизни. Таким образом календарь выполнял просветительскую функцию. Календари были очень популярны, в том числе и благодаря дешевой цене. Благодаря этому перечисленные в них факты и события могли составлять общее информационное поле для русских читателей второй половины XIX в. Учитывая ориентацию «малой прессы» на тот же, что и у календаря, ежедневный ритм событий, пересечение информационных сюжетов текста юморесок или маленьких рассказов потенциально увеличивало их популярность у публики, становясь острающим зеркалом уже известных фактов. От точного выбора материала зависел успех юмористического издания.

Детальное сопоставление материалов календаря за 1880-е гг. дает возможность проследить, как формировались важные принципы чеховской юмористики.

Литература

Календарь крестовый на 1881–1889 гг. М.: Изд. А. А. Гатцук, 1881–1889.

Чехов А. П. <О марте. Об апреле. О мае. Об июне и июле. Об августе>: (Филологические заметки) // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1975. Т. 3. С. 193.

Ло Цюно

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В. К. МОЧУЛЬСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО (РОМАН «БЕСЫ»)

Литературовед Константин Васильевич Мочульский (1892–1948) считается одним из лучших критиков первой волны русской эмиграции, а также замечательным русским мыслителем и писателем, недооцененным читателями и исследователями творчества Ф. М. Достоевского. На примере анализа романа «Бесы» Достоевского можно обозначить ряд положений, которые свидетельствуют о том, что исследования Мочульского о Достоевском на сегодняшний день сохраняют свою актуальность.

Творчество Достоевского тщательно изучено К. Мочульским. Им написаны такие статьи, как «Повесть о капитане Картузове» Достоевского» («Русские записки», № 14, 1939), «Борьба с адом» («Вестник РСХД» № 12, 1935, № 1–2, 1936), «Идея социального христианства в русской философии» («Православное дело», Сборник 1, 1939), очерк «Достоевский (1821–1881)» (в книге «Великие русские писатели XIX в.», Париж, 1939), рецензии на книги А. Бема «Достоевский: психоаналитические этюды» («Современные записки», № 67, 1938); А. Ляковского «Ф. М. Достоевский. Тюрьма. Эшафот. Каторга. Ссылка» («Современные записки», № 69, 1939), заметка в «Звене» «Русский современник» (№ 89, 13 окт., 1924) и монография «Достоевский. Жизнь и творчество» (Париж, YMCA-PRESS, 1947). Во многих из этих работ Мочульский обращался к изучению романа «Бесы».

Работам Мочульского присущи строгость и научный характер, что выражается в способе использования биографического метода. Так, мы видим у него тщательное изучение биографических источников. Изучение всего наследия писателя — и писем, и незавершенных произведений, и публицистики, и критики, и «Дневника писателя» — стало трендом в достоевковедении 10–20-х гг. XX века. Упомянутая выше многостраничная аналитическая часть исследования Мочульского о романе «Бесы» свидетельствует о его знакомстве не только с советскими публикациями 1920-х годов (архивами, мемуарами, научными трудами), но и 1930-х — с публикациями черновиков Достоевского. Например, в 17-й главе монографии Мочульского «Достоевский: жизнь и творчество» восстанавливается процесс создания романа «Бесы» по письмам, которые Достоевский писал Майкову, Страхову и другим. Мочульский не испытывал никакого идеологического давления. В результате его монография является одним из наиболее полных, свободных и богатых источниками исследований первой половины XX века.

Биографический метод доминирует у Мочульского над другими научными методами исследования. К примеру, подход Л. П. Гроссмана к изучению биографии отличается последовательным историко-литературным характером. А подход Мочульского к биографии не ограничивается анализом хронологии событий, или драматических и психологических обстоятельств жизни автора. В работах, посвященных роману «Бесы», Мочульский использует биографический материал для того, чтобы охарактеризовать замысел и творческий процесс создания романа писателем.

Кроме того, в исследованиях Мочульского творчества Достоевского прослеживается тенденция перехода от «макропоэтики» (оперирующей понятиями литературы как системы, категориями рода, жанра, представлениями о композиции повествовательного или драматического произведения (в особенности большой формы — романа, драмы) к «микропоэтике», изучающей элементы художественной речи и стиха (выразительный смысл определённого выбора слов или грамматического строения предложения, роль симметрии, музыкального начала, художественных повторов как ритмообразующего фактора в строении стиха и прозы и др.) [Тамарченко 2001: С. 295–296].

В. Ф. Переверзев (1882–1968) в своей монографии «Творчество Достоевского» (1912) одним из первых выразил два взаимосвязанных импульса достоевковедения той эпохи. Это, во-первых, отталкивание от философской публицистики начала века, во-вторых — принципиаль-

ное обращение к Достоевскому как писателю, стоящему особняком от магистральной традиции русского реализма XIX века. По первому пункту Переверзев писал: «Достоевского рассматривали и судили с различных точек зрения, но в большинстве случаев говорили не о Достоевском, а лишь “по поводу” Достоевского <...>. Во всех таких работах Достоевский — не цель, а средство, в нем ищут адвоката своей идеи, а не писателя с определенным складом творчества» [Махлин 2023: С. 83–104]. Мочульский склонен ставить под сомнение право литературной критики и критицизма детально объяснять феномен творчества через систематизацию и обобщение: «Мы не можем отказаться от этих слов: романтизм, классицизм, символизм и т. д.; они нужны нам как рабочие инструменты, но пора признать, что они не соответствуют никакой художественной реальности». [Мочульский 1999, с. 217–220]

Также необходимо обратиться к исследованиям Мочульским «макропоэтики» произведений Достоевского. В качестве примера можно привести разработки ученого по анализу творческого метода Достоевского в романе «Бесы». В центре романа Достоевского «Бесы» — «борьба между Богом и дьяволом в человеке». Ее крайнее напряжение описано в главе «У Тихона (исповедь Ставрогина)», которую М. Н. Катков отказался публиковать. История создания романа, сюжетно-композиционные особенности и повествовательные стратегии рассматриваются в 17 главе монографии Мочульского о Достоевском.

М. М. Бахтин и Л. П. Гроссман в начале 1920-х годов исследовали Достоевского как писателя, в поэтике которого заключена собственная авторская «идеология» (они не превращали его в выразителя их религиозно-философских представлений, как Д. С. Мережковский). На этих же позициях стоял и Мочульский. В исследовании «Бесов» он уделял много внимания не только биографическим источникам, но и тщательному изучению речевых средств поэтики романа. Так, Степану Трофимовичу, по его наблюдениям, свойственны французский акцент, изысканные интонации и изящные каламбуры. Кириллов фанатичен и оторван от человеческого общения, его речь причудлива и аграмматична. Мочульский считал монолог в «Бесах» шедевром психологической стилистики. Марья Тимофеевна показана в сказочном освещении ее народно-монашеской речи; архиерей Тихон — в строгом великолепии церковно-православного слога; Шатов — в пламенном вдохновении пророка; Петр Верховенский — в отрывистых, нарочито грубых и вульгарных репликах «нигилистического стиля»; Лебядкин — в пьяной лирике трагического поэта; Шигалев — в мертвой грузности научного аргона; Ставрогин — в бесформенности и искусственности своего «общечеловеческого языка». Столкновение и сплетение этих словесных слогов и ритмов образуют сложный контрапункт стилистики романа.

Из вышесказанного видно, что Мочульский перешел от изучения условий, в которых создавалось произведение, и того, что оно отражает (общественное сознание, сюжет и мотивы как общее наследие культуры и т. д.), к анализу самого текста. В этом отражается тенденция перехода от макропоэтики к микропоэтике, совпадающая с тенденцией развития теоретической поэтики в 1910–1920-е годы.

Литература

- Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах / под ред. В. Полянского. М.; Л.: Academia, 1935. 380 с.
- Лосский Н. О. К. Мочульский. Достоевский. Жизнь и творчество. YMCA-PRESS, Париж, 1948 // Новый журнал. 1949. № 22. С. 290–294.
- Махлин В. Л. Достоевский в Достоевском. М. Бахтин и методологический поворот 1910–1920-х годов // Вопросы литературы. 2023. № 5. С. 83–104.
- Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / сост. и послесл. В. М. Толмачева; примеч. К. А. Александровой. М.: Республика, 1995.
- Мочульский К. В. Кризис воображения: статьи, эссе, портреты / под ред. Л. М. Суриса М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017.
- Теоретическая поэтика: понятия и определения: Хрестоматия / авт.-сост. Н. Д. Тамарченко. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 446 с.

Мурадова Офелия

*диссертант, кафедра азербайджанского языка и литературы,
Университет Азербайджан*

ЭТАПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕГРАДАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ НАТИГА РАСУЛ-ЗАДЕ «ВСАДНИК В НОЧИ»

Ключевые слова: азербайджанская литература, русскоязычие, Натиг Расул-заде, реализм, тематика прозы.

В работе рассматриваются идейно-эстетическое содержание и художественные особенности известной повести выдающегося азербайджанского писателя Натига Расул-заде «Всадник в ночи», отличающейся остротой тематики и чрезвычайной актуальностью содержания. В «Всаднике в ночи», написанном динамичным и полемичным стилем, с напряженным сюжетом и остро закрученной интригой, отражается нравственно-психологическая деградация первоначально положительной, затем рефлектирующей и, наконец, словно в цепной реакции, откровенно отрицательной личности, утверждается чёткая нравственная и гражданская позиция писателя. Позиция автора заключается в активном и небывалом для начала 1980-х годов разоблачении сущности приспособленчества, местничества, бездуховности и карьеризма. В статье показывается, что автор глубоко проникает в психологию личности, анализирует ложную систему воспитания, которая в реальности нередко порождает погоню за миражами мнимой славы. Контраст создается автором на двух уровнях: синхронном и диахронном. Помимо изображения статичного уклада жизни деградирующего общества, писатель показывает деградацию и во временном плане. А именно: вся повесть движется как бы двумя параллельными сюжетными линиями — взрослой, отмеченной преступлением и пороком жизни героя, и его же детского существования до условного «грехопадения». В статье вместе с этими композиционными особенностями, рассмотрены также психологические тонкости анализа внутреннего мира героев, присущие перу Н. Расул-заде. Показывается, что благодаря динамизму и активной функциональности поэтической структуры текста, выводы и обобщения автора, сделанные им в далёких 80-х, а эхом отзываются в конце второго десятилетия XXI века, звучать актуально и пронзительно и в современности.

В своё время критик-литературовед и журналист Д. Ализаде назвал Н. Расул-заде «живым классиком». Он мотивировал своё мнение тем, что, помимо родины «с его творчеством хорошо знакомы в Болгарии, Венгрии, Югославии, Польше, России и многих других государствах» [Ализаде 2004; Анар 1983]. В самом деле, такие повести и романы, как «Среди призраков», «Брат», «Дом», «Дождь в праздник», «Рисую птицу», «Светлые сумерки» переведены на иностранные языки и известны далеко за пределами Азербайджана. Кроме того, Н. Расул-заде в наши дни является автором более 20-ти сценариев к художественным фильмам. Один из них завоевал высокую награду — в Страсбурге на Всемирном фестивале короткометражных фильмов занял почётное второе место.

Творчество Расул-заде обширно и разнообразно. Но в ряду перечисленного повесть «Всадник в ночи», по мнению большинства отечественных критиков, стоит особняком. Впервые в азербайджанской прозе начала 1980-х годов были подняты острые и чрезвычайно актуальные в республике темы. Не будем забывать о том, что в тот период Азербайджан входил в состав СССР, и в указанные годы произведения ещё подвергались достаточно жёсткой цензуре. Надо было, бесспорно, иметь смелость говорить правду о тех печальных фактах и обстоятельствах, которые будоражили республику.

Примечательно, что, как и многие другие сочинения, «Всадник в ночи» написан динамичным и полемичным стилем, с сопровождающим его напряженным сюжетом. Но остро закрученная интрига (а это соответствует почерку писателя) не является самоцелью. В настоящем случае это средство выражения волнующих автора фактов. Посредством выведения первоначально положительной, затем рефлектирующей и, наконец, словно в цепной реакции, откоро-

венно отрицательной личности, писатель утверждает свою чёткую нравственную и гражданскую позицию.

В чём же она заключается? Прежде всего в активном и небывалом для тех времён разоблачении гнусной сущности приспособленчества, местничества, бездуховности и карьеризма. В повести от имени самого автора рефреном многократно озвучены такие психологические черты характера, как себялюбие, честолюбие и тщеславие, синонимичные в строго лингвистическом отношении. Причём, в их самом уничижительном смысле. Вокруг центрального персонажа — Зохраба образуется атмосфера своеобразной мимикрии эгоцентризма, упорной сосредоточенности на самом себе. Герой на протяжении многих лет считает себя личностью исключительной, избранной, хотя в действительности являющейся вполне заурядной. Кстати, ординарность в финале повести подчёркивается, в частности тем, что решительно отвергается кредо обывательщины, цинизма, когда первые нерадивые предприниматели 1980-х годов понимали свободу как вседозволенность. В республике от лица отдельных финансовых воротил, дельцов с низкими нравственными запросами, утверждалось, что все продаётся и покупается.

Но поставленная автором цель в повести оказалась осложнённой этапами деградации героя. Существо дела заключалось в том, что ребёнок и юноша вовсе не был похож на взрослого Зохраба. Родители пытались сделать из него талантливого музыканта, а впоследствии — скульптора. Однако благими помыслами в данном случае, как в библейском изречении, вымощена дорога в ад. Многократно и сознательно с позиции автора повторяются слова о желании взрослых вырастить человека, лелеемого громкой славой. «Лишь бы ты стал человеком уважаемым, известным, только бы прославился, поскорее развил свои таланты», — напутствует отец [Расул-заде 1983:182]. Эти велеречивые слова столь часто употребляются в самом начале повествования, что читателя они невольно настораживают. Многие в заповедях родителей, равно как и мотивах поведения юноши заставляет усомниться в искренности возлагаемых на подростка надежд.

Н. Расул-заде, по нашему мнению, является прозаиком, умеющим глубоко проникать в психологию личности. Ложная система воспитания в реальности нередко порождает погоню за миражами мнимой славы. С этой целью автор, словно сквозь микроскоп, рассматривает отдельные этапы из жизни героя. Оказывается, будучи юношей, он много и упорно трудился. Зохраба безраздельно увлекала лепка, и опытные наставники прочили ему будущее большого мастера своего дела. В детстве известный скульптор — родной дядя Зохраба абсолютно конкретно пророчил ему большое будущее. И окрыленный мальчик с утра до вечера, без усталости лепил, трудился так, что к ночи не ощущал уже собственных рук. Н. Расул-заде выгодно оттеняет трудовую деятельность героя-подростка: «Труд целых двух недель, тяжело, терпеливо, тщательно, продвигается всё же работа, доходя до самой грани, но лишь бы не сорваться, разрушить, раскромсать, но делать, сжимая зубы, продолжать лепить...» [Расул-заде 1983:185]. И у него многое получалось в юности, потому что была светлая голова и ясная цель.

Литература

Ализаде Д. «Писатели сейчас ничего не зарабатывают». Интервью с заслуженным деятелем искусств Н. Расул-заде // Эхо. 2004. 4 июня. С. 8.

Анар. С болью за утраченную личность // Бакинский рабочий. 1983. 4 октября. С. 4.

Расул-заде Натиг. Всадник в ночи // Расул-заде Натиг. Год любви. Баку: Гянджлик, 1983. С. 177–271.

Оверина Ксения Сергеевна

*канд. филол. наук, кафедра истории русской литературы,
Санкт-Петербургский государственный университет;
k.overina@spbu.ru*

БОЛЬШИЕ ФОРМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА: НАЧАЛО

Ключевые слова: Чехов, раннее творчество Чехова, мелодрама, повествование, читатель.

Раннее творчество А. П. Чехова, развившееся в рамках «малой прессы», с одной стороны, всецело принадлежит к массовой литературе. Однако, с другой стороны, его можно рассматривать как поле для экспериментов молодого писателя. При этом, на наш взгляд, небольшие юморески и забавные рассказы первой половины 1880-х годов, имели слишком ограниченный объем, вследствие чего не всегда подходили для реализации этих экспериментов.

В связи с этим интересно обратить внимание на крупные литературные формы, которые также встречались среди произведений Чехова этого периода и позволяли ему использовать большее количество приемов в одном тексте или расширить их арсенал.

К таким произведениям можно отнести «Ненужную победу» (1882), «Зеленую косу» (1882), «Живой товар» (1882), «Цветы запоздалые» (1882). Немного позже (1884–1885) в газете «Новости дня» была опубликована «Драма на охоте».

В настоящем докладе нам хотелось бы более подробно остановиться на двух текстах: «Зеленая коса» и «Цветы запоздалые».

И в том, и в другом произведении одними из ведущих приемов являются включение в текст мелодраматических элементов, трансформация мелодраматического сюжета, за счет чего реализуется игра с читательскими ожиданиями, что на наш взгляд, является важнейшей задачей, которую автор ставит перед собой в этот период.

Рассказ «Зеленая коса», многие сюжетные элементы которого нашли отражение в более поздней «Драме на охоте», имеет подзаголовок «Маленький роман» и пронизан мелодраматизмом, который в свою очередь призван максимально погружать читателя в текст, привлекать его внимание к событиям, происходящим на его страницах.

При этом в «Зеленой косе» Чехов пользуется техникой, нередко применявшейся им и во время работы над небольшими юмористическими рассказами: он смешивает элементы и стилистику одного жанра (в данном случае — мелодрамы) с элементами и стилистическими особенностями других.

Например, в «Маленьком романе» читаем:

Оля подняла голову и увидела Егорова... Она посмотрела на меня, потом на Егорова, потом опять на меня... Я засмеялся... Лицо ее просияло. Она вскрикнула от радости, сделала шаг вперед... Я думал, что она на нас рассердится... Но эта девочка не умела сердиться... Она сделала шаг вперед, подумала и бросилась к Егорову [Чехов 1974: 168].

Но тут суждено было мне увидеть картину... Распахнулась дверь, и бледное лицо Оли осветилось ярким светом. Оля вздрогнула, сделала шаг назад и слегка присела... Ее как будто что-то приплюснуло... На пороге, подняв голову, стояла княгиня, красная, дрожащая от гнева и стыда... Минуты две длилось молчание [Чехов 1974: 171].

В пародии на Виктора Гюго «Тысяча одна страсть, или страшная ночь (Роман в одной части с эпилогом)», опубликованной двумя годами раньше, используются сходные синтаксические структуры, призванные создать гиперболизированную атмосферу «страшного романа».

Я промолчал. Он любил ее. Она любила страстно его... Я должен был убить его, потому что любил больше жизни ее. Я любил ее и ненавидел его. Он должен был умереть в эту страшную ночь и заплатить смертью за свою любовь. Во мне кипели любовь и ненависть. Они были вторым моим бытием [Чехов 1974: 36].

Я взглянул на нее. Взгляд есть меч души. Она пошатнулась. В моем взгляде она увидела всё: и смерть Теодора, и демоническую страсть, и тысячу человеческих желаний... Поза моя — было величие. В глазах моих светилось электричество. Волосы мои шевелились и стояли дыбом. Она видела пред собою демона в земной оболочке. Я видел, что она залюбовалась мной. Часа четыре продолжалось гробовое молчание и созерцание друг друга. Загремел гром, и она пала мне на грудь. Грудь мужчины — крепость женщины. Я сжал ее в своих объятиях. Оба мы крикнули. Кости ее затрещали. Гальванический ток пробежал по нашим телам. Горячий поцелуй... [Чехов 1974: 37].

Таким образом происходит наложение клише, свойственных одному жанру, на формулы другого, за счет чего возникает юмористический эффект. Он усиливается благодаря регулярной замене мимесиса на диегезис, благодаря чему смешиваются две разнонаправленные жанровые тенденции: юмористических рассказов и мелодраматически окрашенных романов. И это не единственный пример такого совмещения.

В результате реципиент попадает в ту самую литературную игру, когда текст то старается погрузить читателя в историю, то резко вырывает его из художественного мира.

Повесть «Цветы запоздалые», в отличие от «Зеленой косы», произведение вовсе не юмористическое. Более того, к сюжетной схеме, задействованной в нем, Чехов возвращается в известном рассказе 1898 года «Ионыч», хотя и вносит в нее некоторые изменения.

При этом, как отмечает Т. Ю. Ильюхина,

... среди больших произведений раннего Чехова «Цветы запоздалые» имеют репутацию одного из самых серьезных. Но эта серьезность несколько не выделяет произведение среди беллетристики Чехова, ориентированной на определенного читателя определенного журнала. Оно написано тем же Антошей Чехонте, и по общему числу юмористически обыгранных литературных штампов, перечисленных писателем в «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?»», не уступает ни одному из них. [Ильюхина 1994: 94].

Таким образом, и в этом чеховском произведении мы имеем дело с трансформацией формульного жанра.

Эта двойственность текста поддерживается и главным его приемом — антитезой. Противопоставляются персонажи, их черты, построение повествования с опорой то на внешнюю, то на внутреннюю точку зрения и, конечно же, установка на серьезное или юмористическое прочтение.

Важнейшее значение имеют нарративные особенности произведения, которые, встраиваясь в череду уже отмеченных «колебаний» текста, подготавливают читателя к финальным событиям.

Однако, несмотря на совмещение серьезного и комического тона, «Цветы запоздалые» все-таки не производят впечатления пародии или шуток. Даже остранение мелодраматических клише этому не способствует, что кажется удивительным. Те же самые погружения в текст и отдаления от него, которые мы рассматривали при анализе «Зеленой косы», в данном случае работают на формирование стиля, подобного тому, какой возникает в более поздних чеховских произведениях, когда отношения людей и их действия, порой нелепые и абсурдные, конструируют очень узнаваемую картину человеческой жизни.

Литература

Ильюхина Т. Ю. Вопрос о романе в раннем творчестве А. П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 1994. 192 с.

Ротанов Алексей Николаевич

*старший преподаватель, кафедра русского литературоведения,
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Узбекистан, Ташкент);
Alexey.rotanov@gmail.com*

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПОЭТИКИ ГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ АСКОЛЬДА АКИШИНА

Ключевые слова: графический роман, комикс, поэтика жанра, синкретический жанр, графическая литература.

Эпоха постмодерна ворвалась в мировое искусство обновленной поэтикой традиционных жанровых форм и поиском новых ориентиров в меняющемся мире. Не исключением стала и графическая литература, которая расширилась новым жанровым образованием — графическим романом. Интересно, что с приходом постмодернизма в русскую литературу, появляется и попытка создать первый русский графический роман — «Петр Великий» Б. Караджева и И. Вышинского. И хотя поэтика их произведения еще сильно использует техники письма комиксного текста, тем не менее уже чувствуется попытка авторов преодолеть границы жанра как на формальном, что удалось меньше, так и на содержательном уровнях, что, на наш взгляд, полностью удалось. Фактически, с появлением этого произведения можно открывать новую страницу в истории русской графической литературы. Перед поколением молодых авторов в России в то время предстала по-настоящему трудная задача. Во-первых, в полном объеме освоить принципы и приемы графического повествования. Следует отметить, что в 80–90 гг. в Европе и Америке только появляются первые попытки их теоретического осмысления. Во-вторых, наработать техническую базу жанровых форм, интуитивно прочувствовать различия между поэтикой комикса и графического романа. При том что литература советского периода притрагивалась к комиксу, но довольно маркировано, отнеся этот жанр только к детской литературе, хотя поэтика детского произведения, в том числе и в рамках графической литературы, в первую очередь подчиняет и трансформирует все изобразительные средства под дидактико-структурные требования, выдвигаемые к детской книге. Поэтому комиксы, которые появлялись на страницах «Веселых картинок» и «Мурзилки» лишь частично передавали всю палитру приемов техники письма, накопленную разными зарубежными школами почти за вековую историю развития. И в-третьих, русским-комиксистам предстояло найти собственное, уникальное, почти национально-литературное звучание, навеянное оформлением романа «Петр Великий» в визуальной великоросской стилистике. В силу выделенных задач особый интерес представляет творчество Аскольда Акишина, начавшего свой творческий путь в 1985 году.

Первый этап творчества А. Акишина с 1985 по 2013 гг. условно можно назвать «ученическим». В этот период автор-комиксист осваивает основные приемы комиксного повествования, прорабатывает техники изображения, ищет свои композиционные приемы. Результатом этого этапа станет произведение «Моя комикс-биография» (2013), в которой автор впервые делает достаточно основательную попытку преодолеть формульные каноны комиксного текста не только на уровне содержания, но и в плоскости отбора художественно-изобразительных средств.

Второй этап мы условно назовем «трансформационным». В этот период А. Акишин выступает в качестве сценариста и изобразителя для ряда произведений, представляющих собой стык поэтики комикса и графического романа. Помимо этого, появляются произведения-переложения вербально-выраженных произведений. Одним из ярких примеров этого периода стала графическая адаптация произведения В. Пелевина «Омон Ра» [Пелевин 2018]. В данном произведении А. Акишин выступает в качестве художника, который тесно сотрудничает с литературным автором В. Пелевиным и сценаристом К. Кутузовым. На страницах графического переложения А. Акишин отказывается от традиционных элементов комиксного повествования, что особенно проявляется на уровне объема повествующей сцены, достигая его не через междометную передачу звука, а посредством визуальной передачи звука, скорости и т. п. [например, Пелевин

2018, 28, 60 и т. п.]. Также А. Акишин вынужден прибегать к средствам визуальной метафоры для полной передачи ряда редуцированных эпизодов текста-оригинала. Важным становится то, что в этот период у комиксиста формируется опыт работы с большой повествовательной формой как на уровне текста, так и визуальной составляющей.

Третий этап — «поисковый» — развивается до сих пор. В этот период наблюдается устойчивый интерес А. Акишина к условно большому повествованию, которое укрупняется в отличие от предыдущих периодов и на формальном уровне, и на содержательном. Одним из первых произведений этого периода стал графический роман-репродукция «Преступление и наказание», в котором А. Акишин выступает графическим соавтором одноименного романа Ф. М. Достоевского [Достоевский 2019]. При создании данного произведения А. Акишин выступает самостоятельным автором, лишь ассоциативно ссылаясь на классическое произведение на уровне композиционного строения. При этом автор не изменяет своему черно-белому решению визуального повествования, но сильно обогащает его цветовыми акцентами на уровне визуальной и психологической детали. Также все произведение продумано с позиции закрепленного способа ввода фокализации, даже на уровне визуального компонента и тесно связано с устройством системы образов: так, выделяется четыре основных типа филактеров — округлые для реплик людей, пузырьковые для передачи мыслей, прямоугольные для роботов и андроидов, безрамочные передают слова повествователя. Особо следует отметить, что именно свободная форма авторского филактера позволяет его голосу звучать в любом пространстве художественного текста, а закрепленная форма филактеров даже визуально передает идею полифонизма «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского.

Однако А. Акишин вносит большие изменения в саму идейно-сюжетную канву графической версии произведения, переосмысляя идею заглавия. Герой А. Акишина биоинженер совершил преступление против создания человека — убил старый банкомат. Однако в системе созданного мира человек находится на несколько ступеней ниже в общей эволюции, чем роботы, о чем читателю сразу сообщается при помощи эпиграфа. В результате автором формируется новый круг этической проблематики — способен ли человек справиться с тем, что породил, нарушая грани дозволенного и принципы естества природы. И для раскрытия собственного идейного плана А. Акишин подчиняет все повествовательные средства и визуальные метафоры, как пространственного уровня, так и ментального.

Еще одним ярким примером этого периода становится произведение «Меня зовут Гумилев», созданное в соавторстве со сценаристом Д. Двински [Двински 2020]. В данном графическом романе, который не имеет аналогов в вербально-выраженной литературе, А. Акишин полностью переходит к визуально-словесному романному повествованию со сложной монтажной композицией: три самостоятельные новеллы, описывающие разные значимые периоды жизни поэта Николая Гумилева, объединены эпизодами допроса поэта в Петро ГубЧК. А. Акишин сумел изобразить становление героя на протяжении длительного времени (от подросткового возраста до ночи перед казнью) не только на уровне отражения мышления и философии, но и визуально. Также следует отметить и рост визуальной метафоры, которая в этом произведении подчиняется сюжетным переходам, а звукоподражание вписывается в контекст произведения для передачи не визуального объема сцены, а ее психологизма.

Таким образом, можно утверждать, что творческая личность А. Акишина прошла три этапа развития поэтических средств графического разножанрового повествования и внесла значимый вклад в становление русского графического романа.

Литература

Двински Д., Акишин А. Меня зовут Гумилев. М.: Эксмо, 2020. 72 с.

Достоевский Ф., Акишин А. Преступление и наказание. СПб.: Ком Федерация, 2019. 71 с.

Пелевин В. Омон Ра. Графический роман. СПб.: Комильфо, 2018. 243 с.

Русанова Марфа Максимовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st055030@student.spbu.ru

ЛИТЕРАТУРА СКВОЗЬ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ: СТАТУС ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ДНЕВНИКАХ 1917–1920-Х ГОДОВ

Ключевые слова: эго-документы, литературная реминисценция, революционная эпоха, рецепция.

«Переходность» русской литературы революционной эпохи рассматривается преимущественно с точки зрения институциональных изменений и трансформации поэтических систем. В докладе предлагается обратиться к практически не изученной проблематике — особенностям рецепции литературы XIX–XX вв. в частных высказываниях эпохи, дневниках поколения, родившегося в 1870-е гг. (А. Н. Бенуа, И. С. Ильин, С. П. Каблуков, М. М. Пришвин, А. В. Тыркова-Вильямс, Н. Ф. Финдейзен, А. И. Шингарев), т. е. в дневниках русских интеллигентов, которым была близка традиция осмысления реальности сквозь литературные образы. Авторы этих личных записей сравнивают участников социально-политических процессов и целые классы с чередой персонажей: человек из подполья, Смердяков, Передонов, Чичиков, Верховенский и др. В фокусе исследования оказывается статус художественной литературы XIX–XX вв. с точки зрения дневниководов. Таким образом, выясняется эксплицированное в эго-документах отношение и оценка “правдивости” мира художественного произведения, определяется позиция субъекта по отношению к реальности и к миру литературы, устанавливаются «подразумевающиеся» (имманентные) основания сравнений.

При этом мы учитываем, что «отношение литературы и читателя может актуализироваться и в качестве стимула чувственного, эстетического восприятия, и в этической сфере, как требование моральной рефлексии» [Яусс 1995: 84].

В дневниках революционной эпохи «Бесы» Ф. М. Достоевского и антинигилистические поэмы А. К. Толстого воспринимаются как тексты идеологически заряженные (от части из-за рецептивного прижизненного отклика), что часто проявляется в признании произведений «пророческими»; общественно-политические позиции их авторов оцениваются как истинные. В некоторых записях выбор этих произведений маркирует трансформацию общественно-политических взглядов авторов дневников, в более редких случаях сами художественные образы сознательно изменяются так, чтобы соответствовать восприятию реальности пишущего («Сфинкс» И. С. Тургенева). Хотя отсылка к «Бесам» наиболее частотна, идеологическое основание для сравнения не становится единственным при сопоставлении реальности и литературы: обращения к «Человеку из подполья», «Братьям Карамазовым», «Селу Степанчиково и его обитателям» Достоевского, «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, «Мелкому бесу» Ф. Сологуба также сопровождаются комментарием дневниководов о «верном» изображении низкого злого начала, но не в идеологическом, а в конкретно-бытовом плане. При этом прямое отождествление себя с героями происходит лишь в случае существования в произведении положительных персонажей или тех, что в понимании пишущих отражают позицию самого автора (Шатов, «незараженные»). Преобладает позиция ожидания внешних перемен и в отношении мира «пророческого», «разыгрываемого перед глазами» произведения, и по отношению к реальности (подчеркнем, эта позиция присутствует и во многих публичных высказываниях эпохи, не содержащих литературные реминисценции). Это также способствует сближению статуса образа художественной литературы и документальной основы повествования (описываемых событий) в глазах пишущих. Наконец, способом сравнения реальных исторических лиц и литературных персонажей становится специфически понимаемая типичность (используются слова «типичный», «тип», «типичное сходство», имена героев ставятся во множественное число и т. п.): с персонажами сопоставляются внешние характеристики людей, их действия, окружающим приписывается обладание определенным набором функций. Отметим, что не все из перечисленных

нами персонажей воспринимались в качестве таких типов современной им критикой. Более того, дневниководы в своих сравнениях основываются не на характерной для реалистической критики стратегии анализа образа и типа, сфокусированной на раскрытии мотивов поведения персонажа или влиянии на него среды, напротив, они, как правило, выделяют конкретно-бытовые или функциональные сходства героя и исторического лица.

Итак, в дневниках революционной эпохи репрезентировано следующее восприятие художественного мира и реальной действительности: как и прежде, окружающее может восприниматься сквозь литературные реминисценции, однако теперь бытовой опыт «равноправен» с литературным опытом. Отсылка к литературе безусловно обладает статусом опоры на авторитет (в том числе идейный и идеологический) писателя, что показывают высказывания о Достоевском и Толстом, однако при этом она соотносится и с чувственно-конкретным планом, т. е. «переосмысленная» в революционное время литература задавала «ориентацию опыту» [Яусс 2002: 84]. Видимо, с методологической точки зрения для подобного материала необходимо использовать оптику, которая бы выявляла организацию опыта посредством нарратива, подчеркивала, что нарратив отбирает определенные элементы опыта [Рикер 1998: 141–153]. В историко-литературной плоскости интересным кажется определение степени схожести такого статуса литературы с современным ему институциональным и художественным литературными процессами, а также понимание «устойчивости» модели подобного восприятия для последующих периодов.

Литература

Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 1. [Рассказы. Повести. Юморески], 1880–1882. М.: Наука, 1974.

Яусс Х. Р. История литературы как провокация // НЛО. 1995. № 12.

Хадынская Александра Анатольевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра лингвистики и переводоведения,
Сургутский государственный университет;
opus2000@mail.ru

ПУШКИНСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ЛИРИКЕ ГЕОРГИЯ ШЕНГЕЛИ

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Г. А. Шенгели, «московский акмеизм», акмеистические традиции, литературная аллюзия.

Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) принадлежал к числу русских поэтов, оставшихся верным эстетическим установкам Серебряного века в период, когда тот давно завершился. Многогранная деятельность Шенгели еще ждет своего исследователя, не все его тексты опубликованы, долгие годы он был предан забвению как поэт и воспринимался только как переводчик и теоретик стиха. На сегодняшний день самым полным изданием можно считать двухтомник его произведений (Москва, «Водолей», 2017), подготовленный В. А. Резвым, с биографическим очерком В. Э. Молодякова — редких специалистов по творчеству Шенгели.

Свой поэтический путь Шенгели начал с футуризма, познакомившись с поэтами-новаторами на знаменитой «олимпиаде футуристов», когда в его родную Керчь прибыл поэтический десант в лице В. Маяковского, Д. Бурлюка, В. Баяна и И. Северянина. Маяковский впоследствии стал его поэтическим противником, о чем он манифестно заявил в статье «Маяковский во весь рост» (1927), категорически не приняв «громогласного глашатая революции» как новатора и осуждая его за то, что тот хотел «сбросить Пушкина с парохода современности» и обвинял великого поэта в корыстолюбии [Переяслов 2018]. С Северяниным же дружба продлится всю жизнь, вплоть до смерти последнего, под его влиянием он напишет свой первый сборник «Розы с кладбища» (1914).

Но все же, в конечном итоге, эстетические предпочтения Шенгели оказались связаны с акмеизмом, к поэтике которого тяготеет вся его лирика. Свой сборник «Раковина» (1918) он написал уже под влиянием О. Мандельштама. Георгий Шенгели входил в круг «московских акмеистов», значительно менее известный, чем петербургский, в силу неформальности того в сплоченную поэтическую группу с руководителем-мэтром типа Н. Гумилева и существовавшую скорее как кружок поэтических единомышленников. Но именно в этом акмеистическом поле Шенгели и сформировался как поэт, взяв за ориентир Пушкина и «прекрасную ясность» его творчества.

Пушкинские аллюзии в лирике Шенгели еще не были предметом специального научного изыскания, внимание исследователей привлекала в основном его стиховедческая деятельность в этом направлении. По разысканиям Н. Л. Васильева и Д. Н. Жаткина, Шенгели работал над «Пушкинским словарем» в формате конкорданса, и в одной из его статей обнаруживаются удивительной точности наблюдения, связанные с лингвистическими открытиями в языке гения русской литературы [Васильев 2020]. Известен еще разбор двух «Памятников», Пушкина и Брюсова, сделанный самим Шенгели, с выводом о модернистской трактовке гораццианской темы у последнего [Шенгели 1924].

Пушкинская тема входит в лирику Шенгели в стихотворении «Державин» (1918), где момент хрестоматийной «передачи лиры» от уходящего поэта талантливому лицеисту запечатлен несколько драматично: «И юноша, волнуясь и летя, / Лицом сверкая обезьяньим, / Державина, беспечно, как дитя, / Обидел щедрым подаяньем» [Шенгели 2017: 176]. В дальнейшем пушкинские аллюзии пронизывают всю лирику Шенгели, где-то в виде явного цитирования, где-то через более аллегорично, через темы творчества, письма, моментов вдохновения. Так, в стихотворении «Рукописи Пушкина» лирический герой вступает с великим поэтом в диалог, основанием для которого послужило чтение им «порыжелых чернил» и «росчерков округлого ряда», оставленных для него как для потомка [Шенгели 2017: 177].

Ряд пушкинских аллюзий связан с темой юга, Крыма, уроженцем которого был Шенгели. Для него это момент особой поэтической близости с «михайловским поэтом», живое доказа-

тельство связи времен, когда срабатывает эффект «гения места»: южная земля хранит память о поэте и «реинкарнирует» его через поэтические строки Шенгели. В крымских пейзажах Шенгели просматриваются пушкинские южные поэтические локусы, а сама ткань стихотворений напоминает причудливый палимпсест акмеистического толка с «просвечиванием» культурных слоев — образов, деталей, героев.

Связующим звеном в диалоге поэтов сквозь время становится книга и ее вариации — рукопись, стихи, манускрипты и пр. Как человек словесной культуры, Шенгели считает книгу сакральным предметом, а слово — Божьим даром, оружием и прибежищем поэта. В этом выразилось его акмеистическое отношение к Слову как к способу творения мира, что вторит пушкинской лире, заботящейся о жизни слова в искусстве.

В поздней лирике, в которой нарастают элегические и даже трагические мотивы, Пушкин запечатлен как свидетель печальных изменений, «похорон времени». В стихотворении «Вот взяли, Пушкин, вас и переставили...» (1950) для лирического героя Шенгели наступил период «немолчаливой лиры», осознания ненужности поэзии в урбанистический век, «где пасынки одной зари коралловой / “Во глубине сибирских руд” молчали» [Шенгели 2017: 526].

На протяжении всего творческого пути Пушкин является собеседником Шенгели, его эстетическим камертоном и поэтическим образцом. Для Шенгели диалог с великим поэтом доказывает правильность выбора им классического пути в поэзии, что было смелым шагом в эпоху доминирования пролетарского искусства. Пушкинский путь «трудоу и вдохновенья», преодоления обстоятельств и неизменной верности поэтическому слову был особенно важен для него, попавшего в опалу у власти и не увидевшего большую часть своих стихов напечатанной.

Литература

- Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* «Пушкинский словарь» Г. А. Шенгели: неизданная статья автора конкурданса к стихам А. С. Пушкина // *Литературный факт.* 2020. № 1 (15). С. 458–476.
- Переяслов Н.* Маяковский и Шенгели. Схватка длиной в жизнь. М.: Проспект, 2018. 432 с.
- Шенгели Г. А.* Два «Памятника»: сравнительный разбор озаглавленных этим именем стихотворений Пушкина и Брюсова. Петроград: Coiseau bleu, 1918. 24 с.
- Шенгели Г. А.* Стихотворения и поэмы. Т. 1. /составление, подготовка текста и комментарии В. А. Резвого; биографический очерк В. Э. Молодякова. М.: Водолей, 2017. 765 с.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Андреянова Мария Дмитриевна

канд. филол. наук, доцент,

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов;

mouse19855@mail.ru

ФИЛЬМ «1993»: РЕСАЙКЛИНГ ПРОШЛОГО КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО

Ключевые слова: ресайклинг, современный кинематограф, 1990-е годы, распад СССР, штурм Белого дома.

В честь тридцатилетия штурма Белого дома в октябре 1993 года на экраны вышел фильм Александра Велединского «1993». Главные роли исполнили Евгений Цыганов, Екатерина Вилкова и Александр Робак.

Главный герой — инженер, работавший когда-то на космос и даже оставивший отпечаток своего пальца на советском луноходе. После развала союза он не сумел вписаться в новые реалии и работает в аварийной службе, грубо говоря, в канализации, что символизирует самое дно жизни. Его жена работает там же диспетчером, но мечтает о совсем другой, шикарной жизни. Муж и жена являются носителями различных нравственных ценностей и потому закономерно оказываются по разные стороны баррикад во время событий 1993 года.

Несмотря на множество аутентичных деталей эпохи, воссозданных в фильме (флакон болгарских духов, одежда, магнитофон, реклама, песни Янки и Егора Летова), дух эпохи все же передать не удалось, в фильме много передергиваний и нестыковок, и в целом, несмотря на попытки объективно показать противоборствующие стороны, очевидно, что симпатии авторов фильма на стороне восставших против Ельцина.

Первое, что бросается в глаза — молодежь в одежде рокеров, но с советской символикой на футболках — немыслимое для того времени сочетание, но вполне уместное для сегодняшнего дня. Тогда молодые рокеры и панки в массе поддерживали политический курс страны и были крайне негативно настроены ко всему советскому. Опять же милиция их не разгоняла, по крайней мере не было преследований на почве идеологии. Даже их бытовое хулиганство зачастую игнорировалось стражами правопорядка.

Протестующая молодежь, показанная в фильме, характерна гораздо больше для современной эпохи, где недовольными властью оказываются как приверженцы коммунистической идеологии (родившиеся в 2000-х и совершенно не имеющие реального представления о жизни в СССР), так и крайне прозападно настроенные поклонники европейских ценностей. В фильме видится двойственное отношение к этим молодым людям: с одной стороны, сочувствие и жалость, с другой — обида за их неблагодарность (аварийная бригада спасает их от преследования милиции) и напрямую высказанное одним из героев мнение, что это сейчас они в роли гонимых и жертв режима, а когда дорвутся до власти, «такими же уродами станут».

Второе ключевое «неправдоподобие» в фильме заключается в том, что два противоборствующих лагеря показаны так, что создается ложное впечатление, что это одни и те же люди, слушающие и поющие и там, и здесь одни и те же песни Виктора Цоя, которым, казалось бы, нечего делить. Однако в реальности на стороне восставших были в большинстве махровые сталинисты, черносотинцы и всякого рода националисты, чья идеология напоминала шариковскую: отобрать все у внезапно разбогатевших сограждан (особенно евреев) и поделить. Никакое поправление конституции их не интересовало и уж конечно песен Цоя они не пели. Их сердца тре-

---

Ответственный редактор: д-р филол. наук *Л. Д. Бугаева*.

бовали не перемен, а вернуть все как при Сталине. Утрированно трагической выглядит также сцена прицельного расстрела «мирной» демонстрации, штурмовавшей Останкино. Таким образом, здесь тоже отчетливо видно наложение современных реалий на ситуацию 93 года.

Последняя сцена, где герой ломает гробы и доделывает из этих досок крышу сарая, очень символически и идеологически насыщенная, но совершенно неправдоподобная с точки зрения тогдашних реалий. Понятно, что в реальности за порчу дорогостоящих гробов «крыша» похоронного бизнеса, в который ввязалась его жена, просто сожгла бы всю семью вместе с домом и сараем, такие случаи не были редкостью в то время. Но авторы фильма преследуют здесь вполне определенную цель — показать, что герои отказываются от торгашеской идеологии, от денег, заработанных на чужом горе и смерти, и возрождаются к жизни, принимая сторону традиционных ценностей (дом, семья, честный труд).

Таким образом, фильм «1993», несмотря на множество узнаваемых деталей эпохи, все же оказывается исторически недостоверным, поскольку преследует иные цели, лежащие в области современности. Ресайклинг эпохи девяностых становится условным фоном для демонстрации нынешнего противостояния и разногласий в обществе. Отчетливо ощущается тенденция примирить идеологических противников и показать обе стороны как просто обычных людей, ищущих правду. Также в фильме продвигается идея бессмысленности любого вооруженного протеста, ведущего к гражданской войне. Финальная сцена выглядит как конструирование желаемого будущего — примирение враждующих сторон, восстановление связи между поколениями и совместный созидательный труд.

Бронникова Анна Сергеевна

аспирант, Всероссийский государственный институт
кинематографии им. С. А. Герасимова (ВГИК);
anna.bronnikova@gmail.com

СЮЖЕТ САКРАЛИЗАЦИИ И ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В ДРАМАТУРГИИ ФИЛЬМА

Ключевые слова: драматургия фильма, кино и власть, сакральное.

Сюжет власти (сюжет, описывающий борьбу за власть или взаимоотношения с системой власти) вдохновляет кинематографистов с момента появления кино. Становление правителя, обретение силы и особых способностей героем — обязательная история любого мифологического творчества. Зачастую властитель предстает фигурой особой, способной на большее, чем обычный человек или даже совершающей чудеса. Такие фильмы вдохновляют, воодушевляют, играют на наших «высоких чувствах». Но как часто персонаж правителя в историях высмеивается, его корона оказывается картонной, а уникальные способности фикцией или удачным жульничеством? Смех над героем фильма и над «сильными мира сего», изображенными в нем, заставляет исчезнуть священный трепет и увидеть не фигуру власти, а реального человека под ее маской. Всегда ли персона властителя в фильме сакрален? Зачем нужна атмосфера сакральности в фильме и как она создается в сценарии?

«Сакральное» — один из самых противоречивых феноменов в культурологических, социальных и философских науках. У многих он сливается с понятием «религиозного», европейский традиционализм пытается раскрывать его через отношения человека с трансцендентальным, при этом к паре Бог — человек добавляется еще и природа. Но кино — искусство визуальное, в центре любого высказывания будут те или иные человеческие отношения, поэтому и рассматривать сакральное в сценарии фильма будет уместно через сферу социального, через групповое и личное переживание.

Секуляризация современного общества предположительно должна ослабить «сакральное» в литературе и искусстве, но, обретая новые формы, в мифе или мистицизме «сакральное» по-прежнему остается мощным социальным оружием массового поражения. Оно приводит социум в движение, объединяя и предлагая новые социальные формы или разгоняется до уровня коллективной истерии и срыва.

Необходимость высшей силы, вера в нее — фактор объединения и синастрики социума. Непознаваемое и одновременно абсолютно могущественное нуждается в пояснении, поэтому в обществе возникает язык символа и метафор — по сути своей язык творчества. В сценарии «сакральное» возникает в различных семантических формах: ценности, идеалы персонажей, архетипы коллективного бессознательного, дискурс в котором существует главный герой.

«Сакральное» в кино проявляется как в личности героя (властителя), так и в создании пространства фильма, ритуалах, которые организуют социум и задают ему определенное настроение и ритм, в деятельности институтов, как религиозных, так и культурных. Личность властителя в сценарии многопланова. Для зрителя имеет значение как выглядит персонаж, как себя ведет, какими качествами обладает и какие идеи несет. Персона властителя является симулякр самой власти, поэтому она несет символы власти, приверженность традициям и ритуалам, а также определенный набор личных качеств, подразумевающих лидерство. Поэтому сакральность самой власти отражается в персонаже через набор определенных образов и метафор. Но принадлежность к среде власти не всегда означает принятие и присвоение сакральности. В ряде сюжетов фигура правителя сознательно десакрализуется, а само понятие священного переходит на другого персонажа, институт или даже коллективного героя.

Иеротопия (создание сакральных пространств) напрямую связана с кинематографом, так как кино — искусство визуальное, искусство создание образов и символов. Поэтому любой фильм открывает бесконечное количество возможностей для создания подобной атмосферы

и пространства. Игра света и тени, цветовые и пространственные акценты, пропорции и атмосфера погружают нас, субъективно, как зрителя в переживание сакрального. Тут большее значение имеют формы символические, чем семантические. Но сопереживание и единение возможно только в комплексном сочетании — развитии сюжета и пространства.

Приобщение к «сакральному» всегда сопровождается ритуалами. Самым эмоционально и социально мощным будет принесение жертвы. Убийство даже значимое и резонансное не несет в себе функции жертвоприношения. Оно приобретает другое значение и звучание только при соединении в сценарии воедино трех элементов: личности, социума и идеи. Большое количество социологов и философов рассматривают принесение жертвы как замещение или сброс накопившейся социальной энергии, результатом которого становится переход всего общества в другое состояние и его объединение. В сценарии жертвоприношение часто выступает как последний аргумент, подтверждающий право претендента на роль властителя.

Убийство человека во все времена воспринималась как самое тяжелое из возможных преступлений. За ним неотъемлемо следует кара — либо со стороны социума, либо высших сил. Жертва — это разрешенное убийство, смерть, которая принимается как необходимая — стать жертвой может далеко не каждый, не каждый может совершить ритуальное убийство.

В докладе анализируются примеры сакрализации и десакрализации структуры или персонажа власти на примерах из фильмов «Орда», 2012, реж. А. Прошкин, «Дворец», 2023, реж. Р. Полански, «Не смотрите наверх», 2021, реж. А. Маккей, «Банкет», 2006, реж. Фэн Сяо Ган.

Головачева Ирина Владимировна

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
igolovacheva@gmail.com

ВЛАСТЬ ДВОЙНИКА И ТВОРЧЕСКОЕ БЕССИЛИЕ В ПСИХОПАТИЧЕСКОМ КИНОДИСКУРСЕ

Ключевые слова: триллеры, двойничество, «Тайное окно», Дэвид Кепп, Стивен Кинг.

Темы, вышедшие на первый план в психологических триллерах последних двух десятилетий, укладываются в короткий список: серийные убийства, амнезия и диссоциативное расстройство идентичности. Сравнительно свежей темой криминальных киносюжетов стал писательский кризис [Flaherty 2004] — в «Областях тьмы» (The Limitless, 2011), «Основано на реальных событиях» (D'après une histoire vraie, 2017), «Острых предметах» (2018), «Смертных приговорах» (Death Sentences, 2020), «Защиты. Незаконченной главе» (The Ghost Writer, 2022). Особой сложностью отличается рецептура киносюжета, сочетающего «раздвоение личности», «амнезию» и «writer's block», что в одних случаях ведет к нагромождению нелепиц, как в «Неизвестном: истории одного убийцы» (UNKNOWN, 2021), а в других обеспечивает несомненный успех. За счет чего?

Подробный разбор, на наш взгляд, самой эффективной комбинации «серийных убийств», «двойничества», «амнезии» с «писательским кризисом», является «Тайное окно» (Secret Window, 2004) Дэвида Кеппа, анализ которого позволяет выяснить, в частности, почему данная кинолента является редким примером преимущества экранизации по сравнению с литературным источником. Повесть Стивена Кинга [King 2017 (1990)], в отличие от киноверсии, имеет счастливую концовку, не к месту приправленную мистикой, нарушающей единство эффекта и мотивировку событий.

В фильме кризис креативности представлен как комплекс причин и следствий. Писательское бессилие главного героя, популярного автора Морта (Мортена Рейни), очевидно спровоцировано разрывом с неверной женой, равно как и нахлынувшими болезненными воспоминаниями о давнем эпизоде плагиата. Все это приводит к букету патологий: отсутствию критики, депрессии, провалам в памяти, алкоголизму, вспышкам агрессии и, наконец, паранойи, о которой зритель не будет догадываться большую часть фильма.

Основной сюжет построен на череде преступлений, связанных с появлением на пороге загородного дома Морта незнакомца, заявившего, что тот украл его рассказ. Оба практически идентичных текста, принадлежащих перу Морта и его незваного гостя, провинциального писателя по имени Шутер, посвящены тому, как лучше всего убить женщину, «укрававшую у вас любовь». Как видим, основной сюжет фильма, равно как и сюжеты обоих «текстов в кинотексте», построены на темах недостачи и мести.

В повести Кинга провинциал-южанин Шутер, впервые появившись на пороге дома Морта, вызывает у него ассоциации с персонажами У. Фолкнера. Морта, наверняка знакомого с основными фактами биографии Нобелевского лауреата, должна раздражать сама мысль о Фолкнере. Как известно, великий американец был вполне успешным фермером, порой собиравшим богатый урожай кукурузы. Автор «Саги Йокнапатофы» в экранизации не упомянут, но «обозначен»: Шутер — это фермер из Миссисипи и писатель. Но особая роль отведена в фильме именно кукурузе, отсылающей как к Фолкнеру, так и к Кингу, которые использовали этот топос в текстах, принесших им мировую славу. Таким образом, кукуруза прежде всего работает в фильме как визуальная метафора творческой удачи и успеха, то есть того, чего так недостает Морту.

Травмированный двойной утратой (жены и авторства) некогда успешный литератор, жизни которого угрожает таинственный незнакомец (полная противоположность главного героя), вызывает сочувствие. Однако режиссер, играющий на зрительской эмпатии, как положено, обманывает наши ожидания: ближе к концу фильма оказывается, что Шутер — это alter ego

Морта. Разница между расщепленными половинами сводится к тому, что Шутер, в отличие от Рейни, не скрывает, что жаждет немедленной мести и осуществляет ее.

В заключительном эпизоде мы видим идеально прибранный дом Морта, в предыдущих сценах напоминавший приют бомжа. Главный герой, явно преодолевший депрессию, что-то упоенно печатает в компьютере, параллельно жадно вгрызаясь в початки молодой кукурузы, водруженные прямо на рабочий стол. На сверкающей чистотой кухне громоздится гора сырых початков, в чане кипит вода: Морт не собирается ограничиваться уже сваренными початками. Очевидно и то, что его не уличили ни в одном из совершенных им убийств. Писателю, тщетно пытавшемуся выйти из творческого тупика, удалось претворить в жизнь сюжет своего старого рассказа, в котором человек сошел с ума и убил свою жену. Характерно, что Морт реализует тот финал, который придуман «двойником».

Пожираемые героем кукурузные початки — это каннибалистический гротеск. В самом деле, кукуруза, выращенная в «тайном саду», на клочке примыкающей к дому земли, где Морт зарыл трупы бывшей жены и ее избранника, символизирует комплексное решение проблемы трех утрат (дара, авторства и жены). В сущности, таким макаберным способом он удовлетворил основные потребности, соответствующие четырем уровням знаменитой пирамиды Маслоу, — в пище, в безопасности, в самоуважении и в статусе (успешного писателя). Симптоматично, что потребность в любви и дружбе у него полностью отсутствует и потому, разумеется, в удовлетворении не нуждается.

Виртуозный финал, одновременно тематизирующий безнаказанность и обретенную целостность — у торжествующего Морта Рейни не осталось и следа диссоциации, заставляет задаваться вопросом о том, может ли раскол Я быть преодолен путем безоглядного погружения в насилие. Морт-Шутер больше не боится одиночества, обвинений в плагиате и преследования. В соответствии с классической традицией двойнического соперничества [Golovacheva 2022: 35–46] двойник победил униженного невротика. Искушенный зритель не сомневаться в том, что психопат, если придется, будет и впредь устранять любые препятствия: аппетит у него стал превосходным, а влечения уже не подчиняются «неудобствам культуры».

Литература

Flaherty A. The Midnight Disease: The Drive to Write, Writer's Block, and the Creative Brain. Boston, 2004.

Golovacheva I. From Poe to James via Dostoevsky: Doppelgangers in American and Russian Short Story // Connection and Influence in the Russian and American Short. Story/ eds Jeff Birkenstein and Robert Hauthart. Lanham (MD), 2021. P. 35–46.

King St. Secret Window // St. King. Four Past Midnight. New York, London, Toronto, 2017. P. 319–515.

Ежевский Александр Викторович

аспирант, Всероссийский государственный университет
кинематографии им. С. А. Герасимова (ВГИК);
sunofmark@gmail.com

«СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ ГРАЖДАНИНА ВНЕ ВСЯКИХ ПОДОЗРЕНИЙ», КАК АНТИГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

Ключевые слова: политическое кино, авторитаризм, сатира, итальянское кино.

Семидесятые годы в Италии известны как «свинцовые семидесятые» — время политической нестабильности. Террористические акты, массовые протесты, разгул преступности. Власть не только использует политическое противостояние коммунистов и националистов, но и провоцирует его, заказывая эти самые теракты и политические убийства, создавая «стратегию напряжения». Цель которого — довести общество до такого состояния, когда оно само попросит ужесточить законы и режим.

Идея фильма «Следствие по делу гражданина вне всяких подозрений» (1970) режиссера Элио Петри была его реакцией на события, происходившие в Италии в те годы. В открывающей сцене фильма новоиспеченный глава политического отдела полиции, безмянный инспектор в исполнении Джана Марии Волонте, убивает свою любовницу Аугусту и тщательно, с маниакальной методичностью оставляет улики, неоспоримо указывающие на него самого, как на убийцу. Необычный замысел Инспектора заключается в том, что он хочет доказать изъясн Системы. Сначала обвинить, затем посадить невинного человека и после этого начальству, прессе, обществу явить настоящего убийцу — себя самого. Иными словами, он убивает свою любовницу с целью проверить насколько он сам «вне подозрений», то есть ВЫШЕ закона. По ходу фильма его концептуальный замысел разбивается об устройство самой Системы.

Убийство носит символический характер. Любовница инспектора Аугуста живет в доме в стиле Модерн. В Италии у этого стиля свое название: Liberty. Свобода. То есть Инспектор (Государство) убивает Свободу. В серии флэшбэков авторы демонстрируют зрителю отношения Инспектора и Аугусты, то есть Государства и Свободы. Аугуста смеется над Инспектором, издевается над ним, провоцирует его, одновременно использует и осуждает. Наслаждается его властью и высмеивает ее. В одной из сцен-флэшбэков Аугуста подстрекает Инспектора нарушить закон — проехать на красный свет на глазах регулировщика. Аугуста постоянно ставит авторитет Инспектора под сомнение. Делу не помогает и эректильная дисфункция Инспектора. Чтобы возбудиться, они с Аугустой инсценируют известные сцены убийств и насилия. Власть без насилия — импотент, — говорит Элио Петри. Единственный способ у существующей власти доказать свою легитимность — это уничтожить Свободу.

Аугуста-Свобода увлечена не только Инспектором/Государством, но и молодым анархистом. Метафора прозрачна: Свобода, которая заигрывает и с фашизмом, и с анархизмом хорошо не закончит. Она будет уничтожена. Власть, по пессимистичному замыслу Элио Петри, не может существовать без насилия, без подавления свобод. Привыкший к подчинению Инспектор злится, что Аугуста не подчиняется ему, унижает его. Не поэтому ли он убивает ее на самом деле? Чем больше флэшбеков раскрывают отношения Аугусты/Инспектора (Свободы/Государства), тем отчетливее в голове зрителя звучит вопрос без очевидного ответа: это концептуальное убийство в духе Раскольникова или же все-таки преступление на почве страсти, которое Инспектор пытается обернуть в эффектную смысловую обертку? Он убил ее, чтобы что-то доказать или потому что она подрывала его авторитет?

Во время выступления перед прессой и коллегами Инспектор настаивает, что нет никакой разницы между преступными и политическими действиями, что «в каждом преступнике прячется бунтарь, а в каждом бунтаре — преступник». Он убежден, что свобода порождает террор анархии и, что самое эффективное лекарство — репрессии. «Репрессии — это вакци-

на» — буквально говорит он. Любой протест, любое недовольство государством, законом или властями — это нарушение, которое Инспектор приравнивает к убийству, изнасилованию.

Его нововведение на новом посту — прослушка всех граждан города. Не наказание виновных, а предотвращение преступлений: той же прослушкой, тотальными слежками, развитой сетью провокаторов и стукачей, профилактическими арестами и задержаниями любых недовольных, любых протестующих. В подвалах полицейского участка — тысячи записывающих устройств и вычислительных машин того времени.

В 70-е идеи этого фильма многим критикам казались избыточными и абсурдными фантазиями тревожного марксиста. Сегодня допущения Петри уже не кажутся фантастическими. На протяжении всего фильма Инспектор мечется между желанием быть пойманным и уйти от ответственности. В его лице режиссер Элио Петри иронизирует над итальянским государством 1970-х гг., которое не может определиться, каким именно оно хочет быть. Правым или левым? Свободным или Тоталитарным?

Финал пессимистичен и прямолинеен — начальство не позволяет Инспектору довести замысел до конца. Начальники приезжают к герою домой, и Инспектор понимает, что осуществить задуманное не получится. Государство по Элио Петри существует не ради Закона, Общества, Граждан, а лишь ради самого себя. Его цель — сохранение себя. Начальство поднимает на смех саму мысль, что Инспектор может быть в чем-либо виновен. Государство вне подозрений. Виновными могут быть только люди. Свой фильм Элио Петри заканчивает цитатой из «Процесса» Франца Кафки: «Он слуга Закона, а значит, причастен к Закону, значит, суду человеческому не подлежит».

Важно понимать, что до этой картины в Италии не снималось таких прямых и радикальных политических высказываний. Никто из режиссеров не осмеливался так прямо обвинять полицию и власть (на тот момент Либералов) в фашизме. Это было настолько смело, что Элио Петри посоветовали уехать из Италии во Францию в дни премьеры. Продюсеры боялись полицейского возмездия.

Литература

Ленин В. И. Государство и революция. М., 1969.

Холмогоров И. «Свинцовые семидесятые» в Италии: причины развития политического радикализма // Актуальные проблемы истории, туризма, рекламы и связей с общественностью. Тезисы докладов конференции. Ярославль, 2022. С. 46–48.

Curti R. Italian Crime Filmography 1968–1980. Jefferson, North Carolina; London, 2013.

Еланская Светлана Николаевна

канд. филос. наук, доцент,
Тверской государственный университет;
jolotschka@mail.ru

КИНОАЛЬМАНАХ «ВОЛШЕБНАЯ СИЛА»: ВЛАСТЬ ИСКУССТВА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Ключевые слова: киноискусство, социальное действие, телефильм, киноальманах.

Сила воздействия искусства неоспорима, его власть над нами принимает причудливые и неожиданные формы. Очаровательный киноальманах «Волшебная сила» (1970, реж. Н. Бирман) — тому свидетельство.

При анализе данного негромкого, но запоминающегося музыкального фильма мы сталкиваемся, как минимум, с двумя силовыми векторами: 1) этическое, эстетическое и эмоциональное воздействие различных видов искусства (кино, литература, театр) на условную публику и 2) смоделированные под его влиянием социальные взаимодействия. Методологически прояснить данную ситуацию поможет обращение к классику властной проблематики Максус Веберу, а также положения П. Бергера и Т. Лукмана о власти и легитимации. Любопытен и контент зрительских мнений по поводу картины полувековой давности. Уже само название телефильма из трех новелл (кстати, вызвавшее споры на популярных кинопорталах) подразумевает власть. Прежде всего, это чудесная сила Санкт-Петербурга (Ленинграда). В этом отношении альманах можно рассматривать как «питерский текст». Камера фиксирует наше внимание на любимых видах Великого города, застывает над площадью Искусств, памятником Пушкину. Зритель заворожен магией Питера.

Каждая из короткометражек обращается к одному из видов искусства. Первая — «Мстители из 2 «В» напрямую воспевают боевую власть кино. Второклассники, по договору всегда ходить «с оружием», пускают его в ход, помогая бедным обиженным героям «Неуловимых мстителей» (последние, в свою очередь, способны послужить поводом для анализа особенностей классовой борьбы).

Малыши, преодолев экран, становятся соучастниками приключений. Под уморительную «Кинопоходную» с исчерпывающим слоганом «Кино настоящее лучше телевизора!» они восстанавливают социальную справедливость. Важный момент: историко-приключенческий боевик вызывает неподдельные детские эмоции — хохот и трогательные попытки сдержать слезы, возмущение зверствами белых — дорогого стоят сейчас, в эпоху повышенной сентиментальности, но тотального равнодушия и придиричivosti. Представители школьной власти — обаятельная учительница и директор своим авторитетом снисходительно поддерживают сокрушительный пропагандистский посыл «Неуловимых».

Вторая новелла «Здравствуй, Пушкин» запоминается меньше. Хотя речь в ней — о силе пушкинского слова, способного разрешить недоразумения первой любви. В тонко ироничном ключе говорится о неудобной власти возраста: 8-ой класс — пропуск и на литературный бал, и к литературным творениям, в частности, «Евгению Онегину», который «надо читать с детства». Много позже подобные запреты закрепятся как возрастной ценз на произведения искусства. Невольно новелла имеет провидческий характер. Ее мессидж простенький, но со вкусом. Пройдя испытание эскимо, Владимир, прочитав роман в стихах и выучив письмо Онегина, по сути, в жизни исправит ошибки литературных героев.

Кульминацией альманаха является третья новелла «Волшебная сила искусства», давшая название всему циклу. Интермедия Аркадия Райкина стала самостоятельным произведением и разошлась на цитаты, неуловимо войдя в отечественный культурный код. Последний фильм наиболее выразительно иллюстрирует положения о власти М. Вебера как о способности навязывать свою волю и шансе встретить повиновение определенному приказу, а также его теорию социального действия.

Рассматриваемая как сатирическое социальное высказывание, короткометражка демонстрирует структуру доминирования, господства-подчинения, легитимирующую, кто доме хозяин. Организованная иерархия позиций в коммунальной квартире, тема коммуналки как пространства перераспределения власти вызвала наиболее живой отклик в обсуждениях на портале Кино-театр.ру. Учительница, авторитетная носительница власти знания, горячо радующаяся успехам учеников, вынуждена подчиняться хамским соседям, которые не говорят, но действуют. Примечательно, что она отказывается в способности помочь правоохранительным органам и взывает, намекая, к неформальному вмешательству. Видимо, нужно говорить в данном случае о ценностно-рациональном действии (Вебер). Разыгранный далее на сцене коммуналки театр миниатюр, в котором великий Райкин в «маске» бандита (и «масках» многочисленных воображаемых ужасных родственников) являет больше, чем артистический талант — нужно говорить о харизме, необыкновенно смешон. Как спектакль, действие, возможно, по современным меркам, покажется прямолинейным и наивным, но ведь и сама власть предполагает некий нажим, давление. Конфликт интересов в представленном коммунальном пространстве, по мнению зрителей, далеко не очевиден. На поверхности, условно, в наивно-советском изводе, латентная классовая борьба между необразованными грубыми «подселенцами» и забитой интеллигенцией. Справедлива и симпатична победа силы искусства и знания — культурного фактора. Идеологический педагогический посыл также понятен: воображение «недорезанных буржуев» разыгралось и покорилось. На одну силу находится другая.

Примечательна властная роль *учителя* во всех трех новеллах, взаимодействие учитель — ученик. Поющая героиня Л. Сенчиной мягко, играючи, обучает, в том числе эстетически. Незримая Марья Петровна не велит под предлогом «неправильного понимания». Елена Сергеевна (И. Гошева) интересна своей многогранностью учительской роли, везде и всюду обладающая скрытыми дидактическими инструментами. Любопытны и метаморфозы ценностно-рациональных и аффективных социальных действий героев короткометражек под волшебным влиянием искусства. Зрителей заставляют пережить четыре возраста: детство, отрочество, зрелость и «серебро», каждый из которых накладывает отпечаток на восприятие прекрасного.

Чрезвычайно выразительны песни на стихи К. Рыжова и музыку А. Колкера, которые и закольцовывают изящную мораль телеальманаха — «всеми возрастами правит, окрыляет наши чувства волшебная сила искусства».

Иваницкий Александр Ильич

д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского,
Российский государственный гуманитарный университет;
meisster@mai.ru

ЭРОС И ТОТАЛИТАРИЗМ В ЗАПАДНОМ КИНО: ДВА ТИПА ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: страх перед эросом, властная редукция гедонизма, оргийное начало власти.

«Голубой ангел» И. Штернберга (1930) видится источником двух линий послевоенного западного кино. В первой эрос стимулирует тоталитарную власть как орудие его обуздания; во второй выступает ее стержнем.

Первую линию задает гимназический преподаватель Рат (исп. Э. Яннингс). Рат — чиновник «духовно-рациональной» гражданской культуры XIX в., в которой нет места гедонизму (демонизируемому, как в средневековье). Поэтому он остался ребенком во всем, что касается эроса. Кабаре, куда тайком ходят ученики, рушит представляемый им порядок — и непреодолимо влечет к себе. Исполнив это, влюбившись в певичку Лолу (исп. М. Дитрих), Рат — пожилой ребенок, оказывается неспособен жить в мире «вольной страсти» — и погибает.

В итальянском и немецком кино 1960–70-х гг. этот финал рождает устойчивый тип героя, который в страхе перед либидо и вокруг стремится обуздать их с помощью тоталитарно-полицейского порядка. Психологической точкой отсчета видится новелла Ф. Феллини «Искушение доктора Антонио» из киноальманаха «Декамерон-70» (1962). Заглавный герой (исп. П. ди Филиппо) неумоимо борется с мини-юбками, глубокими декольте и торговлей «Плейбоем». Кульминацией падения нравов становится развернутый за его окнами плакат с рекламой молока, пить которое призывает пышногрудая и длинноногая кинозвезда Анита Экберг (ранее сыгравшая в «Сладкой жизни»). Антонио устраивает сольные демонстрации перед плакатом, обливает его чернилами; но ночью ему снится, как Анита оживает и обольщает его. В итоге обезумевшего Антонио находят лежащим перед плакатом и кричащим: «Она моя, я никому ее не отдам!». Война с распутством оказывается оболочкой его собственных влечений и страхов перед ними.

Самый прямой путь защиты от эроса с помощью тоталитарной власти пролагает юный Оскар (исп. Д. Беннент) в «Жестяном барабане» («Die Blechtrommel», 1979) Ф. Шлендорфа по роману Г. Грасса. Будучи ребенком, он видит, как под столом чужой мужчина заигрывает с его матерью и встречает благодетельный отклик. После чего решает не расти и не взрослеть, для чего намеренно падает с лестницы. Сбывается, однако, только первое; став маленьким, «безбрачным» взрослым, Оскар делает быструю карьеру в утвердившемся Третьем рейхе, становясь идеальным (бескорыстным) носителем его полицейской морали.

В фильме Б. Бертолуччи «Конформист» («Il conformista», 1970) таковым является главный герой, Марчелло Клеричи (исп. Ж.-Л. Трентиньян). Вечно зависимый от матери — богатой немфоманки, он возненавидел все, что связано с эросом, и для освобождения от него максимально встраивается в режим Муссолини, поступая в тайную полицию. Встраивание, однако, включает брак, где роли распределяются парадоксально. Джулия (исп. Ст. Сандрелли) — домашняя жена, живущая по принципу «Что муж ни сделает, то и хорошо», но при этом безраздельно верховодящая в постели. Тем самым, Клеричи как бы запирает эрос под своей семейной дланью.

Ключевым событием в фильме становится провокация Клеричи в отношении его бывшего учителя, профессора — эмигранта, к которому он проникает в Париже с целью его убийства. Но политическое вольномыслие для Клеричи — продолжение сексуальной свободы; и снова подавление происходит через подчинение. Сексуально и интеллектуально свободная супруга профессора Анна (в исп. Д. Санда) — духовный двойник мужа, и, расправа над ним для Клеричи — лишь ступень к расправе над Анной. Обольщая Анну, Клеричи доказывает ей и себе, что даже самая умная женщина — всего лишь самка. После чего заманивает обоих супругов в горы,

где агенты охраны расстреливают их у него на глазах. Таким образом, полицейское обуздание эроса в себе и других происходит не через отказ от него, а через приобщение как порабощение.

В снятом в том же 1970 г. фильме Э.Петри «Следствие по делу гражданина выше всяких подозрений» («Indagine su un cittadino al di sopra di ogni sospetto») безымянный герой в исп. Дж.-М. Волонте (именуемый как «доктор») — полицейский начальник уже послевоенной Италии. Закомплексованный своим сексуальным слабосилием и индифферентностью, он сделал авторитаризм в отношении общества и подчиненных щитом своих комплексов. Как и Клеричи, он является «сексуальным» рабом своей женщины Аугусты Терци (исп. Фл. Болкан), — но не жены, а любовницы, вольномыслящей нимфоманки, но выбранным ею. Как и Клеричи, он убивает подругу, перерезая ей горло во время инсценированной любовной игры. Цель «доктора» — не просто месть доминирующей подруге (олицетворенному «либидо»), но обретение (по фашистской модели) «подчиненной женщины» в лице толпы. «Дотторе» демонстративно разбрасывает улики своего преступления перед соседями, коллегами и случайными прохожими, чтобы доказать им: даже будучи уверены в его виновности, они не посмеют подозревать и тем более осудить его. «Дотторе» уверен, что толпа страшится той же оргийной вседозволенности, которая для него стала комплексом.

Между тем погубившая в «Голубом ангеле» учителя Рата певичка Лола выступает безразлично-беспощадной «валькирией», только приспособленной к современности. В лице Рата она замещает изживший себя аскетический духовный порядок прежним и древним — основанным на оргийном начале. Развивает этот мотив «Гибель богов» Л. Висконти («La caduta degli dei», 1969), фактически задавший «артхаузную» линию осмысления нацизма в европейском кино (см.: [Васон 1998: 145–148]). В его начале которого Мартин Эссенбек (исп. Х. Бергер), один из отпрысков немецкой сталелитейной династии, переодевается в «Лолу» — Дитрих и поет на семейном торжестве «от ее имени». Становление нацизма в фильме происходит как эстафета сменяющих и губящих друг друга типов оргийно-эротического своеволия, олицетворенного в различных членах семьи Эссенбеков (см. [Бейли 1998: 102–103]). «Последним героем» и становится Мартин, чей гедонизм предстает непрерывным (равным жизни во времени и пространстве) — подобно пламени, бушующему в топках сталеплавильных печей Эссенбеков.

Второй «ролевой» реминисценцией Лолы Дитрих выступает Салли Боул в исп. Л. Минелли из фильма Б. Фосса «Кабаре» («Cabaret», 1972). Кабаре и его солистка Салли концентрируют в себе блаженно-утонченный гедонизм угасающей Веймарской республики (см.: [Кичин 1990: 143–144]) и в то же время ее «декадентски-мазохистское» ожидание властного насилия над собою. Его и знаменуют множачиися штурмовики на выступлениях Лолы, которые станут новыми суверенами «оргийного порядка».

Очевидно, увидев «Голубой ангел» предвестием нацизма и Второй мировой войны, западное кино осознало эрос антропологическим коррелятом государственной власти. Мера его проявления пропорциональна мере тоталитарности власти, — борющейся с ним либо исходящей от него.

Литература

Бейли К. Кино: фильмы, ставшие событиями = Les films-clés du cinéma. СПб.: Академический проект, 1998. С. 102–103.

Кичин В. Весь этот Фосс // Искусство кино. 1990. № 3. С. 141–147.

Васон Н. Visconti: Explorations of Beauty and Decay. Cambridge University Press, 1998. P. 145–148.

Касмынин Алексей Иванович

соискатель, Всероссийский государственный университет
кинематографии им. С. А. Герасимова;
kasmynin88@gmail.com

СТРУКТУРА ЛАБИРИНТА КАК ПРОСТРАНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ В КИНОПРОИЗВЕДЕНИИ

Ключевые слова: власть, лабиринт, художественное пространство, репрезентация, конфликт.

Концепция власти — вездесущая и неизбежная. К примеру, подавляющее большинство языковых моделей базируются на основе власти означающего над означаемым. Любое пространство обладает властью. Стена самим фактом своего пассивного присутствия ограничивает способность индивида к передвижению и заставляет либо подчиниться — обходить, либо сопротивляться — разрушать или преодолевать.

Формирование художественного конфликта кинопроизведения подразумевает столкновение героя с властью в той или иной форме. При этом у всех форм власти присутствует одно общее свойство: они производят ограничения. Ограничения формируют диаграмму движения персонажа сквозь художественное пространство фильма. Совокупность таких диаграмм образует сюжет. Власть в контексте данного доклада понимается как объект художественного пространства кинопроизведения, ответственный за производство ограничений. Структура лабиринта в сюжете выражает способ репрезентации этих ограничений.

Выделяются три типа лабиринта. Первый — уникарсальный лабиринт, путь в котором, временами весьма извилистый, неизбежно приводит к выходу; второй — древовидный лабиринт, в котором заканчиваются тупиком все ответвления, кроме одного, поиск выхода ведется методом проб и ошибок; третий — ризоморфный, не имеющий ни центра, ни периферии, состоящий из узлов и плато [Эко 2016: 55]. Рассмотрим, как эти пространственные средства репрезентируют власть, производящую ограничения для персонажа.

В фильме Дэвида Линча «Простая история» (1999) главный герой Элвин Стрэйт подчиняется власти ограничений преклонного возраста. Из-за ухудшившегося зрения он больше не может водить автомобиль, поэтому, чтобы повидать брата, пережившего инсульт, решает преодолеть 240 миль на тракторе-газонокосилке, развивающем скорость 5 миль в час. Так герой попадает в уникарсальный лабиринт.

В уникарсальном лабиринте присутствие власти в художественном пространстве проявлено и законы ее воздействия ясны, недвусмысленны. Диаграмма движения персонажа представляет собой линию, с которой невозможно сойти. Для структуры уникарсального лабиринта свойственен мотив инициации. Он есть и в данном фильме. В ходе повествования Элвина предлагают довезти до точки назначения на автомобиле, но он выбирает продолжить путь на газонокосилке, несмотря на поломки и опасность при движении по обочине. В итоге его усилия оказываются вознаграждены, брат впечатлен подвигом, они восстанавливают отношения. Получается, что Элвин Стрэйт принял ограничения, производимые властью инициации, отказ от которой гарантировал бы ему гораздо более легкий путь, пролегающий вне уникарсального лабиринта, и таким образом достиг желаемого.

Древовидный лабиринт репрезентирует власть заблуждений и формирует пространства ошибок. В фильме братьев Коэн «Большой Лебовски» (1998) структура древовидного лабиринта примечательна тем, что все персонажи блуждают в собственных пространствах ошибок. Одно из неявных ограничений подобных пространств заключается в том, что герои не догадываются, что движутся к тупикам, пока не достигнут их. Затем, оказавшись в тупиках они вынуждены вернуться к точкам выбора маршрута, чтобы попытаться отыскать верные пути. Диаграмма их движения, таким образом, напоминает древо.

Повествование фильма набирает ход после того, как бандиты-коллекторы принимают Джеффри Лебовски за его однофамильца. Затем очень быстро герои втягивают друг друга в соб-

ственные пространства ошибок. Путем наложения диаграмм власть заблуждений усиливается, заблуждения вступают в резонанс и вызывают эмоции, которые заставляют персонажей раз за разом оказываться в тупиках. И только главный герой находит правильный путь, в финале встречаясь с Рассказчиком, которому после короткого диалога говорит на прощание: «the Dude abides». Это отсылка к книге Экклезиаста: «One generation goeth, and another generation cometh; but the earth abideth for ever», что означает: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки». Исходя из того, что Джеффри Лебовски смог найти верный путь «не парясь», как описывал его действия Рассказчик, можно сделать вывод, что пространства заблуждений этого лабиринта сформированы не самими событиями, а отношением героев к ним. Реакции на события и были ограничениями. Способом доступа к верным путям было поправление власти эмоций и желаний. Так складывается художественный конфликт комедии человеческих страстей. Схожую тему власти желаний и эмоций над героями можно встретить в фильмах братьев Коэн «Фарго» (1995) и «Старикам тут не место» (2007).

Ризоморфный лабиринт примечателен тем, что при разворачивании ризомы становится очевидно, что любой ее узел состоит из множества узлов и множества плато [Делез, Гваттари 2010: 38]. То, что воздействует на один из узлов, вовсе не обязательно воздействует на другой. Власть обнаруживается относительным явлением. Исчезает строгая дуальность властитель-подчиненный, власть будто бы растворяется. Но что тогда производит ограничения для героев и какую форму они принимают?

Рассмотрим пример ризоморфного лабиринта в сериале Дэвида Линча и Марка Фроста «Twin Peaks» (1990–2017). Агент ФБР Дейл Купер прибывает в небольшой городок Твин Пикс, чтобы расследовать убийство Лоры Палмер и вскоре попадает в окружение большого числа персонажей — местных жителей, образующих узлы ризомы художественного пространства данного сериала. Диаграммы движения героев, наложенные друг на друга, напоминают перекати-поле. Каждый из узлов этой ризомы обладает властью, которая носит не только относительный, но и переменный характер. То, что является ограничением в одном из фрагментов повествования, в следующем может уже не быть таковым. При этом в каждый момент хронометража власть одного или нескольких, объединившихся узлов ризомы действует на один или несколько других узлов, формируя ограничения, что приводит к постоянному наличию ситуативных драматических конфликтов.

Литература

- Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург; М., 2010.
Эко У. От древа к лабиринту. М., 2016.

Кащенко Елена Сергеевна

канд. искусствовед., доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.kaschenko@spbu.ru

ХРУПКОЕ ОЧАРОВАНИЕ ВЛАСТИ: ФОН ШТЕРНБЕРГ, КОППОЛА, КРОЙЦЕР

Ключевые слова: художественный кинематограф, власть, правительница на троне.

Предполагается рассмотреть сочетание реальных исторических фактов и художественного вымысла на примере трех фильмов: «Грешная императрица» (1934) Д. фон Штернберга, «Мария-Антуанетта» (2006) С. Копполы и «Корсаж» (2022) М. Кройцер. Соответственно речь пойдет об образах трех правящих особ: Екатерины II; Марии-Антуанетты, супруги Людовика XVI и Елизаветы Австрийской. Можно утверждать, что все три упомянутые персоны заслужили культовый статус в истории, но как показывали их на экране кинорежиссеры? Насколько часто приходилось искажать реальные факты биографии, воплощая художественный замысел?

Фильм Д. фон Штернберга стал очередной вехой в сотрудничестве режиссера с Марлен Дитрих. По свидетельству дочери актрисы, присутствовавшей, в частности, при обсуждении сценария, Дитрих гораздо больше интересовала визуальная составляющая будущего экранного образа, чем реальные факты биографии Екатерины Великой [Рива 2020: 262–263]. В свою очередь, фон Штернберг не уступал ведущей актрисе в замыслах экстравагантных декораций и мрачного освещения в съемочном павильоне, призванных создать образ «России», загадочной и мистической. Примечательно, что «Грешная императрица» — при всей своей китчевости — действительно стала культовым фильмом в контексте творчества Марлен Дитрих, а также поселила в воображении американских зрителей мечту о далекой «императорской» России, манящей и странной.

София Коппола, снимая фильм об одной из самых известных и красивых представительниц французской королевской династии, также не избежала субъективного взгляда на эпоху и героиню (в исполнении Кирстен Данст). Следуя ее прямой цитате: «Только работа режиссера <...> дает возможность построить мир именно таким, каким вы хотите его видеть» [Натан 2023: 415]. Невзирая на то, что в реальности Мария-Антуанетта являлась не только легкомысленной любительницей развлечений, безмерно тратящей средства из королевской казны на собственные удовольствия — хотя это, бесспорно, не было ей чуждо — а была, например, заботливой и любящей матерью, в фильме возраст героини будто застывает, она не взрослеет, оставаясь в плену вечной юности. Это абсолютно соответствует основным принципам сюжетов Копполы, которая почти всегда фокусирует внимание именно на молодых героинях. Можно отметить, что концепция «Марии-Антуанетты» совпадает с некоторыми подлинными событиями ее жизни, показанными на экране в хронологическом порядке, но вот эволюция образа: от юной дофины к королеве-матери — отсутствует. Вследствие этого возникает несколько упрощенное восприятие, в том числе и визуальное. В реальности дело обстояло гораздо сложнее и интереснее, достаточно только вспомнить о влиянии Марии-Антуанетты на парижскую моду 1770–80-х гг. [Лилти 2018: 268–270] Кроме того, вряд ли можно не принимать во внимание тот факт, что французская королева на протяжении своего правления вызывала у общественности весьма бурные и разнообразные реакции: от обожания в юности до ненависти в последние годы перед началом революции. В фильме, повторимся, сохранен, скорее, внешний антураж: Версаль — золотая клетка для изящного существа. Когда эту клетку открывают насильно (т. е. в Версаль приходят простолюдины), героиня не пытается сопротивляться судьбе, а просто принимает ее.

М. Кройцер в фильме «Корсаж», посвященном Елизавете Австрийской, показывает достаточно радикальное переосмысление исторического контекста второй половины XIX столетия. Роль блестящей красавицы-императрицы досталась превосходной характерной актрисе Вики Крипс, чье внешнее сходство с парадными портретами и фотографиями героини не очевидно. Елизавета Австрийская боролась с малейшими признаками старения: диета, занятия гим-

настикой, верховая езда. История борьбы с собственными комплексами и невротизмом стала центральной и в «Корсаже». Само название отсылает зрителя к настоящей визуальной «тюрьме»: женщина буквально скована корсажем, тесным, неудобным, стесняющим движения. Вики Крипс показывает экстравагантную форму протеста героини против «всего мира», она избавляется от «корсажа», делегируя своей фрейлине право представлять ее на публичных мероприятиях (разумеется, под густой вуалью, полностью скрывающей лицо). Татуировки, алкоголь, музыка «Роллинг Стоунз» все это тоже есть в фильме Кройцер, но не так уж и выбивается из исторического контекста, как можно подумать. Режиссер выбирает путь ассоциаций, а не реальных исторических примет времени, а вернее — уравновешенно их сочетает. «Корсаж» получился гармоничным кинематографическим рассуждением на тему: не слишком ли тяжело бремя власти для хрупкой женщины и в чем, собственно, должны заключаться ее прямые обязанности, если она оказалась на троне?

Литература

- Лилти А.* Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб., 2018.
Натан А. Коппола. Семья, изменившая кинематограф. М., 2023.
Рива М. Жизнь Марлен Дитрих, рассказанная ее дочерью. М., 2020.

Клименко Надежда Вячеславовна

преподаватель, Высшее театральное училище им. М. С. Щепкина;
nadiklimenko@yandex.ru

СЮЖЕТ «ВЛАСТЬ И СМЕРТЬ» ФИЛЬМА А. Н. СОКУРОВА «СКАЗКА» КАК МЕТАСЮЖЕТ ТВОРЧЕСТВА РЕЖИССЕРА

Ключевые слова: Александр Сокуров, «Сказка», сюжет «власть и смерть», метасюжет.

Новый фильм А. Н. Сокурова «Сказка» (2023) содержит в себе все главные черты творчества режиссера: темы смерти и власти, пересечение границы бытия и небытия, подчеркивание сновидческой природы кинематографа, сложностилистическое соединение игрового и неигрового кино, а также активный интерес к истории и историческим личностям.

Темы власти и смерти поднимаются в фильмах А. Н. Сокурова с самого начала его творческого пути. Иногда они звучат отдельно друг друга, а иногда причудливо переплетаются. Тема смерти звучит уже в дебютном игровом фильме «Одинокий голос человека» (1978), где два эпизодических персонажа хотят «пожить в смерти», для чего один из них ныряет из лодки в реку, все действие происходит после революции и гражданской войны, и все пространство действия становится местом смерти (страны, города, людей, главного героя). Темой смерти наполнены фильмы «Круг второй» (1990), «Тихие страницы» (1994), «Мать и сын» (1997). Неигровые картины «Мария» (1988), «Элегия» (1986), «Московская элегия» (1987) композиционно выстроены, исходя из смерти главного героя: простой крестьянки Марии, перенесении праха Федора Шаляпина в Россию или смерти Андрея Тарковского. В «Восточной элегии» (1996) лирический герой попадает на некий японский остров, где общается с душами умерших хозяев домов. А в фильме «Камень» (1992) голый человек, появившийся в доме-музее А. П. Чехова, постепенно обретает «плоть» — образ писателя.

Тема власти, властителей также крайне интересовала А. Н. Сокурова. Начиная с «Советской элегии» (1989), где режиссер выводит на экран молодого политика Бориса Ельцина в его домашнем и политическом окружении. На рубеже XX и XXI веков автор напрямую обращается к теме исторических личностей во власти, создав картины о Гитлере («Молох», 1999), Ленине («Телец», 2000), Хирохито («Солнце», 2005). В этих картинах властители XX века предстают как слабые, уязвленные, метущиеся люди. В 2011 году режиссер экранизирует легенду о Фаусте, фильм, завершающий «тетралогию власти». В финале «Фауста» заглавный герой и его спутник Мефистофель оказываются в потустороннем мире, где Фауст «убивает» Мефистофеля и убегает прочь по бескрайнему безжизненному пространству. В данном контексте крайне интересны фильмы об императорских дворцах, ставших в результате двух революций общественными музеями: Эрмитаже («Русский ковчег», 2002) и Лувр («Франкофония», 2015). В этих картинах в дворцовых залах, наряду с героями и простыми посетителями, живут, действуют, встречаются ушедшие из этой жизни императоры, политические и культурные деятели.

Фильм «Сказка» выделяется как новаторством визуального решения, так и неоднозначностью режиссерских приемов. Сюжет «Сказки» соответствует сюжету «человек в потустороннем мире», довольно распространенному в мировом фольклоре и литературе. Данный сюжет в той или иной форме появляется в творчестве А. Н. Сокурова, но режиссер трансформирует его в сюжет «властителя и смерти», как бы обостряя проблематику «тетралогии власти». Автор вновь обращается к истории XX века.

Нарратив «Сказки» балансирует между скандальным политическим анекдотом и жутким inferнальным сновидением, в котором в одном месте встречаются европейские лидеры эпохи Второй мировой войны: Гитлер, Муссолини, Черчилль и Сталин.

Стилистически картина также провоцирует, напоминая о неизбежном наступлении новых технологий, меняющих природу медиа и визуальную историю человечества в целом. Дисклеймер в начале фильма предупреждает зрителя об отсутствии технологий *deepfake* и искусственного интеллекта, но не снимает вопросов к созданным художественным образам главных ге-

роев. Режиссер с самого начала вводит зрителя в недоумение, начиная с эпитафии «Ты удавил Сатану, страстотерпец, божественными струнами мук твоих» (М. 22, К. 4–4), оформленного как цитату из Библии, а на самом деле являющегося перефразированным отрывком из канона святому мученику Василиску Команскому.

Визуально картина выполнена с использованием анимационной компьютерной графики, позволяющей буквально оживить хроникальные фото- и кинокадры, запечатлевшие властителей XX века. Содержательная же, драматургическая часть фильма контрапунктно игровая.

В начале фильма Сталин просыпается на смертном одре среди цветов, а рядом с ним в гробнице лежит распятый Иисус Христос. Исторические лидеры противостоящих в войне стран бесконечно общаются друг с другом, блуждают, жалуются друг на друга, мультиплицируются, заполняя своими версиями такие же бесконечные пространства. Все они идут к одной высокой двери, за которой льется белый свет, хотя оттуда выглядывает грешник из Сикстинской капеллы и Наполеон. Никого из четверки героев не пускают в эту дверь, кроме Черчилля в самом финале фильма. Но автор не дает прямого ответа, куда ведет эта дверь, и не является ли она очередным мучением для героев.

В фильме Сокурова в потустороннем мире мирские властители не допускаются к Высшей власти (в лице Христа они ее не воспринимают). Однако на равнине мимо них движется бесконечный поток из человеческих призраков, туманной стеной, проходящей мимо своих властителей. Эта призрачная завеса на мгновение может выявить образ простых людей, выкрикивающих кто радость, кто проклятия.

Кочеляева Нина Александровна

канд. ист. наук, начальник отдела разработки и апробации методик кинопросвещения,
Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова;
nina.kochelyaeva@gmail.com

ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ: ТЕМА ПРОТИВОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ И ИГРОВЫХ ФИЛЬМОВ 2020-Х ГОДОВ)

Ключевые слова: художник, власть, документальный фильм, игровой фильм, память.

Тема взаимоотношений творческой элиты и власти довольно широко представлена в отечественном и зарубежном кинематографе, и продолжает волновать кинематографистов и в 2020-х годах. Настоящий доклад будет базироваться на анализе игровых и документальных фильмов, включенных в мою авторскую программу «Арт-кор» 44-го и 45-го Московского международного кинофестиваля. Программа «Арт-кор» Московского международного кинофестиваля является специализированным разделом, посвященным художникам и творцам, мастерам различных видов и жанров искусства. Применительно к теме доклада нас будут интересовать документальные и игровые фильмы, в которых отражена проблематика противостояния творческой элиты и власти. Часто эти темы связаны с проблемой памяти, которая выявляет и интерпретирует события разной степени давности, давая зрителю возможность еще раз осмыслить разные факторы социально-политической жизни: искусство как политический манифест, художник как проводник социально-политической позиции, оппозиция художник и власть. Также мы рассмотрим приемы создания документальных и игровых картин, в которых отражена данная проблематика.

Доклад базируется на рассмотрении четырех картин: документальная лента режиссера Андреса Кайзера «Теорема времени» (Мексика, 2022), игровая картина «Портреты» режиссера Биджукумара Дамордана (Индия, 2021), представленных в программе 44-го ММКФ, документальная лента «Хроники изгнания» режиссеров Микаэлы Монтес Рохас и Пабло Гуальера (Аргентина, 2021) и игрового дебютного фильма режиссера и сценариста Индху В. С. «19(1)(а)» из программы 45-го ММКФ.

Осмысление оппозиции «Художник и власть» в игровом кино индийского штата Керала. Обе игровые картины, представленные в программах Московского международного кинофестиваля в 2022 и 2023 годах происходят из штата Керала, который является единственным штатом в Индии, где правящей партией в правительстве штата уже много лет становится коммунистическая партия. Также этот штат имеет ряд особенностей. Расположенный на юго-восточной оконечности полуострова Индостан, штат в эпоху европейской колонизации завоевывался португальцами. Этот тип колонизации проходил мягче, чем британская колонизация, португальцы приветствовали смешанные браки, что стимулировало активное распространение христианства, и значительная часть населения исповедует не традиционные индийские верования, а христианство. Также, в этом штате активно почитается марксизм и ленинизм.

Картина Биджукумара Дамордана (творческий псевдоним Доктор Бижу) «Портреты» представляет собой шесть кинозарисовок, отображающих средства, с помощью которых власти политических диктатур пытаются заставить замолчать своих граждан. Это редкое социально-политическое и интеллектуальное высказывание на темы подавления государством своих граждан, подозреваемых в связях с политиками и маоистами, подавлении борьбы народы против экоцида и механизации, рабочих забастовок и навязывании правительствами нового типа подчинения в связи с очередной эпидемией. «Портреты» — своеобразный коллаж из зарисовок, критически изображающих разные аспекты современного индийского общества с неизменными для кинематографистов этого штата отсылками к европейской культуре и левому марксизму.

Дебютная лента Индху В. С. «19(1)(а)» является ярким высказыванием молодого режиссера, принадлежащего к феминистскому сообществу штата Керала, постепенно набирающего силу. Выпускница институт медиа Chetana в своей картине рассказывает историю молодого оппози-

ционного писателя (в блистательном исполнении Виджая Сетупатхи), который приносит в копировальную мастерскую рукопись своего романа, чтобы сделать копии. Он обещает забрать их к вечеру, но больше не возвращается. Через несколько дней юная управляющая мастерской (Нитья Менен) из телевизионных новостей узнает о том, что писатель убит из-за этой рукописи. Разыскивая друзей и родных писателя, а также погружаясь в содержание книги, девушка переживает множество событий, которые меняют ее политические и социальные взгляды. Фильм базируется на реальных событиях и рассматривает политическую культуру через оптику трагической судьбы писателя, ставшего очередной жертвой произвола политической диктатуры.

Латиноамериканское документальное кино в контексте «трудных» мест памяти. «Теорема времени» — документальное эссе об истории своей семьи снял мексиканский режиссер и писатель Андрес Кайзер. Автор использует любопытный подход к созданию фильма о трагической истории эмиграции своей семьи из Германии конца 1930-х гг. в Латинскую Америку. Спустя несколько лет после смерти своей бабушки автор фильма решил исследовать старое здание типографии, где его бабушка и дед проработали всю жизнь. Здесь А. Кайзер обнаруживает тысячи семейных фотографий и сотни домашних фильмов, которые и составили визуальный ряд фильма, дополненные авторским закадровым комментарием, основанным на письмах и воспоминаниях, принадлежащих бабушке и дедушке режиссера. Объединив сотни любительских фильмов и фотографий, автору удалось создать тончайший и неуловимый образ своей семьи в контексте изменчивых обстоятельств времени, превратив обычный семейный архив в подлинное произведение искусства.

Тема взаимосвязи искусства и политики продолжает аргентинская документальная лента «Хроники изгнания». Картина возвращает нас в 1970-е гг. Главный герой ленты Октавио Хетино вместе с режиссером Фернандо Соланасом выпускает на экраны Латинской Америки знаменитую четырехчасовую документальную фреску «Час огней: заметки и свидетельства о неоколониализме, насилии и освобождении». После прихода к власти президента Исабель Перон Октавио Хетино был вынужден покинуть страну и более десяти лет преподавал в столице Перу курс по теории кино. Лишь по окончании «грязной войны» он смог вернуться домой к семье. Эта история передана через фотографии, хроникальные кадры и уникальные архивные записи голоса главного героя.

Логина Марина Сергеевна

соискатель, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова;
преподаватель, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»;
loginova.marina1988@gmail.com

ЗОЛУШКА РОССИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АНИМАЦИЯ И ВЛАСТЬ

Ключевые слова: отечественная анимация, власть, цензура, государственная культурная политика, Дисней.

Доклад рассматривает непростую для любого отечественного вида искусства тему — отношения с государственной властью. Строки «Минуй нас пуще всех печалей / И барский гнев, и барская любовь» из произведения А. С. Грибоедова «Горе от ума» могли бы послужить эпиграфом к этому докладу, так как любое внимание государственной власти всегда гарантирует определенные издержки. В сообщении рассматривается временной промежуток от 1924 года, года создания «Советских игрушек» Дзиги Вертова, считающихся первым советским анимационным фильмом, до современного этапа. Несмотря на успех Владислава Старевича в дореволюционную эпоху, после прихода советской власти и последовавшей его эмиграции мультипликации пришлось изобретать себя заново, поэтому логика диктует рассматривать советский и постсоветский периоды.

Неслучайно определение анимации как золушки российского кинематографа: как вид отечественного кинематографа она всегда находилась в тени игрового. Бюджет мультипликационного и игрового фильмов, количество выпускаемых полнометражных картин, даже продолжительность полных метров — все это было и остается несопоставимым. Отношение к «мультикам» как к чему-то не очень серьезному, предназначенному для детей, зачастую позволяло быть анимации своеобразной территорией свободы. Часто удавалось в работах, номинально считавшихся для детской аудитории, завуалировать взрослые темы. При этом стоит крайне осторожно подходить в оценках степени свободы, так как несмотря на вышесказанное на анимацию действовали и действуют те же цензурные ограничения, что в целом для кинематографа.

Главный тезис доклада — государство активно вспоминает про анимацию, когда ужесточает общий социально-политический климат в стране и, соответственно, требования к культурной политике. В такие моменты государственную власть активнее всего интересует дидактическая функция кинематографа. Представление об анимации как инструменте воспитания подрастающего поколения остается непоколебимым с 1920-х годов. В мае прошлого года президент Путин В. В. назвал анимацию «фундаментом образования и воспитания», президент пообещал «разработать меры дополнительной поддержки для российской анимационной отрасли» [Ведомости 2023].

Если взять двадцатые годы, то советские экраны в то время наводнили зарубежные фильмы, в первую очередь американские. Высмеивание повального увлечения иностранными картинками и актерами можно найти в анимационных работах того периода, например, «Таинственное кольцо» Александра Бушкина 1924 года и «Одна из многих» Николая Ходатаева 1927 года, но рассчитаны они были в первую очередь на взрослых. Особое беспокойство вызывало влияние на советских детей. Мультипликация должна была помочь избежать тлетворного буржуазного влияния и прививать правильные идеи. Поэтому с 1927 года появляются фильмы, рассчитанные на детей. Стоит подчеркнуть, что это направление не было приоритетным (уступало значительно агитационному и рекламному) и уступало по качеству зарубежной продукции.

С середины 1930-х годов анимация начинает ориентироваться целиком на детскую аудиторию, опасный жанр сатиры для взрослых уходит в небытие на долгие годы. В этот период происходит влияние студии Уолта Диснея на советскую мультипликацию, влияние, которое потом советские аниматоры будут вспоминать как что-то постыдное, например, Иван Иванов-Вано.

То есть при ужесточении требований к содержательной части изобразительное решение находится целиком под иностранным влиянием.

После окончания Великой отечественной войны в игровом кинематографе начинается период малюкартинья. Анимацию в меньшей степени коснулось сокращение количества выпускаемых картин, но в 1948 вышел приказ Министерства кинематографии СССР о развитии рисованной мультипликации на студии «Союзмультфильм»: анимация должна была воспитывать советскую молодежь бодрой, жизнерадостной, способной преодолевать любые трудности. При этом происходит также эстетический разворот — отказ от подражания западной мультипликации и обращение к русским изобразительным традициям.

Во времена Оттепели в анимации происходит революция (по форме и по содержанию), но именно 1970-е и 1980-е стали временем, анимационные фильмы которого вошли в культурный код. Безусловно, существовали цензурные ограничения, но они зависели больше от редакторов и советов, работавших на самих студиях.

На современном этапе происходят очевидные изменения в государственной культурной политике. Осенью 2022 года в указе Президента № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определены традиционные ценности (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России). Идут изменения в экспертных советах при Министерстве культуры, в том числе по анимационному кино (увеличение числа чиновников, включение в состав священника). На высшем уровне постоянно идут разговоры про поддержку анимационных проектов для детей. Поэтому можно предвидеть, что в скором времени появится большое количество проектов, реализующих государственную культурную политику. Интересно посмотреть в динамике — повлияет ли идейная составляющая на визуальную, так как сейчас студии ориентируются не только на российского маленького зрителя, но и на мирового, а значит следуют принятым визуальным решениям на международном рынке контента. Опять же необходимо учесть, что полнометражный анимационный фильм создается минимум 3 года. Отсюда скорее всего новые веяния в первую очередь будут видны в короткометражной анимации, прикладной анимации (социальная реклама) и сериалах.

Литература

Путин пообещал дополнительную поддержку российской анимационной отрасли // Ведомости. 30 мая 2023. URL: www.vedomosti.ru/media/news/2023/05/30/977745-putin-poobeschal-dopolnitelnuyu-podderzhku

Мариевская Наталья Евгеньевна

д-р искусствовед., профессор,

Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова;

natalia.marievskaya@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ВЛАСТИ В СЮЖЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛЬМА

Ключевые слова: власть, масса, сюжет, художественное пространство, симулякр, абсурд.

Доклад посвящен исследованию пространственной динамики фильмов, в основе сюжета которых лежит утверждение власти над массами. Власть осуществляет свое воздействие на массы через определенные пространственные стратегии. Более того, превращение индивидуумов в массу само по себе происходит через направленное пространственное воздействие.

Отношение власти и подчинения традиционно мыслится пространственно: «мир хижинам, война дворцами». Оно легко представимо в виде пространственной метафоры. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин, создавший галерею литературных портретов властителей, пишет: «Взгляни на первую лужу — и в ней найдешь гада, который иройством своим всех прочих гадов превосходит и затемняет. Взгляни на древо — и там усмотришь некоторый сук больший и против других крепчайший, а следственно, и доблестнейший. Взгляни, наконец, на собственную свою персону — и там прежде всего встретишь главу, а потом уже не оставишь без приметы брюхо, и прочие части». Нетрудно заметить, что, говоря о власти, писатель оперирует пространственными объектами.

Отношение власти и подчинения в кинематографе также рождает пространственные и телесные метафоры со отчетливой структурой. «Вы — ботинок, я — шляпа», — говорит один из персонажей фильма «Сквозь снег» (англ. *Snowpiercer*, 2013, реж. Пон Джун Хо), в котором в образе поезда представлена метафора общества, уцелевшего в глобальной катастрофе: в первых вагонах едут те, кто управляет, в хвосте те — кем, управляют. Оппозиции головы и хвоста, верха и низа очевидны, однако они внутренне статичны. Как, например, статичной представляется метафора в фильме Александра Сокурова «Сказка»: властители размещены режиссером вверху на скале, массы — это буквально бушующие волны у их ног, бьющиеся о скалы. Если здесь возможно говорить о динамике, то только о внезапных проявлениях индивидуальности, противостоящих обезличенности массы. Это отношение дано нам в непреложной данности.

Внутренняя же динамика сюжетов утверждения власти и подчинения определяется рядом основных оппозиций: между сакральным и профанным, живым и мертвым, явным и тайным, индивидуальным и массовым, свободным и ограниченным, осмысленным и абсурдным. Динамика этих отношений, развернутая в сюжете фильма, определяет и превращение его художественного пространства. Так, по мере утверждения власти живое пространство превращается в мертвое.

Яркими примерами подобной структуры является фильм Вернера Херцога «Агирре, гнев божий» (1972), «Гибель богов» (1969) Лукино Висконти, «Гамлет» (1969) Григория Козинцева. В этих фильмах последовательно раскрывается суть пространства власти как пространства смерти.

Пространство однородное превращается в пространство с выделенным центром. Формирование центра вокруг фигуры властителя, его осознание самого себя как центра мироздания лежит в основе трилогии Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» (1944), «Апокалипсис Сегодня» (1979) Фрэнсиса Форда Копполы. Характер этого пространственного ядра может быть различен. Иногда на выявлении его свойств и старится сюжет фильма. Ядро может быть сакральным, но может оказаться пустым, выхолощенным. И тогда открывается симультантность власти.

Пространство ограниченное может превратиться в пространство центробежное. В котором от власти во все стороны расходятся лучи воздействия. В этих фильмах пространственная стратегия власти — всеохватность. Власть должна воздействовать на толпу и в тоже время при-

йти к каждому в отдельности. Стремление властителя охватить собой все мировые пространство, проникнуть в каждый его уголок решается через особую акустическую ситуацию. Голос вождя должен слышать каждый. На этом строится пространственная динамика таких фильмов как «Навстречу шторму» 2009 Тадеуса О'Салливана, где Черчилль выступает перед народом Британии. Его голос — это его власть. Голос до бесконечности расширяет пространство. На обретении королем колоса строится сюжет фильма режиссера Тома Хупера «Король говорит!» (2010). В комедии братьев Коэнов «О, где же ты брат?» (2000) губернатор Штата Миссисипи борется за влияние на избирателей «говоря в банку», то есть произнося свои речи по радио. И, в конце концов, ловко подстраиваясь под музыкальные вкусы избирателей, получает над ними окончательную власть.

Персонажей властителей по их стремлению овладеть пространством можно разделить на имплозивных и эксплозивных. Так, Грозный у Эйзенштейна становится эксплозивным персонажем, сливаясь со зловещим войском на морском берегу (так в сценарии третьей не поставленной части фильма), Гамлет же у Козинцева имплозивный персонаж, навеки замкнутый в мертвом пространстве Эльсинора.

Власть — то, что должно быть явлено. Зрелище власти должно спланировать массу. Оппозиция видимого и невидимого, тайного и явного определяет пространство, в котором власть презентует сама себя массам. Это пространство своего рода место спектакля власти, где она утверждает (или) разоблачает сама себя. Не должно удивлять, как часто в фильмах о власти является пространство театра. Это место особой коммуникации властителя и массы. В театре сама масса уже не бушующие волны, собрание индивидуумов. В этом театре особое значение имеют освещение и декорации. Именно они призваны создать иллюзию могущества власти. В комедийном ключе решен театр власти в фильме Адама МакКея «Не смотрите наверх» (2021). Для организации грандиозного спектакля с запуском космического корабля власти потребовался Герой. Спектакль призван скорее скрывать, чем показывать, скрывает же он то, что власть являясь симулякр никак не может быть соотнесена со смыслом. Напрасно героиня фильма, юная аспирантка, пытается понять, почему в этом пространстве ей пытаются продать бесплатные шоколадки.

В организации массы в подчиненное большинство огромное значение имеет создание дисциплинарного пространства, важным свойством которого является зонирование, разрушение коммуникации между людьми. С другой стороны, дисциплинарное пространство обеспечивает надлежащий надзор за каждым. Стратегии власти по пространственному разделению массы становятся предметом изображения в кинематографе, тем более что современные технологии способствуют замыканию человека в капсуле виртуальной реальности.

Анализ фильмов об отношении власти и массы требует выявления пространственных отношений периферии и центра, областей видимого и скрытого, центростремительного и центробежного.

Минаева Елизавета Васильевна

аспирант, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова;
elizavetasivilevna@yandex.ru

СМЕНА ЛИДЕРА-ПАТРИАРХА В ПРОСТРАНСТВЕ ПРАЗДНИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМОВ Ф. КОППОЛЫ, Л. ВИСКОНТИ, Т. ВИНТЕРБЕРГА)

Ключевые слова: пространство праздника, лидер-патриарх, кино, драматургия.

В трактате «Государь» [Макиавелли 2020], написанном для семейства Медичи, но который актуален и сегодня, разводятся понятие морали и политика: государь должен быть сильным лидером, должен не только прийти к власти, но и удерживать ее. С точки зрения драматургии, в теме лидерства заложен мощный конфликтный потенциал: удержании власти, назначение преемника, смена лидера.

В трилогии Фрэнсиса Копполы «Крестный отец» (1972–1990), картине Лукино Висконти «Гибель богов» (1969), фильме «Торжество» Томаса Винтерберга (1998) рассматриваются сильные лидеры — лидеры-патриархи, главы семей, а сюжет разворачивается вокруг смены лидера. При этом, серьезное значение имеет пространство праздника, поскольку именно в нем выстраиваются основные сюжетные повороты.

Открывающая сцена первого фильма о Крестном отце — свадьба дочери Дона, где зрителю представляют «семью» Корлеоне. Пространство праздника состоит из двух планов: темного кабинета Крестного отца («сицилиец никому не откажет в день свадьбы своей дочери») и основного действия свадебного торжества на открытом воздухе. Майкл Корлеоне — герой войны, сицилиец и младший сын Дона Корлеоне также присутствует, но отстранен. Он рассказывает своей американской подруге истории о «семье», но добавляет: «такая у меня семья, Кейт, но я не такой». В то же время, со стороны семьи отстранения нет: отец отказывается делать общую фотографию без Майкла. Лидер-патриарх (Марлон Брандо) соединяет все планы в единое пространство праздника, где существует мафия и семейные отношения, «работа» и любовь, настоящее и будущее.

В сцене похорон Вито Корлеоне, Майкл, фактически, уже на «троне». Но его закрепление в новом статусе происходит в важнейшем эпизоде картины, значимом для кинематографа вообще — эпизоде крещения племянника Майкла. Эпизод смонтирован встык с похоронами отца, параллельно с устранением врагов «семьи». Ритуальное действие при крещении ребенка в храме как будто распространяется и на то, что происходит «за кадром»: действия убийц выглядят ритуальными, а сами убийства носят сакральный характер.

— *Отрекаешься от Сатаны?*

— *Отрекаюсь.*

Звучит первый выстрел. На фоне — плач младенца. А в результате — Майкл утверждает в роли Крестного отца.

Открывающий эпизод «Крестного отца 2» также решен в пространстве праздника — первого причастия сына Майкла. Пространство праздника также представлено разнопланово: темный кабинет Крестного отца и отдельно — праздник. Образ «семьи» теперь иной: «просители» не получают удовлетворения, а семья ссорится за праздничным столом.

Сакральное пространство праздника профанируется как присутствием людей из государственных структур и связанными формальными ритуалами, так и видимым нарушением уз «семьи». Закономерно праздник оканчивается стрельбой: десакрализация образа семьи не проходит без жертв.

В финале второй картины Копполы — флешбэк в пространстве праздника — дне рождения Вито Корлеоне — семейный праздник, в узком кругу, где Майкл отстранен будто он здесь чужой. Майкл действует жестко по отношению к конкурентам, убивает родного брата, разрывает отношения с женой, что не представимо в контексте лидерства Вито Корлеоне, который ценил семью превыше всего.

Фильм о другой семье («Гибель богов») начинается с дня рождения главы семьи — Иокима фон Эссенбек. Эпизод «собирает» основных действующих лиц картины и «представляет» отношения между членами семьи сталелитейных магнатов. В эпизоде содержится завязка картины — пожар в рейхстаге и смерть Иокима, которая запускает дальнейшие события. Смерть старейшего члена семьи знаменует слом семейных традиций и ценностей, что имеет отражение в социальных и политических явлениях того времени (30-е годы XX в.)

Пространство праздника в картине Висконти очень значимо, поскольку практически все основные повороты сюжета происходят на праздниках: Дне рождения, нацистском пире в «Ночь длинных ножей», свадьбы в финале. При этом сюжетные повороты выстроены схожим образом — как перипетия увенчания-развенчания по сценарию развенчания «короля» [Бахтин 1990]. Каждый такой поворот провозглашает приход к власти нового лидера: после барона фон Эссенбек — чужак и конформист Фредерик, затем нацист Константин — и, наконец, Мартин. Мартин фон Эссенбек больше других героев фильма подвержен духовному «разложению»: насилует свою кузину, растлеивает маленькую соседку, вступает в кровосмесительную связь с матерью. В итоге из всей семьи остается только он, что утверждает полный крах семьи и традиционного патриархального общества вместе с приходом к власти нацистов. Развенчание семьи фон Эссенбек символизирует развенчание элитарного класса, нежизнеспособного и неактуального, громоздкого и неподвижного, в обновляемых реалиях.

Фильм «Торжество» созвучен с «Гибелью богов». Похожее замкнутое пространство дома, где разворачивается праздник, с множеством коридоров и дверей, которые разъединяют, разобщают, а в центре внимания — разрозненная семья. Распорядитель праздника говорит про отца семейства — Хельге, что «он как сталелитейный завод, только живой». Но эта семья, через слом властной конструкции, вступает на путь гуманизма, а не нацизма.

Таким образом, через смену лидера-патриарха происходит переворот семейных традиций и ценностей. На смену прежним лидерам приходят не только более сильные, но слабые или худшие. Метафора семьи и ее разрушения отражает социальные тенденции: индивидуализм, нацизм, гуманизм.

Пространство праздника вписывается в сюжет, где присутствует семья, поскольку:

- «собирает» членов семьи и «представляет» отношения между ними (например, в открывающем эпизоде фильма);
- «выстраивает» перипетию увенчания-развенчания.

Литература

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
Макиавелли Н. Государь / Пер. с итал. под ред. А. К. Дживелегова, Н. С. Курочкина. М., 2020.

Романова Екатерина Назаровна¹, Заморщикова Людмила Софроновна²

¹*д-р ист. наук, главный научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН;
главный научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория
«Лингвистическая экология Арктики»,
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова;
e_romanova@mail.ru*

²*канд. филол. наук, доцент, главный научный сотрудник,
Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики»,
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова;
lszam@mail.ru*

КИНОЯЗЫК ХОЛОДНОГО МИРА: ЯКУТСКИЙ ФЕНОМЕН

Ключевые слова: якутское кино, культурная память, сопостранственность, культурный ландшафт.

Искусство пересотворения бытийного пространства Арктики сопряжено с символической культурой коренных народов Севера. В традиционной картине мира этнических сообществ, проживающих на Севере, природная составляющая выдвигается в центр преобразования пространства. Поэтическая составляющая холодного мира связана с пространственным мифом как многослойной системой знаков и символов, актуализирующий идею «вечного возвращения мифа» Мирча Элиаде.

В зрелищных формах народного искусства Севера — поэзии, музыки, танцах — есть отличительное свойство одухотворения всех элементов окружающего мира, наделения их человеческими качествами, где границы «живого» и «неживого» проницаемы. Такая сопостранственность мира природы и мира людей формировала оригинальную знаковую систему культурного ландшафта, кодировала символические традиции моделирования северного пространства. Сопряжение реального и сакрального ландшафта якутской культуры привело к созданию новой транскрипции киноязыка холодного мира, к интерпретации художественного восприятия пространственности в дискурсах современных авторских репрезентаций.

Ментальное ориентирование в якутском кино восходит к смыслопорождающим местам памяти, где сотворчество режиссера выражается в переводе «внутреннего» ландшафта в кинематографическую форму посредством авторской репрезентации архетипических образов. Знаковая система якутского кино демонстрирует пространственную перспективу, а трансцендентальное свойство «перетекания» пространства и времени, характерное для архаичных традиций создает особый мифопоэтический язык визуального нарратива. Одним из ключевых визуальных приемов якутского авторского кино (режиссер=оператор) является метафорическая модель описания внутреннего мира героя посредством ландшафтных топосов как многомерного символа.

Показательно, что образный якутский язык, визуализируя жизненный мир, создает оригинальную модель вербального «изображения». Якуты верили, что слово есть одушевленная субстанция и имеет свой образ, реализующийся в разных ипостасях. В эпической картине мира позиция произнесения слова программирует «язык» каждого персонажа и указывает на соотнесенность его с определенными мирами. Эпос Олонхо как форма зрелищной культуры народа саха стала первым опытом визуальной проекции духовного наследия северных тюрков — саха.

Якутское кино сохраняет традиционный звуковой ландшафт. Именно якутский язык формирует многослойность его символики. В традиционной культуре саха слово как священный акт рождается на календарном празднике Ысыахе. Этические категории добра и зла, близкие по звуковому оформлению, в якутской традиции были выражены семантическими оппозициями в языке, также близкими по звучанию: айыы (доброта, творение) / аныыы (зло, разрушение). Такая многозначная семантика якутского языка, где слово может вызывать одновременные ассоциации разных, порой противоположных планов.

Последние работы якутских кинорежиссеров Степана Бурнашева и Дмитрия Давыдова «Ыт» (2021 год) и «Эт» (2023 год) кодируются лингвистической конструкцией как метафорическим высказыванием уже на уровне названий кинокартин. Это своего рода киноальманах, состоящий из семи историй, где в первом фильме «Ыт» повествуется о деревенской жизни, а в фильме «Эт» режиссеры нас вводят в суровый мир городской действительности. Многозначность слов ыт, означающего одновременно инфинитив глагола стрелять, побудительную форму стреляй и существительное собака, и эт как глагол сказать, говорить, форма побуждения скажи, говори, а также существительное мясо, отсылает зрителей к притчевым текстам, где всегда есть метафоричность поступков и право выбора, сложное переплетение профанного и сакрального, материального и духовного как единого пульса киноязыка холодного мира.

Селиверстов Игорь Константинович

аспирант, Всероссийский государственный университет
кинематографии им. С. А. Герасимова;
igrslvrstv81@gmail.com

«ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ». СЮЖЕТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ МОТИВА ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЗЕМЛЕ В ДРАМАТУРГИИ ФИЛЬМА

Ключевые слова: драматургия фильма, аграрный обряд, Владимир Пропп, Александр Довженко, Ольга Преображенская.

Русская культура — культура земледелия, ключевую роль в которой играет миф о Земле, выразившийся в сказках и аграрных обрядах. Вокруг образа Земли-Матери столетиями выстраивалась хозяйственная и культурная жизнь крестьянства. Представления о том, что земля дарует человеку жизнь и смерть, подкреплялись путем справления аграрных обрядов. Мифопоэтический образ земли как сакральной силы проник сперва в волшебную сказку и стал частью фольклора. Лишь затем он перекочевал в литературу, философию и, наконец, кинематограф. Последний использует структуру волшебной сказки [Спутницкая 2019: 14–19]. Сегодня исследователи видят прямую связь между конструированием жанрового кинематографа и волшебной сказкой [Ощепкова, Васильева 2015]. Структуралистский подход В. Проппа часто используется в нарратологии и преподавании кинодраматургии. Но что можно сказать об обряде? Как аграрный обряд, минуя сказочную структуру, реализуется в сюжете фильма?

Цель доклада — выявить структуру аграрного обряда и на основе картин «Земля» А. Довженко и «Бабы рязанские» О. Преображенской проанализировать, как он воплощается в сюжете фильма. Задачи доклада: 1) выявить участников обряда 2) проанализировать цель обряда 3) мотив участников обряда 4) выявить наличие или отсутствие жертвы. Исследование основывается на идеях В. Проппа, изложенных в работах «Русские аграрные праздники», «Исторические корни русской волшебной сказки», а также на работе М. Элиаде «Очерки сравнительного религиоведения».

Обряд — это совокупность действий религиозного характера, направленная на поддержание и актуализацию мифа. Согласно В. Проппу, такую черту обряда можно назвать «обращенностью в будущее» [Пропп 1995: 11]. Таким образом, обряд в драматургии фильма — это предлагаемое обстоятельство, в рамках которого действуют персонажи. Аграрный обряд — это априорный «долг» героев, невыполнение которого грозит уничтожением мира: *«Итак все надежды людей в аграрных обществах, сформированных на опыте общения с растительной жизнью, с самого начала были обращены на действие. Человек может рассчитывать на воскресение лишь в том случае, если он следует определенной линии и действует согласно установленным образцам; исполнение ритуала есть неотъемлемая часть его жизни»* [Элиаде 1999: 330].

Характерные черты образа Матери-Земли: источник силы, плодovitость. Земля — это лоно, откуда выходит и уходит человек. Ключевые участники земледельческого обряда — ритуальная свадебная пара, при этом свадьба молодых предвещает конец аграрного цикла и торжество плодородия. Цикл аграрных обрядов имеет временные ограничения, связанные с подготовкой сева, севом и жатвой. В «Бабах рязанских» это время четко датируется: с Масленицы по Успение Богородицы или Дожинка — «праздника последнего снопа». В «Земле» — условное, но не менее строгое время: время разражающейся дарами Земли и «межвременье», в котором жертва еще не принесена. Отсюда цель аграрного ритуала — жертва Земле. В фильме Довженко — это прямая жертва Василя, которая позволяет Земле обновиться. В «Бабах рязанских» такой жертвой становится Анна, которая топится в канун Дожинка, т. е. окончания жатвы. Цель обряда — обновление мира путем принесения сакральной жертвы Земле. В обоих фильмах этой жертвой становится человек. Обряд поддерживает традиционный уклад, утверждая власть Земли. В представленных картинах вводится личностная мотивация персонажа, который дискредитирует традиционный аграрный обряд.

Таким образом, аграрный обряд присутствует в анализируемых картинах в качестве предлагаемых обстоятельств. Аграрный обряд характеризуется следующими чертами: наличие ритуальной пары молодоженов, религиозный образ Земли, который придает драматургическому действию мифопоэтический характер; жертва Земле с целью обновления мира, регламентированность аграрного цикла и обязательность его выполнения. Семантика аграрного обряда утверждает миф о власти земли, вокруг образа которой разворачивается конфликт произведений. В представленных картинах авторы по-своему деконструируют традиционный аграрный обряд, вводя героев, которые дискредитируют или намеренно идут против традиционного обряда. Что касается последнего, то таким героем является герой-большевик, который предлагает новую модель актуализации мифа о Земле.

Литература

- Ощепкова А. И., Васильева А. П. Традиции волшебной сказки в современном кино // Филология и литературоведение. 2015. № 12. URL: <https://philology.snauka.ru/2015/12/1825> (дата обращения: 13.01.2024).
- Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.
- Пропт В. Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995.
- Спутницкая Н. Ю. Некоторые модификации фольклорной сказки в кино: опыт теоретического исследования // Телекинет. 2019. № 3 (8). С. 14–19.
- Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.

Семенчук Светлана Александровна

канд. искусствовед., доцент,

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения;

sveta.wears.sweaters@gmail.com

ФИЛЬМ «УБИЙЦЫ» (1956) А. А. ТАРКОВСКОГО И Ю. А. ФАЙТА КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Ключевые слова: Андрей Тарковский, Юлий Файт, экранизация, оттепель, «потерянное поколение».

Фильм Андрея Арсеньевича Тарковского и Юлия Андреевича Файта был курсовой работой, снятой в рамках обучения в режиссерской мастерской ВГИКа Михаила Ильича Ромма. Короткометражка студентов, на первый взгляд, кажется примечательной лишь тем, что официально является первой советской экранизацией Эрнеста Хемингуэя, а именно — рассказа «Убийцы» (1927).

Картина снята близко к тексту, что отчасти является ее достоинством, а отчасти — недостатком. Режиссеры бережно перенесли диалоговую часть на экран, сохранив стиль писателя, и попытались максимально следовать указаниям, относящимся к внешнему облику персонажей и деталям интерьера. Конечно, в той мере, в которой это было возможно в Советском Союзе 1950-х годов.

Сюжет рассказа строится на том, что двое наемников ищут предателя — шведа Оле Андерсона. Они посещают закусочную, где ежедневно обедает Андерсон, но тот не приходит в урочный час. Персонал кафе пытается предупредить шведа, но тот, обуреваемый экзистенциальным кризисом, отказывается выходить из убежища даже в безопасное время. В подтексте рассказа ощущение безысходности и герметичности замкнутого в одной комнате мира, что становится источником напряжения, тяготеющим читателя. Примечательно, что картина вышла именно в 1956-м году — аккурат после XX Съезда ЦК КПСС, когда был объявлен новый политический курс Н. С. Хрущева. Тем любопытнее выглядит эта картина, стилизованная под американский нуар 1940-х годов. Исследователями отмечается, что истоками фильм-нуара являются немецкий экспрессионизм (столь любимый советскими режиссерами 1920-х годов) (подробнее об этом см. Киреева, Ковалов, Марголит 2020), серия фильмов Ф. Ланга о докторе Мабузе (к серии относятся фильмы: «Доктор Мабузе — игрок» (1922), «Завещание доктора Мабузе» (1933), «Тысяча глаз доктора Мабузе» (1960), последний замыкает серию, но не влияет на классический фильм-нуар как можно заметить по хронологическим рамкам), американский гангстерский фильм 1930-х годов, фильмы французского поэтического реализма, творчество Дж. фон Штернберга. Перечисленные выше направления считаются кризисными, иными словами — отражающими социально-политические потрясения (Первую мировую войну, Великую депрессию, Вторую мировую войну).

Парадоксально, что в СССР периода «оттепели» режиссеры обращаются к рассказу Хемингуэя — писателя «потерянного поколения» (в это же время выходят фильмы по сценарию диссидента Александра Галича — «Верные друзья» (1954), опальных Алексея Каплера — «За витриной универмага» (1955) и Николая Эрдмана — «Шведская спичка» (1954)). Закрепившийся термин «потерянное поколение» характеризуется невозможностью адаптации к мирной жизни, что передает фильм Тарковского и Файта. Вероятно, авторы фильма стремились к передаче техники подтекста американского писателя — сосредоточенности не на внешнем действии, а на психологических процессах, таящихся внутри персонажей.

Е. Я. Марголит пишет: «Герой и среда, герой и окружающий его мир — в столкновении или слиянии — взаимообъясняют, взаимоопределяют друг друга, оказываются абсолютно равноправными партнерами. Тем более что среда теперь предельно очеловечена — она оказывается состоящей из человеческих лиц, многообразия человеческих индивидуальностей, с которыми соотносится центральный персонаж. Однако и понятие «центральный персонаж» в таком контексте видоизменяется, поскольку разрушается традиционная фабульная иерархия, делящая

героев на главных и второстепенных. Принцип соотнесения становится сюжетообразующим, что напрямую декларирует, например, Андрей Тарковский в период съемок “Андрея Рублева” в известной статье-манифесте “Запечатленное время”...» [Марголит 2012: 440].

Можно заметить, что интерес Тарковского к внутренним разрушительным процессам, неподвластным внешней среде, явлен и в его курсовой работе, вероятнее всего неосознанно и подспудно, но этот опыт и его результат становятся весьма очевидными в исторической рецепции.

Литература

Киреева М., Ковалов О., Марголит Е. Советский экспрессионизм: от Калигари до Сталина. СПб., 2020.
Марголит Е. Я. Живые и мертвое. Заметки о советском кино 1920–1960-х годов. СПб., 2012.

Степанова Полина Михайловна

д-р искусствовед., доцент, профессор,
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения;
st-more@yandex.ru

ТРАГЕДИЯ РАЗДЕЛЕННОСТИ: СПЕЦИФИКА СЦЕНАРНЫХ СТРУКТУР ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ФИЛЬМОВ О РАЗДЕЛЕ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

Ключевые слова: южнокорейский кинематограф, сценарная структура, классическая японская драматургия.

Кинематограф и сериалы Южной Кореи стали необыкновенно востребованы и актуальны в мировом и российском прокате с начала ХХІ века. Интерес к визуальной продукции этой страны связан в первую очередь с уникальными художественными образами, базирующимися на исконных мотивах национальной культуры. С другой стороны, сюжетные коллизии, тонкости построения сценарных структур обладают необходимым для понимания представителями других культур универсализмом, хотя оставляют ощущение загадки, яркости и недосказанности. В отличие от европейской традиции, опирающейся на теоретические и практические приемы выстраивания структуры развития действия, сформировавшиеся на базе аристотелевской «Поэтики», или индийской, китайской, японской театральных культур, в основе которых есть оригинальные национальные теоретические труды по теории драматического действия, корейская драматургия возникла только в начале ХХ века и никогда не имела собственной национальной теории драмы. Таким образом, сценарные структуры южнокорейского кинематографа вбирают в себя самые разные элементы мировых драматургических практик. Особенно остро проблема ассимиляции разных по содержанию и направленности структурных построений возникает в фильмах, посвященных последствиям войны 1950–53 годов, которая закончилась разделением Корейского полуострова: «Объединенная зона безопасности» (2000) Пак Чхан Ука, «Адрес неизвестен» (2001) и «Береговая охрана» (2002) Ким Ки Дука, «38 параллель» (2004) Кан Дже Гю и др. Мотив разделенности и трагической разорванности возникает не только в работах, относимых к полнометражным фильмам авторов-режиссеров, но и активно используется в сценарных конструкциях дорам и горизонтальных сериалов (например, «Игра в кальмара» 2021 года, режиссера Хван Дон Хека).

Анализ специфики сценарных структур фильмов, основанный на принципах культурной антропологии, показывает, что базовые принципы развития действия в фильмах ярчайших современных южнокорейских режиссеров вбирают в себя приемы и маркеры культур стран, аннексировавших территории Кореи. Музыкальные партитуры, свойственные китайскому традиционному искусству, превращаются в сценарных структурах в специфическое использование закадрового голоса. Монологи главного героя как одно из важнейших выразительных средств в сценарии пришло из классического китайского искусства, в частности опирается на законы юаньской драмы, театрального жанра цзацзюй.

Закон трех ступеней развития действия в классической японской драматургии театральной формы ногаку «дзе — ха — кю годан» идеально соотносится с системой трехэтапного порождения движения: чон — внутренняя сосредоточенность, подготовка к движению, чун — готовность к движению, тон — само движение, лежащего в основе всей ритуально-театральной культуры периода Трех государств, ставшей почвой для становления темпо-ритмических построений ранних корейских видов искусств.

Театральная драматургия пришла в Корею из Японии, первые режиссеры ставили в основном новую драму, самой первой постановкой стал текст А. П. Чехова, репертуар также включал пьесы Л. Н. Толстого, Б. Шоу, А. Стриндберга. В 1930-е годы в Сеуле режиссер Хон Хэ Сон, получивший образование в Японии, открывает театр «Исследование спектакля», на сцене которого идут классические пьесы Чехова, а основой актерского и режиссерского подходов становится

система К. С. Станиславского. Модель психологического театра оставляет в сценарных структурах современного южнокорейского кинематографа углубленное внимание к предлагаемым обстоятельствам героя, хотя чаще всего они артикулируются с помощью визуальных образов из прошлого. К началу 1960-х годов в Южной Корее возникает авторский кинематограф, использующий опыт Голливуда и итальянского неореализма, так традиционные европейские структуры развития действия укореняются в языке сценариев и сохраняют доминирование в начале XXI века. Схемы, разработанные в лоне английской мифологической школы Дж. Дж. Фрэзером, нашли место в современной теории и практике сценарного мастерства американского кинопроизводства (Дж. Кэмпбелл и К. Воглер), которые со второй половины XX века стали активно использоваться при создании сценариев дорам и особенно южнокорейских авторских сериалов. Метод анализа сценарной структуры с привлечением схем классической юаньской драмы, японского принципа «дзе — ха — кю годан», элементов русского психологического театра и формул современного американского фильма помогает выявить уникальность и универсальность, элементы адаптации и сохранение национальной идентичности в фильмах современной Южной Кореи.

Литература

- Анашкин С. О.* О фильмах дальней и ближней Азии: Разборы, портреты, интерьеры. М., 2015.
Bordwell D. Planet Hong Kong: Popular Cinema and the Art of Entertainment. Cambridge, 2000.
New Korean Cinema / eds Shin, Chi-Yun, and Julian Stringer. New York, 2005.

Торопыгина Марина Юрьевна

канд. искусствовед., Всероссийский государственный университет
кинематографии им. С. А. Герасимова; toropygina@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОМЕДИИ ЭРНСТА ЛЮБИЧА: АКТУАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ

Ключевые слова: Эрнст Любич, «Ниночка», «Быть или не быть», комедия, политическая комедия, интерпретация фильма, инаковерие и инакомыслие.

Вышедшие одна за другой комедии Эрнста Любича «Ниночка» (1939) и «Быть или не быть» (1942) имели прямое отношение к современным им политическим событиям и стали во всех смыслах прекрасным примером того, как напряженно могут складываться отношения художника (режиссера) и власти (властей). Рецензия на фильм «Ниночка», вышедшая после премьеры фильма в ноябре в Нью-Йорк Таймс начиналась с утверждения «Сталину это не понравится» [Nugent 1939]. Комедия о приключениях в Париже советских торгпредов во главе с прекрасной комиссаршей, в роли которой Грета Гарбо впервые расхохоталась на экране, давала множество поводов для смеха, но только не в СССР. «Ниночка» появилась в официальном прокате в России уже только в 1990-х. «Быть или не быть» — фильм об актерах варшавского театра, планирующих поставить комедию о Гитлере, но после вторжения немецких войск, сыгравших совсем другие роли в польском сопротивлении, стал одним из поводов для глубокой ненависти к режиссеру со стороны официальных властей Германии. В отличие от «Ниночки», «Быть или не быть» вышел в прокат в Советском Союзе, но и здесь критики в рецензиях недоумевали: над чем и над кем смеются американские кинематографисты? [Волович 1964]. Шутки Любича в фильме «Быть или не быть» вполне могли показаться опасными зрителям, живущим в разных идеологических координатах: в Германии шутки над Гитлером были неприемлемы по умолчанию, в США — потому что сочувствие жертвам войны и холокоста не предполагало возможности воспринимать ситуацию в комическом ключе. Рассказывали, что отец Джека Бенни, исполнителя одной из главных ролей, которому по сюжету приходится переодеваться в нацистскую форму, даже покинул зал во время премьеры фильма: настолько тяжело ему было видеть сына в таком образе.

Необходимое условие политической комедии — ее актуальность, ведь зрителю нужно представлять себе ситуацию, чтобы иметь возможность смеяться над героями и ситуациями, которые предлагает ему режиссер. Интересно, что современники, так и последующие поколения скорее были готовы принять гротескную сатиру «Великого диктатора» Чаплина (1940), чем рискованные шутки «Быть или не быть». Не вызывала сомнений у современников и лирическая комедия Семена Тимошенко о военных летчиках «Небесный тихоход» (1946).

Дело в том, что комедии Любича устроены чуть сложнее с точки зрения формальных особенностей и с точки зрения тех смыслов, которые он транслирует. Если фильм «Цирк» Григория Александрова (1936), сравнение с которым почти обязательно для «Ниночки» по принципу зеркального сходства историй, заканчивался прямым утверждением, что только в этой стране дышится так вольно, то «Ниночка» вовсе не утверждает обратного. Социализм на капитализм меняют Иранов и Бульянов и Копальский, Ниночка не меняет идеи на шляпку. Она влюбляется в Леона, потому что он, как в старой доброй сказке, сумел рассмешить ледяную московскую красавицу. Проснувшееся чувство юмора делает из железной Ниночки влюбленную женщину, способную посмеяться в том числе и над идеологическими клише — как в сцене с примеркой диадемы. А три торгпреда, погнавшиеся за прибылью, тут же почувствовали на себе и недостатки капитализма, о чем и сообщает нам режиссер в последнем эпизоде фильма. Замечу в скобках, что подобный эпизод, слегка дезавуирующий счастливый переход героини в иную политическую реальность, был бы немислим в фильме «Цирк».

Чувство юмора является спасительным и для героев «Быть или не быть». Здесь комедия положений, адюльтер и театральные интриги открыто взаимодействуют с военной реальностью

и шекспировскими трагедиями: монолог Гамлета — это не только сигнал к началу любовной игры за кулисами, но и обертон той опасной ситуации, в которой действуют герои. Гамлетовский вопрос в его буквальном смысле героям приходится решать в каждом эпизоде, более того — комизм и опасность ситуации у Любича прямо пропорциональны. Трижды в фильме прозвучит и другой знаменитый текст Шекспира — монолог Шейлока из «Венецианского купца» — и на «представлении» в фойе театра зрители уже не догадываются, что слышат текст английского классика. Тема героического сопротивления, Шекспир и высокая трагедия соединяются у Любича с мотивом «негероического» героя — актеры, спасающие семьи польских летчиков, на самом деле обычные люди, со своими немного смешными слабостями и недостатками.

Говоря о тех смыслах, которые транслируют комедии Любича, уместно вспомнить предложенное А. Л. Доброхотовым в одной из лекций разделение «инаковерия» и «инакомыслия». Инакомыслие можно определить как определенный вызов автора, с точки зрения идеи и художественной формы, за которым стоит призыв к строительству нового типа личности, не растворяющейся в догмах. Можно сказать, что Любич действует как инакомыслящий. Он нарушает законы жанра: в его политической комедии представители социалистического мира отнюдь не злодеи (за исключением, может быть, комиссара Разина в исполнении «вампирического» Белы Лугоша), а герои сопротивления в «Быть или не быть» не такие уж и героические: они могут быть смешными, наивными и не очень талантливыми. Любич делает акцент не на коллективном бессознательном участии в противостоянии политических систем, а на любви к индивидуальной личности, которая благодаря чувству юмора может противопоставить себя идеологии как системе.

Литература

Волович Э. Об одном американском фильме // Советская Башкирия. 11.01.1964.

Доброхотов А. Л. Инакомыслящий в русской литературе // Постнаука. URL <https://zakruti.com/ru/education/postnauka/video-12920> (дата обращения: 20.03.2024).

Nugent Frank. 'Ninotchka,' an Impious Soviet Satire Directed by Lubitsch, Opens at the Music Hall // New York Times. 10.11.1939. URL <https://www.nytimes.com/1939/11/10/archives/the-screen-in-review-ninotchka-an-impious-soviet-satire-directed-by.html> (дата обращения: 20.03.2024).

Тульчинский Григорий Львович

д-р филос. наук, профессор,
НИУ «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург;
gtul@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ АВАНТЮРНО-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЕ НЕМОЕ КИНО И ВЛАСТЬ (С А. С. ПУШКИНЫМ И БЕЗ НЕГО)

«...из всех искусств для нас важнейшим является кино»

Приведенная выше известная фраза Ленина обычно приводится в контексте пропагандистского значения кинематографа для становящейся советской власти, хотя сказана она была Лениным в беседе с наркомом А. В. Луначарским при обсуждении экономического положения искусств [Болтянский 1925: 16–19]. Однако стоит признать, что обе функции — политическую и коммерческую — кинематограф успешно сочетал и сочетает. Яркий пример особенностей динамики этого сочетания отечественный (дореволюционный и ранний советский) дозвучивой кинематограф, возникший как развлечение с доминирующим авантюрно-приключенческим жанром.

Приключения и авантюры — стилистика чрезвычайно широкого охвата. Это испытание героев и развлечение для зрителя, в котором конфликт, преодоление, борьба, реализация воли, героика самоотверженности и самоотречения сочетаются с активным действием, неожиданными поворотами, неотрывно удерживающими внимание зрителя. Особенно это важно для успешности проката принципиально важной до сих пор, не говоря о 1900–1920-х годах становления кинематографа. В немых фильмах того времени есть и интрига, и комические сцены, ловко исполненные гэги, прыжки, азартные погони, драки, перестрелки, аферы мошенников, сцены соблазнений и буйных вечеринок и все это в довольно интенсивной динамике. Поэтому отечественное авантюрно-приключенческое кино не могло пройти мимо богатого на авантюрные приключения пушкинского литературного наследия, которое было экранизировано за эти годы практически все — от «Бориса Годунова» в 1907 до «Станционного смотрителя» в 1925: и сказки, и «Евгений Онегин», и «Медный всадник», и «Маленькие трагедии», даже отдельные стихотворения. Некоторые произведения были экранизованы несколько раз. Так «Братья-разбойники», «Дубровский» «Барышня-крестьянка», «Выстрел» за 1911–1920 годы экранизованы по четыре раза.

В этой своей энергичной экспансии авантюрно-приключенческий жанр в немом кино, фактически, применим и к первой российской анимации В. Старевича, и к вертовскому «Человеку с киноаппаратом». Однако, если оставаться в рамках игрового кино, то прослеживается несколько тенденций, за которыми стоит главная.

Показательна динамика обязательной романтизации отношений героев первого и второго плана — будь то экранизации «Домика в Коломне» (1913), «Пиковой дамы» (1916) А. С. Пушкина или энтомологических анимаций В. Старевича (1910–1912). При этом, если в дореволюционном кино («Дядюшкина квартира», «Грезы», «Немые свидетели») девушки — объект ухаживания, то в советский период они все в большей степени берут на себя активную роль. Правда, уже Параша в «Домике в Коломне» проявляет инициативу в интриге с приводом в дом переодетого кухаркой офицера. Но в «Проекте инженера Прайта» (1918) это уже поддержка Бетси дела главного героя вопреки воле отца, как и дочка мельника Оксана не покоряется воле Махно, став напарницей «красных дьяволят» (1923). В «Закройщике из Торжка» (1925) молодая служанка уже довольно активна в проявлении своих чувств, «отбивая» жениха у нэпманши. В «Процессе о трех миллионах» (1926) жена банкира со своими любовными интригами — ключевая фигура развития сюжета. В «Девушке с коробкой» (1927) героиня инициирует оформление брака для обеспечения ночлега герою, в «Мисс Менд» (1926) — неразделенная любовь троих положительных и одного отрицательного героя к профсоюзной активистке, в «Третьей Мещанской»

(1927) — просто главная роль Людмилы в любовном треугольнике, закончившаяся ее выходом из этой игры и отъездом. Ведущая роль в любовных отношениях и у главной героини Маруси Ивановой в «Кукле с миллионами» (1927).

В советском кино нарастает весомость семьи, брака — до этого простого антуража приключений. В «Аэлите» (1924) главной интригой являются отношения молодых советских супругов (инженера Лося и совслужащей Наташи), ревность Лося к своей жене, которую пытается соблазнить подселенный к ним новый жилец — жулик Эрлих. «В «Мисс Менд» семейные дела, наследство, незаконный ребенок — основной узел и средство закручивания интриги злодейского заговора, лежащего в основе сюжета фильма. В «Третьей Мещанской» раскрыт глубокий трагизм легкомысленного отношения к браку супружеской пары и боевого товарища мужа. В «Кукле с миллионами» — полное торжество советского нефиктивного бескорыстного брака по любви над корыстными матримониальными стремлениями. А в финале всей пенталогии о «красных дьяволятах» (1923–1926) они образуют две брачные пары (Миша-Оксана и Том-Дуняша) и рожают детей. В этом плане появление и развитие роли детей в приключениях и авантюрах показательно: от безвинных жертв коварных злодеев или озорной шпаны до единой пионерской дружины в «Трое» (1927).

Приключения и авантюры кино этого периода во-многом связаны с жилищным вопросом, бездомностью, неприкаянностью в не своем доме. Похоже, жилищный вопрос — очень российская тема, нарастающе болезненная в советское время: контроль прописки и уплотнительное распределение жилья. Знаменитая реплика Воланда прозвучала неспроста. Любопытна даже динамика формального этикета отношений между персонажами. До революции — открытая эмоциональность отношений между собой, даже с прислугой. В советское время, несмотря на уплотненность образа жизни, ставшие обязательными рукопожатия — напряженность, конфликтность, легкость перехода к насилию в решении личных и социальных проблем.

Все эти тенденции являются проявлениями главной — нарастания социального и даже политического фактора и масштаба приключений, их содержания. Если в дореволюционный период это большей частью относительно беззаботные авантюры, не выходящие за пределы личной жизни героев, то в советский период, не говоря о событиях на фронтах Гражданской войны, даже уже в мирное время, чувствуется напряженность, конфликтность в социуме, переходящая в педалирование классового неравенства и борьбу вплоть до межконтинентальных («Луч смерти», «Мисс Менд») и межпланетных («Аэлита») масштабов, земная зависимость от представителей государственной власти и общественности (типа домкома как «правительства дома» в «Девушке с коробкой», профсоюза в «Закройщике из Торжка»), наводящих новый порядок (в той же «Аэлите»), или уже обеспечивающей ее — как в «Необычайных приключениях мистера Веста...», «Мисс Менд», где советская милиция ставит точку в финале. Позитивный опыт общения с советской милицией даже побуждает американского сенатора Веста призвать по радио супругу повесить в кабинете портрет Ленина.

И, конечно же, противостояние высмеиваемых всеми доступными средствами людей из прошлого («бывших»), новых нэпманов, просто жуликов и торжествующего над ними нового советского быта нового поколения, нарастающее к Великому перелому (1927–1929 годы), фактически совпавшего с появлением звукового кино.

За всем этим стоит возрастание роли власти в транслируемой смысловой картина мира. Немое авантюрно-приключенческое кино все более активно используется в такой трансляции. Не был забыт и А. С. Пушкин, гибнущий в «Поэт и царь» (1927) в результате властной интриги по разрушению его семьи. И дело уже не обходится «приветом» Я. Протазанова коммунистическому авангарду в виде мелькающих в «Процессе о трех миллионах» К. Маркса и Ф. Энгельса. Не только В. Маяковский, но и даже нарком просвещения пишут сценарии, и сами играют в кино («Барышня и хулиган», «Трое», «Саламандра»).

Таким образом, идейно-политическое содержание, соответствующие требования к нему к 1930-м все более теснят коммерческо-развлекательную функцию кинематографа. Эта динамика баланса массовой развлекательности с советской идеологичностью определял главный нерв отечественного авантюрно-приключенческого кино — не только его содержания, но и су-

деб его авторов. И «пушкиниана» от «Домика в Коломне» до «Поэт и царь» этот вектор только акцентирует.

Литература

Болтянский Г. Ленин и кино. М.; Л., 1925.

СЦЕНА|ТЕКСТ

Азарова Валентина Владимировна

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ЛИБРЕТТО ОПЕРЫ О. МЕССИАНА «СВЯТОЙ ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ. ФРАНЦИСКАНСКИЕ СЦЕНЫ»

Духовными, интеллектуальными источниками художественной концепции написанной на собственное либретто единственной оперы О. Мессиаана (1983) являлись сочинения Франциска Ассизского, псалмы, оба Завета, «Сумма теологии» святого Фомы Аквинского и труды современных мыслителей — теологов и богословов, проповедников католицизма — Р. Гвардини, Г. У. фон Бальтазара, К. Мармиона, Т. Мортон. Слово Священного Писания для Мессиаана являлось носителем всеобъемлющего смысла и символом Божественного присутствия. В теоцентрическом миропонимании Мессиаана все в Универсуме могло служить источником музыкального вдохновения. Важнейшим из природных феноменов композитор считал пение птиц, ставшее сквозной темой его оперы о жизни и смерти святого Франциска Ассизского (1181/82–1226). Действие оперы раскрывает события двух последних лет жизни святого Франциска.

Либретто, которое Мессиаан называл «поэмой», изобилует поэтическими образами художественных текстов Франциска Ассизского. Прежде всего, это «Цветочки святого Франциска Ассизского» (Fioretti di san Francesco) — стихотворные тексты сборника, «составленного, как предполагают исследователи, братом Уголино из Монтегиоргиано в 20–30-х годах XIV века» [Цветочки 2000: 456]. Либретто Мессиаана содержит отголоски проповедей, посланий, молитвенных песнопений (лауд), гимнов и увещаний, сочиненных поэтом и проповедником Франциском Ассизским в течение многих лет христианской жизни.

О синтетической основе либретто Мессиаана. Сюжетные линии либретто образуют многоуровневую теологическую концепцию, в которой доминируют элементы литургии, молитвы, символы католической духовности, таинства благодати и христианского откровения. В «поэме» композитор претворил духовный текст Послания святого апостола Павла к Коринфянам: «Сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе» (гл. 15; 4). К каждой из строф, повествующих о воскресении за порогом смерти (стихи 40–43), Мессиаан добавил восклицание «Аллилуйя!» («Хвалите Господа!»).

В либретто Мессиаан привел цитату — духовную аксиому святого Фомы Аквинского: «Господь ослепляет нас избытком истины». Композитор интерпретировал поэтическую «Песнь хвалы Богу в творениях». Сочиненное святым Франциском на умбрийском наречии, данное произведение прославляет Бога «за сотворенный мир и за спасение» [Франциск Ассизский. Сочинения 2009: 293].

О завершенности теологического смысла в либретто Мессиаана. В финале оперы композитор передал метафизический смысл начальных стихов Книги Бытия, повествующих о духовном источнике света. Текст либретто тесно взаимодействует со смыслом текстов Священного Писания. Композитор претворил смысл 141 псалма Давида, включив в либретто избранные семантические формулы: «Отчаяние мое пред Тобою <...>, но Ты ведаешь мой путь <...> освободи из темницы душу мою» [Messiaen 1992: 96]. Семантические формулы псалмического текста, интегрированные в либретто, сообщают опере Мессиаана завершенность теологического смысла.

О многослойности драматургии либретто Мессиаана. На первом плане развертывания текста либретто находится обнаружение сути духовного пути святого Франциска. Во всем сле-

дуя Христу, Франциск претерпел страдания от стигматов — кровавых ран Спасителя на кресте (картина 7 оперы имеет название «Стигматы»). В либретто Мессиана утверждается смысловой мотив христианской веры как основы духовного бытия человека.

Главной особенностью либретто Мессиана является особое претворение роли хора, исполняющего функцию комментатора. Говоря об этом, композитор отметил: «Хор, как подобие Божественного Голоса, постоянно выступает» [Lesure, Samuel 2008: 67]. Хоровые партии составляют более половины текста либретто (они получают развитие в шести из восьми картин произведения). Продумывание и разработка драматургических функций хора, продолжавшиеся не менее трех лет, привели композитора к необычному решению роли хора в апофеозе оперы: исполнявший роль комментатора хор становится главным действующим лицом (протагонистом) оперы, утверждающим закономерность взаимодействия человека и человечества с Богом.

О доминировании христианских идей в либретто Мессиана. «Поэма» содержит последовательное развитие и утверждение христианских идей синтеза времени и вечности, радости воскресения, духовного света, «Божественного всеприсутствия». В тексте либретто Мессиана (картина 7 «Стигматы») претворены аспекты христианского откровения. В речи главного героя произведения (святого Франциска) сосуществуют и взаимодействуют литургические и религиозно-мистические элементы, связанные с постижением смысла названного таинства. Таким образом, Мессиаан выразил в действиях главного героя оперы стремление к трансцендированию: постижению и передаче истины и смысла бытия.

О новой театральной литургии в либретто Мессиана. Создавая либретто, Мессиаан расширил границы символизма художественного мира великого католического мыслителя, драматурга и поэта П. Клоделя (1868–1955), автора мистерии «Благая весть Марии» (1912–1948), «музыкальной поэмы» «Жанна д'Арк на костре», драмы «Пляска мертвых». Либретто оперы Мессиана «Святой Франциск Ассизский. Францисканские сцены» обнаружило общность художественных устремлений великих мастеров французского театра XX века. Как и Клодель, Мессиаан воплотил принципы новой театральной литургии.

Литература

Святой Франциск Ассизский. Сочинения. М.: НО Издательство Францисканцев, 2009.

Цветочки святого Франциска Ассизского. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.

Lesure A., Samuel C. Olivier Messiaen. Le livre du centenaire. Collection Perpetuum mobile. 2008.

Messiaen O. Saint François d'Assise. Libretto // L'Avant-Scène Opéra aujourd'hui. Série 4 . 1992.

Батаршин Роман Раифович

*преподаватель, Российский государственный институт сценических искусств;
Российский государственный академический Большой драматический театр
им. Г. А. Товстоногова*

БЕНЕФИС АКТРИСЫ КАК ТЕАТРАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ: СВЕТЛАНА КРЮЧКОВА В СПЕКТАКЛЕ «ПРИВИДЕНИЯ» БДТ ИМ. Г. А. ТОВСТОНОГОВА

Традиция бенефисных спектаклей давняя. Устойчивая. В том числе и в недолгой истории русского театра. С этой традицией спорили, с ней боролись, ее осуждали, но она не исчезла. А в таком особом театре, как БДТ, традиция бенефисных спектаклей приобрела новое качество, новую ценность, новое звучание.

По праву свое место — особое и значимое место — занял спектакль «Приведения» в постановке режиссера Романа Мархолия, центр которого, действенный ток которого — актриса Светлана Крючкова.

Актриса — исключительная. С богатым списком ролей, с широким «спектром» ролевого набора, со сформировавшимся зрительским соучастием в ее особом актерском творчестве. И есть степень готовности Светланы Крючковой, когда ролевое, артистическое, зрительское должно обрести свое воплощение. Это бенефис, это праздник, и не только актерский. Прежде всего, зрительский. Бенефис значим тем, что зритель знает: он идет за главным в театре — любить артиста. И знает, что получит максимум артиста. Этот «максимум» Светлана Крючкова реализовала в роли фру Алвинг.

Роль жесткая. Уже для сформировавшейся актрисы. Это не проблема возраста, а проблема принципа. И этот принцип вопреки всему держит — пытается удержать последним усилием — фру Алвинг. Роль — при жесткой определенности характера — соединяет в себе многообразие действенных функций. Фру Алвинг — мать, возлюбленная, жена, хозяйка, интриганка. Это характер, который оказывается в обстоятельствах, требующих от актрисы очень разных «деятельных» импульсов. Конечно, такое многообразие искушает артистку.

К этой женщине-матери у Крючковой, нет сомнения, был долгий и длинный путь. Вспомним одну из первых и знаковых ее ролей в БДТ: «Фантазии Фарятьева» в постановке Сергея Юрского (1976), где Крючкова, только-только принятая в труппу, играла Любу. Роль, как описывали критики, молодой «девочки с комплексами», которая завидует красоте сестры и говорит всем гадости, в том числе Фарятьеву, а потом рыдает по ночам от любви к нему. Сегодня, на родных подмостках БДТ, согласимся, годами накопленное артистическое воплотилось, состоялось, собралось в роли фру Алвинг. После премьеры театральным критиком Марина Дмитриевская утверждала, что «Крючкова большая актриса, тема матери — ее тема, она действительно центр спектакля, берет внимание и не отдает» [см. ее комментарий к Голод 2022].

Это внимание обеспечено и музыкальным строением и движением роли. Внешний аскетизм на пиано и резкие вулканические взрывы. Перед нами Крючкова: белое мраморное изваяние. Жесткое. Неподвижное. Низкий голос, контральто, — голос героини. Контрапункт — она входит в контрапунктические отношения с героями. Конечно, она существует в партнерстве — бенефисный принцип спектакля не исключает того, что есть одна роль, в подчинение которой приходят остальные начала. Крючкова — фру Алвинг — всегда статичный центр мизансцены.

В этой статике — с выделениями, буквально в музыкальной акцентировке, она играет многообразие характера. Мы видим на сцене спор пастора Мандерса (Игоря Волкова, приглашенного для роли из Александринского театра) и Освальда (в исполнении Ивана Федорука) о правильных и неправильных семьях, о диких и приличных браках. Именно пастор много лет назад «принудил фру Алвинг поступить сообразно с долгом» — остаться с мужем. Этот спор рождает во фру Алвинг — Крючковой, непоколебимой маске, тревогу: в своих взглядах Освальд напоминает своего отца. Очевидно, что это первое «раскрытие» Освальдом себя, т. е. первая

перемена, вызывает в Крючковой, фру Алвинг, страх — прошлое постепенно начинает нагонять настоящее.

Столкновение Регины (Полины Маликовой-Толстун) и Освальда в спектакле сделано так, что зритель наблюдает, прежде всего, за Крючковой, за ее реакцией: фру Алвинг Крючковой видит Регину и Освальда, ей мерещится покойный камергер Алвинг. Героиня Крючковой понимает, что прошлое на ее глазах становится настоящим, «призраки» нагоняют друг друга.

Всегда — как смена тональности в музыке — включается фарсовое. Попытка найти контакт, диалог, сосуществование со зрителем. Таков человек, он потому так и жажден зрителем — не по высоте своей: он смешной, он обычный, он бытовой. Эти ряды Крючкова не пропускает. Но транслирует что-то другое. Буквально из прошлого — позапрошлого века — традицию бенефиса этого особого отношения к актеру и традицию человека с принципами.

Именно это актриса дарит залу. Безусловно, это уже спектакль того театра, который пережил опыт XX века. Когда уже нет надежды многообразному человеку реализоваться в хоть какой-то своей ипостаси. Но в этом спектакле, в этом бенефисном подарке — есть Человек. Он не кончился. Мархолия — воспользуемся мыслью режиссера — основателен в том, что Крючкова держит энергию и энергетику. И пока человек есть, пока есть человечья энергия, пока такой человек транслируется со сцены, не сюжетно, а актерским способом — зал отзовется. И зал отзывается.

Роль Крючковой сделана стоп-кадрами. Статика крупного плана, статика выразительного лица — но вдруг — сбивки, все резко меняется. Это вопрос не физического действия — здесь речь не о буквальной динамической подвижности, а купная значимая внутренняя перемена. Фру Алвинг Крючковой крупная за счет этих крупных перемен.

Это тоже музыкальное строение роли — синкопы. Момент узнавания, момент драматической перемены. Прежде всего, эта та кульминационная сцена, когда героиня Крючковой узнает, что Освальд болен. Все прodelывается актрисой в рамках эстетики психологического театра — не вопрос физической активности, а очень подвижной и насыщенной внутренней жизни героини. Той, какой ее делает Крючкова.

Сокрушение статуарности, сокрушение мраморного изваяния. Сын не наследник. Сын большой. Стокатто. Внутреннее стокатто. Нервический залп.

Содержание спектакля состоит в том, что эта каменная маска — она же всегда про память мужа — но ведь она и сама памятник, памятник другой эпохи с гуманистическими ценностями, которых нет — так вот, содержание спектакля — как рушится это изваяние. В финале спектакля фру Алвинг Крючковой содрогается от рыданий, беспомощно кричит в пустоту о спасении. Совладав с чувствами, героиня утешает сына и произносит страшное пророчество: «Мгла рассеивается. Скоро ты увидишь солнце». Разрушается — разрушилось, рухнуло — человеческое. Человеческое, которое разное. Которое не закрепленное памятной маской. Разное. Человеческое. Живое. Эмоционально заряженное.

Светлана Крючкова, по мнению Марины Дмитриевской, «дает академический покой, что нынче редкость...» [Голод 2022]. Актриса транслирует и держит — буквально из прошлого века — традицию, традицию бенефиса — этого особого отношения к актеру и традицию Человека. А многовекторность художественного процесса современного БДТ, где между собой сочетаются и поиски, эксперименты, и перформативные опыты, — спектакли на актера и бенефисные спектакли неизменно оформляют и держат афишу. Держат традицию. И держат зрителя — своего, особого зрителя БДТ.

Литература

Голод И. Мама, дай мне сердце (2022). URL: <https://ptj.spb.ru/blog/mama-daj-mne-solnce/>

Гудков Максим Михайлович

*старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет*

АМЕРИКАНСКИЙ «КЛОП»: ПРЕМЬЕРНАЯ ПОСТАНОВКА ПЬЕСЫ В. МАЯКОВСКОГО В НЬЮ-ЙОРКЕ (1931 Г.)

Затевая в 1930 г. гастроль Государственного театра имени Вс. Мейерхольда (ГосТИМ, 1923–1938) в Соединенные Штаты Америки, В. Э. Мейерхольд обсуждал с американским антрепренером С. Россом в том числе показ в Нью-Йорке и одной из самых последних своих работ — постановки «феерической комедии» В. В. Маяковского «Клоп» (премьера 13 февраля 1929 г.), — пьесы, специально написанной для советского режиссера.

Однако Мейерхольду, открывающему в своих постановках (как это образно выразил А. В. Луначарский) одну за другой «разного калибра театральные Америки» [Луначарский 1958: 388], так и не посчастливилось открыть для себя реальную Америку — в Новом Свете побывать ни ему самому, ни его театру так и не пришлось. Знакомство заокеанского зрителя с постановкой «Клопа» Маяковского тогда — в 1930 г. — не произошло.

Тем не менее, в следующем году (правда, когда Маяковского уже не было в живых) «Клоп» в Нью-Йорке все же появился, — не привезенный из большевистской Москвы, а свой, местный.

В центре исследования — премьерная постановка пьесы В. В. Маяковского в США, которая была осуществлена почти сразу же после своего написания — в 1931 г. Исследовательское внимание к данному заокеанскому обращению к советскому произведению обусловлено тем, что именно оно оказалось самым первым сценическим воплощением комедии Маяковского за рубежом. Ее премьера в США состоялась 19 марта 1931 г. в Нью-Йорке на сцене известного некоммерческого театра «Провинстаун» (Provincetown Playhouse), находящегося за пределами Бродвея, в районе Гринвич-Виллидж. Автор исследования дает краткую характеристику театра «Провинстаун», в котором некогда начинал свою драматургическую деятельность Ю. О’Нил, а значительно позже — в 1960-е гг. — он стал дебютной площадкой для Э. Олби, С. Шепарда и Д. Мамета. В этом камерном театре пьеса советского поэта была представлена небольшим коллективом любительского «Театра драматургов» (Theatre “The Dramawrights”), состоявшим из радикальных, просоветски настроенных участников.

Постановка была инициирована молодым американским марксистом Леоном Дэнненом (Leon Dennen, 1906–1974), неоднократно бывавшим в Советском Союзе. Он же выступил автором перевода и адаптации пьесы Маяковского. В настоящем исследовании впервые в отечественной науке о театре дается краткая творческая биография Л. Деннена, много сделавшего для популяризации советского театра и драматургии в США, осуществившего переводы на английский язык целого ряда отечественных пьес (среди них, «Страх» А. Н. Афиногенова, «Мой друг» Н. Ф. Погодина и «Список благодетелей» Ю. К. Олеси).

Обращение к «Клопу» можно справедливо отнести к такому крайне популярному в США эпохи Великой депрессии сценическому явлению, как «Левое театральное движение» (Left-wing Theatre), коллективы которого тесно сотрудничали с Коммунистической партией США, большевистской Москвой и структурами Коминтерна. Таким образом, постановка «Клопа» Маяковского в США является частью продуманной культурной дипломатии молодого советского государства, находящегося в изоляции со стороны Запада, и была призвана консолидировать зарубежные «революционные» силы с коммунистическим движением.

Поразительно, что посмотреть премьеру любительского театрального коллектива — «Театра драматургов» — пришли все основные сценические обозреватели Нью-Йорка, и не только леворадикальные.

В силу того, что спектакль был осуществлен театральными любителями, он не отличался ни сильной, продуманной режиссурой, ни яркими актерскими работами. Заокеанское сценическое воплощение «Клопа» не увенчалось успехом: публика шла на него неохотно, и через две недели спектакль был снят с проката. Другой важной причиной невостребованности «Клопа»

на американских подмостках явилась открытая идеологическая ангажированность драматургического материала, существенным образом не соответствующая взглядам и вкусам широкой аудитории Соединенных Штатов.

Следует признать, что премьера «Клопа» в Нью-Йорке не стала значительной вехой ни в сценической истории пьесы, ни в истории американского и отечественного театра. Поскольку авторы заокеанского спектакля не были знакомы ни с постановкой московского Театра имени Мейерхольда (в которой Маяковский официально значился как ассистент режиссера), ни со сценической методологией советского Мастера, то поэтому обращение к пьесе Маяковского ничуть не способствовало «мейерхольдовской прививке» в сценическую практику США (как это произошло, например, с пьесами «Константин Терехин, или Ржавчина» В. М. Киршона и «Рычи, Китай!» С. М. Третьякова, поставленными мейерхольдовским стажером Г. Биберманом в бродвейском театре «Гилд» незадолго до «Клопа»).

Сценическое воплощение комедии Маяковского в Нью-Йорке анализируется в рамках политического и культурного макроконтекста Соединенных Штатов «красного десятилетия» — 1930-х гг. Данное исследование позволяет расширить представления о бытовании и рецепции драматургии Маяковского в США, а также уточнить картину культурных связей между двумя странами в XX веке. Анализ постановки дается на основе материалов, находящихся как в американских фондах (Библиотека Хоутона при Гарвардском университете, Нью-Йоркская публичная библиотека исполнительских искусств), так и отечественных (Российский государственный архив литературы и искусства, Фонд В. Э. Мейерхольда — ф. 998).

Литература

Луначарский А. В. Еще о театре Мейерхольда // Луначарский А. В. О театре и драматургии. Избранные статьи: В 2 т. Т. 1. Русский дореволюционный и советский театр. М.: Искусство, 1958. С. 387–389.

Дудкина Анастасия Игоревна

канд. филол. наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет

МАРТА ГРЭМ. ЖЕНЩИНА-РЕВОЛЮЦИОНЕР И ЕЕ ТАНЕЦ, НАПИСАННЫЙ ПАМЯТЬЮ КРОВИ

Марта Грэм является поистине знаковой фигурой для патриархальной истории мирового танца. В 1998 г. журнал *Time* назвал ее танцовщицей века, ведь по ее биографии можно смело изучать не только эволюцию современного танца (ее долгая карьера охватывает временной промежуток с 1910-х по 1990-е гг.), но и историю непростого XX столетия в целом. Карьера танцовщицы и хореографа началась весьма поздно, поэтому не было и речи о классическом балете, ведь пальцевая техника и все премудрости канонической хореографии осваиваются в раннем возрасте, а к 25–27 годам балерины, как правило, достигают пика своего мастерства и формы. Марта Грэм пришла в танец только в середине 1910-х и сразу поняла, что должна построить нечто свое, создать то, чего доселе не было. Ей быстро стали тесны рамки посещаемых танцевальных школ, однако известная школа искусств «Денишоун», основанная знаменитыми танцовщицами Рут Сен-Дени и Тедом Шоуном, дала Грэм многое: именно там ей привили литературный и музыкальный вкус, там же она осознала важность проявления индивидуальности. Так, по сути, отсутствие возможности и условий для карьеры классической танцовщицы помогли Марте Грэм сформировать новое художественное направление — танец модерн. Она ввела танец в междисциплинарное поле, он перестал быть водевильным развлечением, она придала ему социальный и политический подтекст (взять хотя бы резонансный отказ танцевать в нацистской Германии, самовольное выселение из номера отеля, в котором несправедливо обошлись с певицей только потому, что она чернокожая, или личный демарш-выступление перед президентом США босиком).

В 1926 г. амбициозная танцовщица собирает свою собственную труппу *Martha Graham Dance*, в которой более 10 лет танцевали исключительно женщины. Следует сказать, что индивидуальная техника Марты Грэм стала базой для танца модерн, на которой основываются не только последователи ее метода, но и профессиональные учреждения по подготовке танцовщиков. Совсем не удивительно, что именно эта женщина создала то, что мы называем *modern*, то есть современным, что рассказывает нам про «здесь и сейчас». «Единственное, что у нас есть, — это настоящее. Ты начинаешь из настоящего, из того, что знаешь, и движешься в прошлое, в древнее, которого не знал, но находишь в пути. Думаю, что прошлое можно найти только в самом себе, в том, что проживаешь в настоящем, что входит в твою жизнь сейчас» [Грэм 2017: 22]. Так, настоящее заиграло для Марты Грэм через древнегреческие мифы (воплощение образов Медеи, Федры, Иокасты) и фигуры женщин-бунтарок, — Жанны д'Арк и Эмили Дикинсон. По сути, современные движения за равноправие полов выросли из таких спектаклей, как, например, «Ночное путешествие», где поднимается проблема ущербного положения женщины в традиционном патриархальном обществе.

В хореографии Марты Грэм (а поставила она около 150 спектаклей) изначально просматривались надрыв, боль и ... бунт («Еретичка», «Раскаяние и радость», «Плач», «Экстаз», «Глубокая песнь» и др.), а костюмы (к слову, тоже уникальные и часто создаваемые самой Грэм) были логичным продолжением этой боли. «Есть замечательное исландское выражение “жажда судьбы”. Ты жаждешь своей судьбы, чего бы это тебе ни стоило. Сложно лицом к лицу сталкиваться с муками изоляции, одиночества, сомнений, уязвимости, которые приходится претерпевать, когда ты создаешь искусство в любой его форме. Ты чувствуешь приближение этих терзаний» [Грэм 2017: 102].

Говоря о личности этой женщины-хореографа-танцовщицы, нельзя не остановиться на ее истории любви с Эриком Хоукинсом, который стал первым мужчиной-танцовщиком в ее труппе, а потом и мужем, любовь к которому Марта Грэм пронесла через всю жизнь. Любовь стала и ее спасением, и погибелью.

В то время не принято было мужчине хотеть танцевать, а родители с ужасом думали, что их мальчики могут выбрать сцену, но Грэм и здесь сломала стереотипы, показав, что мужчина может быть героем, «телесно одаренным», сильным и несколько не женеподобным. Вместе с Э. Хоукинсом они изучали фольклор, были крайне увлечены индейской культурой (песенной и танцевальной), которая подарила им «и вдохновение, и благословение, и ощущение чуда». Танец «Кающийся», к примеру, по сути, соткан из движений участников обряда покаяния. Этот номер стал значимым для понимания природы греха, к тому же, Марта Грэм никогда не боялась касаться религиозных аспектов бытия, преломляя их в танец. В первой постановке главные партии исполняли Эрик Хоукинс (Кающийся) и в будущем известнейший хореограф и танцовщик Мерс Каннингем (Христос). Позднее роль Кающегося исполнил Михаил Барышников.

Творческий, любовный, духовный союз распался при первой же трудной ситуации. Уход мужа, некрасивый и подлый, стал полной неожиданностью и огромным ударом для Марты Грэм. «У нас с Эриком была очень глубокая любовная связь. Я никого не любила так, как его. Это было очень тяжело пережить, но разве у меня был выбор?» [Грэм 2017: 156]. В своей автобиографии Грэм приводит личные письма к своему психотерапевту, из которых ясно следует, что травмы, полученные и в прямом (перед расставанием танцовщица получила серьезное повреждение на гастролях), и в переносном смысле, разделят ее жизнь на «до» и «после». Письма полны боли и отчаяния, как собственно, и творчество, для которого Марта Грэм выбрала тот же вектор, правда решимость, сила духа и преодоление всегда брали верх.

Ее принимали президенты и Папа Римский, известные актеры и люди искусства, она чувствовала поддержку друзей и покровителей. Несмотря на драму личной жизни, Марта Грэм всегда была предана самому главному мужчине в ее жизни, и имя ему — Танец. «Я чувствую, что сущность танца — это выражение человека, ландшафта его души. Надеюсь, что любой мой танец открывает что-то обо мне или о том чудесном существе, каким может быть человек. Танец открывает неизвестное — мифы, легенды или ритуалы, которые возвращают нам память. Это вечный пульс жизни, абсолютное желание» [Грэм 2017: 15].

Литература

Грэм М. Память крови. Автобиография. М.: Artguide Editions, 2017.

Исаева Елизавета Ильинична

*канд. филол. наук, доцент, Театральный институт им. Бориса Щукина
при Государственном академическом театре им. Евгения Вахтангова*

ЮРИЙ ТРИФОНОВ: «МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ» И ЕГО СЦЕНИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Повести Юрия Трифонова «Обмен» (1969), «Предварительные итоги» (1970), «Долгое прощание» (1971) сразу же после публикации обрели определение «московские» или «московский цикл». В единстве с повестями «Другая жизнь» (1975), «Дом на набережной» (1976), романом «Время и место» (1980), продолжившими те же мотивы и расширившими хронологические рамки повествования, они могут быть определены как «московский текст» Ю.В. Трифонова, составляющий основной корпус им написанного. Причина доминирования Москвы — и как места действия, и как способа концентрации многообразных смыслов — для Трифонова достаточно очевидна. Он сам не единожды подчеркивал автобиографичность своей прозы, и для него, коренного москвича, Москва изначально была биографическим, а следовательно, и творческим пространством.

Функции художественного образа Москвы в трифоновской прозе были многообразны, они эволюционировали от произведения к произведению. В повестях «московского цикла» время повествователя совпадало со временем персонажей и временем читателя. Жизнь Москвы представляла как социально-психологический срез современности, пульсация будней. Московская топография у Трифонова безупречно точна — достаточно вспомнить передвижения героя «Обмена» Дмитриева из дома на службу, к матери, к сестре — но за ней просвечивает и реальность каждого большого города, где расстояние равно времени, и это становится фактором, определяющим образ жизни современного человека. Городской быт также воссоздавался во всех своих прозаически-узнаваемых чертах. На этом фоне в «московских повестях» появился образ трифоновского сквозного героя — «маленького человека» эпохи, чья погруженность в прозу жизни равна погруженности в ритм и реалии детально выписанной городской повседневности.

Повесть «Другая жизнь» обозначила уже сопряжение современности с историей: ее герой, историк Сергей условно обозначает это как метод «Разрывания Могил». В повести «Дом на набережной» эти линии соединились: Дом правительства, появившийся на Берсеневской набережной в 1931 г. — это и архитектурная реальность Москвы, и часть биографии писателя, жившего там до ареста родителей в 1937 г., и зримый символ целой эпохи. Воссоздание места стало способом анализа времени. Узнаваемость воспроизведенного писателем современного городского мира вызвала быстрый отклик в точном зеркале общественного сознания — в театре. Знаковыми стали спектакли по повестям «Обмен» (1976) и «Дом на набережной» (1980) в Театре на Таганке. Инсценировка «Обмена» принадлежала самому Трифонову, для «Дома на набережной» она создавалась совместно с режиссером Юрием Любимовым. Главный художник театра Давид Боровский оформлял оба спектакля.

Перенос произведений Трифонова на сцену таил немало сложностей. Опыт работы с прозой у театра на Таганке был — «А зори здесь тихие...» Б.Л. Васильева, «Деревянные кони» Ф.А. Абрамова, но специфическая трудность работы с Трифоновым состояла в неотъемлемой для него приверженности к бытовой точности, противоположной условной эстетике Театра на Таганке. Поиск художественных решений был совместным: писатель принимал непосредственное участие в работе над спектаклями. В «Обмене» был сделан первый шаг к сочетанию условного и достоверного: в одном пространстве параллельно существовали разные места действия — коробки предназначенных для обмена комнат, при этом с подробно воссозданной обстановкой, важными деталями стали таблички с номерами домов и подъездов. Внегородская реальность была перенесена в зрительный зал: в его центре поместили сосну — знак дачной подмосковной жизни.

Для «Дома на набережной» Боровский нашел уже более смелое метафорическое решение. Дома правительства в его архитектурной конкретике в спектакле нет. Его образ дома на сце-

не — это стена с окнами, в которых из полутьмы появлялись лица тех, кто возникал в воспоминаниях героя, Вадима Глебова, — так возникало пространство его прошлого. Это был зримый образ памяти — понятия, столь значимого для прозы Трифонова. Единственная дверь в стене оказывалась дверью лифта, распахивая которую, персонажи из прошлого врываются в его сегодняшнюю жизнь. Место, предназначенное герою, ограничивалось узкой полосой между этой «стеной памяти» и рампой, за которой начинался зрительный зал, обозначавший пространство настоящего. Вовлечение в действие зрительного зала, постоянный прием Любимова, делал реальностью связь времен, на стыке которой оказывался герой. Такое сопряжение времени и пространства позволило воссоздать сложную структуру повествования в повести Трифонова, где через ретроспекцию введены разные эпохи — предвоенная, послевоенная и семидесятые — время написания / вспоминания. Особый образ был найден для детства героев, приходящегося на конец тридцатых годов. Вместо отдельных персонажей на сцене появлялся детский хор, исполнявший песню «Легко на сердце от песни веселой» — парадный символ советского детства. На этот хор и смотрит нынешний Глебов, словно стараясь различить в нем лица друзей своих школьных лет и себя самого. Таким образом, отказавшись от буквальной бытовой точности, оставаясь в русле своей условной стилистики, театр смог найти эстетические решения, органичные для поэтики Трифонова.

Местом размышлений писателя неизменно оставалась Москва — «город, который я так помнил, так знал, так любил и который так старался понять» («Дом на набережной»). Город, превращающийся в художественный образ, — явление, нередко встречающееся в литературе. С образом, открытым и воплощенным Трифоновым, произошло нечто уникальное — он вошел в топографию Москвы. Общеизвестно, что Дом правительства после появления повести Трифонова называется только и исключительно Домом на набережной.

Литература

- Иванова Н.* Юрий Трифонов. М.: Советский писатель, 1989.
Смехов В. Театр моей памяти. М.: Вагриус, 2001.

Ларин Сергей Алексеевич

канд. филол. наук, доцент,
Воронежский государственный университет

ПЕРСОНАЖНАЯ СТРУКТУРА «БЫТОВЫХ» ПЬЕС А. Н. ОСТРОВСКОГО: МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ (ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

И мужские, и женские персонажи фигурируют во всех «бытовых» пьесах А. Н. Островского, кроме «Утра молодого человека», в котором девять мужских персонажей (9М) и нет женских (0Ж), — а характер отношений между ними определяет их место и роль в сюжете (ср.: [Андреев 1995: 3, 7]).

К наиболее «населенным» пьесам Островского, по нашим наблюдениям, можно отнести: «Доходное место» — 19 персонажей (12М и 5Ж), «Снегурочка» — 20 (8Ж и 12М), «Шутники» — 21 (13М и 8Ж), «Комик XVII столетия» — 21 (3Ж и 18М), «Последняя жертва» — 22 (6Ж и 16М). Меньше всего персонажей в пьесе «Неожиданный случай» — 4 (2М и 2Ж); 6 персонажей — в трех пьесах Островского, 7 — в двух, 8 — в трех, 9 — в четырех, 10 — в трех, 11 — в четырех, 12 — в одиннадцати, 13 — в одной, 14 — в двух, 15 — в одной, 16 — в двух, 17 — в одной. Таким образом, в 43 рассматриваемых «бытовых» пьесах Островского нами было обнаружено 510 именованных персонажей (313М и 197Ж), следовательно, в среднем количество персонажей в этих пьесах составляет 11,86 (ср.: [Холодов 1967: 174]).

Пьесы, в которых число мужских персонажей превышает число женских в два раза и более, можно условно назвать «мужскими», и таких пьес насчитывается 11. Назовем пьесы с наиболее значительным преобладанием мужских персонажей: «На бойком месте» (2Ж — 9М), «Горячее сердце» (3Ж — 14М), «Комик XVII столетия» (3Ж — 18М). В эту же группу можно включить пьесы, в которых погрешность при реализации этого принципа не превышает единицу. Например, 7М и 4Ж («Грех да беда на кого не живет», «Тяжелые дни»), 9М и 5Ж («Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Красавец мужчина»).

«Женскими», в свою очередь, можно считать пьесы, в которых число женских персонажей превышает число мужских в два раза и более. Мы обнаружили пять таких пьес. Обратим внимание, что в этот перечень входят все пьесы «бальзаминовской» трилогии: «Семейная картина» (4Ж — 2М), «Праздничный сон до обеда» (7Ж — 3М), «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (6Ж — 2М), «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)» (7Ж — 2М), «Не все коту масленица» (4Ж — 2М).

Однако в ряде пьес расхождение между числом мужских и женских персонажей не столь значительно. Количество мужских персонажей может не на много превышать количество женских: «Не так живи, как хочется» (7М — 5Ж), «Не сошлись характерами!» (7М — 6Ж), «На всякого мудреца довольно простоты» (9М — 7Ж), «Сердце не камень» (6М — 4Ж), или число женских — число мужских: «Воспитанница» (5М — 7Ж).

Примерно в одной трети случаев число мужских и женских персонажей одинаково: 2М — 2Ж («Неожиданный случай»), 3М — 3Ж («Богатые невесты»), 4М — 4Ж («Свои люди сочтемся», «Старый друг лучше новых двух»), 5М — 5Ж («В чужом пиру похмелье»), 6М — 6Ж («Бедная невеста», «Гроза», «Трудовой хлеб», «Без вины виноватые»), — но может отличаться не более чем на единицу: «Бедность не порок» (7М — 6Ж), «Пучина» (6М — 5Ж), «Поздняя любовь» (3Ж — 4М), «Правда — хорошо, а счастье лучше» (5М — 4Ж), «Невольницы» (4М — 3Ж), «Не от мира сего» (5М — 4Ж). И как можно заметить, это преимущественно пьесы, написанные в 1850-е гг. либо в первой половине 1870-х или 1880-х гг.

Можно обратить внимание еще на одну особенность представления персонажей в списке действующих лиц в пьесах драматурга. Это порядок и последовательность появления мужских и женских персонажей. В 24 пьесах в начале списка указан мужской персонаж. Показательно, что только 8 из них относятся к числу «мужских». В 11 пьесах количество мужских и женских персонажей одинаково или отличается не более чем на единицу. И только в «Семейной карти-

не» число женских персонажей превышает в 2 раза число мужских, хотя список действующих лиц пьесы открывается мужским персонажем.

В 18 пьесах список действующих лиц открывает женский персонаж, и в ряде случаев наблюдается определенное противоречие. Чисто женских пьес у Островского 4: это все пьесы «бальзаминовской» трилогии и «Не все коту масленица». В этих текстах первым заявляется женский персонаж и число женских персонажей в два раза превышает число мужских.

В 8 пьесах список открывает женский персонаж, хотя в целом пьеса является «мужской» и в ней преобладают мужские персонажи: «Лес», «Комик XVII столетия», «Снегурочка», «Волки и овцы», «Последняя жертва», «Бесприданница», «Таланты и поклонники», «Красавец мужчина». Заметим, что названия только двух из них содержат «имена» главных героинь: «Снегурочка», «Бесприданница». Но, по-видимому, эти пьесы как раз и нужно считать наиболее напряженными, драматичными в творчестве Островского.

Знание указанных фактов и их интерпретация с позиций эквивалентного анализа позволит, как представляется, с иных позиций подойти к решению вопроса о статусе персонажа, специфике и характере сюжета, а также об идейно-художественном своеобразии драматургии Островского.

Литература

Андреев М. Л. Метасюжет в театре Островского. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.

Холодов Е. Г. Мастерство Островского. М.: Искусство, 1967.

Левченко Татьяна Викторовна

канд. физ.-мат. наук, главный эксперт,
Национальный Исследовательский Университет «Высшая школа экономики»,
Проектная лаборатория изучения творчества Ю. П. Любимова
и режиссерского театра XX–XXI вв.

«СИМПАТИЧНАЯ СТАРУШКА (МИРОВАЯ БОДРЯГА!), ПРИПУДРИВ НЕДАВНИЕ СИНЯКИ СНОВА РВЕТСЯ В БОЙ». ОБ ОДНОМ ПИСЬМЕ А. Я. БРУШТЕЙН В АРХИВЕ ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА Ф. М. ЛЕВИНА

11 апреля 1936 г. в газете «Советское искусство» были опубликованы два материала, посвященные театру рабочей молодежи: редакционная статья «Что скажет Трам комсомолу?» и маленькая заметка «Совещание о ТРАМЕ». Несмотря на вынесенное в заглавие общее название театральной системы, и редакционный материал, и заметка были посвящены Московскому ТРАМу. В статье от редакции художественная институция, символизирующая собой «одно из самых интересных проявлений инициативы комсомола в искусстве» была подвергнута жесткой критике. В частности, критиковался текущий репертуар театра. Заметка продолжала эту тему.

«МК комсомола и секция драматургов союза советских писателей созвали 5 апреля совещание драматургов, посвященное обсуждению репертуара Московского центрального театра рабочей молодежи. В совещании драматургов принял участие секретарь ЦК и МК комсомола тов. Лукьянов. После выступлений В. Киришона, В. Билль-Белоцерковского, Л. Соловьева, А. Ржешевского, В. Катаева, А. Бруштейн, Б. Ромашева, Л. Славина, В. Гусева и др. с заключительной речью выступил тов. Лукьянов. — Комсомол очень заинтересован в успешной работе Московского центрального трама <...> Вина ТРАМ в том, что он не вел упорной борьбы за создание хорошей, содержательной пьесы для молодежи. Нужны такие пьесы, как “Продолжение следует”. Они воспитывают нашу молодежь и вызывают желание лучше работать».

Автором упомянутой Д. Лукьяновым эталонной пьесы была Александра Яковлевна Бруштейн (1884–1968). Сохранившееся в архиве литературного критика Ф. М. Левина (1901–1972) письмо А. Я. Бруштейн, написанное ему в ноябре 1936 г., свидетельствует, что это была целенаправленная поддержка драматурга Лукьяновым. Письмо также позволяет восстановить причины малого количества постановок пьесы «Ася», написанной Бруштейн после «Продолжение следует» (1933), — пьесы, которая ставилась не только в ТРАМах (премьера в Центральном ТРАМе прошла в январе 1934 года), но в колхозных театрах, театрах при военных округах, самостоятельными труппами по всей стране.

С начала 1936 г. драматург оказалась вовлечена в конфликт с И. Белецким — директором и художественным руководителем московского ТРАМа: «Московский ТРАМ, хотя “Асю” к постановке принял, но не только не поставил, а подверг ее организованному “леге артист” саботированию» [Архив Левина].

Позиция Белецкого оказалась поддержана возглавлявшим Мособлрепертком В. Млечиным, запретившим пьесу как «антихудожественную продукцию». Несмотря на активную поддержку пьесы Лукьяновым, «Комсомольской правдой» и Главреперткомом в Центральном ТРАМе, пьеса, даже с навязанными автору переделками, касавшимися как характеров персонажей, так и сюжетных линий, не пошла. В Москве ее сыграли студенты. 20 октября 1936 г. «Вечерняя Москва» отметила этот факт:

«Второй год работает студенческий театр-студия, организованный Главным управлением учебных заведений Наркомтяжпрома. <...> Текущий сезон театр открыл новой пьесой А. Бруштейн “Ася”. Тема этой пьесы — новая мораль, любовь, гордость материнства».

В Ленинграде премьера пьесы прошла практически одновременно в двух местах — 25 мая 1936 г. на сцене Ленинградского ТРАМа (режиссер Л. С. Рудник), а 26 мая в «помещении фили-

ала Театра юных зрителей состоялся первый просмотр первой постановки актерской студии фабрик “Ленфильм” и “Советская Беларусь”, руководимой засл. арт. Б. В. Зоном» [Дневник искусств. Ася].

Пьеса была разрешена Ленинградским Комитетом по делам искусств в первой редакции. Как пишет Бруштейн:

«Везде, где пьеса прошла, она имела очень большой — а местами прямо оглушительный успех. В Ленинграде на следующий день после премьеры было в один день раскуплено 28 спектаклей вперед, шла она до самого конца сезона ежедневно при переполненном зале и исключительном накале аудитории, с нескончаемыми аплодисментами среди действия и т. п. Везде пьеса подняла целую полосу молодежных диспутов по затронутым в ней вопросам» [Архив Левина].

Между тем, появившиеся в июне рецензии на трамбовский спектакль критиковали драматурга:

«Пьеса А. Бруштейн пытается сформулировать проблему семьи с позиции сегодняшнего дня. О женщине, имеющей право на ребёнка, об ответственности в браке обеих сторон, о настоящей по-социалистически товарищеской дружбе мужа и жены, о честном отношении к женщине говорят её персонажи. <...> Драматург попытался вместить в одно произведение все возможные варианты одной и той же темы, в результате пьеса оказалась «сборником случаев» из жизни.<...> Схематичность и дидактичность подхода к поставленным в пьесе проблемам придают ей явно ощутимые черты «каркаса», который трудно заполнить жизнью. <..>то что в пьесе было явно порочным и до конца схематичным, точно так же прозвучала в спектакле» [Янковский 1936].

Похожие претензии прозвучали и в рецензии О. Персидской:

«Советская драматургия не избалована женскими образами пьеса А. Бруштейн в этом отношении является одной из первых. <...> Но от темы до ее драматургического и сценического воплощения дистанция больших размеров. Пьесе Бруштейн можно и нужно, несмотря на отдельные удачи, предъявить ряд обвинений. Думается что основным пороком и причиной всех ее недостатков является перегруженность материалом» [Персидская 1936].

Именно отношение критики к «Асе» и другим своим пьесам и было первоосновой письма Бруштейн Левину:

«За последние месяцы — с тех пор, как я читала Вам и Вашей жене мою пьесу “Ася” — мне частенько приходилось думать в форме разговора (и не всегда мирного) с Вами. Ваши высказывания об “Асе” меня взволновали и разнообразно подтолкнули думать — все это по целому ряду причин. Основной смысл Вашей оценки пьесы был тот, что она, в общем, — в своих достоинствах и недостатках, — стоит вполне на уровне остальной нашей драматургии, что она не хуже “Платона Кречета”, “Чудесного сплава” и др. Но смешно и неловко сказать, Федор Маркович, что вот именно такого признания, — такого невыделения меня в разряд илотов и париев нашей драматургии <...> — вот этого признания я добиваюсь давно и <...> пока безуспешно» [Архив Левина].

Письмо также свидетельствует о добрых отношениях, сложившихся у А. Бруштейн и семьей Левиных и возможном обсуждении ими тем пьесы «Голубое и розовое» (1935), связанной с воспоминаниями о Виленском детстве, гимназических годах драматурга. Мать Левина, урожденная Е. К. Иоффе была родом из Вильно и училась в гимназии. В архиве Левина сохранился заглавный лист машинописи пьесы с дарственной надписью «Вале и Федору Марковичу от автора Москва 14.11.36».

Литература

Архив Левина [частная коллекция].

Дневник искусств. Ася // Красная газета. 1936. 26 мая.

Персидская О. Тема и ее воплощение // Рабочий и театр. 1936. № 12. С. 19.

Янковский М. Ася // Литературный Ленинград. 1936. 6 июня.

Матвиенко Кристина Николаевна

*канд. искусствовед., руководитель магистратуры «Социальный театр»,
Российский институт театрального искусства — ГИТИС*

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ «ЖЕНСКОГО» В СОВРЕМЕННОМ ТЕАТРАЛЬНОМ И ПЕРФОРМАТИВНОМ ИСКУССТВЕ

В современном отечественном и зарубежном искусстве вопросы идентичности являются принципиальными. Идентичность героев / героинь исследуемых мною спектаклей и перформансов является собранием сложных, часто противоречащих друг другу, обстоятельств, факторов и качеств, как «природных», так и приобретаемых с течением времени, формирующихся на протяжении детства, юности и зрелости. Создатели и исполнители этих театральных произведений рефлексируют свою и чужую идентичность именно через проблематизацию отношений между частным, индивидуальным и назначенным, выдающим себя за «норму». В поиске собственного «я» художниками и перформерами / актерами задается вопрос и нам, зрителям — а что такое ваша идентичность, что такое каждый из нас сегодня, что обуславливает наше поведение и является ли оно свободным от назначаемых нам социально выгодных ритуалов? Эти практики часто опираются на опыт самоисследования, ведь, обращаясь к себе самому, ты способен разглядеть и Другого, равно как и наоборот — вглядываясь в Другого (в данном случае — в зрителя), герой автофикшн-перформанса способен распознать и себя.

Датская хореограф Метте Ингвартсен изучает исторические сдвиги в способе смотреть на женское тело через собственную телесность. В танцспектакле “21 pornographies” (2017, РАСТ, Эссен) рефлексированы разные способы отношения к обнаженному телу через конкретные исторические точки трансформаций, происходивших в этой области.

Перформер Лиззи Матвеева из нижегородского сайт-специфика художников и режиссеров Ангелины Миграновой и Родиона Сабирова «Разрыв, или почему я показываю перформанс вместо того, чтобы ехать к бабушке» (2023, фестиваль «Специфик», ЦТМ, Нижний Новгород) пробует на вкус истощающий, монотонный труд швеи. Час с небольшим две девушки находятся в швейной мастерской, кроя, гладя, сшивая и снова поря куски материи, из которых изготавливается женское белье и детские вещи. Проходя один и тот же цикл много раз, разрывая и снова сшивая куски материи, они ничего не производят и ничего не изображают, редуцируя сценическое действие до простых и однообразных движений, которые, по видимости, приводят к не столь очевидным результатам, но изматывают тело «работниц».

Режиссер, актриса, междисциплинарная художница Полина Кардымон в перформансе собственного исполнения «Утопия от слова “утопить”» (2021, «Мастерская Крикливого и Панькова», Новосибирск) каталогизирует артефакты своего травматичного прошлого, чтобы распрощаться с ними навсегда. Раскладывая на столе предметы, запечатанные в целлофановые пакетики, актриса одновременно транслирует их же на экране, благодаря чему мы видим подробно все вещи, и комментирует их происхождение. Бумажные браслеты на концерты любимых групп, трамвайные билеты, фенечки, подаренные подружками, тест на беременность, билет к отцу, не живущему с семьей, — фрагменты архива девушки бережно заархивированы и подлежат распаковке, поскольку каждый таит свою историю. Но прощаясь с каждым, она действительно хочет забыть их, ведь воспоминания о многом приносят боль. Финалом перформанса становится укладывание предметов в специальный контейнер, который исполнительница заливает жидким бетоном и обещает по весне утопить в Оби.

Писательница Радмила Хакова в стендапе о свиданиях делится опытом личных потерь, пройдя через которые, она сделала нечто вроде социологии мужчин с сайтов знакомств. Спектакль «147» (2020, Театральная площадка МОН, Казань) сыгран не автором — она появляется иногда на экране, с улыбкой произносящая «вводные» к своему проекту и манифестирующая свои открытия, совершенные в процессе эксперимента над собой и собственной жизнью. На сцене — актриса Настя Радвогина, которая играет героиню Хаковой, путешествующую по городам и странам в поисках идеального или хотя бы безопасного свидания. По ходу своего путе-

шествия она прощается и с иллюзиями, и с предрассудками по поводу мужчин, женщин, брака и вообще отношений как таковых.

Актриса Алена Старостина в спектакле Элины Куликовой «Рана» (2022, Центр Вознесенского) безмолвно проходит путь героини одноименного романа Оксаны Васякиной — не присваивая чужое, но всматриваясь в него как в специфического рода отражение. Весь спектакль актриса собирает кусочки войлока, разбросанные по всей сцене, в клетчатые пластиковые сумки, ассоциирующиеся, в частности, с тяжким трудом женщин-торговцев. А другой женский голос звучит аудиально, рассказывая путь героини «Раны», которая едет на родину, в Братск, чтобы попрощаться с матерью и прошлым. Меланхоличный и деловито-бесстрастный перформанс, совершаемый Старостиной в одиночку, идет в параллель к звучащему тексту, как бы раздваивая и тело женщины — той, которая описана Васякиной в своем автофикшне, и той, чьи упорные и мягкие действия мы наблюдаем в реальном времени.

Эти пять очень разных кейсов я попытаюсь рассмотреть в оптике новой исповедальности, которая является одним из мощных инструментов самопрезентации женщины в сегодняшнем искусстве. Во всех них присутствует женщина, телесно, ментально, эмоционально, но способы собственной самопрезентации эта женщина избирает каждый раз индивидуально, примериваясь к собственной природе и транслируя свой опыт. Парадоксальным образом эта исповедальность оказывается разделенным опытом и для зрителей, которые подключаются к действию не потому, что им вполне релевантен тот или иной опыт, но в силу перформативности всех перечисленных спектаклей.

Может ли театр исцелять — не только прямым образом, не только будучи терапией, но опосредованно, через запуск в присутствующих механизма критического осмысления себя и тактильного внимания к себе и другим? Может ли такой театр помогать — и тем, кто его делает непосредственно, и тем, кто его наблюдает, сидя в зале, но неизбежно становясь соучастником происходящего.

Литература

- Батлер Дж. Сила ненасилия. Сцепка этики и политики. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2022.
- Герман Дж. Травма и исцеление. Последствия насилия — от абьюза до политического террора. М.: Бомбора, 2022.
- Козонина А. Странные танцы. М.: Музей современного искусства «Гараж» и Artguide Editions, 2021.
- Юрийчук Д. Как танцевать политически? // Художественный журнал. 2019. № 108. URL: https://moscow-artmagazine.com/issue/89/article/1970?roistat_visit=16478179

Меньщикова Мария Константиновна

д-р филол. наук, профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

БИНАРНОСТЬ СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ В ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ МИФА ОБ АМФИТРИОНЕ

Миф об Амфитрионе в европейской словесности получает особое распространение. Среди античных авторов к интерпретации этого сюжета обращались Софокл, Еврипид, Плавт, Сенека и др., однако именно текст Плавта становится источником драматургических вариаций Нового времени, в частности Мольера, чье произведение в свою очередь стало прецедентным для более поздних вариантов (например, Г. Клейста и др.). XX век (произведения Ж. Жироду (1929), П. Хакса (1968), Г. Кайзера (1944)) также не утратил интереса к истории Амфитриона и Алкмены, сдвинув, впрочем, акценты в философско-психологическую область, в том числе акцентировав и аспект «мужского и женского».

Следует отметить, что уже исходя из содержания самого мифа, система персонажей драматургических интерпретаций предполагает бинарность, причем, с одной стороны, она определяется мотивом двойничества и подменой Зевсом (Юпитером) Амфитриона, а Гермесом (Меркурием) Созия, а с другой, — наличием и противопоставлением таких пар как Амфитрион — Алкмена; Юпитер — Алкмена; подразумеваемой Юпитер — Юнона; Созий — жена Созия; Меркурий — жена Созия (отметим здесь тот факт, что в разных интерпретациях мифа об Амфитрионе имя жены Созия вариативно или отсутствует вовсе: например, у Мольера она — Клеантида, у Драйдена — Бромия, у Клейста — Харита) и др.

Показательно, что при незначительной вариативности названий драматургических интерпретаций мифа об Амфитрионе, в центре всегда имя этого героя, а не, например, Алкмены, хотя достаточно часто авторы акцентируют внимание на других персонажах или паре персонажей. Сомнения в собственной природе и «бытийности» испытывают не только Амфитрион и Созий, но и Алкмена. Так, у Клейста Алкмена вынуждена сомневаться в собственной верности и способности распознать свои же чувства, эти сомнения обретают наглядное выражение в пластическом образе венца с вензелем, подаренного ей Юпитером в образе Амфитриона. Этот подарок как бы дублирует ситуацию с двойниками: он предназначен Алкмене Амфитрионом и заперт в ларце с печатью, Юпитер забирает венец, не разломав печати, и вензель буквально на глазах Алкмены меняется, что подтверждает служанка Харита, таким образом, Алкмена не может доверять своим глазам, поэтому и выбор между двумя Амфитрионами, который ее вынуждают сделать, фактически невозможен.

Интересен вариант Джона Драйдена в плане реализации бинарности системы персонажей: автор усиливает комическое начало, дублируя «высокую» сюжетную линию Юпитер — Алкмена — Амфитрион ее сниженным вариантом Меркурий — Бромия — Созий. Кроме того, Драйден вводит в свою пьесу дополнительных персонажей: Феба, судью Грипиуса и служанку Алкмены — Федру. В этом калейдоскопе персонажей в соответствии с представлениями автора о необходимости в комедии ярких, остроумных, «свободных» персонажей центральное место занимают Меркурий и Фебра.

В интерпретации Г. Кайзера Зевс, разгневавшись на человечество, собирается его уничтожить, однако этот сюжет сплетается и с библейскими мотивами об уничтожении грешников и праведнике, ради которого Бог может пощадить город. Таким праведником оказывается Алкмена, трепетное молитвенное обращение к Зевсу которой заставляет его отказаться от уничтожения армии Амфитриона молнией. Так соблазнение и обман в античном мифе в этой версии заменяется испытанием: способна ли Алкмена любить не полководца, а простого пастуха Амфитриона. И эта любовь спасает всех жителей Фив.

В современной пьесе отечественного драматурга А. Монвиж-Монтвида «Новый Амфитрион» полноправным сценическим персонажем становится Гера. Весь сюжет «Нового Амфитриона» строится на переворачивании известного афоризма «quod licet Jovi, non licet bovi» (что

положено Юпитеру, то не положено быку). Однако хорошо известный античный сюжет в пьесе Монвиж-Мотвида развивается в русле «альтернативной истории». Гера, подслушавшая диалог Зевса и Гермеса, не разгневана на Алкмену, а поражена ее стойкостью и верностью мужу, и решает ей помочь, приняв сама на время образ Алкмены. Еще одно нововведение весьма оригинально интерпретирует мотив двойников: герои фактически обмениваются сущностями: Гера принимает образ Алкмены, а Алкмена Геры, Зевс — Амфитриона, Амфитрион же, напротив, Зевса. Таким образом, получается классическая комедийная ситуация с героем, занимающим чужое место и пытающимся как-то соответствовать своему новому образу. Также оказывается, что вернуться к первоначальному облику можно только при желании всех участников, собравшихся вместе. В финале комическая ситуация становится гротескной: богам-олимпийцам приходится молиться самим себе, чтобы их не принесли в жертву как богохульников, а Созия буквально насильно заставляют согласиться освободить место Гермеса. Пьеса строится во многом на языковой игре, имплицитных отсылках к мифологическим сюжетам и литературным текстам, однако лишена трагического пафоса своих многочисленных предшественников.

В сценической версии пьесы, премьера которой состоялась 17 апреля 2021 г. в Нижегородском театре музыкально-пластической драмы «Преображение», подчеркиваются проблемы семейных отношений, которые наиболее понятны современному зрителю, что наглядно демонстрирует и афиша спектакля: на первом плане античные колонны, на фоне которых мужские и женские силуэты в современных костюмах, над ними располагается стилизованная «греческая» надпись «Амфитрион», на заднем плане просматривается современный мегаполис, над которым — неоновая вывеска «новый».

Таким образом, в драматургических интерпретациях мифа об Амфитрионе бинарность системы персонажей может быть представлена как явно, так и имплицитно и иметь несколько вариантов прочтения, создавая таким образом поликодовость художественного текста и сценического воплощения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00559 «Античный код в проблемном поле русско-немецких театральных взаимосвязей».

Мухамедзянова Анна Алексеевна

соискатель, Российский институт театрального искусства — ГИТИС

Н. И. САЦ КАК РЕЖИССЁР С ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ОПТИКОЙ

В докладе автор рассматривает значимую фигуру для возникновения и становления детского театра — режиссера Наталию Ильиничну Сац. Обращаясь к книгам ее авторства «Дети приходят в театр» (1961), «Всегда с тобой» (1965) и «На путях к прекрасному» (1986), докладчик предлагает рассматривать Сац как театрального деятеля, в работе которого сочеталась режиссерская и педагогическая работа.

Сац как художественной руководительнице театра не представлялось возможным работать над формированием репертуарной политики без предварительного изучения своей целевой аудитории. С этой точки зрения, Сац была социально-ангажированной художницей, постоянно интересующейся особенностями детского восприятия, стремящейся сделать театр доступным для большого количества детей, создать специальные льготы, которые помогли бы как можно большему количеству юных зрителей приобщиться к искусству.

Сац как педагог понимала, что ходить в театр — это привилегия, которая доступна немногим, принимать правила поведения в театре и уж тем более понимать художественный язык спектакля, обладать достаточным зрительским опытом, чтобы суметь проанализировать его, — привилегия вдвойне. Поэтому ее основные принципы работы были построены на организации точки входа в культуру.

Сац полагала, что не только спектаклю необходимо существовать по правилам режиссуры, но и всему посещению театра ребенком следует быть событием выстроенным, срежиссированным заранее целой командой: режиссером спектакля, художником, композитором, а также театральными педагогами. Ее педагогический интерес не мог не сказаться на ее творческих высказываниях, направленных на новую для театра того времени целевую аудиторию. Ее режиссерские амбиции не могли существовать отдельно от педагогического увлечения.

Мысль о том, что восприятие детей отличается от восприятия взрослых была в то время довольно тиражируемой и изучаемой. Свои концепции по развитию театра для детей излагали народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, режиссер и педагог В. Э. Мейерхольд, педагог-психолог Н. Н. Бахтин. Однако только концепция Бахтина, который был ориентирован на сотворчество постановочной команды и юных зрителей, была рассчитана на реальных детей, к тому же он опирался на знание возрастной психологии. Две другие концепции были рассчитаны на абстрактного ребенка.

Сац была знакома с этими идеями и была уверена в том, что знание о разнице восприятия у детей разного возраста помогает режиссеру, педагогу, артисту, иными словами, всем, кто взаимодействует с юным зрителем. Так она придумала педагогический отдел — команду, состоящую из педагогов, психологов, драматургов и режиссеров. Сотрудники отдела целенаправленно работали с получением и анализом обратной связи в разных формах — в устных обсуждениях, в письменных анкетах и рисунках. Педагогический отдел был полем экспериментов и был важной частью театра, поскольку он устанавливал и поддерживал связь с целевой аудиторией спектакля.

Установление такого личного контакта с целевой аудиторией спектаклей и большое доверие детей к «тете Наташе» снимало барьер в коммуникации. В своей обратной связи дети, которые замечали логические несостыковки в ходе спектакля, смело задавали вопросы. И нередко вместо ответов Сац действовала: становилось значимым и наделялось уже режиссерским смыслом то, что привлекало внимание детей, например, мешок героя, который был пустым, заполнялся, потому что детей очень интересовало его содержание: «в ряде писем о “1001 ночи” дети спрашивали, что было в мешке у Гассана. На самом деле мешок был пустой и был ему дорог как средство заработка на кусок хлеба. Но после этих детских вопросов было принято решение внести в текст пьесы изменения, чтобы сделать эту мысль более ясной» [Театр воспитания Наталии Сац 2020].

Сац как режиссер-педагог, конечно, следовала за своей эпохой и формулировала театр для детей как место, способное воспитать порядочного гражданина.

«Главный вопрос, о котором нам пора говорить гораздо серьезнее и глубже, — это идейная направленность, эмоциональная заразительность, художественный вкус тех спектаклей, которые мы показываем детям. Необходимо думать о требовательности к сценическому мастерству режиссеров и артистов, всех тех, кто удостоен чести играть для юных. Театры для детей соединяют искусство с педагогическими задачами, помогают воспитанию личности» [Сац 1986: 11–12].

Она, как и многие ее современники, работавшие в ТЮЗах, ставила театр в один ряд со школой по желаемому воспитательному аффекту. В спектаклях, созданных Сац и одним из ее союзников С. Г. Розановым, дети встречали героев, которые должны были восприниматься ими как ролевые модели. Именно над пониманием спектакля, над однозначным прочтением его художественного мира работали постановочные команды во главе с Сац.

Можно сказать, что театр Сац наполнялся не столько развлекательным, сколько образовательным, нравственным, иногда программирующим по линии партии юные умы контентом.

Таким образом, Сац умело совмещала роли художественной руководительницы, режиссера-педагога и главного друга детей, которому они писали письма, начинавшиеся со слов «Здравствуйте, тетя Наташа!».

Литература

Сац Н. И. На путях к прекрасному. М: Знание, 1986.

Театр воспитания Наталии Сац. РАМТОГРАФ, 2020. URL: <http://ramtograf.ru/t-online-08-20.html>

Наумов Александр Владимирович

канд. искусствовед., старший научный сотрудник,
Государственный институт искусствознания

«БАБЫ» МХАТ–2 (1929): НОВЫЙ ОПЫТ СТУДИЙНОСТИ В РЕЖИССУРЕ И МУЗЫКА СПЕКТАКЛЯ

Спектакль МХАТ–2 «Бабы» по мотивам двух пьес К. Гольдони, «Бабы сплетни» и «Любопытные» (премьера 25 апреля 1929 г.), был поставлен в «сезоне растерянности», когда после эмиграции руководителя театра М. А. Чехова коллектив начал искать идейно-творческую линию, которая позволила бы продолжить работу в новых условиях, не роняя прежнего художественного уровня. Обращение к драматургии итальянского классика гарантировало бесспорность материала, при этом выбор не самых известных пьес открывал простор интерпретации. В качестве еще одного сильного средства была избрана опора на студийные основы, акцентированный возврат к групповой режиссуре — на этот раз чисто женской. Три ведущие актрисы труппы — С. Г. Бирман, С. В. Гиацинтова и Л. И. Дейкун — составили режиссерский «штаб», они же являлись соавторами литературного текста, составленного на материале нескольких гольдониевских источников (переводы А. В. Амфитеатрова и А. К. Дживилегова) со вставными интермедиями новейшего происхождения. Для Бирман это был очередной опыт в режиссуре после нескольких работ, осуществленных самостоятельно («Любовь — книга золотая» А. Н. Толстого, 1924) и вместе с Б. М. Сушкевичем («Евграф — искатель приключений» А. М. Файко, 1926, «Митькино царство» К. А. Липскерова, 1928), но и новая ступень, — руководство «бригадой». Дейкун прежде только ассистировала Н. Н. Бромлей как педагог-репетитор при постановке «Дочери Иорио» Г. д'Аннунцио (1919). Для Гиацинтовой «Бабы» стали дебютом в постановочной деятельности, позднее оформившейся во вторую профессию: в театре им. Ленинского комсомола 1930–1950-х она самостоятельно выпускала спектакли, а с 1952 по 1957 г. занимала пост главного режиссера.

Замысел работы имел прагматически-«женское» наклонение: сюжетные мотивы двух комедий группировались таким образом, чтобы задействовать наибольшее число актрис, обычно обделенных в репертуаре. Помимо постановщиц, в спектакле играли, пели и танцевали М. А. Дурасова, Е. А. Корнакова, М. Н. Кемпер, В. Г. Орлова-Аренская, В. В. Соловьева и др. Были, разумеется, и мужские роли, но баланс строился в соответствии с названием на афише. Из всех больших ансамблей, складывавшихся в истории театральной студийности на протяжении XX в., этот выглядел наиболее гармоничным, несмотря на ироническое отношение к нему в труппе и враждебность со стороны критики, почти проигнорировавшей «аполитичную» премьеру. До сих пор «Бабы» остаются одним из самых малоизученных спектаклей МХАТ–2. Исследователи констатировали: «МХАТу 2-му в 1929 г. желанным был материал, сценические контуры которого обещали “легкую развязку”. Комедии Гольдони с их “немудреным смехом” именно таковы. И как нельзя более в пору пришлось устаревающее словечко из комедии: “дружество”. Работу сделали в утешение и на радость друг другу» [Васильева, Соловьева: 156]. Утверждение неопровержимо, но и не исчерпывающее.

Фактор «мужского и женского» не являлся, конечно, решающим; значительная часть постановочной группы была чисто мужской — художник А. А. Арапов, композиторы Н. Н. Рахманов и В. А. Власов, балетмейстер Н. С. Холфин, автор стихов к вокальным номерам К. А. Липскеров (впоследствии они вошли в его поэтический цикл «Напрасней розы»). Надо заметить, что как внутри «мужской» коалиции, так между нею и «женской половиной» согласия не было. Предложенная Бирман структура действия, перемежаемого интермедиями-песнями, роднила композицию сразу с многими образцами мирового театра прошлого и настоящего, требуя от соавторов значительной широты кругозора, которой они располагали в различной, совсем не равной степени. Баланс между игровым началом, художественным и звуковым оформлением давался трудно. Сохранились письма А. А. Арапова к жене (РГАЛИ. Ф. 2350. Оп. 2. Ед. хр. 17), пометки в рукописи К. А. Липскерова (РГАЛИ. Ф. 1737. Оп. 1. Ед. хр. 100), отразившие скепсис сценогра-

фа и поэта по отношению к происходящему. Сравнительно недавно стали доступны также материалы архива Н. Н. Рахманова (РГАЛИ. Ф. 3429), на основании которых можно судить также о сложностях в работе «коллективного композитора» — в отличие от «коллективного режиссера»; о проблемах сотрудничества «двуглавого» музыканта с «трехголовым» постановщиком, о непростых вопросах, возникавших по ходу установления формы спектакля и т. д.

Приглашение Власова в пару к постоянному «хозяину» музыкальной части МХАТ–2, сотруднику театра с момента его основания как Первой студии МХТ, содержало в себе элемент провокации. Опыт и профессиональная квалификация Рахманова были связаны с созданием «музыкального оформления», строго обусловленного задачами пьесы. Отказ видеть в нем «настоящего» композитора, способного на создание большего, чем иллюстрации, уже не в первый раз Рахманова ранил. Тем не менее, дух студийности на «Бабах» возобладал, согласие было обретено и на этот раз, и впредь. Залогом тому послужила прежде всего музыкальность Бирман как лидера группы, а также ее увлеченность и своеобразная интуиция, сводившая и объединявшая людей.

Солидарность в итоге победила конкуренцию, перелив ее в формы азартного поиска яркости и свежести красок. Спектакль сохранялся в репертуаре на протяжении пяти сезонов, прошел 80 раз, подтверждая успехом у публики жизнеспособность эксперимента и предвещая расцвет «женской» режиссуры в СССР 1930-х.

Литература

Васильева С. А., Соловьева И. Н. «Бабы» // МХАТ Второй. Опыт восстановления биографии. М.: МХТ, 2010. С. 152–156.

Семенова Наталья Валерьевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

ФРАГМЕНТЫ ПРОГУЛОК ВЛЮБЛЕННЫХ: ДРЕЙФ ГЕРОЕВ В ПРОСТРАНСТВЕ ОТТЕПЕЛЬНЫХ ПЬЕС

Мотив прогулки по городу является одним из наиболее частотных в культуре эпохи «оттепели» и, как отмечает Л. Укадерова, обретает значимость в 1950-е — 1960-е гг. не только в советском, но и в общемировом контексте (речь идет о традиции дрейфа в городском пространстве в ситуационизме) [Укадерова 2017]. О. Булгакова, анализируя фильмы этого времени, обращает внимание на то, что в них возникают «новые техники тела молодежи», а ходьба становится «основной характеристикой героя» [Булгакова 2005: 275]. К последнему применима характеристика «фланер» (или «фланерка», если персонаж женский).

Исследуя городское пространство, герои создают свой «текст», свою историю, поскольку, по мысли М. де Серто, ходьба сопоставима с речевым актом: «своими шагами пешеход присваивает топографическую систему (аналогично тому, как говорящий присваивает и осваивает язык)», кроме того, различные места увязываются в некую систему отношений [де Серто 2008: 28]. Так, если говорить об эпохе «оттепели», то выделяются знаковые локусы, например, Арбат в Москве или Невский проспект в Ленинграде.

В драматургии «оттепели» пространство города обживается героями и до определенной степени одомашнивается ими. В двух знаковых пьесах 1960-х — «104 страницы про любовь» (1964) Э. Радзинского и «Варшавская мелодия» (1966) Л. Зорина — сюжет построен как череда встреч персонажей в различных общественных местах (консерватория, музей, переговорный пункт, молодежное кафе, аэропорт, стадион, зоопарк, метро) и изредка в местах, которые они считают своим жилищем. Городская среда одновременно оказывает воздействие на формирование субъектности героев и используется ими для демонстрации социальных практик, отличных от принятых в предшествующую эпоху «большого стиля». Наиболее ярко это проявляется в любовных историях персонажей. Однако утверждать, что процесс освоения городского пространства героями коррелирует с их прогрессирующим раскрепощением будет неверно. Культурная ситуация была более сложной и неоднородной.

На первый взгляд кажется, что пьеса «104 страницы про любовь» воплощает образы советской модерности эпохи «оттепели». В тексте Радзинского пара влюбленных — инженер Электрон Евдокимов и бортпроводница Наташа Александрова. Они случайно встречаются в модном пространстве молодежного кафе, их скандальное знакомство стремительно перерастает в близость. И далее, как говорит Радзинский, история героев, начавшаяся с конца — обладания, трансформируется в поиск чистоты, взаимного уважения и томление по настоящей любви. При этом герои все время находятся в поле зрения других второстепенных действующих лиц. Для Электрона такая овнешненность существования приемлема, Наташа же, чутко реагирующая на нарушение личных границ, вырабатывает для себя защитные механизмы — чувство выдержки и независимое поведение. Любовь к Наташе, завершившаяся трагически, пробуждает в Евдокимове его способность к самоопределению и эмпатию.

Далеко не все зрители и читатели разгадали сложность конструкции пьесы. Как указывала критик и драматург Маргарита Саенко, «больше всего на свете Евдокимов и Наташа боятся прослыть ханжами, и во имя превратно понятой “современности” они идут на все — только бы их не заподозрили в чем-нибудь “старомодном”» [Саенко 1966: 78]. В рецензии игнорируется то, что городская среда действительно дает героям анонимность и свободу, но ровно до того момента, как они начинают влюбляться друг в друга.

Контрпримером позиционирования влюбленных в пространстве города в эпоху «оттепели» служит пьеса В. Пановой «Проводы белых ночей» (1961). Действие мелодрамы начинается в ЦПКиО на Елагином острове. На летнем балу трое юношей в поисках развлечений обсуждают

легкость, с которой завязываются отношения и происходят расставания, сравнивают различные модели поведения (советские, французские) и социальные практики (поцелуй при прощании, объятия в общественных местах в присутствии посторонних). Интересно, что Булгакова говорит о прогулках влюбленных, которые ходят «не чинно, под руку, а в обнимку» в советских фильмах, как о новой положительной тенденции [Булгакова 2005: 276]. Однако пьеса Пановой и рецензия Саенко демонстрируют наличие более консервативного критического взгляда на взаимоотношения полов внутри оттепельной культуры, причем эти тексты принадлежат женщинам разных поколений.

Пьеса «Проводы белых ночей» обыгрывает характерную для произведений эпохи «оттепели» ситуацию случайной встречи и внезапной любви. На бал приходит с подружкой работница Нинка, собравшаяся уезжать на строительство комбината на границе с Казахской ССР. Познакомившись с фланером Валериком и влюбившись в него, она меняет свое решение и тем самым совершает неправильный выбор. Валерик оказывается вовлечен в криминальную схему с валютными махинациями, хотя в финале он благополучно избегает наказания и находит выгодную партию в лице Тамары, имитирующей легкое отношение к жизни и людям. Пьеса служит своего рода предостережением против декларативной «непринужденности» эпохи — Нинка теряет работу и уважение брата, рождает ребенка вне брака, терпит предательство возлюбленного.

Ленинград в пьесе Пановой представлен как город, откуда герои стремятся уехать, бесцельные прогулки по которому могут принести вред и вызвать горькие воспоминания. Здесь присутствуют отсылки к повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи» и к константам «петербургского текста». В финале Нинка покидает город с другом Валерика Германом ради новой жизни, идеалом которой становится работа и товарищество.

Необычным в тексте Пановой является не развитие сюжета, а то, что пьеса не предлагает готового решения моральной дилеммы. Молодые герои, антагонисты Нинки и Валерика, будучи проводниками советской морали и успешными представителями своего поколения, при этом оказываются удивительно антипатичными.

Таким образом, опыт освоения героями города и понимания себя и другого через прогулки, размышления о новой чувственности не были однозначно представлены в произведениях эпохи «оттепели». Пример двух пьес — Радзинского и Пановой — показывает полемичность восприятия частного и социального пространств в этот период.

Литература

Булгакова О. Фабрика жестов. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Саенко М. Покушение на чудо. Полемические заметки // Кубань. 1966. № 4. С. 77–79.

Серто, де М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 24–38.

Укадерова Л. Кинематограф оттепели, пространство, материальность, движение. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023.

Сылова Елена Андреевна

*ведущий специалист творческо-исследовательской части,
Национальный драматический театр России (Александринский театр)*

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО “ПЕТЕРБУРГ” И НА СЦЕНЕ (СПЕКТАКЛЬ М. ЧЕХОВА “ПЕТЕРБУРГ”, МХАТ-2, 1924, И СПЕКТАКЛЬ А. МОГУЧЕГО “ПЕТЕРБУРГ”, АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР, 2004)

Роман «Петербург» А. Белого — художественно документированное свидетельство исторической эпохи катастрофических перемен, где сам Петербург — символ кризиса эпохи, кризиса культуры. Это столица России, зеркало, отражающее ее сущность; центральная точка, концентрирующая в себе всю прошедшую эпоху и содержащая основные тенденции развития в будущем. Другими словами, Петербург оказывается символом, который наиболее ярко, ясно, экспрессивно передает идею разлада внешнего и внутреннего мира, идею грандиозных противоречий, во власти которых оказался весь человеческий род, не только в своей земной истории, но и в истории своего духовного движения, которое Андрей Белый готов расценить как деградацию.

Достаточно четко в романе можно выделить систему контрапунктов, которые являются своеобразными лейтмотивами — характеристиками каждого из образов в романе. Эту систему противоречий заключает в себе образ Петербурга как главного «героя» романа. На контрастах построено все произведение, они проникли как в идейную, так и в поэтическую сферу. Они взаимосвязаны между собой и порождают друг друга. Противопоставляются в романе следующие характеристики: Восток — Запад, реальное — нереальное; земной — потусторонний мир; настоящее — прошлое; старость — молодость; линия — круг; космос — хаос, бездна; плоскость — пространство; блеск, лоск — пыль, слякоть; зеркало — муть; центр, точка — бездна; холод — тепло, мужское — женское.

Все вышеперечисленные лейтмотивы объединяет одно: источник появления этих противоречий, контрастов — нарушение равновесия, цельности, гармонии, которое происходит вследствие подмены оценочных критериев: лжи и правды, добра и зла. Именно на рубеже веков происходила эта подмена. Кризис в обществе породил кризис идеологии и культуры, что и нашло отражение в романе.

В данной работе отдельно анализируется мужское–женское начало в образах главных героев, в образе Петербурга как средоточия всех антиномий.

Целью становится проследить развитие этих начал в героях — так, например, Софья Петровна, символ которой, по Белому, единица — обладает мужским началом, и даже во внешности отмечается некая мужеподобность — дама с усиками, которые к старости грозят стать огромными усами, но при этом сочетает и женское начало — она бабёнка и ведьма. Женское начало, незащитность есть в Николеньке Аблеуховом в его нерешительности и двойственности. Сочетание мужского и женского есть и в самом образе города, где обитают кариатиды-бородачи и т. д.

На сцене мужское и женское тоже отражаются. Так, самым ярким примером может послужить кросс-кастинг — исполнение мужских ролей женщинами (так, например, было в спектакле Андрея Могучего «Петербург»).

Тютелова Лариса Геннадьевна

д-р филол. наук, профессор,

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева

ПРОЦЕСС САМОПОЗНАНИЯ ГЕРОЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОДРОСТКОВОЙ ДРАМЫ В КОНТЕКСТЕ ВОЗРАСТНЫХ ПРОБЛЕМ (СТАНОВЛЕНИЕ «Я» ГЕРОЯ И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ «ДРУГОГО»)

Важным представляется тезис М. А. Черняк [Черняк 2020: 87] о том, что поэтика современной пьесы для зрителя 12+ тесно связана с новейшей драмой, особенности которой появились еще в конце XX столетия. Она не только разрушала мифы оптимистичной драматургии советского времени, разрабатывала преимущественно экзистенциальные конфликты, использовала традиции «новой драмы» в создании образа героя, ее жанровые традиции, активно осваивала документальный материал, но и выходила на территорию тем, которые не были в фокусе внимания авторов советского времени. По сути дела, обвинения актуальной драмы конца XX — начала XXI в. в «чернухе» сродни тому, о чем говорят в случае подростковой драмы: она зашла на территорию ранее запретных для нее тем.

Но представляется важным не указание на обострение проблематики произведений, а изучение поэтики новой драмы в случае подростковой литературы. Именно этот исследовательский вектор позволяет расширить горизонты видения того, что собой представляет подросток и как именно с ним и его родителями можно обсуждать вопросы современности. В связи с вышесказанным становится возможной и названная проблематика исследований подростковой драматургии. В ней она связана с проблемой становления «Я» героя и его отличия от «Другого».

Большинство современных пьес (как показывает, например, Конкурс новой драматургии «Ремарка» («Маленькая Ремарка»)) базируется на культурно-исторической теории личности. Она признает основную роль социального в психическом развитии человека (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и др.). Именно в возрасте 12+ человек открывает для себя проблемы самоидентификации: возникает отношение к себе как взрослому, повышаются требования к окружающим и к самому себе, отмечается психическая неустойчивость и т. п. А поскольку неизменным остается социальный статус подростка, то начинается борьба за признание «взрослости», за лидерство и т. д.

Многие драматурги поддерживают сложившуюся за столетия традицию российского воспитания. Для нее важно сотрудничество ребенка со взрослыми как носителями социального опыта.

С одной стороны, это опыт взаимодействия с окружающими, в первую очередь — неким коллективом, частью которого является человек. Отсюда один из типов сюжета подростковой драмы. Он связан с реализацией конфликта героя / героини со сверстниками (чаще всего с одноклассниками). Драматургия последних лет подробно исследует тему, показывая детский коллектив как группу с четко распределенными ролями и борьбой за «чужое» место (например, пьесы Дарьи Уткиной и Ирины Васьковской «Макаки, пицца и деструкция», Юли Тупикиной «Вдох-выдох», Даны Сидерос «Всем кого касается», Натальи Блок «Фото топлес»).

При этом, частотной является тема буллинга, которая, как правило, не имеет особенностей разделения на мальчиков и девочек в драме для подростков. Его жертвами, по мнению авторов, оказываются и девочки, и мальчики (см., например, пьесу Игоря Витренко «Яна нравится всем (нет)»). Чтобы оказаться по ту сторону, достаточно казаться или не таким, как все, или слабым и беззащитным, не способным отвечать на насилие и т. п.

С другой стороны, социальный опыт взрослых — это опыт разрешения противоречий, возникающих в однородной среде. Появляется второй тип сюжетов. Авторы рассматривают конфликты, которые характеризуют отношения или мальчиков, или девочек. В шорт-листах «Маленькой ремарки» преобладают пьесы о дружбе девочек-подростков. И большинство ав-

торов этих пьес — женщины, использующие свой жизненный опыт или наблюдения за своими детьми.

Есть, как представляется, и другая причина: в последнее время актуальной педагогической практикой театров для юного зрителя стали мастер-классы. В их рамках драматурги рассказывают подросткам о том, что такое пьеса, и помогают написать детям собственное произведение (примером такой практики могут быть мастер-классы Самарского театра юного зрителя «СамАрт»). И, уже традиционно, большая часть участников мастер-класса — это девочки. Впоследствии, используя опыт работы с ними, драматурги создают собственные произведения — вербатим драму, например. Поэтому и у авторов мужчин на основании полученного материала появляются пьесы о женских подростковых проблемах — отношениях в неполных семьях (чаще всего женских в трех поколениях), жестокости подростков, борьбе за лидерство, первой влюбленности и т. п. Причем, темы «жестокость» и «лидерство» — это отголоски темы «буллинг».

В некоторых пьесах возникает ситуация, когда неустроенность женской судьбы показывается не с позиции взрослых, как, например, в «Трех девушках в голубом» Людмилы Петрушевской, а с позиции подростков. Интересным примером становится пьеса Натальи Салтановой «Грустная такса для мамы». Она позволяет показать, насколько драматурги учитывают такую особенность подростка, как способность к самооценке. Если до подросткового возраста ребенок копировал взрослых, то в подростковом он сравнивает себя с ними. Это и дает возможность вывести проблематику пьесы для юного зрителя за пределы детских вопросов. Так проявляется одна из особенностей подростковой драмы в целом: она о подростках, но не только для них, но и для взрослых.

Пьеса Салтановой — диалог героинь (мамы и дочери) со зрительным залом и друг с другом. Причем контакт с залом превышает количество реплик персонажей, которыми они обмениваются между собой. Автор моделирует ситуацию, когда проявляется самостоятельность позиций героев, их возможность быть независимыми в видении и оценке происходящего. И важным итогом осмысления произошедшего является понимание дочерью себя и своих близких — мамы и бабушки, а также роли мужчин в их жизни.

Таким образом, подростковая драма отражает момент осмысления собственного «Я» подростком и рассматривает его в том числе и в контексте проблематики, которая дает возможность авторам высказать свое мнение о проблемах современного мира.

Литература

Черняк М. А. Новая драма для новых тинейджеров: к вопросу о типологических чертах современной драматургии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42 (7). С. 87–94.

Усачева Анастасия Викторовна

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения Российской академии наук

ОН И ОНА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ ПЕРСОНАЖЕЙ ПЬЕС М. ВИШНЕКА

Матей Вишнек (р. 1956) — румынско-французский драматург, писатель и журналист. В отличие от своего предшественника Эжена Ионеско, считавшего, что пьесы надо смотреть на сцене, а не читать [Эсслин 2010: 183], Вишнек придерживается противоположного мнения: «...театр есть прежде всего литература и его можно читать точно так же, как новеллу или как роман. Театральной пьесе не обязательно проходить через режиссерский монтаж, чтобы прийти до вашего сердца. Каждый читатель — сам себе режиссер, когда он читает пьесу» [Старостина 2009: 200]. Анализ драматургических произведений как прозы дает дополнительное поле для интерпретаций, поскольку можно включать в рамки исследования то, что ускользает от зрителя на сцене: авторские ремарки и именование персонажей, помещающее их в интертекстуальный контекст через актуализацию литературных архетипов.

Архетипы — это базовые концепты, «задающие координаты, в которых человек воспринимает и осмысливает мир, осуществляя свою жизнедеятельность, и которые, в процессе своей реализации в человеческой практике, обретают то или иное имя» [Большакова 2012: 48]. Одним из основных свойств литературного архетипа является его типологическая устойчивость и высокая степень обобщения. Архетип как литературная категория имеет несколько вариантов: реальные личности, устоявшиеся в культуре образы, «вечные» типы героев и образы-символы. У Вишнека можно найти их все.

1. Реальные личности — Эмиль Чоран («Парижская мансарда с видом на смерть»), Сэмюэл Беккет («Последний Год»), А. П. Чехов («Машина Чехов»), В. Э. Мейерхольд («Ричард III запрещен, или Сцены из жизни Мейерхольда») — отсылают к определенному историческому и культурному контексту, а также к пласту текстов и явлений, авторами которых они были.

2. Устоявшиеся образы — Годо («Последний Год»), Лысая певица («О чувстве гибкости, когда мы переступаем через трупы») — добавляют интертекстуальной глубины произведениям.

3. «Вечные» типы героев (являющиеся отсылкой к Юнговским архетипам) — Мать, Сын, Дочь, Отец («Кони под окном», «Слово прогресс в устах матери звучит так фальшиво») — обозначают наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы, которые лежат в основе любых художественных структур.

4. Образы-символы у Вишнека можно условно разделить на две категории. С одной стороны, это фигуры-функции — Посланник («Кони под окном»), который рассказывает о войнах и всегда приносит плохие новости, Клоуны («Вакансия для старого клоуна»), невеселые, усталые и разочаровавшиеся в жизни, Вооруженный пограничник, Сербский солдат и Немецкий солдат, убитые во Второй мировой войне («Слово прогресс...»), Коуч политкорректного мышления («Миграанты, или Нас слишком много в одной лодке»). С другой — такие персонажи как Он и Она, Первый и Второй, Дорра и Кейт — женщины, про которых известно только то, что они говорят «с сильным восточно-европейским» и «англо-саксонским» акцентом, Девушки 1, 2, 3, Слепой, Старик и т. п. («Замечательное путешествие медведей панда, рассказанное саксофонистом, у которого была подруга во Франкфурте», «Представь, что ты Бог», «Женская сексуальность как поле боя в войне в Боснии», «Экспресс на Запад», «Миграанты...»). Такие образы-символы, во-первых, снова отсылают ко всему корпусу текстов, где они встречались, во-вторых, включают читателя в процесс «режиссирования» пьес в своем воображении, так эти персонажи могут быть и какими угодно, и одновременно узнаваемыми для каждого конкретного человека.

Из вышесказанного видно, что женщины, в отличие от мужчин, чаще всего не названы ни в списке действующих лиц, ни в дальнейшем в самом произведении. Вместе с тем, женские персонажи ближе к юнгианской традиции. В данном докладе рассматриваются различные художе-

ственные функции женских и мужских образов в текстах Вишнека, а также их архетипические свойства.

Литература

Большакова А. Ю. Имя и архетип: к постановке проблемы // Вестник УлГТУ. 2012. № 1. С. 48–55.

Старостина А. От переводчика [послесловие к журнальной публикации коротких пьес Матея Вишнека «Считай, что ты — Бог»] // Иностранная литература. 2009. № 4. С. 199–200.

Эслин М. Театр абсурда. СПб.: Балтийские сезоны, 2010.

Шарыпина Татьяна Александровна

*д-р филол. наук, профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского*

ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В СЦЕНИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ СЮЖЕТА О МЕДЕЕ XX–XXI ВВ.

Медея — один из самых загадочных и потому притягательных образов древнегреческой мифологии и драматургии. Двойственность ее природы predetermined как родством со светлым Гелиосом, так и с черной Гекатой. Попытки «высветлить» или «очернить» этот образ убивают его трагическую величественность.

В ушедшем столетии писателей Ж. Ануя, Х. Х. Янна, Х. Мюллера, Т. Ланоя, В. Клименко, Л. Разумовскую и др. продолжает волновать образ покинутой, обманутой супруги и яростной детоубийцы. Об этом свидетельствует и кинематограф: киноверсии Пазолини и Ларса фон Триера.

В рассматриваемых интерпретациях сюжета о Медее можно отметить ряд примеров проявления трансформационной и онтологической интермедийности. В качестве примера трансформационной интермедийности в структуре драмы можно привести описываемые в пьесе В. Клименко «Театр Медеи» (2001) реалии театральной жизни, позволяющие раскрыть внутренний мир героев. Если традиционно в качестве материала для перевода из одной знаковой системы в другую используются живопись или скульптура, то у Х. Х. Янна и Л. Года используется нетипичный для литературы вид искусства — танец, являющийся не профессией, но неотъемлемой частью настоящей (Л. Года) или прошлой (Х. Х. Янн) жизни героинь пьес «Медея» («Medea», 1926) и «Медея Кали» («Médée Kali»), раскрывающий их сущность. Подобное обращение к танцу восходит к немецкой традиции Ф. Ницше, который, говоря о танце, характеризует его как неотъемлемую часть дионисийства, проявления коллективного, родового инстинкта, архаического, иррационального начала, что соответствует призывам Янна к освобождению подавляемых обществом первооснов человеческой природы.

Упоминание танца в тексте пьесы немецкого драматурга Янна (1926) возникает в связи с описанием прошлого героини. Являясь, так же, как и Медея Кали, для греков не просто иноземкой, варваркой, но еще и представителем экзотической страны, Медея Янна владеет искусством, в котором стихия танца сближает ее с экстатическим дионисийским началом, героиня воспринимается как «грозная темная сила, “черный избранник”, мститель человеку и человечеству за его отказ от природы человека». Танец Медеи в пьесе «Медея Кали» упоминается, помимо первого эпизода, после которого она становится богиней Кали, еще трижды. Этот вид искусства сопровождает как бы переход героини из одного социального статуса в другой, из одной ипостаси в другую. Интеграция видов искусств, введение в художественное пространство пьесы танца, не только служит расширению границ классического мифологического сюжета, но и оттеняет многогранность образа героини, завораживающей красотой и неистовостью.

Элементы другого вида искусства включены в ткань спектакля Т. Ланоя «Мама Медея» («Mamma Medea», 2002). Экспозиция первого действия содержит отсылки к театру марионеток. «Черный ящик», сконструированный декораторами для спектакля, в котором герои древнего мифа становятся марионетками, отражает идею обреченности, а герои, предстающие перед зрителем впервые в виде восковых фигур, вызывают ассоциации с «живыми мертвецами». За счет обращения к идее марионетки раскрывается и образ Ясона, который предстает дегероизированной шутовской фигурой.

Рассматриваемые произведения дают богатый материал для анализа проявлений и онтологической интермедийности, когда одно искусство, использует методы, приемы другого, переносит образный смысл типичных для него характеристик (цвета, формы, композиции) с целью более глубокого раскрытия сюжета и образов. Экспрессия цвета в живописи способна вызывать чувственные ассоциации, усиливать эмоциональность изображения. Преобладание конкретных цветовых гамм, влияющих на восприятие произведения, используется в пьесах

немецких драматургов Х. Х. Янна, Х. Мюллера, а также современного отечественного автора В. Клименко, в пьесе которого цвета возникают в связи с описанием реалий театральной жизни героини и в связи с происходящим в ее воображении или исполнении роли: «на ней золотое платье», «красным красный закат», «сегодня очень красно заходит солнце». В данном случае золотой и красный цвета, вплетающиеся в поток сознания героини, сопровождают сцены, соотносящиеся с античным прообразом той, чью роль всегда мечтала исполнить актриса, отсылают к классическому периоду античной культуры и царскому происхождению Медеи. Отсутствие света и воздуха, ярких цветов характеризует большую часть действия в пьесе Янна. Здесь доминируют темные, мрачные тона, а дом Медеи освещается красно-желтыми отсветами тлеющих углей. Пьеса «Медея Материал Ландшафт с аргонавтами» («Verkommenes Ufer Medeamaterial Landschaft mit Argonauten», 1982) Мюллера раскрашена цветами крови и грязи. В сознании Медеи Мюллера, за которой «тянется кровавый след», окрашивающий все вокруг, возникают картины прошлого, состоящего из череды смертей. Столь частое упоминание крови, внутренностей, задающее красно-коричневый колорит пьесы, согласуется с характером связи Ясона и Медеи Мюллера.

Стилистика и визуальная составляющая одной из самых поэтических «Медей» (1980-е) отражает содержание и пьесы Л. Разумовской, чья героиня представляет собой, напротив, образ преданной и любящей женщины, пытающейся сохранить свои жизненные ценности. Если проводить параллель с конкретным направлением живописи, то стилистически пьеса решена в рамках немецкого романтизма с его культивированием природы и естественности человеческой натуры, световоздушными пейзажами, отражением во внешних природных состояниях внутренних переживаний героя. Атмосфера пьесы стилистически может быть соотнесена с картиной К. Д. Фридриха «Странник над морем тумана», которая при внешнем спокойствии отражает интенсивную и напряженную внутреннюю жизнь героя.

Писатели, драматурги и режиссеры используют специфические свойства иного вида искусства для усиления эмоционального эффекта в восприятии образа Медеи, создания психологически развернутой характеристики героини, а также особого колорита произведения в целом. Выбирая то или иное направление в искусстве или направление в живописи, монохромную цветовую гамму, размытость контуров, деформацию пространства или четкость линий, разнообразие и насыщенность цвета, авторы одновременно усиливают эмоциональное воздействие на читателя и зрителя и формируют его отношение к происходящему, что позволяет раскрыть смысловое содержание и проявить авторскую позицию.

Литература

Клименко В. А. Театр Медеи. URL: <http://klimteatr.narod.ru/medea.htm/>

Разумовская Л. Медея. URL: http://theatre-library.ru/files/razumovskaya/razumovskaya_7.doc/

Jahn Hans Henning. Werke in Einzelbänden / Hrsg. von Uwe Schweikert. Hamburger Ausg. Hamburg: Hoffman u. Campe. Dramen I. 1917–1929: Dramen, dram. Versuche, Fragm. (Fragmente einer Offensive); Öffentlichkeit — Theater — Dramatiker / hrsg. von Ulrich Bitz. I Aufl. 1988.

Müller H. Verkommenes Ufer Medeamaterial Landschaft mit Argonauten // Müller H. Stücke / Hrsg. u. mit einem Essay von Joachim Fiebach. Berlin: Kunst u. Ges. (Henschelverl.), 1988.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00559 «Античный код в проблемном поле русско-немецких театральных взаимосвязей».

Шевченко Елена Николаевна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан

СМЕНА РОЛЕВЫХ ПРИЕМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ СПЕКТАКЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ТЕАТРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕАТРОВ ТАТАРСТАНА)

Традиция исполнения актером роли персонажа, принадлежащего к другому полу, уходит корнями в далекое прошлое, когда актерство было сугубо мужской профессией. Женские роли исполняли мужчины, как правило, юноши. Такое положение вещей до сих пор сохраняется в некоторых традиционных национальных театрах, например, японском театре Кабуки и индийском Катхакали.

Противоположная традиция исполнения женщинами мужских ролей возникает намного позже, но уже имеет богатую сценическую историю. Травести, подразумевающее, в первую очередь, исполнение взрослыми актрисами детских ролей и ролей девушек и женщин, выдающих себя за мужчин, является распространенным театральным амплуа.

Но в последнее время наблюдается особый всплеск интереса к ролевым «перевертышам», приобретающим характер театральной моды. Зародившись в конце XX в. в Европе, она охватила и российский театр. При этом причины использования этого приема могут быть различного свойства: художественные, технические (отсутствие актеров / актрис на соответствующие роли или, напротив, дефицит драматургии для артистов труппы) или эпатажные (стремление привлечь внимание к театральному событию, выбить зрителя из «зоны комфорта»).

Рассмотрим несколько примеров из практики театров Татарстана: в последние годы они переживают очевидный подъем. Это связано с целым рядом факторов: активным фестивальным и лабораторным движением, обменом творческими силами внутри страны, деятельностью Фонда поддержки современного искусства «Живой город» и другими. Во всяком случае, новые тенденции быстро становятся достоянием не только казанских, но и периферийных театров республики.

В Русском драматическом театре «Мастеровые» (г. Набережные Челны) идет спектакль «Собачье сердце» по повести М. Булгакова в постановке Семена Серзина (Санкт-Петербург). Роль профессора Преображенского исполняет актриса Мария Кулясова. Изначально выбор режиссера объяснялся «технической» причиной: в театре не было на эту роль актера-мужчины, зато в труппе имелась фактурная актриса разностороннего дарования. Понятно, что использование такого приема всегда сопряжено с риском и, конечно, нуждается в легитимации. К чести «Мастеровых» надо сказать, что в спектакле это делается вполне удачно. Тема демиурга, сотворившего монстра, связанная с образом профессора Преображенского, обретает дополнительные обертоны: мать, породившая чудовище, страдающая от того, что все ее попытки действовать лаской и уговорами обречены на провал. Неудивительно поэтому, что в одной из сцен отчаявшийся профессор рыдает совсем по-женски, на что доктор Борменталь (Евгений Гладких), испытывающий стыд за своего кумира, раздраженно восклицает: «Ну что Вы ноете, как баба?!»

Это не единственная ролевая подмена в спектакле Семена Серзина. Бессловесную роль кухарки Дарьи Петровны исполняет актер Евгений Федотов, благодаря чему она обретает гротесково-комическое звучание и становится частью тотальной игры, отличающей художественный мир спектакля.

В Казанском татарском ТЮЗе имени Г. Кариева идет спектакль «Ромео и Джульетта» по пьесе Шекспира в постановке башкирского режиссера Ильсура Казакбаева. Режиссерский язык Казабаева тяготеет к смешению стилей, подчеркнутой театральности, к смелому использованию всевозможных, порой экстравагантных, средств и приемов. Так, очередная «вольность» режиссера проявилась в том, что герцог Веронский предстает в спектакле в образе пожилой женщины (Халида Сунгатуллина). Здесь, как и в спектакле «Мастеровых», этот прием может

быть истолкован как стремление через женскую природу персонажа усилить трагизм происходящего — кровную вражду осуждает не просто мудрый и справедливый правитель, но женщина, чья материнская суть откликается на гибель детей особенно остро.

Травестийный персонаж присутствует и в спектакле Нижнекамского татарского драматического театра им. Т. Миннуллина «Угасшие звезды» по пьесе классика татарской драматургии Карима Тинчурина (режиссер Рустям Галиев). Действие происходит во время Первой мировой войны. Чтобы уберечь своего возлюбленного Исмагила от фронта, девушка Сарвар покупает у старухи-травницы снадобье. Но вместо спасения оно приносит юноше гибель. Роль старухи в спектакле исполняет яркий характерный актер Юрий Павлов. В результате соответствующие эпизоды приобретают игровой, трагикомический характер, обеспечивая зрителю определенную эмоциональную разгрузку на фоне происходящих на сцене роковых событий.

Ярким примером травестирования является роль Акакия Акакиевича в исполнении актрисы Лейсан Хабибуллиной в спектакле «Башмачкин» Бугульминского русского драматического театра им. А. В. Баталова (режиссер Рустем Файзрахманов). Спектакль по пьесе екатеринбургского драматурга Олега Богаева, написанной по мотивам гоголевской «Шинели», — оригинальная работа театра. Частью эксперимента стала роль Башмачкина, порученная миниатюрной, пластичной актрисе, обладающей широким диапазоном и редкой органикой. Она создала достоверный трагический образ маленького человека, ставший бесспорной удачей спектакля.

Этот ряд можно было бы продолжить традиционными травести-образами, такими как тетушка Чарли (Дмитрий Язов) в спектакле Казанского ТЮЗа «Здравствуйте, я ваша тетя!» по пьесе Брэндона Томаса (режиссер Владимир Чигишев), и многочисленными травести в детских театрах Казани.

Приведенные выше и многие другие примеры показывают, что смена подобных ролей должна быть эстетически оправдана, и тогда она является не просто данью моде или провокативным вызовом, а добавляет театральному высказыванию дополнительные смыслы, становясь важной составляющей художественной концепции спектакля.

Щукина Марина Сергеевна

канд. филол. наук, учитель русского языка и литературы,
Первый Московский кадетский корпус

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМЫ ЖЕНСКОЙ СУДЬБЫ В ПЬЕСЕ Т. АХТМАН «ОФЕЛИЯ, ГЕРТРУДА, ДАНИЯ И ДРУГИЕ»

«Офелия, Гертруда, Дания и другие» (2000) — пьеса русскоязычной писательницы Татьяны Ахтман (1950–2011). Ее творчество представлено рядом стихотворений, эссе, этюдов, рассказов, пьес, статей и романов. В творчестве Ахтман сквозной темой становится тема Гертруды — непонятой сыном матери, мучительно переживающей разрыв с ним. Фигура обезумевшей от горя Гертруды и сближается, и противопоставляется образу «рассудительной» Офелии. Образы двух шекспировских героинь, взаимосвязанные у Ахтман, репрезентируют трагическую судьбу женщины, доверившейся своей судьбе и оказавшейся обманутой ею.

Гертруда и Офелия становятся центральными образами-персонажами рассматриваемой пьесы. Внутренний мир героинь в прототексте обнажается лишь при соприкосновении с образом Гамлета. Ахтман восполняет «лакуны» шекспировского текста, достраивая характеры героинь и их жизненные пути. Сменой фокуса восприятия, осмысления и передачи фабулы трагедии «Гамлет, принц Датский» [Шекспир 1936] обусловлено преломление ее идейно-философской составляющей сквозь призму темы женской судьбы.

Сосредоточенностью на внутреннем мире героинь детерминирована композиционная замкнутость художественного пространства пьесы комнатами Гертруды и Офелии. Ограниченность места действия призвана репрезентировать внутреннюю и внешнюю несвободу героинь, отсылая к шекспировской метафоре Дании-тюрьмы. Отсюда образ золотой клетки, которая, по мнению второстепенных героинь Ахтман, удобна и безопасна.

Лейтмотивом пьесы становится тема духовной несвободы человека, его покорности судьбе и запретам, диктуемым обществом. Она раскрывается Ахтман на примере судеб женских образов-персонажей, обретая особую направленность.

Офелия переживает трагическую невозможность стать полноправной хозяйкой собственной судьбы, поскольку над ней тяготеют воля отца и знатность древнего рода. Духовная несвобода репрезентируется через физическую, обретая конкретность и художественную очерченность в образах-деталях железного корсета и обручей на юбке.

Гертруда осознает иллюзорность собственного благополучия, обусловленную безволием, духовной инертностью, подчинением мужу и привилегированному положению в обществе. Отсутствие деятельной жизненной позиции подчеркивается мотивом неподлинности существования, звучащим в словах Гертруды о собственной судьбе, обреченной на «полужизнь» и «полуложь»: «Любить, но не любить, дышать, но в полдыханья, жить, но не жить...» [Ахтман 2013: 435]. Подобный совет дает Полоний дочери: «Живи, но не живи: люби, но осторожно, // дыши, но в полдыханья...» [Ахтман 2013: 411].

Таким образом, духовная и физическая несвобода становятся следствием дисгармоничности окружающего мира, вынуждающего героинь подчиняться чужой воле. Атмосфера неподлинности существования создается мотивами игры, случая, рока, правящими судьбами героинь. Условность и неискренность человеческих взаимоотношений воспринимаются Офелией и Гертрудой как спектакль, в котором они вынуждены участвовать.

Между тем Офелия запечатлена в момент, когда перед ней встает «гамлетовский вопрос». После мучительных сомнений она решает довериться судьбе. Тот же выбор когда-то сделала и Гертруда, ожидания которой не оправдались ни в отношении брака с королем Гамлетом, в котором ей довелось стелиться тенью подле мужа, ни в отношении отвернувшегося от нее сына. Следовательно, в пьесе Ахтман судьбы Гертруды и Офелии повторяют друг друга, открывая возможность новой читательской рецепции.

В пьесе появляются герои-актеры во главе с Режиссером, роль которых заключается в интерпретации трагедии У. Шекспира и ее образов-персонажей. Так, Гамлет, по мысли Режиссера, главный актер и автор трагедии о себе, а значит, и хозяин собственной судьбы. Образы Гертруды и Офелии в режиссерской интерпретации малозначительны, «пусты» и однолинейны. Однако в пьесе Ахтман героини обретают сложный и противоречивый внутренний мир, по-своему воспринимая «расшатанность» века. Итак, ситуация встречи героев пьесы Ахтман с актерами, исполняющими их «шекспировские» роли, позволяет выйти на проблематику современной пьесы, реинтерпретировав образы-персонажи прототекста.

В пьесе Ахтман Офелия и Гертруда занимают противоположную гамлетовской жизненную позицию. Не сумев преодолеть поколениями воспитываемую в представительницах женского пола покорность, терпимость и смирение перед отцом, мужем и высоким положением при дворе, а в итоге перед женской судьбой, которую разделяют все героини пьесы, Офелия и Гертруда выбирают смерть как единственный способ противления тому же миропорядку, с которым боролся Гамлет.

Таким образом, тема женской судьбы, являясь центральной в пьесе, реализуется на ее композиционном, образно-мотивном и идейном уровне, позволяя интерпретировать прототекст, разрушив каноны его восприятия. Обвинив Гамлета в эгоцентризме, не позволившем герою исполнить свой человеческий долг по отношению к любящим его Офелии и Гертруде, Ахтман не находит ему альтернативы. Ее героини не могут ни противостоять, ни примириться с несправедливостью, дисгармоничностью окружающего мира, соответственно, гамлетовская миссия по преобразованию мироустройства оказывается для них неподъемной.

Литература

Ахтман Т. Офелия, Гертруда, Дания и другие // Ахтман Т. Избранное. «Ной». Иерусалим, 2013. С. 400–440.

Шекспир В. Трагедия о Гамлете, принце Датском / пер. с англ. М. Л. Лозинского // Шекспир В. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.-Л.: Academia, 1936. Т. 5. С. 1–175.

Исследование выполнено по гранту Правительства РФ (соглашение № 23-28-00989 от 14.06.2022) «Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации».

Юрьев Андрей Алексеевич

канд. искусствовед., профессор,

Российский государственный институт сценических искусств

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО КАК ПРОБЛЕМА СТРОИТЕЛЬСТВА ЛИЧНОСТИ В «КУКОЛЬНОМ ДОМЕ» ХЕНРИКА ИБСЕНА

«Кукольный дом» — одна из наиболее востребованных мировым театром драм Х. Ибсена. Однако ее сценические прочтения нередко оказываются поверхностными. Уже при жизни автора у нее сложилась репутация «тенденциозной пьесы» — в ней усматривали по преимуществу литературно-публицистическую пропаганду «феминизма». У Ибсена такой подход вызывал решительный протест. Так, в речи на празднестве, данном Норвежским союзом защиты прав женщин 26 мая 1898 г., он сказал:

«В своих произведениях я никогда не допускал сознательной тенденции. Я был больше поэтом и меньше социальным философом, чем это вообще склонны думать. Благодарю за то, что должен отклонить от себя честь сознательного содействия женскому движению. Я даже не вполне уяснил себе его сущность. То дело, за которое борются женщины, мне представлялось общечеловеческим. И кто внимательно прочтет мои книги, тот поймет это. Конечно, желательно разрешить, как бы по пути, и женский вопрос; но не в этом заключается весь мой замысел. Моей задачей было изображение людей» [Ибсен 1958: 663].

«Общечеловеческим делом» Ибсен считал борьбу за освобождение от сковывающих самореализацию личности социальных, моральных и религиозных установлений, нивелирующих индивидуальность. В письме к Бьёрнстjerne Бьёрнсону от 12 июля 1879 г. драматург писал:

«Выкиньте из голов символ монашества; выкиньте символ предвзятого мнения, ограниченности, заблуждения, зависимости и беспочвенной веры в авторитет — так, чтобы каждый отдельный индивид (*de enkelte*) мог плыть под своим собственным флагом» [Ibsen 1946: 355–356].

Далеко не каждый человек, живущий в мире тотального отчуждения, способен, как это сформулировано в «Пере Гюнте», «быть самим собой», далеко не каждый может решиться на строительство своего духовного «я», вступив в борьбу с обезличивающими социальными силами. По Ибсену, у женщины больше возможностей для победы в такой борьбе, чем у мужчины. В значительной мере это обусловлено тем, что в патриархальном буржуазном обществе XIX в. женщина была обременена значительно меньшим количеством социальных ролей, чем мужчина, несший куда больший груз социальных обязательств. Однако в ибсеновской оптике более важен другой фактор — относящийся не к преходящим социально-историческим обстоятельствам, а к антропологическим универсалиям, какими представлял их себе драматург и в ранний свой период, и в пору создания «Кукольного дома». В его глазах женская природа, высочайшим проявлением которой является бескорыстная любовь, куда более способна к самопожертвованию как абсолютному пределу личностного существования, чем природа мужская. Поэтому в моральном отношении женщина у Ибсена нередко оказывается выше мужчины. Мужчина более эгоцентричен, более властолюбив, и его тяга к доминированию требует общественного признания, нуждается в высокой репутации, она ориентирована на социальную успешность. Нередко получается так, что казаться ему важнее, чем быть, и поэтому он в большей мере, чем женщина, склонен к конформизму, некритичному следованию принятым в обществе стереотипам. Именно это различие мужского и женского начал образует основу драматической коллизии «Кукольного дома».

Наиболее проницательные современники Ибсена замечали близость содержания его драм экзистенциальной философии Сёрена Киркегора. В «Кукольном доме» эта близость проступает не менее отчетливо, чем в созданных ранее драматических поэмах «Бранд» и «Пер Гюнт». До большой сцены с Кростадом в первом действии Нора служит идеальным художественным воплощением киркегоровского «непосредственного эстетизма», главный принцип которого ге-

роиня Ибсена прямо выражает радостным восклицанием: «Ах, право, как чудесно жить и чувствовать себя счастливой!». С этой точки зрения, она образует вполне подходящую пару для своего погруженного в служебные дела супруга, который, в отличие от нее, как раз и носит маску — маску серьезно относящегося к своим обязанностям — и вообще к жизни — киркегорского «этика», за которой скрывается подлинная сущность Хельмера — все тот же «непосредственный эстетизм». В третьем же акте Нора и Хельмер как будто меняются местами: если Хельмер в полной мере обнаруживает свою «эстетическую» (в киркегорском смысле) натуру, то Нора, пройдя через сложное внутреннее развитие, осуществляет иррациональный, по Киркегору, «прыжок» («Springet») в сферу этического — с тем лишь существенным отличием от киркегорского «этика», что для нее область этического — не «область всеобщего», а область чисто индивидуального, личного самоопределения. Ее финальный уход — трагическая цена, которую вынуждена платить любящая мать, чтобы перестать, по словам самого автора, быть «перезрелым дитятей», «выйти в мир» и «обрести себя» [Ibsen 1979: 247–248].

Силой, инициирующей становление Норы, ее движение от детской невинности к личностной трагической свободе, является усиливающийся страх. Поначалу он вызван чисто внешней угрозой — угрозой разоблачения ее Кростадом, — но затем превращается в то захватывающее экзистенциальное переживание, которое обретает сходство со страхом киркегорского Адама. Испытанием, духовно преобразующим героиню, становится перспектива самоубийства как единственно необходимой в сложившейся ситуации жертвы во имя любви. Страх Норы перед смертью — это тот страх перед ужасным и в то же время притягательным «ничто», без которого было бы невозможным, по Киркегору, полное человеческое развитие Адама. Мысль о стремительно приближающемся моменте самоубийства в равной мере страшит героиню Ибсена и влечет ее к «ничто» — со всей почти непреодолимой его прельстительностью. Это как раз и становится важнейшим фактором, необходимым для начавшегося экзистенциального становления героини, достигающего своей взрывной кульминации в тарантелле, которой завершается второй акт драмы. Последующее разоблачение Хельмера как эгоцентричного «эстетика», озабоченного лишь безупречностью своей репутации, совпадает с обретением героиней личностной свободы, противостоящей косной общественной морали. Так «современная трагедия», как определял Ибсен жанр своей пьесы в ранних заметках к «Кукольному дому» [Ibsen 1933: 368], получает в итоге катарсическое разрешение.

Литература

Ибсен Г. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Искусство, 1958.

Ibsen H. Brev 1845–1905: Ny samling. [Bd.] I: Brevteksten. Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget, 1979 (Ibsenårbok 1979).

Ibsen H. Samlede verker: Hundreårsutgave / Utg. F. Bull, H. Koht, D. A. Seip. Bd. VIII. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1933. S. 368.

Ibsen H. Samlede verker: Hundreårsutgave / Utg. F. Bull, H. Koht, D. A. Seip. Bd. XVII. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1946.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
И ТЕСТОЛОГИЯ

Божик Святослава Любомировна

старший преподаватель,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого;

svyatoslava@yahoo.com

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЯ КУЛЬТУРНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ И ЕГО РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ВУЗА

Ключевые слова: студенты-иностранцы, полилингвальная аудитория, иностранный язык, английский язык, культурная идентичность.

Вопрос создания проблемно-ориентированной образовательной среды, поиск и овладение современными методами и технологиями обучения встаёт достаточно остро при обучении английскому языку студентов-иностранцев, формирующих полилингвальную аудиторию в условиях российского вуза. Одновременно, преподаватели иностранного языка сталкиваются с многочисленными трудностями от языковых до методических: необходимо способствовать не только формированию требуемых компетенций, но адаптации, мотивации студентов, при этом непосредственно заниматься обучением предмету. В поисках инструментов преодоления трудностей преподавателям необходимо обращаться к разным техникам из разных областей знания. Однако, опираясь на последние мировые тенденции, новые ориентиры в образовательной среде, мы хотим сделать акцент на еще одном аспекте исследования — культурная и гражданская идентичность студентов, без анализа которого, процесс обучения не будет столь эффективным. Без внимания к уровню культурной идентичности, а вместе с ней и гражданской идентичности студентов, их идентификации себя и партнера по общению в парадигме «свой-чужой» невозможно преодолеть вышеперечисленные сложности и достигнуть поставленных целей в обучении иностранных студентов. Понимание уровня культурной идентичности как ничто лучше отражает готовность студентов к адаптации в новых условиях обучения, желание воспринимать новую культуру, а вместе с этим новые модели поведения, общения, отношения друг другу, что в свою очередь влияет на уровень мотивации обучения, повышает уровень восприятия новых методов и технологий обучения, делает процесс обучения студентов-иностранцев в условиях российского ВУЗа увлекательным, временем освоения не только иностранного языка, но и культуры страны, вместе с ней культуры высшей школы.

Рассуждая о культурной и гражданской идентичности, нам необходимо сначала обратиться к опыту собственной страны. Исследователи сходятся во мнении, что обучение должно иметь своей целью формирование активной гражданской позиции обучающихся, в соответствии с которой, гражданин России принимает судьбу Родины как свою собственную, отождествляет себя с ней и осознает ответственность за сохранение её культуры, духовных и нравственных традиций [Кузнецова 2007].

Достижение данной цели возможно только при сформированной культурной и гражданской идентичности, представляющей осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе, имеющая определенный личностный смысл. При этом, гражданская идентичность не тождественна гражданству, а предполагает целостное отношение к социальному, культурному и природному миру на основе осуществления свободного выбора и самоопределения в условиях уважения права других

на свой выбор [Самоопределение и формирование гражданской идентичности личности как задача развития подросткового возраста 2012].

Формирование гражданской и культурной идентичности предполагает формирование следующих структурных компонентов:

- когнитивный — знание о принадлежности к данной социальной общности, понимание законов общности и правил регулирования взаимодействия в ней;
- эмоционально-оценочный — принятие или непринятие своей принадлежности к данной общности;
- ценностно-ориентировочный — позитивное, негативное или нейтральное отношение к своей принадлежности к данной общности, при этом, уважение прав других людей, самоуважение, умение определять влияние общественной жизни на свою собственную;
- деятельностный — реализация гражданской позиции в общении и деятельности, гражданская активность, участие в социальной деятельности, имеющей общественную значимость, участие в общественной жизни образовательного учреждения [Какадий 2013].

Основываясь на вышесказанном, заметим, что диалог с представителем другой страны — это всегда диалог между «я» и «другим», это всегда сравнение разных миров, отличных реальностей, сравнение традиций, обычаев, культур, достижений. В связи с этим нам представляется актуальным анализ уровня культурной и гражданской идентичности студентов-иностранцев, а также анализ возможностей коммуникации студентов как в условиях полилингвальной аудитории, так и с российскими студентами.

Таким образом, определение уровня культурной и гражданской идентичности иностранных студентов, изучение особенностей формирования национальной идентичности студентов, представляется особенно нужным при обучении студентов в условиях российского ВУЗа. Мы рассматриваем следующие пути решения поставленных задач:

- осуществление анализа педагогической, психологической, научно-методической литературы по проблеме исследования и уточнение содержания основных понятий, таких как культурная и гражданская идентичность в условиях полилингвальной аудитории;
- определение роли занятий по иностранному языку и их содержания в формировании и поддержании целостности структурных компонентов культурной и гражданской идентичности студентов (когнитивного, эмоционально-оценочного, ценностно-ориентировочного, деятельностного), а также рассмотрение возможности расширения содержания данных компонентов в условиях полилингвальной аудитории;
- проведение анкетирования с целью определения уровня культурной и гражданской идентичности, а также выявления у студентов интереса к общению с иностранными сверстниками и потенциального влияния этого общения на повышение уровня адаптации, восприятия новой культуры и окружения, условий обучения.

Литература

- Какадий Д. В. Формирование гражданской идентичности: методическая разработка. Краснодар: [б. и.], 2013. 14 с.
- Кузнецова Л. В. Становление и развитие гражданского воспитания школьников в России: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007. 50 с.
- Самоопределение и формирование гражданской идентичности личности как задача развития подросткового возраста, 2012. URL: https://mokeevo.edu.yar.ru/rip/seminari/27_02_12/grazhdanskaya_identichnost.pdf (дата обращения: 25.01.2024).

Вишаренко Светлана Владимировна

канд. филол. наук, старший преподаватель, кафедра английской филологии и перевода,
Санкт-Петербургский государственный университет;
lavis@inbox.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЛОГОПЕДИЧЕСКИХ МЕТОДИК ДЛЯ ПОСТАНОВКИ ДЫХАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ НОСИТЕЛЕЙ СЛОГОВОГО ЯЗЫКА (КИТАЙСКОГО)

Ключевые слова: речевое дыхание, слоговые языки, интерференция, иноязычное произношение.

В последние годы число студентов из КНР, получающих образование в России, неуклонно возрастает. По данным Минобрнауки, это число в 2022 году увеличилось на 10 % по сравнению с 2021 годом, а в 2023/2024 году квота была дополнительно увеличена. Вместе с тем, адаптация студентов из КНР в новой академической среде может быть затруднена не только в связи с культурными различиями, но и в связи с наличием языкового барьера. Так, по данным проведенного на базе НГПУ им. Минина в 2022/2023 году эксперимента с участием 24 студентов, 25 % студентов из КНР указали на трудности с говорением и пониманием русского языка; трудности с произнесением звуков субъективно отметили 12,5 % студентов. [Неделяева, Гордеева, Вишаренко 2023: 265]. Немаловажным аспектом, оказывающим влияние на освоение фонетической системы русского и английского языков студентами из КНР, оказывается речевое дыхание. Особенно трудно переключаться со слогового языка на фонемный. Проведенные исследования свидетельствуют о значительной интерференции дыхательных паттернов у носителей китайского языка при обучении русскому и английскому языкам [Pavlovskaya, Bozhevol'nov, Lan' 2021]. Таким образом, очевидно, что дыхательные паттерны требуют коррекции. Массовой практики такого рода коррекции, насколько нам известно, до настоящего времени не существует; вместе с тем, необходимо отметить, что на протяжении многих десятилетий коррекцией речевого дыхания успешно занимаются логопеды и преподаватели сценической речи. Спектр логопедических расстройств, при которых требуется коррекция речевого дыхания, чрезвычайно широк: от органических нарушений речи центрального характера, которые не могут входить в сферу нашего интереса, до преходящих функциональных нарушений. Дело в том, что функциональные нарушения могут быть обусловлены не только нарушением функционирования корковых отделов речедвигательного или речеслухового анализатора, а зачастую неправильным воспитанием речи. Паттерны речевого дыхания формируются у человека постепенно; у детей они не являются стереотипными, становление речевого дыхания, в основном, завершается лишь к 10-ти годам [Hoil, Nixon, Watson, Morgan 1990] под влиянием различных, в том числе лингвистических факторов. Представляется, что, интерференция иноязычных речевых паттернов в некоторой степени сближается с функциональными речевыми нарушениями. В сфере логопедии с описанными факторами имеет дело раздел, посвященный нарушениям темпа и ритма речи; одним из наиболее распространенных в мире (1–3 % населения) и наиболее исследованных нарушений такого рода является заикание. Причины заикания многообразны и до конца не изучены, однако среди основных причин, в частности, называют особенности становления речевых навыков; было отмечено, что в ряде случаев заикание является результатом подражания. В клинической картине заикания неизменно присутствуют расстройства дыхания, причем нарушение речевого дыхания у заикающихся настолько сильно выражено, что многие исследователи склонны относить причину заикания к нарушению регуляции дыхательной функции. При коррекции используется регуляция речевого дыхания, как один из ведущих приемов установления плавности речи. [Белякова, Дьякова 1998]. Способы коррекции речевого дыхания при заикании посредством дыхательных упражнений направлены на развитие глубокого вдоха, длительного, плавного выдоха, а также фразовой речи на плавном выдохе. Работа по формированию речевого дыхания включает в себя следующие этапы:

- 1) Расширение физиологических возможностей дыхательного аппарата (постановка костно-абдоминального дыхания и формирование длительного выдоха через рот).
- 2) Формирование длительного фонационного выдоха.
- 3) Формирование речевого выдоха.

Приемов, направленных на формирование речевого дыхания, существует в практике довольно много, причем у взрослых тренировка костно-абдоминального дыхания может происходить более осознанно; мы можем обратиться к опыту, накопленному как логопедами, так и преподавателями сценической речи; последние обычно работают со взрослой аудиторией без речевых нарушений, при этом в большинстве случаев обучающиеся являются носителями того языка, на котором проходят занятия, и не имеют иноязычной интерференции. Многие из упражнений, входящих в арсенал указанных специалистов, предназначены для групповой работы, более того, коллектив может использоваться как дисциплинирующее и соревновательное начало. В последние годы в дополнение к традиционным формам работы были предложены некоторые инновационные методы, такие как использование компьютерной программы, позволяющей измерить расширение и сокращение грудной клетки (CAFET), а также начата разработка видеоигр, в которых еще предстоит найти баланс между вокальными упражнениями, игровой механикой, графическим интерфейсом, уровнем сложности и взаимодействием с пользователем. Система упражнений для постановки речевого дыхания при обучении иноязычному произношению носителей слогового языка (китайского) может быть разработана с учетом многолетнего опыта логопедов и преподавателей сценической речи, а также новых технологий и достижений.

Литература

- Белякова Л. И., Дьякова Е. А.* Заикание: учебное пособие. М.: В. Секачев, 1998. 304 с.
- Неделяева А. В., Гордеева И. А., Вишаренко С. В.* Языковые и коммуникационные проблемы при обучении иностранных студентов // Современный ученый. 2023. № 3. С. 262–268.
- Pavlovskaya I. Yu.* Speech breathing parameters as A differentiating factor in language testing / I. Yu. Pavlovskaya, V. V. Bozhevol'nov, H. Lan' // Academic Testing and Assessment. 2021. No. 3(15). P. 34–44.
- Noil J. D., Hixon T. J., Watson P. J., Morgan W. J.* Speech breathing in children and adolescents // Journal of speech, language, and hearing research. 1990. Vol. 33 (1). P. 51–69.

Золотая Елизавета Леонидовна

ассистент, аспирант, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.zolotaya@spbu.ru

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: социокультурная интерференция, социокультурная компетенция, курсовое обучение.

Процесс глобализации привел к расширению связей между представителями разных стран, культур и народов. В наши дни феномен межкультурной коммуникации имеет значимую роль, следовательно, вопрос о подготовленности представителей разных лингвокультур к адекватному общению и пониманию друг друга остается особенно важным.

В ходе обучения иностранному языку педагог должен помочь обучающимся сформировать социокультурную компетенцию. Под этим термином понимают способность оперировать системой социокультурных знаний и умений в условиях диалога культур. Формирование социокультурной компетенции рассматривается как сосредоточение внимания обучающихся на культуре страны изучаемого языка, при этом педагогическая значимость данного феномена заключается в том, что он служит предпосылкой успешности взаимодействия представителей разных лингвокультур [Корыловская, Иванова 2014: 716]. Проблемой социокультурной компетенции занимались такие выдающиеся ученые, как В.В. Сафонова, П.В. Сысоев, Н.В. Барышников, Р.К. Миньяр-Белоручев, И.А. Зимняя.

Для формирования у обучающихся социокультурной компетенции педагогу необходимо знакомить их с фактами и явлениями иноязычной культуры. В противном случае учащиеся сталкиваются с социокультурной интерференцией. Под этим термином понимают отрицательное явление, возникающее в ситуациях, при которых обучающийся воспринимает похожие реалии, явления, нормы поведения в другой культуре через призму усвоенной им модели миропонимания. Причиной возникновения социокультурной интерференции считают сходства и различия между концептами, культурными реалиями, этическими нормами родной и иноязычной лингвокультуры [Зимняя 2009: 10].

Рассмотрим некоторые проявления социокультурной интерференции, выявленные у обучающихся Центра иностранных языков для детей при Санкт-Петербургском государственном университете. Ошибки фиксировались при обучении в ходе наблюдения за речевым поведением обучающихся, а также посредством заполнения ими специальных опросников.

К типичным ошибкам, вызванным социокультурной интерференцией, можно отнести нарушения речевых норм, связанные с недостаточным пониманием форм речевого этикета. Обучающиеся совершали ошибки в употреблении выражений *I'm sorry, Excuse me, Forgive me, I apologize*, подменяли формы приветствий *Good morning, Morning, What's up*. Также обучающиеся употребляли лексему *Please* в ответ на *Thank you* и трактовали выражение *How do you do?* как полноценный вопрос. Более того, ученики не знали, как реагировать на фразу *Help yourself*; делали ошибки в построении разделительных вопросов, не могли корректно уточнить информацию. Отметим, что данные ошибки мы можем трактовать как проявления не только социокультурной, но и коммуникативной интерференции.

Другими ошибками оказались неточности, связанные с разделением дня на сегменты (ошибки в употреблении периодов *a.m., p.m.*), а также с тем, что в английской лингвокультуре в сравнении с русским языком существует большее количество лексем, обозначающих части суток (например, обучающиеся трактовали лексему *night* исключительно как «ночь», а лексему *tonight* как «сегодня ночью»).

Также было выяснено, что обучающиеся не знакомы со многими культурно-маркированными реалиями британской лингвокультуры, например, названиями блюд и продуктов (*Yorkshire*

pudding, scone, Gloucester sausage, bun, oatmeal), названиями праздников (*Guy Fawkes' Night, Bank Holidays*), лексемами, связанными с географическим положением Великобритании (*Wales, the English Channel, Edinburgh, Cardiff*), а также символами данного государства (*Union Jack, thistle, red rose*). Подчеркнём, однако, что некоторые реалии и концепты британской лингвокультуры хорошо знакомы обучающимся (*Halloween, 5 o'clock tea, William Shakespeare, William the Conqueror, the Queen*).

Наличие упомянутых выше ошибок подтверждает тот факт, что обучающиеся Центра иностранных языков для детей при Санкт-Петербургском государственном университете подвержены влиянию социокультурной интерференции. Анализ учебных пособий, используемых для обучения английскому языку в данном учебном заведении (УМК *Super Minds, Solutions, Speakout*) показал, что проблема социокультурной интерференции решается в них посредством текстов о иноязычных реалиях, а также аудиоматериалов с аутентичной речью. Однако данных материалов оказывается недостаточно для полноценного ознакомления обучающихся с британской лингвокультурой. Некоторые методисты рекомендуют педагогам дополнять содержание УМК разнообразными контрастирующими упражнениями, а также предоставлять лингвокультурологические комментарии для объяснения трудных для понимания коммуникативных ситуаций [Крамар, Санникова 2016: 43]. На наш взгляд, профиль дополнительного образования и сам формат обучения на языковых курсах также позволяют предлагать обучающимся просмотр видео, передач, фильмов, содержащих информацию о культуре Британии, США и других англоговорящих стран с последующим обсуждением культурного компонента в них в рамках дискуссии. К таким материалам можно отнести ресурсы *BBC Learning English, National Geographic, Ello, TED Talks* и многие другие.

В заключение отметим, что явление социокультурной интерференции может значительно затруднять процесс освоения иностранного языка. В связи с этим преподавателям рекомендуется уделять внимание формированию социокультурной компетенции у своих обучающихся.

Литература

- Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 2. С. 7–14.
- Крамар Т. Е., Санникова С. В. Социокультурная интерференция и способы ее преодоления в процессе обучения английскому языку в школе // Современные подходы в методике и практике преподавания иностранного языка: материалы и доклады междунар. конференции. 2016. С. 39–44.
- Kopylovskaya M. Y., Ivanova T. N. On Fostering Intercultural Competence Through Global News Programmes // Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes. Vol. 2, no. 4. 2014. P. 715–725.

Кулигина Наталья Вячеславовна

ассистент, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
n.kuligina@spbu.ru

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ ПЕРЕСКАЗА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ СТУДЕНТАМИ-ФИЛОЛОГАМИ ИЗ КНР

Ключевые слова: психическое отражение, сенсорный стимул, внимание, кратковременная память, интерпретация.

Преподаватели иностранного языка, работающие со студентами из КНР, говорят о том, насколько трудно обучить последних пересказу художественных текстов. Студент упорно придерживается излюбленной стратегии: он выбирает (иногда довольно хаотично) фразу из текста, и вместо пересказа всего отрывка упорно повторяет её, игнорируя все наводящие вопросы и попытки выйти на полный сюжет произведения и узнать личную интерпретацию замысла автора. Можно сказать, что студент пытается «выехать» за счёт резервов только лишь кратковременной памяти, а игнорирование вопросов означает, что всего его силы уходят на удержании в этой памяти гаснущего очага сенсорного стимула от обрывка фразы (полную фразу кратковременная память в силу своей ограниченности хранить не в состоянии). При этом причины очень редко сводятся лишь к «незнанию» языка. Почему так происходит и есть ли способы его изменения?

Процесс запоминания и воспроизведения имеет несколько стадий. Эти стадии таковы: психическое отражение стимула — закрепление образа в памяти (психике) — воспроизведение.

Для того чтобы состоялось психическое отражение важно направить на него внимание. Последнее, в данном случае, это способность к фиксации воспринимающего анализатора (либо их группы) на определенном событии, либо цепи событий. Уже на этой стадии происходит анализ событий [Зинченко 1996: 10], и внимание направляется на событие либо волевым усилием, либо непроизвольно, если стимул вызывает интерес субъекта. Установлено, что внимание более устойчивое и продолжительное, если событие представляет какой-то смысл [Фрумкина 2008: 50]. Если смысла нет, то внимание «скользит мимо», постоянно переключаясь на внешние события (имеющие для субъекта больший смысл), и лишь волевым усилием возвращается обратно, дабы выхватить из «толпы» пару слов, и снова ускользнуть на внешний объект или постороннюю мысль. Вероятно, это и происходит с вниманием студентов. Они скользят по тексту, лишь изредка вырывая обрывки фраз или слов. Эти вспышки слов хранятся в кратковременной памяти. Линдсеем и Норманом было установлено, что для перехода в память долговременную, материал должен пройти «перекодировку», т.е. интерпретацию [Линдсей, Норман 1974: 344]. На этой стадии должно соединить разрозненные кусочки слов во что-то осмысленное, и «внутренне» перекодировать это по-своему. Этот конечный продукт перекодировки и попадёт в долговременную память. Однако, именно этого и не происходит со студентом: он остаётся на стадии обрывков слов, которые мечутся, вытесняя друг друга из тесного тамбура «кратковременной памяти», не переходя в комфортный вагон памяти долговременной. Это временное хранилище, и пользуясь только им, невозможно охватить крупный объём информации. Более того, любой внешний стимул (изображение, крик, толчок) может разрушить образ сенсорного стимула, находящегося в данный момент в хранилище кратковременной памяти.

Естественно, что при таком подходе воспроизводить нечего: долговременная память пуста, ведь туда поступает лишь продукт личной «перекодировки» стимулов, приходящих из кратковременной памяти. Без этой перекодировки в долговременной памяти не остаётся даже следа от предъявленного стимула, в нашем случае, художественного текста. Получается, что задача — вызвать эту перекодировку. Для этого нужно проработать все стадии и задействовать все психические процессы — и отражение, и внимание, и память, вызвав к жизни память долговремен-

ную. Нужно — направить внимание, добиться его устойчивости, а главное, обеспечить переход единиц из кратковременной памяти в долговременную, через перекодировку сигналов.

На занятиях по домашнему чтению нами был проведён небольшой эксперимент. Студентам был предъявлен художественный перевод на английский язык изначально китайского текста. Причём некоторым группам был предъявлен только англоязычный текст, другим же, после прочтения англоязычного был дан оригинальный китайский вариант. Установлено, что те студенты, которым был предъявлен и переводной и оригинальный текст, лучше всего справились с задачей полного художественного пересказа на английском языке. Более того, многие смогли даже высказать своё мнение о замысле автора. Что ещё более поразительно — многие студенты помнили суть и могли пересказать основные положения произведения даже спустя неделю и даже несколько месяцев после прочтения и пересказа данного текста, когда как оригинальные художественные англоязычные тексты забывались, а точнее сказать, не переходили в долговременную память вовсе. В случае же с «китайским текстом» переход в долговременную память состоялся, причём студентам было не трудно в любой момент извлечь его оттуда и пересказать на английском, используя при этом слова и выражения из художественного англоязычного перевода.

В данном случае интересно — 1) на каком языке произошла «перекодировка» — на китайском, английском, на обоих языках параллельно? Вероятно, для этого нужен отдельный эксперимент; 2) что обеспечило непрерывность внимания? — только ли интерес к сюжету и «китайский контекст»; 3) какой метод помог добиться результата — переводной (при котором вначале был дан полностью понятный на родном языке текст, а вторым этапом стало нахождение в англоязычном тексте (и, возможно, оценка адекватности) средств языковой передачи смысла).

В качестве вывода можно сказать, что осмысление обеспечивает переход из кратковременной памяти в долговременную. Возможно, что осмысление текста на родном языке обеспечивает включение «переводного метода» и активный поиск языковых эквивалентов на языке изучаемом.

Литература

- Зинченко П. И.* Непроизвольное запоминание: избранные психологические труды / под ред. В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова. М.; Воронеж: МОДЭК, 1996.
- Линдсей Х., Норман А.* Переработка информации у человека / пер. с англ. под ред. и с предисл. действ. чл. АПН СССР А. Р. Лурия. М.: Мир, 1974.
- Фрумкина Р. М.* Психолингвистика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 4-е изд. М.: Издат. центр «Академия», 2008.

Лыпкань Татьяна Витальевна¹, Вихрова Анастасия Юрьевна²

¹канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
t.lypkan@spbu.ru

²канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник,
заведующая лабораторией экспериментальной фонетики ИСАА,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
avikhrova@gmail.com

СРАВНЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПАРАМЕТРА ВРЕМЕНИ НАЧАЛА ОЗВОНЧЕНИЯ ВЗРЫВНЫХ СМЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ В УСТНОЙ РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ БИЛИНГВОВ ГЕРМАНИИ И МОНОЛИНГВОВ РОССИИ

Ключевые слова: Время Начала Озвончения, глухие и звонкие взрывные смычные согласные, межъязыковая фонетическая интерференция, русскоязычные дети-билингвы Германии, русские монолингвы.

Время Начала Озвончения (ВНО) впервые был использован американскими фонетистами Л. Лискером и А. Абрамсоном в 60-е годы XX века [Lisker 1964: 384–422]. Новизна и актуальность данной работы состоит в использовании параметра ВНО для определения глухости и звонкости русских взрывных смычных согласных. Мы исходим из тезиса, что, как известно, длительность ВНО в разных языках имеет отличительные значения [Cho Taechong 1999: 207–229]. В случае с согласным [b] ВНО начинается незадолго до смычки, а в случае с согласным [p] — после смычки. Это соответственно позитивный и негативный ВНО. В русском языке значения параметра ВНО описаны в работе Рингена [Ringen 2012: 269–282]. В немецком языке ВНО описан Брауншвайлером [Braunschweiler 1997: 353–376].

Таким образом, различия параметра ВНО в разных языках приводят к интерференционному фонетическому влиянию, что ведет к появлению нарушений в русской речи двух поколений русскоязычных билингвов, а также русских монолингвов. Для того, чтобы получить доказательства этой гипотезы, мы записали устную речь билингвов в русском культурном центре «Исток» в Германии, в Санкт-Петербурге в общеобразовательных школах в 2023 году. Целью нашего эксперимента было измерить диапазон ВНО у двух поколений детей и их родителей (билингвов и монолингвов), для этого они читали вслух «фонетически представительный текст». Материал исследования – слова, в которых были исследован параметр ВНО согласных звуков. Всего было исследовано 38 слов. Испытуемые — 16 детей-билингвов и 13 взрослых (их родителей). Перед экспериментом всем испытуемым была предложена анкета с вопросами. В исследовании также приняли участие 13 монолингвов (родители (7) и дети (6)). В работе применялся метод спектрального анализа: слова, содержащие звуки [b d g] и [p t k] с помощью программы анализа звучащей речи Praat, слова вырезались из Фонетически представительного текста, прочитанного 20 билингвами и 42 русскоязычными монолингвами, после этого анализировался временной интервал между согласным и последующим гласным звуком. Если интервал соответствовал опорным данным для русского языка, то делался вывод о том, что ВНО положительное или отрицательное, а, следовательно, слово (слог) произнесено верно. В противном случае, результат записывался в таблицу, и делался вывод о том, что слово (слог) произнесено неверно. Спектрограммы и аудио неверно произнесенных слогов сохранялись в отдельный файл. В большинстве случаев у билингвов, если звук [b] характеризовался положительным ВНО (VOT), то он «превращался» в звук [p], также, как и звуки [d], [g]. Они соответственно приобретали характеристики звуков [t] и [k]. Если же VOT сохранял свои отрицательные значения, но они были несколько выше или ниже опорных, то звук звучал немного неестественно. В случае со звуками [p t k], мы получаем противоположную картину. Если VOT из положительных значений переходил в отрицательные, то звуки «превращались» в [b d g]. Слова, у которых ударение падает на первый слог, а, следовательно, гласный в нём произносится дольше, поэтому ошибок в произнесении в теории должно быть меньше. Действительно, в словах было, года, даже и думаю

ошибки встречались реже, а вот со словом двадцать и граммами эта догадка не сработала, но, вероятно, это связано с тем, что после начального согласного [d] и [g] сразу стоит другой согласный, такие сочетания очевидно вызывают трудности в произнесении у детей (все ошибки встретились у испытуемых детей). В начальном согласном допущено больше всего ошибок — интервал вместо отрицательного становится положительным, соответственно менялись формальные характеристики звука. Самыми «проблемными» оказались слова достаточно, говорят, говорили. В них первый слог является безударным, с них не начинается синтагма. Показательно и то, что в этих словах ошиблись и дети, и взрослые, хотя дети ошибались гораздо чаще. В большинстве случаев у монолингвов, если звук [b] характеризовался положительным VOT, то он «превращался» в звук [p], также, как и звуки [d], [g]. Они соответственно приобретали характеристики звуков [t] и [k]. Если же VOT сохранял свои отрицательные значения, но они были несколько выше или ниже опорных, то звук звучал немного неестественно. В случае со звуками [p t k], мы получаем противоположную картину. Если VOT из положительных значений переходил в отрицательные, то звуки «превращались» в [b d g]. Ошибок в произнесении согласных звуков в начале слова очень немного, что говорит о том, что носители языка в большинстве своем правильно реализуют интервал ВНО, даже если речь идет о детях младшего возраста. Выделенные слова — такие слова, у которых ударение падает на первый слог, а, следовательно, гласный в нём произносится дольше, поэтому ошибок в произнесении в теории должно быть меньше. Ошибок в речи монолингвов встретилось значительно меньше, чем у билингвов, что свидетельствует о том, что испытуемые знакомы с тем, как оформляется звонкость. У подавляющего большинства испытуемых твердый согласный звук [к] в слове книгу имел интервал ВНО, который характерен для мягкого согласного звука [к']. Среднее значение ВНО этого звука у билингвов составляет 59,6 мс, среднее значение ВНО этого звука у монолингвов составляет 53,8 мс (при опорных значениях 34,3 — 38 мс).

Литература

- Braunschweiler N.* Integrated cues of voicing and vowel length in German: a production study // *Language and Speech*. 1997. No. 40 (4). P. 353–376.
- Cho Taechong and Ladefoged Peter* Variation and universals in VOT: evidence from 18 languages // *Journal of Phonetics*, Elsevier. 1999. no. 27. P. 207–229.
- Lisker L., Abramson A. S.* A Cross-Language Study of Voicing in Initial Stops: Acoustical Measurements // *Word*. 1964. Vol. 20, no. 3. P. 384–422.
- Ringen C., Kulikov V.* Voicing in Russian stops: Cross-linguistic implications // *Journal of Slavic Linguistics*. 2012. No. 20 (2). P. 269–286.

Петрова Виолетта Владимировна

*старший преподаватель, кафедра Межкультурной коммуникации и общегуманитарных наук,
Санкт-Петербургский филиал Финансового университета при Правительстве РФ;
violettap1@mail.ru*

СТРАТЕГИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Ключевые слова: стратегии учебной деятельности, образовательный результат, генеративный искусственный интеллект.

В современном обществе осознается необходимость непрерывного образования, что обусловлено все ускоряющимся прогрессом науки и техники и постоянным внедрением инновационных технологий в повседневную и профессиональную жизнь. При постоянном обновлении условий и содержания профессиональной деятельности полученных в образовательном учреждении знаний будет недостаточно, поэтому цели обучения должны включать не только развитие профессиональных компетенций, но и обучение методам получения новых знаний. Кроме того, ФГОСы 3-его поколения, в основе которых лежит компетентностный подход, предусматривают увеличение самостоятельности обучающихся и повышение степени их ответственности за результаты обучения. В связи с этим актуализируется проблема формирования у обучаемых стратегий учебной деятельности, которые они могли бы применять как в процессе обучения в образовательном учреждении, так и позже, в самостоятельной жизни. Стратегии учебной деятельности — это методы и приемы, которые человек может использовать, чтобы получить знания; система действий, выбранная обучающимися, позволяющая оптимизировать процесс совершенствования знаний и навыков в любой сфере [Кузнецова 2018], в частности процесс изучения иностранного языка. Базовыми компонентами учебных стратегий являются целевой компонент (включает учебные цели и определяет условия для организации учебной деятельности), технологический компонент (включает способы, приемы, техники, методы и инструменты, с помощью которых реализуется достижение учебных целей), ресурсный компонент (включает подбор ресурсов для достижения учебных целей) [Смагина 2019: 77]. Признается, что используемые обучающимися стратегии влияют на скорость достижения и качество образовательного результата. Существует множество классификаций систем стратегий, разработанных исследователями по различным основаниям и с разной степенью детализации. Ряд исследователей подразделяет учебные стратегии на две большие группы — когнитивные и метакогнитивные, что соотносится с процессуальными характеристиками учебной деятельности. К этим двум группам часто добавляют аффективные и социальные стратегии, так как они связаны с личностными характеристиками обучаемых [Oxford 1990: 15]. Признается, что стратегии учебной деятельности формируются в зависимости от целого ряда факторов, таких как цели, задачи и содержание обучения, осознаваемые студентами, уровень развития их иноязычной лингвистической компетенции и др. Уровень развития лингвистической компетенции, по мнению исследователей, дает реальные возможности для формирования стратегий, а также определяет актуальные задачи обучения [Залевская 2007: 330]. Так, для обучаемых с низким уровнем развития лингвистической компетенции необходимо накопить критическую массу информации, которая позволила бы перейти к ее анализу и структурированию. Для обучаемых среднего уровня особую роль играет переструктурирование информации и построение гипотез. Для продвинутого уровня необходимо подвижное применение специализированных языковых схем. Для реализации стратегий в процессе учебной деятельности обучаемые используют различные инструменты, которые, по их мнению, помогают с минимальными трудозатратами и в минимально короткие сроки выполнить поставленные учебные задачи. Авторы описывают когнитивные и метакогнитивные стратегии изучения иностранного языка, которые должны применяться студентами нелингвистических профилей обучения с низким или средним уров-

нем развития иноязычной лингвистической компетенции, такие как выяснение, мониторинг, заучивание, догадка, повторение, элаборация, дедуктивное рассуждение, организация, практика. Особое внимание авторы уделяют современным инструментам реализации данных стратегий, таким как использование переводческих приложений и средств ГИА (генеративного искусственного интеллекта) при выполнении различных видов устных и письменных заданий. Авторы рассматривают основные деятельностные характеристики переводческих приложений и средств ГИА и особенности их использования в процессе реализации наиболее часто встречаемых учебных стратегий, а также определенную трансформацию данных стратегий, имеющую место благодаря использованию этих новых инструментов. Отмечается, что одной из самых востребованных у студентов возможностей переводческих приложений и средств ГИА является возможность перевода текста целиком, а не перевод его отдельных единиц или фрагментов (слов, словосочетаний, устойчивых выражений), в результате чего сам текст теряет всю свою ценность как универсальная дидактическая единица в процессе обучения иностранному языку. Также авторы делают попытку дать объяснение негативному влиянию переводческих приложений и ГИА на развитие иноязычной лингвистической компетенции студентов и достижение необходимого образовательного результата. По мнению авторов, знание как родного, так и иностранного языка или языковой опыт личности трактуется как опыт понимания, истолкования и продуцирования различных текстов. При этом единицей языкового опыта считают «речевые стереотипы» — устойчивые и воспроизводимые семантически связанные сочетания слов, функционирующие в речи. Текст показывает потенции лексических и грамматических единиц, которые в нем употребляются, и их соотношение с описываемой коммуникативной ситуацией. Благодаря использованию переводческих приложений и ГИА студенты не видят данные речевые стереотипы в иноязычном тексте и не используют их в своих собственных речевых произведениях. Таким образом, накопления информации и ее анализа, необходимых на начальном уровне развития иноязычной лингвистической компетенции, не происходит. Это также делает невозможным дальнейшее структурирование информации и построение гипотез о функционировании языка на следующих уровнях его изучения. Авторы подчеркивают необходимость обучения студентов стратегиям учебной деятельности, оптимальному использованию имеющихся инструментов (переводческих приложений и средств ГИА) и приводят примеры заданий, которые способствуют формированию правильных учебных стратегий.

Литература

- Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 382.
- Кузнецова О. З.* Учебные стратегии как психолого-педагогический феномен. // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. № 2 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnye-strategii-kak-psichologo-pedagogicheskij-fenomen> (дата обращения: 03.12.2023).
- Смагина И. Л.* Обучение студентов стратегиям самостоятельной учебной деятельности // Известия ВГПУ. 2019. №7 (140). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-studentov-strategiyam-samostoyatelnoy-uchebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 01.01.2024).
- Oxford R. L.* Language learning strategies: what every teacher should know. Boston: Heinle and Heinle, 1990.

Рустамова Нодира Рустамовна

*PhD, доцент, кафедра узбекского языка и педагогики,
Ташкентский государственный стоматологический институт, Узбекистан*

УЧЕТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА ВРАЧЕБНОЙ ЭТИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ТАШКЕНТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА)

Ключевые слова: иностранные студенты, культурологические проблемы, культурные различия, медицинский вуз.

Современное образование в области медицины сталкивается с уникальными культурологическими вызовами, связанными с привлечением иностранных студентов в медицинские вузы. Эти проблемы не только влияют на сам процесс обучения, но также оказывают существенное воздействие на медицинскую практику, требуя особого внимания и адаптации образовательных программ [Ковынева, Петрова 2015].

Многообразие культур и восприятие здоровья. Иностранные студенты в области медицины часто приносят с собой разнообразные культурные представления о здоровье и болезни [Петрова 2015]. Эти различия могут оказать влияние на восприятие симптомов, диагностику и лечение.

Нормы общения в медицинской среде. Культурные различия в нормах общения иностранных студентов могут стать препятствием в эффективной коммуникации с пациентами, коллегами и преподавателями. Понимание этих норм играет ключевую роль в формировании профессиональных навыков.

Культурный контекст врачебной этики. Врачебная этика тесно связана с культурными ценностями и ожиданиями. Иностранные студенты могут столкнуться с ситуациями, где культурные различия могут создать этические дилеммы в медицинской практике.

Адаптация образовательной программы. Важным аспектом является адаптация образовательных программ с учетом культурных особенностей студентов. Это включает в себя не только языковую подготовку, но и интеграцию культурно-специфичных модулей в учебные планы [Рубцова, Снегирева 2016].

Взаимопонимание и сотрудничество в медицинской практике. Эффективная медицинская практика требует гармоничного взаимодействия медицинского персонала из разных культур. Понимание культурных аспектов способствует улучшению взаимопонимания и сотрудничества в команде заботы о пациентах.

Данная статья направлена на исследование и анализ культурологических вызовов, с которыми сталкиваются иностранные студенты в медицинских вузах, а также на предложение стратегий и подходов, направленных на эффективное преодоление этих вызовов и успешную адаптацию студентов в медицинской области.

Исходя из вышеперечисленных, можно рассмотреть некоторые из основных культурологических проблем, которые могут возникнуть в контексте медицинского образования для иностранных студентов:

Культурные различия в восприятии здоровья и болезни. Иностранные студенты могут приносить с собой разнообразные представления о здоровье и болезни, основанные на культурных нормах и традициях [Петрова 2015]. Это может повлиять на их понимание и подход к медицинской диагностике и лечению.

Межкультурные различия в общении. Нормы общения в медицинской среде могут значительно различаться в разных культурах [Рубцова, Снегирева 2016]. Иностранные студенты могут столкнуться с трудностями в эффективной коммуникации с пациентами, коллегами и преподавателями из-за культурных различий в выражении мыслей и эмоций.

Этические дилеммы и культурная чувствительность. Культурные особенности могут создавать этические дилеммы для студентов в медицинской практике [Салиев 2020]. Важно обучать иностранных студентов культурной чувствительности, чтобы они могли эффективно решать этические вопросы, учитывая множество культурных факторов.

Языковые барьеры и медицинская терминология. Иностранные студенты могут сталкиваться с трудностями из-за языковых барьеров, особенно в понимании медицинской терминологии [Шаповал 2014]. Это может затруднить как учебный процесс, так и общение с пациентами в будущей медицинской практике.

Адаптация к местной медицинской практике. Медицинская система и практика могут существенно различаться в разных странах. Иностранному студенту может потребоваться время для адаптации к местным стандартам, процедурам и ожиданиям в области медицинской практики.

Решение этих культурологических проблем требует комплексного подхода, включающего в себя культурно-ориентированные учебные программы, тренинги по межкультурному общению и создание поддерживающей среды, способствующей успешной адаптации иностранных студентов в медицинских вузах.

В контексте обучения иностранных студентов в медицинском вузе, культурологические проблемы представляют собой важное направление исследования и разработки эффективных стратегий обучения. На основе анализа указанных проблем можно сделать несколько ключевых выводов:

Культурное образование и адаптация. Подготовка иностранных студентов включает в себя культурное образование, ориентированное на уважение и понимание разнообразия. Важно разработать программы, способствующие адаптации к медицинской среде новой культуры.

Межкультурное обучение и коммуникация. Интеграция межкультурных тренингов в учебный план поможет студентам лучше понимать и взаимодействовать с пациентами и коллегами из разных культур. Развитие навыков межкультурной коммуникации содействует успешной медицинской практике.

Этика и культурная чувствительность. Обучение этике и культурной чувствительности является ключевым компонентом для студентов, сталкивающихся с разнообразными этическими дилеммами в медицинской практике. Это поможет сформировать профессиональный подход к пациентам из разных культур.

Преодоление языковых барьеров. Акцент на улучшении языковых навыков, особенно в области медицинской терминологии, сделает обучение более доступным для иностранных студентов и способствует более эффективному общению в медицинской среде.

Интеграция в местную медицинскую систему. Обучение иностранных студентов должно включать в себя понимание местных стандартов и процедур медицинской практики. Интеграция студентов в местную медицинскую систему будет способствовать успешной карьере их будущих врачебных практик.

С учетом этих аспектов, разработка комплексных образовательных программ и создание поддерживающей среды в медицинских вузах могут обеспечить более успешную учебную и профессиональную интеграцию иностранных студентов в медицинскую область. Это в свою очередь будет способствовать повышению качества медицинской заботы и международному обмену знаниями в области здравоохранения.

Литература

- Ковынева И. А., Петрова Н. Э.* Междисциплинарная интеграция русского языка и профильных дисциплин в медицинском вузе при обучении иностранных студентов языку специальности (из опыта преподавания) // *Современные проблемы науки и образования.* 2015. № 1–1. С. 1011–1011.
- Петрова Н. Э.* Интеграционные процессы в медицинском вузе при обучении иностранных студентов // *Проблемы интеграции образовательных систем России и Беларуси в гуманитарном хронотопе постсоветского пространства.* 2015. С. 120–126.

Рубцова Е.В., Снегирева Л.В. Усвоение культурологического содержания с активизацией языковых средств на материале экскурсий в рамках решения проблемы преодоления культурного шока студентами-иностранцами медицинского вуза // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* 2016. № 2–4. С. 551–554.

Салиев М. М. и др. Формирование межкультурной компетенции иностранных студентов в процессе медицинском обучении // *Экономика и социум.* 2020. № 4 (71). С. 858–863.

Шаповал Г.Н. Гуманитарный аспект медицинского образования как неотъемлемая составляющая обучения иностранных студентов-медиков // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история.* 2014. № 33. С. 108–112.

Суханова Валентина Ильинична

старший преподаватель, кафедра иностранных языков,
Ухтинский государственный технический университет;
visoukhanova@rambler.ru

ORGANIZING PETROLEUM GEOLOGY STUDENTS FOR LEARNING THE STRUCTURAL ELEMENTS OF MODERN ENGLISH AT TECHNICAL UNIVERSITY

Keywords: language awareness, the structural elements of English, speech perception in chunks, profession-oriented rhyme.

Most Russian geology graduates' command of English and reading comprehension skills being not strong enough to mould the future geologist into a linguistic personality, a need arises to implement teaching strategies that can enhance students' FL *learning* experience.

Sharing Boris P. Godunov's notion of *linguistic personality* as a person with language awareness and communication skills developed, with *language awareness* implying the conscious perception in language learning and usage with the differentiation of its grammatical structure and vocabulary [Годунов 2002:15], as well as taking into account that non-linguistic learners are not oriented to the discovery of the fact that words in a sentence are not of equal value (some express notions, others establish relations between them), it becomes obvious that developing reading comprehension skills in any FL to non-linguistic students calls for the implementation of the cognitive and differentiated approaches to organising them for learning the various groups of language units the FL they study is made up of.

Most reading comprehension difficulties, geo-students face, are caused by the structural elements of the FL they study (word order in sentences, auxiliary and modal verbs with their equivalents, conjunctions, etc.); these elements establishing syntactic relations, sense relations and modality of statements, Lev V. Shcherba termed them *stroyevyye slova* (*grammaticalised lexis*) and ranked them as orientation components (*auxiliary words*) that help adjust the reader's perception pursuant to the structure of a text [Щерба 2003: 76].

Modern English being analytic, i.e. relatively uninflected, teaching its structural elements to Russian geo-students must be based on the didactic rules of the principle of comprehensibility: move from known to unknown, move from *simple* to more *complicated phenomena*.

The mother tongue being the greatest asset people bring to the task of FL *learning*, we start teaching the structural elements of English by getting students to read a few simple sentence pairs of similar content in Russian and English (their structural elements being in bold), for them to find the differences between them. Performing the task they come to the conclusion that sentences in Russian are strongly controlled by morphemes added to the noun, pronoun and verb, whereas in sentences in English this function has been taken over by a) the word order and b) the combination of a noun with the apostrophe and a verb with a postposition.

Petroleum geology being an applied science, difficulties in comprehending texts on it arise because of the '*false friends*' and the conjunctions introducing clauses of purpose and reason.

Harold Palmer and Françoise *Grellet* having experimentally proved that a good reader chunks a text into sense units, each consisting of several words (fixed phrases and certain grammatical structures) and taken in by one fixation of his eyes [Пальмер 1961: 20; Grellet 1981: 58], we associate the development of strong reading comprehension and communication skills in English with the development of skills in speech perception in chunks.

To achieve this aim, we engage students in reading the best *British and American poetry*, as well profession-oriented rhymes (*PORs*) with the yet-to-learn auxiliaries. For the lack of the latter in methodical literature, we create our own *PORs*. Rhyming the auxiliaries, including the subordinating conjunctions, with the notional parts of speech, and drawing the learners' attention to the parts of the sentence following the former, helps them infer their meaning and even tell the nuances in the usage of each.

The fear of the adverbial particles of phrasal verbs (PVs), popular in Modern English and haunting most technical university students is dispelled by getting them to group the scattered over the table cards with PVs, including profession-related ones, with the same adverbial particle. Two or three PVs in each group are being known to students, we get them first to infer the general meaning of the adverbial particle in each group. As to the meaning of the profession-related PV, they infer it from the context of a theme-related sentence.

Showing the pictures and videos of Russian and foreign geologists, doing geologic fieldwork in the Arctic, encourages students to ask the teacher questions: the 5Wh, i. e. “Who”, “What”, “When”, “Where” and “Why” and 1H, i. e. “How” for more information

Listening to and reading the simple text of *The Elbows Song* by C. Graham, dealing with the etiquette rules, and then the vocation-related *Geo-student's Survival Song* (music by C. Graham, lyrics by the author (V. S.)), with most auxiliaries missing from it, with Sophomore advising Freshman on how to survive field studies in harsh environments, motivates the learners to read the text, fill in the gaps in it with the appropriate auxiliaries and volunteer to reproduce it in the name of Freshman introducing the necessary changes to the original text.

References

- Годунов Б. П. К вопросу о языковой личности как методической категории // Конференция «Стратегии и технологии развития языковой личности». Казань. 2002. С. 15.
- Пальмер Г. Устный метод обучения иностранным языкам / сокр. пер. с англ. 2-е изд. М., 1961. С. 20.
- Щерба Л. В. Грамматика и её взаимоотношение с лексикой с методической точки зрения // Преподавание языков в школе. М.: Academia, 2003. С. 76.
- Grellet F. Developing Reading Skills. A practical guide to reading comprehension exercises. Cambridge, 1981. P. 58.

Тимофеева Елена Константиновна¹, Чао Итун²

¹канд. пед. наук, доцент, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.timoteeva@spbu.ru

²бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет;
st084016@student.spbu.ru

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: языковое взаимодействие, английские заимствования, русский и китайский языки.

Одной из главных целей обучения иностранным языкам в полилингвальной среде является воспитание полилингвальной, мультикультурной и грамотной личности. Личности, которая готова интегрироваться в общемировое культурное пространство. В фокусе нашего исследования — лингвокультурологические аспекты обучения студентов из восточных стран английскому языку в России и на практике преподаватели все больше используют полилингвальный подход, поскольку «...полилингвальный подход подчеркивает тот факт, что по мере расширения языкового опыта человека в культурных контекстах он не сохраняет эти языки и культуры в строго разделенные ментальные ячейки, а, скорее, создает коммуникативную компетенцию, которой способствует все имеющееся знание, а языки взаимопроникают и взаимодействуют...» [Schwab 2017: 116].

Опыт показывает, что одновременное использование культурных ориентиров и родного и изучаемых языков в аудитории полилингвальных студентов является основой для изучения академического целевого языка и эффективности уровня его владения. Под полилингвальным подходом подразумевается набор методов и приемов обучения, когда несколько языков одновременно являются и средством общения, и инструментом обучения, и, в итоге, конечной целью обучения. Как следует из определения, ключевое отличие полилингвального подхода в обучении состоит в том, что в рамках полилингвального подхода субъекты образовательного процесса не стремятся изолировать какой-либо язык, наоборот, преподаватель апеллирует ко всему лингвистическому репертуару, который есть у студента — полилингвального обучающегося [Юрченко 2020: 119].

В центре нашего исследования историко-культурологические особенности процесса заимствования из английского языка в китайский и русский в рамках культурно-языкового взаимодействия их носителей. В настоящее время под влиянием глобализации, английский язык признан международным языком. Его распространение создает базу для контактов и смешения структур языков различных типов: заимствования из английского языка в китайский и русский языки интенсифицируются. Существенными фактами являются расширяющиеся межэтнические, в том числе и языковые контакты на фоне взаимопроникновения посредством Интернета, бизнеса, туризма, рекламы, научных, студенческих, технических и культурных обменов. Таким образом, изучение и анализ английских заимствований имеет важное значение в российской и в китайской лингвистике.

Заимствования имеют немаловажное значение в истории развития любого языка. Следует признать, что заимствования образуют особую группу в лексическом фонде и русского, и китайского языков. История изучения заимствований и, в том числе, заимствований-неологизмов в китайской и российской лингвистике имеет долгую традицию. Заимствованные слова в китайском языке впервые начали в древний период правления Династии Восточной Хань. Традиционно в истории китайского языка выделяют четыре периода активных заимствований из иностранных языков: Династия Восточная Хань (это 25 г. — 220 г. н. э.), конец Династии Цин (с середины XIX до середины XX в.), период политических и экономических реформ (70-е гг. XX в), а также современный период (начиная с 1990 гг. и по настоящее время).

Образование новых слов и заимствование как естественные лингвистические процессы являются главными способами пополнения лексики и играют важную роль для развития и китайского, и русского языков.

Английский язык становится главным источником лексических заимствований в русском и китайском языках в период с 1990–2012 гг. Причины появления английских заимствований в китайском и русском языках имеют, как и лингвистический, так и экстралингвистический характер. При заимствовании слов английского происхождения в русский и китайский языки в результате влияния структуры английского слова появляются новые словообразовательные модели лексических единиц, которые не являются характерными для сопоставляемых языков. Исследования показывают, что способы заимствования неологизмов английского происхождения в русском и китайском языках различны:

- в русском языке чаще всего используются графический, фонетический, грамматический и семантический способы освоения;
- в китайском языке — это семантический, фонетический и смешанные способы ассимиляции (транскрибирование и полукалька), графический способ освоения английских заимствований не используется в китайском языке;
- следует заметить, что в процессе заимствования англицизмов, и в русский, и в китайский языки, наблюдается вариантность, которая является признаком ассимиляции освоения;
- значение английской лексической единицы слова в процессе заимствования в китайский и русский языки часто меняется;
- на смену фонетического способа ассимиляции заимствования английских лексических единиц в китайский язык приходит семантический способ, это обусловливается структурной особенностью китайского языка, поскольку он стремится к ясной внутренней форме.

Итак, семантический способ заимствований англицизмов преобладает и в китайском, и в русском языках. Это объясняется тем, что семантический способ заимствования не обусловлен различиями структур английского, китайского и русского языков.

Анализ процесса заимствования неологизмов-англицизмов в китайский и русский языки как компонента культурно-языкового взаимодействия, основанный на внутренних опорах культурных ориентиров родного и изучаемых языков способствует эффективности обучения иностранным языкам в полилингвальной среде.

Литература

- Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. Новосибирск. 2003. С. 35–43.
- Юрченко М. А. Перспективы полилингвального подхода в обучении иностранным языкам // Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация: материалы XXI науч.-практ. конф. 21–22 ноября 2019 г. / отв. ред. И. А. Вылегжанина. Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфа Принт», 2020. С. 119–123.
- Schwab S. From a monolingual to a multilingual approach in language teaching // FORTELL. 2017. No. 35. P. 113–122.

Усманова Комола Хикматуллаевна

преподаватель английского языка, кафедра зарубежной филологии,
Университет АЛЬФРАГАНУС (Ташкент, Узбекистан);
rustamovanodira19@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЮ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: психологические проблемы, культурологические проблемы, неуверенность, культурное разнообразие.

Современный процесс обучения английскому языку сталкивается с разнообразными психологическими и культурологическими вызовами, влияющими на эффективность усвоения языка. Этот доклад направлен на исследование и выявление основных проблем, которые могут возникнуть у студентов и преподавателей в контексте изучения английского языка, а также предлагает рефлексию о возможных стратегиях и решениях.

В современном мире, где межкультурное взаимодействие становится все более обыденным, эффективное обучение английскому языку выходит на первый план. Однако психологические барьеры и культурные особенности могут значительно затруднить этот процесс [Ишханиян 1996]. Страх, неуверенность, а также негативные переживания, связанные с возможными ошибками, являются психологическими факторами, влияющими на мотивацию студентов и их готовность к изучению языка.

Различия в культурных нормах, ожиданиях и образовательных подходах могут стать источником конфликтов и затруднений как для студентов, так и для преподавателей. Эти противоречия могут оказывать влияние на обучение и восприятие образовательной среды.

В некоторых случаях студенты, особенно те, кто изучает английский язык в странах, где он не является основным языком общения, могут столкнуться с проблемой отсутствия практики в реальных ситуациях, что затрудняет усвоение языка.

Межкультурные различия в использовании языка могут создавать дополнительные сложности в понимании и применении английского языка, особенно в ситуациях, где языковые нормы значительно различаются [Дерунова 1998].

В данном докладе предлагается глубокий анализ этих проблем с целью выработки рекомендаций и стратегий, направленных на эффективное преодоление психологических и культурных барьеров в процессе обучения английскому языку. Обучение английскому языку может сталкиваться с различными психологическими и культурологическими проблемами, которые оказывают влияние на процесс усвоения языка. Ниже рассмотрены некоторые из этих аспектов:

Страх и неуверенность. Психологическая сторона: страх перед ошибками, опасение осмеивания со стороны сверстников или преподавателей, а также чувство неуверенности могут замедлить процесс обучения. Эти эмоции могут быть особенно сильными у взрослых студентов или тех, кто начинает изучение взрослым возрастом. В некоторых культурах допускаются мелкие ошибки в общении, что может создавать дополнительное давление на учеников [Дерунова 1998].

Культурные различия и недопонимание. Психологическая сторона: непонимание культурных особенностей и обычаев может создавать чувство изоляции у студентов, что влияет на их мотивацию и учебный опыт. Преподаватели могут столкнуться с трудностями в создании учебных материалов, учитывающих многообразие культур и традиций, существующих среди студентов.

Отсутствие практики в повседневной жизни. Психологическая сторона: студенты, не имеющие возможности использовать английский язык в повседневной жизни, могут испытывать затруднения в применении полученных знаний на практике. В некоторых странах, где английский не является языком общения в обыденной жизни, студенты могут чувствовать себя оторванными от языковой практики [Носенко, Сапрыгин 2018].

Различия в образовательных подходах. Психологическая сторона: различия в структуре образования и методах обучения могут вызывать дополнительное напряжение у студентов, особенно у тех, кто привык к другим подходам к обучению. Ожидания относительно роли учителя и ученика могут сильно различаться в разных культурах, что влияет на взаимодействие в учебной среде.

Межкультурные различия в языковой норме. Психологическая сторона: столкновение с различными языковыми нормами может вызвать психологическое напряжение у студентов, особенно при переходе от формального к разговорному стилю. Различия в использовании языка в различных социокультурных контекстах могут создавать сложности в понимании и использовании языка [Леонтьев 2013].

Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего в себя психологическую поддержку, адаптацию методов обучения и учет культурных особенностей студентов. Важно также создавать поддерживающую и включающую обучающую среду, способствующую преодолению психологических и культурных барьеров.

В итоге анализа психологических и культурологических проблем, связанных с обучением английскому языку, становится очевидным, что эти аспекты оказывают значительное влияние на процесс обучения и требуют внимательного внимания и проработки со стороны образовательных институтов и преподавателей.

Для преодоления страха, неуверенности и других эмоциональных барьеров необходимо интегрировать в обучение методики, направленные на поддержку студентов. Создание поддерживающей образовательной среды и практика позитивного подхода к ошибкам способствуют укреплению мотивации и уверенности в себе студентов.

Для эффективного преодоления культурных противоречий необходимо внедрять в образовательный процесс методики, ориентированные на межкультурное обучение. Это включает в себя обучение культурным особенностям языка, адаптацию методов обучения к многообразию культур и поощрение открытого обсуждения и взаимопонимания.

Для студентов, не имеющих достаточной практики в повседневной жизни, важно создавать условия для иммерсивного языкового опыта, например, через языковые обмены, мультимедийные ресурсы и онлайн-практику.

Решение проблем межкультурных различий в языковой норме требует создания гибких образовательных программ, которые учитывают разнообразие языковых контекстов [Леонтьев 2013]. Принятие этого разнообразия и акцент на важности понимания культурного контекста содействуют более эффективному обучению.

Заключительные рекомендации подчеркивают необходимость комплексного подхода к обучению английскому языку, включающего в себя психологическую поддержку студентов, адаптацию методов обучения к культурным особенностям и создание условий для практического использования языка в реальных ситуациях.

Литература

- Дерунова Н. В. Некоторые социально-психологические аспекты интенсивного обучения английскому языку (на примере факультатива РГАТА): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль: ЯрГУ им. ПГ Демидова, 1998. С. 22–31.
- Ишханян Н. Б. Пути формирования лингвосоциокультурной компетенции в интенсивном курсе обучения иностранному языку. М., 1996. Т. 242.
- Леонтьев Д. А. О некоторых аспектах проблемы «культура и личность» // Культурно-историческая психология. 2013. Т. 9, № 1. С. 22–31.
- Носенко Н. В., Сапрыгин Б. В. Особенности обучения китайских студентов английскому языку в условиях русскоязычной среды // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 130–133.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Бугреева Елена Александровна

*канд. пед. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
elena.a.bugreeva@yandex.ru*

СИСТЕМНО-МАТРИЧНАЯ МОДЕЛЬ ПЛАНИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: системно-матричная модель, синхронное поточно-групповое обучение, асинхронное проектно-ориентированное обучение, смешанное обучение.

В настоящее время в высшей школе происходят глобальные изменения, обусловленные комплексом причин. Обозначился ряд интересных направлений: интеграция вузовского образования, корпоративного обучения и сферы EdTech; согласование результатов обучения с представителями соответствующих индустрий; актуализация концепции образования в течение всей жизни; подготовка специалиста с несколькими дополнительными квалификациями. Интегрированная системно-матричная модель планирования и организации профессионально-ориентированного языкового образования может стать одним из эффективных инструментов в подготовке востребованного специалиста в области лингвистики (и других областях) в вузе в условиях смешанного формата обучения.

Интегрированная системно-матричная модель основана на принципах андрагогики [Змеёв 2000], хьютагогики [Игнатович 2013], концепции непрерывного обучения в течение всей жизни и устойчивого профессионального развития специалиста. Кроме того, предлагаемый подход основан на положениях теории зоны ближайшего развития [Выготский 1999], модели конструктивной согласованности (Constructive Alignment) Дж. Биггса (John B. Biggs), принципах формирующего оценивания и теории обучения через действие (Action Learning) Р. Реванса (Reginald William Revans) [Revans 2011], которая предполагает, что обучаемые не только активно формируют свои навыки на практических задачах, но и помогают осваивать материал друг другу (peer-to-peer learning), признавая собственные слабые места и ликвидируя пробелы в знаниях с помощью правильных вопросов. Обучение по предложенной модели предполагает учёт принципов организации эффективного смешанного обучения: чётко сформулированная цель обучения; баланс между теорией и практикой; персонификация; непрерывность и последовательность предъявления материала; наглядность обучения с учётом когнитивной нагрузки; поддержка и координация процесса обучения; опора на базу учебных материалов и банк ресурсов.

В исследовании используются такие методы, как наблюдение, опрос, эксперимент, моделирование. Метод наблюдения позволил выделить проблематику, с помощью метода опроса получена обратная связь, серия экспериментов показала сильные и слабые стороны подхода, метод моделирования позволил выстроить новые гипотезы для проверки.

В докладе используются эмпирические данные об организации образовательного процесса с учетом современных тенденций в обучении, а также применении инструментов корпоративного обучения в практике академического обучения. Исследование выполнено на материалах научной и методической разработки магистерской программы «Иностранные языки и перевод в медиа» Факультета иностранных языков СПбГУ. Программа предполагает подготовку специ-

---

Ответственный редактор: канд. пед. наук *М. Ю. Копыловская.*

алиста в трёх направлениях: медиа и медиалингвистика, устный и письменный перевод и преподавание лингвистических и медиадисциплин в условиях дополнительного и корпоративного обучения.

Основными составляющими предлагаемой модели являются эффективные механизмы мотивации и стимулирования обучающихся, интеграция синхронного поточно-группового и асинхронного проектно-ориентированного обучения (с использованием таких технологий обучения, как Action Learning, Case Study, сценарная (mock) методика); создание индивидуальных образовательных траекторий (изучение дисциплин/материалов курса в оптимальной последовательности; модели персонализированного обучения); формирование дополнительных образовательных модулей, нацеленных на развитие soft skills; описание профессиональных лифтов; инновационно-предпринимательский коворкинг (педагогический инновационный парк; эффективные технологии организации самостоятельной работы студентов, практик и стажировок (внедрение и развитие института наставничества; организация временной занятости студентов в профильных организациях); формирующее оценивание, а также вовлечение потенциальных работодателей в реализацию образовательной программы (форумы, хакатоны, выступления перед студентами).

Одним из способов повышения эффективности предложенной модели является изучение инструментов корпоративного обучения и возможности их использования в высшей школе. В частности, изучается потенциал продуктового подхода к созданию образовательного контента (исследование рынка, изучение целевой аудитории, custdev, итерационная разработка контента, диагностические тесты и др.), анализ рисков реализации программы (востребованность программы у студентов; конкуренция в образовательном пространстве; утрата новаторского содержания проекта; недостаток ресурсов и др.), а также метрики оценивания образовательной программы как продукта (актуальность программы, инновационность программы, социальная значимость и др.).

Результаты и перспективы исследования могут быть интересны преподавателям, методологам, руководителям образовательных программ.

Литература

- Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
- Змеёв С. И.* Становление андрагогики: развитие теории и технологии обучения взрослых: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2000.
- Игнатович Е. В.* Хьютагогика как зарубежная концепция самостоятельного обучения // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 3. DOI: 10.15393/j5.art.2013.2151
- Revans R.* ABC of action learning. Farnham: Gower, 2011.

Вострикова Ирина Юрьевна

канд. филол. наук, доцент,
Воронежский государственный университет;
ivostrikova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ БЛОКА «УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СФЕРА ОБЩЕНИЯ»

Ключевые слова: учебно-познавательная сфера общения, коммуникативные компетенции, аутентичные материалы, банк заданий учебно-методического пособия.

Основной целью дисциплины Иностранный язык является повышение исходного уровня владения иностранным языком, овладение студентами необходимым и достаточным уровнем иноязычной коммуникативной компетенции для решения социально-коммуникативных задач в различных областях профессиональной, научной, культурной и бытовой сфер деятельности. При этом кафедры иностранных языков вузов приоритетно ставят для себя целью разработку эффективных рабочих программ, учебно-методических комплексов дисциплины и учебных пособий, учитывающих профессиональные особенности языковой подготовки специалистов в высшем учебном заведении.

Кафедра английского языка естественно-научных факультетов Воронежского государственного университета разработала ряд учебно-методических пособий по четырем сферам общения: Бытовой, Социально-культурной, Учебно-познавательной и Профессиональной. Данные учебно-методические пособия разработаны с учетом рабочих программ всех специальностей и направлений, обучаемых на кафедре. Они четко структурированы по количеству часов, отводимых на аудиторную и самостоятельную работу, содержат релевантные, аутентичные тексты, задания для индивидуальной, групповой, самостоятельной, проектной работы, а также задания для развития творческого и профессионального потенциала студентов.

Учебно-познавательная сфера общения подверглась наиболее пристальному и критическому рассмотрению. Данной области деятельности обычно уделяется недостаточно внимания в рамках школьной программы, да и профессиональный вузовский компонент на естественно-научных факультетах не предполагает подробного изучения системы обучения в целом.

Следует отметить, что учебная деятельность является основной для студентов вузов, особенно на первом этапе обучения. Для решения социально-коммуникативных задач на иностранном языке обучающиеся должны овладеть необходимыми речевыми навыками и умениями в учебно-познавательной сфере и иметь возможность показать свою языковую подготовку в решении вопросов студенческой жизни и эффективной академической мобильности.

Умения, полученные в ходе изучения данной сферы в современных условиях внедрения в образовательный процесс информационных технологий и формирования глобальной информационно-коммуникативной среды, помогут студентам ориентироваться в поиске дополнительных обучающих программ и направлений, сформируют навыки презентации результатов научных исследований на английском языке. Освоение реалий учебно-познавательной сферы также позволит обучающимся узнать больше об истории, известных ученых, научных школах и направлениях своего учебного заведения.

В процессе создания учебно-методического пособия по учебно-познавательной сфере общения особое внимание уделялось развитию коммуникативных компетенций в рамках различных видов речевой деятельности: чтения, говорения, аудирования и письма. Основной задачей стал отбор релевантных материалов, которые бы позволили студентам приобрести применимые на практике знания и умения в данной области.

Работа по созданию пособия сопряжена с целым рядом трудностей, одной из которых является подбор аутентичного материала, который должен быть удобным в работе и отвечать требованиям современной студенческой аудитории. Следующая проблема — это неприятие темы

образования в целом, которое зачастую рассматривается студентами как формальная, скучная, «неживая». Вовлечение студентов в поиск нового материала, пробуждение в них эмоционального отклика для дальнейшего осознанного и намеренного участия в познавательном процессе требуют серьезного посыла со стороны преподавателя и интересных, «свежих» ресурсных источников. Расчет на умение студентов находить подобные сайты и отдельные статьи по интересующей всех тематике, к сожалению, часто не оправдывается, так как эта область знаний изначально не является приоритетной для них. Тем более ценным в данной ситуации становится создание пособий, являющихся в руках преподавателя многофункциональным инструментом, предназначенным для развития всех коммуникативных навыков и содержащим тексты и задания для студентов разного уровня подготовленности.

Процесс разработки пособия выводит авторов на использование новых, ранее не задействованных источников и методов подбора необходимой информации. Во-первых, это привлечение преподавателей стажеров-носителей языка. С ними были записаны аутентичные видео-интервью, освещающими различные стороны образования в их странах и вузах. Также в университетской газете ВГУ на английском языке печатались полностраничные интервью, в которых носители языка делились своим академическим опытом. Во-вторых, данная газета «Never Before» является, в том числе, площадкой для публикаций студентов-слушателей летних школ английского языка в разных странах мира, студентов, которые стали участниками международных обменных программ. Авторы пособия разрабатывают упражнения на базе данных аутентичных материалов, с учетом развития коммуникативных навыков и компетенций. В-третьих, иностранные студенты, которые обучаются в ВГУ на разных факультетах, в подобных видео-интервью делятся опытом обучения в их родной стране и впечатлениями от обучения в Воронежском государственном университете. Таким образом, обучающиеся имеют возможность познакомиться с акцентной вариативностью английского языка в мире, могут «увидеть» себя глазами стороннего наблюдателя. Это может стать поводом для дискуссий и новых заданий. В результате значительно повышается мотивация студентов к систематическим занятиям иностранным языком, как в аудитории, так и самостоятельно.

В целом, необходимо отметить, что уникальные материалы и банк заданий учебно-методического пособия направлены на мотивирование и развитие коммуникативных компетенций, предлагая различные формы аудиторной и внеаудиторной работы, включая совместные проекты, презентации, а также развивая навыки деловой письменной речи по материалам представленных тематических модулей.

Несомненно, перечень методических идей и их воплощения в жизнь в рамках учебно-познавательной сферы общения необходимо расширять. Новый взгляд на процесс создания учебно-практических материалов открывает перспективу для инноваций в методике и практике в области иностранного языка при подготовке будущих специалистов.

Гавриленко Наталья Григорьевна¹, Соколова Алина Юрьевна²

¹канд. филол. наук, доцент, кафедра иностранных и латинского языков,
Тверской государственный медицинский университет Минздрава России;
natalyadima@mail.ru

²д-р филол. наук, профессор, кафедра иностранных и латинского языков,
Тверской государственный медицинский университет Минздрава России;
alinasokolova.tver@yandex.ru

КООРДИНАЦИЯ КУРСОВ ЛАТИНСКОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ КАК КЛЮЧ К УСПЕШНОМУ ФОРМИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО ВРАЧА

Ключевые слова: латинский язык, английский язык, преподавание в медицинском вузе, интердисциплинарность, коммуникативная компетенция.

Согласно ФГОС ВО у специалистов медицинских и фармацевтических специальностей должна сформироваться коммуникативная компетенция, которая выражается в их способности применять современные коммуникативные технологии для академического и профессионального взаимодействия как на родном, так и на иностранных языках. Первокурсники овладевают параллельно двумя иностранными языками — современным европейским языком (преимущественно английским, реже немецким) и латинским языком, выступающим в роли универсального языка профессиональной терминологии. Студенты второго курса фокусируются на иностранном языке специальности, предусматривающим работу с различного рода профессионально-ориентированными текстами.

Традиционно кафедры, специализирующиеся на данных дисциплинах, ориентированы на преподавание обоих предметов, хотя в некоторых медицинских вузах латынь и современные иностранные языки разведены по отдельным кафедрам. Там же, где присутствует объединенная кафедра латинского и иностранных языков, преимущественно выделяются секции, практическая деятельность которых протекает параллельно друг другу: преподаватели специализируются либо на латинском, либо на иностранном языке (иногда двух иностранных языках).

Дефицит кадров в сфере преподавания медицинской латыни несколько лет назад привел к неожиданной для нас ситуации «вынужденного эксперимента», когда преподаватели английского языка взяли на себя и преподавание латинского. Наиболее успешными можно признать результаты групп, в которых один преподаватель проводил практические занятия по обоим предметам, либо преподаватели работали «в связке», координируя процесс в плане представления и отработки учебного материала.

Следует отметить, что ранее преподавателями медицинской латыни были традиционно выпускники классического филологического факультета, специалисты по общему языкознанию, славянской филологии. Как результат, точек пересечения между курсами латинского и английского языков практически не было. Во всяком случае, они не были зафиксированы в рабочих программах и не отражены в учебно-методических материалах.

Опыт научно-исследовательской и поисковой работы со студентами старших курсов, ординаторами и аспирантами, которые изучали иностранный язык на младших курсах медицинского вуза без специальной «привязки» к латыни, демонстрирует большее количество сложностей, которые возникают у них при чтении специальной литературы на английском языке. Такие студенты и специалисты рассматривали изучение латинского языка главным образом для цели успешного освоения курсов анатомии и гистологии, ограничивая его для себя заучиванием стандартных однокомпонентных и многокомпонентных терминов. В тех случаях, когда преподаватель английского языка предлагает «поискать ассоциации, пересечения» с латинским (а то и греческим), это вызывает непонимание, удивление, что такие ассоциации и пересечения существуют.

Напротив, студенты, изначально ориентированные на поиск, распознавание и анализ языковых параллелей (причем, не только на уровне лексических, но и словообразовательных и грамматических единиц), более успешны в работе со специальным (иногда узкопрофессиональным) текстом. Помимо этого, студенты признают, что это облегчает им освоение других доклинических дисциплин (например, биологии, гистологии, физиологии), чтение учебной, научно-популярной и научной литературы на родном языке.

Следует отметить, что даже разная степень ассимиляции латинских языковых единиц в современном английском языке, которая, несомненно, приводит к некоторым трудностям, обусловленным различием в морфологической структуре и произношении терминологических единиц, не является существенным препятствием в работе со специальным текстом. Наоборот, она вызывает исследовательский интерес студентов и аспирантов и явилась предметом рассмотрения в рамках студенческого научного общества на кафедре, а также нашла отражение в научных докладах на всероссийских и международных конференциях и публикациях студентов.

Новый подход потребовал частичного пересмотра рабочей программы и учебно-методических материалов и рекомендаций для обучающихся, которые пополнились разнообразными тренировочными упражнениями, творческими и проектными заданиями, направленными на выявление в англоязычных текстах элементов, заимствованных из латинского и греческого языков, их интерпретацией в медицинском и фармацевтическом английском, паттернов преобразований заимствованных словообразовательных элементов (преимущественно финальных, подвергшихся ассимиляции в большей степени ввиду реализации не только словообразовательной, но и словоизменительной функции). Подобная аналитическая работа не ограничивается традиционной терминологией (в ее узком смысле), а охватывает широкий круг единиц, характерных для медицинского и академического дискурса, что позволяет обеспечивать последовательность и преемственность в формировании профессиональных знаний и, в целом, научного мировоззрения студентов-медиков и фармацевтов.

Гальчинский Дмитрий Николаевич

аспирант, Санкт-Петербургский Государственный Университет;

dmitrygalchinskiy@mail.ru

USING HEDGING WHILE TEACHING STUDENTS OF HUMANITIES DIALOGICAL SPEECH IN TERTIARY INSTITUTIONS

It is widely acknowledged that dialogical learning can be formed through continuous interaction between learners. Undoubtedly, teaching dialogical speech students of humanities is indeed a matter of importance in terms of methods of teaching English as it is inextricably connected with cross-cultural communication. However, the ways leveraged in order to achieve communicative accuracy and fluency are still debated. To increase the efficiency of teaching dialogical speech, our study provides the most relevant features of using one of discourse strategies, namely, hedging.

Initially, it is worth mentioning that mastering students' skills in terms of dialogical speech might well be considered as the driving force to the general improvement of domestic education in tertiary institutions. We suppose that the need for question-answer exercises or grammar-translation method is no longer required as they are considered to be out-of-date. The current educational system is in search of new, efficient ways of triggering students' language development. Let us give the matter consideration with regards to how dialogical speech is defined.

According to I. L. Kolesnikova and O. A. Dolgina, dialogical speech can be defined as a process of direct verbal communication characterized by alternating replicas of two or more individuals [Kolesnikova, Dolgina 2001: 198]. It therefore becomes immediately apparent that each dialogical activity requires the presence of two persons, at least. Additionally, one needs to take into account that putting students in pairs and groups of more than two can undeniably be beneficial to prevent some learners from dominating the whole class discussion.

However, as opposed to I. L. Kolesnikova and O. A. Dolgina's notion of dialogical speech, M. M. Bakhtin suggests that dialogical speech includes the idea of incompleteness of utterance [Shotter, Bakhtin, Billig 1992: 11]. To be more precise, it is believed that the idea conveyed by an interlocutor may not be totally understandable.

Consequently, it leads us to assume that utilizing vagueness in one's speech can be regarded as a pioneering, brand-new method of teaching dialogical speech. Naturally enough, the method presented has to do with one of the discourse strategies, to be exact, hedging.

Originally, the term "hedge" was coined by G. Lakoff who characterized it as a phenomenon of the fuzziness in language [Lakoff 1973]. Apparently, hedging is a technique that covers one's speech with vagueness. It is also notable though that there are words, expressions, constructions that express a certain ambiguity in a sentence. Among them we can find such words as rather, sooner, kind of, sort of, apparently, probably, presumably.

However, as reported by O. G. Gorina, V. E. Khrabrova, there are the following means of hedging:

- 1) double negation: The story didn't sound unbelievable. Quite the contrary, it was trust-worthy;
- 2) hesitations, pauses, repetitions: And will you, could you repeat the question, please? [Gorina, Khrabrova 2017: 49]
- 3) Besides, we deemed it necessary to incorporate some modifications in this classification and thus added other hedging-related categories:
- 4) words and expressions denoting one's personal opinion: (I) think, believe, reckon, assume, presume, feel, find, suppose, imagine, in my opinion, as far as I am concerned;
- 5) expressions emphasizing the probability of events: there is every likelihood, there is a possibility, there is a fat/remote chance, there is distant possibility, it is likely/unlikely to, it is bound to;
- 6) adverbs: quite, really, relatively, absolutely, necessarily, just, only, of course, actually, kind of, sort of, maybe, perhaps;
- 7) modal verbs and their equivalents: can (could), may (might);
- 8) second conditional: If I were, I wish, would.

All points considered, it should be noted that teaching dialogical speech has always been one of the pivotal moments in tertiary education. To reveal students' full potential in communication, teacher should not only resort to question-answer activities based on vocabulary and grammar, but also make adjustments to the way students are taught by virtue of utilizing hedging so that learners can be able to express (un)certainty, modality and other linguistic features of hedging at an advanced level. It is therefore our firm belief that the usage of hedging devices can significantly increase the current educational level in a country since expressing opinions, using advanced grammar constructions, adverbs is something that learners lack in academic settings.

References

- Колесникова И. Л., Долгина О. А.* Англо-русский терминологический. 2008. С. 432.
- Gorina O. G., Khrabrova V. E.* Linguistic hedging as a communicative strategy (in the mainstream of corpus research) // *Bull. of Novosibirsk State Univer. Linguist. and Intercult. Communicat.* 2017. Vol. 13 (15). P. 44–53.
- Lakoff G.* Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Journal of philosophical logic.* 1973. T. 2, no. 4. P. 458–508.
- Shotter J.* Bakhtin and Billig: Monological versus dialogical practices // *American Behavioral Scientist.* 1992. Vol. 36, no. 1. P. 8–21.

Доброва Татьяна Евгеньевна¹, Рубцова Светлана Юрьевна²

¹канд. филол. наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет

²канд. филол. наук, профессор,

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОДГОТОВКА К КАНДИДАТСКОМУ ЭКЗАМЕНУ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ (НАПРАВЛЕНИЕ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ): ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Профессиональный юридический язык обладает определенными особенностями, вызывающими особые трудности при его освоении. Сам термин «юридический английский» не подразумевает изучения множества конкретных правовых систем мира. «Юридический английский» — это, прежде всего возможность говорить о любой правовой системе на английском языке [Lee et al. 2012]. Важно подчеркнуть, что, хотя в качестве отправной точки для изучения юридической терминологии может использоваться английский или американский дискурс законодательства, владение юридическим английским языком, не ограничивается лексикой, относящейся сугубо к концепциями англо-американского права. В процессе глобализации все больше компаний по всему миру сталкиваются с полинационализацией бизнеса в целом и его юридических аспектов в частности, а юридический английский выступает как *lingua franca* в правовых вопросах, успешное решение которых невозможно без учета межкультурных различий как в языке, так и в праве [Yeago]. Кроме того, хотя международное право не относится к правовой системе конкретных государств, фактически оно является частью всех правовых систем. Если объект регулирования совпадает, нормы международного права всегда имеют приоритет над внутренними нормами во многих правовых системах [Шамсон 2000].

Статья посвящена трудностям, с которыми сталкиваются аспиранты юристы при подготовке к кандидатскому экзамену по английскому языку. Для успешной сдачи кандидатского экзамена по английскому языку необходимо освоить не только юридический английский, но и академический английский, который необходим исследователям в любой области для осуществления своей профессиональной деятельности. Основой исследования послужил многолетний опыт преподавания академического английского аспирантам направления «Юриспруденция» в Санкт-Петербургском государственном университете. Программа дисциплины Английский язык включает в себя прежде всего портфолио (40%), состоящее из работ, выполненных в процессе обучения. Количество и тип работ варьируется в зависимости от уровня владения языком группы, но в любом наборе есть задания, проверяющие владение навыками письменного перевода научного текста, владения грамматикой и лексикой, необходимой для понимания и адекватной передачи основного смысла текста по специальности, владения принципами аннотирования и реферирования профессионально-ориентированного текста и создания презентаций по результатам проведенных научных исследований. Непосредственно на экзамене требуется написать аннотацию к научной статье (35%) и ответить на вопросы экзаменатора по теме своего научного исследования (25%). Таким образом на экзамене проверяется умение пользоваться английским языком как языком профессионального общения в научной юридической сфере.

Основные трудности при подготовке к сдаче кандидатского экзамена обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами. Реальность такова, что иностранный язык остро необходим только специалистам в области международного права, которые составляют лишь малую долю всех аспирантов. Большинство же аспирантов публикуют результаты своих исследований на русском языке, используют в своей работе труды русских авторов, что обусловлено специфическими особенностями национальной правовой системы, которые не являются актуальными для других правовых систем мира. Это безусловно является серьезным демотивирующим фактором, который усугубляется тем, что практически все аспиранты вынуждены работать, то есть испытывают острый дефицит времени для занятий. Среди лингвистических причин прежде всего следует упомянуть сложность освоения терми-

нологии, как обще-юридической, так и сугубо специализированной. Основные затруднения вызывает произношение юридических терминов. Принимая во внимание многозадачность обучения для более эффективного достижения цели личностного подхода в обучении, авторами вместе с коллегами был разработан онлайн курс Английский язык: подготовка к кандидатскому экзамену. Курс впервые был запущен на платформе Открытое образование с 15 февраля по 10 июля 2018 года, и в том же году получил диплом III степени в номинации «Лучший онлайн курс по версии потребителей (студенческое оценивание)» на Международном конкурсе открытых онлайн-курсов EdCrunch Award. С 2018 года курс запускается ежегодно. Курс рассчитан на входной уровень владения B1 и состоит из 8 модулей. Длительность курса 10 недель. Чтобы выяснить, какие именно аспекты при подготовке к кандидатскому экзамену были трудны, интересны и полезны, авторами курса был проведен опрос получивших сертификаты курса аспирантов. Полученные результаты показали, что наибольшее затруднение вызывают трудности перевода и грамматические трудности. Интересно отметить, что произношение юридических терминов отметили как проблему лишь незначительное количество респондентов. Аннотирование и реферирование как правило было интересно для слушателей, так как они сталкивались с этими аспектами впервые. Немногочисленные респонденты отметили, без прохождения онлайн курса успешное формирование навыка аннотирования и реферирования, необходимого для успешной сдачи кандидатского минимума было бы невозможно.

Литература

- Шамсон Т. Рияд.* Соотношение международного и внутригосударственного права: методологические и теоретические аспекты // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2000. № 2.
- Lee D. S., Hall Ch., Barone S. M.* American Legal English. URL: https://books.google.ru/books?id=rEY_DwAAQ-BAJ&printsec=frontcover&source=gbs_book_other_versions_r&redir_esc=yv=onepage&q&f=false (дата обращения: 10.01.2024).
- Yeago W.* The Importance of Legal English. URL: https://www.tesol-france.org/uploaded_files/files/Coll08-Yeago.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

Евтушенко Татьяна Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент, Высшая школа лингвистики и педагогики,
Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого;
evtushenko_tg@spbstu.ru

ИНТЕРАКТИВНЫЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ В ОНЛАЙН-КУРСЕ «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ»

Ключевые слова: онлайн-курс, интерактивное обучение, вовлеченность, обучение иностранному языку.

На сегодняшний день использование цифровых технологий в процессе обучения становится неотъемлемой частью преподавательской работы. Внедрение онлайн-курсов в обучающий процесс на ступенях магистратуры и аспирантуры действительно очень важно: разный уровень владения английским языком, разные цели освоения материала, невозможность посещения аудиторных занятий и т. д. Преимущества и недостатки внедрения МООС в обучение достаточно подробно представлены в работе Захаровой [Захарова 2019].

Формат дистанционного обучения без сопровождения преподавателя не позволяет качественно и полноценно формировать и осуществлять контроль сформированности иноязычной коммуникативной компетенции. В связи с этим возникают следующие вопросы. Как сделать онлайн-курс, не требующий сопровождения со стороны учителя, практико-ориентированным и обеспечить вовлечённость и удержание внимания слушателей?

Интерактивное обучение — это «обучение, построенное на взаимодействии учащегося с учебным окружением, учебной средой, которая служит областью осваиваемого опыта» [Бим-Бад 2002: 107]. Вслед за М. Р. Ванягиной, в контексте обсуждения электронного обучения, под принципом взаимодействия будем понимать «осуществление субъект-субъектных и субъект-средовых связей и взаимовлияния участников в процессе обучения» [Ванягина 2021: 48]. С опорой на вышепредставленные определения в данной работе предлагается обсуждение использования элементов интерактивного обучения для взаимодействия слушателя со средой обучения («человек-компьютер») для повышения практико-ориентированности онлайн-курса и вовлеченности слушателей в изучение иностранного языка для специальных целей.

В рамках онлайн-курса «Иностранный язык в профессиональной коммуникации», созданного на базе СПбПУ, в дополнение к основным разделам, представленным лекциями, текстовым блоком и конспектами лекций, использовались следующие интерактивные элементы: коммуникативная ситуация в текстовом формате с одним действующим лицом в разных модулях (кратко) и обзор всего модуля (инфографика), предтекстовые и послетекстовые тестовые задания на перетаскивание элементов или работа с инфографикой, интерактивные онлайн-лекции, онлайн-тренажер.

В начале каждого модуля в курсе предлагается вымышленная коммуникативная ситуация, действующим лицом в которой является студент магистратуры, параллельно работающий на предприятии. Этот студент вступает в разного рода коммуникацию с преподавателем или коллегами по работе. Таким образом мы «погружаем» слушателя в контекст: знакомим обучающихся с ситуацией общения, ненавязчиво поясняя структуру модуля.

Для изучения / проверки знания лексики и формул делового общения в академической среде (Telephoning, Participating in Meetings, Negotiations, Networking) используется онлайн-тренажер, который относится к иммерсивно-визуальным интерактивным технологиям. Вначале студент «общается» с виртуальным преподавателем, выполняя тестовые закрытые задания (multiple choice test, matching, fill-in-the gaps) на основе прочитанного/прослушанного текста, а затем «попадает» в среду общения, где должен поддерживать диалог с виртуальными коллегами в предложенной ситуации общения.

Для иллюстрации ниже представлен фрагмент вопросов и ответов в диалоговом тренажёре для одного из модулей курса «My research interests».

What brings you to this conference?

A I'm here to present my research on project management.

B This is my third time here. How about you?

C I've been attending this conference for the past 2 years.

Have you been to this conference before?

A Yes, I've been participating in this conference for the past 2 years.

B It's always a great opportunity to learn and network.

C I work in industry, and you?

Интерактивные лекции (видеолекции по академическому письму с вопросами по ходу лекции) в разделе «Academic writing» и использование инфографики в разделах «Warm-up» и «Listening and reading» в рамках курса также способствует вовлеченности обучающихся в образовательный процесс и позволяет им быть не только зрителями, но и полноценными участниками курса.

Необходимо отметить, что разработка онлайн-курса для изучения английского языка для академических целей требует, с одной стороны, комплексного подхода с позиции разработчика курса при составлении содержания, что представляет определенные трудности при объединении разных аспектов, с другой стороны, поиска способов и интерактивных средств для поддержания вовлечённости слушателей в образовательный процесс, прогнозирования и анализа эффективности их использования.

Литература

Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002.

Ванягина М. Р. Интерактивные технологии обучения иностранным языкам в высшей школе // Известия ВГПУ. 2021. № 7 (160).

Захарова У. С., Танасенко К. И. МООК в высшем образовании: достоинства и недостатки для преподавателей // Вопросы образования. 2019. № 3. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-3-176-202>

Ковтунова Елена Анатольевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.kovtunova@spbu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНИКОВ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ)

Ключевые слова: профессиональный дискурс, иноязычная профессиональная дискурсивная компетенция, немецкий язык как иностранный, профессионально-ориентированный иностранный язык.

Вопросы преподавания профессионально-ориентированных иностранных языков в настоящее время входят в сферу интересов не только методики и лингводидактики, но и лингвистических дисциплин, таких как лингвистика специальных языков, терминоведение, лингвистика дискурса и др.

Данный доклад посвящён проблеме подбора учебно-методических материалов для формирования иноязычной профессиональной дискурсивной компетенции у взрослых обучающихся. В задачи исследования входило уточнение терминов «профессиональный дискурс» и «иноязычная профессиональная дискурсивная компетенция» с учётом лингводидактического ракурса, а также обзор дискурсивно-дидактического потенциала двух учебников по профессионально-ориентированному немецкому языку как иностранному „Deutsch für Ärztinnen und Ärzte“ («Немецкий язык для врачей», далее — DfÄ) [Schrimpf, Bahnemann 2012] и „Deutsch für Ingenieure“ («Немецкий язык для инженеров», далее — DfI) [Steinmetz, Dintera 2014].

Опираясь на имеющиеся лингвистические толкования дискурса, мы определяем профессиональный дискурс, во-первых, как языковое выражение определенной социальной профессиональной практики, во-вторых, как специальный текст в неразрывной связи с ситуативным профессиональным контекстом и с системой целеустановок акторов (прежде всего, специалистов) и, наконец, в-третьих, как совокупность специальных текстов, соотнесённых тематически или — шире — с определённой специальной сферой.

Термин «дискурсивная компетенция» понимается авторами «Нового словаря методических терминов и понятий» как один из компонентов коммуникативной компетенции и определяется (там же) как «способность построения целостных, связных и логичных высказываний (дискурсов) разных функциональных стилей в устной и письменной речи на основе понимания различных видов текстов при чтении и аудировании; предполагает выбор лингвистических средств в зависимости от типа высказывания, ситуации общения, коммуникативных задач» [Азимов, Щукин 2009: 64]. По мнению К. В. Стрекаловой, «должным образом сформированная дискурсивная компетенция также наделяет обучающихся возможностью понять, в каких отношениях находятся собеседники, оценить ситуацию общения и соответствующим образом спланировать высказывание» [Стрекалова 2020: 35–36].

Таким образом, иноязычная профессиональная дискурсивная компетенция выражается в способности и готовности специалистов использовать различные вербальные и невербальные средства с учётом разных видов и уровней профессионального дискурса для эффективного осуществления профессиональной коммуникации на иностранном языке в процессе своей профессиональной деятельности.

Безусловно, одним из важнейших факторов успешного обучения профессионально-ориентированному иностранному языку является правильный выбор (при наличии) либо грамотная разработка учебников, учебно-методических материалов и т. п. Рассмотрим возможности формирования иноязычной профессиональной дискурсивной компетенции на занятиях по профессионально-ориентированному немецкому языку как иностранному или при самостоятельном изучении немецкого языка на базе учебников DfÄ и DfI.

Целевой группой обучающихся в обоих случаях являются иностранные квалифицированные специалисты (врачи или инженеры) и студенты профильных специальностей (медицина или инженерные специальности), владеющие немецким языком как иностранным на уровне B1 (DfÄ) и A2-B1 (DfI) по общеевропейской шкале компетенций. Авторы учебников ставят перед собой несколько целей: сообщение специализированных знаний (медицинских (DfÄ), в области точных наук и техники (DfI)) на немецком языке, совершенствование языковых навыков (преобладают упражнения и задания, направленные на работу со специальной лексикой), а также обучение профессиональной коммуникации. Оба учебника предполагают профессионально-ориентированную прогрессию.

В учебнике DfÄ предусмотрена работа с тематически связанными информативными текстами и диалогами, репрезентирующими институциональный и персональный типы медицинского дискурса. История болезни пациентки Евы Шнайдер используется в качестве примера дискурсивных практик и профессиональных коммуникативных ситуаций, с которыми приходится сталкиваться врачу в современной Германии: анамнез, обследование, выписка из истории болезни и т.д. Формированию профессиональной дискурсивной компетенции способствует также использование дискурсивно релевантных для современной медицинской науки и системы здравоохранения Германии образцов (шаблонов) письменных и устных типов текстов (научный доклад, дифференциальный диагноз и т.д.). Фокусируются ситуации общения врача и пациента, а также врачей и других медицинских работников между собой.

В учебниках DfÄ и DfI представлены тексты и задания с учётом вертикальной стратификации специальных дискурсов (теоретический, практико-ориентированный и посреднический уровни), а также симметричного и несимметричного характера коммуникации (между экспертами и между экспертами и непрофессионалами).

Полагаем, что анализ дискурсивно-дидактического потенциала имеющихся учебников не только показывает применимость лингводискурсивного знания в практике преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка, но может быть полезен также при разработке новых учебников и пособий.

Литература

- Азимов Э. Г., Шукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
- Стрекалова К. В.* Технология профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов-бакалавров международно-правового профиля (английский язык): монография. М.: ВАВТ, 2020. 162 с.
- Schrumpf U., Bahnemann M.* Deutsch für Ärztinnen und Ärzte: Kommunikationstraining für Klinik und Praxis. 2. aktualisierte Auflage. Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag, 2012. 160 S.
- Steinmetz M., Dintera H.* Deutsch für Ingenieure Ein DaF-Lehrwerk für Studierende ingenieurwissenschaftlicher Fächer. Wiesbaden: Springer, Fachmedien. 2014. 390 S.

Копыловская Мария Юрьевна

канд. пед. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
m.kopylovskaya@spbu.ru

УЧЕБНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Ключевые слова: учебные стратегии, ученические/учебно-познавательные стратегии, прямые и косвенные стратегии, социальные стратегии.

Хорошо известно, что процесс обучения имеет двусторонний характер и если методика обучения иностранным языкам сосредотачивается преимущественно на действиях преподавателя для достижения максимальной эффективности обучения, то в фокусе внимания теории обучения иностранным языкам (или в лингводидактике) находится преимущественно вторая сторона учебного процесса. В связи с этим анализируются не только сами учебные стратегии, но и такие понятия как стиль обучения (learning style) когнитивный стиль (cognitive style) учебные навыки и умения (study skills) и др.

Следует отметить, что методическая наука разделяет стратегии обучения и стратегии овладения языком, однако пока в методике только предпринимаются попытки использовать достижения когнитивной науки для повышения эффективности обучения. По мнению отечественных исследователей вопроса, термин «учебная стратегия» подразумевает только то, что влияет на процесс учения, а понятие стратегия овладения языком «стратегии учения» относится ко всем используемым (учащимися) стратегиям [Лопарева 2015: 154]

Учебные стратегии подразумевают наличие и применение учащимися особых навыков и умений, помогающих сделать процесс обучения более эффективным.

Отечественная наука стала уделять внимание учебными стратегиям в течении последних десятилетий в то время как англоязычные издания стали публиковать работы ученых, посвященные исследованиям и классификации учебных стратегий чуть раньше. Исследования учебных стратегий в англоязычном академическом дискурсе включают работы Р. Оксфорд (R. Oxford), Дж. М. О'Мали и А. Шамо (J. M. O'Malley & A. U. Chamot), А. Вендена (A. L. Wenden) и др.

Несмотря на то, что в работах англоязычных авторов стратегии в процессе изучения иностранного языка рассматривались именно как действия обучаемых, в большинстве переводов они существуют как общий для методики и лингводидактики термин «учебные стратегии». Чтобы провести грань между стратегиями обучения и стратегиями овладения иностранным языком, отечественной наукой был выдвинут термин «учебно-познавательные стратегии», но термин «ученические стратегии» не прижился.

Поскольку в отечественном образовании в русле компетентного подхода приветствуется концепция активной позиции учащегося в обучении (active learning), позиция англоязычных ученых, работающих в рамках такой дисциплины как теория усвоения второго языка (Second Language Acquisition Theory-SLA) в сегодняшней обстановке становится все более и более актуальной.

В классификации предложенной Дж. О'Малли и А. Шамо можно выделить три основных блока стратегий: метакогнитивные, когнитивные и социо-аффективные [O'Malley, Chamot 1990: 67].

Классификация О'Мали и Шамо охватывает практически все направления учебных стратегий, но с точки зрения современной теории обучения иностранным языкам метакогнитивные и социально-аффективные стратегии относятся к формированию личности, т. е. имеют педагогический характер. При чем в определении метакогнитивных стратегии заложены как действия учителя (установка целей обучения и организация учебного процесса, так и действия ученика (самопроверка и самоконтроль). Однако учащийся точно также отвечает за личные цели обучения и организует свою работу в процессе обучения, а преподаватель осуществляет самопроверку и самоконтроль при обучении иностранному языку.

В этом же русле исследовательница Р.Оксфорд понимала учебные стратегии как действия, выполняемые учащимся, для достижения максимальной эффективности и гибкости обучения. Она подразделяла учебные стратегии на прямые(direct) и косвенные(indirect). К первым она относила стратегии запоминания, различные когнитивные стратегии, компенсаторную стратегию, а ко второй группе косвенных стратегий метакогнитивные, аффективные и социальные, при этом она разделяла последнюю группу на две отдельных [Oxford 1990: 72(77)–75(81)]. Группа аффективных стратегий включала стратегии психологического или даже психотерапевтического характера: снижение уровня тревожности при обучении, воодушевление себя и «измерение эмоционального своего градуса», а социальные стратегии подразделялись на вопросы для разъяснения и коррекции, сотрудничество со сверстниками и профессионалами, а также внешнюю(культурную) и внутреннюю (к мыслям и чувствам) эмпатию [Oxford 1990: 74(80)–75(81)].

Анита Л. Венден в большей степени рассматривала когнитивную сторону учебных стратегий преимущественно процессы, связанные с получением и хранением информации, способами ее извлечения из долговременной памяти и умение пользоваться этой информацией. Однако, следует отметить, что в работе 2002 года она подчеркивает важность осведомленности самих учеников о возможных учебных стратегиях и их использовании в программах обучения иностранным языкам [Wenden 2002].

Ключ к пониманию деталей понимания понятия учебные стратегии находится в несоответствии подходов к обучению с учителем как центральной фигурой в процессе обучения (teacher-centered approach) и личностно-ориентированным подходом, при котором центральной фигурой обучения является учащийся (learner-centered approach). Хотелось бы отметить, что несмотря на то, что в методической науке личностно-ориентированный подход существует достаточно давно, в полной мере он стал доступен на практике, только в связи с введением в учебный процесс цифровых технологий, которые существенно помогли учителю иностранных языков осуществить подход к каждому учащемуся.

Таким образом учебные стратегии как лингводидактический концепт в большей степени понимаются как действия учащегося, направленные на оптимизацию его усвоения и овладения соответствующим иностранным языком.

Литература

- Лопарева Т. А. Понятие учебных стратегий, их взаимосвязь с когнитивными стилями и влияние на процесс овладения иностранным языком // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2015. № 31. С. 151–160.
- O'Malley J., Chamot A. Learning Strategies in Second Language Acquisition. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Oxford R. L. (1990). Styles, Strategies, and Aptitude: Connections for Language Learning // Language Aptitude Reconsidered / eds T. S. Parry, C. W. Stansfield. 1990. No. 74. P. 67–125.
- Wenden A. L. Learner development in language learning // Applied Linguistics. 2002. Vol. 23 (1) P. 32e53.

Косых Екатерина Андреевна

*преподаватель, аспирант,
Новосибирский государственный технический университет;
e.kosykh@corp.nstu.ru*

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ УСТНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: научный стиль, устная речь, преподавание английского языка, научная коммуникация.

Формирование компетенций в сфере научной межкультурной коммуникации для специалистов разных направлений в условиях сокращения часов на изучение дисциплины «Иностранный язык» в вузе становится сложнее из-за недостаточной разработанности методики преподавания устной научной речи. Иноязычная профессиональная компетенция является одной из важнейших в обучении иностранному языку, так как именно она способствует межкультурной коммуникации в процессе решения научных задач.

На разных этапах обучения студент постоянно сталкивается с жанрами устной научной речи, необходимыми для выражения оценки прочитанного, обобщения информации, перефразирования и пр. Студент обязан быстро и достаточно глубоко понять прочитанный текст, а затем составить собственное высказывание. Иноязычный научный стиль речи подробно и широко изучен в контексте стилистики [Шишигина 2013: 127].

Научный стиль — это функциональный стиль речи; в нем проявляется осознанная речевая разновидность, обладающая специфическим характером и соответствующая научно-популярной и научно-профессиональной сфере общения и деятельности [Самарская 2018: 163].

Выделяются следующие умения студентов неязыковых направлений в области устной научной речи (далее УНР) [Ильдута 2014: 130]:

- давать определение научному термину;
- описывать объекты и явления изучаемой науки;
- высказывать свое мнение и приводить доводы;
- формулировать проблему и приводить решение к ней;
- высказывать аргументы «за» и «против»;
- предсказывать результаты своей научной деятельности.

Для последовательного развития данных умений необходимо познакомить студентов со следующими особенностями научного стиля изложения:

- 1) Композиционная упорядоченность;
- 2) Безличная манера изложения;
- 3) Отказ от частого применения эмоционально-оценочной лексики;
- 4) Точность выбранной лексики, в которую входят имена собственные и специальная терминология;
- 5) Последовательная связь между отдельными частями предложения и опора выводов на изложенные факты;
- 6) Наличие синтаксических приемов, благодаря которым достигается логично выстроенная мысль. Главная мысль обычно располагается в начале абзаца.

Помимо общих характеристик научного стиля в англоязычном и русскоязычном научных дискурсах существует ряд расхождений. Для овладения УНР на английском языке, студентов необходимо познакомить с некоторыми разветвлениями, которые встречаются в научном языке изучаемого региона.

Установлено, что в число особенностей иноязычной УНР входят более клишированные, сжатые и простые конструкции. Иноязычная УНР более экспрессивная и эмоциональная. В англоязычных научных текстах широкое распространение имеют причастные, инфинитивные и герундиальные обороты, однако мало употребляются или вообще не употребляются междометия, идиомы, метафоры.

Англоязычная УНР имеет тенденцию к сокращению дистанции между говорящим и слушающим, так как там все чаще можно встретить высказывания от первого лица или активный залог. Общие результаты исследования для наглядности приведены в форме таблицы:

Таблица 1. Сравнение русскоязычной и англоязычной УНР

Русский язык	Английский язык
Русская речь более официальная, неэмоциональная. Она имеет более развернутые выражения суждения	Научный стиль английского языка более прост, сжат, динамичен, непринужден и эмоционален
В русском научном тексте авторы широко обращаются к приему литоты, чтобы избежать категоричности суждения [Колесникова 2015: 244]	В английском научном тексте широко применяются приемы хеджирования (снижают категоричность оценочного научного высказывания, не теряя его объективности)
В русском языке происходит нейтрализация субъекта повествования, через безличные или обобщенно-личные предложения	В английском языке можно встретить выражения мысли от первого лица, хотя широкое их потребление остается неуместным
Экспрессивность научного стиля представлена метафорами, сравнениями, бинарными оппозициями, уточняющими однородными членами предложения, синонимическими рядами	Широко применяются причастные, инфинитивные и герундиальные обороты, однако мало употребляются или вообще не употребляются междометия, идиомы, метафоры
В русском языке речь насыщена связующими конструкциями. Широкое употребление связующих средств (союзов, вводных слов и словосочетаний и проч.)	В английском научном тексте встречаются разные виды речевой компрессии, которые помогают значительно сжимать общее количество слов без потери содержания
В английском языке шире употребляется активный залог, нежели в русском	Английская УНР сокращает дистанцию между адресатом за счет прямых обращений и меньшей модальности

Сегодня наблюдается тенденция подхода к речи, как к когнитивному процессу. Заметим, что некоторые исследователи по-разному предлагают строить обучение УНР: существуют два направления:

1. Изучении отдельных высказываний (прозаических строф), где обучение ведется не на изолированных предложениях-моделях, а на связном тексте.
2. Через изучение «цепных связей» в УНР, где студентам предлагается рассмотреть развитие мысли за счет предиката в предыдущем предложении. Речь, реализуемая в форме суждений-предложений, рассматривается в аспекте законченной и развитой мысли. То есть осуществляется постепенный переход от задачи пополнения словарного запаса студентов к формированию мыслей на иностранном языке.

Таким образом, англоязычный и русскоязычный научный стиль имеют единые общие характеристики, которые отображаются в последовательности слов, в подборе и образовании строгой логической структуры с линейным характером, так как информативная функция научного стиля должна иметь строгую последовательность изложения фактов. Однако научно-

му стилю английского языка присущ ряд особенностей, с которыми необходимо ознакомиться каждому исследователю, выступающему на международных научных конференциях.

Результаты данного исследования могут помочь преподавателям иностранного языка при определении содержания обучения, его структурной организации, отборе типов упражнений и др.

Литература

- Ильдурова О. Н.* Обучение научно-профессиональной речи на иностранном языке студентов физических специальностей // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 3. С. 130–133.
- Колесникова Н. И.* От конспекта к диссертации: учебное пособие по развитию навыков письменной речи. 8-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2015. С. 244.
- Самарская С. В.* Языковая реализация специфических черт научного стиля в английской письменной речи // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3 (31). С. 163–169.
- Шишигина О. С.* Методика формирования англоязычной научной речи у студентов технических специальностей // Общество. Коммуникация. Образование. 2013. № 172. С. 126–129.

Мазуренко Инна Владимировна

канд. филос. наук, доцент, кафедра иностранных языков,
Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова;
mazurinna@yandex.ru

МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ МОБИЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ

Ключевые слова: обучающие мобильные приложения, электронное обучение, искусственный интеллект, иностранный язык для специальных целей, студент-медик.

В настоящее время тенденции в медицинском образовании направлены на внедрение инновационных моделей и технологий обучения, которые должны способствовать повышению качества медицинского образования. В связи с этим актуализируется вопрос изучения иностранного языка для специальных целей с использованием эффективных мобильных технологий обучения. Мобильные сервисы (ChatGPT, Twee.com, My.visme.co, Moodle и др.) используются для решения следующих дидактических задач: опрос, тестирование, геймификация, справочный ресурс, развитие навыков речевой деятельности и в целом для организации учебного процесса.

Преимущества применения мобильных технологий в обучении описывают посредством пяти «А» [Cook 2014:930]:

1. Аналитика (analytics). Благодаря электронным образовательным технологиям мы можем собирать подробную информацию о процессе обучения (особенности поведения обучаемого в виртуальной среде, сам процесс обучения, оценка результатов обучения и установление обратной связи).
2. Доступ (access). Благодаря сети интернет мы получаем доступ к любому электронному образовательному медицинскому ресурсу из любой точки мира и в любое время суток.
3. Адаптивность (adaptivity). Возможность изменять и подстраивать электронные образовательные ресурсы под обучаемых является одной из особенностей дистанционных образовательных технологий, которая позволяет сделать процесс обучения личностноориентированным и более эффективным.
4. Оценка (assessment). Мобильные технологии позволяют нам сделать процесс оценки формирования компетенций студентов-медиков непрерывным и продолжительным.
5. Быстрая перестройка (agility). Электронные образовательные технологии позволяют быстрее перестраивать учебные планы и расширять их по мере необходимости, а также обеспечивают коммуникацию преподавателей и студентов разными способами.

Несомненно, полностью исключить или заменить классические способы обучения студентов невозможно [Кривоногов 2015: 18], однако, использование мобильных технологий в обучении английскому языку студентов медицинских вузов позволяет совершенствовать познавательную деятельность студентов [Климашина 2020: 24].

Опыт успешного использования мобильных образовательных технологий в обучении иностранному языку студентов Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова заключается в применении образовательной платформы Moodle, которая дает огромное количество возможностей для полноценной поддержки процесса обучения, в том числе и в дистанционной среде, предлагает разные способы представления учебного материала, проверки знаний и контроля успеваемости. Также данная платформа показала свою эффективность при осуществлении обратной связи в рамках изучения иностранного языка.

УМК Moodle включает в себя следующие задания: лексический минимум (Vocabulary), грамматический минимум (Grammar), чтение (Reading), письмо (Writing), слушание (Listening) и использование видеоматериалов (Video tasks). Данная платформа также позволяет контролировать качество полученных знаний с помощью тестов. Все виды заданий являются важней-

шим способом активизации самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов и развития медицинской коммуникации в целом.

Использование СДО Moodle при обучении иностранному языку позволяет:

- обеспечить мотивацию к изучению иностранного языка;
- повысить объем выполняемой работы и увеличить объем полученных знаний, сформированных навыков и умений;
- рационально спланировать и организовать самостоятельную работу студентов, повысив эффективность обучения;
- формировать коммуникативную и социокультурную компетенции студентов посредством аутентичных материалов;
- создать интересный образовательный процесс.

Безусловно, методически правильно организованный образовательный процесс с использованием электронных образовательных ресурсов способствует обучению иностранному языку на качественно новом уровне.

Литература

- Климашина Н. Н.* Мобильные приложения в процессе обучения // Вестник магистратуры. 2020. № 1–5. С. 24–26.
- Кривоногов С. В.* Применение информационных технологий в обучении как средство повышения качества образования // КНЖ. 2015. № 3 (12). С. 15–19.
- Cook D. A., Triola M. M.* What is the role of e-learning? Looking past the hype // Medical Education. 2014. № 48. С. 930–937.

Марницына Екатерина Сергеевна

канд. филол. наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

VIDEO SELF-INTRODUCTION AS A LEARNING ARTEFACT IN ESP COURSES

Keywords: learning artefact, self-introduction, Master's degree, video, self-introduction.

Our life has been changing fast and significantly in recent years. No sooner did mock job interviews and CVs become an integral and vital part of regular ESP lessons, the world has changed and new realia have appeared. Video self-introductions are now widely used in social media, job application process, at conferences and professional contests, which seems to be a good enough reason to introduce this product into educational process. Moreover, creating video self-introduction becomes a learning artefacts that are now considered as beneficial outcomes of educational process. Learning artefact is understood here as an object created by students as a part of educational process, artefacts should also be applicable in the students' life and materially present, they do not vanish after graduation and students might address them, use or reuse them during or after the studies. Russian specialists on pedagogy describe artefacts as a digital product of a student obtained in the course of instruction [Смыковская и др. 2021: 97]. Some foreign researchers call it 'product' but agree that products have to evidence the learning process and contribute to the ability to use the acquired skills or even products themselves in the future. Moreover, the products could be used and reused by both students themselves and the tutors and teachers under whose supervision the products were developed [Cherner 2018: 136]. Application and introduction of such products / artefacts into educational process prove their practical value.

Video self-introduction fits well the ESP course for master's degree student. Using a topic 'Introduce yourself' is a good way to start a course for students who probably don't know each other and the teacher (since for master's degree programmes a lot of students change their educational institutions and even majors). However it is important to understand that no matter how hackneyed the topic sounds we should approach it at a level sufficient and relevant for the situation. The recommended topics to discuss here would be

- The completed Bachelor's degree (university, major, part- or full-time study, etc),
- Major for Master's degree and the educational institution,
- Courses in the curriculum and their content,
- Professional and scientific interests,
- Studies abroad and in Russia,
- Balance between work and study,
- Professional development.
- Soft and hard skills to be acquired
- Career prospects,
- Further education, doctoral studies: pro and contra.

Such discussions and dialogues help not only to revise relevant vocabulary as such, but also to practice a number of proper names and titles such as official names of universities and degree programmes, university subject titles, prominent names in the professional field, etc. Students are provided with the word lists which are introduced through some scaffolding exercises, i. e. match the questions and the answers. This helps to introduce relevant vocabulary and practice possible answers, students make up similar dialogues in pairs. After that any type of vocabulary recycling exercises fits in, e. g. matching the words with their synonyms (not definitions, later we will explain why), finishing sentences and changing sentences to match student's case, etc. Finally, the home task is to record a video with self-introduction between 60 and 120 seconds. It is not a rare case that students are at different level of language acquisition, so students with lower levels can use sentences and answers from the exercise as a base and use simpler words or their synonyms, while the others can feel the freedom and create their own text

and use more advanced vocabulary. To motivate the learners and help them to create a product relevant for the careers, teachers can also recommend TedTalks and articles on self-presentation.

The method has been used for a number of years. Students' videos are either good or very good. If someone feels very incapable of doing this, the videos are below one minute but they are never missing or un-understandable. Diligent students remark that the feeling of dissatisfaction after the first recording urges them to rerecord the video a couple of times which leads to improvements in multiple aspects: pronunciation, fluency, vocabulary expansion, etc. More than once did students post the video in social media, which proves the task is practice-oriented and could be incorporated into their professional life.

At the end it would be interesting to note that this type of product is called in Russian 'Видео визитка', the literal translation gives us 'Video Business card'. Simple inquiry in any search engine provides us with an impressive result: Video Business card is a modern hi-tech product, which is a printed business card or a mini-book slightly bigger than a regular business card, video business cards play an uploaded videos as soon as they are open. Needless to say that the video is a customized movie self-presentation. So, video self-presentation is the name of the game and the trend is definitely here to stay.

References

- Смыковская Т. К., Крючкова К. С.* Мероприятия и артефакты производственной педагогической практики бакалавров различных вузов с позиции цифровизации образования // Современный ученый. 2021. № 5. С. 96–100.
- Cherner T. S., Kokopeli E. M.* Using Web 2.0 Tools to Start a WebQuest Renaissance // Handbook of Research on Mobile Devices and Smart Gadgets in K-12 Education. — IGI Global, 2018. P. 134–148.

Редникова Ирина Петровна

*старший преподаватель, Университет Иннополис;
i.rednikova@innopolis.ru;*

REASONS BEHIND USING SPONTANEOUS LANGUAGE IN DEVELOPING SPEAKING SKILLS IN ENGINEERING STUDENTS IN A NEAR-TO-NATIVE ENVIRONMENT;

Keywords: Spontaneous language, corrective feedback, communication, spontaneous speech.

The main goal of the communicative approach is to master language as a means of communication. Chinn and Norrington-Davies believe this approach helps learners express their thoughts as accurately as possible and experiment with language [Chinn, Norrington-Davies 2023: 16]. It is suggested that working with spontaneous language is most suitable for implementing the communicative approach, as this process is similar to how people acquire language in a language environment.

Although the communicative approach has predetermined the emergence of strategies for working with spontaneous language, it involves emphasizing the learning material that the learner must master at the end of the lesson. First, the material is introduced, then practiced, and only then can the learner use it in speech. The likelihood of spontaneous language occurring in a lesson with this approach is low since the aim of the lesson is to achieve accuracy in the use of the instructional language material.

At the same time, some studies prove the effectiveness of language use in more spontaneous situations. Thus, vocabulary acquired when it was necessary for direct communication remains in memory much longer [Chinn, Norrington-Davies 2023]. Therefore, Long proposed shifting the focus from teaching language forms to teaching language units in linguistic and extra-linguistic contexts so that the learner can anticipate or cope with problems in understanding or producing the target language. Moreover, according to his conceptualization, the learner is offered only the language units they need at a given moment of communication [Long 1991].

Schmidt believes the ability to notice new linguistic units is the basis of language acquisition [Schmidt 1990]. In this sense, the role of the teacher becomes essential: they help the learner to notice new linguistic units in the process of spontaneous discussion. In case the learner realizes the lack of knowledge to carry out spontaneous communication, they more readily accept any help in the form of necessary language units. Most of such help comes in the process of corrective feedback, the effectiveness of which has been proven time and again. The positive effect of the teacher's intervention depends on the fact that the learner learns to notice new language units, realizes the lack of knowledge, and that the teacher's intervention occurs when necessary.

Van Lier believes that during communication, a person has the opportunity to acquire language, which predetermines the importance of working with the learner's spontaneous language [Van Lier 2004]. The researcher understands spontaneity as a way to reorganize simple known elements into a more complex system and to introduce new language units into learners' existing knowledge through language in context [Van Lier 2004: 84].

The ideas expressed align with the works of the outstanding psychologist Vygotsky. The scientist believed that learning occurs in the "zone of proximal development." The zone of proximal development is determined by the content of those tasks that the child cannot yet solve independently but is able to solve together with an adult in an activity. This indicates a significant role of the adult in the child's development.

In addition, working with spontaneous language helps to make language acquisition more autonomous. Autonomy is defined as the learner's independence in making decisions in the process of speech creation. By helping the learner use language structures already in their repertoire, the teacher helps the learner express their thoughts most accurately and independently. Moreover, this approach encourages the learner to experiment with language. This helps to stimulate participation in the class and leads to more natural communication between the teacher and the learners.

Learners find working with spontaneous language motivating and interesting. Interest is understood as the meaningful and active participation of learners in the learning process, which in turn stimulates cognitive, affective, and behavioral abilities. When a learner maximizes their knowledge and is willing to absorb new information, their engagement and interest are evident. The learner is also interested in the learning process if they receive feedback and assistance from the teacher. Thus, working with spontaneous language helps to focus on the learner.

References

- Chinn R., Norrington-Davies D.* Working with Emergent Language. Pavilion Publishing and Media Ltd, 2023.
- Long M.* Focus on form: A design feature in language teaching methodology // Foreign Language Research in Cross-Cultural Perspective / eds K. de Bot, R. Ginsberg, C. Kramsh. Amsterdam: John Benjamins, 1991. P. 39–52.
- Van Leer L.* The Ecology and Semiotics of Language Learning: A sociocultural perspective. Boston: Kluwer Academic Publishers, 2004.
- Schmidt R.* The role of consciousness in second language learning // Applied Linguistics. 1990. Vol. 11(2). P. 129–158. Available: <https://doi.org/10.1093/applin/11.2.129>

Сорокина Ангелина Сергеевна

*аспирант, факультет иностранных языков и регионоведения,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
sorokinalina98@mail.ru*

КОМПЕТЕНЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ОБЛАСТИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

Ключевые слова: профессионально-коммуникативная компетенция, визуализация, визуальные средства обучения, компетентностный подход, медиация.

Данный доклад посвящен вопросу рассмотрения визуализации учебного языкового материала как части профессионально-коммуникативной компетенции педагога иностранного языка. В рамках доклада визуализация рассматривается как «преобразование больших массивов вербальной информации в адекватные для человеческого восприятия визуальные образы» [Макарова 2010]. Так, например, на уроке/занятии по иностранному языку часто используются мультимедийные презентации, инфографики и другие формы визуального представления информации. Средствами визуализации осуществляется решение таких задач, как введение нового материала, схематичное или визуальное объяснение языкового явления, семантизация лексических единиц, демонстрация видеоматериала, организация самостоятельной деятельности обучающихся путем предъявления учебно-коммуникативных задач и т. д. Многие исследования в области педагогики и психологии обращают внимание на то, что информация, представленная визуально, воспринимается обучающимися эффективнее, чем аналогичная информация, представленная в вербальной форме. Еще Ж. Пиаже постулировал важность сенсорно-моторного этапа в обучении (восприятие информации посредством органов чувств и передача сигнала от сенсорной системы до центральных отделов мозга) [Пиаже 1994].

Актуальность темы заключается в том, что преподаватели иностранного языка повсеместно сталкиваются с необходимостью визуализировать учебный материал и представлять его в классе, в то время как на сегодняшний момент не удалось найти теоретически обоснованной и экспериментально апробированной методики развития необходимых для этого навыков и умений. Анализ используемых учителями интерактивных презентаций и стратегий объяснения лингвистического материала свидетельствует о разном уровне развития их ИКТ и профессионально-коммуникативной компетенции. Кроме того, анализ программ курсов методики обучения иностранным языкам и языка для специальных целей показал отсутствие целенаправленного развития данных умений у студентов лингводидактических направлений подготовки.

В условиях модернизации и цифровизации отечественного образования существует реальная необходимость в качественно иной подготовке преподавателя иностранного языка, которая должна сочетать фундаментальные профессиональные знания, практические умения и инновационность мышления. в аналитическом обобщении имеющихся образовательных моделей и стандартов для создания единой карты компетенций или профессиограммы педагогов иностранных языков профессионального образования. Работа в этом направлении уже началась, о чем свидетельствует выпуск коллективной монографии 2023 года «Карта компетенций педагога иностранных языков в условиях цифровизации образования» под редакцией С. В. Титовой.

Первостепенной задачей подготовки специалистов высшего звена является развитие профессионально-коммуникативной компетенции, значимость которой отражена в образовательных стандартах и других документах всех уровней системы высшего профессионального образования. Профессионально-коммуникативную компетенцию А. А. Коренев определяет так: «Профессионально-коммуникативная компетенция — это часть единой плюрилингвальной коммуникативной компетенции личности, интегрированная совокупность знаний, навыков, умений, способностей, ценностных ориентаций и личностных качеств, позволяющая осуществлять общение на определенном языке в рамках определенной профессии и обеспечивающая решение характерных для данной сферы профессиональной деятельности коммуникативных

задач» [Корнев 2022]. В рамках доклада будут проанализированы такие нормативно-правовые документы, как: ФГОС, дескрипторы новой версии документа Совета Европы CEFR (2020 г.), Рекомендации ЮНЕСКО по структуре ИКТ-компетентности учителей и Образовательный Стандарт МГУ «Лингвистика». В результате обобщения содержащихся в этих документах компетенций и субкомпетенций будут выделены стратегии медиации и адаптации текстовой информации, необходимые для эффективного освоения обучающимися целевого лингвистического материала. Таким образом, визуализация будет рассматриваться как текстообразующая медиация, включающая следующие компоненты: интерпретация диаграмм, графиков и другой визуальной информации, навыки перефразирования текста, изменения стиля и уровня сложности языка в зависимости от потребностей собеседника или аудитории, разъяснения через примеры, обобщения и т. п., резюмирование, упрощение, анализ, синтез, сжатие и структурирование текста, конспектирование, перевод и интерпретация текстовой информации [CEFR 2020].

В заключение будут рассмотрены возможности комплексной целенаправленной работы по выработке умений визуализации и представления языкового материала и параллельного формирования некоторых профессиональных качеств будущих педагогов. Для дальнейшей разработки заданий для развития медиативных умений визуализации языкового материала и критериев оценивания их сформированности будет предложена таксономия знаний, навыков и умений, необходимых для решения профессионально-коммуникативных задач визуализации и представления языкового материала. Задания могут реализовываться как в рамках целого курса языка для специальных целей, так и дополнить модули уже имеющихся курсов, например, курса «Основы профессиональной коммуникации на иностранном языке, 3 курс, 5–6 семестры обучения» на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова.

Литература

- Корнев А. А.* Коммуникативные виды деятельности как часть профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 152–163.
- Макарова Е. А.* Визуализация как интроекция смыслообразов в ментальное пространство личности: монография. М.: Спутник+, 2010. 169 с.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994. 680 с.
- Council of Europe. CEFR Companion Volume with New Descriptors. Communicative language. Strasbourg: Language Policy Programme, Education Policy Division, Education Department, 2020. URL: <https://rm.coe.int/common-european-framework-of-reference-for-languages-learning-teaching/16809ea0d4>

Темурян Кристина Телмановна

аспирант, кафедра теории преподавания иностранных языков,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
christinatem5@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ РАЗВИТИЯ КЛАССНОЙ ИНТЕРАКТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: искусственный интеллект, социально-интерактивные агенты, обучение иностранным языкам, профессионально-коммуникативная компетенция, профессиональная подготовка преподавателей иностранного языка.

Обучение иностранным языкам принято рассматривать через призму психолого-педагогических теорий: бихевиоризма, когнитивизма, конструкционизма и коннективизма. С тремя из них (бихевиоризмом, когнитивизмом и конструктивизмом с социальной направленностью) соотносятся такие методологические и гносеологические установки, как эмпиризм, рационализм и интеракционизм [Макаров 2003: 61–62, Назаренко 2013: 95]. Согласно теории интеракционизма, взаимодействие с другими способствует формированию личности. Подобным образом интеракция на занятии по иностранному языку может выступать катализатором для формирования вторичной языковой личности. Роль интеракции отражена и в рамках другого подхода, которого придерживается Совет Европы, утверждая, что личность пользователя языка едина, как и его речевой и культурный репертуар.

Помимо этого, значимость интеракции способствовала оформлению гипотезы М. Лонга о взаимодействии (англ. the interaction hypothesis), которая, созвучно социокультурной модели Л. С. Выготского, гласит, что интеракция благотворно влияет на результаты в обучении языку.

При этом ряд исследователей отмечает, что не любая интеракция носит положительный характер, однако при грамотной организации может положительно влиять, например, на умения самостоятельной работы обучающихся. Следует отметить, что указание на необходимость осуществления интеракции на занятии по иностранному языку содержится в различных нормативных документах, в том числе в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ, Профессиональном стандарте «Педагог», а также в Федеральных государственных образовательных стандартах для различных ступеней образования от дошкольного до высшего, включая ОС МГУ.

Важно, что интеракция возможна на занятии с обучающимися с любым уровнем владения языком и любого возраста, а решающим фактором для её эффективности являются практические умения преподавателя. Так, умения интеракции преподавателя иностранного языка — это часть профессионально-коммуникативной компетенции, точнее — того её компонента, который реализуется на занятии, т.е. классной интерактивной компетенции (англ. classroom interactional competence, CIC), которая определяется как «способность учителей и обучающихся использовать интеракцию в качестве инструмента для посредничества и помощи в обучении» [Walsh 2011: 151, 165]. Классная интерактивная компетенция подразумевает в первую очередь осознание преподавателем необходимости осуществления интеракции в классе, а также использование изучаемого языка для достижения педагогических и методических целей, предоставление обучающимся возможностей для интеракции, интеграцию участия обучающихся в ход занятия и элиситацию.

В настоящее время существует ряд моделей для развития классной интерактивной компетенции у действующих учителей или преподавателей иностранного языка. Однако, так как все они в значительной степени предполагают опыт обучения и обсуждение его с коллегами, в рамках вузовской подготовки их использование затруднительно. В виду этого особый интерес для развития классной интерактивной компетенции представляют собой технологии искусственного интеллекта, в частности — социально-интерактивные агенты, способные самостоятельно

осуществлять мультимодальное общение с человеком. Такие характеристики социально-интерактивных агентов, как простота использования и возможность персонализации, обеспечивают их возможность выступать в качестве собеседника, имитирующего различные роли.

Социально-интерактивные агенты представлены такими классами, как дидактические и социальные чат-боты, адаптивные и неадаптивные системы обучения на базе диалога, а также иммерсивные среды на базе виртуальной или дополненной реальностей. Для развития профессионально-коммуникативных умений интеракции в других областях используется ряд инструментов — например, VirtualSpeech, Ummo, Ovation, Virtual Orator или Rehearsal VRP.

VirtualSpeech, используемый в сфере продаж, нацелен на развитие «мягких навыков» и умений публичных выступлений. Инструмент основан на технологии виртуальной реальности и имитирует зрителей, а также характерные для публичной речи помехи или отвлекающие факторы. Помимо этой функции, VirtualSpeech также содержит онлайн-задания для тренировки.

Ummo также был разработан, чтобы помочь пользователям улучшить свои умения публичных выступлений. Инструмент анализирует использование слов-связок или слов-паразитов, отслеживает речевые модели и темп речи, а также предоставляет рекомендации и обратную связь касательно того, как возможно улучшить конкретное выступление.

Ovation аналогичным образом представляет собой платформу для развития умений публичных выступлений, однако, в отличие от остальных инструментов, Ovation предлагает пользователю выбор из виртуальных сценариев, варьирующихся от формальных встреч с несколькими присутствующими до крупных конференций. Ovation предоставляет мгновенную обратную связь о речи, движениях и эффективности стиля общения пользователя, который по окончании может просмотреть запись своего выступления в 3D-формате.

Virtual Orator также позволяет пользователю практиковать публичную речь в различных ситуациях, с аудиторией разного размера, демонстрирующей разный настрой. По окончании выступления пользователь может получить связь в том числе о том, насколько эффективно он устанавливает зрительный контакт с аудиторией.

Rehearsal VRP — созданная для обучения кадров платформа, позволяющая имитировать коммуникацию на рабочем месте. Также направлена в первую очередь на развитие «мягких навыков» в общении с клиентами.

В настоящее время не разработаны социально-интерактивные агенты, направленные на практику интеракции на занятии, однако на данном этапе представляется возможным интегрировать подобные инструменты в процесс профессиональной подготовки будущих преподавателей иностранного, в частности — английского, языка.

Литература

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Назаренко А. Л. Информационно-коммуникационные технологии в лингводидактике: дистанционное обучение: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. 271 с.

Walsh S. Exploring Classroom Discourse: Language in Action. New York: Routledge, 2011. 256 p.

Чаленко Елена Сергеевна

канд. филол. наук, доцент,
Воронежский государственный университет;
chalenko.elena@gmail.com

КОМПЛЕКСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Ключевые слова: немецкий язык, методология, дидактика.

В век стремительно меняющейся информации особое внимание следует уделять методологии, так как эта наука, на наш взгляд, может оказаться залогом успешного преодоления тех вызовов, которые готовит нам будущее. Изучение иностранного языка — это долгое и интересное путешествие, проходящее через школу и вуз, а порой и через всю жизнь, которое в сокращенном виде повторяет изучение языка родного. На всех образовательных этапах (дошкольное образование, школа, среднее специальное образование, высшее образование) иностранный язык был и остается одним из самых сложных, но одновременно и самых привлекательных предметов. Данный факт, а также высокий уровень поставленных в государственных стандартах высшего образования задач предъявляют особые требования к преподаванию и побуждают непрерывно искать пути его оптимизации. Оптимизация при этом не предполагает отрицания всего предыдущего опыта преподавания, она стоит «на его плечах», являясь очередным этапом общего стратегического нарратива, решая актуальные для нашего времени задачи и создавая базу для будущего.

В предлагаемом сообщении мы хотели бы поделиться опытом комплексного использования методов повышения эффективности преподавания немецкого языка как второго иностранного на факультете международных отношений Воронежского государственного университета. Подобный комплексный подход обусловлен тем, что современное образование отличается от предыдущих эпох, поскольку осуществляется в век информационных технологий, которые в значительной мере изменили отношение человека к различным видам деятельности, в частности, к обучению. Констатируя данный факт, не следует однако преувеличивать роль технологий в образовании, а отводить им лишь определенное место в общем контексте при условии взаимодействия с традиционными методами.

В рамках заявленной темы мы предлагаем рассмотреть дидактические, психолингвистические, технологические и междисциплинарные методы, хотя данное разделение условно, и по сути все объединяет дидактика.

Традиционным дидактическим методом мы считаем игру. Подготавливая наших учащихся к использованию языка в профессиональной деятельности, мы основываемся на представлении об иностранном языке, с одной стороны, как о средстве коммуникации, с другой стороны, как о средстве познания и соответственно в нашей практике выделяем две основные функции игры: коммуникативную и познавательную. Каждой из функций соответствует свой вид игры. Для познавательной — познавательные игры (Wissensspiele) [Bundeszentrale für...], для коммуникативной — ролевые игры (Rollenspiele) [SCHUBERT Verlag...].

Учитывая специфику обучения немецкому языку как второму иностранному после английского, приводящего фактически к академическому двуязычию, и гетерогенность языковых групп на нашем факультете, считаем необходимым использование таких психолингвистических методов, как сопоставление языковых систем английского и немецкого языков с целью преодоления интерференции и формирование коллективности в языковой группе с учетом диалектического взаимодействия в человеке коллективного и индивидуального.

В отличие от традиционных методов использование в практике преподавания немецкого языка возможностей социальных сетей (например, «ВКонтакте») можно отнести к инновациям. Данный метод способен выполнять организационную, обучающую и коммуникативную функции и способствует, на наш взгляд, улучшению знаний, подготовке к успешной профессиональной деятельности и общему развитию личности.

Инновационным методом мы считаем также использование в курсе немецкого языка междисциплинарного подхода — включение в рабочую программу в качестве летнего и внеаудиторного чтения произведений русской классической литературы, содержание которых может удовлетворить профессиональный интерес учащихся к культуре, идентичности и системе ценностей тех народов, языки которых они изучают. Материалом для обсуждения среди наших учащихся явились новеллы Н. С. Лескова «Колыванский муж», «Железная воля» и «Пламенная патриотка», посвященные межнациональному диалогу русской и немецкой культур в разных сферах жизни [Гачев 1997: 67].

Не отдавая предпочтения ни одному из перечисленных методов, на всех этапах изучения немецкого языка в нашем вузе именно их взаимодействие и взаимное дополнение мы считаем базовым методом и залогом повышения эффективности преподавания.

Литература

Гачев Г. Германский мир и ум глазами русского (По рассказу Николая Лескова «Железная воля») // Вопросы литературы. 1997. Вып. 6. С. 66–85.

Bundeszentrale für die politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/> (дата обращения: 09.11.2023).

SGHUBERT Verlag Leipzig. URL: <https://www.schubert-verlag.de/> (дата обращения: 09.11.2023).

Ялышева Алевтина Викторовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;

alevtina_ialysheva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭМОТИВНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ С ОВЗ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Ключевые слова: эмотивная компетенции, развитие эмотивной иноязычной компетенции, методы развития эмотивной компетенции, обучающиеся с ОВЗ.

Актуальность развития эмотивной иноязычной компетенции в средней школе обусловлена требованиями к современному образованию, где большое внимание уделяется развитию универсальных компетентностей и новых видов грамотности. Эмотивная иноязычная компетенция является с позиции современного образования в свою очередь подобного рода образовательным продуктом. Рассматривая эмотивную иноязычную компетенцию в контексте теории обучения иностранным языкам, она представляется как сложный лингводидактический конструкт, находящий свое отражение на макро- и микроуровнях. На макроуровне концепт эмотивной компетенции рассматривается в контексте образования в целом и представляет собой универсальную компетенцию, актуальную для поликультурной языковой личности; на микроуровне эмотивная компетенция представляется как часть иноязычной коммуникативной компетенции, активно участвующей в процессе межкультурной коммуникации и обеспечивающей ее эффективность [Копыловская, Ялышева 2022: 18].

На законодательном уровне необходимость развития эмотивной компетенции закреплена в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС). Так, например в ФГОС ООО и ФГОС СОО одним из требований к предметным результатам освоения основной образовательной программы в предметной области «Иностранные языки» является достижение допорогового (А2) и порогового (В1) уровней коммуникативной иноязычной компетенции соответственно [ФГОС ООО, ФГОС СОО]. Требования к владению иноязычной коммуникативной компетенцией на различных уровнях владения иностранным языком отражены в дескрипторах Общевропейских компетенций владения иностранным языками. Анализируя формулировки дескрипторов, например для данных уровней (А2, В1), находим требования к умению понимать и выражать эмоции в условиях иноязычного общения, сформулированных как для продуктивных, так и для рецептивных видов речевой деятельности [Общевропейские компетенции владения иностранным языком 2005]. Таким образом, правомерно говорить о существующих требованиях к уровню развития эмотивной иноязычной компетенции в средней школе.

В рамках научно-исследовательской аспирантской работы была проведена диагностика, позволившая оценить уровень сформированности эмотивной иноязычной компетенции у обучающихся с ОВЗ в средней школе. Данная диагностика показала, что более половины обучающихся имеют низкий уровень развития эмотивной иноязычной компетенции, позволив таким образом сделать вывод о необходимости ее развития.

В большинстве исследований, посвященных формированию и развитию эмотивной компетенции, авторы, считая лексический уровень важнейшим в отражении эмотивной функции языка, сосредотачивают свое внимание на обучении эмотивной лексике. Данную идею находим в работах Н. В. Дорофеевой, О. И. Кирьяковой, Н. А. Красавского, К. О. Погосовой, С. В. Чернышова, С. В. Першутина, Е. Е. Шевчик и др.

Однако некоторые авторы, например, Ю. Н. Хусяинова, считая фразеологические единицы наряду с лексическими не менее важными для выражения эмоций, включает их в содержание обучения эмотивной иноязычной компетенции [Хусяинова 2017].

Разделяя мнение Ю. Н. Хусяиновой, и включив в содержание обучения помимо эмотивных лексических единиц фразеологические, а также основываясь на анализе УМК «Английский в фокусе» для 8–11-х классов, были определены эмотивные лексико-фразеологические мини-

мумы для соответствующих классов. Данные лексико-фразеологические минимумы состоят из называющих, описывающих и выражающих эмоции лексико-фразеологических единиц.

Согласно целям обучения и с учетом особенностей адаптированной общеобразовательной программы (АООП) по английскому языку для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и психолого-педагогических характеристик обучающихся с ОВЗ, были сформулированы принципы обучения, послужившие основой для разработки методики развития эмотивной иноязычной компетенции у обучающихся с ОВЗ в средней школе. Среди основных принципов обучения можно выделить следующие: принцип создания благоприятной атмосферы на уроке и позитивного психоэмоционального настроения обучающихся, принцип применения здоровьесберегающих технологий, принцип использования большого количества наглядности, опора при выполнении заданий и упражнений, принцип задействования различных каналов восприятия информации и др.

Методика развития эмотивной иноязычной компетенции у обучающихся с ОВЗ в средней школе строится с учетом особенностей адаптированной общеобразовательной программы (АООП) по английскому языку для обучающихся с ОВЗ. Так, например, принимая во внимание учебную нагрузку 34 часа в год, т.е. один час в неделю, поиску способов интенсификации обучения уделяется большое внимание. С этой целью в методике используются современные образовательные технологии, среди которых значительная роль отводится методу проектов.

Особенности развития эмотивной иноязычной компетенции у обучающихся с ОВЗ в средней школе обусловлены психолого-педагогическими характеристиками обучающихся с ОВЗ и определяют выбор оптимальных методов обучения, среди которых большое внимание уделяется игровым методам. С целью развития эмотивной иноязычной компетенции в рамках исследования была разработана серия лингводидактических игр, направленных на развитие различных аспектов эмотивной иноязычной компетенции.

Литература

- Копыловская М. Ю., Ялышева А. В.* Эмотивная компетенция и ее структура в теории обучения иностранным языкам // Педагогический журнал. 2022. Т.12, № 6А. Ч.1. С.369–382. DOI: 10.34670/AR.2022.22.53.060
- Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. М.: МГЛУ, 2005. 247 с.
- Федеральные государственные образовательные стандарты основного общего (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897) с изменениями и дополнениями от 29 декабря 2014 г. и среднего общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413) с изменениями и дополнениями от 29 июня 2017 г. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 22.12.2023)
- Хусяинова Ю. Н.* Методика формирования эмотивной компетенции студентов бакалавриата в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук. СПб.: СПбГУ, 2017. 236 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Аксёнова Татьяна Вадимовна

*старший преподаватель, кафедры научно-технического перевода
и профессиональной коммуникации,
Донской государственной технической университет;
vad-tatyana@yandex.ru*

ДРАМАТИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Ключевые слова: драматизация, сценическое действие, репетиционный процесс, беспереводно, под-
текст.

В современном обществе необходимость в высококвалифицированных специалистах, свободно владеющих иностранным языком, во всех сферах жизнедеятельности общества бесспорна. Для этого у специалиста должны быть сформированы навыки владения иностранным языком, необходимые для осуществления межкультурной коммуникации.

Практика и современная научная литература показывают и подтверждают, что кратчайший путь формирования навыков говорения на любом языке — следовать модели овладения родной речью человеком: слышим (и видим) — имитируем — понимаем — говорим осознанно — учимся читать и писать то, что уже умеем говорить.

Исследования также показали, что в основе любого языка лежит ритм и интонация. «Нужно научиться имитировать интонацию и распознавать в речи разные интонационные модели. Именно в них заложена информация о намерении говорящего спросить о чём-нибудь, побудить вас к какому-либо действию, обратить ваше внимание на главное, перечислить что-либо и т. д.» [Аверина 2016: 77].

Таким образом, возникла необходимость поиска форм и методов, способных сформировать у обучающихся беспереводное владение иностранным языком. «Владеть иностранным языком беспереводно — значит, говорить на нем так, как говорят носители языка; так, как говорит на родном языке любой человек. Нормальное владение иностранным языком всегда беспереводно» [Аверина 2016: 18].

В поисках новых форм и методов мы решили оттолкнуться от того, что любая речь является ситуативно-обусловленной. Ситуативная обусловленность речи предполагает участие говорящего в каком-то действии. А почему бы не в «сценическом действии» при применении драматизации в учебном процессе? При высоком уровне увлеченности преподавателя и высоком уровне его профессионализма это может гарантировать высокий уровень творчества и индивидуального подхода в условиях коллектива.

Значительными возможностями, по нашему мнению, обладает предлагаемая нами методика формирования прочных иноязычных коммуникативных навыков и устойчивого познавательного интереса к дисциплине «Иностранный язык» при применении иноязычной драматизации в учебном процессе. Она предполагает высокую степень сотрудничества преподавателя и студентов.

Человеческая речь не всегда прямолинейна: «Все народы мира научились говорить иносказательно» [Образцов 1987: 218]. Много высказываний имеют особый подразумеваемый смысл.

Ответственный редактор: канд. филол. наук *А. В. Шаврова*.

И надо научиться понимать его, правильно реагировать речью и правильно изобразить сценически, правильно сыграть роль. Для того, чтобы обучить этому студентов, преподавателю понадобились профессиональные знания режиссуры драматического театра.

Важно, чтобы с первой же репетиции студенты-актёры усваивали не только внешнюю сторону речи, произносимые реплики (содержание звучащего высказывания), но и глубинный подразумеваемый смысл, имплицитную информацию.

В психологических спектаклях и мизансценах актёры хорошо понимают не только произносимый текст, но и события ему предшествовавшие, причинные, что, следовательно, ведёт к глубинному пониманию ситуации, что необходимо для беспереводного владения иноязычной речью. При многократном повторении с жестами и логически-обусловленными передвижениями по сцене в репетиционном процессе происходит укладка ситуативно-обусловленных моделей иноязычной речи в долговременную память.

При планировании и проведении экспериментов мы исходили из того, что эмоциональный компонент играет ведущую роль в структуре личностно-значимых познавательных интересов. Поэтому важной задачей преподавателя стало создание радостной творческой атмосферы репетиционного процесса.

При проведении экспериментов мы также опирались на научно-обоснованные положения о том, что «в основе формирования системы речевых механизмов и системы «иностранный язык» в сознании и подсознании обучающегося лежит имитация иноязычной речи» [Аверина 2016: 77], поэтому на занятиях мы постоянно используем учебные видео- и аудиокурсы, в которых звучит речь носителей языка.

Опираясь на научные труды выдающихся педагогов и психологов во время экспериментов, мы нацеливали мотивацию обучающихся на процесс, помня, что мотив, направленный на процесс, даёт лучший результат, чем мотив, направленный на результат.

В результате целого ряда экспериментов в различных учебных заведениях мы пришли к выводу, что иноязычные мизансцены и спектакли на английском языке очень популярны у студентов как в учебном процессе, так и во внеаудиторной учебно-профессиональной творческой деятельности. Осуществление психологически обоснованного системного подхода к изучению любого языка Е. Д. Авериной и соблюдение «основополагающих принципов системы актёрского мастерства» [Станиславский 2006: 14] способствуют формированию устойчивого познавательного интереса к дисциплине «Иностранный язык».

Это именно та технология и та благоприятная эмоциональная среда, которая исключает возникновение языкового барьера и, умело созданная преподавателем, создает мотив и способствует формированию устойчивого познавательного интереса к процессу овладения иностранным языком, личностному росту студентов, формированию у них беспереводного владения иностранным языком и иноязычной речевой готовности.

Литература

- Аверина Е. Д.* Иностранный язык за 200 часов. СПб.: Литера, 2016. 192 с.
Образцов С. В. По ступенькам памяти. М.: Советский писатель, 1987. 368 с.
Станиславский К. С. Работа актёра над собой. М.: АСТ, 2017. 480 с.

Болдова Татьяна Анатольевна

*д-р пед. наук, профессор,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет);
bos1173@mail.ru*

ИНТЕГРАТИВНЫЕ МЕТОДИКИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Ключевые слова: новые технологии обучения, смешанное обучение, перевернутый класс, онлайн-электронное обучение.

Меняющиеся методы обучения иностранным языкам уже давно стали устоявшейся темой дискуссий среди профессорско-преподавательского состава университетов всего мира. В последнее время уделяется особое внимание разнообразным преимуществам информационно-коммуникационных технологий и их методам достижения целей обучения, а также расширению учебного пространства за пределы четырех стен аудитории. К ним относятся, но не ограничиваются ими, смешанное обучение, перевернутый класс, активное обучение, онлайн-электронное обучение, проектное обучение, но это лишь некоторые из них.

Смешанное обучение, определяется как комбинация цифрового и очного методов обучения. Многие методисты рассматривают его как способ преодолеть разрыв между традиционной методикой и современными инновационными технологиями, например, в виде смешанной учебной программы. Новые технологии поддерживают растущую глобальную тенденцию к использованию смешанного обучения в качестве эффективного метода обучения в высшем образовании [Boelens, De Wever, Voet 2017]. Реализация этого метода может включать как один, так и несколько комбинационных режимов, сопровождающих занятия: от использования социальных сетей до геймификации, видеоконференций, ролевых игр, виртуальных систем обучения, интерактивных онлайн-викторин или интерактивных заданий с множеством симуляций, доступных онлайн-интерактивных заданий.

Восприятие студентами модели смешанного обучения, убедительно подтверждает аргумент о том, что это эффективный способ подачи языкового и речевого содержания учебного курса в ходе активного и ориентированного на студентов обучения иностранным языкам. Студенты и преподаватель взаимодействуют через гипертекстовое и интерактивное поле друг с другом при посредничестве элементов виртуальной среды обучения. Признавая социокультурные и другие влияния цифровой среды, которые пронизывают эти взаимодействия, прямые отношения часто разделяются на взаимодействие 1 к 1 между преподавателем / гипертекстом, преподавателем / студентом и студентом / интерактивной коммуникативной средой информационных и коммуникативных технологий. Были проведены обсуждения в группах об опыте использования смешанного обучения студентами и их взглядах на его потенциал для эффективности их обучения. Были проанализированы данные двух групп, чтобы ответить на вопрос: как студенты воспринимают смешанное обучение русскому языку как иностранному? Это были контрольная группа и экспериментальная группа. Данные о взаимодействии экспериментальной и контрольной группы были проанализированы для выявления закономерностей взаимодействия при использовании учащимися среды смешанного обучения русскому языку как иностранному. Анализ показал, что существует консенсус в отношении того, что автоматизация заменит некоторые учебные задачи, хотя характер и степень этой замены варьируется в зависимости от допущений и методологий, используемых для моделирования занятия. Акцент на взаимодополняемость технологий подчеркивает необходимость развития новых видов навыков работы в сети или развития существующих навыков, чтобы гарантировать эффективность обучения иностранным языкам. Когда часто нелегко выявить учебные задачи, требующие межличностного взаимодействия, гибкости, адаптивности и решения проектных упражнений.

Конструктивистская теория признает продуктивность отношений преподавателя и студентов и превращает стороны в них в активные, динамичные и интерактивные.

Технологическая революция в методике имеет глубокие последствия для концептуализации и проектирования образовательных технологий и учебных сред, особенно, когда искусственный интеллект становится повсеместным. Учебное занятие должно стать формой технологического ансамбля, объединяющего как информационно-коммуникативный, так и человеческий интеллект [Кастро 2019]. Это также относится к интеграции технической и культурной доминанты в процессе преподавания и усвоения знаний в образовательных системах и средах. Новые технологии становятся средами смешанного обучения для эффективности овладения иностранным языком несколькими способами. Необходимо создать систему обучения, которая размыла бы общепринятые границы между культурной доминантой, преподаванием и техническими способами упрощения учебной работы в гипертекстовой и интерактивной среде.

Смешанные технологии обучения становятся открытым техническим, культурным и образовательным ансамблем, который допускает новые способы взаимодействия преподавателя и студентов и интерактивного посредничества между преподавателями, студентами и интерактивной гипертекстовой средой. В работах в этой области широко описаны цифровые учебные среды как предлагающие значительные возможности для более глубокого погружения в языковую среду. Это среды мобильные, смешанные, асинхронные, совместные, адаптивные и распределенные для эффективного усвоения знаний. Все чаще внедряются с использованием искусственного интеллекта и технологий так называемые умной среды обучения. Внедрение искусственного интеллекта и интеллектуальных интерфейсов в высшее образование открывает новые вопросы и области исследований в более широкой области исследований среды обучения, а также вопросы, как инструментировать обучение сложными и непредсказуемыми способами, в то же время, требуя новой технологической грамотности, как от преподавателей, так и от студентов.

Таким образом, переход к цифровым и смешанным учебным средам за последние два десятилетия особенно изменил ландшафт высшего образования.

Литература

- Кастро Р.* Смешанное обучение в высшем образовании: тенденции и возможности // Образование и информационные технологии. 2019. № 24 (4). С. 2523–2546.
- Boelens R., De Wever B., Voet M.* Четыре ключевые проблемы при разработке смешанного обучения // Обзор образовательных исследований. 2017. № 22. С. 1–18.

Вороневская Наталья Викторовна

канд. филол. наук, доцент, кафедра английского языка № 1,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
nvoronevskaya@gmail.com

ОБУЧЕНИЕ ГРАММАТИКЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ)

Ключевые слова: иностранный язык, грамматическая компетенция, студенты неязыковых вузов, профессионально-ориентированная лексика, спорт.

Обучение иностранному языку в неязыковом вузе имеет своей целью формирование навыков и развитие умений профессиональной коммуникации. Развитие навыков профессиональной коммуникации у студентов неязыковых вузов невозможно без сформированных грамматических навыков. Проблема формирования грамматических навыков является одной из наиболее значимых в связи с утверждением ведущей позиции грамматики в формировании коммуникативной компетенции у студентов лингвистических вузов. Грамматическая компетенция, как важная часть коммуникативной компетенции, связана с навыками обучающегося правильно употреблять грамматические средства в иноязычной речи. Это должно учитываться при формировании грамматической компетенции студентов неязыковых вузов, так как обучении иностранному языку непосредственно связано с будущей профессиональной деятельностью, а значит, нужны материалы, которые будут способствовать достижению достаточно высоких результатов в изучении иностранного языка в неязыковом вузе.

Грамматический материал, основанный на профессионально-ориентированной лексике, может способствовать более успешному усвоению грамматических средств студентами лингвистических вузов, что чрезвычайно важно для формирования продуктивных и рецептивных навыков в устной и письменной речи, для адекватного понимания того, что говорят другие, а также при чтении профессионально-ориентированной литературы. Мы полагаем, что обучение грамматической стороне речи иностранного языка в неязыковом вузе должно стимулировать студентов к реальной коммуникации, и использование учебных и аутентичных (адаптированных и неадаптированных) текстов профессиональной направленности как основы для грамматических упражнений может способствовать поддержанию мотивации студентов к изучению иностранного языка, их активности и самостоятельности.

Преимущество грамматических упражнений, разработанных на материале профессионально-ориентированной лексики, заключается в том, что такие упражнения не только интересны и познавательны для будущих специалистов в той или иной деятельности, но они также и имеют ярко выраженную коммуникативную направленность. В целом, методика обучения грамматической иноязычной речи на основе профессионально-ориентированной лексики способствует улучшения всего процесса обучения и повышению подготовки студентов неязыковых вузов по иностранному языку.

В результате нашего обзора учебных пособий по английскому языку для неязыковых вузов, а именно для студентов спортивного профиля, изучающих английский язык, выяснилось, что, с одной стороны, грамматический материал в большинстве учебных изданий для студентов спортивного профиля практически совсем не связан с лексическим материалом. С другой стороны, грамматические упражнения во многих учебных пособиях только направлены на отработку формы грамматического явления, но не направлены на их использование в речи, а также практически не побуждают студентов к реальному общению.

С учётом всех выявленных недостатков мы приступили к разработке комплекса грамматических упражнений, охватывающих системы времен и форм действительного и страдательного залогов в английском языке, «English Grammar in Sport Context». Данный комплекс направлен на совершенствование грамматических навыков и развитие умений на основе текстов профессиональной направленности в рамках тем, предусмотренных, в том числе такими программами,

как «Спортивный менеджмент» и «Спортивная дипломатия». Особенностью грамматических упражнений, входящих в данный комплекс, является их коммуникативная направленность, ситуативность и учет интересов и опыта студентов, обучающихся не только по выше перечисленным программам, но также и широкого круга специалистов в области спорта. Грамматический материал, представленный в комплексе, традиционно представляет значительные трудности для студентов не только младших, но и старших курсов неязыковых вузов, изучающих английский язык, так как между глагольными системами в английском и русском языках существуют большие различия. В связи с этим, значительное внимание направлено на повышение автоматизма употребления этих грамматических явлений в речи.

Лексической базой всех упражнений является профессиональная лексика по теме «Спорт» и нейтрально-бытовая высокочастотная лексика. В комплексе представлены учебные и оригинальные тексты спортивной направленности, взятые из профессиональной учебной и аутентичной литературы и, в том числе, из открытых источников в Интернете. Примеры из аутентичных источников подвергались некоторому сокращению и адаптации. Материалы комплекса подобраны таким образом, чтобы они могли служить естественной аутентичной иллюстрацией использования определенного грамматического времени в английском языке. В грамматических упражнениях комплекса также содержатся материалы страноведческого характера, отражающие лингвострановедческие реалии стран, говорящих на английском языке, что может способствовать более глубокому восприятию социальных и культурных различий.

Грамматические задания практикума содержат тренировочные, языковые, условно-речевые и речевые упражнения, целью которых является многократная тренировка изучаемого грамматического явления в наиболее типичных контекстах его употребления. Упражнения предлагаются в порядке возрастания языковых трудностей и постепенного перехода от заданий репродуктивного характера к заданиям продуктивного типа: от ознакомительных упражнений, в которых приведены типичные модели употребления изучаемых форм, до перевода с русского на английский язык. Достаточное количество упражнений дает возможность варьировать выбор заданий, определяя индивидуальную траекторию обучения студента в зависимости от его подготовки. Грамматический материал поясняется таблицами, схемами и предложениями-примерами, которые направлены на закрепление знаний студентов. Раздел практикума «Mixed Bag. Revision» предлагает грамматические упражнения для проверки и закрепления знаний грамматики на материале спортивной профессионально-ориентированной лексики.

Горбунова Каролина Борисовна

канд. филол. наук, преподаватель,

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С. М. Кирова;

rivoltoloni@gmail.com

МЕТОДЫ АКТИВИЗАЦИИ ВНИМАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: активизация внимания, мотивация, ИИ-сервисы.

Заинтересованность и мотивация в изучении любой дисциплины — важный фактор, от которого зависит эффективность как отдельного, так и серии занятий. Сегодня задача педагога — не только поддерживать внимание своих студентов, но и не потеряться в разнообразии предлагаемых инструментов, включая новые AI-сервисы.

Цифровой век бросает вызовы педагогам и требует постоянного личностного и профессионального роста, а, следовательно, апробирования различных методик, способствующих достижению главного результата — высокого уровня образованности обучающихся [Рэйти, Хагерман 2017: 194–196], основанного, прежде всего, на интересе к предмету. Одна из первостепенных задач педагога — овладеть различными механизмами привлечения и удержания внимания обучающихся во время занятий [Дубынин 2021: 230–234].

В задачи исследовательской работы входит представить способы активизации внимания обучающихся различных возрастных категорий и проанализировать их эффективность.

В настоящей работе представлены такие способы актуализации внимания как: 1) проблемная картинка (идиома и/или фразовый глагол); 2) проблемный вопрос (своя игра); 3) краткое устное сообщение на ИЯ об актуальной и интересной обучающимся теме; 4) упражнение типа «расшифруй слово»; 5) мини-викторина, а также 6) использование AI-сервисов для создания интересного визуального контента. Эффективность приёмов обусловлена созданием красочных картинок с помощью AI [Барретт 2018: 124–125], алгоритмом упражнений для запоминания новых языковых единиц, «включением» когнитивных способностей [Бейли 2019: 98–99] обучающихся и двусторонней рефлексии серии занятий.

Идиомы и фразовые глаголы объективно считаются достаточно сложными для запоминания оборотами речи и комбинациями, требующими постоянной отработки и повторения. Однако в симбиозе с аудио- или визуальным материалом становятся отличным материалом для «включения» внимания обучающихся в начале занятия, поскольку вызывают когнитивный интерес (если преподаватель предлагает угадать или расшифровать идиому) и желание разнообразить свою разговорную речь (посредством составления сложного смыслового предложения). Использовать технологию можно как с применением ИИ-сервисов (например, с помощью Cigiprod создать интерактивную мини-презентацию), так и с меловой доской. В качестве альтернативы идиомам можно использовать пословицы или поговорки. Их стоит включить в занятия-дебаты или практические занятия, посвящённые развитию коммуникативных навыков, поскольку они побуждают студентов к мыслительному процессу и выражению собственных мыслей на иностранном языке. Обучающимся необходимо показать изображение, олицетворяющее пословицу или поговорку (также написав её или озвучив) и предложить им найти аналог в родном языке, а затем организовать обсуждение народного изречения с разных точек зрения.

Организация процесса внимания также комбинируется с повторением ранее изученных лексических единиц, а именно: создание трёхминутной активной игры “unscramble the words”, где необходимо расшифровать знакомую лексику за определенное время. При отсутствии необходимости повторения, можно использовать “word scramble” от Cambridge Dictionary, где в случайном порядке предлагается отгадать слово или коллокацию.

Мини-викторины или интерактивные учебные ресурсы (Wordwall, Kahoot и др.), активизирующие игровой интерес в начале занятия, не только способствуют вовлечению обучающихся

в занятие, но и закреплению грамматических знаний или служат экспресс-подготовкой к ближайшему контрольному срезу.

Вопрос из «Своей Игры» (англ. Jeopardy) — одна из альтернатив «включения» внимания современных обучающихся. Этот способ помогает не только разнообразить занятие, но и расширить границы знаний по культурологии, страноведению и социологии изучаемого языка, что способствует не только увеличению побед на региональных и международных олимпиадах, но и повышению качества знаний и, следовательно, уровня образования.

Ввиду того, что главная цель изучения иностранного языка — это возможность воспроизводить на нем свои мысли в письменной или устном виде, то отличная возможность регулярной практики устной речи — это краткое сообщение на актуальную и интересную студентам тему, которая станет опорной точкой последующей дискуссии. Обсуждение последних новостей, рассказ о новом опыте, интересной книге, выставке, фильме, блюде и т. д. является хорошим началом для продуктивного занятия.

Для реализации поставленных целей занятия педагогу необходимо решить самую главную задачу — замотивировать обучающихся на продуктивную работу на протяжении определённого времени. Очевидно, что некоторые типы обучающихся нуждаются не только в мотивации, аргументированной педагогом, но и в постоянной поддержке внимания на каждом этапе занятия. Для этого педагогу необходимо собрать свою методическую копилку с заданиями, вызывающими интерес современных обучающихся, а также отрегулировать механизмы и уместность их использования, чтобы избежать отрицательного эффекта и, как следствие, отторжения от предмета. Для того, чтобы задействовать когнитивные способности обучающихся, педагогу сначала необходимо привлечь их внимание красочным визуальным / аудио-визуальным материалом, а затем создать ситуацию для активного запоминания или отработки нового или ранее изученного материала.

Литература

- Барретт Л. Ф.* Как рождаются эмоции. Революция в понимании мозга и управлении эмоциями. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 427 с.
- Бейли К.* Гиперфокус. Как управлять вниманием в мире, полным отвлечений. М.: Альпина Паблишер, 2019. 224 с.
- Дубынин В. А.* Мозг и его потребности: от питания до признания. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 572 с.
- Рэйти Дж., Хагерман Э.* Зажги себя. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 390 с.

Коздринь Пётр Романович

канд. филол. наук, доцент, кафедра английского языка и лингвострановедения,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доцент, кафедра гуманитарных наук,
Национальный медицинский исследовательский центр им. В. А. Алмазова;
subdeacon@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: интерактивное обучение, искусственный интеллект, персонализация обучения.

Слияние искусственного интеллекта (ИИ) с языковым образованием знаменует собой переломный момент в сфере интерактивного обучения. Уже получивший широкое распространение в таких отраслях, как электронная коммерция и маркетинг, ИИ стремительно утверждается в качестве стандартной практики в сфере образования.

Онлайн-образование претерпело революционную трансформацию, и интеграция ИИ в изучение иностранных языков является примером параллельного сдвига. Сочетание изучения иностранных языков с помощью ИИ и возможностей нейронных сетей предвещает новую эру в образовании, которая меняет традиционные парадигмы обучения, несет в себе огромные перспективы как для студентов, так и для преподавателей [Malik, Tayal, Vij 2018].

Поскольку образовательный контекст продолжает развиваться, внедрение алгоритмов искусственного интеллекта в изучение и преподавание иностранного языка становится необходимой задачей современного преподавателя высшей школы, которая несомненно окажет свое положительное влияние на повышение уровня сформированности языковых компетенций студентов. Можно выделить целый ряд факторов, обеспечивающих эффективность учебного процесса с использованием ИИ в обучении иностранному языку.

1. Адаптация к потребностям учащихся.

Главное преимущество ИИ заключается в персонализации учебного процесса. В традиционных учебных аудиториях удовлетворить разнообразные потребности каждого ученика — сложнейшая задача. Однако ИИ отлично справляется со сбором и анализом данных об отдельных учениках, включая их способности, стили обучения и успехи. Эти данные при соответствующем анализе могут предсказать будущую успеваемость, обеспечивая индивидуальный подход к образованию. Платформы для изучения иностранных языков на базе ИИ позволяют пользователям работать в своем собственном темпе, повторяя темы, выполняя задания, в которых студенты нуждаются в тот или иной момент, и учитывая такие факторы, как культурный фон, обеспечивая тем самым более индивидуализированный и эффективный процесс обучения.

2. Обеспечение оперативной обратной связи.

Традиционные методы обучения часто страдают от задержки в предоставлении обратной связи. Оценка тестов и эссе вручную может отнимать много времени, откладывая понимание студентами своих ошибок. Благодаря ИИ в обучении иностранным языкам обратная связь становится практически мгновенной. Платформы на основе ИИ автоматически оценивают тесты и эссе, выделяя ошибки и предлагая предложения по улучшению. Такая мгновенная обратная связь позволяет студентам оперативно исправлять ошибки, способствуя непрерывному циклу обучения. Кроме того, инструменты ИИ помогают преподавателям выявлять слабые места в учебной программе, определять области для совершенствования и давать целевые рекомендации отдельным студентам.

3. Отсутствие страха перед ошибкой.

Страх совершить ошибку — естественное препятствие для процесса обучения. Традиционные методы, часто привязанные к общественным ожиданиям и оценкам со стороны преподавателей и сверстников, могут усугубить этот страх, что приводит к отстранению и замедлению прогресса обучения. ИИ в изучении языков работает без «осуждения и упреков». Он

объективно оценивает студентов, уделяя особое внимание их языковому развитию, не вызывая при этом чувство стыда или смущения. Создавая атмосферу непринужденности, ИИ позволяет студентам принимать ошибки как часть учебного процесса, способствуя созданию позитивной атмосферы, благоприятствующей овладению языком.

4. Переосмысление роли преподавателя.

Хотя ИИ не может и, по нашему мнению, не должен полностью заменить преподавателей, он может некоторым образом переопределить их роль [Zhou 2019]. Алгоритмы ИИ умеют автоматизировать административные задачи, такие как выставление оценок, оформление документов, разработка учебного материала и анализ данных. Такая эффективность высвобождает ценное время педагогов, позволяя им сосредоточиться на координации учебного процесса, наставничестве и общении с учениками на более личном уровне. Технически подкованные учителя могут использовать данные, собранные алгоритмами искусственного интеллекта, для получения информации об успеваемости учащихся, что позволяет проводить целенаправленные мероприятия и давать индивидуальные рекомендации.

5. Более глубокое вовлечение в процесс обучения.

ИИ в изучении языков способствует переходу от жестких, универсальных подходов к более гибкому и увлекательному процессу обучения. Студенты получают возможность заниматься в любом месте, ставить перед собой индивидуальные цели и следовать индивидуальным учебным траекториям. Кроме того, искусственный интеллект помогает разрабатывать интерактивные игры, викторины и мероприятия с учетом индивидуальных интересов, что повышает общую вовлеченность в процесс обучения. Предлагая динамичную и адаптивную учебную программу, ИИ побуждает студентов принимать более активное участие в изучении языка.

В заключение следует отметить, что преимущества интеграции ИИ в языковое образование выходят за рамки простой автоматизации. Они заключаются в создании интеллектуальных, адаптируемых систем, которые учитывают различные потребности и предпочтения учащихся, предлагая более персонализированный, увлекательный и эффективный образовательный опыт. Обеспечивая мгновенную обратную связь, переосмысливая функции преподавателя, технологии ИИ повышают вовлеченность студентов и способствуют созданию позитивной атмосферы обучения, что становится своеобразным катализатором трансформационных изменений в языковом образовании.

Литература

- Malik G., Tayal D., Vij S.* An Analysis of the Role of Artificial Intelligence in Education and Teaching // Recent Findings in Intelligent Computing Techniques. Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. Vol. 707. P. 407–417.
- Zhou J., Dai J.* The Transformation of Teachers' Role in the New Era of Intelligence Education // DEStech Transactions on Economics, Business and Management. 2019. DOI: <https://doi.org/10.12783/dtem/icaem2019/30988>.

Кривошеева Наталья Николаевна

*аспирант, старший преподаватель,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
Казанский (Приволжский) федеральный университет;
nataliakrivosheeva@yahoo.com*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ ПО МЕТОДУ ПОЛНОГО ЯЗЫКОВОГО ПОГРУЖЕНИЯ

Ключевые слова: психологические особенности, эффективность, мотивация, формирование языковых навыков.

На сегодняшний день существует множество подходов к изучению иностранных языков, и их число продолжает расти. В основе наиболее эффективных методик изучения иностранных языков, а, в частности английского языка, в той или иной степени лежит концепция «полного погружения», которая предполагает изучение языка исключительно на этом языке. Быстрое развитие технологий открывает новые возможности для так называемого «погружения». Просмотр коротких видео, фильмов, подкастов помогает учащимся развивать свои языковые навыки вне аудиторных занятий. Тем не менее, преподаватель продолжает играть важную роль в овладении учащимися иностранным языком. В современных условиях перед педагогом ставится немало задач, решение которых зависит от его компетентности и от его стремления развиваться и открывать для себя новые знания. Важно найти подход к каждому учащемуся, выявить его слабые и сильные стороны, подобрать приемы и техники, которые приведут к продуктивному результату, и многое другое.

Успешное решение столь сложных практических задач возможно как на основе новых идей, теорий и концепций, так и посредством переосмысления и интерпретации уже имеющегося опыта преподавания и освоения иностранного языка с психологических позиций. Кроме того, полноценное владение иностранным языком включает в себя освоение ментальных репрезентаций окружающего мира средствами данного языка. Таким образом, овладение иностранным языком на уровне реального использования речевого и лингвистического опыта составляет, по сути, не столько методическую, сколько психологическую проблему [Тылец 2005].

Психология неразрывно связана с методикой, так как играет важную роль при обучении иноязычной речи. Согласно А. Н. Щукину, из психологии методика черпает сведения об особенностях усвоения языка, индивидуально-психологических особенностях учащихся, которые следует учитывать в процессе обучения, характере формирования знаний, речевых навыков, умений. Психология дает методисту представление о мотивах овладения языком, видах и роли памяти в обучении, особенностях учащихся с точки зрения характера учебной деятельности [Щукин 2010].

В данном исследовании мы рассмотрим некоторые важные аспекты, связанные с созданием условий для успешного формирования языковых навыков. В первую очередь успех в изучении нового языка зависит от мотивации и эмоционального состояния ученика. В течение учебного года отношение обучающихся к различным видам речевой деятельности на иностранном языке может существенно меняться как в отрицательном, так и в положительном направлении. Положительное отношение к изучению иностранного языка способствует значительному улучшению результатов при освоении речевой деятельности. Полное языковое погружение может быть интенсивным и требовать усилий, поэтому важно, чтобы ученик был мотивирован и настроен на успех. Для многих урок, который полностью проходит на английском языке, не родном для учащихся, может являться стрессовой ситуацией, так как не всегда бывает понятно, какую учебную задачу ставит педагог. В таком случае очень важно создавать ситуации успеха, на любом этапе обучения и на любом этапе занятия. Примером здесь может служить использование так называемого «Classroom English». Это простые фразы понятные и знакомые большинству учащихся, такие как: *read the task, one by one, go on, all together* и т. д.

Поддержка со стороны педагога и создание дружественной атмосферы на занятии также помогают адаптироваться к новой иноязычной среде и уменьшить стресс. Даже если учащийся не понимает большую часть речевого высказывания преподавателя, у него не будет возникать негативного отношения к ситуации, так как он будет чувствовать то, что педагог готов ему помочь разобраться, например, использовать невербальные средства коммуникации. К средствам невербальной коммуникации относятся мимика, жесты, интонация, поза, пауза, слезы, смех и т. д. Они могут усиливать или заменять средства вербальной коммуникации, слова. Кроме того, они являются врожденными и позволяют находить взаимопонимание с другими индивидами и живыми существами на эмоциональном уровне [Лагунова 2014].

Использование четких прямых инструкций, исключающих непонимание, уменьшают тревожность учеников. Педагогу важно учитывать уровень владения языком каждой группы учащихся при построении любого высказывания во время занятия. Использование грамматических и лексических единиц изучаемого на данном этапе юнита так же способствует более легкому пониманию речи учителя. Так как каждый педагог заинтересован в прогрессе учащихся, целесообразно не только упрощать свою речь, но и постепенно увеличивать сложность, что позволит учащимся чувствовать себя увереннее и постепенно развивать свои навыки.

Результатом данного исследования, в ходе которого рассматривался психологический аспект обучения иностранным языкам, в частности английскому, по методу полного языкового погружения, явилось установление важности учета психологических особенностей учащихся.

Таким образом, можно сделать вывод, что для формирования у учащихся практических умений и навыков в области иностранного языка при обучении по методу полного языкового погружения педагог должен учитывать индивидуально-психологические особенности личности учащихся.

Литература

- Лагунова Е. А.* Невербальные средства коммуникации // Экономика и социум. 2014. № 3–2 (12). С. 365–370.
- Тылец В. Г.* Психология обучения иностранным языкам: историко-теоретический аспект: дис... д-ра псих. наук. Таганрог, 2005. 400 с.
- Щукин А. Н.* Обучение иностранным языкам. Теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студ. 4-е изд. М.: Филоматис: Омега-Л, 2010. 476 с.

Кубасова Анна Олеговна

*канд. филол. наук, старший преподаватель, кафедра романской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.kubasova@spbu.ru*

ТРЕНИРОВКА НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ ПРИ ПРОСЛУШИВАНИИ ПОДКАСТОВ НА РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: румынский язык, аудирование, подкаст, цифровые технологии.

При работе со студентами-филологами вне языковой среды перед преподавателем иностранного языка стоит задача подобрать современные аутентичные аудиоматериалы, отражающие языковую норму и инновации разговорной речи. Эта методическая установка актуальна при обучении студентов СПбГУ румынскому как языку специальности.

В последние годы в связи с развитием цифровых технологий появилось достаточно много подкастов на румынском языке, в том числе образовательных, целевой аудиторией которых являются иностранцы, изучающие румынский язык. Подкасты, созданные в учебных целях, рассчитаны на слушателей, владеющих румынским языком на разных уровнях: от так называемого уровня выживания (A1) до продвинутого (B2).

Исходя из опыта работы со студентами-бакалаврами основной образовательной программы СПбГУ «Румынский язык» в период с 2020 по 2024 гг., мы можем рекомендовать следующие образовательные подкасты на румынском языке для тренировки и улучшения навыков восприятия речи на слух: «Podcastul de limba română: The Romanian Language Podcast» (учебный подкаст для студентов, владеющих румынским языком на уровне B1-B2), «Learn Romanian Podcast» (румынский язык как иностранный, культура и традиции Румынии), «A Fost Odată» (образовательный проект для детей), «Learn Romanian With Amanda Podcast» (учебный подкаст об актуальных для студентов темах), «Romanian Weekly Podcast» (краткое изложение сюжетов известных литературных или фольклорных произведений). Для студентов старших курсов, владеющих румынским языком на продвинутом уровне, рекомендуем следующие подкасты: «Radio UZPR» (подкаст Союза профессиональных журналистов Румынии), «Pe bune» (подкаст в формате интервью ведущей с представителями творческих профессий), «Cronicari Digitali» (беседы с деятелями культуры), «Humanitas Podcast» (подкаст посвящен презентациям книг, вышедших в свет в издательстве «Humanitas»), «Acasă La Măruță» (интервью с гостями программы), «Pauza de Vine» (подкаст посвящен психологической поддержке, саморазвитию), «Renăscut» (подкаст о профессиональном выгорании), «Thinking Made Visible» (подкаст о ведении бизнеса), «Tu Inspiri România» (истории успешных предпринимателей).

Наш опыт преподавания румынского языка в группах студентов-филологов показал, что задания, включающие в себя прослушивание подкастов, могут быть эффективны для совершенствования уровня владения иностранным языком как при обучении отдельным аспектам (аудирование, разговорная практика), так и при изучении специальных профильных дисциплин.

Подкасты могут быть успешно использованы на занятиях по аудированию. Подробнее о методике преподавания аудирования и принципах работы с аудиотекстом на материале румынского языка см.: [Кубасова 2022]. О методике обучения аудированию иноязычного текста на материале русского языка как иностранного см. исследования Н. Л. Федотовой и И. А. Гончар, например: [Федотова 2013; Гончар 2015].

На начальном этапе обучения на занятиях по разговорной практике при освоении лексики по темам «Путешествия», «Достопримечательности», «Праздники» и др. одним из учебных заданий может быть прослушивание и обсуждение выпусков подкастов, сюжет которых связан с изучаемым материалом. Например, автор подкаста «Podcastul de limba română: The Romanian Language Podcast» рассказывает о своих путешествиях по Румынии и другим европейским странам (№ 19–23), о праздниках (№ 6, 9, 31, 32); выпуски подкаста «Learn Romanian Podcast» посвящены достопримечательностям Румынии (№ 54–56, 98) и её праздничным традициям (№ 73,

74, 79). Параллельное рассмотрение одних и тех же тем на занятиях по разговорной практике и аудированию и изучение лексики в разных контекстах способствуют более быстрому запоминанию наиболее употребительных слов и выражений.

При проведении семинаров по страноведению, посвященных знакомству с культурой и традициями Румынии, прослушивание подкастов «A Fost Odată», «Podcastul de limba română: The Romanian Language Podcast», «Learn Romanian Podcast» может помочь студентам в усвоении лингвокультурологического материала.

При изучении стилистики румынского языка выпуски подкаста «Radio UZPR» могут послужить образцами для рассмотрения особенностей функциональных стилей речи.

Прослушивание подкаста «Learn Romanian Podcast» целесообразно при изучении фразеологических единиц румынского языка. Автор подкаста создала серию из 276 выпусков, объединенную общим наименованием «Cuvinte și expresii» («Слова и выражения»). Каждый из выпусков посвящен объяснению значений фразеологических единиц. Приводятся примеры контекстов их употребления.

Преподаватель может отобрать фрагменты подкастов в качестве учебного материала для проведения занятий по устному последовательному переводу с румынского языка на русский (например, «Radio UZPR», «Pe bune», «Cronicari digitali»).

Прослушивание подкастов на изучаемом иностранном языке целесообразно для тренировки навыков аудирования на любом этапе обучения, поскольку у студентов развиваются навыки фонематического слуха, восприятия аутентичной речи на слух в естественном темпе, расширяется словарный запас, совершенствуются навыки употребления естественных грамматических и синтаксических конструкций в устной и письменной речи на иностранном языке. Прослушивание образовательных подкастов, созданных носителями изучаемого языка в учебных целях, помогает студентам усвоить правила произношения и интонации и научиться понимать устную речь на иностранном языке.

Литература

- Гончар И. А.* Принципы обучения аудированию иноязычного текста // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 101–105.
- Кубасова А. О.* Преподавание аспекта «Аудирование» студентам-бакалаврам, изучающим румынский язык как язык специальности // Языковой и культурный плюрализм: непрерывное переосмысление идентичности: сборник научных статей / отв. ред. и сост. Л. Браниште. СПб.: Алетейя, 2022. С. 170–185.
- Федотова Н. Л.* Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс). СПб.: Златоуст, 2013. 192 с.

Малинина Светлана Михайловна

*старший преподаватель, кафедра английского языка навигации и связи,
Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова;
sveta.spb@inbox.ru*

ЭТАПЫ ОБУЧЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КУРСАНТОВ-СУДОВОДИТЕЛЕЙ МОРСКИХ ВУЗОВ

Ключевые слова: профессионально-ориентированная терминология, морской вуз, этапы обучения, аутентичные тексты, судовождение.

Профессиональная деятельность судоводителей непосредственно связана с осуществлением деловой коммуникации на английском языке. Конвенция ПДНВ 1978 года с поправками предъявляет следующие требования к знанию английского языка вахтенными помощниками: достаточное знание английского языка, позволяющее лицу командного состава пользоваться картами и другими навигационными пособиями; понимание метеорологической информации и сообщений относительно безопасности и эксплуатации судна; осуществление связи с другими судами, береговыми станциями и центрами служб движения судов; выполнение обязанности лица командного состава в многоязычном экипаже, включая способность использовать и понимать Стандартный морской разговорник [Международная конвенция ПДМНВ-78 1996].

Подготовка специалиста в области мореплавания, обладающего всеми необходимыми компетенциями, требует немало времени. Неслучайно, в отличие от студентов других неязыковых специальностей, курсанты морских вузов изучают английский язык пять лет, т. е. на протяжении всего курса обучения.

Курсант-судоводитель согласно возрастающим требованиям к уровню иноязычной подготовки должен владеть как общеупотребительным, так и профессионально-ориентированным английским языком.

В течение первых двух лет обучения в морском вузе курсанты овладевают базовым английским языком по общебытовой и общеморской тематике, приобретают умения вести беседу в пределах тем, предусмотренных программой. В первый год обучения внимание уделяется развитию лексического запаса по темам «Семья», «Образование», «Погода», «Страны», «Города». Следует отметить, что включение несложных коротких текстов профессионального содержания в учебные пособия по английскому языку для курсантов 1 курса положительно влияет на их мотивацию к обучению. Так, при изучении темы «Образование в морской академии» вводится ряд базовых терминов, например, *navigating bridge*, *Master / капитан*, *Chief Officer / старший помощник* и др. В теме «Погода» курсанты знакомятся с терминами *gale warning*, *meteorological information / метеорологическое сообщение* и др. В ходе обучения на 2 курсе курсанты овладевают общеморской лексикой по темам «Порты мира», «Типы судов», «Члены экипажа», «Безопасность на судне».

Внедрение англоязычной узкоспециальной направленности в образовательный процесс начинается с третьего года обучения. Процесс профессионализации начинается с постепенного введения терминологии специальности посредством чтения специальных и аутентичных научно-популярных и несложных технических текстов по навигации и выполнения заданий на активизацию специальной лексики. В течение 3 курса курсанты овладевают терминологией по темам «Лоцманская проводка», «Постановка судна на якорь», «Швартовка» и «Буксировка». Одновременно с изучением данных тем курсантам необходимо овладеть терминологией для чтения лоций. Эти термины являются наименованиями огней, бакенов, буев, типов грунта, типов якорных стоянок, опасностей, приливов и течений и др.

На данной ступени не менее важным является обучение профессионально-ориентированной устной диалогической и монологической речи. Достаточно много времени на занятиях уделяется составлению диалогов профессионального содержания с использованием стандартизированной терминологии для общения на море с целью развития умения решать коммуни-

кативные задачи в различных ситуациях профессионального общения, главным образом, поддерживать связь с другими судами и береговыми станциями [Издания для моряков на русском и английском языках 2015].

На 4 и 5 курсе обучение направлено на формирование и совершенствование терминологической компетенции в ходе чтения и реферирования аутентичных текстов, подготовки научных докладов и презентаций по изучаемой тематике, формирования навыков и умений ведения судовой, технической, эксплуатационной документации и пользования справочной литературой на английском языке. Пополнение лексического запаса реализуется в условиях чтения и реферирования разнообразных по объему и морской тематике текстов. К основным темам относятся «Грузовые операции», «Предотвращение загрязнения моря», «Оказание первой помощи на борту судна», «Техника безопасности», «Борьба с пожарами», «Поисково-спасательные операции», «Предотвращение столкновения судов», «Оборудование навигационного мостика», «Обязанности вахтенного офицера». Наряду с терминологией данных тем, курсанты овладевают терминами необходимыми для чтения морской карты.

Таким образом, обучение курсантов-судоводителей английскому языку в морском вузе представляет собой поэтапный и планомерный процесс. На начальном этапе у курсантов формируется лексический минимум по общеупотребительным темам, в ходе изучения которых вводится незначительное число терминов общеморской тематики. Доля специальной морской лексики значительно возрастает в текстах учебных пособий для 2 курса. Внедрение узкоспециальной лексики начинается с третьего года обучения, в ходе которого курсанты овладевают самым большим объемом терминов разной навигационной тематики и смежных дисциплин. На данном этапе вводится стандартизированная терминология по изучаемым темам — стандартные фразы ИМО для общения на море. Аутентичные тексты составляют 75% всего англоязычного материала. На старших курсах осуществляется совершенствование англоязычной терминологической компетенции по специальности, а также внедряется специальная лексика сопредельных отраслей знания, среди которых следует назвать экологию, морское право и оказание первой медицинской помощи. На этом этапе обучения доля аутентичных текстов составляет 84 %.

Литература

Издания для моряков на русском и английском языках. Выпуск № 9: Стандартные фразы ИМО для общения на море = IMO Standard Marine Communication Phrases. Серия «Судовладельцам и капитанам». Стандартный морской разговорник ИМО (на русском и английском языках). 4-е изд. СПб.: ЗАО ЦНИИМФ, 2015. 376 с.

Международная конвенция ПДМНВ-78 / International STCW Convention, 1978 / отв. за выпуск Г. М. Овчинников. СПб.: ЗАО ЦНИИМФ, 1996. 552 с.

Мясников Алексей Анатольевич

канд. пед. наук, доцент, кафедра педагогики и психологии,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики;
учитель английского языка, школа № 544 с углублённым изучением английского языка
Московского района Санкт-Петербурга;
alanm62@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ / ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: педагогическая деятельность, педагогические ситуации, стрессоустойчивость, конфликтоустойчивость, психологическая готовность к педагогической деятельности.

Педагогическая деятельность непосредственно сопряжена с разнообразными эмоциональными состояниями, возникающими в том числе в результате различных разногласий, споров и столкновений. Педагог должен уметь справляться со стрессом, регулировать, разрешать и устранять конфликты.

Психологическая подготовка к осуществлению педагогической деятельности осуществляется в ходе приобретения первоначального опыта овладения выбранной профессией и освоения роли педагога [Зеер 2013].

По Л. С. Выготскому, идеально организованное воспитание возможно лишь в идеально направленной социальной среде. Духовная жизнь человека пронизана борьбой между желаемым и реальным, и человек, сохраняя нормальное поведение, живет в постоянном конфликте между собой и средой; при этом преобразование и реализация человеческих стремлений и желаний в социально полезном направлении (сублимация) определяет продуктивную работу по воспитанию человека [Выготский 1991]. Принимая во внимание данную мысль, можно сказать, что практически все учителя / преподаватели иностранного языка попадали в те или иные стрессовые и конфликтные ситуации, связанные с осуществлением их профессиональной деятельности.

Противоречие между достигнутым уровнем развития знаний, навыков, способностей, системой мотивов и типами связи человека с окружающей средой является движущей силой психического развития ребенка. Развитие ребенка осуществляется от непроизвольности, импульсивности, ситуативности поведенческих реакций и поведения в целом к его произвольности и регулируемости, а рост у детей критического отношения к себе осуществляется постепенно.

Обучающиеся в учебной группе могут иметь разный объем знаний, неодинаково сформированные умения, навыки и психологические предпосылки к обучению. Элементами психологической готовности являются учебно-важные качества (УВК), такие как мотив учения, образное мышление, способность принимать учебные задачи, графический навык, вводные навыки (элементарные речевые и учебные навыки и умения), произвольность регуляции деятельности (в условиях пошаговой инструкции учителя), обучаемость (восприимчивость к обучающей помощи).

Перечисленные выше условия и обстоятельства педагогической деятельности отличаются от идеально представляемых и могут вызывать различные эмоциональные отклики, в том числе, эмоциональный стресс.

Современные учителя нередко подвергаются негативным переживаниям при взаимодействии с обучающимися, их родителями и школьной администрацией. В свою очередь многие обучающиеся сами находятся в состоянии стресса, что вызвано не только трудностями усвоения информации и разрывом между ускоренным физическим развитием и удлинением периода общественного становления, но и страхами перед диктатом учителя и его равнодушным отношением к ученику.

Стрессоустойчивость — способность контролировать уровень стресса и управлять своим поведением в стрессовой ситуации. Человек, характеризующийся высоким уровнем стрессо-

устойчивости, обладает ясностью мышления, хорошо концентрируется, представляет картину происходящего, действует в соответствии с четким планом и не подвержен растерянности, мыслит рационально и позитивно, сохраняет хладнокровие, спокоен, собран, легко общается, знает, как мотивировать и привлечь к сотрудничеству других людей, не чувствует неловкости в общении со сложными людьми, легко приспосабливается к обстоятельствам и справляется с самим собой, чтобы оставаться в хорошем расположении духа.

Учёт совокупности выше обозначенных факторов, приводит к выводу о том, что современный учитель может и должен быть стрессоустойчив: контролировать уровень собственного стресса, реагировать на происходящее хладнокровно и обдуманно, стараться выбрать наилучший вариант решения той или иной проблемы и не нарушить хороших отношений с окружающими людьми. Стресс может являться как следствием, так и причиной конфликта — столкновения противоположных сторон, мнений, сил, времен и культур [Козырев 2001].

Педагогические конфликты — данность и неизбежность образовательной деятельности, поскольку они, как и любые общественные конфликты, являются необходимым условием общественного развития. Однако данные конфликты не должны разрешаться какими-либо принудительными и, тем более, насильственно-репрессивными методами.

Конфликтоустойчивость — способность управлять конфликтом и регулировать им в той или иной конфликтной ситуации. Поэтому педагог должен, с одной стороны, знать теоретические основы конфликтологии, типологию и структуру конфликтов и, с другой стороны, уметь разумно регулировать и разрешать школьные конфликты.

Содержанием педагогической деятельности является передача обучающимся имеющихся знаний, умений, навыков, духовных и моральных ценностей, культурных представлений, создание условий для развития личности обучающихся с целью подготовки к осуществлению общественно-значимой деятельности. Преемственность педагогической деятельности — важное условие ее успешного осуществления.

Осуществляя педагогическую деятельность, учитель / преподаватель использует единственно эффективную стратегию поведения в возможных конфликтных ситуациях: открытая эффективная коммуникация, включающая активное слушание, тактичность, доверие, сотрудничество, разъяснение [Scannell 2010]. Данная стратегия исключает взаимодействия конфликтного характера и создает возможность регулирования и разрешения конфликта. Как следствие, совместная деятельность участников конфликта становится управляемой.

Литература

- Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
- Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2013. 416 с.
- Козырев Г. И. Введение в конфликтологию: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 176 с.
- Scannell M. The big book of conflict resolution games. New York; Chicago; San Fransisco: McGraw Hill, 2010. 231 p.

Охотникова Елена Васильевна

*канд. культурологии, доцент, преподаватель итальянского языка,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва);
eplico@mail.ru*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОШИБКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ И МЕТОДЫ ЭФФЕКТИВНОЙ КОРРЕКЦИИ

Ключевые слова: психология образования, методика преподавания иностранного языка, языковая ошибка, коррекция ошибки, психология обучения, когнитивно-поведенческая терапия.

Ошибки возникают в процессе любого обучения и путь овладения иностранным языком здесь не является исключением. Обучение иностранному языку так или иначе строится на ошибках и их коррекции. Спецификой работы с ошибкой в изучении иностранного языка является то, что внутри этого процесса речь идет не столько о механическом исправлении неправильного варианта на правильный и закреплении последнего, но о своего рода «перекодировке» экспрессивной речи обучающегося.

Система эта состоит не только из правил и исключений. В ее основе лежат иная лингвокультурная картина мира и специфические особенности выражения не только конкретных слов, но и целых понятий. Одним словом, обучающийся сталкивается не с предметом, а с системой, состоящей из комплекса предметов, и ошибка, особенно частотная, в конечном счете, является показателем именно непонимания системы и законов, по которым она функционирует.

С другой стороны, в нашем случае обучение — это коммуникативный процесс, осуществляемый на разных уровнях: коммуникация между преподавателем и обучающимся, коммуникация между обучающимся и носителями языковой среды, и, не в последнюю очередь, коммуникация обучающегося с самим собой.

Процесс выстраивания речи на иностранном языке не игнорирует и те психологические моменты, которые сопровождают нас в говорении на родном языке.

В конечном счете, обучить иностранному языку значит научить адекватно воспроизводить, доносить до собеседника тот внутренний текст потребностей и желаний, которые побуждают нас инициировать социальный контакт.

Таким образом, получается, что психологический аспект необходимо учитывать и при планировании методического аспекта преподавания, равно как и при коррекции трудностей, которые в этом обучении возникают.

Отдельный фокус работы — прогнозирование ошибки, как преподавателем (что позволяет формировать адекватный корпус материалов и упражнений для коррекции), так и самим обучающимся. Навык работы с тем, что «не получилось» — ресурсная зона этого процесса.

Главной сложностью, тем не менее, становится то, что традиционно ошибка воспринимается и преподавателем, и самим обучающимся, в основном, как отрицательный опыт. Причем помимо академической составляющей («не выполнил задание») почти всегда включается персонализированное восприятие ошибки как личного дефекта («у меня нет способностей», «я никогда не смогу это выучить», «это со мной что-то не так, наверное, я просто глупый»).

Накапливаются ошибки — снижается мотивация к продолжению обучения, и в итоге это оказывает негативное влияние и на академическую успеваемость, и на профессиональную мотивацию преподавателя.

Фокус коррекции в большинстве случаев смещается именно на академическую сторону вопроса, что абсолютно естественно. Причину ошибки ищут (и стараются по возможности устранить) в трудностях, которые традиционно сопровождают столкновение с чужим языком (например, в языковой интерференции), в методике — распределении видов заданий, их типов и количества, в сниженной мотивации, в малом количестве практики и так далее. В этом аспекте большая часть работы так или иначе ложится на преподавателя, но ведь обучение языку процесс лонгитюдный, более того, объем времени, который обучающийся проводит наедине

с языком в самостоятельной работе, значительно превышает количество аудиторных часов, заложенных учебным планом. То есть, обучение навыку анализа и самостоятельной коррекции ошибки — это значительная инвестиция в конечный результат эффективной коммуникации студента в языковой среде.

И в этой связи важно учитывать психологический аспект возникновения языковых ошибок, связанный как с законами психологии образования, так и с психологическими законами вообще [Гордеева 2008].

Здесь в арсенал, используемый преподавателем иностранного языка, кажется разумным добавить работающие методики из других гуманитарных областей и конкретно из психологии. В данном случае свою эффективность показывает использование инструментария когнитивно-поведенческой терапии для учебных целей.

Когнитивно-поведенческая терапия нацелена на коррекцию нежелательного поведения через когниции. Поведения в самом широком смысле — от конкретных прикладных вещей, вроде ассоциальных проявлений, до навязчивых мыслей, стойких деструктивных убеждений, ухудшающих качество жизни. Успешное формирование навыка анализа деструктивных схем мышления их коррекции открывает путь к улучшению психологического состояния пациента [Beck 1995; Бек 2019].

Речь, коммуникация, процесс обучения — это тоже поведение, а, значит, мы можем анализировать его и те трудности, которые возникают, применяя инструментарий КБТ-аналитики.

В настоящей работе мы предлагаем использовать расширенный подход к проблеме, а именно, обогатить тактику прогнозирования, анализа и коррекции языковой ошибки, применив к этой области тактику трехчастной причинно-следственной системы (А-В-С), доказавшую свою эффективность при работе в когнитивно-поведенческом подходе.

Такое расширение позволяет по-новому взглянуть на психологические аспекты возникновения языковой ошибки, эффективно подобрать методику коррекции и минимизировать рецидив. Важно научиться правильно анализировать возникающие ошибки и предложить студентам и преподавателям эффективный протокол их анализа.

Предлагаемый междисциплинарный подход позволит сделать процесс обучения эффективным, снизит риск потери мотивации к обучению у студентов, позволит адаптировать учебные программы, исходя из запроса и специфических трудностей конкретной группы обучающихся. При этом благодаря ему будет предоставлен эффективный протокол анализа и коррекции ошибки как преподавателем, так и самими обучающимися.

Литература

- Бек Д. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям / пер. с англ. А. Соломиной. СПб.: Питер, 2019. 416 с.
- Гордеева Т. А. Теория и практика исправления ошибок при обучении иностранному языку: монография. Пенза: ИИЦ ПГУ, 2008. 113 с.
- Beck J. S. Cognitive Therapy: Basics and Beyond. New York; London: The Guilford Press, 1995. 414 p.

Плехова Ольга Геннадьевна

канд. пед. наук, учитель английского языка,
Школа Международный детский центр «Артек»;
plekhova_olga@mail.ru

ЭЛЕКТИВНЫЙ КУРС НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ «ЗНАМЕНИТЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ» (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ШКОЛЫ МДЦ «АРТЕК»)

Ключевые слова: речевое развитие, историческая память, дискурсивные умения, элективный курс.

Одной из приоритетных целей образования в России, обозначенных в Указе Президента РФ от 09 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», выступает воспитание гармонично развитой личности, основанное на уважении к традиционным общечеловеческим и национальным духовно-нравственным ценностям. Среди ключевых инструментов сохранения системы традиционных ценностей выделяются такие, как обеспечение преемственности поколений, сохранение исторической памяти, противодействие попыткам искажения российской истории, в том числе касающихся жизни и творчества выдающихся деятелей России [Указ Президента РФ № 809 2022: ЭР]. На сегодняшний день Россия вынуждена защищать свои национальные интересы и пресекать случаи фальсификации исторических фактов, зачастую связанные с полным игнорированием роли государства в мировой истории. В связи с этим в рамках школьного обучения важным представляется формирование у учащихся умений построения логичных и аргументированных высказываний, направленных на отстаивание собственного мнения (как на родном, так и на иностранном языке), о роли Отечества в мировой истории, об исторических и культурных фактах с позиций патриотического отношения к стране и уважения к её традиционным ценностям и достижениям.

Значимость единства учебной и воспитательной целей при обучении иностранному языку также отражена в федеральной рабочей программе основного общего образования «Иностранный (английский) язык»: «изучение иностранного языка (английского) направлено на формирование коммуникативной культуры обучающихся, осознание роли языка как инструмента межличностного и межкультурного взаимодействия, способствует их общему речевому развитию, воспитанию гражданской идентичности, расширению кругозора, воспитанию чувств и эмоций» [Федеральная рабочая программа 2023: 3]. Одним из путей реализации данного принципа выступает внедрение в образовательный процесс интегрированного элективного курса на английском языке «Знаменитые деятели России», нацеленного на укрепление гражданской идентичности обучающихся и развитие у них интереса к изучению жизни и деятельности выдающихся личностей, внёсших фундаментальный вклад в становление и развитие Российского государства.

В настоящий момент апробация элективного курса «Знаменитые деятели России» с успехом проходит на базе школы Международного детского центра «Артек». Включение данного курса в обучение учащихся старших классов реализуется в рамках дискурс-ориентированного интегративного подхода, основанного на взаимосвязанном обучении английскому языку и истории России и направленного на формирование у обучающихся дискурсивных умений, необходимых для участия в межкультурном историческом дискурсе [Тарнаева, Плехова 2018].

Единицами отбора учебно-речевого материала выступают следующие:

- 1) лексические единицы, функционирующие в англоязычном историческом дискурсе (преимущественно термины), например: the Yalta Conference, Yaroslav the Wise, cannon, strategic withdrawal и др.;
- 2) дискурсивные формулы англоязычного исторического дискурса, например: хронотопические дискурсивные формулы (Suvorov was born in Moscow in 1729), дискурсивные фор-

мулы периодизации событий / жизни исторической личности (During the Seven Years' War) и др.;

- 3) коммуникативные стратегии и речевые тактики англоязычного исторического дискурса: в качестве ведущих избираются стратегии аргументации и реализующие их речевые тактики (информирования, доказательства, приведения данных, приведения примера, логического вывода, выражения (не)согласия, выражения личного мнения, отсылки к авторитетному мнению, выражения национальных ценностных ориентиров);
- 4) исторические факты, события и сведения, знание которых соотносится с программными требованиями по дисциплине «История России», реализуемой в старших классах средней общеобразовательной школы;
- 5) тексты англоязычного исторического дискурса, включающие в себя описанные выше компоненты отбора учебно-речевого материала.

Отобранный учебно-речевой материал организован согласно тематическому принципу и представлен в виде тематических блоков, отражающих периоды культурно-исторического развития России, например: «Древняя Русь / Ancient Rus», «Вторжение Монголов / Mongol Invasion», «Москва — центр земель русских / Moscow — the Center of the Russian Lands», «Великая смута / The Time of Troubles» и др.

В качестве средств обучения англоязычному историческому дискурсу используется текстовый, аудио- и видеоматериал.

Комплекс упражнений, направленный на формирование речевых навыков и умений, необходимых для построения англоязычного исторического дискурса, включает в себя языковые, условно-речевые и речевые упражнения. В качестве иллюстрации можно привести условно-речевое упражнение, целью которого является формирование умения распознавания речевых тактик данного вида дискурса:

Read the fragments. Choose from the following what is expressed in each of them / Прочитайте фрагменты. Выберите, какую функцию из предложенных они выполняют.

1. Giving examples 2. Informing 3. Claiming

a) On the 12th of July, 1942, the Stalingrad front was formed.

b) The day of July the 17th entered history as the Battle of Stalingrad's beginning ... и т. д.

Экспериментальное обучение учащихся старших классов англоязычному историческому дискурсу в рамках элективного курса на английском языке «Знаменитые деятели России», проводимое на базе школы Международного детского центра «Артек», показало эффективность не только в формировании дискурсивных умений учащихся, но и в воспитательном плане, поскольку способствует духовному развитию, становлению личности старшеклассников. Кроме этого, данный курс может рассматриваться как индивидуальный образовательный маршрут в предпрофильной подготовке учащихся, которая необходима для будущих историков, дипломатов, политологов.

Литература

Тарнаева Л. П., Плехова О. Г. Дискурс ориентированный интегративный подход к обучению англоязычному историческому дискурсу учащихся старших классов гимназий социально гуманитарного профиля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 4 (82), ч. 2. С. 425–428.

Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 10.01.2024).

Федеральная рабочая программа основного общего образования «Иностранный (английский) язык» (для 5–9 классов образовательных организаций). М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», 2023. 183 с.

Пьянкова Ксения Алексеевна

*аспирант, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st071124@student.spbu.ru*

РОЛЬ МОТИВИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ В ХОДЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КУРСАНТОВ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Ключевые слова: формирование мотивации, внешние мотивы, коммуникативные потребности.

В условиях глобализации, во многом обуславливающей современное развитие общества, в частности, расширение межкультурного общения, актуальным является изучение иностранного языка, ориентированное на его практическое применение в различных профессиональных сферах. С расширением межкультурных взаимодействий в различных областях человеческой жизнедеятельности, увеличился спрос на квалифицированных специалистов, владеющих культурой иноязычного общения. Одной из важных задач при обучении курсантов военно-учебных заведений иностранному языку является формирование навыков и умений профессионально-ориентированного общения. Однако необходимо отметить, что в настоящее время в научно-методической литературе в недостаточной степени раскрываются методы, приёмы формирования положительной мотивации в процессе обучения иностранному языку курсантов военных учебных заведений. Преобладающим мотивом у курсантов является достижение успешного карьерного роста, что невозможно осуществить без знания иностранного языка. Более того, необходимость подготовки сообщений и рефератов на научные темы, поиск научной литературы по специальности, участие в международных конференциях, общение с коллегами также является мотивирующим фактором в изучении иностранного языка. Под мотивацией понимается система побуждающих импульсов, направляющих учебную деятельность, в случае положительного настроя со стороны преподавателя, на более глубокое изучение иностранного языка, его совершенствование и стремление развивать потребности познания иноязычной речевой деятельности, включая интерес (к теме и деятельности), актуальность, ожидание (успеха и контроля) и удовлетворение.

Важность формирования мотивации к изучению английского языка у студентов неязыковых вузов подчеркивается как зарубежными, так и отечественными лингвистами [Алхазидзе 1974; Gardner, Lambert 1975; Маркова 1990]. Так, Р. Гарднер и В. Ламберт вводят понятия «интегративной и инструментальной направленности мотивации для характеристики процессов изучения иностранного языка для достижения некоторой дистанцированной цели» [Gardner, Lambert 1975: 33–35]. Инструментальная направленность рассматривается как потребность в использовании иностранных языков для практических целей, а интегративная — как стремление к наиболее полной интеграции, к приобщению к культуре и ценностям носителей языка.

Внешние мотивы изучения иностранного языка влияют на результативную интегративную мотивацию. Стремление к приобщению к престижной культуре, вхождение в общность людей, говорящих на изучаемом языке, являются внешними стимулами для создания определенной установки, которые могут усилить интегративность результативной мотивации. Исследователи выделяют ряд факторов, влияющих на мотивацию к изучению языков: распространенность и значимость языка в мире; положительное отношение у обучаемых к стране изучаемого языка и к изучаемому языку; желание приобщиться к культуре говорящих на данном языке; эстетическая ценность; представление о легкости / трудности языка, относящееся также к субъективно-психологическим факторам возникновения мотива к изучению; постановка целей и понимание весомости причин для изучения языка (результативные факторы); автономность или вовлеченность в учебный процесс; а также личностные характеристики: способности, возраст, пол, предшествующий языковой и учебный опыт, стратегическая компетенция; факторы самооценки — ожидания в плане успешности реализации своих способностей в сфере изучения [Gardner, Lambert 1975].

Для формирования мотивации на занятиях по иностранному языку преподавателю следует предлагать такие темы для обсуждения, которые побуждали бы студентов к дискуссионному общению, выявляли бы отношение студента по тому или иному вопросу, «активизируя познавательную деятельность студентов, их самостоятельность и культурное рефлексивное мышление, а также создав те условия, в которых они могут использовать свой личный жизненный опыт» [Морозова 2010: ЭР]. Обстановка дискуссионного общения должна настраивать студентов на свободное выражение мнения и убеждение оппонентов с учетом их мнения. Следует выделить тот факт, что главным методом в обучении дискуссионному общению является метод активизации. Он стимулирует студентов использовать как подготовленную, так и спонтанную речь в процессе группового общения на английском языке [Морозова 2010: ЭР].

Знание конкретных мотивов обучения, оказывавших влияние на эффективность изучения иностранных языков, это оптимальная организация учебного процесса. Важно не только правильно выявлять мотивы, но и разумно управлять ими. Необходимо развивать у обучаемых внутреннюю мотивацию, которая приведет к реальному успеху в изучении иностранных языков. Учебный материал должен способствовать укреплению основных составляющих мотивации: интересов, потребностей, мотивов и эмоций. Мотивация является многогранным явлением, поэтому содержание обучения должно включать в себя комплекс средств, которые направлены на ее поддержание, что делает возможным повысить уровень заинтересованности студентов в учебном процессе, а также их личный научный и творческий потенциал.

Литература

- Алхазивили А. А. Психологические основы обучения устной иностранной речи. Тбилиси, 1974. С. 63–75.
- Маркова А. К. Формирование мотивации обучения. М.: Просвещение, 1990. 192 с.
- Морозова И. Г. Дискуссия как метод проблемного обучения и как средство формирования межкультурной компетенции на занятиях иностранного языка в вузах // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. URL: <https://www.hse.ru/data/2011/03/20/1211261853/Дискуссия%20как%20метод%20проблемного%20обучения.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).
- Gardner R., Lambert W. Attitudes and motivation: Second language learning. Newbury House, 1972. P. 33–35, 46–51.

Тарнаева Лариса Петровна¹, Никульникова Надежда Юрьевна²

¹д-р пед. наук, профессор, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
l-tarnaeva@mail.ru

²старший преподаватель, кафедра методики обучения иностранным языкам,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
nadya-316@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ-ИСПАНИСТОВ ОСОБЕННОСТЯМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Ключевые слова: лингвокультурологический подход, испанский язык, Латинская Америка, отбор учебно-речевого материала.

Лингвокультурологический подход в обучении иностранному языку является одним из путей реализации культурно-ориентированного направления в лингводидактике, которое пережило активный период становления и прочно вошло в образовательное пространство подготовки лингвистов в университетах России и Европы.

На сегодняшний день существует несколько культурно-ориентированных подходов: культуроведческий или лингвокультуроведческий (Е. И. Пассов), лингвострановедческий (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. Н. Беляков, Л. Виссон, В. В. Кабакчи), лингвокультурологический (В. В. Воробьев, В. М. Шаклеин, Л. П. Тарнаева) и др.

Лингвокультуроведение (культуроведение) является учебной дисциплиной, основная цель которой — знакомство учащихся с культурой страны через иностранный язык [Пассов 2006]. Лингвострановедение как методическая дисциплина возникла после публикации работы Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура» в 70-х годах прошлого века и представляет собой реализацию практики отбора и презентации в учебном процессе информации о национально-культурной специфике речевого общения языковой личности с целью формирования коммуникативной компетенции студентов, изучающих иностранный язык [Щукин 2017]. Лингвокультурологический подход определяется как овладение системой сопоставительных лингвокультурологических знаний, на основе которых формируются коммуникативные умения и способности, необходимые для осуществления речевого поведения, адекватного с точки зрения межкультурного взаимопонимания [Тарнаева 2006].

В связи с тем, что наибольшие отличия латиноамериканских вариантов испанского языка от иберийского варианта проявляются на лексическом уровне, лингвокультурологический подход в настоящем исследовании понимается как целенаправленное, системное, сопоставительное изучение культурно-маркированных лексических единиц, отражающих картину мира, образ жизни, менталитет, материальную и духовную самобытность народов стран Латинской Америки. В данном контексте лингвокультурологический подход предусматривает организацию учебного процесса с учётом географических, природных, исторических, социальных условий, верований, традиций и образа жизни народов-носителей испанского языка Латинской Америки.

Особое значение в обучении студентов-испанистов испанскому языку Латинской Америки имеет отбор учебно-речевого материала, отражающего лексические особенности латиноамериканских вариантов. В настоящей работе за единицу отбора учебно-речевого материала принимается лингвокультурема, представленная словом, свободным словосочетанием и словосочетанием-фразеологизмом. Важно отметить, что под лингвокультуремой понимается языковая единица с национально-культурным компонентом, включающим сегменты не только лингвистического (языкового) содержания, но и экстралингвистического (внеязыкового, культурного) [Воробьев 2008].

Отбор лингвокультурем осуществляется на основе принципа культурологической насыщенности лексических единиц, когда учитывается степень их национально-культурной окрашенности. Данный принцип реализуется посредством таких критериев, как употребительность, аутентичность, коммуникативная ценность, функциональность отбираемых в методических целях языковых единиц.

Важнейшее значение имеет принцип аутентичности, который предполагает использование в качестве учебного материала подлинных текстов, функционирующих в социокультурном пространстве стран Латинской Америки.

Существует точка зрения о разграничении подлинной и педагогической аутентичности. Подлинная языковая аутентичность заключается в использовании лингвистических средств в целях реальной коммуникации, в то время как под педагогической аутентичностью понимается использование языковых средств в учебных целях [Widdowson 1990]. В контексте данного исследования представляется целесообразным принять точку зрения о методической (педагогической) аутентичности. Однако, как отмечается в исследованиях, при обучении на основе аутентичных текстов методическая обработка аутентичных текстов может проявляться лишь в их сокращении или фрагментации, адаптация же речевого материала не представляется целесообразной [Тарнаева 2010].

В нашем исследовании принцип методической аутентичности проявляется в использовании оригинальных неадаптированных текстов, однако допускается изъятие фрагмента из большого по объёму аутентичного текста без внесения каких-либо изменений.

Отбор учебного материала явился результатом подбора и анализа определённой совокупности источников — таких, как электронные версии статей из главных латиноамериканских периодических изданий (El Tiempo (Колумбия), El Comercio (Перу), El Universal (Мексика), El Mercurio (Чили) и др.), фрагменты радио и телепередач (Caracol TV (Колумбия), Televisión Cubana (Куба), Bolivia TV (Боливия) и др.), песни (Chocquibtown (Колумбия), Carlos Vives (Колумбия), Calle 13 (Пуэрто Рико), Natalia Lafourcade (Мексика), Carlos Rivera (Мексика) и др.), блоги в социальных сетях, корпуса испанского языка (CORDE, CREA, CLICC, NALEC), словари (Чилийский этимологический словарь / Etimología de CHILE, словарь Королевской академии испанского языка / Diccionario de la Real Academia Española DRAE), тексты художественных произведений (G. García Márquez (Колумбия), Isabel Allende (Чили), José Martí (Куба) и др.).

Литература

Воробьёв В. В. Лингвокультурология: Монография. М.: РУДН, 2008. 336 с.

Пассов Е. И. Сорок лет спустя, или Сто и одна методическая идея. М., 2006. 236 с.

Тарнаева Л. П. Изучение языков и культур. Тенденции в методике преподавания иностранных языков // Актуальные вопросы методики преподавания английского языка: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. университет, 2006. С. 158–163.

Тарнаева Л. П. Критерии и единицы отбора лингвистического материала для обучения переводчиков трансляции культурно-маркированной информации институционального делового дискурса // Вестник ПГЛУ. 2010. №4. С. 286–289.

Шукин А. Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке. Учебное пособие для преподавателей и студентов языковых вузов. М.: Издательство Икар, 2017. 454 с.

Widdowson H. G. Teaching Language as Communication. Oxford University Press, 1990. 168 p.

Тарнаева Лариса Петровна¹, Шаврова Анна Владимировна²

¹д-р пед. наук, профессор, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
l-tarnaeva@mail.ru

²старший преподаватель, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
annshavrova@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМУЛЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ)

Ключевые слова: политический дискурс, дискурсивные формулы, обучение профессионально-ориентированному общению, отбор речевого материала.

Политическая коммуникация выступает одним из наиболее частотных объектов изучения как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике (Баранов А. Н., Казакевич Е. Г., Карасик В. И., Михалёва О. Л., Паршина О. Н., Чудинов А. П., Шейгал Е. И., Wodak R., Van Dijk T. и др.). Отмечается, что политическая сфера общения социально обусловлена (политическая деятельность построена на взаимоотношениях между отдельным человеком или группой людей и социальными институтами) и отличается дискурсивным характером, поскольку политические действия представляют собой преимущественно речевые действия, совокупность которых называется языком политики [Шейгал 2000]. Следовательно, политический дискурс рассматривается как «институциональное общение, которое, в отличие от лично-ориентированного, использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, т. е. обладает собственным подязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией)» [Карасик 2002: 233].

С позиций социолингвистики дискурсивная модель политического дискурса как одного из видов институционального дискурса включает в себя следующие компоненты: 1) участники; 2) хронотоп; 3) цели; 4) ценности; 5) стратегии; 6) материал (тематика); 7) разновидности и жанры; 8) прецедентные тексты; 9) дискурсивные формулы [Карасик 2002].

Важной составляющей дискурса, по мнению исследователей, выступают дискурсивные формулы, которые понимаются как устойчивые профессионально-ориентированные обороты речи (лексические и фразеологические единицы, клише), представленные на уровне слова, словосочетания, предложения и маркирующие тот или иной вид дискурса [Карасик 2002; Бейлинсон 2008]. Дискурсивные формулы выполняют ряд значимых функций в институциональном дискурсе: 1) структурообразующую (обеспечивает логическое построение дискурса); 2) прагматическую (направлена на выражение интенций говорящего / пишущего); 3) эмфатическую (способствует экспрессивности и оценочности высказывания); 4) маркирующую (позволяет выделять тот или иной вид дискурса среди остальных его видов) [Лешневская 2022].

В исследованиях выделяются следующие дискурсивные формулы англоязычного политического дискурса:

- дискурсивные формулы ориентации: номинация политических институтов, органов власти, институциональных ролей, политиков (the White House, governor, political campaign, the Republican party и др.); стертые пространственные и цветовые метафоры, которые могут быть межкультурными универсалиями (the radical left, the Green Party и др.);
- дискурсивные формулы интеграции: лексемы единения, солидарности, поддержки, установления контакта с аудиторией (например, инклюзивное местоимение «we»), лексемы совместности (together, our, united), лексемы с коннотацией «я свой» (friends, brothers and sisters, Americans, men and women), формулы причастности (I'm like everyone else ...; I'm like you ...), грамматические формы 1-го л. мн. ч. (Let's make ...; We won't let them ...), термины ориентации / парольные слова (democratic ideals, reforms, homeland), прием «присоединения», построенный на формуле “your = my”;

- дискурсивные формулы агональности, нацеленные на понижение политического статуса оппонента: (а) бранная лексика (bullshit, piece of trash, bad guy, LOL Biden — LOL: laugh out loud / ухахатываться); (б) ярлыки, среди которых лексемы со значением пороков (thief, fraud, traitor), лексемы с отрицательно-оценочной коннотацией (fascist, dictator, racist), лексемы со значением преувеличения отрицательных последствий действий оппонентов (occupation, invasion, robbery), нейтрально-оценочные лексемы (patriot, Liberal, Democrat, leader), антропонимы (Hillary Clinton — ассоциируется с двойными стандартами в политике Демократической партии США), этнонимы (Russian, Asian, Muslims); (в) маркеры «чуждости»: лексемы с компонентом дистанцирования (these, they, their, foreign и др.), умаления значимости (every, any, some и др.), недоверия к оппоненту (so called, reportedly, thought to be и др.), кавычки как знак недоверия.

Отмеченные особенности дискурсивных формул англоязычного политического дискурса необходимо учитывать при отборе языкового материала для обучения будущих специалистов в сфере международных отношений иноязычному профессионально-ориентированному общению.

Одним из важных критериев отбора учебно-речевого материала является критерий ориентации на функциональные типы знаков политического дискурса. В соответствии с данным критерием основой отбора является базовая семиотическая триада политического дискурса «интеграция — ориентация — агональность».

Наряду с критерием ориентации на функциональные типы знаков политического дискурса значимым представляется критерий структурного разнообразия, на основании которого отбираются дискурсивные формулы англоязычного политического дискурса, представленные разными языковыми уровнями (слова, словосочетания, предложения).

Отобранный на основе данных критериев корпус дискурсивных формул послужит для студентов своего рода ориентиром в корректной интерпретации и продуцировании текстов англоязычного политического дискурса.

Литература

- Бейлинсон Л. С. Дискурсивные формулы профессиональной речи // Известия ВГПУ. 2008. №5. С. 42–46.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Лешневская К. В. Дискурсивные формулы как компонент экономического дискурса: диахронический аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 2. С. 60–65.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.

Тарнаева Лариса Петровна¹, Шерстнёва Анастасия Андреевна²

¹д-р пед. наук, профессор, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
l-tarnaeva@mail.ru

²магистрант, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
asharstniova@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: лингводидактический дискурс, институциональный дискурс, терминологическая система.

Целью подготовки будущих преподавателей иностранного языка является формирование профессиональной компетенции, овладение которой не представляется возможным без формирования навыков и умений ведения профессионально-ориентированной коммуникации в области лингводидактики. Следовательно, одной из важнейших задач иноязычного образования студентов-лингвистов является обучение лингводидактическому дискурсу.

В научной литературе существуют различные подходы к трактовке понятия дискурса. С лингводидактических позиций релевантным представляется социолингвистический подход к пониманию дискурса, в соответствии с которым дискурс предстаёт как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик 2002: 194].

Социолингвистический подход исходит из понимания дискурса как особой организации речи, детерминированной определёнными социальными принципами, что даёт возможность дифференцировать бытовую и институциональный виды дискурса. Институциональный дискурс осмысливается как вербальное поведение, сложившееся в обществе применительно к закреплённым сферам общения [Карасик 2002].

Поскольку институциональный характер дискурса выражается в умении коммуникантов воспринимать и использовать в речи лексические средства выражения профессионального тезауруса, наличие собственной терминологической системы является одним из критериев дифференциации конкретного вида дискурса в системе институционального дискурса. Исходя из этого, исследование особенностей терминосистемы лингводидактического дискурса, с одной стороны, позволяет закрепить лингводидактический дискурс в системе институционального дискурса, а, с другой, определить критерии отбора терминологического аппарата для обучения студентов-лингвистов профессионально ориентированному общению.

В лексическом составе лингводидактического дискурса представлены следующие слои:

- 1) общеупотребительная лексика (слова общеупотребительного языка);
- 2) общенаучная лексика (слова специальной сферы употребления, имеющие дефиницию и являющиеся наименованиями общенаучных концептов);
- 3) терминологическая лексика смежных наук;
- 4) собственно лингводидактическая терминология.

В ряде научных работ (Едличко, 2019; Ярославская, 2014) бытует мнение, согласно которому терминосистема лингводидактики представлена исключительно терминами смежных наук, не обладая собственным терминологическим аппаратом. Подобное представление, на наш взгляд, является необоснованным, ставящим под сомнение не только возможность дифференцировать лингводидактический дискурс, но и статус лингводидактики как самостоятельной науки.

Анализ русскоязычных текстов лингводидактической проблематики, отобранных методом вероятностной выборки, позволил выделить в лингводидактической терминосистеме следующие группы терминов:

- 1) собственно лингводидактические («языковые упражнения», «аналитическое чтение» и др.);
- 2) общеметодические («упражнение», «приём» и др.);
- 3) лингвистические («грамматика», «заяог» и др.);
- 4) педагогические («образование», «воспитание» и др.);
- 5) психологические («мышление», «восприятие» и др.);
- 6) психолингвистические («речевая деятельность», «языковая личность» и др.);
- 7) философские («сознание», «категория» и др.);
- 8) статистические («валидность», «надёжность» и др.).

Согласно полученным данным, терминосистема лингводидактического дискурса действительно функционирует в тесной связи со смежными науками, что вполне объяснимо: лингводидактика опирается на «образ языка» в лингвистике, на данные, полученные в результате психологических и психолингвистических исследований, на философские, педагогические и методические постулаты, а также прибегает к инструментам статистики. Включение таких терминов позволяет упорядочить терминосистему гуманитарных наук, однако стоит отметить, что категории действительности, став объектами исследования гуманитарных наук, трактуются по-разному в зависимости от специфики той или иной области научного знания, поэтому использование в лингводидактике терминов смежных наук свидетельствует не о заимствовании терминологического аппарата, а об осмыслении того или иного явления с позиции обучения иностранным языкам. Данная особенность нашла отражение в структуре словарной статьи лингводидактических словников, которая зачастую представлена несколькими дефинициями и комментариями о разных подходах к трактовке того или иного явления.

Своеобразие лингводидактической терминологии также заключается в том, что русско- и англоязычные терминосистемы, несмотря на некоторые совпадения, значительно отличаются друг от друга. Так, некоторые англоязычные термины лингводидактики не имеют устоявшегося перевода на русский язык, а русскоязычная терминология, опираясь на результаты отечественных научных исследований, не получивших распространения за рубежом, не представлена в англоязычном вокабуляре, что приводит к некорректной транспозиции терминосистем и затрудняет профессиональную коммуникацию.

Общение в научной и образовательной среде требует ясности и однозначности терминологии, поэтому уточнение существующих двуязычных словников (англо-русских и русско-английских) и разработка унифицированной лингводидактической терминосистемы, которая ляжет в основу обучения профессиональной коммуникации, представляет собой важную задачу для специалистов в области лингводидактики.

Таким образом, лингводидактическая терминологическая система обладает отличительными от других научных областей чертами, что позволяет выделить лингводидактический дискурс в системе институционального дискурса, определить содержание обучения студентов-лингвистов профессионально-ориентированному общению, а также поднимает актуальный вопрос гармонизации англо- и русскоязычных терминологических систем.

Литература

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

У Дарья Борисовна

Аспирант, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
dasha.gubaidullina@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМ ЕДИНИЦАМ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТОВ-ВОСТОКОВЕДОВ

Ключевые слова: китайский язык, методика обучения, фразеологизмы.

В последние годы всё больше студентов выбирает китайский язык в качестве своей основной специальности и посвящает свою жизнь Китаю и китайскому языку, что требует от педагогического состава высокой подготовки и постоянного совершенствования методики преподавания. Одной из сложных тем в обучении китайскому языку студентов-китаистов является обучение китайским фразеологизмам.

В российской лингвистике одной из классификаций фразеологизмов, к которой часто обращаются исследователи, является классификация В. В. Виноградова, в соответствии с которой выделяются фразеологические сращения (во всю Ивановскую; бить баклуши); фразеологические единства (выносить сор из избы; плыть против течения), фразеологические сочетания (отвести глаза от кого-нибудь; затронуть чьи-нибудь интересы) [Виноградов 1977].

В китайской лингвистике дифференциация фразеологизмов частично совпадает с классификацией В. В. Виноградова. Одной из распространённых является классификация, предложенная Ма Гофань. Выделяются следующие типы фразеологических единиц: 1) чэньюй 成语 — идиомы; 2) яньюй 颜语 — пословицы; 3) сехоуэй 歇后语 — недоговорки-иносказания; 4) гуаньнюнъюй 惯用语 — фразеологические сочетания; 5) суюй 俗语 — поговорки [Ма Гофань 1978].

1. Чэньюй (成语) («готовое выражение») — это устойчивое фразеологическое словосочетание, построенное по нормам древнекитайского языка, с обобщённо переносным значением, носящее экспрессивный характер. Эта группа китайских фразеологизмов является наиболее употребимой.

2. Яньюй (颜语) («пословица») — малая форма народного поэтического творчества, облаченная в краткое изречение, несущее обобщённую мысль, вывод, иносказание с дидактическим уклоном.

3. Сехоуэй (歇后语) («недоговорка-иносказание») — двучленные изречения, в которых первая часть представляет собой иносказание, вторая — его раскрытие. Сехоуэй часто содержат элементы нравоучения и носят дидактический характер. При преподавании сехоуэй обязательно следует подчеркнуть, что они могут употребляться как в полной форме, так и в усечённой форме.

4. Гуаньнюнъюй (惯用语) («привычные выражения») — трёхморфемное словосочетание, которое характеризуется экспрессивностью, образностью, яркой стилистической окраской. При преподавании гуаньнюнъюй следует особо подчёркивать их эмоциональную окраску и языковой контекст, в котором он используется.

5. Суюй (俗语) — это устойчивое сочетание слов, характеризующееся метафоричностью и экспрессивностью, но не имеющее функции воспитания и предостережения.

Основными сложностями в обучении китайским фразеологизмам в современном вузе являются: нехватка часов в учебной программе, отведённых для изучения фразеологии, отсутствие узкоспециализированных пособий, опыта обучения фразеологизмам у педагогов и разработанной методики. К тому же, обучение фразеологизмам возможно только на старших курсах, студентам достигших среднего и продвинутого уровня владения языком.

Тем не менее, овладение основными фразеологизмами для студентов-китаистов крайне необходимо, так как это поможет им обогатить свою речь и легко общаться с носителями языка на одном уровне, пригодится им и в профессиональной деятельности. Знание фразеологизмов также облегчает чтение как публицистической, так и художественной литературы.

Опыт обучения китайским фразеологизмам студентов-китаистов позволил выявить следующие варианты работы с фразеологизмами на аудиторных занятиях: презентация; семантизация (беспереводная / переводная / наглядный способ с помощью иллюстраций); первичное употребление фразеологизмов в отдельных фразах и подготовленных высказываниях; употребление фразеологизмов в неподготовленной монологической и диалогической речи с целью решения коммуникативной задачи.

Занятие строится по следующей схеме: 1) озвучить тему урока, например, «学习求知» («Учёба и стремление к знаниям»); 2) обсудить лингвокультурологический контекст данной темы на китайском языке; 3) предложить студентам 5–10 фразеологизмов по данной теме (不耻下问 / 废寝忘食 / 手不释卷 / 开卷有益 / 精益求精); 4) разобрать фразеологизмы на отдельные иероглифы; 5) дать студентам определение каждой фразеологической единицы на китайском / перевод и транскрипцию, дать примеры употребления, синонимы и антонимы; 6) отработать фразеологизмы (устно и письменно), используя систему упражнений, разработанную автором; 7) разыграть диалоги в парах.

На занятиях важно уделять внимание следующим аспектам: многократному повторению ранее изученных единиц; разнообразию заданий для отработки того или иного фразеологизма; углублению в этимологию некоторых фразеологизмов и обсуждению ситуаций подходящих для употребления той или иной фразеологической единицы.

Китайские фразеологизмы, являясь устойчивыми лексико-синтаксическими единицами современного китайского языка, ярко, живо и выразительно отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса, имеют особую культурологическую маркированность. Обучение фразеологизмам студентов несомненно является актуальным вопросом для преподавателей китайского языка в вузе. Использование правильной методики и заинтересованность педагога в предмете поможет студентам без труда овладеть этим пластом китайской лексики.

Литература

- Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
- Ма Гофань 马国凡. Чэнъюй (成语). Хух-хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 1978. 344 с.

Хижнякова Майя Эдуардовна

*аспирант, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
mn1708@mail.ru*

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК КОМПОНЕНТА КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Ключевые слова: дискурсивная компетенция, дискурс, обучение иностранным языкам, коммуникативные стратегии, национальный дискурс.

По мнению многих исследователей, главная практическая цель обучения иностранным языкам заключается в формировании коммуникативной компетенции. Одним из компонентов данной компетенции выступает дискурсивная компетенция, наряду с лингвистической, социолингвистической, социокультурной, предметной и другими. Дискурсивная компетенция — это способность не только понимать различные типы коммуникативных высказываний, но и создавать свои собственные высказывания, применяя различные лингвистические средства [Луцинская 2009].

Отсутствие или недостаточная сформированность дискурсивной компетенции у обучающихся является причиной затруднений в общении не только на иностранном языке, но и на родном. При этом анализ отечественных учебно-методических пособий выявил недостаточную направленность данных пособий на формирование у обучающихся дискурсивной компетенции [Горбунов 2017].

Многие исследователи едины во мнении о том, что формирование дискурсивной компетенции следует начинать с первых дней обучения иностранному языку. Так, Горбунов А. Г. пишет о важности развивать именно монологическую речь обучающегося, так как именно она становится основой более сложной диалогической или полилогической речи. Важным в формировании дискурсивной компетенции является и способность декодировать и транслировать сведения о культуре коммуниканта, цели и последствиях коммуникации, жестах, мимике, телодвижениях и так далее [Горбунов 2017].

Одной из причин затруднений в формировании дискурсивной компетенции является непонимание различий между письменной и устной видами речи. Устная речь является межличностным общением двух и более коммуникантов с меняющимися ролями в зависимости от степени формальности дискурса. Для устного дискурса характерны эмоциональность, экспрессивность, разнообразие невербальных средств и речевых клише [Горбунов 2017].

Исходя из положений компетентностного подхода, содержание дискурсивной компетенции может быть расширено следующими знаниями: 1) знание о предмете общения, под которым понимается фрагмент действительности (явление, событие, факт); 2) знание типов взаимодействия и типов ролей между коммуникантами; 3) знание о вербализации различных типов взаимодействия и ролей между коммуникантами; 4) способность осознать себя в качестве коммуниканта и осознание аудитории, с которой происходит взаимодействие; 5) знание различных текстовых жанров.

К дискурсивным умениям, имеющим особое значение при обучении иностранному языку, относятся: умения отбирать, планировать и организовывать информацию с учётом дискурс-категории; определять схему будущего текста, оформлять письменный текст языковыми средствами, соответствующими жанру и так далее [Луцинская 2009].

При формировании письменной дискурсивной компетенции особое значение приобретает способность анализировать оригинальный письменный текст и создавать свой собственный, репрезентуя при этом соответствующие категории дискурса. В данной ситуации особое значение приобретают знания, умения, а также профессиональный опыт. Эти идеи непосредственно перекликаются с основными положениями компетентностного подхода [Луцинская 2009].

Большое внимание проблеме формирования дискурсивной компетенции уделяется в дидактике перевода. Так, Л. П. Тарнаева определяет дискурсивную компетенцию переводчика как совокупность знаний, речевых навыков и коммуникативных умений, «лежащих в основе способности обеспечить корректную интерпретацию и порождение определённого вида профессионального дискурса в устной или письменной форме с учётом культурной специфики вербальных и невербальных компонентов национальных дискурсов, контактирующих в межкультурном профессиональном взаимодействии» [Тарнаева 2019: 382].

Е. Ю. Мощанская и Е. А. Руцкая подчеркивают особую роль в обучении устных переводчиков дискурсивной компетенции. Именно переводчик может нивелировать трудности межкультурного общения, трансформируя фрагменты дискурса и адаптируя информацию для каждого участника коммуникации [Мощанская, Руцкая 2012].

Отмечается, что при формировании дискурсивной компетенции важно формировать умения обеспечивать смысловые и формально-логические связи высказываний в контактирующих дискурсах. Обучающиеся должны уметь ввести, развить и завершить макро- и микро-тему дискурса, используя при этом различные средства когезии [Тарнаева 2019].

Важно обучать дискурсивным стратегиям и способам их реализации, при этом выделяя универсальные и культурные особенности национальных дискурсов. При наличии общих принципов речевого общения, в каждой культуре проявляются особенности в построении коммуникативных стратегий, в выборе тактик для реализации тех или иных стратегий, в организации речевых актов, лексико-грамматических средств и т. д. [Тарнаева 2018].

Таким образом, в обучении иностранному языку особое значение имеет формирование дискурсивной компетенции, что означает овладение обучающимися дискурсивными умениями, необходимыми для корректной интерпретации воспринимаемого текста того или иного вида дискурса, планирования и реализации собственного высказывания в устной или письменной форме.

Литература

- Горбунов А. Г.* Технология формирования дискурсивной компетенции в сфере устного общения студентов нефилологического профиля // *Образование и наука.* 2017. № 8. С. 163–187.
- Луцинская О. В.* Дискурсивная компетенция как цель в обучении будущих журналистов-международников иноязычному письменному дискурсу // *Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам: материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. 88-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2009 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.].* Минск: Тесей, 2009. С. 252–253.
- Мощанская Е. Ю., Руцкая Е. А.* Формирование дискурсивной компетенции при обучении устных переводчиков // *Сибирский педагогический журнал.* 2006. № 5. С. 69–72.
- Тарнаева Л. П.* Национально-культурная специфика аргументативных стратегий профессионального дискурса: проблемы перевода // *Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы II международной научно-практической конференции.* 2018. С. 562–567.
- Тарнаева Л. П.* Формирование дискурсивной компетенции переводчика в сфере профессионального общения на основе дискурс-анализа // *Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы III международной научно-практической конференции.* 2019. С. 381–386.

Шагбанова Хабиба Садыровна

*д-р филол. наук, доцент, профессор, кафедра общегуманитарных дисциплин,
Юридический институт;
khabiba_shagbanova@list.ru*

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Ключевые слова: ИКТ, преподавание английского языка, интернет-технологии, цифровизация.

Нужно отметить, что включение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовательный сценарий стало темой педагогических и научных дискуссий с конца двадцатого века. Однако в текущем столетии эти дебаты усилились в результате увеличения программ, направленных на цифровую трансформацию систем обучения, которые возникли в большинстве стран мира в результате политики стимулирования инноваций и содействия глобальной экономической конкурентоспособности. Эффективная интеграция ИКТ в практику преподавания представляет собой сложный процесс, поскольку их использование определяется множеством факторов, влияющих на развитие образовательной практики [Клюева, Кузьмин 2020: 193].

Глобализация дает толчок к развитию межкультурной и профессиональной коммуникативных компетенций, а растущая цифровизация ускоряет рост интерактивных и интернет-технологий, электронного обучения и дистанционного образования, оказывая тем самым влияние на общий процесс обучения языкам [Шагбанова 2021: 467].

В современном образовании технологии рассматриваются как эффективное средство содействия процессу обучения в цифровую эпоху, кроме того, большинство исследователей данной проблематики говорят о том, что XXI век ознаменовал появление поколения Z, использующего ИКТ в своей повседневной жизни повсеместно. Рожденное в эпоху цифровых технологий, это поколение виртуозно использует социальные сети и ИКТ, применяя, порой бессознательно, принцип многозадачности, например, одновременно общаясь с друзьями, проверяя электронную почту, отвечая на электронные письма, слушая музыку, разговаривая по телефону. При этом актуальность вопросов, касающихся интернет-зависимости и зависимости от гаджетов ни только не становится меньше, но и выходит на первый план среди проблем, связанных с ростом цифровизации [Тарасова 2020: 271].

К основным недостаткам современной методики преподавания английского языка можно отнести слабую мотивацию обучающихся, а также их родителей, недостаточно оснащенную техническую базу учебных заведений, а также отсутствие качественных учебных материалов. В итоге появляются проблемы, касающиеся качества преподавания и обучения с использованием ИКТ, особенно в отношении понимания, адаптации и проектирования систем образования в соответствии с современными технологическими тенденциями [Шагбанова 2021: 468].

Практика использования ИКТ является распространенной, открывающей новые дискурсы в преподавании языка. В этом контексте крайне важны новые методики и приемы преподавания, а цифровые помощники — блоги, социальные сети, электронные текстовые мессенджеры, мобильные приложения уже сейчас являются важными обучающими инструментариями в данной сфере.

На сегодняшний день процесс преподавания и обучения стал возможен в пространствах, отличных от школы и института, бросая вызов, с одной стороны, школе (или университету) как единственному привилегированному контексту формального обучения и, с другой стороны, самому процессу обучения, как линейно и во времени разграниченному этапу, характеризующее конкретными субъектами образования.

В этом смысле, чтобы грамотно и эффективно продвигать педагогическое использование ИКТ, важно понимать, что обучение — это процесс создания и приписывания значения содержанию, процесс систематической, устойчивой и адаптированной помощи в построении зна-

чений. Диада преподавания-обучения существует и оживает благодаря взаимодействию в совместной деятельности, когда преподаватели и ученики прорабатывают содержание и задачи, имея возможность использовать ИКТ как важные культурные артефакты [Клюева, Кузьмин 2020: 194].

Становится обыденностью оснащение сегодняшних языковых классов современными технологиями, такими, как Интернет, компьютер, мультимедийные инструментариумы, интеллектуальная доска, звуковые системы, а также средствами связи, которые используются для поддержки и улучшения процесса обучения. Нужно признать, что цифровые технологии предоставляют такое количество функционала в образовательном меню, что игнорировать их на сегодняшний день просто недопустимо. Важно сконцентрироваться на обучении и повышении квалификации будущих и практикующих учителей и преподавателей с целью эффективной интеграции digital-технологий в процесс обучения.

Поскольку технологии предоставляют изучающим английский язык тысячи ресурсов и материалов, учащимся необходимо поощрять к активному использованию имеющихся ресурсов [Мироненко 2015: 93]. Такие технологии, как Интернет, предоставляют пользователям потенциальную возможность использования не только для обучения, но и для общения, планирования и построения будущей карьеры.

Нужно отметить, что во многих учебных заведениях мира учащиеся используют онлайн-ресурсы в качестве образовательных площадок, на которых имеется возможность сдавать выполненные задания, проверять свои оценки, а также иметь возможность коммуницировать с другими участниками порталов в любое удобное время.

Помимо некоторых преимуществ интеграции технологий в изучение английского языка, существуют и некоторые проблемы, которые необходимо решить: отсутствие доступа к технологическим ресурсам, трудности в использовании инструментов, а также недостаточная подготовка учителей по внедрению технологий в изучение английского языка.

Учащимся и преподавателям английского языка рекомендуется постоянно наращивать использование инновационных технологий в рамках своего обучения и преподавания, в процессе получая новые знания об использовании различных современных методик, которые можно применять с целью улучшения навыков владения предметом.

Мы можем констатировать тот факт, что интеграция ИКТ в преподавании английского языка влияет не только на успеваемость обучающихся, увеличение объема их лингвистических знаний и развитие речевой компетенции, это также воздействует на некоторые другие аспекты, связанные с образованием в целом; на то, как ИКТ в итоге позитивно способствуют цифровой трансформации учебных заведений всех уровней и видов.

Литература

- Клюева М. И., Кузьмин Р. А.* Проблемы применения информационно-коммуникативных технологий в современном образовательном пространстве // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67–4. С. 192–195.
- Мироненко О. В.* Современные ИКТ в преподавании английского языка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11–4. С. 89–94.
- Тарасова А. Ю.* Положительное влияние ИКТ на изучение и преподавание английского языка // Иностранные языки в современном мире: Сборник материалов I Казанского международного лингвистического форума, Казань, 10–13 марта 2020 года / Под редакцией Д. Р. Сабировой, И. Г. Кондратьевой. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. С. 269–275.
- Шагбанова Х. С.* Языковая компетентность в онлайн-пространстве в XXI веке // Педагогический журнал. 2021. Т. 11, № 5–1. С. 466–471.

Шумейко Екатерина Игоревна

преподаватель английского языка,

Международная школа иностранных языков «Бенедикт-школа»;

ketrusy@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА

Ключевые слова: дискурс, информационные технологии, интегративный подход.

Сложность перевода в сфере информационных технологий заключается в том, что переводчик подобных текстов должен не только знать английский язык на высоком уровне, но и обладать базовыми знаниями в IT-сфере. Кроме того, сталкивается с такими сложностями, как отсутствие аналогичных понятий в языке перевода и быстрое устаревание терминологии.

Для успешной подготовки студентов-лингвистов письменному переводу в сфере информационных технологий мы предлагаем ввести в программу обучения интегративный курс основ письменного перевода в сфере информационных технологий, рассчитанный на 16 академических часов. Данная технология обучения разработана на принципах интегративного подхода, который на данный момент в основном используется для обучения английскому языку на неязыковых специальностях. Актуальность интегративного подхода при обучении студентов-лингвистов обусловлена задачей подготовки специалистов в условиях, когда международно-экономические отношения диктуют требования к знаниям, умениям, навыкам молодого специалиста. Работодателям необходимы узкоспециализированные переводчики, способные качественно выполнить перевод в конкретной сфере, а не переводчики-универсалы.

Целью разработанной технологии обучения является не просто предоставление знаний по теме, а формирование компетентной личности, способной принимать полученные знания на практике, уметь решать профессиональные задачи, быть ответственной за результат своей работы, способной работать в команде, всегда совершенствоваться и развиваться, как в профессиональном плане, так и личностном.

Содержание обучения письменному переводу в сфере информационных технологий включает в себя следующие компоненты: базовые знания предметной области, переводческие знания, навыки, умения, лингвистический материал.

Предметный компонент включает в себя знания основных понятий специальной лексики и сфер функционирования информационных технологий, специфики профессиональной среды, профессий в сфере информационных технологий и их особенностей, видов программного обеспечения.

Переводческий компонент включает: знание лексико-грамматических и стилистических особенностей текстов сферы IT; знания, навыки, умения, необходимые для осуществления переводческих трансформаций; навыки и умения использования внешних ресурсов (основные разновидности систем машинного перевода, систем проверки качества перевода и т. д.); навыки и умения саморедактирования и постредактирования машинного перевода.

Лингвистический компонент включает специальную лексику сферы IT, а также тексты основных жанровых разновидностей, функционирующие в сфере IT.

Данная технология обучения состоит из двух блоков: блока базовых знаний, необходимых для выполнения качественного перевода в сфере информационных технологий, и практического блока.

Теоретический блок состоит из 4-х лекций-дискуссий. Подготовка переводчиков должна осуществляться комплексно на соответствующей теоретической базе. Л. К. Латышев подчеркивает важность теоретического блока при осуществлении переводческой деятельности. Будучи

прикладной и практической, переводческая деятельность базируется на прочной теоретической базе [Латышев 2001: 8]. «Наличие теоретического видения является ключом к решению широкого спектра задач в профессиональном переводческом пространстве» [Проворотов 2022: ЭР].

Практический блок состоит из предпереводческих упражнений, упражнений на перевод, упражнений на редактирование / постредактирование. Предпереводческие упражнения развивают определенные умения, необходимые для выполнения перевода, перевод текста при этом не выполняется. Особый интерес вызывает переводческий анализ специального дискурса. Обучение дискурс-анализу необходимо начинать с обоснования значимости такого анализа для перевода. Чем тщательнее и качественнее будет проведен дискурс-анализ, тем глубже будет понят исходный текст, а, следовательно, полнее и точнее будет выполнен перевод.

Помимо предпереводческих и собственно переводческих упражнений акцентируется внимание на выполнении упражнений по редактированию / постредактированию. По мнению исследователей, в российских вузах практически отсутствует подготовка специалистов, способных к постредактированию машинного перевода, которое значительным образом отличается от редактирования перевода, выполненного человеком. Подготовка постредакторов машинного перевода значительно отличается от подготовки редакторов перевода, выполненного человеком, так как постредактирование подразумевает улучшение результата машинного перевода с помощью минимальных усилий и за минимальное количество времени [Степанова, Нечаева 2018].

Помимо теоретических знаний и практических упражнений по переводу, данная технология обучения знакомит с системами автоматизированного и машинного перевода, так как в XXI веке с ежедневным потоком новой информации перевод без использования таких внешних ресурсов невозможен. Важно, чтобы у учащихся выработалось правильное отношение к системам машинного перевода, чтобы учащиеся не заблуждались по поводу использования этих средств, разработанных в помощь переводчику, а не в замену ему. В ходе данного курса учащиеся знакомятся с постредактированием, то есть редактированием машинного текста, что на наш взгляд, является неотъемлемой частью подготовки будущих переводчиков.

Литература

- Латышев Л. К.* Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. М.: НВИ — ТЕЗАУРУС, 2001. 136 с.
- Проворотов В. И.* Теория перевода в практике обучения переводчиков. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-perevoda-v-praktike-obucheniya-perevodchikov> (дата обращения: 29.05.2023).
- Степанова М. М., Нечаева Н. В.* Палитра магистерских программ по переводу в вузах России // Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 192–194.

Яковлева Елена Владимировна

*д-р филол. наук, доцент, профессор, кафедра английского языка как второго,
Московский государственный лингвистический университет;
elexs@mail.ru*

КАТЕГОРИЯ ИСКРЕННОСТИ / НЕИСКРЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНОГО ЯВЛЕНИЯ КОНСЕНСУСА

Ключевые слова: категория искренности / неискренности, консенсус, дискурсивные практики.

Различные формы коммуникативного поведения участников коммуникативных ситуаций, объективно отражающие характерные для такого поведения и проявляющиеся в нем психологические явления и закономерности, в последние годы рассматриваются как порождающие коммуникативные явления заражения, внушения, убеждения, подражания [Ревская 2001: 182]. Именно эти коммуникативные явления вызывают интерес исследователей-лингвистов, в особенности тех из них, кто занят изучением таких особенностей в области академического, образовательного общения, в том числе на иностранном языке. Иностранный язык, чаще всего язык международного общения, такой как, например, английский, оказывается культурным кодом коммуникативного обмена, к тому же он может представлять и объект, и сам предмет изучения, на который это общение направлено.

Поскольку вербальное и невербальное поведение участников коммуникативной ситуации продиктовано их стремлением достичь в каждом акте коммуникации определенных целей с использованием доступного им на данном языке арсенала средств стилистической выразительности, сегодня все чаще предлагается к обсуждению гипотеза о возможности расширения парадигмы коммуникативных явлений за счет включения в нее консенсуса, понимаемого как «коммуникативный способ или процесс урегулирования конфликта интересов сторон путем нахождения решения на основе общего согласия» [Википедия: ЭР].

Таким образом, достижение взаимопонимания между дискутирующими сторонами и, как следствие, нахождение взаимоприемлемого решения оказывается сопряженным с определенным уровнем взаимного доверия к высказываниям сторон и интерпретации смысла их устных заявлений или письменно закрепленных положений согласуемых текстов документов. Это должно происходить в терминах использования вполне определенных значений используемой лексики и профессиональной идиоматики, что свидетельствовало бы об искренности намерений сторон достичь консенсуса по обсуждаемым вопросам.

Однако именно категория искренности / неискренности в последние годы является предметом пристального филологического внимания. Проведенные исследования прояснили терминологические особенности определения самого понятия неискренности, лежащего в основании этой категории. Так, известно, что неискренность предполагает объективно определяемое и сознательное искажение известной субъекту истины. И, хотя неискренность может представлять и как психическое явление в виде осознанного воображения фактов и оценок, и как явление социальное, направленное на другого индивидуума, есть все основания рассматривать неискренность как явление лингвистическое, то есть «представленное в виде продукта речевой деятельности и находящее проявление в речевых произведениях» [Андрухина 2020: 9].

В исследованиях последних лет показано, как именно неискренность, обнаруживаясь в качестве характеристики дискурсивных практик разных типов дискурса, основывается на целенаправленно искаженной интерпретации фактов и их оценок и способствует формированию у реципиента, для восприятия информации которым свойственен недостаточный уровень критической оценки содержания сообщений, искаженной картины мира, основанной на тенденциозных оценках фактов, упоминаемых автором соответствующих речевых произведений.

Приведем короткий комментарий текста новостного сообщения BBC News, датированного декабрем 2023 года и посвященного бомбардировкам Палестинского города Хан Юнис подраз-

делениями армии Израиля в ходе продолжающегося Палестино-Израильского вооруженного конфликта.

“The focus of the Israel’s military activity is very much on the city of Khan Younis. That is causing panic, the hospitals are once again absolutely overflowing with the dead and the wounded. And people are on the move. And these are precisely the things that the United States — Secretary of State Antony Blinken when he was here last week — was urging Israel not to repeat in terms of the vast numbers of civilians killed as a result of Israeli action and the huge numbers of people whom we saw on the move. The Israel’s Defense Minister Yoav Gallant speaking tonight said that Israel was going to do to Khan Younis what it did to Gaza city” [BBC News: ЭР].

Так, о картине ужасающих разрушений города Хан Юнис, практически переставшего существовать, говорится, что он в центре внимания действий армии Израиля («the focus of Israel’s military activity»), о бедственном положении выжившего после бомбардировок и обрушений городской застройки населения города сказано, что наблюдается паника, госпитали переполнены, люди покидают свои жилища («That is causing panic, the hospitals are overflowing. And people are on the move»). В эпизоде упоминаются призывы США, обращенные к Израилю, не относиться к населенному пункту так, как к городу Газа, в ходе конфликта стертому Израилем с лица Земли («urging Israel not to repeat»), тем не менее из сообщения становится ясно, что Министр Обороны Израиля настроен решительно, и по его мысли город Хан Юнис должен повторить судьбу города Газа («Israel is going to do to Khan Younis what it did to Gaza city»).

В связи с приведенным примером отметим также, что, несмотря на то, что в тексте упоминаются политики самого высокого ранга — Госсекретарь США Энтони Блинкен и Министр Обороны Израиля Йоав Галант, факт манифестации категории искренности / неискренности во взаимоотношениях между сторонами очевиден, взаимопонимания между государствами на уровне высокопоставленных политиков нет, следовательно, перспектива достижения консенсуса отсутствует, и сроки завершения конфликта остаются призрачными. Вопрос о том, был ли в оригинальном тексте применен стилистический прием недооценки факта, остается открытым.

Литература

- Андрюхина Н. В. Неискренний дискурс в англоязычных политических текстах. АКД, Самара, 2020. 28 с. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Консенсус> (дата обращения: 12.12.2023).
- Ревская Н. Е. Психология менеджмента. Конспект лекций. СПб., 2001.
- BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news> (дата обращения: 25.12.2023).

Атабекова Анастасия Анатольевна

*д-р филол. наук, профессор, проректор по многоязычному развитию,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
atabekova-aa@rudn.ru*

РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНСТРУМЕНТЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОДА РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ключевые слова: русский язык, иностранный язык, высшее образование, цивилизационный код.

Классическая лингвистическая традиция, заложенная в трудах В. фон Гумбольта, А. А. Потебни, Ю. М. Лотмана и др. выдающихся лингвистов разных эпох и стран определяет язык как выражение духа народа и инструмента создания мысли.

В этом году мы отмечаем 225 лет со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина и 300-летие создание Петербургской академии наук – первого высшего научного учреждения Российской империи. Применительно к теме доклада подчеркну, что обозначенная выше традиция развивалась выдающимися представителями российской культуры прошлых эпох. Особая по своей значимости роль в формировании и развитии русского языка как инструмента репрезентации культурного кода принадлежит А. С. Пушкину.

В то же время, Петр I и созданная по его указу при Петербургской академии наук первая профессиональная организация переводчиков «Русская Ассамблея» внесли огромный вклад в развитие русского языка как языка науки в процессе перевода гуманитарной и естественно научных трудов с западных языков. Архивные источники свидетельствуют о том, что Петр считал перевод делом государственной важности.

Современные академические концепции о роли языка в мире акцентируют внимание на видении языка как культурного кода, который материализует комплекс культурных архетипов, присущих определенному историко-культурному типу личности, социальной группы, этноса, идентифицирует их.

Роль языков возрастает в эпоху столкновения цивилизаций [Huntington 1993], которые в начале XX века в трудах Базиля Мэтьюса интерпретировались как «столкновение культур». Функционируя в современном мире как средство выражение государственной политики и идеологии, в период цивилизационных разломов язык становится действенным инструментом управления массовым сознанием.

Мы живем сегодня в условиях гибридной войны против России, которая направлена на ослабление и искоренение российской государственности. В этих условиях представляется важным помнить, что русский язык может и должен функционировать, в том числе и в системе Российского образования, как средство воспитания, укрепления социокультурной и социально- идеологической целостности российского государства, как инструмент укрепления Российской цивилизации (термин в Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденной указом Президента в 2023 г.). В этом же ракурсе предлагается рассматривать и потенциал преподаваемых в российских вузах иностранных языков.

Подобный подход предполагает наличие специальных дисциплин в области русского языка как коммуникативного инструмента национальной безопасности, например в образователь-

---

Ответственный редактор: д-р филол. наук *И. Ю. Павловская.*

ных междисциплинарных программах вузов по национальной безопасности, юристов-международников и политологов и т. д. К сожалению, до настоящего времени, в таких программах потенциалу языка уделяется очень мало внимания, хотя академические исследования отмечают возрастающую роль языка в разработке системы национальной безопасности [Brecht, Rivers 2000]. Это относится не только к родному (государственному языку страны подготовки специалистов), но и к иностранным языкам в системе образования. Применительно к российским реалиям данный тезис не стал пока предметом широкого обсуждения. Однако авторы ряда публикаций оценивают возможности и аргументируют необходимость использования иностранных языков и умений в области перевода в рабочей паре с русским языком для осведомления мирового сообщества о доктринальных установках и документах России в части принципов национальной политики в области международной безопасности [Белозеров 2021], для формирования политической социализации российской молодежи [Ильина 2021]. В современных условиях представляется актуальным и необходимым применительно к вузам обсуждать вопросы иноязычной подготовки кадров, в том числе и за пределами языковых специальностей, с позиций понимания потенциала компетенций в области иностранных, русского языков, перевода в соответствующих парах рабочих языков, для решения задач по формированию профессиональной готовности и способности современных российских специалистов разного профиля донести в релевантных ситуативных контекстах до зарубежных академических, промышленных, политических партнеров и оппонентов достоверную информацию о своей Родине, ее истории, ценностях и приоритетах. Изучение иностранных языков и формирование базовых переводческих умений на материале культурно-и профессионально-ориентированных текстов представляется недостаточным в условиях цивилизационного противостояния России с зарубежными оппонентами, стремящимися к ее «отмене» в глобальном мировом пространстве. В современных условиях обучение иностранным и русскому языку, включая формирование базовых переводческих умений для специалистов-нелингвистов предлагается рассматривать в контексте укрепления международных интересов и национальной безопасности страны.

Литература

- Белозёров В. К.* Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2 (843). С. 20–35.
- Ильина Н. Б.* Россия: проблемы политической социализации молодежи // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 8. С. 43–51.
- Brecht R. D., Rivers W. P.* Language and National Security in the 21st Century: The Role of Title VI / Fulbright-Hays in Supporting National Language Capacity. Kendall / Hunt Publishing Company, 2000.
- Huntington S. P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72, no. 3. С. 22–49.

Глухова Юлия Николаевна

доцент, кафедра романской филологии,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;

juliespb07@rambler.ru

УСТНАЯ ЧАСТЬ ЕГЭ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ: К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ

Ключевые слова: оценочные шкалы, критерии, единый государственный экзамен (ЕГЭ), устная часть, французский язык.

Известно, что в современном мире учитель иностранного языка средней школы должен иметь чёткое представление о технике тестирования, поскольку оно является одним из способов получения объективной оценки уровня обученности. Именно эта технология положена в основу создания контрольно-измерительных материалов по иностранным языкам и проведения итоговой аттестации выпускников в форме ЕГЭ [Глухова 2021: 37–41], которая в последнее время претерпела некоторые изменения, в том числе и в разделе устной части экзамена. Так, начиная с 2022 года, в задании 3, где ранее предлагалось описать одну из трех представленных картинок, теперь проверяется умение отвечать на вопросы интервьюера.

В демонстрационной версии устной части ЕГЭ по французскому языку 2024 года, опубликованной на сайте Федерального института педагогических измерений (ФИПИ) в описании задания 3 по говорению в качестве задачи для учащегося предлагается дать интервью на актуальную тему, развёрнуто и точно ответив на пять вопросов [Федеральный институт... 2023]. Согласимся с коллегами, указывающими на важность подготовки учащихся именно в формате экзамена, где есть возможность протестировать реальные условия, что помогло бы снизить количество неудовлетворительных результатов у учащихся с высокой языковой подготовкой, связанных, в том числе, и с недостатком информации о структуре и критериях оценивания, а также с недостаточностью тренировочных материалов [Бажанов, Григорьева, Кожевникова 2020; Кулешова, Авакян 2023]. Обратимся в этой связи к заданию 3 в демонстрационной версии устной части ЕГЭ по французскому языку 2024 года, и рассмотрим более подробно его формулировку, содержание и предложенные критерии оценивания.

Как уже было сказано выше, в задании 3 устной части ЕГЭ проверяется умение участвовать в диалоге-интервью в целях обмена оценочной информацией, то есть отвечать на вопросы интервьюера. Тематически задание связано с выбором профессии (*parler de métiers*) и формулируется следующим образом: *vous participez à une interview. Répondez de manière détaillée à 5 questions du journaliste (2–3 phrases par question). Attention, vous avez 40 secondes maximum pour répondre à chaque question.* В критериях оценивания задания 3 из раздела «Говорение» сказано, что следует учитывать такой параметр, как объём устного высказывания. Требуемый объём для ответа на задание 3 — две-три фразы в ответе на каждую реплику интервьюера. В случае, если экзаменуемый отвечает с использованием одного слова, словосочетания или одной фразой, то такой ответ оценивается 0 баллов.

Рассмотрим подробно 5 вопросов, предложенных в задании:

- 1) Plus tard, où est-ce que vous aimeriez travailler ?
- 2) Quelle est votre profession idéale ?
- 3) Est-il important pour vous de gagner beaucoup d'argent ? Pourquoi ?
- 4) Quelles matières scolaires peuvent vous être utiles dans votre futur travail ?
- 5) Selon vous, que faut-il faire pour choisir une bonne profession ?

С нашей точки зрения формулировка первых двух вопросов не предполагает развёрнутого ответа, и краткий ответ, в данном случае, нельзя считать ошибочным. Первый вопрос — «Где бы Вы впоследствии хотели работать?» — не имея дополнительного уточнения, предполагает

короткий ответ, без объяснения причин выбора того или иного места работы. Для того, чтобы на предложенный вопрос можно было бы, как того требует задание, дать более полный ответ, его необходимо переформулировать или дополнить, например: *Quel métier vous voulez faire et pourquoi ?* Вопросительное слово *pourquoi* (почему) даст возможность экзаменуемому понять, что при ответе на вопрос следует не только указать место/область будущей работы, но объяснить причину такого выбора. Такое уточнение представляется нам ещё более важным в силу того, что во время экзамена учащихся не видят текста вопроса, они лишь слышат диктора, который его озвучивает. Второй из предложенных для ответа вопросов, также требует уточнения, поскольку предполагает краткий ответ, называющий «идеальную профессию». Такая формулировка не содержит никаких стимулов, способствующих распространённому ответу учащегося, что, с нашей точки зрения, представляет дополнительную сложность в условиях экзамена. Предложенный вопрос можно было бы уточнить, предложив дать описание «идеальной профессии» (*Décrivez votre métier idéal*), что могло бы помочь учащемуся понять, что ответ не должен быть односложным. К типичным ошибкам, которые допускаются в ходе выполнения данного задания относятся, в том числе, отсутствие развёрнутого ответа (объём ответа — менее двух фраз); краткие ответы типа «*bien sûr*»; «*oui*»; неточные ответы на вопрос интервьюера, а также языковые ошибки базового уровня, прежде всего — грамматические [Вербицкая, Махмуриян, Бажанов 2022: 121].

Таким образом, нам представляется, что в связи с потребностью совершенствования качества подготовки учащихся к выполнению заданий раздела «Говорение», необходимо либо уточнить критерии оценивания обновлённого устного задания 3 ЕГЭ по французскому языку, либо доработать формулировки предлагаемых вопросов. Возможна разработка более подробной дополнительной шкалы могла бы унифицировать подходы к оцениванию этого задания, а также сделать критерии более чёткими, не допускающими двоякой трактовки ошибок.

Литература

- Бажанов А. Е., Григорьева О. А., Кожевникова А. Е. [и др.] ЕГЭ по иностранному языку: опыт, практика, перспективы // Иностранные языки в школе. 2020. № 12. С. 82–91.
- Вербицкая М. В., Махмуриян К. С., Бажанов А. Е. [и др.] Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2022 года по иностранным языкам (английский, немецкий, французский, испанский, китайский языки) // Педагогические измерения. 2022. № 3. С. 67–141.
- Глухова Ю. Н. К вопросу об инструментах тестирования уровня владения иностранным языком в цифровую эпоху (на примере французского языка) // Иностранные языки в школе. 2021. № 4. С. 37–41.
- Кулешова А. В., Авакян Л. А. Новая модель устной части ЕГЭ: учимся составлять монологическое высказывание на французском языке // Иностранные языки в школе. 2023. № 4. С. 17–22.
- Федеральный институт педагогических измерений: официальный сайт. 2023. URL: <https://pi.ru/egedemoversii-specikacii-kodikatory!/tab/151883967-13> (дата обращения: 14.01.2024).

Исакович Анастасия Петровна

*аспирант, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a-isakovich@list.ru*

РАЗВИТИЕ И ОЦЕНИВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОГНИТИВНЫХ МЕТАКОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-РЕЖИССЕРОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: ключевые когнитивные метакомпетенции, экзистенциальный интеллект, кинестетики, режиссеры.

В докладе излагаются результаты педагогического эксперимента, целью которого является развитие ключевых когнитивных метакомпетенций (далее — КKM) обучающихся на занятиях по английскому языку. В исследовании приняли участие 20 студентов неязыкового вуза направления «Режиссура кино и телевидения». Обучение длилось 16 учебных недель, и было направлено на совершенствование умений говорения на английском языке студентов экспериментальной группы (далее — ЭГ) через призму развития КKM. Способом реализации смешанного обучения была определена ротационная модель «Перевернутый класс», которая основана на построении учебного курса через самостоятельное опережающее обучение, что позволяет студентам обращаться к выполнению заданий высших когнитивных уровней. Автором был создан комплекс упражнений и заданий для развития каждой из пяти КKM.

Отметим, что разработка комплекса упражнений и заданий проводилась с учетом психолого-педагогических особенностей студентов по результатам двух психолингводидактических тестирований и анкетирования с вопросами открытого типа. Ведущим типом интеллекта оказался экзистенциальный — 85 % (17 человек) и межличностный — 15 % (3 человека). Экзистенциальный интеллект иногда называют «интеллектом больших вопросов», так как он помогает мыслить масштабно [Пузанов, 2018], задаваться вопросами о глубинном смысле человеческого существования и бытия, причем само вопрошание интересует человека больше, чем возможные ответы [Gardner, 2022]. Ведущий канал восприятия информации ЭГ — 100 % кинестетический. Подобный результат объясняется профессиональной особенностью ЭГ, и отражает результаты «познавательных последствий искусства» [Выготский 1991: 286], ведь, по мнению психологов, в эстетическом раздражении заложен двигательный импульс. Специалисты, изучающие «зрительные раздражения», исходящие от произведения искусства, приходят к выводу, что «в системе переживания картины главная роль выпадает на долю кинестетических, т. е. двигательных реакций, и что картину мы читаем мускулами больше, чем глазами; её эстетическое действие заключается в кончиках пальцев столько же, сколько в глазу, так как она говорит нашему осязательному и двигательному воображению не меньше, чем зрительному» [Выготский 1991: 286]. Так как в сферу интересов ЭГ входит изучения ценностей в различных обществах, анализ кинокартин и произведений искусства, можно заключить, что развитый кинестетический канал восприятия является логичной характеристикой режиссера.

При разработке заданий для развития КKM, автор обращает внимание на сложность при оценивании метакомпетенций, и предлагает использовать проектную методику с опорой на теорию множественного интеллекта [Pavlovskaya 2001]. Что касается оценки респектологической и этической метакомпетенции, то здесь возникли определенные сложности при разработке дескрипторов. Автор согласен с утверждениями Г. Гарднера о том, что данные категории определяет только поступок обучающегося в реальной жизни.

Рассматривая данные метакомпетенции, автор приходит к выводу о том, что обучение заключается не просто в передаче «технических и гуманитарных» знаний обучающимся, но в воспитании, в овладении личностью всей совокупностью общественного опыта: знаниями, умениями, навыками, способами творческой деятельности, социальными и духовными (нравственными, эстетическими и идеологическими) отношениями.

Экспериментальное обучение завершается проверкой эффективности разработанной методики: сравнительный контроль умений говорения ЭГ на 2 и 15 занятия; оценка проектов ЭГ по разработанным дескрипторам: «My challenges» (Занятие 4) и «My Saint Petersburg» (Занятие 15). Проанализировав итоговые результаты ЭГ, сравнив показатели умений говорения ЭГ и КГ, рассмотрев динамику уровня развития ККМ, можно заключить, что гипотеза о том, что разработанный комплекс упражнений и заданий способствует как совершенствованию умений говорения обучающихся, так и развитию ККМ, подтверждена.

Литература

Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.

Пузанов А. П. Об экзистенциальной методологии иноязычного образования // Психология образования в поликультурном пространстве. 2018. № 1. С. 111–116.

Gardner H. A Resurgence of Interest in Existential Intelligence: Why Now? URL: <https://www.howardgardner.com/howards-blog/a-resurgence-of-interest-in-existential-intelligence-why-now> (дата обращения: 31.01.2024).

Pavlovskaya I. Yu. Language teaching methodology // Modern history of language teaching methods. 2-е изд., исп. и доп. СПб., 2001. 140 р.

Камнева Лариса Эдуардовна, Кучеренко Светлана Николаевна

*старший преподаватель департамента иностранных языков,
Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств,
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»*

КРЕАТИВНО-СОЗИДАТЕЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ И КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: большая языковая модель, искусственный интеллект, преподавание иностранных языков.

Спектр возможностей искусственного интеллекта в образовании, в целом, и в преподавании иностранных языков, в частности, вероятно, еще не до конца определен, хотя основные преимущества использования технологий искусственного интеллекта для решения учебных, методических и оценочных задач очевидны — это обработка чрезвычайно больших объемов информации и значительная экономия временных и сопутствующих ресурсов при выполнении традиционных задач всеми участниками образовательного процесса.

Так, в процессе изучения иностранных языков студенты активно применяют различные технологии искусственного интеллекта для поиска информации, выполнения языковых упражнений, перевода текстов, написания эссе и создания проектов; преподаватели — для создания аутентичных лингводидактических материалов, отслеживания прогресса студентов, оценивания их учебной деятельности и фасилитации процесса проверки [Jaleniauskiene et al. 2023, Hinojo-Lucena et al. 2019].

Исследования показывают, что в целом можно говорить о наличии пяти основных векторов использования искусственного интеллекта в образовательном процессе [Сысоев 2023: 208]: управление образованием, индивидуализация обучения, оптимизация процесса подготовки к занятиям со стороны преподавателей, организация учебного процесса и оптимизация изучения конкретных дисциплин.

Недавние публикации научно-популярного и научного характера озвучивают ряд опасений относительно губительного характера необдуманного применения искусственного интеллекта в учебной и исследовательской деятельности [Watermeyer et al. 2023]. Опасность кроется в обезценивании интеллектуальной деятельности высшего порядка ради достижения безупречно-безликой эффективности. Интеллектуальная деятельность представляется нам протяженной во времени и отличается глубиной анализа, креативностью методики, непредсказуемостью результатов, многозначностью некоторых интерпретаций. Безупречная эффективность, на взгляд авторов, достигается за счет алгоритмизации аналитических процессов, скорости обработки информации, неограниченных объемов информации и отсутствия уникальности и непредсказуемости.

Следовательно, основной вопрос в связи с возрастающей ролью искусственного интеллекта в учебно-методическом процессе не в том, что можно делать с помощью искусственного интеллекта, а в том, что нельзя делать; другими словами, как провести границу между революционными функциями искусственного интеллекта, выводящими процесс изучения/исследования иностранных языков на новый уровень, и дегенеративными функциями искусственного интеллекта, уничтожающими познавательную природу учения и исследования.

В связи с обозначенной выше проблемой авторы исследования полагают своими основными задачами на начальном этапе исследования:

- а) выделение в рамках упомянутых векторов использования технологий искусственного интеллекта таких практик применения последнего в процессе обучения и оценивания, которые способствуют сохранению и развитию уникальности и креативности учебно-методической и контрольно-оценочной деятельности;

- б) разработку критериев определения степени алгоритмичности и креативности практики использования искусственного интеллекта;
- в) создание модели разумного и креативно-созидательного использования технологий искусственного интеллекта в процессе изучения иностранных языков.

Процедура определения степени алгоритмичности технологий искусственного интеллекта пока что представляет определенную исследовательскую сложность. Применяя модель креативности 4-С Дж. Кауфмана и Р. Бегетто [Kaufman and Beghetto 2009: 7], авторы предлагают градацию практик использования технологий искусственного интеллекта по степени алгоритмичности/креативности. Практика использования признается алгоритмичной, если она не соответствует ни одному из уровней креативности; соответственно, практика признается креативной, если она соответствует одному из уровней креативности.

Наименее креативной (и соответственно наиболее алгоритмичной) признается практика использования готовых сайтов-конструкторов типа *twee.com*. для составления тестовых заданий. С одной стороны, работа по созданию тестовых заданий для проверки понимания оптимизируется в невероятных масштабах; с другой стороны, создание тестовых заданий настолько автоматизируется, что в некоторых случаях они утрачивают свою валидность, надежность и объективность.

Однако, практику использования больших языковых моделей для оценивания эссе и исследовательских работ студентов можно считать частично-креативной, так как в процессе анализа эссе помимо рутинного оценивания качества и количества лексического и грамматического разнообразия на основе формальных критериев, экзаменаторы активно используют индивидуальные критерии оценивания на основе субъективных и в значительной степени уникальных представлений об оригинальности и логичности текста. Другими словами, экзаменаторы и преподаватели создают свою собственную совокупность промптов, на основе которых языковая модель оценивает созданный студентами продукт.

Соответственно, практика составления уникальных промптов при работе с большими языковыми моделями признается нами наиболее креативной. Можно считать, что промпт-инжиниринг является высшим проявлением креативного использования технологий искусственного интеллекта, так как позволяет получать уникальные результаты и управлять уже готовыми алгоритмами.

Учитывая такие особенности логики больших языковых моделей как последовательность обработки информации, регулировка вероятности выбора и непонимание контекста, создание промптов должно базироваться на следующих основных принципах: правильное форматирование, квантование информации, детализация запроса и итеративность процесса.

Таким образом, знание базовой логики искусственного интеллекта, в целом, и больших языковых моделей, в частности, а также правил составления промптов можно рассматривать основополагающим компонентом модели разумного и креативно-созидательного использования технологий искусственного интеллекта.

Литература

- Сысоев П. В., Филатов Е. М. Методика развития иноязычных речевых умений студентов на основе практики с чат-ботом // Перспективы науки и образования. 2023. № 3 (63). С. 201–218. doi: 10.32744/pse.2023.3.13
- Jaleniauskiene E., Lisaitė D., Daniuseviciute-Brazaitė L. (2023). Artificial Intelligence in Language Education: A Bibliometric Analysis // Sustainable Multilingualism. 2023. Vol. 23. P. 159–194. doi: 10.2478/sm-2023-0017
- Kaufman J. C., Beghetto R. A. Beyond big and little: The Four C Model of Creativity // Review of General Psychology. 2009. No. 13. P. 1–12.
- Watermeyer R., Phipps L., Lanclos D. et al. Generative AI and the Automating of Academia // Postdigit Sci Educ. 2023. <https://doi.org/10.1007/s42438-023-00440-6>

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 23-00-005) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022–2023 гг.

Корнев Алексей Александрович

*канд. пед. наук, доцент, кафедра теории преподавания иностранных языков,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУР ОЦЕНИВАНИЯ И ТЕСТИРОВАНИЯ

Использование искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности, безусловно, является одним из наиболее актуальных вопросов современной науки. Образование не является исключением, как и методика обучения иностранным языкам. Вопросу использования искусственного интеллекта посвящена отдельная глава в монографии «Карта компетенций педагога иностранных языков в условиях цифровизации образования» [Титова 2023]. Доклад посвящен использованию искусственного интеллекта в оценивании и тестировании при обучении иностранным языкам.

Искусственный интеллект в обучении иностранным языкам понимается нами вслед за профессором П. В. Сысоевым как «ряд современных технологий, позволяющих компьютеру на основе сбора и анализа больших объемов данных и алгоритмов выстраивания паттернов речевого поведения разрабатывать и реализовывать методики обучения языку по индивидуальной траектории, имитировать иноязычную речемыслительную деятельность человека для решения коммуникативных задач, осуществлять автоматизированный контроль иноязычных умений и навыков обучающихся, предоставлять им обратную связь и осуществлять аналитическую работу» [Сысоев 2023: 8–9]. Представляется, что данные технологии могут быть использованы как на этапе подробного описания конструкта оценивания, так и при создании заданий различных форматов, их оценивании и предоставлении обратной связи.

Искусственный интеллект может использоваться для уточнения содержания тестового конструкта (содержания оцениваемых знаний, навыков и умений). Так, он может быть успешно применен для более подробной спецификации оцениваемых компетенций с учетом основных отечественных регулирующих нормативных документов и общеевропейских документов, описывающих коммуникативные виды деятельности и уровни развития коммуникативной компетенции. Следует отметить, что данное описание все равно нуждается в дальнейшей проверке и уточнении специалистом, так как на текущий момент в подобных описаниях, сделанных искусственным интеллектом, встречается большое количество терминологических неточностей и методических ошибок. Выверенное описание можно в дальнейшем использовать для разработки заданий различных форматов, а также для генерации текстов, соответствующих определенному уровню владения иностранным языком. Данные задания при этом также нуждаются в методической экспертизе и коррекции специалистом, то есть приходится констатировать, что в полной мере данная работа не может быть в текущий момент делегирована искусственному интеллекту.

Отдельно в докладе будет затронута тема использования искусственного интеллекта для оценивания работ и предоставления обратной связи. Искусственный интеллект достаточно хорошо справляется с задачей поиска ошибок в текстах, написанных на английском языке, их классификацией и генерацией металингвистических комментариев, позволяющих обратить внимание обучающихся на нормы языка, которые были нарушены. Данный вид обратной связи является наиболее востребованным среди обучающихся, и использование при его предоставлении искусственного интеллекта позволяет в значительной мере сократить объем времени, который преподаватель тратит на написание подобных комментариев. Что касается оценивания работы по содержанию, то искусственный интеллект успешно справляется с реферированием и описанием текста работы студента, однако, качественная оценка работы на данный момент ему непосильна. В соответствии с этим изменяется стратегия оценивания работ преподавателем, предусматривающая первичный анализ работы искусственным интеллектом и одновременное качественное оценивание работы по содержанию преподавателем. Используя результа-

ты анализа искусственным интеллектом, преподаватель может существенно расширить и уточнить ту обратную связь, которую он предоставляет обучающемуся.

В то же время, следует отметить целый ряд несовершенств и ограничений текущего уровня развития технологий искусственного интеллекта, не позволяющих использовать их как полноценную замену труда разработчика, а также целый ряд этических вопросов, неизменно возникающих при использовании данных технологий. Данные вопросы также получают освещение в рамках доклада. Так, например, остается спорным вопрос о том, насколько следует обучать самих студентов использовать искусственный интеллект при создании и первичном оценивании создаваемых ими работ. Также ведутся дискуссии на тему того, требуется ли согласие тестируемых при оценивании их работ с использованием технологий искусственного интеллекта, так как формально происходит передача текста их работы в третий источник. Наконец, до сих пор не вполне совершенны технологии распознавания текста, созданного с использованием искусственного интеллекта и возникает проблема определения авторства работ, выполненных с использованием данных технологий. Представляется своевременным обсуждение данных вопросов в рамках секции «Тестология» Международной Филологической Конференции.

Литература

- Сысоев П. В.* Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 6–16.
- Титова С. В., Басова И. А., Корнев А. А., Маринина Е. В., Сафонова В. В., Сысоев П. В., Тарева Е. Г., Харламенко И. В.* Карта компетенций педагога иностранных языков в условиях цифровизации образования. М.: Эдитус, 2023. 252 с.

Кубацкая Виктория Сергеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st111495@student.spbu.ru

ТЕСТОВЫЕ ИНТЕГРАТИВНЫЕ ЗАДАНИЯ ВО ВЗАИМОСВЯЗАННОМ ОБУЧЕНИИ РЕЦЕПТИВНЫМ И ПРОДУКТИВНЫМ ВИДАМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

В отечественной и зарубежной литературе нет единого определения понятию «интегративный подход». Интеграция в образовании может иметь разные подходы: интеграция материалов одной дисциплины в другую (Песталоцци И. Г., Ушинский К. Д., Чапаев Н. К., Dewey J., Tanner D., Tanner L.), интеграция методов и приемов обучения одной дисциплины в другую (межпредметная интеграция) (Сухомлинский В. О., Выготский Л. С., Бессмельцева Е. С.), интеграция новых средств обучения в образовательный процесс (Кучай А. В., Яковлев А. И., Журин А. А.), интеграция видов речевой деятельности в обучении иностранному языку (Aina N. F., Колесникова И. Л. и Долгина О. А.). В данной работе мы концентрируем свое внимание на интеграции видов речевой деятельности в процессе обучения английскому языку.

В настоящей работе термин «интегративный подход» в обучении иностранному языку (английскому) будет пониматься как использование взаимосвязанной цепочки тестовых заданий, где комбинируются рецептивные и продуктивные виды РД для формирования коммуникативной компетенции учащихся с помощью электронных образовательных ресурсов (ЭОР).

Анализ литературы позволил определить основные принципы разработки тестовых интегративных заданий. Главные принципы подбора текстов для чтения и аудирования: аутентичность, общность языкового материала, который должен быть активным, представлен в программе обучения, быть включенным во все виды РД. Тематика используемых текстов должна быть актуальной для социально-бытовой, социально-культурной и официально-деловой сфер общения. Тестовые интегративные задания должны обладать параллельностью и сбалансированностью, каждый вид РД должен выступать как цель и как средство обучения. Умения при обучении письменной речи должны коррелироваться с разными видами чтения (изучающим, ознакомительным).

На сегодняшний день ЭОР в обучении иностранного языка способны:

- обеспечить индивидуальный подход в процессе обучения английскому языку (ученики могут самостоятельно работать с ЭОР в своем темпе и режиме);
- развивать все четыре вида РД так как различные ЭОР предоставляют информацию в письменном, аудиальном, визуальном, аудио-визуальном форматах;
- обеспечить непрерывный процесс обучения (постоянная практика языка является обязательным условием освоения этого языка, а благодаря ЭОР процесс обучения не прерывается вне стен образовательного учреждения).

Общие требования к электронным образовательным ресурсам установлены ГОСТ Р 53620–2009. Учёт специфики обучения иностранному языку позволил выделить наиболее важные требования к ЭОР для обучения английскому языку.

1. Важно, чтобы информация поступала по разным каналам (аудиальный, визуальный, кинестетический) [Шехтер 1990].
2. Требования к аудиофайлам. Содержание звуковых и видеофрагментов должно соответствовать содержанию ресурса и категории пользователя. Не должно быть «лишних» или случайных звуков и видеофрагментов.
3. Требования к графике, анимации и видеофайлам. Каждое изображение должно нести смысловую нагрузку. Недопустимо использовать не связанные с содержанием изображения, в том числе и для оформления. Сложные рисунки или схемы следует сопровождать

пошаговыми пояснениями и, если возможно, пошаговыми построениями. Все связи в схемах и диаграммах должны быть четко указаны. Анимация должна присутствовать только в тех местах, где она уместна и соответствует содержанию и категории пользователя (то, что уместно для начальных классов, недопустимо для обучающихся старших классов). Анимация не должна быть слишком активной [Вербилова 2018].

4. Возможность повторения и закрепления материала. Как справедливо отмечает С. В. Титова, информация, данная ученику, должна пройти все фазы памяти. Для перехода информации из кратковременной в долговременную память ее необходимо повторить или отработать на практике [Титова 2017].
5. Направленность на самостоятельную учебную деятельность. ЭОР позволяет эффективно реализовать организацию самостоятельной когнитивной деятельности учащихся и организацию индивидуальной образовательной поддержки учебной деятельности каждого учащегося преподавателями.
6. Развитие всех видов РД. Формирование коммуникативной компетенции учащихся предполагает развитие рецептивных и продуктивных видов РД.
7. Доступность. Под «доступностью» в данной работе понимаются бесплатные ЭОР.
8. Свободность. Под данным термином понимается отсутствие регистрации нового пользователя. Данный принцип важен, так как ученики неохотно создают новый аккаунт и избегают подобные сайты.
9. Отсутствие дополнительных скачиваний. Некоторые сайты предлагают скачать дополнительное программное обеспечение или расширение на ПК. На школьных ПК это чаще всего недоступно из-за защиты права администратора, а в домашних условиях ученик скорее всего не будет ничего скачивать и воспользуется случаем не выполнить задание.

Основываясь на перечисленных требованиях, предъявляемых к ЭОР для обучения видам речевой деятельности, мы отобрали ресурсы, которые могут быть использованы для разработки тестовых интегративных заданий. В исследовании проводится разработка комплекса таких заданий, которые будут опробованы в педагогическом эксперименте. В докладе представлены образцы и типология тестовых интегративных заданий, составленных согласно критериям.

С помощью ЭОР можно восполнить пробелы современных учебно-методических комплексов по интеграции видов речевой деятельности в процессе обучения английскому языку.

Представленные критерии отбора ЭОР для обучения английскому языку в школе и приведенный список рекомендованных ресурсов поможет реализации интегративного подхода в обучении видам речевой деятельности в процессе обучения английскому языку учеников современных школ.

Литература

- Вербилова И. В. ЭОР. Общие требования и виды: методические рекомендации. 2018.
- Титова С. В. Цифровые технологии в цифровом обучении: теория и практика. М., 2017.
- Шехтер М. С. Психологические рекомендации по организации графической и знаковой части компьютерных обучающих программ. М., 1990.

Маслова Людмила Сергеевна

канд. пед. наук, старший преподаватель,
кафедра иностранных языков в сфере экономики и права,
Санкт-Петербургский государственный университет;
lsm-2003@list.ru

БУХГАЛТЕРСКИЙ БАЛАНС КАК РЕСУРС ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ОЦЕНИВАНИЯ ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ

Ключевые слова: общепрофессиональная подготовка, бухгалтерский баланс, иноязычная коммуникация.

В современных социально-экономических условиях, в условиях глобализации, информатизации, цифровизации, укрупнения и взаимосвязанности экономических процессов повышается роль общепрофессиональной подготовки экономистов.

Общепрофессиональная подготовка должна обеспечить общее комплексное представление об экономических явлениях, быть сфокусирована на развитии аналитических, творческих способностей и интуитивного мышления студентов, способности решать проблемы, развивать способность к коммуникации [Маслова 2021].

Основополагающей компетенцией (общепрофессиональной компетенцией) для экономистов является способность анализировать и интерпретировать финансовую, бухгалтерскую и иную информацию, содержащуюся в отчётности предприятий, анализировать и содержательно объяснять природу экономических процессов на микро и макроуровнях. В ФГОС 3++ по направлению подготовки «Экономика» с кодом 38.03.01 компетенция обозначается ОПК-3 [ФГОС 2020].

Специфика деятельности экономистов заключается в умении анализировать документы финансовой отчётности, планировать, прогнозировать, принимать решения в условиях неопределённости.

Иноязычной коммуникативной компетенции соответствует УК-4 ФГОС [ФГОС 2020].

Анализ профессиональных стандартов для экономистов «Финансы и экономика», в частности, 08.002 «Бухгалтер», показал, что экономисты должны быть готовы к выполнению трудовых функций, связанных с составлением и представлением финансовой отчётности экономического субъекта, консолидированной финансовой отчётности, контролем ведения бухгалтерского учёта, и др., причём в отличие от ФГОС отдельно выделяются знания в области международных стандартов финансовой отчётности.

Учёными выделяются несколько основных процессов в высшем образовании, среди которых отмечается интеграция науки, образования и производства; интеграция профильной и иноязычной подготовки [Айнутдинова 2012].

BALANCE SHEET FORMAT as of a specific date

ASSETS	LIABILITIES & EQUITY
CASH	ACCOUNTS PAYABLE
ACCOUNTS RECEIVABLE	ACCRUED EXPENSES
INVENTORY	CURRENT PORTION OF DEBT
PREPAID EXPENSES	INCOME TAXES PAYABLE
CURRENT ASSETS	CURRENT LIABILITIES
OTHER ASSETS	LONG-TERM DEBT
FIXED ASSETS AT COST	CAPITAL STOCK
ACCUMULATED DEPRECIATION	RETAINED EARNINGS
NET FIXED ASSETS	SHAREHOLDERS' EQUITY
TOTAL ASSETS	TOTAL LIABILITIES & EQUITY

Рис. 1. Баланс (формат США)

Оформление финансовой отчётности в соответствии с международными стандартами выходит за рамки простого перевода с русского языка на английский и требует трансформации русскоязычной версии в англоязычную (Британский или Американский формат).

В зависимости от уровня подготовленности студентов, потребностей университета акцент может смещаться либо в сторону развития языковых навыков, либо в сторону более глубокого изучения экономических понятий и явлений на иностранном языке [Иноземцева 2014].

Взаимодействие преподавателей профильных и языковых кафедр может изменяться по уровням [Иноземцева 2014], от консультаций в области понятийного аппарата до более тесного системного сотрудничества, выраженного в совместной разработке учебных материалов и оценочного аппарата.

Примеры компетентностно-ориентированных заданий:

- использование перефразирования определений терминов баланса, синонимичных высказываний.

Assets are everything you've got — cash in the bank, inventory, machines, buildings...

Assets are anything owned by a company (cash investments, machines, buildings) that can be used to produce goods or pay liabilities...

- изучение значения и модели употребления глаголов to own — владеть; to owe — быть должным, выражения to be worth.

Assets are things owned by a company.

Assets are also certain “rights” you own that have a monetary value... like the right to collect cash from customers who owe you money.

Accounts receivable is something which the customers owe to the company.

Accounts receivable are sums of money owed by customers for goods and services purchased on credit.

The Balance Sheet presents:

what the enterprise has today: assets

how much the enterprise owes today: liabilities

what the enterprise is worth today: equity

- The Balance Sheet reports:

Has today =	Owes today	+	Worth today
assets	liabilities		shareholders' equity

- использование страдательных конструкций (Passive Voice, Participle II)

Customers owe the money to a company.

The money is owed by customers to a company.

Liabilities are categorized and grouped for presentation on the balance sheet by:

- (1) to whom the debt is owed and
- (2) whether the debt is payable within the year (current liabilities) or is a long-term obligation.

Accounts receivable are obligations of customers of a company to pay the company for goods shipped to them on credit.

Задания на перифраз (paraphrasing), сопоставление терминов и определений (matching definitions with terms), выбор правильного термина к предложенному определению (choosing the correct term to the proposed definition), определение положения термина в балансе (deciding where items should appear on the balance sheet), определение очень хороших и очень плохих финансовых ситуаций (identifying very good and very bad financial situations), изложение выводов устно (presenting conclusions orally), написание отчёта, в котором будут изложены основные положения (writing a report to give the main points).

Индикаторы проявления компетенций

Проявляется в полной мере   Проявляется частично   Не проявляется

Знание форматов оформления баланса, определений терминов, умение перефразировать определения;

4–5   1–3   0

Трансформация баланса; решение проблемы с объяснением на английском языке; осуществление финансового консультирования;

4–5   1–3   0

Правильное употребление лексико-грамматических конструкций в данном контексте; проявление способности найти связь между двумя языками;

4–5   1–3   0

Максимальный балл: 15.

Литература

Айнутдинова И. Н. Интеграция профессиональной и иноязычной подготовки конкурентоспособного специалиста в высшей школе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук, Казань, 2012.

Иноземцева К. М. Междисциплинарное сотрудничество преподавателей-лингвистов и предметников в условиях предметно-языковой интеграции // *European Social Science Journal*. 2014. № 8–3 (47). С. 74–83.

Маслова Л. С. Учебно-методическое обеспечение общепрофессиональной подготовки будущих экономистов в вузе: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2021.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 38.03.01 Экономика С изменениями и дополнениями от: 26 ноября 2020 г. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380301_B_3_31082020.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

Маэрицян Еэркэнь

*аспирант, преподаватель китайского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Школа Конфуция в Санкт-Петербурге;
marjanerken@yandex.ru*

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЯ ПИНЬИНЯ В ИЗУЧЕНИИ И ЧТЕНИИ ИЕРОГЛИФОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: пиньинь, иероглифы, контрольные задания, китайский язык, обучение чтению.

Изучение китайских иероглифов является важной частью обучения китайскому языку как иностранному. Однако из-за сложности формы иероглифов и неясности связи между формой и произношением, изучение иероглифов всегда считалось одним из сложных аспектов обучения китайскому. Пиньинь — это система транскрипции, помогающая в изучении иероглифов, обеспечивающая большую прозрачность соответствия между буквами и произношением по сравнению с иероглифами. Освоение пиньиня и его правил позволяет читать произношение новых слов, тем самым теоретически помогая учащимся изучать связь между формой и произношением слов, увеличивая их возможность самостоятельно изучать новые слова и иероглифы, расширяя словарный запас и улучшая навыки чтения. В последнее время значимость пиньиня достигла значительно возросла. Например, Ли Цюань предложил считать пиньинь «второй системой письма» в преподавании китайского языка [Ли Цюань 2020: 1–10]. Но какова реальная связь между изучением пиньиня и иероглифов? Может ли пиньинь действительно помочь учащимся лучше изучать иероглифы? И если да, то какими путями пиньинь влияет на изучение иероглифов? На эти вопросы пока существует ограниченное количество эмпирических исследований. Настоящее исследование предполагает рассмотреть эти вопросы с точки зрения чтения иероглифов и изучения новых слов.

Данное исследование посвящено анализу роли знания пиньиня в процессе обучения чтению, пониманию и написанию иероглифов среди начинающих изучать китайский язык. Исследование было проведено среди студентов, изучающих китайский язык на начальном уровне. Исследовательская задача состоит в том, чтобы выявить, какое влияние оказывает знание пиньиня на способность студентов читать, запоминать и использовать новые иероглифы. Особенно это касается фоносемантических компонентов иероглифов.

Пиньинь, являясь системой отображения китайской иероглифической письменности латинским алфавитом в рамках произношения мандаринского диалекта, является своеобразной транскрипцией, посредником между письмом и произношением. Знание транскрипции является частью фонологической компетенции при изучении иностранного языка. Изучая фонетику иностранных языков, носители русского языка обычно уже сталкивались с системой транскрипции, им знаком принцип отображения одно-однозначного обозначения звука латинским символом, поэтому пиньинь для них не представляет большой сложности. У тех, кто хорошо владеет пиньинем, результаты чтения китайских иероглифов также обычно лучше. Изучение пиньиня действительно может способствовать обучению чтению иероглифов как у детей, так и у взрослых учащихся [Zhang и др. 2020: 144–154]. Пиньинь, таким образом, может использоваться для развития фонологической компетенции китайского языка у студентов, что в свою очередь улучшает их способность к чтению иероглифов. Нами разработан комплекс заданий для обучения и контроля развития навыков чтения и правописания иероглифов для обучающихся китайскому языку на начальном этапе с помощью пиньиня.

Тест по фонетике китайского языка включает разнообразные задания, охватывающие ключевые аспекты фонетических навыков. В нем представлены упражнения на определение правильного произношения и тонов, что крайне важно для понимания и воспроизведения китайского языка.

Пример задания:

Слушайте внимательно, обведите правильное произношение.

1. qie xie jie xue
2. sha cha zha jia
3. zhī zhí zhǐ zhì
4. jiàoshì jiàoshī jiāoshí jiǎoshǐ

Также в тесте есть задачи на диктант с различением звуков, что помогает оценить способность слушателя различать и точно воспроизводить звуки и тоны.

Пример задания:

Слушайте внимательно, обведите правильные тоны.

1. bái — pài
2. nǚ — lú
3. xuán — huǎn
4. dǐ xī — tǐ xī
5. zào yáo — cǎo yào

Кроме того, в тесте есть упражнения на написание предложений и их перевод, проверяющие знание словарного запаса и способность переводить с китайского языка на русский.

В устной части теста представлены упражнения на чтение, диалоги и скороговорки, направленные на развитие произношения, речевой когезии и практического применения языка.

По результатам выполнения тестовых заданий представлены данные, подтверждающие, что знание пиньиня улучшает способность учащихся к ассоциации звуков и символов, что является ключевым аспектом в изучении китайского языка.

Результаты исследования показали, что умение читать и писать на пиньинь напрямую коррелирует с успехом в изучении новых иероглифов. Это открытие подчеркивает важность интеграции обучения пиньиню на начальных этапах изучения китайского языка. Пиньинь не только способствует более эффективному изучению иероглифов, но и упрощает процесс их запоминания.

На основании полученных данных делается вывод о необходимости акцентирования внимания на обучении пиньиню на начальных этапах изучения китайского языка. Это поможет улучшить общие навыки чтения и понимания иероглифов у студентов.

Литература

李泉. 新时代对外汉语教学研究:取向与问题[J]. 语言教学与研究, 2020(1): 1-10. DOI: 10.3969/j.issn.0257-9448.2020.01.002.

Zhang S. Z., Georgiou G. K., Inoue T., Zhong W., Li Y. Do pinyin and character recognition help each other grow? // Early Childhood Research Quarterly. 2020. Vol. 51. P. 144-154.

Павловская Ирина Юрьевна

*д-р филол. наук, профессор, кафедра иностранных языков и лингводидактики
, Санкт-Петербургский государственный университет;
pavlovskayairina2@yandex.ru*

УРОКИ ИСТОРИИ: О ТЕСТОЛОГИИ И НЕ ТОЛЬКО

Ключевые слова: Ф. Гальтон, психометрия, история науки, междисциплинарная наука, педология.

Самой крупной фигурой в тестологии является Фрэнсис Гальтон. Ученый–энциклопедист, родившийся более 200 лет назад, он прославился в истории науки как генетик, антрополог, евгеник, метеоролог, медик, инженер, географ. Кембриджский ученый, по первому образованию он был медиком, обучался в медицинской школе в Лондоне и в Кингс-колледж. В Университете изучал математику и медицину. На Гальтона сильное впечатление произвел труд его двоюродного брата Чарльза Дарвина «О происхождении видов с помощью естественного отбора или о сохранении благоприятных рас в борьбе за жизнь». Теория эта вдохновила Гальтона на исследования в области эволюции человека, проблему генетических предпосылок развития психологических характеристик и способностей человека, их наследственной обусловленности [Galton 1883]. И уже попутно Гальтон разработал приемы диагностики способностей, которые положили начало тестологическим испытаниям. Гальтону принадлежит изобретение высокочастотного свистка, открытие дактилоскопии (отпечатков пальцев) и многие другие методы, которые помогли ему измерять человеческие качества и наблюдать их наследственность. Первое было впоследствии названо психодиагностикой, а второе — генетикой. Статистические методы обработки полученных в экспериментах данных также были развиты Гальтоном. Понятия центральной тенденции, стандартного отклонения, нормального распределения, регрессионного анализа принадлежат именно ему. Не случайно его ученик, математик Карл Пирсон, писал книгу о жизни и творчестве своего учителя много лет, и она составила три тома [Pearson 1914, 1924, 1930].

В этой связи необходимо заметить, что тестология рождалась в семье смежных наук — математики, биологии, медицины, и др., и с самого начала оказалась междисциплинарной наукой, причем это междисциплинарность не только и не столько внутригуманитарная, сколько естественно-гуманитарная. Важно, чтобы эта междисциплинарность не была утрачена и теперь, при всем прогрессе технологий, преимуществ и угроз искусственного интеллекта и т. п.. В России в начале 20 в. всплеск междисциплинарности в русле антропологического подхода мы наблюдаем в педологии, науке о детях. Это комплексное изучения ребенка с биологической, психологической, педагогической, социологической, гуманитарной и языковой (у Выготского) точек зрения [Выготский 2001]. С другой стороны — это выяснение водораздела: что есть норма, а что — не норма. Этот водораздел определяется психометрическими методами. В молодой советской республике интерес к этой области был обусловлен социальным заказом: по улицам бегали толпы беспризорников, их надо было учить, воспитывать, кормить, оздоравливать. На эту задачу работает все: написаны десятки книг [Блонский 1934], выпущены журналы, работают институты. Тестология и тестирование в этот период получили мощную научную и общественную поддержку.

Начало составления и применения тестов в нашей стране относится к 1926 г. Такие крупные психологи и педагоги, как С. Г. Геллерштейн, П. П. Блонский, А. П. Болтунов, М. С. Бернштейн, начинают проводить исследования по изучению и применению метода тестов. Были разработаны: шкала для измерения умственного развития детей; тесты для учета навыков в чтении, счете и письме; тесты коллективного испытания умственной одаренности. П. П. Блонский выдвинул следующие требования к тестам: тесты должны быть сопоставимы друг с другом; тест должен обладать высокой степенью самокорреляции, т. е. четные задания должны давать такие же результаты, как и нечетные; тесты должны быть стандартизованы.

Однако с середины 1930-х годов наблюдается резкий спад в развитии тестирования. Он был обусловлен выходом двух постановлений Центрального комитета партии: от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе» и от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», после которых работа над изучением тестовой методики практически прекратилась, поскольку в самом методе выискивалось дурное влияние Запада. Лишь немногие российские ученые серьезно рассматривали те полезные и ценные технические приемы измерения различных проявлений умственной деятельности, которые давали тесты, разработанные в 1930-х годах. Тесты нашли широкое практическое применение главным образом в профконсультационной работе, в исследованиях работоспособности, режима труда. И хотя в этой области был накоплен значительный опыт, в настоящее время она не привлекает достаточного внимания специалистов. Счастливым исключением является творчество А. Г. Шмелева, создавшего Центр профессионального тестирования при МГУ.

Долгое забвение способствовало тому, что отечественной тестологии с 90-х годов пришлось начинать все как будто с начала, воспользовавшись хлынувшим потоком информации из-за рубежа. Именно поэтому идея независимого тестирования между школой и вузом была заимствована из американского опыта, первый тест ЕГЭ был по английскому языку, а наполнение его было копией кембриджского First Certificate.

Автор надеется, что уроки прошлого помогут избежать стратегических ошибок, видимое ослабление интереса к тестологии не приведет к еще одному провалу в эволюции данного научного направления, а на практике формы академического тестирования останутся важным инструментом контроля в образовании.

Литература

- Блонский П. П.* Педология: учеб. для высш. учеб. заведений. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934. 356 с.
- Выготский Л. С.* Лекции по педологии. Ижевск: Издат. дом «Удмурдский университет», 2001. 303 с.
- Galton F.* Inquiries Into Human Faculty and Its Development. Macmillan, 1883.
- Pearson K.* The life, letters and labours of Francis Galton (3 vols. 1914, 1924, 1930). Cambridge: University Press.

Павловская Ирина Юрьевна¹, Козлова Елизавета Дмитриевна²

¹д-р филол. наук, профессор, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
pavlovskayairina2@yandex.ru

²ассистент, кафедра иностранных языков и коммуникативных технологий,
Национальный исследовательский технологический университет МИСиС;
elizaveta-talikina@mail.ru

SELT-ПРОВЕРКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИМОДАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ РЕЦЕПТИВНЫМ НАВЫКАМ С ПОМОЩЬЮ АУДИОКНИГ КОЛЛЕКЦИИ OXFORD READERS

Ключевые слова: тест SELT, полимодальность, аудиокнига, рецептивные навыки.

Применение полимодального текста (задействующего аудиальный и визуальный каналы) в обучении иностранным языкам является предметом дискуссий, так как выводы исследований, объектом которых он является, неоднозначны.

Среди положительных результатов авторы отмечают повышение уровня понимания (при чтении или аудировании), способствование усвоению лексики, повышение скорости чтения, возможность просмотра иллюстраций (что повышает уровень понимания), рост мотивации [Kartal, Simsek 2017; Serrano, Pellicer-Sánchez 2022].

Тем не менее, некоторые авторы считают, что использование полимодального текста незначительно влияет на уровень понимания учащихся, а также замедляет чтение на родном языке [Nakashima 2018; Conklin 2020].

Целью работы является определение влияния полимодального текста (в качестве которого выступает аудиокнига в комплекте с текстом) на рецептивные навыки учащихся средней школы с помощью педагогического эксперимента. В основе эксперимента лежит сравнение уровня сформированности рецептивных навыков учеников, которые использовали книгу с аудиосопровождением, и учеников, которые использовали традиционное учебное пособие.

Экспериментальное обучение проходило в 2022 г. на базе «Академической гимназии № 56» Санкт-Петербурга. Участники эксперимента — 20 обучающихся (12 девочек и 8 мальчиков) 6-х классов в возрасте 11–12 лет. Все участники — носители русского языка.

Для проверки эффективности полимодального обучения школьников был использован диагностический онлайн-тест по английскому языку компании RELOD, которая предлагает стандартизированные тесты для оценки качества владения английским языком учащимися в ходе обучения в общеобразовательных учреждениях или для определения соответствия общего уровня владения английским языком общепринятым уровням по европейской шкале CEFR (Common European Framework of Reference). Форматы тестов: бумажный SELT и электронный eSELT.

Для проведения замеров в нашем эксперименте был выбран тест eSELT 2 (Standardized English Language Tests) уровня A1+. Электронный eSELT можно пройти в любое время и из любого места при наличии компьютера и стабильного подключения к интернету. Он включает три раздела: Аудирование, Чтение, Лексика и грамматика. Время выполнения теста — 45 минут.

Среди преимуществ тестов eSELT отмечают

- 1) получение обучающимся положительного опыта тестирования и обретение уверенности в своих силах;
- 2) получение Result Card с результатами тестирования;
- 3) возрастание мотивации к изучению английского языка.

В то же время учитель не тратит время на составление теста и получает возможность на основании таблиц анализа тестирования скорректировать программу и уделить больше времени на отработку проблемных аспектов.

В качестве учебных материалов была использована коллекция адаптированных книг Graded readers серий Dominoes и Oxford Bookworms от издательства Oxford University Press. Коллекция включает 25 произведений художественной и научно-популярной литературы уровня A2–B1. В ней представлены произведения разных жанров — приключения, детективы, триллеры, исторические романы и другие. Доступ к книгам активируется с помощью кода на платформе Oxford Learner's Bookshelf. Для прослушивания и чтения книги используется приложение Oxford Books для телефона и планшета или сайт (www.oxfordlearnersbookshelf.com) на компьютере.

В ходе эксперимента были сформированы экспериментальная и контрольная группы (далее ЭГ и КГ), каждая включала 10 человек. Затем было проведено входное тестирование в обеих группах для определения уровня сформированности их рецептивных навыков. В первые шесть недель основного этапа учащиеся ЭГ прослушивали и читали самостоятельно выбранные аудиокниги в комплекте с текстом в дополнение к учебному пособию во внеаудиторное время. Каждый учащийся выбирал книгу, которая соответствует его/ее интересам и уровню. Текущий контроль чтения осуществлялся с помощью выполнения упражнений к каждой главе произведения, а также с помощью выполнения письменных заданий по прочитанному тексту. В КГ обучение выстраивалось только на основе традиционного учебного пособия.

Через шесть недель после начала пробного обучения было проведено про межуточное тестирование. В последующие шесть недель учащиеся ЭГ читали и слушали одну совместно выбранную аудиокнигу в аудиторное время, выполняя задания на понимание, а также творческие задания. Учащиеся КГ также использовали традиционное учебное пособие. Заключительным этапом эксперимента стало итоговое тестирование навыков аудирования и чтения в обеих группах для определения эффективности разработанной методики. По завершении эксперимента были проведены анализ и интерпретация результатов.

Итоговое тестирование показало, что пробное полимодальное обучение оказало положительное влияние на рецептивные навыки обучающихся. В ЭГ процент выполнения теста в части Аудирование увеличился на 21,5 % по сравнению с 12,5 % в КГ. В части Чтение средний процент выполнения заданий ЭГ вырос на 17,6 %, в то время как в КГ этот показатель увеличился на 13,3 %. Мы полагаем, что значительный рост аудитивных навыков и умений учащихся ЭГ связан с тем, что они с большим интересом воспринимали устную речь, благодаря звуковым эффектам и выразительному чтению актеров. Кроме того, учащиеся ЭГ могли быть более мотивированными в работе с аудиокнигами из-за использования приложения на телефоне, планшете или сайта на компьютере.

Таким образом, педагогический эксперимент позволяет сделать вывод, о том, что обучение на основе полимодального текста эффективно в развитии рецептивных навыков, оказывая наибольшее влияние на аудирование. Важным вкладом эксперимента является изучение влияния полимодального текста на оба вида рецептивных видов речевой деятельности у русскоязычных обучающихся.

Литература

- Conklin K. et al. What Eye-Tracking Tells us About Reading-Only and Reading-while-Listening in a First and Second Language // *Second Language Research*. 2020. Vol. 36, no. 3. P. 257–276.
- Kartal G., Simsek H. The Effects of Audiobooks on EFL Students' Listening Comprehension // *The Reading Matrix*. 2017. Vol. 17, no. 1. P. 112–123.
- Nakashima K., Stephens M., Kamata S. The Interplay of Silent Reading, Reading-while-Listening and Listening-Only // *The Reading Matrix*. 2018. Vol. 18. P. 104–123.
- Serrano R., Pellicer-Sánchez A. Young L2 learners' online processing of information in a graded reader during reading-only and reading-while-listening conditions: A study of eye-movements // *Applied Linguistics Review*. 2022. Vol. 13, no. 1. P. 49–70.

Петрусевич Виктория Игоревна

аспирант программы «Теория и методика обучения иностранным языкам»,
Санкт-Петербургский государственный университет;
viktoria.petrusevich@mail.ru

РАЗРАБОТКА ТЕСТИРОВАНИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ С УЧЁТОМ РУССКО-ИТАЛЬЯНСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Ключевые слова: фонологическая компетенция, фонетический тест, критерии оценивания, шкала оценки.

Контроль освоения учащимися компетенций в рамках изучаемого языка является важной частью учебного процесса. Фонологическая компетенция является частью общей коммуникативной (языковой) компетенции и нуждается в оценке с помощью специально разработанных тестов.

В России уже в начале XX века обучение произношению в преподавании иностранных языков занимало особое положение. Л. В. Щерба и его последователи, такие как Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, Л. В. Бондарко, В. Б. Касевич вели исследования для анализа речи с фонетической точки зрения. Их труды, безусловно, повлияли на то, как подавался фонетический аспект речи при обучении иностранному языку.

В процессе обучения, а также при оценивании фонологической компетенции важно учитывать родной язык обучающихся [Pavlovskaya 2022], так как интерференция в таких случаях неизбежна. От выраженности интерференции между родным и изучаемым языками зависит степень разборчивости произношения, а более глобально — успех коммуникации.

Существует необходимость в создании фонетического теста, направленного на оценивание фонологической компетенции русскоязычных обучающихся итальянскому языку. В фонетическом тесте необходимо учитывать интерференцию, так как невозможно создать универсальный тест для всех обучающихся с любым родным языком.

По мнению тестологов, первая стадия тестирования должна включать в себя следующие этапы [Павловская, Башмакова 2007: 87]:

- Планирование теста.
- Составление предтеста.
- Опробование предтеста.
- Обработка результатов.
- Интерпретация результатов предтеста.

В докладе будут рассмотрены стадии проведения предтеста для оценивания фонологической компетенции итальянского языка у русскоязычных обучающихся.

В предыдущих исследованиях [Петрусевич 2022] на основе контрастивного анализа фонологических систем русского и итальянского языков были выведены типичные ошибки русскоязычных обучающихся в итальянском произношении. Отметим, что при выведении типичных ошибок учитывалась артикуляция, характерная для «стандартного» итальянского языка (так называемый, “italiano standard”). Фонемы, артикуляция которых может сильно отличаться среди населения различных регионов Италии (например, открытые и закрытые гласные /o/, /e/), не были учтены при составлении теста и оценивании его результатов.

При создании теста [Любимова 2006: 200], разделения ошибок на коммуникативно значимые и коммуникативно незначимые бывает недостаточно. В фонетических тестах на сегментном уровне принято оценивать лишь оппозиционные ошибки, которые выявляются при разрушении фонемных оппозиций. На супraseгментном уровне могут оцениваться место ударного слога и интонационного центра, количество синтагм в предложении и т. д.

В качестве испытуемых в эксперименте принимали участие 9 студентов третьего курса бакалавриата Санкт-Петербургского Государственного университета по направлению под-

готовки «Международные отношения», приблизительный уровень владения итальянским языком — A2+/B1.

В тестирование были включены два типа заданий: восприятие фонем на слух и произнесение записанных слов, фраз, текстов.

В первом задании тестируемым предлагается записать 11 итальянских имён и фамилий, которые были подобраны таким образом, чтобы проверить навыки произношения звуков, которые на основе контрастного анализа оказались «сложными» для носителей русского языка. Каждое имя и фамилия были произнесены два раза. Во втором задании тестируемым необходимо послушать аудио-дорожку и отметить слова, в которых, по их мнению, содержатся удвоенные согласные. В заданиях с третьего по десятое проверяются навыки произношения звуков, проблемных для русскоязычных обучающихся. Звуки представлены в контрастных парах: дифтонги /gw/ и /kw/, ударный /o/ и дифтонг /wə/, контраст между звуками /п/ и /n/, /k/ и /l/, /dʒ/ и /tʃ/, произнесение звуков /s/, /z/ в различных позициях, произнесение сочетаний /ti/ и /di/, в которых существует риск палатализации. В заданиях 11 и 12 тестируемые должны прочитать фразы и диалог, чтобы проверить связное произнесение слов, положение ударения и интонацию в вопросах. В последнем задании участникам предлагается фонетический представительный текст, в котором присутствуют все возможные трудности итальянского произношения для русскоязычных обучающихся.

В результате опробования предтеста в пилотном эксперименте были выявлены пути его совершенствования для более точного оценивания фонологической компетенции обучающихся. Так, необходимо:

- добавить в заданиях 8 и 9 пары слов, где контраст между фонемами будет выражен более ярко;
- в задании 11 оставить только словосочетания для проверки связей между словами;
- в задании 12 добавить предложения с вопросительной интонацией и оценивать только супraseгментные характеристики, исключить оценку присутствия/отсутствия редукции звука /o/ в безударном положении;
- задание 13 (включающее в себя фонетический представительный текст) модифицировать, добавить вопросительные предложения и вывести отдельные критерии оценивания данного задания.

На основании анализа результатов предтеста создается окончательный вариант теста. После проведения окончательного теста станет возможным проведение критериального оценивания фонологической компетенции и выведение дескрипторов для каждого уровня владения итальянским языком.

Литература

- Любимова Н. А. Фонетический аспект общения на неродном языке. Коллективная монография. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 294 с.
- Павловская И. Ю., Башмакова Н. И. Основы методологии обучения иностранным языкам: Тестология. 2-е изд., исп. и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007 г. 194 с.
- Петрусевич В. И. Прогнозирование и анализ ошибок русскоязычных обучающихся в итальянском произношении // Тестология. 2022. № 4(16). С. 66–80.
- Pavlovskaya I. Yu. Social and national variety of pronunciation in the Common European Framework of Reference for Languages // Материалы VII Международного научного конгресса «Социальная и национальная вариативность языка и литературы». Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского Симферополь, 7–9 апреля 2022 г. С. 25–34.

Сказочкина Татьяна Валерьевна

канд. пед. наук, доцент,

Санкт-Петербургский университет профсоюзов

МЕТОД ОЦЕНКИ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Ключевые слова: оценка качества перевода, качественный анализ, художественный перевод, сравнение, адекватный и эквивалентный перевод.

Доклад посвящен изучению оценки качества перевода лексических единиц в художественном произведении с английского языка на русский язык. Проводится анализ работ, посвященных следующим вопросам: 1) возможности оценки перевода лексики художественного произведения; 2) определению объекта оценки перевода — личности переводчика, его речи, процесса перевода, или результата перевода; 3) исследованию подходов к разработке системы качества перевода лексики; 4) рассмотрению критериев или параметров в оценке качества перевода лексики художественного текста, 5) описанию ошибок в переводе — их типов, причин, методов их избегания и устранения.

Объектом внимания стали лексические единицы, которые передают смысл произведения через стилистическую окраску [Казакова 2001]. Параметры оценки адекватности перевода предлагаются как критерии оценивания качества перевода лексических единиц:

- передача авторского стиля;
- передача социокультурных аспектов времени и места;
- передача атмосферы произведения;
- передача смысловой нагрузки произведения;
- доступность понимания для современного читателя.

Актуальность данного исследования определена такими факторами, как отсутствие наукоемкой технологии адекватного современного перевода художественных произведений другой эпохи, представляющих литературную и художественную ценность. Также отсутствие системы параметров и ориентиров, помогающих создать грамотный с лексической точки зрения перевод, который сохраняет и передает атмосферу прошлых периодов через нормы современного языка. Целью нашего исследования является проведение сравнительного переводческого анализа с лексической точки зрения текстов трёх авторов — Р. Я. Райт-Ковалёвой («Над пропастью во ржи»), С. А. Махова («Обрыв на краю ржаного поля детства»), М. В. Немцова («Ловец на хлебном поле») — по разработанным параметрам и создание своего пробного перевода, объединяющего лучшие качества вышеназванных трёх [Петренко 2009].

Тестологическая задача данного исследования заключается в подготовке материала к разработке критериев оценивания и применении качественных методов анализа перевода лексических единиц в контексте художественного произведения.

Задачи, относящиеся к практической части работы: исследование особенностей каждого из трех переводов романа «Над пропастью во ржи», сравнение трёх переводов романа «Над пропастью во ржи» по заданным параметрам, выявление сильных качеств каждого из трёх переводов и создание пробного перевода с объединением лучших черт трёх уже существующих.

Качество перевода долгое время оценивалось с точки зрения соответствия перевода оригиналу. Перевод признавался ошибочным, если отношения эквивалентности установлены не на оптимальном уровне. Еще В. Н. Комиссаров писал о переводческой сверхзадаче, связывая работу переводчика с особенностями культуры языков оригинала и перевода. Отметим также, что последователи ученого обязательно упоминали о так называемых экстралингвистических факторах. В области оценки качества перевода существует оригинальная модель оценки качества перевода, предложенная Дж. Хаус [House 2001]. Ученый выделяет функционально-прагматическую эквивалентность, которую характеризует как предельно оценочную.

В статье рассматривается определение адекватности в сопоставлении с понятием эквивалентности, которое представлено в работах В. В. Сдобникова [Сдобников 2015]. Таким образом, эквивалентность принадлежит зоне языка, а адекватность соотносится с коммуникацией. Главный критерий оценки качества перевода состоит в способности переводного текста удовлетворить потребности участников коммуникативной ситуации межъязыкового общения.

Квалитативный анализ текста перевода предполагает целостное восприятие текста, уделяет внимание его структуре, нацелен на изучение латентного (потенциального) значения содержания, основан на селективном подходе элементов анализа, учитывает позицию адресата. Последний параметр является основным при оценке адекватности передачи лексических единиц в переводном тексте художественного стиля.

В конечном итоге основная идея статьи в том, что задача профессионального переводчика заключается в обеспечении максимальной адекватности перевода.

Литература

- Казакова Т. А.* Практические основы перевода English — Russian. СПб.: Союз, 2001.
- Петренко Д. И.* Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его переводы на русский язык: монография / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2009.
- Сдобников В. В.* Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход). М.: Флинта: Наука. 2015. 112 с.
- House J.* Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation // *Meta*. 2001. Vol. XLVI, no. 2. P. 243–257.

Титова Светлана Владимировна

*д-р пед. наук, зав. кафедрой теории обучения иностранным языкам,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
stitova3@gmail.com*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ОЦЕНИВАНИЯ ДЛЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ И КОНТРОЛЯ В ЯЗЫКОВОМ ОБУЧЕНИИ

Ключевые слова: искусственный интеллект в обучении ИЯ, интеллектуальные системы оценивания, обратная связь.

Технологии ИИ помогают преподавателям ИЯ решить чрезвычайно сложную проблему — проблему адекватной, объективной, валидной оценки знаний обучающихся и осуществления различных форм контроля во время прохождения курса — текущего, промежуточного и финального. Создание персонализированной траектории обучения для каждого студента, адаптация учебного материала согласно его потребностям, слабым местам и лакунам в знаниях и умениям возможно только на базе валидных и надежных систем, определяющих уровень владения ИЯ.

На сегодняшний момент имеются интересные разработки по системам автоматической проверки письменных текстов (automatic writing evaluation). Благодаря внедрению в них технологий ИИ — машинного обучения с преподавателем и без него, обработке семантики естественного языка, машинному переводу, данные системы, изначально предназначенные для проверки орфографии, лексики, грамматики и пунктуации, могут использоваться теперь для оценивания более сложных параметров: решения коммуникативной задачи, логичности и связности текста. В настоящее время эти системы ИИ продолжают развиваться, особенно в области обработки естественного языка, что позволяет превращать текст в структурированные данные и извлекать смысл из текстов. Одним из наиболее значимых достижений стало включение автоматического завершения фраз с помощью ИИ в текстовые редакторы, а также предложения по альтернативным формулировкам текста [Dale 2021].

Общими дидактическими возможностями автоматических систем проверки письменных тестов на базе ИИ (WriteToLearn, Revision Assistant, OpenEssayest, Criterion, WriteLab, Criterion, MY Access!, Pigai и др.) являются автоматическая проверка письменных текстов и мгновенное предоставление персональной, развернутой обратной связи обучающемуся. Система оценивает эссе и дает немедленную, а не отложенную обратную связь, основываясь на анализе тысяч предварительно написанных экспертами комментариев.

Многие исследователи отмечают, что именно мгновенная коррекционная обратная связь позволяет использовать подход к обучению письма как процесса (process writing). Основным условием успешности применения данной технологии является предоставление коррективной обратной связи на каждый вариант или редакцию текста. Автоматизированные системы могут отслеживать изменения и предлагать корректировки для каждой редакции текста, что помогает успешному развитию и письменно-речевых умений, и мотивации к обучению, а также умений самообучения и рефлексивной деятельности. Данные системы уже доказали свою эффективность в процессе применения для формирующего оценивания, направленного на формирование и развитие продуктивных письменно-речевых умений [Nunes, Cordeiro, Limpo, Castro 2021].

Однако есть много проблем, касающихся использования данных систем в обучении. В частности, подобные системы могут не только давать обратную связь, но и редактировать текст, перефразировать текст, давать более правильные версии, создавать тексты на заданные темы. В связи с этим возникает ряд вопросов, касающийся авторства текста, поскольку тексты, созданные с помощью больших языковых моделей (GPT-3, GPT-4) сегодня невозможно проверить на плагиат [Dale 2021]. Исследования показали, что обратная связь, предоставляемая системами автоматической проверки письменных текстов, наиболее эффективна на ранних этапах изучения языка для развития грамматических и лексических навыков. Автоматические системы

оценки не могут помочь в формировании умений аргументов и контраргументов, организации текста [Huang, Wilson 2021].

Сейчас также важна прозрачность функционирования интеллектуальных систем оценивания для всех участников образовательного процесса, то есть преподаватели должны представлять и знать механизм работы подобных устройств. По мнению профессора Р. Годвина-Джона, только имея определенные знания и умения в данной области, “both learners and teachers will be co-creating with algorithmic system” [Godwin-Jones 2022: 20]. Систематические исследования могут выявить эффективность данных систем в обучении ИЯ. Противоречивые утверждения в исследованиях, наряду с отсутствием деталей о контексте использования и иногда отсутствием контрольных групп, затрудняют формулировку конкретных выводов об эффективности использования систем автоматической проверки [Godwin-Jones 2022].

Литература

- Dale R.* GPT-3: What's it good for? // *Natural Language Engineering*. 2021. Vol. 27 (1). P. 113–118. <https://doi.org/10.1017/s1351324920000601>
- Godwin-Jones R.* Partnering with AI: Intelligent writing assistance and instructed language learning // *Language Learning & Technology*. 2022. Vol. 26 (2). P. 5–24. <http://doi.org/10.125/73474>
- Huang Y., Wilson J.* Using automated feedback to develop writing proficiency // *Computers and Composition*. 2021. Vol. 62. P. 102–115. <https://doi.org/10.1016/j.compcom.2021.102675>
- Nunes A., Cordeiro C., Limpo T., Castro S.L.* Effectiveness of automated writing evaluation systems in school settings: A systematic review of studies from 2000 to 2020 // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2021. Vol. 38 (2). P. 599–620. <https://doi.org/10.1111/jcal.12635>

Gorizontova ANNA V.

*PhD, Assistant Professor,
Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University),
Department of Foreign Languages;
gorizontova.av@mipt.ru*

COMPUTER-ASSISTED LANGUAGE TESTING AND AUTOMATED SCORING: MILESTONES, PROSPECTS AND MIPT EXPERIENCE

Keywords: computer-assisted language testing, automated assessment of productive skills.

Computer-assisted testing (CAT) has been around for over 90 years, though it achieved wide recognition and popularity in language assessment much later — in 1980-ies. For several following decades computer-assisted language testing (CALT) offering automated scoring was applied exclusively to objective tasks and, respectively, to receptive skills of listening and reading. Initially, the main advantage of computer-based testing was the radically increased speed of providing candidates and educational institutions with test results, as well as substantial savings on employing human markers. It was the next step in CALT development — the introduction of adaptive testing — that turned out to be the first qualitative breakthrough. Adaptive testing is meant to be used with multi-level cohorts of candidates mainly for placement purposes. Usually, all candidates are offered the same task at the beginning of the test (usually at A2 or B1 level) and then, depending on the quality of the answer to this initial task, the system selects the next one at a higher or a lower level. Providing that the item bank is big enough, adaptive testing guarantees not only a fast yet a thorough process of matching each candidate's performance to the CEFR scale but also provides an individual trajectory for each test-taker. Such an adaptive test was developed by MIPT Department of Foreign Languages in 2022. It is a part of the MIPT-owned ISTOK testing system [Базанова и др. 2023: 150]. The purpose of the adaptive test is to ensure correct placement of first-year students of BA and MA programmes, as well as of newly admitted postgraduates. The total number of the adaptive test takers makes over 1,000 annually. Each candidate has to answer 44 questions ranged between A2 and C1, which makes it possible to identify English language proficiency at all six CEFR levels. At the same time, adaptive tests cannot be used to measure students' progress in learning English: to achieve this it is necessary to explore the can be achieved with the help of level tests. ISTOK system currently includes level test at four CEFR levels -from A2 to C1 which are taken by all English learners in the university at the end of each academic year. These tests, compared with the previously described placement one, look much deeper into language proficiency of each candidate and provide the university with an opportunity to find out the success of each student, as well as of each cohort, in reaching target CEFR levels. These tests, unlike the placement one, cover all four language skills, including Writing and Speaking.

Fast turnaround of test results at the end of an academic year is essential for any university. With the total number of test-takers exceeding 4,000, traditional ways of assessing productive skills with the help of human examiners would take at least several weeks. The solution used by international exam boards, including Pearson Test of English Academic, TOEFL and Cambridge Assessment, is automated assessment of speaking and writing skills with the help of Artificial Intelligence. In 2022 MIPT began to develop its own neural network-based solution to assess speaking and writing for ISTOK tests.

The use of AI in assessment was a widely-discussed topic about 20 years ago. By now it has reached the broad acceptance though some issues, e.g. the level of human involvement in the assessment process, are still being discussed [Xu et al. 2021: 25]. The common misconception about the use of AI in assessment is that it 'thinks' as humans. In reality AI needs to be trained to identify and quantify specific features of a text, range them by importance and make a prediction on the score a human would give [Van Moere and Downy. 2016: 2]. By February 2023 MIPT neural network has achieved a remarkably good result of 77% agreement with human assessors and currently the process of training AI is continuing.

References

- Базанова Е. М., Горизонтова А. В., Грибова Н. Н., Чикаке Т. М., Самосюк А. В.* Разработка и перспективы развития национальной интеллектуальной системы тестирования общезыковых компетенций (ИСТОК) на базе нейросетевых решений // *Высшее образование в России*. 2023. № 8–9. С. 147–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-147-166.
- Xu J., Jones E., Laxton V., Galaczi E.* Assessing L2 English speaking using automated scoring technology: examining automarker reliability // *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*. 2021. Vol. 28. P. 1–26. DOI: 10.1080/0969594X.2021.1979467.
- Van Moere A., Downey R.* Technology and artificial intelligence in language assessment // *Dina Tsagari and Jayanti Banerjee (eds) Handbook of Second Language Assessment*. De Gruyter Mouton. 2016. P. 1–16. DOI: 10.1515/9781614513827-023.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Германова Наталия Николаевна

*д-р филол. наук, профессор, кафедра общего и сравнительного языкознания,
Московский государственный лингвистический университет;
nata-germanova@yandex.ru*

«ЛЕКЦИИ ПО РИТОРИКЕ И ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ» Х. БЛЭРА В РОССИИ

Ключевые слова: история риторики, Х. Блэр, Н. Н. Давыдов, Н. Ф. Кошанский, А. Ф. Мерзляков.

Переводы «Лекций по риторике и изящной словесности» Х. Блэра (1783 г.), возглавлявшего на протяжении более 20 лет созданную им кафедру риторики Эдинбургского университета, — это интересное свидетельство русско-британских культурных контактов XVIII–XIX веков. Его труд, наряду с «Философией риторики» Дж. Кэмбелла (1776 г.), стал важнейшей риторикой Великобритании последней трети XVIII века, был переведен на многие европейские языки и сохранял свое место в системе британского университетского образования до середины XIX века. Такой успех объясняется, в частности, тем, что Блэр, помимо вопросов ораторского искусства, предложил рекомендации для создания и литературной критики произведений словесности разных жанров (от проповедей до комедии), причем удачно учитывал как требования современной ему неоклассической литературы, так и новые романтические веяния (ср., к примеру, рассуждения об эстетической категории возвышенного).

Такой подход был созвучен формировавшейся в России теории словесности, а также эстетическим исканиям литераторов-романтиков, что и объясняет востребованность риторики Блэра в России. Было бы, конечно, преувеличением утверждать, что Блэр оказал решающее влияние на развитие российской риторики, эстетической мысли и теории словесности, но его имя и труд были достаточно хорошо известны.

Первый перевод риторики Х. Блэра был опубликован в 1791 г. под названием «Опыт риторики, сокращенный большею частию из наставлений докт. Блером в сей науке преподаваемых» [Опыт риторики 1791]. Есть основания полагать, что к этой публикации имела отношение Екатерина Дашкова, которая в то время была главой Российской академии наук. Княгиня Дашкова провела в Эдинбурге, где учился ее сын, 1776–1782 гг. и была лично знакома с Х. Блэром, лекции которого слушал ее сын. Блэр посещал приемы, которые княгиня организовывала для интеллектуальной элиты Эдинбурга; их контакты, как свидетельствует переписка, продолжились и после ее отъезда в Петербург. Переводчиками риторики Блэра были В. М. Севергин и А. К. Кононов, молодые люди, вернувшиеся из командировки за границу, куда они были направлены учиться по личной рекомендации княгини Дашковой.

Впоследствии в России появилось еще несколько переводов отрывков из риторики Блэра. В 1800 г. греко-российским священником Иваном Павинским был опубликован «Опыт о красноречии проповедников», представлявший собой отрывок из работы Блэра. В 1799 г. воспитанники Московского университетского благородного пансиона князь Григорий Гагарин и Петр Лихачев опубликовали перевод с французского языка небольшого фрагмента «Лекций», посвященного «приращению языка и изобретению письма». Фрагменты риторики Блэра, посвященные вопросам поэтики, были опубликованы в 1805 и 1806 гг. в «Утренней заре» (см. подробнее [Жилякова 1984]). Переводы и конспекты отрывков из работы Блэра, впрочем, не опубликованные при жизни поэта, были сделаны В. А. Жуковским [Жилякова 1984].

Значительно более подробно и системно знакомил читателей с работой Х. Блэра И. И. Давыдов, академик отделения русского языка и словесности Санкт-Петербургской Академии наук.

Ответственный редактор: д-р филол. наук Ю. А. Клейнер.

В 1815 г. он опубликовал в «Вестнике Европы» «Блеров 38-й урок», а позднее положил «Лекции» Блэра в основу своих «Чтений о словесности» (1837), о чем и написал в предисловии к своему труду. Там он, объясняя свой выбор, отмечает, что в риторике Блэра «находим важнейшие исследования по предмету Философии Словесности <...> само же изложение их ясно, просто и изящно: это живая речь умного и ученого человека» [Давыдов 1937: I]. Подчеркнем, что данном случае мы имеем дело не с точным переводом, а с последовательным переложением работы Блэра, в которую автор вносил собственные добавления и поправки.

Что касается влияния «Лекций» Х. Блэра на авторов других российских работ по риторике и словесности, то он, безусловно, был им известен. Так, Н. Ф. Кошанский упоминает имя Х. Блэра, наряду с другими зарубежными авторами риторик, в разделе, посвященном истории риторических учений. А. Ф. Мерзляков не только упоминает имя Блэра в своей «Краткой риторике», но и обращается к его труду в своих речах, причем в «Речи о начале, ходе и успехах словесности» (1819 г.) ставит его имя в ряд авторов, «увенчанных лучами бессмертия и благодарностью своих сограждан» [Жилякова 1984: 122]. Отметим также обнаруживаемые во многих русских риториках требования к стилю, включавшие, как и у Блэра, ясность, точность, единство и силу; однако эти требования встречались в риторических трактатах, начиная с «Наставлений» Квинтилиана. Таким образом, однозначно приписать подобные параллели влиянию риторики Блэра невозможно; речь идет, скорее, об обращении британских и отечественных авторов к общим классическим источникам.

В заключение отметим, что в поле зрения российских филологов попали и другие работы Х. Блэра: его «Критическая диссертация о поэмах Оссиана, сына Фингала», в которой он ошибочно признал литературную подделку Дж. Макферсона древним кельтскими эпосом (рассуждения о ней находим, в частности, у В. А. Жуковского), а также его проповеди, переведенные на русский язык.

Литература

Блэр Х. Опыт ретирики, сокращенный большею частию из наставлений докт[ором] Блером в сей науке преподаваемых. С аглинскаго языка на российский преложен А. К[ононовым] и В. С[евергиным]. СПб.: при Императорской Академии наук, 1791.

Давыдов И. И. Чтения о словесности. Курс 1. 2-е изд., испр. М.: Унив. тип., 1837.

Жилякова Э. М. Эстетика Х. Блера в восприятии В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. II. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 121–139.

Золотухин Денис Сергеевич

канд. филол. наук, исследователь лаборатории истории лингвистических теорий,
Университет Париж Сите (Франция);
denzolutukhin@gmail.com.

ИНСТРУМЕНТЫ СОЗДАНИЯ ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В РУКОПИСИ Ф. ДЕ СОССЮРА «DE L'ESSENCE DOUBLE DU LANGAGE»

Ключевые слова: Фердинанд де Соссюр, лингвистическая терминология, общая лингвистика, научная метафора.

В конце XIX в. Ф. де Соссюр отказывается от существующей языковой парадигмы, но ещё не готов предложить новую концепцию. После ряда находок, публикаций и переводов аутентичных текстов лингвиста происходит кульминационный момент в истории соссюрологии: в 1996 г. обнаружена рукопись, представляющая собой черновик книги о новой «науке о языке», для которой сам Ф. де Соссюр подобрал название «De l'essence double du langage» [Saussure 2011]. Работа датирована 1890–1891 годами, то есть за несколько лет до прочтения курсов общей лингвистики (1906–1911 гг.), в рамках которых будут зафиксированы известные термины, выражающие более зрелые понятия. Следовательно, эта рукопись — уникальное свидетельство того, какими инструментами пользуется лингвист, оказавшийся в ситуации отсутствия понятий и терминов для описания новой научной теории. Анализ таких способов подтверждает гипотезу об аналогическом типе научного мышления Ф. де Соссюра, создающего непарадигмальную концепцию [Куликова, Салмина 2021]. Особый интерес текст представляет для российских исследователей, ведь его русский перевод всё ещё отсутствует.

Основной инструмент заключается в научной аналогии, выражающейся в сравнениях и метафорах. Когда Ф. де Соссюром начинает формировать понятия знака, означающего и означаемого, он прибегает к аналогии с химией, начиная с отрицания того, с чем не стоит сравнивать понятия: знак — это не тело, не соединение, а скорее смесь, например — воздух, состоящий из азота и кислорода, как знак, состоящий из означаемого и означающего, разделив которые мы уже не будем иметь знака. Аналогия с химией продолжается в метафоре, отражающей затруднительное положение лингвиста, изучающего двойственный знак. С одной стороны, есть металлическая пластина, которую должен изучать химик, а с другой стороны, есть животное, которое должен изучать зоолог. Но лингвист всегда имеет дело с сочетанием означающего и означаемого — знаком, который является такой же абсурдной, странной совокупностью, как сочетание металла и животного.

Попытка ввести новые понятия путём отрицания предыдущей научной парадигмы наблюдается в метафоре, в которой Ф. де Соссюр противопоставляет зарождающуюся лингвистику традиции изучать языки в диахронии: искать место рождения ручья не имеет смысла, поскольку это не отменяет того факта, что вдоль по течению ручей один и тот же. Данный пример так же подтверждает то, на что указывала К. Норман: создание новой концепции и новой парадигмы через создание новых образов происходит у Ф. де Соссюра через отрицание предыдущих метафор, свойственных языкознанию XIX в.: метафоры жизни, смерти организма, родственности языков [Normand 1976: 104–105].

Отметим, что Ф. де Соссюр прибегает не только к естественнонаучным аналогиям, когда он пытается объяснить необходимость заниматься не диахронической фонетикой, а рассматривать язык в синхронии: он обращается к сфере искусства, сравнивая языковую единицу с музыкальной композицией, сущность которой представляет не её исполнение в разное время и в разных местах, а обобщение всех вариантов исполнения.

Интересная метафора предваряет создание понятия произвольности языковых знаков, хотя термин *arbitraire* в тексте пока не фигурирует. Здесь Ф. де Соссюр делает отсылку к библейскому сюжету, когда Адам указывает пальцем на животных, называя их, то есть буквально раздавая

знаки. Метафора «заниматься движением указательного пальца», следовательно, отсылает нас к отрицаемому Ф. де Соссюром диахроническим исследованиям языковых единиц.

Данные метафоры и сравнения привели, в конечном счёте, к созданию терминов *signe*, *signifié*, *signifiant*, *arbitraire*, *diachronie*, *synchronie* в текстах Ф. де Соссюра или же в рамках его устных лекций, записанных учениками. Но стоит так же обратить внимание на то, что некоторые приёмы получили именно не терминологическое, а дискурсивное развитие, образовав целые концептуальные метафоры, самой известной среди которых является сравнение языковой системы с игрой в шахматы (*le jeu d'échecs*). В шахматной важны не сами фигуры, а их противопоставление, то есть их ценность (*valeur*). То же самое происходит и с языковыми знаками, которые возможны только как результат взаимного противопоставления. Так данную метафору и сам термин *valeur* зафиксировали ученики Ф. де Соссюра, создавая «Курс общей лингвистики» [Saussure 1995]. В рукописи находим предшественника этой метафоры: ценность знаков демонстрируется в сравнении с морскими сигнальными флажками (*systeme de signaux maritimes*), которые являются лоскутами ткани, ничего из себя не представляющими до момента их поднятия и в противопоставлении другим поднятым флажкам другого цвета. Затем сравнение с «сигналами» поверхностно будет упоминаться в тексте «Курса...». Сближение с общеизвестной метафорой о языке как шахматной игре происходит, когда Ф. де Соссюр употребляет выражение «игра знаков» (*jeu des signes*). И наконец, обнаруживаем разветвление метафоры по двум направлениям: мы видим фиксацию концептуальной метафоры «игры в шахматы», которая в таком виде ляжет в основу структурализма, и, с другой стороны, развитие понятия ценности на пути к созданию метафорического термина *valeur*, уже фигурирующего в рукописи.

Рукопись «*De l'essence...*» — это отправная точка, в которой Ф. де Соссюр проходит первый этап на пути к созданию новой системы понятий и выражающей её терминосистемы. Этот этап характеризуется работой на понятийном, а не терминологическом уровне. Лингвист оперирует понятиями через сравнения и метафоры, отрицания понятия двух порядков: понятий, свойственных языковой парадигме XIX в. и понятий, относящихся к другим научным областям. Одновременно он пользуется понятиями других наук и даже искусства для создания новых «положительных» аналогий. Последующие этапы эволюции теории и терминологии заключаются, с одной стороны, в закреплении когнитивных метафор, а с другой стороны, в устранении метафор с переходом к созданию соответствующих метафорических и неметафорических терминов.

Литература

- Куликова И. С., Салмина Д. В. Когнитивные модели-уподобления в «Курсе общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 1 (100). С. 99–113.
- Normand C. *Métaphore et concept*. Bruxelles : Éditions Complexe, 1976.
- Saussure F. de. *Cours de linguistique générale* / publ. par Ch. Bally et A. Sechehaye avec la collaboration de A. Riedlinger. Ed. critique prép. par Tullio de Mauro. Paris : Gallimard, 1995.
- Saussure F. de. *Science du langage: De la double essence du langage et autres documents du ms. BGE Arch. de Saussure 372 / Edition critique partielle mais raisonnée et augmentée des Écrits de linguistique générale par R. Amacker*. Genève : Librairie Droz, 2011.

Клубкова Татьяна Владимировна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
wirbelt@yandex.ru

«ПАЗИЛОГИЯ» ЭДВАРДА ГРОУВЗА (1846)

Ключевые слова: пазилология, пазиграфия, история интерлингвистики.

Опыты создания всеобщего философского языка остались в 18 веке вместе с философской грамматикой и рассуждениями о происхождении языка. «С конца XIX в. авторы априорного направления все чаще появляются в обзорах, посвященных странностям и курьезам» [Эко 2007: 315]. Поэтому переизданное в 2007 г. сочинение Эдварда Гроувза «Пазилология» [Groves 1846] не получило откликов от современников, хотя упоминается в интерлингвистических библиографиях Р. К. Харрисона, Э. К. Дрезена, А. Д. Дуличенко [Дуличенко 1990].

Ирландский автор несвоевременной книги Эдвард Келли Гроувз (Groves Edward Kelly, 1776–1854) был драматургом, политиком, издал двухтомную «Историю из жизни греков и римлян для детей» (1829), «Географию Ирландии для детей» (1833) и «Пазилологию».

«Пазилология» начинается с эпиграфов из св. Августина (De Civitate Dei), Каспара Шотта (Mirabilia Graphica) и К. Ф. Вольнея (L'Alphabet European)

Работу Гроувза вполне можно считать сочинением по истории интерлингвистики, описание самого проекта составляет меньшую часть книги (13 страниц из 120). Особый интерес представляют приложения, связанные с основными разделами, автор публикует фрагменты труднодоступных текстов, например, отрывок из «Митридата» Конрада Геснера (1610) [Groves 1846: xxxii–xxxiii], перевод «Диалога...» из французского журнала за 1720 год [Groves 1846: ix–xvi], письмо короля Карла II Королевскому обществу о проекте Дж. Дальгарно [Groves 1846: xxvi–xxviii]

Четыре начальных раздела «Пазилологии» Гроувза посвящены истории проблемы. Автор доказывает необходимость универсального языка, описывая трудности, связанные с многоязычием, указывает количество языков в «Митридате» И. К. Аделунга, в «Этнографическом Атласе языков и народов мира» А. Бальби (более 2000 языков и диалектов), в приложении № 1 помещен фрагмент этой работы (количество языков и языковых семей, распределение языков по частям света) [Groves: 1846 iii–v]. Гроувз приводит сведения о многообразии языков Африки, о возникновении Lingua franca в Западной Африке, цитирует жалобы французского математика С. Ф. Лакруа на сложности с пониманием математических текстов на голландском или немецком вместо прежней латыни [Groves 1846: 3], доказывая таким образом полезность универсального языка.

Гроувз приводит мнения сторонников этой идеи, путешественников, миссионеров, философов, математиков, натуралистов, анализирует ряд более ранних проектов, предлагает собственный проект и детально разрабатывает утопический план реализации собственного проекта.

Гроувз приводит обычные доводы сторонников: 1) арабские цифры, нотные, астрономические и химические знаки понятны всем, 2) китайские иероглифы используются не только китайцами, но и японцами, и корейцами и многими другими народами, 3) все нации одинаково понимают объекты действительности, стоит лишь принять единую систему символических обозначений, и написанное таким способом будет понятно в любом уголке мира [Groves 1846: 24–25] и предлагает переводы фрагмента из латинского сочинения Д. Морхофа «Полигистор» [Groves 1846: vi–viii] и «Диалог...» [Groves 1846: ix–xvi], в котором Филинта и Евдокси обсуждают возможность создания всеобщего языка. Гроувз обильно цитирует Фр. Бэкона, Лейбница, Декарта, французскую «Энциклопедию», Фонтенеля, Кондорсе, Монбоддо, сиолога Жан-Пьера Абель-Ремюза, фрагмент диссертации И. Д. Михаэлиса о взаимовлиянии языка и мышления помещает в приложение № 4 [Groves 1846: xvi–xviii].

Гроувз дал краткую характеристику работы предшественников, отметив 15 проектов. Среди них широко известные имена (Кирхер, Дальгарно, Вилкинс, Кальмар, Бехер), анонимный испанец 17 века, анонимный француз, упомянутый Декартом, курьёзный проект Вальке, т. е. вполне ординарный список. Некоторые проекты неизвестны составителям библиографий. Ботаник Дж. Андерсон и геолог Т. Нортмора неизвестны составителям библиографий. Книга Нортмора называется «A Triplet of Inventions, consisting of a Description of a Nocturnal or Diurnal Telegraph, a Proposal for an Universal Character, and a Scheme for facilitating the Progress of Science; exemplified in the Osteological part of Anatomy» (1796), название самого проекта всеобщей письменности Дж. Андерсона, описанного Гроувзом, надо искать внутри собрания сочинений «Recreations in Agriculture, Natural History, Arts, and Miscellaneous Literature» (1799–1802). Проект «System of a symbolic character or universal written language» (Дублин, 1820) создан под влиянием Андерсона, по признанию самого автора, Н. Л. Панье (N. L. Pannier), но сведений о книге и авторе найти не удалось.

Литература

Дуличенко А. Д. Международные вспомогательные языки. Таллинн: Валгус, 1990. 448 с.

Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре = La ricerca della lingua perfetta nella cultura Europea. СПб.: ALEXANDRIA, 2007. 417, [4] с.

Groves E. K. Pasiologia; an Essay towards the foundation of a system of Universal Languages, both written and vocal, with suggestions for its dissemination throughout the world; including a succinct review of the principal systems of similar characters heretofore published. Dublin: J. Mcglashan, 1846–121, xxxiv p.

Лейтуш Алина Гадельжановна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
alina.leitush@yandex.ru

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ XIX ВЕКА «РУССКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

Ключевые слова: Сравнительно-историческое языкознание, этимология, славистика, «Русский филологический вестник», языкознание XIX века.

В 1879 году при финансовой поддержке Министерства народного просвещения в Варшаве был основан журнал «Русский филологический вестник» (далее РФВ). До 1880 г. редактором его был М. А. Колосов, до 1905 года — А. И. Смирнов, затем Е. Ф. Карский). Основные темы публикаций — древняя и новая литература славянских народов, история славянских языков, народная поэзия, педагогика. Журнал стал профессиональной площадкой для разработки славянского направления в сравнительно-историческом языкознании. Материалом публикаций служили славянские наречия и диалекты. Особый интерес представляла этимология. На фоне растущей популярности сравнительных исследований РФВ стремился стать органом для борьбы с лженаучными исканиями в данной области. РФВ был первый журнал, который — еще до орфографической реформы — отказался от использования буквы «ѣ».

Недоумение у части публики вызывала сама идея специализированного славистического журнала (иногда это называли «гробокопательством»). В противовес этому редакция стремилась демонстрировать особые возможности для сравнительного языкознания отечественной филологии. Здесь РФВ противопоставил себя аналогичному немецкоязычному журналу И. В. Ягича *Archiv für Slavische Philologie*, выпустив полемичную заметку против «наивной заботы об ученых Запада» — так редакция назвала страх русских ученых, пишущих на родном языке, остаться безызвестными. «Русский язык никогда не станет мировым, если на нем не пишется большая наука» [Колосов 1879: 302].

В каждом номере РФВ освещаются события не только российского языкознания, но и славянского зарубежья, регулярно обозреваются словенские, чешские, польские работы по славистике. Наряду с собирательской деятельностью в области славянских наречий, такие обзоры были необходимы для объединения научных сил славянских народов и учёных, занимающихся реконструкцией общеславянского и праславянского языков. Наиболее популярными в России в это время были работы словенского слависта Ф. Миклошича, часто используемые как *ultima ratio* и, с другой стороны, критикуемые за тенденциозность. Показательно примечание к ответу на «грубые выходки» в журнале «Новое время» по поводу «Исторической грамматики» Я. К. Гроа, где академик упрекается за предпочтение словаря Миклошича поучению в Известиях Академии наук: «Да будет известно г. А-ву, что ссылка на Сл. Миклошича исключает необходимость ссылки на поучение, так как в Словаре приводятся примеры именно из этого памятника» [Колосов 1879: 165]. Упреки за обращение к работам Миклошича к 80-м годам стали общим местом у патриотично настроенной ученой публики.

В отличие от многих популярных изданий того периода, РФВ избегал идеологичности, в том числе, и в критике Миклошича, столь регулярной, что РФВ практически стал местом разработки отечественной версии славянского этимологического словаря. Миклошича упрекали в предпочтении латиницы кириллице, невнимании к фонетическим явлениям, порой неверном морфологическом анализе, неравномерном по значимости подборе лексики, германоориентированности, слабой исторической перспективе, недооценивании народной этимологии и т. п. Н. В. Крушевский, отвечая на критику А. Брюкнера после публикации своего труда «К вопросу о гуне», пишет: «Для меня г. Миклошич вовсе не *Grossmeister und Führer*; поклоняться ему против убеждения я не намерен, даже если бы был обязан ему службой» [Крушевский 1882: 135]. Альтернативные этимологии на страницах РФВ активно предлагались А. А. Потебней, И. А. Бодуэном де Куртенэ, Р. Ф. Брандтом, А. Л. Погодиным, К. Аппелем.

Авторитарный тон журнала относительно малоизученных вопросов происхождения славянских языков провоцировал не всегда конструктивную полемику внутри издания. К примеру, работа А. С. Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях, по данным лексикальным» (1878, Киев) была встречена, в частности, Н. В. Крушевским и И. А. Бодуэном де Куртенэ, чрезвычайно критично, но практически бездоказательно. «Подумаешь, что сравнительная этимология индоевропейских языков есть замкнутое и законченное уже во всех своих частях здание, вступая в которое мы должны отказаться от всех дальнейших вопросов и сомнений, а лишь повергнуться в прах и лобзать следы ног несколько старших жрецов этого “языческого” храма, к которым г. Бодуэн желал бы причислить и себя», — отвечает А. С. Будилович. Вынося почти безапелляционные приговоры филологическим высказываниям своего времени, редакция также должна была переосмыслить достижения западных учителей применительно к славянским языкам.

К 90-м гг. XIX в. всё чаще обсуждается необходимость создания этимологического словаря русского языка. Но даже после выхода словаря Н. В. Горяева в РФВ пишут: «В настоящее время ни академики, ни профессора университетов не находят у нас возможным осуществление вполне научного этимологического словаря русского языка» [Иванов 1893: 177]. Трудность задачи объясняется «сношениями русского народа с соседями арийского и не арийского происхождения», необходимостью еще большего числа археологических и исторических исследований. По этой причине на страницах журнала мы находим множество обзоров трудов Археологического общества и Русского исторического общества. Не случайно широко обсуждаемые в Чехии на предмет подлинности Краледворская и Зеленоградские рукописи не оставляли равнодушными авторов РФВ. В журнале внимательно следили за ходом работы над Словарем русского языка Второго отделения Императорской Академии Наук. Редакция целенаправленно создавала условия, которые обеспечили бы появление действительно научного этимологического словаря.

Литература

- Иванов Н.* Библиография: Опыт сравнительного этимологического словаря литературного языка // РФВ. 1893. Т. 30. С. 177.
- Колосов М. А.* Библиография: Archiv für Slavische Philologie unter mitwirkung von A. Leskien und W. Nehrning heraus gegeben von V. Jagic // РФВ. 1879. Т. 1. С. 302.
- Колосов М. А.* Разные известия и заметки // РФВ. 1879. Т. 2. С. 165.
- Крушевский Н. В.* Ответ г. Brückner’у // РФВ. 1882. Т. 7, № 1–2. С. 135.

Лукин Олег Владимирович

д-р филол. наук, заведующий кафедрой, профессор,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского;
oloukine@mail.ru

Л. И. БАКМЕЙСТЕР: БИО- И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Ключевые слова: Л. И. Бакмейстер, история языкознания, XVIII в., «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы».

Доклад посвящен анализу био- и библиографических источников о Л. И. Бакмейстере (Hartwig Ludwig Christian Basmeister; (15.03.1730–22.05.1806)), педагоге, редакторе, переводчике, историке, библиографе, одном из составителей знаменитого словаря П. С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы». Автор обращается к публикациям XVIII–XIX веков и работам конца XX — начала XXI столетия.

Л. И. Бакмейстер известен более всего как соавтор П. С. Палласа (нем. Peter Simon Pallas; 22.09.1741–08.09.1811) по составлению «Сравнительных словарей всех языков и наречий, собранных десницею всевысочайшей особы». В историю языкознания вошли также две работы, связанные со знаменитым словарем:

- 1) «Объявление и прошение, касающиеся до собрания разных языков в примерах» на латинском, русском, французском и немецком языках).
- 2) Собственно языковой материал, собранный Л. И. Бакмейстером для глоссария всех языков и наречий, задуманного П. С. Палласом, по почину императрицы Екатерины II.

В работах био- и библиографического характера на немецком языке, изданных при жизни ученого, содержатся сведения о его жизни и научном творчестве. Это:

1. Статья историка Ливонии Ф. К. Гадебуша (нем. Friedrich Konrad Gadebusch, 29.01.1719–20.06.1788) в работе «Трактат о ливонских историках», которая начинается историей рода Бакмейстеров и содержит сведения о биографии и трудах ученого.
2. Его же статья в первом томе «Ливонской библиотеки», содержащая дополнения к его вышеназванной публикации.
3. Статья в труде немецкого историка И. Г. Мейзеля (нем. Johann Georg Meusel, 17.03.1743–19.09.1820) «Das gelehrte Teutschland oder Lexikon der jetzt lebenden teutschen Schriftsteller», где на двух страницах находим краткие биографические сведения о Л. И. Бакмейстере и список его основных трудов.

В XIX веке были опубликованы четыре работы, ссылающиеся на вышеперечисленные и частично повторяющие содержащиеся в них сведения:

1. В первом томе лексикона «Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland», которую составили митавский историк И. Ф. фон Рекке (нем. Johann Friedrich von Recke, 1.08.1764–13.09.1846) и лифляндский историк К. Э. фон Напи(е)рского (нем. Karl Eduard von Napiersky, 21.05.1793–2.09.1864) содержатся сведения о Л. И. Бакмейстере и его трудах.
2. Статья о Л. И. Бакмейстере известного немецкого историка, академика Баварской академии наук Ф. К. фон Вегеле (нем. Franz Xaver von Wegele; 1823–1897) в авторитетном немецком биографическом справочнике «Allgemeine Deutsche Biographie».
3. Статья в «Справочном словаре о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях» известного российского библиографа Г. Н. Геннади (18.03.1826–26.02.1880) содержатся краткие сведения о Я. М. Родде.
4. Обширная статья письмоводителя канцелярии Академии наук, цензора Центрального комитета иностранной цензуры, сотрудника журнала «Исторический вестник» В. И. фон

Штейна (4.03.1853–1913) Л.И. Бакмейстере во втором томе знаменитого «Русского биографического словаря», издававшегося на средства А.А. Половцова (31.05.1832–24.09.1909).

В XX столетии в издательстве Академии Наук ГДР вышла большая монография исследовательницы российско-германских отношений в области культуры эпохи Просвещения А. Лаух (нем. Annelies Lauch) «Wissenschaft und kulturelle Beziehungen in der russischen Aufklärung. Zum Wirken H. L. Ch. Vasmesters». Пятью годами ранее ученая опубликовала статью о Л. И. Бакмейстере в органе славистики Академии наук ГДР.

В конце XX — первых десятилетиях XXI вв. интерес к этой многогранной творческой личности ни в коей мере не ослабевал. В это время были опубликованы работы отечественных исследователей:

- 1) Один из разделов в 3 главе книги советского библиографа, историка и книговеда И. Н. Кобленца (12.04.1900 — 5.05.1983) «Источники и деятели русской библиографии XV–XVIII вв.» посвящен заслугам Л. И. Бакмейстера в издании выдающегося библиографического журнала «Russische Bibliothek, zur Kenntniß des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Rußland».
- 2) Статьи отечественных исследователей, посвященных как роли Л. И. Бакмейстера в создании словаря П. С. Палласа (О. А. Волошина ««Сравнительный словарь всех языков» Петра Симона Палласа», Т. В. Клубкова «Первый российский лингвистический опросник», Э. Шахин «Труд Петра Симона Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» и его место в исследовании тюркских языков и диалектов»), так и его переводческим заслугам и значению в области библиографии (О. А. Кирикова «Бакмейстер Логин Иванович», В. Куденис «Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России», И. Ф. Мартынов «Бакмейстер Логин Иванович»).

ОРФОЭПИЯ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

Антонова Ольга Валентиновна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
ovantonova@gmail.com

АКЦЕНТУАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ Ж. Р. 3-ГО СКЛОНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В рамках настоящего исследования рассмотрены вопросы акцентуации существительных в русском литературном языке на примере существительных женского рода третьего склонения (*дверь, глубь* и подобн.) с исторической основой на мягкий согласный. Как представляется, колебания акцентологической нормы на современном срезе в данном классе имен, вызванные как собственно фонетическими, так и лексико-грамматическими причинами, а интерес к проблеме неизбежно возникает из-за колебания в произношении в устезе людей, говорящих на современном русском литературном языке.

Исторически акцентологическое противопоставление словоформ добавилось к морфологическому в результате утраты формы двойственного числа и служило для различения форм единственного и множественного [Воронцова 1979: 16]. Н. Н. Дурново отмечал, что русский язык имеет тенденцию к колонному ударению, которое в результате послужило средством для усиления противопоставления между субпарадигмами множественного и единственного чисел [Дурново 1971: 93, 95]. Такое противопоставление было отмечено и В. Н. Сидоровым. Наиболее очевидно реализация этой тенденции проиллюстрирована на примере существительных женского рода на *-а*, где гибкость ударения весьма продуктивна [Антонова 2021: 30–31]. Значительная подвижность на этом участке системы обуславливает неочевидные способы определения нормативных вариантов для каждого синхронного среза. При этом нормативным может считаться не только вариант, зафиксированный в словаре или признанный традиционным; на настоящем этапе развития орфоэпии как науки большое значение придается соответствию орфоэпических фактов узуальным нормам, а также распространенности варианта в речи образованных людей [Каленчук 2021].

Среди существительных со старославянской основой на **-й-* имеются как существительные, относящиеся к баритонированной акцентной парадигме (*баснь, глубь, жизнь* и т. д.), так и к подвижно-окситонированной (*борть, брань, бровь, вервь, вершь* и т. д.) [Воронцова 1979: 11]. В этой группе акцентная подвижность до некоторой степени продуктивна (хотя и не так явно, как в сущ. женского рода на *-а*).

Особого внимание заслуживает форма второго предложного падежа. В древнерусском языке значение локативного (местного) падежа чаще сопровождалось окончательной акцентуацией, в то время как изъяснительный сохранял наосновное ударение (*в ночи́, но о но́чи*). В современном русском литературном языке локатив отсутствует, но колебания в акцентуации в предложном сохраняются (*о но́чи, но в ночи́, о двéри, но в дверí* (допустимо и *в двéри*). В наши дни на этом участке системы, как и прежде, наблюдается значительная вариативность, при этом кодификации часто расходятся как с современным узусом, так и с историческими данными. Так, в поэтическом корпусе НКРЯ встречаются отклонения от кодифицированной нормы, относящиеся как к XIX, так и к XX в. Как правило, они обнаруживаются в случаях, когда локативное значение предложного падежа размывается контекстным семантическим сдвигом (ср, нормативное в русском литературном языке ударение *цeпí* (П., ед.) но на *цeпи* не видно

Ответственные редакторы: д-р филол. наук Ю. А. Клейнер, канд. филол. наук К. В. Манёрова.

замка (А. А. Фет, 1842) и *Вспоминаю всё чаще о **цѣпи***, // *О распавшейся **цѣпи** времен* (И. В. Елагин, 1976–1982).

Для того, чтобы наиболее точно определить, насколько велики эти колебания, был проведен эксперимент с участием специально отобранных респондентов, носителей литературной нормы. Анализ экспериментальных данных и сравнение их со сведениями, содержащимися как в дескриптивных работах XX столетия, так и в орфоэпических словарях, показывают, что многие современные кодифицированные нормы не совпадают с узусом носителей литературного языка. При этом в целом подтвердилась тенденция, отмеченная В. Н. Сидоровым: наблюдается объединение старых акцентных парадигм, а ударение в подпарадигмах в свою очередь стандартизируется в формах ед. и мн. ч.

Однако результаты эксперимента указывают на неоднородный характер изменений в акцентных процессах внутри каждой из старых акцентных парадигм. Вряд ли все обнаружилось движение в противоположном направлении: в определенных формах существительных «старое» ударение оказывается более устойчивым. Так, некоторые устаревшие орфоэпические варианты, противоречащие современным нормам, внезапно появляются в речи информантов младшего поколения: (*дверѝ* (Р. п.) — словари не рекомендуют, однако в рамках эксперимента такая акцентуация была выбрана как предпочтительная 50 % информантов в старшей группе, 30 % в средней и 90 % в младшей возрастной группе). О сохранении флексийного ударения в Р. п. под влиянием местного падежа (а также ряда грамматических факторов, связанных с «акцентной выделенностью аблативного значения», ср. *от костѝ* и *от кѡсти*, *от плоти* и *плѡти*) писали и ранее [Воронцова 1979: 70], однако в результате эксперимента эти данные были подтверждены на современном материале.

Итак, мы наблюдаем новый этап противопоставления субпарадигм ед. и мн. числа существительных ж. р. 3-го склонения, и эти изменения не всегда отражены в орфоэпических словарях (что, безусловно, требует своевременной коррекции).

Литература

- Антонова О. В. Акцентуация имен существительных ж. р. на -а, -я // Норма произношения в узусе и кодификации. М.: Российская Академия Наук, Институт Русского Языка им. В. В. Виноградова, 2021. С. 26–57.
- Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979. 328 с.
- Дурново Н. Н. О склонении в современном великорусском литературном языке // Вопросы языкознания. 1971. С. 90–103.
- Каленчук М. Л. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // Норма произношения в узусе и кодификации. М.: Российская Академия Наук, Институт Русского Языка им. В. В. Виноградова, 2021. С. 4–25.

Журавлёва Александра Евгеньевна

канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
alsomova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ НЕКОТОРЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (В СОЧЕТАНИИ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ И ДРУГИМИ СЛОВАМИ С СЕМАНТИКОЙ КОЛИЧЕСТВА)

Ключевые слова: ударение, имя существительное, имя числительное, количество.

Исследование посвящено особенностям постановки ударения в существительных *гол, ряд, след, час, шаг, шар, сторона* в сочетании с количественными числительными и другими словами, обладающими схожей семантикой в современном русском литературном языке. Результаты исследования базируются на актуальных языковых тенденциях, экспериментальных данных и соотносятся с имеющимся на данный момент лексикографическим описанием.

Существующие орфоэпические словари [Каленчук и др. 2012], [Еськова 2015] рекомендуют произносить слова *час, ряд* и *шаг* в родительном падеже с ударением на первом слоге в свободных сочетаниях, но с ударением на последнем слоге в сочетании с количественными числительными. Для слова *шар* флективное ударение в родительном падеже дается с пометой «в бильярдной игре», а слово *след* имеет ударение на окончании при наличии отрицания. Для слова *гол* в родительном падеже зафиксировано только наосновное ударение, существительное *сторона* в родительном падеже рекомендовано произносить с ударением на окончании, за исключением сочетаний *по обе стороны* и *на все четыре стороны*, в которых предполагаются равноправные варианты с ударением на основе и окончании.

Учитывая данную лексикографическую информацию, были выбраны следующие лингвистические условия для проведения эксперимента: в тексты, предложенные респондентам для прочтения, вошли сочетания слов *гол, ряд, след, час, шаг, шар, сторона* с количественными числительными (*два ряда, три часа*), местоименно-количественными словами (*оба шага, оба шара*), с другими словами с количественной семантикой (*треть часа, четверть ряда*), с первым компонентом *пол-* (*полчаса, полшага*), с отрицательной частицей *ни-* (*ни гола, ни ряда*), в составе устойчивых сочетаний (*не осталось и следа, на все четыре стороны*). Кроме того, одинаковые сочетания предлагались к прочтению в разных контекстах, где они являлись темой или ремой высказывания, всего в эксперимент было включено 124 контекста. Респонденты, жители Московского региона во втором-третьем поколении, с высшим образованием или студенты ВУЗов, были разделены на три возрастные группы: младшую (16–29), среднюю (30–59) и старшую (от 59 лет) с целью проследить динамику изменения орфоэпической нормы. При анализе результатов эксперимента привлекались данные из национального корпуса русского языка и сведения об исторической акцентной парадигме исследуемых лексем.

Основным результатом проведенного исследования можно считать тезис о том, что в реальности только слово *час* демонстрирует четкое разграничение ударения в родительном падеже в свободном сочетании (ударение на основе) и в сочетании с количественными числительными (ударение на флексии). В словах *ряд* и *шаг* большинство респондентов предпочитали наосновное ударение вне зависимости от лексического окружения. Такая особенность слова *час*, может быть связана, во-первых, с особой семантикой времени: культурный код таков, что для человека особенно значимо наблюдать за временем и «считать часы», а, во-вторых, с тем, что исторически слово *час* относилось к другой акцентной парадигме [Зализняк 2014: 521]. В то же время в сочетании с местоименно-количественными словами и другими словами с количественным значением ударение в слове *час* чаще наблюдается наосновное, как и в свободных сочетаниях.

Несмотря на то, что большинство респондентов в словах *ряд, шаг, шар, гол, след* чаще предпочитали наосновное ударение, удалось выделить два фактора, влияющих на смещение ударения к окончанию. Во-первых, это возраст респондентов: в старшей группе вариантов с акценту-

ацией флексии было заметно больше, во-вторых — тема-рематическое членение высказывания: если сочетание с количественным числительным представляет собой рему, респонденты чаще предпочитают вариант с ударением на окончании. В-третьих, в сочетании с числительным *два* варианты с нафлексивным ударением более распространены, чем в сочетаниях с числительными *три* и *четыре*. Эту особенность можно объяснить большей распространенностью сочетаний с числительным *два*: например, по данным Национального корпуса русского языка сочетание *два ряда* имеет 1026 вхождений, а *три ряда* — уже всего лишь 296. В-четвертых, устойчивые сочетания типа *на все четыре стороны и не осталось и следа* сохраняют устойчивое ударение и могут влиять на ударение в свободных сочетаниях.

Таким образом, проведенное исследование позволяет проследить влияние различных факторов на акцентуацию и уточнить существующее лексикографическое описание орфоэпической нормы.

Литература

- Еськов Н. А., Борунова С. Н., Воронцова В. Л. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2015. 1008 с.
- Зализняк А. А. Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014. 728 с.
- Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.

Каленчук Мария Леонидовна

д-р филол. наук, главный научный сотрудник, зав. отделом фонетики,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
mkalenchuk@yandex.ru

О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТАХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ

Ключевые слова: орфоэпия, норма произношения, произносительные варианты, кодификация.

В процессе описания и кодификации произносительных норм возникает необходимость соотнести варианты, выявленные в звучащей речи образованных людей, по различным основаниям — по частотности, по предпочтительности использования, по привязанности к речи определенных социальных групп и т. д. Но наиболее трудный и спорный тип кодификационных рекомендаций, связанных с неравноправными отношениями между вариантами, касается *хронологически соотносимых вариантов*.

В «Орфоэпическом словаре русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова была разработана шкала нормативности — помета «допустимо устаревающее» — указывает на менее желательный вариант произношения, сообщая при этом, что оцениваемый ею вариант постепенно утрачивается (например, горничная [доп. устар. *инн*]; индустри́я и доп. устар. индустри́я). В 10-м издании этого словаря, вышедшем под редакцией Н. А. Еськовой, сохраняется значение этой пометы, но сообщается, что этой пометой снабжаются такие варианты, о которых известно, что в прошлом они-то и были основными.

В «Большом орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Л. Л. Касаткина принята более расчлененная система нормативных оценок, показывающих место конкретного варианта на временной шкале. Две разные пометы показывают устаревающий характер произносительного варианта — *допустимо старшее* и *допустимо устарелое*. Помета и допуст. *старшее* показывает, что вариант менее употребителен и относится к старшей норме (втерётъ — [ф]терётъ и допуст. *старш.* [ф']терётъ; и́наче и допуст. *старш.* и́наче). Помета и допуст. *устарелое* маркирует более редкие старомосковские произношения, все еще встречающиеся в живой речи (протѣвник — протѣ[в]ник и допуст. *устарелое* протѣ[в']ник; гна́лся и допуст. *устарелое* гна́лсѧ). Наличие двух степеней архаизации варианта — *старшее* и *устарелое* — позволяет продемонстрировать разную степень удаленности того или иного произношения от современного момента. В этом словаре впервые введена еще одна помета — и *допустимо младшее*, которая указывает, что отмеченный ею вариант менее употребителен и относится к младшей норме (отделѣть — о[д']делѣть и допуст. *младш.* о[д]делѣть; звáло и допуст. *младш.* звало́).

Как представляется, можно предложить другой подход к описанию хронологически соотношенных вариантов произношения. Принято считать, что понятия *младшая* и *старшая норма* обычно соотносят те или иные особенности произношения с возрастом носителей языка, характеризуя речь молодого или более старшего поколения, фонетических «отцов» и «детей». И действительно, можно описывать произношение носителей языка разных поколений как отдельные произносительные социолингвистические подсистемы. Но эти факты не обязательно демонстрируют смену языкового стандарта, так как выбор человеком того или иного варианта связан с действием большого числа факторов, многие из которых носят неязыковой характер. Но при кодификации нормы в словаре необходимо указание не на то, речи какого именно социума принадлежит конкретный вариант, а на механизм смены вариантов произношения в ходе естественной эволюции системы. Термины *старшее* и *младшее произношение*, по сути, в словарях должны описывать порядок появления в языке тех или иных закономерностей, их место на временной шкале: факты старшей нормы возникли в системе раньше, чем особенности младшей. Кроме того, эти понятия должны указывать вектор движения — уходит ли данное произношение из системы или оно только недавно появилось. Если в словаре указывается берестá и допуст. *старш.* берёста, то читать помету надо следующим образом — второй вариант возник раньше, чем первый, и характеризует старшую и постепенно уходящую норму.

А в информации борода́м и *допуст. младш. боро́дам* — второй вариант возник в системе позже, чем первый, и характеризует младшую недавно появившуюся закономерность, постепенно вытесняющую старую норму.

В связи с этим необходимо заметить, что достаточно часто закономерность, трактуемая в словарях как новая, младшая норма, на самом деле является новой не для языка, а для процесса кодификации. Авторы словарей просто до поры до времени игнорируют определенные факты, давно сложившиеся в узусе. Во многих случаях кодификационные рекомендации, повторяющиеся в разных словарях, не соответствуют речи образованных людей, даже в ее старшем варианте, поскольку устарели уже много десятилетий назад.

Интересно отметить, что смена вариантов произношения, соотносимых хронологически, затрагивает не только свободные сочетания слов, но и устойчивые, но протекание процесса может быть совсем другим. Например, в косвенных падежах слова *деньги* соотношение акцентологических вариантов на данный момент такое: деньга́х и *допуст. старш. де́ньгах*. Но для фразеологизмов, в которых часто старое произношение «консервируется», актуальная ситуация другая — не в де́ньгах счастье и *допуст. младш. не в деньга́х счастье*. Подобные примеры наглядно демонстрируют, как с помощью хронологических помет можно показать, какое произношение возникло в системе раньше и каково направление движения варианта в системе.

Итак, при кодификации произносительных норм предлагается с помощью помет соотносить варианты между собой по времени их появления в языке и указывать тенденцию их движения — архаизацию и выход из системы или постепенное движение к статусу полноценного варианта.

Коробейникова Татьяна Николаевна

канд. филол. наук, научный сотрудник отдела фонетики,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова;
tkorobejnikova@inbox.ru

НЕСУТОЧНОЕ ДЕЛО: ПРОИЗНОШЕНИЕ ЗВУКОВ НА МЕСТЕ БУКВОСОЧЕТАНИЯ ЧН В СЛОВАХ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ключевые слова: орфоэпия, кодификация, нормы произношения фразеологизмов.

Р. И. Аванесов отмечал, что в произношении звуков на месте буквосочетания чн есть значительные колебания: в ряде случаев произносят и [ч']н, и [ш]н, но [ш]н обязательно в устойчивых выражениях: «в слове кала[ш]ный в выражении с *суконным рылом в калашный ряд*, в слове шапо[ш]ный в выражениях *шапочное знакомство* и к *шапочному разбору*» [Аванесов 1984:185]. Сохранение произношения чн со звуком [ш] в словах в составе фразеологизмов отмечал и Л. Л. Касаткин: *серде[ч']ный приступ*, но *друг сердце[ш]ный*, *шапо[ч']ная мастерская*, но *шапо[ш]ное знакомство* [Касаткин 2006: 197].

О. В. Антонова, исследуя произношение согласных на месте чн, тоже писала о том, что принадлежность слова к фразеологическому обороту способствует сохранению [ш]н на месте чн, но отмечала, что при проведении эксперимента с 35 москвичами-носителями литературного произношения в выражении шапочное знакомство звук [ш] произнесли 90 % представителей старшего поколения и только 60 % младшего [Антонова 2007: 341–342].

Н. В. Богданова изучала произношение звуков на месте буквосочетания чн во фразеологизмах в речи коренных петербуржцев (16 респондентов) и выяснила, что в их произношении преобладает вариант с [ч'], что неудивительно, поскольку по петербургской произносительной норме в данном сочетании и произносится [ч']. Однако сравнивая произношение слов в свободном употреблении и в составе фразеологизмов, Н. В. Богданова установила, что доля произношения с [ш] преобладает над произношением с [ч'] (13,63 против 12,50 %) в словах в составе некоторых фразеологизмов: с *суконным рылом да в калачный ряд*, к *шапочному разбору*, *друг сердечный*, *шапочное знакомство* и *чертова перечница* [Богданова 2002: 261–265].

Итак, исследования начала XXI века показали, что в речи образованных людей, как москвичей, так и петербуржцев, в словах в составе фразеологизмов произношение [ш] в буквосочетании чн варьируется с [ч'], однако современные орфоэпические словари («Орфоэпический словарь русского языка» под ред. Н. А. Еськовой 2015, «Большой орфоэпический словарь» под ред. Л. Л. Касаткиной 2017) в немногочисленных имеющих в них устойчивых выражениях с чн рекомендуют произносить [ш]. Чтобы выяснить, какие словарные рекомендации и как стоит скорректировать, был проведен эксперимент, в котором участвовало 57 москвичей-носителей литературного произношения из 3 возрастных групп. Для анализа было отобрано 9 фразеологизмов, которые входят в современные орфоэпические словари и/или представляются достаточно частотными. Участников просили прочитать на диктофон предложения, в которых встречались одни и те же слова с буквосочетанием чн в свободных сочетаниях и в составе фразеологизмов. В таблице представлены результаты эксперимента и рекомендации «Большого орфоэпического словаря».

Итак, во фразеологизмах произношение [ш] на месте чн встречается или чаще, чем в свободных сочетаниях, или с той же частотой, в младшей группе преобладает произношение [ч']. Чаще всего [ш] произносили в выражении *как нарочно*, для него нет нужды менять словарные рекомендации. Для выражения *друг сердечный*, вероятно, стоит ввести запретительную помету *неправ. сердце[ч']ный*, так как в нем ещё многие респонденты произносят [ш] и противопоставление на произносительном уровне значений *друг сердце[ш]ный* — *серде[ч']ные капли* кажется очень актуальным. Для фразеологизмов *шапочное знакомство*, к *шапочному разбору* и *порядочный гусь*, судя по данным средней и старшей групп, стоит давать варианты произношения с [ш]

Таблица 1. Произношение звуков на месте *чн* в речи москвичей и в БОС 2017

Слова в составе фразеологизмов (◇) и в свободном сочетаниях	Старшая группа (от 60 лет) 17 ч-к, %	Средняя Группа (30–60 лет) 20 ч-к, %	Младшая Группа (до 30 лет) 20 ч-к, %	БОС 2017
◇ друг серде [ч'/ш]ный	35/65	40/60	75/25	[ш]
серде[ч'/ш]ные капли	88 /12	90/10	95/5	[ч']
◇ к шапо [ч'/ш]ному разбору	47/53	60/40	75/25	[ш]
◇ шапо [ч'/ш]ное знакомство	47/53	60/40	85/15	[ш]
шапо[ч'/ш]ная мастерская	59 /41	80/20	90/10	[ш] и <i>допуст. младш.</i> [ч']
◇ нешуто [ч'/ш]ное дело	65/35	75/25	95/5	нет
◇ шутю [ч'/ш]ное ли дело	65/35	80/20	90/10	нет
шутю[ч'/ш]ные призы	65/35	85/15	95/5	[ш] и [ч']
◇ порядо [ч'/ш]ный гусь	59 /41	55/45	95/5	нет
порядо[ч'/ш]ный человек	59 /41	65/35	90 /10	[ш] и <i>допуст. младш.</i> [ч']
◇ с суконным рылом в кала [ч'/ш]ный ряд	12/88	45/55	95/5	[ш]
кала[ч'/ш]ная (лавка)	76 /24	80/20	95/5	[ч']
◇ старая пере [ч'/ш]ница	76 /24	75/25	95/5	[ш]
пере[ч'/ш]ница	65/35	95/5	100/0	[ш] и <i>допуст. младш.</i> [ч']
◇ как наро [ч'/ш]но	18/82	0/100	5/95	[ш]

и [ч'] как равноправные, то же касается и слов *шапочный* и *порядочный* в свободных сочетаниях. Для выражений *нешуточное дело*, *шуточное ли дело* и *старая перечница* стоит ввести старшую и младшую норму произношения, поскольку лишь меньшинство респондентов старшей и средней групп произносят их с [ш], а в младшей группе преобладает [ч'].

Фразеологизм с *суконным рылом в калачный ряд* часто пишется с *ш*: в «Русском орфографическом словаре» под ред. В. В. Лопатина и О. Е. Иванова зафиксировано написание *калашный ряд*, но другие словари, например, «Словарь трудностей русского языка» М. А. Штудинера, дают написание *калачный ряд*. В основном корпусе НКРЯ тоже присутствуют оба написания: *калачный ряд* — 17 примеров, *калашный* — 72. Итак, произношение [ш] в этом выражении подкреплено написанием *калашный* как в словарях, так и в узусе. В эксперименте респондентам предлагалось написание *калачный*, при этом в старшей группе преобладает произношение [ш], в средней примерно одинаковое соотношение вариантов, в младшей 95% респондентов произнесли [ч']. Значит, при написании *калачный* в словарях стоит указывать основной вариант произношения с [ш] и младший — с [ч'].

Итак, разрушение особой произносительной подсистемы фразеологизмов проявляется на сегментном уровне: произносительные варианты, отмеченные в словах в свободных сочетаниях, имеются и в этих же словах в составе фразеологизмов. Произношение [ш] интенсивно вытесняется произношением [ч'], что должно быть отражено в орфоэпических словарях с помощью соответствующих помет.

Литература

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984. 383 с.

Антонова О.В. Произношение согласных на месте буквосочетания чн в современном русском литературном языке // Проблемы фонетики V / под ред. Р.Ф. Касаткиной. М., 2007. С. 337–343.

Богданова Н.В. Фонологическая модель слова в соотношении с лексической системой русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 403 с.

Касаткин Л.Л. Фонетика современного русского языка. М: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.

Корпечкова Елена Владимировна

научный сотрудник,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; I

elene@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ НАРЕЧИЙ НА -О И СООТНОСИМЫХ С НИМИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Ключевые слова: фонетика, орфоэпия, акцентология, варианты произношения, наречия.

Акцентологические нормы современного русского литературного языка в некоторых наречиях, как и в омонимичных им формах кратких прилагательных, характеризуются высокой степенью вариативности. Большинство исследователей совместно рассматривает слова на -о, выделяя три группы, обладающие разными особенностями с точки зрения акцентологии: а) наречие; б) краткое прилагательное в форме ед. ч., ср. р.; в) предикатив. В большинстве современных орфоэпических словарей [Еськова 2014; Резниченко 2007; Каленчук и др. 2017] отражена специфика ударений в предикативах, в наречиях рекомендуется то же ударение, что и в кратких прилагательных.

В докладе представлены экспериментальные данные о произношении некоторых наречий на -о в сопоставлении с омонимичными им формами прилагательных. Респондентам, являющимся носителями русского литературного языка (жителям Московского региона в 2–3 поколениях, с высшим образованием или студентам вузов), предлагались к прочтению специально составленные тексты, содержащие краткие имена прилагательные в форме ср. р., ед. ч. и наречия. С целью проследить динамику изменения орфоэпической нормы, респонденты были разделены на три возрастные группы: младшую (18–29 лет), среднюю (30–60 лет), старшую (старше 60 лет).

В эксперимент вошли следующие наречия: 1) группа трехсложных наречий, обладающих вариативностью не только в современном литературном языке, но и территориальным различием в произношении, отраженном в памятниках древнерусского языка [Зализняк, 2011:] *далеко*, *глубоко*, *высоко*, 2) наречия, акцентуация которых отличается от соответствующих предикативов: *вольно*, *грешно*; 3) наречия, в которых словарь рекомендует ударение на последний слог: *умно*, *равно*; и обладающее равноправными вариантами *хитро*; 4) приставочное наречие *завидно*, входившее в орфоэпический словарь для подготовки к ЕГЭ до 2022 года.

Результаты эксперимента показали, что все респонденты произносят наречия *высоко́*, *глубоко́*, *далеко́* в 100 % случаях, за исключением 20 % человек старшей возрастной группы, которые произнесли *высо́ко*. Произношение кратких прилагательных *глубоко* и *далеко* не отличается от наречий: все информанты произнесли «*озеро глубоко́*» и «*селение далеко́*», различие в произношении этих форм прослеживается лишь в слове *высоко*: краткое прилагательное («*дерево высо́ко*») с ударением на основе произнесли 45 % ст., 60 % ср. и 30 % мл. группы.

Слова *во́льно* (наречие) и *вольно́* (пред.) в произношении информантов не различаются, что связано с тем, что устаревшее его значение 'не стоило делать того, что сделано кем-л.' было известно лишь троим из них, они произнесли «*вольно́ ж вам было уходить*» с ударением на второй слог. Несмотря на то, что в живой речи крайне редко употребляются *высо́ко*, *глубо́ко*, *далёко*, *вольно́*, в словарях, безусловно, эти варианты фиксировать необходимо, в связи с тем, что все они достаточно широко употребляются в художественной литературе XIX–XX веков и фольклорных текстах, встречаются и в произведениях школьной программы.

Гре́шно (наречие) и *грешно́* (пред.) так, как рекомендовано в словарях, различаются лишь в речи нескольких человек старшего и среднего поколения: 22 % ст. гр. и 8 % ср. гр. опрошенных произнесли наречие *гре́шно* с ударением на корне, остальные респонденты произнесли и предикатив, и наречие с ударением на втором слоге. Резко отличается ситуация в младшей группе респондентов, которая показывает распространение корневого ударения в обоих случаях:

в функции наречия преобладает вариант *грéшно* («*грéшно жил*»), 64 % мл. гр., в функции предикатива вариант *грéшно* («*нарушать было грéшно*») выбрали 36 % опрошенных мл. гр.

Наречие *умно́* показало преобладание ударения на суффикс, так, как того требует словаря, однако треть информантов из каждой возрастной группы произнесла его с ударением на основе.

Наречие *хитро* в ответах респондентов показало разный результат в двух контекстах: «*склад расположен хитро́*» (*хитро́* 100 % ст. гр., 90 % ср. гр., 68 % мл. гр.) и «*хи́тро придумал*» (*хи́тро* 90 % ст. гр., 92 % ст. гр., 82 % мл. гр.), что не противоречит данной словарями информации (варианты произношения в них равноправны), однако позволяет предположить, что в данном случае акцентологически отличается предикатив и наречие.

Наречия *равно́* и *зави́дно* показали произношение, противоречащее словарным рекомендациям. Все респонденты произнесли *ра́вно* («*ра́вно присущи оба эти качества*»), несмотря на то, что в словарях этот вариант снабжен запретительной пометой «неправ!».

В эксперимент вошло слово *завидно* в двух контекстах: «*мне было завидно*», и «*мое будущее будет завидно*», вне зависимости от синтаксической функции словаря рекомендуют произносить *зави́дно*, что прослеживается в речи информантов старшей возрастной группы: так произнесли 67 % в первом примере и 100 % во втором. Интересно, что в речи информантов средней возрастной группы ударение различает наречие (слово категории состояния в функции сказуемого) и краткое прилагательное: в функции сказуемого преобладает *за́видно*, в функции прилагательного — *зави́дно*. Большинство респондентов младшей возрастной группы произносят *за́видно* в обоих контекстах: 67 % (прилагательное), 82 % (сказуемое).

Экспериментальные данные показывают, что в речи носителей литературного языка бытуют варианты, запрещенные словарями; в ряде случаев такое произношение преобладает. Это позволяет пересмотреть некоторые словарные рекомендации и отказаться от ряда запретительных помет. С другой стороны, словарь должен отражать и произношение устаревших слов и устойчивых сочетаний, не встречающихся в речи, но употребимых в художественной литературе и публицистике XIX–XX веков.

Литература

- Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М.: Языки славянских культур, 2014. 536 с.
- Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2010. 848 с.
- Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-Пресс, 2017. 1020 с.
- Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка: около 10000 слов, все трудные случаи, все типы ударений, способы запоминания. М.: АСТ Пресс Школа, 2021. 943 с.

Никитин Никита Владимирович

младший научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова

АБСОЛЮТНЫЕ И ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ УДАРНЫЕ КЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: клитика, фонетическое слово, служебное слово.

Сравнивая произношение разных клитик, лингвисты давно обратили внимание на то, что некоторые из них своим звуковым оформлением сигнализируют о как будто бы неполном вхождении в фонетическое слово, то есть выдают свою бóльшую по сравнению с аффиксами самостоятельность. Например, в сочетании *на со́лнце* [на°_сó]лнце предлог фонетически неотличим от приставки *на-* (ср. [на°дó]мный), тогда как в сочетании *но со́лнце* [но_сó]лнце союз *но* фонетически ведет себя не так, как предлог *на*.

И только в 70-е годы, по всей видимости впервые в русистике, было предложено разграничивать с фонетической точки зрения абсолютные и относительные клитики. Сделано это было С. С. Высотским в статье 1973 г.: абсолютно то примыкание, при котором «энклитики и проклитики совершенно не обнаруживают внешних следов своего отдельного происхождения, а составляют вместе со словом, к которому они примкнули, одно целое звуковое образование — звуковую структуру слова» [Высотский 1973: 24].

В этой работе С. С. Высотский, в сущности, не дает определения относительным клитикам (хоть и логично вытекающее из определения абсолютного примыкания), однако оно дается несколько лет спустя в другой статье: «Абсолютные энклитики и проклитики, примыкая к основному слову, сливаются с ним в цельную звуковую структуру единого фонетического слова, не обнаруживая внешних следов своего отдельного происхождения. Относительные энклитики и проклитики представлены в примерах с ослабленными, не полностью утраченными некоторыми признаками прежней самостоятельности слова» [Высотский 1977: 28].

Существенно, что подобное определение применимо не ко всем клитикам, обладающим произносительными особенностями, важными для описания этого участка звуковой системы. Так, союз *да*, в котором регулярно произносится [э] даже в первом предударном слоге, нельзя назвать относительной клитикой в соответствии с определением С. С. Высотского, ведь шва в первом предударном слоге не имеет никакого отношения к «ослабленным, не полностью утраченным некоторым признакам прежней самостоятельности слова». Поэтому такого рода случаи либо входят в отдельную подгруппу внутри клитик вообще — они не относительные и не абсолютные, либо, если шире трактовать понятие относительных клитик, составляют их особый подкласс. Л. Л. Касаткин, сначала заимствовав определение С. С. Высотского, впоследствии скорректировал его: «Относительные клитики, не имея своего ударения и примыкая к ударному слову, характеризуются иным произношением звуков, чем внутри одного лексического слова» [Касаткин 2006: 74]. При таком определении ничто не мешает включать клитики типа союза *да* в состав относительных.

С. С. Высотский и Л. Л. Касаткин исходили из обязательной безударности клитик. Но есть другая точка зрения, согласно которой клитика — словоформа, неспособная сама по себе формировать фонетическое слово (подход А. А. Зализняка, П. Гарда и др.). Так, если считать клитику безударной словоформой, то в сочетании *на́ голову* (*надеть что-л.*) предлог нельзя назвать клитикой, в то время как при втором подходе ударное *на* остается клитикой, потому что именно существительное образует фонетическое слово, предлог же оказывается под ударением лишь в силу акцентных свойств знаменательного слова и, более того, его употребление не добавляет в высказывание новое фонетическое слово. Ниже предпринята попытка в рамках только что описанного подхода осмыслить связь абсолютности/относительности примыкания с наличием/отсутствием ударения.

Итак, клитика может быть как безударной — что бывает чаще всего, — так и ударной. Следовательно, придерживаясь касаткинского определения абсолютных и относительных клитик, мы будем применять его только к безударным клитикам. Однако ударная клитика тоже может не демонстрировать никаких синтагматических или парадигматических особенностей. Так дело обстоит с *на́ голову* [на́_гэ́лэву], где предлог неотличим, скажем, от префикса в *на́званный* [на́звэны́и], или с *по́д гору* [по́д_гэ́ру], где /д/ закономерно реализуется звонким [д] перед [г]. То есть эти клитики, несмотря на ударение, подобны безударным клитикам вроде *на* в *на го́род (смотреть)* — фонетически не выдают свое грамматическое отличие от омонимичного аффикса.

С другой стороны, не совсем понятно, может ли клитика быть одновременно ударной и относительной. В сочетаниях типа *скво́д[с' а']блака́* нет клитики, поскольку *сквозь* ударно наряду с существительным (разница только в силе ударения), так что здесь два фонетических слова, а не одно, как в случае с *на́ голову* и *по́д гору*. Получается, *скво́зь* не может быть названо ударной относительной клитикой — на самом деле это полуклитика (*скво[с' _о́]кна*, но *скво́д[с' а']блака́*). Если не удастся найти именно ударные относительные клитики, то нет смысла расширять понятия абсолютных и относительных клитик.

Тогда данные критерии будут применяться не на одном уровне классификации, то есть окажутся иерархичны по отношению друг к другу: клитики делятся на ударные и безударные, затем уже последние распадаются на абсолютные и относительные. В то же время, если выяснится, что ударная клитика *может* обладать какими-то особенностями произношения, нехарактерными для позиции внутри одной лексемы, разумнее будет описывать эти критерии как независимые основания для классификации. При этом может оказаться, что в современном русском литературном языке таких примеров нет, но они есть в русских диалектах или других языках.

Литература

Высотский С. С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 1973. С. 17–41.

Высотский С. С. Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 24–38.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.

Савинов Дмитрий Михайлович

д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

НОВЫЙ ШКОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

В докладе будет представлена концепция нового учебного орфоэпического словаря — «Словаря трудностей русского произношения» для 5–11-х классов. Словарь подготовлен в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН под ред. М. Л. Каленчук и Д. М. Савинова. В докладе будет показано, что школьный словарь должен быть не собственно орфоэпическим по жанру, а именно *словарем произносительных трудностей*. Во-первых, в нем должны отражаться не все произносительные орфоэпические явления русского языка, а только те, которые заметны для школьника, осознаются им. Во-вторых, в учебном словаре не нужны многие детали и тонкости описания, необходимые в фундаментальном словаре; запрос школьника при обращении к произносительному словарю обычно сводится к оценке *норма — не норма, правильно — неправильно, литературно — нелитературно, можно — нельзя*.

Специфика выбранного лексикографического жанра — словарь трудностей произношения — позволила резко сократить круг кодифицируемых произносительных явлений. В словаре не фиксируются все позиционные изменения в области согласных — твердость-мягкость согласного перед следующим мягким, чередования звуков по глухости-звонкости, месту и способу образования, чередования согласных с нулем звука. Все позиционно обусловленные явления обычно незаметны для носителя языка.

- (1) В словарных статьях фиксируются только такие особенности произношения, которые характеризуют конкретные слова, не подчиняющиеся общей логике. Так, например, обстоит дело с вариантами жакёт — ж[а]кёт и ж[ы]кёт; поэт — п[а]эт и п[о]эт; дрожжи — дрó[ж'ж']и и дрó[жж]и; б́улочная — б́уло[ч']ная и б́уло[ш]ная. Обязательно отмечаются сочетания букв, которым может соответствовать разное произношение в разных словах, что не дает возможности определить звуковой облик слова по буквенной записи, например: *нечто* — нé[ч'т]о, *ничто* — ни[шт]ó; *отличник* — отlí[ч']ник, *двóчник* — двóе[ш]ник; *текст* — [т'э]Während des Lesens verliert die Wirklichkeit an Bedeutung ... (LC). — Во время чтения реальность теряет свой смысл ... (перевод автора).
- (2) Einen Tag vor ihrer Abreise nach England springt Josef Schuster aus dem Fenster (LC). — За день до ее отъезда в Англию Йозеф Шустер выпрыгивает из окна (перевод автора).

В примере (1) с монотемпоральным предлогом während актуализована примарно-таксисная категориальная ситуация одновременности, а в высказывании (2) с монотемпоральным предлогом vor — примарно-таксисная категориальная ситуация предшествования.

К общеязыковым единицам категорий таксиса, темпоральности и аспектуальности (в частности, субкатегорий итеративности и фазовости) тносятся аспектуальные, темпоральные, итеративные, фазовые адвербиалы / атрибуты, а также фазовые и итеративные глаголы / девербативы, например:

- (3) Vormittags wurde im Sitzen geturnt (LC). — Утренняя гимнастика проводилась сидя (перевод автора).
- (4) Bei jedem Klingeln an der Tür zuckt sie zusammen (LC). — При каждом звонке в дверь она вздрагивает (перевод автора).
- (5) Nach mehrfachem Klopfen und Klingeln wurde die Wohnungstür geöffnet ... (LC). — После многократного стука и звонка дверь квартиры открыли ... (перевод автора).
- (6) Der letzte Tag vor Ort begann mit ganz frühem Aufstehen (LC). — Последний день начался с того, что мы встали очень рано (перевод автора).

- (7) Mit seinem Rücktritt vom Kanzleramt hat Sebastian Kurz die Staatskrise in Österreich vorerst beendet (LC). — Своим уходом с поста канцлера Себастьян Курц положил конец государственному кризису в Австрии (перевод автора).

Системно-речевые связи таксиса, темпоральности и итеративности (итеративности, фазовости) обуславливают речевые реализации сопряженных итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности (см. примеры 3 –4) и следования (см. пример 5), а также фазово-таксисных ситуаций одновременности (см. примеры 6 –7). В роли итеративно-таксисных и фазово-таксисных детерминантов выступают итеративный адвербиал *vormittags*, итеративные атрибуты *jeder*, *mehrfach* и ингрессивно-фазовые глаголы *beginnen* и *beenden*.

Таким образом, при центрированном (сфокусированном) ракурсе рассмотрения системно-языковые связи семантической категории таксиса с категориями темпоральности и аспектуальности обуславливают конкретно-речевые актуализации таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности в немецких высказываниях с предложными девербативами с темпоральными предложениями.

Литература

LC — Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de>

Арыджан Дерья

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
deryaarian962@gmail.com

ЛОКАТИВНЫЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ НЕГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕДИКАЦИИ В РОМАНЕ Г. ШУЛЬПЯКОВА «КРАСНАЯ ПЛАНЕТА»

Ключевые слова: неглагольная предикация, связка, локативная конструкция, экзистенциальная конструкция.

Неглагольная предикация (Н. Н. Логвинова, П. А. Касьянова, Н. В. Громова, Е. В. Перехвальская, М. Хаспельмат, К. Хенгевельд, Изабелла Рой и др.) — способ выражения сказуемого без использования полноценного глагола. Неглагольный предикат может включать в себя бытийные глаголы, глагольная связка может опускаться в предложении, однако при этом предложение не теряет семантики времени, вида и модальности. В коммуникативном аспекте неглагольные предикаты смещают фокус внимания на семантику неглагольной части. Локативная и экзистенциальная конструкции являются семантическими подкатегориями неглагольной предикации в русском языке. Интерес к рассмотрению неглагольной предикации на материале художественного текста объясняется тем, что в художественном тексте любое «смещение фокуса внимания» имеет смысл рассматривать в аспекте замысла автора. Таким образом, грамматические единицы анализируются в русле господствующей коммуникативной научной парадигмы, где художественный текст рассматривается в контексте особой коммуникативной ситуации, где говорящего и слушающего заменяют автор и читатель [Падучева 2010: 201].

Локативная конструкция выражает отношение предмета (объекта, действия) к конкретному месту в пространстве. Такие конструкции в русском языке могут иметь две функции: собственно локативную (сообщается о том, где сейчас находится объект или лицо, например: она дома) и номинативную (местонахождение представляет собой признак, отличительное свойство объекта). Во втором случае локализатор в большей степени отвечает на вопрос какой? (например: город в Ленинградской области, свет лампы над столом). В локативных предложениях глагол существования/местонахождения опущен, а в номинативных предикат вообще отсутствует [Арыджан 2022: 44]. Основная локативная конструкция отвечает на вопрос: где X (X у кого)? Например: Сын в другом городе; Мы за столом; Мои горы в Андах.

Экзистенциальная конструкция имеет значение наличия или существования чего-либо. Здесь имеется указание на присутствие объектов в определенном месте и выражается факт существования абстрактных понятий [ТФГ 1996: 53]. Поле бытийности в русском языке по структуре полицентрическое и определяется двумя типами отношений предикативной семантики бытийности к синтаксической структуре предложения. Первый тип — бытийность, представленная предикатом существования, например: есть в январе короткое зимнее время, когда целыми днями идет снег; второй тип — бытийность, выражаемая в номинативных предложениях: Лес, озеро, технические корты. Данная конструкция отвечает на вопрос: что есть? В русском языке бытийными глаголами считаются: быть, существовать, иметься, бывать, наличествовать, находиться. Также экзистенциальные предложения указывают на нахождение объекта в определенном пространстве, отвечая на вопрос: что есть в данном пространстве? Сближение с локативными отношениями характеризуется как экзистенциально-пространственная модель. Например: на столе полная окурков пепельница; В клоках прошлогодней травы — поле. Здесь указывается на положение субъекта в определенном месте, причем новым является сам объект, а не его местоположение. В предложении это выражено порядком слов: сначала упоминается локализатор, а потом то, что в нем находится — «бытующая субстанция» [Аругтюнова, Ширяев: 1984].

Сходство локативной и экзистенциальной конструкций заключается в том, что обе конструкции отражают пространственно-предметный аспект внеязыковой действительности в языке. Различие между экзистенциальными и локативными отношениями заключается в том,

что в экзистенциальных предложениях известно место, а сообщение касается его предметного наполнения, тогда как в локативных предложениях исходным пунктом является известный говорящему предмет, а сообщаемым — местоположение этого предмета.

Если обратиться к тексту романа, то можно сказать, что неглагольные предикативные конструкции с локативной и бытийной семантикой появляются в модальном плане субъекта повествования при описании внутреннего состояния (внутренняя речь): Фотографию, которая стояла на моем столе, сделали перед эвакуацией. Свет рефлектора слепит глаза, и она прикрывает лицо рукой в варежке. Рядом отец; пальто, малахай, клетчатый шарф. А карапуз в ушанке и валенках — это я. За сугробами виднеются жилые корпуса и угол транспаранта: «...передовой край науки». Дальше сосны и черный октаэдр Станции. Безмятежные, молодые лица... О том, что колонию скоро закроют, никто не догадывается (с. 2)

Внимание к неглагольной части предиката передает важные для героя детали, которые создают беззаботную картину детских воспоминаний, навеянных семейной фотографией. Появление глагольной конструкции (последнее предложение) маркирует смену временного повествовательного плана (из прошлого в будущее) и модальность описания с беззаботных детских воспоминаний на трагизм последующих событий. Так создается полимодальное, объемное повествование романа, где читателю необходимо декодировать смену повествовательных планов для понимания интенции автора.

Шульпяков Г. Красная планета — роман, опубликованный издательством «Эксмо» в 2019 году в жанре современной прозы.

Литература

- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: (Структура и значение). М.: Рус. яз., 1983.
- Арыджан Д. Локативная конструкция в романе Глеба Шульпякова «Красная планета» // XXVI Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ. СПб., 2023.
- Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., исп. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 480.
- ТФГ 19966 — А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996.

Воейкова Мария Дмитриевна

д-р филол. наук, зав. отделом теории грамматики,
Институт лингвистических исследований РАН;
maria.voeikova@gmail.com

«МЫ УБЕРЕМ ОТТУДОВА ЭТУ ФУНКЦИЮ» — О ПРОСТОРЕЧНЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМАХ НАРЕЧИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: инновация, просторечие, разговорная речь, морфологическая форма, наречие.

Просторечные наречные формы с неправомерным наращением -ова используются в наше время не только в разговорной, но и в письменной речи в основном для передачи особенностей речи персонажей. Однако было время, когда они не имели оттенка просторечности или даже разговорности: так, княгиня Волконская в одном только дневнике путешествия 1810 года использовала форму оттудова 10 раз. Любил эту форму и А. С. Грибоедов: она 22 раза встречается в его письмах и заметках [Словарь языка Грибоедова онлайн]. По типу флексии эти формы напоминают финали прилагательных или местоименные формы, что тем более странно, если принять во внимание, что они никак не соотносятся ни с каким разрядом прилагательных. При этом они разделяют странную фонетическую судьбу местоименных форм, получивших, вероятно, протетическое [в] в аффиксе и безударный гласный на конце [Горшкова, Хабургаев 1981: 238–241]. Можно также предположить, что [в] здесь появилось из огубленного в конечном дифтонге формы отътждоу, к которой возводил это наречие М. Фасмер [Фасмер онлайн]. По аналогии с прилагательными мы пока будем называть эти наречные формы удлинненными, хотя их статус неясен.

В докладе на материале НКРЯ будет представлен анализ того, как эти выражения, характерные в 18 и начале 19 вв. для речи грамотных и образованных людей, постепенно превратились в просторечные. Существует заметная асимметрия в количестве подобных форм в зависимости от приставки и корня (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Количество вхождений удлинненных форм наречий в НКРЯ

	Документов	Вхождений
оттудова	99	160
отсюдова	159	211
дотудова	5	6
досюдова	7	7

Бросается в глаза неравномерность распространения наречий в зависимости от корня и приставки: «элативное» значение источника движения, выраженное приставкой от-, представлено более широко, чем «иллативное» значение направления, цели или предела движения, передаваемое приставкой до-. Немногочисленные примеры с дотудова ровно распределены во времени — они встречаются и у А. С. Грибоедова, и у А. К. Толстого, и у В. Астафьева. Все 7 примеров с досюдова охватывают период с 1877 по 1969 г., ср. самый ранний и самый поздний:

- (1) А ведь от нас считают семь сотен верст досюдова... [Н. Н. Златовратский. Золотые сердца (1877)]
- (2) Может, он на дне пока и досюдова не достигает. [А. В. Кузнецов. Огонь // «Юность» № 3–4. 1969]

Эта ограниченность во времени употребления наводит на мысль о том, что наречия досюдова и дотудова появились позже других, в рамках «доставивания системы», и представля-

ют собой неологизмы, инновационные образования, недостаточно востребованные и поэтому малоупотребительные. Об этом косвенно свидетельствует параллелизм наречий в примере из В. П. Катаева:

- (3) Вот отсюда прямо досюдова, а вы немножко подвиньтесь. [В. П. Катаев. Квадратура круга (1928)]

Ср. непараллельное употребление в более раннем примере:

- (4) — Ну, ходи теперь вот отсюда дотудова... и гляди в окна... [Максим Горький. Тюрьма (1904)]

Эти новообразования с момента своего появления были приметой просторечия, в отличие от своих прототипов оттудова и отсюда, которые имеют более «аристократическое» морфологическое происхождение. Ср. пример начала XX в.:

- (5) Да так-то я трижды Волгу-мать вымерял: от Симбирского до Рыбинска, от Саратова досюдова да от Астрахани до Макарьева, до ярмарки, — а это многие тысячи верст! [Максим Горький. Детство (1913–1914)].

История наречий направления в русском языке свидетельствует о системном характере лексики, неслучайном происхождении слов (особенно обозначающих отвлеченные понятия) и об их различной этимологии даже при кажущемся сходстве.

Литература

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. Р. 238–241.

Словарь языка Грибоедова онлайн. URL: <https://feb-web.ru/feb/concord/abc/31.01.2024>

Фасмер М. Этимологический словарь онлайн. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BE%D1%82%D1%82%D1%83%D0%B4%D0%B0> 31.01.2024

Гордиевская Мария Львовна

канд. филол. наук, доцент, кафедра сопоставительного изучения языков,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
margord@mail.ru

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО ДЕЙКСИСА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: грамматическая категория, пространственный дейксис, ближний и дальний дейксис, антропоморфные маркеры.

Пространственный дейксис представляет собой шифтерную универсальную категорию, которая задает пространственные координаты, характеризующие положение наблюдаемого объекта по отношению к наблюдателю — дейктическому центру. По сути, дейксис описывает линейное пространство, крайние точки которого можно определить терминами близко и далеко от дейктического центра. В связи с этим выделяется ближний и дальний дейксис. Степень описания близости/дальности в разных языках варьируется, это зависит ряда причин, в частности, от количества и распределения демонстративов — частиц, местоимений, наречий, а также количества заданных в языке дейктических центров (близко/далеко от говорящего, близко/далеко от слушающего и т. д.). Русский язык представляет собой классическую бинарную дейктическую систему: есть четкое распределение на позиции близко (вот, этот, тут, здесь, отсюда) и далеко (вон, тот, там, оттуда): Вот этот дом vs Вон тот дом. При том, что бинарная дейктическая система в принципе предполагает разделение на две граммы — близко и далеко, в большинстве языков пространственная линейка имеет более дробное деление: наблюдаемый объект находится рядом с говорящим; наблюдаемый объект в досягаемой, но не непосредственной близости от говорящего; говорящий фиксирует видимое, но отдаленное положение объекта; наблюдаемый объект далек, потому невидим и т. п.

В докладе рассмотрены два основных пути преодоления бинарности русского пространственного дейксиса.

- (1) Первый принцип основан на сочетании демонстративов ближнего и дальнего действия, что позволяет найти «промежуточные» варианты экспликации близости/дальности. Ср., например, сочетание частиц и местоименных наречий вот/вон, тут/там в русском языке:

Вот тут наш дом (объект находится рядом с говорящим, в том же месте).

Вон тут наш дом (близкая перспектива, но объект размещается не в том месте, где находится говорящий).

Вот там наш дом (дальняя перспектива, конкретизация точки, локации).

Вон там наш дом (далеко от говорящего).

- (2) Второй принцип базируется на функционировании целого класса специализированных фразеологических единиц, которые ответственны за детализацию понятий близко/далеко. Расстояние от дейктического центра до объекта может описываться в виде специальных устойчивых антропоморфных показателей (перед глазами, под носом, на расстоянии вытянутой руки, в двух шагах, в два прыжка и т. п.). В докладе систематизируются антропоморфные пространственные измерители, актуальные до настоящего времени и употребительные в современном русском языке в сопоставлении с основными антропоморфными измерителями в других языках мира. Систематизация маркеров применительно к другой линейной пространственной оппозиции верх/низ была принята Е. В. Рахилиной. Для анализа вертикальных измерителей пространства были выбраны данные 14 языков и рассмотрены 20 параметров (щиколотка, лодыжка, икра,

колени, пояс, живот и др.). Анализ показал, что есть устойчивые и универсальные маркеры такие, как щиколотка, колени, пояс, плечо, уши, которые наблюдаются в большинстве рассмотренных языков [Рахилина 2010:123].

В нашем исследовании были рассмотрены данные 8 языков. Информантами выступили преподаватели русского языка, а также носители языков, знающие русский не ниже С1. В рассмотренных языках выявлены 9 эталонных антропоморфных маркеров, обозначающих часть тела человека (волос, палец, нос, ладонь, кулак, рука, глаза, нога, спина) и 4 эталонных маркера, обозначающие действие, линейное движение (плевок, бросок, шаг, прыжок). Ср. маркеры для обозначения понятия «близко»: на волосок от (рус.) — a hair's breadth (англ.); под носом (рус.) — pod (pred) nosom (хорват.) — right / under one's nose (англ.)- au bout du nez (франц.) — Со Аркажи (корейск.); на расстоянии вытянутой руки (рус.) — pri ruci (хорват.)- Al alcance de La mano (испан.) — Son Pputi myen daeul guri (корейск.) и др., а также маркеры для обозначения «далеко»: куда не ступала нога человека (рус.) — íci kuda koga noge nose (хорват.) — where no man has ever set foot (англ.); куда глаза глядят (рус.) — íci kuda koga oči vode (хорват.)- A donde estan sus ojos (исп.) — Mubukeji -досл. невидны глазам (кит.)

Сопоставительный анализ антропоморфных показателей близости/дальности позволяет прийти к следующим предварительным выводам:

1. Система эталонных антропоморфных пространственных маркеров в целом универсальна.
2. Выделяются маркеры, соответствующие:
  - a. части тела человека (нос, глаза, ноги)
  - b. действию человека (плевок, прыжок, бросок)
3. Одни и те же маркеры могут служить демонстративами для ближнего и дальнего дейксиса (ср. перед глазами vs куда глаза глядят; под ногами vs куда не ступала нога человека)
4. Ближний дейксис представлен большим числом демонстративов.

Таким образом, мы видим, что бинарность русского пространственного дейксиса преодолевается за счет различных языковых средств, как собственно грамматических — сочетание демонстративов, так и лексико-фразеологических. Причем второй путь преодоления дихотомии дейксиса носит явно универсальный характер.

Литература

Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2010. 584 с.

Григорьян Елена Леонидовна

канд. филол. наук, доцент, кафедра общего и сравнительного языкознания,
Южный федеральный университет;
grigorjanelena@yandex.ru

СОГЛАСОВАНИЕ В РОДЕ: АЛЬТЕРНАТИВЫ И ОБЪЯСНЕНИЯ

Ключевые слова: грамматический род, согласование в роде, общий род.

Уже много десятилетий в русистике отмечается специфика большой группы одушевлённых существительных мужского рода, которые обозначают лицо по профессии (типа врач) или иным социальным характеристикам и могут означать лиц как мужского, так и женского пола, причём согласуемые слова могут принимать формы как мужского, так и женского рода в зависимости от пола упоминаемого лица, при этом форма рода сказуемого (глагола в форме прошедшего времени или сослагательного наклонения) и различных определений к тому же существительному могут не совпадать. Материал для данного исследования взят преимущественно из интернета с привлечением текстов разной степени кодификации. Уровень грамотности и речевой культуры авторов не одинаков; кроме того, значительная часть текстов явно создавалась спонтанно, не перечитывалась и не редактировалась; именно в таких употреблениях «языковые тенденции выступают отчётливее, как бы вырываются наружу» [Гловинская 1996: 238]. Определение в женском роде часто оказывается стилистически маркированным, а именно разговорным и часто при этом сниженным (та же маркированность типична для феминитивов). Однако существительные мужского рода часто употребляются и там, где можно было бы употребить феминитив, причём стилистически нейтральный (учитель — учительница, журналист — журналистка); в некоторых контекстах и применительно к одним и тем же событиям эти два типа номинаций чередуются. В лингвистической литературе достаточно глубоко проанализированы формальные тенденции выбора рода сказуемых и определений при словах данной лексической группы; «рассогласованным конструкциям» посвящено исследование [Герасимова 2018], в котором объясняются ограничения на выбор формы женского рода для определения, но не даётся объяснения выбора мужского или женского рода там, где обе формы допускаются, по крайней мере формальными правилами.

Нам представляется, что дело не только в нарастании или убыли тенденции к семантическому согласованию, но и в характере употребления самого определяемого существительного. Судя по общему раскладу, что женский род употребляется в основном в таких контекстах, где речь идёт о человеке как об индивидуе, а не как о социальной функции, должностном лице или носителе статуса. Это различие соотносится с денотативным и сигнификативным аспектами слова. Определение может характеризовать референта (т. е. индивида, обозначенного данным словом в данном случае) или заключённый в данном слове признак. Различие этих двух аспектов можно проиллюстрировать на примере словосочетаний типа молодая хозяйка, неоднозначного в этом отношении: определение может характеризовать референта, и тогда оно значит «юная», «молодая по возрасту»; но это же словосочетание может значить «женщина, недавно ставшая хозяйкой». Именно расхождение этих двух аспектов, по нашему мнению, во многих случаях определяет выбор рода определения в словосочетаниях типа молодой/ молодая врач и под. Употребление форм женского рода характерно там, где индивид предстаёт в своей женской ипостаси, где релевантен гендерный признак: Романтическая библиотекарь Вера верит в чудо, добро и любовь. Вот только её личная жизнь не складывается (анонс фильма). «Романтический библиотекарь» — если представить себе такое сочетание в данном контексте, — скорее всего прочитывалось бы как указание на какой-то тип (разновидность) библиотекаря, а не на особенность личности.

Что касается вопроса об отношении вышерассмотренного типа лексем к словам общего рода, разные авторы очерчивают границы общего рода различным образом и в качестве отличительных черт этого класса слов отмечают не только согласование по смыслу, связанное с по-

лом референта, но также определённый словообразовательный тип (типы), оценочную семантику, тяготение к предикативной, а не номинативной функции. В качестве характерной черты слов общего рода часто отмечается возможность согласованного определения как в мужском, так и женском роде при указании на лицо мужского пола (он такой умница и он такая умница), но только в женском роде при указании на лицо женского пола. Это относится и к словам изначально женского рода, сегодня пополняющим класс существительных общего рода, как исследуемые в [Сидорова 2019] слова звезда и легенда в значении 'знаменитость'. С рассмотренными же в нашей работе существительными, наоборот, форма женского рода возможна только для определений референтов женского пола, а мужской род для определения и сказуемого допустим при указании на лицо как мужского, так и женского пола. Так, Наш бухгалтер уволился можно сказать как о мужчине, так и о женщине, но Наш бухгалтер уволилась или Наша бухгалтер уволилась — только о женщине. Таким образом, картина зеркально симметрична ситуации со словами общего рода.

Литература

- Герасимова А. А.* Рассогласование по роду в русском языке (экспериментальное исследование) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. № 1. С. 65–71.
- Гловинская М. Я.* Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры. С. 235–304.
- Сидорова М. И.* «Звезда» и «легенда» как слова общего рода: корпусный анализ вариативного согласования // Русский язык в научном освещении. 2019. № 2. С. 57–78.

Казаковская Виктория Виладиевна

д-р филол. наук проф. РАН, ведущий научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН

ДИМИНУТИВИЗАЦИЯ В СИММЕТРИЧНОЙ И АСИММЕТРИЧНОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: Диминутивы, гипокористические имена, речь, обращенная к животным, женская речь, мужская речь, эмпатия.

В докладе обсуждаются уменьшительно-ласкательные слова — диминутивы и близкие к ним гипокористические имена — в разных регистрах, или типах общения: привычной для нас симметричной коммуникации (в которой оба партнера обладают сопоставимой коммуникативной компетенцией) и менее тривиальной — асимметричной (в которой у адресата эта компетенция отсутствует либо недостаточно развита). К таким нестандартным адресатам, или квазиадресатам, относят домашних животных, маленьких детей, иностранцев и очень пожилых людей [Mattiello et al. 2021; Dressler et al. 2022].

Материалом для анализа уменьшительно-ласкательных слов в асимметричной коммуникации с питомцами (*pet-directed speech, PDS*) послужили данные, собранные нами в ходе полуформальных устных интервью с 245 россиянами в возрасте от 13 до 79 лет (см. подробнее [Казаковская 2023]). Респонденты рассказывали об именах и прозвищах питомцев, диминутивах в общении с ними либо в разговоре о них с другими (например, *Тишенька, Тишуля, Тиша* о кошке *Тиштрии, Тильдочка, Тильдуня* о собаке *Тильде*). Вопросы касались слов, называющих части тела (*ушки, клыкусы, цапки-царапки*), еду и питье (*бульончик, нямямка*), предметы и игрушки (*поводочек, когтеточечка*), места для кормления и сна (*спаленка, лежаночка*), действия питомцев (*спатушкать, потягуся*) и продукты их жизнедеятельности (*блевотишка, какушки*). В особую группу были выделены самономинации хозяев (*мамусик, папочка*), родовые и иные наименования питомцев (*кошенька, умничка*). Для анализа диминутивов в симметричной коммуникации (*adult-directed speech*) использовалась рандомизированная выборка из подкорпуса устной непубличной речи Национального корпуса русского языка — диалогов, интервью, бесед, разговоров и рассказов мужчин и женщин от 18 до 88 лет. В целом объем выборки составил около 1,5 тысяч уменьшительно-ласкательных слов (более 4 тысяч употреблений).

Анализ семантических, грамматических и прагматических особенностей уменьшительно-ласкательных слов в симметричной и асимметричной коммуникации показал следующее. Притом что в женской *PDS* диминутивы и гипокористики используются чаще, чем в мужской, частотность лексем, входящих в соответствующие семантические группы, сопоставима ($p > 0.05$). «Диминутивная» картина мира, представленная в симметричной коммуникации (так же как и в диалоге с маленьким ребенком [Казаковская 2022]), шире, чем в общении с питомцами: помимо групп, отмеченных в *PDS*, в ней присутствовали, в частности, номинации реалий мира природы (*озерцо, тростиночка*) и результатов интеллектуального труда (*сценка, программка*).

Диминутивы представительниц женского пола в асимметричной коммуникации отличались большим морфемным и модельным разнообразием по сравнению с диминутивами в их симметричной коммуникации, а также в мужской речи в целом: квазиадресат является триггером диминутивизации. На сходные результаты указывают исследования детской асимметричной коммуникации: питомец более значим для появления диминутивной продукции в речи девочек [Казаковская 2023].

При использовании уменьшительно-ласкательных слов в общении с домашними животными прагматические функции (выражение привязанности, сочувствия, нежности) преобладают над семантическими (размерностью). При этом гипокористики выражают эмпатию в большей степени по сравнению с диминутивами: как и носители других языков,

русскоязычные респонденты чаще использовали гипокористики при обращении к питомцам, тогда как диминутивы — в разговоре о них. В употреблении уменьшительно-ласкательных слов в общении с питомцами проявляются ирония и юмор, в отличие от уничижительности и сарказма, встретившихся в данных симметричной коммуникации.

Литература

- Казаковская В. В. Диминутивы в речи, обращенной к детям и к домашним животным // Проблемы онтолингвистики — 2022: Речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы) / отв. ред. М. А. Еливанова и др. СПб., 2022. С. 22–27.
- Казаковская В. В. Уменьшительно-ласкательные слова в речи подростков, обращенной к домашним животным // Русский язык в школе. Т. 84 (4). С. 27–42. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-4-27-42>
- Dressler W. U., Mattiello E., Korecky-Kröll K., Noccetti S., Dabašinskienė I., Kamandulytė-Merfeldienė L., Kazakovskaya V. V. Communication with diminutives to young children vs. pets in German, Italian, Lithuanian, Russian, and English // Stem-, Spraak- en Taalpathologie. 2022. Vol. 27. P. 53–68. <https://doi.org/10.21827/32.8310/2022-SG-53>
- Mattiello E., Ritt-Benmimoun V., Dressler W. U. Asymmetric use of diminutives and hypocoristics to pet animals in Italian, German, English, and Arabic // Language and Communication. 2021. Vol. 76. P. 136–153. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2020.11.004>

Кашлева Ксения Константиновна¹, Краснощекова Софья Викторовна²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

kkashleva@hse.ru

²Институт лингвистических исследований РАН;

s.krasnoshchekova@gmail.com

О МАРКИРОВАНИИ ПОСЕССИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: посессивность, местоимение, притяжательные местоимения, возвратные местоимения, русский язык.

Русский язык допускает конкуренцию притяжательных маркеров в определенных контекстах. Структурно в подобных предложениях обычно обладатель выражен субъектом, обладаемое — существительным в косвенном падеже; субъект кореферентен местоименному маркеру притяжательности при обладаемом. Сравним:

- (1а) Я поднял руку.
- (1б) Я пришел в гости с женой.
- (2а) Я поднял свою руку.
- (2б) Я пришел в гости со своей женой.
- (3а) Я поднял мою руку.
- (3б) Я пришел в гости с моей женой.

Конкурирующими маркерами притяжательности при субъекте 1–2 л. являются синтаксические нули (1), возвратно-притяжательное местоимение «свой» (2) и лично-притяжательные местоимения (3). При субъекте 3 л. лично-притяжательные местоимения исключены. Хотя приведенные примеры описывают одинаковые ситуации, они не идентичны семантически / прагматически и имеют различия, которые, однако, не всегда возможно сформулировать однозначно.

Исследование описывает дистрибуцию местоимения «свой» в двух парадигмах: «лично-притяжательные местоимения — свой — синтаксический ноль» (для субъекта в 1 и 2 л.) и «свой — синтаксический ноль» (для субъекта в 3 л.). Материалом послужили извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) высказывания, в которых посессор является субъектом, а обладаемое относится к одной из семантических групп: части тела, родственники, одежда, явления ментальной сферы. Семантические группы были определены, исходя из градации отторжимости: части тела и родственники — это абсолютно неотторжимая принадлежность, одежда и ментальные явления (мысль, память) — это относительно неотторжимая принадлежность [Сушкова 2017]. Из каждой группы была выбрана одна лексема, которая продемонстрировала среднее положение по частотности в выдаче: части тела — «ладонь», родственники — «бабушка», одежда — «шапка», ментальные явления — «идея».

Для каждого слова отдельно рассматривались контексты, в которых 1) субъект стоит в 1–2 л. и в 3 л.; 2) маркером притяжательности является (а) ноль, (б) «свой», (в) только для 1–2 л. — лично-притяжательное местоимение, кореферентное субъекту.

Для контекстов с субъектом в 1–2 л. была, по возможности, сделана ручная проверка. В тех выборках, где объем позволил провести ручную обработку с точностью до единичного предложения, был проведен количественный анализ: для одного слова сопоставлялось абсолютное число контекстов в каждой из выборок. Количественные результаты оказалось возможно представить только для субъекта в 1–2 л.; для слов «бабушка», «ладонь» и «шапка» — со всеми маркерами притяжательности; для «идея» — только с притяжательными местоимениями. Также был проведен качественный анализ и диахронический анализ на основе автоматически сгенерированных корпусом графиков.

Проведенное исследование продемонстрировало определенные тенденции в распределении маркеров посессивности.

Так, нулевой маркер при субъектах в 1–2 л. обычно используется в базовых контекстах, при описании типичных ситуаций с частотными глаголами, тогда как «свой» тем или иным образом маркирует контраст или характеризует менее типичные ситуации. Если речь идет об обладаемом, имеющем самостоятельность (родственник), «свой» используется также при наличии у объекта дополнительных атрибутов. Лично-притяжательные местоимения более характерны для XIX — первой половины XX в. Они усиливают маркированность, вносят дополнительные субъективные элементы семантики, добавляют высказыванию оттенки эмоциональности, личности, вежливости и др. При словах «шапка» и «ладонь» они тяготеют исключительно к 1 л. ед. ч. (число контекстов с «мы», «ты», «вы» минимально: 0–2 примера во всей выборке); при слове «бабушка» такой тенденции не наблюдается.

Таким образом, при словах «бабушка», «шапка» и «ладонь» распределение маркеров следующее: ноль — отсутствие маркированности, «свой» — наличие маркированности, лично-притяжательные местоимения — усиление маркированности. Однако при слове «идея» местоимение «свой», напротив, выступает базовым притяжательным вариантом при любом посессоре, поскольку эта лексема, как правило, требует обязательного атрибутирования. Лично-притяжательное местоимение при субъекте в 1–2 л., вероятно, сигнализирует о более глубоком отношении автора / говорящего к «идее».

При посессоре в 3 л. использование местоимения «свой» с лексемами родства в диахронии довольно равномерно, за исключением нескольких статистических выбросов, обусловленных жанровыми особенностями текстов (сказки). Равномерно и употребление «свой» относительно одежды и обуви при 1–2 л., а вот доля таких употреблений с посессором в 3 л. демонстрирует тенденцию к снижению. Отдельно следует отметить обязательность «свой» при 3 л. в составе фразеологических сочетаний (увидеть своими глазами, знать как свои пять пальцев — ср., кстати, в языке XIX — начала XX в. вариативность последнего фразеологизма: знать как пять пальцев) и дистрибуцию «свой» при 3 л. vs. лично-притяжательное местоимение при 1–2 л. в контекстах библейской / вообще религиозной направленности (подай руку твою и пр.).

Для дальнейшего исследования необходимо проанализировать более широкий языковой материал, в том числе другие семантические категории. Полезной для подтверждения корпусных данных также будет проверка на экспериментальных данных.

Литература

Национальный корпус русского языка. 2003–2024. URL: ruscorpora.ru

Сушкова И. М. Значение отторжимой/неотторжимой принадлежности как семантическая оппозиция в сфере посессивности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10–2 (76). С. 156–159.

Коршунова Анастасия Сергеевна

*аспирант, Амурский государственный университет;
nastiona92@mail.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В НОВОСТНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Категория пространства присуща всем сферам человеческой деятельности и, как следствие, различным типам дискурса. В данном докладе рассматриваются основные средства репрезентации категории локативности, а также семантические и функциональные особенности её реализации в новостном интернет-дискурсе. Для анализа было взято 80 текстов, размещённых на региональных новостных интернет-порталах Амурской области с 2020 по 2023 гг. Материалом для исследования послужили синтаксические единицы, выражающие различные варианты локализации: событийно-ситуативный, событийно-динамический, предметно-соотносительный, параметрический и субъектно-ориентированный. Отбор произведён методом сплошной выборки, общее количество составило 250 единиц.

Локативность в сфере событийно-ситуативной локализации репрезентируется именами существительными, семантика которых включает в себя обозначение места, «где что-нибудь происходит или может происходить: жилищ человека и животных, предприятий, учреждений и организаций, административных органов и административно-территориальных единиц, географических понятий, ландшафта и пр.» [Федосеева 2013: 95]. В качестве средств репрезентации событийно-ситуативной локализации в новостном интернет-дискурсе выявлены: «пространственные конкретизаторы событий» [Федосеева 2013: 93], которые выражают данный тип локализации в сочетании с глаголами (Передвижной проект областного Дома народного творчества стартовал в краеведческом музее Ивановского муниципального округа); лексические единицы, выражающие «индивидуальные пространства» [Селиверстова 1983: 143], к которым относятся наименования исключительных объектов: населённых пунктов, улиц, рек, морей и т. д. (В Благовещенске представили спектакль в память Елены Фединой); пространственная металексика, к которой относятся слова, задающие наиболее обобщённую модель пространства: зона, черта, территория, граница (Клумбы разбили на территории ОКЦ; Эта турбаза разместилась в черте города); архилексемы пространство, место (Форум стартует в 10:00, 15 марта в пространстве коллективной работы «Точка кипения — Благовещенск»; Кроме матросовспасателей, которые дежурят на спасательных вышках, в местах массового отдыха и пляжах, в купальный сезон на водоёмах области ведут патрулирование спасатели).

В зоне предметносоотносительной локализации выражается положение предметов относительно друг друга, то есть один из предметов выступает в качестве ориентира, в соответствии с которым определяется положение другого предмета. Данный тип локализации выражается при помощи предложно-падежных форм имен существительных с предметным значением, то есть пространственное значение приобретает при помощи грамматических средств (Площадку, расположенную недалеко от берега, оборудовали беседками, а всем отдыхающим выдаются мангалы и всё необходимое для отдыха).

Локативная семантика в сфере событийнодинамической локализации в новостном интернетдискурсе выражается при помощи глаголов движения и перемещения в сочетании с падежными и предложно-падежными формами имен существительных (Кроме того, в соцсетях появилось видео с лисой. Она выбежала на дорогу и выпрашивала у автомобилистов еду).

Параметрические характеристики предметов используются в новостном интернетдискурсе для конкретизации локативности. Присоединяясь к основному локативному значению, параметрическая характеристика уточняет пространственное положение относительно сторон света (Зимняя переправа через Селемджу заработала на севере Приамурья), степень удаление от центра и края (В 2022 году сквер «Бабочка» в центре Благовещенска изменился до неузнаваемости), верхнюю или нижнюю ориентацию относительно чего-либо (Там для волонтеров тоже

есть домик прямо у подножия Святоносского хребта; Копию Знамени Победы подняли на вершину Вилючинского вулкана).

Субъектноориентированная локализация связана с месторасположением лица и его восприятием. В новостном интернет-дискурсе она репрезентируется при помощи дейктических элементов языка. Такими локативными выразителями являются местоименные и обстоятельственные наречия, которые выражают различную пространственную семантику («На соревнования туда приезжают спортсмены со всей области», — отметил министр по физической культуре и спорту региона Дмитрий Кутека; Слева вы увидите красивый зелёный луг со скошенным сеном).

Кроме того, в докладе рассматривается проблема соотношения типа локализации и жанров новостного интернет-дискурса, в которых данный тип представлен.

Литература

Селиверстова О. Н. Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42, № 2. С. 142–150.

Федосеева Л. Н. Категория локативности в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 450 с.

Крамскова Анна Сергеевна

младший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
tibetomongol@gmail.com

СТАТУС КАТЕГОРИИ МИРАТИВНОСТИ В ЛХАССКОМ ДИАЛЕКТЕ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: миративность, тибетский язык, грамматические категории.

Под категорией миративности (в балканистике — адмиративности) в современном языкознании широко понимается семантическая категория, выражающая эмоцию удивления со стороны говорящего в отношении пропозиции, поскольку сообщаемый факт произошёл неожиданно для говорящего: либо при приобретении нового знания, которое противоречит уже у него имеющемуся, либо при внезапном приобретении информации, обычно при его непосредственном наблюдении. Данная категория связана с понятиями реакции говорящего, а также горизонта ожидания.

Привычными средствами для выражения миративности во многих индоевропейских языках является интонация и лексические средства (*surprisingly*, *wow*, *оказывается*, *где слыхано*), однако для языков с грамматикализованной категорией эвиденциальности характерны более сложные типы взаимоотношений миративности с грамматической системой (*-па-* в кечуа, *перфект* в эквадорском испанском, *бил* в болгарском (1), т. д.).

(1) Колко съм бил (=PRS ADM: 1SG:M) наивен!

‘Как же я, оказывается, наивен!’

(Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке. 2006)

Несмотря на то, что сам термин *mirative* был впервые использован Р. Якобсоном при описании языка *вашо*, новая волна интереса к данному феномену возникла после издания работы С. ДеЛанси «*Mirativity: the grammatical marking of unexpected information*» [Миративность: грамматическое маркирование неожиданной информации] в 1997. В этой и последующих работах ДеЛанси подробно разработал определение значения данной категории преимущественно на материале современного лхасского диалекта тибетского языка (для показателя *‘dug* (2)), с привлечением языкового материала языков *каре*, *сунвар*, а также *корейского* и *турецкого* языков.

(2) *nar d`nul tog-tsam h.dug*

я-OBL деньги немного быть-TES

‘У меня есть немного денег [к моему удивлению]!’

[DeLancey 1997: 44]

Однако трактовка ДеЛанси показателя *‘dug* как исключительно миративного маркера породила целую научную дискуссию в кругах тибетологов. Наиболее заметной стала полемическая статья Н. Хилла в *Linguistic Typology* от 2012 года «“*Mirativity*” does not exist: *h.dug* in “*Lhasa*” Tibetan and other suspects», в которой тот решительно опроверг трактовку *‘dug* как миративного показателя со стороны ДеЛанси, обосновал его характеристику как показателя сенсорной эвиденциальности и даже поставил под сомнение существование самой категории миративности [Hill 2012].

В том же томе журнала *Linguistic Typology* ДеЛанси опубликовал ответную статью под названием «*Still mirative after all these years*», в которой он в подтверждение существования миративности привел множество новых примеров как из лхасского диалекта, так и из других диалектов тибетского языка, а также тибето-бирманских языков. В то же время он частично признал критику и скорректировал свою позицию относительно того, что показатель *‘dug* —

это в первую очередь показатель «непосредственной» эвиденциальности (immediate evidential), а потому не является «чистым» миративом [DeLancey 2012: 24].

Несмотря на критику позиции ДеЛанси в тибетологических кругах, многие специалисты в этой сфере также отмечают наличие миративного значения в отдельных речевых ситуациях у показателей прямой, или сенсорной, эвиденциальности в тибетском языке: «Если *yod* часто подразумевает, что рассматриваемое положение дел имеет место обыкновенно или было таким в течение значительного периода времени, то *‘dug*, напротив, часто относится к конкретному, даже мгновенно возникшему положению дел и часто передает чувство удивления, новизны или открытия» [Denwood 1999:122].

- (3) *kho-la deb ‘dug*
он-ЛОС книга есть
‘(Я вижу, что) у него есть книги.’/’О, у него есть книги!’ (засвидетельствовано; обнаружение) [Denwood 1999: 122]

Кроме того, помимо расширенного семантического значения у показателей сенсорной эвиденциальности в случаях, обсуждаемых выше (2), (3), в лхасском диалекте тибетского языка присутствует отдельная копула *red bzhag (re’-sha’)*, обозначаемая Н. Турнадором как *revelatory* ‘разоблачительная’ (4):

- (4) *nyonpa re’-sha’*
сумасшедший есть.MIR
«Эй, да он сумасшедший! [Я это только что понял]» [Tournadre 2003: 120]

Статус миративности в тибетском языке не является на сегодняшний день однозначным или даже очевидным. В рамках фонетического сдвига, в большинстве тибетских идиомов (в особенности в восточных и центральных диалектах тибетского языка, к которым принадлежит и лхасский диалект) произошла редукция инициалей и финалей слогов с последующим постепенным отмиранием флективной системы глагольных спряжений старотибетского языка. В результате в них сформировались сложные аналитические глагольные системы, посредством которых стало возможна грамматическая реализация не только ТАМ (время-аспект-залог), но и эвиденциальности, эгофоричности, эпистемической модальности и даже миративности.

Категория миративности, выражаемая в лхасском диалекте тибетского языка как в виде самостоятельного грамматического показателя, так и в виде дополненного семантического значения к показателям прямой, или сенсорной, эвиденциальности, сближается с существующими в данном идиоме категориями эгофоричности, эвиденциальности и эпистемической модальности. Общий знаменатель значениям неуверенности, новизны информации и оценки качества информации, как кажется, может предоставить понятие «эпистемического авторитета» (epistemic authority, см. [Bergqvist 2020. Epistemic perspectives: evidentiality, egophoricity, and engagement (introduction)]), в рамках которого говорящий осуществляет выбор тех или иных средств в зависимости от его личного доступа к информации, вовлеченности в описываемую ситуацию и готовности нести персональную ответственность за сообщаемые сведения.

Литература

- DeLancey S. Still mirative after all these years // *Linguistic Typology* Vol. 16 (3). P. 529–564, 2012.
Denwood P. *Tibetan*. Amsterdam: Benjamins. 1999.
Hill N. W. “Mirativity” does not exist: *h.dug* in “Lhasa” Tibetan and other suspects. // *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. P. 389–433.
Tournadre N.; *Rdo-rje Gsañ-bdag*. Manual of Standard Tibetan: language and civilization. Ithaca; New York: Snow Lion Publications. 2003.

Матханова Ирина Петровна

*д-р филол. наук, профессор, кафедра современного русского языка и методики его преподавания,
Новосибирский государственный педагогический университет;
matkhanova@mail.ru*

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ КЛЮЧ НАУЧНОГО ТЕКСТА И ПРОБЛЕМЫ КОРЕФЕРЕНЦИИ

Ключевые слова: функциональная грамматика, референциальный ключ текста, научный текст, кореференция.

В сфере внимания функциональной грамматики петербургской школы находятся не только система разноуровневых средств, объединенных общей семантической функцией, высказывание, но и целостный текст. Одним из инструментов его изучения является понятие текстового ключа, введенное А. В. Бондарко [Бондарко 2001]. Текстовый ключ в данном случае понимается как «категориальная доминанта текста», определяющая «вероятностные закономерности выбора категориальных характеристик отдельных высказываний», выбора и интерпретации тех или иных форм. А. В. Бондарко сосредоточивается на тех «ключях текста», которые соотносятся с одноименными функционально-семантическими полями (модальных, аспектуально-темпоральных, персональных и др.). Представляется, что можно этот перечень продолжить, включив в него референциальный ключ текста, предопределяющий выбор номинаций и форм, соответствующих тому или иному типу референции.

Референция, ее типы, средства выражения, смысловые структуры глубоко и всесторонне исследованы в современной лингвистике (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев и др.). При этом рассматриваются не только конкретный, но и неопределенный, и обобщенный типы референции; а кроме того, субъектно-объектная, темпоральная, пространственная, модальная, качественно-количественная области референции (см. обзор в работе С. В. Власенко [Власенко 2010]).

В последнее время в лингвистике уделяется внимание референциальным аспектам текста, главным образом художественного, хотя упоминаются и другие (публицистический, научный, официально-деловой). В этом случае в центре внимания находится явление кореференции, под которой вслед за Е. В. Падучевой [Падучева 2008: 135] понимаем «вид текстовой или синтаксической связности, при которой две или более номинативных (именных) групп называют один и тот же объект (референт)».

Однако при характеристике кореференции в центре внимания чаще всего оказываются конкретные референты, практически не рассматривается связь между другими типами референтов, рассматривается главным образом сфера субъектно-объектных отношений (за исключением работ по автоматической разметке текстов).

В научном тексте, как правило, характеризуются не индивидуальные, а общие явления, их таксономические классы, и поэтому обобщенный тип можно считать референциальным ключом такого текста, предопределяющим интерпретацию имен и именных групп как общеродовых, часто независимо от формы их представления.

Итак, необходимо изучить специфику кореференции в научном тексте: установить особенности связей между классами объектов или явлений с использованием понятия референциальный ключ текста.

Материалом послужили научные тексты разных жанров и специальностей (гуманитарных, естественных, математических и др.) в количестве более 400 фрагментов.

В результате анализа эмпирического материала было установлено, что референциальный ключ научного текста, предполагающий соотношение с классом предметов или явлений, обуславливает специфику номинаций, называющих классы, а также кореферентные связи между такими номинациями.

Общеродовой референт чаще называется многочленной номинацией (леса высокой природоохранной ценности; группа элиминарных структурных элементов российской экономики; произвольные коммуникативные движения; стратегия вербализации самопохвалы), в научном тексте при такой номинации часто используются определители: класс / подкласс, вид / подвид, группа / подгруппа, тип / подтип, разряд / подразряд, семейство/ подсемейство, таксон и др.: ... все таксоны в семействе *Cylindroteuthidae* группируют в два подсемейства. Однословные номинации в форме ед.ч. при отсутствии определителей благодаря референциальному ключу научного текста прочитывается как номинация класса: кибержертва — это потерпевший от любых преступлений; сборно-монолитная конструкция представляют собой...; Равнобедренным именуется треугольник, при коего 2 края одинаковы.

В анализируемых текстах для выражения отношений кореференции между одинаковыми классами равно используются языковые средства, употребляемые для кореференции конкретных явлений (местоимения этот, тот же, он (она), нулевой показатель (пропуск), выражения анализируемый / изучаемый / рассматриваемый и нек. др), но встречаются и специфические: неполное его наименование (В ходе выполнения настоящей работы были синтезированы моно-, бис- и трискомплексы Pr, Nd, Sm, Er с L-глутаминовой кислотой → монокомплексы были получены); аббревиатуры (леса высокой природоохранной ценности → ЛВПЦ, гидроксиды редкоземельных элементов → РЗЭ); количественные и порядковые числительные: ЛВПЦ 5 — территории, необходимые для существования местного населения, ЛВПЦ 6 — территории, необходимые для сохранения самобытных культурных традиций; Пятый и шестой типы ЛВПЦ можно отнести к социальным (М. Тысячнюк, А. Кулясова); местоименные наречия сюда же, туда же: К ЛВПЦ 6 относятся места боев... Сюда же относятся места массовой гибели людей во время репрессий (М. Тысячнюк, А. Кулясова) и нек. др.

Таким образом, особенностью научного текста, с его стремлением к типизации и классификации, является общеродовой референциальный ключ текста, предопределяющий и специфику кореференции, при которой используются как те же средства, что при установлении связей между конкретными объектами, так и особые, характерные только для класса явлений. Для научного текста характерна апелляция к общим внеязыковым условиям выделения класса объектов, что является перспективой исследования.

Литература

- Бондарко А. В.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 4–13.
- Власенко С. В.* Текст как объект референции // Вопросы психолингвистики. 2010. Вып. 1 (11). С. 115–132.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: URSS, 2008. 291 с.

Первунина Светлана Ивановна

аспирант, кафедра современного русского языка и методики его преподавания,
Новосибирский государственный педагогический университет;
pervuninas@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЭКСПЛИКАЦИИ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ СТАТУСОВ СУБЪЕКТОВ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Ключевые слова: русские пословицы, референция, референциальные статусы субъектов, формы второго лица, носитель предикативного признака.

Большинство лингвистов (В. К. Тарланов, Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, И. Н. Смирнов и мн. др.) квалифицируют пословицы как тип текста, обладающий наивысшей степенью обобщения (генерализованная референция). В то же время в ряде исследований (О. Е. Фролова, Л. Б. Кацюба и др.) отмечают в них наличие субъектов с разными референциальными статусами, но без детальной их характеристики.

Представляется важным установить механизмы, эксплицирующие референциальные статусы субъектов в пословицах с формами второго лица, которые обладают значительной спецификой.

Материалом исследования послужили пословицы в количестве более 650 единиц, извлеченные из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа».

Исследование базируется на теории категориальных ситуаций А. В. Бондарко, теории референции Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, а также на работах О. Е. Фроловой, Н. А. Дьячковой и Л. Б. Кацюбы, посвященных изучению структуры пословичных текстов.

В центре внимания находятся пословицы, характеризующие человека, построенные по модели простого предложения.

В результате исследования были выявлены пословицы, содержащие: 1) один семантический субъект, или носитель предикативного признака (НПП1, встречающийся в обобщенно-личных предложениях [Бондарко 1992: 58–63]): Не споруйся ни с тюрьмой, ни с сумой; Стоя без шапки, много не наговоришь; 2) два семантических субъекта (НПП1 и НПП2, выражаемый формами дополнения [там же]): У скупого и в крещенье льду не выпросишь; Попа и в рогоже узнаешь.

Каждый из типов обладает своими референциальными механизмами, ранжирующими статус субъекта.

1. В пословицах с одним недискретным семантическим субъектом, отражающих обобщенно-личную ситуацию, реализуется наивысший, генерализованный тип референции, хотя можно выделить несколько разновидностей: а) наивысший референциальный статус субъекта фиксируется в пословицах при наличии дополнительных показателей обобщения, в том числе кванторов всеобщности, абстрактных существительных и при отсутствии ограничений: Всякого слушай, никому не поддавайся; С верой нигде не пропадешь; Добро наживай, а худо избывай; б) в пословицах, фиксирующих поведение субъекта в ситуациях, ограниченных какими-либо условиями, наблюдается некоторое понижение ранга субъекта: Назвавшись груздем, полезай в кузов; Без труда не вынешь и рыбку из пруда.

2. В пословицах, содержащих два семантических субъекта, простое предложение включает две пропозиции: 1) действия невербализованного обобщенного субъекта и 2) характеристики и её субъекта, ср.: Лукавой бабы и в ступе не истолчешь. Лаконичность как свойство пословицы приводит к компрессии, при которой невербализованный обобщенный субъект действия выражен формой второго лица глагола (не истолчешь), а субъект характеристики (атрибутивный определитель — лукавая баба) называет его качество, являясь «включенным предикатом» [Дьячкова 2001: 24]. Как показывает анализ материала, пропозиция характеристики может быть имплицирована и при отсутствии атрибутивного определителя: У приказного за рубль правды не купишь.

Референциальный статус субъекта характеристики, как правило, можно отнести к общеродовому (по А. Д. Шмелеву [Шмелев 2002: 78]), присущему определенной группе лиц.

Внутри общеродового типа референции, свойственного субъекту характеристики, также можно наметить определенное ранжирование.

Общеродовой статус субъекта характеристики выражается антропонимами (в прямом употреблении), включающими имена нарицательные по гендерному признаку, по личностным качествам, по роду деятельности и пр.: За бабой покидай последнее словцо; От лихого не услышишь доброго слова; Порожними руками с судьей не сговоришь.

Повышение общеродового статуса субъекта характеристики достигается в случае условной референции (несколько иная трактовка дана О. Е. Фроловой [Фролова 2007: 59]), которую передают: а) имена нарицательные, составляющие семантические группы по внешним данным: На слепого очков не подберешь; Кривого кривым не исправишь; б) собственно переносное употребление имен, при котором характеристика человека дается через зоонимы (волк, змея и пр.), предметные существительные (печь, пень и пр.): Змею выше глаз не поднимай; Не пугай сокола вороной!; У холодной печи не согреешься.

Что касается субъекта действия, то его референциальный статус в анализируемых пословицах также квалифицируется как общеродовой, поскольку действие совершает не любой субъект, а тот, который взаимодействует с субъектом характеристики: Бабу не переговоришь.

Таким образом, выявленные в результате исследования референциальные статусы субъектов позволяют констатировать их сложное референциальное ранжирование, обеспечиваемое рядом специфических механизмов.

Литература

- Бондарко А. В.* Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 29–71.
- Дьячкова Н. А.* Полипропозитивные структуры в сфере простого предложения. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2001. 259 с.
- Фролова О. Е.* Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: ЛКИ, 2007. 317 с.
- Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 483 с.

Пучкова Анастасия Ильинична

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
aachgir@gmail.com

ПАРАМЕТРЫ ВАРЬИРОВАНИЯ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ ЧАСОВОГО ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКАХ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: ареальная типология, часовое время, универсалии, языки Европы, языки Евразии.

В докладе рассматриваются конструкции, обозначающие часовое время. Под такими конструкциями мы понимаем выражения, содержащие указание часа и отвечающие на вопрос «когда?» или «сколько времени? / который час?». Например,

- (1) Давай встретимся в шесть часов.
- (2) Je viendr-ai à six heure-s (фр.)
я приходить.FUT-1SG PREP шесть час-PL
'Я приеду в шесть часов' PREP
- (3) It is half past eight (англ.)
это БЫТЬ.3SG половина после восемь
'Сейчас полдевятого'

Следует отметить, что исследование посвящено преимущественно «бытовому» способу обозначения часовому времени, а не «цифровому»: иными словами, нас в большей интересуют конструкции вроде без пяти шесть, чем семнадцать пятьдесят пять. Предполагается, что последний способ обозначения времени возможен во всех языках развитых сообществ (что может быть обусловлено необходимостью точного обозначения времени, когда речь идёт о расписаниях). При этом кажется, что языки не демонстрируют большую вариативность в обозначении времени таким способом.

Отправной точкой настоящего исследования стали универсалии, предложенные М. Хаспельматом в 2014 г. [Haspelmath 2014], а также магистерская диссертация А. И. Пучковой [Пучкова 2019]. М. Хаспельмат, основываясь на данных неопубликованной магистерской диссертации Аннкатрин Уэтт [Wett 2014], выявил 10 универсалий выражения точного часового времени в языках Европы. В диссертации А. И. Пучковой приводится анализ универсалий, предложенных Хаспельматом, а также рассматриваются другие свойства конструкций, обозначающих часовое время в языках Европы. В данной работе расширяется список параметров, различающих способы обозначения времени, а объектом являются языки более крупного языкового ареала.

Выборка языков была составлена по принципу convenient sample: в неё попали крупные и хорошо описанные языки. Составление такой выборки было обусловлено маргинальностью изучаемой темы: как правило, способы обозначения часового времени не включаются в описательные грамматики языков, но включаются в учебные пособия, которые составляют преимущественно для крупных языков. Всего было проанализировано 45 языков разной генеалогической принадлежности. В результате анализа обозначения бытового времени в языках, включённых в выборку, был составлен список параметров варьирования:

- 1) наличие специальных слов для обозначения частей часа (четверть, половина, три четверти и т. п.);
- 2) обозначение ровного часа при ответе на вопрос «когда?» — используемое формальное средство, а также его использование в других лексико-семантических областях, прежде всего, сопоставление средства, используемого при выражении времени с конструкциями места (с опорой на [Haspelmath 1997]; например, формальное совпадение в русском языке конструкции в шесть часов с конструкциями, обозначающими направление, — в Лондон);

- 3) обозначение времени в первой половине часа: порядок упоминания минут и часов, ориентация на предыдущий / следующий час, а также используемое формальное средство и его семантика;
- 4) обозначение времени во второй половине часа: порядок упоминания минут и часов, ориентация на предыдущий / следующий час, а также используемое формальное средство и его семантика;
- 5) обозначение половины часа: совпадение конструкции с обозначением времени в первой / второй половине часа или наличие отдельной конструкции;
- 6) возможность обозначения времени относительно половины часа (например, в чешском *pět minut po půl čtvrté* (досл. 'пять минут после половины четвертого'));
- 7) разряд используемых при обозначении времени числительных (количественные/порядковые), а также другие особенности используемых числительных (например, разный набор числительных для обозначения часов и минут в корейском языке);
- 8) обозначение времени при ответе на вопрос «сколько времени?»: используемый глагол / другое средство;
- 9) совпадение / несовпадение слова 'час' для обозначения времени и для обозначения промежутка времени (ср. *hour* и *o'clock* в английском);
- 10) наличие деления суток на промежутки (например, на две части (AM / PM) в английском, на 4 части в тайском и т. п., включая деление на утро / день / вечер / ночь).

Исследование показало, что данные параметры не распределяются среди языков случайным образом. Языки Европы демонстрируют схожие модели обозначения часового времени, что может быть обусловлено тесным контактом языков, а также большей плотностью распространения. При этом основное различие в использовании стратегии образования времени лежит между языками в северной и южной части Европы. Так, по многим параметрам оказываются объединены романские языки, языки Балканского языкового союза и армянский язык. Кроме того, параметры, особенно характерные для меньшинства языков Европы, распространяются на соседствующие языки. Так, использование половины часа в качестве ориентационной точки характерно для чешского, голландского, немецкого языков, а также эстонского, северносаамского, норвежского и шведского.

Выявить ареальные черты языков Азии в рамках данного исследования не удалось. Для получения более точной ареальной картины требуется расширение выборки языков, распространённых в Азии. Тем не менее, данные, полученные в исследовании позволяют сделать следующий вывод: большинство конструкций, встречающихся в языках Азии, устроены похоже на европейские конструкции, что позволяет говорить том, что языковые универсалии, выведенные в [Haspelmath 2014] и [Пучкова 2019], свойственны не только языкам Европы, но более широкому языковому ареалу.

Литература

- Пучкова А. И.* Конструкции, обозначающие часовое время и части суток, в языках Европы. Выпускная квалификационная работа магистра. Санкт-Петербургский государственный университет, 2019.
- Haspelmath M.* From space to time // *Lincom. Studies in Theoretical Linguistics*. 1997. Vol. 3. 182 p.
- Haspelmath M.* Clock-time expressions in the colloquial language: some suggested universals. URL: <https://dlc.hypotheses.org/698> (дата обращения: 15.01.2024).
- Wett A.* Uhrzeitbezeichnungen im Sprachvergleich. MA thesis, Leipzig University, 2014.

Толмачева Гульнара Салаватовна

аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет;
преподаватель русского языка как иностранного,
Китайский нефтяной университет (Пекин) Кампус Карамай (КНР);
15899123417@163.com

СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ КАК ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОМПАРАТИВНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

Ключевые слова: сравнительно-уподобительные наречия, функциональная грамматика, функционально-семантическое поле компаративности, структура сравнения.

Сравнительно-уподобительные наречия (далее — СУН) исследованы в современной лингвистике недостаточно, главным образом их рассматривают в составе других групп наречий (В. В. Виноградов, Ф. И. Панков, А. В. Дегальцева и др.), за исключением нескольких статей (Е. Н. Девятова, Е. В. Огольцева, Л. В. Разуваева), в которых отсутствует их характеристика как элемента функционально-семантического поля. СУН, по нашему мнению, можно включить в ФСП компаративности [Бондарко 1996], в периферию микрополя равенства [Берков 1996], так как в них содержится логическая структура сравнения (объект сравнения, эталон сравнения, отношение / основание сравнения) в свернутом виде, и этим они отличаются от других компонентов поля компаративности. Вследствие компрессии, характерной для данных слов, объект сравнения находится в высказывании за пределами СУН, а основание сравнения, которое может включать несколько признаков, часто имплицитруется.

Анализ высказываний, содержащих СУН, с опорой на понятия категориальной ситуации, разработанной А. В. Бондарко, позволяет выявить специфику этих слов как периферийного компонента поля компаративности. Для актуализации нецентральных компонентов поля в высказывании требуются большие усилия контекста, чем для центральных, поэтому необходимо определить условия реализации семантики сравнения при помощи СУН.

Материалом для исследования послужили слова одной из групп СУН: отражающие военную тематику (далее — СУН ВТ), которые в свою очередь подразделяются на три группы: а) характеризующие поведение людей как свойственное представителям воинских званий и должностей (по-командирски, по-гусарки, по-ефрейторски и др.); б) характеризующие действия на определенных военных территориях и в определенных условиях (по-казарменному, по-фронтному, по-окопному); в) характеризующие действия как свойственные различным видам и родам войск (по-пехотному, по-кавалерийски, по-десантному) и др. Словник СУН ВТ составляет 54 единицы, а картотека высказываний с ними, извлеченных из Национального корпуса русского языка и путем направленного поиска в интернет-источниках — 2500.

В результате анализа материала установлено, что объект сравнения является основным параметром, предопределяющим вариативность подобных высказываний.

В качестве объекта сравнения в выражениях с СУН ВТ выступает действия / поведение / характеристика лиц (имеющих отношение к военной службе и гражданских) и не-лиц (животных, предметов, абстрактных понятий), например, Несколько генералов, по-солдатски преданных царю, так же по-солдатски стояли и за конституцию, потому что такова была царская воля (М. А. Алданов); Ведь картину-то хотел сделать о юном, о том, что он чувствовал, что думал в это не по-фронтному тихое утро (Б. Неменский).

В первой группе высказываний с СУН ВТ, характеризующих действия лиц, компаративная структура проявляется в более полном виде, основанием сравнения выступают: внешний вид, речь, типовое поведение военных (подтянутость, четкость в словах и движениях, прямолинейность) и другие признаки, наиболее прочно связанные с военной сферой и устойчиво воспроизводимые в сознании носителей языка, например, Так это вы, политики, должны об-

уздать американцев, — выпалил маленький, по-офицерски выпрямленный, ершистый десантник (А. Грешневиков); — Она села на лавку, как бы приготовившись к долгой беседе, но сидела все так же гвардейски прямо (О. М. Куваев. Кто-то должен курлыкать).

Основания сравнения могут отсутствовать, если говорящий считает, что они понятны адресату, но могут быть вербализованы различными языковыми средствами: Первый говорит мягко..., последний — категорично, по-военному отчеканивая фразы (П. Долгоруков).

Наблюдаются некоторые различия между высказываниями, в которых объектом сравнения является поведение военных и невоенных лиц: в последнем случае чаще присутствует отрицательная оценка: грубый по-солдатски, бесцеремонный по-фронтовому; положительные оценки чаще связаны с переносным употреблением СУН: портрет написан по-снайперски точно, энергично по-боевому, по-военному срочно взяли за перевод.

В высказываниях второй группы, где объектом сравнения выступают «не-люди», СУН ВТ претерпевают наибольшую модификацию: семантика сравнения может быть нейтрализована (в названиях блюд: макароны по-флотски, суп по-капитански), наблюдается метафоризация, вид предмета сравнивается с видом военнослужащих (церковь не по-солдатски красива) или с событиями военного времени (по-военному оживленное шоссе), реже встречается употребление, аналогичное другим типам высказываний.

Для каждой группы рассматриваются способы экспликации основания сравнения.

Таким образом, в результате исследования СУН считаем периферийным компонентом, входящим в ФСП компаративности, так как они, сохраняя общую структуру сравнения (благодаря своей словообразовательной модели, содержащей эталон сравнения в мотивирующем, а отношения сравнения в форманте по- + -ски/-ому), восполняют объект сравнения и основание сравнения из окружающего контекста.

Анализ высказываний СУН ВТ позволил выявить систему субкатегоризации с опорой на объект сравнения, который предопределяет семантические процессы прямого сравнения, метафорического или нейтрализации сравнения.

Литература

- Берков В. П.* Компаративность // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. С. 5–129.
- Бондарко А. В.* Качественность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. С. 5–7.

Юань Линь

канд. филол. наук, старший преподаватель,
Цзянсуский научно-технический университет

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ КАТЕГОРИЙ НАЧАЛО И КОНЕЦ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: семантическая категория, единство противоположностей, оппозиция, начало и конец.

Бинарную оппозицию в изучение лингвистики ввел Н.С. Трубецкой. По его мнению, существуют два способа противопоставления: 1) эквиполентные, или равнозначные оппозиции, когда противопоставляющие компоненты находятся в равных отношениях, например, категория падежа и т. п.; 2) привативные оппозиции, или бинарные оппозиции, когда один из противопоставленных компонентов имеет какую-то особенность, а другой ее не имеет, и в то же время этот компонент с особенностями может выражать не только свои свойства, но и свойства противопоставленных ему компонентов, такие как категория времени, категория рода имен существительных и т. п. Эти отношения являются основой и первым элементом построения грамматических категорий, но в семантических категориях единство противоположностей приобретает другой смысл. Бинарно противоположенные семантические категории понимаются как «две одновременно противоположенные и единые семантические категории, которые не только семантически, но и формально независимы друг от друга, противопоставляются друг другу, в то же время взаимосвязаны и взаимозависимы, образуя единое единство противоположностей».

«Начало» и «конец» как самые элементарные характеристики действия или события являются, по сути, двумя отдельными семантическими категориями, поскольку обе имеют свои семантические типы и средства выражения, однако они неотделимы друг от друга: «начало» и «конец» всегда сопутствуют друг другу, имеют крайне антонимический оттенок, но вместе с тем связаны друг с другом, определяют друг друга, служат отправной точкой, критерием и соразмерны друг другу. Таким образом, можно утверждать, что между ними сложилось единство противоположностей, которые одновременно взаимосвязаны и отличаются друг от друга.

Во-первых, семантически «начало» и «конец» обозначают стадии действия или события от ничего к чему-то и от чего-то к ничему соответственно: первое символизирует возникновение, а второе — угасание; первое — расширенное и ориентированное на результат, а второе — конечное и целенаправленное; «конец» в русском и китайском языках часто имеет также значение «весь отрезок от начала до конца» во времени и пространстве. Таким образом, они относятся к разным семантическим категориям, со своими семантическими характеристиками и семантическими типами. Однако противопоставление «начала» и «конца» в этих отношениях никак не влияет на их единство, поскольку они являются смысловыми проявлениями ограниченности, объективности, субъективности и динамичности.

Во-вторых, с точки зрения формы выражения, большинство лексических единиц или идиом, выражающих значения «начало» и «конец», могут быть симметричными по отношению друг к другу, представляя собой антонимы. Однако, анализируя средства выражения значений «начало» и «конец» в двух языках, нетрудно обнаружить, что некоторые из них могут выражать оба значения одновременно, как, например, совершенный вид в русском языке или «了» (лэ), а также перекрывающаяся структура глаголов в китайском языке. В результате анализа можно установить, что именно совокупность начала и конца обуславливает существование этих общих средств выражения, поэтому, с точки зрения наблюдателя, если мы отдаем предпочтение описанию одного значения начала или конца, мы можем рассматривать совершенный вид в русском языке или «了» (лэ) и перекрывающуюся структуру глаголов в китайском языке как средства выражения только значения начала или только значения конца; тогда как если мы предпочитаем показать совокупность начала и конца, эти средства выражения можно рассматривать как выражающие все фазы действия или события. Таким образом, применение и по-

нимание этих средств выражения не может быть отделено от конкретного контекста. Кроме того, формальное единство «начала» и «конца» может быть отражено в многозначной природе и лексической поляризации аффиксов в русском языке.

В-третьих, мы описываем единство противоположностей «начало» и «конец» в русской и китайской культурах с точки зрения мифов, философских категорий и религиозных верований. Существует резкий контраст между сакральностью, благодатью и мудростью, представленными «началом», и болью и тьмой, представленными «концом», и в то же время оба они цикличны: «конец всего — это начало существования другого объекта или действия». Все это говорит о том, что в русской и китайской культурах эти две категории в их конкретном понимании противостоят и нейтрализуют друг друга, а вместе они выстраивают каркас всего явления или бытия.

В-четвертых, «начало» и «конец» являются неотъемлемыми компонентами категории фазовости. Несмотря на то, что в русском языке существует множество различных классификаций категории фазовости, неоспоримым является тот факт, что «начало» и «конец» являются обязательными для любой классификации, и что они представляют собой первую и последнюю фазы действия или события, независимо от того, анализируются ли они с точки зрения внутреннего или внешнего времени, а их противопоставление и единство в категории фазовости составляют целостность действия или события.

В-пятых, использование понятий «начало» и «конец» в дискурсе также отражает высокую степень единства противоположностей. При оформлении статьи, во-первых, «начало» направляет содержание статьи и доносит до читателя основную информацию главы; во-вторых, описание от «начала» до «конца» лучше отражает целостность главы и повышает логичность статьи; наконец, полное описание действия или событий позволяет отразить взлеты и падения главы от «начала» до «конца», что способствует подчеркиванию динамичности статьи, а значит, и повышению динамичности и читаемости речи.

Атугодаге Марк Махешевич¹, Митрофанова Ольга Александровна²

¹аспирант, кафедра математической лингвистики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st097409@student.spbu.ru

²канд. филол. наук, доцент, кафедра математической лингвистики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.mitrofanova@spbu.ru

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ СЛОЖНОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Ключевые слова: корпуса юридических текстов, сложность, диахронические исследования.

Существует довольно распространенное в лингвистическом сообществе мнение о том, что естественный язык в процессе своего функционирования стремится к упрощению. В научной литературе подобное стремление к изменению сложности текстов объясняется тенденцией к экономии языковых средств. В лингвостатистических исследованиях для оценки сложности применяются разнообразные количественные метрики, которые позволяют формализовать сложность как параметр текстов.

Цель нашего исследования — определить, как изменяется сложность юридического языка, представленного в текстах нормативных правовых актов (законов, постановлений, приказов. Под юридическим языком будем понимать исторически обусловленную и поддерживаемую в социуме систему лингвистических приемов, используемых в правовых ситуациях [Шепелёв 2023]. В области юриспруденции язык может быть подвержен не столько естественным для него тенденциям, сколько влиянию определенных государственных структур (например, если мы говорим про постановления Верховного Суда, это может быть влияние Министерства юстиции), общей политической ситуации, и, самое главное, уровня юриспруденции в стране. Например, если сравнить законы и документы позднего периода в истории Российской Империи (правление Александра III и Николая II) и советской эпохи, то можно выдвинуть гипотезу о том, что в Российской Империи юридический язык был проще, чем в СССР.

Юридические тексты в аспекте сложности представляют большой интерес для разработчиков специализированных корпусов. В нашем исследовании были учтены результаты, полученные научными группами О. В. Блиновой, Д. А. Савельева, И. В. Бегтина и других ученых. В докладе представлены результаты экспериментов по изучению сложности современных русскоязычных юридических текстов в диахронии. Исследование в целом охватывает 31 год из истории современной России: с 1991 по 2022 гг. В экспериментах использовались два корпуса. Первый источник — это корпус юридических текстов Д. А. Савельева (1991–2018 гг.), из которого использовались 6983 документа, состоит преимущественно из текстов поправок к законодательным документам [Савельев 2018]. Второй источник — это корпус, собранный авторами доклада и охватывающий самые важные документы, опубликованные с 2009 по 2022 гг. в интернет-ресурсе «Российская Газета», который является официальным печатным органом российских законов (в экспериментах использовались 2962 документа) [Митрофанова, Атугодаге 2023]. В данном корпусе наблюдается разнообразие типов юридических текстов, поскольку в нем присутствуют как законы, так и постановления, поправки, приказы, указы и т. д.

При анализе сложности современных юридических текстов применялись метрики, известные в компьютерной лингвистике как индексы удобочитаемости (readability indices), разрабо-

---

Ответственный редактор: канд. филол. наук *М. В. Хохлова*.

тываемые для исследования учебных текстов, но применимые к текстам разных стилей и тематики, в том числе, и в юриспруденции. Индексы удобочитаемости учитывают следующие лингвостатистические параметры текстов: средняя длина предложения в словах, средняя длина слов в графемах и в слогах, лексическое разнообразие текстов, доля *hapax legomena* и т. д. Среди использованных нами индексов заслуживают упоминания следующие: (1) «индекс класса» Флеша–Кинкейда (Flesch–Kincaid Grade Level, FKGL), (2) формула удобочитаемости Дейла–Чалла (Dale–Challe), (3) индекс Колман–Лиану (Coleman–Liau index), (4) индекс наводящего тумана (Gunning Fog index) [Ivanov, Solnyshkina, Solovyev, 2018]. При количественной обработке результатов экспериментов было применено гауссовское сглаживание, позволяющее снизить влияние резких скачков значений индексов на общую картину их динамики.

Полученные в ходе экспериментов результаты, полученные с помощью «индекса класса» Флеша–Кинкейда, индекса Колман–Лиану и индекса наводящего тумана, указывают на то, что в юридическом языке законов современной Российской Федерации есть тенденции к упрощению, хотя в 2020–2021 гг. было временное увеличение сложности почти всех типов правовых текстов. Вместе с тем, в текстах приказов, постановлений и поправок имеется обратная тенденция. В отличие от приведенных выше трех индексов, индекс Дейла–Чалла указывает на усложнение всех типов юридических текстов. Возможная причина — это зависимость данной метрики от списка «сложных» с точки зрения восприятия слов, которые задаются в виде лексического минимума, ориентированного на изучающих язык, а не на узких специалистов, работающих с юридическими текстами.

Помимо наблюдений о различиях в изменении сложности законов и прочих юридических документов была проверена гипотеза о наличии связей между примененными нами индексами удобочитаемости. С этой целью была произведена кластеризация индексов удобочитаемости — иными словами, была оценена корреляция между значениями индексов с помощью коэффициентов корреляции Кендалла и Пирсона, в результате чего построена матрица корреляции. Полученные результаты свидетельствуют о том, что формула удобочитаемости Дейла–Чалла значительно выделяется по изменению значений в сравнении с другими индексами.

Данное исследование представляет интерес как для компьютерных лингвистов, так и для специалистов в области теории языка, историков и юристов. Обсуждаемые результаты предоставляют информацию о фактах развития юридического языка и правовой культуры в целом.

Литература

- Митрофанова О. А., Атугодаге М. М. Динамическое тематическое моделирование русскоязычного корпуса юридических документов // *Terra Linguistica*. 2023. Т. 14, № 1. С. 70–87.
- Савельев Д. А. О создании и перспективах использования корпуса текстов российских правовых актов как набора открытых данных // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 1. С. 26–44.
- Шепелёв А. Н. Характеристика юридического языка // *Социально-экономические явления и процессы*. 2012. № 1. С. 217–221.
- Ivanov V. V., Solnyshkina M. I., Solovyev V. D. Efficiency of Text Readability Features in Russian Academic Texts // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue 2018»*. 2018. Vol. 17. P. 277–287. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/4302/ivanovvv.pdf>

Бердникова Татьяна Владимировна

канд. филол. наук, доцент, заместитель начальника отдела лингвистических экспертиз,
Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России;
syntax2@yandex.ru

ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ/ НЕСОГЛАСИЯ В ДИАЛОГАХ С КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

Ключевые слова: диалогическая речь, лингвистическая судебная экспертиза.

Коммуникация считается эффективной если в ее результате достигнуто согласие между собеседниками.

Существует множество подходов к изучению понятия согласия / несогласия. Первый рассматривает его как речевой акт, второй — как речевой жанр, третий — как стратегии и тактики, следующий — как категорию. Таким образом, статус согласия/ несогласия является дискуссионным.

В данном исследовании согласие/несогласие рассматривается на материале «криминального» диалога, т.е. диалога, «в котором для сокрытия незаконного предмета разговора реализована криптоалическая функция языка. <...> Криминальные диалоги относятся к области не прямой коммуникации, в которой в качестве основного ресурса используется определенный известный коммуникантами заранее код, шифр» [Плотникова 2014: 66].

Нами было проанализировано более 60 таких диалогов. Часть из них зафиксирована в стенограммах устных разговоров, другая часть представляет собой коммуникацию посредством электронного канала связи. Тематика диалогов различная, в основном это материалы, которые являются объектом исследования в экспертизах по делам о взятках, вымогательстве, угрозе, незаконном обороте наркотиков и подобных.

В таких диалогах коммуниканты обычно имеют общее представление о предметах и событиях, которые они обсуждают, общее представление о ситуации. В репликах участников разговоров содержится указание на предшествующие данным разговорам коммуникативные события, что выражено, в частности, в употреблении глаголов в форме прошедшего времени, указании на события в прошлом, например: В прошлый раз ты заходил, прикрываясь там какими-то, а также в указании на наличие разговора в прошлом, например: У нас были предыдущие разговоры с тобой, например, да; Я же тебе вот на прошлом разговоре это я мужикам объяснял; Я в тот раз говорил, и щас говорю и др.

При наличии гармоничного характера взаимодействия, для которого характерны согласованность стратегий и тактик собеседников, взаимоприемлемая тональность общения, достижение взаимопонимания и согласия сторон, средства выражения согласия выражены вербально (в основном коммуникативом «да») и невербально (киванием головы). В диалогах негармоничного типа, который характеризуется такими признаками, как: «1) несогласованностью или даже конфронтативностью речевых стратегий и тактик собеседников; 2) возможностью неприемлемой хотя бы для одного из участников тональности речи; 3) отсутствием подлинной заинтересованности предметом обсуждения и содержанием высказанного; 4) вербальным или паралингвистическим выражением негативных установок по отношению к содержанию речи или к личностным особенностям собеседника; 5) отсутствием эффективного результата коммуникативного акта» [Колокольцева 2001: 169], одновременно содержатся средства выражения согласия и несогласия, представленные вербально и невербально.

Так, в негармоничном диалоге, в котором обсуждается проведение аукционов, представлены показатели согласия и несогласия (наличие коммуникативов «да»/«нет», вводных слов, интонационное выделение высказывания, вопросительны и восклицательные предложения):

М — Если ты не понимаешь, то ты торгуешься с нами. Но всё, что будет сверху, мы у тебя заберём это. Заберём. Я тебе это говорю, заберём. Так или иначе мы у тебя заберём без разницы чем. Вот сейчас ты уже наподнимал нам миллион семьсот, мы отдали свои деньги, свои

деньги просто так переплатили. По одной организации два миллиона, по другой организации переплатили.

В — И в любом случае я эту сумму буду отдавать?

М — Ну, конечно же, да, потому что ты знал, чё ты делаешь. Ты знал, чё ты делаешь. Конечно, да. Конечно, мы будем забирать эти деньги, мы будем забирать эти деньги любым способом, любыми путями. У нас вот тысяча рычагов сейчас перед нами. Или мы их жмём все сразу или мы сейчас с тобой договариваемся.

В — Ты понимаешь, ты мне щас угрожаешь?

М — Я тебе не угрожаю.

В — А что ты говоришь, тысяча рычагов — это что такое?

М — Такими же методами, как и ты. Я тебе не угрожаю, я тебе говорю, потому что ты сейчас со мной разговариваешь и тоже...

В — Мне охота что ли три семьсот вам отдавать? Мне неохота три семьсот отдавать.

М — Для того, чтоб их не отдавать...

В — Да

М — Не отдавай, не отдавай, не отдавай.

В — Я щас лот отдам, потом скажете, нет, ты нам всё равно должен.

М — А я тебе уже это сказал.

Для диалогов с криминалистически значимой информацией важным является наличие имплицитного выражения согласия/несогласия, поскольку диалоги в «криминальной» сфере зачастую имеют целью сокрытие и кодирование информации

Так, в электронной коммуникации в переписке, в которой обсуждается аукцион по продаже ноутбуков, содержится упоминание продукта питания — меда и его вес: И вместе с ноутбуком баночку мёда, 100 грамм.

В контексте переписки упоминание мёда является аномальным, поскольку в предшествующих и последующих фразах участников переписки нет информации о продуктах питания, в том числе о мёде. Таким образом, выражение «баночка мёда, 100 грамм» используется в неподходящем для него, «чужом» контексте, что свидетельствует о сокрытии информации и возможном обозначении денежных средств. Однако точно установить значение данного выражения и квалифицировать число не представляется возможным по причине недостаточной информативности контекста.

Таким образом, в зависимости от характера коммуникативного взаимодействия — гармоничного или негармоничного, а также в зависимости от формы речи — письменной или устной — выделяются такие средства выражения согласия/несогласия, как:

- коммуникативы «да» /«нет» и синонимичные им по значению;
- восклицательные и невосклицательные предложения;
- вопросительные предложения;
- коммуникативно-значимое молчание [Формановская 2012];
- в устных диалогах интонационное выделение высказываний;
- жесты различного характера: коммуникативные, модальные, описательные и др.;
- в случае несогласия: противительные союзы, отрицательные частицы.

Литература

- Колокольцева Т. Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2001. 257 с.
- Плотникова А. М.* Речетворчество в криминальных диалогах // Уральский филологический вестник. Вып. 1. Екатеринбург, 2014. С. 66–72.
- Формановская Н. И.* Коммуникативный контакт. М.: ИКАР, 2012.

Богданова Светлана Юрьевна

д-р филол. наук, профессор,

Педагогический институт, Иркутский государственный университет;

rusjar@mail.ru

РАЗРАБОТКА УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «КВАНТИТАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Ключевые слова: квантитативная лингвистика, учебно-методический комплекс, корпусная лингвистика, количественные методы.

Дисциплина «Квантитативная лингвистика и новые информационные технологии» была введена в учебные планы магистерских программ многих вузов Российской Федерации благодаря Федеральному государственному образовательному стандарту 2010 года (утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 20 мая 2010 г. № 540), в котором данная дисциплина входила в число обязательных (базовая общепрофессиональная часть профессионального цикла). Магистранты направления 035700 Лингвистика должны были изучить данную дисциплину на 1 курсе и сдать экзамен. В следующих федеральных государственных образовательных стандартах, в частности, для направления подготовки 45.02.03 Лингвистика, данная дисциплина отдельно не прописывалась, но во многих вузах осознали ее необходимость в современном мире при подготовке магистрантов языковых профилей.

Необходимо отметить, что сам термин «квантитативная лингвистика» встречался достаточно редко в лингвистических трудах, выдача по электронному поиску данного словосочетания в 2011 году в Российской государственной библиотеке была крайне скудной, в частности, были представлены материалы 2-й Международной конференции по квантитативной лингвистике Qualico-94, проходившей в Московском государственном университете.

Говоря о студентах и магистрантах языковых профилей, нужно отметить, что большинство из них не готовы изучать квантитативную лингвистику по учебнику М. В. Арапова [Арапов 1988], поскольку для понимания изложенного в нем материала необходима дополнительная подготовка в области математики и статистики, которой, как правило, не уделяется время в учебном плане.

Таким образом, возникла необходимость создания доступного и в то же время полезного для будущих лингвистов и преподавателей иностранного языка курса на основе имеющихся материалов. Данный курс не мог быть чисто теоретическим, т. е. состоящим из лекций, так как недостаточно читать и слушать о необходимости количественных методов в лингвистике, необходимо самим работать в существующих программах и осуществлять подсчеты. Так возникла идея проведения лабораторных работ в ходе практических занятий.

Курс лекций был основан на следующей «периодизации» квантитативной лингвистики: 1) доцифровая эпоха (Ф. В. Кединг; А. А. Марков и др.); 2) с 1950-х гг. до корпусной лингвистики (Дж. Гринберг; Б. Н. Головин и др.); 3) корпусная лингвистика (Дж. Синклер; Д. Барбер; Х. Линдквист, Р. Г. Пиотровский и др.). Подобная периодизация позволяет постепенно подготовить магистрантов к тому, что в будущем многим из них придется столкнуться с подсчетами в лингвистике и необходимо за время учебы освоить хотя бы некоторые количественные методы. В курсе обсуждаются такие вопросы как определение связности слов в коллокациях, нормирование, применение хи-квадрат теста и многие другие. Магистранты знакомятся с результатами исследований, в которых применялись количественные методы, для понимания круга задач, успешно решаемых с помощью подобных методов.

Что касается лабораторных работ, было принято решение начинать с использования количественных методов, предоставляемых Национальным корпусом русского языка (НКРЯ), для того, чтобы усвоить основные термины — «лемма», «MI», «ipm», ознакомиться на материале родного языка с морфологической, семантической и синтаксической разметкой и т. д. После выполнения двух лабораторных работ с использованием НКРЯ, магистранты переходили к ра-

боте с англоязычными корпусами British National Corpus (BNC), TIME Magazine Corpus, Corpus of Contemporary American English (COCA), размещенными на сайте <https://www.english-corpora.org/>. За основу были взяты задания, предложенные в учебнике [Lindquist 2010]. Для заключительных лабораторных работ по курсу использовалась программа Voyant-tools, с помощью которой магистранты могли получить и проанализировать статистические параметры созданного ими самими небольшого собрания текстов стихов их любимых поэтов. Увеличивая количество слов выдачи в левом нижнем углу интерфейса данной программы до 30–40, можно попытаться «прочитать» конкорданс как текст и найти интересные сочетания из трех или четырех слов, обладающие эстетической привлекательностью.

Учебное пособие «Квантитативная лингвистика и НИТ» [Богданова 2017] было издано в Иркутском государственном университете, после чего многое было переосмыслено и дополнено, поэтому в настоящий момент оно готовится к переизданию, хотя необходимо отметить, что в Российской Федерации за последние несколько лет уже было выпущено несколько учебников и учебных пособий по квантитативной лингвистике для студентов вузов.

Разработка учебных материалов, особенно учебно-методических комплексов, как правило, является результатом серьезной работы по подбору адекватных замыслу материалов, их апробации на протяжении нескольких лет, включая публикации и выступление на конференциях, оформлению в виде учебника или учебного пособия, приложения к ним или методических рекомендаций по их использованию, составление рабочей программы дисциплины в соответствии с учебным планом. Важным этапом является также рецензирование подготовленного текста специалистом в данной области знания, каким, безусловно, был кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики филологического факультета СПбГУ В. П. Захаров.

Литература

- Арапов М. В.* Квантитативная лингвистика. М.: Наука, 1988. 184 с.
- Богданова С. Ю.* Квантитативная лингвистика и НИТ: учебно-методическое пособие. Иркутск: Аспринт, 2017. 88 с.
- Lindquist H.* Corpus Linguistics and the Description of English. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 219 с.

Власова Екатерина Дмитриевна

ассистент, кафедра романской филологии,

Санкт-Петербургский государственный университет; katerivl@yandex.ru

СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: дискурсивная семантика, лексико-семантическое поле, сирийский конфликт, политический дискурс, СМИ.

Доклад посвящен сопоставительному исследованию дискурсивно зависимой семантики. На примере исследования франкоязычных и русскоязычных дискурсов о войне в Сирии предлагается методика сопоставительного анализа политического дискурса с использованием метода лексико-семантических полей (ЛСП) и статистико-вероятностных методов обработки языкового материала.

На примере медиатизированного политического дискурса о войне в Сирийской Арабской Республике выявляется дискурсивно зависимая семантика лексических единиц, составляющих тематическое ядро дискурса. Благодаря сочетанию методов количественной (корпусная лингвистика и статистические методы обработки) и качественной (дискурс-анализ) лингвистики становится возможным установить дискурсивно зависимую семантику, а также перейти от описательного сравнения к количественному сравнению и представить результаты сравнительного анализа в виде статистических показателей, что обеспечивает более объективное представление о различиях семантики лексических единиц.

Для анализа дискурса, представленного в СМИ, о войне в Сирии, были составлены корпуса текстов на русском и французском языках по 300 000 словоупотреблений в каждом. В корпуса вошли газетные статьи крупнейших национальных изданий, опубликованные на официальных сайтах.

В результате применения к этим корпусам автоматического лексико-семантического анализа были получены ключевые слова и данные об ассоциативных полях лексем внутри корпуса. На основе этих данных был проведен дискурс-анализ и анализ совместной встречаемости, что позволило смоделировать лексико-семантические поля для опорных слов, тематически значимых для всего дискурса. Для выявления дискурсивно-зависимой семантики используется метод лексико-семантических полей, позволяющий упорядочить дискурс и представить его в систематизированном виде, выявляя связи между элементами, их иерархию и зависимость [Щур 2018: 101].

Применение методов визуализации текстовой информации в виде радиальных диаграмм ассоциативной зависимости и лексико-семантических полей представляет собой структурный подход к обработке обширных текстовых данных, с целью наглядного отображения связей между лексемами. Этот процесс интегрирует комплексные методы анализа текстов и графического представления информации, позволяя визуализировать и уловить семантические аспекты дискурсов в разных лингвокультурных сообществах.

В ходе анализа выявлено, что преобладающие смысловые лексем, составляющие классы условной эквивалентности (прим.: война-guerre, страна-pays) в обоих дискурсах практически идентичны. Однако лексико-семантические поля, смоделированные для этих лексем, обнаруживают существенные отличия. Эти различия выявлены на основе данных, полученных при моделировании лексико-семантических полей для рассматриваемых лексем в рамках изучаемых корпусов текстов.

Кроме того, в результате моделирование лексико-семантических полей для опорных единиц дискурса становится возможным количественное сравнение уровня семантического соответствия с помощью вычисления индекса сходства. Для этого используется индекс сходства

Серенсена-Чекановского [Боголюбов 1998: 6]. Таким образом, от описательного сравнения различий на уровне семантики мы переходим к его количественному измерению.

В результате подсчета индекса Серенсена-Чекановского для 50 опорных слов дискурса было установлено, что показатель не превышает 0,35 (индекс сходства варьируется от 0 до 1), что свидетельствует о низком уровне сходства. Индекс высчитывался на основе числа семантических членов, входящих в структуры лексико-семантических полей опорных слов, составляющих классы условной эквивалентности.

При качественном анализе структур лексико-семантических полей происходит определение значения опорных слов внутри каждого из дискурсов, так как значение лексем выводится из взаимодействия лексемы со смежными компонентами значения лексем внутри поля [Щур 2018: 81].

Анализ значений опорных слов на основе структур лексико-семантических полей показал, что важным смысловым узлом франкоязычного дискурса является фокусировка на насильственном характере протекания событий, на видимых последствиях, на человеческих жертвах (особенно среди женщин и детей), на количество беженцев, спровоцированных конфликтом. Лексико-семантические поля таких опорных слов как « guerre », « conflit », « accord », « humanitaire » включают в себя эмоциональные и оценочные лексические единицы: « souffrance », « drame », « million de déplacés », « catastrophe ». В то время как в русскоязычном корпусе лексемы, составляющие классы условной эквивалентности, « война », « конфликт », « соглашение », « гуманитарный » соотносятся « участник », « урегулировать », « решение », « помощь ».

Анализ частотности ключевых слов дискурса также показывает дискурсивную направленность: освещение военных действий и их трагических последствий (bombardement, combat, tuer, mort, enfant) во франкоязычном дискурсе и нацеленность на переговорный процесс (переговоры, представитель, решение, встреча, помощь) в русскоязычном дискурсе.

В результате анализа выявляется дискурсивное проявление социальных представлений о событиях в определенном лингвокультурном сообществе, закрепляется способ обсуждения и оценки этих событий.

Литература

Боголюбов А. С. Простейшие методы статистической обработки результатов экологических исследований. М.: Экосистема, 1998. 13 с.

Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 264 с.

Донина Ольга Валерьевна¹, Горбунов Никита Сергеевич²

¹канд. филол. наук, доцент,

Воронежский государственный университет;

olga-donina@mail.ru

²студент, Воронежский государственный университет

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ АВТОМАТИЧЕСКОМ ИЗВЛЕЧЕНИИ МЕТАФОР

Классификация текста, нейронные сети, машинное обучение, Natural Language Processing, автоматическое выявление метафор.

Цель данного исследования заключалась в оценке эффективности нейронных сетей для задач бинарной классификации текста. Для проведения сравнительного анализа были разработаны и протестированы шесть классификаторов. Половина из них основывалась на классических моделях машинного обучения: наивном байесовском классификаторе (NBC), логистической регрессии (LR) и методе опорных векторов (SVM). Другая же половина опиралась на нейросетевые архитектуры, которые включали в себя модели рекуррентной (RNN), сверточной (CNN) и глубокой нейронной сети (DNN).

Задачей бинарной классификации было выявление наличия метафоры в предложениях. В качестве датасета для обучения и тестирования классификаторов был использован корпус размеченных вручную примеров метафорической сочетаемости, содержащий 166765 предложений. Ручная разметка проводилась в основном студентами факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, обучающихся на направлении «Фундаментальная и прикладная лингвистика», в рамках учебной практики в период 2016–2020 гг. [Борискина 2017]. В данном корпусе наличие метафоры размечалось как «1», а отсутствие метафорического употребления — как «0» [Донина 2022]. Эта метка, присвоенная каждому примеру, представляла собой ключевую информацию, которую мы использовали для обучения и оценки эффективности методов классификации.

Далее было необходимо утвердить методы оценки качества классификации текста. Существует несколько метрик, которые используются для оценки качества классификации текста:

Precision (точность) — показатель того, какая доля предсказанных положительных (метафорических) классов действительно является положительными.

Recall (полнота) — показатель того, какая доля всех положительных (метафорических) текстов была правильно предсказана.

F1-score — среднее гармоническое между точностью и полнотой. Данная метрика учитывает и точность, и полноту, что позволяет оценить баланс между ними.

Accuracy (точность классификации) — показатель того, какая доля всех предсказанных классов (как метафорических, так и нет) была предсказана правильно.

В качестве приоритетной оценки использовалась метрика F1-Score, которая лучше, чем Accuracy, отражает результаты при сильном перевесе в классах [Донина 2020].

Датасет был разделен на обучающую и тестовую выборки в пропорции 70 % на 30 %, что оказалось наиболее оптимальным процентным соотношением для имеющегося объема данных.

Предобработка включала в себя токенизацию, лемматизацию, приведение слов к нижнему регистру и удалению стоп-слов с использованием Python-библиотек pandas, numpy и NLTK.

Результаты работы классификаторов отображены в таблице ниже (табл. 1).

Проведя сравнительный анализ результатов классификации текстов, мы пришли к выводу, что нейронные сети демонстрируют значительное преимущество в выявлении метафор в предложениях по сравнению с методами машинного обучения. Судя по значениям f1-score, который является ключевым показателем в задачах бинарной классификации, нейронные сети, включая RNN, CNN и DNN, достигают более высоких значений как для класса 0 (отсутствие метафоры), так и для класса 1 (наличие метафоры).

Таблица 1. Сравнение методов машинного обучения

		precision	recall	f1-score
NBC	0	0.83	0.89	0.86
NBC	1	0.80	0.72	0.76
LR	0	0.86	0.88	0.87
LR	1	0.80	0.77	0.79
SVM	0	0.86	0.90	0.88
SVM	1	0.83	0.78	0.80
RNN	0	0.88	0.91	0.89
RNN	1	0.84	0.81	0.82
CNN	0	0.86	0.91	0.88
CNN	1	0.84	0.76	0.80
DNN	0	0.95	0.95	0.95
DNN	1	0.92	0.92	0.92

Особенно выделяется глубокая нейронная сеть (DNN), которая демонстрирует высокие значения precision, recall и f1-score для обоих классов. Это может быть связано с ее способностью извлекать сложные зависимости из данных и строить более глубокие иерархические представления. Также стоит отметить, что и метод SVM показывает неплохие результаты, хотя его эффективность немного ниже нейронных сетей.

Проведение исследований в области автоматической классификации текстов с использованием нейронных сетей открывает дорогу к усовершенствованию способов автоматического извлечения метафор в текстах.

Литература

- Борискина О. О., Донина О. В. Корпусные исследования в контексте современных технологий обучения языку // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. № 22–2. С. 154–158.
- Донина О. В., Дмитриев Д. С. Возможность использования методов машинного обучения для автоматического выявления стертых метафор // Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект. Институт языкознания РАН. 2020. С. 83–84.
- Донина О. В. Выявление метафорической сочетаемости методами машинного обучения // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. №4. С. 128–143.

Корышев Михаил Витальевич¹, Хохлова Мария Владимировна²,
Куликова Любовь Алексеевна³, Мазин Константин Владимирович⁴

¹канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
m.koryshev@spbu.ru

²канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
m.khokhlova@spbu.ru

³магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет;
marola2013@gmail.com

⁴магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st110126@student.spbu.ru

ГОЛОС СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕМАТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ЛЕКСИКИ

Ключевые слова: политический дискурс, значимая лексика, ключевые слова, темы, немецкий язык.

В работе представлены результаты применения ряда статистических методов для исследования текстов современных медиа и анализа реализуемых в них тенденций. Автоматическое выявление ключевых слов и словосочетаний может быть полезно при формировании тематических меток для новостей и определении наиболее важных элементов содержания. Извлеченные маркеры позволяют проследить изменение тем, которые вызывают общественный интерес, а также отношение к ним с течением времени. Данная задача тесно связана с анализом тональности, который нацелен на определение эмоциональной окраски сообщений. Отдельно можно говорить о схожести текстов сми, в том числе определенного временного периода.

Методы, которые используются для выделения ключевых слов и устойчивых словосочетаний, широко варьируются: от основанных на простом подсчете частотностей лексических единиц в текстах до алгоритмов тематического моделирования и машинного обучения. Исследование роли тематических маркеров и ключевых слов при помощи автоматических методов, как и многие другие прикладные задачи, первоначально проводилось на англоязычном материале. В связи с этим одной из задач нашего исследования было проверить то, какие результаты будут получены на иноязычных текстах. В качестве материала нами были рассмотрены следующие немецкоязычные журналы: 1) “IF — Zeitschrift für Innere Führung”, в котором освещаются вопросы, связанные с культурой лидерства и политики безопасности в вооруженных силах Федеративной Республики Германии (Бундесвера); 2) “Wirtschaftsdienst”, в котором обсуждаются вопросы экономики и политики. Тексты содержат статьи, эссе и дискуссии на заданные в рамках отдельных выпусков темы. Источники нацелены на разную аудиторию, в связи с чем было интересно проследить как сходства, отраженные в статьях, так и возможные отличия.

Для решения задачи выделения ключевых слов в работе нами были использованы четыре алгоритма, основанные на разных принципах: алгоритмы без учителя, основанные на использовании статистики, на основе графов и с привлечением эмбедингов. Алгоритм RAKE (Rapid Automatic Keyword Extraction) был введен в [Rose et al. 2010] и извлекает многоязычные ключевые слова, представленные n-граммами, придавая больший вес более длинным последовательностям слов. Алгоритм использует стоп-слова и список разделителей, вычисляя статистики при поиске терминов, состоящих из нескольких слов [там же]. Алгоритм YAKE не зависит от корпуса и языка и использует как лингвистические, так и статистические характеристики (такие как регистр, позиция слова, контекст, частота и дисперсия лексических единиц в предложениях) [Campos et al. 2018]. TextRank [Mihalcea, Tarau 2004] был предложен для решения двух задач обработки языка: неконтролируемого извлечения ключевых слов и предложений. Он ранжирует кандидатов по ключевым словам в соответствии с их позициями в графах. Еще одним алгоритмом является BERT, который основан на трансформерах. Его модификация KeyBERT

[Grootendorst 2020] основана на эмбедингах, которые используют распределения слов и представления предложений. Ключевые фразы-кандидаты ранжируются согласно значениям меры косинусного сходства.

Результаты работы алгоритмов представлены n-граммами (n-словными сочетаниями), которые далее могут оцениваться с точки зрения их значимости для описания тематического наполнения текстов. Приведем примеры в порядке уменьшения значения метрик. Так, в выпусках журнала «IF — Zeitschrift für Innere Führung» за 2020–2023 гг. следующие словосочетания и имена собственные были автоматически выделены при помощи алгоритма RAKE: *Bundeskanzler Olaf Scholz* (канцлер ФРГ Олаф шольц), *freiheitliche demokratische Grundordnung* (основы свободного демократического строя), *Generalmajor Markus Kurczyk* (генерал-майор Маркус Курчик, командир Центра идеологической работы и воспитания военнослужащих), *mission resolute support* (операция «Решительная поддержка», название миссии НАТО по оказанию помощи правительственным силам Афганистана), *Zentrum innere Führung* (Центр идеологической работы и воспитания военнослужащих). Алгоритм KeyBERT определил как значимые следующие единицы: *Kolonialgeschichte* (колониальная история), *Krisenmanagement* (кризисное управление), *getöteten deutschen Soldaten* (убитые немецкие солдаты), *verunglückten deutschen Soldaten* (раненые немецкие солдаты), *verstorbene deutsche Soldaten* (убитые немецкие солдаты). Наибольшие значения меры, вычисленной при помощи алгоритма YAKE, были получены словосочетаниями, в которых упоминается *Innere Führung* (как название журнала и как название подразделения Бундесвера) с существительными: *Bundeswehr* (Бундесвер), *Handbuch* (руководство), *Deutschland* (Германия), *Zentrum* (центр), *Soldaten* (солдаты).

Отметим, что алгоритмы по-разному выделяют словосочетания, которые могут оказаться значимыми для той или иной темы, а также — более широко — для филологического анализа в целом. Так, RAKE и YAKE выявляют, скорее, ключевые слова (то есть затрагиваемые в статьях темы), в то время как результаты, полученные при помощи KeyBERT могут указать на важные примеры, связанные с тем, как именно определенные лексические единицы упоминаются в тексте и, как следствие, могут служить индикатора отношения авторов к описываемым событиям. Автоматическое извлечение ключевых слов не может заменить профессиональную экспертную оценку, но оно может служить начальным этапом для выполнения последующего анализа текстов.

Литература

- Campos R., Mangaravite V., Pasquali A., Jorge A. M., Nunes C., Jatowt A. YAKE! Collection-independent Automatic Keyword Extractor // Pasi G., Piwowarski B., Azzopardi L., Hanbury A. (eds). *Advances in Information Retrieval. ECIR 2018* (Grenoble, France. March 26–29). *Lecture Notes in Computer Science*. 2018. Vol. 10772. P. 806–810.
- Grootendorst M. KeyBERT: Minimal keyword extraction with BERT. 2020. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4461265>.
- Mihalcea R., Tarau P. TextRank: Bringing Order into Texts // *Proceedings of the 2004 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. 2004. Vol. 4. P. 404–411.
- Rose S., Engel D., Cramer N., Cowley W. Automatic Keyword Extraction from Individual Documents // M. W. Berry & J. Kogan (eds). *Text Mining: Theory and Applications*: John Wiley & Sons. 2010. P. 1–20.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00937, <https://rscf.ru/project/24-28-00937/>

Крылов Сергей Александрович

д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН

НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА И КОРПУСНЫЕ МЕТОДЫ ЕЁ ИЗУЧЕНИЯ

Ключевые слова: научная картина мира, корпусные методы, экстралингвистическая информация, энциклопедии, тезаурусы.

Сегодня часто говорят о языковой «картине мира» (ЯКМ). Но при этом под ЯКМ по умолчанию понимают именно т. н. «наивную» (Ю. Д. Апресян) или «народную» (фольклорную, архаичную) ЯКМ, а не «научную» ЯКМ. А «научная» ЯКМ на деле реализуется (т. е. фактически становится предметом исследования) лишь в виде «частно-научной» (а не «общенаучной») ЯКМ и реально изучается лишь в терминоведении при моделировании терминологических систем отдельных наук (= научных дисциплин). При этом «общенаучная» ЯКМ как особый предмет исследования молчаливо отдаётся на откуп философам, а вопрос о применимости собственно лингвистических методов к её изучению фактически остаётся открытым.

Между тем известно, что для взаимопонимания коммуникантов немаловажную роль играет энциклопедическая (и в то же время экстралингвистическая) информация о мире (ЭИ), составляющая их «фоновые знания». Опора на неё необходима как для автоматического моделирования процессов перехода «от текста к тексту», в том числе: (а) основанных на отношениях (а) смысловой эквивалентности (как при внутриязыковом перифразировании, так и при межъязыковом переводе); (б) логической импликации; (в) смыслового согласования (логической связности) реплик диалога (напр., вопросно-ответного отношения); (г) смысловой конденсации (при автоматизации реферирования, аннотирования и индексирования), так и для моделирования процессов понимания.

Важное значение опоре на ЭИ придают и многие специалисты по автоматической обработке текстов (АОТ) — как математики (Г. С. Цейтин, А. С. Нариньяни), так и лингвисты (Н. Н. Леонтьева, С. Ю. Семёнова). Поэтому многие современные системы АОТ включают особый компонент для хранения и переработки ЭИ, в том числе «формальные онтологии» и семантические тезаурусы. Обычно такие системы строятся для ограниченной предметной области (ПО), напр., РуТез. Однако некоторые из них ориентируются на более широкую (даже фактически универсальную) ПО. Моделирование хранения и обработки ЭИ для универсальной ПО — очень трудная задача. Но её можно считать принципиально (и потенциально) решаемой, если подойти к ней поэтапно, путём последовательной аппроксимации. Первый этап — моделирование «общенаучной» ЯКМ; но и эта задача тоже весьма трудна.

У всякого тезауруса (и у построенной на нём «онтологии»), как и у любого словаря, есть какой-то словник, и он представляет не просто какой-то набор слов, а инвентарь «важнейших» элементов «общенаучной» ЯКМ. Потому он должен (в идеале) соответствовать «верхушке» частотного словаря (ЧС) некоторого корпуса научных текстов (НТ).

Разумеется, НТ в «узком» смысле слова — это научные статьи и книги, излагающие ход познания как особого рода деятельности (такие тексты, напр., содержат выражения типа рассмотрим, возьмём, допустим, покажем и т. п.).

Но в более широком смысле слова «НТ» в это понятие включаются тексты, излагающие не столько процесс исследования, сколько результаты этого процесса, то есть те знания о мире, которые современной наукой признаются уже истинными (достоверными, доказанными). При таком объёме понятия «НТ» сюда относятся и учебники, и справочники (в том числе энциклопедии), и тексты научно-популярного жанра.

Язык русских универсальных энциклопедий (УЭ) проявляет себя лишь в речевом материале, то есть в текстах этих УЭ. Для постижения всего богатства системы языка русских УЭ (ЯРУЭ) надо исследовать по возможности относительно полную совокупность текстов УЭ — хотя и относительно ограниченную, но всё-таки довольно обширную. К её изучению разумно применять методы корпусной лингвистики (КЛ).

Между тем в некоторых аспектах УЭ — это особый жанр текстов, характеризующийся следующими содержательными особенностями.

- (1) УЭ содержат информацию, которую данный социум в данную эпоху позиционирует в качестве «истинной», и потому может быть названа совокупностью «знаний». Этим УЭ отличаются не только от «не-научных» текстов, но и от некоторых жанров научных текстов (статей или книг), содержание которых относится к самому процессу научного исследования (постижения истины) (так, для УЭ нетипичны такие научные обороты, как рассмотрим, возьмём, покажем, что, возразим и т. п.).
- (2) УЭ (в отличие от отраслевых энциклопедий) охватывают не какую-то ограниченную предметную область (ПО), а все ПО (или «универсальную» ПО).
- (3) УЭ (в отличие от толковых словарей) содержат информацию не только и не столько о внутренней структуре языка (в данном случае русского), но о самой внеязыковой действительности (о мире, универсуме), фрагменты которой соответствуют заголовкам статей.
- (4) УЭ (в отличие от толковых словарей) претендуют на научность, и потому в случае различия между научной и «наивной» («бытовой», «обыденной») картиной мира стремятся к тому, чтобы предложить читателям именно «научную» (НКМ данной эпохи).
- (5) УЭ (в отличие от просто сборника научных статей) стремятся к тому, чтобы предлагаемая НКМ была бы (по возможности) связной и систематичной.

В настоящее время идёт работа над созданием особого корпуса русского языка энциклопедий (ЭнциКРЯ). Ядром ЭнциКРЯ являются УЭ. К настоящему времени традиция создания УЭ на РЯ насчитывает уже около трёх веков.

Таким образом, корпус УЭ позволит нам систематически представить (исторически меняющуюся) русскую НКМ последних трёх веков.

Митрофанова Ольга Александровна

канд. филол. наук, доцент, кафедра математической лингвистики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.mitrofanova@spbu.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В ДИСТРИБУТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И ТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ

Ключевые слова: исторические корпуса текстов, дистрибутивно-семантические модели, тематические модели.

Основное внимание в компьютерной лингвистике уделяется корпусам и моделям современных текстов, что объясняется распространенностью прикладных задач, связанных с языком современной эпохи. Вместе с тем, в цифровой гуманитаристике развиваются исторические корпуса – корпусные ресурсы, направленные на описание того или иного периода в истории развития общества и языка. Автоматическая обработка и моделирование исторических корпусов текстов становится всё более востребованным в двух аспектах: во-первых, в связи с развитием исторической информатики и источниковедения, во-вторых, с расширением возможностей вычислительных подходов в диахронической лингвистике.

Для анализа корпусов текстов определенного типа исторически значимых событий создаются историко-ориентированные информационные системы, различающиеся по назначению, областям исторического знания и типам исторических источников [Корниенко, Гагарина, Поврозник 2021]. Примером такой системы может считаться проект «Прожито», в рамках которого исследуются дневниковые записи. Один из сегментов корпуса являются дневниковые записи жителей блокадного Ленинграда, позволяющие реконструировать события тех дней и узнать больше о жителях осажденного города.

Корпус текстов определенного периода времени — это ценный источник исторических фактов и в то же время фактов о состоянии языка в некоторый момент его развития. Диахронические корпуса — особый вид лингвистических ресурсов, в работе с которыми решаются задачи распознавания рукописных текстов, идентификация источников, авторов, выявление орфографических, лексических, морфологических, синтаксических параметров текстов, соотносимых с состоянием языковой системы. Применительно к исследованиям русского языка диахронические корпуса представлены в составе НКРЯ (древнерусские, старорусские, церковнославянские тексты, эпиграфика, берестяные грамоты), в проектах «Манускрипт», «СКАТ» и в ряде других.

В рамках данного доклада обсуждаются аспекты автоматической обработки исторических корпусов текстов, касающиеся применения дистрибутивно-семантических и тематических моделей [Митрофанова 2023]. Эволюция дистрибутивно-семантических моделей от простейших счетных до современных статических (Word2Vec, GloVe, fastText и т. д.) и контекстуализированных (ELMo, BERT, GPT и т. д.) предсказывающих моделей обеспечила инструментарий, применимый для автоматического извлечения семантических отношений в корпусах, что позволяет восстановить лексикографические лакуны, возникающие вследствие отсутствия идеографических словарей, привязанных к определенной эпохе или периоду развития языка. Алгебраические (LSA, NMF и т. д.) и вероятностные (pLSA, LDA, BERTopic и т. д.) алгоритмы построения тематических моделей, зачастую комбинируемые с векторными представлениями, позволяют исследовать тематику текстов и интерпретировать ее в широком контексте исторических фактов и лингвистических явлений.

Интеграция дистрибутивно-семантических и тематических моделей позволяет создать комплексное описание того или иного исторического источника, дифференцировать сходные источники по типу, исследовать их внутреннюю организацию. В нашем исследовании рассматриваются три таких источника: аннотированный корпус текстов по истории России, созданный на основе лекций В. О. Ключевского («Курс русской истории»), тексты исторических опи-

саний эпохи Петра I в лекциях В. О. Ключевского и художественного произведения – романа А. Н. Толстого «Петр I», а также корпус житий святых III–IX веков святителя Дмитрия Ростовского в современной русской орфографии. Корпусы были собраны с учетом современных стандартов предобработки и автоматической разметки текстов.

Эксперименты по обучению моделей на корпусе текстов по истории России призваны выявить главные темы, выделяющиеся в текстах о разных периодах развития страны (Истоки государственности, Крестьянство, Московское княжество, Царская власть, Петровские реформы, Эпоха Екатерины II, Церковь и т. д.). Эксперименты, проведенные на материалы текстов хроник и романа, подтверждают состоятельность дистрибутивно-семантических и тематических моделей в задаче дифференциации произведений смежных жанров (в частности, в отличие от тем хроник, темы романа включают эмоционально-оценочную лексику и другие выразительные средства, не характерные для строгих фактологических описаний, например, окошечко, маменька, Катеринушка и т. д.). Эксперименты с текстами житий подтверждают разработанную применительно к корпусу СКАТ схему сюжетной разметки [Рогозина 2022]: автоматически сгенерированные темы соответствуют тегам сюжетной разметки Вступление, Родители, Рождение и Младенчество, Учение, Воздержание, Решение уйти в монастырь, Монастырь, Основание монастыря, Расширение монастыря, Кончина, Похвальное слово, Заключение.

Результаты исследования могут найти практическое применение при исследовании учебных текстов и сравнительном анализе описаний исторических событий с точки зрения их объективности. Перспективы развития исследования связаны с комбинацией стандартных подходов к построению дистрибутивно-семантических и тематических моделей с сентиментным анализом [Колмогорова, Колмогорова, Куликова 2023], предполагающим выделение аспектов тональности (исторических фактов) и тональных маркеров (оценочной лексики).

Литература

- Колмогорова А. В., Колмогорова П. А., Куликова Е. Р. О прошлом, но в разное время: компьютерный анализ текстов учебников по истории СССР/России для трех поколений студентов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023.
- Корниенко С. И., Гагарина Д. А., Поврозник Н. Г. Исторические информационные системы: теория и практика. М., 2021.
- Митрофанова О. А. Интеграция дистрибутивных и тематических моделей в исследовании структурной организации содержания текста // «Наука СПбГУ–2022»: Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием. Санкт-Петербургский государственный университет. М., 2023. С. 787–788.
- Рогозина Е. А. Представление и анализ элементов структуры содержания в Санкт-Петербургском корпусе агиографических текстов (СКАТ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2022. Т. 21, № 6. С. 30–46.

Ольховская Александра Игоревна¹, Зельникова А. А.²

¹канд. филол. наук, заведующий лабораторией филологических исследований,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

²магистрант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

К ВОПРОСУ ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕТОДИКИ КОРПУСНОГО ОТБОРА НОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: новая фразеология, коллокация, мера устойчивости, корпусная лингвистика, корпус текстов.

В [Зельникова, Ольховская 2023] была предложена методика, позволяющая производить эффективный поиск и верификацию новой фразеологии с опорой на корпусные данные. В её основе лежит использование т.н. маркеров новизны — речевых оборотов, с помощью которых говорящий маркирует новую, с его точки зрения, языковую единицу. В ходе обсуждения и апробации методики были намечены пути её совершенствования. Цель настоящей заметки состоит в описании способов повышения валидности корпусной методики отбора современных фразеологизмов.

Прежде всего, было увеличено число маркеров новизны с 15 до 56. Помимо оборотов, указывающих на современность и актуальность выражения (как сейчас говорят, как в нынешние дни выражаются, модное выражение и т.п.), были учтены маркеры, акцентирующие среду его распространения (как в сети говорят, как в интернете выражаются, как говорит молодёжь). Учёт новых маркеров позволил дополнить список фразеологических единиц, в том числе выражениями, характерными для речи молодёжи (чики-пуки, респект и уважуха, взрыв мозга).

Во-вторых, был существенно расширен корпусный материал исследования. Кроме газетного корпуса НКРЯ, были использованы основной корпус НКРЯ, корпус «Социальные сети» НКРЯ, Генеральный интернет-корпус русского языка, RuTenTen. Итоговый список фразеологизмов получен путем наложения данных из разных источников и включает 383 единицы. Следует отметить, что новый список значительно превосходит предыдущий, в котором насчитывалось лишь 241 словосочетание.

В-третьих, была разработана более четкая система фильтрации найденного материала, включающая три ступени. На первом этапе мы обратились к использованию хронологического фильтра. Хронологические рамки современной фразеологии были несколько изменены: если раньше мы причисляли к современным обороты, которые начали употребляться в языке в 80-е гг., то теперь — такие, которые входят в обиход начиная с 90-х гг. Представляется, что скорректированные рамки в большей степени соответствуют понятию «современная фразеология». На этом этапе из списка было исключено около 150 фразеологизмов, среди них: держать руку на пульсе (1929), утечка мозгов (1969), американская улыбка (1977), без галстуков (1987), работать на дядю (1969) и мн. др.

На втором этапе фильтрации был привлечен такой важный для фразеологии параметр, как идиоматичность оборота. Под идиоматичностью мы понимаем принципиальную «невыводимость» значения целого выражения из значений слов, входящих в его состав. Здесь из списка было изъято около 70 единиц, например, информационное поле, вести бизнес, медийная персона, альтернативно одаренный, утрата доверия, дешевые понты, гламурная киса и др.

Наконец, на последнем этапе были отсеяны все обороты, состоящие более чем из двух компонентов (всего около 60 единиц). Это обусловлено сугубо формальными ограничениями математических инструментов измерения силы коллокаций и, в частности, тем, что имеющиеся в корпусной лингвистике формулы вычисления мер устойчивости предназначены лишь для оценки двухкомпонентных словосочетаний.

При этом следует оговориться, что там, где это было возможно, мы попытались свести трехкомпонентные единицы к двухкомпонентным. Например, в *шаговой доступности* → *шаго-*

вая доступность, за чертой бедности → черта бедности, лицо кавказской национальности → кавказская национальность.

Наконец, в-четвертых, была произведена попытка формализовать оценку силы словосочетаний (меры устойчивости). Проведя практическое сравнение различных мер устойчивости на конкретном фразеологическом материале, авторы обозначили приблизительные пороги значений, отделяющие фразеологизмы от коллокаций. «Можно предположить, что для причисления устойчивого оборота к фразеологизму его MI должна быть выше 5, MI3 — выше 25, t-score — выше 40, LogDice — выше 3» [Зельникова, Ольховская 2023а: 422].

Показатели мер устойчивости извлекались из корпусного менеджера Sketch Engine. Единица проходила отбор в том случае, если как минимум три из четырех показателей соответствовали установленным пороговым значениям. На основании данного параметра из списка было исключено 12 единиц, например, по феншую, карьерный лифт, взорвать интернет. Итоговый список составили 64 фразеологических выражения. К новым выражениям, найденным по скорректированной методике, можно отнести обороты *ниже плинтуса, офисный планктон, черный пиар, учить матчасть, сто пудов*.

По результатам исследования была существенно доработана методика корпусного отбора современной фразеологии и получен список новых фразеологизмов русского языка. Материалы могут быть использованы в практической лексикографии, а также в сфере преподавания русского языка, в том числе как иностранного.

Литература

- Зельникова А. А., Ольховская А. И. Методика корпусного отбора современной фразеологии // Сборник тезисов LI Международной научной филологической конференции им. Л. А. Вербицкой. СПб., 2023. С. 624–625.
- Зельникова А. А., Ольховская А. И. Математические инструменты измерения коллокаций в аспекте изучения фразеологии // III Костомаровский форум. Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Материалы Международной научно-практической конференции. М., 2023а. С. 418–423.

Пименов Иван Сергеевич¹, Саломатина Наталья Васильевна²

¹программист, Институт систем информатики им. А. П. Ершова, аспирант,
Новосибирский государственный университет;
pimenov.1330@yandex.ru

²канд. физ.-мат. наук, старший научный сотрудник,
Институт систем информатики им. А. П. Ершова;
salomatina_nv@live.ru

АВТОМАТИЗАЦИЯ КОРРЕКЦИИ АРГУМЕНТАТИВНОЙ РАЗМЕТКИ В НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: русский язык, научные статьи, разметка аргументации, коэффициенты согласия, методы коррекции разметки.

Современные тенденции к созданию систем глубокого понимания естественного языка отражаются, в частности, в интенсивном развитии такой области исследования, как Argument Mining. Анализ способов доказательства тезисов позволяет оценить их убедительность. Самыми востребованными методами автоматического извлечения отдельных аргументов, построения всей структуры аргументации, приводимой в текстах, являются методы машинного обучения (МО). Для получения высоких оценок качества (полноты, точности и др.) распознавания аргументации необходимо обучать алгоритмы МО на надежно размеченных данных [Stab 2016]. Формулируемые для разметчиков правила аннотирования определяют согласованность принимаемых ими решений. И всё же разметка носит субъективный характер, её надёжность определяется схожестью структур, выстраиваемых несколькими аннотаторами для представления одних и тех же данных. Измерение схожести (степени согласия между разметчиками) производится с помощью коэффициентов согласия: каппа Коэна, Флейса, альфа Криппендорфа (α) и др. Анализ расхождений в разметке позволяет уточнить правила аннотирования, и таким образом улучшить её согласованность. Откорректировать данные, размеченные до уточнения правил, можно «вручную» или автоматически. Ручная коррекция трудоемка и нестабильна, может привести к новым, трудно выявляемым ошибкам. В данной работе мы представляем методы автоматизации для коррекции аргументативной разметки, проведенной тремя аннотаторами на коллекции ArgSciArtRu-23 из 50 коротких научных статей двух тематик: лингвистики и информационных технологий (<https://uniserv.iis.nsk.su/arg/corpora>). Каждый текст снабжен двумя аннотациями.

Аннотирование статей, проведенное с помощью инструментария платформы ArgNetBank Studio согласно формату AIF [Rahwan 2009], позволило преобразовать линейный текст в граф аргументации с двумя типами вершин: вершинами, содержащими текст связанных аргументативных утверждений (посылок, заключений), и вершинами-схемами (моделями рассуждений из списка Уолтона [Walton 2008]), маркирующими типы связи. Расхождения в аннотациях обнаружены на всех трех уровнях представления аргументации: выявления аргументативных утверждений, установления связей между ними и определения типа связи. Самые низкие коэффициенты согласия получены для уровня идентификации аргументативных утверждений в тексте и типов связей между ними: $\alpha = 0.41$ и $\alpha = 0.44$ соответственно, тогда как наличие \ отсутствие связи между утверждениями вызывает гораздо меньше разногласий ($\alpha = 0.67$).

Расхождения в выборе аргументативных утверждений наблюдались среди утверждений, относящихся к «периферии» аргументации, — частных косвенных доводов, способных рассматриваться как сторонние замечания, отвлечённые от основных линий рассуждения. В структуре графа они чаще всего соответствуют листовым вершинам. По согласованию с разметчиками из каждой пары графов аргументации, построенных каждым из них для одного текста, были удалены «уникальные» листовые вершины (присутствующие только в одной из разметок). Суммарно по 100 аннотациям удалено 496 листьев. Эта процедура позволила существенно увеличить коэффициент согласия ($\alpha = 0.69$) с минимальными потерями для доказательства тезисов.

Следующие итерации по удалению вновь образовавшихся листьев показали, что число «уникальных» листьев убывает с каждой итерацией почти в геометрической прогрессии с коэффициентом примерно равным 0.25, а α меняется следующим образом: 0.76 (итерация 2), 0.77 (3), 0.78 (4). Для достижения коэффициента согласия из диапазона «существенного» согласия достаточно одной итерации по удалению «уникальных» листьев.

Расхождения на уровне схем многообразны и в отдельных случаях объективно допустимы. На данном этапе правила уточнения при выборе схемы разметчиком касались двух аспектов: 1) замены редких, узкоспециализированных схем на более общие и 2) частотных схем, принадлежащих разным функциональным группам (подмножествам схем, близких по семантике и по структурной специфике реализации в рассуждениях) [Пименов 2022]. Замена подлежали схемы в совпавших у разметчиков аргументах с одной посылкой (самый частотный вариант). Выбор в пользу той или другой схемы из двух разных, использованных разметчиками, осуществлялся согласно иерархии правил, разработанной на основе анализа пар схем, вызывающих наиболее частые расхождения, с уточнением общих тенденций таких расхождений на уровне функциональных групп. В результате автоматического применения правил в корпусе произведена 221 замена. В итоге коэффициент согласия α повысился до 0.68. На подмножестве «сомнительных» замен (10% от всех замен) произведена проверка корректности работы модуля, реализующего алгоритм замен согласно построенным правилам. Доля некорректных замен от всех произведенных составила 7%.

Планируемые эксперименты по распознаванию аргументационных структур покажут, как согласованность разметок влияет на оценки качества распознавания.

Литература

- Пименов И. С.* Сочетаемость аргументов разных функциональных групп в научных текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2022. № 11. С. 3672–3680.
- Rahwan I., Reed C.* The argument interchange format // *Argumentation in artificial intelligence*. Springer. 2009. P. 383–402.
- Stab C., Gurevych I.* Parsing Argumentation Structures in Persuasive Essays // *Computational Linguistics*. 2016. Vol. 43 (1).
- Walton D., Reed C., Macagno F.* *Argumentation schemes* // New York: Cambridge University Press. 2008. 443 p.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-11-00325, <https://rscf.ru/project/23-11-00325/>.

Подзолкова Татьяна Александровна

аспирант, кафедра математической лингвистики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
podzolkova.tatyana@gmail.com

НЕЙРОСЕТЕВОЙ ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИМЕННЫХ СУЩНОСТЕЙ.

Ключевые слова: нейронный машинный перевод, распознавание именованных сущностей, китайский язык, машинное обучение.

В связи с развитием и укреплением российско-китайских взаимоотношений растет необходимость широкого лингвистического сотрудничества. Невозможно представить русско-китайскую межкультурную коммуникацию без использования технологий машинного перевода. Большинство таких технологий сейчас активно используют нейронные сети, что существенно повышает качество перевода. К сожалению, нейронный перевод русско-китайской языковой пары, в отличие от русско-английской или англо-китайской, развивается гораздо медленнее.

Это связано со многими факторами, к которым, например, относятся: разный тип письменности языков (русский язык — флективный, китайский язык — изолирующий), полисемантность лексических единиц, идиоматичность китайского языка и др. Особую сложность вызывает перевод именных сущностей (Named Entity Recognition, NER) с китайского языка. Задачи извлечения или определения именных сущностей сводятся к выявлению в текстах имен собственных, названий мест, организаций, в некоторых случаях — дат, чисел и других сущностей (где можно это использовать).

Если перевод именных сущностей с русского языка происходит преимущественно с помощью подбора русскому слогу подходящего по фонетическому звучанию китайского слога, то с переводом китайских именных сущностей на русский язык дело обстоит иначе, и связано это с проблемой сегментации китайских иероглифов. Имена собственные и иностранные переведенные названия относятся к новым словам — тем, которых нет в словаре. Идентификация новых слов также затрудняет процесс сегментации текста и, соответственно, выделению именных сущностей.

Вопросы китайского NER поднимаются во многих современных исследованиях. Метриками оценки NER являются точность, полнота, F1-мера. Единицей для расчета этих метрик считается сущность, а не слово. Точность равна доле истинноположительных классификаций к общему числу положительных классификаций. Данная величина часто упоминается как *positive predictive value* (PPV) или положительное прогностическое значение. Полнота, известная еще как чувствительность или доля истинноположительных примеров (TPR — *true positive rate*), определяется как число истинноположительных классификаций относительно общего числа положительных наблюдений. F1-мера объединяет в себе две предыдущие метрики. Если точность и полнота имеют одинаковый вес, при их уменьшении F1-мера сокращается пропорционально.

Необходимо также сказать об использовании пословной разметки последовательности слов. В этой задаче первый шаг — расставить BIO-метки: B-метка (*beginning*) проставляется для обозначения начала интересующей нас сущности, I (*inside*) — для обозначения слова внутри нее, а O (*outside*) — это любое слово за ее пределами.

Существует три подхода к решению проблем NER в китайском языке:

1. Методы распознавания на основе правил (*rule-based-systems*), построенные на регулярных выражениях, грамматиках и словарях сущностей. Так как на имена собственные (составляющие большую часть неизвестных слов) приходится более пятидесяти процентов ошибок, допускаемых в рамках применения данного подхода, исследователи использовали сублингвальный механизм как новый метод распознавания китайских имен [Wang et al. 2015: 940–956].

2. Статистические методы, основанные на выделении признаков сущностей, таких как отнесенность к какой-либо части речи, морфология, количество цифр, количество прописных букв и др.
3. Подходы, использующие conditional random fields (CRF) и нейронные сети (RNN, CNN, LSTM и др.) Китайскую модель глубокого обучения NER можно разделить на уровень встроеного представления, уровень моделирования последовательностей и уровень декодирования меток.

В последние годы основными методами повышения точности китайского NER являются добавление словарной информации к предложениям на уровне символов. Общая идея заключается в 1) построении структуры с большим количеством словесной информации в предложении на уровне символов посредством сопоставления словаря; 2) кодировании этой структуры для получения представления предложения с добавленной информацией о слове; 3) использование CRF для декодирования последовательности тегов. В настоящее время общие методы улучшения словарной информации в китайском NER можно разделить на две категории: 1) динамическое улучшение на уровне моделирования последовательностей, 2) улучшение уровня встроеного представления [Zhang et al. 2018: 1554–1564].

К основным методам повышения точности китайского NER также относится метод вложенных сущностей. Из-за большого количества вложенных сущностей в китайских текстах каждой сущности соответствует несколько меток. Один из способов решения этой задачи — динамическое сложение плоских слоев NER для идентификации вложенных объектов, создание динамической иерархической модели [Ju Meizhi et al. 2018: 1446–1459]. Модель делит каждый вложенный именованный объект на несколько уровней для распознавания и передает полученную информацию на следующий уровень распознавания объекта после завершения каждого уровня и так далее. В этом методе использование внутренних объектов значительно облегчает обнаружение внешних.

Модели NER, основанные на глубоком обучении, обычно требуют крупномасштабных размеченных данных для лучшего обучения. Когда данных метки недостаточно, модель не может полностью изучить скрытые особенности данных, что значительно снижает производительность NER.

Таким образом, наиболее эффективные методы повышения точности распознавания именованных сущностей китайского языка — методы, основанные на рекуррентных нейронных сетях, Bi-LSTM, а также сверточных сетях в связи с CRF. Особое внимание необходимо уделить проблеме сегментации китайского текста, а также проблеме вложенных сущностей.

Литература

- Ju M., Miwa M., Ananiadou S. A neural layered model for nested named entity recognition // Proc. of the 2018 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. 2018. Vol. 1 (Long Papers). P. 446–1459.
- Wang L., Li W., Chang C. Recognizing unregistered names for Mandarin word identification // Proc. of International Conference on Computation Linguistics. 1992. Vol. 4. P. 1239–1243.
- Zhang Y., Yang J. Chinese NER Using Lattice LSTM // Proc. of ACL. 2018. Vol. 1. P. 1554–1564.

Рогозина Елена Андреевна¹, Алексеева Елена Леонидовна²,
Азарова Ирина Владимировна³, Сипунин Константин Владимирович⁴

¹старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.rogozina@spbu.ru

²канд. филол. наук,
Санкт-Петербургский государственный университет;
el.alexeeva@gmail.com

³канд. филол. наук,
Санкт-Петербургский государственный университет;
el.alexeeva@gmail.com

⁴аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет;
79818514079@yandex.ru

КОМПЛЕКСНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВОСЬМИ ЖИТИЙ В КОРПУСЕ СКАТ

Ключевые слова: корпус, жития, элементы содержания, цитаты, XML-разметка.

Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов (СКАТ) — это электронный корпус агиографических церковнославянских текстов XV–XVII вв., созданный на кафедре прикладной и математической лингвистики СПбГУ. На данный момент в корпусе содержится 22 текста житий севернорусских святых, изданных кафедрой математической лингвистики СПбГУ в 2002–2012 гг. В рамках проекта ведется работа по структурированию текстов в формате XML: вводится морфологическая и синтаксическая разметка.

Для восьми житий корпуса помимо морфологической введены еще два вида разметки: в них размечена содержательная структура текста и выделены цитаты. Это жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого, Григория Пельшемского, Корнилия Комельского, Кирилла Новоезерского, Кассиана Угличского, Игнатия Вологодского и Иоасафа Каменского.

Под разметкой содержательной структуры подразумевается разметка основных элементов сюжета, своего рода глав. Структура житийных текстов во многом схожа, поскольку жития строились по определенному канону. При создании агиографических текстов часто использовался прием сопоставления святого с его «агиолотипом»: при написании новых текстов авторы свободно пользовались текстами предшественников, иногда адаптируя или сокращая текст, а порой заимствуя целые фрагменты [Панченко 2003]. В результате такого подхода структура житий превратилась «в стройное и сложное архитектурное здание, в однообразные формы которого стремились облекать разнообразие исторические явления» [Ключевский 2002: 299].

Шесть из восьми текстов, для которых уже введена разметка элементов содержания, представляют собой жития основателей монастырей, поэтому можно было рассчитывать на наличие общих черт в их композиции из-за того, что «тип подвига святого... определяет особенности композиционной структуры и поэтики его жития» [Руди 2006: 431]. Опираясь на понимание этих принципов, мы выявили общую для житий преподобных схему построения сюжета. Введение XML-разметки позволило создать для текстов оглавления, которые упрощают работу с отдельными «главами» и позволяют сравнивать одинаковые элементы сюжета в разных житиях.

Еще два размеченных текста представляют собой жития чудотворцев. Сравнение всех восьми текстов позволяет оценить сходства и различия в построении сюжета и использовании цитат в житийных текстах разных типов.

Как оказалось, несмотря на различие типов святости, во всех житиях есть общие элементы сюжетной схемы: значительное сходство прослеживается в описании жизни святого до пострига, а также в описании кончины святого. Жизнь святого до пострига описывается в хронологическом порядке, поэтому в житиях чудотворцев можно наблюдать ту же последовательность сюжетных элементов, что и в житиях преподобных: рассказ о родителях, о рождении святого, уче-

нии, воздержании и мирской жизни во взрослом возрасте. В описании кончины святых также наблюдается значительное сходство: предчувствие собственной смерти, причастие и последняя воля, описание кончины, чудесного преображения облика святого, погребении и посмертных чудес. Таким образом, несмотря на явные различия в сюжетной схеме, связанные с описанием разных типов подвига святого, существуют и общие для всех жизнеописаний черты.

Второй тип разметки, который введен для восьми житий, это разметка цитат. Основную часть составляют цитаты из Библии, также встречаются цитаты из сочинений отцов церкви и литургических текстов.

Сопоставляя два вида разметки элементов содержания, можно отслеживать распределение цитат по текстам и элементам сюжетной схемы. Это позволяет находить закономерности в использовании цитат или выявлять цитаты, характерные для определенных разделов. Также появляется возможность выявить повторяющиеся фрагменты текстов, которые заимствовались из одного жития в другое вместе с использованными в них цитатами. Так, например, обнаружилось повторяющиеся фрагменты в описании рождения, младенчества и отрочества святых Дмитрия Прилуцкого и Григория Пельшемского, в которых содержатся одни и те же библейские цитаты в одинаковом порядке. Такое совпадение может объясняться связью текстов между собой.

В то же время в размеченных текстах встречаются цитаты, использование которых не объясняется влиянием текстов друг на друга. Например, в четырех из восьми размеченных житий встретила цитата из книги Царств «прославляющая мя прославлю», которая во всех случаях использовалась в описании кончины и погребения святого. Причем эта цитата встречается как в житиях преподобных, так и в одном из житий чудотворцев. Также в четырех текстах (в трех житиях основателей монастырей и в одном житии чудотворца) встретила цитата из Евангелия от Матфея «внидите узкими вратами: яко пространная врата и широкий путь вводяи в пагубу, и мнози суть входящи им что узкая врата и тесный путь, вводяи в живот, и мало есть их, иже обретают его». Эта цитата используется в похожих элементах сюжетной схемы всегда в одинаковом контексте: при описании добродетельной жизни святого. Подобные примеры позволяют предположить, что могут быть цитаты, характерные для определенных элементов сюжетной схемы, иллюстрирующие определенные события в жизни святого или подчеркивающие определенные характеристики.

Таким образом, продолжая работу по анализу различных элементов содержания в житиях основателей монастырей, а также проводя сравнение с другими типами житий, мы можем ять не только различия, но и общие для всех житийных текстов черты.

Литература

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003.

Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике, гимнографии) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 54. С. 491–534.

Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ (Труды Отдела древнерусской литературы). СПб., 2006. Т. 57. С. 43–500.

Серова Олеся Усмановна

аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;

serovaolesyau@gmail.com

ИНДИКАТОРЫ ФЕНОМЕНА TRANSLATIONESE В МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: машинный перевод, translationese, переводческие универсалии, научная статья.

Характерное отличие аутентичных текстов от текстов перевода обращало на себя внимание целого ряда исследователей еще в последней четверти XX века. Согласно одной точке зрения, текст перевода подвержен влиянию языковой интерференции со стороны языковой системы оригинала [Gellerstam 1996: 88–90]. Другая позиция подразумевает наличие двустороннего воздействия на текст перевода как со стороны языковой системы оригинала, так и целевой языковой системы [Toury 1979: 227]. Также существует взгляд, что переводные тексты обладают особыми универсальными характеристиками не в результате интерференции со стороны какой-либо лингвистической системы, но в силу самого процесса перевода [Baker 1993: 243]. Согласно этим точкам зрения, переводной текст обладает рядом уникальных значимых характеристик (или индикаторов), позволяющих отличить его от аутентичного текста, изначально написанного на целевом языке. Данное явление принято называть термином translationese.

Изучение феномена translationese в машинном переводе научных статей на материале русского языка переводов является важной и актуальной задачей в современной лингвистике по ряду причин. Во-первых, наличие данного феномена в тексте перевода говорит о том, что переводные тексты воспринимаются иначе, чем аутентичные тексты того же стиля и жанра, а это намекает на неестественность и непривычность переводного текста для носителей целевого языка. Изучение индикаторов, способствующих затрудненному восприятию текстов, могло бы поспособствовать повышению качества машинного перевода.

Другая причина состоит в том, что зачастую в своей научной деятельности ученые прибегают к использованию систем машинного перевода. И поскольку для научных текстов крайне важными представляются точность и ясность, необходимым видится стремление избежать искажения смысла текста и способствовать его лучшему восприятию. Работа в данном направлении помогла бы пролить свет на данную проблему.

С целью исследования феномена translationese в машинном переводе текстов научного стиля (жанр «научная статья») было отобрано 60 статей, представленных в научных журналах по разным тематикам. 30 статей — аутентичные научные тексты на русском языке, другие 30 — научные тексты на английском языке, далее переведенные на русский язык при помощи системы машинного перевода Google Translate. Все тексты были одной длины (114 предложений), прошли предобработку: из них были удалены заголовки, аннотации, ключевые слова, ссылки и (при наличии) математические формулы.

Для анализа феномена translationese были выбраны 4 наиболее исследованные в переводческой литературе универсалии, отражающие данный феномен [Volansky 2013: 98–118]: 1) симплификация, 2) нормализация, 3) эксплицитация, 4) интерференция. Данные универсалии представлены в переводе соответствующими формальными индикаторами. Так, отобранные тексты были проанализированы по каждому из этих индикаторов. В результате были выявлены следующие средние значения для каждого из показателей:

1) Универсалия симплификация:

- в лексической плотности текстов не было выявлено больших различий, для машинного перевода (МП) она составила 65,7 %, для аутентичных текстов — 64,4 %;
- лексическая вариативность для МП составила 32 %, в то время как для аутентичных текстов этот показатель был равен 34,65 %;

- средняя длина предложения в символах и в токенах для МП составила 165 символов и 28,2 слова соответственно, для аутентичных текстов — 153 символа и 27 слов;
- средняя длина слов в символах и в слогах для МП составила 6,8 символа и 2,9 слога, для аутентичных текстов — 6,6 символа и 2,7 слога;
- средний ранг слов в тексте, отражающий их уникальность по шкале от 1 до 6000 [Volansky 2013: 98–118], для МП составил 2147, для аутентичных текстов — 2660.

2) Универсалия нормализация:

- повторяемость для машинного перевода и для аутентичных текстов не выявила большого различия, она составила 40 % и 41 % соответственно;

3) Универсалия эксплицитация:

- были проанализированы дискурсивные маркеры (ДМ) научного текста для связи на глобальном и на локальном уровне: для связи на глобальном уровне примечательно то, что ДМ организации следования информации в тексте в МП встречаются в 2,2 раза чаще, чем в аутентичных текстах. А вот ДМ вывода и заключения встречаются в аутентичных текстах в 1,3 раза чаще, чем соответствующие маркеры в МП.

Для связи на локальном уровне примечательно следующее: ДМ ввода новой/дополнительной информации используются в 1,6 раза чаще в МП, чем в аутентичных текстах; ДМ пояснения также встречаются в 1,4 раза чаще в МП; наконец, ДМ введения примеров в МП встречаются в 2,7 раз чаще, чем в аутентичных текстах

4) Универсалия интерференция:

- для анализа данной универсалии использовался анализ n-грамм, а именно униграмм, биграмм и триграмм. Так, для анализа униграмм примечательным стало следующее: МП в среднем содержат большее количество местоимений, чем аутентичные тексты (82 и 46 соответственно), глаголов (315 и 235 соответственно), имен существительных (1019 и 950 соответственно), подчинительных союзов (82 и 46 соответственно), сочинительных союзов (128 и 105 соответственно). В то же время аутентичные тексты содержат большее количество имен прилагательных в сравнении с МП (427 и 377 соответственно).

Анализ биграмм аутентичных текстов и МП выявил, что в аутентичных текстах в среднем было найдено большее, чем в МП, количество сочетаний ADJ+NOUN (295 и 276 соответственно) и NOUN+ADJ (112 и 82 соответственно). В МП переводе было выявлено большее, чем в аутентичных текстах, количество следующих сочетаний: PREP+NOUN (185 и 162 соответственно), VERB+PREP (80 и 61 соответственно), NOUN+coordinating CONJ (70 и 43 соответственно), VERB+NOUN (83 и 61 соответственно), NOUN+PREP (161 и 127 соответственно).

Анализ триграмм выявил следующее: в текстах МП в среднем было выявлено большее количество, чем в аутентичных текстах, сочетаний NOUN+PREP+NOUN (99 и 67 соответственно), NOUN+coordinating CONJ+NOUN (42 и 23 соответственно). В аутентичных текстах, в свою очередь, обнаружено большее количество, чем в МП, сочетаний NOUN+ADJ+NOUN (83 и 44 соответственно).

Литература

- Baker M.* Corpus linguistics and translation studies: Implications and applications // *Text and Technology*. 1993. P. 243.
- Gellerstam M.* Translationese in Swedish novels translated from English // *Translation Studies in Scandinavia*. 1986. P. 88–90.
- Toury G.* Interlanguage and its Manifestations in Translation // *Translators' Journal*. 1979. Vol. 24(2). P. 227.
- Volansky V., Ordan N., Wintner Sh.* On the features of translationese // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2013. Vol. 30(1). P. 98–118.

Тимофеева Мария Кирилловна

д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт математики им. С.Л. Соболева СО РАН;
ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН;
timof@math.nsc.ru, mtimof@inbox.ru

ТЕРМИНЫ-БЛИЗНЕЦЫ В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЛОГИКЕ

Ключевые слова: сопоставительный анализ, консубстанциональные термины, дифференциальные признаки, лингвистика, логика.

Языкознание и логика — области знания, взаимодействовавшие на протяжении всей своей долгой истории. Их объединяет прежде всего общий объект интересов — естественный язык. Поэтому неудивительно, что терминологические системы данных научных дисциплин включают немало общих терминов, различающихся, тем не менее, по своему значению. В качестве примеров можно назвать термины предикат, пропозиция, высказывание, предложение, модальность, модель. Такого рода термины, используемые параллельно в разных дисциплинах, относят к числу консубстанциональных. У каждой пары терминов-близнецов, один из которых является термином языкознания, другой — логики, есть как совпадающие, так и различающиеся компоненты содержания. Причём различия проистекают не только из того, что современная логика — это раздел математики, то есть более точная дисциплина по сравнению с языкознанием. В каждой из этих дисциплин термины приобрели специфические аспекты значений. Если бы языкознание и логика развивались автономно, то различия значений не создавали бы проблем. Однако междисциплинарные исследования, разработка математических и компьютерных моделей языка сопряжены с взаимодействием представителей названных специальностей. А для такого взаимодействия разное понимание одних и тех же слов — безусловное препятствие. Многолетнее сотрудничество с филологами, математиками, программистами привело к осознанию этого препятствия довольно давно [Тимофеева 2007], проект междисциплинарного сопоставительного словаря терминов возник позже, в 2022 году [Тимофеева 2023].

Аналоги такого типа словарей отсутствуют, хотя необходимость их разработки отмечалась ранее. Так, А.Д. Хаютин [Хаютин, 1972] в качестве одной из задач прикладного терминоведения назвал сопоставление терминологических систем разных отраслей науки на основе соответствующих терминологических словарей и с участием как лексикографов, так и специалистов в рассматриваемых научных областях. Иначе говоря, для создания междисциплинарного словаря необходимо междисциплинарное сотрудничество и, скорее всего, разработка новых принципов создания словаря. Возможно, названные факторы, осложняющие словарную работу, отчасти объясняют тот факт, что междисциплинарных сопоставительных словарей консубстанциональных терминов до сих пор не существует.

Основными методами, использованными при составлении представляемого словаря, были дефиниционный анализ (анализ толкований) и компонентный анализ (выявление дифференциальных и интегральных признаков понятий). Толкования терминов брались прежде всего из базовых изданий рассматриваемых дисциплин: Словаря лингвистических терминов О.С. Ахмановой (М.: URSS, 2021), Лингвистического энциклопедического словаря (М.: Советская энциклопедия, 1990), Математического энциклопедического словаря (М.: Советская энциклопедия, 1988), а также из ряда других справочных изданий, учебников и научных работ по языкознанию и логике.

Структура словарной статьи включает: заголовок (анализируемый термин); его толкования из базовых источников (цитатная информация) по языкознанию и логике; анализ толкований и употребления; обобщение в виде таблицы дифференциальных и интегральных признаков.

Рассмотрим для примера термин предикат — один из базовых терминов как языкознания, так и логики. Ниже приведены сокращённые формулировки из словарной статьи для этого термина, в самом словаре каждый пункт поясняется и, в случае необходимости, иллюстрируется

примерами. Различия между трактовками термина предикат можно описать, перечислив ряд альтернатив (первый элемент пары характеризует языкознание, второй — логику):

- 1) несовпадение / совпадение множества единиц языка, называемых предикатами, и множества единиц языка, способных выполнять функцию предиката в высказывании;
- 2) совместимость / несовместимость в одном знаке функции предиката и функции модального оператора;
- 3) наличие вариантов обозначения / неизменность обозначения в языке одного и того же предиката;
- 4) варьируемость / фиксированность состава аргументов предиката; необязательность / обязательность их явного присутствия в правильном выражении языка;
- 5) возможность / недопустимость несовпадения количества аргументов предиката при его рассмотрении на уровне синтаксиса и на уровне семантики;
- 6) нечёткость / чёткость правил использования и классификации предикатных символов, входящих в состав языка;
- 7) задание правил использования и классификации предикатов языка с учётом их семантики / только на основе синтаксиса.
- 8) обязательность / необязательность соотнесённости предиката со временем;
- 9) необязательность / обязательность соотнесённости предиката со значением истинности;
- 10) ранжированность / отсутствие ранжированности: а) единиц языка по возможности выполнения ими функции предиката и по силе этой функции, б) аргументов предиката по обязательности их присутствия в правильном высказывании, в) составляющих высказывания, выполняющих в нём функцию предиката, по силе этой функции.

Трактовки понятия предикат в языкознании и логике характеризуются следующими интегральными признаками: предикат — это языковое средство указания на свойство одного объекта (одноместный предикат) или отношение между конечным числом n объектов (n -местный предикат); предикаты классифицируются по числу их аргументов; возможно изучение закономерностей использования предикатов с определённой семантикой.

В текущем году планируется издать в Новосибирском государственном университете материалы к данному словарю, включающие сравнительный анализ значений рассмотренных к настоящему времени общих терминов языкознания и логики (25 пар терминов).

Основное прикладное назначение словаря — поддержка междисциплинарного взаимодействия. Словарь также даёт информацию для изучения когнитивных различий в познании одного и того же объекта (языка) представителями разных научных направлений.

Литература

- Тимофеева М. К.* Язык с позиции философии, психологии, математики: Учебное пособие. Новосибирск, изд-во НГУ, 2007. 144 с. Переиздания: М.: Флинта: Наука, 2009; 2013; 2019.
- Тимофеева М. К.* Междисциплинарный сопоставительный словарь терминов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. 9, № 1. С. 143–158.
- Хаятин А. Д.* Термин, терминология, номенклатура: Учеб. Пособие. М-во высш. и сред. спец. образования УзССР. Самарк. гос. ун-т им. Алишера Навои. Самарканд: 1972. 129 с.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМ СО РАН проект № FWNF-2022-0012.

Хохлова Мария Владимировна

*канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
m.khokhlova@spbu.ru*

БАЗА ДАННЫХ КОЛЛОКАЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СЛОВАРЯХ И КОРПУСАХ

Ключевые слова: коллокации, база данных, словари, корпуса текстов, русский язык.

Устойчивые словосочетания достаточно подробным образом представлены в разнообразных словарях, однако корпуса текстов открывают новые возможности для получения более подробной информации. Прежде всего, речь идет о квантитативных данных, которые могут быть указаны как дополнение к результатам запросов. В зарубежных системах некоторые из этих технических возможностей были давно реализованы. Например, в системах Sketch Engine [Kilgarriff et al. 2014] или AntConc [Anthony 2023] выдаваемые словосочетания сопровождаются значениями статистических метрик, строятся графики с указанием частотностей лексических единиц, а также формируются модели сочетаемости на основе правил и количественных характеристик. В то же время для русскоязычных ресурсов дополнительные инструменты использовались довольно редко. В базе данных CoCoCo (“Collocations, Colligations, Corpora”) [Korotev et al., 2013] представлены многословные выражения, которые извлечены из Национального корпуса русского языка, корпусов Taiga и ruWac. Коллокации, коллигации и идиомы дополнены указанием статистических метрик, которые позволяют маркировать степень устойчивости словосочетания (если ее понимать как некоторое значение на шкале). Последнее обновление НКРЯ включило в себя целый аппарат, который существенно расширяет возможности изучения сочетаемости. Прежде всего, это «Портрет слова», в котором по запросу пользователя могут быть продемонстрированы скетчи (типовые модели сочетаемости, построенные по аналогии с системой Sketch Engine), ранжированная частотность слова (от низкой до высокой), схожие по своей семантике слова, которые встречаются в одинаковых контекстах (механизм их выявления реализован на основе нейросетевых алгоритмов). Отдельно реализован поиск коллокаций, результаты которого, с одной стороны, пересекаются с результатами, демонстрируемыми инструментом «скетчи», а с другой стороны, содержат большее количество примеров. Тем не менее, речь идет об автоматически полученных словосочетаниях, устойчивость которых может быть определена только на основе специальных метрик и не получает иной (экспертной) оценки.

В связи с этим не теряет своей актуальности задача разработки отдельного ресурса, который мог бы связать те данные, которые представлены в словарях, с примерами, выдаваемыми корпусами текстов. Нами ведется работа по созданию базы данных коллокаций русского языка [Хохлова 2021], которая призвана стать своеобразным «мостом» между этими двумя типами ресурсов применительно к задаче исследования сочетаемости. В разрабатываемой базе данных коллокаций представлены устойчивые словосочетания, извлеченные из словарей и корпусов текстов русского языка при помощи автоматических методов. Данные были извлечены из ромбовой части толковых словарей (там указаны фразеологические обороты и устойчивые словосочетания) и из словарей сочетаемости (в них приводятся списки соответствующих единиц). В настоящее время в ней содержится 40 тыс. единиц, которые были зафиксированы в 9 толковых словарях и словарях устойчивых словосочетаний и представлены следующими моделями: «прилагательное + существительное» (открытый вопрос), «причастие + существительное» (заслуженная награда) «наречие + прилагательное» (невыносимо скучный) и «глагол + существительное» (растягивать удовольствие).

В базе данных реализованы два интерфейса, которые нацелены на рядовых пользователей (например, изучающих русский язык) и специалистов. Первый тип называется лингвистиче-

ским и позволяет искать коллокации по ключевому слову или по коллокату. Результаты содержат информацию о толковании слов на основе Викисловаря, о типе синтаксической структуры, ссылки на корпуса, а также то количество словарей, в которых приводится данное сочетание (словарный индекс). В базе данных реализована визуализация для отображения того, насколько воспроизводимым является коллокация с точки зрения ее представленности в словарях. Второй тип поиска носит название статистического и является более специализированным. В этом случае найденные примеры содержат указание на конкретные словари, в которых встретилось то или иное словосочетание, а также значения упомянутых выше статистических метрик, которые широко используются при исследовании устойчивой сочетаемости (t-score, MI, MI3, log-likelihood, logDice). Данные значения показаны также в виде столбчатых диаграмм, на которых можно выбрать количество отображаемых столбцов (мер). Дополнительно указываются относительные частоты, вычисленные на основе нескольких корпусов (в том числе НКРЯ).

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос, связанный с дальнейшим развитием базы данных. Поскольку она рассчитана в том числе на изучающих русский язык, то речь идет о том, чтобы результаты отображались интуитивно понятным образом. Например, полезно будет показать кластеры, в которые могут объединяться коллокации, или продемонстрировать списки словосочетаний, ранжированных по уровням (схожие с лексическими минимумами). Также важно объединить базу данных с существующими корпусами текстов, расширив возможности последних.

Литература

- Kilgarriff A., Baisa V., Bušta J., Jakubíček M., Kovář V., Michelfeit J., Rychlý P., Suchomel V.* The Sketch Engine: ten years on // *Lexicography*, 2014. P. 1: 7–36.
- Anthony L.* AntConc (Version 4.2.4) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University, 2023. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software> (дата обращения: 31.01.2024).
- Kopotev M., Pivovarova L., Kochetkova N., Yangarber R.* Automatic Detection of Stable Grammatical Features in n-grams // *Papers from the 9th Workshop on Multiword Expressions at NAACL 2013*. Atlanta, 2013. P. 73–81.
- Хохлова М. В.* Атрибутивные коллокации в золотом стандарте сочетаемости русского языка и их представление в словарях и корпусах текстов // *Вопр. лексикографии*. 2021. № 21. С. 33–68.

Чебанов Сергей Викторович

д-р филол. наук, профессор, кафедра математической лингвистики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
s.chebanov@spbu.ru

ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ЛИНГВО-СЕМИОТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Ключевые слова: лингво-семиотические категории, произвольность знака, экспериенциализм, прикладная лингвистика.

В основополагающих лингво-семиотических текстах используются термины с непрояснённым смыслом, порождая недопонимание не из-за столкновений эксплицитных трактовок, а из-за отождествления разных неэксплицированных значений термина, появившихся в ходе складывания данного куста знаний в период научных революций первой трети XX века. Поэтому образовавшийся конгломерат категорий противоречит требованиям И. А. Мельчука точности, эксплицированности и формализованности, предъявляемых к лингвистике, способной решать прикладные (инженерные) задачи, что видно из следующих примеров.

Ф. де Соссюр и Л. Ельмслев понимают знак билатералистически (трактуя его как единство означающего и означаемого, представленное рисунками [Соссюр 1977: 99–100]), а Пирс и Ч. Моррис [Моррис 2001] — унилатералистически, поскольку знак — один из членов триады, представляющей семиозис (понимаемый билатералистически, причём более дифференцировано, чем в европейской семиологии), двумя остальными из которой являются объект и интерпретанта.

Другая точка напряжения — статус синтактики единиц плана содержания и двусторонних единиц в европейской семиотике и смешанных концепциях мировой семиотики, поскольку для определения синтактики даётся ссылка на Ч. Морриса, у которого синтактические отношения определены для унилатеральных знаков, соотносимых только с планом выражения европейской семиологии. Аналогично прагматика, сформулированная в американской семиотике, переносится без специальных обоснований в европейскую семиологию.

Устоявшаяся трактовка противопоставляет трехчленную оппозицию «язык — речь — речевая деятельность» Л. В. Щербы двухчленной «язык — речь» Соссюра. Однако, в «Курсе» речевая деятельность (langage) рассматривается, т. е. триада присутствует, но менее артикулировано.

Аналогично подчёркивается немотивированность знака у Соссюра (в противоположность иконичности у Пирса), хотя в «Курсе» вопрос представлен сложнее. В разделе «Первый принцип: произвольность знака» [Соссюр 1977: 100–102] произвольность (arbitraire) трактуется как немотивированность (как следует из примеров) и подчёркивается, что произвольность относится не к прихоти отдельного человека, а к действиям говорящего коллектива [там же: 110]. Такая произвольность не исключает мотивированности — произвол может заключаться в требовании её наличия. Примеры и общие формулировки расходятся возможно из-за неточности записей курса, причём указывается на неполную произвольность символа ([там же: 101]; ср. символ у Пирса — знак, полностью немотивированный) и присутствие мотивированности в звукоподражаниях и междометиях [там же: 102]. В итоге обсуждается абсолютная и относительная произвольность знака [там же: 163–166] и признаётся непроизвольность, мотивированность производных слов, что исключает абсолютизацию произвольности знака у Соссюра.

Показательна история категории лингвистического эксперимента [Щерба 1931], введённой для сближения строгости гуманитарного и естественнонаучного (прежде всего физического) знания. Экспериментом в лингвистике был назван опрос наивных носителей языка о приемлемости предлагаемых им исследователем словоформ и выражений.

С 1980-ых гг. сходный метод использовали американские когнитивные лингвисты (напр., [Лакофф 2004]), говорящие об экспериенциальных моделях, экспериенциальном реализме, экспериенциализме как научной идеологии. Сначала это переводилось как «эксперименталь-

ный», но постепенно различие осознаётся и в указанном переводе Дж. Лакоффа И. Б. Шатуновским даются правильный перевод и поясняется смысл термина, история которого заключается в следующем.

Л. В. Щерба и американские когнитивисты занимались тем, что ныне называется интервьюированием экспертов — методом эмпирического исследования, дающим ассерторическое знание, полученное опытным путём, т. е. «экспериментальное».

«Эксперимент» же был предложен Галилеем для получения аподиктического знания (изложено в рукописи «De Motu») и был использован Галилеем для опровержения идущего от Аристотеля представления о зависимости скорости свободного падения тел от их веса. Следующее рассуждение: «Представьте ... два предмета, один из которых тяжелее другого, соединённых верёвкой друг с другом, и сбросьте эту связку с башни. Если мы предположим, что тяжёлые предметы ... падают быстрее, чем лёгкие ..., то лёгкий предмет должен замедлять падение тяжёлого. Но поскольку рассматриваемая система в целом тяжелее, чем один тяжёлый предмет, то она должна падать быстрее него. ... мы приходим к противоречию, из которого следует, что изначальное предположение ... — неверно», имеющее аподиктический статус, названо экспериментом, отличным от опыта (*experimentum* и *experientia*), задавая их как антонимы.

Введенные антонимы, пройдя через математическое естествознание Ньютона и изошрённость лабораторного исследования Фарадея, превратились в синонимы (и так использованы Щербой), хотя потребность в оппозиции осталась и восстановлена Э. Махом в различении лабораторного и мысленного (*Gedankenexperiment*) эксперимента. Американские когнитивисты терминологией Галилея оттенили свои работы, опираясь, видимо, на только что тогда проведенные исследования Т. Сеттле, С. Дрейка и Ч. Б. Шмитта его рукописей.

Внимание к деталям терминологии улучшает понимание основополагающих текстов и позволяет составлять фиксирующе-рекомендательные терминологические словари, в которых словоупотреблениям приписываются веса, различающиеся, скажем, для Галилея, Щербы, Соссюра и Лакоффа.

Литература

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. М., 2001. С. 45–97.

Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 71–273.

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия Академии наук СССР. Отд. общественных наук, 1931. № 1. С. 113–129.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» № 22-18-00383, в ИНИОН РАН.

Чжу Хуэй

Даляньский университет иностранных языков;
zhuhui1230@qq.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРЕВОДА И КОММУНИКАЦИИ В КИТАЕ (2012–2021): ВИЗУАЛИЗАЦИЯ НА ОСНОВЕ ПРОГРАММЫ CITESPACE

Ключевые слова: перевод и коммуникация, тенденция развития, будущие направления, CiteSpace.

В последние годы междисциплинарные исследования перевода и коммуникации в Китае привлекли внимание исследователей в области переводоведения. В данном исследовании с помощью программы визуального анализа CiteSpace (6.2.2) анализируются тенденции развития, основные темы и будущие перспективы исследований перевода и коммуникации в Китае в 2012–2022 гг. CiteSpace — это программное обеспечение для визуализации и анализа цитирования, предназначенное для научного анализа потенциальных знаний, заложенных в исследованиях, и разработанное в контексте наукометрии, визуализации данных и информации [Ли Цзе, Чэнь Чаомей 2016: 3]. Данные в нашем исследовании были получены из базы данных CNKI, и в общей сложности 323 статьи были отобраны из ведущих периодических изданий в области переводоведения и коммуникации.

1. Тенденция в междисциплинарных исследованиях перевода и коммуникации.

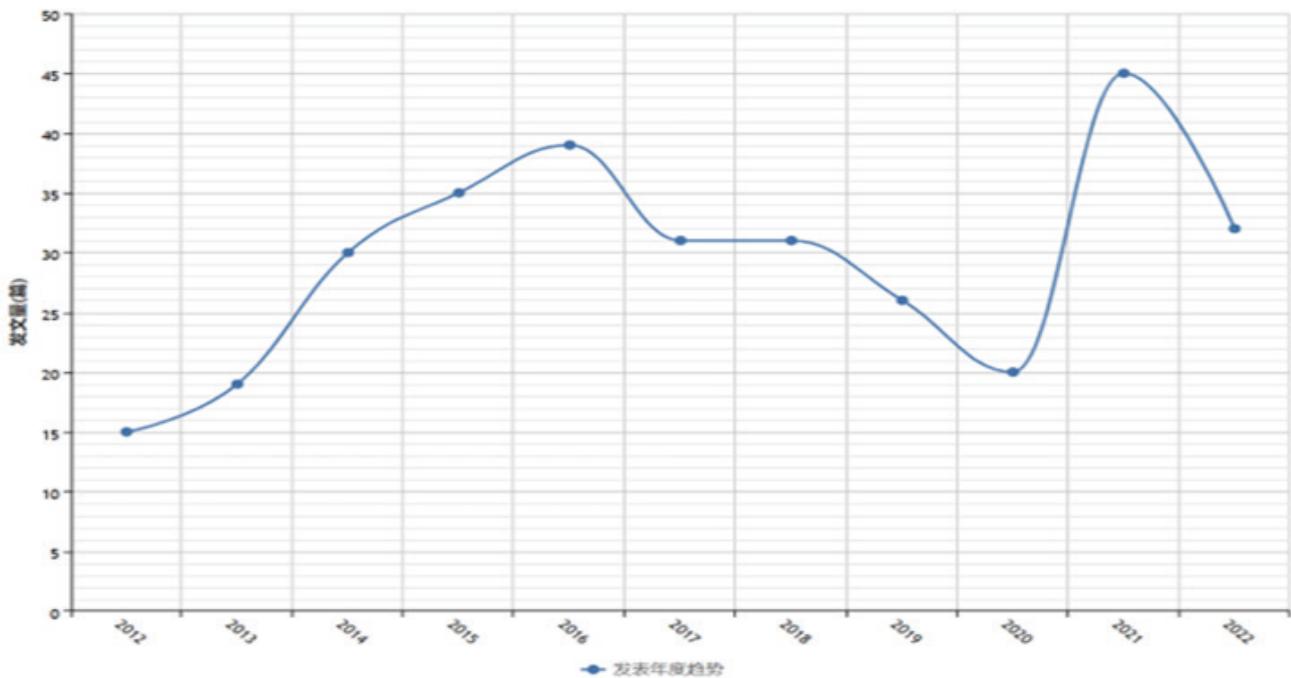

Рис. 1. Количество публикаций по исследованиям перевода и коммуникации в 2012—2022 гг.

Как показано на рисунке 1, исследования в области перевода и коммуникации в Китае (2012–2022) можно разделить на следующие три этапа: период роста (2012–2016), который проявляется в увеличении публикуемых из года в год работ и исследования в этой области стали привлекать внимание; период развития (2017–2020 гг.), когда количество публикуемых работ колеблется, но в каждом году выходит более 20 статей из ведущих периодических изданий Китая, что свидетельствует о том, что исследования в этой области постепенно становятся стабильными; и период зрелости (2021–2022 гг.), когда не только тенденция публикаций стабильна, но и количество публикуемых работ значительно увеличилось. Это говорит о том,

что междисциплинарные исследования в области перевода и коммуникации постепенно сформировались как самостоятельная область исследований.

2. Основные темы исследований перевода и коммуникации.

Ключевые слова являются основой статьи, и с помощью кластерного анализа ключевых слов CiteSpace мы можем понять основные темы исследований в области перевода и коммуникации в Китае. В данном исследовании CiteSpace формировал в общей сложности 9 кластеров: «перевод», «перевод и коммуникация», «точки зрения коммуникации», «перевод внешней пропаганды», «культурная коммуникация», «внешний перевод», «культура традиционной китайской медицины», «перевод с китайского на английский» и «инновация» (см. рис. 2).

Рис. 2. Визуализированная схема кластеров ключевых слов и словосочетаний CNKI

Сочетая результаты анализа CiteSpace и конкретные статьи, наше исследование показывает, что основные темы китайских исследований перевода и коммуникации могут быть сведены к следующим:

На макроуровне — теоретические основы перевода и коммуникации, имя и сущность науки переводческой коммуникации [Се Кэ, Ляо Сюэюй 2016], теории, модели и механизмы внешнего перевода на фоне международной коммуникации, переводческое мышление, перевод и издательские дела, обучение кадров перевода и коммуникации, механизм перевода и коммуникации китайской культуры и классической литературы в зарубежных странах, инновация системы международного дискурса и системы коммуникации. На микроуровне — проблемы стратегий, методов и техник перевода терминов китайской медицины, стратегия перевода туристических, политических, театральных текстов, новостей и т. д., стандартизация терминологии, методы перевода древних поэм, риторические стратегии в внешних пропагандистских текстах, стратегии перевода лексики с китайского языка на английский в политических документах, например «Си Цзиньпин о государственном управлении» и т. д.

3. Будущие направления исследований перевода и коммуникации.

Всплески (Burst) в CiteSpace могут продемонстрировать, какие ключевые слова внезапно увеличивают частоту за определенный период времени, или какие ключевые слова вдруг появляются за очень короткое время. С помощью этой функции можно уловить будущие тематики исследований перевода и коммуникации (рис. 3). Видно, что «точки зрения коммуникации» и «стратегия перевода» могут стать новейшими перспективными темами в этой области. В частности, в работах последних трех лет большее внимание уделяется следующим темам: (1) стратегии перевода китайских политических, культурных, литературных документов с точки зрения коммуникации; (2) Нынешняя ситуация, точки зрения и эффект распространения переводных документов за рубежом; (3) Теории и методологии междисциплинарных исследований перевода и коммуникации. Эти темы представляют собой передовые направления исследований перевода и коммуникации в Китае.

Top 7 Keywords with the Strongest Citation Bursts

Keywords	Year	Strength	Begin	End	2012 - 2022
中国译协	2012	3.03	2012	2014	
中译英	2012	2.62	2012	2015	
研讨会	2013	2.6	2013	2014	
翻译	2014	4.06	2016	2017	
茶文化	2016	3.21	2016	2017	
传播视角	2014	3.3	2020	2022	
翻译策略	2015	2.7	2021	2022	

Рис. 3. Всплески цитирований по темам перевода и коммуникации CNKI в 2012—2022 гг.

Междисциплинарное исследование перевода и коммуникации в Китае открывает большие перспективы, но в то же время существуют следующие проблемы в этой области:

- (1) Темы исследований более традиционны и однородны. Традиционные стратегии и методы перевода по-прежнему составляют важную часть исследований в этой области, а эмпирические исследования, посвященные оценке эффектов перевода для читателей, встречаются редко;
- (2) Методология исследования в основном качественная, а количественные исследования с использованием больших данных и корпусов относительно отстают.
- (3) Междисциплинарные теоретические основы в области исследования перевода и коммуникации слабы.

Перевод и коммуникация неразрывно связаны друг с другом. На фоне глобализации исследование перевода и коммуникации является чрезвычайно актуальным и необходимым.

Литература

- Ли Цзе, Чэнь Чаомэй. CiteSpace: поиск и визуализация научно-технических текстов. Изд-во Столичного университета экономики и бизнеса, 2016.
- Се Кэ, Ляо Сюэюй. Имя и сущность «Науки переводческой коммуникации» // Шанхайский перевод. 2016. № 1. С. 14–18.

Firsanova Victoria Igorevna

*PhD Student, Mathematical Linguistics Department,
Saint Petersburg State University;
st085687@student.spbu.ru*

EXPLORING THE IMPACT OF CONVERSATIONAL AI ON EDUCATION

Keywords: Conversational AI, Educational Technology, Transhumanism.

The 300th anniversary of Saint Petersburg State University and the Russian Academy of Sciences marks a significant milestone in the higher education history in our country. Curiously, this year marks the first anniversary of ChatGPT. Conversational Artificial Intelligence (ConvAI) agents, such as ChatGPT, YandexGPT, Google Bard, and others, present both opportunities and challenges for educators [Maeda 2019]. Furthermore, they are motivating us to redefine traditional educational systems.

The increasing use of ConvAI [Gao et al. 2018] systems among students questions the role of classic teaching strategies. Educators ask themselves, “Is there anything that we can still offer to future generations?” Conversely, enthusiasm grows stronger among educators who embrace digital culture and transhumanism. According to the transhumanism philosophy, technology should augment human capabilities. ConvAI appears to be the tool that can actually shift humanity toward a transhumanistic educational scenario.

Today, creative educators use innovative technologies to produce novel teaching activities, such as fact-checking practice, ConvAI-augmented debates, or content plan generation. Furthermore, ConvAI helps to provide personalized teaching plans for disabled and remote students and develop individualized education plans shifting from rote learning (a teaching method based on memorization) to information handling (teaching how to gather, organize, and filter information in the circumstances of post-truth [Harsin 2018]).

This research dedicated to the 300th anniversary of Saint Petersburg State University and the Russian Academy of Sciences sheds light on the ConvAI educational applications in Saint Petersburg. The primary research question guiding this study is how the ConvAI integration impacts educational technologies at Saint Petersburg universities. The study targets the Arts and Humanities faculties at Saint Petersburg State University (SpbU) and Higher School of Economics (HSE) campus at Saint Petersburg. Additionally, the study explores the following sub-questions: (1) how do educators respond to the increasing use of ConvAI by students; (2) how to increase teaching quality through the ConvAI integration; (3) how to mitigate educational ConvAI risks.

The research employs quantitative and qualitative analysis based on data collected from two surveys. One questionnaire will be distributed among educators to estimate their attitudes and experiences with ConvAI. The target audience for the other questionnaire will be BA and MA students of SpbU and HSE in Saint Petersburg. The latter should help to evaluate the influence of ConvAI on students' learning experience and progress. In-depth interviews with a focus group of educators and students will provide qualitative insights into the strategies for responding and adapting to technological challenges and transformations.

ConvAI learning outcomes will be assessed through classroom observations. By understanding students' and educators' attitudes, challenges, and successes, the findings can inform strategies for ConvAI educational integration. The study aims to design a novel teaching plan that combines AI-driven techniques with traditional educational methods.

The study results in a ConvAI-driven methodology that revolutionize some aspects of the traditional education. The proposed methodology employs content generation, learning assessment, and study plan organization. The study suggests integrating the following techniques at the Arts and Humanities faculties. The paper contributes to responsible and efficient AI-driven approaches that might enhance the overall educational experience.

Overview of proposed research methods:

1. Automated Brainstorming:

The method applies ConvAI to automate the brainstorming process for creating novel activities for students. The goal is to encourage thinking outside the box and develop creative approaches to enhance the learning experience. A system can provide educators with a pool of options for activities that go beyond traditional teaching approaches. For example, a prompt [Brown et al. 2020] “Generate a questionnaire to find out students’ research interests” would help to create an engaging activity for the course introduction.

2. Automated Cheat Sheet Generation:

The method uses AI to create comprehensive tables and illustrations that can serve as visual aids for students. The cheat sheets help students to memorize new material and apply it in academic and professional settings. Moreover, by automating the creation of visual aids, educators can enhance the accessibility of study materials.

3. Warm-Up Questionnaire Generation:

ConvAI generates a series of warm-up questions on topics covered in the curriculum. The questions serve as a review mechanism, aiding students in recalling and reinforcing their understanding of previously learned concepts. For example, regular use of prompts like “Generate ten questions about jobs and professions for speaking warm-up in English” in the beginning of a class ensures a continuous and adaptive teaching.

4. Task Generation:

Instead of relying on conventional math and coding problems with readily available solutions, this method involves ConvAI models to generate novel and personalized tasks. The task design becomes more engaging, challenging, and tailored to the specific students’ interests and needs. Constructing diverse tasks without readily available answers online through prompting would promote a deeper level of critical thinking and problem-solving skills.

5. Mistake Generation:

The method implies creating intentional inaccuracies or false information within educational content. Students are tasked to identify these mistakes using various sources. The approach aims to enhance students’ fact-checking and critical thinking skills. By incorporating deliberate errors, educators can enhance students’ research and validation skills in the era of information overload.

References

- Brown T. et al.* Language models are few-shot learners // Advances in neural information processing systems. 2020. T. 33. C. 1877–1901.
- Gao J., Galley M., Li L.* Neural approaches to conversational AI //The 41st international ACM SIGIR conference on research & development in information retrieval. 2018. C. 1371–1374.
- Harsin J.* Post-truth and critical communication studies // Oxford research encyclopedia of communication. 2018.
- Maeda J.* How to speak machine: Computational thinking for the rest of us. Penguin, 2019.

Абрамова Евгения Викторовна

*канд. филол. наук, доцент, кафедра английского языка в сфере экономики и права,
Санкт-Петербургский государственный университет;
janex@mail.ru*

ЭМОЦИОНАЛИЗАЦИЯ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА КАК СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: эмоционализация, медийный дискурс, речевое воздействие, манипуляция.

Доклад посвящен анализу имплицитных приемов речевого воздействия на широкую аудиторию в научно-популярных текстах на примере эмоционально-оценочных и образных средств. Обращение к эмоциям привлекает внимание лингвистов, социологов и психологов на протяжении последнего десятилетия, о чем свидетельствует растущий объем исследований в области прагматических импликаций и аффективных практик различных дискурсов [Wetherellatal 2015; Alba-Juez, Laura 2021; Lindquist 2021; Ariztimuño et al. 2022]. Глобальные трансформации существующего миропорядка и нарастающая геополитическая дестабилизация способствуют, на наш взгляд, повышению уровня эмоциональности в современной культуре и публичном пространстве. Эмоционализация присутствует практически во всех видах дискурса: как в политическом и медийном, для которых обращение к чувствам логично и обосновано, так и в экономическом, финансовом и даже академическом, которым эмоциональность, как известно, несвойственна. Исследование эмоционально-образных средств необходимо для понимания механизмов психологического воздействия на социальное поведение индивида и общества в целом. Особый интерес представляет обращение к скрытым формам вербального воздействия на эмоционально-волевую сферу массового сознания, которое наиболее эффективно реализуется именно с помощью имплицитных стратегий и тактик речевого влияния.

В докладе предпринята попытка анализа эмоционально-оценочных и образных средств с точки зрения их аргументационного потенциала и убеждающего воздействия на широкую аудиторию на примере 100 заголовочных комплексов новостных статей научно-популярных текстов. Выбор заголовка объектом исследования обусловлен его полифункциональным воздействующим потенциалом на сознание реципиента. Борьба за читательскую аудиторию, популярность в медийном пространстве, повышение уровня продаж издания вынуждают авторов статей формулировать заголовки таким образом, чтобы привлечь внимание, вызвать заинтересованность, повлиять на мнение адресата и, возможно, его изменить, убедить в нужном адресанту направлении, дать правильную оценку событию или явлению, вызвать необходимую реакцию на предлагаемое информационное сообщение. Актуальность работы обусловлена растущим интересом междисциплинарных исследований к выявлению эффективных стратегий вербального воздействия на аудиторию с целью привлечения внимания и побуждения к действиям через смену установок адресата. Цель исследования — проанализировать эмоционально-образную специфику функционирования высказывания в позиции заголовка. Новизна исследования определяется тем, что на примере заголовочного комплекса англоязычного медиатекста развиваются виды эмоционально-образных средств имплицитно воздействующих на сознание коммуниканта, уточняются стратегии и тактики периферийного механизма убеждения. В ходе анализа использовались как лингвистические методы (структурный, лексико-фразеологический и коммуникативно-прагматический анализ), так и общенаучные методы

Ответственные редакторы: д-р филол. наук *Т. В. Черниговская*, канд. филол. наук *П. М. Эйсмонт*.

(метод сплошной выборки, метод систематизации и классификации материала), а также метод контент-анализа. В результате проведенного исследования делается вывод об эффективности эмоционально-образных средств заголовочного комплекса как аргументативного инструмента речевого влияния на читательскую аудиторию для завладения ее вниманием с помощью персуазивного воздействия на социальное поведение адресата. Представляется, что осознание того, как воздействуют аттрактивные заголовки и какие средства убеждения при этом используются чрезвычайно важно для опознавания «честной» аргументации и манипулятивных приемов.

Литература

- Alba-Juez L. Affect and Emotion // M. Haugh, D. Kádár, & M. Terkourafi (eds). *The Cambridge Handbook of Sociopragmatics*. Cambridge Handbooks in Language and Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 340–362. doi:10.1017/9781108954105.019
- Ariztimuño L. I., Dreyfus S., Moore A. R. Emotion in speech: A systemic functional semiotic approach to the vocalisation of affect // *Language, Context and Text*. 2022. Vol. 4, issue 2. P. 335–374. DOI: <https://doi.org/10.1075/langct.21012.ari>
- Lindquist K. A. Language and Emotion: Introduction to the Special Issue // *Affective Science* 2. 2021. P. 91–98. <https://doi.org/10.1007/s42761-021-00049-7>
- Wetherell M. Trends in the turn to affect: A social psychological critique // *Body & Society*. 2015. Vol. 21 (2). P. 139–166. <https://doi.org/10.1177/1357034X14539020>

Альгина Ольга Владимировна

канд. филол. наук, старший преподаватель, кафедра английской филологии и перевода,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.algina@spbu.ru

ВОСПРИЯТИЕ, ПОНИМАНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ СМЫСЛА ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: смысл письменного текста, восприятие, понимание, интерпретация.

Данный доклад посвящен теоретическому обзору проблемы понимания письменного текста, а также выявлению его смысла реципиентом. Актуальность работы обусловлена все возрастающим интересом к изучению процессов восприятия и порождения смысла в сознании получателя текстовой информации в условиях его когнитивной деятельности.

Цель теоретического исследования состоит в уточнении и определении таких понятий как восприятие, понимание и интерпретация, как неотъемлемого условия реконструкции смысла письменного текста в сознании читателя в свете различных научных подходов. Цель данного исследования предполагает выполнение следующих задач: 1) рассмотреть существующие подходы к определению понятий восприятие, понимание, интерпретация и смысл письменного текста в лингвистическом и философском аспектах, 2) сравнить предложенные определения, 3) уточнить и систематизировать существующие подходы в отношении указанных понятий.

Несмотря на довольно долгую историю изучения понятия смысла текста, когда, в частности, шли споры относительно того, как именно следует понимать смысл того или иного текста, данное понятие до сих пор не получило единого толкования и определения в силу своей сложности и многогранности. В настоящее время к понятию смысловой составляющей текста ученые подходят по-разному. Согласно лингвистическому подходу смысл текста складывается из «интеграции лексических значений» двух или более смежных предложений [Жинкин 1985: 84–85]. По мнению других ученых смысл текста есть не что иное, как пересказ, выраженный в виде метатекста, то есть, по сути, передача содержания текста. При когнитивном подходе смысл представляет собой результат восприятия и понимания, на разных уровнях (уровень знаков, контекста и культурной ситуации). Стоит учитывать, что текст сам по себе представляет собой материальный носитель смысла, не зависящий от восприятия реципиента, и только, когда читатель начинает взаимодействовать с текстом, смысл этого текста сразу же модифицируется в результате когнитивной деятельности реципиента, и смысл текста, таким образом, является результатом понимания, двумя неотъемлемыми частями механизма которого являются его структура и семантика; вторая же часть смысловой составляющей находится «в сознании и памяти индивида, воспринимающего текст» [Брудный 2005: 135]. В результате выделяются различные уровни понимания текста: монтаж, перецентрировка и формирование общего концепта текста (его смысла) [Брудный 2005: 142]. При интерпретативном подходе к определению смысла интерпретация является «одним из способов воплощения смысла текста», а степень интерпретативности определяется типом конкретного текста [Пешкова 2019: 115].

В результате, составляющими процесса реконструкции смысла являются как минимум три ключевые стадии — восприятие, понимание и интерпретация. Здесь позиции ученых относительно определения и даже порядка следования составляющих данного процесса друг относительно друга разнятся. Безусловно, при знакомстве с текстом на первом этапе мы его воспринимаем, где под восприятием можно понимать как взаимодействие с текстом на физическом уровне, то есть физическое взаимодействие с текстом на каком-либо носителе, восприятие его шрифта и общего объема, так и на когнитивном — первичное знакомство с содержанием текста и содержащейся в нем информации, его распознавание, в результате чего в сознании реципиента возникает образ текста. Относительно следующих этапов извлечения смысловой составляющей текста, понимания и интерпретации, исследователи расходятся во мнении относительно их соотношения. Так, Г. Гадамер считал, что интерпретация является частью понимания, соот-

ветственно, понимание смысловой составляющей текста достигается через его интерпретацию [Гадамер 1988: 99], в то время как другие исследователи разделяют эти два процесса, где сначала идет процесс понимания, а затем уже на основе воспринятого и понятого текста наступает этап интерпретации и формирование смысла текстового сообщения в сознании реципиента. При этом подходе понимание представляет собой уяснение содержательной части текста на основе составляющих его языковых компонентов с учетом номинативного, коннотативного содержания, а также экстралингвистических факторов. Далее на основе понятого содержания происходит интерпретация текста и вычленение его смысла в условиях лексической наполненности текста, личного и общекультурного опыта, морально-этических принципов.

Таким образом, смысл текста зачастую рассматривается как результат его восприятия, понимания и интерпретации получателем. На основе экспериментальных данных содержание, а также лексико-семантические составляющие текста понимаются всеми реципиентами, примерно, в одинаковой степени, в то же время при вычленении смысла, то есть составлении представления и выводов об авторской интенции, на основе экстралингвистических и эмоционально-оценочных компонентов, будет зависеть от того, насколько подготовлен реципиент к восприятию того или иного типа текста, возраста, общей эрудиции, наличия необходимых фоновых знаний и других факторов, смысловая информация будет различаться у разных реципиентов. Соответственно, смысл текста формируется посредством его восприятия, то есть создания проекции его образа в сознании получателя сообщения, понимания, то есть воспринимания его коннотативно-содержательной информации, а также интерпретации, то есть создания логико-эмоциональных суждений на основе прочитанного.

Литература

- Брудный А. А.* Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005. 332 с.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики: [пер. с нем.] М.: Прогресс, 1988. 699 с.
- Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
- Пешкова Н. П.* Об интерпретативности как способе воплощения смысла текста // Вопросы психолингвистики. 2019. № 4 (42). С. 106–117.

Бирюлина Екатерина Андреевна

старший преподаватель, Сибирский федеральный университет;
ekaterinabir2015@gmail.com.

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОЛЕ 仁 (ГУМАННОСТЬ) В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Ключевые слова: ассоциативно-вербальное поле, ассоциативный эксперимент, гуманный человек, языковое сознание, китайский язык.

Настоящее исследование проводится на материале свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие студенты 1–4-х курсов университетов КНР: 西北民族大学 Северо-западный университет по делам национальностей; 四川外国语大学 Сычуаньский университет иностранных языков; 兰州大学 Университет Ланьчжоу; 黑龙江大学 Хэйлунцзянский университет; 兰州理工大学 Технологический университет Ланьчжоу; 北京航空航天大学 Пекинский университет авиации и космонавтики; 沈阳大学 Шэньянский университет.

Ассоциативный эксперимент проводился в 2020–2021 гг. дистанционно. В опросе приняли участие 156 человек от 18 до 22 лет: 84 студента женского пола и 72 — мужского. Время ответа было ограничено одной минутой. В результате проведенных ассоциативных экспериментов было получено 433 реакции.

С формальной точки зрения структура ассоциативно-вербального поля 仁 гуманность представлена практически равновесным соотношением многословных и однословных реакций — 46,6 % и 53,4 % соответственно.

В ходе анализа данных на китайском языке оказалось невозможным произвести стратификацию и статистический подсчет морфологического состава однословных реакций. Прежде всего, это обусловлено спецификой китайского языка, а именно — невыделимостью грамматической категории слова вне контекста его употребления либо же без использования специальных грамматических показателей. Например, наиболее частотная реакция «仁爱/ человеколюбие» (индекс частотности — 24) согласно словарной статье 现代汉语规范词典 может использоваться в качестве прилагательного и глагола, обратимся к тексту статьи: 1) 形, 仁厚慈爱 (宽厚仁爱 | 仁爱之心 | 希望人间充满仁爱); 2) 动, 同情人、关爱人、乐于助人 (仁爱士卒) / 1) прилагательное, великодушный и милостивый (добрый и человеколюбивый; человеколюбивое сердце; надеяться на то, что среди людей [всё] преисполнится человеколюбием); 2) глагол, сочувствовать людям, сердечно заботиться о людях, охотно приходить на помощь (проявлять человеколюбие к солдатам) [现代汉语规范词典, 2014 : 1107]. В связи с этим, невозможно точно определить, в каком именно грамматическом значении был приведен данный и другие подобные ассоциаты.

Анализ семантического состава полученных однословных ассоциативных реакций показал, что чаще всего реципиенты реагировали на стимул словом-синонимом (仁爱 человеколюбивый (индекс частотности — 24), 仁慈 милосердие, милосердный (индекс частотности — 12)) или приводили слово, дающее психологическую оценку (善良 добрый (индекс частотности — 12)).

Наибольшую долю от общего числа многословных реакций составляют простые словосочетания (22,9%). Среди подчинительных словосочетаний (13,5% от общего числа реакций) наиболее продуктивными выступили два модели — сочетания наречия «宽厚 по-доброму, великодушно» с предикатом (宽厚待人 относиться к людям с добротой и великодушием (индекс частотности — 5)) и словосочетания с предлогом «对 по отношению, к» (对人友善 быть добрым и дружественным к людям (индекс частотности — 6)). Глагольно-объектные словосочетания (5,4% от общего числа реакций) преимущественно представлены единичными словосочетаниями, в которых стержневым словом выступает глагол «有 иметь, обладать»: 有同理心 обладать эмпатией (индекс частотности — 1), 有品德 обладать добропорядочностью (индекс частотности — 1), 有礼 обладать [знанием] церемоний (индекс частотности — 1), 有修养 обладать воспитанностью (индекс частотности — 1). Субъектно-предикативные словосочетания

представлены единичными сочетаниями с предикатами, выраженными прилагательными «善良 добрый» (内心善良 доброта в сердце (индекс частотности — 1), 心地善良 доброта в сердце (добродушный) (индекс частотности — 1)) и «高尚 возвышенный» (品德高尚 высокая нравственность (индекс частотности — 1)). Сочинительные словосочетания образованы при помощи сочинительных союзов «和» (善良和宽恕 доброта и снисхождение (индекс частотности — 1), 宽容和原谅 снисхождение и прощение (индекс частотности — 1)) и «与» (智慧与包容 мудрость и терпимость (индекс частотности — 1)).

Отличительной особенностью ассоциативно-вербального поля 仁 гуманность в китайском языковом сознании является наличие в его структуре устойчивых словосочетаний-фразеологизмов (4% от общего числа реакций). Больше половины подобных полученных ассоциатов являются афоризмами Конфуция (己所不欲, 勿施于人 Не делай другим того, чего себе не желаешь (индекс частотности — 1), 克己复礼 [为仁] Обуздать себя и вернуться к ли (этикету-культуры) — [это и есть гуманность] (индекс частотности — 1)) и Мэн-цзы (与人为善 Помогать людям в добрых делах (индекс частотности — 2)).

К ядру ассоциативно-вербального поля отнесены реакции, встречающиеся в ответах реципиентов от 12 и более раз; в околоядерную зону вошли реакции, встречающиеся от 6 до 4 раз включительно; к ближней периферии отнесены реакции с частотностью от 3 до 2 раз; к дальней периферии отнесены единичные реакции.

В ядро ассоциативно-вербального поля 仁 гуманность входят следующие реакции: 仁爱 человеколюбие (24), 仁慈 милосердие (12), 善良 добрый (12).

Околоядерную зону ассоциативно-вербального поля составляют такие реакции, как: 仁义 гуманность и справедливость (6), 对人友善 быть добрым и дружественным к людям (6), 宽厚待人 относиться к людям с добротой и великодушием (5), 宽容 мягкий, снисходительный (4).

Ближнюю периферию ассоциативно-вербального поля составляют следующие реакции: 博爱 всеобщая любовь (по Мо-цзы) (3), 友善 дружеский (3), 友好 дружба (2), 爱 любовь (2), 与人为善 помогать людям в добрых делах (2).

На дальней периферии находятся единичные реакции типа: 对他人友好 быть дружественным к другим людям (1), 真诚 искренний, честный (1), 人和人相互爱护 взаимная забота между людьми (1), 以人为本 человек превыше всего (1) и др.

В процессе моделирования ассоциативно-вербального поля 仁 гуманность было показано, что в его структуру входят ядерная, околоядерная и периферийная зоны (последняя делится на ближнюю и дальнюю периферию). Ядерная зона представлена следующими реакциями: 孔子 Конфуций (49), 仁爱 человеколюбие (24), 仁慈 милосердие (12), 善良 добрый (12).

Литература

现代汉语规范词典 // 主编：李行健，首席顾问：许嘉璐。第3版。北京：外语教学与研究出版社，2014年。1848页。

Бурсов Кирилл Григорьевич¹, Слюсарь Наталия Анатольевна²

¹инженер-исследователь, Институт когнитивных исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st079472@student.spbu.ru

²д-р филол. наук, доцент, Высшая школа экономики;
nsloussar@hse.ru

СОЧИНЕНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ В ТЕКСТЕ: ВЫДЕЛЕННОСТЬ НА УРОВНЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ДИСКУРСА

Ключевые слова: сочинение, подчинение, дискурс, доступ, запоминание.

Понимание устной и письменной речи обусловлено ее отражением в памяти. При чтении или во время диалога клаузы, предложения и другие дискурсивные единицы обрабатываются носителем языка и в конечном счете становятся тем, что можно назвать репрезентацией дискурса. Важным и актуальным вопросом остается механизм интеграции клауз, которые зачастую выступают в роли минимальных дискурсивных единиц. Сведения о влиянии этого механизма на процессы формирования репрезентации дискурса могут быть предельно важными для описания свойств восприятия речи в целом.

Известно, что союзы с причинно-следственной семантикой (англ. 'because', нем. 'denn') способствуют интеграции частей предложения [Caron, Micko, Thüring 1988]. Однако на данный момент мало исследован вопрос о том, влияют ли особенности локальных связей между клаузами на глобальные характеристики репрезентации дискурса.

Исследование сочинительных и подчинительных связей в тексте может иметь особое значение для ответа на эти вопросы. Сочинение и подчинение в сложном предложении можно разделить не только по синтаксическим, но также семантическим и прагматическим критериям. По нашему предположению, многоаспектность различий между двумя типами связи может говорить о том, что интеграция клауз происходит сразу на нескольких языковых уровнях. В свою очередь тип синтаксической связи может служить фактором обработки и репрезентации дискурса. На примере референциальной связности было показано, что разделение на главное и придаточное предложение, характерное только для подчинения, может влиять на распределение лингвистического фокуса внутри сложного предложения [Cooreman, Sanford 1996]. Выделенность главной клаузы как более важной позиции сложного предложения может сохраняться на дискурсивном уровне как результат вовлечения процессов внимания в распределение лингвистического фокуса [Káldi, Babarczy 2021].

Для проверки нашего предположения мы исследовали эффект типа синтаксической связи, замеряя доступ к тексту и его элементам в задаче на воспроизведение прочитанного текста. В данном случае мы рассматриваем скорость и точность доступа как меру качественных различий в репрезентации дискурса.

В нашем психолингвистическом эксперименте одни и те же клаузы были соединены сочинительными союзами (а, однако, но, и), подчинительными союзами (хотя, так как, поскольку, ввиду того что) или союзами промежуточного класса — коннекторами, которые не относятся к подчинительным по синтаксическим критериям, но, как и многие подчинительные союзы, способствуют интеграции клауз на основе причинно-следственной связи (так что, ведь, тем более что, ибо). Задание на чтение с саморегулировкой скорости содержало тексты, составленные по аналогии с примером:

«В медицинской статье описывается польза диспансеризации для разного населения. К среднему возрасту у некоего пациента обострилась хроническая болезнь костей, но / тем более что / поскольку всю жизнь мужчина занимался активным спортом. Своевременное обследование помогает бороться с недугами даже без заметных симптомов».

После прочтения всех текстов участники отвечали на пробы, проверяющие запоминание лексической информации из обеих клауз сложного предложения в каждом тексте. Пробы появ-

лялись с вариантами ответа, например, «хроническая/наследственная болезнь», «экстремальный/активный вид спорта». Также к пробам были подобраны соответствующие тематические подсказки для облегчения доступа («В тексте про медицинскую статью упоминается...»). Подсказки появлялись только в первой пробе.

Полученные данные 63 участников онлайн-эксперимента свидетельствуют в пользу выдвинутого нами предположения. Для анализа скорости ответа на пробу и точности ответов в трех экспериментальных условиях мы использовали линейные модели. В анализе точных ответов в первой пробе мы обнаружили увеличение времени доступа в условии с сочинительными союзами по сравнению с подчинительными союзами с причинно-следственной семантикой ($\beta = 342,1$, $SE = 144,8$, $z = 2,362$, $p = 0,0245$). При этом разница между другими условиями оставалась статистически незначимой ($p < 0,05$). Этот результат может говорить о большей доступности первой клаузы в условии с подчинением. Также мы обнаружили повышение точности ответов во второй пробе: эффект достиг значимости в общем анализе без разделения на условия ($\beta = 0,18075$, $SE = 0,06541$, $z = 2,764$, $p = 0,00572$) и отдельно в условии с сочинительными союзами ($\beta = 0,2817$, $SE = 0,1140$, $z = 2,471$, $p = 0,0135$). При этом в остальных условиях значимых отличий не выявлено ($p < 0,05$). Одно из возможных объяснений данного эффекта заключается в том, что клаузы ближе к концу текста удерживаются в памяти лучше тех, что появляются в тексте раньше. Однако эффект может быть снижен в условии с подчинением, если фокус на главной клаузе уменьшает доступ придаточной клаузы. Этот результат согласуется с предыдущими исследованиями эффекта более поздней клаузы (англ. «recency») [Townsend, Bever 1978].

Приведенные результаты позволяют сделать вывод о взаимном влиянии семантических и синтаксических характеристик союзов на доступ к текстам. Интеграция клауз усиливается при наличии причинно-следственных связей и синтаксической зависимости между частями сложного предложения. Различия сочинительных и подчинительных конструкций могут приводить к качественному изменению репрезентации дискурса. Это свойство типов синтаксической связи может свидетельствовать о тесном взаимодействии лингвистических средств выделенности и процессов внимания.

Литература

- Caron J., Micko H. C., Thüring M. Conjunctions and the recall of composite sentences // *Journal of Memory and Language*. 1988. Vol. 27, no. 3. P. 309–323.
- Cooreman A., Sanford A. J. Focus and syntactic subordination in discourse. HCRC/RP-79, 1996. 11 p.
- Káldi T., Babarczy A. Linguistic focus guides attention during the encoding and refreshing of working memory content // *Journal of Memory and Language*. 2021. Vol. 116. 24 p.
- Townsend D. J., Bever T. G. Interclause relations and clausal processing // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1978. Vol. 17, no. 5. P. 509–521.

Ван Луна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
Linawang511@gmail.com

СПОСОБЫ УКАЗАНИЯ НА СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В РЕЧИ РУССКИХ ДЕТЕЙ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ОСВАИВАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

Ключевые слова: освоение русского языка как первого и как второго, падежное значение, речевая ошибка.

Вопрос о специфике освоения и методов преподавания русского языка детям и взрослым в разных ситуациях активно обсуждается. Мы можем судить о механизмах освоения грамматической системы языка, ориентируясь на ошибки, которые совершаются как при восприятии, так и при порождении речи. В речи иностранных обучающихся часто возникают грамматические ошибки, которые объясняются влиянием родного языка. Русские дети, осваивающие язык в естественных условиях, могут идти путем, который А. А. Леонтьев назвал путем от операций к действиям, сперва бессознательно овладевая языком [Леонтьев 2014: 157]. По мнению С. Н. Цейтлин и Т. А. Кругляковой, маленькие дети допускают ошибки часто вследствие несформированности механизмов оперативной памяти и других когнитивных механизмов [Цейтлин, Круглякова 2019: 107]. Другие ошибки объясняются системными связями между единицами языка: системные ошибки возникают в результате особенностей строения языковой системы. Эти ошибки «характерны для всех осваивающих язык и парадоксальным образом являются свидетельством осознания языковых законов» [Цейтлин, Круглякова 2019: 105].

Взрослый иностранец, осваивающий язык в искусственной ситуации, может идти путем «сверху вниз», переходя от ступени осознанного контроля к неосознанному пользованию грамматическими правилами. Как дети, так и взрослые не только повторяют услышанное, но и самостоятельно конструируют падежную грамматику русского языка в ходе его освоения, совершая общие генетические ошибки, обусловленные особенностями устройства этого компонента русской грамматической системы.

Мы исследовали специфику выбора падежной формы при указании на способ передвижения в речи взрослых носителей китайского языка, изучающих русский как иностранный, русскоязычных детей младшего школьного возраста и нестандартных носителей русского языка с разными доминирующими языками. Материалы были собраны в русском лингвистическом корпусе RLC (<http://www.web-corpora.net/RLC/>). Кроме того, мы провели эксперимент: участникам было необходимо описать картинки, используя заданные слова (например: ехать автобусом, на автобусе, в автобусе и др.). В экспериментах участвовали студенты СПбГУ с родным китайским языком; русскоязычные дети-монолингвы (Центр внешкольной работы Центрального района Санкт-Петербурга).

Были сделаны следующие выводы. На начальных этапах освоения падежной грамматики как дети, так и взрослые иностранцы прибегают к стратегии симплификации [С. Н. Цейтлин], которая находит проявление в игнорировании тех или иных морфологических категорий, синтаксических конструкций, устранении семантических и формальных различий между языковыми единицами, морфологическими формами, синтаксемами.

Русскоязычные дети редко совершают ошибки выбора. Разница между вариантами в автобусе и на автобусе ощущается детьми, форма творительного беспредложного не используется. Студенты, напротив, не ощущают тонких смысловых различий, выбирают конструкцию с предлогом на в том числе в локативном значении. Данные замены можно объяснить интерференцией. В китайском языке в данном случае будет использоваться предлог 在 ... 里 (внутри объекта), но при указании на средство передвижения требуется специальный глагол 乘坐

Нередко китайские студенты используют конструкции с творительным падежом (30%), а также конструкцию «с+творительный», которая часто используется для передачи самого

общего инструментального значения и в других случаях. Например: мыть с мылом (37.5 %); чистить с пастой (59 %); развести с водой (15 %); ставить тесто с дрожжами (37.5 %); общались с телефоном (15 %); шили с тканью разных расцветок (28 %); вязать с шерстью с крючком (22 %); делать с бумагой кораблики (19 %).

Другой важный вывод, сделанный в результате анализа данных, касался нестандартных носителей русского языка, которые, так же, как и китайские студенты в ходе эксперимента, использовали конструкции с автобусом в случаях выражения локативного значения (в автобусе) и при указании на медиативное значение (ехать на автобусе). С. Н. Цейтлин также отмечает, что для иностранца «предлог осознается как основной (и единственный) маркер смысла» [Цейтлин 2009: 275]. При этом нестандартные носители нередко опускали предлог (Я не езжу автобусе), тогда как пропуск предлога обычно считается типичной ошибкой русскоязычного ребенка [Цейтлин 2009: 171].

Таким образом, факт совпадения ошибок при освоении одного и того же языка носителями разных в типологическом отношении языков говорит о том, что их причина связана в значительно большей степени с фактом вторичности самой осваиваемой языковой системы, чем с давлением конкретного языка, являющегося родным для инофона.

Литература

- Леонтьев А. А.* Владение и овладение языком // Проблемы изучения билингвизма: Книга для чтения. СПб.: Златоуст, 2014. С. 149–166.
- Цейтлин С. Н.* Речевые ошибки и их предупреждение. СПб.: ИД «МиМ», 1997. 192 с.
- Цейтлин С. Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. СПб.: Знак, 2009.
- Цейтлин С. Н., Круглякова Т. А.* О природе речевых ошибок многоязычных школьников // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. Т. 1, № 2. С. 103–112.

Горбачева Александра Вячеславовна¹,
Берлин Хенис Александра Алехандровна²,
Скорыходов Иван Вадимович³

¹научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина;
avgorbacheva@pushkin.institute

²научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
младший научный сотрудник Центра когнитивных исследований,
Научно-технический университет «Сириус»; alexa.munxen@gmail.com

³аналитик лаборатории когнитивных и лингвистических исследований,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина;
ivskorokhodov@pushkin.institute

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ КОГНИТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ АНАЛИЗЕ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: вербализация, поликодовые тексты, объектно-ориентированное внимание, метакогнитивные компетенции, эксперты.

Введение. Судебные лингвисты исследуют материалы, содержащие информацию в семиотически сложных формах. Из-за однотипного анализа схожих по содержанию стимулов ее обработка у экспертов может протекать в условиях прайминга и предвзятости подтверждения, что нередко приводит к сокращению числа исследуемых компонентов объекта и/или некорректно обоснованному выбору вектора интерпретации [Горбачева и др. 2021]. Таким образом, в этой сфере оказывается важно управлять вниманием при восприятии изображения и корректно выбирать вектор интерпретации. Рассмотрим вербализацию в процессе семантико-синтаксического анализа как инструмент оценки этих компетенций.

Материалы и методы. Нами было проведено экспериментальное психолингвистическое исследование того, как судебные эксперты-лингвисты и люди без экспертных компетенций декодируют и интерпретируют вербально-изобразительные материалы конфликтогенной направленности.

В исследовании приняли участие три группы респондентов ($n = 86$) с различной степенью знаний об экстремистском дискурсе: 29 судебных лингвистов, 22 хорошо информированных и 34 плохо информированных респондентов, не обладающих экспертными знаниями. Респондентам предъявлялись 42 статических стимула; в половине из них содержалось экстремистское сообщение.

В первой части эксперимента респонденты просматривали стимулы, определяли, содержит ли стимул экстремистское сообщение и устно истолковывали сообщение. Во время выполнения задания движения глаз респондентов регистрировались при помощи айтрекера EyeLink 1000+. Во второй части респонденты вновь исследовали стимулы на предмет семантической взаимосвязанности изображения и письменного текста. Взаимосвязи предлагалось отметить маркером и устно объяснить. Таким образом, респонденты выполняли вербализацию предприняемого анализа сообщения. Комментарии респондентов записывались на диктофон и дословно расшифровывались; с опорой на размеченные взаимосвязи методом компонентного анализа анализировалась их семантика.

Результаты и обсуждение. Один из стимулов содержал сцену появления вооруженных солдат на пороге дома радиста, которых словами: «Батя, тут к тебе какие-то электрики» — встречает его ребенок. Целевым знаком являлась эмблема войск — сдвоенная руна «зиг», сходная по форме с символом электричества. Целевой смысловой взаимосвязью было выявление сходства символа войск с символом электричества и соотнесение целевого знака со словом «электрики».

Эталонная интерпретация наблюдалась у респондентов, распознавших и вербализовавших значения целевого знака, а также обнаруживших целевую смысловую взаимосвязь. Неэта-

лонные интерпретации отмечались при распознавании и вербальном декодировании одного из значений знака без выделения целевой взаимосвязи, требовавшей ассоциирования формы символа германских войск с формой символа электричества. Отсутствие целостного понимания стимула фиксировалось при отсутствии распознавания и декодирования целевого знака и/или без выделения целевой взаимосвязи. Таким образом, вербализация выявила дефекты управления вниманием при исследовании объекта. Кроме того, в ходе вербализации выявились дефекты интерпретирования: в большинстве случаев неуспеха было обнаружено искажение актантной структуры сообщения из-за отсутствия целевого актанта; было зафиксировано неполное толкование взаимосвязанных по смыслу знаков «руна “зиг”» и «электрики».

Ранее нами было установлено, что фактор наличия/отсутствия дискурсивного знания влиял на обнаружение и квалификацию отношений между извлекаемыми смыслами и соответственно на возможность корректно интерпретировать поликодовый текст [Горбачева и др. 2022].

Также мы установили, что паттерны визуального восприятия информации коррелируют с эталонными и неэталонными интерпретациями содержания стимулов [Горбачева и др. 2021]. Так, респонденты, эталонно оценившие стимулы, выполняли задание быстрее остальных, их фиксации были более длительными и редкими; по сравнению с ними респонденты, оценившие стимул неэталонно, делали большее количество непродолжительных фиксаций, респонденты, не уверенные в ответах, затрачивали времени на выполнение задания, для них были характерны длительные частые фиксации. Распознавание знака увеличивало продолжительность рассматривания этой зоны интереса и вероятность того, что знак будет интерпретироваться при объяснении смысла всего текста; при этом непонятные знаки рассматривались дольше остальных зон интереса [Горбачева и др. 2020]. Поскольку успешная интерпретация характеризовалась малым количеством длинных саккад, это может быть соотнесено с фокусированным на объектах зрительным вниманием [Фаликман 2012]. Случаи неуспеха характеризовались большим количеством коротких саккад, отражающих процессы сканирования стимульного пространства.

Мы предполагаем, что при рассматривании стимула превалирование объектно-ориентированного внимания является функциональным коррелятом дискурсивного знания, нужного для понимания сообщения. Тогда при эталонной интерпретации поликодового сообщения когнитивные процессы могут быть описаны не как поиск смыслообразующих компонентов, а как наблюдение над понятными знаками. Это может означать, что для экспертной интерпретации получение дискурсивных знаний должно предшествовать анализу, поскольку объектно-ориентированное внимание опирается на онтологию знаний, и эксперту необходимо уметь разделять восприятие объектной структуры материала и интерпретацию смыслового содержания, поскольку от факта зрительного восприятия знака зависит выявление актантной структуры сообщения. Иными словами, понимающий сообщение знает, что рассматривать, и называет понимаемое.

Вербализация формального и семантического содержания стимулов оказывается эффективной проверкой результатов распознавания знаков и декодированных значений в поликодовом тексте, а также представления интерпретатора его семантико-синтаксической структуры. Предметом дальнейших исследований видится разработка методов эффективного восприятия объектно представленной информации, содержащей новые для интерпретатора значения.

Литература

- Горбачева А.В., Берлин Хенис А.А., Пучкова А.Н., Осадчий М.А. Современное состояние разработок в области методики судебно-лингвистического анализа поликодовых текстов: «Друзья, меняйте методичку» // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса: коллективная монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина, 2021. С. 274–292.
- Горбачева А.В., Нестерова Т.В., Осадчий М.А. Об экспертной и неэкспертной интерпретации поликодовых текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 102–114.

Горбачева А. В., Берлин Хенис А. А., Осадчий М. А. Зрительное внимание у судебных экспертов и неэкспертов при восприятии и понимании поликодовых текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 3. С. 158–175.

Фаликман М. Объектное и пространственное внимание в перцептивных задачах // Теоретические и прикладные проблемы психологии мышления. Труды третьей конференции молодых учёных памяти К. Дункера / под ред. В. Ф. Спиридонова. М.: РГГУ, 2012. С. 112–118.

Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания, проект FZNM-2024-0003 «Комплексное изучение когнитивно-эмоциональных и лингвистических факторов коммуникативной деятельности человека в современном образовательном контексте».

Королькова Анна Владиславовна

ассистент, Смоленский государственный университет;
korolkovanura@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ОКРУЖЕНИЯ РЕБЕНКА НА ЕГО РЕЧЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ЖУТКО ГРОМКО И ЗАПРЕДЕЛЬНО БЛИЗКО» ДЖ. С. ФОЕРА И «МАЛЬЧИК КИРОН СМИТ» ДЖ. КЕЛМАНА)

Ключевые слова: Детская речь, социалингвистическое окружение, стилизация детской речи, «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоеера, «Мальчик Кирон Смит» Дж. Келмана.

Изучение детской речи представляет собой актуальную проблему психолингвистики. Одним из аспектов ее рассмотрения является роль социальной среды в данном процессе.

Дети черпают речевой материал в процессе общения с окружающими. Изначально наибольшее влияние на их речь оказывают члены семьи. С началом школьного обучения в круг общения ребенка входят другие, часто незнакомые люди [Амзаракова 2005].

В последнее время в литературе в качестве рассказчика достаточно часто выводятся дети, и для придания большей достоверности тексту писатели прибегают к стилизации реальной детской речи. Влияние социалингвистического окружения на речь ребенка также отражается в подобных работах, что видно на примере романов «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоеера и «Мальчик Кирон Смит» Дж. Келмана.

Сюжет романа Дж. С. Фоеера строится вокруг девятилетнего Оскара Шелла, чей отец погибает во время теракта 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Между родителем и ребенком были очень близкие, доверительные отношения, а потому Оскар перенял у него многие особенности речи: «“My question was rhetorical.” “What’s that mean?” “It means I wasn’t asking it for an answer, but to make a point”» [Foer 2012: 12], «“Is that any of your business?” “Is that a rhetorical question?”» [Foer 2012: 91]. В первом примере герой уточняет у отца значение незнакомого слова, а во втором уже самостоятельно употребляет его в разговоре.

Мама Оскара отмечает сходство речевой манеры Оскара и отца: «You sound just like Dad... He used to say things like that... Oh, like nothing is so-and-so. Or everything is so-and-so. Or obviously» [Foer 2012: 43]. От нее мальчик также узнает новые слова и включает в свою речь их или производные: «“He was always very definitive.” “What’s ‘definitive’?” “It means certain. It comes from ‘definite’” “What’s wrong with definitivity?”» [Foer 2012: 43].

Жители Нью-Йорка также привносят новое в словарный запас мальчика: «“It’s just one of those psychological things, I guess.” “Psychological is mental?” “Basically”» [Foer 2012: 46], «Mr. Black said, “If anything, I’m invigorated.” “What’s ‘invigorated’?” “Energized. Refreshed.” “I’m invigorated too”» [Foer 2012: 196]. Оскар активно интересуется незнакомыми словами и стремится сразу употреблять их в речи.

В речи Оскара Шелла отсутствуют разговорные выражения, характерные для компании сверстников, так как одноклассники не принимают героя и всячески насмеются над ним.

В романе «Мальчик Кирон Смит» Дж. Келмана история начинается, когда Кируну около четырех лет. События происходят в Шотландии, в одном из бедных районов Глазго, поэтому Кирон часто использует шотландизмы. Речь большинства членов семьи неграмотна: «Granda said weans but my maw did not like it. Oh it is children, they are not weans they are children. And if it was words the same, oh she did not like it, aye and cannay dae. Aye but I cannay dae that. My granda said that. Aye but I cannay dae. It is not aye and cannay dae it is yes and cannot do» [Kelman]. Мама старается научить сына говорить на нормативном языке, от нее мальчик узнает сложную лексику: «...my maw was completely angry, how I was going to die of pneumonia or else diphtheria if ye swallowed the water» [Kelman]. Влияние отца в этом смысле скорее негативно: «Some ye saw in the street and did not know they were Papes... Usually Papes had black hair and peelywally skin or else ginger hair and freckles. My da said that, peelywally» [Kelman]. От него Кирон слышит брань, вульгаризмы, грубые наименования представителей другого вероисповедания.

Практически каждый день мальчик становится свидетелем разговоров бедных, неграмотных рабочих: «Some bad words were like swear words. F****d was funny because a lot of grown-ups said it, Oh who f****d? One time on the train a man said it to his pal, Oh some c**t has f****d» [Kelman]. Взрослые не стесняются в выражениях, даже когда рядом находятся дети, и не задумываются, какой пример они им подают.

На речь Кирона Смита также влияют сверстники: «Gary McNab was turning round in class when the teacher was not looking and he was saying stuff, T***e b*m k***h s***e d****e f***y b*m t*t. I was laughing too...» [Kelman]. Речь друзей героя также неграмотна и изобилует нецензурной лексикой, а наставления мамы не имеют большого эффекта: герой не понимает, зачем ему переучиваться и говорить по-другому, если все в его окружении используют шотландизмы, слэнг, говорят с ошибками и не задумываются над этим.

Таким образом, социолингвистическое окружение имеет непосредственное влияние на речь ребенка. Если дети оказываются в благоприятной среде, они могут многому научиться у взрослых, как показано в романе «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера. Если же ребенок растет в окружении грубых необразованных людей или в местности, где предпочитают говорить на местном диалекте, он будет усваивать именно такую манеру коммуникации, что мы и видим в романе «Мальчик Кирон Смит» Дж. Келмана. Характер отношений с окружающими также влияет на усвоение определенных речевых моделей. Если ребенок меньше общается с определенной социальной группой, ее роль в детской речи будет несущественной или вовсе будет сведена к нулю.

Литература

Амзаракова И. П. Языковой мир немецкого ребенка младшего школьного возраста: дис. ... д-ра фил. наук. М., 2005. 495 с.

Foer J. S. Extremely Loud and Incredibly Close. UK: Penguin Books. 2012. 326 p.

Kelman J. Kieron Smith, Boy. URL: https://royallib.com/read/Kelman_James/kieron_smith_boy.html0

Краснощекова Софья Викторовна

канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
ndhito@mail.ru

АНАФОРИЧЕСКИЙ КОРПУС ВЫСКАЗЫВАНИЙ РЕБЕНКА: ОПЫТ РАЗМЕТКИ И АНАЛИЗА

Ключевые слова: освоение языка, детская речь, онтолингвистика, местоимение, дейксис, анафора.

Анафорическим, или анафорически размеченным, корпусом одного ребенка мы называем выборку высказываний с анафорическими местоимениями, извлеченных из корпуса записей детской речи и размеченных с указанием морфологических, функционально-семантических и анафорических характеристик каждого местоимения. Пилотный опыт создания таких корпусов выполнен на базе записей речи двух детей (Вани и Лизы), предоставленных Фондом данных детской речи Институт лингвистических исследований РАН / РГПУ им. А. И. Герцена. Были использованы расшифровки аудио- и видеозаписей в формате CHILDES (.cha) с морфологической разметкой. Размеченный корпус Вани насчитывает около 40 ч. записей, ок. 12000 высказываний ребенка и охватывает возраст от 1;5 до 4;0, корпус Лизы — около 25 ч., 9000 высказываний ребенка, возраст 1;6–4;1. Высказывания с интересующими нас местоимениями извлекались из корпусов методом сплошной выборки при помощи набора команд в пакете программ CLAN и затем подвергались ручной проверке и разметке.

Объединение выборок высказываний с разными анафорическими местоимениями в один единообразно размеченный корпус представляет собой обобщение многолетнего опыта изучения каждого отдельного разряда в частности. В корпус попадали высказывания с местоимениями и в анафорической функции, и в других дополнительных функциях (указательной, поддерживающей, эмфатической), если местоимение является в первую очередь анафорическим. Так, основу корпуса составили высказывания с местоимением 3 л. (здесь мы объединяем лексемы он, она, оно, они под условным обозначением он), для которого анафорическая функция является основной в речи взрослых и наиболее частотной в речи детей. Кроме того, учтены строго анафорические местоимения: возвратные (себя и свой) и относительные (который и др.), указательные местоимения и наречия в анафорической функции (этот, такой, там и др.) и формально недейктические (кванторные) местоимения, способные нести дейктический оттенок значения (другой, сам). Мы считаем анафорическим любое синтаксически анафорическое употребление местоимения, т. е. такое, при котором местоимение имеет в левом контексте полнозначный антецедент, независимо от того, присутствует ли референт в непосредственной ситуации общения, т. е. выполняется ли также указательная функция.

Морфологическая разметка учитывает разряд и подразряд местоимения (разряд: личные, указательные и т. п.; подразряд: у определительных — местоимения «инаковости» или «самостоятельности», у указательных — местоимения-существительные, наречия места / времени и пр.) и формально-грамматические признаки: род, число, падеж. При функционально-семантической разметке указываются непосредственно функция (строго анафорическая или анафорическая с дополнительной нагрузкой) и значение местоимения, если принято выделять несколько значений (как, например, у лексемы «другой»: 'не этот' или 'не такой'). Анафорическая разметка включает следующие характеристики: конкретный антецедент и семантическая группа, к которой он принадлежит (для местоимений-существительных), а также его лицо (для возвратных и сам); носитель признака (для местоимений-прилагательных); расстояние до антецедента в высказываниях; позиция местоимения в анафорической цепочке (каким по счету после полнозначного антецедента стоит анафорическое местоимение), по [Givón 1984]; в реплике ребенка или взрослого располагается антецедент.

Общий объем корпусов двух детей на данный момент составляет около 3000 высказываний (3029), из них ок. 2200 принадлежат Ване (что составляет 18 % от общего числа высказываний

в проанализированном корпусе записей его речи), ок. 800 — Лизе (6 %): разница обусловлена тем, что Ваня — ребенок с экспрессивной стратегией, одной из особенностей которой считается активное использование местоимений, а Лиза — ребенок с референциальной стратегией [Доброва 2018: 38; 105]. Высказывания с местоимением он занимают от 2/3 (68 % у Вани) до 3/4 (75 % у Лизы) корпуса. Другие разряды распределяются следующим образом: Лиза использует чаще, чем Ваня, указательные местоимения в анафорической функции (8 % против 5 % у Вани) и возвратные (3 % против 1 % у Вани); Ваня использует чаще, чем Лиза, относительные (19 % против 7 % у Лизы); одинаково распределены местоимения самостоятельности (по 3 %) и другой (менее 1 %), т. е. у обоих детей на первом месте находится он, на втором — относительные и анафорические указательные, далее следуют низкочастотные возвратные и анафорические определительные местоимения.

Объединение высказываний в один корпус также позволяет проанализировать взаимодействие между местоимениями разных разрядов, проследить развитие анафорического механизма как такового, выявить различия между детьми. Так, освоение анафорической функции у Лизы начинается не с он, а с сам в конструкции Лизочка сама в 1;11: принцип связывания сам с я-говорящим отрабатывается заранее в неанафорических употреблениях с нулевым субъектом и затем переносится на конструкцию с вербально выраженным антецедентом. Далее у Лизы фиксируются указательные это и там, связанные анафорически с антецедентами, в том же возрасте — возвратные себя и свой (у мамы свои перчатки, 2;0) и другой; анафорическое он возникает в 2;1 и становится регулярным к 2;4, когда уже активно используются анафорические указательные и возвратные. Первые высказывания с он с референтом, отсутствующим в наблюдаемой ситуации, отмечаются в 2;8, уже после возникновения относительных местоимений. У Вани же освоение анафоры начинается с он в 2;3, через два месяца возникают анафорические указательные. Он с перенесенным референтом появляется, как и у Лизы, после возникновения относительных (в 2;7), а возвратные и анафорическое сам осваиваются последними. Таким образом, Ваня осваивает анафору непосредственно на базе местоимения он, тогда как Лиза переносит на он механизмы, уже освоенные на материале других местоимений.

Литература

- Доброва Г. Р.* Вариативность речевого развития детей. М.: Языки славянской культуры, 2018.
Givón T. Syntax: A functional-typological introduction. Amsterdam-Philadelphia, 1984.

Круглякова Татьяна Александровна¹, Хуан Вэнь²

¹канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка
как иностранного и методики его преподавания,
Санкт-Петербургский государственный университет;
t.kruglyakova@spbu.ru

²магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st108342@student.spbu.ru

ОСВОЕНИЕ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

Ключевые слова: освоение второго языка, глагольная морфология, ментальный лексикон.

Процесс освоения русской глагольной морфологии включает в себе значительные трудности для иностранцев, тем не менее авторы отечественных учебников РКИ за редким исключением не приводят правил образования глагольных форм, предполагая, что они осваиваются имплицитно. Оставляя в стороне вопрос об исключительной целесообразности такого методического подхода, отметим, что богатейший материал формообразовательных ошибок, которые совершают неносители, часто выпадают из сферы интересов специалистов в области русского языка как иностранного, тогда как их анализ может быть полезен как при решении практических задач, так и при уточнении имеющихся сведений о механизмах обработки регулярных и нерегулярных грамматических явлений в языках со сложной морфологией.

В психолингвистике и онтолингвистике неоднократно предпринимались исследования, направленные на изучение способов порождения грамматических форм. С. Н. Цейтлин на материале лонгитюдных наблюдений над детской речью пришла к выводу о том, что до 2-х лет дети извлекают как регулярные, так и нерегулярные глагольные формы из инпута и практически не допускают ошибок, но позже роль дефолтных начинают выполнять два правила корреляции основ (йотовая корреляция и прибавление -и- к закрытой основе), и дети свободно конструируют формы частотных и нечастотных, регулярных и нерегулярных глаголов [Цейтлин 2009: 160–162]. Анализ ошибок и оговорок взрослых носителей языка также позволил утверждать, что все глагольные формы подвергаются воздействию аналогий, причем моделями могут служить глаголы разных классов [Русакова, Сай 2008: 209]. К аналогичным результатам пришли Т. В. Черниговская и К. Гор в ходе эксперимента со студентами-американцами, изучающими русский язык как иностранный. Испытуемые ориентировались на модель -ај, существенно реже на -еј- и еще реже прибегали к -ова-, что объясняется частотностью моделей, представленных в пособиях, использованных в ходе обучения [Chernigovskaya, Gor 2000: 20–24].

Для уточнения представлений о механизмах порождения грамматических форм в неродном языке мы прибегли к эксперименту в группе носителей китайского языка, изучающих русский язык в Санкт-Петербургском государственном университете. Несмотря на то, что участники эксперимента были искусственными билингвами, они не знакомились ни с одной из существующих классификаций типов русского глагольного словоизменения, а осваивали правила имплицитно, что могло приблизить их стратегии при порождении глагольных форм к стратегиям носителей.

В эксперименте приняли участие 30 студентов (уровень владения А2). Испытуемым предлагалось продолжить фразы, переходя от открытых основ к закрытым. На первом этапе мы проанализировали официальный комплекс материалов для тестирования Н. П. Андрюшиной, Т. В. Козловой «Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение» (СПб., 2019). При анализе мы воспользовались двухосновной системой описания глагольных словоизменительных классов [Виноградов 1986: 368–373]. Всего в «Минимуме» предлагается 258 глаголов (I класс — 82, II — 2, III — 13, IV — 71, V — 3, из непродуктивных типов наиболее широко представлены глаголы 1-й (16), 3-й (9), 14-й (8), 2-й (7), 10-й (7) групп).

Мы предположили, что китайские студенты будут ориентироваться на сложившиеся в ходе анализа инпута представления о типичных способах глагольного словоизменения и прибегать к конструированию форм неизвестных глаголов, используя наиболее частотные в «Лексическом минимуме» модели I класса для глаголов на -ать (в том числе на -овать), IV класса — для глаголов на -ить, 3-й группы для глаголов на -еть. Полученные результаты подтвердили первоначальную гипотезу. Была подтверждена связь между частностью глагола и механизмом его обработки: студенты активно пользовались для образования форм бить моделью IV класса (*он бит) и правилом йотовой корреляции (*биет) и существенно реже ошибались в более частотном пить. Данный факт может свидетельствовать в пользу двусистемного подхода.

Кроме того, был сделан ряд неожиданных для нас наблюдений. Так, студенты пользовались аналогией молчать — молчит (глагол представлен в «Минимуме») для образования форм как неизвестных им глаголов на -чать 2-й непродуктивной группы, так и для изменения глагола отвечать (*ответит). Вероятно, на формирование аналогии оказывает влияние смещение форм глаголов совершенного и несовершенного вида в сознании студентов (в «Минимуме» представлены 5 пар аналогичных включать/включить). По данным М. Русаковой и С. Сая, в сознании носителей межвидовые связи также играют большую роль как в ходе спонтанной речевой деятельности, так и в экспериментальных условиях [Русакова, Сай 2008: 213].

Полученные данные дают новые свидетельства порождения глагольных форм в языках со сложной морфологией и могут помочь в создании эффективных образовательных методик, учитывающих роль когнитивных процессов в ходе изучения иностранного языка.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
- Русакова М. В., Сай С. С. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. № 2. Вып. II. С. 205–214.
- Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 774 с.
- Chernigovskaya T. V., Gor K. The Complexity of Paradigm and Input Frequencies in Native and Second Language Verbal Processing: Evidence from Russian // Language and Language Behavior / Erling Wande & Tatiana Chernigovskaya. 2000. P. 20–37.

Пиотровская Лариса Александровна

д-р филол. наук, профессор, кафедра русского языка,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
larisa11799@yandex.ru

ЭМОТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ И РАЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Ключевые слова: эмоциональная оценка, рациональная оценка, логизированные компоненты значения, эмотивная синтаксическая модель.

В синтаксической системе языка существуют синтаксические модели построения высказываний, главной коммуникативной целью которых является не сообщение, не запрос информации, не побуждение кого-либо к чему-либо, а выражение эмоционального состояния или эмоционального отношения субъекта речи к ситуации / к кому-либо из участников общения / к содержанию высказывания собеседника. Такие высказывания и называются эмотивными, например: Кто бы мог подумать!; А ещё друг называется!; Вот тебе и разогрела!; Тоже мне, героиня!; Вот это сюрприз так сюрприз!; Ну и погодка!; Он ещё и кофе попивает!; Что за конструктора в нашей стране!; Вот тебе и разогрела!; и многие другие.

Специфика эмотивных высказываний состоит в выражении определенных эмоций, мотивированных тем, что тот или иной предмет обладает теми или иными признаками или то или иное лицо совершает определенные действия. Предметом анализа является взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в типовом значении эмотивных синтаксических моделей.

Теоретической основой исследования является трактовка эмоций как психического явления: «Сами эмоции человека представляют собой единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы образуют единство интеллектуального и эмоционального» [Рубинштейн 1989: 141]. Кроме того, эмоции как психическое явление всегда чем-то мотивированы. Следовательно, различная мотивация эмоций должна быть представлена в семантической структуре эмотивных синтаксических моделей. На этом основании считаем необходимым выделять в семантической структуре эмотивных синтаксических моделей два компонента, один из которых позволяет определить причину эмоции, а следовательно, коррелирует с интеллектуальной оценкой, а другой — характеризует тип выражаемых эмоций. Для обозначения таких компонентов значения нами были предложены термины «логизированные компоненты» и «эмотивные» / «эмотивно-оценочные компоненты».

Проиллюстрируем сказанное на примере эмотивной синтаксической модели «вот + так + существительное в форме именительного падежа / глагол в спрягаемой форме», например: Вот так встреча!; Вот так коробочки!; Вот так мальчик!; Вот так придумал!

Основной логизированный компонент содержания этой модели можно определить как 'несоответствие прогнозам говорящего'. Со значением несоответствия, по мнению многих исследователей, связана эмоция удивления. Выражение удивления и составляет основной эмотивный компонент значения данной модели. Однако в соответствующих эмотивных высказываниях выражается широкий спектр эмоций. Это объясняется спецификой удивления: «...сфера удивления может быть и хорошей, и плохой, удивляются и радостным, и горестным событиям, а также нейтральным по знаку — неожиданным» [Вольф 1989: 60]. Следовательно, наличие данного эмотивного компонента значения создает предпосылки для осложнения удивления другими эмоциями. Учитывая сказанное, взаимосвязь логизированного и эмотивного компонентов значения рассматриваемой модели можно описательно представить следующим образом: 'Я этого не ожидал, и это меня (приятно / неприятно) удивляет'.

Осложнение удивления отрицательными эмоциями сочетается с логизированным компонентом значения 'противопоставление представлений говорящего о норме, с одной стороны, и оцениваемого лица / его действий — с другой'. Поскольку представление о норме, трансформируясь в представление о должном, ассоциируется в ценностной картине мира говорящего

со знаком <+>, то номинативные единицы, употребленные в составе соответствующего эмотивного высказывания, должны иметь социально закрепленный положительный оценочный знак. Если же место номинативного компонента занимают лексемы, в лексическом значении которых отсутствует оценочная коннотация (ср.: мальчик, придумал), то в составе эмотивного высказывания актуализируется потенциальная эмотивная сема.

Осложнение удивления положительными эмоциями сочетается с логизированным компонентом значения 'сопоставление определенного представления об ожидаемом и оцениваемого события'. Выражение положительных эмоций в сочетании с удивлением имплицитно ожидание наступления определенного события, которое в ценностной картине мира говорящего оценивается со знаком <+>. Если же наступившее событие превзошло ожидания говорящего, то оно вызывает у него положительные эмоции.

Итак, сочетание в содержательной структуре эмотивных высказываний логизированных компонентов значения 'несоответствие' и 'противопоставление' обуславливает осложнение эмотивного компонента значения 'выражение удивления' отрицательно-оценочным компонентом значения; сочетание логизированных компонентов значения 'несоответствие' и 'сопоставление' каузирует осложнение основного эмотивного компонента значения положительно-оценочным компонентом. Выражение же «чистого» удивления является следствием логизированного компонента значения 'несоответствие', выявляющего тот факт, что говорящий вообще не ожидал реализации какого-либо события [Воркачев 1992: 85].

Логизированные и эмотивный / эмотивно-оценочный компоненты значения эмотивных высказываний представляют собой органическое единство, которое можно определить взаимосвязь эмоциональной и рациональной оценки. Характер эмотивного / эмотивно-оценочного компонента значения, так же как предел семантического варьирования типового значения эмотивной синтаксической модели, может быть обусловлен различными логизированными компонентами и их сочетанием.

Литература

- Вольф Е. М.* Эмоциональные состояния и их представление в языке // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 55–76.
- Воркачев С. Г.* «Первая из вех страстей»: адмиративная оценка и средства ее выражения в испанском языке // *Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка.* 1992. Т. 51, № 2. С. 81–89.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 2: Бытие и сознание. 322 с.

Прокаева Валерия Олеговна¹, Риехакайнен Елена Игоревна²

аспирант¹; канд. филол. наук, доцент²,
кафедра общего языкознания им. Л. А. Вербицкой,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОИСК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ КОММУНИКАТИВНОЙ КООРДИНАЦИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: дискурсивная лингвистика, психолингвистика, педагогический дискурс, коммуникативная координация.

В докладе рассматривается явление коммуникативной координации в рамках нескольких основных подходов к изучению устной речи в современной лингвистике, а также разрабатывается перечень характеристик речи, которые в дальнейшем будут использованы для анализа отличительных особенностей диалогической речи на уроке. Изучение характеристик естественной устной речи является одной из активно развивающихся областей дискурсивной лингвистики и психолингвистики. Лингвистический анализ реального языкового материала (например, данных корпусов устной речи) позволяет не только ответить на фундаментальные вопросы о процессах речепорождения, но и определить речевые паттерны, используемые для осуществления успешной коммуникации. При исследовании языкового материала, полученного в ходе записи коммуникации преподавателя с учениками на уроке, необходимо учитывать двусторонний характер такой коммуникации, иными словами — коммуникативную координацию в диалоге [Борисова 2009]. С точки зрения прагматики коммуникативную координацию предлагается рассматривать как многоаспектную характеристику диалогического текста, которая позволяет описывать согласованность речевых действий собеседников и их влияние друг на друга. В соответствии с классификацией И. Н. Борисовой, предлагается выделять 4 основных типа коммуникативной координации, включающие 1) консентную, 2) конформную, 3) полемичную и 4) конфликтную, которые различаются в зависимости от согласованности коммуникативных интенций и кооперативности речевого поведения.

В области психолингвистики особое внимание явлению координации уделяется в рамках формирования гипотез о порождении и восприятии речи во время диалога. Согласно одной из ведущих теорий, в процессе диалога основная мыслительная деятельность говорящих сосредоточена не на кодировании собственных сообщений и декодировании сообщений собеседника, а на обоюдном «подстраивании» или «выравнивании» (англ. «alignment») речи таким образом, чтобы в конечном счете прийти к некоему «общему знаменателю» (англ. «common ground») касательно обсуждаемого предмета [Pickering, Garrod 2004]. В основе Модели лингвистической координации Пикеринга и Гаррода лежит явление прайминга (механизма памяти, который обеспечивает произвольное влияние ранее обработанного стимула на обработку последующих). Чаще всего данное явление в речи манифестируется с помощью эксплицитных реакций на ранее полученный стимул, т. е. разного рода повторов сказанного собеседником ранее. Проведенные исследования в области обучения неродному языку показывают, что явление координации в некоторых случаях связано с улучшением результатов обучающихся [Dao, Trofimovich, Kennedy 2018], что говорит о возможной практической пользе исследования психолингвистических аспектов координации и в речи учителя на родном языке.

При изучении речи учителя необходимо учитывать особый контекст, в рамках которого совершается коммуникация. Согласно некоторым данным, педагогическому дискурсу может быть свойственна строгая структурализация и закономерная смена коммуникативных ролей [Макаров 2003]. В качестве подготовительного этапа перед непосредственным анализом диалогов предлагается охарактеризовать материал с точки зрения его специфики, а именно:

- 1) выделить ключевые блоки урока, во время которых координация может быть выражена более явно, и изучить структуру речи учителя внутри каждого блока;

- 2) проанализировать функционирование «речевых ходов» учителя и учеников (их очередность и продолжительность, а также продолжительность отрезков речи с отсутствием речевого сигнала) с целью проверить, в какой степени учитель и ученик являются равнозначными участниками коммуникации.

Встретившиеся в материале диалоги планируется описать с помощью системы маркирования диалогической речи DAMSL: Dialog Act Markup in Several Layers [Core, Allen 1997] и определить свойственный каждому из них тип коммуникативной координации, чтобы оценить количественное соотношение в материале диалогов разных типов. Кроме того, в рамках нашего исследования будут отобраны 1) лексические повторы и 2) повторы синтаксических конструкций для исследования психолингвистической стороны явления.

Одно из условий достижения координации в педагогическом процессе — двустороннее понимание того, на каком этапе находится диалог и какое коммуникативное действие находится в процессе выполнения. При отсутствии ясно обозначенной темы урока, устойчивой терминологии и инструкций к заданиям эффективность коммуникации может быть снижена. Напротив, наличие дискурсивных маркеров, смысловых пауз и других языковых средств акцентуации обеспечивает связность коммуникации. Поэтому предлагается дополнить список исследуемых параметров следующими:

- 1) повторы значимых для конкретного урока и изучаемой области терминов, а также дискурсивных маркеров, отражающих процесс взаимодействия говорящих;
- 2) наличие в речи пауз, обладающих определенными функциями (эмфатических, ритмических, ситуативных, хезитационных).

Полученный список параметров планируется использовать при анализе диалогической речи на уроках родного и неродного языка. В докладе будут представлены предварительные результаты анализа речи учителей, полученные с применением разработанного списка характеристик. Материалом для анализа стали уроки русского языка в 5–8 классах общеобразовательных российских школ. Данные о том, какие лингвистические единицы характеризуют явление координации и насколько оно распространено в речи учителей в целом, в дальнейшем должны стать основой для описания эффективных стратегий речи учителя и разработки рекомендаций для преподавателей.

Литература

- Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. 3-е изд. М.: Либроком, 2009. 317 с.
- Core M. G., Allen J. Coding dialogs with the DAMSL annotation scheme // AAAI fall symposium on communicative action in humans and machines. 1997. No. 56. P. 28–35.
- Dao P., Trofimovich P., Kennedy S. Structural alignment in L2 task-based interaction // IJL-International Journal of Applied Linguistics. 2018. Vol. 169 (2). P. 293–320.
- Pickering M. J., Garrod S. Toward a mechanistic psychology of dialogue // Behavioral and Brain Sciences. 2004. Vol. 27 (2). P. 169–190.

Исследование выполняется в рамках проекта СПбГУ «Роль лингвистических характеристик речи в результативных учительских практиках: корпусные и психолингвистические данные» (ID 103923108).

Рабхи Умайта

*аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
rabhioumaita4@gmail.com*

ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ: СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ

Ключевые слова: виртуальная коммуникативная ситуация, виртуальный дискурс, виртуальная языковая личность.

Не подлежит сомнению тот факт, что в конце XX — начале XXI вв. в результате развития информационных технологий появилась новая культурная, языковая и лингвистическая реальность, которая порождается и постоянно развивается с расширением сферы действия современных средств коммуникации: Интернета, сотовой и спутниковой связи. Значимость лингвистического аспекта Интернета и возникновения таких явлений, как виртуальная языковая личность, виртуальное сообщество, виртуальное общение и дискурс, виртуальная языковая среда стали несомненно одними из важнейших объектов исследования в современных лингвистических трудах. Эта техническая и технологическая революция сблизила людей, сократила расстояния и упразднила географические границы, что привело к превращению мира в маленькое пространство, где все становилось близким, быстрым и возможным. Именно виртуальный мир дополняет реальный мир, делая нашу жизнь проще, а контакты свободнее.

В данном докладе речь идет о виртуальном дискурсе. С одной стороны, под термином дискурс понимается определенный тип коммуникативного поведения, обусловленный социально-культурными условиями той или иной общности, психологическими, целевыми, когнитивными установками коммуникантов и воплощенный в текстовой среде особого типа [Гриценко 2011]. С другой стороны, виртуальный дискурс, осуществляемый между виртуальными языковыми личностями, представляет собой текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности, обладающий ее основными характеристиками виртуальной реальности (генеративность, релевантность, автономность, интерактивность, погруженность) и являющийся разновидностью символической реальности, созданной на основе компьютерных и некомпьютерных технологий. Как отмечает П. В. Морослин, функционирование русского языка в Интернете в широком понимании и в виртуальном дискурсе в узком вызывает значительный интерес исследователей. Действительно, « в научной литературе в последние годы появилось несколько монографий, десятки статей об особенностях русскоязычного Интернета (часто как синоним употребляется и слово Рунет), о новых речевых жанрах, появившихся в Интернете на русском языке, об особенностях компьютерной коммуникации на русском языке (см. работы О. В. Дедовой, Г. А. Трофимовой, А. А. Атабековой и др.) » [Морослин 2009: 11].

Очевидно, главная задача языка — это служить средством общения между людьми. По мнению немецкого ученого Фридриха Энгельса, высказанном в его учении о происхождении языка, «...язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми...» [Маркс, Энгельс 1932: 29]. Так, речь идет об осуществлении процесса коммуникации в реальной или виртуальной форме между носителями определенного языка в конкретном обществе. Коммуникативный процесс представляет собой взаимодействие людей посредством содержания (текста, высказывания) и формы (речи, действия), которое регулируется социальными ожиданиями и нормами и совершается в совокупности обстоятельств, положения и обстановки. Действительно, коммуникативная ситуация характеризуется различными компонентами, определяющим ее реализацию в той или иной форме: адресат; адресант; коммуникативно-ситуационное пространство; коммуникативная компетентность членов общения; цель общения; условия коммуникации (контекст, в том числе место, время, обстановка); социальный статус адресата и адресанта; степень знакомства; уровень образования; профессиональная принадлежность; пол; возраст; психологические особенности личности; состояние здоровья; настроение и т. п. Кроме того, выделяются несколько видов ситуации коммуникации, напри-

мер, по направленности (прямая или косвенная), по средствам (вербальная или невербальная), по форме коммуникативного события (беседа, лекция и т. п.). Все вышеизложенные параметры характеризуют эффективность процесса коммуникации и детерминируют его направленность и результаты.

Однако, по нашему мнению, одним из важных параметров ситуации коммуникации является также особенность лексического выбора и коммуникативно-ситуационное пространство (виртуальное или реальное). Разумеется, умение использовать жесты и мимику, выражение лица, смотря на собеседника, и выбор нужного слова в конкретной речевой ситуации, безусловно, служат надежными способами передачи и восприятия цели общения. Тем не менее, коммуникативная ситуация всегда разворачивается на определенном предметно-событийном фоне. Предметно-событийный фон — это место, где происходит общение (берег моря, актовый зал института, холл гостиницы, класс, и т. д.), время, когда оно разворачивается (время суток, день недели, время года, но также и абсолютное время, т. е. такой-то год или даже такое-то число, например 9 мая 1945 года), а также кто присутствует при общении в качестве наблюдателя и что делается или происходит вокруг (урок, собрание, оттепель и т. д.) [Долинин 2010: 11]. В виртуальном же дискурсе вышеизложенные признаки в большинстве случаев не отражаются, так как одной из главных ценностей виртуального дискурса является анонимность (и для адресата, и для адресанта). Следовательно, в реальности, отличающейся от материального действительного мира и которой невозможно приписать объективное существование, коммуникативная цель и ее результаты интерпретируются неограниченными различными способами в зависимости от адресата и адресанта и характеристики их отношения.

Данная мысль позволяет нам перейти к феномену виртуальной самопрезентации, играющей важную роль в форме манифестации себя, своего образа, убеждений, коммуникативной цели, интересов, чувств и т. д. для другого. Действительно, в реальной традиционной коммуникации члены общения в большинстве случаев имеют устойчивые сформировавшиеся на той или иной основе отношения (семейные, родственные, профессиональные, дружеские, любовные и др.) и являются знакомыми с обычными манерами общения, эмоциями, мимиками, свойственными друг другу. В процессе же виртуальной коммуникации содержательной стороной самопрезентации выступает «профиль» субъекта, его интернет-страница с описанием его личных качеств, интересов, контактов и иные черты, которые, по мнению разработчиков соцсетей, должны характеризовать человека в интернет-коммуникации [Баева 2014: 8]. Так, профиль пользователя, включает в себя информацию следующего рода: работа и образование, места проживания, дата рождения, контактная информация (электронный адрес), семейное положение, члены семьи, друзья, места пребывания, фото, мероприятия, а также информация о книгах, музыке, спорте, которая нравится автору. По нашему мнению, данная отличительная черта (самопрезентация) виртуальной коммуникации является одновременно частью преимуществ и недостатков ситуации виртуального общения. Это мнение обосновано тем, что при безличном подходе к общению выбор аспектов компонентов самопрезентации характеризуется неограниченной свободой и фантазией. Таким образом человек, участвующий в виртуальном общении, иногда рискует попасть в ситуации манипуляции и неадекватности в представлении реальной информации.

Итак, можно заключить, что в нашем современном мире электронной культуры наблюдается постоянное развитие феномена виртуальной коммуникации, играющей доминирующую роль по сравнению с реальной системой общения и взаимодействия людей и которая служит потенциальной угрозой для фундаментальных изменений в человеческом общении.

Литература

- Баева Л. В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 5–10.
- Гриценко Л. М. Особенности виртуального дискурса // Молодой ученый. 2011. № 6 (29). Т. 2. С. 17–20.

Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык: учеб. пособие. 4-е изд. М.: КомКнига, 2010. 304 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. 574 с.

Морослин П. В. Язык Интернета как объект лингвистических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 3. С. 10–17.

Риехакайнен Елена Игоревна¹, Судакова Ульяна Андреевна²

¹канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.riehakajnen@spbu.ru

²стажер-исследователь,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st101968@student.spbu.ru

«МЫ УЖЕ ВЗРОСЛЫЕ»: УПОТРЕБЛЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ «МЫ» И «НАШ» В РЕЧИ УЧИТЕЛЕЙ

Ключевые слова: местоимение «мы», педагогический дискурс, значение инклюзивности, русский язык.

Речевое поведение учителя находится в центре внимания многих современных исследований [Сергоманов и др. 2023]. Для достижения лучшей академической успеваемости, установления доверительных отношений и в целом создания «благоприятного образовательного климата» [Сергоманов и др. 2023: 205] учитель может использовать определенные положительно-манипулятивные речевые приемы. Одним из таких приемов может быть употребление местоимения «мы» в инклюзивном значении, а также «мы» в значении ‘ты’ или ‘вы’. В некоторых языках инклюзивное «мы» и эксклюзивное «мы» маркируются разными местоимениями, в то время как в русском языке одно местоимение «мы» может употребляться в разных функциях, т. е. обладает более размытым значением, а значит, может быть использовано в манипулятивных целях [Норман 2014: 145]. Считается, что учительское «мы», в частности, «сокращает расстояние между участниками общения» [Маркасова, Тянь 2016: 82].

Функции местоимения «мы» довольно удачно описаны в [Гранева 2008: 208–209]. Именно эту классификацию мы использовали для описания употребления местоимений «мы» и «наш» в речи учителей. Мы проанализировали 21-й урок, проведенный в 5–8-х классах четырьмя результативными учителями истории, литературы и русского языка. Результативная учительская практика — это та, которая «способствует устойчивой академической успеваемости и благополучию детей» [Сергоманов и др., 2023: 195]. Продолжительность каждого урока — около 40 минут. Общий объем материала составляет 53 040 словоупотреблений. Все записи, с которыми мы работаем, предоставлены нашими партнерами из ООО «СберОбразование».

Предварительный анализ материала показал, что не всегда удастся однозначно определить функцию местоимений «мы» и «наш» в речи учителей. Чаще всего сложности возникали с разведением инклюзивного значения и употребления «мы» в значении ‘вы’ (21 пример). В докладе мы рассмотрим только те случаи, в которых, на наш взгляд, функция определяется однозначно. Всего мы рассмотрели 737 таких контекстов для местоимения «мы» и 99 примеров употребления местоимения «наш».

Для местоимения «мы» наиболее частотной оказалась инклюзивная функция (мы = ‘я и ты / вы’) как в целом (74,8%), так и отдельно для каждого класса и для каждого учителя (более 70% во всех случаях). В 40,1% таких контекстов форма местоимения «мы» сопровождалась словами «с вами»:

(1) На следующем уроке мы с вами продолжим изучать политику Павла Первого.

Мы также выявили ранее не описанную в литературе функцию, в которой это местоимение используется учителями истории (8,7% от общего числа примеров). Это предположно-падежная конструкция «у нас», функционирующая как дискурсивный маркер, который может быть опущен без потери смысла. Мы предполагаем, что при использовании местоимения «мы» в этом значении учителя пытаются «приблизить» исторические события к учащимся:

(2) Итак, значит во главе управления Древнего Рима у нас находилось народное собрание (открывает слайд с заполненной схемой).

«Мы» в значении 'ты' или 'вы' является следующим по распространенности в нашем материале (7,7%). По всей видимости, такое употребление помогает говорящему создать «иллюзию равенства» [Маркасова, Тянь 2016: 82]:

- (3) Таак! Что мы самое главное запишем отсюда? Чего не было? Что нового мы здесь узнали? На этом слайде? Что нового? [поворачивает голову в сторону слайда].

Употребления местоимения во всех остальных функциях, которые обычно упоминаются в литературе (эксклюзивное: «мы» = 'я и он (она) / они'; «мы» = 'я'; экзистенциальное неререферентное: «мы» = 'я + определенная группа людей, обладающих одними взглядами и убеждениями'; универсальное («обобщенно-личное») «мы»), также встречались в нашем материале, но значительно уступали по частотности употреблением в трех рассмотренных выше функциях.

Мы также зафиксировали 99 контекстов употребления местоимения «наш» в рассмотренных уроках. Наиболее частотным вновь стало инклюзивное значение (60,6%):

- (4) Ребят, вспомните, пожалуйста, начало нашего урока и тему урока. Мы с вами говорим о завоевательных походах.

Следующим по частотности оказалось употребление в устойчивом выражении «до нашей эры» (14,1%). На уроках в 5 классе это выражение встречается чаще всего, что обусловлено, скорее всего, школьной программой:

- (5) Итак, еще раз внимательно на экран, дата основания Рима 753 год до нашей эры, обращаю внимание, до нашей эры.

Примеры употребления местоимения «наш» во всех остальных функциях были более редкими.

Употребление рассмотренных в докладе местоимений в ряде случаев можно объяснить индивидуальными предпочтениями учителя. Так, один из учителей, речь которых мы анализировали, использовал местоимение «мы» в значении 'ты' или 'вы' значительно чаще, чем другие учителя, у другого учителя часто встречались употребления в дискурсивной функции. Тем не менее, все учителя в подавляющем большинстве случаев используют местоимения «мы» и «наш» в инклюзивном значении.

В дальнейшем мы планируем сравнить полученные данные с уроками менее результативных учителей. Также было бы интересно сравнить эти результаты с тем, как местоимения «мы» и «наш» используются преподавателями во время лекций и семинаров. Последующие исследования могут стать основой рекомендаций по совершенствованию речевого портрета учителя.

Литература

- Гранева И. Ю. О референтном и неререферентном употреблении местоимения мы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 206–209.
- Маркасова Е. В., Тянь В. Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 79–86.
- Норман Б. Ю. Грамматическое лицо в идеологической рекламе // Коммуникативные исследования. 2014. № 1. С. 142–151.
- Сергоманов П. А., Мальцев М. А., Бысик Н. В., Бекетов В. Ю., Байбурун Р. Ф. Социология урока: дискурсивная организация результативных учительских практик // Вопросы образования. 2023. Вып. 1. С. 191–218.

Исследование выполняется в рамках проекта «Роль лингвистических характеристик речи в результативных учительских практиках: корпусные и психолингвистические данные», осуществляемого при финансовой поддержке СПбГУ (ID проекта 103923108).

Сизова Ольга Борисовна

канд. филол. наук, учитель-логопед,

Психолого-педагогический центр по социальной адаптации детей с тяжелыми нарушениями;
речи osizova@yandex.ru

ОТВЕТЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ВОПРОСОВ В РЕЧИ ВЗРОСЛЫХ, ОБРАЩЕННОЙ К РЕБЕНКУ

Ключевые слова: онтолингвистика, инпут, стратегии освоения языка, общие и частные вопросы, контекст.

В европейской культуре речь взрослых, обращенная к ребенку младшего возраста, богата вопросами с весьма своеобразной прагматикой: взрослый не преследует цели получить от ребенка новую для себя информацию, но обучает его языку и оценивает эффективность этого обучения. Если взрослый задает частный вопрос, содержащий вопросительные местоимения кто, что, где, как [Цейтлин 2000: 26–27], и ребенок затрудняется с ответом, взрослый предлагает общий вопрос или так называемый tag question [Kazakovskaya 2020], требующий от ребенка лишь согласия с сформулированным утверждением или повтора озвученной в вопросе целевой лексемы. Ответ на подобный вопрос известен и отвечающему ребенку, и вопрошающему взрослому. Важно отметить, что подобные вопросы характерны лишь для инпута в европейских культурах и связаны с представлением о специфическом статусе ребенка, нуждающегося в собственном пространстве и особом регистре общения, облегчающем процесс его социализации и освоения языка. В других культурах ребенок не считается полноценным собеседником до овладения речью, и этот процесс не обеспечивается специфически организованным инпутом. Все вопросы, задаваемые детям раннего возраста в описываемых культурах, подразумевают запрос на информацию, известную ребенку, но НЕ известную взрослому: это вопросы о состоянии и желаниях ребенка, открытые вопросы на аналогии, стимулирующие порождение нарратива и провокационные вопросы, стимулирующие языковую и социальную изобретательность ребенка [Маслинский 2015]. Таким образом, речь взрослых, обращенная к ребенку в европейских культурах, предполагает минимальную включенность ребенка в процесс программирования высказывания: для адекватного участия в диалоге со взрослым, задающим вопросы описанного выше типа, ему достаточно лишь повторить лексему, присутствующую в реплике взрослого — непосредственно в левом контексте. Ребенок, завоевывающий себе коммуникативное пространство в не-европейских культурах, с самого начала вынужден самостоятельно программировать свое высказывание, поскольку взрослый не может помочь ему по объективным причинам, задавая вопрос, ответ на который известен лишь ребенку. Следовательно, стратегия европейского инпута подразумевает максимальное облегчение, но минимальную самостоятельность вхождения в язык и основана на способности ребенка к воспроизведению, тогда как в не-европейских культурах не повторение, но самостоятельное развертывание высказывания ребенком оказывается и задачей ребенка, и коммуникативными ожиданиями взрослого. Закономерно возникает вопрос о степени осознанности значения высказывания, создаваемого ребенком в ответ на общий вопрос. В типичном случае определить это невозможно так же, как невозможно понять, сконструирована или воспроизведена порожденная ребенком словоформа. Определить самостоятельность конструирования можно лишь при порождении неадекватной словоформы (хотя и в этом случае необходимо учитывать влияние левого контекста). Поэтому предметом анализа механизма ответов на общие вопросы в исследовании послужили сбои при ответах на tag question, допущенные детьми с отклоняющимся речевым развитием разной степени выраженности. Беседуя с девочкой с сенсорной алалией (особенностью развития с выраженными трудностями понимания речи), взрослый, не получив ответа на частный вопрос, сразу предлагает общий вопрос, «Как тебя зовут? Гуля?», и ребенок дает ожидаемый ответ: «Гуля». Но если взрослый, переходя к общему вопросу, с той же интонацией озвучит: «Как тебя зовут? Маша?», — девочка с готовностью воспроизводит: «Маша». Стратегия общих

вопросов позволяет ребенку с речевой патологией поддерживать диалог, опираясь лишь на интонационные характеристики левого контекста, подсказывающие, какой фрагмент реплики взрослого необходимо воспроизвести. Осознания языкового значения для коммуникативного успеха не требуется, если взрослый ведёт себя соответственно своей роли в ситуации. Дети референциальной стратегии, опираясь на функции задней коры, обеспечивающие точное распознавание и воспроизведение инпута [Сизова 2017], являются по сути целевой аудиторией общих вопросов. Однако в случае, когда взрослый добавляет к вопросу вместо слова, ожидаемого в качестве ответа, другую лексему, или предлагает выбор ответа из двух лексем, дети референциальной стратегии при вполне соответствующем возрасту уровне понимания обращенной речи допускают весьма характерные сбои. Взрослый спрашивает: «Что мама делает? Подумай!» Мальчик отвечает: *паду...мама готовит. Взрослый спрашивает у ребенка, держащего в руках игрушечного варана: «Кто это?» и, не получив ответа, уточняет: «Ящерица или лягушка?» — «Лягушка», — отвечает мальчик, великолепно разбирающийся в видах рептилий. У детей экспрессивной стратегии, опирающихся на функции передней коры, обеспечивающей самостоятельное развертывание высказывания, подобных сбоев не отмечается. Следовательно, европейский инпут, обеспечивающий, по мнению исследователей, более успешное и быстрое освоение родного языка, в рамках стратегии общих вопросов воспитывает у референциальных детей, считающихся более успешными в освоении языка, привычку отвечать на вопрос, опираясь не на понимание значения выбираемого ответа, а исключительно на левый контекст — последнее прозвучавшее в реплике взрослого слово, являющееся подсказкой, правильным ответом, который вызовет одобрение взрослого. В конечном итоге такая тактика является частным проявлением тенденции к опоре на мнение авторитета, поддерживаемой в том числе и более общей практикой задавания вопросов, ответы на которые известны обоим собеседникам, прагматической целью которой является обучение языку путем подражания, подкрепляемого похвалой авторитета-взрослого. Стратегия не-европейского инпута, не слишком помогающая ребенку, но рассматривающая его как агента, обладающего новой информацией, и обучающая транслировать ее, ощущая себя с самого начала автором своего высказывания, занимает больше времени, но, вероятно, воспитывает в ребенке истинную ответственность за свои ответы и (не)речевые действия.

Литература

- Маслинский К. А. Язык и бедность // Бедность и развитие ребенка / под ред. Д. А. Александрова, В. А. Ивановиной, К. А. Маслинского М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. С. 177–245.
- Сизова О. Б. К вопросу об иерархии механизмов речи // Модальность в языке взрослых и детей; Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН Т. XIII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2017. С. 741–773.
- Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи: учеб. пособие для студентов пед. вузов М.: Владос, 2000. 239 с.
- Kazakovskaya, Victoria V. First-Language Acquisition: Input/Child-Directed Speech // Greenberg, Marc L. (editor in chief), and Lenore A. Grenoble (general editor), Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics, Brill: Leiden, forthcoming. First published online: 2020. URL:https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of-slavic-languages-and-linguistics-online/first-language-acquisition-inputchild-directed-speech-COM_032173

Сытник Ольга Сергеевна

*канд. филол. наук, доцент, кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II;
Sytник_OS@pers.spmi.ru*

К ВОПРОСУ О РАСХОЖДЕНИЯХ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ И КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Ключевые слова: речевой жанр, социальное взаимодействие, коммуникативная стратегия, адресат, адресант.

Доклад посвящен исследованию причин расхождений в интерпретации речевых жанров и коммуникативных стратегий между адресантом и адресатом. Традиционно исследования в области речевых практик уделяли больше внимания говорящему, его возможностям выбора и инициативным речевым ходам, в то время как реакция и интерпретация адресата подвергались анализу недостаточно [Сытник 2023: 260].

Прагматический аспект исследования дискурса и речевых жанров, в рамках которого учитывается точка зрения адресата речевого жанра, активно разрабатывался еще в 20–30-е гг. XX в. М. М. Бахтиным [Бахтин 1986: 428–472]. Проблема интерпретации адресатом речевых ходов говорящего была обозначена еще в 1999 г. известным речеведом О. Б. Сиротининой [Сиротинина 1999: 37–52]. Авторы предлагают уделить пристальное внимание интерпретации адресатом речевых ходов говорящего и связанным с этим расхождениям в понимании речевых жанров. Исследование отмечает активную роль адресата в процессе восприятия речи, подчеркивая, что всякое понимание живой речи носит ответный характер, формируясь в процессе восприятия речевых ходов говорящего и реализуясь в реактивных речевых ходах.

Исходя из сказанного выше, мы можем предположить существование двух категорий речевых жанров: 1) речевые жанры, идентифицируемые говорящим, и 2) речевые жанры, интерпретируемые как таковые с точки зрения слушающего.

Исходя из того, что речевые жанры, как и коммуникативные стратегии и тактики, включают в себя, с одной стороны, интенцию говорящего, а с другой — интерпретацию слушающего и результирующие смыслы, которые слушающий строит в процессе интерпретации, можно предположить, что речевой жанр может одновременно восприниматься как два разных жанра с позиций слушающего и говорящего. Например, то, что говорящий озвучивает как крайне деликатную просьбу, слушающий может интерпретировать как навязчивую просьбу или требование, а дружеский разговор по душам — как сплетню (и наоборот). Такие расхождения в интерпретации могут привести к коммуникативному дискомфорту и ухудшению социального взаимодействия, в частности, отношения к говорящему.

Как нам представляется, на описываемый потенциальный сдвиг в восприятии речевых жанров с точки зрения адресата оказывает влияние контекст, реализованный в двух следующих видах оценки:

I. Оценка слушателем плана содержания (плана означаемого) высказывания по следующим параметрам: высказывание может быть интерпретировано как:

- 1) полезно-неполезно;
- 2) приятно-неприятно;
- 3) интересно-неинтересно.

Оценки слушателя вместе с языковым выражением речи включают в себя и контекст высказывания.

II. Оценка значимости личности говорящего для адресата.

Возможные дополнительные ситуативные параметры:

III. Ситуация предыдущего общения.

IV. Время, затрачиваемое на интерпретацию: устная/устно-письменная речь.

Очевидно, что для ситуации идеального общения, характеризующейся кооперативной коммуникативной стратегией, нужно стремиться к тому, чтобы и слушающий, и говорящий интерпретировали используемый в данный момент времени речевой жанр максимально близко.

Данные критерии оценки позволяют выделить несколько стратегий восприятия речевых жанров адресатом, влияющих на качество речевого и социального взаимодействия и вызывающих симпатию собеседника:

1. Интересное-неинтересное: стратегия восприятия, которая может вызвать интерес и любопытство. Для ее реализации задействуются речевые жанры, создающие у адресата ощущение разрыва шаблона, диссонанса — юмор, анекдоты, шутки, флирт, интрига, языковая игра и другое.
2. Приятное-неприятное: высказывания, сообщающие нечто приятное и демонстрирующие высокую значимость собеседника — комплименты, слова одобрения, желание подружиться/сблизиться, похвала в различных ситуациях и контекстах. Мы выделяем также коммуникативную стратегию, ухудшающую речевое и социальное взаимодействие. Данная коммуникативная стратегия реализуется в репликах-стимулах и воспринимается адресатом как неприятная. Это намеки, провокации, упреки, обвинения или требования, принуждающие оппонента сделать что-то или поменять свое поведение.
3. Полезное-неполезное: на реализацию данных стратегий восприятия накладывается также ценность сообщаемой информации (нового логического содержания) и значимость личности собеседника для адресата в данной коммуникативной ситуации.

Автор статьи приходит к мысли о том, что большинство речевых действий являются контекстно зависимыми (по аналогии с контекстно зависимой грамматикой А. Н. Хомского) [Chomsky 1965]: значение и воздействие высказывания может изменяться в зависимости от того, кто его произносит и кому адресует. В связи с этим возникает вопрос, существует ли контекстно свободное высказывание, всегда означающее для всех участников коммуникации одно и то же.

Таким образом, мы можем говорить о возможном расхождении между пониманием используемого речевого жанра и коммуникативной стратегии адресантом и адресатом. На величину этого расхождения влияет то, насколько план содержания высказывания полезен/приятен/интересен адресату; а также значимость личности говорящего для адресата.

Литература

- Сытник О. С. Об исследовании явлений «речевой жанр», «речевой акт», «речевые стратегии», «ситуация речи» и подобных в контексте учета позиции адресата. СПб., 2023. С. 260–264.
- Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 428–472.
- Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 37–52.
- Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge: MIT Press, 1965. 296 p.

Фомина Зинаида Евгеньевна

д-р филол. наук, профессор, Воронежский государственный университет;
Sinaida.Fomina@outlook.com

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ, ЧУВСТВ И РАЗУМА В ПЕДАГОГИКЕ ИММАНУИЛА КАНТА

Ключевые слова: И. Кант, педагогика, память, чувство, разум.

И. Кант, обобщая свой практический опыт как педагога, обращается к рассмотрению таких фундаментальных понятий, как память, чувства и разум в аспекте их значимости для развития и воспитания ребенка.

Признавая правильность изречения «*tantum scimus, quantum memoria tenemus*» («мы знаем ровно столько, сколько помним»), Кант подчеркивает, что «культура памяти особенно необходима» [Kant 1803: 22]. Согласно размышлениям философа, все вещи так устроены, что рассудок сначала следует за чувственными впечатлениями, которые память должна сохранять. Кант считает, что примером этого может служить изучение языков, причем лучшим способом их усвоения является общение, т. е. работа с живыми языками. По мнению ученого, память играет важную роль и при усвоении таких дисциплин, как география и история. Он подчёркивает, что история является превосходным средством тренировки ума в вынесении суждений.

Отдельную проблему для Канта составляет проблема запоминания. Запоминание очень необходимо для человека, но, вместе с тем, «как простая практика запоминание бесполезно». Негативный аспект запоминания заключается в том, что детей заставляют, например, учить чьи-либо речи (выступления) наизусть. То же негативное явление прослеживается, когда обучаемые изучают материал «только для будущего экзамена» или когда ими что-либо запоминается *futuram oblivionem* (для будущего забвения). «Необходимо занимать свою память, только теми вещами, которые для нас важны и которые имеют отношение к реальной жизни» [Kant 1803: 23].

Кант как педагог фокусирует внимание на дихотомии «память и чтение». По Канту, «самое вредное — это чтение романов детьми, потому что они не используют их иначе, кроме как развлечение в момент их чтения («они создают свой роман в романе»). Чтение романов детьми, по мысли философа, ослабляет память.

Иммануила Канта занимает проблема развития памяти. «Память следует развивать как можно раньше и вместе с этим необходимо культивировать ум». Успешное развитие памяти, по Канту, возможно: 1) через запоминание имен в рассказах; 2) с помощью чтения и письма; 3) через языки, которым детей учат сначала на слух [Kant 1803: 23].

Ученый считает, что только тогда, когда сформируется «хорошо обустроенный ORBIS PICTUS» («Мир вещей в картинках») [см.: Comenius Amos: 1658], педагоги могут приступать с детьми к изучению ботаники, минералогии и вообще к описанию природы, а далее — к рисованию и моделированию, математике, географии, физике. Он показывает, что между отдельными дисциплинами нет границ.

Философ подчеркивает взаимосвязь знаний и навыков и говорит о том, что «из всех наук математика, по-видимому, единственная, которая лучше всего удовлетворяет этой конечной цели». По Канту, к дихотомии «знания и навыки» должны присоединиться знание и речь (красноречие).

По мнению ученого, обучаемый должен научиться отличать знание от простого мнения и убеждения. При таком условии у него формируется правильный ум и правильный вкус, а «не утонченный или деликатный». Прежде всего это должен быть, по Канту, вкус чувств, особенно глаз, и, наконец, вкус идей.

В кантовском рассмотрении феномена «память» особое место занимает идея четко установленных правил, которые должны присутствовать во всем, что призвано развивать ум: «Еще очень хорошо сложить правила в определенную формулу и таким образом доверить их памяти» [Kant 1803: 24].

В контексте цели воспитания и способов ее достижения, Кант выделяет два типа «культуры чувств»: общую культуру чувств и индивидуальную. Общая культура чувств/эмоций восходит к умению и совершенству, является двухчастной и представляет собой: а) либо физическое начало, которое пассивно по своей природе; б) либо моральное, являющееся активной субстанцией. По Канту, необходимо, чтобы ученик поступал хорошо, исходя из своих собственных максим, а не по привычке. «Вся моральная ценность поступков состоит в максиме добра [...]. Воспитанник всегда должен видеть причину и следствие действий из понятий долга» [Kant 1803: 24].

Индивидуальная культура чувств проявляется в культуре способности познания: культуре чувств, воображения, памяти, силы внимания и остроумия, что относится, по Канту, к «нижним силам ума».

Касаясь культуры воображения, философ подчёркивает, что у детей невероятно сильное воображение. «Воображение детей скорее необходимо обуздать и подчинить правилам, но его нельзя оставлять и совершенно незанятым» [Kant 1803: 24].

И. Кант высказывается относительно «жесткой привязанности наших мыслей к объекту» и говорит о том, что это есть не столько талант, сколько скорее слабость нашего внутреннего чувства, поскольку в этом случае оно не гибко и не может быть использовано по своему желанию» [Kant 1803: 25].

С развитием памяти связаны «высшие силы интеллекта», действие которых обнаруживает: культуру ума, культуру суждения и культуру разума человека. Кант выделяет два типа разума: умозрительный разум и разум как рефлексии о причинно-следственных связях чего-либо, т. е. практический разум. Умозрительный разум прослеживается, по Канту, когда люди читают и слышат что-то, не понимая этого, даже если они в это верят». Сюда он относит, в частности, картины и вещи. Кант подчёркивает, что только через практический разум можно понять причины [Kant 1803: 25].

Литература

Kant Immanuel. Über Pädagogik. Herausgegeben von D. Friedrich Theodor Rink. Königsberg, 1803.

Comenius Amos. Orbis pictus. URL: <http://digitalna.kniznica.info/zoom/67068/view?page=10&p=separate&to=info&view=0,0,1411,2551>

Цуй Хуэйин

аспирант, Томский государственный университет;

cuihuiying1990@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВНЕШНИХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «СТЫД»)

Ключевые слова: стыд, внешние проявления, русский язык, китайский язык, репрезентация эмоций.

Стыд является одной из сильнейших эмоций, испытываемых человеком. В психологии стыд включают в число десяти базовых эмоций, которые образуют мотивационную систему существования человека [Изард 1999: 464]. Сложность изучения данного феномена объясняется его связью с социально-психологической природой, зависимостью от культурных и исторических факторов. Стыд связан с идентичностью человека, способностью оценивать не только себя, но других людей, зависит от знания и соблюдения моральных норм определенного общества, выступает регулятором социального поведения.

Настоящая работа посвящена анализу языковых средств, репрезентирующих внешние проявления эмоции стыда в русском и китайском сознании. Материалом исследования являются 113 текстов, выражающие внешние проявления стыда и опубликованные в группе «Подслушано» в русскоязычной социальной сети «ВКонтакте» и 78 текстов в группе «Weibo Shudong», «Shesi Anfa Xianchang» в китайско-язычной социальной сети «Weibo». В этих группах люди делятся каждый день своими секретами, откровениями и жизненными ситуациями анонимно перед огромной аудиторией.

С точки зрения жанровой принадлежности данные тексты относятся к жанру Интернет-откровения. Обладая основными чертами интернет-дискурса, данный жанр характеризуется и определенной спецификой, связанной с нарративным характером текстов, их анонимностью и тяготением к реализации категории эмотивности. Адресант в таких текстах может «преодолеть чувство отчужденности» и выразить свою эмоцию напрямую, вне характеристики экспрессивности или оценочности [Колмогорова 2019: 79]. Исследование феномена стыда на материале данных текстов представляется актуальным, поскольку позволяет определить ценностную картину мира современного человека, отражает изменение культурных и моральных норм.

В работе используются метод моделирования и контекстуального анализа. Из исследуемых текстов выбирались контексты с лексемой стыд, ее дериватами или синонимами, в которых репрезентированы внешние проявления данной эмоции. В выявленных контекстах анализировалась их семантика и высказывание в целом.

В ходе анализа текстов жанра Интернет-откровение были выявлены следующие внешние проявления эмоции стыда:

1) Психофизиологические проявления.

Наиболее распространенным способом вербализации эмоции стыда в русском и китайском языках является изменение цвета лица.

В русском языке изменение цвета лица выражается глаголом краснеть или прилагательным красный, пунцовый: Помню как ему было стыдно, стоял, краснел и долго извинялся. Интенсивность проявления данного признака передана через изменение цвета не только лица, но и волос на голове: покраснели даже волосы на голове.

Образная семантика лежит в основе метафорических и сравнительных конструкций, зафиксированных в анализируемых текстах: с пылающими от стыда щеками, пыланием моих щёк от стыда озарён весь город, красная как рак, сгорать от стыда.

В китайском языке изменение цвета лица репрезентируется иероглифом «紅」 (красный, краснеть). Интенсивность этого признака выражается разнообразными средствами, в том числе и образными. При этом объекты сравнения могут отличаться от русского языка. Так, в китайском языке частотно сопоставление цвета лица человека с цветом задницы обезьяны и по-

мидора: 脸红得跟猴子屁股一样 (краснеть, как задница обезьян); 脸红得像烂番茄 (краснеть, как испорченный помидор). Также в выявленных примерах есть указание на время изменения цвета лица и его оттенок: взорвалось краснотой, мгновенно покраснело; из томатно-красного сменилось на кирпично-красный.

В русском и китайском языках репрезентированы неконтролируемые физиологические процессы, которые вызывает стыд: дрожь тела, стук в висках, потеря аппетита и сна: Ни есть, ни спать не могу от стыда...; я весь красный, с бешеным стуком в висках и готовый провалиться сквозь землю от стыда ушел в свою комнату; 时间越长越觉得愧疚, <...>, 他们都觉得我就是个没心没肺的家伙, 半夜一个人却时常失眠. (Чем дольше проходит время, тем больше я чувствую стыд и свою вину. <...>. Они все думают, что я бессердечный парень. Я часто страдаю от бессонницы, когда остаюсь один ночью.) В китайских текстах часто встречаются указание на повторное сгибание пальцев ног, которое оказывается физиологической реакцией на чувство стыда и является достаточно частотным признаком, вербализованным в исследуемых источниках.

- 2) Невербальные проявления стыда в русском и китайском языках, к которым относятся движение взгляда, тела и мимика. Сильное чувство стыда вызывает желание скрыться, убежать, быть незаметным: Я поспешно убежала, от стыда мне не хотелось выходить на улицу неделю; 羞愧无比, <...>, 真想找个地缝钻进去. (Мне так стыдно. <...>. Я очень хочу найти трещину в земле, чтобы получить деньги, которые я отдала матери.)

Таким образом, анализ языкового материала позволяет уточнить существенные признаки эмоции стыда. Внешние проявления стыда, вербализованные в русском и китайском языках, совпадают, так как являются рефлексией человека вне зависимости от языка и культуры. Отличия вербализации в исследуемых языках связаны с объектами метафорического переноса. На лексическом уровне актуализируется модель, представляющая стыд как эмоцию, которая при сильном проявлении вызывает неконтролируемые психофизиологические и невербальные реакции человека. Наиболее распространённой реакцией является изменение цвета лица.

Литература

- Изард К. Психология эмоций: пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. С. 464. (Серия «Мастера психологии»).
- Колмогорова А. В. Использование текстов жанра «интернет-откровение» в контексте решения задач сентимент-анализа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. С. 71–82.

Чебанов Сергей Викторович¹, Кузнецова Вера Владиславовна²

¹д. филол. н., профессор кафедры математической лингвистики,
Санкт-Петербургский государственный университет;
s.chebanov@spbu.ru

²студентка каф. истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st099991@student.spbu.ru

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СИНЕСТЕЗИИ В СЛОВЕСНОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: синестезия, полимодальность восприятия, поток сознания, индекс.

Проблема разграничения полимодальности восприятия и синестезии кажется лишь терминологической, т. к. даже с этимологической точки зрения, эти термины отсылают, казалось бы, к одному феномену — «смещению» модальностей восприятия. Однако природа такого смещения может пониматься по-разному: либо как физиологически неадекватное восприятие, абсолютное личностное знание, невыражаемое в языке, либо как составляющая художественного мышления, результатом которого становится вербальный (и не только) образ, напр., устоявшиеся метафоры (теплый цвет, высокий звук и др.) и индивидуальные художественные образы («звонко-синий час» у А. Блока или «A noir, E blanc...» у А. Рембо). Но все ли эти примеры синестетичны «в одинаковой мере»? Ответ на это вопрос заставляет обратиться к психофизиологии.

Синестезис слагается (как и другие виды восприятия) последовательными стадиями рецепции, перцепции и апперцепции. Рецепция — это стадия возникновения возбуждения рецепторов под действием раздражителя, порождающего простейшие ощущения, которые вследствие более высокой степени воздействия или более низкого порога чувствительности реципиента могут ощущаться им, но еще не осознаются, не осмысляются. Перцепция — это стадия начала осознания ощущений и их категоризации, а переход к апперцепции осуществляет «связь» между сенсорным возбуждением и актами сознания, характеризуя «окультуривание» сенсорного опыта. Перцептивный образ формируется на основе как культурного, так и личного опыта реципиента.

Синестезия как органический феномен физиологически неадекватного восприятия, при котором помимо ощущений адекватных раздражителю, возникают ещё и неадекватные ощущения, соотносится либо со стадией рецепции, либо с перцепцией, либо с обеими стадиями, либо с переходом с одной стадии на другую (лабораторные исследования дают противоречивые результаты). Вербализация же синестетического опыта неизбежно изменяет его природу. Выраженная в словах синестезия становится метафорой, могущей стать эстетически значимой, нагруженной культурными коннотациями. В итоге на стадии апперцепции формируется полимодальный образ, имеющий не только биологическую, но и культурную природу. Поэтому встает вопрос о возможности знака регистрировать само синестетическое переживание, не привнося собственное, закрепленное в культуре за этим знаком значение. Такой знак должен быть тождественен самому психическому переживанию, или сама синестезия для ее адекватной передачи должна порождать собственные языковые или иные семиотические средства (так К. К. Сараджев для передачи своего слухового опыта использовал нотную запись, но с разбивкой интервала между основными тонами на 12 бемолей и 12 диэзов [Цветаева 1977]). Подобная ситуация возможна, если синестет осознает свою синестезию и ее атипичность и хочет это выразить. В ином случае итоговый синестетический образ и его словесное представление будут омонимичны полимодальным образам.

Такая же омонимия характерна для «потока сознания», который представляет собой поток переживаемых содержаний — их феноменальный и когнитивный ряды. Последний доступен нам благодаря самонаблюдению и вербальному отчету. Осознанное наблюдение за когнитивным рядом порождает логически/риторически организованный линейный текст-«событие культуры», так как слово, попадая в контекст, коннотируется, а текст превращается в образное

описание — в неназывание предмета. Синестет же фиксирует свои переживания «спонтанно», актуализируя феноменальный, недоступный вербальному отчету ряд (практика Сараджева), и не рефлексировав над используемыми для фиксации знаками (географ Б. Б. Родоман представлял годы поперечными цветными полосами бесконечной ленты — [Родоман 1999: 250], а психолог А. М. Парачёв показал на большой выборке людей наличие статистически достоверной закономерности раскраски годов в люшеровские цвета, позволяющие делать долговременные прогнозы — [Парачёв 1989]). Поток сознания должен быть потоком такого языка (или другой знаковости), в котором нет отличия переживаемого и выражаемого (не-противопоставление означаемого и означающего как разных сторон листа бумаги). Так «восстановится» спонтанность древнего процесса называния вещей: знак дан в изначальной функции указания на вещь и подобен жесту.

Такой знак-указатель — это индекс Ч. Пирса: «Всё, что привлекает внимание, будет указателем. Всё, что поражает нас, является указателем настолько, насколько оно обозначает связь между двумя фрагментами опыта» [Пирс 2019: 405]. В случае синестезии индекс должен быть однозначен — указывать один путь к одному означаемому (это напоминает электронную ссылку, отсылающую только на один сайт, как это и сделано у Сараджева, Родомана и Парачёва). Итоговый текст из индексов внешне бессвязен, причём отсутствие грамматических связей нейтрализует лексическое значение слова, «оголяя» его ситуативный («синестетический») смысл. В индексе отношения между означающим и означаемым предельно экзистенциальны: означающее только указывает, ничего при этом не утверждая. Не-утверждение же создает неопределённость знака.

Достоверное выражение психического в знаковом может быть только алогичным, нерелексироваемым процессом, который остается намеренным и осмысленным, для чего синестезия является наиболее подходящим материалом, так как синестетический опыт «алогичен сам по себе», а его передача нуждается в строгой индексальной структуре.

Литература

- Парачев А. М.* Эмоциональные структуры ценностного сознания // Текст как отображение картины мира. М., 1989. С. 72–81.
- Пирс Ч.* Что такое знак // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М.: ИНИОН, 2019. С. 405–406.
- Родоман Б. Б.* Моя жизнь в единой географии // Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. С. 238–251.
- Цветаева А. И.* Сказ о звонаре Московском // Москва. 1977. № 7. С. 129–171.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» № 22-18-00383, в ИНИОН РАН.

Черезова Мария Александровна

канд. филол. наук, доцент, заместитель начальника кафедры гуманитарных дисциплин,
подполковник внутренней службы, Самарский юридический институт ФСИН России;
kuprijanova07@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ЭЛЕКТРОННЫХ НЕМЕЦКИХ СМИ

Ключевые слова: деструкция, коммуникация, отправитель и получатель, первичное и вторичное сообщения.

Проводимое нами исследование посвящено изучению процесса вербализации деструктивных стратегий в интерактивном комплексе электронных сообщений (статья в качестве примера первичного сообщения + комментарии как примеры вторичных сообщений), опубликованных на страницах современных немецкоязычных СМИ. Материалом исследования послужили 6 онлайн-статей об актуальных в 2023 году политических событиях (*der Ukraine-Konflikt; die Flüchtlingskatastrophe vor griechischer Küste; die Zukunft der Klimapolitik; die Beziehungen zwischen den USA und China; der Nato-Beitritt Schwedens*) из национальной еженедельной газеты «ZEIT ONLINE» и еженедельного немецкого журнала «FOCUS ONLINE», а также более 1700 онлайн-комментариев от читательской аудитории к указанным статьям. Из проведенного анализа нам кажется очевидным, что стратегическая программа в исследуемом интернет-пространстве представляется сложным многокомпонентным целым, обусловленным как интенционными установками отправителя сообщения (первичного и затем вторичного), так и особой этикой взаимодействия в интернет-среде.

Актуальность нашего исследования определяется рассмотрением вербальной составляющей представленных текстов разных жанров, отражающей реализацию выбранных для анализа стратегий с отличающимся уровнем направленности. Со стороны автора статьи мы заметили тенденцию к реализации однонаправленной деструкции, разрушительного потенциала, поскольку большего не позволяет институциональность выбираемого вида электронного сообщения. Деструкцию со стороны комментаторов, а она, в свою очередь, спровоцирована авторами первичного сообщения, в интернет-среде можно охарактеризовать как мультинаправленную: против других комментаторов / против политических лидеров, партий или политики в целом / против содержания новости / против автора статьи, реже — против национальной принадлежности, встречаются также единичные примеры против научного сообщества. В процессе реализации стратегической программы отправителей сообщений, будь то автор онлайн-статьи или автор онлайн-комментария, нами отмечено участие средств различных уровней немецкого языка: лексического, стилистико-синтаксического уровней и даже уровня высказывания.

Научная новизна исследования определена тем, что языковая реализация деструктивного взаимодействия в рамках немецкого дискурсивного пространства, более того, на примере текстов различного жанра (статья / комментарий) на настоящий момент не столь широко описана в рамках отечественной науки о языке. В современной коммуникативистике нам встретились примеры рассмотрения деструктивных стратегий в различных типах дискурса с описанием их вербального наполнения в русском языке [Буряковская 2019: 620]. С позиции теоретического языкознания довольно подробным анализом деструктивной коммуникации в рамках когнитивно-дискурсивного подхода занималась отечественный лингвист Я. А. Волкова, описав в своей работе явно выраженный эмотивный компонент деструкции как явления [Волкова 2014]. Исследования интересующего нас феномена в языке за последние годы все чаще оперируют понятиями «хейт-спич» / hate speech / язык вражды [см., например: Ребрина 2022: 151].

В ходе проведенного нами языкового анализа было замечено, что для электронной статьи наиболее характерна вербализация стратегии псевдоконвенции. Взаимодействие с адресатом в данном случае происходит таким образом, что между автором и читателем выстраивается «доверительное» отношение, которое в дальнейшем послужит отправной точкой для реали-

зации разрушительного потенциала в любых направлениях со стороны адресанта (вводимое нами понятие мультинаправленности деструкции). Электронные комментарии, в свою очередь, реализуют более деструктивные стратегии из определенных нами [Черезова 2019: 166]: стратегия интенсификации и стратегия дискредитации, поскольку реципиенты при написании ответного электронного сообщения практически не ограничены в выборе средств языкового взаимодействия, за исключением этики онлайн-издания.

Литература

- Буряковская В. А.* Стратегии деструктивного коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 3. С. 620–629.
- Волкова Я. А.* Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014. 430 с.
- Ребрина Л. Н.* Хейт-шоу: реализация хейта как коммуникативного феномена // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21, № 1. С. 151–163.
- Черезова М. А.* Контактные стратегии в электронных статьях и комментариях (на примере немецкоязычного политического медиадискурса) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 3. С. 165–171.

Pavel Trushchelev

PhD in Philology, lecturer at the Department of the Russian language and Professional Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia, researcher at the Language and Cognition Laboratory, Pushkin State Russian Language Institute; pavel.trushchelev@gmail.com

STUDENTS' STRATEGIES IN READING EXPOSITORY TEXT IN HISTORY

Keywords: expository text, reading strategies, narrative.

1. Problem statement

The important psycholinguistic issue is different concept between the expository and narrative, requiring a reader to use different strategies [Clinton et al. 2020]. Expository texts in History include narrative structures [Sangers et al. 2021], which can affect reader's processing.

2. Study Design

2.1. The aim of the study is to experimentally examine strategies school students use to read History textbooks.

2.2. The text materials were drawn from (Russian) textbooks for secondary schools and consisted of four passages (Msize = 210 tokens; SD = 20). They differed in numbers of narrativisation techniques, such as actionalisation or focalisation (see [Sangers et al. 2021; Toolan 2001]):

- Passage 1 (Pugachevskoe vosstanie) employs no techniques;
- Passage 2 (Lzhedmitrii I), 2 techniques;
- Passage 3 (Vosstanie v Moskve), 4 techniques;
- Passage 4 (Ekaterina I i «verkhovniki»), more than 4 techniques.

2.3. The participants were 119 eighth-grade students from secondary schools in St. Petersburg, Russia. Their average age was 14 years, and 61 (51.3 %) of them were female.

2.4. The methods were scaling and keywording.

2.5. The procedure was as follows: (1) a participant was presented with all the passages, (2) after reading a passage, a participant, using 7-point scales, rated it for qualities novelty, complexity, and comprehensibility, (3) after rating, a participant extracted the most significant words from the passage [Sakharnyi, Shtern 1988/2006].

2.6. The data consisted of ratings and keywords sets (Nsize = 2670 tokens, Msize = 7.5).

2.7. The data analysis was carried out by using descriptive statistics, comparison tests, k-means and topic clustering (rtsne and topicmodels packages for R), and qualitative methods (E. Riekhakaynen, E. Yagunova, and others).

3. Results and discussion

3.1. The keyword sets (KS) fall into two groups:

- 'standard' KS: a list of words separated by commas,
- 'non-standard' KS: (a) a title for a passage, (b) a general statement about text content, or (c) statements about some aspects of text topic(s).

For example, the following KS have been extracted from Passage 3:

- (1) vosstanie, Moskva, Ivan IV, Yurii Glinskii;
- (2a) Pozhar v derevyannoii Moskve;
- (2b) V tekste rasskazyvaetsya o vosstanii v Moskve;
- (2c) Proizoshel sil'nyi pozhar v Moskve. On proizoshel iz-za sil'nogo vetra.

Comparing showed that (1) the distributions 'standard vs. non-standard KS' did not deviate significantly from a uniform distribution (KS test = .43, .44, .41, .44; $p > .7$), (2) the distributions of set groups for all the passages had no significant differences within themselves ($F\chi^2 = 3.73$, $F\chi^2 = 1.03$, $p > .2$).

The set groups seem to reflect diverse ways the participants compressed text content.

3.2. The invariant KS—which include words extracted from a passage by at least 33 % of participants—are as follows:

- (3a) Pugachev (69 %), vosstanie (54 %);
- (3b) Lzhedmitrii (60 %), Boris (34 %), samozvanets (34 %);
- (3c) pozhar (66 %), vosstanie (63 %), Moskva (62 %), Glinskii (37 %);
- (3d) prestol (60 %), Ekaterina I (56 %), Petr I (47 %).

The invariant keywords represent about 50 % of the KS (.60, .42, .57, .44).

The participants successfully identified only the main text topic. So, clustering divided KS into clusters most of which were based on invariant keywords. The following cases give the most significant words for Passage 1: (4) presents three clusters resulted from topic modelling; and (5), six clusters resulted from k-means clustering:

- (4a) pugachev, vosstanie, kazak, zakhvat, kreml';
- (4b) vosstanie, pugachev, petr, zakhvat, otryad;
- (4c) pugachev, vosstanie, kazak, osada, porazhenie;
- (5a) pugachev, vosstanie, zakhvat;
- (5b) vosstavat', otryad, razgromit';
- (5c) pugachev, ob'yavit', petr;
- (5d) krepost', zakhvat, pugachev;
- (5e) vosstanie, osada, porazhenie;
- (5f) kazak, vosstanie, pugachev.

As for more particular aspects, there was a high variability in students' strategies, which can be showed by plotting. The plot given below provides frequency graphs that represent 15 keyword types. As seen, the last data points that represent invariant keywords (given in yellow) are ahead of a bend, and the following points are close to a line trend.

Additionally, (3a)–(3d) do not label any secondary events the passages describe. The invariant keywords represent approximately 1.88 % (SD = 0.67; 2/169, 3/166, 4/142, 3/174) of the extracted keyword types.

3.3. The narrative structures had a weak impact on KS-clustering. The differences between clusters do not reflect an impact of plot elaboration or narrativisation (e.g., *za oknom neozhidanno udarili barabany*).

Furthermore, verb fractions of keyword types and keyword tokens for all the passages had no significant differences within themselves ($\chi^2 = .23, .07, 1.03, .03, .29, .47$; $\chi^2 = 1.17, 3.80, 3.83, .78, .78, .84, .002$; $p > .05$).

Only 22 % of the KS represent a text plot via word order, as the following cases exemplify:

- (6a) vosstanie, osada, razgrom myatezhnikov, porazhenie;
- (6b) Lzhedmitrii, poluchil dengi, Godunov, tsar' Boris skonchalsya;
- (6c) pozhar, otchayanie, nedovol'stvo, slukhi, vosstanie, ubiistvo;
- (6d) Petr I, nasledie prestola, Ekaterina I, prevorot.

And yet, the table shows mean relative proportions of keywords that represent typical narrative elements.

	Keyword types		Proportions	
	Passage 1	Passage 2	Passage 3	Passage 4
Character	.303	.304	.134	.381
Time	.024	.040	.030	.027
Place	.085	.035	.142	.007
Total	.412	.378	.305	.416

Note the last row: the total distribution for Passage 3 deviates significantly from the other matched distributions ($W = 8939.5, 8394.5, 8560.5; p < .01$). The participants extracted fewer words representing text characters from Passage 3. And this passage does not describe characters' specific actions.

3.4. The correlation tests, comparing students' ratings and cluster distributions, did not result in significant values. Hence, in their processing, the participants were most likely to be guided by their reading skills.

References

- Clinton V., Taylor T., Bajpayee S., Davison M.L., Carlson S.E., Seipel B. Inferential comprehension differences between narrative and expository texts: a systematic review and meta-analysis // *Reading and Writing*. 2020. Vol. 33. P. 2223–2248.
- Sakharnyi L. V., Shtern A. S. Nabor kluchevykh slov kak tip teksta [Keyword set as a text type]. ... Slovo otzovetsia: pamiati A. S. Shtern i L. V. Sakharnogo / ed. by T.I. Dotsenko. Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2006 [1988]. P. 50–59.
- Sangers N., Evers-Vermeul J., Sanders T., Hoeken H. Narrative elements in expository texts: A corpus study of educational textbooks // *Dialogue and Discourse*. 2021. Vol. 12, no. 2. P. 115–144.
- Toolan M. *Narrative: A critical linguistic introduction*. London; New York: Routledge, 2001. 276 p.

Зайкина Ольга Евгеньевна

*аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
zaykinaolga1@yandex.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМА СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Ключевые слова: фрейм, судебный дискурс, речевой акт.

Интерес к проблемам функционирования языка в сферах деятельности человека включает в себя правовую сферу, в составе которой выделяется судебный дискурс, представляющий собой «вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» [Дубровская 2010: 14].

Судебный дискурс — это многомерное явление, подразумевающее статусно-ориентированное общение с высокой степенью конвенционализации и наличием иерархической ролевой структуры. Судебное заседание проводится по характерному сценарию, что позволяет выявить определенные речевые структуры, присущие этому событию. В настоящем исследовании будет использоваться понятие «фрейм», которое (несмотря на многообразие подходов) обеспечивает фоновое понимание повседневных событий и «является определением ситуации в соответствии с принципами её организации и субъективной вовлечённостью участников» [Goffman 1986: 10].

Гражданский процесс включает нескольких ключевых участников судебного заседания: судью, адвоката, прокурора, истца, ответчика, свидетелей [Гражданский процессуальный кодекс РФ]. От лиц, участвующих в судебном процессе, ожидается, что они будут выполнять требования, продиктованные институциональным контекстом заседания. В отечественном гражданском судопроизводстве ответчик и истец дают объяснения, а допрашивается только свидетель [Дубровская 2010: 175]. Судья регулирует коммуникацию во время судебного процесса, принимает и выносит вердикт. Судьи могут обращаться ко всем участникам судебного процесса, а также ограничивать их поведение и речевую активность.

Источником эмпирического материала послужили расшифровки видеозаписей, представляющих собой материалы гражданских дел на You-tube канале Судов общей юрисдикции г. Москвы. Фрейм судебного заседания имеет четкую структуру, которая поддерживается определенными речевыми актами, произнесенными участниками заседания. Так, на этапе открытия судебного заседания представлены такие речевые акты, как репрезентативы, отображающие реальное положение дел. Например, сообщение судьи о начале судебного заседания, разъяснение сторонам их прав на судебном процессе (1), (2):

- (1) [Судья] Объявляется состав суда, председательствующий судья Яблоков.
- (2) [Судья] Проясняю права, предусмотренные статьями четыре, тринадцать тридцать пять, тридцать девять, пятьдесят шесть УПК РФ. Лица, участвующие в деле, имеют право знакомиться с материалами дела, делать выписки, снимать копии, заявлять отводы, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, задавать вопросы другим лицам, свидетелям, экспертам, специалистам, предлагать ходатайство, в том числе об исследовании доказательств, давать объяснения суду в устной и письменной форме, приводить свои выводы по всем возникающим в ходе судебного разбирательства

Ответственный редактор: канд. филол. наук *О. В. Блинова*.

вопросам, возражать относительно ходатайства, знакомиться с материалами дела, получать копии судебных постановлений, знакомиться с протоколами судебных заседаний предварительного заключения, обжаловать судебные постановления, использовать идеи процессуальные права.

Эти речевые акты включают в себя значение предикативности, когда сообщение помещается в план настоящего времени, что достигается при помощи конструкций, включающих глаголы в настоящем времени в форме страдательного залога: объявляются, имеются, докладывается, имеют право знакомиться.

Кроме того, на обсуждаемом этапе заседания используются стандартные интеррогативы, проясняющие возможность проведения судебного заседания:

- (3) [Судья] Отводы к суду имеются?
- (4) [Судья] Ходатайства у стороны истца к первоначальному иску имеются?
- (5) [Судья] Ходатайства ответчика к первоначальному иску имеются?

В то же время на этапе представления доказательств и аргументов сторон в качестве одного из способов назначения говорящего судья так же использует глагол в форме страдательного залога предоставляться:

- (6) [Судья] Дорожно-исковое заявление встречное исковое заявление. Слово для дачи пояснений предоставляется представителю истца первоначальной партии.

Фрейм судебного заседания может по-разному поддерживаться в репликах участников заседания при рассмотрении материалов дела:

- (7) [Истец/Судья] / Сразу перехожу к встречному иску / Да, сразу ко встречному иску.

Однако если есть расхождения с институциональным контекстом заседания, судья напоминает участнику заседания о том, что ему нужно следовать, используя косвенный речевой акт приказа:

- 8) [Ответчик/Судья] / Вы прекрасно знаете, что до сих пор договоры, вы их в письменном виде не выдаете. / Вопрос, форма вопроса, пожалуйста./

Таким образом, фрейм судебного заседания поддерживается исходя из типичных и ожидаемых действий его участников. Несмотря на то, что у сторон гражданского процесса есть возможность варьировать свое речевое поведение, они не могут выходить за рамки, продиктованные институциональным контекстом.

Литература

- Гражданский процессуальный кодекс РФ. URL: <http://ivo.garant.ru//document/12128809/paragraph/356:0>
- Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия НПЭУ, 2010. 351 с.
- Goffman E. Frame analysis: An essay on the organisation of experience. Northeastern University Press edition. 1986.

Куралесина Екатерина Николаевна¹, Миретина Мария Сергеевна²

¹канд. филол. наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
carer2007@rambler.ru

²канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
mmiretina@yandex.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В АФРИКЕ

Ключевые слова: русский язык, Африка, языковая политика.

Концепция внешней политики РФ, подписанная В.В.Путиным 31 марта 2023 г., включает положения об «усилении значимости России в мировом гуманитарном пространстве, укреплении позиций русского языка в мире» [Концепция внешней политики Российской Федерации]. Африканский континент на сегодняшний день по ряду причин входит в приоритетные направления внешнеполитической деятельности всех ключевых мировых игроков. Исторически обусловленные сильные позиции Европейского союза в данном регионе ослабевают в виду укрепления в Африке позиций Китая, России и Турции и устаревших подходов ЕС, не соответствующих текущим потребностям и интересам африканских стран. Заявления европейских чиновников о пересмотре собственных подходов не находят подтверждения на практике, отношения между ЕС и Африкой ряд экспертов характеризуют как неокOLONIALИЗМ. Экономическая экспансия Китая в Африке без характерной для ЕС политической составляющей сопровождается рядом очевидных крайне существенных минусов, что делает актуальным для африканских стран поиск более выгодных партнеров. Положительный опыт сотрудничества с СССР может стать основой нового этапа в отношениях между Россией и странами африканского континента. На текущий момент РФ предлагает разноплановое сотрудничество; торгово-экономическое, военно-техническое, гуманитарное и образовательное, включающее политику в сфере русского языка. Партнерские отношения с Африкой представляют интерес для России не только с экономической точки зрения, но и могут способствовать формированию пророссийской позиции. Воспитание пророссийски настроенных элит предполагает активную работу в образовательном направлении, неотъемлемой и важнейшей частью которого является изучению русского языка.

На текущий момент РФ предпринимает ряд шагов по распространению русского языка в Африке. Так, по линии Россотрудничества в 8 африканских странах работают Русские центры науки и культуры (РЦНК), где, помимо культурной программы, ведется преподавание русского языка. В ряде африканских стран открыты неправительственные РЦНК. Федеральное агентство Россотрудничество заявляет о постоянном поиске возможностей открытия новых РЦНК. Крайне полезной для воспитания пророссийски настроенных элит представляется инициатива В. В. Путина по открытию на африканском континенте школ с изучением предметов на русском языке, озвученная на пленарном заседании форума Россия-Африка в 2023г. Ряд проектов по продвижению русского языка в Африке инициирует и курирует Министерство просвещения РФ. Российская сторона проводит подготовку соответствующих педагогических кадров на местах.

Интерес к изучению русского языка отмечен в ряде африканских стран, в некоторых из них его можно охарактеризовать как высокий. Африканские страны в целом демонстрируют открытую позицию к изучению новых языков и даже их включению в школьные программы. Однако интерес к изучению языков в Африке в новейшей истории определяется прежде всего экономическими позициями соответствующей страны в данном регионе. Успех русского языка в Африке, таким образом, напрямую зависит от успеха российско-африканских экономических связей.

В советский период интерес к изучению русского языка в Африке был во многом обусловлен перспективой получения высшего образования в советских вузах. Число студентов в срав-

нении с 2019 г. уже возросло вдвое [Что изучают в России студенты из стран Африки]. Студенты из африканских стран, обучающиеся в российских вузах, часто проходят обучение на английском языке. Наличие языка-посредника в перспективе можно исключить как нецелесообразное и неприемлемое. Существенное увеличение числа иностранных студентов ставит вопрос о перспективах их трудоустройства. Некоторое количество выпускников займет уже существующие рабочие места. Часть мест может быть создана в результате развития российско-африканского сотрудничества, что возвращает нас к необходимости плодотворного и динамичного развития российско-африканских отношений.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что РФ уже предпринимает целый ряд шагов в направлении продвижения русского языка на африканском континенте. Данные шаги могут показать высокую эффективность. Языковая политика, однако, является частью внешней политики государства в целом и ее успешная реализация, таким образом, напрямую зависит от успеха всего внешнеполитического курса, где, применительно к Африке, одним из важнейших является экономическое направление, особенно в контексте конкуренции с Китаем. Кроме того, при планировании образовательной и языковой политики в Африке необходимо учитывать особенности и потребности каждой страны, что позволит повысить эффективность и избежать провалов. Представляется целесообразным сконцентрировать усилия на тех дружественных странах, сотрудничества с которыми по тем или иным причинам представляет особый интерес для самой РФ. Шаги в рамках образовательной и языковой политики, в том числе, в таких странах должны носить системный характер.

Литература

- Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
- Что изучают в России студенты из стран Африки. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/06/16/980633-что-изучают-v-rossii-studenti-iz-stran-afriki>

Пантелеенко Олеся Александровна

канд. филол. наук, докторант, кафедра речеведения и теории коммуникации,
Минский государственный лингвистический университет;
alessia@list.ru

РЕЧЕВЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ БЛИЗКОРОДСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА В ИТАЛЬЯНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ)

Ключевые слова: итальянский язык, французский язык, франкопровансальский язык, языковая ситуация, коммуникативная ситуация.

Изучение заявленной темы осуществляется на примере итальянского региона Валле д'Аоста, который располагается на границе между Францией, Австрией и Швейцарией. Исследование строится на материале социолингвистического опроса, который был проведен в октябре 2023 г. в коммуне Сен-Никола в рамках совместного проекта академических центров Италии и Германии: Центра франкопровансальских исследований имени Рене Вильена и Института романских языков Берлинского университета имени Гумбольдта.

Интерес к этой альпийской зоне обусловлен ситуацией близкородственного билингвизма, которая существовала здесь еще до формирования итальянской государственности. Следует отметить, что объединение княжеств Апеннинского полуострова происходило во второй половине XIX в. в контексте уникальных лингвистических и культурных традиций регионов. Для языковой ситуации Валле д'Аоста в это время характерной является демографическая мощьность французского и франкопровансальского языков, что обусловлено географическим расположением региона и его историческим развитием. Долина Аосты располагается на границе с ареалом распространения французского языка. Перевалы долины до строительства горных автомобильных тоннелей служили единственным способом перехода из одной страны в другую. Из-за своей важной стратегической позиции на протяжении истории территория Валле д'Аоста относилась к различным государственным образованиям. Во время присоединения к Италии французский в регионе используется в сфере административного управления, является языком политических элит, религии, активно применяется в коммуникативном поведении представителей знати и интеллигенции. Наряду с французским в общении используется франкопровансальский, не имеющий письменной формы и существующий только в устной практике. С формированием в 1861 г. государственности на территории Апеннинского полуострова начинается процесс италянизации, пик которой приходится на время правления Б. Муссолини, когда предпринимались самые жесткие меры по искоренению французского языка [Cavalli 2017: 142]. Лингвистическая мозаика региона осложняется в 20–30-е гг. XX в. из-за активных внутренних миграционных процессов. Выходцы из регионов Пьемонта, Венето, Калабрии переезжают семьями в поисках работы в Валле д'Аосту, так происходят контакты западно-романских языков.

Влияние демографических факторов в 20–30-е гг. XX в. на языковую ситуацию региона изучает антрополог С. Фавр, он отмечает, следующее: «Великие демографические изменения в Валле д'Аоста начались между двумя мировыми войнами. В пятидесятые годы, особенно в городах и крупных деревнях население долины Аоста было представлено не только уроженцами долины, но и пьемонтцами, венецианцами, калабрийцами и др. Отличить их было легко по акценту даже детям, поэтому не было необходимости задавать собеседникам вопрос об их происхождении. Конечно, разница ощущалась, но в целом она была незначительная. В настоящее время в Валле д'Аоста дела обстоят не столь однозначно и практически все жители, или почти все считают себя вальдостанцами» [Favre 2020: 15]. Этому способствует и законодательство, согласно которому с 1948 г. любой, прописавшийся в регионе Валле д'Аоста, рассматривается как член этнического вальдостанского меньшинства [Omezzoli 1997: 194–195].

Современная языковая ситуация в вальдостанском регионе может быть определена следующим образом: «государственное французско-итальянское двуязычие, осложненное языками и диалектами автохтонного населения, языками и диалектами населения других итальянских регионов, языками национальных диаспор» [Пантелеенко 2023: 145].

Методологической основой исследования являются положения о языковой ситуации, разработанные в рамках социальной лингвистики (В. А. Виноградов, Н. Б. Мечковская, Л. Б. Никольский, Г. В. Степанов, А. Д. Швейцер, И. И. Чельшева, М. А. Косарик, F. Avolio, A. M. Mioni, G. Berruto).

Целью исследования является выявление речевых предпочтений жителей итальянской полилингвальной коммуны Сен-Никола с учетом возраста и сферы общения.

Исследование строится на материале социолингвистического опроса, в котором приняли участие 123 жителя коммуны Сен-Никола. Для решения поставленных задач в ходе исследования в сравнительном аспекте подверглись анализу ответы респондентов трех возрастных групп: 1925–1955 г.р., 1956–1985 г.р., 1986–2009 г.р.

Проведенное исследование позволяет заключить, что языковая ситуация в Сен-Никола характеризуется стабильной позицией итальянского языка, активной ролью франкопровансальского языка в сфере повседневного общения, лингвистической неуверенностью в использовании французского языка. На фоне этой общей картины проявляется специфика языкового выбора в каждой возрастной группе, которые можно представить в виде следующих утверждений:

- чем моложе респондент, тем выше популярность итальянского языка;
- франкопровансальский язык в сфере повседневного общения активнее используется респондентами самой молодой и самой возрастной групп, в отличие от которых респонденты среднего возраста значительно реже пользуются франкопровансальским;
- французский язык постепенно вымывается из употребления.

Литература

- Пантелеенко О. А.* Языковая ситуация приграничья северной Италии в зеркале итальянско-французского билингвизма // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна.* 2023. № 2(62). С. 142–146.
- Cavalli M.* La politique linguistique du Val d'Aoste: réflexions en guise de premier bilan // *La Bretagne Linguistique.* 2017. Vol. 21. P. 137–161.
- Favre S. A.* Antropologia di un territorio. Luoghi, leggende, storie, fatti. Priuli & Verlucca, 2020. 284 p.
- Omezzoli T.* Lingue e identità valdostana. Torino: Einaudi, 1995. 202 p.

Приходкин Алексей Валентинович

Docteur ès lettres, доцент, Женевский университет;
alexei.prikhodkine@unige.ch

СМЫСЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Ключевые слова: постмодерн, франкоязычная Швейцария, региональная вариативность, этническая принадлежность.

Целью данного доклада является, с одной стороны, анализ социального значения региональной вариативности в современной франкоязычной Швейцарии, с другой — интерпретация языковых процессов в рамках определённого социально-политического явления — «общества постмодерна».

По целому ряду аспектов современное общество Западной Европы может быть описано как «общество постмодерна». Его основные характеристики наиболее чётко были сформулированы французским философом Делёзом в рамках концепции ризомы, которая может быть понята как отрицание любой цельности и разрыв всех смысловых цепочек [Deleuze, Guattari 1980: 9–37]. В социологическом плане, это, в частности, выражается в атомарности индивидуумов, отрицании субстанциональности коллективной идентичности и трактовки процессов идентификации сугубо в индивидуалистическом ключе [Дугин 2014].

Постмодернистские идеи с 1980-х гг. в США, а позже и в Западной Европе, широко применяются в социолингвистике. Так, главной характеристикой языковой идентичности становится принцип эмерджентности, который придаёт идентификации непредсказуемость, так как речь зависит от свободного выбора конкретного индивидуума [Bucholtz, Hall 2005]. С этой точки зрения любая коллективная идентичность является необязательным языковым ресурсом. Чтобы эмпирически обосновать принцип эмерджентности, объектом внимания социолингвистов стало трансгрессивное использование языка прежде всего в области гендера и этничности.

В этих условиях, с точки зрения смысла языковых практик, язык теряет всякую возможность обозначать что-либо, кроме постоянно меняющихся субъективностей. Таким образом, язык теряет всякий политический смысл, что проявляется, например, в тенденции к коммодификации языкового общения. Но существует и форма оппозиции этим тенденциям, суть которой может передать термин глокализация, предложенный Роландом Робертсоном и подразумевающий, в частности, регионализацию, возврат к локальным сообществам. В данном докладе утверждается, что региональная вариативность является выражением этой оппозиции: ранее обозначая социально-территориальную принадлежность, региональные варианты начинают нести новый, этнический, смысл.

Исследование региональной вариативности проводилось во франкоязычной Швейцарии (в кантоне Во). Швейцарская разновидность французского языка состоит из целого ряда языковых элементов, часть из которых представляет диглоссический профиль: не обладая престижем, они несут в себе ценности лояльности и территориальной принадлежности. Эта характеристика относится и к долготому дифтонгу [-e:j]. Примером использования этого варианта является морфологическое обозначение рода в словах *privé/privée*, где последний гласный в слове *privée* может реализовываться так: [pʁive:j].

Предметом исследования было социальное значение варианта [-e:j] в двух разных контекстах, определяемых наличием или отсутствием признаков «иностранного акцента». Социальное значение варианта определялось, с одной стороны, на основе суждений жителей Во о звукозаписях, сделанных носителями и неносителями языка (n = 50), а с другой — на основе интервью, проведенных с некоторыми участниками исследования (n = 11) [Prikhodkine 2019: 131–134].

Полученные результаты свидетельствуют о том, что фонетический вариант [-e:j] функционирует как социальный объект, влияние которого сопоставимо с влиянием целого набора признаков, рассматриваемых как определенный диалект. Вариант [-e:j] доступен сознанию гово-

рящих, входит в систему различий и, следовательно, участвует в процессе дифференциации. Следует также отметить, что в оценке респондентов эффект от использования этого варианта носителями языка нулевой или даже отрицательный. Можно было бы ожидать, что использование языковых черт, отражающих лояльность к доминирующей группе, придаст определенный престиж. Однако это не так: его использование не только не добавляет преимущества, но даже вредит, так как их речь воспринимается как более медленная. В то время как в речи носителей языка эффект от использования [-e:j] скорее положительный.

Данные интервью позволяют предположить, что социальная оценка варианта [e:j] в двух разных контекстах основана не на одном и том же социальном значении. Респонденты склонны видеть естественную связь между местным вариантом и этнической принадлежностью большинства, вплоть до того, что некоторые связывают его использование носителями языка с влиянием их родного языка. В то же время некоторые респонденты указывают на последние социально-демографические изменения, которые привели к смешению населения и потере местного акцента. Таким образом, индексальное изменение заключается в исключении признака этнической принадлежности большинства из социального значения [-e:j], когда вариант употребляется в контексте иностранного акцента. Можно сказать, что если раньше вариант [-e:j] просто указывал на то, что говорящий является жителем кантона Во, то сегодня он означает особый тип населения: не-иммигрантов. Таким образом, вариант [e:j] начинает обозначать новые этнические границы: его употребление означает «я — (этнический) уроженец кантона Во».

Вопреки характеристикам «общества постмодерна», стремящегося к ликвидации коллективной идентичности, представленные результаты свидетельствуют, напротив, об утверждении границ. Эти границы придают новый смысл региональной вариативности.

Литература

- Дугин А. Г.* Этносоциология. М.: Академический проект, 2014. 844 с.
- Bucholtz M., Hall K.* Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach // *Discourse studies*. 2005. Vol. 7. P. 585–614.
- Deleuze G., Guattari F.* Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux. Paris: Les éditions de minuit, 1980. 496 p.
- Prikhodkine A.* Faire « local » avec un accent étranger // *Minorités linguistiques et société*. 2019. Vol. 12. P. 125–147.

Раевская Марина Михайловна

д-р филол. наук, профессор,

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;

mraevskaya@gmail.com

ЭРИТАЖНЫЙ ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК (ELH) И ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ

Ключевые слова: эритажный язык, испанский язык, социолингвистика, дидактика испанского языка.

Направление испанский язык как язык наследия (*Español como Lengua de Herencia, ELH*), появившееся на стыке педагогической антропологии и социолингвистики и характеризующее бытование испанского языка в поликультурном неиспаноязычном географическом контексте (прежде всего США), давно известно в испанистике. В соответствии с социальным запросом последних трех десятилетий XX в., когда начался резкий рост иммиграции из Латинской Америки в США, дидактика испанского языка как языка наследия стала дисциплиной, получившей к настоящему моменту развитую научную разработанность и образовательную парадигму, см. [Раевская 2021]. На законодательном и образовательном уровнях испанский язык в США имеет прочные позиции: многие государственные (в том числе и правительственные) учреждения ведут делопроизводство на английском и испанском языках, и, кроме того, власти проводят активную языковую политику по отношению к испаноязычному населению и в образовательной сфере — в настоящее время изучение испанского языка в целом поощряется на всех уровнях образования.

В стране, где, помимо новоприбывающих испаноязычных иммигрантов (которые имеют название “G1” ‘generation 1’, что подразумевает ‘носителей языка первого поколения’), постоянно проживает значительная доля носителей испанского языка второго (“G2” — детей носителей языка первого поколения) и третьего (“G3” — внуков носителей языка первого поколения) поколений, этот фактор во многом обуславливает характер их билингвизма (пассивный или рецептивный билингвизм) и компетенции владения ими испанским языком, см [Miller y Gutiérrez 2019].

В целом, в зарубежной научной и методической литературе по данному вопросу на материале испанского языка получили системное рассмотрение фонетические, лексические, морфосинтаксические и грамматические особенности речи эритажных говорящих, а также используемые ими компенсаторные стратегии при речепроизводстве (чаще всего так называемое изменение языкового кода). Роль центра, интегрирующего исследования современного состояния испанского языка как языка наследия в Соединенных Штатах, выполняет международный рецензируемый журнал с тем же названием “Spanish as a Heritage Language” (SHL). Последние пять лет на его страницах все чаще обсуждается вопрос о необходимости включения в государственный реестр нового типа образовательных программ по преподаванию испанского языка как родного с различным набором компетенций для особой целевой аудитории — его носителей, недавно прибывших в США (*la enseñanza de español para hispanohablantes*), а также для его носителей второго и третьего поколений, владеющих им как языком культурного наследия, передающегося в семье (*la enseñanza de español para hablantes de herencia o de lengua heredada*).

Тем не менее, социологические данные последнего десятилетия (особенно после 2014/2015 гг.) свидетельствуют о расширении географического контекста проживания (в Европе) эритажной аудитории, в той или иной степени владеющей унаследованным испанским языком, что явно обозначило необходимость продолжения исследований в этом направлении и внесения корректив в методику обучения испанскому языку в рамках дисциплинарного вектора дидактика испанского языка как языка наследия. В последние годы были опубликованы исследования языкового и культурного контекста бытования испаноязычной эритажной аудитории в различных европейских странах — Германии, Нидерландах, Швейцарии, Словении, и в регионе Гибралтар (Bonomi 2010; Calvi 2011; Bylund & Diaz 2012; Alvarez Valdivia, Schneider, &

Carrasco 2016; Faneca et al. 2016; Firpo & Sanfelici 2016; Irizarri 2016; Schmithz et al. 2016; Vallejo-Martín, Jiménez & del Pilar 2016; Romano 2017).

В последних разработках по обозначенной тематике (Martínez 2022; Medina López 2022; Ortega 2022; Pascual y Cabo, Montrul 2022; Stranski, Cuartero Marco 2022 и др.) явно говорится о недостаточном внимании к важности учета социально-политического контекста для понимания асимметрии этой целевой аудитории, явления стигматизации по отношению к данной особой категории эритажных говорящих на испанском языке и их иммиграционного опыта. В испаноязычной научной библиографии, посвященной данной проблематике, по-прежнему остаются недостаточно разработанными такие вопросы, как языковая неуверенность носителей эритажного испанского языка, неоднородность их биографических профилей, асимметрия их национального и этнического самосознания, особенности их историко-культурной самоидентификации, см. [Medina López 2022].

В докладе рассматриваются типология целевой аудитории — проживающих в странах не-испанской речи носителей испанского языка, принадлежащих к различным поколениям; учебно-педагогический статус и образовательная парадигма испанского языка как унаследованного (ELN); основные характеристики речи носителей испанского языка, владеющих им как языком культурного наследия; перспективы исследования языкового и культурного контекста бытования испанского языка в европейских странах в XXI в. и его дидактики как языка культурного наследия, которая должна учитывать коммуникативную компетентность учащегося, разнообразные социальные факторы, многоязычный контекст обучения, а также особенности национального менталитета учебной аудитории.

Литература

Раевская М. М. Испанский язык в современном мире. М.: ЛЕНАНД (URSS), 2021. 304 с.

Medina López J. C. Pascual y Cabo, Diego, & Torres, Julio (eds). Aproximaciones al estudio del español como lengua de herencia. Routledge // EuroAmerican Journal of Applied Linguistics and Languages. 2022. Vol. 9, № 2. P. 40–44.

Miller L., Gutiérrez C. Los hablantes de herencia y la norma lingüística del español estadounidense // Glosas. 2019. Vol. 9, no. 6. P. 32–49.

Руднева Екатерина Алексеевна

канд. филол. наук, лаборант-исследователь,
Российский государственный гуманитарный университет, научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН

ЛИНГВОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕЙРОРАЗНООБРАЗИЯ

Ключевые слова: нейроразнообразиие, нейроотличный, модель аутизма, конверсационный анализ.

Согласно концепции нейроразнообразия, «люди воспринимают окружающий мир и взаимодействуют с ним по-разному; не существует единственно “правильного” способа думать, учиться и вести себя, а различия не рассматриваются как недостатки» [Baumer, Frueh 2021]. Нейроразнообразиие представляет собой общественное движение и стоящую за ним идеологию, влияющую на дискурс (не только публичный, но и медицинский); это научная модель расстройств аутистического спектра, а также шире — особенностей развития психики и интеллекта.

Кроме того, можно выделить соответствующую языковую идеологию, призывающую употреблять определенный набор терминов — нейротипичный, нейроотличный, нейродивергентный, нейротип, нейротипик, нейроразнообразный и проч. Причем, в отличие от большинства других случаев, которых касается дискуссия вокруг политкорректности, здесь предлагается термин и для того состояния, которое обычно считается нормой и точкой отсчета. Можно наблюдать процесс, когда через дискурс размывается грань между нормальным и ненормальным, точнее, можно сказать, что это противопоставление теряет актуальность для соответствующего дискурса.

Идеология нейроразнообразия в англоязычном научном дискурсе стала движущей силой, подтолкнувшей к поиску новых подходов к анализу коммуникации с участием людей с ментальными особенностями, к оформлению «нейроразнообразной социокультурной лингвистики» [Call for papers].

Помимо идеологического аспекта, обозначенный научный подход предлагает методологическую составляющую, а именно осуществление анализа материала таким образом, чтобы представить коммуникацию с учетом позиции различных нейротипов. Такая установка согласуется с одним из главных принципов конверсационного анализа — стремиться, по возможности, к более объективному анализу последовательности действий, как речевых, так и неречевых, всех участников взаимодействия, в нашем случае как нейротипичных, так и нейроотличных (см., напр., [Maynard, Turowetz 2022]). Более того, конверсационный анализ иногда позиционируется как практический инструмент оценки коммуникации, с учетом подхода нейроразнообразия, см. [Yu, Sterponi 2023].

Одной из важных задач «нейроразнообразной» лингвистики видится описание фреймов, форматов и паттернов коммуникативного взаимодействия, в котором задействованы нейроотличные участники (т.е. участники с расстройствами аутистического спектра или другими особенностями развития психики и интеллекта), с избеганием клинического, или медицинского, патологизирующего, подхода. Более того, исследователь критически оценивает свою собственную позицию и ту роль, которую он играет во взаимодействии в случае включенного наблюдения.

Ниже представлен фрагмент диалога, в котором принимаем участие исследователь, пришедший в качестве волонтера в инклюзивную мастерскую, и сотрудник с ментальными особенностями. Диалог записан в день знакомства Х. и Е.:

Х: Зовут как?

Е: Катя.

Х: Катя. Да. В каком месяце родились?

Е: Что? В месяце? В марте.

Х: Какого числа?

Е: Двадцать седьмого.

X: Какого года?

E: Тысяча девятьсот восемьдесят пятого.

X: В этом году у вас юбилей.

E: Да?!

X: Да.

E: Хорошо.

X: На каком метро вы живете?

E: Беговая.

X: Беговая. Вы замужем?

E: Да.

X: У Вас дети?

E: Да.

X: Сколько детей у вас?

E: Двое.

<...>

X: Личное пространство?

E: Да.

X: Светло-русская?

E: Да.

Отвечая на вопросы, E. перенимает особенности фрейма игры-викторины, следуя внешним наблюдаемым правилам, и увеличивает темп речи. Обращает на себя внимание не совсем типичный синтаксис, напр., «Зовут как?» вместо «Как Вас зовут?», а также в целом построение цепочки вопросов, отличающееся от более привычного: «В каком месяце родились?» — «Какого числа?» — «Какого года?». Вопрос про станцию метро также выходит за рамки фрейма знакомства. Упоминание про личное пространство относится к общественным нормам, которые X. так или иначе имеет в виду, но не учитывает в полной мере, ведь серия вопросов продолжается. Последний вопрос фрагмента еще более явно демонстрирует, что фрейм отличается от привычного диалога-знакомства, т. к. вопрос касается видимой внешней черты (что свидетельствует в пользу интерпретации иллюкутивной цели не как запроса информации).

Участие нейротипичного исследователя в диалоге с нейроотличным собеседником и осмысление этого опыта может предоставить возможность испытать и осознать трудности, с которыми сталкиваются нейроотличные люди. Это также становится шагом на пути принятия нейроразнообразия не только как идеологии, но и как этической модели.

Литература

- Baumer N., Frueh J. What is neurodiversity? [Web resource] // Harvard Health Publishing. November 23, 2021. URL: <https://www.health.harvard.edu/blog/what-is-neurodiversity-202111232645>
- Call for Papers, Special Issue: “Towards a neurodiverse sociocultural linguistics” [Web resource] // American Name Society. Promoting the study of onomastics. URL: <https://www.americannamesociety.org/call-for-papers-special-issue-towards-a-neurodiverse-sociocultural-linguistics>
- Maynard D. W., Turowetz J. Autistic Intelligence: Interaction, Individuality, and the Challenges of Diagnosis. Chicago: University of Chicago Press, 2022.
- Yu B., Sterponi L. Toward Neurodiversity: How Conversation Analysis Can Contribute to a New Approach to Social Communication Assessment // Language, Speech, and Hearing Services in Schools. 2023. Vol. 54, no. 1. P. 27–41.

Источник финансирования: грант РФФ № 19-78-10081 «Политкорректность в русском языке и в русской культуре».

Темников Никита Андреевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
imtemnikovna.vlspb@gmail.com

«МУЖСКАЯ» И «ЖЕНСКАЯ» РЕЧЬ: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: гендерная лингвистика, женская речь, нидерландский язык, корпус.

В исследовании предпринимается попытка выявить и описать гендерные особенности устной речи носителей северного варианта нидерландского языка на материале текстов корпуса разговорного нидерландского языка “Corpus Gesproken Nederlands” (далее — Корпус). Корпус является источником обширного языкового материала: в нем содержится около 1000 часов записи устной речи носителей северного и южного вариантов нидерландского языка и почти 9 миллионов словоупотреблений.

Начало детальному изучению гендерной проблематики в языкознании положила работа американского лингвиста Р. Лакоффа «Язык и место женщины» (1973). Лакофф утверждала, что различия между речью мужчин и женщин обусловлены неравноправным положением женщины в обществе [Lakoff 1973: 46]. Данный тезис Лакофф защищает с помощью подробного описания признаков «женского языка» [Lakoff 1973: 45]. Перечислим эти признаки: на лексическом уровне — точность при обозначении цвета, использование «более мягких» [Lakoff 1973: 50] ругательств, аффективных прилагательных, на синтаксическом уровне — использование разделительных вопросов и более вежливых средств выражения побуждения [Lakoff 1973: 49–57].

Среди особенностей женской речи исследователи также выделяют более частое употребление междометий как средств экспрессивизации высказывания [Земская, Китайгородская, Розанова 2015: 623] и диминутивов [Ten Cate 1977–1978: 22].

Перечисленный набор явлений может быть проверен применительно к нидерландскому языку. С помощью Корпуса нам удалось выявить частотность употребления мужчинами и женщинами единиц языка, которые были либо обнаружены нами в работах нидерландских лингвистов, посвященных проблеме дифференциации мужской и женской речи, либо выбраны в качестве эквивалентов единиц английского и русского языков, приводимых в пример авторами использованных в данном исследовании работ. Еще раз отметим, что мы ограничиваемся фактами северного варианта нидерландского языка ввиду расхождений в употреблении тех или иных лексем в южном и северном вариантах.

Первую анализируемую группу составляют аффективные, или эмоционально-оценочные, прилагательные, наибольший интерес среди которых, на наш взгляд, представляют единицы *schattig*, *snoezig*, *beeldig* (по своей коннотации они близки к английским *sweet*, *adorable*, *lovely* соответственно). Согласно данным Корпуса, эти прилагательные значительно чаще употребляются женщинами, чем мужчинами: *schattig* — 44Ж / 5М (здесь и далее таким образом мы обозначаем количество вхождений в корпус по параметрам «женщина» и «мужчина»), *snoezig* — 5Ж / 1М, *beeldig* — 5Ж / 0М.

Употребление обценной лексики нами рассматривается на примере единиц с компонентом «бог». Речь идет о междометиях, производных от имени Бога (*God*) или Иисуса Христа (*Jezus*) и выступающих в качестве эвфемистических вариантов междометий *god*, *jezus* и других междометий, содержащих имя Бога, которые в нидерландской культуре воспринимаются как богохульство. Согласно учению кальвинистов, упоминание имени Бога «напрасно» является грехом против третьей заповеди. Результаты поиска показали, что в речи женщин, как правило, чаще встречаются эвфемистические единицы: например, образованные от *jezus* междометия *jee* (207Ж / 125М) и *jeetje* (195Ж / 74М), а также образованные от *god* междометия *goh* (328Ж / 295М) и *gut* (32Ж / 18М). Резкое ругательство *godverdomme*, напротив, чаще встречается в речи мужчин (22Ж / 43М).

Отметим, что на уровне первичных эмоциональных междометий разница в частотности употребления менее значительная, однако и в этом случае больше словоупотреблений наблюдаем у женщин: och 'ох' (327Ж / 238М), ach 'ах' (630Ж / 487М), oei 'ой' (30Ж / 27М), wauw 'ого' (38Ж / 21М).

Исследование частотности употребления диминутивов с помощью Корпуса усложняется необходимостью ограничиться единицами, в которых уменьшительно-ласкательный суффикс выполняет эмоционально-оценочную функцию, следовательно, здесь, чтобы привести статистические данные, требуется анализ каждого отдельного высказывания.

Разделительные вопросы, свидетельствующие о неуверенности говорящего [Lakoff 1973: 54], состоят в нидерландском языке из повествовательной и вопросительной части, выраженной той или иной синтаксической конструкцией. Мы проверили частотность употребления единиц *nietwaar?* 'не так ли?', *of niet?* 'или нет?', *niet dan?* 'разве нет?', *ja toch?* 'так ведь?', *toch?* 'так?', *of wel?* 'правда?' и получили результаты 5Ж / 14М, 683Ж / 549М, 28Ж / 17М, 35Ж / 23М, 660Ж / 478М, 74Ж / 72М соответственно. Результаты показывают, что подобные конструкции чаще используются женщинами, хотя разницу в количестве употреблений нельзя назвать существенной.

Таким образом, исследование мужской и женской речи на базе Корпуса — это довольно быстрый и удобный способ получить большой объем фактов современного нидерландского языка. Кроме того, Корпус располагает полезными для подобного исследования сведениями о говорящем (возраст, уровень образования). К недостаткам использования Корпуса мы относим невозможность систематизации материала по таким важным параметрам, как социальный статус, семейное положение, профессия, характер отношений между говорящими, ситуация. На наш взгляд, выявление и описание признаков мужской и женской речи должно происходить с учетом всех перечисленных выше параметров. Данные Корпуса, однако, могут послужить базой для подобного исследования.

Литература

- Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М.: Флинта, 2015. С. 563–645.
- Lakoff R. Language and Woman's Place // Language in Society. 1973. Vol. 2, no. 1. P. 45–80.
- Ten Cate A. P. Taal van en over vrouwen // Tabu. 1977–1978. Jaargang 8. P. 21–31.

Бабаина Елена Аркадьевна¹, Пиотровский Дмитрий Дмитриевич²,
Зайчик Михаил Леонидович³

¹преподаватель, кафедра латинского языка,
Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
им. акад. И. П. Павлова; babaina_bt@mail.ru

²канд. филол. наук, доцент, кафедра латинского языка,
Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
им. акад. И. П. Павлова; dimariotrovsky@hotmail.com

³студент, Санкт-Петербургский государственный университет;
zaichik.michail@gmail.com

НАСТОЯЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В РОМАНЕ «СЭР ГАВЕЙН И ЗЕЛЕНЫЙ РЫЦАРЬ» КАК ГРАММАТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

Ключевые слова: настоящее историческое, среднеанглийский язык, грамматика.

Феномен настоящего исторического времени в среднеанглийском языке известен давно. Как и во всех германских языках, оно является не прямым потомком индоевропейского инъъюнктива (как его трактуют в ведийском санскрите, гомеровском греческом и древнеирландском), а вторичным образованием. Типологически его появление становится возможным при освобождении презентных форм от выражения значений будущего времени (изначально обусловленного существованием в прагерманском языке категории вида), то есть при грамматикализации в языке перифрастического будущего [Steadman 1917: 43]. Этим объясняется столь большой временной разрыв между активным употреблением настоящего исторического в скандинавской литературе и первыми схожими случаями в английском языке (впервые относительно регулярно лишь в поэмах «Бытие» и «Исход», около 1250 года).

Традиционно настоящее историческое трактуется как стилистическое средство — способ выделить ключевые детали, придать повествованию наглядность, создать у слушающих ощущение присутствия на месте событий и т. д. С точки зрения дискурса эти более частные функции обычно объединяются под понятием переднего плана (foregrounding). В рамках этого подхода специфика употребления настоящего времени многократно исследовалась в среднеанглийской поэзии в целом и в отдельных произведениях. Обычно удавалось классифицировать большую часть случаев и выявить один или несколько ключевых семантических компонентов, но приходилось признавать, что определенный процент случаев употребления настоящего времени классификации не поддается, а также что существуют многочисленные контексты, в которых ожидаемое настоящее историческое отсутствует. Из этого делался вывод о необязательности употребления настоящего времени вместо претерита в каждом конкретном случае и специфичности манеры употребления этого средства каждым конкретным автором. Из-за крайней неоднородности наблюдаемых случаев делались попытки лишить настоящее историческое всякой семантики и объяснять выбор формы презенса или претерита исключительно формальными соображениями (требованиями метра и рифмы).

Источником вторичного формирования категории настоящего исторического, несомненно, является устная речь, или так называемый «естественный» нарратив [Fludernik 1991: 2–8]. В живом повествовании переключение на настоящее историческое и обратно на прошедшее время используется (помимо возможных стилистических применений) для придания структуры, т. е. компоновки отдельных эпизодов в единый рассказ (episodic narrative, [Fludernik 1991:

Ответственный редактор: канд. филол. наук М. М. Пиотровский.

4)]. То же можно видеть в поэтических текстах, восходящих к устной традиции (в среднеанглийский период настоящее историческое активно использовалось в поэзии, но не в прозе). На древнеисландском материале это дополнительно подтверждается существованием текстов с равноправным использованием презенса и претерита или количественным преобладанием форм презенса над формами претерита [Пиотровский 2008: 102–103].

Употребление настоящего исторического в среднеанглийской поэзии росло вплоть до конца XIV века, когда оно использовалось с наибольшей свободой [Steadman 1917: 21]. С началом новоанглийского периода настоящее историческое начало употребляться в прозаических текстах, что ознаменовало начало отхода от привязанности этого средства к устной традиции. К XVI–XVII векам «эпизодический» нарратив сменился «сценическим», то есть использующим настоящее историческое как стилистический прием для переключения между передним и задним планами [Fludernik 1991: 10].

Среднеанглийская поэма «Сэр Гавейн и зеленый рыцарь» является одним из наиболее показательных примеров использования настоящего исторического в среднеанглийской литературе. В ней оно используется чаще, чем в других произведениях, в том числе чем в поэзии Джеффри Чосера [Steadman 1917: 20]. Особенности употребления глагольных категорий (времени и наклонения) в ней были рассмотрены с стилистической точки зрения [Zimmermann 1973], однако неисследованной остается возможность их структурной, или грамматической, трактовки (в том виде, в котором она описана применительно к древнеисландскому материалу в [Пиотровский 2008]). Дополнительную ценность материалу поэмы придает отсутствие строгого метра и (в большей части текста) рифмы, что исключает возможность употребления автором глагольных времен по формальным соображениям.

В фокусе исследования, таким образом, окажутся не контексты, в которых употребляется настоящее историческое, а контексты, в которых происходит переключение между презенсом и претеритом (а также специфически используемым в поэме перфектом). Полученный таким образом материал будет сопоставлен с употреблением настоящего исторического в других произведениях среднеанглийской литературы, что позволит выявить специфику как среднеанглийской традиции в целом, так и исследуемой поэмы в частности. Важным ограничением на выбор материала является синхронность создания сравниваемых текстов. Исходя из этого, для сравнения выбраны произведения, наиболее тесно привязанные к тому варианту традиции, в рамках которого создавался «Сэр Гавейн и зеленый рыцарь», то есть содержащиеся с ним в одном манускрипте MS Cotton Nero A X/2.

Литература

- Пиотровский Д. Д. Взаимодействие временных форм глагола (на материале скандинавских памятников: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 202 с.
- Fludernik M. The Historical Present Tense in English Literature: An Oral Pattern and Its Literary Adaptation. Sonderdrucke aus der Albert-Ludwigs-Universität Freiburg, 1991. 31 p.
- Steadman J. M., Jr. The Origin of the Historical Present in English // Studies in Philology 14, 1917. P. 1–45.
- Zimmermann R. Verbal syntax and style in Sir Gawain and the Green Knight // English Studies. 1973. Vol. 54 (6). P. 533–543. DOI: 10.1080/00138387308597586

Бабаина Елена Аркадьевна¹, Тихонова Елена Сергеевна²

¹преподаватель, кафедра латинского языка,
Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
им. акад. И. П. Павлова; babaina_bt@mail.ru

²канд. филол. наук, доцент, кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина); middjungards@gmail.com

СООТНОШЕНИЕ АВТОРСКОГО, ТРАДИЦИОННОГО И НАДТРАДИЦИОННОГО В ИДЕАЛИЗИРУЮЩИХ ОПИСАНИЯХ НЕБЕСНОГО ИЕРУСАЛИМА

Ключевые слова: Традиционный текст, лингвистика текста, стереотипные структуры.

Первое двадцатилетие XXI века ознаменовалось пересмотром методологических основ анализа стереотипии, по определению присущей памятникам средневековой литературы. Исследование синтаксических стереотипов, долгое время рассматриваемых в свете устно-формульной теории Пэрри—Лорда, где жестко противопоставляется фиксированный текст, принадлежащий письменной культуре и текст, принадлежащий устной традиции, т. е. регулярно пересоздаваемый в процессе исполнения [Лорд 1993], получило новое системное развитие благодаря нескольким новым концепциям, на становление которых в значительной степени оказала теория «неосознанного авторства» М. И. Стеблин-Каменского, описывающая постепенный «переход от господства безличного фольклорного творчества к осознанному личному авторству» [Стеблин-Каменский 1978:42]. Опыт синтеза упомянутых выше концепций, при этом на лингвистических основаниях был предпринят позднее одним из учеников М. И. Стеблин-Каменского и переводчиком (а также соиздателем) книги А. Б. Лорда на русский язык Ю. А. Клейнером. В выработанном им подходе к анализу поэтики средневековых памятников ставится проблема «переходного текста», а также вводится понятие поэтического языка, обладающего признаками, свойственными естественному языку, в частности, собственными единицами, на которые членится текст, и правилами их сочетаемости т. е. словарем и грамматикой [Клейнер 2003: 83]. Еще один небезынтесный опыт по выработке процедур описания языка средневековой рукописной традиции принадлежит Н. А. Бондарко в его работах по выявлению и классификации языковых стереотипов в немецкой духовной прозе, где ввиду отсутствия ограничений, налагаемых метрикой, использование понятия «формульности» в исходном смысле затруднительно. Он находит возможность более широкой и более точной характеристики объекта исследования, через понятие традиции, где «сам способ порождения текста предполагает, что авторская индивидуальность занимает подчиненное положение по отношению ко всей совокупности коллективного поэтического опыта» [Бондарко 2010: 290], традиционного текста, продуктивных текстообразующих моделей и стереотипных структур, используемых для описания формальной составляющей.

Жанровое, сюжетное и формальное разнообразие позднесредневековой литературы (под последним в первую очередь подразумевается возможность выбора из многих возможных метрических схем) заставляет упомянуть еще один фактор, регулирующий соотношение авторского, традиционного и надтрадиционного в каждом отдельно взятом случае — «вторичность» текста. Известно, что многие памятники средневековой литературы представляют собой переложение или компиляцию многих источников, каждый из которых может репрезентировать отдельную традицию. Таким образом автор вынужден конструировать собственный поэтический язык из доступных ему элементов, приспособив его под избранную форму, с целью оптимизации текстопорождения. Таким образом тексты при общности описываемых понятий и, в конечном счете, восходящие к одному источнику могут демонстрировать значительные различия в нарративной технике. В итоге язык автора испытывает влияние первоисточника, нередко относящегося к совсем другому времени, региону и культуре, источников-посредников, в большей или меньшей степени современных автору, собственного поэтического языка,

сформированного локальными традициями, составляющими его бэкграунд и собственными интенциями.

В качестве основного материала, для исследования характера взаимодействия обозначенных факторов взяты поэмы «Daz himelrîche» («Царство Небесное») и «Pearl» («Жемчужина»), в конечном итоге восходящие к Откровению Иоанна Богослова. Первая содержит довольно раннюю и чрезвычайно своеобразную реализацию апокалиптического топоса на немецком языке. Эта баварская поэма была написана в премонстрантском аббатстве Виндберг и состоит из 12 строф, по 32 строки в каждой (за исключением 11 строфы из 26 строк), в метрическом отношении представляя собой рифмованный восьмитактовик с цезурой или без нее. Среднеанглийская поэма «Жемчужина» написана поздним аллитерационным стихом, осложненным использованием рифмы. Она включает 101 12-ти строчную станцу со схемой рифмовки abababab-bcbs и, как правило, рассматривается в контексте других поэм, относящихся к так называемому аллитерационному возрождению. Она сочетает черты элегии, визионерской поэмы и аллегорического трактата — жанров активно разрабатывающихся английской литературой второй половины XIV в. под влиянием ряда социокультурных факторов (эпидемия чумы, крестьянские бунты, пересмотр роли религии, а также обострение экономических проблем ввиду уменьшения количества людей, занятых производительным трудом и начинающегося перелома в ходе столетней войны).

Обе поэмы включают описательные фрагменты, дающие представление о топографии Небесного Иерусалима в идеализирующем ключе, чему возможно несколько объяснений: 1) общая ориентация средневековой литературы на идеализирующие описания, восходящая по видимому еще к эпическому жанру, где в качестве объекта описания по определению может выступать только нечто выдающееся; 2) клерикальная направленность и возвеличивание грядущего мира; 3) существование курса на идеалистичность, в целом свойственная поэмам аллитерационного возрождения, описывающая жизнь именно в возвышенном ключе. Также следует упомянуть близость данной темы к топосу *locus amoenus*, характерному для визионерских текстов.

Таким образом, репрезентация темы Небесного Иерусалима в текстах, априори относящихся к разным традициям позволяет оценить соотношение авторского и традиционного, и, шире, надтрадиционного для каждого отдельно взятого текста в контексте поэтического языка традиции, вскрыть механизмы текстопорождения и описать их формальную составляющую в контексте формирования индивидуального поэтического языка, тем не менее еще во многом состоящего из традиционных элементов и оптимальным образом приспособленного для облегчения версификации в рамках избранной автором формы, чему и посвящен предлагаемый доклад.

Литература

- Бондарко Н. А.* Продуктивные модели в языке немецкой средневековой мистической традиции и проблема их структурного описания // *Поэтика традиции*. СПб., 2010. С. 289–333.
- Клейнер Ю. А.* Эволюция поэтического языка как диахронический процесс // *Philologica Scandinavica*: сб. ст. / отв. ред. Б.С.Жаров. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. С. 80–89. (Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского).
- Лорд А. Б.* Сказитель / пер. с англ. и комм. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994.
- Стеблин-Каменский М. И.* Историческая поэтика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.

Бондарко Николай Александрович¹, Еселева Анастасия Александровна²

¹д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
n-bond@yandex.ru

²канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
eselana@mail.ru

ДРЕВНЕСАКСОНСКАЯ И ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ПОЭМЫ «БЫТИЕ» В КОНТЕКСТЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕРЕЛОЖЕНИЙ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ НА ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ: МЕЖДУ ТОЧНЫМ ПЕРЕВОДОМ И НОВЫМ ПОЭТИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ

Ключевые слова: Бытие, междиалектный перевод, ранние переложения библейских текстов на германские языки.

1. Значительная часть древнеанглийской поэзии представлена памятниками, посвященными библейским и новозаветным сюжетам. К ним относится и поэма «Бытие» (Genesis), представляющая собой поэтическое переложение первых 22 глав библейской Книги Бытия. Древнеанглийская поэма «Бытие» сохранилась в одной рукописи второй половины X — начала XI века (Oxford, Bodleian Library, Junius 11). До нас дошли около 3000 строк древнеанглийской поэмы, при этом более 600 строк из них имеют происхождение, отличное от остальных. Это предположение впервые выдвинул Эдуард Сиверс в 1875 году. Он присвоил двум частям древнеанглийской поэмы названия Genesis A (основной текст) и Genesis B (интерполяция, строки 235–851), утверждая, что последняя является почти дословным переложением с утраченного саксонского оригинала. В 1894 году гипотеза Сиверса триумфально подтвердилась, когда в библиотеке Ватикана была обнаружена рукопись, содержащая фрагменты утраченной саксонской поэмы (Vatican Genesis, рукопись Palatinus Latinus 1447). В докладе предпринят сопоставительный анализ фрагментов древнеанглийской и древнесаксонской поэм (тексты приводятся по изданиям Doane 1991 и Doane 2013). Результаты сравнения текстов Vatican Genesis и Genesis A противоположны результатам сопоставления Vatican Genesis и Genesis B, ср.:

VatGen 14–16a

Hu sculun uuit nu libbian,
nu hier huuilum uuind kumit
sudan efto nordan.

‘Как должны мы теперь жить
когда здесь временами ветер находит
юга или севера.’

efto hu sculun uuit an thesum liahta uuesan?
uuestan efto ostan,

или как должны мы на этом свете быть?
с запада или востока,

GenB 805–807a

hu sculon wit nu libban,
gif her wind cymð
sudan oððe nordan?

‘Как должны мы теперь жить
если здесь ветер находит
юга или севера?’

oððe on þis lande wesan,
westan oððe eastan,

или на этой земле быть,
с запада или востока,

Можно отметить, что построение фразы древнеанглийского текста практически идентично древнесаксонскому, наблюдается только одна лексическая замена (liaht / land) и соответствия союзов (efto / oððe, nu / gif). Помимо открытого Э. Сиверсом факта о том, что эти тексты восходят к общему протографу, следует отметить и близость диалектов — саксонский и западно-

саксонский (древнеанглийская поэма «Бытие» дошла до нас в записи преимущественно на западносаксонском диалекте).

Сопоставление общего сюжетного фрагмента в Genesis A и Vatican Genesis приводит к совершенно противоположным результатам, ср.:

VatGen 51a

Dror hruopit is te drohtina selbun — ‘кровь взывает его к Господу самому’.

GenA 1012b-1013a

... and his blod to me cleopað and cigeð? — ‘и его кровь ко мне вопиет и взывает’.

Общий источник парафраз — библейская строфа из Вульгаты:

Vulgate 4.10

vox sanguinis fratris tui clamat ad me de terra — ‘голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли’.

Приведенные примеры свидетельствуют о независимом происхождении переложений, представленных в Genesis A и Vatican Genesis, и значительной свободе при поиске поэтической формы для перевода библейского текста на ранние германские языки.

2. На континенте памятники церковной словесности представляют собой абсолютное большинство сохранившихся текстов. Крупнейшими книжными центрами во франкском государстве и позже были аббатства Рейхенау, Санкт-Галлен, Фульда. Насаждая в качестве богослужебного латинский язык, Церковь в то же время заботилась о том, чтобы основы христианской культуры и античной словесности были доступны для клириков, обучавшихся с детства в монастырских, епископальных и приходских школах. В наибольшей степени распространены жанры молитвы, элементы катехизиса (основы христианского вероучения), исповедальные формулы и т. д. Заметное явление представляют собой переложения евангельской истории. Важную просветительскую роль сыграл император Карл Великий, который всячески поощрял миссионерское творчество. Так, по его распоряжению в конце VIII — начале IX вв. с латыни были переведены основные, наиболее важные молитвы: «Отче наш», «Символ веры», «Формула крещения». Переводы были сделаны в монастырях Санкт-Галлен, Вейсенбург и Фрейзинг соответственно на алеманнском, рейнскофранкском и баварском диалектах.

3. К первой половине IX в. (ок. 830 г.) относится так называемый древневерхненемецкий «Татиан» («Tatian»). Это перевод на восточнофранкский диалект свода четырех евангелий — «Диатессарона», или «Евангельской гармонии», — написанного сирийским писателем-апологетом Татианом ок. 170 г. на греческом или сирийском языке, а в IV в. переведенного на латынь. Этот перевод был сделан с латинской версии, написанной около 540 г. для епископа Виктора Капуанского, в знаменитой школе при монастыре Фульда на Майне. Однако наиболее древний список этого текста сохранился в рукописи из монастырской библиотеки аббатства Санкт-Галлен, датируемой второй половиной IX в. Текст написан в две колонки — левая на латинском, правая на немецком. Хотя переводчик строго следует латинскому тексту в синтаксическом построении фразы, целостность перевода подлежит сомнению.

4. В 830–840 гг. на древнесаксонском языке по заказу Людовика Благочестивого (ум. в 840 г.), сына Карла Великого, была создана эпическая поэма «Хелианд» («Heliand», «Спаситель»). Впрочем, в роли заказчика мог выступить и его сын Людовик Немецкий, правивший Восточной Франкией в 843–876 гг. Поэма полностью сохранилась в рукописи X в., хранящейся в Британском музее, а также в рукописи, составленной двумя писцами Корвейского аббатства ок. 850 г., с двумя лакунами. Меньшие по размеру фрагменты обнаружены в двух рукописях IX в. из Праги и Ватикана; последняя также содержит два фрагмента древнесаксонской версии Книги Бытия, написанной в том же стиле, но другим поэтом (см. п.1). Поэма «Хелианд» была написана для саксов, незадолго до того обращенных в христианство. В основе повествования о жизни

Христа лежит евангельская гармония Татиана, а дополнения и пояснения заимствованы из более поздней церковной литературы. Этот аллитерационный текст, насчитывающий 5983 стихов, представляет собой замечательный пример адаптации книжной христианской культуры к устной традиции германского эпического сказительства. Трансформации евангельского текста прослеживаются не только на стилистическом, но и на содержательном уровнях.

5. Поздний период древневерхнемецкой словесности связан главным образом с переводческой и просветительской деятельностью бенедиктинского монаха Ноткера Немецкого (Notker Teutonicus) или Губастого (Labeo) (ок. 950–1022). Будучи энциклопедически образованным человеком (он считается первым средневековым комментатором Аристотеля в германоязычных землях), Ноткер руководил обучением в монастырской школе Санкт-Галленского монастыря. Он был первым не только в Санкт-Галлене и во всех немецких землях, кто обратился к использованию родного языка в педагогических целях. Он разработал собственную глубоко продуманную орфографию родного языка и попытался упорядочить знаки препинания. Для целей школьного образования Ноткер перевел с латыни ряд произведений классической литературы, а среди библейских книг он старался выбирать для перевода такие, которые могли быть особенно полезны в монастырском обиходе и обучении. Из трудов этого рода сохранились переводы Псалтири (с комментарием), «Песни Песней» и молитв «Отче наш» и «Символ веры».

6. Последовательное сравнение переводов «Отче наш» на разные диалекты древневерхнемецкого языка показывает, с одной стороны, устойчивость базовой лексики; с другой стороны, обнаруживается значительная вариативность в области синтаксиса (особенно порядок слов, союзы) и морфологии глагола. Собственные дополнения переводчиков встречаются редко, а вот лексическая синонимия, связанная с особенностями диалектного словоупотребления, весьма заметна. Напротив, в поэме «Хелианд» молитва «Отче наш», сохраняя исходный смысловой каркас, превращается в поэтический гимн, написанный по всем правилам старого германского аллитерационного стихосложения. — Ср.:

А) «Отче наш» из «Евангельской гармонии» Татиана (восточнофранкский диалект, ок. 825 г.; Müller 2007: 172, 174 (d)):

Fater unser, thû bist in himile, sî giheilagôt thîn namo,
queme thîn rîhhi, sî thîn uuillo,
sô her in himile ist, sô sî her in erdu,
unsar brôt tagalihhaz gib uns hiutu,
inti furlâz uns unsara sculdi, sô uuir furlâzemês unsarên sculdîgôn,
inti ni gileitêst unsih in costunga,
ûzouh arlôsi unsih fon ubile.

Б) «Отче наш» Ноткера Санкт-Галленского (алеманнский диалект, ок. 1000 г.; Müller 2007: 172, 174 (e)):

Fater unser dû in himile bist, dîn namo uuerde geheiligôt.
Dîn rîche chome, dîn uuillo gescehe
in erdo fone menniscon, alsô in himile fone angelis.
Unser tagelîcha brôt kib uns hiuto,
unde unsere sculde belâz uns, alsô ouh uuir belâzen unseren sculdîgen,
unde in chorunga ne leitest dû unsih,
nube lôse unsih fone ubele.

В) Древнесаксонский „Отче наш“ из „Хелианда“ (ок. 840 г., ст. 1600–1615; Müller 2007: 176):

Fadar ûsa firiho barno,
thu bist an them hôhon himila rîkea,
geuuihid sî thîn namo uuordo gehuuilico.
Cuma thîn craftag riki.
Uuerða thîn uuilleo obar thesa uuerold alla,
sô sama an erðo, sô thar uppa ist

an them hōhon himilo rīkea.
Gef ūs dago gehuulikes rād, drohtin the gōdo,
thīna hēlaga helpa, endi alāt ūs, hebenes uuard,
managoro mēnschildio, al sō uue ôðrum mannum dōan.
Ne lāt ūs farlèdean lêða uuihti
sō forð an iro uuilleon, sō uui uuirðige sind,
ac help ūs uuiðar allun ubilon dādiun.

Литература

- Смирницкая О. А., Тихомиров В. Г.* Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982.
- Doane A. N.* The Saxon Genesis: An Edition of the West Saxon Genesis B and the Old Saxon Vatican Genesis. University of Wisconsin Press, 1991.
- Doane A. N.* Genesis A: A New Edition, Revised. Tempe, AZ: ACMRS, 2013.
- Müller St.* (Hrsg.) Althochdeutsche Literatur. Eine kommentierte Anthologie. Althochdeutsch / Neuhochdeutsch. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2007.
- Sievers E.* Caedmon und Genesis // Britannica. Leipzig, 1929. S. 57–84.

Межеричкая Светлана Игоревна

канд. филол. наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет;

старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН;

s.mezheritskaya@spbu.ru

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ («ΠΡΟΣΦΩΝΗΤΙΚΟΣ») В СИСТЕМЕ РИТОРИЧЕСКИХ ЖАНРОВ ВТОРОЙ СОФИСТИКИ

Ключевые слова: риторика, древнегреческое ораторское искусство, Вторая софистика, эпидейктическое красноречие, приветственные речи, Элий Аристид.

Древнегреческая риторическая теория знакомит нас с довольно сложной и разветвленной системой жанров, которые условно можно объединить под названием «приветственных» речей. Сюда входили речи различного рода — в зависимости от их цели и назначения, места и обстоятельств произнесения, личности говорящего и т. д. [Pernot 1986: 1993]. Так, речь, специально написанная по случаю приезда правителя и произносившаяся, по-видимому, за городскими стенами, когда все население города выходило навстречу прибывающему высокому гостю, называлась «προσφωνητικός», или «ἐπιβατήριος». Когда же новоприбывший с пышным эскортом вступал в город, в его честь произносилась особая речь, называемая «προσφωνηματικός». Правителя, прибывавшего в город морским путем, обычно встречали в городской гавани. В этом случае приветственная речь также называлась «προσφωνηματικός». Другим, близким к эпибаfterию жанром, была речь «приглашающая», или «пригласительная» («κλητικός»). Последняя могла быть обращена как богу, дабы он явил свое присутствие, так и к правителю, чтобы тот посетил город. Наряду с речами, произносившимися по случаю приезда, существовали также речи «на отъезд» правителя («πρόλειπτικός», или «ἐκβατήριος»), которые, соответственно, выполняли функцию «напутственных», а по сути дела — прощальных [MacCormack 1975; 1981; Millar 1989].

Наряду с подробными рекомендациями по составлению приветственных речей, которые даются, в частности, в известном риторическом трактате «Об эпидейктическом красноречии» Менандра Лаодикейского (III в. н. э.), от эпохи поздней античности до нас дошли и сами их образцы — например, две так называемые «Смирнские» речи (XVII К и XXI К) Элия Аристида — крупнейшего оратора II в. н. э. и одного из видных представителей Второй софистики. Не подлежит сомнению, что риторический канон приветственной речи, описанный Менандром Лаодикейским, весьма авторитетным теоретиком ораторского искусства своей эпохи, был составлен на основании обширной риторической практики, включавшей в себя не только современные риторике ораторские речи, но и огромный пласт предшествующей литературы — в том числе, литературу эпохи Второй софистики [Pernot 1986]. Однако внимательное сопоставление риторического канона Менандра с приветственными речами Аристида показывает их очень слабое соответствие, и при ближайшем рассмотрении оказывается, что «Смирнские» речи Аристида как по своей форме, так и по содержанию стоят гораздо ближе к жанру классического энкомия городу. То, что Менандр объявляет факультативным топосом для приветственной речи, а именно — похвала городу, в обеих речах Аристида становится главным их содержанием (похвала Смирне). С другой стороны, ее основная, согласно Менандру, тема — восхваление адресата речи, а также сопутствующая похвала императору — сильно редуцирована и практически не находит выражения в этих речах.

Объяснение этому, на наш взгляд, может быть найдено в следующем: 1) существование определенного риторического канона, по всей видимости, еще не означало для оратора жесткой необходимости точно во всем ему следовать. Хотя ораторы и были ограничены строгими рамками существующей жанровой традиции, они, вероятно, пользовались достаточной свободой в выборе и компоновке материала речей; 2) набор топосов мог варьироваться в зависимости от обстоятельств произнесения (или написания) речи, целей и задач, которые ставил перед собой

оратор, политического статуса адресата и т. д. При этом оратор по своему усмотрению мог исключать из речи одни топоры, расширять другие и сокращать третьи; 3) и, наконец, чем выше был профессиональный уровень оратора и чем большим талантом он обладал, тем большей индивидуальности стиля и тем большего отклонения от общепринятого канона от него можно было ожидать. Последний вывод довольно хорошо подкрепляется тем, что на протяжении всей античной эпохи Элий Аристид пользовался славой непревзойденного панегириста и что именно в эпоху Второй софистики энкомий становится практически универсальным жанром ораторского искусства.

Литература

- MacCormack S. G.* Latin prose panegyrics: Tradition and discontinuity in the Later Empire // *Revue des études Augustiniennes*. 1976. Vol. 22. P. 29–77.
- MacCormack S. G.* Art and ceremony in Late Antiquity. Berkeley: University of California Press, 1981.
- Millar F.* The emperor in the Roman world. London: Bristol Classical Press, 1989.
- Pernot L.* Les topoi de l'éloge chez Ménandros le Rhéteur // *Revue des études grecques*. 1986. Vol. 99. P. 33–53.
- Pernot L.* La rhétorique de l'éloge dans le monde Gréco-Romain. Paris: Collection des Études Augustiniennes, 1993.

Михайлова Татьяна Андреевна

д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт языкознания РАН

СЛАВА ПОЭТА? ПРОЕКЦИЯ ОБРАЗА АДРЕСАТА НА СУДЬБУ АВТОРА: ОСОБЕННОСТИ ХВАЛЕБНОЙ ПОЭЗИИ В ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ

Ключевые слова: хвалебная поэзия, гибель, бессмертная слава, слава поэта.

Как известно, основная функция Поэта в архаическом обществе состояла в создании комплекса «вечной славы» для его патрона, как правило — короля. Взаимоотношения короля и поэта строились на принципе обмена дарами: даром поэта королю была хвалебная песнь, а король взамен одаривал его материально. Но каково было содержание данной хвалы? Обращение к дошедшим до нас образцам хвалебной поэзии Древней Ирландии демонстрирует два типа поэм. В первом перечисляются полученные дары и восхваляется щедрость короля, при этом возможны вкрапления строк элегического характера (если это песнь об умершем), либо — гипертрофированно панегирические описания внешности правителя. Совершенные королем «деяния» обычно не называются. Собственно историческая поэзия в Ирландии так и не сложилась, и ее функции отчасти выполняли прозаические сановные нарративы, авторство которых также принадлежало поэтам-филидам. Другой тип поэм, который условно можно назвать историческим — это перечисления имен королей с краткими упоминаниями обстоятельств их гибели и мест погребения. Так, известная поэма, *Fianna batar i n-Emain* («Были герои в Эмайне»), написанная уже в среднеирландский период и приписываемая автору X в. Кинаеду Уа Ардагану, представляет собой длинный перечень имен героев и мест их смерти и погребения. Характерна заключительная строфа поэмы, в которой автор неожиданно пишет о себе: «Сын Божий пусть убережет меня / От многих врагов / Пусть он меня защищает, / Чтобы не был я среди героев». Автор не желает памятной гибели себе самому, но тем самым — оказывается и от вечной славы? Это не совсем так.

В основе доклада лежит строка из так называемой «второй лорики» (оградительные стихи) или — «Заговору на долгую жизнь». В свое время (1919 г.) данному тексту была посвящена работа известного кельтолога К. Мейера, в которой текст интерпретировался как своего рода сплав языческой и раннехристианской традиций: «Это церковная переработка древнего языческого гимна, к которой впоследствии были добавлены христианские мотивы» [Meyer 1919: 227]. Лорика упоминается также в известной и ставшей классической работе К. Уоткинса Об этимологии древнеирландского *duan* [Watkins 1976], где в первую очередь внимание автора обращено на 8-ю строку заговора — *Ní nascar mo chlu ar chel* («Моя слава не связана с гибелью», либо, предпочтительнее, оптативное — «пусть не будет»), в которой Уоткинс видит рефлекс архаической индоевропейской темы, условно названной им «выбор Ахиллеса». Автор поэмы, как пишет он, отказывается от славы, которую могла бы принести ему безвременная, но героическая, гибель, ради долгой жизни, а текст в целом может быть интерпретирован как «друидическое заклинание, восходящее к древнейшей индоевропейской фразеологии» [Watkins 1976: 271].

Идея гибели поэта, приносящей ему, как и королю, бессмертную славу, для традиции ирландской странной не кажется. Подобно мифологическим героям и псевдо-историческим королям, чья необычная гибель часто лежит в основе сагового нарратива (см. выше также поэмы о смертях), поэты Древней Ирландии часто погибали насильственной смертью, что иногда могло быть оформлено как рассказ о заслуженном наказании за исполнение «неправой хулы». В исследовании Т. Компотона, посвященном в основном изучению виктимности фигуры поэта в античной традиции, приводится раздел, в котором описаны аналогичные «тексты смерти» поэтов Древней Ирландии. Его выводы об архаичности фигуры поэта как жертвы представляются нам спорными. По аналогии с преферентным описанием обстоятельств гибели короля, но не его деяний, как основы нарратива, поэт, приравненный к герою, также должен «исторически» умереть (примеров можно привести множество). Данный мотив, как представляется, может

найти реализации и в гораздо более поздней традиции — русской, и несомненно гораздо шире, что безусловно нуждается в дополнительной интерпретации, уже далеко выходящей за рамки нашего сообщения. (Ср. также «Выкуп головы» Эгиля?).

Но что же традиционная слава поэта как «слава Горация»? При отсутствии четко сформированной идеи авторства ее реализации и не могут быть четко представлены. Однако, в качестве предположения, отметим, что в той же лорике «на долгую жизнь» встречается обращение к «моему серебряному герою» («Я взываю к моему серебряному герою / который не умер, который не умрет. / Время пусть мне будет пожаловано / твердостью белой бронзы»). Возможно, в данном фрагменте, как отчасти — в тексте лорики в целом, можно увидеть своего рода парафраз к «Памятнику» Горация, что, в частности, и проявляется в строке «моя слава не связана с гибелью». Однако, для того, чтобы сформировалась идея «поэтической славы», в обществе должно быть оформлено понятие индивидуального авторства, которое, насколько мы понимаем, в древне-ирландский период лишь находилось в стадии стихийного, неосознанного становления (ср. список легендарных поэтов, которым приписывались автоматически разные тексты — также как тема для отдельного исследования). С другой стороны, безусловно хорошее знакомство ирландских *literati* с памятниками античной традиции могло этот процесс значительно ускорить.

Литература

Compton T. M. Poet as Scapegoat, Warriors and Hero in Greco-Roman and Indo-European Myth and History. Washington: The Center of Hellenic Studies, 2006.

Meyer K. An Old Irish prayer for long life // *A Miscellany Presented to John Macdonald Mackay*. Liverpool, 1919. S. 208–246.

Watkins C. The etymology of Irish DUAN // *Celtica*. 1976. Vol. 11. P. 270–277.

Авцинов Вячеслав Михайлович

*старший преподаватель, переводческий факультет,
Московский государственный лингвистический университет;
avtsinov2004@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ПО ИСТОРИИ С ФИНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА МОНОГРАФИИ О. ЮССИЛЫ «ВЕЛИКИЕ МИФЫ ФИНЛЯНДСКОЙ ИСТОРИИ»

Ключевые слова: мифы финляндской истории, трудности перевода, перевод исторических реалий, примечания переводчика.

1. Монография профессора О. Юссилы «Великие мифы финляндской истории» вышла на финском языке в 2007 г., а её перевод на русский язык — в 2013 г. Её перевод явился продолжением работы переводчика по переводу на русский язык научных трудов О. Юссилы, в частности фундаментального труда «Великое княжество Финляндское 1809–1917», перевод которого был осуществлён в 2009 г. к 200-летию создания Великого княжества Финляндского в составе России, коллективом дипломатов Посольства России в Финляндии.

После издания книга «Великие мифы финляндской истории» вызвала бурную дискуссию в финском научном сообществе, так как в ней О. Юссила демонстрирует новый подход к рассмотрению событий истории страны, лишённый националистического налёта. Именно развенчанием многих финских исторических мифов эта книга представляет интерес для российского научного сообщества.

2. Перевод книг О. Юссилы — непростая задача для переводчика, так как он должен и обладать определённым уровнем знаний в области истории Финляндии и России, и сохранить авторскую манеру подачи материала.

В период между изданием в начале XX века российским историком М. М. Бородкиным серии трудов по истории Финляндии и переводом на русский язык монографии О. Юссилы «Великое княжество Финляндское 1809–1917» не было издано на русском языке ни одного фундаментального труда по финляндской истории. В СССР и России публиковались лишь книги и статьи, затрагивавшие отдельные конкретные темы. Поэтому было решено перевести упомянутую книгу без сокращений.

3. Перевод исторических трудов О. Юссилы достаточно сложен в силу обилия в тексте исторических реалий. К этой категории можно отнести наименование документов, событий, российских и финляндских правительственных учреждений, географические названия, имена исторических личностей, а также названия научных трудов по истории.

В начале книги в связи с событиями русско-шведской войны 1788–1790 гг. упоминаются Liikalan kirje и Anjalan liitto, которые, в соответствии с российской историографической традицией, переведены на русский язык как «Лиикальская нота» и «Аньяльская конфедерация».

В главе «Государство», повествуя о проходившей в середине XIX века дискуссии о статусе Финляндии в составе России, автор активно использует заимствованные слова «auktori», «propagoiminen», «inkorporoitu», «kateederi», хотя в современном финском языке существуют собственные аналоги этих слов. Благодаря этому приёму автор стремится передать дух времени, той эпохи, когда в финском языке ещё не были выработаны аналоги многих заимствованных слов. Этот эффект не удалось сохранить при переводе на русский язык, так как перечис-

ленные слова были переведены такими широко используемыми словами русского языка, как «автор», «пропаганда», «присоединена», «кафедра».

В той же главе О. Юссилы пишет, что в середине XIX века в финском языке не было слова «*valtio*» (государство), а вместо него использовалось шведское слово «*stat*». Он подробно рассматривает, в каком значении употреблялось это слово, в первую очередь в отношении статуса Финляндии. Слово «*stat*» часто встречается в тексте главы. Переводчик сохранил это слово в шведском написании, пояснив, что оно означает «государство».

В главе «Государство» имеется ещё один пример использования шведского термина без перевода на финский язык — слово «*hyllning*», означающее «чествование». Оно используется в связи с упоминанием событий на сейме в городе Порвоо 29 марта 1809 г. Наличие в тексте на финском языке шведских терминов является вполне нормальным явлением, так как шведский язык как второй государственный изучается в средних школах Финляндии. При переводе книги для российского читателя все шведские термины переводились или пояснялись.

4. Одна из важных особенностей перевода рассматриваемой монографии О. Юссилы — необходимость в довольно большом количестве примечаний переводчика. Для облегчения восприятия книги российским читателем в примечания вынесены имена исторических личностей в их привычном для российской историографии шведском написании вместо приводимых в тексте финских вариантов имён; термины и фразы на шведском языке, которые автором приводятся без перевода; пояснения явлений и событий, хорошо известных финскому читателю, но среди российских читателей известных лишь узкому кругу специалистов. Пример — примечание к термину «финляндизация» на странице 260 в главе «Развенчание мифов»: «Финляндизация — политический термин второй половины XX века, характерный для западной историографии, имел преимущественно негативное значение, — для характеристики советско-финских отношений в период после Второй мировой войны. Позже этот термин начал применяться для описания всех ситуаций, при которых более слабое государство вынуждено идти на уступки своему более сильному соседу для сохранения национального суверенитета».

5. При переводе научной исторической литературы необходимо в первую очередь обращать внимание на исторические реалии, а также не забывать делать примечания в тех случаях, когда важно дать пояснения для российского читателя.

Литература

Юссила О. Великие мифы финляндской истории. [Перевод с финского]. Ruslania Books Oy. Хельсинки: Европейский Дом; СПб., 2013. 336 с.

Jussila O. Suomen historian suuret myytit. Helsinki: WSOY, 2007. 334 s.

Арекеева Светлана Тимофеевна

канд. пед. наук, доцент, Удмуртский государственный университет;
sveta.arekeeva@gmail.com

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ТЕКСТЫ В СТРУКТУРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ФУНКЦИИ, СТИЛИСТИКА

Ключевые слова: письма, функции, стилистика.

В ряде произведений удмуртской литературы, созданных на разных этапах развития национальной словесности, есть эпистолярные тексты. Рассмотрим роль и характер писем, включенных в ткань некоторых художественных произведений, написанных в первой половине XX века.

Кедра Митрей (Дмитрий Иванович Корепанов) — классик удмуртской литературы, в творчестве которого прием введения эпистолярных вставных компонентов в структуру произведений занимает значимое место. В автобиографическую повесть «Дитя больного века» (1910–1911) включено 6 писем, написанных героем во время обучения в Казанской учительской инородческой семинарии, основная часть из которых относится к переписке с отцом. Письма помогают раскрыть правдивую суть героев, мотивы их поступков, характер взглядов и убеждений, углубляют психологические портреты. Через письма актуализируется извечная проблема конфликтных отношений «отцов и детей», становится очевидной проблема взаимного непонимания представителей разных поколений.

В социально-политической повести Кедра Митрея «Вужгурт» («Старая деревня», 1926) основная роль писем состоит в акцентуации проблем адресантов, находящихся в определенной жизненной ситуации, которая, как правило, обусловлена событиями исторической эпохи: это империалистическая война, гражданская война, бунты и их подавление, социально-классовое расслоение общества, деревни и т. д. Некоторые письма содержат в себе коварные намерения, корысть и даже обман ради собственной выгоды авторов. Письма разнообразны по видам: любовное послание, письмо-прошение, письмо-донесение, письмо-наставление, фронтовое письмо и др. Если в автобиографической повести «Дитя больного века» письма имеют развернутый характер, то в данном случае они лаконичны; свойственный им слог, близкий к телеграфному, согласуется с соответствующим стилем повести-хроники «Вужгурт».

Особую роль играет эпистолярный текст, представленный в единственном числе и состоящий всего лишь из нескольких слов, в историческом романе Кедра Митрея «Секыт зйбет» («Тяжкое иго», 1929), посвященном событиям христианизации удмуртов в начале XIX века. Главный герой, Дангыр, получает из рук матери письмо от отца, который отправил его с солдатчины 12 лет тому назад. Адресат, будучи неграмотным, не может ознакомиться с содержанием столь дорогого для него послания. Прочтение письма становится жизненной задачей главного героя и определяет его дальнейшее поведение. Таким образом, письмо в данном произведении играет сюжетобразующую и характерологическую роль. Информация, заложенная адресантом в судьбоносное для сына письмо, проступает на бумаге и обретает для Дангыра явь медленно и мучительно-трудно, то окрыляя его надеждой, то наполняя отчаянием, что связано с перипетиями процесса овладения грамотой. К тому же, как выясняется, письмо оказывается двойным, зашифрованным. С одной стороны, отцовское послание, воплощенное в письменной форме, становится толчком для культурного развития сына. С другой стороны, основной посыл, звучащий как: «Не поддавайся, сын, ворону... искорени...», становится для него напутствием в схватке с врагами, символом которых в данном случае служит образ ворона. Как итог, Дангыр, приговоренный к каторге, повторяет судьбу отца.

Тема отцов и детей, разлученных солдатчиной или другими обстоятельствами, характерна и для эпистолярных текстов, «вживленных» в структуру драматических произведений. В пьесе Ивана Михеева «Визьтэм Онтон» («Бестолковый Онтон», 1919), в основе сюжета которого лежит притча о блудном сыне, отец главного героя Онтон, Прока, находящийся на заработ-

ках в Перми, перед смертью просит односельчанина передать его последние наставления семье. Мирон излагает их в письме своей жене, которая, в свою очередь, передает напутствия Проки членам его семьи. Однако, смысл слов, звучащих как духовно-нравственное завещание, игнорируется Онтоном, его поведение противоречит жизненным принципам, наследованным отцом.

В пьесе Ефима Ефремова «Война дыръя салдаткалэн улэмез» («Жизнь солдатки во время войны», 1926) Григорий, деревенский неграмотный человек, находящийся на службе, отправляет своей семье послание, написанное с его слов однополчанином на русском языке. Оно сплошь состоит из перечисления имен близких и адресованных им поклонов, к примеру: «И ещё кланяюсь папаше Роман Олексеичу Ефремову от белого лица до сырой земли и желаю от господа бога добрава здравия». Однообразное повторение, с одной стороны, говорит о том, что у адресанта маленький словарный запас, и, главное, отсутствует опыт создания письменного текста. Также в этом проявляется традиция — выражение любви и уважения к тем людям, каждого из которых автор и соавтор письма «представляют» неспешно и лично.

В пьесе Алексея Жомбина «Съёсьёс киулын» («Под гнетом озверелых», 1929) родным приходит письмо от отца, в котором четко чередуются предложения, написанные на удмуртском и русском языке и нередко противоречащие друг другу по смыслу. Как выясняется, находящийся в плену у немцев герой зашифровал свое письмо, выразив на родном языке трудности своего положения. Таким образом, прием «симметричного» двуязычия создает трагикомический эффект.

Эпистолярные тексты являются неотъемлемой частью трилогии Григория Медведева «Лёзя бесмен» («Лозинское поле», 1932–1936), посвященной событиям коллективизации. В них нашли отражение планы, заботы людей, участвующих в создании и развитии нового типа хозяйствования. Своеобразие эпистолярного ряда в том, что большинство писем в данном произведении имеет характер коллективных посланий или воззваний, призывающих трудиться еще более эффективно. Таким образом, писатель отразил действенную роль письменного слова, воздействующего на сознание людей.

Рассмотренный материал позволяет заметить, что удмуртские писатели активно включали эпистолярные тексты в архитектуру своих прозаических и драматических произведений. Среди их многообразных функций: характеристика персонажей, создание интриги и развитие сюжета, расширение рамок художественного пространства и времени, углубление психологизма и др.

Братчикова Надежда Станиславовна

*д-р филол. наук; заведующая кафедрой финно-угорской филологии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области политических наук, Институт международных отношений
и социально-политических наук МГЛУ; n.bratchikova@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАРРАТИВ В МОНОГРАФИИ Т. КЕСКИСАРЬИ «ВОЙНА “ШЛЯП”»

Ключевые слова: нарратив, Кескисарья, научно-популярная литература, история, монография.

Книга Кескисарья посвящена русско-шведской войне 1741—1743 гг. (известной как война «шляп»), которую Швеция начала в надежде вернуть себе утраченные в ходе Северной войны территории. Кроме того, европейские государства в ожидании смерти австрийского императора Карла VI вступили в борьбу за престол. Автор исторического исследования событий XVIII века удачно воспользовался современным американским сериалом «Битва Престолов» и методикой подачи материала. Он использовал эффект одновременного развертывания нескольких сюжетных линий, множество персонажей-участников, что сделало историческое повествование интригующим и захватывающим для современного читателя.

Цель исследования — определить природу и характер нарратива научно-популярного текста по истории. Были поставлены и решены следующие задачи: выявить черты исторического и литературного нарратива; установить соотношение истории и литературы при описании исторических фактов и событий; определить нарративные стратегии, используемые в научно-популярном тексте. Гипотеза исследования: современная научно-популярная литература по истории представляет собой документально-исторический нарратив с чертами литературного. В исследовании задействована совокупность методов: метод дискурсивного анализа, лингвистического анализа текста, нарративного анализа и культурно-исторический метод. Теоретическим материалом исследования послужили работы Ж. Женетта о стратегиях повествования; работы теоретиков когнитивной нарратологии Д. Герман, М.-Л. Райан; Дж. Пира о дискурсно-ориентированной нарратологии; А. Нюннинга о контекстно-ориентированной нарратологии; работы современных отечественных исследователей — Л. В. Комуцци, А. А. Пронина, В. Дускаевой, В. Н. Суздальцевой, И. В. Анненковой и др.

В трактовке категории нарратива мы опираемся на наблюдения, И. В. Силантьева и Е. К. Созиной [Силантьев, Созина 2013], В. Н. Сырова [Сыров 2020], А. В. Растягаева, Ю. В. Сложеникиной [Растягаев, Сложеникина 2023] и др.

Тема войны получает у Т. Кескисарья новое критическое осмысление. Финский исследователь изучает «состояние умов и настроения рядовых солдат» (Т. Кескисарья). Картины прошлого представлены главным образом через решения военных и гражданских судов, записей священнослужителей, разного рода документов (письма, приказы, прошения). Писатель использует иллюстративный материал (карты, портреты, картины). Автор книги не «придумывает», не «вымышляет» те или иные события описываемой действительности — он домысливает и интерпретирует их, пытаясь понять их смысл, их связи с прошедшим и грядущим.

Отправной точкой исследования явилось противопоставление исторического и литературного нарратива. Различие между историческим и литературным нарративом заключается в том, что событие исторического нарратива есть результат осмысления зафиксированных фактов, тогда как событие литературного нарратива есть вымысел и образуется на основе мотива как основной единицы литературного повествования.

В историческом нарративе события осмысляются, оцениваются и интерпретируются историком. В историческом нарративе событие может быть вторично представлено из предшествующих нарративных источников, им сопутствует критика и, как правило, далее следует соответствующее переосмысление событий, вовлекаемых в нарратив. Этот аспект связан с проблемой

критики источников. Как отмечают исследователи, событийное осмысление и оценка факта может сопровождаться домыслом и примыслом, но только не откровенным вымыслом, который характерен для литературного нарратива.

В литературном нарративе книги Кескисарьи присутствует определенная литературная мотивика, а именно, мотив смерти, мотив вины, мотив действия, мотив поиска смысла происходящего, мотив отсутствия разума в происходящем, что позволяет наполнить исторический текст вымышленными образами, в частности неким сверхъестественным существом — существом разумным, который дает свою оценку произошедшему, придуманными репликами персонажей, которые вероятно могли прозвучать в определенной исторической и психологической ситуации (например, размышления шведского главнокомандующего Раялина по поводу начала военных действий против России, мысли Будденброка накануне казни, придуманное Кескисарьей обращение Левенгаупта к армии накануне сражения).

Формальное нарушение исторического повествования заключается в некотором сбое хронологии событий. События выстраиваются не в соответствии с их характерными взаимосвязями, а переставляются, например, читатель узнает о казни Левенгаупта и Будденброка прежде, чем даются сцены их душевных переживаний, попытки бегства из-под стражи. Некоторые эпизоды поставлены буквально на стоп-кадр, пользуясь языком кинематографистов (например, подробное описание нелепого чаепития квартирмейстера Абоского полка Веттергоффа во время жестокого боя; сцены жизни в лесу избежавшего плена шведского офицера Дальберга).

В структуру языка писателя-историка входят литературный язык современной историку эпохи, язык исторических источников, научные понятия и термины, заимствованные в том числе из других дисциплин. Кескисарья задействует выразительные средства современной художественной литературы, аллегории, метафоры, фразеологизмы, риторические вопросы, игру слов.

В историческом повествовании Кескисарьи воображение позволяет создать образ исторической реальности. Писатель моделирует прошлое через описание ландшафтных особенностей Финляндии 1700-х годов, ужасов эпидемии тифа. Он соотносит события XVIII в. с вызовами современной эпохи (например, с пандемией коронавируса XXI в., борьбой за власть в парламентах европейских государств).

Чего же больше в военно-историческом исследовании Т. Кескисарьи: фактов истории или фантазии? Безусловно, истории. Но языковые средства превращают повествование в занимательное чтение.

Литература

- Растягаев А. В., Сложеникина Ю. В. Нарративный потенциал июньского номера журнала А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759) // Вестник С.-Петербург. ун-та. Язык и литература. 2023, Т. 20 (2). С. 235–250.
- Силантьев И. В., Созина Е. К. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativ-v-literature-i-istorii-na-materiale-dnevnikovoy-prozy-a-gertsena-1840-h-gg>
- Сыров В. Н. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4, № 3. С. 113–135.
- Keskisarja T. Hattujen sota. Otavan Kirjapaino Oy, Keuruu 2022. 272 p.

Бубина Кристина Федоровна

аспирант, ассистент, кафедра общего и финно-угорского языкознания,
Удмуртский государственный университет;
kristi.bubina@gmail.com

ГОВОРЫ СОБСТВЕННО ЮЖНОГО ДИАЛЕКТА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА В МАТЕРИАЛАХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ключевые слова: удмуртский язык, собственно южный диалект, говоры, исследования.

Изучением своеобразия говоров и диалектов удмуртского языка занимаются как отечественные, так и зарубежные лингвисты. В удмуртской диалектологии до настоящего времени слабоизученными остаются говоры собственно южного диалекта. Наше исследование посвящено анализу источников и материалов, касающихся освещения языковых особенностей говоров южноудмуртского языкового ареала.

В работах ученых, занимавшихся изучением удмуртских диалектов в конце XIX в., собственно южный диалект чаще всего обозначался термином «елабужский диалект». Впервые особенности говоров данного диалекта нашли отражение в работах известного финно-угроведа Ф. Й. Видеманна. В исследовании «Zur Dialectenkunde der wotjakischen Sprache» (1985) ученым выделено 6 удмуртских диалектов: глазовский, сарапульский, малмыжский, оренбургский, казанский и елабужский, где под последним подразумеваются исследуемые нами говоры южного диалекта. Указанная работа, как отмечает В. К. Кельмаков, является отправной точкой в дальнейшем изучении территориальных вариантов удмуртского языка.

Богатый фольклорно-диалектологический материал представлен в работах венгерского ученого Б. Мункачи. Большая часть экспедиционного материала ученого вошла в книги «Votják népköltészetű haguományok» (1887), «A votják nyelv szótára» (1896). Словарь включает в себя лексику различных диалектов удмуртского языка. Приведем некоторые примеры, зафиксированные с указанием «елабужский диалект»: vil' 'молодушка', gid' 'хлев' [Munkácsi 1896: 75–126].

Некоторые особенности изучаемых говоров представлены в материалах работ финского ученого Ю. Вихманна. В издании «Wotjakische Crestomathie mit Glossar» (1901) исследователем были зафиксированы следующие характерные черты исследуемого диалекта: 1) функционирование заднеязычного носового согласного η: баη 'щека', жыηгыртыны 'позвонить'; 2) замена согласного л на билабиальный ү: ваү, пычаү; 3) употребление в ряде слов гласного ö вместо о: гöl'ык (< голык) 'голый'; 3) функционирование деепричастного суффикса -ку в варианте -кы: пырыкы (< пырыку) 'заходя' и др. [Wichmann 1901: 75–126].

На рубеже XX века Т. К. Борисовым был собран богатейший материал по различным диалектам удмуртского языка и на их основе опубликован словарь «Удмурт кыллюкам» (1932). В данном труде нашли отражение отдельные явления, свойственные речи носителей собственно южного диалекта, в частности, широкое употребление носового согласного η (в записи ученого ηг): банг (< бам) 'щека', чанга (< чана) 'галка'.

Определенный материал по языковому своеобразию одной из микросистем собственно южного диалекта содержится в работе Г. А. Архипова «Морфологические особенности средне-южного диалекта удмуртского языка» (1978). В исследовании нашли отражение некоторые фонетические и морфологические особенности говоров исследуемого ареала: 1) выпадение гласных в структуре слова: мынса (< мыныса) 'идя, направляясь'; 2) явление ассимиляции в области согласных: гыл'л'аны (< гыл'аны) 'полоскать'; 3) вставка звуков в конце слов: мэдак (< мэда) 'ли, же', гынэк (< гинэ) 'лишь' и др. [Архипов 1978: 9].

Описанию языковых черт отдельных говоров южного диалекта посвящены работы Б. Ш. Загуляевой. Например, в статье «Говоры дд. Муважи и Чумали» (1981) зафиксированы следующие специфические явления, характерные для речи алнашских удмуртов: 1) замена аффрикаты ч щелевым с': зус' (< зуч) 'русский', зэс' (< зэч) 'хороший, добрый'; 2) палатализация согласных н и т под влиянием предыдущего гласного и: кин' (< кин) 'кто-то', огин'ын (< огинын) 'в одиноч-

ку'; 3) стяжение гласного о в именах существительных во множественном числе: кунос (< куноос) 'гости', сос (< соос) 'они'. Отмечены также единичные случаи стяжения в основах на а и ай: анос (< анайнос) 'мамы', атос (< атайнос) 'отцы' [Загуляева 1981: 126–127].

Некоторые сведения по языку южных удмуртов представлены в работе М.Г. Атаманова «Граховские говоры южноудмуртского наречия» (1981). Автор сосредотачивает свое внимание преимущественно на анализе фонетико-морфологических черт языка удмуртов, проживающих на территории Граховского района. В частности, им отмечена такая специфическая черта граховских говоров, как употребление в определенном количестве слов гласного ы на месте и северноудмуртских диалектов при соседстве с последующим велярным согласным или между ж, ш и последующим палатальным согласным: гынэ (сев. гинэ) 'только, лишь', жыл'ы (сев. жил'ы) 'цепь'.

Большой вклад в изучение удмуртских диалектов внес известный удмуртский ученый В.К. Кельмаков. Его книга «Краткий курс удмуртской диалектологии» (1998) содержит как теоретическое описание фонетической системы и морфологического строя удмуртских диалектов, так и значительный корпус текстов с образцами речи по различным диалектам. В данном труде определенное освещение получили также интересующие нас южноудмуртские говоры.

Таким образом, говоры собственно южного диалекта являлись объектом внимания ученых в различные периоды. Тем не менее до настоящего времени они не получили системного описания и требуют дальнейшего изучения.

Литература

- Архипов Г. А.* Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 3–46.
- Загуляева Б. Ш.* Говоры дд. Муважи и Чумали // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 126–136.
- Munkácsi B.* A votják nyelv szótára. Budapest, 1896, XVI + 758 l.
- Wichmann Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Clossar. Helsingfors, 1901. V + 134 S.

Дементьева Александра Максимовна

канд. филол. наук; заведующая кафедрой скандинавских, нидерландского и финского языков,
Московский государственный лингвистический университет;
aleksandra.dementieva@gmail.com

СОЦИАЛИСТ С ШАМПАНСКИМ И ТЮЛЕНЬ КАНГИА: НЕОЛОГИЗМЫ 2023 ГОДА В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: финский язык, неологизм, лексикология.

В предлагаемом докладе рассматриваются тематические группы неологизмов, зафиксированных впервые в 2023 году Институтом языков Финляндии (фин. Kotimaisten kielten keskus).

Каждый декабрь Институт публикует для всеобщего доступа список слов, которые особенно часто употреблялись в финском письменном языке в течение года. Большинство из них являются неологизмами, однако иногда встречаются и уже существующие в языке слова, которые стали по какой-то причине популярными или приобрели новое значение.

Не все слова остаются в финском языке надолго — некоторые выйдут из моды, или для некоторых исчезнет денотат, и они перейдут в разряд историзмов. Однако даже как модные слова они привлекают лингвистов по нескольким причинам. Во-первых, тематика неологизмов отражает самые актуальные явления и проблемы в обществе, а также отношение к ним. Во-вторых, этимология и способы словообразования неологизмов показывают, каким образом пополняется словарный состав финского языка.

Для настоящего исследования нами был рассмотрен список новых слов 2023 года с точки зрения их семантики. Цель исследования — анализ тенденций тематического развития финской лексики. Всего в списке перечислено около 80 слов и выражений. Важно также то, что немалая часть этой лексики не имеет прямого эквивалента в русском языке — следовательно, являясь непростой и для переводчика.

Анализ показывает, что в первую очередь в списке выделяется лексика, обозначающая различные общественные понятия — например, новые законопроекты, как композит *herkkuvero* (от *herkku* «деликатес» + *vero* «налог»), т. е. предложенная Учреждением социального страхования *Kela* идея налога на вредную для здоровья пищу. Вызвавший широкий резонанс *translaki* — закон о смене пола в Финляндии, принятый весной 2023 года, — является также неологизмом.

Встречается лексика и на политические темы. Примером подобного рода может послужить композит *velkavaalit* (от *velka* «долг» + *vaalit* «выборы»). Так были названы выборы в парламент Финляндии в 2023 году, главной темой которых стал серьезный рост государственного долга страны. Еще один интересный пример — существительное *sampranjasosialisti* (*sampranja* «шампанское» + *sosialisti* «социалист»), которое обозначает политика из Социал-демократической партии, ведущего роскошный и элитарный образ жизни. В частности, такой эпитет в СМИ получила бывший премьер-министр Финляндии Санна Марин.

Сложная обстановка в мире, вступление Финляндии в НАТО ввели в общеупотребительный финский язык новую военную лексику. Примерами могут послужить существительные *droonivene* «безэкипажный военный катер», *vakoilupallo* «разведывательный спутник, замаскированный под метеорологический», *Nato-suksi* — так были названы комплекты лыж нового типа, заказанные НАТО для экипировки армии Финляндии.

Обеспокоенность ростом организованной преступности, который можно наблюдать сейчас в странах северной Европы, проявилась в появлении таких существительных, как *pystyryöstö* «ограбление прохожих» и *katujengi* «уличная банда». При этом употребление обоих слов можно обнаружить и в дискурсе более ранних лет, однако в 2023 году они стали особенно актуальными.

Проблемы экологии продолжают волновать финское общество, что также отражается в языке. В качестве иллюстрации можно привести такой пример, как композит *luontojalanjälki*, буквально «след в природе». Так называется вред биоразнообразию, причиненный каким-то продуктом, услугой или действием. Открытие новых видов животных, новости биологии вызы-

вают не только возникновение новых терминов в специальном языке, но и их проникновение в общеупотребительный язык (благодаря СМИ). Например, это произошло со словом kangianpörra «тюлень Кангиа». Этот вид тюленя, который находится в изоляции от своих сородичей, был обнаружен в 2023 году в западной Гренландии.

В целом внимание к животным нашло свое словесное выражение в виде тенденции, которая наблюдается в лексиконе финского языка уже много лет [Дементьева, Авцинов 2023]. В 2023 году примером подобного рода может послужить существительное koirakärryt (от koira «собака» + kärryt «тележка»), то есть «тележка для покупок, куда можно посадить собаку».

Вместе с тем немало слов отображает новые элементы быта, тренды, модные явления: например, композит olokeittiö «кухня-гостиная»; lattemeikki «макияж в кофейных оттенках»; romantasia «литературный жанр, сочетающий фэнтези и любовный роман» и многие другие.

Представленный анализ неологизмов не только позволяет выделить важнейшие темы для обсуждения в Финляндии в 2023 году, но и показывает направление развития общества страны. В целом можно наблюдать повышенное внимание к военной и экономической сферам по сравнению с лексикой прошлых лет [Дементьева, Авцинов 2023]. В остальном тематические группы остаются прежними.

Литература

Дементьева А. М., Авцинов В. М. Семантические и морфологические особенности новейшей лексики (на материале финского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 23–29.

Доловаи Доротья Мария

*старший преподаватель, кафедра финно-угорской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
dorottya.dolovai@gmail.com*

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОНЛАЙН-ПЕРЕВОДЧИКОВ В РАЗВИТИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИИ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: онлайн-переводчики, машинный перевод, венгерский язык, преподавание иностранных языков.

В настоящее время использование онлайн-переводчиков (Google Translate, DeepL, Яндекс Переводчик) широко распространяется и в повседневной жизни, и в изучении иностранных языков. Онлайн-переводчики быстро совершенствуются, дают все лучшие результаты. Особенно, если перевод осуществляется между такими «большими» индоевропейскими языками, как английский, немецкий, французский, русский. Довольно хорошие переводы уже можно получить и при работе с такими «маленькими» языками, как венгерский.

Использование студентами онлайн-переводчиков в процессе изучения иностранных языков является новым вызовом для преподавателей, ведь студенты могут найти значения слов, переводить выражения, предложения, даже тексты или написать сочинение с помощью онлайн-переводчиков, а преподаватель не может быть уверенным в том, чью работу проверяет: работу студента или работу онлайн-переводчика.

Ряд исследователей, изучающих эту актуальную проблему, пришли к выводу, что вместо того, чтобы запретить студентам пользоваться онлайн-переводчиками в процессе изучения иностранного языка, лучше научить их осознанно использовать подобные инструменты. Следует обратить внимание студентов на то, какие типичные ошибки совершают онлайн-переводчики при переводе с одного языка на другой и объяснить эти ошибки [Левина, Левин 2022; Kóbor 2023]. Преподаватели должны найти применение онлайн-переводчикам на занятиях, чтобы развивать переводческие навыки студентов.

В процессе преподавания венгерского языка я обратила внимание на то, что мои студенты не являются исключением. Они тоже активно используют разные онлайн-переводчики. Так как они начали изучать венгерский язык в качестве третьего иностранного языка (после английского, немецкого или французского), у них, наверное, уже сформировался такой опыт, что онлайн-переводчики дают надежный, хороший результат. Раньше они изучали широко распространенные языки, в случае которых переводчики работают лучше. Студенты не в курсе, что переводы с венгерского или на венгерский при использовании онлайн-переводчиков отличаются в качестве. Я думаю, однако, что тем более важно применять на занятиях онлайн-переводчики, с помощью которых можно эффективно развивать переводческие навыки студентов. Для этого стоит лучше узнать, как работают онлайн-переводчики, какие типичные ошибки появляются при переводе с венгерского на русский или с русского на венгерский.

В своем докладе я сравню работу трех, наиболее распространенных онлайн-переводчиков: Google Translate, DeepL, и Яндекс Переводчик, которые используются при переводе с венгерского на русский и с русского на венгерский. До сих пор исследования, которые изучают проблемы использования онлайн-переводчиков в преподавании иностранных языков, сосредотачивались только на переводах с английского на русский (и обратно) и с английского на венгерский (и обратно). На нескольких примерах перевода я предлагаю анализ типичных ошибок, которые появляются в переводах в области спряжения глаголов, в притяжательных конструкциях, в употреблении венгерских глагольных приставок. Особенно интересны с точки зрения этого исследования те грамматические категории венгерского языка, которые отсутствуют в грамматике русского языка. Например, категория определенности-неопределенности (и в связи с этим употребление форм определенного и неопределенного спряжения глаголов, определенного

и неопределенного артикля), прошедшее время сослагательного наклонения. Конечно, следует также обратить внимание на грамматические категории, которые имеются в русском языке, а в венгерском отсутствуют, например категория грамматического рода. В результате такого анализа можно будет определить, какой из трех онлайн-переводчиков работает лучше других (если есть такой).

Марта Кобор в своей работе предлагает всегда давать студентам переводы сразу нескольких онлайн-переводчиков. Она считает, что с помощью сравнения нескольких переводов студентам легче обнаружить ошибки переводчиков, и таким образом у них развивается критический взгляд на текст перевода, развиваются навыки редактирования текста перевода [Kóbor 2023: 17]. Левина и Левин предлагают несколько конкретных типов заданий с использованием онлайн-переводчиков, которые можно давать студентам на занятиях [Левина, Левин 2022: 169]. Правда, они предлагают выполнять такого типа задания на уровне обучения магистратуры или в аспирантуре.

Следует согласиться с Мартой Кобор, что сравнение нескольких переводов хорошо развивает переводческие навыки и предложенные Левиной и Левиным типы заданий тоже являются полезными. Я, однако, считаю, что применять онлайн-переводчики нужно раньше, уже с самого начала учебного процесса. Кроме этого, анализ работы онлайн-переводчиков на занятиях по венгерскому языку способствует не только развитию переводческих навыков студентов, но и углубляет знания по контрастивной грамматике венгерского и русского языков; таким образом студенты будут более осознанно употреблять грамматические конструкции иностранного языка.

Литература

- Левина Л. В., Левин А. И. Использование средств машинного перевода в преподавании иностранных языков // Известия Юго-Западного университета. Лингвистика и педагогика 2022. Т. 12 (3). С. 164–175.
- Kóbor M. Gépi fordítás (nem csak) a fordítóképzésekben. Módszertani adalék a tudatos MT-használat oktatásához // Modern Nyelvoktatás. 2023. Vol. 1–2. P. 7–23.

Жужа Шаланки¹, Ведерникова Елена²

¹Ph.D., доцент, Университет им. Лоранда Этвёша (Будапешт);
salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu

²канд. филол. наук, лектор, Университет им. Лоранда Этвёша (Будапешт);
elena.vedernikova@btk.elte.hu

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ ДИСЦИПЛИН ПРИ КАФЕДРЕ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. ЛОРАНДА ЭТВЁША (БУДАПЕШТ, ВЕНГРИЯ)

Ключевые слова: финно-угроведение, преподавание.

Самая первая в мире кафедра для изучения сопоставительной грамматики языков финно-угорской языковой семьи была основана в 1872 году. Первым заведующим кафедрой был Йожеф Буденц, выдающийся лингвист, немец по происхождению. При основании это была кафедра алтайских языков, которая вскоре разделилась на две кафедры, одна из которых — кафедра сопоставительной грамматики финно-угорских языков — была колыбелью финно-угроведения. Ныне наша кафедра административно входит в Институт венгерского языкознания и финно-угроведения, который имеет в своей структуре четыре кафедры. Наша кафедра носит название кафедры финно-угроведения. С самого основания кафедры финно-угорское сравнительное языкознание было обязательным предметом как по специальности «Венгерский язык и литература», так и для будущих преподавателей. Как самостоятельная специальность «Финно-угорское языкознание» появилась в первой половине 1960-х годов, кроме этого, два десятилетия спустя была открыта специальность «Финский язык и литература». В 1999 году была основана еще одна специальность — «Эстонский язык и литература». Последние две специальности подразумевают изучение финского и эстонского языков, в то время как изучение финно-угроведения предусматривает, в первую очередь, изучение языкознания, теории сопоставительной грамматики и языков в историческом, типологическом и ареальном планах.

В настоящее время на бакалавриате студенты могут выбрать одну из трех специальностей на нашей кафедре: «Финский язык и литература», «Эстонский язык и литература», «Финно-угроведение». Следует отметить, что у всех студентов есть при этом основная специальность — обычно это «Венгерский язык», «История» или «Этнография», либо скандинавские языки, «Английский язык».

Кроме этого, эти специальности охватывают исторические, культурологические и этнографические исследования.

Естественным образом обучение на языковых специальностях языкам начинается с нуля, однако большое количество уроков эстонского или финского языков ведет к такому результату, что в конце учебы студенты владеют языком на высоком уровне. Студенты специальности «Финно-угроведение» сами выбирают, какой именно язык они хотят изучать — финский или эстонский. Кроме этого, они могут изучать другие финно-угорские языки и в последние годы имеют возможность изучать один из других уральских языков — удмуртский, марийский, хантыйский и коми-пермяцкий. Здесь ведется изучение грамматики, истории, диалектологии, истории изучения языка, письменных памятников. Современные студенты высказывают желание овладеть коммуникативными навыками, поэтому в дополнение к научному аспекту активно используется практический. Финский, эстонский и марийский языки преподают носители языка — ученые-специалисты. Специализацию можно пройти за два года.

Магистратура по финно-угристике представляет собой самостоятельный двухгодичный курс, по окончании которого можно поступить в докторантуру по финно-угорской литературе или языку. После получения степени магистра можно пройти годичную профессиональную подготовку по специальностям «Педагогика. Финский язык» и «Переводчик (финский язык)». В рамках нашего доклада мы, в первую очередь, представим программу подготовки по специальности «Финно-угроведение», подробно рассказав о предметах и требованиях, необходи-

мых для получения сертификата. Мы расскажем о том, как изменились интересы студентов за последнее десятилетие и какие новые методы нам необходимо использовать для успешного обучения.

Следует отметить, что в самой учебной программе происходят постепенные изменения, что вызвано как внешними факторами (ковид, экономические факторы), так и внутренними (постепенный сдвиг интересов современной молодежи от внутренней работы и переработки информации с целью нахождения ответов к стремлению получать готовые ответы извне). В результате наиболее популярными становятся именно те специальности, которые дают практические знания и которые позволяют легко найти работу на рынке труда в таких областях, как «Медиа», «Коммуникация», «Литература». Изменения происходят также и в рамках проверки знаний, что очень часто включает в себя проектную работу именно как способ этой самой проверки, а также усвоения информации, данной преподавателем. В докладе будут рассмотрены примеры преподавателя, активно практикующего этот метод, будут даны разъяснения.

Следует отметить, что фокус интересов студентов постепенно изменяется. Это выражается в том, что, например, набор на специальность «Финно-угроведение» происходит с трудом, хотя здесь очень много научных задач, требующих специалистов, тогда как специальность «Финский язык и литературы» пользуется большой популярностью.

Центральное место в финно-угорских дисциплинах занимает изучение языкового родства, методов сопоставительной грамматики, исторической грамматики финно-угорских языков. Чтобы овладеть этими знаниями, необходимо изучить ряд обязательных лингвистических дисциплин, однако внешние трудности (сокращение часов) способствуют низкому уровню знаний студентов (например, в фонетике), вследствие чего выходят специалисты со слабым знанием в области фонетики и морфологии, что ведет к неспособности большинства понимать суть языкового родства. Проблемой является и то, что вопрос языкового родства культур и народов сам по себе довольно сложен и требует специалистов с высоким уровнем знаний в области финно-угроведения. К тому же студенты данного отделения зачастую не владеют русским языком, что создает дополнительные трудности, поскольку классическая и современная научная литература, словари малых финно-угорских языков выпускались и выпускаются на основе русского языка.

Литература

Hajdú P. Suomen kielen opetus ja tutkimus Unkarissa // *Specimina Fennica I.* Pécs, 1989. P. 89–99.

Kubinyi K. Tizenöt a százhuszonötből // *Urálisztikai tanulmányok.* 125 éves a budapesti finnugor tanszék. Budapest, 1998. P. 183–187.

Карпова Людмила Леонидовна

*д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН;
karpovalud@rambler.ru*

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ГОВОРЕ СЛОБОДСКИХ УДМУРТОВ

Ключевые слова: удмуртский язык, северные диалекты, слободской говор, функционирование числительных, диалектные особенности.

В научной литературе, несмотря на наличие серьезных исследований по удмуртским числительным, не получили всестороннего освещения особенности функционирования нумеральных слов в диалектных микросистемах удмуртского языка. В этом отношении особый интерес представляет говор удмуртов, проживающих в Слободском районе Кировской области. По характерным языковым особенностям слободской говор вместе с косинским говором представляют собой нижнечепецкий диалект (или нижнечепецкие говоры) северного наречия удмуртского языка. Указанные говоры сложились в периферийной северо-западной зоне удмуртского языкового пространства и функционируют за пределами Удмуртской Республики в Слободском, Унинском, Фаленском, Зуевском и Богородском районах Кировской области. По своим наиболее характерным фонетико-морфологическим и лексическим чертам между собой слободской и косинский говоры достаточно близки. Тем не менее, в языковой системе указанных говором выявляются некоторые различия, которые обусловлены историей их формирования. Косинские удмурты-ватка представляют собой локальную группу слободских удмуртов, переселившихся по р. Чепце на ее приток Косу примерно в конце XVII века. Территориальная оторванность привела к ослаблению культурных и экономических связей между слободскими и косинскими удмуртами и способствовала формированию отдельных отличительных черт в их языках.

Морфологическая система числительного говором нижнечепецкого ареала по своим структурным и содержательным характеристикам во многом совпадает с системой данной категории общенационального удмуртского языка. В то же время в области числительных указанных говором наблюдаются отдельные явления, которые не свойственны другим удмуртским диалектам. В своем исследовании мы акцентируем внимание на анализе особенностей функционирования числительных в слободском говором, обнаруживающем на фоне других удмуртских диалектных микросистем некоторые различия в фонетическом оформлении, структуре и моделях образования отдельных нумеральных слов. Эмпирической базой исследования являются полевые материалы, собранные автором во время диалектологических экспедиций в район проживания слободских удмуртов в период с 2014 по 2017 гг.

Особенность слободского говором обнаруживается в функционировании некоторых простых числительных. К примеру, фонетическим оформлением отличается числительное ойик 'один', возникшее из общеудмуртской формы числительного одиг. Вариант ойик, наряду с формой одиг, широко встречается в языке бесермян [Тепляшина 1970: 207]. Полагаем, что возникновение в слободском говором формы ойиг обусловлено воздействием бесермянского языка, носители которого частично участвовали в формировании говором нижнечепецкого ареала.

Числительное тфамыс 'восемь', бытующее в данной форме в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке, в речи слободских удмуртов функционирует в фонетических вариантах кйамыс ~ тфамыс, причем более широкое распространение имеет форма кйамыс. Числительное тфамыс (кйамыс) восходит к общепермской древней форме *ku kjamis [КЭСК 1970: 140]. Палатальное тф в анлауте в удмуртском языке, по предположению Б. А. Серебренникова, появилось из сочетания тфј, которому предшествовала форма kjamys, возникшая в быстрой речи [Серебренников 1963: 22]. В коми-зырянском языке для выражения понятия «восемь» используется слово кӧкъямыс. В слободском говором функционирование архаичной формы кйамыс, по

нашему мнению, связано с влиянием коми диалектов. Известно, что в сложении нижнечепецких говоров, в том числе и слободского, в некоторой степени участвовал и коми компонент.

Весьма интересным в речи слободских удмуртов является выражение названий десятков от сорока до девяноста: они образуются от единиц путем прибавления компонента -дас/-тас: нфылфдас 'сорок', витфтас 'пятьдесят', кўатфтас 'шестьдесят' и т. д. В других удмуртских диалектах, в том числе в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, соответствующие числительные образуются с помощью форманта -дон/-тон: нпилдон 'сорок', виттон 'пятьдесят', кўаттон 'шестьдесят', спизымдон 'семьдесят' и т. д. Выражение названия десятков от семидесяти до девяноста с помощью компонента -дас характерно практически для всех коми-зырянских диалектов. Полагаем, что необычная форма названий десятков с формантом -дас/-тас в слободском говоре представляет собой проникновение из коми-зырянских диалектов. Названная инновация произошла уже после переселения части слободских удмуртов в бассейн р. Косы

В слободском говоре особый интерес представляет модель образования некоторых составных числительных промежуточных рядов. В частности, в составных числительных от сорока и выше между десятками и единицами появляется соединительный союз но 'и': нпилдас но спизым 'сорок семь', виттас но нфылф 'пятьдесят четыре', витт спу спизымдас но кык 'пятьсот семьдесят два'. Бытование соответствующих числительных находит аналогию в отдельных коми-зырянских диалектах [Баталова 1982: 135]. Данная особенность в системе числительных слободского говора представляет собой позднюю инновацию, возникшую также под влиянием коми диалектов.

Анализ представленного в исследовании лингвистического материала свидетельствует о том, что за период изолированного существования слободского говора в системе числительных произошли определенные изменения, обусловленные, прежде всего, этногенетическими и миграционными процессами, происходившими в нижнечепецком ареале.

Литература

- Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 168 с.
- КЭСК 1970 — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963. 392 с.
- Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры севернудмуртского наречия // Записки. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156–196.

Кондратьева Наталья Владимировна

д-р филол. наук; ведущий научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН;
nataljakondratjeva@yandex.ru

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: удмуртский язык, сравнительные конструкции, количественность, образы сравнения, лексикология.

Категория количественности является одной из универсальных категорий объективации окружающего мира. На лексическом уровне указанную функцию выполняют имена числительные, к которым семантически тяготеют значения меры и веса, нумеральные слова, денумеративы и др. Помимо выражения конкретных количественных отношений, в лексико-грамматической структуре любого языка отдельное место занимают сравнительные конструкции, отражающие семантические значения ‘много’ или ‘мало’.

Учитывая вышесказанное, основной целью данной статьи является описание особенностей репрезентации количественных отношений в сравнительных конструкциях X мында ‘на столько много/мало, как X’, X кадь трос / öжыт ‘как X много/мало’ на материале текстов современного удмуртского языка, где под сравнительной конструкцией понимаются конструкции, с помощью которых некоторый предмет, признак или ситуация P (объект сравнения — то, что сравнивается) описывается не сам по себе, а в отношении к некоторому предмету, признаку или ситуации Q (стандарт сравнения — то, с чем сравнивается). Критерием сопоставления является некоторый признак Z (признак сравнения — то, по чему сравнивается), принимающий значение V (значение признака сравнения) [Князев 2007].

Материалом исследования послужили сравнительные конструкции, извлеченные из Национального корпуса удмуртского языка, в котором представлены тексты художественного и публицистического стилей речи. В качестве основных методов исследования были использованы методы контекстного и компонентного анализа, а также описательный метод.

На основе проведенного анализа было выявлено, что в качестве стандартов сравнения в компаративных конструкциях, выражающих количественные отношения, представлены следующие группы образов:

1. Биоморфный код, который описывает понимание и представление человека о флоре и фауне. В данной группе образов выделяются следующие подгруппы:

а) фитоморфные стандарты сравнения, связанные с растительными образами: Карлутка стадионын егитъёс сйзьыл губи мында ‘На стадионе Карлутка молодежи [так много] как осенних грибов’; Пыэдлэн нылпиосыз лйялгуби мында луозы ‘У Пыэда [так много] детей, как опять’; Бадъым лэсьтйськонын калыкез кызлэн лысэз мында ‘На большой стройке людей столько, сколько хвои на ели’ и др.;

б) зооморфные стандарты сравнения, связанные с образами животных, насекомых, птиц, рыб и др.: Адямиос кузьыли кадь трос ‘Людей как муравьев’; Соос съёд куака мында ‘Их так много, как ворон’ и др. Данная группа образов представляет собой самую многочисленную группу.

2. Антропоморфный код, отражающий количественные отношения через образы человека: Лулпугуртысь кышноськымтэ пиоссы одйг кийсь чиньыос мында гинэ кылемын, мукетъёсыз каръёсы кöчылэмын ‘В деревне Лулпугурт осталось [так мало] неженатых мужчин, что их можно сосчитать на пальцах одной руки (букв. как пальцы одной руки), остальные переехали в город’.

3. Анимический код, который репрезентирует явления природы, выступающие в качестве эталонов сравнения. На основе собранных примеров можно констатировать, что в этом случае объектами сравнения чаще всего являются абстрактные явления или недискретные предме-

ты: Ачиз Салимхан съёд пилям мында калыксэ валтэ ‘Сам Салихман ведёт [так много] народу, (букв.) как черных туч’ и др.

4. Фетишный культурный код, репрезентирующий образы предметов обихода, построек, жилища, его деталей; одежды; пищи; веществ, металлов, минералов и др. Важно отметить, что в данную группу входят стандарты сравнения, характеризующие локальные особенности: Одйгезлэн пумаз базарын мында калык люкаськемын ‘В одном углу собралось [так много] народу, как на базаре’.

5. Отдельного внимания требуют синтаксические конструкции, образованные путем редупликации лексем. В этом случае чаще всего выражаются семантические значения небольшого количества: Хе, коркаос корка мында луысалзы ке: бур паламы — ньыль-вить, паллян паламы — воксё одйг гинэ, мукетыз — буш кырал ‘Хе, если бы (букв.) домов было как домов (в значении ‘мало’): справа — четыре-пять домов, слева — один дом, все остальное — пустырь’.

Таким образом, в качестве стандарта сравнения количественных значений в современном удмуртском языке представлены различные семантические единицы. Изучение этих моделей является актуальной задачей современной лингвистики, поскольку сравнение является одним из важнейших основ человеческого мышления. В них отражается многовековой опыт и история, ценности и мировосприятие конкретного этноса.

Литература

Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки русской культуры, 2007. 213 с.

Коровина Надежда Степановна

канд. филол. наук; старший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра
«Коми научный центр Уральского отделения РАН»;
nadezhdakorovina@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. А. СУХАНОВОЙ

Ключевые слова: народная сказка, литературная сказка, сборник, пьеса.

В 20-х гг. XX века коми детская литература развивалась в просветительском русле. Первые произведения для коми детей сложились на национальной почве, отвечали потребностям просвещения коми народа и имели познавательный характер. Образовательные и воспитательные задачи в них решались в единстве. Сборники и хрестоматии выполняли утилитарную функцию по ликвидации неграмотности. Они в то же время являлись учебниками для чтения в школе.

Главная цель литературы этого периода — воспитание в детях понимания прекрасного и познавательного через народные традиции, сохранение фольклорного наследия. Первые произведения для детей явились художественными переработками коми фольклора. На этом этапе исследователи занимались собиранием устного народного творчества, изданием фольклорно-художественных сборников и учебников для коми школ. Именно в этом русле начала проводить свою работу и Агния Андреевна Суханова (1884–1925) — первая коми детская писательница, переводчица, учитель и общественный деятель первой четверти XX века.

Родилась она 23 (по старому стилю — 11) января 1884 года в селе Вомын Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (ныне Корткеросского района Республики Коми). Закончив Невдинское двухклассное училище и Усть-Сысольскую женскую прогимназию, с 1903 года в течение 17 лет работала в сельских школах Усть-Сысольского уезда (в нынешнем Корткеросском и Усть-Куломском районах). Она учила грамоте детей в деревне Новик, селах Вомын, Руч, Вотча, Корткерос.

В 1920 году А. А. Суханову приглашают работать в подраздел национальной литературы Уездного отдела народного образования (УОНО) для создания коми книг и учебников. Вместе с другими работниками она стала готовить первые учебники и книги для чтения по коми литературе: «Му тӧдмалӧм» (Изучение земли), «Шонді югӧр» (Луч солнца), «Выль туйӧд» (По новому пути), «Школаын лыддянтор» (Школьная хрестоматия).

В начале 1920 года А. А. Сухановой были подготовлены для издания и первые детские художественные сборники, которые базировались на произведениях народного творчества. Так, в сборники, составленные ею: «Посни чой-воклы мойдан кывъяс» (Сказки для маленьких братьев и сестер) вошло одиннадцать, «Мойдан кывъяс» (Сказки) — пять коми сказок [Суханова 1921; Суханова 1922]. Необходимо отметить, что составителю удалось отобрать для своего сборника наиболее оригинальные сюжеты. В него, например, вошли такие известные коми сказки, как «Руч да чокыр» (Лиса и мерин), о лисе, получающей за скалочку гусочку — «Нёрымӧ дядьӧ» (Дядюшка по имени Нёрым) в интерпретации А. А. Сухановой. В сказках не нарушена последовательность компонентов композиции и традиционных повествовательных формул и отступлений. В них применяется тип переложения сказки на литературный язык без изменения ее сюжетной основы.

В 1924 г. А. А. Суханова подготовила и издала сборник одноактных пьес «Челядь ворсанторъяс» (Пьесы для детей), куда вошли четыре пьесы: «Кӧдзыл пӧль» (Морозко), «Югыдлань» (К свету), «Кань козин» (Подарок кота), «Наян руч» (Хитрая лиса) [Суханова 1924].

Пьеса «Кӧдзыд пӧль» (Морозко) создана по мотивам русской народной сказки. В целом же, это оригинальная коми пьеса: использован интерьер коми избы, в пьесу включены коми народные песни, гадания, игры. Язык, речь героев — все указывает на национальную наполненность пьесы. Пьеса «Наян руч» (Хитрая лиса) составлена на основе народной сказки «Йи чом да пу чом» (Домик ледяной и домик деревянный). В целом сборник пьес в коми литературе этого пе-

риода имел огромное значение, ибо слово со сцены для большинства коми населения, которое не умело читать, было единственным общедоступным средством знакомства с литературой.

Опора главным образом на свой собственный фольклор при создании детской литературы была вызвана жизненной необходимостью: художественных произведений, написанных для детей, в тот период практически не было. В то же время произведения устного народного творчества, в частности сказки, были легко доступны детям. В этих произведениях своеобразно выразились идеалы народа, его вера в добро и справедливость. Превыше всего сказка ставит честность, справедливость, дружбу, взаимопомощь, умение жить в мире. С точки зрения языка, формы, педагогической ценности это был благодатный материал для детского чтения.

Итак, доминирующим «культурным текстом» в сборниках, составленных А. А. Сухановой, стали коми народные сказки. Бережно и умело отобранные составителем для детского чтения, эти произведения узнаваемы, хранят народную мудрость, нравственные и эстетические идеалы.

В январе 2024 года исполнилось 140 лет со дня рождения А. А. Сухановой — первой коми детской писательницы. Она рано ушла из жизни, но оставила заметный след в истории коми литературы и просвещения.

Литература

Мойдан кывъяс (Сказки) / сост. А. А. Суханова. Усть-Сысольск, 1922. 16 с.

Посни чой-воклы мойдан кывъяс» (Сказки для маленьких братьев и сестер) / сост. А. А. Суханова. Сыктывдін кар, 1921. 29 с.

Челядлы ворсанторъяс (Пьесы для детей) / сост. А. А. Суханова. Усть-Сысольск, 1924. 46 с.

Люблинская Марина Дмитриевна¹, Мизонова Александра Николаевна²,
Суржикова Анастасия Дмитриевна³

¹канд. филол. наук; старший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
доцент, Институт народов Севера Российского государственного
педагогического университета им. И. А. Герцена; md.lyublinskaya@yandex.ru

²старший преподаватель, кафедра финно-угорской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет; a.mizonova@spbu.ru

³студент, Институт народов Севера Российского государственного
педагогического университета им. И. А. Герцена; Stacy44Surzh@mail.ru

ИЗОСЕМИЧНОСТЬ СОМАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: уральские языки, соматическое обозначение пространства, топонимики.

1. Сопоставительный анализ соматической лексики.

На кафедре Уральских языков ИНС РГПУ проводится сопоставительный анализ соматической лексики уральских младописьменных языков Севера России. Разные типы языков показывают, что соматическая лексика — один из кодов описания окружающего пространства [Сподина 2014; Якушевич 2018]. Е. Т. Пушкарева доказывает, что чум — модель мира для ненца [Пушкарева 2007], тогда и в других языках, также быть свидетельства описания пространственно-функциональных характеристик мира, дома, а также тела одинаковыми т. е. изосемичными словами. Нашей задача — сопоставление картины мира, выраженной дополнительными соматическими значениями в устойчивых словосочетаниях; её ассоциациями с чертами характера, внешностью человека в младописьменных уральских и в языках с достаточно развитой письменной традицией, в нашем случае для финского. Исследуются отдельные лексемы и устойчивые выражения, которые показывают, что человек описывает окружающее пространство так же, как своё тело.

Пример): ненецк. сэв 'глаз', сарё сэв 'дождевка'.

Язык является исключительным атрибутом человека.

В современном технологическом мировоззрении человек является центральной фигурой языковой картины мира. Поэтому полагается, что семантическая система языка основывается на принципе антропоцентризма: чтобы описать размер, форму, температуру, положение в пространстве, функцию и другие свойства предметов, в качестве точки отсчета используется человек. Сомонимы тесно связаны с ощущениями окружающей действительности, что задаёт наименования органов тела, эмоций, реакций.

Возможна обратная система отсчета:

человек смотрит на мир через призму родного языка, описывает окружающий мир, себя как единую систему в общих образах: одинаковое обозначение характеристики объектов не являются переносом значения по сходству, но, мы предполагаем, единое многозначное описание пространственных, функциональных параметров:

(За Пример): кар. собств. kukko||sormi/ kukko||šormi 'указательный палец', первый компонент фин. kukko- и кар. kukku 'указательный', 'нечто высовывающееся', 'отросток' интересен тем, что во многих прибалтийско-финских языках существует ряд подобных слов, но с другим значением: фин. kukku 'вершина, верх'; 'часть содержимого, выступающая за край сосуда; поплавок невода' kukkura, kukkula 'вершина', 'холм'; кар. собств. kukuilla 'на плечах, плече, спине; на пне'; kukkula, kukkura 'холм, крутой холм', 'гребень крыши'; kukkuri 'вершина', 'холм'; кар. люд. kukkuraiñe 'шишка хвойного дерева'; ижор. kukkula, kukkura 'вершина, верх', 'гребень крыши'; эст. kupal (gen. kukla) 'шея, затылок'; 'холм'; вод. kukkula, kukkala 'голова, макушка'. SSA уверенно связывает это слово с фин. kukka 'цветок' [SSA: II, 428].

Это демонстрируют дополнительные значения сомонимов, сохраняющиеся в устойчивых выражениях:

(3б Пример): ненец. хэв ‘сторона’, Но: хэвдамда хо ‘она вышла замуж/ он женился (букв. нашла/нашёл себе бок)’; пэдара’ хэв ‘край, опушка леса’, хэваць’/ хэвды ‘ребро’, хэбитевы паны ‘ягушка с белой спиной и чёрными боками’.

Сомонимы начинают коррелировать со свойствами их обладателя:

(3в Пример): хант. венш а́н тайты — быть бессовестным (букв. лицо не иметь), манс. самың ааңқвал — глупый, бестолковый (букв. глазастый пень), вепсс. < фин. sarnoiden os — выдающийся сказочник (букв. сказкин лоб), вепсс. habeine rä — болван (букв. осиновая голова), вепсс. ijle hajuid rä — нет ума в голове, неразумный (букв. нет запахов в голове), финск. hänen päänsä on (terävä) kuin partaveitsi — умный (букв. его/ее голова <острый> как бритва).

Сомонимы получают дополнительное пространственное значение.

Тогда они начинают выполнять структурную роль синтаксических организаторов текста, в том числе как показатели формы внешнеместных падежей, образуют послелого.

(4 Пример): финск. rä ‘голова’ в функции послелога обозначает локализацию: räällä послелог ‘на, над, сверху’. Hänellä on räällään uusi ruku ‘У него есть (букв. на нем) новый костюм’; räässä — послелог ‘расстояние’. Kauppa on kilometrin räässä ‘Магазин находится на расстоянии один километр’; laittaa hattu päähän — надеть шляпу (букв. положить шляпу в голову).

Сопоставление сомонимов разных языков позволяет реконструировать утраченные лексемы:

(5 Пример):

праформа	финский	вепский	саамский	хантыйский	ненецкий	перевод
*räŋe (пэ ‘лоб’)	rää голова	rä	вуэ́йв	ух	ңэ́ва	
*silmä	silmä	sil’ m	чалльм	сем	сэв	глаз
*piŋse-me	huuli	hul’	хуль	турэп	пибтя	нижняя губа
*nere (нерня ‘перёд’)	nenä	nena	нюннѣ	њул	пыя	

Слова ңэ́ва ‘голова’, пыя ‘нос’ в ненецком языке не наследуют восстанавливаемой уральской праформе, но сохранились в наименованиях связанных понятий.

Для сопоставимого представления нашего материала используется таблица EXEL, позволяющая легко расширять число параметров.

Использование сомонимов для маркирования функции объекта, локализации объекта в пространстве требует определения найденных соответствий как типологических или универсальных.

(7 Пример): ненецк. ты” ңэ́ва — вожак (букв. голова) оленей, т. е. самый полезный, главный; ненецк., селькупск., хантыйск. Ед’ ха” — ручки (букв. уши) котла; ненецк. хан’ пыя– перед (букв. нос) нарты; ненецк. тир’ ябцо — задний край облака (букв. хвост); ненецк. маха — спина, ид’ маха — горизонт (букв. воды спина), хой’ маха — верхняя часть хребта; но: мюд” хой’ маха’ тяхама” — ‘аргиши скрылись за хребтом (букв. спиной возвышенности)’; по’ маха — ‘середина зимы, глубокая зима (букв. года спина)’.

Примеры опубликованных языковых словарей и материалы собраны студентами Института народов Севера второго курса: М. Журавлевой (мансийский), третьего курса: Ю. Мартыно-

вой (хантыйский), Е. Яптунэ (ненецкий) и др., за что мы выражаем им большую благодарность. Также работа не могла быть выполнена без помощи коллег из ИНС РГПУ и Институт лингвистических исследований РАН, с которыми она обсуждалась.

Литература

- Пушкарева Е. Т.* Картина мира в фольклоре ненцев. Системно-феноменологический анализ. Екатеринбург, 2007.
- Сподина В. И.* Соматический код традиционной культуры (на материале обских угров и самодийцев) // Финно-угорский мир. 2014. № 2. С. 79–85.
- Якушевич И. В.* Языковая реализация символа «дом» в диалектных названиях частей тела человека и деталей русской избы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2018. С. 92–99.
- Itkoinen E., Joki A. J., Koronen E., Kulonen U.-M., Tanner S. (Toim.).* Suomen sanojen alkuperä: in 3 volumes (SSA). Helsinki: SUS, 1992–2000.

Осьмак Наталья Андреевна

канд. филол. наук, заведующий кафедрой языков Северной Европы,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
nataliaosmak@herzen.spb.ru

«SIPERIA ORETAA»: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В ФИННОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: фразеологизм, дискурс, финский язык, корпус.

Публицистический дискурс уже давно является объектом лингвистических исследований, что связано с всё возрастающей ролью средств массовой информации, особенно телевидения и интернета, и жизни современного человека. При этом существует и традиция изучения фразеологических единиц в языке СМИ, затрагивающая варианты их индивидуально-авторской трансформации, реализующими их экспрессивную функцию [Мокиенко 2016: 8]. В некоторых случаях исследователи говорят о процессе дефразеологизации, т.е. процессе восстановления в отдельных компонентах фразеологизма их вторичных лексико-семантических свойств [Жуков 1987: 84].

В рамках изучения финноязычного русско-центрического дискурса показалось интересным функционирование фразеологизма (Kyllä Siperia orettaa (букв. (Конечно) Сибирь научит), использующегося в заголовках публицистических и научно-популярных книг (7,5% корпуса Rossica-Ti-Fi). Анализируемая ФЕ используется для обозначения ситуации, когда серьезные испытания меняют мировоззрение и взгляды на жизнь и, по-видимому, возникла в 19 веке, когда финны, являясь подданными Российской Империи, отправлялись в ссылку в Сибирь. Корпусные данные демонстрируют контексты использования и полной, и краткой версии ФЕ в разных временных формах, как части заглавия, сопровождающейся пояснением с указанием жанра книги или ракурса рассмотрения. При этом коннотативный фон контекстов с фразеологизмом не является однородным. Безусловно, ряд книг затрагивает лагерную проблематику, однако часть касается впечатлений от жизни (непростой, но интересной и насыщенной), путешествий, природы и экологии.

Обращение к финским корпусам публицистических текстов [Corpus of Finnish Magazines and Newspapers from the 1990s and 2000s; YLE Finnish News Archive 2011–2018] подтверждает достаточно активное использование авторами этого фразеологизма не только в рамках русско-центрического дискурса. Так, в корпусе текстов YLE он встречается 33 раза, а в корпусе газетных текстов — 54, что свидетельствует об узнаваемости фразеологизма носителями финского языка.

Более подробный анализ функционирования фразеологизма позволил сделать следующие наблюдения.

Использование фразеологизма в традиционном переносном значении (часто в кавычках):

«Kyllä Siperia orettaa», kun bussi juuttuu sateiden takia liejuun Mihailovkan kylässä («Конечно Сибирь научит», когда автобус застревает из-за дождей в грязи в деревне Михайловка).

1990-luvun lamassa «Siperia oretti». Esim. Takuu-Säätiön synty vuonna 1990 osui tilanteeseen, jossa ei pystytty ennakoimaan käsiin ryöpsähtävää velkaantuneiden määrää (В кризис 1990-х годов «Сибирь научила». Например, создание Гарантийного фонда в 1990 году совпало с ситуацией, когда невозможно было предсказать поток должников).

Буквализация первого элемента ФЕ, т.е. под Сибирью подразумевается не метафорическое обозначение сложных испытаний, а конкретный географический регион. При этом в большинстве случаев реализуется объектная валентность глагола orettaa и наблюдается тенденция к дефразеологизации единицы:

Siperia siis orettaa kuolemaa (Сибирь учит смерти).

Siperia orettaa kylmyyttä eikä yhtään mitään muuta (Сибирь учит холоду и ничему другому).

Kylmä Siperia opettaa kärsivällisyyttä (Холодная Сибирь учит терпению).

Mitä Siperia sitten opettaa matemaatikolle? Tietysti matematiikkaakin, mutta suurin anti lienee kuitenkin tutustuminen erilaiseen kulttuuriin ja uusiin ihmisiin (Так чему же Сибирь учит математика? Конечно, математике тоже, но самый большой подарок, наверное, это знакомство с другой культурой и новыми людьми).

Замена второго элемента (глагола *opettaa*) на другой при сохранении общей семантики ФЕ:

Kyllä se Siperia neuvoo, Hakkarainen uumoilee (Конечно, Сибирь посоветует, предвкушает Хаккарайнен).

Обыгрывание фразеологизма, представляющее собой конкретизацию или пояснение, что (или кто) подразумевается под Сибирью. При этом зачастую состав и структура ФЕ расширяется, а в некоторых случаях происходит замена первого элемента, например:

Siperia (3. semesteri) opetti hyvin (Сибирь (3 семестр) хорошо научила).

Lauttasaari ei ole Kerava eikä etenkään Siperia, mutta sekin opettaa (Лауттасаари — это не Керави и тем более не Сибирь, но тоже учит).

Jos meillä täällä Siperia opettaa, niin siellä opettaa aavikko (Если у нас здесь учит Сибирь, то там учит пустыня).

Yhtäkkiä minä olen se Siperia, joka opettaa (Внезапно я та Сибирь, которая учит).

Языковая игра, в которой элемент *Siperia* является названием (футбольного клуба, театра), например:

Teatteri Siperia opettaa: Sakespeareen kootut theokset on herättänyt paljon puhetta aina ollessaan jonkun teatterin ohjelmistossa (Театр Сибирь учит: собрание сочинений Шекспира всегда вызывало много разговоров, когда бы они ни появлялись в репертуаре театра).

Появление каламбуров, основанных на ФЕ, например:

Siperia opettaa, mutta Chuck Norris opetti Siperiaa (Сибирь научит, но Чак Норрис научил Сибирь).

При этом тенденция к дефразеологизации наблюдается в случаях реализации объектной валентности и указания на то, чему или кого учит Сибирь. В подобных контекстах переносное значение тяжелых испытаний, приносящих жизненный опыт, утрачивается, а речь идет о вполне конкретных вещах, например:

Venäjällä Siperia on opettanut keräämään ruusujuurta talven varoiksi (В России Сибирь научила собирать на зиму золотой корень).

Литература

Жуков В. Л., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987. 441 с.

Мокиенко В. М. Функции фразем в современных СМИ // Медиалингвистика. 2016. № 3 (13). С. 7–18.

Corpus of Finnish Magazines and Newspapers from the 1990s and 2000s. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-201711021>
YLE Finnish News Archive 2011–2018. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-2019121006>

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 1ВГ).

Родионова Александра Павловна

канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН;
sashenka22@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ИННОВАЦИЯХ ОТКРЫТОГО КОРПУСА ВЕПСКОГО И КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: корпусная лингвистика, открытый корпус, карельский язык, вепсский язык, речевой корпус, мультимедийный словарь.

Развитие корпусной лингвистики в Институте языка, литературы и истории стало возможным благодаря тесной и плодотворной работе с программистами и математиками Института прикладных математических исследований Карельского научного центра РАН.

Открытый корпус вепсского и карельского языков, созданный с целью сохранения языкового богатства и последующего изучения прибалтийско-финских языков Карелии, их развития и популяризации, ведёт свою историю с 2009 года. Тогда, 15 лет назад, под руководством д-р филол. наук Н. Г. Зайцевой была начата работа над «Корпусом вепсского языка», который включил в себя пять текстовых подкорпусов (диалектные тексты, 2 подкорпуса фольклорных текстов и два младописьменных корпуса), электронный словарь и системы поиска.

В условиях цифровизации научного знания языковеды ИЯЛИ совместно с исследователями ИПМИ в 2016 году занялись разработкой нового направления: созданием интернет-ресурса «Открытый корпус вепсского и карельского языков» [ВепКар: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru>]. Корпус ВепКар является многофункциональным, так как содержит большое количество инструментов, позволяющих языковедам успешно использовать этот ресурс в своих исследованиях. В корпусе организована удобная система поиска, которая помогает отфильтровать тексты не только по языковой или стилистической, но и по диалектной принадлежности, или, например, по информанту, собирателю или автору, году записи или году публикации. Поиск слов (лемм) возможен по диалектам, частям речи, грамматическим признакам и даже по лексико-семантическим категориям. В настоящее время размещено более 5,6 тыс. текстов на 52 диалектах карельского и вепсского языков, словари и компьютерные программы для обработки, поиска и представления данных. Основу корпуса составляют письменные тексты различных жанров и типов, созданных начиная с XIX столетия [Бойко 2021: 103; Krizhanovskaya 2022: 48].

Однако одних лишь текстовых данных недостаточно для проведения качественных фонетических исследований с применением современных программ обработки и анализа речи. В связи с этим в 2022 году исследователи ИЯЛИ и ИПМИ приступили к работе над созданием Речевого корпуса прибалтийско-финских языков Карелии [Родионова 2023: 344]. В 2022 году было произведено изменение базы данных корпуса ВепКар для последующего включения в нее аудиозаписей и их метаданных, была изменена структура базы данных корпуса ВепКар, что позволило загружать в нее аудиозаписи текстов и отдельных слов. За два года Речевой корпус пополнился 111 аудиофрагментами, представляющими собой разнообразие карельской и вепсской устной диалектной речи. Для облегчения работы пользователей с речевым корпусом и для обеспечения возможности наглядного представления звукового материала была разработана мультимедийная аудио-карта говоров прибалтийско-финской речи Карелии и сопредельных областей (<http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/audiotext/map>). На карте нашли отражение все размещенные в речевом корпусе аудиофрагменты: 39 аудио-образцов на ливвиковском наречии, 47 аудио-образцов на собственно карельском наречии, 8 аудио-образцов на людиковском наречии, 15 аудио-образцов на вепсском языке. Отдельные образцы дополнены также фотографиями населённых пунктов, информантов, что позволяет пользователю погрузиться в атмосферу карельских и вепсских деревень (<http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4276>). Кроме просветительских целей и задачи поддержания жизнеспособности диалектной речи, карта может активно использоваться в образовательных целях, например, в курсах преподавания ка-

рельской и вепсской диалектологии. Параллельно с наполнением Речевого корпуса в последние годы был разработан модуль озвучивания информантом подготовленного списка словарных слов и фраз на сайте ВепКар и непосредственно в словарной статье, позволило в течение последних двух лет озвучить 8 тыс. слов ливвиковского и более 3 тыс. слов людиковского наречий карельского языка. Все записи теперь хранятся в базе данных корпуса ВепКар (<http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/audio>) и озвученные слова можно прослушать в словарных статьях (<http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma/45492>).

Инструменты, представленные в корпусе, открывают уникальные возможности для решения целого ряда лингвистических задач в области исследования лексики и грамматики карельского и вепсского языков. Однако для неподготовленного пользователя работа на платформе может оказаться довольно непростой. Именно в целях обеспечения условий широкой доступности научного знания и внедрения результатов академических исследований в практику и было принято решение о создании ресурсов, направленных на сохранение, развитие и популяризацию карельского и вепсского языков.

Литература

- Бойко Т. П., Зайцева Н. Г., Крижановская Н. Б., Крижановский А. А., Новак И. П., Пеллинен Н. А., Родионова А. П., Трубина Е. Д.* Лингвистический корпус ВепКар — «заповедник» прибалтийско-финских языков Карелии // Труды КарНЦ РАН. 2021. № 7. С. 100–115.
- Родионова А. П., Крижановская Н. Б., Пеллинен Н. А.* Речевой корпус ВепКар как инструмент сохранения диалектной речи прибалтийско-финских народов Карелии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. Вып. 3. С. 343–351.
- Krizhanovskaya N.* Morphological inflectional rules for Karelian Proper verbs // *Eesti Ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics.* 2022. Vol. 13 (2). P. 47–78.

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (Тема: Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России в условиях цифровизации научных знаний (2024–2028). Номер гос.регистрации: 124022000089–4).

Сойни Елена Григорьевна

д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН;
elenasoini@gmail.com

КИТАЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ КАТРИ ВАЛА

Ключевые слова: Катри Вала, образ луны, образы космонимов, китайские реминисценции.

Одно из важнейших мест в творчестве видной финской поэтессы Катри Вала (1901–1944) занимают реминисценции, отсылающие к китайской классической поэзии эпохи Тан (VIII в.). В докладе рассматриваются образ луны и космонимов в поэзии Вала в соотнесенности с творчеством Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэя.

С классической китайской поэзией Вала познакомилась на страницах журнала «Ультра», издававшегося на шведском и финском языках. В трех номерах за 1922 г. публиковались «Исследования о китайской поэзии» (Studier i kinesisk lyrik) за подписью В. Р. (Брур Петерссон — Е. С.) с цитатами из стихотворений в переводах Клабунда (наст. имя Альфред Геншке 1890–1928). Автор статей Брур Петерссон находил в поэзии Китая «ответы на самые возвышенные вопросы жизни» [В. Р., I: 28]. Мысль, что именно «жажда солнца» заставляет нас искать дорогу из тесных ущелий, нашла отклик в душе молодой поэтессы. В декабрьском номере «Ультра» (1922) было опубликовано ее стихотворение «Уничтоженная земля» (Murhattu maа), словно иллюстрирующее мысль из статьи Б. Петтерссона о жажде света «среди крошечной тьмы» (sysimustaan pimeyteen) [Vala 1977: 28].

В первом же стихотворении из сборника «Далёкий сад» (1924) появляется образ луны, напоминающей цветок. И сразу всплывают образы танских поэтов. В китайской поэзии, пишет Чжао Паньпань, «основным символическим значением луны является понятие женского начала», исследователь приводит высказывание переводчика Э. В. Балашова что луна — это «квинтэссенция Инь <...>, а с Инь начинается в этом мире все сущее, и поэтому луна, влечет за собой длинную цепь ассоциаций» [Чжао Паньпань 2019: 718]. Ли Бо — самый «лунный» поэт Китая, в творчестве Ли Бо, подытоживает исследователь, «насчитывается 499 стихотворений, связанных с луной» [Чжао Паньпань 2019: 718].

Катри Вала считает Луну «крёстной матерью» для себя как поэтессы и для своей лирической героини. В стихотворении «Мои первые мгновенья» (Ensimmäiset hetkeni) рождение юной героини в северной Лапландии связывается именно с появлением на небе луны.

ja Lapin aurinko miltei sammunut.
<...>
lepäsin vihdoin kalpean äitini rinnalla
aamukuutamossa.
[Vala 1977:40].

и лапландское солнце погасло на одно мгновенье.
<...>
я лежала на груди моей бледной матери
под лучами рассветной луны!
Перевод Ю. Мориц [Вала 1966: 33].

В сборнике «На причале земли» (1930) [Вала 1966: 130]. В стихотворении «Перед приходом весны» Катри Вала предостерегает лирического героя от чрезмерной импульсивности, словно следуя даосскому принципу Недеяния, в котором заключена идея бережного отношения к Вселенной. А когда близится сбор урожая, лирическая героиня собирает в букет звезды, готовя из них нектар, и обращается в чашу, чтобы утолить жажду своего возлюбленного.

С немецкого издания Клабунда Вала перевела из наследия Ду Фу «Песню боевых колесниц» (в переводе Вало «Sotan lähtö» (Уход на войну)), а у Ли Бо — пять произведений, среди которых

«Луна детства» (Lapsuuden kuu), посвященное образам китайской мифологии. В своем переводе Вала обращает внимание на лунного зайца, «Прометея Востока», столь важного для китайской культуры:

Siell' astui henget viirejänsä kantain,
kaneelipuu nous sulotuoksun antain,
ja keltajänö pani oivaa juomaa... [Vala 1981: 363].
(Там шествовали духи, неся свои вымпелы,
Возвышалось коричное дерево, издавая нежный аромат,
И желтый зайчик варил напиток...)
(Здесь и далее перевод наш. — Е. С.)

Согласно китайской мифологии, лунный заяц толчет в своей ступке порошок бессмертия, заботясь о будущем человечества. «Китайский даосский лунный заяц обречен на вечное творчество и созидание во имя спасения людей и всего живого» [Бондаренко 2012: 16]. В стихотворении Ли Бо рассказывается о драконе, который съел луну и человека, пьющего заячий напиток. И тогда ночь поглотила землю.

Ja häijyt linnut tähdet eineeksensä jakaа.
Jumalat surulliset pilvillänsä makaа ja tuutii [Vala 1981: 364].
(Наглые птицы делят звезды, чтобы наесться,
Грустные боги прячутся на облаках).

Сюжет о поедании луны встречается и в финно-угорской мифологии. Еще Микаэль Агрикола в 1551 г. упоминал о нем в поэтическом предисловии к «Псалтири Давида».

Лирический герой Ли Бо задает себе вопрос: «Кто бы уничтожил злых птиц»? Он согласен «воткнуть тонкую полоску месяца за пояс, словно кинжал» [Vala 1981:364], согласен на борьбу за возвращение света. И в этом контексте Инь однозначно переходит в Ян. Образ луны становится образом кинжала.

Катри Вала дала финскому читателю глубинное и полное представление о лирике Ли Бо и Ду Фу. В ее переводах передана высочайшая поэтичность и пронзительность оригинала.

Даже в самые трудные годы поэзия Катри Вала оставалась, оптимистичной и жизнеутверждающей. При этом реминисценции из китайской лирики в своем творчестве поэтесса сохранила навсегда.

Литература

Бондаренко В. Г. Хранитель бессмертия. Лунный заяц в культуре Азии, Европы и Америки. М.: Амрита, 2012. 128 с.

Вала К. Далёкий сад. Избранные стихи / пер. с финского; сост. В. Бергман, предисл. Д. Вааранди. М.: Художественная литература, 1966. 249 с.

Чжао Паньпань. Перевод смыслового содержания иероглифа 月 «луна» в поэзии Ли Бо // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24, № 3. С. 718–723.

Vala K. Kootut runot. Porvoo: WSOY, 1977. 600 p.

Исследование выполнено в рамках госзадания КарНЦ РАН, 2024.

Федорова Любовь Петровна

канд. пед. наук, доцент, Удмуртский государственный университет;
liubov.fedorova@gmail.com

КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА УДМУРТСКОЙ ПОЭТЕССЫ АКИЛИНЫ ВЕКШИНОЙ (АШАЛЬЧИ ОКИ)

Ключевые слова: удмуртская литература, Акилина Векшина, Ашальчи Оки, Казанский университет.

Казанский период жизни удмуртской поэтессы Акилины Векшиной (Ашальчи Оки) (1919–1928) занимает особое место в формировании ее личности, профессиональном становлении и литературном творчестве. Архивные материалы студенческого периода до сих пор не были введены в научный оборот, они ждали своего часа. В январе 2023 года нами найдено личное дело студентки А. Г. Векшиной [Дело 1921] в архиве Казанского (Приволжского) университета, документы которого позволяют по-новому трактовать некоторые факты жизненной и творческой биографии первой удмуртской поэтессы.

Акилина Векшина в 1919 году, имея пятилетний педагогический стаж в сельских школах, принимает самостоятельное решение о продолжении учебы в Казани в только что организованном рабочем факультете Казанского университета. Годы учебы на рабфаке (1919–1921) — отдельная страница как в жизни молодой студентки А. Векшиной, так и в становлении нового подразделения Императорского университета. Рабфак первого периода (1919–1924) явился не только политическим событием, но и экспериментальной лабораторией «ковки» кадров из рабоче-крестьянской среды. Участниками этого пролетарского эксперимента, притом одними из первых, оказались удмуртки — Акилина Векшина с ее подругами по Карлыганской школе Ольгой Андреевой и Анной Федоровой. Обучение на рабфаке для них, как и для всех рабфакцев, — это, прежде всего, социальная и психологическая адаптация к университетской среде в жутких условиях Гражданской войны, разрухи и голода, борьба за существование и обучение в аудиториях старинного университета.

Несмотря ни на какие трудности, А. Векшина, успешно завершив два года обучения на рабфаке, в 1921 году поступила на медицинский факультет этого же университета. Возмужав и определившись с будущей профессиональной сферой, освоив два курса медицинского образования, молодая поэтесса вновь вернулась в литературу. До поступления на рабфак она опубликовала свои первые произведения на страницах удмуртских газет в 1918 и 1919 гг. («Аракы быттэ улэмез» («Самогон губит жизнь»), «Юись дорын» («У пьяницы»), «Тон юад мынэсьтым» («Ты спросил у меня») и др. [Федорова 2011: 209].

Годы учебы в Казани обогатили студентку А. Векшину во всех смыслах, она жила в эпицентре культурной и научной жизни страны. Ее педагогами и наставниками на рабфаке были удмуртские просветители Иван Михеев и Иван Яковлев. В голодные и холодные, но полные энтузиазма и целеустремленности, студенческие годы она с жадностью впитывала и постигала духовный опыт мировой культуры, языки, естественно-научные и общественные дисциплины, которые «переплавлялись» в душе носителя традиционной удмуртской культуры, знатока ценностей и обрядов своего народа.

После трехлетнего молчания, начиная с октября 1923 года, с появлением в газете «Гудыри» («Гром») по ее рекомендации литературной страницы [Векшина 1923], она каждый месяц публикует свои произведения, чаще поэтические. Студентка медицинского факультета (1921–1927) создала за короткий период (1923–1928) произведения, которые вошли в золотой фонд удмуртской и финно-угорской литературы. Хронологическая последовательность источников текстов А. Векшиной с 1923 по 1928 годы позволяет констатировать, что в казанский период жизни она опубликовала двадцать восемь восхитительных по лиричности стихотворений, шесть рассказов, перевела на удмуртский язык научно-популярную книгу академика Г. Н. Сперанского «Азбука матери: Вскармливание грудного ребёнка и уход за ним», писала публицистические статьи в удмуртские газеты.

Впервые в 1924 году в майском номере газеты «Гудыри» при публикации стихотворения «Мон визьтэм вал азьло» («Я глупа была раньше») появляется псевдоним Ашальчи Окыль, окончательное оформление благозвучного псевдонима Ашальчи Оки находим под текстом публицистического поэтического текста «Вай кидэ» (Дай руку») в декабрьском номере. В 1925 году в Москве под этим псевдонимом опубликован первый и единственный поэтический сборник «Сюрес дурын» («У дороги»).

Мегатемой стихотворений казанского периода является тема любви, наполненная лирико-драматическим настроением. Стихи раскрывает красоту и переживания женской души, героиня Ашальчи Оки — скромная, застенчивая молодая девушка-удмуртка, её робкая нежность и целомудренная сдержанность завораживают читателя. Основу поэтики ее стихотворений составляет философия и эстетика народной удмуртской поэзии, мастерски дополненная поисками новых форм стихосложения и опытом прочтения русской и зарубежной классики. Оригинальны поэтические тексты, посвященные теме уходящего времени и женской судьбе, проникнутые социальными и философскими мотивами.

Под псевдонимом Эльдыш в 1924 году она публично и смело выступила в защиту Кузубая Герда со статьей «Зэм-а Герд «бэрдйсь поэт» («Правда ли, что Герд плачущий поэт») [Эльдыш 1924] в ответ на критику и необъективную оценку сборника «Крезьчи» («Гусляр»).

К сожалению, после 1929 года Ашальчи Оки отходит от литературной деятельности в силу объективных и субъективных причин: небывалое обострение классовой борьбы в селах после начала массовой коллективизации, групповщина в литературных кругах и идейное размежевание писателей, погружение во врачебную практику с полной самоотдачей со скальпелем и просветительским словом, недостаток духовной и культурной атмосферы для творчества на селе, семейные обстоятельства.

Литература

Векшина А. Г. Поэзили иньты сётэ // Гудыри. 1923. 27.09.

Дело канцелярии по студенческим делам Государственного Казанского университета им. В. И. Ульянова-Ленина о принятии в число студентов медицинского факультета Векшиной Акилины Григорьевны. Отдел рукописей и редких книг Казанского федерального (Приволжского) университета. Ф. 22. Ед. хр. 1313.

Федорова Л. П. Ашальчи Оки в кругу удмуртских просветителей // Роль просветителей финно-угорских и тюркских народов в становлении и развитии литературы, образования и культуры Урало-Поволжья: сб. ст. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. С. 209–216.

Эльдыш. Зэм-а Герд «бэрдйсь поэт» // Гудыри. 1924. 02.09.

Хорохорин Павел Андреевич

младший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН;
pavel.horohorin@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАРЕЛОЯЗЫЧНОЙ ТОПОНИМИИ НА ОФИЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: топонимия, карельский, способы адаптации, Государственный каталог географических названий.

Проблема передачи прибалтийско-финских географических названий на официальном государственном языке исключительно актуальна для многонациональной и разноязычной территории России.

Основным документом, регламентирующим правописание карельских топонимов средствами русской графики, является «Государственный каталог географических названий» [<https://cgkipd.ru/upload/iblock/cbc/lv4vep12st5uyx1dffb6f2c5drlt8o56.pdf>].

Согласно ФЗ «О наименованиях географических объектов», все государственные органы, органы местного самоуправления, различные учреждения и СМИ обязаны использовать названия местностей, приведенные в каталоге. Использование других вариантов, отличающихся от «стандартов», зафиксированных в каталоге, является административным правонарушением.

Реестр Республики Карелия по состоянию на 15.12.2022 года содержал 16 088 географических названий (названия населенных пунктов, рек, озер и др.), около половины из которых относятся к прибалтийско-финскому (карельскому и вепсскому) языковому региону. В то же время Научная картотека географических названий Карелии ИЯЛИ КарНЦ РАН насчитывает около 300 000 русских, карельских и вепсских географических названий, собранных с 1970-х годов в ходе полевых экспедиций. Таким образом, реестр не отражает объективной ситуации: отсутствуют не только микро-, но и многочисленные макротопонимы. Например, акватория и побережья озера Хайкольское в Калевальском районе представлены в ГКГН одним единственным топонимом — названием озера, но в топонимической картотеке перечислено почти 80 названий, включая берег озера, мысы, заливы, острова и т. д. [Захарова, Кузьмин, Муллонен 2022: 259].

Главной проблемой ГКГН на сегодняшний день является значительная непоследовательность и несогласованность в передаче карельских и вепсских названий на русский язык, что связано с отсутствием специально разработанных рекомендаций по передаче прибалтийско-финских географических названий Карелии на русский язык.

Традиционно иноязычные топонимы передаются посредством транслитерации, т. е. письменной побуквенной передачи, однако для Карелии характерна транскрипция, т. е. передача звучания. Массовых письменных источников, документирующих карельские наименования, нет.

В результате сравнения записей ГКГН и топографических карт с данными Научной картотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН было выявлено, что из 239 названий Олонецкого района Республики Карелия, внесенных в госкаталог, 57 записаны неверно.

Ошибки в географических названиях можно классифицировать на три категории:

Передача долгих гласных, переднеязычных гласных, дифтонгов, удвоенных согласных карельского языка, не имеющих точных аналогов в русском языке. Сокращение долгих гласных: бол. Сурисуо (ливв. Suurisuo ‘большое болото’ → должно быть Суурисуо); удвоенных согласных: бол. Сейвесуо (ливв. Seivässuo ‘шест-болото’ → Сейвяссуо). Сложность в передаче переднеязычных гласных у, ä, ö: оз. Эйнуламби (ливв. Heinylambi ‘сенное озеро’ → Хейнюламби), дифтонгов: р. Порый (ливв. Puoroijogi → Пуорой).

Передача сложных по структуре топонимов. Так, ливв. -jogi ‘река’ выступает в названиях рек в трех разновидностях: -йоки / -еки / -еги (р. Эняяйоки, Кирккоёки, Тулосъярвенеги). Не-

обходимо соблюдать и слитное написание номенклатурного термина в составе сложного названия: вместо правильного руч. *Болосручей в ГКГН зарегистрировано написание руч. Болос-Ручей. Присутствуют необъяснимые случаи дефисного написания: оз. Лю-Ляярви из ливв. Lylujärvi (lylü 'косослойное дерево; левая лыжа (для скольжения)', järvī 'озеро', букв. 'Изогнутое в форме лыжи озеро') вместо верного *Люлюярви.

Ошибки и описки, допущенные собирателями, картографами и геодезистами. Пропуск букв: руч. Саммаоя — ливв. Sammaloja: sammal 'мох' → Саммалоя; замена букв: оз. Коветламби при ливв. Koverlambi: kover 'кривой' → Коверламби; добавление букв: оз. Новоземское — ливв. Nouzemjärvi: nouzem 'родник' → Новоземское.

Подобная ситуация наблюдается и в других районах Карелии. По предварительным наблюдениям, в северной части республики процент ошибочных написаний выше, чем в южной. Наибольшую тревогу вызывает тот факт, что употребление ошибочных наименований является обязательным в любом официальном контексте.

Для решения сложившейся проблемы сейчас ведется работа по выявлению ошибок и составлению инструкции по передачи карельских топонимов на русский язык.

Литература

Автоматизированный государственный каталог географических названий. URL: <https://cgkipd.ru/upload/iblock/cbc/lv4vep12st5yux1dffb6f2c5drlt8o56.pdf>

Захарова Е. В., Кузьмин Д. В., Муллонен И. И. Карельская топонимия в государственном каталоге географических названий: работа над ошибками // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 3. С. 256–281.

ФЗ № 152 от 18.12.1997 «О наименованиях географических объектов».

Шкляев Александр Григорьевич

канд. филол. наук, доцент, Удмуртский государственный университет;
skl-44@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: пермские литературы, удмуртская литература, вопросы периодизации.

Концепция истории любой национальной литературы, в том числе одной из трёх пермских литератур — удмуртской, прежде всего, отражается в её периодизации. Уже в первых обобщающих работах литературоведческого характера присутствует постановка вопроса о том, с какого времени вести отсчет начала удмуртской литературы и по какому принципу структурировать её историю. В 1895 г. своим обзором переводной литературы Г. Е. Верещагин обозначил завершение начального этапа удмуртской словесности, в пределах которого происходило становление литературного языка, совершенствовалась графика письменности, накапливался опыт издания учебно-методической и богослужебной литературы. Когда в 1927 г. критика в связи с 10-летием советской власти подводила итоги достижениям русской литературы, обзор и оценка пройденного пути стали актуальными и для других национальных литератур.

Первые подступы к созданию последовательной историко-литературной концепции были сделаны в 1930–1940 гг. в учебных и хрестоматийных изданиях, предназначенных для средних школ и училищ: «Удмурт литература» (1935) А. С. Бутолина, «Удмурт литература» (1945, 1949) М. В. Горбушина. В основу первого учебника лёг проспект диссертации его автора, подготовленный им в период учебы на рубеже 1920–1930-х гг. в аспирантуре Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена под руководством профессора В. В. Десницкого. В своей периодизации А. С. Бутолин исходил из методологии теоретиков РАПП, которые, пытаясь привязать теорию литературы к марксистской социологии, сильно преувеличивали роль классового начала в творчестве художника («рукой писателя водит класс»). П. Н. Сакулин остроумно заметил тогда, что «схематический детерминизм» насильственно набрасывает «приводной ремень от махового колеса фабричной машины прямо на шею писателя [Сакулин 1925: 60]. В «Удмурт литературе» (1935) периодизация литературы проведена без учета специфики ее внутренних закономерностей и жестко привязана к этапам развития общественно-политической истории. Поэтому как самые яркие и значимые явления вошли в учебник только те произведения, которые соответствовали эстетике и идеологии пока по-рапповски толкуемого социалистического реализма. По сравнению с учебником А. С. Бутолина, в «Удмурт литературе» М. В. Горбушина, изданной в 1945 г., и вторым изданием в 1949 г., в начале учебника несколько глав посвящается обзору произведений основных жанров удмуртского фольклора, объективно оценивается их важная роль в становлении литературы.

Далее рассматривается авторская литература. Вынужденный в тех общественно-политических условиях исключить из обзора произведения репрессированных писателей Кедр Митрея, М. А. Коновалова, Г. С. Медведева и др., М. В. Горбушин сильно завышает оценки произведений писателей «второго ряда», анализ их произведений проводится лишь на идейно-содержательном уровне, а другие аспекты текстов практически не рассматриваются.

Следующее издание, обращенное к истории удмуртской литературы, было подготовлено УдНИИ при Совете Министров УАССР. Созданные коллективом ученых «Очерки истории удмуртской советской литературы» (1957) стали «первым опытом обобщения итогов 40-летнего развития удмуртской литературы» [Очерки 1957: 3]. Оговорка о подведении итогов развития литературы за 40 лет говорит сама за себя. Авторы «Очерков...» оставляют за скобками весь досоветский период не только по причине его недостаточной изученности, но и в силу собственных идеологических предпочтений: литературоведение оставалось слишком политизированной наукой. Новым словом в нём стало фундаментальное исследование венгерского ученого П. Домокоша «История удмуртской литературы», изданное в Будапеште в 1975 г. и опубликованное в переводе на русский язык в Ижевске в 1993 г. В нем впервые дана высокая оценка творче-

ства замалчиваемых писателей Г. Верещагина, Кузубая Герда, Ашальчи Оки «с позиций требований общелитературных мировых критериев», «не менее значительно другое новшество — рассмотрение истоков национальной литературы, начиная с XVIII века, когда была издана первая удмуртская грамматика, зародилась письменность» [Сануков 2008: 5–6].

В 1987–1988 гг. была издана двухтомная «История удмуртской советской литературы», подготовленная Удмуртским научно-исследовательским институтом при Совете Министров УАССР и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

Д. ф. н. Е. А. Подшивалова, сопоставляя два этих последних основательных труда — «Историю удмуртской литературы» П. Домокоша и двухтомную «Историю удмуртской советской литературы» — заметит, что они оба «сближаются по исходному заданию: оба труда нацелены на то, чтобы создать целостную концепцию поступательного развития национальной литературы» [Подшивалова 2006: 54], но, решая общую задачу, эти исследования, как можно понять из контекста рассуждений ученого, приходят к разным результатам. Если П. Домокошу удастся создать картину динамики всего литературного процесса, то «двухтомник» страдает очерковостью, тем более, за своими пределами всё ещё оставляет досоветский период. Причину такого результата, ученый видит в схематичной периодизации и «выпадении» целых звеньев литературного процесса. Выработка научных принципов анализа текстов и периодизации литератур расширяет исторические рамки становления и развития литератур и «обнаруживает» новые недооценённые или «забытые» произведения.

Литература

Очерки удмуртской советской литературы. Ижевск: Удм. кн. изд., 1957. С. 3.

Подшивалова Е. А. Принципы изучения удмуртской литературы // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Екатеринбург, 2006. Вып. 1. С. 54.

Сакулин П. Социологический метод в литературоведении. М., 1925. С. 60.

Сануков К. Петер Домокош и финно-угорское литературоведение // Финно-угроведение. 2008. № 2. С. 5–6.

Ivett Kelemen¹, Bettina Szalóczy²

¹PhD, assistant professor, Department of Fenno-Ugrian Linguistics,
University of Debrecen, Hungary; kelemenivett5@gmail.com

²PhD student, Department of Fenno-Ugrian Linguistics, University of Debrecen, Hungary;
sz.bettina96@gmail.com

NORTH SAAMI BIRD NAMES CONTAINING THE COLOR TERM 'BLACK' AND THEIR HUNGARIAN EQUIVALENTS

Keywords: bird names, North Saami, Hungarian, black, color term.

In the three Nordic countries inhabited by the Saami (Norway, Sweden, Finland), linguistic revitalisation processes are active and very successful. The process of revitalising the Saami languages started in the 1960s in the North Saami language and has now become a “clearly expressed and linguistically/scientifically argued political programme” [Aikio-Puoskari 2018: 356], aiming to save five other Saami languages (South, Umei, Lulei, Anaar, Skolt). One of the key elements of linguistic revitalisation has been the development of vocabulary and professional and scientific terminology. In developing new, uniform scientific terms and definitions, priority has been given to those disciplines that are intrinsically linked to the Saami language (especially literature and linguistics). At the same time in the natural sciences, the renewal of the names of flora and fauna has progressed rapidly [Bogár 2008: 110-111], with bird names being a priority.

In addition to the Linnaean binomial nomenclature, each language also creates its own nomenclature for naming animals (and plants). However, these animal names, based on everyday experience, do not necessarily correspond to the vernacular nomenclature, and the motivation for naming may even vary from one culture to another, depending on the characteristics (color, size, habitat, activity, etc.) of the animal to be named. However, the naming process may involve more complex motivations, which require knowledge (lexical, ornithological, etc.) in addition to observation: see Hun. nyílfarkú halfarkas (*Stercorarius longicaudus*) literally ‘arrow-tailed fishwolf’. Knowledge of the bird’s lifestyle is necessary to understand the name: it feeds on small mammals, eggs and chicks of other birds, and fish, which it also steals from other birds, a kind of ‘predatory’ bird.

This culture-specific phenomenon was the starting point of our investigation: what kind of naming motivation can be observed in the North Saami bird names that focus on the black color of the bird’s plumage and their Hungarian equivalents?

Based on their origin, the North Saami bird names can be 1) of proto-languages origin: e.g. gáranas ‘raven’ (< PU *k8rn3); 2); loanwords (fállu ‘hawk’ < Old Norwegian valr); inner Saami words. The latter group includes derived names (boaimmaš ‘Rough-legged Hawk’ < boaimmut ‘peck, catch’ verb’s adjective infinitive form + -š diminutive suffix = ‘pincher’, and compound names (čáhppes|čáhini (*Dryocopus martius*) < čáhppes (attr.) ‘black’ + čáhini ‘woodpecker’). In our study, we analyze inner Saami, compound names, because all collected words containing black color names can be classified here.

The posterior part of North Saami compound bird names is a bird name (sometimes a new species created from a word denoting an existing species), and its adjective anterior part denotes a characteristic feature of the bird.

In our presentation, we will compare 59 North Saami bird names containing the color name čáhpat ~ čáhppes (attr.) ‘black’ with their Hungarian equivalents. While in North Saami the black color of the bird’s plumage (or body part) provides the “base” of the name, in Hungarian there are several differences regarding the semantic categories of the anterior part, which: 1) another word referring to black/dark color: SaaN čáhppes|čoavžžu ‘black sandpiper’ ~ Hun. füstös cankó ‘smoky sandpiper’; 2) does not contain the color black: SaaN čáhppes|oi|leivvoš ‘black head pipit’ ~ Hun. fehérhomlokú verébpacsirta ‘whiteforehead sparrowlark’; 3) indicates a characteristic pattern: SaaN čáhppes|čuonjá ‘black goose’ ~ Hun. örvös lúd ‘striped/linolate goose’; 4) refers to habitat/occurrence: SaaN čáhppes|g-accet ‘black tit’ ~ Hun. fenyvescinege ‘pinewood tit’; 5) is characteristic body part of the bird: SaaN čáhppes|buokča ‘black merganser’ ~ Hun. füles vöcsök ‘long-eared coots’; 6) is the size of the bird: SaaN

čáhppes|bađoš|guškil ‘black tail curlew’ ~ Hun. nagy goda ‘huge godwit’; 7) is typical activity of the bird: SaaN čáhppes|oai|skávli ‘black head seagull’ ~ Hun. halászsirály ‘fisher seagull’; 8) is distinctive pattern/colour of its plumage, resembling a piece of cloth: SaaN čáhppes|oai|fiskár ‘black head fischer’ ~ Hun. sapkás halkapó ‘cap fishcatcher’; 9) commemorates the discoverers/ornithologists of the species: SaaN čáhppes|culpe|trupiála ‘black hair oriol’ ~ Hun. Wagler-trupiál; 10) is completely different name: SaaN čáhppes|ibis ‘black ibis’ ~ Hun. Batla.

Overall, the Hungarian names either focused on other characteristics of the bird other than its color (other color, feather pattern, habitat, activity, etc.) or used more complex solutions (explorers’ names), while the prefixes of the North Saami names were intended to indicate the denotation in the simplest way. This is not surprising, since in a language under threat and struggling to survive, there is little need for ‘linguistic feats’, and the experts who developed the names were probably guided more by a desire for simplicity and comprehensibility.

References

- Aikio-Puoskari U.* Revitalization of Sámi Languages in Three Nordic Countries Finland, Norway and Sweden // L. Hinton, L. Huss, G. Roche (eds). *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. Routledge. New York, 2018. P. 355–363.
- Bogár E.* Újabb keletű madárnevek az északi számiban. In: Bereczki András — Csepregi Márta — Klima László (szerk.): *Ünnepi írások Havas Ferenc tiszteletére. Urálistikai Tanulmányok 18.* 2008. CD-ROM. O. 110–124.
- Bogár E.* A lapp (számi) madárnevek (nyelvészeti elemzés). PhD-disszertáció, Debreceni Egyetem, Debrecen. 2009. [Kézirat.]

Аайл Нур Ахмад

аспирант, Амурский государственный университет;
noorahmad.aail@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИФТОНГОВ В ЯЗЫКЕ ПУШТУ: НА МАТЕРИАЛЕ ГИЛЬЗАЙСКОГО ДИАЛЕКТА

1. Наличие дифтонгов в языке пушту можно отнести к дискуссионным вопросам иранской фонетики. Разногласия касаются как статуса дифтонгов, так и их количества, не говоря уже о диалектных различиях. Часть лингвистов считает, что дифтонгов (подлинных) в данном языке нет, и называют эти сложные образования ложными дифтонгами [Мошкало 1987: 114].

Относительно позиций, в которых могут реализовываться (ложные) дифтонги, тоже нет единого мнения. Одни ограничивают их конечной позицией [Мошкало 1987: 114], позицией после согласного [Новгородова 2001: 19], другие таких ограничений принципиально не вводят. Между тем, перед гласными (ложные) дифтонги распадаются [Новгородова 2001: 19].

По определению Л. Р. Зиндера, дифтонг — это сочетание двух гласных, составляющее один слог [Зиндер 2007: 239]. Поскольку первый элемент (ложных) дифтонгов пушту фонетически более выражен, их следует считать нисходящими [Дворянков 1961: 12], по Л. Р. Зиндеру — собственно дифтонгами [Зиндер 2007: 239].

Относительно количества дифтонгов в языке пушту мнения лингвистов расходятся. В. Б. Иванов [Ivanov 2001: 5] выделяет шесть (псевдо)дифтонгов (-ау, -āу, -əу, -oi, -ui, -aw), при этом аргументом против их выделения на уровне системы он называет то, что они не встречаются в позиции перед гласными в отличие, например, от английских дифтонгов (ср. в англ. know → knowing [əʊ] → [əʊɪ]).

Цель работы — выявить эталонные значения и особенности реализации в спонтанной речи на пушту двух дифтонгов — -ау (с краткой -а- в качестве ядра) и -aw — которые в транскрипции МФА мы будем обозначать как /ai/ и /au/.

Данных о формантных значениях пуштувских дифтонгов в доступной нам литературе не представлено. Одной из причин этого может быть то, что, как упоминалось ранее, статус этих образований остаётся спорным и многие считают их бифонемными образованиями — сочетаниями соответствующих монофтонгов. К формантной картине монофтонгов языка пушту обращались нечасто. Прежде всего отметим результаты, полученные В. Б. Ивановым на материале разных диалектов, в том числе кабульского (по речи трёх носителей данного диалекта), который относится к центральной ветви [Ivanov 2001]. Значения формант (F1, F2) для трёх гласных — /a/, /i/, /u/ — мы взяли за отправную точку.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для акустического анализа послужила спонтанная монологическая речь шести мужчин среднего возраста — носителей гильзайского диалекта пушту (центральная ветвь) с высшим образованием. Для получения эталонных значений для каждого дифтонга дикторами были дополнительно записаны по семь слов с дифтонгами в ударной позиции в троекратном произнесении. Значения F1 и F2 для ядра и глайда замерялись (Praat 6.4.04, 2024) отдельно: для ядра — на относительно стационарном участке, для глайда — ближе к концу реализации.

2.2. Обсуждение результатов

Дифтонг /ai/. Для дифтонга /ai/, во-первых в спонтанной речи зафиксировано сужение и продвижение вперёд ядра, в результате чего реализуется [ei]. Даже в изолированных словах такая реализация не была редкостью. Подобное явление было ранее отмечено как иногда встречающееся в восточных диалектах пашто [Дворянков 1961: 12], но не в центральных. Значение F1 ядра 512–549 Гц для четырёх дикторов и более высокие для остальных двух; F2 ядра 1360–1564 Гц для пяти дикторов и более 1600 — для одного. Для глайда F1 и F2 сопоставимы за исключением одного диктора, у которого значение F1 выше 400 и одного диктора, у которого F2 ниже 1900.

В спонтанном материале отмечены неоднократные случаи монофтонгизации данного дифтонга до [e]. Примеры: لومړى 'первый' [lomɽai]→[lomɽe] (D1), اوسيدونكى 'житель' [usedunkai]→[usedunkɛ] (D4) и т. д.

Дифтонг /au/. Эталонные характеристики первых двух формант указывают на междикторскую вариантность. F1 ядра 515–557 для трёх дикторов, что указывает на сужение ядра, для остальных трёх значения выше 600 Гц, что более характерно для [a]. F2 у трёх дикторов реализовалась в области от 1100 до 1270 Гц (задний продвинутый вперёд ряд), а у других трёх 1337–1406 Гц (центральный ряд). Форманты глайда указывают на реализацию средне-закрытого гласного (F1 351–507 Гц) глубокого заднего ряда (F2 887–1041 Гц). Близким к эталонным были реализации союза او 'и' между паузами с хезитационным удлинением, которое позволяло дифтонгу реализоваться чётко, без качественной редукции, несмотря на низкую информационную нагрузку. Близкой к эталонной можно также считать реализации [лу], [лу], [ау] (суженное ядро в пределах а-образного гласного и/или средне-закрытый задний продвинутый вперёд глайд в пределах и-образного гласного). Несмотря на междикторскую вариантность, прослеживалась константность контура движения первой и второй формант от ядра к глайду — движение на сужение (понижение по F1) и отодвижение назад (понижение по F1).

Частотной модификацией для данного дифтонга оказалась монофтонгизация, проявившаяся по-разному в зависимости от соседних фонем. Первой ступенью здесь можно назвать «потерю» глайда и реализацию одного ядра [a], при этом длительность могла сохраняться, компенсируя потерю. Данная разновидность монофтонгизации была зафиксирована у всех дикторов, но особенно часто у D4 и D5. В рамках данного типа реализации (а-образного) зафиксирован и более узкий аллофон — [ʌ]. При монофтонгизации до ядра могла сохраняться и огубленность (от глайда) гласного при его достаточной открытости, что приводило к реализации [ɔ] (D5, D6) Другая разновидность монофтонгизации — реализация гласных [ɛ]/[e], как, например, в слове وى 'один' (D3). Это уже вторая ступень, когда монофтонгизация сопровождалась качественной редуccionей, в данном случае — сужение и продвижение вперёд.

Выявленные тенденции монофтонгизации и качественной редукции двух дифтонгов схожи с теми, что зафиксированы для дифтонгов в других языках, например, английском.

Литература

Дворянков Н. А. Язык пушту. М.: ГИС, 1961. 85 с.

Мошкало В. В. Афганский (пашто) язык // Языки мира. Иранские языки. Т. III: Восточно-иранские языки. М.: Индрик, 2000. С. 111–150.

Новгородова И. Ю. Учебник языка пушту. Вводный курс. М.: Изд-во «Муравей», 2001.

Ivanov V. V. Prosodic reduction of vowels in Pashto // Исследования по иранской филологии. Вып. III. М.: Изд. центр ИСАА при МГУ, 2001. С. 5–17.

Беседина Елена Ивановна¹, Веселова Марина Владиславовна²,
Шамина Елена Анатольевна³

¹канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова;
eibesedina@etu.ru

²магистр лингвистики, аспирант, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова; mvoroshnina@gmail.com

³канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.shamina@spbu.ru

КАК СОХРАНИТЬ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКУЮ СОСТАВЛЯЮЩУЮ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Настоящая работа представляет собой описание пилотного эксперимента, дополняющего проведенное ранее исследование перевода иконической лексики на материале произведений англоязычной литературы XX–XXI века разной жанровой принадлежности, корпус исследовательского материала которого был сфомирован контекстуальными примерами словоупотреблений звукоизобразительных (ЗИ) глаголов движения (общий объем около 4000 страниц, 600 лексем), а также их переводов на русский язык. Фоносемантический анализ упомянутых параллельных переводов показал, что в среднем ЗИ-элементы исходного текста сохраняются в тексте принимающего языка лишь в 40 % случаев, что никоим образом не может считаться удовлетворительным.

Авторы статьи считают, что во избежание возможной утраты в переводном тексте ЗИ-особенностей оригинального литературного произведения переводчику сначала необходимо осуществить анализ вышеупомянутых особенностей, основываясь на знании теории иконических знаков и фоносемантики [Пирс 2000; Воронин 1982] и только после этого приступить к осознанному выбору конкретной переводческой стратегии.

Авторами настоящего исследования был разработан алгоритм [Беседина, Шамина, Ворошнина 2022], который, наряду со стандартными переводческими рекомендациями, включает в себя такие приемы как:

- перевод с полным сохранением иконического характера: “No, he is,” Robert said and cocked a thumb at his brother. / Не я, он, — ткнув большим пальцем в сторону Ли, уточнил Роберт.
- передача ЗИ-оригинала с использованием лексем другого фоносемантического класса: She scribbles something on a piece of paper and looks up. / Она что-то черкнула на бумажке и вскинула голову вверх.
- фоносемантическая компенсация: Although we’re whizzing along the highway so fast, I probably look like a blur. / Мы с таким свистом мчимся по шоссе, что скорее всего я совершенно неразличима: мое лицо просто блик на стекле.
- фоносемантическая симуляция: Behind him he heard the slap of the window curtains against the wall and the sound of paper fluttering from his desk, and he had to push to close the door. / Позади послышалось шуршание штор и шелест разлетающихся со стола бумаг и, чтобы закрыть дверь, ему пришлось всем телом навалиться на нее.

Для проверки эффективности разработанных авторами приемов перевода ЗИ-лексики было проведено пилотное экспериментальное исследование, материалом которого послужили официальные переводы профессиональных переводчиков (П1), в которых авторами была отмечена утрата ЗИ-единиц, и варианты переводов, выполненные авторами настоящего исследования с применением разработанных ими приемов (П2). Общий корпус предложенных к рассмотрению респондентам-носителям русского языка параллельных переводов составил 20 предложений на английском языке и 2 перевода П1 и П2 к каждому из них. Для строгости эксперимента

каждый прием был представлен одинаковым количеством примеров П2: пятью предложениями, а в последовательности предъявления П1 и П2 отсутствовала какая-либо закономерность.

Опросный лист включал в себя анкетные данные (пол, возраст, уровень и направление образования, степень владения английским языком и родной язык) участников. Принципиальным ограничением при этом являлся уровень владения английским языком респондентами, поскольку речь шла об оценке полноты и адекватности перевода. Принимая во внимание лексико-грамматические характеристики предложенных к анализу текстов английских предложений, уровень B2 (по шкале CEFR) был выбран как минимальный (уровень участников проведенного опроса B2 составил 46,9 %, C1 — 47,9 %, C2 — 5,2 %). Формирование множества респондентов-носителей русского языка осуществлялось таким образом, чтобы его структура в профессиональном, возрастном, гендерном и других аспектах достаточно адекватно отражала реальную структуру языкового коллектива. В эксперименте приняли участие люди с высшим образованием, студенты отделений лингвистики и студенты технических факультетов университетов. Возраст респондентов составляет от 15 до 75 лет. В эксперименте приняли участие 96 человек, то есть итоговый корпус ответов составил 1920 единиц.

Согласно инструкции, респондентам предлагалось выбрать перевод, который, исходя из текста оригинала, они находят более полным, адекватным и сохраняющим исходную экспрессивность.

Результаты опроса респондентов продемонстрировали устойчивое предпочтение выбора переводов, выполненных авторами настоящего исследования. Количество ответов респондентов, выбравших П2 — перевод с передачей звукоизобразительности одним из предлагаемых способов — составляет 78 % от всего корпуса ответов, количество респондентов, отдавших предпочтение вариантам профессиональных переводчиков с явной утратой ЗИ составляет 22 %. Это позволяет авторам исследования высказать предположение о достаточно высокой эффективности применения предлагаемых приемов перевода ЗИ-лексики, позволяющих успешно реализовывать непростую задачу перевода экспрессивной лексики исследуемого пласта. Для получения более достоверных количественных показателей представляется целесообразным не только проведение данного эксперимента на более широком корпусе материала и более представительной выборке респондентов, но и проведение других релевантных экспериментов, способных подтвердить или опровергнуть полученные результаты.

Литература

- Беседина Е. И., Шамина Е. А., Ворошнина М. В.* Предложения к разработке алгоритма переводческих процедур при переводе идиоматической лексики // 50-я Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. СПб., 2022.
- Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Ленинград, 1982.
- Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. М., 2000.

Дерябина Светлана Александровна¹, Кажанова Злата Алексеевна²

¹канд. пед. наук, доцент,

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

deryabina-sa@rudn.ru

²магистр, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

kazhanova-za@rudn.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ [А], [Е] В РУССКОЙ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, экспериментально-фонетические программы, фонетика, гласные, PRAAT, Лингводок.

Преподаватель-фонетист нередко сталкивается с проблемой, как правильно и доступно объяснить учащемуся допускаемые ошибки при произнесении звуков. «Учебная наглядность по фонетике является одной из насущных потребностей обучения иностранцев русскому произношению», — отмечает Н. А. Любимова [Любимова 2010: 32]. Современные технологии и программы способны помочь в преодолении данной проблемы, разнообразив традиционные виды наглядности в учебном процессе.

Предметом внимания данной работы являются звуки [а] и [е] в русской речи китайцев, которые в простейшей классификации русских гласных имеют следующие характеристики: [е] — неогубленный гласный среднего подъема переднего ряда, [а] — неогубленный гласный звук нижнего подъема среднего ряда [Касаткин 2006: 32]. Использование двух экспериментально-фонетических программ: PRAAT, позволяющей выполнять спектральный анализ, анализ высоты тона, форманта и интенсивности, а также изучать дрожание, мерцание и голосовые разрывы (см. подробнее: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>); Лингводок, благодаря которой можно составить фонетический словарь или карту, добавив текст, аудиофайл, разметки спектрограмм из фонетической программы PRAAT, получить акустический анализ, фонологическое статистическое расстояние, фонематический анализ и т. д., позволяет наглядно сравнить данные о произнесении звуков иностранцами и носителями языка (см. подробнее: <https://lingvodoc.ispras.ru>).

Данные программы обладают широким спектром возможностей и полезных функций, что делает возможным не только продемонстрировать различие и сходство звучащей речи носителей языка и иностранцев на качественно новом уровне, но и собрать материал для диагностики уровня владения языком, проведения учебных занятий или аттестаций, а также будущих исследований.

Для выполнения поставленной задачи был собран звуковой материал. Русскому и китайскому студенту было предложено выразительно прочитать отрывок из произведения В. М. Шукшина «Солнце, старик и девушка». Затем в PRAAT была сделана звуковая разметка ударных звуков [а] и [е] (рис. 1). На данных изображениях представлено произнесение предложения «Отдыхаю» из текста. Уже на первом этапе обработки данных можно сравнить, как минимум, контуры интенсивности и тона, частоту звучания, длительность.

На следующем этапе данные, полученные в PRAAT (звуковая разметка в формате TextGrid) были загружены в программу Лингводок, где в зависимости от материала можно составить наиболее подходящий вид и формат словаря или языкового корпуса. Для сопоставления гласных в речи носителя языка и иностранца достаточно заполнить минимальную информацию: аудиофайл с произнесением фразы, ее разметка в программе PRAAT (рис. 2). Стоит отметить, что для анализа и сбора большей информации от большего количества людей, словарь в программе может выглядеть интереснее, содержа в себе примечания автора, изображения и ссылки (рис. 3).

Обработав загруженный материал, Лингводок способен создать поле в трехмерной системе координат, построенное на основе характеристик обрабатываемых звуков. Оно дает наглядное представление студентам и преподавателям о том, насколько далеко или близко рассматриваемое произношение к произношению носителя русского языка.

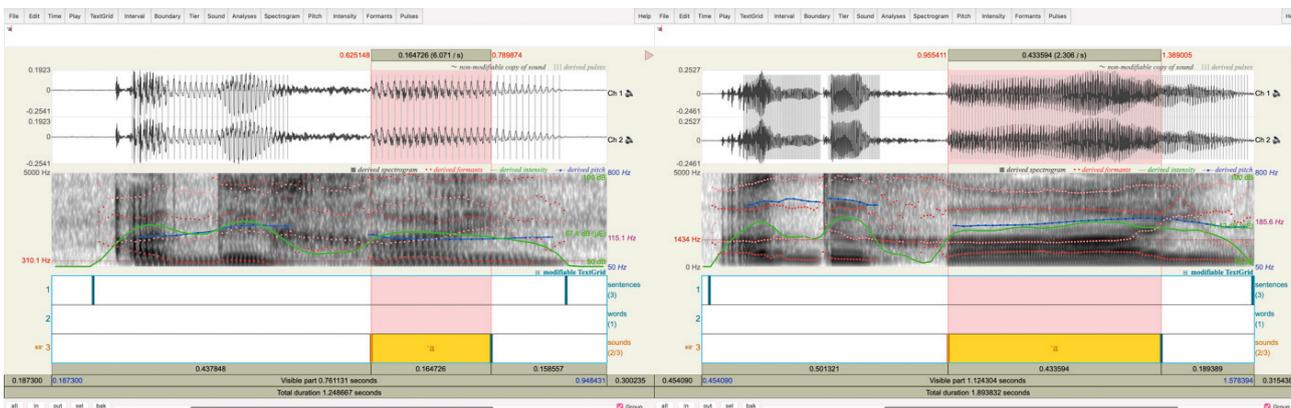

Рис. 1. Разметка гласного [а] в программе PRAAT. Образец произнесения русского (слева) и китайского(справа) студентов

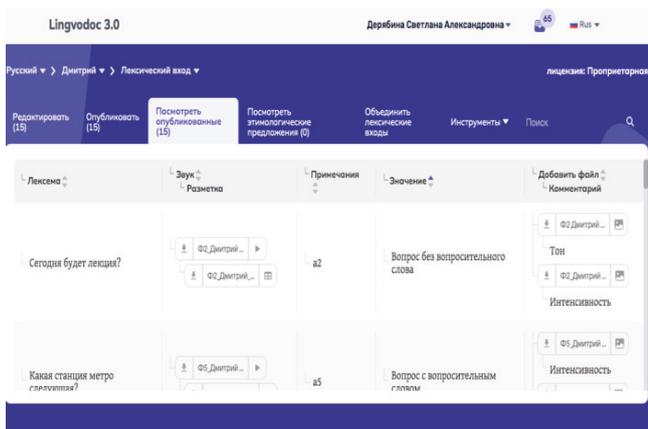

Рис. 2. Словарь звучащей речи китайского студента в программе Лингводок

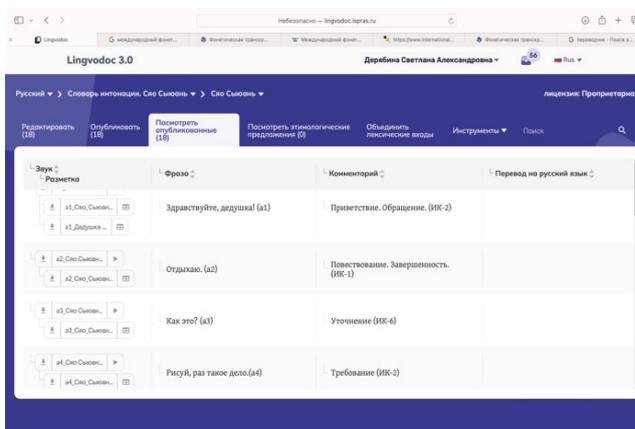

Рис. 3. Словарь звучащей речи русского студента в программе Лингводок

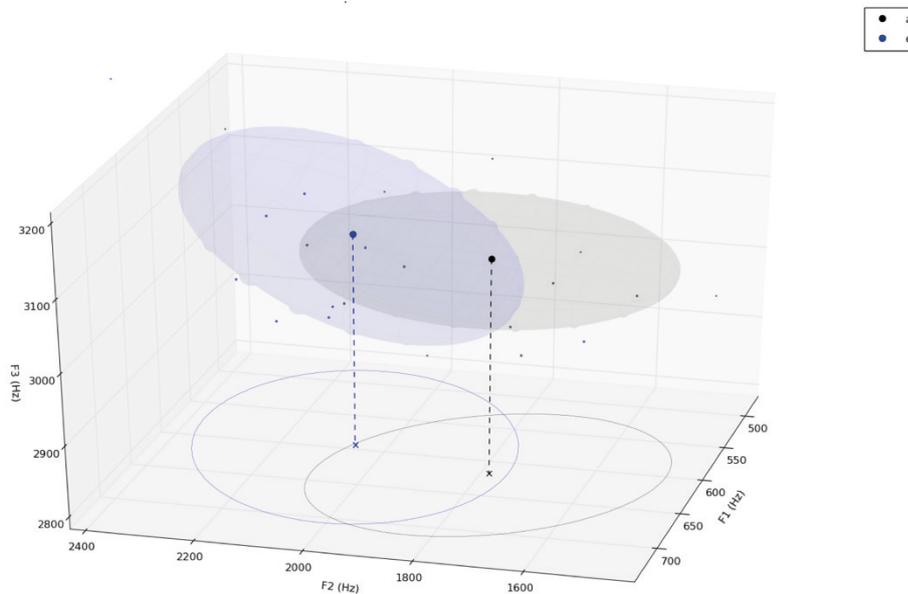

Рис. 4. Спектрограмма гласных [а], [е] в речи русского студента

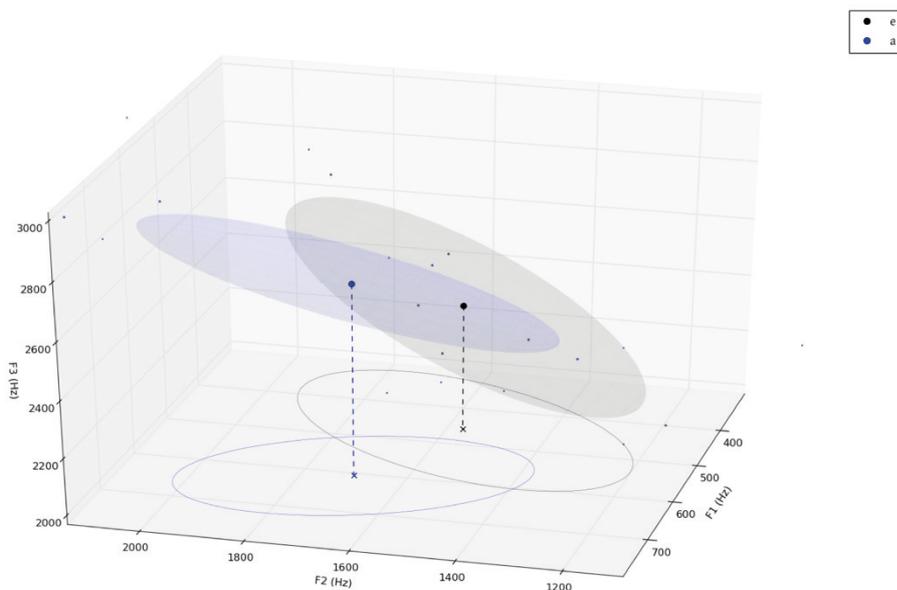

Рис. 5. Спектрограмма гласных [a], [e] в русской речи китайского студента

Сравнение показателей F1 (подъем) и F2 (ряд) на основе спектрограмм, созданных программой Лингводок, позволяет говорить о более низком подъеме при произнесении [a] в сравнении с [e] в речи русского и китайского студентов (высокие показатели F1 свидетельствуют о более низком подъеме [Бондарко 1977: 63]). Звук [э] в речи носителя языка имеет более передний ряд в сравнении с показателями этого звука в речи китайца, где он является более задним в сравнении с [a], что демонстрирует ошибочное произнесение (более высокие показатели F2 говорят о более переднем ряде [Бондарко 1977; 64]).

Таким образом, использование экспериментально-фонетических программ представляется полезным для определения степени акцента и демонстрации прогресса в обучении при подготовке филологов, лингвистов, преподавателей русского языка как иностранного, устранения субъективности, демонстрации объективных данных при комментировании, создания национально-ориентированных наглядных материалов для формирования и совершенствования фонетических навыков у иностранцев.

Литература

- Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1977.
- Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие. М.: Издат. центр «Академия», 2006.
- Любимова Н. А. Лингвистическая теория и практика обучения фонетике русского языка как иностранного: состояние и проблемы // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. XI. СПб., 2010. С. 32–40.
- Шукшин В. М. Солнце, старик и девушка. URL: <http://lib.ru/SHUKSHIN/starik.txt> (дата обращения: 30.01.2024).

Евдокимова Вера Вячеславовна¹, Долгушин Михаил Дмитриевич²

¹канд. филол. наук, доцент, кафедра фонетики и методики преподавания иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет; v.evdokimova@spbu.ru

²магистрант, кафедра фонетики и методики преподавания иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет; st110602@student.spbu.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АВТОМАТИЧЕСКИ КЛОНИРОВАННОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: фонетика, клонирование речи, акустический анализ, высота голоса, частота основного тона.

За последние годы на рынке речевых технологий появилось новое программное обеспечение или приложения для копирования или клонирования голоса [Казанцев 2021]. Иногда их называют дипфейк. В основном такие программы используются для развлечений, таких как создание контента, виртуальные помощники, аватары, персонализированный бизнес-контент, образование и многое другое. На рынке присутствует множество поставщиков приложений для клонирования голоса с использованием искусственного интеллекта. В связи с их популярностью и со стремлением к их быстрой разработке, далеко не все из них могут предложить достаточное качество. Плохие продукты для клонирования голоса на основе искусственного интеллекта часто генерируют неестественные сигналы с недостаточной выразительностью и неточным произношением, что может быть вызвано недостаточным количеством подготовленного материала или самими методами оптимальной генерации речи [Дворянкин 2021]. Многие системы также предоставляют ограниченный выбор языка и акцента. Некоторые из приложений предлагают генерацию голосов для аватаров и не имеют четко обозначенной голосовой принадлежности. Программе просто необходимо сделать голос, в котором можно было бы узнать мужской, женский или детский, или создать голос героя мультфильма или игры. Другая часть приложений предлагает скопировать существующий голос. Именно подобные приложения могут использоваться злоумышленниками в преступных целях. Сервисы позволяют воспроизвести голос и использовать его для создания аудиозаписей на различных языках. Программы обещают преобразовать голос в целевой, например, в голос любимой знаменитости, или сделать его страшнее, смешнее, старше, моложе. Часто, всё, что для этого требуется, — это 1–3 минуты голосовых данных человека или просто запись 25 предложений.

В таких условиях представляется важной задача выявления возможных системных ошибок клонирования голоса, особенно в приложениях, которые готовы ориентироваться на небольшие объемы материала для обучения. Именно такие системы могут чаще использоваться мошенниками для генерации ложных сообщений, якобы принадлежащих конкретному человеку [Дворянкин 2021]. Случаи такого телефонного мошенничества или рассылок в социальных сетях стали уже нередки. Безусловно, автоматическое выявление фейковых голосов является важной задачей. Существуют системы выявления клонированной речи, которые умеют определять использованные алгоритмы.

Для выполнения задачи распознавания клонированной речи были отобраны оригинальные и сгенерированные разными открытыми приложениями голосовые стимулы:

- Resemble AI;
- PlayHT;
- Lovo AI;
- AiMyVoice;
- ElevenLabs.

Многие приложения, к сожалению, не предоставляют возможности бесплатного клонирования голоса, но предоставляют готовых голосовых ассистентов с фиксированным количеством голосов, а также примеры клонирования (например, AiMyVoice, Resemble AI).

Был проведен слуховой и акустический анализ этих записей, который показал, что обученные нейросетевые приложения обладают достаточно большим количеством фонетических характеристик, которые помогают отличить их от настоящего голоса. Большинство автоматических систем не выполняют правильный выбор интонационных конструкций для конкретного сообщения. Результатом этого становится среднее повышение частоты основного тона голоса, недостаточное количество интонационных конструкций с избыточным падением голоса в конце фразы.

В системах клонирования голоса существуют разные подходы моделирования просодических характеристик высказывания в зависимости от поставленной задачи. Если копируется конкретное сообщение с его интонационным оформлением, система имеет возможность воспроизвести все просодические характеристики в синтезированном сигнале. Качество результирующего стимула и сходство с ним выше, тембр голоса ближе к оригиналу. Если генерируется высказывания с другим лексическим составом, но тем же голосом, то становится неадекватным выбор интонационных конструкций, определение места логического ударения, наблюдается недостаточное мелодическое понижение в конце фразы, нарушаются правила предпаузального удлинения и т. п.. Часто сгенерированный голос слышится менее объемным, так как имеет более низкое спектральное разрешение.

Выводы: правильное воспроизведение интонационных характеристик — один из самых сложных аспектов синтеза речевого сигнала. В связи с тем, что техническое качество синтезированного сигнала достигает высокого уровня, актуальной является задача передачи эмоций, намерений, иронии. Голос должен быть не сухим, а выражать эмоции и быть живым, отличным от робота. Однако на данном этапе именно отсутствие адекватного интонационного оформления позволяет с высокой вероятностью определить на слух подделку голоса знакомого человека.

Литература

Дворянкин С. В., Дворянкин Н. С. Средства, способы и признаки клонирования речи // Информационная безопасность: вчера, сегодня, завтра: сб. статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. Москва, 22 апреля 2021 года / под редакцией В. В. Арутюнова. Москва: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2021. С. 103–111. EDN JOLLNC.

Казанцев В. В., Макаров Д. А. Технология клонирования голоса // Наука и образование: актуальные исследования и разработки: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Чита, 31 мая — 1 июня 2021 г. / отв. редактор А. В. Лесков. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2021. С. 33–41. EDN XTCTQZ.

Караваяева Вероника Георгиевна¹, Андросова Светлана Викторовна²,
Морозова Ольга Николаевна³

¹канд. филол. наук, старший преподаватель,
кафедра методики обучения английскому языку и межкультурной коммуникации,
Московский городской педагогический университет; karavaeva.vg@yandex.ru

²д-р филол. наук, профессор, кафедра иностранных языков,
Амурский государственный университет

³д-р филол. наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков,
Амурский государственный университет

АВТОМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСТНОЙ ЭВЕНКИЙСКОЙ РЕЧИ: ГЛАСНЫЕ

Ключевые слова: эвенкийский язык, аллофон, сегментация, транскрипция, автоматическая обработка.

Изучение статистического обучения (statistical learning), а также использования языка представляет интерес для исследований в области психолингвистики и когнитивной лингвистики [Santolin, Saffran 2018]. Существуют работы в области когнитивной грамматики и фонетики, демонстрирующие высокую значимость частотности употребления языковых единиц для моделирования речевого высказывания [Russell, Poldrack 2004]. Отдельный интерес представляют методические работы, рассматривающие особенности усвоения второго иностранного языка через призму статистического обучения [Chen et al. 2022]. Понимание процессов порождения и восприятия речи человеком дает возможность создания речевых моделей, которые составляют основу для автоматического анализа и синтеза речевого сигнала [Ning 2020]. Такие модели широко представлены для распространенных языков мира (китайский, английский, русский и др.) и остаются актуальными не только для научных исследований в рамках фонетических лабораторий, но и находят отражение в повседневной жизни в эпоху цифровизации, например, в качестве голосовых помощников.

Тем не менее на сегодняшний день остаются языки, в том числе языки коренных малочисленных народов, в плане которых ведется активная политика сохранности и поддержки, для которых такие модели не представлены. К таким языкам относится эвенкийский язык. Это объяснимо рядом сопутствующих факторов, которые создают дополнительные трудности, помимо тех, с которыми сталкиваются исследователи распространенных языков. К таким факторам относятся: малое количество носителей, высокая диалектная раздробленность и междикторская вариативность в рамках одного диалекта и даже одного говора, сложность сбора речевых образцов) в том числе из-за кочевого образа жизни и пожилого возраста носителей языка (единственной категории с высокой степенью сохранности этнического языка, отсутствие коммерческой выгоды. Всё это создает как технические сложности, так и трудности в плане финансовой поддержки исследований. Однако изучение эвенкийского языка и его фонетических особенностей, представляется актуальным в рамках программы по сохранению языков коренных малочисленных народов.

Целью настоящего исследования является уточнение данных о ряде, подъеме, лабиализованности и длительности эвенкийских гласных в речи мужчин женщин старшего возраста на основе средств автоматического анализа данных аннотированного корпуса эвенкийского языка.

Материалом для исследования послужил аннотированный корпус эвенкийского языка, созданный на базе лаборатории фонетики Амурского государственного университета. В корпусе содержатся записи речи эвенков за период 2011–2023 гг. Методика. Аннотирование речевых образцов производилось вручную опытным специалистом, затем три эксперта в области акустики и эвенкийской фонетики выполнили качественную оценку аннотаций и внесли необходимую корректировку. Записанный в орфографии материал с помощью автоматического транскриптора, разработанного на кафедре иностранных языков АмГУ (Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683267), был переведен в аллофонную транскрипцию. Файлы с аллофонной транскрипцией были использованы для расширения

объема аннотированного корпуса и автоматического создания предварительной разметки соответствующего уровня в формате TextGrid посредством PRAAT скрипта. Затем под контролем трех экспертов в области эвенкийского языка была произведена корректировка аллофонных границ. На основе полученных файлов разметки производилось обучение акустической модели для MFA (Montreal Forced Aligner). На первом этапе тренировка производилась на списках изолированных слов в троекратном произнесении нескольких носителей языка (мужчин и женщин), а затем — на связных текстах. Далее, посредством скрипта Praat был произведен автоматический сбор сведений о подъеме, ряде, лабиализованности и длительности эвенкийских гласных и сформирован файл формата csv со значениями F1, F2, F3 и длительности для дальнейшего анализа.

В ходе дальнейшей статистической обработки данных с использованием программы R и пакета vowels были построены графики распределения гласных. Наложение графиков разных дикторов по каждому гласному позволило выявить междикторскую вариантность акустического пространства эвенкийских гласных изучаемого говора.

Проведённое исследование представляет собой пилотный эксперимент и охватывает лишь несколько восточных говоров и сравнительно небольшое количество дикторов. Полученные автоматическим способом значения формант и длительности сопоставимы с теми, что определены ранее вручную. Следовательно, апробированный инструмент будет пригоден для оптимизации акустической обработки звучащей эвенкийской речи больших объёмов.

Перспективу исследования составит, во-первых, дальнейшая тренировка алайнера с корректировкой результатов экспертами для получения более точных сегментации и транскрипции гласных, а также автоматизация сбора сведений об эвенкийских согласных. Понимание частотности появления тех или иных аллофонов и фонемных замен позволит в дальнейшем построить вероятностную речевую модель для эвенкийского языка и провести дальнейшую работу по автоматическому синтезу эвенкийской речи.

Литература

- Chen Y., Li L., Wang M., Wang R.* Which Cognitive Factors Predict L2 Grammar Learning: Cognitive Control, Statistical Learning, Working Memory, or Attention? // *Front Psychol.* 2022. Vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.943988>.
- Ning Y.* Deep Learning Based Speech Synthesis // *Encyclopedia.* September 30, 2020. <https://encyclopedia.pub/entry/2279>
- Russell A., Poldrack P. R.* How do memory systems interact? Evidence from human classification learning // *Neurobiology of Learning and Memory.* 2004. Vol. 82, iss. 3. P. 324–332. <https://doi.org/10.1016/j.nlm.2004.05.003>.
- Santolin C., Saffran J. R.* Constraints on Statistical Learning Across Species // *Trends Cogn Sci.* 2018. Vol. 22 (1). P. 52–63. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2017.10.003>.

Ливанова Александра Николаевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра скандинавской и нидерландской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.livanova@spbu.ru

ГЛАГОЛЫ С СЕМАНТИКОЙ КОЛЕБАНИЯ И ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: глаголы собственно колебательного движения, звукоизобразительность, норвежский язык, этимология.

В работе [Livanova, Lavrinaitis, Tsikoreva 2023] была предпринята попытка выявления, репрезентации и классификации глаголов собственно колебательного движения в норвежском языке. Эта группа представляет собой одну из подгрупп глаголов движения. Звукоизобразительные средства кодирования семантики движения как таковой изучались ранее на материале ряда языков; так, в пионерской работе [Лихоманова 1986] был выявлен 301 звукоизобразительный глагол движения английском языке. В составе этой группы автор определяет и глаголы колебательного движения: daddle, log, logger, rock, toddle, totter, wag, waggle, widdle, wobble. Очевидно, в современных условиях этот список мог быть расширен, тем не менее показательно, что для многих норвежских глаголов в авторитетном норвежско-английском словаре Kirkeby дается один и тот же английский эквивалент.

Список глаголов собственно колебательного движения в современном норвежском языке, насчитывающий 33 единицы по данным работы [Livanova, Lavrinaitis, Tsikoreva 2023], был дополнен еще тремя глаголами (не исключено, что какие-то еще малочастотные глаголы в него не вошли). Это число заметно превышает данные ряда других языков, в том числе германских. Высказанное в упомянутой работе предположение, что это может объясняться историей норвежского языка, подтверждается и данными этимологических словарей.

В статье [Livanova, Lavrinaitis, Tsikoreva 2023] выявленные глаголы были разделены на 8 подгрупп в соответствии с их значением, а именно, на основании релевантных особенностей характера движения с учетом его участников, точки опоры колеблющегося объекта, а также среды, в которой происходят колебания. Однако кроме этого, колебательное движение может быть охарактеризовано со стороны его амплитуды, интенсивности, скорости и регулярности колебаний. Перечисленные семантические признаки нередко находят отражение в фонетической форме слова при его номинации.

В нашем исследовании, осуществленном с учетом предложенной в указанной статье классификации, проведен фоносемантический анализ всех 35 глаголов группы на основе группировки выявленных глаголов исходя из состава начальных согласными корневого слога, затем конечных согласных слога и, наконец, гласного корневого слога.

Анализ глаголов титульной группы проведен с обязательным привлечением этимологических данных, поскольку звукоизобразительная лексика в процессе исторического развития языка подвергается деэтимологизации. Сведения о происхождении анализируемых языковых единиц были почерпнуты из этимологических словарей норвежского языка и дополнены как информацией, содержащейся в сетевом толковом словаре современного норвежского языка NAOB, так и выкладками, представленными в работе, посвященной родственному английскому языку [Флакман 2016]. Это позволило определить основные типы звучаний, при помощи которых кодируются различные аспекты семантики глаголов рассматриваемой лексико-семантической группы.

Полученные результаты сверены с данными, представленными в монографии шведской исследовательницы Осы Абелин [Abelin 1999], выявившей релевантные для фоносемантического анализа сочетания звуков близкородственного норвежскому шведского языка.

Так, начальное sv- присутствует в доминантном глаголе группы svinge. Данная начальная группа в виде sw- (в современном норвежском звук w отсутствует) выделялась как характерная

именно для глаголов колебательного движения еще в работе [Лихоманова 1986: 8]. В словаре [Флакман 2016: 154] указано, что эта фонестема «в английском языке объединяет группу слов со значениями 'быстрое, подвижное'». При этом известно, что s- этой начальной группы проявляет тенденцию отпадать в процессе исторического развития. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что восемь из 35 глаголов группы начинаются с согласного v-.

Среди конечных согласных слога (и их кластеров) заметно преобладают следующие:

-gr- -gg- -kk- -kl- -ngl- -nk-. Они характерны для слов, обозначающих разные типы колебательного движения объектов с опорой на твердую поверхность и противопоставлены меньшему числу глаголов, обозначающих более плавные колебания главным образом в водной или воздушной среде. У таких второго типа корень чаще оканчивается на -j- или -v-.

Для употребительного главным образом в специальной литературе глагола *pendle*, в современном норвежском языке не проявляющем себя в качестве звукоизобразительного образования, обращение к этимологии этого слова, ведущей к латыни и далее к праиндоевропейскому состоянию, также позволяет предположить исходно звукоизобразительную мотивировку, утраченную за длительный период деэтимологизации.

Особняком в отношении фонетического состава стоит в списке глагол *bølge* волноваться (о море), однако обращение к его этимологии показывает, что исходно для послужившего основой этого образования корня восстанавливается значение раздуться, связываемое с начальной фонестемой bl- [Флакман 2016: 36].

Гласные корня в ряде случаев также служат индикатором определенной семантики (например, амплитуды и силы колебаний).

Семантикой входящих в группу глаголов объясняется преобладание в ней звукосимволических образований над звукоизобразительными. Последние же встречаются среди глаголов, обозначающих движение в воздушной или водной среде.

Литература

- Лихоманова Л. Ф. Семантическая филиация английских звукоизобразительных глаголов движения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.
- Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2016.
- Abelin Å. *Studies in Sound Symbolism*. Göteborg: Department of Linguistics, Göteborg University, Sweden, 1999.
- Livanova A., Lavrinaitis E., Tsikoreva P. Verbs of oscillatory motion per se in the Norwegian language: An attempt at classification // *Scandinavian Philology*. 2023. Vol. 21, issue 2. P. 218–236.

Лю Хун¹, Андросова Светлана Викторовна²

¹аспирант, Амурский государственный университет; 478912641@qq.com

²д-р филол. наук, профессор, Амурский государственный университет;
androsova_s@mail.ru

ПРОСОДИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В КИТАЙСКОМ ФУТБОЛЬНОМ КОММЕНТАРИИ

Актуальность исследования объясняется повышенным интересом к процессам, происходящим в звучащей речи, а также к различным типам дискурса. Спортивный комментарий как особый жанр привлекает к себе всё больше внимания. Изучаются самые разные его поджанры, в том числе футбольный комментарий [Корыткин, Андросова 2016; Лихачев 2017]. Цель исследования — выявить закономерности изменения просодических параметров на эмоциональных и неэмоциональных участках китайского футбольного комментария. В центре внимания находятся дифференторы основного тона (ОТ), интенсивности и длительности, а именно средние значения, пик или (максимум) и диапазон.

В задачи исследования входило:

- 1) деление участков на эмоциональные и неэмоциональные;
- 2) сегментация и транскрибирование с указанием звукового состава слогов и лексических тонов с учётом подстройки в связной речи (это необходимо, учитывая, что ОТ используется и в лексических тонах, и в интонации [Li, 2015]);
- 3) замеры параметров ОТ, интенсивности и длительности и их статистическая обработка.
- 4) сравнение данных на эмоциональных и неэмоциональных участках и сопоставление с аналогичными данными по русскому и британскому футбольному комментарию.

Ранее выявлено увеличение указанных параметров в связи с повышением информативности в китайской рекламе [Чжан, Андросова 2022]. Аналогичное поведение параметров ожидалось при повышении эмоциональной нагрузки.

Материалом для исследования послужили:

- 1) Матч Италия-Франция 2006 г., 1 час 20 минут;
- 2) Матч Китай – Мальдивы 2022 г., 1 час 36 минут.

Материал был взят из двух источников:

- 1) Tencent Video (<https://v.qq.com/x/cover/mzc002007c3un7e/x0038ukkrpz.html>)
- 2) Youku (https://v.youku.com/v_show/id_XNDY1MTE2ODQyOA==.html).

Матч 2006 года комментировали: один профессиональный комментатор и один комментатор — в прошлом игрок в футбол. Матч 2022 года комментировали один профессиональный комментатор и два комментатора — в прошлом игроки в футбол.

Акустический анализ в программе Praat (Praat For Mac 6.0.16, 2016) позволил произвести сегментацию на слоги, поскольку именно слог является минимальной звуковой единицей в китайском языке. В ходе поуровневого аннотирования слоги переданы с помощью пиньинь, для каждого слога указан этимологический тон с учётом правил подстройки в речи. Для каждого слога с помощью соответствующих встроенных функций автоматически определены средние значения частоты основного тона (Get pitch), интенсивности (Get intensity) и длительности (показывается после установки сегментирующих меток). Инструменты описательной статистики (среднее значение и квартили) применены для обработки значений просодических параметров. Метод экспертной оценки использован для классификации участков как эмоциональных и неэмоциональных.

Из речи каждого комментатора было выбрано по 10 эмоциональных и 10 неэмоциональных синтагм. Все данные были организованы в таблицы и усреднены (по конкретной синтагме, по диктору на эмоциональных и неэмоциональных участках).

Распределение лексических тонов на эмоциональных и неэмоциональных участках (в %), схожее на обоих типах участков (присутствуют все тоны, самый частотный тон четвёртый, следующий по частотности обычно второй, самый редкий — нулевой. Междикторская вариантность небольшая. Это позволило пренебречь различиями по контуру и сконцентрироваться на показателях уровня и диапазона.

Анализ данных продемонстрировал, что усреднённые показатели (средние значения и почти все квартили по основному тону) на эмоциональных участках оказались выше таковых на неэмоциональных участках, кроме минимальных показателей по нулевому квартилю. Вычисление разницы между усреднёнными значениями максимума и минимума по каждой синтагме показало, что во всех случаях эмоциональные участки по сравнению с неэмоциональными сопровождались увеличением диапазона.

Интенсивность демонстрирует ту же тенденцию, но междикторская вариантность немного выше: для первого диктора минимум по нулевому квартилю выше на неэмоциональном участке, у второго диктора этот же показатель одинаковый на обоих типах участков, у третьего диктора максимумы по первому квартилю равны, у пятого диктора минимум по четвёртому квартилю выше на неэмоциональном участке. Четвёртый диктор отличается от остальных тем, что менее последовательно использует интенсивность — у него больше всего исключений из общей тенденции: равны минимумы по четвёртому квартилю, средние и максимумы по первому квартилю, а максимум по медиане выше на неэмоциональных участках по сравнению с эмоциональными.

Параметры длительности ведут себя совершенно иначе. Почти все средние показатели по всем дикторам меньше на эмоциональных участках по сравнению с неэмоциональными. Исключение составляют средние по четвёртому квартилю у третьего диктора, по нулевому квартилю у четвёртого диктора и по третьему квартилю у пятого диктора. Сразу обращает на себя внимание то, что два комментатора матча 2006 года более последовательно используют длительность — почти все параметры ниже на эмоциональных участках. Это значит, что они используют стратегию ускорения темпа при повышении эмоциональной нагрузки. Комментаторы матча 2022 года тоже придерживаются этой стратегии, но менее последовательно, а именно минимальный показатель по среднему значению и всем квартилям выше на эмоциональных участках.

Проведённое исследование позволило заключить, что, во-первых, слоги, оформленные разными лексическими тонами, на эмоциональных и неэмоциональных участках распределены схожим образом. Во-вторых, значения основного тона и интенсивности повышаются при повышении эмоциональной нагрузки, демонстрируя устойчивую прямую корреляцию. Длительность демонстрирует довольно устойчивую обратную корреляцию с эмоциональной нагрузкой: при повышении эмоциональности сокращается длительность слогов, т. е. ускоряется темп артикуляции. Данные на китайском материале частично схожи с полученными ранее на британском и русском материале. Роль ОТ оказалась схожей, роль интенсивности выше, а длительность вместо прямой корреляции демонстрирует обратную.

Литература

- Корыткин Ю. А., Андросова С. В. Просодические средства выражения эмоциональной составляющей в английском и русском футбольном комментарии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 2 (741). С. 62–74.
- Лихачев Э. В. Вариативность просодических комплексов актуализации футбольного комментария (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ниж. Новгород, 2017. 23 с.
- Чжан Ц., Андросова С. В. Акустические характеристики рекламного дискурса: информационный подход к анализу просодии // Дискурсивные практики: жанровые и фонетические аспекты / науч. ред. Г. В. Файзиева. Пермь: АНО ДПО «ПИЭФ», 2022.
- Li A. Emotional Intonation and Its Boundary Tones in Chinese // Encoding and Decoding of Emotional Speech. Prosody, Phonology and Phonetics. Berlin, Heidelberg: Springer, 2015. https://doi.org/10.1007/978-3-662-47691-8_5.

Малышева Валерия Николаевна

ассистент и аспирант кафедры иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина);
malvaleriam@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ЛАТИНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ФОНЕСТЕМНОЙ ГРУППЫ CR- АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: фонестемы, фоносемантика, иконичность, этимология.

Вопрос природы фонестем остается дискуссионным. Ученые признают у слов фонестемных групп наличие обобщенного лексического значения. Оно закреплено, согласно трактовке ряда работ, за «сочетанием фонем» [Михалев 2018; Флакман 2016; Householder 1946], или, согласно другим авторам, за «субморфемой» [Bottineau 2008; Otis & Sagi 2008; Smith 2016]. В данном исследовании мы опираемся на трактовку фонестемы как сочетания фонем. Так, в английском языке слова с начальным сочетанием согласных cr- /kr-/ объединяют семы «сломанное (с характерным треском)» (crack, crash, crust) или «сдавленное, извивающееся» (creep, crouch); слова с начальным сочетанием согласных gl- /gl-/ объединяют сема «свет» (gleam, glare) и/или «взгляд» (glance, gloom).

Для изучения фонестемного звукового символизма важно оценивать ряд факторов: (1) фонотактические ограничения конкретного языка, (2) подтвержденность звукоизобразительного происхождения слова, (3) качественные и количественные характеристики звуков речи, составляющих слово, (4) семантику и (5) этимологию слов, входящих в фонестемные группы. При исследовании фонестемного символизма английского языка, немаловажно также принимать во внимание исторические процессы в латинском и французском языках, ставших источниками большого пласта заимствованной лексики (БОС [Oxford English Dictionary — OED] насчитывает 44,5 тысячи латинских заимствований), в том числе, содержащей фонестемы.

Исследователи романских языков расширяют трактовку фонестемы до «агломерации» [Leonardi 2015: 8], «скопления» согласных и включают в анализ слова, которые имеют гласный звук между искомыми согласными. Так, сема «свет», «отраженный свет» регистрируется в таких латинских словах, как *glaucus* «сияющий», *gilvus* «светло-желтый», *galbus* «желто-зеленый» [Leonardi 2015: 9–10]. Боттино [Bottineau 2014: 6] приводит подобные примеры в современном французском и называет такие скопления «консонантными матрицами»: так, слова *bille* («шарик»), *bol* («миска, шар»), *balle* («мяч, шар, пуля») относятся к матрице *B...L*, выражающей значение округлости и сферичности.

Исследование ставит задачу прояснить степень влияния слов латинских фонестемных групп на формирование аналогичных английских групп на примере группы cr-. Отбор слов происходил методом направленной выборки из БОС. Всего было отобрано 74 английских слова, восходящих к словам латинских фонестемных групп, выделенных Ф. Леонарди [Leonardi, 2015]. Слова анализировались методом семантического анализа.

Изучение их семантического развития позволило прийти к следующим выводам:

- (1) Значения слов фонестемных групп латинского и английского языков частично пересекаются.

Согласно исследованию Леонарди [Leonardi, 2015], списки фонестем латинского и современного английского языков совпадают не полностью, однако исследуемая фонестемная группа присутствует в обоих языках. Леонарди выделяет 5 групп значений фонестемы cr в латинском языке (1) 'crackle, noise' («треск, шум»), (2) 'crinkled, rough' («складчатый, морщинистый, грубый»), (3) 'raw, sour' («сырой, угрюмый»), (4) 'to cross' («пересекать»), (5) 'sieve, criterion, discernment' («сито, критерий, различение»). Исследователь также приводит значение, приписываемое словам данной фонестемы в английском языке: 'something broken especially with

crackling noise, or curved and twisted'. Мы дополнительно выделяем группу слов, объединенных значением «имеющее силу» (craft, crave, crunch), «шершавое» (crack, crash, cradle), «треснувшее» (cranny, crease, crevice). Таким образом, можно наблюдать, что ряд сем присутствует у слов как английского языка, так и латинского. Это семы «сломанное с треском», «грубый ≈ шершавый», «морщинистый ≈ треснутый».

- (2) Причины совпадения значений фонемы в языках, принадлежащих к разным ветвям индоевропейской семьи, могут быть как этимологическими, так и фоносемантическими

Мы предполагаем, что фонемный состав фонемы определяет ее способность передавать звукоизобразительное значение. Так, реализуясь в речи, глухой велярный смычный [k] передает значение «акустического удара» и имитирует краткие, прерывистые естественные звучания. Вибрант [r], артикуляционно воспроизводимый за счет дрожания кончика языка, воспринимается как нечто диссонантное, шероховатое, отрывистое, трескучее [Воронин, 2004]. Сочетание двух этих звуков позволяет передавать значения, связанные с резким движением, с поломкой и характерным треском, а также с семантически связанными этим результатами: шероховатостью, наличием трещин. Это, вероятно, стало основой для формирования латинских слов *crepāre* 'to crackle', 'to crack', 'to creak' [Leonardi, 2015: 19], 'to make a sharp loud voice' [de Vaan, 2008: 143], *crotalum* 'to croak' [Leonardi, 2015: 19], *corvus* 'raven' [de Vaan, 2008: 139], *crispus* 'crape', 'curled', 'curly', 'corrugated' [Leonardi, 2015: 20], 'curly, curled (of hair)' [Leonardi, 2015: 145], *crusta* 'crust, bark, shell' [Leonardi, 2015: 20], 'crust, shell, thin slab, leaf' [de Vaan, 2008: 147].

- (3) Расширение английской фонемной группы *cr-* за счёт заимствований происходило неравномерно.

Из перечисленных в работе Леонарди [Leonardi, 2015] латинских слов, в современном английском есть два слова, которые зафиксированы впервые в древнеанглийском периоде и которые можно соотнести с латинскими. Это слово *crisp* «кудрявый», «жесткий» (о волосах), этимологом которого является лат. *crispus* «вьющийся, кудрявый, складчатый»; значение «ломкий» впервые зафиксировано только в XVI веке [OED]; также это слово *rise* «ветки на деревьях или кустах, густой кустарник», которое соотносят со латинским *crispus* ввиду происхождения от общей и. е. основы (БОС не приводит реконструированную форму). Влияние латинских заимствований на древнем этапе, таким образом, представляется незначительным.

В период с XIII по XVI вв. в БОС зафиксировано еще 26 слов английского языка, образованных от приведенных в работе Леонарди латинских слов с фонемой или их дериватов. 13 из них используются в современном языке, из которых 10 относятся к группе (5) «сито, критерий» (*discrepate*, *criminal*, *concern*). Слова, заимствованные в XVII веке и позднее, преимущественно сохраняются во всех группах значений (32 из 44: *crepitate*, *crotal*, *accrust*). Слова с данной семой традиционно не включаются в анализ английских фонем, и это оставляет вопрос об их возможном месте сателлитов в структуре фоносемантического поля *cr-*, то есть они находятся вне фоносемантического поля, но тяготеют к нему в силу схожести формы слова.

Таким образом, можно говорить об ограниченном влиянии слов латинской фонемной группы *cr-* на английскую, начиная с периода среднеанглийского языка: латинские слова дополняют семантические подгруппы в случае совпадения сем в двух языках; в случае отсутствия соответствующей семы в английском языке латинские слова остаются за пределами фоносемантического поля группы, но предположительно занимают место сателлитов. Выводы будут уточняться при исследовании влияния французских заимствований.

Литература

Воронин С. В. Английские ономапы: Фоносемантическая классификация. 2-е изд. / под ред. проф. О. И. Бродович. СПб.: Геликон Плюс, 2004. 192 с.

De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages. Leiden/Boston: Brill, 2008. URL: <https://archive.org/details/de-vaan-michiel-etymological-dictionary-of-latin/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 28.01.2024).

Leonardi F.M. Phonesthemes in Latin Language. 2015. URL: https://www.academia.edu/17549917/Phonesthemes_in_Latin_Language_2015_ (дата обращения: 12.01.2024).

Oxford English Dictionary. 3 ed. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 12.01.2024).

Стреке Янина Викторовна¹, Андросова Светлана Викторовна²

¹аспирант, Амурский государственный университет;

y.streke@yandex.ru

²д-р филол. наук, профессор, Амурский государственный университет;

androsova_s@mail.ru

СЛАБЫЕ ФОРМЫ СЛОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖЕНСКОЙ РЕЧИ И МУЖСКОЙ РЕЧИ)

Ключевые слова: слабая форма, естественная модификация, выпадение гласных и согласных.

Цель исследования — составить перечень слов, встретившихся в слабых формах с учётом гендерного фактора и выявить общее и отличное в реализации слабых форм слов и частотности модификаций.

Под слабыми формами мы понимаем формы, являющиеся результатом естественных модификаций согласных и гласных, а также их выпадений, обусловленных ослаблением артикуляции вследствие неотчётливого произнесения [Стреке 2023].

Возникновение слабых форм обусловлено действием механизма экономии произносительных усилий, который работает во всех языках мира. Поскольку именно слабые формы являются проблемой для восприятия при обучении русскому языку как иностранному, а также при автоматическом распознавании речи, имеется настоятельная потребность пополнения словаря таких форм. Богатейшим источником слабых форм является спонтанная разговорная речь, послужившая материалом для составления фонетического словаря часто встречающихся слов русской разговорной речи [Бондарко и др. 1988: 240–245], где наряду с полными формами представлены и слабые формы этих слов. Этот словарь в виде приложения и послужил отправной точкой нашего исследования. Учитывая, что в разных стилях и жанрах речи состав и количество слабых форм ожидается разным, получение таких данных может оказаться полезным для решения самых разных прикладных задач. Нами был выбран материал устного общественно-политического дискурса, реализуемого в аналитических передачах, размещённых в сети Интернет. Причина такого выбора состояла в высокой степени воздействия на широкую аудиторию. Мы считаем, что слабые формы не только служат фоном для фонетической выраженности более информативных частей высказываний в данном жанре, но и являются частью сложного механизма стратегии убеждения.

Акустическому анализу в программе Praat подверглась речь шести дикторов — трёх женщин и трёх мужчин (трое среднего возраста — 42–55 лет и трое более старшего возраста — 62–67 лет на момент речепроизводства), без дефектов речи, с высшим образованием и большим опытом публичных выступлений на общественно-политические темы. Общая длительность материала около пяти часов. Согласно подсчётам темпа артикуляции (за вычетом пауз), один диктор из шести (женщина) демонстрировала средне-медленный темп, остальные — быстрый либо средне-быстрый, что позволило ожидать немалое количество и значительное разнообразие слабых форм.

В результате выявлены наиболее частотные слова, которые были реализованы в слабых формах:

- женщин: потому что, конечно, который, тысяч, если, слушайте, понимаете.
- мужчин: потому что, конечно, который, тысяч, если, слушайте, совершенно, сейчас, собственно, человек.

Количество лексических единиц, для которых зафиксирована хотя бы одна слабая форма в речи отдельно взятого диктора достигало 90 уникальных слов (без учёта повторений). Разумеется, львиную долю этих слов, особенно с учётом повторений, составляли так называемые явные дискурсивные маркеры (конечно, так сказать) и служебные слова (который, если, потому что). Однако и знаменательные слова неоднократно реализовывались в слабых формах: числи-

тельные (тысяч, пятьдесят, шестьдесят), существительные (человек, процентов, в районе, по уму), прилагательные (политические), глаголы (будет, получается, говорят, повторю, можете), наречия (сейчас, совершенно).

Слабые формы явились результатом стандартного спектра естественных модификаций:

- замена гласной фонемы в результате качественной редукции, например, в слове который [кэ'tir] после выпадения заударной флексии и нереализации ударения на втором слоге каноническая /o/ заменялась на [кэ'tir];
- замена согласной фонемы в результате изменения способа образования и/или активного действующего органа, например, в слове значит [znɛʃ't] в результате ослабления смычки вместо аффрикаты [ʃ] реализовалась фрикативная [ʃ];
- выпадение фонем (гласных и/или согласных) с возможным последующим стяжением оставшихся сегментов, например, конечно как [кɛʃ] (выпало две гласных, две согласных, гласный /e/ из-за потери мягкого предыдущего согласного реализовался как аллофон в позиции после твёрдого, оставшиеся три сегмента — результат стяжения трёх слогов в один).

Анализ слабых форм показал, что в речи и женщин, и мужчин чаще всего выпадает несколько фонем сразу и это может сопровождаться дальнейшим изменением качества оставшихся сегментов. Мы называем это комплексной модификацией слова. Реже всего происходила замена одних согласных на другие и в этом смысле согласные оказались более устойчивыми, чем гласные. То же самое касается выпадения одиночных согласных, которое имело место реже, чем выпадение одиночных гласных. Такое распределение типов модификаций проявилось как закономерность в речи всех шести дикторов на нашем материале.

Представленная фонологическая интерпретация произведена с позиций Щербовской фонологической школы, допускающей живые фонетические чередования фонем и, как следствие, вариантность фонемного состава слов.

Нельзя не согласиться, что мы редуцируем канонические формы слов так же естественно, как ходим и дышим [Богданова-Бегларян и др. 2016: 69]. Эта редукция не является хаотичной, а напротив, подчиняется законам речеобразования и реализует универсальный механизм распределения участков полного и неполного типов произнесения [Бондарко и др. 1974].

Литература

- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Баева Е. М. и др. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. СПб.: Лайка, 2016. 244 с.
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64–70.
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р. Фонетика спонтанной речи. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1988. 245 с.
- Стреке Я. В. Слабые формы слов в общественно-политическом дискурсе (на материале женской речи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 301–308. <https://doi.org/10.30853/phil20230019>.

Сыпачёва Кира Николаевна

*аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
k.syracheva@gmail.com*

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ОЦЕНКИ ВЫСОКОГО ТЕРМИНАЛЬНОГО ТОНА В АНГЛИЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Ключевые слова: английская интонация, высокий терминальный тон, английские диалекты.

Настоящая работа посвящена подготовке эксперимента по восприятию высокого терминального тона (ВТТ) в английском языке. В эпоху глобализации, развития цифровых технологий, бóльшей демократизации общества наблюдается изменение отношения к нормативному произношению и падение его престижа, что находит отражение в языке и, прежде всего, проявляется на его фонетическом уровне.

ВТТ (Uptalk, Upspeak) — интонация, получившая за последние десятилетия широкое распространение в разных диалектах английского языка. Данный контур характеризуется восходящим движением тона, от среднего до высокого тонального уровня говорящего, в конечном участке утвердительного высказывания.

В классических описаниях интонационной системы британского произносительного стандарта (RP) ВТТ, или The High Bounce, является типичной интонацией вопросительных высказываний с прямым порядком слов, например, *You like him?* [O'Connor 1973: 75].

Первые признаки проявления новой функции ВТТ были замечены в 60–70-е годы в речи австралийцев, которые стали часто прибегать к данной интонации при общении с иммигрантами, не говорившими на английском свободно. В Великобритании новое применение тона в утвердительных высказываниях было зафиксировано в начале 80-х в речи молодёжи и рассценивалось как неправильное, нестандартное. Лишь сравнительно недавно авторы пособий по английской интонации стали включать расширенный список функций для данного тона [Lindsey 2019: 107–108].

В настоящее время существующие в литературе данные о реализации и функциях ВТТ противоречивы. Одни исследователи считают данный контур универсальным явлением, тогда как другие говорят о различиях в его реализации и функциях в разных диалектах [Arvaniti 2016: 153; Lindsey 2019: 108; Frödrich 2023: 51–52].

Для выяснения статуса ВТТ в современном английском необходимо разработать особую методологию, позволяющую провести адекватную оценку его функционирования. Вероятно, перцептивный эксперимент с участием носителей разных вариантов английского языка должен установить взаимосвязь между зоной распространения тона и его разными вариантами реализации.

В ходе планирования эксперимента была произведена выборка реализаций с ВТТ в пяти вариантах английского языка; отбор реализаций для эксперимента с учетом представленности разных национальных и социальных вариантов, а также разных типов акустических реализаций; разработана методика.

В материал исследования вошли аудио- и видеозаписи утвердительных высказываний с ВТТ, реализованные носителями следующих вариантов английского языка: стандартный британский вариант (RP), стандартный южный британском вариант (SBE), диалект Белфаста, диалект Ньюкасла и австралийский английский.

Материал был подвергнут слуховому, контекстуальному и акустическому анализу, был проведен сопоставительный анализ реализации ВТТ и его функций.

На втором этапе исследования из выборки были отобраны по две реализации каждого из вариантов (всего 10 фраз). Выбор реализаций определялся следующими критериями: хорошее качество записи, наличие отклонений от контура The High Bounce. Последнее было направлено на то, чтобы установить наличие фонологически разных интонационных единиц.

Также для эксперимента были отобраны 10 фраз с иными контурами: The High Drop, The Switchback, The Low Drop, The Low Bounce и классическая реализация The High Bounce. Включение разных тонов позволит обеспечить более адекватные условия для эксперимента, благодаря чему респонденты будут сфокусированы на функциональных различиях контуров.

В англоязычной культуре произношение имеет колоссальное значение: на основании только произносительных особенностей можно сформировать представление о территориальном происхождении человека, его материальном положении и степени образованности. Таким образом, чтобы устранить влияние произносительных стереотипов на оценку исследуемого тона, звуковые стимулы должны быть представлены в виде модифицированного сигнала. В программе анализа и обработки речевого сигнала Praat контуры из исходного звукового файла должны быть перенесены на фрагменты, содержащие звуковые цепочки из гласных и сонантов, не несущие какого-либо значения. Таким образом, респонденты будут ориентироваться только на интонационный контур.

Для эксперимента был составлен опросник, включающий вопросы о типе высказывания и его модальных оттенках. Последний вопрос позволит выявить функций ВТТ, отличные от упомянутых в описаниях старой нормы.

Примеры вопросов представлены ниже.

1. You will hear a sentence, but you will not hear any words in it. Can you guess what kind of sentence it is?
a. statement (I like cats.) b. question (Do you like cats?) c. exclamation (I love cats!) d. request (Let's play with your cat.) e. other
2. How does the speaker sound?
a. neutral b. friendly c. unfriendly d. excited e. puzzled f. surprised g. uncertain h. other

В анкету также был включён раздел «личные данные» (для указания возраста, пола и родного города респондента) и добавлена графа для высказывания замечаний или иного рода наблюдений относительно прослушанной записи.

Литература

- Arvaniti A., Atkins M. Uptalk in Southern British English // Proceedings of Speech Prosody, University of Boston, US, 2016. DOI:10.21437/SpeechProsody.2016-32.
- Frödrich K. Functions of 'Uptalk' in Australian English: A Tool to Express Humor // Australian Studies Journal. 2023. Vol. 37. P. 49–60. doi:10.35515/zfa/asj.37/2023.04.
- Lindsey G. English After RP: Standard British Pronunciation Today. Cham: Springer, 2019.
- O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of Colloquial English. 2nd ed. Longman Group Ltd, 1973.

Флакман Мария Алексеевна

канд. филол. наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»;

maflaksman@etu.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, ИМИТИРУЮЩЕЙ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Ключевые слова: звукоизобразительность, семантика, история английского языка, метафора, метонимия.

Звукоимбовлическая лексика, наряду с лексикой звукоподражательной, выделяется в качестве отдельной подгруппы звукоизобразительных слов [Воронин 2006]. Звукоизобразительные слова определяются как слова, имеющие объективную, иконическую связь между формой и значением. В отличие звукоподражательных слов (ономатопов), связь между формой и значением которых основана на акустическом подобии (ср., например, рус. мяу, англ. meow, mew, эст. пäu, вьетн. meo meo), иконичность звукоимбовлических слов выражается в сходстве по месту артикуляции физиологических процессов (чихание, кашель) и звуков речи, входящих в состав этих слов. Так, слова, обозначающие кашель, имеют тенденцию передаваться заднеязычными (велярными) согласными (например, англ. cough, gag, heck, кит. ké sòu, русс. кхе-кхе). Изучение исторического развития звукоподражательных слов [Афанасьев 1984], показало, что они имеют тенденцию к семантическому развитию с последующей утратой изначальной семы «звук». Афанасьев [1984] предложил различать примарные и секундарные метафорические и метонимические переносы. Так, к примарным метафорическим переносам автор относил такие переносы, как «звук объекта-1» → «звук объекта-2» или «звук объекта» → «звук действия», и др. Например, croak «каркать (о вороне)» → «каркать, говорить хриплым голосом» (о человеке). К секундарным метафорическим переносам автор относил переносы «к последующим уровням диахронической семантической производности» (зар «хлопнуть, ударить» → «убить, прикончить», ср. рус. прихлопнуть).

В настоящем докладе мы показываем применение классификации Афанасьева [1984] к звукоимбовлической лексике. Как показало исследование, проведенное на материале 1244-словного корпуса английской лексики звукоизобразительного происхождения, деление на примарные и секундарные метафорические и метонимические переносы применимо также к звукоимбовлической лексике, обозначающей физиологические процессы.

Материал для настоящего исследования отбирался методом сплошной выборки из третьего, электронного издания Большого Оксфордского Словаря [БОС]. В выборку вошли слова, звукоизобразительного происхождения (и имеющие соответствующие пометы). Анализ материала проводился методами этимологии и семантики. Основным методом исследования являлся метод компонентного семантического анализа. Значения слов, предварительно классифицированных нами как звукоимбовлические (всего в нашем корпусе насчитывается 389 таких слов), рассматривались в диахронии. Выявленные семантические изменения классифицировались нами согласно подходу, предложенному Афанасьевым [1984] для звукоподражательных слов (ономатопов).

Результатом исследования стало выделение четырех нижеследующих типов семантических переносов у звукоимбовлических слов:

(1) Примарная звукоимбовлическая метафора

Это перенос значения, связанного с обозначением физиологического процесса с одного источника на другой. Часто наблюдался частичный перенос. Если физиологический процесс (такой как кашель) сопровождался фонацией, во многих случаях переносилось только звуковое значение (cough 'to expel the air from the lungs with characteristic noise' → 'of an engine, etc.: to make noise like coughing; to misfire' [БОС]).

(2) Секундарная звуко-символическая метафора

Секундарная звуко-символическая метафора, равно как и секундарная звукоподражательная метафора, приводит к утрате изначальной семы «артикуляторный жест (сопровождаемый звуком)». Например, *fuddle* 'to have a drinking bout; to tittle, booze' → 'to stupefy, muddle, confuse' [БОС].

(3) Примарная звуко-символическая метонимия

Примарная звуко-символическая метонимия — это семантический перенос по смежности значения с сохранением исходных сем «артикуляционный жест (+ звук)». Например, *crunch* 'to crush with the teeth' → 'to crush or grind under foot, wheels, etc.' В данном примере наблюдается перенос и кинемы («раздавить, разжевать») и (в меньшей степени) сопутствующего звука.

(4) Секундарная звуко-символическая метонимия

Секундарная звуко-символическая метонимия — это семантический перенос по смежности без сохранением исходных сем: *rabble* 'to speak or read aloud in a rapid and incoherent way' → 'to work in a hurried and careless manner' [БОС].

Наблюдения и выводы

Анализ исследуемого материала показал, что собранный корпус звуко-символических слов можно разделить на три приблизительно равные части: (1) слова только с первичным значением, без метафорических и метонимических переносов (*mwah* «шумный поцелуй»); (2) слова со значениями, полученные только в результате семантических переносов примарного характера (*cough*); (3) слова, утратившие своё значение в результате одного или нескольких секундарных переносов (*rabble*).

Первой особенностью звуко-символической лексики является то, что в отличие от звукоподражательной, у неё наблюдаются частичные семантические переносы. Изначально сложный артикуляторно-акустический характер денотата даёт два типа примарной звуко-символической метафоры и метонимии — (1) по линии артикуляции (типа движения) и (2) по линии звучания.

Второй особенностью звуко-символической лексики является более ограниченное количество типов примарной метафоры. Примарная звукоподражательная метафора позволяет переносить звук предмета на звук, издаваемый человеком или животным, и наоборот (в любом направлении). Поскольку при звуко-символической номинации источником артикуляционного жеста (сопровождаемого звуком) всегда является человек, количество типов примарной звуко-символической метафоры также ограничено.

Литература

Афанасьев А. Ю. Вопросы семантической эволюции лексики (на материале английских звукоподражательных существительных): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

БОС — The Oxford English Dictionary (3rd ed.). URL: <http://www.oed.com>

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: Ленанд, 2006.

Холявин Павел Андреевич

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет;

p.kholyavin@spbu.ru

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПОВ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: просодия, интонация, коммуникативные типы.

Наличие интонационной системы давно входит в список языковых универсалий, на что было указано ещё в XX веке. Однако универсальные и специфические характеристики интонации исследованы не полностью: в частности, хотя связь между коммуникативным типом высказывания и его интонационным оформлением несомненно существует (и многие описания интонационных систем языков строятся именно на этом принципе — выделяется «интонация утверждения», «интонация вопроса» и т. д.), универсальность или специфичность конкретных проявлений этой связи ещё не установлена. Например, несмотря на то, что в ряде языков вопросительные высказывания часто характеризуются повышением тона, а утвердительные — понижением, к абсолютным универсалиям это явление отнести нельзя. Существуют языки, в которых вопросительные высказывания часто маркируются падением, а утверждения — подъёмом [Vaissière 1983: 59].

Минимальной просодической единицей (носителем мелодического движения) в большинстве языков признаётся слог, и многие описания интонационных систем (такие, как автосегментная модель) основаны на этом принципе. Тогда ключевые точки мелодической кривой высказывания привязываются к определённым слогам. В языках, в которых есть свободное словесное ударение, такими слогами чаще всего становятся ударные слоги. Таким образом, становится очевидной связь интонации и лексического ударения: мелодические характеристики высказывания будут связаны с акцентологической структурой составляющих его слов.

Данное исследование направлено на изучение реализаций мелодических контуров высказываний разных коммуникативных типов в трёх языках: русском, английском и французском. Во французском языке отсутствует лексическое ударение, что отличает его от русского и английского (в обоих языках присутствует свободное ударение). Материалом исследования послужили три игровых диалоговых корпуса: корпус LUCID (нормативный британский английский), корпус SibLing (современный русский литературный язык) и корпус Aix Map Task (французский (Франция)). Все три корпуса содержат диалогическую спонтанную речь (дикторы выполняли совместные задания). Корпус русского языка частично снабжён просодической аннотацией, выполненной экспертами-фонетистами по системе Н. Б. Вольской [Volskaya 2016].

Корпусы были подвергнуты автоматической обработке: так как только французский корпус обладал аннотацией границ звуков в сигнале, такая аннотация была получена автоматически для русского и английского корпусов с помощью инструментария для распознавания речи Kaldi. В тех местах, где это было необходимо, полученные границы были исправлены вручную. На следующем этапе обработки в корпусах были автоматически получены значения частоты основного тона с помощью утилиты REAPER, которые затем были проанализированы с помощью созданного ранее программного обеспечения [Холявин 2023].

Для анализа были выбраны высказывания разных коммуникативных типов, состоящие из одного-двух фонетических слов. Такой подход позволил ограничить длину высказывания, исключить взаимное влияние его компонентов, а также обеспечить максимальную роль интонации в выражении синтаксического значения (в соответствии с принципом замены Пешковского [Пешковский 1959: 181]). Анализ данных на французском языке в данный момент продолжается.

Анализ материала на русском языке позволил выявить следующее: интонационное оформление высказываний имеет большое разнообразие, однако можно установить ряд тенденций. Утвердительные высказывания часто оформляются нисходящим контуром (модели группы

01 по системе Вольской), что согласуется с традиционными описаниями русской интонационной системы. Однако во многих случаях использовалось восходящее движение с началом в нижней части диапазона (модель 13), которому может предшествовать небольшое падение, что наблюдалось даже в высказываниях, состоящих из одного слога. Аналогичное оформление часто встречалось и в побудительных высказываниях. Вопросительные высказывания, представляющие собой общие вопросы, характеризуются резким подъёмом, за которым часто следует падение (модель 07), что также согласуется с традиционными описаниями. Однако в ряде случаев вопросы оформлялись высоким тоном без значимых изменений (характеризуется как вариант модели 07). Специальные вопросы оформлялись понижением тона, однако во многих случаях — с сокращённым интервалом падения по сравнению с традиционными описаниями (модели группы 01 вместо 03).

Анализ английского материала позволил выявить следующее: утвердительные высказывания часто, как и в русском материале, оформлялись нисходящим контуром. Однако использование восходящих движений для этой цели различалось: тогда как в русском для этого использовалась модель 13 (низкий подъём), в английском материале аналогичных контуров было существенно меньше. В ряде случаев было отмечено явление upspeak, где утвердительное высказывание оформлялось высоким восходящим тоном. Общие вопросы в ряде случаев оформлялись понижением тона, даже тогда, когда грамматически вопрос не был выражен (однако реакция собеседника подсказывала, что функция вопроса всё же была выражена).

Анализ французского материала показал, что соотношение восходящих и нисходящих контуров в утвердительных высказываниях больше похоже на наблюдаемое в русском материале, чем в английском. Среди выделенных контуров практически не наблюдалось сложных (нисходяще-восходящих или восходяще-нисходящих), локализованных в пределах одного слога.

Из проведённого анализа можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Несмотря на то, что в ряде случаев в рассмотренных языках схожие мелодические контуры выполняют схожие функции, можно найти и различия.
2. Такие различия часто заключаются не в общем направлении движения контура, а в дополнительных движениях (нисходяще-восходящие контуры в русском материале) или в относительной высоте контура (высокие и низкие восходящие контуры).

В дальнейшем в исследуемый материал будут включены части высказываний, интонационное оформление которых указывает на их незавершённость.

Литература

- Пешковский А. М. Интонация и грамматика // Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959.
- Холявин П. А. Автоматический анализ мелодического контура // LI Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой. 2023. С. 768–769.
- Vaissière J. Language-Independent Prosodic Features // Prosody: Models and Measurements Springer Series in Language and Communication / под ред. А. Cutler, D. R. Ladd. Berlin, Heidelberg: Springer, 1983. С. 53–66.
- Volskaya N., Kachkovskaia T. Prosodic annotation in the new corpus of Russian spontaneous speech CoRuSS // Proceedings of Speech Prosody. 2016. С. 917–921.

Цыганова Валерия Вячеславовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st079637@student.spbu.ru

ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ КАК АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯПОНСКОЙ ИНТОНАЦИИ

Ключевые слова: японская интонация, русско-японская интерференция, интонационные ошибки.

В преподавании японской интонации такой аспект как фразовая просодика зачастую отделен вниманием. Традиционно обучение интонации строится на объяснении явления мелодического ударения (особого типа ударения, основным компонентом которого является мелодика, или изменение высоты голоса) и правил его реализации (акцентуации), которые представляют известные трудности для носителей европейских языков.

Кроме того, поскольку в японском языке разные коммуникативные типы предложений имеют свои грамматические особенности, то распространено мнение о том, что роль фразовой интонации в создании смысловых различительных отношений незначительна.

Несмотря на кажущуюся внушительность этих доводов, нельзя отрицать значимости фразовой просодики. Очевидно, что ошибки в интонации могут приводить к неправильному синтагматическому членению фраз и изменять их эмоциональную окраску.

Цель настоящего исследования — оценить необходимость преподавания фразовой интонации иностранным обучающимся с помощью анализа явления русско-японской интерференции на уровне фразовой просодики. Предметом исследования является японская вопросительная интонация. Поскольку данная языковая пара обладает значительными различиями в организации языковых единиц (в японском языке фонетическое слово состоит из мор, а в русском из слогов) и реализации ударения (мелодическое ударение в японском), то вероятно, что в японской речи русскоязычных случаи отрицательной интонационной интерференции нередки.

При сопоставлении интонационных систем русского и японского можно выделить и другие существенные различия. Например, в японском языке интонационный фокус высказывания локализован на конечном участке высказывания (на последней ударной море) [Рыбин 2012: 257]. В русском языке, наоборот, интонационный центр хоть и имеет тенденцию к реализации в конце синтагмы, но может перемещаться и к ее началу и/или дополняться логическим ударением. Также в русском языке различные типы вопросов оформляются интонационными средствами по-разному: для общих вопросов характерно резкое повышение тона (ИК-3), для специальных — понижение тона (ИК-2), для вопросов с оттенком противопоставления — нисходяще-восходящий тон (ИК-4) и др. [Брызгунова 1963: 130–156] В японском, как правило, нейтральные вопросы имеют сходное интонационное оформление: небольшое повышение тона на первой ударной море, за которым следует нисходящее движение, а затем восходящее на последней ударной море, которой обычно является вопросительная частица «ка» [Рыбин 2012: 270–280]. Исследователи также отмечают восходяще-нисходящее движение тона в разговорном стиле с оттенками удивления, сомнения, что чаще характерно для японских вопросов-переспросов [Kubozono 1993].

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что фразовая интонация в японской речи русскоязычных обучающихся является зоной интерференции, приводящей к снижению эффективности общения и коммуникативным неудачам. Вероятно, чтобы проверить данную гипотезу, необходимо описать акустические характеристики интерферентных ошибок в фразовой интонации и провести серию перцептивных экспериментов. Результаты перцептивных экспериментов позволят выявить акустические корреляты вопросительной интонации в русском и японском языках и оценить вероятность возникновения коммуникативных неудач.

На первом этапе исследования была произведена запись спонтанной речи на японском языке дикторов, для которых русский язык является родным. Материал был представлен в виде

фрагментов аудио- и видеозаписей интервью, доступных в сети Интернет. Материал был подвергнут слуховому и акустическому инструментальному анализу.

На втором этапе исследования был собран материал схожего типа, но содержащий русские вопросительные высказывания в речи носителей японского языка.

Акустический анализ позволил выявить некоторые типичные ошибки русских дикторов: неправильная акцентная структура слов; выбор неправильного граничного тона. В русской речи японских дикторов были выявлены следующие интонационные нарушения: замена повышения тона на увеличение силы звука в общих вопросах; повышение тона на последнем ударном слоге; неразличение специальных вопросов и вопросов-переспросов.

Для обеспечения адекватных условий оценивания явления интонационной интерференции необходимо убрать возможные ошибки в произношении звуков, которые могут исказить восприятие аудиторов. С помощью программы обработки речевого сигнала Praat исходные фразы были модифицированы: из них был извлечен мелодический контур и пересажен на сигнал соответствующего лексико-семантического состава (дополнительно записанные фразы, произнесенные дикторами — носителями языка).

Было проведено два перцептивных эксперимента: в одном из них интонация в японских фразах оценивалась аудиторами-японцами. В специально подготовленном опроснике аудиторы отвечали на вопросы о коммуникативном типе и эмоциональной окраске. Во втором эксперименте оценивалась интонация в русских высказываниях. Методика обоих экспериментов была схожей.

Результаты обоих экспериментов показали, что русско-японская интонационная интерференция может приводить к коммуникативным неудачам. Несмотря на то, что в большинстве случаев интерференция не мешала аудиторам опознавать коммуникативный тип, фразы тем не менее приобретали эмоциональную окраску, в частности, японские аудиторы воспринимали дополнительные отрицательные оттенки, такие как «недоверие» и «недружелюбие».

Литература

Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: МГУ, 1963. С. 158–289.

Рыбин В. В. Фонетика японского языка. СПб.: Гиперион, 2012. С. 234–318.

Kibozono H. The organisation of speech prosody. Studies in Japanese linguistics 2, Tokyo: Kurosio Publishers, 1993. P. ix + 302.

Шамина Елена Анатольевна¹, Давыдова Варвара Алексеевна²

¹канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.shamina@spbu.ru

²канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»;
va.davydova@gmail.com

О ДВУХ СПОСОБАХ КОНСТРУИРОВАНИЯ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ВЕРБАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ВЫМЫШЛЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: вымышленные языки, фоносемантика, универсальные иконические свойства, частноязыковой характер.

В настоящее время широкой популярностью пользуется жанр «фэнтэзи»: он процветает и в литературе, и в киноискусстве, откуда сюжетные линии и герои заимствуются и становятся основой компьютерных игр и даже рекламных компаний. «Фантазийные» элементы встречаются и в рамках других жанров, когда автор предполагает вывести реципиента за пределы окружающей действительности и ее бытописания, например, в сказках, романтических или комических (иронических) произведениях. Одной из важных стратегий создания иной реальности при этом является привнесение в художественное повествование особых языковых компонентов, которые отражали бы ее особые свойства [Любимова 2016]. Эти компоненты могут варьировать от включения в текст отдельных экзотических географических названий и имен лица до детальной разработки вокабуляра, грамматической и фонетической систем языка существ фантазийного мира [Fimi, Higgins 2016].

Для изучения стратегий конструирования вербальных единиц такого рода использовались известные англоязычные и русскоязычные литературные и кинематографические произведения XX–XXI веков.

Поскольку не вызывает сомнения тот факт, что автор заинтересован в том, чтобы быть понятным, следует предположить, что искусственные слова конструируются не случайным образом, а с опорой на иконические закономерности, которые обеспечивают их правильное восприятие реципиентом (читателем или зрителем) [Давыдова, Шамина 2022]. В связи с этим убеждением, основным исследовательским инструментом служил разработанный С. В. Ворониным метод фоносемантического анализа [Воронин 2006], за исключением его этимологической составляющей. В результате рассмотрения обширного материала, собранного авторами, было установлено, что выявляются 2 (совершенно не обязательно осознанных) подхода к конструированию слов вымышленных языков.

Первый из них предполагает опору исключительно на универсальные фоносемантические закономерности, в результате чего вымышленный язык может не иметь фонотактических и фоносемантических параллелей в языке, на котором создано произведение в целом. На этом принципе основаны эльфийские языки Д. Р. Р. Толкина, язык на'ви, изобретенный П. Фроммером для фильма «Avatar», клингон, созданный М. Окрандом для сериала «Star Trek», марсианский язык из романа А. Н. Толстого «Аэлита» и большая часть строк-заклинаний из романа «Лексикон» М. Бэрри. В них используются экзотические для основного языка произведения гласные и согласные, нарушаются правила дистрибуции схожих звуков, редукции и слогаобразования, например: ngwaw [ŋwau], h'i ['hi.ʔi], tlhup [tʰup^h], хацца уталицитл, zttksu.

При втором подходе к конструированию слов вымышленного языка автор использует частноязыковые фоносемантические черты, присущие языку произведения и хорошо известные (скорее всего, подсознательно) целевой аудитории (так, это в большой степени относится к появлению в вымышленных словах английских фонем — выделены в примерах ниже). Данная стратегия приводит к появлению авторских неологизмов, которые не только могут быть легко произнесены носителями языка произведения, но и чье значение легко считывается без опоры

на видеоряд и без обращения к словарю. К ним относятся географические названия и имена лица (которые в большинстве случаев являются «говорящими», вызывающими определенные фоносемантические ассоциации) в произведениях А.Грина. Ю.Олеши и Т.Прэтчетта, около половины лексем кроличьего языка лапин Р.Адамса, а также слова, употребляемые Большим Добрым Великаном из одноименной сказки Р.Дала, например: Зурбаган, Суок, Ankh-Morpork, Crixa, fluckgungled.

Можно предположить, что авторские предпочтения той или иной стратегии словотворчества обусловлены рядом факторов. Важнейшим из них являются лингвистические характеристики реципиентов: так, языки на'ви и клингон изначально создавались для международной аудитории любителей киноискусства. Вторым по значимости фактором, видимо, является среда существования вымышленного языка: в кино их восприятию способствует видеоряд, предметно сужающий коммуникативную ситуацию и подкрепляющий вербальную составляющую речи коммуникантов мимикой и жестами. Помимо этого, важную роль, по всей вероятности, играет жанровая принадлежность произведения, а также, в какой-то степени лингвистическое образование автора.

Итак, нельзя отрицать существование как универсальных, так и частноязыковых тенденций в фоносемантической репрезентации мира мира. Этот факт, в частности, доказывается тем, что обе эти тенденции находят отражение в иконической лексике вымышленных языков. Выбор способа образования фоносемантических вербальных единиц во многом определяется сверхзадачами автора, определяющими, в том числе, степень вовлеченности реципиента в жизнь в вымышленном мире. Пристальное внимание к вопросам бытования иконической лексики в разных художественных традициях может способствовать лучшему пониманию ее когнитивных функций.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: Ленанд, 2006.

Давыдова В., Шамина Е. Экспериментальное исследование фоносемантического потенциала вымышленной лексики // Материалы Международной филологической конференции памяти проф. Л. А. Вербицкой. СПб., 2022. С. 431–447.

Любимова С. Е. Онимы «марсианского» языка как средство создания фантастического мира (на примере повести А. Н. Толстого «Аэлита») // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. № 5. 2016. С. 208–209.

Fimi D., Higgins A. Coda: The Reception and Legacy of Tolkien's Invented Languages // Tolkien J. R. R. A Secret Vice: Tolkien on Language Invention / eds D. Fimi and A. Higgins. London: Harper Collins, 2016. P. 118–133.

Шипило Александр Владимирович

старший преподаватель,
кафедра фонетики и методики преподавания иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.shipilo@spbu.ru

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ. ГРАФИЧЕСКИЙ ИНТЕРФЕЙС И НАБОР СКРИПТОВ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ АУДИО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При работе над научной проблемой исследователь снова и снова сталкивается с задачей подготовки данных для статистического анализа. Для этого требуется получить полезную информацию из файлов-дескрипторов, извлечь полезные акустические признаки из аудио сигнала и представить эти данные в виде таблиц.

Разработанная автором программа Фонетическая лаборатория (далее «Лаборатория») позволяет автоматизировать рутинный процесс предобработки данных, а также позволяет встраивать свои собственные процедуры для извлечения требуемых акустических признаков для нужных фрагментов аудио сигналов.

Для удобства потенциального пользователя интерфейс программы напоминает Praat, а сама программа выполнена на Python с использованием библиотеки tkinter. Все возможности Лаборатории представлены также в виде Praat-подобных объектов.

В текущей версии «Лаборатория» предоставляет следующий объекты:

1. Объект Corpus. Он хранит информацию о расположении речевого корпуса на локальном компьютере, расширении файлов дескрипторов, используемых в корпусе
2. Объект Sound. Хранит характеристики аудио сигнала (частоту дискретизации, частоту квантования)
3. Объект AlphabetClasses. Позволяет пользователю сгруппировать единицы анализа по классам, их назначать, определять и называть. Данная информация позволяет на последующих шагах получать описательную статистику единиц в составе исследуемых классов явлений, учитывая их взаимное расположение на разных уровнях описания и анализа.
4. Объект FreqDict. Позволяет пользователю получить информацию о частотах встречаемости исследуемых сегментных единиц (например, аллофонов), о частотах встречаемости классов, выделенных пользователем классов (например, гласных/согласных, ударных/безударных, интонационных единиц, пауз и их типов и т. д.).

Кроме предобработки корпусов, в программу встроена возможность добавления пользовательских скриптов и объектов, что позволяет с одной стороны организовать хранилище скриптов, с другой — расширять функционал программы в требуемом пользователем направлении.

В базовом функционале «Лаборатории» возможна обработка файлов-дескрипторов редакторов WaveAssistant и Praat, но также возможна разработка расширений для файлов дескрипторов других форматов. Речевой сигнал может быть прочитан из форматов wav и sbl (pcm, 16 бит на сэмпл), но возможно добавление других форматов аудио при использовании собственных функций для чтения файлов.

Отдельно реализована возможность вычислять отклонения от средних, медианных значений признака, рассчитанного для любого класса. Обработанные данные хранятся в базе данных sqlite, из которой реализована генерация данных в форматах csv и таблиц Excel. Таблицы представляют информацию об анализируемых файлах, объектах конкретного уровня анализа данных, локализацию границ — адреса границ в разных форматах (байтах, миллисекундах и т. п.), о принадлежности к классу, акустические параметрах (длительности, интенсивности, амплитуды, частоты основного тона, формантных частотах) и их отклонению от среднего значения для класса или объекта внутри класса (например, фонемы или ее различных аллофонов).

При наличии меток периодов частоты основного тона голоса реализована возможность последовательного расчёта описательной статистики движения мелодической кривой в заданных фрагментах текста, определение традиционных характеристик изменения мелодического контура в пределах нужного сегмента — от звука до интонационной единицы, статистика может выполняться в линейных или относительных единицах: в герцах или полутонах.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

Алыпина Светлана Алексеевна

*преподаватель, Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России;
аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
alypova_sveta@mail.ru*

ГЛАГОЛЫ-ДОСТИЖЕНИЯ В СОСТАВЕ ГЕРУНДИАЛЬНЫХ ПЕРИФРАЗ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: прогрессив, глаголы-достижения, акциональность, испанский язык.

Данный доклад посвящен изучению грамматики герундиальных перифраз, а также встраиванию в их состав в форме герундия глаголов, относящихся к акциональному классу достижений. Цель исследования — рассмотрение одновременной реализации аспектуальной граммы прогрессива и акциональной характеристики, которая в рамках классификации З. Вендлера [Vendler, 1967] именуется «achievements», в испаноязычной терминологии — «logros», а в рамках номенклатур современных русскоязычных исследователей С. Г. Татевосова [Татевосов 2016] и Е. В. Горбовой [Горбова 2017] — «пунктивные глаголы» и «моментативы», соответственно. Материалом данного исследования является пиренейский национальный вариант современного испанского языка.

В основе теории акциональности лежит классификация американского исследователя З. Вендлера, предложившего распределить глаголы английского языка на четыре класса на основе следующих оппозиций, определяющих базовую семантику предиката: стативность/динамичность; предельность/непредельность (наличие/отсутствие семы возможности достижения предела); пунктивность/дуративность (наличие/отсутствие семы длительности). Вендлер делит глагольные предикаты на четыре группы: «states» («состояния»), «activities» («деятельности»), «accomplishments» («свершения») и «achievements» («достижения»). Данная классификация претендовала на универсальность и была перенесена на материалы других языков мира, в том числе, на русский и испанский. Например, в таких основополагающих лингвистических трудах, как «Дескриптивная грамматика испанского языка» [de Miguel, 1999, с. 2977–3060] и «Новая грамматика испанского языка», выпущенная Испанской королевской академией [NGLE, 2009, с. 1692–1709], именно данная классификация взята за основу, на что в дальнейшем и опираются многие современные испаноязычные ученые. В современной отечественной лингвистике существует несколько теорий акциональности, в рамках которых значительно пересмотрена классификация Вендлера, они также будут рассмотрены в нашем докладе.

В данном исследовании мы целенаправленно рассматриваем акциональный класс достижений. Глаголы, относящиеся к данному классу, обладают временным пределом, но, в отличие от свершений, не обладают длительностью. Достижениями считаются точечные действия, обозначающие резкую смену двух ситуаций. Философ языка Б. Тейлор (Taylor 1977) предлагает несколько постулатов, касающихся глагольной акциональности. Автор определяет достижения следующим образом (данное определение приведено в [Dowty 1979: 166]): «If α is an accomplishment / achievement verb, then if $\alpha(x)$ is true at I, then $\alpha(x)$ is false at all subintervals of I» «Если α относится к классу свершений / достижений, то в случае истинности $\alpha(x)$ на временном интервале I, $\alpha(x)$ будет ложно на любом подынтервале I'. В испанском языке такими глаголами являются, согласно «Дескриптивной грамматике испанского языка», глаголы типа llegar ‘при-

ходить, приезжать, romper 'разбивать, ломать', apagar 'выключать', encender 'включать', lograr 'достигать', alcanzar 'достигать', morir 'умирать', nacer 'рождаться', и т. д.

Говоря о категории аспекта, мы будем ориентироваться на следующее определение, восходящее к А. М. Пешковскому [Пешковский 1956: 105], представленное в собрании избранных трудов по аспектологии Ю. С. Маслова: «глагольный вид указывает “как протекает во времени или как распространяется по времени” (А. М. Пешковский) обозначенное глаголом “действие” (“явление”, “событие”, “ситуация”, “состояние”, “положение дел” и т. д.)» [Маслов 1984/2004: 23]. В качестве одной из базовых аспектуальных оппозиций Ю. С. Маслов выделяет оппозицию «прогрессив : непрогрессив», он определяет категориальное значение прогрессива как «процессность, соединенная со специфической конкретностью, “сиюминутностью” действия, с его приуроченностью к определенному моменту или отрезку времени, четко выделяемому среди ряда других моментов или отрезков» [Маслов 1984/2004: 42]. Герундиальные перифразы в испанском языке, согласно многочисленным исследованиям, являются грамматическим выражением прогрессивного аспекта. Они представляют собой особые грамматические единства — сочетания вспомогательного глагола (например, *estar*, *ir*, *venir* или *andar*), обладающего всем спектром базовых грамматических характеристик (время, лицо, число, наклонение), но утратившего либо редуцировавшего свое семантическое значение, и полнозначного глагола, несущего основную лексико-семантическую нагрузку и стоящего в форме герундия. В нашем исследовании рассматривается только перифраза «*estar* + герундий».

Также в данном исследовании особое внимание уделено такому сочетанию двух аспектуальных граммем, как прогрессив и перфектив. Так называемые перфективные времена в форме прогрессива — Прогрессивный Аорист, Прогрессивный Перфект, Прогрессивный Плюсквамперфект, в целом, являются достаточно оригинальным и уникальным феноменом, свойственным иберо-романским языкам: «The double morphological marking of the Spanish Perfective Progressive has been mentioned in the literature as a case in which different aspectual values cluster together in one and the same form, thus representing a quite peculiar and intriguing case in the theory of aspect». [Squartini 1998: 35] 'Двойное морфологическое маркирование испанского Перфективного Прогрессива было упомянуто в литературе как ситуация, в которой различные аспектуальные значения объединяются в одной и той же форме, что представляет собой довольно своеобразный и занимательный случай в теории аспекта'. В докладе мы подробнее остановимся на данном грамматическом явлении, которое будем называть, следуя за М. Сквартини [Squartini 1998], испанским Перфективным Прогрессивом (Spanish Perfective Progressive).

Литература

- Горбова Е. В. Грамматическая категория аспекта и контекст: на материале испанского и русского языков. СПб., 2017. 418 с.
- Татевосов С. Г. Глагольные классы и типологии акциональности. М., 2016. 568 с.
- De Miguel E. El aspecto léxico // Bosque I., Demonte V. (dirs.). Gramática descriptiva de la lengua española. Vol. 2. Madrid, 1999. P. 2977–3060.
- Vendler Z. Verbs and times // Linguistics in philosophy. Ithaca, 1967. P. 97–121.

Ануфриев Александр Александрович

канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт языкознания РАН;
colombaaa@list.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАЕМОСТИ ИТАЛЬЯНСКИХ ПРЕДИКАТОВ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ С ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ

Ключевые слова: итальянский язык, предикаты субъективной оценки, пропозициональная установка, индикатив, конъюнктив.

Одним из основных средств выражения субъективной оценки в итальянском языке служат предикаты внутреннего состояния (глаголы *pensare*, *credere* 'думать, полагать', *sperare* 'надеяться', предикативы *essere bene* 'хорошо'/*logico* 'логично'/*assurdo* 'абсурдно' и др.). Говорящий использует данные лексемы в так называемых конструкциях эксплицитного модуса в качестве пропозициональной установки (*penso che* 'думаю, что', *è logico che* 'логично, что'). В зависимости от прагматических целей говорящий выбирает тот или иной предикат, стремясь наиболее точно выразить своё отношение к ситуации.

Наиболее употребительные глаголы внутреннего состояния, как правило, имеют широкую семантику. Они могут описывать один вид оценки (эпистемический глагол *credere*, аксиологический предикатив *logico*), но часто совмещают в себе эпистемическую и аксиологическую оценку (*sperare*). Интересно, что нередко говорящий выбирает не один, а несколько предикатов, образующих как сочинительные, так и подчинительные синтаксические конструкции. В этом случае модальная рамка высказывания содержит различные пропозициональные установки, относящиеся к одной и той же пропозиции. В таких контекстах предикаты могут как дублировать, так и дополнять семантику друг друга, описывая определённое сочетание внутренних состояний.

В итальянском языке далеко не все оценочные глаголы могут употребляться друг с другом, управляя одной пропозицией. Некоторые сочетания глаголов скорее имеют окказиональный характер. Предметом настоящего исследования являются одни из наиболее частотных типов сочетаний двух предикатов разных видов оценки: 1) сочинительные конструкции типа А е В (*credo e spero che* 'полагаю и надеюсь, что'); 2) подчинительные конструкции, где первую синтаксическую позицию может занимать как эпистемический, так и аксиологический предикат (*pare logico che* 'кажется логичным, что', *e assurdo pensare che* 'абсурдно думать, что').

В подобных контекстах интерес вызывает не только усложненная семантика модуса, но и проблематика, связанная с выбором наклонения глагола зависимой части конструкции. Среди прочих факторов, корректирующих семантику пропозициональной установки, одним из определяющих является именно корреляция между выбором оценочных предикатов и употреблением индикатива или конъюнктива глагола в диктуме. Выбор наклонения может, с одной стороны, чётко задаваться семантикой пропозициональной установки: например, фактивные глаголы знания (всегда требуют индикатива (*so che verrà*)), глаголы эмоционального отношения, как правило, употребляются с конъюнктивом (*spero che venga*). С другой стороны, выбор может определяться прагматическими целями говорящего или иными факторами. Например, наклонение может быть также смысловозначительным. В последнем случае мы наблюдаем так называемую вариативность наклонений, случаи нетипичного, неустоявшегося употребления (*contesti di scelta*). Употребление того или иного наклонения в таких случаях может корректировать семантику оценочного глагола, выводя на первый план одни оттенки значения и ослабляя другие.

В исследуемых нами контекстах сочетания двух предикатов с различной семантикой в модусе и в диктуме не всегда можно предугадать. Несмотря на предписанное нормой обязательное употребление с конъюнктивом, эпистемическим и тем более аксиологическим предикатам в узусе (особенно в устной речи) свойственна вариативность (*libera alternanza de due modi*)

[Алисова 1971: 177; Bronzi 1977: 432]. При этом, с одной стороны, при возможности свободного варьирования наклонений, письменный литературный язык предпочитает конъюнктив, с другой, исследователи подчёркивают, что семантического подхода недостаточно для полноценного анализа ненормативных употреблений [Bronzi 1977: 429—430,432].

Исходя из анализа рассматриваемых конструкций в узусе на материале корпусов современного употребления (прежде всего, *Corpus di Riferimento dell'Italiano Scritto (CORIS)*) можно сделать ряд предварительных выводов. Прежде всего, можно указать наиболее общие тенденции употребления двух оценочных предикатов, управляющих одной пропозицией: глаголы либо дублируют или уточняют семантику друг друга (один вид оценки), либо сужают свою семантику, расходясь друг с другом в значении (разные виды оценки). При этом для некоторых лексем характерен определённый порядок употребления (1-я или 2-я позиция). При этом, позиция других лексем зависит от более употребительного соседнего предиката.

Если говорить о конкретных сочетаниях лексем, то лишь ряд эпистемических и аксиологических предикатов образует достаточно частотные сочетания (*penso e spero, credo e spero, spero e credo, sembra strano, é strano pensare*). При этом в большинстве подобных контекстов употребляется нормативный конъюнктив. Тем не менее, нетипичные употребления индикатива встречаются в примерах с наиболее употребительными эпистемическими глаголами *pensare* и *credere*, что роднит итальянский язык с иберо-романскими, где в схожих контекстах выбор говорящим эпистемического глагола в модусе чаще всего предопределяет выбор индикатива, а не косвенного наклонения.

В заключении следует отметить, что более подробный анализ подобных конструкций поможет лучше понять семантику итальянских оценочных предикатов и дать более широкое представление о тенденциях употребления наклонения в романских языках в целом.

Литература

- Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Изд-во Московского университета, 1971.
- Bronzi A. M. *Indicativo e congiuntivo nelle completeive italiane // Studi di Grammatica Italiana. Vol. VI. Firenze: Accademia della Crusca, 1977. P. 425–450.*

Большакова Татьяна Михайловна

канд. филол. наук, доцент,

Российский государственный педагогический университет, им. А. И. Герцена;

tmbolshakova@herzen.spb.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАУЗАЛЬНОСТИ КАК МАРКЕРЫ СТРАТЕГИИ АРГУМЕНТИРОВАНИЯ В ШКОЛЬНОМ НОРМАТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: каузальность, аргументация, нормативный дискурс.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании особенностей функционирования средств синтаксического уровня функционально-семантического поля (ФСП) каузальности в текстах, сферой продуцирования и бытования которых выступает нормативный дискурс немецких начальных школ. Объект исследования представлен текстами жанра *Schulregeln*, основными адресатами которых являются младшие школьники. Им отводится роль субъектов нормы. Взрослые адресанты — представители педагогических коллективов и администраций школ — выполняют роль авторитетов нормы. Они определяют содержательное наполнение, функционально-стилистический профиль и прагматическую направленность текстов, исходя из своих представлений об эффективности того или иного подхода к формулированию норм, предназначенных для детей. Эмпирический материал исследования представлен 90 текстами, отобранными в 2022 году на официальных сайтах немецких начальных школ. Из них 60 текстов демонстрируют наличие синтаксических средств ФСП каузальности.

ФСП каузальности в немецком языке объединяет разноуровневые языковые средства. Ядро ФСП каузальности, или каузальной обусловленности (по Г. А. Калмыковой и И. Н. Ивановой), состоит из пяти микроцентров, которые формируются сложноподчиненными предложениями с каузальными, консекутивными, кондициональными, финальными и концессивными придаточными предложениями, каждое из которых располагает соответствующими маркерами [Калмыкова, Иванова 2013: 254–255]. Каузальное и консекутивное микрополя представлены в немецком языке сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями, значения обусловленности в которых эксплицитно маркируются союзами, отражающими отношения причины (*denn, ja, doch, nämlich; weil, da, dass, zumal, umsomehr als*) и следствия (*deshalb, deswegen, darum, daher, demnach, also, somit, folglich, mithin; dass, so dass, auf dass*). Финальное микрополе включает в себя сложноподчиненные предложения с придаточными цели, вводимыми союзами *damit, dass, auf dass*, а также предложениями с инфинитивной конструкцией *um...zu* (см. подробнее: [Polenz 2008: 277–283]).

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что адресанты активно используют определенный набор синтаксических средств из арсенала каузального, консекутивного и финального микрополей ФСП каузальности, выступающих маркерами тактики обоснования, которая реализует в нормативных текстах коммуникативную стратегию аргументирования. Ее цель заключается в том, чтобы убедить младших школьников в необходимости принятия и соблюдения правил поведения, которые нормоотправители считают важными для создания безопасной и бесконфликтной учебной среды. Различные нормативные ситуации, подлежащие регулированию, находят свое вербальное отражение в содержании тезисов.

Было установлено, что каузальная аргументация реализуется сложносочиненными предложениями с союзом *denn* и сложноподчиненными с союзом *weil*, например: *Wir halten die Toiletten sauber, denn niemand geht gerne auf verschmutzte Toiletten; Wir fahren auf dem Schulgelände nicht mit dem Fahrrad, weil das gefährlich sein kann*. Маркерами консекутивной аргументации выступают союзы *deshalb, deswegen, darum, daher* в составе сложносочиненных предложений или в составе межфразовых единств, например: *Wir wollen uns alle in unserer Schule wohl fühlen. Deshalb müssen wir aufeinander Rücksicht nehmen und alle die Regeln der Schulordnung befolgen; Wir möchten in eine saubere Schule gehen, uns wohl fühlen und Spaß haben. Deswegen halten wir uns*

an die folgenden Regeln <...>. Финальная (целевая) аргументация вербализуется с помощью сложноподчиненных предложений с союзом *damit* и предложениями с инфинитивной конструкцией *um...zu*, например: *Vor dem Unterricht bereite ich meinen Arbeitsplatz vor, damit alle benötigten Sachen am Tisch sind; Wir verhalten uns im Unterricht leise, um andere nicht zu stören*. Незначительное число обнаруженных примеров каузальной аргументации по сравнению с примерами использования консекутивной и целевой аргументаций свидетельствует о том, что нормоотправители при вербализации тактики обоснования тезиса отдают предпочтение аргументам следствия и цели. Было установлено также, что причинные союзы *ja, doch, nämlich, dass, zumal, umsomehr als*, следственные союзы *demnach, also, somit, folglich, mithin, dass, so dass, auf dass* и союзы цели *dass, auf dass* демонстрируют в текстах отрицательную маркированность.

Структурный анализ аргументативных фрагментов выявил разнообразие подходов к решению вопроса об их составе. Адресанты-аргументаторы используют как аргументативные единства, состоящие из двух пропозиций, соединенных каким-либо видом логической связи, так и комплексы, включающие в себя целый ряд тезисов и обосновывающих их аргументов разных типов, например: *Die Kinder der Türaufsicht und die Buddys übernehmen wichtige Aufgaben, damit wir schönere Pausen haben. Deshalb folgen wir ihren Anweisungen*.

Таким образом, исследование показало, что синтаксические средства из ФСП каузальности играют важную роль в реализации коммуникативной стратегии аргументирования в школьном нормативном дискурсе, повышая степень понимания текстов и облегчая младшим школьникам процесс интериоризации провозглашаемых норм.

Литература

- Калмыкова Г. А., Иванова И. Н. Функционально-семантическое поле каузальности в немецком языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 12–2. 2013. С. 249–258.
- Polenz P. von. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens. 3., unveränderte Auflage. Berlin; New York: de Gruyter, 2008. 389 S. (= De-Gruyter-Studienbuch).

Горбанева Виктория Вадимовна

канд. пед. наук, доцент,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;

victoria3105@gmail.com

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК РЕГУЛЯТОР ВЫБОРА ВНУТРЕННИХ МОДИФИКАТОРОВ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ РЕКВЕСТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ

Ключевые слова: внутренние модификаторы, итальянская культура, культурные ценности, реквестивный речевой акт, негативная вежливость.

Значимость культуры как системы культурных ценностей для изучения коммуникативного поведения представителей различных культур признана аксиомой учеными из различных научных областей [Елизарова 2005: 20]. Было доказано, что для индивидуалистических культур, к которым принадлежит культура Италии [Nuzzo 2009: 25], характерна вежливость дистанцирования или негативная вежливость, предполагающая недопустимость коммуникативного давления на собеседника. Названная характеристика негативной вежливости находится в прямой зависимости от таких ценностей индивидуалистических культур, как автономия иноязычного собеседника, важность формы речевого сообщения и уважение прав на (не)совершение адресатом желаемых адресантом действий [Ларина 2009: 253].

Идеи вежливости дистанцирования, разработанные американскими учеными П. Браун и С. Левинсона [Nuzzo 2009: 25], были полностью заимствованы итальянскими исследователями в области межкультурной коммуникации и прагмалингвистики [Nuzzo 2009] применительно к изучению категории вежливости в культуре Италии.

Просьба, представляя собой реквестивный речевой акт, содержит побуждение к совершению адресатом определенного действия. Учет основополагающих ценностных представлений, характерных для индивидуалистических культур, предполагает наличие у адресата выбора в (не)совершении действия, выраженного в речевом акте просьбы [Ларина 2009: 381]. С целью создания ситуации названного выбора, соблюдая, при этом, недопустимость коммуникативного давления на своего собеседника, носители итальянского языка используют определенные внутренние модификаторы в реквестивных речевых актах [Pagliara 2019: 152].

Для выражения речевого акта просьбы на итальянском языке характерно использование косвенного способа выражения с целью снижения возможного коммуникативного давления на собеседника. Следовательно, при выражении реквестивных речевых актов представители итальянской культуры используют такие внутренние языковые средства или морфосинтаксические модификаторы, как условное наклонение (II Condizionale), прошедшее незавершенное время (L'Imperfetto) и безличные конструкции.

Potresti portarci del pane? / Ты не мог бы принести мне хлеб? Le sarei grato se potesse inviarmi informazioni su questa fiera / Я был бы Вам признателен, если бы Вы смогли прислать мне информацию об этой выставке. Volevo chiederti una cosa / Я хотел бы у тебя кое-что спросить. Ti sarebbe possibile darmi la mano? / Для тебя было бы возможно мне помочь?

В приведенных примерах названные внутренние модификаторы предполагают снижение коммуникативного давления на иноязычного собеседника и сохранение дистанции между собеседниками на вербальном уровне, сокращают ожидания адресанта речевого акта просьбы от выполнения слушателем желаемых отправителем действий, предполагают отсутствие прямолинейности в волеизъявлении адресанта. При побуждении к совершаемому действию слушателю предоставляется возможность выбора, а говорящий выражает определенную долю сомнения [Nuzzo 2009: 28].

К внутренним модификаторам также относятся модальные глаголы, употребляемые в условном наклонении, и эквивалентные модальным глаголам конструкции, выражающие возможность, необходимость, разрешение совершения определенного действия, предусматривающие сокращение возможного коммуникативного давления на собеседника и смягчение obligatorности совершения желаемого адресантом действия [Pagliara 2019: 161].

È possibile usare questo dizionario? / Возможно воспользоваться этим словарем? Mi posso fare una doccia? / Могу я принять душ? Posso chiederLe di firmare qui? / Могу я попросить Вас поставить здесь Вашу подпись? Questo articolo dovrebbe essere scritto in questo modo / Эта статья должна бы быть написана этим способом.

Подводя итог вышеизложенному, скажем, что культурные ценности, характерные для итальянской культуры как культуры индивидуалистической, влияют на понимание сущности вежливости и влияют на выбор определенных языковых средств с целью сохранения дистанции на коммуникативном уровне, смягчения степени прямолинейности и категоричности в выражении желания адресанта, направленности на партнера по иноязычной коммуникации. Кроме этого, для представителей итальянской культуры характерен косвенный стиль коммуникации и важность учета формы высказывания и тех языковых средств, которые были отобраны для выражения реквестивного речевого акта с целью недопустимости коммуникативного давления на своего собеседника.

Литература

- Елизарова Г. В.* Культура в обучении иностранным языкам. СПб., 2005, КАРО. 352 с.
- Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 507 с.
- Nuzzo E.* L'acquisizione della forma di cortesia in tre apprendenti d'italiano L2 // ITALS, Cuadernos de Filología Italiana. 2009. Vol. 16. P. 13–30.
- Pagliara F.* La codifica pragmatologica dell'atto di richiesta nelle e-mail degli studenti universitari italiani // *Lingua in contesto. La prospettiva pragmatica*, a cura di Elena Nuzzo & Ineke Vedder. 2019. P. 149–168.

Гудкова Кира Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
gudkovakira@bk.ru

ОДУШЕВЛЕНИЕ НЕОДУШЕВЛЕННОГО ПОДЛЕЖАЩЕГО КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЧЕРТА АНГЛИЙСКОГО СИНТАКСИСА

Ключевые слова: синтаксис, одушевление, неодушевленное подлежащее.

Язык как средство коммуникации позволяет организовать, упорядочить и передать информацию. В лингвистике считается общепринятым положение о том, что каждый язык организует информацию о реальной или воображаемой действительности своим присущим ему способом, что позволяет говорить о своеобразии языковой картины мира. Своеобразие языковой картины мира проявляется, в частности, в синтаксисе того или иного языка, то есть в организации высказывания. Многие лингвисты отдают синтаксису главенствующую роль, поскольку языковые единицы только посредством синтаксиса входят в сферу коммуникации. Сами по себе они составляют только инвентарь языка. Исследователи также отмечают, что в языковом сознании носителей языка особенности структуры предложения запечатлены в виде определенных моделей, совокупность которых образует ментальную грамматику [Jackendoff 1994: 14].

С точки зрения синтаксической типологии английский язык, как и русский, относится к языкам номинативного строя, то есть к языкам, в которых подлежащее стоит в именительном падеже и выполняет семантическую роль агенса действия. Само же действие, как правило, выражается глаголом сказуемым.

Предложение, как единица синтаксиса и как основная единица коммуникации, имеет многоаспектную природу. Было предпринято много попыток дать адекватное определение предложения в зависимости от аспекта рассмотрения. Интегрируя различные подходы к сущности предложения предлагается определение предложения как синтаксической структуры, репрезентирующей референтную ситуацию и построенной в соответствии с нормами языка и коммуникативными намерениями говорящего [Козлова 2019: 137]. Таким образом, речь идет о трех аспектах: референтная ситуация, коммуникативное намерение и синтаксис языка. И если некая референтная ситуация, подлежащая языковому описанию, как ситуация реального или воображаемого мира является единой для носителей разных языков, и если допустить, что коммуникативным намерением говорящего является описание указанной референтной ситуации, то есть передача информации об указанной ситуации, то можно сказать, что два аспекта предложения как синтаксической структуры не зависят от конкретного языка. А третий аспект, то есть языковые средства, выбираемые участниками коммуникации, могут отличаться и отличаются от языка к языку.

В данном исследовании в центре внимания находятся синтаксические структуры <неодушевленный субъект действия — действие> как типичные для описания значительного числа референтных ситуаций, иными словами синтаксические структуры, которые описывают событийную сферу. Такие синтаксические структуры характерны как для английского, так и для русского языков, то есть формальный аспект построения предложения одинаков. И это вполне обосновано, поскольку предложение отражает логическую форму мысли, то есть логическое мышление являющееся единым для всех людей. Но с точки зрения семантико-синтаксического аспекта указанных предложений наблюдаются значительные расхождения, поскольку семантико-синтаксический аспект связан с конкретным языком.

В русском языке для построения семантически верных высказываний важно деление имен на обозначения лица и не-лица, то есть на одушевленные и неодушевленные сущности. И как правило, в русском языке определенные действия могут совершать только сущности одушевленные, что соответствует реальному устройству мира. Семантические отклонения обозначают, как правило, не соответствующие «устройству мира» ситуации: Там ступа с бабою Ягой идет, бредет сама собой [Арутюнова 2005:119].

Английский язык с его жестким порядком слов охватывает значительно более широкое семантическое пространство, занимаемое предложениями типа неодушевленный субъект — предикат действия. Например, для английского языка распространенными являются следующие синтаксические построения:

Documentary feature looks at the efforts to protect the animals against rebels and poachers: last week, the chief warden of the park was ambushed and shot.

Season five of Netflix's *The Crown* has already created its own drama before its release on Wednesday, causing controversy over its depiction of the royal family.

TikTok said it had never been used to "target" the American government, activists, public figures or journalists.

В приведенных примерах активным агенсом действия выступают неодушевленные сущности, которые совершают действия, совершаемые в реальности одушевленными субъектами. Особенно, это касается действий говорения.

В русских предложениях, как правило, такого рода неодушевленные подлежащие играют роль обстоятельства: в документальном фильме показаны; вокруг пятого сезона сериала развернулись нешуточные страсти; в руководстве сервиса заявили.

Стоит также отметить, что существует обратная зависимость. Не только референтная ситуация и коммуникативное намерение влияют на выбор синтаксической формы, но и синтаксическая форма может оказывать определенное влияние на наш ход мысли. Строгий, фиксированный порядок слов английского предложения может накладывать отпечаток на наше восприятие предложений с подлежащими, которые обозначают неодушевленные сущности. При помещении таких существительных в позицию подлежащего такие сущности могут одушевляться.

Это фундаментальное различие необходимо учитывать в процессах перевода, так как это различие требует регулярной замены синтаксических моделей предложения: при переводе с английского языка на русский модель <неодушевленный субъект — действие> заменяется на другие модели, например, когда субъект становится обстоятельством, и добавляется новый субъект или используется неопределенно-личное предложение. При переводе с русского на английский язык, происходит обратная замена: многие модели русского синтаксиса заменяются моделью <неодушевленный субъект — действие>.

Литература

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Едиториал УРСС, 2005. 384 с.

Козлова Л. А. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 180 с.

Jackendoff R. *Patterns in the Mind.* New York: Basic Books, 1994. 256 p.

Евстафьева Екатерина Вячеславовна

старший преподаватель, кафедра сопоставительного изучения языков и культур,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.evstafieva@spbu.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕТОРОМАНСКОГО (СУРСЕЛЬВСКОГО) КОНЪЮНКТИВА

Ключевые слова: ретороманский, сурсельвский, конъюнктив, швейцарский немецкий.

Ретороманский конъюнктив описан в книге М. А. Бородиной «Современный литературный язык Швейцарии». Исследовательница перечисляет все шесть времен ретороманского конъюнктива: настоящее время (презенс), имперфект, сложное прошедшее (перфект), плюсквамперфект, будущее I и будущее II и приводит схему их образования. Таблица окончаний презенс конъюнктива глаголов I-III спряжений (глаголы на -ar и -er) выглядит следующим образом: *jeu tem-i, ti tem-ies, el tem-i, nus tem-eien, vus tem-eies, els tem-ien*, а для глаголов IV спряжения (глаголы на -ir) — *jeu sent-i, ti sent-ies, el sent-i, nus sent-ien, vus sent-ies, els sent-ien*. М. А. Бородинина подробно не останавливается на употреблении ретороманского конъюнктива и отмечает, что «употребление времен и наклонений в основном совпадает с французским и итальянским» [Бородинина 1969: 77–78]. При этом для образования и употребления ретороманского конъюнктива необходимо знать некоторые особенности, описание которых отсутствует в работе М. А. Бородиной.

1. Для многих сурсельвских глаголов характерно чередование гласных в корне. Это нужно учитывать при образовании форм презенс конъюнктива ед.ч. и формы 3 л. мн.ч., Например, глагол *cantar* (петь) в 1 л. ед.ч. настоящего времени индикатива будет иметь форму *jeu contel*, следовательно формы конъюнктива будут выглядеть следующим образом: *jeu conti, ti conties, el conti, nus canteien, vus canteies, els contien*. Упомянутые в книге М. А. Бородиной формы *jeu canti, ti canties, el canti* и *els cantien* являются ошибочными [Бородинина, с.79].

Подобный пример с чередованием *u-uo* (*turnar* — *jeu tuornel*) приводит в своей грамматике А. Шпеша. *Ch'el mondi e tuorni mai pli! Пусть он уходит и больше не возвращается!* [Spescha 1989: 623]

2. В формах 1 и 2 л. мн. ч. с ударными окончаниями -eien и -eies чередование гласных в корне в 1 и 2 л. мн. ч. отсутствует (*cantar* — *nus canteien, vus canteies*). Кроме того, всегда возможно образование форм конъюнктива 1 и 2 л. мн.ч. с помощью безударных окончаний -ien, -ies. Такие формы характерны для разговорной речи. Они образуются от основы индикатива 1 л. ед.ч. настоящего времени, потому в них сохраняются все особенности, т. е. изменение корневого гласного или наличие инфикса -esch. Следовательно, возможны следующие формы: *nus cant'eien* и *nus 'contien, vus cant'eies* и *vus 'conties*.

3. Ударные окончания -ien/-ies характерны для IV спряжения, но возможно их употребление также и у глаголов II и III спряжений [Spescha 1989: 454, 623].

Швейцарский немецкий оказывает большое влияние не только на лексику, но и на морфологию и синтаксис ретороманского языка. Отличительной чертой конъюнктива I в швейцарском немецком также является наличие окончания -i: *ich flügg-i, du flüüg-isch, er/sie/es flügg-i, wir, ihr, sie flügg-id* [Baur 1992: 118].

Конъюнктив в ретороманском языке используется после глаголов, выражающих желание, волеизъявление, требование, приказ, предположение, сомнение или неуверенность; он также используется после союзов *senza che, per che, a cundiziun che* и др. [En lingua directa 2018: 31–32] и [Spescha 1989: 623–630]. Однако наиболее примечательным является его употребление в косвенной речи после глаголов говорения, нехарактерное для романских языков.

Sandra scriva ch'ella hagi difficultads da sedecider. Сандра пишет, что ей сложно решиться/ сделать выбор.

Els han dau part ch'els sappien buca vegnir. Они сообщили, что не смогут прийти [ELD2 2018: 31].

El ha detg ch'el seigi oz a casa. Он сказал, что сегодня он будет дома.

El ha dumandau pertgei che ti seigies buca vegnius oz. Он спросил, почему ты не пришел сегодня [Spescha 1989: 631].

Такое употребление конъюнктива обусловлено тесными контактами со швейцарским немецким, в котором употребление конъюнктива в придаточных после глаголов говорения является обязательным.

Er phauptet, er heb das nöd wele. Он утверждает, что он не хотел этого.

Si täinkt, ich heb si vergässe. Она думает, я ее забыл(а) [Baur 1992: 118–120].

В двух приведенных предложениях (Els han dau part ch'els sappien buca vegnir/ El ha detg ch'el seigi oz a casa) в главном предложении использован перфект, а в обоих придаточных — презенс конъюнктив. Ретороманисты, в частности Рикарда Ливер, в таких случаях указывают на атемпоральный характер современного ретороманского конъюнктива и отмечают, что здесь конъюнктив выступает прежде всего маркером косвенной речи.

В определенных случаях в ретороманском возможно употребление индикатива в косвенной речи после глаголов говорения. Таким образом подчеркивается достоверность высказывания, его объективность или отсутствие сомнений. Подобные примеры в ретороманском встречаются довольно редко.

Jeu dubetel buca ch'els sedattan gronda breigia. Я не сомневаюсь, что они прикладывают много усилий.

Ei para ch'ella ha anflau sia via. Кажется, она нашла свой путь [En lingia directa 2 2018: 32].

Сурсельвский конъюнктив обладает многими признаками, свойственными конъюнктиву в швейцарском немецком, поэтому его довольно часто упоминают, когда хотят обратить внимание на обилие различного рода германизмов в ретороманском языке. Можно привести множество таких примеров, однако важно отметить, что ретороманский язык по-прежнему остается романским языком. Многочисленные дебаты о его полной германизации и исчезновении сегодня являются преждевременными.

Литература

Бородина М. А. Современный литературный ретороманский язык Швейцарии. Л.: Наука, 1969.

Baur Arthur. Schwyzertütsch. Praktische Sprachlehre des Schweizerdeutschen für Kurse und den Selbstunterricht. Winterthur, 1992.

En lingia directa 2. In cuors da romontsch sursilvan. Cudisch d'execezis. Cuera, 2018.

Spescha A. Grammatica sursilvana. Cuera, 1989.

Калятин Игорь Сергеевич

канд. филол. наук, доцент, кафедра германистики и лингводидактики,
Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет;
kaljatin-igor-93@yandex.ru

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАУЗАЛЬНЫХ КОННЕКТОРОВ В НЕМЕЦКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: коннекторы, каузальность, кондициональность, финальность, немецкий язык, итальянский язык.

Причинно-следственные отношения представляют собой универсальные отношения, так как не существует явлений, которые бы не имели своих причин, и нет явлений, которые бы не влекли за собой конкретные следствия. Для языкознания значимость проблемы каузальности детерминирована тем, что язык является средством репрезентации мысли, а причинность лежит в основе человеческого мышления. Причинно-следственные отношения отмечают закрепление в языке ключевой стадии человеческого мышления — логического вывода, переход от констатации к логическому мышлению, умозаключению. В связи с этим рассмотрение проблематики выражения каузальных отношений языковыми средствами не теряет своей актуальности.

Каузальность трактуется как ответ на вопрос, почему и с какой целью происходят события и состояния, причем каузальность обозначает связь причин, мотивов и оснований в сочетании с последующими следствиями, воздействиями и результатами [Blühdorn 2006: 257]. Опираясь на данную дефиницию, к каузальным мы будем относить не только те языковые единицы, которые в традиционных грамматиках рассматриваются как собственно причинные, но и семантически родственные отношения, а именно финальные и кондициональные связи, поскольку данные структуры также подразумевают два события, в основе которых лежит причинно-следственная связь.

Как немецкие, так и итальянские традиционные грамматики, которые восходят к описательной модели латинского языка, причисляют каузальные, кондициональные и финальные языковые средства на одном уровне вместе с другими семантико-функциональными типами связи к различным сферам грамматики [Engel 2009; Duden 2009; Renzi, Salvi, Cardinaletti 2001]. При этом языковые средства выражения каузальных, финальных и кондициональных отношений с учетом их формальной структуры классифицированы по частям речи и по этой причине описаны в различных главах.

В настоящем докладе категория каузальности рассматривается в рамках семантико-функционального подхода и включает в себя каузальные, финальные и кондициональные отношения. С семантической точки зрения три выше описанных типа связи предполагают отношения между событиями или состояниями, при которых одно событие/состояние является причиной, а другое — следствием, вытекающим из данной причины. Так, финальность представляет собой связь двух действий, одно из которых направлено на достижение определенного результата. Таким образом, действие, осуществляемое с определенными целью/намерением, является причиной для последующего результата данного действия. В свою очередь, кондициональность подразумевает связь двух событий/состояний, из которых одно событие/состояние является условием, а другое — следствием, т. е. условие выступает в качестве причины события, репрезентирующего следствие.

Исходя из выше обозначенного теоретического положения, различается понятие каузальности в широком и узком смысле слова. Каузальность в широком смысле слова обозначает общее понятие, объединяющее категорию каузальности в узком значении и родственные ей типы связи, включающие в себя грамматические категории финальности и кондициональности.

Предметом анализа являются предлоги, союзы, наречия и глагольные формы/формы предложения (причастные обороты, герундий). Анализу подлежат также комплексные средства свя-

зи предложений, состоящие из нескольких слов/структур и на функционально-синтаксическом уровне выполняющие роль коннекторов. К данным средствам связи относятся следующие:

- предложные группы (напр., *aus diesem Grund / per questo motivo*);
- предложные и именные группы, а также причастия в сочетании с подчинительными союзами (напр., *unter der Bedingung, dass / a condizione che, Grund dafür, dass/motivo per cui, angenommen, dass / dato che*);
- предложные группы в сочетании с предлогами (напр., *im Falle von/in caso di*).

Здесь различаются три уровня анализа: формальный, функционально-синтаксический и семантико-функциональный. Так, предложная группа *aus diesem Grund* анализируется следующим образом: на формальном уровне речь идет о словосочетании с предлогом, на функционально-синтаксическом уровне данная предложная группа выполняет функцию обстоятельства и на семантико-функциональном уровне рассматриваемое словосочетание представляет собой коннектор со значением каузальности в узком смысле слова.

Выводы. Проведенный анализ грамматик немецкого и итальянского языков позволил выявить большое число общих черт между каузальными структурами в рассматриваемых языках. Наряду с чертами сходства были также обнаружены отличительные свойства. Так, некоторые части речи либо структуры обозначены в грамматиках обоих языков, в то время как другие средства выражения причинности представлены только в немецких либо только в итальянских грамматиках.

На основании анализа работ по немецкой и итальянской грамматике можно выделить части речи/структуры, которые характерны для грамматик обоих рассматриваемых языков, а именно: предлоги, сочинительные союзы, подчинительные союзы в сочетании с финитной либо нефинитной формой глагола, причастные конструкции, а также другие составные коннекторы (например, предложные группы в сочетании с подчинительными союзами).

Иные средства выражения каузальных связей упомянуты либо исключительно в немецких грамматиках, либо только в итальянской литературе по грамматике. К таким структурам в немецком языке относятся бессоюзные придаточные предложения и наречия/местоименные наречия, в итальянском языке — герундий. Однако при рассмотрении непосредственно систем немецкого и итальянского языков были установлены не все выше обозначенные различия между описываемыми языками. Так, например, в немецком языке имеются причастные конструкции, которые в формальном и синтаксическом отношении являются близкими к герундию формами. Бессоюзные придаточные предложения существуют также в итальянском языке. Кроме того, система итальянского языка располагает союзными словами (например, *pertanto, perciò, allora, infatti*), которые на синтаксическом уровне функционируют как наречия. К подлинным отличительным чертам относятся скорее следующие:

- 1) Сочинительный союз как маркер выражения каузальных отношений представлен только в немецком языке. В данном случае речь идет о немецком сочинительном союзе *denp*.
- 2) Характерные для обоих рассматриваемых языков части речи либо структуры с причинной семантикой обнаруживают различия относительно их внутренней структуры и на семантическом уровне как в немецком, так и в итальянском языках; они репрезентируют три типа каузальных связей и в зависимости от рассматриваемого типа семантических отношений характеризуются разной степенью частотности и вариативности:
  - а) Тип семантической связи, для выражения которого используется наибольшее количество языковых структур, представляет собой как в немецком, так и в итальянском языках каузальность в узком значении. При этом на вариативность каузальных коннекторов указывает не только количественный показатель, но и формальные особенности их внутренней структуры. В системе немецкого языка наиболее характерными средствами выражения каузальности в широком смысле слова являются подчинительные союзы, предлоги и наречия, в итальянском языке — союзные слова и подчинительные союзы. Немецкие наречия и итальянские союзные слова характеризуются

схожим способом словообразования. Большинство немецких наречий представляют собой местоименные наречия, которые состоят из локального наречия *da* и локального предлога/частицы (*dar+um*, *da+her*) либо из определенного артикля в родительном падеже и предлога (*des+halb*, *des+wegen*). Встречается также способ словообразования, при котором используется комбинация предлога с существительным (*zu+folge*, *in+folge*). Похожая модель словообразования прослеживается у итальянских союзных слов: предлог + прилагательное (*per+tanto*), союз + прилагательное (*e(b)+bene*), предлог + существительное (*in+fatti*). Различия между способами выражения каузальности в узком значении наблюдаются в тех случаях, когда в итальянском языке употребляются нефинитные глагольные формы (например, герундий, причастие). В итальянском языке в этом отношении отмечается тенденция к использованию имплицитных структур, в то время как в немецком языке каузальные отношения передаются при помощи эксплицитных языковых средств (предлоги и союзы).

- б) Для репрезентации финальных связей как немецкий, так и итальянский языки располагают меньшим набором коннекторов. При этом, с точки зрения формальных особенностей внутренней структуры обнаруживается, что между средствами выражения финальных отношений в немецком и итальянском языках имеется больше соответствий. Единственное различие между рассматриваемыми языками заключается в том, что типичными структурами выражения финальности в немецком языке являются наречие *dazu* и предлог *zwecks*, в то время как для итальянского языка характерно использование предложной группы в сочетании с подчинительным союзом (*in modo che*), которая тем не менее выполняет функцию подчинения и таким образом совпадает с немецким подчинительным союзом *damit*.
- в) Между структурами выражения кондициональных отношений в немецком и итальянском языках прослеживаются главным образом черты сходства. Отличия связаны скорее со специальной терминологией, т. е. с тем, каким образом классифицируются части речи в традициях грамматического описания обоих рассматриваемых языков. Так, например, части сложного предложения в немецком языке обнаруживают корреляцию между подчинительным союзом (в придаточном предложении) и наречием (в главном предложении). В свою очередь, для итальянского языка характерна корреляция между союзом и союзным словом.

В качестве перспективы дальнейшего исследования представляет интерес более подробное описание общих и отличительных морфосинтаксических особенностей между каузальными структурами немецкого и итальянского языков.

Литература

- Blühdorn H.* Kausale Satzverknüpfungen im Deutschen // *Pandaemonium Germanicum* (Revista de Estudos Germanísticos 10). 2006. P.253–282.
- Duden.* Die Grammatik. 8., überarb. Aufl. Mannheim. Leipzig; Wien; Zürich: Duden, 2009.
- Engel U.* Deutsche Grammatik / Neubearb. 2., durchges. Aufl. Heidelberg: Gross, 2009
- Renzi L.* Grande grammatica italiana di consultazione / Salvi G., Cardinaletti A. Band 1. Bologna: Il Mulino, 2001.

Кириченко Мария Александровна¹, Райчева Мира Красимирова²

¹канд. филол. наук, старший преподаватель, кафедра романской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
maria.kirichenko80@gmail.com

²студентка, Санкт-Петербургский государственный университет;
st093254@student.spbu.ru

ЛИЧНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ NOUS КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧАСТНОСТИ К АДРЕСАТУ В ДИСКУРСЕ Э. МАКРОНА

Ключевые слова: личное местоимение, адресат, политический дискурс, персуазивность.

Языковая личность действующего президента Франции Эмманюэля Макрона привлекает большое число исследователей по ряду причин: дуализм, проявляющийся с одной стороны, в использовании просторечий и фамильярной лексики, а с другой стороны, в философской содержательности, интеллектуализме его политического дискурса [Логинава 2019], богатство и метафоричность его языка [Майяфр 2021].

Нужно признать, что Эмманюэля Макрона часто упрекают в высокомерии и дистанцировании от народа во французских СМИ: « Emmanuel Macron ne converse pas avec le peuple, il le met en distance », « Pour Macron », « la foule » n'a « pas de légitimité » (« Le Figaro »), « Fin de vie : Emmanuel Macron avec ou sans le peuple? » (« le Nouvel Observateur ») и др.. Президента также уличают в злоупотреблении местоимением первого лица единственного числа исследователи его дискурса [Пефтиев, Бойчук 2020], что свидетельствует о некотором барьере между президентом и нацией. Именно поэтому нам показалось важным и интересным рассмотреть одно из средств, с помощью которых вербально первое лицо Франции выражает свою причастность и свое единение с аудиторией.

В рамках работы анализу были подвергнуты публичные выступления французского президента: выступление Эммануэля Макрона после его победы во втором туре президентских выборов, выступление президента перед парламентом, обращение к нации во время пандемии коронавируса, а также его новогоднее обращение к народу Франции в 2023 году. Президент выражает свою принадлежность к нации и для достижения данной цели он использует различные лексические и грамматические средства, такие как разнообразные обращения (*mes chers compatriotes, chers amis, mes amis, etc.*), притяжательные местоимения (*notre, nos*), формы императива первого лица и личное местоимение первого лица множественного числа *nous*. Именно последнее средство мы и хотели бы рассмотреть ниже.

Местоимение *nous* используется как средство персуазивности, воздействия на аудиторию через включение адресанта в круг адресатов. К подобным средствам прибегают многие политики. В данном исследовании мы опирались на три основные значения местоимения *nous*, предложенные Т. Д. Хасановым: А - «мы» как народ, В — «мы» как партия и С — «мы» как государство [Хасанов 2018]. Однако мы объединили функции А и С, поскольку в рамках данного исследования их функционал (причастность к адресату) схож.

Обратимся к примерам: « Chacun d'entre nous y aura une responsabilité, chacun d'entre nous aura à s'y engager, car chacun d'entre nous compte plus que lui-même », « Il nous reviendra ensemble... nous pourrons vivre plus heureux en France et relever les défis que nous attendent ». Эммануэль Макрон использует местоимение первого лица множественного числа, чтобы мотивировать людей к активному участию в жизни страны, демонстрируя свою вовлеченность, готовность противостоять трудностям вместе с народом. В следующем примере через данную форму президент, выражая пожелания нации, включает и себя в адресаты своего высказывания: « Je forme pour nous tous des vœux d'unité, des vœux d'audace, des vœux d'ambition collectives et des vœux de bienveillance ».

Общенациональное «мы», также называемое «мы» как государство, включает в себя всех граждан, в том числе и президента: « Nous ne sommes plus souverain et ce débat ne vaut pas si nous

décidons que tel ou tel grand groupe énergétique internationale décide de notre politique climatique pour nous, nous ne sommes plus à même de décider et d'avoir un débat démocratique ». Президент выражает обеспокоенность ограничением суверенитета страны и потерей самостоятельности принятых решений, призывая с помощью местоимения nous адресатов разделить его опасения.

Особого внимания заслуживает использование местоимений в обращении президента к парламенту (данную функцию можно рассматривать как «коллегиальное мы»): « Ce sont mille chemins différents qui nous ont conduits ici, aujourd'hui, vous et moi, animés par le même désir de servir et même si ce désir n'a pas le même visage, pas la même forme, même s'il n'emporte pas les mêmes conséquences, nous en connaissons vous et moi la source, ce simple amour de la patrie ». Президент обращается к депутатам, используя местоимения nous и vous et moi. С одной стороны, Э. Макрон подчеркивает, что их объединяет служение отечеству, используя для этого местоимение nous. С другой стороны, не следует пренебрегать местоимениями vous и moi: с помощью данных средств президент проводит границу между собой и избранными, дистанцируется от них. Таким образом, здесь мы можем наблюдать определенный конфликт, столкновение объединяющего nous и vous et moi, причем последние, на наш взгляд, выполняют функцию ограничителя: « Nous avons vous et moi reçu le mandat du peuple », « Mais nous avons à prendre la mesure des efforts que va nous imposer cette formidable soif de renouvellement dont nous sommes, vous et moi, les porteurs ».

На наш взгляд, использование местоимения nous (как и других форм, оставшихся за рамками данной работы) в дискурсе президента Франции свидетельствует о его стремлении показать, что он вместе с французским народом. Нам представляется перспективным изучение сочетаний местоимений, вызывающих конфликт функций: с одной стороны, объединение адресанта с адресатом, с другой стороны, дистанцирование. Можно предположить, что это намеренный прием, поскольку он ни разу не встретился в речах, обращенных к нации в целом.

В большинстве примеров, местоимение nous выполняет функцию причастности к адресату и фигурирует в последних выступлениях президента достаточно часто. Это может свидетельствовать о смене речевых стратегий первого лица Франции и служить поводом для изучения дискурса французского президента в диахроническом аспекте.

Литература

- Логина П. Г. Анализ лингвокогнитивных особенностей Эммануэля Макрона // Преподаватель XXI век. 2019. № 2. С. 360–372.
- Пефтиев В. И., Бойчук Е. И. Специфика идиолекта Э. Макрона в контексте его политической деятельности // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 104–112.
- Хасанов Т. Д. Манипулятивная роль местоимений МЫ/НАШ (на материале текстов выступлений Эммануэля Макрона и Марин Ле Пен в ходе президентской кампании во Франции в 2017) // XVII Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 43–46.
- Mayaffre D. Macron ou le mystère du verbe. Ses discours décryptés par la machine. La Tour-d'Aigues. Éditions de l'Aube, 2021. 342 с.

Кондратенко Полина Игоревна¹, Дубина Анастасия Михайловна²

¹канд. филол. наук, ассистент, кафедры немецкой филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет; p.kondratenko@spbu.ru

²старший преподаватель, кафедра немецкой филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет; a.dubina@spbu.ru

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ПРАВИЛЬНОГО ПРЕДЛОГА С НАЗВАНИЕМ МЕДИА-РЕСУРСА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: корпусный анализ, немецкоязычная интернет-коммуникация, сочетаемость имен собственных, немецкие предлоги.

Предлагаемый доклад посвящен исследованию употребления названий таких интернет-ресурсов, как социальные сети, поисковые системы, видеохостинги и мессенджеры (YouTube, Facebook*, Instagram*, Telegram и др.) с различными предлогами в немецком языке. Актуальность исследования обусловлена практикой преподавания немецкого языка как иностранного и эмпирическими наблюдениями за речью носителей немецкого языка: в результате зафиксирована вариативность использования предлогов с различными названиями интернет-ресурсов. Несмотря на отсутствие достаточных количественных данных для выделения основных направлений наблюдаемой вариативности, существует потребность в разработке правил использования определенных предлогов с онимами-названиями интернет-ресурсов. В соответствии со сказанным, цель исследования заключается в выявлении тенденций в использовании предлогов с названиями веб-платформ, определении наиболее часто встречающихся вариантов и объяснении причин вариативности в каждом конкретном случае. Согласно нашей исходной гипотезе, с данными онимами преимущественно используются локальные предлоги, что соответствует концепции, определяющей сеть Интернет как «третье место».

Материалом для исследования послужили коллекции корпусов DWDS (подкорпус Webkorpus), при этом было принято решение ограничиться временным промежутком с 2013 по 2023 гг., что позволило бы рассматривать наиболее актуальные данные, обеспечив вместе с тем репрезентативность выборки. Проведение исследования потребовало использования количественно-качественного и корпусного методов, в частности, контекстно-семантического, структурно-грамматического анализа и анализа частотности.

Отметим, что ономастический статус названий ресурсов в сети Интернет проблематичен: нередко он становился предметом научной дискуссии. Данные онимы зачастую представляют собой названия компаний и одновременно их продуктов, то есть, соотносятся как с онлайн-продуктом, так и с объектами «оффлайнового» мира, что позволяет исследователям то относить их к таким категориям имен как топонимы, эргонимы, прагматонимы или прагмонимы [Зубарева 2021: 123], то выделять их в отдельные категории идеонимов и сайтонимов, то рассматривать их как результат метонимического переноса, в ходе которого услуга, предоставленная компанией, перенимает ее название.

Для исследования была составлена гетерогенная выборка популярных веб-платформ, к которым относятся сайты (узкоспециализированные ресурсы, посвященные конкретной теме или выполняющие конкретную задачу), интернет-порталы (расширяющие функционал сайта за счет поисковой системы), а также различные типы социальных сетей: 1) для вербальной коммуникации (Facebook*); 2) для обмена медиаконтентом (видео: YouTube, изображениями и видео: Instagram*, изображениями: Pinterest); 3) для коллективных обсуждений в рамках форумов и тредов (Reddit); 4) для авторских записей (Twitter); 5) мессенджеры (WhatsApp*, Telegram, Viber).

Для подсчета процентного соотношения употреблений онимов с предлогами был использован комплекс формул Microsoft Excel, который позволил автоматически вычислить сумму всех

* Принадлежат компании Meta Platforms (признана в Российской Федерации экстремистской организацией, деятельность на территории Российской Федерации запрещена).

употреблений того или иного онима со всеми предложениями в выбранном подкорпусе, а затем установить процент употреблений, приходящийся на долю каждого отдельного предложения.

В ходе исследования полностью подтвердилось исходное предположение о широкой вариативности употребления предлогов с онимами, что объясняется такими чертами интернет-коммуникации, как не просто высокая, но постоянно растущая скорость обмена информацией по сети Интернет, интерактивность, требующая максимального вовлечения коммуникантов в построение и перестраивание диалога [Imo 2017: 81], смешение устного и письменного модусов формулирования текста [Dürscheid 2018], многочисленные языковые и мультимодальные инновации [Езан, Ковтунова 2022: 254].

По результатам корпусного анализа были выделены наиболее частотные предлоги, употребляющиеся с интересующими нас онимами в сети Интернет, подтвердилась гипотеза о преобладающем использовании локальных предлогов. Наибольшую частотность показали предлоги *auf, bei, über, per, in*. Были также выявлены случаи употребления предлогов, отвечающих за динамическую локализацию объекта в пространстве, — более частотных: *per, über* и менее частотных: *via, durch* — причем достаточно высокая относительная частотность последнего связана также с употреблением в инструментальном значении в составе пассивных конструкций.

Основопологающим критерием выбора того или иного предлога, употребляемого с онимом, в первую очередь удалось выделить функцию, которую выполняет обозначаемый онимом денотат, то есть, тот или иной ресурс. Так, тенденцию к употреблению с предлогом *auf* продемонстрировали платформы и социальные сети, объединенные специализацией на размещении текстового и мультимодального контента. В том же случае, если интернет-ресурс в первую очередь предназначен для быстрого обмена информацией в формате чата, он с большей вероятностью будет употребляться с предлогами динамической локализации. В случае, когда цифровой сервис тесно ассоциируется с предоставляющей его компанией (сервисы Google), наиболее частотным оказывается предлог *bei*, маркирующий отношение к фирме или предприятию. Таким образом, функциональная специфика ресурса с неизбежностью отражается на выборе предлога.

Литература

- Езан И. Е., Ковтунова Е. А. Немецкоязычная интернет-лингвистика: история и современность // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. Вып. 12. С. 252–272. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2022.113>.
- Зубарева А. В. Онимы в интернет-коммуникации: новые явления и функции // АПФ&ПЛ. Тематический выпуск: Многомерность дискурса. 2021. № 1. С. 120–136.
- Dürscheid Ch. Von der Mündlichkeit zur Schriftlichkeit. Normen in der Internetkommunikation // Informationen zur Deutschdidaktik (ide). Zeitschrift für den Deutschunterricht in Wissenschaft und Schule. 2018. № 4 (42). S. 93–100.
- Imo W. Interaktionale Linguistik und die qualitative Erforschung computervermittelter Kommunikation // Empirische Erforschung internetbasierter Kommunikation. Band 9 der Reihe Empirische Linguistik / Hgrs. M. Beißwenger. 2017. S. 81–108. <https://doi.org/10.1515/9783110567786-004/>

Крупнова Наталия Александровна

канд. филол. наук, доцент, кафедра иностранных языков и культур,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал;
krupnova.n.a@yandex.ru

СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА КОМПОЗИТОВ КАК ЧЛЕНОВ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ LIEBEN)

Ключевые слова: композиты, словообразовательное гнездо, способы производства, типы полисемии, сферы функционирования.

В научной литературе, на наш взгляд, внимание заслуживают две трактовки понятия словообразовательных гнезд (далее СГ): это «совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации» [Русская грамматика 1980: 134] и «большая или меньшая группа слов, родственных между собой как по образованию, так и по значению», данное М. Д. Степановой [Степанова 1962: 73]. По мнению последней, сложные слова как «цельноформленные единицы» входят в состав гнезд с разными «ядрами» или вершинами. Эта точка зрения перекликается с позицией Аликаевой Г. В., которая также считает, что семантические связи гнезда выходят за его пределы, образуя «аллигатуры» гнезд [Аликаева 1999: 35].

Под композитами мы понимаем все слова, основа которых состоит из двух или более компонентов, независимо от способов их образования.

СГ с глагольной вершиной «lieben» в немецком языке имеет более 200 композитов с первым компонентом liebe- и почти столько же сложных слов, где этот компонент выступает в качестве главного, то есть последнего слова.

Известно, что в немецком языке отсутствует словообразовательный гнездовой словарь. На предварительном этапе нашего исследования мы реконструировали СГ с вершиной «lieben», используя для сбора материала три популярных немецких онлайн-словаря [см. литературу]. Из воссозданного СГ методом сплошной выборки слов мы вычленили композиты, среди которых большую часть составляют существительные, их более 350 единиц, затем идут прилагательные, их около двадцати, и на третьем месте композиты-глаголы, их 8 единиц.

Цель данной статьи — раскрыть способы образования композитов в СГ. Она реализуется в следующих задачах: вычленив наиболее частотные и продуктивные словообразовательные модели; рассмотреть сферы функционирования композитов в речи.

Рассмотрим способы производства композитов в рамках частеречной принадлежности.

Композиты-существительные — это производные слово- или основосложения, а также таким видом его разновидности как «сдвиг». Выделяются следующие модели:

1. Основа слова Liebe в качестве определяемого слова + соединительный элемент «es» + другое существительное, например, der Liebesapfel, der Liebesbeweis, der Liebesblick и другие;
2. Основа слова Liebe в качестве определяемого слова + соединительный элемент «e» + другое существительное, например, die Liebedinerei и другие;
3. Существительное + соединительный элемент «s» + слово «liebe» в качестве главного слова, например, die Freiheitssliebe, Friedensliebe и другие;
4. Существительное + слово «liebe» в качестве главного слова, например, der Bruderliebe, Musikliebe, Schwesterliebe и другие;
5. Основа слова Liebe в качестве определяемого слова + другое существительное, например, der Liebreiz, der Liebstockel и другие;
6. Существительное + производное первой степени словообразования der Liebling, например, der Filmliebling, der Frauenlienling, der Gotterliebling и другие;

7. Существительное + производное первой степени словообразования «das Liebchen», например, das Vielliebchen, das Feinsliebchen и другие.

Продуктивны и частотны модели 1, 3, 4 и 6.

Среди производно-сложных слов есть композиты, образованные двумя процессами одновременно: сложением и суффиксацией. Это сращения. Такие модели в СГ:

1. Глагол *lieben* + суффикс *er*: *der Liebhaber*. В рамках этой модели на последующих ступенях словообразования возможно добавление других суффиксов или даже целых слов:

- суффикса «*ei*», например, *die Liebhaberei*;
- суффикса «*in*», например, *die Liebhaberin*;
- целого слова, например, *die Liebhaberausgabe*, *der Weinliebhaber*, *der Naturliebhaber* и другие.

2. Глагол *lieb kosen* + суффикс *ung*: *die Liebkosung*.

Один композит — это «сдвиг», слово *das Liebessteldichein* (любовное свидание). По своей структуре второй компонент — это композит (застывшая форма повелительного наклонения второго лица единственного числа от глагола *sich einstellen* (приготовиться, подготовиться), к которому добавляется существительное *die Liebe*.

Композиты-прилагательные образованы только словосложением по следующим моделям:

1. Основа слова *die Liebe* + соединительный элемент «*e*» + прилагательное: *liebebedürftig*, *liebeleer*, *liebevoll* и другие.
2. Основа слова *die Liebe* + соединительный элемент «*es*» + прилагательное: *liebestoll*, *liebeskrank*, *liebesfähig* и другие.
3. Глагол *lieben* + соединительный элемент «*s*» + прилагательное: *liebenswürdig*, *liebenswert* и другие.
4. Основа слова *die Liebe* + прилагательное: *liebreich*, *liebwert* и другие.
5. Основа слова *die Liebe* + соединительный элемент «*e*» или без него + причастие I: *liebrend*, *liebeglühend* и другие.
6. Существительное + прилагательное *lieb*: *ortlieb*, *tierlieb*, *herzlieb* и другие.

И, наконец, глаголы-композиты образованы также путем сложения по следующим моделям:

1. Основа слова *die Liebe* + глагол: *lieben*, *lieb kosen*, *lieb äugeln*, *lieb behalten* и другие.
2. Глагол *lieben* + другой глагол: *lieben lernen*.

Таким образом, подводя итог способам производства композит в СГ с вершиной «*lieben*» мы приходим к следующим выводам:

1. Самым многочисленным классом среди всех сложных производных нашего гнезда являются существительные.
2. Композиты-существительные образованы в основном сложением и его разновидностью «сдвигом».
3. Среди существительных-композит, образованных путем сложения, наиболее продуктивными выступают модели под номерами 1, 3, 4, 6.
4. Сложные слова-сращения представлены у существительных в меньшем количестве, в них только две словообразовательные.
5. Лишь одно производное, существительное *das Liebessteldichein* является «сдвигом» в СГ.
6. Композиты-прилагательные и композиты-глаголы образованы в составе СГ только одним способом, это словосложением.

Разнообразие стилистических помет сложных слов обращает на себя особое внимание. Большая часть композитов относится к общеупотребительной лексике, а также возможно

встретить слова с такими пометами, как биол., мифол., психол., религ., астрол. и множество других. Есть также слова с коннотациями фамильярности, устаревшие, поэтические и разговорного стиля. Сфера функционирования сложных производных говорит об их общеупотребительности и популярности.

Итак, произведенный нами краткий обзор особенностей производства, характера организации смысловой структуры производных фрагмента СГ с вершиной «lieben», представленного композитами разных частей речи, выявляет его сложность, многогранность и деривационную глубину.

Литература

Аликаева Г. В. Единицы деривационного уровня, состоящие из словообразовательных гнезд и словообразовательных рядов // Филологические науки. 1999. № 1. С. 35.

Немецко-русский словарь Мультитран. URL: <https://www.multitran.com/m.exe>

Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980. Т. 1. С. 134.

Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Выс. школа, 1962. С. 73.

Wörterbuch der deutschen Sprache. Duden-online. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch>

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache DWDS. URL: <https://www.dwds.de/>

Михайлова Ирина Михайловна

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
i.mikhailova@spbu.ru

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ИНВЕРСИИ «ТЕТУШКА БЕТЬЕ» И ДРУГИЕ В НИДЕРЛАНДСКОЙ ГРАММАТИКЕ XX–XXI ВВ.

Ключевые слова: нидерландский язык, грамматические изменения, Синтаксическая конструкция «тетушка Бетье», порядок слов после придаточного, вспомогательные глаголы перфекта.

Человеку, изучающему историю грамматики конкретного языка, порой бывает трудно представить себе, каким образом получается так, что в таком-то веке все носители этого языка вдруг забывают о существовании той или иной грамматической категории? Ведь эта категория еще недавно была нужна. С другой стороны, читая авторов, скажем, I половины XX века, мы нередко испытываем недоумение: неужели они не чувствовали, что та или иная грамматическая форма или конструкция, использованная в их книге, противоречит правилам и логике языка и, соответственно, является аграмматичной? И шире: что можно считать в языке правильным, а что неправильным? [Klooster 2008: 23]

Чтобы осознать, насколько подвижны грамматические закономерности, рассмотрим детально четыре весьма примечательных изменения в грамматике нидерландского языка, которые произошли буквально у нас на глазах за последние 50 лет. Эти изменения коснулись следующего: а) «неоправданной» инверсии в сложносочиненных предложениях после союзов *en* «и» и *maar* «но»; б) инверсии в главном предложении после бессоюзного условного; в) функционирования причастных оборотов в роли обстоятельства; г) использования вспомогательных глаголов *hebben* «иметь» и *zijn* «быть» при образовании перфекта ряда глаголов, в частности, глагола *vergeten* «забывать».

Первое из перечисленных явлений было общеупотребительным в письменной речи с XVII по XX в., до того момента, когда лингвист-пурист Г. Нолст Трениге (1870–1946), известный под псевдонимом Харивариус, осудил эту конструкцию как анаколупф. Харивариус назвал ее по имени своей тетушки Бетье, часто использовавшей такой порядок слов в письмах к племяннику [Sijts 2005: 143]. Суть проблемы в том, что если в сложносочиненном предложении в первом из простых использована инверсия, то во втором зачастую также использовалась инверсия, хотя, если рассуждать логически, на это нет никаких оснований. Например:

Gisteren hebben wij uw brief ontvangen en kunnen wij u thans meedelen dat...
«Вчера мы получили ваше письмо и можем вам теперь сообщить...»

Некоторые нидерландские исследователи считают, что данная конструкция вполне органична для нидерландского языка и стала из него изживаться только благодаря авторитету вышеуказанного пуриста и придуманному им остроумному названию. Собранный нами материал показал, что на протяжении XX–XXI веков данная конструкция вышла из употребления в своем классическом виде, однако ее модифицированный вариант, наоборот, получает все большее распространение.

Второе явление — возникновение инверсии в главном предложении после бессоюзного условного — стало набирать силу во II половине XX века. Отличие бессоюзных предложений, еще недавно сохранявших связь с вопросительными, из которых они произошли, от условных придаточных с союзом *als* «если» все более стирается, так что в XXI ни у кого не вызывает ни удивления, ни осуждения недопустимый ранее порядок слов, как, например, в следующем предложении:

Mocht ik ooit nog een hond nemen, wil ik graag het recept.
Если я когда-нибудь еще заведу собаку, то хочу получить рецепт.

В связи с тем, что на протяжении трех-четырёх десятилетий главное предложение после бессоюзного условного практически обязательно начиналось о наречия *dan* «тогда, то», — как это часто бывает и после придаточных с *als*, — различие между этими двумя типами перестало ощущаться. Впрочем, данный вариант оформления главного предложения после придаточного бессоюзного остается и сегодня наиболее частотным:

Mocht u nog vragen hebben dan verzoeken wij u deze per email te stellen.

Если у вас еще остались вопросы, то просим вас задавать их по электронной почте.

Третье явление связано с представлением о «неправильности» тех предложений с причастным оборотом в роли обстоятельства и/или предикативного определения, в которых производители действий, выраженных причастием и сказуемым, не совпадают, например:

Eenmaal thuis gekomen bleek Mia toch wel een flinke wond te hebben.

«Вернувшись домой, оказалось, что у (собаки) Миа все же большая рана».

Хотя правило об обязательности совпадения производителя действия было сформулировано в XIX в. [Sijns, *ibid.*], подобные «неправильные» предложения продолжали встречаться у писателей XX века, в том числе тонких стилистов.

Четвертое явление касается вариативности вспомогательных глаголов *hebben* «иметь» и *zijn* «быть» при образовании перфекта. Глобальное правило гласит, что *hebben* используется при переходных и возвратных глаголах, а *zijn* при глаголах движения и изменения состояния. Трехтомный толковый словарь 1984 г. указывает, что в значении «забыть какую-то мысль» возможны вспомогательные глаголы как *hebben*, так и *zijn*, а в значении «забыть где-то какую-то вещь» только *hebben* [Van Dale 1984: 3143]. Однако новейшие нидерландские словари и сайты о правильности речи разъясняют, что в значении «забыть какую-то мысль» возможен только вспомогательный глагол *zijn*, а если речь идет о забытом предмете, то возможны оба вспомогательные глагола [<https://taaladvies.net/ik-ben-of-heb-het-vergeten/>]. Наш материал полностью подтверждает правоту указанных двух источников: если детская писательница Анни Шмидт (1911–1995) в обоих значениях использует вспомогательный *hebben*, то более молодой автор Дан Хейрма ван Вос (род. 1986) в обоих значениях употребляет *zijn*.

Таким образом, рассмотренный материал позволил проследить постепенность и даже незаметность — и одновременно неуклонность происходящих в грамматике изменений, а также оценить, какую роль в истории языка порой играют языковеды, но главное — осознать подвижность представлений о том, что в грамматике «правильно», а что «неправильно».

Литература

Klooster W. Wat is dat, ongrammaticaal? // Wat iedereen van het Nederlands moet weten en waarom. Amsterdam: Bert Bakker, 2008.

Sijns N. van der. De geschiedenis van het Nederlands in een notedop. Amsterdam: Bert Bakker, 2005.

Van Dale Groot Woordenboek der Nederlandse Taal. Elfde, herziene druk. Derde deel S-Z. Utrecht-Antwerpen: Van Dale Lexicografie b.v., 1984.

Сайт о правильности нидерландской речи: URL: <https://taaladvies.net/ik-ben-of-heb-het-vergeten/>

Никифорова Светлана Александровна

канд. филол. наук, доцент, кафедра романских языков им. В. Г. Гака,
Московский педагогический государственный университет;
nikiforova@mpgu.su, svnikiforova2020@gmail.com

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВРЕМЕН PRETÉRITO PERFECTO И PRETÉRITO INDEFINIDO DE INDICATIVO В ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ АМЕРИКЕ

Ключевые слова: Pretérito Perfecto, Pretérito Indefinido, прошедшее совершённое действие, настоящее расширенное, Латинская Америка.

В большинстве стран испаноговорящей Америки, употребление Pretérito Perfecto (he trabajado) и Pretérito Indefinido (trabajé) существенно отличается от академического. При этом речь не идёт ни о «вытеснении» одного времени другим [Степанов 1963: 169] (Pretérito Indefinido в ущерб Pretérito Perfecto), ни об «упрощении» языковых форм, но о разных принципах использования указанных времен в разных частях испаноязычного мира. В большей части Испании Pretérito Perfecto мыслится как действие, произошедшее непосредственно перед настоящим и, сохраняющее значение на настоящий момент [Ureña и Alonso 1977: 164].

Но даже в классических учебниках время от времени встречаются комментарии о том, что перечисленные правила использования времён действуют не всегда. Так, В. С. Виноградов делает следующую помету «В некоторых районах Испании и в значительной части Латинской Америки вообще характерно употребление pretérito indefinido вместо pretérito perfecto» [Виноградов 1990: 158]. В. Г. Степанов в своем фундаментальном труде, посвященном испанскому языку в Латинской Америки, уделил данному вопросу совсем мало внимания: «§ 162. Формы pretérito perfecto simple (canté) в американском варианте проявляют тенденцию к вытеснению и замене форм pretérito perfecto (he cantado), в противоположность нормам разговорной речи мадридцев, где наблюдается обратное явление...» [Степанов 1963: 169].

Откуда же берётся такое расхождение в использовании указанных времён? Дело в том, что исторически Pretérito Indefinido восходит к классическому латинскому перфекту (вспомним знаменитое Veni, vidi, vici), который объединял в своём значении два современных испанских прошедших перфектных времени — Pretérito Perfecto и Pretérito Indefinido.

Глаголы tenere и habere соперничали в Испании, пока практически не разделились — глагол tener стал обозначать собственно «иметь», а haber в основном стал использоваться как служебная часть речи. Конструкции с глаголом tener, чьей целью является показать результат некоего действия, произошедшего в недавнем прошлом, а зачастую произошедшего не раз, а все ещё происходящего в настоящем и, возможно, в будущем, и сейчас используются в современном испанском языке (tiene leídos todos sus libros). Именно от подобных конструкций в латинском языке, но с глаголом habere, образовалось современное испанское Pretérito Perfecto (ha leído todos sus libros) [Lenz 1920: 451]. Можно сделать вывод, что Pretérito Perfecto в Латинской Америке рассматривается скорее как действие, происходящее в расширенном настоящем, чем как единичное действие, произошедшее в прошлом, пусть и сохранившее важность для настоящего. На русский язык такие фразы часто переводятся именно настоящим временем.

Современный разговорный испанский язык Латинской Америки (а Pretérito Perfecto в основном встречается в разговорной речи) использует Pretérito Indefinido для простой констатации факта, случившегося в прошлом. Не имеет значения, недавнее это прошлое или давнее, использованы ли при этом какие-то формальные указатели на законченный период в прошлом (типа ayer, el año pasado и т. п.): «Hoy que vine a Managua para saber sobre mi ubicación de trabajo, me di cuenta que un amigo mío viajaría a Moscú. /Сегодня, когда я пришел на работу, чтобы узнать, чем, мне придётся заниматься, мне сказали, что один знакомый собирается ехать в Москву». Pretérito Perfecto используется тогда, когда действие происходило, происходит и, возможно, будет происходить в будущем вне зависимости от того, как давно оно имело место по отношению к моменту речи и от того, присутствуют или нет формальные указатели на незавершённость пе-

риода в настоящем времени. Мы можем его назвать «расширенным настоящим»: “No he dejado de pensar en ti. — Я тут все думаю о тебе.» (Примеры информантов).

Иногда употребление Pretérito Perfecto объясняется эмоциональностью высказывания “y se ha bebido una gran porra! Y nosotros viendo que se bebió una porra así... de este tamaño...” / Он выхлебал полную бутылку вина. А мы стояли и смотрели, как он пил ее... вот такую здоровую. (Пример информантов)

В противовес всему выше сказанному, многие реплики диалогической речи с использованием определённых форм глагола в Pretérito Indefinido уже превратились в идиомы: “¿Qué fue, hermano? ¿Qué hubo? ¿Qué pasó? / Как дела, братан? Ну как?» (примеры информантов).

Вывод. Изученная литература, а также личное живое общение с латиноамериканцами, приводят к выводу, что выбор за той или другой временной форм в большинстве случаев зависит не от удалённости события от момента речи, сколько от того, требуется ли просто констатировать факт свершившегося действия или речь идёт о т.н. настоящем расширенном времени.

Литература

Виноградов В. С. Грамматика испанского языка. Практический курс. М.: Высшая школа, 1990.

Степанов Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1963.

Lenz R. La oración y sus partes. Madrid: Publicaciones de la Revista de Filología Española, 1920. С. 451.

Ureña P. H., Alonso A. Gramática Castellana. Editorial Pueblo y Educación, II, 1977.

Репина Ксения Сергеевна

соискатель, кафедра скандинавской и нидерландской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
преподаватель, кафедра стран Северной Европы и Балтии,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
ksrepina96@gmail.com

СИНТАКСИС ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ГЕНТСКОМ ДИАЛЕКТЕ НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: нидерландский язык, восточно-фламандский диалект, гентский диалект глагольные конструкции.

Гент — крупный город в бельгийской провинции Восточная Фландрия, наиболее разнообразной провинции с точки зрения диалектного состава. Внутри данного диалектного ареала выделяется несколько групп диалектов, в том числе так называемые «городские диалекты», среди которых особое место занимает город Гент. По словам крупного фламандского языковеда Йохана Талдемана, Гент является своего рода «диалектным островом» внутри Восточной Фландрии [Taeldeman 2005: 20].

В ходе доклада представлены результаты анализа характерных для гентского варианта нидерландского языка глагольных конструкций, проведенного на материале собрания диалектов университета г. Гент (Бельгия) ‘Stemmen uit het verleden’ («Голоса из прошлого»). Собрание состоит из интервью с носителями различных фламандских диалектов, записанных в 1960–70-е годы прошлого столетия. В рамках подготовки к докладу были проанализированы три интервью с носителями гентского диалекта, записанные в 1964 г. Во всех трех случаях в беседе участвуют по три человека — интервьюер и двое респондентов. При этом сам интервьюер также является носителем данного диалекта. Респонденты принадлежат к различным возрастным (от 18 до 66 лет) и профессиональным (домохозяйки, студенты и ремесленники) группам. В рамках беседы обсуждаются такие повседневные темы как семья, быт, здоровье, досуг, образование и другие. В сумме объем трех интервью составил 112 печатных страниц.

Научный интерес представляют глагольные конструкции, отличающиеся вариативностью по сравнению с аналогичными оборотами в литературном нидерландском языке. Так, в литературном языке существует ряд глаголов, требующих после себя инфинитив глагола с частицей *te*. К этой группе относятся, в частности, такие глаголы как *durven* («осмелиться, решиться») и *beginnen* («начинать»). В гентском диалекте инфинитивная частица *te* сохраняется не во всех случаях. Например, она исчезает в составе оборота с глаголом *durven*: ‘*k Durve nie wachte* («я не решусь ждать»). Также частица *te* не сохраняется в сочетании с глаголом *beginnen*, если он входит в составное глагольное сказуемое с модальным глаголом: ‘*k мое ... beginne rekenen* («я должен начать считать»). Такое употребление описано в грамматике нидерландского языка ANS, где оно, однако, не считается нормой, а имеет пометку «регионально» [ANS 2023].

Вышеперечисленные конструкции, хоть и имеют некоторые отличия, присутствуют в литературном нидерландском языке. Отдельно необходимо отметить, что для гентского диалекта также характерны конструкции, отсутствующие в литературном нидерландском в принципе. К таким конструкциям относится оборот *zich zetten te + inf.* в значении «сесть что-то делать», образованный по образцу литературных *zitten te / staan te* и др., обозначающих местоположение говорящего в пространстве на момент совершения того или иного действия: *ik zette kik mij tons te breie* («тогда я села вязать»).

Особое место занимают конструкции, аналогичные литературному инфинитивному обороту *om te + inf.*, который в литературном языке выполняет ряд функций, в частности, является обстоятельством цели, обстоятельством следствия в предложениях с именным составным сказуемым, содержащих *te* или *genoeg*, вводит постпозитивное несогласованное определение, может выполнять функцию подлежащего или дополнения. В проанализированных интервью

om te практически не используется. Употребление данной конструкции встречается лишь несколько раз в речи интервьюера и в речи одного из студентов, что, вероятно, можно объяснить их более высоким уровнем образования и большей начитанностью. Вместо него в проанализированном материале используются другие инфинитивные обороты: voor te, van te и mee te + inf.. Оборот Voor te + inf. при этом используется в тех же функциях, что и om te в литературном языке. Приведем несколько примеров, где данный оборот выполняет следующие функции: 1) обстоятельства цели: Ik zitte te breien en, a ja, voor mij brood te verdienen («сизу вяжу, чтобы заработать себе на хлеб»); 2) обстоятельства следствия: En nu dame tons te oud geworde zijn voor te voyager («мы тогда уже слишком постарели для путешествий»); 3) определения: zijn eerste gedacht heeft geweest voor schoolmeester te gaan («первой мыслью было пойти в школьные учителя»). Van te встречается значительно реже, при этом в основном в функции дополнения: 1) Hij spreek nie van aan de universiteit te blijve («он не говорит о том, чтобы остаться в университете»). Третья из перечисленных конструкций открывается в большинстве случаев словом bezig, являясь, таким образом, инфинитивным оборотом в функции предложного дополнения: ze zijn ezo al bezig mee ezo ketels te hange gelijk («они как раз заняты тем, что вешают котлы»). В литературном языке подобная конструкция отсутствует.

В последней части доклада уделяется внимание употреблению форм перфекта, в частности форме будущего в прошедшем II (zou + inf II). Здесь в качестве вспомогательного глагола перфектного инфинитива респонденты обязательно используют только hebben (zou hebben gegaan), даже если вне данной формы перфект от того же глагола образуют со вспомогательным zijn (is gegaan): we hebben wij nooit nie gepeisd, Miele, dat da ezo zou gegaan hebben waar («мы никогда не думали, Миле, что все так обернется»); Tante Marie zou anders den eerste september tweeënnegentig geworden hebben («иначе тете Марии первого сентября исполнилось бы 92 года»).

Как видно из приведенных выше примеров, глагольные конструкции гентского диалекта значительно отличаются от глагольных конструкций литературного нидерландского языка, что представляет интерес для дальнейшего их исследования.

Литература

- Algemene Nederlandse Spraakkunst // Grammatica van het Nederlands. URL: <https://e-ans.ivdnt.org/topics/pid/ans18050420lingtopic>
- Stemmen uit het verleden // Диалектное собрание университета Гента. URL: www.dialectloket.be
- Taeldeman J. Oost-Vlaams. Taal in stad en land. Tiel, 2005.

Соколова Алина Юрьевна

*д-р филол. наук, профессор, кафедра иностранных и латинского языков,
Тверской государственной медицинской университет;
alinasokolova.tver@yandex.ru*

ВИДЫ АССИМИЛЯЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЕДИНИЦ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ

Цель настоящего исследования — выделить основные типы изменений (ассимиляции) заимствованных лексических единиц в языке-реципиенте и уточнить терминологический аппарат, который используется при описании процессов преобразования заимствованных единиц.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена тем, что виды ассимиляции в литературе разбираются не столь подробно, так как эти процессы всегда зависят от типа, строя и характеристик контактных языков. Следовательно, они будут иметь свои собственные характеристики при описании преобразований заимствований из конкретного языка-донора в определенный язык-реципиент. Кроме того, до настоящего времени отсутствует общепринятая единая терминология изучения различных аспектов процесса заимствования.

Ассимиляция может рассматриваться в двух аспектах: количественная ассимиляция (объем происходящих преобразований) и качественная ассимиляция (на каком языковом уровне происходят изменения заимствованной единицы с целью ее уподобления исконным единицам языка).

В современном языкознании выделяют несколько видов качественной ассимиляции: формальную или структурную — фонетическую (фонологическую, орфоэпо-акцентуационную), графическую (графико-орфографическую) и грамматическую (морфологическую) — и смысловую или функциональную — семантическую (лексико-семантическую) [Богословская 2003; Гринёв 1982; Карнаухов 2000; Колесникова 1986].

При фонетической ассимиляции преобразуется звуковой образ заимствованной единицы и акцентуационная модель.

В результате графической или графико-орфографической ассимиляции графический образ заимствования передается с помощью графических средств языка-реципиента, а его написание подчиняется орфографическим нормам языка-реципиента. В большинстве случаев, если системы письменности совпадают во взаимодействующих в процессе заимствования языках, графическая ассимиляция является нулевой или частичной. При использовании в языках разных систем письменности, графическая ассимиляция может осуществляться несколькими способами: трансфонацией (транскрипцией) и транслитерацией.

Под грамматической ассимиляцией заимствования подразумеваются процессы изменения заимствований, в результате которых иноязычный элемент начинает функционировать по правилам грамматики языка-реципиента. Грамматическая ассимиляция в большинстве исследований сводится к рассмотрению морфологических процессов преобразования, когда заимствованные единицы переходят в соответствующие лексико-грамматические классы слов, а также приобретают необходимые формальные признаки, включаясь в существующие в языке-реципиенте системы грамматических категорий. Как показывают исследования, преобладающее число заимствований сохраняют свою частеречную принадлежность. Преобразованию могут подвергаться формальные элементы заимствованной лексемы: замена, добавление, опущение аффиксов. Подобные преобразования могут быть описаны термином «морфологическая ассимиляция». В рамках морфологической ассимиляции может выделяться словообразовательная. Однако в рамках грамматической ассимиляции, можно выделить не только морфологическую ассимиляцию, связанную с изменением морфологических характеристик слова и приобретением грамматических категорий языка-реципиента, но и синтаксическую, характеризующуюся изменением синтаксической функции заимствованной единицы. Так, например, в составе многословных терминов каждый отдельный элемент подвергается определенной степени фонетической, графической и морфологической ассимиляции. Однако, образуя многословный

термин, компоненты вступают в синтаксические отношения. Следовательно, подвергаются синтаксической ассимиляции, так как синтаксический строй языков различен. Компоненты могут изменять свои частеречные характеристики, принимать иной порядок следования в сочетании, вступать в иные синтаксические связи.

Семантическая ассимиляция заимствований является, по мнению ряда ученых, центральным и решающим моментом в его интеграции. На наш взгляд под семантической ассимиляцией стоит понимать только изменение семантической структуры заимствования. Заимствованные единицы могут сохранять значение в языке-реципиенте, изменять (постепенно или резко) его в связи с изменением самого понятия или появлением нового понятия, приобретать новое значение. Изменение значения иноязычного элемента может протекать в направлении сужения, расширения, смещения и переноса.

Количественную ассимиляцию можно оценивать с точки зрения синхронии и диахронии. Однако в любом случае ее необходимо рассматривать вместе с качественной ассимиляцией. Так на синхроническом срезе ассимиляция языковых единиц характеризуется как полная, нулевая и частичная. Причем количественная характеристика всегда сопровождается указанием вида качественной ассимиляции.

При диахроническом походе в процессе ассимиляции выделяются разные этапы: этап заимствования, этап адаптации и этап интеграции, на котором заимствованная единица уже неотличима от родных единиц языка-реципиента. Однако описать этапы заимствования возможно только соотнося диахронические этапы с качественными изменениями единиц. Так, например, первый этап характеризуется фонетической и графической ассимиляцией иноязычного слова и частичной морфологической ассимиляцией. Дальнейшие этапы могут быть описаны полной грамматической ассимиляцией, включая синтаксическую и стилистическую. Как показало исследование, только учет разных типов ассимиляции позволяет оценить масштабы происходящих и произошедших изменений лексических единиц.

Таким образом, в исследовании приведены основные типы ассимиляции заимствований: полная, нулевая, частичная, фонетическая, графическая, морфологическая, синтаксическая и семантическая. Стоит отметить, что в исследовании впервые использован термин «синтаксическая ассимиляция», который в советской и российской лингвистике традиционно является термином теории перевода и не имеет ничего общего с явлением ассимиляции при заимствовании. Необходимость расширения значения данного термина вызвана сложностью объекта исследования, для описания которого потребовалось разделить понятие грамматической ассимиляции на морфологическую и синтаксическую.

Литература

- Богословская В. Р.* Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований: На материале спортивной лексики английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 24 с.
- Гринёв С. В.* Терминологические заимствования (Краткий обзор современного состояния вопроса) // Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / предисл. Т. Л. Канделаки, С. В. Гринева. М.: Наука, 1982. С. 108–135.
- Карнаухов О. В.* Функционирование англо-американизмов в немецком экономическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000. 165 с.
- Колесникова М. С.* Фонетическая ассимиляция иноязычных слов в современном немецком литературном языке (на материале лексикографического анализа): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1986. 16 с.

Аксенова Надежда Владимировна¹, Денисова Наталья Викторовна²,
Магнес Наталья Олеговна³,

¹канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
n.aksenova@spbu.ru

²канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
n.denisova@spbu.ru

³канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
n.magnes@spbu.ru

СМЫСЛОВЫЕ ДОМИНАНТЫ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ РЕЦЕНЗИЙ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Ключевые слова: лингвокультурология, дискурс, искусствоведческий дискурс, жанр, искусствоведческая рецензия.

Искусствоведческая рецензия (далее ИР) характеризуется рядом культурно-инвариантных особенностей: оценочностью, интерпретативно-аттрактивной информативностью, просветительской интенцией, персуазивностью и обилием экспрессивных стилистических средств [Русское изобразительное искусство 2023: 126]. Вместе с тем закономерно предположить, что данный жанр искусствоведческого дискурса может обладать определенной лингвокультурной спецификой на уровне смысловых доминант, обусловленной уникальными особенностями социума, к которому принадлежит искусствовед и читательская аудитория.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и описании смысловых доминант англоязычных ИР в сопоставлении с русскоязычными на материале публикаций 2010—2020-х гг. о выставках коллекции С. И. Щукина и Лейденской коллекции.

Несмотря на наличие инвариантных языковых и структурно-содержательных черт, англо- и русскоязычные ИР обнаружили ряд лингвокультурных различий.

Так, в содержании англоязычных ИР значительное место занимают такие темы, как провенанс и стоимость живописных работ, роль современного коллекционера в формировании художественного собрания, а также субъективное отношение владельца коллекции к произведениям искусства и творчеству художников:

- (1) “She is our ‘Mona Lisa,’” said Thomas Kaplan, the American billionaire art collector, standing in front of Rembrandt’s “Minerva in Her Study.” “Whenever I look at her,” he said, “I can’t believe that she’s in anyone’s collection, let alone ours.”

Акцент на финансовых возможностях коллекционера может использоваться при создании иронии: в примере 2 собиратель уподоблен воронке/пылесосу, втягивающим в себя наиболее заметные произведения, представленные на арт-рынке (метафорическая модель COLLECTOR IS A MACHINE):

- (2) “The Funnel” or “The Vacuum Cleaner” was the nickname of the collecting couple. “Not because we bought everything that was offered to us, but because many of the top pieces that were on the market at the time ended up with us.”

Интересно, что в русскоязычных ИР поводом для авторской иронии может становиться принадлежность коллекции не музею, а предпринимателю (СЕНСАЦИЯ — ВЕРМЕЕР У ЧАСТНИКОВ!).

Ответственный редактор: канд. филол. наук Т. И. Петухова.

Для англоязычных ИР характерна акцентуация «потребительских» аспектов культурного опыта за счет включения в ИР информации о режиме посещения выставок, сопоставления художественного творчества с коммерческими продуктами (blockbuster exhibition; It's like being able to refresh Gucci), а также эксплицированного отношения к посетителям как к покупателям музейных услуг:

- (3) Visitors who haven't been able to purchase a ticket to the sold-out Vermeer show can take a short walk across the river to a look at his 17th-century predecessor, Rembrandt, instead.

Наконец, в англоязычных ИР прослеживается тенденция к установлению взаимосвязи между художественными явлениями и социально-политическим и идеологическим контекстом 21 века; изобилуют номинации ценностей, ассоциируемых с воздействием живописи на зрителя (humanism; tolerance; strong women; soft power), и антиценностей, противоядием от которых выступает искусство (post-truth; global plutocracy).

В русскоязычных ИР преобладает информация академического плана, связанная с историей создания картин, их сюжетами, организацией выставочного пространства; эксплицируется история формирования коллекции, а также ее связь с жизнью коллекционера (последнее особенно характерно для ИР о коллекции С. И. Щукина).

Акцент на содержательной стороне выставок достигается в том числе благодаря вынесению информации о картинах и художниках в сильную структурную позицию — заголовок или лид:

- (4) В Эрмитаже покажут Рембрандта, Вермеера и Фабрициуса из частной коллекции миллиардеров Нью-Йорка.

Важным смысловым акцентом большинства русскоязычных ИР является уникальность выставки и экспонируемых произведений искусства:

- (5) Выставка уникальна — другого шанса увидеть коллекцию в таком составе уже не будет.

Биографии живописцев и особенности творческого процесса более подробно отражены в русскоязычных ИР; с этим связана более высокая частотность искусствоведческой лексики в текстах на русском языке: московские сезаннисты; шпалерная развеска; ванитас и др.

Кроме того, для русскоязычных ИР характерно широкое разнообразие метафорических моделей, отражающих основные тематические мотивы публикаций, напр.: КОЛЛЕКЦИЯ / КАРТИНА — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО («Танец» **встречает** гостей).

Таким образом, в результате исследования удалось выявить некоторые особенности смысловой акцентуации англо- и русскоязычных ИР. Было установлено, что для русскоязычных ИР в качестве смысловых доминант выступают эстетические качества экспонируемых произведений искусства, а также биографические сведения и творческий метод художников. В англоязычных ИР акцентуируются личность современного коллекционера и его субъективное отношение к произведениям, взаимосвязи между арт-мероприятием и текущим социально-политическим и культурным контекстом, а также «потребительские» аспекты выставок.

Литература

Русское изобразительное искусство XX–XXI веков в зеркале западного искусствоведческого дискурса: лингвокогнитивный аспект: коллективная монография. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2023.

Алимджанов Абдуазиз Абдихакимович

канд. филол. наук, старший преподаватель, кафедра английской филологии и перевода,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.alimdzhanov@spbu.ru

НЕВОЛШЕБНЫЕ ПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ СКАЗКИ: ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА ЖАНР

Ключевые слова: политический дискурс, концептуальная сетка, морфология волшебной сказки; жанр.

Доклад посвящён анализу политического дискурса, а именно его части — политической корректности и её воздействию на сказочный дискурс.

Политическая корректность в США изначально создавалась и рассматривалась как инструмент политики, с помощью которого намеревались решать расовые, социальные и политические проблемы (включая глобалистскую интеграцию мира). Она в США является полноценной частью политики, закреплена законодательно, и финансируется из бюджета.

И поскольку язык охватывает все сферы социальной жизни, политкорректность проникла во все сферы и заставила изменить восприятие языка принудительно. Вдобавок, она стала инструментом и для разных политических групп, заявляющих о своих правах на номинацию.

В контексте всеобщей политизации, некоторые авторы начали переписывать известные художественные произведения на новый лад, заменяя исходные слова на политкорректные, меняя при этом (вынужденно) и мотивы, и сюжет текста. Делалось и делается это с разными намерениями, и указывает на борьбу между разными отношениями к политкорректности: кто-то всерьёз полагает изменить язык и представления людей на более политизированные, а кто-то видит в политкорректном дискурсе материал для творчества.

В данном докладе мы хотим рассмотреть пример переработки концептами политкорректности известной сказки «Cinderella» («Золушка») Шарля Перро [Lang 1891: 64–71] Джеймсом Финном Гарнером, напечатанном в сборнике «Politically Correct Bedtime Stories. Modern Tales for Our Life and Times» [Garner 1994: 38–44].

Автор создаёт сатирический мир в сказке вследствие использования политкорректной лексики, вернее, концептов политкорректности, и у него это получается по причине полного несовпадения политкорректного и сказочного миров. Потому что традиционное сказочное подчиняется своей логике, а политкорректное — своей. Волшебное иерархично, а политкорректное — неиерархично. И эти две логики коррелируют друг с другом в пародийной точке. Следование логике политкорректности на материале сказок рождает невольно пародию. Хотя переделанная сказка и воспринимается как пародия, это не совсем классическая пародия.

Термин «пародия» в литературоведческом словаре определяется следующим образом: «Пародия (от греч. *parodia* — противопеснь) — юмористическое или сатирическое подражание литературному произведению с целью его вышучивания, осмеяния. Известны П. как на отдельные художественные произведения или явления литературы, так и на творчество писателя в целом. Цель П. — «передразнивание» оригинала с целью приземлить его, высмеять» ([Белокурова 2006]).

То есть в пародии должен высмеиваться объект насмешки, а никак не средство, с помощью которого создаётся пародия. В нашем примере высмеивается и объект, и средство. Поэтому читатель воспринимает сказку лишь как поле для насмешки над положениями политкорректности.

Поскольку политически корректная лексика на самом деле не лексика, а концептуальный аппарат, концептуальная сетка, так что даже текст, сюжет и мотивы вынуждены менять своё направление при их внедрении в текст. И волшебное становится неволшебным. Оказывается, это сказочный «мужской» патриархальный мир (дискурс) вмещает волшебное, а политкорректный феминистический мир не вмещает волшебное. Он превращает абсолютно всё в «политическое».

Захват политическим всего обесмысливает всё, если смотреть с точки зрения традиционного «патриархального».

Таким образом, переработанная сказка уже не является волшебной сказкой по В. Я. Проппу. «Морфологически волшебной сказкой может быть названо всякое развитие от вредительства (А) или от недостачи (а) через промежуточные функции к свадьбе (С) или другим функциям, использованным в качестве развязки. Конечными функциями иногда являются награждение (Z), добыча или вообще ликвидация беды (Л), спасение от погони (Сп)» [Пропп 2023: 154–155]. Такого результата в переработанной сказке мы не отмечаем. Например, в конце переработанной сказки наказание несут все мужчины, а не мачеха и сводные сестрицы, и Золушка не выходит замуж за принца.

Как отмечает В. Я. Пропп, «В отдельных сказках отступления довольно значительны, но при ближайшем рассмотрении окажется, что это юмористические сказки. Такая перестановка, сопровождающая превращение поэмы в фарс, должна быть признана результатом разложения» [Пропп 2023: 182].

Разложение дискурса сказки в нашем примере происходит из-за политизации. Политизация, по сути, является переводом объектов в пространство и время политики с одновременным изменением идентификации объекта на политическое (не считаясь с его иной идентификацией). Объект полностью теряет свою «среду обитания» дискурса и идентификацию, и становится «частью» политического. Он теперь полностью подчиняется дискурсивным и жанровым правилам политического дискурса. Поэтому сюжет сказки и поведение главных героев меняется. Но не сатирическим образом, а по правилам политического дискурса.

Таким образом, можно утверждать, что политически корректный язык разрушителен для традиционных жанров, для самого традиционного из них: сказок. И, как следствие, комичность и разрушение мира сказок, классической и традиционной патриархальной картины мира.

Литература

- Белокурова С. П.* Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006. 314 с.
- Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 256 с.
- Cinderella; or, The Little Glass Slipper (Charles Perrault) // Andrew Lang, The Blue Fairy Book. 5th ed. London: Longmans, Green, and Co., 1891. P. 64–71.*
- Cinderella (James Finn Garner) // James Finn Garner. Politically Correct Bedtime Stories. Modern Tales for Our Life and Times. Macmillan, 1994. P. 38–44.*

Беляева Любовь Евгеньевна

канд. филол. наук, старший преподаватель, Российский университет транспорта;
belyalyubov@yandex.ru

ПЕЙОРАТИВНАЯ ОЦЕНКА В КРИТИЧЕСКОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: пейоративная оценка, искусствоведческий дискурс, оценка произведений изобразительного искусства.

Критический искусствоведческий дискурс все чаще становится объектом исследований отечественных и зарубежных лингвистов, что позволяет расширить представления о проблеме его гетерогенной структуры и «интеграции в целостную систему человеческого знания, рассеянного во многих дискурсивных формациях» [Чернявская 2009: 211]. Искусствоведческому дискурсу присущи объективность, точность, логичность и отвлеченно-обобщенный характер изложения [Карасик 2002].

Искусствоведческий текст представляет особую историческую значимость, он отражает объективное экспертное восприятие произведения искусства, фиксирует его состояние и составляет атрибуции. Профессиональное описание произведений изобразительного искусства — сложно построенный смысл, имеющий собственную перцептивную грамматику, то есть выяснение ингерентных картине, принадлежащей определенной культуре, правил, по которым она должна пониматься. В искусствоведении проявляется перманентная тенденция к «застыванию» содержимых элементов и превращению их в штампы. Таким образом, картина как информационная система обладает в определенной степени семантической прочностью [Бразговская 2019]. Профессиональная интерпретация произведения изобразительного искусства страхует его от искажений данным механизмом. Однако энтропию искусствоведческого текста составляет оценка критиков, содержащаяся как эксплицитно, так и имплицитно. Оценка отрицательного характера выявляется на лексическом и других уровнях языка, в связи с чем важную роль играют как парадигматические, так и синтагматические значения различных языковых средств.

В рамках настоящего исследования рассматриваются вербальные способы достижения таких задач текстов научного стиля как информирование, описание и интерпретация, которые позволяют оценить произведение изобразительного искусства, оказав влияние на реципиента критического мнения. Материалом исследования послужили англоязычные рецензии, размещенные в специализированном издании ARTnews, а также экстракты из классических книг по искусствоведению, в которые включены описания произведений изобразительного искусства. Согласно результатам семантического анализа языковых единиц в корпусе искусствоведческого материала выявлено, что ситуации пейоративной оценки присутствуют реже, чем случаи мелиоративной оценки, в чем прослеживается ориентированность искусствоведческого дискурса на убеждение читателя в ценности произведения изобразительного искусства. Настоящее исследование показало, что критик, как правило, обсуждает изъяны в работах периода становления или определенной фазы творчества художника. Эксперты считают недостатками избыточную эмоциональность; неразвитый вкус автора картины и его неспособность вывести работы на более высокий уровень; авторскую невысказанность, непостоянство и неопределенность; несоблюдение стандартов живописи; смешение стилей; несопричастность произведения искусства вечности; отсутствие важных элементов; несоответствие деталей изображению по размеру и по цвету; нежелание экспериментировать с пропорциями композиции; упрощение изображения. Осуществляемая искусствоведами критика часто нагружена интертекстуальными включениями, что требует от читателя готовности к углубленному пониманию профессионального дискурса и поиска множественных связей и смыслов.

В некоторых случаях объекту живописи присваивается отрицательный ярлык, что эксплицируется в тексте как контактно, так и дистантно. Учитывая специфику искусствоведческого дискурса, отметим, что в его рамках может быть задействована как общая, так и спе-

циальная лексика. В процессе работы было выявлено, что чаще всего языковая репрезентация характера отрицательной оценки осуществляется с помощью прилагательных (*overheated, jagged*), среди которых выделяются каузальные (*horrible*) и обязывающие (*burdensome*), причем каузальных (90 %) обнаружено сравнительно больше. Вербализация пейоративного характера оценки реализуется с помощью существительных (*weakness*); глаголов (*loosen up*); причастий (*sentimentalised*); суперлативов (*the worst*); наречий (*boringly*); именных (*obvious picturesqueness*), глагольных словосочетаний (*his technique has degraded*); предложно-именных фраз (*the edge of incoherence*); предложений с вводными конструкциями (*I don't find any of these works entirely convincing*). В ряде случаев оценка представлена описательным способом (*It is not a totally satisfactory picture: the Kampucheans, despite an ironic television set amongst their roadside possessions, seem a little sentimentalised*). Отметим, что в критическом искусствоведческом дискурсе одним из способов убедить читателя в правильности своих суждений в отношении объектов мира искусства является использование выразительных средств языка: эпитетов; метафор; олицетворений; повторов; сравнений; парцелляций; градаций; риторических вопросов. Для укрепления собственного авторитета и доказательства экспертности, критики при вынесении оценки произведения живописи употребляют большое число терминов и антропонимов, что демонстрирует виртуозность жонглирования фоновыми знаниями в области обсуждаемого вопроса.

Литература

- Бразговская Е. В. Семиотика. Языки и коды культуры: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Юрайт, 2019. 187 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография // Дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 188–284.
- Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. для студентов вузов. М.: Либроком, 2009. 248 с.

Бутенко Татьяна Владимировна¹, Кузина Марина Анатольевна²

¹старший преподаватель, кафедра фонетики и лексики английского языка им. В. Д. Аракина, Московский педагогический государственный университет; tv.butenko@mpgu.su

²канд. филол. наук, доцент, кафедра фонетики и лексики английского языка им. В. Д. Аракина, Московский педагогический государственный университет; доцент Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации; ma.kuzina@mpgu.su

ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТЬ ЭКСПЛИЦИТНОГО ОБРАЗНОГО СРАВНЕНИЯ: НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: региональные варианты английского языка, транслингвальный роман, этноспецифичность, эксплицитное образное сравнение.

Гетерогенный характер транслингвальной литературы, то есть создаваемых авторами на неродном для них языке художественных текстов, подчёркивается многими литературоведами и собственно самими авторами-транслингвами, репрезентирующими постколониальное пространство. Транслингвальность художественных текстов справедливо рассматривать как способ уравновесить результаты процессов глобализации (влекущей конвергенцию, в частности выражающейся в использовании английского языка для охвата широкой читательской аудитории) и локализацией (вызывающей дивергенцию, в частности выражающейся в передаче реалий “своей” культуры автором-транслингвом) [Прошина 2016].

Авторы-транслингвы задействуют спектр стилистических средств, включая эксплицитное образное сравнение (далее ЭОС). Минимальный состав ЭОС представлен агентом (тем, что сравнивается), модулем (эксплицитно выраженным сравнением), референтом (тем, с чем сравнивается) (по терминологии С. М. Мезенина). В настоящем исследовании акцент делается на количественно-качественных особенностях функционирования ЭОС (с simile в качестве терминологического эквивалента в английском языке). Корпус анализируемых ЭОС классифицируется на основании структуры, семантики агента, семантики референта, частоты воспроизводимости, выполняемых в тексте функций.

подавляющее большинство стилистических сравнений являются развёрнутыми, то есть включают более трех базовых членов: “Her mood had changed, and her voice sounded joyful and wild, like that of a mynah bird that hadn’t been snarled” [Divakaruni 2017: 84].

По семантике агента ЭОС классифицируются на конкретные и абстрактные. Пример из романа англоязычного писателя с индийскими корнями содержит конкретный агент, а именно: изможденная девушка сравнивается с жертвами масштабного голода в восточном штате Индии Орисса (после 2011 года переименованного в Одиша): “See the hollows in her cheeks, she looks like a famine victim from Orissa” [Mistry 2002: 126]. В примере из романа Ч. Б. Дивакаруни абстрактный агент представлен удачей главного героя, которая уподобляется украденной рупии, спрятанной за пояс потрепанных штанов: “But he survived it, so perhaps there was luck after all, tucked like a stolen rupee note into the waistband of a ragged pyjama” [Divakaruni 2017: 84]. По семантике референта большинство сравнений относятся к конкретным. К конкретным референтам относятся: представители флоры и фауны, названия объектов местной культуры (предметы быта, музыкальные инструменты, оружие, одежда), наименования людей по профессии, по этнической или религиозной принадлежности, имена собственные.

Этноспецифический компонент ЭОС выражается либо референтом, представленным заимствованием из автохтонных языков Южной Азии (banana, langur, mongoose, mynah, yam и др.), либо референтом, представленным заимствованием из других языков-доноров, которое служит для обозначения реалий постколониального пространства (buffalo, elephant, hippo, hyena, snake и др.). Примеров с агентом, содержащим этноспецифический компонент, нами не было выявлено.

Частота воспроизводимости ЭОС зависит от степени его оригинальности: чем чаще сравнение используется, тем меньшим своеобразием оно отличается, переходя из разряда нереконструируемых в разряд реконструируемых сравнений-штампов. Наиболее частотными в исследуемых текстах оказываются следующие референты: лев в джунглях, мангуст, зачарованная змея, говорящий скворец майна.

Этноспецифический компонент ЭОС делает первостепенной функцию аккумуляции языковой культуры: текст транслингвального романа на английском языке является инструментом сохранения и передачи знаний о культуре автора. Другими функциями могут являться: создание экспрессии при передаче авторской позиции (в частности, выражения личной пристрастности), манипулирование мнением читателей, текстообразование.

Литература

- Прошина З. Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 6–9.
- Divakaruni J. Before We Visit the Goddess. London: Simon&Schuster, 2017. 210 p.
- Mistry R. Family Matters. New York: Vintage, 2002. 434 p.

Джабиева Лати́фа Шари́фовна

аспирант, преподаватель, кафедра иностранных языков технического факультета,
Новосибирский государственный технический университет;
Kulieva-98@list.ru

ОККАЗИОНАЛЬНОСТЬ ЭКСПРЕССИВНЫХ КОЛЛОКАЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: комбинаторная лексикология, коллокации, экспрессивные коллокации, эмоции; окказиональность.

В современной лингвистике изучению и описанию сочетаемости лексических единиц посвящено много исследований [Evert 2009: 1212]. Коллокации — это «комбинаторно-обусловленные лексико-семантические единицы, обладающие структурно-синтаксической целостностью и выполняющие определенные речевые функции» [Влавацкая 2019: 440]. Они представляют интерес для корпусной и комбинаторной лингвистики. В рамках комбинаторной лингвистики была предложена функционально-семантическая классификация, где выделяются следующие виды коллокаций [Влавацкая 2015: 57]: традиционные (*to pay attention, call an alert, make an impression* и т. д.), терминологические (*acceptance speech, negative covenant* и т. д.), экспрессивные (*endless arguments, desperate belief, sharp tongue, bitterly disappointed, unbearably sad* и т. д.), этнокультурные (*leap year, Chamber of Commerce* и т. д.) и окказиональные (*bitter town, steroid-infused, pure vandalism* и т. д.).

Наибольший интерес у нас вызывают экспрессивные коллокации — это комбинаторно обусловленные сочетания слов, которые обычно используются вместе, чтобы не только передать конкретный смысл, но и выразить при этом определенную эмоцию, оценку, образность и т. п.

Целью исследования является определение окказиональности в экспрессивных коллокациях и выявление функций такого типа коллокаций.

Экспрессивные коллокации позволяют выражать и передавать большой спектр эмоций говорящего, а также характеризуются способностью вызывать определенную реакцию у слушателя. Кроме того, их использование напрямую зависит от контекста реальной ситуации. Критериями данных лексических единиц являются следующие: во-первых, наличие коннотативного компонента в лексическом значении (эмотивность, оценка, экспрессивность, интенсивность); во-вторых, образность; в-третьих, (разговорная) стилистическая окраска; в-четвертых, в субстантивных коллокациях часто наблюдается употребление наречий со значением интенсивности (Adv + Adj + N), например: *a terribly attractive chap; an exceptionally bad start*; в-пятых, комбинаторные свойства главного (ядерного) компонента — имени существительного — это лексико-грамматические ограничения на сочетаемость с атрибутами. Нарушение подобного рода ограничений (в фокусе субстантивной синтагмы) является грамматической основой метафоричности / метонимичности, что приводит к экспрессивности в высказывании, например: “... *I turned my cheek away from her adulterous lips*”; в-шестых, контекстуальная уместность экспрессивных коллокаций, так как они используются в определенных контекстах, где их эмоциональное воздействие на слушающего релевантно.

Специфичность данных лексических единиц состоит в том, что они реализуют особые аспекты изучения языка — не только эмоциональный, но и индивидуальный и творческий, т. е. они иногда совпадают с окказиональными коллокациями — типом уникальных словосочетаний, принадлежащих конкретному автору и созданных на основе нарушения лексико-семантической сочетаемости, в целях произвести особое впечатление [Коршунова, Влавацкая 2017: 68]. Приведем примеры окказиональных экспрессивных коллокаций в английском языке: “bitter town” (пер.: город уныния); “over-sensitive” (пер.: слишком чувствительный); “teeny-tiny” (пер.: крошечный); “razor-sharp” (пер.: супер острая дисковая пила); “freakishly feline” (пер.: безумно кошачий); “come-hither look” (пер.: призывный взгляд); “over-reciprocate” (пер.: быть излишне

взаимным); “big-balled raccoon” (пер.: большой плешивый енот); “the toughest snack” (пер.: самая боевитая закуска к пиву в мире); “pity food” (пер.: жалостливая еда).

Важно также отметить, что на окказиональность экспрессивных коллокаций в языке могут влиять следующие факторы.

1. *Тематика*: предмет или тема обсуждения может добавить окказиональности, например: *X-ray-diffraction experiment* (пер.: эксперимент по дифракции рентгеновских лучей); *can't-miss symposium* (пер.: симпозиум, который нельзя пропустить); *Brisket party* (пер.: грудинка-вечеринка);
2. *Предполагаемый эффект*: воздействие на слушателя или читателя, чтобы вызвать определенные эмоции или передать своеобразный тон: *Donkulous — ridonkulous* (пер.: более, чем крайне нелепый); *a 'friend' friend* (пер.: настоящий друг); *Mr. Suit-ey Man* (пер.: весь из себя, важный); *orthodontist guy* (пер.: весь из себя стоматолог);
3. *Контекстуальные ограничения*: непосредственный контекст, в котором используется экспрессивная коллокация, дискурс и ситуативные факторы, окружающие коллокацию, тоже могут повлиять на ее уместность использования: *dress-size* (пер.: величина напряжения); *this sun-dried-tomato business* (пер.: торговля сушеными томатами);
4. *Культурные и социальные нормы*: играют важную роль в проявлении окказиональности экспрессивных коллокаций: *the Raj Mahal* (пер.: родом из Индии); *Quonko Day* (пер.: пятничный (обозначение недели, где у человека все дни похожи на пятницу)).

Таким образом, в экспрессивных коллокациях нередко присутствует окказиональность. Подобные сочетания слов выполняют функцию усиления воздействия на слушателя/реципиента для передачи конкретной информации более эмоционально, отражают субъективное и эмотивное отношение автора/говорящего к собеседнику/реципиенту, и служат для актуализации в процессе общения. Экспрессивные словосочетания являются важным аспектом любого языка, поскольку они позволяют коммуникантам ярко передавать свои эмоции и отношение к предмету речи. Кроме того, они свидетельствуют о богатстве языка и позволяют говорящим выражать свои мысли в более эмоциональной и выразительной манере.

Литература

- Влавацкая М. В. Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11. Ч. 1. С. 56–60.
- Влавацкая М. В. Типология коллокаций в комбинаторной лингвистике // МНКО. 2019. № 4 (77). С. 438–442.
- Коршунова А. В., Влавацкая М. В. Окказиональные коллокации и способы их образования // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 4. С. 67–81.
- Evert S. Corpora and collocations: an international handbook. New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 1212–1248.

Емельянова Ольга Витальевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
o.emelianova@spbu

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ И ПРОШЛОГО ОПЫТА ИНДИВИДА В ФОРМИРОВАНИИ ЭФФЕКТА ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ

Ключевые слова: обманутые ожидания, социальные стереотипы, предсказуемость, прогнозирование.

Эффект обманутого ожидания имеет достаточно длительную историю изучения в рамках наук социально-гуманитарного цикла. Значимость ожиданий подчеркивал известный американский социолог, исследователь повседневности и создатель этнометодологии Г. Гарфинкель, утверждавший, что социальная структура воздействует на сознание индивида через фоновое ожидание: социально стандартизированные и стандартизирующие, видимые, но не замечаемые фоновые ожидания используют в качестве интерпретации реальности [Garfinkel 1976: 36]. Многие исследователи продолжают и развивают предложенную Дж. Бургун, крупным специалистом по межличностному и невербальному общению, теорию нарушения ожиданий, согласно которой общение представляет собой обмен поведением, при котором поведение одного человека может быть использовано для нарушения ожиданий другого [Burgoon 1978: 130–131].

В когнитивной психологии экспектации обычно трактуются в терминах прогнозирования, т. е. эффект обманутого ожидания связан с осуществлением наименее прогнозируемого исхода ситуации. Экспектации могут реализоваться как система ожиданий и требований, которые накладываются на человека из-за исполняемой им *социальной роли*, с каждой из которых связан комплекс обязанностей, норм поведения, привилегий т. п. Социальный аспект отражен в следующем примере, где ни внешность, ни обстановка кабинета высокого должностного лица не соответствуют ожиданиям персонажа: *Somehow, he'd expected the offices of the Director of Public Prosecutions to be as grand as the title. <...> Jonathan Pritchard ran equally counter to his expectations.* [McDermid 2009]. В данном случае реальность оказалась в известном смысле «хуже» ожиданий; по Дж. Бургун, отрицательные нарушения должны были привести к менее благоприятным результатам, чем соответствующие ожиданиям, тем не менее, обманутые ожидания никак не повлияли на коммуникацию. Видимо, это объясняется деловым характером общения, при котором субъективные впечатления не должны играть решающей роли. Многие примеры такого рода иллюстрируют приоритет профессионального подхода к делу в ситуациях, когда обманутые ожидания связаны с гендерными и расовыми стереотипами: *Three people were waiting for them in a long, airy room with a view of the car park. There was a tall, older, black-haired man and two women, one sleek and middle-aged, one younger, Asian. <...> Ross had anticipated that the guy would take charge, but it was the older woman who stood to greet them* [Cleaves 2021]. Полицейский инспектор ошибся в определении главного члена комиссии, предположив, что им не может быть ни женщина, ни представительница другой расы, но это никак не отразилось на ходе общения.

Как показал собранный материал, обманутое ожидание не всегда имеет непосредственное отношение к нарушению социальных, поведенческих или языковых стереотипов. Бургун [1978] отмечает, что люди не рассматривают поведение других как случайное. Скорее, у них разные ожидания относительно того, как другие должны думать и вести себя. Иными словами, наблюдение и взаимодействие с другими людьми приводит к ожиданиям — прогнозирующим или предписывающим. В примерах из художественной литературы преобладает нарушение прогнозирующих ожиданий; вероятностное прогнозирование, опирающееся на прошлый опыт, предвосхищает, прогнозирует возможное будущее. Именно роль прошлого опыта, знание характера коммуниканта позволяют предсказать его поведение, которое мы ожидаем увидеть, потому что оно наиболее типичное. Многие примеры обманутых ожиданий касаются прогнозируемых эмоциональных реакций партнера по коммуникации, причем отмечены как положительные (т. е. лучше, чем ожидалось): *There was a silence, which wasn't what Vera had been*

expecting. She'd thought there would be tears, denial, rage, even that Hannah would throw her out of the house [Cleeves 2016], так и отрицательные нарушения (т. е. хуже, чем ожидалось): *When he saw her approaching she noticed the surprise and disappointment on his face. Perhaps he'd been hoping for a Helen Mirren lookalike. These days, people expected senior female officers to walk straight out of Prime Suspect* [Cleeves 2016]. Спектр эмоций, сопровождающих обманутые ожидания, особенно при отрицательных нарушениях, чрезвычайно широк. Подобные ситуации полностью соответствует наблюдениям психологов: большие надежды на будущее и завышенный уровень притязаний могут быть конфликтогенны в случае их нереализации и привести к внутреннему конфликту обманутого ожидания, маркированному глаголами типа *disappoint, embarrass, shock, devastate* и др., показывающими, как люди реагируют на непредвиденные нарушения социальных норм и ожиданий.

Литература

- Burgoon J. K.* A Communication Model of Personal Space Violations: Explication and an Initial Test // *Human Communication Research*. 1978. Vol. 4 (2). P. 130–131.
- Cleeves A.* *Silent Voices*. Pan books, 2016.
- Cleeves A.* *The Heron's Cry*. Minotaur Books, 2021.
- Garfinkel.* *Harold Studies in ethnomethodology*. Prentice-Hall: Publisher Englewood Cliffs N. J., 1967.
- McDermid — McDermid V.* *A Darker Domain*. New York; Harper, 2009.

Захарова Ольга Сергеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st111446@student.spbu.ru

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕГАТИВНОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНОГО РЫНКА

Ключевые слова: англоязычный дискурс, аналитический обзор валютного рынка, категория оценки, эмоциональная оценка, репрезентация эмоциональной оценки.

Средства массовой информации и медийный дискурс играют ключевую роль в формировании мировоззрения современного человека. В наиболее широком понимании медиадискурс трактуется как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2006: 21]. Растущую значимость и влияние в условиях международной интеграции, проявляющейся в сферах экономики, политики, управления и культуры обретает экономический медиадискурс, включая валютные рынки, аналитические обзоры которых исследуются в данной статье на материале англоязычного сайта деловых СМИ — “The Economist”.

Процессы познания мира сопряжены с категорией оценки, которая в когнитивной лингвистике исследуется как деятельность по освоению ценности объекта [Арутюнова 1988; Петухова, Хомякова 2020; Шутёмова 2022]. На основании соотношения рационального и эмоционального компонентов семантики выделяют соответствующие виды оценки, однако такое деление в чистом виде бывает затруднительным, поскольку оценка тесно связана с эмотивностью [Петухова 2007]. Эмоциональная оценка входит в группу психологических оценок [Арутюнова 1988: 75–76].

К средствам актуализации эмоциональной оценки в указанном жанре относятся эпитеты, сравнения, ирония, градация, антитеза, лексика разговорного стиля, а также усилительные конструкции.

Отрицательная эмоциональная оценка актуализируется производным наречием образа действия *sadly* ‘печально, к сожалению’, словарная дефиниция которого *in a sad or unhappy way*, указывает на эмоцию печали, сожаления: *Sadly for these countries, there is reason to doubt the dollar’s dip is the start of a new phase.*

Эмоционально негативно оценивается низкий профессионализм американских экономистов, когда *America’s top economists* ‘ведущие экономисты Америки’ сравниваются с *group who meet for drinks after dinner* ‘группой людей, которые встречаются, чтобы выпить после ужина’. Перечисляются их неверные решения: *Is this a bubble? — No* ‘Это пузырь? — Нет’, *ruled out an American recession* ‘исключили американскую рецессию’, *predicted that interest rates would not fall to 1 %* ‘предсказали, что процентные ставки не упадут до 1 %’, характеризующиеся эмоционально-позитивными прилагательными, выступающими в роли эпитетов: *incredible* ‘невероятный’ и *excellent* ‘великолепный’, в значении *extremely good*. Такое противоречие создает эффект иронии: *A bet comes due. The dollar’s recent slide should have been easy to predict. In August we disclosed the incredible forecasting record of America’s top economists who attend the annual symposium of the Federal Reserve Bank of Kansas City in Jackson Hole, Wyoming. Each year our economics editor conducts an informal poll of a select group who meet for drinks after dinner. At the peak of the stockmarket boom they were asked: “Is this a bubble?” — “No”, they confidently voted. In 2001 they ruled out an American recession and last year they predicted that interest rates would not fall to 1 %. In short, they provide an excellent contrarian indicator.* Слова разговорного стиля, например: *in short* ‘короче говоря’, сближают автора и читателя, предполагая сходство взглядов.

Отрицательно оценивается влияние экономических ограничений на курс доллара: *America’s aggressive use of sanctions endangers the dollar’s reign. Its rivals and allies are both looking at other options. Ever since the dollar cemented its role as the world’s dominant currency in the 1950s, it has been clear that America’s position as the sole financial superpower gives it extraordinary influence over other*

countries' economic destinies. But it is only under President Donald Trump that America has used its powers routinely and to their full extent, by engaging in financial warfare. The results have been awe-inspiring and shocking. They have in turn prompted other countries to seek to break free of American financial hegemony. Градация усиливает эмоциональное напряжение: *aggressive use* 'агрессивное использование', *endangers* 'ставит под угрозу', *financial warfare* 'финансовая война'. Негативная оценка подчеркивается антитезой — альтернативу доллару ищут *rivals and allies* 'соперники и союзники'. Эмоциональность оценки подтверждают эпитеты *awe-inspiring* 'ошеломляющий' и *shocking* 'шокирующий', *the sole* 'единственная', усилительные конструкции: *it is only under ... that* 'только при ...', слова, в дефиниции которых есть слова-интенсификаторы: *superpower — a country that has very great political and military power, extraordinary — very unusual, special.*

Анализ показал разнообразие средств актуализации эмоциональной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка. Объектом негативной эмоциональной оценки становится снижение курса доллара, низкий уровень компетентности экономистов, экономические ограничения, негативно сказывающиеся на курсе мировой валюты.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
- Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации. М., 2006. № 2. С. 20–33.
- Петухова Т. И., Хомякова Е. Г. Новое знание и биполярность оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 53–63.
- Шутёмова Н. В. Виды экспертной оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 56–68.

Зуева Анастасия Игоревна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st095705@student.spbu.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В НАУЧНЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: дискурс, экологический дискурс, англоязычный научный дискурс, англоязычный публицистический дискурс.

Сегодня экология и охрана окружающей среды являются одними из самых важных аспектов жизни общества. Вопросы экологии стали неотъемлемой частью коммуникативной деятельности людей, что привело к тому, что тексты на экологическую тематику проникли во все типы дискурса. В результате, лингвисты все больше начали проявлять интерес к изучению языка в контексте представлений человека об окружающей среде, что привело к возникновению такого языкового явления как экологический дискурс.

Первые упоминания об экологическом дискурсе встречаются в работах зарубежных ученых. Одним из таких монументальных трудов в этой области является работа Дж. Дризека «The Politics of Earth: Environmental Discourse» [Dryzek, 1997: 20]. Согласно Дж. Дризеку, экологический дискурс — это, прежде всего, способ познания окружающего мира. При этом с экологическим дискурсом сталкиваются в своей профессиональной деятельности не только экологи, но и политики, чиновники, юристы, журналисты и многие другие, в том числе, и обычные люди. Дж. Дризык делит экологический дискурс на реформистский и радикальный (куда входят дискурс решения проблем и дискурс устойчивого развития, то есть рассматривается влияние государства на решение экологических проблем).

В России изучением данной проблематики занимаются такие ученые как, например, Е. В. Иванова, которая даёт следующее определение: «экологический дискурс представляет собой совокупность устных и письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, обусловленных ситуацией общения на экологические темы. Таким образом, только тексты экологической тематики (о природе и окружающей среде) относятся к экологическому дискурсу» [Иванова, 2007: 2].

Существуют различные виды экологического дискурса — научный дискурс, медийный или публицистический дискурс, религиозно-проповеднический дискурс и художественный дискурс. Так как в настоящее время особое влияние на реципиента, на его сознание и действия, оказывают новости, а также источники, содержащие достоверную информацию, собранную и изученную известными учеными-экологами, следует более детально изучить научный и публицистический разновидности экологического дискурса:

Научный дискурс включает в себя научные статьи и исследования, которые создают экологи. Для экологических текстов данного жанра характерно использование многокомпонентных терминологических единиц (1), аббревиатур (2), терминологических словосочетаний с включением специальных символов (например, химические формулы), а также таких моделей терминологических сочетаний, в которых для выражения взаимоотношения или оппозиции между двумя и более объектами используется знак «короткое тире/дефис».

- (1) *Current measures to manage underwater noise pollution largely involve requiring environmental impact assessments (EIAs) for major inshore and offshore projects, in accordance with legislation for protected species or habitats (e.g. EU Habitats Directive, US Marine Mammal Protection Act)*
- (2) *We can envision future and ongoing (e.g. Human Ecodynamics Research Center—HERC; Integrated History and Future of People on Earth—IHOPE; Resilience in East African Landscapes—REAL) long-term historical ecology projects that combine the strengths of cultural anthropology, archaeology, and biology/ ecology in a unifying ethnobiological approach.*

Медийный, или публицистический дискурс включает в себя медиатексты, созданные журналистами и распространяемые с помощью прессы, телевидения, радио и Интернета. Главная особенность англоязычных текстов данного жанра — отражение либо экологических концептов, средствами вербализации которых являются фразеологизмы, словарные дефиниции и их речевые контексты, свободные сочетания, схемы предложений — структурные и позиционные, тексты и совокупность текстов, концептуальные или когнитивные метафоры, либо с помощью экологических реалий, выраженных в английском языке с помощью эко-терминов и эко-неологизмов:

В (3) проявляется метафоризация семантического поля “Climate Change”: «Климат = противник», где изменения климата представляют собой «боевого» противника, против которой идет «война», причем не всегда успешно.

- (3) *Forests are crucial in **the fight against climate change**, and protecting them is an important climate solution* [Greenpeace UK]

В (4) наблюдаем пример языковой реализации экологических реалий в виде экотерминов, относящихся к такой научной области как биология и отражающих информацию обо всех проявлениях жизни:

- (4) *Ocean currents, including the **ocean conveyor belt**, play a key role in determining how the ocean distributes heat energy throughout the planet* [National Geographic]

Подводя итоги еще раз отметим, что экологический дискурс объединяет все экологические тексты, которые формируют экологическое сознание людей, играет важную роль в формировании общественного мнения о проблемах окружающей среды, помогает людям понимать важность экологических проблем и искать способы их решения.

Несмотря на то, что экологический дискурс встречается в различных типов текстов, особую важность для будущих исследований англоязычного экологического дискурса представляют научные и публицистические тексты на экологическую тематику, поскольку именно тексты данного жанра, оказывают наибольшее влияние на формирование экологической картины мира реципиента, а так же содержат лексические единицы и грамматические структуры, которые не встречаются в других языках в текстах на экологическую тематику.

Литература

- Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов: автореф. дис. ... канд. наук. Челябинск, 2007. 24 с.
- Dryzek J. S. *The Politics of the Earth: Environmental Discourses*. Oxford: Oxford university press, 1997. 270 p.

Иванова Елизавета Васильевна

д-р филол. наук, профессор, кафедра английской филологии и перевода,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.v.ivanova@spbu.ru

К ВОПРОСУ О ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Ключевые слова: фразеологическая единица, потенциальная фразеологическая единица, моделирование, порождающая модель.

Моделирование фразеологических единиц предполагает построение их структурных, семантических, структурно-семантических и грамматических моделей, а также разработку моделей концептуальных, основанных на теории концептуальной метафоры, теории фреймов и концептуальной интеграции. Подобные модели носят в первую очередь описательный характер, поскольку описывают, как была образована та или иная фразеологическая единица, обобщая структурные, семантические и концептуальные закономерности ее формирования. Вместе с тем данные модели имеют и прогнозирующую функцию, поскольку дают возможность предположить, что новая фразеологическая единица будет относиться, например, к одному из выделенных разрядов и в зависимости от этого иметь ту или иную структуру, или же будет основана на той или иной схеме концептуальной метафоры. На вопрос о существовании порождающих моделей во фразеологии, как правило, дается отрицательный ответ.

Цель доклада заключается в рассмотрении возможности и целесообразности выделять потенциальные фразеологические единицы, чье образование явилось бы результатом реализации порождающих моделей.

Исходя из свойственного сознанию механизма обработки информации, можно предположить, что концептуальная структура, которая лежит в основе фразеологической единицы и включает фреймы значения и внутренней формы, обладает потенциальной способностью быть воспроизведенной в других фразеологических единицах. Воспроизводство касается повторения в общем плане схемы концептуальной интеграции в результате проведения аналогии между новым и имеющимся опытом и формирования инвариантов внутренней формы и значения у группы фразеологических единиц. Аналогия схемы концептуальной интеграции приводит к образованию фразеологических единиц, синонимичных или не синонимичных уже существующим единицам в языке в зависимости от характеристик задействованного в модели фрейма значения.

Рассмотрим следующую группу фразеологических единиц, в которой уподобление человека какому-то животному связано с инвариантом фрейма значения «вести себя определенным образом».

to play the goat 'to act the fool'
to play (the) fox 'to act cunningly; sham'
to play the bear 'to create havoc, do damage'
to play pussy 'to keep a victim in suspense'

Стереотипное восприятие животного (коза глупая, лиса хитрая, кошка коварная и пр.) проецируется на качества, присущие человеку. Инвариант фрейма внутренней формы данных единиц — «притворяться каким-либо животным», а инвариант фрейма значения — «вести себя каким-либо образом». Характер поведения зависит от приписываемых соответствующему животному свойств, проецируемых на человека.

В социуме существуют разнообразные стереотипные представления о многих животных, что дает возможность предположить образование по существующей модели единиц типа **to play lamb* — притвориться робким и невинным; *to play hawk* — изображать из себя воинственного и опасного человека. Те признаки, которые автор отважился приписать поведению обозначаемому данными потенциальными гипотетическими единицами человеку, выбраны на

основе анализа метафорических фразеологических единиц с компонентами-наименованиями данных животных, а также метафорических производных значений, у соответствующих этим компонентам слов. Необходимо подчеркнуть, что здесь допускается лишь возможность возникновения новых фразеологических единиц рассмотренной модели и не утверждается вероятность образования именно приведенных выше единиц.

В этой связи представляется возможным говорить о потенциальных фразеологических единицах, аналогично понятию потенциальных слов. Потенциальные слова — это лексические единицы, которые могут быть образованы при необходимости по существующим продуктивным моделям словообразования [Земская 2005:181]. Потенциальная фразеологическая единица также может быть образована по аналогии с уже существующими фразеологическими единицами на основе объединяющей их модели фразеологического образования. Потенциальные фразеологические единицы определялись А. В. Жуковым, а вслед за ним — В. В. Цицкун, как словосочетания, имеющие целостное метафорическое значение, характеризующиеся эмоциональностью и экспрессивностью. Однако авторы отмечали, что такие единицы не характеризуются регулярной воспроизводимостью, фиксируемой в словаре [Жуков 2009; Цицкун 2017]. По сути, речь шла об окказионализмах художественного текста, сформированных по аналогии с существующими в языке фразеологическими единицами и обладающих потенциальной возможностью войти в языковую систему. Данный факт дает основание заключить, что определение потенциальной фразеологической единицы указанными авторами отличается от ее понимания, предлагаемого здесь.

Необходимо отметить, что существует целый ряд ограничений, действующих в отношении широты реализации порождающей модели во фразеологии. Эти ограничения обусловлены в первую очередь идиоматичностью фразеологических единиц, препятствующей регулярности в их формировании.

Дальнейшая разработка данной гипотезы на более объемном материале поможет подтвердить или опровергнуть высказанные предположения.

Литература

- Жуков А. В. Фразеологические фантомы в русском языке // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 57–60.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Изд-во КомКнига, 2005. 224 с.
- Цицкун В. В., Морозова Т. В. Проблема потенциальности языка: потенциальные слова и потенциальные фразеологизмы (к истории вопроса) // Гуманитарная парадигма. 2017. № 3. С. 5–13.

Клочкова Елена Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»;
elenaklochkova2014@gmail.com

ВИДЫ РЕЧЕВОЙ ОЦЕНКИ В ВИРТУАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: оценка, научная дискуссия, цифровая коммуникация.

В предлагаемом исследовании анализируются типы оценочных значений в неформальной диалогической научной коммуникации в профессиональной социальной сети для исследователей ResearchGate.

Выбор темы обусловлен, во-первых, стремительным ростом цифровизации научной коммуникации, в рамках которой не только происходит трансформация ее традиционных форм (например, замещение печатных научных изданий цифровыми или дополнение научных мероприятий онлайн-форматом), но и формируются новые коммуникативные практики (научные блоги, социальные сети для исследователей), требующие дальнейшего изучения. Во-вторых, обращение к изучению языка оценок вызвано необходимостью уделить больше внимания анализу вариативности выражения оценочных значений в зависимости от параметров коммуникативной ситуации [Нефедов, 2021; Чернявская, 2022].

Полученные в работе данные основаны на анализе пользовательского корпуса, включающего тексты 35 веток дискуссий в социальной сети ResearchGate общим объемом примерно 500 000 словоупотреблений. Подчеркнем, что дискуссии, включенные в корпус, представляют собой особый вид коммуникативной практики, в которой общение между специалистами-исследователями приобретает неформальный характер, не ограниченный институциональными правилами и рамками. Такую дискуссию можно описать как гибридный жанр, который характеризуется такими параметрами как письменная асинхронная форма и многонациональность участников при наличии общего языкового кода (английского языка). Целью обсуждения является чаще всего обмен информацией и мнениями по определенным научным вопросам, зачастую имеющим спорный характер.

В ходе работы в текстах корпуса методом контекстуально-интерпретативного анализа выявлялись и классифицировались языковые единицы, выражающие оценку. В качестве основы для классификации послужили типологии оценочных значений, предложенных в рамках теории оценки (appraisal theory) Дж. Мартина и П. Уайта [Martin, White 2007], а также типология общих и частнооценочных значений Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999: 198–200]. Следует отметить, что многие типы оценок в указанных типологиях совпадают, поэтому предлагаемая классификация опирается на таксономию теории оценки, хотя ряд наименований типов оценки заимствуется из классификации Н. Д. Арутюновой, так как они более «прозрачны» в семантическом плане и ясно называют основание оценки.

Согласно результатам анализа, наиболее репрезентативной группой оценочных значений является вероятностная оценка суждений, иначе говоря, выражение позиции говорящего по отношению к истинности высказываемой пропозиции. Такие оценки содержатся в 40% высказываний и разнообразны по форме выражения: в большинстве случаев коммуниканты используют стандартные средства снижения категоричности (хеджи): *may, maybe, could, probably* и т.п. Наряду с ними используются конструкции *in my opinion, I think, to my knowledge, my guess is*, которые являются средствами выражения вовлеченности (engagement) автора. С прагматической точки зрения языковые средства выражения вовлеченности реализуют функцию диалогичности, расширения коммуникативного пространства для диалога, демонстрируя открытость говорящего к восприятию других авторских позиций.

Второй по частотности группой оценочных значений является количественная (квантитативная) оценка, которая трактуется в широком значении как оценка, основанная на катего-

рии количества и меры. В эту группу включены не только суждения о количестве как таковом, но и о достаточности, недостаточности или избыточности чего-либо на основе сопоставления с нормой или прототипом, а также об интенсивности проявления признака или протекания процесса. Языковые средства, выражающие данный тип оценки, достаточно разнообразны: это, прежде всего, 1) наречия, обозначающие количество (*little if any effect on climate*), а также 2) указывающие на степень проявления признака) или 3) интенсивность процесса/состояния (*slightly increased the growing season...*), 4) прилагательные, семантика которых содержит семантический признак «высокая интенсивность» (*the risk of dramatic climate disasters*). С функционально-прагматической точки зрения значительна доля количественных оценок увеличивает достоверность сообщаемой пропозиции либо в случае интенсифицирующей оценки подчеркивает значимость сообщаемого факта. Кроме того, частотное употребление количественных оценок репрезентирует «количество» как одну из ценностей данного коммуникативного сообщества.

Еще одной частотной группой оценочных значений является группа оценочных значений, объединенных в теории оценок в класс «отношение» (*attitude*). Сюда включаются, прежде всего, интеллектуальные оценки, которые в виртуальной научной дискуссии относятся, прежде всего, к суждениям других коммуникантов или к ментальным объектам, то есть теориям, концепциям, идеям, научным принципам, методам и т.п. с точки зрения их познавательной ценности и привлекательности (*Interesting topic*)

Кроме того, в виртуальной научной дискуссии особо следует выделить такие частно-оценочные значения а) утилитарные оценки, которая определяют познавательную и методологическую «полезность» научной теории, принципа, положения, метода, идеи и т.п. (*for a "harder" (but certainly! worth reading)* б) оценки сложности ментального объекта (*a simplification of a very complicated process*); в) оценка релевантности явления, ментального объекта или суждений других коммуникантов (*comparative studies are essential*); г) интеллектуальная оценка новизны ментального объекта (*to make the indeed new physics*); д) нормативная оценка, в основе которой лежит представление о стандартном, должном и девиантном в научной деятельности (*What an unusual question to ask*).

Перечисленные типы оценочных значений тесно связаны с познавательной деятельностью и отражают специфику виртуальной научной дискуссии.

Литература

- Нефедов С. Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 4. С. 760–778.
- Чернявская В. Е. Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 44–55.
- Martin J. R., White P. R. The language of evaluation. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 290 p.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Кондрашова Вера Николаевна¹, Шустрова Елена Николаевна

¹канд. филол. наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
v.kondrashova@spbu.ru

²канд. филол. наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
elena.shustrova@rambler.ru

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ: ПРАГМАТИКА И ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: художественный дискурс, нарушение языковой нормы, грамматический окказионализм, прагматические функции, перевод.

Успешная реализация коммуникативного намерения предполагает точный выбор языковых средств, позволяющий оказать необходимое воздействие на адресата. Неожиданные лексические, синтаксические и коммуникативные аномалии являются эффективным стилистическим приемом [Бондаренко 2020: 19]. Языковые аномалии представляет собой «функционально значимые намеренные нарушения норм или правил употребления языковой единицы», которые возникают в результате намеренных нарушений сочетаемости на лексико-семантическом и/или грамматическом уровне. Они являются средством самоорганизации дискурса как синергетического процесса, в результате которого формируется новый, приращенный смысл [Мурдушкина 2011: 4]. Нарушение языковой нормы в художественном дискурсе можно рассматривать как один из способов акцентировать внимание на определенном компоненте высказывания, сделать высказывание более экспрессивным или косвенно выразить смысл [Кондрашова 2021]. Передача коммуникативного замысла высказывания, содержащего нарушение грамматической нормы, представляет интересную задачу для переводчика. Цель нашего исследования — выявить наиболее распространенные виды грамматических окказионализмов в англоязычном художественном дискурсе, определить их прагматические функции и способы перевода.

Как показало исследование, чаще всего используются: окказиональная субстантивация, нарушения грамматических норм при образовании степени сравнения прилагательного, нетрадиционная сочетаемость интенсификаторов с разными частями речи и нестандартная сочетаемость глагола *to do*.

Смысловое выделение отдельных компонентов высказывания, то есть *эмфатизация* может реализовываться посредством окказиональных субстантиватов разных частей речи. Например, использование определенного артикля перед местоимениями или наречиями позволяет сделать акцент на этой части высказывания. При переводе этот акцент может передаваться средствами экспрессивного синтаксиса или графически при помощи кавычек или тире. *“Even knowing the why, the how, it was like dying”* / «Знал, что так надо, знал, для чего, и все равно это было хуже смерти». Однородные дополнения в оригинале заменены в русском переводе на два односоставных предложения с экспрессивным повтором глагола «знать», а вместо субстантивированного наречия *“the why”* — «так надо», *“the how”* — «для чего».

Другой прагматической целью использования нарушения грамматической нормы является усиление экспрессивности высказывания, например, в жалобе, комплименте, угрозе. *“I haven’t had any real days off for the past weeks and I am tider than tired”* // «<...>, у меня уже несколько недель не было ни одного свободного дня, и я просто с ног падаю». Использование синтетической формы вместо аналитической при образовании степени сравнения прилагательного, а также сравнение с тем же самым признаком способствует повышению экспрессивности жалобы, а при переводе это передается заменой на фразеологизм «падать с ног».

Передача имплицитного смысла высказывания, выраженного посредством нарушения языковой нормы, нередко используется для сохранения лица говорящего или адресата. Для

этой цели, в частности, используется глагол широкой семантики *to do* в нетрадиционных сочетаниях. Косвенное выражение смысла может передаваться и при нарушении в образовании степени сравнения прилагательного. При переводе на русский язык имплицитный характер высказывания часто теряется, так как переводчику, наоборот, приходится прибегать к замене или экспликации, чтобы сделать высказывание понятным. “*Turns out he was more married than he let on,*” said she / «Оказалось, что он хочет жить со своей женой», — сказала она. В настоящем примере женщина не хочет прямо говорить о нежелании возлюбленного развестись и жениться на ней. Чтобы выразить этот смысл в косвенной форме, она намеренно использует сравнительную степень прилагательного *married*, хотя оно не предполагает градуирования. Однако переводчик прибегает к экспликации и передает имплицитный смысл прямо, при этом утрачивается определенная ироничность высказывания.

Таким образом, все перечисленные способы нарушения языковой нормы в художественном дискурсе используются в речи персонажей для различных прагматических целей. Одни и те же виды нарушений в зависимости от коммуникативного контекста могут выполнять разные функции, которыми определяется перевод. При эмфатизации части высказывания частотны лексико-грамматические трансформации, включающие использование средств экспрессивного синтаксиса, при передаче имплицитного смысла чаще всего используется замена или экспликация, что нередко приводит к смысловым потерям. При выражении оценки или усилении экспрессивности высказывания, как правило, переводчик прибегает к замене, в частности, на фразеологизмы.

Литература

- Бондаренко И. В. Мотивированность нарушений языковой нормы в английском политическом дискурсе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология. Педагогика. Психология. Калининград. 2020. № 1. С. 17–24.
- Кондрашова В. Н. Нарушение языковой нормы как средство речевого воздействия в английском разговорном дискурсе // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по матер. XLIII междунар. науч.-практ. конф. № 2 (35). Новосибирск: СибАК, 2021. С. 41–46.
- Мурдускина О. В. Языковые аномалии как средство самоорганизации англоязычного дискурса (на материале художественных и публицистических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. 24 с.

Корокина Полина Жановна

аспирант, кафедра английской филологии и лингвокультурологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st122249@student.spbu.ru

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛОНДОНА В КЕМБРИДЖ: АКСИОПРОСТРАНСТВО ТРАВЕЛОГА У.ГИЛПИНА

Ключевые слова: травелог, категория оценки, У.Гилпин.

Категория оценки имеет фундаментальный характер и считается одной из ключевых в учении о ценностях. Тема нашего исследования связана с изучением реализации категории оценки в травелогах Уильяма Гилпина. Объектом исследования является аксиологичность как дискурсивная характеристика жанра травелога, предметом — средства реализации категории оценки в англоязычном травелоге У.Гилпина «*Observations on several parts of the counties of Cambridge, Norfolk, Suffolk, and Essex. Also on several parts of North Wales, relative chiefly to picturesque beauty, in two tours, the former made in the year 1769*».

Вслед за Н. Д. Арутюновой мы придерживаемся мнения о возможности различения общей и частной оценки. Первый тип включает положительную и отрицательную характеристику объекта. Второй учитывает следующие категории: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки, 2) психологические, 3) эстетические, 4) этические, 5) утилитарные, 6) нормативные, 7) телеологические виды оценки [Арутюнова 1988: 75–76]. Рассмотрим виды оценки, сопровождающей описание У.Гилпином путешествия из Лондона в Кембридж.

В качестве субъекта оценки выступает сам Уильям Гилпин (1724–1804), философ, эссеист, художник, оказавшего влияние на формирование живописного стиля («пикчуреск»). Аксиологический фокус охватывает предметы живой и неживой природы (*Epping forest, private houses*), в частности дома выдающихся архитекторов (*Wansted House, Lord Waltham's house*), и произведения искусства (*Houghton-hall pictures, Sir Isaac Newton's statue*).

В результате анализа были выявлены 72 оценочные единицы, из них 69 % — прилагательные (*magnificent, tolerable, gawdy*), 14 % — существительные (*beauties, dignity, pity*), 13 % — глаголы (*to hurt, to disgust*) и 4 % — наречия (*agreeably, best*). Таким образом, наиболее частотны при объективации оценки прилагательные, выполняющие роль эпитетов.

В рассматриваемых путевых заметках доминируют частнооценочные значения: сенсорные и сублимированные. Если сенсорные связаны «с ощущениями, чувственным опытом — физическим и психическим», то к сублимированным относятся две категории — эстетические и этические оценки, при этом «первые связаны с удовлетворением чувства прекрасного, вторые с удовлетворением нравственного начала» [Арутюнова 1988: 76].

Так, сенсорная оценка реализуется в описании Королевского колледжа в Кембридже (*King's-college chappel gives us on the outside, a very beautiful form: within, tho it is an immense, and noble aisle, presenting the adjunct idea of lightness, and solemnity; yet its disproportion disgusts. Such height, and such length, united by such straitened parallels, hurt the eye*) [Gilpin 1809: 11]. Данная оценка связана с чувственным опытом автора: он испытывает физический дискомфорт от высоты описываемого им здания. Согласно Oxford dictionary, глагол *to hurt* означает причинение физической или эмоциональной боли (“to cause physical or emotional pain to someone”) [OD]. В приведенном контексте сенсорная оценка является отрицательной.

Сублимированная оценка выражается при характеристике того же объекта. Автором используется глагол *to disgust*, обозначающий чувство резкой неприязни, антипатии (“to offend the sensibilities of; to excite aversion, repugnance, or sickening displeasure in (a person)”) [OD]. В данном случае сублимированная оценка является эстетической: здание часовни Королевского колледжа оценивается сквозь призму категории прекрасного, однако в негативном ключе: с точки зрения У.Гилпина, данный архитектурный объект не обладает необходимыми пропорциями, поэтому эстетическая оценка имеет здесь отрицательный знак.

Описание часовни Королевского колледжа вызывает интерес и при рассмотрении аксиологического баланса, созданного в указанном фрагменте: используя прилагательное *beautiful*, автор выделяет положительные черты архитектурного творения, однако частноотрицательные свойства (непропорциональность, ощущение заточённости внутри часовни) препятствуют положительной квалификации аксиологического фокуса. Негативные ощущения, которые испытывает автор, перевешивают чашу весов в сторону отрицательной оценки.

Таким образом рассмотренный травелог характеризуется множественностью объектов оценки. Они включают предметы, созданные человеком, а также относящиеся к живой и неживой природе. В их интерпретации доминирует сенсорная и эстетическая оценка, при этом аксиопространство текста обладает биполярностью.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 34 с.

Gilpin W. Observations on several parts of the counties of Cambridge, Norfolk, Suffolk, and Essex. Also on several parts of North Wales, relative chiefly to picturesque beauty, in two tours, the former made in the year 1769. The latter in the year 1773. By William Gilpin, A. M. Prebendary of Salisbury; and vicar of Boldre in New-Forest, near Lymington. Published by his trustees for the benefit of his school at Boldre. London: printed for T. Cadell and W. Davies, Strand. 1809. 154 p.

OD — Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 25.01.2024).

Лаврухина Анастасия Витальевна

аспирант, кафедра теории и практики английского языка, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета;
15nastia15@mail.ru

ЗНАКИ-ПЕРСОНАЛИИ В ПАНДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Ключевые слова: семиотика, знаки-персоналии, речевое воздействие, пандемический дискурс.

Актуальность исследования сопряжена с пристальным вниманием к манипулятивному воздействию, которое применяют в современных средствах массовой информации. За последние годы эпидемия коронавируса стала одной из дискусируемых тем. Борьба с пандемией развернулась по всему миру, вследствие чего стало возможным выделить пандемический дискурс в сегодняшнем медиапространстве и охарактеризовать его через комплекс типологических признаков [Склярова, Лаврухина 2023: 41–42].

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных лингвистов, посвященные знаковой теории языка [Апресян 1974; Уфимцева 1998], основам лингвосемиотического описания дискурса [Олянич 2004]. Мы исходим из определения языкового знака как материально-идеального образования, двусторонней единицы языка, репрезентирующей предмет, свойство, отношение к действительности [Уфимцева 1998: 167] и опираемся на классификацию А. В. Олянича [Олянич 2004: 213], согласно которой языковые знаки подразделяются на знаки-инструментативы, знаки-персоналии, знаки-процессивы, знаки-квалификаторы, знаки-локативы и знаки-квантификаторы. Цель доклада заключается в отображении особенностей пандемического дискурса через встречающиеся в нем знаки-персоналии, которые используются в публикациях англоязычных СМИ, освещающих ситуацию с распространением коронавирусной инфекции.

Примеры из аутентичных источников демонстрируют, как анализируемые языковые знаки, обозначая участников событий, связанных с эпидемией, служат не только для информирования читательской аудитории, но и выступают в качестве инструмента речевого воздействия.

На основе семантического критерия предпринята попытка выделения внутри класса знаков-персоналий различных подклассов, свидетельствующих о содержательном варьировании исследуемой лингвосемиотической системы. Рассмотрена роль знаков-персоналий в формировании в массовом сознании пандемической картины мира, которая, представляет собой не только отраженные объекты, но и отношение к ним, позицию самого субъекта.

Знаки-персоналии могут быть собственными или нарицательными именами существительными и сочетаниями с субстантивным стержневым компонентом, в которых причастие или прилагательное подчиняются по способу согласования и выражают некий признак. Такие знаки имеют отношение к происходящим событиям через номинацию их участников. В класс знаков-персоналий в пандемическом дискурсе входят языковые единицы, обозначающие:

во-первых, рядовое население и их семьи: *citizens, civilians, patients, silent coronavirus carriers, residents, inmate, teenagers, young adults, the elderly, care home resident* и т. п. Применение данных знаков-персоналий показывает, что положение с коронавирусом перевернуло жизнь каждого без исключения;

во-вторых, работников, специалистов и экспертов сферы медицины: *doctors and nurses, front-line health workers, pulmonologist, medical professionals, medical teams, infectious disease specialist, epidemiologists, public health consultant, medical experts* и т. п. Подобные знаки-персоналии встречаются в контекстах, показывающих тяжелые условия труда медперсонала. Кроме того, их использование с компонентом, указывающим на принадлежность к научному сообществу, увеличивает значимость выражаемых взглядов, при этом упоминание конкретного имени повышает надежность содержащейся в тексте информации;

в-третьих, должностных лиц, официальных представителей различных ведомств: *Vice-president, the health secretary, the head of the World Health Organization, public-health authorities, Minister of health and social welfare* и т. п. С помощью знаков-персоналий данной группы придается больше достоверности и весомости сообщаемым фактам, демонстрируется опасение властей сложившимися обстоятельствами, что, в свою очередь, вселяется беспокойство в реципиентов;

в-четвертых, испытуемых и пациентов: *health consumer, severe patient, examinee, study participant, person under test, COVID patient, viraemic person* и т. п. Используя знаки-персоналии, номинирующие пациентов, в сочетании с количественными данными, журналисты наводят страх перед инфекцией через демонстрацию роста числа заразившихся и больных, в то время как знаки, обозначающие участников клинических испытаний, порождают надежду в то, что ведется исследование эффективности новейших методов лечения.

Стоит также остановиться на знаках-персоналиях, которые своим появлением и закреплением в лексикографических источниках обязаны пандемии: *covidologist, coronator, apocalypse wife, quarantine team, super-shedder, anti-masker, zombi* и т. п.

Итак, знаки-персоналии в пандемическом дискурсе указывают на распространение инфекции *COVID* и борьбу с ней. Кроме передачи текущей информации, они также выступают средством вербального воздействия на читателей, формируя в общественном сознании определенный образ мира, определенное представление о сложившейся ситуации и вызывая при этом желаемую реакцию.

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
- Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
- Склярова Н. Г., Лаврухина А. В. Лингвосемиотика медийного пандемического дискурса (на материале англоязычных публикаций, посвященных эпидемии коронавируса) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 40–49.
- Уфимцева А. А. Знак // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 167.

Макарова Кристина Николаевна

учитель иностранных языков, МБОУ «Лицей № 4», г.о. Коломна;

Lyzhinakristina@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ КОММЕНТАРИЕВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ НА ПЛАТФОРМАХ ЦИФРОВОГО САМИЗДАТА

Ключевые слова: Цифровой самиздат, комментарии, интернет-лингвистика, интернет-коммуникация.

В связи с появлением виртуальной реальности, сформировавшей новую среду для функционирования естественных языков, на рубеже столетий возникла интернет-лингвистика, основной предмет которой — интернет-коммуникация, иначе «коммуникативное взаимодействие в глобальной компьютерной сети интернет-пользователей с различным культурным уровнем и уровнем образованности, то есть функционирование языка в интернет-пространстве и лингвистическая составляющая интернет-общения» [Ахренова 2013: 22, 2023]. Как в реальной жизни, мы общаемся интернет-среде в различных дискурсах и жанрах.

В сети на сегодняшний день активно развивается большое число интернет-жанров, как синхронных, так и асинхронных. В своем выступлении мы уделим особое внимание комментариям интернет-пользователей на платформах цифрового-самиздата, поскольку жанр комментария считается одним из самых распространённых и часто используемых в настоящее время среди пользователей интернета.

Цифровой самиздат — это современная форма самокоммуникации путем публикации произведений собственного сочинения без прохождения традиционного рецензирования и коррекции, которая возникла благодаря быстрому развитию интернета и цифровых технологий. Самиздат также означает публикацию произведений без разрешения официальных издательств или государственной цензуры, цифровой самиздат позволяет авторам и читателям обойти традиционные издательские ограничения, что можно считать в определенной степени свободой самовыражения.

На сегодняшний день в Российской Федерации можно насчитать десятки таких сервисов. К ним можно отнести следующие: ЛитРес, Литнет, Проза.ру, Ridero, Журнал «Самиздат», Литмаркет, ПродаМан, Целлюлоза.ру, Authortoday, Призрачные миры и др. Мы изучили основные из них с целью определения лингвопрагматических особенностей комментариев пользователей на платформах цифрового самиздата и составления классификации. На данных сетевых ресурсах авторами размещаются произведения разнообразных жанров: любовные романы, фантастика, исторический роман, молодежная проза, женский роман, детективы, проза, боевик, триллеры, мистика/ужасы. Проведенный нами анализ каталогов произведений по количеству комментариев показал, что сегодня читатель в первую очередь комментирует произведения жанра фантастики, любовные романы, мистические рассказы. Исходя из этого можно предположить, что эти жанры являются наиболее популярными среди онлайн пользователей.

В основе, предложенной нами классификации интернет-комментариев, лежат следующие наиболее показательные признаки.

- 1) По объему. Тексты комментариев могут быть малые — от одного до пятидесяти слов, средние — от пятидесяти до ста слов, крупные — от ста слов.
- 2) По адресации. Комментарии пользователей могут быть адресованы автору произведения, другим комментаторам и никому конкретно. Нередко между пользователями завязывается диалог, а порой и настоящий спор по содержанию книги и другим отвлеченным жизненным ситуациям. Более того, сам автор часто отвечает на вопросы пользователей и даже вступает с ними в диспут.
- 3) По теме. Комментарии читателей могут быть тематические, относиться к содержанию произведения, его героям и сюжету, и нетематические. Такие комментарии пользователей могут содержать благодарности автору, надежды на скорый выход продолжения

книги или наоборот негативные отзывы. Более того отдельно следует выделить, комментарии, не тематические, содержащие информацию, далекую от сути произведения, а передающие либо сторонние мысли пользователей, либо соображения лишь косвенно связанные с прочитанным.

- 4) По стилистике комментарии пользователей могут быть нейтральные и эмоционально окрашенные, при помощи советующей лексики, междометий, знаков пунктуации, применения заглавных букв и эмоджи.
- 5) По степени креолизации выделяют: тексты с нулевой креолизацией. В данных текстах текст является чисто вербальным или чисто визуальным. И тексты с полной креолизацией, когда в комментариях присутствуют оба компонента, образуя сложно построенный смысл. Интерпретация текста возможна только с учетом значений обоих компонентов. В этом пункте в отдельную категорию необходимо выделить комментарии, содержащие изображения, сгенерированные искусственным интеллектом, подписанные читателем соответствующими цитатами из произведения.
- 6) По типу мультимедиа, в комментариях пользователей можно отметить содержащие эмоджи, гиперссылки, текст, изображение или скриншот и видеофайл.
- 7) По степени грамотности комментарии бывают, написанными пользователями без ошибок, содержащие опiski и имеющие ошибки.
- 8) По стилистической окрашенности комментарии могут быть нейтральными и стилистически маркированные, содержащие сленг, эвфемизмы, сокращения, типичные для комментариев пользователей именно платформ самопубликации литературных произведений.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что комментарии пользователей обладают рядом классификационных признаков, позволяющих сделать выводы о составе аудитории подписчиков того или иного сервиса самиздата; проследить изменения, происходящие в современном языке, смещении языковой нормы и т. д.

Литература

- Ахренова Н. А.* Лингвистические основы формирования глобальной интернет-культуры // *Мировые языки и культуры как объект филологического исследования: коллективная монография / под общей ред. О. Д. Вишняковой, А. А. Липгарта.* М.: Наука, 2023. С. 143–167.
- Ахренова Н. А.* Теоретические основы интернет-лингвистики // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2013. № 10. С. 22–26.

Никитенко Татьяна Васильевна

канд. филол. наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода,
Белорусский государственный университет;
tatnikita@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В ГРУППЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ДЕРЗКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Ключевые слова: семантическая деривация, семантический переход, семантическая структура, лексическое значение.

В данной работе на материале двух неблизкородственных и разноструктурных языков — русского и английского — исследуются семантические переходы, реализуемые в производных значениях некоторых прилагательных, обозначающих дерзкое, вызывающее поведение человека. Языковой материал для анализа извлекался из толковых, исторических и этимологических словарей; в некоторых случаях дополнительно привлекались данные электронных каталогизированных ресурсов. Исследование проводилось с помощью описательного метода, историко-сопоставительного метода, в рамках которого рассматривается динамика семантических изменений слова в разные периоды истории языка. Особую ценность для данной работы представляет подход когнитивной лингвистики к изучению лексической семантики.

В современном русском языке существует достаточно обширная группа прилагательных, обозначающих дерзкое, вызывающее поведение, которые относят к различным стилистическим разрядам лексики: *беззастенчивый, бесстыжий, бесцеремонный, борзый, вызывающий, дерзкий, наглый, нахальный, развязный* и др. В английском языке данный смысл также выражают многочисленные лексические единицы: *audacious, barefaced, bold, boldfaced, brash, brazen-faced, impudent, insolent, shameless, unblushing* и др.

Особенность русских и английских прилагательных, обозначающих дерзкое поведение, — в том, что за некоторым исключением словообразовательных производных, они приобрели данное значение в результате семантической деривации. Мотивирующие значения в обоих языках тематически можно попытаться свести к ограниченному списку. Иными словами, семантические структуры рассматриваемых прилагательных обнаруживают семантические переходы, свидетельствующие о присутствии некой концептуальной смежности между производящим и производным значениями, которые могут регулярно повторяться.

Значение 'дерзкий, наглый' уже обращало на себя внимание исследователей. Так, в «Этимологическом словаре славянских языков» отмечена относительно распространенная в славянских языках семантическая модель 'отрицание и название лица/части лица' → 'бесстыжий, наглый, дерзкий'. Например, в семантической структуре польского производного прилагательного *bezczelny* (<*bezčelъnъjъ <**bez-*, *čelo*, *-ъn-*) фиксируются значения 'безлобый', 'бесстыжий, наглый' [Трубачев II: 15]. Очевидно, схожий семантический переход воплощается в производном оценочном значении английского прилагательного *barefaced*, семантическая структура которого представлена так: 1) 'with no hair on the face, beardless, whiskerless', 2) 'without mask or vizard' [OED].

Рассмотрим несколько прилагательных, семантическая эволюция которых представлена переходом 'быстрый → дерзкий'. Так, современное негативно-оценочное значение прилагательного *наглый* 'крайне дерзкий и бесстыдный; нахальный' [Словарь II: 337] развилось на русской почве от предыдущего значения 'стремительный, быстрый' [Черных I: 556]. Подобный семантический переход 'быстрый → дерзкий' реализуется в английском слове *brash*, которое является формальным экспрессивным преобразованием прилагательного *rash* 'active; quick', 'hasty; acting without due consideration'. В британском диалектном употреблении (начало XIX в.) *brash* отличался широким и слабо дифференцированным значением — 'rash, impetuous; cheeky; vulgarly self-assertive' [OED]; в современном американском варианте прилагательное функционирует в значении 'impulsive, assertive, impudent; crude' [OED]. Тезис о существовании регулярного се-

мантического перехода 'быстрый → дерзкий' в других языках также подтверждается данными «Каталога семантических переходов» (<https://datsemshift.ru/shift0419>).

Прилагательное *дерзкий* (от праславянского **dьrъzkъ(jь)*) в письменных текстах XVIII в. засвидетельствовано в значениях 'безрассудно смелый' и 'наглый, бесстыдный' [Аникин 2007: 246–247]. В современном литературном языке *дерзкий* представлено как многозначное слово: 1) 'непочтительный, грубый, вызывающий'; 2) 'вызывающе смелый, пренебрегающий опасностью', 'исполненный смелости, дерзания' [Словарь I: 390]. В современных русских диалектах семантика прилагательного отличается высокой степенью синкретизма: форма *дерзкой* употребляется в смыслах 'смелый, решительный, быстрый', *дёрзкий* 'инициативный, энергичный' и др. [Аникин 2007: 246–247]. Семантическая эволюция и современное диалектное употребление лексемы *дерзкий* отражают смыслы 'смелый', 'решительный', 'быстрый', 'наглый'.

В ряде английских прилагательных также реализуется семантический переход 'смелый → дерзкий'. Так, прилагательное латинского происхождения *audacious* вошло в английскую лексическую систему в середине XVI в. в значении 'daring, bold, intrepid'. Спустя примерно полвека в семантике слова отмечено производное оценочное значение 'impudent, shameless' [OED]. Еще примером подобной реализации семантического перехода может стать прилагательное германского происхождения *bold*, в структуре которого выделяются значения 'brave, not frightened of danger', 2) 'not shy, especially in a way that shows no respect, almost rude' [OED]. «Каталогу семантических переходов» также известна семантическая модель 'смелый → дерзкий', которая реализуется в ряде языков (древнегреческий, амхарский и др.) (<https://datsemshift.ru/shift0419>).

Если в рамках структурной лингвистики семантические переходы рассматриваются как результат действия собственно лингвистических (регулярная сочетаемость, аналогия, высокая частотность использования слова в определенных типах контекста и др.) и внешних факторов, то когнитивная лингвистика объясняет многозначность самой природой человека, которая проявляется в единой природе языковых и когнитивных механизмов. Доказательством тому являются регулярные семантические модели образования производных значений (например, 'быстрый → дерзкий', 'смелый → дерзкий'), которые находят реализацию в разноструктурных языках, не связанных тесными контактами и генетическим родством.

Литература

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007.
Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1974–1997. Вып. 1–24.
Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык; Медиа, 2004. Т. 1–2.
Oxford English Dictionary (OED). URL: <https://www.oed.com/?tl=true>

Исследование выполнено при поддержке Гранта ректора БГУ по теме «Динамика семантических процессов в истории языка (на материале оценочной лексики славянских и германских языков)».

Осадчая Ольга Николаевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра иностранных языков,
Российский государственный университет правосудия;
zuba-zuba@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЮРИДИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ И РОССИЙСКОМ СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Ключевые слова: юридический дискурс, фразеологизм, английский язык, русский язык.

Юридический дискурс обладает своей спецификой в различных странах в результате своеобразного исторического развития общества и правовой системы. Значимое место в юридическом дискурсе занимают фразеологизмы. Под фразеологической единицей подразумевается фиксированное сочетание слов, при котором общая семантика составных элементов преобладает над их структурной самостоятельностью. Не вызывает сомнений тот факт, что фразеологические средства языка, направленные на раскрытие глубинных закономерностей и ценностно-ориентированных характеристик языковых явлений, присущи и правовой языковой палитре, обогащающей национально-маркированную профессиональную лингвокультуру. «Семантика фразеологизмов, функционирующих в юридическом дискурсе, отражает как универсальные, общечеловеческие, так и уникальные, присущие только данному народу, понятия и представления об окружающем мире» [Скнарев 2018: 303].

В соответствии с классификацией профессора В. В. Виноградова [Виноградов 1977], фразеологизмы юридического дискурса, используемые в семейном праве, могут быть распределены на следующие группы:

- фразеологические сращения;
- фразеологические единства;
- фразеологические сочетания;
- фразеологические выражения.

В качестве фразеологических сращений выступают следующие фразеологические единицы:

- *all guns blazing* (во всеоружии) — you put all your effort and energy into trying to achieve something (вы вкладываете все свои усилия и энергию, пытаетесь чего-то достичь);
- *as a last resort* (в крайнем случае) — if all other methods fail (если все другие методы не работают).

К разряду фразеологических единств можно отнести такие фразеологизмы, как:

- *an empty shell marriage* (брак-пустышка) — a marriage in name only, where a couple continues to live under the same roof but as separate individuals (брак только по названию, при котором супруги продолжают жить под одной крышей, но как отдельные личности);
- *a blanket rule* (общее правило) — a rule that affects everyone or includes all possible cases (правило, которое касается каждого или затрагивает все возможные случаи).

Фразеологические сочетания в юридическом дискурсе на материале семейного права включают следующие примеры:

- *a common-sense divorce* (разумный развод) — an amicable separation process that gives equal priority to financial, legal and emotional well-being (процесс мирного расставания, в котором равный приоритет уделяется финансовому, юридическому и эмоциональному благополучию);
- *a legal tie* (законные узы) — family bounds through an officially recognized relationship (семейные связи через официально признанные отношения).

Примерами фразеологических выражений в английском семейном праве могут послужить следующие фразеологизмы:

- *neither a floor nor a ceiling* — отсутствие фиксированных выплат на содержание бывших супругов;
- *full and free consent* — полное и свободное согласие на бракосочетание.

Подобные сочетания слов воспроизводятся как готовые речевые единицы. Значение и лексический состав таких фразеологизмов неизменен. Смысл фразеологических выражений зависит от значений слов, инкорпорированных в их состав.

Фразеологизмы юридического дискурса в английском семейном праве могут быть распределены на общеюридические фразеологические единицы и узкоюридические фразеологизмы, характерные для семейного права.

Примеры общеюридических ФЕ:

- *fishing expedition* (сбор компромата) — an attempt to discover the facts about something by collecting a lot of information, often secretly (попытка узнать факты о чем-либо путем сбора большого количества информации, часто тайно);
- *to take the gloves off* (проявитель решительность, перестать церемониться) — to act in an uncompromising or ruthless way (действовать бескомпромиссно или безжалостно).
- Примеры ФЕ, используемых в английском семейном праве:
- *a clean break order* (постановление о полном разрыве) — a court order that legally cuts financial ties between former spouses (постановление суда, которое юридически разрывает финансовые связи между бывшими супругами);
- *Gillick competence* (компетентность Гиллика) — a term used to decide whether a child (a person under 16 years of age) is able to consent to their own medical treatment, without the need for parental permission or knowledge (термин, используемый для определения того, может ли ребенок (человек в возрасте до 16 лет) дать согласие на свое медицинское лечение без необходимости разрешения или ведома родителей).

К числу фразеологических сращений в юридическом дискурсе могут быть отнесены следующие примеры: *в здравом уме и твердой памяти, от случая к случаю, уходить корнями, шаг за шагом, в целостности и сохранности* и др. Данные фразеологизмы являются идиомами, обладающими нейтральным регистром.

Фразеологические единства представлены следующими фразеологизмами в русском языке: *краеугольный камень, доброе имя, физическое лицо, дееспособное лицо, вести в тупик* и др. В данной категории фразеологических единиц обнаруживаются метафорические истоки при формировании современных структур, которые в юридическом дискурсе российского семейного права не проявляют признаки оценки и образности.

Фразеологические сочетания включают в себя следующие примеры в русском языке: *вступление в силу, предмет спора, разрешение конфликта, защита прав, претендовать на статус* и др. Данная группа фразеологизмов обладает высокой частотностью употребления в российском семейном праве, при этом их конституенты имеют значительный потенциал синтагматических и прагматических взаимоотношений.

В разряд фразеологических выражений могут быть отнесены следующие фразеологические единицы: *в свою очередь, с известной долей условности, в полной мере, по общему правилу* и др. Подобные ФЕ являются клишированными фразами, отличаются неизменностью структуры, стилистически нейтральны.

К общеюридическим фразеологизмам мы отнесли следующие примеры: *применить право на практике, разрешить правовую ситуацию, обратная сила, буква закона* и др. Узкоюридическими ФЕ, характерными для семейного права, выступают такие фразеологизмы, как: *социальная ячейка, фиктивный брак, матримониальные отношения, несовершеннолетний возраст* и др.

Таким образом, как в английском семейном праве, так и в российском были обнаружены фразеологизмы, принадлежащие ко всем фразеологическим категориям, а именно фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и выражения. Отличительной особенностью английских фразеологизмов является наличие оценочного и образного компонентов коннотативных значений, тогда как в российском семейном праве фразеологические единицы характеризуются нейтральным регистром, стабильностью употребления, клишированностью.

Литература

- Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. 161 с.
- Скнарев Д. С.* Функционирование фразеологизмов в юридическом дискурсе // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: сб. ст. Тула, 2018. С. 299–304.

Павленко Елена Александровна

канд. филол. наук, старший преподаватель, кафедра английской филологии и перевода,
Санкт-Петербургский государственный университет;
eapavlenko@inbox.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ «ГОВОРЯЩИХ» ИМЕН СОБСТВЕННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ МУЛЬТСЕРИАЛОВ)

Ключевые слова: имя собственное, «говорящее» имя собственное, функции имен собственных.

В современном мире создается все больше и больше мультфильмов, популярных как среди детской, так и взрослой аудитории, следовательно, появляется необходимость подробнее изучать имена собственные (далее — ИС), фигурирующие в анимационных фильмах, с лингвистической точки зрения. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть, проанализировать и классифицировать по функциям «говорящие» имена персонажей в британских мультфильмах.

На протяжении долгого времени имена собственные вызвали большой интерес ученых. Онимы или имена собственные представляют собой звуковой комплекс, который соотносится с называемым объектом — денотатом. «Говорящие» имена собственные — это разновидность вымышленных говорящих ИС, несущих в себе определенное значение и раскрывающих сущность персонажей литературы или телевидения. Они обладают оценочно-экспрессивной окраской, позволяя намного глубже раскрыть характер героя и создать некий образ. А. В. Суперанская выделяла следующие функции ИС:

1. Коммуникативная функция заключается в сообщении или репрезентации информации, в данном случае получатель информации должен быть знаком с онимом, ведь имя здесь — основа сообщения.
2. Апеллятивная функция заключается в оказании воздействия на аудиторию (или единичного получателя информации).
3. Экспрессивная функция предназначена для того, чтобы выразить отношение говорящего (пишущего) к объекту коммуникации. Зачастую данную функцию выполняют имена с суффиксами субъективной оценочности.
4. Дейктическая или указательная функция: часто в этом случае ИС сопровождается указанием на объект [Суперанская 1973: 31, 154].

Также можно выделить описательную функцию, когда просто описывает внешность персонажа и это описание заложено в его имени. Помимо этого, «говорящие» ИС выполняют еще социально-знаковую функцию, которая соответствует или противоречит социальному положению персонажа, и ассоциативную функцию, то есть, когда мы слышим какое-то ИС, сразу представляем объект, обычно эта функция присуща воплощенным ИС.

Лингвисты делят «говорящие» имена собственные на две группы:

- 1) «говорящее» имя — маска;
- 2) окказиональное «говорящее» имя.

По определению С. Влахова и С. Флорина «говорящее» имя-маска — это «имя, которое обладает внутренней формой, содержащей характеристики определенных свойств и качеств персонажей, что способствует усугублению психологического портрета персонажа, <...> обладают прозрачной семантикой <...>» [Влахов, Флорин 1986: 285].

Окказиональное «говорящее» имя — это неологизм, придуманный автором для наибольшей экспрессивности. Образуется, в основном, посредством словообразовательного процесса и игры слов.

«Говорящие» ИС по словам В. С. Виноградова выполняют функцию не только называемого знака, но и означающего, так как указывают на объект и характеризуют его. Это самое важное отличие ИС от «говорящего» ИС [Виноградов 2001: 84].

С постоянным развитием телевидения так называемое детское ономастическое пространство расширяется, дети, сами того не осознавая, проводят в голове сложную работу эмоциональной оценки того или иного персонажа с «говорящим» ИС. Задача мультфильма заключается в том, чтобы не только отразить характеры персонажей, используя их портреты, которые видит ребенок, но и подсказать, является ли герой положительным или отрицательным, и осуществляется она при помощи «говорящих» ИС. Имена в мультфильмах по возможности должны состоять из тех слов, с которыми ребенок той или иной возрастной категории знаком.

Приведем в качестве примера имя персонажа из мультфильма «Труп невесты»: *Barkis Bittern*. Персонаж действительно похож на выпь, но здесь мы видим и экспрессивную функцию, выполняемую за счет негативной мотивировки.

Анализ показал, что большинство «говорящих» ИС несут в себе экспрессивную и описательную функции, количество примеров составляет 40 и 30 % соответственно. Такая статистика объяснима, так как основной задачей «говорящего» ИС является описание портрета и характер персонажа для наилучшего его понимания зрителем. С помощью экспрессии создатели персонажа транслируют зрителю отношение к нему.

Наименее распространенной функцией является ассоциативная (12,5%). Мы предполагаем, что это можно объяснить незначительным количеством фоновых знаний у детей (в силу возраста), что усложняет восприятие отсылки. Приведем пример: одну из главных героинь мультсериала «Маленькое королевство Бена и Холи» зовут *Princess Holly*. Во-первых, остролист является символом Великобритании; во-вторых, он также считается растением, приносящим удачу (героиня обладает волшебными силами), поэтому в данном случае мы видим отсылку на культурный фон, которую способны «опознать» даже самые маленькие зрители.

Следующий пример из этой же группы, на наш взгляд, более труден для «расшифровки». Имя персонажа детского мультсериала «Октонавты» — *Kwazii*. Это имя, безусловно, подходит персонажу — он скрытный, он не показывает свой настоящий характер, представляется «кем-то другим». На наш взгляд, эта ассоциация будет доступна скорее взрослой аудитории, что вполне допустимо, так как данный мультфильм предназначен для самых маленьких зрителей, которые обычно смотрят телевизор в присутствии родителей и могут обратиться к старшим за объяснением.

Несомненно, изучение функциональной специфики «говорящих» ИС в мультфильмах имеет как теоретическую, так и практическую ценность. Сохранение экспрессивной и описательной функции требует особого подхода при переводе, а сохранение ассоциативной функции подразумевает наличие значительного объема фоновых знаний у переводчика, с одной стороны, и понимания объема культурных фоновых знаний у зрителей — получателей переводного мультфильма.

Литература

- Виноградов В. С.* Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
- Влахов С. И., Флорин С. П.* Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

Пантеева Ксения Владимировна

канд. филол. наук, доцент, кафедра романо-германской филологии и переводоведения,
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского;
kse-panteeva@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЦЕНОЧНОГО ДИСКУРСА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: оценочный дискурс, косвенная оценка, оценочные речевые жанры.

Оценка в целом является неотъемлемой частью коммуникации: человеку свойственно оценивать окружающий его мир и выражать эту оценку прямо или косвенно. Думается, что оценка присутствует в подавляющем большинстве дискурсов (если не во всех). Так, даже в научном и официально-деловом дискурсах — лишенных на первый взгляд какой-либо оценочности — оценка все-таки вполне вероятна, даже если и слабо выражена. В рамках современной антропоцентрической научной парадигмы видится возможным выделить оценочный дискурс говорящего социума и отдельной языковой личности. К значимым характеристикам оценочного дискурса можно отнести 1) наличие оценочной коммуникативной ситуации; 2) гетерогенность структуры, обусловленную сложным взаимодействием различных типов оценки; 3) полиинтенциональность.

Полиинтенциональность оценочного дискурса неразрывно связана с многофункциональностью оценки. Функции языковой оценки довольно разнообразны. Прежде всего, это, конечно, аксиологическая функция, что логически вытекает из самого названия феномена — оценка. Помимо этого, с помощью оценки нередко реализуются эмоциональная и экспрессивная функции языка, поскольку оценка — это всегда выражение субъективного мнения, которое может сопровождаться демонстрацией эмоций. Функция воздействия отмечается рядом исследователей как еще одна функция оценки: субъект оценки не только выражает собственное мнение относительно чего-либо, но также пытается повлиять на мнение собеседника или аудиторию. Проанализированный материал, однако, показал, что функциональный потенциал оценочного дискурса вышеперечисленными функциями не исчерпывается.

Так, в некоторых оценочных интернет-жанрах (трэш-обзор, «ностальгический» обзор, жанр реакции) оценка не просто сопровождает информационную составляющую, но сама реализует коммуникативно-информационную функцию: интернет-пространство породило ряд новых оценочных жанров, основной задачей которых является оценка в чистом виде. В отличие от, например, жанра комплимента (основной целью которого также является оценка действительности), вышеупомянутые оценочные интернет-жанры относятся к вторичным речевым жанрам. Более того, до недавнего времени во вторичных речевых жанрах оценка играла все же второстепенную роль. Даже в таких сугубо оценочных речевых жанрах, как рецензия, обзор, отзыв на диссертацию оценка, как правило, была представлена не столь эксплицитно.

Важной видится и функция самопрезентации, реализующаяся в оценочном дискурсе. В ходе исследования было выявлено, что то, каким образом говорящий выражает оценку, является важной составляющей его имиджа. Функция самопрезентации особенно актуальна в интернет-коммуникации, где общение выстраивается между относительно анонимными пользователями: условная анонимность, с одной стороны, снимает с говорящего многие коммуникативные ограничения, а с другой — вынуждает создать свой интернет-образ, заявить о себе. Немаловажную роль играет и тот фактор, что среди множества однотипных блогеров, пабликов, каналов создателю контента важно продемонстрировать свою уникальность, и оценка — ее форма, содержание, средства выражения — важный инструмент самопрезентации.

С функцией самопрезентации тесно связана аттрактивная функция (функция привлечения внимания). Оценка — особенно явно отрицательная оценка — помогает увеличить аудиторию интернет-пользователей, вовлеченных в определенный контент. Увеличение интернет-аудитории, в свою очередь, важно не только с точки зрения личного статуса блогера, но и с финансо-

вой точки зрения: чем больше просмотров, реакций, комментариев, тем выше доход у автора контента. Исследование показало, что категоричная отрицательная оценка привлекает большее число пользователей и вызывает гораздо больший отклик у аудитории. Экспрессивность оценки также играет существенную роль: обилие экспрессивно оценочных средств способствует более эффективной реализации аттрактивной функции.

В оценочных интернет-жанрах аттрактивная функция нередко реализуется в сочетании с интерактивной функцией: эксплицитно выраженная оценка привлекает пользователей со сходным мнением, создает некую общность между автором и реципиентами, способствует стремлению пользователей вступить в диалог с автором и другими пользователями. Кроме того, для пользователей с диаметрально противоположным мнением может быть принципиально важно продемонстрировать автору его собственную неправоту, что, как упоминалось выше, ведет к росту числа реакций на контент, увеличению вовлеченных в контент пользователей и, как результат, росту доходов блогера. Поэтому блогер лично заинтересован в правильно структурированном оценочном дискурсе с высокой плотностью оценок.

Наконец, оценка выполняет интегративную и социальную функции: оценка, являясь результатом уже сформированных общественных ценностей, порождает новые общественно значимые идеи или, наоборот, обесценивает устаревающие взгляды. Формирование новой идейной парадигмы, как и устаревание парадигмы прежней, приводит к объединению людей в социальные группы, разделяющие или отвергающие определенную общественную философию.

Как мы видим, оценочный дискурс имеет крайне неоднородную структуру, что во многом обусловлено многообразием интенций автора оценки. В рамках данной работы помимо традиционно выделяемых функций оценки (аксиологической, эмоциональной, экспрессивной, функция воздействия) были выявлены коммуникативно-информационная функция, функция самопрезентации, аттрактивная функция, интерактивная функция, интегративная и социальная функции. Необходимо отметить, что трансформация оценочного дискурса в интернет-пространстве позволила данным функциям выйти на передний план. Несомненно, функциональный аспект оценочного дискурса требует дальнейшего изучения.

Петухова Татьяна Ивановна

канд. филол. наук, доцент, кафедра английской филологии и лингвокультурологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
t.petuhova@spbu.ru

СЕНСОРИКА ПЕЙЗАЖА В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ПРОЗЕ

Ключевые слова: лингвистическая сенсорика, восприятие природы, перцептивный модус, сенсорный резонанс, художественный концепт NATURE.

Восприятию принадлежит значимая роль в познавательной деятельности человека. Как отмечает Е. Г. Хомякова, именно с восприятием связано решение проблемы о взаимодействии субъекта и окружающего мира, которое лежит в основе субъектно-объектных отношений [Хомякова 2010]. Немаловажным представляется также то, что восприятие является культурно обусловленным процессом, тесно связанным с потребностями, интенциями, оценкой и эмоциями [Петухова, Чупахина 2023]. В рамках антропоориентированных гуманитарных исследований XXI века особое место занимает лингвистическая сенсорика, в фокусе внимания которой находятся аспекты языковой актуализации перцепции в различных типах дискурса, параметры влияния языка сенсорики на такие дискурсивные характеристики как эмоциональность и художественность [Харченко 2023].

Репрезентация ситуации восприятия природы в англоязычном художественном дискурсе характеризуется сенсорной многоканальностью: в языке литературного текста представлены пять основных перцептивных модусов, а также интероцептивные ощущения. Доминантными выступают, как правило, зрительный, ольфакторный и слуховой модусы [Петухова, Хомякова 2023]. В современной британской прозе NATURE может выступать как смыслообразующий художественный концепт, и сенсорика пейзажа, иными словами, описание полимодального восприятия персонажами природы, нередко сопровождает развитие сюжетной линии произведения.

I look out of the window at the bare black branches of the Lady Oak, scrimshawed against the ivory of a tea-time sky. Troops of crows are racing the twilight to reach the shelter of its branches. The rooks settle themselves quickly into the branches of the tree and when the lust wing has been rustled into the position and the last *caw* has faded beyond an echo, you wouldn't know that the tree is full of birds unless you'd stood there yourself and watched them disguise themselves as black leaves. Soon it will be the years midnight and I can feel the solstice blues coming on me «...» I am made of absence, darkness, death; things which are not [Atkinson. "Human Croquet"].

Героиня романа К. Аткинсон "Human Croquet" юная Изобел рано потеряла мать, и ее не покидает чувство тоски и одиночества. Объективация эмоционального состояния девушки в тексте произведения осуществляется автором при помощи языковой актуализации перцепции природы. В представленном фрагменте романа зрительный и слуховой модусы восприятия природы участвуют в создании художественного образа: в темное время суток холодного сезона, когда стаи птиц наперегонки с сумерками пытаются укрыться в кронах деревьев, девушка особенно остро ощущает себя покинутой и ненужной.

Еще одним произведением, в котором NATURE выступает как смыслообразующий концепт, является роман современной британской писательницы Оливии Лэнг «To the River». После жизненных неурядиц в стремлении обрести покой и душевное равновесие героиня романа решает отправиться в путешествие вдоль реки. Ситуации восприятия природы играют важную роль в повествовании:

I lay back on the ground, which felt solid enough, and tilted my head to the river. It had snagged a scrap of sky and a few wavering trees that kept fanning out to reveal gaps. Is it any wonder we persist with the idea of an afterlife, from Hades where the heroes rest to the heaven and hell of the Bible. Can this really be all there amid the darkness, this coloured and insubstantial realm? [Laing O. To the river]

В данном фрагменте текста получают актуализацию два перцептивных модуса — осязания и зрения. Ощущение твердой поверхности земли и открывающийся взору вид бескрайнего неба и ветвящихся на его фоне деревьев, единение стихий земли и воздуха заставляют героиню задуматься об идее жизни после смерти.

«...» I carried on up the river to where a wooden bridge crossed onto an island. The waterlilies were blooming, yellow and without scent, and the black water poured between the posts, rippling coldly in the setting sun. There were geese in the padlock opposite, grazing alongside horses, and beyond them a field of maize or peas [Laing O. To the river].

Одновременная репрезентация нескольких перцептивных модусов (зрительного и слухового), а также явление синестезии, при котором ощущения, исходящие от одного органа чувств, могут проявляться в другом (*rippling coldly in the setting sun*), создает определенный сенсорный резонанс, который получает дальнейшее развитие в следующем абзаце:

When I turned for bed, the sky was on fire. I couldn't keep up. It was impossible. I could barely even see «...» A sunset is caused by particles of pollen, dust or soot in the atmosphere scattering the light «...» The red gave into other colours, each of them wrung from a whelk dyer's vat: bluish grey, reddish purple, violet and indigo blue. Beneath them the river ran. It caught what it could. The last colours hung there, undissolved, in that looking-glass world that's so nearly the twin of our own [Laing O. To the river].

Сенсорика пейзажного описания в данном случае ярко представлена при помощи метафор, сложных колоративов и перечислений. Восприятие героиней природы сопровождается сильными эмоциями, ее сложность и разнообразие служат стимулом для раздумий над ценностно значимыми смыслами.

Таким образом, в современной британской прозе актуализация ситуации восприятия природы занимает значимое место. Сенсорные проекции способствуют экспликации транслируемого автором смысла и создаваемые с их помощью образы участвуют в формировании эмоционально-эстетического воздействия на читателя.

Литература

- Петухова Т. И., Хомякова Е. Г.*, Художественный концепт NATURE в аспекте лингвосенсорики: актуализация эмотивного смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 78–88.
- Петухова Т. И., Чупахина А. О.* Репрезентация перцептивного события в интервью с художником // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 160–175.
- Харченко В. К.* Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Ленанд, 2023.
- Хомякова Е. Г.* Когнитивно-информационная ситуация как инструмент исследования познавательной функции языка // Перцепция. Рефлексия. Язык: коллективная монография / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. Г. Хомяковой. СПб: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 236–250.

Сахибуллина Кадрия Азатовна

канд. филол. наук, доцент, Институт международных отношений,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет;
kadria85@yahoo.com

МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ-ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: термин, медицинские термины, термины-фразеологизмы, фразеологические единства, фразеологические сращения, фразеологические выражения.

Проблема происхождения и употребления терминов-фразеологизмов все больше вызывает интерес ученых-лингвистов, так как фразеологические единицы являются неотъемлемой частью профессиональной коммуникации в различных сферах, в том числе и в сфере медицины.

Разные аспекты медицинской терминологии неоднократно становились предметом исследования лингвистов и переводчиков. Мотченко И. В. в своей диссертационной работе исследует медицинские термины английского языка и основные способы образования новых медицинских терминов. [Мотченко 2001]. Анатомическая терминология является основой медицинской терминологии, Костромина Т. А. и Маркова Н. И. изучают международную анатомическую терминологию и эволюцию медицинской терминологии с развитием науки. Особенности перевода медицинских терминов на примере инструкций по применению лекарственных средств рассматриваются в работе Головачевой Д. В. и Новицкой И. В., на примере научно-технических медицинских текстов изучается в работе Соловьевой Н. А. и Меркуловой Е. А. **Целью данного исследования** является изучение медицинских терминов-фразеологизмов английского языка. Предпринимается попытка выделить тематические группы данных терминов, а также провести анализ компонентов таких единиц по степени их семантической слитности.

Терминам-фразеологизмам присущи качества фразеологических единиц, поэтому, как и в фразеологических единицах, степень семантической целостности таких единиц также может варьироваться. Для изучения и анализа семантической целостности терминов-фразеологизмов часто берется за основу классификация фразеологизмов по степени лексико-семантической слитности, предложенная В. В. Виноградовым и дополненная Н. М. Шанским [Шанский 1985].

Но основе данной классификации В. М. Лейчик предлагает следующую классификацию терминов-фразеологизмов по степени их семантической слитности [Лейчик 2002].

1. Термины-фразеологические единства — единицы, целостное значение которых возникает в результате слияния значений компонентов.
2. Термины-фразеологические сращения, в которых значение не может быть выведено из суммы значений компонентов.
3. Термины-фразеологические сочетания, в которых у одного из компонентов фразеологически связанное значение, проявляющееся только в связи с определенным кругом понятий. Один из компонентов является термином, другой — общелитературным словом.
4. Термины-фразеологические выражения, в которых каждый компонент обладает номинативным значением, но их сочетание является закрепленным и воспроизводимым целиком.

Для анализа медицинских терминов-фразеологизмов по степени их семантической слитности в данном исследовании мы придерживаемся вышеприведенной классификации.

Материалом для данного исследования послужили медицинские термины-фразеологические единицы, отобранные из онлайн терминологических словарей MedicineNet и Merriam-Webster Medical dictionary. Методом сплошной выборки из данных источников были отобраны терминологические словосочетания, после чего методом фразеологической идентификации были выявлены и проанализированы термины, представляющие собой термины-фразеологизмы. Также, для распределения изучаемых терминов-фразеологизмов по тематическим группам

был использован метод семантического анализа. Методом статистического анализа было подсчитано процентное соотношение тех или иных типов терминов-фразеологизмов.

Тщательно изучив медицинские термины-фразеологизмы английского языка были получены следующие результаты:

1. Могут быть выделены 5 основных тематических групп медицинских терминов-фразеологизмов в английском языке. Самую многочисленную по количеству терминов представляет собой группа названий различных заболеваний и синдромов. Например: *acute abdomen* (острый живот), *altitude illness* (горная болезнь), *cat cry syndrome* (синдром кошачьего крика, синдром Лежена), *dandy fever* (лихорадка денге). Наименьшее количество терминов было обнаружено в группе названий препаратов и лекарств, такие как: *eye drops* (капли для глаз), *forget me* (рогипнол), *love pearls* (альфа-этилтриптомин), *laughing gas* (веселящий газ, закись азота).

2. По степени семантической спаянности, на первом месте по количеству единиц стоят медицинские термины-фразеологические сочетания (51% всех проанализированных единиц). Такое количество терминов-фразеологических сочетаний можно объяснить тем, что основной функцией таких единиц является не создание образности или яркости речи, а упрощение сложного медицинского языка до уровня, понятного обычным людям. Так, например, для названия какой либо болезни или синдрома, основным компонентом остаются слова такие как *disease*, *syndrome*, *fever*, либо название какого-либо органа, а другие компоненты выражения используются в образном значении, понятном для людей, не связанных с медициной. Сюда относятся такие термины-фразеологизмы, как *Hogwarts headache* (досл. головная боль от Хогвартса) обозначает головную боль от долгого и непрерывного чтения какой-либо книги. *Porcelain gallbladder* (досл. фарфоровый желчный пузырь) — форма холецистита, когда кальциевые отложения накапливаются на стенках желчного пузыря.

3. На втором месте по степени семантической слитности стоят термины-фразеологические выражения и составляют 35% всех единиц. Например, *habitual abortion* — привычный выкидыш, повторяющийся выкидыш, *drug test* — тест на наркотики, допинг тест, *adapter protein* — адапторный белок, *arterial pressure* — артериальное давление.

4. Термины-фразеологические сращения составляют 9% всех проанализированных единиц (*Adam's apple* — адамово яблоко). На последнем месте термины-фразеологические единства, всего 5% (*nose job* (досл. носовое дело) — ринопластика или операция по исправлению формы носа).

5. Не все термины-фразеологизмы появились в языке с целью упрощения сложных медицинских терминов, некоторые из них, вошли в язык с целью намеренно завуалировать названия запрещенных наркотических средств.

Литература

Мотченко И. В. Основные тенденции в формировании английской медицинской терминологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 215 с.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

Лейчик В. М. Термины-фразеологизмы в ряду номинативных словосочетаний терминологического характера // Слово. Фраза. Текст. М.: Азбуковник, 2002. С. 250–260.

Medical dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/medical>

Сигаева Мария Сергеевна

*старший преподаватель, аспирант кафедры Иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»;
mssigaeva@etu.ru*

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА АСПИРАНТА В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ

Ключевые слова: мультимодальная метафора, когнитивная лингвистика, интернет-мем, мультимодальность.

В докладе рассматривается метафорическая репрезентация образа студента-аспиранта, реализуемая с помощью мультимодальной метафоры на материале интернет-мемов.

В настоящее время концептуальная метафора представляет интерес для специалистов в разных областях гуманитарных и социальных наук, являясь эффективным инструментом воздействия на адресата. Дж. Лакофф и М. Джонсон в монографии «Метафоры, которыми мы живем» утверждают, что суть метафоры — это «понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Современные зарубежные лингвисты Ч. Форсвилль, Б. Дэнсигер, Л. Шифман выводят изучение концептуальной метафоры на новый междисциплинарный уровень мультимодальной метафоры. Ч. Форсвилль разделяет метафоры на мономодальные и мультимодальные в соответствии с числом модальностей, используемых в структуре-цель и структуре-источник для передачи метафорического переноса [Forceville 2012: 13]. В мультимодальной среде репрезентация метафорического смысла становится более эффективной за счет использования разных каналов восприятия.

Значительная часть современной коммуникации протекает в пространстве телекоммуникационной сети Интернет. С каждым годом возрастает влияние интернет-культуры на традиционное социокультурное пространство. Неотъемлемой частью онлайн-общения стали интернет-мемы, обычно представленные в виде картинок, стикеров или коротких видеороликов, т. е. в графическом виде. Впервые термин «мем» использовал Р. Докинз в 1976 году, описав его как единицу, которая способна передаваться от одного человека к другому, по аналогии с геном [Докинз 2013: 158]. Однако современные исследователи демонстрируют, что биологические аналогии лишь частично применимы к Интернет-мемам в связи с тем, что их создание предполагает активное участие человека, а долговечность зависит от ряда социокультурных факторов. В отличие от «культурных единиц», описываемых Р. Докинзом, интернет-мем представляет собой временное явление: он может быть переосмыслен, адаптирован к новому событию или полностью утрачен. [Dancygier, Vandelanotte 2017: 566].

Сегодня включенность графического компонента в коммуникацию прослеживается не только на уровне бытового онлайн-общения, но и в политическом, медийном дискурсе. Широкому использованию мемов способствует высокая степень их наглядности и интертекстуальности. Метафорические переносы, используемые для репрезентации того или иного явления часто апеллируют к прецедентным феноменам. Важной характеристикой мемов является сочетание текстового и визуального наполнения, то есть метафора может быть выражена не только вербально, но и графически. Таким образом интернет-мем представляет собой актуальный предмет изучения в рамках полимодального дискурса.

Настоящее исследование посвящено интернет-мемам, иллюстрирующим академическое сообщество. Источником материала послужили тематические сообщества в социальных сетях: «The Struggling Scientists», «The Meming Phd», «High impact PhD memes». Было отобрано 60 примеров, репрезентирующих образ аспиранта (студента) посредством мультимодальной метафоры. В процессе рассмотрения интернет-мемов было обнаружено, что наибольшее число единиц репрезентирует образы научного руководителя и аспиранта, а также взаимоотношения между ними. В частности, в результате когнитивного анализа материала были обнаружены

следующие метафорические проекции «PhD student is a fearless hero», «PhD student is a frightened child», «PhD student is a slave».

Интернет-мемы, репрезентирующие образ аспиранта, содержат визуальное изображение, сопровождаемое текстом «Me», «PhD», «PhD student» для выражения метафорического переноса. Ряд рассмотренных примеров может быть успешно использован для репликации интернет-мема с измененным вербальным содержанием благодаря легко интерпретируемой графической составляющей. Распространенным визуальным шаблоном является использование сравнения «До и после» и изображения структуры-цель (аспиранта) в виде героя популярного фильма/мультсериала в начале пути и после проживания определенных травмирующих событий. Данные примеры сопровождаются вербальной составляющей «*Me the first year of my PhD versus now*», «*Me when I got a brilliant idea...*», «*Me after discovering it is already published*».

Интернет-мемы, содержащие мультимодальную метафору, способны репрезентировать концепты не менее, а может даже более эффективно, чем мономодальные метафоры в вербальном дискурсе. Важной особенностью интернет-мемов является образность и иконичность, достигаемая с помощью использования визуальной метафоры, вследствие чего повышается персуазивность коммуникации. Отличительная черта мультимодальной метафоры заключается в возможности передать несколько метафорических проекций в рамках одного интернет-мема, что превращает его в эффективное средство воздействия на адресата.

Таким образом, мультимодальные метафоры могут содержать несколько уровней смысла, объединяя разные модальности. Визуальные элементы играют ключевую роль в мультимодальных метафорах, являясь основными средствами передачи смысла интернет-мема и используются для создания комического эффекта и передачи эмоциональной составляющей мема.

Дальнейшее изучение мультимодальной метафоры в интернет-мемах несомненно будет способствовать расширению понимания данного явления. Особый интерес представляет исследование мультимодальных метафор, репрезентирующих двойственность жизненного пути аспиранта как профессионала и как личности, когда один компонент полностью вытесняет другой, что приводит к изменению ценностной модели человека в процессе обучения. Целесообразным является создание классификации основных шаблонов интернет-мемов, иллюстрирующих академическое сообщество с целью определения наиболее продуктивных моделей.

Литература

- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 25.
- Forceville C. J. Creativity in pictorial and multimodal advertising metaphors. URL: https://www.researchgate.net/publication/254808279_Creativity_in_pictorial_and_multimodal_advertising_metaphors (дата обращения: 15.01.2024).
- Dancygier B., Vandelanotte L. Internet-memes as multimodal constructions // *Cognitive Linguistics*. 2017. Vol. 28 (3).
- Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ:CORPUS, 2013. С. 158.

Склярова Наталья Геннадиевна

д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики английского языка,
Южный федеральный университет;
rapochka@bk.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: фразеологизм, имя собственное, фразеологическая картина мира.

Фразеологическая картина мира отражает зафиксированное в устойчивых сочетаниях и выражениях представление людей об окружающей действительности. В зависимости от семантики лексических компонентов в составе ФЕ во фразеологической картине мира выделяются различные участки, где особое место занимают фразеологизмы с именами собственными, поскольку они, обладая аллюзивной соотнесённостью с реальными историческими личностями, вымышленными персонажами, местами известных событий, а также ассоциативной связью с различными географическими объектами, являются языковым воплощением интернациональных и национальных особенностей культуры.

В англо-русском фразеологическом словаре представлены 66 ФЕ с ономастическим компонентом [Кунин 1984], которые на основе степени прозрачности аллюзивной мотивированности значения подразделяются на сращения: *Jack of the clock*, единства: *the heel of Achilles*, сочетания: *the Victorian age*, а также выражения *all roads lead to Rome*. Большинство перечисленных разновидностей ФЕ построены по определенным моделям вокруг субстантивного стержневого компонента, где имя собственное выступает в качестве существительного либо в общем падеже либо в генитиве *a repentant Magdalene*, *the flight of Icarus*, *Lot's wife*, и в качестве прилагательного-деривата *Spartan upbringing*, а также вокруг глагольного стержневого компонента *to carry coals to Newcastle*. Кроме того, они представляют собой сочиненные конструкции: *Sodom and Gomorrah*, компаративные обороты: *as true as the devil's in London*, предложные конструкции *from Maine to California*. Среди них выделяются синонимы: *between Scylla and Charybdis — the sword of Damocles*; антонимы: *rich as Croesus — as poor as Lazarus*, многозначные единицы: *the Augean stables* 1) запущенные грязные помещения; 2) крайний беспорядок в делах, требующий огромных усилий для его устранения, а также варианты, например *the thread of Ariadne (Ariadne's thread)*, где наблюдается варьирование синтаксической структуры и падежной формы.

Лингвокультурологический анализ фактического материала свидетельствует о том, что в состав английских фразеологизмов входят ономастические компоненты библейского и античного происхождения, причем первые подразделяются на ветхозаветные и новозаветные: *the mark of Cain*, *doubting Thomas*, а последние, численно их превышающие, — на древнегреческие и древнеримские *the Gordian knot*, *two-faced Janus*. Они обозначают как реальных исторических личностей, так и вымышленных персонажей легенд и мифов, причем фразеологизмы с именами мифологических героев преобладают, что свидетельствует о популярности древней культуры. Кроме того, выделяются ФЕ с ономастическими компонентами, обозначающими английские и американские географические объекты *from Boston to Baltimore*, *to set the Thames on fire*, а также имеющими отношение к литературе и искусству *as pleased as Punch*, *to have Van Gogh's ear for music*.

На основе семантического критерия, состоящего в значении ономастического компонента, английские фразеологизмы подразделяются на ФЕ с антропонимическим компонентом мужского или женского рода *the bonds (ties) of Hymen*, *when Queen Ann was alive*, и ФЕ с топонимическим компонентом, представляющим собой ойконимы *to send smb. to Coventry*, гидронимы *to cross the Rubicon*, хоронимы *to discover America*, урбанонимы *Broadway boy*. Количественный подсчет показывает превалирование числа фразеологизмов с антропонимическим компонентом над фразеологизмами с топонимическим компонентом, а также преобладание ФЕ с мужскими

именами над ФЕ с женскими. Данный факт, по-видимому, объясняется тем, что деяния героев античной мифологии были более яркими и запоминающимися, чем деяния персонажей противоположного пола, что было обусловлено общественным положением представителей обоих полов.

С точки зрения коннотации в английском языке выделяются ФЕ с ономастическим компонентом, выражающие положительную оценку *as safe as the Bank of England*, отрицательную оценку *a Sisyphean labour* и нейтральную оценку *in the arms of Morpheus*. При реализации в высказывании они выполняют характеризующую, номинативную и декоративную функции, которые не исключают друг друга, а находятся во взаимодействии, при этом некоторая функция является доминирующей, а остальные второстепенными.

Анализ случаев функционирования английских фразеологизмов с ономастическим компонентом свидетельствует о том, что они используются, главным образом, для изображения трудных, тяжелых, сложных, радикальных, опасных, противоречивых, пагубных ситуаций, а также в контекстах, содержащих описание эмоционального и физиологического состояния, внешности, черт характера, способностей, статуса, поведения, и, в целом, имея прямое или косвенное отношение к человеку, обладают различной степенью антропоцентричности.

С точки зрения тематической отнесенности, английские фразеологизмы с ономастическим компонентом отражают такие ценности, как: преданность, умение сохранять безупречную репутацию, намерение бороться до конца, стремление к достижению высоких целей, решительность, например, *Hannibal's vow*, *Promethean fire*, *Caesar's wife*, а также такие антиценности, как: нерешительность, любопытство, двуличность, предательство, невежество, глупость, лесть, подозрительность, недоверие, например, *a wise man of Gotham*, *to kiss the Blarney stone, from Missouri*.

Таким образом, фразеологизмы с ономастическим компонентом, обеспечивая разнообразие форм образного отображения картины мира, играют важную роль в процессе коммуникации.

Литература

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1984. 944 с.

Солнцева Елена Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра иностранных языков в сфере экономики и права,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.solntseva@spbu.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕФЕРЕНТНОГО СОБЫТИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Ключевые слова: медиадискурс, социолингвистика, тематическая репрезентация, референтное событие, социокультурная специфика.

Тематическая связанность текстов, экстралингвистических элементов и их контекстов в дискурсе отражает определенный способ интерпретации лиц и событий в данном культурно-языковом социуме. Устанавливая определенные связи между различными элементами в медиадискурсе, СМИ участвуют в формировании знаний и представлений адресатов о референтном событии [Дубровская и др. 2021]. Под референтным событием понимается экстенционал, факт реальной действительности, нечто произошедшее в определенном времени и пространстве [Степанов 1981: 11]. В работе А. А. Негрышева выделяются такие разновидности референтных событий, как «событие-происшествие (теракты, катастрофы, обвалы биржевых курсов, массовые беспорядки, боевые действия и т. п.); событие-изменение состояния дел (текущие колебания биржевых курсов, изменения в составе органов власти, новости компаний, прогнозы развития и т. п.); событие-мероприятие (плановые заседания органов власти и корпоративных структур, международные встречи, переговоры, подписание договоров, общественно-политические мероприятия и т. п.); событие-решение (законы, постановления органов власти, разного рода нововведения и т. п.); событие-высказывание (отдельные резонансные, сенсационные высказывания «медиа-персон» и их опровержения, утечки «сведений из достоверных источников», слухи и т. п.); событие-констатация (данные статистики, опросов, справочная, познавательная информация, приобретающая актуальность в связи с каким-либо событием и т. п.).» [Негрышев 2015] Референтное событие обязательно порождает цепь тематически связанных публикаций, в частности, в средствах массовой информации, которая включает публикацию текстовых и мультимедийных материалов по теме, а также комментирование и реагирование на референтное событие со стороны аудитории [Солнцева 2018]. То, через какие связанные темы, предстает перед глазами адресата каждое референтное событие, отражает вариант интерпретации данного события в той или иной среде, культуре, обществе.

В рамках изучения социокультурной специфики дискурса представляется актуальным выявление различий в интерпретации ключевых событий в СМИ на разных языках, проявленной в вариировании тематической репрезентации таких событий. В данном докладе отражены результаты наблюдения за социокультурными особенностями репрезентации референтных событий в русскоязычной, испаноязычной, англоязычной и немецкоязычной прессе последних лет.

Например, такое референтное событие-происшествие как пандемия коронавируса в 2020 году нашло свое отражение в ряде публикаций по всему миру. Тематическая связь между статьями и другими материалами на эту тему зависела от социокультурной специфики того или иного дискурса. Так, публикации, связанные с коронавирусом, относились не только к области медицины, что было бы логично для текста о вирусе, но и к области математики (*“Los modelos matemáticos dicen que las mascarillas son la clave para evitar un rebrote de la pandemia”* — «Математические модели говорят, что маски — это ключ в борьбе с распространением пандемии», *El País*), литературы (*“Dress rehearsal for catastrophe: how Stoics are speaking to locked-down readers”* — «Генеральная репетиция катастрофы»: что стоики говорят читателям на карантине», *The Guardian*), образования («Мишустин одобрил получение аттестата без экзаменов», *Российская газета*), спорта (*“DFL und DFB kippen Maskenpflicht am Spielfeldrand”* — ДФЛ и ДФБ оставили масочный режим за полем», *Süddeutsche Zeitung*) и других. Различия изданий на

разных языках коснулись следующего: *The Guardian* больше других публиковала аналитические статьи, статьи о второй волне коронавируса, а также обратила внимание на стоическую литературу; *El País* также обратилась к теме чтения, и, кроме того, к занятиям йогой в период изоляции, важными темами для этого издания стали экономика, права женщин и отпуск; *Süddeutsche Zeitung* обратилась к теме преступности и закона, политики и образования, в спорте также была отмечена йога; *Российская газета* публиковала больше статей с похвальными словами врачам, также внимание уделялось заболеваемости среди известных людей, туризму и образованию.

Социокультурная специфика тематической репрезентации отмечается и в публикациях о более современных событиях. Например, другое событие-происшествие, публикации о котором появились в сентябре 2023 года, а именно новость ТАСС об аварийной посадке самолета под Новосибирском, связывается тематически с новостями о пострадавших и о похожих авариях; в издании *The New York Times* новость о землетрясении в Марокко постепенно превращается в новость о смерти марокканского рыбака в уплотнителе отходов или в целый обзор о кризисах арабского мира. Статья на ту же тему в немецкоязычном издании *Der Spiegel* связывается с новостями о ситуации в Нигере, реформах в Израиле и другими. Таким образом, социокультурная специфика тематической репрезентации референтного события в медиадискурсе на разных языках прослеживается в том наборе тем, которые в данный момент времени представляются в данной социокультурной среде релевантными и связанными.

Литература

- Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А., Ярославцева Я. А., Арехина Д. В. Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации. М., Флинта, 2021. 248 с.
- Негрышев А. А. Референтное событие и референтная база новостного медиатекста // Медиалингвистика. 2015. № 2 (8). С. 78–90.
- Солнцева Е. С. Виды связности в медиадискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 481–491.
- Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981.

Толочин Игорь Владимирович

д-р филол. наук, профессор, кафедра английской филологии и лингвокультурологии,
Санкт-Петербургского государственного университета;
itfpe@gmail.com; st002533@spbu.ru

СЛОЖНОЕ СЛОВО — ПРОСТОЕ ЗНАЧЕНИЕ? (SCHOOLGIRL В АНГЛИЙСКИХ ТОЛКОВЫХ ОНЛАЙН СЛОВАРЯХ)

Ключевые слова: сложное слово, словарь, дефиниция, значение, контекст.

В докладе обсуждается ошибочный характер дефиниций английских сложных существительных, состоящих из соположения двух именных основ, в современных онлайн словарях английского языка. В качестве примера используется существительное *schoolgirl*. Источником проблемы является прозрачность внутренней формы слова, которая используется лексикографами как указание на его значение. Рассматриваются дефиниции в двух популярных словарях: *Dictionary.com* и *Cambridge English Dictionary*. Оба словаря предлагают аналогичные дефиниции, которые просто разворачивают внутреннюю форму существительного в словосочетание: *a girl attending school* [Dictionary.com]; *a girl who goes to school* [Cambridge English Dictionary]. Оба словаря фиксируют только одно данное значение. Дефиниции создают впечатление, что ареалом использования *schoolgirl* в английском языке должны быть контексты, связанные с учебой в школе. В обоих словарях в словарной статье есть раздел, содержащий примеры контекстов из языковых корпусов. Все примеры парадоксальным образом полностью опровергают обоснованность предлагаемых дефиниций. На основе анализа всех корпусных примеров в словарных статьях выделяются два варианта значения *schoolgirl*. Первый вариант значения появляется в контекстах, в которых речь идет о девочке-подростке с несформировавшейся психикой и отсутствием социального опыта. Подчеркивается неспособность управлять своими эмоциями и ориентироваться в сложных социальных проблемах: *After all, everyone knows of the case of the schoolgirl "crush" and of the boy's hero worship.* [Cambridge English Dictionary]; *When we first meet Smit's Ana, she's practically a schoolgirl, a confused innocent who, with her swollen belly, has no idea what's in store for her.* [Dictionary.com]. Во всех примерах данного типа школьная жизнь и процесс получения образования не являются актуальными элементами значения слова и не обладают значимостью для контекстов. Подстановка словарных дефиниций вместо *schoolgirl* разрушает смысловую целостность данных контекстов. Ко второму варианту значения относятся контексты, в которых *schoolgirl* обозначает девочку-подростка с точки зрения физиологических особенностей организма в подростковый период, что должно учитываться при оказании медицинских услуг. Словарь *Cambridge English Dictionary* приводит в основном примеры, относящиеся именно к этому варианту значения, в то время как в *Dictionary.com* предлагает контексты, относящиеся к первому варианту значения: *Height and weight change across menarche of schoolgirls with early menarche.* [Cambridge English Dictionary]; *However, the selective immunization programme for schoolgirls and non-immune women at childbearing age was not in place.* [Cambridge English Dictionary]. И в данных случаях подстановка словарной дефиниции вместо *schoolgirl* невозможна, поскольку она приводит к существенному искажению содержания контекста. Обращение к корпусу СОСА подтверждает результаты анализа корпусных примеров из словарей. Ведущим является первый вариант контекста, в котором *schoolgirl* обозначает хрупкого и незащищенного подростка, не готового контролировать эмоции и справляться со сложными жизненными ситуациями: *And I'm a total loss in trying to figure out what comes next which makes me giddy as a schoolgirl with two weird-named boyfriends AND as nervous as an agnostic suicide bomber* [СОСА, 2012]. Достаточно частотным является словосочетание *schoolgirl crush*, приводимое и в примерах из словарных статей. Это словосочетание используется для описания сильных эмоциональных переживаний, которые, одновременно являются поверхностными и свидетельствуют о психологической незрелости субъекта. При этом словари также не выделяют возможность *schoolgirl* функционировать в качестве прилагательного. *Schoolgirl*

crush часто используется для иронической характеристики позиций или действий взрослых, подчеркивая необоснованность и нелогичность такого поведения: *It's the same thing that causes Thomas Friedman to have his schoolgirl crush on China* [COCA, 2012]. Анализ иллюстративных примеров из языковых корпусов в словарных статьях и в корпусе COCA убедительно демонстрирует необоснованность дефиниций, приводимых в словарях. Также очевиден и источник сбоя в аналитическом методе: иллюзорная простота внутренней формы сложного существительного *schoolgirl* становится препятствием для точной формулировки структуры значения даже при находящихся в рамках той же словарной статьи корпусных контекстах, указывающих на проблемный характер дефиниции. Предлагаемые наблюдения приводят к выводу о том, что внутренняя форма сложных существительных типа *schoolgirl*, *schoolboy*, *teacup* не должна рассматриваться как эквивалент их значения в языке. Только качественный анализ представительного корпуса контекстов может служить основой для установления плана содержания у данной группы слов. Более тщательный и последовательный подход к анализу значения *schoolgirl* на основе корпусного материала не только позволил бы представить это слово как полисемантическую единицу языка в словаре, но и продемонстрировал бы закономерности, на основании которых в контекстах, описывающих школьную жизнь и процесс образования, используются существительные *pupil* и *student*, а не *schoolgirl* или *schoolboy*.

Литература

- Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>
COCA: Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>
Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/>

Травина Екатерина Андреевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st050097@student.spbu.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК ЖЕНЩИН-АБОРИГЕНОВ: НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НОВОЗЕЛАНДСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

Ключевые слова: медиадискурс, ценности, маори, Новая Зеландия.

Настоящее исследование посвящено отражению ценностных установок представительниц народа маори в дискурсе новозеландских СМИ. Маори — коренное население, проживавшее на территории Новой Зеландии до прибытия европейских завоевателей. Самообозначение «*māori*» означает «нормальные» и противопоставляется термину «*paheha*», используемому по отношению к европейскому населению Новой Зеландии. В ходе многовековой колонизации маори подвергались дискриминации и угнетению со стороны пакеха, однако, с конца XIX века, представители коренного народа начинают создавать политические и общественные организации, отстаивающие свои гражданские права. Сегодня численность маори в Новой Зеландии составляет около 17% населения страны, а культура маори переживает период возрождения.

Основной целью настоящего исследования являлось выявление и характеристика случаев актуализации ценностных установок представительниц народа маори в пространстве англоязычного новозеландского медиатекста. Материалом послужили 70 статей о современных женщинах маори, опубликованных на новозеландских новостных порталах *The New Zealand Herald*, *Woman Magazine New Zealand* и *E-Tangata*.

Система ценностей является важнейшей составляющей национального мировоззрения. По мнению В.И. Карасика, в ценностной картине мира находят свое отражение наиболее значимые для конкретной культуры смыслы и доминанты, совокупность которых определяет мировосприятие народа и его менталитет; культурные ценности получают многостороннюю актуализацию в языке [Карасик 2002].

Система ценностей народа маори представляет собой научную проблему, которая активно разрабатывается в зарубежной науке в рамках такой области исследований, как *Maori Studies*. Интерес к данной области связан с утверждением мультикультурализма и проблем защиты прав коренных народов как важнейших тем современного социального и политического дискурсов.

В отечественной науке, насколько нам известно, ценностные установки маори подробно не анализировались, однако проводились исследования когнитивных моделей культуры маори, а также ключевых этнических маркеров и особенностей мировоззрения данной этнокультурной группы. Так, Д.В. Петрухина отмечает, что одними из центральных понятий мировоззрения маори являются *whenua* («земля») и *whakapapa* («родословная», расширенная генеалогическая система) [Петрухина 2023: 232].

Среди ценностей, обладающих высокой значимостью для женщин-маори, в исследуемом материале можно выделить следующие: FAMILY (WHANAU), COMMUNITY, TRADITIONS, NATURE, MAORILANGUAGE (TEREO), SELF-ACTUALISATION.

Остановимся на некоторых из этих ценностей подробнее. Прежде всего, необходимо отметить, что особой значимостью для представительниц народа маори обладает язык маори (*te reo Māori*). Пример реализации данной ценностной установки можно обнаружить в статье, опубликованной на новозеландском новостном портале для женщин *Woman Magazine New Zealand*, «*Our te reo columnist Stacey Morrison on her calling to kōrero*» и посвященной теле- и радиоведущей маорийского происхождения Стейси Моррисон. Героиня сюжета, как и многие представители её поколения, начала изучать язык маори в относительно зрелом возрасте, так как данный язык был официально признан государственным только в 1987 году и долгое время не преподавался в школах. Апелляция к ценности языка в пространстве новозеландского медиадискурса

происходит за счёт включения в текст маорийского словосочетания *reo Māori* или *te reo Māori*. Маорийские ксенизмы нередко используются в новозеландских СМИ для обозначения основополагающих ценностей маори — персонажей медиа публикаций (*whanaau* – семья, *te ao Māori* – мировоззрение маори и др.). В примере 1 для характеристики языка маори используется метафора ключа, поскольку для Стейси, как и для многих маори, родной язык становится ключом к пониманию себя и своей культуры. Кроме того, во фрагменте словосочетание *reo Māori* выступает подлежащим в предложении с составным именным сказуемым, где в функции предикатива выступают несколько абстрактных существительных, номинирующих важные для героини и других маори явления и понятия: идентичность, духовность, физическое и духовное здоровье, связь (с культурой, сообществом), история и любовь. Элементы этого списка можно рассматривать как аспекты многосоставной ценности *tere*o:

- (1) Language, in te ao Māori, is key to everything. <...>For Stacey, and for many others, reo Māori is identity, spirituality, physical and mental health, connection, history and love [Morrison, 2020].

Существенным для данного исследования оказывается то, что в статьях, посвященных ценности языка маори, подчёркивается особое значение *te reo Māori* именно для женщин этого народа. Это связано с культурными традициями маори, в частности, с традицией исполнения женщинами приветственной песни (*karanga*) на торжественных церемониях, проводимых в так называемых *maae*, священных местах, центрах общественной и религиозной жизни общины. Кроме того, во фрагменте 2 актуализируется другая важнейшая ценность для женщин маори — семья. Для героини статьи становится крайне важным передать язык предков своим детям, тем самым “переписав сценарий их жизни”. Ценность языка, выраженная в следующем фрагменте именной группой *my kids being able to speak their ancestral language*, определяется эмоционально окрашенной лексемой *birthright*:

- (2) “Quite a few of us have probably purposefully decided to rewrite the script for our kids’ lives<...>and I guess my kids being able to speak their ancestral language was part of that. We just considered that a birthright.” [Morrison, 2020].

Таким образом, в исследуемом материале были выявлены случаи реализации ряда ценностных установок женщин маори, включая ценности языка и семьи. Зачастую апелляция к ключевым ценностям героинь происходит за счёт включения в пространство текста маорийских лексем. Выявленные ценности являются ключевой составляющей мировоззрения изучаемой этногендерной группы.

Литература

- Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.
- Петрухина Д. В. Идентичность маори Новой Зеландии: история и современные проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2023. № 3.
- Morrison S. Our te reo columnist Stacey Morrison on her calling to kōrero. 2020. URL: <https://womanmagazine.co.nz/our-te-reo-columnist-stacey-morrison-on-her-calling-to-korero/>

Троценкова Екатерина Владимировна

*д-р филол. наук, профессор, кафедра английской филологии и лингвокультурологии,
Санкт-Петербургского государственного университета;
e.troschenkova@spbu.ru, kathlyntr@gmail.com*

ОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ПРОДУКЦИИ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКОЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Ключевые слова: мерчандайз, поликодовый текст, медиадискурс, политический дискурс, коммуникативные стратегии.

В современных политических и медиа реалиях при обсуждении проблемы формирования политического бренда кандидата, который повышал бы его узнаваемость и позволял избирателям лучше ассоциировать себя с ним, все чаще отмечается актуальность бренд-мерчандайзинга как одного из важных инструментов воздействия на настроения аудитории. Речь идет об использовании в политических кампаниях брендовой атрибутики на широком спектре продукции, такой как флаги, плакаты, футболки, кепки, значки и кружки, что позволяло бы продвигать идеи кандидата. Брендовая атрибутика дает сторонникам возможность продемонстрировать свои политические пристрастия, а потому политический мерчандайз может рассматриваться как инструмент коммуникации, позволяющий людям продемонстрировать свои убеждения и интересы [Kiran 2023].

По сути, такие брендированные товары, где используется комбинация иконических и вербальных компонентов для оформления некоторого политического послания, представляют собой семиотически гетерогенные образования, которые можно классифицировать как поликодовые тексты [Сонин 2005: 117; Большакова 2008: 21–22], конкретнее как специфические лингвовизуальные комплексы, в которых помимо собственно текста и изображений участвует сам товар, а при его использовании, и владелец. Пользователь товара обычно не является автором текста на товаре, но играет важную роль в его распространении, а следовательно, потенциально и в меметизации послания. Поликодовый текст получает статус мема лишь, когда он начинает имитативно воспроизводиться и вирусно распространяться в информационном пространстве, подвергаясь трансформациям формы и содержания, а его циркуляция в медиа создает разделяемый лингвокультурным сообществом культурный опыт [Троценкова 2022: 75–76]. В случае с мерчандайзом мы видим, как поликодовый текст выходит за пределы медиапространства в «большой мир», а затем зачастую возвращается в медиапространство в виде карточек товара на торговых онлайн площадках или фотографиях пользователей-владельцев брендированных продуктов, которые они демонстрируют в социальных сетях.

Несмотря на то, что в медиа дискурсе использование такой политически брендированной продукции все чаще вызывает интерес и становится предметом активного обсуждения, полноценного академического описания, в частности с лингвистических позиций, это явление до сих пор не получило. Таким образом, представляется важным посредством дискурс-анализа англоязычных статей, посвященных описанию и осмыслению производства, продажи и использования подобной продукции, изучить то, как концептуализируется этот феномен в общественном сознании. В качестве материала выступают онлайн публикации в прессе, главным образом обсуждающие использование брендированной продукции в поддержку Д. Трампа и других американских кандидатов (14 статей), а также дискуссия на популярном форуме Reddit, инициированная пользователем из Дании (55 комментариев), позволяющая через контраст с другими культурами и общественно-политическими практиками лучше выявить особенности функционирования таких поликодовых текстов в американском общественно-политическом и медийном дискурсе.

Сравнение показывает, что европейские пользователи из разных стран (Дания, Великобритания, Италия, Испания, Хорватия и др.), высказавшиеся на форуме Reddit, в подавляющем большинстве находят практику активного использования политической брендированной про-

дукции в США нетипичной для местных реалий. Публичная демонстрация символики партии рассматривается как странная, неуместная, неприличная, а также зачастую как маркер принадлежности к ультра-правым, националистическим движениям. Использование мерчандайза рассматривается как приемлемое, если это делает сам кандидат или активные члены партии, причем без нарочитой демонстративности. Для обычных пользователей важно, что такая продукция распространялась бесплатно, и они просто используют ее как товар без политического подтекста.

В противовес этому в американской и австралийской практике восприятие мерчандайза как способа построения политического бренда более благоприятное: Political merchandise is not just about campaign fundraising, it's a way to project a brand, especially in an era of influencers and memes going viral. Такая продукция рассматривается как новейший политический тренд, своего рода модная тенденция: On the 2024 trail, nearly all of the Republican presidential candidates have turned themselves into human billboards for their campaigns. It's a fashion choice that would be more typical for a state legislator, and it hasn't been seen before on such a broad scale during a national campaign. <...> When Donald Trump ran for the first time, he made the red MAGA hats a ubiquitous best seller. Now his 2024 competitors are taking the self-branding a step further. <...> Everyone has to emoji-fy themselves. That is one of the legacies of Trump. Практика использования такой продукции все чаще рассматривается как способ коммуникации с избирателями, причем коммуникации не односторонней. Для пользователей публичная демонстрация мерчандайза не только не позиционируется как нечто зазорное, но скорее как поощряемое, как способ солидаризироваться с той группой, чьи ценности ты разделяешь, найти единомышленников. Таким образом, мерчандайз осмысляется как способ участия в коллективных стратегиях продвижения близкой пользователю политической программы и возможность сподвигнуть других на политическую борьбу, т. е. как вид политического активизма.

Литература

- Большакова Л. С.* О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Самарского государственного университета. 2008. №4 (63). С. 19–24.
- Сонин А. Г.* Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. М., 2005. №6. С. 115–123.
- Троценкова Е. В.* Мемы как средство деконструкции манипулятивных медиа приемов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 74–86.
- Kiran V.* What is Political Brand Merchandising? 6.07.2023. URL: <https://politicalmarketer.com/what-is-political-brand-merchandising/> (дата обращения: 12.12.2023).

Чупахина Александра Олеговна

ассистент и аспирант кафедры иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»;
alexandra.chupakhina@mail.ru

ФРЕЙМ VISUAL PERCEPTION В ДИСКУРСЕ ИНТЕРВЬЮ С ХУДОЖНИКОМ

Ключевые слова: фрейм, структура фрейма, дискурс интервью, восприятие.

Восприятие играет ключевую роль в любой человеческой деятельности, как в базовых жизненных процессах, так и в творчестве. Поэтому вполне естественно говорить о том, что основополагающим фактором в работе художника является восприятие, благодаря которому формируются образы окружающего мира, находящие воплощение в произведениях искусства. Исследование категории восприятия и ее языковой репрезентации представляет интерес с точки зрения изучения эго-пространства художника — новой и актуальной проблемы.

Исследуя схему ментальной репрезентации знания о восприятии, И. Ю. Колесов представляет ее в виде организованного двухуровневого фрейма. На вершинном уровне располагаются узлы СУБЪЕКТ — ОБЪЕКТ — СОБЫТИЕ, а на нижнем уровне слоты, которые заполняются данными о признаках субъекта, объекта и события восприятия. Узел СУБЪЕКТ содержит информацию о степени активности наблюдателя (пассивность или активность), узел ОБЪЕКТ хранит информацию об особенностях объекта восприятия, а узел СОБЫТИЕ включает данные о характеристиках перцептивного акта [Колесов 2008: 170–171]. Такую организацию фрейма можно рассмотреть в виде пропозициональной структуры, состоящей из позиций «субъект», «объект» и «событие». Элементы структуры могут быть как вербализованы, так и не вербализованы, в зависимости от намерения говорящего представить на языковом уровне последовательность конкретных элементов фрейма и сфокусировать на них внимание слушающего [Петухова, Чупахина 2023]

В качестве примера рассмотрим ситуацию зрительного восприятия пейзажа британским художником Дэвидом Хокни, для которого изображение природы имеет особую значимость. В представленном фрагменте репрезентируется несколько конфигураций фрейма VISUAL PERCEPTION:

Every time we get the spring I get thrilled like that. Here we've noticed — and it takes you two or three years to notice — there's a moment when spring is full. We call it 'nature's erection'. Every single plant, bud and flower seems to be standing up straight. Then the gravity starts to pull the vegetation down. It was the second year I noticed that; the third, you notice even more. At the height of the summer, the trees become a mass of foliage, and the branches are pulled down by the weight. When it falls off, they'll start going up again. This is the sort of thing you notice if you are looking carefully. The fascination just grew for me here. This was a big theme, and one I could confidently do: the infinite variety of nature [Gayford 2016: 32].

В рамках фрейма реализуется когнитивная структура, состоящая из двух уровней. На вышележащем уровне структура состоит из узлов СУБЪЕКТ — ОБЪЕКТ — СОБЫТИЕ. Субъект восприятия представлен эксплицитно как активный деятель личными местоимениями первого лица, и имплицитно, являясь «закадровым» наблюдателем, о чем свидетельствуют небазисный предикат *seems* и предложения, объективирующие денотативную ситуацию перцептивности с предикатами *become, start, are pulled down, is full*, которые выражают представление художника о состоянии объекта перцепции. Объект зрительного восприятия представлен эксплицитно существительными *plant, bud, flower, the trees, the branches, the gravity, spring*. Перцептивный акт актуализируется предикатами *notice, look*, при этом предикат *look* маркируется адвербиальной лексемой *carefully*, что наделяет глагол значением фокусного внимательного созерцания. Важной особенностью данной конфигурации фрейма является временной фактор, а именно: для реализации действия *notice* субъекту необходимо время (*it takes you two or three years*), что фиксирует событие на временной оси. Восприятие природы описывается субъектом как

последовательность событий, которые происходят с определенной систематичностью (Every time we get the spring) и последовательностью (the second year I noticed that; the third, you notice even more) и сопровождаются положительными эмоциями (I get thrilled; The fascination).

Интересно отметить, что в предложении: *The fascination just grew for me here*, субъект восприятия представлен эксплицитно личным объектным местоимением *me*, и является бенефициантом действия, который получает удовольствие от детального наблюдения за метаморфозами, которые проходит природа во время своего обновления. Эмоции, таким образом, выступают отличительной характеристикой перцептивного события, поскольку они являются одной из побудительных причин, которые вдохновляют художника на создание произведения искусства.

Проведенный анализ показывает, что перцепция играет значимую роль в познавательной деятельности художника. Знание творческой личности о ситуации зрительного восприятия является сложноорганизованной когнитивной структурой, которая может быть представлена в виде двухуровневого фрейма. Вышележащий уровень включает в себя узлы СУБЪЕКТ — ОБЪЕКТ — СОБЫТИЕ, которые обладают такими характеристиками как включенность (пассивная или активная), эмоциональная маркированность, повторяемость, длительность, фокусность. Нижележащий уровень содержит слоты, включающие данные о признаках субъекта, воспринимаемого объекта и самого события восприятия.

Литература

- Колесов И. Ю.* Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков). Барнаул: БГПУ, 2008. 354 с.
- Петухова Т. И., Чупахина А. О.* Репрезентация перцептивного события в интервью с художником // Дискурс. 2023. Т. 9 (4). С. 160–175.
- Gayford M.* A Bigger Message: Conversations with David Hockney. London: Thames and Hudson Ltd, 2016.

Щербак Нина Феликсовна

*канд. филол. наук, доцент, кафедра английской филологии и лингвокультурологии,
Санкт-Петербургского государственного университета;
alpha-12@yandex.ru*

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОТИВОВ ВОСТОКА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ОПТИКА, МЕТОДЫ CDA

Ключевые слова: постколониальная культура, критический анализ дискурса, гибридность, мимикрия.

Цель данного исследования — рассмотрение языковой репрезентации мотивов Востока в западно-европейской и англоязычной литературе. Методология данного исследования опирается на методику, предложенную Норманом Феаклафом и Майклом Хэллидеем, то есть является стратегией, применяемой в рамках Критического Анализа Дискурса (CDA). Такой анализ позволяет рассмотреть, как представлены партиципанты, основные процессы, модальность, тема-рематическая структура. Основной инновацией подобного рассмотрения текста является факт анализа художественного текста посредством механизмов CDA, которые обычно используются для анализа публицистических текстов.

Еще одной важной составляющей исследования является взгляд на текст с позиций психоанализа, для которого, вслед за Лаканом, характерно рассмотрение языковых особенностей говорящего или пишущего, с целью декодирования текста в отношении заложенных в нем, например, повторений, травматических реалий, так называемых «пятен» или неологизмов, других особенностей, характерных для творчества писателя. Подобный взгляд позволяет проследить те мотивы, структуры, идеи, которые не всегда заметны при беглом или глубинном прочтении, но выявляются в процессе так называемого «поверхностного чтения»

Реализация основных концептов постколониальной литературы и применение данных концептов для анализа англоязычных художественных текстов подразумевает также анализ взглядов теоретиков постколониальной литературы на данную проблематику. Теоретические работы, лежащие в основе исследования, таким образом, включают в себя труды Ф. Фэнона, Хоми Баба, Г. Спивак, Э. Саида, анализ их взглядов в отношении феномена ориентализма [Williams, Chrisman 1994].

Важной составляющей в данных исследованиях становится психологический фактор, изложенный, например в работах Фэнона («Черная кожа, белые маски»). Другой особенностью становится пристально изучение концептов «гибридности», «амбивалентности», «мимикрии», изложенных в работах Хоми Баба [Lazarus 2011: 2; Boehmer 1989: 340–361].

Рассмотрение таких романов как «Мемуары гейши» Артура Голдена, «Остаток дня» К. Исигуро или «Тысяча сияющих солнц» Х. Хоссейни позволяет проследить, каким образом Восток позиционируется в западных странах, какие существуют манипулятивные стратегии для репрезентации основных образов, которые создают в сознании читающих определенную картину мира. Сходным образом, удастся проследить как автор — исконный представитель Востока создает образ европейской страны.

Роман «Мемуары гейши» содержит псевдо-конкретные факты о японской культуре, описывает несуществующих реалий, связанные с Востоком, позиционирует, таким образом Восток и женщин Востока как «привлекательных», «зависимых», «изнуряемых физически», «униженных» (выражено в тексте эксплицитно и имплицитно). Подобный взгляд, с одной стороны, доказывает, до какой степени Запад пытается проникнуться к культуре Востока в целом, и к культуре Японии, в частности, а, с другой стороны, демонстрирует, до какой степени относительна правдивость или истинность в отношении описания восточных реалий, погружение в традиции, исследование норм, принятых в восточном обществе [Boehmer 1994].

Другим ярким примером постколониальной литературы и неоднозначности позиционирования становится такое произведение как «Остаток дня» Исигуро, в котором автор-японец

рисует реалии Англии, перенося определенные ценностные характеристики для оценки и описания английской культуры. Текстовый анализ помогает проанализировать исконно японскую культуру, и ответный, зеркальный путь создания образа другой страны, когда исконно восточный автор становится сознательным создателем-демиургом образа конкретной страны или мифа о ней.

Роман Хоссейни «Тысяча сияющих солнц» в своем произведении рассказывает о феноменах непринятых в англоязычной культуре, а принятых в культуре ислама (например, многоженство). Данные феномены описаны в романе и создают определенное напряжение между изображаемой культурой и культурой автора, который пишет об этих реалиях, адресуя свой текст и коренным жителям, и подразумевая более широкую аудиторию. Рассмотрение языковых особенностей позиционирования субъектов Востока — цель исследования, которое выявляет такие концепты как мимикрия, амбивалентность, гибридность, характерные для подобного рода произведений.

Литература

Boehmer E. Colonial and post-colonial literature. Migrant metaphors. Oxford: OUP, 1994.

Boehmer E. Postcolonialism // *Modern Literary theory* / eds Ph. Rice and P. Waugh. London: Bloomsbury Academic, 1989. P. 340–361.

Lazarus N. The Postcolonial Unconscious. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 2.

Post-colonial Discourse // *Post-Colonial Theory: A Reader* / eds P. Williams, L. Chrisman. New York: Routledge, 1994.

Badridinova Aziza Abrol Qizi

PhD student, National University of Uzbekistan;
aziza_badridinova@mail.ru

REPRESENTING FORMS OF DISCOURSE IN THE EXAMPLES

Keywords: discourse, narration, argument, description, exposition.

The concept of “discourse” has become popular in linguistics in the last twenty years and managed to enter all its directions. Over the years, various definitions of the concept of “discourse” by scientists have been created. One of them, Uzbek scientist N. Abdullaeva considers discourse as follow: “Discourse has various definitions but one way thinking about it is as any piece of extended language, written or spoken, that has unity and meaning and purpose. One possible way of understanding “extended” is as language that is more than one sentence. Something as short as two phrases in a conversation or as long as an entire extended essay are both examples of discourse and both show various features of discourse” [Abdullaeva 2023: 118].

If we take a theoretical approach to the forms of discourse, in several sources there are mainly 4 forms of discourse: description, narration, exposition and argumentation. These forms of discourse can be better understood through examples:

1. Narration (report) — telling a story in one’s own name (listener or to the reader), that is, in this type, the events come in chronological order and are narrated. A self-created story is usually called a narration, and if the event really happened in reality, it is called a report. Below is a short excerpt from the work of the writer W. Collins as an example of the type of narration:

“Pesca, inspired by our national grog, which appeared to get into his head, in the most marvellous manner, five minutes after it had gone down his throat, asserted his claims to be considered a complete Englishman by making a series of speeches in rapid succession, proposing my mother’s health, my sister’s health, my health, and the healths, in mass, of Mr. Fairlie and the two young Misses, pathetically returning thanks himself, immediately afterwards, for the whole party.”

2. Description — is to use nouns and adjectives to visualize something, characters or events to the listener or reader. It is the extract from W. Collin’s “Woman in White”:

“The evening, I remember, was still and cloudy; the London air was at its heaviest; the distant hum of the street-traffic was at its faintest; the small pulse of the life within me, and the great heart of the city around me, seemed to be sinking in unison, languidly and more languidly, with the sinking sun.”

3. Exposition — is such a form of discourse, in which background information is given in a neutral way. It can be explanation, comparison analysis or definition. We can use the following text as an example:

“Scientists at the National Aeronautics and Space Agency (NASA) Jet Propulsion Laboratory led the study, published in Nature, which showed that Greenland’s ice cap is losing an average of 33 million tons of ice per hour, including from glaciers that are already below sea level.”

4. Argument — the purpose of this form of discourse is to persuade to do something. The argument here is based on an opinion given by the writer as true. It can be as an example for this type:

“However, it would be a serious mistake to replace libraries with tablets. First, digital books and resources are associated with less learning and more problems than print resources.”

In this essay, the author’s argument is presented that it is a mistake to replace libraries with electronic books and tools.

Therefore, D. Miall in his “Handbook of Discourse Processes” focuses on literary discourse in particular: “Disagreement over the nature of literature centers on whether *literature* is a fundamental cat-

egory of discourse with distinctive properties or a cultural formation produced during the last 200 or 300 years and sustained by specific conventions (possibly facing extinction in the face of new electronic media)." [Miall 2002: 321] According to the scientist, there are contradictions in literature, that is, the question of whether it is one of the main categories of discourse or a facet that is culturally formed and strengthened by specific conventions has arisen over the last two to three hundred years. Also, the Russian scientist V. Ilya gives the following definition to the literary discourse: "Художественный дискурс рассматривается в качестве литературно-коммуникативной реальности, которая включает в себя коллективную информацию об объективной действительности, накопленную человечеством и зафиксированную в языковом материале, а также индивидуальный опыт авторской личности, репрезентированный в художественном тексте" [Варламенко 2017: 9]. Turning to the scientist's opinion, literary discourse includes general information about the objective reality collected by mankind and recorded in linguistic material, as well as the individual experience of the author's personality reflected in the artistic text is considered.

In conclusion, it can be said that if a relationship is established between the text written by the author and the reader, that is, the text written by the author is in the mind of the reader if it is perceived and verbalization occurs, we can easily call this phenomenon discourse.

References

- Abdullaeva N.* Anthropocentric branches of linguistics. Tashkent: Nurafshon business, 2023. P. 118.
- Miall D.* Literary Discourse // Handbook of Discourse Processes. Art Graesser / eds M. A. Gernsbacher, S. R. Goldman. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 321.
- Варламенко И.* Перцептивные фразеологизмы в англоязычном художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2017. С. 9.

Movsumova Parvana Firdovsi

*PhD student, Azerbaijan University;
movsumova.parvana@gmail.com*

NAVIGATING THE DUAL ROLE OF SPECIALIZED TERMINOLOGY IN ACADEMIC DISCOURSE: PRECISION AND CHALLENGES

Keywords: linguistic features, terminology, technical vocabulary, specialized terms, applied linguistics.

Specialized discourse pertains to communication within particular fields or domains, involving the use of language to express information and ideas unique to that specific field. What we call academic language is a language in which many terms are used: the language of education [Halliday 1994: 24]; the language of the school, the language of teaching, the language of reflecting on teaching [Schleppegrell 2001: 437]; high literacy [Colombi & Schleppegrell 2002:17]; scientific language [Halliday & Martin 1993: 55–82]; or, more specifically, academic language [Bailey, 2007, Scarcella 2008:446–482]. Academic discourse, when used in medicine, law, science, technology, or any other field, exhibits unique linguistic features that distinguish it from everyday language. We can describe some common language features found in specialized discourse as follows.

Technical Terminology: Specialized fields possess distinct technical terms and jargon. While these terms hold precise meanings within the field, they might pose confusion for individuals outside of it.

Abbreviations and Acronyms: Efficient representation of longer terms or concepts is often achieved through the use of abbreviations and acronyms. Grasping these condensed forms is crucial for effective communication within a specific field.

Precise and Formal Language: Specialized discourse tends to adopt a more formal and precise tone. Clarity and precision play a pivotal role in accurately conveying intricate ideas, leading to language that is structured and less susceptible to interpretation.

Nominalization: The use of nouns derived from verbs or adjectives, known as nominalization, is common in specialized discourse. This practice allows for the condensation of information, such as using “analyze” instead of “conducting analysis.”

Infinitive: Emphasizing the action or process over the agent performing it is a common use of the infinitive in specialized discourse. This contributes to an objective and impersonal tone, particularly in scientific or technical writing.

Standardized References: Maintaining consistency and providing a clear reference trail is achieved through the use of specific citation styles [e. g., APA, MLA, Chicago] in specialized discourse.

Graphs, Tables, and Figures: Visual representations like graphs, tables, and figures are frequently employed in specialized discourse to enhance the effective conveyance of information. These visual aids are integral components of many scientific and technical documents.

Complexity of Syntax: Complex sentence structures are utilized in specialized discourse to mirror the intricacy of ideas being communicated.

Explicit Definitions: Specialized speech often incorporates explicit definitions of terms, especially when introducing new concepts. This practice ensures a shared understanding among readers within the same field.

Formulaic Expressions: Certain conventions or formulaic expressions are commonly adhered to in specialized discourse. This may encompass the structure of research papers, the format of legal documents, or the sequence of sections in scholarly articles.

While defining contexts of use and purposes is important, a comprehensive definition of academic language requires further specification. Scarcella [2005: 112–133] identifies three criteria required for academic language proficiency—linguistic, cognitive, and sociocultural/psychological. Bailey defines academic proficiency as knowing and being able to use general and content-specific vocabulary, specialized or complex grammatical structures, multifaceted language functions, and discourse structures [Bailey 2007]. Understanding and effectively using these linguistic features is critical for profes-

sionals working in specific domains, as it facilitates clear and accurate communication within their communities.

In academic discourse, specific terminology facilitates precise and unambiguous communication within a discipline, aiding in the clear and concrete expression of intricate ideas.

Moreover, specialized terminology contributes significantly to the distinct identity of each discipline, fostering a sense of community and shared understanding among scholars. This disciplinary identity is crucial in establishing a cohesive academic culture within specific fields.

Additionally, specialized terminology serves as a universal language for scientists worldwide, enabling effective cross-border communication. This linguistic common ground facilitates communication across linguistic and cultural boundaries, promoting collaboration on an international scale.

However, alongside these positive effects, the use of specialized terminology in academic discourse introduces adverse consequences. One such challenge is the exclusivity and inaccessibility it creates, making academic discourse less accessible to a broader audience unfamiliar with a particular field. Miscommunication is another adverse effect, occurring when specific terms are inaccurately or inappropriately used. This is particularly problematic when different fields use the same term with different meanings or when similar-sounding terms have distinct meanings, leading to confusion and potential misunderstandings.

Overreliance on jargon, or the excessive use of specific terminology, can impede effective communication, alienating readers not well-versed in the terminology. This hinders the broader understanding of academic content, limiting its accessibility.

In interdisciplinary collaboration, the use of specific terminology may pose challenges, creating difficulty in communication due to the narrow specialization in different fields. Bridging these disciplinary gaps requires effective communication strategies.

Semantic drift over time is another concern, as the meaning of specialized terms may change, leading to misunderstandings or altered interpretations. This is particularly relevant when experts in other fields are not familiar with the evolving terminology.

In navigating these complexities, authors can employ mitigation strategies. Providing explanatory context, including glossaries, balancing accuracy with accessibility, considering the target audience, and developing interdisciplinary communication skills are crucial for optimizing the positive impact of specialized terminology while addressing its potential adverse effects.

Positive effects include enhanced communication and cross-disciplinary collaboration, while adverse effects involve barriers and potential semantic misunderstandings. Mitigation strategies, such as providing explanatory context and using glossaries, are crucial for fostering accessibility and effective communication. Ultimately, specialized terminology in academic discourse requires a nuanced approach to optimize its positive impact while mitigating potential drawbacks.

References

- Bailey A. L., Heritage H. M. Formative assessment for literacy, grades K–6: Building reading and academic language skills across the curriculum. Thousand Oaks, CA: Corwin Press, 2008. P. 1–44.
- Halliday M. A. K. Spoken and written modes of meaning // *Comprehending oral and written language* / eds R. Horowitz, S. J. Samuels. San Diego, CA: Academic Press. 1987. P. 55–82.
- Scarcella R. Academic English: A conceptual framework. The University of California Linguistic Minority Research Institute. Technical Report. 2003. P. 446–482.
- Schleppegrell M. J., Colombi M. C. Developing advanced literacy in first and second languages: Meaning with power. 2002. P. 1–20.

Баева Галина Андреевна

д-р филол. наук, профессор, кафедра немецкой филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
g.baeva@spbu.ru

НОВОЕ ИЛИ ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ: ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ ОБЫДЕННОСТИ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: дискурсивный маркер, обыденная речь, диалог, история немецкого языка.

Выбор темы обусловлен двумя обстоятельствами. С одной стороны, история немецкого языка достаточно основательно и последовательно, от периода к периоду, изложена в многочисленных монографиях и учебниках. Традиционно, начиная с младограмматиков, многие поколения германистов поддерживают идею постоянного поступательного развития языка от его истоков в начале появления письменности на древневерхненемецком языке, состоявшей, главным образом, из переводной литературы, через различные фазы развития в последующие эпохи, к виртуозному овладению всеми вариантами построения немецкого предложения к концу XVIII века. Исторические синтаксические описания фокусируются на формировании порядка слов, выработанного к концу долгого пути становления, противопоставлением сложносочиненного и сложноподчиненного предложения в рамках больших периодов и мн. др. Эти процессы наглядно подкрепляются примерами из литературных произведений, не учитывающими зачастую разные стили повествования, размытость границ между прямой и косвенной речью без четкого противопоставления, например, между монологом и диалогом, речью автора и персонажа [Betten 2012: 14]. За рамками исследований остаются рефлексы обыденной/повседневной речи (Alltagssprache) персонажей, зафиксированной в фиктивных диалогах [Kilian 2005] и, конечно же, хотя и не отражающие непосредственно устную речь, характерную для того или иного периода, но в значительной степени отличающуюся от повествования, о чем указывается в работах, посвященных «следам» или рефлексам разговорной (устной) речи в отдаленные периоды истории немецкого языка (подробнее: [Baeva 2019: 169–171]). Обыденная речь проявляется в таких сугубо разговорных структурах повседневной речи, как директивы, обращения, восклицания, междометия, неполные предложения, различные дискурсивные частицы и т. п.

С другой стороны, при описании современного немецкого языка значительное место отводится отдельным лексемам или единицам в определенной грамматической форме, использование которых на коммуникативно-прагматическом уровне превращает их в дискурсивные маркеры [Gohl/Günthner 1999: 40], передающие различные реакции говорящего и слушающего в процессе их взаимодействия, т. е. в определенной степени управляющие организацией структуры и содержания высказывания, например в диалоге, и нередко превращающиеся в самостоятельные (формульные) высказывания. В немецком, как и в других языках, их иногда приравнивают к модальным словам / частицам или, наоборот, им противопоставляют. Иногда их объединяют как средства «разговорного языка» (gesprachensprachliche Mittel) или структурирующие диалог частицы (Dialogstrukturpartikeln). Такие единицы представлены в широком диапазоне: от разнообразных междометий (ach, aha, äh, ha, hm, okay, oh, öh, tja, uh, wau и др.), наречий и частиц (also, doch, genau, gut, ja, jau, jawohl, na, nee, nein, na ja), устойчивых формульных выражений, типа wie auch immer, guck mal / schau, ich denke, glaube ich, weißt du, und zwar, включая „новейшие“ из языка молодежи wallah, lan, ich schwöre/ischwör, so so.

Номенклатура, происхождение и функции дискурсивных маркеров остаются еще далеко не изученными в современном немецком языке. Как видно из примеров, состав дискурсивных маркеров является открытым, и по функциональным критериям туда входят служебные или неполнозначные слова, модальные слова, а также частицы и наречия. Обращение к литературе отдаленных эпох показывает, что большая часть перечисленных выше дискурсивных маркеров, наряду с другим, вышедшими из употребления, были давно известны и употребительны. Их перечень под различными рубриками и характеристиками приводится, например, как *Bewegwörter* (Wolfgang Ratke 1615), *Zwischenwörter* (Justus Georg Schottelius 1663), *Triebwörter* (Kaspar Stieler 1691), *Empfindungswörter* (J. Chr. Adelung 1782), *Ausrufungswörter* (J. H. Campe 1801) и т. п.

Целью анализа является демонстрация роли и функций указанных дискурсивных маркеров в разных по жанру немецкоязычных произведениях XV–XVIII вв.

Литература

- Baeva G.* Auf den Spuren der Mündlichkeit im Mittelhochdeutschen // Kommunikative Praktiken in sozialen Kontexten. Sprachliche Mittel im Einsatz. „Projekt Angewandte Linguistik“ Berlin, 2019. S. 169–185.
- Beten A.* Direkte Rede und episches Erzählen im Vergleich. Eine syntaktische Reise durch fünf Jahrhunderte (1500–2000) // Im Bergwerk der Sprache: Eine Geschichte des Deutschen in Episoden / Hgg. Leupold G., Passet E. Wallstein Verlag, 2012. S. 9–38.
- Gohl Chr., Günthner S.* Grammatikalisierung von weil als Diskursmarker in der gesprochenen Sprache // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 1999. Bd. 18, № 1. S. 39–75.
- Kilian J.* Historische Dialogforschung: eine Einführung. (Germanistische Arbeitshefte 41). Tübingen: M. Niemeyer, 2005.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

канд. филол. наук, доцент, кафедра немецкой филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
l.birr-tsurkan@spbu.ru, liljats@mail.ru

ЗАПРЕТ В ЗЕРЦАЛЕ „TUGENDSPIEGEL EINES HONETTEN MANNES UND GALANTEN FRAUENZIMMERS IM REICHE DER LEBENDIGEN“ (1750)

Ключевые слова: зеркало, Speculum regum, запрет, этикет.

Зерцало — один из жанров дидактической литературы. Термин „Speculum regum“ вошел в употребление в XII веке для обозначения княжеских зеркал, «посвященных правильному поведению и правлению монархов, приданию смысла государственному устройству и должности правителя» [Singer 1983: 707]. Манфред Беец, однако, отмечает, что постепенно зеркало превращается в некий тип нравственного учения (Spiegel der Sitten — зеркало нравов), охватывавший различные сословия и ведомства и нацеленный на урегулирование отношений между хозяевами и слугами, родителями и детьми, супругами и братьями и сестрами в духе корпоративной этики [Beetz 1990: 33–34]. Именно таким произведением, не различающим читателей по принадлежности к тому или иному сословию, является „Muster-Charte des männlich- und schönen Geschlechts, oder: reiner und unverfälschter Tugend-Spiegel eines honetten Mannes und galanten Frauenzimmers im Reiche der Lebendigen“, изданное в Кёльне в 1750 г.

Зерцало добродетели состоит из двух частей. Первая — Tugend-Spiegel eines honetten Mannes обращена к мужчинам. Прилагательное honett — заимствованное из французского honnête — имело значение «порядочный, благородный, праведный и вызывающий тем самым уважение» (anständig, ehrenhaft und rechtschaffen, und dadurch Achtung hervorrufend). Адресатом второй части зеркала — Tugend-Spiegel eines galanten Frauenzimmers — являются женщины. Прилагательное galant восходит к причастию настоящего времени среднефранцузского глагола galier и употреблялось в двух значениях — эlegantный, тонкий, со вкусом или вежливый по отношению к женщинам, расположенный к любовным приключениям. Таким образом, данное зеркало различает читателей по половому признаку, а не по принадлежности их к определенному сословию.

„Tugend-Spiegel eines honetten Mannes und galanten Frauenzimmers“ как любое нравственное учение (Sittenlehre) содержит рекомендации по поведению в обществе (в мире живых — „im Reiche der Lebendigen“). При этом первая часть, обращенная к мужчинам, содержит преимущественно запреты, то есть то, как себя не следует вести.

Запрет является частным случаем побуждения. Как отмечает О. В. Сарайкина, запрещение можно определить «как речевое действие, направленное на активацию, побуждение адресата к неосуществлению, прекращению или видоизменению действия, названного говорящим» [Сарайкина 2007: 8; Языковые средства 2008: 189].

Запреты, содержащиеся в „Tugend-Spiegel“, выражаются прежде всего с помощью прохитива, т. е. отрицаемого повелительного наклонения (например, *thu und verrichte nichts, was unerwogen ist; Was andrer Meynung ist, das widerlege nicht; Mit Leuten rede nichts, was folche nicht verstehn*). Отрицательное значение может передаваться с помощью приставки *un-* (*Des Nächsten Glücke laß mit Neid unangefchaut*). Вместо отрицания может быть использован предлог *ohne* (*Bestrafte ohne Zorn*). Для тех же целей могут быть использованы антонимы, например, повелительная форма глагола *verschweigen* вместо императива *erzählen* с отрицанием *nicht* (*verschweig geheime Sachen*). Кроме того, семантика запрета передается с помощью лексем, содержащих сему ограничения (например, *Schleuß den entstandnen Zorn in enge Schranken ein; leb, iß und trinck in Maaffen; Sprich wenig*). Значение ограничения может быть передано с помощью частицы *zu* перед наречием или местоимением, сопровождаемых отрицанием *nicht* (*auch lobe nicht zu viel*).

Вторая часть зеркала, обращенная к женщинам, отличается своей метафоричностью (*Man pflegt die Rofen ja bey Dornen abzubrechen. In deiner Jugend-Zeit bist du den Rofen gleich, Zwar gibt's*

auch Lilien: die scheinen blaß und bleich. Doch dieses ändert sich in zukunfft mit den Jahren, So, daß sich Milch und Blut galant zusammen paaren). Запреты, содержащиеся в этой части, в большинстве своем сформулированы метафорично, описательно (например: Denn ißt der Jungfer-Glantz auf einmahl nur verletzt, Wird auch das schönste Bild halb ehren-werth geschätzt, Die Reue kommt zu spät, und einmal ißt geschehen, Drum heißet es schlecht hin: Wie bald ißt was versehen). Запреты, обращенные к женщинам, могут выражаться через ограничительное употребление частицы zu с отрицанием nicht (Mit dem Gefinde nun verfare nicht zu scharff) или лексики с ограничительной семантикой (schone stets das Maul) и крайне редко с помощью прохибитива (Vom Wafchen halte viel, und sey dabey nicht faul).

Литература

- Сарайкина О. В. Репертуар языковых средств выражения семантики запрета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Камчатский гос. Университет им. Витуса Беринга, 2007.
- Языковые средства выражения значения адресованности в современной русской речи / под общ. ред. И. Д. Чаплыгиной. Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчатского государственного университета, 2008. 304 с.
- Beetz M. Frühmoderne Höflichkeit. Komplimentierkunst und Gesellschaftsrituale im altdeutschen Sprachraum // Germanistische Abhandlungen. Bd. 67. Stuttgart: Metzler, 1990. 361 S.
- Singer B. Fürstenspiegel // Theologische Realenzyklopädie. Bd. 11. De Gruyter, 1983. S. 707–711.

Григина Елена Анатольевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра испанского языка,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
eagriniina@yandex.ru

ФЕЙКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАТАЛОНЦЕВ: CUI PRODEST?

Ключевые слова: Каталония, культурно-языковая идентичность, интерпретация, фальсификация исторических фактов.

Проблематика, связанная с культурно-языковой идентичностью, начала активно разрабатываться в отечественной лингвистике после появления монографии Ю. Н. Караулова, посвященной языковой личности [Караулов 1987]. Одним из удачных представляется определение идентичности, данное британским психологом и социолингвистом Джоном Эдвардсом: «Идентичность составляет сущность человека и группы и является той соединительной тканью, которая объединяет их» [Цит. по Местер, Прошина 2020: 113]. Иными словами, культурно-языковая идентичность любого человека неразрывно связана с определенной этнической группой, её языком и культурой.

В фокусе данного исследования — коренные жители Каталонии, которые, несмотря на то что с конца XV века являются подданными Испанской Короны, остро ощущают свою собственную идентичность. Анализируемой проблемой является то, что одни и те же исторические события интерпретируются в научной литературе (историография, социолингвистика и др.), в СМИ и в Интернете по-разному, в зависимости от лингвокультурной принадлежности автора: точка зрения пишущих на каталанском языке значительно отличается от того, что написано по-испански теми, кто представляет официальную позицию государства или выступает за единство Испании.

До второй половины XV века историческое развитие Каталонии шло самостоятельным путем, во многом опережая развитие других исторических областей Испании. Однако, именно это ставится под сомнение испанскими историками, которые считают, что история Каталонии неотделима от истории других исторических областей Испании с момента ее зарождения. Более того, каталанскую историографию называют романтической и упрекают в националистском подходе к интерпретации событий, то есть в искажении истории, её фальсификации. В последние несколько лет на страницах основных испанских периодических изданий, таких как «Эль Паис» или «АВС», появляются публикации, цель которых развенчать так называемые «мифы», созданные и заботливо выпестованные каталонцами. Речь идет об интерпретации важных исторических вех, таких как Испанская марка (Marca Hispánica), графство Барселона и Арагонская Корона, участие каталонцев в завоевании Америки и многие другие [Mitos].

Так, по мнению испанских историков, Каталонию нельзя отделять от Испании уже только потому, что именно в Барселоне в начале V века в 415 году обосновался вестготский король Атаульф (он же первый испанский король) и было создано королевство Hispania, то есть, по их мнению, первый совместный испанский проект. Однако, то, что в Барселоне какое-то очень непродолжительное время находился королевский двор, отнюдь не дает основание считать, что у Каталонии и Испании общая история, ведь затем каталонская земля находилась почти век под властью сарацин, а изгнать их помогли франки под предводительством Карла Великого, и при этом некоторые города были заселены франками (Vic, Cardona, Casserres). Барселона же была освобождена от сарацин в 801 году. В этот период история Каталонии тесно связана с империей Каролингов и югом Франции (Септиманией) и именно тогда на освобожденных землях создается Испанская марка. Такое название получили графства, находящиеся в вассальной зависимости от Каролингов, с целью охраны границы Септимании и борьбы с исламом. Каролинги называли испанцами (hispanos) своих союзников вестготского происхождения и назначали на пост правителей преданных военачальников, которые могли быть франками или даже из мест-

ных каталонцев. Конечно же, Испанскую марку нельзя назвать независимой. Однако по мере того, как империя франков слабела (особенно после смерти Карла Лысого в 877), барселонские графы начали отказываться присягать на верность франкским королям и стремились объединить вокруг себя другие каталонские земли, входившие в состав Испанской марки. Особую важность имеет то, что графский титул начинает передаваться по наследству.

Датой рождения Каталонии считается 988 год, когда барселонский граф Борель отказывается приносить присягу франкскому королю Гуго Капету (у франков происходит смена династии). Для каталонцев это является фактическим подтверждением их независимости от франкского владычества. Более того, можно предположить, что к этому моменту уже происходит их самоидентификация, ведь уже существуют свои традиции и свой язык. А далее в XI и XII веках происходит укрепление власти, дальнейшее соби́рание земель вокруг Барселоны, расширение территорий за счет присоединения владений Окситании (путем заключения династических браков) или путем захвата земель в средиземноморском бассейне. А на XIII–XIV века приходится период бурного расцвета Каталонии, экономически сильной, имеющей свой парламент, ограничивающий королевскую власть, университеты как центры науки и образования, богатейшую культуру и целый ряд других достижений, которыми каталонцы гордятся до сих пор.

Ситуация в Каталонии начинает меняться в XV веке, когда из-за междоусобиц эта территория оказывается под властью испанских королей. Однако, справедливости ради надо заметить, что до начала XVI века это обстоятельство не отражается на каталанском языке и развитии литературы на нем. Каталанский, арагонский и кастильский языки воспринимаются как равноправные. Об этом красноречиво свидетельствует деятельность королевских канцелярий Каталонии, Арагона и Кастилии: документы редактируются на этих трех языках. Декаданс начинает ощущаться в XVI веке, и это связано, по мнению авторитетного каталонского филолога Марти де Рикера, с кастельянизацией монархии, [Riquer 1980: III, 576] то есть правящей династии Тростамара, которая нацелена на создание абсолютистского государства с сильной центральной властью.

В заключении, хотелось бы подчеркнуть, что именно историческая память заставляет Каталонию, которая сумела сохранить свои собственные традиции, культуру и язык, стремиться к самостоятельности и бороться с «фейками», цель которых — переписать историю, меняя тем самым культурно-языковую идентичность населения Каталонии.

Литература

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Местер М. Н., Прошина З. Г. Культурно-языковая идентичность транслингвального писателя и ее сохранение в переводе // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XVII, вып. 1. Хабаровск, 2020. С. 113–120.

De Riquer M., Comas A. Historia de la literatura catalana. Editorial Ariel, Barcelona, 1980. Vol. 3. 729 p.

Los grandes mitos de la historia de Cataluña — 28.03.2011. <https://emilioutges.blogspot.com/2011/03/los-grandes-mitos-de-la-historia-de.html> (дата обращения: 15.01.2024).

Диттрих Артём Геннадьевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;

artjom.dittrich@gmail.com

КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ В НЕМЕЦКИХ ПРОПОВЕДЯХ БЕРТОЛЬДА РЕГЕНСБУРГСКОГО.

Ключевые слова: эмотивность, эмотивная лексика, проповедь.

В докладе рассматривается категория эмотивности в проповедях, приписываемых немецкому средневековому проповеднику Бертольду Регенсбургскому, (1210(1220)–1272) с позиции её прагматического потенциала. Под эмотивностью понимается «характеристика языковых средств, употребляемых для кодифицированного выражения эмоций в речевом общении и способных произвести эмоциональный эффект на реципиента» [Табурова 1999: 21]. Оказание эмоционального воздействия на слушателя является одним из прагматических факторов, служащих цели проповедования — «донесения смысла слова Бога до сознания людей» [Мечковская 1998: 205].

Большинство исследователей (В.Н.Телия, Л.Г.Бабенко, В.И.Шаховский, Ф.Херманнс, М.Шварц-Фризель, Х.Бергерова и др.) разделяют эмотивную лексику на две большие группы: собственно эмотивную лексику, т.е. лексику, выражающую и/или вызывающую эмоции, и лексику эмоций, т.е. лексику, называющую эмоции. Вслед за Х.Бергеровой к эмотивной лексике мы относим: эмотивные междометия (ach, hurra, igitt, pfui), эмотивные прилагательные (blöd, goldig, niedlich, peinlich, süß), а также эмотивные фразеологизмы (Schön dich zu sehen!; Das ist ja die Höhe!; Ich könnte dich in der Luft zerreißen! или Verflixt und zugenäht!) [Bergerová 2013: 14].

В качестве анализируемого материала выступают тексты первых десяти проповедей, приписываемых Бертольду Регенсбургскому, на средневерхненемецком языке из собрания Cod. Pal. germ. 24 Bertholdus <Ratisbonensis> университетской библиотеки Гейдельберга. При сборе и анализе материала были применены такие методы, как метод сплошной выборки, метод словарных дефиниций, метод контекстуального анализа.

В первую очередь необходимо отметить, что с точки зрения лексического наполнения содержательная часть каждой проповеди отличается достаточной нейтральностью в плане выражения/называния эмоций — наибольшее число примеров употребления эмоционально окрашенной лексики отмечается в риторических отступлениях проповедника, в обращении к публике (при этом важно подчеркнуть, что эмотивная лексика используется преимущественно в отношении простолюдинов, а при обращении к лицам более высокого социального статуса выдерживается нейтральный тон), а также при описании «последствий» неподобающего поведения или несоблюдения проповедуемых постулатов.

В проповедях употребляется в большей степени негативно окрашенная эмотивная лексика, что преследует своей целью вызвать и/или сформировать у слушателя негативное отношение к «неправильным», с точки зрения проповедника и Церкви, вещам. К примеру, названия различных «греховных» явлений: glichfenheit (лицемерие), gitikeit (алчность), trakeit (праздность) и пр.; обращения к «грешникам»: gitiger (скряга), vnfeliger ketzer (лишенный благословения еретик), pfennig prediger (продажный проповедник (досл. проповедник за пфенниг)), ebrecher vn ebrecherin (прелюбодеи (досл. разрушители брака)), morder (убийца), trenker (пьяница) и пр.; прилагательные с негативной коннотацией: boße (злой), schentlich (постыдный), fentlich (греховный, грешный) и пр.; глаголы с негативной коннотацией, в частности, глаголы с приставкой ver-, выражающей значение отрицательности или бесполезности при основах глаголов, выражающих действие или состояние: fterben (умереть), morden (убить), vertanzen (протанцовывать), vermerfagen (преувеличивать, хвастаться), verfpot(t)en (издеваться, насмехаться), vfluchen (проклинать, бранить) и пр.

Отдельного внимания заслуживают средства выражения эмоционального отношения к сказанному или к слушателям самого проповедника. Так, посредством междометий pf (фу), owe (о

горе), *phui* (тьфу), *we [dir / uch]* (горе [тебе / вам]) и последующим обращением к «грешникам», проповедник выражает своё презрительное отношение к называемым или, наоборот, выражает сочувствие:

- (1) *Pfi gitiger wie gar dir v'teilt v'schaffen ift* (Фу, скряга, как ровно ты распределяешь);
- (2) *Owe ir armen lüte ir frauwet uch an not ...* (О горе, вы бедные люди, вы радуетесь без всякой нужды).

Помимо междометий, в речи проповедника встречаются регулярные фразы, которые можно рассматривать в качестве эмотивных фразеологизмов, например, *nimer rat wërden* (не будет спасения) или *[etw.] die werlt ie gewann od' immer mer gewinnen mag* ([что-то], что мир когда-либо получал или может получить; используется в усилительном значении):

- (3) *daz haft dv im v'toln vnd diner fele wirt niemer rat* (это украл ты у него и не будет душе твоей спасения);
- (4) *vnd fint aller der funde grofte vnd wirfte, die die werlt ie gewan oder iemer mer gewinnen mag* (и из всех грехов тягчайшие и гнуснейшие, что мир когда-либо получал или может получить).

Касательно названия эмоций или эмоциональных состояний, в анализируемых текстах были встречены такие лексические единицы как *freude* (радость), которая имеет различные уточняющие определения: *freude dins herren* (радость Господа твоего), *die ewigen freude* (непреходящая радость), *die groze freude* (великая радость), *die engel freude* (радость ангелов) и пр.; *wünne* (блаженство, нега); *haz* (ненависть); *nijt* (зависть); *angft* (страх) и др.

Также можно отметить некоторый параллелизм в использовании различных эмоционально-оценочных атрибутов: *güte/ böfe ding* (доброе/злое дело), *böfe/heilige geift* (злой/святой дух), *ewigen marter/freude* (вечная мучка/непреходящая радость) и пр.

В целом, используемые проповедником эмотивные средства служат для оказания эмоционального воздействия на реципиента. Посредством различных лексических и фразеологических единиц с эмотивной коннотацией, напоминающих о следствиях и последствиях несправедного образа жизни, проповедник формирует у паствы определенное отношение к проповедуемым им постулатам. Употребление преимущественно негативно коннотированной лексики указывает на то, что проповедник апеллирует к негативным эмоциям паствы: страху (в том числе, страху наказания/боли), злости, жалости и т. д., что в свою очередь позволяет ему манипулировать эмоциональной реакцией вместо использования рациональных аргументов.

Литература

- Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «Фаир», 1998.
- Табурова С. К. Эмоциональный уровень мужской и женской языковой личности и средства его выражения (на материале пленарных дебатов Бундестага): дис. канд. филол. наук. М.: Московский ордена Дружбы народов государственный лингвистический университет, 1999. С. 20–21.
- Bergerová H. Emotionswortschatz: (lerner)lexikographisch und korpuslinguistisch: Fallbeispiel: Kollokationen des Typs Verb + Adverb // Aussiger Beiträge: Germanistische Schriftenreihe aus Forschung und Lehre. Lexikologie und Lexikografie — Aktuelle Entwicklungen und Herausforderungen. Univerzita J. E. Purkyně v Ústí nad Labem, Filozofická fakulta. Ústí nad Labem, 2013 (7). 310 S.

Жаров Борис Сергеевич

канд. филол. наук, доцент, старший преподаватель,
кафедра скандинавской и нидерландской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
b.zharov@spbu.ru

ДВЕ БУКВЫ ИЛИ ОДНА? К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ ИСЛАНДСКОЙ ОРФОГРАФИИ

Ключевые слова: исландский язык, фонетические изменения, орфография, буквы с диакритическими знаками.

Исландский язык с самого первого периода своего существования использовал знаки латинского алфавита, поскольку надписи младшими рунами на территории Исландии были очень немногочисленными, и все они не древнее XIII в. Естественно, знаков стандартного латинского алфавита не хватало для отражения в фонетической системе исландского языка появившихся в результате исторического развития новых звуков. В результате были добавлены два знака для обозначения щелевых согласных: звонкого (ð) и глухого (þ) — и два знака для обозначения гласных: (æ) и (ö). Первый знак из этих четырех оказался чрезвычайно удачным и гораздо позже вошел в общепринятый международный фонетический алфавит.

Особняком стоит использование диакритического знака «акут» (от латинского *acutus* «острый»), который хорошо известен в русском языке как «знак ударения», или просто «ударение», с той разницей, что появление акута над русской буквой не превратило ее в новую букву. В древнеисландском языке, который в Дании называют древнескандинавским, в Норвегии древненорвежским, почти каждая гласная фонема могла быть и долгой, и краткой. По образцу древнеанглийского алфавита в Исландии стали обозначать долготу гласного посредством именно этого знака.

Таким образом, шесть пар гласных фонем стали обозначаться двенадцатью буквами: а — á, е — é, í — í, о — ó, u — ú, y — ý. В каждой паре первый гласный звучал кратко, второй соответственно долго, но качество было одинаковым. При более позднем появлении алфавитных словарей их стали считать условно одной и той же буквой и размещать слова в один ряд, как, например: *akstur, akur, ákúgur*, т. е. слово с буквой без акута, затем такое же с буквой с акутом. При этом первоначально в качестве заголовка группы слов всегда использовались две буквы: а, á. Это было логично и последовательно.

В результате последующего исторического развития возникла новая ситуация. Большинство обозначенных акутом букв приобрели совершенно иное фонетическое значение, например, á стало произноситься как дифтонг [au], ó как дифтонг [ou]. Тем не менее, принцип условного объединения пар букв под одной „крышей“ сохранился с той лишь разницей, что иногда в качестве заголовка выступают две буквы: а, á, в других случаях только одна первая: а.

Казалось, такой порядок вещей устраивал всех. Но в XX веке нашлись возмутители спокойствия, которые предоставили буквам с акутом право считаться совершенно полноценными буквами, а не владеть жалкое существование на задворках букв-партнеров. Так в большом нормативном словаре исландского языка [Jón Hilmar Jónsson 2001] под буквой а собраны слова, которые начинаются только на эту букву. Далее следует новая группа под заголовком á, и в ней слова, которые начинаются только на эту букву. Можно не продолжать: точно так же обстоят дела в его словаре со всеми другими парами: е — é, í — í, о — ó, u — ú, y — ý. Это действительно важное решение, и составителям нельзя отказать в логике рассуждений. Если это особые буквы, они должны занимать собственное место в каждом словаре. Другое дело, что многие толковые и одноязычные словари со входным исландским не следуют этому примеру и продолжают повторять предшественников, видимо, составители больше думают о привычках пользователей.

В 1964 г. был создан Исландский языковой комитет (Íslensk málnefnd), которым проводится очень большая и эффективная работа по созданию слов для обозначения новых понятий на

основе исконно исландских корней. Казалось бы, он мог вмешаться и выразить свое отношение к явному орфографическому разнообразию. По неизвестным причинам он не стал заниматься этим вопросом.

С буквами связана еще одна проблема. Известно, что исландцы предпочитают использовать исконные слова и избегают заимствований в лексике. Подобно этому они действуют в области орфографии. В 1973 г. они отменили букву *z* [Берков 1996: 861], заменив ее в исландских словах на букву *s*, в том числе в таких распространенных словах как *íslensk*. Дело в том, что произносилась эта буква всегда только как *s*. Вероятно, в обозримом будущем можно ожидать подобной отмены букв *u* и *ú*, которые произносятся как *i*, соответственно *i*.

Складывается парадоксальная ситуация. Полный набор букв в исландском языке насчитывает 36 единиц [Берков 1962: 947; 1996: 861]. В то же время существует стандартный исландский алфавит из 32 букв, поскольку буквы *s*, *q*, *w*, *z* (после 1973) разрешается употреблять только в иностранных именах и географических названиях. Последнее не совсем корректно, так как возможны и нарицательные типа *whisky*. К тому же в учебниках исландского языка для иностранцев в список под заглавием «Исландский алфавит» включены сочетания букв *au*, *ei*, *eu* [Sólborg Jónsdóttir, Þorbjörg Halldórsdóttir 2011: 16], которые ни при каких условиях нельзя признать отдельными буквами.

Литература

Берков В. П. Исландско-русский словарь. М., 1962. 1032 с.

Берков В. П. Фонетика исландского языка // Хельги Харальдссон. Русско-исландский словарь. Рейкьявик, 1996. С. 861–871.

Jón Hilmar Jónsson. Orðastaðir: Orðabók um íslenska málnotkun. Reykjavík, 2001. 708 bls.

Sólborg Jónsdóttir, Þorbjörg Halldórsdóttir. Íslenska fyrir alla. Bók 1. Reykjavík, 2011. 111 bls.

Жилюк Сергей Александрович

канд. филол. наук, доцент, кафедра немецкой филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
s.zhilyuk@spbu.ru, s.a.jiluck@gmail.com

ПЕРВАЯ СИБИРСКАЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЕДА НАД ДНЕВНИКОМ ЭКСПЕДИЦИИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА

Ключевые слова: научный стиль, Д. Г. Мессершмидт, немецкий язык, научный дневник, экспедиция.

На фоне юбилеев 2024 г., знаменательных для российской науки, как то: 300-летие основания Петербургского университета и Российской Академии наук — на второй план отходит 300-летие другого не менее значимого свершения. В марте 1724 г. берегов Байкала достиг первый исследователь Сибири Даниэль Готлиб Мессершмидт (1685–1735 гг.), который составил первое действительно научное описание географии озера.

В последнее десятилетие фигура Мессершмидта все чаще привлекает отечественных и зарубежных исследователей. Ученый, которого академик Вернадский окрестил «великим неудачником» [Вернадский 1988], поскольку при жизни ни одно из его произведений не увидело свет (при том, что важность проводимых им исследований члены Академии наук понимали еще в первой половине XVIII в., иначе не задержали бы его рукописи и коллекции в Петербурге), действительно был первопроходцем по многим параметрам: де-факто экспедиция Мессершмидта стала первой в истории Академии, так как к моменту ее основания ученый уже трудился в полевых условиях, Мессершмидт составил первое систематическое научное описание географии обширной территории от Урала до Забайкалья, Мессершмидт по праву может считаться соавтором открытия кузбасского угля, кроме того, исследователь вел ежедневные дневниковые записи на немецком языке (нам доступны дневники 1721–1727 гг.), которые были опубликованы в оригинале в 1962–1974 гг. в Берлине. Русские переводы дневника Мессершмидта изданы только в отрывках, причем переводы выполнены в разные годы разными специалистами, что не могло не сказаться на их качестве.

Несмотря на многочисленные публикации, посвященные различным аспектам деятельности немецкого ученого, в том числе публикации, касающиеся его лингвистических наблюдений, сами дневники пока не становились объектом языковедческого анализа. Настоящий доклад не претендует на всестороннее изучение материала, но нацелен в первую очередь на обрисовку группы вопросов, находящихся в сфере интересов науки о языке.

В первую очередь — это вопрос о жанровой принадлежности дневников Мессершмидта. Сам ученый озаглавил свои записи *Journal der Reise... im Sibirischen Reiche* («Журнал путешествия... в Сибирском царстве» — перевод наш). При этом в современной науке подобные рассказы о путешествиях принято именовать травелогом (ср. [Майга 2014]) — от англ. travelogue (travel — поездка + monologue — монолог). В немецком языке данный жанр называется *Reisebericht* (сообщение или отчет о путешествии). Истоки жанра находят в античной литературе (Ксенофонт, Геродот), а также в рассказах средневековых пилигримов и путешественников (Марко Поло, Афанасий Никитин), в назидательных сочинениях (иными словами, советах путешественникам) немецких авторов. В современной медиасреде к травелогам нередко относят и видеоблоги [Майга 2014]. Учитывая серьезные различия между ними и путевыми записями Мессершмидта, следует признать необходимость подразделения травелога на подвиды или вообще выделение из него особых типов текста, в частности — научного дневника путешествия или экспедиции.

Это влечет за собой постановку вопроса об отнесении подобного дневника к тому или иному функциональному стилю. По всей видимости, речь идет о научном стиле: на это указывает в первую очередь стремление к точности выражения мысли, свойственное энциклопедистам XVIII в. [Филиппов, Филиппов 2017]: плотность фактологической информации во многих записях крайне велика. По мере продвижения Мессершмидта в глубь Сибири все реже автор под-

робно описывает свой маршрут и все чаще в начале записи за день следует лишь перечисление населенных пунктов и географических объектов, которые миновал исследователь. В то же время Мессершмидт как энциклопедист старается описывать мир с помощью привычной ему терминологии, восходящей к латыни, что в принципе свойственно современным ему ученым [Манерова 2013] (*declinatio distinguieren, Effekt, observieren*). Все дальше проникая в Сибирь, он вынужден пользоваться и терминологией, заимствованной из русского языка и языков народов Сибири (*Denstschik, Kirchdorf, Knees, mogilisch Gold, Werst*).

Следует отметить — и это еще одна лингвистическая проблема, которую ставит перед нами дневник Мессершмидта, — что его текст нельзя считать стилистически однородным. Если в начале путешествия в 1721 г. ученый уделяет большое внимание местонахождению (указание расстояний, астрономические измерения), то впоследствии, в 1724 г. он занят описанием природы и быта народов, населяющих Сибирь. Увеличивается количество заимствований, используемых для описания реалий и становящихся терминами. Изменяется и форма изложения: если для записей 1721 г. характерно описание действий автора в 3 лице (*Den 1. April (Sonabend) schickte der Herr Woiwode einige Viktualien in des Herrn Doktors Küche*), то в 1724 г. рассказ ведется от 1 лица (*Ich journalierte die Reise*).

Таким образом, изучение дневников Мессершмидта с точки зрения лингвистики позволяет не только выделить дневник путешествия/экспедиции в особый тип текста, но и определить его основные стилистические особенности. Кроме того, изученный материал предоставляет возможность изучить первую языковую фиксацию описания столь экзотического региона, каким представлялась европейцам Сибирь в XVIII в. Наконец, обращение к дневникам ученого — это еще одна попытка вернуть из забвения талантливого и неутомимого научного деятеля, который принадлежит не только к немецкой, но и к российской научной традиции.

Литература

- Вернадский А. И.* Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. 404 с.
- Майга А. А.* Литературный травелог: специфика жанра // Вестник ТГГПУ. 2014. № 3 (37). С. 254–259.
- Манерова К. В.* К вопросу развития немецкой языковедческой терминологии в трудах просветителя Иоганна Кристофа Аделунга (1732–1806) // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. Вып. 4. С. 78–84.
- Филиппов А. К., Филиппов К. А.* «Сие изъясняю простым и весьма понятным примером». Заметки об особенностях стиля риторических произведений М. В. Ломоносова // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXI (чтения памяти И. М. Тронского). 2017. С. 819–831.

Иванова Екатерина Павловна¹, Бурчанова Анастасия Александровна²

¹д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

*²магистр., Санкт-Петербургский государственный университет;
anastasia.burchanova@yandex.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНО-РОМАНСКИХ НАРОДОВ НА ЮГ РОССИИ

Ключевые слова: этнос, языковые меньшинства, эмиграция, диаспора.

Представители романских народов населяют территорию России с давних времён. Самыми первыми романскими колонистами на русской почве считаются волохи. Если обратиться к этимологии данного этнонима, то можно установить, что он был заимствован в древнерусский язык из германского источника (ср.-в.-нем. *welsch* от др.-в.-нем. *walah, walh*) и первоначально являлся самоназванием кельтского племени вольков. Предполагается, что германцы стали называть вольками кельтов и представителей романских народов. Славяне, в свою очередь, также могли первоначально использовать данный этноним для обозначения любых представителей римской культуры. Однако в процессе исторического развития термин «волох» подвергся сужению значения и стал объединять романоговорящих жителей Балканского полуострова. Таким образом, речь пойдёт о восточно-романской группе, которая ко второй половине XIX века составила население Соединённых княжеств Молдавии и Валахии [Шишмарёв 1975: 12].

Выделяется несколько причин переселения восточных романцев на территорию России. В. Ф. Шишмарёв пишет, что основная причина связана с приёмом иностранцев на военную службу. Волохи традиционно считались хорошими кавалеристами. Таковыми они зарекомендовали себя в Польше, где с XVI века входили в состав лёгкой конницы в государственной армии, а затем всё чаще состояли на частной службе у польских феодалов. Неудивительно, что Московское государство, следуя положительному опыту Польши, также стало размещать волохов в своих воинских частях. Волохов нанимали обычно в Молдавии из свободных мелких землевладельцев. В XV-XVI веках в России каждый, кто состоял на воинской службе, владел землёй. Подобным правом также стали обладать и иностранные военные, которые могли быть наделены поместьем за особые заслуги. Волохи, которые длительное время служили в войсках Московского государства, имели возможность получить мелкий участок и остаться жить в стране [Там же: 15].

Безусловно, интерес России к жителям Балкан имел также политический характер и был связан с созданием антитурецкой коалиции и распространением влияния на восточных рубежах государства. Поскольку волохи были носителями христианской веры, Петру I удалось использовать данный факт для их призвания в русские части с целью борьбы с турками. Прутский поход Петра против Османской империи на город Яссы (на тот момент молдавский) привёл к тому, что русская армия пополнилась значительным количеством молдавских воинов, которые затем остались в России. Видные молдавские деятели и бояре, принимавшие участие в Прутском походе, после неудачи под Яссами подверглись мести и разгрому со стороны турок. Естественно, что многие из них решили оставить свою страну и сбежать в Россию. Переселявшимся боярам Пётр лично жаловал деньги из казны и передавал в их владения поместья на территории Слободской Украины [Там же: 19]. Немаловажен был и вопрос военных поселений на юге России. Организация охраны южной границы стала ключевым инструментом восточной политики России. При Елизавете появилась область Новая Сербия, где были поселены выходцы из Молдавии, Валахии, Сербии [Там же: 33]. Вслед за Новой Сербией создаётся область Славяносербия, в которой проживали представители волошского народа из Трансильвании, Валахии и Молдавии [Там же: 48]. Благодаря сведениям академика И. А. Гюльденштедта, можно установить, что в XVIII веке волохи называли себя молдаванами и румынами. Гюльденштедт выделяет среди них группу *munteni* (рум. *Muntenia* — Мунтения, историческая область современной Румынии, восток исторической Валахии) и группу *țurcani* (рум. *țurcan* — порода валаш-

ских овец с длинной, грубой и густой шерстью) [Там же: 53]. Последние, вероятно, имели такое название в связи с разведением овец в горах.

Помимо военной происходила и гражданская колонизация. Правительство Российской империи принимало меры к тому, чтобы её организовать и развить. К этим мерам относились создание органа, ведавшего колонистами, наблюдение за переселением, выдача пособий, установление льгот, выбор мест для поселения [Там же: 67]. В большинстве случаев это были пленные или беженцы из Валахии и Молдавского княжества, которые тогда находились под властью Османской империи, а также из Крымского ханства. В Крыму волохи проживали в основном в Бахчисарае и Гёзлёве (Евпатории) и занимались в ханстве овцеводством [Там же: 72].

Современное состояние восточно-романской диаспоры на юге России вызывает особый научный интерес. На данный момент она представлена рядом молдавских автономий, официально зарегистрированных в Республике Крым, в частности, в городах Алушта, Белогорск, Евпатория, Симферополь и Ялта. В молдавском законодательстве понятие «молдавская диаспора» включает в себя граждан Республики Молдова, которые временно или постоянно проживают за пределами страны, уроженцев Республики Молдова и их потомков, а также сообщества, образованные ими [Постановление Правительства Республики Молдова № 200 от 26.02.2016]. В настоящее время деятельность многочисленных национально-культурных автономий различного уровня, основанных в Российской Федерации выходцами из Республики Молдова, направлена на сохранение национальной идентичности и самобытности, популяризацию молдавской культуры, развитие фольклора, обрядов и обычаев.

Литература

Постановление Правительства Республики Молдова № 200 от 26.02.2016. URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=363576>

Шимарев В. Ф. Романские поселения на юге России: Научное наследие. Л.: Наука, 1975. 244 с.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01635.

Милованова Наталья Сергеевна

старший преподаватель, кафедра немецкого языка,
Санкт-Петербургский государственный университет;
natalyamilovanova@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИЯЗЫКОВЫХ ПЕРЕВОДОВ «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»

Ключевые слова: внутриязыковой перевод, устаревшая лексика, средневерхненемецкий, современный немецкий язык, оригинал.

1. Понятие «внутриязыковой перевод» по-разному трактуется исследователями. Рассмотрим все возможные понимания внутриязыкового перевода, мы остановимся на следующем: внутриязыковой перевод — это перевод на современный язык текста, написанного на языке предшествующей эпохи [Нелюбин 2003: 46].

2. В теории перевода есть два направления, о которых говорит А. В. Федоров в книге «Основы общей теории перевода». Это 1) Перевод, основанный на тенденции к дословному воспроизведению языка оригинала в ущерб языку, на который текст переводится. 2) перевод, основанный на стремлении отразить смысл подлинника и соблюсти требования современного языка [Фёдоров 1966: 24].

3. В 1805 году фон дер Гаген в журнале «Euphonia» издал свой пробный перевод «Песни о нибелунгах». По его мнению, перевод должен быть верным оригиналу, он пытается достичь этого с помощью устаревших слов, форм слов и выражений. В этом переводе сохранены практически все лексемы подлинника, например, свн. наречие *vorderost*, существительные *trost*, *degen*, *ros*. Переводчик старается максимально точно передать и грамматическую структуру оригинала. Он полностью повторяет порядок слов оригинала даже там, где это противоречит правилам современного немецкого языка.

4. В 1805г. К. Нимайер издал свой перевод «Песни». Он, как и предыдущий переводчик, сохраняет большинство лексем оригинала, которые не изменили своего значения. Свн. претеритум глагола *heizen* (называться) (*hieze*) передан претеритумом нн. глагола *heißen* (*hieße*). Свн. существительное *burg* (крепость) — нн. суц. *Burg*. Свн. прилагательное *riche* — нн. *reich*.

Однако этот перевод менее приближен к оригиналу. Свн. сочетание *witen wol bekannt* (очень далеко известный) передано нн. прилагательным *weltbekannt* (всемирно известный). В переводе присутствуют некоторые лексические замены. Переводчик, также, как и в оригинале использует форму прошедшего времени, претеритум, однако, он приближает структуру предложений к современной.

5. В 1807 году в журнале «Der neue Teutsche Merkur» был представлен перевод И. Хинсберга, а именно начало «Песни о нибелунгах». Данный перевод является наименее близким к оригиналу. В текст перевода вводится предложение, отсутствующее в оригинале (*Sieglinde Sohn ... ritt ganz allein auf Späh und Kundschaft hin*). Непереданным остается предложение оригинала о численности войска (свн. *des was wol vierzec tusent oder dannoch baz*). Из исходных лексем сохранены немногие, например, претеритум глагола *sehen*, существительное *Feld*. Можно сделать вывод, что переводчик передает общее содержание оригинала. В синтаксическом плане переводчик также полностью меняет структуру предложений подлинника.

6. В 1827 году появился перевод целого эпоса, выполненный К. Зимроком. К. Зимрок модернизирует язык текста «Песни», хотя его перевод очень близок к оригиналу. Он утверждал, что его перевод должен помочь читать и понимать произведение в оригинале [Simrock 1954: 4]. Вместе с тем переводчик сохранил шарм средневерхненемецкого произведения. По мнению К. Зимрока, наличие в тексте перевода таких устаревших лексем, как *Degen*, *Recke*, *Minne*, а также словосочетания *Schwester mein* вместо *meine Schwester* никогда не вызовет негативной оценки у читателя [Simrock 1954: 18]. Чтобы сделать перевод более доступным для современного читателя, К. Зимрок заменяет вышедшие из употребления или изменившие свое значение

лексема. Свн. сочетание *mit nide* передается существительным с предлогом *mit Zorn* (с гневом), так как существительное *Neid* изменило свое значение, вышедшее из употребления свн. наречие *vliuze* (тщательно) передано нн. причастием *gewappnet*.

7. Перевод З. Гроссе является самым современным из проанализированных, он был осуществлён в 1997 году. З. Гроссе пишет, что текст средневековой рукописи должен быть доступен для читателя, который не имеет языковых знаний, так как лексика, грамматические структуры ему чужды и малопонятны [Grosse 2010: 971]

Для перевода рифмованного текста З. Гроссе выбрал прозу. Переводчик заменяет не только вышедшие из употребления лексемы, но и те, которые сохранились в современном языке. Например, свн. существительное *ros* (конь, лошадь), которое является устаревшим, но сохранилось в немецком языке, переводится нн. *Pferd*. Свн. претеритум глагола *gan* (идти) соответствует нн. претеритуму глагола *eilen* (спешить) (*eilten*). Часто встречаются уточнения, отсутствующие в оригинале.

8. В заключении можно сделать вывод, что переводчики руководствовались различными принципами и ставили перед собой различные задачи. Одни переводы были ориентированы на дословное воспроизведение оригинала, другие — на передачу смысла.

Из современных переводов больше всего приближен к оригиналу перевод К. Зимрока. Но несмотря на то, что он использует устаревшие формы слов, неупотребительные в современном языке, их значение остается понятным современному читателю. Таким образом, К. Зимрок сохраняет временную дистанцию и передает атмосферу того времени, когда произведение было создано, также раскрывает смысл оригинала и сохраняет его структуру.

Литература

Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. М.: Наука, 2003. 162 с.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Филология три, 1983. 124 с.

Das Nibelungenlied Mittelhochdeutsch/Neuhochdeutsch, ins Neuhochdeutsche übersetzt und kommentiert von Siegfried Grosse. Stuttgart: Philipp Reclam, 2010. 991 S.

Das Nibelungenlied, übersetzt von Karl Simrock. Stuttgart: Verlag der Gottaschen Buchhandlung, 1954. 290 S.

Мухин Сергей Владимирович

канд. филол. наук, доцент,

Московский государственный институт международных отношений МИД России;

s.muhin@inno.mgimo.ru

СЕМАНТИКА КОРПОРЕАЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ВЕРСИЯХ ПСАЛМОВ

Ключевые слова: корпоральность, соматизм, древнеанглийский язык, псалтирь.

В настоящем исследовании рассматриваются проблемы древнеанглийской лексики и фразеологии с телесно-антропной семантикой на материале псалтирей VIII–XII вв., в частности показатели частотности лексических соматизмов и их фразеологическая продуктивность. Среди памятников письменности данного периода особое место принадлежит различным версиям Псалтири, которая в Раннем и Высоком Средневековье играла ключевую роль в обеспечении непрерывности культурной и фразеологической письменной традиции. В целях распространения латинской грамотности тексты псалмов также широко использовались в качестве учебных [Toswell 1995–1996].

До настоящего времени дошло 16 версий [Porck 2022] глоссированных, т. е. переданных с помощью подстрочного перевода с латинского оригинала, псалтирей. Мы рассматриваем материал восьми из них, ограниченный хронологическими рамками середины VIII — конца XII вв.:

- 1) Веспасианова Псалтирь второй четверти VIII в. (London, British Library, MS Cotton Vespasian A I);
- 2) Псалтирь Юниуса, первая половина X в. (Oxford, Bodleian Library, MS Junius 27);
- 3) Ламбетская Псалтирь, начало XI в. (London, Lambeth Palace, MS 427);
- 4) Арунделская Псалтирь, первая четверть XI в. (London, British Library, Arundel MS 60);
- 5) Кембриджская Псалтирь, вторая четверть XI в. (Cambridge, Cambridge University Library MS Ff.1.23);
- 6) Парижская Псалтирь, середина XI в. (Paris, Bibliothèque nationale de France, MS Lat. 8824);
- 7) Псалтирь Вителлия, третья четверть XI в. (London, British Library, Cotton MS Vitellius E XVIII);
- 8) Псалтирь Эдвины, третья четверть XII в. (Cambridge, Trinity College Library, MS R. 17.1).

Соматическая лексика занимает существенное место в Псалтири. Контексты с соматизмами обнаруживаются в 133 из 150 псалмов. Анализ глосс на предмет выявления лексики с семантикой корпоральности показывает, что всего в псалмах употребляются 38 субстантивных лексем, обозначающие органы, части тела или проявления организма. Ниже дан их список в формах [Ball 1970] Веспасиановой Псалтири с русскими и латинскими соответствиями [Bosworth—Toller 2024]:

muð (рот, уста; oris), sean (зрачок; pupilla), heafod (голова; caput), hond (рука; manus), hnol (темя; vertex), earm (рука, мышца; brachium), folm (ладонь; palma), ondwleota (лицо, лоб; facies), onsien (лицо; facies), fot (нога, стопа; pes), swiðre (десница; dextera), locc (волос; capillus), womb (лоно, утроба; venter), helpure (пятка; calcaneum), bæc (спина; dorsum), weolor (губа; labia), brez (веко; palpebra), finzer (палец; digitus), beard (борода; barba), zebescnend (указательный палец; index), ðunwenze (висок; tempus), toð (зуб; dens), ban (кость; ossis), eze (глаз; oculus), swirban (шея, шейная кость; cervix), heorte (сердце; cor), zoma (гортань; fauces), innera (внутренности; interiora), innoð (утроба, внутренности; utero), sceate (грудь; sinus), eðre (вена, артерия; vena), eare (ухо; auris), tunze (язык; lingua), nesðyrel (ноздря; naris), blod (кровь; sanguis), sed (семя; semen), tear (слеза; lacrima), flæsc (плоть; caro).

Совокупно лексические соматизмы употребляются в 750 контекстах. Таким образом, в среднем каждая рассматриваемая лексема употребляется примерно в 20 контекстах, что принято за медианное значение частотности. При этом количество словоупотреблений для каждой конкретной лексемы значительно разнится. Исходя из того, что наибольшей фразообразовательной продуктивностью обладают частотные единицы, основной целью выступает именно выявление последних, т. е. лексем, частотность которых превышает медиану. Таковых насчитывается 11: *heorte* (135), *hond* (106), *muð* (67 употреблений), *onsien* (61), *eze* (57), *fot* (39), *swiðre* (37), *tunze* (33), *weolor* (27), *heafod* (26), *eare* (21).

Фразеологический статус словосочетаний верифицируется на основании таких показателей фразеологизации, как: постоянство образа и регулярная воспроизводимость сочетания соматического компонента с теми или иными лексемами в тексте конкретной рукописи и других памятников письменности. В качестве примера приведем ряд контекстов с соматизмом *heorte* (сердце) из 4 стиха 140 псалма «Поставь стражу, Господи, к устам моим»:

sete dryhten zehæld muðe minum (Веспасианова Псалтирь)
sete dryhten zeheld minum muðe (Псалтирь Юниуса)
zesete zehyrdnessa muðe minum (Ламбетская Псалтирь)
zesete drihten zeheordnesse muþe minum (Арунделская Псалтирь)
sete drihtyn zehyld muðe minum (Кембриджская Псалтирь)
sete swæse zeheald, swylce, Drihten, muðe minum (Парижская Псалтирь)
... 3...dnesse muðes mines (Псалтирь Вителлия)
sete drihten zeheæld muþ minne (Псалтирь Эдвина)

Несмотря на вариативность контекстов в различных версиях, сочетание соматизма *heorte* с синонимичными существительными *zeheald* / *zeheordnes* (стража) носит устойчивый характер и на протяжении четырех столетий воспроизводится в различных рукописях. Образная основа также постоянна: образ стражи у рта порождает фразеологическое значение «заставить молчать». Таким образом, фразеологический статус словосочетания *zeheald muðe* можно полагать подтвержденным.

Литература

- Ball C. J. E.* The Language of the Vespasian Psalter Gloss: Two Caveats // *The Review of English Studies*. 1970. Vol. XXI. Issue 84. P. 462–465.
- Bosworth—Toller* Anglo-Saxon Dictionary online. URL: <https://bosworthtoller.com/> (дата обращения: 12.01.2024).
- Porck Th.* ‘You are truly the same’: The Varied Nature of Old English Glossed Psalters. URL: <https://thijsporck.com/2022/10/01/you-are-truly-the-same-the-varied-nature-of-old-english-glossed-psalters/> (дата обращения: 09.01.2024).
- Toswell M. J.* The Late Anglo-Saxon Psalter: Ancestor of the Book of Hours. *Florilegium*. 1995–1996. Vol. 14. P. 1–24.

Нешкес Ольга Владимировна

преподаватель, кафедра лингвистики, и профессиональной коммуникации
в области политических наук, Московский государственный лингвистический университет;
Nesh_86@mail.ru

ДИСКУРСИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖАНРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДОНЕСЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОНЕСЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)

Ключевые слова: испано-российско-французские отношения, дипломатические донесения, дейкис, оценка.

Целью настоящего исследования является описание интенциональных и лингвостилистических характеристик жанра дипломатического донесения в Испании во второй половине XVI — первой половине XIX вв.

Эмпирической основой исследования стали донесения испанских послов в России и Франции в адрес Первых министров Испании, представляющие собой подробные отчеты о международной обстановке, политико-экономическом курсе страны пребывания дипломатов. Эти документы дают понимание о характере российско-испанских отношений, приходящихся на период активного освоения американского континента и развития колоний (вторая половина XVIII в.), а также испано-российско-французских отношений во время борьбы испанских колоний за независимость, революции в Испании (20-е годы XIX в.).

Рассмотрение дискурсивных особенностей жанра дипломатического донесения позволяет эксплицировать механизмы информирования и убеждения, способствующие формированию у адресата дипломатического сообщения определенного «угла зрения» на государство, представляемого «партнером» или «врагом».

Уже к XVIII веку в дипломатической культуре делопроизводства сформировалась модель дипломатического донесения, то есть были определены спектр, структура и форма репрезентации информации. В задачи дипломата входил сбор и анализ данных о стране его службы, осуществление коммуникации с официальными представителями данной страны, а также формирование предложений руководству согласно текущей международной обстановке. С учетом перечисленных функций, дипломатический отчет (донесение) включал фактологическую и аргументационную части. Использование фокусирующих внимание адресата языковых средств содействовало запоминанию информации: в рамках нашего исследования было установлено, что при формировании мнения адресата о другом государстве, имплицитными средствами воздействия, наряду с эксплицитной аргументацией, являлись дейктические средства (прежде всего, указательные местоимения в сочетании с титулами, номинациями институций и т. п.). Указательные местоимения *este, ese, aquel* в дипломатических донесениях, помимо анафорической референции [Бюлер 2000], могут имплицитно оценивать высказывания, в частности, статистически наиболее употребимое в донесениях местоимение *este* с наименованием титула или институции при первом его упоминании в тексте документа, свидетельствует об эмфатизации [Безус 2023: 35], а также в большинстве рассмотренных случаев маркирует отрицательное отношение, настороженность субъекта высказывания. Так, например, в приведенном фрагменте испанский дипломат транслирует мысль об экспансионистском характере политики России.

“Muy Señor mío: son tan vastos los proyectos de esta Corte, que tiene un Plano formado de hacer una invasión en la China... La ambición no se contenta con ese Proyecto. Se piensa al mismo tiempo de hacer una expedición marítima en el Kamtshatka contra el Japón, a cuyo fin se ha mandado en los Astilleros de los Fuertes de San Pedro y San Pablo de construir algunas embarcaciones de guerra” [Carta... 26 de abril / 7 de mayo de 1773] — «Ваше Высокопревосходительство, планы этого [российского — прим. наше] двора столь обширны, что один из них касается вторжения в Китай... Амбиции, впрочем,

не ограничиваются этим проектом: одновременно на Камчатке планируется направленная против Японии морская экспедиция, для которой приказано построить несколько боевых кораблей на верфях фортов Святого Петра и Павла».

Анализ частоты использования таких дейктических средств показал, что наибольшее их количество характерно для документов, в которых вербализируется идея конфликта, репрезентируется образ государства-соперника или потенциального врага.

Кроме дейксиса, имплицитным способом воздействия в дипломатическом донесении выступает экспрессивно-оценочная лексика, акцентирующая внимание адресата на информационно значимых отрезках текста. В иллюстрирующем примере говорится о контрреволюционных группах, сторонников абсолютизма в Испании, опубликовавших свою прокламацию, и со слов испанского дипломата, поддерживаемых французским королем (родственником испанского короля из династии Бурбонов).

“Dije que no era mi intención rebatir este documento modelo de perfidia y de falsedad pero que no podía menos de leerle el artículo 5, cuyo contenido debía alarmar a la Nación española al creer a estos hombres sostenidos por bayonetas de un Rey aliado a S. M. por vínculos de sangre...” [Borrador... 20 de octubre de 1822] — «Я сказал, что в мои намерения не входило опровергать этот документ образцового вероломства и лжи, но я не мог не прочитать ему статью пятую, содержание которой должно встревожить испанский народ, как и вера этим людям, поддерживаемым штыками короля — союзника Его Величества, связанного с ним кровными узами ...».

Исследование показало, что дейктические средства и лексическая оценка, являясь средствами прагматического фокусирования, способствуют закреплению у адресата определенного предзаданного адресантом образа другой страны, который при этом может обладать аксиологической изменчивостью в зависимости от динамики внешнеполитической конъюнктуры.

Литература

- Бюлер К.* Теория языка: репрезентативная функция языка / пер. с нем.; общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной; вступ. ст. Т. В. Булыгиной и А. А. Леонтьева. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. 501 с.
- Безус С. Н.* Староиспанское деловое письмо: морфосинтаксический аспект: монография. М: РУСАЙНС, 2023. 156 с.
- Borrador №º 145 del despacho de Pedro Alcántara Argai, encargado de negocios de España en Rusia, a Evaristo Fernández San Miguel, secretario de Estado, San Petersburgo, 20 de octubre de 1822. Archivo Histórico Nacional, Estado, 6.132.
- Carta № 64 del enviado español en Rusia, Conde Lacy, al secretario de Estado del Gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las intenciones del gobierno ruso de entrar en los territorios de China y Japón con las fuerzas armadas bajo el mando del general británico Lloyd, San Petersburgo, 26 de abril / 7 de mayo de 1773. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.

Нифонтова Дарья Евгеньевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
d.nifontova@spbu.ru

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЛАДИНСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: ретороманские языки, ладинский, заимствования, германизмы, диалог культур.

Ладинский язык представляет собой язык меньшинства на территории северной Италии и, как и другие ретороманские языки (распространены в центральной и восточной частях Альпийского региона), обнаруживает глубинные сходства в словарном составе и грамматическом строе с соседними языками романской группы, прежде всего, с итальянским и французским. Однако еще до начала римской экспансии, ок. 15 г. до н. э., в Южном Тироле существовали и другие поселения, пришедшие из долины реки По, а именно кельтов и ретов. К ареалу их распространения в районе Больцано и относится наиболее древний пласт лексики ладинского языка, представленный преимущественно топонимами (Mantèna, Mareo, Crosta и др.). После падения Западной Римской империи (476 г. н. э.) германизированные с севера протокельтским населением алеманнов и баюваров ладина вновь усвоили традиции и обычаи своих языческих кельтских предков, в то время как ниже по течению реки Адидже народ оставался под влиянием латинской культуры, представленной прежде всего духовенством [Perrone 2016]. Именно латинизмы в форме их типично ладинских образований и составляют основу словаря ладинского языка. К ним присоединяются элементы североитальянских диалектов, позднее германизмы, прочно вошедшие в язык вследствие постоянного влияния баварско-тирольского населения с момента их появления в бассейне реки Адидже в конце 6 в., потом р. Риенцы.

В отношении исконно словарного запаса в целом Дж. Сальви отмечает общую тенденцию, согласно которой ладинские общины, будучи преимущественно сельскохозяйственными, представляют мало разработанную лексику («un lessico relativamente poco «elaborato»») [Salvi 2020: 99]. Словарные семьи строятся не по принципу гибкого словообразования и словосложения с использованием одного корня, а используют заимствования и аналитические формы: ср. итал. *utilità* — лад. *utl*, итал. *utile* — лад. *de utl*, итал. *inutile* — лад. *de degun utl*, итал. *utilizzare* — лад. *adurvé/nuzé*, итал. *inutilizzabile* — лад. *nia da adurvé/nuzé*, итал. *utilmente* — лад. *cun prufit*, итал. *inutilmente* — лад. *per nia debant*.

Принципиальной с точки зрения лексики является разграничение ладинаязычных долин на северные (гадерский и гарденский диалекты) и южные (фодомский, фассанский и ампецианский диалекты): зачастую в северных диалектах немецкой лексеме соответствует итальянская в южных [Casalicchio 2020: 147]. Северные диалекты за счет географической близости к Австрии (исторически часть Тироля, ныне Южный Тироль) наиболее схожи с немецким языком в целом: так, уже на примере фонетики мы видим наличие произносимого *h*, а также фрикативно-увулярное *r*. Также же и в плане синтаксиса, если южные варианты ладинского обнаруживают типичное для североитальянских диалектов построение фразы субъект-предикат-объект, то в гарденском и гадерском диалектах решающую роль играет постановка глагола на второе место. Тем не менее, на сегодняшний день вопрос о том, является ли постановка глагола на второе место результатом немецкого влияния (традиционный взгляд) или же восходит к строению древних романских языков, носит дискуссионный характер [Salvi 2020: 92].

Принято выделять три этапа влияния германизмов на словарный состав ладинского языка:

1. Античная фаза: германские суперстраты (влияние баварских, алеманнских, лонгобардских, остготских и франкских диалектов, заимствования из древне- и средневерхне-немецкого: гард. *ciof* “fiore” < лонгоб. *zupffa* “коса” (. итал. *ciuffo*) или гард. *odler* < тирол. *odler* < свн. *adal* + *ar*.

2. Средневековая фаза и новое время: влияние баварских и алеманнских диалектов, заимствования из рнвн: фриул. *vinarol* < ted. *Fingerhut* “ditale”;
3. Современные кальки по моделям современного немецкого языка: гард. *cumpré ite „ein-kaufen»*, scuté su *zuhören*, se scri ite *sich einschreiben*, fé *pea mitmachen*.

Малочисленность населения, владеющего ладинским языком (ок. 30 тыс.), и сильное влияние итальянского, немецкого, а последние годы и английского, является настоящим вызовом для его сохранения. Помимо прочего, итальянский и немецкий играют роль языков культуры. Состояние плюрилингвизма в этом регионе является неотъемлемой частью социального опыта и опыта идентичности населения, который тесно связан с языковыми различиями и множественными кодами, доступными говорящим [Perrone, 2016]. В современных школах Южного Тироля преподавание в школах осуществляется на трех языках (ладинском, немецком и итальянском). Активную работу по поддержанию и распространению родного языка проводят соответствующие культурные центры, каналы телерадиовещания, издательства и др. Особенно ценной представляется деятельность Института Ладин Микура-де-Рю, результатом которой являются постоянно обновляемые словари современного ладинского языка (ладинско-немецкий, ладинско-итальянский), в том числе на электронных носителях, а также корпус произведений на ладинском языке.

Литература

- Casalicchio J.* Il ladino e le sue caratteristiche // P.Videsott, R.Videsott e J.Casalicchio (edd.). *Manuale di linguistica ladina*. Berlin: de Gruyter, 2020. P. 144–201.
- Perrone P.* Ladinia elementi di cultura celtico germanica nell'identità delle valli dolomitiche. 2016. Url: <https://independent.academia.edu/PaoloPerrone1> (дата обращения: 08.01.2024).
- Salvi G.* Il ladino e le sue caratteristiche // P.Videsott, R.Videsott e J.Casalicchio (edd.). *Manuale di linguistica ladina*. Berlin: de Gruyter, 2020. P. 67–108.
<https://micura.it/la/>

Петрова Элеонора Борисовна

д-р ист. наук, профессор, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского;
eleopetrova@gmail.com

ЗАМЕТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ ГЮСТАВА ЛАНСОНА О ВОСПИТАНИИ И ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ. ГОД 1886-Й

Ключевые слова: Гюстав Лансон, дети императора Александра III, французский язык, обучение.

Гюстав Лансон (5 августа 1857, Орлеан — 15 декабря 1934, Париж) — филолог, теоретик литературы и литературный критик, историк, педагог [Литературная энциклопедия; Christophe Charles 1985; Fraisse Luc 2002]. Образование получил в парижской Высшей Нормальной (педагогической) школе. Преподавал в Рейнском и Тулузском университетах; с 1903 по 1913 год — профессор Сорбонны в Париже; с 1919 по 1927-й — директор Высшей Нормальной школы. В литературоведение вошёл как представитель культурно-исторической школы. Его главный труд — «История французской литературы» — увидел свет в Париже в 1894 г.

Лансону было 28 лет, когда его пригласили в Россию в качестве помощника главного воспитателя детей императора Александра III. В 1896 г. в журнале «La Revue Bleue» было опубликовано его сочинение «Российская императорская семья в 1886 году: заметки и воспоминания» [Lanson 1896].

Александр III заступил на престол в зрелом возрасте — 36 лет. К тому времени у императора и его жены Марии Федоровны было четверо детей — Николай, Георгий, Ксения, Михаил. Супруги заботились об их воспитании и образовании, которые соответствовали бы высокому положению царских детей в обществе. Наставники и учителя отбирались тщательно. Большое внимание уделялось изучению иностранных языков и соответственно выбору учителей — иностранцев, носителей этих языков. Учителем французского языка и стал для царских детей Гюстав Лансон.

Лансон находился в России недолго: в конце марта — мае 1886 г. Он увидел Санкт-Петербург, Петергоф и Гатчину, Москву, Очаков и Николаев. В апреле — мае вместе с царской семьей и царской свитой прибыл в Крым; побывал в Севастополе, Ялте, Бахчисарае и дольше всего — в Ливадии, летней царской резиденции.

Сочинение Гюстава Лансона ранее не переводилось на русский язык и не использовалось в отечественных научных исследованиях. Вот некоторые выдержки из его записок (в переводе с французского Г. И. Беднарчика).

«После беседы о моем обустройстве в Петербурге генерал Григорий Григорьевич Данилович переходит к разговору о моих будущих учениках: Цесаревиче, Великом князе Николае (будущий император Николай II. — Э. П.), которому скоро исполняется 18 лет; 14-летнем Великом князе Георгии; 11–12-летней Великой княжне Ксении; Великом князе Михаиле 8–9 лет...

Учебный процесс старших Великих князей проходит по чёткому и строгому расписанию. Тщательно составленная таблица детально определяет распорядок каждого дня. После обеда несколько часов отводится для прогулок и игр на территории дворца. Всё остальное время занято уроками: русского языка, французского, английского, немецкого, истории, математики, физики, химии, географии, религии и т. д. У Цесаревича есть дополнительный урок топографии и военной науки. Вечером после ужина Великие князья занимаются рисованием, музыкой и фехтованием. Все занятия распределены между шестью днями недели...

Мне кажется, что научный характер доминирует в данном подходе к обучению. Это связано не только с выбором преподаваемых дисциплин, но и самим направлением мышления, которое стараются привить Великим князьям. Они знают много и в совершенстве...

Подход к их изучению сугубо практический, что приносит отличный результат. Оба Великих князя разговаривают по-английски, как на родном языке. Цесаревич Николай не хуже

английского владеет и французским. Великий князь Георгий без проблем изъясняется на разговорном французском...

Я три раза в неделю... в течение часа обучаю французскому двух старших Великих князей — каждого в отдельности... Учитывая пожелание ознакомить Цесаревича с творчеством современных французских поэтов, я попросил у библиотекаря Двора выдать мне самые известные сборники поэзии Ламартина и Гюго. Великий князь Николай ознакомился с некоторыми произведениями этих авторов... После прочтения текста, получив от меня необходимые пояснения, он вслух пересказывает содержание прочитанного, а затем приступает к оттачиванию литературного стиля, теперь уже письменно излагая всё сказанное им до этого. Великий князь Георгий пока ещё увлекается детскими литературными сюжетами... Он читает книгу вслух, получает от меня объяснения непонятных ему слов, затем устно пересказывает прочитанное, после чего пишет изложение сказанного...».

«До сего времени я пока ещё не приступал к обучению французскому языку Великого князя Михаила. И вот сейчас, когда Двор переехал в Гатчину, наступил этот момент. Наши занятия, скорее, были похожи на игры... Я начал с того, что стал по-французски повторять вместе с ним названия мебели и игрушек, находившихся в салоне. Затем мы перешли к глаголам, я называл по-французски действия: идти, бежать, стоять, а Великий князь должен был их выполнять».

Очевидно то, что царские дети получали разносторонние знания, их педагогами были высокообразованные специалисты — и не только в своей области знаний, но и в области педагогики, умело совмещали известные методы обучения детей разного возраста со своими собственными педагогическими приёмами. Конечно, далеко не во всех учебных заведениях России того времени работали педагоги столь высокого класса, но они задавали тон и оказывали влияние на формирование представлений об обучении и воспитании молодёжи в целом в России.

Литература

Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1932. Т. 6. С. 50–52.

Christophe Ch. Lansón (Achille Alexandre Marie Gustave): note biographique // Institut national de recherche pédagogique: Les professeurs de la faculté des lettres de Paris (1809–1908). Paris, 1985.

Fraisse L. Les Fondements de l'histoire littéraire de Saint-René Taillandier à Lanson. Paris, 2002.

Lanson G. La famille impériale de Russie en 1886: Notes et souvenirs // La Revue Bleue. Paris, 1896. № 19. P. 579–586; № 20. P. 614–620; № 21. P. 649–654; № 22. P. 680–685.

Пономарёва Анастасия Алексеевна

*аспирант, кафедра немецкой филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
тьютор, приглашенный преподаватель,
Департамент иностранных языков НИУ ВШЭ СПб;
nn.ponomaryova1111@gmail.com*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИАЛЕКТА В КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ ЮЖНОЙ ГЕРМАНИИ

Ключевые слова: диалект, баварский, швабский, реклама, вариативность, мультимодальность.

Цель любой коммерческой рекламы заключается в побуждении потенциального покупателя совершить покупку того или иного товара, что достигается с помощью различных маркетинговых стратегий. Как отмечает немецкий лингвист Э. Штрасснер, диалект уже давно известен в немецкоязычной рекламе как своеобразный коммерческий трюк (нем. *Verkaufs-Gimmick*), который позволяет оказать эмоциональное воздействие на региональную аудиторию. Вероятность того, что реклама с диалектными вкраплениями обратит на себя внимание, запомнится и в дальнейшем побудит реципиента к действию, повышается, так как диалект как социальный символ [Mattheier 1980: 166] вызывает положительные эмоции у носителей, помогает установить контакт и создать дружескую атмосферу. Тенденция включения диалекта в рекламное сообщение прослеживается начиная с послевоенного времени, особенно это актуально было (и остается по сей день) для рекламы продовольственных продуктов [Straßner 1986: 315–316]. При этом следует отметить, что диалект остается преимущественно устной формой межличностного общения. Ввиду отсутствия закреплённой письменной нормы трудности с его пониманием в печатном виде возникают даже у носителей, поэтому изучение диалекта в рекламе во многом ограничивается аудиовизуальными средствами массовой информации (т. е. телевидением и радио). При этом в печатных медиа диалект встречается не в «чистом» виде, а в виде вкраплений на контрасте со стандартным языком, что может рассматриваться как особый прагматический прием, о котором прежде всего рассуждали в рамках функционирования диалекта в художественной литературе (Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс, Н. М. Наер): например, в качестве средства создания иронии или сатиры, передачи национального колорита и т. п. Что же касается функций диалекта в рекламе, то диалектологи отмечают воссоздание с его помощью так называемого *Sound of Origin*, т. е. регионального колорита, который воспринимается как знак качества товара, что актуально прежде всего для теле- и радиорекламы (С. Валь), приближение продукта к региональному потребителю и привлечение внимания (Ф. Йанле и Г. Клаусманн; В. Чукшис), установление доверительного контакта с региональной аудиторией (С. Райманн).

Это воздействие на целевую аудиторию реализуется за счет вербальной, просодической (в радио- и видеорекламе) и визуальной составляющих (шрифт, цвет, изображения, композиция и др.) [Кибрик 2010: 148], что позволяет говорить о рекламном тексте как о мультимодальном явлении. Если рассуждать о баннерной и плакатной рекламе, то в этом случае ведущая роль отводится изображению, которое позволяет актуализировать смыслы рекламного сообщения, часто не совпадающих на эксплицитном и имплицитном уровне. Эта двойственность реализуется с помощью различных стилистических приемов с привлечением диалекта, к которым относится использование оценочной лексики, фразеологизмов, идиом, средств художественной выразительности и ошибок лексической сочетаемости, которые призваны оказать речевое воздействие на потенциальных клиентов за счет эмоциональности рекламного сообщения. Дешифровка этих смыслов происходит благодаря взаимодействию диалектных вкраплений с рекламным изображением (картинкой, шрифтом, цветовым оформлением и др.). Таким образом, использование диалекта в региональном рекламном сообщении не только служит в качестве средства персонуальности, но и позволяет сохранить текст лаконичным и содержательным.

В качестве исследовательского материала были привлечены более 30 слоганов рекламных кампаний, проведенных на территории Баварии и Баден-Вюртемберга в 2010–2020-х гг. Во всех рассмотренных слоганах было зафиксировано использование диалектных вкраплений. Примеры баннерной и плакатной наружной рекламы (преимущественно продовольственных товаров) были отобраны методом сплошной выборки на официальных сайтах местных коммерческих организаций (например, производители шоколада Ritter Sport, безалкогольных напитков SilberBrunnen, пива Wirts Madl и Schwaben Bräu) и их аккаунтах в социальных сетях Facebook и Instagram (прим. запрещены в РФ), а также из статей электронных версий региональных газет (TZ-Zeitung, Münchner Merkur, Abendzeitung München, Augsburgener Allgemeine, Neckar-Chronik и др.), посвященных анализируемым рекламным кампаниям и сопровождающихся фотографиями плакатов на улицах регионов. Принадлежность тех или иных единиц к диалекту была идентифицирована на базе общих и частных особенностей баварских и швабско-алеманнских диалектов (наличие диминутивных суффиксов -(e)rl, -l, -ei, двойное отрицание и др.) с учетом маркирования диалектизмов в словарях немецкого языка Duden и DWDS (наличие региональных помет bayerisch, schwäbisch, südwestdeutsch, süddeutsch). В целом результаты исследования свидетельствуют о том, что использование в региональных рекламных сообщениях диалектных вкраплений детерминировано как коммуникативными запросами общества, так и функциями рекламы, являющейся движущей силой торговли.

Литература

- Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика. // Когнитивные исследования. 2010. Вып. 4. С. 134–152.
- Mattheier K. J.* Pragmatik und Soziologie der Dialekte. Heidelberg: Quelle & Meyer. 1980.
- Straßner E.* Dialekt als Ware. // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Wiesbaden, Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 1986. Bd. 53 (3). S. 31–342.

Тихонова Елена Сергеевна

канд. филол. наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»;

middjungards@gmail.com

EIN HEIDENSCH VROWE GÛT: К ВОПРОСУ О НОМИНАЦИИ ЖЕНЩИН В СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКЕ

Ключевые слова: средневерхненемецкий, Старшая Ливонская рифмованная хроника, Немецкий орден, эпитеты.

Старшая Ливонская рифмованная хроника — анонимный стихотворный памятник конца XIII в., повествующий о Балтийском крестовом походе, проводимом братьями-монахами Немецкого ордена. Специфика данного текста определяет и его содержание: это рассказ о захвате земель и сражениях с язычниками-прибалтами.

В соответствии с тематикой этого произведения, главными действующими лицами являются мужчины, однако некоторое количество упоминаний женщин всё же присутствует. Лица женского пола обозначаются следующими четырьмя лексемами: *vrowe* «женщина, госпожа», *wîr* «женщина, жена», *maget* «дева», *kunigîn* «королева».

Три из перечисленных лексем могут указывать как на реальных женщин, так или иначе контактировавших с немцами, так и на Деву Марию, небесную покровительницу ордена.

Например, лексема *vrowe* «госпожа» почти в трети реализаций обозначает Деву Марию. Как правило, это существительное употребляется в сочетании с притяжательным местоимением *unsere* «наша»:

- (1) *mit deme here reit er dô // vaste kegen Lettowen // in dienste unser vrowen.* (8534–36) «С этим войском он поехал тогда быстро против литовцев на службе нашей Госпожи».

Другая женщина, который часто обозначается как *vrowe* — это Марта, крещёная жена литовского короля Миндовга. Примечательно, что мы знаем её по имени. Возможно, это связано с тем, что она постоянно склоняла Миндовга к дружбе с Орденом, а Миндовг прислушивался к её советам:

- (2) *dô sie quâmen in daz lant, // man toufte und wîhete zû hant // den rîchen kunic Myndowen // und Marthen sîne vrowen.* (3559–62) «Когда они прибыли в ту страну, тут же покрестили богатого короля Миндовга и Марту, его жену».

Эта номинация встречается и в прямой речи: Миндовг обращается к ней «госпожа», как если бы они были персонажами куртуазного романа.

Марта также обозначается *kunigîn* «королева». С другой стороны, эта же лексема входит в словосочетание *himelische kunigîn* «Царица Небесная»:

- (3) *er lobete dar umme sêre got // und die liebe mûter sîn // die himelische kunigîn, // die man von rechte êren sol, // wen sie sint beide lobes vol.* (9894–98) «Он весьма возблагодарил за это Господа и его дорогую мать, Царицу Небесную, которую надо как следует почитать, потому что они оба полны благодати».

Наиболее частотное обозначение женщины, лексема *wîr*, в подавляющем большинстве случаев встречается в парных формулах (4) или перечислениях, состоящих из трёх однородных членов (5):

- (4) *sehet an wîr und an kint, // die vor ûch hie gebunden sint* (1522–23) «Посмотрите на жён и детей, которые здесь перед вами связаны».

- (5) man, wîb und megede, // rinder unde pferde // vûrten sie vil werde // gebunden und gevangen. (7290–93) «Мужчин, женщин и дев, скот и лошадей они весьма достойно вели связанными и пойманными».

Лексема *maget* «дева» также служит для обозначения Девы Марии, но встречается и в парной формуле или перечислении (см. пример 5).

Следуя тематике и специфике Хроники (к тому же, автор — член религиозного ордена), номинации женщин остаются без каких-либо эпитетов. За одним исключением, которое будет рассмотрено ниже. Это эпизод о спасении двух пленных братьев парой язычников — Эммой и её мужем Вильемесом:

- (6) wie iz den ergie, // daz sie nicht beide hungers tût // bliben, von der grôzen nôt // half in ein heidensch vrowe gût. (778–781) «Как с ними случилось так, что они оба не умерли от голода — от великой нужды им помогла одна добрая языческая женщина».

Здесь Эмма описывается в тех же категориях, что и воины-прибалты, для номинации которых автор Хроники достаточно регулярно использовал лексемы *helt*, *degen* «герой» и др. При этом эпитеты могут присутствовать не только в номинациях дружественно настроенных или крещёных прибалтов, но и в тех случаях, когда речь идёт о врагах Немецкого ордена, ср.:

- (7) sie hatten brâcht in einen walt // von Lettowen manchen helt balt: // sie wolden heren Nieflant. (7779–81) «Они привели в лес много храбрых героев из литовцев: они хотели воевать в Ливонии».

Стоит отметить, что подобного рода эпитеты при существительном — обозначении лица являются одним из характерных признаков Хроники, которая создавалась в том числе под влиянием куртуазной эпики. Неоднократно отмечалось, что именно рыцарская этика и концепции куртуазности превалируют в Хронике над религиозным дискурсом [Fischer 1991; Jeziarski 2020; Vander Elst 2011 и др.]. Её автор уделяет мало внимания крещению прибалтов, для него намного важнее мирская составляющая крестового похода, т. е. территории, добыча и воинская слава. Кроме того, в данном произведении присутствуют такие черты куртуазного миропонимания, как образ «благородного язычника» [Arnold 2000: 857], а также «рыцарское уважение» к боевым качествам противника [Fischer 1991: 182–183].

Рассматриваемый пример интересен тем, что, действуя в интересах братьев ордена, Эмма с точки зрения автора Хроники оказывается приравнена к герою-мужчине, что делает возможным в данном примере использовать для её номинации существительное с эпитетом. Это в очередной раз подтверждает наше предположение о том, что наименование лица, которому может сопутствовать эпитет, в Хронике в значительной мере десемантизировано, и может быть заменено контекстуальным синонимом, которым в данном случае является существительное *vrowe*.

Литература

- Arnold U. Livländische Reimchronik // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / hrsg. v. Wolfgang Stammer et al. Band 5. Berlin; New York: De Gruyter, 2000. S. 855–862.
- Fischer M. “Di Himels Rote”: The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 525). Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991. 255 S.
- Jeziarski W. Livonian Hospitality. The ‘Livonian Rhymed Chronicle’ and the Formation of Identities on the Thirteenth-Century Baltic Frontier // Frühmittelalterliche Studien. 2020. Bd. 54. S. 395–427.
- Vander Elst St. Chivalry, Crusade, and Romance on the Baltic Frontier // Mediaeval Studies. 2011. Vol. 73. P. 287–328.

Чупрына Ольга Геннадьевна

д-р филол. наук, профессор, Московский городской педагогический университет;
chuprinaog@mgu.ru

МИР СО СВОИМИ И МИР С ЧУЖИМИ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: семиотическая оппозиция, англосаксы, мир, пряжа мира.

Смыслы, присущие словам древнего языка, не исчезают, когда забываются сами слова. Трансформируясь, они имплицитно сохраняются в культурной памяти, которая «складывается как упорядоченный результат культурно-языкового опыта всего говорящего на данном языке сообщества» [Баранова, Чупрына 2015: 9] и как механизм воспроизведения этого опыта. Культурная память позволяет «заглянуть <...> в далекое прошлое» [Авербух 2018: 16]. В языковой картине мира англосаксов мир и война обладали экзистенциальными смыслами, прототипический смысл мира — не война. Данный смысл в древнеанглийском языке был вписан в семиотическую оппозицию «свой — чужой».

Своих объединяют родство или свойство: семейные, родовые и племенные узы, ключевым репрезентантом которого было слово *sibb* «relationship; friendliness, kindness; peace». Пучок данных значений сформировался в результате расширения семантики протоиндоевропейского корня *se- : *so — с суффиксальным расширением — *bho. От этого корня в древнегерманских языках было образовано значительное число производных, основу семантики которых составлял смысл родства: готск. *sibja* «родство», «родичи», др.исл. *sifjar* (мн. ч.), др.англ. *sib*, др.сакс. *sibbia*, др.в.нем. *siprea*. В древнеанглийском языке прилагательные *gesibb*, *gesibbsum*, восходящие к этому корню, имели значение «peaceable» и «peaceful» соответственно.

Как известно, «в центре англосаксонской картины мира находится семейная распря, которая является источником войны» [Григорьева 2003: 12], отсутствие распри, ее утешение и есть мир в понимании англосаксов. Существительное *sibb* и прилагательные *gesibb*, *gesibbsum* выступали языковыми коррелятами ситуации мира и спокойствия внутри семьи или рода. Смена правителей и династий всегда грозила конфликтом внутри своих, поэтому неслучайно, *sibb* и его производные встречаются в контекстах, соотносящихся с подобным событием, например, *Her Æþelbald cyng forþferde <...> feng Æþelbryht to alum þam rice his broþur he hit heold on godre gefuærnesse on micelre sibsumnesse*. — Тогда король Этельвальд умер <...> унаследовал все это царство его брат Этельберт и держал его в добром послушании и долгом (большом) мире. Свидетельством того, что старшая дочь Альфреда Великого, королева Мерсии Этельфледа сохраняла племя англосаксов под натиском скандинавов и не давала разгореться междоусобным конфликтам внутри Мерсии является фрагмент из Англосаксонской Хроники, в котором присутствует производное от *sibb*: *Her heo begeat <...> on <...> gear gesybsumlice þa burh*. — Получила в тот год в мире город.

Unsibb «strife, hostilities, war» используется в тексте Англосаксонской Хроники для описания событий за пределами Британского острова, но связанных с раздорами и столкновениями внутри одной земли или одного племени. Так, распад империи Каролингов, начавшийся с восшествия Арнульфа на трон у восточных франков, описан как результат *unsibbe*.

Языковым знаком мира с другими, т. е. за пределами пространства своих выступало слово *frith*. Протоиндоевропейский корень, к которому восходит это существительное, *priuos обладал аффективным значением «милый, приятный». Языковое сознание англосаксов запечатлело два разных восприятия состояния невойны — мира внутри своего сообщества и мира в его внешнем окружении. Прототипический смысл *frith* реконструируется как мир с тем, кто приятен и мил. Иными словами, *frith* — это мир с теми, кого включают в пространство своих. Об этом свидетельствуют сложные слова *frithosibb* и *frithowebba*. В языковой картине мира англосаксов они включены во фрагмент, отражающий то, как устанавливался мир с чужими. В значении *frithosibb* «protecting peace» соединены смыслы «свой» и «приятный (как свой)» — это мир

со стороны внешнего окружения по отношению к своему миру. Если обратиться к современному русскому языку, то можно использовать клишированное выражение «миру мир». Концептуально оба слова объединяет гендерный подход к миротворчеству: *frithowebba* «пряха мира» — обозначение англосаксонской женщины, которую отдавали в жёны в чужое племя в надежде на прекращение вражды и конфликтов. Что касается первого слова, то оно встречается в Беовульфе в описании Вальхтеов, жены вождя Хродгара: *frithosibb folca* (2017) — «миротворица». Кельтское происхождение первой части имени этой женщины *Wealh-* заставляет предположить, что жена Хродгара стала гарантией мира между данами и племенем хельмингов. Прясть ткань мира — неотъемлемая характеристика и обязанность древних женщин, о чем свидетельствует фрагмент в первой части Беовульфа о вожде Оффе и его жене Трюд, которую несмотря на ее злобный характер, также причисляют к пряхам мира *freoduwebbe* (1942).

Литература

- Авербух К. Я.* Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире Инновационное развитие науки и образования. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 15–22.
- Баранова К. М., Чупрына О. Г.* Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 6. С. 8–15.
- Григорьева Ю. С.* Концептосфера ВОИНСТВЕННОСТЬ как фрагмент англосаксонской картины мира: когнитивный подход (на материале древнеанглийской героической поэзии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2003.

Ширшикова Алиса Александровна

старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.shirshikova@spbu.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОБЩЕНАУЧНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ГРАММАТИК XVIII ВЕКА)

Ключевые слова: метаязык лингвистики, общенаучная лексика, немецкий язык.

Под метаязыком в лингвистике понимают знаковую систему «высшего порядка», применимую в науке в целом и в лингвистике в частности для описания языковых явлений и формирования языковедческой терминологии. Ряд исследователей отмечает важность такого компонента метаязыка лингвистики, как общенаучная лексика [Арнольд 1991; Гвишиани 1990; Lewandowski 1994].

Материалом исследования общенаучной лексики в немецкой грамматической традиции послужили тексты грамматик И. К. Готшеда «Kern der deutschen Sprachkunst» (1753) и И. К. Аделунга «Auszug aus der Deutschen Sprachlehre für Schulen» (1781), подготовленные для преподавания немецкого языка в школах. В качестве материала сопоставления привлекаются грамматические тексты, изданные в России, а именно: перевод «Российской грамматики» М. В. Ломоносова на немецкий язык («Rußische Grammatick», 1764) и школьная грамматика Я. М. Родде «Russische Sprachlehre, zum Besten der deutschen Jugend eingerichtet» (1773).

Основной задачей настоящего исследования стало выявление закономерностей употребления общенаучной лексики в каждом из анализируемых грамматических текстов, а также их сопоставительный анализ.

Лексические единицы, используемые для наименования отдельных компонентов учебников по грамматике немецкого и русского языков, относятся к общенаучной лексике, что позволяет нам причислить их к компонентам метаязыка. В XVIII веке в Германии учебники грамматики главным образом носили название «Sprachlehre», а грамматика определялась как искусство, мастерство, умение: «Kunst, eine Sprache richtig zu reden und zu schreiben» [Adelung 1787: 773]. Как искусство определяет грамматику и И. К. Готшед, о чем свидетельствует название его грамматики – «Sprachkunst». Позднее И. К. Аделунг в заглавии своей книги использует распространенный термин «Sprachlehre».

Влияние немецкой и латинской грамматических традиций сказалось на метаязыке русских авторов. Несмотря на то, что в заголовке немецкого перевода грамматики М. В. Ломоносова фигурирует слово «Grammatik», в тексте же понятие «грамматика» передается также более привычными для читателей того времени лексемами «Sprachlehre» и «Sprachkunst». Название учебника Я. М. Родде «Russische Sprachlehre» соотносено с традицией научного дискурса Германии, однако само слово «Sprachlehre» помимо заголовка встречается только в предисловии наряду с лексемой «Grammatik», которая затем многократно фигурирует в основном тексте учебника.

Отметим сложную иерархию анализируемых текстов: грамматики русского языка содержат предисловия (Vorrede), состоят из шести разделов (Abschnitt), разделенных на главы (Hauptstück) и параграфы. Композиционная структура грамматик немецкого языка чуть более разнообразна: у И. К. Готшеда части (Theil) делятся на главы (Hauptstück), объединяющие правила (Regel) и примечания (Anmerkung); И. К. Аделунга добавляет введение (Einleitung), а в состав частей (Theil) входят разделы (Abschnitt) и главы (Kapitel), также состоящие из параграфов. И если в соотношении понятий «Hauptstück» и «Abschnitt» относительно друг друга у И. К. Готшеда и в изданных в России грамматиках М. В. Ломоносова и Я. М. Родде можно обнаружить различие, то названия заголовков всеми авторами строятся по схожей схеме.

Для введения примеров иллюстративного характера в рассмотренных грамматиках применяются союзы «als» и «wie», сокращения z.B. (zum Beispiel) и z.E (zum Exempel). Кроме того, в текстах встречаются и другие общепринятые сокращения, а именно: NB (nota bene), d.i. (das

ist), u.d.gl. (und das gleiche), u.d.gl.m. (und das gleiche mehr), u.d.m. (und das mehr), u.s.f. (und so ferner), u.s.w. (und so weiter).

Для грамматик характерно наличие маркеров наставления, которые выражаются модальными глаголами *dürfen*, *müssen*, *wollen*, *können*, глаголами в форме сослагательного наклонения Konjunktiv II, предложениями с неопределенно-личным местоимением *man*, а также в употреблении императивных форм глагола, например, «*sprich*», «*siehe*».

Проведенное сопоставительное исследование обнаружило общие закономерности, характерные для употребления общенаучной лексики в грамматических текстах в Германии и России в XVIII веке. Анализ общенаучной лексики позволил раскрыть особенности использования лексических единицы, применяемых для наименования отдельных компонентов учебников по грамматике немецкого и русского языков. Были отмечены способы введения примеров иллюстративного характера в текстах грамматик. Кроме того, было выявлено наличие общепринятых сокращений, маркеров наставления, характерных для научного стиля.

Литература

- Арнольд И. В.* Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.
- Гвишиани Н. Б.* Метаязык // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/297a.html> (дата обращения: 25.01.2024).
- Adelung J. Chr.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart. Bd. 2. Leipzig, 1787. 1366 S.
- Lewandowski Th.* Linguistisches Wörterbuch, Bd. 2. 6. Auflage. Heidelberg; Wiesbaden, 1994.

Школьникова Ольга Юрьевна

д-р филол. наук, заведующая кафедрой романского языкознания;
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;
chkolnikova@icloud.com

BEL STILE ... DE DICTER ET FAIRE BEAULX LIVRES: ЯЗЫК И СТИЛЬ КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И ТРАДУКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ

Кристина Пизанская является одной из известнейших женщин-интеллектуалок Позднего Средневековья, первой профессиональной писательницей, увековечившей свое имя в литературных произведениях разных жанров и внесшей важный вклад в становление французского литературного языка.

Забытая на шесть столетий, писательница вызвала интерес в контексте темы феминизма в XX веке, в этом направлении исследования ее творчества преобладают как в западной филологической науке, так и в отечественных исследованиях. Наиболее известное и востребованное произведение Кристины — «Книга о Граде дамском» — до сих пор не было переведено целиком на русский язык, поэтому исследователям часто приходится опираться на англоязычный перевод. Эта лакуна в скором времени будет упразднена, так как в московском издательстве Individuum планируется издание этого памятника на русском языке, над созданием перевода мы с коллегами Павлом Бычковым и Наталией Долгоруковой работаем в настоящее время.

С нашей точки зрения, во всех имеющихся исследованиях несправедливо обойдены вниманием особенности языка и стиля писательницы, творившей на рубеже XIV и XV веков, в период бурного развития французского языка и активного поиска им выразительных средств.

Язык и стилистика «Книги о Граде дамском» демонстрируют нам ряд особенностей французского языка, с одной стороны, характерных для данной эпохи. Безусловно, в первую очередь, эта вариативность графики, релатинизация форм, гиперкорректность и избыточность графем, например: *tieulx, coulpe, pouldre, soubzriant, sollempnelz*, удвоение согласных: *conclurre, conduitte, romman* и пр. [De Pizan 2023]

При всей условности графики, уже латинизирующей и традиционной, можно отметить, некоторые случаи фиксации особенностей произношения, например, колебания открытости/закрытости в паре *o/u*: *espovanter/ espouvantes, prouffit/ proffiter, povoit/pouvoir, roe (=roue), coulouré*; вокализацию *l*: *generaument*, фонетическую запись слова *huile*: *oele*, диссимиляцию: *merencolie*.

В тексте присутствуют и архаичные старофранцузские формы, например, сюбжонктив 3 лица единственного числа глагола первой группы еще без аналогического окончания: *nul nel demand*. Присутствуют и реликты прямого падежа: *faulx tiran, Sires Dieux*.

Текст построен сложными периодами, сочетающими гипотаксис и паратаксис, неустойчивым порядком слов в глагольных и именных группах (например, *masculin sexe / sexe femenin*), а также инвертированным расположением по отношению к глаголу подлежащего и дополнения.

Вариативность мы можем наблюдать также в средствах выражения высокой степени признака — наряду со старой формой *moult*: *moult belle compaignie*, Кристина использует форму *tres*: *la tres grant vaillance*, которую в выражении сравнительной степени она комбинирует с наречием *plus*: *la tres plus noble creature, les tres plus grans philosophes*.

Лексический состав книги Кристины отличается богатством и изысканностью, свидетельствуя, в первую очередь, о большой образованности автора. Можно отметить многочисленные синонимические пары, использование лексики, принадлежащей к разным семантическим полям и пластам языка, в том числе, книжной лексики, философского словаря, абстрактной лексики (например, *speculative et ymaginative*), профессиональной, в частности, строительной терминологии (например, *marbre seelé a ciment*). Интересна также репрезентация категории оценки, очень важная для этого произведения (*bon / mal, sage / fou, fals*). Оценочные лексемы часто требуют дополнительной интерпретации при переводе.

Отдельного внимания заслуживают черты, показывающие влияние итальянского языка, который, по-видимому, присутствовал в практике Кристины, наравне с французским. Будучи уроженкой Венеции и прибыв во Францию в четырехлетнем возрасте вместе с семьей, она, вероятно, владела обоими языками как билингв. Все свои произведения, ориентированные на французскую публику и французских заказчиков, она писала по-французски, но итальянскую литературу хорошо знала и активно использовала в своих работах. Итальянизмы можно обнаружить в тексте Кристины на разном уровне: от графического (например, написание *changia*, где *i* на итальянский манер маркирует палатальное произношение согласного), до синтаксического, что выражается в частотных конструкциях абсолютного причастного и герундиального оборотов, распространенных в итальянском языке и не характерного для французского: например, *elle faisant le signe de la croix, creva le serpent*. Можно встретить и лексические итальянизмы, например, *malcontente* (вм. *mecontente*) или *privetéz* (вм. *privée*). Не менее ярко итальянское влияние проявляется на словообразовательном уровне — Кристина очень любит использовать суффиксацию, текст изобилует словами с уменьшительными суффиксами (*femmellettes, nassellettes, maisonnettes, gouttellettes, bocettes, moult jeunette*) и активно использует итальянский суффикс *-essa*: *protectaresse, pecharesse, enchanteresse* (вм. *-trice* или *-euse*).

Отдельные примеры, приведенные выше, показывают, что язык Кристины Пизанской отличается своеобразием и вносит свой вклад в развитие французского языка и его становление как языка литературного. И то, что она говорила о других дамах — *tant de vaillans dames, qui ont esté et de si sages et de si lettrees et qui le bel stile ont eu de dicter et faire beaulx livres* ‘столько было достойных дам, которые были очень мудры и образованы и умели прекрасным стилем диктовать и создавать книги...’ — в высшей степени можно сказать о ней самой.

Литература

Christine de Pizan *Le livre de la cité des dames*. Édition bilingue introduite et traduite par Anne Paupert. Paris: Champion, 2023.

Яковлева Мария Станиславовна

аспирант, кафедра английской филологии и перевода,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st080139@student.spbu.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ТРАВНИКЕ OLD ENGLISH HERBARIUM

Ключевые слова: диахронический перевод, средневековые медицинские тексты, стратегии перевода.

Перевод и адаптация текста, созданного в отдалённую для переводчика эпоху, ставит перед последним сложную задачу выразить верно и полно смыслы оригинального текста доступными в его эпоху средствами. Терминология изучения таких переводов ещё не сложилась окончательно: для их обозначения разными исследователями используются понятия «диахронный», «диахронический», «интра/интерлингвальный диахронический» перевод и «хронологическая адаптация» [Шамова 2008]. Исследования диахронических переводов представляют особый интерес для специалистов, поскольку ставят вопрос о принципах эквивалентности и отбора стратегий при переводе текста отдалённой от переводчика эпохи. Одной из актуальных проблем является изучение данного типа переводов, когда и оригинальный текст, и его диахронический перевод значительно отстоят по времени создания от современного исследователя. Цель данной работы — проанализировать стратегии, избранные анонимным переводчиком при переводе на древнеанглийский язык ряда популярных античных медицинских трактатов. Был проведён переводоведческий анализ травника Old English Herbarium, созданного не позднее XI века, и оригинальных латинских текстов IV–VI веков (De herba vettonica, Pseudo-Apuleius Herbarius и др.).

Сборник Old English Herbarium относится к жанру травников (гербариев) — врачебных пособий с подробным описанием лекарственных растений. Он состоит из 185 последовательно пронумерованных разделов энциклопедического характера, из которых 1 соответствует латинскому сочинению De herba vettonica (приписывается Антонию Мусе), 2–132 — трактату Herbarius Псевдо-Апулея Платоника, 133–185 возводят в основном отрывкам из трактатов Liber medicinae ex herbis femininis и Curae herbarum, приписываемых Диоскороду. Древнеанглийский текст Old English Herbarium представлен в четырёх рукописях; наиболее известна иллюстрированная Cotton MS Vitellius C III.

На протяжении всего сборника переводчик, сохраняя порядок следования разделов, перераспределяет их содержание для поддержания единообразного стиля при описании каждого растения. В начале раздела приводится его название на латыни из оригинального трактата, затем др.-а. названия; имеющиеся в оригинале названия растения на других языках опускаются. За ними следует краткое описание его лекарственных свойств и информация о распространённости. Затем приводятся рецепты, в которых оно используется. Переводчик практически всегда опускает детали, не соответствующие указанным категориям или энциклопедическому стилю. В разделе 1, посвящённом буквице (лат. vettonica, др.-а. biscorwurt), убрано эпистолярное обращение автора к М. Агриппе; в разделах 2–132 опущено вступление Псевдо-Апулея Платоника, а также названия растений на разных языках; в разделах 133–185 также сокращены описания растения, оставлены лишь важнейшие лекарственные свойства). При этом фрагменты мифологического характера, объясняющие латинское название растения, переводчик, по-видимому, считает необходимыми и оставляет их, иногда дополняя.

В др.-а. варианте рецептов меньше, чем в латинском оригинале (ср.: [Fischer 2020: 138]). Критерии отбора позволяют предположить, что переводчик руководствовался принципом исполнимости рецепта в условиях Британских островов. На это указывают, в частности, отдельные уточнения, замены и дополнения в описаниях. В качестве примеров можно привести рецепты из раздела 1 — Ad lumborum... / Wið lændena sare 'От боли в пояснице и паху' и Lassis de via/ Gif mon...weorðe geteorad 'От усталости в дороге'. В обоих др.-а. текст подробнее и детальнее,

чем лат. оригинал. Также используется приём компенсации — отдельные элементы семантики опускаются или заменяются. Напр., лат. *oleo rosacio* ‘розовое масло’ часто заменяется на др.-а. *ele* ‘масло’, *mulsa* ‘мёд’ — на *niwe beor* ‘новое пиво’, *ex oximelli ciatis III* ‘три циата оксимели’ (напиток из уксуса и мёда) заменено на *geswettum wine* ‘подслащённое вино’.

Передавая названия растений, переводчик регулярно прибегает к приёму экспликации. Так, разделы 10–12 «Псевдо-Апулея» посвящены трём растениям рода *Artemisia*: соответственно, *A. Monoclonos*, *A. Tagantes*, *A. Leptofillos*. Переводчик использует во всех случаях слово *muscgwurt* и добавляет примечания: *þe man eac mugwyrð nemneð, seo ys swa þeah ofres cynnes* ‘которую также называют *mugwyrð*, но иного рода’; *ðeos wyrт þridde þe we artemesiam leptefilos & oðrum naman muscgwurt nemdon* ‘это третья трава, которую мы называем *artemesiam leptefilos*, а по-другому *muscgwurt*’.

Ориентируясь на грамматику др.-а. языка, переводчик перестраивает синтаксическую структуру предложения. Ср.: лат. *nascitur locis ... montuosis* — др.-а. *heo bið cenned ... on dunlandum* (простое глагольное сказуемое с косвенным дополнением передаётся составным глагольным сказуемым с предложным дополнением); лат. *Herba artemisia ... in domo posita prohibet mala medicamenta* — др.-а. *þas wirte ... on þan huse se he hinne hæfð, heo forbyt yfele lacnunga* (причастный оборот ИЯ передаётся придаточным предложением в ПЯ).

В результате анализа установлено, что при работе с латинским текстом переводчик применил ряд комплексных трансформаций, системно сочетая лексико-семантические замены, синтаксические замены в сложном предложении, а также используя технические трансформации: сокращения, перестановки, опущения. Др.-а. диахронический перевод обладает функциональной эквивалентностью по отношению к латинскому тексту-источнику, поскольку позволяет решать те же практические задачи. Очевидна установка переводчика на придание единообразия и энциклопедического характера разделам, на отбор актуальной для нужд англосаксонских целителей и больных информации. Получившийся в итоге текст травника понятен для средневековых лекарей и больных, адаптирован к нуждам англосаксонской культурой, что объясняет его популярность в средневековой Англии.

Литература

- Шамова Н. В. Диахронический перевод как адаптация текста, дистанцированного во времени // Вестник ВятГУ. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diachronicheskiy-perevod-kak-adaptatsiya-teksta-distantirovannogo-vo-vremeni>
- Fischer K.-D. A Most Sovereign Herb: Pseudo-Antonius Musa on Betony // Cuadernos de Filología Clásica. Estudios griegos e indoeuropeos. 2020. Vol. 30. P. 131–148.

Аккуратова Ирина Борисовна

*канд. филол. наук, доцент, кафедра немецкого языка,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ;
irina_akkuratova@mail.ru*

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ И КОГНИТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: медийный текст, прецедентный феномен, интертекстуальность, когнитивный процесс.

Вовлечение прецедентных феноменов в медийные тексты свидетельствует об усилении личностного начала в медийном творчестве. Прецедентные феномены (ПФ) выполняют разные функции в медийном тексте: оценочная, моделирующая, прагматическая, эстетическая, парольная, юридическая. Упоминание определенных реалий, известных шуток и выражений, привлечение героев фильмов, книг, исторических личностей направлены на кодирование заложенной информации и на развитие интеллектуальной игры с реципиентом. ПФ в медийном тексте участвуют в процессах смыслообразования, вербализации и понимания сообщения.

ПФ понимается как «феномен первичного образца, поставленного для оценки и сопоставления, чтобы какое-либо явление было вторично создано благодаря опоре на тот образец, который уже был» [Ковалев 2004: 158]. К ПФ относятся прецедентные тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2010: 216]. К прецедентным текстам причисляются пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатые выражения, цитаты, названия различных произведений, а также имена социально-значимых фигур определенной эпохи, имена, имеющие отношение к известной ситуации или тексту. В медийном творчестве ПФ прагматически нагружаются, они должны быть узнаваемы, чтобы реципиент мог правильно их интерпретировать. Процесс интерпретации предопределяется активацией и оперированием определенных знаний адресата, что создает интертекстуальное пространство медиатекста, организованное как когнитивный процесс между адресатом и адресантом. Использование ПФ в медийном тексте отвечает потребности адресанта внести экспрессию в текст, сделать его более выразительным и привлекательным, активировать когнитивные способности реципиента и создать с ним интеллектуальную игру, направленную на декодирование заложенного смысла / смыслов в определенном высказывании / тексте.

Так, например, в сообщении «In einem nächsten Schritt müssen Experten aus den Ministerien Habecks Gedanken in Gesetze und Regeln gießen. Die zehn Gebote haben ihre tiefe Wirkung erst entfaltet, nachdem sie in Strafrecht und Zivilrecht manifestiert worden waren» упоминание десять заповедей И. Христа и проведение параллелей с библейским сюжетом оправдано прагматическими целями автора — мощно воздействовать на адресата, напомнить о системе ценностей и правилах сообщества, регулирующих нравственное поведение всех его членов. С одной стороны, слова Р. Хабека сравниваются с 10 моральными заповедями, а использование известного ПФ призвано усилить значимость его слов. В то же время вербализуется идея о том, что христианские заповеди часто в настоящем мире не «работают». Обществу необходимы гражданский и уголовный кодексы, предписывающие наказания за нарушения правил данного

общества. Таким образом, используемый в данном контексте ПФ символично участвует в вербализации смыслового контраста между словом и делом.

Der fliegende Habeck — это трансформированный ПФ от известного выражения «*Der fliegende Holländer*». Источником данного ПФ является легенда о летучем голландце, рассказывающая о капитане, который был обречен проклятием скитаться по морю на своем корабле-призраке до судного дня, не имея возможности войти в порт или найти спасение в смерти. В австрийской газете «*Die Kronen Zeitung*» появилась статья, в которой дважды упоминается модифицированный ПФ «*Der fliegende Habeck*». Сначала Р. Хабек сравнивается с летучим голландцем, так как он не смог выйти на берег с парома из-за поджидавших его на берегу недовольных фермеров. Затем тот же ПФ появляется в сравнительном контексте с другим актуальным вызовом для Германии — высоким рейтингом партии «Альтернатива для Германии»: *Hohe Prozentzahlen für die AfD wären schlimmer als „Der fliegende Habeck“ auf der Nordsee*. В данном случае ПФ используется для вербализации всем известной ситуации, произошедшей на Северном море.

Утверждение *Angela Merkels* „*Wir schaffen das*“ sei über die Jahre wichtiger geworden als das deutsche Versprechen des „*Nie wieder*“ появилось в СМИ в результате прокатившейся волны акций протеста против еврейского народа в Германии после нанесенных ударов Израиля по Сектору Газа. В примере используются два прецедентных высказывания. Фраза «*Wir schaffen das*» («Мы справимся с этим») была произнесена А. Меркель в отношении огромного потока беженцев с Востока. Выражение «*Nie wieder*» («Никогда больше») является обещанием Германии после 1945 года по отношению к еврейской нации. В приведенном контексте происходит взаимодействие и преломление смыслов двух исторических высказываний. В контексте безопасности еврейского народа смысл ПФ «Мы справимся» трансформируется, переносится на актуальные события, направленные на предотвращение нападков на евреев в Германии, и становится более важным для немцев с учетом негативного исторического опыта, чем смысл обещания «Никогда больше не допустить антисемитизм».

Таким образом, ПФ, используемые в немецкоязычных СМИ, служат средством воздействия на эмоциональную сферу человеческого сознания. Когнитивные основания прецедентности строятся на принципе интертекстуальности, подразумевающим обращение к фоновым знаниям реципиента (к прошлому коммуникативному опыту) и сравнение коммуникативных смыслов. Информативная насыщенность и многообразие ассоциаций ПФ позволяют максимально ёмко, но выразительно передать нужный объем информации. Экспрессия и эмоциональная насыщенность текстов в СМИ достигаются при этом за счет интенсификации ассоциативных признаков, связанных с определенными ПФ.

Литература

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Ковалев Г. Ф. Имя собственное как прецедент в рекламе // Вестник ВГУ. 2004. № 1. С. 158–164.

Амфитеатрова Жанна Сергеевна¹, Иванова Екатерина Павловна²

¹председатель общественной организации «Крымское французское общество»

²д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.ivanova@spbu.ru

КРЫМСКИЕ ФРАНЦУЗЫ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ключевые слова: французский язык, Крым, французская диаспора, Крымское французское общество.

Феномен полиэтнического и поликультурного Северного Причерноморья уже давно привлекает внимание исследователей, как лингвистов, так и культурологов. Среди более чем ста национальностей, населяющих этот древний уникальный ареал, французский этнос, не будучи многочисленным и появившись здесь только в XVIII столетии, является, как показывают веки становления российской государственности, исторически значимым. Одним из первых фундаментальных исследований французского присутствия на юге России является классический труд академика В. Ф. Шишмарева «Романские поселения на юге России», не потерявший актуальность и по сей день. В этой работе истории французов в Крыму после его вхождения в состав Российской империи отводится отдельный раздел во французской части исследования [Шишмарев 1975: 121–131]. На основе скрупулезной проработки архивных документов, принадлежащих различным ведомствам эпохи XVIII–XIX веков, как российским, так и французским, а также имеющихся на тот период французских и российских исследований, сквозь призму отдельных французских хозяйств и персоналий В. Ф. Шишмарев воссоздает историческую картину присутствия французских переселенцев на фоне этнического многообразия Юга России.

Многие из потомков французов, в разные времена нашедших здесь свою вторую родину, по-прежнему живут в Крыму и помнят о французском прошлом в истории своих семей. Важную роль в объединении их интересов принадлежит Крымскому французскому обществу, созданному 13 мая 1999 года, двадцатипятилетие которого отмечается в 2024 году.

Неизменным председателем общества, его создателем и душой является ученый-историк Жанна Сергеевна Амфитеатрова, благодаря которой оно не только активно развивалось в современных геополитических условиях, но и приобрело новую направленность: так, первоначально общество объединяло крымчан, имеющих французские корни в своих семейных родословных, но постепенно к работе в обществе стали подключаться все, кто интересуется французским языком, историей и культурой французского народа. Общество активно занимается культурно-просветительской деятельностью, проводит творческие вечера, литературно-музыкальные салоны, выставки, лекции, встречи. Большой интерес представляют выявленные уникальные документы о деятельности французов в Крыму; кроме того, стали готовиться выставочные материалы, посвящённые жизни известных всему миру французских поэтов, музыкантов, композиторов, художников и актёров. В настоящее время подобные выставки проходят от четырёх до шести в год и вызывают значительный общественный резонанс.

Благодаря активной гражданской позиции общества приведено в порядок французское военное кладбище в Севастополе. В 2000 году по инициативе общества была издана небольшая книга о французах в Крымской войне, истории создания кладбища и его последнем французском смотрителе Жозефе Равве [Гуркович 2000].

Общество пытается восстанавливать и отдельные захоронения известных французов. Могилы Я. К. Ле-Дантю и Е. Ф. Де-Роберти, которые были найдены, сейчас находятся в хорошем состоянии. Продолжительное время проводилась большая общественная работа по увековечению памяти крупного крымского ученого А. Л. Бертье-Делагарда. В 2003 году, в связи с его 160-летием, установлена памятная доска на здании Морского вокзала города Ялта. Кроме того, благодаря краеведческой деятельности общества была установлена мемориальная доска на доме генерала-губернатора Новороссии и Бессарабии в Гурзуфе герцогу Арману дю Плесси де Ришелье, немало сделавшему для развития южных областей Российской империи. В этом доме

в настоящий момент располагается музей А. С. Пушкина, так как летом 1820 года здесь останавливался молодой А. С. Пушкин, прибывший в Гурзуф вместе с семьей генерала Н. Н. Раевского, героя Отечественной войны 1812 г., и именно в Гурзуфе он начал писать поэму «Кавказский пленник».

Отдельным направлением деятельности общества является реконструкция исторического прошлого потомков французов, живших в Крыму до революции; собран уникальнейший материал по истории семей Ваше, Баррас, Коломб, Менчик, Летъен, всего около тридцати семей.

Следует отметить научную деятельность общества, к которой присоединились крымские краеведы, музейщики, сотрудники государственных архивов и научно-педагогические сотрудники Крымского федерального университета имени Вернадского. Так, в 2019 году вторым расширенным изданием была издана книга «Французы в Крыму», в которой представлены научные статьи об известных французах, живших и работавших в Крыму, рассказы членов французского общества об историях их французских предков, а также богатый исторический материал, полученный из путевых заметок французских путешественников по Крыму в прошлые века, что дает возможность еще глубже ознакомиться с историей Крымского полуострова XVIII–XX веков [Французы в Крыму 2019].

В настоящее время перед Крымским французским обществом встают дальнейшие перспективы сохранения, развития и продвижения французской культуры в новых геополитических условиях.

Литература

Гуркович В. Н. Французское военное кладбище в Севастополе = Le cimetiére militaire francais de Sebastopol. Симферополь: КГМУ, 2000. 51 с.

Французы в Крыму / автор проекта, [ред.-сост.] Жанна Амфитеатрова. 2-е изд. Симферополь: Медиа-центр им. И. Гаспринского, 2019. 500 с.

Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России: Научное наследие. Л.: Наука, 1975. 244 с.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01635.

Баканова Анна Валентиновна

канд. филол. наук, доцент,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

asia_sim@mail.ru

СБОРНИКИ ИСПАНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ XVIII ВЕКА

Ключевые слова: испанский фольклор, эпоха Просвещения, апофегмата, суеверия.

К началу XVIII в. испанская фольклористика насчитывает несколько столетий активного собирания и издания текстов национальной устной традиции, однако именно данному периоду свойственно особое внимательное отношение к народному творчеству. Эпоха Просвещения в Испании, как известно, определяется несколькими факторами: сменой правящей династии, сильным культурным влиянием со стороны соседней Франции и одновременно возросшим интересом самих испанцев к прошлому родной страны, к трудам предшественников. Многие знаменитые работы по лингвистике и фольклору предыдущих веков увидели свет именно в XVIII в. Сочетание этих тенденций оказалось чрезвычайно плодотворным и способствовало в том числе созданию и дальнейшей деятельности Испанской Королевской Академии. Тогда же фольклорное наследие Испании становится предметом пристального внимания, всестороннего изучения и философской дискуссии.

Валенсийский просветитель Грегорио Майанс-и-Сискар (Gregorio Mayáns y Siscar) впервые издает лингвистический труд Хуана де Вальдеса (Juan de Valdés) «Diálogo de la lengua» (1535–36) и другие классические труды в разных областях гуманитарного знания. Как специалист по истории языка Майанс пишет работу о происхождении испанского языка «Orígenes de la lengua española» (1737), которая вызвала большой интерес современников и заложила основы сравнительно-исторического подхода. «С одной стороны, общие идеи и настроения романтизма, а с другой — воздействие как раз именно сравнительного языкознания, получившего тогда столь большое развитие, отложили свой характерный отпечаток и на первые этапы в истории фольклористики» [Соколов, с. 42].

Примером внимательного отношения к истокам фольклористики может служить также переиздание знаменитой апофегматы Мельчора де Санта-Крус (Melchor de Santa Cruz de Dueñas) «Floresta española de apotegmas o sentencias, sabia y graciosamente dichas, de algunos españoles» (1574), которую Франсиско Асенсио (Francisco Asensio) дополнил второй и третьей частью. Трехтомник увидел свет в 1730 г. и впоследствии неоднократно переиздавался. Асенсио указывает в предисловии ко второй части, что постарался включить в это издание все доступные ему фольклорные тексты: «No pretendo esta vez, que ambicioso me lisonjees con las glorias, que merece tanta discreta agudeza; porque en esta ocasión no suda la prensa conceptos propios, sí solo diversos desvelos de quien desea servirte, leyendo, y recogiendo cuanto mi anhelo ha podido descubrir sobre este asunto» [Folklore y costumbres de España, p. 85]. По мнению испанских исследователей, издание, выполненное Франсиско Асенсио, обладает неоспоримыми преимуществами: с одной стороны, автору удалось сохранить исходную классификацию фольклорного материала, лишь слегка изменив ее; с другой стороны, Асенсио обогатил сборник новыми фольклорными текстами. Так, по сравнению с исходной версией Флоресты, в работе появились разделы, посвященные представителям разных профессий, занятий и национальностей: «De predicadores», «De opositores», «De portugueses», «De criados», «De préstamos y acreedores», «De poetas», «De tuertos» и др. Следовательно, интерес к традиционным жанрам апофегмы, короткого юмористического рассказа, паремнологической сказки и т. п. приобретает новый виток в работах фольклористов XVIII в.

Помимо жанра апофегмы исследователи XVIII в. обращают внимание на народные традиции, верования, суеверия (costumbres, tradiciones, supersticiones). Таким образом век Просвещения силами своих выдающихся умов борется с различного рода общественными предрассудками и заблуждениями. Будучи поборниками разума, испанские просветители стремятся познакомить соотечественников с достижениями современной мысли. Знаменитый ученый

и философ XVIII века Бенито Херонимо Фейхоо-и-Монтенегро (Benito Jerónimo Feijóo y Montenegro) в своих работах «Teatro crítico universal» (1726–1740) и «Cartas eruditas» (1740–1760) выступает с призывом к интеллектуальному обновлению и борьбе с предрассудками и сомнительными мнениями. В своих обвинениях автор не остается голословным и опирается на работы предшественников, меняя оценку фольклорного материала, но не всегда сам материал, так, например, Фейхоо делает отсылку к работе Педро Мехии (Pedro Mejía) «Silva de varia lección» (1542). Именно борьба с общепринятым, традиционным мировоззрением позволяет говорить о Фейхоо как об одной из значимых фигур испанской фольклористики. Бенедиктинский монах Фейхоо борется с суевериями народных масс собственными методами, вскрывая орудием логики и здравого смысла запутанные и темные общие места.

Вершиной просветительской мысли в Испании принято считать деятельность ученого, философа, лингвиста, общественного реформатора Гаспара Мельчора де Ховельяноса (Gaspar Melchor de Jovellanos). Как фольклорист Ховельянос проявил себя в первую очередь в работе «Memoria para el arreglo de la policía de los espectáculos y diversiones públicas, y sobre su origen en España» (1790). Очевиден систематизирующий и дидактический характер работы, которая состоит из двух частей: в первой автор изучает исторический аспект праздничной культуры, во второй — пишет о ее важности для жизни народа. Исследование включает в себя разнообразные аспекты традиционного праздничного, игрового, танцевального и театрального фольклора Испании: diversiones ciudadanas, maestranzas, academias dramáticas, saraos públicos, casas de conversación, juego de pelota, teatros.

Как можно увидеть, исследователи XVIII в. затрагивают в своих трудах самые разнообразные аспекты народной культуры. Постепенно становится очевидным, что испанские фольклористы вырабатывают особый подход к произведениям фольклора — более критический, нежели в прошлые столетия, и более дидактический. В то же время фольклорный материал становится достойным предметом исследования в работах видных философов и ученых этого периода, которые постепенно вводят в научный обиход тексты и жанровые формы устной традиции, подготавливая таким образом следующий этап в истории испанской фольклористики.

Литература

- Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
Folklore y costumbres de España. Madrid: Ediciones Merino, 1988.

Бражникова Ирина Евгеньевна¹, Чеснокова Ольга Станиславовна²

¹соискатель, кафедра иностранных языков,

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
irinabrazhnikova1298@gmail.com

²д-р филол. наук, профессор, кафедра иностранных языков,

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕКСИКАНЦЕВ В ФУТБОЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: футбольный дискурс, Мексика, национальная идентичность, метафора, культура.

Национальная идентичность представляет идентификацию индивида с определенным социальным классом или категорией населения, в основе которой лежит представление индивида о себе (Я-концепция) или создание образа в глазах этнического сообщества. С точки зрения теории социальной идентичности, принадлежность индивида к определенному социальному коллективу является внешним проявлением, тогда как внутренним проявлением можно считать личностные смыслы, которые определяются данным социальным коллективом.

Идентичность включает в себя роли, с которыми ассоциируется или ассоциирует себя индивид [Молодыченко 2022: 16]. При этом источниками идентичности могут выступать не только возраст, пол, профессия, социально-экономический класс, но и интересы.

В контексте принадлежности к национальной группе идентичность следует понимать как комплексный конструкт, проявляющийся на личностном, идеологическом, ценностном, социальном уровнях и характеризующийся наличием определенных образов и смыслов, взаимодействующих между собой в рамках территориального пространства, культурно-исторической и языковой среды. Формирование национальной идентичности индивида предполагает наличие двух взаимосвязанных процессов: с одной стороны, создание государством и национальной культурой соответствующих форм и механизмов, обеспечивающих «вовлечение» личности в общенациональную жизнь [Бадмаев 2005: 71], а с другой, индивидуальные и групповые потребности индивидов, осознающих и отождествляемых себя с определенным национальным сообществом, национальной культурой и национальным государством [Ачкасов 2012: 86].

Национальная идентичность мексиканцев характеризуется следующими основными чертами: синкретизм культуры, значимость индейского компонента, значимость ценностей национально-освободительного движения [Чеснокова 2020]. В Мексике множество самобытных народов и этносов, являющихся носителями уникальных культурных паттернов и элементов и обладающих различными антропологическими признаками, характеризуются психологическими установками, обычаями, традициями, жизненными ориентирами, культурным и национальным разнообразием, стремлением к самовыражению, участию в общественной жизни как национального меньшинства на территории США [Хантингтон 2004: 96].

Исследования в области спортивного дискурса представляют собой одно из динамично-развивающихся направлений в современной лингвистике. Главная задача спортивной коммуникации направлена на информирование о спортивных событиях, формирование образа команды, спортсменов, клуба.

Футбол является популярным видом спорта в Мексике. Массовое общенациональное внимание к футболу позволяет интерпретировать особенности национального менталитета в характеристике и восприятии происходящих на поле событий. Тем самым конструирование образа футбола затрагивает отражение культуры национальной идентичности мексиканцев.

Особое место в метафорическом осмыслении футбольных состязаний принадлежит команде. Одним из способов отражения национальной идентичности является метафорическое название спортивного клуба, в основе выбора которого лежит европейская традиция именования спортивных команд по названию городов, в которых они базируются. Например: Мон-

террей, один из старейших и наиболее успешных футбольных клубов Мексики, основанный в 1911 году, базируется в городе Монтеррей в штате Нуэво-Леон.

Спортивный клуб Гвадалахары, более известный как «Чивас» (дословно «козлы»), был основан в 1906 году. Второе название использовалось как насмешка после матча 1948 года против Тампико, когда один из комментаторов высказал мнение, что гвадалахарцы носились по полю словно *chivas locas* («чивас локас», то есть «сумасшедшие козлы»), хотя не могли ничего сделать с соперником. В дальнейшем клуб официально утвердил прозвище. Чуть позже команда вышла на поле с козлом, одетым в цвета команды, а на вопрос журналиста вратарь ответил «¡Sí, somos Chivas y qué! ¡Decir Chivas es decir Guadalajara!», что означает «Да, мы козлы, и что? Козлы — это Гвадалахара!». Спортивный клуб «Сантос Лагуна» имеет более 35-летнюю историю и является примером успешной футбольной команды. За этот период клуб стал символом идентичности региона Лагунера. Первоначально клуб располагался в Санта-Крус, Тласкала, в котором к названию Лагунеро (в честь региона) добавилось Сантос, поскольку жители данной местности были известны как Сантос.

Например, эмблема спортивного клуба, выступающего в высшем дивизионе чемпионата Мексики, выполнена в зелено-желтой гамме. Зеленый цвет идентифицирует команду на уровне восприятия Мексики среди клубов других стран, обеспечивая семиотическую сочетаемость названия с графическими элементами. Желтый цвет создает контраст и привлекает внимание. Корона ранее олицетворялась с эмблемой пивоваренной компании владельца клуба, с 2001 корона была модифицирована и приняла индивидуальные очертания, олицетворяя исторические корни команды. Использование цветовой гаммы, линий и фигур, ранее олицетворявших защиту страны, гордость, борьбу за выживание, часто имеют мотивирующий характер, направленный на защиту поля.

Следует отметить, что футбольный дискурс достаточно четко отражает национальную идентичность мексиканцев. Это прослеживается в мемах, посвященных отдельным футбольным матчам. Например, мем по итогам Чемпиона мира по футболу 2018 года, когда Мексика одержала победу над Германией: *La raza pura 0 vs. La pura raza 1*.

На закрытии сезона MX League 2019 года по итогам 4-го тура Veracruz vs. Puebla одним из лучших мемов стал тлакуаче на поле — единственный сумчатый обитатель Мексики (опосум) и «фраза тренера» победителя матча «*Yo forme a ese tlacuache*». «Маленький местный житель» завоевывает любовь публики, которая выбирает его лучшим игроком матча. Ассоциация команды хозяев матча Veracruz, победившей в матче, показывает гордость тренера местной команды.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Национальная идентичность предполагает создание государством и национальной культурой соответствующих форм и механизмов, обеспечивающих «вовлечение» личности в общенациональную жизнь, и отражает индивидуальные и групповые потребности индивидов, осознающих и отождествляющих себя с определенным этническим сообществом, национальной культурой и государством.

2. Футбольный дискурс отражает не только специфику данного вида спорта в Мексике, но и представляет собой способ самовыражения на футбольном поле, в рекламе, при просмотре футбольного матча.

3. Национальная идентичность мексиканцев в футбольном дискурсе выражается прежде всего посредством а) стилистических средств в речи футболистов, тренеров, болельщиков, б) графических элементов на спортивной форме команды, рекламных щитах, футболках, шарфах и другой атрибутики для болельщиков.

4. Способом отражения национальной идентичности являются метафоры, которые представляют собой единство идентификаторов (цвета, графические элементы, название команды / клуба, образ команды), обусловленных особенностями национальной культуры и отражающих доминанты национального характера.

Литература

- Ачкасов В. А.* Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 6. 2012. № 1. С. 85–91.
- Бадмаев В. Н.* Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ). Волгоград-Элиста, 2005.
- Молодыхенко Е. Н.* Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива // Terra Linguistica. 2022. Т. 13, № 2. С. 11–29.
- Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
- Чеснокова О. С.* Испанский язык Мексики: Языковая картина мира. 2 изд., испр. М.: URSS, 2020. 240 с.

Бурак Михаил Сергеевич

канд. филол. наук, доцент, кафедра романо-германской филологии и перевода,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет;
bertran4442000@yandex.ru

ВРЕМЯ И СОЗНАНИЕ В НЕКОТОРЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Х. Л. БОРХЕСА В ЯЗЫКОВОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Ключевые слова: время, пространство, сознание, лабиринт, онтологическая метафора, овеществление.

Данное исследование посвящено анализу трактовки времени и сознания на материале произведений Х. Л. Борхеса: «Сад расходящихся тропок» и «Новое опровержение времени». Указанные выше произведения раскрывают перед читателем многогранность человеческого сознания и его парадоксальную природу. Х. Л. Борхес в заключении «Нового опровержения времени» говорит о его неумолимом ходе. При этом в рамках данного эссе фигурируют многочисленные доказательства того, что время как явление метафизическое, отсутствует. В рассказе «Сад расходящихся тропок» Борхес очерчивает ход времени, уподобляя его сложному лабиринту. Сосуществование всех вариантов развития событий в единый момент времени подчёркивает многослойность этого произведения. Многоуровневый интертекст, рассказ внутри рассказа, способствуют созданию непривычного хронотопа со сложной символикой.

Идея неповторимости каждого момента бытия и необходимости осознанного в нём присутствия составляет один из краеугольных камней творчества писателя.

Существенным является также лингвистический аспект анализа. Одну из главных идей рассказа «Сад расходящихся тропок» иллюстрирует фраза, повествующая о стезе войны и относящаяся к любому временному плану. “*Así combatieron los héroes, tranquilo el admirable corazón, violenta la espada, resignados a matar y a morir*” [Borges 1980: 135]. «Так, с ярыми клинками и спокойствием в несравненных сердцах, сражались герои, готовые убить и умереть» [Борхес 1992: 159]. Борхес постоянно прибегает к тропам и мифологическому осмыслению реальности. Здесь это выражается в антропоморфизме. Так клинку, который представляет собой неодушевлённый предмет, приписываются свойства человека (ярость, неистовство). У человеческого органа — сердца, появляется оценочная семантика: «мужественное». Всё это своеобразно трансформируется в блестящем переводе, выполненном Б. Дубинным. Последний использует онтологическую метафору [Lakoff 2003: 35]: “спокойствие в несравненных сердцах».

Наконец, особое внимание обращает на себя лексема *resignado* (букв. «покорный, смирившийся»). Причастие *resignado* образовано от глагола *resignarse*. Последний зачастую связывается носителями испанского языка со смирением, присущим глубоко верующему человеку, или с покорностью суровым условиям жизни. В данном же случае рассматриваемая лексема выступает в значении, несовместном с пассивным подчинением обстоятельствам. В качестве подтверждения вышеизложенного можно привести ещё одну цитату из этого же произведения, где огни боя кажутся войнам продолжением праздничного пира: “*...la resplandeciente batalla les parece una continuación de la fiesta y logran la victoria*” [Borges 1980: 134]. («опьянённые боем, они мнят его продолжением праздника и одерживают победу»). Сочетание *la resplandeciente batalla* (букв. «сверкающая битва») представляет собой единое целое, что усиливает воздействие на реципиента.

В «Новом опровержении времени» обращают на себя внимание, в частности, следующие отрывки. 1) Сочетание “*la poderosa fábrica del Universo*” [Borges 1952: 113] (букв. «могущественная фабрика Вселенной») — это метафорическое переосмысление вечного цикла рождения и смерти. На языковом уровне здесь имеет место номинализация *fábrica*, в рамках которой действие как бы «овеществляется». Таким, на первый взгляд, простым способом автор создаёт невероятную глубину, погружая читателя в метафизику пространства и времени.

2) Апеллируя к доктринам Юма, Беркли и Шопенгауэра, и развивая их в собственном ключе, Борхес утверждает: “*...negada la materia, negado también el espacio que son continuidades, no sé*

que derecho tenemos a esa continuidad que es el tiempo» [Borges 1952: 115]. («Но отринув материальную субстанцию, отринув пространственный континуум, имеем ли мы право на признание Времени, тоже континуума?»). Здесь посредством номинализации выражается понятие и физическое, и метафизическое. При этом подтверждается тезис Лакоффа и Джонсона о том, что по самой природе языка и мышления, мы, люди, склонны овеществлять даже абстрактные понятия, превращая их в ряде случаев в конкретные и исчисляемые имена существительные [Lakoff 2003: 35]. Не случайно лексема *continuidades* употреблена автором и в единственном числе, и во множественном.

Фразой, объединяющей оба произведения, может послужить их главная идея, выраженная посредством ещё одной онтологической метафоры из рассказа «Сад расходящихся тропок»: «Solo en el presente ocurren los hechos» [Borges 1980: 125]. («Только в настоящий момент времени происходят события»). Данный момент (*el presente*) представляется автору сопричастным единому, и в то же время делимому на части Времени. Последнее является понятием и математическим, и физическим, и метафизическим. С одной стороны, данный миг — ничтожно малая часть бесконечного Времени. С другой — этот Миг и всё время Мира и Вселенной подобны друг другу. При этом лингвистическими средствами Время отождествляется с Пространством, более осязаемым и близким человеческому восприятию.

Будучи междисциплинарным, данное исследование, может быть интересным для учёных, занимающихся различными областями гуманитарных наук.

Литература

- Borges X. L.* Рассказы; Эссе; Стихотворения / пер. с исп.; сост., вступ. ст. Вс. Багно. СПб.: Северо-Запад, 1992. 639 с.
- Borges J. L.* Nueva antología personal. Barcelona: Editorial Bruguera S. A., 1980. 285 p.
- Borges J. L.* Otras inquisiciones. Buenos Aires: Destino Emecé, 1952. 182 p.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. London: The University of Chicago press, 2003. 193 p.

Буренкова Светлана Витальевна

д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков,
Омский государственный технический университет;
svburenkova@omgtu.tech

GERECHTE SPRACHE КАК ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: Klimagerechte Sprache, языковая политика государства, экологическая политика, экологические неологизмы.

Изменения жизненных норм, правил поведения, ценностных установок отражаются в языке и речи, поэтому лингвистическое описание языковых и речевых фактов в совокупности с анализом социокультурных трансформаций релевантно для понимания текущей языковой ситуации того или иного государства. Влияние на развитие немецкого языка в современный период оказывают как общемировые процессы (глобализация, пандемия, конфликты и пр.), так и особенности жизнедеятельности немецкой нации в условиях усиления миграции, борьбы за равноправие полов и гендерное многообразие. Под влиянием разных форм политкорректности: расовой, гражданской, социальной, этической, физической, гендерной и т. п., ставшей в Германии частью общественной жизни, политики, коммуникации, в немецком языке появляется большое количество неологизмов и заимствований, лексических и речевых новаций, а отстаивание демократических свобод и социального равноправия воплощается в соответствующей языковой политике немецких властей.

Бережное отношение к языку, культура речи — *behutsame Sprachpflege* — сегодня заменяется словосочетанием *gerechte Sprache* — политкорректный язык, соответствующий, правильный язык. Терминосочетание возникло в русле феминистской лингвистики, поэтому несмотря на распространенное определение политкорректного языка как словоупотребления, которое охватывает всех людей, независимо от пола, образования и других возможных ограничений, это понятие связывают, прежде всего, именно с гендерно-корректным использованием языка — *geschlechtergerechte Sprache*; *gendergerechte Sprache*.

Прилагательное *gerecht* восходит к древневерхнемецкому прилагательному *gireht* — «прямой, вертикальный, правильный, чистый» [DWDS]. Суффикс (в терминологии М. Д. Степановой — полуаффикс) *-gerecht* обладает согласно данным немецкого словаря Дуден двумя значениями: 1. «в образованиях с существительными выражает, что описываемая вещь пригодна, принадлежит кому-либо, чему-либо, отвечает потребностям кого-либо, чего-либо»: *behindertengerecht* — доступный для людей с ограниченными возможностями; *marktgerecht* — отвечающий потребностям рынка; *umweltgerecht* — экологичный; 2. «в образованиях с существительными выражает, что действие осуществляется в соответствии с обстоятельствами; так, как это требуется»: *regelgerecht* — в соответствии с правилами, *standardgerecht* — в соответствии со стандартом, *vertragsgerecht* — в соответствии с договором [Duden] (перевод мой. — С. Б.).

Расширенный поиск по материалам корпусов информационно-словарной платформы OWID выдает более ста случаев словоупотреблений с конечным элементом *-gerecht*, при этом наряду со словообразованиями типа *normgerecht*, *formgerecht*, возникновение которых детерминировано, вероятнее всего, исключительно законами речевой экономии, обнаруживаются композиты, активное употребление которых обусловлено еще и осознанием необходимости должного отношения государства и членов социума к отдельным группам населения, а также к разного рода проблемам и вопросам: *altengerecht*, *blindengerecht*, *familiengerecht*, *frauengerecht*, *geschlechtergerecht*, *jugendgerecht*, *kindergerecht*, *klimagerecht*, *kundengerecht*, *naturgerecht*, *tierschutzgerecht*, *zielgruppengerecht* [OWID] и т. д. Вместе с тем в СМИ все чаще встречаются коллокации некоторых из упомянутых композитов, в состав которых входит компонент *-gerecht*, с существительным *Sprache*: *geschlechtergerechte Sprache*; *gendergerechte Sprache*; *Nutzung*

von gendersensibler Sprache; in kindgerechter Sprache; klimagerechte Sprache [Der Spiegel; DWDS]. И если изучению гендерно-нейтрального языка посвящено значительное количество исследований, то язык, отвечающий проблемам климата — klimagerechte Sprache, представляет собой малоизученный лингвистический феномен. Наряду с методическими указаниями относительно гендерно-корректной коммуникации для современной языковой политики Германии характерна радикализация языка экологии и климата. К примеру, термин «изменение климата» — Klimawandel — считается, по-видимому, тривиальным, речь непременно должна идти о кризисе — Klimakrise, возможно даже о климатическом апокалипсисе — Klima-Apokalypse. Вместо обозначения глобального потепления Erderwärmung рекомендуется использовать градуальный синоним Erderhitzung, а скептиков, сомневающих в глобальности климатических проблем, СМИ все чаще именуют не Klima-Skeptiker, а Klima-Leugner — «отрицателями» проблем, связанных с изменением климата.

Настоящее исследование посвящено изучению эко-неологизмов немецкого языка, возникающих вследствие экологических, климатических проблем современности, а также под влиянием новой энергетической политики современной Германии. В задачи исследования входит описание экологических неологизмов в нескольких аспектах: в свете экстралингвистической обусловленности лексики языка, в контексте экологической идеологии, языковой политики немецкого государства и текущей языковой ситуации, а также с точки зрения интралингвистических факторов и векторов развития словарного состава современного немецкого языка. В качестве источников практического материала используются информационно-словарные платформы немецкого языка, а также актуальные публикации в ведущих немецких СМИ. Применение методов семантического, структурного, контекстуального, сопоставительного анализа позволяет автору определить некоторые тенденции и особенности процессов неологизации немецкого языка в целом и в области «зеленой повестки» в частности, а также представить проблемы перевода экологических неологизмов на русский язык.

Литература

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de>

Duden. URL: <https://www.duden.de>

OWID — Das Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch. URL: <https://www.owid.de/index.jsp>

Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de>

Вяльяк Криста Энновна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский институт кино и телевидения;
kristavyalyak@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ-БЕСПРИЗОРНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КОЛУМБИЙСКОГО ФИЛЬМА «LOS REYES DEL MUNDO»)

Ключевые слова: речь низших слоев, национальный вариант, разговорная речь.

Несмотря на интерес отечественных исследователей к национальным языкам стран Латинской Америки, многие вопросы, связанные с функционированием этих языков, еще только предстоит изучить. Недостаточно изученным остается язык низших слоев населения в виду преимущественно устной формы его существования. Языковые единицы, избыточные в речи нищих и бездомных, являются недопустимыми для образованной части населения, однако могут создавать трудности в понимании. В этой связи представляется актуальным рассмотреть некоторые особенности устной коммуникации колумбийцев на материале речи персонажей-беспризорников из фильма «Короли мира» (*Los reyes del mundo*, 2022, режиссер Лаура Мора Ортега).

Прежде всего, отметим особую систему личных местоимений в колумбийском варианте испанского языка. Персонажи используют форму на *vos* (*voseo*) вместо формы на *tú*: *¿Y vos ¿Cuántos años tenés?* «А тебе сколько лет?», а также форму на *usted*: *¿Usted se casas? ¿Usted ve gente?* «Ты видишь дома? Людей?». В разговорной речи персонажи активно совмещают обе формы в одном высказывании: *¿Y usted trae platica? ¿Vos traes la platica?* «А у тебя деньги есть? Деньги с собой есть?». Также отметим использование формы на *ustedes* вместо формы на *vosotros* в речи персонажей: *Se me lo comen todito, buen provecho, mis amores* «Всё съешьте, приятного аппетита, мои любимые».

Другой особенностью речи персонажей фильма является использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые характерны для низших слоев общества Колумбии [Синицина 2017, 69]. Суффиксы добавляются к существительным (*platica* «деньги», *fotito* «фотография»), прилагательным (*calmanditos pues*, *muchachos* «спокойно, мальчики», *se mueve solita* «сама двигается (о руке)»), наречиям (*pasito* «тихо, спокойно»). Например, *Pero antes se va a chupar un bomboncito pa que no le duela* «Но сначала съешь конфетку, чтобы не было больно».

Уменьшительные суффиксы используются для повышения экспрессивности в эмоциональных высказываниях. Так, возможно присоединение суффикса к слову с оценочной характеристикой. Например, *Pero vea que goleó, gonorreíta* «Но в итоге же заполучил, паршивец», где *gonorreíta* является производным от *gonorrea*, которое в колумбийском варианте испанского языка используется для обращения к кому-либо среди низших слоев населения [Diccionario]. Здесь речь идет об одобрении говорящего поступка приятеля, которому удалось украсть золотую цепочку. Однако *gonorrea* является и распространенным оскорблением, выступая синонимом к словам *desgraciado*, *pendejo*, *imbécil*, то есть используется для выражения пренебрежительного отношения к человеку, обычно с намерением оскорбить или унижить его. Например, *manada de gonorreas* «кучка вырожденцев». Возможно усиление значения данного слова за счет прибавления суффикса *-ota*: *Cuidado pues, gonorreota* «Осторожно, дурак!». Собранные примеры указывают на то, что это выражение весьма распространено и используется в разных контекстах как для экспликации одобрения, так и раздражения, гнева или недоверия.

Еще одним вариантом обращения персонажей друг к другу, содержащим уменьшительный суффикс, является слово *manito* (от *mano* «друг, братан»), которое используется в отношении близкого человека. Например, *¡Eso no es nada, manito!* «Да ничего страшного, братан!»; *No, manito, todo eso tiene dueño* «Нет, брат, у всего этого есть хозяин».

Кроме того, старший из беспризорников Ра, обращаясь к младшему Винни, использует слово *pirañita*, означающее в Колумбии «ребенок-беспризорник, ребенок-воришка» [Diccionario]. Однако, учитывая то, что Ра называет приятелей своей семьей, обращение *pirañita* следует за-

менить на «дружище»: ¿La Negro si nos dio la pieza, manito? — No, nada, pirañita, nada. «Ла Negro дал нам комнату, брат? — Нет, дружище, нет».

Также в речи беспризорников часто присутствует слово *pirobo*, то есть «мужчина, нетрадиционной ориентации, мужчина, торгующий собой» [Diccionario], которое в разговорной речи низших слоев колумбийского общества приобретает значение *pendejo*, *imbécil*: Ya sabes pues gonorrhea que no te quiero volver a ver por acá, *pirobo* «Предупреждаю, чтобы больше я тебя здесь не видел, придурок». Данное обращение используется по отношению к человеку, вызывающему презрение или раздражение. Также в разговорной речи колумбийцев наблюдаются примеры экспрессивного употребления прилагательных женского рода при отрицательной характеристике лиц мужского пола. Например, Vos sos una loca, Ra, sos una loca «Ты придурок, Ра, придурок!»; Máximo le doy 35. Ahí tiene 35. Ah, está loca. «Максимум тебе дам 35. Вот. Ах ты дрянь!».

Ко взрослым персонажам фильма беспризорники обращаются иначе: например, *papí* «дорогой» по отношению к скупщику краденого (Ay, *papí*, yo confío. En la re buena. «Ай, дорогой, не надо, я доверяю. Увидимся»), *cucho* пренебрежительно «старик» (Eh, *cucho*, más respetico con mí *parcero*, pues. «Эй, старик, побольше уважения к моему приятелю»), *madre* «сеньора» по отношению к представительнице власти (No pues, *madre*, ¿Cómo así? Usted no sabe, *madre*, todo el tiempo que yo he luchado con eso. «Нет, ну, сеньора, как это возможно? Вы не знаете, сеньора, как долго я шел к этому»).

Таким образом, проведенный анализ речи персонажей выявил ряд особенностей, характерных для общения низших слоев населения Колумбии. В дальнейшем представляется интересным рассмотреть функционирование синтаксических языковых средств на материале национальных языков стран Латинской Америки.

Литература

Синицына А. М. Колумбийский национальный вариант испанского языка и его территориальные диалекты: языковые особенности // Филология. 2017. № 4 (10). С. 68–74.

Diccionario de americanismos. URL: <https://www.asale.org/>

Гринина Елена Анатольевна¹, Романова Галина Семеновна²

¹канд. филол. наук, доцент, кафедра испанского языка,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
eagriniina@yandex.ru

²канд. филол. наук, доцент, кафедра испанского языка,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
gromanova.home@gmail.com

ДНЕВНИКИ ЧИЛИЙСКОГО ГЕНЕРАЛА ПРАТСА: ВЫМЫСЕЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Ключевые слова: военный переворот в Чили, Карлос Пратс, Эдуардо Лабарка, фальсификация дневников.

Настоящее время обычно называют эпохой постправды (posverdad), но то, что сейчас принято презрительно называть фейком, существовало во все времена. Но некоторым случаям сложно дать однозначно отрицательную оценку.

Филологи не раз сталкивались с литературной фальсификацией, особенно в жанре воспоминаний или дневников. Одним из ярких примеров стала книга «Una vida por la legalidad» («Жизнь ради законности». Пер. здесь и ниже наш-Е. А., Г. С.), выпущенная в 1976 году в Мексике. Ее содержание составляли, якобы, дневниковые записи генерала Карлоса Пратса — одного из преданных сторонников погибшего чилийского президента Сальвадора Альенде. В предисловии подчеркивается, что имя генерала, «как и имена генерала Рене Шнайдера, президента Сальвадора Альенде и Аугусто Пиночета, навсегда будет вписано в историю Чили как одного из главных участников разразившейся драмы, последняя страница которой еще не написана».

Карлос Пратс был главнокомандующим армией, а в правительстве Альенде стал министром внутренних дел, вице-президентом и министром обороны. Он пользовался большим уважением и влиянием среди военных как патриот своей страны. После победы Сальвадора Альенде на выборах Пратс, верный присяге, выступил за сотрудничество армии с правительством партии Народного Единства. Его твердая позиция противоречила планам оппозиции не только в стране, но и за ее пределами, поэтому против генерала была запущена кампания клеветы и преследования. Высокое понятие чести вынудило его подать в отставку, рекомендовав на свою должность генерала Пиночета. Пратс искренне считал, что его преемник — человек чести, и, так же как он, неспособен нарушить присягу правительству. Это произошло за месяц до военного переворота. Карлос Пратс не имел иного выбора, кроме эмиграции, однако год спустя, 30 сентября 1974 года он был убит в Аргентине.

В 1976 году в продаже появилась книга «Жизнь ради законности», представленная как дневники генерала Пратса, охватывающие период с 1 февраля 1973 года по 14 августа 1974 года, когда до его смерти оставалось полтора месяца. Трагедия Чили была еще жива, и книга очень быстро распространилась по всему миру.

Однако прошло девять лет, и разразился большой скандал: дочери генерала Пратса решили опубликовать архив своего отца и обнаружили в его квартире в Буэнос-Айресе рукопись воспоминаний генерала. Там она тайно хранилась, дожидаясь момента, когда публикация мемуаров станет возможной. На мексиканского издателя фальшивой версии была подана жалоба и началось расследование, а подлинники дневников Пратса увидели свет в 1985 году, благодаря усилиям дочерей, друзей и сподвижников генерала. В этом объемном сочинении генерал выступает поборником интересов своей страны, которой он служил преданно и честно. Не разделяя леводемократических пацифистских взглядов президента Альенде, Пратс поддерживал его, выполняя конституционные обязанности. В то же время он критиковал поспешность реформ, проводимых президентом, что нашло отражение в его воспоминаниях [Prats 1985].

А спустя двадцать лет расследование появления фальшивых воспоминаний вылилось в детективную историю. В 2005 году чилийский писатель Эдуардо Лабарка, бывший главный редактор чилийского журнала «El Siglo», признал, что он является автором этих текстов, написанных

в Москве по поручению чилийской компартии. Писатель считал это своим вкладом в борьбу против режима Пиночета, виновного в убийстве генерала и пытающего всеми силами очернить его деятельность. Уверенный в том, что все рукописи Пратса были уничтожены, Лабарка создал образ настоящего патриота, выступившего за демократический путь развития страны. Однако, появление подлинных воспоминаний заставило его признаться в обмане и извиниться перед дочерьми генерала Пратса и Мексиканским издательским домом (Фонд экономической культуры), Позже, в различных статьях и интервью он неоднократно говорил, что испытывает муки совести, о чем свидетельствует и его роман «*Cadáver tuerto*» («Одноглазый труп»), главный герой которого фальсифицирует дневники убитого генерала [Labarca 2005].

До сих пор остается не до конца выясненным, кто занимался изданием апокрифа в Мексике? По мнению экс-руководителя вещания на испанском и португальском языках Государственной радиовещательной корпорации «Голос России» Л. А. Косичева, который провел журналистское расследование, к этому были причастны вдова погибшего президента Ортенсия Бусси де Альенде и некоторые члены Коммунистической Партии Чили, проживавшие тогда в Мексике [Косичев 2007: 97–98].

Эта история еще раз подтверждает, что рано или поздно правда открывается, но художественный вымысел также способен сыграть позитивную роль: создать многогранный образ исторической личности, пробудить к ней общественный интерес, но главное – появиться вовремя. Благодаря этой мистификации и таланту Эдуардо Лабарки, генерал Пратс после смерти обрел две жизни: мексиканское издание не было просто фейком, а изложенные писателем от его лица трагические факты семидесятых годов вовремя привлекли внимание мира к событиям, происходившим в закрытой стране. И надо признать, что фальсификация стала более известной, чем оригинальный текст, и здесь сыграл свою роль великий фактор времени.

Литература

- Косичев Л. А.* Дневник генерала Пратса, который он не писал // Латинская Америка. 2007. № 6. С. 90–99.
Labarca E. El cadáver tuerto. Editorial Catalonia. Santiago de Chile, 2005. 344 p.
Prats C. Una vida por la legalidad. Fondo de cultura económica. México, 1976. 137 p.
Prats González C. Memorias. Testimonio de un soldado. Editorial Pehuén, Colección Testimonios. Santiago de Chile, 1985. 610 p.

Гурова Елена Александровна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.gurova@spbu.ru

КОНСТРУКЦИЯ MÅ GERNE КАК МАРКЕР ВЕЖЛИВОСТИ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: датский язык, вежливость, *må gerne*.

Доклад посвящен датской конструкции *må* (н.в. от *måtte* "мочь") + *gerne* ("охотно"), которая получает все большее распространение в качестве маркера вежливости прежде всего в письменных текстах. Модальный глагол *måtte* имеет в датском языке два основных значения — не-агентивной необходимости и разрешения [Hansen, Heltoft 2011: 783]. Многозначность снимается за счет использования наречий *gerne* и *godt* в значении разрешения. Интересно, что в близкородственных шведском и норвежском языках значение разрешения передается другими глаголами — *få* "получать" и *kunne* "мочь". В норвежском языке сочетание с *måtte* возможно, однако в основном оно используется в диалектах [Hansen, Heltoft 2011: 785].

Модальные частицы и наречия играют большую роль в коммуникативной системе датского языка, так как употребляются для выражения разных прагматических оттенков в различных коммуникативных ситуациях [Durst-Andersen 2011; Крылова 2009]. Наречие *gerne* "охотно, с удовольствием" может сочетаться с глаголами в форме императива (для выражения предложения); модальными глаголами *ville* (для выражения пожелания, вежливой просьбы; для усиления значения волеизъявления), *skulle* (для выражения разных модальных значений, в том числе в качестве формального маркера вежливости в просьбе), *kunne* (для выражения значения возможности и вероятности; для усиления высказывания и придания ему большей субъективности); смысловыми глаголами (для выражения желания/готовности что-либо сделать; для выражения часто или регулярно повторяющихся действий). Согласно датскому толковому словарю *gerne* сочетается с модальным глаголом *måtte* для выражения разрешения в качестве маркера вежливости, а также для того, чтобы устранить двусмысленность сказанного [Den danske ordbog]. Разрешение также может быть выражено сочетанием *kunne* + *gerne*, однако данное использование отмечено в словаре как редкое. Э. Б. Крылова рассматривает наречие *gerne* в качестве аксиологического показателя и считает, что во многих случаях оно «не относится к субъекту пропозиции, а имеет значение модусной рамки *jeg / vi vil* я хочу / мы хотим, чтобы Р» [Крылова 2009: 314].

Анализ отобранного корпусного материала подтвердил данные наблюдения и позволил сделать вывод о том, что в современном датском языке, помимо разрешения (1), сочетание *måtte gerne* может выражать многие другие побудительные высказывания (просьбу (2), предложение (3), совет (4) и требование (5)).

- (1) I må gerne lege sammen og I må gerne sove sammen hos os, men jeg siger nej til at sove hos veninden, fordi jeg kender ikke hendes forældre godt nok. Вы можете вместе играть, вы можете ночевать у нас, но я запрещаю ночевать у подруги, потому что не очень хорошо знакома с ее родителями.
- (2) Du må gerne booke 14+15. november til mig og min søn Filip på 12. Send venligst bekræftelse + betalingsmåde. Bedste hilsner, Thomas Забронируйте, пожалуйста, 14–15 ноября для меня и моего 12-летнего сына Филипа. Пришлите, пожалуйста, подтверждение + форму оплаты. С уважением, Томас
- (3) I må gerne skrive, hvis I har spørgsmål, så vil jeg forsøge at svare. Вы можете написать, если есть вопросы, я попробую на них ответить.
- (4) Du må gerne være ærlig, men afhold dig fra at være needy. Можешь быть честной, но постарайся не быть нуждающейся.

- (5) Du må gerne have erfaring fra udlændingeområdet eller med konkret sagsbehandling i øvrigt. Желательно, чтобы у вас был опыт работы в сфере иммиграции или ведения конкретных дел в целом.

Таким образом, конструкция *måtte gerne* становится вежливой альтернативой императиву, который может быть использован только в определенных коммуникативных ситуациях в основном в устной речи. В отличие от императива конструкция *måtte gerne* употребляется в различных побудительных значениях преимущественно в письменной коммуникации и может иметь подлежащее в форме 2 л единственного и множественного числа.

Изменения, произошедшие в датском языке в 1970-е гг. в системе обращений (всеобщий переход на «ты»), привели к архаизации многих вежливых оборотов, к неформальности в общении датчан и к размытости социальных норм. О стремлении найти новые рамки вежливого общения свидетельствует ряд выявленных тенденций — употребление английского маркера вежливости *please* в устной речи и датского *venligst* в письменной коммуникации и информативно-регуляторских текстах, обращение на *De* («Вы») в письменной коммуникации при обращении к клиентам, а также использование конструкции *må gerne* в различных побудительных высказываниях.

Литература

- Крылова Э. Б. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. М.: МАКС Пресс, 2021. 440 с.
- Den danske ordbog. URL: <https://ordnet.dk/ddo/ordbog?query=gerne>
- Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. Kbh. Hans Reitzels Forlag, 2011. 200 s.
- Hansen E., Heltoft L. Grammatik over det Danske Sprog, Bind II. Det Danske Sprog og Litteraturselskab, 2011. 1167 s.

Дойникова Марина Игоревна

канд. филол. наук, доцент, кафедра немецкого языка,
Московский государственный институт международных отношений МИД России;
doynikovami@mail.ru

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ФЕДЕРАЛЬНОГО КАНЦЛЕРА ОЛАФА ШОЛЬЦА (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: речевой портрет, тезаурус личности, лингвистический аспект, лексикон политика.

Федеральный канцлер Германии является не только главой исполнительной власти, но и де факто самой влиятельной политической фигурой в стране. В соответствии с Основным законом ФРГ федеральный канцлер определяет основные политические векторы и несет за них ответственность (ст. 65).

Целью настоящего исследования является составление речевого портрета действующего федерального канцлера Германии Олафа Шольца.

Речевой портрет — это описание индивидуальных особенностей человека в области речевой коммуникации. Как отмечают многие исследователи, получение речевого портрета позволяет производить адекватную оценку личности.

В анализе индивидуального речевого портрета выделяют, как правило, три аспекта: лингвистический, социальный и поведенческий.

Социальный призван выявить психологические, статусно-ролевые и гендерные характеристики личности. Поведенческий аспект направлен на исследование поведения личности на основе интерпретации его общекультурных представлений об общении, коммуникативной компетенции и интенций, при этом особое внимание уделяется тому, какие черты имеют индивидуальный характер, а какие являются результатом социальной принадлежности личности. «Лингвистический аспект представляет собой анализ лексикона, т. е. слов и словосочетаний, употребляемых говорящим, а также тезауруса, т. е. излюбленных оборотов речи, выражений, фраз, используемых личностью» [Бирюкова 2011: 30].

Как известно, в последнее время в немецком языке появился целый ряд неологизмов образованных от фамилий ведущих политиков Германии, среди них есть и лексическая единица, образованная от фамилии действующего канцлера ФРГ Олафа Шольца — «scholzen».

С помощью контекстуального анализа, с опорой на «фоновые знания», а также с использованием комментариев носителей языка (интернет-пользователей) относительно указанного политика, были установлены следующие значения неологизма:

- 1) auf konkrete Fragen die Antwort verweigern und sich in Plattitüden flüchten — не дать ни одного ответа на задаваемые вопросы; говорить банальности;
- 2) intensiv schweigen — хранить молчание;
- 3) abtauchen — залечь на дно;
- 4) sich komplett widersprechen — полностью противоречить себе;
- 5) super komplizierte Ausreden sinnlos aneinanderreihen — бессмысленно придумывать сверхсложные оправдания.

Таким образом, неологизм «scholzen» отражает, в первую очередь, поведенческий аспект, формируя определенный образ политика, как человека нерешительного, уклоняющегося от прямого ответа на поставленные вопросы.

В данном исследовании внимание уделяется, прежде всего, лингвистическому аспекту индивидуального речевого портрета политика: Какие слова и выражения присущи речи федерального канцлера Олафа Шольца? Каким образом лингвистический аспект дополняет социальный и поведенческий аспекты при формировании индивидуального речевого портрета политика? Как речевой портрет влияет на общий имидж политика?

Так, федеральный канцлер наиболее часто употребляет в своей речи такие выражения, как: “You’ll never walk alone — Keiner wird allein gelassen” (никто не останется в одиночестве); “Klar ist...” (ясно...); “für etwas Sorge tragen” (позаботиться о чем-л.); “Als ich Erster Bürgermeister in Hamburg war” (Когда я был первым бургомистром/мэром Гамбурга...), “etwas muss angepackt werden” (что-то должно быть решено).

Также частотным в употреблении является слово “Respekt” (уважение).

Благодаря федеральному канцлеру в немецком языке появился в 2023 г. неологизм „Doppel-Wumms“, а несколькими годами раньше слова “Bazooka“, “Wumms“.

В настоящем исследовании рассматривается, что стоит за этими словами и выражениями, как они влияют на формирование индивидуального речевого портрета федерального канцлера.

Литература

- Бирюкова Е. О. Индивидуальный речевой портрет говорящего в телевизионном дискурсе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 11, № 31–3. С. 29–33.
- Борисов Д. А., Жаренова Н. В., Тазетдинова Н. А. Речевой портрет швейцарских политиков (на материале немецкого языка) // Казанская наука. 2020. № 5. С. 60–62. EDN DXRQDM.
- Василькова М. В. Речевой портрет немецкого политика (на примере публичных выступлений федерального Министра иностранных дел Зигмара Габриэля) // Наука — образованию, производству, экономике : материалы XXIII(70) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2 т. Витебск, 15 февраля 2018 года. Т. 1. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2018. С. 126–127. EDN OSWJVP.
- Цветкова Е. Б. Речевой портрет современных немецких политиков в аспекте прагмалингвистики (на материале протокольно-этикетных речей): дис. ... канд. филол. наук. 2018. 267 с. EDN SAFCBM.

Дубовицкая Яна Андреевна

преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича;
yanabasova01@gmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ПРОЗЫ А. С. ПУШКИНА В ПЕРЕВОДАХ НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: испанский язык, русский язык, фразеологизм, фразеологический перевод, А. С. Пушкин.

Данная статья посвящена анализу переводов фразеологических единиц в прозаических произведениях А. С. Пушкина на испанский язык. В качестве примеров использованы цитаты из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», «Арапа Петра Великого» и «Дубровского». Выбор темы представляется актуальным, поскольку в этом году празднуется 225-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Кроме того, перевод фразеологизмов является одной из центральных тем в переводоведении.

Цель статьи — выявить характерные черты перевода фразеологических единиц в прозе Пушкина, подчеркнуть удачные и неудачные моменты. Материалом исследования послужили как первые переводы Пушкина XIX века, так и тексты Амаи Лакасы и Клары Ханес.

В работе приводятся следующие типы фразеологических межязыковых соответствий:

- 1) межязыковые фразеологические эквиваленты, делящиеся на абсолютные и относительные (одинаковый план содержания и выражения);
- 2) межязыковые фразеологические варианты (имеют одинаковый план содержания, но отличаются лишь некоторыми лексическими расхождениями в плане выражения);
- 3) межязыковые фразеологические синонимы (одинаковый смысл, различается план выражения);
- 4) межязыковые фразеологические омонимы (план выражения совпадает, в то время как план содержания разный);
- 5) межязыковые фразеологические антонимы (противоположные по значению фразеологические единицы);
- 6) межязыковые фразеологические паронимы (не совпадают по значению, по-разному грамматически оформлены в плане выражения или имеют лексические изменения);
- 7) межязыковые векторные фразеологизмы (первичный десигнат обозначается с противоположных сторон);
- 8) идиоэтнические фразеологизмы (в состав входят национальные реалии, культурные особенности, имена собственные) [Кириллова 1997: 33–42].

Способ перевода фразеологизмов выбирается на усмотрение переводчика, поскольку фразеологические единицы каждого языка наделены культурными свойствами, отражающими картину мира народа. Полные переводческие эквиваленты можно найти редко, особенно если язык перевода не входит в языковую семью исходного текста, как при переводе с русского языка славянской группы на испанский романской группы. Нефразеологический перевод осуществляется за счет поиска лексем, оборотов, описательных конструкций и других средств, схожих по стилистическим и семантическим признакам с языком оригинала.

В Испании высоко ценится культурное наследие А. С. Пушкина. Интерес к русскому поэту и писателю в Испании начался еще при его жизни, однако своего расцвета он достиг к XX веку во время гражданской войны испанцев. Первый известный перевод прозы Пушкина датируется 1847 годом. [Мартинес 1995: 135]. Сам писатель был заинтересован в культуре Испании, колорит данной страны отразился в его произведении «Каменный гость». Сохранился черновой вариант обратного перевода с французского «Цыганочки» Сервантеса [Багно 1980: 167].

В своих произведениях А. С. Пушкин наряду с обогащением русского литературного языка решает, в частности, задачу обогащения художественной литературы фразеологией. Автор использует книжные (зачастую в речи автора) и разговорные фразеологизмы. В речи его героев присутствуют всевозможные паремии, фразеологические единства и сочетания. Безусловно для переводчиков текстов Пушкина стоит непростая задача передать неповторимый лаконичный стиль и дух произведений писателя.

Исследование показало, что тенденция переводов Пушкина заключается либо в нахождении фразеологических эквивалентов, либо в избегании фразеологических переводов. Так, в переводе VI главы романа «Арап Петра Великого» фразеологизм «он от него без ума» переводят фразеологическим эквивалентом “*está loco por él*”. В то же время при переводе на испанский язык фразеологизма «только им и бредит» переводчик прибегает к нефразеологическому переводу, передается только смысл высказывания: “*él no habla de otra cosa*” (букв. «он ни о чем другом не говорит»). В том же произведении фразеологизм «заживешь припеваючи» переведен как “*vivirás como se te antoje*” (букв. «заживешь, как тебе заблагорассудится»).

В переводе произведения «Дубровский» (1 глава) глагольный фразеологизм «мало знает толку в делах» в испанском варианте звучит как “*entendía poco de negocios*” (букв. «мало понимает в делах»), то есть также передается лишь семантика высказывания. Такой перевод, на наш взгляд, может быть оправдан, однако стоит отметить, что образность высказываний, стилистическая окраска, а также характер персонажей зачастую при подобном подходе переводчика теряется.

Поскольку Пушкин владел несколькими языками, в его произведениях помимо русских, можно найти множество иностранных фразеологизмов, например латинских — “*nota nostra manet*” («Барышня-крестьянка»), итальянских — “*se amor non è che dun<qu>e?*” («Метель»).

Мы также уделили внимание тому, как переводчики перевели данные фразеологические единицы. Нами было отмечено, что в таких случаях фразеологизмы были оставлены без изменений, кроме того, были оформлены внутритекстовые сноски, как и в авторских текстах. Помимо этого, в некоторых изданиях фразеологизмы были оставлены без какого-либо перевода или пояснения. На наш взгляд, это неудачное решение переводчика, поскольку очевидно, что читатель навряд ли знает все представленные языки.

Нами также было отмечено, что в отличие от более ранних переводов, современные показывают большее понимание авторского стиля, ироничного повествования. Переводчик уже не выбрасывает из контекста ненужные, по его мнению, фразы. Так, в переводе «Метели» Лакасы фразеологизм «обратимся к молодому нашему любовнику» звучит почти дословно как “*у tornemos a nuestro joven enamorado*”, а в переводе XIX века появляется вместо этого «молодой прапорщик»: “*del joven abanderado*”.

Подводя итоги, мы хотим подчеркнуть особую важность анализа современных переводов произведений, поскольку в век технологий и распространения электронных библиотек читатели все чаще знакомятся именно с данными переводческими текстами.

Литература

- Багно В. Е. К теме «Пушкин в Испании»: (Новые материалы) // Временник Пушкинской комиссии, 1980. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. С. 163–168.
- Кириллова Н. Н. О типологии межъязыковых фразеологических соответствий // Проблемы идиоэтнической фразеологии. СПб., 1997. Вып. 2. С. 33–42.
- Мартинес Мартинес Р. М. Й. Первые испанские переводы «Метели» // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Наука, 1995. Вып. 26. С. 135–152.

Евдокимова Анна Александровна

*канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный лингвистический университет;
ana.evdokimova@gmail.ru*

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Ключевые слова: язык юриспруденции, модернизация языка, норма, право.

Юридический язык нормативных текстов, судебных или административных постановлений, а также иных сообщений, извещений и повесток, которые получают граждане от органов государственной власти, должен быть понятным, лаконичным и современным. Граждане имеют право на разъяснение решений в сфере правосудия доступным языком. Именно этот постулат, который исходит из основных фундаментальных прав граждан, определенных Конституцией Испании 1978 года, лег в основу ряда решений, разработанных и принятых как на уровне Правительства Испании, так и основных институтов, работающих в области языка, и в первую очередь, Королевской академии испанского языка. Принятие новых норм вызовет в свою очередь изменения в самом языке, затронет его основы, а именно лексику (в том числе фразеологию) и грамматику испанского языка.

Королевская академия испанского языка (RAE), Генеральный совет судебной власти, министерство юстиции, Королевская академия юриспруденции и испанского законодательства, Генеральный совет испанских юристов, Генеральный совет адвокатов Испании, Конференция деканов права Испании, подписали Протокол о сотрудничестве по продвижению современного и доступного для граждан юридического языка. Продвижение доступного для граждан и одновременно современного юридического языка стало одним из основных направлений работы Королевской академии испанского языка (RAE) в последнее десятилетие.

С 2014 года Королевская академия испанского языка активизировала работу, направленную на модернизацию юридического языка. В Академии был создан отдел юридического испанского языка, занимающийся данной проблематикой.

Академия реализовала три проекта, связанных с языком права, а именно вышли в свет:

- Словарь юридического испанского языка (el Diccionario del español jurídico),
- Паниспанский словарь юридического испанского языка (el Diccionario panhispánico del español jurídico),
- Книга стилей правосудия (el Libro de estilo de la Justicia),

которые являются частью соглашения, подписанного Академией с Генеральным советом судебной власти Испании в конце 2014 года. Эти три работы направлены на обеспечение доступности и модернизации юридического языка.

Не только Правительство Испании и Королевская академия испанского языка обеспокоены вопросом упрощения юридического языка. Средства массовой информации постоянно публикуют материалы, которые наглядно показывают необходимость реформ.

Медиагруппа Prodigioso Volcán в 2022 году провела исследование: журналисты проанализировали 760 текстов, опубликованных Административными органами власти различного уровня, и пришли к выводу, что 78 % из них были малопонятны. Засилье специализированной лексики и юридических фразеологизмов, необоснованное употребление грамматических времен, пассивного залога, сложноподчиненных предложений и аббревиатур привели к тому, что документы трудночитаемы [Koch 2022].

В 2020 года созданная по решению правительства Испании Комиссия по модернизации юридического языка выпустила Отчет, содержащий ряд рекомендаций по упрощению официальных юридических текстов. Наиболее интересными представляются следующие рекомендации Комиссии, касающиеся грамматики, а именно: организации абзацев, чрезмерной сложно-

сти и подчиненности предложений, избытка аббревиатур, а также хаотичности использования времен и т. д.

Интересные исследования проводятся в отношении *el futuro de subjuntivo* (будущее сослагательного наклонения). Употребление данного времени ограничено сферой права. Но и в области права употребление будущего сослагательного наклонения сокращается. В качестве примера можно рассмотреть юридические тексты, написанные на испанском языке, в рамках ЕС. Именно они представляют наибольшую опасность для будущего сослагательного наклонения. На европейском уровне наблюдается тенденция к устранению будущего сослагательного наклонения. Конечно, в большинстве случаев люди, пишущие эти тексты, являются переводчиками, которые хотя и обладают юридическими знаниями и специализируются на юридическом языке, не являются практикующими юристами. Богатство глагольных форм испанского языка является преимуществом языка. Несомненно, что правильное употребление будущего сослагательного наклонения обогащает юридический текст, поскольку позволяет выделить нюансы, которые было бы невозможно выразить с помощью других времен. Это могло бы стать аргументом в пользу сохранения этой глагольной единицы, но только при условии, что те, кто ее применяет, осознают ее ценность и умеют правильно ее использовать.

Королевская академия испанского языка осознает ценность вклада юридического языка в единство испанского языка, но вместе с тем отмечает, что характерными чертами испанского юридического языка являются склонность к высокопарности и архаизации, привязанность к стереотипным формулам, лексическая избыточность, номинализация, а также синтаксические особенности, такие как употребление будущего сослагательного наклонения, употребление будущего времени для выражения обязательства, злоупотребление герундием, а также чрезмерное употребление пассивных конструкций.

Правовая система — это совокупность правил, которые в определенный исторический момент управляют сообществом, регулируя поведение людей. Язык этих правил должен быть понятным и доступным, так как чтобы уважать закон, надо его понимать.

Литература

- Koch T.* Cruzada contra el lenguaje retorcido de la ley, los contratos y los prospectos. URL: <https://elpais.com/cultura/2022-03-06/cruzada-contra-el-lenguaje-retorcido-de-la-ley-los-contratos-y-los-prospectos.html>
- Vallejo R. G.* Sobre la modernización del lenguaje jurídico: una mirada en España e Italia. URL: https://www.researchgate.net/publication/351380058_Sobre_la_modernizacion_del_lenguaje_juridico_una_mirada_en_Espana_e_Italia
- El lenguaje de los textos europeos. URL: <https://1library.co/article/lenguaje-textos-europeos-porvenir-futuro-subjuntivo-lenguaje-jur%C3%ADdi.yjolr2pz>

Езан Ирина Евгеньевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра немецкой филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
i.ezan@spbu.ru

ВИДЕОСЮЖЕТЫ В СТРУКТУРЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТОК-ШОУ „HART ABER FAIR“: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: телевизионный дискурс, ток-шоу, мультимодальность, лексикология.

Телевизионный дискурс и его трансформация в условиях современного развития интернет-технологий вызывает в последние десятилетия устойчивый исследовательский интерес лингвистов [Езан, Неборская, 2020]. В фокусе предлагаемого доклада находится мультимодальная коммуникация в современных немецкоязычных телевизионных дискуссиях, а именно в популярном политическом ток-шоу „Hart aber fair“. Теоретической основой исследования послужили работы российских ученых Т. Г. Добросклонской, Н. Б. Егорченковой, Е. Ф. Коханова, Т. Р. Красиковой, А. А. Тертычного, а также работы немецких лингвистов М. Бендера, Х.- Ю. Бухера, Т. Глонинга, Е. Гредель, Я. Вильдфойер, Р. М. Мелль, С. Михеля и др.

В исследовании применяется методика лингводискурсивного многоуровневого анализа DIMEAN (Warnke, Spitzmüller 2008), при этом особое внимание уделяется внутритекстуальному уровню данной модели, включающему в себя лексикоориентированный анализ. Следует отметить, что применяемая в дискурс-анализе многоуровневая модель DIMEAN может быть дополнена рядом новых структурных элементов, например, мультимодальным уровнем [Gredel, Mell 2020]. В настоящее время на телевидении мы имеем дело с изменившимися коммуникативными условиями, что приводит к принципиальному изменению набора исходных параметров для анализа актуальных общественно-политических дискуссий. В передаче в рамках текущей дискуссии используются видеосюжеты, комментарии на форуме и в социальных сетях, результаты опросов и пр. Дискуссии анализируемого ток-шоу становятся частью онлайн-дискурса, поскольку практически все выпуски телепередачи обсуждаются в онлайн-версиях СМИ. Гибридный характер такого рода дискурса объясняется тем, что в нем задействованы традиционные и новые медиа. Материалы традиционных медиа параллельно или с небольшой временной задержкой размещаются на онлайн-платформах, например, в медиатеке. Благодаря современным технологиям они становятся доступными в дискурсивном пространстве в течение продолжительного времени после момента первоначальной публикации.

А. А. Тертычный в своей работе отмечает, «что в отличие от гипертекста в печатных СМИ, который можно считать статичным, для Интернета типичным является, условно говоря, гипертекст-трансформер, то есть, гипертекст, меняющийся во времени, в зависимости от особенностей пополнения исходной информации другими сообщениями и элементами» [Тертычный 2013: 174].

При анализе теледискуссий следует обратить внимание на взаимодействие и согласованность устной и письменной речи, неподвижных и движущихся изображений, звукового сопровождения, так как язык ток-шоу является лишь частью мультимодального телевизионного действия.

Материалом исследования послужили двенадцать видеосюжетов из двух выпусков программы „Hart aber fair“. Оба выпуска („Wir Ostdeutsche, wir Westdeutsche: Wie groß ist die Kluft wirklich?“ / «Мы — восточные немцы, мы — западные немцы: насколько действительно велика дистанция?», 28.09.2020; „Vorurteile West und Dauerfrust Ost: Kaum Chance für deutsche Einigkeit?“ / «Предубеждения Запада и постоянное чувство разочарования Востока: нет шанса для немецкого единства?», 25.09.2023) обращаются к по-прежнему актуальной теме объединения Германии. Видеосюжеты являются неотъемлемой частью драматургии ток-шоу „Hart aber fair“ и представляют собой так называемый мультимодальный «концентрат», поскольку продолжительность видеороликов в среднем не превышает 60 секунд. Дискурсивные позиции и фраг-

менты дискурса представлены в них в виде сжатой аргументации, а сюжет характеризуется быстрой сменой речи, звуков, изображений, которые часто создают контраст друг с другом [Girnth, Michel 2015].

В практической части исследования анализируются и сравниваются типы и функции видеосюжетов. Основное внимание сфокусировано на лексической составляющей содержания видеороликов. Корпус текстов создан с помощью программы „Any to Text“ для автоматического преобразования видео в текст. Приведем сокращенный вариант такого текста (видеосюжет № 4, 2020 г.): Seitdem ich dort arbeite, ist mein Portemonnaie dicker geworden, mein Auto dicker geworden und auch mein Bauch dicker geworden. Also, die materielle Sicherstellung ist vorhanden. Aber dieses Gefühl von damals, der Zusammenhalt, die Menschen, die sich hier alle wohlfühlt haben. [...] Menschenleer, alles ruhig. Die Einwohner sitzen meist vor ihren Flimmerkisten, [...] trinken ihr Bier. Gut. Geld gewonnen, Gemeinschaft verloren. [...] Eine Wiedervereinigung hätte ich mir anders vorgestellt [...].

В первую очередь в составленном корпусе текстов анализируются ключевые слова дискурса объединения Германии (Gemeinschaft, Zusammenhalt, Wiedervereinigung), оценочные номинации лица в рамках данного дискурса (Meckerossi, Besserwessi), специфическая для политической сферы коммуникации лексика (AfD-Bundestagsfraktion, CDU-Parteichef, Regierungspartei), метафоры (Ampelregierung, Schubladendenken, Kasperletheater) и адъективная оценочная лексика (desaströs, antisemitisch), их прагматический и дискурсообразующий потенциал, а также некоторые аспекты реконтекстуализации лексических единиц.

Литература

- Езан И. Е., Неборская Л. Н.* Телевизионный дискурс: основные направления исследований ток-шоу в современной лингвистике // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах. Курган: Курганский государственный университет, 2020. С. 153–159.
- Тертычный А. А.* Особенности жанрообразования в интернет-СМИ // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 6 (149). Вып. 17. С. 174.
- Girnth H., Michel S.* Polit-Talkshow: interdisziplinäre Perspektiven auf ein multimodales Format. Stuttgart: Ibidem-Verl., 2015. 348 S.
- Gredel E., Mell R. M.* Digitale Diskursfragmente // Diskurse — digital. Berlin: De Gruyter. 2022. S. 47–74.

Жильцова Елена Леонидовна

канд. филол. наук, доцент,

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;

el-zhilc@yandex.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПОНИМОВ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: шведский язык, эпоним, имя собственное, основосложение, деривация.

В современной лингвистике эпонимами называют лексические единицы, элементами структуры которых выступают имена собственные [Лейчик 1982: 12] или, более обобщенно, все слова, тем или иным способом образованные от имен собственных [Veidemo 2015: 46].

В шведском языке большинство эпонимов представляют собой интернационализмы, вошедшие в состав многих европейских языков. Такие эпонимы образуются обычно путем переноса названия, когда имя собственное, антропоним или топоним, становится нарицательным и обозначает не конкретное лицо или географический объект, а имеющие к ним отношение предметы или явления. Например: ampere ‘ампер’, единица измерения силы тока, — по фамилии французского физика А.-М. Ампера; cardigan ‘кардиган’, длинный вязаный пиджак на пуговицах, по фамилии британского генерала лорда Кардигана; bermudas ‘бермуды’, брюки до колен, которые европейцы носили в условиях жаркого климата на Бермудских островах.

Помимо эпонимов-интернационализмов, в шведском языке имеются и эпонимы, образованные от шведских имен собственных. Практически все они — неологизмы, появившиеся в языке в течение нескольких последних десятилетий и кардинально отличающиеся от эпонимов-интернационализмов способом образования. Если большинство интернациональных эпонимов образованы путем переноса названия, то в качестве способов словообразования для исконно шведских эпонимов используются основосложение или деривация.

Образуются современные шведские эпонимы главным образом от фамилий политиков или знаменитостей из области спорта или искусства, реже — от имен или фамилий героев книг и фильмов. Обозначают они при этом либо конкретное лицо или предмет, либо явления, связанные с именем того или иного известного человека и отображающие черты его характера или особенности поведения.

Интересен способ образования существительного с предметной семантикой friggebod ‘маленький домик площадью не более 10 кв. м’, связанного с фамилией Б. Фриггебу (Friggebo), министра по жилищной политике Швеции с 1978 по 1982 год. Здесь -d по целому ряду причин вряд ли можно рассматривать как суффикс. Вероятнее всего, компонент -bod ассоциируется в сознании носителей шведского языка с существительным bod ‘хозяйственная постройка, сарай’: redskapsbod ‘сарай для инструментов’. Таким образом, в существительном friggebod в результате процесса реэтимологизации произошло переразложение основ, и его можно рассматривать как композит.

Другое существительное с предметной семантикой, attefallshus, также образовано путем основосложения. Его второй компонент — нарицательное существительное hus ‘дом’, а первый — фамилия министра по жилищной политике С. Аттефалла, занимавшего этот пост с 2010 по 2014 г. Данное слово впервые зафиксировано в шведском языке в 20014 году и обозначает дом площадью не более двадцати пяти кв. м, который можно строить без специального разрешения.

Эпонимы-неологизмы со значением лица обычно представляют собой композиты, первым компонентом которых служит имя собственное, а вторым — нарицательное. Так, в 80-е годы прошлого века в шведском языке появилось существительное gambotup. Так называют человека, решающего все проблемы силовыми методами. Первым компонентом данного слова стало имя Рембо, персонажа популярных американских фильмов.

Существительное dylanman используется, когда говорят о фанатах американского музыканта и писателя Боба Дилана, которые всячески превозносят своего кумира и стремятся быть

похожими на него. Пик популярности этого слова пришелся на 2016–2017 годы, в связи с присуждением Дилану Нобелевской премии по литературе.

Эпонимы со значением лица могут образовываться и путем деривации. Так, существительное *blomkvistare* образовано посредством продуктивного в шведском языке суффикса *-are* от фамилии юного детектива Калле Блумквиста, героя повестей Астрид Линдгрэн. Так называют детей и подростков, которые играют в сыщиков и иногда даже помогают полиции расследовать преступления.

С помощью суффикса *-are* образуются и существительные-эпонимы с абстрактным значением. Их объединяет то, что все они образованы от фамилий известных шведских политиков и описывают характерную особенность деятельности каждого из них. Так, слово *bildtare* образовано от фамилии Карла Бильдта, который долгое время был председателем Умеренно-коалиционной партии Швеции, в 90-е годы — премьер-министром, а затем министром иностранных дел. *Bildtare* обозначает ‘умение выпутаться из сложной, неприятной ситуации’, которым Бильдт всегда славился как политик.

Эпонимами в шведском языке могут быть не только существительные, но и глаголы, образующиеся от имен собственных посредством продуктивных глагольных суффиксов *-a* и *-era*. Общим в их семантике является прототипическое значение ‘вести себя, действовать, как определенное лицо’. Один из таких глаголов, *wallraffa*, прочно вошедший в словарный состав шведского языка [Svensk ordbok 1999: 1376], образован от фамилии немецкого журналиста Г. Валлраффа и имеет значение ‘работать под чужим именем с целью проведения журналистского расследования’.

Глагол *zlatanera* образован с помощью суффикса *-era* от имени популярного шведского футболиста югославского происхождения Златана Ибрагимовича и имеет значение ‘доминировать, решать проблемы с помощью силы’, так как Ибрагимович известен жестким, силовым стилем игры.

Таким образом, имена собственные в шведском языке проявляют значительную словообразовательную активность, вследствие чего новые эпонимы появляются в Швеции почти каждый год.

Литература

Лейчик В. М. Люди и слова. М.: Наука, 1982.

Svensk ordbok. Stockholm: Språkdata och Norstedts Ordbok. 1999.

Vejdemo S. Odödlighet genom ordet // Språktidningen. Stockholm. 2015. № 6. S. 44–49.

Зыкова Ирина Владимировна¹, Руджери Федерика²

¹д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН;

irina_zykova@iling-ran.ru,

²аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания,

Московский государственный лингвистический университет;

federica_ruggeri96@hotmail.it

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ЭМОТИВОВ И ИХ ЖЕСТОВЫХ СОПРОВОДИТЕЛЕЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: глагольные эмотивы, жестикуляция, итальянский язык, телешоу, полимодальный дискурс.

В докладе будут представлены результаты изучения глагольных эмотивов (глаголов и глагольных словосочетаний) и их жестовых проводителей в итальянском телевизионном дискурсе.

Исследование проводится в рамках жестикуляционной лингвистики, представляющей собой относительно молодое и активно развивающееся в настоящее время междисциплинарное направление. Теоретической основой работы послужили научные труды российских и зарубежных ученых, в частности [Гришина 2017; Kendon 2004; McNeill 1992; Poggi, Magno Caldognetto 2004]. Для проведения исследования были отобраны видеозаписи интервью из трёх выпусков телепередачи *Che tempo che fa* общей продолжительностью около 90 минут. При отборе материала мы руководствовались следующими основными критериями: интервью ведущего с гостем должны проходить в студии (т. е. исключались случаи дистанционного подключения гостя, поскольку этот формат общения не позволяет анализировать кинетический канал); ведущий берет интервью только у одного гостя; интервью проводится с носителем итальянского языка, так как мы намерены проанализировать речь и жесты именно италоговорящих спикеров. С учетом данных критериев были отобраны интервью, гостями которых стали два представителя киноиндустрии и два представителя политической сферы: 1) Пиэрфранческо Фавино, итальянский актёр, 2) Карло Вердонэ, итальянский актёр, сценарист, кинорежиссёр, 3) Винченцо Спадафора, итальянский Министр молодёжной политики и спорта Италии, 4) Маурицио Ландини, активист итальянского профсоюзного и левого движения.

В качестве основных ставятся следующие исследовательские задачи: 1) выявить, сопровождается ли используемый глагольный эмотив (далее — ГЭ) какими-либо жестами; 2) определить ГЭ какого оценочного модуса (положительного, отрицательного, нейтрального) требуют жестового сопровождения; 3) установить характер распределения эмотивной информации в полимодальной паре «ГЭ + жест» при передаче эмоционального состояния интервьюируемых, являющихся представителями разных профессиональных сфер — искусства и политики. Общие данные по исследуемому материалу указаны в таблице.

Интервью	Дата выпуска и продолжительность	Количество слов	Общее количество эмотивных глаголов (предварительные абсолютные показатели)
Интервью с представителями киноиндустрии			
1. Pierfrancesco Favino	07.11.21 19:35 мин	2100	47
2. Carlo Verdone	31.10.21 29:45 мин	3264	76
Интервью с политиками			
3. Vincenzo Spadafora	07.11.21 18:46 мин	3263	78
4. Maurizio Landini	17.10.21 19:51 мин	3552	93

Согласно анализу, в исследуемых интервью не все ГЭ сопровождаются жестами. Например, П. Фавино использует без жестового сопровождения такие ГЭ, как: *fare fatica* (испытывать чувство усталости), *guardarsi dentro* (взглянуть внутрь себя, «прислушаться к себе, к своим ощущениям»), *spendere una lacrimuccia* (плакать). В этом интервью соотношение глагольных эмотивов без жестового сопровождения и в сопровождении различных жестов составляет приблизительно один к трем.

Внимание обращает на себя разное распределение ГЭ, выражающих положительные, отрицательные и нейтральные эмоции и переживания. При этом, согласно нашим предварительным данным, в интервью с политическими деятелями жесты сопровождают преимущественно ГЭ, передающие негативные эмоции, а в интервью с представителями киноиндустрии, напротив, жестовое сопровождение характерно в большей мере для ГЭ, выражающих положительные эмоциональные переживания. Например, в реплике актёра К. Вердонэ глагольное словосочетание *dire "grazie"* (говорить «спасибо») сопровождается жестом, при котором обе руки в положении ладонями вверх разводятся в сторону, подчеркивая тем самым испытываемое им искреннее чувство благодарности: *Ho avuto un altro regista che ha fatto più puntate di me, Arnaldo Gatinari, al quale devo dire "grazie" — У меня был другой режиссёр, который снимал больше серий, чем я, Арнальдо Гаэтани, которому я должен сказать «спасибо».* В качестве другого примера приведем реплику М. Ландини, касающуюся экономической ситуации в стране: *Oggi non c'è un collegamento tra domanda e offerta e i centri per l'impiego sono fatti di lavoratori precari... abbiamo bisogno invece di investire maggiormente in questa direzione — Сегодня нет связи между спросом и предложением, и в центрах занятости работают временные рабочие... нам, наоборот, нужно вложить больше в это направление.* Произнесение ГЭ *abbiamo bisogno* синхронизируется с двуручным жестом на себя, что усиливает эффект от выражения испытываемого политическим деятелем чувства необходимости совершения конкретных действий, а также чувства ответственности, лежащее в том числе и на нем за разрешение сложившейся ситуации.

В докладе будет представлена подробная систематизация установленных случаев употребления ГЭ с определенными типами жестов в итальянском телевизионном дискурсе, а также результаты структурно-семантического анализа выявленных ГЭ и взаимодействующих с ними жестов. На базе выявленных фактов будет обоснована специфика распределения эмоциональной информации в ходе межличностного общения, участниками которого являются представители разных (в известном смысле противопоставленных) профессиональных сфер.

Литература

- Гришина Е. А. Русская жестикуляционная лингвистика с лингвистической точки зрения (корпусное исследование). М., 2017.
- Kendon A. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge, 2004.
- McNeill D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago, 1992.
- Poggi I., Magno Caldognetto E. *Il parlato emotivo. Aspetti cognitivi, linguistici e fonetici // Atti del Convegno "Italiano parlato"*, Napoli 14–15 febbraio 2003. Napoli: D'Auria Editore, CD-Rom., 2004.

Иванова Анна Викторовна

канд. филол. наук, старший преподаватель, кафедра романской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
avi.trujaman@gmail.com

«TOSAR FERRO» И ДРУГИЕ РЕФЛЕКСЫ ЧЕРНОГО МЕТАЛЛА В КАТАЛАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: железо, дороманский субстрат, иберы, кельты, фразеология.

В докладе рассматривается идиоэтнический феномен одного из фрагментов каталанской языковой картины мира, связанный с функционированием существительного *ferro* «железо» и его дериватов. Ярким примером служит выражение *tocar ferro* букв. «прикоснуться к железу», которое в каталаноязычном ареале используется говорящими с целью оградить себя от разного рода неприятностей или сглаза. Очевидно, что в данном контексте в русском языке, равно как и в большинстве языков романо-германского цикла (за исключением, вероятно, итальянского), используется выражение «прикоснуться / постучать по дереву», ср.: англ. *knock on wood*, фр. *toucher du bois*, исп. *tocar madera*. Аналог последнего в каталанском *tocar fusta* представляет собой калькирование с испанского и квалифицируется как кастельянизм [Reig 2009]. Так, практически во всех лексикографических источниках конца 90-х гг. прошлого века (среди наиболее авторитетных см., например, *Diccionari de la llengua catalana de l'Institut d'Estudis Catalans* (1a edició, 1995), *Gran Diccionari de la Llengua Catalana de l'Enciclopèdia Catalana* (1a edició, 1998)) заметна тенденция одновременного указания на наличие в каталанском *tocar fusta* наравне с исконным *tocar ferro*, что является одним из примеров «лингвистического раболепия» перед испанским языком [там же]. В более ранних источниках зафиксировано только *tocar ferro* (*Diccionari Català-Valencià-Balear d'Alcover-Moll*, 1975–1977; *Diccionari de locucions i frases fetes de Joana Raspall i Joan Martí*, 1984; *Diccionari de la Llengua Catalana de l'Enciclopèdia Catalana*, 3a edició ampliada i actualitzada, 1993).

По одной из версий происхождение фразеологизма *tocar ferro* восходит к эпохе Средневековья, когда для совершения убийства было принято нанимать людей, имевших какие-либо физические дефекты. При приближении последних собеседника часто предупреждали словами *Tosa ferro!* («Возьмись за железо!»), что означало, что он должен был взять меч, кинжал или любое другое холодное оружие, чтобы защитить себя от возможной агрессии. С течением времени, смысл использования данного выражения перешел в разряд суеверий, но оно не утратило своей частотности в разговорной речи [Reig 2009]. Настоящая трактовка не убедительна лишь в том смысле, что она не объясняет, почему именно в каталанском ареале эта экстралингвистическая реальность оставила свой след в языке, в то время как в соседних ареалах близкородственных языков этого не произошло, хотя и там наемники были с увечьями и при их приближении не лишним было хвататься за оружие. Как представляется, предпосылки для формирования «металлической» и «деревянной» версии этого фразеологизма с глаголом *tocar* лежат в более древнем дороманском периоде становления этнолингвистического своеобразия Пиренейского полуострова. Как известно, дороманский субстрат, способный пролить свет на «темные вопросы романистики» [Петров 1925: 161], не был гомогенным. Согласно имеющемуся в распоряжении исследователей-пиренеистов конкретному материалу, можно говорить о двух гетерогенных слоях (стратах). К первому относятся доиндоевропейские автохтоны Пиренейского полуострова и Южной Франции, языки и культуры которых формировались со времени Верхнего палеолита. Ко второму — индоевропейские аллохтоны, проникновения которых на рассматриваемую территорию отмечаются с «переходного» периода поздней бронзы — раннего железа: докельтские (1300–900 г. до н.э.) и кельтские (после 900 г. до н.э.) племена [Зеликов 2020: 6]. Обычай прикасаться к дереву, чтобы предотвратить несчастье, очень древний и, скорее всего, восходит к религиозным верованиям кельтов, которые считали деревья священными. Возможно этим объясняется распространенность *tocar madera* в более кельтизированных реги-

онах. В то время как каталанское *tocar ferro* вполне совпадает с зоной иберского субстрата, где, как известно, со времен неолита процветало металлургическое производство. Его существенное увеличение в иберское время связано с интересом к железу. Самые значительные месторождения железа в иберском ареале были в Калатаюде (*Bilbilis*) и Тарасоне (*Turiaso*). Судя по многочисленным остаткам железного шлака, этот металл добывали в Каталонии повсеместно [Зеликов 2020: 207]. Выплавка железа осуществлялась т. н. «прямым методом» с использованием изобретенной каталонцами сыродутной печи, за которой по всей Европе и за её пределами (в Новом Свете, благодаря мальоркинским миссионерам в XVIII в.) впоследствии закрепилось название *farga catalana* («каталонский горн»). С особенностями «прямого метода» восстановления железа из руды с использованием угля связан и еще один каталанский фразеологизм — по *fer ni ferro ni carbó* «ни на что не годиться». Значение железа, добывавшегося уже в VII в. до н. э. турдетанами, а затем быстро распространившегося на весь север и восток Пиренейского полуострова (т. е. территорию т. н. *Mon Ibèric*) сложно переоценить. Оно использовалось для производства сельскохозяйственных орудий и оружия. Ср. знаменитый воинственный клич ¡*Desperta ferro!* (букв. «Проснись, железо!»), с которым вступали в бой альмогавары — лёгкая пехота из горных областей Арагона, Каталонии и Наварры, прославившаяся во время христианской реконкисты в XIII–XIV столетии.

Среди прочих примеров ФЕ с компонентом *ferro* и его дериватами, не имеющих параллелей в близкородственных языках, следует упомянуть: *posar cara ferrenya* «угрожать», *tenir les orelles a cal ferrer* «не слышать, прикинуться глухим»; *batre / picar ferro fred* «тщетно пытаться сделать что-то»; *ou ferrat* «яичница»; *metre / estar en ferros* «арестовать / быть под арестом»; *tirar el ferro* «бросить якорь» и др.

Литература

- Зеликов М. В. Древние языки и культуры Испании, Португалии и Южной Франции (неиндоевропейские языки). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 444 с.
- Петров Д. К. Темные вопросы романистики // Яфетический сборник. 1925. Вып. 4. С. 161–165.
- Reig E. S. *Tocar ferro* // *Llengua nacional: publicació de l'Associació Llengua Nacional*. № 66. 2009. P. 20.

Карпенко Елена Игоревна

канд. филол. наук, Московский государственный лингвистический университет;
elena_karpenko@list.ru

БИБЛЕЙСКИЕ АНАЛОГИИ И ТИПЫ СВЯЗНОСТИ В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: библейская аналогия, анафора, катафора, экзофора, текст, дискурс, немецкий язык.

Проблеме структурной и семантической связности текста посвящено множество работ (М. А. К. Халлидэй, Р. Хасан, Е. В. Падучева, И. Р. Гальперин, К. Бринкер и др.). Отдельное внимание ученых заслужили языковые единицы (в основном, слова и словосочетания), выступающие маркерами текстовой связности (например, артикли, местоимения, имена собственные). В работе [Кулинцева, Зайцева 2017] рассматриваются текстовые функции финального компонента абзаца (чаще всего, последнего предложения абзаца), детерминированные его участием в организации анафорических, катафорических или анафоро-катафорических отношений в абзаце или в абзацном комплексе [Кулинцева, Зайцева 2017].

В данном сообщении рассматривается роль библейских аналогий в организации отношений связности в тексте, а также выявляются текстовые функции данных языковых единиц. Под библейскими аналогиями понимается прием сопоставления субъект-субъектных или субъект-объектных отношений в библейском прототипе и в аналоге — новой референтной ситуации, создаваемой с целью формирования образа референта (см., например, [Gentner, Markman 1997]). Рассмотрим следующее предложение: «Der David mit 1700 Mitarbeitern will den Goliath Volkswagen, 610.000 Mitarbeiter stark, daher verklagen» (Merkur.de, 03.07.2016, URL). Отношения между субъектами в библейском прототипе (Давидом и Голиафом) сопоставляются в референтной ситуации-аналоге с правовыми отношениями между двумя экономическими субъектами (сравнительно небольшим предприятием-поставщиком и промышленным автогигантом Volkswagen). Основанием сопоставления является неравный характер отношений между более и менее сильным контрагентом.

В данной работе библейскую аналогия рассматривается в качестве исходной точки для определения вектора отношений связности. Анафорические отношения по мнению исследователей связывают постседент с предшествующей информацией в тексте (с так называемым левым контекстом). При анафорическом употреблении библейские аналогии подытоживают предшествующую информацию в тексте конкретным авторитетным и, как правило, широко известным примером из Библии. Библейская аналогия в анафорической позиции расставляет акценты, определяет знак оценки референта, способствует окончательному оформлению коннотаций в соответствии с ценностным компонентом, ассоциированным с библейским прототипом. Эти свойства библейских аналогий востребованы в том случае, если референтная ситуация в аналоге не однозначна, может быть по-разному истолкована в зависимости от прагматической установки дискурса, амбивалентна с точки зрения оценки. Иными словами, анафорический вектор используются всегда, когда при помощи языковых средств продуценту необходимо сформировать в картине мира реципиента и одновременно интерпретатора новой референтной ситуации определенный взгляд на описываемый фрагмент действительности, ср.:

- (1) Meine Mandanten sind total verunsichert. Sie wissen nicht einmal mehr, wie sie mit dem Audi TT fahren sollen! Sagt Herr Besch. Herr Besch? Wenn wir in den USA wären, würde jedes Kind diesen Mann kennen. Der Mann ist Verbraucheranwalt, also: David gegen Goliath (Zeit online, 29.04.2011, URL).

В примере (1) библейский прототип в анафорической позиции подытоживает характер взаимодействия между представляющим интересы потребителей адвокатом и автогигантом Audi. На эту функцию указывает слово also / то есть, итак. Анафорическими к постседенту David яв-

ляются слова Herr Besch, diesen Mann, Verbraucheraanwalt. Косвенно реферируют к кореференту Verbraucheraanwalt первые два предложения в контексте (Mandant, Audi TT fahren). Интерпретатор понимает, что, если господин Беш выступает в суде против Audi также, как Давид против Голиафа на поле боя, то он уверенно побеждает контрагента, обладающего большими финансовыми и юридическими возможностями.

Катафорические отношения в тексте направлены вперед, на правый контекст повествования. Ввиду указанных выше свойств (амбивалентность оценки, диффузность и контекстная обусловленность значения) библейские аналогии в катафорической позиции могут лишь задавать рамки интерпретации. Последующая экспликация аналогии происходит в правом контексте повествования, за счет ввода различных характеристик референта, проективно соотносимых с характеристиками библейского прототипа. Поэтому катафорический вектор библейской аналогии в тексте сигнализирует функции ввода темы, привлечения внимания реципиента. Дополнительным маркером данного вектора является постановка библейской аналогии в такие сильные позиции текста, как заголовок и первое предложение, ср.:

- (2) Ein wenig ist es, als bekäme David im Kampf gegen Goliath plötzlich eine deutlich größere Steinschleuder in die Hand gedrückt: Prozessfinanzierer stellen Betroffenen Geld zur Verfügung, mit dem diese in die Lage versetzt werden, juristisch auf Augenhöhe Prozesse zu führen, deren Kosten sie selbst nicht aufbringen können (Anwaltsblatt, 28.01.2019, URL).

В примере (2) библейский прототип сформулирован следующим образом: «Это выглядит так, как если бы Давид в битве с Голиафом внезапно получил бы пращу гораздо большего размера». Из правого контекста становятся очевидными проекции к этому прототипу из новой референтной ситуации: Давид — частное лицо, истец; Голиаф — концерн, промышленный гигант, ответчик; праща — новый инструмент в судебной практике (финансирование процесса со стороны крупных инвесторов), позволяющий частному лицу вести процесс с более сильным контрагентом «на равных».

В анафоро-катафорической позиции библейская аналогия может объединять два абзаца в абзацный комплекс, если находится на границе двух абзацев; или объединять начало и завершение одного абзаца, если находится в его срединной позиции. Левый и правый контекст могут при этом реферировать к разным аспектам библейской прототипической ситуации, ср.:

- (3) Er gegen Scholz, „der kräftige Bärtige von der CDU gegen König Olaf“, wie er selbst sagt, das sei wie „David gegen Goliath“. An dieser Feststellung ist nichts Kokettes, sie beschreibt schlicht eine Tatsache: Scholz spielt in der Bundesliga, Trepoll in der Regionalliga. Für den CDU-Mann bedeutet dieser Klassenunterschied, dass er im Zweifel eher auf Nachsicht hoffen kann als sein Widersacher (Zeit online, 31. Juli 2017, URL).

В примере (3) библейская аналогия характеризует отношения между политическими контрагентами. Библейский прототип «David gegen Goliath» связан анафорически с конструкциями «Er gegen Scholz; der kräftige Bärtige von der CDU gegen König Olaf» и катафорически с оппозицией «Bundesliga — Regionalliga», «Klassenunterschied». При этом для экспликации левого контекста важна проекция «физический вес контрагентов — политический вес контрагентов», а для правого — «результат военного противостояния — результат политического противостояния».

В заключении необходимо упомянуть экзофору или отсылку к широкому социокультурному контексту. Такая отсылка определяется как общее для продуцента и реципиента энциклопедическое или индивидуальное знание, необходимое для идентификации референта. Это общее знание не вербализовано, но вытекает из экстралингвистического контекста текущей коммуникативной ситуации [Gnutzmann 1984: 115]. Экзофора не связывает отдельные элементы текста, а как бы выходит за его пределы: применительно к библейским аналогиям можно сказать, что экзофора связывает текст с ценностными компонентами картины мира продуцента и реципиента. Возникает вопрос, при каждом ли употреблении библейской аналогии в тексте возникает экзофорическая связь с ценностной картиной мира? Отметим здесь, что наименьшие сомнения в этом отношении вызывают контексты, содержащие маркеры экзофорических отношений, ср.:

- (4) Im Grunde ist es der alte Kampf zwischen David und Goliath, zwischen dem einzelnen Menschen und den staatlichen Organen (Zeit online, 13.10.2017, URL).

В примере (4) автор описывает борьбу частных IT-специалистов против массовой слежки за населением со стороны финансируемых государством органов. Как видно из примера (4), продуцент считает, что речь идет о «старой битве между Давидом и Голиафом». Маркер экзофоры «старый» указывает на то, что описываемая ситуация — человек против системы — регулярно на протяжении длительного времени повторяется в обществе и, следовательно, воспроизводится в дискурсе. Она хорошо известна и продуценту, и реципиенту, как и то, что в такой битве обычно побеждает выступающий на стороне справедливости менее сильный соперник (невербализованное общее знание).

Таким образом, независимо от позиции в тексте свободная библейская аналогия довольно успешно обеспечивает структурную и семантическую связность текста и его отдельных структурных элементов. В зависимости от вектора отношений связности (анафорического, катафорического и анафоро-катафорического) библейская аналогия изменяет свои текстовые функции. Кроме того, библейская аналогия может функционировать как экзофорическая отсылка к внетекстовым событиям. В этом случае экзофора возводит описываемую в тексте референтную ситуацию в ранг типичных повторяющихся событий, оценка которых со стороны продуцента и интерпретатора соотносится с их ценностной картиной мира.

Литература

- Кулинцева Н. А., Зайцева О. Л. Катафорическая и анафорическая функции финального компонента абзаца в тексте // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 1. С. 184–188.
- Gentner D., Markman A. B. Structure Mapping in Analogy and Similarity // *American Psychologist*. 1997. Vol. 52 (1). P. 45–56.
- Gnutzmann C. Textkonstitution und Textsortendifferenzierung. Zum Gebrauch der englischen Demonstrativpronomina // *AAA: Arbeiten Aus Anglistik Und Amerikanistik*. Vol. 9, no. 2, 1984. S. 107–130. URL: <http://www.jstor.org/stable/43025456> (дата обращения: 03.01.2024).

Ковалев Борис Вадимович

Санкт-Петербургский государственный университет;
член Союза Писателей Санкт-Петербурга;
bvkovalev@yandex.ru

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» НА КАТАЛАНСКИЙ ЯЗЫК)

Ключевые слова. Пушкин, «Евгений Онегин», проблемы перевода, каталанский язык, историческая лексикология, поэтический перевод.

В 2019 году в издательстве Club editor увидел свет первый перевод романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на каталанский язык, выполненный Арнау Бариосом Жене. Публикация стала важным событием, способствовавшим укреплению русско-каталонских культурных связей; текст был удостоен двух премий за лучший перевод (Premi Ciutat de Barcelona 2019 и Premi Serra d'Or 2020) [Puixkin 2019]. Однако несмотря на то, что с момента выхода перевода прошел существенный промежуток времени, представляется, что лингвостилистические особенности этого текста еще не были отрефлексируются.

Интерес для исследования представляют особенности перевода некоторых случаев, которые являются сложными даже для носителей языка. Речь в первую очередь идет о лексемах, присутствующих в современном языке, но использованных Пушкиным в ныне устаревшем значении. В настоящем исследовании мы сосредоточили свое внимание именно на таких случаях, ограничившись первыми четырьмя главами.

Переводчиком верно истолкована лексема «сосуд» (гл. 2, VIII: «Он верил, что друзья готовы / За честь его приять оковы / И что не дрогнет их рука / Разбить сосуд клеветника» [Пушкин 2024: 39]), в церковнославянском языке значившая «оружие»: I que no els dubta el braç robust a destruir les armes de l'injust [Puixkin 2019: 64]. Также корректно восприняты слова «инвалид» («Так точно старый инвалид / Охотно клонит слух прилежный», гл. 2, XVIII [Пушкин 2024: 44]) — как ветеран: Així, quan ja no va a la guerra, deixat al cau, un veterà escolta [Puixkin 2019: 71]; «заря» («Умильно на пучок зари / Они роняли слезки три», гл. 2, XXXV [Пушкин 2024: 51]) — как трава: Ells feien caure en el coscoll tres làgrimes, amb sentiments a doll [Puixkin 2019: 84]; и «любовник» («И впрям, блажен любовник скромный, / Читающий мечты свои / Предмету песен и любви, / Красавице приятно-томной», гл. 4, XXXIV [Пушкин 2024: 87]) — как влюбленный: I tant! Felic l'enamorat que li diu versos amb fervor [Puixkin 2019: 144], поскольку в ином случае фигурировала бы лексема «amant», аналогичная по значению современному «любовнику».

Однако в XXIII строфе главы 1 («Торгует Лондон щепетильный» [Пушкин 2024: 19]) опущен эпитет «щепетильный», важный для характеристики товаров из этого города: Pels carpitxosos des de Londres [Puixkin 2019: 31]. Кроме того, трансформируется галлицизм «вольностью дыша», восх. к фр. respirer l'air la liberté («Онегин полетел к театру, / Где каждый, вольностью дыша, / Готов хлопнуть entrechat», гл. 1, XVII [Пушкин 2024: 17]): Dins d'un ambient d'esperit crític [Puixkin 2019: 27]. Дух вольности или свободы заменяется духом критики, что оказывается своего рода метонимическим переносом. Эта трансформация примечательна тем, что совпадает с цензурной заменой, использовавшейся в прижизненных изданиях «Онегина» — «критикой дыша».

Отмечается и корректное стилистическое решение при переводе слова «пиит»: «Стоял задумчиво Евгений, / как описал себя пиит» (гл. 1, XLVIII) [Пушкин 2024: 30]. Архаичная даже для начала XIX в. лексема «пиит», использованная в ироническом ключе по отношению к адресату — М. Н. Муравьеву, передана при помощи слова «el cantor», более торжественного и архаичного в сравнении с нейтральным «el poeta»: L'Eugeni cavil-lava absort, igual com va descriure's el cantor [Puixkin 2019: 48].

Особый интерес представляет перевод строфы XXXVII из первой главы: «И хоть он был повеса пылкой, / Но разлюбил он наконец / И брань и саблю и свинец» [Пушкин 2024: 25]. Перевод: *També va perdre el gust, en fi, del plom, del sabre i del maldir* [Puixkin 2019: 42].

Среди филологов нет единства по вопросу о том, что в данном фрагменте означают брань, сабля и свинец. Набоков называет этот момент «туманным», Пеньковский предлагает романтическую интерпретацию [Пеньковский 1999], Барский — медицинскую [Барский 2011]. Весьма вероятно, что речь идет о шифре, понятном лишь Пушкину и его ближайшему окружению. Однако в случае с переводом на каталанский ошибка кроется в ином. Дословный обратный перевод: «Также утратил вкус, наконец, к свинцу, сабле и брани». Здесь ‘maldir’ — это брань в значении «ругательство» (ср. исп. ‘maldecir’, фр. ‘médire’). Судя по всему, причина ошибки заключается в следующем: в современных толковых словарях первым значением указывается именно ругательство, «битва» же отмечена как устаревшее. По всей видимости, попытка избежать гиперинтерпретации обернулась некоторой поверхностью перевода. Методологическая установка переводчика привела к ошибке, которая делает непрозрачный для интерпретации фрагмент текста еще более непонятным для каталанского читателя.

Несомненно, текст Арнау Бариоса является серьезной переводческой удачей, работа, проделанная с лексическим уровнем текста, позволяет читателю в достаточной мере корректно воспринять мир пушкинского романа. Кроме того, каталанский «Евгений Онегин» может служить прекрасным материалом как для сугубо переводоведческих и лексикологических, так и грамматико-сопоставительных и сравнительно-стиховедческих работ, открывая перспективу для компаративных исследований в самых разных областях, связанных с изучением поэзии, языка и языка поэзии.

Литература

- Барский О. В. Из цикла «Пушкинский загадки»: «Евгений Онегин» // *Топос: литературно-философский журнал*. 2011. № 6. URL: <https://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/iz-tsikla-pushkinskie-zagadki-evgenii-onegin>
- Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря («Евгений Онегин», 1, XXXVII, 13–14) // *Philologica*. 1999/2000. Vol. 6, no. 14. P. 41–70.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин. 2024. URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/04onegin/01onegin/0836-full.htm>
- Puixkin A. Eugeni Onegin / trad. d'Arnau Barios. Club editor, 2019. 320 p.

Коржукова Елена Станиславовна

канд. филол. наук, доцент, кафедра испанского языка,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
baleares@yandex.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ДЕТЕКТИВЕ (НА ПРИМЕРЕ «ТРИЛОГИИ О БАСТАНЕ» ДОЛОРЕС РЕДОНДО)

Ключевые слова: современный испанский детектив, фольклор, мифология, культура, антропология.

В современном испанском детективе сходятся различные идейно-тематические, структурно-сюжетные и художественно-стилистические слои, и во многом он перешёл границы классического детектива. Это обусловлено и тенденцией к массовости литературы, её лудическому характеру, а также несомненным влиянием постмодернизма, его многослойных повествовательных структур и надломленности характеров героев.

Произведения испанской писательницы Долорес Редондо, в частности, «Трилогия о Бастане» (*Trilogía del Baztán*, 2015) в полной мере отражают специфику нового жанра, продолжающего свое развитие. Ярчайшая особенность её романов — особое пространство развития захватывающих событий. Автор не ограничивает произведение узкими рамками криминального сюжета, вплетая в него исторические, философские, этические размышления и поднимая психологические и социальные вопросы. Оно пропитано «духом места» и его обитателей. Мнение В. В. Виноградова [Виноградов 1959] о растворенности автора в тематике, композиции и языке текста парадоксально применимо к этим неклассическим произведениям, формирующим пласт скорее массовой литературы. Долорес Редондо переплавляет собственный культурно-исторический опыт и воспоминания в многообразии ландшафтов, мифов, характеров, погружая в малознакомый, но завораживающий мир испанского севера.

На страницах детектива читатель редко ожидает встретить филолого-культурологический контент в виде проявлений фольклора, но это и составляет специфику произведений Д. Редондо. Стоит оговориться, что фольклорно-мифологическое начало можно рассматривать, во-первых, с точки зрения художественного вымысла и, соответственно, не отделимой от него функции воздействия на читателя, а во-вторых, — постараясь придерживаться такого подхода — путём нейтральной фиксации в тексте фольклорных проявлений, попытки их классификации и детерминации идейно-художественной функции.

Согласимся с мнением исследователя испанских фольклорных форм Бакановой А. В. о том, что любое проявление фольклора характеризуется длительным устным путем формирования и «подразумевает следование традиции и готовому образцу» [Баканова 2023: 152]. В Испании же «этносы этой многонациональной страны сумели сохранить свои обычаи и язык, верования и суеверия, что отразилось на нескольких существующих на полуострове мифологических системах» [Оболенская 2018: 21]. Главная героиня романов впитала в себя традиции, верования и мифы через представительниц старшего поколения женщин — тётки и бабушки.

Первая книга Трилогии задаёт систему координат мифологического и магического фольклора, который у Редондо превалирует, — именно в ней читатель узнает о древних существах, прочно обосновавшихся в народном сознании на основе древних анимистических представлений и веры в природные силы. В мире Бастана живут чудесные феи-ламии с гусиными лапами, расчесывающие по ночам свои длинные волосы, ведьмы (баск. *sorgiña* или *belagile*), Басахаун (*Basajaun*) — антропоморфное мистическое существо народной мифологии, следящее за равновесием в лесу и помогающее; Мари — своенравный дух, защитница урожая и скота, символ силы земли, несущая грозу и дарующая плодородие. Вокруг фольклорных образов выстраиваются обряды, описанные в романах: например, в благодарность за свист, предупреждающий о буре или затаившемся волке, на входе в пещеру пастухи оставляют Басахауну хлеб, сыр или овечье молоко; в надежде обрести счастье материнства женщины приносят к пещере Мари камень от своего дома, а возвращаясь, ни в коем случае не должны оглядываться на пещеру и оставлен-

ный дар. Эти и другие обряды передаются в романах и описательно, словами главных героев, основываясь на трудах испанских антропологов (Мигеля де Барандьярана), и непосредственно вплетаясь в сюжет — главная героиня, скептик, наделённая тонкой интуицией, вступает во взаимодействие с этими силами.

Во второй и третьей книгах много говорится о ведьмах. Амайя вспоминает рассказы своей бабушки, ставшие сейчас, по её мнению, частью народного фольклора. С ведьмами связано поверье о силе репейника, который вешали на дверь: так ведьма была вынуждена сосчитать все колючки, а с рассветом уйти. Не раз повторяются слова-поверье о том, что ведьмы не находят покоя даже после смерти. Особой силой обладает грецкий орех — в его пополюхой на человеческий мозг начинке ведьма заключает силу своего темного желания. Страх перед их злой силой порождает и разного рода защитные заклички (заклинания): «No hay que creer que existen, no hay que decir que no existen», «¡Sola vayas!» — неизвестно, из каких глубин, они всплывают в сознании главной героини при встрече со Злом.

В третьей книге Трилогии дано фольклорное представление об Ингуме — злом духе, умерщвляющем во сне, и заклинание, произносимое перед сном: как и в случае с ведьмой и репейником, демона заставляют выполнять какой-то ритуал, а с приходом рассвета он неизбежно уходит:

Inguma, no te temo.
A Dios, a madre María tomó por protectores.
En el cielo estrellas, en la tierra hierbas,
En la costa arenas, hasta haberla contado todas, no te me presentes.

Непонятная и всегда пугающая, смерть породила массу фольклорных проявлений, переплетавшихся с христианскими постулатами. Существовал обычай, согласно которому умерших без крещения младенцев хоронили вокруг дома по линии дождевых стоков, и они на протяжении всех последующих поколений оставались невидимыми хранителями семьи. Женщина, потерявшая внучку, повторяет по-баскски заклинание для пчёл, чтобы они сделали больше воска и умершей хватило света от свечей во время прощания:

Abejas, abejas.
Hoy ha muerto el amo de la casa.
Abejas, abejas.
Y necesita luz en la iglesia.

Наконец, в романах Редондо есть элементы фольклора, сформировавшиеся веками борьбы местных жителей с суровыми условиями жизни (хитроумный обряд-компромисс, связанный с ношением женщинами соломы на голове), а также детский фольклор — колыбельные во второй и третьей книгах. Таким образом, через разнообразные фольклорные проявления полнее и ярче высвечивается культурно-антропологический пласт, столь непривычный в детективном жанре, но характерный для произведений испанской писательницы.

Литература

- Баканова А. В. Малые жанры испанского фольклора // Ибероамериканские тетради. 2023. Т. 11 (3). С. 146–163. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-3-146-163>
- Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655 с.
- Оболенская Ю. Л. Мир испанского языка и культуры. М.: Ленанд, 2018. 254 с.

Крылова Эльвира Борисовна

д-р филол. наук, профессор, филологический факультет,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
krelvira@mail.ru

О ВАРИАТИВНОСТИ ДАТСКИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ I И PÅ

Ключевые слова: датский язык, пространственный предлог, вариативность.

1. Изменения в употреблении предлогов являются одними из наиболее характерных изменений в языке. Так, в датском языке на протяжении многих лет наблюдается конкуренция между пространственными предлогами *i* 'в' и *på* 'на', что вызывает много проблем не только у иностранцев, изучающих язык, но и у самих датчан [Petersen 1976; Sandersen 2006]. Как отмечают датские исследователи, основное различие в значении данных предлогов обнаруживается в следующих предложениях: *Han ligger i sengen*. 'Он лежит в кровати.' — *Han ligger på sengen*. 'Он лежит на кровати' [Petersen 1976: 1]. Значение предлога *i* 'в' здесь можно описать наречно-предложными сочетаниями *inden i* 'внутри в', *nede i* 'внизу в', а значение предлога *på* — сочетанием *oven på* 'сверху на'. Таким образом, предлог *i* должен преимущественно употребляться в сочетании с существительными, обозначающими помещение или пространство, ограниченное по сторонам, тогда как предлог *på* употребляется с существительными, обозначающими не ограниченную по сторонам поверхность. Интересно, что Д. Б. Никуличева, исследуя функции предлога *i*, говорит, что он концептуализирует временной интервал как контейнер [Никуличева 2017: 63].

2. Описанное выше различие в значениях данных предлогов объясняет использование предлога *i* с существительными *gade* 'улица', *gyde* 'улочка', *stræde* 'переулок', пролегающими между домами, т. е. «внутри помещения/пространства»: *i de sydlandske gyder og gader* 'на южных улицах и в переулках'. Предлог *i* используется также с геонимами, названиями улиц и переулков, представляющими собою сложные образования, последними элементами которых являются данные существительные: *i Vestergade*, *i Aage Hauglands Gyde*, *i Clemens Stræde*.

Причиной же употребления предлога *på* с существительным *vej* 'дорога, шоссе, путь' является то, что изначально так назывались дороги, ведущие из города или проходящие за его границами через малонаселенные местности: Выражения *på vej* 'на/в/по пути', *på veje* 'на путях', *på vejen* 'на этом пути' используются для создания ментальных пространств и различных фразеологизмов: *at være på vej på pension* 'собираться (букв.: быть в пути) на пенсию', *at føre ham på gale veje* 'вести его в заблуждение (букв.: вести его не по тому пути)'.

При этом необходимо заметить, что выбор предлогов *i* или *på* иногда может быть субъективным и зависеть от традиций и знаний проживающих в данной местности людей.

3. В основе еще одной сферы конкуренции между *i* 'в' и *på* 'на' лежат политико-географические различия. Согласно нормам датского языка предлог *på* 'на' употребляется с существительными, имеющими значения 'остров' или 'маленький полуостров': *på øen* 'на этом острове', *på den lille halvø* 'на этом маленьком полуострове', а также с их топонимами: *på Grønland* 'на острове Гренландия', *på Bornholm* 'на острове Борнхольм', *på Krim* 'на полуострове Крым'. Предлог *i* 'в' употребляется с названиями больших полуостровов, государств и значительных территорий: *i Jylland* 'на полуострове Ютландия/в Ютландии', *i Europa* 'в Европе', *i Danmark* 'в Дании', *i Grønland* 'в Гренландии' [Sandersen 2006].

Таким образом, выбирая один из данных предлогов, говорящий может сигнализировать слушающему, идет ли речь о названии острова или расположенного на нем государства: *på Island* 'на острове Исландия' — *i Island* 'в Исландии'. Если употребление предлога *på* для обозначения плоскости острова не вызывает вопросов, то использование предлога *i* для обозначения страны, лежащей на острове, можно попытаться объяснить тем, что она ограничена площадью данного острова.

Справедливости ради необходимо заметить, что датчане в последнее время предпочитают использовать предлог *i* в большинстве случаев, когда речь идет и об островах, и о расположенных на них государствах. Так, в отличие от шведов, использующих оба предлога с топонимом *Irland* [Чекалина 2020: 75], датчане употребляют с ним только предлог *i*: *den mystiske natur i Irland* ‘мистическая природа в Ирландии’, *en afstemning i Irland* ‘референдум в Ирландии’.

4. Наиболее интересным является употребление предлогов *i* ‘в’ и *på* ‘на’ в обиходной речи датчан. Так, оба предлога могут использоваться с одинаковыми пространственными существительными: *i køkkenet* ‘в кухне’ — *på køkkenet* ‘на кухне’, *på restauranten* ‘в ресторане’ — *i restauranten* ‘в ресторане’, *i skolen* ‘в школе’ — *på skolen* ‘в школе’. Объяснить выбор говорящим одного из двух предлогов так же, как в предыдущих случаях, невозможно. Если предлог *i* и здесь оформляет значение помещения или ограниченного пространства, то предлог *på* употребляется, когда речь идет о прямом функциональном назначении данного помещения, ср.: *at spise på restauranten* ‘есть в ресторане’ — *at vente i restauranten* ‘ждать в ресторане’ — *at holde en udstilling i restauranten* ‘устроить выставку в помещении ресторана’:

De forsøgte at komme ind i ambassaden. ‘Они попытались войти в посольство’ (в здание).

Tidligere skulle man ind på ambassaden for at få visum. ‘Раньше нужно было идти в посольство, чтобы получить визу’.

Таким образом, можно сказать, что предлоги *i* ‘в’ и *på* ‘на’ имеют определенные семантические различия и чаще всего не могут быть взаимозаменяемы.

Литература

- Никуличева Д. Б. О некоторых парадоксах датских темпоральных предлогов и их перцептивном объяснении // Скандинавская филология. *Scandinavica*. Т. XV, Вып. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017. С. 54–68.
- Чекалина Е. М. Вариативность пространственных предлогов *på/i* в современном шведском языке — «в Ирландии, Исландии, Гренландии» // Слово, знание и учение. *Focal, fios agus foghlaim*. Сб. Статей в честь юбилея Т. А. Михайловой. 2020. С. 74–75.
- Petersen P. R. På gade og vej // *Nyt fra Sprognævnet*. 1976. No. 17. S. 1–4.
- Sandersen V. Om konkurrence mellem *i* og *på* // *Nyt fra Sprognævnet*. 2006. No. 1. S. 5–10.

Кутькова Анастасия Владимировна

канд. филол. наук, старший преподаватель, кафедра иберо-романского языкознания,
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;
anastasia.kutkova@yandex.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР POR CIERTO И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В ПОРТУГАЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО СЕРИАЛА EL MINISTERIO DEL TIEMPO)

Ключевые слова: дискурс, устная разговорная речь, дискурсивные маркеры, речевые слова.

В последние годы изучение дискурсивных маркеров попадает в сферу актуальных интересов лингвистики, поскольку связано со структурой текста, устройством дискурса, изучением звучащей речи. Кроме того, дискурсивные маркеры наглядно демонстрируют различные функции языка: коммуникативную, фатическую, экспрессивную и т.д. И наконец, в дискурсивных маркерах сконцентрировано множество уникальных, лингвоспецифичных свойств.

Этот пласт лексики, несмотря на частотность употребления, как правило, отсутствует в учебниках иностранного языка, но мы слышим ее каждый день, разговаривая с носителем языка, когда читаем художественные тексты или смотрим фильмы, иммитирующие живой спонтанный диалог.

Дискурсивные маркеры не входят в структуру пропозиционального содержания высказывания, не являются членами предложения в традиционном понимании и не могут исследоваться как носители определенных морфологических категорий. Они не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения непредметны, поэтому их можно изучать только через их употребление, то есть критерием выделения дискурсивных маркеров в особую самостоятельную группу является функциональный критерий.

Описание дискурсивных маркеров осложнено их многозначностью и тем, что их значение зависит от интонации, мимики, их невозможно вычленивать из контекста, разнообразие их вариаций впечатляет.

В лингвистической литературе отмечено, что количество дискурсивных маркеров — это важный признак, противопоставляющий одни языки другим. И затрудняющий перевод дискурсивных маркеров без потери смысла.

Несмотря на все изложенное выше, сравнительных исследований функционирования дискурсивных маркеров в испанском, португальском и русском языках нам не известно.

В докладе мы намерены внести свой вклад в дискуссию вокруг дискурсивных маркеров, исследовав перевод маркера «por cierto» в субтитрах к бразильской и русской версиям испанского сериала *El Ministerio del Tiempo*, который выходил на канале RTVE в 2015—2017 гг., а позднее был переведен на бразильский португальский и русский языки.

Для достижения намеченной цели мы проанализировали основные морфосинтаксические, семантические, прагматические и дискурсивные характеристики дискурсивных маркеров в целом и маркера «por cierto» в частности, с опорой на следующие фундаментальные работы по интересующей нас теме: [Гуревич 1998; Киселева 1998; Martín Zorraquino 1999; Portolés 2011; Estellés Arguedas 2009; Fuentes Rodríguez 2009; Pons Bordería 2009; Borreguero Zuloaga 2011].

Далее мы проанализировали испанские субтитры сцен сериала *El Ministerio del Tiempo*, в которых появляется маркер «por cierto», сравнив его функции с функциями в португальском и русском вариантах перевода. Исследование подтверждает наблюдение, сделанное И. Левонтиной о том, что обилие, пестрота, разнообразие дискурсивных маркеров, частотность их в речи — характерные черты русского языка. В испанском и португальском языках их сравнительно меньше. При сопоставлении испанского и португальского по разнообразию дискурсивных маркеров, их частотности в речи, то некоторый перевес на стороне испанского языка.

Наше исследование показало, что при переводе многие дискурсивные маркеры опускаются, при этом, как правило, не кажется, что смысл отдельной фразы от этого существенно меняется.

Однако текст в целом утрачивает свою специфическую тональность, которая в значительной степени и определяет индивидуальность исследуемого языка.

Исследование показало, что функциональные границы дискурсивного маркера расплывчаты. Это проявляется в сравнительно свободном присвоении маркерами новых значений, свободном варьировании, выстраивании синонимичных рядов, они допускают окказиональное, авторское использование. Это позволяет сделать вывод о том, что набор речевых функций, носителями которых являются дискурсивные маркеры (согласие/несогласие, запрос и демонстрация присутствия, заполнение пауз, скрепление различных частей высказывания, уточнение и некоторые другие), ограничен и стабилен, тогда как список самих слов открыт.

Этим подтверждается несовпадение коммуникативных функций у лексем этимологически идентичных в близкородственных языках, какими и являются испанский и португальский. Несоответствия у испанских и португальских маркеров с русскими разнятся в большей степени.

На основе проведенного исследования делается вывод о том, что при описании дискурсивных маркеров отдельного языка необходимо давать им полноценное толкование, которое позволило бы объяснить парадоксальные на первый взгляд смысловые эффекты, возникающие в различных контекстах.

Литература

- Баранов А. Н., Бонно К., Василевская Н. Б. и др. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998.
- Гуревич Д. Л. Речевые слова в португальском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Borreguero Zuloaga M. La traducción de los marcadores del discurso: valores, funciones, posiciones y otros problemas // Últimas tendencias en traducción e interpretación. Frankfurt: Iberoamericana/Vervuert, 2011. P. 123–139.
- Estellés Arguedas M. Un caso atípico de gramaticalización (I): el valor epistémico del marcador “por cierto” // RILCE — Revista de Filología Hispánica. 2009. Vol. 2, no. 25, P. 319–339. URL: <http://dadun.unav.edu/bitstream/10171/7293/1/0.9.%20Estelles.pdf> (дата обращения: 25.01.2024).
- Fuentes Rodríguez C. Diccionario de conectores y operadores del español. Madrid: Arco/Libros, S.L., 2009.
- Martín Zorraquino M. A., Portolés J. Los marcadores del discurso // Gramática descriptiva de la lengua española — Tomo III. Madrid: Espasa, 1999. P. 4051–4213.
- Pons Bordería S., Estellés M. Expressing digression linguistically: Do digressive markers exist? // Journal of Pragmatics. 2009. Vol. 41/ P. 921–936.
- Portolés J. Marcadores del discurso. Barcelona: Ariel Letras, 2011.

Кучина Дарья Дмитриевна

*аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st079864@student.spbu.ru*

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ В КОММЕНТАРИЯХ К ПОСТАМ НЕМЕЦКОЙ ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Ключевые слова: коммуникативные стратегии и тактики, копиальность формы, копиальность содержания, немецкоязычный медиа-дискурс.

В докладе будет освещена реализация коммуникативной стратегии текстопорождения. Исследователь А. М. Ваховский, посвящавший свои работы исследованию интернет-пространства, а именно развитию форм политического участия, наблюдает изменение в области политико-коммуникативных стратегий, которые используют пользователи социальных сетей при комментировании политических текстов. Интернет рассматривается им в русле среды, обеспечивающей пространство для взаимодействия всех желающих принять участие в оценочной интерпретации первичного текста, так и как средство общения политических комментаторов [Ваховский 2007: 15].

Интернет-комментарии как довольно новый, а потому представляющий интерес для большинства исследователей жанр, является объектом политической лингвистики. В данной работе будет использоваться именно термин жанр в отношении комментариев, а не тип текста, как определяют этот вид высказываний некоторые исследователи. Под жанром понимаются типичные риторические способы выражения повторяющихся социальных ситуаций, т. е. они не только способны активировать определённые ситуационные контексты, но и в них же реализовываться [Хомутова 2010: 17].

Главной задачей интернет-комментариев является оценочная интерпретация поста социальной сети. В целом, для всех видов текстов в интернет-пространстве характерна мультимодальность, выраженная в использовании разных каналов восприятия: визуальный и аудиальный. Также характерна интерактивность, предоставляющая читателям возможность взаимодействия с материалом, посредством гиперссылок, служащих для уточнения и углубления знаний в рамках затрагиваемой в посте темы, и кроме того, интерактивность допускает коммуникацию пользователей между собой, таким образом формируя вторичные тексты, послужившие объектом для анализа данного доклада.

Тексты комментариев составляют преимущественно непрофессионалами, а потому во многом зависят от знаний политического устройства, владения языковыми нормами, культурно-обусловленных особенностей и т. д.

Для лингвистического анализа использовался метод сплошной выборки и лингвистическое описание.

Ергалиева С. Ж. различает персонную стратегию текстопорождения и текстовую стратегию текстопорождения. Последняя подразумевает, что автор составляет свой комментарий на основе поста или предыдущего текста комментария. При этом важно отметить, что поскольку составитель текста ссылается при комментировании на сам текст, то содержащаяся в тексте информация признается более объективной, нежели комментарий, написанный с использованием персонной стратегии текстопорождения [Ергалиева 2018: 66]. Подобные комментарии повторяют фрагменты первичного текста, а далее их можно классифицировать в зависимости от использованных тактик при написании вторичного текста. Так, Ергалиевой С. Ж. выделяются следующие тактики: копиальность содержания, копиальность формы и ключевые слова.

В рамках доклада были проанализированы комментарии к постам немецкоязычной партии «Альтернатива для Германии» в немецкоязычной социальной сети «Твиттер» (заблокирована в Российской Федерации в начале марта 2022 г. по решению Генпрокуратуры от 24 февраля

2022 г. на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации) на предмет используемых тактик в контексте текстовой стратегии текстопорождения.

Текст поста:

@AfD

Das wird wohl kaum ein „Einzelfall“ sein: Eine #Polin gab sich als Ukraine-Flüchtling aus, um #Bürgergeld zu kassieren. Die #AfD wird derartigen Sozialbetrug stoppen. Grenzen müssen konsequent überwacht und Identitäten kontrolliert werden! #DeshalbAfD

Комментарий:

Markus Karner

@Markus_Karner_

Wenn das kein Einzelfall war, dann haben Sie doch bestimmt gesicherte Daten über Sozialmissbrauch durch EU Bürger*innen. Wo sind Ihre Belege??? Ansonsten vermuten sie nur, dass es häufiger vorkommt und sie insinuiieren fälschlicherweise, dass es ein signifikantes, generelles Problem wäre, in der Hoffnung, dass Ihre Mutmassung, wie Sie ja selber schreiben, als vermeintlicher Fakt in den Köpfen der Menschen hängenbleibt. Wer bewusste Irreführung und angstgesteuerte Hetze will wählt

В данном комментарии прослеживается тактика копиальности формы, выраженная в том, что в начале поста копируется форма исходного текста, претерпевающая некоторые видоизменения. Используемая в самом посте грамматическая конструкция «werden + Inf. глагола», внушающая высокую степень уверенности в сказанном, заменяется автором комментария отрицанием «kein», стоящим в предложении перед именем существительным. И таким образом, предложение приобретает отрицательное значение. Прибегая к условной форме, вводимой союзом «wenn», составитель текста указывает на определённое обстоятельство при котором заявление, сделанное в первоначальном тексте может быть принято читателем микроблога Твиттер. Трёхкратная постановка вопросительного знака явно свидетельствует о негативно окрашенной характеристике самого вопроса и неудовольствие за отсутствием фактов, подтверждающих выдвинутое партией утверждение. Далее применяется тактика домысливания, для которой характерно использование сослагательного наклонения (Konjunktiv II).

Литература

- Ваховский А. М.* Интернет-технологии как фактор политического развития современной России: автореф. ... канд. полит. наук. Тула, 2007. 27 с.
- Ергалиева С. Ж.* Политический дискурс текстодеватологическом аспекте (на материале российских и казахстанских интернет-сайтов): дис. ... кан. филол. наук. Кемерово, 2018. 274 с.
- Хомутова Т. Н.* Научный текст: теоретические основы интегрального подхода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 862 с.

Ларионова Марина Владимировна

д-р филол. наук, профессор, кафедра испанского языка,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
larionova.m@list.ru

СЛОВА ГОДА: НЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: слово года, неология, когнитивные модели смыслообразования, метафора, испанский язык, русский язык.

Традиция выбирать слова года — лексем-концепты, отражающие новые смыслы и реалии или наиболее значимые, актуальные события, которыми запомнился год, насчитывает более десятка лет: так, в России она существует с 2007 года, в Испании — с 2013. Основная функция слов-победителей состоит в том, чтобы «зафиксировать мгновенье жизни языка» [DATASLOV], а их ключевой характеристикой является высокая частотность употребления, сохранение и передача символического смысла, который представляется значимым для национального языкового коллектива в конкретный период времени. Лингвистическое своеобразие слова года определяется тем, что лексема не столько фиксирует понятия, явления или реалии какой-либо сферы деятельности людей — политики, экономики, науки, искусства и др. —, сколько интегрирует их в жизнь и практику языкового коллектива, транслируя социальный опыт носителей языка и создавая общественный резонанс.

Слово как единица языка выступает в качестве когнитивного, номинативного и коммуникативного инструмента, дающего возможность отразить политические, социальные, культурные реалии. С другой стороны, выбор слова года сохраняет и воспроизводит национально обусловленную манеру восприятия окружающей действительности, релевантность которой детерминируется социальными, политическими, культурными, языковыми составляющими. Этим объясняется тот факт, что слова-победители и финалисты конкурса редко совпадают в разных странах, сохраняют собственную национальную идентичность и демонстрируют многообразие постоянно меняющегося мира. Так, в 2023 году словами года стали следующие лексем, отразившие национально-культурное своеобразие категоризации и концептуализации действительности различными языковыми коллективами:

Россия — *нейросеть* (институт русского языка им. А. С. Пушкина);

Испания — *polarización* (Фонд неологизмов испанского языка — Fundación del Español Urgente, FundéuRAE);

Великобритания — *AI: artificial intelligence* (словарь англ.яз. Коллинза);

Великобритания — *hallucinate* (Кембриджский словарь англ.яз.);

Великобритания — *rizz* (Оксфордский словарь англ.яз.);

США — *authentic* (словарь англ.яз. Мерриам — Вебстера);

Швейцария — *décombres* («обломки, развалины»);

Франция — *bombe climatique* (по версии СМИ);

Италия — *femminicidio* (институт итальянской энциклопедии Treccani);

Германия — *Krisenmodus* «режим кризиса, кризисное состояние» (Общество немецкого языка GfdS);

Япония — иероглиф «дзей» («налог»);

Китай — для глобальных событий иероглиф «вей» («опасность»), для внутренней реальности иероглиф «чжень» («воодушевлять, вдохновлять»).

Не существует установленных обязательных критериев выбора слов года. Победителя может определять экспертный совет филологов, журналистов, составителей словарей, издателей, общественный опрос или анализ рейтингов с помощью технологии Big Data. Традиционно учитываются и такие параметры, как тесная связь с резонансными событиями года, темами, вызывающими общественный интерес; активное использование в медийном и политическом дискурсивном пространстве; высокое количество поисковых запросов в интернете; способность

лексеммы к семантическим, синтаксическим и словообразовательным трансформациям; соответствие запросам «языковой моды», лингвистическая креативность. Большинство слов года семантически относятся к следующим лексическим классам, которые именуют:

- новые реалии: *selfi, confinamiento*; нейросеть, джипити (GPT), пандемия, биткоин и др.;
- ключевые события национальной или международной жизни, их основные актанты: *apocalipsis, confinamiento, guerra, refugiado, talibán, gasoducto, megavatio*, пожар, Болотная, протест, коронакризис, самоизоляция и др.;
- актуальные концепты, востребованные понятия, идеи: *desabastecimiento, negacionista, vacuna, inflación, amnistía, euríbor*, импортозамещение, обнуление, наследие и др.

Лингвокогнитивный анализ лексем-победителей и лексем-финалистов года позволяет выделить следующие неологические модели, которые структурируют когнитивные механизмы смыслообразования в процессе концептуализации и категоризации действительности:

- ономаσιологическая неология: процесс номинации реализуется от денотата к сигнификату, то есть, от реалии к понятию: *macroincendio, hembraismo, зомбоящик, санкционка, удалёнка* и др.;
- семасиологическая неология: номинация опосредована мышлением, опирается на смысл, позволяющий вычленить реалию и затем присвоить ей имя: *metaverso, fediverso, inteligencia artificial, коронакризис, ковидиот, макронить (названивать), криптовалюта, кибервойна* и др.;
- метафорическая неология: эта наиболее продуктивная когнитивная модель смыслообразования, основанная на осмыслении нового содержания через уже известное путём аналогии – *als ob: как если бы*. Метафора служит не только для именования, но и для моделирования действительности, нередко задавая вектор трансформации менталитета или поведения социума [Ларионова, Романова 2019: 26–34]: *posverdad, carbononeutralidad, criptomoneda, ecoansiedad, topar, огнеборцы, кривосудие* и др.;
- словообразовательная неология: деривация позволяет продуктивно концептуализировать новое содержание благодаря использованию различных словообразовательных компонентов: *abstenciocracia, aporofobia, notofobia, шумобесие, выборариум, ихтамнеты, расковидеться* (увидеться после изоляции) и др.;
- семантическая неология: форма слова сохраняется неизменной, однако понятийное содержание подвергается существенной модификации, приводящей к появлению концепта-неологизма: *tóxico, cultura, diversidad, variante, diversidad, очередь, реновация, спутник* и др.

Значение, которое передаёт лексема года, рождается в соответствии с каким-либо одним из перечисленных механизмов смыслообразования или, гораздо чаще, в результате взаимодействия нескольких когнитивных моделей между собой, например, через сочетание метафорической составляющей с деривационной или синтез семантического переосмысления с аксиологической оценкой. При этом, метафоризация остаётся основной концептуальной моделью осмысления действительности [Лакофф, Джонсон 2004: 165], позволяющей раскрыть глубинные информационные коды при формировании нового знания о мире.

Таким образом, лингвокогнитивный анализ слов-победителей и слов-финалистов года, отражающих актуальную языковую картину мира, даёт возможность рассмотреть процессы метафорического моделирования действительности при помощи языка. Слова года, среди которых встречаются номинации-неологизмы, концептуализирующие новое понятийное содержание, злободневные *окационализмы*, удачно номинирующие реальность в силу своей образности, *заимствованные* вместе с денотатом-концептом иностранные слова, *традиционные языковые единицы*, получающие особую смысловую наполненность в зависимости от изменившихся политических, экономических или культурных вызовов, концептуально фиксируют и номинируют знаковые понятия, с которыми ассоциируется национальное общественное сознание на определённом этапе своей истории.

Литература

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: УРСС, 2004. 256 с.

Ларионова М. В., Романова Г. С. Когниция и коммуникация: метафора в испанском медийном дискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 1 (17). / гл. ред. В. А. Иовенко. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 26–34.

DATASLOV. Медиясловарь ключевых слов текущего момента / под ред. Е. А. Щегловой. URL: <https://dataslov.ru/>

Максимова Виктория Вячеславовна

*аспирант, кафедра немецкой филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st056775@student.spbu.ru*

УПОТРЕБЛЕНИЕ КОЛЛОКАЦИЙ В ДИСКУРСЕ ВИНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКИХ МЕМУАРОВ О ПЕРИОДЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Ключевые слова: коллокации, дискурс вины, мемуары, Вторая мировая война.

Поражение Германии во Второй мировой войне и Нюрнбергский процесс создали дискурс вины, описанный, в частности, немецкой исследовательницей Хайдрун Кемпер в монографии “Der Schuldiskurs in der frühen Nachkriegszeit”, в которой также представлен список ключевых слов, характерных для акторов данного дискурса, в том числе для военных [Kämper 2005: 471]. Выделенные Кемпер ключевые слова взяты за основу данного исследования, материалом для которого стали мемуары трех немецких офицеров — фельдмаршалов Эриха фон Манштейна и Альберта Кессельринга, а также гросс-адмирала Карла Деница. Стратегии защиты перед Нюрнбергским трибуналом находят свое продолжение в мемуарах военных, стремившихся оправдать свою верность режиму присягой, принесенной Гитлеру, и чувством долга. Такие константы, как присяга, приказ и долг, были основой прусской морали, согласно которой «подчинение должно превышать все остальные качества» [Деметр 2022: 209]. В духе этой прусской морали и воспитывались немецкие офицеры, присягнувшие в 1934 году лично Гитлеру, как Верховному Главнокомандующему и представителю немецкого народа. Поклявшись в безоговорочной верности, немецкие военные столкнулись с дилеммой: поступать согласно человеческой или военной морали, которая требовала выполнять любые приказы. Именно нарратив «я просто был послушным солдатом» стал основной стратегией защиты немецких военных перед Нюрнбергским трибуналом. Согласно монографии Кемпер, к «словарю» дискурса вины немецких военных относятся такие слова, как Befehl (приказ), Pflicht (долг), Eid (присяга), Gehorsamkeit (повиновение), Dienst (служба), Glaube (вера), Treue (верность) [Kämper 2005: 472]. Для исследования были взяты слова Befehl, Pflicht, Eid; его задачей стало выделение с помощью корпусного анализа коллокаций, характерных для выбранных слов. Актуальность подобного исследования заключается в междисциплинарном подходе к анализу мемуаров с привлечением не только лингвистического материала, но и исторического контекста, который помогает объяснить выделенные коллокации.

Термин коллокация в современной лингвистике определен еще недостаточно четко, при его рассмотрении обычно выделяют два основных подхода. Согласно первому подходу, коллокация — это устойчивое словосочетание, в котором один из компонентов сохраняет свое значение, а значение второго несколько ослабляется, придавая ему, например, эмоциональную нагрузку. Стоит отметить, что коллокация не идентична фразеологизму, так как под ним обычно понимается идиома [Влавацкая 2015: 57]. Вторым подходом представляет собой трактовку коллокаций с точки зрения статистики. Так представитель Лондонской лингвистической школы Ферс считал, что коллокации — это типичные, часто повторяющиеся сочетания слов [Влавацкая 2015: 56]. То есть это статистически устойчивые словосочетания, характерные для определенного корпуса текста [Хохлова 2010: 24]. Именно этот подход служит основой для проведенного исследования: с помощью программы Scetch Engine были выделены характерные для выбранных ключевых слов коллокации.

Так, например, слово Befehl (приказ) чаще всего имеет атрибут в родительном падеже в виде имени собственного фюрера. Тем самым немецкие военные стремятся переложить ответственность на фюрера, приказы которого они, согласно присяге, вынуждены были выполнять. С существительным Befehl в винительном падеже часто встречаются такие глаголы, как befolgen, ausführen, erhalten (все в значении выполнять). Такие статистические коллокации еще раз под-

черквивают приверженность немецких военных беспрекословному выполнению приказов. Выполнение приказов — это, согласно военной морали, долг, и само слово *Pflicht* тоже становится ключевым словом в выбранных для анализа мемуарах. Статистически самые частотные коллокации — это сочетания слова *Pflicht* в винительном падеже с глаголами *erfüllen*, *tun*, *halten* (все в значении выполнять). Слово *Pflicht* часто встречается также в родительном падеже с существительными *Erfüllung* (выполнение), *Gebot* (заповедь, повеление) и *Tradition* (традиция) — два последних слова указывают на исторический завет, согласно которому беспрекословное исполнение долга относится к высшим солдатским добродетелям. Авторы проанализированных мемуаров — и Манштейн, и Кессельринг, и Дениц, — воспитанные на идеалах прусской морали, считают, что они должны были исполнять свой солдатский долг до конца, что, по их мнению, снимает с них вину за происшедшее, но несмотря на подобные попытки снятия вины, они не только стали свидетелями, но и, что важнее, соучастниками катастрофы. Этот нарратив „снятия с себя вины и ответственности“ отражается, согласно гипотезе нашего исследования, в приведенных выше коллокациях.

Литература

- Влавацкая М. В.* Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53), ч. I. С. 56–60.
- Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2022.
- Хохлова М. В.* Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2010.
- Kämpfer H.* Der Schulddiskurs in der frühen Nachkriegszeit. Ein Beitrag zur Geschichte des sprachlichen Umbruchs nach 1945. Walter de Gruyter. Berlin; New York, 2005.

Манёрова Кристина Валерьевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра немецкой филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
k.manerova@spbu.ru

СОЧЕТАЕМОСТЬ НЕМЕЦКОЙ ПРЕДЛОЖНОЙ ГРУППЫ AUS HÖFLICHKEIT В СВЕТЕ ТЕОРИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Ключевые слова: коллигация, сочетаемость, силенциальный акт, вежливость.

1. Классическая теория вежливости зиждется на теории речевых актов, оценке отдельно взятых высказываний. Вежливость — дискурсивная категория, которая оценивается не абсолютно, а относительно ожиданий партнеров по коммуникации. Лексическим маркером вежливости в немецком языке может служить предложная группа *aus Höflichkeit* — ‘из вежливости, соблюдая вежливость, установленные этические и этикетные правила’. Предложная группа используется в немецком языке при описании тактичного поведения актора в ситуациях и коммуникативных актах, в которых соблюдаются ориентация на чувства собеседника и на подавление собственных чувств. Безусловно, значение предложной группы *aus Höflichkeit* характерно для описания социальных практик и представляет собой особый тип значения, которое языковая единица (высказывание) получает в результате своего использования в определенном контексте. Контексты тактичного поведения могут быть различными, и предложная группа демонстрирует высокую частотность возможных сочетаний.

2. В докладе основное внимание уделено элементу синтаксической семантики, а именно коллигации как комбинации лексико-грамматических характеристик, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. Примеры сочетаемости предложной группы *aus Höflichkeit*, выбранные по немецкому электронному корпусу «Цифровой словарь немецкого языка» — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [DWDS, www.dwds.de]*, содержат, например, следующие глаголы антропоцентрической семантики: *sagen* — сказать, *fragen* — спросить, *geschehen* — произойти, *üben* — заниматься, *zustimmen* — согласиться, *annehmen* — предположить, *bleiben* — остаться, *halten* — остановиться, *nehmen* — брать, *geben* — давать, *schweigen* — ‘молчать’, *verschweigen* — ‘скрывать’, *lügen* — ‘лгать’, *zuhören* — ‘слушать’, *beiwohnen* — ‘присутствовать’, *applodieren* — ‘аплодировать’, *reagieren* — ‘реагировать’, *verbergen* — ‘прятать’, *Einladung annehmen* — ‘принять приглашение’, *klatschen* — ‘хлопать’, *tanzen* — ‘танцевать’, *essen* — ‘есть’, *helfen* — ‘помогать’, *aufstehen* — ‘вставать’, *grinsen* — ‘улыбаться’, *antworten* — ‘отвечать’ и др.

По количеству актантов основная масса фразеологических единиц, относящихся к эмоциональной и, добавим, этической сфере, может быть разделена на одновалентные и двухвалентные [Панкратова 1988: 103]. Субъектная валентность реализуется у таких устойчивых словосочетаний посредством существительного или местоимения с категориальной антропоцентрической семантикой в номинативе. *Er sagt es nur aus Höflichkeit*. Отдельную группу образуют пассивные безличные конструкции: *Aus Höflichkeit wurde geklatscht*. Семы глаголов, с которыми сочетается предложная группа — *aus Höflichkeit* процессуальность и акциональность, более детально классы определим как *verba dicendi*, эмотивные глаголы, глаголы актов речевого поведения, глаголы молчания, в большинстве случаев непереходные. В результате подобной сочетаемости образуются коллигации, не идиоматизированные, но устойчивые.

3. Сочетаемость предложной группы *aus Höflichkeit* может быть объяснена принципом синтаксической семантики, т. е. сближением между формальным и семантическим пониманием синтагматических свойств единицы, комбинаторными свойствами. Так, глаголы молчания в сочетании с предложной группой *aus Höflichkeit* номинируют силенциальные акты, паравербальные акты молчания. Этот нулевой знак в вербальной коммуникации используется одним из коммуникантов для достижения своей цели при воздействии на собеседника, в то время как другие речевые акты оказываются менее эффективными в той или иной ситуации (напр., в ситуации конфликта, чтобы сохранить свою честь и достоинство). Вежливое, тактичное дис-

танцирование может включать такие ситуации, в которых молчание, умалчивание, пауза «из вежливости» более уместны, чем открытая оценка, суждение, высказывание. Молчание — акт прагматической значимости, с контактной, дисконтактной, оценочной, медиативной, ритуальной функциями. Сюда относится тактичное избегание «неудобных», потенциально конфликтных тем в разговоре. Также с силенциальным актом связаны такие типы поведения, как неискренность и притворство. Рассмотрена сочетаемость предложной группы в силенциальных актах в следующих моделях поведения:

- (1) имиджевое «сохранение лица» в сочетании предложной группы *aus Höflichkeit* с непереходным глаголом *schweigen* (молчать),
  - (2) намеренная неискренность, уклончивость в сочетании предложной группы *aus Höflichkeit* с переходным глаголом *verschweigen* (умолчать) [Манёрова 2023: 380].
- 1) Имиджевое «сохранение лица» — модель тактичного поведения в коммуникативном взаимодействии, в которой говорящий соблюдает правила прагматической вежливости и избегает высказываний, которые могут навредить его имиджу или имиджу его собеседника;
  - 2) Намеренная неискренность, уклончивость — такая модель включает тактичное поведение в коммуникативном взаимодействии, когда говорящий молчит, демонстрирует уклончивое поведение, не выражает открытую критику в лицо собеседнику или категоричное несогласие с ним, не отвечает прямо, не распространяет информацию. Эта модель поведения также относится к области вежливого дистанцирования.

Таким образом, синтаксическая семантика проявляется в сочетании предложной группы *aus Höflichkeit* с глаголами, номинирующими антропоцентрические действия.

Литература

- Манёрова К. В. Элемент метакоммуникативной стратегии тактичности в немецкой предложной группе *aus Höflichkeit* // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. Т. 13. С. 376–391.
- Панкратова С. М. Валентность единиц лексико-фразеологического уровня. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.

Матыцина Ирина Витальевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра германской и кельтской филологии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
imatits@gmail.com

ЯЗЫК ШВЕДСКИХ ЗАКОНОВ В XIX ВЕКЕ

Ключевые слова: шведский язык, язык законов, языковое нормирование и регулирование.

В XIX веке язык шведских законов сохраняет целый ряд архаичных особенностей, большинство из которых восходят к древнескандинавской традиции законоговора, среди них: использование бессоюзных условных придаточных для оформления гипотезы правовой нормы, употребление в главной части предложений наречия *Nu* в инициальной позиции, архаичный порядок слов — личная форма глагола в конце придаточного, инфинитив после зависимых от него слов, притяжательное местоимение после определяемого слова, а также бессубъектная формулировка санкций правовой нормы и редкое использование неопределенного артикля — его функцию выполняет безартиклевая форма существительного [Wessen 1965: 37]. Наряду с указанными архаичными чертами, в языке законов в рассматриваемый период присутствуют инновации, среди которых целый ряд особенностей, изначально присущих лишь канцелярскому языку и не характерных для языка законов [Wellander 1939: 17]. Причиной этих инноваций являются значительные изменения, происшедшие в рассматриваемый период в шведской правовой системе и определившие новые требования к функциональным признакам нормативных правовых актов.

В частности, в 1894 году была установлена новая процедура оповещения граждан о принятии нового закона: он считался вступившим в силу через четыре недели после опубликования в «Шведском сборнике нормативных правовых актов». До этого распространение информации о новом нормативном правовом акте происходило только путем его оглашения на сессии уездного суда (*häradsting*) или в церкви во время службы, поскольку большая часть населения была неграмотной [Andréasson 1985: 154]. Так произошло важное изменение канала распространения правовой информации — переход от устной формы к письменной, что не могло не сказаться на языке и стиле соответствующих текстов законов.

Одновременно имела место бюрократизация и рационализация всех уровней правовой системы, в результате которой деятельность юридической системы стала регулироваться сводом деперсонифицированных формальных правил, а профессия юриста потребовала систематического обучения и подготовки.

Еще одна характерная для этого времени особенность — специализация, разделение функций между административными и юридическими органами в отличие от прежних времен, когда лагманы и председатели уездных судов участвовали в местном самоуправлении, а фогты (*fogdar*) и наместники (*ståthållare*) — в отправлении правосудия.

Все вышеперечисленное привело к усилению профессионализации сотрудников судов. Раньше председателями уездных судов назначали дворян за заслуги перед государством, и те, не будучи специалистами в юриспруденции, выбирали себе заместителей (т. н. *lagläsare*), которым поручали практическую работу [Pettersson 1992: 24].

Г. Петтерссон выделяет следующие особенности нормативных правовых актов, появившиеся на новом этапе их функционирования:

1. Эксплицитность, то есть наличие определенной логической структуры для систематизации объективной реальности с целью ее правового нормирования. Это предполагает использование абстрактных и обобщенных формулировок, которые во избежание волюнтаризма судей должны покрывать максимальное количество правовых ситуаций и задавать границы для принятия решений. Эта особенность сформировалась в XIX веке и с тех пор характеризует правовую документацию.

2. Объективность и отсутствие эмоционально окрашенной лексики. В связи с секуляризацией общества, положения законов, отражающие систему религиозных ценностей, потеряли актуальность, пафос обличения греха сменился обезличенным регулированием общественных отношений в государстве.
3. Профессионализация и специализация. С развитием высшего юридического образования юристы стали своего рода замкнутой «кастой», использующей правовые документы для реализации профессиональной деятельности, что неминуемо повлияло на язык и стиль этих документов. Профессионализация проявилась, в частности, в увеличении количества терминов, которые должны были быть однозначными, точными и системными. Это привело к изменению подхода к составлению текстов нормативных правовых актов — в фокусе оказалось удобство их использования юристами, а не простыми гражданами [Pettersson 1992: 39].

Превращение законов в документы, которыми население пользуется исключительно в письменной форме, в XIX веке привело к усилению абстрактности и усложнению их языка. Это проявилось, прежде всего, на синтаксическом уровне, ведь текст, предназначенный для прочтения, допускает более сложный порядок слов и большую длину предложений, поэтому написанные в рассматриваемый период тексты законов нередко содержат пространственные периоды с множеством вставных конструкций, находящихся в последовательном/параллельном подчинении.

Литература

- Andréasson E.* Det världsliga kungörandet under 1700-talets gudstjänster // *Det offentliga språkbruket och dess villkor i Sverige under 1700-talet*, Nordlund, småskrifter från institutionen för nordiska språk i Lund 1985:7. Lund: Lunds universitet. S. 153–169.
- Pettersson G.* Lagspråk och samhällsutveckling. Studier över svenskt lagspråk efter 1734. Lundastudier i nordisk såspråkvetenskap A 46. Lund: Lund University Press, 1992.
- Wellander E.* Riktig svenska: en handledning i svenska språkets vård. Stockholm: Norstedt, 1939.
- Wessen E.* Svenskt lagspråk. Lund: Gleerups, 1965.

Мед Наталья Григорьевна

д-р филол. наук, профессор, кафедра романской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
n.med@spbu.ru

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С НУМЕРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Ключевые слова: испанский язык, нумеративные фразеологизмы, оценка, образ человека.

Фразеологизмы с нумеративным компонентом представляют большой интерес для лингвокультурологического анализа, поскольку числа являются элементами «особого числового кода, с помощью которого описываются мир, человек и сама система метаописания» [Топоров 1988: 629]. Обладая семей нумеральности и, соответственно счетной функцией, а также определенным символьным значением, числа в составе фразеологизмов могут использоваться как для отражения универсальных понятий, так и для выражения частного, сугубо национального в каждом конкретном языке. Помимо этого, особенности восприятия числа в национальной культуре связаны с утратой семы нумеральности и появлением дополнительных значений.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что в испанском языке широко используются фразеологизмы, не только сохраняющие конкретное числовое значение (*la prueba del nueve, como dos y dos son cuatro*), но и утратившие сему нумеральности и выражающие различные оценочные значения: параметрическую оценку неопределенно-большого/неопределенно-малого количества (*a dos pasos, faltar/quedar/durar dos telediarios*), качественную оценку (*estar en /tener siete sueños, ser un cero a la izquierda*), интенсификацию оценки (*más que siete, de 25 alfileres*). Образ человека складывается из совокупности характеристик его внешних и внутренних качеств, его действий и состояний, и на оценочной шкале он представляется в виде положительных и отрицательных общих и частных оценок. Национально-культурная семантика проявляется прежде всего в утративших сему нумеральности фразеологизмах качественной оценки и ее интенсификации.

Проведенное исследование нумеративных фразеологизмов, осуществленное на базе современных фразеологических словарей испанского языка, показало, что в создании образа человека наиболее распространенными являются эстетическая, эмоциональная, интеллектуальная и этические оценки.

Нумеративные фразеологизмы эстетической оценки используются преимущественно для отрицательной характеристики физических качеств, внешней непривлекательности человека. Так, например, человек маленького роста, коротышка, характеризуется посредством фразеологизма «*no levantar dos palmas del suelo*» (букв. не превышать двух ладоней от пола), а фразеологизм «*tener cuatro pelos (mal contados)*» (букв. иметь 4 волоска на голове (неточно подсчитанными) содержит характеристику человека с малым количеством волос на голове. Графический облик цифры 7 порождает ассоциации с неестественно выпрямившимся человеком: *más tieso que un siete* (букв. более прямой, чем семерка), а графическое изображение цифры 8 служит мотивировкой фразеологизма «*estar/quedarse/ hecho un ocho*» (букв. быть восьмеркой, перен. быть искривленным, скрученным). На зрительных ассоциациях, связанных с расположением стрелок на циферблате часов, основан фразеологизм «*andar a las dos menos diez /a las tres menos cuarto*» (букв. ходить как без десяти два/ как без четверти три), характеризующий походку человека с вывернутыми носками.

Фразеологизм эмоциональной оценки «*ponerse alguien de mil colores*» (букв. окраситься в тысячу цветов) используется для обозначения краснеющего или бледнеющего человека от сильного эмоционального напряжения или смущения, застенчивости, а фразеологизм «*ponerse a cien /a mil*» (букв. включить 100/тысячу) характеризует положительно или отрицательно эмоциональное состояние человека, крайнюю степень одобрения или неприятия.

Нумеративные фразеологизмы интеллектуальной оценки также в основном отрицательно характеризуют умственные способности человека. Некоторые из них связаны с неумением производить самые простые арифметические действия: *no saber cuántas son cinco* (букв. не знать, сколько будет пять), *no saber cuántos son tres y dos* (букв. не знать, сколько будет три плюс два). Низкий лоб человека ассоциируется с глупостью, невежеством: *no tener dos dedos de frente* (букв. иметь лоб шириной меньше двух пальцев). Фразеологизм «*tener la cabeza a las once*» (букв. иметь голову как одиннадцать часов) характеризует выжившего из ума человека по аналогии с отклонением стрелки часов от цифры 12, представляющей в данном случае душевное равновесие.

Этические оценки, представленные нумеративными фразеологизмами, отличаются разнообразием. Лицемерный человек, как и в других культурах, ассоциируется с двуликим богом Янусом: *un hombre de dos caras* (букв. человек с двумя лицами). Фразеологизм «*mantenerse en sus trece*» (букв. стоять на своих тринадцати) характеризует упрямого человека, настаивающего на своей правоте. В основе данного фразеологизма лежит исторический факт, связанный с именем кардинала Педро Мартинеса де Луна (1328–1423), позднее папы Бенедикта XIII (антипапы), не признанного в некоторых европейских странах во времена Великого западного церковного раскола. Фразеологизм «*tener siete gatos en la barriga*» (букв. иметь 7 кошек в животе) используется для обозначения злонамеренного человека.

Как показывает исследованный фразеологический материал, испанское языковое сознание в поисках экспрессивности прибегает к различным источникам происхождения нумеративных фразеологизмов. Так, например, фразеологизм «*ser un cuarto bate*» (букв. быть четвертым бэттером, перен. быть выдающимся в своей области) ведет свое происхождение из терминологии бейсбола. Четвертым вопросом в испанских декларациях раньше был вопрос о доходах, на который из опасения взыскания налогов следовал отрицательный ответ, что и послужило мотивировкой фразеологизма «*estar a la cuarta pregunta*» (букв. находиться на четвертом вопросе, перен. быть бедным).

Разнообразие источников происхождения нумеративных фразеологизмов и ассоциативных связей, задействованных в формировании образа человека, свидетельствуют о высокой степени креативности испанского языкового сознания.

Литература

Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия. 1980. Т. 2. С. 629–631.

Мельгунова Анна Владиславовна

канд. филол. наук, доцент, кафедра немецкой филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.melgunova@spbu.ru

ТИТУЛЫ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ КАК ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ КОМПОНЕНТЫ НЕМЕЦКИХ КОМПОЗИТОВ

Ключевые слова: немецкий язык, словосложение, титул, метафора, номинации лиц.

Образование композитов, состоящих из двух компонентов-существительных, предоставляет самые широкие возможности для проявления языковой креативности [Donalies 2011: 46–47]. Композиты, включающие метафорические компоненты, могут иметь различную семантическую структуру. Частотным является вариант, при котором переносным значением обладает один из компонентов — например, определяемый [Fleischer, Barz 2012: 142].

Далее будут рассмотрены немецкие композиты с переосмысленными компонентами, являющимися в основном значении названиями титулов. Понятие «титул» включает различные виды званий — они могут быть сословными, церковными, научными и т. п. Некоторым из них свойственна многозначность.

К примеру, слово *der König* ‘король’ — это и конкретный монархический титул, и — в переносном значении — «властелин», «первый, лучший в своём роде» [Digitales Wörterbuch...]. Последнее значение проявляется и в словосложении — в основном в номинациях лиц, например, *der Gangsterkönig* ‘король гангстеров’. Однако бывают и исключения — например, *der Bierkönig* ‘король пива’ как обозначение самой популярной марки пива.

В соответствии с указанными значениями данного слова в некоторых номинациях лиц подчёркивается, что они чем-то управляют и занимают место в определённой иерархии — как *der Dorfkönig* (разг., шутил.) ‘президент деревенской общины’. В то же время это же слово используется как почётный титул в соревновании деревенских стрелков, т. е. в одной лексической единице проявляются оба варианта значения.

Наибольшую популярность композиты с подобными компонентами получили именно как обозначения успешных в своём деле людей.

В области спорта широко используются монархические титулы, характерные для немецкоязычных стран. Например, *der Fußballkönig* ‘король футбола’ — обозначает самого успешного футболиста, а во множественном числе — успешную футбольную команду; *der Torschützenkönig* ‘король бомбардиров’ — игрок, забивший наибольшее количество голов в чемпионате. В начале 2024 года, когда ушёл из жизни знаменитый футболист и тренер Франц Беккенбауэр, практически все немецкоязычные средства массовой информации использовали в статьях, посвящённых его памяти, его традиционное почётное прозвище *der Fußball-Kaiser* ‘император футбола’.

Такие номинации фигурируют и в сфере музыки и различных видов зрелищного искусства. Например, *der Walzerkönig* ‘король вальса’ — как правило, так называют Иоганна Штрауса; *der/die Schlagerkönig/-königin* ‘король/королева шлягеров’ может относиться к самым разным популярным в данный момент исполнителям. Звание *die Schönheitskönigin* ‘королева красоты’ также ежегодно передаётся победительницам соответствующих конкурсов.

Однако *der König* и *der Kaiser* — не единственные обозначения титулов, выступающие в такой функции. О популярности в прессе слов с обозначениями титулов в качестве компонентов пишет Б. Зик. Он отмечает, что наряду с немецкими наименованиями используются также иностранные, например *der Zar* ‘царь’, обычно в сфере моды — *der Modezar* ‘царь моды’ о наиболее успешных модельерах, *der Mogul* ‘могол’ — влиятельный человек в сфере средств массовой информации: *der Medienmogul* ‘медиаманат’ — как, например, Сильвио Берлускони [Sick 2006: 45].

Также титулы из области церковной иерархии, как *der Papst* ‘Римский папа’ применяются для обозначения наиболее авторитетных в своей сфере деятельности людей [Sick 2006: 46]. Можно сравнить эту метафору с русским словом патриарх.

Интересно, что номинации с включением компонентов-титулов часто надолго «закрепляются» за конкретным человеком. Например слово *der Literaturpapst* ‘патриарх литературы’ традиционно использовалось в последние десятилетия (само слово существовало и ранее) для обозначения самого влиятельного литературного критика Германии Марселя Райх-Раницкого, а *der Sprachpapst* ‘патриарх языка’ — для Вольфа Шнайдера — авторитетного представителя критики языка. Однако нельзя считать подобные номинации закреплёнными за каким-то лицом навсегда. Первый из упомянутых экспертов умер в 2013 году, а второй — в 2022 году. Поэтому можно предположить, что данные прозвища «перейдут» к другим авторитетным фигурам в этих сферах.

Первый, определительный компонент подобных сложных существительных либо обозначает область, в которой человек достиг совершенства, либо является номинацией людей, среди которых он лучший.

Слово *der Fürst* ‘князь’ так же, как и *der König* имеет метафорическое значение «первого, превосходящего других в своей области» [Digitales Wörterbuch...]. Композит *der Dichturfürst* ‘князь поэтов’ очень часто используется по отношению к Гёте, однако можно встретить такое же обозначение Шиллера, а также некоторых других поэтов, наиболее знаменитых в какой-то определённый период времени или в какой-то стране. Определительный компонент — номинация лиц — ‘поэты’, т. е. обозначаемый словом литератор — первый, лучший среди поэтов. В другом слове с таким же определяемым компонентом — *der Geistesfürst* (выс.) ‘гений’ первый компонент *der Geist* ‘ум’ является абстрактным понятием. Гений — человек блестящего ума, превосходящий других в сфере интеллекта — подобно князю, который выше других по титулу.

Словари не всегда приводят второе, переносное значение титула. Для слова *der König* оно указано, в случае с *der Mogul* указано даже на первом месте как актуальное для современного немецкого языка значение [Digitales Wörterbuch...], которое соответствует русским ‘воротила, король, магнат’. Основное значение слова — ‘могол’, титул правителя индо-исламского государства в XVI–XIX веках, отходит на второй план. Переносного значения слова *der Zar* словарь не даёт, однако приводит композиты, как *der Pressezar* ‘царь прессы’ и др., где оно является пересмысленным. Данному слову свойственна метафоризация именно в составе композита.

Таким образом, титулы в переносном значении широко используются в словообразовании и являются средством создания метафорических номинаций лиц, часто — известных. Подобные слова есть и в других языках, поэтому данная тема может быть рассмотрена также в сопоставительном аспекте.

Литература

Donalies E. Basiswissen Deutsche Wortbildung. Tübingen: UTB, 2011.

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de

Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Göttingen: Walter de Gruyter, 2012.

Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Folge 3. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2006.

Микаэлян Юлия Игоревна

канд. филол. наук, доцент, кафедра испанского языка,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
jmikaelyan@gmail.com

«КОМПРОМИСС» С. ДОВЛАТОВА: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ЮМОРА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА СБОРНИКА НОВЕЛЛ НА ИСПАНСКИЙ И ПОРТУГАЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ)

Ключевые слова: С. Довлатов, перевод юмора, испанский язык, португальский язык, стратегии перевода.

Литературный талант С. Д. Довлатова (1941–1990) высоко ценится как отечественными, так и зарубежными критиками и читателями: процесс перевода и изучения его наследия начался еще при жизни писателя, в 80-е гг. прошлого века, и продолжается до сих пор. Большинство исследователей отмечает уникальный авторский стиль: как правило, в своем повествовании писатель придерживается сдержанной, литературно выверенной нормы, однако в то же время прямая речь его персонажей отличается особой яркостью и экспрессивностью; в ней легко сочетаются разные стилистические регистры, которые могут включать в себя как сниженную, так и книжную лексику. Другой характерной особенностью идиостиля писателя является способность создавать комический эффект при помощи единиц практически всех уровней языковой системы (хотя наиболее продуктивными, безусловно, являются лексические средства создания юмора).

В сборнике новелл «Компромисс» (1981), относящемся к зрелому периоду творчества Довлатова, в полной мере отражаются его авторская самобытность и идиостиль, а также широко представлен ассортимент языковых средств, используемых писателем при создании юмора. В докладе при помощи сравнительно-сопоставительного анализа исходного текста и текстов перевода будут рассмотрены стратегии переводчиков сборника на испанский язык (пиренейский вариант) и бразильский национальный вариант португальского языка и выделены основные трудности, с которыми сталкиваются переводчики. В Испании перевод сборника «Компромисс» (исп. “El compromiso”) был впервые опубликован в 2008 году издательством Ikusager Ediciones; в Бразилии книга была опубликована под названием “O compromisso” издательством Kalinka в 2019 г.

При переводе юмористической прозы одной из ключевых задач переводчика оказывается сохранение юмора, присутствующего в оригинале. Поскольку восприятие комического зависит в первую очередь от читателя переведенного текста и его фоновых знаний, нередко у переводчиков могут возникать трудности при переводе авторских шуток.

Среди характерных для прозы Довлатова лексико-стилистических приемов построения комического можно выделить контрастное употребление лексических единиц, принадлежащих разным стилевым регистрам; употребление авторских неологизмов и окказионализмов; создание каламбуров и др.

Так, для довлатовского юмора характерен прием резкой смены стилистического регистра, при котором разговорная или даже бранная лексика может соседствовать с официальной или книжной. На подобной резкой смене интонации, которой читатель не ожидает, и строится комический эффект. В качестве примера можно привести диалог из «Компромисса пятого»:

- «Я позвонил Жбанкову. Трубку взяла Лера.
— Михаил Владимирович нездоров, — сказала она.
— Пьяный, что ли? — спрашиваю.
— Как свинья. Это ты его напоил?» [Довлатов, 2003: 134]

Комизм данного фрагмента строится на стилистическом несоответствии крайне формального начала разговора — персонаж Леры называет мужа по имени отчеству и говорит, что он

нездоров — и дальнейшей беседы уже в разговорном регистре, где употребляются выражение «пьяный как свинья» и глагол «напоить», характерные для устной, разговорной речи.

Бразильские и испанские переводчики использовали разные стратегии перевода: в бразильском тексте переводчики придерживались стратегии форенизации и перевели идиоматическое выражение «пьяный как свинья» дословно, «bêbado como um porco» [Dovlátov 2019: 49]. Хотя подобного устойчивого выражения в бразильском португальском не существует, сам переход с формального регистра на разговорный и сравнение Михаила Владимировича, который «нездоров» (в тексте перевода «está doente», «болен»), со свиньей, вызывает улыбку у бразильских читателей. Испанские переводчики, напротив, использовали стратегию доместикации и подобрали широко употребляемый эквивалент выражению «пьяный, как свинья», разговорное «borracho como una cuba» [Dovlátov 2008: 45]. Таким образом, в обоих переводах сохранился стилистический контраст между началом беседы и ее продолжением и комический эффект, производимый на читателя.

Также Довлатов нередко обращается в своих текстах к приему каламбура и игры слов. В качестве иллюстрации приведем пример паронимии из «Компромисса третьего»: «Все люди делятся на большевиков и башлевигов» [Довлатов, 2003: 120]. В нем юмор строится на звуковом подобии существительного «большевик» и авторского окказионализма «башлевик», образованного от жаргонизма «башлять», т. е. «снабжать деньгами». В обоих переводах переводчики успешно справились с поставленной задачей и образовали каламбуры, также отталкиваясь от звукового подобия слов: ими были созданы собственные окказионализмы со схожим значением окказионализма из исходного текста. В бразильском переводе персонаж журналиста Шаблинского говорит: «As pessoas se dividem em bolchevistas e bomchequistas» [Dovlátov 2019: 30]; в испанском — «La gente se divide en bolcheviques y pagacheques» [Dovlátov 2008: 30]. В обоих языках окказионализмы были созданы при помощи лексемы cheque, «банковский чек». В тексте на португальском языке переводчики образовали созвучное «большевику» (bolchevista) существительное bomchequista, которое буквально можно перевести как «владелец хороших банковских чеков». Испанские переводчики, в свою очередь, придумали также созвучный bolchevique окказионализм pagacheques, «тот, кто оплачивает чеки». Таким образом, в обоих переводах была сохранена идея наличия денег и платежеспособности, присутствующая в исходном тексте.

Наибольшие трудности при переводе могут вызывать шутки, отсылающие к феноменам русской и советской культуры, поскольку в большинстве случаев иностранные читатели не располагают необходимыми фоновыми знаниями для их понимания. В подобных случаях переводчики прибегают к разным стратегиям перевода, чтобы хотя бы частично сохранить комический эффект и авторский замысел, присутствующие в исходном тексте.

Литература

- Довлатов С. Компромисс // Встретились, поговорили. СПб.: Азбука, 2003. С. 103–270.
Dovlátov S. El compromiso. Vitoria-Gasteiz: IKUSAGER EDICIONES S. A., 2005. 184 p.
Dovlátov S. O compromisso. São Paulo: Kalinka, 2019. 252 p.

Москвина Татьяна Николаевна

канд. филол. наук, доцент,
Алтайский государственный педагогический университет;
moskvina@altspu.ru

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ГОВОРАХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ СИБИРИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Ключевые слова: островная немецкая диалектология, словообразование, языковые контакты, гибридное словообразование, историческая семантика.

Говоры российских немцев в их современном состоянии и многообразии междиалектных вариантов, сохранившихся частично до сих пор в местах компактного поселения российских немцев в Алтайском крае и Омской области, представляют собой результат многих длительных языковых процессов. С одной стороны, они сохраняют в своей системе старые традиционные, характерные для немецкого языка в его прежние периоды развития формы, единицы и значения. С другой стороны, они были подвержены сильным изменениям, обусловленным внешними факторами, в том числе исторически сложившимися языковыми контактами и социокультурными условиями.

Особенностью диалектного словообразования является обусловленность форм словообразовательных элементов фонетической вариативностью островных говоров и развитием морфологической системы с момента их существования как островного говора в окружении другого языка. Обращение к диалектному словообразованию продуктивно как источник и база для сравнения в историческом словообразовании. Данные о развитии отдельных словообразовательных элементов и аффиксов важны и для понимания развития диалектного словообразования, особенно в контексте языковых контактов и сохранности старых форм и значений. Исходя из данного подхода возможно описывать словообразовательные средства диалекта как варианта немецкого языка с позиции семасиологии (морфология и семантика), а также ономасиологии (семантико-функциональный подход и семантическая деривация) в условиях ограниченного в развитии словаря [Historische Wortbildung 2021].

Направления исследований в области диалектного словообразования могут быть следующими:

- изучение сохранившихся архаичных словообразовательных форм и моделей;
- вариативность словообразовательных форм, сопоставление с другими немецкими диалектами и прежними состояниями развития немецкого языка (Ahd., Mhd.);
- гибридное словообразование как специфическая черта островных диалектов, которые развиваются в иноязычном окружении в отрыве от исходной языковой области и соответственно без влияния языка-основы.

Словообразовательные модели и особенности употребления отдельных аффиксов и аффиксоидов на материале разных групп островных немецких говоров в первую очередь Алтайского края и Омской области как мест компактного поселения российских немцев (Немецкий национальный район) описаны в работах Л. И. Москалюк [Москалюк 2002], Г. И. Валл [Валл 1974], отдельных работах Н. Беренд [1982]. Эти работы являются отправной точкой для современных семантических исследований диалектной лексики.

Исследования разных групп немецких говоров в России выявляют некоторые общие закономерности и сходства. Так, отмечается бóльшая продуктивность и употребительность глагольной приставки *ver-* (диал. *for(a)-, far-, va-, vo-* и др.). Эта приставка в островных говорах и немецких диалектах, с одной стороны, более продуктивна чем в литературном немецком языке, с другой стороны является коррелятом и заменяет частично приставки *er-, zer-*. Например, *sich vakuka* (*sich vergucken*), *sich valiewe* (*sich verlieben*), *sich (va)wunra* (*sich wundern*), *vuzähle* (*sprechen + erzählen*), *furaisn* (*ver-, zerreißen*), *fustiere* (*zerstören*) и др. [Berend 1982: 173–174]. Эти

приставки (zer-, ver-, er-) «конкурировали» между собой еще в древневерхненемецкий и средневерхненемецкий период, возможно в говорах сохранилась доминировавшая на тот момент на исходной языковой территории форма и стала продуктивной при образовании других слов.

В говорах встречаются случаи сохранения старых словообразовательных форм и/или образование новых слов с использованием старых, вышедших из употребления лексем: ehegerstern (vorgestern), ehevordiesjährig (vor voriges Jahr), strejtig/ streetig (streitsüchtig), wudig (wütend), jähzig (jähzornig). Очень часто подобные образования сопровождаются и семантической трансформацией: hexig (hexisch, но в значении böse, zornig).

В говорах наблюдаются случаи контаминированного, гибридного словообразования, при котором новое слово образуется путем слияния двух морфем разных языков (немецкое слово и русское слово), русское слово и немецкий аффикс, семантическая калька с русского языка морфологическими средствами немецкого языка: Piirsawod (Bierwerk: нем. Bier + русс. завод); pudschwer (контаминация русс. пуд + нем schwer), dreizimriches Haus — суффиксальное образование по русской модели (трехкомнатный дом), не словосложение, как в нем. Dreizimmerhaus.

Изучение деривационных возможностей островных говоров в период из развития и активного использования в качестве языка повседневного общения для нескольких поколений российских немцев позволяет сделать некоторые выводы о деривационном потенциале диалектных лексических единиц (словообразовательная и семантическая деривация в их комплексе). Наблюдаемые в говорах случаи продуктивного гибридного словообразования являются прямым следствием языковых контактов (немецкий диалект — русский язык).

Литература

- Москалюк Л. И. Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. 292 с.
- Berend N. Besonderheiten der verbalen Wortbildung in der nordbairischen Mundart des Altai // Tendenzen verbaler Wortbildung in der deutschen Gegenwartssprache / hrsg. von L. M. Eichinger. Hamburg: Buske, 1982. S. 172–182.
- Historische Wortbildung: Theorien — Methoden — Perspektiven / Hrsg. K. Ganslmayer, Ch. Schwarz // Reihe „Germanistische Linguistik“. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2021. S. 252–254.

Немцева Анастасия Алексеевна

канд. филол. наук, старший преподаватель,
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;
anastdansk@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫМИ МЕСТОИМЕНЕНИЯМИ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: собирательные существительные, грамматическое согласование, семантическое согласование, семантика единственного числа.

В датском языке имеются случаи рассогласованного употребления собирательных существительных с прилагательными и притяжательными местоимениями. Оно проявляется в том, что при существительных, обозначающих группу людей, употребляются прилагательные и притяжательные местоимения в форме множественного числа. Речь идет о таких существительных, как *regering* 'правительство', *folk* 'народ', *befolkning* 'население', *flertal* 'большинство' и др. В грамматике датского языка такие существительные объединены термином *semantisk plurale appellativer* (букв. семантически множественные апеллятивы):

Bredt flertal er enige om at anvende ca. 16 milliarder på mere materiel og personel i forsvarsforligets første delaftale — Подавляющее большинство сходится во мнении (букв. согласны), что надо использовать примерно 16 миллиардов на большее количество оборудования и персонала в первой части военного соглашения.

В данном примере прилагательное *enig* употребляется в форме множественного числа, грамматически не согласуясь с существительным в форме единственного числа *flertal*.

В датском языке наблюдается двойная норма при согласовании таких существительных с прилагательными и местоимениями. Так, наряду с формами множественного числа оказываются возможными и грамматически согласуемые формы единственного числа:

Flertal er igen enige om finansiering af fængsler og personale — большинство снова пришли к согласию (букв. согласны) в вопросе о финансировании тюрем и персонала

В данном примере существительное среднего рода *flertal* согласуется с прилагательным *enig* по роду и числу.

Таким образом, при согласовании собирательных существительных возможно как грамматическое, так и семантическое согласование. Однако, как показывает языковой материал, для носителей датского языка семантическое согласование оказывается предпочтительнее.

Помимо вышеназванных существительных, в эту группу попадают и существительные, обозначающие названия газет:

Kristeligt Dagblad er bestemt ikke enige i de to biskoppens udlægning af kongens valgsprog. — Кристелит Дагблад не согласны с версией двух епископов относительно девиза короля.

Частотным оказывается употребление местоимений и прилагательных множественного числа и при существительных, обозначающих страны:

- (1) *Og det er en af grundene til, at jeg er i Egypten, for Egypten er et af de vigtigste lande i Afrika, både på grund af deres størrelse og på grund af deres placering, men også på grund af den politiske indflydelse de har, sagde statsministeren med henvisning til Egyptens relation til Rusland* — Это одна из причин, почему я нахожусь в Египте, так как Египет — одна из самых важных стран в Африке. И по причине их размера, и по причине их расположения, но также по причине того политического влияния, которое у них есть, сказал премьер-министр, ссылаясь на отношения Египта с Россией.
- (2) *Møde i København viser, at Vesten er trætte* — Встреча в Копенгагене показывает, что Запад устал.

В данных контекстах, как видится, имеет место метонимическое употребление имен собственных, где под названием страны имеются в виду политики или люди, проживающие в этой стране.

Таким образом, очевидно, что в датском языке в ряде случаев, когда перед нами собирательное существительное, обозначающее группу людей, семантическое согласование оказывается сильнее грамматического.

Литература

Heltoft L., Hansen E. Grammatik over det danske sprog. Syddansk Universitetsforlag, 2011.

<https://sproget.dk/raad-og-regler/artikler-mv/svarbase/SV00014636>

Jacobsen H. G., Jørgensen P. S. Politikens Håndbog i Nudansk. Kbh., 1992.

Шмелев А. Д. Параметры количественной оценки в естественном языке // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Индрик, 2005.

Нефедова Любовь Аркадьевна

*д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого языка,
Московский педагогический государственный университет;
la.nefedova@mpgu.su*

ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСУ (НЕ)ОБРАЗОВАННОСТИ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: образованность, политик, современный медиадискурс, Германия.

Современное состояние культурного пространства мира характеризуется разнообразием. Языковая репрезентация разнообразия как социально-политического феномена, который декларирует приверженность принципам национального, социального, гендерного баланса в обществе и предполагает использование всего потенциала достижений и опыта людей, становится одной из центральных тем современных лингвистических исследований.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения языковой репрезентации идеи разнообразия, ставшей новым трендом не только для бизнеса, но и для политики, также в контексте вопроса о различии в уровне образования и знаний людей. Образование — процесс получения знаний, умений, а также приобщение человека к культуре. Высшее образование является в Германии привилегией обеспеченных слоёв общества. Немецкий университет метафорически сравнивается с «башней из слоновой кости» («Elfenbeinturm»), учёба понимается как отстранение от проблем современности, уход в мир высоких чувств, далеких от приземленного мира практических расчетов и житейских забот, культивирование аристократизма духа и снобизма. «Академическое образование мыслится как теоретический, отвлеченный процесс, как «наука ради науки» и собственного развития» [Юшкова 2014: 215].

Образованность человека — результат полученного образования, образовательной деятельности. Она характеризует способность человека использовать в своей жизнедеятельности багаж знаний из прошлого опыта других людей, включая его в свой собственный опыт, руководствуясь действующими духовными ценностями в обществе; позволяет ему осмысливать явления собственной духовной жизни. Основу образованности составляют профессиональные знания, постоянная потребность развивать свой ум, широта интересов и знаний, целенаправленное личностное самосовершенствование.

Чтобы стать политиком, не требуется специальной подготовки, теоретически любой может работать политиком. «Базовым» направлением образования для политика является юриспруденция и/или политология, так как это непосредственно те сферы, в которых он ежедневно находится и работает. Многие профессиональные политики имеют высшее образование в области делового администрирования, права, гуманитарных или социальных наук. Однако более важным является фундаментальный интерес к политическим вопросам (<https://studyflix.de/jobs/berufe/politiker-werden-6557>).

Эффективная коммуникация зависит от умения правильно выбирать и использовать слова, а также понимать и улавливать тонкие оттенки значения разных слов. В лексическом составе немецкого языка выделяется пласт лексики, включающей как отдельные слова, так и устойчивые словосочетания, которая определяется как «лексика образованных людей». В толковых словарях немецкого языка её маркером является дискурсивная помета *bildungsspr.* [Нефедова 2014; Симонова 2004]; этой помете близка по значению в русском языке помета *книжн.* — книжное. Такая лексика позволяет выражать самые сложные понятия и чувства, делает высказывания более выразительными и эмоциональными, маркируя речь всесторонне образованных, интеллигентных людей.

Воздействующий потенциал «лексики образованных людей» определяет её использование в политической коммуникации в качестве эффективного риторического средства. Владение

приемами ораторского искусства является неотъемлемой компетенцией успешного политика: риторика является центральным средством в политике.

Самыми образованными политиками Германии считают двух федеральных канцлеров: Курта Георга Кизингера (Kurt Georg Kiesinger 1904–1988), очень талантливого человека в риторическом плане, у которого было прозвище *Hauptling Silberzunge* (король «серебряный язык» / вождь «серебряные речи») и Гельмута Шмидта (Helmut Schmidt 1918–2015), «живую легенду», «символ и совесть нации» по прозвищу *Schmidt-Schnauze* (Шмидт «хорошо подвешенный язык» / «бойкий на язык»). Немецкий писатель Зигфрид Ленц писал о Г. Шмидте, что тот виртуозно владел клавиатурой риторических приемов (нем. *Er beherrschte virtuos die Klaviatur rhetorischer Mittel*). Он располагал лексиконом, который «проявлялся, так сказать, как в форме прямой линии, так и в обтекаемой форме» (нем. *„der sich sozusagen in Stromlinie und Tropfenform zeigt“*) (https://www.nationalstiftung.de/wp-content/uploads/Jahrestagung_2018_Einleitung.pdf).

В газете *Zeit-online* от 31.10.2023 г. отмечается, что в современной Германии нет политиков как Шмидт «хорошо подвешенный язык» (нем. *Schmidt-Schnauze fehlt*). В стране наблюдается кризис политического лидерства. В конце эпохи А. Меркель нет государственного деятеля, который мог бы правильно сориентировать и сплотить людей (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-10/deutsche-regierung-aera-angela-merkel-kanzlerschaft-zusammenhalt-veraenderung>).

Действующий федеральный канцлер Германии Олаф Шольц утверждает: чтобы работать в политике, необязательно оканчивать университет. Во время его встречи с избирателями в городе Мангейм в конце прошлого года был затронут вопрос о необразованности министра иностранных дел Аннелены Бербок и министра экономики Роберта Хабера и предложено удалить их из правительства или нанять им репетиторов. Известно, что А. Бербок является представителем нового поколения европейских политиков, для которых воинствующее невежество является нормой: в СМИ её называют позором (*Peinlich-Ministerin Baerbock*), Аннеленой 360° Бербок (*Annalena „360 Grad“ Baerbock*), недипломатичным дипломатом (*die undiplomatische Diplomatin*), отмечая, что она делает Германию посмешищем (*Wie Baerbock Deutschland zur Lachnummer macht*).

Очевидно, что дискуссия в медиадискурсе на эту тему и анализ языковых маркеров (не) образованности политика чрезвычайно важны, так как избирательные кампании 2024-го года затронут более половины жителей планеты и могут изменить мировую политику.

Литература

- Нефедова Л. А. О дискурсивной маркированности и особенностях употребления заимствованных фразеологизмов в современном немецком языке (на примере фразеологизмов с пометой *bildungsspr.*) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. В 3 ч. Ч. 1. № 12 (42). С. 137–140.
- Симонова С. В. Коммуникативно-прагматический потенциал «лексики образованных людей» (*bildungssprachlich*): автореф. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2004. 21 с.
- Юшкова Л. А. Концепт «образование» в немецком и русском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. В 3 ч. Ч. 1. № 12 (42). С. 214–217.

Никитина Екатерина Яковлевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
floriatosca@mail.ru

ПЕТРАРКИСТСКИЕ МЕТАФОРЫ: ОТ ЛЮБВИ ДО НЕНАВИСТИ, ОТ ПЛОТСКОЙ СТРАСТИ ДО РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТАЗА

Ключевые слова: петраркизм; антипетраркизм; метафора; эротическая поэзия; религиозная поэзия.

В 40-х годах XVI в. французскую поэзию захватывает увлечение Петраркой. Первый французский «Канцоньере», L'Olive Ж. Дю Белле (1549) имеет такой невероятный успех, что тут же начинают сыпаться как из рога изобилия аналогичные сборники любовных сонетов: Ронсара, Баифа, Жоделя, Белло и других членов «Плеяды». Французские поэты стремятся не в точности перевести сонеты Петрарки и его последователей, а подражать им, по возможности превзойдя оригинал. Поскольку авторы опираются на одни и те же образцы, очень быстро вырабатывается канон, негласно регламентирующий, что и как следует описывать. Удивительно, но при том, что почти каждый петраркистский сонет был полон метафор, разнообразие этих метафор было невелико. Например, если в стихотворении создавался портрет возлюбленной, из сонета в сонет кочевали одни и те же метафоры, уподоблявшие части тела красавицы цветам и драгоценным материалам: *ivoire, marbre, albâtre* для белоснежной кожи, *corail* и *perles* для губ и зубов, *cristal* для слез, *or* для волос, *soleils, flambeaux* и *clartés* для глаз. Из цветов для образного описания белизны и румянца прелестницы регулярно использовались лишь *lys, roses* и *oeillets*: едва ли мы встретим в сонетах ромашку или ландыш. На употреблении именно этих метафор в различных поэтических жанрах XVI–XVII вв. мы и сосредоточимся в данном сообщении.

Рост бешеной популярности петраркизма сопровождался и усталостью от него. Уже в 1553 г. тот же Дю Белле создает длинное стихотворение *A une dame*, позднее опубликованное под названием *Contre les pétrarquistes*. В нем автор последовательно перечисляет и высмеивает основные петраркистские клише: *J'ai oublié l'art de pétrarquiser, / Je veux d'amour franchement deviser, / Sans vous flatter et sans me déguiser / (...) De vos beautés, ce n'est que tout fin or, / Perles, cristal, marbre et ivoire encor, / Et tout l'honneur de l'Indique trésor, / Fleurs, lis, oeillets, et roses...* Отметим, что лирический герой Дю Белле высмеивает не само чувство, а лишь стандартизированную, гиперболизированную и, по его мнению, абсолютно фальшивую форму его выражения.

Одним из самых известных текстов Дю Белле является сонет XC1 из сборника *Les Regrets*: *Ô beaux cheveux d'argent mignonement retors ! / Ô front crespé et serein ! et vous, face dorée ! / Ô beaux yeux de cristal ! / (...) Ô belles dents d'ébène !..* Искусно замаскированный под обычный любовный дифирамб, сонет может обмануть неподготовленного читателя. Однако при внимательном чтении можно заметить, что, взяв традиционные петраркистские метафоры, автор использует их как бы невпопад, переставляя местами: так, волосам красавицы положено быть золотыми, а серебро, обычно относящееся к слезам, указывает на то, что волосы у дамы седые. Эбеновое дерево, традиционно относящееся к бровям, здесь характеризует зубы, которые вместо того, чтобы быть жемчужно-белыми, черны, а стало быть, сгнили. Лицо, которому надлежит быть белоснежным, как слоновая кость или лилия, оказывается золотым вместо волос: такое лицо может быть у пожилой женщины или простолюдинки. В результате вместо любовного сонета оказывается сатирическим, издевательским. Если учесть соседствующие с ним в сборнике сонеты, можно предположить, что здесь описывается немолодая римская проститутка.

Товарищ Дю Белле по «Плеяде» Э. Жодель, создавший не одну сотню любовных сонетов, после *Amours* написал около 300 сонетов «против любви» (*Contr'amours*), большая часть которых, к сожалению, утрачена [Panzera 2013: 207–210]. В одном из сохранившихся сонетов герой Жоделя с горечью сокрушается о том, что воспевал красоту безобразной и неблагодарной дамы: *Combien de fois mes vers ont-ils doré / Ces cheveux noirs dignes d'une Méduse ? / Combien de fois ce*

teint noir qui m'amuse, / Ai-je de lys et roses coloré ? / Combien ce front de rides labouré / Ai-je aplani ? Et quel a fait ma Muse / Ce gros sourcil, où folle elle s'abuse, / Ayant sur lui l'arc d'Amour figure ? Отметим, что в отличие от Дю Белле, герой Жоделя отрекается не столько от петраркизма, сколько от самой своей любви, и если адресатка *A une dame* Дю Белле, вероятно, красива, то дама Жоделя, по меркам XVI в., уродлива: волосы у нее на самом деле не золотые, а черные (для усиления эффекта — видимо, одного черного цвета волос недостаточно для того, чтобы вызвать отвращение читателя — Жодель добавляет, что они похожи на шевелюру Горгоны Медузы); черен и вовсе не похож на традиционные лилии с розами цвет ее лица, лоб покрыт морщинами, а брови слишком велики и нисколько не напоминают лук Амура.

К *Contr'Amours* примыкает другой сборник Жоделя, *La Priarée*, объединяющий десять сонетов, тон которых простирается от возвышенно-эротического до грубо-порнографического. В тех из них, что воспевают красоту плотской любви, мы видим знакомые по традиционным петраркистским портретам возлюбленной метафоры, но здесь они используются для описания совсем других, интимных, частей тела, причем не только женского, например: *En quelle nuict, de ma lance d'ivoire, / Au mousse bout d'un courail rougissant, / Pourrai-je ouvrir ce bouton languissant, / En la saison de sa plus grande gloire ? / Quand verserai-je, au bout de ma victoire, / Dedans sa fleur le cristal blanchissant ?*

Наконец в конце XVI — начале XVII в., когда мода на любовные сонеты, хоть и пережила свой пик, но еще вовсе не прошла, петраркистский язык параллельно обретает новую жизнь в религиозной поэзии. Наиболее значителен в этом плане сборник *Théorèmes* Ж. де ла Сеппеда (1613, 1621), объединяющий более 500 сонетов-размышлений о Страстях Христовых. Второй катрен сонета LI с его традиционными метафорами *soleils* и *clartés* можно было бы принять за восхваление глаз дамы, и лишь остальные строки указывают на то, что речь идет об Иисусе: *O beaux yeux, beaux Soleils, ô beautez ravissantes, / Qui passez de bien loing les beautez de ces lieux, / Qui donnez estre, & lustre à la beauté des Cieux, / Qui pourroit soutenir vos clartez doux-forçantes?* В другом сонете «Теорем» мы встречаем все те же кораллы, лилии и розы: *Le coral de sa bouche est ores jaune-pasle. / Les roses, et les lys de son teint sont flétris.*

Итак, мы попытались показать, что использование клишированных петраркистских метафор не ограничивается жанром традиционного сонета о возвышенной любви и находит продолжение как в «антипетраркистских» сонетах, так и в эротических, а позже и в религиозных сонетах.

Литература

Panzeri M. C. Leurres et ruines de la beauté. Jodelle et la tradition italienne des *contr'amours* // *Colloque international Texte et Contretexte*, Bordeaux 2–4 mai 2012, dir. N. Labère, Bordeaux, Editions Ausonius, 2013. P. 205–217.

Петрова Анастасия Дмитриевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра романской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
adbrache@gmail.com

ДЕТСКАЯ И ВЗРОСЛАЯ ИНТОНАЦИЯ КНИГИ «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ» В ПЕРЕВОДЕ НОРЫ ГАЛЬ: СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ЕДИНООБРАЗИЕ КАК РАЗРУШЕНИЕ ИДИОЛЕКТА

Ключевые слова: перевод, Нора Галь, Маленький принц, интонация, идиолект.

Данное исследование занимается разбором стилистических особенностей, проявляющихся в переводе Норы Галь книги «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, с акцентом на различиях интонации между детским и взрослым образом выражения мысли. Эта задача актуальна, поскольку она соприкасается не только с языковыми, но и с культурными, идиолектическими и даже возрастными аспектами читательской аудитории. В этом контексте перевод Норы Галь становится особенно ценным объектом для комплексного семиотического и структурного анализа.

Значимость исследования связана с осмыслением влияния стилистического разнообразия на уникальный идиолект каждого индивидуального читателя. Это представляет интерес не только в рамках теории перевода и стилистики, но и имеет прямое отношение к образовательной практике, поскольку литературные произведения часто подвергаются адаптации для различных возрастных категорий.

В данной работе проблемное поле включает в себя следующие вопросы: Во-первых, как интонационные различия, различающие детскую и взрослую речь, находят свое отражение в переводе и как это взаимодействует со стилистическим единством текста? Во-вторых, может ли стилистическое единообразие служить фактором разрушения идиолекта и какие последствия это имеет для когнитивного и культурного восприятия текста читателем?

Для ответа на эти вопросы планируется применение современных методов текстового анализа, в частности структурного и семиотического подхода, с акцентом на теориях перевода и идиолектологии. Исследование направлено на расширение понимания сложностей переводческой практики и ее влияния на различные культурные и когнитивные аспекты восприятия текста.

В переводческой практике, в частности в интерпретации художественных текстов, важность стилистической особенности и сохранения идиолекта оригинала неоспорима. В этом контексте работа Норы Галь по переводу «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери заслуживает отдельного анализа. Это исследование направлено на анализ особенностей интонации перевода и исследует влияние сохранения или изменения идиолекта на восприятие текста [Галь 1997].

Существует много вариантов перевода «Маленького принца» [Григорьев 1973], но перевод Галь признан наиболее авторитетным и влиятельным. Элементы стилистики и идиолекта, внедренные в перевод, формируют основную линию данного исследования. Подобный акцент позволяет также оценить различия в интонации между детским и взрослым дискурсом, что существенно для понимания текста в переводе.

Через пристальный структурный анализ можно утверждать, что Галь с виртуозностью захватывает семиотические и культурные факторы, инкорпорированные в оригинальный текст Сент-Экзюпери. Сохранение идиолекта и эмоциональной интонации автора в переводе обогащает текст, позволяя читателю углубиться в культурные и философские слои произведения.

Критический рецептивный акцент, положительно отзывающийся о Галь, в значительной степени опирается на её способность к поддержанию культурных и философских подтекстов оригинала, что в контексте переводческой практики заслуживает особого признания [Губман 1994].

Перевод Галь представляет собой не просто лексико-грамматическую адаптацию, но и культурно-историческую реконструкцию. Она не только сохранила смысл, но и отразила дух и интонацию оригинала, превратив свою работу в автономный художественный объект.

Структурный анализ этого перевода предоставляет дополнительный уровень понимания, не только акцентируя внимание на самом переводческом акте, но и на результате — восприятие текста, в котором находят гармоничное сочетание элементы оригинала и переводческой интерпретации.

Исследование подчеркивает, что переводчик успешно справляется с задачей сохранения двойственности интонаций, присущей оригинальной работе Антуана де Сент-Экзюпери. Галь стремится удовлетворить как детские, так и взрослые аспекты восприятия, формируя текст, который одновременно является как простым, так и философски насыщенным.

Однако, данное стилистическое разнообразие может исказить идиолект персонажей, влияя, следовательно, на натуру их взаимоотношений и общее восприятие текста. Например, детские интонации Маленького принца и его более «взрослые» моменты с другими персонажами становятся менее выделенными и ближе к общему стилистическому контексту перевода. Это может обеднять текст, лишая его тонких оттенков идиолекта, которые являются ключевыми для понимания психологических оснований и мотивов персонажей.

Таким образом, хотя перевод Норы Галь по праву воспринимается как один из наиболее удачных, его стилистическая унификация стоит в центре академических дебатов среди филологов и лингвистов. Выбор определенного типа интонации в переводе может как усилить, так и уменьшить семиотическую глубину оригинала, ослабляя его идиолектические компоненты, что делает его уникальным. Задача сохранения идиолекта в переводе представляет собой проблемный комплекс, требующий не только лингвистической, но и культурной чувствительности, что является перспективным направлением для будущих исследований в данной области.

Литература

Галь Н. Слово живое и мёртвое. М.: САТ, 2022.

Григорьев В. П. Антуан Сент-Экзюпери: Биография писателя. Л.: Просвещение, 1973.

Губман Б. Маленький принц над цитаделью духа // Сент-Экзюпери А. де. Сочинения: в 2 т.; пер. с фр. М.: Согласие, 1994. Т. 2.

Петрова Галина Викторовна

канд. филол. наук, доцент, кафедра романских языков,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
galia.petrova@mail.ru

ПОНЯТИЯ «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» В РУССКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: свой, чужой, португальский язык, перевод.

Целью настоящей работы является сопоставление антитезы «свое» — «чужое» в русском и португальском языках и способов перевода данных концептов. Анализ проводится на основании примеров из параллельных текстов русскоязычных и португалоязычных авторов, языка СМИ, опроса информантов и переводов студентов старших курсов.

Для анализа интересующих нас понятий необходимо отделить сферы «своего» и «чужого». Я и МЫ очерчивают круг «своего» в оппозиции к «чужому», выраженному местоимениями ВЬ и ОНИ [Гранева 2022: 83; Радбиль, Наговицына, Гранева: 2020, 399]. Обособленность НАС от НИХ эксплицитно выражена в испанском и каталанском языках, где местоимение ОНИ приобрело форму *nosotros/nosotras* и *nosaltres*, то есть «мы другие», отличные от «вас» или от «них». В португальском языке Бразилии возобладала другая тенденция: местоимение *nós* все чаще заменяется грамматикализированным существительным *a gente*, происходящим от *gens, gentis* — люди, народ. Этот процесс характерен не только для молодежи, но и для разговорного языка образованных людей, языка рекламы и СМИ [Ribeiro 2013: 6]. Люди, то есть ОНИ, в сознании носителей русского языка — представители ЧУЖОГО мира, в то время как в бразильском варианте А GENTE очерчивает круг СВОЕГО мира.

Для обозначения «своего» мира, помимо А GENTE, употребляются также TU, VOCÊ, A PESSOA в обобщенно-личном значении: *De repente a fake news tomou conta da gente.*

Mesmo olhando na tua cara sabendo que você sabe que é mentira mas ele continua mentindo. A pessoa começa a ser bombardeada por diferentes fontes. (GloboNews 25/10/2022). — переводы студентов: Внезапно нами завладели фейковые новости. Даже глядя тебе в лицо, зная, что ты знаешь, что это вранье, он продолжает лгать. Тебя начинают бомбардировать со всех сторон. / Нас/ бразильцев начинают атаковать разные источники информации.

Понятия «своего круга», выраженные местоимениями «мой», «твой», «наш», «свой» в значении «обустроенного» мира, домашних, круга «наших», людей, принадлежащих одной партии, одной стороне, в португальском языке с трудом поддается переводу, нуждаясь в экспликации, к какому миру относится «свой». Так, заголовок из СМИ: *Remodelação: governar com os seus, para os seus* (Observador 30 nov 2022). — Перетряска: править со своими и для своих. — эксплицируется в тексте, где объясняется, что речь идет не только об однопартийцах, но и о родственниках: *Esta equipa nasceu torta, tão torta que voltámos a ter família à mesa do conselho de ministros.* — Эта команда получилась кособокой, настолько кособокой, что у нас вновь за столом совета министров сплошные члены семьи.

Не стреляйте! Я свой! — переведено бразильскими информантами как *Eu estou do lado de vocês!* — Я на вашей стороне! *Eu sou um dos seus!* — Я один из ваших. *Eu estou com vocês!* — Я с вами! Пример Ресторан «Свои да Наши» переведен информантами как *Restaurante “Só a gente”* (только наши); *“Dos seus aos nossos”* (от своих до наших); *“É tudo nosso”* (все наше). Название фильма *Свой среди чужих, чужой среди своих* переведено студентами как *Amigo entre os inimigos, inimigo entre os amigos* (друг среди врагов, враг среди друзей), а информантами, не обладающими фоновыми знаниями, как *Em casa com os de fora, um estranho com os de casa* (дома с чужими, чужой с домашними).

Как можно видеть, если переводчик не обладает экстралингвистическими знаниями, чтобы понимать, к какой сфере относится местоимение «свой», возникают ошибки: в примере «Наши» стали чужими речь идет о молодежном движении «Наши». В переводах информантов «наши»

стали «союзниками»: *Nossos aliados se tornaram desconhecidos* или «теми, кто внутри»: *Os de dentro se tornaram alheios*.

Антитеза «свой» — «чужой» в переводе также должна быть эксплицирована: распад системы «свой — чужой» переведен информантами как: *uma desintegração do sistema «parceiro ou adversário»* (партнер или противник); *um colapso no sistema «o meu — o do outro»* (мое — или другого); *uma real queda do sistema «nós contra eles»* (мы против них).

Лексема «чужой» в португальском языке имеет следующие эквиваленты: «*estranho*» (странный, незнакомый, чужой), «*alheio*» (чуждый) или «*outro*» (другой): *Um sinal disso pode ser lido nos 19% de preferências, entre eleitores do partido, para um candidato estranho como Robert Kennedy Jr.* — Это показывают 19% голосов, отданных избирателями-демократами за такого чужого кандидата, как Роберт Кеннеди-мл. (чужой, так как Р. Кеннеди-мл. — независимый кандидат). Учиться на чужих ошибках — перевод информантов: *Aprender com os erros dos outros. / Aprender com os erros alheios.* Американец, говорящий на чужом языке, (...) мне ближе и понятней старых знакомых (Довлатов. Ремесло). — перевод профессионального переводчика: *Um americano, falante de outra língua, (...) tornou-se mais próximo e mais compreensível do que meus velhos amigos.*

Литература

- Гранева И. Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. 2022. URL: <https://diss.unn.ru/files/2022/1269/diss-Graneva-1269.pdf>
- Радбиль, Т. Б. Наговицына, Н. В. Гранева И. Ю. Культурная оппозиция «свое — чужое»: русские личные и притяжательные местоимения в языковом воплощении лексического концепта «патриотизм» // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2020. Т. 1. С. 397–405. URL: http://www.uwm.edu.pl/cbew/2020-11-1/31_Radbil-T_i-in.pdf
- Da Silva Ribeiro, Débora Simões. “A gente” como pronome pessoal: teoria, prática e proposta pedagógica. Tese de especialização. 2013. URL: <http://Hdl.Handle.Net/10183/96179>

Попова Евгения Андреевна¹, Игнашина Зоя Николаевна²

¹канд. филол. наук, доцент, кафедра подготовки преподавателей редких языков, Московский государственный лингвистический университет; o-genia@yandex.ru

²канд. филол. наук, доцент департамента английского языка и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве РФ; tirroleland@mail.ru

ЭКСПРЕССИВНАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ В ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА МЕКСИКИ)

Ключевые слова: испанский язык, Мексика, экспрессивные этнонимы, гетерономинация, песня.

Песни являются частью культурного наследия нации и могут отражать не только музыкальные традиции, но и общественно-экономические, историко-политические, языковые и культурные аспекты жизни в конкретной стране, в связи с чем анализ текстов таких песен представляется актуальным с точки зрения лингвострановедения и межкультурной коммуникации. Одной из культурных реалий, актуализированной в популярных песнях на остросоциальные темы, являются экспрессивные этнонимы, посредством которых образуются авто-, гетеро- и метаобразы представителей определенной этнической, территориальной или иной общности.

Цель настоящей работы — проанализировать использование экспрессивных этнонимов в мексиканском национальном варианте испанского языка на материале песен «Frijolero» группы Molotov и «Chilango incomprendido» группы El Tri. Название каждой из них уже содержит необходимые для лингвокультурологического анализа языковые единицы. Первое указывает на мексиканско-американские отношения, поскольку *frijolero* — гетероэтноним, которым жители США пренебрежительно именуют лиц мексиканского происхождения на своей территории. Второе говорит об отношениях между жителями разных регионов внутри Мексики: лексема *chilango*, несмотря на современное значение «коренной житель города Мехико; человек, живущий или имеющий отношение к городу Мехико» (*natural de la Ciudad de México; perteneciente o relativo a la Ciudad de México*) [DRAE], исторически обозначала именно приезжих в столицу из других регионов страны в поисках лучшей жизни (на заработки) и вызывала негативные ассоциации.

Песня «Frijolero» мексиканской группы Molotov затрагивает темы иммиграции, антииммигрантских настроений и расизма, которые существуют в США по отношению к мексиканцам. Текст песни содержит резкую критику тех, кто относится к приезжим из Мексики с пренебрежением или унижением. Композиционно она построена как диалог между представителями двух наций, основанный на взаимных обвинениях. Часть песни (от лица американца) написана на английском языке, а испанский текст поется с нарочитым английским акцентом с целью высмеять стереотипы и предрассудки, с которыми сталкиваются мексиканские иммигранты в США.

Frijolero — этнофолизм, основанный на таком стереотипе, как любовь мексиканцев к фасоли, и является калькой многочисленных английских гетеронаименований с корнем *bean* («фасоль») и дерогативными коннотациями (*beaner, bean eater, beanbag, bean bandit, beaniard* и др. [The Racial Slur Database]). На протяжении песни герой-мексиканец неоднократно требует, чтобы его перестали называть таким образом (*no me llares frijolero*), в ответ также используя этнофолизм, состоящий из гетероэтнонима *gringo* с относительно стертыми отрицательными коннотациями, которые, однако, «оживают» посредством коллокаций с обценной лексикой (*pinche gringo puñetero*).

Аллюзия на другой этнофолизм — *wetback* (испанская калька — *espalda mojada* «мокрая спина») встречается в позиции американца: *Stay on your side / Of that goddamn river* (букв. «Оставайся на своей стороне той проклятой реки»). Здесь поднимается проблема мексиканской нелегальной иммиграции путем пересечения вплавь границы США, проходящей по реке Рио-Гранде (испанское название — Рио-Браво), поскольку в родной стране часто нет работы и, сле-

довательно, возможности прокормить семью. В следующем куплете слово *wetback* используется уже напрямую.

Похожая по смыслу ситуация рассматривается во второй песне применительно к отношениям мексиканцев между собой внутри страны. Песня «*Chilango incomprendido*» рассказывает о сложной жизни и переживаниях *chilango*, под которым понимается приезжий из провинции в Мехико. Текст песни описывает разочарование и недопонимание, с которыми сталкиваются молодые люди в мегаполисе, а также невозможность найти свое место в суэте и многолюдной анонимности города.

В песне звучит горечь, связанная с поиском самоидентификации в условиях большого городского окружения, где личные ценности и идеалы могут быть затеряны среди суэты и конформизма, поскольку «чиланго» вынужден работать в ужасных условиях, «как негр» (еще один экспрессивный этноним), и в таком ритме, что даже «вздыхнуть не может» (*trabaja como negro y no le alcanza ni pa tragar*).

Резко отрицательное отношение к такой жизни выражено с помощью противопоставления понятий *chilango* и *defeño* — так до 2016 года называли коренных жителей столичного региона, поскольку до административной реформы в стране существовала территориальная единица «Федеральный округ» (*Distrito Federal — DF*), в состав которого входил город Мехико (несмотря на то, что слово стало историзмом, оно до сих пор используется). В песне этноним *defeño* имеет окказиональную вариацию, связанную с неприятными понятиями: в строке *chilango defequense por necesidad* наблюдается игра слов *defeño* + *defecar* (букв. «испражняться»), результатом которого является этнофолизм *defequense*.

Несмотря на сходную общую проблематику двух песен, «*Frijolero*» звучит гораздо резче, создавая (в частности — с помощью экспрессивных этнонимов) гетерообраз «врага» (Соединенные Штаты), тогда как в «*Chilango incomprendido*» актуализируется гетерообраз «чужого» или даже мягче — «иногое» (согласно градации, предложенной С. Д. Камаловой [Камалова 2020]). Песня выражает чувство неудовлетворенности и желание быть услышанным и понятым в сложной городской жизни, но также надежду и на то, что ситуация изменится к лучшему, и стремление к преодолению трудностей. Таким образом, музыка часто служит отражением повседневной жизни и переживаний людей, поэтому такие песни, как «*Frijolero*» и «*Chilango incomprendido*», оказываются популярными и знаковыми в понимании общественных и музыкальных тенденций.

Литература

Камалова С. Д. Образ «чужих» в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературе о палестино-израильском конфликте): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 189 с.

DRAE: Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 30.01.2024).

Racial Slur Database. URL: <http://www.rsd.org/races/hispanics> (дата обращения: 30.01.2024).

Рейпольская Маргарита Юрьевна

Московский государственный лингвистический университет;
margarita.pk@gmail.com

АНАЛИЗ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Ключевые слова: интерференция, языковая норма, сопоставительный анализ, лексика, итальянский язык.

Исследование посвящено механизму лексической интерференции на примере межъязыковых соответствий в итальянском и русском языках. Анализ материала показал, что все «ложные друзья» переводчика необходимо разделять на три класса, первым из которых являются слова двух языков, для которых одно или несколько словарных значений частично совпадают. Ко второй категории относятся лексические единицы, семантические значения которых различны в обоих языках. К третьей категории относятся слова с полным семантическим и орфографическим совпадением.

Практическим материалом послужили 300 лексических единиц, отобранных с помощью сплошной выборки по трем двуязычным словарям. Было принято решение остановиться на классификации от большего семантического сходства к меньшему. Исследование показало, что семантические отношения между лексемами русского и итальянского языков можно разделить на две категории:

- 1) межъязыковые аналогизмы или случайные фонетические совпадения, которые характеризуются отсутствием общих значений: семантическое различие;
- 2) слова, значения которых частично совпадают в обоих языках: отношение семантического включения или пересечения.

К отдельной группе относятся интернационализмы. Степень семантического сходства интернациональных слов также может быть различна и может варьироваться от полного совпадения до полного различия.

Межъязыковые соответствия, имеющие по одному дополнительному значению.

Очевидно, что компоненты пары слов *cartone* — картон совпадают в одном значении: картон. Рассмотрев другие значения слова *cartone*, можно заметить, что в переводе с итальянского языка это слово может обозначать не только разновидность бумажного изделия особой выделки, но и «набросок, эскиз», что не свойственно русскому слову. В итальянском языке для обозначения рисунков, по которым создается что-либо, используются еще существительные *schizzo*, *abbozzo*. При частичном совпадении состава значений итальянского и русского коррелятов различается количество значений — итальянское слово имеет, в отличие от русского, одно дополнительное значение.

Межъязыковые соответствия с частичным совпадением, имеющие по два-три общих значения.

Компоненты пары *cassa* — касса совпадают в значении «кассовый аппарат» и в значении «отделение учреждения, предприятия, в котором производятся денежные операции (прием, хранение и выдача денег, продажа билетов)». Рассмотрев другие значения *cassa*, можно заметить, что с помощью него можно описать предмет четырехугольной формы, состоящий из четырех стенок и служащий для хранения и транспортировки чего-либо, т. е. ящик, ларец. При частичном совпадении состава значений итальянского и русского коррелятов различается объем значений: итальянское *cassa*, означающее не только «касса», оказывается шире русского коррелята.

Итальянско-русские и русско-итальянские соответствия с множественным частичным совпадением.

Следует отметить, что мы не можем говорить здесь об абсолютном формальном тождестве в связи с некоторыми особенностями произношения и написания слов в итальянском языке.

Рассмотрим несколько примеров, где наблюдается «расширение» значения слова.

Компоненты пары слов *carattere* — характер совпадают в двух значениях:

- 1) совокупность психических особенностей, которые определяют личность человека и проявляются в его поведении;
- 2) человек с ярко выраженной индивидуальностью;
- 3) художественный образ, обобщающий типичные черты какой-либо группы людей. Итальянский и русский корреляты синонимичны в значении «твердая воля, упорство в достижении цели». Рассмотрев другие значения слова *carattere*, можно заметить, что в переводе с итальянского языка это слово может обозначать не только совокупность психических особенностей, но и букву, шрифт, графическое очертание. Отметим, что переводчикам нужно обратить особое внимание на случаи употребления таких слов, так как незнание дополнительных (а иногда и основных) значений слова может привести к ошибкам.

При частичном совпадении состава значений итальянского и русского коррелятов («характер») различается объем их значений — итальянское *carattere* оказывается шире русского коррелята.

Межъязыковые аналогизмы или случайные фонетические совпадения. В этой группе попадают слова, близкие по значению, их тонкие семантические различия часто кажутся малосущественными или несущественными, что может привести к переводческой ошибке. Например, итальянское слово *firma* не имеет ничего общего с русским аналогом, так как в русском языке фирма — это единица предпринимательской деятельности, оформленная юридически и реализующая собственные интересы посредством производства и продажи товаров и услуг с использованием различных факторов производства.

Наибольшую часть интернациональных слов составляют лексемы с частично совпадающими значениями. При таком неполном сходстве значения формальная близость данных слов может восприниматься как свидетельство их семантической близости, что приводит к интерференции, то есть ненормативной взаимозамене указанных слов при переводе с одного языка на другой. Такие слова и являются ложными друзьями переводчика.

Явление интерференции неуклонно появляется в процессе перевода как отрицательное, вызывающее ошибки, сбои в коммуникации и искажения смысла исходного сообщения, и требует пристального внимания в процессе подготовки переводчиков, составления учебных пособий и двуязычных словарей.

Литература

- Беляевская Е. Г., Маляр Т. Н. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011.
- Зорько Г. Ф., Никитина Т. М. Новый Большой итальянско-русский словарь. М.: Дрофа, 2011.
- Ковалев В. Ф. Большой итальянско-русский и русско-итальянский словарь М.: Русский язык медиа, 2016.

Саванкова Екатерина Владимировна

канд. филол. наук, доцент, кафедра немецкого языка,
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;
katerina3006@yandex.ru, e.savankova@my.mgimo.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ (КОМПЛЕКСНЫЕ ЗНАКИ) С КОМПОНЕНТАМИ-СОМАТИЗМАМИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: комплексный знак, соматизм, юридический дискурс, понятия юридического дискурса.

В рамках настоящего доклада «Комплексные знаки с компонентами-соматизмами в немецкоязычном юридическом дискурсе» рассматриваются такие цельнооформленные комплексные знаки как производные и сложные слова, а также раздельнооформленные комплексные знаки как словосочетания с различной степенью связанности их компонентов. Названные выше комплексные знаки с точки зрения их концептуального содержания почти всегда являются понятиями юридического дискурса. Все комплексные знаки для данного исследования были отобраны на основе метода сплошной выборки из текстов законов, представленных на сайте [Deutsche Gesetze im Internet], а также из электронных словарей, представленных на сайтах <https://www.multitran.com/m.exe?l1=3&l2=2> и <https://www.dwds.de/>. Как показала выборка материала, комплексные знаки с разнообразными компонентами-соматизмами в текстах законов являются многочисленными и характеризуются серийностью образования по определенным структурно-семантическим моделям [Саванкова 2004: 5].

В целях настоящего доклада автор ограничился двумя частотными соматизмами *die Hand* (кисть руки) (здесь и далее перевод автора статьи. — *Е. С.*) и *die Faust* (кулак), которые являются в немецкоязычном юридическом дискурсе весьма продуктивными, поскольку участвуют в образовании целых серий цельно- и раздельнооформленных комплексных знаков. Целью настоящего исследования было установление концептуального значения понятий юридического дискурса, которые с точки зрения их формы являются цельно- и раздельнооформленными комплексными знаками с компонентами-соматизмами. Основная задача видится в описании концептуального значения понятий юридического дискурса с компонентами-соматизмами *die Hand* и *die Faust*. Данные понятия отражают содержание правовых явлений и институтов права Германии, которые являются специфичными для правовой системы Германии и не всегда совпадают с юридическими понятиями (или имеют аналога) в правовых системах других стран.

Цель исследования обусловлена необходимостью адекватного, если не эквивалентного, перевода понятий с компонентами-соматизмами немецкоязычного юридического дискурса на русский язык в рамках аспекта «Юридический перевод и язык профессии», преподаваемого на кафедре немецкого языка Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России для юристов-международников, изучающих немецкий язык как основной и второй иностранный в бакалавриате и магистратуре. Актуальность тематики исследования обусловлена также изучением правовых дисциплин на специальных кафедрах международно-правового факультета Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России в сравнительно-сопоставительном ключе, что предполагает наличие навыков перевода профессиональной терминологии на основе сформированного двуязычного понятийно-категориального аппарата у юриста-международника. Для настоящего доклада методом сплошной выборки было отобрано в общей сложности более 100 цельно- и раздельнооформленных комплексных знаков для проведения семантического, контекстного и дискурсивного анализа с целью установления концептуального значения понятий с компонентами-соматизмами *die Hand* и *die Faust*.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Компонент-соматизм *die Hand* реализует несколько концептуальных значений в составе понятий юридического дискурса и определяет концептуальное значение юридического понятия в целом. Так, *die Hand* в значении «власть, обладание властью» в сочетании с прилагательным *öffentlich* (здесь — публичный) — *die öffentliche Hand* в значении «общественный, государственный, публично-правовой» реализует в ряде контекстов номинативную функцию (*Gelder der öffentlichen Hand, in die öffentliche Hand übergeben, Kapitalanlage der öffentlichen Hand* и т.д.). Публично-правовая власть — *die öffentliche Hand* противопоставляется частно-правовым полномочиям частного лица — *die private Hand* и передаче в частное владение — *Überführung in private Hand*.
2. *Die Hand* в значении «власть, обладание властью» в сочетании с прилагательным *gesamt* (здесь — совместный) — *die gesamte Hand* в значении «общий, солидарный» реализует в ряде контекстов номинативную функцию для обозначения формы юридического лица (*Gesamthandsgemeinschaft*).
3. Компонент-соматизм *die Hand* в сочетании с прилагательным *treu* (здесь — преданный / верный) — *treuhand*, что буквально означает «преданная / верная рука», в составе сложных слов имеет значение «доверительный, доверительное управление» и также реализует номинативную функцию. Серия сложных существительных представляет собой все значимые с точки зрения права действия (*Treuhandabwicklung, mit / unter der Treuhandaufgabe*) и результат этого действия (*Treuhandabkommen, Treuhandakte*), а также лиц (*Treuhändler*), а также учреждения и государственные структуры, которые обладают компетенцией доверительного управления (*Treuhandanstalt*).
4. Компонент-соматизм *die Faust* реализует одно концептуальное значение в составе понятий немецкоязычного юридического дискурса и определяет концептуальное значение юридического понятия в целом. В состав сложных слов компонент-соматизм *die Faust* входит в значении «непосредственное владение», что отражает специфику такого правового института Германии как залоговое право при наличии права владения (*Faustpfand*).

Литература

- Саванкова Е. В. Семантические процессы в слово- и фразеобразовании в диахронии: на материале древне- и средневерхненемецкого периодов: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.
- Deutsche Gesetze im Internet. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/>
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/>

Сапрыкина Ольга Александровна

*д-р филол. наук, профессор, кафедра иберо-романского языкознания,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
olgasaprykina@mail.ru*

БРАЗИЛЬСКАЯ ТОПОНИМИЯ КАК СИСТЕМА

Ключевые слова: топоним, геоконцепт, культурный ландшафт.

Бразильская топонимия — совокупность топонимов Бразилии, входящих в сложную геолингвистическую систему. Наряду с топонимами геолингвистическая система (номенклатура) включает также наименования элементов природного и культурного ландшафта как пространственно-временного континуума. Языковые единицы геолингвистической системы — названия локусов, как единичных (имен собственных), так и ставших обобщенными понятиями — в обиходном языке или в терминологии — обозначения природного и культурного ландшафта: берега, приливно-отливные полосы, береговая отмель; *escoamento superficial, bacia hidrográfica*.

Ландшафт отличается не только физико-географическим разнообразием, но и тем, как происходит его осмысление в языковой реальности. Получив имя, имеющее символическое, информационально-семантическое и прагматико-аксиологическое наполнение, топонимы входят в геоконцептосферу языка, создают ее неповторимый профиль.

Как лингвокогнитивный феномен, топоним несет информацию о локализации в пространстве, сообщает о природных и климатических условиях места в природном мире, особенностях исторического развития данной области пространства, раскрывает её административный статус, роль в земельно-имущественных отношениях, дает этноконфессиональную характеристику и указывает на этно-культурные параметры местности.

Функции топонимов разнообразны: номинативная обозначает конкретный локус культурного ландшафта, геоиндикационная ориентирует в пространстве и иногда — во времени, характеризующая — содержит оценку геообъекта.

Этнокультурная топономенклатура Бразилии имеет гетерогенный характер: в её составе — пласты индейских, европейских, африканских топонимов и топонимов-гибридов, соединяющих элементы разного происхождения.

Автохтонные индейские наименования многочисленны: *Piauí, Itapicuru, Paquetá, Anhangabaú, Paraguaçu*. Бразильский филолог Эдуарду Наварру разделил топонимы на происходящие из старого тупи (тупинамба) — спонтанные и новообразования, которые он назвал искусственными топонимами — *Toritama e Itobi*.

Интересно, что среди индихенизмов — топонимов преобладают обозначения водных пространств или даются характеристики воды, или указывается на наличие в реках рыбы. Таким образом, топонимия содержит сведения, даёт информацию о хозяйственной деятельности населения.

Европейские топонимы созданы на основе португальского языка: *Rio Grande do Norte, Mato Grosso do Sul*. Базовыми элементами в них являются обозначения рельефа, величины, очертаний природных объектов, часто с указанием на расположение относительно сторон света.

В бразильской топонимии значителен слой иеротопонимов, обозначений элементов сакральной географии, в состав которых входят имена святых (агиотопонимы) и наименования святых мест. Самым известным иеротопонимом является скульптура Христа-Искупителя *Cristo Redentor* на вершине горы Корковаду (*Corcovado* — порт. горбатый), на *Pão-de-Açúcar* (порт. Сахарная голова), в Рио-де-Жанейро скульпторов П. Ландовски и Г. Леонида.

Разнообразие и большое число иеротопонимов связано с интенсивной деятельностью миссионеров-иезуитов, которые в значительной степени изменяли не только культурный ландшафт новых территорий, возводя культовые христианские сооружения, не только распространяли среди язычников католическое вероучение, но и трансформировали культурную память, выстраивали иерархию новых идеалов и ценностей, распространяли португальский язык, приви-

вали навыки письменной культуры. Однако полностью культурную память индейцев иезуиты изменить не смогли, доказательством чего до сих пор является карнавал, хотя и обернувшийся особенно в последние десятилетия источником дохода и коммерческой прибыли.

Особый пласт в системе бразильских топонимов занимают исторические топонимы. Историческая память удерживает и воспоминания о прошлом, и опыт, которые могут служить объединяющим началом для утверждения национально-культурной идентичности народа. Среди тех, кто, прославившись, отдал свои имена (антропонимы) историческим локациям — короли, военачальники, супруги королей или их дети, главы освободительных движений, инженеры и писатели, дипломаты и сенаторы: Leopoldina эрцгерцогиня, супруга Педру I; Antonio Dias исследователь Минас Жерайс в конце XVIII века, нашел золото (район в Оуру Прету); Praça Tiradentes Тирадентис — глава антимонархического заговора Inconfidência Mineira в Минас Жерайс; Governador Valadares бразильский журналист и политический деятель.

Значительную группу составляют топонимы, обозначающие ключевые в бразильской истории политические или экономические конфликты, исторически значимые действия: Bandeirantes Бандейранты — участники экспедиций в Бразилии, охотившиеся на индейцев, а затем занятые поисками месторождений полезных ископаемых; Emboabas — Эмбоабы — пришельцы. Война эмбоабов — вооруженный конфликт в 1707–1709 гг. за месторождения золота между приехавшими, главным образом, из Португалии новыми поселенцами и паулистанцами. Жители Сан-Паулу потерпели поражение.

Закрепляемый в топониме образ места связан с эмоционально-оценочными обертонами, коннотациями как мелиоративного, так и пейоративного характера.

Интересно, что аксиологические компоненты часто содержатся в автохтонных-топонимах — индихенизмах, в которых оценивается качество воды: Iranema грязная вода, Uberaba прозрачная блестящая вода, Piauí река, полная рыб больших размеров.

Эмоционально насыщенное звукоподражание встречается в дескриптивных-топонимах португальской этимологии: Roncador < порт. рычать.

Таким образом, в геолгвистической системе Бразилии выделяется геотопонимическая структура как комплекс топонимических наименований. Топонимы разнородны по своему происхождению. Семантика топонимов дает возможность представить их как структуры культурной памяти, информации о конкретном месте нахождения топонима и его коннотационном наполнении. Топонимы не являются постоянными единицами. Именования места подвержены трансформациям.

Литература

Калуцков В. Н. Культурная география России. М., 2016. 140 с.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: ЛКИ, 2011. 184 с.

Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 182 с.

DICK, Maria Vicentina de Paula do Amaral. Métodos e questões terminológicas na Onomástica. Estudo de caso: o Atlas Toponímico do Estado de São Paulo. *Investigação Lingüística e Teoria Literária*, v. 9. Recife: UFPE, 1999. P. 119–148.

Скромблевич Валерия Болеславовна

*соискатель кафедры русского языка, Белорусский государственный университет;
старший преподаватель, кафедра иностранных языков и межкультурных коммуникаций,
Международный университет «МИТСО»*

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОМОНИМОВ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ В СЛОВАРЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ

Ключевые слова: омонимия, полисемия, лексикография, словарная статья, контрастивный анализ лексики.

Проблема разграничения полисемии и омонимии — одна из самых сложных в семасиологии и лексикографии, о чем свидетельствует, в частности, многообразие подходов к ее решению. В лингвистической литературе, посвященной вопросам разграничения омонимии и многозначности, наибольшее распространение получил семантический критерий: при наличии семантических связей между значениями следует говорить о многозначности, а при их отсутствии — об омонимии. В этом случае слово нужно рассматривать в синхроническом, а не диахроническом аспекте, поскольку процесс семантического расхождения длительный и сложный и установить момент и границы разрыва семантической связи практически невозможно. Однако главный недостаток такого подхода заключается в том, что он отражает языковой опыт только данного исследователя и может не соответствовать опыту носителя языка или другого исследователя. Следовательно, можно предположить, что такая субъективная трактовка границ разрыва семантической связи может быть одной из причин существующих различий в разграничении многозначных слов и омонимов [Качурин 2014: 45].

Традиционно в лексикографии слова-омонимы представляются в разных словарных статьях, в то время как многозначные слова — в одной, где приводятся значения того или иного слова. Важно, чтобы при составлении словарной статьи учитывались различные способы разграничения омонимии и полисемии, так как автономное или частичное использование этих способов может привести к неразличению этих двух явлений.

Согласно мнению В. В. Виноградова, в толковых словарях русского литературного языка, начиная с академического «Словаря русского и церковнославянского языков» 1847 г., вопросы омонимии рассматриваются произвольно. Как отмечает В. В. Виноградов, компромиссная позиция по отношению к омонимам представлена в академическом «Словаре русского языка» под ред. Я. К. Грота и «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. М. Ушакова и является «скорее результатом практического отношения к словарной работе, результатом лексикографического такта, чем плодом глубокого, теоретически обобщенного языкового опыта» [Виноградов 1977: 288].

При фиксировании омонимов в белорусских лексикографических изданиях отмечаются следующие трудности: 1) неразработанность вопроса и отсутствие научно обоснованных исследовательских принципов разграничения омонимии и полисемии; 2) взаимозаменяемость и взаимопроникновение омонимов и многозначных слов; 3) отсутствие строго выдержанной системы представления данных явлений в словарях, несмотря на то, что в большинстве словарей (в том числе и толковых) все значения многозначных лексем приведены в одной словарной статье, а омонимы выделены в каждую отдельную словарную статью.

Итальянские исследователи, занимающиеся проблемой описания омонимов с точки зрения лексикографической практики, указывают на необходимость учитывать четыре аспекта, которые могут вызывать трудности при представлении омонимов в словаре: 1) необходимость различать истинную полисемию от так называемой вариативности; 2) вопрос разграничения омонимии и полисемии; 3) вопрос о различении разных степеней омонимии; 4) транскатегоризация.

В процессе анализа способов отображения омонимов в словарях разных типов (переводных и монопольных) русского, белорусского и итальянского языков было установлено, что единства мнения среди лексикографов действительно нет. Например, в «Большом толковом

словаре русского языка» С. А. Кузнецова в отдельные словарные статьи выделяются толкования слов разного происхождения, совпавших по звуковому облику во всех своих формах, и слов общего происхождения, у которых разрыв семантических связей подтверждается наличием морфологических особенностей. Омонимы пронумерованы в начале словарной статьи арабскими цифрами, которые повторяются при всех ссылках на эти слова. При этом путаница в данном словаре может возникнуть именно из-за помет, так как для слов, имеющих несколько значений, также используются арабские цифры. В «Русско-итальянском словаре» Б. А. Грифцова омонимы отражаются в словаре римскими цифрами в виде отдельных гнезд. В «Русско-белорусском словаре» омонимы также отмечаются римскими цифрами, но значения слова обозначаются арабскими цифрами.

Словарная статья «Словаря омонимов итальянского языка» Р. Арагона может состоять из: 1) исключительно омонимов исходных форм; 2) омонима в исходной форме, омографа и омофона; 3) омонима в исходной форме и грамматического омонима [Aragona 1994]. Значения слов приводятся кратко, в сжатой форме, при необходимости во избежание ложного понимания значения слова отражены стилистические, функционально-стилевые или терминологические пометы.

Анализ лексикографического материала позволяет сделать вывод, что в словарях как моноязычных, так и переводных существует некоторая непоследовательность и неоднородность в представлении значений омонимов. Нечеткость структуры словарных статей может вызвать определенные трудности у тех, кто обращается к ним. Поэтому имеющая место неупорядоченность в трактовке категорий полисемии и омонимии в лексикографических источниках делает необходимой разработку научно обоснованной методики, которая помогла бы унифицировать подачу этих категорий в словарях.

Литература

- Виноградов В. В.* Лексикология и лексикография: избр. тр. М.: Наука, 1977. С. 288–294.
- Качурин Д. В.* Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 2. С. 44–53.
- Aragona R.* Una voce poco fa. Repertorio di vocaboli omonimi nella lingua italiana. Bologna: Zanichelli editore S. p. A., 1994. P. 232.

Слинина Людмила Ярославна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
l.slinina@spbu.ru

ВОПРОСЫ ФРАЗЕОЛОГИИ В НЕМЕЦКОЙ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Ключевые слова: немецкий язык, популярная лингвистика, критика языка, фразеология, типы текста.

Вопросы, связанные со значением, происхождением и употреблением фразеологизмов в современном немецком языке, вызывают интерес не только у профессиональных лингвистов, но и у любителей языка. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации — популярная литература в виде книг и справочников, статей в периодических печатных и онлайн изданиях, публикаций на различных интернет-сайтах.

Целью исследования было выяснить, какие явления в области фразеологии находят отражение в современных публикациях для широкого круга читателей и какие способы представления информации авторы используют для изложения и разъяснения специфических вопросов фразеологии для неспециалистов. Материалом исследования послужили популярные книги о значении и употреблении фразеологизмов таких немецких авторов, как К. Деллер, Р. Леонхардт, К. Х. Пруис, Х. Бамер, а также публикации онлайн-изданий (например, *Der Standard*, *Südwestrundfunk*). В качестве теоретической основы были использованы классические работы по немецкой фразеологии [Burger 2007; Fleischer 1997; Stepanova et al. 2003: 176–232] и работы по критике языка [Killian et al. 2016].

Анализ популярных книг статей показал, что в первую очередь обращают на себя внимание фразеологические единицы с выраженной образностью, структурные особенности при этом играют незначительную роль. Предметом обсуждения и разъяснения оказывается значение фразеологизма, в отличие от значения свободного словосочетания, и раскрытие его внутренней формы. При этом если при ясной мотивированности достаточно употребления фразеологической единицы в соответствующем контексте, при затемненной внутренней форме необходимо обращение к истории нравов и обычаев или истории языка (*es geht um die Wurst, sich einen Ast lachen*). Тема употребления фразеологизмов, несомненно, связанная с проблемой понимания их значения, также освещается популяризаторами языковых явлений. В частности затрагиваются вопросы правильности и уместности употребления фразеологизмов, возможные ошибки (*Das vierte Rad am Wagen sein, wie ein Rohrspatz frieren, etwas Passt wie die Faust aufs Auge* в значении ‘хорошо подходить’) и их причины, а также намеренное искажение фразеологических единиц (*das Rosarote vom Ei*). Среди причин ошибочного употребления можно назвать незнание или неточное знание значения фразеологической единицы, а также определенное состояние говорящего, например, усталость, невнимательность, волнение. Намеренное искажение фразеологических единиц часто объясняется необходимостью эмоционально воздействовать на собеседника и характерно для разговорного стиля речи.

В докладе рассматриваются три основных формы презентации информации о вопросах фразеологии в научно-популярном дискурсе: справочная статья, визуальное представление и нарратив. Справочная статья начинается с предъявления фразеологической единицы, далее в тексте следует (в различном порядке) информация о значении фразеологизма, раскрывается значение лежащей в его основе метафоры, рассказывается о его происхождении, приводятся примеры употребления. Стиль описания варьируется от строгого стиля энциклопедии до публицистического.

Визуализация используется, как правило, в качестве дополнения к текстовой презентации, при этом визуализируется в основном буквальное значение, иногда буквальное значение с «намеком» на метафорическое значение, реже бывает представлена иллюстрация метафорического значения.

Информация о значении и употреблении фразеологизма может быть рассказана в форме занимательной истории. Такие тексты имеют схожую семантическую структуру: в повествовании возникает ситуация, которая иллюстрирует буквальное значение фразеологической единицы. Например, дети в шкафу не могут найти чашки и произносят фразу, соответствующую фразеологизму: *Wir haben nicht alle Tassen im Schrank*. При произнесении фразы в буквальном значении происходит узнавание фразеологизма, что вызывает радость у героев. Среди присутствующих есть лицо, которое не знает значения фразеологизма, обычно ребенок или иностранец, поэтому возникает необходимость разъяснения метафорического образа. Однако нередко возникает вопрос и о происхождении данного выражения, поэтому среди героев находится кто-то знающий, либо герои обращаются к книге или сети интернет.

Тема освещения вопросов фразеологии в популярной литературе имеет перспективы дальнейшего изучения. В первую очередь, это важно для профессиональных лингвистов, так как важной задачей является грамотная популяризация науки.

Литература

- Burger H.* Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 3. Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 2007.
Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer 1997.
Kilian J., Niehr T., Schiewe J. Sprachkritik. Ansätze und Methoden der kritischen Sprachbetrachtung. Berlin; Boston: Walter de Gruyter Verlag, 2016.
Stepanova M. D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. М.: Академия, 2003.

Соловьева Мария Владимировна

канд. филол. наук, доцент, кафедра романской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
m.solovieva@spbu.ru

К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ СТАРОФРАНЦУЗСКОЙ ПАРНОЙ СИНОНИМИИ (НА ПРИМЕРЕ АБСТРАКТНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *CORROCIEZ*, *IRIEZ*, *DOLENT*)

Художественный язык старофранцузской литературы обладает набором специфических характеристик: использование клишированных выражений, синтаксические повторы, репризы, ретардации, а также использование парных синонимов.

Особенность синонимии в диахроническом ракурсе была показана В.В. Колесовым на материале древнерусского языка. Явление парной синонимии, или, в терминах В.В. Колесова, «парных именованій» — устойчивых двухкомпонентных сочетаний близкозначных слов, объединенных сочинительной связью [Артамонова 2014: 36], вписывается в теорию семантического синкретизма древнерусского слова [Колесов 1986]. Парные именованія рассматриваются В.В. Колесовым как проявление многозначности древнерусских семантических синкрет. В отличие от современных синонимов, функция которых сводится к уточнению или полной взаимозаменяемости в тексте, парные именованія «называют одно и то же явление, но по — разному» [Артамонова 2014: 39], формируя тем самым объем синкретичного слова.

Несколько иное мнение высказано в диссертационном исследовании С.Н. Голубева. Исследователь считает, что в старофранцузском языке цепочки синонимов и однокоренных слов используются «для выражения обобщенных, родовых значений при нейтрализации индивидуальных оттенков» [Голубев 1982: 74]. Иными словами, речь идет о скоплении абсолютных синонимов, перечисление которых призвано украсить повествование.

Представляется, однако, что парные синонимы в старофранцузском языке играют роль взаимодополняющих слов, соотносящихся с одним широким понятием — синкретой, одно-моментно реализующейся в тексте набором признаков, которые в современном французском языке образуют иерархизированную структуру многозначного слова.

Особенности функционирования парной синонимии в старофранцузском языке продемонстрированы на примере абстрактных прилагательных «*courrociez*» и «*iriez*».

Этимология. Прилагательное «*courrociez*» восходит к причастию прошедшего времени от глагола *corricier* (поздн.лат. *corruptiare*), имевшего значение «разрушать», «портить», и позднее получившего значения «раздосадовать, огорчать», «приводить в ярость», что объясняется пониманием гнева как «порчи» души. [Hélix 1999: 86] Синонимичное ему прилагательное «*iriez*» восходит к латинскому существительному «*ira*» (гнев). Показательно, что в старофранцузском языке эти прилагательные, регулярно употреблявшиеся в качестве парных синонимов, получают значение «огорченный, раздосадованный», причем это значение для прилагательного *courrocé* отмечается только в словаре старофранцузского языка Godefroy, а у прилагательного «*iriez*» — только в словаре Van Dael.

Думается, что оба значения — «разгневанный» и «раздосадованный», представленные в словарях как два отдельных лексико-семантических варианта многозначных лексем «*iriez*» и «*courrociez*», были воедино связаны в средневековом сознании. Они являли собой две стороны одного понятия, которое содержало представление о том, что чувствует человек, переживший сильное потрясение (поражение на поле боя, утрату близкого, обман и т.п.). Горечь и гнев, желание отомстить овладевают человеком. Это чувство описывается в текстах при помощи парных синонимов «*iriez*» и «*courrociez*».

Agoulanz fu iriez et corocös, /Sovent se clame chetif, maleüros.

Агулан раздосадован и разгневан, / Называет себя слабым, несчастным.

Aspremont: chanson de geste du XIIe siècle (1190) (p. 422)

Наличие у этих прилагательных значения «огорченный» подтверждается их регулярным вхождением в синонимическую пару с прилагательным «dolent», которое восходит к поздне-латинскому прилагательному «*dolentus» («печальный, огорченный») от латинского «dolens, dolentem» с тем же значением [Hélix, С. 86]. В старофранцузском языке это прилагательное сохраняет свое этимологическое значение.

Функционирование прилагательных в старофранцузских текстах. Исследование проводилось на основе языкового материала, представленного в подкорпусе старофранцузского языка Национального корпуса французского языка «Frantext». Было обнаружено 17 употреблений прилагательного dolanz в парной синонимии с прилагательным «courrociez» и 10 употреблений с прилагательным «iriez».

Приведем несколько примеров.

В «Песни о Роланде» описывается, как король Карл и французская армия скачут на подмогу Роланду. Понимая, что произошло несчастье, они скорбят, боясь, что Роланд погиб. Но в то же время, они готовятся к жестокому бою против сарацин. Французы испытывают сильное чувство, выражающееся парными синонимами «courrociez» и «dolent»:

Li empereres cevalchet par irur / E li Franceis dolenz e curuçus ; /N'i ad cei ki durement ne plurt.

Император скачет во гневе/ И французы опечаленные и раздосадованные/разгневанные,
/ Нет того, кто бы горько не плакал.

В «Романе о Лисе» — пародийном произведении XII века, используются эти же синонимы для описания гнева и переживаний одного из персонажей, обманутых Ренаром:

A force li fist il li rous ! / dolenz en sui et corçoçus

Он намеренно обхитрил его! / Я от этого опечален и раздосадован/разгневан

ANONYME — Roman de Renart, branche I. Jugement de Renart, Siège de Maupertuis, Renart teinturier (1180) (p. 2)

Столь же регулярно встречается синонимичная пара «iriez» и «dolanz». Так, в романе Кретьена де Труа «Ивейн, или рыцарь со львом» так описываются чувства Ивэйна, выслушавшего рассказ феодала о том, как его земли были разорены великаном:

«Sire, fet il, de vostre enui / Mout iriez et mout dolanz sui, / Mes d'une chose me mervoil, / Se vos n'en avez quis consoil».

«Господин, сказал он, из-за вашей несчастья / Я очень раздосадован / разгневан и опечален,
/ Но одно меня поражает: / То, что вы не обратились за помощью»

CHRÉTIEN DE TROYES — Yvain ou Le Chevalier au Lion (1177) (p. 94b)

Синтаксическая устойчивость и воспроизводимость в текстах парного сочетания абстрактных прилагательных «iriez» et «courrociez», «iriez» et «dolent», «courrociez» et «dolent», объединенных сочинительной связью, позволяет классифицировать их как парные синонимы. Отнесенность прилагательных «iriez» и «courrociez» к контекстам, описывающим сильное эмоциональное переживание героя, потерпевшего поражение на поле боя, пережившего предательство и, следовательно, испытывающего чувство гнева, сопряженное с сильным огорчением, досадой, позволяет не только определить значение этих прилагательных, но и сделать вывод об их синкретичной природе: они обозначают признак в его целостности. В современном французском языке этот признак расщепляется на несколько автономных, контекстуально обусловленных, лексико-семантических вариантов: courroucé (разгневанный) и «affligé» (огорченный).

Литература

Артамонова М. В. Вопрос о древнерусской синонимии в работах В. В. Колесова // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование: материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти православ. просветителей св. равноапостол. Кирилла и Мефодия и 800-летию Владим. епархии, 19–21 мая 2014 г., г. Владимир. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. Т. 8. С. 34–39.

Голубев С. Н. Особенности языка старофранцузского эпоса и их жанровая обусловленность: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 218 с.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 312 с.

Hélix L. L'épreuve de vocabulaire d'ancien français. Fiches de sémantique. Paris: Édition du Temps, 1999. 224 p.

Степанов Евгений Сергеевич

канд. филол. наук, доцент, кафедра немецкой филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.s.stepanov@spbu.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕСКРИПТОРНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «ЗАПАХ» В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПАРФЮМЕРНЫХ ОБЗОРАХ

Ключевые слова: концепт «запах», парфюмерный обзор, парфюмерный дискурс, ольфакторное описание.

Обоняние как внешнее чувство человека издревле занимало умы мыслителей различных эпох, научному осмыслению этот феномен в силу его субъективности подвергся, однако, относительно недавно, и многие аспекты, такие как механизмы формирования одорического кода в дискурсе, сопоставительное изучение концепта «запах» в русском и немецком языках и способы перевода связанных с этим концептом лексем, нуждаются в дополнительном изучении. В настоящем исследовании мы сфокусируемся на одной из составляющих этого концепта — на дескрипторном компоненте — и на том, как он реализуется в парфюмерном дискурсе.

Парфюмерный дискурс — понятие относительно новое в современной лингвистике. Первые исследования приходятся на 2010-е гг., когда стали появляться работы, критически осмысляющие это понятие. Так, например, Ф. Л. Косицкая на материале французского языка рассматривает понятие парфюмерного дискурса шире, чем просто его продукт — тексты, и при анализе концепта учитывает в том числе и экстралингвистические факторы [Косицкая 2016: 72]. С опорой на ее идеи под парфюмерным дискурсом мы будем подразумевать обособленный тип социокоммуникативной практики, в рамках которого осуществляется разработка, производство, продвижение и оценка коммерческих парфюмерных композиций. Важную роль при этом играет изучение того, с помощью каких языковых средств номинируются и описываются эти процессы в дискурсе.

По своей природе концепт «запах» является перцептивным, то есть основанным на сенсорных ощущениях. В основу концепта «запах» заложена понятийная составляющая, на которую накладывается лингвокультурная составляющая. Понятийная составляющая представлена объемом и содержанием понятия «запах», в то время как лингвокультурная составляющая включает в себя этимологический, образный, ассоциативный и оценочный уровни и может быть представлена как в диахроническом аспекте (история развития представлений о запахе), так и в синхроническом (его современное понимание) [Колупаева 2009: 11–13].

Понятийная составляющая выражается в парфюмерном дискурсе путем номинации запахов при помощи соответствующих лексем — одорем и одоронимов. Если одоремы в нашем понимании используются для обозначения имен нарицательных, репрезентирующих концепт «запах, то одоронимы, как следует из их названия, представляют собой имена собственные, фигурирующие в парфюмерном дискурсе (названия брендов и конкретных композиций). Реализация концепта в парфюмерном дискурсе происходит в форме одорического кода, уникального для каждого отдельного текста внутри дискурса.

Дескрипторный компонент концепта «запах» может реализовываться в дискурсе на различных уровнях в зависимости от того, какая часть структуры концепта активируется в контексте. В первую очередь подчеркивается релевантность оппозиции на основе критерия «нравится — не нравится» [Трофимова, Мамцева 2020: 6], который апеллирует к оценочному уровню лингвокультурной составляющей. Такая «гедонистическая валентность» восходит к исследованиям, посвященным воздействию запахов на человеческую психику и поведение [Майоров 2006: 328]. В проанализированном корпусе парфюмерных обзоров на русском языке и их переводов на немецкий эта дескриптивная категория является второй по частотности и характеризуется в подавляющем большинстве примеров расположением на положительном полюсе данной оппозиции: потрясающий — *beeindruckend*, уютный — *behaglich*, великолепный — *großartig* и т. д.

Наиболее же частотной дескриптивной характеристикой ароматов следует признать их атрибуцию к тому или иному ольфакторному направлению, что входит в содержание понятия «запах». Благодаря такой атрибуции происходит конкретизация понятия и производится распределение ароматов по т. н. семействам и подгруппам: фужерный — Fougère-[Duft], альдегидный — aldehydisch, животный — animalisch, гурманский — gourmandig и т. д.

Широко представлена также атрибуция по технико-сенсорной характеристике ароматов. Данная группа основана на синестетическом переносе из других сфер, доступных человеческому чувственному опыту. Такая характеристика базируется на синестезиях, в которых воспроизводится связь обоняния с иными чувствами человека. Здесь преобладают синестезии, основанные на переносе из сферы зрения и выражающие пространственные параметры: объем (объемный — voluminös), глубина (поверхностный — oberflächlich), скорость (медленно текущий — langsam fließend) и др. Синестезии по другим чувствам также представлены в корпусе: осязание (мягкий — sanft, колкий — stechend), вкус (сладкий — süß), слух (громкий — laut).

Среди прочих групп дескрипторов следует отметить атрибуты, выражающие характеристику аромата по стране происхождения, по времени года, по гендеру, а также отображающие связь с исходным концептом.

Проведенное исследование показало, что дескрипторный компонент концепта «запах» является его неотъемлемой и одной из наиболее важных составляющих, поскольку позволяет уточнить содержание понятия «запах» путем атрибуции к нему параметров, обозначающих как объективную, так и субъективно-оценочную характеристику.

Литература

- Колупаева А. А.* Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.
- Косицкая Ф. Л.* Жанровая палитра французского парфюмерного дискурса // Вестник ТГПУ. 2016. № 6 (171). С. 71–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-palitra-frantsuzskogo-parfyumernogo-diskursa> (дата обращения: 30.10.2023).
- Майоров В. А.* Запахи: их восприятие, воздействие, устранение. М.: Мир, 2006. 366 с.
- Трофимова Н. А., Мамцева В. В.* Любовь и запахи: репрезентация ольфакторности в любовном дискурсе (на материале немецкого языка). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2020. 94 с.

Терещук Андрей Андреевич

канд. филол. наук, доцент,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;

san_petersburgo@inbox.ru

ЭТИМОЛОГИЯ ЛЕКСЕМЫ «GUIRI» В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: лексикология, испанский язык, язык карлизма, сленг.

В Словаре Королевской академии испанского языка зафиксировано существительное «guiri» [Diccionario de la lengua española]. Данная лексема широко употребляется в разговорном регистре современного испанского языка в Испании (español de España) и представляет собой пейоративное наименование иностранного туриста. Из разговорной речи эта лексическая единица перекечовала на страницы испанских газет, и сейчас она часто встречается в публикациях, посвященных проблемам туристической отрасли в стране. Несколько лет назад в ряде городов Испании прошли протесты, направленные против прибытия чрезмерного количества иностранных туристов. Лексема «guiri» активно использовалась демонстрантами и превратилась в важную идеологему в испанском политическом дискурсе. В настоящей статье мы делаем попытку проследить этимологию данного слова.

Лексема «guiri» появилась в испанском языке во время Первой Карлистской войны (1833–1840). В этом конфликте, во многом определившем всю последующую историю Испании, сторонники либеральных преобразований в обществе противостояли крайним консерваторам, приверженцам так называемого «Старого порядка», получившим наименование «карлисты» (по имени своего лидера дона Карлоса). Слово «guiri» использовалось карлистами в качестве презрительного наименования либералов. Словарь королевской академии связывает его появление с искаженным баскским словом «guiristino» — то есть, «cristino» («кристино»), сторонник регента Испании королевы Марии-Кристины, объединившей вокруг себя либералов. Другое его значение, в соответствии со Словарем, — разговорное наименование чинов Гражданской гвардии («Guardia civil»), созданной в 1844 г. для борьбы с бандитизмом на дорогах и с остатками отрядов карлистов, не сложивших оружие [Diccionario de la lengua española].

В то же время, как показывает проведенный анализ мемуаристики времен Первой Карлистской войны, в 1833–1840 гг. данная лексема не употреблялась: в 11 книгах, относящихся к жанру военных мемуаров, не было зафиксировано ни одного случая употребления лексемы «guiri» [Терещук 2023: 387–388]. Один из крупнейших современных специалистов по раннему карлизму А. Бульон де Мендоса обнаружил пример использования данного слова в стихотворении поэта и писателя-романтика Ф. Наварро Вильослады, которое датируется 1838 г. [Bullón de Mendoza 1993: 324]. При этом «guiri» широко использовался в качестве пейоративного наименования либералов в текстах второй половины XIX — начале XX вв., в том числе в художественных произведениях М. де Унамуно и Р. М. дель Валье-Инклана. Соответственно, можно предположить, что лексема «guiri» появилась в самом конце Первой Карлистской войны, но получила распространение уже после ее окончания, в 1840-е гг.

В связи с этим заключением представляется дискуссионной вышеупомянутая гипотеза о происхождении «guiri» от баск. «guiristino». В 1840 г., через несколько месяцев после победы над карлистами, Мария-Кристина была вынуждена отправиться в изгнание, а новым регентом королевства при малолетней принцессе Изабелле II (и de facto диктатором) стал либеральный генерал Б. Эспартеро. Отдельные карлисты могли продолжить называть своих противников «guiri» «по привычке», вспоминая об изгнанной из страны Марии-Кристине, однако в таком случае вызывает вопрос, почему созданная четыре года спустя Гражданская гвардия также получила данное пейоративное наименование.

Классик испанской литературы и автор знаменитых «Национальных эпизодов» Б. Перес Гальдос в романе «Сумалакарреги» предложил следующее объяснение этимологии слова «guiri»: на униформе гвардейских частей либеральной армии размещались буквы «G. R. I.», кото-

рые означали «Guardia Real de Infantería» («Королевская гвардейская пехота»). Добавлением эпентетического [i] «G. R. I.» превратилось в «guirí» и впоследствии стало обозначать всех сторонников Марии-Кристины [Pérez Galdós 2003: 61]. Данную версию поддерживает и А. Бульон де Мендоса [Bullón de Mendoza 1993: 324]. При этом для носителей баскского языка в армии дона Карлоса данное слово было созвучно с «guiristino». Когда в 1844 г. либеральное правительство Испании создало Гражданскую гвардию, первое слово в названии данной структуры («Guardia») могло напомнить карлистам об аббревиатуре «G. R. I.». Закономерно, что солдаты и офицеры Гражданской гвардии, которые вскоре приняли участие в боевых действиях против сторонников дона Карлоса в ходе Второй Карлистской войны (1846–1849), также получили наименование «guirí».

Карлисты воспринимали себя как защитников традиционной Испании от «вредного» иностранного влияния. Либералы рассматривались ими не просто как идеологические противники, но как представители чуждой испанской культуре политической системы. Лексема «guirí», таким образом, обозначала «чужака», пропитанного «иностраннным духом». Возможно, именно по этой причине в XXI в. данным словом в Испании начали называть туристов из других стран.

Литература

- Терещук А. А.* Лексические особенности наименования противника в сленге испанских карлистов в период Первой Карлистской войны // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 4 (51). С. 380–394.
- Bullón de Mendoza A.* La Primera Guerra Carlista en la poesía // Las guerras carlistas: cursos de verano de la Universidad Complutense de Madrid, 1993. P. 291–421.
- Diccionario de la lengua española. URL: <https://www.rae.es/>
- Pérez Galdós B.* Zumalacárregui. Madrid: Editorial Castalia, 2003. 318 p.

Усманов Тимур Фазлитдинович

аспирант, кафедра иностранных языков,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
timur.usmanov25@gmail.com

ВЕСТИМЕНТАРНЫЕ ЗАГАДКИ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: загадки, мир повседневности, русская лингвокультура, испанская лингвокультура.

Загадка восходит к «древнейшему периоду первых проблесков человеческого ума», как писал Ф. И. Буслаев [Буслаев 1861: 129]. Согласно отечественным ученым, изучавшим генезис загадки (А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер, Д. Н. Садовников и др.), загадка появилась именно в тот период эволюции человека, когда он начал задаваться вопросами о происхождении и устройстве мира — почему днем светит солнце, а ночью на небе солнце сменяет луна; почему дожди ведут к урожаю, а засуха — к гибели растений. Во времена, когда все вокруг человеку казалось одной большой загадкой, появилась не только мифология, но и первые загадки.

Позже загадка эволюционировала и начала встречаться в письменных памятниках в виде вопросов и ответов. Так, начиная с XIII в. начали появляться подобные загадки на испанском языке. Первые документальные сведения о загадках на русском языке относятся к XVII в. — также в вопросно-ответной форме. Эта универсальная потребность человека ставить вопросы и получать на них ответы вызывает интерес к исследованию загадок на русском и испанском языках.

Однако если ранние загадки были заняты вопросами о бытии и устройстве мира, то в более поздних загадках на русском и испанском языках мы встречаем все больше загадок о мире повседневности — предметах быта и одежды, пище. Предположительно, появление подобных загадок приходится на период, когда загадка перестала быть таинственным метафорическим выражением, используемым кругом лиц, и стала более универсальной, попутно упростившись и взяв на себя новую роль забавы для времяпрепровождения.

Для данной работы мы исследовали более 60 испанских и русских загадок о предметах одежды. Исследование показало, что реалии испанского и русского мира повседневности, вестиментарный код испанской и русской лингвокультур выступают как организующие доминанты данного тематического пласта загадок. Так, примечательны загадки о сомбреро и веере, как типичных предметах повседневности испанского человека, а с другой — загадки о валенках и шубе, что отражает реалии русской жизни.

Не ботинки, не сапожки,
Но их тоже носят ножки.
В них мы бегаем зимой:
Утром — в школу,
Днем — домой (Валенки) [Карпенко 1988: 9].

Черна, а не земля,
пушиста, а не снег,
греет, а не печка (Шуба) [Карпенко 1988: 9].

Tamaño como una cazuela
tiene alas y no vuela
[Santana 1992: 109]. Размером с кастрюлю,
С крыльями, но не летает
(здесь и далее — перевод с испанского языка авторский).

En las manos de las damas
casi siempre estoy metido,
unas veces estirado,

otras veces encogido
[Santana 1992: 127]. Практически всегда я нахожусь
В женских руках.
Иногда я раскрыт,
а иногда — собран.

Неоценимо изучение загадок как проявления лингвокреативности этноса, что для полинационального испанского языка особенно значимо, и как составляющей лингвокультурологической компетенции студентов при изучении испанского языка как иностранного.

Литература

- Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб., 1861. С. 129.
Сборник загадок: пособие для учителя / сост. М. Т. Карпенко. М.: Просвещение, 1988.
A, Santana Jorge. La Adivinanza a través de quinientos años de cultura hispánica: Antología histórica. Sacramento, Calif: Spanish Press, 1992.

Фадеева Галина Михайловна¹, Терехова Елена Алексеевна

¹канд. филол. наук, доцент,

Московский государственный лингвистический университет;

galina_fadeeva@rambler.ru

²магистрант, Московский государственный лингвистический университет;

sincocinsu@yandex.ru

ИРОНИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВОССОЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ 1990 ГОДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: художественный текст, воссоединение Германии, когнитивный диссонанс, лингвистика иронии.

Воссоединение двух германских государств в 1990 году стало одним из наиболее значительных исторических событий конца XX века, оказавших серьезное влияние на дальнейшее развитие не только Германии, но также Европы и мира в целом. Это обуславливает актуальность изучения разных сторон воссоединения с позиции историков, политологов, лингвистов, литературоведов и лингвокультурологов.

Тема предлагаемого нами исследования — равноуровневые средства выражения иронического взгляда автора на воссоединение Германии 1990 года в художественном тексте на материале романа Б. Ширмера «Жираф Шлевайна» [Schirmer 1992, 1994]. Данное произведение рассматривается как часть дискурса воссоединения Германии и аутентичное свидетельство о времени. Помимо общественных, национально- и социокультурных реалий периода воссоединения Германии, свой вклад в передачу духа времени в романе Б. Ширмера вносят равноуровневые средства языка, с помощью которых автор выражает свой иронический взгляд на события. Исследование данных вопросов представляет интерес в контексте анализа дискурса воссоединения Германии и изучения художественных текстов как аутентичных свидетельств о времени.

Воссоединение Германии 1990 года коренным образом изменило привычную жизнь граждан бывшей ГДР, т. е. восточных немцев, которые столкнулись с тотальными переменами в их повседневной жизни, изменениями системы ценностей и необходимостью осмысления данного события. Большинству жителей Восточной Германии пришлось пережить драматический перелом в их биографиях. Появление в первые же годы после воссоединения литературных произведений с ироническим взглядом на эти исторические события можно рассматривать как реакцию восточногерманских писателей на негативные последствия воссоединения. Среди писателей, которые отразили эти события с юмором, был и Б. Ширмер с романом «Жираф Шлевайна».

Известно, что на всём протяжении человеческой цивилизации в сложные для общества периоды, сопровождавшиеся кризисами, неопределённостью и неуверенностью в будущем, на помощь людям приходил юмор с его свойством исцелять души. Немецкий литератор О. Бирбаум (Bierbaum) в начале XX века сжато сформулировал определение юмора «Юмор — это когда ты все равно смеешься» («Humor ist, wenn man trotzdem lacht»), подчёркнув тем самым, что юмор помогает человеку справиться с кризисными ситуациями.

Таким образом, одно из обоснований феномена ироничной реакции лежит в теории облегчения, которая рассматривает юмор как явление, способствующее освобождению от негативных эмоций. Эту же функцию выполняет юмор для авторов ГДР до и после воссоединения Германии. Б. Ширмер характеризует период объединения Германии 1990 года как сложный и использует для этого эмоционально-окрашенную оценочную лексику: „Es sind lausige Zeiten.“ (Паршивые времена), „<...> in dieser wirren Zeit“ (... в это смутное время) [Schirmer 1994].

Б. Ширмер прибегает к иронии дистанцирования, которая стала предпочтительной формой отрицающего дистанцирования (ablehnende Distanzierung) в современной литературе [Sowinski 1999]. Это ирония в широком смысле слова, когда вся тональность романа в определенном историко-политическом контексте и каждое слово в контексте романа становятся ироничными.

Высокие ожидания по обе стороны Берлинской стены и последовавшие сразу за её падением результаты со множеством негативных последствий вызвали у многих граждан ГДР когнитивный диссонанс, т.е. психологическое состояние дискомфорта и стремление избавиться от него. Неслучайно еще один роман об этом периоде в истории Германии вышел под названием «Похмелье» [Loest, Katerfrühstück 1992]. Разочарование и «отрезвление» стало поводом для ироничной реакции на события как способа освобождения от негативных эмоций.

Когнитивный диссонанс, возникший в мировосприятии жителей Германии в период объединения, выражается в романе Б. Ширмера в том числе через образ одного из главных героев романа — жирафа, который живет в доме рассказчика и является его собеседником. Именно этот персонаж выступает как образ противоречия между ожиданием и реальностью.

Иронический взгляд автора на сложный период в истории Германии позволяет ему дистанцироваться от драматических событий, свидетелем которых он является.

Специфика феномена иронии состоит в особых лингвистических и нелингвистических сигналах, которые являются предметом изучения лингвистики. Лингвистические сигналы иронии принадлежат к тому коду, с которым могут быть знакомы не все участники коммуникации. В докладе рассматриваются установленные в ходе анализа романа сигналы иронии и подчеркивается, что для реализации письменной иронической речи наряду с конкретными лингвистическими сигналами необходимо учитывать контекст, ситуацию и интуицию как герменевтическую величину [Weinrich 2000; Фадеева 2005]. Выбор автором романа определенных разноуровневых языковых средств позволяет рассматривать структуры социального знания в памяти носителей социокультуры и значимость данных структур для осмысления воссоединения Германии 1990 года как исторического события.

Литература

Фадеева Г. М. Паратекстуальные и внутритекстовые сигналы иронии // Германистика: состояние и перспективы развития: материалы Международной конференции 24–25 мая 2004. М.: МГЛУ, 2005. С. 197–203.

Schirmer B. Schlehweins Giraffe. Fr. am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994. 123 S.

Sowinski B. Stilistik. Stuttgart: Metzler, 1999. 248 S.

Weinrich H. Linguistik der Lüge. München: Beck-Vlg. 2000. 90 S.

Хуторецкая Ольга Александровна¹, Курочкин Тимофей Олегович²

¹канд. филол. наук, доцент, кафедра романской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет; o.khutoretskaya@spbu.ru
²студент, Санкт-Петербургский государственный университет;
st088125@student.spbu.ru

ЗНАЧЕНИЕ СЛУЧАЙНОСТИ / НЕОЖИДАННОСТИ ДЕЙСТВИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ПЕРИФРАЗЫ «VENIR À + ИНФИНИТИВ» (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: аспектуальная перифраза, грамматическая и лексическая семантика, конструктивно-обусловленное значение, служебный элемент, левый контекст.

Глагольная перифраза *venir à + inf.* принадлежит к распространённому во французском языке типу аналитических глагольных конструкций, в которых лексически полноценная единица (инфинитив) заключает в себе «вещественное» содержание (обозначает процесс/ действие/ событие), а глагол в личной форме через грамматические категории времени, наклонения, лица актуализирует это содержание применительно к речевой ситуации. При этом глагол в личной форме отчасти утрачивает своё исходное лексическое значение и грамматизируется, превращаясь в служебный элемент. Именно служебный элемент в подобного рода структурах определяет грамматическую семантику всей конструкции.

Значение случайности/неожиданности действия, выраженного инфинитивом, фиксируется как одно из основных для перифразы *venir à + inf.* в большинстве толковых словарей и грамматических справочников современного французского языка, в которых упоминается эта перифраза (см., например: [Grevisse, Goosse 2007: 1050], [TLFi]). Ж. Гугенхайм, изучавший французские глагольные перифразы, выделяет у *venir à + inf.* три основных значения: завершающего этапа предшествующего процесса (*l'aboutissement*); случайности действия (*l'accidentel*) и эвентуальности действия (*l'éventualité*) в целевых и дополнительных придаточных в плане будущего [Gougenheim 1929: 136]. Ж. Бре и Э. Лабо, проанализировав корпус языкового материала, включающий 3000 вхождений *venir à + inf.*, разбили все его значения на две группы: 1) аспектуальные разновидности значения завершающего этапа предшествующего процесса (*l'aboutissement*); 2) значения случайности действия (*l'accidentel*), связанные с отсутствием связи действия инфинитива с предшествующим процессом. Внутри второй группы выделяются значения неожиданного действия (*le fortuit*) и эвентуального действия (*l'éventuel*) [Labeau, Bres 2017: 134–140].

Обращает на себя внимание тот факт, что значение случайности/неожиданности действия включается в одну парадигму с такими разноплановыми с точки зрения грамматической семантики значениями, как аспектуальное значение завершённости или модальное значение эвентуальности. Необходимость уточнения статуса значения случайности/неожиданности действия с точки зрения его системности / окказиональности, конструктивной / контекстуальной обусловленности, а также его взаимосвязи с остальными выделяемыми значениями глагольной конструкции *venir à + inf.* определили ракурс настоящего исследования.

Вслед за Ж. Бре и Э. Лабо, мы считаем, что конструкция *venir à + inf.* — это аспектуальная перифраза, основное грамматическое значение которой заключается в том, что событие инфинитива представляется как наступающее по истечении некоторого имплицитного промежутка времени, хронологически предшествующего этому событию и подготавливающего его наступление. Это значение возникло у конструкции в результате исчезновения у *venir à* исходного значения перемещения в пространстве к месту назначения и его грамматизации со значением развития событий во времени до наступления события инфинитива (значение «временного континуума»).

Значение «временного континуума» является для *venir* конструктивно-обусловленным: оно возникает при каждом употреблении с инфинитивом, вводимым предлогом *à*, и только при таком употреблении. Как показал анализ языкового материала (714 вхождений изучаемой структуры, отобранные случайным образом в подкорпусе текстов 1800 — 2021 гг. Национального корпуса французского языка Frantext), содержание «временного континуума» может эксплицироваться контекстом (1. *Votre femme est très malade, mon ami. Vous devriez même consulter monsieur Bergerin, elle est en danger de mort. Si elle venait à mourir sans avoir été soignée comme il faut, vous ne seriez pas tranquille, je le crois.*), но чаще остаётся «за кадром», в импликации (2. *Il arrive assez souvent qu'une langue vient à imiter la manière de dire d'une autre langue, sans qu'il y ait transmission de matière phonique.*). Синтаксический контекст употребления (независимое/ придаточное предложение, тип придаточного) и видо-временная форма глагола *venir*, определяют модальную специфику значения перифразы. Это может быть модальность реального действия (см. пример 2 выше) или модальность реальной / гипотетической обусловленности действия (см. пример 1 выше). Особенности внутреннего контекста (семантика инфинитива, видо-временная форма *venir*) могут способствовать возникновению у конструкции дополнительных аспектуальных значений (терминативность/ начинательность/ итеративность).

Ни конструктивно-обусловленное значение «временного континуума», ни синтаксически связанное модальное значение (реальность/ эвентуальность), ни контекстуально-обусловленные разновидности аспектуальных значений не являются определяющими для возникновения у конструкции в целом значения случайности/ неожиданности действия инфинитива. Определяющим для возникновения этого значения является наличие логического противоречия между содержанием левого контекста и результирующим событием инфинитива. Это противоречие может быть следствием как реального нарушения логических связей между событиями, так и кажущегося нарушения этих связей в результате того, что временной континуум глагола *venir* скрыт от адресата. В последнем случае автор часто использует дополнительные лексические средства (*par hasard, soudain, tout à coup* и др.), чтобы подчеркнуть случайность/ неожиданность развития событий. Если событие инфинитива является хронологическим завершением предшествующего временного континуума и не противоречит общей логике развития событий, значение случайности/ неожиданности не реализуется.

Таким образом, значение случайности/ неожиданности действия не должно ставиться в один ряд с модальными или аспектуальными значениями глагольной перифразы *venir à + inf.* Это значение имеет иную природу и может накладываться на каждое из названных значений. Его реализация связана с особенностями взаимодействия содержания левого контекста с лексической семантикой глагола в инфинитиве и с установлением специфических логических связей между ними.

Литература

- Gougenheim G. Étude sur les périphrases verbales de la langue française. Paris: Nizet, 1929. 384 p.
Grevisse M., Goosse A. Le Bon Usage. 14e édition. Bruxelles: De Boeck, 2007. 1600 p.
Labeau E., Bres J. De l'auxiliaire aspectuel *venir à (+ infinitif)* // Le Français Moderne. 2017. Vol. 85, no. 1. P. 126–144.
TLFi : Trésor de la langue Française informatisé. URL: www.atilf.fr/ressources/tlfi/

Цветаева Елена Николаевна¹, Панкратьева Елена Сергеевна²

¹канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный лингвистический университет;
elenatsvetaeva@yandex.ru

²канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный лингвистический университет;
helene-sergeevna@yandex.ru

КОРПУС «ВИЗУАЛИЗИРОВАННОЙ» ФРАЗЕОЛОГИИ: ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ

Ключевые слова: фразеологизм, историческая фразеология, полимодальность, визуализация, корпус.

Существенную роль при проведении исторических фразеологических исследований играют источники изучения фразеологических знаков. Помимо традиционных, к которым А. Г. Назарян относит репрезентированный в различных сборниках фразеографический материал разных эпох, фразеологию литературных памятников, относящихся к различным историческим этапам ее развития, а также труды, посвященные анализу фразеологических единиц, отражающие уровень и характер развития фразеологии в то или иное время [Назарян 1981: 13–14], представляется важным обратить внимание на еще один источник, обладающий уникальными признаками и дающий новые исследовательские возможности, а именно «визуализированную» фразеологию. Период ее расцвета, предопределенный широкой распространенностью социокультурных практик, обусловленных карнавализацией различных жизненных явлений, следует отнести к эпохе позднего Средневековья и раннего Нового времени, когда реализация игровых замыслов в литературе и искусстве находит свое уникальное воплощение.

Исключительность «визуализированной» фразеологии как источника изучения фразем в диахронии, в том числе на конкретном синхронном срезе, детерминирована как спецификой создаваемого гетеросемиотического пространства, основанного на интерсемиозисе вербальных и графических компонентов, оказывающего особое влияние на эмоционально-чувственную сферу реципиента, так и доказательством включения репрезентированных в виде иконических знаков устойчивых единиц в «пословичный фонд» соответствующей эпохи. При этом отсутствие вербального элемента фразеологизмов в отдельных художественных произведениях не затрудняет их идентификацию; образ реконструируется благодаря недвусмысленным ассоциациям, возникающим при созерцании изображения, что приводит к верной интерпретации фраземы.

Фрагментарность описаний и эмпирических исследований рассматриваемого феномена выдвигает на первый план насущную необходимость систематизации источников средневековых, ренессансных и барочных изображений, визуализирующих устойчивые словесные комплексы. Проведенное авторами доклада детальное изучение анализируемой проблемы позволяет утверждать, что «пословичные» изображения, иллюстрирующие внутреннюю форму фразеологических знаков, обнаруживаются на страницах иллюминированных средневековых рукописей, на гравюрах старопечатных книг и эмблематических сборников, а также встречаются в следующих художественных формах: живописи и графике Северного Возрождения и барокко (преимущественно в немецко-нидерландском континууме); листовках (нем. Flugblatt), средневековых и ренессансных бильдербогенах (в русской традиции известны как лубок, лубочные картинки); декоративно-прикладном, в частности шпалерном, искусстве; мизерикордиях западнохристианских соборов.

Выявленные продукты художественного творчества, иллюстрирующие фразеологические единицы, требуют методологической разработки соответствующего корпуса. Благодаря важному свойству корпуса текстов (в широком семиотическом смысле в этом случае под текстом понимается любое художественное произведение, как литературное, так и изобразительное) — его репрезентативности, которая верифицирует достоверность полученных результатов —

представляется возможным обнаружить присущие рассматриваемой эпохе закономерности в функционировании визуализированной фразеологии и превращает его в еще один, не менее значимый, источник фразеологического исторического исследования.

Отметим, что сконструированный корпус текстов может включать не только фиксацию отдельных изображений, но и примеры использования визуализированных фразем в литературных произведениях рассматриваемого периода. При этом критерии отбора текстов для создания корпуса «визуализированной» фразеологии должны определяться задачами диахронической фразеологии и заключаться в предельно объективной репрезентации анализируемого явления.

При помощи проведения количественного корпусного анализа возможно установить частотность визуализации изучаемых фразеологизмов в конкретных художественных формах, а также сравнить полученные данные с встречаемостью этих устойчивых единиц в других видах гетеросемиотических единств. Статистический анализ частотности появления фразеологизмов в виде иконографического знака позволит детерминировать наличие лежащих в основе фразем актуальных для рассматриваемой эпохи важных символов и культурных концептов, что облегчит создание тематико-идеографической классификации идентифицированных устойчивых словесных комплексов и поможет определить «набор» иконографических реминисценций в рамках культурно-ценностной парадигмы исследуемого периода.

Оперирование данными разработанного корпуса имеет принципиальное значение для обнаружения как вышедших из употребления, так и сохранивших свою актуальность в современном языке фразеологических единиц и будет способствовать осмыслению процессов возникновения фразем и их функционирования в различных типах дискурса.

Формирование подобного корпуса фразем имеет практическую ценность и послужит эффективным инструментом исследования диахронической фразеологии на материале семиотически гибридных текстов отдаленных эпох.

Литература

Назарян А. Г. История развития французской фразеологии. М.: Высш. школа, 1981. 189 с.

Чекалина Елена Михайловна

д-р филол. наук, профессор,

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова;

etch1@yandex.ru

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СЛОВО DÅ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: полифункциональные слова, наречие, союз, модальная частица.

Среди полифункциональных слов с адвербиальной семантикой наиболее многозначным является *då*, в своем исходном значении дейктическое местоименное наречие «тогда», имеющее анафорическую функцию. В наиболее общем виде оно обозначает момент времени в прошлом или будущем, дистанцированный с моментом речи: *Då var han 31 år* [Teleman 1999, 2: 643] «Тогда ему был 31 год»; *Jag ska gå på matchen ikväll. Då kanske vi ses* [Teleman 1999, 2: 655] «Вечером я пойду на матч. Тогда мы, возможно, увидимся». Кроме того, оно может употребляться в расширенном временном контексте, также не предполагающем соотносительности с моментом речи: *När det regnar deppar hon, men då trivs jag* [Teleman 1999, 2: 646] «Когда идет дождь, она впадает в депрессию, а я тогда чувствую себя комфортно»; *Numera spelar jag tennis på torsdagarna. Då träffar jag alltid Albert* [Teleman 1999, 2: 648] «Сейчас я играю в теннис по четвергам. Тогда я всегда вижу с Альбертом».

При выражении следующих одно за другим завершенных событий прошлого *då* может выражать результат и/или следствие, вызванные предшествующей ситуацией, приобретая оттенок причины и/или условия: *Men så fick jag se dig och då glömde jag allt det där* [Teleman 1999, 2: 655] «Но вот я увидел тебя и тогда забыл всё это».

При этом в презентном и футуральном контексте *då* может частично или полностью утрачивать темпоральную семантику и становится средством анафорической отсылки к предшествующей ситуации, выступая средством её эмфатического выделения и приобретая значение «в таком случае». При полной утрате темпоральной семантики и анафорической функции *då* утрачивает динамическое ударение и становится средством выражения эпистемической модальности, ориентированным на установку говорящего, нередко приобретая адверсативный оттенок: *Han är då söt* [Teleman 1999, 4: 768] «Да он же такой милый»; *Jag har då inte lämnat dörren olåst* [Teleman 1999, 4: 96] «Да я же не оставил дверь незапертой». Авторы Шведской Академической грамматики считают, что при таком употреблении *då* выступает в функции фразового обстоятельства с модальной семантикой. Представляется, однако, что в таких случаях оно является модальной частицей, способной, так же как другие модальные частицы — *väl*, *ju*, *nog* и *visst* — занимать в предложении позицию фразового обстоятельства. От модальных наречий в функции фразовых обстоятельств их отличает безударность и отсутствие автономного инвариантного лексического значения. Семантика модальных частиц реализуется только как прагматическое значение в контексте актуального речевого высказывания, выполняющего определенную коммуникативную функцию. В то же время, в отличие от других модальных частиц, в экспрессивных высказываниях различной структуры *då* может помещаться в конце высказывания. В таких случаях оно выступает средством экспрессивного усиления различных коммуникативных типов высказываний, прагматически ориентированных на контакт с адресатом речи в диалогической речи: 1) после вопросительного слова в специальном вопросе неполной структуры, содержащем скрытое возражение адресату: *Jag skulle vilja resa. — Vart då?* «Я бы хотел уехать. — Куда же это?»; *När tänker du erkänna det? — Erkanna vad då?* «Когда ты собираешься признать это? — Что еще признать?»; *Det betvivlar jag starkt. — Varför då?* [Teleman 1999, 2: 656]; *Det betvivlar jag starkt. — Varför då?* [Teleman 1999, 2: 741] «В этом я сильно сомневаюсь. — Почему же это?»; 2) в побудительных высказываниях различной структуры, выражающих высокую степень экспрессивности: а) в высказываниях, побуждающих к совместному действию вопреки намерениям адресата речи: *Ska vi gå nu då?* «Так мы сейчас уходим (или нет)?»; б) в категоричных высказываниях с формой императива, побуждающих адресата речи к нежелательным для него действиям: *Men kolla det här*

då! ‘Так проверь же это (тогда)!’; Ge dig av nu då! ‘Да уходи же (наконец)!’ [Mc Kinnon Forsell 2015: 18]. Показательно, что в таких случаях då может употребляется наряду с темпоральным наречием nu, маркирующим отнесенность коммуникативной ситуации к моменту речи, что свидетельствует о полной утрате исходного лексического значения. В экспрессивно насыщенных высказываниях då нередко употребляется в сочетании как с другими модальными частицами, так и с междометиями: Visst inte då. ‘Да конечно же нет’; Usch då! ‘Фу ты!’ [Teleman 1999, 2: 656]; Oj då, nu börjar han igen ‘Ой, надо же, он опять начинает’ [Teleman 1999, 2: 766]. В обоих случаях такое употребление служит для выражения прагматической (маркирующей возражение в случае модальной частицы) или эмоциональной реакции говорящего (в случае междометия) на предшествующую реплику адресата. При прощании употребление завершающей реплику частицы, как представляется, служит прагматическим средством, указывающим на важность завершившейся коммуникативной ситуации: Adjö då, lilla vän. ‘Тогда прощай, дружок’; Hej då. ‘(Тогда) до свидания’ [Teleman 1999, 2: 766]. Показательно, что в формулах прощания аналогичную шведскому då прагматическую функцию в русском языке может выполнять его лексический эквивалент — наречие «тогда», которое помещается, однако, не в конец, а в начало высказывания. Особую проблему составляет употребление då в функции временного подчинительного союза недифференцированной семантики; это обусловлено тем, что в современном шведском языке более частотным в этой функции является подчинительный союз när. Различия между ними наиболее заметны при выражении дополнительных семантических оттенков — причины при употреблении då и условия при употреблении när [Жильцова 2006: 41–44].

Литература

- Жильцова Е. Л. Сложноподчиненное предложение в современном шведском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.
- Mc Kinnon Forsell R. ”Då kör vi då då!”. Lund: Lunds universitet, Institutionen för nordiska språk, 2015.
- Teleman U., Hellberg St., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. Band. 2. Ord. Band 4. Satser och meningar. Stockholm: Norstedts, 1999.

Яковлева Александра Алексеевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.yakovleva@spbu.ru

МЕЖДОМЕТИЯ С КОМПОНЕНТОМ «БОГ» В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: междометие, Бог, десемантизация междометий, транспозиция междометий.

Среди производных междометий особое место занимают междометные фразеологические единицы, имеющие в своем составе компоненты, семантически восходящие к упоминанию высшей силы. Для христианской культуры это сочетания с такими компонентами, как «Бог», «Господь» «Иисус» (слава богу, бог с тобой, бог в помощь, господи, господи помилуй, господи иисусе) в русском языке, «God» (Бог), «Jezus» (Иисус) (godzijdank (слава богу), jemig (боже), allemachtig (всемогущий), godverdomme (черт побери)) в нидерландском. Появление этой группы производных междометий связано с общехристианской традицией, призывающей паству благодарить и восхвалять господа за все, что есть у верующего в жизни, мысленно обращаясь к всевышнему и вне принятых часов молитвы. Запрет лишний раз поминать Бога «всуе», с одной стороны, и суеверный страх, заставляющий то и дело обращаться к нему и в мирских делах, иными словами, сочетание уважения и страха, породили чрезвычайно большое количество междометий с рассматриваемыми компонентами, представляющими собой эвфемизмы наименований Бога.

Культура нидерландского кальвинизма, сочетающая в себе лютеровский перевод латинского «sola fide», как «allein durch den Glauben» («только через веру»), где «только» добавлено «... для передачи подлинной мысли апостола Павла на том языке, которым говорят простые люди, например «мать семейства, дети на улицах, люди на рынке»» [Ревуненкова 2012: 143], с одной стороны, и учение о предопределении, с другой, породила особую традицию личного переживания евангельского учения, которая на почве строгой католической догмы привела к популяризации фундаментальных богословских понятий внутри реформатской общины. Получается своего рода формула — быть в постоянном личном переживании Бога, но не мочь на него уповать.

В нидерландском языке для этой группы междометий можно отметить ряд особенностей, связанных со схожими транспозиционными процессами перехода от знаменательной части речи, в данном случае, имени собственного, к междометию а от междометия через процесс семантизации снова к знаменательной части речи. Рассмотрим три этапа:

1. Несмотря на прототипически разговорный характер междометий, следует отметить особенности написания этих изначально имен собственных. Любопытно, что в функции междометия God (Бог) последовательно пишется с заглавной буквы (God! o God! och God! goeie God, wel God allemachtig (господь всемогущий), God in den hemel (господь на небесах), God in den Haag (господь в Гааге), God hemelse duegd! Gods lieve tijd!), а Jezus (Иисус) и Christus (Христос) в большинстве случаев пишутся со строчной буквы, хотя возможны и варианты с использованием заглавной буквы: alle jesus (с пометой «не официально») = alle Jezus (Господь всемогущий!), то есть, смена частеречного статуса на междометие происходит через стадию имени нарицательного.

alle Jezus → alle jesus

2. Второй этап трансформации внутри фразеологизма уже в функции междометия представляет собой «склеивание» или сращение единиц внутри словосочетания:

alle jesus → allejesus

3. На третьем этапе происходит (а) изменение состава морфем почти «до неузнаваемости» или (б) усечение морфемного состава единицы по законам аббревиации с целью эвфимизации:

(а) allejesus → alderjekus

(б) allejesus → alleje(e)

Обращает на себя внимание обилие вариантов написания почти каждого из междометий группы (jēminee (от лат. *Jesus Dominus* Иисус Господь), jēminie, jēmie, jēmig). Обилие вариантов свидетельствует о потере фразеологической единицей понятийного содержания и приобретении содержания эмоционального.

4. Приобретя в результате процессов «склеивания» вид одной лексемы, фразеологическая единица может становиться наречием или прилагательным:

Ik had er geen woorden voor. Maar ik dacht ook: 'Sodemieter, ik moet toch wel een allejezus goede acteur zijn geweest'. (У меня не было слов. Но я подумал: «Разрази меня гром, должно быть, я был чертовски хорошим актером»).

Перевод последнего примера демонстрирует ситуацию, когда синонимами к слову «Бог» в функции междометия становятся противоположные понятия, например в русском «бог с тобой» = «черт с тобой») [Купцова 2009: 25]. Для нидерландского поминать «черта» не свойственно (во фламандском варианте используется французское заимствование *merde* (черт!, черт возьми!) но сами лексемы «*jezus*» и «*christus*» в качестве междометия и вовсе используются только с негативной коннотацией: *jezus christus, wat ben jij lelijk!* (Господи иисусе, какой ты урод!), а многочисленные *godallemachtig, godbetert, godbewaarme, godschristus*, используются, как правило, для передачи крайнего удивления, скорее возмущения. Кроме того, типичны сочетания, передающие значение проклятья: *godver(domme(s)), verdorie, potverdorie* и другие многочисленные варианты.

Литература

- Купцова А. А. Многозначность междометных образований с компонентом Бог в русском языке // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 2. Русистика.
- Ревуненкова Н. В. Жан Кальвин: Теология и религиозно-общественная мысль XVI века. СПб.: ИПЦ СПбГУДТ, 2012.

Якушкина Ксения Валерьевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
devona@inbox.ru, k.yakushkina@spbu.ru

ЯЗЫКОВАЯ «ОДНОМЕРНОСТЬ» КАК ОДИН ИЗ НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ В ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: медийный дискурс, манипуляция, Герберт Маркузе, одномерный человек, испанский язык.

Сегодня мы не можем игнорировать тот факт, что практически все жанры современной коммуникации так или иначе взаимодействуют с медиадискурсом. СМИ непосредственным образом изменяют реальность, трансформируя ее через непрерывный ряд повторяющихся стереотипов, образов, клише, паттернов, метафорических шаблонов, а также мемов и «вирусных» сообщений (особых коммуникативных единиц XXI века), и участвуют тем самым в конструировании своеобразных «симулякров» действительности, благодаря которым формируется комфортное и выгодное мировидение и диктуются новые нормы и ориентиры социального, культурного, политического и языкового поведения.

При этом следует подчеркнуть междисциплинарный характер исследования медиаязыка, поскольку проблема манипулирования является объектом изучения в различных науках: политологии, социологии, психологии, антропологии, лингвистике, прагматике, теории информации, теории коммуникации и др. Эффекты воздействия СМИ на аудиторию и способы моделирования медиареальности (мультиреальности, псевдореальности, гиперреальности) традиционно изучаются в рамках различных теорий коммуникации, таких как теория «подкожного впрыскивания», «лидеров общественного мнения», «псевдоокружения», «общества спектакля», «глобальной деревни», «индустрии культуры», «повестки дня» и др. Основное внимание в этих научных гипотезах уделяется передаче не столько информации, сколько влияния. Посредством использования соответствующих вербальных и невербальных средств, которые отбираются и комбинируются в соответствии с той или иной модальностью медиадискурса, — коммерческой (маркетинг), политической (пропаганда, предвыборные кампании) или социально-административной, — СМИ оказывают определенное воздействие на общественное мировоззрение, способствуя его унификации. В зависимости от более агрессивного (конфликтного) или более толерантного (некатегоричного, ненасильственного, бесконфликтного, кооперативного, амортизированного / ослабленного / смягченного, или, по нашему определению, «седативного» [Якушкина 2017]) вектора коммуникации (стратегии хеджинга), прагматические нюансы политики так называемой «постправды» могут быть соответствующим образом скорректированы.

Одна из коммуникативных теорий, представляющий несомненный интерес при изучении медиаязыка, была разработана в период усиленного экономического роста 1950-х гг., и представлена в работе социолога и философа, ярчайшего представителя знаменитой Франкфуртской школы, Герберта Маркузе «Одномерный человек» (1964). В нем исследователь высказывается против «ценностей» массовой культуры и общества потребления, которые вместо того, чтобы освободить личность, предоставив ей всевозможные блага цивилизации, напротив, способствуют ее порабощению, делая зависимой от мнимого «комфорта» и «удобства». СМИ, в частности реклама, насаждают культ «одномерного общества», создавая новую модель современного «одномерного человека» [Маркузе 2002]. Это определение означает, что человек теперь живет в одном единственном измерении, полностью утратив все остальные, особенно способность к критическому мышлению («одномерность» vs «многомерность»). В подобном обществе пропагандируется своего рода «контролируемая и манипулируемая свобода», когда процесс принятия того или иного решения по своей сути безальтернативен и ограничен выбором между тем или иным товаром. Соответственно, СМИ использует «одномерный язык» и его

разноуровневые «магические» ресурсы, как собственно лингвистические, так и гибридные (поликодовые, мультимедийные), с повышенной степенью визуализации, оказывающей суггестивное, практически гипнотическое воздействие на аудиторию. Таким образом, технологическое усовершенствование инструментов воздействия способствует более эффективной модификации общественного восприятия и его стандартизации.

По мнению Маркузе, выражения одномерного языка строятся на объединении противоположных понятий «черное/белое», но всегда предполагают положительную тональность. Данная специфика отражает идеологическое противостояние «свой/чужой» периода «холодной войны», порождая термины в духе оруэлловского *doublespeak*, которые актуальны до сих пор. Механизм их формирования осуществляется с помощью антифразиса (*guerra vs paz*), гипонимии (*seguridad, defensa*), оксюморона (*discriminación positiva, crecimiento negativo*), литоты и мейозиса (*desaceleración, discapacidad, poco avanzado*), а также перифрастической градации (*medidas agresivas / políticas / especiales*). Подобные методы построения характерны и для коммерческого, и для социального жанров медийного дискурса. На формальном уровне при этом наблюдается как максимальное сокращение высказывания в сторону аббревиации и использования различных символов (*PMR; 0%; 2 en 1*), так и его расширение (*de talla especial; persona de movilidad reducida*). С точки зрения оценочной семантики, выделяются как эксплицитно позитивные выражения (*rojo increíble, cuidado extraordinario, de primera calidad*), так и намеренно двусмысленные формулы с максимально расплывчатым, абстрактным, эвфемистически «опустошенным» значением (*actualización, regulación, restructuración, modificación, alteración, flexibilización*), также см. примеры [Gallud Jardiel 2005].

Анализ примеров демонстрирует, что инструменты «одномерного языка» функционируют как «заклинания», «колдовские формулы» или «уловки эскапизма», «транквилизаторы» или «снотворные», «лингвистическая косметика» или «театральные маски», призванные завуалировать, «не сказать всю правду». Они позволяют избежать слишком прозрачной риторики, создавая свою собственную медиавселенную симулякров (факты vs «фактоиды») и могут считаться маркерами «стратегической коммуникации». В то же время СМИ — это своеобразная «индустрия соблазна», навязывающая «одномерные» потребности посредством комплексного использования различных коммуникативных кодов, а также умелой комбинации эксплицитных механизмов рациональной аргументации с приемами подсознательного и имплицитного внушения (суггестии).

Литература

- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003. 526 с.
- Якушкина К. В. Основные принципы построения «седативной» стратегической коммуникации: прагматический лингвистический аспект (на материале испанского политического дискурса) // Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность. Доклады и материалы Третьего международного форума, 2–4 октября 2017 г. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 1378–1386.
- Gallud Jardiel E. El eufemismo como instrumento de manipulación social // *Comunicación y hombre: Revista interdisciplinaria de ciencias de la comunicación y humanidades*. Universidad Francisco de Vitoria, 2005. № 1. P. 121–130.

РУССКИЙ ЯЗЫК

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ (РУССКИЙ И ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ)

Зорина Екатерина Сергеевна

*канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.zorina@spbu.ru*

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»)

Ключевые слова: художественный текст, вопросительные предложения, современная художественная проза, синтаксис, грамматика.

В лингвистической науке накоплен большой теоретический и практический опыт, связанный с изучением художественных текстов в русле господствующей в XX веке коммуникативной (семантической) научной парадигмы, которая предполагает особое внимание к говорящему субъекту. Внимание к субъектным формам синтаксиса впервые привлек В. В. Виноградов [Виноградов 1936]. Семантический подход предлагает рассмотрение художественного произведения в контексте особой, усложненной коммуникативной ситуации, где говорящего и слушающего заменяют соответственно Повествователь и Читатель, причем при каждом прочтении текста повествователь представляет текст новому адресату [Падучева 1996: 218]. Анализ полисубъектного, полимодального художественного повествования видит своей целью локализацию позиции субъектов повествования. Такой подход позволяет приблизиться к замыслу автора.

В первую очередь интерес представляют художественные тексты конца XX — начала XXI века. Основное внимание здесь сосредотачивается на анализе синтаксических конструкций, которые маркируются на модальном уровне.

Роман Евгения Водолазкина «Чагин» (2022 г.) интересен для анализа как с лингвистической точки зрения, так и с точки зрения истории литературы. В связи с последним аспектом следует отметить одну из главных тем романа — тему памяти — и введение нескольких повествователей для описания главного героя, что отсылает к литературной традиции.

В лингвистическом аспекте внимание привлекает полимодальная структура повествования и немаркированные переходы от одного субъектного повествовательного плана к другому. Структура повествования принципиально усложнена уже на уровне сюжета: о жизни главного героя романа Чагина читатель узнает из нескольких источников: дневник Чагина, который читает архивист Павел Мещерский; рассказы о Чагине вербовщика КГБ и друга Чагина; переписка Мещерского с его девушкой. Такая структура повествования предполагает внимание к лингвистическим маркерам субъектной позиции автора.

Особое место среди таких маркеров занимают вопросительные предложения, которые появляются в тексте романа во всех повествовательных формах: в диалогах, в конструкциях с косвенной речью, в конструкциях с несобственно-прямой речью, в авторском повествовании, а также во вставных конструкциях. Однако отсутствие соответствующего грамматического, пунктуационного и графического оформления перехода от одной формы к другой создает ощущение единой речевой стихии, ориентироваться в которой автор предлагает читателю самостоятельно. Вопросительные предложения функционируют в тексте, выступая как связующие разных субъектных повествовательных планов:

Ответственные редакторы: д-р филол. наук *В. П. Казаков*, канд. филол. наук *С. В. Вяткина*.

Удивившись непонятливости коллег, Николай Иванович негромко выругался. Объяснил, что грабить Веру будет он, а Исидор, как раз-таки наоборот, выступит защитником. Автора идеи поняли, но вопрос о грабеже остался: зачем нужно было знакомиться именно так?

Николай Иванович опешил. После паузы он спросил:

— А как?

Хороший был вопрос. (с. 72)

Фрагмент включает: третьеличное повествование (первое предложение); косвенную речь (второе предложение); конструкцию с несобственно-прямой речью (третье предложение), которая маркирована глаголами с субъектной референцией героев: «герои поняли», но «у них остался вопрос (не поняли)» и вопросительной конструкцией «зачем нужно было знакомиться именно так?» с модальными элементами с семантикой недоумения, удивления «именно так». Далее происходит переход к третьеличному повествованию и прямой речи, оформленной как диалог. Вопросительная реплика диалога «А как?» адресована героям, чей модальный план оформлен несобственно-прямой речью, то есть к диалогу подключен автор, так как несобственно-прямая речь предполагает слитность точки зрения героя и автора. Следующее предложение «Хороший был вопрос» воспринимается уже в контексте этого диалога, а модальный элемент с семантикой оценки «хороший» реализует свое значение за пределами художественного мира героев, он адресован читателю, которому предлагается задуматься не над выбранным в конкретной ситуации способом знакомства, а над внутренним миром и ценностными установками героя (вербовщика КГБ), который считает, что инсценировка ограбления — это единственный верный способ знакомства молодого человека и девушки.

Отдельного внимания заслуживают фрагменты, в которых вопрос предшествует высказыванию генеритивного регистра [Золотова и др.: 2004]:

Она угостила нас чаем.

Варвара Феодосьевна — нос картошкой, коса-плетенка — напоминала какого-то сказочного персонажа. Сколько ей было лет (веков)? Как определить — по годовым кольцам?

У фольклорных героев нет возраста. (с. 115)

Повествование от лица героя включает два вопроса, которые связаны с сюжетным повествованием — о возрасте эпизодического персонажа. В первом вопросе повествование прерывается вставной конструкцией с надтекстовой референцией «(веков?)», которая на сверхфразовом уровне предваряет выход из сюжетного повествования в поле читателя. Читателю обращено далее высказывание генеритивного регистра, предлагающее задуматься о не связанной с сюжетом области знания.

Вопросительные конструкции и контексты вокруг них формируют модальный диалог между всеми субъектами речи в романе, включая читателя. Позиция автора явлена в организации многомерного повествования, которое представляет собой объемную конструкцию, формируемую векторами повествовательных планов субъектов речи, отправной точкой для которых являются вопросительные предложения.

Литература

Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // *Временник Пушкинской комиссии*. Т. 2. 1936. С. 75–147.

Водолазкин Е. Чагин. М., Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 378 с.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996. 464 с.

Зубова Сусанна Викторовна

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
susanna.zubova@mail.ru

СУБЪЕКТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ Л. ДАНИЛКИНА «ЮРИЙ ГАГАРИН»)

Ключевые слова: коммуникативная грамматика, субъектная перспектива, воздействие на адресата.

Современное информационное пространство сложно представить без средств воздействия на адресата, включая лексические, синтаксические и стилистические приемы. Все они так или иначе связаны с субъектной перспективой (термин Г. А. Золотовой), являющейся способом организации текста, за которым стоит конкретное «Я» автора. «Коммуникативная грамматика русского языка» представляет субъектную перспективу, включающую пять субъектных сфер: две диктумные (объективное содержание высказывания) — субъект действия/состояния/качества, субъект-каузатор; и три модусные (субъективное содержание) — авторизатор (субъект сознания), автор высказывания, адресат [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 231]. Соотношение субъектов диктума и модуса, совпадение или несовпадение «Я» субъекта сообщения и «не-Я» субъекта сообщаемого факта могут зависеть от задач, которые перед собой ставит автор — сообщение и/или воздействие.

На примере книги Л. Данилкина «Юрий Гагарин», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», мы показываем, как через субъектную перспективу автор может оказывать влияние на восприятие информации читателем, формируя у него определенное отношение к предмету обсуждения. Одной из главных коммуникативных задач автора данной книги является убеждение читателя в том, что ему практически ничего не известно о Ю. А. Гагарине, а то, что известно, представляет собой советский «миф о Гагарине». Вторая задача Л. Данилкина — предложить свою точку зрения, снижающую образ первого космонавта, в некатегоричной форме, позволяющей автору создать впечатление, что читатели делают выводы самостоятельно. Биография Ю. А. Гагарина в указанной книге выстраивается автором с помощью коллажного соединения цитат из разных источников, принадлежащих разным субъектам речи, чьи взгляды на одно и то же событие могут не совпадать. Вся эта полифония голосов сливается в один поток речи, где читатель не всегда может разграничить субъектные сферы. Среди этих голосов особый интерес для нас представляет голос автора, организующий текстовое пространство.

Л. Данилкин с первых страниц своей книги включает читателя в субъектную перспективу текста в качестве субъекта сознания: Мы научились пользоваться — и даже злоупотреблять — этим именем [Гагарин], но не вполне представляем, что за ним стоит. Использование здесь местоимения 1 л. мн. ч. и глаголов, обозначающих мыслительные операции, приводит к объединению субъектных сфер автора, адресата и авторизатора — они становятся единым субъектом мысли. Теперь, когда у читателя не осталось своего голоса, автор заключает, что образ Гагарина был имплантирован в наше сознание в виде огромного бронзового монумента кому-то, кто является идеальным образцом национального характера и воплощением всех мыслимых советских мужских добродетелей. Здесь используется неопределенно-личный предикат был имплантирован, что показывает — действие совершено кем-то извне, а значит, субъект сознания инволютивен, не контролирует свою ментальную сферу, поэтому имеет представление лишь о внедренном ему образе Ю. А. Гагарина, в то время как реальная личность первого космонавта — это лишь кто-то (неопределенное местоимение), о ком адресат ничего не знает. Также субъектную перспективу усложняет придаточное предложение, в котором не эксплицирован модусный субъект (авторизатор): идеальный (для кого?) образец; все мыслимые (кем?) добродетели.

Мы привыкли к «простому советскому парню» Гагарину и воспринимаем его примерно так же, как простой карандаш — нечто банальное, само собой разумеющееся, оказавшееся нашим, в общем, случайно, по счастливому стечению обстоятельств. В этом предложении автор одно-

временно выстраивает образ модусного субъекта (адресанта) и диктумного (Гагарин). Первый субъект полностью лишается активности сознания, целенаправленности процессов восприятия исторической личности, а второй преподносится как «нечто, оказавшееся нашим случайно», тоже лишенное агентивности. В следующем за этим предложении появляется уже другое, авторское «мы», которое намерено развенчать укоренившиеся в сознании читателя «мифы»: «Мы бы хотели показать в своей книге, что это заблуждение». Однако в заблуждение читателя могут ввести конструкции с апелляцией автора к фонду общих знаний:

- Судя по доступным источникам, Гагарин чувствует себя осиротевшим;
- Слухи ходили об «отношениях» Гагарина практически со всеми светскими персонажами тех лет;
- ...сам факт циркуляции слухов говорит о том, что у Гагарина, возможно, была и «темная сторона Луны» — другая, потаенная биография.

Суть включения таких модусных, авторизационных смыслов «заключается в создании иллюзии, будто адресат и отправитель сообщения одинаково уверены в чем-либо, однако это выгодно только последнему» [Иссерс 2009: 75].

Эти и другие примеры выстраивания субъектной перспективы текста в книге Л. Данилкина показывают, что данная биография имеет целью не столько сообщение, сколько воздействие: автор не только предлагает читателю свой взгляд, «осмысление, что представляют собой миф о Гагарине и идея «Гагарин», но и заставляет его усомниться в привычном представлении о личности Ю. А. Гагарина.

Литература

- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
- Иссерс О. С.* Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М., 2009. 224 с.

Лебедев Александр Александрович

канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка,
Петрозаводский государственный университет;
perevodchik88@yandex.ru

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В ПОЭЗИИ Ф. ПРОКОПОВИЧА И М. В. ЛОМОНОСОВА

Ключевые слова: диахроническая риторика, поэтический синтаксис, риторический вопрос, Ф. Прокопович, М. В. Ломоносов.

Особенности использования различных риторических приемов в поэтическом творчестве нуждаются в специальном комплексном филологическом рассмотрении в контексте такого направления, как поэтический синтаксис. Предлагаемый доклад устанавливает сходства и различия в использовании такой фигуры речи, как риторический вопрос, в творчестве двух авторов — Феофана Прокоповича и М. В. Ломоносова. Данные фигуры речи активны в творчестве анализируемых авторов, а их корреляция с иными стилистическими особенностями поэзии заслуживает пристального внимания в контексте диахронической риторики.

Основой работы послужили материалы, которые были получены в ходе разработки «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» [Синтаксический словарь 2019], а также создания базы данных «Риторический и медитативный вопрос как фигуры речи в лирике XVIII века» на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета. В анализе были использованы 24 стихотворения из литературного наследия Феофана Прокоповича, а также 118 поэтических текстов из творчества М. В. Ломоносова (всего суммарно было проанализировано более 200 примеров риторических вопросов).

В поэтической речи функция вопроса модифицируется и существенно усложняется в сравнении с повседневной речью. Так происходит потому, что собеседник в момент речи может отсутствовать, а специфика взаимоотношений субъект-адресат может быть усложнена. Следует отметить, что, вслед за Ириной Ильиничной Ковтуновой, мы понимаем безответный вопрос «как знак внутренней речи, внутренних поисков знания о мире», способный «приобщать к этим поискам более широкого адресата» [Ковтунова 1986: 7].

Анализ структуры риторических вопросов учитывает добавочные данные (переносы из одной стихотворной строки в другую, фактор неполноты предложения), а также подразумевает прослеживание связи с целой системой средств речевой выразительности анализируемых авторов. Особого внимания заслуживает положение риторических вопросов в пределах всего текста. В частности, для Ломоносова характерна структура стихотворения, при которой автор открывает свои тексты риторическими вопросами. Это касается как похвальных, так и духовных од:

Какой приятной зефир веет
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснее?
Что всех умы к себе влечет?

(«Ода на прибытие ее величества великия государыни императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации») [Ломоносов 1986: 85]

Не сад ли вижу я священный,
В Эдеме вышним насажденный,
Где первый узаконен брак?

(«Ода на день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Феодоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года») [Ломоносов 1986: 100]

В собственно поэтическом творчестве Феофана Прокоповича риторический вопрос количественно встречается реже, что объясняется в целом меньшим количеством использованных в ходе анализа текстов. Однако в ряде стихотворных текстов, в частности, в «Епиникионе», такие вопросы встречаются неоднократно и играют значимую роль в воздействии на читателя (Камо духом бѣсовским бѣжиши носимий, // Студе вѣку нашего, вреде нестерпимий? [Прокопович 1961: 210]; Кое убо торжество, кий лик будет равный // Сей победе? [Прокопович 1961: 213] и пр.).

Доклад намечает связь между тем, насколько активно используется риторический вопрос, и синтаксической структурой предложения (в частности, отмечается, что риторические вопросы преимущественно встречаются в простых неосложненных двусоставных предложениях и значительно реже — в сложных предложениях). Устанавливается корреляция между риторическим вопросом и наличием осложнителей и расширителей структуры предложения. Особо определяется взаимосвязь риторических вопросов и других тропов и фигур речи в творчестве Ф. Прокоповича и М. В. Ломоносова (в частности, прослеживается связь с риторическим обращением, метафорой и инверсией).

Сведения, полученные в рамках исследования, позволяют углубить представления, связанные с идиостилем Феофана Прокоповича и Михаила Ломоносова, в аспекте сопоставления особенностей поэтического синтаксиса указанных авторов на материале риторических вопросов. Наблюдения за текстами Ф. Прокоповича и М. В. Ломоносова позволили выделить важные выразительные приемы, связанные с использованием риторических вопросов, определить специфику синтаксической структуры и функции подобных предложений в формировании сюжета. Результаты, которые были получены в ходе проведенного исследования, можно задействовать в последующем системном изучении тропов и фигур, применяемых в поэтической речи, в том числе и в рамках диахронической риторики.

Литература

- Ковтунова И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 3–13.
- Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 551–558.
- Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л., 1961. 503 с.
- Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. / под ред. Н. В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб, 2019. 608 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

Патроева Наталья Викторовна

*д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка,
Петрозаводский государственный университет;
nvpatr@list.ru*

СИСТЕМА ТРОПОВ И ФИГУР РЕЧИ В ПОЭЗИИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Ключевые слова: диахроническая риторика, фигуры речи, Феофан Прокопович.

Роль риторической традиции в формировании русского литературного языка и языка художественной литературы еще не получила адекватной оценки. Например, Ренате Лахманн определяет риторическую как «вторичную грамматику» и «функциональную прагматику» языка: «Формулируя правила на основе знания грамматики первичного языка, грамматика *elocutio* как субкод, представляющий код поэтический, принимает на себя роль функциональной прагматики» [Лахманн 2001: 7]; см. также: [Бухаркин 2017].

Использование риторических приемов эпохи языковых споров и реформ требует специального комплексного анализа, в том числе в рамках активно развивающегося в трудах представителей Петрозаводской филологической школы направления исследований, названного «диахронической риторикой». Важнейшая цель диахронической риторики русской поэзии — создание максимально полного представления о тенденциях взаимовлияния и взаимодействия риторической теории, изложенной в созданных в России XVIII — начала XIX в. трактатах по искусству красноречия, — с одной стороны, и живой поэтической практике — с другой, типологизация и интерпретация спектра тропов и фигур речи, применяемых в русской лирике периода становления национальных норм русского литературного языка — от поэтической и ораторской школы Симеона Полоцкого до романтической «школы гармонической точности».

На рубеже XVII и XVIII столетий формируется потребность в усовершенствовании литературного языка, который бы отвечал новым коммуникативным потребностям уже в условиях начавшегося активного формирования светских жанров словесности. Одним из основателей русской школы стихотворства и реформаторов литературного языка по праву считают Феофана Прокоповича, великого церковного и политического деятеля России.

Феофан в своих сочинениях по ораторскому искусству предложил стилистические рекомендации-предписания для многих художественных жанров, популярных в европейской литературе современной ему эпохи, возражая любителям излишних «словесных прикрас» и «неумеренной вычурности» фраз: по его убеждению, стиль большей частью должен быть «средним» между «возвышенным» и «низким»; метафоры должны быть естественными, мысли не должны быть «раздуты многословием», но точны и ясны.

В риторике Ф. Прокоповича содержится подробное описание фигур речи (всего около 70, в том числе тропов). С точки зрения манифестации (способа выражения) Феофан Прокопович разграничивает фигуры словесные (метафора, метонимия, синекдоха, антономасия, повтор, полисиндетон и пр.) и фигуры смысловые (аллегория, перифраза, олицетворение, гипербола, эпифонема, апострофа и др.). С точки зрения своего предназначения (функции) разделяются риторические приемы Ф. Прокоповичем уже на три группы: 1) служащие для «поучения», из которых важное место принадлежит «характеризму», «гипотипозе», участвующим в создании портрета, описания, и «этологии» как «нравоописательной речи»; 2) способствующие «услаждению» речи: «метатеза» (хиазм), антитеза, «антитетон», «антономасия», «диафора» (вид повтора), «гомэоза» (сравнение), «диализа» (бессоюзие), «гипербат» (инверсия, необычный порядок словорасположения), метафора, метонимия, «оксиморон», параномасия, перифраза, аллегория, синекдоха и др.; 3) «относящиеся к возбуждению переживаний»: «просопея» (олицетворение), «анадиплоза» (удвоение), «антистрофа» (эпифора), «климакс» (усиление, восходящая градация), гипербола, «полисиндетон» (многосоюзие), сарказм и пр.

«Песнь победная» Феофана Прокоповича демонстрирует начавшееся формирование жанра торжественной оды в русской литературе, являясь замечательным образцом реализации вы-

сказанных в трактатах «Об искусстве риторическом» и «О поэтическом искусстве» требований к украшенному («цветистому») стилю, высказанных проповедником Петровской эпохи. «Епиникион» позволяет также сделать ряд заключений, касающихся роли традиций барокко в русской поэзии и начавшегося закрепления жанровых норм классицистической поэтики.

Метафоры, сравнения, метонимии, синекдохи, аллегории, олицетворения, парафразы, антономасии, гиперболы применяются в одическом по своей жанровой устремленности «Епиникионе...», в торжественном цикле стихотворений, посвященных Анне Иоанновне, и, напротив, гораздо более редки у Феофана в шуточных стихотворениях, жалобных элегиях и эпитафиях. Среди метафор преобладают именные с учетом активности эпитетов, основанных на переносе по сходству признаков, однако глагольные и субстантивные метафоры используются Феофаном примерно в равном соотношении (сотре ад, разрушит... живот и пойдешь в ров земный).

На порядок расположения слов, использование бессоюзия или (чаще) полисиндетона и синтаксическую переусложненность фразы влияет, несомненно, и схема длинного силлабического астрофического стиха (обычно 13-сложника).

Применение Феофаном риторических приемов свидетельствует об «умеренном» характере его барочных устремлений, на что указывал в своих работах еще А. М. Панченко. Отсутствие напыщенности и декоративных излишеств для «средних» жанров и еще более умеренное употребление фигур в «низком» стиле речи как требования Феофановых сочинений по искусству поэтическому и ораторскому соблюдаются достаточно строго в силлабических творениях самого ритора. Феофан Прокопович стремился продемонстрировать новую же для российской словесности стилистику, риторику и поэтику, проложившую дорогу русскому классицизму, творчеству новейших поэтов России в лице А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова.

Литература

Бухаркин П. Е. Риторика и история литературного языка // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 47–53.

Лахманн Р. Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. 368 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

Попова Лариса Владиславовна

д-р филол. наук, профессор,

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

РАЗВИТИЕ МОДАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ГЛАГОЛЕ «НАЗЫВАТЬСЯ»

Ключевые слова: связочный глагол, вводное слово, грамматикализация.

В докладе рассматриваются структурно-семантические свойства глагола называться в двух синтаксических позициях: позиции связки именного сказуемого и в позиции вводного слова со значением негативно-иронической оценки по поводу несоответствия обозначения и сущности. Предполагается, что более позднее по сравнению со связочным употреблением значение вводного называется обусловлено процессом грамматикализации и расширением значения именного компонента — от собственно именованного до квалификации и оценки. Отмечается непоследовательное выделение знаками препинания глагола называться с пейоративным модально-оценочным значением, что свидетельствует о контаминации функций связки именного сказуемого и вводного компонента.

Связочное значение глагола является результатом грамматикализации значения возвратно-страдательной формы глагола назвать / называть, обозначающим речевое действие — произнесение имени, названия лица или предмета. В процессе формирования связочного значения из конструкции исключается субъект речи (творительный субъекта), в результате чего происходит объективация, или имперсонализация модуса. Это обуславливает проявление в связке модального значения достоверности, истинности предикативной оценки, конвенциональности знания о предикатируемом субъекте.

На основе операции «именования» развиваются и другие смыслы, связанные с ментальной деятельностью человека: распознавание объекта, познание, характеристика, отнесение к классу, оценка. Развитию характеризующего значения в сказуемом со связкой называться способствовала и отмеченная исследователями постепенная замена второго именительного падежа творительным предикативным, проявляющим характеризующее значение. Последнее приводит к актуализации в связочном глаголе называться модальных и модусных смыслов: достоверного знания (= означает), недостоверного или субъективного знания, мнения (=считается), конвенциональной оценки с проблематичной истинностью.

Совмещение значений номинации и характеристики в именном сказуемом объясняется и гносеологически, поскольку именование предмета часто осознается как определение его сущностных свойств. В значении называться возможно проявление ментального значения, приближенного к модусу мнения или убеждения (Считается..., Я считаю, я полагаю, я уверен, что это...).

Контекстуально значение связки называться может быть противопоставлено связке быть со значением тождества: актуализируется значение именованного, а не сущностной характеристики субъекта (чаще всего с помощью частиц). Предмет только носит имя, не обнаруживая сущностных качеств: Он ведь только называется «Литературный фонд», а вовсе не литературой он занят (Л. Чуковская).

Развитие модального значения «приблизительной номинации» обнаруживается в конструкции что называется, относящейся «к классу аппроксиматоров» [Подлеская 2021: 339]. Несмотря на частое отсутствие пунктуационного выделения, выражение что называется «крайне близко к устойчивому вводному обороту» [Холодилова 2016: 776].

На основе связочной функции в именном сказуемом формируется пейоративное ироническое модально-оценочное значение глагола называться в позиции, близкой в вводной: Отец, называется, — прошипела Люда. — Дед, называется (И. Муравьева). Отметим, что четкие границы связочного и вводного употребления глагола не установлены, что говорит о контаминации связочной и вводно-прагматической функции глагола.

Данные НКРЯ демонстрируют непоследовательность выделения знаками препинания вводного называется. В некоторых случаях это обнаруживается даже в пределах соседних предложений одного автора: Вот это да! Учительница называется! <>Французский язык преподаёт, называется. <>Ну и ну! Лидия Михайловна, называется! (В. Распутин) (пример с сохраненной пунктуацией из Русской грамматики [Русская грамматика 1980: 226]).

В списках вводных компонентов крайне редко отмечается данный глагол (в отличие от оборота что называется). Академическая грамматика видит в таком употреблении глагола называется проявление функции модальной частицы, причем как в составе именного сказуемого, так и в составе высказывания (вводного компонента), выражающей «ироническое, отрицательное отношение, негативную оценку по поводу несоответствия обозначения и сущности» [Русская грамматика 1980: 226]. Глагол обнаруживает синонимию с эмоционально-оценочной частицей с пейоративным значением «тоже мне».

В отличие от связочной позиции, в позиции вводного слова глагол указывает на то, что субъектом оценки является сам говорящий. Такие конструкции возможны только в речи от 1-го лица. В вводной позиции глагол является «речевым эгоцентриком» (Н. К. Онипенко) в составе восклицательного предложения, средством передачи экспрессии и неодобрительной оценки. Различие связочного и вводного употребления называется заключается в использовании в последнем только формы настоящего времени, невозможности введения в предложение субъекта оценки, а также, как правило, в постпозиции. Утрата грамматической функции связи (копулятивной функции) приводит к расширению синтагматики. Так, вводное слово называется может включаться и в глагольное предложение: ...Меня, наверно, Светланка с собаками уже ищет. Пошла, называется, чашку помыть (М. Зосимкина). Дожила, называется: не любовному вдохновению она завидует, а деревенскому платью (А. Русских).

Таким образом, процесс грамматикализации полнозначного глагола может приводить к разным результатам: грамматическому связочному значению и модально-оценочному значению в позиции вводного компонента высказывания, причем последнее возникает на основе связочного употребления глагола. Подобные пути грамматикализации наблюдаются и в других связочных глаголах (казаться, оказаться, считаться). Приобретение прагматического, модально-оценочного значения сопровождается ограничением грамматической парадигмы, утратой формальной связи с именным компонентом, изменениями линейно-акцентной структуры высказывания.

Литература

Подлеская В. И. Аппроксиматор что называется: этапы прагматизации в зеркале НКРЯ // Корпусная лингвистика — 2021: Труды международной конференции, Санкт-Петербург, 01–03 июля 2021 года. СПб., 2021. С. 338–347.

Русская грамматика. М., 1980. Т. 2.

Холодилова М. А. (то,) что называется: между относительной конструкцией и устойчивым вводным оборотом // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12, № 3. С. 763–780.

Ткачева Валентина Николаевна

аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
valentinarum271@ya.ru

ЧУЖАЯ РЕЧЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

Ключевые слова: чужая речь, современная проза, конструкция с прямой речью, диалог, пунктуационно-графическая аранжировка.

В современной прозе представлены разнообразные способы передачи чужой речи (ЧР), подробно описанные в русистике. Среди них возможно разделение на собственно синтаксические (конструкция с прямой речью (КПР), конструкция с косвенной речью (ККР)), стилистические (несобственно-прямая речь) и текстовые феномены (диалогема). Исследователи отмечают развитие способов представления ЧР в современной прозе [Мартьянова 2021] и их трансформацию.

Обращение к текстам прозаиков (Д. Рубиной, Е. Водолазкина, А. Слаповского и др.), чьи произведения относятся к современной классической литературе, обнаруживает схожие черты в представлении ЧР, что позволяет говорить о тенденциях, существующих в текстах конца XX — начала XXI вв. Однако необходимо отметить, что изменение пунктуационно-графической аранжировки, безусловно, осознаваемое и авторами, и думающими читателями, является следствием трансформации понимания феномена ЧР, изменением функционирования КПР и диалога.

Наиболее очевидны изменения в оформлении и функционировании КПР, уникальной единицы, служащей для передачи ЧР. В современной прозе расширение слов автора обнаруживает новые функции: способствует выражению субъективной авторской модальности, раскрывает мотивацию речепорождения.

В научной школе профессора С. Г. Ильенко предложен уникальный подход к анализу ЧР. Он проявляется в уточнении терминосистемы: речевая, текстовая реализация слов автора [Ильенко 2003: 437–446], диалогема [Ильенко 2003: 500–502], а также позволяет раскрыть специфику представления ЧР в современной прозе. Одним из принципов её рассмотрения в художественном тексте является опора на функционально-композиционные типы речи (демонстрационный, информационный, сентенционный) [Ильенко 2003: 458–460]. В их основе заложен темпорально-функциональный критерий, позволяющий сопоставить время истории и время текста. Функционально-композиционные типы речи обнаруживают сопряжение с теми или иными способами передачи чужой речи. Так, отличительной чертой демонстрационного типа речи является включение КПР и диалога. Для информационного же характерно использование ККР. Однако в современной прозе нередко способы передачи ЧР используются комплексно в рамках одного текстового фрагмента небольшого объёма:

Она говорила — тудой, суюдой.
Поставь платочек на голову, простудишься.
Тут все так говорили.
Странное место.

После крошечного гарнизонного городка на Южном Урале всё казалось диким <...>. Розы на улице. Огромные, лохматые, как спросонья. Абрикосы тоже на улице — и никто не рвет. Переспелые, шлепались прямо на тротуар — шерстяные оранжевые бомбы. С мякотью. Поначалу он <...> набивал <...> полный рот, потом — полные карманы, неторопливые прохожие косились удивленно. Зачем рвать жерделу, мальчик, если на базаре за тридцать копеек можно купить отличную, просто отличную абрикосу? (М. Степнова «Тудой») [Степнова 2021: 5].

Прием контаминации способов передачи чужой речи (КПР, несобственно-авторской и несобственно-персонажной речи) используется при третьеличном повествовании в случае синкретизма демонстрационного и информационного типов речи, что позволяет создать описа-

ние повторяющихся ситуаций, принадлежащих, как правило, сфере воспоминаний персонажа. С помощью данного приема современные прозаики выражают новое понимание образа читателя, способного раскрыть авторский замысел. Следует также отметить, что абсолютное начало рассказа актуализирует чужое слово, отсылая к названию рассказа. Подобный прием используется в романе Д. Рубиной «Маньяк Гуревич» (2020 г.), названия некоторых глав которого выделены курсивом, обнаруживают принадлежность речевой сфере персонажей, выполняя тем самым текстообразующую функцию, создавая ретроспективные и проспективные связи в тексте.

В современной прозе также отмечается отступление от традиционного представления диалога, выражающееся в стремлении современных прозаиков «спрятать диалог внутри абзаца» [Петрушевская 2003: 322]. Это обусловлено различными причинами: влиянием устно-разговорной стихии, сменой точек зрения [Мартьянова 2021: 68], актуализацией сопряжения речевых сфер автора, персонажа, необходимостью представить пересказ диалога в лицах.

При анализе современной прозы в аспекте рассмотрения ЧР обнаруживается недостаточность структурного подхода. Очевидные изменения пунктуационно-графической аранжировки являются лишь сигналом трансформации функционирования КТР и диалога в произведениях последних десятилетий.

Представляется, что в связи с очевидным изменением способов передачи ЧР необходима и смена принципов их анализа. Выйти на новый уровень теоретического осмысления данной проблематики позволит обращение к концепции С. Г. Ильенко, предполагающей рассмотрение системы речи персонажей, учёт соотношения монологического/диалогического начал в художественном тексте, а также анализ речи автора и персонажей в аспекте их речевого поведения, предполагающего учёт всех компонентов речевой ситуации.

Литература

Ильенко С. Г. Русистика: избранные труды. СПб., 2003. 674 с.

Мартьянова И. А. Развитие способов изображения чужой речи // Синтаксическая интерпретация современного прозаического дискурса. СПб., 2021. С. 68–76.

Петрушевская Л. С. Девятый том. М., 2003. 336 с.

Степнова М. Л. Где-то под Гроссето. М., 2021. 108 с.

Топорков Пётр Евгеньевич

канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

ПРОБЛЕМЫ РЕФЕРЕНЦИИ КОННОТАТИВНЫХ ОЦЕНОЧНЫХ ИМЁН И ОЦЕНОЧНЫХ МЕТАФОР

Ключевые слова: оценочное имя, предикатив, метафора, коннотация, референция.

В настоящей работе рассмотрим проблему референциального статуса высказываний с оценочными предикативами — предикативами-метафорами (козёл, свинья), предикативными употреблениями коннотативных имён ([типичный...] немец, подросток) и собственно оценочными именами (подлец, дурак).

Одной из характеристик оценочных высказываний является тот факт, что отвлекаемая от непосредственного опыта семантическая информация (концептуализированная, обобщённая, стереотипизированная) не может функционировать «в том же месте», что и семантика, отражающая опыт непосредственно: метафоры в этом отношении не экзистенциальны.

В рамках так называемых прямых значений (отягощённых коннотативными приращениями) совпадение непосредственного и стереотипизированного (концептуализированного) опыта возможно, а в рамках метафоры — нет.

Выделим три модели соотношения концептуализированного и неконцептуализированного опыта в семантической структуре предикативов оценки:

1. Оценка опирается на коннотации; коннотации функционируют на уровне соответствия / несоответствия стереотипу; референциальное употребление с актуализацией денотативных семантических характеристик.

Ср.: настоящий, типичный... + немец, алкаш, подросток, мужик...

Ср. при этом нереперенциальное употребление оценочного имени: Сегодня я мужик! С шуруповертом, все как надо (<https://www.flickr.com/photos/panichkin/27578195984>) (актуализированы коннотативные, а не референциальные характеристики объекта).

2. Оценка, опирающаяся на метафоры: такие предикативные оценочные имена, как правило, не присоединяют сентенциальных актантов, т. е. не могут выступать как контекстные оценки, отражающие непосредственный опыт.

Ср.: Дурак, что [так]... / *Дипломат, козёл, дуб, что...

Ср.: Я был дурак, что наговорил тебе дерзких слов... (Н. А. Дурова. Угол (1840)).

Как отмечал Р. Рорти со ссылкой на известную работу Д. Дэвидсона [Дэвидсон 1990], «Иметь значение — значит иметь место в языковой игре, которого метафоры, по определению, не имеют» [Рорти 1996: 40]. Таким образом (и это касается в том числе метафор в качестве оценочных имён), по Р. Рорти и Д. Дэвидсону, метафора описывает принципиально нетранслируемый экзистенциальный опыт — будучи явлением уровня словаря и словарями фиксируемой, метафора нуждается в дополнительных способах языковой реализации. Оценка прагматизирована «с самого начала» (см. работу [Арутюнова 1990] и наш комментарий о прагматике оценочных имён в работе [Топорков 2023]) — но в метафоре в качестве предикативного имени кроме этого прагматического характера значения важна и противоположная тенденция. Предикативная оценка с трудом вписывается в контекст, описывающий данные непосредственного опыта.

В первом приближении (от данных аналитического опыта к данным опыта непосредственного переживания) предикатные оценочные метафоры не могут выражать релятивизированные оценки, не могут эксплицировать мотивацию в виде ограничительного детерминанта, см. примеры Н. Д. Арутюновой *Вы сейчас медведь; *Своей неуклюжестью он медведь и др. [Арутюнова 1990: 27–28]. Также они не могут вводить ограничительно-детерминирующего оборота типа в том; что касается..., т. е. *Он медведь в том, что касается аккуратности, т. е. даже за пределами предикативной синтагмы с указанным оценочным именем.

Ср. характерные исключения (не предполагающие аналитического опыта в качестве мотивации оценки) в конструкциях с детерминантами типа В любви я Эйнштейн [Юлиан Семенов. Семнадцать мгновений весны (1968)].

Кроме того, нехарактерны предикативные метафоры для конструкций со связками типа *стать/ становиться, оставаться...*

Отец допился. Стал дураком [woman.ru] — ??Стал козлом...

3. Оценка как экзистенциальная реализация понятийного содержания оценки.

Третий вариант соположения непосредственного опыта и опыта концептуализированного — речь в данном случае идёт о реальном синтаксическом «поведении» оценочных имён, представляющих собой прямые значения: *подлец, умница...*

Оценочные имена — прямые номинации в отличие от оценочных метафор могут релятивизировать оценки, а именно:

- связывать их появление / интенсификацию с событийным рядом, т. е. вводить экзистенциальную мотивацию оценок (ср.: Он дурак, потому что...);
- описывать оценки как состояния или синкретичные оценочно-статальные семантические комплексы. (ср.: Я был дурак, когда...).

Существует ряд конструкций, в которых оценка не является результативной, не отражает непосредственный опыт, а скорее поддерживает заранее выбранную стратегию аргументации.

Ср. конструкции типа *Гадом буду и под.*

Ср. также: *Был бы я дурак, если бы побежал сейчас искать Смирнова* (Юрий Трифонов. Утоление жажды (1959–1962)).

Затруднительны преобразования типа: *Стал бы дураком, если побежал...*

Таким образом, предикативы-оценочные имена могут реализовывать несколько стратегий актуализации экзистенциального и аналитического опыта, служащего основанием оценки, что создаёт значительный потенциал для языковой динамики при пополнении этого активно развивающегося класса слов в современном русском языке.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
- Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах языка и жизни // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 173–193.
- Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.
- Топорков П. Е. Оценочные имена и проблема универсальности оценочных значений // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней: доклады Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой. Калуга, 2023. С. 347–354.

Уржа Анастасия Викторовна

д-р филол. наук, профессор, кафедра русского языка,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
aourja@gmail.com

ПРАГМАТИКА РУССКИХ ДЕЕПРИЧАСТИЙ И ИЕРАРХИЗАЦИЯ ЗОНЫ ФОНА В ПОВЕСТВОВАНИИ

Ключевые слова: деепричастие, русский язык, прагматика, нарратив, частотность, перевод.

Специфическая прагматика русских деепричастий как особых форм глагола традиционно описывается с указанием на «необходимость дифференцировать главное и второстепенное» [Абдулхакова 2010: 69]. Исследователи отмечают, что способность деепричастия обозначать «событие, сопутствующее другому, главному» [Якобсон 1972: 106] в плане предшествования или одновременности делает его особым инструментом построения нарратива. В рамках целого ряда отечественных и зарубежных лингвистических и нарратологических концепций мы находим обоснование свойств деепричастия как фонового элемента сообщения и повествования (П. Хоппер и С. Томпсон, К. Чвани, Б. Уорвик, Т. В. Шмелева, Е. В. Клобуков и др.). Безусловно, «фонový» не означает «неважный», и целый ряд примеров блестящего анализа использования нефинитных оборотов для формирования необычной перспективы нарратива у А. П. Чехова или у В. Вулф подтверждает это [Chvany 1985].

Но и сам фон повествования не однороден, а иерархизирован. Деепричастия могут называть и значимые для сюжета действия, и второстепенные признаки, «событийность» клауз с деепричастиями различна. За счет чего она формируется? На наш взгляд, можно выделить две группы характеристик, влияющих на роль деепричастия в структурировании зоны фона повествования. Одна из этих групп детально описана еще В. В. Виноградовым, а затем, в несколько ином ракурсе, авторами концепции первого плана и фона в нарративе (Theory of Grounding): П. Хоппером и С. Томпсон, К. Чвани и др. По наблюдениям В. В. Виноградова, деепричастия переходят от обозначения второстепенного события к обозначению обстоятельственного признака действия в случае, если они «сбрасывают с себя систему глагольного управления и развивают значение качественного состояния или становятся неразложимыми идиоматическими сочетаниями», то есть перестают присоединять наименования реальных объектов: повесив голову, сложа руки [Виноградов 1947: 392]. Согласно теории первого плана и фона, выделению названного деепричастием явления в повествовании способствует обозначение им динамического, контролируемого, ограниченного во времени действия, осуществленного личным субъектом по отношению к индивидуализированному объекту и оформленного с помощью совершенного вида (Украв яблоко, Том убежал), тогда как длящееся состояние, на которое указывает непременное деепричастие несовершенного вида, представляет зону глубокого фона, второстепенных характеристик других событий текста (Том окликнул Гека, сидя на заборе). Между этими двумя типами употребления можно расположить целую шкалу постепенного «убывания» событийности.

Современные корпусные данные позволяют добавить к этим характеристикам деепричастий, обусловленным семантикой самой лексемы и ее партнеров, а также структурой клаузы, другие параметры, связанные со спецификой употребления того или иного деепричастия в повествовательных текстах. С опорой на материалы НКРЯ может быть определена важнейшая характеристика деепричастий — относительная частотность употребления в сравнении с личными формами. Этот показатель свидетельствует о том, насколько тот или иной глагол склонен к функционированию в форме деепричастия, вне зависимости от частотности глагола в корпусе.

В докладе представлены результаты анализа деепричастий из шести групп глаголов на материале основного корпуса НКРЯ со снятой омонимией (до 2023 г.). Пять групп составили обозначения предикатов, которые часто мыслятся как фоновые. Это глаголы, называющие: эмоции

(удивляясь, испугавшись), внешние проявления эмоций (улыбнувшись, вздрогнув), кинемы (эмоциональные жесты: поджав губы, закатывая глаза), этикетные действия (здороваясь, представившись) и изменения позы (оборачиваясь, опершись и др.). Шестую группу (для общего сопоставления) составили 60 деепричастий от самых частотных глаголов по данным основного корпуса.

Сопоставляя полученные данные, можно заключить, что около половины самых частотных глаголов в корпусе употребляются в виде деепричастия довольно редко — относительная частотность этой формы составляет не более 4% в соотношении с использованием в личной форме. При этом у глаголов с акциональной семантикой этот показатель еще ниже. Например, глаголы, называющие кульминационные, всегда значимые для сюжета действия персонажей — полюбить и убить, используются в форме деепричастия всего лишь в 1,88 и 1,80% случаев от вхождений в личной форме. Это закономерно: обычно авторы используют такие глаголы для формирования первого плана нарратива.

В то же время у глаголов из пяти вышеупомянутых групп, обычно обозначающих в повествовании сопровождающие действия и состояния, показатель частотности деепричастий относительно личных форм может значительно превышать 100%: это означает, что деепричастия от таких глаголов требуются авторам в полтора или два раза чаще, чем финитные формы. В докладе приводятся данные подсчетов по каждой группе, отмечаются различия в употреблении деепричастий от глаголов совершенного и несовершенного вида, отмечаются «лидеры» по частотности в форме конверба, традиционно помещаемые в зону глубокого фона в текстах разных жанров.

«Предрасположенность» глагола к функционированию в зоне первого плана или фона повествования оказывается значимой при переводе русских художественных нарративов на другие языки. Исследование русско-английского параллельного корпуса НКРЯ показывает, что переводчики сохраняют нефинитные обозначения этикетных действий и кинем, но склонны переводить русские деепричастия от акциональных глаголов (задушив, похитив) финитными формами глаголов, поскольку традиционно такие контексты представляют значимые фрагменты первого плана нарратива. Задуманное автором соотношение событий в тексте в этом случае изменяется. В качестве примеров в докладе разбираются случаи искажения перспективы, таксисных и каузативных отношений между клаузами при переводе рассказов А. П. Чехова на английский язык.

Литература

- Абдулхакова Л. Р. Русское деепричастие: часть речи или форма глагола? // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2010. Т. 2 (12). С. 67–72.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
- Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. Принципы типологического анализа языков различного строя / под ред. О. Г. Ревзина. М., 1972. С. 95–113.
- Chvany C. Foregrounding, 'Transitivity', Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose) // Essays in Poetics. 1985/ Vol. 10 (2). P. 1–27.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

Филатова Ганна Алексеевна

канд. филол. наук, старший преподаватель,
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

«ЗАОБЕДЕННЫЙ СПИЧ» ИЛИ «ЗАСТОЛЬНАЯ РЕЧЬ»: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В ПЕРЕВОДАХ НОВЕЛЛЫ О.ГЕНРИ

Ключевые слова: разговорный дискурс, разговорный синтаксис, переводческая стратегия, стиль, О.Генри.

Одной из ярких черт разговорной речи является особое устройство ее синтаксиса, в котором ярко проявляется стилистическое своеобразие разговорного дискурса. Именно в особенностях организации синтаксических разговорных конструкций отражены основные функциональные черты разговорной речи, такие как устная форма, спонтанность, ориентация на диалог и непосредственную обратную связь, ситуативность и зависимость от контекста [Земская и др. 1981], а также опора на общую апперцепционную базу [Якубинский 1986].

Центральным видом разговорной коммуникации является диалог [Ширяев 2001]. Именно чередующиеся реплики собеседников формируют целостное коммуникативное единство, вплоть до того, что понять какое-то высказывание возможно только в контексте слов других коммуникантов. Однако очевидно, что в реальном взаимодействии реплики далеко не всегда буквально чередуются и в рамках разговорного дискурса достаточно частотны монологи. Важно отметить, что «разговорные монологи почти с неизбежностью включают в свой состав диалогические компоненты» [Ширяев 2001], что позволяет анализировать их так же, как «стандартные» диалоги.

Особой формой реализации разговорного дискурса является имитация устной коммуникации в художественном произведении. С одной стороны, это могут быть вполне «литературные» конструкции, предварительно тщательно обдуманые и составленные автором предложения. Если бы мы попытались повторить такой диалог в реальности, мы бы четко осознавали его некоторую искусственность: как правило, для спонтанного диалога нехарактерны, например, сложные предложения с цепочкой придаточных, причастные и деепричастные обороты в большом количестве, тщательный подбор синонимов и отсутствие повторов. С другой стороны, автор может ставить своей целью воспроизвести настоящую разговорную речь максимально близко к действительности, что, в свою очередь, потребует нарушения ряда законов «письменной» коммуникации.

Именно такой фрагмент является материалом нашего исследования — отрывок из иронической новеллы О.Генри «Вождь краснокожих» («The Ransom of Red Chief»), имитирующий разговорную речь, причем детский разговорный дискурс. По сюжету два мелких преступника похищают девятилетнего мальчика и планируют получить за него выкуп. Но в тот момент, когда они с ребенком прибывают в свое убежище, план начинает рушиться, поскольку мальчику начинает нравиться его состояние. Называя себя вождем краснокожих, он сводит похитителей с ума своей болтовней, злобными розыгрышами и утомительными играми. Комичность ситуации возрастает от того, что злодеи оказываются совершенно беспомощными перед детской непосредственностью. Чтобы более полно показать «кошмарный», по меркам неудачливых похитителей, характер мальчика, О.Генри использует в том числе имитацию разговорного дискурса: в самый первый вечер пребывания в пещере за ужином мальчик произносит монолог, который насыщен гипертрофированными чертами разговорной речи — эллиптическими и неполными предложениями, парцелляцией, широким использованием вводных слов и сочетаний, расчлененностью смысловых блоков — и тем самым демонстрирует утомительность ребенка для взрослых, не привыкших часто общаться с детьми, например: «Это здорово, я еще никогда не ночевал у костра, но у меня был ручной опоссум. Мне уже десятый год. Терпеть не могу ходить в школу. Крысы съели шестнадцать яиц от пестрой курицы у Джимми Талбота тет-

ки. Настоящие-то индейцы водятся здесь в лесу? Дайте ещё подливки...» (пер. М. Лорие); «...А что звезды, они горячие?.. Я его два раза вздрючил в субботу, Эда Уокера...» (пер. А. Горлина). Для сюжета такой фрагмент является дополнительным разграничением языковых особенностей персонажей: речь преступников, в отличие от языка ребенка, представляет собой классическую «условно разговорную» речь, то есть вполне литературно обработанные предложения, построенные по законам письменной коммуникации.

Таким образом, обозначенный фрагмент является достаточно значимым смысловым элементом сюжета и его лингвистическое оформление добавляет важные штрихи к общему портрету персонажа, поэтому интересно посмотреть, насколько перевод данного отрывка на русский язык выполняет свою задачу и соответствует авторскому замыслу. Цель настоящего исследования — показать, какие способы интерпретации разговорного дискурса в целом (и разговорного синтаксиса в частности) использовали русские переводчики разных лет (начиная с ранних переводов 1920-х гг. и заканчивая современными переводами почти сто лет спустя), поэтому материалом исследования стали 10 русских переводов новеллы. Метод исследования — сопоставительный семантико-синтаксический анализ. Результаты сравнения переводов позволяют продемонстрировать как удачные решения для передачи детской разговорной речи (в том числе универсальные варианты, встретившиеся в большинстве переводов) — использование именительного темы, добавление дискурсивных слов, так и случаи изначально неверной интерпретации оригинального текста переводчиком, например, непонимание вопроса от ребенка, который просто не знает значения слова. Кроме того, переводы различаются между собой по синтагматическому делению оригинального текста. Так, для ранних изданий характерно дробление сложного предложения на несколько простых, а также добавление оценочных предикативных конструкций. Интересно также отметить, что новейшие переводы не столько стремятся просто передать смысл текста, сколько сделать его понятным для современного ребенка, поэтому в монолог включаются актуальные сленговые выражения и конструкции (например, тут классно вместо мне тут нравится), которых не было в то время, когда была написана новелла.

Литература

- Земская Е. А. и др.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.
- Ширяев Е. Н.* Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 132–147.
- Якубинский Л. П.* О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

Холод Светлана Ивановна

канд. филол. наук, профессор, кафедра русского языка,
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова;
holod10@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ФОРМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКЕ РУНЕТА

Ключевые слова: медиалингвистика, грамматика Рунета, причастия будущего времени.

В конце XX — начале XXI века в Рунете появилось достаточно много новых языковых явлений. Активно развивающимся участком в сфере глагольного формообразования стали действительные причастия будущего времени (сделающий, купящий, пожелавший, закроющийся, заинтересующийся и подобные), образуемые достаточно легко по давно существующей схеме с помощью стандартных суффиксов -ущ- / -ющ-, -ащ- / -ящ-, то есть по аналогии с имеющейся в языке корреляцией читать → читающий возникает новая корреляция прочитать → прочитающий. При этом в качестве производящей базы выступает основа настоящего / будущего времени глаголов совершенного вида как всех четырёх продуктивных (по классификации В. В. Виноградова [Виноградов 1986: 352–354, так и непродуктивных классов. Так, причастия сделающий, прочитающий, пожелавший, потерявший, повлиявший образованы от глаголов 1 продуктивного класса сделать, прочитать, пожелать, потерять, повлиять; причастия успеющий, преодолеющий, овладеющий, сумеющий — от глаголов 2-го продуктивного класса успеть, преодолеть, овладеть, суметь; причастия проголосующий, почувствующий, заинтересующийся — от глаголов 3-го продуктивного класса проголосовать, почувствовать, заинтересоваться; причастия сотворяющий, купящий, позволяющий, поставящий, взбодряющий, навредящий — от глаголов 4-го продуктивного класса сотворить, купить, позволить, поставить, взбодрить, навредить. Зафиксировано также достаточно большое количество причастных форм будущего времени (закроющийся, покроющийся, поднимущийся, собирающий, попадающий, увидящий, услышавший, напишущий, прочтущий, воспримущий, поймущий, возрастущий, увезущий, принесущий, разрежущий, свяжущий и др.), образованных от глаголов непродуктивных классов (закрыться, покрыть, подняться, собрать, попасть, увидеть, услышать, написать, прочесть, воспринять, понять, возрасти, увезти, принести, разрезать, связать).

Как видно из приведённых примеров, с семантико-стилистической точки зрения исходные глаголы являются стилистически нейтральными, общеупотребительными лексемами, чаще всего обозначающими физические или ментальные действия. Со структурной точки зрения глагольные основы совершенного вида представляют собой в большинстве случаев префиксальные производные от бесприставочных основ несовершенного вида со свободными корнями.

Возникновение причастий будущего времени происходит под влиянием закона грамматической аналогии. Существование бесприставочного производящего глагола с имеющимся у него причастием настоящего времени способствует формальному образованию причастия будущего времени от однокоренного приставочного глагола. Имеющаяся в языке корреляция «бесприставочный инфинитив несовершенного вида — причастие настоящего времени» (писать — пишущий) облегчает появление корреляции «приставочный инфинитив совершенного вида — причастие будущего времени» (написать — напишущий). Выявлены также отдельные причастия будущего времени, образованные от бесприставочных глаголов совершенного вида (купить — купящий) и от префиксальных глаголов совершенного вида со связанными корнями, которые не имеют бесприставочных производящих основ (понять — поймущий).

На протяжении длительной истории русской письменности были зафиксированы лишь единичные случаи употребления подобных словоформ в текстах разных стилей, в связи с чем все изданные в XX веке академические грамматики [Грамматика-60: 506, Грамматика-70: 419, Русская грамматика-80, т. 1: 667] считают причастия будущего времени нерегулярными и по-

тому ненормативными. Тем не менее в последние десятилетия количество исследуемых форм значительно увеличилось, особенно много их содержится в различных текстах русскоязычного сегмента Интернета. За последние 20 лет опубликовано несколько лингвистических работ, посвящённых указанным языковым явлениям, однако представленный в них материал не исчерпывает всего многообразия употребления причастий будущего времени, что обуславливает актуальность проведения дальнейших исследований.

Повышающаяся частотность новых глагольных форм свидетельствует о их востребованности в речи, что может быть обусловлено законом экономии языковых средств, поскольку причастные обороты более компактны по сравнению с придаточными определительными предложениями как альтернативным средством развёрнутой характеристики предмета, ср.: В декабре планируется включить новую линию, связующую Димону со всей страной удобным и комфортным транспортом (www.beer-sheva.israelinfo.ru). — В декабре планируется включить новую линию, которая свяжет Димону со всей страной удобным и комфортным транспортом

Таким образом, в настоящее время в Рунете под влиянием закона грамматической аналогии и закона экономии языковых средств легко образуются и широко употребляются причастия будущего времени, несмотря на то что этот процесс искусственно сдерживается действующими литературными нормами. Тем не менее ресурсы грамматической системы русского языка не препятствуют образованию данных форм. Как показало проведённое исследование, возможность и частотность образования причастий будущего времени напрямую не зависит от формальных признаков производящих основ глаголов. По нашим наблюдениям, в этот процесс постепенно вовлекается всё большее количество глагольных лексем разных тематических групп. Постоянно увеличивающееся количество примеров употребления причастий будущего времени в текстах различных жанров и стилей свидетельствует о необходимости и удобстве данных форм для выражения мысли, а также об их высоком потенциале адаптации в грамматической системе русского языка с перспективой признания их литературной нормой.

Литература

- Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. М., 1986. 640 с.
- Грамматика-60: Грамматика русского языка / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 720 с.
- Грамматика-70: Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
- Грамматика-80: Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.

Чжао Пань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st112981@student.spbu.ru

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ И ЕЁ ФУНКЦИИ В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»

Ключевые слова: Е. Г. Водолазкин, «Чагин», образ автора, несобственно-прямая речь, экспрессивность высказывания.

Настоящая статья посвящена анализу использования несобственно-прямой речи как инструмента художественной выразительности в современной русской литературе. В качестве объекта исследования выбран роман «Чагин» (2022), авторство которого принадлежит известному современному писателю Евгению Водолазкину. Данное произведение недавно получило премию «Большая книга» и до настоящего времени не было предметом анализа в контексте функционирования в нём экспрессивных синтаксических средств, что придаёт данному исследованию особую новизну. Обширное использование несобственно-прямой речи в тексте романа открывает возможности для значимых выводов о роли данного приёма в структуре художественного текста. Особо следует подчеркнуть, что несобственно-прямая речь эффективно передаёт взаимоотношения персонажей, их отношение к событиям, а также помогает раскрыть авторскую позицию. В ряде случаев использование несобственно-прямой речи создаёт иллюзию течения реального времени внутри художественного пространства и позволяет передать интонации живой, непосредственной устной речи. Среди языковых конструкций, формирующих несобственно-прямую речь в романе «Чагин», можно выделить восклицательные и вопросительные предложения, вставные конструкции. В целом, использование несобственно-прямой речи в тексте способствует усилению экспрессивности ключевых эпизодов и повышает риторичность высказываний.

«Чагин», последний роман Е. Г. Водолазкина, выпущенный в 2022 году, — это результат долгого авторского развития, в котором в первой части повествование ведётся от третьего лица. В романе «Чагин» широко представлен герой своей эпохи. Чагин — во многом очень противоречивая личность, что, впрочем, неудивительно, поскольку его жизнь приходится на столь же противоречивый период истории России. Композиционно роман разделен на четыре части: «Дневник Чагина», «Операция “Биг-Бен”», «Незабываемое», «Лета и Эвной», названные весьма условно и относящиеся к определенным событиям в жизни Исидора Чагина. Самая объемная часть романа — «Дневник Чагина», и в буквальном смысле, и по тому количеству информации, которую узнает читатель о жизни Чагина и о жизни повествователя. [Крюкова, Раренко 2023:144]. Образ автора лежит в основе утверждения монологической природы любого текста, на эстетическом уровне отражающейся во «внутреннем единстве стилистических средств», в свою очередь обусловленном «цементирующей силой, которая связывает все стилевые средства в цельную словесно-художественную систему» [Виноградов 1963: 92]. А несобственно-прямая речь, в качестве формы выражения чужой речи, может структурировать как монологические, так и диалогические единицы, служа инструментом информирования читателя о сюжетных моментах. В современной художественной прозе одной из наиболее выразительных техник является использование вставных конструкций. Они не только раскрывают внутренний мир персонажа, но и косвенно оценивают его поступки, поведение и речевую манеру [Марьина 2022: 962]. В приведенных ниже примерах мы выделили ряд особенностей, присущих вставным конструкциям, которые позволяют ощутить авторское присутствие:

- эмоциональность, окрашенная авторской иронией: При чтении чагинского Дневника впечатление складывается неоднозначное. С одной стороны, конечно, понимал, потому что не может этого не понимать человек в здравом уме и трезвой памяти (тем более — такой памяти). С другой стороны, при описании первой встречи с Вельским, как, впро-

чем, и последующих, о двусмысленности этого знакомства Исидор не упоминает. Тревожный маячок, который здесь не мог не сработать, он попросту отключает. Ведь, будь он включен, Исидору пришлось бы отказаться от всех подарков, сделанных ему судьбой [Водолазкин 2022];

- авторский скептический комментарий: Затем следует подробное описание раздумий Исидора о том, правильно ли он ответил. Может быть, нужно было сказать: конечно. Или даже: а то! Немудреное есть кажется автору ответом банальным и неспособным вызвать ответное чувство [Водолазкин 2022];
- чувства персонажа и автора: Исидор хотел объяснить Николаю Ивановичу, что и гнев, и удар возникли против его воли, просто от потрясения увиденным и услышанным, но сколько-нибудь внятно изложить этого не умел. Очень трудно было выразить то, что лежало за пределами рационального. А может быть, как смутно догадывался Чагин, и не нужно... В заплывших глазах Николая Ивановича появилось что-то похожее на уважение. Раньше этого не было [Водолазкин 2022].

Приведенный анализ фрагментов романа Евгения Водолазкина «Чагин», в которых активно используется прием несобственно-прямой речи, ярко иллюстрирует многообразие его возможностей в современной русской литературе. Автор сливается с героем, проникает в его внутренний мир, смотрит на мир глазами героя, отождествляется с ним. Так, несобственно-прямая речь способствует созданию экспрессивности высказывания, эффективно усиливает стилистическое воздействие на читателя, формирует монологические и диалогические структуры, а также соединяет в единое целое отношение автора и персонажей к описываемым событиям.

Литература

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

Водолазкин Е. Г. Чагин. М., 2022.

Крюкова О. С., Раренко М. Б. Художественное пространство и герой, его организующий, в романе Е. Г. Водолазкина «Чагин» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 9. 2023. С. 143–148.

Марьина О. В. Реализация несобственно-прямой речи в художественных текстах, созданных для детей и подростков. Жанровая обусловленность и функционирование // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология», 2022. Т. 32, № 5. С. 962–967.

Цзян Тяньцзяо

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

АСПЕКТЫ АНАЛИЗА МАРКЕРОВ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИЙ О КИТАЕ

Ключевые слова: язык СМИ, эвиденциальность, опосредованная (косвенная) эвиденциальность, маркеры эвиденциальности, лексико-синтаксический анализ.

Актуальность изучения маркеров эвиденциальности связана с неоднозначностью квалификации данной категории русского языка и обусловлена необходимостью глубокого анализа структуры языковых выражений, используемых авторами интернет-публикаций о Китае, которые не являлись ранее объектом лингвистического описания в этом аспекте, с целью выявления специфических лексических средств и синтаксических конструкций, отражающих степень уверенности в представленной информации и указывающих на источник данных. Проблема состоит в неоднозначности и недостатке систематизации маркеров эвиденциальности в русском языке, в отсутствии полной картины взаимодействия маркеров в тексте [Вяткина 2023].

Цель работы — выявление лексических и синтаксических элементов, отражающих уверенность авторов в представленной информации и указывающих на источник данных.

Методы исследования включают лексико-синтаксический анализ, который выявляет вспомогательные глаголы, частицы, именованные источники информации, а также типы предложений и порядок слов; и логико-композиционный анализ, фокусирующийся на структурно-семантических сдвигах, изменениях в структуре предложения и текста, вызванных выражением эвиденциальности [Никитина 2013].

Анализ интернет-публикаций о Китае из рубрики «Последние новости» российского сайта «Это Китай, детка!» [Новости Китая] проводился в соответствии со следующими особенностями текста:

- 1) лексическими: точность / неточность указания на источник информации; указание субъекта-источника информации с характеристикой / без характеристики статуса информатора;
- 2) наличием информирующих глаголов;
- 3) синтаксическими особенностями: тип предложений, вводные и вставные конструкции;
- 4) положением маркеров эвиденциальности в начале, середине, конце текста, наличием гиперссылок.

На примере публикации «Китай опроверг информацию о внесении Филиппин в черный список туризма» (<http://ekd.me/2022/10/novosti-kitaya-utro-v-gonkonge-ne-budut-konfiskovyvat-yaxtu-rossijskogo-oligarxa-festival-chinarusrosafest/>) продемонстрированы лексические элементы, отражающие точность и нейтральность введения чужой речи в текст (опроверг и отметил), информирующие глаголы, указывающие на различные точки зрения сторон, выявлено синтаксическое преобладание сложноподчиненных предложений, объединяющих утверждения с точками зрения различных источников. Вводные конструкции и маркеры эвиденциальности используются для введения косвенной речи и подчеркивания статуса источников мнения.

На данном примере дается анализ маркеров эвиденциальности в структуре новостной публикации. В начале текста автор утверждает, что Китай опроверг представленную информацию, что является категоричным выражением отрицания. Затем в середине текста представлены точки зрения Филиппинского Конгресса и сенатора Зубири относительно включения страны в черный список туризма, при этом используется фраза власти КНР опасаются. Это выражение подчеркивает статус носителя мнения без персонализации. В заключительном абзаце посольство КНР на Филиппинах опровергает представленные в тексте утверждения, что представляет собой попытку уточнить истину и предложить альтернативную точку зрения.

Аксиологический анализ текста демонстрирует противоречивые ориентации, представленные через противопоставление интересов Китая и Филиппин в сфере туризма. В тексте поднимаются вопросы взаимодействия, безопасности граждан и влияния игорного бизнеса. Текст демонстрирует сложный конфликт политических и экономических интересов Китая и Филиппин. Разнонаправленные точки зрения подчеркивают сложность международных отношений и важность дипломатических усилий для разрешения конфликтов. Присутствует политический контекст, связанный с высказываниями сенатора Хуана Мигеля Зубири и с опровергающим заявлением Посольства КНР на Филиппинах, что подчеркивает необходимость тщательного анализа источников для полного понимания ситуации.

Анализ новостных публикаций показывает, что источники информации воспроизводятся с использованием маркеров опосредованной эвиденциальности, что является особенностью журналистской коммуникации. Лексико-синтаксический и текстовый анализ напрямую связаны со смыслом текстов, их эмоциональной окраской и эффективностью коммуникации в контексте межкультурного обмена информацией.

В свете значимости интернета как основного источника информации и повышенного интереса к вопросам Китая исследование способов выражения эвиденциальности в этом контексте имеет важное значение для понимания языковых особенностей и формирования общественного мнения. Оно также поможет определить специфику восприятия информации о Китае в русскоязычном интернете.

Полученные результаты будут полезны для лингвистических исследований в области интернет-коммуникации, а также для разработки методов анализа текстов с учетом эвиденциальности в различных языковых и культурных контекстах.

Литература

- Вяткина С. В.* Репрезентанты опосредованной эвиденциальности в российских СМИ // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 14–21 марта 2023 года, Санкт-Петербург: сб. тезисов. Санкт-Петербург, 2023. С. 944–945.
- Никитина Е. Н.* Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 68–82.
- Новости Китая. URL: <http://ekd.me/2022/10/novosti-kitaya-utro-v-gonkonge-ne-budut-konfiskovyvat-yaxtu-rossijskogo-oligarxa-festival-chinarusrosafest/> (дата обращения: 23.12.2023).

Янь Минъю

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

КЛАССИФИКАЦИЯ ТРИГГЕРОВ ПРЕСУППОЗИЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: триггеры пресуппозиции, пресуппозиция, классификация триггеров пресуппозиции.

Пресуппозиция — термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы все предложение не воспринималось как семантически аномальное [ЛЭС: 574].

Начиная с 1960-х годов в лингвистику было введено понятие пресуппозиции, но лингвисты до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, что следует считать пресуппозицией. Для удобства дальнейшего исследования мы даем следующее определение: пресуппозиция — это речевой контекст, выражаемый в высказывании, необходимый набор смыслов, существующий в сознании говорящего до момента речи, реализуемый непосредственно в процессе говорения и являющийся частью когнитивного контекста.

Пресуппозиция может строиться на основе определенных слов и структур предложений в высказывании. Слова или структуры предложений, которые могут быть использованы в качестве основы для пресуппозиции, называются триггерами пресуппозиции.

С. К. Левинсон в книге «Прагматика» выделил 13 типов триггеров пресуппозиции [Levinson 1983: 181–184]. Е. В. Падучева делит триггеры пресуппозиции в русском языке на пять категорий: 1) фактивные глаголы (видеть, подтвердить) и, шире, фактивные предикаты (рад, жаль); 2) фазовые глаголы (перестать, продолжать); 3) глаголы попытки (удаться, добиться); 4) адвербиалы (быстро, с трудом); 5) временные союзы (до того как, после того как и др.) [Падучева 2013: 23].

В связи с последним замечанием мы рассматриваем возможность объединения классификаций вышеуказанных ученых с классификацией Е. В. Падучевой для составления более подробной и полной классификации триггеров пресуппозиции в русском языке.

Мы выделили следующие 15 типов триггеров пресуппозиции в русском языке.

1. Определенные дескрипции: говорящий использует именной компонент таким образом, что адресат, как ожидается, сможет соотнести номинацию с конкретным обозначаемым, отличить его от других подобных объектов.
2. Фактивные глаголы: это такие глаголы, которые сообщают, что адресант высказывания считает что-либо свершившимся фактом.
3. Импликативные глаголы: это глаголы, которые предполагают какую-то информацию через свое лексическое значение, например, забыть предлагает адресату не делать что-то, запретить предполагает, что какое-то поведение не разрешено. Эта информация может рассматриваться как контекст предложения.
4. Фазовые глаголы: такие глаголы связаны с началом или концом какого-либо состояния, они могут обозначать начало или конец действия, события или признака.
5. Итеративные слова: такие слова обозначают повторение или продолжение какого-либо действия или состояния, чаще всего это наречия, а также некоторые глаголы.
6. Глаголы попытки.
7. Адвербиалы (наречия и наречные словосочетания).
8. Слова, обозначающие ориентацию. Понятие ориентации также является относительным, например, отношения “внутри — снаружи”, “близко — далеко”, “вверх — вниз” и т. д.
9. Порядковые числительные и их аналоги. Слова, обозначающие порядок при счете (первый, второй, десятый и т. д.), указывающие на дополнительность или последовательность (еще один, дополнительный, следующий и т. д.), предполагают наличие других предметов или другого количества чего-л.

10. Сравнительные конструкции. Сравнить можно как два разных объекта, так и один и тот же объект в разное время. Когда люди что-либо сравнивают, всегда существует объект сравнения.
11. Определительные придаточные. Определительное придаточное может рассматриваться как дополнительное высказывание, которое не зависит от главного предложения. Если в главном предложении заменить утверждение на отрицание, это не изменит истинности придаточного, поэтому можно утверждать, что придаточное выполняет функцию пресуппозиции.
12. Временные союзы, как и слова, обозначающие ориентацию, подчеркивают, что время тоже относительно. Когда мы говорим о том, как обстоят дела сейчас, обязательно возникает сравнение с прошлым или будущим.
13. Контрафактические (ирреальные) условные придаточные выражают условие, противоположное истинному положению вещей.
14. Вопросительные слова демонстрируют запрос новой информации. Следовательно, предложение после удаления специального вопросительного слова является прежде известной коммуникантам информацией.
15. Изменение интонации предложения: говорящий обозначает фокус внимания, делая акцент на той информации, которая должна быть целенаправленно выделена в высказывании, тем самым вызывая пресуппозицию.

Триггеры пресуппозиции — это потенциальные формы языкового выражения и средство, с помощью которого адресат получает неявную информацию. В конкретных коммуникативных условиях контексты также могут вызывать пресуппозиции. В теоретическом плане изучение триггеров способствует лучшему пониманию пресуппозиции, а также помогает ее дать научное определение. В практическом плане изучение триггеров пресуппозиции играет важную роль в семантическом и синтаксическом анализе, способствует пониманию дискурса.

Литература

- Падучева Е. В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика, 1977.
- Падучева Е. В.* Русское отрицательное предложение // Языки славянской культуры. 2013.
- ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой // Советская энциклопедия, 1990.
- Levinson S. C.* Pragmatics // Cambridge University Press, 1983.

Буланин Дмитрий Михайлович

д-р филол. наук, главный научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
dmitriibulanin@yandex.ru

НИЛ ГРЕК ИЛИ МАКСИМ ГРЕК? НЕУЧТЕННАЯ АФОНСКАЯ ЛЕГЕНДА

Ключевые слова: Афон, литургия, легенда.

Историкам и любителям благочестивого чтения хорошо известны красочные легенды Святой горы, распространявшиеся по отдельности и в виде циклов. Занимая промежуточное положение между фольклором и письменностью, большинство легенд циркулировало в разных редакциях и вариантах. Основные их варианты, представленные в древнерусских рукописях, учтены и описаны. Поэтому столь важно добавить к известным легендам еще одну, ускользнувшую от внимания специалистов по судьбам афонского наследия на Руси. Произведение дошло в единственном списке, относящемся к так называемому «Собранию слов Максима Грека до 1587 г.» (в остальных списках этого собрания Повесть упоминается в оглавлении, но на соответствующем месте в самих рукописях находим лакуну):

Повесть предивна велми

Повѣда ми нѣкто старецъ: Слышах речъ нѣ у коего старца бывшую дивною вещь. Во Святѣи горѣ нѣ в коем греческом монастыри случило ся быти во едину от днѣи службѣ, Великого Василия божественѣи литургѣи. И егда пристѣ время, яко возгласи священникъ изрядно о пресвятеи Богородици, и абие клирицы начаша пѣти «Достоино есть яко воистинну блажити тя, Богородице». Таже нѣкии брат от простых возбрани им тот стих пѣти. И повели им пѣти «О тебе радуется, обродованная, вся тварь». Они жа не послушаша его или неумѣния (испр., в ркп. неумѣния) ради, или призрѣния ради, Богъ един въсть. И тот брат сам начат пѣти «О тебѣ радуется, обродованная, вся тварь». И в ту ноцъ яви ся Пречистоя тому брату, пѣвшаму «О тебѣ радуется», и даде ему двѣ златницы, и рече ему: «Ты мене и здѣ не пре//зрѣл, и аз тебѣ не презрю в будущемъ вѣце, ни, ходатаица ти буду о всѣхъ благыхъ» (РНБ, F.I.250, л. 63 об.-64, конец XVI — начало XVII в.).

Несмотря на свою лаконичность, рассказ отличается законченным и узнаваемым сюжетом. Генетически он связан с Чудом об искавшем спасения в афонской лавре знаменитом византийском мелурге Иоанне Кукузеле. Однажды, после пения в субботу Акафиста, ему явилась Богоматерь и в знак своего покровительства вручила золотую монету, которая потом была помещена в церкви. Существует множество версий этой истории, в которой избранниками становятся разные, часто безымянные старцы, в обмен на вложенный в церковь дар Богородицы герою иногда дают две золотых монеты. По-видимому, перед нами этиологическая легенда, объясняющая происхождение прикрепленной к лаврской иконе монеты (возможно, имя Кукузеля вставили в Чудо позднее). Таково же, стоит заметить, назначение большинства афонских легенд, раскрывающих чудесное начало в истории самых прославленных местных святых. Однако сравнительно с Чудом, случившимся при пении Акафиста, в публикуемой Повести распознается другая литургическая подоплека. Для понимания ее надлежит знать, что в те немногие дни календаря, когда в церкви служат литургию Василия Великого, вместо молитвы «Достоино есть», сопровождающей литургию Иоанна Златоуста, положено петь «О тебе радуется». По преданию, которое пересказывает и Порфирий (Успенский) в своей знаменитой «Истории Афона», пение

Ответственные редакторы: д-р филол. наук Т. В. Рождественская, д-р филол. наук М. Б. Попов.

«О тебе радуется» утвердил сам Константинопольский патриарх Каллист I. Решение предшественника отменил очередной патриарх Филофей Коккин, но в итоге замена была внедрена тем же Каллистом в годы его второго патриаршего служения. Конец разногласиям положил будто бы Григорий Гликис, еще один мелург, подвизавшийся в лавре и пропевший «О тебе радуется» в канун Богоявления. Предание гласит, что Гликис тоже удостоился явления Богоматери, и она тоже одарила его золотой монетой. Приведенная русская Повесть, хотя и не сообщающая конкретных имен, но, несомненно, связанная с событиями указанного предания (скорее всего, оно еще не ассоциировалась тогда с деятельностью Гликиса), важна, в том числе, как относительно раннее свидетельство о его бытовании на Святой горе.

Кто же и когда мог написать «Повесть предивну велми», занесшую в Московскую Русь предание о последовании одной из литургий? Первым из двух главных кандидатов на роль автора можно считать Нила, епископа Тверского (умер в 1521 г.), представителя многочисленного клана Траханиотов, обосновавшегося в Москве после женитьбы Ивана III на Софье Палеолог. С именем Нила связан единственный дошедший до Руси список с циклом афонских легенд — “Patria Athonensia” (копия XVII в. в РГАДА, собр. Мазурина, № 642). Святогорские легенды фигурируют и в двух уцелевших посланиях Нила — некоему вельможе Георгию Дмитриевичу и князю Георгию Ивановичу Дмитровскому. И все же значительно более правдоподобной видится принадлежность Повести к литературному наследию Максима Грека. Хотя ученый старец не был столь увлеченным, как Нил, распространителем афонской мифологии, нет сомнений в том, что он хорошо знал ее (ср. его ссылку в Послании Василию III на легенду об основании Ватопедского монастыря). Как показывает сравнение с другими произведениями Максима Грека, писатель любил подкреплять свои рассказы ссылками на источник полученных сведений, что мы видим и в тексте рассматриваемой Повести. Что касается Нила, то тот, напротив, передает в посланиях легендарные подробности как некое достояние коллективной памяти афонских подвижников. Главным аргументом при атрибуции Повести в пользу одного из представленных здесь претендентов на авторство является тот факт, что она включена в самый ранний из составленных после смерти Максима Грека тип собрания его сочинений, причем включена на равных правах с неоспоримыми его творениями. Лакуна, находящаяся во всех списках, кроме одного, счастливо сохранившего Повесть вместе с соседними главами, обусловлена всего лишь механическим дефектом общего протографа этих списков и не указывает на дискриминацию утраченных глав.

Литература

Порфирий (Успенский). История Афона. СПб., 1892. Ч. 3. Отд. 2.

Ганиев Сеймур Аббас Оглы

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
seymur547@gmail.com, st123128@student.spbu.ru

СЛОВО НЕКТО В РУССКИХ ТЕКСТАХ XVII В. (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

При изучении местоименных слов на *не-* (*нѣ-*) в русском языке XVII в. обнаруживается, что эти лексические единицы могут выражать два значения — отрицательное и неопределенное. В докладе предполагается рассмотреть одно из таких слов — местоимение *некто* и его орфографические варианты.

В современном русском языке *некто* — неопределенное местоимение. В [МАС, 2: 450] и [Ожегов 2006: 407] значение *некто* толкуется таким образом: мест. неопределенное (употр. только в им. п.). *Некий человек, кто-то*.

В [СлРЯ XVIII, 15: 210] тоже отмечается только значение неопределенности, и тоже указывается именительный падеж как единственно возможный:

Нѣкто, мест. неопр. только им. п. *Некий человек, кто-то*.

В [СлРЯ XI–XVII, 11: 158] отрицательное и неопределенное местоимения подаются отдельными статьями:

Некто (Нехто), неково, некому, мест. отрицат. 1. Никто (*сообщает отрицательное значение всему предложению*). 2. Никто (*употребляется при наличии отрицания не при глаголе*).

Нѣкто (Нѣкъто, Нѣхто), нѣкого, нѣкому, нѣкомь, нѣ о комь и т. д., мест. неопр. 1. Некто, кто-то, некий человек. 2. в сочетании с суц. Один, некий, некоторый.

Как видно из [СлРЯ XI–XVII], *некто* используется лишь в отрицательном значении, а *нѣкто* — в значении неопределенности, к тому же указываются формы косвенных падежей; орфографических колебаний в написании двух данных слов не отмечается. Однако, по данным НКРЯ, в текстах XVII в. такого последовательного употребления *некто* (только в отрицательном значении) и *нѣкто* (только в значении неопределенности) не встречаем. *Некто* (в написании через «е») может использоваться как в отрицательном значении, так и в значении неопределенности, часто в пределах одного памятника. Приведем примеры:

Поганіи же устрашишиа мнѣвише, яко из лука стрели некто глаголюще: «Силніи суть рустіи воини стреляти, таковаго бога нашего сокрушишиа» (Строгановская летопись в сокращении по Афанасьевскому списку, 1630–1640 гг.);

Поганіи же устрашишиа, не вѣдуще, что се есть, и мняху, яко нѣкто изъ лука стрелилъ, і рѣшиа другъ ко другу: «Силни убо стреляти, яко таково древо разбишиа» (Есиповская летопись по Сычёвскому списку (1636), то же по Румянцевскому списку);

Некто жъ отъ слугъ царя Она соблюде отъ Чингисова убійства сына царя Она, ему жъ имя Дайбуга (Есиповская летопись по Погодинскому списку, 1636 г.).

Как видно из примеров, в Есиповской летописи в одних случаях встречается местоимение *некто* с *не*, в других — с *нѣ*. Примечательно, что во всех случаях *некто/нѣкто* употреблено в значении неопределенности, хотя, по данным [СлРЯ XI–XVII, 11: 158], значение неопределенности закреплено только за написанием *нѣкто*.

Такое же непоследовательное написание *некто/нѣкто* встречается и в других текстах XVII в.:

В то же время во граде Устюге некто былъ житель града того Фома, по прозванію Грудцынъ — Усовъ, ихже родъ и доднесь во граде томъ влечется (Повесть о Савве Грудцыне, 1660–1670 гг.) — значение неопределенности;

В том же граде Орле **нѣкто** бысть мещанинъ именемъ Бажень Второй, уже старъ в лѣтехъ и знаемъ во многихъ градахъ, понеже богатъ зѣло, и попремногу друженъ отцу Саввину Фоме Грудцыну (Повесть о Савве Грудцыне, 1660–1670 гг.) — значение неопределенности.

В примерах ниже *некто* употреблено в отрицательном значении:

Кельи болшія при церкви новой, по указу тебе великого государя, нынѣ не мочно строить, потому что бревна болшія изъ лѣсу не вывожены, и везти нынѣ **не ким** и не мочно (Отписка патриарху Никону от игумена Иверского монастыря Дионисия, 1655.06.19–1655.06.30 г.). Отметим в этом примере косвенный падеж отрицательного местоимения, безусловно, входивший в словоизменительную парадигму *некто*.

И Роткина малово прикажи женить, государь, а дьячиха не дает дочери свое Дашки, как вылечитца и лечить, государь, **некто** не иматца (Грамотка приказчика М. Дмитриева и старосты Щ. Иванова из д. Подчернина, 1674.06.24 г.);

А плотников, государь, я холоп твои по указу твоему высалл вскорѣ послѣ Благовещениева дни, и онѣ жили послѣ высылки, а того не вѣдаю, за что стол(ь)ко долго жили по себѣ, а мнѣ в тѣ поры послать по них **нѣково**, воды захватили (Грамотка приказчика Т. Семенова и старосты А. Васильева из с. Назаркова, 1685.06.19 г.).

В последнем примере мы встречаем отрицательное *неково* в написании с ятем, хотя, по данным [СлРЯ XI–XVII], отрицательное *некто* (и все его формы) пишется с *не-*, а неопределенное *нѣкто* (и все его формы) — с *нѣ-*. По-видимому, и *некто*, и *нѣкто* в этот период могли выступать в двух значениях — в отрицательном и неопределенном.

В памятниках же XVIII в., по данным НКРЯ, *некто/нѣкто* не встречается в отрицательном значении ни в одном из двух возможных орфографических вариантов. Вероятно, это значит, что именно XVIII в. — время утраты в парадигме данного местоимения его начальной формы.

Тем самым, согласно Корпусу, оказывается, что в XVIII в. *некто* (*нѣкто*) остается только в функции неопределенного местоимения.

Литература

Малый академический словарь (МАС): <http://feb-web.ru/feb/mas/>

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2006.

Словарь русского языка XI–XVII вв.: <https://etymolog.ruslang.ru>

Словарь русского языка XVIII в.: <http://febweb.ru/feb/sl18/slovabc/>

Житенева Анна Михайловна

канд. ист. наук, доцент,

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;

zhiteneva@cosmos.msu.ru

«СОКРАЩЕННЫЕ» БУКВЕННЫЕ НАЧЕРТАНИЯ В КИРИЛЛИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ XI–XV ВВ.

Ключевые слова: кириллическая палеография, устав XI–XV вв., пергаменные рукописи, кириллическая эпиграфика, сокращенные начертания.

Анализируя палеографические особенности некоторых пергаменных рукописей, исследователи отмечали нетипичные для каллиграфического устава буквенные начертания, вопреки привычному облику, не нарушающие нижний уровень строки. Речь идет о буквенных начертаниях У, Р, Х, обычно опускающихся в нижнее междустрочье. «Сокращенные» начертания, полностью расположенные в строке, трактовались как индивидуальные особенности почерка профессионального писца, как особенности локальной книжной школы, отдельной книгописной мастерской или как характерные признаки позднего каллиграфического устава, приобретающего ко второй половине XIV века черты манерности и вычурности (см., например, [Милов 1984: 120]). Однако на основании наблюдения над всем кластером кириллических профессиональных почерков (каллиграфическим, деловым, заглавным и эпиграфическим уставом) и бытовым письмом уставного типа XI–XV вв. есть основания утверждать, что подобные начертания представляют собой допустимые, реализующиеся в определенных топографических условиях (условиях расположения текста на поверхности для письма) варианты графем У, Р, Х, Ф и др. и не могут быть наделены статусом палеографического маркера — локализирующего и (или) датирующего признака.

Для разных графем принцип реализации графа, не нарушающего нижний уровень строки, будет различным. Графема У может реализовываться в двух вариантах: (1) основное начертание масштабируется с сохранением пропорций, хвост начинается примерно на сигнальном уровне строки и заканчивается на нижнем уровне строки, не опускаясь в междустрочье; (2) от основного начертания сохраняется только строчная часть, а хвост редуцируется до нуля (ср., например, реализацию графемы У в почерке писца Евангелия апракос первой половины XIV в. в Тит. 381 из РНБ (тот же почерк в Барс. 47 из ГИМ и в № 183 (М. 7521) ф. 492 из РГБ — [Житенева 2024]). Остальные графемы (Р, Х, Ф, З и др.) реализуются строчным вариантом только первого типа (уменьшение размера начертания при сохранении его пропорций) по объяснимым причинам: например, начертание Р при редукции хвоста, опускающегося в междустрочье, совпадет с основным начертанием графемы О, а графема Х в случае отсечения опускающейся под строку части рискует, оказаться визуальным дублем начертания Ч с угловатой чашей и низкой ножкой.

Руководствуясь почерковедческим (а не «вещеведческим») подходом в классификации письменных источников, в основе которого лежит группировка текстов по типам почерков, можно выявить причины использования «сокращенных» начертаний в каллиграфическом уставе некоторых пергаменных рукописей как восточно-, так и южнославянского ареала (например, в болгарской рукописи так называемого Норовского Евангелия XIII в. Увар. 289/2 и Муз. 3178 из ГИМ, в сербской рукописи Шестоднева 1263 г. (ГИМ, Син. 345), переписанной на Афоне, в древнерусской рукописи гадательной псалтыри XIV в. (Соф. 60 из РНБ), Евангелия апракос XIV в. (Соф. 5) и мн. др.).

Следует принять во внимание, что как в кластере профессиональных почерков (заглавном и эпиграфическом уставах), так и в бытовом типе уставного письма встречаются (в заглавном и эпиграфическом — преобладают) типы графических систем, в которых буквы, в основном варианте начертания выходящие хвостами за нижний уровень строки (У, Ц, З, Ф, Р), реализуются своими сокращенными вариантами, позволяющими не нарушать границы строки. В бытовом

типе уставного письма, где нет разметки, а буквенные начертания сами формируют строку, графические системы с реализацией перечисленных графем их сокращенными вариантами встречаются sporadически (см., например, берестяные грамоты №№ 682 (втор. пол. XII в.), 420 (сер. XIII в.), 619 (втор. пол. XIV в.); запись на л. 1 псковской служебной Минеи пер. пол. XIV в. (Тип. 116 из РГАДА). В некоторых бытовых почерках (индивидуальных графических или графико-орфографических системах) уставного типа все графемы реализуются своими сокращенными (расположенными в строке и пропорционально измененными) вариантами; в других же только некоторые из «хвостатых» графем (чаще всего Р, Х, Ц и (или) У, значительно реже З и Ф) располагаются целиком в строке. В текстах или фрагментах текстов, выполненных эпиграфическим и заглавным уставом, строки топографически ограничены из-за особенностей композиции текста, традиционных приемов его оформления, особенностей поверхности, на которую наносится текст. Эти условия предполагают максимальное стремление пишущего соблюсти верхний и нижний уровни строки за счет унификации размера буквенных начертаний по высоте.

Реализация графем У, Х, Р, Ф и др. их «сокращенными» графемами в каллиграфическом уставе в основном тексте пергаменных кодексов встречается также в условиях дефицита места — экономии материала (пергамена). Писцы, использующие сокращенные варианты начертаний, стараются по возможности сохранить междустрочье незаполненным, что дает возможность сократить высоту не заполненного текстом пространства, оставив тем не менее место для традиционных элементов, располагающихся между строками (выносные буквы, надстрочные знаки). Следует учитывать, что в таких типах реализации графико-орфографических систем будут сокращаться и элементы тех буквенных начертаний, которые нарушают верхний уровень строки — например, начертание буквы ять. В последнем случае не только сокращается длина мачты буквы, но и пропорционально масштабу буквенного начертания смещается коромысло буквы ять, что необходимо принять во внимание при палеографическом анализе и использовать данные начертаний этой графемы как датирующий признак с крайней осторожностью. Без учета фактора дефицита места (экономии пространства для текста) и, как следствие, использования сокращенных буквенных начертаний возможны ошибки в датировке всего письменного источника, как, например, в случае с отнесенным к XIII веку отрывком Евангелия апракос из собрания А. А. Титова (РНБ, Тит. 381), хотя на основании комплекса палеографических признаков и надежного отождествления с двумя другими отрывками этого же кодекса, хранящимися в ГИМ (Барс. 47) и РГБ (ф. 492, № 183), рукопись датируется XIV веком [Житенева 2024].

Таким образом, сокращенные (уменьшенные по вертикали или лишенные подстрочных элементов) буквенные начертания, встречаясь во всех типах кириллических почерков пространства Slavia Orthodoxa с XI по XV в., не маркированы хронологически или локально, но использовались прежде всего в условиях дефицита места (пространства / материала для письма).

Литература

- Житенева А. М. Об отождествлении трех отрывков пергаменного списка Евангелия апракос XIV в. из РГБ, ГИМ и РНБ // Румянцевские чтения — 2024: материалы Международной научно-практической конференции (23–25 апреля 2024 г.). М., 2024.
- Милов Л. В. Тверская школа книжного письма второй половины XIV в. (из истории Троицкого Мерила Праведного) // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 118–127.

Кулева Наталья Александровна

младший научный сотрудник,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова; kulevana@mail.ru

ОТОБРАЖЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЛЕКСИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ МИНЕИ ЧЕТЬИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В. (РГБ Ф. 173 № 92)

Ключевые слова: минея четья, лексика, литературная традиция, рукопись.

Предметом нашего исследования является древнейшая славянская минея четья на февраль, самая ранняя сохранившаяся в древнерусском списке за указанный месяц. Данная рукопись хранится в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки в составе собрания Московской Духовной Академии под номером 92.1 (РГБ, ф. 173/1 [МДА], № 92.1) (далее: Мин.чет. февр.), датируется она первой четвертью XV в.

Важное место в истории изучения Мин.чет.февр. принадлежит И. И. Срезневскому, который впервые привлек внимание к ней других специалистов. Описание рукописи, небольшая выборка слов и фрагмент из Жития преп. Власия Аморийского (18 февраля) были опубликованы им в «Сведениях и заметках о малоизвестных и неизвестных памятниках» [Срезневский 1875: 377–390].

И. И. Срезневский, в результате описания Мин.чет.февр. и сравнения ее с другим древним памятником XI в. — Супрасльской рукописью, на основании сопоставления языка этих двух произведений сделал предположение о том, что эти две рукописи были частями единого целого и что уже в XI веке существовала полная годовичная славянская минея четья.

Для определения времени и места создания литературного памятника решающее значение среди других данных имеет лексика, являясь одним из важнейших пластов при исследовании текста. В современной науке этой проблеме уделяется достаточно большое внимание. При изучении древних переводных и оригинальных памятников исследователи рассматривают лексику прежде всего с точки зрения территориальной принадлежности и привязанности к определенной литературной традиции; выделяют лексику, характерную для мораво-паннонских памятников, кирилло-мефодиевской традиции, преславских и тырновских переводов, южнославянских и восточнославянских текстов. (ср.: [Кривко 2015; Крысько 2003; 2021; Молдован 2000; Пенковская 2019; Пичхадзе 2008, 2011; Славова 1989; Христова-Шомова 2004]).

Необходимо отметить, что в Мин.чет.февр. встречается несколько лексем, которые считаются моравизмами. Это такие слова, как *боль* 'больной', *древле* 'прежде, раньше', *законъ* 'завет', *комъканию* 'причастие', *неприянинь* 'нечистый дух', *олтарь* 'алтарь'.

Помимо этого, Мин.чет.февр. содержит разнообразные яркие южнославянизмы, которые не получили широкого распространения в южнославянских памятниках и весьма редко употреблялись в текстах древнерусского происхождения. Данный памятник содержит лексемы, встречающиеся в болгарских архаичных текстах. Например, здесь отмечены следующие лексемы: наречия *бъхъма* и *бъшию* 'полностью, совершенно', предлог *свъне* 'кроме', существительные *извътъ* 'причина', *чисмя* 'число', *обрътель* 'приобретение', *оплаза* 'заносчивость', *область* 'власть', *блазна* 'заблуждение', глаголы *изноурити* 'украсть', *облазнити* 'соблазнить', *блазнити* 'обманывать, соблазнять', прилагательные *безоумль* 'безумный', *бесщисменьнь* 'несчетный' и другие.

Рассмотрим Мин.чет.февр. с точки зрения наличия в ней восточнославянских регионализмов. В Мин.чет.февр. отмечены несколько лексем, не зафиксированных в болгарском языке и представленных лишь в древнерусских оригинальных и переводных памятниках: глагол *по-соулити* 'пообещать', глагол *раскоторатиса* 'ссориться', глагол *пристроити* 'приготовить, организовать' и существительное *пристрои* 'совокупность устройств, снаряжений, приспособлений', наречия *издъну* 'изнутри' и *нынъча* 'теперь, нынче', наречное сочетание *боле того* 'в даль-

нейшем, больше не' при сказуемом с отрицанием, прилагательное *разноличьными* 'различный, разнообразный', предлог *межи* 'между'.

В Мин.чет.февр. преобладают лексемы, которые считаются *преславизмами*. Однако изучение лексики данного памятника выявило также и некоторые старославянские соответствия этим преславизмам. В некоторых случаях трудно определить, какой из вариантов наиболее предпочтителен, поскольку они имеют примерно одинаковое количество употреблений.

По мнению И.Христовой-Шомовой, лексемы с начальным компонентом *благо-* являются особенностью переводов Преславской переводческой школы. В Мин.чет.февр. представлена большая группа композитов с этим компонентом: *благодарьствиѣ, благодѣтель, благоизволеніѣ, благословивыи, благодѣтиѣ, благословленіѣ, благовѣщати, благостраньнѣ, благовоньно, благовѣрныи, благодаровати, благородьство, благословещениѣ, благословествовати, благочиньныи* и др.

В изучаемом памятнике богато представлены глаголы и образованные от них существительные с южнославянской по происхождению приставкой *из-*, имеющей разные значения; в то же время отсутствуют образования с восточнославянской приставкой *вы-*. Например, *избавити, избрати, избыти, извести, изволити, извыкнѣти, извѣщати, изгнати, изгорѣти, изгыбноути, издринѣти, изити, изискати, изати, изльсти, изнести, изврѣщи, изглаголати, измоудрѣти* и др.

Таким образом, мы видим, насколько неоднороден и разнообразен лексический состав Мин.чет.февр. в его отношении к различным книжным традициям, что свидетельствует о непростой истории создания и формирования данного типа памятника.

Литература

- Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Славова Т. Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. Кн. 6. София, 1989. С. 15–130.
- Срезневский И. И. Февральская книга Минеи чети древнего состава по списку XV в. // Сб. ОРЯС. СПб., 1875. Т. 12. С. 377–390.
- Христова-Шомова И. Службният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. 1. Изследване на библейския текст. София, 2004.

Новак Мария Олеговна

д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
mariaonovak@gmail.com

НАИМЕНОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ «ЦЕРКОВНЫХ АННАЛОВ» БАРОНИЯ (XVII В.)

Ключевые слова: «Церковные анналы», славянские переводы, латинизмы, наименования должностных лиц, историческая лексикология и лексикография.

Сообщение посвящено славянским переводам «Церковных анналов» Цезаря Барония — известной церковной хроники конца XVI — начала XVII вв., написанной на латыни выдающимся деятелем римско-католической Церкви кардиналом Чезаре Баронио (Цезарем Баронием). Благодаря Петру Скарге, исключительно быстро выполнившему сокращенный перевод на польский язык, хроника стала чрезвычайно популярной и в православных славянских странах. Во второй половине XVII века появился ряд восточнославянских переводов, которые до недавнего времени не привлекали внимания историков русского языка.

В центре нашего исследования — перевод, сохранившийся в рукописи РГБ, ф. 256, №15 (далее — Рум15), датированной 1689 годом. Предварительный анализ лексического уровня текста показывает его близость к переводческим установкам Чудовского круга [Новак 2023]. Для проверки данной гипотезы необходимо более детальное изучение лексики источника в сопоставлении с латинским исходным текстом [Annales MDCCVI], польской версией [Roczne dzieje 1607] и изданием 1719 года (приводится по репринту [Дѣаніа 1913–1915]). При цитировании источников указывается номер листа или страницы издания.

В рамках решения этой задачи предлагается обсудить способы передачи некоторых латинских наименований должностных лиц: *senator*, *consul*, *tribunus*. В польской версии, где эти лексемы осваиваются как латинизмы, возможны как графические вариации (*Tribunus/Tribun/Trybun*, *Consul/Konsul*), так и пояснения латинского термина с помощью славянского эквивалента (например, *Połkownikow abo Trybunow*, s. 199).

В версии Рум15 латинизмы не заимствуются как таковые, но передаются с помощью либо славянских соответствий, либо (и чаще) грецизмов, в том числе малоизвестных. Последнее вполне согласуется с установками Чудовской переводческой школы.

Наиболее частотным из перечисленных слово *senator*, которое получает в Рум15 устойчивую параллель *сигклитикъ/свгклитикъ* (греч. *συνκλητικός* ‘член сената, сенатор’), отмеченную в 45 случаях. Кроме того, данный грецизм может передавать польское словосочетание *radny pan* ‘сенатор’ (одно употребление, л. 202). Как наименование одного сенатора дважды встречается соответствие *сигклитъ*, известное древнеславянской переводной книжности; оно может использоваться и в собирательном значении, как коррелят плюральной формы *senatoru* (выявлено шесть случаев). Славянское образование *вельможа* в качестве эквивалента к *senator* встречено всего два раза. В версии 1719 г. решительно преобладает латинизм *сенаторъ* (48 случаев); лишь однажды появляется форма *властей* как параллель к форме мн. ч. *senatory* (с. 497 об.).

Также в Рум15 отмечены адъективные дериваты *сигклитскій* и *сигклитическій*, у которых можно заметить различие не только в словообразовательной мотивации (от *сигклитъ* и *сигклитикъ* соответственно), но и в сочетаемости: если первое прилагательное сочетается с неодушевленными существительными (*родъ, домъ, честь*), то второе — с наименованиями лиц: *между свгклитическими женами* (л. 31; польск. *między Senatorskimi niewiastami*, s. 11); *свгклитическимъ лицамъ* (л. 482 об.; польск. *Senatorskim osobom*, s. 279). Прилагательное *сигклитическій* отсутствует в исторических словарях русского языка.

Версия 1719 г. предпочитает латинизм *сенаторскій*; только в одном случае появляется отклонение от этой тенденции: *господскими женами* (с. 15).

Существительное *consul/konsul* также получает в Рум15 грецизм в качестве эквивалента: *ипатъ/ипатъ/ѡпатъ* (21 случай); альтернативное решение *совѣтникъ* оказывается в меньшинстве (восемь случаев). Слово ὕπατος могло обозначать в различных источниках и контекстах как восточного сатрапа, так и римского консула и было заимствовано с этими значениями древнеславянской книжностью. Версия 1719 г. представляет латинизм *консуль/консуль* как единственный вариант.

Гораздо больше вариаций мы наблюдаем в Рум15 при передаче *Tribunus/Tribun/Trybun*. Соответствие *димархъ* (в античных источниках слово δῆμαρχος могло называть римского народного трибуна) не фиксируется историческими словарями. Также возможны параллели, описывающие трибунов как военных: *тысящникъ/тысущникъ* и *тысящаначал(ь)никъ*, а также *военачал(ь)никъ* — гипероним по отношению к «тысячникам». В тех случаях, когда в польском тексте рядом с латинизмом присутствует пояснение, версия Рум15 склонна работать именно с пояснением: *намѣстнику* (л. 258) — польск. *namiestnika abo Trybuna* (s. 146); *военачалниковъ* (л. 347) — польск. *Połkownikow abo Trybunow* (s. 199). Особое место занимает контекст, в котором упоминается воин-мученик Андрей Стратилат (греч. στратηλάτης '(главно)командующий, полководец'), в латинском оригинале *Andreae Tribuni* (p. 561): польская версия называет его *Jędrzey Półkownik abo Tribunus* (s. 157), когда как Рум15 — *Андрѣ(и) стратила(т)* (л. 277 об.), полностью игнорируя латынь и опираясь лишь на древнеславянскую традицию именованья святого.

Версия 1719 г. и здесь предпочитает латинизм: на 15 употреблений заимствования *тривунъ* приходится только одно *полководецъ*. В отношении эпитетов Андрея Стратилата применена синтезирующая тактика, сопологающая грецизм и латинизм: *Андрей Стратилатъ или Тривунъ* (с. 187).

Таким образом, даже ограниченный анализ демонстрирует ориентацию версии Рум15 на употребление либо «старых» (хорошо известных книжной традиции), либо «новых» грецизмов, в противоположность версии 1719 г., широко использующей заимствования-латинизмы. Перспектива исследования предполагает расширение круга рассматриваемых лексических единиц.

Литература

- Дѣяніа церковныа и гражданскіа. Кн. 1–3. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1913–1915. (Приложение к журналу «Старообрядческая мысль»; воспроизведение издания 1719 г.)
- Новак М. О. Лексика церковнославянского перевода «Церковныхъ Анналовъ» Баронія (XVII в.): влияние Чудовского круга // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XII Международной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М.: Индрик, 2023. С. 204–205.
- Annales ecclesiastici. Auctore Caesare Baronio <...>. Tomus secundus. Venetiis, MDCCVI. 724 p.
- Roczne dzieie kościelne od narodzenia Pana y Boga naszego Iesusa Christusa, wybrane z rocznych dzieiow kościelnych Cesarza Baronivsza... nazwanych Annales Ecclesiastici, przez X. Piotra Skargę <...>. W Krakowie, W drukarniey Andrzejia Piotrkowczyka, Roku P. 1607. 1159 s.

Исследование проводится при финансовой поддержке РФФ, проект № 24-28-00240 «Культурно-языковое взаимодействие в предпетровскую эпоху: переводы с польского языка книжников московского Чудова монастыря».

Пентковская Татьяна Викторовна

д-р филол. наук, профессор,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

slav_fil@mail.ru

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЕНИЙ ПЕТРА СКАРГИ КНИЖНИКАМИ МОСКОВСКОГО ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Ключевые слова: польско-русские литературные связи, Петр Скарга, церковная история, проповеди, книжный круг Чудова монастыря, лингвотекстология.

Сочинения Петра Скарги были широко востребованы московскими книжниками второй половины XVII в. Так, среди книг келейной библиотеки Евфимия Чудовского имелся конволют краковских изданий «*Żywoty świętych*» Петра Скарги 1644 и 1603 гг., переплетенный в XVII в. (РГБ, МК VIII — 26911, МК VIII — 26912). Книга содержит признаки редакторской работы: оба тома имеют надписи и пометы, принадлежащие самому Евфимию. Вместо утраченного печатного указателя Евфимий поместил составленный им указатель имен святых и праздников церковного календаря. Предполагается, что Евфимий планировал перевод всего текста [Шустова 2021: 231]. Среди его помет неоднократно встречаются ссылки на «Церковные анналы» Цезаря Барония, например, к фрагменту Жития преп. Никиты Исповедника «*Pátryárchę Nicephorá wygnał / inego ſwego błędu uczestniká Theodorá poſtawił: y wielkie ná kościół prześládowanie puścił*» на нижнем поле почерком Евфимия Чудовского дан комментарий: чти мѣсто ѳеодора Патрiарха, ѳеодота. Зри bar: 815:1 (с. 284). Он восходит к замечанию польской версии «Церковных анналов», созданной Петром Скаргой: *Pátrż w iego żywoćie / á miáſto Theodorá Pátryárchy fałſzywego Theodotá czytaу.* На поле помета Aprilis (*Roczne dzieie kościelne*, 1607, с. 767). Замечание отсылает, в свою очередь, к составленным Скаргой «Житиям святых», где соответствующее Житие помещено под 5 апреля.

С Евфимием Чудовским или чудовским книжным кругом связано один из церковнославянских переводов польского переложения «Церковных анналов» Барония, принадлежащего перу Петра Скарги (РГБ, Рум. 15, XVII в.) [Новак 2023: 204–205]. Эта рукопись, однако, доведена только до конца V в.

Ссылки на «Церковные анналы» Барония в переложении Петра Скарги неоднократно встречаются и в других работах Евфимия Чудовского. Это сочинение стало одним из источников полемиического трактата «На оглаголюющих Священную Библию» авторства Евфимия [Исаченко 2015: 83, 105–107, 135, 256–258, 271, 301, 304].

Отсылки к Баронию имеются в Новом Завете второй половины XVII в., переведенном Епифанием Славинецким и отредактированным Евфимием Чудовским. В рукописи ГИМ, Син. греч. 472 оттуда заимствованы, в частности, некоторые хронологические выкладки, предваряющие евангельский перевод, например, <Мф. 2:14> *ѡиде во егѡптѣ: 3 лѣта преживе хс во егѡптѣ.* bar: I:10 (л. 1). Ср. «Церковные анналы»: *Przemieſkał Pan Iesvs w Egiptcie lat ſiedm/ áz ſmierć Herodá záſlá* (с. 8). Вероятно, перевод был сделан непосредственно с польского оригинала, так как РГБ, Рум. 15 дает небуквальный перевод словоформы *przemieſkał* и в целом сближается с церковнославянским евангельским узусом: *Пребысть Г(с)дь Иисъ седмь лѣтъ во Егѡптѣ, даже до умертвiя Иродова* (л. 24 об.). Ср. Библия 1663 г. и бѣ тамѡ до оумертвiа ирѡдова (л. 403 об.). Син. греч. 473 имеет другие варианты: до кончины [на поле глосса: смерти] (л. 2 об.). Текстологически независимый вариант представлен в рукописи РГБ, Рум. 16 к. XVII в., которая содержит иной, сокращенный перевод версии «Церковных анналов» Скарги: *Будуще г(с)ду нашему Ису хр(с)ту во египтѣ 7 лѣто, тогда иро(д) умре* (л. 2 об.).

Перевод проповедей Петра Скарги, написанных для основанного им Братства милосердия при церкви церкви св. Варвары в Кракове (первое издание в 1588 г.), содержится в рукописи ГИМ, Син. 1202 второй половины XVII в. [Описание 1859, № 160]. В составе первого и последующих польских изданий находится также трактат «*Kazanie o Miłosierdziu*», который известен

в церковнославянской традиции как «Слово о милости». Оба произведения, объединенные общей идеей благотворительности, были переведены Епифанием Славинецким и отредактированы Евфимием Чудовским, причем в Син. 1202 большая часть проповедей сохранилась в двух вариантах — первоначальном и отредактированном, что позволяет реконструировать переводческий узус Епифания и отделить его работу от работы его ученика Евфимия. Проповеди имеют трехчастную структуру, где третья часть представляет собой выдержки из Житий святых, что возвращает нас к «Житиям святых» Скарги и делает необходимым установление интертекстуальных связей между названными произведениями. Обращение к перечисленным текстам выявляет механизм сложного взаимодействия церковнославянских переводов, принадлежащих одному профессиональному кругу, которые восходят к польской иноконфессиональной традиции в эпоху обогащения общественных практик и литературно-языкового узуса.

Литература

- Исаченко Т. А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М.: Азбуковник, 2015.
- Новак М. О.* Лексика церковнославянского перевода «Церковных анналов» Барония (XVII в.): влияние чудовского круга // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы XII Международной научной конференции 11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия. М.: Индрик, 2023. С. 204–205.
- Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел 2. Писания святых отцов / А. В. Горский, К. Невоструев. М.: Синодальная типография, 1859. Часть 2. Писания догматические и духовно-нравственные. 705 с.
- Шустова Ю. Э.* Заметки переводчика: польские книги из библиотеки Евфимия Чудовского в собрании Российской государственной библиотеки // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. Вып. 2. М., 2021. С. 230–236.
- Работа проводится при финансовой поддержке РНФ, грант № 24–28–00240 «Культурно-языковое взаимодействие в предпетровскую эпоху: переводы с польского языка книжников московского Чудова монастыря».*

Рождественская Татьяна Всеволодовна

*д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
tat.rozhd@gmail.com*

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭПИГРАФИКИ: АКАД. А. С. ОРЛОВ И ЕГО «БИБЛИОГРАФИЯ РУССКИХ НАДПИСЕЙ XI–XV ВВ.»

Становление методов исследований памятников древнерусской эпиграфики складывалась в России постепенно на протяжении более двухсот лет, начиная с находок и публикаций в конце XVIII в. — начале XIX в. Черниговского амулета-змеевика (гривны) 20-х гг. XII в. и Тмутараканского камня 1068 г. Наиболее полный обзор историографии вопроса дан в [Дробышева 2019]. Важной вехой в систематизации и отборе материала с учетом предшествующей традиции XIX в. и начала XX в., связанной с именами И. И. Срезневского, В. Н. Щепкина, И. А. Шляпкина, М. И. Михайлова, стала вышедшая в 1936 г. «Библиография русских надписей» филолога, историка литературы, палеографа акад. А. С. Орлова [Орлов 1936; 1952, с доп. М. П. Сотниковой]. В докладе представлен обзор архивных подготовительных материалов к этой «Библиографии», хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, фонд 763. Фонд насчитывает 291 ед. хранения, не считая писем А. С. Орлова к многочисленным корреспондентам, в том числе ко многим представителям русской историко-филологической науки — к Д. В. Айналову, Е. Ф. Будде, И. И. Мещанинову, С. Ф. Платонову, А. А. Шахматову и др. Сохранившийся архив, судя по его характеристике в статье [М. В. Рождественская 1990: 3–17], содержит, помимо эпистолярного наследия, биографические материалы, связанные с деятельностью А. С. Орлова в МГУ, РАНИОН, ЛИФЛИ, Музее книги, документа и письма, в Академии наук, в Московском Археологическом обществе, в Комиссии по изданию памятников древнерусской письменности и т. п. Другую часть архива составляют черновые рукописи и машинопись статей, лекций в разных учреждениях, описания рукописей. Здесь отложились и материалы, связанные с древнерусской эпиграфикой. Собираем и изучением надписей на различных предметах А. С. Орлов занимался с начала 1920-х гг. и в 1930-е гг. во время работы сначала в Эпиграфической комиссии Государственного (тогда Российского) Исторического музея, затем в Музее книги, документа и письма, выросшего из Музея палеографии Академии наук и преобразованного позже в Сектор вспомогательных исторических дисциплин, во главе которого и встал А. С. Орлов [Свойский 1979: 74–82]. Материалы, связанные с занятиями А. С. Орлова эпиграфикой, содержатся в 3-х папках (Опись I, ед. хр. №№ 85, 86, 87). Это машинопись «Библиографии» объемом в 309 лл., с правкой рукой А. С. Орлова синими чернилами, корректурная правка красными чернилами, а также рукопись «Надписи XI–XV вв. на русском языке», вып. первый, 445 лл. Особую ценность представляют многочисленные рисунки с надписей на амулетах-змеевиках, как греческих, так и славянских, которыми А. С. Орлов занимался в течение 1924–1926 гг., а также воспроизведения надписей на многочисленных предметах прикладного искусства: крестах-энколпионах, медных иконках, на окладах, на фресках. Эти воспроизведения свидетельствуют о палеографическом и художественном мастерстве ученого, который стремился передать текст буква в букву и знак в знак, соблюдая длину строки, копируя формы начертаний, воспроизводя надстрочные знаки, титла, лигатуры, выносные буквы. Иногда А. С. Орлов исправлял ранее воспроизведенный им текст. Так, на окладе евангелия Федора Кошки 1392 г. он красными чернилами добавляет лигатуры, ранее им не отмеченные. Многие замечания и комментарии А. С. Орлова не вошли в публикацию. Поскольку многие надписи, как и предметы, на которых они сделаны, были в свое время либо утрачены, либо дошли в сильно поврежденном виде, как, напр., пророческие тексты в росписях купола новгородского Софийского собора или крест Евфросинии Полоцкой 1161 г., исчезнувший во время Второй мировой войны и сохранившийся только на черно-белой фотографии, то максимальная точность рисунков А. С. Орлова приобретает особую ценность. Естественно, что самая точная копия не может заменить не только фотографию, но и цифровое

изображение надписи, но все же она может служить дополнительным источником в истории ее изучения. В печатный текст Библиографии 1936 г. эти рисунки не вошли по техническим причинам. Работая над Библиографией, А.С. Орлов отмечал неоднородность материала и несовершенство его классификации. Надписи на монетах и печатях ученый выделял в особые группы, отнеся их соответственно к нумизматике и сфрагистике. В предисловии [От автора] к Библиографии, как в рукописном, так и печатном вариантах, А.С. Орлов, обобщая опыты своих предшественников, пожалуй, впервые определил круг интересов собственно эпиграфики в отличие от других вспомогательных дисциплин и книжной палеографии: «Единению эпиграфики подлежат буквенные изображения на всяком вещевом материале» [Орлов 1936: 9]. А.С. Орловым были сформулированы требования к публикациям надписей, а именно: во-первых, наличие шрифтов; во-вторых, фотоснимки не только целого предмета с надписями, но и всех надписей и их фрагментов; в-третьих, непременно знакомство с самим подлинником; в-четвертых, «крупные денежные ассигнования, связанные как с подготовкой к изданию, так и с самим изданием эпиграфического материала». Занимаясь эпиграфикой как палеограф, имеющий богатый опыт в палеографии рукописей, А.С. Орлов ставил также вопрос и о своеобразии эпиграфического письма, что остается актуальным и в настоящее время. В послевоенные годы эпиграфические исследования получили новый импульс, во-первых, в результате широко развернувшихся археологических, реставрационных и архитектурных исследований; во-вторых, благодаря открытию в 1951 г. в Новгороде берестяных грамот. В 1960-е гг. актуализировались исследования в области исторического и лингвистического источниковедения, что способствовало развитию эпиграфики как историко-филологической и лингвистической дисциплины, а активное развитие современных цифровых технологий открыло новые возможности в поиске, изучении и публикации древнерусских надписей. В рукописных материалах эпиграфического архива А.С. Орлова уже были намечены пути дальнейшего развития комплексных методов в изучении эпиграфических источников, поэтому эти материалы имеют не только историографическую ценность.

Литература

- Дробышева М. М.* История изучения древнерусских настенных надписей-граффити (XI-XIV вв.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2017–2018 годы: Ранние формы и функции письма / отв. ред. Т. В. Гимон. М., 2019. С. 241–281.
- Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1936.
- Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1952.
- Рожественская М. В.* Научная деятельность академика Александра Сергеевича Орлова (1871–1947). (По архивным материалам) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLIII. Наука: Ленингр. отделение, 1990. С. 3–17.
- Свойский М. Л.* Институт книги, документа и письма АН СССР и его роль в становлении советского книговедения // Советская историография книги: сборник научных трудов / редкол.: Е. Л. Немировский (пред.) и др. ГБ СССР им. В. И. Ленина. М.: Книга, М. 1979. С. 74–82.

Сабурова Анна Васильевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
saburowa.anyu@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО В ЖИТИИ МИТРОПОЛИТА ПЕТРА

Ключевые слова: значения дательного самостоятельного, Киприан, старославянский язык.

Дательный самостоятельный (далее — ДС) обычно понимают как сочетание дательного падежа (далее — дат. п.) существительного или местоимения с согласованным с ним причастием, стоящим также в дат. п. Традиционно считается, что это оборот имеет значение причины или времени, поэтому ДС на современный русский язык переводят придаточным предложением времени или причины.

Обороты с таким значением активно используются в сочинениях XV века и были найдены нами в редакции «Жития митрополита Петра», выполненной митрополитом Киприаном и представленной списками XV века. Например, ДС со значением времени (все контексты здесь и далее воспроизводятся по РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 560, Сборник, вт. пол. XV в., л. 92–98; перевод на современный русский язык наш):

- (1) *рождѣшу же ся отрочати и седмаго лета възраста достигшу вданѣ бываеъ родителема книгамѣ учитися* 92 об. — когда отрок родился и достиг возраста семи лет, он был отдан родителями учиться грамоте;
- (2) *бывшу же ему двоюнадесятым летом иде къ прилежащои тамо пустыни въ единѣ от монастыре* 92 об. — когда ему исполняется двенадцать лет, он уходит в бывший рядом скит, в один из монастырей;
- (3) *Геронтиеви ж в печали сущу в нощи явися ему икона Пречистаа Богородица* 94 — когда Геронтий находился в печали, в ночи явилась ему икона Пречистой Богородицы.

Реже в тексте встречается ДС со значением причины. Приведем такие случаи отдельно:

- (4) *на такову высоту дрѣзну <...> никомуже възбраняющу его от таковаго безловесиа* 93 об. — занять такую высоту осмелился <...> так как никто ему не возбранял из-за своего бессловесия;
- (5) *сим же тако имящимѣ не бе лукавому трѣпети* 95 — и поскольку он (Петр) все это имел, невозможно было лукавому терпеть;
- (6) *князю бо великому Михаилу тогда самому въ орде сущу, но сынове его приидошия* 95 — поскольку великий князь Михаил тогда был в Орде, то пришли его сыновья.

При этом во всех приведенных примерах субъект ДС не совпадает с подлежащим главного предложения.

Однако при рассмотрении остальных случаев употребления ДС в тексте жития выясняется, что целый ряд примеров отстает от этого принципа, и перевести их на современный язык придаточными времени или причины невозможно. Поэтому случаи ДС, значение которых нельзя признать ни темпоральным, ни каузальным, рассматриваются нами отдельно.

Д. Ворт выделяет два типа ДС, один из которых он называет «Greek» ДС. К этому типу он относит такие обороты, в которых субъект ДС не совпадает с подлежащим главного предложения. Второй тип — «non-Greek» ДС — имеет тот же субъект действия, что и главное предложение [Worth 1994: 29–30]. Примеры из текста жития, в которых у ДС и основного предложения один субъект действия, приводим отдельно:

- (9) *но и стоящу ему въ церкви и съ благоговениемъ послушающу божествнаго писаниа съ всякъмъ прилежаниемъ николи же възклониса къ стене* 92 об. — но и когда он стоял

в церкви и с благоговением слушал священное писание с вниманием, (он) ни разу не прислонился к стене;

- (10) *Геронтиеви ж на море пришедшу на корабь въсходить* 93 об. — Геронтий, придя к морю, поднимается на корабль;
- (11) *и князю убо съ великою скоростию въ град приспевшу съ всеми велможями своими о лишени добраго отца и благого учителя велми тужааше* 96 об. — и когда князь вскоре вернулся в город со всеми вельможами своими, о смерти доброго отца и благого учителя (он) очень скорбел.

Т. И. Афанасьева отмечает, что «в церковнославянском языке русского извода выработалась синтаксическая модель “причастие в дат. п. + ми/ти” для выражения второстепенного сказуемого» [Афанасьева 2016: 100]. Выработка этой конструкции в церковнославянском языке связывается с тем фактом, что тавтосубъектный ДС по смыслу часто сближался с предикативным причастием.

Случаи, в которых к церковнославянскому причастию в дат. п. подставляется личное местоимение в краткой форме, фиксируются нами отдельно:

- (12) *хотящу ми малое некое похваление принести святителю но <...> удръжаваахса* 92 — желал принести небольшую похвалу святителю, но <...> удерживался;
- (13) *тако и о семь недостойно судих на его ми месте стоящу и на его гробъ зрящу и того же ми престола наследствовавшу* 92 — так об этом я рассудил недостойно, когда я стоял на его месте, смотрел на его гробницу;
- (14) *и тамо ми достигшу по многих трудехъ и искушениях надеющу ми ся некое утешение обрести обретох всяко неустроение въ царих же и въ патрмаршьстве* 97 — и достигнув его после многих трудностей и искушений, надеясь обрести некое утешение, нашел всяческое отсутствие порядка в царях и патриаршестве.

В. М. Живов утверждает, что «ДС нужен для того, чтобы приписать какой-либо предикативной единице неполноценный (подчиненный) статус сравнительно с предикативной единицей главного предложения, указать на дискурсивную второстепенность описанного с помощью ДС события (его фоновый характер, или его выпадение из нарративной цепочки, или его функцию как отсылки к уже известной информации)» [Живов 2008: 9–10].

В тексте жития также обнаруживаются случаи употребления цепочек ДС при отсутствии глагола главного предложения. Такое употребление конструкции может быть интерпретировано как последовательность действий, совершающихся друг за другом. При отсутствии очевидного главного предложения с личным глаголом, к которому можно было бы отнести ДС, в переводе такой конструкции вместо причастия используем личный глагол:

- (15) *преподобному же отцу нашему Петру море достигшу таже и на иномъ месте в корабь вшедшу и к тому же Царю граду поплувшу* 93 об. — 94 — преподобный отец наш Петр достиг моря, тоже на другом месте на корабль сел и к тому же Царьграду поплыл.

Помимо описанных конструкций в исследуемом тексте обнаруживаются случаи употребления ДС, выполнить перевод которых невозможно ни в одном известном значении данного оборота. Таким образом, наряду с классическим употреблением ДС, в XIV веке в работах Киприана появляется употребление оборота в новых, несвойственных ему значениях, требующих дальнейшего изучения.

Литература

Афанасьева Т. И. Об особом употреблении дательного самостоятельного в русских переводах конца XIV в. // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2016. № 5. С. 95–102.

- Живов В. М.* Референтная структура и порядок слов: Дателный самостоятельный в двух древних церковнославянских текстах // *Русский язык в научном освещении*. 2008. № 1 (15). С. 5–56.
- Worth D. S.* The Dative Absolute in the Primary Chronicle: Some observations. Harvard. *Ukrainian studies*. 1994. Vol. 18, no. 1/2. P. 29–49.

Сапожникова Ольга Сергеевна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник БАН;
olsapoj@mail.ru

КОЖЕОЗЕРСКИЙ СТАРЕЦ БОГОЛЕП ЛЬВОВ — ПЕРЕПИСЧИК ЖИТИЯ АНТОНИЯ СИЙСКОГО

Ключевые слова: Житие Антония Сийского, Боголеп Львов, игумен Феодосий.

История создания редакций Жития преп. Антония Сийского была предметом изучения Н. М. Карамзина, И. С. Некрасова, В. О. Ключевского, архиеп. Филарета, И. А. Яхонтова, Никодима (Кононова). Итоги изучения памятника к 1988 г. подвел Л. А. Дмитриев в «Словаре книжников и книжности Древней Руси». XX век завершился обстоятельной работой Е. А. Рыжовой «Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского» [Рыжова 2000]. На основании известных ранее и 89-ти выявленных ею списков исследовательница изучила историю текста памятника, решила спорные вопросы, связанные с авторством редакций, подготовила археографическое описание всех известных на тот момент рукописей Жития. Данное сообщение посвящено наблюдениям над почерками в трех известных сборниках с текстами Жития Антония Сийского и Службы ему: 1) БАН, Арханг. С. 118, 2) БАН, Основное собрание, 33.1.7, 3) РГБ, собр. Пискарева, 109. Две из трех указанных рукописей (Арханг. С. 118 и Пискарева, 109) содержат известные сведения о причастности к их созданию игумена Феодосия. Игумен Феодосий — деятельный руководитель монастыря, дважды бывший на этом посту (1643–1652 и 1662–1688 гг.), книжник, «изуграф», с ним связывают начало интенсивного расцвета монастыря. К 1666 г. игумен Феодосий создал свою редакцию Жития Антония, рукопись Арханг. С. 118 создавалась его «тщанием и повелением». В кодексе, украшенном выходной миниатюрой, читаются следующие тексты: Служба Антонию Сийскому в редакции печатной Минеи, Житие Антония Сийского в редакции игумена Феодосия. Над созданием сборника работали трое книжников. На основании устойчивого набора элементов письма одного из них можно с большой долей вероятности утверждать, что часть текста Жития (на л. 158–217 об.) переписана кожеозерским старцем Боголепом Львовым [Сапожникова 2020: 461, 462]. Боголеп, в миру Борис Васильевич Львов, — выходец из высокопоставленной семьи, вероятно, князей Львовых. Его родной брат, думный дьяк Григорий обучал царевича Алексея Михайловича письму. Борис Львов подвизался в Соловецком монастыре, в Троице-Сергиевом монастыре он собеседник знаменитого троицкого келаря Симона Азарьина. Постригся Борис с именем Боголеп между 1638/39 гг. и 1643 г. в Кожеозерском монастыре. Там же подвизался и старец Никон, будущий патриарх московский и всея Руси, после его отъезда Боголеп становится полновластным хозяином обители, обеспечивает монастырь всем необходимым, привозит из столицы богатые вклады царя, московской знати, своей родни.

Особенность почерка на последнем листе, переписанном Боголепом в Арханг. С. 118, позволяет предположить, что он, скорее всего, заболел и уже не смог довести работу до конца, за него дописал текст второй писец. Бумага, на которой работал Боголеп, датируется 1670-ми гг. Если учесть, что Боголеп скончался в 1675 г., то его работу над рукописью стоит отнести к близкому времени. Согласно наблюдениям Е. А. Рыжовой, с рукописи Арханг. С. 118 в Антониево-Сийском монастыре была выполнена копия (РНБ, Алекс.-Невск. А. 50). По составу кодекс идентичен Арханг. С. 118. По нашему мнению, копировал тексты тот же писец, который дописал за Боголепа часть Жития Антония Сийского в Арханг. С. 118. Возможно, монографический агисборник Арханг. С. 118 стал оригиналом и для других подобных сборников in-folio с Житием Антония, которые создавались в Антониево-Сийском монастыре.

Почерк Боголепа в Арханг. С. 118, созданном «тщанием и повелением» игумена Феодосия, позволяет подтвердить долгие интеллектуальные, книжные связи между двумя старцами: Феодосий около десяти лет пребывал в Кожеозерском монастыре, куда «по навету» был сослан патриархом Никоном. Феодосий, по выражению Е. А. Рыжовой, не расставался с Житием

преп. Антония и в ссылке в Кожеозерском монастыре, в 1658 г. он работает там над текстом памятника, а в 1664 г. редактирует его уже в Сийском монастыре. Список с редакторской правкой сохранился в составе конволюта РГБ, собр. Пискарева, 109. Сейчас можно сказать, что часть Службы Антонию Сийскому в редакции царевича Иоанна а также Повесть о кресте на Емецкой дороге (посмертное чудо преп. Антония) переписаны Боголепом.

Еще одна рукопись, в которой почерком Боголепа переписан текст Жития преп. Антония Сийского, — сборник житий и слов на декабрь-февраль БАН, Основн. собр. 33.1.7. Е. В. Барсов видел этот сборник в составе Выголексинской библиотеки в Петрозаводске [Барсов 1874: 37], а затем там же в 1874 г. ее видел А. Е. Викторов [Викторов: 296–297]. В БАН рукопись привез из Петрозаводска В. И. Срезневский. Основная часть рукописи (л. 1–332 об.) полностью написана Боголепом Львовым: почерк содержит устойчивый набор элементов его письма. Житие Антония в Сийской редакции помещено в самое начало сборника л. 1–49.

Таким образом, на сегодняшний момент выявлено 3 рукописи с сочинениями, посвященными преп. Антонию Сийскому, к созданию которых причастен Боголеп Львов. Две из них связаны непосредственно с игуменом Феодосием и содержат одни из самых ранних списков Жития Антония в его редакции.

Переписывал ли Боголеп Львов эти рукописи в Кожеозерском или Антониево-Сийском монастыре, неизвестно, но число выявленных на сегодняшний день рукописных книг Боголепа, сохранившихся в составе библиотеки Антониево-Сийского монастыря (восемь), позволяет рассуждать о регулярном сотрудничестве Боголепа с этим монастырем.

Литература

Барсов Е. В. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1874.

Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890.

Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского: Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар, 2000.

Сапожникова О. С. К истории раннего старообрядчества: кожеозерский строитель Боголеп Львов и его библиотека // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 8: Памяти Александра Александровича Амосова (1948–1996). СПб.: БАН, 2020. С. 440–500.

Чао Чэньяо

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st120896@student.spbu.ru

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ: ОТ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ ДО ЛОМОНОСОВА

Ключевые слова: часть речи, история языкознания, морфология.

Изучение частей речи всегда вызывало интерес у академического сообщества и традиция формирования концепции частей речи насчитывает многовековую историю. Термин «части речи» происходят от латинского *partes orationis*. В V–IV вв. до н.э. древнегреческий философ Платон устанавливал членение греческого предложения на две части — *опота* и *rhema* (именную и глагольную). Он провел предварительную классификацию компонентов предложения на основе синтаксиса, не уточняя, должны ли они быть словами, фразами или чем-то еще. Аристотель (IV в до н.э.) принял эту классификацию и ввел третий компонент предложения — класс (охватывает союзы, местоимения и артикли). Такой трехчастный анализ, возможно, имел целью определить компоненты повествовательного предложения, которыми Аристотель как логик интересовался больше всего и которые определял как главные. Кроме того, он сформулировал определение слова как языковой единицы: «компонент предложения — *μέρος λόγου*, который имеет собственное значение, но далее на значимые единицы не делится» [Робинс 2010: 50]. Ни Платон, ни Аристотель в то время не рассматривали взаимосвязь между морфологией и частями речи, но они создали новый взгляд на анализ и описание слов.

Последующие философы-стоиков унаследовали классификацию частей речи Аристотеля и развили на ее основе свою систему классов слов. Из грамматики Аристотеля они выделяли изменяемые элементы (местоимение и артикль) и неизменяемые элементы (предлог и союз). Аристотелевское имя они разделили на собственное и нарицательное и выделили в отдельную категорию наречия. Крупнейший александрийский филолог — Аристарх Самофракийский (215–143 гг. до н.э.) изложил свои мысли о языке в трактате «О восьми частях речи», который, к сожалению, не сохранился. Аристарх и его ученик Дионисий Фракийский (170–90 гг. до н.э.) различали восемь классов слов:

- 1) имя — слово, обозначающее лица и вещи; имеет формы рода, числа и падежа;
- 2) глагол — слово, называющее действие или претерпевание, имеет формы наклонения, времени, числа, лица;
- 3) причастие — слово, причастное к особенностям глаголов и имен; у него нет лица и наклонения;
- 4) член — слово, стоящее как перед, так и после склоняемых имен; имеет формы рода, числа, падежа;
- 5) местоимение — слово, употребляемое вместо имени, показывающее определенные лица, изменяющее по лицам;
- 6) предлог — часть речи, стоящая перед всеми частями речи и в составе слова и в составе предложения;
- 7) наречие — часть речи, высказываемая о глаголе или прибавляемая к глаголу;
- 8) союз — часть речи, связывающая и упорядочивающая мысль.

Изучение частей речи в русском языке начинается с М. В. Ломоносова. «Взирая на видимый сей свет, двоякого рода бытия в нем находим. Первого рода суть чувствительные в нем вещи, второго рода суть оных вещей разные деяния» [Ломоносов 1755: 23], в «Российской грамматике» (1755) он выделял две «знаменательные части речи»: имя и глагол, а также шесть «служебных частей речи»: предлог, союз, местоимение, наречие, причастие и междометие.

М. В. Ломоносов определил имя как «слово, изображающее вещи» и имеющее четыре рода: мужской, женский, средний и общий, семь окончаний: *а, е, ѣ, о, ѵ, ѵ, я*, пять склонений: четыре существительных и одно прилагательных; прилагательные имеют степени сравнения. (Числительные он относил к именам.). Глагол определялся как слово, изображающее действие. Глагол имеет формы наклонения, времена, числа, лица и роды. Глаголы разделяются на первообразные и производные, на простые и сложные, на личные и безличные, на правильные и неправильные, на полные, неполные и избыточные.

Ломоносов определяет местоимение как «слово, сокращающее именованья». Он выделил девятнадцать местоимений, и разделяя их на первообразные и производные, указательные, возносительные, возвратные, вопросительные, притяжательные. Местоимение имеет род, число, лицо, падеж и склонение.

Причастие используется для сокращения человеческого языка, заключая в себе свойства имени и глагола. Причастия имеют три рода: мужеский, женский, средний, два числа: единственное и множественное, семь падежей, шесть родов; и склоняются наподобие прилагательных; времен имеют пять: настоящее, прошедшее неопределенное, прошедшее единственное, прошедшее совершенное, давнопрошедшее; будущих весьма мало есть употребительных [Ломоносов 1755: 175].

Ломоносов писал, что предлоги для «знаменованья обстоятельств, к вещам или к переменам принадлежащих, предлагаются именам и глаголам раздельно» [Ломоносов 1755: 24]. Предлоги, которые употребляется «в слитном сложении» (т. е. приставки) или «в разделенном сочинении» (т. е. собственно предлоги), он называет «прямыми» и перечисляет 24 прямых предлога в своей «Российской грамматике». «Другие предлоги», по Ломоносову, являются одновременно и наречиями.

Междометие используется для краткого изъявления движений духа. Междометия разделяются на *свойственные* и *заимствованные*. «Свойственные» являются собственно междометиями, а «заимствованные» пополняются из других частей речи [Ломоносов 1755: 184]. По значению Ломоносов разделил междометия на радостные, печальные, удивительные, внезапность значащие, презрения, запрещения, боязни и отзывающегося.

С развитием языкознания изучение частей речи стало еще более глубоким и комплексным. Лингвисты начали исследовать не только то, как делятся слова, но и их семантику, синтаксис и роль в коммуникации.

Литература

- Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1755. С. 23–40, 62–184.
- Робинс Р. Х. Краткая история языкознания. М.: Высшая школа, 2010. С. 50–62.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (ПАМЯТИ В. В. КОЛЕСОВА)

Ахмадеева Светлана Альфредовна

*доцент, Краснодарский музыкальный колледж им. Н. А. Римского-Корсакова;
ssvetozara@gmail.com*

КОНЦЕПТЫ ЛЮБОВЬ, ЖИЗНЬ СМЕРТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ТРЕХ МИРОВ РАССКАЗА И. А. БУНИНА «ЧАСОВНЯ» (1944)

Ключевые слова: концепт, Любовь, Жизнь, Смерть, рассказ «Часовня» И. А. Бунина, мир земной, мир, загробный, мир горний (небесный).

Рассказ И. А. Бунина «Часовня» (2 июля 1944) из 9 предложений занимает в сборнике «Тёмные аллеи» всего полстраницы. В нём соединяются в пространстве трех миров: земного, горнего (небесного) и подземного (загробного) — значимые для русского человека концепты Любовь, Жизнь и Смерть.

В рассказе писатель через семантические оппозиции молодости и старости, света и тьмы, жара и холода соединяет любовью мир живых и мир мертвых (жизнь и смерть), противопоставляя их друг другу в вечной борьбе за любовь.

Любовь — это и божественное начало жизни, и причина смерти.

И. А. Одоевцева в своей книге «На берегах Сены» вспоминала диалог с И. А. Буниным о книге: «Мне нравятся «Темные аллеи». Но меня удивляло количество самоубийств и убийств в них. Мне кажется, что это какое-то юношеское, чересчур романтическое понимание любви. Он сердито пожимает плечами: — Вот как? По-вашему, незрело, романтично? Ну, значит, вы никогда не любили по-настоящему. ... Неужели вы еще не поняли, что любовь и смерть связаны неразрывно? Каждый раз, когда я переживал любовную катастрофу ... я был близок к самоубийству» [Одоевцева 1989: 249–250]. Основное место в «Часовне» занимает описание пространства, которое представлено тремя мирами.

Земной мир ярко освещен лучами жаркого солнца. Это — воплощение торжества жизни над смертью: «заброшенное кладбище в высоких цветах и травах», над которыми порхают шмели и бабочки, разрушающаяся кирпичная часовня.

Темный, холодный подземный мир — часовня, где в «толстых и холодных железных ящиках» лежат «какие-то дедушки и бабушки» и «какой-то дядя, который сам себя застрелил». Оттуда «холодно дует» смертью.

Горний (небесный) мир — небо, метафорически названное синим морем, со стоящими в нем белыми островами-облаками, — яркое лазурное пространство, с запахом цветущей ржи, растворенном в знойном воздухе.

Текст разделён пополам диалогом детей о смерти «дяди». Это усиливает противостояние двух миров третьему. Не случайно вопрос и ответ оформлены в один абзац, а не в два предложения (6 и 7).

Глазами повествователя мы видим часовню и окружающий ее луг в цветах и травах, заброшенное кладбище и одинокую, почти разрушенную кирпичную часовню, в окно которой заглядывают, сидя на корточках? дети из усадьбы (1–2 и 8–9 предложение текста). Затем речь рассказчика сменяется несобственно-прямой речью детей (предложения 3–5).

В ответе одного из них на вопрос о причине смерти «дяди» не случайно повторяется краткая форма отглагольного имени прилагательного «был ... влюблен» в роли составного именно-

---

Ответственный редактор: канд. филол. наук Л. Н. Донина.

го сказуемого и в виде придаточного предложения причины «когда очень влюблен...». Лексический повтор и изменение синтаксической роли краткой формы прилагательного указывают на причину смерти героя. Видо-временные формы и формы числа глагола застрелил (сов. в., ед. ч.) и стреляют (несов. в., мн. ч.) в сочетании с возвратным местоимением себя и наречием времени всегда, подсказывают читателю, что молодые мужчины всегда будут стреляться из-за любви. Эта борьба вечна, потому что Любовь — и смысл жизни человека, и причина его гибели.

Старые «дедушки и бабушки» лежат «там». Можно только гадать, как они жили, предполагать, что они жили долго и умерли в свой день и час. Но их судьба не занимала детей. В ней не было того, о чем можно было говорить, — поступка, действия.

Главный герой рассказа, несомненно, «дядя» — молодой человек, застреливший себя, потому что был очень влюблен. Именно о нём сообщается читателю эта печальная подробность, которая так взволновала детей. Они могли бы продолжать веселую игру, но вдруг садятся и с интересом заглядывают в темноту часовни. Холодное дуновение смерти из мрака часовни заставляет их задуматься о судьбе неизвестного молодого человека и говорить о нем.

Короткому диалогу из вопроса и ответа предшествует несобственно-прямая речь детей, условный внутренний монолог одного из них или каждого по очереди, но от лица обоих. О смене повествователя можно догадаться по подсказкам, которые дает Бунин вдумчивому читателю.

1. Деепричастие сидя и глагол действия заглядывают предваряют описание того, что видят в часовне дети, заглядывая зоркими глазами в разбитое окно «на уровне земли»: там темно и холодно: там, в железных ящиках, лежат какие-то дедушки и бабушки и еще какой-то дядя (4)...

2. Безличный глагол дует, слово категории состояния не видно и наречия, объединенные в антонимические пары светло и жарко, темно и холодно, а также четырежды повторяющиеся антонимичные местоименное наречие места там и наречие везде, местоимение с предлогом у нас (5). Все они разделяют пространство на «здесь» и «там».

3. Местоимение мы и употребление глаголов в форме 1 лица мн. ч. (мы, нам, у нас) также указывают на смену рассказчика. Есть и другие маркеры, по которым читатель понимает, что повествование ведется от лица детей:

- 1) Именование похороненных в часовне людей какими-то дедушками и бабушками, дядей, который сам себя застрелил (4). О том, что именно покончивший с собой молодой человек привлекает внимание детей, говорит отсутствие неопределенного местоимения и печальная подробность его ухода из жизни;
- 2) характерное для детской речи название гробов (толстыми и холодными) железными ящиками (4);
- 3) глаголы движения можем играть, бегать, сидеть на корточках обозначают действия героев, наречия образа действия интересно и удивительно, жутко, но и весело (5) передают эмоции и впечатления детей от увиденного в темноте.

О самих детях И. А. Бунин не говорит читателю почти ничего. Они живут в усадьбе, а кто они: братья, сестры или брат с сестрой... Об этом ничего не сказано. Только одна деталь — зоркие глаза (2).

Мы не знаем: ушли дети после разговора домой или остались, продолжили ли они бегать и играть или погрузились в размышления о судьбе «дяди»: об этом в рассказе нет ни слова.

Повествователь в начале (1–2) и конце рассказа (8–9) описывает нам со стороны то, чему, проходя мимо, стал невольным свидетелем.

В содержащем эллипсис первом предложении и в последнем абзаце уже дано описание природы: «Летний жаркий день, в поле, за садом старой усадьбы, давно заброшенное кладбище, — бугры в высоких цветах и травах и одинокая, вся дико заросшая цветами и травами, крапивой и татарником, разрушающаяся кирпичная часовня... В синем море неба островами стоят кое-где белые прекрасные облака, теплый ветер с поля несет сладкий запах цветущей ржи». А. Л. Факторович назвал эллиптический зачин бунинской прозы «потаенной ясностью». В грамматической форме и семантике эллиптического зачина, как отмечает исследователь, особо важна «сте-

пень определенности неназванного значения», которая представлена «обстоятельством места, времени, их сочетанием», что позволяет отобразить «событие в целом» [Факторович 1990: 10]. Поэтому «ясность эллиптического значения может напоминать ремарку. ... Из грамматических признаков эллиптического зачина примечательна и цель высказывания. Это почти всегда повествование. ... Лексическое наполнение зачина при неназванном субъекте связано с пространственным и с характеризующим значениями» [Там же: 12].

Слова ученого соотносятся со словами самого И. А. Бунина о первом предложении: «Я часто приступаю к своей работе, не только не имея в голове готовой фабулы, но и как-то еще не обладая вполне пониманием ее окончательной цели. Только какой-то самый общий смысл брезжит мне, когда я приступаю к ней. Не готовая идея, а только самый общий смысл произведения владеет мною в этот начальный момент ... Только, повторяю, самое главное, какое-то общее звучание всего произведения дается в самой начальной фазе работы... Да, первая фраза имеет решающее значение. Она определяет, прежде всего, размер произведения, звучание всего произведения в целом» [Бунин: 1967].

Описание яркого, пестрого луга в цветах и травах, голубого неба с летящими по нему облаками — воплощение жизни и победа жизни над смертью. Но абсолютна ли эта победа? Окончательна ли она?..

Вместе с началом заключительные предложения закольцовывают пространство рассказа. Его название — «Часовня» — повторяется в тексте только раз, обозначая место действия. Вместо него употребляется имя существительное (узкое и длинное разбитое окно на уровне земли (2), местоименное наречия там — 4 раза (4, 5), оттуда (3) и однокоренные имена существительные в составе обстоятельств места (в темноте (5), из тьмы, из окна (9)).

Ряд однородных членов именного неполного предложения, распространенного однородными обстоятельствами места в поле, за садом старой усадьбы и парами несогласованных (бугры в высоких цветах и травах) и согласованными (вся дико заросшая цветами и травами, крапивой и татарником, разрушающаяся кирпичная часовня) (1) однородными определениями четко обрисовывает место действия.

Все слова, связанные с загробным миром холода, смерти, старости, — контекстные синонимы. Их ряды противопоставлены двум другим синонимическим группам, описывающим наполненный весельем и радостью, олицетворяющий молодость, юность земной (бугры в высоких цветах и травах (1), везде (4), тут солнце, цветы, травы, мухи, шмели, бабочки (5), сладкий запах цветущей ржи (8)) и мир горний (небесный) (синее море неба, белые прекрасные облака, теплый ветер с поля (8)).

Контекстная антонимия миров усиливается противопоставлением жара и света (летний жаркий день, везде светло и жарко, у нас тут солнце, нам жутко и весело) темноте (тьме) и холоду (Там ничего не видно, оттуда только холодно дует (3), там темно и холодно, они всегда лежат там в темноте, как ночью (4,5)).

Соединяются земной, небесный и подземный миры в противоборстве только в последнем предложении: «И в вечном чем жарче и радостней печет солнце, тем холоднее дует из тьмы, из окна» (9).

Литература

Бунин И. А. Как я пишу // Бунин И. А. Собрание сочинений в 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1967. URL://<https://traumlibrary.ru/book/bunin-ss09-09/bunin-ss09-09.html>s003015 (дата обращения: 10.13.2022).

Одоевцева И. А. На берегах Сены. М.: художественная литература, 1989. С. 249–250.

Факторович А. Л. Потаенная ясность (Эллиптический зачин в прозе И. А. Бунина и В. В. Вересаева) // Русская речь. 1990. № 5. С. 9–13.

Богданова Людмила Ивановна

профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
libogdanova1@mail.ru

МЕТАФОРЫ ЦВЕТА КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИЙ ТОСКИ И СКУКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: метафоры цвета, концепт, тоска и скука, значение, синтагматика.

Русские эмоциональные концепты, получив широкое освещение в трудах В. В. Колесова, нашли отражение в «Словаре русской ментальности» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014]. Особенно детально был исследован комплекс «Грусть-Тоска» [Колесов 2017]. Переживание эмоции страдания, согласно В. В. Колесову, получило в русском языке отражение в пяти основных концептах: грусть — тоска — печаль — скорбь — скука [Колесов 2017: 6]. Учёным установлена разница между десигнатами этих концептов на основе анализа признаков, среди которых выделены типичные, глубинные, интенсивные и признаки длительности. На основе языковых данных В. В. Колесовым было установлено, что из всех рассматриваемых концептов только Скука выделяется отсутствием признака 'глубокая', что является подтверждением поверхностного характера данной эмоции, только Скука бывает 'серая' и 'тупая'. Установлено также, что признак 'сильная' характеризует Печаль и Тоску, что только Грусть, Печаль, Тоска характеризуются признаками 'гнетущая, щемящая, давящая' [Колесов 2017: 7]. Эти и другие ценные наблюдения и выводы, сделанные В. В. Колесовым на основе анализа синтагматики, дают возможность глубже проникнуть в суть обозначенных данными словами эмоций, что позволяет не только представить комплексные, глубокие объяснения соответствующих концептов, но и в перспективе дополнить дефиниции лексических единиц в традиционных толковых словарях.

В настоящей работе ставится частная задача — рассмотреть, каким образом метафоры цвета представляют эмоции тоски и скуки. Для этого исследована по Национальному корпусу русского языка [НКРЯ] сочетаемость слов тоска, скука с прилагательными цвета, которые рассматриваются как потенциальные индикаторы различий между данными эмоциональными состояниями.

Лексикографическое представление тоски и скуки имеет явные черты сходства, причём, даже устойчивые конструкции взаимозаменяемы: скука одолела — тоска одолела, наводить тоску — наводить скуку, разогнать скуку — разогнать тоску и т.п. Ср. определения в толковом словаре [Ожегов, Шведова 1999]: Скука — 1. 'Томление от отсутствия дела или интереса к окружающему'. Скука одолела. Нагонять скуку. Разогнать скуку. 2. Отсутствие веселья, занимательности (разг.). На вечеринке была ужасная скука. Тоска — 1. 'Душевная тревога, уныние'. Наводить тоску. Тоска берёт. Тоска по родине. 2. Скука, а также (разг.) что-н. очень скучное, неинтересное. На даче осенью тоска. Тоска зеленая (ужасная тоска).

На наш взгляд, сочетаемость с прилагательными цвета может способствовать обнаружению семантических различий. Оценочный знак эмоции и цвет тесно связаны в языке. Об этом говорит противопоставление светлых (позитивных) эмоций и тёмных (негативных). По данным НКРЯ, и тоска, и скука могут быть тёмными, однако тёмная тоска представлена в текстах гораздо шире, чем тёмная скука. Ср.: ... темная тоска вползала в самые глубины моих внутренностей (Дина Рубина); Раздражение и темная тоска заселяли пустоту (Виктор Астафьев). Темная скука представлена не столь частотно, но достаточно выразительно: Тяжёлая, тёмная скука обнимала юношу мохнатыми лапами (Максим Горький). Тоска может также сочетаться с определением светлая: Что-то общее связывало этих людей, какая-то светлая тоска сидела в них... (А. Азольский, 2002). Особенно частотна светлая тоска в поэзии: Дальний образ. Светлая тоска / Собирает сердце из осколков (А. Устимов, 2013, stih.ru). Словосочетание светлая скука не обнаружено ни в основном корпусе НКРЯ, ни в текстах поэтических платформ. Такое ограничение на сочетаемость является своего рода диагностическим признаком, указывающим на семантические различия между тоской и скукой: скука не оценивается положительно ни при каких условиях.

Контраст черного и белого не характерен для описания тоски и скуки. Черная / белая скука не обнаружена в НКРЯ. Однако тоска частотно предстаёт как чёрная: Черная тоска как-то сразу подкатила к сердцу Маргариты (М. А. Булгаков, 1929–1940).

Наиболее частотными являются сочетания с определением зелёная. В русском языке тоска зелёная и скука зелёная существовали параллельно. Ср.: Окаянная, мертвая, зеленая скука обволокла паутиной мой мозг и парализовала тело (А. И. Куприн, 1912); — Зеленая тоска и плесень всех этих сборников <...> сделала людей духовно нищими (Максим Горький, 1928–1935). Однако в современном употреблении тоска зелёная вытесняет и скуку зеленую, и зеленую тоску (с определением в препозиции) — по данным НКРЯ (основной подкорпус), тоска зелёная — 34 примера, зелёная тоска — 10. Тоска зелёная, в значении ‘очень скучно’, используется при оценке ситуации, исключая элементы развлечения и веселья, при этом ассоциативная связь прилагательного зелёная с реальным зелёным цветом утрачивается, обозначается лишь интенсивность эмоционального состояния.

Частотным по данным НКРЯ оказывается и определение серая — и для скуки, и для тоски. Ср.: В зал ползла беспросветно-серая тоска кошмара (А. Г. Колмогоров, 2012); ... мертвая, серая скука тупо смотрела из глаз (Л. Н. Андреев, 1906). В отличие от английского языка, где синий цвет прочно ассоциируется с грустью, печалью, меланхолией, в русском языке синяя не определяет эти эмоции. Единичными примерами представлена голубая тоска: ... В глазах у девок была та же самая голубая тоска, да и небо, оказывается, было таким же (Булат Окуджава, 1971–1977). Жёлтая тоска и скука также изредка возможны: Тогда пришёл конец тоске зелёной, и наступила желтая тоска (Борис Левин, 1965–1994).

Итак, изучение метафор цвета в сфере эмоций показало, что тоска и скука оцениваются как негативные эмоции с помощью определения тёмная, однако тоска, в отличие от скуки, может оцениваться положительно (светлая тоска). И скука, и тоска могут быть зелёными и серыми, но чёрной может быть только тоска — как трагичное и глубокое чувство.

Литература

- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.
Колесов В. В. Грусть-тоска в русском языковом сознании // Мир русского слова. 2017. №3. С. 5–13.
НКРЯ — Национальный корпус русского языка: [URL: www.ruscorpora.ru].
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.

Бубнова Нина Викторовна

старший научный сотрудник,
Смоленский центр количественной филологии
Смоленского государственного университета;
доцент, Военная академия войсковой противовоздушной обороны;
85ninochka67@mail.ru

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И ОПИСАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ «АРМЯНСКОГО ТЕКСТА» РУССКОЙ ПОЭЗИИ)

Ключевые слова: армянский локальный текст, ассоциативно-культурный фон, имя собственное, ономастическое пространство, электронный ресурс.

1. На фоне стремительных процессов глобализации особую актуальность в области гуманитарных наук приобретают исследования, направленные на формирование национальной идентичности и способствующие укреплению межнациональных отношений, сохранению истинных ценностей, объединяющих, а не разобщающих народы. Российско-армянские отношения характеризуются разными сферами взаимодействия, среди которых особое место занимает сфера культуры (в частности, литературы), функционирующая вне времени и общественно-политического уклада. По замечанию профессора М. Д. Амирханяна, особый интерес к Армении в русском обществе и, соответственно, в литературе всколыхнули кровавые события 1915–1917 годов (геноцид армян. — Н. Б.) [Амирханян 2012: 71].

2. На многоаспектное изучение и описание «армянского текста» русской поэзии ориентирован масштабный проект «Электронный ресурс «Армянский текст русской поэзии»: репрезентация локального текста русской литературы», поддержанный в 2022 году грантом Российского научного фонда. Научный коллектив под руководством профессора В. И. Карасика включает исследователей из Смоленска, Москвы и Екатеринбурга. Целью проекта, рассчитанного на три года, является создание в сети Интернет в открытом доступе электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии», в который будет входить впервые собранный максимально полный Корпус «армянских текстов» русской поэзии, а также справочный материал (в виде словарей и указателей) и исследовательские комментарии. На данном этапе завершена работа по формированию Корпуса «армянских текстов», осуществляется его выверка и сопровождение необходимыми метаданными; разработан официальный сайт проекта (см. подробнее [https://localtext.linghub.ru/ner_freq.html]).

3. В поле зрения нашего исследования находятся имена собственные, формирующие ономастическое пространство «армянского текста» русской поэзии. Актуальность данной работы обусловлена, прежде всего, тем, что одним из объективных критериев выделения локального текста как такового является наличие в нём имён собственных, которые в этом случае выполняют функцию своего рода культурных маркеров. Кроме того, имена собственные в художественном тексте являются «смысловыми сгустками», а экспликация заключённой в их семантике многоплановой историко-культурной информации о жизни народа способствует более глубокому пониманию содержания текста.

На данном этапе работы получены следующие основные результаты:

- проведена выборка имён собственных, отражающих армянские реалии, в разделах корпуса «Русская поэзия XIX века и Армения», «Русская поэзия начала XX века и Армения», «Стихи неизвестных русских поэтов о трагедии армян» и «Русская советская поэзия и Армения» (ономастический материал заключительного раздела «Стихи русских поэтов начала XXI века» находится в обработке);
- произведено ранжирование выявленных онимов по индексу частотности (количеству употреблений в масштабах всего корпуса текстов);

- уточнена классификация ономастических единиц по разрядной принадлежности: установлено, что наиболее приемлемой является классификация И. А. Королёвой, по замечанию которой, «для выявления коннотативного содержания и роли различных онимов в художественном тексте мы считаем вполне возможной, с учётом антропоцентрического подхода в языкознании, деление всех ИС на три разряда: антропонимы — именованья человека, топонимы — обозначение места, где существует человек, и ономастический фон — все другие онимы, дающие дополнительную, так называемую фоновую информацию о человеке и месте» [Королева 2014: 313].
- разработана структура словаря имён собственных электронного ресурса «армянский текст русской поэзии». В макроструктуре словаря предполагается размещение онимов по убыванию их индексов частотности (количеству употреблений в рамках всего локального текста). Микроструктура словаря будет включать в себя нескольких словарных зон: зону предметных сведений (краткая энциклопедическая справка о носителе имени (по возможности с иллюстрацией)), зону языковых сведений (краткий лингвистический комментарий: акцентологическая, грамматическая, словообразовательная характеристики имени и сопутствующие сведения (о фразеологической ценности имени, об этимологии и др.)) и зону дополнительных сведений (ссылки на все тексты корпуса, в которых встречается анализируемая ономастическая единица, а также сведения, входящие в ассоциативно-культурный фон имени (в случае его наличия и экспликации)). Создание такого словаря ориентировано на реализацию общей для коллектива проекта цели — описание многомерного семиотического пространства «армянского текста», в котором отражаются культура и традиции региона, менталитет и ценностные координаты народа.

Литература

- Амирханян М. Д. Геноцид в Западной Армении и русская поэзия. 2-е изд. Ереван: Изд. дом Лусабац, 2012. 158 с.
- Армянский текст русской поэзии. URL: https://localtext.linghub.ru/ner_freq.html (дата обращения: 15.01.2024).
- Королева И. А. Ономастический фон лирики А. Т. Твардовского // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции / под ред. И. М. Ганжиной, В. И. Супруна. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. С. 313–316.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 22-18-00339, Электронный ресурс «Армянский текст русской поэзии»: репрезентация локального текста русской литературы.

Бугорская Валерия Вячеславовна

преподаватель, Государственный университет просвещения;
valeria.bugorskaia@yandex.ru

КОНЦЕПТ ВРАГ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: концепт, враг, православие.

Латинское по происхождению слово «концепт» (conceptus) означает «понятие». Данная категория появилась в философии Средневековья и стала основополагающей для направления концептуализм, в рамках которого осмыслялась проблема универсалий. Хотя она развивалась с раннего этапа христианской философии и основные ее постулаты проявлялись еще у Ансельма Кентерберийского, теоретическое обоснование концептуализма и в том числе определение концепта дал в своем труде «Диалектика» Пьер Абеляр. Однако к XIV в. концептуализм вытесняется идеями номинализма. В сфере гуманитарного знания категория концепта снова получает актуализацию только в XX веке.

Концепт как категорию возродила философия. Общепринятым в научной среде стало определение концепта, предложенное русским философом С. А. Аскольдовым: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 269]. В данной трактовке рассматриваемого термина содержатся две константные характеристики концепта для любой области научного знания: принадлежность концепта к сознанию и способность к обобщению. Пользуются понятием «концепт» и психологи. В психологии данный термин служит прежде всего для раскрытия эмоционально-чувственного аспекта человеческой жизни и личности. Существуют концепты радости, разочарования, страха и т. п. Кроме того, концепт является внутренней, психологической репрезентацией, мысленным представлением общих свойств соответствующих объектов, из чего следует, что категория субъективна и обобщена единовременно.

Однако в наибольшей степени изучением концептов занимается лингвистика. Концептам посвящены труды таких учёных-филологов, как Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик и др.

Ю. С. Степанов в книге «Константы: Словарь русской культуры» рассматривает концепт с такой точки зрения: «Концепт — это как бы ступок культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2004: 23]. Лингвокультурологи полагают ключевой особенностью концептов соединение в них опыта познания мира отдельного индивида с опытом, накопленным в общественном сознании.

В связи с «ренессансом» православия, концепты данного религиозного течения вновь делаются актуальными в современных реалиях, как и их отражение в общественном дискурсе.

Одним из ключевых концептов для православного дискурса является концепт враг.

Православная энциклопедия так определяет «врагов человека»: «Враги человека — 1) дьявол и подчиненные ему падшие духи (Мф.13:39); 2) люди, сознательно пребывающие в отношении того или иного человека в состоянии вражды, принципиально настроенные на вражду (2Цар.22:49); 3) люди, формально не расположенные к вражде с тем или иным человеком, но дурно влияющие на него посредством личного примера и увещаний, препятствующих идти по правильному, богоугодному пути» [Православная энциклопедия «Азбука веры»: электронный ресурс]. Данные определения отражают понятия, из которых складывается концепт враг в современном православном сознании носителя российской культуры.

С представлением о сатане и падших духах как о врагах связана одна из основных составляющих веры. Дьявол стремится к разрушению человеческой души, подталкивает детей Божьих к отречению от Творца, что заставляет людей становиться уже врагами самим себе и ближним своим. Враг туманит сознание и кружит голову, если человек беспрестанно не блюдет себя, не следит за своими мыслями и делами.

Примерами врагов в современном православном дискурсе являются прежде всего преступники: воры, убийцы, осквернители святынь. В статье «Кто наш враг?» на портале «Православие.RU» священник Валерий Духанин сообщает о наркоманах в поселке Нейво-Шайтанский, которые проникли в храм, осквернили его, украли иконы и убили попытавшегося остановить их служителя церкви. Дьявольская зависимость толкнула молодых мужчин на акт вражды против Бога и другого человека. В данной ситуации косвенно врагами являются и те, кто распространяет наркотические вещества. Автор статьи указывает, что преступники, вынужденно отказавшиеся от наркотиков в тюрьме, раскаялись и оказались меньшим злом перед теми, кто спровоцировал их поступок.

Ещё один пример врага приводится в статье «“Враги человеку домашние его”. Всегда ли?» священника Михаила Немнонова на портале «Правмир». В данной статье речь идет о бессознательном проявлении вражды к ближним через мирскую любовь, которая превышает любовь к Богу. Такое чувство, кажущееся положительным, наносит зачастую больший вред, чем злой умысел, так как заставляет оставить богоугодный путь как самого любящего, так и любимого.

Концепт враг складывается в сознании православного человека из представлений о сатане, разрушающем духовный стержень человека, и из представлений о людях, осознанно и неосознанно проявляющих вражду по отношению к ближним. Ключевым моментом в обоих случаях является отречение от Бога, зависимость от мирской жизни и недостаточные заботы о соблюдении себя в чистоте для жизни вечной.

Литература

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: антология. М., 1997. С. 267–279.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/vragi-cheloveka>

Бурляй Анна Сергеевна

*ассистент, Донецкий государственный университет;
anna.burlyai@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ДИСКУРСА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛОВ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

Ключевые слова: языковая личность, языковой дискурс, телеграм-канал, военный корреспондент.

В свете современных изменений в медиа и динамичного развития информационного пространства телеграм-каналы становятся важным средством коммуникации с аудиторией. При этом лингвистический анализ языковых особенностей социальных медиа становится ключевой частью медиаисследований не только для более глубокого понимания функционирования информационных потоков, но также для выявления особенностей речевой прагматики журналистов, в том числе военных корреспондентов.

События 2022–2023 годов показали, что новые медиа, включая телеграм-каналы, стали важными инструментами для распространения информации о военных событиях. Несмотря на множество подобных исследований, дискурс авторских телеграм-каналов, затрагивающих военные темы, мало изучен.

Изучение лингвистических особенностей авторских телеграм-каналов военных корреспондентов имеет большое практическое и теоретическое значение. Во-первых, такие исследования позволяют лучше понять специфику коммуникации в контексте военных событий. Анализ языкового дискурса анализируемых телеграм-каналов может помочь в установлении особенностей использования терминологии, жаргона и стилистических приемов в области военной коммуникации. Во-вторых, это дает возможность получить лучшее представление об особенностях передачи информации о военных событиях и тенденциях в современном информационном пространстве, что имеет важное значение для анализа и интерпретации военно-политических процессов. Такие исследования также могут помочь в понимании воздействия военной информации на общественное мнение и формирование публичного мнения о военных действиях.

Особенности языкового дискурса персональных телеграм-каналов российских военных корреспондентов составляют предмет нашего исследования. На основе текстовых фрагментов публикаций данных каналов можно определить ключевые особенности языкового дискурса, такие как использование специфических терминов и жаргонных выражений, которые применяются для описания военных событий, анализа военной политики, а также комментариев военных действий. Кроме того, в телеграм-каналах военных корреспондентов могут использоваться особые стилистические приемы и языковые конструкции для подчеркивания отдельных аспектов военной тематики, связанных с информационными войнами.

Для изучения особенностей языкового дискурса авторских телеграм-каналов был проанализирован контент медиа, созданных Александром Сладковым и Александром Коцем. Эти медиапродукты имеют значительную аудиторию (на момент подготовки тезисов данной работы у телеграм-канала «Сладков +» было 937 148 подписчиков, а у Kotsnews — 571 486) и оказывают сильное влияние на развитие телеграм-блогосферы (с февраля 2022 года, по данным TGStat, «Сладков +» увеличился на 901 148 подписчиков, а на телеграм-канал Kotsnews подписались 484 486 подписчиков, что сопоставимо с ростом аудитории ведущих российских информационных агентств и других популярных СМИ, формирующих информационное пространство).

При анализе мы учитывали три уровня реализации языковой личности в дискурсе: вербально-семантический (используемые языковые единицы), когнитивный (особенности концептосферы, в которой действует языковая личность) и прагматический (система установок и мотивов, на которых основана речевая деятельность языковой личности). Анализ содержания публикаций позволил выделить следующие тенденции, характерные для речевой прагматики языковой личности военного корреспондента, которая реализуется в дискурсе авторских телеграм-каналов:

1. Обилие военной лексики. В телеграм-канале Александра Сладкова часто встречаются такие термины, как штурм, гарнизон, бригада, гаубица, снайпер, каскетные боеприпасы, блиндаж, плацдарм, дальномер, тепловизор, коптер, позиционная война, 155-й калибр, диверсионная группа, дрон, укрепрайон и т. д., в том числе аббревиатуры: ССО, ВПК, СВО, ЛБС, ПТУР, ПВО, КПП, САУ, ВДВ, отряд СпН ВВ МВД РФ и другие.

2. Эмотивность. Дискурсу авторских телеграм-каналов российских военных корреспондентов свойственна эмоционально окрашенная лексика, придающая дополнительный драматизм описываемым событиям. Например, в постах Александра Сладкова есть такие текстовые фрагменты: «Европа должна вернуться в свою будку», «кто там гавкает», «Украина воюет выклянченным», «поражать такие „жирные“ групповые цели», «мы душим украинский контингент в Авдеевке», «упыри, конечно, сядут» и т. д. Подобные примеры можно найти и в телеграм-канале Kotsnews: «Вот вам и „оборванцы в тапках“...», «Какая зрада для заряда...», «Кто ж все время фотографирует президента Украины в таком ущербном ракурсе во время встреч с сюзеренами» и т. д.

3. Взаимодействие с аудиторией. Военные корреспонденты, которые ведут авторские блоги, также активно взаимодействуют с аудиторией, используя выражения, создающие ощущение личного контакта. Например, в телеграм-канале «Сладков +» распространены риторические вопросы и вопросы, на которые Александр Сладков отвечает сразу после их постановки: «Вообще, откуда это взялось, эта мысль: „Украина кормит Советский Союз“?! Кавказ — здравница, Украина — житница» или «Какими результаты переговоров вижу я? Донбасс, Крым, Одесса, Николаев, Херсон, Запорожье, Харьков, Сумы, Чернигов — в составе России». Кроме того, есть ряд восклицательных предложений, обращенных к читателям: «СРОЧНО ХОЧУ ПОДЕЛИТЬСЯ ПОЗИТИВОМ!!!» или «Идем к Победе!!!».

Результаты исследования указывают на уникальность языковой специфики дискурса авторских телеграм-каналов российских военных корреспондентов. Лексические, синтаксические и стилистические особенности подчеркивают важность новых медийных форматов для передачи информации о военных событиях и выражают особенности коммуникации в этом контексте. Дальнейшие исследования могут углубить анализ влияния языка на восприятие информации и формирование общественного мнения в военной сфере.

Подробный лингвистический анализ языкового дискурса в подобных каналах может значительно расширить наше понимание специфики общения в данной сфере, помочь выявить особенности употребления языка в контексте военных тем, а также понять, какие языковые стратегии и коммуникативные приемы используются для воздействия на аудиторию.

Бурмина Виктория Ильинична

*аспирант, Московский городской педагогический университет;
burmina@outlook.com*

КОНЦЕПТ «ПЕЧЬ» В РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПАРЕМИЙ)

Ключевые слова: печь, паремии, лингвокультура.

В работе представлено исследование роли печи в русской и татарской лингвокультурах на примере паремий, включающих лексему «печь» или лексемы, обозначающие части печи. Цель статьи — рассмотреть, какие культурные традиции хранят в себе пословицы с лексемой ‘печь’ в русских и татарских языках, в двух неродственных языках, но в языках двух народов, проживающих на территории одного государства, татарский язык является вторым после русского языком по числу говорящих на территории России. Материалом послужили русские паремии (сборники В. И. Даля, В. П. Аникина, В. М. Мокиенко) и татарские паремии (сборник — Л. Х. Мухаметзяновой и И. И. Ямалтдинова).

Паремии играют важную роль в лингвокультурологических исследованиях, так как они отражают особенности мышления и характера народа, его традиции и обычаи. Паремии могут быть использованы для объяснения культурных особенностей и нравственных ценностей, а также для анализа и сравнения культур различных народов.

Печь — символ русской культуры и русского быта, она, безусловно, занимает значимое место в языковой картине мира русского народа. Печь также играет важную роль в культуре татар. Татарская печь имеет свои особенности с точки зрения ее конструкции и использования. Как и в русской культуре, печь является символом татарского быта и традиций. Она упоминается в татарских пословицах и поговорках.

В представленной работе на примере паремий показано, что печь — главный элемент убранства русской избы, печь является источником света и тепла, сосредоточением семейно-родовых ценностей. «Жанр пословицы предполагает бережное сохранение культурных и языковых традиций» [Мокиенко 2010: 13], и сохранение культурных традиций — проблема, актуальность которой не вызывает сомнений. Печь как явление культуры сейчас требует бережного сохранения. Для современного человека, она, безусловно, теряет ту значимость, которая все еще сохранялась за ней каких-то лет 70–80 назад.

В паремиях отражаются функции печи и ее роль в жизни народа. Печь — центральный элемент русской избы и главный элемент убранства избы [Топорков, 2009: с. 39] (напр.: Плясать от печки. Русская печь — царица дома. Будь что дома: полезай на печь).

Печь — сосредоточение семейно-родовых ценностей, напр.: Семья печка: как холодно все к ней собираются. Семь человек — печка. Все вместе: и печки, и лавочки.

Печь ассоциируется с домом, с родиной: Гусь с полден — мужик с печи; гусь на полдни — мужик на печь.

Помимо обогрева избы печь служила и для приготовления пищи. В паремиях с лексемой ‘печь’ можно проследить, что было принято готовить: На холодной печи не пекут калачи, а в печь суют да потом жуют. Гости на печь глядят — видно каши хотят.

Печь — источник тепла и света. За малым стало, печи не стало: спину погреть негде. На свадьбе добро, на печи тепло. Старого печка греет.

На печи или возле нее спят: Работу с плеч да и на печь.

Возле печи (на печи) проводят время старики и дети: Сиж у печи, да слушаю чужие речи. Молод бывал — на крыльях летал; стал стар — на печи сиж.

Печь осмысливается как человеческое тело и как человек [Якушевич 2019: 482]: Поворотлив как печь. Из одной печи да разные речи.

В татарской лингвокультуре на примере паремий также выявлена значимая роль печи: печь являлась центральным элементом дома, который делал его пригодным для жилья. Печь явля-

лась олицетворением домашнего очага и дома вообще [Л. Х. Давлетшина, И. И. Хуснулина 2018: 27], она занимает важное место в семейно-бытовых традициях, а также несет в себе традиции заговорно-заклинательные.

Образ печи является важным элементом исторической и культурной идентичности русской и татарской народностей. Паремии, содержащие лексему «печь», отражают уникальные особенности русской и татарской лингвокультуры.

Печь — центральный элемент дома: Мичсез өй — мисез баш (Дом без печи — голова без мозгов).

Печь — источник тепла и света. Мичкә ут керде — өгә кот керде (В печь огонь вошел — в дом уют вошел). На печи или рядом с ней проводили время. Так же, как и в русской культуре, здесь много пословиц о лени. Әйрәнле ашым, жылы мич башым. (Мой суп с айраном, лежанка на печи теплая — Лежит на печи, да ест калачи).

Вывод. Народы, проживающие на одной территории, в своем культурном наследии имеют черты сходства, вероятно, появившиеся за счет взаимного влияния друг на друга, что несомненно объединяет их и имеет неоспоримую значимость в контексте переживания тяжелых исторических событий. Изучение паремий способствует более полному пониманию особенностей культуры и менталитета разных народов. Многонациональность нашего государства — богатство, которое необходимо сохранять, не забывая о том культурном наследии, которое хранит каждый народ.

Литература

- Давлетшина Л. Х. Символика печи в традиционной культуре татар // Казанская наука. 2018. № 10. С. 27–29.
- Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.
- Топорков А. Л. Печь // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 39–44.
- Якушевич И. В. Символическая модель «печь — человек» в диалектной лексике // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области, Владимир, 24–26 сентября 2019 года. Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2019. С. 481–484.

Ван Цзиншу

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st059366@student.spbu.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДОБРЕ И ЗЛЕ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА»

Ключевые слова: понятие концепта, концепт зло, концепт добро, художественный текст Н. В. Гоголя, повесть «Вечер накануне Ивана Купала».

В последние десятилетия в лингвистике особое внимание уделяется термину «концепт». Концептуальные представления о действительности изучают на уровне психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и во многих других научных сферах.

В соответствии с выбранным подходом концепт трактуют по-разному, однако между известными на сегодняшний момент его определениями можно найти общие черты. Концепт соотносят с тем, что связано с человеческим восприятием и осмыслением того или иного предмета или явления. Д. С. Лихачев писал: «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев 1993: 6]. Сходное определение встречается у Е. С. Кубряковой; под концептом она понимает термин, «служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1997: 90].

В качестве первичных в системе нравственных ориентиров человека выступают представления о добре и зле. Их противостояние является основополагающей темой в творчестве многих писателей. Особое место она занимает в произведениях Н. В. Гоголя. В докладе мы обратимся к рассмотрению особенностей реализации концептов добро и зло в повести «Вечер накануне Ивана Купала» из цикла повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», с тем чтобы выявить авторское представление относительно этих двух важнейших для внутреннего мира человека категорий.

В раннем произведении Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» зло олицетворяют чёрт, ведьма, в том числе и дьявол в человеческом образе — Бисаврюк. Всё их существование связано с подстрекательством добродушных людей к совершению грехов. Именно это происходит с Петром — главным героем повести «Вечер накануне Ивана Купала». Нечистой силе удаётся заставить главного героя продать ей свою душу при условии, что она поможет ему жениться на его любимой девушке — Пидорке.

Сначала Пётр хотел своими силами обрести богатство: «А я думал, несчастный, идти в Крым и Туречину, навоевать золота и с добром приехать к тебе, моя красавица» [Гоголь 2023: 61]. Однако, получив новость от Пидорки о том, что отец ее скоро выдаст замуж за богатого человека, Пётр принял предложение Басаврюка. Накануне вечера Ивана Купала он идёт с ним в Медвежий овраг, где ведьма показывает ему золото, обещая отдать его Петру только после того, как он убьёт невинного ребёнка: «Не видать тебе золота, покамест не достанешь крови человеческой!» — сказала ведьма и подвела к нему дитя лет шести» [Гоголь 2023: 65].

Сначала Пётр решительно отказался от предложения ведьмы, он даже хотел бороться с ведьмой: «Как бешеный подскочил с ножом к ведьме Петру и уже занес было руку...» [Гоголь 2023: 66]. Но в этот момент Басаврюк напоминает ему, что без этого золота на Пидорке ему не жениться: «А что ты обещал за девушку?.. — грянул Басаврюк и словно пулю посадил ему в спину» [Гоголь 2023: 66]. Когда перед глазами Петра появилась груда золота, дорогих камней, он не смог устоять: «глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи...» [Гоголь 2023: 66].

По сравнению с описанием процесса грехопадения Петра, которое отражено в повести чётко и ясно, Н. В. Гоголь не акцентировал внимание на описании добрых черт его характера. Но читатель верит в то, что Пётр по характеру был добрым человеком, в противном случае Пидорка не полюбила бы его, а её брат, шестилетний Ивась, не заступился бы за него перед своим отцом.

Описывая то, что случилось с Петром, Н. В. Гоголь передаёт читателю своё представление о добре и зле. На его взгляд, добро и зло не всегда противопоставлены друг другу. Зло присутствует в природе каждого человека, не бывает абсолютно добрых и чистых людей, но в то же время в человеке заложено и доброе начало.

Позднее тему противостояния добра и зла начал развивать в своём творчестве Ф. М. Достоевский. В романе «Братья Карамазовы» представления Гоголя о сосуществовании этих начал воплотились на новом уровне. Алёша Карамазов — живое воплощение добра — считает, что он с его братом Митей — олицетворением зла — поднимается по одним и тем же ступенькам. В ходе их беседы Алёша говорит о том, что ему кажется, что он не может не вступить на ступеньку: «— Всё одни и те же ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху, где-нибудь на тринадцатой. Я так смотрю на это дело, но это всё одно и то же, совершенно однородное. Кто ступил на нижнюю ступеньку, тот всё равно непременно вступит и на верхнюю. — Стало быть, совсем не вступать? — Кому можно — совсем не вступать. — А тебе — можно? — Кажется, нет» (Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»).

Вслед за Н. В. Гоголем Ф. М. Достоевский приходит к выводу о том, что зло изначально заложено в природу человека, даже самого доброго: «Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Добрый человек может превратиться в злого, когда его сердце обволакивает жажда наживы, когда он хочет получить желаемое быстро и без усилий. Желание Петра быстро разбогатеть дало дьяволу возможность искушить его, в результате чего он стал преступником.

Таким образом, фраза «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» касается не только отношения к маленькому человеку в русской классической литературе. Она охватывает многие аспекты творчества Н. В. Гоголя. Не только «Шинель», но даже ранние его произведения оказали влияние на развитие русской классической прозы второй половины XIX века.

Литература

Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Издательство АСТ, 2023. 320 с.

Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.

Гаврилова Марина Владимировна

профессор, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения;
mvlgavrilova@gmail.com

ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГРАЖДАНИН» В ВЫСТУПЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ

Ключевые слова: концепт, русский язык, политический дискурс, президентская риторика, когнитивная лингвистика.

Концептуальный анализ текста призван выяснить, как в лингвистических структурах проявляются структуры знаний человека о мире, политические представления, присущие человеку, социальной группе или обществу в целом.

Цель данной статьи — описание семантического развития концепта «гражданин» в русском политическом дискурсе XX — начала XXI веков. Отметим, что изучение ключевых политических концептов имеет большое значение для рационализации политических действий.

Материалом исследования являются обращения к гражданам страны при вступлении в должность президента России.

В ходе исследования рассмотрены следующие вопросы: Каково семантическое развитие слова гражданин на протяжении XX и XXI вв. в русском языке? Какую роль играет концепт «гражданин» в тематической организации торжественной политической речи? Какие элементы когнитивной структуры концепта актуализируются в выступлениях российских президентов?

Выявление способов экспликации концепта осуществляется с помощью контекстуально-семантического, интерпретационного и описательно-сопоставительного анализа.

Изучением семантического развития слова гражданин занимались многие исследователи (Г. В. Дуринова, Е. Г. Ковалевская, Д. В. Тимофеев, С. И. Улуханов, П. Я. Черных и др.), которые отмечали, что славянское понимание гражданства этимологически связано с определенным местом проживания.

Лексикографические данные толковых словарей демонстрируют семантическое развитие слова, отражающее изменения в русском языковом сознании на протяжении XX века. Гражданин — это городской житель (начало XX века) — лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства (середина XX века) — лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства с республиканским строем (начало XXI века). Развитие значения слова отображает, в том числе, и структуру общественного сознания в определенный исторический период и соревновательность различных политических идеологий.

В «Словаре русской ментальности» гражданин толкуется как 'подданный данного государства (гражданство) как равноправный член гражданского общества, правами и обычаями огражденный от покушений на жизнь, достоинство и честь и обязанный клятвой исполнять свой гражданский долг, не нарушая закона' [Колесов, Колесова, Харитонов 2014: 176].

В политических текстах концепт эксплицирован словами (гражданин, согражданин, россияне, избиратель, гражданский) и устойчивым словосочетанием (гражданское общество). Гражданин используется неоднократно в выступлениях президентов, однако не входит в число наиболее частотных слов.

В новейшем русском политическом дискурсе наблюдается процесс реидеологизации концепта «гражданин»: происходит сближение семантических сфер гражданственность и патриотизм, единство, военное дело и история.

Мы отмечаем семантическое развитие концептуальных парадигм: «государство — гражданин» и «президент — граждане». Б. Н. Ельцин определяет должность президента как «гражданин, облеченный ответственностью за судьбу России» и подчеркивает, что «государство сильно благополучием своих граждан». В. В. Путин утверждает, что «помощь и поддержка граждан Российской Федерации являются самой главной и самой надежной опорой в деятельности ее президента».

Примечательно, что ближайшее контекстное окружение прилагательного гражданский формирует мелиоративные оценочные коннотации: «их высокую гражданскую позицию» (Б. Н. Ельцин, 1996), «самые лучшие патриотические, гражданские качества» «зрелое гражданское общество» (В. В. Путин, 2004), «активное и ответственное гражданское общество» (В. В. Путин, 2012), «ответственные гражданские силы» (В. В. Путин, 2018).

В анализируемых текстах концепт «гражданин» разворачивается преимущественно в формах понятия и образа. Мы наблюдаем увеличение содержательных признаков концепта за счет увеличения характеристик: 'деятельный', 'свободный', 'активный', 'ответственный', 'внимательный к нуждам других людей', 'любящий свою страну' и др. Кроме того, в выступлениях российских президентов отмечена юридическая связь государства и гражданина, посредством интертекстуальных связей уточняется объем понятия. Президенты подчеркивают охранительную функцию государства по отношению к гражданину, используя глаголы с семой 'защищенность': «Сделать так, чтобы избранная народом власть <...> защищала российского гражданина везде» (В. В. Путин, 2000); «чтобы безопасность граждан была не только гарантирована законом, но и реально обеспечена государством» (Д. А. Медведев, 2008). Иными словами, актуализируется представление о том, что государство защищает жизнь и достоинство гражданина.

В тематической структуре политических текстов концепт «гражданин» включен в семантическую область «Права и свободы гражданина». Отличительной особенностью анализируемых речей является отсутствие упоминания об обязанностях гражданина России, закрепленных в Конституции страны.

Концепт «гражданин» играет значимую роль в тематической структуре торжественной речи, поскольку участвует в выражении идеологических представлений политика о сознательном члене общества, заботящемся о его благе. Показательно, что концепт в политическом тексте высокого стилистического ранга воплощает представление правящей политической группы об идеальном жителе страны. В общественном сознании актуализируются следующие признаки гражданина: «инициатива и предприимчивость» (Б. Н. Ельцин, 1991), способность вершить новые дела, создающие величие страны (В. В. Путин, 2004), «свободные и ответственные как за свой личный успех, так и за процветание всей страны» (Д. А. Медведев, 2008), «активные и неравнодушные» (В. В. Путин, 2018).

Таким образом, в выступлениях российских президентов наблюдаются семантические изменения в значении слов гражданин и гражданский. Отметим различное смысловое наполнение концепта «гражданин» в концептуальной структуре торжественной политической речи. Каждый президент привносит в структуру концепта значения, отражающие общественные настроения определенного временного периода и личные политические взгляды.

Литература

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.

Гладкая Наталия Витальевна

доцент, Донецкий государственный университет;

Nata.gladkaya25@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: интернет-мем, репрезентативный характер, интертекстуальность, когнитивный потенциал, меметическая война.

Ежегодно влияние Интернета и социальных сетей на жизни людей все увеличивается, делая контроль за потоком информации все более сложным. Очевидно, что и методы информационной борьбы меняются в зависимости от целей и запросов акторов. «Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходили силу оружия. Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства...» [Шомова 2020].

Все это свидетельствует об активной фазе сетецентрической войны, т. е. войны, ведущейся посредством пропаганды и информационных технологий [Гладкая 2021]. Сегодня основным инструментом сетецентрических войн является memetic warfare (меметическая война) — развлекательный контент, содержащий политический подтекст. Этот контент у нас традиционно называется «мем» и понимается как информационная единица, используемая для имитации и распространения. Термин «мем» стал широко использоваться благодаря биологу и этологу Ричарду Докинзу, а затем появился в публикациях по психологии, эволюционной биологии и науке о подсознании.

Общей чертой информационных войн является воздействие на коллективное и индивидуальное сознание в долгосрочной или краткосрочной перспективе, в зависимости от целей, поставленных заказчиком. Одной из особенностей мемов является их компактность, т. е. информация в них максимально сжата и благодаря этому очень быстро считывается и усваивается, позволяет отличить «своих» от «чужих», обладает привлекательной «упаковкой». Любое оружие может быть использовано как в агрессивных целях, так и для защиты. В данном исследовании мы рассматриваем мемы как строительный материал наших политических и неполитических взглядов, некую базовую идею, оказывающую влияние на мышление. В этом смысле воздействие мемов можно отнести к когнитивному типу информационного оружия.

Существенным проблемным аспектом в понимании мема как информационного оружия является различие между его формой и содержанием. Мем — это способ упаковки содержания — смысла (концепта, фрейма, стереотипа, идеологии) — с помощью формы — «изображений, картинок, фотографий» — для последующей медийной транспортировки. Форма мема должна обращаться к культурным символам, разделяемым целевой аудиторией, чтобы быть успешно расшифрованной. Мемы, несмотря на свою мнимую простоту и комический характер, используются для манипулирования.

В современных социальных сетях наиболее распространенные следующие методы воздействия:

1. Метод засорения новостной ленты в социальных сетях бесполезной информацией для скрытия важных сообщений. Пользователи, уделяющие много времени скроллингу (от англ. scrolling — «просматривание; прокрутка»), меньше обращают внимания на важные сообщения;
2. Метод постепенного продвижения идей (например, популяризация ЛГБТ, бодипозитива и проч.);

3. Метод умышленного унижения человеческих достижений, навязывания идеи бесполезности;
4. Метод шокированного воздействия, когда пользователи настолько поражены контентом, что эмоции не позволяют реально и рационально оценить представленную информацию;
5. Метод популяризации и навязывания идеи о том, что модно быть безграмотным, пошлым (распространяются мемы с аморальными шутками, пошлыми изображениями, орфографическими ошибками);
6. Метод высмеивания (высмеиваются через мемы любые ситуации, социальные проблемы, люди, политические лидеры — все, что актуально в данный момент и вызывает отклик у пользователей);
7. Метод обучения (интернет-мемы могут использоваться и как средство обучения, яркая иллюстративность и сжатость способствуют быстрому запоминанию темы).

Безусловно, существует множество методов манипулирования с помощью мемов, и их выбор зависит от поисковых запросов, интересов и информации, публикуемой пользователем.

Не вызывает сомнений неразрывная связь медиа и войны. Информационная борьба в ходе украинского кризиса и периода борьбы за независимость народных республик не стала исключением. Так, мемы «вежливые люди», «колорады», «няш-прокурор», «крымнаш», «кто не скачет, тот Москаль», «крымчанка», «хунта», «укропы», «кондиционеры взрываются», «сами себя обстреливают», «Работайте, братья!» и др. в процессе информационной войны оказали существенное влияние на восприятие людьми новой реальности и способствовали укреплению коллективной идентичности определенных социальных групп.

Становится очевидно, что в условиях информационной войны необходимо всеми силами творить и транслировать позитивный внутренний образ России, который будет противодействовать глобалистским влияниям. Также нужно повысить цифровую грамотность и критическое мышление населения, что позволит лучше распознать политический подтекст в потребляемом контенте, критически воспринимать и анализировать его содержание. Любое оружие может быть использовано не только для нападения, но и для защиты. Российская сторона на данном этапе приходит к осознанию необходимости изучения методов ведения информационной войны с использованием мемов, делая это скорее интуитивно, чем осознанно.

Литература

- Гладкая Н. В.* Влияние интернет-мемов на формирование общественного мнения: теоретический аспект // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. 2021. № 4. С. 30–35.
- Шомова С. А.* Мемы как они есть. М.: Аспект Пресс, 2020. 136 с.

Дзюба Елена Вячеславовна¹, Белослудцев Александр Николаевич

¹профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого;
dzyuba_ev@spbstu.ru

²аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики;
belosludcev@ak-magnat.ru

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ЯЗЫКЕ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: политическая лингвистика, когнитивная лингвистика, политический язык, семантические категории, транспарентность.

Транспарентность восходит к латинскому языку (приставке «trans- со значением 1) через-, пере-; 2) насквозь...» [Дворецкий 1976]) и корню «pareo-, глаголу II спр. со значением 1) являться, появляться; 2) быть очевидным...» [Там же]) и фиксируется в современных лексикографических источниках, ср.: «ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ, -и; ж. [от англ. transparent — прозрачный]. Отсутствие секретности, ясность, основанная на доступности сведений; информационная прозрачность» [БТСРЯ]; «транспарентный [ре'] и [рэ'] -ая, -ое, -тен, -тна [англ. transparent прозрачный < лат. trāns сквозь, через + pārēre появляться]. полит., дипл. О политической позиции, концепции и т. п.: не содержащий секретов и недомолвок, “прозрачный” для других» [ССИС]. Очевидно, как единица политического и дипломатического дискурса попала в русский через английский язык, ср. в Cambridge English Corpus: Popular support for a return to multi-partyism, however, was transparent; What prompts all this effort is that an account of behavior as transparently governed by self-interest leads to transparent difficulties [Cambridge English Corpus, электронный ресурс]).

Категория транспарентности может быть рассмотрена в разных аспектах: собственно лингвистическом, когнитивно-дискурсивном, аксиологическом, психологическом. Методы лексикографического, структурно-семантического, контекстуального и логического анализа языковых фактов позволяют выявить гиперо-гипонимические отношения между единицами синонимического ряда: транспарентность выступает гиперонимом с обобщенной (типовой) семантикой, предполагающей наличие коммуникативного акта (ситуация информирования) и субъектно-объектных или субъект-субъектных отношений (участники коммуникации). Гипонимами являются единицы открытость, прозрачность, доступность, публичность, гласность, значительно реже — ясность. Когнитивно-дискурсивный анализ научных источников и данных Национального корпуса русского языка позволяет отметить, что слова транспарентный, транспарентность бытуют в разных научных и профессиональных сферах: не только политике, политологии и дипломатии, как отмечается в современных словарях, но также экономике, социологии, юриспруденции (ср.: электронное правосудие как новый стандарт транспарентности деятельности судебной власти; принцип транспарентности бюджетного права; транспарентность как принцип гражданского судопроизводства; транспарентность как ключевая проблема российской экономики; транспарентность центрального банка и оценка его коммуникаций по вопросам монетарной политики; взаимосвязь транспарентности и волатильности акций российских компаний; транспарентность публичной власти и др.). При этом во всех контекстах сохраняется семантика особой значимости передаваемой информации и ценности самой готовности сторон к передаче информации, что обуславливает наличие положительной коннотации у рассматриваемой единицы и ее синонимов. Транспарентность как свойство процесса информирования обычно массовой аудитории должна также рассматриваться в социально-психологическом аспекте, который заключается в осмыслении готовности или неготовности не только передавать, но и получать информацию, в понимании процесса информирования как преодоления когнитивного диссонанса [см. подробнее: Фестингер 2018: 161–171]. Психологически осмысленная категория транспарентности (открытости, прозрачности, доступности, публичности, гласности) зависит от мотивов и намерений как отправителя, так и получателя

информации: первый участник коммуникации добровольно или вынужденно предоставляет доступ к информации, второй — с разной степенью готовности ее воспринимает и — при определенных условиях — реагирует на нее (в случае актуализации единицы гласность). Это позволяет при анализе категории транспарентности акцентировать внимание на таком типе отношений, как субъектно-объектные и субъект-субъектные отношения в процессе информирования.

Литература

- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovij-slovar>
- ССИС — Современный словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. М.: АСТ-Пресс, 2021. 416 с.
- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса / пер. А. Анистратенко, И. В. Знаешева; ред. Е. Олейник. М.: Эксмо, 2018. 256 с.
- Cambridge English Corpus. URL: <https://www.cambridge.es/en/about-us/cambridge-english-corpus>

Донина Людмила Николаевна¹, Чуньянь Жэнь²

¹старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН;
доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
ldonina@mail.ru

²аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st094082@student.spbu.ru

ОТНОШЕНИЯ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ МЕЖДУ КОНЦЕПТАМИ РАЗНЫХ ТИПОВ (КОНСТРУКТИВНЫМИ, МЕНТАЛЬНЫМИ, СОДЕРЖАТЕЛЬНЫМИ)

Ключевые слова: противопоставление, концепт, антонимы, конверсивы, лексикология.

Отношения противопоставления — предмет логики; вербальные проявления этих отношений изучаются в контексте лексической системы языка. В настоящем исследовании анализируются отношения противопоставления между концептами — единицами одновременно логическими и языковыми.

Проф. В. В. Колесов выделил конструктивные, ментальные, содержательные концепты [Колесов 2021]. Как отмечено в рецензии на эту книгу, «новизна рецензируемой монографии в том, что представление о поле предполагает связанность концептов между собой» [Донина, Халикова 2022: 117]. Описание концептов как поля, при принципиальных отличиях концептуального поля от семантического, допускает реальную синергичную связанность концептов, иерархию, наличие определенных логических отношений.

Наша гипотеза состоит в том, что отношения противопоставления по-разному проявлены в концептах того или иного типа. Эмпирический материал исследования (434 пары концептов) составлен методом сплошной выборки из «Словаря русской ментальности» [Колесов 2014] с проверкой по Словарям антонимов.

Выявлено, что 95 % пар концептов (413 пар) приходится на содержательные концепты (Свет и Тьма, Добро и Зло). На распространённость антонимов среди слов, репрезентирующих содержательные концепты, влияет их количественное преобладание в языке и то, что они отражают предметы мышления. Отражая более конкретные и полярные аспекты человеческого опыта, эмоций, социально-культурных явлений, они представлены различными тематическими группами: общество (баба—мужик, война—мир); вера (ад—рай, ангел—бес); время и пространство (верх—низ, вчера—сегодня); качества личности (алчность—бескорыстие, гордость—скромность); признаки предметов (белый—черный); действия (разрушение—создание; безделье—труд); абстрактные понятия (всё—ничто, да—нет) и др. Противоположные, контрарные содержательные концепты репрезентируются, как правило, разнокоренными лексемами: белый—чёрный, поскольку каждый концепт из пары может рассматриваться в изолированном виде и представлять отдельную характеристику ментальности. Отношения противоположности могут выявляться в разных содержательных формах концепта в связи с условием, причиной и целью, но не основанием. Отдельная группа содержательных концептов репрезентируется лексемами-конверсивами, выражающими взаимные, но противоположные с позиции участников действия или процессы: приобретение—утрата, свобода—угнетение.

Для ментальных концептов (Сущность и Явление, Подсознание и Совесть, Язык и Речь, Мысль и Смысл и т. д.) отношения противопоставления менее характерны (3 % выборки, 13 пар). Противопоставление строится на основе наличия/отсутствия определенного аспекта представления об объекте сознания. Соответственно среди репрезентаций ментальных концептов наряду с собственно лексическими антонимами (ум—глупость,) встречаются лексико-грамматические (сознательность—бессознательность; осмысленность—бессмысленность), отражающие противоречащие, контрадикторные отношения. Возможны комбинации разнокоренных слов и отрицательных приставок (знание — невежество). 2 % выборки составляют пары, один кон-

цепт которых является ментальным, второй — содержательным: ум–сердце; сознание–бытие (8 пар).

Антонимических пар почти нет среди лексем, репрезентирующих конструктивные концепты. Многие из концептов описаны В. В. Колесовым попарно: Концепт и Концептум, Концептум и Символ, Причина и Цель [Колесов 2021: 11–101], но они не противоположны друг другу. Конструктивные концепты не осознаются в процессе ментальной деятельности, однако служат ее основой. Это фундаментальные категории, инструменты описания представлений о мире, между которыми не подразумевается противопоставления.

При изучении концептов — единиц предельной степени абстрактности — следует стремиться к синтезу лингвистического и логического подходов, не смешивая логическое и лингвистическое в природе слова, но и не разъединяя мысль и слово. Природа и функции концептов разных типов определяют антонимические отношения среди слов, которыми выражены в языке их содержательные формы. Изучение отношений противопоставления в словесных проявлениях содержательных форм концепта служит выявлению сущности (концептума): «В попарных оппозициях противопоставление по горизонтали указывает на несводимость содержательных форм: образ и понятие, символ и концептум противоположны по функциям. <...> По диагонали представлены противоположности как проявления сущностей: образ манифестирует символ, а понятие есть актуализированный концептум» [Колесов 2021: 104].

Литература

- Донина Л. Н., Халикова Н. В.* Развитие концепта во времени и пространстве. Рецензия на книгу: Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб., 2021 // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 114–117.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.
- Колесов В. В.* Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021.

Жмакина Ирина Сергеевна

аспирант, преподаватель, Сибирский федеральный университет;
irina.zhmakina97@yandex.ru

ИМИДЖ ЗНАКОВОГО ОБЪЕКТА ГОРОДА: ФРЕЙМОВАЯ МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ

Ключевые слова: фреймовое моделирование, имидж знакового городского объекта, лингвокогнитивная модель описания, имидж города.

В работе применяем фреймовый анализ для описания знакового объекта города Красноярска «Парк культуры и отдыха “Остров Татышев”» (далее — Парк). Этот объект как знаковый был выявлен посредством онлайн-анкетирования. Номинация Парка складывается из двух концептуальных структур — «Парк культуры и отдыха» и «Остров Татышев». Основу фреймовой модели Парка составили характеризующие параметры (понятийный, прагматический и оценочный) этих структур, выявленные в ходе лингвокогнитивного анализа эмпирического материала (40 медиатекстов, отобранных путем сплошной выборки, в которых содержится информация о Парке). Характеристика каждой из двух концептуальных структур была получена путем анализа словарных дефиниций.

Денотативную семантику концепта «парк культуры и отдыха» составляют существительные территория, учреждение, образование, а также комплекс эксклюзивных признаков концепта: комплексное, многофункциональное, территориальное, городское, природное, открыт для посещения, предназначен для физкультурно-оздоровительных и культурно-досуговых целей.

Содержание концепта «Остров Татышев» включает следующие компоненты: комплексное, многофункциональное учреждение культуры; территориальное городское образование; культурно-рекреационное образование; природное образование; проводятся физкультурно-оздоровительные работы для населения; проводятся культурно-досуговые работы для населения; открыт для посещения.

Медиатексты о Парке содержат двенадцать категорий, подвергающихся языковой интерпретации: фауна парка, благоустройство, опасность, посещаемость, доступность людям разных возрастов, культурно-досуговые мероприятия, физкультурно-оздоровительные мероприятия, «Татышев — достопримечательность», охрана территории, номинации объектов парка, размер территории, история парка.

Содержание концепта «Парк культуры и отдыха» полностью включает содержание концепта «Остров Татышев» как родового понятия. Помимо этого, концепт «Остров Татышев» содержит специфические компоненты и имеет более широкое номинативное поле.

Фреймовая модель предусматривает понятийную, прагматическую и оценочную характеристику слотов знакового объекта «Парк». Впервые эта модель была применена для анализа имиджформирующей информации в СМИ о таком знаковом объекте, как «Национальный парк “Столбы”» [Evseeva, Zhmakina 2020; Евсеева 2022].

Представленные выше концептуальные структуры этого знакового объекта содержат обязательные и факультативные тематические признаки, которые формируют слоты. Самый пространственный слот фреймовой модели «территория» представлен в текстах смысловыми компонентами: природный комплекс, площадь, доступность, охраняемость.

Компонент «природный комплекс» раскрывается с двух позиций понятийного параметра: «достопримечательность» и «водоёмы». Семантика площади острова передается преимущественно через понятийный и оценочный параметры, из СМИ узнаем о том, что территория парка довольно большая: «Размер острова — 150 гектаров». Доступность Парка (понятийный параметр) объясняется его большой посещаемостью. Смысловой компонент «охраняемость» в понятийном параметре предусматривает нахождение парка под охраной городской администрации и правоохранительных органов.

Прагматический параметр названных слотов в анализируемых текстах не раскрывается, поскольку их авторы не обращают внимание на практическую значимость имеющихся на острове объектов или на необходимость соблюдения установленных правил поведения. И хотя в отношении слота «нарушение порядка» упоминается, что в парке запрещены грубые правонарушения, авторами не указывается, какие нарушения являются грубыми и каким наказанием грозит такое нарушение. Слот «опасность» также практически не содержит в текстах прагматически значимые характеристики.

Подчеркнем, что именно прагматический параметр, наряду с оценочным, который раскрыт полно в отношении всех указанных слотов, имеет ведущее значение для формирования имиджа какого-либо объекта, поскольку эти параметры демонстрируют закрепление в языке при помощи конкретных знаков того, что важно для человека, и воздействие этих знаков на людей.

В представленном исследовании рассматриваются оценки отдельных элементов концепта «Парк культуры и отдыха “Остров Татышев”». За основу взята классификация частнооценочных значений [Арутюнова 1988]. В анализируемых текстах наиболее частотными оказались оценки психологической эмоциональной категории (40,7%). Преобладание таких значений говорит о том, что тексты направлены преимущественно на освещение общественной пользы, радостных или печальных событий, произошедших на территории парка, что предается, как правило, через эпитеты (38,75% от всех выявленных тропов) и метафоры (20%).

Фреймовый анализ позволил выявить «сильные» и «слабые» стороны информирования о Парке в СМИ. Формированию положительного имиджа знакового городского объекта будут способствовать имиджформирующие тексты, раскрывающие прагматический параметр.

Исследование доказывает, что фреймовая модель — удобный инструмент для описания языковых компонентов имиджа знакового объекта. Такая структура данных позволяет представить типизированный объект, модель которого можно использовать для иных знаковых объектов любого региона.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
- Евсеева И. В.* Имидж регионального объекта в аспекте лингвоимиджологии // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России.* 2022. № 7. С. 136–141.
- Evseeva I. V., Zhmakina I. S.* The Concept of Stolby Nature Reserve in the Aspect of Linguoimageology // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 2020. Vol. 13, no. 12. P. 1914–1926.

Ильченко Ольга Сергеевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;

o.ilchenko@spbu.ru

КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА: INSTRUMENTALIS ОБОЗНАЧЕНИЙ ЧАСТЕЙ ТЕЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: творительный падеж, непереходный глагол, язык телодвижений.

Внимание исследователей давно привлекает яркая особенность славянских языков — использование «инструментального объекта» (махать палкой, вертеть ключами). В рамках такого употребления часто встречается Тв. п. названий частей тела (махать рукой, вертеть пальцами). Этот тип Тв. п. был свойствен старославянскому и древнерусскому языкам, сохранился в современном русском языке. Примеры в других славянских языках можно найти у Д. С. Станишевой [Творительный падеж 1958: 87–90] и А. Вежбицкой [Вежбицка 1985].

Поскольку часть тела является неотчуждаемой принадлежностью субъекта, обозначающее ее существительное в Тв. п. может сочетаться либо с глаголами внешнего (пространственного) «несвободного» или «частичного» движения (трясти головой, дрыгать ногами), либо с глаголами движения внутреннего — мысленного (думай своей головой, шевели мозгами) или душевного (полюбить всем сердцем, привязаться всей душой). В двух последних случаях мы наблюдаем экспликацию «инструментов» мысли или чувства.

Для многих конструкций с инструментальным объектом характерна закрепившаяся устойчивая сочетаемость лексических единиц, заполняющих синтаксические позиции (кивать /головой/, шмыгать /носом/, моргать /глазами/ и под.). Естественные ситуации язык типизирует с помощью языковых средств, поэтому сема орудийности может стать составной частью семантики глагола: Незнакомец неожиданно кивнул мне. Ни в коем случае не моргай!

Имя существительное в Тв. п. обозначает такой объект, в котором, по А. А. Потембе, заметно движение интранзитивное. Однако внешнее движение является невербальным сигналом (промежуточным этапом ЧЕРЕЗ восприятия ситуации) естественно сопряженного с этим движением внутреннего состояния субъекта (стучать зубами = человеку холодно). Именно внутреннее состояние субъекта рефлекторно приводит «послушную» часть тела в заметное внешнее, ненамеренное и «несвободное» движение. Так на поверхности тела, т. е. снаружи, проявляется все, что происходит внутри. Внутренний и внешний миры живого существа взаимосвязаны. Поверхность тела воспринимается как граница между ними (о роли в грамматике базовой пространственной оппозиции «ВНЕ — ВНУТРИ» см. в [Ильченко 2017: 136]).

А произвольные телодвижения из-за отсутствия определенного занятия и вынужденной праздности (вертел шляпой, барабанил пальцами по столу, качал ногой и под.), привычно называемые лингвистами «бесцельными», служат, по нашему мнению, физиологически обусловленной цели — необходимому высвобождению нереализованной энергии человека.

Если с помощью произвольных телодвижений живое существо обнаруживает свое внутреннее состояние или же выплескивает вовне накопившуюся энергию, то с помощью языка мимики и жестов человек передает вовне различные невербальные сообщения. Действительно, большая часть глаголов, управляющих Тв. п. от названий частей тела, обозначает «движения, являющиеся знаками» [Вежбицкая 1985: 324]: кивнуть (головой) — сказать «да» (выразить согласие); покачать головой — сказать «нет» (выразить несогласие или осуждение); замотать головой — закричать «нет» (выразить категорическое несогласие); пожать плечами — сказать «не знаю» (выразить неуверенность или нежелание соглашаться); помахать рукой — поприветствовать или попрощаться; поманить пальцем — подзвать к себе; топнуть ногой — выразить гнев и т. д.

Рассматриваемый тип инструменталиса может выразить и намеренное действие, если оно непосредственно направлено на другой объект, иными словами, является способом достиже-

ния какой-то иной цели (потряси руками, чтобы стряхнуть с них капли воды; поморгай глазами, чтобы удалить соринку из глаза).

Таким образом, при непереходных глаголах форма Тв. п. от названий частей тела служит для обозначения контактного объекта, через заметное движение которого проявляется изменение внутреннего состояния субъекта, высвобождается вовне его нерастроченная энергия или достигается какая-то иная цель. Все рассмотренные здесь употребления «инструментального объекта» подтверждают сформулированное нами ранее — при анализе других примеров — утверждение, что пространственное отношение, лежащее в основе грамматического значения инструменталиса в русском языке, — это элементарный первосмысл ЧЕРЕЗ, воспринимаемый русским сознанием абстрактно, безотносительно к характеру пересекаемого объекта [Ильченко 2023]. Ментальная интерпретация — концептуализация промежуточного этапа МЕЖДУ: объект не является конечной целью, он представляет лишь ПУТЬ ее достижения.

Литература

- Вежбицка А.* Дело о поверхностном падеже // НЗЛ. Вып. 15. М.: Прогресс, 1985. С. 303–341.
- Ильченко О. С.* «Когнитивная грамматика: Instrumentalis с предлогами пространственного отношения в русском языке // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (14–21 марта 2023 г., Санкт-Петербург). Сборник тезисов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023. С. 1038–1039.
- Ильченко О. С.* Пространственные представления как основа категории падежа: датив в русском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 135–141. DOI: 10/20916/1812-3228-2017-3-135-141
- Творительный падеж в славянских языках / под ред. С. Б. Бернштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 380 с.

Кириллова Ксения Игоревна

*аспирант, ассистент, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского;
kirillovakseniya1999@gmail.com*

РОЛЬ СОЦИОМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ИДЕОЛОГЕМЫ США В РОССИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ МАССМЕДИА)

Ключевые слова: политическая метафорология, метафорические модели, идеологемы, США, медиадискурс.

В докладе в лингвокогнитивном аспекте анализируются социоморфные метафоры, зафиксированные в 76 статьях 8 современных российских общественно-политических газетных СМИ при характеристике внешней и внутренней политики США. Актуальность темы обусловлена необходимостью уточнить место и специфику социальной метафоры в репрезентации политической (идеологической) картины мира в современном общественно-политическом медиадискурсе в условиях резкого обострения социально-политических и экономических отношений в мировом сообществе. Традиционная востребованность данной макро модели в масс-медиа связана с тем, что социоморфные переносы — одни из самых продуктивных в языке, и в них ярко проявляется общий антропоцентризм метафорической системы. Цель работы — выявить роль подобных переносов в репрезентации современной политической картины мира, в формировании идеологического концепта (идеологемы) «США», а также установить их основные функции в современных масс-медиа. Материалом исследования стали 233 метафорических контекста, составляющие около 27 % от общего количества метафорических контекстов, зафиксированных в исследуемых статьях.

На основе комплексного (семантического, когнитивного и дискурсивного) анализа текстового материала было установлено, что социоморфные метафоры используются в общественно-политических газетных масс-медиа достаточно регулярно, системно, что позволяет им активно участвовать в осуществлении основных функций политической коммуникации — концептуальной (логико-аргументирующей), оценочной и воздействующей. Более того, прослеживается тенденция к формированию нескольких метафорических моделей, формирующих определенный концептуально-идеологический образ Соединенных Штатов Америки. Анализ показывает, что использование переносов имеет специфику при характеристике внешней и внутренней политики США.

При описании внешней политики США ведущее положение занимает социально-иерархическая модель, согласно которой США позиционируется как привилегированный член общества, в непосредственном подчинении которого находятся все остальные государства, включая партнеров по НАТО, а также различные международные организации, включая ООН. Для реализации такой когнитивной матрицы авторы статей и цитируемые ими политики, эксперты и т. п. регулярно используют языковые и окказиональные метафоры на базе лексики, характеризующей высокий статус человека в формальной, в том числе закрепленной законодательно иерархии, по его сословному, экономическому, правовому, административному положению в государственных и межгосударственных отношениях, по состоянию личной свободы или зависимости, а также лексики, именующей действия, присущие лицам с таким статусом ([США] хозяева мира; хозяева Запада; Россия когда-то тоже влипла на заманухи этого Гегемона; вассальная зависимость Евросоюза от США; [ЕС] — партнеры-сателлиты [США]; [Европа] — американская вотчина; [из-за внутренних противоречий] европейцам не осталось иного выхода, как позвать «варягов»: «Земля наша богата и обильна, но порядка в ней нет. Приходите и владейте нами»). К реализации данной модели примыкает аналогичная метафоризация на базе родственной лексики («большой брат» [США] не будет жертвовать собой). Более того,

в орбиту реализации этой модели центростремительно вовлекается лексика, характеризующая иерархические отношения на производстве, в творческих коллективах (Вашингтон продолжает играть в нём ключевую роль, «дирижируя» своими партнёрами-сателлитами; это всё тоже режиссируется, поощряется и разжигается). Вторыми по числу употреблений при характеристике внешней политики США оказываются различные варианты модели, формируемые на базе лексики «Имущественные и товарно-денежные отношения». США при этом выступает в роли либо циничного, корыстного, но близкого к банкротству бизнесмена, либо асоциального элемента, использующего неправовые методы для собственного обогащения (ср.: это уже бывало с клиентами США в самых разных частях мира; США живет за счет остального мира; Пять объектов наших в США просто были рейдерски захвачены США).

При описании внутренней политики США в центре внимания оказывается ситуация партийного противоборства, которое регулярно характеризуется с помощью двух блоков социоморфных метафор. Первый блок формируется на базе лексики, включающей в семантику первичных значений «состязательный» компонент. Степень остроты и правомочности такого противостояния зависит от выбора сферы-источника: милитаристская, спортивная лексика, азартные игры, спекулятивные финансовые операции (республиканцы «берут в заложники национальную экономику»; обещанный реванш за импичменты Трампу; атаки на Трампа идут из министерства юстиции; есть у демократов и еще один козырь; попытка еще больше взвинтить ставки; набирать очки на ошибках демократов; «под шахом» и сама администрация Байдена). Второй, менее востребованный блок, ориентирован на использование «театральной» лексики, при метафоризации которой актуализируются компоненты, связанные с противопоставлением политической борьбы реальной действительности, а также ее комедийный характер (роль, которую весной играли обвинения против Трампа; политическая борьба в США вы рождается в какой-то цирк).

Таким образом, социоморфная метафора активно участвует в формировании идеологемы «США», основным содержанием которой является представление об этой стране как об агрессивном государстве, стремящемся к мировому господству и раздираемом внутренними противоречиями.

Купчик Елена Викторовна

профессор, Тюменский государственный университет;
elwika@list.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СО СФЕРОЙ ЦЕЛИ РАДОСТЬ В РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: метафорическая модель, радость, русская поэзия.

В фундаментальном труде В. В. Колесова [Колесов 2014] важное место отведено чувствам, эмоциям, состояниям, связанным с тем аспектом бытия, который сформулирован автором в названии главы «Радости жизни» Представления о радости находят воплощение в метафорических моделях (далее ММ), с давних времен укорененных в русской поэтической традиции. В «Словаре русской поэзии» в разделе «О радости, удовольствиях» [СЯП 2004: 449–452] приведено значительное количество реализаций ММ, в сферу цели которых входят обозначения семантически близких понятий: радость, отрада, удовольствие, услада, утеха, веселье. Область источника ММ представлена наименованиями реалий, относящихся к различным областям окружающего мира — воздушному, водному, земному пространству, свету и звуку, живым существам, растениям, явлениям природы, еде и напиткам, разного рода материальным объектам.

Наиболее представительными как в количественном отношении, так и в плане представленности объектов области цели являются следующие ММ.

ММ «радость — цветы». Поэты разных эпох пишут о радости как о цветах, получающих характеристики по цвету (румяные, алые, яркие), запаху (благонные), свежести (свежие, увядшие), общему впечатлению (милые, нежные, прелестные, лучшие), времени жизни (весенние, первые, последние). Наиболее частотным и универсальным является образ розы (которая в качестве аналога радостей жизни упоминается А. Пушкиным, П. Вяземским, К. Батюшковым, Н. Карамзиным, Н. Некрасовым и многими другими русскими авторами), а также цветов в целом. Сплетенные цветы образуют венки (венцы), украшая жизнь человека. Например, молодость порхает в свежем радости венке (В. Жуковский), Бог посылает человеку супругу с целью украсить жизнь венцом отрад (В. Капнист). Обилие радости передается образом радостного сада (А. Блок), в котором отдыхает человек на своем жизненном пути.

ММ «радость — вода» реализуется в многочисленных сопоставлениях с водными объектами, обычно находящимися в движении. В русской поэзии данная модель относится к числу самых старых, соответствующие метафоры встречаются у ряда авторов: ток отрады (А. Сумароков), волны отрады (Я. Княжнин), струи радостей (М. Ломоносов), источник радостей (Н. Карамзин) и др.

Реализации ММ «радость — свет» в ряде случаев представлены сопоставлениями с лучом света, приходящего извне (например, посылаемого ангелом). Радость предстает как сияние небесных светил: она ассоциируется со светом звезд, но чаще всего с солнцем, озаряющим душу, особенно с утренней зарей. Яркость такого света передается образом сияния, пребывающего в душе, например, от восходящего в ней солнца; или же вне его — в том случае, когда человек не чувствует себя причастным радости: С тоской на радость я гляжу — не для меня ее сияние (Е. Баратынский). Сходную семантику имеет образ горящего в душе пламени радости, передающего интенсивность света сильного чувства и его постоянство (например, незакатное пламя, Н. Клюев).

ММ «радость — вместилище» реализуется в сопоставлении радости с сосудами разного рода, а также с их содержимым. Метафоры типа «чаша радости» используются при описании наслаждения человека радостями жизни, в результате чего изначально полный сосуд опустошается, человек получает насыщение. Содержимое такого сосуда (ММ «радость — еда, напиток») обладает вкусовой привлекательностью, опьяняющим, а также исцеляющим действием: это мед, вино, бальзам, елей. Поглощение такого питья призвано ободрить человека, страдающего от душевных мук, придать ему жизненных сил — например, влить радости бальзам в удрученное

сердце (С. Бобров), вино радости — в сосуд тоски сердечной (И. Ключников), елей — в грудь, разодранную скорбью (В. Капнист).

ММ «радость — существо» реализуется в сопоставлениях главным образом с крылатыми созданиями, пребывающими в верхних областях мироздания — ангелами, птицами, в том числе певчими. Крылья — один из важнейших атрибутов радости, они позволяют радостным чувствам совершать быстрые перемещения, в том числе по вертикали, спускаясь с небес на помощь человеку. Радость как существо обладает голосом, способностью петь, погружаться в сон и т. д. Подобие радости человеку отражает главным образом позитивные проявления: она улыбается, испытывает восторг, совершает такие действия, как зажигание света.

Из объектов материального мира радости соответствуют некоторые строения, сооружения (здание, трон, жертвенник), драгоценности (алмаз), нити.

Реализации данных ММ содержат информацию о привлекательности радости, которая предстает объектом позитивного восприятия — зрительного (цветы, свет), слухового (песни), вкусового (мед, сладость); она находится в движении (текучая вода), связана с воздействием высших сил и оценивается как благодеяние.

Названные ММ отражают стабильные образные соответствия, отмеченные как в старой русской поэзии (А. Сумароков, Я. Княжнин, В. Капнист, М. Ломоносов, А. Пушкин, К. Батюшков, В. Жуковский и др.), так и в поэзии XX века. Восприятие радости как света, воды, цветов и других традиционных поэтических аналогов данного чувства встречается в текстах С. Есенина, И. Северянина, В. Ходасевича, О. Мандельштама и многих других авторов.

Литература

Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии: образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в. М.: АСТ, 2004. 666 с.

Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.

Лабынцева Елена Вячеславовна

профессор, Международная Славянская Академия;
eradus4@gmail.com

«И НЕ ПОДКУПНЫЙ ГОЛОС МОЙ БЫЛ ЭХО РУССКОГО НАРОДА». ОПЫТ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ СТРОКИ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «К Н. Я. ПЛЮСКОВОЙ (НА ЛИРЕ СКРОМНОЙ...)»

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептосфера, концепт, концептум.

Мир начала XXI века находится на этапе важнейших изменений во всех сферах человеческой жизнедеятельности, в условиях ментальных войн, которые затрагивают глубинный уровень общественного сознания. Сегодня для России как государства-цивилизации особенно важным является сохранение собственной ментальности как оригинального и развернутого во времени цивилизационного способа видения и построения окружающего мира. В. В. Колесов в своей работе «Русская ментальность в языке и тексте» утверждает следующее: «Русские ментальные ценности, которые могут лечь в основу цивилизации третьего тысячелетия: почитание родной земли как великой святыни, которую нельзя отдать никому («из духа земли вырастает душа народа»), дух всемирной отзывчивости, жертвенное служение обществу в идее соборного социального единения, нравственное искание Правды, потому что Правда есть Истина в справедливости [Колесов, Пименова 2017: 56–57].

Национальный гений России поэт А. С. Пушкин, 225 юбилей которого мы празднуем в этом году, всем своим творчеством формировал национальную специфику русской цивилизации, обращаясь как к ментальному, так и языковому плану. Базой этой модели является система интуитивных личностных когний поэта, трансформирующихся в значимые для него языковые проекции актуализируемых концептов.

Концепт, восходящий к концептуму в поэтическом высказывании А. С. Пушкина, проявляется всей структурой высказывания, всеми её элементами, всеми векторами смысла. Базируясь на выдвинутой В. В. Колесовым схеме концептума, которая призвана обосновать «общечеловеческий» характер всякого концепта как мыслимого идеала [Колесов 2006: 732], мы приближаемся к выводу всего ментального комплекса в проявленность, что в свою очередь дает возможность определять и системные ядерные ментальные зоны.

Обратимся к авторскому тексту и рассмотрим некоторые механизмы организации текста в процессе высловления концептов в стихотворении «К Н. Я. Плюсковой (На лире скромной...)»: Любовь и тайная свобода Внушали сердцу гимн простой, И неподкупный голос мой Был эхо русского народа. Здесь концепты Любовь и Свобода первой строки векторно направлены к паре: Голос и Народ, что выводит нас непосредственно к русской ментальности, которую А. С. Пушкин буквально выпевает всем концептуальным комплексом. Пушкин создает конструкцию, где предикаты являют ментальную акцентуацию [Чистова 2012: 378–379]. Рассмотрим подробнее: ЛЮБОВЬ — более 60 только прямых однокоренных употреблений: «Любовь и дружество до вас Дойдут сквозь мрачные затворы» (Во глубине сибирских руд) — концепт ДРУЖБА; «Как мало я любовь и сердце знал!» (Разлука) — концепт ЧУВСТВО; «Я думал, что любовь погасла навсегда» (Элегия (Я думал, что любовь...)) — концепт СТРАСТЬ и т. д. Любовь для А. С. Пушкина — многогранный концепт, но, проявляя его в данном высказывании, поэт утверждает приоритет важного средства единения — ЛЮБВИ и СОГЛАСИЯ. Любовь, выдвинутая как отношение, а не как связь, утверждается местом в конструкции высказывания. Именно уважение к государственной власти, наряду с христианской верой в Бога-отца и любовью к Родине, матери-земле обозначили модус должного и сформировали структуру данного ментального кода. И концептуально необходимая «НЕПОДКУПНОСТЬ» в этом порядке определена согласованием с концептом «ГОЛОС».

СВОБОДА — более 60 только прямых однокоренных употреблений: «Темницы рухнут — и свобода Вас примет радостно у входа». (Во глубине сибирских руд) — концепт СОСТОЯНИЕ; «Иная, лучшая, потребна мне свобода» (Из Пиндемонти) — концепт НЕЗАВИСИМОСТЬ; «Под сенью ветхой их вершин Свобода юная возникла» (Опять увенчаны мы славой) — концепт ВОЗМОЖНОСТЬ. Находим у В. В. Колесова: «Русское представление о свободе основано на символе и является органически природным. На это указывает само слово — хранитель символа. Конечно, это вовсе не с-в-обод(а), т. е. якобы «соединение в ободе (вокруг колеса)»! Корень термина здесь тот же, что и в словах свой, собственный — тот, который определяет ответственность человека в кругу своих близких. Свобода есть ограниченность личной воли в пользу общины» [Колесов, Пименова 2017].

ТАЙНАЯ СВОБОДА, о которой А. С. Пушкин заявляет в высказывании, есть ПРАВО СОВЕСТИ И ДОЛГА, которое поэт рассматривает в актуализации концепта ТВОРЧЕСТВО. Именно СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА — отсутствие самопринуждения, внутреннее равновесие, что является неперемным условием духовных занятий, высловляет поэт. И «внушали сердцу гимн простой» — подтверждение далее раскрываемого концепта ГОЛОС.

ГОЛОС — более 30 только прямых однокоренных употреблений: «Вновь лиры сладостной раздался голос юный» (К ней (В печальной праздности...)) — концепт ТВОРЧЕСТВО; «С победным съединяясь кликом, Твой голос нашу славу пел» (Наездники) — концепт ИЗБРАННОСТЬ; «И лишь любви ты голос не забыла!..» (Разлука) — концепт ЧУВСТВЕННОСТЬ и т. д. Обобщённо: концепт ГОЛОС — сознание живого существа, передача знаний с пониманием смысла, действие в соответствии с мудростью, созидательность, своё Я. Голос для Пушкина является способностью выразить идею (концептум ПРОЯВЛЕННОСТЬ), запечатлеть её в творческом пространстве и задать ей вектор воплощения: Голос — ЭХО РУССКОГО НАРОДА. Здесь концепт НАРОД (происходит от существительного род, далее от праслав. *rodъ + префикс *na) восходит к — НА — концептум ПОВЕРХНОСТЬ, РОД — концептум — СТРУКТУРА. Только однокоренной концепт НАРОД употреблен в лирике Пушкина более 45 раз: «И долго буду тем любезен я народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал» (Памятник) — концепт ОБЩНОСТЬ; «Еще Наполеон Не испытал великого народа» (Была пора: наш праздник молодой) — концепт РУССКИЙ НАРОД; «Народ, гоняемый слугами, Поодаль слушает певца». (Блажен в златом кругу вельмож) — концепт РАЗДЕЛЁННОСТЬ и т. д.

Изучение поэтического творчества А. С. Пушкина призвано дать значимые сейчас национальные коды, актуализация которых укрепит и ментальные конструкции общества, и даст точные ментальные ориентиры.

Литература

- Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 248 с.
- Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 995 с.
- Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2020. 254 с.
- Чистова И. С. Пушкинская энциклопедия: произведения. Вып. 2. Е-К. СПб.: ИРЛИ РАН, Нестор-История, 2012. 600 с.

Ли Синьюй

ассистент, Дальневосточный федеральный университет;
2508931437@qq.com

ГИПЕРКОНЦЕПТ СВОБОДА ВОЛИ В СТИХАХ Г. ЛЫСЕНКО

Ключевые слова: концепт, гиперконцепт, субконцепт, концептуальный анализ.

Актуальность работы объясняется тем, что исследование базовых культурных концептов в творчестве писателя помогает определить его языковую личность, что в свою очередь является важным объектом филологического анализа художественного текста.

Многие философы и писатели не раз описывали вопрос судьбы и свободы воли, а также поведение человека, от которого зависит выбор — смириться с судьбой либо бороться с ней, проявлять силу воли. Так, например, немецкий философ А. Шопенгауэр утверждал, что всякое проявление свободы воли человека подчинено закону причинности и поэтому уже может быть свободным. Также философ утверждал, что научные предсказания были бы невозможны, если бы существовала свобода воли. То есть в реальной действительности свободы нет, все возникает необходимо по законам и потому научные предсказания возможны. Более того, он считал, что, глубоко изучив эмпирический характер человека, можно с большой точностью предсказывать его поступки. Таким образом, Шопенгауэр считал закон причинности препятствием для признания свободы воли как для механических процессов, так и для психической сферы. Иными словами, всякое желание имеет причину, благодаря которой оно возникает.

Другую точку зрения выражал философ Н. О. Лосский, который разработал собственное понимание свободы воли на основе идеал-реализма. В этом учении автор разграничивал разные виды свободы воли, такие как — свобода от внешнего мира, свобода от тела, свобода от характера, свобода от своего прошлого и свобода от Бога. Таким образом, по Н. О. Лосскому, человеческое я — это деятель абсолютно свободный [Лосский].

Проанализировав стихи Г. Лысенко из сборников «До красной строки, до упора» [Лысенко 2012] и «Счастье наизнанку» [Лысенко 2010], можно сформировать его собственное понимание свободы воли через репрезентации, описывающие данный концепт. Например, в стихе «Морские птицы не поют» содержится концепт свобода воли, выражающийся в образе летящей птицы и внутреннем зове:

Морские птицы не поют / ни за полночь, / ни спозаранку. / Им предначертан неуют большой, / как счастье наизнанку. / Им отведен приют средь скал / и чужд им вылизанный берег. / Я сам порою узнавал / в черте крыла заветный пеленг. / Он звал меня — / и взлет был крут, / и черствый лед был с места стронут... / Морские птицы не поют — / кричат они, / а то и стонут.

В данном стихотворении образ судьбы — это чёрствый лед, а образ свободы воли — это заветный пеленг (пеленг — угол между направлением стрелки компаса и направлением, по которому виден данный предмет или слышен данный звук). Под словами «взлет был крут» можно также понимать мечту автора, к которой он стремится. У словосочетания «чёрствый лед», которое маркирует судьбу есть оценка «чёрствый». У словосочетания «заветный пеленг», которое маркирует свободу воли, есть оценка «заветный», то есть для автора это желанная мечта. В словах «чёрствый лед был с места стронут» автор также дает оценку судьбе: это судьба, которую можно изменить. И у автора это почти получилось, но в итоге в последнем четверостишии мы видим, что автор не смог окончательно переломить эту судьбу: морская птица, с которой себя ассоциирует автор, все равно не «поет», а «кричит» о том, какая тяжелая у нее судьба. Здесь также содержится негативная оценка судьбы. В стихе прослеживается желание автора противостоять судьбе, то есть гиперконцепт воля выражается через противостояние, борьбу.

Подобным образом были проанализированы остальные стихи с концептом воля, в результате чего нами была составлена концептосфера концепта предопределенность, в которой гиперконцепт воля включает субконцепты борьба, выбор и творчество (дар).

Таким образом, проанализировав стихи с концептом воля мы установили взаимосвязь данного концепта с другими ключевыми концептами в творчестве поэта, что в итоге помогло нам сформировать представление о языковой картине мира Г. Лысенко.

Литература

Лосский Н. О. Свобода воли. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/svoboda-voli/>

Лысенко Г. М. До красной строки, до упора: Книга избранных стихотворений. Владивосток: Рубеж, 2012. 256 с.

Лысенко Г. М. Счастье наизнанку. Владивосток: Альманах «Рубеж» (Серия «Линия прилива»), 2010. 192 с.

Ли Хуаньхуань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st095221@student.spbu.ru

РОЛЬ ПРЕДЛОГОВ В КОГНИТИВНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: предлоги, временная протяженность, когнитивная лингвистика, конструирование времени.

Научная проблема, рассматриваемая в данной работе, заключается в анализе когнитивных функций и семантических ролей предлогов в русском языке при выражении «временной протяженности». Основное внимание уделяется тому, как предлоги в русском языке не только служат для грамматической структуризации предложений, но и как они влияют на когнитивное восприятие времени и его измерения.

1. Основные концепции времени и роль предлогов. Время, являясь многомерным понятием, затрагивает различные научные дисциплины, включая философию, физику, математику и особенно лингвистику. «В современном русском языке время мыслится как одномерный линейный континуум, оно движется от прошлого к будущему. “Теперь” — настоящее время является границей между прошлым состоянием и будущим. Такое понимание времени начало утверждаться только с началом научной революции XVII–XVIII веков» [Лепнев 2010: 84].

В лингвистическом контексте предлоги являются ключевым элементом в выражении временных понятий. Они не только позиционируют события на временной оси, но и через свою собственную семантику влияют на восприятие временной протяженности. Использование предлогов, таких как «в течение», «до», «после», демонстрирует, как язык может манипулировать временными концепциями, преобразуя их из абстрактных понятий в конкретные временные рамки.

2. Когнитивные аспекты временной локализации событий. Когнитивная лингвистика раскрывает, как язык служит инструментом для формирования и отражения нашего восприятия мира, в том числе времени. Предлоги являются ключевым элементом, связывающим физическое измерение времени с его когнитивным восприятием. Они позволяют не только измерять время, но и осмысливать его характеристики, такие как продолжительность, последовательность и моментальность событий. Это выражается через их способность организовывать и структурировать временную последовательность в нашем сознании.

В русском языке предлоги вносят важный вклад в структурирование временных отношений, обеспечивая языковые средства для описания как линейного, так и циклического времени. Это позволяет глубже понять, как время воспринимается и интерпретируется в различных контекстах. Например, предлоги могут указывать на начало, продолжительность или завершение события, тем самым предоставляя средства для более точной и многогранной интерпретации временных отрезков.

Кроме того, предлоги играют важную роль в когнитивном картировании времени, позволяя человеку ориентироваться во временных рамках событий, что особенно важно в сложных или многоуровневых нарративах. Они способствуют формированию временных схем и моделей, которые используются для понимания и организации нашего опыта во времени.

Таким образом, изучение когнитивных аспектов предлогов в контексте временной локализации событий раскрывает богатство и сложность языковых механизмов, используемых для выражения и восприятия времени в русском языке.

3. Функциональный анализ временной протяженности и роль предлогов. В рамках функциональной грамматики, временная протяженность событий и их характеристики могут быть выражены через использование различных предлогов. В. В. Виноградов в своей работе подчеркивает: «Собственное значение предлога не может проявиться вне связи с падежной формой

какого-нибудь названия лица или предмета» [Виноградов 1986: 677]. Это особенно заметно в том, как предлоги взаимодействуют с временем, выражая его внутренние и внешние аспекты.

К примеру, предлоги могут указывать на внутреннюю продолжительность события, такую как быстрота или внезапность, или на внешнюю продолжительность, измеряемую относительно других событий или временных рамок. Это двойное представление времени подчеркивает сложность языкового выражения временных концепций и важность предлогов в этом процессе.

Рассмотрим пример, демонстрирующий использование предлогов для выражения временной протяженности: «Я работал над проектом в течение трех дней». Здесь предлог «в течение» является ключевым элементом, указывающим на продолжительность действия. Он помогает определить временной интервал, в течение которого происходило действие, тем самым выражая внешнюю продолжительность события. В отличие от этого, предложение «Я сразу же решил проблему» подразумевает отсутствие заметной временной протяженности, где нарушается стандартное использование временных предлогов.

Заключение. Исследование когнитивных функций и семантических ролей предлогов в русском языке при выражении временной протяженности раскрывает их важность не только в грамматической структуре языка, но и в формировании нашего восприятия времени. Эта научная проблема требует дальнейшего глубокого изучения, так как она расширяет наше понимание того, как языковые структуры влияют на когнитивные процессы, особенно в области временного восприятия.

Литература

Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1986.

Лепнев М. Г. Русские производные предлоги: проблемы семантики. Словарные материалы. СПб., 2010.

Оводова Мария Кирилловна

аспирант, Московский государственный лингвистический университет;
ovodova.mary@yandex.ru

БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ И БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ДЕТЕКТИВНОГО РАССКАЗА

Ключевые слова: прецедентные феномены, фразеологизмы, библеизмы, детективный дискурс, вербализация.

Данное исследование посвящено изучению прецедентных феноменов и фразеологических единиц, имеющих общий источник — Библию — и активно используемых в разного рода дискурсах. Целью исследования является разграничение библейских прецедентных феноменов и библейских фразеологизмов в детективном дискурсе. Для создания теоретической базы исследования был произведен обзор работ, посвященных исследуемой проблематике: В. Н. Телия, А. В. Кунин, И. В. Зыкова, В. И. Макаров, А. Е. Супрун, В. В. Красных, Е. В. Бобырева, В. И. Карасик, К. Н. Дубровина, Н. М. Орлова.

В современной научной литературе можно обнаружить разные подходы к определению анализируемых классов языковых единиц и выделению их отличительных характеристик. Отметим наиболее важные для нашего исследования их особенности.

К фразеологическим единицам (далее — ФЕ) относятся сочетания слов, для которых характерна устойчивость на фразеологическом уровне, зависимость словесных компонентов, лексическая синонимия [Кунин 1996]. Под прецедентными феноменами (далее — ПФ) понимаются минимизированные инварианты восприятия, хранящиеся в когнитивной базе носителей лингвокультурного сообщества. ПФ разделяются на вербальные: прецедентные имена (ПИ) и прецедентные высказывания (ПВ), и вербализуемые: прецедентные ситуации (ПС) и прецедентные тексты (ПТ) [Красных 1997]. Особый интерес для нас представляют ПВ, поскольку они являются наиболее близкими по форме и структуре к ФЕ.

В настоящее время существует две разные позиции, в одной данные языковые явления сближаются, в другой — строго разграничиваются. В. Н. Телия сформулировала общие признаки ПВ и ФЕ: известность носителям лингвокультуры, познавательная значимость, эмоциональный заряд, устойчивость и воспроизводимость [Телия 2005]. По мнению Е. В. Бобыревой и В. И. Карасика, данные языковые единицы относятся к разным уровням, поскольку ФЕ может быть сведена к одному слову, ее можно относить к единицам языка, ПВ относится к единицам дискурса, так как за ними всегда стоят ПТ и ПС [Бобырева, Карасик 2021].

Библейские ПВ и ФЕ входят в состав описанных языковых единиц. По мнению К. Н. Дубровиной, БФЕ являются единицами, восходящими к Библии, при этом они более устойчивы по форме и содержанию, чем БПФ, например, *forbidden fruit*, *bear his cross*. Н. М. Орлова считает, что библейская прецедентность — это некий динамический конструкт, способный реализоваться во множестве вариантов, обладающий огромным потенциалом модификации в зависимости от поставленной в дискурсе коммуникативной задачи. Основным отличием БПВ и БФЕ является их связь с источником, которую последние могли утратить (*to see eye to eye*). БФЕ хранятся в памяти сообщества в виде устойчивых форм, в то время как БПВ являются вербализацией инвариантов восприятия (см. подробнее в [Телия 2005], [Красных 1997]).

На базе приведенных сходств и различий в нашей работе были разработаны критерии отличия БПВ и БФЕ в детективном дискурсе, к которым относятся следующие: 1) связь с Библией; 2) устойчивость воспроизводимой формы; 3) степень эксплицитности или имплицитности. С учетом данных критериев нами определены этапы анализа БПВ и БФЕ, на каждом из которых применяются соответствующие методы: метод лексикографического анализа, методы дискурсивного и лексико-стилистического анализа, которые позволяют установить, каким образом та или иная единица раскрывает интертекстуальный потенциал Библейского текста, степень его

интеграции в детективный дискурс. На первом этапе языковая единица проверяется по лексикографическим словарям, таким образом устанавливается ее отношение к БФЕ при любых модификациях формы. Те единицы, которые были отнесены к БПВ, то есть не зафиксированы во фразеологическом словаре, разделяются на две категории. К первой относятся ПВ, которые употреблены в форме цитаты, например, из Лук 16:21 «the crumbs which fell from the rich man's table», ко второй — ПВ, не являющиеся цитатой, но при этом восходящие к библейскому тексту или ситуации.

В рамках данного доклада анализировались рассказы *The Genuine Tabard* Э. К. Бентли и *The Blue Cross* Г. К. Честертон. В обоих рассказах мы находим схожие библейские сюжеты. В первом раскрывается сюжет об обмане Иакова Лаваном, во втором — спасение Давида женой Мелхой от Саула. Схожесть обоих сюжетов заключается в подмене оригинала подделкой, в первом случае — с целью обмана (Лея вместо Рахили), во втором — с целью спасения (статуя вместо Давида). Рассмотрим примеры выявленных БФЕ и БПВ.

В рассказе *The Genuine Tabard* Э. К. Бентли языковая единица в контексте «He has no idea of hiding it under a bushel, believe me!» определяется как модифицированный фразеологизм (см. подробнее о модификациях в [Зыкова 2015]). Смена компонента *light* на местоимение *it* (табард) подчеркивает ценность табарда и желание хозяина его продемонстрировать. Интертекстуальность БФЕ заключается в эксплицитной отсылке к источнику, но связь с заложенным Библией сюжетом только угадывается. Использование БПФ можно обнаружить в следующем отрывке из рассказа *The Blue Cross* Г. К. Честертон: “Do not bow to me, mon ami,” said Valentin with silver clearness. “Let us both bow to our master”. За данными высказываниями стоит прецедентная ситуация, взятая из книги Откровения (поклонение Иисусу). Несмотря на несовпадение лексических форм фрагмента с оригинальным текстом (в данном случае это контекстуальные синонимы), инвариант ПС узнаваем в контексте. Таким образом подчеркивается один из усложняющих библейских компонентов, заложенных в рассказе: *before honour is humility* [Pr 15:33], который способствует усложнению сюжета, придавая детективу новое направление.

Согласно полученным данным, в анализируемых рассказах БПВ превалирует над БФЕ (в первом рассказе только один пример БФЕ с модификацией формы). БПВ в большей степени способствуют раскрытию компонента, который усложняет библейский сюжет, они узнаваемы реципиентом при модификации формы, в то время как БФЕ не имеют сильного влияния на смену или усиление библейского сюжета.

Литература

- Бобырева Е. В., Карасик В. И. Прецедентность религиозного дискурса // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2021. 352 с.
- Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015. 380 с.
- Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 2 / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: «Филология», 1997. С. 5–12.
- Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М.: Международные отношения, 1972. 289 с.
- Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 30 / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 4–42.

Панчехина Мария Николаевна

доцент, Донецкий государственный университет;
mpanchehina@gmail.com

О РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ДОНЕЦКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: региональная принадлежность, региональная идентичность, региональная идентификация, языковая картина мира.

Понятие региональной идентичности подразумевает «объективное состояние, которое основывается на рефлексивном чувстве личной самотождественности и целостности, непрерывности во времени и пространстве; состояние, предполагающее гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум» [Ерёмина 2012: 277].

Как отмечает Е. В. Ерёмина, региональная идентичность представляет собой структурное образование, компоненты которого взаимодействуют между собой.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы рассмотреть аспекты региональной идентичности жителей Донецка. Структура региональной идентичности дончан описывается как состоящая из четырёх базовых компонентов.

Когнитивный компонент. Он включает в себя фактическое представление об определённом социуме, населяющем конкретную местность. К нему можно отнести «территориальные и географические, а также исторические, культурные, политические и другие знания об особенностях взаимодействий жителей региона между собой и государством». На данном уровне происходит разграничение понятий «большая» и «малая» родина, при этом доминантным оказывается понятие регионального патриотизма.

Иллюстративным проявлением когнитивного компонента в речи дончан можно считать известную и популярную фразу из стихотворения Владимира Моценко: «Не Украина и не Русь, боюсь, Донбасс, тебя боюсь». Поэтическое высказывание, оформленное как лозунг, актуализирует как территориально-географические, так и культурно-исторические особенности данного региона: на Донбассе проживает свыше ста национальностей, каждая из которых вносит свой вклад в формирование уникальной культуры региона, является носителем территориальной разновидности русского языка («донецкого региолекта», термин В. И. Теркулова).

Ценностный компонент. На этом уровне прослеживается положительное или отрицательное отношение субъекта к собственной региональной принадлежности. Ценностный аспект объясняет возникновение и широкую популярность словосочетания «донецкий характер». Выражение обозначает твёрдость духа, силу, волю, чрезвычайную работоспособность, прямоту суждений, негибкость, что прослеживается и в некоторых других самообозначениях дончан: «люди из стали», «железные люди». В указанных примерах очевидно позитивное восприятие региональной принадлежности.

С лингвистической точки зрения наиболее интересен эмоциональный компонент региональной идентичности дончан. На этом уровне прослеживается использование лексем с явно выраженной стилистической окраской.

В речи дончан широко представлены неофициальные названия городов Донецкой Народной Республики: Дончик, Даник (Донецк); Макеша, Макеха, Македония (Макеевка); Дебаха, Дебаля (Дебальцево); Волна, Волна-Сити (Волноваха); Марик (Мариуполь); Яся, Яська (Ясиноватая) и другие. Неофициальные урбанонимы, закреплённые в речевой практике горожан, дают альтернативные названия городским реалиям. Разговорные варианты названий городов отражают способность носителей языка к речетворчеству, характерному для бытовой речи и содержащему яркую эмоциональную окраску.

Именно эмоциональный компонент обуславливает стилистическую маркированность лексем, имеющих для дончан лингвокультурную значимость. Так, вместо «уголь» зачастую употре-

бляются лексемы «уголёк», «уголёчек», «хлебушек», «чёрный хлеб», «чёрное золото». Их художественный потенциал широко используется в стихотворениях о Донбассе.

Так, в произведении Елены Заславской «чёрный хлеб» становится амбивалентной метафорой жизни и смерти:

Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
и крутит, крутит, крутит чёрный жёрнов.
Мы стали чёрным хлебом на войне,
а были... были золотые зёрна.

Стилистически маркированной является и другая единица из донбасского промышленного лексикона — лексема «жужелка», пример региолектного слова. Оно обозначает остатки печного шлака. Лексема широко используется на территории Донбасса, однако за его пределами, как правило, нуждается в разъяснении. Поэт Алексей Парщик, написавший одноимённое стихотворение, снабдил текст сноской, в которой раскрывалось значение названия: «Жужелка — фрагмент шлака».

Как видим, проявлением эмоционального компонента является стремление носителей языка в данном регионе обозначить собственную региональную принадлежность через специальный код — неофициальную речь, которая выразительна и экспрессивна.

Деятельностный компонент. Он проявляется или в деятельности, связанной с регионом, или в совершении какого-либо действия, имеющего непосредственное отношение к месту проживания субъекта. Деятельностный компонент, как и указанные выше, проявляется прежде всего в языке и речи. Он легко выделяется в контексте военной тематики. Например: «Донецкие уехали, а настоящие дончане остались в городе». В данном высказывании положительную оценку получает следующее действие — проживание в военном городе, верность и преданность ему, патриотизм. Лексема «донецкие» приобретает оценочное негативное значение, подразумевающее буквальное предательство города; соответственно, отъезд из Донецка — это действие, которое интерпретируется резко отрицательно.

Итак, структура региональной идентичности жителей Донецка формируется из четырёх базовых компонентов, которые проявляются в языке и речи, формируя уникальную региональную языковую картину мира дончанина. В настоящее время структура региональной идентичности дончанина подвержена динамическим изменениям, связанным с осмыслением «малой» и «большой» родины, что трансформирует и мировоззрение жителей Донецка, и их лексикон.

Литература

Ерёмина Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика её формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 276–287.

Парахонько Людмила Вячеславовна

ассистент, Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо;
parakhonko91@mail.ru

ГЕШТАЛЬТ-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА А. П. ЧЕХОВА

Ключевые слова: гештальт-синергетический подход, психолингвистика, мегаконцепт, футляр, фелицитарная антропология.

В данной статье изучается гештальт-синергетический подход как моделирование семантического пространства художественного текста А. П. Чехова. Декодируется причина монолитности проектирования идеализированной когнитивной модели на основании фелицитарных сентенций (в общем смысле): постигается синтагматический потенциал материально запечатленной идеи автора. Такой метод построения когнитивной схемы способствует осуществлению категоризации, отвечающей за структурирование мысли и формирование категорий мышления. Содействует этому природа гештальта и синергетика — междисциплинарная область научного познания, в основе которой лежит теория саморазвивающихся систем.

Известно, что гештальт-образ — это единица ментального, идеального плана, результат кооперации и креации вербальных и невербальных стимулов и реакций индивида, поэтому его семантическая структура содержит динамические и статические аспекты дескрипτιруемого объекта. Это означает, что гештальт является интегративным элементом, синхронизирующим, упорядочивающим абстрактные понятия, предоставляет нам возможность «пунктировать» его конфигурацию посредством ассоциативного поля, т. е. встраивать семантический гештальт в ассоциативное поле. Благодаря иерархии ассоциатов (некие раздражения на лексическую единицу-стимул), их размещению по уровням языка (фонетико-морфологическому, лексическому, синтаксическому, когнитивному и прагматическому) реконструируются дискретные части целостной наивно-языковой картины мира. Здесь необходимо уточнить, что наивное знание приобретает обиходным мышлением, обрабатывающим «чувственный», или субъективный, материал. Следовательно, актуальность исследования заключается в системно-уровневом описании языка, что позволяет рассмотреть указанный инструмент «фиксации» когнитивного классификатора (гештальта) с позиции лингвистических и когнитивных оснований. Такое положение вещей является достаточно релевантным, так как данная концепция имеет отношение к психолингвистическому способу освоения окружающего мира, анализирующему мысле-рече-языковую деятельность субъекта гносеологии, т. е. картография человеческого бытия производится в пространстве национальной концептосферы. Цель настоящей работы — построить семантический гештальт «мечта» как ассоциативное поле, в первую очередь, на материале художественного дискурса А. П. Чехова «Крыжовник».

Ядром имплицатуры являются ассоциации на лексему-триггер «усадьба», в основе ближней периферии — объектно-ориентированное программирование сознания главного действующего лица на опредмечивание образа-представления сытости жизни, соответственно, дальняя периферия репрезентируется при помощи установления отношений между оппозициями «счастье — несчастье». Акцентируется внимание на том, что логика фелицитарного сюжета общая еще для двух произведений писателя: «Человек в футляре» и «О любви». Однако синергетический подход применяется только на базе первых составляющих чеховской трилогии. Так формируется концептосфера — продукт интерференции нескольких когнитивных схем. Соединяются две повествовательные канвы архисемой футлярности «антропос». Как следствие, рождается семантическая привативная оппозиция, ибо человек, будучи персонифицированной дихотомией: разложим на душу и тело, — творец своего несчастья, настройщик определенного состояния ума. Проектируется данный мегаконцепт с использованием языка графического описания для объектного моделирования Unified Modeling Language (UML), при этом уста-

навливаются ядерные типы отношений: ассоциация, зависимость, реализация и композиция. Дается их дефиниция: ассоциация, как правило, обозначает связь между элементами схемы, которая описывает набор связей, существующих между объектами. Этот набор связей уточняется пояснением, например 0.* — отсутствие отношений или их множество, 1.* — наличие хотя бы одной связи или их множества (гроб Беликова имеет хотя бы одну связь с мечтой). Композиция представляет собой связь между целым (антропос) и его частью (футляр), при этом целое и часть не могут существовать друг без друга. Закрашенный ромбик указывает на целую часть. Отношение реализации — конкретный вариант выражения одного компонента схемы в другом. В данном случае стрелка выполняет дейксис на альтернативную объективацию футляра (один тип отношений) и мечты (другой тип зависимости данных). Отношение зависимости представляет собой связь между двумя элементами схемы, в которой изменение одного элемента (независимого — конец стрелки) может привести к изменению семантики другого элемента (зависимого — начало стрелки).

Таким образом, констатируется, что метафорическая концептуализация денотата обуславливается наличием «вторичных» образов действительности, что еще раз доказывает, что смысловое «измерение» художественного текста представляет собой открытую синергетическую систему, которая зиждется на принципе универсальной теории эволюции, системности и самоорганизации. Так, «возможно же понять всякое древо, как познание божественного могущества, возникающее, благодаря сотворенным вещам, подобно тому, как говорит божественный Апостол, невидимое Его от создания мира чрез рассматривание творений видимы» (Рим. 1: 20) [Шукуров 2009: 155].

Литература

Шукуров Ш. М. Гештальт и теория видения//Историческая психология и социология истории. М., 2009. С. 154–179.

Пенягина Елена Борисовна

доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Lenpen0125@yandex.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ КОНЦЕПТА «АПТЕКА» (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: концепт «аптека», Национальный корпус русского языка, концептообразующий признак, семантическое поле концепта.

Концепт «аптека» отражает наивную обыденную картину мира современного носителя языка, а также является одним из важных концептов научного медицинского дискурса. Настоящее исследование посвящено выявлению структуры и содержания концепта «аптека» в русском языковом сознании. Таким образом, предметом данного исследования являются языковые средства объективации концепта «аптека» на материале русского языка.

Материалом исследования являются контексты, включающие существительное аптека — репрезентант концепта «аптека», из Основного корпуса Национального корпуса русского языка. Из Корпуса для анализа выделено 1 905 документов, 4 235 вхождений.

Авторы «Словаря русской ментальности» подчеркивают важность эпитетов, часто употребляемых при данном слове, для описания концептов. Как утверждает В. В. Колесов, эпитеты очень важны, «они помогают уточнить историческое движение в содержании концепта» [Колесов 2014: 7], в данных атрибутивных прилагательных в большей степени отражаются концептообразующие признаки, свойства, связи имени концепта. Мы использовали идею В. В. Колесова при анализе контекстов из Национального корпуса русского языка. Выявив сочетаемость слов с существительным — именем концепта в корпусе, мы выделили все признаки концепта «аптека» и рассмотрели лексемы, которые определяют слово аптека. Так мы получили атрибутивные связи концепта «аптека».

Анализ 4235 употреблений слова аптека в контекстах Национального корпуса русского языка показал, что общее количество разных атрибутивных признаков концепта «аптека» составило 107 единиц.

Определения концепта «аптека», извлеченные из контекстов, были сгруппированы в пять тематических групп: «Признак качества», «Признак — способ лечения», «Признак места расположения», «Признак принадлежности», «Временной признак», — которые можно рассматривать как концептуальные признаки.

Представим данные тематические группы как компоненты полевой структуры концепта, где поле состоит из ядра, предъядерной зоны, ближней и дальней периферии. Количество определений в каждой тематической группе определено процентным показателем. Принцип построения полевой модели концепта описан в нашей работе [Пенягина 2021: 157].

Ядро семантического поля концепта «аптека» представляет группа «Признак качества», составляющая 31,8% от общего количества определений. Наиболее частотными определениями в этой группе являются: вся — 43, эта — 29, одна — 26, главная — 23, каждая — 12, походная — 12, та — 12, какая — 11, целая — 11, такая — 9, домашняя — 6, небольшая — 6, единственная — 4, маленькая — 4, хорошая — 4, виртуальная — 3, дорожная — 3, знаменитая — 3, карманная — 3, обыкновенная — 3, оная — 3, валютная — 2, сия — 2. Частотные определения данной группы: одна — 26, главная — 23, единственная — 4. Долгое время аптек в России было очень мало. В каждом крупном городе до XIX века была только одна аптека. Возможно, этот исторический факт отражен в Национальном корпусе русского языка, в национальном сознании русских людей.

Определения, дающие качественную характеристику концепта «аптека», указывают на размер: большая, небольшая, маленькая; статус аптеки: главная, знаменитая, единственная, заурядная, обыкновенная; качество ассортимента и обслуживания: бедная, богатая, отличная, хорошая, разнообразная, вкусная. Данные определения существуют давно, со времени появления

первых аптек, и являются теми концептообразующими признаками, которые могут относиться к каждой аптеке. Оценочные определения: великолепная, красивая, отличная, дивная имеют позитивную коннотацию. Вероятно, в сознании русского человека исторически концепт «аптека» имеет положительную эмоционально-оценочную коннотацию.

Предъядерную зону составляет группа «Признак — способ лечения» — 23,5 % от общего количества определений. Данный признак, показывая важность различных способов лечения, является одним из главных концептообразующих признаков.

Ближнюю периферию составляют две группы «Признак места расположения» и «Признак принадлежности», концептуальные признаки, отражающие исторические изменения концепта.

Дальнюю периферию образует группа «Временной признак» — 7,4 %.

Итак, лингвокогнитивный анализ данных Национального корпуса русского языка позволяет выделить концептообразующие атрибутивные признаки концепта; проследить появление новых признаков, тем самым увидеть формирование новых значений концепта, отражающих реалии современной жизни; выявить когнитивные признаки, демонстрирующие динамический характер изучаемого концепта.

В результате исследования построено семантическое поле концепта «аптека», выявлена специфика объективации ядерных и периферийных зон поля, проведено качественное и количественное описание его единиц.

Литература

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. 592 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 09.12.2019).

Пенягина Е. Б. Вариативность концепта «здоровье»: лингвистическое и когнитивное исследование // Социо и психолингвистические исследования. 2020. Вып. 8. С. 156–160.

Пименова Марина Васильевна

профессор, Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;
pimenova-vgpu@yandex.ru

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ КОЛЕСОВ О ВИДАХ ФОРМУЛ-СИНТАГМ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СИНКРЕТЕМ)

Ключевые слова: В. В. Колесов, формулы-синтагмы, глагольно-именные синкретемы.

В. В. Колесов в своих работах неоднократно писал о том, что в древнерусский период развития русского языка «основной смысловой единицей ... выступает не самостоятельное (словарное) слово, а целое сочетание из двух-трех слов, словесная формула, построенная на метонимической основе» [Колесов 2005: 14], что «формула-синтагма, а не текст и не слово являлись основным элементом древнерусского литературного языка» [Колесов 1989: 138] и что «построение текстов не имело еще творческого характера, это была переработка традиционных текстов на уровне словесных формул (синтагм)» [Колесов 2019: 571].

Термин формула-синтагма для обозначения основных смысловых единиц древнерусского языка был обоснован Владимиром Викторовичем в монографии «Древнерусский литературный язык» на фоне десятков терминов, предложенных другими исследователями средневековой письменности — В. М. Загребиним, А. Г. Ломовым, А. Н. Робинсоном, А. Т. Хроленко, Р. Пиккио, М. М. Копыленко, А. С. Орловым, И. П. Ереминым, Н. А. Мещерским, О. Ф. Коноваловой, А. И. Генсборским, Б. А. Лариным, Д. С. Лихачевым, Л. Я. Костючук, Е. Т. Черкасовой, В. И. Ярцевой и др. (см. [Колесов 1989: 136–138]).

В. В. Колесов указывает, что «древнейшие из известных нам формул народного происхождения охватывают сферу человеческих отношений в семье, обществе и государстве — это язык права и народных сказаний <...> сочетание выражает действие по смыслу имени: дати миръ — помириться, дати отвѣтъ — ответить, дати приговоръ — осудить. Ритуальность действия соотносится с обычной формулой его обозначения: дати душу, дати крестъ, дати правду, дати роту, дати слово — присягнуть; дати лице — опознать, дати полкъ — сразиться, дати животь — пощадить, дати на щить — разграбить, дати плечи — бежать, дати рядъ — договориться, дати судъ — разобраться» [Колесов 1989: 139]. Ссылаясь на работу М. М. Копыленко, Владимир Викторович подчеркивает, что особенно много подобных формул-синтагм с переходными глаголами дати, творити, дѣяти, имѣти, прияти: более 1800 сочетаний с 91 глаголом [Колесов 1989: 139].

Опираясь на работы В. В. Колесова, мы для обозначения основных смысловых единиц в диахронии предложили термин синкретемы, корень которого указывает на описанную Владимиром Викторовичем особенность ментальности Древней Руси. Ср.: «Синкретизм (от греч. συνκρητισμός — ‘соединение’, букв. ‘слитность’) — нерасчлененность предметов и явлений в древнем сознании, отраженная в словесном знаке. <...> синкрета является первословом-первопредложением» [Колесов 2019: 548]. Синкретема — минимальная единица древнерусского текста, имеющая синкретичное значение, связанное с метонимией [Колесов 2005: 13–14] (а не с метафорой, как большинство современных фразеологизмов). Основанные на смежности метонимические переносы определяют следующие дифференциальные признаки синкретем: 1) системность в связи с регулярностью метонимии (ср.: нерегулярность, вторичность и относительная «единичность» метафорических фразеологизмов); 2) синтагматический характер структурно-семантических типов синкретем в связи с построением метонимией синтагмы (ср.: метафорическая парадигма фразеологизмов); 3) разработка объема понятия, в связи с чем наблюдается преимущественная связь значения с денотатом (ср.: метафорическая разработка содержания понятия у фразеологизмов) [Пименова 2007: 50–58].

Синкретемы типа дати миръ построены по структурной модели «глагол + существительное в Вин. пад.» и выражают синкретичное значение ‘произвести действие по значению существительного’, например: възло-

жити чьсть, вознести глась, избыть болезнь, приклонити ухо, приносити молитву, сътворити миръ, творити память, цѣловати кръсть и т. п.

Относительно непродуктивными структурными моделями глагольно-именных синкретем являются «глагол + предлог + сущ. в Вин. пад.» (въпасти въ грѣхъ, возложити на умъ, въсѣсти на конь); «глагол + сущ. в Тв. пад.» (бити челом, костию пасти, украсити иконами); «глагол + (предлог) + сущ. в Дат. пад.» (бити по рукама, разумети книгам, предати съмърти); «глагол + сущ. в Род. пад.» (възнести до облакъ, выдавати без суда); «глагол + сущ. в П. пад.» (държати въ оумѣ, говорити в срьдце) и др.

Большинство глагольно-именных синкретем связано с особым денотатом, который условно можно определить как «раздваивающийся»: действие (глагол) + объект действия, совпадающий с его результатом (существительное). Наличие «раздвоения» становится явным при наличии соответствующей лексической единицы с тем же значением, например: бити челом — просить, взяти победу — победить, възложити вѣнецъ — венчать, възложити чьсть — чествовать, въпасти въ грѣхъ — согрешить, вѣру ѣти — верить, отворити ворота — сдать, приклонити ухо — прислушаться, творити молитвы — молиться и под.

Безусловно, вопросы дифференциации основных смысловых единиц в диахронии требуют дальнейшего изучения и обсуждения с опорой на труды Владимира Викторовича Колесова, представившего «логические и лингвистические единицы языка и мышления в их речевом единстве» [Колесов 2019: 2].

Литература

Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 296 с.

Колесов В. В. История русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2005. 672 с.

Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.

Пименова М. Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.

Раткович Драгана

научный советник, Институт сербского языка САНУ (Белград, Сербия);
Dragana.Ratkovic@isj.sanu.ac.rs

ЗООНИМИЧЕСКИЕ ПЕЙОРАТИВНЫЕ ИМЕНА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА И КОНЦЕПТ ЧЕЛОВЕКА КАК ЖИВОТНОГО В РЕЧИ ПИРОТА (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: речь Пирота, пейоратив, зооним, человек.

Предметом статьи являются существительные и словосочетания с существительными отрицательной экспрессивной тональности, в частности те, которыми в диалекте региона города Пирота в первую очередь называют реалии из животного мира (животные и их части, термины, связанные с поведением или состоянием животных) и, во вторую очередь, людей.

Под лексикой пейоративного значения мы понимаем номинативные единицы отрицательной экспрессивной тональности, смысловое поле которых содержит помимо денотативного и коннотативное содержание, составляющее оценочные, экспрессивные и эмоциональные семы, где отрицательная коннотация может выражать презрение, насмешку, иронию или шутку, тогда как эмоциональная может выражать презрение и осуждение. Термин зооним используем для «существительного, обозначающего животное» [Клајн, Шипка 2012], а термином языковая картина мира обозначаем «заключённую в языке интерпретацию действительности, которая может быть представлена как комплекс суждений о мире, людях, вещах и событиях. Это интерпретация, а не отражение, субъективный портрет, а не фотография реальных предметов» [Бартмињски 2011: 46].

На нашем материале из двух словарей ПР выявлено 127 имён зоонимических существительных и именных словосочетаний отрицательной экспрессивной тональности, которые относятся к человеку.

Между ними есть имена, обозначающие животных, которые несут отрицательную коннотацию, и понятия, которые представляют исходную область метафоризации: домашние животные (39 названий), птицы — дикие (их 15) и домашние (5), насекомые (11), дикие животные (3), амфибии, рептилии и беспозвоночные (3) и животные, не характерные для наших регионов (3).

На основе денотативных дифференциальных сем, зоонимические пейоративы в именовании человека в ПР включают в себя пять самых многочисленных лексико-семантических групп. Самое большое количество пейоративов, употребляющихся для названия людей по их духовным качествам и поведению (74,01 %). Меньше членов в группах пейоративов, связанных с внешним видом (30,71 %), общественным положением, материальным статусом и профессией (11,81 %), возрастом (10,24 %). Малочисленны группы пейоративов, обозначающих принадлежность к этническому или расовому сообществу (1,57 %).

В первую группу входят имена: молодого человека (бансов «Большая и ленивая собака»; «Невоспитанный юноша»); пожилого человека (таранчуг «Собака, которая с поднятым пенисом вместе с другими собаками следует за сукой»; «Дряхлый старик, помешанный на сексе и женщинах»); пожилой женщины (стара квачка «Старая курица»; «Женщина, нежеланная мужчинам из-за возраста»); младенца, ребенка, девочки (голиштар «Молодая птица, у которой ещё не выросли перья»; «Незрелый и несамостоятельный ребенок»).

Ко второй группе относятся имена представителей власти и высокого социального положения, т.е. позиции на социальной лестнице, приносящие деньги и власть (сверка «Зверь»; «Могущественный; человек у власти»), представителей социальных слоёв, классов и носителей материального статуса (бица «Сильный вол»; «Выходец из деревни, не способный адаптироваться к жизни в городе»), а также носителей воинского/полицейского звания (крлеж/крљеж «Бараний клещ»; «Ренегат турецкой армии, беспощадный грабитель и убийца»).

К третьей группе относятся люди, которым свойственны следующие нежелательные признаки: нарушенный половой признак (мушкокоз «Мужская коза»; «Мужеподобная женщина,

не выполняющая женскую работу; гермафродит»), рост/вес, отклоняющийся от меры (сивча «Вол»; «Ограниченный и сильный человек», миник «Собака маленькой породы»; «Человек низкого роста»), непривлекательный внешний вид, слабость организма в силу возраста, болезни и т. д. и отсутствие жизни (ћишаво паче «Больной детеныш утки»; «Больное и слабое существо»); неравномерное движение (шотка «Утка»; «Женщина, которая ковыляет при ходьбе»), плохая гигиена (прц «Козерог»; «Запущенный и грязный человек»), безвкусная одежда (шебек «Обезьяна»; «Некрасивый человек: пародия, тварь»).

Четвёртая группа состоит из трёх подгрупп. В первую входят имена людей, имеющих ряд отрицательных черт характера, в том числе: умственная ограниченность; злоба; коррупция, наглость; лень; примитивизм, бескультурье, неадекватное поведение, отсутствие манер; тщеславие, высокомерие, хвастовство; незрелость, несамостоятельность; капризность и упрямство, своенравие; сварливость; безумие; безрассудство; робость; хитрость; неадекватное сексуальное поведение, гиперсексуальность; изворотливость; нестабильность; нежелание сотрудничества (говедо «Скот»; «Глупый человек»). Вторая подгруппа состоит из имён людей как представителей нежелательного поведения, деятельности или привычек, в том числе: обжорство; воровство; извлечение выгоды путём попрошайничества и лести; взятие чужого хитростью и наглостью; паразитизм; упрямство; жадность; небрежность в одежде; одевание безвкусной одежды, развязность; отсутствие педантичности; а также и тенденции: сплетни, пересуды, спорливость, безобидные угрозы, безобидные ругательства, молчание, распущенность, насилие, пьянство, ложь, бродяжничество; высокомерие и насмешка; несоблюдение порядка; произвол и неуважение мужа; посещение незванным гостем; непостоянство; несдержанность (цукела «Дворняга»; «Бродяга»). Третью подгруппу составляют имена людей как носителей общей отрицательной оценки личности: отсутствия характера, безнравственности (пчешљак «Собачья кашка»; «Плохой человек, ничего»).

Пятая группа состоит из имён цыган (гавгаль «Медведь»; «Цыган»).

Имена были получены путём метафоризации, основанной на физическом сходстве животных и людей, и стереотипах, которые сложились в сербском обществе по отношению к этим животным. Имена, относящиеся к мужчинам (31) немного более многочисленны, чем имена, относящиеся к женщинам (30), и лишь немногие имена относятся к детям (9).

Литература

Бартмињски Ј. Језик — Слика — Свет. Прев. Марта Бјелетић. Београд: SlovoSlavia, 2011.

Клајн И., Шипка М. Велики речник страних речи и израза. Нови Сад: Прометеј, 2012.

Доклад финансировало Министерство науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия согласно договору № 451-03-47/2023-01, который был заключен с Институтом сербского языка САНУ.

Романова Татьяна Владимировна

профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород;
tvromanova@mail.ru

В. В. КОЛЕСОВ О ТЕРМИНОСИСТЕМЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)

Ключевые слова: термин, терминосистема, словарь.

Все когнитивные науки являются науками интегративного, междисциплинарного содержания, что обуславливает потребность в сведениях из смежных областей научного знания. Эти сведения аккумулируют термины. Термин — это квант когниции, единица специального знания, функционирующая в рамках определенного фрагмента научной картины мира [Лейчик 2007: 124]. Сказанное определяет необходимость создания общего терминологического аппарата. Об этом постоянно говорил В. В. Колесов, в исследовательские интересы которого входила и разработка методологии когнитивной лингвистики: <...> автор призывает коллег к необходимости выработать единую и точную терминологию когнитивных исследований, отделив их от лексико-семантических штудий и представив их в системном порядке [Колесов 2013:48].

В лексикографической практике разработаны базовые принципы описания когнитивной терминологии, однако на данный момент отсутствует современный справочник, представляющий полное, системное описание когнитивных терминов. Необходим словарь-справочник тезаурусно-энциклопедического типа, описывающий терминосистему когнитивной лингвистики как формат знания и как часть лексической системы языка. когнитивная терминология должна быть представлена по данным российского научного дискурса, чтобы словарь отразил, с одной стороны, однообразие терминосистемы, с другой — выявил проблемные случаи её несогласования. Такой словарь мы попытались создать в рамках исследовательского проекта по программе «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г. [Романова и др. 2022].

Научная новизна справочника обуславливается его тезаурусно-энциклопедическим характером. Тезаурусно-энциклопедическая форма позволяет описать термин как логос и как лексис (по А. А. Реформатскому). Как писал В. В. Колесов, «<...> бедой концептуальных исследований является смешение с узколексикологическим описанием наличного материала. Следует выработать точные требования, за которыми когнитолог ни в коем случае не должен совершать подмену исследовательских методов: слово в концептологии имеет совсем другую ценность, чем в лексикологии и даже в семантике. Это знак, несущий концепт со всеми его содержательными формами, проявляемыми в тексте и в действии» [Колесов 2013: 54].

Все сведения являются результатом обработки корпусных данных, подтверждаются иллюстративными примерами с обязательной паспортизацией источников. В качестве источников в словаре-справочнике использовались и публикации В. В. Колесова при интерпретации следующих терминов: когнитология, концепт, концептосфера, менталитет, ментальность, метафора, смысл, языковая личность. Остановимся на «терминологических» взглядах В. В. Колесова, которые отражены в нашем словаре и более подробно будут представлены в докладе.

Этимологию термина концепт Владимир Викторович пояснил следующим образом: концептум — зерно первосмысла, исходная точка семантического развития, прообраз будущего концепта, если угодно, “внутренняя форма” слова, в грубой форме представленная в этимоне — если, конечно, он достоверен, что случается достаточно редко [Колесов 2013: 48–49]. Дефиницию термина он дал через предикацию: <...> концептом мы назовем совокупность “содержательных форм” слова — образ, понятие и символ [Колесов 2013: 49].

Владимир Викторович оценочно интерпретирует «ошибки» концептуального анализа. Оценочная интерпретация как приём часто встречается у В. В. Колесова. Так, в пылу научной полемики, он отрицает когнитивный статус термина концептосфера; возражает против введения

в научный обиход термина языковая личность. Основным предметом изучения когнитивистики В. В. Колесов считал «<...> формы национальной ментальности, которая иногда именуется менталитетом» [Колесов 2013: 50].

Красной нитью через публикации Владимира Викторовича проходит мысль о недопустимости смешения терминов. Например,

Путаницу в применении терминов «значение» и «смысл» можно преодолеть использованием обиходных русских сочетаний: значение слова и смысл текста. Путаница возникает из горячего желания воспользоваться переводными терминами и их личным толкованием, что в русской научной традиции, в сущности, возбраняется [Колесов 2013: 54].

Вульгарное смешение слов метафоризация и образность затушевывает понимание процесса сложения концепта [Колесов 2013: 53].

Владимир Викторович различает содержание понятий менталитет и ментальность, которые, по его мнению, находятся в отношениях сужения [Колесов 2002: 334].

Таким образом, уже по приведённым избранным примерам из публикаций В. В. Колесова видно, что в оценке когнитивной терминологии учёный исходил из философского принципа реализма, призывая российское научное сообщество выработать единую и точную системную терминологию, призывал отделить когнитивные исследования от лексико-семантических.

Литература

- Колесов В. В.* Когнитивистика в аспекте терминологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (34). С. 48–55.
- Колесов В. В.* Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.
- Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: URSS, 2007. 254 с.
- Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учеб. пособие / под общ. ред. Т. В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022. 216 с.

Сирота Елена Владимировна

доцент, Бельцкий государственный университет им. А. Руссо;
Молдова, sirotaelena@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНЦЕПТОВ «БЕЗУМИЕ» И «СУМАСШЕСТВИЕ» В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Ключевые слова: концепт, когнитивный признак, лексема, когнитивная лингвистика, безумие, сумасшествие.

Исследования в сфере лексической семантики детерминируют развитие когнитивной лексикографической теории, которая позволяет ученым оптимизировать структуру вокабулы тезауруса путем внедрения антропоцентрического элемента. Одним из наиболее важных аспектов когнитивной лингвистики является, на наш взгляд, когнитивный аспект изменения в семантике, то есть установление отражения законов мышления в семантических законах.

Эту особенность отметил и В. В. Колесов, определив концепт как исходную точку семантического наполнения слова и конечный предел развития [Колесов 1992: 30].

В нашей работе мы обращаемся к двум концептам: «сумасшествие» и «безумие», которые недифференцированно смешиваются. Актуальность исследования вызвана необходимостью строго разграничить данные концепты, выделив их интегральные и дифференциальные признаки.

Теоретическую основу исследования составили работы известных ученых в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии: Колесова В. В., Поповой З. Д., Стернина И. А., Пименовой М. В., Баранова А. Н., Жевайкиной Ю. В., Туриловой М. В.

Моделирование концептов начинается с анализа словарных дефиниций имени концепта. Так как данные понятия являются предметом исследования таких наук, как лингвистика, психология, философия, медицина — нами были проанализированы толкования лексем «сумасшествие» и «безумие» в словарях разного типа. В результате было установлено, что нет единства в трактовке указанных понятий.

Прежде всего рассмотрим лингвистический подход к функционированию концептов «безумие» и «сумасшествие», выявление семем данных лексем. Современные словари характеризуют семантику данных слов, при этом толкую одно понятие через другое. Так, в Большом современном толковом словаре русского языка отмечаются следующие семемы в слове «безумие»: сумасшествие; крайнее безрассудство; чрезвычайная сила проявления какого-либо чувства, состояния и т. п.; неистовство.

В Толковом словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой предлагается дефиниция: «то же, что сумасшествие (устар.); безрассудство, полная утрата разумности в действиях, в поведении». В Толковом словаре Д. Н. Ушакова: «Безрассудство, безрассудный поступок; сумасшествие».

Таким образом, наблюдается отличие не только в понимании лексемы «безумие», но и в определении иерархии ее семем. Различные, порой противоположные репрезентации каждого из понятий еще более способствуют размыванию границ, усиливают трудность понимания носителями языка. В толковых словарях констатируем круг в трактовке лексем: безумие объективируется словом «сумасшествие» и наоборот.

Представляет интерес исследование В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной, которые рассматривают образ сумасшествия, сопоставляя лексемы «безумный» и «сумасшедший». Ученые отмечают, что необходимо учитывать медицинскую трактовку указанного образа, а также тот аспект, касающийся противопоставления «высокого» безумия «бытовому» сумасшествию, которым обусловлено то, что именно слово «сумасшедший» и производные от него имеют стилистически маркированную область употребления: неформальный диалог, крайнее удивление и фантастические галлюцинации [Плунгян, Рахилина 1993: 125].

Авторы ряда диссертационных исследований, анализируя концепт «безумие», не дают четкой дефиниции понятия, отмечая, что лексему «безумие» они трактуют в широком смысле это-

го слова. Устранить противоречия в лингвистике не помогают данные психологии, философии и медицины.

Как отмечают специалисты, до XX столетия словом «сумасшествие» определяли различные психические расстройства, поведение индивида, которое выходило за рамки привычной нормы.

В ряде других работ под безумием понимается обобщенное название расстройств, связанных с психопатологией, которые характеризуются искаженным восприятием реальности и болезненной психической деятельностью. Это понятие более широкое, чем психическая болезнь. Диагноз «безумие» ставится пациентам с поражениями головного мозга, различными видами психозов и различными расстройствами.

Новый философский словарь трактует безумие как духовную (моральную, религиозную) категорию, глубокое умственное расстройство.

Моделирование концептов «безумие» и «сумасшествие» было произведено с учетом полевого подхода. Данные концепты обладают иерархической организацией и определенным образом структурированы. Наиболее удачной моделью комплексной методики структурирования концептов считаем образец, предложенный И. А. Стерниным и З. Д. Поповой [Попова, Стернин 2003: 60–64]. Прежде всего необходимо произвести лексикографический анализ, затем выявить парадигматические, синтагматические и деривационные отношения репрезентантов концептов, а также исследовать структуру синтаксических моделей и возможных трансформаций лексем–номинантов концепта и выявить их функционирование в дискурсах различного типа.

Данные концепты имеют универсальный характер. Моделируя эти концепты на базе анализа словарных дефиниций, приходим к выводу, что в них обнаруживаются как интегральные когнитивные признаки, так и дифференциальные. Для выявления когнитивных признаков мы используем компонентный анализ. К интегральным отнесем: потеря рассудка; неадекватное поведение; затрудненность мышления.

Дифференциальные признаки безумия: помешательство, сопровождающееся повышенной возбудимостью, неоправданным восторгом, физической подвижностью, эйфорией, искаженное восприятие реальности, отрешенность от происходящих событий, сумасбродство; признаки сумасшествия — способность к физическому насилию, обусловленность другими заболеваниями, отсутствие контакта с кем-либо, апатия.

Синтагматический анализ также свидетельствует в пользу дифференциации этих двух концептов: дериваты безумный и сумасшедший имеют разные значения, что обуславливает и их различную дистрибуцию. Например, как отмечают исследователи, безумные цены являются всегда высокими, а сумасшедшие цены обладают семантикой не только высоких, но и необъяснимо быстро меняющихся.

Оба признака носителя обладают значением «утрата разума, имеющая внешние характеристики», основная из которых — потеря способности управлять своим телом [Плунгян, Рахилина 1993: 495]. Однако это утверждение нуждается в корректировке: определение сумасшествия у человека не всегда связано с внешними проявлениями.

Таким образом, в работе определены зоны пересечения анализируемых концептов, в результате чего можно констатировать, что между данными понятиями наблюдаются концептуальные различия.

Литература

- Баранов А. Н. Идиоматика сумасшествия: метафоры и профилируемые смыслы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 1. С. 22–31.
- Колесов В. В. Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестник СПбГУ. СПб., 1992. Сер. 2. Вып. 3 (№16). С. 30–40.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Безумие как лексикографическая проблема (К анализу прилагательных безумный и сумасшедший). II Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2003. 191 с.

Смирнов Евгений Сергеевич

доцент, Сибирский федеральный университет;
ses9215@mail.ru

КОНСТАНТЫ «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ: ЛИНГВОЭМОТИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВ ЕПИСКОПА НИКОДИМА (КАЗАНЦЕВА))

Ключевые слова: константа, свои и чужие, региональная лингвокультура, лингвоэмотиологический аспект, Енисейская Сибирь.

Изучение региональных лингвокультур относится к актуальным и перспективным направлениям в современной отечественной лингвистике. Под региональной лингвокультурой вслед за профессором О. В. Фельде мы понимаем особый лингвокогнитивный феномен, который обусловлен культурными кодами и субкодами (например, теологическим, мифологическим, бытовым, пространственным и другими кодами), а также ценностными доминантами и социальным опытом того или иного локального сообщества [Felde 2019: 58].

Российские лингвисты рассматривают феномен региональной лингвокультуры сквозь призму различных аспектов: коммуникативного, лексикографического, лингвокультурологического, лингвоперсоналогического, лингвоэмотиологического, этнолингвистического и др. Объектами исследований при этом становятся концепты, ценностные доминанты, стереотипы, ключевые слова и т. д., а также константы. Константу можно понимать как долгое время существующий концепт и постоянный принцип культуры (точка зрения Ю. С. Степанова). Одними из ключевых констант, которые пронизывают разные культуры и лингвокультуры, являются константы «свои» и «чужие». Целью настоящего исследования является рассмотрение особенностей репрезентации данных констант сквозь призму лингвоэмотиологического аспекта на материале дневников первого Красноярского и Енисейского епископа Никодима (Казанцева). Владыка возглавлял Енисейскую епархию с 1861 по 1870 год, посетив за это время несколько раз местные церковные приходы и оставив о своих путешествиях большое количество воспоминаний.

Лингвоэмотиологический анализ показал, что при репрезентации константы «свои» в анализируемых дневниках (преимущественно это фрагменты о православных священниках, сибирских крестьянах и др.) используются различные типы эмотивов.

Во-первых, собственно эмотивы: «Бедные крестьяне не спали всю ночь, разложили огонь и грелись около него, разговаривая тихо и кушая свой хлеб» [Путешествия преосвященных Никодима и Тихона по Ангаре 2022: 34]. В приведённом примере лексема бедный использована в значении «вызывающий сострадание, сочувствие», т. е. данный эмотив выражает эмоцию жалости (сострадания).

Во-вторых, стоит отметить использование экспрессивов: «Я взялъ спутникомъ себѣ, кромѣ нужной свиты, о. прот. кафедр. Василия Дм. Касьянова <...>. Провожденіе времени съ нимъ очень пріятно» [Путешествие Преосвящ. Никодима в Ачинский и Минусинский уезды и на Ангару 1909: 41]. Экспрессив очень приятно эксплицирует эмоцию радости.

В-третьих, в дневниках встречаются фразеологизмы: «Ночую в дворянской квартире; хозяйка — женщина сущій ангел; услужливая» [Путешествия преосвященных Никодима и Тихона по Ангаре 2022: 46].

Помимо лексических средств в анализируемых текстах используются и синтаксические для выражения определённого эмоционального состояния автора: «Я встрѣченъ жителями Туруханска на берегу Пролива, версты за двѣ отъ города, съ хлѣбомъ и солью: трогательно!» [Путешествие Преосвящ. Никодима в Туруханск 1908: 44].

При репрезентации константы «чужие» (как правило, в дневниках это фрагменты про инородцев и иноверцев) также используются различные типы эмотивов, которые выражают те или иные эмоции. Приведём несколько примеров: «В числе посетителей был Горный Исправник,

Николай Ив., поляк, тощий как смерть, но гордый и презритель. Он здесь нечто вроде губернатора и полицмейстера (Так вся администрация, все главное в Сибири — в руках поляков!)» [Путешествия преосвященных Никодима и Тихона по Ангаре 2022: 41]; «Въ двухъ чумахъ: въ одной — одна, а въ другой три остячки-вдовы <...>. Я увидѣлъ раздирающую душу бѣдность: это жилище не челоуѣка, а собаки. Я роздалъ имъ рубля три» [Путешествие Преосвящ. Никодима в Туруханск 1908: 30]. В первом примере с помощью восклицания выражена экстериоризованная смешанная эмоция удивления и раздражения (крайнего возмущения). Возмущение епископа обусловлено характером поляка, о котором он упоминает (гордый и презритель). Во втором примере владыка описывает жизнь остяков и испытывает сострадание к ним, поскольку «увидѣлъ раздирающую душу бѣдность». Фразеологизм раздирать душу эксплицирует сильное волнение владыки. Испытывая это чувство, он одаривает инородцев деньгами.

Таким образом, в современной отечественной лингвистике используются разные аспекты для изучения констант региональных лингвокультур. Перспективным является использование лингвоэмотиологического аспекта, который позволяет проанализировать особенности категории эмотивности, а также выявить средства выражения эмоций в текстах, репрезентирующих определённые константы.

Литература

- [Путешествие Преосвящ. Никодима в Туруханск] Путешествие Преосвящ. Никодима, первого епископа Енисейского и Красноярского, из Красноярска в Туруханск и обратно, в 1862 году / сообщ. А. Богданов // Енисейские епархиальные ведомости. 1908. № 1. С. 36–44; 1908. № 2. С. 27–35.
- [Путешествие Преосвящ. Никодима в Ачинский и Минусинский уезды и на Ангару] Путешествие Преосвящ. Никодима, первого епископа Енисейского и Красноярского, из Красноярска в Ачинский и Минусинский уезды и на Ангару, в 1863 г. / сообщ. А. Богданов // Енисейские епархиальные ведомости. 1909. № 8. С. 40–44.
- Путешествия преосвященных Никодима и Тихона по Ангаре / сост. Л.И. Фирсанкова. Красноярск: ГУНБ, 2022. 67 с.
- Felde O. V. The oral text as a translator of ancient linguoculture of the Northern Angara region // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2019. Vol. 12 (1). P. 55–76. DOI: 10.17516/1997-1370-0380.

Халикова Наталья Владимировна

профессор, Государственный университет просвещения;
vlstd@yandex.ru

МЕНТАЛЬНЫЕ ТИПЫ ДУРАКА, СТРАННИКА В РАННЕЙ ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА

Ключевые слова: концепт Я, типы русской ментальности В. В. Колесова, образность.

Периоды эпистолярно-дневниковой прозы, выделяемые биографами Л. Н. Андреева, отличаются эмоциональной и стилистической тональностью. В дневниках 1891–1902 гг. превалирует «иссера-мрачный фон» и глубина отчаянных поисков смысла поступков и желаний, называемых «требованиями сердца» (с. 133). Дневник посвящен сокровенной жизни впервые испытывающего чувственные и духовные потрясения молодого человека. «Внешний» же Л. Н. Андреев, студент, выпускник университета, успешно начинающий адвокат, верно оценивает общество, становится известным литератором, жадно впитывает пласты русской и европейской книжной культуры, в 1900 году знакомится с М. Горьким, однако эта внешняя жизнь в тексте максимально скрыта. Формируемый здесь Я-концепт – инвариант пространственной модели «архетипического противопоставления “внутри-снаружи”», включающей физическое, интеллектуально-волевое, эмоциональное, чувственно-мысленное, деятельностное «Я» [Красных 2003: 6, 13]. Литературная речевая маска, «личина» автора дневника предназначалась для самооценки и для оценки «читателем» (из числа близких женщин). В структуре дневника два субъекта: первый, перцепции и действия, влюбленный юноша — «субъект мрачный, плаксивый и унылый» (с. 40), над которым иронизирует второй — «Г-н Дневник», создающий «роман о себе», «главная его тема — любовь во всех возможных видах и формах» (с. 41).

Русское «двойничество» заставляет обратиться к идеям В. В. Колесова об образах ментальности, когда основным признаком воплощается в двух типах: святость-духовность в Святом и Юродивом, знание в Мудреце и Дураке, мастерство в Мастере и Лентяе, слава-популярность в Герое и Страннике и т. д. Вторые типы, всегда «самобытно-русские, изнаночно вывернутые в насмешливости своей», <...> «сохраняют жизненную энергию под видом убогой слабости, хилости, немощи» [Колесов 2007: 152]: ...и я, как только ввалился в Университет, с нетерпением стал ожидать, скоро ж это и на мне станет отражаться чудное действие университетских порядков, лекций и стен. Но, увы, так и не дождался... (18 сент. 1891). Основным модусом текста описания стал эмотивный и чувственный. Для самопрезентации «образа автора» ранних дневников в большей степени характерен образ насмешливого Дурака-Мудреца и гонимого Странника-Героя. Характерны авторефлексивные формы предикации на протяжении указанного периода: ...я злился, страдал, был нелеп; был жалок, нелеп, взволнован до потери голоса (с. 126); тоска и пустыня; был тосклив, мрачен, дик и смешон; был лишним во всей этой смеющейся и беззаботной компании; блуждание в пространстве, одиночество... (с. 127). «Г-н Дневник» бесконечно иронизирует над своими поступками: Посмотрю взглядом барана, впервые увидевшего воду, ее карточку... (с. 133).

В способах образной репрезентации концепта Я выделим несколько языковых средств, использование которых позволяет увидеть конструирование личности: предикаты, фразеология, соматизмы, прецедентные имена, когнитивная метафора. Частотны концептуальные соматизмы сердце, голова, грудь, ноги, боль.

В модели глагола Ю. Д. Апресяна семантические группы коррелируются по оппозиции «тело» — «душа» (восприятия — желания; физиологического состояния — мышления; физиологической реакции — эмоции; физического действия — речи). Текст насыщается Л. Н. Андреевым второй и третьей оппозицией — физиологического состояния, вызванного мыслью, и физиологической реакции, каузируемой эмоцией: похолодеть, бросить в жар, окаменеть; руки трясутся, чай в горло не идет; душит меня правда; как вынырнувший из омута, дышит жадно... Чем сильнее эмоции и мысли о них, тем ярче «телесная» метафорика реакций, состояний и дей-

ствий: И весь день меня грызет непонятная тоска. Где-то в закоулке души что-то свербит и ноет (с. 137); Как расплавленный свинец падает на живое тело, так одна мысль язвит мозг... (с. 140).

Когнитивные метафора «жизнь — пространство /свет /тьма», «чувство — вода / сила / существо», «любовь — свет», безусловно, являются наиболее частотными. Вокруг них строится богатое фразеологическое поле (более 500 ФЕ на 200 страниц текста): взлетать к небу — проваливаться в тартарары; ползти на этом пути черепашным шагом (с.107); в два русла течет моя жизнь (с. 207); лед растаял между нами (с. 79); ... любовью — которая, как известно, необходима мне, как рыбе вода (с. 82). Именно фразеология прежде всего участвует в создании ментальных типов. МУДРЕЦ-ДУРАК: ...За раскрашенной маской арлекина таится скелет. Пусть я старательно прячу его... а когда наконец люди воочию видят скелет, они не доверяют ему, вспоминая мой смех (с. 40); ...был блаженным скотом (с. 49); ГЕРОЙ-СТРАННИК: ...подобен я и Прометею, прикованному к скале. Скала — это тело, а коршун — мой ум... Одной рукой я мажу раны маслом и елеем, другой — ковыряю их (с. 41). Первому типу больше соответствует разговорный стиль: насилию ноги таскаю, хожу как одурелый (с. 113), второй притягивает книжную стилистику, библеизмы.

Литература

- Андреев Л. Н.* Дневник. 1897–1901 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 296 с. (Ссылки на издание даны в круглых скобках).
- Апресян Ю. Д.* Избр. труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «ЯСК», 1995. 767 с.
- Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 619 с.
- Красных В. В.* Концепт Я в свете лингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 23. С. 4–13.

Чжоу Биньбинь

соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ПРЕКРАСНОМ» НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ

Ключевые слова: прекрасное, поэтика, этика, красота, оценка.

Понятие о прекрасном получило развитие в эстетических исследованиях античных философов. Представление о красоте и гармонии встречается в работах у пифагорейцев и у Демокрита. Последний сравнил произведения искусства с тем, что создает природа, и отметил подражательный характер творчества и его особое отношение к действительности.

Эстетика Платона тоже базируется на понятии прекрасного. В своих диалогах Платон подчеркивает, что в категорию прекрасное, с его точки зрения, попадает только то, что «никогда нигде и никому не могло бы показаться безобразным» [Платон 1990: 22], «что бывает прекрасно для всех и всегда» [Платон 1990: 24], «прекрасное есть и пригодное, и способное сделать нечто», «прекрасное выступает как бы в образе отца блага», «ни прекрасное не есть благо, ни благо не есть прекрасное» [Платон 1990: 31], «приятное для зрения и слуха есть прекрасное, очевидно, иное приятное не будет прекрасным» [Платон 1990: 34], «подходящее своим присутствием составляет предметы и быть, и казаться прекрасными» [Платон 1990: 26], «ведь, кажется мне, я узнал, что значит пословица “прекрасное — трудно”» [Платон 1990: 43].

Безусловно, понимание прекрасного весьма субъективно. Например, в книге «Фрагмент» Гераклит отмечает, что «прекраснейшая из обезьян безобразна в сравнении с человеческим родом; Мудрейший из людей по сравнению с богом покажется обезьяной и в мудрости, и в красоте, и во всем прочем» [Гераклит 2014].

В трактате «Поэтика», посвященном теории драмы, Аристотель обращается к двум видам оценочных значений: «Поэты более возвышенного направления стали воспроизводить (хорошие поступки и) поступки хороших людей, а те, кто поглубже — поступки дурных людей; они составляли сперва сатиры, между тем как первые создавали гимны и хвалебные песни» [Аристотель 1927].

В то же время на Востоке Конфуций рассматривал оценку так же, как античные философы, т. е. в этике и эстетике. Конфуций считал, что «управлением следует заниматься, почитая пять прекрасных (качеств) и искореняя четыре отвратительных (качества)» [Конфуций 2007]. С точки зрения Конфуция, пять прекрасных качеств заключаются в том, что «благородный муж в доброте не расточителен; принуждая к труду, не вызывает гнева; в желаниях не алчен; в величии не горд; вызывая почтение, не жесток» [Конфуций 2007: 34]. В качестве их противоположения Конфуций называет четыре отвратительных качества — жестокость, грубость, разбой и жадность.

При этом можно видеть, что в определенной степени Конфуций и Аристотель выполняют одну и ту же миссию и имеют одну и ту же цель: способствовать развитию социальной гармонии. Но во взглядах Конфуция и античных философов есть и различия. Например, для улучшения управления страной, по мнению Конфуция, народу следует оказывать влияние на правителя и класс помещиков, т. е. «красота» и «добро» в конфуцианстве имеют определенную политическую окраску. Конфуций считает, что правитель должен быть добрым, чтобы помочь стране достигнуть социальной гармонии. А античные философы считают, что благотворное влияние следует оказывать на обычных людей с целью их развития и совершенствования, что в конечном счете должно принести пользу правителю и государству.

В отношении красоты и блага (добра) взгляд Сократа отличается от взгляда Конфуция. Сократ считает, что красота и добро объединены. Например: Сократ спрашивает Аристиппа: «А ты думаешь... что хорошее — одно, а прекрасное — другое? Разве ты не знаешь, что все по отношению к одному и тому же прекрасно и хорошо?» [Ксенофонт 2001].

По мнению Конфуция, красота отличается от добра. Они не связаны между собой, каждая имеет самостоятельную ценность. Вместе с тем Конфуций считает, что красота и добро должны

быть полностью объединены в сознании человека. Например: «Учитель говорил о музыке “Весенняя”: в ней все прекрасно и все хорошо; и говорил о музыке “Воинственной”: в ней все прекрасно, но хорошо не все» [Конфуций 2007: 5]. Конфуций считает, что добро важнее красоты. Красота имеет социальный смысл и ценность только в том случае, если она несет в себе добро, т. е. человечность, или гуманность.

Таким образом, начиная с античности философия рассматривала оценку в качестве неотъемлемой составляющей этических и эстетических категорий. Этика и эстетика как базовые основы философских взглядов стали отправной точкой для научного изучения категории оценки в будущем.

По мнению известного английского учёного Юма Дэвида, в этике присутствуют две основы морально-нравственной философии — утилитарность и эмоциональность. С точки зрения Юма, польза является «источником морального чувства, присущего каждому человеку. Польза приятна и вызывает наше одобрение, когда она связана с реальным интересом», «нравственность определяется чувством, добродетелью же является то, что доставляет приятное чувство одобрения, а пороком — то, что доставляет неприятное чувство, страдание» [Юм 1996]. Благим, по Юму, считается 1) полезное, 2) приятное. То и другое может быть рассмотрено в двойном плане: полезное и приятное для себя или для других. В результате перед нами оказываются четыре качества, вызывающих одобрение со стороны морального чувства. Важно подчеркнуть, что речь идет о незаинтересованной реакции» [Юм 1996]. Таким образом, в этике Юма моральное чувство является основой, помогающей людям отличать добро от зла.

В любом обществе позитивная оценка всегда связана с добром, благом, честностью, красотой. Все, что помогает обществу удовлетворять его материальные и духовные потребности, а также способствует его выживанию и развитию, получает положительное значение. Отрицательная оценка всегда связана с отрицанием добра, блага, красоты, то есть со злом и безобразным.

Литература

- Аристотель*. Поэтика / пер., введ. и примеч. Н. И. Новосадского. Л.: Academia, 1927. 120 с.
- Гераклит*. Фрагменты / пер. А. В. Лебедева. 2014. URL: <https://siebentod.github.io/heraclitus.html>
- Ксенофонт*. Воспоминаниях о Сократе III.8 / пер. С. И. Соболевского, под ред. И. И. Маханькова. 2001.
- Конфуций*. Лунь юй. Пекин: Книжный магазин Чжунхуа, 2007. 326 с.
- Платон*. Гиппий Большой / перевод А. В. Болдырева // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
- Юм Д. Сочинения: в 2 т. М., 1996.

Якушевич Ирина Викторовна

профессор, Московский городской педагогический университет;
sa1107@yandex.ru

ВЕРБАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ СИМВОЛА ЛИСА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ)

Ключевые слова: символ, означающее, означаемое, вербальный профиль символа, семасиологический анализ, ономасиологический анализ.

Исследование посвящено описанию языкового профиля одного из древнейших символов славянской культуры — ЛИСА. Цель исследования заключается в выявлении символических значений и их объективации в диалектной лексике.

В семиотике символ — это семантическая модель, знак, состоящий из означающего — подчеркнуто перцептивного образа, наделенного «вещными» признаками, и означаемого — некоего смысла, полученного в результате абстрагирования перцептивного образа до некоей метафизической сущности: мироздание, небо, Бог, душа, и пр. [Якушевич 2016: 18]. Означающее вербального символа двойственно: 1) это фонемный ряд ЛИСА; 2) денотативно-понятийный компонент лексического значения слова — перцептивный образ лисы как млекопитающего семейства псовых, с острой мордой и длинным пушистым хвостом. Означаемое — система символических смыслов, отражающих результат мифологического переосмысления чувственного образа.

Именно двойственность означающего определяет сразу две стратегии описания вербального профиля символа — семасиологический и ономасиологический анализ лексики. Если считать ключевым компонентом означающего символа конкретный корень, то применяется семасиологический метод анализа слов с корнем -ЛИС-. Если же ключевым компонентом символа считать перцептивный образ лисы, то применим ономасиологический подход, который обуславливает анализ мотивированного закрепления за образом лисы той или иной номинации. Такой подход особенно актуален при работе с диалектной лексикой. Тогда сема 'лиса', означающее символа, относится к ЛЗ слова, как в диалектизме огня [СРНГ: т. 22, 337], а сема 'огонь' — означаемое — мотивировано внутренней формой слова. Символические смыслы выявляются на разных уровнях ЛЗ: а) как сема внутренней формы слова; б) как одно из значений полисеманта; в) как одна из сем лексического фона; г) как контекстуальное значение в памятниках русского фольклора. О необходимости сочетать и тот и другой подходы в силу их теснейшей связи писал В. Гумбольдт.

Внутренняя форма слова является отправной точкой, «первосмыслом» [Колесов 2018: 440] остальных значений. Для символа ЛИСА это мотивационные этимологические семы корня *lisa ('хитрость' и 'ласка', а также сквозная во всех символических значениях сема 'женщина') [ЭССЯ: 139]. Остановимся на двух значениях: ЛИСА → 'хитрость' и 'ласка' и ЛИСА → 'один из оттенков огня' → 'огонь' → 'лечить'.

1. ЛИСА → 'хитрость' и 'ласка'. Ласка и хитрость в древнеславянском мышлении воспринимались как единое, но амбивалентное чувство: ласка как искренняя любовь и нежность, с одной стороны, и как коварная лесть и обольщение, хитрость, — с другой. Эту особенность иллюстрируют такие диалектные слова, как *залисть* (это и 'комплимент' и 'льстивое слово'), бранное *ласкэнчик* — 'ухажер, нежный предупредительный кавалер'. В исторически производных от *lisa диалектных словах есть как сема ласки, так и хитрости, например в слове *лисáвиться* ('ласкаться'), архангельском *лисáвый* ('ласковый') и доминирует сема ласки, а в лексическом значении костромского *лисить*, смоленского *лисиифеть* ('льстить'), тверского *лисли́вый* ('хитрый') — напротив, сема хитрости [СРНГ: т. 17, 60–62].

В словах с другими корнями с семой 'лиса' в лексическом значении сема хитрости лисы сочетается со значением красноречия. В русской народной песне женщину называют не только

лисицей, но и ласкобайщицей. Ласкобойть — значит льстить [СРНГ: т. 16, 276]. Дошлой в Сибири характеризовали старую лисицу, которая хитрее молодой [СРНГ: т. 8, 166].

2. ЛИСА → 'один из оттенков огня' → 'огонь' → 'лечить'.

Сема огненного цвета легла в основу внутренней формы многих производных слов от корня -ЛИС-: *лы́сый* ('рыжий'), архангельское *зали́сить* ('пожелтеть, порыжеть, приобрести цвет лисы'), сибирское *лисáвка* ('девушка с рыжими волосами'). *Лисíркой* в Тверской области называют рыбу-густеру, имеющую передние рыжие плавники и серебристый окрас, как у лисы-серебрянки. Диалектные названия некоторых растений мотивированы цветовой семой корня -ЛИС-. Так, из-за сиреневых и розовых оттенков мелких цветов *лы́сками* в Карелии называли щавель, а *лы́снйом* в Олонецкой губернии — вереск и змеевик. Слово *лы́ски* обозначало ботву свеклы, стебли которой отличаются ярко малиновым и бордовым оттенками.

Красный цвет у древних славян — это прежде всего цвет огня. Лиса ассоциируется с печным огнем в русской загадке: *стоит лахань (изба), в лахани турица (печь), в турице лисица (огонь)...* О молнии: *бежит лиска коло лесу близко; об огне: бежит лиса по шесточку: лизни, лиса, песочку!* В Архангельской области *лысьей* погодой называют дождь с солнцем. Фразеологизм *поймать, добыть лису* имеет значение 'подпалить, прожечь одежду'. Архангельское слово *лис* метонимически обозначает задвижку в печи.

Во внутренней форме многих диалектных названий лисы доминирует сема из палитры оттенков огня или просто светлых тонов: *краснушка, огнянка, огневка, рыжо́ха, серебри́стка, белоду́шка*. *Ковыльница* — лисица цвета ковыля, со светлой желтоватой шерстью [СРНГ: т. 14, 37]. Из-за светло-желтой окраски желтяком поморы называют двухлетнего тюленя-самца, которого в Архангельской области сравнивают с лисой и называют *лы́суном* [СРНГ: т. 17, 70]. Русская загадка о сливочном масле построена на метафорическом цветовом сходстве с лисицей: *Желтенькая лисичка В катумке лежит.*

Итак, вербальный профиль символа ЛИСА в силу двойственности восприятия означающего вербального символа формируется из диалектных слов с корнем -ЛИС- и слов с другим корнем и семой 'лиса' в составе лексического значения, транслирующих одно из символических значений, в частности 'хитрость' и 'ласка', 'огонь'.

Литература

- Колесов В. В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Т. 15 (3). С. 438–452.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51 / Ф. П. Филин (гл. ред. 1–23 тт.); Ф. П. Сороколетов (гл. ред. 24–46 тт.); С. А. Мызников (гл. ред. 47–52 тт.). М. –Л., СПб., 1965–2016.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / О. Н. Трубачев (ред.), В. А. Меркулова, Ж. Ж. Варбот и др. Вып. 1–41. М.: Наука, 1964–2018. Т. 15. М.: Наука, 1988.
- Якушевич И. В. Семантико-семиотическая модель символа и его языковое варьирование в поэтическом тексте (на материале русской поэзии XIX–XX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГПУ, 2016.

Naghiyeva Shafa Rafiq

*teacher, Azerbaijan University;
shafa.naghiyeva@au.edu.az*

CORE CONCEPTS IN THE ECONOMIC DISCOURSE

Keywords: cognitive linguistics, concept, economic discourse, economic concept.

Cognitive linguistics is the study of the language process of the brain and mind, and the function of language in all aspects of cognition including neurological bases linguistic capacity, functions, and higher cognition. It intersects with many other cognitive science research programs.

Meaning is a central, leading issue in cognitive linguistics. The meaning of words, expressions, and structures carry paramount importance, no matter how small or huge it is. Accordingly, we may assume that it serves the linguistic expression of thought. Linguists of various countries offer different approaches to the study of the meaning. These approaches can be grouped as linguistic, linguistic–cognitive, cultural, linguistic–cultural, psycholinguistic, etc. In the case of cognitive linguistics, the major importance maintains the indication of bonds between culture and language. *Lingua* — The cognitive approach suggests that concepts mainly occur to be an individual's perception of the surrounding him or the world by his imagination, suggestion, understanding, and showing themselves as a value component. Linguistic structures have a relatively concrete nature that helps to define them as abstract, autonomic, as well as entirely unconscious being examples of categorization [Lakoff 1987].

The lexeme concept (*conceive, grasp*) is derived from the Latin word *conceptus* in medieval times which now means “a general notion, the immediate object of a thought”. Linguistic concepts are introduced mostly through cognitive metaphors, that's also the subject matter of cognitive linguistics. In modern linguistics, it is widely used and entered into the national system of cognitive, semantic, and cultural linguistics thanks to the contributions of researchers such as Croft and Cruse [Croft, Cruse 2004]. The study of the concept in today's linguistic science carries paramount importance, however diverse angles and discrepancies appear daily. Concepts existing in the discourse are closely interrelated to the culture and show themselves as a product unit of the collective consciousness. The cultural, and educational background of the people, their mentality, life experience, identity, etc. strongly affect the concepts existing in the language. Taking on this point we may assume that concepts are stored in the memory of the nation indicating themselves verbally in discourse. Concepts are exposed as mental symbols, often as abstract ideas, notions fairly being treated as a unit of knowledge.

V. Evans defines concepts as intermediary elements between words and extralinguistic reality [Evans 2009]. These elements possess quite an independent nature in language functioning. A language does not create or form concepts, in contrast, it verbally expresses minds, ideas, thoughts, and knowledge serving to the productivity of the process of communication.

From the very beginning of ancient civilizations until contemporary societies economic discourse always has been essential and has had an influential impact on individuals and society. In my research, I will attempt to give some clarity to the most common concepts existing within the borders of the economic discourse. Specifically speaking about the basic concepts of the economic discourse several factors should be focused on. All the features, that the concept possesses as a main unit of cognitive linguistics remain, additionally gaining new acknowledgments within the frames of economic discourse. The economic discourse studies economic concepts existing both in economy and economics. Bringing light to the difference between economy and economics one should mention how they function in society. Economy refers to the production, distribution, and consumption of goods, while, economics is a study of the allocation of resources by individuals and societies to satisfy their wants and needs. The study of economics requires a perspective that focuses on the relationships among knowledge (truth), discourse (language), and meaning [Samuels 1990:1]. Economics can be treated as a system of rhetoric, including metaphor; of discourse; as a paradigm or ideology; a facet of intellectual history (ideas); a system of beliefs or interpretations [Samuels 1990:7].

The core concepts of the economy are scarcity, supply and demand, costs (opportunity cost) and benefits, and incentives (purchasing power). While analyzing the corpus of economic discourse we encounter tens, hundreds, or even, thousands of concepts that possess characteristics specific to terms and those of everyday common vocabulary. The following lexemes for sure can be treated as economic concepts; capital, goods, commodity, consumer, elasticity, equity, leverage, liquidity, market, scarcity, supply, business cycle, consumer price index (CPI), economic growth, income, macroeconomics, market economy, microeconomics, unemployment rate, deflation, economic depression, inflation, negative equity, recession, bear market, bull market, futures, bonds, securities, stock, etc. Frequently, among these concepts we encounter those with metaphorical connotations that make them appealing to cognitive linguistics study. As a final point, we may add how crucial is the role of economy and economics in the life of humanity. The target of this abstract is to reveal the relevance of research, give an analysis, and definition of conceptual and theoretical approaches to the issue with methodological consideration, and bring comprehension to the complicated economic processes.

References

Croft W., Cruse D. A. Cognitive Linguistics. UK: CUP, 2004. 356 p.

Evans V. How Words Mean. New York: OUP, 2009.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Category Reveals About the Mind. Chicago Press, 1987. 613 p.

Samuels W.J. Economics as Discourse, An analysis of the language of Economics. P. 1–14, Springer Science + Business Media, LLC, 1990/www.etymonline.com

Блинова Ольга Владимировна

*канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания им. Л. А. Вербицкой,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.blinova@spbu.ru*

КОНСТРУКЦИИ С ЛЁГКИМИ ГЛАГОЛАМИ В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Ключевые слова: русский язык, конструкции с лёгкими глаголами, повседневная речь, языковой корпус, синтаксические тесты.

1. Термин «лёгкий глагол» введён О. Есперсеном при описании структур вида V+NP *have a drink, take a drive, give a sigh* [Jespersen 1942: 117].

Изучаемые конструкции состоят из лёгких (то есть семантически «обесцвеченных», но не полностью семантически пустых) глаголов и неглагольных компонентов. В русском в качестве неглагольного компонента может выступать именная или предложная группа. Конкретный перечень глаголов, способных выступать в «лёгком» употреблении, скорее языкоспецифичен; [Butt 2010] приводит список типичных примеров, полученный кросслингвистически: ‘come’, ‘go’, ‘take’, ‘give’, ‘hit’, ‘throw’, ‘give’, ‘rise’, ‘fall’, ‘do/make’.

Основную смысловую нагрузку несёт неглагольная часть конструкции, являясь семантическим предикатом; однако вклад лёгкого глагола отнюдь не ограничивается выражением значений времени, вида, наклонения и пр.

Типичные свойства лёгких глаголов согласно [Butt 2010] таковы.

- a. Они входят в сложные предикации.
- b. По форме они идентичны соответствующим лексическим (“main”, “heavy”) глаголам и обладают аналогичными словоизменительными характеристиками.
- c. Лёгкий глагол и неглагольный компонент конструкции формируют совместную предикацию с совместно определяемой аргументной структурой.
- d. Конструкции с лёгкими глаголами моноклаузальны.
- e. Конструкции с лёгкими глаголами диахронически инертны; они не должны описываться как образованные в ходе грамматикализации. При этом они бывают лексикализованными и идиоматизированными.

В отечественной исследовательской традиции русские лёгкие глаголы изучались прежде всего в рамках подходов теории «Смысл ⇔ Текст» с применением аппарата лексических функций семейства OPER-FUNC-LABOR [Мельчук, Жолковский 2016].

2. Одни конструкции с лёгкими глаголами тяготеют к неформальным, другие — к формальным регистрам. Скажем, в [Wierzbicka 1982] английская конструкция *to have a N* описывается как «очень разговорная». В то же время употребление ряда конструкций с лёгкими глаголами характерно для официально-деловых текстов, ср. примеры типа рус. *давать объяснения, оказывать помощь, приносить в дар*. Обсуждаемые конструкции анализируют в том числе в контексте изучения языковой сложности и практики упрощения текстов. Например, даются рекомендации таких конструкций избегать, ср. совет “Use strong verbs <в этом контексте имеются в виду “full” или “main” verbs, то есть лексические глаголы — О.Б.>, avoid nominalizations” [10 Ways to Create Readable Writing]. Одной из техник упрощения текстов является замена конструкций на соответствующие перифрастические глаголы (оказывать помощь → помогать).

3. В настоящем докладе рассматриваются конструкции, обнаруженные в размеченном корпусе «Один речевой день» объёмом 217 818 слов. Демонстрируется, как на материале научных публикаций и данных словарей формировался список русских глаголов, способных выступать в «лёгком» употреблении. Эксплицируются результаты поиска кандидатов в конструкции с лёгкими глаголами в корпусе.

4. Кроме того, автор обсуждает ряд тестов, предложенных в научной литературе для идентификации конструкций с лёгкими глаголами и различения выделяемых разными авторами типов конструкций с лёгкими глаголами, ср. примеры из корпуса (1), (2) и результаты применения (только некоторых) тестов ниже.

(1) он говорит / мы не приседали / мы делали движения // [ordS120-11]

(2) ну потому что Литейный стоит / можно сделать кругалья через(:) (э-э) Дворцовый(:) и на Куйбышева ... [ordS102-02]

4.1. Тест на прономинализацию неглагольных компонентов

(3) ОКМаша делала движение, которое никто не замечал.

(4) ОКМаша делала движение, его никто не замечал.

(5) ???Вася сделал кругалья, который занял пять минут.

(6) ?Вася сделал кругалья, он занял пять минут.

(7) ОКМаша пожалела о движении, которое делала.

(8) ?Вася пожалел о кругале, который сделал.

4.2. Тест на плюрализацию.

(9) ОКМаша делала движения.

(10) ??Вася сделал кругали.

(11) ОКВася наделал кругалей.

4.3. Тест на внедрение посессивного местоимения.

(12) ОКМаша делала своё движение.

(13) ?Вася сделал своего кругалья.

4.4. Тесты на внедрение атрибутивного определения, выраженного прилагательным.

(14) ОКМаша делала быстрое движение.

(15) ОКВася сделал огромного кругалья.

4.5. Тест на сочинение предикативных существительных.

(16) ?Маша делала движение и жест.

(17) ?Вася сделал кругалья и манёвр.

5. Большой дискуссионный потенциал представляет не только основанная на интроспекции автора оценка приемлемости некоторых из представленных конструкций, но и интерпретация результатов применения разных тестов, а также выбор какого-то надёжного теста, срабатывающего на идентификацию русских конструкций с лёгкими глаголами.

Литература

- 10 Ways to Create Readable Writing // The University of Calgary. URL: <https://www.ucalgary.ca/live-uc-ucalgary-site/sites/default/files/teams/9/10-strategies-for-readable-writing-writing-strategies.pdf>
- Butt M. The light verb jungle: Still hacking away // Complex Predicates: Cross-linguistic Perspectives on Event Structure / eds M. Amberber, B. Baker, M. Harvey. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P.48–78.
- Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part VI, Morphology. Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1942. 570 p.
- Wierzbicka A. Why can you Have a Drink when you can't *Have an Eat? // Language. 1982. Vol. 58, no. 4. P.753–799.

Раздел 2 поддержан СПбГУ, id проекта 96417361, и выполнен за счёт НИР ГЗ «Юрико-лингвистическая неопределённость в текстах правовых актов с учётом их коммуникативных особенностей и юридических функций», рег. No ЦИТиС АААА-А19-119100190156-0. Остальные разделы поддержаны грантом РНФ № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи».

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
n.bogdanova@spbu.ru

КАК СКАЗАТЬ И ИЛИ КАК СКАЗАТЬ КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ (К РАСШИРЕНИЮ СЛОВНИКА ПМ)

Ключевые слова: прагматический маркер, рефлексив, гезитатив, речевой корпус.

Судьба любого словаря современного языка (об исторических судить не берусь), как это ни печально сознавать, такова, что он начинает устаревать, едва выйдя из печати. В первую очередь это касается словарей нормативных, прескриптивных, фиксирующих и кодифицирующих ту или иную литературную норму, — орфографическую, орфоэпическую, грамматическую и т. д. Кодификация, с одной стороны, опирается на установленную норму, а с другой — неизбежно отстает от нее, что связано и с постоянными изменениями в языке, и с вариативностью его норм, и с безграничностью материала, который не всегда удастся охватить в полном объеме, и с элементарным фактором времени, которое требуется на подготовку и издание любого словаря. Не обходит эта участь и дескриптивные словари, которые ставят своей целью не кодификацию, а лишь фиксацию того или иного положения дел в языковом, и тем более в речевом, лексиконе.

Не стал исключением и наш Словарь прагматических маркеров [ПМ 2021]. Он оказался первым изданием такого рода, фактически словарем «не-слов», и это было так необычно и по-научному ново, что мы (авторы) поспешили его издать, хотя и понимали, что первый блин вполне может оказаться немножко комом. На удивление, никакого «кома» не случилось, но лакуны в словнике все же обнаружили. И это меня, скорее, радует, чем огорчает: значит, избранные критерии отбора ПМ из всего нашего речевого лексикона «работают» и позволяют пополнять и расширять словник нашего словаря.

Парой таких единиц, которые претендуют на статус ПМ, но которые ускользнули в свое время от нашего внимания, являются маркеры как сказать и или как сказать. Контексты с этими единицами мелькают на страницах Словаря ПМ, и им даже дается в разных местах соответствующая прагматическая характеристика и комментарии, но отдельных словарных статей для них мы почему-то не сделали. Исправить этот недостаток (точнее — стать отправной точкой для этого начинания) и призвана настоящая работа.

Академические словари упоминают о единице как сказать (но не о маркере или как сказать!) только в ряду устойчивых словосочетаний в конце словарной статьи на глагол сказать: «служит для выражения колебания, неуверенности в чем-л. — Неужто меня не осилишь? — спросил Евсей. Илларион подумал. — Это как сказать. Может и осилю. Паустовский. Повесть о лесах» [МАС 1984: 101]. Видно, что в таких употреблениях перед нами не ПМ, а полнозначная лексико-синтаксическая единица, связанная с соответствующим маркером отношениями омофонии [Fraser 2006].

Тогда как в речевых корпусах богато представлены и иные употребления обеих единиц: вербального гезитатива как сказать (используется в ситуации заминки и гезитационного поиска) и рефлексива или как сказать (выражает рефлексив говорящего на сказанное или готовящееся к произнесению). Ср. (все примеры в тексте — из корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) и устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка; об особенностях орфографического представления (конвенциях дискурсивной транскрипции) материала ОРД см.: [Русский язык... 2016: 242–243]):

- (1) вот но (...) в этом собственно (...) как сказать / в этом ... *П загадка России (ОРД);
- (2) Кремль / это был собственно / как сказать... это была крепость своего рода / окружённая высокой / широкой кирпичной стеной (УП);
- (3) ничего не давала // *П главное у неё сегодня этот () как его / (...) лабораторный день / или как сказать ? (ОРД).

В контекстах (1)-(2) маркер как сказать оказывается «втянут» в достаточно протяженные хезитационные цепочки (подчеркнуты), что и обеспечивает ему статус ПМ, с утратой заданного толковыми словарями лексического значения. В примере (3) рефлексиву или как сказать? предшествует сначала цепочка вербальных и невербальных поисковых хезитативов — этот () как его / (...), — а затем и найденная в ходе хезитационного поиска единица: лабораторный день (подчеркнута), на которую говорящий и среагировал.

Обнаружились и промежуточные варианты — при наличии паузы внутри конструкции, ср.:

(4) И/ значит/ задача/ как сказать/ ну если/ так выражаясь там антропологически/ да/ вопрос/ кто... кто первый сядет/ и кто будет ностач... достаточно/ как сказать/ выдержан или/ как сказать/ чтобы остаться сидеть/ а не сн... не взлетать снова (УП);

(5) Хотя она была очень талантлива как актриса и училась в студии Завадского/ но она могла бы/ может быть/ скорее киноактрисой/ когда эпизод или... как сказать? (УП).

Такие примеры можно трактовать и как цельный маркер или как сказать, и как маркер как сказать после разделительного союза или.

Возможна и так называемая «реконструкция конструкции»: выявление тех прототипических вводных конструкций (как вам сказать / (или) как это сказать / не знаю как сказать), которые редуцировались в повседневном употреблении до рассматриваемых ПМ:

(6) бли... бли... близюсь* / близюсь / близюсь* / не знаю как сказать / к завершающим этапам (ОРД);

(7) И когда / нам немка / э-э м-м... подарила / э-э... м-м... вышила э-э... м-м... э-э как это сказать э-э м-м... мешочки / для... ночные рубашки (УП);

(8) Молодой такой/ комический или/ как это сказать? (УП).

Характер соотношения формально близких, но функционально различных единиц как сказать и или как сказать не уникален в нашей речи: такую же картину можно наблюдать в группах ПМ как его (её, их, это) (хезитативы) и или как его (её, их, это) (рефлексивы), ср.:

(9) а / всё ...а у меня на да... д... дача на этом / как его / на Дунае\$ // а ну / на Дунае\$ хорошо (ОРД) (хезитатив);

(10) тоже такой был / маленький / толстенький // *П на прапорщика / он похож вот / Настеренко или как его (ОРД) (рефлексив).

Ответ на вопрос, почему эти два маркера не удостоились отдельных словарных статей в Словаре ПМ, оказался прост: они упоминаются там как «ПМ-конструкции» (см., например, [ПМ 2021: 282]), и этого нам на тот момент показалось достаточно. Нет сомнения, что в ближайшей перспективе эти две словарные статьи должны быть написаны.

Литература

МАС — Словарь русского языка в четырех томах. 2-е изд., испр. и доп. Том IV. С — Я / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984. 794 с.

ПМ — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / под ред. Н. В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Fraser B. Towards a Theory of Discourse Markers // Approaches to Discourse Particles. Studies in Pragmatics, 1 / ed. by K. Fischer. Oxford: Elsevier, 2006. Pp. 189–204.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна¹, У Нань²

¹д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
n.bogdanova@spbu.ru

²магистр филологии, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st103099@student.spbu.ru

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ЕДИНИЦ РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: НА СТЫКЕ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ

Ключевые слова: неоднословная устойчивая единица, форма-идиома, прагматический маркер, полифункциональность, речевой корпус.

Интересным объектом для исследования в рамках коллоквиалистики являются неоднословные устойчивые единицы (УНЕ) разного типа: от форм-идиом (по барабану, не вопрос, без проблем, в принципе) до конструкций (<X Y-ка знает>, <X в том, что>) и прецедентных текстов (это я удачно зашёл; алё, гараж!). Эти единицы подчеркнута разноструктурные и разноуровневые: от словоформ до полноценных клауз.

Статистика таких УНЕ для русской повседневной речи была получена на материале аннотированной (ручное аннотирование) подвыборки в 300 тыс. словоупотреблений (195 речевых эпизодов) из корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) [<https://ord.spbu.ru>]. Общий словник УНЕ на этом материале составил 1088 единиц. Анализ показал, что в верхнюю зону частотного списка этих единиц (топ-10) попали две единицы из одного класса: формы-идиомы (ФИд) в принципе (ранг 1, ipm 410) и в общем (ранг 10, ipm 63). Они и стали объектом внимания в настоящем исследовании.

В целом список наиболее частотных УНЕ оказался очень разнообразен: кроме упомянутых единиц (в принципе и в общем), в него попали и прагматические маркеры (ПМ) (это самое, на самом деле, и так далее), и речевые формулы (всё равно, ничего себе! слава Богу! да ты что?!), и нефразеологизированная коллокация всё время. Выбранные для анализа в настоящем исследовании единицы отличаются от остальных из списка топ-10 тем, что фактически не могут быть охарактеризованы однозначно, их статус выражено полифункционален и полностью зависит от контекста. В разных употреблениях это либо вводные слова близкой семантики 'в основном, в общем' (в принципе) [МАС 1983: 428] и 'в конечном результате, в итоге' (в общем) [МАС 1982: 578], либо прагматические маркеры, выполняющие в повседневном дискурсе разные функции, прежде всего хезитативную и разграничительную, чаще стартовую [ПМ 2021: 61–68]. При этом, в отличие от других ПМ, всегда омофоничных исходным полнозначным единицам, в обоих своих статусах эти единицы остаются устойчивыми и неоднословными. Корпусный материал позволяет легко проиллюстрировать эту полифункциональность, ср. (об особенностях орфографического представления материала ОРД см.: [Русский язык... 2016: 242–243]):

- (1) в общем / в результате / ну там никакой охраны даже речи нет / в результате;
- (2) ну в общем короче / (м...м) каков наш / языковой день // так скажем / да?
- (3) ну не знаю / как (...) как соберешься выезжать / может быть // потому что я в принципе готова уже;
- (4) у нас просто очень насыщенные и так диалоги / что () в принципе (...) хватит / знаешь;
- (5) то есть / в принципе *В приравнивают педагога / к представителю властной силы(?).

В примерах (1) и (3) рассматриваемые ФИд употреблены в своих словарных значениях вводных слов, в остальных контекстах на первый план выходит прагматика: это либо хезитатив

(4), либо стартовый маркер (5), либо то и другое вместе: (2). Полифункциональность, таким образом, свойственна этим единицам и в целом — в их разноуровневых употреблениях, — и в рамках функционирования в одном статусе прагматического маркера.

Весь материал аннотированного подкорпуса был автоматически размечен также по частеречной принадлежности компонентов УНЕ. Наиболее частотной POS-структурой оказалась PREP NOUN (существительное с предлогом, то есть именно форма-идиома) (14,85 %). Наиболее типичные единицы такого типа в корпусе ОРД: в принципе (40,59 %), в смысле (5,61 %), в итоге (3,96 %), по идее (3,63 %). Видно, что и здесь ФИД в принципе оказалась в составе наиболее частотного класса.

Из 1088 УНЕ, полученных в ходе ручного аннотирования, доля ФИД составила 360 единиц, более трети которых (37,7 %) — это употребления именно формы в принципе (включая весьма частотную расширенную ее структуру ну в принципе), что еще больше повышает значимость данной ФИД как объекта исследования в самых разных аспектах (см., например, специальную работу о ней, выполненную также на материале корпуса ОРД: [У Нань 2023]).

Описание подобных полифункциональных единиц может быть важно в разных аспектах: коллоквиалистика, теория речевых актов, а также лингводидактика и практика перевода.

Литература

- МАС — Словарь русского языка в четырех томах. 2-е изд., испр. и доп. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, Том II. К — О, 1982. С. 578; Том III. П — Р, 1983. С. 428.
- ПМ — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / под ред. Н. В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- У Нань. Функционирование формы-идиомы В ПРИНЦИПЕ в русском устном дискурсе // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (54). Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 20–21 апреля 2023 года. Часть I / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. С. 763–767.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Военушкина Екатерина Алексеевна

канд. филол. наук, преподаватель,

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина;

voenushkina.kat@yandex.ru

СЕВЕРНОРУССКАЯ БЫЛИЧКА: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО АНАЛИЗА РЕЧИ

Ключевые слова: фольклорная речь, мультимодальный текст, быличка, меморат.

Фольклорная речь по своей сути является устной. Наименее регламентированными являются жанры сказочной прозы, а именно былички, бывальщины, поверья и легенды. Именно малые прозаические жанры в большей степени позволяют соотносить их не только с фольклорными жанрами, но и с речевыми. Под речевыми жанрами имеются в виду «относительно устойчивые типы высказываний, которые объединяются на основе тематического содержания, стиля и композиционного построения» [Бахтин 1979: 159].

Условия коммуникации фольклорной речи, в особенности, невербальные не входили в интересы филологов долгое время из-за сложностей их фиксации и отсутствия ясной методики анализа. Методика мультимодального анализа речи предполагает выделение трех информационных каналов: вербального, просодического и визуального [Кибрик 2010: 135]. Минимальной единицей вербального канала является элементарная дискурсивная единица (далее — ЭДЕ). В просодическом канале выделяются паузы, их длительность, акцент, колебания тона. Визуальный канал представлен разными типами жестов.

Объектом анализа являются 29 севернорусских быличек, затранскрибированных с учетом взаимодействия единиц трех информационных каналов. Материалом исследования являются аналоговые видеозаписи Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина. Были задействованы видеозаписи трех территориальных собраний: Подосиновское (Кировская область), Прилузское и Усть-Цилемское (Республика Коми).

Под быличкой понимается рассказ от первого лица о встрече с потусторонними силами. Для анализа былички как речевого жанра предлагается учитывать следующие коммуникативные параметры: тип речевого акта, характер информации, соотношение статусов говорящего и слушающего, характер диалога.

В результате мультимодального анализа быличек выяснилось, что данный жанр с точки зрения типа речевого акта характеризуется как репрезентатив. Говорящий в большей степени пытается передать информацию слушателю по запросу второго. Основной смысловой нагрузкой былички является повествование о встрече с представителями сверхъестественных сил, такое событие — не ежедневное явление, оно происходит в особом месте и в особое время, свидетелей такой встречи может и не быть. Соответственно важна аргументация информанта, связанная с истинностью произошедшей встречи. Смысл иллокутивного класса репрезентативов заключается в том, чтобы «зафиксировать (в различной степени) ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения» [Сёрль 1986: 181]. Для убеждения информант использует разные семиотические ресурсы. Например, он может детально описывать обстановку происходящего: Мы вот раньше... сено убирали. Туда... у реки убирали сено. Информант активно использует указательные жесты. Использование жестов при описании обстоятельств встречи связано с дейктической кинемой — ориентация ладони вверх.

С точки зрения характера информации содержание былички может оцениваться как описание личного опыта встречи со сверхъестественным персонажем, что активно выражается в вербальном информационном канале: «А у меня, например, лично было...»; «Не знаю, вот опять про себя... яяя... про людей то че. Не знаю дак не знаю. Знаешь, у нас мама худая... у меня была» В целом, в быличках встречаются указания на произошедшее именно с говорящим, а не с кем-то другим. Это выражается использованием личного местоимения я в форме И. п., Р. п, возврат-

ного местоимения себя, а также односоставных конструкций с предикатами в личной форме. Элементы просодического канала в быличке полностью воссоздают картину произошедшего, поскольку говорящий сам был свидетелем встречи с нечистой силой. Пример просодической тенденции и указания на действующих лиц случая: «Оно и при них... а там тоже... старушка была: «Аристарховна, сколько я тебя не видала», (изменённая интонация пародирования, повышение тональности, скорости речи). «Иди, посидим, поговорим», (изменённая интонация пародирования, повышение тональности, скорости речи). Эта закономерность свидетельствует о строгом разграничении между участниками беседы. Информант, переходя в пародирование речи то своей, то колдуньи, по-разному выстраивает просодический контур и признаки голосов. Соответственно говорящий, как лично получивший опыт встречи, может эмоционально, с помощью вокальных приемов, перенести свою встречу и оживить специально для убеждения слушателя.

В быличках статус говорящего и слушающего относительно равносильны. Вербально это выражается в обращении к собирателю во 2 л. в ед. ч.: «Раз застонала, два застонала. Вот видишь, как оно манило». Также встречается вежливая форма обращения: «Вот чёрт ладану боится, вы это понимаете? Это правда ведь!».

Характер диалога представляется не особенно формализованным, поскольку часто встречаются вставные конструкции, не затрагивающие содержание повествования. Например, в рассказе о том, как знахарь вылечил стоматит её внучке, информантка добавляет комментарий о внучке по ходу рассказа: «А у меня, например, лично было. Алёна у меня... внучка. (Третий курс, между прочим, закончила. СГУ-то, этот самый. Вот вчера... последний экзамен был. На пятерку сдала. Я говорю: «Не автоматом?» «Нет, бабушка, сдавала». (изменение голоса). Ну ладно, хорошо сдавала дак. (ускорение темпа речи). Три пятерки, дак (повышенная скорость речи). Это самое... мучают».

Литература

- Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М., 1986. С. 250–251.
- Кибрик А. А.* Мультиmodalная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. М., 2010. С. 135–152.
- Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей / под ред. Б. Ю. Городецкого. М., 1986. Вып. №17. С. 180–187.

Гулько Юлия Александровна

канд. филол. наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет;
gulko.yua@dvfu.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В УСТНОЙ НЕПРИНУЖДЁННОЙ РЕЧИ И ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АПЕЛЛЯЦИЙ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А. С. ПУШКИНА)

Ключевые слова: прецедентные феномены, устная речь, телеинтервью.

Прецедентные феномены относятся к единицам, отражающим историю и культуру национального сообщества. Прецедентными называют феномены, которые: 1) хорошо известны всем представителям национально-культурного сообщества; 2) актуальны в когнитивном и эмоциональном плане; 3) постоянно употребляются в речи представителей того или иного национального сообщества [Караулов 1987; Красных 2003]. Используя в речи прецедентные высказывания и прецедентные имена, говорящий апеллирует либо к прецедентному тексту, либо к прецедентной ситуации.

Большая часть прецедентных высказываний, звучащих в устной речи, выполняют предикативную функцию и используются для оценочной характеристики того или иного лица, предмета, явления, и цитаты из произведений А. С. Пушкина не являются в данном случае исключением.

- (1) Ну конечно/ других интересов кроме как полоть ваши грядки у меня нет! Давайте еще больше посадим! И будем вести «разговор про дождь/ про лен/ про скотный двор»;
- (2) Ну ты тут просто «друг степей калмык».

Однако ряд фактов употребления прецедентных высказываний из произведений А. С. Пушкина можно отнести к штампам: это те случаи, когда цитата возникла в результате фонетико-звуковых ассоциаций и оказалась дисфункциональной. Такие случаи в большей степени характерны для устной непринужденной речи в силу ее спонтанности.

- (3) — Четырехкомнатная квартира... У нас в комнате есть стол, телефон там есть.../
— Там и телевизор есть.../
— «Там и леший бродит»//
— А русалка там есть?

С другой стороны, прецедентные высказывания, звучащие в условиях непринуждённого общения, могут быть средством выражения и показателем социальной, личностной близости общающихся. И, конечно, сам факт употребления цитат из произведений А. С. Пушкина уже говорит о включенности говорящего в национальное культурное пространство.

«Прецедентные тексты, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки — стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из “фактологического” контекста мысли в “ментальный”, а, возможно, и обратно» [Караулов 1987: 220]. Мир, созданный в произведениях искусства, является для говорящего своеобразной точкой отсчёта, мериллом для понимания и оценки происходящего в реальной жизни. Подобное сопоставление мы встречаем как в устной непринуждённой речи, так и в телевизионных интервью. Приведем в качестве примера фрагмент расшифрованного интервью Д. Златопольской с режиссером Н. Михалковым, в котором они рассуждают о поучительности «Сказки о золотой рыбке» А. С. Пушкина.

- (4) Д. Златопольская. Наверное если одно имя какое-то выбирать/ это будет Пушкин// Н. Михалков. Ну конечно/ естественно Пушкин/ с самого детства/ сказки Пушкина / все они читались мамой в детстве/ это естественно// Мало того/ «Сказка о золотой рыбке»

э-э-э вообще в своей дальнейшей жизни/ я эту сказку дарил/ разным женщинам//
Д. Златопольская. Женщинам дарили?
Н. Михалков. Ну это же в основном/ значит/ про эту самую.../
Д. Златопольская. (с иронией) только женщина хочет быть столбовой дворянкой...
Н. Михалков. ... поэтому очень поучительно//
Д. Златопольская. Это правда
(Телевизионная передача «Белая студия», канал «Культура»).

Интересен тот факт, что поведение пушкинских героев (чьи имена стали прецедентными) рассматривается как приемлемая или неприемлемая модель поведения, в том числе речевого. Так, например, актер С. Маковецкий, говоря о своей излишней эмоциональности, сопоставляет манеру поведения Онегина и Ленского и находит свое сходство с Ленским, ср.:

- (5) С. Маковецкий. <...> Но наверное и в жизни я так воспринимаю все/ скорее не разумом/ к сожалению/ а вот эмоцией/ чувством.../ <...> Иногда бывает чрезмерная реакция на пустом месте// Какая-то глупая/ очень жесткая реакция/ раздражительная какая-то реакция // Ничего не случилось/ но первая реакция такая// Подумаешь/ мне не понравилась интонация по телефону/ и что? <...> Сережа/ учитесь властвовать собой! Нет/ господин Онегин мне не помогает// Я не властвую собой// Я часто все-таки реагирую как Ленский (Телевизионная передача «Белая студия», канал «Культура»)

Если говорить об особых функциях прецедентных феноменов в интервью, то стоит отметить, что их способность соединять в себе вымышленный и реальный мир позволяет интервьюеру использовать их как средство расширения (иногда — смены) темы. Кроме того, прецедентные единицы служат своего рода каркасом, держащим диалог между гостем студии и ведущим. Так, в приведенном ниже фрагменте интервью ведущая расширяет тему разговора, предлагая поговорить о любви, отталкиваясь от романа «Евгений Онегин», а после рассуждений гостя, его воспоминаний о реальных событиях, «закольцовывает» коммуникативный эпизод цитатой из того же романа:

- (6) Д. Златопольская. «Евгений Онегин»/ Вы назвали как лучшее произведение о любви/ хотя любовь там в общем не состоялась как бы// Вы полагаете что любовь/ она всегда такая незаконченная/ незавершенная?
Н. Михалков. Любовь/ это вообще все//
<...>
Д. Златопольская. Это настолько есть в том что Вы делали совместно с Эдуардом Артемьевым// Даже вот в «Рабе любви» песня <...> Это вот какая-то недоговоренность/ недосказанность/ недо... вот случилось// Вот это чувство «А счастье было так возможно» как гениально написал Пушкин
(Телевизионная передача «Белая студия», канал «Культура»).

Таким образом, мы можем говорить о том, что прецедентные феномены не только являются показателями принадлежности к национальной культуре, но и выполняют коммуникативно-прагматические функции.

Литература

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 374 с.

Ерофеева Елена Валентиновна

д-р филол. наук, профессор,

Пермский государственный национальный исследовательский университет;

elenerofee@gmail.com

ДИСКУРСИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ «ВОТ + X + ВОТ» В УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ: ВАРИАТИВНОСТЬ, ФУНКЦИИ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ

Ключевые слова: устная речь, дискурсивные конструкции, вот + X + вот, социолингвистическое варьирование.

Дискурсивы являются обязательными элементами устной спонтанной речи, они регулируют «дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» [Подлеская, Кибрик 2009: 390], обеспечивают смысловую целостность коммуникации, «выражение эмоционального отношения говорящего к ситуации, а также регуляцию процесса понимания сказанного» [Шилихина 2015: 120]. Помимо отдельных слов, в качестве дискурсивов могут использоваться конструкции, в которых часть элементов является постоянной, а часть — вариативной [Прагматические маркеры 2021]. Таковой является и конструкция «вот + X + вот», которая «существует исключительно как структурная модель, которая каждый раз заполняется новой единицей: вот так вот, вот такой вот, вот отсюда вот и т.д.» [Прагматические маркеры 2021: 109], она не имеет стандартной формы и не выделяется традиционными словарями как самостоятельная языковая единица, однако описана вместе с функциями в словаре «Прагматические маркеры русской повседневной речи» [Прагматические маркеры 2021: 109].

Предметом рассмотрения в докладе является дискурсивная конструкция «вот + X + вот» как социолингвистическая переменная.

Материалом исследования послужила устная речь, записанная в результате проведения полуструктурированных интервью с жителями двух районных центров Пермского края — Кунгура и Соликамска, в которых информанты рассказывают о городе, местных достопримечательностях, известных людях в городе и др., а также о себе. Выборка респондентов (48 чел.) была сбалансирована по следующим социальным параметрам: город проживания (Кунгур, Соликамск), пол (женский, мужской), возраст (1 возрастная группа — от 24 до 34 лет; 2 возрастная группа — от 35 до 44 лет, 3 возрастная группа — от 45 до 55 лет), образование (высшее, среднее), специальность (гуманитарная, негуманитарная). Общий объем проанализированного речевого материала — более 17 ч. звучащей речи (около 97 тыс. словоупотреблений).

В данном речевом материале были выделены все конструкции «вот + X + вот» (всего 174 употребления), проанализирована вариативность данной конструкции, а также частота ее использования в речи в зависимости от социальных параметров информантов.

Анализ вариативности конструкции позволил выделить 45 разных заполнителей, наиболее частотными из которых были слова этот (и его грамматические варианты), такой (и его грамматические варианты), так, это. Кроме того, было установлено, что данная конструкция может дублироваться и использоваться в форме «вот + X + вот+ X + вот» (вот так вот это вот, вот это вот такое вот и т.п.) — такая конструкция получила название дискурсивный дубль.

В устной речи данная конструкция может использоваться не только в повествовательных, но и в вопросительных высказываниях, хотя и гораздо реже.

Анализ функций дискурсивной конструкции показал, что в данном типе устной речи она выполняет не только те функции, которые указаны в словаре «Прагматические маркеры русской повседневной речи» (дейктическую, разграничительную и гезитативную) [Прагматические маркеры 2021], но и ритмообразующую и эмфатическую, при этом эмфатическая функция — одна из наиболее частотных. Эта конструкция чаще всего полифункциональна, чаще всего сочетаются дейктическая и эмфатическая функции.

В результате частотного анализа устных текстов было выявлено, что из 48 информантов изучаемую конструкции употребляли в устной речи 28 чел. (около 60 %). Чаще в речи ее использовали жители города Кунгура (129 употреблений из 174 — 74,1 % от всех употреблений), при этом говорящие, в чьей речи было обнаружено максимальное число использований дискурсивной конструкции «*вот + X + вот*» (от 10 до 26 употреблений), все оказались жителями г. Кунгур.

Анализ других социальных факторов показал, что значительно чаще данную конструкцию используют женщины (130 употреблений), чем мужчины (44 употребления); а также представители 2 возрастной группы (70 употреблений) на фоне 1 (49 употреблений) и 3 групп (55 употреблений). Разница в использовании конструкции между людьми с высшим и средним образованием, а также между гуманитариями и негуманитариями не столь значительна.

Дисперсионный анализ относительных частот употребления дискурсивной конструкции «*вот + X + вот*» показал, что ее использование в речи существенно зависит только от фактора «*пол*».

Таким образом, исследование функционирования дискурсивной конструкции «*вот + X + вот*» в устной речи показало, что она весьма вариативна и может рассматриваться как социолингвистическая переменная.

Перспективой исследования является рассмотрение социолингвистического варьирования изучаемой конструкции в зависимости от ее заполнения.

Литература

- Подлеская В. И., Кибрик А. А.* Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог 2009». М.: РГГУ, 2009. С. 390–395.
- Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
- Шилихина К. М.* Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. 2015. Вып. 3. С. 120–125.

Курмакаева Нина Петровна

канд. филол. наук, доцент, Донецкий государственный университет;
kurmakayeva@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДОНЕЦКОМ РЕГИОЛЕКТЕ

Ключевые слова: донецкий диффузный региолект, глагольное управление, уникальные компоненты.

Содержательная часть заявленной темы мыслится как фрагмент раздела «Синтаксис донецкого региолекта» в готовящейся второй книге монографии «Донецкий региолект», над которой работает коллектив кафедры русского языка ДонГУ. Изучение живой разговорной речи на территории Донбасса — не самоцель, а лингвокультурологическая задача и дидактическая необходимость. Высказывание в речевой цепи, построенное с отступлениями от литературной нормы, нуждается не просто в корректировке (особенно если это речь школьника или студента), но в установлении характера допущенного нарушения, в обосновании причин и в выборе способов устранения. Одним из распространенных явлений в области синтаксиса предложения-высказывания в современной речи дончан следует признать функциональную «живучесть» словосочетаний с ненормативным глагольным управлением. В статье систематизируются и обосновываются наиболее частотные случаи отступлений от литературной нормы в сфере глагольного управления при построении фраз как результат влияния донецкого диффузного региолекта.

О понятии региолект написано много работ (А. С. Герда, С. А. Кошарной, Т. Ф. Новиковой, Е. А. Оглезневой, В. И. Трубинского и др.), однако объем и границы этого явления остаются дискуссионными. Новый подход к обоснованию данного понятия предложил проф. В. И. Теркулов, охарактеризовав специфику донецкого региолекта как диффузного, в отличие от преимущественно диалектных региолектов других регионов. Их основное различие лежит в сфере несовпадающих уникальностей. Если основным признаком диалектных региолектов является уникальность компонентного состава, то для диффузного характерна преимущественно «уникальность организации системы (выделено автором. — Н. К.): собранные в нем из разных идиом компоненты обычно сочленяются так, как никогда не сочленялись в исходных языках, диалектах и региолектах» [Донецкий региолект 2018: 22]. К процедуре такого сочленения логично отнести и построение словосочетаний по принципу управления.

Понятие «синтаксическое управление», несмотря на солидную историю и всеобщее признание в науке и образовании, тоже остается без четко очерченных границ (ср. «сильное управление», «слабое управление», «именное примыкание»). Если под управлением понимать подчинительную синтаксическую связь, «формальным показателем которой является падежная форма зависимого компонента, обусловленная лексико-грамматическим значением господствующего компонента словосочетания» [Луцкай 2010: 247], то необходимо признать, что при этой связи важны оба компонента — и управляющий, господствующий со своим лексико-грамматическим потенциалом (значением и валентностным диапазоном), и управляемый, зависимый (всегда падежная или предложно-падежная словоформа), тем более в ареале диффузного региолекта. Внимание к обоим компонентам словосочетания требует на первом этапе анализа фактического материала разделить его на 2 массива: 1) с особенностями выбора господствующего слова (ненормативность глагольного словоупотребления); 2) с особенностями выбора формы зависимого компонента (неправильность падежа и/или предлога). Донецкий региолект дает немало примеров и того, и другого типа.

- (1) А) Управляющий глагол с постфиксом –ся на месте беспостфиксального: Смотрю: играют во дворе в прятки (вм. играют); Сидим гуляемся с подругой; Ну чего ты вступился в их разговор? (вм. вступил; но вступить за брата).
- Б) Просторечные, искаженные или с измененной семантикой управляющие глаголы: не стоит с ними заводиться (вм. связываться); нас завернули с полдороги (вм. поверну-

ли, возвратили); разбут сапоги; вытрусить половики (вм. вытряхнуть, вытрясти); упустить деньги на пол (вм. уронить; ср.: упустить конец веревки) и др.

Примеры демонстрируют разную степень сочленяемости компонентов, находящуюся в зависимости от источников уникальности господствующего глагольного слова (русское просторечие, южнорусские диалекты, украинский язык или его диалекты).

- (2) А) Ненормативность выбора формы зависимого беспредложного компонента в косвенном падеже: Что вы завтракали? (вм. чем); Прошлое лето мы отдыхали в Крыму (вм. прошлым летом); Поражаюсь твоему спокойствию (вм. чем? — твоим спокойствием; ср.: удивляюсь спокойствию); Днями состоится встреча (вм. на днях); его там встретили прохладцем (вм. с прохладцей); Выпить ситра (вм. ситро, так как несклоняемое).
- Б) Ненормативность выбора контактного компонента — предложно-падежной словоформы:
- в том же падеже, но с другим предлогом: прийти со школы / с университета; жить на Донбассе / на поселке (вм. в);
  - с изменением падежа и предлога: поехать до бабушки; пять прибавить до семи; обратиться до врача (вм. к кому / чему); Это было за Кучму/ за царя Гороха (вм. при ком); Я за брата не знаю; расскажи за экзамен (вм. о ком / о чем); Одеться было не в чем (вм. не во что); Опоздали через автобус (вм. из-за чего);
  - употребление предложно-падежной формы на месте падежной: любовались на танцующих детей / на цветы в палисаднике (вм. кем / чем).

Это лишь часть эмпирического материала, уже дающая представление о разнообразии региолектно отмеченных структур со связью управление, которые присутствуют в спонтанной разговорной речи жителей Донбасса и передаются от поколения к поколению как узуальные, принятые в речевом обиходе. В докладе предполагается дать развернутую характеристику каждому подтипу с уклоном в дидактический аспект.

Литература

- Донецкий региолект: монография / под ред. В. И. Теркулова. Донецк: ООО «НПП Фолиант», 2018. 264 с.
- Луцкай В. В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики: монография. Донецк: ДонГУ, 2010. 255 с.

Попова Татьяна Витальевна

д-р филол. наук, профессор,

Гуманитарный институт УрФУ им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина;

porovatv@mail.ru

РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ НА ОБЛОЖКЕ СОВРЕМЕННОЙ КНИГИ: ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА, ДИЗАЙНЕРА, МАРКЕТОЛОГА

Ключевые слова: орфография, обложка книги, защитная функция, культурно-информационная функция, рекламно-маркетинговая функция, аттрактивная функция.

1. Создание современной книги — коллективное дело, в котором принимают активное участие не только автор, но и специалисты издательско-полиграфической сферы: лингвисты, редактор и корректоры, работают над формальной и содержательной «читабельностью» книги, дизайнер обеспечивает ее эстетическое и техническое оформление, полиграфист — материальное «размножение», тиражирование книги, маркетолог — ее продвижение на рынке и др. Цель у всех участников процесса одна, но требования не всегда гармонично сочетаются друг с другом. Это прежде всего касается обложки книги.

2. Обложка как правило представляет собой лист плотной бумаги или мягкого картона, которым обёрнут книжный блок; она служит не только для его защиты, художественного оформления, но и для первого, очень кратковременного, но важного — аттрактивного — воздействия на читателя по формуле AIDA (attention — interest — desire — act). Привлечение внимания читателя к книге приобретает особую важность в современных условиях, когда доминируют не реальные походы по книжным магазинам, но онлайн-покупки в интернете. Нарушение норм, в том числе графико-орфографических, является традиционным экспрессивно-эстетическим приемом, привлекающим внимание потенциального покупателя (читателя). Любое несоблюдение нормы нарушает автоматизм восприятия текста, что привлекает внимание потенциального читателя, вызывает его интерес и способствует увеличению продаж книги.

3. В начале XXI в. нарушение орфографических норм на обложке издаваемых книг приобрело лавинообразный характер. Это проявляется, в частности, в следующем:

- 1) почти полное отсутствие обложек с традиционным, корректным с точки русской орфографии оформлением. Так, анализ 150 обложек книг различных писателей и издательств, появившихся в 2022 г. в книжном магазине «Лабиринт», обнаружил отклонения от орфографических правил в 85 % изданий [Михеева, Попова 2023: 334];
- 2) нарушения охватывают все виды текстов, встречающихся на обложках книг: авторский блок (ФИО автора, переводчика или иллюстратора, заслуги автора), заголовочный блок (название книги на русском языке, название произведения на иностранном языке, наименование серии, к которой она относится, место в серии), литературоведческий блок (жанр книги, краткая аннотация, цитата из произведения, отзыв о произведении, его популярность), издательский блок (дополнительные надписи, косвенно относящиеся к произведению: издательство, серия произведений в издательстве).

Анализ материала показал, что орфографически некорректное оформление на обложке названия книги и издательства составляет 91 % от 150, заслуги автора (победы в конкурсах, мнение известных критиков, политиков и других читателей) — 88 %, ФИО автора — 77 %, краткая аннотация — 74 % и т. д. [Михеева, Попова 2023: 336];

- 3) разнообразие нарушаемых орфографических норм, особенно часто наблюдается неупотребительное употребление прописных и строчных букв, несоблюдение правил переноса, сочетание латиницы и кириллицы в одном тексте и даже слове и под. Как показывают наблюдения, наиболее частым отклонением является гиперактивное употребление прописных букв (99,2 % обложек): все буквы прописные — 38,6 %; все буквы строчные — 0,8 %; ча-

стично правильное, частично отклоняющееся от норм орфографии русского языка употребление прописных и строчных букв — 60,6% [Михеева, Попова 2023: 336].

Подобные отступления от орфографических норм относятся современной лингвистикой к таким видам орфографической вариативности, как неузуальная, небуквенная, интерпретационная, контекстная [Нечаева 2022: 47–59].

4. Значительное количество отступлений от графико-орфографических норм на обложках современных изданий обусловлено комплексом факторов: с одной стороны, усилением свободы и креативности современной языковой личности [Юдина 2016: 227], с другой — современным доминированием аттрактивно-маркетологической и рекламной функций обложки над ее культурно-информационной ролью, усилением восприятия книги прежде всего как товара, а не как социально-культурного феномена.

5. Системные отступления от графико-орфографических норм на обложках современных книг значимы как для рядового русскоязычного читателя — для формирования его речевой грамотности и культуры, так и для лингвиста: этот феномен свидетельствует о вариативности современной орфографии, возможно — о начале формирования особого, маркетологически ориентированного, ее варианта, свойственного рекламе вообще и, в частности, такого ее носителя, как книжная обложка. Начинается новый виток дифференциации русской орфографии, которая до последнего времени развивалась в противоположном направлении — от вариативности к единой норме [Науменко 2021: 1–2]. Проблема вариативности современной орфографии является недостаточно разработанной, но актуальной в современной лингвистике [Нечаева 2022: 47].

Литература

- Михеева Е. А., Попова Т. В.* Нарушения норм русской орфографии на книжной обложке художественных произведений, изданных в 2022 году // Актуальные вопросы перевода, лингвистики, истории литературы и фольклора: сб. статей XI Междунар. науч. конф. молодых ученых (10 февраля 2023 г.); Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2023. С. 334–339.
- Науменко С. В.* Русская орфография от вариативности к единой норме: основные этапы становления по данным лексикографических и архивных источников: автореф. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2021. 38 с.
- Нечаева И. В.* К типологии орфографической вариантности в русском языке // Русская речь. 2022. № 3. С. 47–59.
- Юдина Н. В.* Русская орфография и пунктуация в XXI веке: «человек» и «закон» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 227–233.

Попова Татьяна Ивановна

*канд. филол. наук, научный сотрудник кафедры русского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет;
tiporova13@gmail.com*

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК УСТОЙЧИВЫЕ НЕОДНОСЛОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ: ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ И ОПИСАНИЯ

Ключевые слова: корпусный материал, экспертная разметка, повседневная речь, устойчивые неоднословные единицы, окказионализмы.

В статье рассматриваются проблемы описания и классификации класса устойчивых неоднословных единиц (УНЕ), который определяется как окказиональный (ОК) по результатам экспертного аннотирования материала корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) [<https://ord.spbu.ru>].

Систематизация и принципы классификации УНЕ разрабатываются научным коллективом Санкт-Петербургского государственного университета в рамках проекта, поддержанном грантом РФФИ.

В рамках анализа корпусного материала проведена экспертная разметка текстовых расшифровок в объеме 300 тыс. словоупотреблений от 195 информантов разного пола и возраста. Общий словник УНЕ составил 1088 единиц. Для экспертов была разработана особая система аннотирования на основе существующего описания устойчивых единиц устной речи с точки зрения их структурного и функционального разнообразия [Лю Даян 2018].

На первом этапе использовалась «пилотная» классификация УНЕ, которая содержит 8 основных классов:

- 1) нефразеологизированные конструкции;
- 2) фразеологизированные конструкции;
- 3) окказиональные конструкции;
- 4) формы-идиомы;
- 5) конструкции;
- 6) элементы прецедентных текстов;
- 7) неоднословные прагматические маркеры;
- 8) речевые формулы.

Результаты «пилотной» разметки показали, что предложенная типология в целом хорошо отражает особенности УНЕ, которые встречаются в устной речи, поэтому она была принята за основную при проведении дальнейших исследований. После аннотирования ключевой задачей исследователей становится подробное описание единиц внутри каждого класса.

В процессе разметки материала под тегом ОК были обнаружены 18 единиц, еще 20 получили данный тег в качестве второго (дополнительного) класса тех УНЕ, которые базово размечены как ФК.

Основной проблемой при дальнейшем описании полученного списка данного класса УНЕ является определение самого понятия окказионализм.

Это связано с тем, что часть обнаруженных в корпусном материале УНЕ представляет собой модифицированную фразеологизированную конструкцию (см. о модификациях [Лю Даян 2018]): едешь на шее (УНЕ) VS сесть на шею; удар ниже пейджера (УНЕ) VS удар ниже пояса; в душе сжимается (УНЕ) VS сердце сжимается/душа болит.

Не все приведенные примеры исходных фразеологизированных УНЕ кодифицированы и нормативны. Но они встречаются в НКРЯ в основном подкорпусе (39 примеров) и в подкорпусе «Социальные сети (30 примеров). Ср.:

- (1) Ну, знаешь ли, это уже удар ниже пояса [Л. Сторч. Вечер осенний // «Менестрель», 2015] (основной);
- (2) Про импортозамещение вспоминать это вообще удар ниже пояса [У нас и у них (2019–2021)] (Социальные сети).

Но другую часть примеров УНЕ класса ОК нельзя соотнести с единицей, которая бы уже существовала в языке в определенном значении, а в процессе употребления в повседневной коммуникации лишь модифицировалась: вошь в ухо залетела; это тебе не в тапки сс*ть; кушать батарейку как трактор.

В. В. Елисеева отмечает, что само явление окказионализма определяет в языке разовая (курсив мой. — П. Т.) стилистическая задача окказионального слова. Но еще важнее, что именно контекст, то есть коммуникативная ситуация, задает возможность реализации значения единицы через каждый ее компонент. В таком случае ОК создается для использования и понимания вне (курсив мой. — П. Т.) изначального контекста [Елисеева 1984].

Но возникает вопрос относительно того, насколько правомерно называть окказиональные явления устойчивыми? Не противоречит ли это специфике окказионализма как случайного явления? Но если четверо экспертов в процессе разметки материала выбрали разные случаи в речи разных информантов и отметили их как УНЕ класса ОК, значит, что-то в структурном, содержательном, прагматическом плане отмеченной УНЕ позволяет воспринимать случайную единицу как ту, что потенциально может стать устойчивой.

В данном исследовании с помощью корпусного материала восстанавливается связь окказионального варианта с первоисточником. Оказывается, что УНЕ, отмеченные в ОРД как ОК встречаются в разных корпусах. Ср.:

- Не нужно тратить годы, штудирова талмуды... забивать мозги расчетами гороскопов противника и его личным временем максимума или минимума в том или ином «канале». [Попасть в точку, или искусство поражения нервных центров (2004) // «Солдат удачи», 06.10.2004] (Основной корпус НКРЯ).

В подкорпусе «Социальные сети» УНЕ забивать мозги встречается четыре раза:

- Ничего личного там не было и здесь забивать мозги перепиской Каутского с Энгельсом может только русский дурак. [galkovsky. livejournal.com galkovsky (2013)].

Можно считать, что забить мозг — это вариант употребления коллокации забить голову, которая в различных корпусах встречается значительно чаще. Любопытно, что в УНЕ можно зафиксировать третий компонент — существительное в творительном падеже, который будет вариативен в большей степени, чем второй компонент (голову vs. мозги).

На данном этапе исследования стоит задача обнаружить лексические, грамматические, структурные и прагматические особенности выделенных в ходе экспертной разметки корпусных данных УНЕ класса ОК. Если окажется, что все единицы встречаются в корпусном материале, то мы вынуждены будем признать окказиональные примеры скорее модифицированным вариантом другого класса УНЕ — фразеологизированных коллокаций.

Литература

- Елисеева В. В. Авторский окказионализм как средство создания комического эффекта (в прагматическом аспекте). СПб, 1984.
- Лю Даян. Модифицированные идиомы в русской повседневной речи // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 20–34.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Се Жоу

магистр лингвистики, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет;
xiejuo@mail.ru

ЧУЖАЯ РЕЧЬ В МОНОЛОГАХ НА РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ: НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПЕРЕДАЧИ

Ключевые слова: чужая речь, спонтанная речь, монолог-описание, коллоквиалистика.

Чужая речь (ЧР) — одна из теоретически значимых проблем в современной лингвистике. Под ЧР понимается «речь в речи» (с лексическими, графическими, интонационными показателями инородности), которая образует единство двух линий сообщения: линии «своего» и «чужого», «автора» (субъекта) и «неавтора» (объекта) [Чумаков 1977: 47].

Типология разновидностей передачи ЧР разрабатывалась многими исследователями, два классических способа ее передачи — конструкции с прямой и косвенной речью. Кроме них, существуют и другие — неклассические — способы, описание которых и стало целью настоящей работы. Материалом для анализа стали 34 спонтанных монолога-описания, записанных от 14 русских и 20 китайских информантов. Все монологи представляют собой описание сюжетного изображения — комикса Х. Бидструпа «Эликсир для волос», из корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) [Звуковой корпус... 2013]. Все примеры в статье атрибутированы с указанием номера и родного языка информантов (К1..., Р1...), их пола (М/Ж), психотипа (И — интроверт, А — амбиверт, Э — экстраверт), для китайцев — еще и уровня владения русским языком: более высокий С1 и более низкий В2.

1. Несобственно-прямая речь

Несобственно-прямая речь — это чужая речь, непосредственно включенная в авторское повествование, сливающаяся с ним и не отграниченная от него; она не оформляется как придаточная часть (в отличие от косвенной речи) и не вводится специальными словами автора (в отличие от прямой речи); не имеет типизированной синтаксической формы [Крючков, Максимов 1977: 173–175], ср.:

- (1) такие волосы превратили его / можно сказать / в какого-то / неизвестного [зверя / караул! / караул! / кто сможет [ы меня выручить? (К7, Ж, И, С1);
- (2) он такой счастливый пошёл домой вот щас-с / я решу [все свои проблемы / и жизнь начнётся (Р11, Ж, И).

2. Полупрямая речь

Полупрямая речь характеризуется смешением двух классических типов передачи ЧР: в конструкциях с косвенной речью сохраняются лексический состав и грамматическое построение прямой речи, ср.:

- (3) на дороге он [думал что э-м [мп [неужели [этот эликсир помогает э-м [(К18, Ж, Э, С1).

Приметами прямой речи в контексте (3) можно считать паузы хезитации (l), неречевые звуки и звуковые артефакты (э-м, причмокивание мп).

3. Тематическая речь

В тематической речи обычно наблюдается целостная синтаксическая конструкция, в которой приводятся обобщенные указания на содержание речи. Такое обобщение в данном материале выступает как описание разговора, без его передачи, ср.:

- (4) однажды лысый мужчин / пошёл в а... [в апокатеку / и-и [н-н [попросил [н-н [лекарства которые могут помог [л] которые помо... помочь [ему расти [волосы-ы (К2, М, И, С1);

- (5) он приходит / в магазин // спрашивает у продавщицы средство для а-а /// э хор... / для роста волос (Р6, М, И).

4. Указание на речь

В контекстах с указанием на речь нет ни передачи ее содержания, ни обозначения темы:

- (6) он-н [кри... кри.. кричал // н-н [кричал / плакал (К1, Ж, Э, В2);
 (7) он [ы увидел своё изображение в зеркале / и-и ы-н [и-и [закричал с радостью (К7, Ж, И, С1).

5. Комбинация типов

В нескольких контекстах наблюдается комбинация типов передачи ЧР, ср.:

- (8) красивая женщина / ы-н [посове... посоветовала [ему что (косвенная речь) [<кашель> [одну-у [ы-н [лекарст... о... о... одно лекарство / (тематическая речь — описание разговора) (К1, Ж, Э, В2).

Количественное распределение употреблений классических и неклассических типов передачи ЧР представлено в табл.

Таблица. Количественное распределение типов передачи чужой речи в монологах на родном (русские) и неродном (китайцы) языке

Тип передачи ЧР	Общее (%)	КИ (%)	РИ (%)
Классические типы			
Прямая речь	66,7	66,7	66,7
Косвенная речь	33,3	33,3	33,3
ВСЕГО	38,7		
Неклассические типы			
Несобственно-прямая речь	31,5	21,4	60
Полупрямая речь	21,1	28,6	0
Тематическая речь	21,1	14,3	40,0
Указание на речь	15,8	21,4	0
Комбинация типов	10,5	14,3	0
ВСЕГО	61,3		
Общее (%)	100,0	74,1	25,9

Из таблицы видно, что в материале исследования существенно чаще использовались неклассические типы передачи ЧР (61,3%), среди которых преобладала несобственно-прямая речь (31,5%). Китайские информанты в своих монологах-описаниях в принципе чаще передавали речь героев комикса, чем русские (74,1 vs 25,9%). При этом китайцы из всех неклассических типов передачи ЧР предпочитали полупрямую речь (28,6%), а русские — несобственно-прямую речь (60%).

Передача чужой речи в устных монологах-описаниях характеризуется сохранением специфических черт спонтанной речи: обрывы слов, повторы, оговорки, самокоррекция, паузы хезитации, в том числе заполненные неречевыми звуками, звуковые артефакты, слова-паразиты и т. д.

Вся ЧР в рассматриваемых монологах лишь воображается говорящими, поскольку комикс не содержит ни монологов, ни диалогов персонажей, а подобная речевая деятельность требует определенных ментальных усилий со стороны говорящего. Это составляет сложность даже для говорящих на русском языке как родном, и особенно это непросто для иностранцев, только изучающих русский язык.

В дальнейшем важно обратить внимание на корреляцию выявленных способов передачи ЧР с социальными и психологическими характеристиками говорящих, что можно будет использовать в аспекте преподавания РКИ.

Литература

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1977. С 173–175.

Чумаков Г. М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблема грамматики, лексикологии, стилистики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Днепропетровск, 1977. 47 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Китайского стипендиального совета, проект в Европе № [2023]32 (программа поддержки выдающихся выпускников России, Украины и Белоруссии).

Сян Янань

магистр лингвистики, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st112867@student.spbu.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР-АППРОКСИМАТОР ВРОДЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНТЕКСТНЫХ «СОСЕДЕЙ»

Ключевые слова: прагматический маркер, аппроксиматор, хеджирование, хезитация, речевой корпус.

Русская повседневная речь отличается спонтанностью, что вынуждает говорящего неосознанно вербализовать попытки построения связного текста и выбора нужных языковых средств. Ему помогают в этом особые единицы — прагматические маркеры (ПМ) [Богданова-Бегларян 2021], которые происходят из обычных лексем и в определенных контекстах теряют (полностью или частично) свое лексическое, а зачастую и грамматическое значение и приобретают прагматическое (функцию в тексте). Одним из разрядов таких единиц являются прагматические маркеры-аппроксиматоры (ПМА) — маркеры приблизительной номинации, которые употребляются говорящим, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [Подлеская 2013]. Близко к ПМА понятие хеджа (от англ. hedge — ‘уклонение от прямого ответа, страховка’) [Lakoff 1973]. Стратегия хеджирования предполагает использование говорящим единиц так называемой «осторожной» модальности: неопределенных местоимений или наречий, а также вводных слов, выражающих неуверенность говорящего (какой-то, наверное, как-нибудь). Одним из типичных ПМА русской повседневной речи является вроде [Богданова-Бегларян 2021: 25].

Целью настоящей работы является описание контекстных «соседей» ПМА вроде в русском повседневном дискурсе. Под «соседями» при этом понимаются не любые единицы, стоящие рядом с маркером, а лишь хеджи, другие ПМ или частицы, которые можно рассматривать как расширители базовой структуры ПМА: ну, как, да и под. Источниками материала для исследования стали устный подкорпус (УП) НКРЯ и корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД). В работе используются такие научные методы исследования, как метод целенаправленной выборки, описательный, сопоставительный и квантитативный виды анализа. В пользовательский подкорпус вошли 373 контекста с ПМА вроде, в том числе 139 употреблений вроде (37,3 %) с расширением структуры маркера за счет «соседей», которые могут быть слева от маркера (25,9 %: ну вроде, вот вроде и др.), справа от маркера (64,0 %: вроде как, вроде всё и др.), а также с двух сторон сразу (10,1 %: ну вроде того что и др.).

Из левых контекстных «соседей» маркера вроде наиболее частотны частица ну (26,0 %), ПМ-метакоммуникатив да (16,0 %) (см. о нем [ПМ 2021: 159–167]) и разграничительный ПМ всё (14,0 %) (см. о нем [ПМ 2021: 122–134]); наиболее частые «соседи» справа — частица как (65,0 %), разнообразные хеджи (7,8 %) и ПМА как бы (4,9 %) (см. о нем [ПМ 2021: 391–395]), ср.:

- (1) Я сижу такая/ так вот в стену туплю/ такая отхожу/ потом думаю/ надо чё-то куда-то/ это самое/ как-то отвлечься — села/ прочитала/ ну вроде/ нормально (УП);
- (2) Да вроде нормально/ да ей тут такое задание дали интересное (УП);
- (3) То есть компания/ вроде/ как ухудшает свои показатели/ а топ-менеджмент получает всё большие доходы (УП);
- (4) Но он/ вроде/ где-то... где-то подрабатывает/ но всё равно этого же мало (УП);
- (5) Вы сказали/ что сейчас вроде как бы государство станет более слабым/ и есть возможность/ что куда-то подвинется вся ситуация в положительную сторону (УП);
- (6) вот один из них спросил таким / *К *П так / это просто со странным немножко (...) отношением и взглядом / *П а зачем ? *П ну вроде того что их интересуется только живая / (...) музыка // живой фольклор (ОРД).

Совместно с «соседями» ПМА вроде снижает категоричность высказывания, выполняя свою основную, аппроксимативную, функцию. При этом возможны и другие его функции в устной речи: разграничительная, хезитативная, введение чужой речи и под. (см. подробнее [ПМ 2021: 109–112]). Учет контекстных «соседей» может способствовать лучшему пониманию поведения ПМА вроде в повседневной коммуникации на русском языке.

Полученные результаты могут быть полезны как в теоретическом (коллоквиалистика как теория разговорной речи), так и в практическом отношении: прежде всего в преподавании русского языка как иностранного и в практике перевода разговорной речи персонажей в русских художественных текстах на другие языки (особенно на китайский).

Литература

- Богданова-Бегларян Н. В.* Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.
- ПМ — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
- Подлеская В. И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.
- Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*. No. 2. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1973. P. 458–508.

Чжао Цзэли

магистр лингвистики, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет;
zhaozeli@mail.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ МОНОЛОГОВ-РАССКАЗОВ КИТАЙЦЕВ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: монолог-рассказ, спонтанная речь, социолингвистика, психолингвистика.

Лингвистов все больше привлекает устная неподготовленная речь. Активно развивается коллоквиалистика, изучающая специфику разговорной речи (РР) как сферы коммуникации и особой разновидности языка.

Морфология — более устойчивая подсистема русского языка, чем лексика и синтаксис. Ее средства используются во всех стилях, жанрах и формах речи, но это не значит, что они используются всегда одинаково.

В отличие от диалога, основанного на обмене репликами, монолог — это «форма речи, образуемая в результате активной речевой деятельности, не рассчитанная на активную же, ситуативную, словесную реакцию» [Винокур 1990: 310]. Это «организованная система облеченных в словесную форму мыслей, <...> литературное произведение в зачатке» [Щерба 1957: 115]. Устный монолог обладает характеристиками РР и в то же время близок к письменной речи, так как характеризуется организованностью и целостностью.

При анализе РР очень важен и сам говорящий, особенно когда он строит монолог на неродном языке.

Китайский язык существенно и во многих отношениях отличается от русского. В нем нет словоизменения, грамматические отношения передаются с помощью синтаксических средств: через отдельные служебные слова, фиксированный порядок слов, контекст и/или интонационные вариации. В результате китайцам нелегко дается морфология русского языка: многих морфологических понятий в китайском языке просто не существует. Для эффективного обучения китайских студентов необходим всесторонний анализ морфологических особенностей их русской речи.

Материалом для анализа в настоящей работе стали 20 монолог-рассказов о каникулах из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ), записанных от носителей китайского языка. Объем материала — 2595 слов. Слово, в соответствии с лингвистической традицией, понимается в работе как лексико-грамматическая единица, без учета обрывов слов.

Распределение частей речи в материале и сравнение с их дистрибуцией в речи носителей русского языка [Звуковой корпус... 2014: 240–249] показало, что морфологические особенности русских монолог-рассказов китайцев довольно специфичны. С одной стороны, они соответствуют особенностям русской РР: в них почти нет причастий, деепричастий и кратких прилагательных; частотны личные местоимения и т. д. С другой стороны, на построение такого монолога влияют и родной язык информанта, и уровень владения русским языком, и особенности жанра — монолог-рассказа на заданную тему. Так, в материале наблюдается избыточность личных местоимений, что во многом связано с отсутствием в китайском языке понятия склонения, к тому же китайцы не привыкли опускать подлежащее [Чжао Цзэли 2020: 77–82].

Помимо монолог-рассказов, корпус САТ содержит и метадачные информантов. В нашем случае это были учащиеся Петербургских вузов, в возрасте 23–28 лет; 10 юношей и 10 девушек, 10 человек с более высоким уровнем владения русским языком С1 и 10 — с более низким уровнем В2; 9 интровертов, 6 амбивертов и 5 экстравертов (по тесту Г. Айзенка).

В работе установлены некоторые корреляции между употреблением разных частей речи и характеристиками информантов. Анализ материала показал, что в монологах интровертов и амбивертов распределение частей речи одинаково: существительные > глаголы > местоимения > наречия > прилагательные > частицы. Экстраверты охотнее используют глаголы, чем су-

ществительные. Кроме того, существительных оказалось больше в речи девушек, информантов с уровнем В2 и интровертов. Глаголов — больше в речи юношей, информантов с уровнем В2 и экстравертов. Местоимений — больше в речи девушек, информантов с уровнем С1 и амбивертов. Наречий — больше в речи юношей, информантов с уровнем С1 и амбивертов. Прилагательные чаще использовали девушки, информанты с уровнем С1 и интровертами; частицы — юноши, информанты с уровнем С1 и амбиверты. Частицы редки в речи всех групп информантов: от 3,00 до 6,1 %, при этом информанты с уровнем С1 используют их почти в два раза чаще, чем говорящие с уровнем В2. Это подтверждает нашу идею о том, что низкая частотность частиц в русской речи китайцев объясняется не только тем, что обучение русскому языку больше строится на письменной речи, чем на устной, но и тем, что сами русские частицы мало знакомы китайским студентам, к тому же они слишком разнообразны по семантике и прагматике. Только информанты с более высоким уровнем владения русским языком способны использовать их достаточно часто и правильно.

В целом влияние на частотность разных частей речи в устном монологе оказывают как уровень владения русским языком, так и социально-психологические характеристики информанта, но последнее влияние несколько сильнее.

Результаты настоящего исследования могут быть полезны в практике преподавания РКИ, поскольку могут помочь преподавателям более успешно обучать китайских студентов с различными личностными характеристиками.

Литература

- Винокур Т. Г.* Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 310 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Кол. мон. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2014. 396 с.
- Чжао Цзэли.* Морфологические особенности устного спонтанного монолога-рассказа на неродном языке (на материале русской речи китайцев) // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сб. научных статей / Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2022. С. 76–83.
- Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 115–129.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ (РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Брыкова Александра Андреевна

*канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.brykova@spbu.ru*

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В «УСТАВЕ ВЕКСЕЛЬНОМ»: СПОСОБЫ ГЛОССИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Ключевые слова: Устав вексельный, заимствование, глоссирование, деловая письменность XVIII в.

«Устав вексельный» (далее — УВ) был создан «для пользы казенной и купеческой» [Указы 1743: 447] и имел целью регламентировать процессы обращения векселей как внутри гражданского населения, так и между гражданами и представителями власти.

Как и другие документы регламентирующего типа, «Устав вексельный» (изначально напечатанный на двух языках — русском и немецком) очевидно испытывал влияние иностранных образцов и обнаруживал большое количество заимствований, как узко специальных, так и более обще употребительных, которые, с учётом информирующей и просветительской функций устава, требовали разъяснения и глоссирования. Анализ способов глоссирования, а также особенностей употребления заимствованной лексики, касающейся вексельного права и вексельного обращения, и стал целью данного доклада.

В тексте УВ обнаруживаются заимствования, относящиеся к большинству знаменательных частеречных групп (существительные, прилагательные, глаголы), глоссированные с использованием квадратных скобок путем подбора синонимов, реже с использованием описательных дефиниций. Показательно в этом плане, что одно из наиболее важных для исследуемого документа заимствований — слово *вексель* специально не глоссировано (нет указания на язык и квадратных скобок), однако при описании целей создания УВ определено следующим образом:

Вексельный устав счинёнъ и выданъ вновь ради того, что въ Европскихъ областяхъ вымышлено, вмѣсто перевозу денегъ изъ города в городъ <...> деньги переводить чрезъ письма названныя векселями, которыя отъ одного къ другому даются или посылаются; и такъ дѣйствительны есть, что почитаются наипаче заимнаго письма, и приемятся такъ, какъ наличныя деньги, а за неплатежъ штрафуются многими передъ займомъ излишними процентами [Указы 1743: 447].

Как можно видеть из приведенной цитаты, определение слова *вексель* включает в себя не только процесс использования векселей, которые сравниваются с заемными письмами, но и указание на их юридический статус и последствия отказа от платежа. Сравнение этого определения с определением Словаря Академии Российской (САР) и с определениями Словаря XVIII в. под ред. Ю. С. Сорокина показывает, что указанное значение слова *вексель* к концу XVIII в. не сохраняется, так как под *векселем* начинают понимать: «письменное обязательство, даваемое займодавцу, которым обязуется должник, взятое у займодавца число денег заплатить в известный срок» [САР 1806–1822, I: 583] (с указанием на немецкое происхождение слова).

Анализ ближайшей сочетаемости слова *вексель* в УВ позволяет сделать выводы как о типах векселей, имевших место в начале XVIII в., так и о статусе векселя в контексте регламентирующей функции устава. Так, среди слов, указывающих на существующие типы векселей, особое внимание привлекают два заимствованных слова, а именно *прима* и *сола*, которые появляются

в единичных употреблениях в составе глоссы с указанием, в случае слова прима, на его немецкое происхождение (ни САР, ни словарем под ред. Ю. С. Сорокина слова не зафиксированы):

Вексели отъ того города и мѣста, откуда даются въ ближнѣежъ города и мѣста <...> надлежитъ давать одинъ вексель, [что называется по нѣмецки прима] <...> [Указы 1743: 450].

А когда деньги по векселю на срокъ заплачены быть имѣють въ томъ городѣ и мѣстѣ, гдѣ вексель взять, тогда и однимъ векселемъ удовольствоваться [которой называется сола] <...> [Там же].

Малое количество примеров, отсутствие парадигмы склонения и синтаксической сочетаемости с существительным исключают возможность однозначной грамматической трактовки этих слов, а необходимость их упоминания в глоссе, по-видимому, связана с потребностью в снятии омонимии, возникающей при использовании в качестве русского эквивалента слова один, которое может интерпретироваться и как числительное и как прилагательное (один vs одинокий, т. е. единственный).

Помимо заимствованных прилагательных, особого упоминания требуют иностранные глаголы, обнаруживающие со словом вексель ближайшую сочетаемость: акцептовать ('принять вексель к платежу, подтверждая это подписью'), адресовать ('написать на векселе имя лица, которое по нему будет платить'), индерсовать ('подписать, письменно перевести платеж по векселю на другое лицо'), последний из которых встречается лишь дважды и вновь не отмечен ни САР, ни словарем под ред. Ю. С. Сорокина.

Наибольший интерес среди этих глаголов представляет глагол акцептовать, в силу того что он дает довольно большое словообразовательное гнездо (акцептація /акцептованіе, акцептор, акцептователь /акцептатель, акцепторово) и последовательно глоссируется на протяжении всего текста устава, что показывает важность этого глагола и действия, которое он описывает, для вексельного права:

Четвертой акцептователь или приниматель векселя, которой вексель приметъ и акцептуеть то есть на вексельъ подпишетъ, что платить будетъ, и во время постановленнаго срока деньги заплатитъ [Указы 1743: 449].

В числе прочего в тексте УВ встречается ряд других иностранных слов, не обнаруживаемых в словарях XVIII в. (комиссия за рекамбіо 'неустойка') или обнаруживаемых в словаре под ред. Ю. С. Сорокина со ссылкой на текст устава (адвиз 'уведомление', грація 'просрочка'), в том числе в значении, отличном от современного (валюта 'платеж по векселю').

Таким образом, текст «Устава вексельного» представляет собой ценный материал для анализа как узко специальной лексики, так и способов ее определения и закрепления в деловом языке первой трети XVIII в., находящемся на стадии становления.

Литература

- Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 т. СПб.: Имп. АН, 1806–1822. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm>
- Словарь русского языка XVIII века: в 22 т. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>
- Указы блаженные и вѣчнодостоиня памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны и государя императора Петра Втораго состоявшіеся съ 1725 генваря съ 28 числа по 1730 годъ. СПб.: Имп. АН, 1743. 530 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ [проект 24-28-00325]

Бунчук Татьяна Николаевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра русской филологии,
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина;
tnbunchuk@mail.ru

ГЛУХОТА И ГЛУПОСТЬ В СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ключевые слова: лексика, славянские языки, диалект, этимон, историческая семантика.

Наши предки, и не только славяне, считали, что ментальные способности формируются с помощью органов восприятия — зрения и слуха, и это находит отражение в языковой картине мира (см. об этом, например: «В наивной, как и в научной картине мира, через систему восприятия человек получает всю ту информацию, которая направляется на

обработку в сознание и на основании которой человек осмысляет действительность, получает знания, вырабатывает мнения, планирует свои действия и т. п.» [Апресян, 1995: 49]. С одной стороны, ментальный и эмоциональный мир описывается в метафорах восприятия (о мыслях: светлые/темные; о чувствах: теплые/холодные и т. д.) и, с другой стороны, слова, называющие процессы восприятия, развивают значения, связанные с интеллектуальной деятельностью человека — ‘знать, считать, полагать и т. п.’ Соответственно, отклонения от «естественной» функции ума — понимать — тоже могут возникать из-за нарушения или неразвитости органов восприятия (см., например, он слушает, но не слышит ‘не понимает, не разделяет мнения’; он смотрит, но не видит ‘не понимает, не осознает’).

В приобретении и передаче знаний и опыта, скорее всего, важнейшую роль играл именно процесс слушания. В древнем славянском понимании мысль, оформленная и выраженная с помощью языка, должна была быть услышана, иначе она не нужна. Поэтому слово — это прежде всего не то, что сказано, а то, что услышано (слова «слово», «слух», «слышать» однокоренные). Тем самым способность слышать и слушать понималась в том числе и как способность перенимать знания и опыт.

Предки считали, что если нет способности слышать, то и умственных способностей тоже нет. Одним словом, глухой — это не только слабослышащий, но и глупый. Разумеется, научно это не подтверждается, но миропонимание наших предков было не научным, а интуитивным, да и понимание слуха тоже было иным. По разным наиболее авторитетным этимологическим версиям, слова «глухой» и «глупый» обнаруживают родство, см., например, версию О. Н. Трубачева: «По всей вероятности, *gluxъ, далее, родственно *glupъ» (ЭССЯ 6: 147) или версию А. Е. Аникина: «Несомненна близкая связь (*glupъ — Т. Б.) с *glumъ(jь) и *gluxъ(jь)» (РЭС 10: 341). Несмотря на разные мотивации связи понятий глухоты и глупости, предложенные учеными, славянские корни глух- и глуп- обнаруживают общие семантические признаки. Подтверждением этому выступают данные родственных языках: в словенских и болгарских диалектах слова «glup» и «глупы» означает ‘глухой’ (ЭССЯ 6: 151), а также данные русских диалектов: в некоторых говорах выражение «глупая ночь» употребляется в значении ‘поздняя, глубокая ночь’ (РЭС 10: 341) (ср. в этом же значении глухая ночь). Здесь же можно вспомнить, что глупость ассоциируется не только с глухотой, но и с темнотой — ср. мракобесие, темный ‘необразованный’ и др.).

В традиционном обществе умение слушать делает человека умным, имеющим здравый смысл, а неумение — глупым. Слух, таким образом, понимался предками как один из признаков «нормального» (соответствующего норме, имеющего законченный образ) человека, и его отсутствие воспринималось как знак «плохого» (меченого) человека, в том числе и как знак интеллектуальных аномалий [Агапкина 2012: 49].

В свою очередь, слушать — действие, направленное к другому человеку, предполагающее внимание к нему и уважение, а значит, слушание становится основой со-чувствия (совместного чужения/слышания), а там и со-знания с со-вестью (совместного знания и ведания). В русских говорах известно употребление слова «глухой» в значении ‘одинокый, такой, которому не

с кем слова сказать' (ЭССЯ 6: 146). Можно сказать, что способность и умение слушать являлось в традиционном обществе признаком социальной зрелости, которая предполагает умение взаимодействовать с членами общины и быть ее самостоятельной единицей, наделенной правами и обязанностями, способной к продолжению рода. Поэтому человек, не достигший зрелости (юный) или уже вышедший из возраста зрелости (старый), воспринимался как человек не только физически не соответствующий традиционной норме, но и имеющий интеллектуальные аномалии. В славянских языках и русских диалектах отмечается употребление слова «глупый» в значении 'молодой, не вполне созревший, незрелый, неспособный к действию, бессильный, примитивный' (ЭССЯ 6: 152) и слова «глухой» в значении 'бесплодный, невсхожий (о семенах)' (ЭССЯ 6: 146).

Литература

- Агапкина Т. А.* Слух // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999–2012. Т. 5. С. 49–51.
- Апресян Ю. Д.* Опыт человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. № 1. С. 37–67.
- РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 10. М.: Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова РАН; Новосибирск: Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; СПб: Нестор-История, 2016.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 6. М.: Наука, 1979.

Влавацкая Марина Витальевна

д-р филол. наук, профессор,
Новосибирский государственный технический университет;
vlavaczka@corp.nstu.ru

КРИТЕРИИ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НОВЫХ ПАРЕМИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: антипословица, комбинаторно-семантический анализ, семантико-когнитивный анализ, когнитивная интерпретация, корреляции новой антропоцентрической парадигмы.

При изучении культуры, менталитета народа богатым материалом традиционно выступают паремии — пословицы, поговорки, афоризмы и под. — особые единицы языка, передающие значимую лингвокультурную информацию, причем акцентируя внимание на важности определенных жизненных ситуаций и духовных ценностях народа. Часто новые паремии — «трансформированные паремии, которые порождают другие, отличные от сложившихся в узусе и норме, средства выражения определённого содержания или объективируют новое содержание при сохранении или изменении старой формы» [Бутько 2008: 143]. Такие единицы давно именуются антипословицами, например: Не так страшен черт, как его малюют → Не так страшен черт, как черт в юбке. Им присуща аномальность, а в содержательном или формальном плане — девиация. Имплицитность и косвенность известной пословицы в процессе интерпретации антипословицы дополняются новым, обычно противоположным смыслом [Беданоква, Гусевская 2019: 71].

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена интересом лингвистов к новым ментальным проявлениям, отражаемым в языке посредством комбинаторно-семантической трансформации известных единиц лексикона (или заполнением паремичной модели) и требующим многоаспектного изучения и описания.

Цель исследования — определить критерии женской идентичности в новых паремиях русского языка — достигается при помощи специально разработанной схемы комплексного анализа, состоящего из комбинаторно-семантического, семантико-когнитивного и динамического анализа, а также когнитивной интерпретации.

Комбинаторно-семантический анализ, в основе которого лежит принцип языковой комбинаторики, направлен на выявление механизмов трансформации при образовании новых паремий: Муж — голова, жена — шея → Муж — голова, жена — всё остальное (замена); Жена — это твоя вторая половина, которая постоянно норовит стать первой (расширение); Баба с возу, кобыле легче + Слово не воробей, вылетит — не поймаешь → Баба с возу — вылетит, не поймаешь (контаминация); Чем уже талия — тем выше зарплата (заполнение паремичной модели (Чем..., тем...) и др.

Семантико-когнитивный анализ следует принципу семантической интеграции и направлен на выявление соотношения семантических процессов с когнитивными. Макроструктура концепта, в данном случае «женская идентичность», — это его определённые когнитивные слои, состоящие из микроструктуры — когнитивных признаков, определяющих содержание концепта, а именно:

- легкомысленность: Жизнь у женщины просто сплошное Ла-Ла-Ла... ВстаЛа. РазбудиЛа. ПроводиЛа. ПостираЛа. ПогладиЛа. ПриготовиЛа. УбраЛа. ЗабраЛа, и т. д. — короче просто песня!;
- болтливость: Если женщина молчит — слушай внимательно;
- злопамятство: Женщина редко прощает ревность и никогда не прощает её отсутствия;
- слабый интеллект: Когда пытаешься проследить путь мыслей женщины, голова идет кругом;

- расчётливость: Джентльмены предпочитают блондинок. Блондинки предпочитают джентльменов с деньгами;
- коварство: Женщина, если захочет, забирает у мужчины все. Даже фамилию;
- меркантильность: Какая грустная жена не мечтает стать веселой вдовой;
- самолюбование: Женщина смотрится красивее, когда она смотрится в зеркало;
- доступность: Уж так устроена женщина, что в ее тело проникнуть легче, чем в ее душу;
- распушенность: Леди не захочет, джентльмен не вскочит;
- навязчивость: Женщина — слабое незащитное существо, от которого невозможно спастись;
- хитрость: Женщина уверена, что дважды два станет равно пять, если как следует поплакать и устроить скандал...;
- превосходство: Этим миром управляют мужчины, управляемые женщинами и др.

Когнитивно-динамический анализ направлен на выявление новых установок в процессе научно-технического развития человека и эволюции человеческого сознания. Результатом этого являются пересмотренные оценки представления о женской идентичности, что находит отражение в новых паремиях русского языка, которые вербализуют качества и способности современной женщины и при этом привносят определенные корреляции с такими новыми проявлениями антропоцентрической парадигмы [Демидкина 2017], как:

- нивелирование традиционно ценностных качеств женщины: Красота и ум у женщины не роскошь, а средство передвижения по жизни;
- экспонирование отрицательных характеристик женщины: Девушка — пачка сигарет, которую открывает один, а пользуются все;
- представление женщины как объекта наслаждения: Женщина и машина — чем моложе, тем дороже;
- акцентирование меркантильных интересов женщин: Вложивший в женщину всю душу, часто оказывается обманутым вкладчиком;
- принижение женских интеллектуальных способностей: Женщина предпочитает иметь красоту, а не мозги, потому что среднестатистический мужчина видит лучше, чем думает и др.

Таким образом, разработанный алгоритм анализа новых паремий о женской идентичности в русском языке способствовал определению комбинаторно-семантических механизмов трансформации паремий в новые паремии, выделению когнитивных признаков концепта «женская идентичность» и выявлению корреляций, соотносимых с новыми проявлениями современной антропоцентрической парадигмы, а следовательно, позволил нам лучше понять менталитет современного человека в отношении русской женщины и определить специфику ее гендерной идентичности.

Литература

- Бутько Ю. В. Ассоциативный контекст и его реализация в новых паремиях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 6. С. 142–153.
- Беданоква З. К., Гусевская О. И. Категория эвокативности семиотической формы: потенциал антипословицы // Русский язык: система и функционирование. К 80-летию филологического факультета БГУ: материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 окт. 2019 г. / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 70–75.
- Демидкина Е. А. Репрезентация интеллектуальных качеств человека в немецких паремиях и антипословицах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (67): в 2 ч. Ч. 1. С. 91–94.

Воронина Татьяна Михайловна

канд. филол. наук, научный сотрудник проблемной лаборатории компьютерной лексикографии,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
tmv313@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С СЕМАНТИКОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Ключевые слова: определенность, неопределенность, приблизительность, идеографический словарь, тезаурус.

Разграничивая классы слов, связанных с репрезентацией объективной действительности и представлений и оценок говорящего, в том числе в лексикографическом аспекте, Л. Г. Бабенко справедливо отмечает: «Такой (идеографический. — Т. В.) словарь в отличие от традиционных алфавитных словарей представляет собой уникальную систему лексических единиц, выявленную в результате анализа семантики лексических репрезентаций, когнитивной стратегии категоризации реально существующего внешнего мира (объективный предметный мир), а также мыслимого в сознании каждого человека внутреннего мира (субъективный ментальный мир), основанного на восприятии и интерпретации внешнего мира, нацеленного на поиск и квалификацию в нем внутренних связей и взаимодействий. В последнем случае доминирующим становится антропологический подход к выявлению и изучению лексических множеств, когда предметом избираются когнитивные механизмы сравнения, сопоставления, выделения, выдвижения, оценки и др.» [Бабенко 2023: 61]. В частности, подобный универсальный смысл (наряду с такими, как возможность/невозможность, ограниченность/неограниченность, равенство/неравенство и т. п.) представляет собой определенность/неопределенность.

Согласимся с Я. О. Уляшевой, которая также акцентирует субъективный характер данной категории: «Различие между определенностью и неопределенностью не является отражением объективной картины мира, так как в объективной действительности все предметы определены. Появление в языке категории определенности-неопределенности объясняется особенностями процесса отражения мира в сознании человека» [Уляшева 2006: 60]. Отметим, что с неопределенностью обычно связывают также приблизительность (аппроксимацию). Названные категории достаточно подробно исследованы с точки зрения функциональной грамматики, теории референции, в коммуникативном аспекте — см., например, известные работы ученых Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики А. В. Бондарко, а также таких исследователей, как Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, А. Д. Шмелев и др.

В работе предпринята попытка лексико-семантического и лексикографического описания единиц разных частей речи, репрезентирующих смысл определенность/неопределенность. В это лексическое множество входят как лексемы, являющиеся средствами номинации данных смыслов, так и лексемы, являющиеся детерминаторами/аппроксиматорами. В процессе обработки материала в рамках проекта «Универсального идеографического словаря-тезауруса русского языка» под руководством проф. Л. Г. Бабенко было выявлено и проанализировано ок. 280 таких единиц.

На наш взгляд, имеет место не трехчленная оппозиция неопределенность — приблизительность — определенность, а две самостоятельные оппозиции и, соответственно, необходимо выделить две отдельные идеографические группы в словаре-тезаурусе. Так, в первой группе основной оппозицией является определенный, конкретный, точный, четкий, ясный — неопределенный, неконкретный, неточный, нечеткий, неясный, общий, расплывчатый. Вокруг нее формируется синонимико-антонимический комплекс деривационно связанных единиц: ряды существительных с доминантами определенность — неопределенность, наречий с доминантами определенно — неопределенно. Кроме того, при концептуализации определенности может также профилироваться становление данного признака — ср. синонимический ряд определяться, отстаиваться, оформляться, складываться, созревать, устанавливаться, форми-

роваться, кристаллизоваться, а также интеллектуальное действие, направленное на осознание чего-л. как определенного: определять, находить, фиксировать, распознавать, устанавливать, диагностировать.

В подгруппу «неопределенность» входит большое количество местоименных единиц-терминаторов, которые тоже могут быть (с оговорками, касающимися референтных различий) объединены в синонимические ряды, например: что-то, нечто, вещь, штука 'неопределенный предмет, явление'; что-нибудь, кое-что, неизвестно что, непонятно что, нечто, что-либо, что-то 'неопределенный, неважно и/или неизвестно какой, любой из ряда подобных (о предметах, явлениях)' и др. Во второй группе основной оппозицией является точный, конкретный — приблизительный, грубый, ориентировочный, примерный, приближенный, прикидочный, к которой примыкают ряды точно — приблизительно, точность — приблизительность; глаголами уточнять, конкретизировать профилируется элиминация приблизительности, приведение к точному параметру. Во многих исследованиях отмечается, что в языках существует большое количество аппроксиматоров, тогда как точность обычно не маркируется, однако материал показывает, что и здесь наблюдается лексическая оппозиция: точно, буквально, именно, ровно, аккуратно — почти, можно сказать, практически, без малого, в районе, около, где-то, что-то, с, под, до, плюс-минус и т. п.

Таким образом, результаты проведенного исследования уточняют имеющиеся лексикографические данные и позволяют более детально представить в словаре-тезаурусе лексемы, репрезентирующие универсальный смысл определенность/неопределенность, и отношения между ними: синонимические, антонимические, деривационные.

Литература

- Бабенко Л. Г.* Универсальные интерпретационные категории: когнитивные стратегии и репрезентации в структуре идеографического словаря // *Когнитивные исследования языка*. 2023. № 2 (53). С. 58–65.
- Уляшева Я. О.* Логико-философский анализ понятийной категории определенности-неопределенности // *Известия ТРТУ*. 2006. Тематический выпуск. С. 59–66.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ [проект № 22 18 00352].

Гик Анна Владимировна

канд. филол. наук,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

annagik@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Ключевые слова: метафоризация, семантика, цветообозначение, поэтический язык.

Прилагательные, обозначающие цвет, относятся к основным характеристикам внешнего мира [Фрумкина 1984]. В поэтической картине мира используются общеязыковые обозначения цвета и его оттенков, но в качестве обогащения языкового инвентаря, применяются и метафорические обозначения цвета с опорой на «эталоны» цвета. При этом реализуется тип развития многозначности у имени прилагательного, обозначенный как 'относящийся к X-у' → 'похожий на X цветом' (метафорический перенос) [Апресян 1995: 215]. Выделение цветовой характеристики объектов (камни, растения, металлы, животные и проч.) позволяет их использовать в качестве метафорических наименований цвета. При переходе относительных прилагательных в качественные семантическая «чистота» цвета дополняется характеристиками эталона (мраморный — белый+холодный). Актуализация того или иного компонента значения во многом зависит от контекста.

Метафоры обладают категориальными свойствами качественных прилагательных (например, образуют краткие и сравнительные формы).

В поэтическом словаре М. Кузмина основным цветовым прилагательным является белый [Кузмин 2015]. Анализ частотного словаря словоформ (общее количество слов — около 90 тысяч) позволяет выстроить следующую иерархию цветов по мере убывания частотности: белый — зеленый — голубой — красный — желтый — черный — синий — алый — серый — розовый. Белый и зеленый занимают соответственно 17 и 16 процентов от всех цветообозначений-прилагательных.

Метафорические употребления «золотой» и «серебряный» также оказываются в активном словаре поэта серебряного века. Остальные примеры введения в текст относительных прилагательных в переносном значении немногочисленны, но заметно разнообразят и придают уникальность стихотворениям Кузмина. Относительное прилагательное «мраморный» встречается в цветовых значениях: Она на мраморные плечи / Небрежно кинула платок; Под кипарисами бездомно / Белеют мрамором гроба. Можно предположить, что в таких контекстах актуализируются не только цветовые семы, но и семы материала: твердость, холодность.

В контекстах с прилагательным «малиновый» также расширяется семантическое наполнение цвета: Малиновый, зеленый, желтый цвет — / Твои [корнет] цвета. 1912; Взмолился о малиновой рубашке 1926; А зори рвут малиновый мороз... 1926; Закатное малиновое небо 1927;

Кузмин разукрашивает и расцветчивает начало стихотворения: В золоченой утлой лодке / По зеленому пространству, / По лазури изумрудной / Я ждала желанных странствий. / И шафранно-алый парсу / Я поставила по ветру (София, <1917>). В данном тексте переплетаются метафорические и прямые обозначения цвета: зеленый — изумрудный — шафранно-алый.

Или еще пример: Пурпуровые паруса / Курчаво стали в сизых тучах, / И бирюзово полоса / Тускнеет на зеленых кручах, / В тяжелых островах пловучих / Зеркально млеют небеса (Рождение Эроса, 1920).

Цветообозначения выступают и в качестве звуковых доминант стихотворной строки: За-нереидил ирис Неми, / Смарагдным градом прянет рай (Озеро Неми, [1919]);

Прилагательное «золотой» используется в краткой форме: Торопитесь любить: ясна лазурь, / Далек грозы, ветер стих, / И далеки вьюги зимних бурь: / Осенний день золотист и тих.

Сильней пурпурных с подписью порук (Эней, [1920]).

И чистый воздух медных скал? (Тот, 1927) — зеленых скал? Есть неопубликованное стихотворение 1911 года: Зажглося небо грозное, / Как медно-красный водоем.

Сквозь высокую осоку / серп серебряный блестит; (Прогулка на воде, 1907) (ср. серебряная сбря)

Серебряная бьется / форель, форель, форель!.. (Седьмой удар, 1927).

Какой пример, какой урок / Твой [месяца] золотисто-нежный рог / С небес зеленых нам приносит? (Как месяц молодой повис ..., 1915); Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий, / На желтом небе золотой вулкан. (Фузий в блюдечке, 1917); Разостлались ало-золотоперые / По небу заревые хвосты. (Персидский вечер, 1917); Золотой разметался волос (Святой Георгий, 1917); Золотой облак / Закрывает глаза (Святой Георгий, 1917); Золотые полотнища спущены (Рыба, [1918]); Золотое зарево (Св. Марко, 1919); Золотокудрый рыцарь вдалеке (Эней, 1920); Золотист и пышен / Круглится плод в руках. (Адам, [1920]).

Почти все элементы мира поэзии М. Кузмина наделяются цветовой характеристикой. Совмещение различных красок разукрашивает мир поэта: Лесенка золотая, / Мальчик янтарный, / Льдина голубая, / Святой Дух розовый. (Лесенка, 1922).

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. 472 с.

Кузмин М. Конкорданс к стихам М. Кузмина: в 4 т. М.: 2005–2015.

Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984.

Зайцева Ирина Павловна

*д-р филол. наук, заведующий кафедрой мировых языков,
Витебский государственный университет им. П. М. Машерова;
irinazaj91@mail.ru*

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО ОБРАЗНО-РЕЧЕВОЙ КОНКРЕТИЗАЦИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ (ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ МАНЕРЫ Л. В. УСПЕНСКОГО)

Ключевые слова: научно-популярный подстиль, популяризация, образность, фразеологизм, авторская трансформация фразеологизма.

В современной лингвостилистике вопрос о статусе научно-популярного подстиля не имеет однозначного решения: большинство исследователей (И. Р. Гальперин, М. Н. Кожина, и др.) относит его к вариантным разновидностям функционального научного стиля, однако другие (М. К. Милых, Н. Н. Маевский и др.) полагают, что этот феномен является самостоятельным образованием в системе функционально-стилистических речевых разновидностей, соответствующих тем или иным социально значимым сферам общения и человеческой деятельности.

При этом представители обеих точек зрения сходятся во мнении, что специфика научно-популярного подстиля и, соответственно, признаки, его отличающие, обусловлены «прежде всего ориентацией на особый тип читателя (неспециалиста) и необходимостью оптимального выполнения основной коммуникативной задачи — популяризации научного знания» [Баженова, Кириченко 2014: 329]. Научно-популярный подстиль — в отличие и от собственно научного стиля, и от его учебно-научной разновидности — рассчитан на массового адресата («...научно-популярный, или научно-художественный подстиль, имеет массовую адресованность» [Матвеева 2010: 226]), что также определяет его своеобразие. Однако, представляется, что массовый читатель — адресат научно-популярной литературы отличается от массового читателя — адресата беллетристики, поскольку последнему нередко присущи эскапизм (уход от реальности), нелогичность изложения (например, при воплощении в текстах «потока сознания») и т. п. В связи с этим следует подчеркнуть, что в произведениях, репрезентирующих научно-популярный подстиль, сохраняется основная специфика собственно научного стиля, в частности — достоверность сообщаемых адресату знаний, полученных в сфере научной деятельности: в главном содержание этих произведений соответствует тому, что помещено в текстах собственно научной направленности.

Решение основной коммуникативной задачи, стоящей перед произведениями, в которых репрезентируется научно-популярный стиль, в значительной степени предопределяет и характер использования в них речевых средств — как выбора последних, так и их организации. Это, в частности, широкое употребление средств словесной образности, среди которых исследователи особо выделяют метафору, объясняя это тем, что этот троп является «способом стимулирования творческого восприятия читателем научно-популярного текста» [Кириченко 2006: 240]. Однако нельзя не заметить, что в произведениях данной функционально-стилистической принадлежности, значительно расширивших за последние десятилетия сферу распространения, существенно увеличился и диапазон речевых средств и способов, привлекаемых для формирования в создаваемых текстах образности. Это даёт основания для сближения научно-популярного подстиля с функциональными стилями, в которых образность принадлежит к приоритетным качествам — ср., например: «Научно-художественные статьи и книги пишутся с целью сделать достижения науки известными в обществе, заинтересовать людей историей открытий, бытием и развитием научной мысли. Данный подстиль пограничен с художественным и публицистическими функциональными стилями» (выделено мною. — И. З.) [Матвеева 2010: 226].

К признанным мастерам научно-популярного подстиля, в произведениях которого популяризация научных лингвистических знаний получила чрезвычайно широкое и вместе с тем качественное воплощение, является, несомненно, Лев Васильевич Успенский, перу которого

принадлежит множество научно-популярных книг: «Почему не иначе», «По закону буквы», «Ты и твоё имя» и многие другие. Самой известной из этих книг является, конечно же, «Слово о словах», известная не только каждому специалисту-филологу, но и любому, кто когда-нибудь интересовался проблемами языкознания.

Для описания в популярной и занимательной форме лингвистических явлений и процессов автор прибегает к множеству приёмов создания образности, в том числе и очевидно индивидуально-авторского свойства. К приёмам такого характера — с весьма выраженным экспрессивным потенциалом — принадлежит и авторская трансформация фразеологизма, встречающаяся, как правило, в текстах публицистических или художественных.

В книге Л. В. Успенского этот приём полифункционален, он не только образно конкретизирует вводимые автором в изложение лингвистические термины (основные понятия сравнительно-исторического языкознания), но и композиционно объединяет отдельные части книги. Так, глава «Как же это изучать» заканчивается следующими словами: «Когда же речь заходит о более близком времени, на помощь выступает удивительное открытие прошлого столетия, то, что называется «сравнительно-историческим методом» в языкознании. Что это такое? ... предварительно я попытаюсь простым примером, сравнением, может быть, грубоватым, дать понять, о чем пойдёт речь» [Успенский 1971: 62]. Таким образом автор «перебрасывает мостик» к следующей главе, в название которой вынесен трансформированный фразеологизм: «Об Иваннах, помнящих родство».

Эта глава начинается объяснением исходного значения используемого фразеологизма: «В дореволюционные годы существовало ходячее выражение «Иван, родства не помнящий». В переносном смысле так называли людей без всяких традиций, ко всему равнодушных. Пошло же это выражение от каторжан. Бежавшие с каторги люди, попадая без документов в руки полиции и желая скрыть свое прошлое, все, как один, именовали себя «Иваннами», а на вопросы о родичах отвечали, что «родства своего они не помнят». Так, «Иваннами, родства не помнящими» и записывали их в полицейские протоколы». И далее — в этой же главе: «Чтобы понять это, придётся попросить Ивана припомнить его родство, и притом очень далёкое» (выделено мною. — И. З.) [Успенский 1971: 62].

Как можно убедиться, «развёрнутое» обращение автора к обозначенному приёму, включающее привлечение внимания к отдельным компонентам фразеологизма, образно-ценностное их осмысление и т. п., существенно повышает экспрессивность изложения, придавая ему при этом безусловную занимательность, т. е. актуализируя ключевые параметры произведения, репрезентирующего научно-популярный подстиль.

Литература

- Баженова Е. А., Кириченко Н. В. Научно-популярный подстиль // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 328–329.
- Кириченко Н. В. Научно-популярный подстиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 236–242.
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.
- Успенский Л. В. Слово о словах. Л.: Детская литература, 1971. 233 с.

Казаковцева Ольга Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра теории и методики начального образования,
Петрозаводский государственный университет;
olga_danilova90@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В «ЕЛЕГИЯХ ЛЮБОВНЫХ» А. П. СУМАРОКОВА

Ключевые слова: А. П. Сумароков, любовная элегия, XVIII век, темпоральная лексика.

Любовная тема, по замечанию исследователей, является одной из главных тем русской культуры XVIII века. Изображение и понимание любви в русской и европейских культурах существенно отличалось, поэтому русские писатели того времени стали выполнять роль «воспитателей чувств» [Котомин 2002: 133].

Любовь в элегиях А. П. Сумарокова является «единственным содержанием» произведений [Котомин 2002: 136]. По замечанию Н. Булича, «...пряничная любовь Сумароковскихъ элегій была в рѣзкой противоположности съ жизнью, въ которой трудно было, думаю, найти и чувство и любовь, воспѣтую столькими поэтами» [Булич 1854: 25].

Целью настоящего разыскания является анализ функционирования темпоральной лексики в «Елегиях любовных» А. П. Сумарокова.

По определению А. В. Бондарко, «темпоральность — это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета, вместе с тем темпоральность — это базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле, охватывающее группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т. п.) средств того или иного языка, используемы для выражения различных вариантов данной семантической категории» [Бондарко 1990: 5].

В художественных произведениях время играет важную роль, помогая в организации событий, передаче эмоций и создании определенной атмосферы.

В «Елегиях любовных» не находим прямого соотношения между временем и происходящим событием, обнаруживаем лишь эпизодическое упоминание о времени суток. Однако «в элегиях действует логическое время, которое задает внутренние отношения между самим событием влюбленности (знакомства) и последующей рефлексией по этому поводу» [Котомин 2002: 140].

Проанализировав употребление темпоральной лексики в элегиях А. П. Сумарокова, мы выделили некоторые особенности ее использования в данных поэтических текстах.

Темпоральная лексика в элегиях Сумарокова представлена следующими существительными: минута, час, день, время, год, век, утро, вечер, ночь, вечность, бесконечность.

Прежде всего, с помощью темпоральной лексики противопоставляется короткий период любви длинному времени переживаний: О краткая любовь и вечное стенанье! (I, с. 193 — здесь и далее в скобках указан номер элегии и страница по сборнику [Сумароков 2009]); Часы, которые в утехах пролетали, // Вы сделали мне скорбь и вечной мукой стали! (II, с. 200); На что ты кажешься жизнь в радостях кратка, // И долговременна кому не так сладка? (VIII, с. 212). Усиливает это противопоставление использование автором эпитета вечный.

Продолжительность, нескончаемость периода страданий лирического героя изображается фразеологизмами день и ночь, с утра до вечера: Я день и ночь горю, я мучуся любя (X, с. 213); Во слезах и день и ночь (XIV, с. 219); Я плачу день и ночь тебя вспоминая (IV, с. 203); С утра до вечера в вздыханьи упражняюсь (II, с. 198).

Период мучений и терзаний от неразделенной любви или разлуки изображается Сумароковым с помощью эпитетов отрицательной эмоциональной окраски: плачевнейший час (V, с. 209); зло время (III, с. 201); жестоким временам (VII, с. 210).

Усиление эмоционального состояния А. П. Сумароков достигает с помощью использования восклицания, причем часто наблюдаем в подобных конструкциях лексический повтор: О день! день лютый! (IV, с. 204); О время грозное! О вы плачевны дни! (V, с. 209); О время! о часы! Возмозноль то снести! (I, с. 193); О дни! Каких я дней до ныне не имел! (II, с. 199).

Нагнетание напряженной ситуации создается автором при помощи градации: В сей злой, в сей злейший час (II, с. 197). Для передачи наивысшей точки чувств автор прибегает к использованию при темпоральных существительных прилагательных в превосходной степени: дражайших дней (I, с. 194); злейший час (XI, с. 217); плачевнейший час (V, с. 209).

Любопытно, что при темпореме день Сумароков использует эпитеты как с положительной, так и с отрицательной коннотацией (дражайших дней (I, с. 194), плачевный день (IV, с. 203), тогда как при темпореме ночь употребляет прилагательные только с положительной семантикой: покойной ночи, тихой ночи (II, с. 198). Объяснение этому можем найти в самом тексте: лирический герой ждет ночи, чтобы в сладком сне забыть о своих страданиях. Однако покой в ночи найти ему не удастся: Хочу сомкнуть глаза, и проводить часы // В забвении и сне; но ах! ея красы // И сомкнуты глаза сквозь веки проникают (II, с. 198).

Измученный любовными муками, лирический герой в XI элегии находит выход — смерть: Внемли несклонная, мой томный глас, // внемли, // И по конце моем на месте той земли, // Где будет тлеть мой прах, взгляни на гробный камень... (XI, с. 217).

Таким образом, проведя анализ лексики с темпоральной семантикой, мы выяснили, что данные лексемы, а также эпитеты, находящиеся при них, служат важными изобразительными средствами элегий, благодаря которым А. П. Сумароков передает эмоциональное состояние лирического героя, страдающего от любви.

Литература

- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 262 с.
- Булич Н. Сумароков и современная ему критика. СПб.: Типография Э. Праца, 1854. 290 с.
- Котомин М. А. Любовная лирика А. П. Сумарокова: «Элегии любовные» и их художественное своеобразие // А. П. Сумароков: жизнь и творчество.: сб. ст. и материалов. М.: Пашков дом, 2002. С. 133–160.
- Сумароков А. П. Оды торжественныя. Элегии любовныя / Репринтное воспроизведение сборников 1774 года. Приложение: редакции и варианты. Дополнения. Комментарии. Статьи / под ред. Роналда Вроона. М.: ОГИ, 2009. 144 с.

Козловская Наталия Витальевна

*д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
mnegolosbyl@gmail.com*

ЦИФРОВАЯ НЕОГРАФИЯ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ДВИЖЕНИЕ НАВСТРЕЧУ

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, цифровая неография, лексические трудности, электронная словарная статья.

В процессе анализа спорного текста эксперт сталкивается с новыми значениями, со словами, семантика которых требует уточнения, а также — вследствие активного «онаучивания» языка — со специальными обозначениями из разных областей знания. Эксперта-лингвиста часто интересуют и более подробные сведения о языковых единицах: особенности функционирования слова или выражения в языке, возможности использования в разных условиях общения, словообразовательные связи и др. Нередко потребность в такого рода информации толковые словари, в том числе неологические, удовлетворить не могут, поскольку — в силу активности и/или ненаблюдаемости ряда динамических процессов — не отражают актуальную лингвистическую информацию.

Отсутствие необходимой информации в авторитетных лексикографических источниках вынуждает эксперта, незнакомого со словарной работой, делать самостоятельные выводы на основе контекстуального, компонентного, частотного и лексико-семантического анализа, с использованием методов корпусной лингвистики и аналитических инструментов корпусов — прежде всего Национального корпуса русского языка. Лексикографическая работа, осуществляемая неспециалистом в рамках одного конкретного лингвоэкспертного исследования, не предполагает создания предварительного конкорданса к слову или значению, параметризации данных, системности в подходе к составлению дефиниции. Самостоятельные рабочие описания семантической структуры слова, выполненные экспертом, могут носить субъективный характер, содержать неточности, поскольку не проходят научное редактирование и рецензирование, но даже корректные и точные толкования, не подкрепленные ссылками на авторитетный лексикографический справочник, могут вызывать объяснимое недоверие со стороны суда.

К основным типам слов, которые не представлены в словарях, можно отнести неологизмы разных типов, включенные в процесс медиатизации термины и связанные с ними специальные обозначения (профессионализмы, номены, терминоподобные единицы), а также слова, утратившие статус неологизмов, но не включенные в словари (например, «не замеченное» лексикографами слово *автомошенник*). Особую группу составляют слова, толкования которых требуют уточнения: *контролировать*, *переобуваться*, *топить* и др.

Описание семантического объема и дифференциация значений нового для языка слова или словосочетания — основная ниша взаимодействия между лингвоэкспертологией и формирующимся в Институте лингвистических исследований РАН направлением цифровой оперативной неографии.

Отсутствие толкований новых слов и словосочетаний может приводить к их противоречивой интерпретации. Проиллюстрируем эту проблемную ситуацию конфликтной интерпретацией словосочетания «холодный кошелек» в нескольких экспертных заключениях по спорному тексту о переводах криптовалюты: В своих показаниях А. рассказал, что в конце апреля 2018 года он приехал из родного Н. в Москву и отправился в офис М. в «Новинском пассаже», где человек по имени Д. вынудил его отдать флэш-карты с «холодными кошельками» биржи. Экспертам были заданы стандартные вопросы о характере и форме информации, содержащейся в высказывании. Интерпретируя содержание высказывания, первый эксперт ошибочно определил значение словосочетания «холодные кошельки» как «флэш-карты с информацией».

Задача определения семантического объема и дифференциации значения нового сочетания решалась вторым экспертом самостоятельно. Обращение к Национальному корпусу русского языка, СМИ и медиабанку «Интегрум» позволило установить, что словосочетание впервые зафиксировано в российских СМИ в 2014 г. и к настоящему времени прошло стадию частичной детерминологизации, показателями которой являются изменение параметра частоты и т.н. дискурсивная миграция термина. Значение словосочетания включает семы 'устройство', 'предназначенное для хранения криптовалюты', 'без подключения к интернету'. В семантику словосочетания также входят периферийные семы 'сложность доступа', 'наличие пароля', позволяющие лингвисту, не являющемуся специалистом в области криптовалюты, сформулировать рабочее значение слова, позволяющее понять, что «вынудить отдать холодный кошелек» означает фактически отобрать деньги и сделать выводы, значимые для судебного разбирательства.

В воображаемый «словник лексических трудностей лингвистической экспертизы» входит глагол контролировать, семантическая структура которого в современных толковых словарях представлено неполно. Соглашаясь с выводами О. Е. Фроловой о наличии у слова контролировать трех значений (1. Осуществлять контроль. 2. Наблюдать над процессом или ситуацией. 3. Управлять, распоряжаться) [см.: Фролова 2012], отметим, что третье (новое) значение должно быть отражено в толковой лексикографии более развернуто. Это обусловлено тем, что спорные контексты, включающее данное слово, актуализируют в нем сему владения, которое позволяет контролирующему лицу влиять на процесс принятия решения в подконтрольной организации.

Введение в научный оборот не представленных в толковых словарях лексических единиц (новых слов, новых значений, оттенков значений, а также значений слов в составе устойчивых семантико-грамматических конструкций) в том числе с целью создания доказательной базы для производства лингвистической экспертизы осуществляется в рамках цифрового лексикографического проекта «Новое в русской лексике. Словарные материалы» (neolex.iling.spb.ru). Принципиально важным является динамический принцип построения электронной словарной статьи, структура которой позволяет составителям реагировать на запросы экспертного сообщества и быстро вносить изменения и уточнения в лексикографическое описание. С точки зрения целей современной лингвистической экспертизы неологический ресурс цифрового формата имеет бесспорные функциональные и структурные преимущества перед традиционным полиграфическим изданием.

Литература

Фролова О. Е. О глаголе контролировать // Русская речь. 2012. № 6. С. 49–53.

Куликовская Екатерина Николаевна

канд. филол. наук, старший преподаватель,
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина;
kulikovskaya.eka@yandex.ru

К СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА «БЛАГОДАРИТЬ» И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ В КОРПОРАТИВНОМ ЭТИКЕТНОМ ОБЩЕНИИ

Ключевые слова: перформатив, речевой акт, интенциональность в языке, семантика глагола, корпоративная коммуникация.

Язык — важнейшая, едва ли не основная, часть любой корпоративной культуры. Так же, как язык формирует и преобразует культуру народа, язык способен создавать и изменять культуру предприятия [Гапарович 2019: 16]. Описание корпоративной коммуникации позволяет понять особенности менталитета и взаимоотношений на предприятии. Кроме того, такое описание вносит определённый вклад в социо- и прагматическое осмысление современного русского языка.

«Благодарность» выступает как один из вербализаторов концепта «благо», имеющего важное значение для русской языковой картины мира [Дмитриева, Шаклеин 2022]. Корпоративная коммуникация располагает большим количеством этикетных ситуаций, в которых реализуется речевой акт благодарности. При этом содержательное наполнение концепта «благо» может зависеть от ценностной системы как отдельного сотрудника, так и предприятия или подразделения.

В ходе исторического развития русского языка этическое значение слова «благодарность» деволюционировало от благодарности как благодарования, даров Святого Духа («евхаристия») [ЭСРЯ 2005: 37] до благодарности как взаимоотношений человека с материальным миром вещей (этикетное «слова благодарности», а также «взятка»).

Было проанализировано 4242 речевых акта, ядром значения которых является перформативный глагол «благодарить». Исследовались речевые акты в корпоративном этикетном общении. Сбор и анализ материала осуществлялся при помощи специально разработанного программного обеспечения.

Проанализированные акты в корпоративном общении демонстрируют следующие особенности структуры:

1. Распространены акты, состоящие из одного перформатива благодарности («Спасибо!», «Благодарю»).
2. Указание на причину благодарности при помощи конструкции с предлогом «за» и существительным (как правило, отглагольным). «Спасибо за внедрение программы спасибо коллега», «спасибо за командную работу». Иногда эти конструкции содержат слово «спасибо», иногда нет («за позитивный настрой», «за помощь»).
3. Используются конструкции вида «спасибо за то, что.../спасибо, что»: «Большое спасибо за то, что стараешься не ставить меня на тяжёлую работу!!!я это очень ценю!», «Спасибо что научили!»).
4. Нередко приводятся характеристики сотрудника, содержащие качества: «Артистизм», «Профессионализм, работоспособность в режиме многозадачности», и иногда даже указания конкретного достижения сотрудника: «Слаженность в работе коллектива бригады финишной линии нержавеющей баки».
5. Распространены акты, в которых в форме словосочетания существительное + определение оценивается сам сотрудник как личность и профессионал: «лучший бригадир», «ценный специалист», «отличный сотрудник», «технолог от бога».
6. Распространены обращения: «Артем ты молодец».

7. Следует особо отметить использование юмора, иронии и других средств, определяющих «карнавализацию» корпоративной коммуникации: например, «Спасибо за день спасибо за ночь», «От души», «Вау».
8. Встречаются высказывания, для понимания которых необходим весь контекст, в котором осуществляется коммуникация («Балеринку», «крос»).
9. Представляют интерес высказывания, содержащие рассуждения, когда отправитель не ограничивается выражением эмоций и названием причины благодарности: «Половину отведенной жизни мы проводим в рабочем коллективе. Хочется поблагодарить за качественную работу, за высокий класс профессионализма, за ответственность и скрупулезность, прикладываемые к каждому заданию. Спасибо за добросовестный труд. Примите пожелания в дальнейших успехах по всем предстоящим рабочим моментам».

При рассмотрении речевого акта, тем более применительно к подобному материалу, особенно интригует вопрос условий искренности, а этот вопрос, в свою очередь, напрямую выводит нас на исследование мотивации благодарящих. Настоящий материал позволяет определить мотивацию косвенно, путём анализа этических установок, явствующих из текстов. Мы обнаружили, что основные интенции, вкладываемые говорящими в свои тексты, можно свести к следующим трём типам:

1. Собственно благодарность.
2. Оценка.
3. Поощрение-манипулирование.
4. Неопределённая.

Мы заметили, что эти типы определённым образом соотносятся с уровнями семантики благодарности, которые описывались выше. Действительно, интенциональное наполнение речевого акта представляется напрямую связанным с тем, как говорящие интерпретируют слово «благодарность», особенно этический компонент его семантики. Эти уровни были сопоставлены с интенциональными типами следующим образом:

1. Собственно благодарность. Искреннее выражение эмоций в ответ на благодеяние. Под благом понимается любовь, развитие, доброта.
«Люблю тебя», «Человек которому я благодарен и буду благодарен всегда, за то что в своё время поверил и дал мне шанс! Человек с большой буквы! Спасибо!», «Я безусловно рад что у меня такой наставник!».
2. Оценка. Оценивание профессиональных навыков, похвала, комплимент.
«Толково обучила новых женщин на финишной сборке».
3. Поощрение-манипулирование. Корыстные интересы или поступок, совершённый в корыстных интересах, в пресуппозиции.
«За оперативное проведение командировочных)),
«Спасибо за подкормку».

В рассмотренном материале преобладают речевые акты благодарности с намерением «оценка». Это может связываться с преобладанием в корпоративной культуре стремления к сдержанному и корректному общению; с ориентацией на утилитарно-прагматический подход к коммуникации; со стремлением сотрудников отдавать приоритет профессиональным качествам в корпоративном взаимодействии. Тем не менее, устойчивое использование благодарности в данном прагматическом контексте в корпоративной культуре, вероятно, влияет и на общезыковую практику, свидетельствуя о продолжающемся процессе превращения благодарности в этикетно-оценочный речевой акт, близкий к похвале и комплименту.

Выводы исследования, с одной стороны, углубляют наше понимание актуальных процессов в современном русском языке, с другой же стороны, обладают определённым потенциалом практического применения в управлении корпоративной коммуникацией.

Литература

Гаспарович Е. О. Корпоративная культура и социальная ответственность: диагностика, планирование, развитие: учеб.-метод. пособие: в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2019.

Дмитриева Н. М., Шаклеин В. М. Семантические особенности функционирования доминантных вербализаторов этического концепта благо в средствах массовой информации // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-osobennosti-funktsionirovaniya-dominantnyh-verbalizatorov-eticheskogo-kontsepta-bлаго-v-sredstvah-massovoy> (дата обращения: 25.01.2024).

Этимологический словарь русского языка под ред. Г. А. Крылова. СПб, 2005.

Автор выражает благодарность ООО «Торговый дом ТЕРМЕКС» и ООО «Неолоджик» за предоставление материала и программного обеспечения для исследования

Лукьянова Людмила Владимировна

канд. филол. наук, заведующая кафедрой русского языка,
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С. М. Кирова;
lukianovaludmila@mail.ru

СЛОВАРЬ Д. Н. КАЙГОРОДОВА: К ВОПРОСУ О РУССКОЙ ЛЕСНОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ

Ключевые слова: Д. Н. Кайгородов, терминологический словарь, русская лесная терминология, историческая лексикография.

Ученый-лесовод Д. Н. Кайгородов вошел в историю отечественной культуры как «отец русской фенологии» и популяризатор естествознания. Его очерки и статьи о лесной флоре и фауне, адресованные широкому кругу читателей, приобрели наибольшую известность, неоднократно переиздавались и комментировались.

В богатом наследии ученого есть и опыт создания первого в России лесотоварного словаря [Кайгородов 1883]. «Русский толковый лесотоварный словарь», вскользь упоминаемый в обзорных статьях о Кайгородове, до настоящего времени не становился объектом специального внимания в лексикографии. Однако противоречивые оценки словарной работы современников маркируют не только частные проблемы систематики лесного товароведения, но и актуальные, заслуживающие внимания процессы становления русской лесной терминологии и отечественной лесотехнической науки.

«Лесотоварный словарь» Д. Н. Кайгородова, помимо словника, включает подробный предваряющий текст, «обстоятельный паспорт»: титульный лист, посвящение и предисловие. Названные компоненты объясняют концепцию словаря, расширяют и углубляют информацию содержания словника и, что немаловажно, устанавливают контакт с предшествующей лексикографической традицией. Обращение к прецедентному имени, высказыванию и тексту В. И. Даля («Толкового словаря живого великорусского языка») последовательно эксплицируется в посвящении, эпиграфе и в перечне основных источников «Лесотоварного словаря».

В предисловии содержится и другая актуальная информация о лексикографических параметрах издания и интенциях составителя: обоснование причин создания словаря, характеристика процесса отбора и принципов размещения языковых единиц, описание логики семантизации, планирование перспектив работы. Несмотря на то, что в предисловии специально не оговаривается группа пользователей, моделирование словарной статьи позволяет судить о потенциальном адресате, — широком круге русскоязычных пользователей, занятых в лесной сфере.

За предисловием (при отсутствии списка условных сокращений) начинается словник, включающий 1200 единиц специальной лексики. Отбор лексики и метаязык словаря Кайгородова ориентирован традицией (Даль и Березина) и может быть соотнесен с ней: словарь включает специальную лексику «живого», быденного языка, в семантизации используются и разъяснительно-описательная характеристика, и синонимия, и особенно часто — комбинированные способы толкования. В представлении языковых единиц привлекаются графические средства в качестве полноценных участников организации словарной статьи. Ведущим принципом расположения языковых единиц, по принципиальному соображению составителя, избран алфавитный, с элементами гнездования.

Выход «Русского толкового лесотоварного словаря» не остался незамеченным, хотя реакция на его появление, как отмечалось, была неоднозначной. Первая короткая и сдержанная рецензия была написана авторитетным русским ученым-лесоводом Ф. К. Арнольдом. При недостатке лесотехнической литературы на русском языке Арнольд подчеркнул актуальность словаря, констатировал необходимость продолжения работы и расширения круга источников [Арнольд 1883: 607]. Интерес к работе Кайгородова проявляли и многочисленные корреспонденты, специалисты, направлявшие по просьбе составителя дополнительные списки слов, часть которых публиковалась на страницах «Лесного журнала». Научная деятельность Кайгородова получила

высокую профессиональную оценку, «Русский толковый лесотоварный словарь» был удостоен премии Специальной комиссии Лесного комитета.

Однако почти пять лет спустя после выхода «Лесотоварного словаря» абсолютным диссонансом прозвучала острая критика известного лесоведа, энциклопедиста В. Т. Собичевского, а затем развернулась и полемика между учеными на страницах «Лесного журнала» (1888–1889). По мнению Собичевского, «Лесотоварный словарь» представлял собой «...только неразработанный, сырой и притом очень неполный материал» [Собичевский 1888: 823], еще и крайне неудобный для пользователя вследствие алфавитного принципа расположения слов. На «обвинения и упреки» Собичевского Кайгородов дал развернутый ответ, контр-критику: принимая частные замечания и ценность дополнительного списка слов, предложенных рецензентом, по принципиальным вопросам устройства словарной статьи, конкретного толкования отдельных слов и их подачу Кайгородов остался при своем мнении. Работа над «Лесотоварным словарем» не получила продолжения, второе издание не состоялось.

Представленный анализ, безусловно, нельзя признать полным и окончательным. Словарь специальной лексики представляет собой не только определенную систему научно-технического знания, но и отражает аналитические процессы, научную рефлексивность определенного периода. Следовательно, в качестве перспективы можно было бы наметить более глубокий анализ словника, исследование источников словаря и объективных причин, препятствовавших продолжению работы составителя над словарем. Интересные результаты в области развития русской лесной терминологии конца XIX века может дать, как представляется, сопоставление «Русского толкового лесотоварного словаря» Д. Н. Кайгородова с вышедшим 15 лет спустя «Опытом лесоводственного терминологического словаря» П. Н. Верехи.

Литература

Арнольд Ф. К. Библиографический обзор // Лесной журнал. 1883. Вып. 11. С. 601–626.

Кайгородов Д. Н. Русский толковый лесотоварный словарь. СПб., 1883.

Собичевский В. Т. Библиография. Русский лесотоварный словарь. Составил Дмитрий Кайгородов (Окончание) // Лесной журнал. 1888. Вып. 5. С. 793–823.

Малышев Александр Александрович

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
malyshev.alexander@mail.ru

ПОНЯТИЙНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ БЮРОКРАТИИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: бюрократия, историческая лексикология, историческая семантика, публицистика XIX века.

История слова «бюрократия» в русском языке поистине удивительна: при том, что «Словарь русского языка XVIII века» фиксирует такие вполне привычные нам слова, как «волокита» [СРЯ XVIII, 4: 41–42], «канцелярский» («канцелярским слогом, как будто недавно из крючкотворцев») [СРЯ XVIII, 9: 239] и «крючкотворство», в текстах XVIII в. это понятие отсутствует, т. е. как явление российской действительности бюрократия безусловно присутствовала, однако называлась иначе. Нет этого слова и в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847). Первая словарная фиксация относится к «Энциклопедическому лексикону» Плюшара (1836), в котором лексема французского происхождения приводится без определённого значения по причине новизны понятия даже для самих французов (и немцев как их ближайших соседей), однако приводится перечисление свойств бюрократии: злоупотребление властью, умножение форм письмоводства, избыточная внимательность к частностям в ущерб целому, цикличность и медлительность документооборота, а также отмечается «до некоторой степени подобное значение» прекрасно знакомому всем читателям слову «волокита». Однако уже в словаре В. И. Даля, а затем и в практически всех последующих словарях всё словообразовательное гнездо имеет отчётливо негативное толкование и соответствующие стилистические пометы [Фролова 2010].

Одним из первых в России о бюрократии написал в 1841 г. Ф. В. Булгарин в очерке «Управление именем» (здесь и далее примеры приводятся по данным Национального корпуса русского языка): «Многие упрекали Наполеона за то, что он завел так называемую бюрократию, т. е. чиновничество, и распространил переписку до высшей степени» — понимавший по-французски читатель вполне мог разделить слово на корни и получить «власть столов для делопроизводства», однако Булгарин подобрал русскоязычный аналог, который пояснял слово больше ассоциативно, чем по значению.

«Бюрократия» как чрезвычайно удачное понятие было подхвачено публицистами и литераторами и распространилось в обществе со скоростью цепной реакции. Принять бюрократию и пощадить её вербально было решительно невозможно, как ранее невозможно было щадить крючкотворство и бесконечные проволочки. Привлечь она могла лишь неискушенного человека — такого как 19-летнего Владимира Бельтова из романа А. И. Герцена «Кто виноват?», однако уже через полгода прежнее очарование окончательно спало, герой ужаснулся духоте бюрократической атмосферы и оставил службу.

Отметим две отдельные составные семантического ореола бюрократии:

1. Резко негативная оценка «нового старого» явления и откровенная ирония в его адрес: «Хотеть управлять народом посредством одной бюрократии, без содействия самого народа, значит в одно и то же время угнетать народ, развращать его и подавать повод бюрократам к бесчисленным злоупотреблениям» (А. В. Никитенко); «бюрократическое поприще... гостеприимно призывает всех не имеющих приюта и нравственно окалеченных» и «умственные тундры наших бюрократов» (М. Е. Салтыков-Щедрин); «...я чувствую непреодолимое отвращение к бюрократии, к чиновничеству, к этому пошлому тунеядству, называемому гражданской службой» (Н. И. Греч); «бюрократизм одурел и загнал народ» (П. В. Анненков) и мн. др.

2. Доминирование различных способов выражения отрицания при разговоре о бюрократии: «И каждый день, каждый час, и сегодня и завтра, и целый век, бюрократическая машина работает стройно, непрерывно, без отдыха, как будто нет людей, — одни колеса да пружины»

(И. А. Гончаров); «Мы думаем, что она вовсе не способна ни понимать истинных интересов земства, ни тем менее управлять ими таким образом, чтобы это управление имело результатом действительную для дела пользу» (М. Е. Салтыков-Щедрин); «Официальными мерами, бюрократическими распоряжениями нет возможности привязать к себе народонаселение» (Б. Н. Чичерин); «При бюрократическом порядке совершенно бесполезны ум, знание, опытность людей, которым поручено дело» (Н. Г. Чернышевский); «справедливо управлять страной бюрократическим, канцелярским способом невозможно» (В. А. Гольцев) и мн. под.

Смысловое наполнение понятия «бюрократия» было вполне одинаковым для абсолютного большинства людей, и политические убеждения не играли при этом существенной роли: от бюрократии равно страдали западники и славянофилы, сторонники реформ и их противники, простолюдины и дворяне (вероятно, отчасти страдали от неё и некоторые бюрократы). Н. Г. Чернышевский в рассуждениях о решении крестьянского вопроса намекал на бессилие перед бюрократией самого государя, уловленного чиновничьей сетью: невозможность полноценно совершить благое дело «произведена силою бюрократического порядка, против которой ничего не в силах сделать никто, хотя бы стоял и в самой главе всего управления» («Письма без адреса»). А. И. Герцен указывал на синтетичность общественного устройства России, которое представляло собой крайней специфичный конгломерат старого и нового, своего и чужого: «Тяжелые и неповоротливые бояры и князья наперерыв старались походить на капралов и берейторов, германский бюрократизм обогащался византийским раболопием, а татарская нагайка служила превосходным пополнением шпицрутенов».

В общественном диалоге XIX в. бюрократия практически мгновенно заняла почётное место общего зла, опутавшего своими сетями всю Россию, нелюбовь к ней стала общим местом в рассуждениях мыслящей части общества; однако ни осуждение, ни сатира, ни иная форма критики, ни какие-либо преобразования ничего не смогли сделать с нею и по сей день. Показательно, что лишь немногие деятели XIX в. отваживались заглядывать в историю российской бюрократии: А. И. Герцен глухо указывал на попытки бояр и князей превратиться в капралов и берейторов — разумный читатель вполне понимал, когда начались эти попытки и кто был их инициатором [Кругликова 2022], но позиция публициста относительно петровских реформ всё же не позволила ему развить свою мысль. Впрочем, в России бюрократия существовала и до Петра, а название её тем или иным словом затрагивало более внешнюю сторону вопроса, нежели его суть.

Литература

Кругликова О. С. Русская бюрократия как детище петровской модернизации в трактовке русских публицистов пореформенной эпохи // «Он весь, как Божия гроза»: образ Петра I в русской дореволюционной журналистике. СПб., 2022. С. 482–501.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019.

Фролова О. Е. Имена власти // Русская речь. 2010. № 4. С. 41–51.

Маринова Елена Вячеславовна¹, Волочек Елизавета Андреевна²

¹д-р филол. наук, профессор,

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова;
marinova@list.ru

²ассистент,

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова;
ev52@bk.ru

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ключевые слова: русский язык цифрового общества, терминология, терминография, ключевые термины и терминологические элементы, тематические группы.

1. Стремительное развитие цифровых технологий оказывает влияние на все сферы общества, трансформируя тем самым привычные формы взаимодействия граждан и государства. В связи с этим в языке наблюдается активное формирование номинаций, связанных с идеологией цифрового общества (ЦО). В социологии это понятие определяется так: «ЦО — это общество, инфраструктура которого функционирует посредством цифровых технологий (технологии больших данных и искусственного интеллекта, алгоритмов и алгоритмических систем, облачных вычислений и т. д.), а базовой формой организации и социального взаимодействия являются сетевые структуры и платформы» [Добринская 2021: 114]. Модель ЦО предполагает функционирование всех социальных институтов, институций и общественных практик посредством компьютерно-интернетовских технологий.

2. Цель исследования — не только выявить особенности формирования терминологии ЦО, пути и способы ее пополнения, системные связи внутри терминологии, но и определить те особенности семантики и прагматики терминов, которые свидетельствуют о трансформации традиционных представлений о месте человека в мире. Одним из важных аспектов исследования стало определение состава устойчиво воспроизводимых слов и сочетаний, семантика которых связана с концепцией ЦО, с одной стороны, и стратегией цифровой безопасности этого общества, с другой, что стало основой концепции словаря терминологии ЦО [Маринова, Волочек 2023].

3. Источниками сбора материала послужили: тексты правительственных документов и новостные тексты, представленные на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ; медиатексты, содержащиеся в электронной базе «Интегрум» (сервис «Архив СМИ») и «Национальном корпусе русского языка»; научные тексты (по социологии, политологии, теории сетевой культуры). Привлекались также медийные англоязычные тексты (для проверки наличия/отсутствия эквивалента той или иной русской номинации). Всего было проанализировано св. 500 терминов и терминологизированных сочетаний.

4. Собранный материал был распределён по тематическим группам, которые отражают основные характеристики цифрового общества, сформулированные в работе Н. Селвина: датификация — использование технологий больших данных (Big Data); алгоритмизация — использование высокотехнологичных систем, основанных на компьютерных алгоритмах и технологии искусственного интеллекта; сетевизация — организация взаимодействия всех общественных структур на основе глобальной сети «Интернет»; платформизация — внедрение интернет-платформ во все сферы жизни государства и личности [Selwyn 2019]. Тематическая классификацию терминов ЦО определила структуру нашего терминологического словаря. В процессе работы над ним были выделены также: группа номинаций, которые отражают проблемы безопасности в цифровой среде; термины, обозначающие последствия цифровой трансформации жизни во всех основных сферах деятельности общества (экономика, финансы, политика, социальная сфера, искусство). Особо представлены в словаре ключевые термины (цифровизация, цифровая экономика, цифровые технологии и т. д.) и ключевые терминологические элементы (цифровой, электронный, бесконтактный, облачный; кибер-, онлайн-, цифро-).

5. В ходе исследования установлено, что некоторые номинации уже устоялись в качестве строгих научных обозначений, которыми оперируют как учёные, так и представители власти, в том числе в официальной документации: цифровые инструменты, информатизация, цифровая трансформация и др. Часть номинаций используется в узких профессиональных сферах (диджитал, диджитал-рекрутмент — в бизнесе; цифровой биодизайн — в медицине), а другая — активна в СМИ (алгоритмы, биометрия, нейросеть и т. д.). Среди составных номинаций преобладают кальки английских коллокаций, включающих ключевое слово новой технологической эры — digital (цифровое общество, цифровое неравенство). Среди однословных терминов преобладают прямые заимствования, в том числе вторичные (биткоин, куар-код; портал, профиль). Новообразования, созданные на русской почве, включают единицы, созданные различными способами компрессии (цифра, цифро-, ИИ-) и фразообразованием (цифровой портрет, цифровой рубль). Сведения о происхождении терминов приводятся в словарных статьях в виде короткой справки.

В докладе предполагается подробно осветить вопрос о структуре словарной статьи в нашем лексикографическом проекте и её основных зонах.

6. Обновление языковой системы, прежде всего лексики, в связи с появлением в кон. XX в. новой сферы деятельности человека, представляет лингвистический и лексикографический интерес. Словарное описание нацелено на отражение состава наиболее частотных номинаций, претендующих на статус термина, и иллюстрации живых процессов, сопровождающих формирование терминологии ЦО. Распределение лексических единиц по тематическим группам помогает отразить референтные зоны, в которых особенно активен процесс номинаций реалий и понятий ЦО.

Литература

- Добринская Д. Е.* Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 12. С. 112–129.
- Маринова Е. В., Волочек Е. А.* Тематический словарь терминологии цифрового общества RU: Проспект // Альманах Говор. 2023. № 8. С. 1–196. DOI: 10.48612/govor/r11t-t47t-tm73
- Selwyn N.* What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press. 2019. 134 p.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ [грант № 23-28-00991].

Мельничук Виктория Александровна

канд. филол. наук, доцент, кафедра книгоиздания и книжной торговли
Высшей школы печати и медиатехнологий,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна; hatikva_gdola@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СЛОВА ВИБРИОН (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕТЕРБУРГСКИХ МАССОВЫХ ГАЗЕТ НАЧАЛА XX В.)

Ключевые слова: лексико-семантическая динамика, русский язык начала XX века, термин, окказиональное значение.

Рассматривая лексико-семантическую динамику медицинской и биологической терминологии в русском языке XIX века, Ю. Сорокин описывает в том числе слова *бацилла*, *вибрион* и *микроб*: «Все три термина появляются на русской почве в 80-х гг. Образное употребление их редко ... В дальнейшем некоторую устойчивость получает лишь образно-переносное употребление слова *микроб*» [Сорокин 1965: 423]. Для специальных терминов, к которым относится и слово *вибрион*, подобная лексическая биография, в целом, типична. Однако вмешательство внешнеязыковых факторов превратило лексему *вибрион* на время если не в ключевое слово эпохи, то, как минимум, в одно из весьма заметных слов начала XX века.

Отметим, что в массовой газете «Петербургский листок» лексема *вибрион* фиксируется единично в прямом значении «бактерия в форме изогнутой палочки, запятой» в 1878 и 1879 гг. в аналитических статьях, посвященных тифу и чуме: *Натошакъ не слѣдуетъ входить въ сферу одержимых прилипчивыми болѣзнями, такъ какъ ... грибки либо вибрионы легче проникають въ тѣло.* («Петербургский листок», 1878.02.28). В специализированной «Земледельческой газете» обнаружен контекст 1862 г.: *безъ этой предосторожности въ яичномъ желткѣ... зарождаются вибрионы, удлиненныя, но медленно движущіеся инфузорія.* («Земледельческая газета», 1862.10.20).

Рост частотности слова *вибрион* в русском языке был связан с эпидемиями холеры, которые были не редкостью в России (первая произошла в 1831 году, описаны эпидемии 1848, 1852, 1866, 1870, 1892—1895, 1907—1910 гг.). Действенные меры по борьбе с холерой сформировались лишь к началу XX века. Городские газеты широко освещали вопросы профилактики болезни, информируя жителей о возможных путях заражения, в связи с чем слово *вибрион* активно употребляется в более узком значении «бактерия, вызывающая холеру». Введение термина в газетный текст могло маркироваться кавычками, которые либо подчеркивали новизну лексической единицы (1), либо были сигналом цитатного употребления (2):

- (1) Важно то, что па нихъ часто садятся мухи, которыя на своихъ лапкахъ приносятъ заразу. Стоить съѣсть ягоду, на которой будетъ только одинъ «вибрионъ», и зараженіе холерой готово. («Петербургский листок», 1907.07.26)
- (2) Указываютъ, — добавилъ В. О. Губертъ, — что пока заболеваний в воде мало. Но не надо забывать, что холера поражаетъ не всѣхъ, кто проглотилъ «вибрионовъ». Принималъ же заразу внутрь И. И. Мечниковъ, и остался живъ и здоровъ. («Петербургский листок», 1909.05.26) (Упомянутый в тексте В. О. Губертъ был председателем санитарной комиссии Петербурга.) Предпринимаемые городской управой меры по профилактике холеры (в частности, предлагаемые жителям «афиши») становятся объектом критики: отмечается языковая сложность, недоступность их для понимания малообразованными слоями населения: ...въ санитарной комиссіи дѣлають видъ, что понимаютъ, а скромный обыватель ломай себѣ голову. Когда пришлось, после долгаго сопротивленія, уступить холернымъ покойникамъ, безмолвно, но упорно вопіявшимъ къ окружающимъ о существованіи холернаго вибриона, гг. санитары заговорили, въ концѣ концовъ, общедоступнымъ языкомъ, и обыватель узнал много цѣннаго: Что холерный вибрионъ вызы-

ваесть холеру, которая — чортъ ее знаетъ, почему — бываетъ смертельна даже для играющихъ на «американской» биржѣ. («Петербургский листок», 1911.07.03)

Такое повышенное внимание к терминологическому слову, вероятно, быстро сделало его широко известным носителям языка, что и позволило журналистам иронически переосмыслить и активно использовать его в образно-переносных значениях. В фельетонах и на карикатурах вибрион зачастую персонифицируется: ср. Гастроли холерныхъ вибрионов в залѣ городской думы («Петербургская газета», 1909.07.11); карикатура Севрюга ѣдетъ на дачу, а вибрионъ на встрѣчу с подписью Вибрионъ. — Вотъ и я опять у васъ! — правда, я еще худенькій, но надѣюсь, при вашемъ благосклонномъ вниманіи я скоро поправлюсь! («Петербургская газета», 1910.06.13).

В подписи к карикатуре на инженера В. Д. Залемана, дом постройки которого обрушился, Вибрионъ новѣйшей формации («Петербургская газета» 1909.07.12) слово вибрион приобретает окказиональное значение 'источник бедствия'.

Слово может также реализовывать переносно-метафорическое значение 'Об отрицательном, вредоносном свойстве, распространяемом подобно заразе': Подпись к карикатуре (изображены мешки с деньгами) — Вибрионъ Febris Germanophilis, уменьшенный въ 1000000 разъ. Видимъ и невооруженнымъ моноклемъ глазомъ. («Новое время», 1916.06.11)

Можно предположить, что метафорическое употребление лексической единицы вибрион в художественной прозе начала XX век не только результат погони авторов за изошренным словом или экзотическим образом, но и следствие погруженности пишущего в текстовое пространство эпохи, которое заполняется и высокохудожественными произведениями, и (возможно, даже в большей степени) рекламой и газетными текстами разных жанров — от новостей до фельетонов.

В романе «Серебряный голубь» Андрей Белый, описывая студента-химика, увлеченного оккультными науками, использует метафору вибрион безобразий, которая вводится глаголом вносил (ср. вносить вклад / свою долю / лепту), актуализируя компонент значения 'мельчайший' и 'вызывающий болезнь': Чухолкой тяготились, Чухолку гнали из всех мест, где имел он несчастье появиться: всюду своим приходом вносил он вибрион безобразий. (А. Белый «Серебряный голубь», 1909) Писатель создает развернутую метафору болезни, которую несет в себе и передает окружающим герой, прибегая к описаниям, ассоциативно связанным как раз с образом холеры: «...казанский студент являлся бессильным проводником всяких астральных нечистот; и отчего это, будучи добрым и честным малым, неглупым и трудолюбивым весьма, Чухолка пропускал сквозь себя всякую гадость, которая лезла из него на собеседника?» (А. Белый «Серебряный голубь», 1909)

Литература

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90 гг. XIX в. Л.: Наука. 1965. 569 с.

Николина Наталия Анатольевна¹, Петрова Зоя Юрьевна²,
Фатеева Наталья Александровна³

¹канд. филол. наук, профессор,
Московский педагогический государственный университет;
admin@riash.ru

²канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
zoyp@mail.ru

³главный научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
natalia_fateeva@yahoo.com

НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ)

Ключевые слова: метафора, сравнение, современная русская проза, национально- маркированные языковые единицы.

В современной русской прозе широко распространены компаративные тропы (метафоры и сравнения), в состав которых входят национально-маркированные языковые единицы, обозначающие реалии различных национальных культур. Национальная специфика языковых единиц в художественной речи может быть выражена тремя основными способами: 1) обозначения реалий, присущих культуре только одного народа; 2) использование в различных языках разных лексических единиц, обозначающих один и тот же денотат; 3) употребление прецедентных феноменов, специфичных для той или иной культуры. Образное употребление таких единиц нашло отражение в специальных лингвокультурологических словарях [Гудков 2020, Брилева, Вольская, Гудков и др. 2004].

Цель нашей работы — выявление и анализ компаративных тропов, отражающих особенности национальных культур, в современной русской прозе. Материалом для исследования служат произведения Е. Водолазкина, А. Волоса, А. Иванова, А. Иличевского, А. Рубанова, О. Славниковой, Лены Элтанг, Г. Яхиной, Н. Абгарян и др., а также контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ — электронный ресурс].

Анализ современных прозаических текстов показывает, что авторы обращаются в своих произведениях к культурам разных народов. Так, в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» используются многочисленные образы, восходящие к татарской национальной культуре (см. [Арзямова 2016]): «В небе кругляш луны, как тэнке». В романе А. Иванова «Сердце Пармы» встречаются контексты, в которых метафоры и сравнения включают образы вогульского мира (мира хантов и манси): «Тонкие и высокие ели с редкими сучьями и голыми вершинами торчали по склону густо, как копыя хонта, воткнутые в погребальный курган его хонтуя». В романе Лены Элтанг «Каменные клены» представлено множество лексических единиц, обозначающих реалии валлийской культуры: «Финн Эвертон невзначай прижилась, как серебряная рука короля Нуаду к его плечу».

Особенно часто в современной русской прозе используются образы сравнения тропов, связанные со славянской мифологией, фольклором, национальным бытом, историей русского народа: «Будто лягушка-царевна, с первыми нотами он [Тадеуш] сбрасывал свою обветренность, мозолистость и восстанавливал родовое изящество (Е. Водолазкин. Брисбен), «Гора впереди словно в пляске мотала каменным сарафаном, колыхала складки» (А. Иванов. Золото бунта).

Включаемые в текст культурно-специфичные единицы относятся к разным тематическим группам. Они обозначают реалии быта, природные реалии, национальные обряды и традиции, национальные инструменты и костюмы, блюда национальной кухни, деньги и др. Например, «Древнее пастбище на ошупь напоминает коротко стриженный габбех, подъеденный и вытоп-

танный тысячелетьем» (А. Иличевский. Перс), «Вот и стоит теперь вдоль Чусовой заброшенное каменное прясло, распахнутое навеки» (А. Иванов «Золото бунта»). Рассматриваемые единицы также могут быть связаны с персонификацией предмета и вводить образы исторического прошлого: «По бокам тахты примостила полнотелье <...> бархатные мутаки, этакие назирь-вежири — надменные и неуступчивые, наследие долгого персидского владычества» (Н. Абгарян. Вина).

Особенно часто в современной русской прозе в составе компаративных конструкций используются прецедентные имена — имена фольклорных и мифологических персонажей, исторических деятелей, имена богов: «Поют птицы, утро празднуют. Хорс выходит на голубую пажить, в его лучах распрямляется трава» (А. Рубанов. Финист — Ясный Сокол), «Он бы просто выхватил любимую из-за плетня и унес. Как птица Симург, как могучий джинн!» (А. Волос. Возвращение в Панджруд), «[Саша] пошла к дому, чуть сгорбившись, глядя в землю, мягко и осторожно ступая, будто старуха каллах бера с камнями в подоле» (Лена Элтанг. Каменные клены).

Компаративные тропы, включающие национально-маркированные образы, выполняют в современных прозаических текстах ряд функций:

1. Функция создания исторического колорита. Например, в романе А. Иванова «Сердце пармы» последовательно используются метафоры и сравнения, воссоздающие вогульскую культуру и верования.
2. Характерологическая функция. Компаративные конструкции, в состав которых входят культурно-специфичные языковые единицы, характеризуют внешность героев, их внутренние свойства, поведение, например: «Алый румянец облил щеки, глаза яркие, сверкают, как у мавки» (А. Рубанов. Финист — Ясный Сокол).
3. Интертекстуальная функция. Например, в романе Е. Водолазкина «Лавр» сравнительная конструкция «яко тает воск от лица огня» отсылает к тексту молитвы на церковно-славянском языке: «Никаких следов Арсения — живого или мертвого — слободские не нашли. Может статья, он растаял, яко тает воск от лица огня, подумали они».
4. Оценочная функция, например: «Аркадий Борисыч долго моет руки, трет щеточкой, подозрительно осматривает свои розовые ногти и с отвращением смотрит на себя в зеркало. Стоит, розовый, сытый, тугой, яйцевидный <...> Тоже мне Финист Ясный Сокол!» (Т. Толстая. Поэт и муза).

Рассматриваемые единицы в составе тропов, отражающие взаимодействие разных культур, расширяют арсенал образных средств современной русской прозы.

Литература

Арязмова О. В. Этнокультуремы в концептосфере писателя-билингва (на материале романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 54–58.

Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М.: Гнозис, 2014.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ [грант №23-28-00060]

Попов Сергей Александрович

канд. филол. наук, доцент,
кафедра связей с общественностью, рекламы и дизайна,
Воронежский государственный университет; spro@bk.ru

«ТОПОНИМИЧЕСКИЙ МАРТИРОЛОГ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ОНОМАСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Ключевые слова: ономастика, топонимия, лингвокраеведение, топонимический мартиролог.

За минувшее столетие топонимическая система Советского Союза, а затем и Российской Федерации понесла невосполнимые потери — по разным причинам исчезли десятки тысяч наименований географических объектов (топонимов), которые представляли собой, по образному выражению одного из основателей отечественной ономастики В. А. Никонова, «историю, выраженную средствами языка».

Для обозначения исчезнувших наименований географических объектов нами введен в научный оборот термин «топонимический мартиролог» (от греч. *μартυρολόγιον*, от *μάρτυς* — свидетель, мученик и *logos* — слово, сказание; лат. *martyrologium* — перечень жертв преследований или гонений; в более широком смысле этим словом обозначают перечень умерших или погибших людей; таким образом, «топонимический мартиролог» — перечень исчезнувших наименований географических объектов (топонимов) [Попов 2022: 108].

В настоящее время нашим научным коллективом ведется активная работа по составлению «Топонимического мартиролога Российской Федерации» — перечня наименований географических объектов, исчезнувших из официального употребления. Основной массив лексикографического труда составляют ойконимы (названия населенных пунктов), которые перестали существовать вследствие переименования (в основном по идеологическим соображениям или из-за неблагозвучности названия), слияния, присоединения, выделения, разделения населенных пунктов, а также ликвидации населенных пунктов в установленном законодательством порядке.

Словник насчитывает более 45 тысяч топонимов. По запросу из подведомственной Росреестру публично-правовой компании «Роскадастр» получены алфавитные списки географических названий ранее существовавших населенных пунктов, зарегистрированных в АГКГН (автоматизированном государственном каталоге географических названий). Информация предоставлена по следующим типам исчезнувших населенных пунктов: аул (101 объект), будка (5 объектов), выселок (101 объект), город (20 объектов), дачный посёлок (30 объектов), деревня (28 336 объектов), железнодорожная станция (28 объектов), казарма (8 объектов), кордон (13 объектов), курортный посёлок (5 объектов), местечко (36 объектов), посёлок (9 784 объектов), посёлок городского типа (263 объектов), посёлок при станции (6 объектов), починок (228 объектов), рабочий посёлок (41 объект), разъезд (28 объектов), село (2 629 объектов), слобода (43 объекта), станица (15 объектов), станция (14 объектов), улус (245 объектов), участок (34 объекта), хутор (2 361 объект), итого — 44 374 объекта. В представленных списках указаны только официальные наименования населенных пунктов и варианты названий (при наличии) без учёта их народных вариантов. Самые ранние сроки снятия географических объектов с учёта датируются серединой 1950-х годов, информация предоставлена по состоянию на начало 2023 года.

Кроме того, в картотеку внесены данные о 507 переименованных в 1998–2022 гг. географических объектах Российской Федерации (информационный бюллетень «Изменения в наименованиях географических объектов Российской Федерации (1998–2022 гг.)», подготовленный в Федеральном государственном бюджетном учреждении «Федеральный научно-технический центр геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных»).

Как справедливо отмечала В. Э. Сталтмане, «каким бы ни был исследовательский подход, непременным условием для любой ономастической работы всегда остается наличие фактически-

го материала. Последний же в наиболее удобной и обозримой для научного потребления форме оказывается представленным в виде словарей. Поэтому без преувеличения можно сказать, что лексикографическая инвентаризация имён собственных различных разрядов является основой дальнейшего развития ономастики в целом. При этом нельзя забывать о нормативной функции многих типов современных словарей» [Сталтмане 1989: 3].

«Топонимический мартиролог Российской Федерации» представляет собой разновидность ономастического словаря, в котором зафиксированы ушедшие из официального употребления топонимы и содержится другая полезная историко-краеведческая информация: варианты названия (при наличии), административно-территориальная привязка на момент исключения из учетных данных, регистрационный номер в Государственном каталоге географических названий, географические координаты, номенклатура листа карты масштаба 1 : 100 000, год снятия с учёта, реквизиты нормативного правового акта, причина исчезновения.

Однако данных сведений о топониме будет явно недостаточно для потомков. В связи с этим для каждого региона России стало бы весьма актуальным комплексное лингвокраеведческое исследование всего пласта ушедших названий населённых пунктов за всю историю его существования с дальнейшей публикацией полифункционального словаря-справочника. С этой целью параллельно с наполнением «Топонимического мартиролога Российской Федерации» нами начата работа по составлению «Словаря исчезнувших названий населённых пунктов Воронежской области», пробные словарные статьи уже опубликованы [Попов 2021].

Литература

- Попов С. А. Материалы к «Словарю исчезнувших названий населённых пунктов Воронежской области» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 4 (43). С. 49–55. DOI: 10.36622/AQMPJ.2021.81.52.007.
- Попов С. А. Топонимический мартиролог региона как часть национального культурного пространства Российской Федерации // Социолингвистика. 2022. № 3 (11). С. 104–119. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-104-119.
- Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография / отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1989. 112 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ [грант 23-28-01737]

Ребецкая Наталия Александровна

научный сотрудник,
Институт русского языка им. Виноградова РАН;
n.reb@mail.ru

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИНТЕРАКТИВНОМУ СЛОВАРЮ ЯЗЫКА ПУШКИНА

Ключевые слова: авторский словарь, электронизация, база данных, поисковая система, корпусные исследования, пометы.

Словарь языка А. С. Пушкина — первый отечественный монопольный словарь, составленный по всему комплексу текстов писателя. Он является важным инструментом научного исследования не только творчества Пушкина, но и истории русского литературного языка современной поэту эпохи. Авторы Словаря семантически и грамматически разметили все случаи употребления слова, снабдив их соответствующим адресом в пушкинском корпусе текстов (исключение сделано лишь для нескольких десятков самых частых слов), но читателю нелегко добраться до этого богатства: в составе словарной статьи приводится два-три примера на каждое значение, а остальные случаи употребления приходится искать по адресам в шестнадцатитомном Собрании сочинений (с точностью до страницы и строки).

Основной задачей проекта «Электронизация Словаря языка Пушкина», реализуемого в Институте русского языка им. В. В. Виноградова, является создание на основе лемматизированного конкорданса полноценных словарных статей для всех словоформ, входящих в Полное собрание сочинений А. С. Пушкина в 16 томах (СС). Наш Интерактивный словарь включает базу данных (БД), поля которой соответствуют разделам словарной статьи в печатном издании, и поисковую систему (ИПС), с помощью которой можно делать выборки, в том числе по фразеологическим сочетаниям, переносным значениям, стилистическим пометам. Эти выборки и являются объектом нашего исследования.

На данном этапе в базе данных Словаря имеется 8 таблиц, охватывающих словоупотребления из шести первых томов СС. В них включены почти все поэтические произведения Пушкина. Будем называть эти таблицы подкорпусами поэтического корпуса БД Словаря языка Пушкина (СЯП). Сюда входят стихотворения 1813–1817 гг. (Стихи1), стихотворения 1817–1825 гг. (Стихи2), стихотворения 1826–1836 гг. (Стихи3), цикл из 16 стихотворений «Песни западных славян» (Песни), Сказки, Поэмы 1817–1824 гг. (Поэмы1), Поэмы 1825–1833 гг. (Поэмы2), роман в стихах «Евгений Онегин» (Онегин).

Составители СЯП разметили все имеющиеся случаи употребления слов в переносных значениях и во фразеологических сочетаниях. По этим разметкам было сделано 16 выборок. Далее была подсчитана доля подобных словоупотреблений в поэтическом корпусе для каждой выборки.

Анализ распределения по подкорпусам слов с переносным значением показал, что наибольшая доля их приходится на стихотворения, помеченные как Стихи2 (2-й том СС) — 21 %. Стихи, созданные в эти годы (1817–1825), относятся к наиболее плодотворному в творческом плане периоду южной ссылки, расцвету романтизма, для которого характерна образность.

Наименьшее количество переносных значений (около 2 %) отмечено в «Песнях западных славян» и Сказках, в то же время они лидируют по употребительности фразеологических сочетаний (соответственно 15 и 20 %).

В стихах разных периодов максимальная доля фразеологизмов приходится на последний период творчества поэта (1826–1836) — 11 %. Это связано, в частности, с включением в данный том произведений в стиле устной народной словесности («Песни о Стеньке Разине»). В выборке по стихам из 3-го тома часто встречаются сочетания, имеющие разговорную и фольклорную окраску: бог помочь, чорта с два, после дождичка (в) четверг, в чистом поле, бить челом, царство вечно и др.

В поэмах раннего (1817–1824 гг.) и позднего (1825–1833 гг.) периодов тоже есть отличия в частоте употребления фразеологизмов: в последнем их доля больше: здесь наблюдается сближение пушкинского стиля с «сокровищами родного слова» [Виноградов 1941].

Большинство стилистических помет, встречающихся в словарных статьях СЯП, — это пометы, указывающие эмоционально-экспрессивную окраску слова: шутливое, ироническое, каламбурное, бранное, уничижительное. Авторы включают словоупотребления с такими пометами выборочно, для выделения оттенков значения, поэтому картина распределения их по нашим подкорпусам дает лишь общее представление о той или иной особенности стиля.

Помета шутливое на 121732 словоупотребления встретила 171 раз, ироническое 102, каламбурное 50.

Преобладание долей помет «шутливое» (26 %) и «ироническое» (34 %) в подкорпусе Онегин объясняется общим настроением романа: он, несмотря на глубину и серьезность фабулы, весь пронизан юмором и иронией, включая бытовые описания, авторские отступления, саму фигуру главного героя, его воспитание, снобизм. Здесь Пушкин верен своему принципу «лёгкой подачи сложного содержания» [Назирова 1999].

Отбор контекстов с поисковым элементом ироническое в подкорпусах стихов показал, что большинство произведений, в которые входят эти контексты, относится к сатирическому жанру эпиграммы.

Что касается каламбурных употреблений, то большая доля их принадлежит подкорпусу Стихи2 (45 %). Многие стихотворения данного периода датированы 1925 годом (это период ссылки в Михайловское) и относятся к сатирической поэзии, некоторые произведения грубы и откровенно неприличны.

В работе была проанализирована информация, полученная благодаря инструментарию Интерактивного словаря языка Пушкина. Она позволяет углубить наше представление о тех или иных аспектах творчества поэта. Это представление будет расширено после пополнения БД материалом из последующих томов СС, включающих прозаические произведения, а также публицистику и письма

Список условных сокращений

БД — База данных

СС — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 16 т.

СЯП — Словарь языка Пушкина

Литература

Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1941. 620 с.

Назирова Р. Г. Юмор Пушкина // Материалы научно-практической конференции «Пушкин и современность». Уфа: РИО БашГУ, 1999. С. 8–14.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / гл. ред.: Акад. В. В. Виноградов (отв. ред.) и др. М.: ГИС, 1956–1961.

Руднев Дмитрий Владимирович

д-р филол. наук, профессор,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;

rudnevd@mail.ru

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В «УСТАВЕ РАТНЫХ, ПУШЕЧНЫХ И ДРУГИХ ДЕЛ, КАСАЮЩИХСЯ ДО ВОИНСКОЙ НАУКИ» (1607–1621)

Ключевые слова: русский язык, XVII век, перевод, математическая терминология.

«Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (далее — «Устав») представляет собой выборочный перевод второго тома трактата «Kriegsbuch» выдающегося немецкого военного теоретика XVI века Леонгарда Фронспергера. В ходе сопоставительного анализа были изучены способы перевода на русский язык трех групп математической лексики: 1) базовые математические понятия (Geometri, Geometrisch, Mathematisch; Plano < лат. planum); 2) геометрические фигуры (Linie, Punct, Figur, Quadrat, Cubus, Tryangel, Zirckel, Circumferen(t)s, Limbo, Runde, Rundung); 3) части геометрических фигур, аспекты их описания и изучения (Horizont, Perpendicular, Basis, Corpus, Proportion, Cathetus, Hipotenusa, Centro (Centrum), Diameter, Bogen, Grad(t), Minute).

При передаче немецкой терминологии на русский язык переводчик пользовался различными стратегиями.

- 1) Математическое понятие транслитерируется, часто сопровождаясь глоссой:

«...durch die Geometri geschicklich ersucht werde» [Fronsperger 1573: 132v] — «...геометрическую, сиречь, земномѣрною мѣрою выискати и измѣрити и направляти» [Устав, 1: 195];

«...neben welchem allweg zu der rechten Handt die Cubisch zahl verzeichnet / das ist 27.pfundt» [Fronsperger 1573: 117r] — «И подлѣ чево всегда по правой рук кубичное, сирѣчь собранные числа помѣченъ; то есть: дватцать семь фунтовъ» [Устав, 1: 173–174].

- 2) Математическое понятие передается на русский язык устойчивыми словесными формами, например: «Linie» — «черта», «чертеж»; «Tryangel» — «тригранец», «Quadrat» — «четверогранец» и т. д.:

«...wie dann hiebey geordnete grosse runde Figur zuerkennen gibt» [Fronsperger 1573: 107r] — «...и какъ здѣсь подлѣ большое круглое знамя показуеть и даетъ знати» [Устав, 1: 150];

«...durch das Geometrisch Quadrat / oder Meßstramen zu finden» [Fronsperger 1573: 124r] — «...и тое Геометрискимъ четверогранцомъ или размѣрными снастьми находити» [Устав, 1: 183].

- 3) Математическое понятие передается по-русски несколькими конкурирующими способами, например: «Punct» — «статья» (чаще всего), «доля», «часть»; «Zirckel» — «кружало», «цыркуль», «круг»; «Diameter» — «диамет(е)р», «мера», «размер»:

«...desselbigen Gewichts werden die andern Diameter all sein» [Fronsperger 1573: 115v] — «...и по тому вѣсу бываютъ всѣ инные діаметры сиречь размѣры, или круги въ ядрѣ» [Устав, 1: 167];

«...in 6. Diameter» [Fronsperger 1573: 117v] — «...въ 6 размѣрахъ» [Устав, 1: 178];

«Daraus dan mit geringer mühe je ein Diameter auß dem andern / durch diese proportion erfunden werden mag» [Fronsperger 1573: 115v] — «...изъ того возможно не великими трудами единую мѣру изъ другие изыскать, или выискати основаниемъ ихъ» [Устав, 1: 167].

- 4) Понятие передается путем толкования его значения:

«...ist aber der Standt von dem Horizont der Erden höher / so ist der begert ort niderer» [Fronsperger 1573: 125r — 125v] — «...а будетъ твое мѣсто на чемъ стоишь, и отъ круга земнаго пока мѣста обозришь выше, и мѣсто твоего хотѣнія будетъ ниже» [Устав, 1: 186].

- 5) Математическое понятие передается по-русски с опорой на чертеж, изображение в трактате Фронспергера:

«...vnd deßgleichen / auch oben bey den Centrum A.» [Fronsperger 1573: 134r] — «...и по тому жь подобно и въ верху у буквы Я» [Устав, 1: 200];

«...wirt dir ein Figur folgen / wie hernach auffgerissen / vnnd wo dir in der Linien Basis der ander theil deß Winckelmaß durch schneidt» [Fronsperger 1573: 124v — 125r] — «...и покажется тебѣ знамя, какъ послѣ сего начерчено, и гдѣ тебѣ въ чертѣ на подошвѣ Б покажутся, и вторая доля угольчатая мѣры пройдетъ» [Устав, 1: 184–185].

- 6) Математическое понятие опускается при невозможности для переводчика его объяснить. Так, в примере ниже опущено слово «Cathetus»:

«...so laß ein Lini Winckelrecht auff die Lini jhr grundt oder Basus genandt fallen / welche ist der Cathetus / durch welche dir die höhe deines begerens bekandt wirt» [Fronsperger 1573: 126r] — «...и ты дай чертѣ угольного правила, на тое черту ее подошвы пасти, которая есть, которую тебѣ будетъ вышина твоего хотѣнія будетъ знакома» [Устав, 1: 188].

Ряд русских слов оказывается многозначным. Так, слово «четверогранец» используется для перевода фигуры (Quadrat) и инструмента (Quadrant); аналогично употребление слов «тригранец» и «кружало», однако они отражают полисемию слов «Tryangel» и «Zirckel». Многозначным оказывается слово «основание», оно используется для перевода слов «Fundament» (= «Basis»), «Corpus» и «Proportion»:

«...das halt für rechtes Fundament» [Fronsperger 1573: 116v] — «...то держи за свою правую подошву (или прямое основание) того дѣла» [Устав, 1: 173];

«...wie dieselbe auch jr rechte Proportion habē sollē» [Fronsperger 1573: 108r] — «...какъ имѣ свое прямое основание имѣти» [Устав, 1: 155].

В целом для русского текста характерна ярко выраженная полиномия при переводе математической лексики, что указывает на недостаточную освоенность математической терминологии, с одной стороны, и на отсутствие в русской культуре моделей научного повествования — с другой. Однако полиномия отчасти характерна и для трактата Фронспергера (например, слова Zirckel, Circumferen(t)s, Limbo, Runde, Rundung в значении 'круг, окружность'; Basis, grundt, Fundament в значении 'основание геометрической фигуры' и др.), т. е. полиномия в русском тексте имеет в том числе отраженный характер.

Источники

Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах, или статьях, в государствование царей и великих князей, Василия Иоанновича Шуйскаго и Михаила Феодоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым... Ч. 1–2. СПб.: При Гос. воен. коллегии, 1777–1781. [Устав]

Fronsperger L. Kriegßbuch / Ander Theyl. Von Wagenburgk vmb die Veldleger, Wie man die schliessen, sich darein verschantzen, wider auffbrechen, vnnd ein Statt oder Festung mit vortheyl Belaegern, Vmbschantzen vnd Vndergraben soll... Frankfurt am Main: Jn verlegung Sigmundt Feyerabendt, 1573.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ [проект 23-28-00776].

Садова Татьяна Семёновна

д-р филол. наук, профессор, кафедра русского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет;
tatsad_90@mail.ru

ТЕКСТ В ТЕКСТЕ: ТЕМА ЛЮБВИ В ОДНОМ ИЗ ПЕЧАТНЫХ МАНИФЕСТОВ ПЕТРА I

Ключевые слова: историческая стилистика, деловой язык XVIII века, жанр указа, язык распорядительного документа.

Выбор материала для доклада продиктован интересом автора к эволюции деловых жанров (в широком смысле) русской канцелярии, начало по-настоящему нового этапа которой приходится на XVIII век, время масштабных государственных реформ и, как следствие, перестройки всей системы деловой коммуникации, обслуживающей работу новой Российской империи. Помимо справедливо отмечаемых признаков документного языка Петровской эпохи (ориентация на западные образцы текстов, кальки, выработка «среднего стиля» на основе дореформенной письменности и живой городской речи [см.: Колесов 2013: 144–145] и др.) чрезвычайно важным моментом, влияющим на становление нового делового языка, оказывается тотальный переход к печатной форме указов, манифестов, распоряжений всех видов. Это безусловно способствует активному проникновению распорядительных документов во все сферы деятельности российского общества, увеличивает скорость их распространения и обеспечивает широкий охват аудитории-адресата.

Парадоксальность выбранной темы и материала кажется очевидной: любовная тема на фоне болезненной ломки старого семейного уклада жизни в пользу механистического государства-машины [Руднев, Садова 2023: 22] представляется малозначительной и непоказательной. Однако в аспекте проблемы поиска нового типа документа, универсального в структуре и языке, рассмотрение распорядительных указов Петра I, касающихся его отношений с поборниками старой России, к которым принадлежал и род его первой жены Евдокии Лопухиной, — оказывается более чем поучительным. Материалом для доклада стал «Манифестъ или, объявление, которое чтено в столовой палатѣ, при освященномъ соборѣ, И Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества при Міністрахъ, и прочіихъ духовнаго и гражданскаго чина людѣхъ; Лѣта 1718, Марта въ 5 день». Здесь, в печатном указе государя, приведены копии личных писем, которые, конечно, имели рукописную основу. Показательно, что к этому времени уже введена и активно применяется гражданская азбука, но в тексте печатного указа сохранены «подлинники» (с упраздненными надстрочными знаками, буквами с «зело» и др.) — письма трех лиц: Евдокии Лопухиной — 4 текста; Глебова — 1, Алексея Петровича — 1, Натальи Алексеевны — 1, росстриги Демиды (бывш. Еп. Ростов. Досифея) — 1. Очевидно, что исполняется принцип достоверности письменных показаний, поскольку в документе, названном «манифестом», описывается розыскное дело о возможном заговоре против Петра I, в который, по подозрению следствия, вовлечены члены царственного семейства.

В центре нашего внимания — письма Евдокии. Вполне ожидаемо, что структура и лексическое наполнение этих писем весьма различны в зависимости от адресата. Петру она пишет жалостливое, покаянное и весьма «раболепское» послание, именуя его Всеми́лості́вѣишии государь, а себя Вашего Величества ніжайшая раба, бывшая жена ваша авдотья. В письмах к своему возлюбленному Степану Глебову она использует большое количество обращений, отражающих ее несомненное «традиционное воспитание» и искренние чувства: свѣтъ мой, душа моя, батька мои, любезный друг мои, батюшка мои, сударь мои, радость моя, любонька моя и под. Всего — более 15 формул обращений.

Любовная тема писем, оказавшись основным материалом для розыскного дела, вовсе не нивелирует, но, напротив, усиливает основную «казенную» нить расследования — за чередой высоких слов и сердечных чувств женщины кроется истинный смысл «медовой ловушки» —

желание Евдокии и ей сочувствующей «партии» поставить на царствование Алексея Петровича, Самой же Евдокии, скинув съ себя монашеское платье, вновь стать царицею.

Какими средствами презентуется любовная тема этого Манифеста, столь широко цитирующего выдержки из писем Евдокии к Глебову? Во-первых, лексическими и фразеологическими: 1) устойчивыми обращениями явно устноречевого происхождения; 2) номинациями любимого (сердце мое, Благодѣтель, друг мои и др.); 3) устойчивыми формулами любовной семантики (в великой тугѣ пребываемъ; проста сердцемъ; нетъ тебя міляе и др.); 4) названиями подарков за любовь и сердечную верность (галздукъ, мешки денегъ, персни). Во-вторых, синтаксическими, риторическими: 1) многочисленными повторами — слов любви, эмоциональных междометий (ей-ей-ей; прошу слезно, прошу нарошно, прошу добиваися и др.); 2) риторическими фигурами — антитезы, вопросов и восклицаний (гдѣ твои разумъ тутъ и мои, гдѣ твое слово тутъ и мое, где твое слово тутъ моя и голова; Что же мне дѣлать, коли такову богъ меня безчастную родилъ и др.). В-третьих, литературными вставками любовной тематики. Возможно, аллюзиями к «Песнь песней» (мало знать лице твое и руки твои и всѣ члены твои и составы рукъ и ногъ твоихъ).

Наблюдаем текст в тексте. Манифест как документ, посвященный розыскному делу о возможной причастности старицы Елены к заговору против Петра I, полон «чистой» канцелярской лексики (от наименования официальных лиц, ведущих расследование, до уже сформированных деловых клише очная ставка, гражданский чинъ, изъ царедворцовъ помянутой степенъи др.). Внутри него — тексты личных писем как доказательства вины бывшей царицы, которые, прежде всего, демонстрируют интимную любовную тему. В этом манифесте со всей ясностью демонстрируется принцип доказательности и авторской подлинности свидетельских показаний, принятый в современной юридической (шире — общеделовой) коммуникации.

Литература

Демидов Д. Г., Калиновская В. Н., Колесов В. В., Черепанова О. А. Язык и ментальность в русском обществе XVIII века / отв. ред. В. В. Колесов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. 318 с.

Манифестъ или, объявление. которое чтено в столовой палатѣ, при освященномъ соборѣ, И Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества при Міністрахъ, и прочіихъ духовнаго и гражданского чина людѣхъ; Лѣта 1718, Марта въ 5 день // Копии его императорскаго величества указов, состоявшихся с 1714, по 1719 год. СПб.: Санктпетербургская типография; Сенатская типография, в 1724 году, Февраля 24 дня.

Руднев Д. В., Садова Т. С. Метафора государства и способы ее выражения в русской деловой речи // Вестник Волгоградского государственного университета. 2023. Т. 22. № 4. С. 21–36.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ [проект 24-28-00325]

Секиро Ольга Олеговна

аспирант, младший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
olgasekiro@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИКИ И. С. АКСАКОВА В АСПЕКТЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ИДЕАЛЬНОГО НАРОДНОГО ЯЗЫКА»

Ключевые слова: русский язык XIX века, публицистика И. С. Аксакова, историческая лексикология, историческая стилистика.

Обусловленность семантико-стилистических особенностей словоупотребления культурно-идеологической позицией автора в текстах XIX в. явилась следствием «пушкинской реформы» русского литературного языка. Общественно-политическая полемика в публицистике в данную эпоху происходила главным образом между западниками и славянофилами. Обращение к публицистическому наследию И. С. Аксакова может быть объяснено не только слабой изученностью произведений последних в рамках истории русского литературного языка XIX в., но, прежде всего, потому что он являлся хранителем славянофильского наследия и вывел данные идеи в широкий круг общественной полемики [Тесля 2015]. Славянофильские идеи отразились на его словоупотреблении в более зрелом виде.

Употребление архаических языковых средств в текстах Аксакова определялось славянофильской концепцией «идеального народного языка». Она была попыткой преодоления разрыва светской и православной культур, прошлого и настоящего, который принимали западники [Чапаева 2008: 31], суть ее состояла в синтезе различных элементов языка в условиях единого контекста. По мнению славянофилов, в состав «идеального народного языка» должны были входить «язык фольклора и древнерусских текстов исторического и сакрального содержания» [Чапаева 2008: 28].

Текстам И. С. Аксакова в циклах очерков, посвященных проблемам межнациональных отношений («польскому» и «славянскому» вопросам [см.: Аксаков 1886–1887]), свойственны следующие лексико-фразеологические особенности как традиционного характера, так и сугубо авторского происхождения: опускать очи долу; быть грозой и уздой; прирожденный на престоле; брести розно; а русский язык и словенский един есть; высоко, грозно и честно; самим промышлять о себе; своим хотением; сойтись в совет и любовь; вся земля просто русская; воры и изменники, вера папежская и др.

Лексико-фразеологические особенности публицистики И. С. Аксакова, обусловленные концептуальными задачами авторского замысла, выполняют следующие семантико-стилистические функции в конкретном тексте (которые также могут реализовываться одновременно):

1. Номинативная (пушкинский принцип поиска точного наименования описываемого явления). Слово в составе «фразеологизма» актуализирует элементы значения, значимые для авторской номинации. Например, сочетание вера папежская актуализирует признак 'административного устройства' католической церкви, 'верховенства папы' в сопоставлении с сочетанием вера христианская. Реализация того или иного признака, значимого для номинации, определяется полемическим характером публицистики Аксакова.

2. Образная. Архаические фразеологизмы могут служить образным обозначением того или иного явления. Выражение опускать очи долу является метафорическим описанием смущения русских перед мнением Западной Европы по «польскому вопросу», актуализирующим элементы прямого значения в целях наглядности. Как правило, образные выражения употребляются наряду с развернутыми описаниями того или иного явления, способствуя его цельному, нерасчлененному восприятию, что способствует воздействию на читателя.

3. Ассоциативная. Рассматриваемые фразеологические единицы и выражения способствуют возникновению тех или иных исторических ассоциаций. В качестве примера можно при-

вести употребление выражения из «Повести временных лет» вся земля просто русская, обозначающее единство русских, украинцев, белорусов, существовавшее в древности, и которое, по мнению автора, должно существовать в современной ему эпохе. Такой прием неявного цитирования позволяет выразить идею автора о культурно-религиозном единстве восточнославянских народов или славян вообще, которое создает основания для единства политического.

4. Риторическая. В некоторых контекстах языковые средства, стилизованные под древнерусские словесные формулы, употребляемые наряду с лексикой высокого стиля, способствуют созданию торжественного, приподнятого тона. В частности, выражение высоко, грозно и честно используется при описании политических решений русского царя в отношении помощи балканским славянам в их борьбе за независимость.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, рассмотренные фразеологические средства взаимодействуют в контекстах с лексикой различных пластов, способствуя ее смысловому объединению. В этом отношении «идеальный народный язык» представляет собой попытку синтеза языковых средств, подобного пушкинскому. Во-вторых, рассмотренные средства выражают авторские взгляды и способствуют убеждению читателя, отличаясь функциональным разнообразием. В-третьих, яркий образный характер данных средств, требующий регулярных авторских ремарок, демонстрирует индивидуально-авторский, эстетический характер реализации концепции «идеального народного языка» данными средствами.

Литература

Аксаков И. С. Сочинения: в 7 т. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1886–1887.

Тесля А. А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 799 с.

Чапаева Л. Г. Культурно-языковая ситуация 30–40-х годов XIX в. и споры славянофилов и западников // *Культурология.* № 2 (45). М.: Изд. ИНИОН РАН, 2008. С. 25–33.

Горшков А. И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М.: Изд-во Лит. ин-та, 2008. 542 с.

Семенова Софья Юльевна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт научной информации по общественным наукам РАН;
доцент, Российский государственный гуманитарный университет;
sonya_set@mail.ru

ГЛАГОЛ ОПРЕДЕЛИТЬ КАК ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (УЧЕТ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ)

Ключевые слова: русская параметрическая лексика, русские ментальные глаголы, сжатый косвенный вопрос.

В русистике к классу параметрических существительных традиционно относят два под-класса слов: имена количественных параметров (или величин): длина, вес и др. и имена неколичественных параметров (или признаков): форма, адрес и др. [Апресян 1999: XVI–XXVI].

Критерием принадлежности существительного к именам параметров мы, по совету Е. В. Падучевой, считаем возможность употребления в позиции синтаксического объекта при дополнительно распределенных глаголах получения / передачи информации определить, указать, сообщить и нек. др.: определить скорость, указать адрес и т. п.; для величин к диагностическим можно отнести также глагол вычислить (вычислить объем). Употребление имени параметра в контексте таких глаголов представляет собой сжатый косвенный вопрос (КВ): определить скорость = определить, чему равна скорость и т. п. [Падучева 1980].

Опыт автора по выявлению состава класса параметров показывает, что удобным диагностическим глаголом, в том числе в силу значительного уровня обобщенности, является глагол определить; этот глагол с широкой семантикой «снятия неопределенности» служил рабочим контекстом [Семенова 2023].

Исследования параметрической лексики начались в «докорпусный» период, и указанный сочетаемостный критерий был установлен на ограниченной эмпирической базе, больше теоретически. Теперь есть возможность проверить и дополнить представления, полученные в том числе путем интроспекции, при помощи корпусных данных.

Ниже приведен ряд выводов о функционировании глагола определить в современном дискурсе, которые позволяют сделать материалы НКРЯ — его основного и газетного (центральные СМИ) корпусов. Рассмотрение не претендует на охват всех типов употребления глагола, оно проводится прежде всего «сквозь призму» параметров. Прослеживаются вхождения глагола СВ в инфинитиве, так как именно эта форма исходно была рабочим контекстом.

1. Для абсолютного большинства тех вхождений глагола определить, в которых объект выражен именной группой, т. е. для модели определить + ИГ, в вершине ИГ действительно стоит имя параметра. Основная масса параметров (ок. 73 % [дата обращения 12.01.2024]) — неколичественные: определить маршрут следования и т. п. Имена величин (и смешанные случаи) встречаются примерно в 27 % случаев: определить кислотность / скорость и направление ветра и др. (ср. данные «Портрета слова» в основном корпусе НКРЯ).

2. С разными параметрическими ИГ глагол определить указывает на два разных способа обрести информацию о параметре.

А. Выявить значение параметра, являющееся объективным, не зависящим от субъекта, добывающего информацию. Искомая информация выясняется путем вычислений, измерений или аналитической работы: определить объем котла / степень общественной опасности и т. п.

Б. Принять решение о значении параметра, выбрать или задать последнее, исходя из неких соображений (обычно объективных): определить меру наказания и т. п.

Эта дихотомия примерно соответствует выделению 1-го и 3-го значений данного глагола в МАС.

3. Корпус позволяет расширить круг имен параметров, выявленных ранее при ручном индексировании словарей среднего объема; это особо актуально для неколичественных параметров.

4. Корпус содержит примеры, в которых принадлежность ИГ к параметрам спорна: определить присутствие государства в экономике / тембровое звучание музыки и др. Подобные случаи подводят к задаче исследовать периферию имен признаков, по аналогии с описывавшейся ранее периферией подкласса величин [там же].

5. Наряду с моделью определить + ИГ распространены случаи, когда глагол подчиняет КВ: определить, где экспертиза необходима / сколько потребуется бензина и др. Модель определить + КВ синонимична вопросам о значениях «своих» параметров (здесь — сфера, расход). Трансформации подчиненной клаузы в ИГ актуальны для прикладных задач типа information extraction. Как и в случаях с ИГ, во вхождении модели с КВ признаки (запросы об их значениях) статистически доминируют над величинами.

6. Помимо «ясных» случаев с КВ, есть периферия; она представляет отдельный интерес. Так, для фрагмента определить, достоин ли выпускник медали неясно название параметра, в который мог бы конвертироваться КВ, т.е. обнаруживается терминологическая лакуна. Нестандартным в плане трансформации в имя параметра представляется и альтернативный КВ: определить, COVID-19 [у больного] или нет и др.

7. Кроме тех вхождений, где данный глагол играет роль диагностического, есть вхождения, отвечающие другим лексемам (значениям) глагола (отраженным в ряде словарей):

- определить² X = ‘создать дефиницию [понятию] X’: определить понятие «безотзывный вклад»;
- определить³ X = ‘принять решение в отношении объекта X и реализовать это решение’: определить в сад ... детей;
- определить⁴ X = ‘обусловить X’: Акция... может определить будущее РФ и др.

Однако лексемы (2–4) имеют малую частотность; так, в первых двухстах вхождениях глагола в газетный корпус [дата обращения 12.01.2024] лексема 2 встретила 4 раза, а лексемы 3 и 4 — по одному разу. Таким образом, эти «недиагностичные» значения практически (статистически) не влияют на свойство данного глагола служить диагностическим контекстом параметров, в целом подтверждаемое корпусом.

Литература

- Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1999.
- Падучева Е. В. Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1980. Вып. 20. С. 3–44.
- Семенова С. Ю. Параметрическое существительное и структуризация информации // LI Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой. Санкт-Петербург, 14–21 марта 2023 года: сб. тезисов. СПб., 2023. С. 1098–1099.

Стебунова Алла Николаевна

канд. филол. наук, доцент,
Донецкий государственный университет;
alla.stebunova60@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ ЧЕЛОВЕКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА

Ключевые слова: фразеологизм, эмоции, вариантность, синонимия.

Человек не только познает окружающий мир, но и, одновременно, испытывает определенные эмоции по отношению к тем или иным предметам, явлениям с помощью процессов ощущения, восприятия, памяти, мышления и воображения. Таким образом, эмоции — это своеобразное личностное отношение человека к окружающей действительности и к самому себе.

Характерной особенностью эмоций человека является то, что внутренние, субъективные психические состояния имеют определенное внешнее выражение. Эмоции проявляются в выразительных движениях, а также в голосовой мимике. Они дополняют переживания, делают их более яркими и легко доступными восприятию других людей.

Польский психолог Я. Рейковский считает, что термины эмоция и чувство не следует употреблять как синонимы. Простые эмоции, говорит он, обеспечивают биологическое равновесие между организмом и средой. «Но человеку, — продолжает Я. Рейковский, — свойственны и высшие эмоции, возникшие в результате действия психологических образований высшего порядка, при удовлетворении не биологических, а психических и социальных потребностей. Эти эмоции, которые определяются как высшие, иногда называются чувствами» [Рейковский 1979: 50].

Резонно, на наш взгляд, замечает А. Н. Лук, «что границу между эмоциями и чувствами порой провести нелегко, и предлагает употреблять термин эмоциональное состояние, который в одинаковой мере относится и к эмоциям, и к чувствам» [Лук 1982: 16]. Эмоциональные состояния в психологической литературе зачастую обозначаются двумя словами. Это делается с той целью, чтобы показать изменчивость эмоциональных процессов по силе и интенсивности. Например, кратковременная эмоциональная реакция, очень бурно протекающая и носящая характер эмоционального взрыва, в психологической литературе называется аффектом. Для обозначения аффектов используются слова, имеющие специальные оттенки. Например, если удивление — это эмоция, то изумление — та же самая по содержанию эмоция, доведенная до степени аффекта; ярость — доведенный до аффекта гнев; ужас — аффект страха и т. д.

Таким образом, учитывая изложенное, предлагаем выделять тринадцать рубрик, характеризующих эмоциональные состояния человека: 1. Отвращение. Омерзение; 2. Удовольствие. Радость; 3. Гнев. Ярость; 4. Восторг. Восхищение; 5. Любовь. Страсть; 6. Мука. Страдание; 7. Беспокойство. Тревога; 8. Удивление. Изумление; 9. Презрение. Пренебрежение; 10. Смушение. Стыд; 11. Страх. Ужас; 12. Грусть. Печаль; 13. Отчаяние. Безысходность.

Для лингвиста, в первую очередь, представляют интерес языковые средства, используемые для обозначения эмоциональных состояний. Однако ученые-лингвисты неоднократно обращали внимание на неразработанность этого вопроса, отсутствие схемы, систематизации языковых средств выражения эмоций, недостаточное использование достижений психологической науки в этой области и т. д. Если лексические средства выражения эмоций всё же были предметом комплексного исследования, то фразеологические — изучены недостаточно.

Чтобы осуществить систематизацию фразеологического материала, характеризующего эмоциональное состояние человека, помимо рубрикации эмоциональных процессов следует, во-первых, дать определение фразеологизма, во-вторых, очертить границы фразеологии. Это поможет отмежевать фразеологизмы от других, сходных с ними, устойчивых единиц языка.

Итак, не являются фразеологизмами и, следовательно, остаются за пределами фразеологии:

1. Пословицы, поговорки и крылатые выражения, в которых каждое слово чаще всего семантически автономно, а содержание выражения вытекает из значений определенным образом организованных слов: Гнев есть кратковременное безумие; Лишь тот свободен, кто собой владеет и т. п.
2. Устойчивые именные и глагольные словосочетания, в которых только одно слово получает для него не характерное значение, обусловленное только этим, конкретным сочетанием: олимпийское спокойствие, заливаться смехом, приводить в восторг и т. п.
3. Сравнения, в которых как обязательный компонент сохраняется сопоставительный элемент, без которого они не употребляются: белый, как мел; красный, как рак.

В сфере фразеологии широко распространены явления синонимии и вариантности, которые следует отличать. Фразеологические синонимы — это фразеологизмы с близким значением, обозначающие одно и то же понятие, соотносимые, как правило, с одной и той же частью речи, обладающие частично совпадающей или одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью, но отличающиеся друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, а иногда тем и другим одновременно. Фразеологические варианты — это видоизменения одного и того же фразеологизма, которые не влияют на его целостное значение. Если при замене одного компонента другим изменяется образное представление, то в подобных случаях возникают фразеологические синонимы, а не варианты одного и того же фразеологизма: срываться с тормозов и срываться с нарезков. Если же замена компонента не нарушает семантического единства фразеологизмов и в то же время не приводит к изменению образного представления, то в таких случаях налицо вариантность фразеологизма: скрежетать зубами и скрипеть зубами. Явление вариантности присуще преимущественно таким фразеологизмам, в составе которых варьируемые компоненты образованы от слов, находящихся между собой в синонимических отношениях.

Как уже подчеркивалось, фразеологизмы, характеризующие различные эмоциональные состояния человека, привлекали внимание ученых-лингвистов чаще, чем фразеологизмы, характеризующие другие сферы жизни и деятельности человека. Почему именно этой группе фразеологизмов отдается предпочтение? Во-первых, фразеологизмы более точно и дифференцированно, по сравнению с лексическими средствами языка, характеризуют сферу человеческих эмоций, во-вторых, эта группа фразеологизмов выделяется среди других в количественном отношении.

Лингвистический анализ фразеологизмов сферы человеческих эмоций может быть полезен ученым-психологам в процессе выработки единой классификации эмоциональных процессов.

Литература

Лук А. Н. Эмоции и личность. М., 1982. 175 с.

Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979. 392 с.

Чекина Анастасия Артемовна

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет;

fillinfolk@gmail.com

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМ НАРОДНОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: народноречевой этикет, классификация, этикетная форма народной речи, обряд, фольклорный жанр.

В докладе предпринимается попытка представить классификацию этикетных форм народной речи, бытующих в повседневном общении жителей Русского Севера. Основным материалом служат текстовые записи полевых экспедиций архива «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» кафедры русского языка СПбГУ, собранные студентами, аспирантами и преподавателями университета в период с 1984 по 2023 г. по специальной экспедиционной программе, имеющей этнолингвистическую направленность.

В качестве единиц исследования рассматриваются этикетные формы — как широкое именование традиционных устойчивых текстовых единиц, выполняющих этикетную функцию в различных, культурно маркированных ситуациях. В свою очередь они могут разделены на этикетные формулы (как устойчивые, национально специфичные стереотипные выражения) и этикетные формы (как неустойчивые свободные выражения, бытующие в речи конкретного диалектоносителя). Таким образом, первый критерий для классификации — характеристика устойчивости / неустойчивости бытования той или иной формы в речи и закреплённость её в сознании диалектоносителя. При этом неустойчивость может выражаться как в грамматической структуре формы, так и в её содержательной стороне.

Как известно, всякий народноречевой речевой представляет собой сложноструктурированное культурное целое, зачастую связанное с обрядом (ритуалом), «где ритуал предшествует этикету, а этикет, в свою очередь, формируется на основе ритуала» [Байбурун, Топорков 1990: 161]. Согласно этому тезису закономерно вытекает второй критерий для классификации — соотнесённость исследуемых речевых форм с обрядом, вследствие чего их можно разделить на собственно этикетные (формы приветствия, прощания, благодарения и под.) и обрядово-этикетные (формы обращения к домовым, запреты и др.). При этом этикетные речевые формы почти всегда ситуативно обусловлены, в связи с чем их можно разделить на тематические блоки, которые отражают повседневные быт сельчанина: Труд (Труд на пользу! Богу в помощь! Привет труду!); Трапеза (Чай да сахар! Хлеб да соль!); Ткачество (Сто локот на пришивцу!); Рыбалка (Клёв на уду! Ни чешуйки, ни хвоста! — К чёрту!); Охота (Ни пуха, ни пера! — К чёрту!); Стирка (Беленько мыть! Бело на воде!); Доение коровы (Море под коровой! Река молока! Море под колена!); Приготовление пищи (Спорынья в квашню!); Посадка урожая (И на нищего, и на завидущего! Не будь голенаста, а будь коренаста!) и нек. др.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемые этикетные речевые формы по формальным признакам могут быть отнесены к малым речевым жанрам, в самом общем виде представляющим собой «устойчивые, клишированные речевые сегменты, порождённые повторяющимися ситуациями (например, формы приветствия, поздравления, телефонного общения и т. п.)» [Садова 2003: 26]. Малые речевые жанры характеризуются также «содержательной гомогенностью (сообщение об одном факте, одном событии и т. д.), крайней степенью компрессии, стандартной формой (однообразная, часто клишированная структура сообщения, ограниченный, нередко заданный набор языковых и стилистических средств)» [Иванов 2022: 902].

Исследуемые тексты обладают синтетической структурой, «обращённостью к ритуалу, их кровной связью с этнографическим контекстом и верованиями и одновременно близостью к паремиологии, фразеологии, языковым клише, наконец, насыщенностью формальными и семантическими архаизмами». [Толстая 2002: 7]. В связи с чем третьим критерием для классификации этикетных форм народной речи является их соотнесённость / несоотнесённость с конкретным

речевым (фольклорным) жанром, Исследуемые формы могут представлять собой благопожелание, примету, поговорку, приговор, заговор и под. А также из тезиса С. М. Толстой выводится и четвёртый критерий — наполненность формальными и семантическими архаизмами, в роли которых могут выступать, например, диалектно-архаичные грамматические формы (И на нищего, и на пищега!), формы с архаично-мифологической семантикой (Беленько!) и под.

В итоге следует отметить, что этикетный характер рассматриваемых народноречевых форм в исследовании понимается как несколько условный термин, позволяющий рассмотреть эти речевые сегменты как систему установленных правил поведения, которые имеют общекультурную и кроссжанровую (зачастую — архаичную) семантику. В связи с этим к народноречевому этикету относятся не только формулы общения между людьми, но и, например, обращения к персонажам народной демонологии, в частности — домовым, которые тоже принимают непосредственное участие в жизни и быте села. Но важно помнить, что это особый тип мифологизированного общения, который не регламентируется этикетом городской современной речи. Всё это отражается в описанных четырёх критериях, которые в целом составляют собой классификацию этикетных форм народной речи (Устойчивость / неустойчивость; Соотнесенность / несоотнесенность с обрядом; Соотнесенность / несоотнесенность с фольклорным жанром; Наполненность формальными и семантическими архаизмами).

Литература

Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990.

Иванов Е. Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 4. С. 898–924.

Садова Т. С. Народная примета как текст. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2003.

Толстая С. М. Московская школа этнолингвистики // Opera Slavica, 2002. Вып. 2 (2). С. 1–9.

Шарапова Екатерина Вячеславовна

канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
katyasharapik@gmail.com

СМЕРТЬ КАК МЕТАФОРА В РОМАНЕ ЕКАТЕРИНЫ МАНОЙЛО «ВЕТЕР УНОСИТ МЕРТВЫЕ ЛИСТЬЯ»

Ключевые слова: метафора, сравнение, компаративный троп, область источника, интертекст.

Когда говорят о метафорах смерти, часто имеют в виду смерть как объект сравнения или «область цели» (target domain) и то, как смерть может быть представлена метафорически. Такие метафоры помогают понять, как осмысляется смерть в языке, фольклоре, в художественных произведениях. Однако смерть можно рассматривать и как источник метафоры («область источника», source domain, или образ сравнения) (о значении и употреблении терминов см., например, [Баранов 2003: 75; Кожевникова 2009: 475]).

В докладе будут рассмотрены компаративные тропы — разные типы метафор и сравнений, у которых в образе сравнения реализуется идея смерти. В романе Екатерины Манойло «Ветер уносит мертвые листья» смерть как образ сравнения в компаративных тропах соотносится с сюжетом — с событиями и пространством, в котором они происходят, образ смерти реализуется и дополняется через интертекстуальные и затекстовые связи, наконец, метафора смерти включена в название.

Смерть — убийство отца Угаренко — это центральное событие романа. Сначала придуманное старшей дочерью, убийство Угаренко его братом Кысой происходит почти случайно, но кажется неслучайным с точки зрения своеобразной внутренней логики художественного мира романа. Эту смерть автор окружает предельно большим количеством случайных и противостественных смертей людей и животных, часть из которых имеет характер вставных эпизодов, не связанных напрямую с сюжетом: Изи добывает сбитого оленя; кошка-«детоубийца» съедает новорожденного котёнка; мать Кысы умирает после продолжительной болезни, которую старалась не замечать и не лечила; подругу Ньюкты Мару сбивает машина и т. д. Происходящим событиям соответствует пространство, оно также перенасыщено местами, связанными со смертью: это кладбище, похоронное бюро, больница, морг; в воспоминаниях Кысы появляется похоронный магазин, где его партнерша по бальным танцам купила цветы на платье.

Исследуя проблему насилия, автор метафорически представляет насилие как противоестественную смерть и как смертельную болезнь: этот упырь заражает ее смертью, будто венерической болезнью; на похоронах дочкиного детства; Ньюкту закапывали в земляную постель. На нее наваливались тяжкие смертные пласты.

В качестве образов сравнения в тропах появляются разные по семантике слова, объединенные семантическим компонентом 'смерть': платье, полузадушенное собственным пояском; тлен от газеты отправился полыхать в раковину; схватил его (платок) за краешек, словно дохлую летучую мышшь; Угаренко мирной мумией лежал в центре комнаты; (сторож) костлявостью и развевающейся на ветру белой бородой походил на призрака; Ньюкта без приглашения упала на гостевой стул <...> и почувствовала себя покойницей и т. д. Повторяющиеся в романе образы сравнения дополняют образ смерти и формируют лейтмотивы текста:

- (1) увядшие цветы: пол цвета высохших алых роз; увядший ковер; серая кудрявая голова торчит, как завядшая астра из глиняной вазочки;
- (2) болезни и врачи: стерильная чистота (в кухне-гостиной); незнакомец с холодными глазами и перекошенным ртом, как после анестезии у стоматолога (Кыса после убийства); (Наташа в квартире) включила яркий холодный свет, как в кабинете врача; констатировал Голум с интонацией врача травмпункта; (пиалушка с) трещиной, похожей на шрам;

- (3) испорченные продукты: синяки, похожие на переспелую хурму; запах, будто мороженое в заплесневелым вареньем;
- (4) оружие: тот самый нож с пластиковой ручкой, заточен, как самурайский меч; Изи любила это хищное лезвие, как самурай свое оружие; костяшки (пальцев) стали острыми, похожими на кастет;
- (5) хищники, хищные птицы: ссутулившийся Вадик кружил над Угаренко, как стервятник; хищное лезвие (ножа).

Заглавие романа, как важный способ создания единства текста, включает метафору «мертвые листья». В тексте романа эта метафора соотносится (1) с реалиями текста, с описанием пейзажа: В школьном дворе ветер нес и закручивал по асфальту мертвые листья (в самом начале романа Изи выходит из школы); Вот Мара переходит дорогу наискосок от зебры метрах в пяти. Нюкта видит ее из окна кабинета. Распахивает створу. В комнату врывается ветер вместе с мокрым бурый листом (сцена смерти Мары разыгрывается в воспоминаниях Нюкты); На ветровом стекле «лексуса» раскисший бурый лист (отъезд Нюкты из приюта); (2) с сухими и увядшими листьями в качестве образов сравнения: Моргнул и понял, что перед ним не Угаренко, а мешок с листвой.

Роман отличается многочисленными и разнообразными интертекстуальными и затекстовыми связями [Кузьмина 2004; Петрова 2011], которые и расширяют тему насилия, и дополняют образ смерти. В романе упоминаются история сестер Хачатурян, Раскольников, который «топором зарубил старуху», кинофильмы «Психо» и «Сияние», звучит песня The Doors «The End», наконец название отсылает читателя к песне на слова Жака Превера (музыка Жозефа Косма).

Смерть в романе Екатерины Манойло — это одновременно один из основных предметов изображения и универсальный образ для художественной концептуализации мира, который проявляет себя на разных уровнях текста — в языковых тропах, в сюжете и композиции, в названии, в интертекстуальных связях.

Литература

- Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.
- Кожевникова Н. А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009. С. 473–498.
- Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. 2-е изд., стер. М., Едиториал УРСС, 2004. 272 с.
- Петрова З. Ю. Затекстовые знания о мире как основа взаимодействия компаративных тропов в тексте // Текст и подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного: Материалы международной научной конференции (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 20–22 мая 2010 г.). М.: Азбуковник, 2011. С. 66–71.
- Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ [грант №23-28-00060].*

Шарихина Миляуша Габдрауфовна

канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
justmilya@yandex.ru

СЛОВО КАМЕНКА В «УСТАВЕ РАТНЫХ, ПУШЕЧНЫХ И ДРУГИХ ДЕЛ» 1620 ГОДА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АРХАИЗМ, РЕГИОНАЛИЗМ ИЛИ ГАПАКС?

Ключевые слова: историческая лексикология, лексикография, гапакс, архаизм.

«Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» является изданием памятника XVII в., опубликованным в 1777–1781 гг. известным русским писателем XVIII в. В. Г. Рубаном, давшим опубликованной рукописи название, под которым она известна современной науке. Текст этого памятника («Воинская книга») был составлен мастером Печатного двора Анисимом Радишевским в 1620 г. Он представляет собой выборочный перевод текста второго тома военного трактата Л. Фронспергера «Kriegsbuch» (Frankfurt am Main, 1573 г.). В основе перевода А. Радишевского находится рукописная «Воинская книга», созданная переводчиками Посольского приказа М. Юрьевым и И. Фоминым по повелению царя Василия Шуйского. Список «Воинской книги» Радишевского был обнаружен в 1775 г. и опубликован по распоряжению Г. А. Потемкина. Этот список не сохранился до наших дней. В связи с этим остается нерешенным вопрос о датировке и отношении этого списка к двум другим, известным в настоящее время спискам XVII в.: 1. РНБ. F.IX.3; 2. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Собр. Н. П. Лихачева (Ф. 238). Оп. 1. № 526.

В «Уставе» представлено подробное описание организации войск, создания и обороны военных укреплений, сведения об осаде крепостей и взятии городов, об устройстве и боевом употреблении артиллерии, типы огнестрельных орудий, методы стрельбы, изготовление, хранение и употребление взрывчатых веществ и т. п. Его содержание охватывает разные тематические сферы: военное дело, военное право, техническую химию, ботанику, минерологию, математические измерения и некоторые другие. Как следствие, в языке памятника употребляется лексика, принадлежащая ко многим тематическим группам и различным сферам употребления. Благодаря этому «Устав» имеет большое значение как источник для исторической лексикологии и, в частности, научной терминологии.

Этот памятник широко использовался в лексикологических и лексикографических трудах, в том числе в качестве источника «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Так, в первых двух выпусках словаря примеры из «Устава» используются в 35 словарных статьях. В нем обнаруживается много заимствований и новых слов, например: чертеж ('линия'), циркуль, куб, перпендикуляр, угольный круг, дуга, центр, диаметр, дробная часть, степень (см. исследование Л. Л. Кутиной [Кутина 1964: 35, 36, 43, 44 и др.]).

В докладе исследуется вопрос о лексико-семантическом статусе слова каменка, которое используется в «Уставе» лишь в одном контексте в качестве наименования желтой краски: И ты возьми лучшей порохъ, которой тебѣ возможно имѣти, которой дѣланъ такими составы именуются по Латынѣ и по Нѣмецки Аврипигментумъ, по Польски Ледцанка, а по Руски желтая краска каменка (Устав, т. 2, с. 151). Слово каменка, иллюстрируемое этим контекстом, фиксируется несколькими толковыми словарями начиная со «Словаря Академии Российской» (1789–1794). Между тем в литературе, посвященной истории русской живописи и иконописной культуры, а также в памятниках предшествующих веков это наименование не встречается. Обычно для обозначения желтой краски используются следующие наименования: охра (вохра) русская, немецкая, грецкая, желть, рашгиль (от нем. Rauschgelb), блягиль (от нем. Bleigelb), белила пережженные [Гренберг 2019: 178–179; Симони 1906: 84, 138, 141 и др.]. В связи с этим единичное упоминание каменки в «Уставе» вызывает вопрос: чем обусловлено его отсутствие в известных памятниках и словарях? является ли оно регионализмом или семантическим гапаксом, случайно возникшим под пером создателя «Устава»? Версия о регионализме не подтверждается,

так как слово отсутствует в диалектных словарях русского языка. Его упоминание в словаре В. Даля не является, на наш взгляд, показательным, так как не сопровождается примером и, по-видимому, восходит к материалу «Словаря Академии Российской». Более вероятным кажется предположение о том, что слово является семантическим гапаксом. Заслуживает внимания и то, что указанный в рассмотренном контексте польский аналог слова каменка — ледцанка — также не обнаруживается, например, в польских и украинских исторических толковых и диалектных словарях, а также лексиконах XVII в. При этом в «Уставе» оно упоминается также в «Глоссарии»: Аурипигментумъ, краска желтая и летчадка она же (Устав, т. 2, с. 227). В ряду наименований, присутствующих в этом контексте, особо выделяется слово аурипигментум (аврипигментум), которое получило распространение в русском языке XVIII в. Вероятно, в XVII в. оно было еще довольно редким, во всяком случае «Словарь русского языка XI–XVII вв.» его не фиксирует.

В пользу выдвинутой нами версии свидетельствует, например, то, что в «Уставе» встречается много наименований, которые можно отнести к гапаксам или псевдогапаксам, например: перъинкавус (слово, возникшее в результате соединения слов папѣръ ‘бумага’ и инкаустъ ‘чернила’), алкитияни и глорит (наименование серы), калициолнир (вид селитры), салкоман (наименование соли) и др.

Литература

Гренберг Ю. И. Технология станковой живописи. История и исследование. СПб., 2019.

Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки. М.; Л., 1964.

Симони П. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Вып. 1 // Памятники древней письменности и искусства. Т. 161. 1906.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ [грант 23-28-00776].

Большакова Наталья Валентиновна

*канд. филол. наук, зав. научно-образовательной лабораторией
«Социогуманитарная регионалика», Псковский государственный университет;
bolshakova55@yandex.ru*

ТЕКСТЫ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК «ПСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ»

Состав источников «Псковского областного словаря с историческими данными», помимо ежегодно пополняющейся в экспедициях картотеки, расширяется за счет публикации экспедиционных текстов, хранящихся в фольклорно-этнографическом архиве Псковского государственного университета. Авторским коллективом словаря уже расписаны и введены в разработку словарных статей тексты изданных псковских сказок [Сказки 2004].

Прошедший 2023 год отмечен завершением проекта по изданию «Мифологических рассказов псковско-белорусского пограничья»: вышла третья, заключительная, книга одноименной серии [см.: Мифологические рассказы 2021, 2022, 2023]. Основу всех книг составляют публикации текстов из архива ПсковГУ — в общей сложности более 1200 единиц, записанных в южнопсковской историко-культурной зоне, охватывающей 7 районов современной Псковской области. Экспедиционные записи проведены в 126 населенных пунктах и относятся к периоду с 1976 г. по настоящее время. Материал записан от местных жителей преимущественно пожилого возраста: годы рождения информантов — от 1888 г. до 70-х гг. XX в.

Мифологические повествования по своим сюжетно-мотивным характеристикам в целом соответствуют восточнославянской и, прежде всего, русской традиции. Вместе с тем, в силу территориальной специфики, в них обнаруживаются особенности, характерные для белорусской традиции. По своей тематике нарративы отражают весь спектр народной мифологической прозы, известной по другим территориям. Псковские тексты включают рассказы о духах природы, дома; о людях, наделенных сверхъестественной силой, о змеях, птицах, животных, деревьях, кладах, цветке папоротника, персонифицированных мифологических персонажах: болезни, смерти, праздниках, а также большой корпус повествований о гаданиях.

Таким образом, новое издание в ряду других собраний псковских текстов [см.: Великая Отечественная война 2016; Народные сказки 2016] отражает разные фрагменты картины мира псковских местных жителей — носителей традиционной народной культуры. Опубликованные тексты дополняют, а нередко и восполняют этнокультурную информацию, позволяя объемнее представить различные стороны повседневности, ритуализированные формы праздничной культуры и их социальную трансформацию.

По своим характеристикам материал нового издания полностью соответствует требованиям, предъявляемым к источникам «Псковского областного словаря», т. к. расшифровка аудиозаписей проведена с учетом современных научных направлений в изучении устной коммуникации. Такой подход потребовал более полного отражения характерных диалектных черт речи исполнителей, а также сохранения коммуникативных особенностей устного диалектного дискурса, к числу которых относятся автокомментарии рассказчиков, повторы, самоперебивы, дискурсивные слова, вокализованные паузы, некоторые невербальные средства (чаще всего смех, иногда описание жестов). Например: Воздвижение отмеча... никогда оно не отмечается там [смеется], уадюк по́лно. Они збираются все на зямлю́, они собираются все в одну кучу. Всякую кучам, кучам, кучам на сопках*. Я сама была, улезла в такую кучу. Была в урибах и как раз

Ответственный редактор: канд. филол. наук О. В. Васильева.

выходила. Целую корзину большую урибов насобирала. И я, үде ни шауану, всё на үадюку, где ни шауану, всё үадюки! Таких штук по пять, по шесть, а то и больше у лёсе. И все рядом, рядом, рядом, рядом! Я еле убеула. Но они все как сонные были, они не шевялилися, ничаво, тока лежали [Мифологические рассказы 2023: 12]. При публикации текстов составители не стремились к точной передаче фонетических черт речи, т. к. имеющееся аудиоприложение позволяет получить полное представление о языковых особенностях южнопсковских говоров.

Поскольку книги имеют широкую адресацию, то для облегчения понимания текстов в них имеются словари диалектных и устаревших слов (в самих текстах такие слова отмечены знаком звездочки). Так, слово сопка в приведенном фрагменте имеет значение ‘возвышенность, небольшой холм’. В других текстах, о гадании, слова сопка / сопочка обозначают место погребения, могилу: Со вторым вышла просто могила, сопка. И мои братья оба погибли во время Великой Отечественной войны; А одна девка на будущее загадала, так ей только сопочка вышла. И правда, померла через год [Мифологические рассказы 2023: 218, 215]. Безусловно, сделанные наблюдения будут полезны в дальнейшей лексикографической работе над словарем.

С другой стороны, между уже вышедшими выпусками «Псковского областного словаря» и рассматриваемыми текстами обнаруживаются многочисленные реляционные связи. Например, сочетание кросны ткать — ‘изготавливать льняное полотно на ткацком станке — кроснах’ находит отражение в разработке слова крósна, крósны в разных значениях, в том числе и в производном значении ‘вытканый холст’, причем зафиксировано преимущественно в южнопсковских районах [ПОС 16: 197].

Литература

- Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение / под общ. ред. Н. В. Большаковой. Псков, 2016. 332 с.
- Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья: монография. В 3 ч. Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / авт.-сост. Г. И. Площук; под ред. Н. В. Большаковой. Псков, 2021. 382 с. (ч. 2. 2022. 564 с.; ч. 3. 2023. 502 с.)
- Народные сказки Псковского края: монография: в 2 ч. Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / под ред. Н. В. Большаковой, Г. И. Площук. Псков, 2016. 618 с.; Сказки Псковской области / под ред. Г. И. Площук. Псков, 2004. 620 с.
- Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28 / под ред. Б. А. Ларина [и др.]. Л.; СПб.: ЛГУ / СПбГУ, 1967–2020. (ПОС).

Васильева Ольга Владимировна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
barcarola@list.ru

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ПРЕФИКСОМ ПОД- В ПСКОВСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ

В работе рассматриваются существительные с приставкой под- в псковских говорах. Как пишут исследователи, «несмотря на интенсивную разработку в течение последних тридцати лет проблем русского диалектного словообразования, в этой области все еще остается немало спорных, нерешенных вопросов» [Антипов 1997: 5]. В 27 и 28 выпусках Псковского областного словаря (ПОС) представлены все лексемы с префиксом под-, собранные с 1945 по 2020 год в псковских говорах [ПОС-27: 392–500; ПОС-28: 32–404]. Преимущественно это глаголы, однако и имен сущ. среди них немало — 1260. Рассмотрим их с точки зрения словообразования и семантики.

Имена сущ. с префиксом под- распадаются на две большие (по объему равные) группы — отглагольные (с их дериватами) и отыменные (также с дериватами). Отглагольные сущ. образованы суффиксальным способом и наследуют как префикс глагола, так и семантику, связанную с этой частью слова (подбáв ‘что прибавлено к чему-н.’, подберíха ‘кто все подбирает’, поджáрка ‘действие → поджарить’ и ‘то, что поджарено (яичница)’, а также подклéйка, подкрúтка, подмóга, подогрéвки, подсо́хлина, подстерёжка и др.).

От одного глагола часто образуются целые группы сущ., как параллельно, так и цепочечно (подбéл — подбéлина, подвáрки — подвáрыши — подвáрышки, подвívка — подвívок — подвívочка — подвívщик, подсу́ха — подсу́шек — подсу́шка — подсу́шник — подсушнýк и мн. др.). Некоторые группы бывают весьма объемны, что обусловлено актуальностью действия, обозначаемого глаголом. Так, от глагола подгрéбáть ‘гребя, собирать в одно место’, в ПОС зафиксировано 27 дериватов-сущ., от глаголов подтерéть / подтирáть — 11 производных сущ. и т. д.

Привлекают внимание случаи, в которых сущ., как и глаголы, от которых они образованы, содержат в псковских говорах приставку под- вместо какой-либо другой, входящей в состав их общерусских аналогов: подкрывáло, подмáн, подовторéние, подстанóвка² ‘остановка’, подстанóвка³ ‘обстановка’, подхóдка ‘походка’, а также лексемы с префиксом под-, избыточным по сравнению с общерусскими словами: подназвáние ‘название’, подпрýтки ‘прятки’, подстéлечка ‘стелечка’ и др.

Вторая половина имен сущ. с приставкой под- образована именно префиксально или префиксально-суффиксально от сущ. или от сущ. с предлогом.

Префиксальные дериваты чаще всего обладают словообразовательным значением ‘что расположено под чем-л.’: подбугóр ‘отвесный склон берега’, подворотн́ик, подгорбúшка, подóсь ‘брус под осью’, подкровáть ‘место под кроватью’, подкрýлец, подполóк, пóдстреха и др.

Ряд слов обладает словообразовательным значением ‘что предназначено для чего-л.’: подгрýда ‘земля, обработанная под грядки’, подкотёл и подкотéльник ‘место в печи, предназначенное для котла’. Иногда префикс под- имеет значение ‘вспомогательный, небольшой’: подсáнки ‘сани, прицепляемые к большим дровням’, подстáнция. В отдельных словах приставка под- имеет значение ‘находящийся рядом’: подскобáрщина ‘местность, прилегающая к границе бывшей Псковской губернии’.

Однако есть и такие лексемы, которые синонимичны своим производящим — бесприставочным сущ.: подбоýрка ‘подружка невесты’, подвётренник ‘узкая доска, закрывающая края крыши по фронто́ну’ (в 3 вып. ПОС есть вётренник с таким же значением), подзавóр ‘овраг’ (как и завóр в 11 вып. ПОС), подкиéвник ‘задиристый человек, забияка’ (как и киéвник в 14 вып. ПОС, образованное от кий ‘дубинка’), подкорéнья ‘выкорчеванные корни дерева’, подлóток ‘деревянный лоток’, подмáсленик ‘гриб масленок’, подмоскóвник ‘ситцевый сарафан’ (в 18 вып. ПОС есть москóвник в этом же значении), подобáбовик и подобáбок ‘гриб подберезовик’ (в 22 вып. ПОС есть обáбок в этом же значении), подопёнок ‘гриб опёнок’, подскáт ‘наклонная

поверхность, скат', подста́вка² 'размер заработной платы, оклад', подсудíмость 'судебный приговор, судимость', подпове́ть 'то же, что пове́ть'.

И снова, как в группе отглагольных сущ., отыменные сущ. могут образовывать ряды однокоренных номинаций (подголёнки — подголёночки, подштор — подшторина — подшторка, поджил — поджилина — поджилка — поджилок, подгру́зь — подгру́здник — подгру́здничек — подгру́здовик — подгру́здок, поддо́н — поддо́на — поддо́нка — поддо́нки — поддо́нник — поддо́но — поддо́нок — поддо́ночек — поддо́нце).

В группе сущ., образованных префиксально-суффиксальным способом, также преобладает пространственное словообразовательное значение 'что расположено под чем-л.': подберезник, подблюдник, подбóчина, подбрюшье, подворотнище, подпу́зица, подцветник и мн. др.

Иногда бывает временное значение 'что происходит перед чем-л.': подвечóрок 'часть рабочего дня с полудня до вечера' и 'прием пищи между обедом и ужином, полдник', подвла́сье 'посиделки молодежи накануне дня св. Власия', подзимо́к 'первый снег до начала зимы' и 'теленос осеннего приплода' и др. Есть значение 'подчиненный, помощник': подмастерщик, подневестница, подпарник и подпарщик 'помощник мастера, подручный работник', подру́чница 'помощница'. Единичны примеры на размерное значение 'предмет, меньший, чем что-л. другое': подкринник 'небольшой сосуд для хранения молочных продуктов', на возрастное значение: подсви́нок 'пороенок до года' и 'вспомогательный предмет': подпарусник 'вспомогательный парус'.

И снова, как и в других группах производных сущ., от одного и того же предложно-падежного сочетания зачастую образуется несколько дериватов, каждый из которых содержит свой суффикс (подберезица — подберезье, подзимо́к — подзимье, подкрылица — подкрылок, подкопéнье — подкопéнник — подкопéнница, подлэ́сица — подлэ́сник — подлэ́сок — подлэ́сье, подседёлка — подседёлок — подседёлы — подседельник — подседельница, подла́вень — подла́вица — подла́вичье — подла́вка — подла́вок — подла́вочье, 8 номинаций для подсолнуха, 11 дериватов с мотивировкой 'под полом', 14 дериватов с мотивировкой 'под окном', столько же с мотивировкой 'под печью'.

В некоторых диалектных сущ. приставка под- употребляется на месте другой приставки общерусского аналога: поджа́дина 'то же, что разжа́дина', подстрелёнок 'озорник, сорванец, пострелёнок', подзёмка 'позёмка', подно́сица 'переносица', подщё́чина 'пощечина' и др.

Сущ. с приставкой под- встраиваются в синонимические ряды. Например, значение 'подлиза, льстец' выражают такие отглагольные сущ., как подла́з, подла́ска, подлэ́за, подлэ́зик, подлэ́стень, подма́з², подмазё́ня, подмази́ла, подмазу́ля и др. (15 лексем), значение 'подкладка' выражают 28 сущ.: подли́на, подли́ник, подмы́шка, подо́плéка, подо́плéчевье, подо́прики, подпо́лка и др. И это без включения в данный ряд более узкого значения — 'полоска материи, пришиваемая к краю изделия с изнанки', которое также выражается многими сущ. с приставкой под-: поднадо́льник, подстафе́рка, подштафе́ринка, подштафе́рка, подподо́льник и др. (всего 19 слов).

Среди сущ. с приставкой под- встретилось четыре слова — два заимствованных и два с утраченной внутренней формой, в составе которых диалектоносители употребили префикс под-, тем самым наделив слова мотивировкой: подмарёк 'низший служитель в православной церкви, пономарь', подсолóмщик 'низший церковный служитель, дьячок, псаломщик', а также подстру́нки 'веревочки, стягивающие внизу хомут, постромки' и подзвонóчник спинной 'хребет человека и животных, позвоночник'. Последнее слово было записано в трех районах Псковщины в разные годы, что свидетельствует о некоторой степени его узуальности.

Литература

- Антипов А. Г. Словообразовательная морфология русских говоров (структурно-системный и когнитивный аспекты). Кемерово, 1997.
- ПОС-27: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 27. По — Поддюхий. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2017.
- ПОС-28: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 28. Подебожить — Пойничек. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2020.

Карпун Мария Александровна

ст. преподаватель, Южный федеральный университет;
makarpun@sfnedu.ru

ХРОМОНИМ «БЕЛЫЙ» В ДОНСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ФИТОНИМАХ

Каждая традиционная культура обладает своей цветовой палитрой. Одни хромонимы (от греческого χρώμα 'цвет' и ὄνομα 'имя' — названия цветов и оттенков) популярны, наделяются разнообразными культурными смыслами, другие малоупотребительны или совсем не имеют лексического воплощения, символического значения. В разных фрагментах одного культурного поля актуализируются и семантизируются разные наборы цветов.

Ономастика — наука культуроспецифическая, здесь также есть свои особенности использования хромонимов. Например, использование обозначений цвета в названиях растений является не просто отражением представлений носителей языка, но часто отражает связанные с растением мифологические ассоциации. Избрание цвета в качестве мотивационной основы для фитонима характерно как для донской традиции, так и для славянской в целом. Именно цвет часто становится причиной возникновения этиологических легенд о растениях, появления у них символического значения. Например, одна из разновидностей молочая называется невеста. Это обусловлено наличием ярко-белых прожилок на листьях растения. Белый цвет ассоциируется в донской традиционной культуре со свадьбой, что послужило основой запрета сажать это растение во дворах, где есть девушки на выданье (не может быть двух невест одновременно).

На широком славянском материале цветообозначения в фитонимах рассматривались В. Б. Колосовой [Колосова 2009: 12], к теме донских фитонимов в историческом аспекте обращалась Е. В. Сердюкова [Сердюкова 2019], но конкретно хромоним «белый» на материале донских диалектных фитонимов не рассматривался. Этим обуславливается актуальность темы. Настоящее исследование выполнено на материале Большого толкового словаря донского казачества [БТСДК: 2003], Словаря донских говоров волгоградской области [СДГВО: 2011], а также полевых материалов автора.

Мотивационную основу донских диалектных фитонимов составляют разные хромонимы, остановимся подробнее на рассмотрении обозначения белого цвета в донских говорах. Этот цвет — один из самых популярных в донской фитонимике. Он может называться напрямую (белка 'сорт пшеницы'), может быть назван описательно или с дополнительными характеристиками (молочник 'козлородник', восковая плющ — 'растение гойя Ноја carnosa'). Выбор объектов сравнения культурологически значим, так как описывает круг предметов, ассоциирующихся у носителей диалекта с оттенками белого, входящими в его семантическое поле. Например, в донских говорах в поле белого цвета включаются молоко (молочник 'козлородник донской', гадючье / сапиное молоко 'молочай'), воск (восковая плющ, восковой цветок — 'растение гойя, обладающее цветами белого цвета'), серебро (серебряная трава 'полынь'), седина (седая кавыль 'ковыль'), белый наряд невесты (невеста 'молочай декоративный', цветущий белыми цветами); ассоциация с бумагой, снегом, традиционные для литературного языка, не актуальны для донских диалектных фитонимов.

Хромоним «белый» в донском диалекте может наделяться семантикой 'отличающийся от других', 'лучший'. Например, лексема белый в метафорическом употреблении представлена в названии белая картошка. Этот диалектный фразеологизм носит однозначно положительную коннотацию и обозначает привозной, крупный, хорошего качества картофель.

Цветовая характеристика в фитониме может расширяться или уточняться ещё одним (вторым) мотивационным признаком: формой (белокопытник 'мать-и-мачеха', белокруглый 'сорт винограда'), размером (белодолгий 'сорт винограда'), видовым (белоклен 'клён татарский') или сортовым (белокимшатский 'сорт крупного винограда', белый арбуз 'сорт арбуза') обозначением, вторым хромонимом (бело-буланный 'сорт винограда') или названием части растения (бело-

корка, беломяска — сортовые обозначения, белоголовник ‘тысячелистник’). При этом второй элемент характеристики может приносить не прямое значение, например, белолесок ‘смешанный лес’, белолесье ‘берёзовый и осиновый лес’.

Хромоним «белый» в донских диалектных фитонимах является популярным мотивационным признаком. Он представлен в прямом значении (как характеристика внешнего вида растения или его части), наделяется метафорическим потенциалом (выступает в качестве образной характеристики), ему приписывается символическое значение, оказывающее влияние на использование растения и регламентацию поведения его обладателя.

Литература

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. М., «Астрель», 2003. 608 с.

Колосова В. Б. Цвет // Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. С. 12–24.

Сердюкова Е. В. Принципы номинации праславянских названий растений // Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 541.

СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

Козлова Анна Юрьевна

канд. филол. наук, доцент,
Государственный социально-гуманитарный университет;
anna_kob5@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДАЧИ ДИАЛЕКТНОГО МАТЕРИАЛА В ЗАПИСЯХ В. К. ВЛАЗНЕВА — КРЕСТЬЯНИНА С. БЕЛОМУТА ЗАРАЙСКОГО УЕЗДА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

В. К. Влазнев (1839–1905) родился в крестьянской семье в селе Белоомуте Зарайского уезда Рязанской губернии, окончил приходское училище, на родине владел мастерской по резному иконостасному и позолотному мастерству. Он был талантливым поэтом-самоучкой, журналистом, занимался краеведением.

Работа В. К. Влазнева по собиранию и фиксации диалектного материала заокских сел Мещерской стороны Рязанской губернии еще не была предметом научного рассмотрения, хотя, как выяснилось недавно, он предоставил список местных слов для Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Императорской академии наук под редакцией Я. К. Грота; позднее эта рукопись в составе 4 листов (1897 г.) была учтена в качестве источника для Словаря русских народных говоров.

А. А. Шаблин указал другие неопубликованные этнографические заметки В. К. Влазнева, сделанные для петербургского Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева [Шаблин 2011: 196], которые сейчас хранятся в Архиве Института этнографии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая (АИЭА) и в Архиве Российского этнографического музея (АРЭМ). В целом указанные материалы насчитывают более 100 рукописных листов.

Цель настоящего сообщения — описать некоторые особенности подачи диалектного материала в записях В. К. Влазнева.

1. В. К. Влазнев обладал мелким, аккуратным почерком. Обращает на себя внимание верное употребление буквы ъ. Это свидетельствует о том, что орфографии он был выучен хорошо.
2. В тексте его этнографических заметок можно выделить собственно диалектный материал и объяснения, толкования, описания. Диалектные слова и выражения даются в кавычках, с передачей особенностей произношения; орфография объяснений и толкований традиционная, в соответствии с нормами литературного языка. Ср. передачу окончаний прилагательных в форме м. р., ед. ч., И. п.: «Вёрчинай» — вертлявый (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1441, Л. 9). При подаче диалектного материала В. К. Влазнев всегда четко проставлял точки над ё.
3. Кроме отражения отдельных фонетических диалектных черт без комментариев (например, изменения чн > шн: отрошникъ от Бога, запешникъ), В. К. Влазнев пытался сделать некоторые обобщения. Так, он указал на существование в говоре заокских сел прогрессивного смягчения заднеязычных согласных, естественно, не используя научного термина: «Слова по общему языку имѣющеи окончанія на «ка», во многих случаяхъ оканчиваются на «кя», напримѣръ: нянькя, негодяйкя... Ванькя, Куськя... попытайкя, тронькя, сдѣлайкя» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1441. Л. 25). Отметим, что в примерах даны разные лексико-грамматические классы имен существительных, отдельно — глаголы с частицей ка. «Слова съ окончаніемъ на «ся» — также во многихъ случаяхъ оканчиваются на «цы»; на примѣръ: нехотцы, купатцы, старатцы, ругатцы...»; «Этот же слогъ «ся» въ другомъ мѣстѣ замѣняется слогомъ на «си»: на примѣръ: старайси, занимайси, умывайси, не ругайси...» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1441. Л. 26).
4. Крестьянин В. К. Влазнев не обладал профессиональными филологическими знаниями, неизвестно, был ли он знаком с какими-либо толковыми словарями, однако заслуживают

особого внимания его комментарии к особенностям функционирования слов. Так, название суммы денег, которая давалась вне оговоренного приданого, по словам В. К. Влазнева, зависит от возраста говорящих: взрослые люди называли этот тип подарка гольёмъ, молодые — просто деньгами (АРЭМ. Ф. 7. Д. 1439. Л. 9).

5. В записях В. К. Влазнева в основном встречаются два типа толкования лексического значения слова: 1) с помощью синонима: «Расторопица» — распутица (АРЭМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1441. Л. 11), 2) описательный: «Бормона» — говорящий скороговоркой и мало молчаливый (АРЭМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1441. Л. 9). Но зачастую к указанным способам толкования лексического значения прибавляются этнографические данные: «Жердѣй» — высокорослый. Хотя слово жердѣй происходит от жерди высокой, но по народному суевѣрью жердѣи — великаны, которые во время Святокъ бываютъ видимы на землѣ въ разныхъ величинахъ, на прим., если онъ станетъ къ дереву — равенъ ему; станетъ къ избѣ или къ колокольнѣ — равенъ имъ и т. п. (АРЭМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1441. Л. 9).
6. В. К. Влазнев приводил не только прямое, но и переносное значение слова или выражения: «Бѣлый — кипень» — кипящая вода въ печи; сильно поблѣдневшій человекъ отъ испуга и бѣды приравнивается къ этому слову (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1441. Л. 1).
7. В записях указываются просторечные значения слов церковнославянской книжности: «Оглашенный» — непослушный, своевольный (АРЭМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1441. Л. 5); «Содомъ» — Слово это принаравливаютьъ къ большой шумной толпѣ, къ большому семейству, къ артели и т. п. (АРЭМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1441. Л. 11).
8. Несомненно, В. К. Влазнев был знаком с вопросом Бюро кн. В. Н. Тенишева. Но, несмотря на то, что вопросники касались лексики крестьянского быта, в записях присутствует много слов и выражений, описывающих эмоциональное состояние человека, много экспрессивных наименований лиц: «Прила» — самодуръ (АРЭМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1441. Л. 6).
9. Кроме слов, в материалах встречаются фразеологические единицы: «Варма варить» — сильный зной (АРЭМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1441. Л. 2); «Зарь взяла» — зависть (АРЭМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1441. Л. 3) и т. д.

Таким образом, записи В. К. Влазнева не только представляют собой ценнейший диалектный материал, записанный на границе московских и рязанских говоров во второй половине XIX века, но и показывают способы и манеру его осмысления автором.

Литература

Шаблин А. А. Влазнев В. К.: сельский краевед в пореформенной России. Коломна-Рязань: Русское слово, 2011. 208 с.

Колесникова Елена Валентиновна

*канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
el.kolesnikova@bk.ru*

ЗВУКИ [Л], [L], [Ў] НА МЕСТЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО <Л> И ИХ МЕСТО В ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

На территории Архангельской области не проводился сбор материала для национального Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) по причине низкой плотности ее заселения, объектом рассмотрения атласа стали только ее южные районы: Каргопольский, Котласский, Устьянский, Вилегодский.

Создание отдельного «Диалектологического атласа Архангельской области» позволит показать, насколько глубоко на север продвинуты ареалы фонетических и морфологических языковых явлений, отмеченных на карте ДАРЯ, уточнить имеющиеся представления о лингвистическом ландшафте Архангельской области, а также сопоставить их с иными фонологическими и грамматическими системами, которые обширно представлены в других говорах и отмечены на карте ДАРЯ.

О. Г. Гецовой были выделены общеархангельские языковые черты с учетом анализа характера диалектных различий на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса и словообразования, а также выявлены языковые признаки, разделяющие архангельские говоры на диалектные группы, к которым относится произношение фонемы <л> и ее позиционные изменения. Данное явление делит архангельскую территорию на северную и южную диалектные зоны: «для южных говоров (коношские, вельские, красноборские, устьянские, а также котласские, ленские, вилегодские) характерно произношение [l] с его чередованием с [ў] на конце слова и слога, тогда как северная часть ареала не знает этого произношения (хотя оно спорадически встречается у отдельных носителей, в частности, пинежских говоров)» [Гецова 1997].

Нами была предпринята попытка представить распространение данного диалектного явления на лингвистической карте. Источником для ее составления послужили материалы сплошной выборки из опубликованных материалов «Архангельского областного словаря» (АОС).

В говорах в тех положениях, где употребляются звуки [l], [ў], [w], фиксируется и одновременное употребление [л] веляризованного. Ввиду его повсеместной распространенности этот звук не получил отражения на карте: при выборке материала мы руководствовались принципом «отмечено». Все единичные случаи произношения [l], [ў], [w] были отражены на лингвистической карте. Звуки губно-губного образования [ў], [w] на месте <л> при картографировании были объединены.

На территории Архангельской области нам удалось выделить следующие фонологические системы употребления звуков на месте <л>. При разработке данного вопроса мы опирались на выводы В. Н. Тепловой [Теплова 1967].

1. Наиболее распространенной является система с употреблением [l] невеляризованного в позиции перед гласным непяреднего ряда, [ў] — перед согласным и на конце слова. Такое произношение отмечено в Вельском, Вилегодском, Коношском, Котласском, Красноборском, Ленском, Устьянском, Шенкурском (южные районы Архангельской области); а также единично в Каргопольском (юго-запад), Пинежском, Мезенском районах (северо-восток).
2. Ареал с произношением [л] веляризованного в сильной позиции: перед гласным непяреднего ряда, [ў] — в слабой: перед согласным и на конце слова. Говоры с таким типом фонологической системы картографируются преимущественно на территории Пинежского района и спорадически на северо-востоке области.

3. Отмечены микроареалы с фиксацией [l] на месте <л> как в сильной, так и в слабой позиции по южной границе области: в Вельском, Устьянском, Котласском и Вилегодском районах.
4. Фонологическая система с произношением [л] веляризованного в сильной и в слабой позиции: соответствует литературному языку, функционирует на всей территории Архангельской области.

Необходимо отметить, что в поморских говорах звук [ў] перед согласным и на конце слова может употребляться не только на месте <л>, но и на месте <в>. В этом случае звук [ў] является вариантом двух фонем: <л>, <в>. Данное явление отмечено преимущественно на территориях Вилегодского, Коношского, Красноборского, Ленского районов (юго-восток).

В докладе данные системы сопоставляются с другими фонологическими системами употребления веляризованного [л] и невеляризованного [l], а также их позиционных чередований, которые обширно представлены в других севернорусских говорах и отмечены на карте ДАРЯ.

Литература

- Гецова О. Г.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., «Диалог-МГУ», 1997. С. 138–193.
- Теплова В. Н.* Звуки [л], [l], [ў] на месте этимологического <л> твёрдого и их место в фонологических системах севернорусских говоров // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., «Наука», 1967. С. 153–176.

Макшакова Татьяна Аркадьевна

лаборант-исследователь,
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина;
Tatiana.Makshakova@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ЭНАНТИОСЕМИИ РУССКОГО ДИАЛЕКТИЗМА ОЧУНѢТЬ 'ПРИЙТИ В СЕБЯ, ОЧНУТЬСЯ' И 'ПОТЕРЯТЬ СОЗНАНИЕ'

В русских народных говорах широко фиксируется глагол очунѣть (и его варианты) со значениями 'прийти в себя, очнуться' и 'потерять сознание'. Приведём зафиксированные в словарях фонетические и словообразовательные варианты слова, распределив лексемы по соответствующим группам значений:

- 1) курск., орл., зап.-брян., твер., арх., вят. очунѣть 'прийти в себя, очнуться после обморока или припадка', дон., ряз. очунѣться 'прийти в себя, очнуться после обморока или припадка', смол., дон. очунѣвать 'приходить в сознание после обморока', пск. очунѣться 'очнуться, прийти в себя', новг. очунѣть 'прийти в сознание, очнуться', волог., влад., калуж., яросл. очунѣться 'прийти в сознание, очнуться', забайкал. очунѣться 'приходить в сознание после обморока', волог., дон. очунѣться 'очувствоваться, опомниться, очнуться, прийти в себя', дон., волгоград. почунѣть 'прийти в себя, в сознание', волог. счунѣться 'очнуться', смол. усчунѣть 'прийти в сознание, образуметь', зап.-брян. вычунѣть 'выздороветь, прийти в себя, очнуться';
- 2) пск., арх., вят., твер. очунѣть 'потерять соображение, очуметь, одуреть', пск., твер., смол. очунѣть 'впасть в обморочное состояние, потерять сознание', пск., твер. очунѣть 'потерять соображение, очуметь, одуреть', пск. чунѣть 'приходить в бесчувственное состояние', пск., твер. счунѣть 'одуреть'.

Как видно из обзора, рассматриваемый глагол чаще используется для обозначения ситуации обретения сознания. Аналогичные факты отмечены в родственных восточнославянских языках: укр. вичунѣти, очунѣти 'выздороветь', блр. ачунѣць 'опомниться, прийти в себя после сна; выздороветь', блр. ачынацца 'просыпаться; приходить в себя'. В то же время нам представляется, что не следует маркировать значения, связанные с потерей сознания, как вторичные, возникшие под влиянием фонетически и семантически близких глаголов (ср. дон. очумѣться 'прийти в себя' и очумѣться 'очуметь, ошалеть'). Для объяснения представленной выше внутрисловной антонимии стоит обратиться к этимологическому комментарию.

Русск. диал. слово очунѣть не раз привлекало внимание лингвистов. Так, А. А. Потебня [Потебня 1880: 171] связывает русск. очунѣть и укр. вичунѣти с общим значением 'выздороветь' с русск. чванѣться 'величаться, гордиться' (то же в [Фасмер 4: 321]) и русск. диал. кунѣть 'приходить в силу, поправляться после болезни'. В. Н. Топоров [1980: 280] сопоставляет пск. чунѣть 'приходить в бесчувственное состояние' и укр. вичунѣти 'выздороветь' с русск. диал. кунѣть, вычунѣть 'поправляться после болезни, приходить в силу, как бы отлинявший зверь, или перемытиться'. А. С. Львов [Львов 1965: 194] связывал глагол очунѣть (предположительно с семантикой потери сознания) с отглагольным существительным очунь (ср. приводимое там же очунной 'дурной'), образованным, в свою очередь, от очути 'чувствовать'. Приведенные этимологические решения не снимают вопроса об энантиосемии лексемы, освещая путь одного из лексико-семантических вариантов. В [ЕСУМ 1: 387] для укр. вичунѣти 'выздороветь', связанного с русск. очунѣть 'очнуться' и блр. ачунѣць 'выздороветь', предполагается или родство с очнѣтися, или производность от укр. диал. чунѣ 'болезненный сон, маразм' [Желеховский 2: 1080], ср. укр. прочунѣти 'пробуждение от дремоты' [Там же: 783], укр. прочунѣвати 'медленное выздоровление после болезни' [Там же]. В [ЭСБМ 1: 230–231], как кажется, утверждается отадъективный характер рус. очунѣть, бел. ачунѣць (< *o-tjunъjъ < *ot-junъjъ).

Попробуем предложить свою версию происхождения формы русского диалектизма очунеть. Данные русских народных говоров демонстрируют широкую вариативность приставочных дериватов: очунеть, почунеть, усчунеть, вычунеть, счунеть, что делает очевидным выделение префикса о- в рассматриваемом глаголе. Производящую основу чунеть, как нам кажется, можно проинтерпретировать как чу-н-е-ть, что позволяет отнести данные глаголы к гнезду чути (< *čuti). Отсутствие тематического гласного в *čuti способствует появлению суффиксальных элементов и, как следствие, переходу в более продуктивные глагольные классы, ср. видовую пару *občuti — *občuvati [ЭССЯ 26: 142–143]. Можем предположить, что очунеть < *очунуть (ср. смол. очхнўтыся ‘прийти в сознание, в чувство; очнуться’ [СРНГ 25: 76]) с последующим переразложением, где -н- стал осмысляться как корневой элемент. Подобному переосмыслению могла способствовать особая экспрессивность, связанная с семантикой потери сознания, ср. русск. простореч. очўхаться ‘очнуться’, твер., пск., костром., арх., смол. прочўхаться ‘прийти в сознание, в чувство’ (< *čuxati < *čuti [ЭССЯ 4: 130]).

Принимая изложенную версию, прокомментируем возникающую энантиосемию. Кажется, поляризация значений слова происходит на базе основной семантики корня ‘чувствовать’, присутствующей в качестве интегральной семы в семантической структуре вариантов: для очунеть ‘впасть в обморочное состояние’ предполагаем ‘почувствовать нечто ненормальное, почувствовать себя плохо’, а для очунеть ‘прийти в себя’ — ‘почувствовать себя хорошо’.

Литература

- Львов А. С. Из лексикологических наблюдений // Этимология (Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам). Москва: Наука, 1965. С. 189–195.
- Потебня А. А. Этимологические заметки // Русский филологический вестник. 1880. Т. 3. № 1–2. С. 161–196.
- Топоров В. Н. Прусский язык. Т. 3. Москва: Наука, 1980. 384 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Москва: Прогресс, 1986–1987.

Мызникова Янина Валерьевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
y.myznikova@spbu.ru

АРЕАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЕКСИКИ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО ОБРЯДА В РУССКИХ ГОВОРАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Традиционный погребально-поминальный обряд в Среднем Поволжье обладает своей спецификой, которая связана с местными традициями народного православия и имеет диалектное лексическое оформление. В последние десятилетия происходят стремительные трансформации традиционного уклада сельской жизни, обусловленные социокультурными преобразованиями и миграционными процессами. Однако некоторые местные культурные формы, особенно связанные с традициями народного православия, оказываются достаточно устойчивыми. Исследование базируется на материалах диалектологических экспедиций и опубликованных материалах фольклорных экспедиций в сёла Ульяновской области.

В большинстве сёл Среднего Поволжья в 1930-е годы церкви были разрушены или приспособлены под складские помещения. Многие священнослужители были репрессированы, но православные традиции продолжали жить в народной среде. Роль священнослужителей стали исполнять пожилые религиозные женщины. В разных сёлах Ульяновской области за ними закрепились наименования, мотивированные разными корневыми морфемами, актуализирующими различные элементы значения. Наиболее распространёнными являются наименования читалка, читальщица ‘пожилая или незамужняя женщина, знающая молитвы и умеющая читать их по покойному’, образованные от глагола читать в значении ‘произносить молитвы по покойному’. В данном случае номинация происходит по основному роду деятельности. Указанные лексемы (читалка, читальщица, читать) можно квалифицировать как региональные. Их использование связано с распространением на юге России, в Поволжье и на Урале института читальщиц. Поэтому данные лексемы характеризуются широким ареалом употребления, что подтверждается и значительным числом фиксаций в словарях. Лексемы читать (‘совершать обрядовое чтение псалтыря над умершим’), читалка (‘женщина, которая читает псалтырь по умершим’), зафиксированы в БАС с пометами «устаревшее» и «просторечное» и с иллюстрациями из произведений М. Горького [БАС, 17: 1087]. Существительные читалка и читальщица и глагол читать зафиксированы в ряде диалектных словарей: в «Словаре курских народных говоров» Г. И. Хильманович (Бирск, 2017 г.), в «Словаре тамбовских говоров» (Тамбов, 2001 г.), в «Комплексном тематическом словаре лексики современных русских говоров Урала» К. И. Демидовой (Екатеринбург, 2015 г.), в «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малечи (Оренбург, 2003 г.), в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» (СПб., 2013 г.).

Указанные лексемы активно используются в левобережных говорах Ульяновской области. Духовные стихи и молитвы читалки переписывают в тетради, которые передают из рук в руки. Они обучают друг друга правилам воспроизведения письменного текста, так как всё должно быть правильно, «по Божьему обряду». Рукописные книги и тетради стихов на духовные темы являются одной из примет старообрядческой культуры. Различные старообрядческие сообщества (согласия и секты) были представлены во многих сёлах Симбирского Заволжья вплоть до середины XX века. Возможно, указанная лексика (читать, читалка, читальщица) связана со старообрядческой традицией.

В русских говорах Ульяновского Присурья на правом берегу Волги зафиксированы наименования женщин, читающих молитвы по покойникам, мотивированные глаголом служить (в значении ‘произносить молитвы по покойному’): служака, служанка. В целом для Присурья в сфере народного молитвенного сопровождения похорон и проводов души используется именно глагол служить и его производные: служба (‘обрядовое действие на похоронах и прово-

дах души: чтение молитв и исполнение духовных стихов»), служака, служанка. Глагол служить и его производные сохраняют связь с церковной лексикой, что подчёркивают сами информанты: Вот зачем, ты спрашиваш, служим? А вот ты стих почытай, вот «За трапезу сестры сели» на паминки, и там гаварица, шты Гаспоть нас благославил, у нас и церькафь сломали, а мы чытам! [ТКУП 2: 602]. Использование такой лексики поддерживается и хорошей сохранностью обрядовых действий народного православия, связанных с ритуалами похорон и проводов души, имитирующих церковную службу.

В говорах правобережья Ульяновской области используются и другие номинации для женщин, читающих молитвы: старые девы и монашки. В этих наименованиях актуализированы семы особого статуса таких женщин в возрастном, нравственном и культурном отношении. Они получили духовное право отпевать покойников и исполнять другие церковные ритуалы, так как они специально учились и были благословлены священником: Я вот каждое Рожество служу, и подруги мои, кто читат, служат, а ещё не читат — слушают учаца. Я ездила к батюшке в Валгусы, и он мне сказал, что не грех это нам читать. [ТКУП 2: 601].

Были зафиксированы и другие различия в лексическом оформлении погребально-поминального обряда в говорах левобережья и правобережья Ульяновской области, в частности, в названиях разного рода поминальных подношений: подорожный 'подношение одному из родственников усопшего, который будет вспоминать и молиться об усопшем сорок дней' в говорах левобережья и подорожник 'подношение первому встречному на сороковой день во время проводов души усопшего' в правобережных говорах Ульяновской области.

Литература

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965.

ТКУП — Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь: в 2 тт. / колл. авт. И. С. Кызласова (Слепцова) и др. М.: «Индрик», 2012.

Исследование выполнено при финансовой поддержке КалмГУ, проект «Русское языковое и культурное пространство Прикаспия и сопредельных регионов в зеркале картины мира, лексикографии, ономастики, перевода и мультилингвального образования».

Приображенский Андрей Владимирович¹, Королькова Мария Денисовна

¹канд. филол. наук, доцент,
Петрозаводский государственный университет;
primlp47@list.ru
канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
skifane@gmail.com

СВОД ДИАЛЕКТНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Более пяти лет назад для ускорения и оптимизации словарной работы над Лексическим атласом русских народных говоров начала создаваться база данных диалектных и региональных словарей, в которой содержатся оцифрованные источники изучения лексики и других уровней языковой системы территориальных, социальных и профессиональных диалектов русского языка [Лесников и др. 2019].

В настоящее время данный свод диалектных и региональных словарей насчитывает 859 pdf-файлов однотомных и многотомных изданий общим объемом более 30 ГБ, расположенных в 492 папках. С целью сокращения времени поиска конкретного слова и уменьшения объема информации, которую занимает свод на диске, в последних вариантах базы данных были ликвидированы повторы одних и тех же источников и сокращено количество папок. Словари в своде сгруппированы по отдельным типам и по территориальному принципу на основе диалектного членения русского языка 1964 (1965) г. по наречиям, группам говоров (областям): свод включает в себя такие папки, как севернорусское наречие, южнорусское наречие, среднерусские переходные говоры, а также говоры Урала, Сибири, Дальнего Востока. Кроме того, некоторые диалектные словари в базе данных содержат сводные источники, а также описывающие говор одного населенного пункта, района, одной семьи или одного диалектоносителя. В базе данных представлены и лексикографические источники, представляющие говоры русского зарубежья, тематические, терминологические, исторические и ономастические словари, атласы, труды Московской диалектологической комиссии. В последнее время в число источников были включены диссертации и монографии, которые содержат алфавитные указатели и списки анализируемых нарицательных и собственных имен.

Богатую источниковедческую базу свода диалектных и региональных словарей проиллюстрируем только несколькими примерами. Так, среди сводных словарей и иных источников в базе данных представлены «Опыт областного великорусского словаря» и «Дополнения к Опыт-ту», все четыре издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Русский этимологический словарь» С. А. Мызникова, тома Диалектологического атласа русского языка, Лексического атласа русских народных говоров, Общеславянского лингвистического атласа и др. Значительный интерес представляют отдельные тематические и терминологические словари, посвященные лексике рыболовства, судовождения, устного народного творчества, названиям одежды, животным, рыбам, птицам, народной медицине, золотопромышленной, народной ботанической, географической, строительной, анатомической, метеорологической, ремесленной терминологии и т. д.

Свод диалектных и региональных словарей позволяет обеспечить развитие и совершенствование единого информационного ресурса диалектных материалов русского языка, создать на его основе новые научные диссертационные, монографические, лексикографические, историко-лексикологические, студенческие исследования, которые будут адекватно и с достаточной полнотой описывать диалекты в самых разных аспектах.

Свод диалектных и региональных словарей представляет собой упорядоченную информационную систему, позволяющую в автоматическом режиме осуществлять поиск диалектных слов и словосочетаний, иллюстративного языкового материала как по русским народным говорам в целом, так и по отдельным группам говоров и словарям, а также по географическим поме-

там. Она позволяет оптимально сократить время поиска материала для конкретного научного исследования, реализовать потребности конкретного пользователя.

В дальнейшем коллектив разработчиков свода диалектных и региональных словарей планирует создать отдельные базы данных по кандидатским и докторским диссертациям, авторефератам, монографиям, научным статьям и сборникам научных трудов по диалектологической проблематике. Это также будет способствовать оптимизации лексикографических и историко-лексикологических обобщений.

Не менее важным итогом работы над сводом диалектных и региональных словарей является создание интерактивной карты охвата русских говоров лексикографическими и лингвогеографическими источниками по типам словарей, историко-лексикологических исследований с учетом различных аспектов и целей научных задач. Интерактивная карта позволяет оценить степень изученности того или иного региона или его части в лексикографическом и лексикологическом отношении.

Литература

Лесников С. В., Мызников С. А., Королькова М. Д. Русский диалектный гизаурис: основные источники // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб., 2019. С. 425–497.

Тер-Аванесова Александра Валерьевна

канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
teravan@mail.ru

ИЗОГЛОССЫ ПОМОРСКОЙ И ВОЛОГОДСКО-ВЯТСКОЙ ГРУПП СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ

Как известно, на картах Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) не показаны области распространения русских говоров севернее 63° с. ш., и таким образом за пределами атласа находятся говоры поморской, северной части олонецкой и вологодско-вятской групп севернорусского наречия. Граница поморской и вологодско-вятской групп говоров также находится севернее территории, картографированной в ДАРЯ. Названные группы говоров показаны на мелкомасштабной карте Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова (1915), без достаточной детализации признаков, по которым они выделяются.

Этот пробел отчасти восполняют работы [Гецова 1997] и [Пожарицкая 2006]. В статье О. Г. Гецовой детально описано диалектное членение Архангельской обл.; в статье С. К. Пожарицкой признаки говоров Архангельской обл. увязаны с изоглоссами, показанными в ДАРЯ, выделены явления, присущие только говорам Архангельской обл., и сообщается о нескольких явлениях из области грамматики архангельских говоров, не упомянутых О. Г. Гецовой. Важнейшим источником по лингвистической географии Архангельской обл. является «Лексический атлас Архангельской области» Л. П. Комягиной (1994). Подобных источников по лингвогеографии западной части говоров северных территорий, не вошедших в ДАРЯ (северных олонецких), к сожалению, нет.

Е. В. Колесникова и я предприняли попытку составить ряд карт, показывающих фонетические, морфологические и лексические изоглоссы, существенные для диалектного членения северных районов Европейской части России, не вошедших в ДАРЯ. Предварительные исследования в этом направлении опубликованы в [Тер-Аванесова 2008].

В докладе представлены изоглоссы, разграничивающие говоры поморской и вологодско-вятской групп. Материал взят из опубликованных выпусков «Архангельского областного словаря» (1985–2023-) и «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (1994–2005), дополнен данными из диалектных корпусов и других источников. Сетка населенных пунктов подготовленной Е. В. Колесниковой рабочей бланковой карты соответствует населенным пунктам, обследованным в ходе работы над указанными словарями и включает в себя около 300 деревень.

Традиционно граница поморской и вологодско-вятской групп определяется главным образом по «ятевой» изоглоссе: в вологодско-вятских *ě > [и] между мягкими согласными, а в поморских на месте *ě в той же позиции произносится [e]: волог. *вм'ус'т'е* vs поморск. *вм'ес'т'и*. Перед твердыми согласными на месте *ě в говорах обеих групп произносится [e]: м'есто (хотя в вологодских говорах изредка встречаются и [и]-образные звуки). Рефлексы *ě также позволяют провести границу между северной и южной частью поморских говоров: северной части свойственно развитие *ě > [и] на конце слова: на *стол'у*, *гд'у*, *дв'у* и др., южной части — развитие *ě > [e]. Различные системы рефлексов *ě, в том числе и три, показанные выше, встречаются в двинских грамотах, изученных А. А. Шахматовым.

Яркими особенностями поморской группы говоров являются: 1) «второе полногласие»: *доложón*, *доложнá* и *под.*; граница его распространения в говорах Архангельской обл. очень близка «ятевой» границе, отделяющей поморские от вологодско-вятских говоров, но проходит немного южнее ее; вологодско-вятским говорам второе полногласие не свойственно; 2) с поморским ареалом «второго полногласия» полностью совпадает область распространения окончания Р. ед. м.-ср. *-/ого/*, в вологодско-вятских говорах этой форме соответствует *-/ово/*; 3) названия цепа (орудия ручной молотьбы): поморск. *пр'угуз~пр'ивуз* vs волог. *молот'уло*; 4) совпа-

дение окончаний Р., Д., П. ед. числа а-/ја-склонения в -/и/: с'естры́, з'емл'у́; в вологодско-вятских говорах окончания Р. ед. и Д.-П. ед. различаются при совпадении окончаний, присоединяемых к твердым и мягким основам: Р. с'естры́, з'емл'у́, Д.-П. с'естр'е́, з'емл'е́; 5) система окончаний 3 лица глаголов: с /т/ при верхнем подъеме тематического гласного и отсутствием /т/ при его неверхнем подъеме: ид'о́, с'ид'у́т, ид'у́т, с'ид'а́ — встречается в южной части поморских говоров и отдельных лачских; южная граница распространения данной системы совпадает с границей поморских и вологодско-вятских говоров, северная — с границей севернопоморской «ятевой» системы (см. выше). Указанные изоглоссы — лишь небольшая часть всей совокупности изоглосс, противопоставляющих поморские и вологодско-вятские говоры.

Литература

- Гецова О. Г.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII.
- Русские диалекты: история и современность. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 138–193.
- Комягина Л. П.* Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994. 234 с. + 198 карт.
- Пожарицкая С. К.* Северные говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М.: ИС РАН, 2002. С. 59–68.
- Тер-Аванесова А. В.* Ударение і-глаголов в говоре д. Тамица Онежского р-на Архангельской области в контексте лингвистической географии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. III. Диалектология. М., 2014. С. 55–96.

Шубина Наталья Григорьевна

канд. филол. наук, доцент, Старооскольский филиал

Белгородского государственного национального исследовательского университета;

shubinang@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЛЕКСЕМ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

Диалектный язык как одна из форм национального языка, сохраняя информацию о контактах русского народа, позволяет исследователям получить сведения о способах освоения иноязычного материала и об особенностях развития семантической структуры заимствованного слова. В литературном языке заимствованное слово чаще всего употребляется в значении, свойственном языку-донору. В народной речи семантика вновь приобретенного слова может изменяться в зависимости от понятийного аппарата носителей языка, обладающих иными представлениями о мире, иным менталитетом, иным опытом исторического развития.

В русских говорах Старооскольского района Белгородской области при описании бытовой лексики были отмечены слова, активно употребляемые в настоящее время, но этимологически являющиеся заимствованиями. Например, слова груба, клуня, пунька, плант, тын, хата, сарай и другие. Рассматривая значения таких диалектных слов, мы обращаем внимание на их семантические особенности в диалектном и литературном русском языке, а также на семантику в языке-доноре.

Так, слово плант, отмеченное в словаре М. Фасмера как заимствование из немецкого в значении 'изображение, чертеж плоскости; намерение, расчет вперед, распорядок' [Фасмер 1986, III: 273], в говорах сел Старооскольского района (Городище, Солдатское, Владимировка, Шаталовка и др.) употребляется в значении 'ряд домов, улица': [Вот то ўлиса называ́ца щас / а-тада́ плант // ану́ всех аве́ц стере́глу / у-фсеу́о пла́нта //]. В результате заимствования в русском национальном языке функционируют две лексемы — план и плант, которые образуют сложное лексическое различие: в литературном языке данные слова, не различаясь семантически, противопоставлены как слова активного и пассивного запаса; в диалектном языке обе лексемы входят в активный запас, но при этом выступают как паронимы, дифференцируясь семантически в речи носителей говоров.

В русском литературном и диалектном языке для обозначения хозяйственных построек без дифференциации их размера или предназначения используют слово сарай, которое генетически связано с тюркскими языками. М. Фасмер полагает, что рассматриваемая лексема русским языком заимствована через турецкий, кыпчакский, уйгурский, татарский языки: во всех них слово *sarai* известно в значении 'дом; дворец; караван-сарай; комната для жилья; стойло; тележный сарай', в тюркских же языках оно восходит к персидскому *serai* 'дворец, палаты' [Фасмер 1986, III: 560]. Появление иноязычного названия на южной территории Русского государства было обусловлено татаро-монгольским влиянием на протяжении XII — XVI веков, а также тюркским влиянием и в последующие века. М. Фасмер указывает на употребление слова в текстах не ранее XVII века [там же].

В современном русском языке слово сарай является общеупотребительным и для обозначения любой хозяйственной постройки используется без каких-либо территориальных ограничений [Ожегов 1987: 606].

В оскольских говорах сараем называют хозяйственную крестьянскую постройку, крытую, без потолочных перекрытий, используемую для хранения имущества, содержания скота или птицы: [... абнакавѣнные сара́и / и-для-пти́цы и-для-фсѣх / ну-а-шо́ ишо́ // Куря́м ату́аро́жена / ну-на-насе́сте ану́ сидѣли // Сѣна убярѣм / сло́жыш яу́о у-сара́й / идѣ су́ха //]; [Сара́я у-на́с два́ / у-вадно́м курѣ́й дѣржым / а-у-друу́ом щас сѣна склада́им //].

В северных говорах словом сарай называют всю хозяйственную часть крестьянского дома. Так, в Архангельской области говорят: [Пове́ть тут у-ме́ня́ ф-сара́е //] (Верхняя Паденьга

Холм.); [Купи́ли дом / ещё сара́ю нету //] (Волосово Плес.). Таким образом, значение 'любая хозяйственная постройка в целом' у слова сарай выделяется и в южных, и в северных говорах. В среднерусских говорах слово выступает в более узких, специализированных значениях. Так, в различных тверских говорах наблюдается противопоставленность значений слова: сарай — 1) верхняя часть двора, место над хлевом, где хранится сено или солома, 2) постройка для дров, 3) постройка для сушки снопов без печки, 4) то же, что хлев (с его широкой, в свою очередь, амплитудой местных значений, связанных с содержанием крупного и мелкого скота, общим наименованием 'помещение для скота'), 5) место под хлевом, 6) постройка для хранения сельхозинвентаря [Тематический словарь говоров Тверской области 2002: 128].

Приведенные примеры служат иллюстрацией того, что носители национального языка, осваивая иноязычный материал, подвергают его переосмыслению, отражая в процессах изменения семантики особенности языковой национальной картины мира.

Язык как часть культуры народа, живущего в определенных исторических, климатических, геополитических и прочих условиях, формирует в своем словарном составе те особенности, в которых непременно находят отражение неязыковые константы культуры.

Заимствованные слова, являясь элементом иной культуры и изменяя свою семантику в системе диалектного языка, отражают особый механизм заимствования лексики русскими говорами: слова подвергаются семантической трансформации на основе культурно-национальных особенностей заимствующего языка. Этнолингвистический аспект изучения заимствованной лексики в составе русских говоров представляется нам перспективным, так как подобные исследования могут дать важную информацию для изучения не только системы диалектного языка, но и истории русского языка в целом.

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1956.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987.

Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1 / под ред. Т. В. Кирилловой и Л. Н. Новиковой. Тверь, 2002.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986.

Борозенец Дарья Игоревна

*аспирант, кафедра русского языка,
Донецкий государственный университет;
borozenets.dasha@mail.ru*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО КАК МОДЕЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА «ЗНАТЬ»)

Ключевые слова: семантическое поле, словообразовательное гнездо, когнитивия.

Объединения лексем изучаются довольно долгое время, однако ещё Г. С. Щур в 1974 г. писал, что в связи с большим количеством трактовок существует проблема неопределённости понятия поля в разных его вариантах [Щур 1974]. На это же указывают и более современные исследования [Шарашова, Алексеева 2021]. Нами были проанализированы словари лингвистических терминов [Жеребило: 2010; Розенталь, Теленкова 1985; Русский язык 2008], а также некоторые посвящённые теме поля исследования [Новиков 2011], в результате чего было выявлено, что в современной русистике действительно отсутствует единая дефиниция семантического поля. Однако на основании имеющихся дефиниций можно определить, что семантическое поле обладает следующими признаками: оно включает слова одной или нескольких частей речи, которые объединены общностью или близостью семантики и могут быть связаны друг с другом отношениями производности.

Таким образом, семантическое поле можно разложить, с одной стороны, на семантические группы (как наиболее крупные после поля семантические единицы), а с другой — на словообразовательные гнезда (как наиболее крупные единицы словообразования).

Мы предполагаем, что словообразовательное гнездо представляет собой модель семантического поля, поскольку слова в нём связаны не только словообразовательными, но и семантическими отношениями.

Покажем это на примере словообразовательного гнезда с вершиной «знать» как семантического поля когнитивии.

В первую очередь следует отметить, что нас интересуют не все производные от глагола *знать*, а лишь те из них, которые произведены от лексико-семантического варианта *знать* ‘обладать знанием чего-либо, иметь о ком-, чем-либо понятие, представление’.

Обнаруженные на первой ступени производности слова можно объединить в следующие группы: 1) глаголы со значением приобретения знания (*вызнать, дознать, дознаться, зазнать, обознать, обознаться I, познать, прознать, узнать2*); 2) глаголы со значением применения знания (*обознаться II, опознать, признать, узнать1*); 3) глаголы со значением пребывания в состоянии знания (*знавать*); 4) существительные со значением носителя знания (*знайка, рудознавец, всезнайка, многознайка, немогузнайка, знаток*); 5) существительные со значением состояния знания (*всезнайство, многознайство, знание, знатьё*); 6) причастия со значением носителя знания (*знающий*); 7) причастия со значением объекта знания (*знаемый*); 8) прилагательные со значением характеристики объекта знания (*знатный, незнамый*); 9) наречия со значением ситуации знания (*знамо*). В рамках одной и той же группы между словами наблюдаются преимущественно синонимичные (*всезнайка, многознайка*) или гипо-гиперонимичные (*рудознавец, знаток*) отношения.

Производные второй ступени словообразования продолжают включаться в те же группы, что уже появились на первой ступени. Так, например, глаголы, производные от глаголов первой

Ответственный редактор: д-р филол. наук *В. И. Теркулов*.

группы, также относятся к данной группе (вызнавать, дознавать, дознаваться, обознаваться I, познавать¹, узнавать¹, узнавать⁵, наузнать, переузнавать, предузнать, разузнать). Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении существительных со значением состояния знания (незнание, всезнание, естествознание, искусствоведение, музыковедение, обществознание, человековедение, языковедение).

По мере развития словообразовательного гнезда и разветвления значений производных на каждом словообразовательном шаге количество групп растёт, в то время как их наполняемость уменьшается.

В общей сложности словообразовательное гнездо с вершиной «знать» включает слова, входящие в следующие группы: 1) глаголы со значением обладания знанием (знать); 2) глаголы со значением применения знания (узнать ‘опознать кого-то по известным признакам’); 3) глаголы со значением приобретения знания (узнать ‘приобрести знания’); 4) наречия со значением характеристики ситуации знания/незнания (знамо); 5) прилагательные со значением принадлежности субъекту знания (знатный); 6) прилагательные/причастия со значением качества, которым обладает объект знания (распознаваемый); 7) прилагательные/причастия со значением объекта знания (знаемый); 8) прилагательные/причастия со значением субъекта знания/незнания (знающий); 9) прилагательные/причастия со значением характеристики объекта знания; 10) прилагательные/причастия со значением характеристики объекта применения знания (опознательный); 11) прилагательные/причастия со значением характеристики орудия познания (познавательный); 12) прилагательные/причастия со значением характеристики приобретаемого знания (непознаваемый); 13) существительные со значением качества, которым обладает объект знания (знатный); 14) существительные со значением объекта знания (обществознание); 15) существительные со значением процесса применения знания (узнавание); 16) существительные со значением процесса приобретения знания (дознание); 17) существительные со значением состояния субъекта знания (знаточество); 18) существительные со значением субъекта знания/незнания (всезнайка); 19) существительные со значением субъекта познания (дознатель); 20) существительные со значением субъекта применения знания (распознавательница); 21) существительные со значением характеристики объекта познания (распознаваемость).

Как видно из списка, наблюдаемые в словообразовательном гнезде группы включают слова, применяемые для описания практического полного цикла когнитивных действий и состояний: от отсутствия знания (выражено существительными незнание, незнайка, незнаток, причастиями незнаемый, незнающий) через приобретение (глагол вызнать, причастие узнающий) и наличие (знать, знаток) к применению (узнать (кого-то при известным признакам)). Благодаря этому мы получаем представление о том, как процесс познания передаётся посредством языка.

Словообразовательное гнездо действительно является моделью семантического поля, поскольку в нём отражены как словообразовательные, так и семантические связи между языковыми единицами, а кроме того, можно наблюдать и другие объединения данных единиц. Обнаруженные нами семантические группы, предположительно, можно экстраполировать на другие словообразовательные гнёзда, связанные с гнездом «знать» (словообразовательное гнездо «ведать» как гнездо с синонимичной вершиной; словообразовательное гнездо «понять» как гнездо с вершиной, обозначающей частный случай приобретения знания, и т. д.).

Литература

- Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим» 2010. 486 с.
- Новиков Л. А.* Эскиз семантического поля // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 2. С. 8–17.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
- Русский язык: энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: в 2 т. / А. Н. Тихонов [и др.]; под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. М.: Флинта: Наука, 2008.

- Шарашова Е. А., Алексеева Т. С.* Сравнительный анализ определений «семантическое поле», «тематическая группа», «лексико-семантическая группа» в различных словарях лингвистических терминов // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Сер. «Лингвистика» / под ред. А. И. Фефилова. Ульяновск, 2021. С. 82–85.
- Щур Г. С.* Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 254 с.

Данилина Наталия Ивановна

профессор, Саратовский государственный медицинский университет;
danilina.ni@staff.sgm.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕРИВАЦИИ НА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПЕРИФЕРИИ

Ключевые слова: графема, символ-слово, терминология, ономастика.

Катализатором появления комплексных единиц словообразования (гнезд, типов, способов) выступает обычно расширение лексического, а вслед за ним и морфемного фонда языка. Данные процессы активнее протекают на периферии: в сфере специальной лексики и искусственной ономастической номинации. Именно здесь можно наблюдать нечеткость границ между деривацией как созданием производного слова в рамках языка, заимствованием как усвоением лексической единицы из языка-донора и искусственной номинацией новых объектов с помощью способов, отличных от деривации. Цель исследования — изучить взаимодействие деривации и иных типов номинации в периферийных лексических пластах; объект — греческие графемы и их алфавитные названия; источники материала: Национальный корпус русского языка, журнал «Физика элементарных частиц и атомного ядра» (2011–2022), массив эргонимов Саратова и Рязани по данным сервиса Яндекс-карты, учебная и справочная литература по физике и астрономии.

В современном русском языке греческие графемы употребляются в письменном варианте научной речи, где выполняют две основные функции: символизации определенных величин (π — символ отношения длины окружности к диаметру); условной нумерации двух видов: денотативной, т. е. общепринятой для объектов определенного типа в рамках одной отрасли (α Центавра, γ -излучение) и референциальной, или ситуативной (типичные обозначения углов треугольника в задачах и теоремах: α , β , γ). Не принадлежа общеупотребительному национальному языку, графемы в символизирующей и денотативно-нумеративной функции вместе с тем обладают некоторыми свойствами языковых знаков и в определенной мере могут претендовать на статус терминов [Данилина 2023]. В синтагматическом плане для таких графем характерны три вида употреблений: в составе формул; в составе символ-слов [Даниленко 1977: 37], под которыми понимается объединение символа и слова в терминологическую или номенклатурную единицу с единым денотатом; независимое, при котором символ выполняет функцию члена предложения. В аспекте взаимодействия деривационной и лексической систем языка особое внимание следует уделить символ-словам, так как их свойства не изучались терминологами подробно.

Греческие графемы в составе символ-слов могут подвергаться систематической, а в ряде случаев и словарно фиксируемой синонимической замене своими алфавитными названиями: α Центавра, α частицы и Альфа Центавра, альфа-частицы. В физике словесные названия графем альфа, бета, гамма, омега используются в настоящее время чаще символьных, хотя еще в школьных учебниках 1970-х использовались символы. Остальные графемы сохраняют преимущественно символьную форму. В астрономии также наблюдается распространение словесных наименований (не только упомянутых, но и других), при том, что источники XX в. дают символьные. Наличие названий некоторых греческих графем в словарях общеупотребительного языка позволяет трактовать содержащие их термины как словосочетания (при отдельном написании) или сложные слова (при дефисном написании), что, в свою очередь, побуждает приписать аналогичный статус и символ-словам. Формирование терминологических словосочетаний характерно преимущественно для языка астрономии, композитов — для языка физики. Отличие словосочетаний от композитов проявляется также склоняемостью символзамещающего компонента. В астрономических терминах в синтаксической позиции, занимаемой обычно графемами, может появляться заимствование-лексема (Проксима Центавра). Для языка физики завершением логической цепочки может стать трактовка символов как аббревиатур своих

алфавитных названий, что представляется не таким уж абсурдным решением на фоне практически всеобщего аббревиатурного происхождения и мотивированности физических символов [Данилина 2023]. В пользу такой трактовки говорят и случаи безвариантного использования несимвольных имен в морфологической деривации (альфатрон, омегатрон, мюон).

Символьный компонент в составе символа-слов способен порождать словообразовательные термиогнезда. Первая ситуация: одно из символа-слов (и синонимичных композитов) становится вершиной гнезда, остальные могут быть истолкованы как его производные; деривационным средством выступает замена лексемного терминологического компонента. Цепочечные отношения: α -лучи $\rightarrow$ α -частицы $\rightarrow$ α -распад. Веерные отношения: γ -излучение $\rightarrow$ γ -квант, γ -спектрометр, гамма-всплеск. Вторая ситуация: алфавитное название символа становится базой для дериватов, образованных морфологическим способом, хотя символ в составе исходного термина не подвержен синонимической замене своим названием. Пример: μ -мезон $\rightarrow$ мюон $\rightarrow$ мюонография, мюонный.

Что касается алфавитных названий греческих графем в общеупотребительном языке, то для слов альфа и омега самый ранний и наиболее частотный контекст — библейское выражение. Именно выделившись из него, слово альфа получает метафорическое значение 'первый, самый значимый', которое в настоящее время активно эксплуатируется в ономастической номинации (Альфа-банк, Альфа-Центр здоровья, журнал Альфа и Омега, группа спецназа Альфа). Использование в ономастике слова омега (Омега-Клиник) призвано акцентировать конкурентоспособность объекта в сопоставлении с «альфа-эргонимами». В логотипах и эмблемах таких фирм используются греческие графемы, а не их названия, т. е. имеет место синонимия, подобная фиксируемой в языке науки. Названия других графем в ономастике редки.

Таким образом, в современном русском языке наблюдается варьирование символов-графем и их алфавитных названий в составе терминов и эргонимов, что способствует трансформации символа-слов в синтаксические или лексические единицы, закреплению в языке заимствованных морфем, пересмотру состава словообразовательных типов.

Литература

Даниленко В. П. Русская терминология. М.: Наука, 1977. 246 с.

Данилина Н. И., Данилин В. А. Мотивированность как свойство физических символов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 5. С. 1546–1552.

Лашина Ксения Сергеевна

аспирант, Тверской государственный университет;
ksenileni@gmail.com

СОСТАВ И СТРУКТУРА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА ИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: словообразовательный тип, морфонологическая модель, именованья лиц женского пола.

Данная работа является частью исследования словообразовательной категории (СК) «женскости» в современном русском литературном языке. Под СК понимается набор производных слов с однородным словообразовательным значением при различии формантов [Волков 1993: 77]. Множество производных, объединённых в СК, необходимо классифицировать в соответствии со словообразовательными типами (СТ). Для корректного выделения всех СТ нужно учесть основные принципы формирования СТ, заключающиеся в общности: а) части речи производящей основы; б) семантического соотношения между производными и производящими; в) способа словообразования и аффикса [Земская 2013: 190]. Следовательно, для установления СТ необходимо соотнести производное слово с производящим, проанализировать каждую словообразовательную пару (СП) или установить цепочку словообразования.

При выделении СТ обширных семантико-словообразовательных групп исследователь неизбежно сталкивается с тем, что СТ не является конечной единицей организации материала. СТ может содержать подтипы и различные морфонологические модели. Под термином «модель», в соответствии с определением Е. А. Земской, понимаем морфонологические разновидности внутри одного и того же СТ [Земская 2013: 201]. В то же время отметим, что словообразовательная модель может трактоваться и как «образец», служащий для производства новых слов. Термин «подтип» предлагаем использовать для обозначения структурных разновидностей в рамках одного и того же СТ. Использование словообразовательных подтипов и морфонологических моделей при описании состава СК и СТ отражает иерархичную структуру данных словообразовательных групп.

Цель доклада — описать состав и структуру СТ именованья лиц женского пола с суффиксом -к(а), образованных от имён нарицательных, в современном русском литературном языке. Данный СТ выбран неслучайно: он является наиболее обширным в рамках исследуемой СК «женскости». В соответствии с ним образуется 798 производных. Материал получен методом сплошной выборки из «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой (2002), далее из выборки были исключены все СП с пометами устар., стар. и прост., а также однокоренные производные (например: автотуристка при наличии лексемы туристка и т. п.).

СТ именованья лиц женского пола с суффиксом -к(а), образованных от имён нарицательных, отличается сложной структурой и имеет 3 подтипа.

К подтипу 1 относятся именованья женщин, образованные от непроизводных (пассажир пассажирка) и производных имён нарицательных (домосед домоседка) путём добавления к их основе суффикса -к(а). Также к данному подтипу относим именованья, мотивированные от имён нарицательных, имеющих суффиксоиды (востоковед востоковедка и т. п.). Именованья лиц женского пола, образованные в соответствии с данным подтипом, составляют 31,45% от числа всех производных данного СТ. В подтипе 1 выделяем 12 морфонологических моделей, сгруппированных по типу финального согласного производящего слова. Наиболее объёмной является группа именованья лиц женского пола, образованных от имён нарицательных, оканчивающихся на [т]: паразит паразитка, сосед соседка и т. п. Материалы исследования содержат 103 производных, что составляет 41,04% от числа всех именованья, мотивированных в соответствии с подтипом 1, и 12,91% от всех производных, относящихся к данному СТ. Продуктивность этой модели можно отчасти объяснить тем, что в ней содержатся схожие по финали слова. Например, образованные от нарицательных именованья, имеющих суффиксоиды -вед,

-вод, а также производные, образованные от имён нарицательных, оканчивающихся на: -ант (аспирантка), -аст (гимнастка), -ат (аристократка), -ент (интеллигентка), -ист (лингвистка). В данных случаях эти сочетания не являются суффиксами. Производство новых слов по аналогии, безусловно, можно считать одной из наиболее важных закономерностей при мотивации производных именовании лиц женского пола.

К подтипу 2 относятся производные именовании женщин, образованные путём добавления форманта -к(а) к уже имеющемуся у производящего слова суффиксу (стипендия стипендиат стипендиатка и т. п.). В материалах исследования содержится 452 производных, образованных в соответствии с данным подтипом (56,64 % от общего числа именовании, относящихся к СТ). В подтипе 2 насчитывается 30 морфонологических моделей. Наиболее продуктивной является модель образования от производящих с суффиксом -ист: финалист финалистка (282 производных именовании, что составляет 62,39 % от производных подтипа 2 и 35,34 % от всех именовании женщин, образованных согласно исследуемому СТ).

К подтипу 3 относятся производные именовании лиц женского пола, образованные путём чередования финального суффикса производящего слова и форманта -к(а): торговать торговец торговка и т. п. Производные, относящиеся к данному подтипу, составляют 11,93% от именовании СТ. Подтип 3 содержит 3 морфонологические модели, наиболее продуктивна модель, в рамках которой происходит чередование -ец // -к(а): комсомолец комсомолка и т. п. Именовании женщин, образованные по данной модели (69 ед.), составляют 72,63 % от всех производных подтипа 3.

На основе проведённого анализа можно с уверенностью сказать, что словообразовательная категория «женскости» является непростой для систематизации в связи с большим количеством моделей образования производных именовании женщин в современном русском языке. Наиболее сложным с точки зрения структуры является СТ, включающий в себя разнообразные модели образования именовании лиц женского пола при помощи форманта -к(а). Однако считаем, что без грамотно проведённой классификации материала невозможен его синтез. Соответственно, данная работа необходима для описания состава и структуры всего лексико-словообразовательного поля «женскости».

Литература

- Волков В. В.* Деадъективное словообразование в русском языке. Ужгород, 1993.
Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. М., 2013.

Островая Юлия Сергеевна

старший преподаватель,

Новосибирский государственный университет экономики и управления;

belovayuli@yandex.ru

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ УКАЗАНИЕ НА ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: наименования лиц по деятельности, формант — ш(а), ассоциативный эксперимент, абстрактивация, конкретизация.

В настоящее время в науке обсуждается вопрос об андрогенности языка и гендерной симметрии/асимметрии, в том числе в пласте наименований лиц по деятельности. Рассматривается вопрос об использовании имен существительных женского рода для референциального указания на лицо женского пола. Настоящим исследованием пытаемся проследить динамику функционирования парных обозначений женского труда на примере суффикса — ш(а) по материалам ассоциативного эксперимента.

Суффикс «-ш(а)» первоначально «со значением «жены какого-либо деятеля» появляется в петровскую эпоху, который был заимствован из нижненемецкого языка вместе с обозначением жен некоторых лиц мужского пола: *Doctorsche, Generalsche* [Беркутова 2019:13]. А уже «во второй половине XVIII в. словари фиксируют слова «музыкантша», «богатырша» со значением женской деятельности, а не обозначения жены по мужу» [Беркутова 2019: 13].

Сегодня различают следующие способы половой референции:

- 1) наименования по форме мужского рода (байкер — по отношению к женскому полу);
- 2) именованья по форме узуализированных женских номинаций со смещением семантики: гонщица; а также прочие дериваты (байкерка-байкерша).

По данным русских грамматик (1970, 1980) суффикс — ш(а) свободно присоединяется к существительным с основами на — р, — л, — н и на — нт, («редакторша, гастролёрша, миллионерша, музыкантша, учительша» — все разг.); Наряду с — ш(а) существует высокопродуктивный формант — к(а) и которому несвойственно присоединение суффикса к конечным слогам «-ор» или «-ер», если на них не падает ударение (кондитерка/профессорка).

С целью проследить динамику функционирования имен существительных женского рода для референциального указания на лицо женского пола с суффиксом — ш(а) был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие студенты в возрасте 18–21 года, процентное соотношение девушек и юношей (89,2% против 10,8%). Всего было получено 103 ответа. Эксперимент проходил в форме анкетирования. Респонденты должны были ответить на следующий вопрос: «Напишите первую, пришедшую в голову, ассоциацию на слово .....». Для ассоциативного эксперимента были отобраны 20 лексических единиц из Национального корпуса русского языка (критерий частотности в основе выборки): из них –10 маскулинных слов: 1) администратор; 2) библиотекарь; 3) бухгалтер; 4) дилер; 5) заместитель; 6) маляр; 7) музыкант; 8) редактор; 9) рэпер; 10) экскурсовод; и парные образования к ним: 1) администраторша; 2) библиотекарьша; 3) бухгалтерша; 4) дилерша; 5) заместительша; 6) малярша; 7) музыкантша; 8) редакторша; 9) рэперша; 10) экскурсоводша;

В качестве гипотезы исследования был выдвинут следующий тезис: Если наблюдается доминирование общего (профессионального) содержания над гендерным (специфичным), то реакции респондентов совпадают, и специфического (гендерного) — тогда отклики не совпадают. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Процент сходных и различающихся реакций респондентов

Стимульные (гендерные) пары	% сходных реакций	% различающихся реакций
1. администратор — администраторша	46,22	53,78
2. библиотекарь-библиотекарша	32,14	67,86
3. бухгалтер-бухгалтерша	31,82	68,18
4. дилер-дилерша	24,74	75,26
5. заместитель-заместительша	35,29	64,71
6. маляр-малярша	41,27	58,73
7. музыкант-музыкантша	23,3	76,7
8. редактор-редакторша	26,88	73,12
9. рэпер-рэперша	15,38	84,62
10. экскурсовод-экскурсоводша	28,57	71,43

Процент различающихся реакций в каждой паре доминирует над процентом сходных реакций, что говорит о более частотном использовании форм женского рода существительных для называния женщин в социуме. Этот факт подтверждает сформулированную нами гипотезу. Однако сфера их употребления ограничена, так как они или имеют в словарях помету «разговорное», или используются окказионально.

Более частое использование наименований женского рода при указании на лицо женского пола говорит о процессах конкретизации в языке.

Среди гендерных пар только в 2 (администратор — администраторша; маляр — малярша) мы наблюдаем примерно одинаковый процент сходных и различающихся реакций. Это говорит о конкуренции двух процессов: абстрактивации и конкретизации при референциальном указании на лицо женского пола. Процесс абстрактивации подразумевает использование родового понятия (администратор и маляр соответственно) при отсылке на женский труд. Процесс конкретизации в свою очередь указывает на использование парных обозначений женского труда при референции с лицом женского пола. Подобный процесс наблюдается у большинства стимульных пар (библиотекарь — библиотекарша; бухгалтер — бухгалтерша; дилер — дилерша; заместитель — заместительша; музыкант — музыкантша; редактор — редакторша; рэпер — рэперша; экскурсовод — экскурсоводша). Таким образом, респонденты отдают предпочтение наименованиям женского рода (в конкретном случае с суффиксом -ш(а)) и сегодня этот суффикс в большинстве случаев уже не имеет семантико-стилистических коннотаций.

Литература

- Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2018. № 11 (43). С. 6–22.
- Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26.
- Голев Н. Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник ТГУ. Филология. 2013. № 6. С. 14–28.
- Горбачук О. Ю. Отражение гендерно-родовых отношений в системе языка и метаязыковом сознании носителей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 20 с.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>
- Янко-Триницкая Н. А. Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 167–210.

Рязанова Валерия Александровна

*ассистент, Донецкий государственный университет;
ryazanova.v.a@mail.ru*

НАРУШЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ ПРИ РАСШИФРОВКЕ АББРЕВИАТУР КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ

Ключевые слова: синхронный подход, сложносокращённое слово, дешифровальный стимул, отступление от норм, словосочетание.

Согласно синхронно-эквивалентностному подходу к процессу универбализации, аббревиатуре на синхронном срезе языка могут быть эквивалентны сразу несколько словосочетаний. Под эквивалентностью понимается возможность использования в качестве абсолютных синонимов аббревиатуры и словосочетания, в которых формально выражены одни и те же компоненты (эти словосочетания называются синтаксическими эквивалентами сокращения). Такие единицы формируют гнезда эквивалентности аббревиатуры. Например, для сложного слова авиачасы обнаруживается 1 регулярный синтаксический эквивалент (авиационные часы), а для сокращения авиаспециалист насчитывается 11 синтаксических эквивалентов: авиационный специалист, специалист по авиации, специалист в области авиации, специалист по авиационной технике, специалист по авиатехнике, специалист по авиабезопасности, специалист в области гражданской авиации и т. д.

Возможность множественной расшифровки сокращения объясняется действием на гнездо эквивалентности дешифровальных стимулов (ДС). Термин был введён Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации для обозначения формы «представления сокращённого конструкта сложносокращённого слова в эквивалентном ей словосочетании» [Бровец 2023: 76]. Позднее было разработано более широкое понимание дешифровального стимула, согласно которому ДС — это имплицитные знания пользователя языка, которые стимулируют возможность развёртывания сложного слова в словосочетания тем или иным способом.

Идея о дешифровальных стимулах как об особых когнитивных навыках базируется на представлении носителей языка о том, что всякое сложное слово (в том числе номинативные единицы, похожие на сложные слова, но не являющиеся ими, например авиабилет и зоопарк) имеет расчленённый эквивалент. Это представление побуждает носителей языка развёртывать цельнооформленные конструкции в словосочетания на основе ранее усвоенных моделей расшифровок аббревиатур похожей структуры (так образуются регулярные расшифровки авиационный билет, билет на авиацию, зоологический парк). Анализ текстов, размещённых в сети Интернет, показал, что необходимость в использовании в одном контексте аббревиатуры и её расшифровок возникает довольно часто, что может быть обусловлено стремлением автора текста а) провести семантическое уточнение значения сокращения через словосочетание, б) разнообразить текст лексическими единицами и избежать повторов аббревиатуры. В этих случаях носитель языка применяет индивидуальные критерии возможных способов расшифровки отдельно взятого сложного слова.

При этом предполагается, что ДС носителей языка коррелируют с внешними, внеязыковыми факторами: с местом проживания, возрастом, полом, уровнем образования и сферой деятельности носителя языка, его социальным окружением и т. д. В результате обозначенных факторов в сознании каждого пользователя языка формируются уникальные парадигмы допустимых и недопустимых расшифровок сокращённых компонентов. Об этом свидетельствуют ситуации, когда пользователи языка видят незнакомую для них расшифровку и расценивают её как ошибочную.

Регулярно используемые синтаксические эквиваленты в ряде случаев действительно содержат непредсказуемые компоненты, нарушающие лексические, грамматические или синтаксические нормы. В связи с высокой частотностью употребления такие словосочетания вошли

в словник разрабатываемого под рук. В. И. Теркулова «Толкового словаря сложных слов русского языка» (далее — «Словарь») и получили лексикографическое описание.

В рамках исследования из эквивалентного блока «Словаря» были отобраны синтаксические эквиваленты, содержащие отклонения от языковых норм. На материале исследования обнаружены основные причины образования таких словосочетаний:

- Использование суффиксальных паронимов для подбора синтаксических эквивалентов. Носители языка зачастую не распознают различия в семантике паронимов и смешивают расшифровки (словосочетания драматический театр и драматургический театр используются для расшифровки сокращения драмтеатр).
- Смешение синтаксических эквивалентов аббревиатур-омонимов (автогидроподъемник — автоматический гидроподъемник и автомобильный гидроподъемник).
- Проблема с определением актантной роли признакового компонента. Носители языка развёртывают сложное слово таким образом, что ономаσιологический статус конструкта трансформируется в результате расшифровки (велошлем — шлем велосипедиста и шлем велосипеда).
- Трудности в понимании семантики сокращения также приводят к формированию ошибочных синтаксических эквивалентов (бронеснаряд — бронебойный снаряд и бронированный снаряд).
- Развёртывание заимствованных аббревиатур или сокращений по моделям исконных языковых единиц без учёта особенностей семантики заимствования: (для заимствования графоанализ образовался регулярный эквивалент анализ графики, хотя сокращение переводится буквально как 'анализ почерка').

Существование таких синтаксических эквивалентов свидетельствует о том, что носители языка прибегают к индивидуальным схемам расшифровки сокращений, а не ограничиваются использованием кодифицированных форм, которые можно получить из словарей сокращений и справочников. Проблема стихийного развёртывания аббревиатур, которое базируется на индивидуальном когнитивном опыте, требует дальнейшего исследования.

Литература

Бровец А. И., Теркулов В. И. Дешифровальный стимул как основа синхронного подхода к аббревиации в условиях конситуативного семиозиса // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* 2023. № 1. С. 70–80.

Станкус Екатерина Николаевна

ассистент, кафедра русского языка, Донецкий государственный университет;
e.n.mikhailova@mail.ru

ПСЕВДОУНИВЕРБАЛИЗАЦИЯ РЕЛЯЦИОННЫХ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ

Ключевые слова: универбализация, псевдоунивербализация, сложнокращённое слово, реляционный дешифровальный стимул.

Традиционный подход к изучению сложнокращённых слов (ССС) предполагает, что все аббревиатуры являются продуктом универбализации — процесса сворачивания словосочетания в сложное слово. Однако В. И. Теркуловым было обнаружено обратное явление, т.н. псевдоунивербализация — развёртывание словосочетания на базе уже существующей аббревиатуры [Теркулов 2016: 39]. Этот процесс осуществляется как на базе ССС, возникших путём квазиунивербализации (присоединения абброконструкта непосредственно к производящему слову), так и на базе универбатов — единиц, образованных в результате универбализации. Например, ССС газохранилище — результат квазиунивербализации, так как это слово образовано присоединением морфематизированного абброконструкта газо к субстантиву хранилище. Квантитативный анализ показал, что все эквиваленты псевдоунивербализованы: ► 10: хранилище газа, газовое хранилище; 50: хранилище для газа; 100: хранилище газов, хранилище газового конденсата.

Объектом исследования выступают реляционные дешифровальные стимулы (РДС) — модель дешифрования ССС, реализующая их актантную и актантно-числовую семантику, например: абонбилет — билет абонента. ССС газочувствительность — продукт универбализации, так как оно возникло в результате шифрования (сворачивания) словосочетания чувствительность к газам, что подтверждает баланс индексов ◀ 1. Однако последующие эквиваленты — вторичны по отношению к первому, поскольку возникли путём дешифрования ССС номинатемы: ► 10: газовая чувствительность, чувствительность к газу. Это подтверждает тот факт, что псевдоунивербализационные РДС являются вторичными по отношению к универбализационным. Мы выделяем два типа псевдоунивербализации в зависимости от её источника:

1. Мнимая псевдоунивербализация — группа эквивалентов, возникших в результате дешифровки квазиунивербализационных ССС. В гнезде эквивалентности (ГЭ) — совокупности расшифровок, вступающих в эквивалентные отношения со ССС — они располагаются в порядке возрастания, как, например, в ГЭ ССС газопоглотитель: ► 10: поглотитель газов; 20: поглотитель газа; 50: газовый поглотитель.
2. Собственно псевдоунивербализация представлена в виде ССС, разворачиваемых в эквивалентные словосочетания различных ономаσιологических типов. Единицы, образованные путём псевдоунивербализации, вторичны по отношению к словосочетаниям, ставшим источником шифрования ССС.

В рамках этой псевдоунивербализации мы выделяем следующие типы РДС:

- Актантно-числовые — вторичные эквиваленты, возникшие путём развёртывания ССС и имеющие числовое противопоставление в универбализационной эквивалентности. Например, ГЭ ССС альпоборудование выглядит следующим образом: ◀ 0,01: оборудование для альпинизма; 0,1: альпинистское оборудование, оборудование для альпинистов; 1: оборудование альпинистов ► 10: оборудование альпиниста, оборудование альпинизма. Эквивалентное словосочетание оборудование альпинистов первично по отношению к оборудованию альпиниста, являющееся псевдоунивербализованным РДС. Можно предположить, что ССС альпоборудование было создано для обозначения оборудования какого-либо объединения людей (мн. ч.), а для определения личной экипировки субъект речи развернул представленное ССС в форме ед.ч.

- Актантно-числовые припредложные — характеризуются наличием актантно-числовой семантики РДС во всех формах числа. Наличие предлога указывает на ономаσιологические признаки, реализующие актантную семантику ССС. Например: бензоцепь — цепь в бензопиле (локатив), цепь для бензиновой пилы (дестинатив), бензиновая цепь (поссив).
- Семантические — вторичные эквиваленты по отношению к универбализационным, чей план содержания расширяет или уточняет значение главного слова (ономаσιологический базис). Например, ГЭ ССС авиадетали выглядит так: ◀ 1: детали для авиации ▶ 10: авиационные детали, детали для авиационных двигателей, детали для авиационной техники, детали для авиатехники; 20: детали для авиамоделей, детали авиационного двигателя; 30: детали авиационных конструкций; 40: детали для авиапромышленности; 50: детали для авиамоделирования; 90: детали авиалайнеров. Эквивалент детали для авиации под реперной точкой меньше единицы первично по отношению к остальным словосочетаниям. Все псевдоунивербализационные РДС усложняют семантику ССС.

Псевдоунивербализация обусловлена следующим:

1. Заполнение эквивалентных лакун в словообразовательной парадигме квазиунивербатов. Например, эквивалент газовое обеспечение ССС газообеспечение отмечается в поисковых машинах в 10 раз реже слова, что косвенно может свидетельствовать в пользу его вторичности по отношению к слову. Во-вторых, слово (базис) обеспечение образовано от глагола СВ (обеспечить) и имеет конкретно-фактическое, а не длительно-процессуальное значение, обнаруживаемое в слове газообеспечение. В рассмотренных нами текстах словосочетание с ономаσιологическим базисом обеспечение имеют именно конкретно-фактическую семантику: обеспечение государством, обеспечение жизнедеятельности (результат сохранения и нормального протекания жизни) и другие. Следовательно, газообеспечение — квазиунивербат, который образовался от слова обеспечение при помощи композитной морфемы газо-, а словосочетание обеспечение газами — вторичная конструкция, развёрнутая на его базе для заполнения эквивалентностной лакуны.
2. Реализация языковой компетенции носителя языка или сложившейся языковой картины мира также способствует вторичному развёртыванию как универбатов, так и квазиунивербатов. Например, аббревиатурный универбат домовладелец, образованный от словосочетания владелец дома, получает эквивалент владелец домашнего хозяйства по причине существующего в сознании носителя языка стереотипа замены абброконструкта дом-субстантивным словосочетанием домашнее хозяйство (владелец домашнего хозяйства), а эквивалент владелец домов — в результате конкретизации значения ДС.

Таким образом, универбализация и псевдоунивербализация РДС является продуктивным способом как шифрования, так и дешифрования семантики ССС.

Литература

Теркулов В. И. Универбализация, квазиунивербализация, псевдоунивербализация: определение терминов // Наука и мир в языковом пространстве: сб. тр. науч.-практич. конф. Макеевка: ДОННАСА, 2016. С. 37–41.

Теркулов Вячеслав Исаевич

д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой,
Донецкий государственный университет;
terkulov@rambler.ru

ИНИЦИАЛЬНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ КАК ФОРМАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

Ключевые слова: инициальная аббревиация, формально-ономасиологический класс.

Работа посвящена определению базовых характеристик инициальных аббревиатур как формально-ономасиологического класса, выделяемого на основе констатации тождества у входящих в него единиц тождественного мотивационного типа семантических отношений между производящей и производной единицами, механизма и средства словообразования. Считать все указанные единицы разновидностями одного явления позволяет нам то, что их возникновение имеет в своей основе процесс универбализации (механизм), то есть процесс эквивалентностной (семантические отношения) трансформации словосочетания в слово, осуществляемый путём реального сокращения слов исходного словосочетания до их первых букв или звуков. В первом случае речь идёт об алфавитизмах, например ЦДЛ [цэ-дэ-эл] (Центральный дом литераторов), а во втором — об акронимах, например БАК [бак] (бесшумный автоматный комплекс). Иногда отмечается комбинация алфавитизации и акронимии (гибридная инициальная аббревиация), например ЦДКА [цэ-дэ-ка] (Центральный дом Красной армии).

Основные признаки инициальной аббревиации определяются следующим образом.

1. Конструкты инициальных аббревиатур не могут определяться как абброморфемы, поскольку они не обладают главным признаком морфем и других морфематизированных единиц: они не воспроизводятся, как это происходит с конструктами слоговых и частично сокращённых нарицательных аббревиатур, а каждый раз создаются в результате сокращения слов производящего словосочетания. Мы используем для обозначения конструктов акронимов, алфавитизмов и гибридных инициальных аббревиатур термин «инициальный конструкт». Выбор типа инициального конструкта (звук или буква) часто труднообъясним. Иногда одно и то же сочетание конструктов может трактоваться в одних случаях алфавитно, а в других — акронимно.

2. Универбализации при инициальной аббревиации может быть подвергнуто любое словосочетание, в отличие, например, от универбализации при образовании слоговых и частично сокращённых нарицательных аббревиатур, которые возникают в результате использования в качестве заместителя исходных компонентов словосочетания уже готовых, а значит формально ограниченных условиями эквивалентной замены абброконструктов. По нашим подсчётам в языке существует не более 800 абброконструктов, могущих замещать в неинициальных аббревиатурах не более 800 слов и производных от них, например авто-, втор-, гуж-, пионер- и под.

3. Инициальные аббревиатуры обычно имеют единственную мотивацию, то есть являются эквивалентными, как в диахронии, так и в синхронии, единственному словосочетанию. Исключения связаны с формальной вариативностью производящего словосочетания, когда все его реализации имеют абсолютно тождественное значение, например АПК (аграрно-промышленный комплекс и агропромышленный комплекс). Ситуации параллельной семантической интерпретации одного референта в эквивалентах отмечаются крайне редко. Например, аббревиатуре САД соответствуют эквиваленты система автоматизированного документооборота с объектной семантикой и система автоматизации делопроизводства с процессуальной семантикой. Как игровое средство используется процедура дезаббревиации, то есть шуточной альтернативной дешифровки аббревиатуры. Например, ГПТУ — «государственное профессиональное техническое училище» дезаббревиационно дешифруется как Господи! Помогите, тупому учиться.

4. Инициальная аббревиатура имеет затемнённую внутреннюю форму. Это обусловлено, во-первых, малой информативностью инициальных конструктов, а во-вторых, тем, что инициальной аббревиации часто параллельно подвергаются разные, семантически не связанные

словосочетания, слова, входящие в структуру которых, начинаются с одних и тех же звуков или букв, что приводит к формированию инициальной омонимии. Например, аббревиатуре ГК эквивалентны словосочетания государственный контракт (и сложносокращённое слово госконтракт), генеральное консульство (и сложносокращённое слово госконсульство), гандбольный клуб, государственное казначейство, геополитический кризис, генератор контроля, газоносный комплекс и т. д. (59 соответствий).

Исследование структурных, семантических и ономаσιологических характеристик инициальных аббревиатур необходимо для создания идеологии формирования словарных статей Толкового словаря инициальных аббревиатур, поскольку, по нашему мнению, описание аббревиатурных единиц должно строиться релевантно данным характеристикам. На данный момент созданы шаблоны дескрипции сокращений инициального типа:

ААВ [а-а-вэ] м., нескл., [а-áv] м., -а Терм.: воен., авиа. Вид авиационного вооружения, в состав которого входят авиационные пушки и пулеметы с их установками, боеприпасы к ним, прицельные и другие обеспечивающие системы, устанавливаемые на летательных аппаратах
* Авиационное артиллерийское вооружение / (непр.) Артиллерийское авиационное вооружение1: Увеличение скоростных и маневренных характеристик отечественных и зарубежных самолетов, а также их вооружение в целях обороны крупнокалиберными пулеметами и пушками привело к резкому снижению эффективности ААВ истребителей — Авиационное артиллерийское вооружение (ААВ) совершенствовалось в направлениях увеличения начальной скорости снаряда (от 700 до 1000 м/с), калибра (от 7,62 до 45 мм) и темпа стрельбы (от 200–300 до 6000–9000 выстрелов в минуту)(<http://www.missiles.ru/arh-reviews.htm>)

Суп. Авиационное стрелково-пушечное вооружение, АСПВ.

1Отмечаемый в некоторых текстах дублет Артиллерийское авиационное вооружение является вторичным и неправильным, поскольку имеет внутреннюю форму, противоречащую значению аббревиатуры ААВ. Если Авиационное артиллерийское вооружение– это артиллерийское вооружение, предназначенное для авиации, то Артиллерийское авиационное вооружение должно трактоваться как авиационное вооружение, предназначенное для артиллерии, что не соответствует действительности.

В последующих работах предполагается подробное описание каждой из структурных, семантических и ономаσιологических характеристик инициальных аббревиатур.

Халабузарь Алла Олеговна

*ассистент, Донецкий государственный университет;
stebuki@yandex.ru*

О МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ АББРОКОНСТРУКТА «АВИА»

Ключевые слова: абброконструкт, сложносокращённое слово, значение, презентатив, релятив, модификатив.

Работа посвящена определению принципов описания семантики абброконструкта на примере абброконструкта «авиа». Под абброконструктом понимается «сокращённый неинициальный, то есть включающий в свой состав как минимум две фонемы, компонент сложносокращённого слова, выступающий в качестве эквивалента какой-либо лексемы мотивационно связанного с данным словом словосочетания» [Смирнова, Теркулов 2022, с. 29]. Традиционно значение абброконструкта, в нашем случае авиа, трактуется именно через отсылку к эквивалентному слову. Например, в словаре С. И. Ожегова: *Авиа...* Первая часть сложных слов со знач. относящийся к авиации, авиационный, напр. авиабаза, авиабомба, авиадесант, авиаконструктор, авиатехник, авиатранспорт, авиасвязь, авиалиния, авиасъёмка, авиачасть, авиатрасса, авиаприборы, авиапромышленность, авиабилет, авиапассажир [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/2914>].

Вполне очевидно, что отсылка к эквиваленту не решает проблемы: нам каждый раз приходится не просто констатировать связь с эквивалентом, но и интерпретировать эту связь, поскольку, например, значение авиа в слове авиадесант трактуется как «использующий авиацию», в слове авиатрасса — как «используемая авиацией», а в слове авиабаза — как «предназначенная для авиации» и т. д. Таким образом, необходимо при описании абброконструкта заменить отсылку к эквиваленту на полноценную трактовку набора значений, что сделано, например, в [Козулина, Левашов, Шагалова 2009], где отмечаются значения (1) «относящийся к авиации, к летательным аппаратам; авиационный», (2) «относящийся к самолётам, вертолётам, связанный с их производством, эксплуатацией», (3) «связанный с авиационным полётом, с воздушным сообщением, «осуществляемый с помощью авиации», (4) «относящийся к тем, кто связан с авиацией, с ее эксплуатацией, обслуживанием» [Козулина, Левашов, Шагалова 2009, с. 11–12]. Здесь, правда, есть некоторые сложности. Во-первых, значение (1) может вполне удачно заменить все остальные, во-вторых, нам и эти значения кажутся несколько «размытыми», что делает их малоинформативными и перемежающимися. Например, авиа в слове авиаформирование может трактоваться и как (1) «авиационное формирование», и как (2) «формирование, связанное с эксплуатацией самолётов», и как (3) «формирование авиаторов». Но самое главное заключается в том, что абброконструкт трактуется в данной работе как аффиксоид, что нам представляется ошибочным (см. о различии аффиксоидов и абброконструктов — [Емельянова 2020]), поскольку в отличие от аффиксоида, имеющего обобщённую семантику, абброконструкт разворачивается в слова и, следовательно, имеет в качестве эквивалента слово, а часто и не одно слово. Например, для сложносокращённого слова авиатопливо нами обнаруживаются эквиваленты авиационное топливо, топливо для авиации, топливо для авиационных двигателей, топливо для авиалайнеров, топливо для авиадвигателей.

Наличие большого количества эквивалентов у одной аббревиатуры обусловлено тем, что абброконструкт в процессе своей эксплуатации обростаёт большим количеством трактовок, получивших у в теории Донецкой дериватологической школы название дешифровальных стимулов (ДС). Нами разграничиваются два типа представления ДС — токенированное, то есть, собственно, речевое, конкретное, в форме, используемой для дешифровки, например авиатехники (авиавооружение — вооружение авиатехники); авиатехникой (авиаснабжение — снабжение авиатехникой); для авиатехники (авиаангар — ангар для авиатехники); по авиатехнике (авиаспец — специалист по авиатехнике), и леммное, то есть обобщённо-словарное, в этом случае — Авиатехника, -и, ж. «Совокупность летательных аппаратов, их бортового оборудования

и агрегатов, двигателей, авиавооружения и авиационных средств спасания». Дешифровальные стимулы могут быть трех типов: презентативные, осуществляющие малоинформативную адъективную трактовку аббревиатуры, например авиатендер — авиационный тендер, релятивные, производящие актантно-числовую интерпретацию слова, например авиасвязь — связь для авиации (дестинативное значение) и связь в авиации (локативное значение), и модификативные — используемые для альтернативной трактовки с включением не обнаруживаемых в аббревиатуре элементов, например авиасборка — сборка авиадвигателей.

А. А. Лашко выдвинула идею использования релятивных и модификативных токенов для интерпретации и описания значений презентатива и абброконструкта (см. [Лашко 2022]). Например, для интерпретации слова авиашум — авиационный шум используется релятивный токен от авиации (шум от авиации): Авиашум: его влияние на сердце и сосуды — Шум от авиации может вызвать различные проблемы со здоровьем (<https://yagb2.ru/page/aviashum-opasnost-dlja-serdca-i-sosudov-prichiny-i>). Учёт этого ДС позволяет вывести значение «производимый авиацией», обнаруживаемый также в словах с эквивалентным токеном авиацией: авиапереброска (переброска авиацией), авиадоставка (доставка авиацией) и т. д.

В докладе показывается, каким образом могут быть интерпретированы значения абброконструкта авиа на основе токенов леммы авиация.

Литература

- Емельянова К. Ю.* Абброконструкт и аффиксоид: к вопросу о связи понятий // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2020. № 3–4. С. 126–132.
- Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н.* Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / отв. ред. Е. А. Левашов. СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.
- Лашко А. А.* Методика определения системы значений абброконструкта // Новые горизонты русистики. 2022. № 18. С. 31–36.
- Теркулов В. И., Смирнова И. Р.* Абброконструкт: принципы определения и описания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2. С. 28–42.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Васильева Анастасия Владимировна

*канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры дизайна,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st057521@spbu.ru*

НИР В МАГИСТРАТУРЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННОГО СТУДЕНТА-НЕФИЛОЛОГА

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, интерактивное обучение, русский язык как иностранный.

Начиная с 2021–2022 уч. г. на ООП «Дизайн среды» при работе с иностранными студентами на курсе *Производственная практика (научно-исследовательская работа)* ставится двойная цель: во-первых, овладение основами научно-исследовательской работы в сфере дизайна среды и теоретическое обоснование итогового проекта, во-вторых, совершенствование владения русским языком.

Курс организован таким образом, что все задания, выполняемые студентами, нацелены на успешное написание и защиту ВКР. В то же время, выполняя предлагаемые преподавателем задания, у иностранных студентов формируется профессионально-коммуникативная компетенция на русском языке.

Для успешного достижения целей курса используется интерактивное обучение (далее ИО). Согласно выявленной эволюционной последовательности возникновения и развития ИО [Васильева 2020], в процессе обучения должны последовательно реализовываться следующие виды познавательной активности (далее ПА) — речевая, практическая, игровая, проблемная, творческая и эвристическая.

Реализация речевой ПА начинается на первом, вводном занятии по НИР, в ходе которого происходит знакомство со студентами, каждый из которых рассказывает о себе, о мотивах обучения в магистратуре и своих профессиональных интересах; обсуждаются вопросы, связанные с тем, что такое НИР, чем отличается магистерская ВКР от бакалаврской, требования к магистерской ВКР, что такое научное исследование, как проводится научное исследование и т. п. Студенты активно пользуются интернетом (ссылкой на базу с магистерскими ВКР прошлых лет) и опираются на предыдущий опыт обучения, полученный при написании бакалаврской ВКР.

На следующем этапе, практической ПА, применяется метод «перевернутый класс» (предварительная самостоятельная проработка части материала). Для иностранных студентов это, в первую очередь, работа со снятием языкового барьера (лексических, фонетических и грамматических сложностей). Важнейшими темами на этом этапе становится работа с библиографическими источниками (работа в электронных базах данных, поиск литературы, оформление библиографических ссылок и списка литературы) и знакомство с научным аппаратом и научными методами. В ходе таких заданий у иностранных студентов начинает формироваться лингвистическая компетенция.

Этап игровой ПА — это переходный этап между вводной и основной частью курса, на котором происходит развитие полученных навыков и умений. Самым сложным для иностранных

Ответственные редакторы: д-р филол. наук *Н. А. Любимова*, д-р филол. наук *Л. В. Московкин*.

студентов является понимание связей между компонентами научного аппарата и правильное формулирование на русском языке гипотезы, цели, задач и т. п. Для снятия сложностей предлагается игровое задание, в ходе выполнения которого студенты тренируются на «жизненных» ситуациях: группа делится на 2 или 3 подгруппы и каждой подгруппе предлагается расписать цель, задачи и результаты для, например, *поездки в другой город*. Другими сложными понятиями являются актуальность и проблематика. В качестве задания на отработку предлагается использовать прием «мнение экспертов» или «дебаты». Выбираются темы, связанные со специальностью студентов, но по сложности решения относящиеся к уровню бакалавриата, например, *«школа в новом микрорайоне»*. Задача одной группы — описать актуальность, другой — указать на проблемы. Учитывая тот факт, что студенты выступают в роли специалистов в своей области (дизайн среды), то в ходе обоснования своих точек зрения происходит овладение дискурсивной компетенцией.

На этапе «проблемная ПА» студенты начинают работать над собственной ВКР. Основными задачами становятся: отбор источников литературы по теме ВКР, работа со статьями, обоснование актуальности, описание научного аппарата и структуры ВКР, выбор аналогов. Аудиторная работа здесь также строится в интерактивном режиме: студенты работают в парах или мини группах, часть занятий проходит в форме мастер-классов, проводятся выступления по итогам проделанной работы с разбором и обсуждением результатов.

На этапе «творческая ПА» задачами является написание текста статьи, тезисов для конференции, текста параграфов ВКР. Каждое занятие начинается с устного отчета о проделанной работе, ответов на вопросы и разбора полученных за неделю результатов.

Таким образом, использование ИО в ходе реализации курса по НИР позволяет максимально вовлечь иностранных студентов в речевую активность на занятиях, задействовать межпредметные и междисциплинарные связи, а также интегрировать компетенции, которые студенты получают на спецпредметах и в ходе занятий по РКИ.

Литература

Васильева А. В. Выявление эволюционной последовательности возникновения и развития интерактивного обучения // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. Т. 6, № 4. С. 58–71. DOI: 10/18413/2313-8971-2020-6-4-0-5.

Вахрушева Мария Александровна

канд. филол. наук, ассистент центра «Русский язык как иностранный»,
Национальный исследовательский университет МЭИ;
vahrusheva.mariya@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ МЕХАНИЗМАМ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Ключевые слова: рационализация, механизмы рационализации, эмоциональная речь, РКИ.

Эмоциональность принято рассматривать в качестве одной из ярких особенностей русской коммуникативной культуры, поэтому изучение русского языка как иностранного немыслимо без постижения его эмотивного кода и вербальных форм эмоционального взаимодействия в обществе [Вахрушева, Ионова 2021: 4].

Ранее авторами статьи было разработано учебно-методическое пособие для преподавателей РКИ, направленное на повышение уровня теоретической подготовки в сфере лингвистики эмоций. Однако, на наш взгляд, необходимо актуализировать вопрос разработки пособия, направленного непосредственно на обучающихся, посвященного обучению выражению эмоций на русском языке. Анализ современных пособий и учебников по РКИ демонстрирует проблему представления эмоционального аспекта русского языка иностранным обучающимся. В образовательных материалах не учитываются достижения в области лингвистики эмоций последних десятилетий, за которые выработан инструментарий, позволяющий описывать и разрабатывать новые понятия, имеющие отношение к эмоциональным коммуникативным ситуациям и речевому поведению человека. Так как, по нашему мнению, преподавание иностранных языков, включая РКИ, должно быть актуализированным, то возникает проблема нехватки материалов, отвечающих современным требованиям.

Так, одним из актуальных понятий сегодня признан «эмоциональный интеллект» — «набор навыков, имеющий отношение к точной оценке своих и чужих эмоций, а также выражению своих эмоций, использованию эмоций и эффективному регулированию своих и чужих эмоций» [Mayer, Salovey 1997: 189]. Эмоциональный интеллект называют предиктором профессионализма во всех сферах, связанных с коммуникацией, т. е. в целом можно говорить о всеобъемлющей актуальности данного понятия, включающего в себя несколько компонентов. В теориях зарубежных и отечественных исследователей выделяются разные составляющие, однако общим элементом в большинстве концепций эмоционального интеллекта является рационализация. Ранее было предложено следующее определение рационализации — «важнейший когнитивный компонент эмоционального интеллекта, функционирование которого заключается в осознанном выборе средств выражения эмоционального состояния коммуниканта для его объективации, снижающих или полностью нейтрализующих интенсивность оценки происходящего, цель которого заключается в соблюдении норм статусного общения и нежелании нарушать их во избежание коммуникативных конфликтов различного характера» [Вахрушева 2023: 79].

Так как в процессе преподавания РКИ обучающихся готовят не только к бытовой коммуникации, им необходимо знать, как выражать эмоции в официальных ситуациях. Для этого необходимо понимать функционирование механизмов рационализации эмоциональной речи. Нами выделяется 4 механизма: когнитивный, содержательный, формальный, коммуникативный [Вахрушева 2023]. Каждый из них связан с определенной трансформацией: когнитивный — с рефлексией и вербализацией, содержательный — с модификацией содержания высказывания, формальный — с выбором наиболее подходящей формы высказывания, коммуникативный — с регулированием речевого поведения в целом.

Рассмотрим единичные примеры возможных заданий. Так как когнитивный механизм предполагает осмысление испытываемой эмоции, то обучающимся можно предложить обсудить ситуации и способы эмоционального реагирования на них (степень сложности ситуаций и способов выражения эмоций варьируется в зависимости от уровня владения языком). Например:

Максим неожиданно встретил на улице друга, которого давно не видел (Ого! / Ничего себе! / Сколько лет, сколько зим! / Ба! / Какие люди! / Рад тебя видеть!)

Вы получили оценку «отлично» за экзамен, к которому не готовились (Как неожиданно! / Как я удивлён! / Как я рад! / Какой сюрприз!)

Студент должен декодировать, что в таких ситуациях говорящий испытывает такие эмоции, как удивление и радость. В зависимости от типа коммуникации (бытовая, официальная) необходимо варьировать степень интенсивности выражаемых эмоций.

В задании «Озвучиваем речь» студентам выдаются карточки с изображением эмоциональных ситуаций с участием людей различных профессий. Обучающимся необходимо озвучить героя, учитывая особенности языка профессионального дискурса. Внимание студентов привлекается к таким качествам вербализованных эмоций, как их интенсивность и экспрессия речи.

Необходимо также научить механизмам работы над содержанием высказывания. Одним из приёмов является логическая конкретизация эмоций, поэтому можно предложить задание «Объясни» для тренировки придаточных причины. Студентам необходимо объяснить, почему они испытывают ту или иную эмоцию: *Я рад, потому что...*

В рамках работы над формами высказывания студенты знакомятся в том числе с метафорическим представлением эмоций, поэтому студентам можно предложить нарисовать образы базовых эмоций, как «радость», «злость» и т. д.

Коммуникативный механизм связан с приёмами коррекции и самокоррекции. Благодаря методу кейсов со студентами можно разобрать, как бы они отреагировали в той или иной ситуации. Например: *На защите дипломной работы ваш оппонент задал вопрос не по вашей теме. Вы сильно растерялись, но все равно должны продолжить выступление. Как ему ответить?*

Таким образом, обучение выражению эмоциональному состоянию может строиться на концепции освоения механизмов рационализации эмоциональной речи, способствующей повышению не только уровня русского языка и культуры жизни в русском социуме, но и уровня эмоционального интеллекта в целом, что также отвечает современным требованиям, предъявляемым к специалистам разных сфер. Знания, полученные в ходе освоения русского языка, пригодятся и в обычной жизни.

Литература

Вахрушева М. А., Ионова С. В. Эмоциональная коммуникация на русском языке. Учебно-методическое пособие по РКИ. М.: Мир науки, 2021. URL: <https://izdmn.com/PDF/49MNNPU21.pdf>

Вахрушева М. А. Лингвистические механизмы рационализации эмоциональной речи (на примере педагогического дискурса): дис. ... канд. филол. наук. М.: Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. 171 с.

Mayer J. D., Salovey P. What is emotional intelligence? // P. Salovey, D. Sluyter (eds). Emotional development and emotional intelligence: educational implications. New York: Perseus Books Group, 1997. P. 189.

Го Ваньтин

аспирант, Высшая школа менеджмента,
Санкт-Петербургский государственный университет;
uuenting04@qq.com

ПОНИМАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИЕЙ

Ключевые слова: эвфемизм, обучение русскому языку как иностранному, военный лексикон, культурный контекст.

Согласно исследовательскому проекту Project Atlas, за 2022 год Россия заняла 6-е место в мире по привлечению иностранных студентов. По прогнозу Минобрнауки России количество иностранных студентов в российских вузах вырастет до 435 тыс. человек к 2030 году. Роль русского языка как иностранного становится все более значимой, поскольку все больше иностранных студентов заинтересованы в получении образования в России.

Изучение языка занимает важное место в жизни и учебе иностранных студентов. Задача иностранцев при изучении русского языка заключается не только в усвоении лексики и синтаксиса, но и в понимании русского контекста и социальных табу. Клэр Крамш подчеркивает существование неразрывной связи между обучением языку, контекстом и культурой, поскольку язык является выражением личного смысла и в то же время отражением социального порядка [Kramsch, 1993: 10].

Понимание эвфемизмов — эффективный способ узнать русского контекста и социальных табу. Этот термин происходит от греческого εὐφῆμι, что переводится как «благоречие». По мнению Д. Н. Шмелева, эвфемизмы — это «слова и выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [Шмелев 1979: 82]. Кроме того, приравнивают эвфемизмы к табуированным словам. Варбот определяет эвфемизмы как «Для замены табу слов нужны другие слова — эвфемизмы [Варбот, 1997: 552].

В целом, эвфемизмами называют нейтральные слова или выражения, которыми заменяют грубую, неуместную или непристойную лексику. Они помогают сгладить резкие фразы так, чтобы слушатель или читатель понял их истинный смысл. При изучении русского языка как иностранного, использование эвфемизмов может облегчить неловкость взаимного диалога. Это не только покажется слушателю очень естественным, но и продемонстрирует вежливость говорящего. Важно ознакомить студентов с понятиями языковых табу и эвфемизмов и их взаимосвязью.

Отсутствие такого понимания в повседневном общении может привести к недопониманию в некоторых специальных случаях и даже к восприятию невежливости речи со стороны собеседника. Однако существующие педагогические подходы, как правило, игнорируют важность эвфемизмов, фокусируясь в основном на грамматике и лексике. Это затрудняет их возможность полноценно участвовать в коммуникативных процессах с носителями языка.

Углубление знаний о русском контексте и социальных табу — важный вопрос, который необходимо учитывать в практике преподавания русского языка как иностранного. Перед нами стоит задача — как научить эвфемизмам?

Сегодня эвфемизация рассматривается в двух аспектах — широком и узком. Широкий подход, связанный с лингвокультурологией и онтологией языка, изучает эвфемизацию с точки зрения референциального манипулирования, то есть изменения фокуса языковой личности на денотат, что включает номинативно-оценочное варьирование. В общем, эвфемизмы (в таком понимании) используются для скрытия отрицательных аспектов явления. Узкий подход к эвфемизации можно считать традиционным и лингвистическим. При таком подходе анализ

эвфемизмов и эвфемистического способа номинации осуществляется в двухсловарных пространственных измерениях — лексикоцентрическом и текстоцентрическом.

При использовании эвфемизмов в преподавании русского языка как иностранного можно сочетать широкий и узкий подход [Сахно, 2006: 49]. В широком смысле важно показать учащимся, почему использование таких эвфемизмов необходимо и почему оно приводит к такой оценке вопроса, что помогает им лучше понять культурную логику народа. Такой подход эффективен для объяснения политико-исторического контекста. Например, в политическом дискурсе эвфемизмы как зажигательные (связанные с борьбой) символы воплощают тактику мобилизации, борьбы за завоевание общественного мнения для позитивного изменения статус-кво, несанкционированные действия и т. д. Эти косвенные номинации включают имплицитную пропозицию, которая переходит в прагматическую сферу семантики эвфемизмов и заставляет говорящего отказаться от прямой номинации.

В узком смысле, то есть при изучении лексики и текстов, студентам объясняют, где существуют эвфемизмы. В повседневной жизни существуют следующие наборы типичных эвфемизмов: (1) о смерти и болезни, например: «уснуть вечным сном», «уйти от нас», «отдать душу Богу» и т. д., чтобы выразить сожаление о покойных; (2) о физиологических состояниях, как «идти туда, куда ходит король пешком», «выйти по нужде» для этого. (3) о профессиях. В русском языке есть похожие выражения, такие как «няня» и «домоводство», которые имеют схожие значения. Эти косвенные слова носят более позитивный характер. Такой подход к изучению текста по категориям подходит для коммуникативного обучения языку, где впечатления учащихся углубляются благодаря классификации эвфемизмов и пониманию контекстов, в которых они используются.

Эвфемизмы, которые являются не только словарными единицами, но и отражениями контекста, способствуют реализации конечной цели обучения русскому языку как иностранному — межкультурной коммуникации. На более глубоком уровне это также помогает иностранным студентам интегрироваться в культурное сообщество, как продемонстрировал Бурдые в исследованиях в области социологии, в которых каждый социальный класс имеет свои собственные привычки и специфическое использование языка. Понимание эвфемизмов и специфических табу языка — необходимый шаг для более эффективного общения и взаимодействия.

Литература

- Варбот Ж. Ж.* Табу // Русский язык: Энциклопедия. 1997. С. 552.
- Сахно О. С.* Эвфемистический потенциал фразового наименования в русском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 14. С. 49–53.
- Шмелёв Д. Н.* Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия. 1979. С. 806.
- Kramsch C.* Context and Culture in Language Teaching. Oxford: Oxford University. 1993. P. 10.

Голубева Анна Владимировна

канд. филол. наук, гл. редактор, Центр «Златоуст»;

avg@zlat.spb.ru

НЕКОТОРЫЕ МИФЫ ОБ ОСВОЕНИИ ИНОСТРАННОГО / ВТОРОГО ЯЗЫКА И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ПО РКИ

Ключевые слова: освоение второго языка, учебник русского языка как иностранного.

Большинство преподавателей и авторов учебных пособий охотно согласится со следующими утверждениями: студенты лучше всего обучаются посредством устной, а не письменной речи, в аудитории учителя и учащиеся должны чаще использовать второй, а не первый язык, учителям следует избегать прямого обсуждения грамматики на уроке, цель обучения языку заключается в том, чтобы учащиеся пользовались им как носители языка, дети учат языки быстро и просто, тогда как взрослые медленно и с трудом (гипотеза критического периода У. Пенфилда) и др. Между тем данные, накопленные сегодня прикладной лингвистикой, позволяют оспорить ряд традиционных тезисов.

Рассмотрим два подобных мифа. Во-первых, у большинства преподавателей не вызывает сомнения, что для успешного овладения языком необходимо много слушать или читать на нем. Эта идея восходит к гипотезам освоения языка Стивена Крашена 1970-х годов [Митчелл и др. 2022, 86–93], полагавшего, что инпут — основа естественного усвоения языка. Те или иные эксплицированные правила не дают возможности выучить язык, овладеть им на уровне родного, они играют исключительно роль внутреннего редактора. Инпут же должен быть на одну единицу сложнее, чем уже известное учащемуся. В последнее десятилетие гипотезы Крашена стали достаточно популярны среди русистов, в основном преподающих РКИ за рубежом. Главные точки критики гипотез Крашена остались при этом вне поля зрения: смешение грамматической системы языка и языковой системы в целом; упущение роли речевой продукции, столь необходимой для проверки возникающих у ученика гипотез относительно языковых правил, недостаточность понимания инпута для формирования умения самостоятельно использовать языковые структуры в речи. Идея о необходимости приспособления инпута к уровню владения языком, стимулировавшая адаптацию учебного материала, его упрощение и переработку, оказалась плодотворной, стимулировала развитие градуированного чтения, но не учитывала другие факторы, повышающие эффективность обучения, в частности роль интеракции носителей языка между собой (то есть на взаимодействие, связанное с уточнением смысла сказанного). Интеракция по поводу смысла рассматривается сегодня как важный элемент освоения второго языка. Помимо инпута и аутпута на усвоение языка взрослыми положительно влияют эксплицированная грамматика и умеренное исправление ошибок, стимулирующее улучшенный аутпут.

Для преодоления мифа о достаточности обильного инпута самого по себе преподавателям и авторам пособий можно рекомендовать не только готовить доступный инпут, в том числе с помощью предтекстовой работы, но и стимулировать интеракцию между студентами. Для этого больше подходят задания, предлагающие скорее выбор решений, чем однозначный ответ. Эффективно соединение в одной паре студентов разного уровня, что стимулирует речевое развитие более слабого студента. Задания на планирование ответа, на его подготовку хорошо влияют на беглость речи и сложность высказывания. Полезны когнитивно сложные задачи, задания на парную и групповую работу и наблюдение за ней.

Второй миф содержится в утверждении, что хорошее владение языком обеспечивается прежде всего обширной практикой. Ему противоречит тот факт, что та или иная форма будет освоена, только если учащийся самостоятельно научился обнаруживать ее в инпуте [Митчелл и др. 2022, 258–264]. Внимание к незнакомому — важный элемент обучения, перевода нового явления в долговременную память. Но обнаружение нового — это лишь первый шаг к освоению формы. Обнаружение не влияет на понимание функции. Мы можем привлечь внимание

к новой форме шрифтом или цветом в письменном тексте, усилить инпут другим способом. При этом усиление инпута мало влияет на понимание и собственную речевую продукцию учащегося. Так слово ВЧЕРА в предложении переключает внимание студента с формы прошедшего времени на лексическую подсказку и не способствует обнаружению показателей прошедшего времени. Чтобы понять предложение точно, нужно выделить то, на чем нужно сосредоточиться, в том числе на форме слов. Для этого им нужно сделать еще несколько шагов. Второй шаг для освоения формы — эксплицированные инструкции по обработке примера. Учащиеся начального этапа обычно используют типичные стратегии родного языка, например: первое существительное в предложении — это подлежащее. Инструкции по обработке должны предотвратить подобные ошибочные стратегии. Третий шаг на пути привлечения внимания студентов к форме — это достаточное время для подготовки ответа. Для правильности речи на подготовку бывает достаточно одной минуты. Для беглости и сложности — уже от пяти минут, но не более десяти, далее число правильных ответов и решений не повышается. Четвертый шаг для привлечения внимания к форме — повторяемость. Повторение одного задания с разными партнерами почти не влияет на правильность речи, но повышает ее беглость и сложность.

Что же делать в классе, если мы хотим получить более высокий результат от практики? Прежде всего, поместить языковое явление, которое нужно усвоить, в контекст, далее активно использовать условно-речевые задания [Пассов 1978]; не бояться повторять одно задание несколько раз — со сменой партнеров, а также предлагать задания для коллективного выполнения.

Таким образом, современные научные исследования стимулируют критическое отношение к, казалось бы, устоявшимся мнениям, корректируют деятельность преподавателя в классе и предлагают направления для совершенствования учебных материалов.

Литература

Митчелл Р., Майлз Ф., Марсден Э. Теории изучения второго языка. СПб., 2022.

Пассов Е. И. Условно-речевые упражнения для формирования грамматических навыков. М., 1978.

Гордиенко Ольга Антоновна

*канд. пед. наук, доцент, кафедра русского языка,
Кубанский государственный технологический университет;
gordienko-olga@yandex.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕЙМИФИКАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ЦЕЛЯХ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, мотивация, проект, хакатон, аксиология.

Преподавание русского языка как иностранного (РКИ) предполагает использование различных форм организации учебного процесса, которые позволяют мотивировать обучающихся к осуществлению процесса формулирования на русском языке и высказывания собственных мыслей. Такие хорошо известные формы организации учебного процесса, предполагающие активную речевую деятельность на изучаемом языке, как викторина, вечер, конкурс, проект и пр. реализуются с использованием специфических педагогических технологий. Наибольший интерес представляют те коллективные формы, где обучающиеся должны попасть в естественную среду интеллектуального соревнования, проявить лидерские качества и для достижения победы, быть понятыми коллективом обучающихся и жюри, т. е. проявить желание к овладению новым способом выражения своих мыслей средствами русского языка. В этих целях нами были выбраны формы проекта и конкурса.

Мотивация осуществления на русском языке публичного выступления при защите проекта или на конкурсе всегда одна: отстоять интересы, лично важные цели и смыслы, находясь в состоянии эмоционального возбуждения, когда активизация мозговой деятельности позволяет успешно преодолевать языковые барьеры. Такой «полезный» стресс (аутстресс) помогает сконцентрироваться и настроиться на позитивный результат.

Мотивация участия в литературном проекте иностранных студентов инженерного вуза возможна только при обращении к идеалам и духовным ценностям, которые отразились в творчестве их любимых авторов, в крылатых выражениях.

Философская модель ведения беседы присутствует в литературе любой страны, близка поре юности, когда выкристаллизовывается система ценностей. В целях использования данной модели студентам было предложено назвать наиболее важные для них духовные ценности, записать их в центре экрана монитора в специальном кружочке. Затем использовать цитаты из произведений мировой литературы (в том числе и русской), которые были подобраны заранее участниками проекта и размещены на сайте; найти на сайте высказывания по той же проблематике и поместить их в овалах вокруг уже записанной в центре экрана ценности. Получался стилизованный цветок. Цель такого литературного проекта — дать возможность публично представить духовные ценности своей страны, опираясь на собственный литературный опыт и имея перед собой в качестве опор аргументы (цитаты), требующие пояснения (грант Министерства просвещения Российской Федерации «Ценностная составляющая русской классической литературы в формировании мировоззрения российских и иностранных студентов Южного федерального округа в ходе лекций, круглых столов и вебинаров», 2019 г.). В проекте принимали участие иностранные и русские студенты. Каждый с большим желанием старался вступить в диалог, когда на экранах мониторов появлялась цитата из цикла высказываний, заложенных им самим на сайт.

В результате исследования были выделены идеи и ценности, наиболее близкие многонациональной студенческой молодёжи (ценности-идентификации) и ценности, характерные для философско-мировоззренческой картины мира отдельной страны [Шапошникова, Гордиенко, Трунова 2020].

Если участие в проекте предполагает достаточно длительную предварительную подготовку (продумывание смысла и лингвистическое оформление подготовленного монологического высказывания, наличия опор в виде микротекстов), то участие в конкурсе предполагает ис-

пользование минимальных лингвистических опор, быстрого овладения впервые увиденным материалом, использования языковой догадки, креативного подхода (грант Министерства просвещения Российской Федерации «Разработка кейс-проектов и проведение хакатонов в целях популяризации русского языка в рамках межнационального взаимодействия молодёжных рабочих групп с применением технологий компьютерного когнитивного моделирования и искусственного интеллекта», 2022 г.). Игровая деятельность в формате геймификации (с использованием информационных технологий обучения) разрабатывалась как командное соревнование в скорости и качестве выполнения заданий по грамматике, лексике русского языка, лингвострановедению [Гордиенко, Егорова, Тарасов 2022]. Особенностью подхода явился принцип перевёрнутого обучения, когда на учащихся возлагалась задача учителя. Предложенный каждой группе игроков учебный материал представлял собой кейс, в который входило название темы, представленный в схемах теоретический материал, который нужен для её объяснения, задания на проверку материала, ответы к заданиям и серия оболочек для компьютерных игр, в которые можно «заложить» учебный материал. Играющие сначала сами в своем малом коллективе выполняли задания, проверяли себя по ответам, возвращались при необходимости к теоретическому материалу, разъясняли друг другу трудные места. Затем выбирали оболочку компьютерной игры, закладывали туда уже изученный материал для предъявления второй группе игроков, параллельно выполнявших подобную работу. Никто лучше, чем сами ученики, не сможет выбрать подходящую (интересную с точки зрения ученика) форму для предъявления и изучения определённого материала. Обучающийся становился автором урока и использовал педагогический дизайн, который предполагает «образовательное приключение», когда учащемуся самому предстоит выбрать инструмент оценивания и «упаковать» учебный материал [Такушевич 2015]. Данный подход развивает когнитивные способности обучающихся, заставляет взять на себя ответственность за выполняемую работу (научись сам — научи другого), и главное — создаёт мотивацию использовать изучаемый язык в целях продуктивного общения на нём.

Таким образом, активное порождение русской речи мотивируется игровыми ситуациями, реализуемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий, ценностно обусловлено характером получаемых заданий и формой их осуществления.

Литература

- Гордиенко О. А., Егорова А. Ю., Тарасов Е. С.* Стимулирование когнитивной деятельности обучающихся посредством использования возможностей геймификации // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 95, № 6. С. 91–100.
- Такушевич И. А.* Аксиологическая модель педагогического дизайна. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета 2015. Вып. 112 (08). URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/30.pdf>
- Шапошникова Т. Л., Гордиенко О. А., Трунова Е. А.* Литературные проекты социокультурной направленности как реализация технологии коллективного взаимодействия // Инновационные процессы в высшей школе: сб. материалов междунар. научно-практ. очно-заочн. конф. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2020. С. 177–181.

Дай Юньфан

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
173777122@qq.com

ОБУЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПОРЯДКУ СЛОВ В РУССКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ключевые слова: порядок слов, актуальное членение, китайский студент, методика преподавания, РКИ.

В последние годы возрос интерес к проблемам синтаксиса, который вызван стремлением использовать новые достижения лингвистической науки для более глубокого осмысления теоретических проблем языка и речи. Одним из актуальных вопросов синтаксиса является порядок слов.

Многие ученые считают, что порядок слов в русском языке свободный. Ученый Хавроница считает, что «мнение о «свободе» русского словоупорядка основано на том, что за членами предложения не закреплены определенные места» [Хавроница 1989: 9]. По мнению Сиротинины «В русском языке есть нормы и закономерности размещения слов».

Порядок слов зависит от того, какую цель ставит перед собой говорящий (или пишущий), какую новую, важную для него информацию он хочет передать своим высказыванием. Эту целевую установку говорящего отражает членение предложения на две части. Первая часть служит исходным пунктом высказывания, называет предмет сообщения. Вторая часть содержит собственно сообщение об этом предмете. Эти части предложения называются: первая — темой, вторая — ремой. Членение предложения на тему и рему называется актуальным членением предложения [Крылова 1986: 6]. «Правильное логическое построение стилистически нейтральной литературной речи требует, чтобы тема как исходный пункт высказывания, часто известный слушателю или читателю, находилась в начале предложения, а рема, сообщающая нечто о теме и содержащая обычно новое, неизвестное читателю, — в конце предложения, после темы. Нарушение этого правила в русском литературном языке ведет к нарушению логической последовательности изложения (или к появлению экспрессивной окраски)» [Ковтунова 1976: 13]. Поэтому при актуальном членении предложения порядок слов от темы к реме называется прямым, наоборот называется обратным или инверсивным. Обратный порядок слов создает предложения экспрессивно окрашенные.

Порядок слов как важная проблема в обучении РКИ, но методисты ей занимаются мало. Надо это исследовать, потому что порядок слов есть неотъемлемая часть структуры предложения, должны обратить более пристальное внимание к его рассмотрению. Русский порядок слов в обучении РКИ отразится и на качестве владения русским языком, и на качестве обучения иностранных учащихся.

Порядок слов в китайском языке фиксированный и обычно отсутствует флексия, каждое слово имеет определенное место. Предложение строится в следующей последовательности: подлежащие, сказуемое, дополнение. Например: Вопросительные предложения в русском языке начинаются с вопросительного слова: *Куда папа пошёл?* или *Куда пошёл папа?* А в китайском языке порядок слов сохраняется и в вопросительном предложении: *Папа пошёл куда?*

Рассмотрим такой пример: отвечать на вопрос: Кто автор романа «Мать»? Ответ должен быть: Автор романа «Мать» — Максим Горький. Рема передаёт новое, главное для говорящего (Максим Горький) в конце предложения. А китайские студенты обычно делают такую ошибку: Максим Горький — Автор романа «Мать».

Опыт обучения порядку слов китайских учащихся показывает, что наибольшее количество ошибок в работах связано со слабым знанием теории актуального членения в русском предложении. Многие китайские учащиеся считают неправильным следующий ответ: Вам этот вопрос я задаю (на вопрос: Кому вы задали этот вопрос?).

Причина в том, что позиция прямого дополнения перед переходным сказуемым в русском языке считается нормальным порядком слов, а в китайском языке прямое дополнение обычно

располагается после переходного глагола. Поэтому когда русские предложения с иным положением темы и ремы типа *Она немецкий язык изучает; Немецкий язык она изучает* считаются китайскими студентами неправильными. При помощи инверсированной конструкции говорящий стремится подчеркнуть важное и новое для собеседника.

Одной из проблем, которая часто бывает определяющей для китайских учащихся, является ещё и то, что в русском языке согласованное определение может употребляться в дистантной позиции по отношению к определяемому слову. Случаи дистанционного употребления порядка слов чаще встречаются в разговорной и поэтической речи, например: *и Книги мы читаем иностранные; Школа при заводе производственная имеется; Белеет парус одинокий, В тумане моря голубом!* (М. Ю. Лермонтов). Без знакомства с теорией порядка слов русского языка подобное предложение создает барьер в понимании для китайских обучающихся. Например: многие китайские учащиеся считают предложение: *Маме она платье подарила красивое* неправильным. Так как в русском предложении, содержащем две неоднородные информации, каждая из которых выражена языковыми средствами разъединяются и ставятся в конце и в начале предложения. «Действие этой закономерности особенно четко проявляется в структурах предложений с объективными и обстоятельственными распространителями» [Вагнер 2005: 32]. Например: *С этой девушкой я познакомился в библиотеке.* В этом предложении словосочетание *с этой девушкой* как известная информация (тема) располагается в начале предложения, а место знакомства *в библиотеке* как новая (рема) перемещается в конце предложения.

В китайском языке нет средств для выделения двух информации по смысловой значимости. Поэтому китайские учащиеся не воспринимают в предложениях данного типа их коммуникативного замысла и строят эти предложения по одной структурной схеме: *Она маме подарила красивое платье; Я в библиотеке познакомился с этой девушкой.* Такого типа ошибки часто встречаются при переводе с китайского на русский. Проявление этих ошибок объясняются тем, что в русском языке смысл одного предложения можно передать в разных вариантах в зависимости от коммуникативных задач.

Анализ ошибок и анализ сочинений студентов подтверждают, что китайские учащиеся не в полной мере владеют навыками построения простого русского предложения. Самостоятельная письменная речь многих студентов страдает однообразием употребляемых в ней синтаксических средств, неправильным употреблением отдельных грамматических категорий, а также однообразием конструкций, преобладанием в речи предложения с прямым порядком слов, тогда как предложения с обратным порядком слов встречаются в работах китайских учащихся крайне редко, даже если этого требует контекст. Для того, чтобы повысить качество обучения порядку слов, студентам надо много делать упражнения. Что касается конкретных примерных упражнений можно посмотреть в исследовании С. А. Хаврониной и О. А. Крыловой «Порядок слов в русском языке».

Изучение понятия порядка слов и природы актуального членения предложения имеет особое значение для теории и практики преподавания русского языка как иностранного. Как отмечают методисты преподавания РКИ Хавронина С. А. и Крылова О. А. в исследовании «Порядок слов в русском языке», в ходе изучения порядка слов недостаточно внимания уделяется изучению данного явления, что является значительным препятствием для развития коммуникативной компетенции учащихся.

Литература

- Вагнер В. Н. Синтаксис русского языка как иностранного и его преподавание. М.: Флинта, 2005.
- Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение. 2-е изд. М.: УРСС, 1976.
- Крылова О. А., Хавронина С. А. Порядок слов в русском языке. М.: Русский язык, 1986.
- Хавронина С. А., Крылова О. А. Обучение иностранцев порядку слов в русском языке. М.: Русский язык, 1989.

Епифанова Валентина Валерьевна

канд. филол. наук, старший преподаватель,
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;
valentyana4@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ В РАМКАХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ДРУЖБА» НА ЗАНЯТИЯХ РКИ: СМЫСЛООРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Ключевые слова: лексическая функция, типовой смысл, лексическая сочетаемость.

Способность слов изменять свой морфологический состав или вступать в сочетания с другими словами с целью выражения того или иного типового (стандартного) значения нашла своё отражение в Толково-комбинаторном словаре русского языка [Мельчук, Жолковский, 2016]. Представленный в докладе подход к изучению лексики в рамках семантических полей также основан на принципах движения от типовых смыслов, требующих своего выражения в речи, к наиболее частотным и употребительным способам их выражения. В работу включаются не только единицы того или иного словообразовательного гнезда, но и их семантические дериваты, устойчивые сочетания с ними, а также фразеологические единицы, обозначающие ту или иную идею. Данный подход с типовыми смыслами в качестве основы изучения лексики соответствует основным требованиям презентации лексической сочетаемости слов, которая, по справедливому замечанию Е. Л. Шириной, заключается в таких особенностях, как «компактность, наглядность положенных в её основание принципов и открытость (возможность дальнейшего развертывания)» [Ширина 2013: 231].

Представим несколько фрагментов предварительной (разъяснительной) работы с комбинациями типовых смыслов, описывающих дружбу. Например, для выражения идеи того, что у кого-л. появился друг (комбинация смыслов «первый участник» + «начало»), подходящими являются единицы *X (I) подружился с Y-ом (V)*, *X (I) сдружился с Y-ом (V)*, *X (I) начал дружить с Y-ом (V)*, *X (I) завёл дружбу с Y-ом (V)*, *X (I) завязал дружбу с Y-ом (V)*:

После поступления в университет Оксана завязала дружбу с Полиной.

Во время похода Никита подружился с энергичным и смелым молодым человеком, которого звали Костя.

Ситуация, когда один человек хочет стать другом второму человеку против воли последнего (комбинация смыслов «первый участник: инициировать начало» + «второй участник: не хотеть начала»), может быть описана с помощью лексических сочетаний: *X (I) навязывается в друзья к Y-у (III)*, *X (I) набивается в друзья к Y-у (III)*, *X (I) лезет в друзья к Y-у (III) (прост.)*:

Мне не нравится, когда люди набиваются в друзья, узнав о высоком социальном статусе и материальном положении собеседника.

Я бы никогда не стал навязываться в друзья тому, кто этого не хочет.

Сам процесс дружбы с позиции одного участника («первый участник» + «процесс») может быть реализован в русском языке с помощью единиц *X (I) дружит с Y-ом (V)*, *X (I) дружен с Y-ом (V)*, *X (I) является другом Y-а (II)/ Y-у (III)*, *X (I) — друг Y-а (IV)*, *X (I) (находится/ состоит) в дружеских отношениях с Y-ом (V)*, *X (I) водит дружбу с Y-ом (V)*:

Анна дружит с Мариной уже двенадцать лет.

Максим водил дружбу со многими ребятами из местного баскетбольного клуба.

Если Y перестал быть другом для X-а по инициативе последнего, зачастую в результате несогласия с поведением, мнениями или интересами Y-а (комбинация смыслов «первый участник» + «инициировать окончание»), можно сказать, что *X (I) порвал дружбу с Y-ом (V)*, *X (I) раздружился с Y-ом (V)*:

*После переезда в другой город Максим постепенно **раздружился** с теми, с кем раньше тесно общался.*

Если человек постепенно перестал поддерживать контакт со всеми друзьями («первый участник» + «окончание» + «много вторых участников»), лучше использовать выражение **X (I) растерял (всех) друзей/ подруг:**

*Со временем Рома стал настоящим домоседом, перестал ходить в гости и постепенно **растерял всех друзей.***

Таким же образом поэтапно рассматриваются реализации смыслов «первый + второй участники» + «начало», «первый + второй участники» + «процесс» + «←долго», «характеристика участников: соответствие идеалу», «характеристика участников: несоответствие идеалу» и др.

В качестве упражнений на закрепление материала с точки зрения рецептивных и продуктивных речевых действий можно использовать следующие:

Упражнение 1. Найдите в тексте слова и словосочетания, входящие в семантическое поле «Дружба». Какие типовые смыслы они выражают?

Женька как верный друг и сосед по парте пытался меня развеселить, но получалось ещё хуже (А. В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее, 2009);

Вероятно, ему было неприятно, что некая таинственная сила толкнула его помимо воли к этому незнакомому одинокому пешеходу, который теперь ещё и в друзья набивается... (М. Е. Окунь. Кошачий бег (2010)// «Волга», 2013) и др.

Упражнение 2. Выберите единицы русского языка для наиболее точного выражения типовых смыслов:

Моего отца и Николая Сергеевича связывает («характеристика ситуации: ←долго»): они были знакомы ещё с университета.

Я не люблю, когда из-за желания получить возможную выгоду люди («первый участник: инициировать начало» + «второй участник: не хотеть начала»).

Из-за своего сложного характера и неуступчивости Пётр со временем («первый участник» + «окончание» + «много вторых участников») и др.

На наш взгляд, представленный в докладе подход к изучению лексики определенного семантического поля, дополненный примерами употребления, таблицами и упражнениями на закрепление материала, позволит студентам-иностранцам значительно расширить свой словарный запас и увеличить количество синонимических возможностей для выражения той или иной идеи.

Литература

Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: Глобал Ком; Языки славянской культуры, 2016. 544 с.

Ширина Е. Л. Обучение иностранных слушателей сочетаемости слов в русском языке// Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.] Минск: Белорусский Дом печати, 2013. С. 230–232.

Иванов Сергей Юрьевич

старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
serge_ivanoff@yahoo.com

РАБОТА С ВИДОВОЙ ПАРой И СПОСОБОМ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Ключевые слова: вид, видовая пара, способ действия.

В отличие от видовой пары, способы глагольного действия (СД) отсутствуют в наших программах РКИ как отдельная тема. Методика РКИ разделяет тезис Исаченко о взаимоисключающем характере видовой пары и СД [Исаченко 1960: 216–218]. Видовая пара состоит из двух глаголов с одинаковым лексическим значением, различных только по виду, напр. *решить/ решать*. СД называется производный глагол, который лексически модифицирует исходный глагол, добавляя к его значению новый оттенок, связанный с какой-либо особенностью протекания действия, обозначенного исходным глаголом, напр. *говорить/ заговорить*.

Однако реализовать указанный тезис на практике не удается. В пособиях РКИ в качестве видовых пар нередко представлены пары исходного глагола и его СД: общерезультативный, напр., *читать/ прочитать*, ограничительный, напр., *гулять/ погулять*, начинательный, напр., *болеть/ заболеть*. Отдельного внимания заслуживает пара *искать/ найти* [Беликова, Шутова, Ерофеева 2019: 7–8].

Учитывая тесную функционально-коммуникативную соотносительность между членами приведенных пар, представляется нецелесообразным резко отграничивать видовую пару от СД в прикладной грамматике РКИ. Для одного глагола СВ, напр. *прочитать*, можно представить значение видовой пары к соответствующему НСВ *читать*, с одной стороны, и значение результативного СД к этому же НСВ в рамках лексико-грамматической полисемии. Для этого предлагается ввести в семантико-грамматическое описание глагола понятие *процедурного*, или *процедурно-видового*, значения. Термин образован от английского термина *procedural*, которым Форсайт обозначал СД [Forsyth 1970: 19–20].

Процедурное значение глагола поясняет его функционально-семантическое отношение к другому глаголу, соотносительному с ним по виду. Для методики РКИ процедурное значение важно прежде всего для описания производных приставочных глаголов в их отношении к исходным бесприставочным, с которыми они составляют пары, близкие к видовым. Процедурное значение глагола относится к лексико-грамматическим значениям, вроде одушевленности существительного или направленности/ ненаправленности глагола движения, т. е. не принадлежит ни к чисто грамматическим значениям, как вид, время, залог, ни к лексическим, а находится между ними. Процедурное значение не нужно определять для каждого глагола, но только для тех глаголов, для которых требуется пояснить их отношение к глаголу противоположного вида и близкого лексического значения.

Выделение процедурно-видового значения позволит, во-первых, объединить в одном глаголе функции СД и видовой пары. Напр., в глаголе СВ *прочитать* можно выделить два процедурных значения: а) результативный СД СВ к НСВ *читать*; б) видовая пара СВ к НСВ *читать*. Указанные процедурные значения в СВ *прочитать* не противоречат друг другу.

Во-вторых, процедурное значение позволит точнее описать соотносительные глаголы Н/ СВ в «конкурирующих» видовых парах. Так, наряду с парой *читать/ прочитать*, в которой СВ *прочитать* представляет собой как парный СВ, так и результативный СД СВ к исходному НСВ *читать*, учащимся полезно усвоить пару *читать/ почитать*, в которой СВ *почитать* имеет: а) значение парного СВ к исходному НСВ; б) значение ограничительного СД СВ к нему же. Также существует чистовидовая пара *прочитать/ прочитывать*, отношения внутри которой не осложнены дополнительными процедурными значениями.

В-третьих, процедурное значение полезно выделять в тех случаях, когда статус СД у глагола СВ по отношению к соотносительному НСВ неочевиден или неоднозначен. Напр., не вызывает сомнений чистовидовой характер пары *отдохнуть/ отдыхать*. Однако в предложении *Мы полчаса отдохнули и продолжили работу* глагол *отдохнуть* выступает с оттенком ограничительного СД СВ к НСВ *отдыхать*, а в предложении *Мы прекрасно отдохнули в Крыму* тот же глагол выступает с оттенком результативного СД СВ к тому же НСВ. В речи эти оттенки не смешиваются: нельзя сказать **Мы прекрасно две недели отдохнули в Крыму*. Это значит, что в СВ *отдохнуть* нужно выделить три процедурных значения: а) парный СВ к НСВ *отдыхать*; б) ограничительный СД СВ к нему же; в) результативный СД СВ к нему же. При этом значения (а) и (б), с одной стороны, и (а) и (в), с другой, совместимы в одном употреблении, а значения (б) и (в) несовместимы.

В-четвертых, процедурное значение можно выделять в глаголе независимо от определения СД либо как формально характеризованной, либо как чисто семантической группы глаголов, передающих специфический оттенок протекания действия. Так, результативное значение, в сочетании с парным к соответствующему НСВ, можно одинаково легко зафиксировать в перфективных глаголах как приставочных пар, ср. *читать/ прочитать, делать/ сделать, строить/ построить*, так и суффиксальных пар, ср. *решить/ решить (задачу), сдать/ сдать (экзамен), отдохнуть/ отдыхать*.

Процедурно-видовое значение позволит преподавателям и авторам пособий на общем основании работать с чистовидовыми парами, с приблизительными видовыми парами, включающими семантические оттенки различных способов действия, а также с собственно процедурными видовыми парами, важными для развития речевых навыков учащихся. Так, наряду с парами *про-/читать, на-/писать, по-/строить* в работу можно включить такие процедурно-видовые пары, как *искать/ найти, ждать/ дожждаться, идти/ прийти*. Их члены представляют собой разные глагольные лексемы, но СВ в них имеет результативное процедурное значение по отношению к НСВ данной пары.

Работа с процедурно-видовыми значениями на занятии РКИ может идти как от значения к форме, так и от формы к значению. Примером первого направления может быть работа с различными парами результативного типа, вроде указанных выше. При движении от формы к значению можно анализировать какой-либо формальный элемент глагола в плане его процедурных значений. Широкие возможности для этого дает, напр., приставка *по-*, в разных глаголах имеющая результативное, ср. *построить*, лимитативное, ср. *поспать*, партитивное, ср. *поест*, или начинательное значение, ср. *полюбить*.

Литература

- Беликова Л. Г., Шутова Т. А., Ерофеева И. Н. Русский язык: первые шаги. Ч. 2. СПб., 2019.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.
- Forsyth J. A Grammar of Aspect. Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge, 1970.

Картушина Елена Александровна

канд. филол. наук, доцент, кафедра иностранных языков и зарубежной литературы,
Миланский государственный университет, Италия;
elena.kartushina@unimi.it

ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА РКИ ДЛЯ ИТАЛЬЯНО-ГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ НАЧИНАЮЩЕГО УРОВНЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКА МАКОВЕЦКАЯ Р., TRUSINA L. NUOVO RUSSO, MILANO 1989)

Ключевые слова: РКИ, учебный текст, лингво-прагматические особенности.

Учебные тексты привлекают внимание исследователей методики преподавания русского как иностранного (РКИ), особенно тексты для начального уровня. В силу ограниченности лексического запаса и требований, предъявляемых к учебному тексту, создание материала для учебников РКИ начального уровня представляет сложность для авторов УМК и методистов.

В качестве основного требования, предъявляемого к учебному тексту для начального уровня чаще всего выступает работа над формированием грамматических навыков и запоминанием лексики урока. При обсуждении требований к учебному тексту обращает внимание, что во многих работах основным требованием является доступность текста для учеников, с учетом сохранения его формы (лексико-грамматической связанности) и содержания (тематической выдержанности) [Базылев 2019: 89].

Именно поэтому, информативность и логичность учебного текста отходит на второй план [Большакова 2011: 108]. Однако, лингво-прагматические характеристики, языковая ценность учебного текста чаще всего остается за скобками, хотя исследование и принятие во внимание языковедческого анализа особенностей учебного текста может повысить и дидактическую ценность текстов учебных пособий, поскольку учебный текст должен соответствовать всем характеристикам текста: иметь формальную и содержательную структуру, содержать дейктические маркеры, включая социо-культурные особенности [Дридзе 1984: 58]. Тем не менее, исследования лингво-прагматических характеристик учебного текста весьма фрагментарны [Пиотровская, Трущелев 2020: 78]. Именно это и определяет актуальность данного исследования.

В качестве материала для анализа мы выбрали учебник Р. Маковецкой и Л. Трусиной, изданный в Милане в 1989 году. Цель исследования заключается в рассмотрении лексико-грамматических особенностей учебного текста с учетом социально-культурной специфики. В результате были проанализированы все 153 текста урока разделов «Чтение» и «Разговор», то есть тексты, имеющие завершённую структуру и созданные на основе вокабуляра урока. Объяснение грамматики в данном учебнике во всех уроках представлено на итальянском языке. По этой причине тексты грамматических пояснений и упражнений по формированию лексико-грамматических навыков не рассматривались в данном исследовании.

В результате анализа были выделены следующие особенности учебного текста РКИ:

1. Формальная связанность текста достигается за счет следования определенной синтаксической модели. В рассматриваемом учебнике наблюдается четкая структура текста. Например, в первом уроке предложения строятся по образцу «X — профессия. X знает/изучает определенный язык. X изучает X хорошо/плохо знает определенный язык». Эта модель представлена в вопросительной форме и форме ответов в следующем тексте урока.

2. Двухязычность и параллельность текста. Рассматриваемые учебные тексты соответствуют грамматико-переводному методу. Присутствует явный перекоп и учет в большей степени родного языка учащихся. Каждый урок снабжен обширными грамматическими комментариями на итальянском языке. Кроме того, в текстах часто встречаются конструкции типа «Ты знаешь/Вы знаете как будет по-русски/по-итальянски» — 112 раз, что демонстрирует акцент на переводе и понимании родного языка студентов.

3. Нарушение норм речевого этикета: «Да, у нас есть светлые мужские туфли, но не вашего размера».

4. Преувеличение в описании бытовой ситуации, несоответствие по значимости причины и следствия. «Никогда в своей жизни я не уставал так, как в тот день, потому что мы очень много ходили пешком.»

5. Излишние дополнения: «За завтраком я читаю утреннюю газету». В данном случае уточнение, что газета именно утренняя является избыточным.

6. Точное указание времени и места действия: «Я должен лежать еще пять дней», «Завтра мы поедem на стадион им. Ленина. Там мы увидим стадион и бассейн. Мы будем осматривать их все утро. В два часа мы вернемся домой.»

7. Нарушение последовательности действий: «С кем ты пойдешь на концерт? — Я хочу пойти с товарищем и его сестрой. — Они согласны? Ты уже пригласил их? — Да, я уже разговаривал с Виктором. Он согласен. Я с ним виделся в среду». Из диалога не понятно, что товарищ — это именно Виктор и согласна ли его сестра. Кроме того, предложения, описывающие время разговора стоит объединить вместе.

8. Нарушение последовательности реплик в диалоге: «— Здравствуй, Франко. Я иду в Дом Дружбы на вечер. Ты не хочешь пойти? — Нет, сегодня занят. — Ты знаешь, где Дом Дружбы? — У меня есть адрес: проспект Ленина, N14. Где это? — Рядом. Видишь площадь справа? — Спасибо, Франко. До свидания». Нарушение аутентичности диалога, как мы видим, происходит из-за отсутствие целесообразности действия героя: он пошел в Дом Дружбы, не зная адреса и если бы не встретил Франко, то вряд ли бы туда дошел.

9. Отсутствие цели действия можно отметить и в следующем диалоге: говорящий звонил Тане два раза, зная что ее нет дома и решил пойти без предупреждения, потому, что в это время Таня должна быть дома. «— Мы можем пойти в гости. — А у тебя есть знакомые в Москве? — Помнишь, я писал тебе, что у меня есть знакомая девушка. Ее зовут Таня. Она учится в университете и изучает итальянский язык. — Пойдем! Мы можем говорить по-итальянски. Но сначала мы должны позвонить ей. — Я ей уже звонил два раза, но она не отвечала, потому что в это время она обычно в университете. Я думаю, сейчас она уже должна быть дома. — Пойдем!»

Стоит отметить, что представленные выше особенности представляют далеко не полный список характеристик учебного текста. В частности, в данный доклад не вышли тематическая и лексическая наполненность текстов. Заметим лишь, что темы в большой или меньшей ответственности тем, которые представлены и в современных изданиях, за исключением темы «В гостях», которая обширной наполнена в рассматриваемом учебном пособии.

Тем не менее, принятие во внимание упомянутых выше лингво-прагматических особенностей при переиздании учебника и написании новых может повысить не только дидактическую, но и лингвистическую значимость учебных текстов.

Литература

- Базылев В. Н. Учебный научно-популярный текст в коммуникативном пространстве школы и вуза // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2019. № 2 (61). С. 88–96.
- Большакова Н. Г. Особенности учебного текста как источника информации в учебнике русского языка для иностранцев // Полилингвильность и транскультурные практики. 2011. № 3. С. 107–111.
- Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.
- Пиотровская Л. А., Трущелев П. Н. С чего начинается интересный учебный тест // Вопросы психолингвистики. 2020. Т. 4. С. 76–90.

Лядская Диана Владимировна¹, Торрезин Линда²

¹преподаватель РКИ Лингвистического лица «Да Виго» (Генуя, Италия),
аспирант Католического университета Святого Сердца (Милан, Италия);
dianalyadskaya777@gmail.com

²канд. филол. наук, научный сотрудник Падуанского университета (Падуя, Италия);
linda.torresin@unipd.it

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ УЧЕБНИКОВ РКИ, ИЗДАНЫХ В ИТАЛИИ

Ключевые слова: учебники РКИ, лексика, корпусная лингвистика, корпусный анализ учебников, корпус учебников RUFLIT.

В условиях отсутствия языковой среды учебник по русскому языку как иностранному (РКИ) становится одним из важнейших инструментов, помогающим организовать, структурировать и реализовать учебный процесс. В связи с этим корпусное исследование лексики, содержащейся в учебниках РКИ, приобретает особую значимость, поскольку позволяет получить своего рода «лексический портрет» учебников, выявляющий их основные характеристики и особенности.

В процессе данного исследования были применены количественный и качественный анализ лексики на основе специально созданного корпуса учебников РКИ (англ. corpus-based analysis). Идея создания такого корпуса и проведения исследования лексики появилась в связи с необходимостью выяснить, каким лексическим составом обладают учебники, ориентированные на итальянскую аудиторию. Корпус учебников RUFLIT (Russian as a Foreign Language in Italy), собранный Д. Лядской [Лядская 2022], включает три учебно-методических комплекса для итало-фонгов, изданные в Италии в период с 2017 по 2022 гг.: «Давайте!» Д. Маньяти, Ф. Леджиттимо и др. (1, 2 и 3 тома, 2017–2020 гг.), «Раз, два, три!» А. Шибаровой и А. Ярина (1 и 2 тома, 2019 г. и 2022 г.), «Ура!» М. Ванин и Б. Занивана (1, 2 и 3 тома, 2020 г.). Размер корпуса RUFLIT составляет 299.044 слов (421.177 токенов) или 43.926 фраз. Разметка данных корпуса включает следующую информацию: а) название учебника; б) уровень сложности учебника по шкале CEFR (от A1 до B1); в) тип заданий в учебнике, включающих лексику (reading, listening, grammar, matching, cloze test). В контексте корпусного исследования такая разметка лексических данных дает возможность провести сравнительный анализ лексики различных подкорпусов: например, учебников разных авторов, заданий и упражнений разных типов (грамматических, заданий по чтению, по аудированию) и т. д. В частности, в представленном исследовании мы приводим результаты корпусного анализа лексики в подкорпусах, составленных на основе трех выше названных учебников.

Таким образом, с целью проведения корпусного анализа лексики, с помощью программы корпус-менеджер Sketch Engine в каждом из подкорпусов были выделены списки наиболее частотных слов (Wordlist). Кроме этого, на основе сравнения каждого из подкорпусов с целым корпусом RUFLIT также были составлены списки ключевых слов (Keywords), т. е. лемм, которые появляются в каждом из подкорпусов значительно чаще, чем в целом по корпусу [Копотев 2014: 118]. Списки Wordlist для каждого из трех подкорпусов составлены только из одиночных лемм, в то время как ключевые лексические элементы (Keywords) представлены как списками из одиночных слов (Single-words), так и списками из словосочетаний (Multi-word terms). Нужно также отметить, что в процессе производства списков самых частотных и самых ключевых слов из них были исключены так называемые Stopwords, т. е. служебные части речи.

Следующим шагом в нашей работе стал отбор лексических образцов, состоящих из первых 200 слов списков Wordlist и Keywords для каждого из подкорпусов учебников. При отборе данных образцов для анализа исключались некоторые имена собственные (например, часто встречающиеся в диалогах имена персонажей). Чтобы проанализировать лексические единицы в данных списках с точки зрения их семантики, мы выбрали 23 тематические группы на основе классификации, представленной в «Лексических минимумах» [Андрюшина, Козлова 2014: 54–

55] и адаптированной согласно нашим задачам. Затем мы рассортировали компоненты лексических списков (первые 200 слов Wordlist и Keywords из каждого подкорпуса) по тематическим группам с целью провести подсчет и выявить наиболее представленные семантические поля, включающее наибольшее количество слов.

Исходя из этого, по результатам количественного анализа представляется возможным сделать следующие выводы. При сравнении списков, включающих первые наиболее частотные 200 слов (Wordlist) из учебников «Давайте!» и «Раз, два, три!», наиболее представленными тематическими группами оказались «Коммуникация» и «Объекты и их характеристики» (в них вошло от 19 до 22 слов из 200). Среди первых пяти самых частотных слов в группе «Коммуникация» оказались следующие глаголы: а) говорить, сказать, смотреть, видеть, позвонить («Давайте!»); б) говорить, видеть, смотреть, сказать, слушать («Раз, два, три!»). В группе «Объекты и их характеристики», одной из наиболее представленных в данных учебниках, первые пять слов оказались прилагательными: а) новый, хороший, большой, красивый, маленький («Давайте!»); б) хороший, новый, большой, маленький, прекрасный, а также наречие плохо («Раз, два, три!»). Таким образом, можно отметить схожесть наиболее многочисленных тематических групп из первых двух учебников. Наоборот, в списке первых 200 наиболее частотных слов учебника «Ура!» наиболее наполненными являются тематические группы «Кухня» (к этой группе принадлежит 21 слово из 200) и «Образование» (19 слов из 200). Первые пять наиболее частотных слов в группе «Кухня»: пить, кафе, ресторан, обед, торт; в группе «Образование»: знать, школа, университет, писать, читать. Тематические группы «Коммуникация» и «Объекты и их характеристики» тоже представлены в списке 200 слов Wordlist учебника «Ура!», хотя и в меньшем количестве (по 18 слов в каждой из групп).

Анализ первых 200 ключевых элементов (Keywords) в трех подкорпусах показал следующие результаты. В учебнике «Давайте!» наиболее представленными является тематические группы «Человек и его характеристики» (Single-words, 25 слов) и «Музыка, литература, искусство» (Multi-word terms, 46 словосочетаний). Так же и в учебнике «Раз, два, три!» две выше названные группы являются самыми многочисленными (26 слов и 46 словосочетаний соответственно). Иная ситуация складывается в связи с анализом ключевых элементов в учебнике «Ура!»: здесь самыми многочисленными становятся тематические группы «Кухня» (Single-words, 35 слов) и «Город» (Multi-word terms, 33 словосочетания).

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы:

- 1) Тематические характеристики наиболее частотной и ключевой лексики отдельных подкорпусов соответствуют уровням, обозначенным в учебниках (A1–B1), охватывая повседневную и личную сферы и приближаясь к профессиональной. Неслучайно «Давайте!» и «Раз, два, три!» предоставляют учащимся РКИ в основном базовую лексику, которая позволяет им, прежде всего, развивать навыки описания коммуникативных действий, людей и предметов, в то время как «Ура!» проявляет внимание к лексике, относящейся к группе «Еда и кухня» и к сфере образования (т. е. к текущим интересам и сферам деятельности учащегося).
- 2) На наш взгляд, лексический портрет рассмотренных учебников точно отражает их назначение. Напомним, что учебник «Ура!» в отличие от двух других учебников предназначен именно для итальянских средних школ и училищ, в том числе с неязыковым профилем обучения, таких как, например, «istituto tecnico» или «istituto professionale». «Давайте!» и «Раз, два, три!», напротив, рассчитаны на использование в школе и в университете, либо только в университете, соответственно. По этой причине «высокие» культурные темы, связанные с музыкой, литературой, искусством и т. д. в учебнике «Ура!» представлены не так широко. Предпочтение отдается более конкретным темам, таким как еда или город (более подробный анализ культурных тем, представленных в учебниках РКИ изданных в Италии, с акцентом на университетскую среду, см. в статье [Torresin 2023]).

В заключение отметим необходимость дальнейшего изучения и анализа учебников РКИ, используемых в Италии, посредством применения методов корпусной лингвистики также как и других подходов, позволяющих восполнить пробелы в текущих исследованиях РКИ, касающихся итальянского контекста.

Литература

Андрюшина Н. П., Козлова Т. В. (сост.) Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение. 5-е изд. СПб.: Златоуст, 2015.

Копотев М. В. Введение в корпусную лингвистику: учеб. пособие. Прага: Animedia, 2014.

Лядская Д. RUFLIT (Russian as a Foreign Language in Italy) — Корпус учебников РКИ, изданных в Италии, уровни А1–В1, 2022. URL: <https://www.sketchengine.eu/>

Torresin L. Culture in Russian as a foreign language (RFL) textbooks in Italian universities: Critically analyzing concepts of culture and intercultural competence // Forum for Linguistic Studies, 2023. No. 5(2). P. 1759. DOI: 10.59400/fls.v5i2.1759

Мамбетова Роза Балтабаевна¹, Шерниязова Гоззал Алишеровна²

¹канд. филол. наук, доцент,

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха;

roza.mambetova.66@bk.ru

²докторант, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха;

gozzalsherniyazovaa@gmail.com

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ КОМПЛЕКСА УПРАЖНЕНИЙ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: обучение, профессионально-ориентированное общение, русский язык, студенты-юристы, навыки коммуникации, специфическая лексика.

В современном обществе иноязычное общение становится основным компонентом профессиональной деятельности специалистов и в том числе юристов, так как современная юридическая практика требует от студентов-юристов не только глубоких знаний в области права, но и умения эффективно общаться с клиентами, коллегами и судьями. Профессионально-ориентированное общение является неотъемлемой частью успешной юридической деятельности. В связи с этим усиливается роль профессионально-ориентированного подхода к обучению иностранному языку, который предусматривает формирование у студентов способности иноязычного общения в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления. Под профессионально-ориентированным понимается обучение, основанное на учете потребностей студентов в изучении иностранного языка, диктуемого особенностями будущей профессии или специальности [Образцов, Иванова 2005]. Оно предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с развитием личностных качеств обучающихся, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях.

Рассматривая иностранный язык как средство формирования профессиональной направленности будущего специалиста, Н. Д. Гальскова отмечает, что «при изучении профессионально-ориентированного языкового материала устанавливается двусторонняя связь между стремлением студента приобрести специальные знания и успешностью овладения языком» [Гальскова 2000].

«Изучение иностранного языка должно быть не самоцелью, а средством достижения цели, повышения уровня образованности, эрудиции в рамках своей специальности»

Учет специфики профилирующих специальностей предполагает: работу над специальными текстами, изучение специальных тем для развития устной речи, изучение словаря-минимума по соответствующей специальности, создание преподавателями пособий для активизации грамматического и лексического материала обучающихся [Образцов, Ахулкова, Черниченко 2005].

Одним из факторов, влияющих на уровень формирования коммуникативной компетенции студентов является выбор правильной стратегии обучения. На наш взгляд -это коммуникативно-ориентированная стратегия курса русского языка.

Показателем освоенности материала служит понимание содержания текста, способность студентов находить нужную информацию, решать коммуникативные задачи: поиск интересующей специальной информации, селекция и извлечение основной интересующей информации, её обобщение и интерпретация и запоминание.

Систематическая работа над развитием речевых навыков повышает уровень устной речи, диалогической коммуникативной культуры студентов.

Коммуникативно-речевые компетенции являются «сквозными», строевыми в аспекте профессиональной и общекультурной подготовки специалиста [Косянова 2008].

На наш взгляд формирование компетенции профессионального общения на русском языке в процессе юридического образования будет осуществляться более эффективно, если:

- обучение языку профессионально-ориентированное
- владение языком рассматривается как компонент профессионально — юридической коммуникативной компетенции;
- если реализуется интегрированное обучение;
- на занятиях создаются ситуации для профессионального общения (тексты, видео материалы подбираются по специальности)

Мы предлагаем следующую структуру урока:

1. Грамматический материал.

1.1. Фонетические задания

1.2. Лексические задания

2. Видеофрагмент

2.1. Вопросы по видеофрагменту.

3. Текстовые задания

3.1. Грамматические задания

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при обучении русскому языку как неродному необходимо развивать коммуникативно-речевые компетенции с учетом специальности студентов, что свою очередь способствует развитию коммуникативно-речевых компетенций студентов и обеспечит полноценный процесс усвоения и передачи знаний.

Литература

- Гальскова Н. Д.* Современная методика обучения иностранному языку: пособие для учителя. М: АРКТИ-Глосса, 2000. 165 с.
- Косянова О. М.* Коммуникативная компетентность как одна из основ качественного профессионального образования студентов правовых специальностей // Наука и школа. № 1. 2008. С. 8–12.
- Образцов П. И., Иванова О. Ю.* Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. Орел: ОГУ, 2005. 114 с.
- Образцов П. И., Ахулкова А. И., Черниченко О. Ф.* Проектирование и конструи-рование профессионально-ориентированной технологии обучения. Орел, 2005. 61 с.

Никольская Зоя Александровна

канд. филол. наук, преподаватель и административный директор,
школа PKI Språkskolen russisk.no & METODIUS;
etmetoduis@russisk.no

ТАБЛИЦА РЕДУКЦИИ ГЛАСНЫХ В УЧЕБНИКЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ «TA RUSSISK NYBEGYNNERKURS» АВТОРА ДОКЛАДА

Ключевые слова: редукция гласных, длительность ударных и безударных, позиция в слове по отношению к ударению, качественная и количественная редукция.

Таблица редукции гласных — одна из трёх таблиц, которые активно используются в объяснениях и в практических упражнениях учебника автора доклада для начинающих: 1) &METODIUS Azboka, 2) &METODIUS Alfavit и 3) &METODIUS Vokalreduksjonstabell. Первая визуализирует основной принцип русского письма, для чего все гласные и согласные разделены на дизезные и недиезные. Вторая представляет русский алфавит во всех его вариантах (большие и маленькие печатные буквы, прописные и строчные) с названием букв алфавита, с указанием передаваемых каждой буквой звуков в разных позициях, с норвежской транслитерацией и с передаваемыми ими звуками на норвежский настолько это возможно. Здесь речь о таблице редукции гласных.

Редукция гласных отсутствует в норвежском. Все 9 имеющиеся в языке букв для гласных произносятся в соответствии с написанием независимо от своей позиции в слове по отношению к ударению. Это поддерживается музыкальным ударением — наличием двух тоном. Невольно перенося свои навыки из родного языка на русский, норвежские студенты, старательно пытаясь понять, что за звуки [ь] и [ъ], произносят их то как [o], то как [a], то как [э], а то и как [y]. Требуется осознанная целенаправленная работа, чтобы понять, что у [ь] и [ъ] нет своих букв, они не встречаются в ударной позиции. Нелегко смириться и с тем, что буквы ь и ъ не означают никакого звука, а выполняют техническую работу. Наша таблица помогает в обучении редукции начинающих, однако мы её используем и тогда, когда к нам приходят незнакомые с системностью этого явления других уровней с несистемными ошибками. Показав им, что редукция гласных работает системно, мы тем самым облегчаем работу себе и им.

Нашей таблице много лет, мы её много раз обновляли. Каждое обновление вызвано кристаллизацией критериев помещения/непомещения в неё информации. Работа со студентами самый важный фактор этой кристаллизации.

Все три упомянутые выше таблицы существуют также и как самостоятельные пособия. В этом их виде делать обновления намного проще и быстрее, чем выпускать новую редакцию учебника. Вот почему в учебнике не всегда последняя редакция. Здесь мы рассказываем о последнем обновлении.

Таблица в настоящем её виде даёт информацию о 1) буквах, отражающих гласные звуки; 2) о типах позиций, занимаемых гласными в слове (ударной и двух безударных); 3) об условном соотношении длительностей в этих типах позиций; 4) о типах редукции — качественной и количественной; 5) о звуке, произносимом в данной позиции на месте данной буквы.

Наша таблица цветная, все пять рядов её имеют свой цвет. Первый ряд белый, обозначает буквы в такой последовательности: а о э я е и ы у ю ё. Эта последовательность имеет значение, которое легко считывается в остальных рядах.

Второй ряд тёмно-бордового цвета. Тут представлены звуки, передаваемые буквами первого ряда в ударной позиции: [á] [ó] [э] [‘á] [‘э] [‘í] [ы́] [‘ý] [‘ú] [‘ó]. Знак мягкости, который, вообще говоря, относится к стоящему перед гласным согласному, важен: он означает разницу между дизезным и недиезным гласными, которая особенно резка между звуками, передаваемыми буквами «э» и «е».

Третий ряд красного цвета. Здесь представлены звуки первого предударного слога, а также в начале слова. В этой позиции буквам «о» и «а» соответствует [а], буквам «я», «э», «е», «я», «е» и «и» соответствует [и].

Четвёртый ряд розового цвета. Здесь находятся звуки всех прочих безударных позиций. Буквам «а», «о» и «э» соответствует краткий недиезный [ъ], который в зависимости от темпа речи меняет окраску, оставаясь при этом недиезным. Никогда не бывая под ударением, он неуловим для носителей языка до тех пор, пока они не смиряются с его неуловимостью и перестанут искать чёткий произносительный эквивалент. Зато как только они освобождают себя от этого поиска, у них всё получается как надо.

Буквам «е» и «я» в этих позициях соответствует [ь] — диезная пара [ъ].

Исключение: букве «я» в позиции безударного конечного слова соответствует недиезный [ъ]. Это обозначено в сиреневом, четвёртом ряду.

Кроме вышеописанной информации, в таблице имеется информация о соотношении длительностей. Длительность для каждой позиции обозначена цифрой в жёлтом квадрате в соответствующем ряду слева. Длительности условные, их значение в том, что учащиеся видят, что ударный самый долгий, что менее долгий первый предударный и начальный, а прочие безударные самые короткие. Эту информацию мы то включали, то исключали в разных редакциях. В нашей последней редакции она есть. Убедили студенты, которые несколько месяцев не могли взять в толк, почему «о» нужно произносить [а] только в первом предударном и в начальном слоге. И получалось [хорошó], [харашá], [харáша] и др. Как только я рассказала про соотношение длительностей, всё стало по своим местам.

В самой левой колонне таблицы информация длительностях, соответствующих цифрам рядов: 1 - полная длина; 2 — короче; 3 — самая большая степень редукции.

Вторая колонна слева описывает типы позиции в слове: 1) ударная; 2) первая предударная и первая безударная; 3) прочие безударные; 4) «я» в последнем безударном слоге.

Третья колонна слева самая большая. Она делит каждый ряд особо. Тёмнобордовый ряд имеет 10 колонн — по числу букв для ударных гласных, у каждой буквы своё самостоятельное, нередуцированное, произношение. Букве «ё» соответствует один-единственный звук, эта буква всегда под ударением.

В красном ряду 5 колонн. В первом предударном слоге и в начале слова несколько букв передают один и тот же звук.

В розовом 6 колонн, они не совпадают с колоннами красного ряда: комбинации букв, передающих один и тот же звук, другие.

В сиреневом ряду только одна колонна — для «я».

Буквы «и, ы, у, ю» подвергаются только количественной редукции: звуки, которые они передают, одни и те же, но различаются по длительности в разных позициях.

В учебнике информация таблицы распределена по урокам. Только освоив материал всего учебника, студент научается считывать всё, что есть в таблице.

Нурманов Абдиназар Ташбаевич

*д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания,
Джизакский государственный педагогический институт им. А. Кадыри, Джизак, Узбекистан*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Ключевые слова: концепт, концептуальный подход, менталитет, ценности национальной культуры.

В мировом образовательном процессе формирование интереса к изучению иностранных языков и культуры страны, язык которой изучается, является одной из важнейших задач в языковой подготовке будущих специалистов. Иностранный язык выступает как основа формирования лингвокультурологической компетенции у обучающихся. Одним из важнейших механизмов успешного и эффективного разрешения этой задачи является использование на занятиях по иностранным языкам значимых текстов культуры страны, язык которой изучается, в которых концентрируются основы народной ментальности и национального характера, системы ценностей и культурных установок.

В ведущих университетах и научных центрах мира осуществляются исследования форм категоризации и концептуализации мира в системе иностранных языков (русского языка в том числе), лингводидактических возможностей концептуального и компетентностного подходов в формировании у обучаемых лингвокультурной и лингвострановедческой компетенций, методов сравнительной концептологии, когнитивной и контрастивной лингвистики в научно-дидактическом освоении семантического пространства иностранного языка, вопросов выявления и снятия в учебном процессе психологических, социокультурных, лингводидактических трудностей в освоении русского языка как иностранного.

В Узбекистане за последние годы отдельное внимание уделяется повышению качества обучения иностранным языкам, подготовке специалистов, владеющих иностранными языками на уровне международных стандартов. Активно осуществляется обновление содержания обучения иностранным языкам на всех уровнях системы непрерывного образования. Совместно с ведущими специалистами вузов Российской Федерации разработана новая концепция обучения русскому языку как иностранному в школах с узбекским и другими языками обучения, созданы современные учебники русского языка, реализующие мировые тенденции, подходы, методы в области преподавания иностранных языков, русского языка как иностранного.

На современном этапе в методике преподавания русского языка как иностранного в Узбекистане активно внедряются компетентностный и концептуальный подходы.

Компетентностный подход предполагает ориентацию на формирование различных специальных способностей личности как результатов обучения. Компетентностный подход направлен на формирование у обучаемых, прежде всего, коммуникативной компетенции, включающей формирование страноведческой и лингвокультурной компетенций.

Концептуальный подход основан на лингвистических исследованиях концептов — объемных и комплексных единиц лингвокультуры и коммуникативно-познавательной деятельности. Концепт в современной гуманитарной науке трактуют и как «сгусток культуры» в сознании носителей языка (Ю. С. Степанов), и как «единицу ментального лексикона» (Е. С. Кубрякова), и как результат столкновения значения слова с народным опытом и личным опытом человека (Д. С. Лихачев), и как ментальные единицы, которые имеют вербальное и невербальное выражение (в том числе, в художественной литературе и искусстве) и через которые происходит структурирование знаний человека, погруженного в национальную культуру, о мире. Концептуальный подход предлагает базироваться в обучении единицам языка на положении о том, что за многими из них стоят целые ряды явлений из разных сфер культуры и что при овладении этими концептуальными знаниями происходит более глубокое вхождение обучающегося в духовный мир иной культуры.

Концептуальный подход уточняет три важных пункта: 1) за словом может стоять не просто понятие (значение) и коннотативные (в том числе, оценочные) значения, но и целый комплекс заданных в культуре эмоционально-чувственных образов; 2) слово может обозначать такое ментальное явление (т.е. явление коллективного сознания носителей лингвокультуры), которое укоренено, проявлено в культуре самыми разными способами; 3) в соответствии с первыми двумя пунктами следует выработать особую методику освоения слова не как слова как такового, а как наименования концепта.

Эта особая методика должна включать движение от содержательного центра концепта к периферии и органичное соединение логических и чувственных элементов в содержании концепта. Этот последний постулат предполагает, что методика освоения лексического концепта необходимо носит проблемно-поисковый характер и основана на активном комплексном включении механизмов анализа, догадки, прогнозирования, сопоставления, обобщения и эмоционального погружения в сознании обучающихся [Макшанцева, Королева 2019: 232–233].

На сегодняшний момент этот подход в методике преподавания русского языка, в целом, является недостаточно разработанным, но перспективным. Изучение концептов на занятиях по РКИ означает ознакомление обучающихся с ценностным потенциалом русского языка, который также представлен в языковом воплощении ключевых концептов национальной культуры. Обращение к ценностным основаниям культуры играет значительную роль в концептуальном анализе в том виде, в котором он представлен в преподавании РКИ. Центральное положение категории ценности в содержании культуры предопределяет и особое место ценностей в «национальной концептосфере». Если методологической основой изучения концептов на занятиях РКИ служит мировоззрение, мировидение личности, являющейся носителем языка и культуры, то понятие ценности может стать центральной категорией этого изучения.

«Сопряжение культурного содержания языковых единиц через когнитивные структуры с национальным культурно-нравственным опытом народа позволяет преподавателю создать лингвокультурологический комментарий к имплицитному содержанию текстов на русском языке» [Лысакова 2019: 83–84]. Изучая национально-культурное содержание языковых единиц, преподаватели РКИ на основе концептуального анализа получают возможность дать их комплексное описание для иностранных учащихся «с целью понимания их во всей полноте содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры» [Воробьев 1997: 84].

Именно использование концептов на занятиях по РКИ наилучшим образом способствует формированию страноведческой и лингвокультурной компетенции как знания идеальным говорящим / слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке [Лысакова 2019: 84].

В формировании страноведческой и лингвокультурной компетенции при обучении русскому языку как иностранному учитываются:

существование этнопсихологического аспекта межкультурных различий — религиозных основ, определяющих специфику национального мировидения, базовых ценностей национальных культур, специфики менталитета и национального характера, особенностей этнических стереотипов;

национальное своеобразие языкового отражения мира, или языковой ментальности, — специфики различных языковых уровней; определяющая роль лексики в формировании национальной языковой картины мира; особая значимость культурных коннотаций, оценочное основание которых восходит к ценностным установкам национальных культур; обусловленность коннотативных значений содержанием «фоновых знаний» и др.;

соотношение значений языковых единиц с концептами национальной культуры и общими характеристиками концептосферы русского языка [Нурманов 2023: 141–142].

Все это делает использование концептов при обучении РКИ в высшей степени актуальным.

Литература

- Воробьев В. В.* Лингвокультурология (теория и методы): монография. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
- Лысакова И.* Методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие для вузов. Русский язык. Курсы. 2019. 320 с.
- Макшанцева Н. В., Королева С. Б.* Преподавание РКИ сквозь призму теории концепта // Язык и культура. 2019. № 47. С. 231–244.
- Нурманов А. Т.* О формировании страноведческой и лингвокультурной компетенции в обучении русскому языку как иностранному (РКИ) // Психологическая безопасность образовательной среды: Материалы VI международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 28 февраля 2023 г.) / отв. за вып. проф. Г. В. Сорокоумова. Н. Новгород: НГЛУ, 2023. 428 с.

Первушина Ирина Сергеевна

старший преподаватель,

Санкт-Петербургский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЗВУКОВЫХ СИСТЕМ ВЬЕТНАМСКОГО, ЛАОССКОГО И КХМЕРСКОГО ЯЗЫКОВ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Носители слоговых языков, во время овладения русским произношением, сталкиваются с трудностями, которые обусловлены различиями в слоговой структуре русского языка и родного языка обучаемых. Звуковые системы вьетнамского, лаосского и кхмерского языков до сих пор недостаточно изучены и описаны. В настоящей статье структура слогов вьетнамского языка описана на основе исследований М. В. Гординой и В. С. Быстрова [Быстров, Гордина 1984], лаосского — Л. Н. Морева, А. А. Москалева, Ю. Я. Плам [Морев, Москалев, Плам 1972], кхмерского — Ю. А. Горгониева [Горгониев 1961]. Фонетические системы указанных языков обладают как сходствами, так и различиями, что следует учитывать при построении модели обучения русскому произношению носителей слоговых языков. В указанных языках Юго-Восточной Азии, по сравнению с русским языком, количество согласных меньше, чем количество гласных; нет оппозиции шумных согласных глухих и звонких, твердых и мягких, однофокусных и двухфокусных щелевых; отсутствует оппозиция сонантов щелевых и дрожащих по твёрдости-мягкости. Слог представляет собой морфему и является словом, при этом он имеет строгую жесткую структуру. Интонация в слоговых языках не выполняет такую роль, как в русском языке, где она не только оформляет высказывание, но и в некоторых случаях является единственным средством, определяющим его тип, а также участвует в оформлении эмоций. В слоговых языках каждый слог оформлен тоном. Русский язык является языком фонемного строя. В русском языке почти все согласные могут занимать любую позицию в слогe, кроме звонких согласных в абсолютном конце слова, слова могут быть как односложными, так и многосложными с разным местом ударения. Консонантные кластеры возможны во всех позициях (начало слова, середина и конец). Кроме того, в слове может быть несколько консонантных кластеров (председательствовать). Максимальное количество согласных в кластере — семь (контрвстреча). Сравнение структур слогов вьетнамского, лаосского и кхмерского языков позволило выявить как общие, так и специфические черты. Количество слогов во вьетнамском языке строго фиксировано, их насчитывается около 2500. Наименьшие слоги состоят из одного обязательного элемента — слогаобразующего гласного (тональ). Максимальное количество звуков во вьетнамском слогe — четыре. Все звуки в слогe располагаются по отношению к слогаобразующему гласному в строго определенном порядке. Структура слога вьетнамского языка представлена четырьмя типами слогов, в которых выделяют 16 подтипов. В зависимости от конечного элемента слоги вьетнамского языка могут быть открытыми (оканчиваются на слогаобразующий гласный), полуоткрытыми (оканчиваются на сильноконечный полугласный), закрытыми (оканчиваются на глухой имплозивный согласный), полузакрытыми (оканчиваются на сонант). В лаосском языке представлены два типа слогов: CV и CVC, где C — любой согласный лаосского языка, а V — любой гласный. В зависимости от конечного элемента слоги лаосского языка делятся на типы: открытые (заканчиваются на гласный), полуоткрытые (с конечными: губным щелевым сонантом [w], среднеязычным щелевым сонантом [j]), полузакрытые (с конечными сонантами: губным [m], переднеязычным [n], заднеязычным [ŋ]) и закрытые (с конечными смычными [p], [t], [k], [ʔ]). В открытых слогах имеют место только долгие гласные. В слогах полуоткрытого типа губной конечнослоговой сонант [w] может употребляться только после гласных переднего ряда [i], [iə], [e], [ɛ], а единственно возможным конечнослоговым согласным после гласных заднего ряда [u], [uə], [ʊ], [ɔ], [ʊə] является [j]. В слогах полузакрытого типа отсутствует ограничение употребления конечнослоговых согласных в зависимости от качества предшествующего гласного. В кхмерском языке слова преимущественно односложные или двусложные. Слог строится по

схеме: начальный согласный (любой из имеющихся в звуковой системе языка) или начальная консонантная группа, слогообразующий гласный, конечный согласный. Структуру кхмерского слога можно представить в виде формулы (C)V(C). Конечный согласный обязателен, если слогообразующий гласный краткий и необязателен, если слогообразующий гласный долгий. Если слог начинается с гласного, то ему предшествует легкая гортанная смычка. В качестве инициали в лаосском языке могут выступать все имеющиеся согласные, а во вьетнамском и кхмерском языках существуют дистрибутивные ограничения. Дистрибутивные ограничения на употребление согласных в качестве финали существуют во всех трех языках. Реализация согласных зависит от их позиции в слоге: в начальнослоговой позиции смычные согласные произносятся как эксплозивные во вьетнамском, лаосском и кхмерском языках, но конечнослоговые во вьетнамском и лаосском языках реализуются как имплозивные. Согласные [p], [t], [k] в позиции конца слога подвергаются полной имплозии, что на русский слух воспринимается как ноль звука. Слова во вьетнамском, лаосском и кхмерском языках преимущественно одно- или двусложные. Большее количество слогов (не более 4) возможно только в заимствованных словах. Таким образом, учитывая различия в структуре слога родных языков обучаемых и структуры слога русского языка при обучении русскому произношению следует обратить особое внимание на: слоги со стечением согласных; устранение имплозии при произнесении согласных [p], [t], [k] в позиции абсолютного конца слова; особенности произнесения ударного гласного и подвижность русского ударения.

Литература

- Горгониев Ю. А.* Кхмерский язык. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 130 с.
- Гордина М. В., Быстров И. С.* Фонетический строй вьетнамского языка. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1984. 243 с.
- Морев Л. Н., Москалев А. А., Плам Ю. Я.* Лаосский язык. М.: Наука, 1972. 255 с.

Пономарева Зинаида Николаевна

канд. филол. наук, доцент,
Учебно-информационный центр «Златоуст»;
zikula@gmail.com

ЧИТАТЬ И ВИДЕТЬ МИР ПО-РУССКИ

Ключевые слова: экстенсивное чтение, уровень понятности текста, познавательность и увлекательность информации, синтетическая подача материала, современные тенденции восприятия текста читателем.

В издательстве «Златоуст» в течение последних трёх лет выходят в серии «Мои путешествия» небольшие книги, предназначенные для чтения иностранцами, градуированные по пяти уровням владения русским языком, рассчитанные, в основном, на уровни А2, в меньшей степени В1: «Пролив Бигль, «Новая Гвинея», «Иностранцы на Алтае» (2021 год), «В стране вулканов» (2022 год), «Приключения в Индии и Непале» (2023 год) [Кеменов 2023].

Чтение при этом не служит подготовкой учащегося к речевой деятельности (беседа, пересказ, лексико-грамматический анализ и прочее). Целью является собственно чтение с извлечением интересной информации, с вовлечением читателя в действие и сопереживание героям, а также расширение знаний по русскому языку, русской истории и культуре. Хотя читатель «путешествует» не только по России, он смотрит на мир глазами русского путешественника и узнаёт особенности его менталитета и логику его поступков.

По форме это чтение «про себя» — подобно основной форме чтения на родном языке.

По виду речевой деятельности книги серии «Мои путешествия» предполагают экстенсивное чтение, которое не следует дополнять и усложнять другими видами языковой деятельности, что соответствует современному подходу к обучению иностранному (в том числе русскому) языку.

Экстенсивное чтение развивает умение читать тексты с общим охватом их содержания и в основном самостоятельно, в том числе на иностранном языке. При этом важным стимулом для читателя является доверие автора к нему, его способности выходить за рамки лексического минимума, обязательного для соответствующего уровня владения языком, и получать удовольствие от чтения аутентичного текста.

Методика подготовки текста в соответствии с уровнем знаний по русскому как иностранному строится согласно требованиям и рекомендациям ТЕКСТОМЕТРа, которые в значительной мере облегчают отбор языковых единиц, прежде всего лексики и грамматики, позволяют скорректировать уровень сложности текста, рассчитать индексы удобочитаемости.

Уровень понятности текста повышается за счет лексических повторов на протяжении текстового фрагмента, однозначного контекстуального смысла слова, явных словообразовательных связей, а также визуальной поддержки: лексика, выходящая за рамки предлагаемого уровня РКИ, иллюстрируется картинками и фотографиями на полях или в тексте и незначительным количеством культуроведческих примечаний [Балтак 2020].

Привлекательной особенностью текстов являются:

- абсолютная правдивость и оригинальность: автор максимально точно описывает свои приключения и переживания в путешествиях;
- занимательность фабулы, наличие конфликта и его разрешения;
- увлекательность и разнообразие впечатлений и их представления в книге;
- доступность изложения при строгом отборе языкового и речевого материала;
- эмоциональность и образность текста;
- познавательность, новизна и богатство страноведческого материала;
- синтетическая, современная подача материала, когда печатный, буквенный текст отражается, дублируется на каждой странице в авторских фотографиях, фрагментах авторских видеофильмов, поданных в куар-кодах на страницах книг;

- учет современных тенденций восприятия текстов: молодые читатели предпочитают небольшие произведения, поэтому методически оправданно членение материала на «серии» для чтения в «продолжениях», а не большим массивом.

Опыт показал, что наличие в серии одних и тех же героев, воплощающих мужественность, обладающих эрудицией, чувством юмора, умеющих выходить из самых неожиданных трудных ситуаций, оказывается также привлекательным для читателя.

Герои имеют своё лицо и явную «русскость»: они образованные, разносторонне развитые, смелые, предприимчивые, доброжелательные, восприимчивые к красоте и всему новому, они знают историю и культуру своей страны. Они симпатичны, поэтому — если они понравились — читатель захочет встретиться с ними снова.

Таким образом, определенная сериальность, кассетность изданий оказывается целесообразной (в настоящее время издано пять книг).

Отзывы читателей (причём как иностранцев, так и русских, от подростков до зрелых людей) говорят об их интересе к представляемой серии: «Интересно», «Познавательно», «Отличные книги».

В заключение приведем мнение об экстенсивном чтении: *«Сейчас я читаю только экстенсивно, даже если уровень языка средний. Как избежать ситуации с непониманием смысла? Всё просто: берите книгу чуть ниже по уровню или же ровно вашего уровня. Как и остальные аспекты изучения языка, чтение должно приносить радость!»* (Телеграмм-канал).

Литература

Кеменов Л., Пономарева З. Приключения в Индии и Непале. СПб.: Златоуст, 2023. 88 с. (Мои путешествия)

Балтак О. Роль адаптированного чтения в процессе усвоения иностранного языка (Италия) // Вопросы преподавания русской литературы за рубежом: междунар. сб. науч.-метод. ст. / под ред. П. Г. Гельфрейх и А. В. Голубевой. СПб.: Златоуст, 2020. С. 110–122.

Прокудина Ирина Сергеевна

канд. филол. наук, доцент,

Новосибирский государственный университет экономики и управления;

pris1981@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: аксиологический подход, духовно-нравственные ценности, новостной текст.

В современных геополитических условиях в целях формирования позитивного образа России крайне важным представляется идеологическое направление преподавания РКИ, включающее в том числе формирование у студентов-иностранцев представлений о традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Данный аспект способствует реализации аксиологического подхода к обучению русскому языку иностранных учащихся, предполагающего воспитание у них ценностного отношения к культуре и духовно-нравственной сфере русскоязычного общества. Также формирование у студентов-иностранцев представлений о нравственно-этических ориентирах российского социума способствует развитию их социокультурной компетенции и является необходимым условием успешного овладения русским языком.

Базовые традиционные российские духовно-нравственные ценности прописаны в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В данном документе традиционные ценности определяются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809: 3]. К традиционным ценностям российского общества относятся «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809: 3].

Формирование у иностранных учащихся представлений об указанных ценностях осуществляется на основе учебного материала, отражающие различные аспекты нравственности. В качестве такого материала используются художественные произведения, фольклор, документальные и художественные фильмы, публицистические тексты и т. п., затрагивающие различные аспекты нравственности.

На наш взгляд, также в качестве такого учебного материала могут быть привлечены новостные тексты современных СМИ, которые прямо или косвенно репрезентируют духовно-нравственные установки российского общества. Возможность использования медийного дискурса для формирования у иностранных студентов представлений о традиционных нравственных ориентирах обусловлена тем фактом, что тексты СМИ являются «своеобразным «накопителем» социально значимого материала об идеологии и духовном потенциале своего народа» [Кулик 2019: 92], а также должны служить для продвижения культурных и нравственных ценностей.

Так, анализ новостного контента российских СМИ позволяет сделать вывод, что в медийном дискурсе представлены новости, так или иначе транслирующие значимость таких духовно-нравственных ценностей, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, историческая память и преемственность поколений (*В акции «Бессмертный полк» в России приняли участие более 12 млн человек [RT, 09.05.2022], В Санкт-Петербурге состоялось торжественное*

поднятие флагов трёх эпох [RT, 17.06.2023]), традиционные семейные ценности (На международной выставке «Россия» зажгли Всероссийский семейный очаг [RT, 24.01.2024]), коллективизм, взаимопомощь («В культуре народов Российской Федерации — чувство сопричастности»: Путин — о деятельности волонтеров [RT, 04.12.2024], единство народов России, межнациональное и межрелигиозное согласие (ФАДН: Россия не потеряла ни одного языка проживающих в стране народов [RT, 08.12.2023]) и др.

Отбор новостных текстов в рамках аксиологического подхода обучения РКИ должен осуществляться на основе содержательных (информативность, аксиологически детерминированная семантика, культуuroобразующее лексико-грамматическое наполнение и т. д.), функциональных (лингвострановедческая ценность, аксиологическая направленность и т. д.) и лингводидактических (доступность, аутентичность, проективный характер и т. д.) критериев [Верещагин, Костомаров 1990], [Надха 2021]. Также при отборе новостного материала важно принимать во внимание внешнеполитическую позицию, специфику менталитета, этнокультурные и идеологические особенности родных стран обучающихся [Кулик 2019: 92]. Отдельно следует отметить, что в учебном процессе следует использовать новостной материал авторитетных СМИ.

При работе с новостными текстами для формирования представлений о нравственных ценностях российского общества необходима тщательная методическая работа преподавателя РКИ как на подготовительном этапе, так и собственно при работе с текстами новостей в аудитории. На подготовительном этапе следует обратить внимание на отбор новостного текста в соответствии с указанными выше критериями, разработку системы упражнений и заданий к нему с учетом целей обучения, подразумевающих выведение знаний и представлений о нравственных ориентирах российского социума. Для этого могут быть использованы такие приемы, как комментированное чтение, беседа, дискуссия и т. п. Следует отметить, что на этапе работы с текстом в иностранной аудитории, помимо всего прочего, от преподавателя также требуется умение тактично и объективно объяснять идеологические, ценностные и мировоззренческие аспекты новостей российских СМИ с учетом предшествующего опыта обучающихся [Кулик 2019: 92].

Таким образом, в целях формирования у иностранных учащихся представлений о морально-нравственных ориентирах российского общества в процессе обучения РКИ могут быть привлечены отобранные в соответствии с содержательными, функциональными и лингводидактическими критериями новостные тексты, использование которых предполагает тщательно проработанное методическое сопровождение.

Литература

- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., пер. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
- Кулик А. Д. Синергия новостных контентов средств массовой информации в профессионально ориентированном обучении русскому языку как иностранному // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 11–2. С. 89–93.
- Надха С. Э. Критерии отбора текстов культурологической направленности при реализации аксиологического подхода на занятиях по русскому языку как иностранному // Наука и школа. № 2. 2021. С. 179–186.
- Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=1> (дата обращения: 10.01.2024).

Решетникова Валентина Валентиновна

*старший преподаватель, Российский университет транспорта (РУТ МИИТ);
valentina_ros@mail.ru*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ МЕТАКОГНИТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: метакогнитивные компетенции, портфолио, эссе.

Выпускник российского вуза, должен быть не только человеком, усвоившим предметные знания, практические умения и опыт их применения в будущей профессиональной деятельности, но и быть достаточно компетентным в вопросах эффективной организации своей познавательной деятельности, обладающим достаточным уровнем самостоятельности и творческой активности. Эти же требования предъявляются и к студентам-иностранцам, обучающимся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры.

В последнее время ученые и методисты активно исследуют связь между уровнем сформированности метакогнитивной компетентности и результатами обучения студентов.

Если мы считаем, что обучение думать — это познание (английский термин — *cognition*), то, следовательно, обучение способам познания — это метапознание или метакогнитивная компетенция.

Метакогнитивность определяется как более высокий уровень познания, характеризующий способность к самоанализу и самоконтролю познания и восприятия информации; перевод внешней информации во внутреннюю.

Метакогнитивная компетентность рассматривается как умение осуществлять координацию, коррекцию и анализ собственной познавательной деятельности. Метакогнитивные стратегии применяются учащимися для того, чтобы эффективно решать учебные задачи, осуществлять мониторинг, регулировать и управлять когнитивным и аффективным процессами, строить свое собственное знание [Brown 1987: 68]. Метакогнитивные стратегии позволяют ученику проверить свое понимание, критические суждения и эффективность своего подхода с точки зрения правильно выполненного задания.

Метакогнитивные образовательные технологии формируют интеллектуальные умения и усиливают рефлексивные механизмы в образовательной деятельности; способствуют формированию метапознания и развитию метакогнитивных способностей, умений и качеств личности.

Метакомпетенции являются связующим звеном, способствующим эффективному овладению профессиональными компетенциями, они служат надструктурным входом в приобретение новых навыков, умений, компетенций, что способствует профессиональному становлению специалиста [Холодная 2005: 32].

Работа по развитию метакогнитивной компетентности в процессе обучения иностранному языку и русскому языку как иностранному предполагает этапы осведомленности, требующей отбора и обработки информации, активности для эффективной передачи содержания, критического осознания, рефлексии. Такая последовательность от обобщения материала до творческой реализации и самоанализа обеспечивает активизацию процессов познания, самопознания, саморефлексии, что улучшает показатели академического и профессионального роста студентов [Матыцин 2019]

Среди педагогических стратегий, стимулирующих развитие метакогнитивной компетентности, западные ученые называют написание риторического рефлексивного текста (эссе). Если студенту регулярно предлагать описать собственные мнения, а преподаватель будет тщательно контролировать и корректировать такую работу, это однозначно обеспечит развитие критических привычек мышления, что приведет к улучшению метакогнитивных процессов в целом.

Для улучшения уровня сформированности метакогнитивной компетентности многие методисты советуют использовать метод портфолио.

«Портфолио» — это эффективный механизм самооценки, предлагающий студентам критически взглянуть на собственные когнитивные способности, оценить возможности расширения знаний, пересмотреть устоявшиеся взгляды. Технология «портфолио» включает в себя обязательную публичную защиту и обсуждение. Такой критически рефлексивный дискурс позволяет преподавателю и, самое главное, студенту поразмышлять о возможностях собственного мышления, попытаться точно и ясно передать мысль в письменной и устной формах, очертить дальнейшие исследовательские проекты. Так, для портфолио А. Ратто Паркс предлагает следующие вопросы: 1. Над чем во время работы с научным материалом я чаще всего задумываюсь? 2. Почему у меня есть / нет проблем с изложением своих мнений на письме? 3. Часто ли я пересматриваю собственные мнения / изменяю точку зрения? 4. Как мои собственные размышления задействованы в исследовательском процессе? [Ratto Parks 2006: 148]

Итак, среди эффективных педагогических технологий развития метакогнитивной компетентности можно назвать риторическое эссе и портфолио. Имея свою специфику, каждая технология способствует формированию навыков критического мышления, активизирует процессы познания, самопознания и рефлексии, что развивает метакогнитивную компетентность студента. Студенты используют метакогнитивные стратегии для повышения эффективности своего обучения и содействия развитию своей исследовательской компетенции — планированию, мониторингу и оценке.

Литература

- Матыцин О. В., Мокрецова Л. А., Швец Н. А. Метакогнитивная компетентность курсантов военного вуза: анализ уровня развития ее компонентов // *Современные проблемы науки и образования*. 2019. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29351> (дата обращения: 15.01.2024).
- Холодная М. А., Берестнева О. Г., Кострикина И. С. Когнитивные и метакогнитивные предпосылки интеллектуальной компетентности в научно-технической деятельности // *Психологический журнал*. 2005. № 1. С. 29–37.
- Brown A. L. (1987). *Metacognition, Executive Control, Self-Regulation, and Other More Mysterious Mechanisms* // F. E. Weinert & R. H. Kluwe (eds). *Metacognition, Motivation, and Understanding*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1987. P. 65–116.
- Ratto Parks A. E. *The Power of Critical Reflection: Exploring the Impact of Rhetorical Stories on Metacognition in First-Year Composition Courses*. (2015). Graduate Student Theses, Dissertations, & Professional Papers. URL: <https://scholarworks.umt.edu/etd/4596>

Романова Наталья Юрьевна¹, Налимова Татьяна Анатольевна

*канд. пед. наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна;
naromanova@mail.ru*

*²канд. пед. наук, доцент, кафедра русского языка и литературы,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна;
t.a.nalimova@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ АСПИРАНТОВ К КАНДИДАТСКОМУ ЭКЗАМЕНУ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: аспиранты, минимизация языкового материала, научный стиль, индивидуальный подход, совершенствование умений самостоятельного чтения научной литературы.

В любом вузе такой контингент, как иностранные аспиранты, представлен достаточно разнородной во всех отношениях группой. Это касается национально-культурных, профессиональных, языковых, возрастных и других особенностей обучающихся. В настоящее время в СПб ГУПТД занимаются русским языком в целях подготовки к сдаче кандидатского экзамена и последующего написания диссертации на русском языке 36 аспирантов 1 курса из 8 различных стран Африки и Азии, причем значительная часть из них намеревается написать и защитить диссертации по специальности 50.06.01 «Искусствоведение» по направлениям «Техническая эстетика и дизайн» или «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура».

Программой подготовки по русскому языку предусмотрены занятия в течение 1 года по 2 часа (в первом семестре) и 4 часа (во втором семестре) в неделю. Самое главное препятствие для аспирантов на этом этапе обучения — значительная разница в уровне предшествующей подготовленности по языку и необходимость при подготовке к сдаче экзамена заниматься в одной группе. Кроме того, некоторые студенты по разным причинам не могли вовремя приехать в Россию и начать подготовку одновременно с другими обучающимися. Эти обстоятельства требуют от преподавателя как тщательно продуманной (минимизированной) программы, так и выбора педагогической стратегии, нацеленной на интенсификацию процесса обучения и на достижение конечного результата — подготовку аспирантов к экзамену и к написанию научной работы на русском языке.

Если обратиться к содержанию программы подготовки, то оно включает достаточно большой объем языкового материала. Среди ее обязательных компонентов назовем следующие. В первом семестре это изучение (для одних аспирантов) и/или повторение (для других) таких грамматических тем, как падежная система; основные виды простых и сложных предложений, содержащих разные типы придаточных предложений и необходимых для передачи разных видов смысловых отношений; определительные и обстоятельственные конструкции, вводные конструкции и другие темы, помогающие усвоить особенности языка специальности аспирантов данного профиля подготовки. Аспиранты также должны быть нацелены на совершенствование компетенций в области письменной речи, так необходимых им для составления научных текстов как реферативного характера (реферат, аннотация и др.), так и продуктивного (формулирование самостоятельных частей диссертации, в частности введения к диссертации, включающего формулировку актуальности, цели и задач научного исследования, его новизны, практической значимости и др.) с опорой на изученный грамматический материал.

На кандидатском экзамене аспирант должен продемонстрировать умение пользоваться русским языком как средством профессионального общения и научной деятельности, поэтому одной из важнейших задач в обучении аспирантов является совершенствование умений самостоятельного чтения научной литературы. Сформированность этих умений, позволяющих аспирантам в процессе работы над диссертацией самостоятельно читать аутентичные научные тексты по специальности с адекватной скоростью и с достаточным уровнем понимания читаемого, проверяется на экзамене.

Кандидатский экзамен по русскому языку включает 4 вопроса: 1) Чтение и реферативное изложение научного текста (одной статьи) по специальности 2) беседа по прочитанной статье; 3) беседа по вопросам, связанным со специальностью, научной работой (формулирование темы диссертационного исследования, его актуальности, целей, задач и т. д.) 4) беседа по реферату на основе прочитанных научных статей на русском языке по теме исследования, например, «Исторический феномен влияния русского реализма на изобразительное искусство Китая», «Историческая обусловленность художественной коммуникации в области изобразительного искусства между Шанхаем и Санкт-Петербургом в начале XXI века», Реферат объемом 20–25 страниц со списком использованной литературы аспирант должен представить за две недели до экзамена с рецензией научного руководителя.

Также аспирантам предлагается подготовить презентацию, чтобы сделать беседу по теме исследования более предметной. Темы презентаций обычно связаны с научными интересами аспирантов, например: «Исторический контекст влияния искусства передвижников на китайское искусство XIX в. “гохуа”», «Новые технологии в изобразительном искусстве: формирование приёмов цифровой живописи». При подготовке презентации аспирант должен продемонстрировать владение комплексом взаимосвязанных умений (прочитать и осмыслить текст (или несколько текстов) по теме, отобрать необходимую информацию, написать текст для презентации, провести презентацию, спрогнозировать вопросы экзаменующих и ответы на них и др.).

Таким образом, система работы по подготовке к экзамену должна учитывать целый комплекс факторов: условия, в которых протекает процесс обучения; характер группы (однородность\неоднородность ее национального состава); общий уровень владения русским языком и уровень их эрудиции в профессиональной области; формат обучения (онлайн или традиционный); индивидуальные особенности обучаемых и др. Все это требует от преподавателя как внимательного отношения к языковой личности обучаемого, к особенностям его учебно-познавательной и речемыслительной деятельности, так и высокой степени мастерства преподавателя. А поскольку процесс подготовки аспирантов имеет профессиональную направленность, то он неизбежно будет сопровождаться развитием у обучаемых профессионально значимых типов мышления, творческой активности и самостоятельности.

Литература

- Налимова Т. А., Романова Н. Ю.* Подготовка магистрантов и аспирантов к написанию научной работы на русском языке. Русский язык как иностранный и методика его преподавания: сб. научн. тр. Вып. 33 / редкол.: Е. И. Зиновьева, Н. А. Любимова (отв. ред.), Л. В. Московкин и др. СПб.: РОПРЯЛ, 2022. С. 81–87.
- Налимова Т. А.* Русский язык как иностранный: готовимся к написанию научной работы на русском языке: учебное пособие. СПб.: СПбГУПТД, 2020. 60 с.
- Романова Н. Ю.* Принципы отбора текстов для формирования умения самостоятельной интерпретации дискурса дизайнера // Русский язык как иностранный и методика его преподавания: сб. научн. тр. Вып. 30 / редкол.: Е. И. Зиновьева, Н. А. Любимова (отв. ред.), Л. В. Московкин и др. СПб.: РОПРЯЛ, 2019. С. 90–96.

Сарычева Мария Романовна

аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
sarychevamar@yandex.ru

ВОСПРИЯТИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвокультурологическая компетенция, прецедентность, прецедентное имя.

В последнее время можно наблюдать быстрый рост числа прецедентных феноменов. Это увеличение частоты использования связано с особенностями постмодернистской парадигмы, характерной для современной коммуникации, которую упоминают Д. Б. Гудков, В. В. Красных и Е. А. Нахимова.

Ю. Н. Караулов описал прецедентные явления в текстах как 1) значимые для конкретной личности в когнитивном и эмоциональном плане, 2) имеющие надличностный характер, то есть хорошо известная общему окружению этой личности, в том числе предшественникам и современникам, и, наконец, 3) несущие аллюзии, неоднократно возобновляемые в той или иной среде [Караулов 1987: 216].

Стоит согласиться, что прецедентные феномены «играют важную роль в когнитивной базе лингвокультурного общества, определяя их значимость в формировании языковой и концептуальной представлениями мира и являясь необходимым условием развития культурно-языковой компетенции» [Косиченко 2006: 5]. Важной характеристикой прецедентных феноменов, является их способность сохранять культурный, исторический и языковой опыт носителей языка.

Неправильное понимание прецедентных имен может выявить культурные пробелы у получателя информации, привести к проблемам коммуникации. Следовательно, корректное восприятие и понимание прецедентных имен является важным моментом при обучении русскому языку как иностранному.

Как правило, прецедентные феномены на занятиях по русскому языку для иностранных студентов даются на продвинутом этапе, когда студенты владеют определенной лингвокультурологической и лингвострановедческой информацией, и используют необходимый лексический минимум.

Для исследования восприятия прецедентных имен на начальном этапе обучения был проведен эксперимент, в котором приняли участие 66 человек из таких стран как Китай, Вьетнам, Сенегал, Габон, Иран, Иордания, Индия, Греция. Эксперимент включал в себя задание с различными прецедентными именами сказочных героев. Данное задание предлагалось решить студентам, которые изучают русский язык 7 месяцев, то есть не имеют уровня знания языка В1.

Обучающимся необходимо было соединить характеристику сказочного героя с прецедентным именем и записать ответ в таблицу. Вспомогательным сопровождением являлись картинки представленных героев (рис.). Задание оценивалось в 10 баллов, за каждое правильное соотнесение характеристики с именем ставился 1 балл.

Цель эксперимента — подтверждение того, что иностранные студенты, не владеющие русским языком на высоком уровне, способны воспринять прецедентные феномены, а именно прецедентные имена. Выполненное задание доказало, что для понимания некоторых прецедентных имен необязателен продвинутый уровень владения русским языком. Все студенты (100 %) дали минимум два правильных ответа. Таким образом, можно сделать вывод, что определенные прецедентные имена могут пониматься на интуитивном уровне. Это происходит благодаря «подсказки» в самом прецедентном имени (*Спящая красавица, Лягушка-путешественница*).

Соедините характеристику с именами. В таблице ниже впишите соответствующие буквы.

1. Черепаха Тортила
2. Мальчик с пальчик
3. Снежная королева
4. Лиса Алиса
5. Чебурашка
6. Колобок
7. Мальвина
8. Лягушка-путешественница
9. Спящая красавица
10. Незнайка

- А. Человек, который очень много спит, может уснуть в любом месте;
- Б. Хитрый / фальшивый / коварный человек;
- В. Медленный человек, который никуда не спешит;
- Г. Человек с яркими волосами / с необычной причёской;
- Д. Человек, который много путешествует, часто меняет место жительства, часто переезжает;
- Е. Очень маленький человек / человек невысокого роста;
- Ж. Безэмоциональный человек / холодный человек / человек, который не показывает свои эмоции;
- З. Очень милый, добрый, хороший, наивный человек;
- И. Глупый / несмышлёный / безрассудный человек;
- К. Человек с лишним весом / человек, который много съел.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Хотелось бы отметить, что в результате эксперимента были получены следующие данные: 35 % дали все правильные ответы. Ими оказались представители Греции, один студент из Вьетнама и один из Китая, из чего можно сделать вывод, что учащимся из греческой лингвокультуры «ближе» представленные сказочные герои. Обсуждение после выполнения и проверки задания подтвердило, что некоторым студентам из Греции данные сказки знакомы с самого детства.

Следующие 29 % дали 8 правильных ответов. Трудности возникли с такими прецедентными именами, как Мальчик с пальчик и Чебурашка. Источниками данных прецедентных феноменов являются русские сказки, с которыми иностранные студенты не знакомы. Они не имеют похожих аналогов в других лингвокультурах. Ведь некоторые прецедентные имена могут быть не только в одной лингвокультуре, что способствует правильному восприятию и пониманию прецедента, таким примером может являться прецедентное имя Золушка. Она есть как в русской лингвокультуре, так и в американской, и в китайской, и во французской.

Еще 19 % сделали 6 правильных соответствий. У них возникли трудности с пониманием следующих прецедентов: Мальчик с пальчик, Чебурашка, Колобок и Незнайка. Данные прецедентные имена — представители русской лингвокультуры, что еще раз подтверждает вышесказанное.

Также у 10 % студентов было 4 правильных ответа. Наблюдалось корректное понимание следующих прецедентов: Спящая красавица, Лягушка-путешественница, Мальвина, Черепаха Тортила. Таким образом, можно сделать вывод о том, что восприятие и понимание произошло за счет «подсказки» в самом имени, либо же с помощью вспомогательного визуального ряда (Мальвина).

Оставшиеся 7 % показали разное количество правильных ответов.

Эксперимент доказал, что прецедентные имена можно вводить на начальном этапе обучения, представителям разных лингвокультур, но учитывая необходимость грамотного отбора прецедентов. Важно давать только те прецеденты, которые студенты смогут воспринять на интуитивном уровне, либо же с имеющейся аналогией в родной культуре страны, а также с дальнейшим объяснением преподавателя, которое будет понятно для всех учащихся.

Литература

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., Наука, 1987. 261 с.

Косиченко Е. Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 224 с.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: УрГП, 207 с.

Сидорова Елена Юрьевна¹, Гончарова Екатерина Ивановна²,
Игнатьева Наталья Дмитриевна³

¹канд. филол. наук, доцент,
кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
blueberry_nights@list.ru

²ассистент, кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
ekaterina.goncharova1@mail.ru

³канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
nataliagasheva@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ «РУССКАЯ РЕЧЬ В XXI ВЕКЕ»

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русская разговорная речь, учебное пособие.

Одним из актуальных вопросов в преподавании русского языка как иностранного является вопрос об обучении русской разговорной речи. Как известно, иностранные студенты могут встретить разнообразные разговорные явления в потоке живой спонтанной речи, которые вызывают трудности в межкультурном общении. Разговорные языковые явления, характерные для современной речи, часто не рассматриваются на уроках русского языка, а некоторые из них отсутствуют в словарях, поэтому, на наш взгляд, необходимо сформировать общее понимание особенностей русской разговорной речи как феномена, а также познакомить обучающихся с отдельными разговорными элементами, отобранными в качестве примеров. (В данной работе мы опираемся на понимание терминов разговорная речь и разговорность, представленное В. В. Химиком [Химик 2015: 460–464].) Для студентов, изучающих русский язык как иностранный, особенно для студентов филологического профиля, актуальным представляется рассмотрение феномена языка, понятий «язык» и «речь», того, какие изменения характерны для русского языка и русской речи в XXI веке.

Цель данного учебного пособия — сформировать у иностранных студентов знания о языковых изменениях, происходящих в русском языке и в русской речи в начале XXI века, а также удовлетворить у студентов необходимые коммуникативные потребности при общении с носителями языка в ситуациях, связанных с бытовой, социально-культурной и учебной сферами, с использованием языковых средств, соответствующих уровню B1-B2, при этом особое внимание уделяется овладению языковыми средствами устного общения, в том числе единицами разговорной речи и молодежного жаргона, а также письменного общения в интернет-коммуникации. При подготовке учебного пособия использовались данные словарей ([Химик 2017; Новое в русской лексике] и др.), а также материалы интернет-коммуникации.

Учебное пособие включает одиннадцать уроков, в которых рассматриваются следующие темы и вопросы:

- какие изменения происходят в русском языке в XXI веке;
- как повлияли на язык процессы глобализации и массовое распространение электронного общения;
- особенности интернет-коммуникации;
- различия между устной и письменной формами речи;
- современный речевой этикет;
- особенности речи жителей Москвы и Петербурга;
- основные характеристики русской разговорной речи;
- разговорные устойчивые выражения, разговорная лексика, новые разговорные значения;

- использование диминутивов;
- словотворчество, языковой креатив;
- особенности молодежного сленга;
- заимствования и др.

Одним из принципов данного учебного пособия является интерактивность в бумажном формате, которая обеспечена за счет введения элементов диалога с читателем, иллюстративного материала, а также специальных рубрик в каждом уроке.

Вводная часть каждого урока сопровождается ключевыми словами (выражениями), иллюстрацией, часто включающей уже в себя какую-то лингвистическую информацию, и цитатой с целью привлечения внимания обучающихся к теме занятия и стимуляции их интереса.

Каждый урок содержит текст с теоретической информацией по изучаемой проблеме, а также задания к тексту. Студенты могут читать его в ходе самостоятельной работы при подготовке к занятию или на уроке с преподавателем.

После работы с текстом следует рубрика «Лаборатория языка и речи», которая содержит задания для изучения языкового явления, отработки навыков использования изучаемых единиц в речи. Здесь представлены разнообразные задания для групповой, парной или индивидуальной работы, задания на наблюдение и анализ, задания, направленные на все виды речевой деятельности.

В некоторых уроках отдельно выделяются игровые задания для группы (рубрика «Игра») и творческие задания, в которых студентам необходимо что-то создать (написать), проявив креативность (рубрика «Творчество») и используя материалы урока.

В рубрике «Поговорим» представлены вопросы для обсуждения, в том числе, например, для обращения к личному опыту и мнению учащихся, для сопоставления изучаемого явления в русском и в родном языке учащихся и др.

Введение такого структурного элемента как перечень основных выводов по изученной теме и краткий тест после каждого урока дает возможность повторить и лучше закрепить материал.

Некоторые уроки содержат также «Словарик», который представляет собой список слов по данной теме с толкованиями значений.

Учебное пособие включает также работу с видеороликами, позволяющими услышать изучаемое явление, развивая навыки аудирования, закрепить изучаемый материал.

Авторы обращаются к различным форматам и подходам, которые лучше соответствуют современным образовательным потребностям. Например, это чередование текстовых материалов с мультимедийными элементами, интерактивные задания, ситуационные задачи и т. д.

В настоящем пособии используется креативное оформление материала, которое найдет отклик у студентов благодаря наличию эмодзи, интернет-мемов, актуальных современных выражений из речи молодежи.

Материал учебного пособия «Русская речь в XXI веке» имеет систематизированную структуру, четкую организацию в подаче информации, большое количество примеров и упражнений, что помогает студентам лучше усваивать и применять полученные знания.

Литература

Информационно-поисковый лексикографический ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы» Института лингвистических исследований РАН. URL: <https://neolex.iling.spb.ru> (дата обращения: 15.01.2023).

Химик В. В. Русская разговорная речь: общее понятие, обучение и вопросы терминологии // XLIII Международный филол. конференция, СПб., 11–16 марта 2014 г. Избранные труды. СПб., 2015. С. 460–471.

Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. Т. 1: А — Н. СПб.: Златоуст, 2017. 525 с.

Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. Т. 2: О — Я. СПб.: Златоуст, 2017. 530 с.

Филиппова Елена Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Академия государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий России;
elenefilippova@gmail.com

СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: стратегии обучения, фрейм, профессиональная речь, учебный фрейм.

Вопросы обучения профессиональной русскоязычной речи иностранных студентов в техническом вузе являются актуальными, поскольку в современном глобальном мире наблюдается особый интерес к процессам интенсификации обучения иностранным языкам в особенности в профессиональной сфере, когда необходимо за короткие сроки подготовить обучаемых для восприятия лекционного материала и для участия в профессиональной коммуникации.

Целью нашего доклада является описание основных стратегий обучения профессиональной речи на основе фреймового подхода, который дает возможность представить профессиональную ситуацию в виде когнитивной структуры, активизирующей процессы мышления и способствующие интенсификации процесса восприятия и продуцирования высказываний на русском языке. В докладе представлен фрагмент использования субфрейма «Профилактика пожаров» фрейма «Лесные пожары» при обучении профессиональной речи иностранных студентов.

Под стратегией обучения понимается «один из способов приобретения, сохранения и использования информации, служащей достижению определенной цели» [Азимов 2009: 295]. Мы будем говорить о стратегиях обучения как о сознательной деятельности преподавателя и обучаемого, основанной на психологических, дидактических и лингвистических принципах и способствующей автоматизации языковых навыков в профессиональной или учебно-профессиональной коммуникации. По мнению Лебединского, стратегии обучения должны охватывать все сферы учебной деятельности: «обеспечивать эффективную презентацию учебных материалов, различных типов и видов обработки информации; эффективное планирование учебного процесса, разработку и внедрение в учебный процесс эффективных тактик и алгоритмов обучения, проведение контроля за ходом выполнения учебных операций, выявление нарушений в обучении и их коррекцию» [Лебединский 2011: 130].

Наиболее эффективно стратегии обучения реализуются в том случае, когда они оказывают влияние на индивидуальные стратегии овладения языком иностранными студентами, среди которых выделяются стратегии приобретения знаний, сохранения в памяти и извлечения материала из памяти. Глубинные психологические процессы, посредством которых обучаемые сопоставляют уже имеющиеся знания с новыми, способствуют постоянной корректировке индивидуальных приемов и способов автоматизации репродуктивных и продуктивных языковых навыков и позволяют закрепляться в сознании наиболее эффективным и энергосберегающим с точки зрения использования когнитивных усилий.

Среди основных стратегий можно назвать стратегии освоения звуковой оболочки слова, важной для правильной идентификации слова в речи и правильного его воспроизведения, стратегия презентации языкового материала в виде фрейма, стратегия семантизации профессиональной лексики, стратегия овладения готовыми речевыми моделями и стратегии овладения творческой речью. Стратегии включают речевые, грамматические и коммуникативно-речевые упражнения, которые строятся по принципу усложнения.

Стратегия презентации языкового материала репрезентирует деятельность преподавателя или преподавателя и студента по структурированию имеющегося языкового материала, отобранного из учебно-научных аутентичных текстов на основе принципа употребительности и частотности. Лексический материал, разнообразный по своему составу, включающий термины, состоящие из одного или нескольких слов и терминологическую лексику, которая ранее

использовалась в других стилях и сферах, а сейчас представляет собой часть профессионального дискурса, может быть объединён по тематическому принципу в виде фрейма, когнитивной структуры представления знаний о стереотипной ситуации [4]. Фрейм позволяет связать язык и профессиональную деятельность человека, показать наиболее актуальный фрагмент действительности, в котором взаимодействуют участники, действия и предметы, он актуализирует наиболее значимые для коммуникации языковые единицы, представленные в виде обобщенного блока информации. Обучение иностранному языку на основе фреймового способа организации лексики был описан в работах А. Н. Латышевой, Г. А. Тюриной, И. В. Одинцовой, Т. Б. Межовой, И. И. Халеевой, П. Б. Паршина и др. Все исследователи приходят к выводу о том, что такой способ помогает интенсифицировать обучение лексике русского языка, формировать навыки продуктивной речи студента.

Вслед за исследователями мы структурировали информацию профессионального дискурса в виде учебного фрейма, который будет использоваться для обучения иностранных студентов профессиональной речи. Фрейм состоит из актуальной лексики, устойчивых сочетаний и коллокаций, также он имеет некоторые сведения из области грамматики (управление глаголов). В учебно-научных текстах выделяется фрейм «Лесные пожары», в составе которого выделяются фреймы более низкого порядка «Профилактика пожаров» и «Тушение пожаров». Представляем субфрейм «Профилактика пожаров» и входящие в него слоты с языковым материалом.

Слот «Причины пожаров»

Человек, люди	бросить/бросать (что?) окуроч, спички зажжённая спичка забыть/забывать (что?) стекло, бутылки развести/разводить костёр ~ в хвойном лесу ~ под кронами деревьев ~ на участках повреждённого леса затушить костёр жечь/ зажигать (что?) траву оставить/оставлять (что?) мусор сжигать мусор на участке поджигать (что?) лес
Лесное хозяйство	плохо организовать/организовывать (что?) охрану леса (не) прокладывать/проложить противопожарные полосы отсутствовать ~ (не) устранять / устранить своевременно возгорания захламлять / захламить лес (не) контролировать состояние леса
Молния	ударить
Вулкан	извергаться
Торфяники	самовозгораться

Стратегия семантизации слова осуществляется на основе формирования навыков анализа словообразовательных элементов термина или терминованного сочетания и навыков сопоставления слов, относящихся к разным концептуальным сферам с целью адекватного понимания профессионального термина или сочетания. Приведём пример задания.

Сопоставьте значения выделенных слов в предложениях. Найдите соответствие терминам в родном языке. Дайте самостоятельно определение понятию «тыл пожара», «заградительная полоса».

Солдаты прорвали фронт противника.	Стволы на тушение подаются по фронту пожара	Фронт пожара — часть периметра пожара, в направлении которой происходит распространение горения.
---	--	---

Стратегия овладения готовыми речевыми моделями формирует навыки грамматически и лексически правильного использования лексического материала на основе представленного субфрейма. Эта стратегия самая трудоёмкая, поскольку составляющие её упражнения заставляют активизировать работу памяти в процессе работы с сочетаниями слов, формами глаголов и особенностями их управления.

№ 1. Вставьте подходящие по смыслу глаголы. Обращайте внимание на вид глагола (совершенный или несовершенный).

№ 2. Трансформируйте глаголы из слота «Причины пожаров» в форму полного причастия и напишите небольшую заметку в интернет-газету о причинах пожара в лесу.

Стратегия овладения творческой речью способствует развитию профессиональной речи, когда иностранный студент может построить высказывание в соответствии с заданной коммуникативной ситуацией и когда он может читать и воспринимать на слух учебно-научные тексты, воспроизводить их смысл и реагировать на запросы собеседника. Упражнения, реализующие эту стратегию, позволяют автоматизировать навыки продуцирования профессиональной русской речи. В практическом плане реализация этой стратегии связана с функциями контроля преподавателем знаний студентов, поэтому рекомендуется предложить проектное задание, которое должно включить фрагменты субфрейма и примеры из реальной жизни, найденные студентами на просторах интернета.

Предложенные стратегии обучения профессиональной речи иностранных студентов направлены на интенсификацию процесса формирования и развития навыков восприятия и продуцирования русской речи.

Литература

- Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
- Елина Е. Н. Лингводидактический потенциал учебного фреймового словаря // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4. С. 191–193.
- Лебединский С. И., Гербик Л. Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. Минск, 2011. 309 с.
- Тюрина Г. А. Фреймовый способ организации лексики в практическом курсе русского языка как иностранного: дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.

Цривар Сунчица

преподаватель, Центр иностранных языков

ДИКТОГЛОСС КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЁМ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ПОСТУПЛЕНИЮ В ВУЗ

Ключевые слова: диктоглосс, методический приём, языковая подготовка.

Диктоглосс — это методический приём обучения языку, который включает в себя комбинацию прослушивания текста и попытки его воссоздать собственными словами. Данный приём охватывает развивающую, коммуникативно-мотивационную, психологическую и коллаборативную функцию [Турбина 2022: 175]. В этом процессе учащиеся активно участвуют в анализе и воспроизведении текста, что способствует развитию аудирования, понимания текста и активного использования языка. Диктоглосс используется в образовательном процессе с целью преобразования пассивного понимания языка в активное владение им.

Широко распространенной проблемой является дисбаланс между пассивным и активным знанием языка. Пассивное знание языка означает, что студент может понимать и распознавать языковые структуры, лексику и грамматику, когда видит или слышит их, например, чтение текстов, понимание фильма без субтитров. С другой стороны, активное знание языка подразумевает, что студент способен свободно использовать язык в говорении и письме т. е. умение выразить свои мысли, написать эссе или уверенно вести разговор на выбранную тему. Поэтому, проблема заключается в том, что многие студенты, особенно если они ограничены пассивным изучением, сталкиваются с дисбалансом между этими двумя видами знаний.

Диктоглосс предоставляет структурированный подход к развитию навыков восприятия, понимания и активного использования языка. Включает в себя несколько этапов:

1. Предварительная подготовка:

Преподаватель выбирает текст, который соответствует уровню языка студентов и целям урока. Текст может быть аудиозапись, или преподаватель может его прочитать.

2. Аудирование:

Студенты прослушивают текст внимательно, стремясь понять его содержание и основные идеи. Этот этап направлен на развитие аудирования.

3. Запись ключевых фраз:

Во время прослушивания студенты записывают ключевые фразы, которые считают важными для передачи основного содержания текста. Это помогает им сосредоточиться на ключевых аспектах материала.

4. Групповая или индивидуальная работа:

Студенты работают в группах или индивидуально, чтобы воссоздать текст, используя свои заметки. Стараются передать основные идеи текста собственными словами, избегая дословного копирования.

5. Обсуждение и коррекция:

После завершения воссоздания текста студенты обсуждают свои версии в группах или в классе. Это предоставляет возможность обмена идеями и обсуждения возможных вариантов пересказа.

6. Сравнение с оригиналом:

Следующим шагом является сравнение воссозданного текста с оригиналом. Это позволяет выявить ошибки, неточности и различия между их версиями и оригиналом.

7. Самостоятельный контроль и коррекция:

Студенты самостоятельно проверяют ошибки, сравнивая свой текст с оригиналом, и вносят необходимые коррективы. Этот этап способствует развитию навыков самостоятельной работы и анализа.

8. Обратная связь от преподавателя:

Преподаватель предоставляет обратную связь, выделяет сильные стороны и указывает на области, требующие улучшения. Это помогает студентам лучше понять свои ошибки и сосредоточиться на дополнительном улучшении языковых навыков.

Диктоглосс требует не только понимания прослушиваемого текста, но и активного использования этого знания для воссоздания текста, что способствует переводу пассивного понимания в активное владение языком. В процессе воссоздания текста студенты используют различные грамматические и лексические структуры, что способствует более глубокому освоению языка и улучшению речевых действий. Освоение иностранного языка в рамках образовательного процесса способствует реализации современных образовательных целей, включая подготовку высококвалифицированных профессионалов, способных успешно функционировать в глобальном информационном пространстве и оперативно решать профессиональные задачи [Аксенова 2020: 61].

Диктоглосс особенно полезен для студентов, желающих поступить в российский вуз. Процесс воссоздания текста в течении диктоглосса аналогичен реальному ведению конспектов. В данном случае студенты приобретают опыт моментального и систематизированного конспектирования. Это требует от них не только быстрого восприятия информации, но и способности организовывать её в структурированный формат. Как и при ведении конспектов на лекциях, студенты должны быстро выделять ключевые моменты и записывать их в краткой, но информативной форме. Этот опыт развивает навыки реагирования в реальном времени, фокусировки на существенных деталях и быстрого решения, какие аспекты сохранить в конспекте. Таким образом, диктоглосс предоставляет студентам возможность практиковаться в реальных условиях, что пригодится для повседневного ведения конспектов на лекциях.

Кроме этого, в конце диктоглосса студенты самостоятельно проводят анализ своей работы, выявляют сильные стороны своего текста, а также определяют слабые элементы, на которые стоит обратить внимание. Этот процесс активной саморефлексии после выполнения диктоглосса играет значительную роль в формировании автономии у студентов. Способность самостоятельно анализировать и улучшать навыки становится важным компонентом обучения. Развитие автономии студентов крайне необходимо, поскольку у них не всегда будет поддержка преподавателя. Этот аспект подчеркивает важность освоения навыков самостоятельной оценки и улучшения своей работы, что обеспечивает студентам необходимую уверенность и гибкость в использовании языка в различных контекстах, даже в условиях, когда отсутствует прямая поддержка преподавателя.

Итак, диктоглосс — это эффективный методический приём для подготовки, способствующий развитию разносторонних навыков студентов. Стимулирует студентов активно использовать язык и переходить от пассивного владения к более глубокому и активному владению. Он не только развивает языковые компетенции, но и обеспечивает студентов инструментами для успешного обучения в вузе и самостоятельного владения языком в различных сферах жизни.

Литература

- Аксенова И. Н. Психолого-педагогические условия формирования коллокационной компетенции студентов на основе комплексного задания «Диктоглосс» // Вестник ТГУ. 2020. № 185. С. 56–64.
- Турбина Е. П. Основные аспекты использования методического приема dictogloss на уроках иностранного языка // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (54). С. 173–176.

Цховребов Алан Солтанович

канд. пед. наук, доцент,
кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания,
Санкт-Петербургский государственный университет;
alanec1985@mail.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ СЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЕКСТАХ УЧЕБНИКОВ ПО ПРОФИЛЬНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ

Ключевые слова: сложное предложение, методика, научный стиль речи, инженерно-технический профиль.

Изучение профилирующих дисциплин является фундаментом для формирования профессиональной коммуникативно-речевой компетенции иностранных студентов, так как является серьезным этапом в обучении языку специальности после ознакомления с элементарными сведениями о предметах естественно-научного цикла на подготовительном курсе. Сложные предложения в текстах по профилирующим дисциплинам отличаются своими структурно-семантическими особенностями. Проблема выделения сложных структур научного текста в контексте изучения на уровне В2 остается неразрешенной.

Н. М. Лариохиной принадлежит качественное описание синтаксических структур простого предложения, роль которых в создании специфики научного стиля наиболее существенна и очевидна [Лариохина 1979]. Вопросами функционирования сложного предложения в иностранной аудитории занимались Л. Л. Бабалова [Бабалова 1984], В. А. Степаненко [Степаненко 2008]. Л. П. Земскова указывает на функционально-семантическую значимость казуальных конструкций для научного изложения ввиду их высокой частотности, а также на возможность причинных, условных, целевых, уступительных моделей свободно объединяться друг с другом в рамках одного высказывания [Земскова 2001: 129].

Цель данной статьи — провести исследование, расширив перечень структур сложного предложения с целью их изучения на уровне В2, методом сплошной выборки зафиксировать их в текстах учебников по дисциплинам профессионального цикла, по которым осуществляется обучение иностранцев инженерно-технического профиля на продвинутом этапе (В2).

Итак, мы провели исследование по выявлению сложных структур в текстах учебников по профилирующим дисциплинам. Среди сложноподчиненных предложений наиболее характерными для языка инженерно-технических дисциплин являются модели СПП:

1. Сложноподчиненные временные предложения:

- с союзами специализированных значений с отношениями одновременности:

а) союз *в то время как*: *В то время как вертикальная площадка приобретает большую протяженность по высоте, возникают трудности [Инженерные сети, оборудование зданий и сооружений 2009; 11];*

б) союз *по мере того как*: *По мере того как проводятся ускоренные испытания, применяются методы для промежуточной или оперативной оценки свойств [Ваучский, Дудурич 2015; 11];*

в) союз *до тех пор пока*: *До тех пор пока точки лежат на осевом меридиане или экваторе, азимут для любого направления равен дирекционному углу [Тихонюк 2014; 49];*

- с союзами специализированных значений с отношениями разновременности:

а) союз *до тех пор пока не*: *До тех пор пока не санитарно-защитные зоны не будут учтены, жилой городок разместить нельзя [Савенко 1978; 23];*

б) союз *с тех пор как*: *С тех пор как началась война, в восточных районах страны строительство продолжалось [Савенко 1978; 4];*

в) союз *как только*: *Как только А. Т. Оболдуев возглавил кафедру, он стал полковником [Ваучский, Дудурич 2015; 8];*

г) союз *после того как*: *После того как они будут внесены в реестр, все рассмотренные выше сметные нормативы могут использоваться на объектах бюджетного финансирования [Экономика строительства 2021; 62];*

- с союзами специализированных значений с отношениями предшествования:

а) союз *пока не*: *Пока механизм не переместят на следующую заходку, полоса набрызг-бетона шириной 0,6 не наносится [Доронин 1998; 243];*

б) союз *прежде чем*: *Прежде чем запроектировать красные горизонталы на узле примыкания, необходимо определить красные отметки на пересечении оси РД с осью ВПП [Басов и др. 1989; 59];*

в) союз *перед тем как*: *Перед тем как движение приобретет установившийся характер, количество отбираемой воды станет равным количеству воды, притекающей в колодец из грунта [Инженерные сети, оборудование зданий и сооружений 2009; 58];*

г) союз *до того как*: *До того как организовать перемещение крана по эстакадам, нужно устранить недостатки, создающие опасность для работающих [Савенко 1978; 15];*

- с союзами неспециализированных значений:

а) союз *пока* с отношениями одновременности: *Пока отечественный опыт подземного строительства обогащался, во многих городах страны строились уникальные сооружения [Доронин 1991; 3];*

б) союз *когда* с отношениями одновременности/разновременности: *Когда из набрызг-бетона машины сухая смесь подается к соплу, к нему по шлангу подводится вода [Доронин 1991; 26].*

Из проведенного анализа следует, что в учебниках по профилирующим дисциплинам встречаются почти все временные СПП, выражающие как отношения одновременности, так и разновременности, представленные как специализированными, так и неспециализированными союзами.

2. Сложноподчиненные предложения с условной придаточной частью:

- выражающие реальное условие с союзом *если* (обе позиции), *если..., то* (только препозиция): *Если t стремится к бесконечности, функция плотности распределения Стьюдента вплотную приближается к функции плотности нормального распределения [Ваучский, Дудурич 2015; 8];*
- выражающие реальное условие с союзом *в случае если (то)*: *В случае если взять лист карты N — 37 номенклатура последних его листов для различных масштабов запишется так [Тихонюк 2014; 33];*
- выражающие реальное условие с союзом *в том случае если (то)*: *В том случае если главный масштаб принять за единицу, отклонения частных масштабов от единицы будут характеризовать величину искажений на карте [Тихонюк 2014; 23];*
- выражающие реальное (потенциальное) условие с союзом *когда*: *Когда динамический уровень воды залегает глубоко от поверхности земли, каждая скважина оборудуется специальным насосами [Инженерные сети, оборудование зданий и сооружений 2009; 60];*
- выражающие ирреальное условие с союзом *если бы*: *Если бы движение осуществлялось в обратном направлении, названия углов изменились бы [Тихонюк 2014; 53].*

Итак, СПП с условной придаточной частью в анализируемых учебниках представлены не только неспециализированными (*если, если бы*), но и специализированными союзами (*когда, в том случае если, в случае если*) выражающими как реальные, так и ирреальные условия (с коррелятом или без).

3. Сложноподчиненные предложения с причинной придаточной частью:

- с союзами недифференцированного значения (*потому что, так как, поскольку, ибо*): *Никакая линия тока не имеет нулевого радиуса кривизны, потому что жидкость об-*

ладает инерционной массой [Инженерные сети, оборудование зданий и сооружений 2009; 60]; Строительное производство является нестационарным, так как продукция строительства неподвижна [Экономика строительства 2021; 7]; Важная роль отводится эксплуатационным предприятиям, поскольку нормальная эксплуатация готовых строительных объектов связана с длительностью их функционирования [Экономика строительства 2021; 14]; Во всех странах мира действуют налоговые системы, ибо любое государство не может существовать без налогов [Экономика строительства 2021; 10]. Следует отметить, что в учебной литературе встречается союз *потому что*, который способен расчленяться, а также наблюдается частое наличие союзов *поскольку*, так как в сочетании с коррелятом *то*: *Мы живем потому, что в нас непрерывно что-то умирает и заменяется новым* [Саркисов 2015; 39]; *Поскольку продукция строительства неподвижна, то доставка материальных ресурсов в пункты потребления вызывает расходы* [Экономика строительства 2021; 8];

- с союзами дифференцированного значения (*оттого что, из-за того что, благодаря тому что, вследствие того что, в результате того что, в связи с тем что, ввиду того что, исходя из того что*): *Знания шумеров, египтян и греков слабо проникали в Европу, оттого что запрещались церковью* [Тихонюк 2014; 8]; *Из-за того что горизонталы лежат в разных по высоте плоскостях, они не могут пересекаться на плане и карте* [Тихонюк 2014; 61]; *Благодаря тому что давление двух столбов воды высотой h взаимно уравновешивается, в точке C давление будет такое же, как в точке B* [Инженерные сети, оборудование зданий и сооружений 2009; 28];

Приведенные примеры СПП с причинной придаточной частью показывают, что иностранцам необходимы практически все сложные структуры с союзами недифференцированного и дифференцированного значения как для понимания, так и для создания своего письменного высказывания.

4. Сложноподчиненные предложения с уступительной придаточной частью:

- с союзами недифференцированного значения *хотя (хоть), пусть (пускай)*: *Вода имеет огромное значение для человека, фауны и флоры на нашей планете, хотя ее роль этим не ограничивается* [Кириленко 2018; 15]; *Пусть $l_{пер}$ — длина перебура, необходимая для лучшей отработки подошвы выработки, тогда назначение — в пределах $(10...15) d_{ск}$* [Доронин 1998; 35]. Следует отметить, что в анализируемых текстах встречаются модели, в которых проявляется специфическая особенность союза *хотя* — оформляться в сочетании с союзом *но*: *Хотя механизированные щиты роторного типа являются наиболее высокопроизводительными, обеспечивающими самую высокую скорость проходки, но это весьма сложные и дорогостоящие агрегаты* [Доронин 1991; 46];
- с союзами дифференцированного значения *несмотря на то что, вопреки тому что*: *Несмотря на то что в разные периоды отрасль испытывала подъемы и спады, капитальное строительство остается одним из наиболее привлекательных направлений инвестирования* [Экономика строительства 2021; 7];

Анализ СПП с уступительной придаточной частью позволяет констатировать, что данные синтаксические модели важны на старших курсах, чтобы выразить уступительные интенции — потенциальную причину недопущения ситуации, несхожесть ситуаций с ослабленной противоречивостью событий.

5. Сложноподчиненные предложения с целевой придаточной частью:

- с союзом *чтобы*:

а) в препозиции: *Чтобы по горизонтальной проекции можно было судить о форме пространственного многоугольника ABCDE, необходимо знать величины Aa, Bb* [Тихонюк 2014; 13];

б) в постпозиции: *Требуется составить карту или план, чтобы на них можно было изобразить подобными фигурами предметы местности [Тихонюк 2014; 31];*

в) в интерпозиции: *У некоторых горизонталей, чтобы отличить возвышенность от впадины, ставят скатоуказатели [Тихонюк 2014; 57];*

- с составными союзами (союзными сочетаниями) для того чтобы, в целях того чтобы, с тем чтобы, с той целью чтобы: *Для того чтобы иметь при сравнении материалов объективную картину, надо воспроизводить результаты испытаний [Ваучский, Дудурич 2015; 10]; В целях того чтобы решить указанную задачу, примем общую фигуру [Тихонюк 2014; 16].*

Приведенные примеры СПП с целевой придаточной частью показывают, что в учебной литературе встречаются как простые, так и составные союзы, выражающие модели, в которых соотносятся две ситуации — цель и предпосылка. Данные сложные структуры очень важны в практике преподавания РКИ не только на первом, но и на втором уровне владения при изучении языка специальности.

6. Сложноподчиненные предложения со следственной придаточной частью:

- с союзом недифференцированного значения *так что* и его аналогами *потому, поэтому, оттого*: *Задержание и дробление загрязнений производится непосредственно в канале без подъема их из воды, так что улучшаются санитарные условия станции очистки [Инженерные сети, оборудование зданий и сооружений 2009; 141]; Большинство строительных материалов имеет в своей структуре поры, потому их средняя плотность существенно меньше, чем истинная [Ваучский, Дудурич 2015; 24];*
- с союзами дифференцированных значений *что, вследствие чего, в результате чего, благодаря чему, в связи с чем, в силу чего*: *Вследствие увеличения пускового тока в 5–7 раз получается резкое падение напряжения в сети, что неблагоприятно отражается на других установках и приборах [Инженерные сети, оборудование зданий и сооружений 2009; 74]; Опорные точки такой модели выбирают на перегибах скатов и в характерных точках рельефа, вследствие чего точно воспроизводится в памяти ЭВМ естественную поверхность местности [Тихонюк 2014; 74].*

Анализ показал, что в инженерно-технических текстах часто используются сложные модели, выражающие категориальное грамматическое значение следствия, поэтому они очень важны и необходимы в практике преподавания РКИ на уровне В2.

7. Сложноподчиненные предложения со сравнительной придаточной частью:

- с союзами дифференцированных значений:

а) достоверного сравнения (*как, так же как, подобно тому как*): *Навеска металлических сеток и нанесение набрызг-бетона ведется с отставанием, как это делается при возведении облегченной обделки [Доронин 1991; 25];*

б) недостоверного сравнения (*как если бы*): *С увеличением продолжительности дождей падает их интенсивность, как если бы уменьшалась их продолжительность с увеличением интенсивности [Басов и др. 1989; 94].*

Проанализировав СПП со сравнительной придаточной частью, мы можем отметить, что необходимость употребления сравнительных союзов в письменной научной речи подтверждается их наличием в технической литературе, что обязывает иностранца усвоить данные сложные структуры как со значением достоверного, так и недостоверного сравнения.

Таким образом, проведенный анализ профилирующих учебников, предназначенных для изучения в инженерно-техническом вузе, очертил круг структур сложного предложения, необходимых для обучения иностранцев-нефилологов языку специальности. Очевидно, что иностранцы на уровне В2 испытывают потребность в понимании и употреблении сложных синтаксических моделей НСР, отобранных в ходе проведенного анализа. Выявленные сложные

предложения, являясь важной коммуникативной единицей и представляя собой необходимый структурно-содержательный компонент научного стиля речи, выполняют текстообразующую функцию, способствуют формированию у иностранцев нефилологических специальностей устойчивой и продуктивной русскоязычной профессиональной компетенции. Полученные результаты проведенного анализа сложных структур формируют лингвистическую основу для перспективы проектирования методической модели обучения русскому синтаксису научного стиля студентов-иностранцев на продвинутом этапе.

Литература

- Бабалова Л. Л.* Сложное предложение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1984. 128 с.
- Земскова Л. П.* Каузальные конструкции в научном стиле речи // Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом: Тезисы докл. Междунар. науч. конф. Москва, филол. фак. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 4–6 дек. 2001 г. / сост.: Л. В. Ершова, Л. Н. Нореико. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 382 с.
- Лариохина Н. М.* Вопросы синтаксиса научного стиля речи. М.: Русский язык, 1979. 240 с.
- Степаненко В. А.* Лингвометодическая модель обучения коммуникации с учетом сертификации уровней владения русским языком как иностранным: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2008. 336 с.

Шорохова Ольга Анатольевна

преподаватель РКИ, руководитель Ассоциации учителей-репетиторов РКИ,
Санкт-Петербург

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ПРИ ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ ИНОФОНОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В нашем исследовании предпринята попытка анализа влияния изучения устного народного творчества детьми инофонами, как предпосылка к ускоренному овладению устной и письменной речью. Исследование основывается на десятилетнем опыте автора и результатам инициативной группы учителей, использовавших данный методический прием в течение пяти лет.

Данные исследования проводились с контрольной группой детей в Китае, Германии, Грузии.

Целью данного исследования является выявление закономерностей для быстрого овладения устной и письменной речью детьми, популяризация практического опыта, выявление ограничений, мешающим детям овладеть речью.

Методы исследования: ассоциативный эксперимент, методика персонификации. Выборку составили 112 детей разного возраста, проживающие в семи различных странах. Анализ данных представлял собой подсчет количества человек из всей выборки, овладевшими условным стандартом (будет представлен) в течении установленного времени.

Результаты исследования показали, что устное народное творчество при изучении русского языка не только способствует мощному развитию словарного запаса, но и в короткие сроки формирует фонематический слух, предупреждает возникновение морфологических ошибок в речи (образовании форм числа и падежа существительных, образование грамматических форм), синтаксические ошибки (нарушение норм согласования и управления слов), лексические ошибки (употребление слов не в том значении).

Таким образом, методические приемы, предложенные в докладе могут быть использованы при обучении детей инофонов в школах, в том числе при дистанционном обучении, на краткосрочных курсах, а также как методическая рекомендация частным практикующим учителям.

Кроме того, в исследовании приводится система диагностики речевого развития детей инофонов.

Литература

- Болгова М. Н., Ушакова Е. В.* Обучение младших школьников инофонов русскому языку. С чего начать? // ЦИТИСЭ. 2019. № 1 (18).
- Данелян Е. Г.* Обучение детей-мигрантов русской устной речи // Материалы II Международной конференции «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, 8–10 сентября, 2010.
- Касенова Н. Н., Кергилова Н. В., Егорычев А. М.* Адаптация детей инофонов, билингвов и мигрантов в образовательных организациях как условие эффективной интеграции в российское общество // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 6.
- Касенова Н. Н., Мусатова О. В., Подзорова С. В., Ушакова Е. В.* Психолого-педагогическое сопровождение детей-инофонов, билингвов и мигрантов в организациях, осуществляющих образовательную деятельность в условиях ФГОС: учеб.-метод. пособие. Новосибирск, 2017.

*Matukhin Pavel Granitovich¹, Petrova Marina Georgievna²,
Petrov Grigorij Pavlovich³*

*¹senior lecturer of the Faculty of Computer Technologies,
Philological Faculty of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;
m-pg@mail.ru*

*²Candidate of Philological Sciences, associate Professor of the Institute of
Foreign Languages Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;
petrova-mg@rudn.ru*

*³PhD Student of the Institute of Foreign Languages Patrice Lumumba
Peoples' Friendship University of Russia; petrov-gp@rudn.ru*

MASTER CLASS INFORMATION STRUCTURE "AI TOOLS IN THE RFL TEACHING"

Keywords: Russian as a foreign language, teaching, neural networks, ChatGPT-4.

The term "artificial intelligence" (AI), recognized as the word of 2023, burst explosively into all layers of Internet users after the release of the ChatGPT system in March 2023. The heated discussion about various aspects of AI tools' impact, their advantages and dangers resulted in the departure from OpenAI, first I. Mask (2018), then in October 2023, the head of ChatGPT class systems development S. Altman and a number of leading employees. One of the results of the discussion can be considered the declaration of the Bletchley Park Conference (Great Britain, October 2023)

Undoubtedly, with the development of modern society, educational theory and digital technologies, the improvement of educational resources based on AI will be continued; these resources will play an increasingly active role in enriching the content of education, in promoting education reform, as well as in RFL teaching modernizing [Petrova 2023: 25].

Currently, there are no theoretical developments and practical recommendations on the use of ChatGPT class systems. RFL teachers are faced with the need to get to know and master the skills of their application on their own. One of the problems is to determine the place and role of neural network tools in the professional and educational discourse (PED) of a RFL teacher [Ruzhentseva, Matukhin: 5]. It is logical to assume that their place is naturally defined as a subset of PED non-personal participants.

To get acquainted with new tools, a number of exercises in the format of a master class may be useful [Matukhin et al.: 3]. The technological basis of the master class is its information system, the description of which is presented in this paper. The methodology of the asynchronous master class assumes that the lesson is conducted online, with free access to the elements of the information system, regardless of the participants' location. The core of the information system is a shared folder on Google drive. It contains case studies, work materials and the resulting lesson materials. The case materials include the instruction, its video version, the program and a set of links to the Internet resources used. These files are available to participants for viewing, commenting and downloading. Teachers who lead classes can edit them.

The instruction should be prepared in two formats — written and in the form of a video recording. We consider the written version to be mandatory, since its availability allows participants to conduct self-preparation, prepare and ask questions to the presenters, and conduct a preliminary discussion of performing exercises technique. The video presents the topic of the lesson, the plan, examples of case studies, working and resulting materials with the necessary comments. The recording must be synchronized with the plan and summary. A presentation is being prepared for it, where instructions and examples are shown.

In the information system of the lesson, presentation and video were designed taking into account the possibility of using them as video guides. Smartphones are the main tools of the participants, so QR codes are included in the summary, presentation and video, along with the usual hyperlinks to the components of the information system relevant for viewing the current frame. This increased the speed of access to relevant resources.

Video development includes a number of stages. 1 Content preparation. Information and concepts are presented in the form of a master class script in English. 2 Video recording format selection. The

use of a chroma key. 3. Equipment's installation and configuration. 4. Video recording. 5. Editing and post-processing. Video editing in Adobe Professional Pro.

The lessons' working materials are summaries of dialogues, a common Telegram chat, and a file of ongoing consultations. One of the participants in the educational communication in this chat is any version of the neural network selected as the recommended one. Depending on the current frame of the master class, there may be several neuroparticipants. So, in addition to the basic version of ChatGPT-4, the Neurokot network, presented by Zerocoder University, and some others were connected. Neuroparticipants performed the functions of network respondents, answering questions from personal participants in the mode of an inverse frontal survey.

One of the objectives of the lesson was to familiarize participants with the possibilities and features of preparing illustrations for the author's textbooks of the RFL teacher. Neural networks such as Midjourney, its derivatives — FusionBrain from Sberbank, etc. were connected to the general chat. The prepared illustrations were included in the general summary along with copies of the relevant requests. Working with neural networks of the visual class allows you to implement a viral type of mastering new computer tools. It stimulates intensive discussion of a wide range of issues: from the purpose and assignment of neural networks to the linguistic and didactic features of query construction for different types of networks. These findings can be included in the resulting materials. The images obtained at the request of the personal participants were used to illustrate their work.

The precedent materials of the information system include examples prepared earlier. The organization of their online discussion is of great importance.

The information system provides for the presentation and discussion of draft resulting materials — reports and publications. This is a shared access file with a list of planned and already published works by participants. It ensures an increase in citation and promotes the popularization of the topic.

The scientific novelty of the information system for the asynchronous asynoptic master class "AI tools in the RFL teaching" lies in its systemic versatility, it is suitable for use in order to integrate AI technologies into RFL teaching.

The practical significance lies in expanding the capabilities of RFL teachers to use AI tools in their work.

The use of the information system described above allows us to develop innovative methods of teaching RFL, and increase the educational process effectiveness. We note a number of practical advantages:

1. Automation and self-organization of selection's process, evaluation and analysis, fixation of the lesson content. The system allows you to collectively select and analyze information on the lesson's topic. This makes it easier for participants to design, evaluate, and analyze content.
2. Personalization of training. Participants gain experience and knowledge in practice, understand that systems based on AI tools can be adaptive, fit to the individual needs of students.
3. Expanding access to the RFL study. The information system openness allows its integration into individual and collective systems for teachers, departments of the Russian Academy of Sciences, allowing to expand access to its development for all categories of participants acquainted with AI tools.

The information system described above, in general, the methodology of the asynchronous asynoptic master class "AI tools in the RFL teaching" allows participants to familiarize themselves and begin to effectively use modern AI tools and technologies to improve the educational process and achieve high learning outcomes in interaction with neural networks.

References

Matukhin P.G., Ruzhentseva T.S. Educational and professional discourse, structure and genre features, its multimedia component / DB OFERNiO Inv. № .03524577.00908-01 (3446), date of registration 02.02.2005, URL:http://www.ofernio.ru/rto_files_ofernio/4273.doc (accessed: 20.11.2023)

- Matukhin P.G., Shimkovich E.D., Petrova M.G., Makhmutova G.F., Galiagberova V.N.* An asynchronous asymptotic master class for teachers of the Russian Academy of Sciences and other subjects of preparatory faculties for foreign citizens on the topic “Russian language in the mirror ChatGPT-4” // Byull. “Chronicles OFERNiO”. 2023. No. 10 (173). reg. No. 25193 dated 07.10.2023; URL: <http://ofernio.ru/portal/newspaper/ofernio/2023/10.pdf> (accessed: 11/20/2023); <https://doi.org/10.12731/ofernio.2023.25193>.
- Petrova M. G.* Teaching Foreign Languages and Digital Educational Environment // Collection of the International Akhanov Readings — XXVI. Scientific and Methodological Workshop. International Akhanov Readings — XXVI. Istanbul, Turkey. May 8–9, 2023. P.19–25.

ПРОБЛЕМА ТИПОВ ТЕКСТА И УЧАСТИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ИХ ОРГАНИЗАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аль Наджар Фатен Мохаммед

д-р ист. наук, профессор, университет Абу-Даби (ОАЭ)

ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ: ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ВЫЗОВЫ

Знание языков в Объединенных Арабских Эмиратах стало частью эмиратской культуры, которая стремится навести мосты знаний между собой и всеми культурами мира. Благодаря российским инициативам специалисты престижных российских вузов, в том числе Санкт-Петербургского университета, разработали учебные программы по обучению иностранцев русскому языку, модернизировали их и разнообразили инструментарий, совместив с современным языком общения. Это облегчило арабским и иностранным студентам задачу изучения языка, а преподавателям русского языка — задачу обучения студентов. Открытие платформ для бесплатного обучения русскому языку, которые доступны онлайн, что дало возможность всем студентам совершенствовать свои языковые навыки в подходящее для них время. Кроме того, во всех странах мира есть важные послы русского мира и культурные центры, которые обучают русскому языку и облегчают студентам его освоение.

Данное исследование подчеркивает важность русской литературы как блестящего инструмента в обучении русскому языку и правилам русского языка, которые помогают понять глубину русской культуры и истории, путем введения в образовательную программу текстов из рассказов и романов русской литературы, при условии, что для каждого этапа обучения будут подобраны соответствующие тексты. При этом тематика текстов сбалансирована с тематикой текстов для чтения на родном языке.

Теории и программы обучения русскому языку постоянно эволюционируют в связи с непрерывным развитием мира технологий и коммуникаций и постоянной потребностью поколений наводить и строить мосты общения на разных языках, чтобы понимать различные культуры, обогащать свой опыт и укреплять свое сознание. Тем более что изучение нескольких языков в наше время считается источником силы и возможностей для человечества, поскольку оно воплощает наше культурное разнообразие и способствует обмену мнениями, обновлению идей и расширению наших способностей к воображению.

Но невозможно добиться успеха в изучении русского языка, не опираясь на обоснованные научные программы, разработанные профессорами русского языка в старейших университетах России, в том числе в Санкт-Петербургском государственном университете, а также на развивающиеся средства обучения и искусства. Среди этих средств важное место занимает русская литература в преподавании русского языка иностранцам, поскольку существует множество примеров исследований и моделей, облегчающих работу учителя и ученика с текстом.

Классический подход к преподаванию русского языка, преобладающий в ОАЭ

Этапы обучения: Представляем текст. Лингвистический зачет. Выявить данные текста. Обсудите данные текста. Определите структуру текста

Исследуйте последовательность и гармонию в структуре текста. Лучшее утверждение о представлении текста — активизация ресурсов.

Ответственные редакторы: д-р филол. наук *Т. И. Попова*, д-р филол. наук *К. А. Рогова*.

Учебная деятельность:

Определение автора текста. Направление вопросов учащимся в той степени, которая позволяет им узнать автора текста в аспекте, соответствующем теме. Определение автора текста.

Учащиеся читают индивидуально, при этом учитель старается быстро исправлять ошибки, чтобы они не повторялись. Чтение следует повторять до тех пор, пока учащиеся не ознакомятся с текстом, чтобы обогатить их лингвистические знания и объяснить важные слова, как в связи со смыслом текста, так и в связи с их лексическим значением, при этом количество слов должно быть экономным. Что касается остальных вопросов, преподаватель устно объясняет их формулировку, чтобы учащиеся могли понять идеи, выраженные поэтом, со ссылкой на Лингвистические навыки, достаточные для того, чтобы понять значение усердия в формулировании вопросов, которые позволяют учащимся изучать текст таким образом, чтобы тренировать их вникать в его смысл и побуждать их к построению вопросов, которые могут привести их к пониманию.

Вопросы, которые могут привести их к коннотациям и скрытым смыслам, основанные на вопросах, которые ведут учителя к раскрытию стиля текста и его особенностей, при этом следует позаботиться о том, чтобы научить их действовать в соответствии с этим стилем в значимых ситуациях. Направление вопросов на то, чтобы учащиеся могли раскрыть аспекты семантической и формальной связи, существующей между значениями текста. Формулирование вопросов, с помощью которых учащиеся могут контролировать восприятие текста и частично активизировать материал, чтобы служить конкретной компетенции в данной области.

Деятельность учащихся: Преподаватель читает текст правильно, обращая внимание на качество произношения, хорошее исполнение и представление смысла

Выделение слов, трудных для понимания. Вопросы по тексту: Как поэт или писатель начал свой текст? Какие качества характеризуют писателя? Какова тема текста? Какие-то графические образы? К какому стилю относится текст? В тексте есть явный и скрытый смысл. Укажите их? С определением характеристик скрытого смысла?

Доказано, что русская литература как инструмент преподавания русского языка всегда остается эффективным и привлекательным средством для всех студенческих сред с их разнообразием интересов, осведомленностью и информированностью, ведь русская литература — это богатая литература со своими библиотеками и изданиями, которые были переведены на все международные языки, в том числе и на арабский язык.

Эти переводы построили прочные мосты между арабским читателем и русской литературой и культурой. Таким образом, выбор литературных текстов, соответствующих уровню учащегося, помогает ему изучать русский язык и правильно усваивать грамматику языка.

Однако этот подход сопряжен с определенными трудностями, включая разработку упражнений и соответствующих диалогов, которые оживляют литературные тексты, делают их частью текущей реальности студента и гарантируют, что смыслы и преимущества дойдут до студента таким образом, чтобы он мог использовать язык в своей практической и профессиональной жизни.

Литературные тексты дают ученику возможность овладеть четырьмя языковыми навыками: письмом, благодаря зрительной памяти, которая помогает ему правильно писать слова, и чтением, тем более что технологическое развитие создало множество сайтов, которые предоставляют множество русских текстов и романов. Говорить на русском языке, потому что литература в романе подчеркивает богатство языка и отбирает самые тонкие и красивые выражения. Литература одновременно развивает и навык аудирования, благодаря дискуссионным занятиям, связанным с выбранной литературной темой. Кроме того, литературные дискуссии развивают и совершенствуют личность ученика и помогают ему приобрести знания в области зарубежной русской литературы, что облегчает процесс общения с интеллектуальным классом в России и за рубежом, ведь это, конечно, класс, который читает древнерусскую литературу.

Использование русской литературы в качестве инструмента для обучения русскому языку и его грамматике — это важный и документально подтвержденный источник истории и культуры, отражающий ценности, защищающие российское общество на всех исторических этапах, через которые прошла Российская империя, вплоть до современной России.

Грехнева Лариса Всеволодовна

канд. филол. наук, доцент,
кафедра преподавания русского языка в других языковых средах,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского; grehneva@flf.unn.ru

СПЕЦИФИКА ПЕРИФРАЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: перифраза, функции перифразы, публицистический стиль, номинация.

Перифраза является одним из устойчивых и весьма популярных элементов публицистического стиля. Причина высокой активности перифразы в текстах СМИ в ее широких номинативно-выразительных возможностях. Доклад посвящен исследованию функциональных особенностей перифразы в текстах СМИ последнего десятилетия.

Перифраза, согласно мнению многих исследователей, до сих пор является не изученным в полной мере языковым и речевым явлением. В данном исследовании под перифразой понимается описательное выражение, являющееся повторной признаковой номинацией объекта. Таким образом, перифрастическое выражение обладает следующими обязательными свойствами: номинативность, неоднословность, признаковость. Перифраза обладает также рядом необязательных признаков, которые как раз и объясняют ее популярность в текстах СМИ. Среди таких признаков можно выделить оценочность и информативность, которые «работают» на реализацию в текстах СМИ двух основных функций публицистического стиля — воздействующей и информативной.

Перифраза в текстах СМИ выполняет различные функции. Именно многофункциональность перифрастических выражений создает широкие возможности для ее активного использования в публицистических текстах. Перифраза одновременно обозначает объект, описывает его, указывает на отдельные признаки; перифраза может выразить авторскую оценку обозначаемого явления, а также повысить или понизить статус объекта номинации, а значит, перифраза обладает не только оценочными, но и манипулятивными возможностями — она может оказать воздействие на адресата; перифраза заменяет словесное наименование объектов и тем самым создает текстовое разнообразие; перифраза может привлечь внимание к тексту за счет своей выразительности и образности, а значит, может выполнять декоративную и выразительную функции в тексте. Все перечисленное позволяет утверждать, что перифраза уже на протяжении длительного времени является значимым речевым средством публицистического стиля.

Остановимся подробнее на некоторых функциях перифразы, реализующихся в текстах СМИ последнего десятилетия.

Одной из важнейших функций публицистической перифразы является оценочная: в перифрастическом выражении может быть выражена авторская оценка обозначаемого объекта. Эта оценка может быть реализована в разных вариантах: она может быть нейтрально-позитивной или комплементарной, шутливой или иронической, негативной или порицательной и др. Такие субъективно-оценочные перифразы, являясь средством, интерпретирующим описываемую действительность, обладают большими экспрессивными возможностями, которые позволяют перифразе реализовывать уже не просто оценочную, а манипулятивную функцию. Таким образом, оценочные возможности перифразы делают ее одним из средств манипуляции общественным сознанием. Перифраза, образная и емкая, может внедрить в сознание читателя или слушателя определенное понимание явления, необходимую автору оценку.

Еще одной важной функцией перифразы в текстах современных СМИ стала функция эвфемизации или номинативно-эвфемистическая. Наличие у перифразы возможностей замещения первичной — словесной — номинации мотивирует способность перифрастического выражения выступать в качестве эвфемизма. Такая функция перифразы реализуется в том случае, если она используется вместо слов, которые нежелательны в тексте по той или иной причине: эти-

ческой, религиозной, общественно-политической и др. Так, например, традиционно перифрастические эвфемизмы используются для обозначения смерти, умирания: уйти в мир иной, уйти навеки, окончить свои дни, почтить в бозе и др.

Среди перифраз-эвфемизмов в текстах СМИ также используются обозначения следующих тематических групп: болезни (чума 20 века, чума 21 века, смертельная болезнь, болезнь солнечных людей); лица с физическими и психическими особенностями (человек нестандартной весовой категории, люди с ограниченными возможностями); некоторые физические или психические состояния человека, возраст (в интересном положении, дама бальзаковского возраста, в нетрезвом виде); различные группы населения, выделяемых на основании национальных или социальных признаков, а также представители этих групп (некоренное население, лица кавказской национальности, выходцы с Кавказа, лица нетрудоспособного возраста); объекты и явления интимной сферы (нетрадиционная ориентация, вступить в близкие отношения); объекты общественно-политической сферы (президентская гонка, пойти на крайние меры, высшая мера, применить санкции). Конкретные функции таких перифраз-эвфемизмов зависят от объекта и ситуации обозначения. Они могут реализовать смягчающую, этикетную, вуалирующую или маскирующую функции.

Еще одна особая функция перифразы, которая часто реализуется в текстах современных СМИ — это так называемая игровая функция. Ее можно считать одним из проявлений выразительной функции в перифразе. Игровая функция — это создание комического эффекта с помощью перифразы. Шутливые, иронические перифразы довольно часто используются в текстах СМИ: «Как и прошлым году, пальму первенства среди «денежных мешков» журнал отдал Гордону Гетти, сыну основателя компании «Гетти ойл».

Таким образом, наше исследование показывает, что перифраза является активным стилиобразующим элементом в текстах СМИ последнего десятилетия, реализуя несколько важных функций: оценочную, выразительную, заместительную и игровую.

Зырянова Елена Васильевна

канд. филол. наук, доцент,

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова;

lenkor75@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АДРЕСАТА В ЛИРИКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Ключевые слова: адресат, адресант, лирика, М. Ю. Лермонтов.

В творчестве М. Ю. Лермонтова присутствует большое количество произведений, которые организованы как единое обращение к тому или иному эксплицированному адресату.

1. В поэзии М. Ю. Лермонтова аппелятивность текста произведения зачастую выражена такими формальными показателями, как местоимения «Ты», «Вы». В стихотворениях при помощи этих местоимений выражается конкретный адресат и представляет собой реальное лицо, которое, возможно, неизвестно читателю, но известно эксплицитному я. Пример такого адресата присутствует в стихотворениях «Ты слишком для невинности мила...», «Мы ждём тебя, спешу, Бухаров», «Примите дивное посланье из края дальнего сего...», «Валерик», «О. А. Смирновой» и др. Так, в стихотворении «Валерик» при помощи местоимения «Вам» показано наличие человека, которому адресован этот текст произведения. «Вам» — это обращение не ко множеству адресатов, а к одному конкретному адресату, при этом подчеркивается уважительный тон говорящего, обращающегося к своей возлюбленной. То же можно увидеть и в стихотворении «А. О. Смирновой», где помимо уважительного отношения к адресату, любимой женщине, при помощи антитезы «Без вас» / «При вас» передано смятенное состояние адресата, который восхищается возлюбленной, преклоняется перед ней, хочет очень много ей сказать, внушить ей симпатию, но очень сильно смущается в её присутствии: «...Речью неискусной Занять ваш ум мне не дано», — говорится в стихотворении.

2. Адресат в поэзии М. Ю. Лермонтова может подразумеваться, но не может принять посланного ему сообщения. Чаще всего адресатом такого сообщения является не человек, а явления природы, животные или высшие силы, например, Бог. Именно такой адресат представлен в стихотворениях «Тучки небесные, вечные странники!», «Молитва», «Памяти А. И. Одоевского» и др.

Интерес представляет стихотворение «Памяти А. И. Одоевского», в котором можно наблюдать смену адресатов. Стихотворение начинается с рассказа адресанта об Одоевском, который обозначен в тексте в третьем лице: «его», «он». Адресатом данного лирического повествования является неопределенное множество людей, т. е. все, кто читает/слышит данное стихотворение. В середине стихотворения изменяется тон речи, обусловленный сменой адресата: адресант обращается к человеку, которого уже нет в живых, к самому Одоевскому, называет его по имени «мой милый Саша» и на «ты». Это стихотворение навеяно воспоминаниями о встречах с Одоевским на Кавказе, размышлениями о его жизни и трагической судьбе. Повествовательность интонации задаётся с самого начала произведения. Герой называет Одоевского своим другом, утрата которого ранила не только адресанта, но и многих других людей.

Нередко жанр стихотворения указывает на способы экспликации адресата. Так, главной особенностью такого жанра, как гимн, является установка на восхваление адресата. Однако у Лермонтова в подобных стихотворениях звучит ирония. Например, в стихотворении «Гимн бороде» сатирически описываются церковнослужители, прикрывающие свои неблагоприятные дела: «Борода в казне доходы Умножает во все годы».

Адресатом в лирике М. Ю. Лермонтова могут являться абстрактные явления, к примеру, в «Пленном рыцаре» (1839) говорящий обращается к времени, приравнивая его к свободе, воле, сравнивая его с птицами. Императив «Мчись же быстрее, могучее время!» показывает стремление адресанта воздействовать на время.

3. Адресат в художественном произведении может быть выражен обобщённым вторым лицом, то есть при помощи местоимений ты или вы может быть назван человек вообще или

определённая категория людей, а может быть даже и человечество. Читаем у М. Ю. Лермонтова в «Последнем новоселье»: «Мне хочется сказать великому народу: Ты жалкий и пустой народ!» В данном примере адресант обращается к обществу, а именно к толпе. Местоимение «Ты» выражает не единичного человека, а большую группу людей, всё общество.

Также обобщенное ты/вы адресата можно встретить в ряде других произведений поэта. Например, в известнейшем стихотворении «Прощай, немытая Россия...» уже в самом начале назван конкретный адресат, которым являются «мундиры голубые», т. е. жандармы, и народ. Но своё обращение к этим адресатам лирический герой обобщает в единое целое — Россию, которой в поэтической форме он и адресует своё «Прощай».

Произведение «Безумец я! Вы правы, правы!» (1832) адресуется «толпе». Тематикой этого стихотворения является взаимоотношение поэта и общества. Под «Вами» лирический субъект подразумевает светское общество, которое его не понимает. В высказывании адресанта Безумец я! Вы правы, правы! содержится мнение адресата (светского общества) о лирическом герое, которое было высказано когда-то за пределами этого текста.

4) В лирике наблюдается такое явление, как автокоммуникация, т. е. совпадение эксплицитного адресанта и адресата. Подобные произведения также можно встретить в творчестве М. Ю. Лермонтова. Стихотворение, построенное в форме монолога, можно рассматривать, по мнению Ю. И. Левина как самоадресацию, поскольку оно может выступить в форме обращённости к самому себе, как размышление, разговор с самим собой, как памятная запись [Левин 1998]. Автокоммуникативное второе лицо выражает обращение к самому себе (ты=я). Таковы, например, «Монолог», «Отрывок». В стихотворении «К другу» условный, формальный образ друга — это лишь повод к вербализации собственных ощущений. Послание к другу начинается словами, которые напоминают пушкинские послания: «Взлелеянный на лоне вдохновенья, С деятельной и пылкою душой...» Так можно было бы охарактеризовать адресата, но повествователь продолжает: «Я не пленён небесной красотой, Но я ищу земного упоенья». Из контекста явствует, что речь идёт вовсе не о друге, а о нём самом, т. е. адресант и адресат — это одно лицо.

Литература

Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464–482.

Колесова Дарья Владимировна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
d.kolesova@spbu.ru

АРГУМЕНТАЦИЯ В НАУЧНО-УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ: АНАЛИЗ АРГУМЕНТИРУЮЩЕЙ ТАКТИКИ В ВКР БАКАЛАВРА И МАГИСТРА

Ключевые слова: аргументативный текст, научный стиль, аргументативная компетенция.

Аргументативный текст — продукт рационального постижения мира и его объяснения, главная интенция адресанта — убедить реципиента. В каждом таком тексте присутствуют (эксплицитно или имплицитно) тезис, аргументы и вывод. Научный текст представляется по преимуществу аргументативным, ибо адресант стремится донести до своих читателей тезисы, концепции, смыслы, которые считает истинными и в определенной степени новыми для человечества.

Выпускная квалификационная работа бакалавра и магистра призвана показать, что молодой специалист готов к профессиональной деятельности, в том числе — научной; а также ВКР демонстрирует степень владения выпускником соответствующими компетенциями, в которые входит в том числе умение доказывать свою точку зрения. Попробуем соотнести ВКР бакалавров и магистров филологического факультета СПбГУ с теми положениями, которые сформулированы в лингвистической литературе относительно эффективной аргументации в научном тексте. Оговоримся: мы соглашаемся с тем, что исследовательские работы студентов обычно не вызывают сомнения в их принадлежности к научному стилю, см. [Ведякова 2016].

Во-первых, схема аргументации представляет собой наиболее общие и абстрактные модели рассуждений, которые имеют бесконечное количество вариантов подстановки элементов. Основными схемами признаются [Баребина 2015] следующие:

- причинно-следственная аргументация;
- сравнительная аргументация (когда что-либо спорное представляется как имеющее сходство с чем-либо, что не является спорным);
- аргументация, основанная на авторитетном мнении.

Разумеется, в любой из этих схем предполагается, что автор исследования использует статистические данные, эмпирические факты, концепции авторитетных предшественников и другие известные способы подтверждения своего мнения.

Во-вторых, достаточно подробно и убедительно описаны маркеры аргументации в научном тексте [Березина 2018], к ним относятся, например, такие единицы: не случайно, недаром, в самом деле, на самом деле, действительно, но; дело в том, что; ведь и т. п. Употребление маркёров аргументации в научном тексте определяется речевыми тактиками (речевым ходом, в терминологии Н. С. Березиной) и когнитивными установками автора. Так, подтверждение маркируется единицами недаром, неслучайно, ведь, опровержение — на самом деле, действительно ..., но, объяснение — в самом деле; дело в том, что. Если автор считает нужным придерживаться принятого в научном стиле вежливого регистра, то он использует ведь и действительно, если автору не требуется проявить кооперативность, то в тех же ситуациях появляется маркер на самом деле. «В семантике недаром превалирует ценностный аспект, в семантике не случайно — событийный. В семантике в самом деле и ведь присутствует ссылка на очевидность вводимой аргументации» [Березина 2018].

Наконец, известны и способы усиления эффекта аргументативности, как относящиеся к принципам изложения (системность структурирования, точность, ясность изложения, целесобразность коммуникативного поведения), так и с помощью языковых единиц [Савчук, 2022]. Структурная рационализация может быть рассмотрена в трех направлениях: 1) систематизация изложения, которая проявляется в продуманном структурировании текста, соответствии

его определенному плану. 2) использование сложных аргументативных структур — подчинительной, сочинительной, множественной. 3) применения особых способов структурирования аргументации. Т. Н. Савчук предлагает обозначить эти способы по аналогии с риторическими фигурами как аргументативный повтор, аргументативную градацию и аргументативный период [Савчук 2022:20].

Способы репрезентационного усиления аргументации включают в себя 1) смысловое акцентирование (вербальная маркировка, здесь важную роль играют частицы только, лишь, именно и устойчивые языковые структуры только если; только в (том) случае, если (когда); тогда (и только тогда), когда; только (лишь)) и введение в дискурс средств оценки: большое (особое, принципиальное) значение, важная задача, ключевая роль, надежный критерий, существенная характеристика. 2) Невербальные компоненты аргументации (таблицы, схемы, графики, рисунки, фотографии).

На метатекстовом уровне рациональное усиление научной аргументации осуществляется за счет разного рода типографических средств, участвующих в оформлении печатного речевого продукта [Савчук 2022: 25].

Мы рассмотрели 5 ВКР бакалавров и 5 ВКР магистров, находящихся в открытом доступе на платформе СПбГУ, объектом исследования в которых являлся русский язык. Для того, чтобы избежать конфликта интересов, мы анализировали лишь те ВКР, которые были созданы студентами других кафедр филологического факультета. Мы выбрали те ВКР, которые имели высокие оценки рецензентов и научных руководителей, т. е. они отвечали всем требованиям, которые предъявляет университет к ВКР того и другого уровня обучения. Целью анализа было выяснить, насколько сформирована у выпускников аргументативная компетенция, а также уточнить, есть ли различия в сформированности этой компетенции между бакалаврами и магистрантами.

Литература

- Барбина Н. С., Барбина А. Д. Проблема формирования навыков аргументации в обучении академическому письму // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6, № 1. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(1).30
- Березина Н. С. Маркеры аргументации в научном тексте: семантика и функционирование (на материале научной прозы М. М. Бахтина, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2018. URL: <https://www.dissercat.com/content/markery-argumentatsii-v-nauchnom-tekste-semantika-i-funksionirovanie-na-materiale-nauchnoi> (дата обращения: 08.01.2024).
- Ведякова Н. А. Учебный текст — научный текст? // *Lingua mobilis*. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnyy-tekst-nauchnyy-tekst> (дата обращения: 08.01.2024).
- Савчук Т. Н. Способы рационального усиления аргументации в письменном дискурсе гуманитарных наук (описание и оценка) // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2022. № 1. С. 16–29.

Коломиец Екатерина Андреевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра английского языка № 3,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России; ekatnikon2014@yandex.ru

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: редакторская колонка, жанры СМИ, масс-медиа, editorial, англоязычная пресса.

Редакторская колонка является одним из наиболее изученных и узнаваемых журналистских жанров, в отношении которого у читателей есть четкий «горизонт ожиданий» [Тодоров 1967], тем не менее, на сегодняшний день у исследователей нет единой позиции относительно статуса и характеристик жанра, что, в первую очередь, связано с тем, что редакторская колонка является объектом исследований различных научных направлений. При этом все работы, направленные на изучение редакторской колонки, отмечают, что ведущей функцией для жанра является воздействие. Поскольку жанры могут совмещать несколько функций, в том числе реализовывать частные (авторские) интенции [Bhatia 2004], то особый исследовательский интерес представляет анализ функции, представленных в редакторской колонке, а также их специфика и частотность использования.

Настоящее исследование рассматривает функциональный аспект редакторской колонки на материале 60 публикаций, представленных в разделах “editorial”, “from editor”, “leader”, “editorial note” и т. д. ведущих англоязычных печатных изданий The New York Times, The Guardian, The Washington Post, The Economist за 2020–2023 гг.

Теоретической основой исследования функций редакторской колонки являются основополагающие наработки таких исследователей как Лотман Ю. М., Гальперин И. Р., Серль Дж и т. д.

Под редакторской колонкой понимаем текст небольшого объема (около 500 слов), целью которого является трансляция информации о вопросах, освещаемых в номере, в также размышления автора на главную тему данного номера. Существует несколько вариантов написания редакторской колонки: редакторский обзор номера, мнение редактора, editorial. — различающиеся по степени представленности в них данных функций. В рамках нашей работы в фокусе внимания исследования находится такой вариант написания редакторской колонки, как editorial. Отличительной чертой данного типа жанра является институциональный характер, высказываемого мнения, т. е. позиции, представленные здесь, не являются личной точкой зрения редактора, а представляют собой мнение редакции газеты, журнала. Кроме того, для editorial характерна высокая степень воздействия на общественное сознание, что подтверждают многочисленные междисциплинарные исследования.

В результате проведенного анализа были выделены следующие функции редакторской колонки: информативная, воздействующая, культурно-просветительская, интегративная, контактная функции. Ниже рассмотрим более подробно специфику реализации каждой из функций:

Информативная функция. Информативная функция (функция сообщения, репрезентационная референция) заключается в том, что СМИ призваны информировать аудиторию о событиях и условиях жизни непосредственного окружения, сообщества, мира в целом [Васильева 2010]. Сегодня в условиях глобализации и тотальной диджитализации данная функция СМИ, обеспечивающая снабжение аудитории оперативной информацией, играет важную роль. Наиболее выпукло данная функция реализуется в таких жанрах как новость, репортаж и т. д.; для редакторской колонки она остается второстепенной. Однако будучи жанром массмедиа, редакторская колонка, так или иначе, реализует информативную функцию, предоставляя данные, которые в последствие уточняются в статьях номера.

Воздействующая функция является ведущей для редакторской колонки, поскольку позволяет реализовать главную цель жанра — оказать влияние на ценности и взгляды общества.

Автор ставит перед собой задачу дать субъективную интерпретацию событий, где фокусом являются авторские оценочные суждения.

Культурно-просветительская функция (*political awareness function*) реализуется в редакторской колонке за счет содержания полезных сведений, советов и рекомендации. Данная функциональная направленность находит выражение в лексике редакторской колонки (использование модальных глаголов “should”, “must” со значением рекомендации), а также на когнитивном уровне: автор формирует концептуальное поле «наставник».

Интегративная функция. В настоящее время исследователи все чаще указывают на важность интегративной функции СМИ для современного общества, обеспечивающей консолидацию общества. Учитывая высокий социальный статус редакторской колонки и ее потенциал воздействия на аудиторию, то редакторской колонке удастся усилить общие для аудитории ценностные установки, а также противодействовать деструктивным для общества тенденциям.

Контактная функция нацелена на выстраивание личных доверительных отношений между читателем и автором. Она реализуется, с одной стороны, за счет языковых средств диалогизации (разговорной лексики и конструкций, риторических вопросов, вопросно-ответных комплексов и т. д.), а также за счет инструментов, направленных на привлечение внимания аудитории (заголовком, графикой, местом на полосе, шрифтами, иллюстрацией и т. д.).

Итак, нами были выделены следующие функции, наиболее ярко представленные в *editorial*: информативная, воздействующая, культурно-просветительская, интегративная, контактная. Все указанные функции вытекают жанровой направленности *editorial* на воздействие на ценности и установки в обществе.

Литература

Todorov T. Littérature et Signification. Paris: Larousse, 1967.

Bhatia K. V. Analysing Genres: Language Use in Professional Settings. London, 2004.

Васильева Л. В. Роль и функции СМИ в современном обществе // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-funktsii-smi-v-sovremennom-obschestve>

Коньков Владимир Иванович

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
v_konkov@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА КАК ПРОДОЛЖАЮЩИЙСЯ МОНОЛОГ

Ключевые слова: устная речь, медийная речь, монолог, изображение речи.

Творчество Захара Прилепина — одно из самых значительных явлений в современной русской прозе. Захар Прилепин одновременно известен и как яркая медийная личность, присутствующая в различного рода проектах в коммуникативной среде интернета. Захар Прилепин — автор огромных по объёму литературоведческих исследований, очень и очень необычных для сложившихся традиций написания научных работ в этой области. Что объединяет все эти направления его речевой деятельности в лингвостилистическом плане?

Читая литературных критиков, анализируя лингвистические работы (и те, и другие очень часто оказываются достаточно интересными), невольно приходишь к выводу: интересно, но суть не в этом. Анализ лексических групп, литературных образов, языковой рефлексии [Малышева 2016; Сидоренко 2013; Щеникова, Вологина 2014] не выявляет того общего мощного воздействующего начала, который связывается с именем Захара Прилепина. Традиционные подходы к анализу художественного текста не работают.

Так, при чтении его произведений мы не можем сказать, что автор умело создаёт образ чужой речи, как это мог делать, например, М. А. Булгаков, про произведения которого говорили, что речь персонажей М. Булгакова сценична. Во многом именно через изображение речи формировались в произведениях М. Булгакова образы персонажей. Но у З. Прилепина, например, в романе «Обитель» речь одного персонажа мало отличается от речи другого. Нет фраз, которые бы покидали роман и жили своей самостоятельной образной жизнью:

Он был рыжий, встрёпанный, чуть губастый — ему вообще шло хорошее настроение. — Из театра? — заинтересованно спросил Артём; всё-таки, кажется, ему удалось минут пятнадцать проспать под мандолину — он вновь испытывал, конечно, не бодрость, но некоторое оживление.

Афанасьев мотнул головой.

— Что давали? — спросил Артём.

— Да ну, — весело отмахнулся Афанасьев, — Луначарского. Хотя всё это, Артём, впечатляет даже с Луначарским. Какая там каэрочка играет, а? Плакать хочется.

Афанасьев что-то ещё говорил про спектакль, сумбурное, — словно хотел объяснить замысел режиссёра, а в уме всё равно представлял исключительно каэрочку.

Мы не обнаруживаем в романе и классических композиционно-речевых форм (описания, повествования, рассуждения) в том их виде, как они сложились в русской литературе XIX века. Так, например, описание коменданта лагеря заменяется описанием того впечатления, которое производит на главного героя внешность коменданта:

Артём осторожно, исподлобья разглядывал его лицо. Правильные, крупные, но в чём-то — редкого типа и даже изысканные черты лица, зачёсанные назад волосы, белые, достаточно крупные зубы, улыбающиеся, но одновременно будто недвижимые глаза — он был красив, наминал какого-то известного поэта десятых годов и мог бы располагать к себе. Только в линии скул — слишком скользкой, делающей лицо более худым, чем на самом деле, — было что-то неприятное и болезненное.

Встаёт вопрос: тот успех, который имеют у читателей произведения З. Прилепина, обусловлен только содержательными характеристиками его произведений, постановкой жизненно важных, болезненных социальных проблем? А чисто речевые параметры его творчества? Они влияют на востребованность его художественных и публицистических произведений?

Отвечая на поставленный вопрос, мы можем выдвинуть следующую гипотезу. Успех произведений З. Прилепина во много обусловлен найденной им интонацией. Возможность того, что

наша гипотеза верна, становится понятной, когда мы смотрим, видим и слышим, Прилепина-говорящего. На принципиальную значимость интонационного рисунка, найденного и используемого З.Прилепиным в целях успешного воздействия на аудиторию, найденного им ритма обратила внимание Т. А. Соломкина, которая проанализировала его речь в телепередаче «Уроки русского» как поликодовое образование [Соломкина 2023].

Исследователи неоднократно отмечали, что синтаксис субъективно дан человеку в интонации. Как следствие, верно и обратное утверждение: читая произведения писателя, мы слышим его голос. Всё творчество З. Прилепина — это продолжающийся монолог, где в найденной им интонации, в ритме ярко проявляется его волевое начало. Интонация З. Прилепина — это интонация патриота, где патриотизм осмысливается как чувство собственного достоинства. Эта интонация и объединяет всё его творчество, и привлекает внимание читателей.

Обсуждая проблему востребованности произведений Прилепина в обозначенном аспекте, мы соприкасаемся здесь с проблемой более общего плана: насколько велика роль устной речи в речевой практике современного общества в целом и в сфере медийной речи в частности? Здравый смысл подсказывает: мы всё больше слушаем и смотрим и всё меньше читаем. С одной стороны, увеличивается в процентном отношении объём устной речи. С другой — её влияние на речевую практику общества в целом оказывается многоаспектным и далеко не всегда очевидным.

Литература

- Мальшиева А. И. «Клинический реализм» Захара Прилепина: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016.
- Сидоренко А. В. О лингвистической рефлексии в прозе З. Прилепина // «Любить дело в себе...» Книга Памяти профессора Валентина Айзиковича Зарецкого: воспоминания, материалы личного архива, статьи. Стерлитамак, 2013. С. 478–483.
- Соломкина Т. А. Функциональный потенциал устной речи в современной медийной коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 57–65.
- Щеникова Е. В., Вологина Е. В. Средства речевой агрессии в публицистике Захара Прилепина // Филология Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2014. № 6. С. 249–256.

Ли Чжэньго

аспирант,

Санкт-петербургский государственный университет;

st112051@student.spbu.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЫВЕСОК

Ключевые слова: петербургские вывески, языковые особенности, семантика, стилистика.

Вывески отражают культурные особенности и идентичность города, являются источником искусства и эстетического удовольствия, влияя на визуальную культуру общества. С коммерческой точки зрения являются важным инструментом рекламы и маркетинга. В докладе представлен анализ языковых особенностей текстов петербургских вывесок.

По стилю, вывески города можно классифицировать на официально-деловые, неофициально-разговорные и художественно-образные. Рассматривая официально-деловые вывески, можно отметить, что язык вывесок русский или иностранный, в зависимости от статуса, масштаба и направления деятельности объекта. Например, вывеска пекарни дублируется на двух языках: «Пекарня “Булочка”. Самые свежие и вкусные булочки в городе! Приходите и убедитесь сами! И «Bakery “Bulochka”. The freshest and tastiest buns in the city! Come and see for yourself!»

По сравнению с западными, тексты петербургских вывесок характеризуются меньшим использованием аббревиатур, акронимов и сокращений (KFC, АТМ, NBA).

Семантическая характеристика позволяет отметить, что язык вывесок отражает различия между социальными группами, имеющими разные характеристики по возрасту, полу, образованию и т. д. Пример такой дифференциации: «Детский мир. Магазин игрушек, одежды и канцелярии для детей от 0 до 14 лет. Здесь вы найдете все для счастья вашего ребенка!» Видно, что текст адаптирован к интересам, потребностям и ожиданиям разных социальных групп по возрасту (дети, взрослые).

Язык вывесок также отражает изменения, которые происходят в обществе и культуре. Например: «СССР. Столовая советского союза ресторанов. Попробуйте настоящую советскую кухню в современном интерьере!»; «Эко-маркет. Магазин органических продуктов. Здоровье, красота, гармония. Сохраняем природу для будущих поколений». Здесь видно, что тексты вывесок отражают разные социальные явления и процессы: ностальгия по советскому прошлому, рост экологического сознания.

Вывеска не только информирует о товарах или услугах, но и представляет лингвокультуру современного города. Например: «Гастроном “Европа”. Магазин продуктов питания из разных стран Европы. Франция, Италия, Испания, Германия и др. Выбирайте и наслаждайтесь!». В примере видно, что текст вывески отражает кулинарную разнообразность.

Кроме того, тексты вывесок воздействуют на психологию создателей и адресатов через убеждение, ассоциацию, запоминание, оценку и отношение к текстам вывесок. Примеры: «Счастье есть! Кондитерская-кофейня. Домашняя выпечка, ароматный кофе, уютная атмосфера. Приходите и убедитесь сами»; «Сладкая жизнь! Кондитерская “Жизнь”. Торты, пирожные, печенье, мороженое и др. Удовлетворите свои сладкие желания!» В этих примерах видно, что тексты вывесок стремятся убедить адресатов в преимуществах своих товаров или услуг, ассоциировать их с позитивными эмоциями и образами, запомнить их названия и слоганы.

Таким образом, тексты петербургских вывесок представляют собой разнообразный и сложный языковой материал, который отражает и воздействует на разные аспекты городского дискурса и культуры.

Литература

Арутюнова Н. Д. Метонимия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 300–301.

Астафьева И. А. Способы номинаций в речевой ситуации города (на материале ойкодомонимов г. Омска): дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 185 с.

Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для филол. специальностей вузов. М.: Акад. проект, 2004. 462 с.

Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д., 1993. 146 с.

Лисова Олеся Олеговна

старший преподаватель, кафедра русского языка как иностранного
и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет;
o.lisova@spbu.ru

К ВОПРОСУ ОБЪЕКТИВАЦИИ СТЕПЕНИ ВЫДВИЖЕНИЯ ТЕКСТОВОГО ФРАГМЕНТА

Ключевые слова: текстовое выдвижение, фокус, фон, автобиографический нарратив.

В докладе проводится анализ автобиографического нарратива с точки зрения выделения в нем зон фокуса и фона на основе наблюдения за языковыми средствами и речевыми приёмами воплощения в тексте образа участника событий и характера его действий, а также рассматриваются возможности количественной интерпретации степени авторского выдвижения соответствующих фрагментов текста.

Под выдвижением (*grounding*) мы, вслед за П. Хоппером и С. Томпсон, понимаем «языковые характеристики, связанные с различием между первым планом и фоном» [Hopper, Thompson 1980: 280]. Первый план (*foreground*) — это та часть дискурса, которая выражает основное содержание, в то время как фон (*background*) служит для комментирования и расширения основной части [Hopper, Thompson 1980: 280]. Однако дискуссионным остается вопрос о том, какие именно языковые средства обеспечивают процесс выдвижения на текстовом уровне. В связи с этим, нами разработан алгоритм оценки уровня выделенности конкретного фрагмента текста, представляющего собой не просто отдельное предложение, а набор предложений, связанных единой темой (ССЦ). При разработке алгоритма анализа текстового выдвижения был учтён опыт зарубежных и отечественных исследований степени выделенности отдельных клауз в нарративе (П. Хоппер, С. Томпсон, К. Чвани, С. Флейшман, Л. Гренобль, Н. Кояма, А. В. Уржа, О. К. Ирисханова и др.): в анализе автобиографического нарратива мы используем как лексико-грамматический критерий, так и критерии «неожиданности» и субъективной модальности.

Для анализа был выбран текст А. Н. Архангельского «Русский иероглиф. История Инны Ли, рассказанная ею самой» (2022). В предисловии к изданию А. Н. Архангельский сам указывает на основной объект изображения, конфликт повести — это «человек» и социальный «фон»: каким образом человеческая жизнь оказывается вписанной в историю, а история оказывается пропущенной сквозь призму человеческого сознания, как можно стать «китарусскими интеллигентами, которые считывают грандиозную политическую историю сквозь мелкие детали быта и личные обыденные обстоятельства» [Архангельский 2022: 9]. Таким образом, текст повести представляет собой повествование героини не только о собственной жизни, но и о жизни близких людей, исторических фигур, общества. С опорой на перечисленные выше исследования мы определили три компонента для оценки степени выделенности ССЦ в тексте: «участник события», «характер действия, выраженный предикатом», «субъективная оценка и изменение точки зрения».

Так, для первого компонента максимально выделенным окажется событие, в котором участвовала сама героиня / или она совершала действия совместно с другими людьми (здесь прогнозируется появление дейктиков первого лица «я»/«мы» и определенно-личных предложений). Минимальное выделение будет у ситуаций, событий, описываемых безличными конструкциями (важным критерием здесь будет не формальное отсутствие субъекта в предложении, а невозможность его определения из контекста). Таким образом, по компоненту «участник события» могут быть проставлены следующие баллы: я/мы (5 баллов) > близкие люди: мама, папа, сестра, муж (4 балла) > имя собственное (3 балла) > Имя нарицательное / или субъект мыслится, но не назван (2 балла) > субъект не назван, не мыслится или безличный (1 балл).

При анализе предиката исследователи единогласно говорят о функции выдвижения у настоящего исторического времени, поскольку его использование соотносено с речевым режимом, то есть с ситуацией максимального включения говорящего и адресата в момент «сейчас».

Кроме настоящего исторического, мы предлагаем отнести к этому критерию и диалог в режиме «я-здесь-сейчас» (К. Чвани). Минимальным по этому компоненту будет балл за отсутствие динамики, процессуальные глаголы описания состояния среды. Таким образом, по компоненту «характер действия, выраженный предикатом» могут быть проставлены следующие баллы: диалог (я-здесь-сейчас) / настоящее историческое (5 баллов) > действие любого субъекта (динамика, результат, изменение) (4 балла) > использование предикатов эмоционального, ментального или перцептивного состояния / проникновение в мысли других героев (когда мысль чужого передана в «своем слове» / чужая речь (3 балла) > Нерезультативное действие (процессуальность, глаголы НСВ) (2 балла) > Состояние /отсутствие динамики / бытийные глаголы (1 балл).

Самым сложным компонентом является компонент субъективной оценки и изменения точки зрения: здесь для нас как для читателей выделенными будут те фрагменты, где происходит смена субъекта (например, героиня как участница событий и героиня как нарратор, взгляд которой шире). Следовательно, неожиданная смена режима (участник событий — субъект оценки), связанная, как правило, с изменением времени повествования (например, забегание вперед или отступление) будет сопровождаться фокусированием внимания. Данный критерий предполагает начисление 1 балла за использование следующих средств: оценочность (вводные слова со значением уверенности/неуверенности, выражением чувств) — 1 балл; нарушение последовательности повествования (забегание вперед или назад) — 1 балл; комментарий из момента «сейчас» — 1 балл; когнитивные действия (сравнение, сопоставление, аргументация) — 1 балл; комментарий во вставной конструкции — 1 балл; парцелляция — 1 балл; риторические вопросы и восклицания — 1 балл; другие неожиданные элементы повествования — 1 балл.

Предлагаемая оценка ССЦ позволяет выделить в тексте фрагменты максимального фокуса (14 и более баллов), которые, на наш взгляд, и являются теми вершинами текста, анализ которых позволяет выйти к не только к смыслу текста, но и к ценностям самого человека.

Литература

- Архангельский А. Н.* Русский иероглиф: История Инны ли, рассказанная ею самой. М.: АСТ: Редакция Елены Дубиной, 2022. С. 9.
- Horper P., Thompson S. A.* Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*. 1980. Vol. 56 (2). P. 251–299.

Лоу Шифань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st106492@student.spbu.ru

ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «Я» В СОВРЕМЕННОЙ АНТИУТОПИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «КРАЙ, ГДЕ СБЫВАЮТСЯ МЕЧТЫ» Г. САДУЛАЕВА)

Ключевые слова: современная антиутопия, рассказ, концепт «Я», герой-жертва.

Что такое художественный концепт? Под термином «концепт» Е. В. Сергеева понимает «некое ментальное образование, присутствующее в языковом (коллективном или индивидуальном) сознании, прошедшее процесс означивания, осознаваемое языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля и вербализованное лексическими единицами данного языка» [Сергеева 2006: 63]. Художественный концепт, в отличие от концепта-универсалии, отражает общехудожественное или индивидуально-авторское осмысление общих метальных сущностей [там же]. Следовательно, с помощью этого концепта мы можем изучать героя в современном рассказе.

Первоначально антиутопия родилась как оппозиция утопии. С точки зрения Б. Ланина, «антиутопия отличается от утопии своей жанровой ориентированностью на личность, её особенностями, чаяния и беды: антропоцентричностью. Личность в антиутопии всегда ощущает сопротивление среды. Социальная среда и личность — вот главный конфликт антиутопии» [Ланин 1993: 4]. Антропоцентризм позволяет нам обратить внимание на личность главного героя.

Одним из классических антиутопических произведений является роман «Мы» Е. Замятина. Он создаёт два типа персонажа: «Я» и «Мы». Население «Мы» живёт по регламентированной жизни, при этом герой романа обладает характеристиками героя-бунтаря, воплощающего художественный концепт «Я».

Наше исследование посвящено анализу утраты духовной личности персонажей в современном рассказе с точки зрения выражения концепта «Я». Материалом исследования служит рассказ из сборника «Время вышло»: «Край, где сбываются мечты» Г. Садулаева. По нашим наблюдениям, в этом рассказе нет героев-бунтарей, а есть герой-жертва, который сохраняет элементы сознания. Концепт «Я», который важен для классической антиутопии, был выражен в герое-бунтаре. В современном антиутопическом рассказе вместо бунтаря на сцену выходит герой-жертва. При этом герой-жертва все-таки сохраняет элементы сознания, так как продолжает сомневаться. Таким образом, концепт «Я» в современном рассказе отражён в герое-жертве.

В рассказе Г. Садулаева описаны два типа тоталитаризма. Во-первых, это тоталитарное государство, которое вводит закон о запрещенных книгах. Герой рассказа Миша был арестован из-за того, что он читал книги Самохина, чьи книги власть признает деструктивным культом. Не осознавая себя самохинцем, Миша транслирует их идеи: весь мир, и эта заполненная дымом комната, и железный стул, и майор, и сержант со шлангом, и сам он, что всё это существует только из-за его желания жить и стоит только перехотеть, как всё закончится. Всё закончится само по себе. И для этого даже не нужно будет что-то специально делать [Садулаев 2022: 47–48]. Миша попадает под влияние террористической концепции самохинцев, которые уверены, что всё в уме, и остальное — иллюзия, поэтому надо уничтожить всех людей с их сознанием, чтобы предотвратить возрождение этих иллюзий. Для описания процесса изменения мыслей Миши автор использует художественный приём — диалог. В рассказе диалог между Мишей и террористами занимает большое место. Из диалога видно, что Миша не принимает их концепцию. Он всё ещё сохраняет своё сознание. Однако, для террористов не важно, принимает он их идеи или нет, После взрыва всё закончилось. Иными словами, Миша умер, и прекратил мыслить.

Концепт «Я» выражен не только в главном герое-жертве, но и в описании поведения всего населения. Первый тоталитаризм (тоталитаризм государства) не абсолютно лишает людей свободы: «Телеграм» запретили, и все в нём сидят. И даже те, кто запрещал, сидят в «Телеграме» и ведут свои телеграм-каналы [Садулаев 2022: 49]. Очевидно, что не каждый механически сле-

дует правилам в обществе, закон в этом обществе не имеет авторитет. А второй тоталитаризм (тоталитаризм террористов-самохинцев) оказывается страшнее, он направлен на то, чтобы разрушить все «Я» в уме людей путем их тотального уничтожения. Предложение Всё закончится выражает то, что все «Я» исчезнут. Это выражение повторяется в тексте много раз. И представитель власть, и террористы хотят уничтожить «Я», т. е., закончить всё, хотя у них разные цели.

Концепт «Я» перекликается с утратой духовной личности персонажей в антиутопической модели мира. В этом рассказе закон о запрещённых книгах Самохина направлен на то, чтобы отнять у людей способность свободно мыслить. Ведь Самохин только обычный советский писатель. Ничего особенного [Садулаев 2022: 49]. Правительство часто запрещает что-то для демонстрации своей власти. Важен сам факт запрета. Табуирование порождает социальные структуры. И можно вычленил асоциальные элементы. Вычленил и уничтожил [Садулаев 2022: 49]. Террористы идут дальше, они уверены, что обязательно нужно уничтожить ум всех людей. Если хотя бы один ум останется неуничтоженным, то он регенерирует иллюзию и в неё будут затянуты все остальные души [Садулаев 2022: 59–60]. Они считают, что духовная личность имеет способность к воскресению, поэтому обязательно уничтожить всё. Второй тип тоталитаризма оказывается страшнее, так как лишает человечество возрождения.

Литература

Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX в.: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 350 с.

Сергеева Е. В. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филологический журнал. 2006. № 1–2. С. 63–69.

Источник

Садулаев Г. Край, где сбываются мечты // Время вышло. Современная русская антиутопия. М.: Альпина нон-фишкн, 2022. С. 43–63.

Нерсисян Кристина Арменаковна

ассистент, кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания,
Санкт-Петербургский государственный университет;
nersisyan_kristina@bk.ru

ПАРАМЕТРЫ УСЛОЖНЕНИЯ УЧЕБНОГО ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Ключевые слова: сложность текста, РКИ, искусственный интеллект, нейросеть

Последние годы показали, что современный мир уже трудно представить без технологий. Самой перспективной из них является технология искусственного интеллекта. Целью исследования является выявление пользы, которую данная технология может принести, а также поиск решения вопроса параметров сложности текста, давно изучаемых в лингвистике.

Для работы были использованы GPT Яндекса «Давай придумаем» и нейросеть Writesonic. Выбор этих ресурсов обусловлен их доступностью в России, навыком работы с русскими текстами, а также практическими целями данного исследования.

Преподаватель, работающий с нейросетью, прежде всего должен четко ставить цель и представлять итоговый результат; в соответствии с этим строится сам запрос (промт). Чем подробнее и четче запрос, тем лучше будет результат. Лучше начинать запрос со слов «Напиши», «Придумай», «Перескажи», «Перепиши», «Сочини», «Объясни» и т. д. Следует также обозначить конкретную тему, количество слов, уровень владения РКИ, однако нейросеть пока не очень хорошо справляется с последней задачей.

Например, если преподаватель решил подготовить текст на тему транспорта для группы В2, его ждет кропотливая работа, полная неудачных попыток, так как фактически итоговый текст соответствует уровню В1 (текст приводится в сокращенном виде):

Городской транспорт представляет собой систему перевозки пассажиров в черте города. К городскому транспорту относятся автобусы, троллейбусы, трамваи, метро и такси. Выбор транспорта зависит от множества факторов, таких как стоимость проезда...

В попытке преодолеть это, приходится добавлять уточнение в запрос, но даже с учетом этого итоговый текст все равно соответствует уровню В1, что подтверждается Лексическим минимумом [Андрюшина: 2015] и дополнительно проверяется через сервис «Текстомер». Усложнить текст удалось после нескольких попыток с помощью конкретного запроса, соответствующего уровню В2:

Городской транспорт является одним из основных источников загрязнения окружающей среды. Использование автомобилей приводит к выбросам вредных веществ в атмосферу, что способствует образованию смога и ухудшению качества воздуха....

Точно такие же промты не вызвали никаких проблем в процессе работы с нейросетью Writesonic. В целом, работа с ней кажется несколько результативнее. Не сразу, но за два запроса нейросети все же удалось создать текст нужного уровня. Достаточно легко удалось усложнить этот текст до уровня С1 и так же легко оказалось трансформировать этот текст для уровня А1. Нейросеть, как и продукт Яндекса, заменяет лексемы и трансформирует синтаксические конструкции, избегает сложных падежных конструкций и крайне удачно упрощает текст, максимально соответствующий уровню А1.

Однако не удалось ни усложнить, ни упростить этот текст для уровня А2. Более того, в попытке его достичь нейросеть случайно создала текст уровня С2. Скорее всего, это также связано с большим количеством однотипных промтов в рамках одного чата с нейросетью.

Отдельно хотелось бы отметить, что нейросети целесообразно использовать при работе с художественным текстом. Например, «Давай придумаем» легко упростила отрывок рассказа Чехова «В поезде» (уровень В2) до уровня В1 [Чехов 1881].

Стоит отметить, что дальнейшие изменения произвести не удалось, так как дополнительные упрощения повлекли бы за собой утрату смысла текста.

Однако можно легко заметить, что нейросеть заменила трудные лексемы (локомотив — поезд, неисправный — сломанный), удачно семантизировала «машиниста» как «водителя поезда», но при этом не учла, что родительный падеж в выражении «начальник станции» для студентов, изучающих РКИ, легче, чем конструкция «человек, который руководит станцией». Более того, нейросеть вводит в заблуждение: помощник начальника не его друг, а «мчаться» не значит «проходить».

Результаты показывают, что нейросети можно и нужно использовать в работе с текстом, однако преподаватель должен быть готов к тому, что моментального желаемого результата от текста добиться не получится. Кроме того, итоговый текст приходится внимательно проверять не только на соответствие уровню, но и на ошибки. Также стоит отметить, что нейросети лучше справляются с трансформацией текста, а не с созданием по заданным параметрам, что может оказать неоценимую помощь в работе с художественными текстами.

Литература

Давай придумаем: Яндекс GPT 2. URL: <https://yandex.ru/project/alice/yagpt>

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина и др. 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2015.

Текстометр: Анализ сложности текста. URL: <https://textometr.ru/>

Чехов А. П. В вагоне. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. Т. 1. М.: Наука, 1983.

Writesonic: Generative AI Platform for Content Creation, SEO and AI Chatbots. URL: <https://writesonic.com/>

Омельченко Лилия Николаевна

канд. филол. наук, доцент,

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

ТИП РЕЧИ «РАССУЖДЕНИЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Актуальность исследуемой проблемы состоит в том, что рассуждение как функционально-смысловой тип речи изучено в меньшей степени в сравнении с типом речи «описание», которому были посвящены в последние десятилетия специальные работы. Термин «функционально-смысловые типы речи» был введен в научный оборот, как известно, О. А. Нечаевой [Нечаева 1975], термин получил в дальнейшем широкое распространение в лингвистике и лингводидактике, в том числе в школьной практике преподавания русского языка. В нашем исследовании мы опираемся на определение понятия «рассуждение», представленное, вслед за О. А. Нечаевой, в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка»: «Рассуждение — это функционально-смысловой тип речи, соответствующий форме абстрактного мышления — умозаключению, выполняющий особое коммуникативное задание — придать речи аргументированный характер (прийти логическим путем к новому суждению или аргументировать высказанное ранее) и оформляемый с помощью лексико-грамматических средств причинно-следственной семантики» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003: 321]. Классификация рассуждения: собственно рассуждение; доказательство; опровержение; подтверждение; обоснование; объяснение.

Прагматические особенности типа речи «рассуждение» как языковой модели в композиции художественного произведения обусловлены субъективным отношением писателя к объекту рассуждения и к адресату речи, то есть читателю. В этом особенность художественного рассуждения в отличие от рассуждений в других функциональных стилях. Особенности типа речи «рассуждение» рассмотрены нами на материале повести К. Г. Паустовского «Золотая роза», которая посвящена «сокровенной тайне» — писательскому труду. Прагматика выбора того или иного вида рассуждения, его места в композиции повести, сочетания с другими функционально-смысловыми типами речи определяется, по нашим наблюдениям, идейным замыслом писателя. Идиостиль Паустовского полифоничен, писатель целенаправленно привлекает читателя к рассуждению, а не к действию, при этом рассуждая с персонажами и со своими читателями совместно.

Структура рассуждения включает три части: тезис, доказательства (количество аргументов зависит от коммуникативных задач адресанта речи), вывод в виде обобщения. В художественном же тексте эта универсальная схема, как правило, имеет неполную форму. Вот пример собственно рассуждения, в котором каузальная связь между суждениями в целом прослеживается, но не объединяет их жестким логическим стержнем: «Маленький дом стоит, как последний маяк, на краю туманной бездны. Здесь обрывается земля. И поэтому кажется удивительным, что в доме спокойно горит свет, поет радио, мягкие ковры заглушают шаги, а на столах лежат раскрытые книги и рукописи». (Золотая роза. Надпись на валуне)

Нестрогость формы речи, непринужденность размышления помогают писателю создать обстановку интимного общения с читателем. Мысль рассказчика движется от причины к следствию. Два первых предложения могут быть восприняты читателем как тип речи «описание», в котором предметы (дом, земля) статичны. Также статичны признаки дома, названные в придаточной части сложноподчиненного предложения (свет, радио, ковры, книги, рукописи). Эта спокойная картина с мягкими коврами и раскрытыми книгами очень контрастирует с восприятием туманной бездны, где обрывается земля. Писатель очень тонко подводит читателя к выводу о том, что такая картина умиротворенной жизни может показаться ему «удивительной»; вывод расположен в середине шести аргументов описательного характера.

Подобные примеры собственно рассуждения (как одного из видов рассуждения) многократно встречаются в повести. Можно утверждать, что это черта идиостиля Паустовского: делать описательные фрагменты аргументацией к выводу, к которому автор подводит своих читателей мягко, не назидательно. Трансформация фрагмента в другой тип рассуждения — подтверждение — меняет структуру художественного текста: Вы удивитесь, потому что, во-первых, маленький дом на краю бездны (это последний маяк доброты); во-вторых, земля обрывается (конец жизни); в-третьих, спокойно горит свет (значит есть жизнь, люди); в-четвертых, радио поет (а не сообщает страшные новости); в-пятых, мягкие ковры заглушают шаги (чтобы не мешать писателю); в-шестых, раскрытые книги и рукописи (здесь живет писатель). Текст Паустовского эмоционально преобразился; строгая логическая последовательность рассуждения, характерная для научной сферы, разрушает эстетическое и эмоциональное взаимодействие с читателем, необходимое в художественном произведении.

Такие виды рассуждения, как доказательство и опровержение (устанавливает ложность тезиса), в нашей работе не представлены, поскольку они характерны для юридических и научных текстов. Подтверждение в «Золотой розе» выполняет сугубо коммуникативную функцию — делает изображаемое автором более наглядным, психологически более достоверным, помогает читателю почувствовать внутреннее состояние персонажей. Обоснование служит для определения целесообразности действия, выступает в роли мотивировки рассуждений об объекте. Прагматическая задача объяснения направлена на констатацию причинных отношений, в таком рассуждении отсутствует проблемная ситуация, требующая своего разрешения. По нашим наблюдениям, доверительная манера речи повествователя в повести Паустовского порождает контаминацию (взаимодействие, объединение на основе функциональной близости) видов рассуждения (примерно 70% текстовых фрагментов). Композицию повести образуют разные виды рассуждения, прагматика которых направлена на взаимодействие автора с читателем, сознание читателя приближается к сознанию повествователя.

Литература

- Нечаева О. А.* Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1975. 410 с.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Наука, Флинта, 2003. 696 с.

Парвизи Могоддам Элхам

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет;

St103133@student.spbu.ru

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РУССКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

Наш доклад посвящен терминам контрактов купли-продажи на русском языке и способам их передачи на персидский язык. Актуальность исследования обусловлена тем, что в последнее время, учитывая огромный рост в торгово-экономических отношениях между разными народами и странами, вопрос о точной передаче терминов данной сферы с одного языка на другой является крайне важным.

Одной из особенностей перевода коммерческой терминологии является официально-деловой стиль, который представляет функциональный стиль речи, средство письменного общения в сфере деловых отношений или в сфере правовых отношений и управления. Поэтому при переводе подобных текстов важна их эквивалентность.

Эквивалентность перевода — общность, равноценность текстов оригинала и перевода. Согласно А. Д. Швейцеру, главным в переводе является коммуникативная эквивалентность, опирающаяся на инвариантный коммуникативный эффект исходного и переводного текстов. Коммуникативная эквивалентность связана с функциональной, предполагающей сохранение функциональных доминант исходного текста в переводе [Швейцер 1998: 120].

Н. Н. Лантюхова утверждает, что «Понятия термина и терминологии являются ключевыми в науке; термин обеспечивает точность, ясность и понимание научной мысли» [Лантюхова 2013: 42].

Термины служат специализирующими, точными обозначениями, характерными для сферы предметов, явлений, их свойств и взаимодействий. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии.

На основе нашего рассмотрения есть несколько трудностей в переводе коммерческих и деловых текстов:

В зависимости от формата текста, можно добавить сноски или аннотации, где подробно будут описаны различия в толковании термина. Однако, в некоторых случаях, особенно при работе с разноязычными аудиториями, может потребоваться адаптация терминологии к культурным особенностям. Это позволяет сделать перевод более точным и подходящим для данной группы читателей.

Следующей трудностью в переводе являются структурные и грамматические различия между языками, например в русском языке часто используются суффиксы для образования терминов. В персидском языке термины образуются путем комбинирования корней и суффиксов, например, «договор» на персидском переводится как قرارداد [qarardad], где «قرار» — это корень, а суффикс «داد» добавляется к корню для образования слова, указывающего на договор или соглашение.

В некоторых случаях, один термин на русском может иметь несколько разных эквивалентов на персидском, так «менеджер» — управленец, на персидском может иметь значение как менеджер — مدیر, [modir] или директор — کارگردان [kaargardaan], в таком случае оба варианта будут правильными в зависимости от контекста.

Метод добавлений. Ч. В. Эрдынеева пишет: «Многие элементы смысла, неясно обозначенные в оригинале, должны быть выражены в переводе с помощью дополнительных лексических единиц» [Эрдынеева 2011: 150].

Такой метод позволяет выразить смысл элементов переводимого текста, значения которых нет в переводящем языке. Например, в предложении: «Важной частью успешного бизнеса яв-

ляется инновация», слово «инновация» в персидском языке, может быть не так распространено и понимаемо, как в русском или других языках, поэтому при переводе можно ввести дополнительную лексическую единицу, чтобы более точно выразить это понятие: یکی از عناصر مهم در نوآوری است [yeki az anasare mohem dar movafaghie kasb o kar, noavari ast], где نوآوری [noavari] добавлено для передачи смысла слова «инновация».

Метод опущения предполагается использовать, когда можно убрать часть перевода текста, которая никак не влияет на передачу смысла. Л. Д. Захарова рассуждает о приеме опущения в переводе: «Наиболее часто данный прием используется для передачи определенных схем построения предложений, одной из причин его использования является грамматическое несоответствие конструкций в разных языках, например отсутствие связочного глагола в форме настоящего времени в русском языке или опущение слова, которое всегда подразумевается в данном контексте» [Захарова 2010: 147].

Прием дополнения можно использовать при обращении к кому-то при разговоре на деловой встрече, а также при передаче эмоций. Прием опущения можно использовать, когда перевод нужно сделать более кратким и лаконичным, особенно в официально-деловом стиле, чтобы сохранить ясность и четкость текста.

Прием замещения. По мнению Л. С. Бархударова, «замены — наиболее распространенный и многообразный вид переводческой трансформации. В процессе перевода замены могут подвергаться как грамматические единицы — формы слов, части речи, члены предложения, типы синтаксической связи и др. — так и лексические, в связи с чем можно говорить о грамматических и лексических заменах» [Бархударов 2008: 120].

Прием экспликации. Описательный перевод, который выполняется, когда в языке перевода нет слов, которые имеются в исходном языке, поэтому возможно заменить или описать значение переводимого текста. Минус данного метода заключается в том, что описание зачастую выходит большим, поэтому этот метод следует использовать, для перевода небольших фрагментов.

Калькирование — метод перевода лексических единиц путем замены морфем или слов. Зачастую используется в переводе таких слов или словосочетаний, как «нефтедоллар», پترو دولار [petrodular], «еврооблигации» اوروبند [oroband]. «Транссибирская нефтегазовая магистраль» خط لوله نفت و گاز ترانس سيبيري [khat-e luleh-ye naft va gaz-e Tarans Siberi], обратный перевод: «Транссибирский нефте- и газопровод».

Таким образом, данное исследование вносит вклад в научную среду и способствует разработке новых методов перевода на основе работ ведущих переводоведов, которые исследовали данный вопрос. Интеграция различных методов перевода позволяет добиться наиболее точной передачи смысла исходного текста, в сфере коммерции правильная передача значения термина имеет огромное значения для налаживания деловых связей. На сегодняшний день для бизнес-сферы актуально не только владеть иностранными языками, но и активно применять методы перевода в профессиональной деятельности.

Литература

- Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 240. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003539398>
- Захарова Л. Д. Прием лексических добавлений // Основные понятия переводоведения. 2010. С. 147–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priem-leksicheskikh-dobavleniy>
- Лантюхова Н. Н., Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Термин: определение понятия и его существенные признаки // Языкознание № 1 (6). 2013. С. 46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-opredelenie-ponyatiya-i-ego-suschnostnye-priznaki/viewer>
- Швейцер А. Д. Теория перевода. М.: Наука, 1988. С. 214. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001425493>
- Эрдынеева Ч. В. Технические приемы перевода: перемещение, добавление и опущение лексических единиц // Вестник бурятского госуниверситета. 2011. С. 149–155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnicheskie-priyomy-perevoda-peremeschenie-dobavlenie-i-opuschenie-leksicheskikh-edinit/viewer>

Пивоварчик Тамара Анатольевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра журналистики,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь);
t.pivavarchyk@grsu.by

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО МЕДИАТЕКСТА

Ключевые слова: медиатекст, научно-популярный дискурс, научно-популярный медиатекст, категория субъекта, субъектная организация текста.

На проблему того, как сегодня ведется научно-популярный диалог посредством медиатекстов, предлагается посмотреть с точки зрения особенностей субъектной организации научно-популярного медиатекста. В основе предлагаемого подхода лежит убежденность в том, что многие сущностные характеристики диалога как важнейшего дискурсообразующего начала можно обнаружить, если сосредоточить внимание на том, как в текстах как «следах» дискурса проявляется глобальная понятийная категория субъекта — «познающего и действующего человека, противостоящего внешнему миру как объекту познания и преобразования» [Степанов 2013: 217].

Рассмотрение вопроса о субъектной организации научно-популярного медиатекста требует учета наработок всех тех научных дисциплин, в предметную область которых входят отношения «субъект — речь / текст». Заимствованное из логики понятие «субъект» в теории коммуникации находит воплощение в парных терминах «говорящий — слушающий» и «адресант — адресат»; в литературоведении соотносится с понятиями «автор», «повествователь», «лирический герой», «эго» (В. В. Виноградов, М. М. Бахтин, С. Н. Бройтман, М. М. Гиршман); в лингвистике категория субъекта рассматривается прежде всего в отношении поверхностной («грамматический субъект») и глубинной («семантический субъект») структуры высказывания. В разных аспектах проблема субъекта изучается лингвоперсонологией (Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, В. В. Красных и др.), теорией дискурса (Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, Э. Лассан и др.), функциональной грамматикой (М. В. Всеволодова, Г. А. Золотова и др.), медиалингвистикой (К. А. Рогова, Л. Р. Дускаева, М. Н. Цветова).

В результате сложилось представление о таких явлениях, как субъект высказывания, субъект речи, субъект дискурса, субъект речевой деятельности, субъект коммуникации, а также применительно к тексту — субъектный план, субъектная плоскость, субъектная сфера, субъектная архитектура, текстовая категория субъектности (персональности). Наиболее широкий взгляд на субъектную организацию текста представлен в работах М. М. Гиршмана, который под ней понимал «сочетание совместного и нераздельного существования автора — героя — читателя с обособлением и взаимодействием их внутренне разделяющихся и обращённых друг к другу позиций» [Гиршман 2007: 47]. Ср. с определением Б. О. Кормана: «Субъектная организация есть соотнесённость всех отрывков текста, образующих данное произведение, с субъектами речи — теми, кому приписан текст (формально-субъектная организация), и субъектами сознания — теми, чьё сознание выражено в тексте (содержательно-субъектная организация)» [Корман 1992: 120].

Специфика субъектной организации научно-популярного текста определяется прежде всего его коммуникативной задачей — осуществить «перевод» специальной научной информации на язык неспециального знания, донести до широкой аудитории неспециалистов достоверные научные знания, представив их в доступной форме. Поэтому для научно-популярного дискурса характерно наличие «двух интеллектуальных позиций относительно предмета текста — “научной”, исходящей из научного познания, и “наивной”, исходящей из поверхностных знаний и “здорового смысла» [Ким 2019: 58], как следствие — асимметрия коммуникативных ролей и эпистемических позиций адресанта и адресата. Чтобы научно-популярный медиатекст состоялся, в стандартной ситуации должны присутствовать три субъекта: ученый (как носитель

научного знания и представитель научного сообщества), адресат (как заинтересованное в получении научного знания лицо) и журналист (как медиатор, передающий знание от ученого адресату). Их существование, роли в дискурсе, а также позиции по отношению друг к другу и относительно предмета обсуждения так или иначе отражаются в тексте, при этом стандартная трехкомпонентная модель может как расширяться благодаря иным субъектам, так и сокращаться за счет элиминирования одного из участников.

Субъектную организацию научно-популярного медиатекста предлагается рассматривать одновременно на четырех уровнях: макродискурсивном (в отношении коммуникативного и содержательно-денотативного аспектов текста), микродискурсивном (с точки зрения речевого воплощения субъектных смыслов), гипердискурсивном (субъектная сторона связей в совокупности текстов одной платформы / одного издания), метадискурсивном (рефлексия автора, интерпретация им субъектных особенностей дискурса). Так, представление о научно-популярном медиатексте как о результате коммуникативно-дискурсивного события позволяет обратиться к модели речевого акта, в котором представлены производитель речи и ее адресат. По мысли Г. Я. Солганика, производитель речи — это тот, кто создает текст, и этот кто-то тем или иным образом (имплицитно или эксплицитно) воплощается в тексте в роли субъекта речи. Даже если в тексте субъект речи эксплицитно не выражен, он все равно подразумевается (значимая имплицитность или значимый нуль). Автор может быть обобщенным или конкретным, центральным (фокусным) или периферийным (фоновым), причем позиция автора в ходе изложения материала может меняться. Журналист в качестве субъекта речи может «примерить» на себя одну из ролей: любознательный инициатор, энтузиаст-популяризатор, критик-интерпретатор, наделенный компетентностью эксперт, умудренный опытом повествователь, носитель здравого смысла и под. Так, умудренный опытом повествователь будет обращаться к своему (личному) и общему (коллективному) прошлому, а степень соответствия / несоответствия некогда (в прошлом) установленным канонам будет определять его оценивающую позицию. Благодаря множественности субъектов научно-популярного дискурса разворачивается «напряженная драма взаимодействия сознаний, отношений, позиций, точек зрения» (Н. Т. Рымарь, В. П. Скобелев). Количество и способ представления субъектов научно-популярного медиадискурса определяется целым рядом факторов (авторская манера, редакционная политика, площадка, на которой публикуется материал, уровень просвещенности адресата текста и др.).

Литература

- Гиришман М. М. Становление понятия «художественная целостность» и его современное значение // Литературное произведение: Теория художественной целостности. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 20–56.
- Ким И. Е., Ильина Д. В. Научно-популярная сфера общения // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (1). С. 58–69.
- Корман Б. О. О целостности литературного произведения // Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 119–128.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / отв. ред. В. П. Нерознак. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 336 с.

Пименова Алина Вадимовна

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет;

pimenowa.alina2016@yandex.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ЭКФРАСИС КАК ВЕРБАЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА В РОМАНАХ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Ключевые слова: экфрасис, метафора, текст, визуальный образ.

В лингвистической науке экфрасис традиционно рассматривается как текстовое включение, позволяющее расширить рамки восприятия и понимания художественного произведения за счет интеграции в текст визуальных образов. Как словесное описание произведения изобразительного искусства экфрасис отражает интермедиальные отношения, в которых визуальный образ служит денотатом, транслируемым с помощью вербального кода и имеющим значение, опосредованное контекстом художественного дискурса. С позиции семиотики экфрасис относится к одному из типов перевода, реализующего перекрестные связи между восприятием изобразительного и словесного рядов, что влечет необходимость обращения при интерпретации образов к знаниям, выходящим за пределы исходного текста. Несмотря на существующее многообразие подходов к определению единого взгляда на экфрасис до сих пор не сложилось [Бугаева 2010]. В настоящем докладе под экфрасисом будем понимать вербальное описание произведений искусства изобразительного характера. Примером систематического использования экфрастических включений такого типа служат романы Виктора Пелевина, одного из самых таинственных и обсуждаемых авторов XXI века. Основу материала доклада составили романы, представляющие относительно разные периоды творчества писателя: «Generation П» (1999), «Бэтман Аполло» (2013) и «Путешествие в Элевсин» (2023). В подавляющем большинстве случаев в текстах речь идет о вербальных репрезентациях вымышленных живописных полотен, обладающих в художественном контексте метафорической семантикой. В связи с чем экфрасис в творчестве Пелевина может быть прочитан как одна из разновидностей визуальной метафоры.

Интерпретация метафорического экфрасиса осложнена многоплановой структурой визуального образа, которая включает отношения между прямым значением визуального денотата, его переносным смыслом, а также возникающими в процессе понимания ассоциативными и концептуальными представлениями, связанными с культурой носителей языка и/или культурой, которая предположительно могла быть известна автору. Поэтому понимание метафорического экфрасиса требует поэтапного анализа основных компонентов, организующих семантическое и когнитивное значения визуального образа. В результате поэтапного анализа экфрастических включений формируется умение адекватного чтения текста, которое дает возможность на основе выявления особенностей вербальных репрезентаций зрительных ощущений не только установить фактическую и событийную ипостась текста, но и проникнуть в его идейное содержание.

В качестве метафорического экфрасиса в романах Пелевина задействуются портреты, картины на бытовые и мифологические сюжеты, фильмы, видеоклипы, рекламные плакаты и т. д. Характерной чертой метафорического экфрасиса Пелевина является его структурная неоднородность, что влечет за собой выявление разных видов визуальных репрезентаций. В текстах писателя встречаются как изобразительные произведения, имеющие реальные эквиваленты в мире искусства, так и визуальные включения, создаваемые авторским воображением. Существующие картины, видеоклипы и т. п. нередко упоминаются персонажами романов в диалогах без непосредственного включения художественных текстов в диалогический мир, благодаря чему произведения искусства воспринимаются читателем как метафоры и аналогии. В таких ситуациях целью автора становится не столько детальное воспроизведение конкретных картин и изображений, сколько создание метафорически насыщенного дискурса, обогащающего

художественный текст дополнительными возможностями для интерпретации. Вымышленные картины передают концептуальные и эмоциональные значения, образуя мета-уровень текста. В ряде случаев Пелевин создает воображаемые полотна с целью создания визуальной загадки, смысл которой читатель должен разгадать в процессе чтения. Поэтому экфрасис выступает не только в роли художественного образа, но и как ключевой элемент литературного кода, расширяющий пространство текста.

Репрезентация метафорического экфрасиса в романах представлена с помощью разных речевых форм: описание, диалог, внутренний монолог. Приемы описания позволяют получить общее представление о визуальном образе (описательный экфрасис). Формы диалога и внутреннего монолога встречаются при интерпретации изобразительного ряда персонажами текста, вовлекаемыми автором в активное обсуждение демонстрируемых произведений искусства. Экфрасис, в котором дается интерпретация символического или метафорического смысла картины, принято именовать толковательным [Даманский 2013: 251]. В контексте толковательного экфрасиса Пелевин использует стратегии, позволяющие читателю увидеть художественные образы глазами персонажей и через призму мира героев расширить представление о символическом значении художественного образа.

Вербальные репрезентации метафорического экфрасиса в романах Пелевина обладают ярко выраженными стилистическими особенностями, которые обнаруживаются благодаря поэтапному анализу визуальных образов. В художественном тексте метафорический экфрасис позволяет не только получить содержательную информацию о характерах героев, основных элементах сюжета, но и расширить представление об индивидуальном авторском стиле писателя.

Литература

- Бугаева Л. Д.* Экфрасис в романе Пелевина «Generation П» // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 93–101.
- Даманский В. А.* Портретная живопись в романе М. Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 4. С. 243–252.

Пинежанинова Наталья Павловна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИТАТЫ КАК МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОБЫТИЯ В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА «ОБЛАКО, ОЗЕРО, БАШНЯ»

Ключевые слова: художественный текст, интерпретация, поэтическая цитата, метафорическая модель, мотивная структура.

В существующих интерпретациях рассказа «Облако, озеро, башня» (1937 г) фрагменты цитирования двух поэтических текстов Тютчева Мы слизь. Реченная есть ложь и дивное о румянном восклицании авторы обращают внимание только на первую трансформированную цитату, которая интерпретируется как выражение коллективной характеристики или авторской языковой игры, обнаруживающей неблагозвучное сочетание. Недооценка текстообразующих возможностей цитируемых фрагментов для восприятия концептуальной и эстетической информации рассказа послужила стимулом к детальному анализу способа структурно-семантической трансформации цитаты, ее связи с последующей реминисценцией и определению разноплановых соотношений с мотивным комплексом рассказа.

Рассмотрим способ трансформации первой тютчевской цитаты Мысль изреченная есть ложь — Мы слизь. Реченная есть ложь. Прием трансформации — каламбур, представленный смещением словоразделов на звуковом материале цитируемой фразы. Смена акцентов кардинально меняет смысл фразы. Однако новое звучание фразы интересно тем, что оно восстанавливает метрическую схему четырехстопного ямба стихотворения «Silentium!» именно в той стопе, где индивидуальный ритм выступает как антитеза доминирующему метру, т. е. подчиненная метру строка будет звучать именно так, как в рассказе: Пой-мет-ли-он-чем-ты-жи-вешь? / Мы-слиз'-ре-чен-на-я-есть-ложь. В тексте закреплена графически этот «драматизм» подчинения закону принудительного возвращения отклоняющегося ритма в лоно инерции метра и вынужденное смысловое преобразование фразы.

Таким образом, установка на поэтическое высказывание расстроена, высказывание разгерметизировалось, вышло из поэтического контекста в разговорную речь, что привело к размыванию границы между поэтическим и бытовым планом. Локализованные языковые атрибуты поэзии разрушаются действительностью, образуя новую вариацию. При этом способ трансформации цитаты метафоризируется, вовлекая в процесс репрезентации один из главных мотивов рассказа — принуждение к коллективным действиям мечтательного и поэтически настроенного главного героя, русского эмигранта, постоянно выпадающего из общего порядка, установленного в немецкой группе, что разрушает не только его мечту остаться там, где он может быть счастлив, но и его личность.

Обращает внимание соединение трансформированной цитаты и реминисценции ... и дивное о румянном восклицании. Субъективно-модальный компонент дивное выражает отношение противопоставления к предыдущей реминисценции Мы слизь. Реченная есть ложь, и вместе с тем обе они соединены союзом и. Два сопоставленных чужих высказывания соприкасаются, по выражению М. Бахтина, на территории общей темы, общей мысли диалогическим образом [Бахтин 1986: 215]. Общей темой в этом случае является тема молчания, представленная как внутренней речью героя (форма высказывания), так и отсылками к двум стихотворениям Тютчева «Silentium!» и «Вчера, в мечтах обвороженных...», где тема первого и мотив второго — молчание. В первом случае — молчание творческое — осознание невыразимости чувств и неадекватности им речи, созерцание мира души; во втором случае — молчание любви, мечты, скольжения солнечного луча, пробуждающего от сна румяным, громким восклицаньем.

Реминисценция проецируется на второй мотив рассказа — мотив мечты героя о собственном счастье, которое связано с его восприятием природы как поэтического текста и стремле-

нием навсегда остаться в таком месте, где ясно было видно озеро с облаком и башней, в неподвижном и совершенном сочетании счастья.

Кульминационный момент рассказа тоже связан с цитатой: Молчать! — вдруг со страшной силой заорал почтовый чиновник. – Опомнись, пьяная свинья! (ср. тютчевское: Молчи, скрывайся и таи / И чувства, и мечты свои). Героя силой заставляют присоединиться ко всей группе, а на обратном пути жестоко избивают.

Мотив принудительности, переходящей в насилие, контрастным способом соединен с мотивом романтической мечты о счастье. Финал рассказа возвращает к смыслу первой трансформированной цитаты (Мы слизь): По возвращении в Берлин он побывал у меня. Очень изменился. Тихо сел, положив на колени руки. Рассказывал. Повторял без конца, что принужден отказаться от должности, умоляя отпустить, говорил, что больше не может, что сил больше нет быть человеком.

Итак, способ трансформации одной цитаты и соединительная связь с другой обнаруживают параллелизм в мотивной структуре рассказа. Однако

перспектива интерпретации разноплановых отношений между двумя цитируемыми фрагментами может быть практически бесконечна, так как наряду с анализом трансформации только первой цитаты дает возможность проследить интертекстуальные и автоинтертекстуальные связи в цитируемом и цитирующем текстах в зависимости от семантического объема референтного текста, который она замещает.

Литература

- Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология.* М.: Academia, 1997. С. 215.
- Набоков В.* Облако, озеро, башня // *Собрание соч.: в 4 т. Т. 4.* М., 1990. С. 420–427.

Попова Татьяна Игоревна

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
t.porova@spbu.ru

ЧУЖАЯ РЕЧЬ И УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ СООБЩЕНИЯ В СМИ

Ключевые слова: чужая речь, сообщение в СМИ, параметры сложности текста.

Цель доклада — установить параметры усложнения текста информационного сообщения, включающего чужую речь.

Чужая речь часто является информационным поводом для сообщения в СМИ. Сочетание чужой речи в разных ее формах с авторской речью составляют композиционную основу сообщения в СМИ. Наличие чужой речи в информационном сообщении «эксплицирует такие свойства медиатекста, как вторичность, диалогичность, достоверность, аргументированность, социальная оценочность» [Редькина 2018: 173]. Такие «многоголосые» высказывания (по Бахтину) представляют сложность для понимания и интерпретации иностранными обучающимися. Чтение медиатекстов — один из аспектов обучения РКИ. Актуальным является вопрос отбора текстов, соответствующих уровню владения РКИ.

В настоящее время есть несколько инструментов определения уровня сложности текста, самыми доступными являются Текстометр (<https://textometr.ru/>) и проект «Оценка синтаксической сложности текстов» (<https://lawreadability.hse.ru/about/>).

В качестве материала исследования мы использовали информационные сообщения «Российской газеты» за 2023–24 гг., в заголовке которых есть указание на источник чужой речи. Такой заголовок часто оформляется с использованием двоеточия (напр., Bloomberg: В Германии протестируют четырехдневную рабочую неделю). Мы проверили уровень сложности этих информационных сообщений с помощью Текстометра и отобрали из них три от 28.01.2024, соответствующих уровням В2 (Глава банка JPMorgan предостерег: США «движутся к обрыву» из-за роста госдолга), С1 (Москалькова: Цифровизация не должна нарушать права человека) и С2 (Палестинский МИД: Отказ от финансирования БАПОР — коллективное наказание Газы). Проверка значения индекса синтаксической сложности (далее — ИСЗ) этих текстов показала, что оно не соответствует распределению этих текстов Текстометром по соответствующим уровням владения РКИ. Так, ИСЗ этих текстов были определены соответственно: 15,37, 13,65 и 22,95. Мы видим, что текст С1 имеет более низкий ИСЗ, таким образом проблема объективизации параметров оценки уровня сложности текста остается. Особенно эта проблема становится очевидной при установлении уровня сложности текста определенного жанра, в данном случае — информационного сообщения, включающего чужую речь.

Рассмотрим структурно-композиционные особенности информационного сообщения, содержанием которого является чужая речь с оценочным высказыванием.

Сложность такого текста состоит в том, что в нем параллельно развиваются две Темы с точки зрения актуального членения: одна Тема в речи автора, вторая Тема — в чужой речи. Темой сообщения в тексте автора становится Субъект чужой речи — единичный субъект (политик, общественный деятель и т. д.) или корпоративный субъект (агентство, газета, правительство, общественная организация и т. д.). Способ номинации субъекта чужой речи — один из параметров усложнения текста, он позволяет устанавливать отношения между номинациями, например гиперонимы, синонимы, гипонимы, длину лексической цепочки [см. Lijun Feng, Matt Huenerfauth 2010]. Так, цепочка номинаций Субъекта речи в тексте, определенном текстометром как В2, представлена 5-ю членами: Глава банка JPMorgan — гендиректор американского банка JPMorgan Chase Джеймс Даймон — банкир — Даймон — оба; в тексте С1 — 4-мя членами: Москалькова — Уполномоченный по правам человека при президенте России Татьяна Москалькова — она — омбудсмен; в тексте С2 — всего 3 члена: Палестинский МИД — МИД

Палестины — палестинское внешнеполитическое ведомство — Там. Необходимо, с нашей точки зрения, учитывать тип повторной номинации.

Тема 2 — это объект оценки в высказываниях с чужой речью. Так в тексте В2 — это рост госдолга США: из-за роста госдолга — рост госдолга США — госдолг — размер госдолга: в тексте С2 — цифровизация (3 раза) — системы цифровой идентификации — цифровая гигиена; в тексте С2 — отказ от финансирования БАПОР — прекращение финансирования Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) — приостановка финансирования БАПОР — отказ от выделения финансовых средств для БАПОР. При учете сложности номинации Темы 2 необходимо учитывать параметр плотность сущностей объектов (имен людей, местоположения, организаций).

Третий важный параметр — это характер ремы. Синонимический повтор ремы, ее перефразирование, представленность разными способами передачи чужой речи является, с нашей точки зрения, усложняющим параметром, хотя, с точки зрения информационной плотности текста (объема новой информации), такой текст будет обладать низкой информационной плотностью. Так в тексте, определенном текстометром как В2, рема в чужой речи не меняется, но выражается синонимичными конструкциями: США «движутся к обрыву» из-за роста госдолга — Рост госдолга США «толкает нас к обрыву» — страна свалится в этот обрыв — мы мчимся к нему с большой скоростью — госдолг растет как снежный ком и станет «самым предсказуемым кризисом» за всю историю Штатов. А в тексте, определенном текстометром как С1, наблюдается дословный повтор ремы и ее развитие: Цифровизация не должна нарушать права человека (2 раза) — важно, чтобы системы цифровой идентификации отвечали высоким стандартам в области прав человека.

Разнообразие способов введения чужой речи в информационное сообщение — тоже может являться важным параметром определения его сложности: так в тексте 1 это косвенная речь, прямая речь и цитирование; во 2-м — косвенная речь и прямая речь; в 3-м — отдельное оформление чужой и авторской речи, прямая речь, цитирование, чужая речь, введенная ксенопоказателями (якобы).

Таким образом, при оценке сложности информационного сообщения, включающего чужую речь, должны учитываться следующие параметры: способ номинации субъекта чужой речи (тема 1), характер номинации предмета сообщения в чужой речи (тема 2), характер ремы (повтор-развитие), способы введения чужой речи.

Литература

- Редькина Т. Ю.* Чужая речь. В кн.: Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 173–177.
- Feng L., Huenerfauth M.* A Comparison of Features for Automatic Readability Assessment. Poster Volume. Beijing, 2010. P. 276–284.

Сергеева Елена Владимировна

д-р филол. наук, профессор,

Российский государственный педагогический университет им А. И. Герцена

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА КАК КОММУНИКАТИВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Ключевые слова: внепрагматичность, лингвоцентричность, виртуальность, ирреальная модальность, эгоцентричность.

Для современной лингвистики по-прежнему важны вопросы специфики эстетического в языке. Именно с этими вопросами связано рассмотрение особенностей художественного текста и художественного дискурса.

Для теоретического осмысления словесного художественного произведения в начале XXI в., можно использовать не только термин «художественный текст», но и термин «художественный дискурс», что позволит различать единичный художественный текст и общую номинацию для совокупности всех подобных текстов. Если под дискурсом в целом можно подразумевать совокупность текстов одной институциональной сферы, то под художественным дискурсом следует понимать совокупность текстов, для которых характерна конвенционально релевантная для автора и для адресата установка на внепрагматическое восприятие и ирреальность, а также эстетичность, организуемая с помощью языковых единиц.

Помимо характерных для любого текста как такового информативности, цельности, связности, завершенности, модальности, в качестве категорий, характерных для художественного текста, репрезентирующего художественный дискурс в целом, и не присущих прагматическому тексту как сугубо коммуникативному явлению, можно выделить такие основополагающие, наиболее существенные его признаки, как внепрагматичность, виртуальность, эгоцентричность и лингвоцентричность, ирреальная модальность, неузуальная образность. Ср. [Комарова 2010; Сергеева 2019].

Категории внепрагматичности и лингвоцентричности наиболее значимы для художественного дискурса, поскольку именно установка на эстетическую функцию и воплощение этой функции с помощью языка как материала являются главным отличием литературного словесного произведения.

Внепрагматичность, или прагматичность второго порядка, заключается в установке на изменение духовной сферы адресата вследствие правильного понимания художественной картины мира автора при второстепенности сугубо прагматической информации.

Лингвоцентричность художественного текста связана с тем, что словесное художественное произведение — языковой феномен, и для его восприятия и понимания принципиально значим отбор, комбинации и образное переосмысление автором языковых единиц, которые становятся, в сущности, единственным источником информации о виртуальной реальности этого текста.

Виртуальность (виртуальная информативность) — категория художественного текста, определяющая безусловную необходимость восприятия всей информации в тексте как вымышленной. Эта категория может быть специально вербально эксплицирована автором или представлена имплицитно.

Ирреальная модальность — представление действия в произведении как сугубо авторского художественного мира, открываемого читателю и создаваемого для него. Как подкатегория ирреальной модальности может рассматриваться субъектно ориентированная нарративность — построение повествования, которое может включать демонстративную собственно авторскую нарративность.

Эгоцентричность, или приоритетность образа автора, — текстовая категория, тесно связанная с виртуальностью и воплощающая художественную личность, формирующуюся в про-

цессе создания и восприятия художественного текста, при этом обеспечивающую единство всей многоуровневой системы этого текста.

Однако и категория виртуальной информативности, и категория эгоцентричности воплощаются с помощью языковых единиц, что вновь возвращает нас к категории лингвоцентричности, поэтому именно лингвоцентричность следует считать категорией особенно значимой, поскольку отбор и эстетическая трансформация лексических и грамматических единиц обеспечивает воплощение авторской художественной картины мира, ориентированной на изображение вымышленной действительности. Лингвоцентричность художественного дискурса связана также с тем, что в нем категория информативности воплощается с ориентацией не только на фабулу, но и на образное представление преображаемой в изображении действительности.

Художественная картина мира автора, его способы «творения» виртуальной реальности воспринимаются прежде всего на основе значения и сочетаемости лексических единиц в тексте, «художественная информация» представляется с помощью эстетической актуализации языковых феноменов. Образность связана с ориентацией на эстетическую интерпретацию реальности и создается на основе трансформации значений слов, воспроизведения традиционных образов и создания оригинальных сочетаний слов и окказиональных тропов. Эта образность как важная черта литературного произведения основана на художественной картине мира писателя, на присущих именно ему и базирующихся именно на его мировосприятии критериях отбора лексем и выбора традиционных сравнений, эпитетов, метафор и т. д., создания собственных авторских тропов и трансформации значения лексических единиц, грамматических форм и конструкций. Способы эстетического переосмысления языковых единиц определяют специфику виртуальной реальности, язык становится основой художественности текста, определяет его смыслопорождающий эффект.

Таким образом, можно считать виртуальную информативность, внепрагматичность, ирреальную модальность, эгоцентричность и лингвоцентричность категориями, которые не просто характерны для художественного текста, но и обеспечивают его специфику.

Литература

- Комарова Л. И.* Основные категории художественного текста как феномена культуры // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 7 (87). С. 208–214. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kategorii-hudozhestvennogo-teksta-kak-fenomena-kultury> (дата обращения: 02.01.2024).
- Сергеева Е. В.* Художественный дискурс как внепрагматический эстетический языковой феномен // Филол. науки. Науч. докл. высш. шк. 2019. № 6. С. 20–28.

Су Лэсюе

аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет;
Sulexue@gmail.com

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАССКАЗОВ ЧЕХОВА «ГРИША» И «ДОМА»

Ключевые слова: композиционная организация, тематические компоненты текста, средства конкретно-образной конкретизации.

А. П. Чехову принадлежит цикл рассказов о детях. Уже при жизни писателя, как отмечают исследователи, не раз говорили «о чистоте его воззрений, его умении смотреть на жизнь глазами ребёнка, детскости дара» [Базилевская 2010: 7]. В Лекциях по русской литературе В. В. Набоков говорил о том, что «ни один писатель не создал столь трогательных без грана сентиментальности персонажей» [Набоков 1996: 325]. При этом очевидно, что речь идёт не о рассказах для детей. Такими называют «Каштанку» и «Белолобый». В рассказах о детях выделяют два аспекта: восприятие мира глазами ребёнка и восприятие взрослыми детского мира» [Базилевская 2010: 7]. Отмеченная двуплановость, как можно предположить, способствует сопоставлением созданию третьего плана: плана выражения авторского отношения к описываемому. Мы обратились к анализу двух известных рассказов «Гриша» и «Дома», героями которых являются маленькие мальчики, однако уже различающиеся по возрасту: Гриша, которому около 3-х лет, и семилетний Серёжа.

Возрастные различия проявляются в содержании рассказов и выборе средств художественной выразительности. Гриша только начинает осваивать мир, содержание рассказа сводится к его восприятию того, что его окружает во время прогулки с нянькой. Разговор отца с Серёжей уже проблемно ориентирован, речь идёт о вреде курения, что требует доказательств. Герои описываются в разных ситуациях и отношениях с окружающими, что адекватно передано с помощью ведущего приёма художественного повествования – художественной конкретизации, «организации языковых средств в речевой ткани художественного произведения, благодаря которой слово-понятие «переводится» в слово-образ (художественный), становится выражением индивидуально-неповторимых, как бы видимых внутренним зрением, целостных художественных образов (и их элементов «микрообразов»), пропущенных через эстетическую оценку писателя» [Стилистический энциклопедический словарь Электр. ресс.].

Приведём примеры:

«Гриша»: По бульвару, мерно шагая, двигается прямо на него толпа солдат с красными лицами и с банными вениками под мышкой. Гриша весь холодеет от ужаса и глядит вопросительно на няньку: не опасно ли? Но нянька не бежит и не плачет, значит, не опасно (Чехов. С. 84). Через бульвар перебегают две большие кошки с длинными мордами, с высунутыми языками и с задранными вверх хвостами. Гриша думает, что и ему тоже нужно бежать, и бежит за кошками (Чехов. С. 84). Маленький мальчик: слышит почти над самым ухом чей-то громкий, густой голос и видит высокого человека со светлыми пуговицами (Чехов. С. 84).

Читатель с жизненным опытом понимает, что солдаты идут из бани (с вениками и красными лицами), для Гриши — это солдаты, и не исключено, что их нужно бояться. Детали в описании кошек не оставляют сомнений, что Гриша видит собак, но он из животных знает лишь кошку, которая живёт у него дома. Он слышит голос человека, но видит только пуговицы — значимая деталь для читателя.

Таким образом, деталь в изображении выполняет сразу несколько функций: вносит конкретизацию в изображение-образ, вызывает у читателя привычные ассоциации, сообщает о состоянии-восприятии мира ребёнком.

В рассказе «Дома», где ведётся беседа между отцом и сыном, в текст включён диалог. Он в какой-то степени представляет собой рассуждение, ставящее вопрос: Ежели же кто-то берет чужое, то... он нехороший человек!<...> У тебя есть лошадки и картинки... Ведь я их не беру? Может быть, я и хотел бы их взять, но... ведь они не мои, а твои!— Возьми, если хочешь! — сказал Сережа, подняв брови. — Ты, пожалуйста, папа, не стесняйся, бери! Эта желтенькая собачка, что у тебя на столе, моя, но ведь я ничего... Пусть себе стоит! (Чехов. С. 100)

В обоих рассказах на композиционном уровне приобретает значимость вторая часть повествования. В рассказе «Гриша» перемещение героя в кухню подружки няньки «расширяет» представление о мире, который герою предстоит постичь. В рассказе «Дома», сказка, сменившая нравоучения отца, меняет постановку вопроса: сможет ли мальчик-принц защитить отца и его прекрасное королевство. Таким образом, структура рассказов, взаимодействуя с языковыми средствами, участвующими в создании образа ситуаций, в которых оказываются маленькие герои, позволяет вывести содержание рассказа далеко за пределы единичного эпизода (прогулка с няней, разговор с отцом), намечая проекцию будущей жизни маленького человека, в которой его ожидают большие события и необходимость принятия серьёзных решений.

Литературы

Базилевская А. К. Тема детства в рассказах А. П. Чехова: этико-психологические аспекты // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2010. № 4 (82). С. 6–15.

Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1996.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М: Флинта; Наука. 2003. URL: <https://stylistics.academic.ru/252> (дата обращения: 16.01.2024).

Источники

Чехов А. П. Гриша // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 5 / под ред. Г. А. Бялого. М.: Наука, 1985. С. 83–85.

Чехов А. П. Дома // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 6. М., Наука, 1976. С. 97–106.

Файзуллина Наргиза Дамировна

старший преподаватель,

Каттакурганский филиал Самаркандского государственного университета;

narciss.fayzullina@mail.ru

СИНКРИЗИС В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

Ключевые слова: синкрисис, разновидность антитезы, противопоставление, сопоставление, сравнение.

В последнее время в лингвистической науке особое внимание уделяется изучению языковых средств выражения различных эмоционально-экспрессивных категорий, которые передают отношение автора к изображаемой им действительности. Для выражения яркого и экспрессивного контраста поэтами может использоваться такой вид антитезы, как синкрисис. Это довольно малоизученный приём антитезы, заключающийся в том, чтобы сопоставить два симметрично построенные словосочетания или предложения, в каждом из которых имеются антонимичные компоненты. Синкрисис строится как по принципу контраста, так и по принципу параллелизма, необходимыми условиями синтаксических конструкций которых является: наличия одинаковых количеств членов, одинаковое отношение членов внутри параллельных конструкций, одинаковый порядок слов во всех конструкциях синтаксического повтора [Корюкина 2011: 309].

Первоначально прием синкрисиса использовали софисты в своих риторических дискуссиях для манипуляции публикой, выступая за и против, сравнивая те или иные положения, для достижения кратчайшего и наиболее эффективного результата (Греция II половина V — I половина IV веков до н. э.). Главной целью данного приема является выявление контрастных понятий, а также путем сравнения возвеличить или умалить личность, его действия. Например:

Боже! вина, вина!
Трезвому жизнь скучна,
Пьяному рай!
(Языков Н. М. «Гимн» (Боже! вина, вина!..), с. 35)

Трезвому и пьяному находятся в отношениях противопоставления, но в данном предложении есть сравнение. Наличие такого сравнения в параллельно построенных предложениях говорит нам о синкрисисе. Он заключается в моделировании представления одного персонажа на другом, чтобы сравнить их или хотя бы установить взаимосвязь между ними.

Чернит, румянит и белит,
Веселых плакать заставляет,
Печальным петь велит
(Дельвиг А. А. «К Темире», с. 102)

В данном контексте речь идет о моде, автор предрекает юную Темиру, на что ей придется идти по мере взросления и следования моде. Мода заставит делать противоречивые действия, которые не совмещаются с данными понятиями: при веселье нужно петь и веселиться, при печали плакать, но жертвы моды должны подчиняться другим предписаниям. Параллельно построенные предложения и наличие в них противопоставления и сопоставления, говорит о наличии в данном отрывке синкрисиса.

Но скажешь ты мне ласковое слово —
И горе куда-то унесло...
Ты — грозный бич, карающий сурово,
Ты светлый луч, ласкающий тепло.
(Апухтин А. Н. «Ты говоришь: моя душа — загадка», с. 28)

Следующий пример показывает нам, что указанный выше пример не является единственным. В данном контексте существуют элементы и синкритизма и оксюморона: в одном человеке сочетается два противоречивых характера: ты — грозный бич (жестокий, суровый), ты — светлый луч (обладающий высокими моральными качествами; возвышенный, благородный). Такое сочетание противоречивых качеств человека проявляется в его взаимодействии с окружающим миром, касающихся не только его поступков, но и внутреннего мира — мыслей, чувств и убеждений.

Великий вождь вставал с зарей для ратных дел,
А Клит спал часто по неделе. -
«Все так! Да умер он, как вождь сей... на постеле».
(Батюшков К. Н. «Сравнение», с. 268)

В данном предложении взаимно построенные предложения состоят в отношениях противопоставления. Антонимы вставал (в значении просыпаться) и спал выражают в предложении разнонаправленные бинарные понятия. Антитеза дается с целью сравнения действий, которые подводят к одному исходу — умирать. Автор стихотворения, указывая на бренность мира, данными антонимами высказывает свое отношение к жизни.

У меня в душе есть сила,
У меня есть в сердце кровь,
Под крестом — моя могила
Над крестом — моя любовь!
(Кольцов А. В. «Последняя борьба», с. 127)

Стилистический прием анафора, выраженный в повторении начальных строк выражает не только тавтологию, но наличие предлогов под (употребляется при указании предмета, места, лица и т. п., ниже которого направлено действие, движение) и над (употребляется при обозначении лица, предмета, места, пространства и т. п., выше которых, поверх которых что-либо находится, располагается) выражают оппозиционные понятия разнонаправленных действий. Параллелизм конструкций усиливает экспрессивность высказывания и служит средством субъективного взгляда на жизнь.

Путь — дорожка широка, да не длинна,
Разбегается в две стороны она:
Как налево — на кладбище к мертвецам,
А направо — к закавказским молодцам
(Дельви́г А. А. «Русская песня (Как за речкой...)», с. 198)

Чтобы подчеркнуть положительные характеристики одного явления или предмета и отрицательные характеристики другого в тексте используются индивидуально-антонимичные образы. Так, например, для контрастного сравнения А. Дельвигом использованы антонимы налево и направо, но, чтобы сделать правильный выбор, к антонимам добавлены словосочетания как на кладбище к мертвецам и закавказским молодцам. Выбор после этих сравнений очевиден. Данный приём используется в риторике как метод манипуляции, с помощью которого оратор достигает своей цели.

Но Леила неудачным
Посмеялася речам
И сказала: «Знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам»
(Пушкин А. С. «От меня вечер Леила», с. 588)

К индивидуально-авторским сравнениям и противопоставлениям можно привести резкий контраст в запахах новобрачных и покойников: «Сладок мускус новобрачным, камфора годна

гробам». В словарях антонимов ничего не сказано про противопоставленные запахи, но у Пушкина мы можем встретить яркие примеры окказиональных синкрисисов. Тем самым, мы еще раз обращаем ваше внимание, что антонимы больше присущи логике, чем языкознанию, так как не все противоположности можно выявить в лингвистике.

Царь поживает на престоле,
А он — забывшись- под столом.
(Языков Н. М. «Песня (счастлив, кому судьбою дан...), с. 130)

Необычное противопоставление повстречалось нам при анализе синкрисиса, царь и он (контексте дан пьяница) даны как бинарные понятия, хотя противопоставлены их действия царь поживает на престоле, а он (пьяница) лежит, забывшись под столом. Существование в тексте противительного союза а, усиливает не только действия, но их деятелей, что даёт нам возможность рассматривать их как бинарные лексические единицы.

Отвечает Яныш королевич:
«Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит»
(Пушкин А. С. «Песни западных славян», с. 555)

Синтаксический параллелизм в поэтической речи усиливает эмоциональность высказывания, акцентирует внимание, подчеркивает связи нескольких элементов, а в синкрисисе же сравнивает бинарности. Так у А. С. Пушкина сравниваются антонимы солнышко и луна, милая и жена, причем вторая пара антонимов является окказиональной.

Наше исследование показало, что синкрисис в риторике известен давно и построен он на сравнении противоположности и на параллелизме. Прием используется для представления одного персонажа или его действия на другом, чтобы сравнить их или хотя бы установить взаимосвязь между ними. Синкрисис используется в риторике как метод манипуляции, с помощью которого оратор достигает своей цели. Наличие окказиональных антонимов указывает на взаимосвязь с логикой, что требует дальнейшего исследования.

Литература

- Апухтин А. Н. Стихотворения. М.: Союз Россия, 1991. 384 с.
- Батюшков К. Н. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1987. 320 с.
- Дельвиг А. А. стихотворения; статьи; письма. Л.: Художественная литература, 1986. 472 с.
- Кольцов А. В. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1986. 223 с.
- Корюкина Е. С. Риторические возможности лексических антонимов // Вестник ННГУ. Серия «Филология». 2011. № 6. Часть 2. С. 309–313.
- Пушкин А. С. Сочинение: в 3 т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Художественная литература, 1985. 735 с.
- Языков С. Я. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1988. 592 с.

Фельде Ольга Викторовна

д-р филол. наук, профессор,
Сибирский федеральный университет;
Feldeo@list.ru

«СВОИ» И «СВОЁ ПРОСТРАНСТВО» КАК ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ДОМИНАНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ СТАРОЖИЛОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Ключевые слова: региональная лингвокультура, устный текст, ценностная доминанта, Сибирь, сибиряки.

В задачи исследования входит выявление культуруносных смыслов устных высказываний русских старожилов Енисейской Сибири о «своих» и «своём» этнокультурном пространстве. Эмпирическим материалом служат тексты о Сибири и сибиряках, записанные в ходе комплексных фольклорно-диалектологических экспедиций 2018 — 2023 годов в различные районы Красноярского края и частично размещенные в созданном нами «Электронном текстовом корпусе лингвокультуры Северного Приангарья» — URL: <http://angara.sfu-kras.ru/> (доступ свободный). Теоретико-методологическим основанием исследования служит постулат о специфике традиционной сибирской лингвокультуры, которая определяется культурными кодами и субкодами, историческим и социальным опытом локального сообщества, а также ценностными доминантами. Под ценностно-смысловыми доминантами, вслед за В. И. Карасиком, понимаются «наиболее существенные для данной культуры смыслы, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик 2002: 166].

В процессе анализа выявлено, что по своим содержательно-интенциональным особенностям высказывания о Сибири и сибиряках обладают выраженной миромоделирующей и воздействующей направленностью. В собранной нами базе данных выявлены экспликативные, оценочные, аргументативные высказывания о Сибири и сибиряках, а также тексты оценочно-назидательного характера, в которых содержатся директивные высказывания о необходимости хранить верность традициям сибиряков и любить «Сибирь-матушку». Анализ показал, что для большинства опрошенных территория Сибири не совпадает с её официальными географическими границами. Многие из уроженцев Енисейской Сибири ассоциируют «настоящую» Сибирь с местом своего рождения, с привычным холодным климатом, прежде всего — с местом проживания родственников и земляков: «Для меня Сибирь, как раз вот Красноярский край. Не Новосибирск. В Новосибирске почему-то мне кажется Сибирь не настоящая. Потому что климат помягче, потеплее. Алтай, на который мы ездим отдыхать, дак это вообще, как бы там очень тёплое место, и поэтому это не Сибирь. Нет, для меня, Дальний Восток — это не своё место, совершенно не своё! Для меня вот Сибирь настоящая — это Красноярский край, Средняя Сибирь, Енисей. И немножко Иркутска там и Иркутская область». (Красноярск, 2019 г.). Оценочное отношение к Сибири передается антропоморфными и соматическими метафорами Сибирь-матушка, Мать Сибирь, Ангара-матушка, Енисей-батюшка, голова России, кровь России: «Знаете как: каждый кулик свое болото хвалит. Вот я считаю, что мы лучше всех. Всех умнее. Всех сноровистее. Всех упрямее, настырнее, проворнее и прочее. Я считаю, что здесь умные и хорошие люди живут. Если брать географию, недра наши, то мы, конечно, кровь вообще всей России. А так если брать душу народа, то, мне кажется, Сибирь — это либо сердце, либо голова России» (Богучанский район: Таёжный, 2021).

Смысловой анализ собранных нами высказываний о сибиряках показал, что сибирскую идентичность определяют не национальность, а место рождения и «нравственная оседлость» (Д. С. Лихачев), привязанность к родной земле: «Сибиряки — все, кто родился и живёт в Сибири»; «Сибиряки — все, кто давно живёт в Сибири и любит её»; «Я приехал, хохол, 42 года назад. И осибирячился. А дети мои и внук и подавно сибиряки. Тут родились. [А что означает «осибирячился»? — Собир.]. Ну, полюбил Сибирь. Прикипел к ней. Нравятся люди. Суровость

природы нравится. Бодрит морозец. Жизнь у нас — это жизнь в тонусе. Всё время нужно силу, опыт, изобретательность применять. Люди в Сибири живут на адреналине, а не существуют. Да, уезжают в Питер наши, в Краснодар уезжают некоторые. Но все по Сибири скучают! Вот друг у меня из Ачинска уехал в Анапу. Говорит, снег прямо снится. Вот, говорит, снится, как белый снег лопатой разгребают» (Красноярск, 2021). Рассуждая о том, кто такие сибиряки и чем они отличаются от других жителей России, респонденты рисуют идеальный образ, вобравший часть исторического и этносоциального опыта предков. Приведем один из примеров трансляции автостереотипа «сибиряки» в речи информанта: «Сибиряки, доброжелательные, не жадные. Ну, в основном, люди отзывчивые все, потому что Сибирь закаляет, она как бы... каждый человек в ответе за другого. Ещё даже вот что: помогали всегда, в горе в особенности вся деревня всегда помогали» (Кежемский район, с. Заледеево, 2023).

Устные тексты о Сибири и сибиряках обладают высокой лингвокультурологической информативностью, так как эксплицируют образы сознания, свойственные менталитету русских старожилов Сибири. В рассмотренных высказываниях интегрируются ценностные доминанты, идеалы сибиряков, возвышенные представления о родной земле, о своих и «других». Установлена значительная роль оценочного, ассоциативного и образно-символического компонентов пространственного и этнотерриториального кодов традиционной региональной лингвокультуры. Перспективой дальнейшего исследования является проведение опроса о Сибири и сибиряках среди жителей центральной России и разных регионов Сибири, а также сопоставительный анализ общенационального и регионально специфического в содержании полученных данных.

Литература

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.

Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/>

Хандархаева Ирина Юрьевна

канд. филол. наук, доцент,

Бурятский государственного университета им. Доржи Банзарова;

irina-68_68@mail.ru

К ВОПРОСУ О КОНТАМИНАЦИИ ТЕКСТОВ ТИПА ОПИСАНИЕ И РАССУЖДЕНИЕ

Ключевые слова: контаминация, рассуждение, описание.

Рассуждение как монологическое высказывание представляет собой такой функционально-смысловой тип речи, который характеризуется особыми логическими отношениями между входящими в его состав суждениями, образующими умозаключение [Нечаева 1974: 150]. Логическая основа рассуждения — причинно-следственная связь. Вопрос изучения рассуждения в художественном тексте был поставлен ещё О. А. Нечаевой [Нечаева 1974: 180], но не получила широкого освещения, так как наблюдается контаминированная структура: либо в сочетании с описанием, либо повествованием.

Подчеркивая типизированную структуру речи, О. А. Нечаева описание определяет как образец, модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в широком понимании и имеющих для этого определенную языковую структур [Нечаева 1974: 19].

Сложность анализа заключается в том, что рассуждение является аргументирующим типом речи, а описание и повествование — констатирующими. Согласно теории функционально-смысловых типов речи, рассуждение состоит из большей посылки, меньшей посылки, умозаключения, но в художественном тексте, в частности в контаминированном тексте наблюдается как полная форма рассуждения, так и в сокращенном виде. Проанализируем пример:

[Наконец появился Тэмуджин вместе с неразлучными Джэлмэ и Боорчу.] Все трое были в простых бараньих шубах и мерлушковых шапках. Тэмуджин не выделялся ни одеждой, ни оружием, и седло, и узда на его коне были не лучше, чем у других. Анда не любит украшений, а может быть с умыслом не хочет отличаться от своих нукеров — смотрите, я такой же, как все, и мне не нужно больше, чем всем.

Большая посылка: Все были в простых бараньих шубах и мерлушковых шапках.

Меньшая посылка: Тэмуджин ничем не выделялся, не любит украшений.

Умозаключение: Следовательно, Тэмуджин такой же, как все.

Это полное дедуктивное умозаключение, включающее все три компонента рассуждения.

В последующем тексте раскрываются аргументы в виде признаков описываемой природы, соответствующей тезису: «Охота — занятие, достойное настоящих мужчин. И день хороший. Морозная дымка растаяла бесследно, воздух стал до того прозрачным, что казалось, что на пряги зрение — и на самых дальних горах можешь рассмотреть трещины в скалах, отдельные деревья. Толстые пушистые хлопья снега лежали на лапах сосен и елей, мягкие сугробы укрывали палый лист, сухие сучья и валежины, от этого лес выглядел чистым, светлым, насквозь пронизанным ярким зимним светом».

В указанном примере тезис — Охота — занятие достойное настоящих мужчин — предполагает, что настоящая охота возможно только в хороший день. В данном случае наблюдается расширение умозаключения, включающее большую посылку. Перечисленные признаки (прозрачный воздух, трещины в скалах, деревья, хлопья снега и др.) являются меньшей посылкой. Структура данного текста свидетельствует о том, что это высказывание является описанием, включающим оттенки причинно-следственных отношений, то есть текст является контаминированным.

В художественном тексте рассуждение может быть индуктивным. Рассмотрим следующий пример: «Лучи солнца высекали огонь из золоченых верхушек субурганов, надменно выси-

лись стены крепости, и длинная густая тень ложилась на долины предместья. Когда живешь за такими стенами, что тебе хан без ханства!» Данное высказывание построено таким образом, что признаки описываемых предметов являются суждениями, из которых автор выводит умозаключение: за такими стенами можно прожить и без защиты хана, при этом отсутствует большая посылка. По такому же принципу строится следующая микротема: «У неё были чуть выпуклые глаза, вздёрнутый нос; маленькие руки крепко натягивали поводья, в седле она держалась с броской лихостью; ничего от робкой девушки — статный удалец». В этих микротемах наблюдается скрещивание синхронных описательных признаков и элементов рассуждения, что приводит к образованию особых контаминированных типов монологических высказываний.

Более сложная контаминированная форма наблюдается в тексте-характеристике при сочетании с рассуждением, когда для выявления тезиса приводятся в виде доводов перечисляемые внутренние качества человека. По мнению О. А. Нечаевой, характеристика и рассуждение — это различные типы монологического высказывания, так как характеристика — перечисление качеств без доказательства, рассуждение — высказывание с доказательством на основе причинно-следственных связей между явлениями [Нечаева 1974: 77]. Анализ следующих микротем показал, что в художественном описании наблюдается контаминация, несмотря на семантическую близость данных типов монологического высказывания. Наличие суждений при описании характерных черт человека не доминирует, а лишь дополняет характеристику: «...Кто теперь будет покровителем и заступником? Таян-хан? Старший сын умирающего повелителя косит узкие глаза... Таян-хан человек мягкий, не высокомерный, но с лёгким, ненадёжным нравом. Ему, видимо, давно уже надоело сидеть у ложа умирающего». В данном высказывании на основе перечисленных качеств, установленных причинно-следственных связей нет обобщённого вывода, что приводит к мысли о том, что особый контаминированный тип. Следующий пример также содержит только тезис и суждения, автор не доводит мысль до логического завершения: «[Мужчины спорили. Даже её муж ввязался]. Он говорил с неловкой улыбкой, будто извинялся за свои слова. В спорах, в разговорах он всегда был неловок, стеснителен и чаще всего молчал, слушая других, не умел резко возразить, твёрдо отказать. От этого жили в бедности. Другие где выпросят, где украдут, где в бою добудут, а он может только своё отдать. Но она-то знала, что он может быть и бесстрашным, и твёрдым, как камень».

Таким образом, при контаминации описания и рассуждения образуется новый, скрещенный тип монологического высказывания, когда описание становится аргументативной базой для рассуждения.

Литература

Калашиников И. К. Жестокий век. Улан-Удэ, 1983.

Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи. Улан-Удэ, 1974.

Ху Цзымин

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет;

st082227@student.spbu.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Ключевые слова: стратегия презентации, тактика, приём, телевизионная реклама, языковые средства.

Стратегический подход к анализу рекламного текста помогает определить механизм речевого воздействия в рекламе на адресата. Телевизионный рекламный текст, будучи сложным и многокомпонентным продуктом коммуникации, содержит богатство языковых средств на разных уровнях языковой системы, которые используются в рамках соответствующих стратегий и тактик. По признакам сверхзадачи телерекламы выделяем стратегию презентации, персуазивные стратегии (стратегию убеждения и стратегию уговаривания) и напоминающую стратегию. В достижении цели рекламы, которая заключается в воздействии на сознание потенциального потребителя рекламируемого товара, играет первостепенную роль стратегия презентации. В связи с отсутствием единого понятия данной стратегии и наличием различной специфики избранного материала исследования лингвисты и специалисты по рекламе выделяют различные тактики презентации. Таким образом, цель данной работы — определить понятие стратегии презентации и выделить тактики и приёмы, реализуемые в рамках стратегии презентации в телевизионной рекламе продуктов питания.

В работах, посвященных изучению рекламного дискурса, стратегия презентации называется по-разному, например, стратегия самопрезентации, презентативная стратегия и информативная стратегия. Рассматривая работы отечественных исследователей, мы выделяем два вида понятия стратегии презентации — в широком смысле и в узком смысле. В широком смысле суть данной стратегии заключается в формировании доверия к продукции через укрепление своего имиджа в глазах адресата [Анисимова 2015: 21]. В узком смысле стратегия презентации состоит в информировании потребителей о существовании, появлении определенного товара, его качествах, положительных чертах посредством его презентации в привлекательном виде [Шагланова 2018: 96]. В нашем исследовании мы рассматриваем стратегию презентации в узком смысле, так как в рекламном тексте в широком смысле, т. е. создание положительного имиджа «в той или иной степени реализуется практически в любом речевом действии» [Иссерс 2008: 73]. Таким образом, под стратегией презентации, по нашему мнению, понимается совокупность речевых действий, направленная на сообщение о новом товаре, описание характерных черт товара и его свойств в привлекательном виде и, в конечном счёте, введение образа товара в сознание адресата. Стоит отметить, что в телевизионной рекламе в рамках стратегии убеждения детальное описание свойств рекламируемого товара рассматривается как рациональный аргумент, т. е. один из приёмов убеждения, а при презентации — как сверхзадача, решение которой происходит за счёт соответствующих речевых тактик и приёмов.

В телевизионной рекламе стратегия презентации реализуется за счёт тактики привлечения внимания и мнемонической тактики. Привлечение внимания адресата к рекламному тексту является первым шагом для презентации товара. В телевизионной рекламе продуктов питания актуализация данной тактики происходит за счёт приёма создания новизны, приёма использования прецедентных феноменов и приёма создания интриги и приёма «свой круг». Вербализация приёма создания новизны реализуется в трёх аспектах. Во-первых, для привлечения внимания адресата используются лексические единицы с семантикой новизны, например, «новый», «новинка», «новости», «по-новому». Во-вторых, в рекламе данную функцию также выполняет реализация некоторых видов языковой игры, например, окказионализм «ягодно-выгодно», необычная лексическая сочетаемость «заряд пробиотиков». В-третьих, в телевизионной рекламе продуктов питания нередко информируют о рекламируемом товаре в виде авторской песни,

стихотворения, сказки и рассказа с невербальными элементами, которые делают рекламный текст более привлекательным и изобразительным. Среди них авторские сказки с информацией о товаре часто встречаются в рекламе детского питания. Прецедентные феномены широко используются в телевизионной рекламе продуктов питания: «на вечный вопрос яйцо или курица отвечает Heinz». Одним из эффективных способов привлечения внимания адресата является создание интриги вокруг рекламируемого товара. В рекламе продуктов питания для обращения внимания адресата на рекламируемый товар используется вопросительное предложение: «- А что это? — Индейка Пава-Пава». В рекламе для создания интриги иногда употребляются числительные единицы: «5, 4, 3, 2, время Cornu». Приём «свой круг» используется в рекламном тексте, адресованном определённой целевой аудитории. «Форма и способ выражения выбираются для этой целевой аудитории такие, чтобы вовлечь потребителя в этот создаваемый круг. Данный приём реализуется преимущественно на лексическом уровне» [Шагланова 2018: 100]. В рекламе продуктов питания для молодёжи часто используется жаргонизм: «Ты походу голоден. Съешь Snikers». Мнемоническая тактика позволяет адресату запомнить рекламное сообщение. К приёмам этой группы отнесены приём гиперболизации, приём повторов и приём подчеркивания важной информации. В рекламе продуктов питания суть гиперболизации заключается в намеренном привлечении функции рекламируемого товара с помощью вербальных и невербальных элементов: «Бедный папа, в играх ему трудно со мной тягаться, потому что каждое утро я пью вкусный Nesquik». Подчеркивание важной информации реализуется посредством графической игры, включая визуализацию ключевых слов с помощью специальных техник и выделение ключевых слов необычным шрифтом. Повторы в качестве популярного способа увеличения запоминаемости используются чаще всего в слоганах телевизионной рекламы. Данный языковой приём реализуется на фонетическом (аллитерация, ассонанс, паронимазия и др.), лексическом (лексические повторы) и синтаксическом (анафора, эпифора, синтаксический параллелизм и др.) уровнях: «Милка. Вкуснее, когда нежнее».

Литература

- Анисимова Т. В. Специфика стратегии дискредитации в рекламном и PR-дискурсах // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 3 (19). С. 20–26.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
- Шагланова Е. А. Компрессия текста телерекламы: стратегический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2018. 161 с.

Чжао Жонань

аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st120894@student.spbu.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ В НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ: ТЕОРИЯ, МЕТОД И ПЕРСПЕКТИВА

Ключевые слова: стратегия продвижения, академическое письмо, метадискурс.

Работа посвящена истории и методологии изучения т.н. стратегии продвижения (англ. *promotional strategy*) в академическом дискурсе [Fairclough 1993; Millar et al. 2019]. Стратегия продвижения предполагает использование языковых выражений и синтаксических структур, которые способствуют позитивной репрезентации результатов исследований авторов научных работ, привлечению внимания к их значимости и новизне и т. д., ср., например, (1–2).

- (1) Supported by the think-aloud protocols, we also provide strong statistical evidence for...
‘Основываясь на протоколах «думай вслух», мы также предоставляем весомые статистические доказательства в пользу...’
- (2) This structure has novel features which are of considerable biological interest ... It has not escaped our notice that the specific pairing we have postulated immediately suggests a copying mechanism for the genetic material.
‘Эта структура обладает новыми свойствами, представляющими значительный биологический интерес... От нас не ускользнуло, что постулированное нами специфическое сопряжение сразу же наводит на мысль о механизме копирования генетического материала’

Подобные оценочные выражения предполагают как высказывание личного суждения, так и апелляцию к общим ценностям [Hyland, Jiang 2021: 195]. Таким образом, авторы получают определенную свободу в выборе способа представления своих исследований и интерпретации достигнутых результатов, они могут сознательно или подсознательно влиять на читателей или даже навязывать им оценочные интерпретации или суждения [Millar et al. 2019: 53].

Исследования стратегии продвижения в академическом дискурсе проводятся в сфере прикладной лингвистики и лингвистической прагматики. Так важный вклад в развитие теории стратегии продвижения внес Дж. Свейлс, определивший данное понятие как «бустеризм» от англ. *booster* ‘бустер’; к бустерам относятся выражения, транслирующие уверенность и усиливающие категоричность высказывания (очевидно, абсолютно и т. д.) [Swales 1990]. Свейлс предложил анализ вводного раздела научной статьи как трехкомпонентной структуры, включающей в себя такие риторические ходы, как «определение области исследования», «определение исследовательской ниши» и «присвоение исследовательской ниши» [Там же]. Н. Фэркло развивает собственную концепцию «академического маркетинга», которая, по мнению ученого, является «перестройкой порядка дискурса по образцу централизованных рыночных организаций» [Fairclough 1993: 143]. К. Хайленд рассматривает использование стратегии продвижения как «взаимодействие между автором и читателем». Хайленд видит процесс данного взаимодействия с двух ракурсов, где первый ракурс касается создания публичного образа автора исследования (англ. *stance*), а второй — коммуникации автора с читателями, их вовлечения в интерпретацию описываемых в работе фактов (англ. *engagement*) [Hyland 2005: 177].

Язык продвижения также находится в центре внимания исследователей медицинских академических текстов, где рассматривается оценочная лексика и способы выделения конкретных идей, см. [Millar et al. 2019]. Миллар также отмечает новую тенденцию развития академического письма в медицинских статьях при описании рандомизированных контролируемых испытаний (RCT), которая характеризуется активным использованием выражений продвижения

(англ. promotional terms) [Там же]. Также следует отметить, что стратегия продвижения изучается не только на материале научных текстов, принадлежащим к разным дисциплинам, но и на материале разных языков, включая английский, испанский, китайский и русский.

Исследователей также интересуют исторические и социальные причины возникновения стратегии продвижения, к которым относятся такие факторы, как усиливающая конкуренция за рабочие места в университетах, условия участия в грантовых конкурсах, растущее количество публикаций и пр.

Обращаясь к методологии изучения стратегии продвижения, следует отметить, что способность понять имплицитное содержание текста, учесть контекст, выявить в тексте противоречия — важные умения для современного исследователя. Эффективным инструментом для раскрытия имплицитного содержания текста и выявления использования стратегии продвижения служит критический дискурс-анализ [Fairclough 1993]. Фэркло создает трехмерную модель анализа дискурсивных событий: «дискурс как текст», «дискурс как дискурсивная практика» и «дискурс как социальная практика». Исследование языковых репрезентаций стратегии продвижения также осуществляется при помощи таких методов, как сравнение, описательный метод, метод контекстуального анализа и т. д. Особое внимание уделяется математическим методам на материале корпусных данных, см. [Millar et al. 2019]. Любопытно, что для того, чтобы обеспечить достоверность исследования и выводов, выявить психологические особенности личности и намерения авторов при выборе определенных средств выражения, исследователи-лингвисты могут сотрудничать с экспертами в других сферах — психологии, социологии и пр. и применять методы из данных дисциплин для получения необходимой информации, см. [Hyland 2005].

В работах вышеупомянутых ученых были описаны перспективы развития исследования. Одним из направлений может стать долгосрочное исследование стратегии продвижения в академическом дискурсе и ее влияние на ход академической работы в университетах. Кроме того, было бы интересно изучить причинно-следственную связь между эмоциональным состоянием авторов, их культурой и профессиональным опытом и их обращением к стратегии продвижения в научных работах, и возможную связь между употреблением авторами стратегии продвижения и пониманием информации читателями. Исследования языковых средств и их применения в разных разделах научных статей могут быть продолжены. Перспективы дальнейшего исследования проблемы для автора доклада заключаются в более подробном изучении языковых репрезентаций стратегии продвижения в научных статьях и их сопоставительном анализе на материале русского и китайского языков.

Литература

- Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketisation of public discourse: the universities // *Discourse Soc.* 1993. Vol. 4 (2). P. 133–168.
- Hyland K. (2005). Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // *Discourse Studies.* 2005. Vol. 7 (2). P. 173–191.
- Hyland K., Jiang F. 'Our striking results demonstrate...': Persuasion and the growth of academic hype // *Journal of Pragmatics.* 2021. Vol. 182. P. 189–202.
- Millar N., Salager-Meyer E., Budgell B. "It is important to reinforce the importance of": 'Hype' in reports of randomized controlled trials // *Engl. Specif.* 2019. Purp. 54, 139e151.

Чжао Цзэхун

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет;

zhaozehong@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИФИНГОВ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИД РОССИИ)

Ключевые слова: стратегия вежливости, теория вежливости Браун — Левинсона, брифинг.

Как стратегический процесс, речевая коммуникация дает возможность говорящему правильно построить свою речь посредством выбора лучших языковых ресурсов, чтобы воздействовать на собеседника и достичь желаемого эффекта [Головач 2011: 64]. Изучение коммуникативных стратегий может помочь исследователям лучше понять механизм межличностных отношений и пути достижения коммуникативных целей, поэтому имеет большое значение для изучения речевой коммуникации и лингвистической прагматики. А вежливость как центральная коммуникативная категория, несомненно, занимает важное место в общении. Вежливость активно используется людьми в различных ситуациях для улучшения межличностных отношений и выражения положительного отношения к собеседнику.

Следует отметить, что конкретные виды реализации вежливости весьма разнообразны, вежливость представляет собой сложный и многогранный феномен и подвержена влиянию множества факторов. Поэтому в разных ситуациях вежливость проявляется по-разному, чем и обусловлено проведение данного исследования. Кроме того, в настоящее время очень мало исследований, посвященных стратегиям вежливости в политическом дискурсе, следовательно, очевидна необходимость их изучения.

В качестве основы исследований стратегий вежливости часто используется теория П. Браун и С. Левинсона. Она основана на модели личности (model person) с характеристиками «рациональность» (rationality) и «лицо» (face). Рациональность определяется как «точно определяемый способ рассуждения от целей к средствам, которые будут достигать этих целей» [Brown & Levinson 1987: 59]. По мнению П. Браун и С. Левинсона, характеристика общения в принципе кооперации предполагается как «отсутствие отклонений от рациональной эффективности без какой-либо причины», а соображения вежливости и лица обеспечивают мотивацию этих отклонений [Brown & Levinson 1987: 5]. П. Браун и С. Левинсон заимствовали понятие «лицо» у Эрвинга Гоффмана и пересмотрели его как своеобразный социальный имидж, который каждый член общества хочет сохранить [Brown & Levinson 1987: 61]. Понятие «лицо» включает в себя «позитивное лицо» и «негативное лицо»; при этом «позитивное лицо» понимается как положительный образ, который каждый хочет создать — «желание быть желанным для других» [Brown & Levinson 1987: 62], а «негативное лицо» понимается как свобода действий, которую каждый хочет иметь без вмешательства со стороны других [Brown & Levinson 1987: 129]. В теории П. Браун и С. Левинсона предполагается, что потребность в «лице» существует во всех культурах, а само «лицо» концептуализируется как нечто, что можно потерять, сохранить или улучшить [Brown & Levinson 1987: 61]. П. Браун и С. Левинсон утверждают, что любой рационально мыслящий человек будет стараться избегать речевых актов, угрожающих лицу других [Brown & Levinson 1987: 60], поэтому вежливость становится восстановительным действием для противодействия разрушительной природе угрожающего лицу поведения [Kasper 1990: 194], из чего вытекают стратегии позитивной вежливости и стратегии негативной вежливости. Позитивная вежливость направлена на то, чтобы удовлетворить позитивное лицо собеседника. Ее стратегия проявляется в общении как установление и поддержание контакта, сокращение дистанции между говорящими, проявление внимания и интереса к собеседнику, а также взаимопонимание и взаимное признание [Brown & Levinson 1987: 101]. Негативная вежливость описывается П. Браун и С. Левинсоном как «основа уважительного поведения» [Brown & Levinson 1987: 129],

ее стратегии направлены на то, чтобы продемонстрировать признание независимости собеседника и избежать вторжения в его сферу за счет поддержания социальной дистанции [Brown & Levinson 1987: 145]. Вежливость в данном контексте понимается как стратегия избегания конфликтов, а основная социальная роль вежливости отражается в ее способности выступать в качестве способа контроля потенциального агрессивного и грубого поведения собеседников [Brown & Levinson 1987: 1].

Хотя модель вежливости П. Браун и С. Левинсона имеет немало достоинств, по мере углубления исследований ученые обнаружили и целый ряд ее теоретических недостатков, которые нельзя игнорировать. В частности, понятие «лицо» подвергается критике за его псевдоуниверсальность, а наименования «позитивная вежливость» и «негативная вежливость» — за их оценочную коннотацию. Поэтому в нашем исследовании делается попытка разорвать связь между понятием «лицо» и стратегиями вежливости, отказаться от наименований «позитивные и негативные стратегии вежливости» и вернуться к изучению стратегий вежливости как таковых.

Материалом исследования послужили 100 текстов с сайта МИД РФ [Тексты брифингов официальных представителей МИД России], отобранных методом систематической выборки, среди которых имеются выступления трех официальных представителей МИД: А. А. Нестеренко, А. К. Лукашевича и М. В. Захаровой. Задача исследования заключалась в анализе и обобщении стратегий вежливости в текстах брифингов (например: использование косвенных и смягченных высказываний, дарение коммуникативного подарка, проявление эмпатии, предложение объяснения или обещания и т. д.).

Литература

- Головач О. А.* Стратегический подход в лингвистических исследованиях: коммуникативный аспект // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2011. № 7. С. 64–68.
- Тексты брифингов официальных представителей МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/
- Brown P., Levinson S. D.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ, 1987. 345 p.
- Kasper G.* Linguistic politeness: Current research issues // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14. P. 193–218.

Ши Линь

аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет;
lin439327393@gmail.com

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ДИАЛОГЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: Синтаксис параллельных конструкций, Синтаксис вставных конструкций, Синтаксис вставных конструкций, Синтаксис восклицательных конструкций.

Коммуникативная функция языка используется не только для выражения мыслей: передавая информацию об объективном опыте, говорящий также выражает субъективные эмоции, отношения и намерения и добивается обратной связи от слушателя.

Эмоции играют неотъемлемую роль в человеческой жизни и социальной среде. Эмоции представляют собой важную психологическую функцию человека. При использовании речи люди выражают свое психологическое состояние и внутренние эмоции, что способствует коммуникации и взаимодействию между людьми. Выражение эмоций с помощью языка позволяет людям делиться своими переживаниями, радостью, грустью, страхом и другими эмоциональными состояниями. Эмоции являются важной частью формирования межличностных связей и социальных взаимодействий. Выражение эмоций является важным средством для людей находить отклик и делиться эмоциональными переживаниями. Высвобождение эмоций в общении очень важно для нас для поддержания здоровых межличностных отношений и эмоционального благополучия.

Эмоции — это субъективные чувства и психологические переживания, которые люди испытывают, сталкиваясь с различными стимулами или ситуациями. Это внутренняя реакция, которая обычно вызывается внешними или внутренними событиями, вещами или идеями. Эмоции могут быть положительными, например, радость, счастье, волнение, или отрицательными, например, гнев, тревога, печаль.

Средствами передачи эмоциональных проявлений в речевом общении людей служат в основном синтаксические средства языка, а поскольку язык является основным средством эмоциональной экспрессии, то основная цель данной работы — выявить основные синтаксические и лексические средства передачи эмоций в диалогах литературных произведений и подробно рассмотреть примеры их функционирования.

Материалом исследования является произведение Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза».

В работе нами были рассмотрены синтаксические средства выражения эмотивности.

Синтаксис параллельных конструкций — представляют собой такую композицию высказывания, в которой отдельные части построены однотипно. Иными словами, структура одного предложения (или его части) повторяется в другом предложении [Долматова 2019: 90602.2].

Если умру — так и не увижу Казань?

Зулейха скашивает глаза на Муртазу. Тот сидит на сяке и починает хомут. Пальцы с бурыми ногтями — жесткие и крепкие, как стволы молодых дубов, — ловко продевают скользкий кожаный ремень в деревянную основу. Только вернулся из города — и сразу за работу. Хороший муж, что говорить.

Если умру — он скоро женится на другой? [Яхина 2020: 43].

В приведенном примере повтор используется для выражения «тоски» и «ностальгии» главного героя по прекрасному и в то же время для выражения «негативных» эмоций. Автор повторяет синтаксическую структуру «Если умру» для выражения авторской иллюзии и внутреннего комплекса эмоции.

Синтаксис инверсий — Предложения, которые изменяют значение слова, помещая его в синтаксически необычную позицию в предложении, изменяя первоначальный порядок слов с целью подчеркнуть, выделить и т. д.

— Не была я ее! — сдавленно шепчет Зулейха, отскакивая к окну. — Никогда, ни разу пальцем не тронула! Она сама попросила... [Яхина 2020: 38].

В приведенном выше примере используется структура инверсии, чтобы поставить сказуемое перед подлежащим и подчеркнуть «я», чтобы выразить эмоции «обиды» и «волнения».

Синтаксис вставных конструкций — это словосочетания и предложения, содержащие добавочные, попутные замечания, уточнения, поправки и т. д. В письменной речи конструкции вставки обычно делятся на скобки, тире и запятые.

— Ты — в меня, сынок, сердце мое. У тебя в жилах — моя кровь. Под мясом — мои кости. — Она гладит седые щетинки на бритой голове сына. — И сила в тебе — моя: злая, непобедимая [Яхина 2020: 55].

В приведенном выше примере предложения в тексте есть четыре тире, чтобы подчеркнуть и объяснить сильную любовь матери к сыну и выразить эмоции «гордости» и «удовлетворения».

Синтаксис восклицательных конструкций называется эмоциональным предложением, которое передает эмоциональную окраску с помощью особого восклицательного тона.

— Вот вам — реквизиции в шестнадцатом! — Муртаза перерубает кости легко, как ветки. — Продуктовые армии в восемнадцатом! Десятинадцатом! Двадцатом! Вот вам ссыпка! Вот вам продуктовый налог! Вот вам хлебные излишки! Возьмите! Если! Сможете! [Яхина 2020: 62].

В приведенных примерах почти все разделены восклицательными предложениями, чтобы усилить эмоциональную окраску предложений, выразить «гнев» и в то же время выявить некую беспомощность.

В целом, благодаря углубленному анализу синтаксических конструкций литературных произведений исследователи могут лучше понять эмоциональное выражение автора и выявить скрытые эмоциональные слои и намерения в произведении. Этот метод помогает глубже углубиться в эмоциональные элементы текста и обеспечивает более глубокое понимание лингвистических исследований.

Литература

Долматова З. Э. Языковые средства выражения эмотивности в диалоге художественного произведения // Россия молодая: Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Кемерово, 16–19 апреля 2019 года. Кемерово: Кузбасский гос. техн. ун-т им. Т. Ф. Горбачева, 2019.

СИСТЕМА ЯЗЫКА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ В АСПЕКТЕ РКИ

Галюк Алина Андреевна

соискатель,

Санкт-Петербургский государственный университет;

alinegalyuk@gmail.com

СИНОНИМЫ ОПЕКАТЬ И ОБЕРЕГАТЬ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Ключевые слова: когнитивная лингводидактика, синонимы, когнитивная структура, сценарий, русский язык как иностранный.

Когнитивная лингводидактика представляет собой научную дисциплину, которая посредством изучения вербальных единиц стремится выявить результаты мыслительной и познавательной деятельности человека для дальнейшего предъявления языкового материала в иностранной аудитории. Сказанное реализуется за счет работы с концептами, категориями, структурами знания, когнитивными конструктами. Рассмотрение данных понятий особенно значимо в отношении лексического уровня языка. Введение сведений о представлениях, стоящих за семантикой слова, способствует оперированию не лексическими аналогами родного языка, а мыслительными образами, коррелирующими с понятием, что приводит к снижению количества ошибок в речи иностранцев [Беляевская 2013: 80]. При введении синонимов оперирование ментальными образами также оказывается релевантным, поскольку это дает возможность проследить особенности категоризации действительности носителями изучаемого языка, а также выявить различия между словами.

Целью данного исследования явилось обнаружение когнитивно-дискурсивных особенностей глагольных синонимов *опекать* и *оберегать* с позиции когнитивной лингводидактики для моделирования когнитивных структур лексем и выявления представлений, стоящих за единицами. Выбор данных глаголов объясняется их употребительностью в речи носителей русского языка, а также культурологической значимостью.

Для описания синонимов был выбран когнитивно-дискурсивный подход. Он подразумевает одновременный учет тесно сопряженных между собой когнитивной и коммуникативной функций языка [Беседина 2010: 32]. Тем самым возможно исследование языка с позиции статики и динамики (когнитивная структура и ее реализация в речи).

Исследование синонимов включало следующие этапы: 1) анализ словарей; 2) рассмотрение контекстов использования глаголов, представленных в «Национальном корпусе русского языка» и источниках интернета; 3) выявление общих и дифференциальных признаков синонимов с помощью когнитивно-дискурсивного анализа; 4) моделирование когнитивной структуры глаголов и сценариев; 5) выделение релевантных лингвокогнитивных свойств, требующих учета при введении синонимов в иностранной аудитории.

Согласно словарю синонимов К. С. Горбачевича, *опекать* подразумевает усиленную заботу о детях, больных, *оберегать* же включает в семантику элемент ограждения человека от чего-либо опасного или вредного [Горбачевич 2001: 183–184]. Оба глагола имеют одинаковую грамматическую сочетаемость (они требуют при себе существительное в винительном падеже), словообразовательный элемент (префикс -о), свидетельствующий о комплексном осуществлении заботы.

Ответственные редакторы: д-р филол. наук *Е. И. Зиновьева*, д-р филол. наук *Н. А. Любимова*.

Глагол *опекать* вербализует ситуацию проявления индивидом всесторонней заботы в отношении другого человека. Субъектом действия выступает одушевленное существительное. Человек, осуществляющий действие, характеризуется, как внимательный, предупредительный, он может испытывать любовь к объекту опеки. Человек непроизвольно опекает другого индивида, руководствуясь своими чувствами, желанием помочь или проявить внимание.

Объектом действия так же является одушевленное существительное. В субъектно-объектных отношениях отмечается иерархичность: зрелый человек опекает несамостоятельного индивида (например, ребенка). Данная ситуация вербализует следующий сценарий: трепетное отношение к человеку — желание проявить внимание, избавить человека от трудностей — решение проблем объекта действия, оказание помощи — улучшение психоэмоционального состояния.

Выделяются контексты, в которых глагол *опекать* вербализует ситуацию нарушения данной иерархии: в таком случае объект опеки относится к помощи негативно, проявляет раздражение. То же наблюдается, когда происходит превышение меры осуществляемой опеки. На это указывают наречия меры и степени (чересчур, чрезмерно, слишком, излишне), которые частотны при глаголе. В этом случае наблюдается трансформация сценария в двух последних эпизодах: появление проблем у человека — ухудшение психоэмоционального состояния.

Выделяется ситуация профессиональной заботы: речь идет об оказании поддержки начинающим специалистам, при этом опека носит временный характер. Целью действия является профессиональный рост объекта опеки, что отображается в сценарии глагола *опекать*. Важно подчеркнуть, что проявление заботы может быть принудительным, о чем свидетельствует функционирование лексемы в составном именном сказуемом (необходимо, должен) или в сочетании со словами соответствующей семантики (долг, обязанность).

Синоним *оберегать* демонстрирует отличия в субъектно-объектных отношениях: здесь могут употребляться и неодушевленные существительные. Кроме того, результатом действия является обеспечение защиты, а не решение проблем, причем при лексеме частотно указание косвенного объекта, который может представлять угрозу, в конструкции от + родительный падеж. Если действие, выражаемое глаголом *оберегать*, осуществляется человеком в отношении другого человека, то фиксируется, что объект действия представляет ценность для субъекта оберегания, причем может фиксироваться иерархичность отношений. В случае, когда функционируют неодушевленные субъекты или объекты, глагол репрезентирует сопутствующий характер защиты.

Итак, когнитивно-дискурсивный анализ иллюстрирует различия между синонимами, влияющие на сценарии глаголов, а также на наполнении когнитивных структур в узлах «субъект», «объект», «характеристика субъекта», «характеристика объекта», «характеристика действия». Выявленные особенности могут помочь сформировать представление о заботе в русском языке, что облегчит усвоение синонимов.

Литература

- Белявская Е. Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО. 2013. №5 (32). С. 76–83.
- Беседина Н. А. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 20 (91). С. 31–37.
- Горбачевич К. С. Краткий словарь синонимов русского языка / отв. ред. С. А. Кузнецов. М.: Астрель; АСТ, 2001. 608 с.

Дай Цзини

Санкт-Петербургский государственный университет;
st084506@student.spbu.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВОЙ МЕМ» В ИССЛЕДОВАНИИ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

Ключевые слова: мем, молодёжный сленг, языковой мем, лингвистическая меметика, распространение мемов.

В данной работе рассматривается применение теории мемов в исследовании формирования и развития русского молодежного сленга.

Меметика — это теория, основанная на принципах неodarвинизма, предоставляющая взгляд на закономерности эволюции культуры. Развитие теории мемов можно разделить на следующие четыре этапа:

Термин «мем» впервые появился в книге Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» в 1976 году и используется по аналогии с биологического «гена». Согласно Докинзу, мем — единица информации, находящаяся в мозгу и являющаяся мутирующим репликатором в культурной эволюции человечества. К мемам Ричард Докинз относит «мелодии, идеи, модные словечки и выражения» [Докинз 1993: 157].

Важным этапом в развитии теории мемов стали исследования Франсиса Хейлигена. Хейлиген заявляет, что мем должен пройти четыре различных стадии с момента своего создания одним человеком до момента, когда его будут распространять друг другу разные люди. Эти четыре стадии Хейлиген назвал «ассимиляция, сохранение, выражение и трансмиссия мема» [Хейлиген 1999: 5].

В 1999 году вышла книга Сьюзен Блэкмор «Машина мемов», заложившая теоретические основы меметики. В книге выявляется тесная связь между языком и мемами [Блэкмор 1999].

В новом веке меметика дополняется и сталкивается с некоторыми спорами. В настоящее время теория мемов все больше интегрируется с другими науками, включая социологию, психологию, информатику и др.

Одним из первых исследователей, введших меметику в лингвистику, является китайский лингвист Хэ Цзыжань. Основываясь на исследованиях Франсиса Хейлигена, Сьюзен Блэкмор и других ученых по теории мемов, Хэ Цзыжань предложил теорию «лингвистической меметикой». Язык является своего рода мемом, а мемы также содержатся в языке. Любое слово, словосочетание, фраза, предложение и даже текст может стать мемом, если они копируются и распространяются посредством имитации в широком смысле. Так и существует понятие «языковые мемы» [Хэ Цзыжань, Се Чаоцунь 2007: 43].

Поскольку одним из способов эволюции мемов является за счёт языка, механизмом языкового наследования являются языковые мемы. Процесс языковой коммуникации — это процесс копирования (воспроизведения) и распространения языковых мемов. Языковые мемы эволюционируют через речевые деятельности, а язык развивается посредством распространения языковых мемов.

Распространение и копирование мемов в основном делится на два типа: генотипическое и фенотипическое. Генотипическое распространение означает, что мемы, в процессе копирования и распространения, передаваемая информация не подвергается изменению, но форма выражения может меняться. Фенотипическое распространение — мемы сохраняют в общем свою форму, но информация передаваемая отличается.

В рамках подходов лингвистической меметики формирование и развитие русского молодежного сленга является процессом копирования и распространения языковых мемов.

1) Генотипическое распространение языковых мемов

Генотипический языковой мем формируется путем копирования существующей лексики или выражения, в процессе распространения который может подвергаться формальным изменениям, но оригинальная передаваемая информация не меняется. В связи с этим можно выделить два способа передачи информации: прямая передача одинаковой информации и передача одинаковой информации в различной форме.

А) Прямая передача одинаковой информации. Такие языковые единицы применяются в подходящей ситуации без изменений, путем прямого цитирования и копирования языковых мемов для достижения определённого эффекта: косуха. В эту категорию попадают и англоязычные заимствования, которые транслитерируются русскими буквами без изменения оригинального значения и части речи: изи, хайтер, вайб.

Б) Передача одинаковой информации в различной форме. Языковые мемы в процессе распространения модифицируются в виде сокращений, фонетических изменений, смешения кодов и т. д. Однако эти изменения не влияют на передачу оригинальной информации: дяхан — дядя, жиза — жизненно, лайк — лойс, ЛП — лучшая подруга.

2) Фенотипическое распространение языковых мемов

Мем сохраняет свою форму в процессе распространения и воспроизведения, но информация, которую он передает, меняется. Переписывать существующие слова, фразеологизмы, идиомы и другие устойчивые словосочетания, чтобы изменить их значения — языковая игра, часто встречается в рекламах, в молодёжном и интернет-сленге, направлена на достижения дополнительного эффекта. Фенотипическое распространение языковых мемов осуществляется следующими способами:

А) Звучание оригинального языкового мема не подвергается изменениям, либо изменяются отдельные его буквы, сохраняя сходное звучание, но смысл мема сильно изменяется: кринж, флейм, зашквар; привет — превед, вертухай — вертухаю.

Б) Форма и содержание языкового мема остаются неизменными, но его употребление в различных контекстах вызывает различные ассоциации и смыслы. Это в молодёжном сленге обычно выражается как метафора и метонимия: корочки, волосатые, без оглядки.

3) Составные языковые мемы

В процессе исследования было обнаружено, что некоторые слова в молодёжном сленге прошли несколько стадий в своем формировании и развитии. Это проявляется в многократном воздействии определенного типа мемов, или в том, что различные типы мемов образуют составной мем, который реплицируется и передается на различных этапах развития.

Теория лингвистической меметики, предложенная профессором Хэ Цзыжань, может быть применена в исследовании молодёжного сленга. Исследование способов распространения языковых мемов помогает лучше понимать и анализировать развитие российского молодёжного сленга, а также более эффективно использовать его в общении.

Литература

Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 201 с.

Хэ Цзыжань, Се Чаоцунь, Чэнь Синьжэнь. Три теории прагматики: релевантность· адаптация· меметика. Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 2007. 217 с.

Blackmore S. J. The Meme Machine. Oxford: Oxford University Press, 1999. 264 p.

Heylighen F. What makes a meme successful? Selection criteria for cultural evolution. URL: <http://pespmc1.vub.ac.be/Papers/Memetics-Namur.pdf>

Жэнь Чуньянь

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет;

yanyanh3@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ АНТОНИМОВ В КУРСЕ РКИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИЕМОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: концепт, антонимы, метод В. В. Колесова, словари антонимов, Словарь русской ментальности.

Знакомство с определенным кругом антонимов необходимо при изучении РКИ, поскольку антонимы находят широкое применение во всех без исключения функциональных разновидностях русского языка. В связи с этим не теряют актуальности проблемы выбора предлагаемых студентам антонимических пар и методов их изучения.

С одной стороны, в качестве материала можно использовать словари антонимов, которые представляют собой наборы слов, упорядоченных в пары прямых и противоположных значений. Они полезны при поиске и определении антонимов для отдельных слов, при этом следует учитывать, что словари могут быть ограниченными или несовершенными. Зачастую в них представлены только наиболее распространенные антонимы для отдельных слов, не учитывается контекст употребления.

С другой стороны, антонимические пары можно рассматривать как вербальные репрезентации концептов, находящихся в отношениях парной противопоставленности. Такой подход предполагает обращения к Словарям концептов [Колесов 2014], пользование которыми требует подготовки и адаптации, но позволяет обучающимся сосредоточиться на изучении ключевых концептов русского сознания, а не нескольких тысяч языковых антонимов (например, в [Львов 2021] 2700 пар антонимов). В подготовленной аудитории возможно сравнение материалов словарей разного типа. «Концепт — это сущность смысла, данная в знаке как выражение знания о мире» [Колесов 2021: 24]. Аналитический метод В. В. Колесова основан на выделении в метатекстах предикатных характеристик концепта и их классификации по группам, каждая из которых содержит ответы на один из четырех вопросов и соотносится с составом концептуального квадрата:

- 1) Что это? — основа (концептум);
- 2) Как это проявляется? — условия (образ);
- 3) Почему это работает? — причины (понятие);
- 4) Зачем это создается? — цели (символ).

Рассмотрим в качестве примера концепты всё — ничто. Оба концепта представлены отдельными словарными статьями в «Словаре русской ментальности» [Колесов 2014] (далее — СРМ); репрезентирующие их лексемы имеют высокую частотность, по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) — 24 868 примеров.

В результате проведенного анализа противопоставленных концептов всё — ничто в составе семантической константы на основе определений СРМ было выяснено, что концепты противопоставляются по наличию или отсутствию всех объектов, причем как материального, так и идеального миров. Всё — целое, включающее в себя все вещи, явления, мысли и т. д. Ничто — полное отсутствие чего-либо, пустота. Причем всё и ничто тесно взаимосвязаны: из ничто может быть порождена суть явлений и вещей.

На втором этапе использовали метод В. В. Колесова для анализа антонимической пары на основании определений «Толкового словаря антонимов русского языка» [Львов 2021: 68]. Все константы всё — ничто в качестве инвариантного содержат общий смысл: Всё — это наличие кого-либо, чего-либо в полном объеме, безгранично и бесконечно, имеется целиком; ничто — это отсутствие кого-либо, чего-либо, полное отсутствие, абсолютно несущее.

С помощью семантических констант на основе определений СРМ и словаря антонимов мы наблюдаем по СРМ градуальное противопоставление (всё и ничто взаимосвязаны, между всё и ничто есть промежуточные состояния); по словарю антонимов — контрарное противопоставление (всё и ничто — два полярных состояния, промежуточных нет: или всё, или ничего). Мы можем отметить следующие категории:

- 1) противоположность количественных величин: всё — совокупность всех предметов, явлений, событий; ничто — отсутствие таковых;
- 2) противоположность по наличию: всё — наличие всего сущего, ничто — его отсутствие;
- 3) противоположность объема (только по СРМ): всё — совокупность всего в полном объеме, ничто — отрицание всей совокупности сущего.

Определим концептуальные признаки отношений противопоставленных концептов: Всё — Абстрактное местоимение; Наличие чего-либо; Совокупность всего существующего; Совокупность всего, в полном объеме; Целое, безграничное, бесконечное. Ничто — Абстрактное местоимение; Отсутствие чего-либо; Ни один предмет, ни одно явление, ни одно событие; Пустота, вакуум; Может осуществиться.

В отличие от пары концептов, описанной в СРМ, в словаре антонимов не раскрывается полная суть антонимичных лексем. В словаре антонимов всё и ничто объясняется через объекты только материального мира, в то время как мысли и идеи как бы «выпадают» из данных определений. СРМ дает более полные и интуитивно понятные определения, кроме того, в СРМ отражается взаимосвязь между концептами: из ничего происходит всё, всё превращается в ничто. Определения, представленные в словаре антонимов, на наш взгляд, слишком абстрактные и могут вызвать затруднения у студентов иностранцев.

Таким образом, использование концептуального метода анализа В. В. Колесова позволяет анализировать отношения противоположности более глубоко, раскрывая не только формальное лексическое значение антонимов, но и роль концептов в языковой среде, культуре, интерпретацию с точки зрения менталитета носителей языка. Однако это не означает, что студентам не следует использовать словари антонимов. Изучение концептов в сопоставлении с материалом словаря антонимов может привести к более полному и глубокому пониманию семантических аспектов языка, повышению точности и разнообразия в лексической работе, а также помочь студентам в дальнейшем при анализе текстов и исследованиях в различных областях, где важно учитывать семантические противопоставления.

Литература

- Колесов В. В.* Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.
- Львов М. Р.* Толковый словарь антонимов русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2021.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Левина Ирина Николаевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;

levina118@gmail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОСТАВА МОДЕЛЕЙ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ

Ключевые слова: изъяснительное предложение, учебная лексикография, идеография.

Единицами лексикографического описания «Учебного синтаксического словаря для иностранных студентов (модели изъяснительного предложения)», выступают, как и в базовом лексико-синтаксическом словаре [Ильенко, Левина 2007], модели изъяснительного предложения типа [БОЛТАТЬ], (ЧТО...) [разг.; [БОЛТАТЬ], (БУДТО...) [разг. Учет особенностей освоения языка иноязычными учащимися, тем не менее, определяет специфику учебных лексикографических изданий, в том числе формирует их структуру.

Алфавитное расположение словарных статей, позволяющее акцентировать словообразовательные связи лексических компонентов лексико-синтаксических моделей (ЛС-моделей), представляет значительную трудность для адресатов в поиске необходимой единицы в ситуации порождения речи. Это обуславливает необходимость идеографической (тематической) части словаря.

Представление информации в разделе, расположение материала которого было бы ориентировано на значение, сталкивается с рядом сложностей, связанных со следующими особенностями лексико-синтаксических моделей изъяснительного предложения.

Идеографическое представление ЛС-моделей осложняет морфологическое разнообразие контактного (опорного) слова (глагол, прилагательное, существительное, предикатив, а также фразеологизм или свободное сочетание слов): учитывая различия в значении частей речи, в больших словарях идеографического типа однокоренные слова представлены в разных лексико-семантических группах (ЛСГ). Так, например, [БОЛТАТЬ], (БУДТО...) [разг. и [БОЛТОВНЯ], (БУДТО...) [разг.: первая модель включает в качестве контактного слова глагол «болтать», который, по типологии словарей под ред. Л. Г. Бабенко, входит в лексико-семантические группы «Речевой деятельности»: 1.7.1. Глаголы характеризующей речевой деятельности; 1.7.2. Глаголы речевого сообщения; 1.7.3. Глаголы речевого общения» [Большой толковый словарь русских глаголов 2007]; вторая модель включает однокоренное существительное «болтовня», которое входит в группу «6.7. Существительные, обозначающие текст» [Большой толковый словарь русских существительных 2008].

Эту тенденцию поддерживает ориентация модели на отдельные значения слова: лексико-семантические варианты, как правило, входят в разные лексико-семантические группы. Сравним, например, модели, включающие лексико-семантические варианты 1) «вообразить» в значении 'представлять, воспроизводить кого-, что-л в мыслях, в фантазии': [ВООБРАЗИТЬ1], (БУДТО...) Ему достаточно лишь вообразить, будто кладет левую руку на край горячей плиты, а в правую зажимает кусок льда, и температура одной руки повышается, а другой понижается сразу на два-три градуса! (Г. Голубев), — и 2) «вообразить» в значении 'ошибочно считать, полагать': [ВООБРАЗИТЬ2], (БУДТО...) Было бы нелепо вообразить, будто математик меньше любит число, чем филолог — слово, или, лучше сказать, будто число требует меньшей любви, нежели слово. (С. С. Аверинцев). В «Большом толковом словаре русских глаголов», где отмечается только одно, соответствующее второму, значение, он входит в группу «1.6.7. Глаголы воображения и предположения». В «Русском семантическом словаре» в первом значении — в ЛСГ «175. Собственно мысль», а во втором — в ЛСГ группу «178. Неуверенное представление, вымысел, измышление».

При распределении моделей, большую трудность представляет явление изосемизма (изосемантизма), возникающего как следствие сложной структуры лексико-синтаксической мо-

дели изъяснительного предложения: речь идет, например, о значениях 'неточное восприятие', 'неточность воспроизведения', 'неполная достоверность'. Для экспликации данной семантики лексемы достаточно — об этом, в частности, свидетельствует возможность замены модели с союзом будто [ВООБРАЗИТЬ₂], (БУДТО...) моделью с союзом что, функционирующих как синонимичные; см. в следующем примере: Мы можем вообразить, будто мы гостеприимны, дружелюбны, щедры, мы даже можем вообразить, что мы мудры, что у нас есть такое знание жизни, которым мы можем щедро поделиться, — и все может оказаться просто сплошной иллюзией (митрополит Антоний (Блум)). Однако значение 'недостоверность информации' может вводиться и придаточной частью предложения, присоединяемой союзами будто, якобы и т.п. в моделях, где опорное слово такой семантики не несет; сравните: Здешние газеты отмечают слух, будто Рузвельт взял на себя мирное посредничество и добавляют, будто Россия склонна вместо контрибуции, уступить южную часть Сахалина. («Русское слово», 1905)

Фактором, усугубляющим названные проблемы, оказывается количественный: так, лексические минимумы 2 сертификационного уровня обуславливают включение в словарь около 300 моделей, что приводит к невозможности последовательного использования классификаций ЛСГ, предлагаемых идеографическими словарями, делая членение неоправданно дробным.

Все вышеназванные причины объясняют необходимость использования принципа естественной классификации.

Литература

- Ильенко С. Г., Левина И. Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: модели сложноподчиненного предложения. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 440 с.
- Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 4. Глагол. М.: Азбуковник: Ин-т рус. яз. РАН, 2007. 922 с.
- Большой толковый словарь русских глаголов: свыше 10 000 глаголов: идеографическое описание, синонимы, антонимы, английские эквиваленты / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга, 2007. 576 с.
- Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание, синонимы, антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. 2-е изд. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008. 864 с.

Лекарева Ирина Николаевна¹, Орлова Галина Викторовна²

¹канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного,
Кубанский государственный университет; ilekareva@yandex.ru

²канд. филол. наук, доцент, кафедра межкультурной коммуникации,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
gala61@list.ru

СИНОНИМЫ И ПАРОНИМЫ В УЧЕБНО-НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ

Ключевые слова: синонимы, паронимы, научный стиль, РКИ.

Курс научного стиля речи для иностранных обучающихся в российских университетах обычно преподается на этапе довузовской подготовки, чтобы обеспечить будущим студентам понимание научно-учебных текстов во время занятий по специальности. В курсе русского языка закладываются основные языковые умения и навыки, которые будут необходимы иностранным обучающимся в дальнейшей учёбе. В это время начинается комплексное обучение аспектам языка и взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности с целью формирования у иностранных студентов коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной, бытовой и социокультурной сферах общения. Профессиональная направленность в формировании коммуникативных навыков студентов реализуется в том числе и при изучении научного стиля речи. Обращение к языку специальности позволяет студентам понимать тексты, связанные с их будущей профессией, логически выстраивать высказывания и оформлять их средствами русского языка, что является одним из важнейших навыков.

Однако существует проблема серьезного несоответствия состава лексических минимумов уровней подготовительного этапа (это А2 или В1) и словарного состава тех учебных текстов, которые предлагаются в пособиях по научному стилю речи. Мы обратили внимание на наличие в учебных текстах по научному стилю достаточно большого количества синонимов и паронимов — лексических единиц, которые изучаются на более высоких уровнях владения русским языком ввиду значительной сложности их семантического и стилистического разграничения, причем не только иностранными обучающимися, но и носителями русского языка. Синонимы и паронимы на начальном этапе обучения РКИ включаются в языковой материал в ограниченном количестве, больше внимания им уделяется на продвинутом этапе. Изучение паронимов и синонимов в аспекте РКИ, несомненно, представляет интерес с позиции лингводидактики, когда описание языка производится с учетом потребностей и задач обучения языку. В то же время явление синонимии — одно из самых распространённых явлений в русском языке. Синонимы делают речь выразительной, яркой, образной, позволяют избежать лишних повторений, делают речь адресной, стилистически и коммуникативно окрашенной. При изучении синонимии необходимо использовать разнообразные средства, часть из которых предложена в различных практических пособиях по русскому языку [3]. К сожалению, в учебных пособиях по научному стилю встречаются неудачные примеры семантизации, и это создает трудности для понимания лексического материала. Например, для дифференциации синонимов предлагается объяснение незначительной разницы в их значениях, а потом даются примеры использования этих слов в одних и тех же контекстах и ситуациях, никак не маркирующих названные различия. Поэтому мы видим необходимость создания специального толкового словаря синонимов и паронимов, использующихся в учебно-научных текстах для начального этапа обучения РКИ. Ключевыми факторами, которые определяют отбор русской лексики для ее последующего объединения в так называемые «лексико-методические группы (ЛМГ)» исследователями называются цели обучения, учет специфики лексического материала, а также родного языка обучающихся [Зиновьева и др. 2015: 99]. В связи с последним можно отметить, что трудности понимания разницы близких по семантике слов могут обусловлены также особенностями перевода. Например, однокоренным словам в русском языке соответствуют иностранные слова с разными

корнями. Если их представлять не парами межъязыковых эквивалентов, изолированно, а как лексико-словообразовательные парадигмы, то это также добавляет сложности для восприятия и запоминания. Сравним, например, лексемы общество, общественность, сообщество, которые переводятся на английский язык как *society, public, community*. Неизбежно в учебных текстах по научному стилю могут встречаться довольно большие ряды синонимов типа: черта, свойство, качество, характеристика, особенность. Если предложить русскому студенту объяснить, в чем состоит разница между этими словами, то он обратится за помощью к словарю. Однако мы знаем, что, скорее всего, это будет словарь онлайн и не обязательно академический. С учетом того, что умение систематизировать в рамках понятийного мышления является не самой сильной стороной современных молодых людей, можно предположить, что вместо внесения ясности, возникнет еще больше семантических сложностей.

Литература

- Зиновьева Е. И.* Лексикология: учеб. пособие / Е. И. Зиновьева, С. В. Кириченко, Ю. А. Кузнецов и др.; под ред. Е. И. Зиновьевой. М.: Флинта: Наука, 2006. 232 с.
- Иванова Д. А.* Русские паронимы в иноязычной аудитории на довузовском этапе подготовки // Языки России и ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение. Материалы III Международной научно-практической конференции, Казань, 19–21 ноября 2021 г. Казань: Казанский (При-волжский) федеральный университет, 2014. С. 142–144.
- Степанова И. С.* Русский язык. Практикум по научному стилю. СПб., 2020. 168 с.

Любимова Нина Александровна¹, Ходченкова Мария Эдуардовна²

¹д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
nina-lubimova@yandex.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет;
hodchenkovamaria@gmail.com

ИНТОНАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЭМОЦИИ ВОЗМУЩЕНИЕ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: эмотивная интонация, эмоция возмущения, интонационное оформление эмоции.

Интонация осознаётся носителями языка прежде всего как явление звучащее, реализуемое в речи комплексом акустических параметров. В устной речи комбинации компонентов интонации в непосредственном взаимодействии со средствами всех уровней языка формируют прагматическую структуру текста и в процессе коммуникации воспринимаются как единое целое, как и информация, заложенная в звучащий акустико-артикуляционный облик такого высказывания. Так же, как устный текст не может не оформляться интонацией, письменный текст не может не «озвучиваться» во внутренней речи реципиента, так как он — фиксация речи. Наряду с лексико-грамматическими средствами языка интонация ответственна за передачу интеллектуальной информации и различных стилистических и экспрессивных оттенков речи, она является одним из ключевых компонентов в оформлении эмоций.

Эмоция возмущения — вторичная, как следствие, сложная и мало изученная в лингвистике. Будучи вторичной, эмоция возмущения основывается на двух первичных эмоциях — удивлении и гневе, в связи с чем в научной литературе часто сводится к последней [Plutchik, Kellerman 1980: 118]. Тем не менее, это целостная и дискретная естественная психологическая реакция индивида, получающая специфичное языковое выражение. Лексически и грамматически эмоция возмущения в современном русском литературном языке может вводиться при помощи эмоциональных междометий, синтаксических структур, которые эксплицитно называют эмоцию (я возмущаюсь и т. п.), или таких контекстуальных конструкций, которые вводятся глаголами со значением эмоции возмущения (возмущаться/ возмутиться и их синонимами). При оформлении высказывания с иллюзией возмущения лексико-грамматические средства находятся в тесном взаимодействии с интонационными параметрами, отражающими нужную иллюкативную силу.

На материале, источником которого послужили цитаты из произведений русской художественной литературы последнего десятилетия, отобранные методом направленной выборки из Национального корпуса русского языка, было проведено исследование, целью которого являлось изучение того, как носители современного русского литературного языка оформляют эмоцию возмущения в речи. Были отобраны эмоциональные высказывания, в которых присутствует указание на эмоцию возмущения в виде лексических маркеров в авторских ремарках (— Ну не наглость, а? — возмущалась Ольга Петровна). Структуры примеров, в которых изначально был дан обратный порядок слов, и/или которые содержали восклицание были преобразованы в нейтральные высказывания (— Это как называется?! → — Как это называется?). Эмоциональные и нейтральные реализации были сопоставлены в ходе слухового фонетического анализа и компьютерной обработки данных. В результате выяснились параметры, оформляющие интонацию эмоции возмущения в речи носителей русского языка. Наиболее значимыми при оформлении эмоции возмущения являются изменения параметров частоты основного тона (далее — ЧОТ) и длительности ударных гласных слова-акцента, а также последнего слова высказывания. Темп речи к концу синтагмы в эмоциональных реализациях значительно повышается, хотя длительность произнесения ударного гласного акцентного слова, наоборот, понижается. Максимумы ЧОТ в словах-акцентах в эмоциональных реализациях часто намного превышают средние значения нейтральных высказываний (верхняя граница ЧОТ в нейтраль-

ных реализациях не превышает 300 Гц, тогда как в эмоциональных составляет более 500 Гц). Несмотря на повышение значений интенсивности в эмоциональных реализациях в сравнении с нейтральными данный показатель остаётся практически неизменным.

На интонационное оформление эмоции возмущения значительно влияет порядок слов, наличие частиц, а также стилистическое оформление высказывания. Оказалось, что нейтральные примеры имеют более длительное воспроизведение, и в большинстве имеют только один пик как интенсивности, так и ЧОТ. В то же время в эмоциональных реализациях появляется два и более слов-акцентов, а длительность произнесения высказывания уменьшается (— Ну что ты за человек такой?! ср. — Что ты за человек такой?). Те высказывания, которые не могли быть преобразованы в абсолютно нейтральные в связи со знаменательным характером слов, имеющих стилистически эмоциональную/другую окраску, характеризуются повышением показателей интенсивности и ЧОТ даже в нейтральных реализациях, а темп произнесения ударной гласной слова-акцента в таких реализациях, наоборот, имеет тенденцию к убыстрению (— Сколько можно жить в этом богом забытом городишке?).

Частицы (чаще всего усилительные) также становятся важной составляющей, напрямую влияющей на эмотивное интонационное оформление анализируемых высказываний. Часто они становятся одним из максимумов интенсивности, реже — ЧОТ (во многих случаях частицы — второй по величине пик ЧОТ). Длительность ударной гласной частиц не демонстрирует каких-либо характерных для них особенностей (— Ну разве так можно!).

В ходе исследования была замечена тенденция к увеличению показателей ЧОТ и в то же время к снижению параметров интенсивности при относительно средней длительности усилительных частиц в препозиции перед словом-акцентом (— И хоть бы кто-нибудь принёс хорошую книгу!). Проанализированные высказывания также показали, что в реализациях с эмоцией возмущения вторым словом-акцентом часто становятся имена или субъекты реализации (— Да мало ли что Вера говорит!). Однако это требует более детального исследования.

Кроме того, нельзя сделать вывод о том, что акустические параметры эмоциональных высказываний напрямую зависят от гендерной принадлежности: параметры скорее зависят от темперамента и/или других психологических показателей.

Таким образом, у носителей русского языка вариативность интонационного оформления эмоции возмущения обусловлена индивидуальным и смысловым выражением эмоции, проявляясь в тесном взаимодействии лексико-грамматических и интонационных средств.

Литература

Plutchik R. A general psychoevolutionary theory of emotion // R. Plutchik & H. Kellerman (eds). *Emotion: Theory, research and experience, Theories of emotion*. New York: Academic Press, 1980. Vol. 1. P. 3–33.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Сюй Яо

аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет;
yuyao@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕПРИЯТНОГО СОБЕСЕДНИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕГО РЕЧИ: ИТОГИ АНКЕТИРОВАНИЯ

Ключевые слова: признаки речи, опрос, отношение к собеседнику, вербализация.

Характеризуя речь, Поль Л. Сопер писал, что это не есть лишь «ряд звуков, который выражает мимолетные наблюдения и настроения». Речь, по его мнению, — это человек в целом. «Каждое высказывание и фактически и в сознании воспринимающего ее представляет собой мгновенное раскрытие всего опыта и характера, намерений и чувств человека» [Сопер 1999]. В речи проявляется живость мысли, воспитание, нрав и характер говорящего, его отношение к людям и т. д.

Об отношении к вольным или невольным участникам коммуникации, проявляющемся в речи, пишут и различные теоретики коммуникации. Один из таких авторов — Эрик Леннард Берн, создатель транзактного анализа. Он утверждает, что роли, которые люди берут на себя в процессе общения, могут отражать их отношения и характер взаимодействия [Берн 2022: 118].

Желая уточнить, чем руководствуются участники диалога и коммуникации в целом в оценке собеседника, какие именно свойства говорящих вызывают наибольшие нарекания и производят отрицательное впечатление, мы провели небольшой эксперимент. Он состоял в опросе 61 респондента (это люди с высшим образованием), от которых требовалось дать ответ на следующий вопрос: «Какого собеседника вы можете охарактеризовать следующим образом: «С ним неприятно общаться, он говорит...».

В результате опроса нами получен довольно значительный перечень ответов, демонстрирующих, с одной стороны, сочетаемость глагола *говорить*, а с другой — широкий спектр признаков как самого субъекта речи и его манеры говорить, так и неприемлемого для других содержания речевого высказывания.

Полученные ответы настолько разнообразны, что здесь напрашивается их разделение на несколько разрядов — в зависимости от того, что именно вызывает негативную оценку реципиентов речи. В данном докладе мы сосредоточим свое внимание на ответах, номинирующих признаки речевого поведения, в которых проявляется отношение говорящего к другим участникам коммуникации.

Итак, значительный разряд составляют ответы респондентов, объединяемые признаком «**отношение к собеседнику**». На неприемлемость отношения субъекта речи к адресату указывают некоторые прямые ответы: «не слушаю собеседника», «не умеет слушать» и др. (3), «вовсе не думает о собеседнике», «не заботясь, важны ли его слова для собеседника», «эгоистически» (3)*, т. е. отчасти **игнорирует человека как собеседника**, тем самым исключая, по сути, возможность коммуникации. В общей сложности эти ответы составляют 13.56 % от количества полученных ответов.

Человека, не умеющего корректно строить коммуникацию, — некультурного либо осознанно **проявляющего неприязнь, враждебность, неуважение**, отражающиеся в выборе языковых средств и построении речи [Хмара 2021: 110], характеризуют такие признаки: он говорит **агрессивно** (5), **нагло** (2), **по-хамски, резко, матерясь, нецензурные слова, оскорбительным тоном, с наездом, неуважительно, без уважения к собеседнику, вызывающе, бестактно, беспардонно** (по 1) — т. е. проявляя неуважение к другим участникам речевой ситуации — эти ответы составили 35.59 %.

* Здесь и далее в скобках указывается количество полученных от респондентов ответов.

В большинстве культур в рамках сложившейся традиции **перебивать собеседника** не принято — это нарушение норм коммуникативного этикета. Не случайно респондентами отмечены такие признаки, как «не давая возможности ответить», «не дает вставить слова», «перебивая собеседника» — 8.47 %.

Высокая самооценка говорящего субъекта и заведомое **занижение достоинств других** участников коммуникации характеризуется такими признаками речи, как *высокомерно, высокока, надменно, напыщенно, самоуверенно, как сноб, пренебрежительно* (18.64 %), указывающими на то, что коммуникация ведется не на равных.

В диалогической речи, каковой чаще всего является общение, весьма важны принципы **вежливости** и кооперации, соблюдение которых предполагает учет мнения и интересов собеседника и исключает проявление **категоричности** и **безапелляционности** — это своего рода «запрещенное оружие». Ср. ответы респондентов *не поддерживает разговор, (говорит) сквозь зубы* (т. е. ‘как бы нехотя, через силу’), *не смотрит в глаза, говорит не смотря на собеседника, постоянно на что-то отвлекаясь, постоянно на другие темы* — все это, безусловно, **проявления невежливости** (11.86 %). Названные признаки коммуникации не способствуют ее эффективности.

Интересны краткие и подробные комментарии неприемлемой позиции субъекта, уверенного в своей правоте и не оставляющего никаких шансов оказаться правым другому. Здесь обнаружены следующие характеристики: *авторитарно, назидательно, язвительно, категорично, знает, как Вам надо жить и что делать*» (8.47 %), говорящие о попытке подавления других, подчинение их своей воле.

Безэмоциональное общение со стороны одного из участников коммуникации может быть и знаком отсутствия у него интереса как к теме разговора, так и к другим говорящим; ср.: *не улыбается, отстранённо, неэмоционально* (5.08 %).

Таким образом, негативное представление об участнике коммуникации складывается, судя по ответам респондентов, во многом из проявлений его отношения к другим. В первую очередь порицаются проявления эгоизма, высокомерия, пренебрежительного отношения. Весьма важной считается корректность ведения коммуникации, предполагающей отсутствие неприязненного отношения, проявление уважения, вежливости, терпимости, доброжелательности.

Литература

- Берн Э. Л. Игры, в которые играют люди. М.: Эксмо, 2022. 288 с.
- Сопер П. Л. Основы искусства речи. Книга о науке убеждать. М.: Феникс, 1999. 448 с.
- Хмара Р. Ю. Речевые формы агрессии: лексико-семантический и стилистический аспекты (на материале аудиозаписей) // Политическая лингвистика. 2021. № 4 (88). С. 108–115.

У Маньхуа

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет;

wumanhua@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИНОНИМОВ ЗНАТОК И ДОКА

Ключевые слова: синонимы, семантика, функционирование.

Как справедливо отмечает И. П. Слесарева, «абсолютные синонимы в языке чрезвычайно редки, поэтому при обучении русскому языку как иностранному правомерно говорить о синонимизации слов в определённых синтагматических условиях. В связи с этим понятие синоним используется с некоторыми оговорками как рабочее определение. Если не сделать подобных оговорок, возникает база для неправильных представлений, отражающихся в речи учащихся: квалификация слов как синонимов автоматически приводит к их замене в речи, что далеко не всегда правильно» [Слесарева 2010: 62]. Поэтому в аспекте РКИ актуально изучение синонимов.

На наш взгляд, важно изучать номинации человека по обладанию знаниями потому, что они частотны в русской разговорной речи, но трудны для восприятия и корректного употребления иностранными учащимися в силу близости семантики при одновременном наличии имплицитных дифференциальных сем, различий в эмоционально-оценочных коннотациях, а также сферах употребления. Рассмотрим сходства и различия в функционально-семантических характеристиках синонимов знаток и дока.

Сходствами рассматриваемых синонимов являются следующие:

1. Знаток и дока — это человек, сведущий в определённой области.
2. Оба существительных обладают сходной сочетаемостью. Например, знаток в чём, дока в чём, знаток по части чего, дока по части чего, какой знаток и какой дока.
3. Эти синонимы имеют положительную оценку и употребляются по отношению к взрослым.

Различия между ними сводятся к следующим:

1. Вопрос о происхождении слова дока остаётся спорным, но можно утверждать, что оно не является недавно заимствованным. А слово знаток — исконно русское.

2. Слово дока носит просторечную или разговорную стилистическую характеристику, существительное знаток является стилистически нейтральным. Кроме того, слово знаток — более употребительное.

3. Несмотря на наличие общей сочетаемости, типичной синтаксической конструкцией употребления существительного дока является дока в чём, а для слова знаток — знаток чего. Кроме того, дока в основном сочетается с прилагательными большой и настоящий, знаток может сочетаться с большим количеством прилагательных, например, большой, настоящий, хороший, лучший, известный, замечательный, выдающийся и т. д.

4. Дока входит в такое устойчивое выражение, как дока в своём деле. Следует отметить, что выражение дока своего дела практически не отражено в контекстах Национального корпуса русского языка. Однако отмечаются словосочетания знаток своего дела и знаток в своём деле.

5. В широких контекстах слово дока может носить иронический характер, подчёркивая хитрость человека. Например, «Хозяин наш с тобой — хитрый дока, все верно рассчитал» [Петр Галицкий. Цена Шагала (2000)]; «Спасти Баттона могла бы хитрая тактика, по части которой Росс Браун — настоящий дока» [Мысин Н. «Песни немцев» на «Сильверстоуне» // Советский спорт, 22.06.2009]. А слово знаток приобретает ироническую окраску в составе словосочетания с видом знатока. Например, «В чью пользу было такое сравнение, наверное, понятно каждому. — Разная оплата труда, — с видом знатока заключил один из нас, — и налицо — разное его

качество... Такой вывод, как говорится, лежал на поверхности» [Леонид Богданов. Воспоминания о Германии (1998) // «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 11.07.1998]; «— Позавчера голова болела, — в перерыве между закусками и горячим сообщила тётя Даша тёте Нине. — А у меня сердце ныло — аж вздохнуть было трудно... — подхватила та. — Магнитная буря опять бушевала, — с видом знатока вступила в разговор Алевтина Викторовна. — Леонида Станиславовна, а у вас никаких проблем со здоровьем нет? Леонида Станиславовна пожала плечами. — Нет у нее никаких проблем! — радостно захохотал дядя Митя» [Татьяна Тронева. Никогда не говори «навсегда» (2004)].

6. Слово *дока* применяется к разным сферам деятельности, даже к криминальной. Например, «А уж Лев Наумович был тот ещё *дока* в криминальном бизнесе, ничем не брезговал» [Ирина Павская. «Джоконда» Мценского уезда (2006)]. *Дока* обладает в основном практическими навыками: «И вот пишет, что, по его мнению (а он в этом деле *дока*, сам издает тридцать журналов), «Знание — сила» — один из лучших из всех известных ему такого рода журналов» [Галина Бельская. Наша маленькая странность // «Знание — сила», 2006]; «Первый вице-президент АИПС француз Алан Лутценфихтер — настоящий *дока* в сложных олимпийских переплетениях» [Долгополов Николай. МОК МЕНЯЕТ ОБЛИК // Труд-7, 17.05.2000].

7. Существительное *знаток* преимущественно применяется к области теоретических знаний и искусства. Например, «С её высочеством принцессой Таиланда: её высочество, профессор, доктор наук, знаток и покровитель искусств, особенно музыки — как известно, большая поклонница незабываемого голоса Леона Этингера» [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]; «Это был необычайно разносторонний человек — философ, знаток античности, литератор, астроном» [Стамбул (2011)].

Таким образом, синонимы *знаток* и *дока* имеют схожую семантику и сочетаемость, но различаются по стилистической принадлежности и нюансам употребления. Выбор между этими словами определяется интенцией говорящего и ситуацией общения.

Литература

Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru

Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 176 с.

Чай Минь

аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st112058@student.spbu.ru

ГЛАГОЛЫ С СЕМАНТИКОЙ 'СОЧИНИТЕЛЬСТВО' В ПОЭТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: РЕГУЛЯРНЫЕ И НЕРЕГУЛЯРНЫЕ СМЫСЛЫ

Ключевые слова: поэзия Серебряного века, регулярные и нерегулярные смыслы, лексический аспект, семантика «сочинительство».

Исследование семантики лексических элементов стихотворения представляет бесспорный интерес, так как раскрывает механизмы формирования смыслов стихотворных строк. Р. Г. Кадимов называет словарный состав поэтического текста его «семантической картой», для расшифровки которой необходим анализ лексических и грамматических значений входящих в текст единиц [Кадимов 2012: 60]. Особую важность приобретает изучение лексики, участвующей в вербализации семантики творческой деятельности и отражающей позицию автора по отношению к собственной работе.

Русская поэзия XX в. характеризуется разнообразием форм и направлений. Особенно интересны первые десятилетия XX в. — период, называемый «Серебряным веком» и отмеченный существенными переменами в русской поэзии: параллельным развитием новых поэтических школ, повышением значимости личностного начала и творческой индивидуальности [Юсуфов, Джавадова 2018: 58]. Все это делает созданные в обозначенный период произведения особенно интересными для изучения.

Настоящее исследование посвящено изучению регулярных и нерегулярных смыслов русских глаголов с семантикой «сочинительство» в поэтическом контексте. Глаголы данной группы выделены нами как значимый сектор лексики, вербализующей представления о творческой деятельности. Нас интересует, принадлежит ли рассматриваемый смысл языковой единице на уровне словаря или «присваивается» ей автором в данном контексте, т. е. не является регулярным.

Не вызывает сомнений, что семантический центр поля, формируемого глаголами с семантикой «сочинительство», представлен глаголом сочинять/сочинить. Согласно «Большому толковому словарю русских глаголов», глагол сочинять в качестве основного своего значения включает следующее: Сочинять — 'Создавать какое-л. художественное произведение (литературное или музыкальное) с помощью воображения в результате напряженного творческого поиска, находя подходящие варианты, пытаюсь наиболее полно отразить в художественной форме задуманную тему и идею' [БТСРГ 2007: 229]. На наш взгляд, ключевыми в определении являются слова воображение и творческий поиск, указывающие на способ создания произведения. В качестве синонимов словарь приводит глаголы «выдумывать, писать, складывать (стихи)». «Русский семантический словарь» указывает на связь глагола сочинять с областью творчества, «занятий искусствами» — литературной и музыкальной деятельностью [РСС. 4: 654].

В поэтических произведениях первой трети XX в. широко представлены контексты с использованием глагола сочинять, эксплицитно и вполне нейтрально выражающего семантику создания произведения. Приведем для примера строки С. Есенина, где поэт обращается к самому себе, обозначая свою творческую деятельность глаголом сочиняешь:

*Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне? [«Сочинитель бедный, это ты ли...» (1925)].*

Эксплицитно эту семантику выражает и синонимичный глагол писать (ср. в [РСС]: 'сочинять литературное, научное, публицистическое произведение' [РСС. 4: 655]) и его производные. Например:

*Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил*

[С. Есенин «Заметался пожар голубой» (1923)]. Интересные данные представлены в «Русском ассоциативном словаре», показавшем, что слово стихи стало наиболее частотной реакцией на глагол писать, а не на глагол сочинять.

Для А. Ахматовой важным оказывается факт запечатления строк на бумаге, связанный с преодолением себя, не смевшей ранее сказать нужные и важные слова адресату, своему собеседнику по переписке.

*Я написала слова,
Что долго сказать не смела*
[«Я написала слова» (1910)].

Для глагола слагать ь/ сложить [РСС] отмечает семантику ‘сочинить, придумать (обычно о произведении народного творчества)’, однако в стихах К. Д. Бальмонта глагол приобретает возвышенное звучание, поддерживаемое контекстным окружением — разговором о вечном:

*Ходит ветер. Холит вьюгу.
Льды хрустят. Но
Вышний воздух тих.
Я считаю годы и минуты
И звезде слагаю мерный стих*
[«Поединок» (1922)].

Интересно восприятие стихотворческой деятельности, номинируемой глаголом слагать, у З. Н. Гиппиус: в таком виде она кажется поэту обиденной и противопоставляется ей другой возможности — «ранить», «жечь», «впиваться», «будить душу сонную». Т. е. не поэтический, словесный, а «бессловный» способ может оказаться более действенным.

*Стихов слагать не буду...
О, мне иное жало бы!
Пчелиного больнее,
Змеиного колючее*
[«Святое» (1905)].

Если названные глаголы сочинять, писать, слагать благодаря своей семантике призваны сочетаться с лексемами стихи, песни, слова и проч., что подтверждается многочисленными контекстами, то глагол работать не подразумевает творческой деятельности в своем прямом смысле. Ср.:

*Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и прямо.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно*
[А. А. Блок «Поэты» (1908)].

В этом стихотворении А. А. Блок описывает будни современных ему поэтов. Для обозначения творческого процесса он использует глагол работали. Выбранная лексема с некоторым «ремесленным» смыслом приравнивает творчество, сочинительство к повседневному нелегкому труду.

Спектр глаголов, обретающих по воле поэта контекстуальный смысл ‘сочинять, творить’, безусловно, шире и разнообразнее, что и будет нами показано в нашем докладе.

Литература

- Бабенко Л. Г.* Большой толковый словарь русских глаголов. М.: АСТ-Пресс Книга, 2007. С. 229.
- Кадимов Р. Г.* Язык стихотворного текста и поэтическая семантика // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (20). С. 60–64.
- Шведова Н. Ю.* Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 4. М.: РАН. Ин-т рус. яз., 2007. С. 654.
- Юсуфов М. Г., Джавадова Л. Д.* Поэзия серебряного века (к теории вопроса) // Вестник Социально-педагогического института. 2018. № 1 (25). С. 57–67.

Чжан Сяоянь

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет;

st084360@student.spbu.ru

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ СОВЕТА И ПРОСЬБЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ)

Ключевые слова: теория речевого акта, совет, просьба, повелительное наклонение, современная драматургия.

Согласно теории Дж. Серля, можно выделить пять основных классов речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации [Серль 1986: 170]. К директивам, по мнению Дж. Серля, относятся просьбы, советы, запреты, инструкции, призывы и другие виды побудительных речевых актов [Серль 1986: 186]. Речевые акты совета и просьбы как подгруппы директивов часто используются в повседневной жизни.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова дается следующее определение понятия совет: «мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, что сделать; наставление, указание». Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова характеризует совет как «наставление, указание как поступить в том или ином случае».

Далее рассмотрим речевой акт просьбы. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова под просьбой понимается «обращение к кому-нибудь, склоняющее кого-нибудь удовлетворить какие-нибудь нужды, исполнить какое-нибудь желание того, кто просит». В «Толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова просьба рассматривается как: обращение к кому-н., призывающее удовлетворить какие-н. нужды, желания.

Проанализировав толкование исследуемых лексических единиц и изучив реализацию речевых актов в контекстах, мы можем утверждать, что между речевыми актами совета и просьбы есть дифференцирующие признаки: иерархические отношения, бенефициар, право на отказ, последствия отказа от исполнения и т. д. Сравнение дифференцирующих признаков речевого акта совета и просьбы можно проиллюстрировать с помощью таблицы следующим образом:

Г = Говорящий; С = Слушающий

Что касается выражения совета и просьбы, отметим, что они могут быть выражены одной грамматической формой — повелительное наклонение. В грамматике русского языка 1980 говорится, что категориальным значением повелительного наклонения является значение побуждения, т. е. представление действия как требуемого, к которому побуждает кого-л. говорящий: дай, уйди, ответь, приезжай [Грамматика русского языка 1980: 618].

Форма 1-го лица повелительного наклонения, а также форма 1-го лица повелительного наклонения «давай (те)» + инфинитив глагола НСВ, форма 1-го лица повелительного наклонения «давай (те)» + инфинитив глагола СВ будущего времени множественного числа первого лица или СВ множественного числа первого лица используются для указания на то, что говорящий советует двум сторонам работать вместе, чтобы достичь чего-то. Например:

1. Витя: ...Нина бледно усмехается. Нин, пойдем домой! Сейчас по телевизору будут мультки.
Нина: Не хочу я твои мультки. [Л. С. Петрушевская «Уроки музыки»]

Форма 2-го лица повелительного наклонения выражает совет, обычно, когда действие совершается адресатом самостоятельно. Глаголы НСВ в повелительном наклонении в форме 2-го лица употребляются, когда говорящий советует слушающему начать или выполнить действие, продолжить прерванное действие или подчеркнуть способ действия; повелительное наклонение в форме глагола СВ второго лица употребляется, когда говорящий советует слушающему выполнить конкретное действие или подчеркнуть результат действия. Например:

2. Каля: Остался, остался.

Старуха: Жив? Может, выправится. Приезжай к нам, Димочка. У нас хорошо. Речка. Угольный бассейн. Шахты вокруг, куда ни кинь. [Л. С. Петрушевская «Я болею за Швецию»]

3. Судьба: Да. Сколько тебе отвалили?

Бомж: Неважно. Свои лучше считай.

Судьба: Продал сердце, печень, почки, селезенку, что еще? [П. Н. Пряжко «Производство бреда»]

Отметим, что сравнительная степень «лучше» часто употребляется вместе с формой повелительного наклонения, чтобы подчеркнуть значимость совета.

Не + повелительное наклонение второго лица НСВ глагола используется для того, чтобы посоветовать адресату не делать чего-либо. Например:

4. Клавдия:.... Верно, Коля? Выпьем давай.

Дядя Митя: Да ешь, не слушай их. И не пей. Я вот тоже не пью, а только ем, нас с тобой будет двое. Чаю выпьем. [Л. С. Петрушевская «Уроки музыки»]

Что касается речевого акта просьбы, повелительное наклонение глаголов СВ во втором лице может использоваться в ситуациях официального или неофициального общения и выражает вежливую просьбу. По нашим наблюдениям, иногда в высказывании могут быть добавлены формулы вежливости: будь(-те) добр (-а, -ы), будь(-те) любезен (-зна, -зны), извините, и др. Например:

5. Ира: Вот и хорошо.

Мария Филипповна (звонит): ... Будьте добры, передайте завтра Кондрашковой, что тревога отменяется, я собиралась искать своих детей, они у меня потерялись....

[Л. С. Петрушевская «Три девушки в голубом»]

Кроме этого, частица «пожалуйста» часто используется вместе с побудительным наклонением глаголов в форме второго лица и выражает вежливую просьбу. Значение частицы равно значению выражения — прошу тебя (вас). Некоторые считают частицу пожалуйста стандартным образцом для выражения просьбы.

6. Надя: Мне 70 лет. Ты даже представить себе не можешь, как я устала быть старой, и как сильно я хочу жить. Дедушка Мороз, пожалуйста, ты же вечный, поделись секретом...

Миша (стучит по наушнику): Кажись, реклама пошла! [П. Н. Пряжко «Афродита Дубовик»]

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что совет и просьба представляют собой разные речевые акты, отражают различные коммуникативные установки говорящего. Они выражают побуждение, но по-разному интерпретируют его в зависимости от таких элементов, как иерархические отношения, бенефициар, право на отказ, последствия отказа от исполнения и т. д. Способы выражения формы повелительного наклонения анализируемых речевых актов связаны с использованием определенных лексических средств или частиц.

Литература

Грамматика русского языка. М., 1980. С. 618–625.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986. С. 170–194.

Чжан Яньцю

канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка,
Пекинский педагогический университет (Пекин, КНР);
yanqiu.zhang@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ СОН

Ключевые слова: паремии, лингвокультурология, сон.

С опорой на алгоритм анализа паремий, выдвинутый профессором Е. И. Зиновьевой, в данной статье мы описали основные установки культуры, которые репрезентируют пословицы о сне, осуществили интерпретационный анализ их значений в русском и китайском языках. В результате на основе анализа материала сделан вывод о национально-культурном колорите русских и китайских пословиц с компонентом сон.

1. Общая семантика в пословицах с компонентом сон в русском и китайском языках

Анализ материала выявил только одну общую социокультурную установку в русских и китайских паремиях, согласно которой сон является отражением наших мыслей и желаний. Ее вербализуют 3 русские пословицы (Что кто думает, то и во сне видит, Доброе и во сне хорошо, Беспечному сон сладок) и 3 китайские (梦是心头想 / Сон — это то, о чём мы думаем в душе, 梦由人作 / Сны создаются человеком, 日有所思, 夜有所梦 / Что наяву бредится, то и во сне грезится).

2. Семантическая специфика русских пословиц с компонентом сон

Другие пословицы выражают разные для двух культур установки. В русских паремиях с компонентом сон выражены следующие лакунарные относительно китайского языка идеи:

- (1) Сон — время, когда человек не работает, бездельничает и, следовательно, не создает никакого продукта труда, сон — возможность ничего не делать, лениться: Сон — что богатство: чем больше спишь, тем больше хочешь...
- (2) В то же время сон физически необходим человеку: Сон и богатыря свалит; Спит богатырским сном. Он важен для здоровья: Лучший сон — до полуночи; Чем меньше сон, тем слаще он; Сон лучшее лекарство.
- (3) Сон как физическое явление дает возможность отдохнуть от работы: Сон лучше всякого богатства / лекарства; Сон дороже золота; На бедного — сон да еда. Он является приятным времяпрепровождением: Сон милее всего; Сон — забава, еда — повада.
- (4) Сон является маркером душевного (духовного) здоровья: Спит сном праведника.
- (5) Сон отличается от реальности, поэтому ему верить нельзя, нельзя получить то, что видел во сне: Снам верить — так и дела не делать; Сны разбирать — не ложиться спать; Вдавне, что во снах, а вновь, что вьявь...
- (6) В то же время иногда сон и реальность совпадают, эти совпадения не всегда желательны для человека, в этом случае выражается надежда, что сон не сбудется: Грозен сон, да милостив Бог.
- (7) Сон может быть опасен, так как человек не контролирует себя, свою речь в этом состоянии: Во сне проговорился — наяву поплатился. В русских пословицах можно выявить 2 основные оппозиции: «сон — работа» и «сон — реальность».

3. Семантическая специфика китайских пословиц с компонентом сон

В китайском языке нами обнаружены 5 не имеющих эквивалентов в русском языке установок культуры, отраженных в китайских пословицах с компонентом сон. Отметим, что они обладают преимущественно стилистикой размышления, а не констатации, которая более свойственна русским пословицам.

- (1) Дела во сне, скорее всего, противоположны тому, что есть в реальности: 梦是反的 / Сон противоположен реальности. На первый взгляд, эта пословица находится в русле оппозиции «сон — реальность», представленной в русских пословицах, однако акцент в китайском варианте сделан на недоверии к тому, что человек видит во сне. В основе этой пословицы лежит теория «антисон» политического теоретика, литератора, прогрессивного мыслителя Ван Фу (85–163 годы жизни) династии Восточная Хань, который объяснял сновидения так: видеть во сне плохое — это дурное предзнаменование, а видеть во сне хорошее — это доброе предзнаменование, но если плохое или хорошее сновидение достигает крайности, то оно в реальности превращается в свою противоположность. Это отражает философию — «если явление в своем развитии достигает предела, оно переходит в свою противоположность» [Ван Фу, 2018, с. 66].
- (2) Другая установка связана с наблюдениями над коммуникацией и заключается в осторожности, а сон ассоциируется с мечтами: 痴人前不得说梦 / Глупцам нельзя говорить о своем сне. Здесь акцент сделан на ответственности за свои слова, поскольку, скорее всего, данная пословица связана с китайскими постулатами, которые зафиксированы в «Книге обрядов»: правящие должны думать о последствиях своих слов и поступков, только так народ и будет осторожным со своими поступками и словами [Конфуций, 2015, с. 116–117].
- (3) Весенний сон не станет реальностью: 春三月，不圆梦 / Весной в марте сон не осуществляется; 春梦作不得准 / Весенний сон не считается верным. История этой пословицы связана с идеей традиционной китайской медицины, согласно которой весной развивается энергия Ян (мужская сила природы), поэтому печень наиболее активна. Если мы не обращаем внимания на регулирование своих эмоций в это время, это может легко привести к проблемам с печенью, раздражительности, трудностям с засыпанием и к множеству сновидений, головной боли, головокружениям и т. д. Весной люди морально устают и хотят спать, и то, что они видят во сне, особенно ненадежно [Чжун Ся и др, 2023].
- (4) Нужно правильно выбирать момент для своих действий. Первая пословица — 夜长梦多 / Ночь длинна, снов много — говорит о том, что положение может измениться к худшему. Она связана с историей известного мыслителя и писателя времен поздней династии Мин и ранней династии Цин — Лу Люлян. После разрушения династии Мин он поклялся не быть чиновником при династии Цин, однако начальник области рекомендовал его в качестве пустынного в императорский двор. Лу Люлян сказал в своем письме домой так: «В последнее время было много мнений по поводу этой рекомендации, и ночь длинна, снов много. Я беспокоюсь, что будет несчастье (Они прикажут мне служить во дворе). Что мне делать? Я предполагаю, что будет трудно понять, когда дело подойдет к концу. Поэтому я планирую сначала надеть одежду монаха. Подобный акт, вероятно, сойдет мне с рук» [Лу Люлян, 2019, с. 121].

В русских поговорках на первый план выходит представление о сне как физическом состоянии, которое необходимо человеку для телесного и душевного здоровья, является приятным времяпрепровождением, противопоставляется работе, а также рассматривается как особое состояние, в котором человек видит то, что может или не может произойти наяву. При этом поговорки, как правило, обладают коннотацией утверждения. Китайские пословицы представлены чаще в форме размышления по поводу ответственности человека за свои действия и слова, вы-

бора поведения, основанного на умеренности (философия Середины), снов как предвестников богатства, практической пользы. Несмотря на некоторую схожесть, например, в отношении оппозиции «сон — реальность» с русскими пословицами, все-таки нельзя сказать, что они эквивалентны и реализуют одни и те же установки культуры. Понять значение некоторых пословиц трудно без культурологического комментария.

Литература

- Ван Фу. Суждения сокровенного человека. Пекин: Китайский книжный дом, 2018. 296 с. (на кит. яз.)
- Зиновьева Е. И., Маточкина А. Е. Лингвокультурологический аспект изучения русских паремий (на материале пословиц с компонентом вода) // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 2017. № 28. С. 29–34.
- Конфуций. Ли цзи (Трактат «Книга обрядов») / под ред. Дай Шэн. Пекин: Пекинское союзное издательство, 2015. 154 с. (на кит. яз.)
- Чжун Ся, Гоу Фуюэ, Цзяо Хуачэнь. Многоцентровое исследование распределения типов синдрома традиционной китайской медицины и характеристик ночного сна у пациентов с артериальной гипертензией // Вестник Ляонинского университета традиционной китайской медицины. 2023. № 25 (04). С. 134–139. (на кит. яз.)

Чжао И

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет

ОТСУТСТВИЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ УСЛОВИЙ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПАРЕМИКИ)

Ключевые слова: пословица, желание, намерение, несоответствие, представление.

Идеальная жизненная ситуация, когда устремления человека совпадают с его возможностями и, более того, полностью осуществляются, — вещь желательная, но, к сожалению, не всегда возможная. В понимании человеческой личности противоречие «между Я реальным и Я идеальным, между Я сегодняшним и Я будущим» является одним из основных и важных [Зейгарник, Братусь 1980]. Конкретность и реальность бытия значительно сужают и корректируют круг потенциально возможного и желаемого.

Желание, намерение — как важная область проявления человеческого разума — не могут не вербализоваться различными единицами языка, поскольку они входят в «особое ментальное пространство, отвечающее за сферу желаний личности», это «специальная концептуальная структура хранения и использования знаний и представлений о мире» [Алтабаева 2007: 109].

В паремиологических единицах (ПЕ), накапливающих разновременный опыт определенной лингвокультуры и обеспечивающих лингвокультурную преемственность [Селиверстова 2015: 333], фиксируются наблюдаемые членами социума ситуации, где находят место объекты желания и намерения людей и выражается отношение к ним: Много желать — ничего не видеть; Кто хочет жениться, тому и ночь не спится; Захочет сена коза — будет у воза и др. Это может касаться концептов «Воля — Неволя», «Свадьба — Терпение — Надежда», «Счастье — Удача» и др. Ср.: Шла бы наперед (замуж), да никто не берет; Счастья ищи, а в могилу ложись и т. д.

Желание и намерения могут быть весьма разнообразными — ожидание определенного этапа жизни, смена материального положения, социального статуса и т. д. В ПЕ, однако, представлено намного больше прозаических повседневных ситуаций, которые могут проецироваться на жизненно важные события и коллизии.

Как известно, одного желания субъекта недостаточно для того, чтобы оно стало реальностью. Рассмотрим русские паремии с точки зрения того, какие именно факторы приводятся в качестве препятствующих реализации намерения.

Внутреннее противоречие создается несоответствием (несовпадением) желания и возможностей самого человека. Здесь вмешиваются разные факторы:

- физическое состояние препятствующее реализации желания (нехватка сил, здоровья и др.): Рад бы стараться, да сил нет (не хватает); Все бы плясала, да ходить мочи нет; Ехал бы далече, да болят плечи;
- несоответствие телосложения желанному действию: Прыгнул бы на коня, да ножки короткие; Коротки ноги у миноги на небо лезть; Есть в горшке молоко, да голова не лезет; Хлебал бы молоко, да рыло коротко. Идея реализуется и с использованием образов животных и указания на их физические особенности: Кошка любит молоко, да рыло коротко; Видит собака молоко, да в кувшине глубоко.
- отсутствие навыков и умений, соответствующих выполняемому действию: Зуй (кулик) до воды охоч, а плавать не умеет и др.

Отметим, что приведенные выше ПЕ трех разрядов преимущественно ироничны, высмеивают человека, у которого отсутствует трезвая оценка себя, своих потенций, и его напрасные попытки что-либо осуществить. С другой стороны, это нередко и ирония по поводу того, что человек находит мнимую причину для отказа от активной деятельности, работы.

В качестве смехотворной причины в ПЕ указываются предметы, «мешающие» реализации действия: гашник — ‘ремень для завязки штанов’ (И рад бы погнался, да гашник порвался), который как будто не подлежит замене; лапти — самая дешевая самодельная обувь, которой у бедного крестьянина, не имеющего сапог, не может не быть — следовательно, отговорка не-серьезна: Идти было на Вятку, да лаптей нет. В этих двух ПЕ противоречия в действительности нет — лень как истинная причина отказа очевидна.

К невозможности реализации намерения человека ведет и отсутствие у него необходимой собственности. Так, выражаемому формой сослагательного наклонения желанию ел бы не соответствуют необходимые для этого атрибуты: корова и ее молоко. ‘С коровами не везет’ может означать отсутствие коров либо отсутствие у них молока. На отсутствие еды, которой хотелось бы угостить друга, указывается и в ПЕ Рад бы дружкú пирожка, да у самого ни куска.

Аналогичным образом в качестве мнимой причины невыполнения действия может быть названо и природное явление. В ПЕ Зимой съел бы грибок, да снег глубок желание невыполнимо не из-за глубокого снега. Ирония в том, что зимой под снегом грибов попросту быть не может, и, таким образом, речь идет о желании, высказанном с большим опозданием и вызывающем насмешку.

Ирония и самоирония очевидны в одномодельных ПЕ, указывающих на отсутствие денег как препятствие осуществлению действия: Купил бы сала, да денег не стало; Купил бы село, да денег голо; Купила бы собака печень, да купить нечем; Купила бы я накупила, да купило при-тупило и др.

Таким образом, в ПЕ весьма востребована логическая модель, основанная на противоречии между высказываемым намерением (желанием) осуществить действие и отсутствием условий для этого. Не соответствующие условия представлены достаточно широким спектром обстоятельств, связанных с самим субъектом или внешними факторами. Основная направленность этих ПЕ — «вывести на чистую воду» характеризуемого субъекта в его попытках найти предлог для отказа от деятельности или в шутивно-ироническом ключе указать на неадекватную оценку им своих возможностей.

Литература

- Алтабаева Е. В. Концепт ‘желание’ как лингвофилософская категория // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 109–118.
- Зейгарник Б. В., Братусь Б. С. О движущих противоречиях развития личности // Очерки по психологии аномального развития личности. М, 1980. С. 127–130.
- Селиверстова Е. И. Человек предполагает, а судьба определяет: о возможностях осмысления компонента БОГ // Устойчивые фразы в парадигмах науки. 2015. С. 333–337.

Чжао Сюй

аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st122678@student.spbu.ru

«НАЧАЛО» КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ)

Ключевые слова: русская пословица, начало, стереотипное представление.

Время является базовой категорией восприятия мира, а концепт «начало» охватывает значительное количество устойчивых единиц, составляющих фразеотематическое поле «время». Представления говорящих о характере протекания различных действий во времени составляют важный фрагмент языковой картины мира и входят в совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике и фразеологии [Маслова 2010: 63].

Пословичные единицы (ПЕ) — это короткие, часто ритмичные, синтаксически и семантически законченные высказывания, преимущественно яркие, образные. Они примечательны тем, что являются кристаллизацией народной мудрости, отражают когнитивный уровень народа, национальную культуру и мировоззрение.

ПЕ таят в себе большое разнообразие представлений о восприятии точки отсчета в чем-либо — в работе, в установлении отношений между людьми, в самых различных видах деятельности. Не случайно в «Пословицах русского народа» В. И. Даля приводится не менее 500 паремий с компонентом «начало».

Слово «начало» объясняется в словарях по-разному, но нас в данном случае интересует из указанных следующее значение: 1. первый момент или первые моменты какого-н. действия, явления [Ожегов 2006]). В данной работе предпринята попытка проанализировать русские ПЕ, вербализующие концепт «начало» и выявить представления о нем в сознании носителей русского языка и культуры.

В качестве материала для анализа были отобраны из «Большого словаря русских пословиц» [БСРП 2010] и сборника пословиц В. И. Даля единицы с компонентами со значением 'начало', которые позволяют узнать мнение говорящих о начальной фазе действия и о его роли в развитии действия, ситуации, события в целом.

Остановимся последовательно на некоторых представлениях, которые отражаются в пословицах.

1. В ПЕ подчеркивается **важность правильного подхода к чему-либо, начальной фазы**, способной повлиять на дальнейшее развитие событий.

Ряд выражений просто подчеркивает, что начало деятельности — будь то работы, учебы т. д. — имеет огромное значение: *Зачин дело красит; Велико дело начать: смелое начало — та же победа*. Не всегда легко заставить себя начать что-либо новое, поэтому способность сделать первый шаг похвальна независимо от того, какое дело предстоит предпринять — великое или обыденное.

Значимость начала, инициативы подчеркивается и за счет использования пословичных клишированных фрагментов: *Почин дороже денег (золота); Почин дороже всего; Почин дороже рубля*. Поскольку золото, деньги — довольно известные эталоны ценности, подобные клише, вербализующие ценностный акцент на чем-либо, используются в ПЕ различной тематики. Ср.: *Доброе слово дороже золота; Пора да время дороже золота; Деньги — мед, одежда — тлен, а здоровье — всего дороже; Всего дороже честь сытая да изба крытая; Ласковое слово рубля дороже* и др.

Позитивное впечатление, оставляемое инициальной фазой происходящего, начатого, позволяет **надеяться на дальнейшее успешное протекание действия** и благоприятный конечный результат — например: *Правильное начало — половина дела; Доброе начало — полдела откачал*. Эти пословицы выражают идею, которая приложима к различным сферам жизни. Речь

идет о том, что важно начать действовать верном направлении, потому что правильный старт есть залог успеха.

Подход к делу должен быть толковым с самого начала — только тогда можно **рассчитывать на успешное окончание начатого**: *Путное начало приводит к путному концу* (*путный* — ‘дельный, толковый’ [Ожегов 2006: 634]); *Доброе начало приводит к доброму концу*.

Русские пословицы, придавая большое значение начальному этапу предпринимаемого шага, рекомендуют не бояться его (ср. *Глаза боятся, а руки делают*; *У страха глаза велики*) и убеждают, что трудно только в самом начале: *Лиха беда начало* (*начать*).

2. Проявлением амбивалентности в паремике является и выражение в ПЕ противоположной идеи — о том, что **не следует спешить с преждевременной радостью**, если везение проявляется в самом начале действия или события: *Первому кону не радуйся* (*кон* — одна партия какой-либо игры [Ож.]). В подтексте паремии кроется мысль, что дальнейшее развитие действия (события) может оказаться менее радужным. Амбивалентность, проявляющаяся в паремике, — явление достаточно частое, подтверждающее противоречивость многих высказываемых идей, поскольку «сколько людей, столько и мнений».

3. Начать что-либо — значит сделать ответственный шаг, поэтому прежде чем приступить к действию, **следует сначала хорошо подумать**: *Не начавши — думай, а начавши — делай*. Еще одну важную идею реализуют ПЕ, связывающие начало и конец и предписывающие помнить о необходимости довести дело до конца: *Начиная дело, о конце думай*. Как пишет В. П. Даниленко, русские пословицы спроецированы «не на начало и конец вообще, а на начало и конец дела» [Даниленко 2017: 32].

Все разряды рассмотренных русских паремий, как мы видим, имеют непосредственное отношение — пусть и эксплицитно не выраженное — к выполнению дела, когда от первых шагов очень многое зависит. Этот смысловой акцент важен как показатель особенностей в восприятии носителями русского языка характера протекания действия как фактора, определяющего его конечную успешность.

Литература

- Большой словарь русских пословиц / Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1026 с.
- Даниленко В. П. Картина мира в пословицах русского народа. СПб.: Алетейя, 2017. 373 с.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие: для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2010. 202 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // РАН. ИРЯ им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/>

Чэн Цзиньтао

старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. профессора М. А. Бонч-Бруевича

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ТОЛЕРАНТНЫЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: прилагательное, деловое общение, свойство личности, толерантный.

Прилагательные, характеризующие человека, неоднократно становились объектом анализа в современной лингвистической литературе. Так, в XXI в. исследовались словарные объединения и отдельные лексемы, описывающие характер человека, интеллект, поведение, эмоциональную сферу, на наш взгляд, это связано с тем, что личность человека является одним из важнейших фрагментов современной антропоцентрической парадигмы (см. Кубрякова 2008: 30–45).

Объектом исследования является прилагательное *толерантный*, которое часто позиционируется в современном русском языке как деловое качество человека. Целью работы является выявление семантики, особенностей употребления прилагательного *толерантный*, а также стереотипного представления о толерантном человеке. Материалом для исследования являются данные интернет-источников (тексты резюме, характеристик, рекомендаций, объявлений о вакансиях); данные толковых словарей и словарей синонимов русского языка; данные рефлексивных высказываний носителей языка; также контексты сайта НКРЯ.

Прилагательное *толерантный* восходит к латинскому языку *tolerāns* (*tolerantis*), обозначающему ‘терпеливо переносящий’. В современных толковых словарях русского языка оно зафиксировано к человеку в значении «Способный, умеющий терпимо относиться к чуждому мнению, поведению и т. п.» (см. БТС: 476). Л. Г. Бабенко включает данное прилагательное в следующий синонимический ряд: снисходительный — либеральный, мягкий, невзыскательный — нетребовательный — терпимый — толерантный.

В результате анализа деловых документов можно отметить, что прилагательное *толерантный* чаще употребляется в текстах резюме, в которых соискатели рабочих вакансий используют его в качестве описания своих деловых качеств. Обозначаемое прилагательным качество человека также является одним из самых частотных в деловых документах наряду с такими свойствами личности, как стрессоустойчивый, коммуникабельный, целеустремлённый, ответственный, пунктуальный и т. д., которые также позиционируются как деловые качества человека. По сравнению с мужчинами, женщины чаще употребляют прилагательное *толерантный* при поиске работы администратора, продавца-консультанта, официанта, педагога и др. А мужчины часто употребляют прилагательное *толерантный* при поиске работы водителя, курьера, повара, бармена и др. По сравнению с другими прилагательными, обозначающими деловые качества, употребление прилагательного *толерантный* ограничено определенными сферами деятельности, по нашим данным, преимущественно сфера услуг. Работодатели также придерживаются мнения, что быть толерантным человеком — одно из самых важных требований к соискателям, планирующим работу с людьми.

Обратимся к анализу особенностей функционирования прилагательного в материалах НКРЯ (148 текстов, 208 примеров). Как показывают материалы из основного корпуса русского языка, данное прилагательное чаще потребляется в публицистике и на форумах интернета. В основном прилагательные используются мужчинами. Стоит отметить, что данное прилагательное стало более употребительным после 90-х годов.

Большинство контекстов употребления прилагательного в анализируемом значении свидетельствуют о том, что толерантным читают человека, который старается держать ситуацию под контролем, умеет договариваться с самим собой о том, сколько можно терпеть и ждать, и самое главное, этот человек готов выслушивать и иные точки зрения.

Прилагательное *толерантный* имеет в НКРЯ широкую лексическую сочетаемость: Т. сознание, Т. мышление, Т. отношение, Т. поведение, Т. страна, Т. человек, и др. Толерантным можно быть в разной степени — более, достаточно, очень. Стоит отметить интересный факт, что в интернет-пространстве прилагательное *толерантный* может употребляться в саркастическом или ироническом контексте.

Толерантный в материалах НКРЯ обычно встречается в ряду других положительно оцениваемых носителями русского языка свойств личности, например, доброжелательный, дружелюбный, интеллигентный и т. п., также часто сочетается с его синонимами, например, ...*то состоятельный либеральный барин, мягкий и толерантный Лашкевич мог себе позволить и сумел поставить дело иначе.* (Сергей Секиринский. «Киевская старина» // «Родина», 1999).

Для выяснения стереотипного представления о толерантном человеке были проанализированы рефлексивные высказывания носителей русского языка при ответах на некоторые вопросы пользователей Интернета:

1. «толерантный человек — это тот, который терпит чужое поведение и не создает конфликтов» (<https://otvet.mail.ru/question/1751309?ysclid=lr3cfjqwx596446435>).
2. «Толерантность — терпимость. То есть толерантный человек — это тот человек, который терпимо относится ко всем, живет по лозунгу: “Живи сам и давай жить другим”» (<https://otvet.mail.ru/question/39069045>).
3. «Я считаю себя человеком толерантным, и считаю, что это хорошее качество. Если мне не нравится, допустим, внешность человека или его убеждения — я лучше промолчу» (<https://otvet.mail.ru/question/193189531?ysclid=lr3cuinwca490837659>).

Таким образом, стереотипное представление о толерантном человеке в русской картине мира выглядит следующим образом: это человек, относящийся не только с терпимостью к кому-л., чему-л., но и уважающий чужое мнения, готов выслушивать иные точки зрения, даже если это противоречит его собственным убеждениям и вере. Толерантным может быть любой взрослый независимо от рода деятельности, половой принадлежности, прилагательное чаще употребляется в резюме.

Литература

- Кубрякова Е. С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. Тамбов, 2008. С. 30–45.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка: А—Я. СПб: Норинт, 1998.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Чэн Юйфань

аспирант,

Санкт-Петербургского государственного университета;

st094080@student.spbu.ru

НАЗВАНИЕ КИТАЙСКОГО БЛЮДА «МАПО DOUFU» В МЕНЮ РУССКОГО РЕСТОРАНА

Ключевые слова: кулинароним, транскрибирование, калькирование, описательный перевод.

Китайские кулинарные традиции популярны среди россиян, в российских городах открывается большое количество ресторанов восточной кухни. Названия блюд, которые предлагают посетителям, должны сохранять связь с традицией, но при этом быть понятными клиентам, содержать существенную информацию о вкусе и составе блюда, вызывать приятные ассоциации. В некоторых случаях оказывается недостаточным дословный перевод наименования, использование кальки или транскрибирования, и составителям меню приходится прибегать к вторичной номинации — давать блюдам новые названия, соответствующие указанным требованиям.

Основной целью исследования является изучение вторичной номинации экзотических реалий в русском языке на материале текстов русскоязычных меню китайских ресторанов. Мы проследили способы номинации одного блюда китайской кухни — 麻婆豆腐 (má pó dòu fǔ) в меню 27 китайских ресторанов, которые находятся в разных городах в России.

Блюдо 麻婆豆腐 (má pó dòu fǔ; рьябая старуха + тофу) было придумано супругами Чен, открывшими ресторан в столице провинции Сычуань, в 1862 г. После смерти мужа его пожилая вдова (рьябая старуха) прославилась приготовлением блюда из фарша и бобов. Блюдо готовится по рецепту сычуаньской кухни и потому очень острое. В русских ресторанах представлены различные способы его наименования.

По мнению В. Г. Костомарова и Е. М. Верещагина, транскрибированные и транслитерированные названия являются «неудачным способом перевода безэквивалентной лексики, так как смысл лексемы остается непонятным для читателей» [Верещагин, Костомаров 1980: 139]. Однако даже в меню — жанре, основной задачей которого является передача информации, транскрибирование используется наиболее часто. (57%).

Предлагаются разные варианты написания и произношения: мапо, мабо, тофу, дофу, дофу. Хотя тофу возник в Китае, впервые он был завезен в Россию из Японии. Слово тофу, по-японски とろふ, по правилам системы хепбёрна (набор правил для транскрибирования при помощи латинского алфавита) записывается tofu. [小川芳男等 1982: 507]. В таком варианте оно приходит в русский язык. Вариант дофу является результатом транслитерации — ориентации на буквенный состав записи китайского слова в системе пиньинь. В Национальном корпусе русского языка вариант дофу встретился только один раз, в словарях не отмечен.

Интересна тенденция изменения порядка слов в транскрибированных названиях: Молочный тофу мапо, Тофу мапо с говядиной. Четыре иероглифа, являются очень распространенной формой наименования китайских блюд: имя автора блюда обычно стоит на первом месте, после названия ингредиентов. В русских названиях Мапо воспринимается как определение, выраженное неизменяемым словом и указывающего на соус, и в качестве несогласованного определения занимает место после определяемого слова. С этим связано и синтаксическое строение названия Тофу с мапо.

По мнению Л. С. Бархударова, когда словосочетание является устойчивым, а его значение не равно сумме значений компонентов, используется калькирование [Бархударов 1975: 99]. Наши наблюдения показывают, что кальки (Тофу рьябой старухи, Дофу по рецепту рьябой бабки) встречаются в меню редко. В некоторых случаях кальки дополняются транскрипцией: Тофу рьябой старушки мапо тофу. Напротив, в сборниках рецептов калькированное название чрезвычайно популярно, что связано с возможностью непосредственно сразу познакомиться как с составом предлагаемого блюда, так и со способами его приготовления. Составители меню

опасаются, что упоминание о рябой старухе может вызвать неприятные ассоциации у клиентов. По данным ассоциативного эксперимента, проведенного среди 142 носителей русского языка, было, однако, обнаружено, что упоминание «рябой старухи» отпугивает русскоязычного посетителя не более, чем транскрибированное экзотическое название (50 % респондентов готовы попробовать блюдо имени «Тофу рябой старухи», а 51 % респондентов готовы попробовать блюдо имени «Мапо Тофу»).

Хотя калькирование обеспечивает эквивалентность, оно вызывает трудности в адекватном представлении о вкусе блюда (11 % от общего числа). При переводе названий китайских блюд, в основе которых лежит связь с историческим преданием, транслитерация и калькированный перевод приводят к непониманию. Но нельзя отрицать, что калькированный перевод может вызвать у клиентов больше ассоциаций, а следовательно, больший интерес.

Одним из наиболее распространенных способов наименования блюда «Мапо тофу» является описательный (21 %): Жареный тофу с кусочками свинины, Острый тофу с говяжьим фаршем, Жареный тофу в остром соусе, Острый тофу с мясом, Тофупо-сычуански, Тофу в остром масле. В данном случае практически всегда подчеркивается вкус блюда — в название включается отсутствующее в китайском варианте указание на острый вкус или на сычуанскую традицию, слово «мапо», его переводы и эквиваленты полностью исчезают из названия, поэтому можно говорить не о переводе, а о вторичной номинации блюда в русском языке

Название блюда 麻婆豆腐 (*má pó dòu fǔ*) является типичным в китайской кухне, но представляет собой языковую лакуну в русском языке, вызванную различиями в питании. Названия экзотических блюд в русском меню могут строиться на калькировании или транскрипции оригинальных названий, это зачастую сохраняет аутентичность. Однако такой подход не позволяет представителю чужой культуры определить уникальные характеристики блюда, поэтому блюдо получает новое название, основанное на характеристиках вкуса, названиях ингредиентов и способов их приготовления.

Литература

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. 320 с.
- 小川芳男等. 日本語教育事典 // 日本: 大修館書店. 1982. 794. [Ёсио Огава и др., Энциклопедия японского языкового образования // Япония: Тайшукан Сётэн. 1982. 794 с.]

Юй Липин

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет;

st106489@student.spbu.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КОММУНИКЕМ-ЭНАНТОНИМОВ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: коммуникема-энантоним, лексико-грамматические характеристики, классификация, публицистический стиль речи, русский язык.

Коммуникемы как коммуникативные непредикативные единицы синтаксиса [Величко 1996; Меликян 2012], характеризующиеся универсальностью и национальной лингвоспецифичностью, представляют особый интерес для лингвистов. Унифицировать данные языковые единицы достаточно сложно прежде всего потому, что они способны актуализировать разнообразные субъективно-модальные значения. Это обстоятельство объясняет неоднозначность интерпретаций понятия коммуникемы.

Известно, что в русском языке около 20 % коммуникем имеют противоположное значение, и в связи с этим степень адекватности их понимания зависит от ситуации, контекста и интонации.

Цель данной статьи — классифицировать по лексико-грамматическим характеристикам коммуникемы-энантонимы, встречающиеся в русской публицистической речи. Актуальность выбранной проблематики обусловлена тем, что до сих пор именно этот аспект остается за пределами лингвистических исследований. Однако результаты наблюдений за функционированием коммуникем-энантонимов в публицистической речи важны для понимания процессов, которые происходят в русском языке на лексическом и синтаксическом уровнях.

Путем сплошной выборки коммуникем с энантиосемичным значением из Синтаксического фразеологического словаря русского языка В. Ю. Меликяна и проверки частотности их употребления в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) было обнаружено 297 коммуникем-энантонимов, используемых в русской публицистической речи.

По лексико-грамматическим характеристикам доминантного компонента отобранные нами коммуникемы-энантонимы можно разделить на следующие группы:

- именные — 20 % (*Порядок!*; *Какая красота!*);
- глагольные — 25 % (*Ты можешь себе представить?!*);
- междометные — 37 % (*Брависсимо!*; *Ай-яй-яй!*);
- наречные — 10 % (*В самом деле?!*; *Наконец-то!*);
- коммуникемы-энантонимы с доминантным компонентом, выраженным частицей — 8 % (*Ну, конечно!*; *Неужели?!*).

Единицы всех выделенных групп коммуникем выполняют реактивную и эмоционально-оценочную функцию. Однако самыми частотными в публицистической речи оказались междометные коммуникемы-энантонимы, что, по всей видимости, объясняется разнообразием их эмоционально-оценочных значений. Междометие как «неполнозначительная часть речи, выражающая чувства, эмоциональные побуждения, призывы, но не называющая их» [Жеребило 2010: 211] предоставляет и автору, и читателю широкий выбор интерпретаций.

Значения утверждения / отрицания в основном реализуются в глагольных и междометных коммуникемах-энантонимах, а также в коммуникемах-энантонимах с доминантным компонентом, выраженным частицей.

Некоторые именные, глагольные и междометные коммуникемы-энантонимы выполняют роль этикетных речевых формул. При этом энантиосемичность знаменательных коммуникем отражается главным образом в первичном формальном положительном значении и коннота-

ционном ироническом отрицательном значении. Противоположные значения междометных коммуникем проявляются при встрече или прощании.

Семантическая устойчивость коммуникем-энантонимов, с одной стороны, определяется наличием стабильного фразеосинтаксического значения (подтверждение, отрицание, удовольствие, досада и т. д.), а с другой стороны, связана с тем, что фразеосинтаксическое значение не выводится из суммы значений отдельных компонентов, а заключается в особой структурной организации коммуникемы в целом.

Глагольные коммуникемы-энантонимы в наибольшей степени допускают лексико-грамматическое варьирование, что детерминировано сложностью грамматической категории глаголов как предикативной части производящей основы данного класса коммуникем. Например: *Можешь(-ете) не сомневаться!* В то же время в именных, глагольных и междометных коммуникемах-энантонимах заложена возможность изменения последовательности компонентов, например: *Какая красота!* и *Красота какая!*; *Я так и знал!* и *Так я и знал!*; *Вот это да!* и *Это вот да!*. Несмотря на это, таким коммуникемам-энантонимам свойственна структурная устойчивость, что, однако, регламентируется ограниченным характером лексической проницаемости и распространенности.

По сравнению с единицами других групп именные коммуникемы-энантонимы имеют относительно большую идиоматичность: это проявляется главным образом в деактуализации значений знаменательной части компонентов коммуникем. Например: Мне очень понравилась одноименная книга румынского писателя Мирча Элиаде. Я прочел ее и подумал: **«Вот это история! Каждый раз, когда я переворачиваю страницу, случается что-то необычное»** [Галкина Галя. Фрэнсис Форд Коппола: «я не считаю мастером ни себя, ни кого-то другого» // Труд-7, 15.05.2008] (выражение удовлетворения). Отсутствие внутренней формы определяет немотивированность коммуникем-энантонимов данной группы.

В дальнейшем предполагается изучение лексико-грамматических особенностей разных типов коммуникем-энантонимов в русской публицистической речи.

Литература

- Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: учеб. пособие. М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 97 с.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
- Меликян В. Ю. Классификация коммуникем русского языка по степени фразеологизации // Русский язык в школе. 2012. № 4. С. 56–63.

Аверьянова Дарья Владимировна¹, Фаррахова Маргарита Владимировна²

*¹методист Центра языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственный университет;
dasaaveranova7@gmail.com*

*²специалист-тестор Центра языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственного университета;
farrakhovam@gmail.com*

О ПРЕПОДАВАНИИ РКИ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ТРКИ В АФРИКАНСКОЙ АУДИТОРИИ: ОПЫТ СПбГУ

Ключевые слова: РКИ, ТРКИ, Африка, методика преподавания.

Продвижение российского образования на территории африканского континента, а также развитие сотрудничества стран Африки и России в различных сферах способствует уверенному повышению интереса к изучению русского языка [Росконгресс 2023: 51]. В 2021 году СПбГУ одним из первых принял участие в организации обучения русскому языку как иностранному (РКИ) на территории африканского континента, запустив онлайн-курсы РКИ для жителей Зимбабве и обучив первые 50 студентов. Уже через год их количество выросло почти в 10 раз, а в 2023 году к дистанционному изучению языка приступили около 2000 человек из 10 стран (Зимбабве, ЮАР, Кения, Алжир, Нигер, Гамбия, Египет, Замбия, Буркина-Фасо, Сенегал). Языковое образование в мире в настоящее время неразрывно связано с тестированием, которое подтверждает уровень владения иностранным языком, поэтому одним из актуальных вопросов преподавания русского языка в странах Африки является проведение ТРКИ.

Ежегодно Центр языкового тестирования проводит 2 набора слушателей онлайн-курса РКИ нулевого уровня владения языком. Курс, нацеленный на овладение русским языком в объеме Элементарного уровня (А1), получил наиболее широкое распространение. В конце программы обучающиеся проходят Тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) на уровень А1. Овладение русским языком в объеме данного уровня и успешное прохождение тестирования, по нашему мнению, играет важную роль для будущего учебного процесса как минимум по двум причинам: программа уровня А1 предполагает овладение базовым лексико-грамматическим аппаратом, который является фундаментом для успешного и более легкого овладения языком на последующих уровнях (в частности, А2 и В1), также сертификат о прохождении ТЭУ способствует увеличению мотивации для дальнейшего изучения языка.

Большой интерес граждан африканских стран к русскому языку обусловлен в первую очередь изменением геополитической ситуации в мире, возродившим тесное сотрудничество России с большинством африканских стран и давшим гражданам Африки новые возможности. В этой связи большинство слушателей онлайн-программы — молодые люди в возрасте от 18 до 45 лет, преследующие образовательные или карьерные цели на территории Российской Федерации. Таким образом, несмотря на недостаточно высокую на данный момент популярность сертификата ТРКИ, этот документ уже сейчас может стать необходимым для достижения профессиональных и академических целей в России.

Принимая во внимание сложную экономическую ситуацию большинства стран Африки [Маслов 2023: 61], а также отсутствие необходимости получения сертификата уровня А1 для поступления в вузы, СПбГУ проводит экзамен ТЭУ/А1 бесплатно в качестве финального теста. Для слушателей программы это возможность ознакомиться со структурой и процедурой

Ответственный редактор: *Н. А. Дубинина.*

ТРКИ, повысить тестологическую компетенцию, что в дальнейшем может мотивировать учащихся продолжать изучение русского языка и готовиться к тестированию на более высокие уровни. Также результаты тестирования помогают в дальнейшем работе по совершенствованию программ обучения для африканцев.

Хотелось бы отметить некоторые особенности работы в африканской аудитории. Так, например, существует ряд технических сложностей при организации дистанционного обучения в странах Африки. Во-первых, это отсутствие стабильного подключения к интернету и регулярные отключения электроэнергии, например, так называемый “load shedding” — плановый сброс энергосистем [Маслов 2023: 23; Павлов 2023: 145]. Кроме того, большинство учебных пособий по РКИ публикуются на бумажном носителе. Соответственно, преподаватели находятся в постоянном поиске технических решений этой проблемы.

Также важно отметить отсутствие дисциплины на уроках в силу культурной специфики обучающихся, а также недобросовестное выполнение домашних заданий, несерьезность отношения к процессу обучения. Это ведет к тому, что примерно к середине курса большая часть начавших изучение языка оказывается неспособной усваивать новый материал и использовать изученное. Как результат — лишь малый процент (около 10 %) приступивших к обучению его оканчивает. Навык обучения — это приобретаемое с детских лет и совершенствующееся на протяжении всей жизни умение человека. Учитывая сложности школьного и университетского образования Африки [Маслов 2023: 19], очевидно почему у многих обучающихся этот навык сформирован слабо. Данные факторы, а также нестабильная мотивация, являющаяся следствием слабой дисциплины [Павлов 2023: 146], приводят к необходимости многократного повторения учебного материала, что значительно замедляет процесс обучения, а также процесс интеграции подготовки к ТРКИ в обучение, требующей особого подхода и дополнительных усилий как со стороны преподавателя, так и со стороны студента. В связи с этим условленных по ФГОС по РКИ 100–120 часов порой может не хватить для достижения ТЭУ/А1.

Несмотря на перечисленные выше сложности, мы, тем не менее, можем говорить об успехе внедрения русского языка в страны африканского континента. Подтверждением этому, в частности, является организация для слушателей курсов СПбГУ уже двух очных тестовых сессий ТРКИ в столице Зимбабве — г. Хараре (19.11.2022 и 13.12.2023), а также тот факт, что многие студенты, окончившие онлайн-курсы СПбГУ по русскому языку, в настоящий момент проходят обучения в российских вузах.

Литература

- Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник / А. А. Маслов, В. Ю. Свиридов и др.; под общ. ред. А. А. Маслова. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 190 с.
- Павлов А. И. ЮАР — Кения — Зимбабве — Алжир: четыре полюса РКИ в Африке // Россия — Африка 2023: парадигма образования: материалы международной научно-практической конференции / под науч. ред. И. Ю. Тархановой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. С. 142–148.
- Россконгресс. Итоги второго саммита, экономического и гуманитарного форума Россия — Африка. СПб, 2023. 73 с.

Белова Наталья Викторовна

канд. филол. наук, доцент,
кафедра русского языка как иностранного,
Государственный университет просвещения;
nv.belova@guppros.ru

НАЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ТЕСТИРОВАНИЮ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В НИГЕРИИ)

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ) в странах Африки, национально-ориентированный подход, тестирование по русскому языку как иностранному (ТРКИ), адаптационное тестирование по русскому языку как иностранному (РКИ), центры открытого образования на русском языке и изучения русского языка.

Проект по продвижению русского языка в странах Африки и открытия центров открытого образования на русском языке и обучения русскому языку поставил ряд значимых вопросов, решение которых необходимо для поддержки, расширения (а в некоторых странах — возобновления) преподавания русского языка. Среди них — обеспечение доступности курсов русского языка (в офлайн- и онлайн-форматах), численности преподавателей для реализации программ обучения русскому языку и учебно-методического оснащения, включая современные средства контроля сформированности коммуникативной компетенции инофона в формате сертификационного тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ). В настоящее время ТРКИ ограничено представлено в странах Африки. В частности, в крупнейшей стране Африканского континента Нигерии оно не используется даже в качестве инструмента оценивания уровня владения русским языком выпускников-филологов программ бакалавриата и магистратуры, несмотря на то что европейские языки широко распространены и функционируют как официальные языки многих стран (в первую очередь — английский, французский, а также португальский, немецкий) [Okoeidion 2019]. Присутствие российского бизнеса и реализация крупных международных проектов в странах также мало способствует укреплению позиций русского языка: ведущую роль в документообороте, обучении сотрудников играет английский язык, а сертификат, подтверждающий владение РКИ, не является необходимым для кандидатов на позиции среднего и высшего звена. Отметим, что до начала 90-х русский язык изучался течение двух-трех лет на курсах во всех странах Африки, в которых действовали посольства СССР, основным контингентом обучающихся были не только лица, интересующиеся русской литературой и культурой, но и квалифицированные рабочие и специалисты, занимающиеся обслуживанием авиационной техники, строительством и мн.др. [Одунга, Коваль 1988].

Введение элементов адаптационного тестирования при оценивании промежуточных знаний слушателей курсов русского языка в Центре открытого образования в Нигерии выявило ряд трудностей: во-первых, непривычность самого формата тестирования (наибольшую трудность представляли задания по письму, аудированию и говорению); во-вторых, небольшой лексический запас слушателей и ограниченность сфер использования русского языка вне языковой среды препятствовали успешному выполнению заданий в субтестах «Чтение» и «Говорение», требующих учета параметров коммуникативной ситуации, минимальной сформированности социокультурной компетенции; в-третьих, формулировки инструкций к тесту и заданий на изучаемом языке либо игнорировались (даже на уровне B1), либо воспринимались не в полном объеме; наконец, были отмечены системные ошибки, обусловленные интерференцией официального (английского) и родных языков учащихся.

Несмотря на то что тестовые задания представлены в знакомых нигерийским студентам российских учебниках («Дорога в Россию», «5 элементов» и др.), они нередко не находятся в фокусе внимания при планировании учебного процесса в рамках существующих программ. К тому же, работая по «универсальным» учебникам русского языка для начального этапа, ни-

герийские преподаватели отмечают несоответствие их условиям обучения и особенностям аудитории: интенсивное и несистематизированное введение лексики, большой объем текстов, не всегда содержащих интересующую социокультурную информацию, небольшой репертуар речевых образцов, позволяющих сформировать представление об особенностях коммуникативного поведения носителей языка, в том числе при решении актуальных проблем (сообщение о болезни, проблемах, вызов врача, обращение с просьбой помочь, выражение несогласия и мн. др.), а также отсутствие в учебниках близких африканским студентам героев, прецедентных феноменов. В отсутствие закреплённых моделей речевого поведения на русском языке слушатели используют варианты, распространённые в нигерийском варианте английского языка.

Реализация программ обучения по РКИ в офлайн- и онлайн-форматах в ряде стран Африки, где его изучение было ограничено или практически прекращено, предполагает реализацию национально-ориентированного подхода [Московкин, Юйсуфу 2023] не только к разработке программ, учебников, но и тестовых материалов, внедрение которых позволит повысить вовлечённость слушателей, поддержать мотивацию к изучению языка, учесть как собственно языковые, так и этнопсихологические, социокультурные особенности аудитории учащихся.

Литература

- Московкин Л. В., Юйсуфу А.* Становление национально-ориентированного подхода в методике преподавания русского языка как иностранного // Профессорский журнал. Серия «Русский язык и литература». 2023. № 3. С. 30–35.
- Одунга Ш., Коваль Я.* Русский язык в Нигерии // Русский язык за рубежом. 1988. № 6. С. 120–121.
- Okoedion E. G.* The study of Russian language in Nigeria: problems and prospects // Journal of Danubian Studies and Research. 2019. Vol. 9, no. 1. P. 363–372.

Беляева Рахиль Эдуардовна

*магистр лингвистики, специалист-тестор, преподаватель РКИ,
Центр языкового тестирования, Санкт-Петербургский государственный университет*

ТЕСТИРОВАНИЕ ПО ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Ключевые слова: тестирование по русскому языку как иностранному, язык специальности, профильный модуль, медико-биологический профиль, лексический минимум.

Новая волна интереса к научному модулю по русскому языку как иностранному обусловлена рядом причин, среди которых прошедший в 2023 году Росконгресс «Россия — Африка». На сессии «Россия и Африка: перспективы развития межуниверситетского сотрудничества» были озвучены следующие рекомендации: привлекать африканскую молодежь поступать на образовательные программы, реализуемые на русском языке; продолжить открытие филиалов вузов в странах Африки и расширение научно-образовательного пространства [Росконгресс 2023: 51]. Кроме того, конце 2023 г. 350 студентов медицинского факультета (направления «Лечебное дело», «Фармация», «Стоматология») филиала СПбГУ в Каире приступили к изучению русского языка в дистанционном формате в ЦЯТ СПбГУ.

В предлагаемой работе рассматривается вопрос о разработке лингвометодической основы по языку специальности на примере медико-биологического профиля. В рамках создания подобной лингвометодической основы предлагается пересмотр и дополнение имеющегося лексического (терминологического) минимума по языку специальности с учётом современных реалий, связанных с учебно-научной и учебно-профессиональной деятельностью будущих медиков.

«Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Профессиональные модули» [ГОСТ по РКИ 2020] ориентирован на подготовку обучающихся по профессиональному модулю, однако стандарт даёт общие рекомендации как для естественно-научного, так и для гуманитарного профилей. Единые объективные требования есть прямая функция стандарта. Тем не менее, очевидно и то, что разница языковой подготовки по данным профилям существенна. Специалисты утверждают, что гуманитарному профилю необходим более высокий уровень владения языком, так как для гуманитариев язык — это единственное средство общения в учебно-научной сфере деятельности [Клобукова 1987: 13]. Вместе с тем для специалистов естественно-научного профиля, а именно для медико-биологического, язык выступает средством профессионального общения. Кроме того, в рамках медико-биологического профиля работа с языком специальности становится ещё более актуальной и диктует необходимость его изучения на ранних этапах, так как на обучение иностранному языку отводится ограниченное время и овладение языком требуется для решения задач, связанных с будущей специальностью учащегося.

Стоит также отметить в ГОСТе [ГОСТ по РКИ 2020] лишь фрагментарное представление типовых тестов естественно-научного профиля и отсутствие единой открытой модели тестов медико-биологического профиля. Тестирование на уровень владения языком специальности медико-биологического профиля традиционно проводится локально внутри ВУЗов по окончании подготовительного факультета. В настоящее время возможность сдачи открытого экзамена на уровень В1 (язык специальности медико-биологического профиля) отсутствует. Однако не все обучающиеся имеют возможность приехать на подготовительный курс в ВУЗы РФ и поэтому готовятся к поступлению дистанционно.

Среди специальной литературы медико-биологической направленности преобладают практические пособия, решающие в своей массе задачи научного стиля и языка специальности и в меньшей степени решающие задачи коммуникации в профессиональной среде. Примером пособия по языку специальности медико-биологического профиля, которое на базе актуальной профильной лексики готовит обучающихся как к дальнейшему изучению профильных дисциплин

плин, так и к процедуре сдачи ТРКИ по специальности, является учебное пособие «Введение в язык специальности: Химия. Биология. Анатомия» (2023). Пособие разработано преподавателями РКИ и специалистами-тесторами. В конце пособия предлагается вариант теста по языку специальности уровня А2 по субтестам «Лексика. Грамматика», «Чтение» и «Письмо», что даёт представление о структуре и процедуре теста по языку специальности.

Представляется актуальной разработка лингвометодической основы и в частности лексического минимума по языку специальности медико-биологического профиля, которые лягут в основу тестов по русскому языку уровня В1. Тесты представят собой открытые экзаменационные материалы по данному профилю. Тесты включают в себя все субтесты: «Чтение», «Лексика. Грамматика», «Аудирование», «Письмо», «Говорение». Материалы каждого субтеста будут ориентироваться на уже существующие ГОСТ [ГОСТ по РКИ 2020] и Программу [Программа по РКИ. Профессиональный модуль 2014], но вместе с тем будут дополнены актуальной лексикой и терминами медико-биологического профиля. Данную работу в настоящее время осуществляют преподаватели подготовительного факультета СПбГУ.

Тесты будут направлены на проверку сформированности языковой, речевой и коммуникативной компетенций в рамках медико-биологического профиля по всем видам речевой деятельности.

Выбор уровня В1 для разработки открытых тестов по языку специальности медико-биологического профиля обусловлен тем, что именно данный уровень проверяет готовность обучающихся к коммуникации в аутентичной учебно-профессиональной среде, а также даёт возможность поступления на 1 курс высшего учебного заведения. Таким образом, разработанный тест, направленный на проверку уровня владения русским языком с учетом профессиональной ориентации учащихся, будет являться дополнением к уровню общего владения русским языком.

Литература

- Введение в язык специальности: Химия. Биология. Анатомия: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2023. 124 с. (Серия «Я учу русский. РКИ СПбГУ»)
- Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Профессиональные модули. Первый уровень. Второй уровень / Н. П. Андрушина, Т. Е. Владимирова, Л. П. Клобукова [и др.]. М., СПб.: Златоуст, 2020. 48 с.
- Клобукова Л. П. Обучение языку специальности. М.: Изд-во МГУ, 1987. 77 с.
- Программа по русскому языку как иностранному. Профессиональный модуль «Медицина. Биология». I-II сертификационные уровни владения РКИ / Н. И. Соболева, Т. В. Шустикова [и др.]. М.: РУДН, 2014. 188 с.
- Росконгресс «Россия — Африка» // Итоги второго саммита, экономического и гуманитарного форума Россия — Африка. Санкт-Петербург 27–28 июля 2023. СПб., 2023. 74 с.

Булышева Елизавета Сергеевна

методист, Центр языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.bulysheva@spbu.ru

СРАВНЕНИЕ ТЕСТИРОВАНИЯ НА УРОВЕНЬ C2 РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ (ГОВОРЕНИЕ И ПИСЬМО): ТРЕБОВАНИЯ К КАНДИДАТУ И СИСТЕМА ОЦЕНКИ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, РКИ, тестирование по русскому языку как иностранному, ТРКИ, ТРКИ-IV, C2, говорение, письмо, система оценки.

Тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) разрабатывался в 1990-е годы, и на сегодняшний день актуальной проблемой является обновление структуры теста и актуализация требований. В настоящее время языковое образование в Европе и многих странах за её пределами неразрывно связано с сертификационным тестированием — экзаменом для подтверждения уровня владения иностранным (или вторым) языком. В основе экзаменов по европейским языкам лежат компетенции CEFR, что, как мы полагаем, позволяет говорить о языковом тестировании как о глобальном процессе. Поэтому для актуализации системы ТРКИ и ее совершенствования нам представляется важным анализ систем тестирования по различным европейским языкам.

Мы бы хотели в настоящей работе обратиться к уровню ТРКИ-IV/C2, самому высокому в системе [CEFR 2020: 37]. Для анализа выбраны субтесты «Письмо» и «Говорение»: мы сравниваем их с соответствующими частями экзаменов по английскому и французскому языкам.

Субтест «Говорение» ТРКИ-IV/C2 включает условно-речевой блок. В одном из заданий кандидат выступает инициатором двух диалогов конфликтного характера с лицами, занимающими различные позиции в организации. Например, кандидат выступает в роли пассажира поезда дальнего следования. Он должен вступить в диалог с проводником, а затем — с начальником поезда. При этом необходимо реализовать указанные коммуникативные задачи, например: «Попросите проводника дать вам одеяло и включить отопление», «Выскажите в вежливой форме ваши претензии по поводу плохого обслуживания пассажиров начальнику поезда». У задания чёткая структура и высокая заданность параметров, что позволяет кандидату легче понять ситуацию, и при этом создает требуемую для данного уровня сложность. Однако недостатком задания является отсутствие возможности свободной коммуникации. Оцениваются корректность использования языковых средств и достижение коммуникативной цели. [Аверьянова и др. 1999: 89].

Сравним задание, представленное в тестировании по английскому языку на уровень C2 Cambridge, где в беседе участвуют два кандидата, которым предлагается обсудить и проанализировать представленные на картинках ситуации. Например, касающиеся сферы производства продуктов питания. [Cambridge 2024]. Кандидаты должны продемонстрировать умения осуществлять взаимодействие, обменяться идеями и доказать свою точку зрения, выразить согласие/несогласие, предложение, оценку, рассуждать, прийти к общему решению через обсуждение и т. д. Оцениваются, в числе прочего, умения развернуть тему и привести диалог к поставленной цели. Отметим, что в тестировании Cambridge оценивание направлено в первую очередь на успешность решения коммуникативных задач.

Экзамен по французскому языку DALF на уровне C2 совмещает проверку рецептивных и продуктивных навыков: первое задание, выполняемое с подготовкой — это прослушивание 15-минутного текста и его подробный пересказ. В задании проверяются навыки построения монолога, который на уровне C2 должен быть логичным, структурированным, лексически разнообразным, при этом также оценивается беглость речи [DALF 2024].

Субтест «Письмо» ТРКИ-IV/ C2 включает задания, которые, по нашему мнению, не позволяют кандидату в достаточной мере продемонстрировать навыки и умения письменной речи

на данном уровне в силу особенностей жанров. Так, кандидатам предлагается написать неформальное письмо и тезисы доклада. Неформальное письмо включает рекомендации и предостережения в рамках сферы межкультурного взаимодействия. Например, нужно написать письмо другу или знакомому, который собирается впервые посетить страну проживания кандидата [Аверьянова и др. 1999: 24, 56]. Несмотря на то, что для выполнения задания требуется разнообразие лексико-грамматических средств и высокий уровень сформированности межкультурной компетенции, задание в силу ограниченных возможностей вариантности может быть практически заранее подготовленным, если кандидат ознакомлен с материалами типового теста. Кроме того, жанр личного письма представляется нам более подходящим для тестирования на более низкие уровни. Тезисы кандидатам предлагается написать для доклада на общественно значимую тему. Отметим, что жанр тезисов знаком, в первую очередь, тем, кто регулярно участвует в научных мероприятиях, и задание требует от кандидата дополнительного изучения жанра.

Тестирование Cambridge предлагает задания по выбору. Например, это письмо, адресованное читателям журнала, в котором предлагается описать и проанализировать пережитый опыт принятия важного решения, статья в журнал, или ревью для сайта [Cambridge, 2024]. Данные тексты связаны с публицистическими жанрами. На наш взгляд, аналогичные задания могли бы быть использованы и в ТРКИ. Задание оценивается по параметрам: решение коммуникативной задачи, содержание, организация (логичность) и язык.

Тест DALF C2 предлагает кандидату обработать несколько письменных источников и на их основе создать свой текст-эссе. Также предъявляются две позиции, и текст должен отражать одну из них. Кандидату предлагаются тексты разного жанра и объёма: как правило, одна большая статья, небольшие заметки и графические стимулы — фото, комиксы, карикатуры и пр. [DALF 2024]. С подобными задачами по обработке информации люди нередко сталкиваются в профессиональной и академической сфере. Задание представляется актуальным, но слишком объёмным — продуцируемый текст составляет 700 слов.

В заключение хотелось бы отметить, что уровень ТРКИ-IV/C2 представлен в научно-методической литературе недостаточно подробно: единственным доступным нормативным изданием стал типовой тест, тогда как требования к уровню широкого распространения не получил. Также имеется крайне мало учебных пособий для данного уровня, что, возможно, является результатом отсутствия необходимых авторам ориентиров. Сопоставительный анализ тестовых систем по разным языкам может быть полезен как для разработки тестов, так и для составления требований к ТРКИ-IV/C2.

Литература

- Аверьянова Г. Н. и др.* Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Четвертый сертификационный уровень. Общее владение. М.; СПб.: Златоуст, 1999. 112 с.
- C2 Proficiency exam format | Cambridge English. URL: <https://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/proficiency/exam-format/>
- Common european framework of reference for languages: learning, teaching, assessment. // Council of Europe (2020), Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment — Companion volume, Council of Europe Publishing, Strasbourg. URL: www.coe.int/lang-cefr.
- Exemples de sujets DALF C2. URL: <http://www.delfdalf.fr/exemples-sujets-dalf-c2.html>

Булышкина Ирина Александровна

замдиректора школы «Знание», Рим, Италия, преподаватель РКИ;

iriboulychkina@gmail.com

ТРКИ В КОНТЕКСТЕ КУРСОВОГО ОБУЧЕНИЯ: ОПЫТ ЯЗЫКОВОГО ЦЕНТРА В ИТАЛИИ

Ключевые слова: русский как иностранный, Италия, курсовое обучение, тест по русскому языку как иностранному, ТРКИ.

В настоящем докладе мы бы хотели обсудить опыт работы школы «Знание» — языкового центра, который в течении пяти лет работает в Риме, Италия. С одной стороны, опыт каждого языкового центра за рубежом, основная деятельность которого связана с русским языком, уникален, с другой, центры во многом похожи, у них схожие цели, задачи, специфика работы и проблемы.

Сегодня интерес к русскому языку в Италии достаточно высок. Русский язык преподаётся в университетах, общеобразовательных школах и частных языковых центрах [Норман, Куссе 2020: 294], которые, будучи учреждениями дополнительного образования, играют особую роль в распространении русского языка за рубежом. Аудитория языковых центров — это взрослые и дети, изучающие русский язык с различными целями. Одной из них является интерес к русской культуре, литературе и истории. Многие студенты тоже видят преимущества изучения русского языка для своей карьеры и коммуникации с русскоговорящими людьми. При этом для многих языковых центров актуальным остается вопрос поддержки мотивации к изучению русского языка у учащихся. Среди факторов повышения мотивации мы бы хотели выделить сдачу Теста по русскому языку как иностранному (ТРКИ), сессии которого регулярно организуются в школе «Знание».

Перспектива прохождения ТРКИ помогает учащимся определить цель прохождения того или иного этапа в изучении русского языка, а работа над тренировочными заданиями — выявить слабые и сильные стороны. Кроме того, сертификационное тестирование — это независимая экспертиза, которую проводят специалисты из стран изучаемого языка, а сам сертификат — документ, который дополняет профессиональное портфолио.

Несмотря на малое количество аудиторных часов, что характерно для дополнительного образования, в частности, в школе «Знание» занятия проходят по субботам, подготовку к тестированию возможно интегрировать в учебный курс. Задания ТРКИ возможно использовать для развития всех видов речевой деятельности. Задания субтестов «Письмо» и «Говорение» позволяют развивать соответствующие навыки в рамках актуальных коммуникативных задач в объёме, соответствующем тому или иному уровню. Задания субтестов «Чтение» и «Аудирование», помимо подготовки к экзамену, являются полезным материалом для работы дома. Задания субтеста «Лексика. Грамматика» помогают структурировать изученный грамматический материал. Кроме того, для ТРКИ опубликованы типовые тесты и методические пособия для преподавателей, в которых описывается система оценки субтестов по продуктивным видам речевой деятельности, что помогает объективно оценивать прогресс учеников.

В настоящее время задания ТРКИ доступны благодаря учебным пособиям, в которые вошли тестовые материалы прошлых лет — это серия издательства «Златоуст» «ТРКИ на 100%», в рамках которой на данный момент опубликованы тестовые материалы уровней ТРКИ А1, А2, В1, В2, С1. Тем не менее, нехватка учебных пособий и для подготовки к ТРКИ, и учебников для основного курса РКИ остаётся существенной проблемой для преподавателей в системе дополнительного образования. Специфика аудитории языковых центров — гетерогенность. Необходимость организации обучения различным образом для школьников и взрослых не вызывает сомнений. Однако взрослая аудитория — это представители разных возрастных групп, среди которых есть и студенты, и пенсионеры. Несмотря на популярность концепции непрерывного образования, в соответствии с которой человек может обучаться различным специальностям

в течение всей жизни, учебных пособий, которые отвечали бы потребностям разных возрастов, практически нет. Многим языковым центрам не хватает двуязычных пособий по РКИ, пособий для высоких уровней владения русским языком — С1 и С2, материалов, в которых были бы представлены современные российские реалии с объяснениями на итальянском языке и т. п.

Исходя из своего опыта преподавания, думаем, что как взрослым, так и школьникам двуязычные учебные пособия подходят лучше всего, так как помогают им заниматься дома. Также билингвальные пособия обеспечивают облегчённое понимание материала, помогают проводить сравнения структур родного языка и изучаемого ими русского языка. Кроме того, такие пособия позволяют преподавателям использовать разнообразные представленные в двуязычных пособиях подходы к обучению для более интересных и эффективных уроков, например, игры, сценарии диалогов, ролевые игры и другие интерактивные формы обучения. Для начального этапа обучения инструкции к подобным заданиям важно дублировать на основном языке учащихся.

Школьники, обучающиеся в школе «Знание», проходят тест «Русский язык в сфере повседневного общения для школьников» и «Оценка коммуникативных навыков дошкольников» в рамках подготовки к ТРКИ. Эти тесты разработаны Центром языкового тестирования СПбГУ на основе ТРКИ с учётом возрастных особенностей школьников [Дубинина 2019]. Отметим, что для аудитории школьников не хватает программ обучения РКИ, которые учитывали бы требования ТРКИ и возрастные возможности школьников, учеников младших, средних и старших классов. Подобная программа стала бы важным инструментом в обеспечении системного и прогрессивного обучения. Программа по уровням ТРКИ, которые, в свою очередь, соответствуют CEFR, позволила бы систематизировать изучение лексико-грамматического материала, навыков и умений по всем видам речевой деятельности: чтения, письма, аудирования и говорения. Программы по уровням позволяют родителям лучше понимать, какие цели и задачи стоят перед их детьми в изучении русского языка, что способствует более эффективному взаимодействию между родителями и преподавателями. Необходимо учитывать, что дополнительное образование детей во многом зависит от доверия родителей к учебным занятиям, поэтому и программы курсов, и системы контроля должны быть описаны доступно и прозрачно.

Литература

Дубинина Н. А. Тестирование по русскому языку как иностранному для детей. Разработка Центра языкового тестирования Санкт-Петербургского государственного университета // Билингвизм в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции 22–23 марта 2019 [электронное издание]. Парма; Милан (Италия), 2019. С. 188–191.

Норман Б. Ю., Куссе Х. (ред.) Русский язык за пределами России. М. 2020. 416 с.

Гуськова Екатерина Владимировна

преподаватель Центра языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственный университет;
Katie.gus@yandex.ru

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «РУССКАЯ ЛЕКСИКА ДЛЯ ЖИЗНИ» И ПОДГОТОВКА К ТРКИ

Ключевые слова: лексика, пособие по русскому языку как иностранному, фрейм, ТРКИ.

Одним из компонентов языковой компетенции иностранных учащихся являются лексические навыки. Несмотря на безусловную важность лексики как уровня языка процесс овладения словарным запасом традиционно оставался на периферии отечественной лингводидактики. В центре внимания учебно-методической литературы, как правило, оказываются такие темы, как падежная система русского языка, глаголы движения, различные грамматические способы выражения пространственных, временных и аспектуальных значений. При этом инофоны испытывают трудности при выполнении экзаменационных заданий по русскому языку как иностранному, так как для сдачи всех субтестов сертификационного тестирования необходима чёткая систематизация лексических единиц и высокий уровень автоматизированности лексического навыка. На важную роль лексики «в порождении осмысленных и идиоматичных русских текстов» указывали М. М. Морковкин и Б. Бранд ещё в 1985 году [Морковкин, Брандт 1985: 67]. Пособие «Русская лексика для жизни: теория и практика» (авторы: Воскойвская В., Гуськова Е.), вышедшее в 2022 году в издательстве Санкт-Петербургского Государственного Университета, отвечает потребностям учащихся в комплексном изучении лексики и расширении активного словарного запаса, что в свою очередь способствует успешному прохождению государственного тестирования по русскому языку.

Среди особенностей пособия можно выделить следующие:

- Соответствие пособия лексическому минимуму

Система государственного тестирования по русскому языку в последнее время стала важным шагом на пути к стандартизированию учебного процесса овладения русским языком. Одним из нормативных документов для изучающих русский язык является лексический минимум. Именно поэтому пособие «Русская лексика для жизни» учитывает уровневую направленность и выходит за «лексические» пределы уровня лишь в том случае, если это коммуникативно оправданно.

- Широкое представление синтагматических и парадигматических связей слов

В пособие «Русская лексика для жизни» лексические единицы представлены как в парадигматическом (синонимия, антонимия, тематические группы и т. д.), так и в синтагматическом аспекте (сочетаемость, идиоматичность). Данный принцип помогает создать фундамент для достижения более высоких уровней коммуникативной компетенции. На продвинутом этапе изучения русского языка в экзаменационных заданиях именно синонимические и антонимические языковые средства становятся объектом контроля.

- Фреймовая организация лексического материала

При составлении пособия применялся фреймовый способ организации лексики, в котором «тематический отбор слов осуществляется по соответствующим фреймам» [Латышева, Борисова 2003: 132]. Фрейм как один из способов представления знания предлагает весьма практический инструмент для отбора и организации лексического материала. Фреймовый подход позволяет выделить не просто ситуацию общения, но и структурировать её семантические признаки. Например, в теме «Повседневные действия» выделяются такие категории, как «сон», «еда», «гигиена» и т. д. Стоит также отметить, что в качестве источника отбора и презента-

ции лексики был выбран речевой материал (тематические высказывания и тексты, где лексика вычленяется на основе её функционирования в рамках данной темы). Таким образом, пособие служит эффективным средством для осуществления речевой деятельности в пределах определённой ситуации общения на основе микротекста, что значительно упрощает выполнение таких субтестов ТРКИ, как «Говорение» (составление тематического монолога) и «Письмо».

- Учёт актуальных тенденций использования лексических единиц в современном русском языке

Данный принцип заключается в необходимости строгого отбора лексических единиц в соответствии с реальными условиями функционирования лексических единиц в современной коммуникации. Иными словами, в пособие были включены лишь те слова и те лексико-семантические варианты слов, которые не столько закреплены в словарном составе русского языка, сколько активно обеспечивают живое общение носителей языка. Например, вызывает сомнение включение в пособие слов типа «диск», «дискета», «сервант» и т. д. И, наоборот, были включены в пособие такие глаголы, как «лайкнуть» (описательный оборот «поставить лайк») или «выложить» (в идиоматических словосочетаниях типа «выложить фото на сайт»).

Таким образом, пособие «Русская лексика для жизни» является не только средством формирования и укрепления лексических навыков, но и подспорьем для координации речевых умений, необходимых для сдачи ТРКИ.

Литература

- Латышева А.Н., Борисова Е.Г.* Лингвистические основы РКИ. Педагогическая грамматика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003.
- Морковкин В.В., Брандт Б.* Базовый учебный словарь русского языка для учащихся определенной национальности, его научные основы и способы использования // Русский язык зарубежом. 1985. № 6. С. 61–68.

Довголюк Михаил Николаевич

канд. филол. наук, преподаватель, Центр языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственный университет;
mikhaildovgolyuk@mail.ru

УЧЁТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СЛУШАТЕЛЕЙ ИЗ ЗИМБАБВЕ И КЕНИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ТРКИ ЭЛЕМЕНТАРНОГО УРОВНЯ

Ключевые слова: русский как иностранный, государственная система тестирования, элементарный уровень.

Учащиеся из африканских стран представляют собой контингент, отличающийся неоднородностью, но вместе с тем имеющий свои особенности, которые необходимо учитывать преподавателю в процессе обучения и подготовки к ТРКИ.

Исходя из нашего опыта работы с африканскими студентами, следует отметить, что для них важно именно понимание каждой лексической единицы, каждой грамматической структуры. Кроме того, учащихся из стран Африки отличает довольно сильный культурный традиционализм, консерватизм мышления, опора на сформировавшиеся образцы мышления и поведения.

Субтест «Лексика. Грамматика». Блоковая структура данного субтеста позволяет организовать подготовку к нему в соответствии с лексико-грамматическими темами представленными в каждом блоке, делая упор на наиболее сложные темы. Традиционно вызывают трудности употребление глаголов движения и видовременные формы глаголов, а самыми трудными являются формы дательного и творительного падежей (последнего — в том числе из-за нетипичных окончаний), а также смешение форм предложного и винительного падежей при противопоставлении статики и динамики.

Если есть возможность, преподавателю всегда стоит стремиться упростить процесс восприятия студентами новой информации, указывая на схожесть грамматических форм родного и русского языков.

Работа над тестовыми материалами [Аверьянова 2023] в классе предусматривает объяснение учениками выбора той или иной грамматической формы со ссылкой на изученное правило, что снижает вероятность угадывания правильных ответов во время реального теста.

Субтесты «Чтение и Аудирование». Серьёзной проблемой, влияющей на формирование навыков аудирования, являются технические проблемы со связью, обусловленные форматом онлайн-занятий. Низкая скорость интернета не позволяет прибегать к воспроизведению аудиофайлов настолько же часто, как в формате очных занятий. К сожалению, преподаватель не может проконтролировать качественное выполнение домашних заданий, связанных с прослушиванием текстов и диалогов. Можно лишь судить о качестве усвоения материала, используя дополнительные задания.

В четырёх группах уровня А1 (Кения и Зимбабве), основным учебным пособием при работе с которыми использовался УМК «МИР» [Александрова 2022], учащимся были предложены дополнительные вопросы к каждому нечётному уроку блоков II–IV. Список из 8–10 вопросов давался в качестве домашнего задания только в формате аудиозаписи. От студентов требовалось внимательно прослушать вопросы столько раз, сколько необходимо, записать их и ответить на них. Часть из них представляла собой типичные вопросы, которые должен знать и понимать учащийся, осваивающий элементарный уровень владения русским языком. Другая часть была направлена на усвоение информации, полученной из текстов заданий учебника и рабочей тетради УМК. Таким образом, те студенты, которые качественно выполняли такие задания, в конце курса понимали вопросы на слух значительно лучше своих одноклассников. Представленная студентами обратная связь также показала, что несмотря на трудности в начале студенты считают такие задания очень полезными.

Можно дать следующие общие рекомендации для субтестов «Чтение» и «Аудирование»:

1. Обращать внимание на числовые обозначения (даты, количественные сочетания, возраст персонажей).
2. Учитывать синонимию конструкций и уметь находить одну и ту же информацию, выраженную с помощью разных языковых конструкций (Жан живёт в Париже = Жан — француз = Жан из Франции).
3. Помнить, что информация в тексте и в вопросах к данным субтестам даётся последовательно (за исключением общих смысловых вопросов).
4. Не стремиться к абсолютному пониманию всех деталей текста, сосредотачиваясь на главной информации.

Субтест «Письмо». Несмотря на долгую и тщательную отработку этикетных формул и изучение различий между официальным и неофициальным письмом, основной трудностью остаётся смешение ты- и Вы-форм в рамках одного письменного текста (при обращении к одному и тому же человеку): Привет, Оля!.. Как у вас дела?.. Что ты делаешь в воскресенье?

Кроме того, в письменных работах часто встречается отсутствие логической связи между предложениями, плавных переходов от одного смыслового отрезка текста к другому. Преподавателю, прежде всего, следует ориентировать студента на внимательное прочтение формулировки задания и использование вопросов, которые необходимо отразить в тексте письма, в качестве обязательных пунктов плана. Целесообразно знакомить учащихся с письменными клише, подходящими для элементарного уровня.

Субтест «Говорение». Наибольшие трудности вызывает второе задание субтеста (речевые ситуации). Сложность заключается в формулировках заданий, которые содержат формы императива (узнайте, спросите, пригласите, поздравьте и др.), поскольку данная тема не входит в список тем, изучаемых на уровне А1. В связи с этим, подготовка к данной части субтеста включает в себя поверхностное знакомство с формами императива (без изучения данного правила в полном объёме). Особое внимание уделяется восприятию заданий на слух.

К психологическим сложностям можно отнести неготовность студента начинать диалог в силу учебной привычки чаще отвечать на вопросы, чем задавать их. Упражнения, формирующие у учащихся навыки правильного конструирования вопроса, часто недостаточно полно представлены в существующих учебниках элементарного уровня. При отработке таких заданий нужно обращать особое внимание на то, что грамматические формы, используемые в вопросах, в большинстве случаев повторяются в ответах, и наоборот. Когда студенты начинают осмысливать эту специфику, их навыки заметно улучшаются.

Таким образом, при подготовке к ТРКИ элементарного уровня преподавателю стоит учитывать особенности африканской аудитории, проводить параллели с родным языком и культурой учащихся, мотивировать студентов, даже в какой-то мере оказывать психологическую поддержку.

Литература

- Аверьянова Д. В., Александрова Т. И., Дубинина Н. А. Тесты по русскому языку: А1. Открытые экзаменационные материалы СПбГУ. СПб., 2023.
- Александрова Т. И. и др. Мы изучаем русский: для говорящих на арабском языке. Элементарный уровень (А1): учеб. пособие / под ред. Л. В. Московкина, Т. И. Александровой. СПб., 2022.

Дубинина Надежда Александровна¹, Белецкий Станислав Борисович²

*1 специалист-тестор Центра языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственный университет
2 канд. филол. наук, научный сотрудник,
Школа филологических наук, НИУ Высшая школа экономики (Москва)*

ТЕСТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (ТРКИ) В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: Тест по русскому языку как иностранному, ТРКИ, межкультурная коммуникация, когнитивный стиль, коммуникативный стиль.

В настоящее время в языковом образовании всё большее внимание уделяется межкультурной коммуникации. С позиции культурной специфики нам представляется важным рассмотреть задания Теста по русскому языку как иностранному (ТРКИ), который в разных странах мира проходят представители различных культур. Подобные наблюдения могут быть полезны при подготовке к ТРКИ, а также при разработке тестовых заданий.

Для определения коммуникативных задач, которые могут вызывать сложности у представителей различных культур, задания ТРКИ представляется целесообразным проанализировать с применением категорий культурной грамматики и данных о национальных когнитивных и коммуникативных стилях. Для анализа были выбраны задания субтестов, в которых оцениваются навыки и умения продуктивных видов речевой деятельности — «Говорение» и «Письмо» — различных уровней. В качестве примера мы бы хотели обратиться к таким заданиям, как эссе («Письмо», ТРКИ-III/C1) и монолог на основе видеосюжета, дискуссия («Говорение», Второй уровень/B2, Третий уровень/C1). Задания анализируются на основе работ российских и зарубежных исследователей в сфере лингвистики и когнитивных наук.

Эссе кандидатам предлагается написать на уровне ТРКИ-III/C1. Предъявляются на выбор темы, относящиеся к различным сферам знаний. Среди основных задач эссе можно выделить следующие: выражение собственного мнения кандидата по указанному вопросу, аргументацию позиции, обращение к известным аналогичным или противоположным мнениям экспертов. При выполнении задания представители других культур могут столкнуться с рядом сложностей. Так, например, для кандидатов из Китая может быть непривычна структура, характерная для русскоязычных текстов. Китайский текст, в том числе научные статьи по гуманитарным и техническим отраслям знаний, построены таким образом, что одна единица информации будет повторяться, выраженная различными языковыми средствами. [Нагибина, Куликова 2021: 116]. В контексте русского языка это может быть воспринято преподавателем как уход от темы. Для носителей арабского и других семитских языков характерно построение текста абзаца с помощью систем параллельных лексико-грамматических конструкций [Chafe 1980: 52], что при оценке работы может восприниматься рецензентом как нарушение логичности и связности текста. Русскоязычные же тексты предполагают, что каждый абзац содержит новую единицу информации. Китайские тексты, как правило, включают большое количество прецедентных цитат и имён [Нагибина, Куликова 2021: 103], что связано с традицией письма, в то время как в русскоязычном учебном тексте прецедентные тексты упоминаются лишь при необходимости. Если говорить в целом о представителях коллективистских культур, то для них может представлять трудность построение аргументации — для текстов, созданных в рамках культур данного типа характерна, как отмечают исследователи, разветвленная аргументация «заключение, оно же доказательство», в то время как для русскоязычных текстов — линейная, «факт-факт-факт-заключение» [Таратухина, Черняк 2013: 170]. Также для культур коллективистского типа могут представлять трудность такие задачи, как выражение собственного мнения, так как члены общества привыкли действовать и мыслить в рамках принятых норм.

Субтест «Говорение» на уровнях ТРКИ-II/B2 и ТРКИ-III/C1 включает задание, в котором кандидатам предлагается построить монолог на основе видеосюжета. Предъявляется компози-

ционно законченный фрагмент художественного фильма, который на уровне ТРКИ-II/V2 нужно пересказать и выразить предположение, почему возникла данная ситуация, а на ТРКИ-III/C1 — выразить свою точку зрения относительно поставленной в задании морально-этической проблемы и в качестве иллюстрации привести примеры из видеосюжета. Данные исследований, в ходе которых перед представителями различных культур ставились аналогичные задачи, представлены в научной литературе [Арестова и др. 2022: 187; Chafe 1980: XV]. Мы бы хотели остановиться на стратегиях построения нарратива. В коллективной монографии под редакцией У.Чейфа «Истории о грушах» [Chafe 1980], в частности, описываются различия между подходом к пересказу видеосюжета у американцев и греков. Исследователями были выделены два основных различия: во-первых, рассказывая содержание сюжета, американцы говорили о происходящем как о фильме, в то время как греки говорили о событиях, не упоминая, что это происходило в фильме. Во-вторых, американцы последовательно и подробно рассказывали о происходящем, греки же фокусировались на социальных характеристиках героев и их мотивах, и упоминали только важные для этого события. Пересказы американцев получались длиннее, чем у греков [Chafe 1980: 54–55]. В работе российских исследователей приводятся данные исследования, полученные при сопоставлении нарративов носителей русской и азербайджанской культур. Так, носители русской культуры более подробно излагали события происходящего на экране, а азербайджанской — показали тенденцию к пропуску ключевых событий, но более охотно давали моральную оценку ситуации [Арестова и др. 2022: 194]. Мы полагаем, что эти данные могут быть полезны и при подготовке к субтесту «Говорение» ТРКИ-I/V1, в котором кандидатам необходимо пересказать прочитанный сюжетный текст.

В методике преподавания РКИ традиционно большое внимание уделяется страноведению и лингвострановедению, однако межкультурная коммуникация представлена недостаточно широко. Мы бы хотели отметить важность обращения к исследованиям в межкультурной коммуникации, в частности национальных когнитивных и коммуникативных стилей, и включения материала по данной тематике в методические курсы для преподавателей РКИ.

Литература

- Арестова О. Н., Гамзаева М. И., Блинникова И. В.* Культурная специфика в запоминании и воспроизведении сюжетного материала (на примере азербайджанской и русской культуры) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 181–220.
- Нагибина И. Г., Куликова Л. В.* Китайский дискурс: концепция культурологического анализа. Красноярск: СФУ, 2021. 180 с.
- Таратухина Ю. В., Черняк Н. В.* Некоторые дискурсивные и психолого-педагогические аспекты адаптации в инокультурной образовательной среде: офлайн и онлайн контекст // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Вестник факультета русского языка и литературы университета китайской культуры. Тайбэй: Университет Китайской культуры, 2013. Т. 14. С. 163–174.
- Wallace L. C.* (ed.). The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production (Advances in Discourse Processes, vol. III). Norwood, N. J.: Ablex, 1980. P. 323.

Жизневская Ольга Николаевна

канд. филол. наук, доцент,
Минский государственный лингвистический университет;
jiznev-ol@rambler.ru

НОВОСТНОЙ МЕДИАТЕКСТ В АСПЕКТЕ ПОДГОТОВКИ К ТРКИ (СУБТЕСТ «АУДИРОВАНИЕ»)

Ключевые слова: медиатекст, новостной медиатекст, аудирование, ТРКИ-II/B2, ТРКИ-III/C1.

В практике обучения русскому языку как иностранному медиатексты занимают особое место, поскольку они являются важным средством формирования языкового, речевого и социокультурного компонентов иноязычной коммуникативной компетенции.

В аспекте подготовки к сдаче тестирования по русскому языку как иностранному (далее — ТРКИ) приобретает актуальность создание и применение системы работы со звучащим новостным текстом, поскольку данный тип текста включен в экзаменационные материалы (субтест «Аудирование») второго и третьего сертификационных уровней (ТРКИ-II/B2 и ТРКИ-III/C1). Для решения этой задачи мы предлагаем собственную модель работы с новостным радиотекстом, звучащим на занятии в режиме онлайн (в частности, с новостями, которые ежедневно транслируются на «Русском радио»), а также с небольшими новостными текстами информационного портала газеты «Известия» (<https://iz.ru/>), которые могут применяться для самостоятельной работы иностранных обучающихся, в том числе при подготовке к сдаче ТРКИ.

Обращение к радионовостям в режиме онлайн при подготовке к ТРКИ, с одной стороны, способствует развитию оперативной памяти инофонов и навыка быстрой фиксации ключевой информации. С другой стороны, формирует умения, которые важны для достижения общего понимания при однократном предъявлении звучащего материала: определение тематики сообщений; разграничение ключевых и второстепенных фактов; игнорирование незнакомого лексического и грамматического материала, который не препятствует общему пониманию.

Приведем основные этапы работы с радионовостями.

1. Этап прослушивания. Задача этого этапа — максимальная концентрация слушающих и фиксация ими ключевых слов и словосочетаний. Отметим, что при работе с новостным материалом, который транслируется по радио в прямом эфире, важно постепенно формировать у инофонов умение слышать именно ключевые слова, составляющие семантическое ядро новости, а не отдельные слова, зачастую не несущие смысловой нагрузки.

2. Этап послетекстовой работы, который включает в себя:

- 1) «черновой вариант новости» (или «Кто что понял?») — выявление информации с выборочной фиксацией ключевых слов на доске, которую услышали обучающиеся;
- 2) «чистой вариант новости» — реконструкция основного содержания новости, ее смыслового ядра на основе ключевых слов, зафиксированных студентами, и, в случае необходимости, на основе ключевых лексико-грамматических конструкций, добавленных преподавателем с целью уточнения и расширения информации, воспроизведенной учащимися. При реконструкции содержания важно актуализировать фоновые знания студентов, опираться на логику.

3. Этап обсуждения вопросов и проблем, обозначенных в новостях, с обязательным использованием лексико-грамматических конструкций, записанных на доске.

4. Этап обобщения и систематизации. Когда все новости восстановлены и обсуждены, следует еще раз обратиться к ключевой лексике, записанной на доске, с целью ее лучшего усвоения (особенно, если слова были незнакомыми для всех или части студентов) и дополнительной отработки. Обычно задаётся следующий вопрос: «В каком контексте мы сегодня использовали это слово / выражение?». Если в группе есть слабые учащиеся или те, кто не понял ту или иную

новость, на данном этапе необходимо активно привлекать их, чтобы они почувствовали себя более уверенно. Кроме того, можно обратить внимание на нюансы использования тех или иных слов и словосочетаний, подобрать к ним синонимы / антонимы / однокоренные слова, проанализировать их стилистические, семантические и прагматические особенности [Жизневская 2021: 85].

В качестве источника материала для самостоятельной подготовки к ТРКИ может быть использован информационный портал газеты «Известия». Так, в разделе «Видео» (<https://iz.ru/video>) размещены небольшие ролики и их скрипты. Средняя продолжительность звучащего текста — 25–40 секунд. Основные преимущества — информационные мини-монологи оперативно-фактического характера; актуальная для социально-бытовой, официально-деловой и социально-культурной сфер общения тематика; естественный темп речи. Все это соответствует требованиям к звучащему тексту монологического характера, предъявляемым «Государственным образовательным стандартом по русскому языку как иностранному». Приведем один из возможных вариантов работы с новостным материалом.

1. Этап первичного прослушивания. Обучающийся самостоятельно прослушивает звучащий текст, фиксируя ключевые слова, отражающие смысловое ядро новости. Желательно, чтобы прослушивание было однократным (согласно требованию стандарта).
2. Этап самоконтроля и самоанализа. Обучающийся читает скрипт новости, отмечая при этом, что он верно понял при прослушивании, а что вызвало трудность. На данном этапе можно также обратиться к словарям и составить глоссарий к тексту.
3. Этап повторного прослушивания. Когда сняты все языковые трудности, следует повторно прослушать новостной текст, чтобы убедиться в полном его понимании и четко услышать то, что при первичном знакомстве вызвало сложности.

Таким образом, предложенные системы работы со звучащим новостным текстом на регулярной основе способствуют формированию и развитию умений, важных для достижения понимания при однократном предъявлении материала. Описанные модели при необходимости могут быть дополнены и модифицированы.

Литература

- Иванова Т. А. и др.* Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение. М.; СПб.: Златоуст, 1999. 40 с.
- Жизневская О. Н.* Аудирование радионовостей в режиме онлайн в практике обучения русскому языку как иностранному // Русский язык в центре Европы. 2021. № 21. С. 83–88.

Креницкий Олег Григорьевич¹, Пономарева Мария Андреевна²

¹специалист-тестор, Центр языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственный университет;
oleg_krinitcki@mail.ru

²специалист-тестор, Центр языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственный университет;
timofeevamasha94@mail.ru

К ВОПРОСУ О РЕНОВАЦИИ ФОРМАТА УРОВНЯ ТРКИ-IV/C2

Ключевые слова: тест, русский как иностранный, четвёртый уровень, реновация.

Тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) был впервые представлен в начале 1990-х годов. Система ТРКИ включает 6 уровней: ТЭУ/A1, ТБУ/A2, ТРКИ-I/B1, ТРКИ-II/B2, ТРКИ-III/C1, ТРКИ-IV/C2. На сегодняшний день стало очевидно, что система ТРКИ нуждается в обновлении, в частности необходимо пересмотреть типы тестовых заданий и разработать задания, актуальные по структуре, коммуникативным задачам и содержанию. Особое внимание тестологов при этом привлекает уровень ТРКИ-IV/C2.

Типовой тест ТРКИ-IV/C2 был издан в последний раз в 1999 году и с тех пор не корректировался. Однако Общевропейские компетенции владения иностранным языком (CEFR), с учетом которых разрабатывались сертификационные тесты по иностранным языкам в Западной и Восточной Европе и за их пределами, были изданы позже, в 2001 году. Исходя из этого, возникает необходимость пересмотреть тест на предмет соответствия дескрипторам CEFR. Мы полагаем, что коммуникативные задачи и структуру заданий в настоящее время можно считать устаревшими. Необходимо помнить, что языковое тестирование представляет собой глобальный процесс, а не просто отдельные экзамены по разным языкам, так как оно основано на общих принципах CEFR и его предназначение — подтверждение уровня владения иностранным языком для применения языка в различных странах. Наше внимание обращено именно на типовой тест, поскольку он является эталонным изданием как для тестирующих организаций, так и для преподавателей РКИ, которые готовят учеников к тестированию и составителей учебных пособий, так как иных стандартизирующих документов по данному уровню владения языком не существует. Для уровня ТРКИ-IV/C2 отсутствуют требования и лексический минимум, что затрудняет подготовку к тестированию и, возможно, является причиной острой нехватки учебных пособий для данного уровня. Следует отметить, что в 2020 году в электронном формате издан Государственный стандарт для уровня C2, однако материалы разрабатывались два десятилетия назад, поэтому требуют дополнений и уточнений; издание не получило широкого распространения.

На момент разработки теста данного уровня предполагалось, что его целевой аудиторией станут филологи-русисты, осуществляющие преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность, с учётом этого аспекта и разрабатывались задания теста, однако со временем сертификат, подтверждающий владение русским языком на уровне C2, привлёк и специалистов других сфер: переводчиков, сотрудников сферы международных отношений, в ряде стран сертификат необходим для замещения определённых должностей в различных государственных учреждениях. У этих кандидатов задания, предполагающие проверку не только коммуникативных компетенций, но и лингвистических аспектов русского языка, вызывают затруднения. Следует подробнее рассмотреть некоторые аспекты.

Например, в субтесте «Письмо» одно из заданий предполагает написание тезисов. Это задание не рассчитано на широкую аудиторию, успешно с ним справляются только те кандидаты, которые участвуют в академической деятельности и знакомы с этим жанром.

В заданиях субтеста «Чтение», на позициях 13, 14 и 15 кандидатам нужно указать три произведения русской литературы, которые «прямо или косвенно названы в тексте». Очевидно, что успешно выполнить задание смогут лишь кандидаты, которые достаточно хорошо знакомы

с произведениями русской литературы. В тест общего владения не должно входить задание, требующее дополнительных знаний.

С другой стороны, в тест входят задания, которые имеют не так много возможностей для разработки разных вариантов. Например, задание 11 в субтесте «Говорение», где кандидату предлагается выступить на радио и представить общественную организацию, клуб или объединение, выбрав одно из трёх предложенных, или задание 2 в субтесте «Письмо», где кандидату предлагается написать личное письмо, связанное с морально-этическим поведением людей в ситуации интернационального общения. Подобные задания способствуют формированию шаблона кандидатами в процессе подготовки к тестированию.

Также следует отметить, что в структуре субтеста «Лексика. Грамматика» нет принципиально новых типов заданий, которые бы отличали тест от других уровней. При этом тестологи отмечают «перегруженность» теста заданиями открытого типа (например, задания, где необходимо вписать пропущенные слова в аннотацию/рецензию).

При обновлении теста и его описания важно учитывать Общеευропейские компетенции владения иностранным языком и другие публикации разработчиков CEFR и исследователей в этой области. Так, например, в Дополнительном томе к Общеевропейским компетенциям, выпущенном в 2018 году, отсутствует понятие носителя языка, однако уровень ТРКИ-IV/C2 характеризуется как «близкий к уровню носителя языка», что в соответствии с современным описанием уровня считается ошибочным. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что для уровня ТРКИ-IV/C2 необходимо разработать требования, и исходя из них, основные типы заданий, которые могут входить в варианты теста. Разработка требований к уровню является одним из приоритетных направлений работы по реновации теста на уровень ТРКИ-IV/C2.

Литература

Аверьянова Г. Н. и др. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Четвертый сертификационный уровень. Общее владение. М.; СПб.: Златоуст, 1999. 112 с.

Лебедева Мария Юрьевна

*канд. филол. наук, заведующий лабораторией
когнитивных и лингвистических исследований,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина;
mylebedeva@pushkin.institute*

ПРОЕКТИРОВАНИЕ УЧЕБНЫХ И ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В МОДЕЛИ ОБРАТНОГО ДИЗАЙНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

В современной науке об образовании выделяются два ключевых подхода к проектированию обучения: 1) проектирование от опыта, когда на первый план выходит участие обучающихся в какой-либо деятельности и приобретение соответствующего опыта, и 2) проектирование от результата, когда определяющим компонентом системы является образовательный результат, четко измеренный и операционализированный как набор задач, которые обучающийся сможет решать в реальной жизни вне обучения. Оба подхода находят свое применение и доказывают свою эффективность в обучении языку. Первый подход продуктивен в ситуации, когда на первый план выходит задача поддержания мотивации к изучению языка и когда обучение не очерчено строгими формальными рамками. Второй подход оптимален в условиях, когда за ограниченное время необходимо получить определенные, четко измеримые результаты. К подобным ситуациям относится подготовка к обучению на русском языке, освоение языка как основного языка профессиональной коммуникации и пр. В этих и аналогичных случаях при проектировании обучения предпочтителен выбор модели обратного дизайна [Wiggins, McTighe 2005].

В данной модели вторым после описания планируемых образовательных результатов — и важнейшим — шагом в проектировании содержания и методов обучения является разработка измерительных инструментов, позволяющих оценить степень и объем достигнутых образовательных результатов каждым обучающимся.

Отметим несколько важных требований, применяемых к измерительным и оценочным материалам в проектировании обучения от результата. Во-первых, итоговое (суммирующее) оценивание должно быть тесно связано с операционализированными образовательными результатами и способно адекватно их отразить в виде наблюдаемых индикаторов. Во-вторых, контекст и задачи, предъявляемые в ходе оценивания, должны быть аутентичными и соответствовать реальным условиям, в которых обучающемуся предстоит применять полученные знания или компетенции вне образовательной среды.

В связи с этими установками перед разработчиками измерительных материалов встает несколько задач и трудностей.

Первая трудность связана с выбором между автоматизированным способом оценивания (тестированием классического типа) или оценочными материалами, приближающимися к аутентичным ситуациям общения (например, симуляциями), но при этом трудно формализуемыми и поэтому не подлежащими автоматической проверке. Одним из компромиссных на сегодняшний день решений являются компьютеризированные тесты сценарного типа, в которых тестируемый погружается в подготовленный разработчиками сценарий и решает ряд задач для достижения итоговой цели. Такие тесты могут быть как линейными с одной сюжетной линией, так и нелинейными с вариативным сюжетом и, что важнее для задач оценивания, с возможностью автоматизированного предъявления заданий требуемого уровня сложности.

Примером такого измерительного инструмента может служить комплекс тестов для оценки навыков коммуникации и кооперации для учащихся 4-го и 7-го классов [Углова и др. 2021]. Разнообразные по контексту сценарии отсылают тестируемого к реальным или фантастическим ситуациям (продумать досуг для друга, который приезжает из другого города; организовать постановку спектакля; договориться с инопланетянином). При этом для выполнения заданий не требуется специфических предметных знаний. Каждое задание в такой модели инициирует

проявление определенного субкомпонента коммуникативной компетенции, соответственно, тот или иной ответ, данный при выполнении задания, выступает наблюдаемым индикатором сформированности целевой компетенции.

Вторая трудность при разработке оценочных инструментов по языку в логике обратного дизайна связана с предельно точным и обоснованным отбором языкового и коммуникативного содержания, которое необходимо освоить для достижения образовательных результатов. Сама логика обратного дизайна предполагает создание максимально жесткой связки между программой обучения, содержанием оценивания и применением полученных в ходе обучения результатов в реальной практике. Таким образом, предполагается исключить риск обучать неактуальному или непродуктивному языковому материалу.

Для решения этой задачи обычно применяются технологии сбора и анализа так называемого целевого дискурса — коллекции аутентичных текстов (включая фрагменты устного общения) тех типов, жанров и тематических категорий, которые нужно научиться понимать и продуцировать учащимся в результате обучения. Такие данные позволяют сформировать лексическую основу программы (включая слова и многословные единицы), определить наиболее частотные грамматические конструкции, а также сформировать актуальную для задач обучения тексто-теку. Такая технология была успешно апробирована в ряде проектов по разработке образовательных программ и онлайн-курсов по русскому языку — например, онлайн-курса для специалистов в области атомной энергетики.

Таким образом, в современных подходах к проектированию обучения разработка оценочных инструментов является важнейшим этапом, предшествующим отбору содержания обучения. При этом методы и технологии разработки оценочных материалов нуждаются в актуализации, в том числе с опорой на цифровые методы.

Литература

- Уланова И. Л., Жильцова Л. Ю., Лебедева М. Ю.* Измерение навыков коммуникации и кооперации в начальной и средней школе: могут ли школьники договориться с инопланетянином? // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании: Материалы V Международной научной конференции: в 2 ч. Красноярск, 21–24 сентября 2021 года / под общ. ред. М. В. Носкова. Ч. 2. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. С. 682–686.
- Wiggins G., McTighe J.* Understanding by Design. Alexandria: ASCD, 2005.

Матенова Юлия Умидовна

канд. филол. наук, доцент,

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами;

matenova.julia@gmail.com

ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОВЕДЕНИЯ ТРКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Ключевые слова: компетенция, уровень владения, тестирование, субтест, межнациональное общение.

Узбекистан — многонациональная, мультикультурная страна. В семьях всегда было традицией владение несколькими языками: родным (узбекским, каракалпакским, таджикским, казахским и т.д), русским и еще каким-нибудь западноевропейским языком. Так было в семье моих бабушек и дедушек, моих родителей. Но времена меняются, и постепенно один из показателей образованности и интеллигентности человека, такой, как лингвистическая компетенция, утрачивается. Разговаривая с современной молодежью, понимаешь, что русский язык для них — это не язык межнационального общения, а западноевропейскими языками они и вовсе не владеют.

В общеобразовательных школах нашей страны обучение ведется на 7 языках (узбекском, русском, каракалпакском, казахском, таджикском, киргизском, туркменском), на всех этих языках издаются учебники.

Подготовка учителей — русистов в нашей Республике ведется по следующим направлениям образования бакалавриата: 60230100 — «Филология и обучение языкам (русский язык)», 60111500 — «Родной язык и литература (Русский язык и литература)», 60111700 — «Русский язык в иноязычных группах».

Шифр специальности 60111700 — «Русский язык в иноязычных группах» предполагает обучение будущих преподавателей русского языка для школ с узбекским, казахским, таджикским, каракалпакским и другими языками обучения.

Основной контингент кандидатов на сдачу теста по русскому языку как иностранному — это выпускники направления образования «Русский язык в иноязычных группах». Самый востребованный уровень — это С1, так как при наличии сертификата данного уровня учителям, преподающим русский язык как иностранный, предоставляется 50-процентная надбавка к зарплате.

При тестировании кандидатов на уровень С1 мы сталкиваемся с тем, что степень владения русским языком у кандидатов совершенно разный: одни свободно владеют письменной и устной речью, другие же — это, скорее кандидаты на уровень А2.

Вторая проблема — это культурологическая компетенция и общая эрудиция. Например, когда в варианте 13 субтеста «Письмо» кандидатам предлагается на основе прочитанного написать письмо своему русскому знакомому, который интересуется проблемами, связанными с искусственным интеллектом, некоторые кандидаты не знают даже, что такое искусственный интеллект. Или же — в задании номер 2 субтеста «Письмо» нужно прочитать статью из научно-популярного журнала и написать на ее основе сообщение для передачи по электронной почте. Это задание также вызывает у слушателей определенные трудности. У многих нет адреса электронной почты, и как писать сообщения такого рода, они просто не знают, тем более задание осложнено тем, что в предложенном тексте нужно сократить определенное количество предложений, используя общепринятые сокращения слов. Это тоже сложно, так как у некоторых кандидатов читательская грамотность не на должном уровне. При выполнении 3-го задания субтеста «Письмо», когда нужно написать рассуждение — эссе на одну из предложенных тем, некоторые кандидаты, к сожалению, вместо того, чтобы изложить свои мысли, пытаются воспользоваться готовыми материалами из сети Интернет.

Возникают сложности и с субтестом «Говорение». В варианте 13 в задании номер 3 кандидаты тоже сталкиваются с проблемой. Тестируемый должен похвалить удачно выбранную для шашлыков локацию.

«А. Удачно мы нашли место у озера — народу мало, наверное, о нём мало кто знает.

Б. Просто эта сторона озера далеко от дороги, поэтому место непопулярно».

Кандидаты, вместо того, чтобы обратить внимание на первую реплику, которая начинается со слова «удачно», делают акцент на вторую реплику, из которой буквально вычлениют 2 словосочетания: «далеко от дороги» и «место непопулярно». Таким образом, меняется смысл, вместо удачно выбранного места друзья устроили пикник в непопулярном и далеко расположенном месте. От неправильно расставленных смысловых акцентов меняется коннотация всей реплики.

Или в том же варианте в задании номер 8 кандидат должен разубедить тестера. Но в ответ на реплику тестирующего:

«К тому же в последнее время я стал ездить на работу на метро».

Кандидат вдруг начинает одобрительно кивать головой, произнося, что нужно продолжать пользоваться метро, сопровождая свои слова радостной улыбкой. В сознании многих людей, особенно тех, кто живет в малых городах, метро — это современный и привлекательный вид транспорта, и выбирая между собственным автомобилем и метро, конечно же, нужно выбрать последнее.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы озвучить возможные трудности и перспективы в плане проведения ТРКИ и подготовки преподавателей РКИ в Узбекистане.

Трудности:

1. Кандидаты при сдаче ТРКИ, к сожалению, проявляют интерес в основном к уровню С1, потому что именно при наличии сертификата данного уровня полагается надбавка к заработной плате.
2. В ВОУ Узбекистана не разработана методика преподавания РКИ;
3. В ВОУ при обучении русскому языку как неродному не предусмотрено деление группы на подгруппы, как при обучении иностранному языку, что в свою очередь затрудняет процесс овладения русским языком;
4. В нашей стране не все осознают необходимость заниматься русским языком, так как в повседневной жизни довольно уверенно общаются на нём. Только при сдаче ТРКИ на уровень С1 обнаруживаются в знании языка пробелы. Если бы кандидаты начинали языковую подготовку с более низких уровней, то существенных ошибок можно было бы избежать.
5. Если студенты понимают, что преподаватель владеет их родным языком, то они без стеснения переходят на этот язык и не стараются говорить на русском;
6. При поступлении в магистратуру на специальность «Русский язык в иноязычных группах» сертификат ТРКИ (который данным студентам, на наш взгляд, необходим) не принимается во внимание, студенты поступают при наличии международных сертификатов, подтверждающих уровень владения другими иностранными языками (английским, немецким, французским, испанским и т. д.)
7. При поступлении в магистратуру выпускники направления «Русский язык в иноязычных группах» готовятся к сдаче IELTS, а язык специальности, следовательно и ТРКИ остается не в зоне их внимания и интересов.
8. На курсах русского языка нет промежуточного экзамена на уровень А1, А2 и т. д. Хорошо было бы закончив определенный учебный модуль, сдать экзамен и определить степень владения учащимся языком.

Перспективы:

1. Профессия преподавателя РКИ очень востребована в учебных заведениях Республики Узбекистан;
2. Преподавателям РКИ в школах с узбекским и другими языками обучения при наличии международного сертификата, подтверждающим уровень владения кандидатом С1, положена 50-процентная надбавка к зарплате;

3. При поступлении абитуриентов на совместные образовательные программы при наличии международного сертификата РКИ не нужно сдавать блок русского языка, абитуриент получает за него максимальный балл;
4. Увеличена квота набора абитуриентов на направление образования бакалавриата «Русский язык в иноязычных группах», в связи с тем, что в регионах Узбекистана востребована именно эта специальность;
5. И, наконец, при наличии диплома по специальности «преподаватель РКИ» выпускник может быть трудоустроен не только в образовательные заведения Республики Узбекистан, но и любой страны мира.

Литература

- Лазарева О. А.* Школа тестора: Лингводидактическое тестирование ТРКИ-TORFL. М.: Русский язык, 2013.
- Тесты по русскому языку: С1. Открытые экзаменационные материалы СПбГУ. 2-е изд. СПб.: Златоуст, 2022.

Матич Мила¹, Дубинина Надежда Александровна²

¹ассистент отделения славистики, Университет в Нови-Саде

²специалист-тестор, Центр языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственный университет

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В ПИСЬМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ СЕРБСКИХ ГИМНАЗИСТОВ (НА ПРИМЕРЕ УРОВНЯ B2)

Ключевые слова: русский как иностранный, сербский, письменная речь, письмо, тестирование школьников по РКИ.

В Сербии существуют две специализированные школы, где обучение иностранному языку проводится по углублённой программе. Это Филологическая гимназия в г. Белграде и Карловацкая гимназия в г. Сремски Карловцы [Матич 2021: 184]. До 2023 года обучение по филологическому профилю осуществлялось только в этих гимназиях. В этих гимназиях существуют давние традиции преподавания русского языка. Благодаря реформе образования в прошлом году, и другие крупные сербские учреждения среднего образования также открыли отделения с углублённым изучением филологических дисциплин.

В филологических гимназиях уроки первого иностранного языка проводятся каждый день полностью на русском языке в группах численностью 12 человек. Развитию навыков и умений письменной речи в этих учебных заведениях уделяется большое внимание. В программу третьего класса включён предмет «Основы перевода». В конце четвёртого класса учащиеся сдают вступительные экзамены по русскому языку и литературе по всей учебной программе.

В сербской методике преподавания русского языка, корни которой уходят в XVIII век, оценка достижений учащихся филологических гимназий в аспекте «Письмо» не анализировалась достаточно глубоко, поэтому данная тема заслуживает внимания. Мы полагаем, что обучение письму можно сделать более эффективным, если выстраивать учебный курс по этому аспекту с учётом типичных ошибок, которые допускают гимназисты.

С целью выявления наиболее частотных ошибок, которые допускают в письменной речи учащиеся, нами было проведено тестирование. Использовались контрольно-измерительные материалы теста «Русский язык в сфере повседневного общения для школьников», разработанного Центром языкового тестирования Санкт-Петербургского государственного университета (Россия) уровня B2 (CEFR) [Дубинина 2019: 189].

Так, по итогам выполнения заданий субтеста «Письмо» мы получили письменные тексты, которые позволили нам определить наиболее частые ошибки восемнадцати учеников гимназий 4-го класса. Тестирование проводилось в 2022 году. Возраст учеников на тот момент был 18–19 лет. Испытуемые выполняли задание, в котором им предлагалось написать письмо другу с элементами эссе и выразить свое мнение по заданной теме. В данном случае — по теме «Спорт в жизни человека».

Предполагалось, что испытуемые будут допускать ошибки в (А) орфографии и пунктуации (особенно нас интересовала расстановка запятых), (Б) морфологии (прежде всего, в предложно-падежной системе и управлении глагола) и (В) использовании лексических единиц (вследствие родства языков). Тем не менее, наиболее представительными по количеству и типу ошибок стали группы А и Б.

Ошибки групп А и Б выявлены следующие. У испытуемых навыки и умения пунктуации сформированы на уровне ниже ожидаемого. В частности, допускаются ошибки при постановке запятых. В работах 15 учеников (88,24 %) этот знак препинания регулярно пропускается перед союзами и союзными словами: что — 11 учеников / 64,71 %, когда — 5 учеников / 29,41 %, потому что (4 учеников / 23,53 %) и который (3 учеников / 17,65 %). Запятая поставлена там, где этого не требуют правила пунктуации: Считаю что, это было полезно для меня [...]; Дождь ли идёт на улице, или зима [...]; Твоя, Ира. Не ясна причина отсутствия запятых при обращении, поскольку это правило пунктуации существует и в сербском языке: Привет Саша, Здравствуй Иван.

Было отмечено лишнее или пропущенное тире: А ты — считаешь, что спорт полезен? / Мой кумир в баскетболе Никола Йокич. Одна из распространенных ошибок — постановка дефиса: все таки, в первых, во вторых. Отметим, что все ученики корректно выделяют абзацы и ставят точку, что у учащихся на данном этапе обучения не должно вызывать сложностей.

Среди грамматических ошибок к наиболее частотным можно отнести некорректное использование падежных форм существительных и прилагательных в единственном и множественном числе: В жизни современного человека нет больше места для спорт; Я задумалась о том, как у нас нет свободы поступать по нашим собственным желаниям. Это очень важно и для тело и для психи. Здесь можно выделить ошибки, связанные с русско-сербской интерференцией в дат. и тв. п. ед. ч.: Дорогая Ива, мы с тобой недавно разговаривали о спорту в жизни современного человека / Тоже часто с моим папом смотрела мятчи по телевидению, когда я смогла. Частотны также конструкции с пропущенным подлежащим, которое должно быть выражено местоимением, также являющимися следствием интерференции: Предпочитаю заниматься настоящим спортом; Поэтому наверно и заняла первое место; Очень жаль, что больше не занимаюсь танцем). К регулярным можно отнести ошибки в управлении глагола: С детства родители должны воспитывать свои дети в направлении физической активности; Даже Сократ сказал, что каждый человек должен заниматься своим телом, чтобы достичь самое лучшее состояние своего организма; Человеку очень грустно просто всегда сидет дома и не занимается никаким физическим делами.

Хотя в сочинениях встречаются сложные предложения, в основном используемые испытываемыми синтаксические структуры проще, чем предполагалось, учитывая что формированию навыков письменной речи уделяется достаточно большое внимание. Также ожидалось, что в силу родства языков ученики филологических гимназий обнаружат более богатый лексический запас. Ученики ограниченно использовали стилистические средства выражения, фразеологизмы, сложные синтаксические структуры и средства связи. Тем не менее, большинство учеников показало, что в рамках предъявленной темы могут сформулировать и аргументировать свою точку зрения на русском языке.

Помимо анализа ошибок, данные письменные работы оценивались с помощью рейтерских таблиц, которые, в первую очередь, нацелены на оценку достижения поставленной коммуникативной задачи в соответствии с требованиями к уровню B2. Таким образом, по результатам оценки возможно было предварительно определить уровень владения русским языком у учеников. При оценке по рейтерским таблицам используются такие параметры, как содержание, реализация коммуникативной задачи, организация текста, выбор и корректность использования языковых средств. Ключевым фактором при оценке содержания на B2 является умение описать проблематику и социальную сторону вопроса, необходимо представить и аргументировать свою точку зрения относительно заданной темы. В соответствии с поставленной коммуникативной задачей текст должен представлять собой неформальное письмо и иметь необходимую структуру. Выбранные языковые средства должны отвечать требованиям уровня, однако кандидаты могут допускать ошибки. На успешность результата влияет количество и характер допущенных ошибок. Значительная часть оцененных работ может быть отнесена к уровню B2, однако необходимо отметить, что система тестирования для школьников адаптирована для данного контингента с учетом возрастного фактора.

Результаты и методика проведенного исследования, как мы полагаем, могут быть полезны для разработки учебных курсов по аспекту «Письмо», а также для совершенствования критериев оценки навыков письменной речи в текущем контроле и сертификационном тестировании.

Литература

Дубинина Н. А. Тестирование по русскому языку как иностранному для детей. Разработка Центра языкового тестирования Санкт-Петербургского государственного университета // Билингвизм в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции 22–23 марта 2019. Парма, Милан (Италия), 2019. С. 188–191.

Матич М. Русский язык и литература в филологических гимназиях — обзор тридцатилетнего состояния // *Зборник На Трудови Руски Јазик, Литература и Култура: Минато, Сегашност, Иднина*. Скопје, 2021. С. 183–189.

Матић М. Поводом тридесет пет година руског одељења Филолошке гимназије у Београду // *Руски језик у Србији и Републици Српској данас: зборник радова поводом 75 година Славистичког друштва Србије* / eds Биљана Марић, Јелена Гинић, Лука Меденица. 2023. Р. 147–165.

Ныклова Людмила Викторовна

*преподаватель, курсы русского языка при Русском доме в Праге,
korniuch@mail.ru*

ПОДГОТОВКА К СЕРТИФИКАЦИОННОМУ ТЕСТИРОВАНИЮ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ НА КУРСАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ РУССКОМ ДОМЕ В ПРАГЕ

Ключевые слова: сертификационное тестирование, курсовое обучение, носители чешского языка.

На курсах русского языка при Русском доме в Праге изучают русский язык как иностранный слушатели разного возраста, разных профессий, с разным уровнем образования. Родным языком обучающихся является, как правило, чешский язык. Доклад посвящен специфике подготовки носителей чешского языка в условиях курсового обучения к сертификационному тестированию по русскому языку как иностранному разных уровней.

Групповое обучение на курсах русского языка при Русском доме в Праге на каждом конкретном уровне предполагает возможность подготовки к сертификационному тестированию. Обучение ведется по учебникам российских издательств, прежде всего издательства «Златоуст», а именно: «Русский сезон», «Дорога в Россию»; «Окно в Россию», «В мире людей». Овладение учебным материалом, представленным в учебниках (особенно на уровнях А1–В1), позволяет обучающимся достичь хороших результатов при прохождении сертификационного тестирования. В качестве дополнительных материалов при подготовке к тестированию используются тренировочные тесты, тестовые практикумы, демонстрационные тесты.

В докладе будут рассмотрены наиболее типичные группы кандидатов, проходящих тестирование в Чешской Республике. Так, например, ТРКИ-1 проходят учащиеся выпускных классов средних школ и гимназий, так как этим экзаменом можно заменить экзамен по иностранному языку в профильной части выпускных экзаменов; ТРКИ-2 и ТРКИ-3 проходят сотрудники чешских министерств и ведомств, поскольку эти экзамены входят в список стандартизированных языковых экзаменов для языковой квалификации сотрудников органов публичной власти.

Владение близкородственным (славянским) языком облегчает процесс овладения русским языком и подготовки к сертификационному тестированию, однако для каждого уровня подготовки можно выделить свои проблемы. В докладе будут проанализированы трудности, с которыми сталкиваются слушатели курсов русского языка при Русском доме в Праге в процессе подготовки к сертификационным экзаменам. Особо будут отмечены трудности, связанные с овладением лексикой и грамматикой при подготовке к ТРКИ-2 и ТРКИ-3 в условиях курсового обучения с ограниченной часовой дотацией; описана практика обучения письму и говорению для подготовки к тестированию.

Литература

Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию. СПб., 2020.

Макова М. Н., Ускова О. А. В мире людей. СПб., 2018.

Андрюшина Н. П., Макова М. Н. Тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. II сертификационный уровень. СПб., 2019.

Тест по русскому языку как иностранному языку. Второй уровень. URL: https://testingcenter.spbu.ru/images/files/B2_demo_2.pdf

Погадаева Полина Викторовна

канд. ист. наук, руководитель центра русского языка и культуры «Дача» (Малайзия)

ТРКИ: ОПЫТ МАЛАЙЗИИ. СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: ТРКИ, Малайзия, РКИ, русский язык.

Преподавание русского языка в Малайзии началось в конце 1960-х годов, после установления дипломатических отношений между странами в 1967 году. Изначально русский язык преподавался в Университете Малайя, Технологическом институте (ныне университете) МАРА и при Культурном центре советского посольства [Погадаева 2022: 85].

С 2005 до 2023 г. на базе Малайзийского института авиационных технологий (МИАТ) Университета Куала-Лумпура работал подготовительный факультет Московского авиационного института (МАИ): ежегодно в рамках соглашения между институтами после прохождения годичного подготовительного курса (включающего 620 часов русского языка), 25–50 малайзийских студентов отправлялись на обучение в российские вузы. При этом, уже приехав в Россию, им необходимо было сдать ТРКИ-1/В1 для зачисления на первый курс. Таким образом, опыт подготовки к ТРКИ уже фактически существовал в Малайзии на протяжении почти 20 лет.

В 2021 году был создан частный центр русского языка и культуры «Дача», на базе которого работает несколько высококвалифицированных преподавателей русского языка. Двое из них — преподаватели РКИ — успешно прошли курсы повышения квалификации Санкт-Петербургского университета по всем уровням Тестирования по русскому языку как иностранному. После этого «Дача» заключила договор и стала официальным партнером Центра тестирования СПбГУ в Малайзии и единственным аккредитованным центром в Малайзии, предлагающим возможность сдать экзамен ТРКИ.

Первый экзамен ТРКИ в Малайзии прошел в апреле 2022 года. 6 участников (малазийцы и немалазийцы в возрасте от 16 до 70 лет) проверили свое знание русского языка от уровня А1 до В2. У всех были разные причины сдать экзамен — дополнительные баллы для выпускников школ, возможности для бизнеса с Россией и странами СНГ, мотивация для дальнейшего изучения и простой интерес.

Второй опыт ТРКИ состоялся в октябре 2023. На этот раз было двое кандидатов, но они тоже успешно справились с экзаменом.

Почему количество кандидатов такое небольшое? Есть несколько причин. Во-первых, стоит отметить малую информированность об этом экзамене. Многие студенты, изучающие русский язык, вообще не знают о его существовании или думают, что его можно сдать только в России. Одна из наших задач — познакомить их с ТРКИ и постараться максимально мотивировать сдать этот экзамен. Это подводит нас к следующей причине: сложность ТРКИ по сравнению с другими международными экзаменами по иностранным языкам. Для сравнения, французский центр Alliance Française предлагает интенсивный 6-недельный курс (66 часов) подготовки к уровню DELF (Diplôme d'études en langue française) А1 с нуля.

При этом еще важно учитывать специфику местной языковой ситуации. В Малайзии более пятидесяти этнических групп, три из которых — малайцы, китайцы и индийцы — считаются основными. Малайзия — страна множества языков. Каждый малайзиец владеет как минимум двумя языками. Огромное количество людей свободно говорит с рождения на трех или даже четырех языках. При этом, как ни странно, в стране практически отсутствует система преподавания иностранных языков [Кириенко 2022: 30, 57]. Поэтому академическое изучение любого языка (тем более русского) вызывает трудности у малайзийцев.

Отдельно стоит сказать о русскоязычной диаспоре в Малайзии: число россиян за последние годы выросло до 1,5–2 тысяч человек, однако в стране проживает несколько тысяч соотечественников из стран СНГ (Узбекистана, Казахстана, Киргизии). Таким образом, насчитывается около 10 тыс. человек, владеющих русским языком, что является существенным показателем для такой удаленной в географическом и культурном плане страны, как Малайзия.

Важно отметить, что большинство детей наших соотечественников посещают местные или международные дошкольные учебные заведения и школы, где преподавание ведется на малайском, китайском или английском языках. Интерферирующее влияние второго (часто и третьего) языка часто приводит к тому, что русский язык отходит на второй план [Белозерцева 2020: 11].

Мы согласны с мнением коллег, что одним из мотивирующих факторов к изучению и поддержанию русского языка среди детей и подростков может стать оценка знаний со стороны независимых экспертов, в частности тестирование по русскому языку как иностранному (ТРКИ) [Доктор 2017: 30]. Поэтому в ближайших планах нашего центра — подготовка кандидатов и проведение теста «Русский язык для повседневного общения для школьников».

Для дальнейшего распространения изучения русского языка в Малайзии необходимо расширение географии преподавания (в другие города и штаты), создание центра подготовки специалистов РКИ среди соотечественников и местных специалистов, а также разработка учебников и материалов на малайском языке, учитывающих культурные особенности населения Малайзии.

Несмотря на все трудности, можно с уверенностью сказать, что уже проделана большая работа в рамках программы поддержания русского языка в Малайзии, и намечен план дальнейших мероприятий в этом направлении. При этом тестирование по русскому языку как иностранному является, на наш взгляд, важной и необходимой частью этой работы.

Литература

- Белозерцева А. В., Погадаева П. В.* Преподавание русского языка в Малайзии // Русский язык в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: традиции, тенденции и перспективы изучения и преподавания. Материалы Международной научно-практической конференции. Бангкок, 2020. С. 10–12.
- Доктор Р. М., Бюхнер Э. А., Дубинина Н. А., Ильичева И. Ю.* Опыт подготовки школьников к ТРКИ // Русский язык за рубежом. Спецвыпуск «Русистика в Германии». 2017. С. 30–33.
- Кириенко Д.* Малайзия изнутри. М., 2022.
- Погадаева П.* Основные достижения, проблемы и перспективы преподавания русского языка в Малайзии // Россия в регионе Южных морей: сб. материалов научно-практических онлайн конференций «Практика сохранения историко-культурного и научного наследия» (Россия — Малайзия, 1 марта 2022; Россия — Камбоджа, 23 марта 2022; Россия — провинция Папуа (Индонезия), 27 апреля 2022; Россия — Индонезия, 25 мая 2022) / сост. Е. М. Астафьева. М., 2022. С. 85–89.

Пономарева Мария Андреевна¹, Ильичёва Ирина Юрьевна²

¹специалист-тестор, Центр языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственный университет;
timofeevatasha94@mail.ru

²главный методист, Центр языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственный университет;
ilicheva-irina@mail.ru

ЗАДАНИЯ ПРОДУКТИВНОГО ТИПА В ТЕСТИРОВАНИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: АКТУАЛИЗАЦИЯ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ

Ключевые слова: тест, русский как иностранный, письмо, говорение, критерии оценки.

Лингводидактический тест — комплекс заданий, подготовленных в соответствии с определёнными требованиями, прошедших предварительную апробацию с целью выявления показателей качества, позволяющих определить у тестируемых степень их языковой (лингвистической) и/или речевой (коммуникативной) компетенции [Коккота 1989: 8].

Сертификационное тестирование для подтверждения уровня владения языком есть в большинстве стран. В качестве примера можно привести Cambridge English — экзамен по английскому языку, Нихонго Норёку Сикэн (Japanese Language Proficiency Test) — экзамен по японскому языку, систему ECL, которая включает экзамены по разным европейским языкам, TOPIK (Test of Proficiency in Korean) — экзамен по корейскому языку или HSK (Hanyu Shuiping Kaoshi) — экзамен по китайскому языку.

Сертификационное тестирование — это глобальный процесс, в который вовлечён и русский язык. Тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) проводится с 1992 года. Это государственный экзамен по русскому языку как иностранному (РКИ), который широко распространён во многих странах мира. Система ТРКИ создавалась на основе Общеввропейских компетенций владения иностранным языком (Common European Framework of Reference, CEFR).

Система ТРКИ включает шесть уровней: ТЭУ/А1, ТБУ/А2, ТРКИ-I/В1, ТРКИ-II/В2, ТРКИ-III/С1, ТРКИ-IV/С2.

Тест ТРКИ каждого уровня состоит из пяти субтестов: «Лексика. Грамматика», «Чтение», «Аудирование», «Письмо», «Говорение». Задания продуктивного типа включают только два из них, «Письмо» и «Говорение». За период существования системы ТРКИ критерии и параметры оценки данных субтестов не пересматривались, несмотря на то, что проблема оценки задания открытой формы неоднократно обсуждалась исследователями. Очевидно, что внимание специалистов привлекли выявленные в течение периода существования ТРКИ несовершенства системы оценки.

Одной из проблем, на наш взгляд, является применение в зависимости от уровня различных систем оценки. В ходе разработки системы оценки субтестов «Говорение» и «Письмо» были сформированы две системы, каждая из которых основывается на различных критериях.

Первая система используется на уровнях ТЭУ/А1, ТБУ/А2, ТРКИ-I/В1 и предполагает оценку заданий по контрольным листам, где необходимо зафиксировать, каждую языковую ошибку кандидата. В типологию ошибок при этом входят коммуникативно значимые ошибки, то есть нарушение смысла отдельной фразы, затрудняющее коммуникацию или делающее невозможным продолжение коммуникации, коммуникативно незначимые ошибки, под которыми понимается нарушение тех или иных норм языка, не влияющее на успешный ход коммуникации, а также логические ошибки, то есть нарушение логического строения предложения, которое затрудняет коммуникацию, а также нарушение связности между функционально-семантическими блоками текста. Кроме того, в контрольные листы входят такие критерии оценки как адекватность, то есть соответствие продуцируемого текста коммуникативной задаче, полнота, точность, то есть корректность интерпретации информации предъявляемого текста соблюдение

норм речевого этикета, нарушение фонетико-интонационных норм — последние два критерия актуальны для субтеста «Говорение». С помощью контрольных листов оценивается в первую очередь языковая компетенция, в связи с чем на первый план выходит языковая корректность.

Вторая система — оценка по рейтерским таблицам, эта система актуальна для уровней ТРКИ-II/B2, ТРКИ-III/C1, ТРКИ-IV/C2. Рейтерские таблицы предполагают оценку по шестибальной шкале следующих критериев: содержание, интенция, композиционная структура и форма, языковые средства. Под содержанием понимается полнота и точность продуцируемого текста, под интенцией — намерение говорящего выразить некий коммуникативно значимый смысл, например, эмоциональную оценку: предпочтение, удивление, любопытство и так далее [Балыхина 2006: 27]. Все интенции, которые должен уметь выражать кандидат, подробно описаны в Государственном стандарте по русскому языку как иностранному соответствующего уровня. В аспекте композиции оценивается адекватность формы и структуры изложения содержанию и интенциям продуцируемого текста. В параметре «Языковые средства» оценивается соответствие использованных языковых средств нормам современного русского языка. Все критерии тесно взаимосвязаны между собой. Так, например, при большом количестве ошибок в речевом продукте кандидата, особенно коммуникативно значимых ошибок, может нарушаться восприятие содержания реципиентом, или высокая плотность ошибок может повлиять на успешное выражение заданной интенции. Рейтерские таблицы позволяют дать комплексную оценку реализованной коммуникативной задаче, то есть оценить как речевое поведение, так и языковую компетенцию. В том или ином виде эти параметры оценки представлены и в системе оценки заданий открытого типа в тестировании по другим иностранным языкам.

В ходе исследования проанализированы преимущества и недостатки каждого критерия контрольных листов и рейтерских таблиц, а также смоделированы рейтерские таблицы для уровней А1-В1.

На материале аутентичных работ уровней А1-В1 проведена апробация разработанных рейтерских таблиц, и наглядно продемонстрирована разница в обозначенных системах оценки заданий открытого типа.

Литература

- Балыхина Т. М.* Словарь терминов и понятий тестологии. 2-е изд., стер. М.: Русский язык. Курсы, 2006. 156 с.
- Коккота В. А.* Лингводидактическое тестирование. М.: Высшая школа, 1989. 123 с.

Ротанов Алексей Николаевич

*старший преподаватель, кафедра «Русский язык как иностранный»,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(филиал в Ташкенте); Alexey.rotanov@gmail.com*

СОЗДАНИЕ ТЕКСТОВ В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ТРКИ (ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ФАКУЛЬТАТИВНОГО УЧЕБНОГО КУРСА «Я — БУДУЩИЙ ТЕСТОЛОГ»)

Ключевые слова. факультативное обучение, работа с текстом, ТРКИ, подготовка филологов, методика обучения.

На современном этапе разработки демонстрационных вариантов типовых тестовых заданий для Теста по русскому языку как иностранному (ТРКИ) при отборе подходящих по заданным уровневым критериям фрагментов текстов возникает особая сложность с разделом «Чтение» и заданиями связанными с навыком пересказа в разделе «Говорение» [Криволапова 2023: 368]. Довольно часто фактический поиск из всего корпуса художественного, официально-делового и публицистического текста, реализованного на русском языке, не дает большого простора вариантов текстов, особенно на уровнях блока А и В, в силу того что большинство образцов текстов, произведенных носителями языка, в различной степени превышают минимальные требования этих уровней. Поэтому тестеры часто сталкиваются с дополнительной задачей — перекраивание, сокращение текстового материала под конкретную задачу варианта, — фактически создавая текст заново. Поэтому появилась идея в рамках вузовской подготовки студентов-филологов по филологическому и лингвистическому направлениям сформировать у студентов навык создания различного типа текстов по критериям уровня ТРКИ (А1–2, В1–2 и выше). Для этой цели виделось возможным организовать факультатив, по типу творческой мастерской, в рамках дополнительной внеаудиторной работы со студентами.

Анализ уже имеющихся сборников с образцами заданий по разделу «Чтение» выявил, что при создании текстов следует учитывать следующие критерии, к которым нами были отнесены, в первую очередь, отбор лексических средств и конструкций, соответствующих необходимому уровню; во-вторых, ограничение по объему текста при относительной логической и повествовательной завершенности; в-третьих, направленность текста по содержанию (официально-деловые, социальные, публицистические, художественные и т. п.). Также был выделен такой пункт, как вариативность, то есть внутренний потенциал текста для создания на его основе тестовых заданий различного уровня сложности и модификаций. Кроме этого каждый текст в той или иной мере отражает особенности русской культуры

Для решения первой задачи — лексический объем текста — было принято решение использовать лексический минимум по русскому языку как иностранному от издательства «Златоуст» [Лексический минимум 2015: 155], в котором приводится удобный в использовании список необходимых лексических групп для конкретного уровня с перечнем самих лексем. В результате у студента — составителя текста есть качественный инструмент для синтеза слов различных групп: например, для публицистического текста можно использовать комбинацию слов из тематических групп «Профессия, специальность», «Искусство» и «Достаток». В тексте, составленном на синтезе данных категорий, наблюдается морфолого-семантическое разнообразие словоформ и тематическое единство. Поэтому одним из основных заданий на начальном этапе обучения студентов стал комбинаторный анализ, целью которого было объединение различных тематических групп и содержание самого текста. Для облегчения работы студентам предлагалось в качестве одного из домашнего задания заполнить таблицу 1.

Второй критерий текста — относительно малый объем от 200 до 700 слов — решался технически, посредством навыков редакторской правки текста. На данном этапе студенты создали 4 текста, согласно выбранным ими тематическим группам, первоначально без ограничения по объему. Затем посредством рандомного определения количества слов каждый студент получил

Таблица 1. Пример домашнего задания по комбинаторному соединению лексико-тематических групп

Количество объединенных групп	Названия объединенных групп	Представленные в них части речи	Стилистическая направленность текста	Композиционная идея текста (сопоставление, противопоставление, сравнение, контаминация и т. д.)
3				
2				
5				
4				

для собственных текстов диапазон с шагом в 25 слов ограничение по объему (например, 40–65, или 100–120, или 140–165 слов). После этого поэтапно индивидуально и совместно с группой редактировался каждый текст, чтобы он соответствовал заданному объему. Тем самым активизировался и в дальнейшем при помощи поисковой работы лексический запас студентов. Финальным этапом редакторской работы был этап формирования лексического комментария к тексту со списком новых для уровня слов в соотношении не более 10% от общего объема.

Параллельно на этом этапе следует проводить работу со стилистическим потенциалом самого текста. Посредством различных заданий и работе со стандартами [Госстандарт, 2020: 48], в которых прописаны необходимые синтаксические конструкции и обороты, были сформированы списки лексико-стилистического соответствия предлогов и союзов в разных стилях речи. Также производилась работа с синонимическими рядами прилагательных и наречий, частотностью употребления глаголов. В результате у студентов, во-первых, был собран достаточно обширный вспомогательный материал для дальнейшей работы по созданию текстов в соответствии заданным критериям, а во-вторых, закрепились и улучшились знания по таким разделам, как морфология русского языка, синтаксис и стилистика. Кроме того, улучшились навыки понимания содержания текстов у студентов с русским языком как неродным, а у студентов — носителей языка развивался навык обработки структуры учебного текста, что, несомненно, необходимо и филологу, и будущему учителю-словеснику.

Последним требованием к окончательному варианту текста являлось создание трех-четырёх вариативных тестовых заданий к произведенному письменному тексту. В дальнейшем полученный аналог тестового задания предлагалось решить разным студентам первого и второго курса направления русский язык в иноязычных группах. Качество полученных результатов, совместно с заполненным листком рефлексии, в котором студенту предлагалось поделиться своими впечатлениями по содержанию текста, трудностями, возникшими при выполнении тестовой части, и определяло дальнейшую работу над текстом.

В результате стало очевидно, что подобного рода факультатив был полезен для профессиональной подготовки студентов-филологов разного уровня и помог им расширить горизонт применения знаний во время осуществления трудовой деятельности.

Литература

- Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Профессиональные модули. Первый уровень. Второй уровень / Андрияшина Н. П. и др. М.: Златоуст, 2020. 48 с.
- Криволапова Д. Е. К вопросу о критериях выбора текста для пересказа (субтест «Говорение», уровень ТРКИ-1) // Русский язык в Армении: Вызовы и перспективы. Международная научно-практическая конференция. Ереван: Изд. ЕГУ, 2023. С. 368–373.
- Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Андрияшина Н. П. и др. 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2015. 200 с.

Старовойтова Ирина Александровна

*канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка для иностранных учащихся,
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;
irishun@list.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ОБНОВЛЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ТЕСТА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (СУБТЕСТ ГОВОРЕНИЕ, УРОВЕНЬ С2)

Ключевые слова: тестирование, субтест «Говорение», уровень коммуникативной компетенции, виды речевого воздействия.

Вопрос об изменении заданий, обновлении требований к субтесту «Говорение» на четвертом сертификационном уровне назрел давно. Достаточно много тестируемых записываются на сдачу высоких уровней С1 и С2. Сдав уровень С1, спешат сдавать С2 (уровень образованного носителя языка) и после участия в тестировании отмечают относительную легкость субтеста «Говорение» С2 в сравнении с С1. Данное замечание тестируемых заставило внимательно проанализировать задания субтеста «Говорение» указанных уровней.

На субтест «Говорение» третьего уровня, состоящего из трёх частей, 15 заданий отводится 45 минут. В диалоге заданий 1–4 проверяется умение организовывать свою речь в форме полилога с демонстрацией широкого диапазона синонимических средств. В задании 5–8 проверяется умение воздействовать на собеседника, а в заданиях 9–12 — знание интонационных конструкций, ритмико-интонационных средств. Во второй части проверяется умение строить монологическое высказывание с опорой на видеосюжет, рассуждать на морально-этические темы, описывать действующих лиц, давать оценку. Социальные роли собеседников — друзья коллеги. Задание 14 — диалог с подчиненным, проверяется умение инициировать диалог, разрешать конфликт. Последнее задание — беседа с тестором, выполняется без подготовки. Проверяется умение высказать своё мнение и отстоять свою позицию.

Субтест «Говорение» на четвертом уровне состоит из трёх частей, 11 заданий и выполняется в течение 50 минут, круг тем и ситуаций общения уровней С1 и С2 совпадает, меняется характер общения, изменяются социальные роли говорящего. В задании 1–4 проверяется умение организовывать свою речь в форме диалога. Испытуемому, реагируя на реплику-стимул, необходимо продемонстрировать широкий диапазон антонимических средств. В заданиях 5–8 в диалогах с разными собеседниками проверяется умение воздействовать на собеседника, знание всего спектра интенций. В задании 9 надо произнести два монолога воздействующего характера, объяснить одно понятие людям разного возраста и занятий. 10 задание — ролевая игра: тестируемый занимает роль начальника, он беседует с подчинённым (тестором). В задании проверяется умение инициировать диалог в социо-культурной сфере, высказывать критическое отношение. В последнем задании необходимо произнести публичный монолог воздействующего характера от лица лидера движения/ клуба и ответить на вопросы радиослушателей. Проверяется участие в неподготовленной беседе, умение отстаивать свою точку зрения.

Из представленного выше материала видно, что в субтесте «Говорение» на уровнях С1–С2 проверяется уровень сформированности коммуникативной компетенции в условно-речевых (1 часть), речевых (2 часть) и коммуникативных ситуациях (3 часть). Предполагается, что самым сложным для выполнения заданием является 3 часть.

Практика проведения тестовых сессий показывает: многие испытуемые, считая, что знают русский язык на уровне С2, не готовятся к прохождению субтеста «Говорение», считая, что создать описательный текст они смогут без труда. Анализ записей ответов показал, что испытуемые не имеют представления о видах речевого воздействия: убеждение (рассуждение, умозаключения), мотивация подражания (рассуждение, отсылка к известным источникам, цитатам, употребление слов с семантикой уверенности, использование фигур речи), внушение (использование лексических повторов, синтаксического параллелизма), поэтому данное задание на самом деле не выполняется, так как у тестируемых при хорошей языковой компетенции отсут-

ствуют знания законов риторики. Анализ записанных ответов позволил представить типичную схему ответа тестируемых: название партии (8 из 10 испытуемых представляли экологические организации), основную идею (очистение нашей планеты от мусора), адрес (где и как найти представляемую организацию). Во многих ответах отсутствие образности мешало эффективно повлиять на мнение слушателей, достичь нужного результата. Из существующей базы ответов не было ни одного испытуемого, который бы использовал, так называемое, «колесо оратора». Хочется отметить, что при осуществлении ценностно-ориентированной деятельности для говорящего на уровне С2 определена асимметричная роль оратора / публициста в ситуации публичного общения, излагающего свою точку зрения с целью а) убедить в своей правоте и изменить ценностные ориентации слушателей; б) вызвать определенную эмоциональную реакцию у слушателей. [Попова, Юрков 1998: 13]. Речевое поведение тестора, исполняющего роль слушателей, имеет следующую схему: возразить, поставить под сомнение, выразить мнение, идущее в разрез с точкой зрения тестируемого, выразить опасение о возможных негативных последствиях. Однако, на практике тестор находится в ситуации, в которой сложно что-либо возразить тестируемому (учитывая из ответа в ответ повторяемую тему партии/ клуба), но он должен следовать инструкции, чтобы не помешать сдаче теста.

В большинстве случаев проведения теста лишь благодаря выполнению второй части задания «беседе со слушателями/ зрителями» тестируемый набирает определённый балл за задание 11. Тестору же приходится больше прикладывать усилий, примеряя на себя разные маски, при выполнении данного задания, а сформированность коммуникативной компетенции тестируемого на уровень С2 проверять на других формах заданий, так как существующие критерии оценки для задания 11 в пунктах рейтинговой таблицы № 5 «содержательный компонент» и «языковые средства», не отражают жанровое своеобразие и уровень языковой компетенции четвёртого уровня. Учитывая заложенные в задании факторы проверки, мы предлагаем вместо выполнения задания 11 проводить дискуссию с опорой на видеосюжет программы полемического характера с обсуждением актуальных для нашего общества тем, и выполнить ряд заданий, например, присоединиться к мнению одного из участников передачи, оценить точки зрения говорящих, высказать свой взгляд по проблеме. В докладе будет дана подробная оценка каждого задания уровня С2.

Литература

- Попова Т. И., Юрков Е. Е.* Уровень коммуникативной компетенции как объект тестирования // Преподаватель. 1998. № 4 (6).
- Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Четвёртый сертификационный уровень. Общее владение. М.; СПб., Златоуст, 2000.

Ханова Айгуль Филусовна¹, Майорова С. А.², Лученкова А. А.³,
Закирова Л. И.⁴, Еремина Ольга Сергеевна⁵, Драгой Ольга Викторовна⁶

¹канд. филол. наук, научный сотрудник,
Центр языка и мозга НИУ Высшая школа экономики;
akhanova@hse.ru

²студент НИУ Высшая школа экономики;
samyorova_1@edu.hse.ru

³студент НИУ Высшая школа экономики;
aaluchenkova_1@edu.hse.ru

⁴студент НИУ Высшая школа экономики;
lizakirova@edu.hse.ru

⁵канд. филол. наук, директор Учебно-методического центра
преподавания русского языка как иностранного, НИУ Высшая школа экономики;
oeremina@hse.ru

⁶д-р филол. наук, директор Центра языка и мозга, НИУ Высшая школа экономики,
ведущий научный сотрудник, Отдел экспериментальных исследований речи,
Институт языкознания РАН; odragoy@hse.ru

РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ ТЕСТА БЫСТРОЙ И ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ LEXRUS.

Ключевые слова: русский язык, билингвизм, задание на лексическое решение, LexRus, LexTALE.

Важной задачей экспериментальных исследований с участием билингвов является оценка уровня их языковой компетенции. Это необходимо для разделения выборки испытуемых на группы с доминантным и недоминантным языком владения с целью дальнейшего сравнительного анализа. При этом оценка языковой компетенции, как правило, основывается на субъективных опросниках-самоотчетах, основным недостатком которых является недо- или переоценивание собственных знаний языка [MacIntyre et al. 1997]. Обзор публикаций с 2005 по 2015 гг. показал, что менее половины исследований включали объективную оценку уровня владения языком [Surrain & Luk 2019]. На сегодняшний день объективным методом определения уровня языковой компетенции является оценка знания грамматики и измерение объема словарного запаса, который может определяться как через его глубину (понимание значения слов и перевод), так и его ширину (знание слов, но без проверки его значения). Примером последнего является задание на лексическое решение (*'lexical decision task'*), которое оценивает не только словарный запас, но и общий уровень владения языком как неродным [Nakata et al. 2020], так как статистически значимо коррелирует со многими другими тестами (TOEIC, Quick Placement Test, Vocabulary Size Test, Translation test). Поэтому задание на лексическое решение получило широкое распространение, самым известным является LexTALE — тест для оценки владения английским языком как неродным [Lemhöfer & Broersma 2012]. Преимущество LexTALE заключается в скорости, надежности и валидности результатов, что обусловило разработку его аналогов для других языков. Таким образом, использование единого метода оценки языковой компетенции в экспериментальных исследованиях позволит сопоставить результаты в мета-анализах, необходимых для понимания механизмов языковой обработки билингвов. Целью данной работы является создание и апробация LexTALE для русского языка — LexRus, который позволит объективно оценивать уровень владения русским языком билингвов в психолингвистических экспериментальных исследованиях.

Метод. В исследовании приняли участие 220 испытуемых — 113 с доминантным и 107 с недоминантным русским языком. Подробные данные по выборке испытуемых приведены в табл. 1.

На этапе подготовки **материала** исследования были отобраны 180 слов из «Нового частотного словаря русской лексики» [Ляшевская, Шаров 2009]. Стимульный материал состоял из 120 слов и 60 псевдослов, основную часть составляли слова низкой частотности (см. табл. 2). Большинство слов были существительными ($n = 90$), остальные — глаголами ($n = 45$), прилагательными.

тельными ($n = 30$) и наречиями ($n = 15$). Псевдослова были созданы на основе существующих слов добавлением, заменой или пропуском букв (Levenstein distance = 1.7). Длина слов и псевдослов составляла от 4 до 12 букв ($M = 7.5$, $SD = 1.7$).

Таблица 1. Демографические и языковые данные испытуемых

	Испытуемые с доминантным русским языком (L1) ($n = 113$)	Испытуемые с недоминантным русским языком (L2) ($n = 107$)
Возраст, лет	27,3 (12,7) *	26,0 (6,9) *
Пол	женщины = 93 мужчины = 20	женщины = 70 мужчины = 37
Родной язык	русский ($n = 113$)	узбекский ($n = 50$) туркменский ($n = 9$) испанский ($n = 7$) арабский, китайский, корейский ($n = 6$) английский ($n = 4$) вьетнамский ($n = 4$) таджикский ($n = 3$) индонезийский ($n = 2$) бенгальский, гуарани, венгерский, казахский, немецкий, нидерландский, португальский, сингальский, турецкий, украинский ($n = 1$)
Количество лет образования	13,9 (2,4) *	14,2 (2,6) *
Возраст усвоения русского языка, лет	1,1 (1,8) *	11,7 (7,2) *
Говорение на русском языке (шкала от 0 до 10)	9,1 (1,04) *	6,2 (2,3) *
Понимание русской устной речи (шкала от 0 до 10)	9,5 (0,82) *	6,8 (2,2) *
Чтение на русском языке (шкала от 0 до 10)	9,4 (0,95) *	6,9 (2,1) *

* Приведено среднее значение, в скобках стандартное отклонение.

Таблица 2. Частотность стимульного материала

Частотность (ipm)	Все стимулы ($n = 180$)	Слова ($n = 120$)	Псевдослова ($n = 60$)
<1	52	35	17
1–5	42	28	14
5–10	38	25	13
10–20	30	20	10
20–100	15	10	5
>100	3	2	1

Процедура теста состояла из двух блоков: ответы на вопросы анкеты-самоотчета LEAP-Q, включающей данные по демографии и языковому опыту участников исследования [Kaushanskaya et al. 2020], и задание на лексическое решение, где испытуемым нужно было решить, является ли представленное сочетание букв существующим словом русского языка, нажав на клавишу «да» или «нет». Список слов и псевдослов предъявлялся испытуемым в случайном порядке. Эксперимент был запрограммирован на онлайн-платформе PCIBex Farm [Zehr & Schwarz 2018], общее время прохождения занимало 7–10 минут.

Анализ результатов исследования проводился в два этапа с использованием пакета ltm [Rizopoulos 2006] статистического программного обеспечения R [R Core Team, 2022, версия 4.2.2]. На первом этапе мы рассчитали коэффициент точечно-бисеральной корреляции для каждого стимула, который показывает силу связи между общим баллом испытуемых и их ответами по каждому стимулу в отдельности. На втором этапе был проведен анализ методом Современной теории тестирования (*Item Response Theory*, IRT) [Bock & Gibbons 1955] применением двухпараметрической логистической модели, которая позволяет отобрать стимулы с учетом их сложности и дискриминационной способности.

Результаты анализа позволили отобрать список из 90 стимулов, которые войдут в итоговую версию LexRus и будут доступны в качестве планшетного приложения и веб-версии. На первом этапе были исключены четыре стимула с отрицательным коэффициентом точечно-бисеральной корреляции, т. к. это означает, что испытуемые с высоким уровнем владения русским языком воспринимали слово как несуществующее по сравнению с участниками с более низким уровнем языковой компетенции. На втором этапе анализа отдельно для слов и псевдослов методом Современной теории тестирования были отобраны стимулы: 60 слов и 30 псевдослов, отличающихся по сложности и дискриминационной способности. На рис. 1 показан пример отбора стимулов, где ось абсцисс обозначает уровень владения русским языком (от низкого до высокого), ось ординат показывает предполагаемую вероятность того, что слово знакомо испытуемым. Так, слово *превращать* легче *крысолов*, при этом крутизна кривой показывает дискриминационную способность стимула. Дискриминационная способность *полумрак* больше, чем *крысолов*, несмотря на их одинаковый уровень сложности. Стимулы отбирались с разным уровнем сложности, но высокой дискриминационной способностью, т. е. из двух стимулов с одинаковым значением сложности (*полумрак* и *крысолов*) отбирался тот, который обладал более высоким значением дискриминационной способности (в данном случае *полумрак*).

Характеристическая кривая LexRus

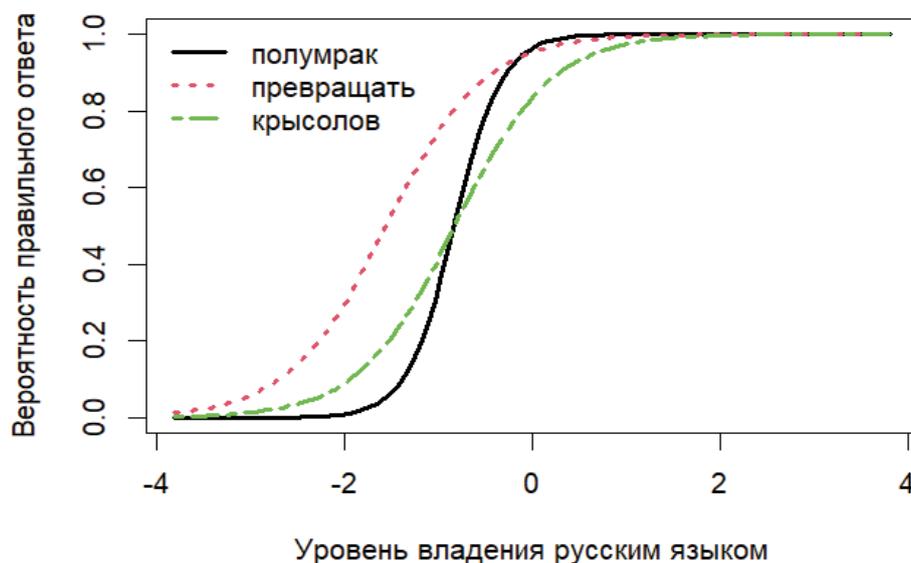

Рис. 1. Характеристики дискриминационной способности и сложности стимулов LexRus

Подсчет баллов LexRus производится по формуле, предложенной [Lemhöfer & Broersma 2012], которая позволяет избежать стратегии случайного угадывания ответа испытуемых:

$$\text{Балл} = N \text{ ответов}_{\text{да на слово}} - 2 * N \text{ ответов}_{\text{да на псевдослово}}$$

Мы планируем провести валидацию теста для оценки его надежности, что позволит использовать LexRus в дальнейших экспериментальных исследованиях для быстрой (прохождение теста занимает около 5 минут) и объективной оценки уровня владения русским языком. Кроме этого, LexRus может быть использован преподавателями русского языка как иностранного, например, для определения уровня языковой компетенции при распределении иностранных обучающихся в группы начинающих или продолжающих, что позволит использовать его более широко по сравнению с другими тестами.

Литература

- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики: [электрон. версия изд.: Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М., 2009.] // Словари, созданные на основе Национального корпуса русского языка. М., 2008–2011. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 11.01.2024).
- Lemhöfer K. & Broersma M. Introducing LexTALE: A quick and valid lexical test for advanced learners of English // Behaviour Research Methods. 2012 Vol. 44 (2). P. 325–343.
- Surrain S. & Luk G. Describing bilinguals: A systematic review of labels and descriptions used in the literature between 2005–2015 // Bilingualism: Language and Cognition. 2019. Vol. 22 (2). P. 401–415. <https://doi.org/10.1017/S1366728917000682>.
- Tatsuya Nakata, Yu Tamura & Scott Aubrey. Examining the Validity of the LexTALE Test for Japanese College Students // The Journal of AsiaTEFL. 2020. Vol. 17 (2). P. 335–348.

Хасанов Эльдар Ринатович

*д-р философии по филологическим наукам (PhD), доцент,
декан факультета русского языка и литературы,
Джизакский государственный педагогический университет им. А. Кадыри (Узбекистан);
rus.lit.jspi@mail.ru*

О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ СОТРУДНИЧЕСТВА С САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ УНИВЕРСИТЕТОМ

Ключевые слова: ТРКИ, русский язык, тестирование, сотрудничество.

Сегодня, в эпоху глобальных изменений, происходящих в мировой геополитике, интеграция Узбекистана в мировое сообщество осуществляется по пути принципиально нового экономического и политического мышления, благодаря чему появляется необходимость изучения мировых языков, к которым относится и русский язык. Современное языковое образование в мире тесно связано с тестированием, сертификацией и по этой причине, считаем необходимым проведение тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ) с выдачей соответствующих сертификатов. Ведь тестирование это не только процесс проведения тестовых сессий, но и комплексная методическая работа и с кандидатами (в основном это учителя школ), и с теми, кто изучает русский язык (студенты университетов), и преподаватели, которые готовят к ТРКИ.

Изучению русского языка в Узбекистане уделяется особое внимание, несмотря на то, что он не имеет официального статуса и не признан иностранным. Русский язык остается языком межнационального общения и обязателен для изучения в общеобразовательных школах с 2 по 11 класс, а также на протяжении одного семестра во всех высших образовательных учреждениях Республики Узбекистан. Сотрудничество между высшими образовательными учреждениями Узбекистана и России играет ключевую роль в распространении русского языка и культуры в Узбекистане.

Коллектив факультета русского языка и литературы Джизакского государственного педагогического университета активно участвуют в работе, направленной на поддержку русского языка и повышению профессионального уровня русистов в Республике Узбекистан. С 2021 года в рамках соглашений, заключенных с Санкт-Петербургским государственным университетом, Джизакский государственный педагогический университет организует тестирование по русскому языку как иностранному. Следует отметить, что ДжГПУ является первым партнером Центра языкового тестирования при СПбГУ в Республике Узбекистан. Специалистами Центра регулярно проводятся консультации для кандидатов, где их знакомят со структурой заданий и процедурой тестирования. На сегодняшний день более 600 кандидатов прошли тестирование, что подчеркивает важность взаимовыгодного сотрудничества между ДжГПУ и СПбГУ в поддержке и укреплении статуса русского языка в Узбекистане. В качестве подтверждения хотелось бы отметить, что сегодня для студентов факультета русского языка и литературы ДжГПУ, а также для всех желающих, по инициативе Центра языкового тестирования СПбГУ активно и на безвозмездной основе ведет свою работу «Разговорный клуб», который является не только местом для языковой практики, но и центром общности, где участники могут обмениваться знаниями и опытом в дружественной атмосфере.

Важно отметить, что в настоящее время Центр языкового тестирования СПбГУ имеет партнеров в городах Ташкент, Самарканд, Фергана и Ургенч. Сотрудники факультета русского языка и литературы Джизакского государственного педагогического университета успешно прошли обучение в сентябре 2022 года и успешно сдали квалификационный экзамен, что предоставило им право проведения тестирования по русскому языку как иностранному. Это, в свою очередь, дало возможность сотрудникам факультета русского языка и литературы ДжГПУ проводить тестовые сессии в различных городах Узбекистана.

Особо следует отметить, что в настоящее время завершается разработка совместного учебника по русскому языку как иностранному для говорящих на узбекском языке. Сотрудники обоих университетов активно участвуют в научных конференциях и других совместных мероприятиях. Все эти инициативы не только способствуют развитию двустороннего сотрудничества, но и способствуют продвижению русского языка и культуры в Узбекистане.

В августе 2023 года три преподавателя факультета русского языка и литературы Джизакского государственного педагогического университета приняли участие в программе повышения квалификации под названием «Русский язык и литература в школе и в вуз: специфика преподавания билингуам и инофонам», проводимой Санкт-Петербургским государственным университетом совместно с Комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга и фондом «Русский мир».

Перспективы сотрудничества между Джизакским государственным педагогическим университетом и Санкт-Петербургским государственным университетом представляют собой множество возможностей для углубления и разностороннего развития партнерства. Несомненно, мы и дальше будем работать по всем направлениям, где были достигнуты определенные успехи в плане взаимовыгодного сотрудничества.

Считаем актуальным направлением сотрудничества разработку и внедрение общих образовательных программ, включая магистерские и докторские программы, что в свою очередь, может стимулировать обмен знаний и лучших практик в области преподавания. Развитие совместных языковых программ, в том числе программ обучения русскому языку как иностранному, могло бы укрепить статус русского языка и культуры в Узбекистане.

Говоря о перспективах развития ТРКИ в Узбекистане, то нам они видятся в-первых в увеличении потребности в знании русского языка, так как с укреплением экономических, культурных и научных связей между Узбекистаном и русскоязычными странами растет потребность в его изучении. Такие обстоятельства могут стать мотивацией для увеличения спроса на ТРКИ в стране. Во-вторых, в необходимости интеграции ТРКИ в образовательные программы. Так как, внедрение ТРКИ в образовательные программы узбекских школ, вузов и языковых центров может стать эффективным способом оценки и подтверждения уровня владения русским языком. Это также может способствовать улучшению качества обучения. В-третьих, развитие ТРКИ может сделать Узбекистан более привлекательным для иностранных студентов, желающих изучать русский язык. Это может стать дополнительным источником дохода для образовательных учреждений и способствовать культурному обмену.

Наша общая цель — создание благоприятной среды для обмена знаний и опыта между двумя учебными заведениями, что будет способствовать их совместному развитию и укреплению взаимопонимания между студентами и преподавателями.

СЛАВИСТИКА

АНДРЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ)

Амелина Анна Вячеславовна

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН;
anna.v.amelina@mail.ru

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЧЕШСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 1920-Х ГОДОВ (ЖУРНАЛ «АРХА»)

Ключевые слова: чешская периодика, русско-чешские литературные связи, католическая периодика, восприятие русской литературы.

После обретения чехами национальной независимости в 1918 г. чешская культура пережила невиданный расцвет, проявившийся в частности в исключительном плюрализме эстетических платформ и течений, который в свою очередь сопровождался сильной вовлеченностью в политическую жизнь деятелей культуры. В 1920-е гг. на страницах периодики культурная полемика часто сочеталась с политической, а многочисленные культурные (в том числе литературные) манифесты транслировали нередко и определенные политические взгляды, иногда даже не касаясь собственно эстетики. Такая политизированность культуры ярко проявилась и в восприятии русской литературы. Периодические издания разных политических лагерей порой представляли диаметрально противоположные трактовки творчества и отдельных писателей, и явлений русской литературы в целом. Проблему рецепции русской литературы активно разрабатывали в Чехии в 1980-е гг. [Materiály 1989, 1990], однако ввиду идеологических ограничений, накладываемых на исследователей этого времени, аспект политической мировоззренческой обусловленности этой рецепции во внимание практически не принимался, равно как не рассматривались и отдельные влиятельные издания и целые направления культурно-политической мысли.

Одним из таких, избегаемых, направлений было католическое. Его представляли главным образом моравские периодические издания — это, в первую очередь, рупор Чехословацкой народной партии (возникшей в результате слияния ряда католических партий) газета «Лидове новины», культурно-литературные журналы «Глидка», «Арха», «Акорд» и другие. Журнал «Арха» выходил с 1912 по 1948 г., в рассматриваемый период — в Оломоуце (справочные данные о журнале см. здесь [Šidák 2021]), а его основателем и главным редактором, вплоть до своей смерти в конце 1923 г., был Карел Достал-Лутинов, знаменательная личность чешского литературного модернизма, автор манифеста католической модерна (1895 г.), католический священник, поэт, публицист (подробнее о нем см. ряд монографий, например, [Vatůšek 1996]). С одной стороны, «Арха» выступила площадкой для развития идей чешской католической модерна после прекращения деятельности в 1907 г. журнала К. Достала-Лутинова «Новы живот», который был закрыт из-за давления консервативных католических кругов. С другой стороны, в 1920-е гг. журнал служил трибуной для авторов Литературной и художественной дружины — объединения моравских католических авторов, ставшего в это время владельцем и издателем «Архи». Журнал публиковал чешскую и иностранную поэзию и прозу, рецензии на отечественные и переведенные на чешский язык произведения, публицистику по теологии, философии, размышления о миссии католической литературы, критические статьи и заметки, обзоры католической литературы Словении, Хорватии, Словакии, реже Германии, Польши и др. В первые годы деся-

---

Ответственный редактор: канд. филол. наук О. В. Гусева.

тилетия «Арха» выходила ежемесячно, однако во второй половине декады из-за финансовых проблем она издавалась в формате сборников (с 1927 г.) от одного до четырех раз в год.

Отношение к русской литературе в журнале было напрямую связано с его религиозной миссией. В программном заявлении первого номера 1920 г. Достал-Лутинов говорит, что чешская литература уже начиная с Кирилла и Мефодия была католической — такое стремление отождествлять католичество и христианство отразилось и на рецепции русских авторов, в особенности Ф. М. Достоевского. Ему в журнале посвящен целый ряд статей и заметок. С одной стороны, он представляется пророком, противостоящим «бесам» псевдолиберализма и стремящимся развернуть русских интеллектуалов к их народу и его вере. С другой стороны, антикатолическая позиция писателя, мистицизм, излишнее увлечение изображением страданий и темных сторон человеческой жизни не соответствовали взглядам авторов журнала — и тем не менее христианская основа творчества и мировоззрения Достоевского все эти недостатки компенсировала. Другой русский классик, Л. Н. Толстой, наоборот, представлялся на страницах «Архи» идеологом большевистской революции, который в своем новом учении перестал быть истинным христианином — однако ценность его творчества, по мнению редакции, все равно очень высока, поскольку благодаря ему многие читатели обратились к христианству и вере.

Современной русской литературе в «Архе» уделялось также большое внимание. Здесь печатались стихотворения Ф. К. Сологуба и А. А. Ахматовой, последней была посвящена обширная критическая статья, где акцентировались ее верность Родине и семье и поиск утешения у Бога. В рассматриваемый период вышли десятки рецензий на произведения современных русских авторов, в том числе эмигрантов. Это книги А. Т. Аверченко, А. М. Ремизова, Л. Н. Андреева, А. Н. Толстого, Вс. В. Иванова, А. С. Серафимовича и др. Были представлены точки зрения как противников советского режима, так и его симпатизантов, однако позиция редакции транслировалась вполне однозначно в пользу первых — критиками отмечалось кровожадность, и безверие большевиков.

По поводу публикаций о русской литературе в целом следует отметить то, что критики практически не касались эстетической стороны произведений, по большей части они ограничивались пересказом и оценочными комментариями идеологического характера. Лейтмотивом многих материалов являлась мысль о принципиальном отличии русских писателей от европейских их излишним мистицизмом, стремлением находить во всем страдание и даже его смаковать, а также о том, что русскую душу западному человеку понять не под силу.

Литература

- Batůšek S.* Katolická moderna. Karel Dostál-Lutinov, jeho přátelé a spolupracovníci. Třebíč: Arca JiMfa, 1996.
Materiály k československo-sovětským literárním vztahům. Sv.1, 2. Olomouc: Univerzita Palackého, 1989, 1990.
Šidák P. Archa // Slovník české literatury po roce 1945. URL: <http://slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=66> 2021 (дата обращения: 05.01.2024).

Гусева Ольга Валерьевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.guseva@spbu.ru

СИМВОЛИСТСКИЕ ДРАМЫ С. ПШИБЫШЕВСКОГО В РОССИИ

Ключевые слова: Станислав Пшибышевский, символизм, Молодая Польша, польская драматургия.

Станислав Пшибышевский (Stanisław Przybyszewski, 1868–1927) — один из ключевых представителей польского модернизма, чья слава вышла за пределы Польши. В 1890-е гг. он стал культовой фигурой для богемы Берлина, где начинал свою творческую деятельность. На рубеже XIX–XX вв., после переезда в Польшу, он принял деятельное участие в формировании нового идейно-художественного течения, получившего название «Молодая Польша», стал идеологом эпохи, а молодое поколение признало его своим кумиром. В начале XX в. его провокационное творчество оказалось близким по духу русским символистам. В России наибольшей популярностью пользовались роман Пшибышевского «Дети Сатаны» (*Satans Kinder*, 1897), трилогия *Homo Sapiens* (1895–1899), а также драмы польского модерниста.

Ранние драмы Пшибышевского различаются по характеру и по эстетике: написанная на немецком языке драма «Ради счастья» (*Das grosse Gluck*, 1897) и созданная на польском, как и последующие произведения, драма «Золотое руно» (*Złote runo*, 1901) находятся еще в рамках эстетики психологического натурализма, но в 1901 г. выходит уже символистская драма «Гости» (*Goście*). Официально о смене своих эстетических взглядов писатель заявил в 1902 г. в эссе «О драме и сцене» (*O dramacie i scenie*), где предложил собственное понимание «новой драмы». Это эссе знаменует начало символистского периода в творчестве Пшибышевского. В свете изложенных идей автор подробно проанализировал сюжет и символику своей драмы «Мать» (*Matka*, 1902), предлагая объяснение сюжета и психологической мотивации действий героев. Помимо драм «Гости» и «Мать» символистскими также являются драмы «Снег» (*Śnieg*, 1903), «Обручение» (*Śluby*, 1905) и «Вечная сказка» (*Odwieczna baśń*, 1905). В символистских драмах Пшибышевского заметно влияние не только Метерлинка, но также Ибсена и Стриндберга. В них звучит фатализм и повторяется мотив конфликта между фатальным эротическим стремлением и чувством долга, проблема вины и наказания за совершенный проступок.

Всплеск интереса к творчеству Пшибышевского и бурная рецепция его творчества в России приходится на 1901–1910-е гг., когда широко издаются переводы его произведений: драма «Снег» переиздается четырнадцать раз, «Ради счастья» — шестнадцать, «Гости», «Мать» и «Вечная сказка» — двенадцать. Первой на русском языке в 1901 г. была поставлена драма «Золотое руно». В 1902 г. на российской сцене можно было увидеть «Золотое руно» и символистские пьесы «Снег», «Ради счастья» и «Мать» на польском языке [Kędziora 2007: 135]. 1903–1904 годы — это время роста интереса российских режиссеров к драмам польского автора. Первая постановка «Снега» связана с творческими поисками Всеволода Мейерхольда. В 1903 г. на сцене «Товарищества новой драмы» в Херсоне В. Мейерхольд поставил «Снег» в переводе А. Ремизова. Это были первые шаги Мейерхольда в разработке новаторского режиссерского подхода к постановке модернистской драмы, время поиска своего места в искусстве. Но публика, привыкшая к натуралистическим приемам на сцене, оказалась не готова к восприятию условной интерпретации драмы, поэтому премьера провалилась. Тем не менее, в течение двух лет появилось не менее девяти переводов пьесы «Снег» на русский язык. Среди переводчиков были В. Комиссаржевская, А. и С. Ремизовы, К. Бравич, А. Вознесенский, Л. Лебедева, Е. и И. Леонтьевы, Н. Эфрос. Причиной популярности «Снега» стал новый психологический подход к трактовке персонажей, позволяющий сыграть не характер, а страсть. Возможно поэтому среди переводчиков драмы было несколько актеров. Несмотря на провал постановки Мейерхольда, в 1904 г. «Снег» в разных переводах с успехом идет в нескольких театрах Москвы, в Одессе, Харькове, Киеве и Кишиневе, в русских драматических театрах Варшавы и Риги.

В 1904 г. Пшибышевский совершил большое путешествие по южным городам Российской империи, где не только присутствовал на постановках своих драм, но и выступал с публичными лекциями. Его лекция «Новая драма и символизм», в которой автор, в частности, рассуждал о разнице между старой и новой драмой, о сценическом искусстве и символизме на сцене, спровоцировала яростную полемику между сторонниками и противниками нового направления в искусстве [Moskwin 2007: 53–54]. В вопросе обсуждения сущности символа и символизма в искусстве одной из наиболее значимых стала статья К. И. Чуковского «Пшибышевский о символе», опубликованная в журнале «Весы» — печатном органе русских символистов [Чуковский 1904: 33–37]. Эта статья стала также одной из первых попыток серьезного анализа творчества Пшибышевского в контексте западноевропейской и русской литературы.

В 1906 г. была опубликована драма «Вечная сказка» в переводе Е. Троповского. Это была первая авторская редакция пьесы, она должна была выйти одновременно с польским оригиналом, но Пшибышевский основательно переделал пьесу. С его разрешения уже готовый перевод первой редакции был опубликован в «Весах», а перевод окончательной редакции вышел одновременно с появлением польского оригинала. «Вечная сказка» в постановке В. Мейерхольда шла с большим успехом в театре В. Комиссаржевской.

Как и в Польше, интерес к творчеству польского писателя в русском обществе продлился недолго и совпал со временем существования модернистских направлений в литературе: он растет вместе с интересом к новым направлениям в литературе и идет на спад вместе со сменной литературной парадигмы. Тем не менее, следы влияния прозы и драматургии Пшибышевского можно найти в творчестве крупнейших авторов «серебряного века» русской литературы: В. Брюсова, А. Белого, Ф. Сологуба, Л. Андреева, А. Ремизова, М. Арцыбашева, И. Северянина и др.

Литература

- Чуковский К. Пшибышевский о символе: Письмо из Одессы // Весы. 1904. № 11. С. 31–37.
- Kędziora A. Polskie życie teatralne w Rosji w latach 1882–1905. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2007. 282 s.
- Moskwin A. Stanisław Przybyszewski w kulturze rosyjskiej końca XIX — początku XX wieku. Warszawa: Wyd. Uniw. Warszawskiego, 2007. 251 s.

Дробышева Марина Николаевна

канд. искусствовед., доцент,

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина;

drob.55@mail.ru

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРИОД ИЛЛИРИЗМА В ХОРВАТИИ, СЛАВОНИИ И ДАЛМАЦИИ

Ключевые слова: публицистика, Иллиризм, жанр, театр, национальная литература.

В период национального Возрождения (с середины XVII до второй половины XIX в.), в течение которого у южнославянских народов формируется стремление к национальной самоидентификации, политическому и культурному самоопределению, и возникает Иллирийское движение, получившее распространение в 30–40-е гг. XIX в. Оно заложило основы новых литературных форм, путевых заметок, эссе, фельетонов и публицистики. Национальное Возрождение выдвигает таких крупных авторов, как Янко Драшкович (1770–1856), Антун Миханович (1796–1861), Людевит Гай (1809–1872), Иван Мажуранчич (1814–1890), известных своими публицистическими статьями в журнале «Даница» («Danice»), газете «Народне новине» (“Narodne novine”).

Литература издревле разделялась на художественную и публицистическую, и грань между этими понятиями не всегда проявлялась отчётливо. В. Г. Белинский в статье об А. С. Пушкине указывал, что «пафос есть страсть, возжигаемая в душе человека идеею» [Белинский 1953: 312]. В публицистике, в частности в эссеистике и мемуаристике, постоянно осуществляется процесс взаимного дополнения в сфере средств выражения. Публицистика развивалась в напряжённые моменты социальных столкновений. Прав был А. И. Герцен, когда писал, что литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести [Герцен 1881: 154]. Такого же мнения придерживались Людевит Гай (1810–1851), идеолог хорватского национального возрождения (илиризма), и Станко Враз — словенский поэт и общественный деятель, редактор альманаха «Данница». В литературном журнале «Коло», издателем которого был Л. Гай, публиковались критические заметки и переводы со славянских языков. В 1840 году Л. Гай посетил Москву и Петербург и был радушно встречен русскими славянофилами. Так закладывались основы хорватской литературной критики. В одном из первых номеров “Danica” Гай объединяет публицистику с театральной критикой. Деятельность периодических изданий “Novine” и “Danica” способствовала возникновению будущего издательского дома “Matice Illirske” (в настоящее время — “Matice Hrvatske”). Таким образом появляются издательство, национальный театр и музей. В 1834 году в Загребе возникает первое постоянное театральное здание, в котором ставились любительские спектакли на языке национальной литературы, которые сопровождались пением и декламацией. В 1835 году с театральной сцены прозвучало сочинение Людевита Гая «Ещё Хорватия не погибла». Большим успехом пользовались драмы Ивана Кукулевича-Сакцинского, поставленные артистами-любителями в 1839 году. Загребский «Старый театр» в конце XIX века стал центром театральной жизни южных славян. Процесс формирования национального драматического искусства у южных славян протекал неравномерно, внутренне противоречиво, зависел от ряда этнографических и социальных причин.

Журналистика стала двигателем обновления хорватской литературы, науки и искусства. Критика, являясь важнейшим компонентом публицистического творчества, приближается к непосредственному изменению действительности. М. М. Бахтин подчёркивал, что наука, искусство и литература имеют дело со смысловыми моментами, которые как таковые не поддаются временным и пространственным определениям». «Всякое явление мы как-то осмысливаем, то есть включаем его не только в сферу временно-пространственного существования, но и в смысловую сферу. Это осмысление включает в себя и момент оценки [3]».

Известный просветитель, авторитетный издатель сатирических журналов «Трутенъ», «Пустомеля» и «Живописец», Н. И. Новиков, чей журналистский опыт представляет интерес для постижения основ публицистики. Его журналистское творчество было посвящено вопросам крепостничества, взяточничества, казнокрадства, галломании дворян. Н. И. Новиков указывал на отставание национальной культуры в связи со слепым поклонением дворян всему иностранному. Юмористическо-сатирические бюллетени в Хорватии появились во второй половине XIX века. Первым из них был журнал «Zvekan», основная мысль которого была обращена к новому поколению, а также к проблеме «маленького человека». В политических и публицистических материалах этого журнала отражалась сила сатиры. Другой сатирический бюллетень — «Vragoljan» — был известен своими злободневными карикатурами. Для освещения проблемы публицистики заслуживает внимания мемуаристика П. В. Анненкова, составляющая значительное наследие критика. Одним из источников литературной мысли стало его сочинение «Замечательное десятилетие (1838–1848)» (1880). В 1840-е гг. в «Журнале министерства народного просвещения» в русской печати впервые сообщалось о национальной хорватской литературе.

В Далмации и Хорватии в 30-е годы XIX века появляются различные публицистические сочинения общественно-политического содержания. Их авторами стали Юрай Драшкович и Иван Деркос, которые высказывались за литературно-языковое объединение славян на штоковской основе. Свою позицию в этом вопросе Иван Деркос обосновал в брошюре «Гений отечества над спящими своими сыновьями».

Публицистика прошлого, породившая общие представления о картине мира, оказывается содержательно связанной с современностью. Публицистика, эссеистика выросла из европейского опыта путём рассуждения, общих вопросов и фактов. Писатели Хорватии, Славонии и Далмации, освоив этот опыт, сформировали особое уникальное культурное национальное явление — публицистику. В каждую историческую эпоху мир воспринимается по-своему, с учётом психологии, интеллекта, менталитета, представляя и выражая в слове уровень культуры своего времени.

Литература

- Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: АН СССР, 1953–1959. С. 312.
Герцен А. И. Письма издалека. М.: Современник, 1881. С. 154.

Колянов Алексей Юрьевич

доцент,

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»;

kolianov@gmail.com

«ДВЕ НОВЕЛЛЫ» АРТУРА БРЕЙСКОГО: ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ МИСТИФИКАЦИИ

Ключевые слова: чешская литература, богемистика, мистификация.

Чешский декаданс как самостоятельное направление возник вокруг журнала «Moderní Revue», который в 1894 году стали издавать Арношт Прохазка и Иржи Карасек. Одной из характерных особенностей чешских декадентов вкупе с подражанием во многом западноевропейским образцам стала тяга к мистификациям, создававшим, в частности, иллюзию личной сопричастности аристократическим слоям общества. Например, Иржи Карасек, родившийся в семье кондуктора и большую часть жизни служивший на почте, в определенный момент стал подписывать свои произведения «Иржи Карасек из Львовиц», дабы сделать акцент на дворянском происхождении. Чешские декаденты происходили из низших или средних слоев общества, что делало чешский декаданс, по мнению писателя Ярослава Подроужека, социальным парадоксом [Podroužek 1946: 47]. Младшее поколение чешских декадентов, ярким представителем которого является Артур Брейский, чьи публикации появились на страницах журнала «Moderní Revue», через четырнадцать лет после его основания, в некотором роде даже радикализировал стратегии старших декадентов. Например, в переписке с Иржи Карсеком (на французском языке) он описывает себя как скучающего аристократа, живущего на севере Чехии в обществе единственного слуги.

Артур Брейский появился на свет в 1885 году в Роуднице-над-Лабем в семье финансового инспектора. В школу Артур пошел в Праге, в связи с постоянными переездами семьи. В 1896 году он поступает в реальную школу на Малой стране, но естественные науки его не интересуют, в отличие от гуманитарных: особенно страстно мальчик изучает латынь, греческий и другие иностранные языки. Уже в средней школе Брейский переводил с английского, французского и немецкого, прочитал всех известных европейских декадентов, любил символистов, увлекался иррациональной философией Артура Шопенгауера и Фридриха Ницше. Однако главными литературными кумирами юноши становятся проклятые поэты Бодлер и Верлен, а также Оскар Уайльд, поэтому неудивительно, что Брейский вскоре знакомится с журналом Moderní Revue, ориентированным на французские декадентские издания «Mercure de France» и «Le Décadent».

Увлечение литературой способствует формированию соответствующего окружения. В Славице он встречает своего будущего товарища Ярмила Крецара, поэта, писателя, переводчика и публициста, ставшего последним представителем чешского литературного декаданса. Именно Крецар представил Артура как литературного критика Карелу Гуго Хилару, издававшему серию Moderní biblioteka, где Брейский дебютировал как публицист в 1905 году. Примечательно, что, стремясь акцентировать свой космополитизм, Брейский умышленно старается не писать о чешской литературе и даже начинает подписывать свои публикации на западный манер, отказавшись от обозначения долготы в последней букве фамилии (Breisky вместо Breyský). Наконец, в 1908 году молодой декадент начинает публиковаться в Moderní Revue, где в 1909 году печатает два программных эссе: «Quintessence dandysmu» («Квинтэссенция дендизма») и «Harlekýn — Kosmický clown» («Арлекин — космический клоун»).

Одним из ярчайших эпизодов литературной биографии Артура Брейского становится мистификация, связанная с публикацией в серии Moderní Biblioteka переведенного Брейским цикла новелл Роберта Льюиса Стивенсона «Клуб самоубийц». Вышедшая в феврале 1909 года книга содержала вместо трех оригинальных глав пять. Две последние новеллы назывались «Исповедь графомана» и «Mors Syphilitica». Издание получило несколько критических отзывов. Один из них подготовил Индржих Водак, бывший пражский учитель Брейского, принявший

книгу холодно, однако указавший на то, что первые главы «Клуба самоубийц» не дотягивают до уровня последних двух, которые являются вершиной творчества Стивенсона. Критик Жан Ровальски (настоящее имя Александр Бачковски) в журнале *Lumir* написал «Новелла “Mors Syphilitica” это филигранная проза, своего рода нарисованная словами символическая гравюра, отсылающая к одноименной работе Фелисьена Ропса».

На критику Брейскому указал Иржи Карасек из Львовиц, которому Артур и признался в авторстве двух последних глав. Примечательно, что оба текста Брейского сами по себе содержат мистификации. Первая новелла, с подзаголовком «*Báseň v próze*» («Стихотворение в прозе») сопровождается комментарием переводчика: «Эта посмертная миниатюра была написана мелкими буквами карандашом на обратной стороне рисунка “Mors syphilitica” в альбоме гравюр Фелисьена Ропса, принадлежавшем Стивенсону». Сама новелла повествует о больном сифилисом молодом человеке, встречающем рыцаря смерти, который предлагает юноше исцеление в обмен на отказ от способности любить. Однако затем выясняется, что больному это лишь приснилось: после пробуждения, молодой человек наносит на лицо красивый макияж, пытаясь вернуть себе былую привлекательность, а затем кончает жизнь самоубийством.

Вторая новелла «*Zpověď grafomana*» («Исповедь графомана») также оказывается литературной игрой и представляет собой предсмертное «признание» некоего английского поэта, обнаруженное рассказчиком (то есть якобы Стивенсоном) на столе в комнате, где этот поэт повесился как истинный денди, закрыв лицо шелковой вуалью. В дальнейшем рассказчик сообщает, что признание является мистификацией.

Авторство Брейского осталось в тайне до его трагической смерти в Америке в 1910 году. В переиздании 1920 года две главы за авторством Брейского были исключены и семь лет спустя вышли отдельной книгой под названием «Две новеллы» [Breisky 1920].

Литература

Breisky A. Dvě novelly. Praha, 1927.

Podroužek J. Fragment zastřeného osudu. Praha, 1945.

Розинская Ольга Валерьевна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
o.rozinskaya@mail.ru

РОЛЬ ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕЧАТИ В ЖИЗНИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПОЛЬШЕ МЕЖВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Ключевые слова: русская культурная эмиграция в межвоенной Польше, эмигрантская печать 20–30-х годов XX в.

Многие представители творческой интеллигенции вдали от Родины сумели сохранить свой творческий потенциал, продолжая напряженно работать, создавать яркие и значительные произведения. Некоторые из них включились в политическую борьбу, став яркими противниками Советской власти. Это была публицистическая, общественная и литературная деятельность. Публикуемые литераторами статьи на страницах эмигрантских газет и журналов, безусловно, оживляли и духовно обогащали жизнь русской диаспоры в изгнании. Эмигрантская печать становится рупором общественно-политической и культурной жизни русской эмиграции.

В 20–30-е годы в Польше издавалось большое количество эмигрантских газет и журналов различного толка и направления. Некоторые из них существовали совсем недолго, другие продержались достаточно длительный период времени. Наиболее известная общественно-политическая и литературная газета «Свобода», немного позже «За свободу» (с июня 1920 по апрель 1932 года). В редакционную коллегию входили М. Арцыбашев, Д. Философов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Амфитеатров, А. Кондратьев, Лев Теплицкий, А. Бем, В. Португалов и другие известные деятели русского зарубежья. Политической ориентацией газеты был антибольшевизм, установка на политический террор, критика либеральной и монархической эмиграции. Постоянно в поле зрения газеты оставались события, происходившие на Родине (политика, общественная жизнь, история и культура). «Как бы нас ни гнали, — писал Д. Философов, — как бы нам ни приходилось мыкаться по белу свету — у нас нерушимая связь с Россией. А эта связь для нас самое ценное, потому что мы живем и дышим Россией» [Философов 1921: 1]. Многие писатели-эмигранты превращались в страстных публицистов, всю силу своего писательского дарования отдававших борьбе с большевиками. Так, например, в газете публикуются «Записки писателя» М. Арцыбашева. Свою приверженность публицистике он объясняет тем, что писатель не может быть только мастером слова, так как не настало еще время для исторических и художественных обобщений. В литературном приложении газеты печатались многие произведения известных представителей русской творческой интеллигенции. В то же время для многих молодых, никому не известных писателей и поэтов русского зарубежья публикации в газете было единственным шансом заявить о себе, сохранить свой творческий потенциал, не потеряться вдали от России. Соборания многих поэтических групп, например, «Таверны поэтов» (1921–1925), проходили в редакции газеты при активном участии ее редакторов. Это было местом встречи талантливой творческой молодежи, своеобразным литературным клубом. Эти литературные собрания играли важную роль в их творческой жизни, позволяло регулярно встречаться, высказывать свои суждения, о литературе, театре, политике, читать собственные произведения. Все это вселяло убежденность в необходимости и важности того общего дела, в котором они все принимали участие.

Публикации в газете давали возможность открыто выразить свою позицию, объединить всех разделяющих эти взгляды, вставать на сторону борющихся с Советами всеми доступными способами. За годы существования «Таверны» ее членами было опубликовано более 150 стихотворных произведений, разбросанных по страницам эмигрантских газет и журналов. В «Литературной хронике» печатались обзоры эмигрантской и советской периодики, отклики и рецензии на произведения писателей зарубежья и метрополии. Русские литераторы становились пропагандистами русской культуры и неразделенной литературы. Многие из них, говоря о до-

стижениях советской литературы, старались сохранить объективную позицию (статьи С. Кулаковского, В. Фишера, Е. Вебер-Хирьяковой, Д. Бохана и других).

Русские литераторы внимательно следили за всеми значительными событиями культурной жизни Польши тех лет. Так, известно, что внимание М. Арцыбашева привлек роман знаменитого польского писателя Стефана Жеромского «Канун весны» (1925). Одним из первых, кто прочитал роман Жеромского, был и Д. Философов. Истории жизни А. Мицкевича, его пребывания в России посвящен цикл статей Философова «Мицкевич в Одессе и в Крыму» в газете «Молва».

Не обходила вниманием эмигрантская пресса наиболее значимые даты в жизни русской творческой интеллигенции (гневные статьи в связи с гибелью Н. Гумилева, 100-летие со дня рождения Достоевского и Некрасова, 50-летие со дня смерти Тютчева. Юбилейной дате, 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина, были посвящены полосы многих эмигрантских газет.

Также эмигрантская пресса считала своей важнейшей задачей отстаивать интересы русской диаспоры, быть информатором о жизни и нуждах русских беженцев. Специальное место отводилось различного рода объявлениям. Больше всего - розыску пропавших родственников, родных, знакомых.

Литература

Философов Д. За свободу. 30 октября 1921 г. С. 1.

Тоичкина Александра Витальевна

канд. филол. наук, доцент, кафедра славянской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.toichkina@spbu.ru

Н. В. ГОГОЛЬ И П. А. КУЛИШ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Д. И. ЧИЖЕВСКОГО

Ключевые слова: Чижевский, Гоголь, Кулиш, романтизм.

Известный славист Д. И. Чижевский (1894–1977) посвятил целый ряд статей жизни и творчеству Н. В. Гоголя [Тоїчкіна 2015:388–390]. Известно также, что он писал о Гоголе книгу [Янцен 2008: 46–63]. Работы о Кулише занимают значительно меньшее место в творческом наследии ученого. Так, украинскому писателю посвящены главы в «Нарисах з історії філософії на Україні» (1931) [Чижевський 1983: 119–128] и в «Історії української літератури» (1956). Отдельная статья под названием «П. А. Кулиш — украинский философ сердца» была опубликована Чижевским на немецком языке в 1933 году.

Гоголь и Кулиш рассматриваются Чижевским как яркие деятели эпохи романтизма. В работах, посвященных творчеству этих писателей, славист систематизирует и описывает аспекты, характерные для религиозно-философских представлений и поэтики романтизма в славянских литературах. В частности, Чижевский указывает на избирательный характер влияния на них западноевропейской культуры. Деятели славянского романтизма выбирали из широчайшего спектра европейских духовных направлений идеи и стилистические средства, преобразовывали и переосмысливали их так, что создавалась оригинальная культурная традиция [Чижевський 1983: 107–108]. В дальнейшем эта традиция продуцировала развитие национального самосознания и задавала определенные общественно-политические векторы развития. «Западные влияния», по мысли Чижевского, способствовали формированию у славян собственной культуры, характерной особенностью которой стала религиозно-философская ее направленность.

Так, Гоголь в творчестве реализует свою религиозно-философскую проповедническую интенцию с его призывом: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Христом, и вся, прелазай иначе, есть тать и разбойник» [Чижевський 1983: 102]. Именно поэтому Гоголь ставит сердечный порыв выше чувства долга и обязательств («обнимаю силою любви моей»). Источником всего есть любовь, и сами мы — «творение Божьей любви». Живую душу и труд во имя ее ставит Гоголь целью писательской работы [Чижевський 1983: 104]. С этим связан оптимизм и вера Гоголя в человека и литературу. «Гимн Красоте Небесной был благодарностью Гоголя за жизнь» [Чижевський 1983: 106]. Глава о Гоголе в «Нарисах з історії філософії на Україні», которую Чижевский писал в соавторстве со своим учеником Л. Мыколаенко, в дальнейшем предопределила подход и методологию исследования в статьях слависта о Гоголе.

В сочинениях Кулиша формируется оригинальная «философия сердца», которая воплощается в поэтике его художественных произведений. Проблему двойственности человеческой натуры Кулиш решает в процессе поэтического и религиозно-философского осмысления роли сердца в жизни человека. В поэтических, научных, политических произведениях и в личной переписке Кулиш описывает жизнь души как борьбу между «внешним» и «внутренним», т. е. между разумом и «глубинами» сердца. «Сердце» — один из любимых образов в поэзии Кулиша [Чижевський 2005: 208–209]. «Глубина сердца» имеет божественные свойства: в ней и через нее говорит сам Бог. Так в письме жене от 12 января 1857 г. Он пишет: «Надо угождать только Богу, а Бог говорит нам через наше сердце. Кто сердце свое очистит от всякой скверны, тот сделает его храмом Божьим» [Чижевський 2005: 209]. «Сердце» содержит в себе не только Бога и мир, но и прошлое и будущее, в глубине сердца бытуют исторические воспоминания народа и таинственные предчувствия. «Философия сердца» — основа философии культуры у Кулиша, которая включает в себя и специфически переосмысленную идею «естественного человека» Руссо, и поэтическое осмысление прошлого Украины (образ могилы), и теорию старорусского языка («языка сердца»). Кулиш видел будущее Украины в составе Русского мира. В плане социаль-

но-политическом он выдвинул идею «громади» (общины) как образца общественного уклада украинского мира («хуторская философия» Кулиша).

В своих трудах, посвященных жизни и творчеству Гоголя и Кулиша, Чижевский описывал феномен рецепции направлений западноевропейского романтизма в славянских литературах. Жизнь и творчество Гоголя он рассматривал как в контексте украинской, так и русской литературы (в частности, глава о Гоголе входит в первый том «Истории русской литературы XIX в.» Чижевского, изданной на немецком языке в 1964 г.). Специфику языка писателя Чижевский рассматривал как следствие влияния разных культурных сфер. Близость во взглядах Гоголя и Кулиша Чижевский объяснял в историко-литературном плане тем, что Кулиш был первым издателем собрания сочинений Гоголя и внимательно изучал все его сочинения. С другой стороны, Чижевский прочерчивал духовно-типологические связи, predeterminedенные логикой развития национальной литературы. Так, именно в украинской традиции ученый видел проявления повышенной эмоциональности, чувствительности и религиозности. Примат сердца над разумом и волей он описывал как важную характерную черту не только Кулиша, но и таких украинских авторов, как Г. С. Сковорода и П. Д. Юркевич. В гоголеведческих исследованиях, описывая поэтику произведений писателя, Чижевский прослеживал бытование этой традиции во взаимодействии с другими национальными литературами.

Литература

Тоїчкіна О. В. Д. І. Чижевський (Чижевский, Tschizewskij, Čuževskij) про Гоголя. Уклала О. В. Тоїчкіна // Гоголезнавчі студії. Вип. 22. Київ, 2015. С. 388–391.

Чижевський Д. І. Нариси з шторщі філософії на Україні. Мюнхен, 1983.

Чижевський Д. І. Філософські твори у чотирьох томах. Т. 2. Київ, 2005.

Янцин В. В. Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01302, <https://rscf.ru/project/23-28-01302> «Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского».

ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

Алексова Красимира Славчева

д-р филол. наук, профессор,
Софийский университет им. Святого Климента Охридского;
krasimira_aleksova@slav.uni-sofia.bg

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ ТИПА КОЙТО И ДА БИЛО В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: неопределенные местоимения, неопределенные местоименные наречия, современный болгарский язык.

Основным объектом исследования в настоящей работе являются неопределенные местоимения типа *който и да било* 'кто бы то ни было'. В целом неопределенные местоимения с элементом *било* бывают двух типов — типа *който и да било* и типа *кой да било*. Первый тип встречается чаще, чем второй. Конкретным предметом нашего исследования являются формы и употребление местоимений типа *който и да било* в современном болгарском языке.

Из Таблицы 1 видно, что этот тип неопределенных местоимений имеет формы для предметов, признаков, принадлежности, количества, места, времени и способа. Тот факт, что все эти ряды существуют, заставляет нас думать, что у них полная парадигма и что грамматикализация форм близка к завершению. На наш взгляд, она еще не закончена, поскольку формы множественного числа показывают наличие вариантов — без согласования и с согласованием *било/били* во мн. ч.

Таблица 1. Неопределенные местоимения и местоименные наречия типа *който и да било*, которые указывают на:

Виды	М. р. ед. ч.	Ж. р. ед. ч.	Ср. р. ед. ч.	Мн. ч.
объекты, предметы, лица	който и да било	която и да било	което и да било	които и да било/ били
признаки, качества, свойства	какъвто и да било	каквато и да било	каквото и да било	каквито и да било/ били
принадлежность	чийто и да било	чиято и да било	чието и да било	чиито и да било/ били
количество	колкото и да било			
место	където и да било, закъдето и да било, откъдето и да било, накъдето и да било, докъдето и да било			
способ	както и да било			
время	когато и да било, откогато и да било и др.			

Ответственный редактор: д-р филол. наук Е. Ю. Иванова.

Примеры для исследования извлечены из интернета и из ряда корпусов: из Болгарского национального корпуса (БНК) (<http://dcl.bas.bg/bulnc/>), Болгарского парламентарного корпуса ParlaMint-BG 3.0 (ПК) (https://www.clarin.si/ske/#dashboard?corpname=parlamint40_bg) и большого корпуса CLASSLA Bulgarian Web Corpus (https://www.clarin.si/ske/#dashboard?fbclid=IwAR2gYxkh8ag1FL3S-tbFJEiEvN4G7ghU_1Rdrj9-cDHlr2AJhGCDnihvAJ4%23concordance&corpname=classlaweb_bg). Во всех примерах сохранены правописание, пунктуация и оформление оригинала.

В (1) употреблено неопределенное местоимение *който* и *да било* в м. р., обозначающее лиц, в роли подлежащего. Пример (2) показывает, что существуют и винительные формы этого местоимения — *кого* и *да било*, которые употребляются в позиции косвенного объекта. Из (3) ясно, что существуют также дательные формы для лиц типа *кому* и *да било* в качестве косвенного дополнения.

- (1) *Дотогава я камила, я камиляра.. аз не очаквам скоро **който** и **да било** да я колонизира, няма какво да го оправдае икономически.* (CLASSLA-web.bg (Bulgarian Web))
- (2) *Те искат да заемат първо място в живота на своите внуци. Не желаят да споделят времето, което прекарват с децата с **кого** и **да било**.* (CLASSLA-web.bg (Bulgarian Web))
- (3) *Но ако споменеш само думица **кому** и **да било**, включително и на адвокатката си, ще те убия.* (БНК)

Неопределенные местоимения для признаков, качеств, свойств также используются в корпусах и Интернете. В (4) присутствует неопределенное местоимение *каквато* и *да било*, которое в предложении является согласованным определением существительного *ултиматум*. В (5) неопределенное местоимение в ед. ч. ж. р. *каквато* и *да било* употребляется в качестве согласованного определения существительного *информация*. Неопределённое местоимение *каквото* и *да било* в (6) выступает в роли прямого дополнения.

- (4) *Абсолютно излишно е да коментираме **каквато** и **да било** ултиматум вече, защото ултиматумът приключи.* (ПК)
- (5) *Ако сте на възраст под 18 години, моля не ни предоставяйте **каквато** и **да било** Ваша информация, освен ако нямате разрешението на родител или настойник да направите това.* (CLASSLA-web.bg (Bulgarian Web))
- (6) *Магьосникът просто стоеше, без да прави **каквото** и **да било**.* (БНК)

Неопределенные местоимения вида *чийто* и *да било* встречаются реже, но предложения с ними встречаются. Например, в (7) форма ед. ч. м. р. использована как согласованное определение при существительном ум.

- (7) *Предстои сливане, от такава величина, че ще е невъобразимо за **чийто** и **да било** ум.* (CLASSLA-web.bg (Bulgarian Web))

Неопределенное местоимение количества *колкото* и *да било* встречается не часто, но примеры в корпусах и в Интернете все же обнаруживаются, см. (8). В (9) в качестве обстоятельства времени использовано неопределенное местоимение *когато* и *да било*. В (10) мы находим неопределенное местоимение *където* и *да било*, также есть примеры с *откъдето* и *да било*, *докъдето* и *да било*, *накъдето* и *да било* и т. д.

- (8) ***Колкото** и **да било** мъчно на Петър за майка му, все пак в душата си той усещал дълбок мир и радост от съзнанието, че е преодолял най-яките вериги, с които го връзвал светът, и вече е свободен да се отдаде само на Бога.* (CLASSLA-web.bg (Bulgarian Web))
- (9) *Ако някой от братята цигани си направи труда да прочете този проект, аз съм убеден, че нито един от тях няма да посегне към червена бюлетина **когато** и **да било**.* (ПК)

- (10) *Аз не съм сигнализирал, не съм разпространявал този сигнал в средствата за масова информация, или **където и да било**.* (ПК)

Мы полагаем, что данные композитумы представляют собой неопределенные местоимения, которые по семантике и форме отличаются от неопределенных местоимений типа *който и да е*, *кой да е*, *кой ще да е*, *който ще да е*. Неопределенные местоимения типа *който и да било* в семантическом отношении разделяют признаки других неопределенных местоимений, но отличаются наличием слабого акцента на неопределенности объекта или его качественных или количественных характеристиках. Основанием для утверждения о том, что это самостоятельный тип неопределенных местоимений, дает критерий коммутации — если различиям в плане содержания (слабый акцент на произвольности выбора : отсутствие акцента на произвольности выбора : сильный акцент на произвольности выбора) соответствуют различия в плане выражения (*който и да било* : *който и да е* : *който ще да е*) и наоборот — если различиям в плане выражения (*който и да било* : *който и да е* : *който ще да е*) соответствуют различия в плане содержания (слабый акцент на произвольности выбора : нет акцента на произвольности выбора : сильный акцент на произвольности выбора), речь идет о разных грамматических явлениях.

Аникин Михаил Александрович

канд. искусствовед., старший научный сотрудник,
Государственный Эрмитаж;
anikin.mikhail@mail.ru

ОГНЯН ДЯНКОВ-БЛАГОЕВ (ФОТОХУДОЖНИК, ФИЛОСОФ, СЛАВЯНИН. К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Ключевые слова: взаимосвязи, Болгария, Россия.

Отношения Болгарии и России претерпевали многие этапы и катаклизмы: от самых дружеских и даже братских до практически враждебных — тут можно вспомнить хотя бы периоды Первой и Второй мировых войн. При этом необходимо отметить, что болгарский народ, в отличие от болгарских политиков, издавна симпатизировал России и русской культуре. В этой связи автору этих строк представилось полезным и уместным обратиться к творчеству гражданина Болгарии, живущего в «российской глубинке» и являющегося большим ценителем русского языка, культуры и искусства. Думается, что на примере жизни и творчества конкретного человека, как в капле воды, может отразиться проблема взаимоотношений наших народов и культур.

Нашего героя зовут Огнян Дянков. Это болгарское имя хорошо знакомо жителям города Лодейное Поле, расположенного на берегу известной реки Свирь. Святой Александр Свирский, прославленный многими чудесами, подвизался здесь. Автору этих строк посчастливилось познакомиться с Огняном несколько лет тому назад, во время отпуска. Насколько помнится, это произошло как раз на берегу реки, плавно и мощно текущей из Онежского озера в озеро Ладожское. Огнян начал разговор первым, представившись местным фотохудожником, работавшим в районной газете. На мой удивленный вопрос, каким образом болгарский гражданин оказался в российской глубинке, последовал подробный и очень интересный автобиографический рассказ, который и в кратком изложении, надеюсь, будет интересен.

А судьба его и в самом деле удивительна. Будучи по происхождению болгарин, он родился в Москве в 1957 г. В то время его отец — болгарский дипломат — находился в столице нашей родины в длительной командировке, в которой его сопровождала молодая супруга. Через год после рождения сына семья вернулась в Софию. В болгарской столице Огнян жил до 18 лет, потом вслед за отцом переехал в Ленинград и поступил здесь в музыкальное училище, а затем и в Консерваторию, где учился хоровому дирижированию. Учеба продолжалась с 1975 по 1984 г. Однако он не стал знаменитым дирижером. Другая страсть овладела всем его существом. Огнян с детских лет любил фотографию. Вначале это было легкое увлечение, просто хобби. Но постепенно мир художественной фотографии овладевал им все сильнее. В консерватории он встретил свою будущую супругу, получившую распределение в музыкальное училище Лодейного Поля. Так в 1986 г. Огнян оказался на Лодейнопольской земле, где ему удалось удачно совместить музыкальное образование с ежедневным поиском новых образов и сюжетов, почерпнутых из окружающей его природы и самой жизни, с её неисчислимым богатством и многообразием. Родились и подрастали дети, в развитии и воспитании которых он принимал самое деятельное участие, являясь не только заботливым, но и мудрым отцом, не допускавшим никакого излишнего сюсюканья и вредного для детского организма переизбытка восточными и западными сладостями. Так ему удалось победить тяжелейший диатез у сына и заложить фундамент крепкого здоровья дочери. Взгляды супруги, армянки по корням, подчас не совпадали с его философией, но все же им удалось совместными усилиями воспитать двух достойных и здоровых граждан России. Образование дети получали домашнее, однако при этом сын и дочь окончили школу с отличием. С 1988 по 1994 г. Огнян работал фоторепортером Лодейнопольской газеты. В 1990 и 1991 гг. отмечен как лучший фоторепортер Ленинградской области. О своем творчестве он говорит так: «В течение 40 лет фотоискусство неизменно является для меня областью творчества, в котором я могу выразить себя наиболее естественно»

и полно. Я чувствую себя художником и в творчестве нахожу смысл и радость жизни. История, классическое искусство и жизнь во всех своих проявлениях стали моими учителями. Главное для меня — сохранить непосредственность и чистоту восприятия, не предавать свои гуманистические идеалы. Считаю, что творить нужно с чистой совестью, с открытыми правде и красоте глазами, с открытым добру и любви сердцем» (Огнян Дянков, рукопись).

С таким подходом к творчеству у мастера появляются не просто снимки, фиксирующие и документирующие мгновения жизни, но зачастую — своего рода шедевры, наполненные глубоким символизмом. Огнян стал современным летописцем Лодейного Поля. И не только. В творческом портфолио автора есть удивительные фотографии всей России и Болгарии. Он не бежит за суетным, но ищет «разумное, доброе, вечное», открывает зрителям очарование и мудрость природы, находит красоту там, где другие её просто не замечают. Являясь по рождению гражданином Болгарии, Огнян Дянков глубоко любит и ценит Россию, прекрасно знает её историю. Всегда помнит о том, как русские войска во главе с Царем-освободителем спасли болгарский народ от турецкого ига. Подтверждением этим словам может служить стихотворение Огняна, посвященное славному герою освобождения Болгарии — «белому генералу» Михаилу Дмитриевичу Скобелеву (1843–1882):

ГЕНЕРАЛ СКОБЕЛЕВ

Скобелев —
Первый ступил на Болгарскую землю.
Скобелев —
Ночью на белом коне по пояс голый
С Крестом на груди
Переплыл Дунай ночью один.
Ясное дело —
САМ в разведку ходил,
Чтоб сберечь Солдатскую жизнь,
Приподнять (как можно выше)
Офицерскую честь.
.....
Слава русскому воину,
Слава России — Освободительнице Болгарии
От пяти-векового турецкого рабства!
(Огнян Дянков, рукопись).

На примере жизни и творчества Огняна Дянкова (творческий псевдоним — Дянков-Благодеев) можно убедиться в том, что духовные связи Болгарии и России являются прочными и нерушимыми, невзирая на любые политические игры элит и различных партий. И сама жизнь и творчество гражданина Болгарии Огняна Дянкова-Благодеева в России являют убедительный пример неразрывных связей наших стран.

Велев Георги

лектор, Будапештский университет им. Лоранда Этвёша;
velev.georgi@btk.elte.hu

«СТАРОБОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК» В ТРУДАХ ВЕНГЕРСКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Ключевые слова: староболгарский язык, язык славянской группы, тюркский язык, венгерские языковеды.

В работах ведущих венгерских языковедов начала XX века часто можно встретить выражение *староболгарский язык* (венг. *óbolgár nyelv*). Оно активно присутствует в исследованиях специалистов различных областей филологии и появляется как в работах славистов, так и, среди прочего, в трудах тюркологов. Ниже представлено употребление этого выражения в научных трудах, опубликованных в рамках одного десятилетия (1912–1921 гг.). Выбор именно этих хронологических рамок в первую очередь обусловлен желанием представить такие, опубликованные почти одновременно, исследования, в которых многократно употребляется указанный термин. Таким образом, это дало бы возможность сделать точные выводы об употреблении данного выражения и установить, что именно имели в виду под *староболгарским языком* ученые-современники, работавшие в различных сферах филологии.

Представление употребления выражения *староболгарский язык* начнем, по понятным причинам, с работы специалиста-слависта Яноша Мелиха, которая опубликована позже других трудов, являющихся объектами настоящего исследования. В своей статье, опубликованной под заглавием (в переводе на русский) «Болгары и славяне. (Добавка к вопросу достоверности глав Анонима о князе Салан)» Мелих употребляет в нескольких местах определение *староболгарский* и неоднократно уточняет, какой именно язык имеется в виду. При обсуждении праславянской формы **zemiā*, например, автор отмечает, что в древнецерковнославянском языке (у Мелиха *ó-egyh. szl.*) эта форма развилась как *zemiļa*. В данном случае более важным является тот факт, что после употребления прилагательного *древнецерковнославянский*, в скобках, ставя знак равенства, он уточняет, что речь идет о *староболгарском языке* [Melich 1921: 66]. Термины *древнецерковнославянский* и *староболгарский* снова появляются вместе (трижды), соединенные знаком равенства, и в другом месте в статье Мелиха. Основное отличие их употребления от приведенного выше примера состоит в том, что определение *староболгарский* предшествует термину *древнецерковнославянский* [Melich 1921: 68].

С тождественным значением, а именно в качестве языка славянской группы, термин *староболгарский язык* присутствует и в работе Жигмонда Шимони, озаглавленной (в переводе на русский) «Рождественская статья. Названия религиозных выражений и праздников». В своем труде автор отмечает, что венгерское слово *szent*, означающее 'святой', происходит от «старого болгарского слова *svęt*», добавляя, что венгерский язык заимствовал часть выражений, касающихся христианской терминологии, именно из *староболгарского языка*. Согласно Шимони, слово *kereszt* ('крест') тоже является «староболгарским, греко-восточным выражением» [Simonyi 1913: 434]. Что касается предполагаемой формы **Mentő*, означающей 'Спаситель', не исключено, что она представляет собой перевод греческого *Sōtēr*, но и результат посредничества староболгарского *spasitelj* [Simonyi 1913: 438]. По мнению автора, слово *vasárnap* ('воскресенье') имеет тюркское происхождение; «однако» (*ellenben*), как он сам пишет, слово *szombat* ('суббота') происходит от староболгарского, имея в виду наличие слова *sqbota* в староболгарском языке [Simonyi 1913: 442].

В том же самом 1913 г. в том же научном журнале (*Magyar Nyelvőr*), только в другом номере тюрколог Дюла Немет публикует статью под заглавием (в переводе на русский) «Монгольские элементы в венгерском языке». Обсуждая происхождение слова *homok* ('песок'), Немет заключает, что оно не может быть соответствием предполагаемого «староболгарского **kumak*», которое, несколькими строками выше автор описывает как принадлежащее общетюркским

языкам [Németh 1913: 243]. Немет не оставляет никакого сомнения в том, что именно имеет в виду, когда пишет о *староболгарском языке*, отмечая в другом месте своей статьи, что «живым наследником» этого языка является чувашский язык [Németh 1913: 245].

Годом ранее, в 1912 г., другой тюрколог, Золтан Гомбоц, публикует на немецком языке свою монографию «Болгаро-тюркские заимствованные слова в венгерском языке». В самом начале своей книги, указывая на используемые сокращения, автор упоминает и *altbulgarisch*, т.е. *староболгарский* [Gombocz 1912: VIII]. То, что немецкое прилагательное *altbulgarisch*, действительно, можно перевести на венгерский как *óbolgár*, т.е. *староболгарский*, доказывает статья Немета, в которой автор, переводя фрагмент труда Гомбоца [Gombocz 1912: 31], использует именно *óbolgár* как соответствие немецкому *altbulgarisch* [Németh 1913: 242–243]. В другом месте монографии Гомбоц пишет о «староболгарско-монгольском языковом отношении» («*das altbulgarisch-mongolische sprachverhältnis*») [Gombocz 1912: 34]. При этом использует и такие пояснения, как *тюркское слово*, уточняя в скобках, что в конкретном случае под *тюркским* он имеет в виду *староболгарское слово* («*entlehnung des türkischen (altbulgarischen) wortes*») [Gombocz 1912: 123].

Проанализированный материал показывает, что в трудах некоторых ведущих венгерских лингвистов начала XX века выражение *староболгарский язык* (*óbolgár nyelv*) получает совершенно разные значения. Вероятно, в зависимости от основной филологической сферы, которой лингвисты посветили свои научные исследования, оно является синонимом *древнецерковнославянского* либо определенного *тюркского* языка. Иначе говоря, данное выражение обозначает языки этнических групп разного, более конкретно — славянского и (предполагаемого) тюркского происхождения, на которых говорили, соответственно, так называемые болгарские славяне и протоболгары.

Литература

- Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne XXX). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1912.
- Melich J. Bolgárok és szlávok. (Adalék Anonymus Szalán fejedelemtől szóló fejezeteinek hitelessége kérdéséhez) // Magyar Nyelv XVII/4–6. 1921. С. 65–78.
- Németh Gy. Mongol elemek a magyar nyelvben // Magyar Nyelvőr XLII/VI. 1913. С. 241–246.
- Simonyi Zs. Karácsonyi cikk. Vallási kifejezések, ünnepek neve // Magyar Nyelvőr XLII/X. 1913. С. 433–445.

Гливинская Вера Николаевна

канд. филол. наук, доцент,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Gli-vera21@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-БОЛГАРИСТОВ

Ключевые слова: социокультурная компетенция, мир болгарского языка, ресурсное обеспечение.

В настоящее время студентов-болгаристов в МГУ имени М. В. Ломоносова готовят всего лишь на трех факультетах: традиционно и с давних пор на филологическом и историческом факультетах, а с 1988 года — и на факультете иностранных языков и регионоведения. Подготовка специалистов высокого класса предполагает формирование и развитие хорошо известных компетенций: лингвистической, дискурсивной, стратегической, социокультурной, предметно-профессиональной, информационной и медиативной. Из всех перечисленных компетенций самой важной и универсальной, по моему глубокому убеждению, является социокультурная, так как именно она дает ключ к пониманию менталитета носителя изучаемого языка, способствуя тем самым установлению правильного ракурса рассмотрения происходящих событий и выработке научно-беспристрастного подхода к изучаемым фактам и наблюдаемым явлениям, учит толерантности, что в наше время большого международного напряжения обрело особый смысл и значение.

Социокультурная компетенция формируется и развивается практически всеми учебными дисциплинами, предусмотренными учебными планами подготовки специалистов-болгаристов. Прежде всего это «Практический курс болгарского языка» и «Теория и практика речевого общения (болгарский)», но самые большие возможности для развития этой компетенции, безусловно, открывает курс «Мир изучаемого иностранного языка (болгарский)», который предусматривает более глубокое знакомство с историей и культурой страны специализации. К сожалению, приходится констатировать, что этот курс не обеспечен ни специализированными учебниками, ни пособиями, которые могли бы помочь более эффективному его усвоению.

В сообщении анализируются наличествующие учебники и труды по истории и литературе Болгарии, рассматриваются возможности их использования при изучении курса «Мир изучаемого иностранного языка (болгарский)». Особое внимание уделяется словарю-справочнику «Лексикон южно-славянских литератур» [2012], авторы которого постарались создать справочник, расположив в алфавитном порядке южнославянских писателей вне зависимости от периода их деятельности. В справочнике представлены писательские портреты-медальоны, в которых сообщаются биографические данные, дается краткий анализ основных произведений, оценивается вклад писателя в национальную литературу. Очень важно, что книга эта доступна в интернете и тем самым составляет серьезную конкуренцию любимой нашими студентами, но крайне ненадежной, с точки зрения достоверности информации, википедии.

В докладе затрагивается также и вопрос возможности и необходимости использования болгарских материалов по данной тематике. Констатируется, что в последние 30 лет болгарские историки и филологи самым активным образом ревизируют историю страны и историю литературы. Развенчивание т.н. мифов стало самым модным направлением гуманитаристики, и преобладает, к сожалению, разоблачительный пафос. В качестве примера упоминаются две книги, вышедшие в 2022 и 2023 гг.: работа болгарской журналистки И. Александровой «Оловна тишина. Историята на един разстрел» [Александрова 2022], приуроченная к 80-летию со дня расстрела болгарского поэта-антифашиста Н. Вапцарова, и исследование Т. Чобанова «Произходът на прабългарите. Дебатът през XXI век» [Чобанов 2023]. И. Александрова десять лет изучала протоколы допросов Вапцарова для того, чтобы, основываясь на исторгнутых в фашистских застенках признаниях, дегероизировать поэта, обвинив его в предательстве.

Труд Т. Чобанова был представлен широкой общественности 22 сентября 2023 года в программе болгарского телевидения «Тази сутрин». В своем интервью автор с воодушевлением рассказывает о результатах исследования, проведенного в рамках договора с Гарвардским университетом, которое позволило утверждать, что «прабългарите не са били капка в славянското море, че те са били индоевропейци и не са дошли от Сибир». Автор с гордостью замечает: «Нашите корени могат да бъдат проследени до Атила». Если учесть, что в историографии с именем Аттилы связаны самые жестокие и кровавые события, а сам Аттила определяется как жестокий повелитель, повергающий в трепет все живое, не совсем понятно, зачем доц. д-ру Чобанову это родство и почему он гордится тем, что болгары «носят гены гуннов Аттилы», тем более что доказать индоевропейское происхождение гуннов вряд ли кому-либо по силам.

Тенденциозность издаваемых в последнее время в Болгарии трудов по истории страны и ее литературы вынуждают нас опираться на более ранние произведения: работы П. Мутафчиева и П. Зарева, которые не утрачивают своего фундаментального характера.

Знакомство с современными точками зрения создает хорошую основу для проведения дискуссий, выдвижения аргументов «за» и «против», а также имеет огромное значение для понимания происходящих в современном болгарском обществе событий. Так, из последних примеров в докладе рассматривается инициатива группы болгарских парламентариев по внесению изменений в Конституцию страны по вопросу замены национального праздника Дня освобождения Болгарии от Османского ига и Восстановления болгарской государственности (3-ти март) Днем болгарского просвещения и культуры и славянской письменности (24-ти май — Денят на Св. Св. Кирил и Методий). Инициатива вызвала бурную реакцию в обществе. В торжествах по случаю Освобождения Болгарии президент Румен Радев у памятника Освободителям на Шипке призывает сограждан помнить подвиг своих предков, вспоминает «эпопею забытых» Ивана Вазова и призывает сограждан к здравомыслию. Наши студенты-болгаристы должны все это знать и понимать.

В докладе делается вывод о том, что социокультурная компетенция формируется на базе объективных знаний об исторических процессах и их отражении в литературе, реализуется в умении видеть и понимать трансформации в представлениях об этих процессах в современных условиях, в способности проникать в суть происходящих событий.

Литература

Александрова И. Оловна тишина. Историята на един разстрелю Жанет 45, 2022.

Чобанов Т. Произходът на прабългарите. Дебатът през XXI век. Българска история. 2023.

Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Индрик, 2012.

Голант Наталия Геннадьевна

канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН;
natalita1977@yandex.ru; natalita311@mail.ru

ЗАМЕТКИ О ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ БОЛГАР И РУМЫН: ДЕРЕВО В ОБРЯДАХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ СО СМЕРТЬЮ

Ключевые слова: «дерево покойника», смерть, свадьба, мифологические представления, фольклорные тексты.

В докладе рассматриваются некоторые мифологические представления и обрядовые действия, связанные с ролью деревьев в погребальной обрядности болгар и румын с целью выявить общее и особенное. Приводимые сведения происходят преимущественно с тех территорий, где болгары и румыны живут по соседству — приграничные районы северо-западной Болгарии и восточной Сербии (долина реки Тимок), где наряду с болгарскими и сербскими проживает довольно многочисленное румыноязычное население, Добруджа и др.

Один из сюжетов, рассматриваемых в докладе — восприятие дерева той или иной породы как предвестия смерти. С ним связано, например, поверье о том, что выросшее во дворе дерево определенной породы предвещает смерть обитателей дома и его запустение (например, у болгар, живущих в румынском Банате (в округе Тимиш), таким деревом считается тополь, у болгар и румын (влахов) северо-западных районах Болгарии (область Видин) — грецкий орех, у румын в соседних районах восточной Сербии — сирень и др.). Во многих случаях это представление мотивировано тем, что эти деревья растут на кладбищах [Телбизов, Векова-Телбизова 1963: 180; Бизеранова 2013: 92, 104–105].

Дерево присутствует в погребальном обряде некоторых групп болгар — в частности, у болгар Добруджи и у жителей северо-западных районов Болгарии (у первых такое дерево может именоваться *байрак* ‘знамя’ или *клон* ‘ветка’, у вторых — *уруглица*; причем термины *байрак* и *уруглица* используются и по отношению к дереву, которое присутствует в свадебном обряде). В качестве «дерева покойника» у болгар обычно используется какое-либо плодовое дерево [Добруджа 1974: 296–297; Бизеранова 2013: 201, 224, 229, 277]. У болгар дерево, как правило, помещают на могилах людей, умерших молодыми и не успевшими вступить в брак. Присутствие дерева в погребальной обрядности характерно и для румын. У них также чаще всего несут дерево в похоронной процессии и помещают на могилах неженатых и незамужних, однако существуют и регионы, где с деревом принято (или было принято до недавнего времени) хоронить и людей, состоявших в браке — как, например, у румын (влахов) восточной Сербии и северо-западной Болгарии. У румын в качестве «дерева покойника» чаще всего используется хвойное дерево — пихта или ель; сама обрядовая реальность часто обозначается термином *brad* ‘пихта, ель’ [Marian 2008: 234–236]. В регионах, где леса отсутствуют или их мало, пихта или ель заменяется плодовым деревом. Так произошло, в частности, у жителей румынской Добруджи и у румын (влахов) восточной Сербии и северо-западной Болгарии. У последних «деревом покойника» обычно является слива; при этом сливу, которую несут в похоронной процессии и затем устанавливают на могиле, также могут обозначать словом *brad* [Бизеранова 2013: 240]. Этим же термином может обозначаться и свадебное дерево. Встречаются и другие термины, которые являются общими для свадебного дерева и для «дерева покойника» — например, термин *fedeleş*, зафиксированный автором у румын Олтении (в коммуне Мэлая в округе Вылча).

Последний сюжет, который затрагивается в докладе, — упоминания деревьев в фольклорных текстах, так или иначе связанных с темой смерти. У болгар в северо-западных районах Болгарии встречаются баллады об утонувшей невесте, в которых говорится, что близкие невесты и жениха от горя превращаются в деревья (так, в тексте из с. Буковец общины и области Видин говорится о том, что крестные невесты стали вербами; в тексте из с. Големаново общины Кула области

Видин — о том, что матери невесты и жениха превратились в тополя, а сестры жениха — в вербы) [Бизеранова 2013: 152]. Мотив «свадьба — смерть» встречается и в румынском фольклоре, в том числе в балладах (во многих вариантах известной пастушеской баллады «Миорица», в частности, в ее классическом варианте, опубликованном Василе Александри, где в качестве гостей на «свадьбе» убитого пастуха присутствуют пихты и тополя), но также и в текстах, непосредственно связанных с погребальной обрядностью — в песнях, бытующих в западных областях Румынии, которые исполняются во время внесения в дом и украшения «дерева покойника» и в которых это дерево (пихта или ель) именуется невестой или женой умершего [Marian 2008: 235].

Мифологические представления, обрядовые действия и фольклорные тексты болгар и румын, связанные со смертью и погребением, в которых присутствуют деревья, демонстрируют ряд общих черт. В значительной мере общим является и перечень деревьев, соотнесенных в народных представлениях со смертью, — в нем присутствуют ель, тополь, грецкий орех, различные плодовые деревья и др. Присутствие дерева в погребальном обряде отмечается не только у болгар и румын, но и у некоторых других народов карпато-балканского региона — в частности, у сербов и у украинцев (гуцулов). Можно предположить, что все перечисленные славянские народы заимствовали эту обрядовую реалию у румын, однако этот вопрос требует дополнительного изучения. Общим для традиционной культуры болгар и румын является также метафорическое представление о смерти как о свадьбе (это представление также встречается и у других народов региона).

Литература

- Бизеранова С. Между живота и смъртта. Погребални и поменални обичаи при българи и власи във Видинско. Враца: Алекспринт, 2013.
- Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София: Издателство на БАН, 1974.
- Телбизов К., Векова-Телбизова М. Традиционен бит и култура на банатските българи. Сборник на народни умотворения. Кн. II. София, 1963.
- Marian S. *Fl. Botanica poporană română*. Vol. I (A–F) / ed. by A. Brădăţan. Suceava, 2008.

Иванова Елена Юрьевна

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.y.ivanova@spbu.ru

ЛИНЕЙНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КЛИТИК В ГРЕБЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: клитики, болгарский язык, гребенский диалект.

1. В работе рассматривается позиция клитик в гребенском диалекте болгарского языка в аспекте выявления контактологически обусловленных особенностей их синтаксического поведения.

Гребенский говор — диалект старого мизийского населения, которое проживает в нескольких селах вдоль Дуная между городами Тутракан и Силистра. Уникальность этого говора состоит в том, что даже в условиях неоднократных перемещений населения на румынский берег Дуная и при контактах с другими этническими группами на своей территории данный идиом характеризуется сохранностью большинства мизийских черт. Вслед за И. Кочевым мы разграничиваем данный говор (округа Силистры) от Русенского гребенского говора, в котором старые мизийские черты ослаблены или подверглись изменению [Кочев 1969: 5–11].

Сама система клитических элементов, представленная в анализируемом говоре, по своему морфологическому составу мало отличается от набора клитик литературного болгарского языка: в нее входят местоименные и глагольные элементы, иллокутивные и дискурсивные частицы. В то же время линейно-синтаксические свойства гребенских клитик имеют свои особенности.

Материалом для исследования послужили данные из описания данного говора И. Кочевым [1969], а также тексты диалектных записей из сёл Гарван и Сребырна Силистренского округа [Alexander, Zhobov 2016]. В докладе рассматриваются только сентенциальные клитики, т. е. клитики предикатного уровня (clause-level clitics). Фразовые клитики (phrase-level clitics), а именно клитики уровня именной или предложной группы, не являются объектом данного исследования.

2. Наиболее яркое линейно-синтаксическое свойство клитик данного идиома — отсутствие запрета на сентенциальные начальные клитики. Таким образом, в отличие от литературного языка и от большинства болгарских говоров, гребенские клитики не подвержены действию закона Тоблера-Мусафии. В начальной позиции могут находиться как местоименные клитические элементы (1), включая возвратные, так и глагольные (2):

(1) $j\check{a}_{3SG.ACC}=v\check{i}def$

(2) $s\check{a}m_{be.PRS.1SG.AUX}=čuv\check{a}lə\ tuj\ nešt\check{u}$

Эта особенность, выделяющая гребенский говор, видимо, является контактологически обусловленной: в румынском языке клитики тоже могут быть инициальными [Legendre 2020; Gerstenberger 2022]. Заметим, что болгарские говоры на территории Румынии допускают начальные клитики в еще большей степени, ср., напр., *Отвъддунавски електронен корпус* (<http://www.corpusbdr.info>).

Клитики в абсолютном начале предложения, как известно, разрешены и в юго-западных говорах болгаро-македонского континуума. Обращает на себя внимание, однако, что, в отличие от юго-западного ареала, где в инициальной позиции могут быть представлены кластеры клитик, в гребенском говоре мы встречаем, как правило, единичные начальные элементы (местоименные либо глагольные, причем последние имеют и лично-числовые ограничения). Другая важная особенность состоит в том, что выдвижение гребенских клитик в инициальную позицию носит факультативный характер: они могут быть как инициальными, располагаясь перед глаголом, так и занимать постпозицию по отношению к нему ($j\check{a}=v\check{i}def$ vs. $poti=m\check{a}$).

Убедительных данных, которые бы свидетельствовали об обусловленности такого выдвижения морфологическими свойствами вершины предикатной группы, не имеется.

3. В то же время и в данном идиоме, как в целом в болгарском языке, сентенциальные клитики являются глагольно-ориентированными (Verb-adjacent clitics): если в начале предложения располагается непредикатный элемент, клитика не может выдвигаться в инициальную позицию (что привело бы ее к отрыву от предикатной группы) и будет находиться в приглагольном окружении, в препозиции к глаголу:

(3) *bulkətə jə*_{3SG.ACC}=*pxd'ət nə u t'af*

Устойчивость этой характеристики поддерживается и приглагольностью клитик румынского языка [Gerstenberger 2022].

4. Сентенциальные клитики болгарского языка, в том числе и в гребенском говоре, являются кластеризуемыми. В болгарском литературном языке кластеризация клитик происходит в строгом соответствии с их рангом и морфологическим статусом [Циммерлинг 2012; Димитрова 2023]. В гребенском идиоме правила образования кластеров не имеют значительных отклонений от литературной нормы.

5. Как и в литературном языке, для клитических элементов сентенциального типа действуют правила барьеров. Недостаточное количество примеров не позволяет охарактеризовать все допустимые для этого диалекта инициальные синтаксические группы, позволяющие клитикам (вместе с предикатом) оказаться значительно правее начальных позиций в предложении, но имеющийся материал позволяет констатировать сходство этих правил с литературной нормой, см. порядок XP–Cl–Verb с начальной синтаксической комбинацией двух тематических составляющих *kojtu u kugatu*:

(4) (4) *kojtu kugatu mu*_{3SG.DAT}=*e*_{PRS.3SG}=*ridx*

Порядок XP–Verb–Cl в болгарских невопросительных клаузах запрещен [Циммерлинг 2012; Димитрова 2023], но допустим в вопросительном предложении, где барьер (//) разделяет тематическую именную группу и глагол в фокусе вопроса, как в (5). Помимо того, в гребенском диалекте такой порядок зафиксирован и при императивной форме (6):

(5) *vašte nivi // učuka li=gi*_{3PL.ACC} *grado?*

(6) *I tās žina // zāmi=jā*_{3SG.ACC}

Наблюдения над линейно-синтаксическими свойствами клитик гребенского диалекта показывают, что основной отличительной особенностью этого идиома, появившейся по всей вероятности под воздействием давних и длительных контактов с румынским языком, является отсутствие запрета на инициальные клитики, имеющее впрочем, вариативный характер в данном говоре. В то же время основные способы линеаризации гребенских клитик, свойственные и литературной болгарской норме, остаются достаточно устойчивыми. Этой устойчивости способствует и близость базовых правил расположения клитических элементов в болгарском и румынском языках, прежде всего глагольно-ориентированный характер клитик.

Acknowledgements: This work has been carried out within the framework of the “Atlas of the Balkan Linguistic Area” project supported by the French National Research Agency (ANR-21-CE27-0020-ABLA) granted to Evangelia Adamou and the Russian Science Foundation (22-48-09003) granted to Andrey Sobolev.

Литература

Димитрова Цв. Българските клитики: история и настояще. София: ИБЕ, 2023.

Кочев Ив. Гребенският говор в Силистренско (с особен оглед към лексикалната му система) // Трудове по българска диалектология. Кн. 5. София: Изд-во на БАН, 1969.

Циммерлинг А. В. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 3–38.

Alexander R., Zhobov Vl. (ed.). Bulgarian Dialectology as Living Tradition. 2016. URL: <http://www.bulgariandialectology.org>

Gerstenberger C.-V. How weak are Romanian clitic pronouns? // Nordlyd. 2022. Vol 46. No. 1. P. 37–57.

Legendre G. Optimal Romanian Clitics: A Cross-Linguistic Perspective // Comparative Studies in Romanian Syntax 2000. Brill. Vol. 58. P. 227–264.

Мосинец Анастасия Геннадьевна

канд. филол. наук, старший преподаватель, кафедра славянской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.mosinets@spbu.ru

ПЕРЕВОД ПОЭЗИИ ГАНЕ ТОДОРОВСКОГО НА БОЛГАРСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ: ПОЭТИКА И ЛИНГВИСТИКА

Ключевые слова: македонский язык, болгарский язык, перевод поэзии.

Драган (Гане) Тодоровский (1929–2010) — один из наиболее выдающихся македонских поэтов, обладатель самых престижных литературных премий Македонии, литературный критик, филолог и дипломат. Его поэзия оценена по достоинству не только в Македонии, но и за ее пределами. Творчество Гане Тодоровского переведено на многие языки мира, однако передача некоторых его произведений даже на близкие языки представляет большую трудность из-за склонности поэта к игре со словами и синтаксическими конструкциями. В докладе мы рассмотрим несколько стихотворений Гане Тодоровского («Сто збора а само една песна», «Љубовна најобична, дветризорна») с точки зрения особенностей их языковой структуры и того, как эти особенности могут быть переданы на болгарский и русский языки.

Стихотворение с говорящим названием «Љубовна најобична, дветризорна» построено на повторении в четырех строфах нескольких лексем в разных формах: глагола *сака* «любить», наречия *ноќва* «этой ночью», подчинительного союза *да*, который вводит изъяснительное предложение, падежных форм личных местоимений *те*, *ме* («тебя», «меня»): *Сакам ноќва да те сакам / Сакам ноќва да ме сакаш / Сакај ноќва да те сакам / Сакај ноќва да ме сакаш*. И лишь в последней строфе появляются еще две производные формы от глагола *сака* и глагол *сум*: *Да те сакам да ме сакаш / Сакам ноќва сакај ноќва / Сакањето сакам — сакаш / Најсакано сакање е*. Таким образом, во всем произведении употреблены всего лишь семь лексем.

В русском варианте поэтического текста переводчица Ольга Панкина [Поэзия и города Республики Македония] прибегает к лексическим и, конечно, грамматическим заменам. В качестве эквивалента глаголу *сака* берется глагол *желать*, а не более очевидный *любить*, так как *любить* не позволяет образовать отглагольное существительное, что возможно в случае с глаголом *желать*: *Пожелай же этой ночью, / Чтоб друг друга мы желали. / Вот желанное желанье* (пер. О. Панкиной). Однако общее количество лексем и словоформ при переводе на русский язык возрастает. Данные изменения связаны с особенностями грамматического строя языков. Например, в македонском оригинале ни разу не употреблены личные местоимения в именительном падеже, которые бы выступали в роли подлежащего. Такой пропуск подлежащего, выраженного личным местоимением, свойствен македонскому языку и нехарактерен для русского, поэтому в русском переводе встречаются не только падежные формы *меня*, *тебя*, но и *я*, *ты*: *Я желаю этой ночью / И желать, и быть желанным. / Пожелай и ты, чтоб ночью / Я желал, и ты желала* (пер. О. Панкиной). Увеличение числа лексем связано и с лексическим фактором — стремлением переводчика точно передать смысл лексемы *ноќва*, которая обозначает не просто «ночью», а именно «этой ночью». В целом в русском тексте переводчица блестяще обходит различие в синтаксической структуре языков, а именно отсутствие *да*-конструкции в русском языке, на особенностях употребления которой выстроена строфа: *Да ме сакаш ноќва сакам / Да ме да ме да ме да ме / Да те сакам ноќва сакам / Да те да те да те да те. — Я желаю, чтоб желала / Ты меня, меня, меня. / Я желаю, чтоб желал я / Лишь тебя, тебя, тебя*. Как и в оригинале, в переводе многократно повторяются уже присутствовавшие в тексте формы местоимений, хотя, возможно, пропадает оттенок желательности, приносимый *да*-конструкцией в текст.

Рассмотрим перевод на болгарский язык стихотворения «Сто збора а само една песна». Перевод выполнен Н. Димитровой [Димитрова, в печати]. Как следует из названия, во всем стихотворении употреблены только сто слов. При этом за слово поэт считает каждую отдель-

но стоящую, отделенную пробелом от других знаков, единицу, например: *Да(46) не(47) би(48) крвта(49) да(50) преврие(51)*, где составной союз *да не би да* посчитан за четыре слова, или *Ќе(40) нè(41) сепне(42)*, где форма будущего времени *Ќе сепне* также считается двумя словами. Казалось бы, перевод на такой близкий язык, как болгарский, не должен вызывать особых трудностей у переводчика, так в болгарском присутствует и составной союз *да не би да*, и составная форма будущего времени *ще сепне*, в отличие от русского языка, где все эти формы должны будут компенсироваться другими словами при переводе. Однако в македонском языке обязательно удвоение объекта падежной формой местоимения. Такое явление — удвоенное дополнение — возможно в болгарском языке, но при наличии определенных условий. Поэтому при переводе строчки *Да(46) не(47) би(48) крвта(49) да(50) преврие(51) / Го(52) поткреваме(53) капачето(54)* болгарский переводчик «теряет» слово *го* и вынужден добавить краткое притяжательное местоимение *ни*, чтобы сохранить общее число слов: *да (48) не (49) би (50) крвта (51) ни (52) да (53) кипне (54) / повдигаме (55) капачето (56)* (пер. Н. Димитровой). Точно так же в другой фразе *Курушумот(92) на(93) очите(94) ги(95) прострелува(96) И(97) урива(98) сомневањата(99)*, где краткая форма местоимения *ги* дублирует прямое дополнение *сомневањата(99)*, болгарский текст становится короче на одно слово, что компенсируется переводчиком в других предложениях, где это возможно сделать без ущерба для выразительности и смысловой нагрузки текста — например, с помощью добавления подлежащего *ние* там, где оно опущено в оригинале: *Сам о што троа(28) сме(29) крвкки(30) рскавични(31)*. — *Ние (27) само (28) сме (29) малко (30) крехки (31)*. С другой стороны, при переводе фразы *Ништо(12) не(13) почнало(14)* болгарский текст получается длиннее на одно слово: *нищо (12) не (13) е (14) започнало*, так как в болгарском языке, в отличие от македонского, не опускается глагол *сѝм* в форме перфекта 3 л. ед. ч.

Таким образом, перевод поэзии Гане Тодоровского может вызвать затруднения даже при передаче на близкородственные языки, что связано с тем, что его поэзия охватывает не только план художественного, но и с лингвистического: игра со словами, их количеством, синтаксическими конструкциями.

Литература

Димитрова Н. Гане Тодоровски. Поезија. В печати.

Панькина О. Гане Тодоровски. Стихи // Меценат и Мир. № 41–44. URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/33-36/todorovski.htm> (дата обращения: 30.01.2024).

Тодоровски Г. Сто песни а само една љубов. Скопје: Детска радост, 1993. 220 с.

Тимонина Елена Васильевна

старший преподаватель,

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;

timoninaev@rambler.ru

ПОДГОТОВКА ФИЛОЛОГА-СЛАВИСТА К УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ: НЕОБХОДИМЫЕ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ

Ключевые слова: устный перевод, двуязычный терминологический словарь, лингвистический анализ.

Для многих выпускников филологических факультетов (не только специализированных отделений «Теория и практика перевода») устный перевод — как последовательный, так и синхронный — интересный и многообещающий вид деятельности, поэтому естественно, что в учебных планах отделений славянской филологии филологических факультетов российских университетов присутствуют соответствующие учебные курсы. В любом подобном курсе подчеркивается, что устному переводу должна предшествовать серьезная самостоятельная подготовительная работа переводчика, даже если он пока еще только студент: переводчик должен как можно глубже «погрузиться» в тему, познакомиться со всеми ее аспектами и, конечно, подготовить для своей работы двуязычный словарь терминов, что для славянских языков и в частности для перевода с болгарского языка на русский (и наоборот) особенно актуально, поскольку современных специализированных терминологических словарей для этой пары языков практически нет [Делева, Радева 2013: 64].

Для филологов материалы (тексты) для обучения устному переводу должны стать также и источником совершенствования как страноведческой, так и лингвистической подготовки студентов. Опираясь на опыт работы с магистрантами отделения славянской филологии филологического факультета МГУ, рассмотрим ситуацию, когда студентам предстоит устный перевод по теме «Электроэнергетика Болгарии». Их самостоятельное знакомство с данной темой вполне может ограничиться онлайн энциклопедией, но важно стимулировать дальнейший поиск материалов в прессе, в доступных бумажных и онлайн ресурсах. Например,

- как обогреваются дома в Болгарии (дрова, газ, электричество) и сколько стоит отопление;
- куда и в каком объеме Болгария экспортирует электроэнергию (например, за период 1992–2015 гг. Болгария сохраняет 16-е место в ЕС по производству электроэнергии, 18-е место по потреблению, опускается с 17-го на 23–25-е места по импорту электроэнергии, но поднимается с 17-го на 7–8-е место по экспорту электроэнергии);
- какие компании действуют в сфере распределения электроэнергии в Болгарии (например, компания ЕВН, она же EVN AG — ведущий австрийский концерн, или Энерго-Про — чешская энергетическая компания ENERGO-PRO);
- какие проблемы существуют в Болгарии с ТЭС (например, планируется закрытие работающих на угле ТЭС, но именно они производят 40% электроэнергии в Болгарии, из которых 10–15% идут на экспорт и фактически обеспечивают энергетическую безопасность Балканского региона, а оставшиеся 25% обеспечивают внутренний рынок, т.е. результатом закрытия работающих на угле ТЭС может стать «разбалансировка» и внутреннего болгарского рынка электроэнергии, и регионального рынка) и АЭС (например, на единственной болгарской АЭС «Козлодуй» проблемы связаны не только с запасными частями, топливом, «протечками», но главным образом с разрывом связей с главным конструктором — российской компанией «Гидропресс»);
- что такое водородная энергетика и каковы возможности Болгарии в этом направлении (например, ЕС планирует строительство в Болгарии одной из девяти так называемых «водородных долин»), и что такое «зеленый», «синий» и «серый» водород.

Список тем может и должен быть продолжен: чем полнее он будет, чем точнее он будет структурирован, тем полнее будет страноведческая картина мира Болгарии у студента-филолога и тем легче ему будет реагировать на новый материал для последовательного или синхронного перевода.

Следующий этап подготовки к устному переводу — составление двуязычного тематического словаря. Массив уже найденных материалов по теме становится базой для составления такого словаря, а внимательная работа с этим массивом показывает студенту, что нельзя ограничиваться онлайн энциклопедией (например, в ней нет объяснения аббревиатуры МВЕЦ= малки ВЕЦ (т.е. мини ГЭС), терминов *офшорна вятърна енергия* (энергия, полученная с помощью ветрогенераторов, расположенных на морском шельфе) и *офшорен вятър* (ветер на морском шельфе). Составление «рабочего» словаря может стать этапом в знакомстве студента с лексикографической работой и, возможно, в создании пусть и небольшого, но соответствующего всем лексикографическим правилам тематического словаря, например, в рамках курсовой работы.

Составление словаря подталкивает студента и к лингвистическому анализу материала, заставляет его задумываться над вопросами такого рода:

- как оценивать словообразовательное разнообразие в словосочетаниях *ветрови потенциал* и *ветрова ферма*, с одной стороны, и *вятърна енергия* и *вятърна турбина*, с другой;
- как оценивать частое использование в материалах по энергетике терминов *възобновяеми източници*, *невъзстановяеми разходи*, *възвращаемост на разходи* и т. п., построенных на основе пассивного причастия настоящего времени с суффиксом -М-, о котором уже не раз писали как об «умиравшем» в болгарском языке, но активизировавшемся в последнее время;
- как функционируют в текстах изучаемой тематики т. наз. полипредложные сочетания (например, *цената се е повишила с над/ с около/ до около 38 %*), которые представляют собой весьма специфическое явление современного болгарского языка и о которых активно пишут в последнее время болгарские лингвисты;
- как объяснить параллельное использование конструкций, имеющих одно и то же значение, но построенных с помощью разных предлогов (например, *отопление с/на ток*).

Подготовка студента-филолога к устному переводу — многоаспектная аналитическая и творческая работа.

Литература

Делева Н., Ралева Цв. Обзор русско-болгарских и болгарско-русских терминологических словарей // Проблемы и перспективы русско-болгарской и болгарско-русской терминологической лексикографии. София: Тип топ прес / УИ «Св. Климент Охридски», 2013. С. 64–72.

Dimitrova Tsvetana Ivanova

*Associate Professor, PhD, Institute for Bulgarian Language,
Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria;
cvetana@dcl.bas.bg*

ON VERBAL CLITICS IN BULGARIAN

Keywords: clitics, Bulgarian language, diachrony.

The talk will discuss data on the behavior of clitic-like auxiliary (and copular) verbs in Bulgarian both in diachrony and in present-day language. Their positions will be observed with respect to pronominal clitics in the so-called clitic cluster. A comparison between the present-day auxiliaries (copulas) and the other verbal auxiliaries and copulas (for past tense and conditional) will be made.

In previous work on clitics on the basis of analysis of historical data [Димитрова 2023], I have categorized the past-tense and conditional auxiliaries as quasi-clitics as they differ in behavior from other clitics (discourse clitics *же* and *бо*; 1pSg and 2pSg short dative personal pronouns *ми* and *ти*, respectively) and semi-(en)clitics (as termed in [Vaillant 1948: 262; Večerka 1989: 42] — 1p and 2p short accusative personal (*МА, ТА*) pronouns; accusative reflexive pronoun (*СА*); in addition, 3pSg, Pl, Du short accusative (*И, ЪЖ/Ж, ЈА/А, Ъ*) and dative personal (or anaphoric) pronouns (*ЊМОУ/ЕМОУ, ЈИ/ЕИ, ИМЪ*) also exhibit some conflicting behavior.

In the examples from the earliest OCS texts — Codex Suprasliensis and Codex Marianus — clitic-like past-tense and conditional auxiliaries are more often (than the other clitic and semi-clitic elements) found in the first position in a clause (1P) — in ca. 22% of the examples (for example, the first-positioned *бѣ* are found in ca. 29% of the extracted examples) while in 20% of the examples, they are found in a non-second (third and further) position in a clause (in the data, pronominal and discourse clitics and semi-clitics are predominantly found in Wackernagel second position (2P). In the examples from later Middle Bulgarian and Early Modern Bulgarian texts, they are rarely found in 1P.

Present-tense auxiliaries (and copulas), though (both full and shortened forms), behave differently — they are very rarely found in 1P. Shortened forms of present-tense auxiliaries are also registered in the earliest texts (3pSg *е/ѣ* is found 14 examples; 3pPl *сж* — in 3 examples; and there is one example of 2pSg *си* in the OCS examples extracted, mostly from Codex Suprasliensis) and follow all other clitics (discourse and pronominal) in the cluster, as exemplified in (1) (without a parallel auxiliary in Greek).

- (1) что ми.DAT ѣ.AUX 'обискано 'а что не 'обискано· что ми.DAT ѣ.AUX страст'ьно' ѣ что ли бестраст'ьною· (...) (Супр. 44, 252v, 4–7)
τί τὸ ψηλαφητόν μου.GEN τί τὸ ἀψηλάφητόν μου, τί τὸ παθητόν μου.GEN τί τὸ ἀπαθές μου, (...)

Ambiguous behavior of verbal past-tense and conditional clitics with respect to pronominal clitics in the cluster continues in present-day standard Bulgarian with past-tense auxiliaries (but not conditional ones), as exemplified in (2).

- (2) Тя му.DAT го.ACC бе/би.AUX дала / Тя бе/би.AUX му.DAT го.ACC дала.

In addition, there is a difference between present-tense 3pSg auxiliary (and copula) and the other present-tense auxiliaries (and copulas) — 3pSg one always follows the pronominal clitic(s) in the cluster — as in (3a, a'), while the others always precede them — as in (3b, b').

- (3) а. Той му/ти.DAT го.ACC е дал.
а'. Той му/ми.POSS е.COP приятел.
б. Аз съм.AUX ти/му.DAT го дал(а) / Ти си.AUX ми/му.DAT го.ACC дала / Ние сме.AUX му/ти.DAT го.ACC дали / Вие сте.AUX му.DAT дали / Те са.AUX му.DAT дали (книгата)
б'. Аз съм.COP му.POSS приятел / Ти си.COP му.POSS приятел / Ние сме.COP му.POSS / Вие сте.COP му.POSS / Те са.COP му.POSS приятели

However, the positioning in the cluster may differ in Bulgarian dialects with non-3pSg auxiliaries (as in *Te му.DAT са.3pPl.AUX дали, Аз го.ACC съм.AUX видял*, as shown in БДА 2016, map 144). In addition, variations in ordering of auxiliaries and copulas and the possessive pronominal clitic are registered as exemplified in (4), except for 3pSg.

- (4) a. *Te му.POSS са.COP приятели / ?Te му.POSS са.COP приятели*
a'. *Te са.COP ми.POSS помощниците / ?Te ми.POSS са.COP помощниците*
b. *Той му.POSS е.COP приятел / *Той е.COP му.POSS приятел*
b'. *Той ми.POSS е.COP помощникът / *Той е.COP ми.POSS помощникът.*

The 3pSg present-tense auxiliary may be subjected to stronger constraints as a sign to its stronger clitic-like status. It is also the most often cliticising element in Banat texts (see *kujatu se-j zapázil; i smi dlažni da-j predadémi nadálja*; Joakime, Joakime, Guspudin *ti-j uslušel izdarželivata mulitva* — examples are from the newspaper *Banátsí Balgarsí Glás*).

The variations in the positions of present-tense auxiliary and copular verbs confirm the hypothesis that verbal clitics may have been cliticized later than the pronominal clitics (to be placed at the end of the cluster). The 'weak' positions of clitic-like elements were already active in the earliest period.

References

- Vaillant A.* Manuel du Vieux slave. Paris, 1948.
Večerka R. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Freiburg: Weiher Verlag. 1989.
БДА 2016: Антонова-Василева Л., Василева Л., Витанова М., Вълчева Е., Керемидчиева Сл., Костова Т., Кочев Ив., Кяева Ел., Смедовска К., Тетовска-Троева М., Урумова П. Български диалектен атлас. Обобщаващ том IV. Морфология. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2016.
Димитрова Цв. Българските клитики: история и настояще. София: Институт за български език. 2023.

Koeva Svetla P.¹, Ivanova Elena Yu.²

¹PhD, Professor, Institute for Bulgarian Language,
Bulgarian Academy of Sciences;
svetla@dcl.bas.bg

²DSc Prof, St. Petersburg State University;
e.y.ivanova@spbu.ru

EXPLORING LINGUISTIC TESTS FOR DISTINGUISHING EVENTUALITY TYPES (WITH A FOCUS ON TWO SLAVIC LANGUAGES)

Keywords: eventuality types, aspectual classes, Slavic languages, verb aspect, linguistic tests.

Numerous researchers have proposed linguistic tests to identify aspectual classes (also referred to as eventuality types), building on the work of Zeno Vendler. While such tests have been extensively discussed and enriched for English, as well as for Russian and other Slavic languages, recent attention has turned towards Bulgarian, particularly focusing on stative predicates.

Bulgarian, like other Slavic languages, is distinguished by the category of verb aspect. In English, the meaning of a verb aspect is conveyed through various means, either lexical or grammatical. Consequently, tests developed for English may not be unequivocally applicable to Bulgarian (and Russian) due to the inherent differences in expressing the Slavic verb aspect. We will underscore this well-known fact by demonstrating the application of certain tests proposed by D. Dowty and E. Paducheva, which aim to differentiate between stative and active verb predicates. Examples featuring verbs such as *лежа*, *лягам*, *легна*, *полягам*, and *легна*, each with selected meanings, are presented in Table 1. Notably, the table exclusively contains Bulgarian examples. In Russian, there is a closely knit system of the semantic and word-forming characteristics of the given verbs, although with a certain type of deficiency.

Table 1. Selected verbs (and their meanings)

Bulgarian verbs	Definition
1. <i>лежа</i> (imperf.)	For a person or an animal, I am in a horizontal position with the entire body on a bed, ground, or floor.
2. <i>лежи</i> (imperf.)	For artefacts, something is in a horizontal position on a surface.
3. <i>лежи</i> (imperf.)	For a geographic object, something is located somewhere.
4. <i>лягам</i> (imperf.), <i>легна</i> (perf.)	I am intentionally placing my body in a horizontal position on a surface.
5. <i>ляга</i> (imperf.), <i>легне</i> (perf.)	As for smoke, fog, etc., something is spread over a surface, covering something with oneself.
6.a. <i>полягам</i> (imperf.), 6.b. <i>полегна</i> (perf.)	I lie down for a brief duration, or from time to time.
7. <i>поляга</i> (imperf.), <i>полегне</i> (perf.)	For grass, crops, etc., something is curling up or reclining on the ground.

The selected tests of D. Dowty [Dowty 1979: 60], also proposed by other authors, are as follows:

State predicates do not combine with adverbs such as *deliverably*, *srudiously*, and *carefully* (verbs in lines 2, 3, 5, and 7), but activities and accomplishments do (verbs in lines ?1, 4, and 6).

State predicates cannot be complements of *force* and *persuade*. (verbs in lines 2, 3, 5, 6.a, and 7), but activities and accomplishments do (verbs in lines 1, 4, and 6.b).

State predicates do not occur in imperatives (verbs in lines 2, 3, 5, and 7), but activities and accomplishments do (verbs in lines 1, 4, and 6).

The listed tests do not specifically consider the feature of “conscious participation” of the subject in the semantic structure of verbs. Consequently, they do not aim to differentiate between the ontologically distinct states: denoting a temporary property (Davidsonian states, also called stage-level predicates), characterized by a hidden event argument, and/or a more or less permanent property (Kimian states, also called individual-level predicates), which cannot be interpreted with a hidden event argument. Additionally, it is observed that within the same test, verbs belonging to the same aspect pair may exhibit different behaviours and, therefore, characteristics.

It has been asserted that the semantic type of a predicate for many verbs is a dynamic or “moving category” [Paducheva 2004: 33]. It is suggested that this should not be viewed as an inherent property of the word itself but rather as a parameter that assumes various meanings in different contexts, forming what could be termed a “categorical paradigm of the word”. This perspective aligns with the semantic typology of verbs, as indicated by the distinction between primary (non-derivative) types (those with primary meanings and unmarked modes of action, etc.) and derivative types [Paducheva 1996: 125–126]. This distinction holds particular significance in languages that employ the category of verb aspect.

Among the various tests employed by E. Paducheva to differentiate between states and activities, particularly those related to combinability with specific temporal modifiers, there are also tests oriented towards the word-forming potential of the source predicate. The capability to form a delimitative, indicating a portion of a process, stands out as the most indicative test for distinguishing active homogeneous processes from states and properties. This test gives reason to consider position/location verbs such as *лежа/лежатъ, сидя/сидеть, стоя/стоять* with an animate subject as activities (Davidsonian states in the other terminology). In contrast, such derivations are impossible or challenging for temporary and permanent states (e.g., **повиждам, *помразя, (?)поболедувам*).

The brief analysis put forward validates that in Bulgarian and Russian, source and derivative verbs of different aspects may exhibit distinct behaviours when subjected to tests determining their eventuality type membership. Word-formatively related verbs can belong to different eventuality types. This suggests that the significance of grammatical markers, along with the meaning conveyed by formative prefixes, can play a dominant role in determining their classification into eventuality types.

References

Dowty D. Word Meaning and Montague Grammar: The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague’s PTQ. Dordrecht: Reidel, 1979.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: ЯСК, 1996.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 2004.

Acknowledgements: *This research is carried out as part of the project Ontology of Activity Predicates — Linguistic Modelling with a Focus on Bulgarian funded by the Bulgarian National Science Fund, Grant Agreement No КП-06-H80/9 from 8.12.2023.*

Leseva Svetlozara Ilieva¹, Kukova Hristina Nikolova²,
Todorova Maria Andreeva³, Stefanova Valentina Georgieva⁴

¹Phd, senior assistant professor, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences;
zarka@dcl.bas.bg

²Phd, senior assistant professor, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences;
hristina@dcl.bas.bg

³Phd, senior assistant professor, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences;
maria@dcl.bas.bg

⁴Phd, senior assistant professor, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences;
valentina@dcl.bas.bg

TOWARDS AN ANALYSIS OF THE FEATURES BUILDING UP ASPECTUAL CLASSIFICATIONS

Key words: aspectual classes, Western vs. Slavic tradition, classification criteria.

This paper offers a summary of the most important features underpinning the definition of the major aspectual classes as described in accounts in the spirit of Vendler [1957]. We contrast two classification schemes, one belonging to the Western [Van Valin and Lapolla 1997], one to the Slavic [Paducheva 1996; 2004] tradition, which make evident some major resemblances and distinctions among various accounts as a preliminary phase to their in-depth analysis.

The traditional Vendlerian distinction recognises four aspectual classes based on the distribution of temporal modifiers, the use of tenses, etc.: *states*, *activities*, *accomplishments* and *achievements*. The aspectual notions underlying this classification are usually defined as: stativity vs. dynamicity, which differentiates *states* from *activities*, *achievements* and *accomplishments*; the nature of the unfolding of the event over time (duration vs. punctuality), which distinguishes *activities*, *states* and *accomplishments* from the punctual *achievements*; the presence or lack of an inherent endpoint or telos (telicity) at which a result state comes about, differentiating *achievements* and *accomplishments* from *activities* and *states*.

Below we present Vendler's aspectual classes as adopted and defined by Van Valin and Lapolla [1997] and Paducheva [1996] with the correspondences between them. Both classifications recognise the features dynamicity/stativity, telicity [Van Valin and Lapolla 1997] / terminativity (also boundedness) [Paducheva 1996], i.e. the presence or lack of an inherent terminal point. In addition, Paducheva integrates into the description grammatical aspect.

One major difference between Paducheva and Vendler / Van Valin and Lapolla is the interpretation of *achievements*. While in the Western tradition *achievements* are understood to be instantaneous, Paducheva (while referring instantaneous verbs to the same class) points out that the distinction between telic/bounded verbs (*предельные*) and instantaneous verbs (*моментальные*) cannot be equated with the distinction between *accomplishments* (*предельные действия* [Paducheva 2004: 31]) and *achievements* [Paducheva 2004: 39]: *achievements* would cover not only instantaneous verbs such as *отказаться* (*give up*), *прекратить* (*terminate*), but, among others, *result-oriented actions*, such as *найти* (*find*). The verbs belonging to the latter class involve the unfolding of a preceding activity whose result is the *result-oriented action* verb, e.g. *найти* (*find*) — *искать* (*search*) [Paducheva 2004: 37]; with instantaneous verbs the preceding activity does not have duration. This is contra Paducheva [2009], where *achievements* are referred to as 'моментальные', but it does give a glimpse at the diverse features defining the class, especially in cross-linguistic perspective.

Following the classical philosophical tradition, Vendler formulated the four classes not taking into account *agentivity* as a categorial feature.

To account for this feature, in addition to the criteria described above, Van Valin and Lapolla introduce a distinction between spontaneous and induced states of affairs. Each of the aspectual classes in Table 1 is defined as occurring spontaneously, and each of them has a causative correspondence: e.g. *The hoop rolls* > *The girl rolls the hoop*; *The glass cracked* > *Someone cracked the glass*, etc. This move has allowed the definition of *causativity* to be made independently of aspectual features, thus breaking with the equation between *causatives* and some aspectual classes, such as *accomplishments*.

Van Valin and Lapolla [1997: 93]	Paducheva [1996: 107]	Paducheva [2009]
states non-dynamic; unbounded, lacking an inherent terminal point; temporal duration [+static; -telic; -punctual]	temporally non-located properties and relations (<i>вневременные свойства/соотношения</i>) static contain / вмещать (impf.)	неагентивные
	inherent states (<i>состояния ингерентные</i>) static hurt / болеть (impf.)	
activities dynamic; unbounded, lacking an inherent terminal point; temporal duration [-static; -telic; -punctual]	activities (<i>деятельности</i>) dynamic; controllable; non-terminative walk / гулять (impf.)	агентивные
	unbounded processes (<i>процессы неопредельные</i>) dynamic; non-controllable; non-terminative boil / кипеть (impf.)	неагентивные
accomplishments dynamic; bounded, having an inherent terminal point; having temporal duration [-static; +telic; -punctual]	actions proper (<i>действия обычные</i>) dynamic; controllable; terminative open / открыть (pf.)	агентивные
	bounded processes (<i>процессы предельные</i>) dynamic; non-controllable; terminative melt / растаять (pf.)	неагентивные

Paducheva proposes a similar extension with respect to *agentivity/non-agentivity* (*агентивность, контролируемость*), by making explicit the fact that, as defined, Vendler's aspectual classes of *activities*, *accomplishments* and *achievements* cover *agentive* (*controllable*) and *non-agentive* (*non-controllable*) dynamic situations (Table 1). Thus, for instance, within Vendler's activities, a finer distinction is made between *activities proper* and *uncontrollable processes*, and so forth. An important issue that merits further investigation is what the correspondences and differences between *causativity* and *agentivity* as described by these and other authors are, especially with respect to their interaction with the aspectual classes.

The analysis of distinctive features in and across existing aspectual classifications will serve as a point of departure in a subsequent in-depth analysis aimed at the linguistic modelling of Bulgarian activity predicates in contrast with other languages.

References

- Van Valin R. D., Jr., LaPolla R. *Syntax: Structure, Meaning and Function*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Vendler Z. *Verbs and Times*. In: *Linguistics in Philosophy*. Ithaca: Cornell University Press, 1957.
- Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива, 1996. 464 с.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 2004. 608 с.
- Падучева Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову — Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 3–20.

Acknowledgements: *This research is carried out as part of the project *Ontology of Activity Predicates — Linguistic Modelling with a Focus on Bulgarian* funded by the Bulgarian National Science Fund, Grant Agreement No КП-06-H80/9 from 8.12.2023.*

СЛАВЯНЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: КОМПАРАТИВИСТИКА, ИМАГОЛОГИЯ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Дракулич-Прийма Драгана

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Библиотека Российской Академии наук

ПОСЛОВИЦЫ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РОМАНЕ «ТВРЂАВА» («КРЕПОСТЬ») МЕШИ СЕЛИМОВИЧА И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Ключевые слова: фразеологизм, пословица, перевод, Меша Селимович, роман «Тврђава» («Крепость»).

Одно из самых известных и значимых произведений сербской литературы, историко-философский роман «Крепость» («Тврђава») Мешы Селимовича (1910–1982), вышел в свет в 1970 году. Идиоматика произведения в сопоставительном сербско-русско-английском плане до сих пор не исследована, чем объясняются актуальность и новизна данной работы, которая посвящена изучению роли и функции фразеологических и паремиологических единиц в романе, способам их перевода на русский и английский языки.

В качестве объекта настоящего исследования послужили фразеологические единицы и пословицы, отобранные методом сплошной выборки из романа М. Селимовича «Тврђава» и двух переводов этого произведения — русского, выполненного О. Д. Кутасовой (1974), и английского, который выполнили Э. Д. Гой и Я. Левингтон-Гой (1999).

Проведенный сопоставительный анализ оригинального текста и текстов двух переводов позволил выделить следующие типы русских и английских соответствий фразеологизмам и пословицам оригинала: 1) полные и частичные эквиваленты; 2) аналоги; 3) кальки. Отмечены успешные случаи безобразного перевода с помощью лексических средств языка (в том числе с помощью экспрессивной лексики), а также случаи буквального и неадекватного перевода.

Вслед за большинством исследователей к наиболее успешным способам перевода относим передачу значения фразеологизмов или пословиц с помощью аналогов, содержащих иной образ, что можно проиллюстрировать с помощью следующих примеров:

Ти си најбољи и најхрабрији, сви они, колико их има, нису ти ни до кољена [Селимовић 1973: 65]

Ты самый лучший, самый смелый, все они, сколько их ни есть, тебе в подметки не годятся [Селимович 1987: 380]

You're better and braver than any of them. *They're not worth your little finger* [Selimović 1999: 85]

Выделим примеры, в которых видно, что близость сербского и русского языков помогает русскому переводчику подобрать во фразеологическом фонде русского языка синонимичную по значению и близкую по структурно-компонентному составу пословицу, в то время как английскому переводчику приходится вводить в текст перевода известное латинское изречение:

Био сам пијан.

Говорио пијан, смислио тријезан. У пићу си се само открио [Селимовић 1973: 90].

Пьян был.

Что у пьяного на языке у трезвого на уме. Вот и открыл себя [Селимович 1987: 405]

I was drunk.

In vino veritas. Being drunk, you gave yourself away [Selimović 1999: 114]

Ответственный редактор: д-р филол. наук М. Ю. Котова.

Следует также отметить и то, что русский переводчик, в отличие от английского, прибегает к поиску и использованию образных средств в переводе, даже в тех случаях, когда фразеологизмы или пословицы отсутствуют в оригинальном тексте. Переводчик при этом демонстрирует хорошие знания фразеологических фондов русского и сербского языков, и в подавляющем большинстве случаев точно передает семантику сербской идиомы, что можно проиллюстрировать и с помощью следующих примеров:

Помоћи треба, а не *одмагати* [Селимовић 1973: 90]

Помогать надо, а не *палки в колеса ставить* [Селимович 1987: 405]

One should help, not *hinder* [Selimović 1999: 114].

Однако такой подход к подбору переводных средств не всегда оправдан, так как он может привести к нарушению стилистики оригинала.

Любопытными представляются нижеприведенные случаи перевода сербской просторечной пословицы. Как видим оба переводчика — и русский, и английский — блестяще справились с задачей: передали семантику сербской паремии, сохранили рифму. При этом стоит отметить следующее: русский переводчик использовал пословицу, зафиксированную в словаре В. И. Даля, не содержащую, в отличие от сербской паремии, просторечный компонент. В английский текст введено выражение, которое не фиксируется пословичными справочниками английского языка, сохранившее просторечный компонент, семантически аналогичный сербскому.

Снажни Мехмед Пецитава, говорио је некад у хоћинским мочварама: — „*Бој се овна, бој се говна, а кад ћу живјети?*“ [Селимовић 1973: 46]

Богатырь Мехмед Пецитава говаривал в свое время в хотинских болотах: «*Хуже как боишься: лиха не минешь, только надрожишься*, а ведь когда-то жить надо» [Селимович 1987: 362]

The mighty Mehmed Petsitava said once, in the Chocim marshes, “*Fear to sit, fear to shit, and when does a bloke get to live?*” [Selimović 1999: 114]

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы: в романе Меши Селимовича «Крепость», в котором рассматриваются вечные темы — любви, долга, совести, выбора между добром и злом, идиоматика играет весьма важную роль. Пословицы и фразеологизмы, использованные писателем в оригинальном тексте, и выделенные в переводных текстах их русские и английские параллели, представляют большой интерес для изучения роли и функций идиоматических единиц в художественном произведении. Сопоставительный анализ показал, что во фразеологическом фонде русского языка больше возможностей для передачи сербских идиом образными средствами, чем в английском, что объясняется родственностью двух славянских языков и схожестью сербской и русской фразеологических картин мира. В английском тексте при переводе сербских идиом предпочтение отдается интернациональной идиоматике и лексическим средствам языка, что частично можно объяснить характерными особенностями английского языка, к которым можно отнести наличие фразовых глаголов.

Литература

Селимовић М. Тврђава. Сарајево: Свјетлост, 1973.

Селимович М. Крепость // Селимович М. Избранное / пер. О. Д. Кутасовой. М.: Радуга, 1987. С. 323–604.

Selimović M. The Fortress / transl. by E. D. Goy, J. Levinger-Goy. Evanston: Northwestern University Press, 1999.

Зимони-Калинина Ирина Евгеньевна

Международная Ассоциация паремииологии при ЮНЕСКО (AIP-IAP)
в г. Тавира (Португалия), г. Будапешт (Венгрия);
irina_zimonyi@hotmail.com

О ПЕРЕВОДЕ НА ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Ключевые слова: венгерский язык, перевод, Пушкин, «Руслан и Людмила».

Имя великого русского поэта А. С. Пушкина впервые было упомянуто в венгерской периодике при его жизни, в 1825 г., однако начать знакомство с его творчеством на родном языке венгерский читатель смог только после смерти поэта, в 1844 г. В 1866 г. Общество им. Кишфалуды издало первый перевод «Евгения Онегина», сделанный Кароем Берци (Bérczy Károly) и переживший более 20 переизданий. А далее мы можем только повторить О. А. Якименко, которая пишет: «Рамки статьи не позволяют нам перечислить все существующие переводы пушкинских произведений на венгерский язык ...» [Якименко 2016: 30].

В данном исследовании мы обратимся к переводам на венгерский язык поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». В нашем распоряжении два варианта венгерского перевода: один выполнен Андрашем Фодором (Fodor András, 1929–1997) и напечатан в 1950 г. в Будапеште. Отредактированный вариант этого перевода был переиздан в 1955 г. в серии «Жемчужины мировой литературы». Второй вариант перевода был сделан Дёрдем Сегё (Szegő György, 1919–2007) и был издан также в 1950 г., но в Румынии, на территории Трансильвании, которая на время рождения переводчика была частью Австро-Венгрии, но после первой мировой войны была передана Румынии. Книга была издана Обществом друзей Советского Союза в Румынии.

В предисловии ко второму изданию «Руслана и Людмилы» А. Фодор пишет: „Tizenhat éves voltam, amikor a front mögött egy orosz katona ajándékkép elémtette útizsákjából Puskin Ruszlán és Ludmiláját. Kinyitotta mindjárt az elején, és kedves, lelkes, gyermek figyelméhez illeszkedő hangon olvasni kezdte a költemény előhangját. Akkor még nem értettem Puskin nyelvét, de a vers telt zengése, játékosan komolykodó hangja varázslatos hatással volt rám. Titkos vágy támadt bennem, hogy az egyszerű katonától kapott költői művet valamikor majd én szólaltassam meg magyarul” /букв. Мне было шестнадцать лет, когда за линией фронта русский солдат вынул из солдатской сумки и подарил мне «Руслана и Людмилу» Пушкина. Он открыл книгу в самом начале и добрым, восторженным, соответствующим восприятию ребёнка голосом, стал читать вступление к поэме. В то время я не понимал языка Пушкина, но наполненное звучание стихотворения, его игриво-серьёзный тон оказали на меня волшебное воздействие. Во мне возникло тайное желание, чтобы поэтическое произведение, подаренное мне простым солдатом, благодаря мне зазвучало на венгерском языке»/ [Fodor 1955: 7].

Филолог-русист, переводчик Дёрдь Сегё родился и жил в Клуже, кроме Пушкина, он переводил Некрасова, Айтматова, Быкова, Семёнова и т. д.

Перед переводчиками стояла непростая задача не только стилистически достоверной передачи поэтического текста оригинала, написанного в начале 19 века, но и содержащихся в нём исторических и фольклорных реалий. Оба переводчика посчитали необходимым добавить к переводу комментарии с объяснением малопонятных венгерскому читателю имён и понятий (Баян, Орловский, Парнас, Армида, Таврида, Лель и т. п.).

В передаче на венгерском языке имён персонажей поэмы переводчики разошлись уже в самом её названии. Имена, написанные кириллицей, принято передавать по-венгерски фонетически. Имя главной героини Людмилы Фодор пишет Ludmíla, с долгим «í», пытаясь тем самым компенсировать тот факт, что в венгерском языке ударение падает всегда на первый слог. Сегё пишет Ludmilla, с двойным «l», по-видимому, тоже пытаясь тем самым перенести акцент на конец слова. Присутствуют и другие различия в написании имён персонажей.

С целью передачи сказочной, старинной атмосферы произведения, оба переводчика прибегли к использованию архаичной лексики (напр. *vért* /букв. кольчуга/, *rázint* /букв. махнёт/, *puogget* (вукоподражательный глагол игры на волынке/) и устаревших форм спряжения венгерских глаголов (напр. *jet* вместо *gyere* /букв. иди ко мне/, *tegyen* вместо *tegy* /букв. идёт/, *elhagyám* вместо *elhagytam* /букв. оставил, покипнул/).

Несомненно, при кропотливом анализе переводов можно найти некоторые погрешности. Например, в первом варианте перевода Фодор слово «праздный» переводит как *ünnepi* /букв. праздничный/. Но во втором издании мы уже читаем *heverő* /букв. валяющийся/. Былинного князя Владимира Красное Солнышко *Segë* не совсем удачно называет *parkirály* /букв. король-солнце/, что в сознании венгерского читателя в первую очередь ассоциируется с Людовиком XIV. Но оба перевода сделаны на высоком уровне, прекрасно и достоверно передают атмосферу пушкинской поэмы. Может быть только на уровне личного предпочтения в переводе Фодора мы ощущаем больше юношенского размаха и вдохновения, а в переводе *Segë* — больше приложенных усилий.

Литература

Якименко О. А. К вопросу о рецепции Пушкина в венгерской литературе XIX–XXI вв. // *Временник пушкинской комиссии*. Вып. 32. СПб.: Росток, 2016. С. 30–46.

Puskin. Ruszlán és Ludmilla. ford. Fodor András. Kétnyelvű kiadás. Budapest: Franklin, 1950.

Puskin A. Sz. Ruszlán és Ludmila. ford. és bev. Fodor András. Budapest: Ifj. Kiadó, 1955.

Puskin A. Sz. Ruszlán és Ludmilla. ford. Szegő György. Orosz könyv, 1950.

Колесникова Анна Леонидовна¹, Абакумова Ольга Борисовна²,
Загоруй Алёна Александровна³

¹ ассистент кафедры немецкого языка,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева;
anna-perevod@yandex.ru
² д-р филол. наук, профессор, кафедра английской филологии,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева;
abakimova-ob@mail.ru
³ аспирант кафедры английской филологии,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева;
zagoruy.alena@mail.ru

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ПОСЛОВИЦ В РАССКАЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОДНОДВОРЕЦ ОВСЯНИКОВ» НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА НЕМЕЦКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Ключевые слова: пословицы, художественный текст, способы перевода пословиц.

Пословицы являются устойчивыми единицами, аккумулирующими культурные ценности и жизненный опыт народов. Отличительными чертами данных единиц является их общеупотребительность, назидательный характер, афористичность, образность и поэтический строй. Мы будем понимать пословицу как замкнутую предикативную единицу гибридного типа, совмещающую признаки языкового знака и мини текста, используемую в речи для достижения коммуникативных целей говорящего [Абакумова 2010: 135].

В классификации способов перевода пословиц В. С. Виноградова выделяются пять способов перевода пословиц: 1) перевод полным пословичным эквивалентом; 2) частичным пословичным соответствием; 3) калькированием; 4) перевод «псевдопословичным» соответствием; 5) описательным переводом [Виноградов 2004: 193].

С целью проанализировать эффективность и применимость разных переводческих приемов мы отобрали пословицы, актуализированные в контексте, в рассказе И. С. Тургенева «Одюдворец Овсяников» из цикла «Записки охотника» и проанализировали 7 коммуникативных эпизодов из рассказа «Одюдворец Овсяников» на ИЯ и ПЯ, в которых представлены пословицы.

Пример 1. Пословицу «Перемелется — авось мука будет» переводчик А. Элиасберг в немецкой версии рассказа переводит фразой *Es wird aber schon einmal alles in Ordnung kommen* (букв. Но однажды все будет в порядке). Таким образом, переводчик не сохраняет при переводе пословичную структуру фразы, опускает образ, в результате чего теряется метафоричность и экспрессивность пословицы. В английском переводе К. Гарнет сохраняет оригинальный образ внутренней формы пословицы и предлагает свою версию перевода «*Where there are mills grinding there will be flour*», несмотря на то, что в английском языке есть свой общепринятый переводной эквивалент «*Things will come right in the end*» [Котова 2000:100]. Калькирование приводит к появлению окказионального псевдопословичного выражения, которое удачно вписывается в контекст рассказа о жизни крестьян.

Пример 2. *Старое вымерло, а молодое не нарождается!* Немецкий транслят: *Das Alte ist ausgestorben, und das Neue will nicht kommen*. Переводчик Элиасберг использует прием калькирования, но с лексической заменой компонента (глагол «нарождаться» заменен на глагол „kommen“ — приходить, появляться). Переводчик передает состояние ожидания смены старого новым (молодым), однако оппозиция «смерть — рождение» не передана. Передать эту оппозицию удастся в английской версии переводчику К. Гарнет: *The old is dead, but the young is not born*, которая опять создает псевдопословичное выражение, сохраняя образ во внутренней форме пословицы.

Пример 3. *Всякому своя рубашка к телу ближе.* Немецкий транслят: *Jedem ist das Hemd näher als der Rock*. Пословица означает, что человека больше интересует собственное благополучие, чем интересы других людей. Русские считают это эгоизмом [см. Котова 2000:130]. Пословица имеет латинские корни, поэтому существуют ее интернациональные эквиваленты на других

языках, в частности на немецком, который использовал Элиасберг. Английский транслат опять представляет собой кальку: *Every man's shirt is nearest to his skin*, хотя в английском языке есть и свой принятый аналог: *Close sits my shirt, but closer is my skin*. Этот вариант имеет несколько отличный смысл, что делает выбор переводчика вполне оправданным.

Пример 4. По делам вору и мука... Немецкий транслат: *Es geschieht dir ganz recht ...*

Полная версия данной пословицы звучит так: «Поделом вору и мýка, а разбойнику кнут». Значение русской пословицы: справедливое наказание провинившемуся. Говорится тогда, когда кто-либо расплачивается за свои проступки. Переводчик воспользовался близким по значению выражением «так тебе и надо» и подобрал его аналог на ПЯ. В результате передано значение пословицы, но метафорический образ вора и наказания утерян. Английский транслат “*You are paying the penalty of your sin!*” передает семантику и прагматику русского пословичного высказывания, но ни структура, ни компонентный состав не совпадают. Вероятно, английский переводчик считает, что такой вариант и спортивная образность будет ближе английскому читателю и вызовет у него нужную эмоциональную реакцию и оценку ситуации.

На основании данных проведенного анализа переводов пословиц в рассказе И. С. Тургенева «Однодворец Овсяников» можно сделать следующие выводы. В первую очередь переводчики стараются передать основной смысл, заложенный в пословицах, их текстовую, прагматическую функцию, а уже затем метафорический образ, если это возможно. Даже если пословица имела аналоги на ПЯ, переводчик использовал прием калькирования, стремясь через метафорический образ донести до читателя нужный смысл и сохранить систему образов художественного произведения.

Наибольшую трудность для переводчика составляют случаи, когда в языке перевода нет пословичного эквивалента или аналога, и переводчику приходится прибегать к приемам калькирования или создания «псевдопословицы». Это требует от переводчика не только хорошего владения иностранным языком, но и хорошего знания культуры и национальных особенностей, умения распознать пословицу в тексте и при переводе стараться сохранить ее основное значение, функцию, ее стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску, метафорический образ, а также применять творческий подход к процессу перевода.

Литература

- Абакумова О. Б. Пословичный концепт, деонтические нормы и языковая личность // Вестник Орловского государственного университета. № 3 (11). Орел: ОГУ, 2010. С. 130–137.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998. С. 393–394.
- Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы: учеб. пособие. М.: КДУ, 2004. С. 192–196.
- Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000.

Мущинская Виктория Владиславовна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДАХ ПОЭЗИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО И И. Я. ФРАНКО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: английский язык, украинский язык, Иван Франко, перевод.

Выдающийся украинский писатель И. Я. Франко (1856–1916) на протяжении двадцати пяти лет своей жизни занимался различными видами перевода: с украинского языка на европейские языки, с европейских языков на украинский, автопереводами. И. Франко осуществил перевод на украинский язык произведения приблизительно двухсот авторов с четырнадцати языков. Украинские исследователи считают, что И. Франко как переводчик не имеет себе равных ни по мощности и широте охвата явлений мировой литературы, ни по глубине художественной эрудиции, ни по напряжению творческой воли, направленной на предельное расширение духовных горизонтов украинской культуры [Москаленко 2006: 181].

И. Франко считал долгом каждого художника раскрывать родному народу сокровища мировой культуры и тем самым не только «строить золотой мост» между народами мира, но и обогащать культуру собственного народа.

Наиболее ярким строителем этого «золотого моста» между украинским народом и англоязычным миром является английская переводчица Вера Рич (на самом деле Faith Elizabeth Joan Rich 1936–2009). Вера Рич переводила с десяти языков, но больше всего времени она уделяла переводам с украинского языка. Она перевела на английский язык произведения сорока шести известных украинских писателей: Тараса Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко, Николая Зерова, Павла Филипповича, Павла Тычины, Василия Стуса, Василия Симоненко, Лины Костенко и многих других. Однако ее любимыми авторами были Т. Шевченко и И. Франко. Нужно отметить, что В. Рич была не только переводчицей, но и литературоведом, общественным деятелем, поэтом, журналисткой, редактором.

В 1957 году в лондонском «Украинском вестнике» («The Ukrainian Review») вышел первый перевод Веры Рич с — «Пролог» к поэме И. Франко «Моисей». Эта публикация положила начало работы В. Рич в качестве переводчика, которой она занималась до конца своей жизни.

В других выпусках этого же издания В. Рич опубликовала переводы произведений И. Франко: «Жіноче серце, чи ти лід студений...» (1961, ч. 3; 1993, ч. 2), «Ідилія» (цикл «Excelsior», 1966, ч. 3), «Великдень! Боже мій великий» (18-ый раздел из поэмы «Панські жарти» — 1966, ч. 3), «Тюремні сонети» (I–IX, 1967, ч. 2), «Вічний революціонер» (1968, ч. 1), часть цикла «Веснянки» (1993, ч. 2), цикл «Вольні сонети» («Котлярівський», «Чого ти, хлопе...» — 1993, ч. 3), «Я згадую минуле життя...» (цикл «Спомини» — 1962, ч. 1), легенда «Смерть Каїна» (1997, № 2; 1998, ч. 2), «Великі роковини» (1998, ч. 4). На протяжении всей своей творческой жизни Вера Рич работала над переводом «Моисея» И. Франко, постоянно его совершенствуя.

Первым переводом В. Рич произведений Т. Шевченко была поэма «Кавказ», который так же был опубликован в лондонском «Украинском вестнике» («The Ukrainian Review») в 1959 году. С 1960 г. по 1969 г. В. Рич опубликовала переводы пятьдесят одного стихотворения Т. Шевченко (в том числе 9 поэм), отрывок из поэмы «Княжна», 16 произведений — «Причинна», «Неофіти», «Холодний яр», «Чигирине, Чигирине...», «Маленькій Мар'яні» и др. — были переведены В. Рич впервые.

Стратегия перевода В. Рич была направлена на реалистическую традицию максимального воспроизведения всех особенностей оригинала в их смысловом и формальном единстве.

Переводы В. Рич отличаются от работ других переводчиков своей академичностью, поскольку она пользовалась только академическими изданиями. Кроме того, поскольку она была еще и литературоведом, то на стадии подготовительного этапа В. Рич привлекала дополнитель-

ные украинские и английские литературные и исторические источники, помогающие глубже понять оригинал.

Самая большая сложность перевода поэзии заключается в закодированной в ней языковой картине мира на уровне реалий, национальных символов, исторических аллюзий, словесных образов, насыщенного ассоциативного поля определенных слов, отражение ментальности народа в переводе, сохранение мелодичности, размера, синтаксически-фразового своеобразия языка писателя, большое количество деминутивов и т. п.

Как отмечают исследователи, переводчице удалось максимально приблизиться к абсолютной адекватности, и даже сохранить общий ритм и мелодику оригиналов. Для достижения этой цели В. Рич использует при переводе как можно более широкие лексико-грамматические пласты и синтаксические конструкции современного английского языка, нередко относящиеся к периферийным сферам [Косів 2006: 27].

Вера Рич смогла воспроизвести при переводе мировоззренческие, эстетические и метафизические особенности произведений как Т. Г. Шевченко, так И. Я. Франко, что помогло англоязычному читателю почувствовать и воспринять эмоциональную мощь и слова этих двух писателей.

Литература

Косів Г. М. Перекладацький метод Віри Річ як інтерпретатора художньої літератури: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2006. 19 с.

Москаленко М. Нариси з історії українського перекладу // Всесвіт: Незалежний літературно-мистецький та громадсько-політичний місячник. Київ: ВД "Всесвіт", 2006. № 5–6. С. 174–194.

Сергиенко Олеся Сергеевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.sergienko@spbu.ru

ПЕРЕВОДЫ СОВРЕМЕННОЙ ЧЕШСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ

Ключевые слова: художественный перевод, чешская литература, восприятие, рецепция, чешский язык, английский язык.

В докладе представлен обзор переводов современной чешской художественной литературы на английский язык. Для целей данного исследования под современной литературой мы будем понимать те художественные произведения, которые были написаны и опубликованы после 1989 года. Мы поговорим о личностях конкретных переводчиков (А. Цукер, П. Уилсон, Д. Шорт и др.), об издательствах, специализирующихся на переводах чешской литературы (Twisted Spoon Press, The Other Europe, Portebello Books, Granta, Karolinum) и о том, как отдельные переводы были приняты англоязычной критикой и читателями.

Восприятие переводной иностранной литературы в принимающей культуре все чаще становится темой научных исследований (работы Алпатьевой Н. В., Горшковой Е. А., Миролюбовой А. Ю., Полубояриновой Л. Н. и др.). Подробный обзор таких исследований представлен в статье Миллионщиковой Т. М. *Восприятие иноязычного художественного произведения: русская и зарубежная литературы XIX — начала XX в.* [Миллионщикова 2020]. Вопросам интернациональных литературных связей, освещаемых в аспекте рецепции произведения литературы в инонациональной культуре посвящен сборник статей, изданный в СПбГУ под редакцией Буровой И. И. и Полубояриновой Л. Н. *Рецепция литературного произведения в иноязычной среде* [Рецепция литературного произведения в иноязычной среде 2019].

Что касается богемистики, то здесь более традиционно исследуется влияние иностранной литературы на чешскую культуру, и лишь изредка мы сталкиваемся с изучением того, как чешская литература входит в зарубежную литературу, и оценкой развития переводной чешской литературы в зарубежной среде. Бесценный материал по этой тематике был представлен в коллективной монографии Ладислава Наги, Яромира Кубичека и Томаша Кубичека *Чешская литература в английских переводах (1989–2020)* [Česká literatura v anglických překladech 2021].

Традиционно самые сильные позиции на англоязычном книжном рынке занимает классика чешской литературы (Карел Чапек, Ярослав Гашек, Божена Немцова и др.), а также авторы шестидесятники (Вацлав Гавел, Богумил Грабал, Иван Клима, Павел Когоут, Милан Кундера, Йозеф Шкворецкий и др.). Уже в меньшей степени интерес издательств вызывают чешские писатели следующего поколения (Михал Айваз, Томаш Галик, Даниэла Годрова, Патрик Оржедник и др.). А сегодня еще более молодое поколение современных чешских писателей стремится покорить англоязычную аудиторию. Это такие авторы, как Гана Андроникова, Петр Борковец, Михал Вивег, Мартин Вепенка, Петра Гулова, Ива Пекаркова, Магдалена Платцова, Яхим Топол, Сильва Фишера, и др. Особое место занимает детская литература в лице Петра Горачека, Петра Сиса, Ганы Доскочиловой и др.

Одним из самых значительных переводчиков чешской литературы на американском книжном рынке является Алекс Цукер. А. Цукер известен, прежде всего, как прекрасный переводчик Яхима Топола, кроме того он переводил Мирославу Голубову, Томаша Змешкала, Магдалену Платцову. В переводах А. Цукера творчество Я. Топола, П. Гуловой и других современных чешских писателей получило восторженные отзывы англоязычных критиков и множество престижных литературных наград, а за перевод первого романа Петры Гуловой *Paměť mojí babičce* (англ. *All This Belongs to Me*) Цукер получил Национальную переводческую премию Американской ассоциации литературных переводчиков.

Канадский переводчик и писатель Пол Уилсон известен, прежде всего, как переводчик Йозефа Шкворецкого, о чем уже было написано довольно много. Нас же он интересует как переводчик Ивана Климмы, к творчеству которого он обратился уже после 1989 года. Переводы Уилсона романов И. Климмы *Má zlatá řemesla*, *Čekání na tmu*, *čekání na světlo*, *Duch Prahy* выходили в престижном лондонском издательстве Гранта, и все они были удостоены внимания критики, которая уже была знакома с творчеством Климмы по переводам М. Гленны, Э. Осерса и других.

Среди других переводчиков современных чешских авторов мы остановимся на работах Давида Шорта (переводил Г. Андроникову, М. Вивега, Я. Топола), Джонатана Болтона (один из немногих переводчиков современной поэзии, переводил стихи Ивана Верниша) и Крейга Крейвенса (переводил М. Вивега, В. Мацуру, И. Климу, М. Платцову).

Как отмечает Т. Кубичек, переводы на английский язык чрезвычайно важны для любой национальной литературы, которая стремится стать частью мировой литературы [Česká literatura v anglických překladech 2021: 7]. Успех переводов на английский часто дает толчок к появлению переводов на другие языки. Но успех художественного произведения на иностранном языке зависит не только от одного таланта автора — это результат работы широкого круга специалистов, обладающих способностью моделировать пространство для чешской литературы в литературной жизни [там же].

Литература

- Миллионщикова Т. М. Восприятие иноязычного художественного произведения: русская и зарубежная литературы XIX — начала XX в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2020. № 2. С. 35–43.
- Рецепция литературного произведения в иноязычной среде: межвуз. сб. науч. статей / отв. ред. И. И. Бурова, Л. Н. Полубояринова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 196 с. (Comparativistica Petropolitana. Вып. 1).
- Česká literatura v anglických překladech (1989–2020) = Czech literature in English translation (1989–2020) / Ladislav Nagy, Jaromír Kubíček, Tomáš Kubíček; překlad Graeme Dibble. 1. vydání. Brno: Moravská zemská knihovna, 2021. 398 s.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ. ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОЛОГИИ

Алёшин Алексей Сергеевич

канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой,
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича; alexis001@mail.ru

ШВЕДСКИЕ И РУССКИЕ АНТИПОСЛОВИЦЫ КОМПАРАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ В АСПЕКТЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОЛОГИКИ

Ключевые слова: компаративные антипословицы, шведский язык, русский язык, неологика.

Неопаремии — пословицы и поговорки, возникшие в языке в недавнем прошлом и продолжающие возникать в процессе его развития — составляют значительный пласт фразеологической неологика. Важную роль среди неопаремий играют антипословицы — которые являются переделками традиционных паремий и отражают изменяющиеся реалии общества.

Несмотря на то, что антипословицы привлекают внимание лингвистов уже на протяжении последних двух десятилетий, до настоящего времени предпринимались лишь немногие крупные исследования антипословиц на обширном языковом материале русского [Федорова 2007], [Васильева 2022] и английского языков [Сташкова 2015]. Системного анализа этого пословичного пласта шведского языка до сих пор не предпринималось.

Цель доклада заключается в описании основных отличительных черт шведских и русских антипословиц сравнительной семантики. Объектом исследования являются наиболее типичные структурно-семантические модели данных пословичных единиц в шведском и русском языке.

Прежде всего, можно выделить доминирующий в шведских антипословицах способ эксплицитного выражения сравнения с помощью использования сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий. Наиболее часто используемыми конструкциями при этом являются конструкции с аксиологическими предикатами *bättre* и *hellre* (лучше). В антипословицах, основанных на трансформациях и переосмыслении классических паремий, эта установка переосмысливается с помощью традиционной шведской иронии и чёрного юмора или реализации данной установки в нелепом ключе: *Hellre brödrost än råttbröst* 'Лучше тостер, чем крысиная грудка'. Некоторые антипословицы данного разряда утрачивают какую бы то ни было назидательность и представляют собой просто юмористическую трансформацию классической пословицы: *Bättre otur än ingen tur alls* 'Лучше неудача, чем никакой удачи вообще'.

В шведских антипословицах, как и в классических паремиях, частотна конструкция *ju... desto...* 'чем... тем'. Так, антипословица *Ju fler kockar, desto större fackförening* построена на трансформации одной из самых известных шведских паремий *Ju fler kockar, desto sämre soppa* 'Чем больше поваров, тем хуже суп'. Здесь примечательна замена компонентов путём введения реалии современного шведского общества — профсоюзов: 'Чем больше поваров, тем больше профсоюз'.

Другой характерной моделью шведских пословиц является модель «А без В как С без D». В антипословицах она также присутствует, выражая при этом ценностные установки современного шведского общества и нарочито пародируя классические пословицы, выражающие традиционные ценности, например, важность для женщины обзавестись мужем: *En kvinna utan man är som en fisk utan cykel* 'Женщина без мужчины как рыба без велосипеда'.

Ответственный редактор: д-р филол. наук В. М. Мокиенко.

В русских антипословицах также наблюдается значительное доминирование конструкций с аксиологическим предикатом лучше, что не является характерной чертой классических русских пословиц сравнительной семантики. Русские антипословицы с предикатом лучше сильно различаются между собой по выражаемым ценностным установкам. Так, антипословица Лучше гипс и кровать, чем гранит и оградка иронично выражает установку, схожую со шведской — лучше плохая жизнь, чем смерть. Антипословица Лучше стыдится своего богатства, чем гордиться своей бедностью, очевидно, выражает изменившиеся ценности относительно классических пословиц. Значительное количество русских антипословиц компаративной структуры возникло в результате трансформаций классической пословицы Одна голова хорошо, а две лучше. Часть из них юмористически подчёркивает физический дефект, возникающий в воображении при буквальном понимании классической пословицы: Две головы хорошо, а одна лучше. Трансформации часто происходят путём контаминации разных классических пословиц. Другая модель трансформации — добавление во второй части пословицы некоего логичного утверждения, создающего юмористический эффект от восприятия всей фразы целиком. Также значительному количеству трансформаций подвергается компаративная пословица Старый друг лучше новых двух. Антипословицы, возникающие на основе данной поговорки, несут на себе явный отпечаток времени своего появления — 90-х годов XX века — времени, которое для многих носителей языка ассоциируется с разгулом преступности и наркомании: Старый труп лучше новых двух; Старый глюк лучше новых двух. Этим же можно объяснить обилие и направленность трансформаций пословицы Тише едешь — дальше будешь: Будешь тише — дольше будешь;

«Рекордсменом» по количеству трансформаций среди русских пословиц выступает поговорка Чем дальше в лес, тем больше дров. В словаре В. Мокиенко и Х. Вальтера приведено 45 антипословиц, явившихся результатом трансформации данной единицы [Мокиенко, Вальтер 2005: 153–156]. Все они построены по единому принципу: первая часть поговорки Чем дальше в лес сохраняется, а трансформации подвергается вторая часть. Среди трансформаций можно выделить контаминации с другими и фразы, содержащие отсылки к социополитическим реалиям конца XX века — войне, преступности, политической борьбе, призванные создать юмористический эффект.

В целом можно сделать вывод о том, что при общем совпадении структурных моделей антипословиц компаративной структуры в двух языках русские единицы значительно более многочисленны и вариативны, однако шведские антипословицы компаративной структуры отличаются от русских большей склонностью к выражению конкретных поведенческих и культурных установок.

Литература

- Васильева К. Н. Паремии-трансформы в интернет-коммуникации: структура, семантика, тематические группы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 29 с.
- Мокиенко В. М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). СПб.; М.: Изд. дом «Нева», 2005. 384 с.
- Сташкова М. А. Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 23 с.
- Федорова Н. Н. Современные трансформации русских пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2007. 24 с.

Генералова Елена Владимировна

канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.generalova@spbu.ru, elena-generalova@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: фразеологические неологизм, концепт, идеография.

Они могут быть бешеными и длинными, их куры не клюют, и они не пахнут, счастье не в них, но они любят счет, Концепт «деньги», являясь одним из центральных понятий в жизни людей самых разных времен, местностей, культур, получает обязательное отражение в языке, фиксируется всеми идеографическими словарями. Функционирование концепта «деньги» на материале русского языка достаточно хорошо изучено: описывалось в этимологическом, историческом и динамическом плане, в когнитивном аспекте — как ключевой концепт языковой картины мира, в том числе с точки зрения его аксиологической составляющей в национальном менталитете, в лингвистическом отношении — как лексическое, семантическое и фразеосемантическое поле, также и в сопоставительных исследованиях (в сравнении с материалом английского, французского, немецкого, китайского, арабского языков). Исследователи подчеркивают национально-культурную специфику этого концепта в русской языковой картине мира и «достаточно высокий ментальный статус этого понятия для русской культуры» [Исаева, Майоренко 2005].

В настоящей работе репрезентация концепта «деньги» рассматривается на материале новой русской фразеологии. Базой исследования послужили данные неологических словарей «Новые слова и значения», создаваемых в секторе неологии ИЛИ РАН, современных фразеологических словарей, немногочисленных словарей фразеологических неологизмов, а также результаты осуществления в СПбГУ проекта идеографического словаря русских фразеологических неологизмов. В рамках «широкого» понимания объема фразеологии исследуются различные неоднословные единицы, обнаруживающие структурно-семантическую устойчивость в русском языке конца XX — первой четверти XXI вв.

Анализ материала показал, что в составе современной русской фразеологии, с одной стороны, выделяются традиционные для фразеосемантического поля «деньги» тематические группы, которые в разной степени пополняются новыми единицами, а с другой стороны, возникают новые тематические объединения, вызванные к жизни общественными, экономическими, социальными переменами.

Активно возникают глагольные сочетания (в большинстве своем жаргонного происхождения), обозначающие зарабатывание денег (заколачивать бабки, зашибать деньгу (бабки), ковать монету, гнать деньгу, нарубить капусты и др.), причинение денежного ущерба (кинуть на деньги (бабки), развести на деньги (бабки) и др.), перечисление денег (кинуть деньги). Все эти образования представляют собой стилистико-функциональные фразеологические неологизмы, т. е. «устойчивые сочетания, которые не обозначают новых явлений действительности, а вызваны к жизни необходимостью новыми языковыми средствами обозначать старые реалии» [Мокиенко, Вальтер 2020: 68].

Наряду с такими устойчивыми сочетаниями образуются и номинации для новых реалий. Так, продолжают возникать устойчивые именные словосочетания со стержневым словом деньги (рубли, сбережения, премия, зарплата и др.), характеризующие финансы по различным признакам: выплаты по источнику дохода (детские деньги, гробовые рубли, простойные деньги и др.), легальности (твёрдые деньги, чистые деньги, мягкие деньги, серая зарплата, белая зарплата и др.), платежные средства — по их типу (пластиковые деньги, живые деньги и др.), государственной принадлежности (деревянные деньги ‘советские /российские рубли’, бакинские рубли ‘американские доллары’), способу хранения (матрасные сбережения). Среди этих обра-

зований обнаруживаются как семантико-функциональные, так и стилистико-функциональные неологизмы.

Кроме того, возникают и новые идеографические объединения, отражающие в зеркале фразеологии меняющуюся реальность. К 1980–1990-м гг. восходят фразеологические единицы, экспрессивно обозначающие операции по приданию вида законности получению денег (отмывать (отбеливать) (грязные) деньги ((грязный) капитал)) и их синтаксические производные (отмывка (отмывание) денег (капитала), отмывщик денег). Образ этот оказался востребованным — см. развивающие его фразеологизмы белая зарплата, серая зарплата, а также недавно зафиксированный оборот финансовая прачечная [Доброва 2022: 271].

Яркой приметой своего времени стали фразеологизм 1990-х для обозначения источника финансирования кран (краник) бюджетный (денежный, кредитный, финансовый) и обороты, развивающие положенную в его основу метафору и указывающие на использование этого источника: кран (краник) завернуть (закрутить, перекрыть), у крана (стоять, сидеть). Позже подгруппу распределения государственных денежных средств пополнит фразеологизм пилить бюджет.

В качестве новой идеографической рубрики следует назвать и понятие «инфляция». Отдельные фразеологизмы этой группы фиксируются уже в конце 1980-х гг. (воздушный вал, ползучая девальвация, валютный коридор). В языке же XXI в. появляется образ печатного станка и возникают фразеологизмы на основе этого образа: продукция печатного (денежного) станка, печатать деньги (на печатном станке), запустить печатный станок (стан), денег не печатает, печатный станок сломался.

В современной фразеологии обнаруживаются разные типы оборотов, реализующие концепт «деньги»: идиоматика (денег не печатает), фразеологические сочетания (бегство капитала), составные наименования, фактически коллокации (детские деньги), перифразы (двукрылый бандит), устойчивые предложно-падежные сочетания (при капусте), фразеологические выражения (Денег нет, но вы держитесь!). Они имеют исконно русское (нередко жаргонное), иноязычное (кальки) и авторское происхождение.

В функционировании этих новых фразеологических единиц проявляются такие особенности современной фразеологии, как появление группами, пучками, превалирование образа, а не фиксированной формы фразеологизма, активность жаргонного пласта.

Литература

- Доброва М. С.* Словарь новых фразем и коллокаций русского языка. Оломоуц: Университет им. Ф. Палацкого в Оломоуце, 2022.
- Исаева Л. А., Майоренко И. А.* Национально-культурные особенности концепта «деньги» (на материале русской, английской и французской фразеологии) // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2005. № 1. С. 53–59.
- Мокиенко В. М., Вальтер Х.* Третье тысячелетие в зеркале словарей русских и немецких фразеологических неологизмов // Русский язык и культура. Взаимосвязи и взаимодействие. Материалы VI Межд. педагогического форума. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 58–72.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления».

Гулякова Ирина Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
irgengul@gmail.com

ИРОНИЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ПОРТРЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗВИЩ ИЗВЕСТНЫХ ПОЛИТИКОВ)

Ключевые слова: фразеологизм, прозвище, ирония, сарказм.

За человеком как за социальным субъектом, в том числе и за политиком, идёт по жизни несколько имен. В каждой среде (официальной, домашней, дружеской) у него существует свое имя или прозвище. Медийная среда отбирает те прозвища, которые бытуют в профессиональном общении, в повседневной политической жизни и отражают социальный статус политического деятеля, его заслуги, уровень авторитета, отношение к нему народа, а также особенности внешности и характера.

Русский народ славится своей способностью давать меткие и остроумные прозвища. Не стали исключением и известные политики. Почти каждый из них получил своё прозвище, а то и несколько. Для анализа мы отобрали те, которые представляют собой устойчивое словосочетание.

Известное прозвище Л. И. Брежнева — бровеносец в потёмках. Это пример языковой игры. Здесь обыграно название знаменитого фильма С. Эйзенштейна «Броненосец “Потёмкин”». Прозвище основано на такой приметной черте внешности Генерального секретаря, как густые широкие брови. Определение в потёмках возникло на основе паронимии: Потёмкин — в потёмках. В данном контексте актуализируется и значение слова потёмки — ‘темнота, отсутствие света’. Возникает также ассоциация с поговоркой Чужая душа — потёмки, означающей невозможность до конца разгадать мысли другого человека. В целом создается образ человека, отличительной особенностью внешности которого являются выдающиеся брови, при этом представляющего собой личность, чьи чувства и намерения не поддаются толкованию. В «Большом словаре русских поговорок» снабжено пометой «шутливо-ироничное» [Мокиенко, Никитина 2007: 60].

Другое прозвище Л. И. Брежнева — Дважды Ильич Советского Союза. Перед нами языковая игра, основанная на переключке со словосочетанием Герой Советского Союза — почётное звание, высшая степень отличия в СССР. Л. И. Брежнев, как известно, был даже четырежды Героем Советского Союза, но здесь подчеркивается тот факт, что он имел то же отчество, что и Владимир Ильич Ленин.

На характерной примете внешности основано прозвище другого руководителя советского государства, Михаила Горбачёва: Михаил Меченый, по аналогии с прозвищами русских царей Иван Грозный, Пётр Великий и т. п. Как известно, у Горбачева было крупное родимое пятно на голове, откуда и прозвище. Когда будущий глава государства учился на юрфаке МГУ, за ним закрепилась кличка ставропольский комбайнер. Первая ее часть связана с родиной М. С. Горбачёва, вторая — основана на том факте, что с 15 лет до поступления в МГУ он работал помощником комбайнера. Прозвище вполне безобидное, однако в нем ощущается снисходительно-надменное отношение московских студентов к простоватому провинциалу. Много позже, когда М. С. Горбачев был уже Генеральным секретарем ЦК КПСС, появилось прозвище минеральный секретарь. Это прозвище не лишено некоторого ехидства, демонстрирует несколько пренебрежительное отношение к «высочке», каким он, возможно, некоторым казался. Дело в том, что на территории Ставропольского края находились санатории Кавказских Минеральных вод, где регулярно лечились члены политбюро. Встречая, провожая и с комфортом устраивая высоких гостей из Москвы, Горбачев обзавелся нужными связями, вследствие чего, возможно, произошёл перевод молодого политика в столицу и его взлет. Прозвище построено на паронимии

(минеральный — генеральный). Но прославился М. С. Горбачев как человек мира и архитектор перестройки. В этом прозвище, хотя также слегка ироничном, закрепилась роль М. С. Горбачёва как инициатора кардинальных перемен в экономической и политической структуре СССР. Прозвище создано по аналогии с такими устойчивыми оборотами, как архитектор красоты, архитектор (инженер) человеческих душ и т. п.

Как видно, большинство прозвищ политических деятелей носят шутивно-ироничный характер. Однако есть прозвания, отмеченные явной неприязнью к их носителям, как, например, всероссийский аллерген (об Анатолии Чубайсе), Error Гайдар (о Егоре Гайдаре). Это уже не ирония, а сарказм.

Фамилия А. Чубайса вызывает у народа раздражение из-за введения ваучеров. Сочетание всероссийский (вариант: народный) аллерген саркастически пародирует такие словосочетания, как всероссийский староста, народный любимец и т. п.

Использование слова error 'ошибка' в прозвище Е. Т. Гайдара (рифмовка к его имени Егор), указывая на отличное знание бывшим министром английского языка, содержит оценку проводимых им реформ как ошибочных, имеющих негативные последствия для страны.

Полученные наблюдения позволяют сделать некоторые выводы. Если рассматривать прозвища политиков в плане фразеологии, то это минимальные устойчивые сочетания слов, еще не вошедшие в языковую систему и функционирующие в речевом обиходе. С точки зрения языковых особенностей интересно то, что все они построены на основе использования комического начала. В фразеологических портретах известных политиков представлены все формы комического: от юмора, иронии до сарказма. Широта распространения этого явления говорит о том, что оно востребовано в речевой практике и таким образом создается устойчивый тип речевой формы. Поэтому есть основания утверждать, что формируется первичный (простой) речевой жанр [Бахтин 1986]. Прозвище, созданное на основе фразеологического оборота, выступает как комический жанр.

Литература

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 428–472.

Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М., 2007. 704 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007. 784 с.

Дронов Павел Сергеевич

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Отдел теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова,
Институт языкознания Российской академии наук;
pavel.s.dronov@gmail.com; dronov@iling-ran.ru.

МОРФЕМНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ ИДИОМ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК НЕОЛОГИЗМОВ

Ключевые слова: фразеология, морфемная вариантность, неология, варианты идиом vs. автономные единицы.

Новые тенденции в употреблении и образовании фразеологических единиц и, в частности, идиом, исследуются в течение долгого времени — см., например, [Архангельская 2020]. В данной работе рассматривается связь неологии с различными типами вариантности идиом (подробнее о проблеме вариантности, синонимии, автономных единиц см. [Ковшова, Дронов 2022]).

Вариантность фразеологизмов (идиом, коллокаций, фразеосхем, паремий и др.) может наблюдаться на всех ярусах языка: фонетическом, лексическом, морфологическом и словообразовательном, синтаксическом и даже текстовом. Очевидно, что они обладают разным потенциалом образования новых единиц. Фонетическая вариантность связана преимущественно с планом выражения идиомы, тогда как остальные типы вариантности затрагивают и план содержания. Рассмотрим появление неологизмов в морфемной вариантности на материале русского языка.

Морфемные варианты основаны на внутрисловном изменении компонентов, т. е. вводе или субституции морфем. Они делятся на морфологические и словообразовательные.

Морфологические варианты связаны с заменой или вводом словоизменяющих аффиксов в структуру компонентов идиом. При замене аффикса на синонимичный, имеющий такое же грамматическое значение, синтаксическая связь не меняется (ср. ни синь-пороху vs. ни синь-пороха). Если же замещающий аффикс имеет другое грамматическое значение, меняется и характер синтаксической связи (например, носить воду решетом / в решете). По этой причине морфологические варианты следует делить на чисто морфологические и на морфосинтаксические. Последние возникают при синтаксических трансформациях в силу грамматических особенностей конкретного языка и должны рассматриваться в одной связке с ними.

Морфологические варианты, по-видимому, редко затрагивают план содержания идиомы. В отличие от них, словообразовательные варианты идиом, которые образуются при вводе в состав компонентов идиомы новых морфем или замене существующих, связаны с изменениями и плана выражения, и плана содержания. Новые варианты (трансформаты и модификаты) идиом получают с помощью таких словообразовательных средств, как аффиксация (деривация и субституция), словосложение, словослияние.

С точки зрения образования новых автономных единиц особое внимание следует уделить такой словообразовательной модели, как словослияние (контаминация). В данном случае словообразовательной единицей является не морфема (корневая или аффикс), а ее произвольный фрагмент (иногда совпадающий с морфемой по объему). Эта модель сама по себе представляет собой отступление от некоего языкового стандарта, языковую игру; из-за этого возможно возникновение как игровых модификаций, так и игровых единиц.

Приведем в качестве примера соматическую идиому аж скулы сводит/свело. Ее можно было бы назвать номинацией жеста (по Г. Е. Крейдлину), но, поскольку подобные ««симптоматические» выражения, указывающие на объективные изменения внешности под влиянием эмоции» [Апресян 1995: 373] не являются осознанными и потому не относятся к жестам, вернее будет назвать их иначе — номинациями симптоматических движений. В данном случае таким движением является спазм мышц лица и челюстей, возникающий при зевоте или в качестве реакции

на горькую, соленую или кислую пищу (1a, 1b). Кроме того, данное выражение метафорически употребляется для указания на такие эмоции, как скука, раздражение.

- (1) а. Жадно, с упоением вгрызлся в большое крепкое зеленое яблоко. При том морщился и клацал зубами, такое оно было, видно, кислое, что даже сводило скулы. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001; НКРЯ]. б. Неглупая, образованная девочка с представлением о литературе как о жизни с изысканными страстями и романтическими героями. Литературщина. Фразы иногда есть, но ни героев, ни характеров. Возможно, станет когда-нибудь журналисткой, но, наверное, никогда писательницей. Скулы сводит. [С. Н. Есин. Дневник (2006); НКРЯ].

В речевом общении Интернета у данной идиомы появляется модификат аж олдскулы свело:

- (2) а. Начал читать статью, аж олдскулы свело. Особенно от скриншотов:) Вот прям как вчера слушал mp3 в винамп под виндовс 95 на своем 486 аналоге от АМД аж на 133 МГц, разогнанного конечно же до 160 [VK (19.11.2021); НКРЯ]. б. Фильм отличный, олдскулы свело у всего зала, много кто плакал [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (16.12.2021); НКРЯ].

Здесь представлена контаминация именного компонента скулы и жаргонизмов олдскул, олдскульных (от англ. old school 'old-fashioned; not modern' [Cambridge]; заметим, что рус. олдскул, как правило, имеет положительную коннотацию). В результате образуется модификат с новым значением: 'сильная эмоциональная реакция (как правило, положительная), вызванная знакомством со старыми образцами современной культуры (музыкой, фильмами и пр.) или аллюзиями на них в современном творчестве'. В результате модификации возникает новая автономная единица, план содержания которой отличен от плана содержания исходной единицы.

Как можно видеть, морфемные варианты — сложное и комплексное явление, обусловленное грамматическим строем конкретного языка. Морфемные варианты делятся на морфологические и словообразовательные. Словообразовательные варианты в большей степени затрагивают план содержания идиомы и могут служить источником образования автономных фразеологических единиц.

Литература

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Архангельская А. М. (гл. ред.) Новое в русской и славянской фразеологии. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2020.
- Ковшова М. А., Дронов П. С. Вариативность русских фразеологизмов с компонентами-антропонимами // Русистика. Т. 20, № 3 (2022). С. 269—283. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-269-283>. НКРЯ — Национальный комплекс русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

Дубровская Елена Михайловна

канд. филол. наук, доцент, кафедра филологии,
Новосибирский государственный технический университет;
schitat.do.sta@gmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ЭТНОНИМАМИ И ОЙКОНИМАМИ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ

Ключевые слова: фразеологическая неология, этнонимы, ойконимы, лингвокультурные типажы.

Парадигма филологического знания вот уже несколько десятилетий развивается в русле антропоцентрического подхода, что стимулирует особое внимание исследователей лингвокультурологии и языковой картины мира, в частности, к изучению лингвокультурных типажей. Представляя собой типизированные и типизируемые образы реальных людей или групп людей, отражённые в сознании носителей языка, лингвокультурные типажы являют собой воплощение идеи антропоцентризма.

В. И. Карасик полагает, что «лингвокультурные типажы могут иметь этнокультурную значимость, выражать ценности всего сообщества, подчеркивая национально-культурное своеобразие этноса (этнокультурные типажы, например, английский аристократ, американский ковбой, русский интеллигент)» [Карасик 2008: 101]. Считается, что именно этнокультурные типажы, содержащие в своём формальном составе ойконим (или же этноним), являются в достаточной мере репрезентативным средством выражения авто- и гетеростереотипов, существующих в русской языковой картине мира. Именно поэтому изучение таких типажей представляется особо важным для описания и категоризации представлений, существующих в сознании носителей русского языка.

Под этнонимами мы, вслед за В. Д. Старичёнком понимаем «названия наций, народов, народностей, племён, племенных союзов и этнических общностей. В составе этнонимов выделяются автоэтнонимы — самоназвания народов и племён и аллоэтнонимы — названия народов и племён, данные им другими народами» [Старичёнок 2008: 719]. Обращение к ойконимам же предпринято по причине того, что именно ойконимы служат, своего рода, маркером фразеологического значения, передающего экстралингвистическое содержание устойчивой единицы.

Из числа описанных к моменту написания данной статьи лингвокультурных типажей (более 400 единиц) было обнаружено лишь 3 типажы с компонентом-ойконимом: «светский парижанин», «светский москвич» и «астраханский носитель ногайского и русского языков молодого поколения»; в то время как подавляющее большинство остальных содержат в своей номинации этноним (русский, американский, новозеландский, калмыцкий и др.).

В. И. Карасиком выводится понятие смысловых дистинкций лингвокультурного типажя, предполагающих типизируемость личности; значимость личности для культуры; наличие аксиологической составляющей; возможность как фактического, так и фикционального воплощения; возможность конкретизации в реальном индивидууме или персонаже художественного произведения; возможность упрощенной и карикатурной репрезентации [Карасик 2009].

При обращении к «Большому словарю русских поговорок» под редакцией В. М. Мокиенко, нами были обнаружены следующие потенциальные лингвокультурные типажы: «новый русский» [Мокиенко 2007: 586], «наивная чукотская девушка» [Мокиенко 2007: 117], «дама из Амстердама» [Мокиенко 2007: 173] и др. Все эти устойчивые сочетания связываются в сознании носителей русского языка с конкретными образами людей и/или характеристиками их поведения и поступков, следовательно, будучи зафиксированными в узусе и, соответственно, предполагающими фиксацию в языковой картине мира русского человека, и могут быть описаны с позиции лингвокультурного типажя.

Примечателен в этом отношении устойчивый оборот «новый русский». Стоит отметить, что явление, обозначением которого он является, исключительно российское, однако своим вербальным воплощением сочетание обязано американскому «new Russians», которое, в свою

очередь, пошло от французской языковой модели (*nouveaux riches*). Говоря о значимости оборота «новый русский» для узуса и языковой картины мира, В. М. Мокиенко и Х. Вальтер утверждают, что «укоренившись в русском языке и обогатившись многими вариантами, он развил целую цепочку иронически окрашенных «этнонимических» наименований: новые эстонцы, новые латыши кулаки и т. п.» [Вальтер, Мокиенко 2020: 64].

Таким образом, на наш взгляд, особое значение имеет обнаружение, верификация и фиксация как в паремиологических словарях и лексикографических источниках, так и моделирование и описание отбираемых устойчивых единиц (потенциальных лингвокультурных типажей).

В ходе работы над статьей нами был проведен пилотный эксперимент с целью выявления устойчивых сочетаний с компонентом-ойконимом, характерных для картины мира современных носителей русского языка. В проведенном опросе предлагалось назвать известное информанту устойчивое сочетание, описывающее человека, в котором при этом фигурировало бы название города или местности (в качестве примера такого сочетания мы предлагали сочетание «ивановские невесты»). В результате нами были получены следующие сочетания: ивановские невесты, пермяк — солёные уши, алтайский шаман, сибирский сказитель, брянские партизаны, кузнецкий металлург, Маша с Уралмаша, уральские пельмени, донецкий шахтёр, курский соловей, сирота казанская, строитель братской ГЭС, уральский сказочник, стилига из Москвы, петербургский интеллигент.

На основании полученных ответов, мы сделали вывод о том, что на формирование словосочетаний влияют как прецедентные феномены, часть которых ложится в основу номинации (как, например, ивановские невесты или брянские партизаны) так и названия спортивных и юмористических организаций (такие как донецкий шахтер, кузнецкий металлург или уральские пельмени) — хотя, несомненно, мы не можем с уверенностью утверждать, чем именно руководствовались информанты — представлением о конкретном человеке или устойчивым сочетанием, связанным, например, с хоккейной или футбольной командой.

Таким образом, мы можем сделать промежуточный вывод о том, что в сознании современных носителей русского языка представлены устойчивые сочетания с компонентами, обозначающими названия городов или географических объектов, однако для дальнейшего уточнения, категоризации, параметризации и верификации потребуется дополнительное экспериментальное исследование, в котором будет уточняться и то, что именно информант понимает под указываемым словосочетанием и по какой причине следовало бы отнести такое сочетание в ряд коллокаций. Следует отобрать все регулярно повторяющиеся устойчивые сочетания, чтобы в дальнейшем проанализировать их как с позиции неофразеологии, так и с позиции теории лингвокультурных типажей, чтобы выявить и описать степень метафоричности устойчивого сочетания.

Важно также определить, является ли компонент-этноним/ойконим доминирующим при восприятии устойчивого выражения — например, в какой степени в сочетании наивная чукотская девушка на представление о таком человеке влияет каждое слово из сочетания, какой признак в данной ситуации наиболее значим и репрезентативен.

Литература

Вальтер Х., Мокиенко В. М. Третье тысячелетие в зеркале словарей русских и немецких фразеологических неологизмов // Русский язык и культура. Взаимосвязи и взаимодействие: материалы VI Международного педагогического форума (Сочи, 2–3 декабря 2019 года) / ред. кол.: С. И. Богданов, С. В. Друговейко-Должанская, Ю. В. Меньшикова и др. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. 200 с.

Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 811 с.

Зиновьева Елена Иннокентьевна

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.i.zinovieva@spbu.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ НЕОФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: старорусский язык, социокультурная ситуация, неофразеологизм, формула, идиома.

В докладе рассматриваются неофразеологизмы русского делового языка и языка повседневного общения XVI-XVII вв., формирование и активное функционирование которых в этот период обусловлено сложившейся социокультурной ситуацией. Под социокультурной ситуацией понимается «многомерное социокультурное пространство, в котором обитает человек и которое отражает всю совокупность условий его жизнедеятельности» [Лавринова 2010: 289].

Применительно к исторической фразеологии правомерно расширительное понимание ее состава, включение в корпус фразеологизмов, кроме собственно идиом, составных наименований, стереотипных формул и других разрядов устойчивых сочетаний.

Потребность регулирования социально-экономических отношений развивающегося централизованного Московского государства способствует формированию и развитию новой правовой фразеологии старорусского языка, в которой, по справедливому замечанию Т. Г. Трофимович [Трофимович 2010], древнерусский пласт незначителен, представлены в основном новообразования.

Во многом это связано с модальностью используемых стереотипных формул и идиом, прежде всего, с деонтической модальностью. Важно было правовое оформление понятий государственного суверенитета, государственной безопасности, подданства. В свою очередь, это вызывало номинацию определенных прав, запретов, норм и вербальную фиксацию нарушений этих норм. Так, безусловными правами наделялся царь: в вине кого-л. волен (-льны) великий (-ие) государь (-и). Соблюдению безопасности способствовали статьи Соборного Уложения 1649 г., рассматривавшие в качестве второго по значимости после измены вида государственного преступления скоп и заговор — 'организованное выступление массы людей против царя, бояр, воевод'. Наряду с ФЕ скоп и заговор употреблялся другой фразеологизм, фиксирующий нарушения закона: умысля воровски 'решившись на незаконные, преступные действия'. Ср. употребление обеих единиц в одном контексте: А будет кто приедет к кому нибудь на двор насильством, скопом и заговором, умысля воровски, и учинит... смертное убийство... и самого казнити смертию же (Улож. 1649 г., 198).

Представляет интерес фиксирующий нарушение принятых норм неофразеологизм *замять дело*, который в рассматриваемый период начинает функционировать в судопроизводственной сфере в значении 'не дать хода разбирательству дела, проведения сыска', но затем распространяется на другие денотативные области и расширяет свое значение до 'не дать возможности развития, продолжения какой-л. ситуации', оставаясь полисемантическим и в современном русском языке.

Особую значимость в языке права имели и фразеологизмы, выражающие эпистемологическую модальность. Так, например, для того чтобы обвинить / оправдать кого-либо, необходимы были доказательства достоверности информации, поэтому активно употреблялись всевозможные «ссылки» разной степени достоверности: в слых и в ведом слаться — 'ссылаться на молву, на то, что всем известно', слаться в слух и в виденье — 'ссылаться на услышанное и увиденное', слаться из виноватых — 'в связи с обвинением призывать в свидетели кого-л., ссылаться на что-л.' и др.

Фразеологизмы, выражающие деонтическую и эпистемологическую модальность, тесно связаны. Так, частой причиной отклонения от нормативного интеллектуального состояния человека являлось опьянение, в актах «Слова и дела государева» употребляется выражение вы-

питься из ума (вне ума). Для установления вины важно было определить, в трезвом состоянии человек совершил преступление (сказал «слово государево») или нет. Состояние опьянения служило смягчающим обстоятельством.

Что касается языка повседневного общения, то результат проведенного Г. В. Судаковым исследования речевого этикета, зафиксированного в двуязычных разговорниках конца XVI — начала XVII в., позволил ему констатировать, что в XVI в. развивается традиция сопровождать приветствие вопросами о здоровье и пожеланиями здоровья. Здравствование, как утверждает ученый, — новация этого периода [Судаков 2018: 53]. Данная тенденция отражается и в неофразеологизмах других областей жизни анализируемой социокультурной ситуации: например, в частных письмах, в формулах благопожеланий, пожеланий здоровья адресату: многолетнего здравия и благополучных времен; благополучно (многолетно, радостно) здравствуй (на многие лета); усилительная формула в добром здравии здравствовать. Стереотипная формула многолетное здоровье являлась торжественным пожеланием многих лет жизни и благополучия особам царствующего дома и церковным иерархам как часть богослужения.

Таким образом, под влиянием социокультурных изменений актуализируются определенные денотативные сферы, номинируемые неофразеологизмами с мелиоративной или пейоративной окраской, возникает новая социальная терминология, проявляются ценности русской культуры.

Литература

- Лавринова Н. Н.* Аналитика социокультурной ситуации (структура и проблемы проектирования) // Аналитика культурологии. 2010. № 17. С. 289–295.
- Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. Вып. 6. М., 1959. 503 с. (Улож. 1649 г).
- Судаков Г. В.* Эволюция устного речевого этикета в Московской Руси в XIV–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 51–57.
- Трофимович Т. Г.* Старорусская и старобелорусская правовая фразеология: (состав, происхождение, номинативные функции) // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке: сборник научных статей. Минск, 2010. С. 47–52.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23–28–00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI–XVII веков».

Иванов Евгений Евгеньевич

д-р филол. наук, профессор,
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (Республика Беларусь);
ivanov-msu@mail.ru

НЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ ФРАЗЫ-АФОРИЗМЫ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: белорусский язык, устойчивая фраза, афоризм, лексикография.

Афористические единицы в белорусском языке до конца XX века изучались только как часть художественной речи (Ф. М. Янковский, А. Е. Михневич и др.) и не рассматривались с точки зрения языковой нормы. Однако обращение к афоризмам как к устойчивым единицам (паремиям, крылатым фразам) в рамках лексикографии и лингводидактики при создании лингвострановедческого словаря пословиц и крылатых афоризмов [Иванова, Иваноў, Мячкоўская 1998: 33–62] потребовало уже их описания в плане языковой нормы. Такое описание было частично осуществлено в рамках изучения лингвистических характеристик афористических единиц белорусского языка [Иваноў 2003; Иваноў 2004; Иваноў 2017]. Однако остается нерешенным ряд весьма важных проблем.

К таким проблемам относятся прежде всего разработка принципов описания формальной вариативности устойчивых фраз-афоризмов (и ее корреляции с парадигмой форм их употребления в речи), принципов описания семантики устойчивых фраз-афоризмов (и корреляции их значений с парадигмой ситуаций употребления в речи), принципов описания правильного употребления устойчивых фраз-афоризмов (и отражение этих принципов при создании словарей пословиц и крылатых афоризмов, а также при включении пословиц и крылатых афоризмов в учебные пособия).

Практической реализацией решения данных проблем является разработка как нормативного, так и учебного словаря устойчивых фраз-афоризмов, где должны быть представлены и исчерпывающе описаны наиболее употребительные пословицы и крылатые афоризмы современного белорусского литературного языка. В нормативном словаре будет представлено 2000 единиц и их нормативно-языковое описание, верифицированное репрезентативным иллюстративным материалом. В учебном словаре будет представлено 500 единиц и их адаптированное для учебных целей нормативно-языковое описание с иллюстративным материалом из классических произведений белорусской литературы.

Еще одной нерешенной проблемой является фиксация и лексикографическое описание неологических устойчивых фраз-афоризмов белорусского языка. К таким единицам относятся прежде всего новые пословицы и крылатые афоризмы (в том числе заимствованные из других языков), а также антипословицы, антицитаты и антиафоризмы, которые появились в белорусском языке в течение последних трех десятилетий. Словарь неологических устойчивых фраз-афоризмов белорусского языка будет включать наиболее распространенные единицы — около 300 (по материалам публицистики и новейшей художественной литературы), их нормативно-языковое описание и иллюстрации их употребления в литературной речи.

Литература

- Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я., Мячкоўская Н. Б. Сацыякультурная прастора мовы. Мінск: Веды, 1998. 112 с.
Иваноў Я. Я. Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма. Магілёў: Брама, 2003. 194 с.
Иваноў Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма. Магілёў: Брама, 2004. 160 с.
Иваноў Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. 208 с.

Источник финансирования: Исследование выполнено в рамках Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг. в Республике Беларусь (научный проект № 20211335).

Ковшова Мария Львовна

*д-р филол. наук, главный научный сотрудник,
Отдел теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова,
Институт языкознания РАН; kovshova_maria@list.ru*

О ВОСПРИЯТИИ НЕЗНАКОМЫХ ИДИОМ И ЗАГАДОК НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА

Ключевые слова: идиомы, загадки, восприятие, понимание, декодирование.

Многие идиомы произошли из «кладовой» фольклора; образы многих идиом сформировались на основе пословиц и поговорок, которые, в свою очередь, тесно связаны с другими малыми жанрами паремий, например, загадками. Известны примеры полного текстуального совпадения пословиц, идиом и загадок: рот до ушей, хоть завязочки пришей; зимой и летом одним цветом и др. При этом семиотические и структурно-семантические различия между идиомами и загадками очевидны; идиомы как строевые единицы языка и загадки как игровой жанр устного народного творчества имеют свое назначение в языке, культуре и коммуникации (Л. И. Ройзензон, В. М. Мокиенко, М. Л. Ковшова, О. С. Орлова и др.). В то же время идиомы и загадки являются ярко выраженными образными словесными знаками с высокой степенью переосмысления (идиоматичности) составляющих их компонентов. Идиомы и загадки, как правило, представляют собой метафорический «сюрприз», который требует усилий для его понимания и усвоения, в силу чего и идиомами, и загадками приходится овладевать. Знание идиом и загадок является необходимой частью языковых и культурных компетенций как носителя языка, так и тех, кто изучает язык.

В задачи исследования входит обосновать семиотическое и семантическое сходство идиом и загадок как образных языковых знаков и культурно-языковых феноменов, включенных в системы культуры и релевантных другим ее системам, таким как ритуал, обряд, поверье и др. В докладе дается характеристика идиом и загадок, показано их сходство как метафорических языковых знаков; рассмотрена степень их образной и культурной насыщенности. И в идиоме, и в загадке намеренно создается асимметрия исходной ситуации (денотата) и образа. Образность идиомы и загадки рождается из уподобления объектов, принадлежащих разным классам, и поэтому тождества в строгом смысле этого слова нет ни в загадке, ни в идиоме. Метафора идиом и загадок образуется из таксономической ошибки. Общий признак, легший в основу уподобления, обеспечивает связь между далекими друг от друга сущностями; в основе образно мотивированной внутренней формы идиом и загадок нет точности, ясности, логичности, а есть семантика (по Н. Д. Арутюновой), в которой имеются разные уровни, в том числе элементарный уровень сходства объектов из разных классов. В докладе на широком материале рассматривается то, как соблюдается принцип изоморфности в образно-семантической структуре идиом и загадок, т. е. логические и семантические пропорции между реалиями действительности и их образами; исследуется деформация семантической пропорции между преобразованным и исходным денотатом или сдвигом при выделении признаков объектов; изучаются разные приемы, усиливающие метафорический эффект в образовании идиом и загадок.

Основная цель исследования — обосновать тезис о том, что культурная коннотация не является имманентным свойством идиом и загадок; что такая характеристика, как культурная маркированность, в отношении данных знаков требует уточнения. Уточняются базовые понятия в современной теории фразеологии и лингвокультурологии, такие как: культурная коннотация, культурная маркированность знаков, культурно-языковая компетенция.

По нашей гипотезе, взаимодействие знаков языка (идиом и загадок) с пространством культуры осуществляется не в равной мере и не все знаки обладают культурной коннотацией. Обоснование данной гипотезы проводится с позиций восприятия незнакомых, новых идиом и загадок, не известных носителю языка. На основании проведенного экспериментального исследования освещаются результаты выявления как языковой, так и культурной компетенции носителей языка. В ходе исследования определились основные стратегии восприятия идиом

и загадок. Это 1) понимание, которое осуществляется с опорой на языковое знание (значение слов, контекст и др.); 2) декодирование, которое происходит с опорой на культурное знание (история, религия, мифы, концепты, стереотипы, символы и др.). Если носитель языка не знает значения идиомы или отгадку загадки, то идиома и загадка является для него незнакомой, новой, и он пытается проникнуть в смысл иносказания; разгадать, что стоит за образом, то есть осуществляется когнитивная деятельность, в результате которой устанавливается смысл описываемого в идиоме или загадке объекта. Эта деятельность выражается в двух основных процессах: понимание — способность, умение проникнуть в смысл чего-н., усвоить, осознать его; декодирование — процесс восстановления преобразованной информации, реконструкция изначальной формы представления информации. В зависимости от того, как воспринимаются идиомы и загадки, определяется два типа данных языковых знаков.

В заключение делается вывод о том, что идиомы и загадки — знаки, в основе которых лежит принцип не прямой номинации и во внутренней форме которых асимметрия уподобления, как правило, является предельной для чувственного восприятия образа. Реакцию носителя языка на незнакомые или неизвестные идиомы и загадки можно представить как два процесса (которые могут дополнять друг друга): понимание и декодирование. Понимание осуществляется с опорой на языковое знание, на модель, контекст, дискурс; в этих случаях следует говорить о понятийно-логической мотивированности идиом и загадок 1-го типа. Декодирование происходит с опорой на знание истории и культуры, стереотипов, символов, мифов, эталонов; в этих случаях следует говорить о культурной мотивированности и высокой «культуроемкости» таких единиц. В словарях именно идиомы и загадки 2-го типа требуют культурного комментирования.

Королькова Анжелика Викторовна

*д-р филол. наук, профессор, профессор, кафедра русского языка,
Московский педагогический государственный университет;
lika.korolkova@bk.ru*

АКТУАЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОЙ АФОРИСТИКЕ И КРЫЛАТОЛОГИИ

Ключевые слова: афоризм, крылатое выражение, неология.

История афористики берет свое начало в древних священных текстах, динамика развития мировой и национальной афористики всегда связана с историческими процессами, поэтому в каждую эпоху появляются все новые афористические единицы и крылатые выражения.

Афоризмом мы считаем «краткое по форме изречение фразеологического типа, обладающее такими свойствами, как наличие в структуре слов-концептов; паспортизированность, воспроизводимость, раздельнооформленность, лаконичность». [Королькова 2018: 38]; крылатое выражение (крылатые единицы) — «постоянно воспроизводимые в широких кругах изречения, выражения или имена, историческое или литературное происхождение которых известно (доказуемо)» [Шулежкова 2002: 19].

С. Г. Шулежкова полагает, что крылатые выражения можно считать языковыми единицами, афоризм потенциально может стать языковой единицей, т. е. афоризм потенциально может стать крылатым выражением. [Шулежкова 2002: 19]. Подобные процессы наблюдаются в афористике в настоящее время.

Крылатые выражения в определенный момент времени являются частотными, узнаваемыми, зачастую ироничными и требуют обязательного знания исходного контекста, в противном случае бывает не ясна ирония крылатики. Полагаем, что афоризм может приобрести свойства крылатого выражения, если:

- утрачивает единичную контекстуальную связанность;
- приобретает статус общенародности;
- приобретает свойства абстрактности;
- используется в различных контекстах для обозначения фрагментов актуальной действительности.

В период смены исторических эпох в конце XX — начале XXI века появляются принципиально новые яркие оценочные крылатые выражения и афоризмы.

Источниками появления крылатых выражений, чаще всего становятся не художественные тексты, как в XVIII–XX столетиях, а фразы из кино- и мультфильмов (не смешите мои подковы; это антинаучно, конечно, но работает; деля скидку на ваше образование...; зима близко) и пр.

Общий лингвокультурный контекст делает новые яркие ироничные фразы узнаваемыми, они становятся крылатыми в течение короткого времени. Некоторые остаются крылатыми выражениями (словами) в течение нескольких лет, некоторые довольно быстро забываются, могут уйти в пассивный запас языка в течение года-полутора.

Некоторые крылатые выражения нашего времени были созданы (обычно ненамеренно) известными политиками. Так, например, многие выражения из речи одного из премьер-министров РФ В. С. Черномырдина, стали крылатыми. Его образная, не всегда грамотная речь стала источником многих выражений. В настоящее время существуют даже интернет-словари крылатых выражений Черномырдина («черномырдинки»), в которых несколько десятков подобных выражений, самым известным стало: «Мы хотели, как лучше, а получилось как всегда» из интервью «О денежной реформе на пресс-конференции 6 августа 1993 года»; «Всем давать — давалка сломается» (О распределении бюджета в интервью «Огоньку» 18 мая 1997 года); «Никогда этого не бывало, и вот опять».

Источниками новейших фразеологических единиц и крылатых выражений становится речь В. В. Путина, Д. А. Медведева, к речам которых приковано общественное внимание.

Одно из изречений Д. А. Медведева «Просто денег нет сейчас. Найдем деньги, сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья!», — распространилось в медиапространстве необычайно быстро, причем в трансформированном виде «Денег нет, но вы держитесь». Неодобрительная оценка отдельных политических решений Д. Медведева выразилась в ироничном переосмыслении его афоризма при переходе в крылатое выражение.

Афоризмов в речи В. В. Путина значительно больше, чем крылатых выражений, не все его изречения стали крылатыми выражениями. Например: «Быть нашими врагами и друзьями одинаково почетно». Изречение «Агрессор должен знать, что возмездие неизбежно, что он будет уничтожен. А мы, жертвы агрессии, мы, как мученики, попадем в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют» трансформировалось в крылатое выражение «мы попадем в рай, а они просто сдохнут».

При анализе системы появляющихся новых афоризмов и крылатых выражений следует отметить, что все же нередко их источником становятся современные художественные тексты (и прозаические, и поэтические).

Во многих новейших афоризмах художественной литературы используются специально созданные для конкретного текста окказионализмы и/или индивидуально-авторские неологизмы.

Всё делается массово. Масскультура. Масс-все-на-свете.

Особенно часто неологизмы и окказионализмы появляются в поэтических афоризмах, так как именно для поэзии характерно особое образное мышление, которое преломляется через призму индивидуально-авторской картины мира.

Подобные языковые процессы иллюстрируются в ироничных афоризмах («гариках») Игоря Губермана.

Жить, покоем дорожа —
пресно, тускло, простоквашно;
чтоб душа была свежа,
нужно делать то, что страшно.

Отметим, что подобные процессы неологизации в поэтической афористике происходили и в XIX–XX вв.

Например:

Любовь и горе — вне советов.
Наглеющая верхоглядь,
Великих женщин и поэтов
Не вам учить или понять! (А. А. Вознесенский)

Процесс окказионального словотворчества обогащает афоризмы, делает их оригинальными, запоминающимися и выразительными.

Неология в афористике является показателем развития языковых и этнокультурных процессов русского языка в диахронии.

Литература

- Королькова А. В. Фористика в контексте русской культуры: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. 226 с.
- Королькова А. В. Словарь афоризмов русских писателей / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под рук. А. Н. Тихонова. М.: Рус. яз.-Медиа, 2004 (Н. Новгород: ГИПП Нижполиграф). 627 с.
- Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002. 286 с.

Куныгина Ольга Владимировна

канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка
и методики обучения русскому языку и литературе,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет;
dagmara74@list.ru

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛУЖЕБНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ключевые слова: фразеология, служебный фразеологизм, семантика.

Для отнесения определённых частей речи к служебным единицам учёные выделяют несколько параметров: особое служебное (незнаменательное, неноминативное, грамматическое) значение этих единиц, отсутствие морфологических категорий, морфологическая неизменяемость, отсутствие синтаксической функции. Учёные, определяя специфику служебных слов, отдают предпочтение либо семантическому, либо морфологическому, либо синтаксическому аспекту. С этим связано разнообразие терминов, обозначающих эту группу частей речи: «грамматически слова, незнаменательные части речи, неполнозначные слова, несамостоятельные слова, частицы речи» [Ахманова 2004: 433].

Е. С. Кубрякова предложила когнитивно-дискурсивный подход к теории частей речи, ориентированный не только на изучение семантических и грамматических характеристик, но и на «вопрос о том, на обозначение каких фрагментов мира они направлены и какие онтологические сущности можно поставить им в соответствие» [Кубрякова 2004: 140]. Введение дискурсивных характеристик, то есть связанных с речевой деятельностью и коммуникацией, в качестве конституирующих признаков частей речи свидетельствует о повышении роли «человеческого фактора, демонстрируя, какие структуры знания стоят за словами разных классов и как всё это связано с существованием и функционированием таких разрядов слов, как части речи» [Кубрякова 2004: 39].

Когда речь идёт о служебных словах, имеются в виду не только собственно слова — отдельные лексемы, но и особого рода фразеологические единицы — служебные фразеологизмы (грамматические фразеологизмы).

Как показывают наши наблюдения, частотность употребления предлогов намного выше по сравнению с другими служебными единицами. Более того, это самый «пополняемый» фразеологический класс. Рассмотрим идеографическую группу временных (темпоральных) предлогов, которые разнообразны в семантическом плане.

Например, предлог в момент (чего) помогает говорящему выразить мысль об указании на точный момент действия или события, либо же приблизительный промежуток времени:

В момент высадки на берег решительные действия даже небольших сил противника могут сорвать операцию (Буганов).

Фразеопредлог во время (чего) помогает говорящему выразить временные отношения, когда в один из моментов или на протяжении всего действия происходит что-либо:

Во время первого же свидания царь в присутствии вельмож спросил... (Павленко).

Фразеологический предлог с момента (чего) реализует смысл 'короткого промежутка времени' и помогает говорящему подчеркнуть мысль о временном начале чего-либо.

Это был пятый переворот с момента смерти Петра Великого (Данилов).

Фразеологизм со дня (чего) отличается от предыдущего семей продолжительностью во времени.

Прошло несколько месяцев со дня рождения дочери... (Из разговора).

Фразеологизмы с наступлением (чего), с приходом (чего) указывают на начальный момент действия, события.

С наступлением кризиса на заводе пять раз снижалась заработная плата (Из газет).

Фразеологизм с конца (чего) проявляет свою особенность в том, что знаменательный компонент несёт в себе сему 'последнего момента чего-либо протекающего во времени'.

С конца 1702 г. в России стала выходить первая печатная газета «Ведомости» (Павленко).

Фразеологизмы в эпоху (кого, чего), в век (чего) употребляются при указании на более длительный период времени, чем предыдущие, и характерным признаком является какое-либо выдающееся действие, явление, имевшее место в обозначенный период.

Теперь, в век денег и чистогана, надо было думать прежде всего не о красоте здания, а о его назначении — функции (Из газет).

Главными чертами развития культуры в эпоху Петра 1 стали усиление её светских начал... (Данилов).

Фразеологизм за период (чего) имеет в своей семме указание на протяжённость какого-либо действия, события за определённый промежуток времени. Этот предлог употребляется реже, чем другие фразеопредлоги подобной семантики, и чаще используется в научной литературе (биологии: за период цветения, за период созревания; истории: за период правления и др.).

За период освобождения Франции от оккупации около четырёх тысяч членов ОСМ были арестованы... (Манусевич).

Фразеологический предлог за время (чего) является более продуктивным, чем за период (чего).

За время правления Бориса Годунова страна добилась успехов и во внешней политике (Данилов).

Таким образом, на примере одного класса служебных фразеологизмов видно, что эти единицы активно пополняются в современном русском языке и могут быть описаны с точки зрения идеографии.

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Лызлов Алексей Игоревич

*д-р филол. наук, доцент,
старший преподаватель 16 кафедры иностранных языков,
Военная академия войсковой противовоздушной обороны ВСил РФ*

КОЛОРАТИВЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: фразеологизм, значение, сравнительный анализ, русский язык, английский язык.

Цвет — это особенность восприятия человеческим глазом окружающего пространства. Цвета являются важной составляющей человеческой жизни.

Со второй половины двадцатого века вопросы представленности понятия «цвет» в языке и культуре интересуют лингвистов и культурологов.

Колоративы — это слова, имеющие значение цвета. Колоратив — это языковая или речевая единица, чей корневой морф семантически или этимологически связан с цветоименованием. Колоративная лексика описывает разные оттенки цвета и выполняет разные функции в художественном тексте: наделяет символикой отдельные языковые и речевые средства [Розен 2000].

Цвет можно рассматривать как культурную константу, так как символика цвета во многом уникальна в разных культурах. Когда человек создает предмет, он придает ему определенную форму и наделяет цветом, вкладывая определенный смысл.

Цвета также находят свое отражение в художественной литературе. Благодаря колоративам в литературных произведениях, читатель понимает эмоциональное состояние писателя, его мысли и чувства.

Рассматриваемая тематика описывалась в рамках понятия «лексико-семантическое поле» [Попова, Стернин 2006].

Проблематикой отражения колоратива в языке и речи с когнитивных позиций занимались многие исследователи (Карасик В. И.; Слышкин Г. Г. и др.) [Карасик, Слышкин 2001; Карасик 2002; Слышкин 2004].

В английской языковой традиции единицы, которые характеризуются наличием элемента, описывающего название того или иного цвета (они называются также колоративами) традиционно характеризуется оценочностью своих значений.

Ассоциативный ряд реалий, описывающих нормативный черный цвет в представленных выше компаративных единицах английского языка разнообразен. В данном списке представлены и минералы (уголь, агат), и вещества, используемые в хозяйстве (деготь, чернила), ткани, артефакты для игр (туз пик), космологические реалии (ночь).

Некоторые их представленных выше компаративов, такие, как *as black as night*, *as black as ink* (дословно — «черный как ночь, черный как чернила») могут, помимо указанной выше дескриптивно описательной, характеризоваться также нормативно-оценочной функцией, описывающих внутренне состояние человека, соответствующее таким эпитетам, как «мрачный», «безрадостный». В данной функции используется высказывание *as black as thunder* (дословно — «мрачный, как туча»). Оценочный характер имеет и глагольное высказывание *blacken the picture* (дословно — «сгущать краски»).

Предикат «черный» в описании характеристик человека встречается в сочетаниях с различными соматическими элементами.

Так черный глаз, карий глаз — это символ дурного человека, человека опасного, который приносит беду, сглаз, порчу. Данную идею транслируют паремические единицы, представляющие собой приметы, заговоры, отражающие народные суеверия: черный глаз опасный; черный глаз, карий глаз — минуй нас! глаз черный, взгляд бойкий, обычай волчий.

Не все связные сочетания, имеющие в своем составе элемент-соматизм с атрибутом «черный» выражают только пейоративные (отрицательно оценочные значения).

К числу соматических паремий с предикатом «черный» относится и единица: черный волос — звонкий голос.

Наивной картине мира свойственно представление о непрерывности, цикличности человеческого бытия, идея о «хороших временах» и «плохих временах», сменяющих друг друга отражается и в паремиологии русского языка.

Атрибут «черный» в ряде паремических единицах русского языка сочетаются с темпоральным маркером «день», образуя известную единицу — чёрный день. В русской прекомической традиции беды, несчастья, описываемые единицей «черный день» могут разрешаться финансовым способом, поэтому нужно делать запасы, копить на черный день.

Об этом повествуют паремии: белая денга про черный день; береги (или: паси) денежку про черный день!

Нужно разумно распределять доходы, уметь рассчитывать как текущие траты, так и возможные расходы в будущем, хранить деньги на непредвиденный несчастный случай: денга на будень, денга на праздник да денга про черный день; денга про белый день, денга про красный день да денга про черный день.

Когда человека одолевают несчастья, неверные друзья, когда приходит «черный день» приятели могут покинуть его, к этому нас готовит паремия: черный день придет — приятели откинутся.

«Черным» днем на Руси традиционно называли понедельник, следующий за «красным днем календаря» — воскресением. Начало недели настраивало на рабочий лад после «трудного» выходного воскресного дня, свидетельством чего являются русские паремические единицы: в черный день перемогусь, а в красный — сопьюсь; воскресенье — свято, понедельник — черный, вторник — потворник, среда — постница, четверг — перечит, пятница — корячится, суббота — делу почин.

Литература

- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
- Розен Е. В. Цветообозначение в составе лексики и фразеологии // Как появляются слова. М., 2000. С. 107–121.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

Мокиенко Валерий Михайлович

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет

ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОЛОГИИ

Ключевые слова: идеография, неология, неологизм, фразеологизм, фразеологический неологизм.

К исследованию новых слов и значений и их лексикографическому описанию постоянно приковано внимание лингвистов и лингвокультурологов. В потоке неологизмов они стремятся уловить динамические тенденции современной языковой системы и определить плюсы и минусы ее неологизации. Особое место в этом потоке занимают фразеологические неологизмы, придающие литературному языку особую аксиологическую нацеленность и некоторую тематическую оригинальность. В новой русской фразеологии семантически выделяются два типа языковых единиц: устойчивые словосочетания, адекватные по значению и функциям идиомам, и обороты перифрастического типа. Идеографическая картина фразеологических неологизмов первой группы в целом аналогична тематическим доминантам традиционной идиоматики, характеризуя такие семантические поля, как «Бедный», «Богатый», «Большой», «Глупый», «Много», «Трудный», «Хороший», «Щедрый» и т. п. Вторая, перифрастическая группа, естественно, также стилистически маркирована, но при этом ее «картинность» сосредоточена на экстралингвистических сферах нейтральной номинации: характеристике географических объектов, животного мира, исторических событий, артефактов, научно-технических реалий, продуктов питания, ископаемых, средств массовой информации, физкультуры и спорта и под. Тем самым идеографическая картина мира раздваивается, нарушая единство ее репрезентации в словаре. Для составителей «Идеографического словаря русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», составляемого группой лексикографов в Санкт-Петербургском государственном университете, такая раздвоенность представляет особую трудность, ибо требует особого подхода к каждой из них при семантической и функционально-стилистической характеристике описываемых фразеологических неологизмов. В докладе предлагается анализ таких случаев и их лексикографических решений.

Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Николаева Елена Каировна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
elena_kairovna@mail.ru

БАРАБАН В НОВОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: неологизм, фразеологизмы, музыкальные инструменты, барабан.

В современном мире насчитывается около 1000 наименований различных музыкальных инструментов, и лишь незначительная часть их стала и становится компонентами фразеологизмов. Этот разряд фразеологических единиц (ФЕ) неоднократно привлекал внимание исследователей (см. работы Катерминой В. В., Кузьминой Е. Б., Зыковой И., Савельевой Е., Скоробогатовой Т. И. и др.). Отдельные инструменты в составе фразеологических единиц рассматривают в своих работах. Куницына О. М., Первозванский Р. И., Ковшова М. Л., Мокиенко В. М.

В русском языке в настоящее время фразеологические словари, в частности, «Большой словарь русских народных устойчивых сравнений» и «Большой словарь русских поговорок» Мокиенко В. М. и Никитиной Т. Г. фиксируют лишь около 15 названий музыкальных инструментов в качестве компонентов устойчивых сочетаний. Наибольшую фразообразовательную активность (по данным вышеуказанных словарей, а также словаря «Новые слова и значения-90», словаря «Новая русская фразеология» В. М. Мокиенко, при привлечении контексты употреблений в НКРЯ и живой речи) среди компонентов-названий музыкальных инструментов в современной русской фразеологии демонстрирует барабан. Он относится к самым древним инструментам мира — ударным.

Образные ассоциативные признаки этого инструмента, закрепившиеся во фразеологии, связаны в основном со способом игры на барабане, громкостью и ритмичностью звука, извлекаемого из него (колотить как в барабан, лупить по ком как по барабану, бить во все барабаны, сердце стучит как барабан, хоть в барабаны бей, голова гудит как барабан), внешним видом (формой барабана) (живот у кого как барабан, темя как барабан). Во многих ФЕ обыгрывается полая внутренность барабана, причем семантика этих единиц может быть связана как с внутренним (умственным) содержанием человека (голова пуста как барабан) или его творчества (стихи полые как барабан), так и с физиологией (живот пустой как барабан). На этом построена и новая единица, пока фиксируемая с пометой жарг. — надуть барабан кому (о беременности). Семантика безденежья, связанная с пустотой внутри барабана (у кого в кармане как в турецком барабане — воздух один. Шутл. О безденежном человеке), стала весьма активна в современной фразеологии (пуст(ой) как барабан — об отсутствии денег), что показывают употребления в НКРЯ и живой речи: Я сейчас на мели. Пустой, как барабан. [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000); Срок отдачи прошел, а он скулит, что в данный момент пуст, как барабан, что, дескать, его самого опрокинули на триста штук баксов. [Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000).

Легкость обучения игре на барабанах и пустота внутри этого инструмента отразились, на наш взгляд, в новой шутливо-ироничной ФЕ первый барабан 'о человеке, играющем главную роль в каком-л. деле, организации чего-л., образованной по модели ФЕ первая скрипка. Однако по сравнению с таким сложным инструментом как скрипка барабан ассоциируется в сознании русского народа с чем-то не только примитивным, но и глупым (ср.: пустой барабан. 1. Болтун, пустомеля. 2. Человек, делающий что-л. неправильно, неверно) откуда и возникает ироническая коннотация. Признак глупости (пустой головы) является мотивирующим и для неологизма от барабана 'приблизительно; наугад', который образован, на наш взгляд, по модели ФЕ от балды 'без всяких на то оснований, необдуманно' и до барабана кому что. 'абсолютно безразлично, все равно' образованного по модели до лампочки, до фонаря. Более раннее происхождение имеет ФЕ по барабану. Однако примеры употребления этой единицы из НКРЯ (140 из 218) показывают, что только в 90-х гг. XX в. это словосочетание стало употребляться со значением 'абсолют-

но безразлично, все равно (первая фиксация в НКРЯ 1995 г.: И хош дровами, хош углем, хош мазутой — ему по барабану. [Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)]). До этого оно употреблялось в значении 'по часам, по расписанию, под звуки барабана': Его высочество всякий день поутру, в 5 часов, ездил в корпус со мною; ему приятно было видеть, как по барабану несколько сот детей вставали и одевались. [Е. Ф. Комаровский. Записки (1830–1835)].

В докладе предполагается рассмотреть ещё некоторые ФЕ с этим компонентом, чтобы более убедительно продемонстрировать его фразообразовательную активность, особенно на фоне единичных новых фразеологизмов с другими музыкальными инструментами: танцевать с бубном, рояль в кустах, на фи́га (на хрена, зачем) попу гармонь, афганский колокольчик.

Литература

- Буцева Т. Н., Левашов Е. А.* Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 2. 1392 с.
- Мокиенко В. М.* Новая русская фразеология. Opole: Uniwersytet Opolski — Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 784 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

Ничипорчик Елена Владимировна

*д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой,
Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины;
evnich@gmail.com*

САЙТЫ-ПУТЕВОДИТЕЛИ В МИР ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: сайт, создатель сайта, пользователь сайта, фразеология.

Языковое сознание носителей любой культуры формируется в определенной среде, и, если эта среда благоприятствует формированию полноценной языковой личности, можно быть уверенным в том, что сокровищница национального языка не оскудеет. Фразеологические единицы составляют ценнейшую часть языковой культуры нации. Большое значение для сохранения и приумножения этого культурного наследия имеет популяризация фразеологической сокровищницы. В век высоких технологий самый быстрый способ нахождения нужной информации дает человеку глобальная сеть. Какого же рода информацию, имеющую непосредственное отношение к фразеологии, можно почерпнуть из Интернета и какие именно сайты такой информацией располагают?

1. Сайты с фразеоинформацией дифференцируются с учетом ее адресанта и адресата, характера информации и ее функционального предназначения. С учетом этих взаимосвязанных критериев сайты с фразеоинформацией прежде всего следует дифференцировать на специализированные и неспециализированные.

2. Специализированные сайты создаются специалистами в области фразеологии и адресуются лингвистам (фразеологам, лингвокультурологам, лингвоконцептологам и др.). Яркий пример специализированного фразеологического сайта — «Фразеологический семинар профессора В. М. Мокиенко» [Мокиенко]. Сайт многофункциональный. Главная задача сайта — консолидация фразеологов из разных стран, «организация широких обсуждений актуальных проблем фразеологии, лексикографических проектов, круглых столов и конференций разного масштаба» [Мокиенко]. На сайте размещается информация о деятельности Фразеологического семинара как научного центра Санкт-Петербургского государственного университета, основных направлениях исследовательской работы, научных контактах, проблематике текущих заседаний. Специалистам адресуются также информация о родственных интернет-ресурсах; очень ценная для ориентации в отечественном и зарубежном научном пространстве информация о предстоящих международных научных конференциях; отчеты о проведении таких конференций (в том числе фотоотчеты). На сайте размещаются опубликованные материалы конференций, сборники научных статей, аннотации изданий по проблемам фразеологии и паремиологии, фразеологические и паремиологические словари, учебные пособия, видеолекции. Есть информация о защите диссертаций по фразеологии, о реализации научных проектов и новых изданиях. Изюминкой сайта является калейдоскопическая подача крылатых выражений и пословиц.

2. Неспециализированные сайты с фразеоинформацией создаются, как правило, блогерами-любителями, не имеющими профильного образования, либо творческими коллективами, занимающимися оцифровкой и размещением в сети разного рода словарей (не только фразеологических, но и толковых, энциклопедических, переводных и др.). На неспециализированных сайтах находим адаптированную для массового читателя либо для читателя определенной возрастной категории информацию о значении фразеологических единиц, их происхождении, стандартном и нестандартном употреблении, о наиболее востребованных / новых фразеологизмах и др. (см., к примеру, techinsider.ru; umnazia.ru; iqsha.ru). На такого рода сайтах информация о фразеологизмах, как правило, не является основной. Например, на сайте «Буридо» (burido.ru), кроме рубрик «Цитаты», «Фразеологизмы», есть еще рубрики «Развитие и обучение», «Работа и бизнес», «Досуг» и др. Примечательно, что, по наблюдениям создателей этого сайта, именно фразеологизмы и цитаты обеспечивают основную прирост трафика [Сироткин].

3. Сайты, на которых размещаются фразеологические словари, тоже неоднородны. Есть сайты, предоставляющие возможность постраничного чтения словаря без возможности копирования материалов (онлайн-библиотеки). Крупнейшей в мире онлайн-библиотекой является Google Books (books.google.ru). По запросу «фразеологический словарь» эта поисковая система выдает десятки страниц с информацией об опубликованных фразеологических словарях и опциями полного просмотра / предпросмотра того или иного словаря либо без таких опций. Есть и другого рода сайты, это сайты с переформатированной (отличной от исходной) подачей словарных материалов, с возможностью поиска фразеологической единицы в словаре по гиперссылкам и возможностью копирования словарных статей. Богатейшие словарные ресурсы, снабженные поисковыми интерфейсами, можно найти на dic.academic.ru; slovaronline.com; rus-uzaz.niv.ru и др. Электронные версии фразеологических словарей характеризуются высокой востребованностью, по этой причине пользовательские интерфейсы таких словарей постоянно совершенствуются (см., к примеру, уникальное приложение на Google Play «Офлайн фразеологический словарь с многофункциональным интерфейсом» [Фразеологический словарь]).

4. Сайты интернет-магазинов, в которых можно купить как старые, так и новые издания по фразеологии (словари, справочники и др.), характеризуются не меньшей посещаемостью и тоже различаются. Есть сайты, специализирующиеся исключительно либо преимущественно на продаже книг (chitatel.by; allbook.by; labirint.ru), другие же сайты предлагают книги наряду с иными видами товаров (oz.by; ozon.ru; aliexpress.ru и др.). Быстрая распродажа книг с фразеологической информацией в интернет-магазинах свидетельствует о том, что печатная книга была и остается предпочитаемым многими проводником знания.

Литература

- Мокиенко В.М. Фразеологический семинар профессора В.М.Мокиенко. URL: <https://phraseoseminar.slovo-spb.ru/>
- Сироткин Д. О проекте «Буридо». URL: <https://burido.ru/o-proekte/1-o-proekte-burido>
- Фразеологический словарь. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.translator.russianphrasebook&hl=ru&gl=US>.

Орлова Ольга Сергеевна

канд. филол. наук, младший научный сотрудник,
Отдел теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова,
Институт языкознания РАН; OrlovaOlgaS@list.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВЫХ ПОНЯТИЙ И РЕАЛИЙ В ЗАГАДКАХ

Ключевые слова: загадка, интернет, новые понятия и реалии, иносказательное описание, модернизация.

Всё, что есть в мире, собрано и классифицируется загадкой [Топоров 1994: 69], которая «производит фантастическую по объёму работу по упорядочению этого мира» [Там же]. Денотативная сфера как традиционной, так и современной загадки чрезвычайно широка. С развитием общества появляются новые понятия и реалии, которые «подхватывает» загадка. Так, создание новых объектов материальной действительности фиксируется загадкой на различных этапах её существования. Ср.: Тут и стук, тут и гром, / Тут и Захаров дом (телега); Один с трубой тянет всех за собой (паровоз); Есть лошадка — сама гладка. / Пока везет — то и жрет, / А стала — и жрать перестала (автомобиль); Вот стальная птица, / В небеса стремится, / А ведёт её пилот. / Что за птица? (самолёт).

Современные загадки, бытующие в пространстве интернета, отражают две основные стратегии, которые используются при загадывании новых понятий и реалий: создание нового иносказательного описания или использование уже существующего.

Создание нового иносказательного описания для загадывания новых понятий или реалий. Иносказательное описание новых понятий и реалий может быть образным, которое, как правило, строится на метафоре или сравнении, или безобразным, основанным на употреблении слов в прямом значении. Ср.: На столе стоит сундук / В сундуке окошко, / Можно видеть чудеса, / Если знать немножко (компьютер) и Интересный и полезный. / Дома скучно, нет уюта, / Если выключен... (компьютер). Как правило, современные загадки о новых понятиях и реалиях создаются в стихотворной форме; нередко особую роль в декодировании загадки играет рифма, которая является подсказкой. Ср.: Это будто паутина, / В ней найдёшь ты всё о всех: / О животных, о машинах, / Будет дождь сегодня, снег? / Всё про мир и о планете / Прочитаешь в ... (интернете). В современных загадках описание стереотипных свойств загаданного объекта часто представлено в форме утверждения. Ср.: Он умён не по годам / И похож на чемодан (ноутбук). Реже иносказательное описание загаданного объекта формулируется в виде вопроса. Ср.: Что подходит к концу быстрее отпуска? (отпускные).

Использование уже существующего иносказательного описания для загадывания новых понятий или реалий (модернизация). Загадки, созданные в традиционной культуре, в XX–XXI вв. расширяют свою денотативную область. Новые отгадки указывают на реалии, восходящие к общему прототипу и представляющие собой модернизированные варианты «старых» реалий. Ср.: Не лаёт, не кусает, а в дом не пускает (замок) и Не лаёт, не кусает, а в дом не пускает (домофон). Применение данной стратегии становится возможным благодаря такому свойству загадки, как денотативная поливалентность (об этом см. подробнее в: [Орлова 2018]).

Чтобы наглядно показать, как осуществляется стратегия модернизации, проанализируем загадки Стоит Антошка на одной ножке (гриб) и Стоит мальчишка на одной ножке (монитор) с помощью инструментария когнитивной лингвистики и дополним когнитивный анализ интерпретацией загадки в пространстве языкового и культурного знания. Для наглядного восприятия когнитивный (фреймовый) анализ представим в таблице (см. таблицу 1), в которой описывается область-источник; область-цель; типовые сценарии, которые отражают характерные для данных сфер последовательности ситуаций; понятийные компоненты, которые создают основу для уподобления; элементы ситуации.

Таблица 1. Фреймовый анализ загадок «Стоит Антошка на одной ножке» и «Стоит мальчишка на одной ножке»

Конституирующие признаки			Область-цель	
Иносказательное описание загаданного объекта: «Стоит Антошка / мальчишка на одной ножке»				
Вертикальное расположение, структура, форма			Область-цель 1: гриб	Область-цель 2: монитор
Типовые сценарии	Сценарий 1: Гриб растёт на земле / на дереве.	Элемент вертикально расположен благодаря тому, что опирается на свою составную часть	Растёт на ножке	Стоит на ножке
	Сценарий 2: Монитор стоит на столе.			
	Элементы ситуации			
	Антошка / мальчишка	Элемент	Гриб	Монитор
	Стоит	Расположение элемента (вертикально)	Растёт	Стоит
	Ножка	Составная часть элемента, количество, форма	Ножка гриба	Ножка монитора

Рассмотренные загадки построены на метафорическом уподоблении человеку гриба и монитора и отражают «телесно-чувственные способы языковой концептуализации действительности по образу и подобию человека» [Радбиль 2017: 85]. Загадки интерпретируются в антропном, пространственном и соматическом кодах культуры. Подобно стоящему на одной ноге человеку, гриб растёт, а монитор — стоит, на ножке. Диминутивные формы «Антошка» и «мальчишка» использованы в загадках для создания рифмы к слову «ножка». И в традиционной, и в современной загадке стоящий на одной ножке человек мужского пола, что является подсказкой, которая указывает на принадлежность прямых номинаций загаданных объектов к мужскому роду. В целом, в основе загадок лежат стереотипные представления о том, как выглядят грибы и современные мониторы. Отдалённое сходство загаданных объектов по форме и структуре позволяет использовать уже существующее иносказательное описание с незначительными изменениями в тексте для загадывания новой реалии.

Таким образом, новые понятия и реалии становятся объектом загадывания на различных этапах существования загадки. Для загадывания новых понятий и реалий создаются новые иносказательные описания или используются уже существующие. Фреймовый анализ и интерпретация загадок в пространстве языкового и культурного знания позволяют прояснить ключевые стратегии в репрезентации новых понятий и реалий в загадках.

Литература

- Орлова О. С. К вопросу о денотативной поливалентности загадок // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. С. 138–143.
- Радбиль Т. Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2017. 593 с.
- Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст 1. М.: Индрик, 1994. С. 10–117.

Павлова Людмила Панасовна

канд. филол. наук, преподаватель, Курсы иностранных языков
при Профсоюзном комитете Дипломатической Академии МИД РФ «Полилог»;
panasovna@gmail.com

НИДЕРЛАНДСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ НЕОЛОГИИ

Ключевые слова: нидерландский язык, фразеология, неологизмы, влияние технического развития и геополитических изменений.

Анализ фразеологизмов, появившихся в нидерландском языке в прошлом веке, и современных фразеологических неологизмов дает основание говорить об универсальности положений фразеологической неологии.

Появление ФЕ во многих случаях связано с историей языкового сообщества, с местом его обитания, профессиональной деятельностью его членов.

Появление новых фразеологизмов часто обусловлено изменениями, происходящими в различных сферах жизни общества. Со второй половины XIX века начинается глобальный технический прогресс, что находит свое отражение во фразеологических неологизмах, появившихся в нидерландском языке в XX веке. Они связаны с изобретением и использованием различных технических средств и приспособлений. Например, холодильник *in de koelkast zetten* — «заморозить (планы)», телефон *de telefoon staat rood gloeiend* — «телефон раскалился от звонков», стартовые блоки для бегунов *in de startblokken staan* — «собираться что-то сделать» и другие. Данные ФЕ вошли в нидерландский язык, зафиксированы фразеологическими словарями и часто используются в речи в настоящее время. Некоторые из них совпадают с ФЕ русского языка: *als een raket* «как ракета», *iets op de automatische piloot doen* «делать что-то на автомате», т. е. автоматически, не задумываясь.

Указанные ФЕ не обозначают новые явления, а «дают им оценочную характеристику» [СРФН 2022: 7–8]. Этому способствовало использование в качестве основного лексического компонента ФЕ названий новых технических средств, Подобные ФЕ делали речь более экспрессивной. Например, для обозначения движения на большой скорости использовались новые сравнения с ракетой или скорым поездом: *als een raket, in sneltreinvaart*.

В каждом естественном языке есть свой «банк неологической информации» [СРФН 2022: 2–3]. Среди рассматриваемой группы ФЕ есть и такие, которые имеют ярко выраженную национальную специфику и связаны с определенными событиями и явлениями в жизни общества: *de Gooise matras* — «свободные нравы в городе Гоои», *op beide oren mogen slapen* — «жить спокойно, не беспокоиться».

В 21 веке происходят серьезные геополитические изменения во всем мире. В нидерландской фразеологии это также нашло свое отражение. Наблюдается актуализация некоторых уже зафиксированных в словарях ФЕ. Например, в текстах политического дискурса часто используются следующие фразеологизмы: *een politieke aardeverschuiving* (в словаре *een aardeverschuiving teweegbrengen*), *een populistische wind* (в словаре *er waait nu een ander wind*), *balanceren op een dun koord* (в словаре *dansen op een dun koord*). В указанных словосочетаниях, которые характеризуют деятельность политиков, актуализация уже известного фразеологизма происходит с помощью изменения лексического состава, добавления актуального лексического компонента (популистский, балансировать).

Обращает на себя внимание частое употребление в современных текстах политического дискурса ФЕ *een link hebben* — «быть связанным с чем-то», в которой используется компьютерный термин. Новый фразеологизм заменяет нейтральное словосочетание *verbonden zijn*. В словарях нидерландского языка еще не зафиксированы такие часто используемые ФЕ, как *een groen regeeraccord* — «зеленое правительственное соглашение» и *een maat nemen* — «оценивать кого-либо».

Литература

СРФН 80–2020: Словарь русских фразеологических неологизмов (конец 80-х гг. XX в. — 2000–2020 гг. XXI в.) / сост.: Е. В. Генералова, В. М. Мокиенко при участии О. В. Раина, Н. А. Росовой. (фрагмент) СПб., 2022. С. 2–16. (рукопись). URL: http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/00_slovarj

Савенкова Людмила Борисовна

д-р филол. наук, профессор, кафедра русского языка,
Южный федеральный университет;
savenkova@sfedu.ru

НА КРАЙНЯК — ЭТО КАК? ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И СЕМАНТИКА НЕКОДИФИЦИРОВАННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: фразеологический неологизм, неcodифицированная речь, фразеологическая редукция.

Одним из фразеобразовательных процессов с использованием в качестве деривационной базы фразеологической единицы является фразеологическая редукция. Этот процесс позволяет сочетать экспрессию с лаконизмом, поэтому востребован при создании разговорных, просторечных, жаргонных фразеологических единиц.

Далеко не все фразеологические единицы, возникающие в жаргоне, способны переключаться в общенародную лексико-фразеологическую систему. Тем не менее часть их постоянно находится в слое фразеологических неологизмов.

В качестве примера в докладе рассматривается единица предложно-падежной структуры на крайняк. Она интересна уже тем, что существует не только в русской, но и в украинской неcodифицированной речи. Однако в докладе анализируется только русскоязычный материал.

Аргументом в пользу того, что в пределах русского языка это сочетание пока не считается общеязыковым, следует признать отсутствие его в современных толковых словарях при фиксации в «Словаре тысячелетнего русского арго» М. А. Грачева [2003].

В качестве возможных вариантов деривационной базы рассматриваемого фразеологического неологизма могут быть названы две единицы: в крайнем случае и на крайний случай. Первая из них, однако, функционирует в речи активнее второй, о чем свидетельствует обращение к «Национальному корпусу русского языка» (далее — НКРЯ). Число употреблений оборота в крайнем случае превышает число употреблений оборота на крайний случай в Основном корпусе НКРЯ — в 10,31 раза, а в Газетном корпусе — в 8,58 раза.

Толковые словари по-разному представляют данные выражения. Наиболее отчетливо их различие проявлено во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова: «В КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ. При острой необходимости, если не останется иного выхода» [Молотков 1987, с. 434]; «НА КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ. В предвидении крайней необходимости, допущая возможность крайней необходимости» [Молотков 1987, с. 435].

Представляется, что одной из причин большей активности фразеологической единицы в крайнем случае выступает ее многозначность, которая, к сожалению, игнорируется большинством лексикографических изданий, но отмечается Р. П. Рогожниковой: «1. При самой острой необходимости, в качестве последней меры <...> 2. Самое большее <...> 3. Не позже чем» [Рогожникова 1991: 42].

Наблюдения над функционированием двух упомянутых единиц в текстах «Национального корпуса русского языка» позволяет увидеть постепенно возрастающую синонимизацию названных единиц: носители языка начинают все чаще использовать выражение на крайний случай в значении, которое описано во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова в статье «В крайнем случае».

Чтобы аргументировать, почему в устной неcodифицированной коммуникации произошла редукция фразеологической единицы, можно отметить следующие факторы. Суффикс -ак и за пределами жаргонно-просторечной стихии речи, и в неcodифицированной речи при образовании существительных от прилагательных вносит в дериват экспрессивность. Кроме того, во втором случае можно увидеть действие квазимодели, к которой сознание неспециалиста (рядового носителя неcodифицированного слоя лексики и фразеологии русского языка) сводит

все многообразии существительных с финалью -ак, где можно выделить в том числе и суффикс -няк, притом что сами деривационные процессы не так однородны. Есть образование существительного от существительного (вена → веняк, блат → блатак), существительного от глагола (драпать → драпак, дубеть → дубак), существительного от предикативного наречия (дурно → дурняк, клево → клевяк, точно → точняк), существительного от местоимения (ничто → ништяк); словообразовательный процесс может сопровождаться усечением производящей основы (глушитель → глушак), представлять собой стяжение словосочетания в одну лексему (медленный танец → медляк, строительный отряд → строяк, толстый журнал → толстяк) и т. д.

Поэтому словосочетание крайний случай порождает производное крайняк. Тем не менее это существительное было обнаружено всего в 14 употреблениях в разных корпусах НКРЯ (основном, газетных, акцентологическом, поэтическом, социальных сетях), в то время как сочетание на крайняк — в 257. Добавим к этому одно употребление в крайняк и 126 случаев слитного написания накрайняк. Думается, это служит весомым аргументом в пользу мотивации данного неологизма наречными выражениями и желанием коммуникантов с помощью данной единицы оценить ситуацию. Остается осмыслить, почему в качестве приставки была выбрана морфема на-, а не в-. Пожалуй, единственный словарь — «Большой словарь русских поговорок» — однозначно соотносит предложно-падежное сочетание на крайняк с фразеологической единицей на крайний случай [Мокиенко, Никитина 2007: 326]. Однако стоит сформулировать гипотезу, почему надо возводить редуцированную единицу именно к нему, что, кроме формы, подталкивает к этому выбору.

Пока ясно одно: неологизм проходит этап «присвоения». Ведь не случайно уже в 2016 году один из интернет-пользователей задал вопрос: «Как правильно писать: накрайняк, на крайняк». Эта страница была просмотрена 22 000 раз.

Литература

- Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского аргю: 27 000 слов и выражений. М.: Рипол классик, 2003. 1120 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
- Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М.: Русский язык, 1991. 254 с.
- Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1987. 543 с.

Селиверстова Елена Ивановна

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет

СФЕРА ТРУДА В СВЕТЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОЛОГИКИ

Ключевые слова: неологика, фразеологизмы, сфера труда, семантика.

Характеристика активных языковых процессов была бы неполной без анализа изменений, наблюдаемых в современной коммуникации [Вепрева 2002: 23]. Под влиянием изменений в политической и экономической жизни общества происходит преобразование концептуального мира носителя языка и его ценностной ориентации в мире, трансформируются способы самовыражения говорящих. Как пишет В.И. Коньков, сегодня «общая картина речевой практики русского общества ... имеет другие очертания» [Коньков 2001: 44]. Это относится в первую очередь к языку СМИ, но касается также и иных областей коммуникации.

Работа, какой бы она ни была, продолжает оставаться одной из самых актуальных жизненных сфер, о чем на лексико-фразеологическом уровне свидетельствуют все новые устойчивые выражения, создаваемые говорящими и обогащающие лексикон. Подготовленный к печати под руководством проф. В.М. Мокиенко алфавитный словарь фразеологической неологии и развернутая сейчас работа по составлению идеографического словаря новой фразеологии (с привлечением материалов Национального корпуса русского языка) позволяют увидеть, какие именно аспекты в освещении и оценке трудовой деятельности оказываются наиболее актуальными, каковы семантические и ценностные акценты, расставляемые нашими современниками. Это и является целью данного исследования.

Новые обороты, характеризующие сферу труда, составляют один из наиболее крупных тематических блоков фразеологических единиц (ФЕ), которые можно дифференцировать по определенным критериям. Так, можно выделить группу перифрастических оборотов, называющих людей определенной профессии: труженики стальных магистралей — ‘железнодорожники’: «В иных кабинетах висела и форма, и фуражки, труженики стальных магистралей то ли эвакуировались при нашем приближении, то ли друженько разбежались по домам и засели тихонечко» [А. А. Бушков. Дверь в чужую осень (2015)].

Яркое метафорическое представление лежит в основе номинаций металлургов — людей (мастеров) огненной профессии: «Обычно со словом “металлургия” мы привыкли связывать раскаленные печи и яркие потоки расплавленного металла. И статьи в газетах о “людях огненной профессии” в День металлурга [А. Кипнис. Без огнедышащих печей // «Химия и жизнь», 1970]; Сегодня у этого памятника фотографируются сталевары и прокатчики, мастера огненной профессии [А. Артамонов. Не только в Московском Кремле, но и в провинциальном Ижевске появилась своя царь-пушка (2002)].

Интересное развитие демонстрирует устойчивая номинация работников службы дорог. Сначала сложилась ФЕ «люди в оранжевых жилетах» — (ср. люди в белых халатах) как номинация людей, выполняющих неквалифицированную и достаточно тяжелую работу по ремонту дорог: «Помнится, на заре перестройки была популярна идея, что нужно вернуть женщину в семью и хватит женщинам в оранжевых жилетах починять железнодорожные пути» [Про нежность // «Столица», 10.06.1997]. Сейчас все чаще ФЕ встречается в ином оформлении — оранжевые жилеты: «Один из “оранжевых жилетов” спрашивает знаками: “Курить есть?” Лёха кивает и лезет в карман» [О. Гладов. Любовь стратегического назначения (2000–2003)]; «А когда оранжевые жилеты стали неспешно корчевать рельсы из груды камней, то отчего-то раньше взялись спасти бесполезную обратную колею...» [Ю. М. Кокошко. Дорога, подписанные шаги и голоса // «Уральская новь», 2004]. В семантике выражения появляется оценочная составляющая — оттенок пренебрежения.

Значительный разряд неофразеологизмов характеризует степень интенсивности трудовых усилий работников — высокую или же, наоборот, низкую, и их результативность. Так, весьма

популярная ФЕ артель напрасный труд с пренебрежением указывает на ‘мелкое предприятие или группу лиц, выполняющих бесполезную работу’; ср.: «Артель “Напрасный труд”, выпуска пар, начала работу от того места, где стоял прапорщик, и работала до сумерек. Вышло ...три аккуратных кучи загубленной и никому не нужной свеклы» [В. А. Ярмолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86–89» // «Волга», 2008]. Это также номинация людей, не способных к выполнению порученной работы: «А народные заседатели кто? Мужчина и женщина. Мужчина, по-моему, глухой из артели “Напрасный труд”. А женщина — передовица швейной фабрики, по-русски два слова сказать не может» [Ф. Искандер. Сандро из Чегема (Кн. 3) (1989)]. Это обозначение и малооплачиваемой, а также халтурно выполненной работы. Ср.: «“Артель Напрасный труд” — покраска без утепления — деньги на ветер (заголовки)» // «Артель — напрасный труд» [сайт] (22.04.2023); <https://laweba.net/artel-naprasnyy-trud>.

Важнейшее социальное явление — отток из России востребованных специалистов высокого уровня — было отмечено ФЕ утечка мозгов, которая претерпевает за время своего функционирования некоторые изменения. Первоначально речь шла преимущественно об объезде перспективной молодежи за границу: «Когда упал “железный занавес”, довольно много специалистов, уже сложившихся авторитетных учёных отправились на Запад. ...К большому сожалению, утечка мозгов ударила по ЦАГИ» [Центр авиационной науки // «Наука и жизнь», 2008]). Сейчас же ФЕ характеризует и тенденцию к переезду молодежи из регионов в столицу в надежде на карьерный рост: «Утечка мозгов — как снежный ком: одни уезжают, другие жалуются: “Москва — пылесос, туда уходят все налоги, все яркие люди в Москве”» [Ю. Вишневецкая. Почему Россия — не Москва // «Русский репортер», № 43 (122), 12–19.11.2009].

Литература

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 380 с.
Коньков В. И. Являются ли СМИ могильщиками русского языка? // Мир русского слова. 2001. № 3. С. 44–46.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-18-00141, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете)

Хмелевский Михаил Сергеевич¹, Кузнецова Ирина Владимировна²,
Савченко Александр Викторович³

¹канд. филол. наук, доцент, кафедра славянской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
chmelevskij@mail.ru

²канд. филол. наук, доцент, кафедра профессиональной психологии,
социальной педагогики и начального образования,
Чебоксарский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева;
irinak47@yandex.ru

³канд. филол. наук, ассистент-профессор,
Государственный университет Чжэнчжи (г. Тайбэй, Тайвань);
savchenko75@mail.ru

АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ — УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ И КОНСТРУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Ключевые слова: украинский язык, фразеология, сравнительная конструкция, О. Ф. Черногуз.

В докладе демонстрируется роль авторской трансформации устойчивых сравнений (УС) в создании комического эффекта в украинском языке на примере текста первого сатирического романа в украинской литературе «Аристократ із Вапнярки» (1977 г.) О. Ф. Черногуза, которого заслуженно считают «виртуозом диалога». Текст этого произведения в действительности можно назвать энциклопедией народного украинского языка. В нем, как в зеркале, отразились все его проявления, и по которой можно проследить законы, модели, характерные для современного разговорного языка. Произведение представляет «вереницу» записанных живых искрометных диалогов с игрой слов, которые автор слышал на улицах городов, в селах, в кафе, транспорте, трудовых коллективах и т. д., которые писатель с невероятной педантичностью «стенографировал», поэтому роман не переведен на русский язык (как яркий пример теории непереводаемости) [Кузнецова, Савченко, Хмелевский 2020: 29]. Именно такая «застенографированность» украинского живого языка и его обиходно-разговорного варианта представляет собой интерес для исследователей природы и моделей спонтанной речи.

Выбранный из романа обширный материал авторских ироничных устойчивых сравнений (УС) и устойчивых сравнительных конструкций (УСК) можно разделить на следующие группы с наиболее иллюстративными примерами:

- 1) общеупотребительные УС: одягнений як на парад; стояв, як олов'яний солдатик и т. п. Однако наибольший интерес представляют их авторские трансформации как средство создания иронии, например: спалахнути як цигарка, начинена порохом (ср. спалахнути як порох); щасливий як молодий бог; голова тріщала і розколювалася, наче кавун, наповнений соками і сонцем; В житті хто як може, так і крутиться: один, як муха в окопі, а другий, як вареник у сметані; очі горіли, як бенгальські вогні;
- 2) понятный благодаря модели, но сугубо авторский образ, который фразеологизируется в рамках одного текста: дівчина з чорними, як перестиглі оливки, очима; обвішаний фотоапаратами, як партизан-десантник и т. п. К этой же группе можно отнести и авторские метафорические сравнения, развернутые до целых предложений, как в случае: Всі чекали на нього з таким самим нетерпінням, як запеклі футбольні уболівальники чекають фінального матчу на кубок; горілка приємно розтеклась по тілу, як тепло по батареї опалення; гордо, як молодий олень, стояв спортивний велосипед марки «Молодість наша»;
- 3) аллюзии и обыгрывание цитат и образов из мировой, в том числе и русской культуры, например: Про жінок, як і про покійників, кажуть «аут бене, аут нігіль; Ніщо так не зближує людину, як стіл у бенкетному залі, як коньяк, як об'єктив фотоапарата;
- 4) стирание значения эпитета, где УСК выступает исключительно в оценочной, экспресивной комичной или саркастичной функции: Судів, як і недовареної та старої свинини,

він не терпів; здобув собі популярність так само швидко, як здобуває її папа римський у Римі; Вона сяяла, як начищена алюмінієва каструля з припаленої сторони; дівчина сяяла як куш калини;

В УСК, зустрічаються в романе, також отразились і реалії 60–70 гг. минулого століття соціалізму і ідеологеми [Козырев, Черняк 1998: 26], наприклад: Вони сказали, що у вас не голова, а кабінет міністрів (причому «соціалістичність» ідеологеми підкріплюється російським закінченням -ов у імені присудного замість літературного українського -ів); їх було у наших магазинах стільки, як тепер кабачкової ікри. Специфіка образів іронічних УСК відображає особливості народного мислення і представлень. Чим використовується образ конкретніше, тим сильніше іронічний ефект, який він викликає [Ворона 2011: 58]. В результаті отримується своєобразний ефект, схожий з «депатетизацією патетизма» [Мокиєнко 2003: 57], наприклад: Нічого в світі так не люблю, як каву і молодих дам, розлучених нарсудом! Ще одним прикладом депатетизації може стати безпосередньо само назва роману, де вже закріплена його іронічна спрямованість: з однієї сторони — «аристократ», а з іншої — «Вапнярка», село в Вінницькій області з населенням менше тисячі осіб, про яке головний герой, переїхавши в Київ, з сарказмом відгукується: «У Вапнярці для моїх черевиків ще не проклали асфальту».

Так, можна виділити наступні риси аналізованого авторського прийому неологізації в українській фразеології: 1) авторська фразеологізація відомого образу, 2) трансформація УС, 3) аллюзія і обігрування відомих прецедентних текстів, 4) стирання значення епітета і значення шляхом порівняння логічно несумісних образів.

Література

- Ворона Я. М. Іронічні стійкі порівняння як різновид експресивної енантіомії в українській мові // Наукові записки Ніжинського державного університету ім. М. Гоголя. Нежин, 2011. С. 55–60.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексическіє примітки епохи в неологічних словниках // Русистика: лінгвістическа парадигма кінця ХХ століття. СПб., 1998. С. 25–39.
- Кузнецова І. В., Савченко А. В., Хмелевський М. С. Вплив російської фразеології на сучасний розмовний український мову, суржик і жаргон // Славянська фразеологія: заїмствования і кальки в славянській фразеології. Грайфсвальд, 2020. С. 46–52.
- Мокиєнко В. М. Депатетизація патетизмів в сучасному тексті // Сучасні мовні процеси: міжвузівський збірник. СПб., 2003. С. 55–69.

Цицкун Виолетта Владимировна

*старший преподаватель, кафедра русская филология, славяноведение и балканистика,
Институт общественных наук и международных отношений,
Севастопольский государственный университет;
vivlteacher69@gmail.com*

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКИ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: потенциальная фразеологическая единица, внутренняя форма фразеологизма, метафора, метафорический образ, метафоризация.

Изучение метафоры имеет многовековую традицию. Но, если изначально данное явление было предметом исследования риторики, лингвостилистики, литературоведения, то сегодня метафоре уделяется большое внимание и в других (сопредельных с языковыми) областях знания. Причин активизации интереса к феномену метафоры много, одна из них (на нее указывает В. Г. Гак) — универсальность самого метафорического явления. Прежде всего, метафора — это троп, риторическая фигура, стилистический прием, с другой стороны, это самый продуктивный способ смыслопроизводства, универсальное средство пополнения языкового инвентаря, а также средство коммуникации, единица культуры, способ мышления о мире, важный инструмент познания, позволяющий анализировать явления, процессы в их связи с сознанием и т. д.

Интересна метафора и как один из семантических приемов переосмысления свободного словосочетания — объекта метафоризации, в результате которого формируется потенциальный фразеологизм (ПФ). Под ПФ мы понимаем индивидуально-авторские образования (непредикативного или предикативного характера), проявляющие признаки языковых фразеологизмов (семантическую целостность значения, образность, экспрессивную окрашенность), обладающие своего рода элементарной (семантической) устойчивостью и отличающиеся имманентностью — внутренней (инстинктивной) связью с языковыми фразеологическими единицами, но при этом не имеющие фиксации в словаре. Проявление ПФ в речи обычно одноразово [Цицкун 2021: 304, 310].

Поскольку без прохождения стадии потенциальной фразеологичности возникновение будущей фразеологической единицы невозможно [Кунин 1996: 25; Жуков 2018: 373], то метафорическое переосмысление как «перенос наименования с одного денотата на другой, ассоциируемый с ним, на основе реального или воображаемого сходства» [Кунин 1996: 74], свойственно прежде всего ПФ.

Рассмотрим роль метафоры в формировании семантики ПФ на конкретном примере. В заголовке статьи «Бильжо и Собчак кусают Россию за нос!» и в отрывке из нее «Я вспомнил один рассказ из классики — о том, как муж умирал, а у него оставалась жена красавица, и он решил ее изуродовать перед смертью. «Наклонись, — говорит, — скажу кой-чего». Она наклонилась, а он ее страшно укусил за нос, изуродовал. Вот и эти, говорю, так же...» [<https://svpressa.ru/>] сочетания «укусить/кусать за нос» эквивалентны по лексическому составу, но употреблены в разных значениях. Сочетание «укусить за нос» во фрагменте имеет буквальное значение, которое складывается из строго закрепленных речевым узусом первично-номинативных значений слов, входящих в его состав: глагола укусить (кого-что) 'причинить боль, ранить, вонзив зубы, сдавив зубами' и существительного-соматизма нос 'выступающая часть лица человека между ртом и глазами; наружная часть органа обоняния'. Сочетание же, включенное в заглавие, на фоне словесного комплекса-прототипа подверглось семантическому переосмыслению, дало метафорический эффект, в результате чего приобрело новое, обобщенно-переносное значение 'изуродовать/уродовать (портить)', мотивированное внутренней формой (образом) фразеологизма. Чтобы расшифровать этот фразеологический образ, пришлось восстановить по представленному в метафоре фрагменту целостность объекта, а для этого выстроить образ-

но-ассоциативные связи: страшно укусить — не только причинить боль, но и оставить шрам (рубец) — шрамы уродуют — порождают неприязнь. В процессе метафоризации буквальное значение словосочетания-прототипа утрачивает значимость и становится своего рода ориентиром для этих ассоциаций, а проявившееся метафорическое значение (вследствие возникновения образности) абстрагируется, формируется его коннотативный аспект: образно-экспрессивный, эмоционально-оценочный. Наиболее экспрессивными являются ПФ, основанные на алогизме (например, проделки морского ежа, похороны мух, прибить желе гвоздями к стене и др.) или представляющие собой гиперболическую метафору (например, ложек не осталось). Метафорическое переосмысление свободного словосочетания-прототипа ПФ всегда основано на ассоциациях, связанных с человеческим опытом, его культурно-историческими (фоновыми) знаниями, поэтому почти все метафорические значения ПФ антропоцентричны. Определить внутреннюю форму ПФ, понять лежащий в основе метафоры образ с характерными именно для него ассоциациями помогает метод фразеологической аппликации (наложения) В. П. Жукова.

Внутренняя форма, проявившаяся в семантической структуре ПФ после его взаимодействия со свободным словосочетанием эквивалентного лексического состава, играет важную роль в дальнейшей судьбе фразеологического новообразования, во многом определяя его семантическое развитие. На наш взгляд, именно те ПФ, в структуру которых включен образный компонент (внутренняя форма), в большей степени наделены внутренней (инстинктивной) связью с языковыми ФЕ (имманентностью).

Основная часть ПФ — это коннотативно ориентированные метафорические единства. Хотя в их семантике и присутствует предметно-понятийный элемент, в речи они чаще выполняют экспрессивно-характеризующую функцию.

Литература

- Жуков А. В.* О потенциальности фразеологических единиц // Пушкинские чтения — 2018: материалы XXIII Межд. науч. конференции; отв. редактор Т. В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 371–380.
- Жуков В. П., Жуков А. В.* Русская фразеология. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
- Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк.; Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
- Цицкун В. В.* Потенциальные фразеологизмы в аспекте синхронного фразообразования (на материале русского языка) // Пушкинские чтения — 2021: материалы XXVI Межд. науч. конференции; отв. редактор Т. В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 303–313.

Ващенко Дарья Юрьевна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
отдел славянского языкознания, Институт славяноведения РАН;
daranis@mail.ru

СЕМАНТИКА «МИНУТНОГО» В СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ ЧЕШСКОГО, РУССКОГО, ВЕНГЕРСКОГО И НЕМЕЦКОГО (ПО КОРПУСНЫМ ДАННЫМ)

Ключевые слова: темпоральная лексика, корпусная лингвистика, семантика, сочетаемость, параллельный корпус.

В докладе предметом анализа служит семантика двух словацких прилагательных с темпоральным значением, *chvíľkový* ‘минутный’ и *okamžitý* ‘мгновенный’. Исследование выполнено на материале двух объемных корпусов словацкого языка, Словацкого национального корпуса (*Slovenský národný korpus*), ориентированного прежде всего на литературный узус, и *Araneum Slovacum*, базирующегося на массиве интернет-текстов и отражающего разговорный узус. Анализ проводится по следующим параметрам: 1) относительная сочетаемость данных прилагательных по данным мер ассоциации, из которых берутся три — *minimal sensitivity*, *logDice* и *MI_log_f*; 2) переводные эквиваленты *chvíľkový* ‘минутный’ и *okamžitý* в чешском, немецком, венгерском и русском языках.

Исследование показателей мер ассоциации демонстрирует высокую связанность *chvíľkový* прежде всего с существительными (преимущественно девербативами), обозначающими: потерю концентрации, внимания (*perozornosť* ‘невнимательность’, *nekoncentrovanosť* ‘несконцентрированность’, *rozptýlenie* ‘рассеяние’); также временное помешательство, помутнение рассудка (*robláznenie* ‘сумасшествие’, *roblúznenie* ‘угар’, *orojenie* ‘опьянение’); колебание, неуверенность (*zaváhánie* ‘колебание’, *váhánie* ‘колебание, сомнение’); некоторое нестабильное эмоциональное состояние (*perozvážnosť* ‘опрометчивость, необдуманность’, *rozmar* ‘прихоть, каприз’, *porud* ‘возбуждение’); слабость, снижение силы (*slabosť* ‘слабость’, *romätenie* ‘помутнение’, *útlm* ‘торможение, затухание’, *rominutie* ‘потеря (разума)’); также *úľava* ‘облегчение’, *uspokojenie* ‘успокоение’); наконец, большую группу коллокаций для *chvíľkový* составляют наименования различных позитивных эмоциональных состояний (*eufória* ‘эйфория’, *záchvev* ‘трепет’, *očarenie* ‘очарованность’, *potešenie* ‘отрада, удовольствие’, *rozkoš* ‘наслаждение’ и др.).

Анализ параллельных корпусов показывает следующие основные тенденции. Так, в чешском языке основным эквивалентом словацкого *chvíľkový* является аналогичное чешское прилагательное *chvilkový*, иные соответствия (*okamžitý*, *krátký*) наблюдаются прежде всего у конструкций вида *chvíľková slabosť* ‘минутная слабость’, *chvíľková nevoľnosť* ‘минутная нерешительность’. Прилагательное *momentální* может соответствовать словацкому *chvíľkový* в значении «произвольный, преходящий» (ср. *chvíľková nálada* ‘минутное настроение’); сходную ситуацию мы видим при передаче характеризующих конструкций *je len chvíľkový* ‘он непостоянный (досл.: он лишь минутный)’ — в чешском языке здесь представлены адъективы *náhodný*, *romíjivý*, *časný*. Словацким адъективным конструкциям вида *po chvíľkovom mlčaní* ‘спустя минуту молчания (досл.: после минутного молчания)’, *po chvíľkovom váhaní* ‘спустя минуту размышления (досл.: ‘после минутного размышления)’ соответствуют чешские субстантивные генитивные — *po chvílce váhání*, *po chvíli rozmýšlení*.

В русском языке, несмотря на сравнительно небольшой объем вхождений для *chvíľkový*, также возможно сделать некоторые предварительные наблюдения. В значении «преходящий,

непостоянный» (т.е. там, где предполагается некоторая регулярность ситуации) словацкому *chvíľkovú* соответствует прилагательное временный. В случае, если акцент делается на быстрой смене ситуации, в русском языке представлено прилагательное мгновенный, моментальный. При этом, если кратковременная ситуация является значимой для говорящего, русским эквивалентом является адъектив минутный. В венгерском языке объем вхождений в параллельный корпус для словацкого прилагательного сопоставим с русским — здесь наблюдаются следующие корреляции: если *chvíľkovú* предполагает паузу, в венгерском языке ему будут соответствовать адъективы *pillanatnyi* досл. 'мгновенный'. В случае, если *chvíľkovú* маркирует значимый краткий перерыв, во время которого могут произойти изменения, в венгерском языке представлены прилагательный *fútó* досл. 'бегущий', *múló* досл. 'преходящий'. Если контекст употребления прилагательного *chvíľkovú* предполагает сопоставление двух ситуаций, моментальной и длительной, словацкому прилагательному будут соответствовать венгерские лексемы *perc* 'минута', *percnyi* 'минутный'. Значительный разброс переводных эквивалентов для *chvíľkovú* наблюдается в немецком языке. В случае, если прилагательное сочетается с существительным, обозначающим некоторые впечатления, эмоции, ему соответствуют немецкие конструкции с *Augenblick* 'мгновение, миг', в значении *chvíľkovú* 'непостоянный, проходящий', мы наблюдаем немецкое прилагательное *augenblicklich* досл. 'мгновенный'. При маркировке словацким прилагательным значимой, наполненной паузы в немецком языке будут представлены адъективы *momentanes*, *flüchtig*, в контексте, предполагающем незначительность обозначаемого явления — *ein, kurzer*.

Кондратенко Михаил Михайлович

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
mmkondratenko@gmail.com

ПОЛИСЕМИЯ В СЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: обозначения времени, славянская диалектология, полисемия.

Интерпретация понятия 'время', представленная в лексике и фразеологии народных говоров, отличается сложным характером, что проявляется в особых способах и принципах номинации. С точки зрения М. Хайдеггера, изучать язык — значит прислушиваться к его голосу, учитывать прежде всего то, что говорит сам язык (а не говорящие о языке), и обязательно учитывать не только понятийный, но и образно-символический характер значения слова [Хайдеггер 1991: 6]. На важность учета символической основы номинации времени указывала С. М. Толстая: пространство и время ... постоянно входят в круг интересов самых разных наук ... Для гуманитарных наук это, естественно, не объективные ... характеристики пространства и времени и не научные методы их описания, а их «наивные» образы, субъективные способы их восприятия. [Толстая 2011: 7–8].

Подобные образы, создающие семантическую основу темпорального наименования, нередко ассоциативно связаны с актуальными для народного мировосприятия реалиями материальной и духовной культуры из других понятийных сфер, что реализуется в использовании многозначной лексики для номинации периодов времени.

Опорным элементом исследуемого семантического пространства является родовое понятие 'время'. Его образное содержание во многом проясняется благодаря анализу полисемичных лексем, передающих это значение. В севернорусских говорах фиксируется многозначная лексема *прясло* со следующим спектром значений, включая темпоральное: 'определенный отрезок времени' (вот стоит такое *прясло* мокрое время, холодное, долгое *прясло* стояло) и 'часть изгороди между двумя столбами' (от кола до кола *прясло* и буде), 'расстояние между жердями, на которые клали снопы' (у нас *прясло* — расстояние между рубихами), 'часть руки от кисти до локтя' (вот парень, весь в отца, *прясла-то* долгие).

В северо-западных белорусских говорах для обозначения минуты, краткого интервала времени используется лексема *макулінка* (не заснула ні на макулінку), обладающая также другими значениями с семантическим ядром 'нечто незначительное, малое': 'мелочь', 'пылинка', 'крупинка', 'мелкий осколок', 'подробность'. В данном примере возможна семантическая связь как с польским *makula* 'пятно', так и с лексемой *мак*, которая обозначает в своих производных малое количество чего-либо, например *макава расінка* 'совсем мало'.

Полисемия проявляется в лексике с темпоральным значением также в обозначениях прошлого и будущего времени: в севернорусских говорах лексема *ночесь* имеет значение и 'прошлой ночью' (*ночесь* — дак это ночь, которая прошла, вот, была ночь-то), и 'будущей ночью' (*ночесь* буду делать уколы). Общим семантическим компонентом, связывающим данные значения, является 'незначительная удаленность от актуального момента времени' без указания на направленности этой удаленности на временной оси в прошлое или будущее. Данный семантический феномен, по-видимому, интерпретирует представления говорящих о будущем на основе опыта в прошлом.

Наименования периодов времени жизни могут представлять систему в рамках метафорического «зоологического» кода: в северо-западных белорусских говорах *пэршых дваццэт літ чоловік жывэ чоловічы роки*, *другы дваццэт літ* — воловый век, *шэ дваццэт* — собачий век, *шэ дваццэт* — мавпын (обезьяний). Последняя характеристика отмечена и в севернорусских говорах: за семьдесят, восемьдесят лет, обезьянский век, не помнят много, забычливые, слова не помнят.

К многозначной лексике можно отнести некоторые наименования как видов сельскохозяйственных работ, так и соответствующих им периодов времени: жніва 'сбор урожая' и 'время сбора урожая' (гэта была ў жытнім жніве, у гаўсяным жніве, гэта было ў бульбакопя — калісьці так вызначалі час, людзі не зналі чыслы). Данный белорусский пример подтверждает «хронологический» характер лексем такого рода и их значение как важных структурных элементов народной хронологии; в нем содержится прямое указание на то, что последовательность различных этапов и видов работ заменяла в прошлом носителям диалектов современное исчисление времени.

Одной из граней полисемии в обозначениях периодов времени являются семантические сдвиги лексем в составе устойчивых сочетаний, например *gurkovi cas* в кашубских говорах 'голодное время перед новым урожаем' (буквально: 'огуречное время').

Семантической трансформации подвергается заимствованная лексика, причем процесс изменения значения свидетельствует о направлении семантических сдвигов. Так, севернорусская лексема атерье 'большой промежуток, отрезок времени' (пошла на уповод, а просидела атерье) заимствована из вепсского *a'er'g'* (j) 'время работы за один прием, от отдыха до отдыха, от одного приема пищи до другого' [Мызников 2019: 61]. Этот пример подтверждает существование распространенной на славянской языковой территории модели сдвига значения 'прием пищи' > 'время приема пищи'.

Данные диалектной славянской лексики с темпоральным значением позволяют судить о языковом познании как познании во многом метафорическом.

Литература

- Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.
- Толстая С. М.* Пространство и время в этнолингвистической перспективе // Пространство и время в языке и культуре / отв. редактор С. М. Толстая. М.: Индрик, 2011. 368 с.
- Хайдеггер М.* Язык. СПб.: Эйдос, 1991. 22 с.

Левушкина Ружица

ведущий научный сотрудник,
Институт сербского языка САНИ (Белград, Сербия),
редактор Словаря сербохорватского литературного и народного языка САНИ;
Ruzica.Bajic@isj.sanu.ac.rs

ЛЕКСЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ХРИСТИАНСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ И БОГОСЛОВСКИЕ ГЛАВЫ ПРЕПОДОБНОГО ИУСТИНА (ПОПОВИЧА) И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: семантическое поле христианские добродетели, преп. Иустин (Попович) Челийски, сербский язык, русский язык, переводной эквивалент.

Данное исследование является продолжением предыдущих работ автора относящихся к христианским добродетелям, их названиям, восприятию и значениям [напр. Левушкина 2021]. Считаем, что данное семантическое поле представляет с одной стороны богатый и интересный, а с другой недостаточно изученный пласт лексики. Предыдущие исследования раскрыли новые темы и пути исследований и это одно из них.

Преподобный Иустин Попович писал о добродетелях много и в разных своих произведениях. Одним из самых основательных по данной теме, несомненно, является часть большого труда по догматике в трёх томах, под названием Свете врлине (рус. Святые добродетели). Однако, материал для данного исследования решили взять из одной части его дневниковых записей, поскольку они богаты неологизмами и интересны для исследования в рамках сербского языка, а также и как материал для перевода. Здесь рассмотрим некоторые переводные эквиваленты (ПЭ) и переводческие приёмы применены для их переноса в русский язык.

О языке его дневниковых записей первая писала К. Кончаревич, анализируя, в том числе, и некоторые его неологизмы [Кончаревич 2011: 130–133]. В конце этой статьи автор выразила уверенность, что многие вопросы языка и стиля преподобного Иустина (Поповича) в будущем будут анализированы как ею, так и другими исследователями [см. там же: 139]. Наше исследование частично оправдывает её уверенность.

Поскольку нужно ограничить материал, мы взяли 56 лексем из первой части произведения [см. Попович 2007] семантического поля христианские добродетели и дальше рассмотрим их ПЭ на русском языке. Пользовались электронным вариантом перевода имеющимся на сайте azbyka.ru [см. Попович].

В материале одинаковое число имён существительных и имён прилагательных (26), 3 глагола и 1 наречие. С точки зрения словообразования, все лексем исходного языка производные и из них большинство (52) — сложные слова. Восемь сложных слов с дефисом: благодатно-врлински, благодатно-волевни, себе-сабрање, са-оједносуштеност, са-оличење, су-телесништво, себе-негирајући и себе-миравајући.

Однокомпонентные ПЭ полностью семантически и в большой мере формально (одинаковые корни слов) соответствующие лексемам сербского Это следующие ПЭ (всего 16): црквопознање (серб. црквопознање), церковность (= црквеност), христообразен (= христообразан), христолюбие (= Христољубље), сладкодышущая (= слаткодисајна (молитва)), совоплотиться (= саоваплотити се), воцерковленность (= оцрквењеност), воцерковление (= оцрквољење), обожение (= обожење), обогочеловечение (= обогочовечење), новозаветность (= новозаветност), неизмерим (= неизмерив), неболетный (= неболетан), богоуподобление (= богоуподобљавање), богообразен (= богообразан), богоподобие (= боголикоост). Ещё 5 однокомпонентных ПЭ не совсем соответствуют значению сербской лексемы и при их переносе в русский язык применён метод генерализации, т. е. замены единицы сербского языка, имеющей более узкое значение, ПЭ с более широким значением: 1) смиренный переводчик употребил как ПЭ слова себе-миравајући. 2) самоуничиженный — ПЭ лексемы себе-негирајући, 3) богомыслие — ПЭ лексемы богомисао, 4) вочленение — ПЭ лексемы осутелесничење и 5) богосознание — ПЭ лексемы

богосвест. В случае пар вочленение-осутелесничење примененна и частичная замена формы слова, так как в русском меньше словообразовательных элементов чем в сербском и основное слово в сербском прилагательное, а в русском существительное. Также, корневые слова по значению отличаются в двух языках. Однако, несмотря на это, основная мысль преп. Иустина (Поповича) здесь передана достаточно верно. В двух ПЭ употреблены сложные слова с дефисом. Переводчик употребил сравнительную степень прилагательного (выше) для перевода сербского префикса пре: выше-космический — ПЭ слова прекозмички, а выше-солнечный — ПЭ слова пресунчани. Здесь переводчик употребил приёмы как замены формы слова, так и замены первой части речи.

Во всех остальных случаях ПЭ содержат две или больше лексических единиц. Есть примеры, в которых это так по причине словообразовательной ограниченности русского языка в конкретных случаях, когда нельзя употребить одну лексему как ПЭ. Приведём лишь несколько примеров. Для лексем духоочишћаван и духооживљаван ПЭ следующие: очищаемый Духом и оживляемый Духом. Похожим образом переведены слова миротражатель и молитвољубље: ищущий мира и любовь к молитве, потом ликоливница — выплавляющее образ, свесудбоносно — судьбоносно во всём, себе-собрање — собирание самого себя, тријадолик — по образу Святой Троицы, христочежњив — жаждущий Христа.

Употребляемым переводческим приёмом является и лексическое добавление. Иногда этот приём соединён с модуляцией или смысловым развитием. Две лексемы, которые в исходном языке содержат лексему дух как первый компонент сложного слова, в ПЭ на русском языке данную лексему имеют, как второй компонент и отдельную лексему с добавлением слова Святого: жаждет Святого Духа — ПЭ слова духогладан, а алчет Святого Духа — ПЭ лексемы Духочежњив. Лексическое добавление примененно и в ПЭ: самое целительное лекарство (= свелек), стяжавший и хранящий целостность (= оцелоумљен), слившейся с целомудрием (= оцеломудрен), стяжавший и хранящий здравость ума (= оздравоумљен).

В случае перевода лексемы троичновидан — ПЭ представляет предложение: преображается во образ Святой Троицы. Предложение и(ли) синтагму находим и в ПЭ лексем су-телесништво: слияние со Христом в единую плоть, са-оличење: слияние со Христом в единый образ, са-оједносуштеност: слияние со Христом в единую сущность, неокатегорисаност: не подпадает под какую-либо категорию и благодатно-вољевни: благодатный, соединенный любовью.

Богатство словотворчества преп. Иустина (Поповича) интересно для различных лингвистических исследований. Здесь попытались фрагментарно раскрыть всего один аспект, указывая лишь на некоторые ПЭ на русском языке и на использованные переводческие приёмы. Однако, тема нуждается в дальнейшем исследовании.

Литература

- Кончаревић К. Дневнички записи оца Јустина Поповића // Отац Јустин Поповић. Живот и дело / ред. еп. Порфирије и др. Врање, 2011, 124–139.
- Левушкина Р. Восприятие христианских добродетелей носителями сербского языка (на материале ассоциативных словарей) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 4. 2021. С. 176–187.
- Поповић Ј. Подвижничка и богословска поглавља. Стослов први // Богоносни Христослов. Манастир Хиландар, 2007. С. 210–223.
- Попович И. Подвижнические и богословские главы. Стословие первое. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Popovich/podvizhnicheskie-i-bogoslovskie-glavy/

Тезисы финансировало Министерство науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия согласно договору № 451-03-47/2023-01, который был заключён с Институтом сербского языка САНИ.

Низовцева Ксения Вячеславовна

ассистент, кафедра перевода и переводоведения,
Пензенский государственный университет;
ksenia.nizovtzeva@yandex.ru

СЕМАНТИЗАЦИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ СИНИЙ/ГОЛУБОЙ И ZILS В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: фразеологизм, цветообозначение, лингвокультурология.

В конце XX в. структурно-семантический период изучения фразеологии сменился антропоцентрическим подходом, а сами фразеологические единицы (ФЕ) начали рассматриваться как когнитивное средство, хранящее знания об окружающем мире в сознании человека в виде образов. Фразеологический состав языка выступает как «зеркало», в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознания [Телия 1996: 9].

Особый интерес для изучения представляют фразеологизмы, содержащие в своем составе цветообозначения (ЦО), поскольку цвет является средством выражения менталитета и без привязки к реальным предметам становятся условными и отвлеченными. Само восприятие цвета происходит через призму особенностей национально-культурного характера этноса.

Сравнивая системы цветообозначений в разных языках, многие лингвисты указывают на особенность некоторых языков, в частности русского, в которых область синего цвета «обслуживают» два названия — синий и голубой [Василевич 2007: 23], в латышском же есть только одно наименование — zils, допускающее уточнение посредством компонентов тёмно- / светло- (tumši zils / gaiši zils).

В ходе исследования мы встретились с двумя направлениями семантизации ЦО голубой / синий в составе ФЕ русского языка и zils в составе ФЕ латышского языка:

- 1) когда цветное значение ЦО сохраняется, например:
  - стать синим / посинеть от холода ('озябнуть, ооченеть') — в ФЕ констатируется внешнее проявление (синюшный оттенок кожи) физического состояния замерзшего человека (соответствия в лат. яз.: kļūt zilam aiz aukstuma);
  - синий чулок ('прозвище женщины-ученой, всецело поглощённой книжными интересами') — существует предположение, что ФЕ появилась в Англии в салоне писательницы Э.Монтэгю, членом которого был ученый Б.Стеллингфлит, он не особо следил за своим костюмом и носил при черном платье синие чулки, члены салона прозвали его «синим чулком» (bluestocking), позже прозвище стало относиться ко всем членам салона; существует также версия, согласно которой имя «синие чулки» салону леди Монтэгю дал голландский адмирал Боскавен во время своего пребывания в Англии; выражение стало в Англии нарицательным после того, как поэт Д. Г. Байрон написал на салон леди Монтэгю сатиру и назвал ее «Синие» («The Blues») [Серов, 2003: 538];
  - голубые каски ('миротворческие силы ООН') — в данной ФЕ имеет место метонимический перенос с образа касок голубого цвета, являющихся частью обмундирования и отличительным знаком сил ООН, на образ миротворцев (соответствия в лат. яз.: zilās ķiveres);
  - голубая кровь ('человек, имеющий аристократическое происхождение') — ФЕ пришла из испанского языка (la sangre azul) и первоначально обозначала аристократические семьи в Кастилии, которые гордились тем, что их предки никогда не вступали в смешанные браки с маврами, то есть кожа у них оставалась светлой; употребление же ЦО в ФЕ связано с тем, что у людей со светлой кожи вены, имеющие голубоватый цвет, более заметны [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 317], (соответствия в лат. яз.: zilās asinis).

2) когда значение цвета переосмысливается, а семантика ФЕ наполняется ценностными культурными смыслами. Так в ФЕ с ЦО голубой в русском и с ЦО zils в латышском наблюдается метафорический перенос голубой / zils → неизвестный:

- голубая даль ('неизвестность, туманная манящая даль');
- муть голубая ('чушь, ерунда, что-то непонятно');
- uz zila gaisa ('не знать, чего ожидать; наобум');
- dzīvot (pārtikt) no zila gaisa ('питаться воздухом / манной небесной');
- grābt (arī ķert) no zila gaisa ('взять из неоткуда, взять с потолка');
- голубая мечта ('сокровенная, идиллическая, часто недостижимая мечта') — этимология данной ФЕ сложная; считается, что её значение связано с немецкой ФЕ die blau Blume (голубой цветок), употреблённой в романе немецкого писателя Новалиса «Генрих фон Офтердинген», где главный герой, поэт и певец, во сне увидел необычайной красоты голубой цветок и «воспринял его как символ своего будущего счастья», при этом активные поиски цветка в реальной жизни приумножали его талант и успех [Серов, 2003: 143]; сам образ голубого цветка Новалис взял из немецкого фольклора, в котором волшебный голубой цветок даёт дар своему обладателю видеть спрятанные клады; позднее образ голубого цветка в немецкой лингвокультуре закрепился как символ несбыточной заветной мечты; в России же в начале XX века была популярна романтическая проза и постепенно из двух выражений — немецкого голубой цветок и русского мечта всей жизни — возникло третье голубая мечта (соответствие в лат. яз.: zils sarnis);
- голубой (парень) ('гомосексуал') — в основе данной ФЕ, как представляется, также лежит метафорический перенос голубой → неизвестный, трактуемый в данном случае как другой, нетрадиционной ориентации (соответствие в лат. яз. zilais).

Таким образом, проведенный анализ показал, что употребление ЦО в составе ФЕ может быть обусловлено как соотносённостью цвета с объектом действительности, так и с репрезентацией культурно-символического значения. При этом важно отметить, что метафорическому переосмыслению в русском языке в составе ФЕ подвергается только ЦО голубой.

Литература

- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио пресс, 1998. 704 с.
- Наименование цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / отв. ред. А. П. Василевич. М.: Ком Книга, 2007. 302 с.
- Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс», 2003. 667 с.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.

Рылов Станислав Александрович

канд. филол. наук, доцент,

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского;

standap46@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ: ЧЕШСКОЕ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Ключевые слова: синтаксический тип языка, простое предложение, дифференциальные признаки предложения, чешский язык, русский язык.

Одна из актуальных проблем славистики — разработка синтаксической типологии современных славянских языков (ССЯ), её основы заложил Р. Мразек [Мразек 1990]. Дальнейшая разработка её необходима как в лингводидактическом плане, так и для успешного развития славистической компаративистики.

Под синтаксическим типом языка нами понимается иерархический комплекс существенных конструктивных и семантических признаков, связанных импликационным отношением, что предполагает выделение в каждом типе доминирующей характеристики, имплицитующей ряд простых [ЛЭС 1990:513]. Типологическое описание синтаксических структур ССЯ опирается на синтаксическую семантику предложения. Цель работы — выявить, на основе сопоставления структур в ССЯ, синтаксические типы русского и чешского языков на уровне простого предложения (ПП); установить их конструктивные и семантические особенности. Исходной базой стали выделенные Р. Мразеком для характеристики синтаксических систем ССЯ «ключевые критерии», или дифференциальные признаки (ДП). Нами учитывались 3 наиболее существенных ДП простого предложения, которые служат для выявления синтаксического типа русского языка (РЯ) и синтаксического типа чешского языка (ЧЯ).

1. Синтаксические типы на основе ДП «характер выражения глагола-сказуемого и способ передачи отношения обладания (посессивности) в структуре ПП». По данному ДП наблюдается отчетливая дифференциация ССЯ, при этом выделяется три славянских ветви. Чешский язык — ярко выраженный синтаксический тип *habere*-язык. В нем синтаксические конструкции очень последовательно выражают семантику обладания как в узком смысле: *Student má počítač*, так и в широком смысле: *Dívka má půvabný účes* [Мразек 1990: 44–51]. Во втором случае семантика посессивности сочетается с семантикой качества, количества или иного именного признака. Синтаксическому типу ЧЯ противопоставляется синтаксический тип РЯ. Это *esse*-язык, где исключительная роль в структуре ПП принадлежит экзистенциальному глаголу и посессивность совмещается с бытийностью и локативностью, что выражается специфичной для РЯ конструкцией «сказуемое-экзистенциальный глагол — предлог У+Род пад. с семантикой посессора» [Новоженова 2016: 198–199]: У меня есть компьютер. Противопоставленность синтаксических типов ЧЯ и РЯ является очень важной в лингводидактическом плане: уже на начальном этапе изучения иностранного языка студенты должны хорошо усвоить специфику построения ПП в изучаемом языке по сравнению с родным. С двумя рассматриваемыми синтаксическими типами связаны не только существенные структурные различия в построении ПП, но и разное выражение ментальности.

2. Синтаксические типы на основе ДП «характер передачи S-O отношений в структуре ПП». Особый синтаксический тип по этому ДП представляет чешский язык, в котором номинативный строй предложения явно превалирует [Мразек 1990: 34], хотя S-подлежащее не всегда может быть выражен формально: в ЧЯ преобладает имплицитность местоимения в глагольной парадигме. Синтаксический тип ЧЯ ярко характеризует типичная дативная конструкция, имеющая синкретичную семантику: в ней совмещаются субъект, посессивность и предсказание качественного или количественного признака: *Najednou mi bylo tak teplo u srdce*. В РЯ иной син-

таксический тип, где большой удельный вес имеют неноминативные схемы ПП со значением S действия. Синтаксический тип РЯ ярко характеризует синтаксема «У+Род.пад.», выражающая субъект, посессивность и локативность, ср.: Часы у меня идут точно.

3. Синтаксические типы на основе ДП «мера асимметричности предикативной основы ПП». По этому ДП выделяется ЧЯ, как синтаксический тип с наименьшей степенью асимметричности. В русском языке, напротив, наибольшая степень асимметричности. Синтаксический тип РЯ заметно отличает значительное расширение сферы применения (вместо личных конструкций) неагентивных конструкций.

Как показал проведенный анализ, в синтактико-типологическом плане отчетливо противопоставлены чешский и русский языки. Синтаксический тип ЧЯ в целом можно охарактеризовать как иерархический комплекс конструктивных и семантических признаков, в котором доминирующим является глагольная синтагматическая форма ПП (в том числе с вербализированным предикатором *být*). Сложный комплекс признаков позволяет вербализировать активно выражаемую ментальность за счет широкого распространения в речи личных агентивных структур и синкретичных дативных конструкций, что и составляет яркую национальную специфику синтаксического типа ЧЯ на фоне русского. Следует подчеркнуть и особое, специфическое положение синтаксического типа РЯ, по многим конструктивным и семантическим признакам противопоставленного чешскому. Это тип с пространной синтагматической формой ПП, который характеризуют широко распространённые безглагольные структуры с «глубинным» глаголом быть. Выявленные существенные различия синтаксических типов ЧЯ и РЯ, несомненно, отражают особенности чешского и русского менталитета.

Литература

- ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Мразек Р. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Brno, 1990. 150 с.
- Новоженова З. Л. Русское глагольное предложение: Структура и семантика. М.: ЛЕНАНД, 2016. 256 с.

Шалаева Татьяна Владимировна

канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН;
koukuk@gmail.com

КСЕНОМОТИВАЦИЯ В НАЗВАНИЯХ ЖИВОТНЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА»)

Ключевые слова: славянская диалектология, этимология, ксенонимы, названия животных.

Обозначения животных названиями инородцев, или ксенонимами, составляют в славянских диалектах обширную, подробно изученную лексическую группу. Цель данной работы — наглядно продемонстрировать ее фрагменты на карте «Общеславянского лингвистического атласа» [ОЛА 1] и прокомментировать их локализацию и имеющиеся версии об их первичных мотивационных признаках. Прояснению последних способствует обращение к анализу синонимичных образований.

Так, по данным ОЛА, ксеномотивация свойственна наименованиям крысы, воробья, улитки без раковины, головастика, щуки, стрекозы и божьей коровки. Обозначения крысы (něm-ъk-a, něm-ъk-yn-j-a, něm-ъč-ъsk-A муš-ь) известны чешскому языку [ОЛА 1: 87–93], названия воробья ((žid)-ъ, (žid)-ъk-ъ, (žid)-ъv-a) — украинскому и южным говорам русского [ОЛА 1: 150–154]. Их объединяет отрицательное отношение человека, объясняемое наносимым этими существами вредом: в частности, воробьи обклеивают злаковые и ягодные растения. Номинация щуки ((turk)-a) характерна для македонских диалектов Северной Греции [ОЛА 1: 220–223] и объясняется агрессивными, хищническими повадками этой рыбы. Лексемы со значением 'головастик' бытуют на востоке Словакии ((cigan)-ъsk-A ryb-ъk-a), в западноболгарских ((cigan)-ъsk-O žab-ę) и в восточномакедонских ((azur)-ъsk-A ryb-a) говорах [ОЛА 1: 188–195] (ср. болг., макед. диал. агу птин, агю птин 'цыган'). Их появление мотивировано восприятием головастика как неполноценной рыбы.

Признак ущербности по сравнению с другими представителями вида, по-видимому, стал основой для наименования и улитки без раковины в болгарских ((cigan)-ъsk-Ъ pylž-ok-ъ, (cigan)-ъsk-Ъ pa-smol-ъ=ak-ъ, (agur)-ъsk-O paх-ъл-ę) и македонских ((cigan)-ъsk-A pylž-al-ъk-a, (tur)-ъsk-Ъ pylž-aj-ъ) диалектах [ОЛА 1: 204–211], поскольку она регулярно именуется как улитка, лишенная чего-либо или дикая, в противоположность улитке с раковиной: ср. болг. диал. gol-Ъ pylž-ov-ъc-ъ, gol-Ъ pylž-av-ъc-ъ, gol-Ъ pylž-el-ъ, gol-Ъ (šeljmen)-ъ, gol-Ъ (oxlj)-ov-ъ, макед. диал. div-Ъ pylž-av-ъ, div-Ъ pylž-ok-ъ [ОЛА 1: 204–211] при болг. диал. pylž-ov-ъc-ъ, pylž-av-ъc-ъ, pylž-el-ъ, pylž-ok-ъ, (šeljmen)-ъ, (oxlj)-ov-ъ 'улитка с раковиной' [ОЛА 1: 196–203].

Наименования стрекозы, производные от ксенонимов, зафиксированы в ОЛА на северо-востоке Болгарии ((tur)-ъč-ę), на востоке Польши ((žid)-ъk-ъ) и на востоке Белоруссии (mosk-al-ъ) [ОЛА 1: 282–289]. Выражаемая ими негативная оценка может иметь мифологические истоки: В. Н. Топоров пишет о воплощении в стрекозе образа антагониста верховного бога в «этномологической» интерпретации основного мифа [Топоров 1981: 296–299], приводя в качестве параллелей кашубские диалектные формы szwed(a) и francuz 'стрекоза' [Топоров 1981: 298]. О приписываемой стрекозе демонической природе говорят и ее номинации, связанные с отрицательными мифологическими персонажами: ср. словац. диал. (šarkan)-ъ из венг. sárkány 'дракон', укр. диал. (bosorkan)-j-a из венг. boszorkány 'ведьма, колдунья', словен. диал. (štrig)-a из итал. strega 'то же', серб. диал. vil-in-Ъ kon-it-j-ъ «ведьмин конек», хорв. диал. vil-in-A kos-a «ведьмин волос» [ОЛА 1: 282–289].

С другой стороны, происхождение белорусской лексемы mosk-al-ъ 'стрекоза' можно толковать и иначе. Дело в том, что в белорусском и украинском языках маскáль, москáль называет не только выходца из России, но и солдата. В то время как стрекоза обозначается и другими наименованиями военнослужащих: ср. польск. диал. (žolner)-ъ буквально «военный» [ОЛА 1: 282–289]. В. Н. Топоров объясняет военный мотив в наименованиях стрекозы связью с мифом

о верховном боге-громовержце, который, по его мнению, проявляется кроме того в польск. диал. *strzelec* 'стрекоза' [Топоров 1981: 298]. Однако В. Важный предлагает более убедительное, на наш взгляд, толкование. Он пишет о частотном обозначении стрекозы названиями представителей различных профессий: ср. чешск. диал. *mlynář* [Vážný: 111–112], чешск., словац. диал. (stýkl)-en-ar-ь, польск. диал. (stýkl)-ar-ь, kos-ar-ь, (šnajder)-ть, укр. диал. kov-al-ь, русск. диал. kuzn-ьс-ь [ОЛА 1: 282–289]. При этом обращается внимание на то, что для именованья выбираются наименее престижные с крестьянской точки зрения занятия как выражение пренебрежительного отношения к стрекозе [Vážný: 112].

Украинская диалектная лексема *mosk-al-en-ь* 'божья коровка', возможно, также была образована по ксенонимической модели, поскольку «божьи коровки появляются во множестве, они очень прожорливы, некоторые их виды являются вредителями посевов» (ср. также русск. диал. черемиска, укр. диал. татарка, жидивка 'божья коровка') [Березович 2014: 202], хотя, согласно другому мнению, в отличие от стрекозы, божьей коровке в народной культуре свойственны только положительный коннотации [Топоров 1981: 296]. Нельзя исключать и другую причину: красный цвет божье коровки напоминает о красных элементах русской офицерской военной формы XIX века, поэтому здесь допустимо видеть внутреннюю форму «солдат», как и в укр. москаль 'клоп-солдатик'. Происхождение укр. москалень 'божья коровка' из военной сферы подтверждается отмеченной в украинских говорах формой (soldatik)-ть 'то же' [ОЛА 1: 263–270].

Литература

- Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: Семантико-мотивационная реконструкция. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014.
- Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Славянское слово в ареальном контексте (Животный мир) / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2024. (в печати)
- Топоров В. Н. Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella Septempunctata*) в перспективе основного мифа // Балто-славянские исследования. 1980 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1981. С. 274–300.
- Vážný V. Slovenské lidové názvy šídla a vážky // Český časopis filologický. 1943. № 1. S. 103–115.

ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Аврutiна Аполлинария Сергеевна¹, Сабри Гюрсес²

¹д-р филол. наук, доцент, профессор,
кафедра теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки,
Санкт-Петербургский государственный университет;
директор Центра исследований современной Турции
и российско-турецких отношений,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.avrutina@spbu.ru
²PhD, преподаватель, Босфорский университет (Стамбул, Турция);
sgurses@gmail.com

TRANSLATIONS OF RUSSIAN POETRY INTO AGGLUTINATIVE LANGUAGE: EUGENE ONEGIN IN TURKEY

Keywords: translation, Turkish language, A. S. Pushkin, Eugene Onegin.

The idea of the untranslatability of poetry has been frequently expressed and defended in Turkish, as in all languages. In the history of Turkish poetry translation, until the 20th century, there was no translation that remained faithful to the original, and adaptations and paraphrase translations came to the fore in translations, most of which were made from Eastern literature, Persian and Arabic. The understanding of translation that is formally faithful to the source began in the 20th century with translations from Western literature, but at that time, it was primarily prose translations, novel and story translations. Many poems were translated as prose in this period, with the understanding of the untranslatability of poetry.

The idea of the untranslatability of poetry, which remained dominant for a long time in the 20th century, began to change in the 1940s. After this date, it has been considered a norm for poetry translations to be faithful not only in content but also in form. As the number of translated poems increased, the idea of the untranslatability of poetry was pushed into the background.

This can be clearly seen in the history of translations of Pushkin's poems into Turkish. Pushkin was first known as a storyteller and novelist in Turkish. Even in 1937, the year of his jubilee, he was not known for his poems in Turkish. After a few of his poems were translated into prose at the end of the 19th century, his poems were not translated for many years. Translators were talking about the difficulty of translating his poems. Pushkin's poems began to be translated in the late 20th century, and he did not become famous as a poet in Turkish, except for a few of his poems.

That's why the great verse-novel Yevgeny Onegin has a special place among the poems translated from Pushkin. Only a few small continents of it were translated for many years. Then, at the beginning of the 21st century, two translations were published simultaneously. These two Yevgeni Onegin translations by K. Miziyev-A. Necdet (2003) and A. Yaran (2003), published in the same year in 2003, had opposing translation approaches. The first was translated with rhyme and a localization method, the second was translated without rhyme. Translation problems of the two translations became the subject of a thesis study in 2005 (Gürses 2005). The third translation of Onegin was published by S. Gürses (2016). This translation was also without rhyme, but it was presented as a translation that emphasized comprehensibility and aimed at conveying Pushkin's poetic words and elements of Russian culture in a consistent manner.

In this study, first of all, the answer to the question of why Pushkin's poetry was not translated into Turkish for many years and what its problematic aspects are will be sought, and what famous trans-

---

Ответственные редакторы: канд. филол. наук Л. Н. Григорьева, канд. филол. наук Н. П. Силинская.

lator-poets such as Nazım Hikmet think about this poem will be evaluated. In addition, the ways in which the three translations convey the linguistic and cultural characteristics of Pushkin's poetry will be compared. While Vladimir Nabokov was translating Yevgeni Onegin into English, he made a detailed analysis and expressed some ideas for poetry translation in general and Onegin translation in particular. Whether his ideas offer a method to evaluate Onegin translations is one of the issues that will be addressed in this study.

References

- Аврутина А. С.* Literary Translator as an Expert in Intercultural Communication // 8 дек 2023, 3. Uluslararası dil ve Çeviribilim Kongresi Bildiri Özetleri Kitabı: 3rd International Congress of Language and Translation Studies. Abstracts Book. Çizgi Kitabevi. P. 21–23.
- Аврутина А. С.* Линейные и нелинейные средства обеспечения связности в языке и смысловая плотность текста / Касевич В. Б., Емельченкова Е. Н., Берникова О. А., Розов В. А., Мовшович Е. И., Костина Е. А., Гроховский П. Л., Ягунова Е. В., Лакунина Д. И., Мазарчук А. В., Аврутина А. С. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2024. 420 с.

Ауксель Юлия Валентиновна

*старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
juliaaixel@gmail.com*

ENGLISH AND RUSSIAN TERMINOLOGY IN RESTORATION OF WOODEN ART OBJECTS

Keywords: two-component term phrases, non-free phrases, corpus-based research, translation techniques.

The study of the English and Russian terminological systems in conservation and restoration of wooden art objects using marquetry technique is of great importance for enhancing international cooperation and communication between restorers and researchers. The translation of English terms used in scientific research articles on the restoration of marquetry furniture has its own specific features. Therefore, the study of terminology used in both English and Russian languages helps identify common terms as well as rare expressions that reflect cultural and historical influences on the practice of furniture conservation and restoration.

This report is dedicated to the comparative analysis of terminology related to various aspects of furniture conservation and restoration in the marquetry technique, such as materials, methods, and processes. According to modern research on terminology, approximately 70 % of the terms in any field of knowledge consist of term-phrases [Zavarzina 2019: 4; Slozhenikina 2016: 120] and most of them are noun-based term phrases which can be categorized into two main types: free and non-free. This highlights the importance of understanding and accurately translating these term-phrases in order to effectively communicate and exchange knowledge in different domains.

Based on the preceding theoretical discussions, the following research is aimed to: identify the frequency of usage of single-word, two-component, multi-component terminological phrases, abbreviations and lexical hybridization; determine the most common translation techniques; and create a glossary.

In order to reach the goals, the following research methods were used:

- quantitative and qualitative analysis of research articles;
- expert interviewing;
- online research using resources such as databases and websites to obtain information on terminology in restoration of marquetry furniture;
- corpus-based analysis to identify the frequency of term usage and their meanings.

40 scientific articles on restoration of marquetry furniture in English and Russian languages were selected randomly from high-ranking journals in both languages. The quantitative analysis was conducted using the corpus manager WordSmith, while the qualitative analysis of terminological units was performed manually.

The results of the study confirm that even terminological systems with a long history of development tend to increase the number of phrases, which is associated with the need to name new realities. Therefore, the use of two-component, three-component, four-component, and multi-component terminological phrases is quite natural. In the analyzed terminological systems, two-component term-phrases (mortise-and-tenons, animal glue, linseed-oil varnish, urushi gatame, kyo-shikki lacquerware, glue joints) are widespread, as well as three-component (mortise-and-tenons joints; cross grain veneer), four-component (arched astragal glazed doors), and multi-component phrases (pyrolysis-gas chromatography-mass spectrometry or pyrolysis-GC-MS or Py-GC-MS).

The findings revealed similarities in English and Russian terminological systems: two-component term-phrases are more frequent in both systems. Moreover, it should be mentioned that despite the extensive utilization of diverse abbreviations which is a prominent characteristic observed during the development of national terminologies [Lotte 1971: 82] the terminology in restoration of marquetry furniture lacks abbreviations and lexical hybridization in both English and Russian.

According to the study, the differences in the translation of certain terms include the preferences of different techniques. For instance, omission/reduction, transliteration, borrowing and expansion are used more often while translating from English into Russian. Furthermore, it was revealed that functional equivalence which means finding an equivalent term-phrase in the target language that serves the same function or conveys the same meaning as the original term-phrase is the most frequently applied translation technique.

The results of the comparative study of the English and Russian terminological systems in restoration of marquetry furniture can contribute to the development of bilingual resources such as glossaries, which facilitate effective communication and knowledge exchange among professionals in this field. Moreover, the glossaries can serve as valuable resources for education and training purposes.

References

Lotte D. S. Abbreviations of scientific-technical terms // *Journal of Science*. 1971. Vol. 82.

Zavarzina G. A. Actual problems of terminological system development of new state administration // *The International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIАН-2019)*. 2019. Vol. 69. 4 p.

Сложеникина Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М.: Книжный дом «Либроком», 2016. 120 с.

Баскакова Ирина Николаевна

*старший преподаватель, руководитель социального центра переводов,
Санкт-Петербургский государственный университет;
baskakova_irina@mail.ru*

О РАБОТЕ СОЦИАЛЬНОГО ЦЕНТРА ПЕРЕВОДОВ СПбГУ

Ключевые слова: социальный центр, СПбГУ, переводоведение, магистерская программа.

Социальный центр переводов СПбГУ, работающий формате клинической практики магистрантов переводческих направлений магистратуры Филологического факультета, является первой и по существу единственной образовательной площадкой такого рода в России. Центр по сути является некоммерческой «учебной фирмой» или студенческим

бюро, которое оказывает услуги устного и письменного перевода, в том числе социально незащищенным гражданам. Последний аспект особенно актуален в связи с тем, что в России не развит институт социального перевода. Услуги перевода предоставляют обучающиеся магистерских программ Филологического факультета СПбГУ под руководством преподавателей. Центр функционирует как некоммерческая «учебная фирма», состоящая из системы подразделений, деятельность которых обеспечивается самими обучающимися. У студентов СПбГУ появилась возможность проходить практику на базе центра и работать с клиентами в условиях, приближенных к реальной трудовой деятельности. Центр объединяет несколько образовательных магистерских программ. Основные рабочие языки центра — РУССКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ, ИСПАНСКИЙ, ФИНСКИЙ.

Центр создан в 2017 году и существует как продолжение проекта по организации клинических практик в СПбГУ, формат которых предполагает совмещение образовательной и социально-ориентированной деятельности. По аналогичной модели в Университете уже более 20 лет успешно работает Юридическая клиника, также Служба психологической помощи, Социальная клиника, а теперь уже и многие другие.

Клиническая модель практики позволяет студенту Санкт-Петербургского университета ощутить себя профессионалом, выполняющим свою работу, и при этом получать доброжелательное и методически выверенное курирование со стороны преподавателей, которые привлечены к работе клиник. Все услуги по переводу оказываются студентами бесплатно под руководством опытных преподавателей-переводчиков. Практиканты пробуют свои силы, выполняя профессиональные обязанности руководителя проекта, технического менеджера, переводчика, редактора и терминографа.

В Социальном центре каждый учебный год проходят практику от 45 до 70 студентов второго курса магистерских программ, которые участвуют в работе Центра в соответствии с РПУДами. В работе Центра участвуют инициативные и заинтересованные студенты-бакалавры в качестве стажеров-новичков, что позволяет Центру расширять географию языков, сферу деятельности и увеличить количество осуществляемых проектов.

За несколько лет деятельности Центр собрал три группы заказчиков и возможных будущих работодателей наших выпускников. Это «внешние» заказчики, которые обращаются в Центр, ознакомившись с информацией, представленной в соцсетях и на официальном сайте СПбГУ, а также те организации и коллеги, с которыми Центр исторически поддерживает профессиональные связи и кто работает в сфере международных отношений, культуры, переводческих и образовательных услуг.

Соццентр поддерживает межклиническое сотрудничество, предоставляя стажерам-практикантам возможность познакомиться с профессиональной деятельностью молодых коллег с других факультетов и институтов СПбГУ за счет участия в совместных проектах.

К третьей группе заказчиков Центра относятся собственно Филологический факультет, а также все другие подразделения СПбГУ. На данный момент выполнены переводы нескольких монографий по переводоведению и ряда научных статей, которые были изданы в послед-

ние годы за рубежом и которые представляют безусловный интерес для профессионального сообщества.

В настоящее время в связи с дальнейшим развитием общегосударственного проекта «Школа-вуз» Центр инициировал проведение серии мероприятий, связанных с просветительской и профориентационной деятельностью в средних учебных заведениях. Уже разработаны и проведены циклы лекций-уроков для старшеклассников школ с углубленным изучением иностранных языков о теории, истории, разнообразии переводческой деятельности, о современных достижениях науки, применяемых в практическом переводе. Практика показывает продуктивность данного вида деятельности, поскольку педагоги школ и старшеклассники заинтересованно принимают у себя молодых лекторов. Представляется, что в дальнейшем эта деятельность может быть преобразована в большой межклинический проект.

Эффективность работы Соццентра, как и любой другой некоммерческой организации, определяется количеством положительных откликов заказчиков и желанием продолжать сотрудничество. За годы работы Соццентра переводов СПбГУ было получено большое количество благодарностей и благодарственных писем, в которых подчеркивались высокий уровень профессиональных знаний и умений и эрудиция стажеров Центра.

Клиническая форма практики уже зарекомендовала себя с положительной стороны. Подтверждением этого является ее естественное дальнейшее развитие и появление новых Центров и Клиник в составе СПбГУ, а также продвижение новых видов профессиональной деятельности внутри каждой Клиники, которые направлены на формирование у молодых профессионалов навыков и умений, которые окажутся для них крайне необходимыми в будущей трудовой деятельности.

Васильева Ирина Игоревна

канд. пед. наук, доцент,

Московский государственный лингвистический университет;

inaviri@gmail.com

ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ КУРСА «ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ» ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ, ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ОНЛАЙН ДИЗАЙН И КОЛЛАБОРАТИВНАЯ МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОГО ДИСТАНЦИОННОГО КУРСА В MS TEAMS, 2022)

В докладе раскрываются существующие противоречия и разные интерпретации в содержании лекционно-семинарского курса по лингвострановедению в языковых вузах и на соответствующих факультетах. Прежде всего это касается наличия и определения самого понятия «лингвострановедение» в отечественной и зарубежной филологии и страноведении (истории). Кратко анализируются отношение и связи этой дисциплины с выше обозначенными и определяется предмет преподавания в данном курсе. Нужно отметить, что точка зрения автора на содержание дисциплины и методы обучения переводчиков лингвострановедению не являются окончательными и предполагают обсуждение со специалистами.

Автор излагает основные идеи и способы дизайна курса как полностью дистанционного на базе Microsoft Teams (полной версии с корпоративным доступом), в сочетании с приложением Google Forms. Особенностью дизайна является обилие комментируемого и тестируемого аудиовизуального материала, высокая степень интерактивности лекции, сочетания слайд-презентации, видео лекции, онлайн опросов и голосования студентов в ходе одной онлайн лекции. Нужно отметить, что особенностью данного курса было то, что все вебинарные сессии были посвящены темам, отличным от лекционных, менялись еженедельно и предполагали групповые доклады студентов и их обсуждением с участием преподавателя. В докладе будут показаны причины разного, синхронного или «параллельного» тематического ряда лекций и вебинаров и образцы таких тем. Это комбинирование связано с разным содержанием лингвострановедения как филологической дисциплины и страноведения как исторической. Вполне возможно их сочетание в рамках одного курса, если он дается полностью дистанционно, с «живыми» лекциями и вебинарами.

Программа осуществлялась в течение 2 месяцев (ноябрь-декабрь 2022), включала одну еженедельную лекцию 2 а. ч. и один вебинар 2 а. ч. для каждой группы студентов — все полностью онлайн. В соответствии с учебным планом, курс был рассчитан на студентов — переводчиков 2 года обучения, в данном случае, всего 32 студента. Разработка программы курса, ее дизайн и смешанная модель обучения принадлежат автору.

Основной методикой преподавания, помимо «живого» лекционно — вебинарного взаимодействия, являлось еженедельное проектное групповое домашнее задание с обязательным отчетом на вебинаре. Темы проектных заданий менялись еженедельно. В основу обучения было положено сочетание интерактивности и коллаборации со студентами, выступающими партнерами лектора-преподавателя в построении и проведении курса. В докладе приводятся примеры скриншотов презентаций и материалов отдельных лекций, а также избранных групповых докладов студентов на вебинарах. Предполагались определенные способы оценки активности и качества работы студентов и финальное онлайн тестирование.

Еще одним оригинальным аспектом данного курса является разработка и проведение научного исследования о степени вовлеченности, наличии базовых знаний по лингвострановедению и оценке степени освоения материала обучающимися — в ходе каждой еженедельной лекции с помощью автоматизированных сервисов анкетирования Google Forms и приложения Задания в Teams. Данный «смешанный» подход позволяет осуществлять, на наш взгляд, более эффективную, насыщенную и динамичную подачу материала; одновременно с обучением предмету проводить исследование. Результаты опросов автоматически появляются в Google

Analytics, затем обобщенно и кратко сообщаются студентам преподавателем в начале каждой лекции. С нашей точки зрения, это способствует повышению мотивации учащихся не только к освоению дисциплины, но и к проведению научной работы. В докладе приводятся скриншоты некоторых анкет и интерпретаций результатов опросов.

В целом, данный экспериментальный проект, связанный с уточнением понятия и предмета лингвострановедения, а также предлагаемые дизайн онлайн курса и коллаборативные методики его проведения, могут быть полезны преподавателям языковых вузов и соответствующих факультетов, являющихся активными пользователями интернета и специальных компьютерных программ для дистанционного и смешанного (гибридного) форматов обучения.

Войку Ольга Константиновна¹, Николаева Ольга Станиславовна²

¹канд. пед. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.vojku@spbu.ru
старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.nikolaeva@spbu.ru

О ПРОЧТЕНИИ СМЫСЛОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КОРАНА НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: арабы, Андалусия, Коран.

С VIII по XV века на Пиренейском полуострове господствовали арабы. В Испании они сохранили прежнее управление, не посягая на верования и обычаи коренного населения. В сельское хозяйство Испании арабы ввели рис, виноград, сахарный тростник. К X в. в Кордове проживало 500 тыс. человек, университет славился в Европе.

В XI в. началась Реконкиста. Во второй половине XV в. завершилось объединение Испании. В 1492 г. последний оплот мавров на Пиренейском полуострове — Гранада — капитулировал на условиях признания за арабами и евреями их языка, религии и учреждений. Но победители нарушили свое обещание [Серия справочников 1947: 94].

Многовековое присутствие мусульман на территории Испании не могло не повлиять на культуру и социальную жизнь населения. Влияние церковной литературы было неоспоримым. Именно поэтому представляется необходимым рассмотреть и вопросы перевода церковной литературы арабского мира на испанский язык. Как известно, главной священной книгой мусульман является Коран.

Многочисленные споры по поводу возможности и невозможности перевода Корана на другие языки являются одним из неоспоримых доказательств теории непереводаемости. Главным доводом яростных противников перевода Корана на другие языки было утверждение о «неподражаемости» Корана. Как утверждали сторонники «непереводаемости» арабского текста Корана на другие языки, перевод невозможен без искажения его смыслов. Они считали, что идеального перевода никогда не будет, что нарушится его неподражаемая, божественная музыкальная ритмичность. Однако только 20% мусульман читает Коран на арабском языке. Существуют два типа перевода Корана: 1) переводчиками, владеющими арабским языком (на испанском языке издано 55 переводов; 2) переводчиками, не владеющими арабским языком (с французского, английского и немецкого языков) — 10 переводов; всего изданий — 45. Еще 7 переводов сданы в печать [De Epalza 2008:119; 126].

В России первые переводы Корана на русский язык сделаны с французского и английского языков. В XIX в. появились переводы Корана с арабского [Коран 2018: 11].

Арабский артикль *al* в сочетании “*el Alcorán*” является архаизмом, который употребляется в испанском языке и в настоящее время. Например, “*la ancantarilla*”/сточная труба; “*el albornoz*” купальный/банный халат. Также, как и архаичное *alcoránico*, в наше время употребляется наряду с *coránico*.

У библиографов возникают трудности при определении автора Корана. В настоящее время Коран считается книгой без авторства, произведением анонимного автора. Библиографы указывают “*traducido por...*” — «перевод осуществлен», и далее следуют инициалы переводчика.

Долгие годы велся спор о правильном произнесении имени пророка в испанском языке. Обоснованием для произношения *Mahoma* в испанском языке может послужить тот факт, что правильно произнести *Muhammad* смогут только те лица, для которых арабский язык является родным. Испаноязычным невозможно корректно произнести это арабское имя по следующим причинам: 1) графема *h* не имеет фонетического значения в испанском языке; 2) диграф *mh* отсутствует в испанском языке; 3) конечная *d* в кастильском диалекте не произносится; 4) логическое применение фонетических правил кастильского языка деформирует произношение

арабского имени в Коране. В некоторых вариантах арабского языка, например, в марокканском, — *Muhamm(á)d*.

Такие изменения в кастильском диалекте порождают в разговорном регистре произношение “*Маһома*”, что по совпадению означает “*тојата*” — вяленый тунец, который подается в качестве *тапас* (закуска). Необычные и шуточные совпадения, которые, к сожалению, неизбежны.

Имя пророка — пассивное причастие от *Muhammad* — «все время восхваляемый», *Áhmad* (наиболее восхваляемый), *Mahmud* (восхваляемый), *Hammedi* (ласкательный диминутив).

По-особому звучит имя пророка в испанском языке — *Mahoma*. В других случаях, например, король Марокко, *Muhammad VI*, пакистанский теолог *Muhammad Iqbal*, египетский профессор *Muhammad Hany El-Erian* — носят имя *Muhammad* с классической вокализацией текста Корана в отношении пророка. В то время, как в испанском языке имя ***Mahoma*** упоминается только по отношению к пророку, посланнику *Dios/Alá/Господа*. Такой знак исключительного уважения раскрывает нам, часто на бессознательном уровне, дуализм употребления *Mahoma* — *Muhammad* в кастильском языке. В Германии под влиянием гласных из турецкого языка произносится *Mohammad*. А в Англии, *Muhammad* — как и во времена колонизации мусульманских стран региона Индийского океана.

Переводчики Корана полагают, что сами же мусульмане изменили имя пророка из *Muhammad* в *Mahoma*, когда стали говорить на европейских языках из пиетета к пророку, дабы не мусульмане не богохульствовали против его священного имени, а совершали это в отношении *Mahoma*, неизвестного им человека. Если все же это происходило, оскорбляли бы незнакомого *Mahoma*. Так, в XVI в. мусульмане, жившие под властью испанской Короны, были вынуждены официально принять христианскую религию, когда же их заставляли хулить пророка и Божьего посланника, то они имели в виду уже не пророка, а совсем другого, неведомого человека, которого по простому совпадению звали тоже *Mahoma*.

В заключение отметим, что все переводчики, трудившиеся над переводом Корана, сталкивались с многочисленными проблемами. Это были не только лингвистические, но и моральные проблемы. Многие вопросы перевода Корана еще требуют своего более глубокого исследования.

Литература

Коран. Прочтение смыслов. М.: АСТ, 2018. 624 с.

Серия справочников по зарубежным странам / под ред. П. И. Лебедева-Полянского, Ф. Н. Петрова, Ф. А. Ротштейна, О. Ю. Шмидта. М.: ОГИЗ, 1947. 559 с.

De Epalza M., Forcadell J. V. y Perujo J. M. El Corán y sus traducciones: propuestas. Universidad de Alicante, 2008. 340 p.

Волкова Людмила Васильевна¹, Гыля Айгерим Асылхановна²

¹канд. пед. наук, доцент,

Евразийский гуманитарный институт им. А. К. Кусаинова;

ludmila-prof.48@mail.ru

²канд. филол. наук, старший преподаватель,

Евразийский гуманитарный институт им. А. К. Кусаинова;

mukhatayeva1011@gmail.com

НОВЕЙШИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СКАЗКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ) / THE LATEST TECHNOLOGIES IN THE PRACTICE OF TRANSLATING MODERN FAIRY TALES (BASED ON THE MATERIAL OF A LITERARY FAIRY TALE)

Ключевые слова: перевод, литературная сказка, машинный перевод, лингвокультурные особенности перевода.

Key words: translation, literary fairy tale, machine translation, linguistic and cultural features of translation.

Искусственный интеллект привел к значительным трансформациям во всех сферах человеческой жизни. Дистопическая тенденция объединения живого с неживым, так называемый трансгуманистический тренд, будет все глубже проникать во все виды нашей деятельности, включая переводческую. Тенденция цифровизации в переводе приводит к вопросу о роли личности переводчика и об этических проблемах. В этом Роль переводчика важна в процессе рецепции текста, он Переводчик ответственен за художественную ценность своего перевода. Как разделить эту ответственность при МП, даже МП с постредактированием? Будет ли машинный перевод пользоваться таким же авторитетом? Насколько такой перевод потеряет художественную ценность (ведь наличие экзистенциального опыта автора и переводчика входит в рецепцию)? Сейчас переводчики достаточно категорично относятся к этому вопросу и почти не используют МП в работе для сохранения творческой составляющей. Помимо этого, возникает вопрос о возможности редакторской подделки, так как для сокращения материальных и временных затрат издательства могут использовать МП, указывая на фиктивного переводчика. Будут ли сами переводчики пользоваться МП, выдавая его за собственную работу? И, наконец, каким образом использование МП в художественном переводе изменит область филологических исследований?

С другой стороны, использование МП в художественном переводе может способствовать его демократизации. С помощью МП можно сформировать подстрочник. Тогда перевод художественной литературы не будет больше связан со знанием языка, что вернет нас к практике начала XX в., когда писатели работали с подстрочниками [Устиновская 2023: 55]. Помимо этого, МП может сделать перевод более адекватным оригиналу, так как у машины нет ни национальности, ни гендера, ни возраста, которые неизбежно воздействуют на перевод. Напр., исследующие гендерный аспект перевода специалисты, заявляют, что перевод, совершенный женщиной, как правило, более эмоционален и может отличаться от перевода представителем другого пола. Вероятно, МП сможет нивелировать такую проблему. Можно будет попытаться также определить критерии, позволяющие отделить коммерческую беллетристику от литературы, и сравнить результаты использования МП в зависимости от сложности текста. Из-за облегчения процесса перевода мы сможем также познакомиться с большим количеством иноязычных произведений. Всё вышеизложенное относится к перспективам развития МП, когда будут созданы специализированные программы для художественного перевода. На данном этапе отношение научного сообщества к МП в области художественного дискурса следующее: МП в обозримой перспективе не может заменить человека. Сейчас актуален вопрос о целесообразности взаимодействия человека с машиной и возможности использования её как вспомогательного средства.

Проанализировав МП сказок «Король-изобретатель» и «Пастухи-близнецы» Ю. Серебрянского (при помощи нейронного ИИ последнего поколения «ChatGBT»), мы пришли к выводу, что МП на данном этапе его развития не может адекватно передать лингвокультурные особенности — национальные реалии, образы и символику. Напр., слово жайлау МП передано как *pasture*, но жайлау не идентично пастбищу, это фитотопоним, указывающий на кочевой образ жизни казахов, важный для понимания художественной картины мира текста. Лексему арык МП переводит как *ditch*, что также не является культурным аналогом. Слово тюбетейка передано в МП как *sheepskin hat*, а это другой головной убор. Эта сказка относится к этимологическим: она повествует о том, как появилась юрта: «Там он и увидел свою тюбетейку. Стала она огромного размера. Размером с настоящий дом» [Серебрянский 2017: 32]. Из-за некорректного перевода, метафора теряет смысл. Помимо этого, в МП не были отражены интертекстуальные элементы: в сказке-иронии «Король-изобретатель» автор иносказательно называет город Алматы «наклонным городом», что является отсылкой к популярной песне В. Цоя об Алматы. Данная интертекстема легко дешифруется казахским читателем, но англоязычный читатель нуждается в пояснении, на что ИИ пока не способен. Таким образом, в виду своеобразия сказок Серебрянского МП без постредактуры неэффективен. Но текстуальные составляющие без лингвокультурных элементов были переданы достаточно точно. Таким образом, в практике перевода литературной сказки МП эффективен только при соблюдении процедур пре- и постредактуры.

Литература

Серебрянский Ю. В. Казахские сказки. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2016/8/kazahstanskije-skazki.html>

Устиновская А. А. Художественные переводы поэтов серебряного века как форма литературного и межкультурного диалога: автореф. дис. ... д-р филол. наук. URL: https://www.rudn.ru/storage/media/science_dissertation/e4fcc48e-af96-459d-b1a2-a6b8e35e300e/ustinovskaya_avtoreferat-diss.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

Источник финансирования: Евразийский Гуманитарный Институт им. А. К. Кусаинова.

Статья написана в рамках инициативного проекта «ИРН 0124РКИ0019-Лингвокультурные аспекты перевода на английский язык современной литературной сказки русскоязычных казахских авторов».

Гасимова Айгюн Рамиз

*директор Департамента иностранных языков,
Азербайджанский университет;
aygun.gasimova@au.edu.as*

EQUIVALENCE AS ONE OF THE MAIN CONCEPTS OF TRANSLATION

Keywords: translation, equivalence, translator, language.

When evaluating the level of literary translation, we usually refer to the category of translation quality. The content of that category is explained using two main concepts: equivalence of translation and adequacy of translation. Equivalence is one of the main concepts of translation. Equivalent means equal value. It means a concept, item, quantity, or feature that is equal to this or that item (characteristic, quantity), corresponds to it in any way and can replace or express it. It is the similarity of a word or phrase from one language to another and the ratio between the original and target texts, or their segments. In other words, if a specific linguistic unit in one language has the same meaning in another language, these two units are considered equivalents.

Equivalence is established on the basis that words express the same meaning in the source and target languages. Equivalence in translation ensures semantic similarity between the source and target texts. However, it is not assumed that there is a complete semantic identity between the texts. Languages differ from each other in terms of both grammatical and semantic structures. Each language has certain different characteristics and a rich vocabulary in various fields. Some languages are rich in metaphors and modal particles, while others are rich in both written and oral literary sources. To communicate effectively between languages, all the features of the target language need to be respected. The translator needs to change his attitude towards the language he is working on to achieve equivalence between texts. [Nida, Taber 2002:3]

Equivalent translation is distinguished by its accuracy. There are some requirements that an equivalent translation must meet:

1. The equivalent literary translation must be accurate. The translator should convey the author's main idea to the reader while at the same time retaining the main features of the original text. In addition, the translator should avoid various additions and explanations that distort the original text.
2. An equivalent literary translation should be concise. The translator should not use too many words; he should express the main idea of the text in a short form.
3. The equivalent literary translation should be clear. It should also be remembered that the brevity and conciseness of the translation should not hinder the explanation of the text and should not create difficulties for the reader in understanding it. The translated text should be explained in simple and coherent language. The translator should avoid complex and ambiguous language constructions that make the comprehension of the text difficult.
4. An equivalent literary translation should be translated into a literary language. It must meet the accepted norms of the literary language. In addition, to convey the meaning of the text as accurately as possible, it is necessary to adapt the structure of the translated sentence to the literary norms of another language, for example, to change the place of some words or to completely or partially replace individual words and phrases, etc. So, in the translation of a literary text, all the features of the original text must be taken into account, and the translator should use all the available tools to achieve a high-level translation.

The feature that distinguishes literary translation from other types is that it is intended to completely replace the original, and translation receptors consider it to be completely identical to the source text. At the same time, it is clear that it is impossible to achieve the absolute identity of the translation with the original, and this doesn't prevent the implementation of interlanguage communication. There are

no translations that are exactly equivalent to each other. However, there are translations that are as close as possible to each other. [Nida E. 1964 :159] The term “equivalence”, which expresses the generality of the content, that is, the semantic closeness of the original and the translation, is also applied due to the lack of similarity in the relationship between the content of the original and the translation. Since the importance of maximum agreement between texts (original and translated) seems obvious, equivalence is usually considered the main feature and condition of the existence of translation.

Three conclusions can be drawn from this. First, the equivalence should be included in the definition of translation itself. Second, the concept of “equivalence” takes on an evaluative character: only an equivalent translation is recognized as a “good” or “correct” translation. Thirdly, since equivalence is one of the main conditions of translation, the task of the translator is to define this condition by showing what translation equivalence is, which must be preserved during translation.

It should also be noted that the most different opinions are expressed about the concept of “equivalence” in modern translation studies, and this concept is always the focus of researchers’ attention.

References

- Jakobson R.* On Linguistic Aspects of Translation. Cambridge, Mas., 1959.
Nida E. Toward a Science of Translating. Leiden: E. J. Brill, 1964.
Nida E., Taber C. The Theory and Practice of Translation. Leiden: E. J. Brill, 2002.

Григорьева Любовь Николаевна

*канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
liubov.n.grigorieva@gmail.com*

«СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» А. С. ПУШКИНА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОД

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке», переводоведение.

Связь «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина с проблемами перевода можно проследить во многих аспектах. Во-первых, с точки зрения заимствования сюжета, в качестве какого признается одна из сказок братьями Гримм. Во-вторых, с учетом принципов так называемого «вольного перевода», распространенного в конце XVIII — начале XIX вв. В-третьих, с позиции изменений, внесенных А. С. Пушкиным в свою версию данного сюжета. В-четвертых, с привлечением переводов этой сказки поэта на другие языки, в частности, на немецкий.

В этом году отмечается 225 лет со дня рождения А. С. Пушкина, и эта юбилейная дата, несомненно, в очередной раз привлечет внимание всех, кого интересует его творчество. Наследие поэта, несмотря на его столь раннюю смерть, поражает своим многообразием — поэзия, проза, драматургия, публицистика, исторические изыскания. Не обошел он своим вниманием и вопросы, связанные с проблемами перевода. Так, например, широко известна его фраза «переводчики почтовые лошади просвещения».

Следует отметить, что широкому читателю Пушкин как переводчик известен гораздо меньше, чем, например, такие его современники как В. А. Жуковский, П. А. Катенин и Н. И. Гнедич. Но тем не менее, переводов в его творческом наследии насчитывается не так мало. Согласно источникам, среди его поэтических творений имеется около 160 произведений, либо представляющих собой сами переводы, либо основанных на текстах других авторов. Поэтому в комментариях к ним указывается: из Анакреона, Гомера, Вольтера, Вордсворта, Караджича и т. д. Всего таких источников свыше 50.

Упомянутые данные свидетельствуют о том, что Пушкин переводил или брал в качестве материала для своего творчества литературу на шестнадцать языках. Правда, в совершенстве он владел только французским и латинским, что подтверждается преобладанием переводов именно с этих языков. Учитывая, что в истории перевода в конце XVIII — начале XIX веков господствовал так называемый «вольный перевод», понятно, что перевод в таком понимании не требовал точного воспроизведения оригинала и часто использовался в качестве отправной точки для создания авторской версии текста на данную тему. В целом можно отметить высокую степень интертекстуальности творчества Пушкина, которая проявляется, в частности, и в выборе источников для его произведений.

Именно в качестве такой версии можно рассматривать сказку А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке». Считается, что поэт написал ее всего за один день 14 октября 1833 года во второй Болдинский период, а напечатана она была в 1835 с пометкой «18 песнь сербская», т. е. он собирался включить ее в сборник «Песнь западных славян», состоявший только из переводов. С данным циклом эту сказку сближает стихотворный размер — верлибр. Именно в поздний период поэт занимался поиском новых форм стихосложения.

Сюжет сказки не оригинален. В основном Пушкин отталкивался от включенной братьями Гримм в их сборник сказку как померанскую историю «О рыбаке и его жене», которую они в свою очередь позаимствовали у немецкого художника-мистика Филиппа Рунге, писавшего полумистические истории и о символике света и ее связи с музыкой. Поэтому и в немецком оригинале, и у Пушкина, каждый раз, когда старик приходит к морю, оно меняет свой цвет. М. К. Азадовский убедительно демонстрирует, что эта сказка Пушкина по своим сюжетным линиям наиболее близка именно немецкому варианту [Азадовский, см.: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/vr1/vr12134-.htm>]. Помимо «Сказки о рыбаке и рыбке» сюжеты из братьев Гримм прослеживаются также в «Сказке о спящей царевне и семи богатырях» и в балладе «Жених».

Возникает проблема, каким образом Пушкину стал известен этот сюжет. В переводе на русский язык сказки братьев Grimm вышли только в 1863–64 гг., т. е. уже после его смерти. Поэтому закономерен вопрос, где и на каком языке он смог ознакомиться с гриммовским текстом. По свидетельству самого поэта, немецким языком он практически не владел. В письме к К. Полевому он писал: «Только с немецким не могу я сладить. Выучусь я ему и опять все забуду: это случалось уже не раз» [см. об этом: <https://multiurok.ru/files/a-s-pushkin-kak-perevodchik.html>]. Так, М. К. Азадовскому удалось установить, что, скорее всего, непосредственным источником для «Сказки о рыбаке и рыбке» явился перевод книги братьев Grimm на французский [см. об этом: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/a/azadovskij-mark-konstantinovich>].

В исследованиях, посвященных сопоставлению немецкого оригинала и гриммовского текста, тексты сравниваются на сюжетном уровне. К существующим наблюдениям можно добавить ряд уточнений, касающихся как самого сюжета, так и отдельных лексико-стилистических моментов. Например, известен тот факт, что в процессе работы над текстом Пушкин вносил некоторую коррекцию, вызванную, с одной стороны, заменой чуждых русскому читателю реалий (например, элиминированием ситуации с желанием старухи стать папой римским). С другой стороны, отказом от замены «моря» «Ильмень-озером», здесь мотивация автора объясняется желанием приблизить оригинал к носителям переводного языка. Отказ в пользу гиперонима проистекает, видимо, из стремления придать сказке характер параболы. Некоторую путаницу здесь могла внести немецкая лексема «See», которая в зависимости от родовой принадлежности, имеет два значения — «море» и «озеро». В качестве отдельной переводческой проблемы может быть также рассмотрен перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» с русского языка на немецкий.

Дмитриенко Елизавета Валерьевна

преподаватель,

Новосибирский государственный технический университет;

lizadmtr99@mail.ru

ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОМБИНАТОРНЫХ ДЕВИАНТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Ключевые слова: перевод, комбинаторные девиации, парадигматическая обусловленность.

Исследование проводится в русле комбинаторной девиатологии, изучающей комбинаторные девиации, возникающие из-за межъязыковой интерференции, связанной с нарушением синтагматических и парадигматических отношений слов при переводе.

Актуальность исследования заключается в том, что, демонстрируя, что девиации возникают из-за парадигматической асимметрии двух лингвистических систем, можно расширить изучение системного и функционального аспектов перевода. С прикладной точки зрения это исследование направлено на совершенствование качества обучения переводчиков. Понимание парадигматических девиаций позволяет лучше ориентироваться в причинах определенных проблем, связанных с подбором лексики и лексической сочетаемостью слов.

Целью данного исследования является выявление парадигматической обусловленности комбинаторных девиантов при обучении переводу.

Межъязыковая девиация — это отклонение от языковой нормы в процессе перевода, которое можно определить, как когнитивный процесс, реализуемый в системе межъязычия в результате интерферентного игнорирования системно-коммуникативных свойств единиц системы второго языка на всех его уровнях [Дебрэнн 2006: 35]. Термином «комбинаторный девиант» мы называем нарушение сочетаемости языковых элементов при переводе, т.е. в основе таких ошибок лежит неправильная передача синтагматических и парадигматических связей слов.

Известно, что парадигматические отношения — это нелинейные отношения противопоставления и обусловленности между единицами одного уровня, объединяющие эти единицы в определенные классы. Эти объединения элементов возникают в силу общности формы и/или содержания. Анализ девиаций с парадигматической точки зрения позволяет выявить парадигму, к которой относится выбранный вариант перевода, и рассмотреть все его альтернативы в системе второго языка для поиска эквивалента.

При переводе на иностранный язык девианты могут возникать на всех уровнях языка. Связи между языковыми единицами в межъязычии часто искажаются и причиной тому может быть нарушение норм сочетаемости, семантическое несоответствие, синтаксические нарушения, лексическое несоответствие во фразеологизмах, или использование неправильного стиля, т.е. такие девианты обусловлены выбором некорректной лексики или использованием слов с несовпадающей коннотацией.

Примером парадигматической асимметрии может служить русский глагол «осуществлять», эквивалентный глаголам «implement/realize», однако при его переводе на английский часто возникают коллокационные нарушения. Напр., такие нарушения возникают при переводе данного глагола с абстрактными существительными, способами, нарушающими нормы сочетаемости в английском языке. Коллокация «осуществлять анализ» переводится на английский язык с глаголом «to conduct an analysis» который в этом случае соответствует языковой норме английского языка и обязателен в данной лексической парадигме.

В качестве еще одного примера можно привести глаголы «проводить» (время) и «to spend (time)», которые при прямом переводе порождают некорректные комбинации. Напр., «He spent an investigation»* вместо «He conducted an investigation» в значении «провел расследование».

Для перевода предложения «Сотрудники вели серьезные дебаты об этом вопросе» девиантом бы послужило предложение «The employees held serious* debates about this issue». Прилагательное «serious» вступает в противоречие с существительным «debates» с точки зрения

синтагматики. Это означает, что для эквивалентного перевода необходимо использовать другое слово, напр., «The employees held heated/extensive debates about this issue».

В контексте парадигматической обусловленности комбинаторных девиантов важно указать на особую группу лексических единиц — «ложные друзья переводчика» или «межъязыковые омонимы», т. е. слова, имеющие одинаковое звучание, но разные значения [Нелюбин 2003: 102]. Напр., при переводе предложения «Сотрудники приступили к практической реализации проекта» лексема «realization» в коллокации «active realization»* является ложным другом переводчика, и ее использование приводит к нарушению сочетаемости. Эквивалентный перевод: «The employees proceeded with active implementation of the project».

Таким образом, появление комбинаторных девиантов или отклонений, нарушающих сочетаемость языковых элементов, обусловлено нарушением парадигматических связей слов. Из примеров видно, что различия в лексических парадигмах между языками могут привести к нарушениям сочетаемости и неправильным коллокациям при переводе с русского языка на английский. Слова, схожие в разных языках, могут иметь незначительные различия в своих семантических ассоциациях и коллокационном использовании. Ложные друзья переводчика могут усугубить эти проблемы,

Осознание общих парадигматических асимметрий помогает переводчикам избегать неестественных языковых сочетаний в языке перевода, а понимание лексических коллокаций [Benson 2010: 270] в обоих языках имеет решающее значение для сохранения корректности перевода. Приведенные примеры демонстрируют пересечение парадигматики и синтагматики при межъязыковом сопоставлении в ходе переводческого процесса, что необходимо учитывать при обучении переводчиков.

Литература

- Дебрени М.* Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2006. 375 с.
- Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
- Benson M.* The BBI Combinatory Dictionary of English: Your Guide to Collocations and Grammar / Benson M., Benson E., Ilson R. 3rd ed. John Benjamins Publishing, 2010. 567 p.

Кузнецова Екатерина Дмитриевна

аспирант, Научно-исследовательский институт
гуманитарных наук при Правительстве РМ;
rio14032014@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИКОДОВОГО ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Ключевые слова: искусственный интеллект, перевод, творчество, искусствоведческий дискурс, интерпретация.

В настоящий момент наблюдается беспрецедентная волна интереса к технологиям искусственного интеллекта (ИИ) в гуманитарных науках. Стремительное развитие методов машинного обучения, обработки естественных языков и моделирования интеллектуальных систем готовит переводчикам новые вызовы, изменяя привычный исследовательский ландшафт и архитектуру рынка лингвистических услуг, в частности индустрию креативного текстопроизводства. Системы искусственного интеллекта провозгласили в современном обществе потребления эпоху полной информационной доступности и абсолютной переводимости, безусловно принимая в работу любой материал и формируя в сознании реципиента представление о том, что каждый текст в считанные секунды может обрести на ином языке свой эквивалент. Ранее основным предназначением искусственного интеллекта считался анализ огромных массивов данных, но сегодня разработчики ставят перед собой более амбициозные задачи и стремятся раскрыть «код творчества», претворив математические операции в искусство. Однако реализуемо ли в полной мере это искусство будущего? Испанский художник П. Пикассо писал: «Компьютеры бесполезны. Они могут только давать ответы». Так, алгоритмы не страдают сомнениями и вопросами, у них нет мечты и устремлений, они не разделяют ценностей и не боятся смерти. Но зачастую именно желание преодолеть смертность движет творческими людьми и побуждает их к созданию нечто вечного. Еще итальянский гуманист эпохи Возрождения Ф. Петрарка отмечал, что бессмертия можно добиться лишь творчеством и в памяти людей. Маловероятно, что вычислительные методы смогут развить в машинах социальный интеллект или способность к самостоятельному суждению, им не хватает других важных характеристик человеческого разума: любознательности, творческого вдохновения и способности к саморефлексии. Однако опасность кроется в том, что бурное развитие ИИ ведет к фундаментальным структурным изменениям в обществе, «растворяя в водовороте цифровых технологий» такие основополагающие категории как оригинал, автор, идея, копия, подлинность [Rauterberg 2021].

Тем не менее современные разработки в области ИИ направлены на придание большей человечности и эмоциональности системам искусственного интеллекта, развитию их способности распознавать культурный код, генерировать ситуативный юмор и иронию, лингвокреативные обороты речи, в том числе и в переводах. Подобно человеку искусственный интеллект обладает «памятью», сохраняя информацию о прошлых взаимодействиях с пользователями, продолжает самообучаться. ИИ все более стремится к естественной человеческой коммуникации, привнося в продуцируемые тексты элементы художественного творчества. В данной работе будет рассмотрено, насколько успешно на текущем этапе реализована «творческая компетенция» искусственного интеллекта в аспекте его переводческой функции. На материале искусствоведческого дискурса произведена оценка качества перевода текстов, комментирующих произведения живописного жанра, системой искусственного интеллекта (ChatGPT 4.0) с русского на немецкий язык с учетом возможностей передачи смысловой амбивалентности, культурно-исторических аллюзий, средств художественной образности текста и др.

Произведения искусства в первую очередь нацелены на порождение новых чувств, идей и эмоций у реципиента, которые необходимо интерпретировать и транслировать в большинстве случаев посредством вербализации ощущений, полученных в результате опытного взаимодействия с арт-объектом. Однако далеко не все изобразительные работы отличаются ико-

ничностью, многие из них требуют профессионального декодирования, осуществляемого на основе известных концептуальных позиций искусствоведом, выступающим связующим звеном между произведением искусства как опосредованной коммуникативной системой и людьми, разделенными веками и культурами. Его цель не просто описать композицию или пересказать сюжет, а донести до читателя потенциальные авторские интенции и основные концепции, существовавшие на момент создания выбранного произведения [Миньяр-Белоручева 2017: 17]. В ситуации межъязыковой коммуникации, выступая в единой связке с переводчиком, автор-искусствовед выстраивает мосты, объединяющие культуры и цивилизации. В результате возникает новый вид поликодового искусствоведческого дискурса, сочетающего изобразительные компоненты произведений искусства, оригинальные сопровождающие тексты, их эквиваленты на других языках и переводческие комментарии.

Искусство содержит в себе множество смыслов, его творения нельзя создать заново, а только переосмыслить и взглянуть на них с иной позиции. Просветительные материалы, комментирующие определенные произведения искусства, часто получают дополнительное развитие в переводе, преломляясь в нем, расширяют свой смысловой диапазон. Безусловно, первоначальная идея и вложенные в творческую работу смыслы принадлежат автору оригинального произведения, однако проходя сквозь различные семиотические системы, претерпевая внутри- и межъязыковую интерпретацию, обретают новые оттенки смыслов, «дозревая» в иных ментальных образах, что выстраивает новую философию надтекстовых отношений.

Литература

- Миньяр-Белоручева А. П.* Поликодовость искусствоведческого дискурса // Вестник ЮУрГУ. 2017. № 4. С. 16–20.
- Rauterberg H.* Die Kunst der Zukunft. Über den Traum von der kreativen Maschine. Berlin: Suhrkamp, 2021. 195 p.

Кутафьева Наталия Витальевна

канд. филол. наук, доцент,
директор Японского центра Гуманитарного Института,
Новосибирский государственный университет;
natasha7362@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ С ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ключевые слова: японский язык, русский язык, число, перевод.

В японском языке отсутствует грамматическая категория числа, и по внешнему облику существительного невозможно определить единственное это число или множественное [Алпатов и др. 2008: 245]. Существует несколько способов выражения множественного числа, при использовании которых не возникает проблем с переводом.

1. Сочетания классификаторов с числительными и существительными (*ни сацу-но хон* «две книги»), данный способ используется при конкретном счете.
2. Суффиксы множественности, которые присоединяются к одушевленным существительным (*гакусэйтати* «студенты») или к неодушевленным при персонификации, однако их использование является факультативным, а не обязательным, и зависит от желания говорящего.
3. Приставки со значением множественности (*су:нин* «несколько человек»).
4. Редуцированные слова (*хитобито* «люди»), однако их немного, и они не обладают продуктивной словообразовательной способностью [Энциклопедия 2023: 43 — 44].
5. Сложные двандва (сложные слова с координативной связью между компонентами, выражающие значение «пары», *кё:дай* «старший брат и младший брат = братья»), однако они немногочисленны.
6. Различные части речи (прилагательные, наречия, глаголы) с количественным значением (*оой* «многочисленный», *сукоси* «немного»).
7. Вопросительные местоимения с частицами (*икуцу ка* «несколько»)

Однако, выражение множественного числа в устной и письменной речи зависит от желания говорящего. Таким образом, при переводе переводчику понадобятся общие знания и анализ ситуации, в которой используется то или иное существительное. Цель данной работы — рассмотреть ситуации использования существительных и предложить варианты перевода.

Рассмотрим несколько примеров.

Пример 1. *Анэ ва дзитэнся-дэ кита.* «Старшая сестра приехала на велосипеде». Данный пример достаточно прост для понимания. Старшая сестра одна, если бы их было несколько, использовался бы суффикс множественного числа -тати. Если старшая сестра одна, то и велосипед, на котором она приехала, один. Оба слова *анэ* «старшая сестра» и *дзитэнся* «велосипед» следует переводить в единственном числе.

Пример 2. *Коно мори-ни ва кунуги-га хаэтэ иру.* «В этом лесу растут дубы». В данном примере есть существительное *мори* «лес», причем есть указание на конкретный лес *коно* «этот», и в этом лесу растут деревья, одним из видов которых является дуб, т. е. *мори* следует переводить в единственном числе «лес», а *кунуги* во множественном числе «дубы».

Пример 3. *Катта хон-о дзэмбу ёму цумори да.* «Есть намерение прочитать все купленные книги». В данном примере непонятно — *хон* «книга» это единственное или множественное число, однако есть местоимение *дзэмбу* «весь, все», таким образом, *хон* «книга» следует переводить во множественном числе.

Пример 4. *Гакусэй ва дзэнъин сюссэки ситэ ита.* «Присутствовали все студенты». *Гакусэй* — одушевленное существительное, к которому присоединяется суффикс множественного числа -тати и который в данном примере отсутствует. Однако есть местоимение *дзэнъин*, которое

используется в речи о людях «все». Значит, существительное гакусэй следует переводить во множественном числе «студенты». В японском языке множественное число выражать два раза избыточно.

Однако, есть случаи, и довольно многочисленные, когда знания и анализ ситуации не помогают при переводе.

Пример 5. *Иэ-ни ва тэрэби-га ару.* «В доме (домах) есть телевизор (телевизоры)». Существительные из «дом» и тэрэби «телевизор» — неодушевленные, и в предложении отсутствует какое-либо указание на количество. Таким образом, только на основании данного предложения невозможно понять о каком количестве идет речь.

Пример 6. *Корэ-кара томодати-то аттэ куру.* «После этого встречаюсь с другом (друзьями)». В данном предложении «друг» — одушевленное существительное, для выражения множественного числа используется суффикс -тати, который в данном примере отсутствует, скорее всего, в данном случае речь идет об одном друге. Однако, точно сказать невозможно, так как использование суффикса -тати не является обязательным.

Рассмотрим случай, когда используется собирательное понятие, обозначающее множество однородных предметов.

Пример 7. *Кудзира ва хоню:руй дэсу.* «Кит (киты) — млекопитающее (млекопитающие)». Если мы рассматриваем существительное кудзира «кит» как некоторое множество млекопитающих, можно переводить во множественном числе. Если мы говорим о ките как представителе этого множества, можно переводить в единственном числе. Русский язык допускает оба варианта перевода с различием в семантике.

Рассмотрим более широкий контекст, который помогает при переводе.

Пример 8. *Дзэцумэцу сита гэнго-га ару.* Ирюриаго, рубиаго, эторияго надо да. «Есть языки, которые исчезли. Иллирийский, рубийский, этрусский и др.».

Из первого предложения непонятно, один язык исчез или несколько. Второе предложение дополняет смысл первого, перечисляются языки и используется частица надо «и другие», поэтому в первом предложении существительное гэнго «язык» следует переводить во множественном числе.

Таким образом, при переводе с японского языка на русский переводчик должен учитывать все существующие способы выражения множественного числа, использовать общие знания и умение анализировать контекст, только в этом случае можно получить достаточно адекватный перевод, связанный с выражением количественного значения у существительных.

Литература

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. М.: Наталис, 2008. 559 с.

Энциклопедия японской грамматики (Нихонго бумпо: хякка). Токио: Асакура сэтэн, 2021. 546 с.

Лебедева Екатерина Сергеевна

старший преподаватель,

Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова;

lebkatrina@gmail.com

ПЕРЕВОД ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОЛЬГИ ГРУШИНОЙ, ГАРИ ШТЕЙНГАРТА И АЛЕКСАНДРА ХЕМОНА

Ключевые слова: транслингвальная литература, перевод, русско-американские писатели.

Художественные произведения авторов-транслингвов, т. е. тех, кто выбрал языком своего творчества не родной для себя язык [Kellman 2000: 16], или транслингвальная литература, уже давно стали предметом изучения отечественных (Е. М. Бутенина, У. М. Бахтикиреева, Е. В. Белоглазова и др.) и зарубежных (С. Келлман, Э. Ваннер, Дж. Хансен, А. Даньино и др.) литературоведов и лингвистов. Результаты исследований представляют описания характерных отличий таких произведений. Так, у транслингвальных авторов в процессе создания произведения формируется особая картина мира, сочетающая две контактирующие культуры: родную культуру с ее языком и культуру второго языка, при этом «языковые изменения в результате контакта языков не ограничиваются грамматикой, лексикой, стилем и дискурсом. Они выходят за пределы данных уровней системы языка и затрагивают литературное творчество представителей разных культур» [Бахтикиреева 2015: 93].

Произведения авторов-транслингвов пользуются популярностью не только в академической среде, читатели и литературные критики высоко ценят талант молодых транслингвов. Так, роман американского автора русского происхождения Гари Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви» получил престижную премию Вудхауза (Bollinger Everyman Wodehouse Prize). Дебютный роман русско-американской писательницы Ольги Грушиной «Жизнь Суханова в сновидениях» был удостоен Нью-йоркской премии «Молодые львы» (Young Lions Fiction Award). Роман американского автора боснийского происхождения Александра Хемона «Проект «Лазарь» был отмечен международной швейцарской премией Яна Михальского.

Популярность таких произведений обуславливает необходимость их перевода с английского на другие языки, в том числе на русский. Сравнение и изучение переводов транслингвальных произведений представляет особый интерес для сопоставительных исследований и развития теории перевода, так как поднимает ряд вопросов: Представляют ли транслингвальные тексты особые проблемы для переводчика? Каковы должны быть стратегии перевода транслингвальной литературы в принципе, особенно при переводе на родной язык автора? Каким должен быть перевод, чтобы не стать преградой языковому и культурному многообразию авторов-транслингвов?

Современное переводоведение уже пополнилось рядом работ о переводе в эпоху расцвета транслингвизма и транслингвальной литературы (Дж. Хансен, Е. В. Белоглазова, А. А. Ривлина, Е. С. Петрова), в которых лингвисты приходят к разным выводам. Так, перевод на русский язык вышеупомянутого романа Ольги Грушиной отличается использованием переводчиком стратегии языковой экономии (вместо полного названия организаций — аббревиатуры, уходят авторские пояснения реалий и объектов русской культуры) [Hansen 2016: 107]. Е. С. Петрова исследует стратегии прогнозирования при переводе транслингвального художественного текста и делает вывод о том, что переводчик — не просто билингв, профессионально владеющий языками оригинала и перевода, а носитель культуры языка перевода — имеет более глубокое понимание русской культуры (в данном случае это культура языка перевода) и подбирает неожиданные, интересные и более точные варианты передачи элементов русской культуры, тем самым подходит к переводу с позиции «не сколько неизбежных потерь, сколько возможных приобретений» [Петрова 2015: 275].

В рамках представленного в данном докладе исследования интересным видится анализ переводов произведений русско-американских писателей на русский язык в сопоставлении с переводами на русский язык произведений других транслингвальных авторов с целью проследить, какие стратегии используют переводчики для сохранения и передачи транскультурной идентичности писателя, а также ответить на вопрос: Как сохранить ощущение «чужого», «иностранного» (otherness), которое испытывает англоязычный читатель транслингвальной литературы, и которое может теряться при ее переводе на родной язык писателя.

В качестве материала исследования были выбраны тексты оригиналов и переводов романов Ольги Грушиной «Жизнь Суханова в сновидениях» (The Dream Life of Sukhanov) и «Очередь» (The Line), роман Гари Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви» (Super Sad True Love Story) и произведение Александара Хемона «Проект „Лазарь“» (The Lazarus Project). Практический анализ материала позволил сформировать список наиболее успешных приемов передачи транслингвальности автора при переводе на его родной и неродной языки, а также сделать выводы о специфике работы переводчика с разными жанрами транслингвальной литературы. В зависимости от хронотопа произведения и описываемых в нем культурных и исторических событий можно говорить о том, что перевод произведений о России будет отличаться от перевода эмигрантской прозы.

Литература

- Бахтикиреева У. М.* Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 94–95.
- Hansen J. Olga Grushin's anglophone novel The Dream Life of Sukhanov in Russian* // Translation and Interpreting Studies. 2016. No. 11 (1). P. 100–117.
- Kellman S. G.* The Translingual Imagination. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2000. 160 p.
- Petrova E. S.* Prognostication in Translating a Bilingual Author // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. No. 8. P. 270–277.

Морилова Екатерина Сергеевна

канд. филол. наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
more762007@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССА КИНОПЕРЕВОДА В РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 30 ЛЕТ: ОТ ПЕРЕВОДА, ВЫПОЛНЕННОГО ЧЕЛОВЕКОМ, К АВТОМАТИЗИРОВАННОМУ ПЕРЕВОДУ И МАШИННОМУ ПЕРЕВОДУ

Ключевые слова: киноперевод, машинный перевод, автоматизированный перевод, фестивальное кино, стилистика.

В докладе рассматриваются актуальные вопросы использования современных технологий при выполнении киноперевода в России, особенности изменения роли кинопереводчика в процессе перехода от перевода, выполненного человеком, к автоматизированному и машинному переводу, а также перспективы машинного перевода произведений киноискусства, в которых широко применяются стилистические приемы на фонетическом, лексико-грамматическом, синтаксическом и мультимодальном уровне и которые невозможно однозначно интерпретировать.

Материалом для исследования являются 40 переводов на русский/английский язык полнометражных, короткометражных фильмов и трейлеров, выполненных или отредактированных автором доклада с 1994 по 2024 год, а также 7 интервью с кинопереводчиками, проведенные автором в этот же период. Кинопроизведения включают в себя фильмы, переведенные для дубляжа и последующей кинотеатральной демонстрации для компании «Невафильм», фильмы с закадровым переводом для студии «Эйконал», представленные на видеохостинге YouTube, а также фильмы, субтитрированные для показов на таких международных кинофестивалях в России, как «Послание к человеку», «Катарсис», «FESTPRO» и «Печка». Интервью были взяты у кинопереводчиков, которые выполняли переводы кинофильмов режиссера Сергея Дебижева, анимационных фильмов для детей («Утиные истории», «Моана», «Холодное сердце» и т. д.) и редактировали перевод фильмов режиссера Алексея Германа-младшего.

Как показывают результаты исследования, процесс перехода от традиционной модели работы кинопереводчика к новой модели с использованием современных технологий осуществлялся поэтапно. С 1990 по 1995 г. работа кинопереводчиков в России с точки зрения инструментария мало чем отличалась от работы их предшественников в 1970-е и 1980-е годы: для перевода использовались бумажные словари, поиск специальной терминологии и идиом осуществлялся в читальных залах отделов иностранной литературы крупных библиотек, выполненный перевод мог быть написан от руки или отпечатан на пишущей машинке, укладка перевода под традиционный дубляж или набирающий популярность закадровый перевод выполнялся преимущественно не переводчиком, а редактором, и исключительно на киностудии.

С распространением компьютеров в России во второй половине 1990-х годов у кинопереводчиков появляется возможность работать в текстовых процессорах, таких как Microsoft Word, что значительно облегчает редактирование документов, и использовать офлайн-словари, например, АБВУЯ Lingvo, которые распространялись на дискетах и впоследствии на компакт-дисках. Однако у кинопереводчиков по-прежнему затруднен доступ к оригиналу фильма в процессе работы: просмотр в большинстве случаев возможен только на студии.

С развитием интернета в конце 1990-х и в начале 2000-х годов в арсенале у переводчиков появляются совместные сетевые глоссарии, которые постепенно дополняются переводом узкоспециальной лексики. Несмотря на то, что, в отличие от технических переводчиков, кинопереводчики при работе с новым фильмом обычно сталкиваются с уникальным контентом, включая шутки, игру слов и стихи, подобные глоссарии могли эффективно использоваться при переводе сериалов с повторяющимися фрагментами для унификации результатов. Первое десятилетие XXI века в России — это эпоха распространения онлайн-словарей, а также таких систем Translation Memory, как Trados/SDL Trados, что позволяет говорить о развитии автома-

тизированной перевода в нашей стране. В сфере киноперевода также приживаются новые технологии, но многое остается неизменным: например, на отечественных кинофестивалях еще не распространен перевод с использованием субтитров, и кинопереводчики зачастую читают в микрофон свой перевод с листа во время демонстрации фильма.

Революционным для киноперевода во втором десятилетии XXI века становится распространение доступных компьютерных программ для создания и укладки «внешних» субтитров (Aegisub, Subtitle Edit и др.), что дает возможность переводчикам создавать конечный продукт в формате .srt с укладкой для кинофестивалей «под ключ». Еще одним достижением прошлого десятилетия можно назвать заметное усовершенствование машинного перевода, которое повлекло за собой создание систем машинного аудиовизуального перевода (например, закадровый перевод видео в Яндекс.Браузере).

Сейчас главным вызовом для аудиовизуальных переводчиков является использование нейросетей в сфере перевода, что приведет к неизбежной трансформации роли переводчика в будущем. То, какие фильмы уже можно перевести с применением ИИ и какие — нет, будет показано на примере короткометражных фильмов из секции IN SILICO Международного кинофестиваля «Послание к человеку» 2022–2023 гг. Как показывает анализ материала, особую трудность для ИИ по-прежнему представляет перевод кинопроизведений, где наблюдается тесная семантическая связь между текстом и изображением, присутствует конвергенция стилистических приемов и встречается большое количество имен собственных или сама речь героев в оригинале изобилует ошибками. Насколько вероятно полное замещение кинопереводчика нейросетями — вопрос дискуссионный. Как мы полагаем, если кинематограф останется областью искусства, создаваемого людьми, то значительная часть фильмов потребует филигранного, поистине ювелирного перевода, и это будет означать выполнение перевода или постредактирования живым человеком — узким специалистом в этой области.

Разумовская Вероника Адольфовна

*канд. филол. наук, профессор,
Сибирский федеральный университет;
veronica_raz@hotmail.com*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕКСТЫ О СИБИРИ КАК ОБЪЕКТЫ «БЛИЖНЕЙ» АНТРОПОЛОГИИ И ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: Сибирь, «ближняя» антропология, культурная информация и память, этноперевод.

Как объект духовной культуры, художественный текст неразрывно связан с личностью автора, а также местом и временем создания. В содержании произведения находит отражение описываемая действительность, преломленная через восприятие автора и представленная в соответствии с его эстетическими принципами мировоззрения и художественными вкусами и предпочтениями. Будучи неотделимым от «своего» культурного пространства, художественный текст является как носителем, так и генератором культурной информации и памяти. В исследовании внимание уделяется сибирскому тексту, который традиционно понимается как текст, созданный в Сибири или как текст, содержащий описание Сибири — уникального культурного и географического региона России. Регулярное изучение сибирского текста берет начало с трудов Ю. М. Лотмана, писавшего о мифологическом характере сибирского ландшафта, В. И. Тюпы, рассматривавшего сибирский текст в широком контексте русской литературы, а также исследований томских филологов.

Важной областью изучения сибирского текста стали исследования произведений писателей-сибиряков, которые отвечают указанным критериям, поскольку произведения в большинстве случаев создавались в Сибири, и регион стал местом действия описываемых событий [Gillespie 1993: 255–256].

Среди авторов-сибиряков особое место принадлежит В. П. Астафьеву (1924–2001), столетний юбилей которого отмечается в 2024 году. В его текстах нашла отражение как русская культура в целом, так и культура отдельного региона, точнее культура северных территорий Восточной Сибири. Российское и зарубежное астафьеведение имеет несколько важных аспектов, одним из которых является переводоведческий. Исследователи наследия Астафьева единодушно признают автора наиболее известным в мире и, соответственно, переводимым сибирским писателем. Так, первым известным переводом астафьевского текста стал польский перевод повести «Звездопад» (1960), опубликованный в 1961 году в Варшаве. К началу XXI века произведения писателя были переведены на 22 языка и изданы в 28 странах. Создание вторичных иноязычных версий продолжается и после смерти автора. Примечательно, что астафьевские тексты остаются популярными объектами перевода не только у переводчиков на европейские языки, но также и у переводчиков на языки стран Востока [Разумовская 2016: 410 и след.]. На китайский язык переведены «Пастух и Пастушка», «Царь-рыба», «Звездопад», «Печальный детектив», а также некоторые рассказы. Примечательно, что создание китайских переводов неразрывно связано с изучением творчества Астафьева китайскими филологами, большинство из которых считает, что произведения писателя-сибиряка оказали большое влияние на творчество современных китайских авторов, среди которых Нобелевский лауреат Мо Янь, Чжан Вэй и многие другие [Ли Синьмэй 2021: 196]. Как европейские литературоведы и переводчики, так и их восточные коллеги традиционно отмечают трудности астафьевских текстов для перевода, что напрямую связано с особенностями идиостиля писателя: использование в текстах неоднозначных и сложных для понимания читателей диалектизмов (сибиризмов), окказионализмов, авторских неологизмов, а также подробные описания уникальной сибирской природы и культуры.

Рассматривая переводчика (вслед за Г.-Х. Гадамером) как «сверхчитателя», отметим, что в произведениях Астафьева представлены места, которые не всегда понятны для незнакомых с Сибирью (природой, культурой, кухней, топонимикой, этнографией и т. д.) русскоязычных

читателей. При восприятии сложных мест текстов Астафьева, которые во многих случаях сближаются с этнотекстами, внимательный читатель сталкивается с эффектом остранения (по В. Шкловскому), предполагающим выключение автоматизма при чтении и обращение внимания на «странный» участок текста. С аналогичный эффект, безусловно, встречается и переводчик, перед которым стоит сверхсложная задача: понять смысл «странного» отрывка, воссоздать его во вторичном тексте перевода (в идеале воссоздать и эффект остранения, но найти приемы, позволяющие читателю перевода понять смысл). Таким образом, прием / эффект остранения становится стратегией художественного перевода, комплементарно дополняющей форенизацию и доместикацию (по Л. Венути). Известно, что французские ученые различают «дальнюю антропологию», предполагающую изучение материала зарубежных стран, и «ближнюю антропологию», которая посвящена культурным традициям Франции. Атрибутируем сибирские этнотексты по аналогии как объекты «ближней» антропологии. Далее отнесем перевод этнотекстов (в данном случае авторских) к этнопереводоведению (области переводоведения, занимающегося вопросами перевода этнотекстов народов России) и определим указанную область как «ближнее» переводоведение. В соответствии с концепцией А. Бермана, определяющего перевод как стремление постичь «чужое», найти и сохранить «следы» языка оригинала во вторичных текстах переводов, как опыт «чужого» и как искусство различия, а не сходства, будем рассматривать этноперевод как испытание «чужим» и «другим».

Литература

- Ли Синьмэй.* Переводы современной русской литературы в Китае (середина 1980-х–2010-е годы) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021. № 5. С. 195–204.
- Разумовская В. А.* Тексты русского традиционализма в переводах: случай В. Астафьева // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. М.: Флинта, 2016. С. 406–420.
- Gillespie D.* A Paradise Lost? Siberia and Its Writers. 1960 to 1990 // *Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture.* New York: St. Martin's, 1993. P. 255–273.

Рубцова Светлана Юрьевна

канд. филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
rubtsova_svetlana@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК МАРКЕРЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И РЕТРАНСЛЯТОРЫ «ВЕЧНЫХ» КОНЦЕПТОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ БИБЛЕИЗМОВ)

Ключевые слова: прецедентные единицы, интертекстуальность, концепт, интертекстуальный маркер, библеизм.

Интертекстуальность маркируется в тексте / дискурсе с помощью различных лексических и синтаксических средств, чья способность к этому заключается в нарушении однородности текстовой ткани и привлечении таким образом внимания реципиента [Чернявская 2009: 199].

Те или иные маркеры интертекстуальности по-разному и в разной степени привлекают внимание адресата в зависимости от типа текста или дискурса. В медиадискурсе широко исследуется такой интертекстуальный маркер, как цитация [Алещанова 2000 и др.], являющаяся эксплицитным маркером. В художественном тексте, а также в устном дискурсе распознавание интертекстуальных связей бывает затруднено из-за отсутствия таких маркеров, которые свойственны научному или газетному дискурсу, что зачастую вызывает затруднения при последовательном и синхронном переводе. Тем не менее, и в этих случаях можно выделить определенные виды маркеров интертекстуальности, эксплицитные и имплицитные: к первым относятся ссылки на известные исторические факты и тексты, входящие в образовательный канон; к имплицитным маркерам относятся ссылки на события, предполагающие общность литературной и/или исторической памяти автора и реципиента. К имплицитным маркерам интертекстуальности также можно отнести ссылки на профессиональные тексты, элитарную литературу и авторское кино [Солуянова 2013: 11].

В разных типах текста и дискурса в качестве сильных или слабых маркеров интертекстуальности, отсылающих к определенному макротексту/претексту, способны выступать прецедентные имена собственные, в частности антропонимы и топонимы. В английском и русском языках можно условно выделить две группы прецедентных единиц, которые относительно легко идентифицируются и поэтому могут быть названы сильными маркерами интертекстуальности:

1. Имена собственные — прецедентные онимы, претерпевшие метафорическое переосмысление. Так, например, нарицательное существительное «philistine» используется для обозначения концепта «обыватель, невежественный, закоснелый человек», являясь библейской аллюзией на древний народ, населявший приморскую часть Израиля, — филистимлян, которых израильтяне считали нецивилизованными людьми. В русском языке относится к устаревшей лексике, поэтому в этом случае отсутствует переводческий эквивалент — библеизм.

2. Словосочетания, в том числе фразеологизмы, построенные по типу N('s) + N, где первый компонент выражен в английском языке прецедентным именем собственным, а второй — апеллятивом (Naboth's vineyard/Job's comforter)

Разную степень маркирования интертекстуальных связей имеют прецедентные единицы, участвующие в создании тропеической и нетропеической образности: ... but I felt like a lamb to the slaughter during the cross examination (The Times). Образное сравнение “like a lamb to the slaughter” / «как агнец на заклание» является фразеологической единицей, которая восходит к ветхозаветному пророчеству о страданиях. Применительно к субъекту действия подчеркиваются его невинность, беспомощность, иногда — отсутствие у него осознания опасности. Данное выражение создает яркий образ и выделяется из общей стилистики текста, что «сигнализирует» о его интертекстуальном потенциале и позволяет считать его довольно сильным маркером межтекстовых связей. Данный библеизм передает концепт виктимности/невинной жертвы. В переводе рекомендуется употреблять библейское крылатое выражение.

Высокая употребительность прецедентных единиц с библейскими аллюзиями объясняется не только их стилистической маркированностью, но и тем, что они являются своего рода ретрансляторами культурных кодов или «вечных» концептов. Поскольку Библия является одним из базовых произведений человеческого сообщества, она масштабно эксплицирует основные общечеловеческие мировоззренческие установки, наполняя разные языки множеством устойчивых выражений и фразеологических единиц. Текст Священного Писания является ярчайшим примером прецедентного текста, цитаты и притчи из которого широко используются в интертекстуальном контексте, создавая аллюзии и повышая выразительность любого дискурса. Недаром к библеизмам нередко прибегают политические деятели и журналисты. Многие библейские имена стали именами нарицательными. Например, имя Иуды Искарота является эталонной отсылкой к концепту «предательство» “You are a Judas Iscariot”, Paisley to his rival Ulster Unionist leader of the 1980s, Lord Molyneux [<https://www.theguardian.com/politics/2010/mar/02/ian-paisley-in-quotes>].

Авторы, как правило, часть информации кодируют, поэтому тексты пронизаны намеками, аллюзиями, пресуппозициями, разного рода отсылками в том числе к косвенным деталям, которые могут демонстрировать, например, отношение автора к герою произведения или ситуации. И одна из самых сложных задач переводчика — декодирование этих скрытых смыслов, правильная передача в переводе всех интертекстуальных связей и подыскать адекватные варианты перевода прецедентных единиц.

Литература

- Алещанова И. В.* Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 18 с.
- Солуянова Н. А.* Проблема интертекстуальности в переводе (на материале переводов произведений Б. Акунина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 25 с.
- Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.

Рыженкова Анна Александровна

канд. филол. наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
annaryzhenkova@yandex.ru

РОССИЙСКИЕ КУЛЬТУРОНИМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ключевые слова: культуронимы, идионимы, ксенонимы, реалии, переводимость, безэквивалентность.

Доклад посвящен актуальной теме исследования — российским культуронимам в английском языке. Автор исходит из определения и классификации культуронимов В. В. Кабакчи, согласно которой под культуронимами понимаются элементы обозначения мировой культуры. [Кабакчи 2001: 7] В. В. Кабакчи делит культуронимы на полионимы, идионимы и ксенонимы. [Кабакчи 2001: 7]. Объектом изучения являются российские ксенонимы в английском языке, т. е. типичные для российской культуры слова и выражения, а также названия достопримечательностей Санкт-Петербурга и Москвы, встречающиеся в англоязычном тексте. Культуронимы анализируются в двух типах текстов — путеводителях и исторических романах о России. Данные типы текста выбраны как наиболее иллюстративные с точки зрения наличия культуронимов.

В науке существует два противоположных подхода к передаче культурной информации на другой язык: одни авторы говорят о непереводемости данных единиц, в то время как другие исследователи выступают за переводимость. [Nida 1964: 5–18]. Насыщенное культурной информацией значение российских ксенонимов часто характеризуется как «безэквивалентная лексика» в английском языке, что создает ряд сложностей для переводчиков. Сам термин «безэквивалентная лексика» очень широк (он включает реалии, экзотизмы, фразеологию, междометия, термины, неологизмы, аббревиатуры и многое другое), в докладе будет рассмотрена лишь часть такой лексики (ксенонимы), т. е. лексические единицы русского языка, которые не имеют в словарном составе английского языка эквивалентов, т. е. единиц, при помощи которых можно передать на аналогичном уровне все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения. [Иванов 2006: 81].

Однако «безэквивалентность» нельзя отождествлять с «непереводемостью». Компенсация потерь при переводе возможна благодаря переводческим трансформациям. В докладе представлены модели и уровни эквивалентности [Иванов 2006: 19–33], которыми располагает современная наука о переводе, что дает возможность переводчику решать сложности, стоящие перед ним.

Разделяя точку зрения Ю. Найды, согласно которой все, что сказано на одном языке, можно сказать на другом [Nida 1964: 156], нельзя отрицать объективные сложности передачи культуронимов. Переводчику необходимо выбрать стратегию передачи и максимально сохранить значение, в том числе культурную информацию. Анализ материала позволяет выявить различные способы передачи культурной информации с русского на английский язык.

В докладе представлены различные приемы перевода культуронимов на английский язык, включающие транскрипцию (*beaten with sticks, called batogs*), транслитерацию (*Aleksandro-Nevskaya Lavra*), калькирование (*all-night service / vigil; Old Believer, Onion dome of the church, miracle-worker*), аналог (*Palm Sunday; belfry*), традиционные соответствия (*the Neva, The Yauza River, Prince, Peter, Muscovy, St. Basil's Cathedral* — характерные для имен собственных), описательный перевод или пояснение (*Ivan Krylov "Aesop of Russia"; bearded boyar, or noblemen*) и др. и приводится анализ их соответствия оригиналу.

Для исторических романов при передаче культуронимов характерно использование параллельного подключения: наряду с транскрипцией дается более или менее подробное пояснение понятию:

- 1) In theory, “the people” meant that the tsar would be elected by a Zemsky Sobor, an Assembly of the Land, a gathering of noblemen, merchants and townspeople from all parts of the Muscovite state.
- 2) The Domostroy or Household Management Code, dating from 1556 and attributed to a monk named Sylvester, gave specific advice to the heads of Muscovite families on numerous domestic matters, from preserving mushrooms to disciplining wives.
- 3) The tsar, in this familial scheme, was the father, “Batushka”, of the people. His autocratic rule was patriarchal. He addressed his subjects as his children and had the same unlimited power over them that a father has over his children.

Часто параллельное подключение нужно при введении ксенонима в текст в первый раз, далее слово используется без повторного пояснения.

В докладе освещаются некоторые различия в передаче названий достопримечательностей как типа культуронимов в прагматическом аспекте. Ряд культуронимов в путеводителях передается при помощи транскрипции или транслитерации (Vorob'ovy Gory, Liteyny Prospect), в то время как в исторических романах авторы стремятся сохранить внутреннюю форму слова и образ, сохраняя, таким образом, культурные ассоциации (например, The Sparrow Hills, Foundry Prospect).

Литература

- Иванов А. О. Безэквивалентная лексика: учеб. пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 192 с. (Перевод, Язык, Культура.)
- Кабакчи В. В. Практика гида-переводчика. In English About St. Petersburg (Tests and Exercises). Part I. Пособие по англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: ИВЭСЭП; Знание; Союз, 2004. 309 с.
- Кабакчи В. В. Практика английского языка межкультурного общения: Religion, Christianity, Russian Orthodoxy (Pravoslavie): учеб. пособие. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2001. — 176 с.
- Nida E. Toward a Science of Translating. Leiden: E. J. Brill, 1964.

Соболева Нина Павловна¹, Тушев Андрей Николаевич²

¹канд. филол. наук, доцент,
Казанский (приволжский) федеральный университет;
NPSoboleva@kpfu.ru

²канд. филол. наук, преподаватель,
Казанский (приволжский) федеральный университет;
AnNTushev@kpfu.ru

ПРИЕМ ЗАТРУДНЕННОЙ ФОРМЫ В «ВОСКРЕСЕНЬЕ/И» Л. Н. ТОЛСТОГО (НА МАТЕРИАЛЕ СИНТАКСИСА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ)

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, перевод, синтаксис, прием затрудненной формы.

Изучение синтаксиса — одна из сложнейших тем лингвистических и переводоведческих изысканий. Тем больший интерес представляет изучение синтаксического своеобразия художественной прозы в свете его передачи на другой язык. В данной работе внимание уделяется синтаксису Л. Н. Толстого, в целом, и специфике перевода синтаксической системы романа «Воскресение», в частности. В исследовании рассматриваются отдельные синтаксические особенности как следствие реализации автором приема затрудненной формы и способы их перевода на английский язык.

Цель данного исследования — анализ переводческих трансформаций, используемых при передаче синтаксического своеобразия романа «Воскресение». Цель определяет следующие задачи: изучение теории вопроса о синтаксисе Толстого и переводе «Воскресения» на английский язык, классификации синтаксических особенностей и переводческих трансформаций. Актуальность исследования обусловлена комплексным подходом к анализу синтаксического своеобразия последнего романа Толстого в аспекте его перевода.

В работе анализируются три наиболее известных фрагмента из романа (первое предложение романа, а также по одному из глав XXXIX и XL) и три перевода каждого отрывка, сделанных Л. Мод, Р. Эдмондс, Л. Винером. Эти фрагменты характеризуются использованием затрудненной формы и иллюстрируют реализацию этого приема.

Синтаксис Толстого часто обращал на себя внимание читателей и исследователей. Он представляется «визитной карточкой его языковой личности» [Архангельская 2015: 138].

В статье «Искусство как прием» В. Б. Шкловский, не имея в виду синтаксис писателя, наряду с приемом остранения выделил особенность, которую он назвал приемом затрудненной формы. С точки зрения исследователя, этот прием увеличивает «трудность и долготу восприятия <...> искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве неважно» [Шкловский 1983: 15].

Предложенный Шкловским термин остранение прочно вошел в отечественную и зарубежную литературную теорию. Однако введенный им в той же статье прием затрудненной формы не получил еще должного внимания со стороны исследователей. К приему затрудненной формы обращалась Ю. В. Архангельская, выделяя его как частный случай остранения: «в произведениях Толстого имеет место также остранение в чисто стилистическом, формальном смысле — как прием затрудненной формы, причем формы как таковой, формы как синтаксического строя текста, что должно перенести акцент читательского внимания на содержание» [Архангельская 2015: 139].

Представляется, что если обращение к остранению применимо в анализе нарративных или композиционных аспектов произведения, то прием затрудненной формы можно использовать тогда, когда характер синтаксиса Толстого влияет на смысловое содержание текста. К подобным проявлениям затрудненной формы можно отнести следующие синтаксические особенности: распространенность причастных, деепричастных оборотов, свойственная стилю Толстого; широкая представленность многокомпонентных сложноподчиненных предложений; использование анаколуфа и анаподотона, а также синтаксических единиц, связываемых разными видами

подчинительной связи [Ганцовская 1990]. В анализируемых примерах на русском языке было отмечено также частотное использование синтаксического параллелизма и анафоры.

Л. С. Бархударов выделяет четыре типа переводческих трансформаций: перестановку, замену, добавление и опущение. С опорой на данную классификацию приведем некоторые примеры:

Опущение с заменой статуса числительного: Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч — *Though hundreds of thousands had done their very best to disfigure the small piece of land* (Перевод Л. Мод).

Замена личной глагольной формы на нефинитную: как ни забивали <...> как ни счищали — *raving <...> scraping away* (Перевод Л. Мод); *raving <...> weeding out* (перевод Р. Эдмондс).

Интересно еще отметить сложность при переводе анаколуфа. <...> собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч — *Though hundreds of thousands had done their very best* (Перевод Л. Мод); *Though men in their hundreds of thousands* (перевод Р. Эдмондс); *Congregating to the number of several hundred thousand* (перевод Л. Винера). Интерес представляет вариант перевода Л. Винера, который передает анаколуф с помощью нехарактерного сочетания глагола *congregate* с предлогом *to*.

Замена является наиболее частотным приемом, что подтверждается приведенными примерами. Анализ выявил использование следующих трансформаций: перестановки порядка слов и словосочетаний, замены статуса глагольной формы оригинала, замены залоговой структуры предложения, перестройки синтаксической структуры предложения, опущения и др.

Литература

Архангельская Ю. В. Синтаксис Л. Н. Толстого как реализация «приема затрудненной формы» в аспекте своеобразия языковой личности писателя (на материале публицистики) // Вестник Новгородского государственного университета. № 87. Ч. 1. С. 138–141.

Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.

Ганцовская Н. С. Типы композиционного развертывания сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением придаточных в художественных произведениях Л. Н. Толстого // Особенности языка и стиля Л. Н. Толстого: Межвузовский сборник научных трудов. Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1990. С. 75–81.

Шкловский В. Б. Искусство как прием // О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 9–25.

Рафаэль Гусман Тирадо

д-р филол. наук, профессор,
Гранадский университет (Испания);
rguzman@ugr.es

ПЕРЕВОД РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СТИМУЛ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: перевод, русская литература, изучение русского языка.

Мы с коллегами продолжаем, несмотря на сегодняшнюю ситуацию, заниматься русским языком и литературой и продолжаем работу по распространению любви и интереса к русской культуре и русскому языку среди будущих поколений. Нашим студентам мы говорим, что мы сейчас не должны проходить мимо русской культуры, мы должны внимательно изучать её и стремиться узнавать о ней как можно больше. Ситуации с преподаванием русского языка сейчас сложная. Но наши студенты имеют право знакомиться с русской культурой и тем языком, который они выбрали для изучения, а наша миссия заключается в том, чтобы обеспечить это.

Особое внимание в этом докладе уделяется переводу современной русской литературы на испанский язык. Следует отметить, что перевод русской литературы в Испании и других и испаноязычных странах вообще переживает сейчас свой настоящий «золотой век», и для них и проживающих в них людей — это реально действенный факт.

В настоящее время переводится и настоящая русская классика, и представители современного литературного процесса — писатели конца XX века — начала XXI века. Переводится и публикуется также так называемая «возвращенная» литература, под которой подразумеваются авторы эмиграции и деятели так называемой внутренней миграции. В последнее время объектом перевода становятся не только произведения новых авторов, но и появляются многочисленные новые версии уже прежде переведенных произведений.

Что касается классики, она, конечно, пользуется спросом и продаётся повсюду. В продаже можно также увидеть произведения писателей XX века — Гроссман, Газданов, Тэффи и многих других. Благодаря российским фондам переводы выходят очень интенсивно — Горький, Бунин, Цветаева, Андреев. С русской классикой получается интересная ситуация, и об этом мы говорим со студентами. Почти для каждого поколения читателей создаются новые переводы русских классических произведений — «Анну Каренину», например, переводят постоянно, это востребовано. И этот феномен характерен почему-то именно для русской литературы, подобного с литераторами из других стран не случается.

Современная русская литература интересна и разнообразна, и поэтому она представляет собой хороший стимул для изучения русского языка. Она дает ключ к пониманию реалий и духовных основ русской жизни, ключевых концептов русской культуры, она помогает также понять сложность нашего противоречивого современного мира. Иностранному читателю открываются не только новые имена и горизонты, но и совершенно иной взгляд на мир.

В связи с этим открываются замечательные перспективы для будущих переводчиков. Мы советуем нашим студентам, чтобы они выбрали путь переводчика российских авторов. Благодаря российским фондам, эта профессия стала отличным профессиональным выходом для наших выпускников. За счёт переводов российских писателей на испанский язык переводчик может жить, и неплохо жить, что очень важно для студентов. Этот путь даёт им автономию, они могут сами планировать свое время и не зависеть от работодателей.

Возвращаясь к современной русской литературе, можно отметить, что она намечает перспективу развития литературы XXI века, так как в центре русских книг оказываются глубокие нравственные и философские проблемы. Например, переводы на испанский язык таких российских писателей, как Гузель Яхина и Евгений Водолазкин, стали настоящим открытием и откровением. Относительно недавно были переведены их романы «Зулейха открывает глаза» и «Лавр», которые имели большой успех у читающей публики в Испании и не только. Я сам

перевел несколько романов Евгения Водолазкина. Его «Лавр» стал для меня магической книгой, я не мог оторваться от работы и перевёл её очень быстро, испытывая огромную радость. Презентация состоялась в Гранаде во время пандемии в присутствии писателя, я организовал семинар переводчиков этого романа на разные языки. Сейчас в Испании выпускается уже третье переиздание этой книги, а в конце 2023 года был представлен мой перевод романа Евгения Водолазкина «Оправдание острова».

Подобный взлет количества переводов произведений русской литературы на испанский язык объясняется появлением и деятельностью нескольких фондов и организаций, которые сильно изменили сам статус работы переводчика художественной литературы и обеспечили его достойным вознаграждением. Среди них в первую очередь следует назвать: Институт перевода, Фонд Б. Н. Ельцина, Фонд Михаила Прохорова, Международную ассоциацию преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Фонд «Русский мир». Благодаря их поддержке и финансированию интерес к переводу русской литературы продолжает расти.

В докладе также отмечается, что перед современным миром перевода русской литературы на испанский язык стоит немало актуальных проблем разного типа. Некоторые из них схожи с теми, которые присутствуют в других языках и в других странах, а некоторые носят особый, специфический характер. В докладе предполагается более подробно остановиться на некоторых из них.

Фернандо Феликс

штабной офицер, переводчик,

Правительство Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка

К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С РУССКОГО НА СИНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: культурно-специфическая лексика, национальный колорит, художественный перевод, стратегии перевода, аналогичный, описательный перевод, трекинг, транслитерация.

Культурно-специфическая лексика, реалии отдельных культур и народов не тождественны, так как они отражают языковую картину их идентичности, формирующуюся на основе их образа жизни и мышления. Поэтому адекватная передача реалий становится в переводе важной частью сохранения культурной самобытности произведения искусства, требующей поиска адекватных средств и стратегий.

Известно, что литературные произведения выделяют в особую группу переводов. Художественное произведение как текст имеет характерные особенности и выполняет функцию эстетического воздействия. Любой литературный текст несет в себе национальный культурный код. Передача идей в процессе перевода, безусловно, создает некоторые проблемы и требует творческого подхода. Основой исследования послужил перевод романа Евгения Водолазкина «Лавр» с русского языка на сингальский. Цель данного исследования — проанализировать возможные стратегии перевода реалий и выявить закономерности перевода нетождественной лексики в указанном романе.

Переводческий анализ произведений современного писателя позволяет выявить закономерности актуального подхода к передаче реалий. Выбор книги Водолазкина для исследования не случаен, в ней он рассказывает о жизни русских людей в деревне начала XV века. Поэтому текст романа содержит разнообразную культурологическую лексику, обозначающую русские традиции, верования, быт и обычаи народа. Для того, чтобы передать эти русские реалии, надо было использовать множество переводческих приемов.

На первом этапе были выявлены эквиваленты древнерусских реалий в сингальском языке. На втором — проводилась аналитическая оценка эффективности сохранения культурно-специфического значения слов в выбранной стратегии перевода на сингальский язык.

Хотя текст романа и отражает особенности быта и образа жизни русских людей, но вещный мир в нем небогат, в нем почти нет исчезнувших из современного обихода деталей, в нем мало архаизмов и фольклоризмов. Вместо этого в текст вплетены отрывки из сочинений XIV–XV вв. — травников, нравоучений, житий святых и др. Герои романа употребляют исчезнувший из современного русского языка звательный падеж. Все перечисленное не характерно для практического опыта людей, говорящих на другом языке, языковые и культурные явления безэквиваленты для сингалоязычного читателя и требуют особого подхода в переводе. Но самое сложное в переводе — это передача языковой игры. Водолазкин постоянно держит своего читателя в тонусе, заставляя своих героев, время от времени, говорить на современном языке. Старцы внезапно начинают излагать свои мысли на современном офисном сленге, а юродивый Фома использует матерный жаргон.

При переводе этой книги мне пришлось обратиться к источникам по русской народной культуре, истории, сборникам русской народной медицины, а также вспомнить старославянский, который я изучал в университете в Москве, и «прокачать» разговорный русский и сниженную лексику.

Я сосредоточился на трех основных способах перевода этого произведения.

- 1) Первый метод: использование функционального сходства, т.е. поиск эквивалентов в целевом языке, аналогичных по своей функции единицам в языке оригинала: «Пав ниц

в притворе, лежала несколько часов и...» — “පාවි නින්ස් ද්වාරමණ්ඩපයේ පැය කිහිපයක් වැනිර සිටියා ය.”

- 2) Второй метод: использование формальных (лингвистических) эквивалентов, т.е. дословный перевод или создание нового слова: «В 1817 году для производства досок лес приобретает купец Козлов. Через два года на освободившемся месте строят больницу для бедных. Спустя ровно сто лет в здание больницы въезжает уездная ЧК. В соответствии с первоначальным предназначением территории ведомство организует на ней массовые захоронения. В 1942 году немецкий пилот Хайнрих фон Айнзидель метким попаданием стирает здание с лица земли. В 1947 году участок переоборудуется под военный полигон и передается 7 й Краснознаменной танковой бригаде им. К. Е. Ворошилова. С 1991 года земля принадлежит садоводству «Белые ночи».» — “1609 දී පෝලන්තය ජාතිකයින් විසින් දෝවස්ථාන විනාශ කරන ලදී. සුසාන භූමිය පාළුවට යමින් තිබුනේ ය. එහි පසින් වනාන්තරය වැඩමේන් පැවතියේ ය. හතුව එකතුව කරන්නන් සමගින් විවිත් වීට අවතාර කතා කරන්නට පටන්ගත්හ. 1817 දී නිෂ්පාදන කටයුතු සඳහා කස්ලෝෆ් වලෙන්දා විසින් දැව මිලදී ගත්තේ ය. නිදහස් වීමෙන් වසර දකෙකට පසුව දුප්පතුව සඳහා රෝහලක් ගොඩනගන්නට වූහ. හරියටම වසර සියයක් ගවුණු පසු රෝහලේ ගොඩනැගිල්ලට දිස්තරික් අතිවිශේෂ කමිටුව ඇතුළු වූයේය. මුල් අරමුණට අනුකූලව ඉඩම් දපොර්තමෝන්තුව එය මත සමූහ සොහොනක් ඉදිකිරීමට කටයුතු කළේ ය. 1942 වසරේ දී ජර්මානුව ගුවන් නියමු හනේරිව් වොන් අයින්සිඩල් ගොඩනැගිල්ලට නිවැරදි ඉලක්කය ගෙන මිහිමතින් එය අකා මකා දැමුවේ ය. 1947 දී එය හමුදාමය ස්ථානයක් බවට පත් වූ අතර හා කෝ.ඊ. වරෝෂිලෝවා අනුස්මරණ වන රතුව ටැංකි බලකාය වන ලබාදෙන ලදී. 1991 සිට ඉඩම “බවල රාතරිය” නම වූ ගවෙනු වගාවකට අයත් විය.”
- 3) Третий метод: описательный перевод: «Христофор не то чтобы верил в травы, скорее он верил в то, что через всякую траву идет помощь Божья на определенное дело.» — “කරිස්තෝෆර් ඔහුට පැළෑටි ගැන විශ්වාස නොකළා පමණක් නොව, නිශ්චිත කටයුත්තක් සඳහා සියලුම පැළෑටි අතරින් දවේයන් වහන්සේගේ බලය ඇදී යන බව විශ්වාස කළේ ය. එලසෙම, ඒ උපකාරය මිනිසුන් හරහා යන ආකාරයට. ඒ දකෙම මවෙලමේ පමණි. ඔහු හඳුනාගත් එක් එක් ඔහුට පැළෑටි සමබන්ධයෙන් දැඩිව අර්ථ දක්වා ඇත්තේ ඇයි දැයි, ඔහු නොසිතුවේ එය නිශ්චල පැණයක් නිසාවෙනි.”

Отметим также, что в работе над переводом мне очень помогли изучение психологии, лингвистики и включенность в традиции христианства.

Фирсова Мария Алексеевна

канд. филол. наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
firsovama@gmail.com

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ГЛАГОЛОВ В ТЕКСТАХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ РОССИИ И ФРАНЦИИ)

Ключевые слова: судебный дискурс, терминологический статус глагола, лексикографические базы данных.

Отсутствие информации о переводе глагольных единиц в юридических словарях [Мачковский 2009] затрудняет процесс юридического перевода и перевода текстов судебных решений, в частности. Это приводит к вариантам перевода, несоответствующим требованиям перевода-адаптации. Так, в языковой паре французский/русский «суд считает» ошибочно переводится как «le tribunal estime/croit/pense que», а «l'article N précise que» как «статьей х уточняется, что».

Отсутствие глаголов в специальных словарях связано с их исключением из категории терминов, так как они лишены номинативной функции. Но в последние десятилетия вопрос о терминологическом статусе глаголов в разных предметных сферах, включая право, пересматривается. За глаголами все чаще признается возможность выступать в качестве единиц-терминов [L'Homme 2010]. Наименьшие сомнения вызывают глаголы и глагольные выражения, которые находятся в некотором семантическом отношении с термином-именем [Lerat 2002].

Важным представляется не столько ответ о терминологическом статусе глагола, сколько понять, какие это будет иметь. Так, в процессе перевода можно обойти стороной вопрос о терминологическом статусе глагола, но невозможно избежать проблемы выбора переводческого эквивалента. Отсутствие вариативности представляется косвенным свидетельством, что соответствующие единицы, в частности глаголы и глагольные выражения, являются терминами.

Поэтому важно не столько ответить на вопрос, являются ли глаголы, используемые во французском и русском судебных дискурсах, терминами, сколько понять, какие варианты перевода можно предусмотреть, чтобы переводной текст не только точно передавал содержание текста-источника, но и стилистически соответствовал аутентичному дискурсу на языке перевода. При выявлении устойчивых соответствий следует признать соответствующую глагольную единицу термином и закрепить за ней один или несколько переводческих эквивалентов.

В такие источники следует также включать сведения о синонимии переводческих эквивалентов. Напр., русскому выражению «условия, предусмотренные положениями <норма права>» соответствует четыре варианта перевода: «conditions prévues par/à, exigées par, requises par, énoncées à <норма права>». Русскому глаголу «указывать» во французском языке соответствует целая серия глаголов: «préciser, indiquer, ajouter, répliquer, faire droit, faire valoir, exposer» и др. При этом вариативность вариантов перевода в языковой паре несимметрична. Так, все перечисленные французские единицы могут переводиться на русский язык только причастием «предусмотренный» и глаголом «указывать», соответственно.

Необходимо также фиксировать диатезу соответствующих единиц. Напр., французский глагол «assigner» имеет следующую диатезу: <истец> assigne <ответчик> devant <судебный орган> en <исковое требование> (например: M N a assigné l'association X devant le tribunal judiciaire de Paris en réparation du dommage résultant de la rupture brutale de relations commerciales...) Переводческим эквивалентом глагола «assigner» в русском языке будет глагол «обратиться» со следующей диатезой: <истец> обратился в <судебный орган> с требованием <содержание искового требования> <ответчик> или <истец> обратился в <судебный орган> с иском к <ответчик> о <содержание искового требования>. Французский глагол «débouter» имеет диатезу: <судебный орган> déboute <истец> de <содержание искового требования>. Соответствующий ему

в русском языке глагол «отклонить» имеет иную диатезу: <судебный орган> отклонил <содержание искового требования> <истец> (в род. падеже).

Помимо этого, перевод глагольных выражений может привести к стилистическим ошибкам, если не включить в описание глагольных единиц информацию об общих особенностях структуры судебного дискурса в обеих культурах. Так, в судебных решениях Франции позиция суда выражается преимущественно через безличные конструкции. Например, выражению «суд считает требование подлежащим удовлетворению» во французском языке соответствуют конструкции «Il y a lieu de faire droit» или «il sera fait droit».

Наконец, при переводе глагольному выражению может соответствовать неглагольное выражение и наоборот. Например, во французских судебных решениях ссылка на источник права нередко оформляется предикативной конструкцией: «<норма права> dispose, prévoit, énonce, précise, stipule que, ajoute que», при этом в соответствующих русских контекстах ссылка вводится преимущественно предлогами: «в соответствии, в силу, согласно <норма права>» и т. д.

Описание глаголов судебного дискурса, которые могут претендовать на статус терминов с последующим включением в лексикографические базы данных удобно проводить по тематическим категориям. Нами было выделено три таких категории: (1) глаголы, описывающие процессуальные действия (терминологический статус которых вызывает наименьшие сомнения); (2) глаголы говорения и суждения; (3) глаголы, вводящие ссылки на нормы права и на документы, относящиеся к процессу.

Литература

Мачковский Г. И. Русско-французский юридический словарь. М.: Аби Пресс, 2009.

Lerat P. Qu'est-ce que le verbe spécialisé ? Le cas du droit // Cahiers de Lexicologie. 2002. № 80. P. 201–211.

L'Homme M. C. Designing Terminological Dictionaries for Learners based on Lexical Semantics: The representation of actants. Specialized Dictionaries for Learners. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. P. 141–153.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Алевич Анисия Вячеславовна

*канд. филол. наук, старший преподаватель,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
anisialevich@yandex.ru*

«НЕ ПЕРЕВЕСТИ, А ПЕРЕЖИТЬ»: О РОЛИ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: поэтический перевод, переводческие стратегии, переводческие трансформации, личность переводчика.

Отношение к переводчику художественной литературы менялось на протяжении столетий. Одни воспринимали переводчика в качестве «прозрачного стекла», «слуги двух господ», не достойного упоминания; другие называли переводчика равным автору оригинального произведения. В классической триаде «автор — переводчик — читатель» значение переводчика сложно переоценить, в особенности, когда речь идет о переводе художественного произведения, получившего мировое признание. Доклад посвящен лингвостилистическим особенностям перевода поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай», выполненного дважды репрессированным и реабилитированным поэтом А. А. Штейнбергом.

Выдающийся поэт, произведения которого стали голосом христианской теологии и философии, политический деятель, приверженный борьбе за свободу, Джон Милтон занимает одно из видных мест в пантеоне английских писателей. Переводы поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» на русский язык осуществлялись на протяжении нескольких столетий. Вторичность как онтологическая константа лежит в основе новых переводов классических произведений. В процессе перевода воссоздается отраженная модель действительности, осуществляется ряд когнитивных процедур с целью порождения текста, для которого избирается оптимальная языковая форма. Преобразованиям подвергается представление переводчика о системе смыслов подлинника, заключенных в знаках системы исходного языка, что обуславливает создание новых переводов, отличных от предшествующих.

Переводы «Потерянного рая» на русский язык насчитывают трехсотлетнюю историю. Первые переводы поэмы, выполненные с французского языка, начинают появляться в середине XVIII века. С установлением советской власти, ставившей задачу упразднения православной церкви, создание новых переводов «Потерянного рая» стало невозможным. Первый перевод поэмы после более полувекового перерыва осуществил поэт и переводчик А. А. Штейнберг.

В тринадцатилетнем возрасте А. А. Штейнберг прочитал поэму «Потерянный рай» в переводе О. Н. Чюминой, выдержавшим несколько переизданий. Авторству поэтессы и переводчицы принадлежит множество поэм, стихотворений и пьес, отмеченных премиями Академии наук. Особое место в творчестве поэтессы занимали театральные фельетоны. Впоследствии о переводе «Потерянного рая» О. Н. Чюминой А. Штейнберг напишет следующее: «Поэма произвела на меня ошеломляющее впечатление и сыграла огромную роль в формировании моего мироощущения; в дальнейшем, по мере повышения уровня понимания существа поэзии и знакомства с оригиналом, я осознал всю недостаточность этого перевода (О. Н. Чюминой — А. В.), его бойкого ямба и усредненного, гладкого и бесцветного языка; понял, что стихотворная информация о содержании — это еще далеко не Милтон, что поэма должна быть не только переведена, но и пережита» [Штейнберг 2008: 387]. А. А. Штейнберг большую часть перевода осуществил

во время восьмилетнего пребывания в ГУЛАГе. Перевод был опубликован в 1976 году в серии «Библиотека Всемирной Литературы», став наиболее переиздаваемым переводом поэмы.

В следующем фрагменте из одиннадцатой книги упоминается гора Хорив, с которой были произнесены десять заповедей Моисею:

Оригинал	He ended, and the Son gave signal high / To the bright Minister that watchd, hee blew / His Trumpet, heard in OREB since perhaps / When God descended, and perhaps once more / To sound at general Doom [Milton 1792].
О. Н. Чюмина	Умолкъ Господь, и Ангелу, на стражѣ / Стоящему, Мессія сдѣлалъ знакъ, / И затрубилъ въ трубу свою Архангелъ, / Въ ту самую, которая звучала / Впослѣдствіи съ Хорива и, быть можетъ, / Раздастся въ день Великаго Суда [Мильтон 2013].
А. А. Штейнберг	Он смолк, и Сын великий подал знак / Блистательному стражу, что стоял / Невдалеке; страж вострубил в трубу, / Быть может, в ту, взывавшую поздней, / При нисхожденье Бога на Хорив; / Ее, быть может, некогда услышат, / Гремящую в День Страшного Суда [Мильтон 2008].

В переводе О. Н. Чюминой осуществлен приём смыслового развития (bright Minister / «Ангелу, на стражѣ стоящему» / «Архангелъ»), перераспределение семантических компонентов (He ended, and the Son gave signal high / To the bright Minister / «Умолкъ Господь, и Ангелу, на стражѣ / Стоящему, Мессія сдѣлалъ знакъ»), инверсия (He ended / «Умолкъ Господь»; hee blew / His Trumpet / «затрубилъ въ трубу свою Архангелъ»). Размер и ритм перевода О. Н. Чюминой соответствовали литературным произведениям эпохи. Перевод поэтессы, полный изящества, стал искусным переложением подлинника, органично вписался в контекст литературы принимающей культуры и был благожелательно воспринят современниками. А. А. Штейнберг в переводе стремился наиболее полно передать смысловое содержание подлинника и соблюсти ритм, близкий пятистопному ямбу английской поэзии.

«Потерянный рай», произведение, воспевающее торжество справедливости и затрагивающее общечеловеческие вопросы, носящие универсальный характер, пережило столетия. Каждая эпоха подразумевает новое прочтение подлинника и, как следствие, создание новых переводов и теоретических исследований, обеспечивающих бессмертие автора.

Литература

- Мильтон Дж. Потерянный и Возвращенный рай / пер. с англ. О. Н. Чюминой. СПб.: Азбука, 2013. 412 с.
- Мильтон Дж. Потерянный Рай / пер. с англ. Арк. Штейнберга. М.: Худож. лит., 1982. 414 с.
- Штейнберг А. А. О себе самом // Воспоминания об Аркадии Штейнберге. «Он между нами жил...» / сост. В. Г. Перельмутер. М.: Русский импульс, 2008. С. 385–420.
- Milton J. Le Paradis Perdu / édition en anglais et en français, ornée de douze Estampes imprimées en couleur d'après les Tableaux de M. Schall. Tome premier. Paris, 1792. 391 p.; Tome second. Paris, 1792. 377 p.

Загудалина Юлия Викторовна

преподаватель испанского языка,

Московский государственный лингвистический университет;

yuliaz99@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕТСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК — НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ ДОРЫ АЛОНСО «JUEGA CONMIGO» И СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Ключевые слова: поэзия, поэтическая традиция, детская литература, поэтический перевод, русский язык, испанский язык, английский язык.

Целью данного исследования является выявление отличительных особенностей перевода детских поэтических текстов на русский язык. Материалом для работы послужили выполненные нами переводы поэтических текстов авторства кубинской детской поэтессы Доры Алонсо (1910–2001) «Juega conmigo» («Устроим веселье»); а также стихотворения неизвестного англоязычного автора «Five little pumpkins sitting on a gate» («Пять подружек- тыковок сели на ворота».)

Испаноязычная поэтическая традиция склоняется к использованию ассонансной рифмы, что подразумевает рифмовку срединных и конечных гласных («conmIgo — domIngO»; «recuErdO — ciElO», «rAnA — sAcA»). Отечественная же традиция, напротив, тяготеет к применению консонансной рифмы, то есть рифмующимся слогам. Таким образом, данную особенность необходимо учитывать при переводе испанского поэтического текста на русский язык, придерживаясь принципов отечественной стихотворной традиции, то есть по возможности используя преимущественно консонансную рифмовку. Рассмотрим данный тезис на примере перевода стихотворения Доры Алонсо «Juega conmigo» («Устроим веселье»):

Capercita Roja, Juega conmigo: Yo seré un día lunes Y tú domingo.	Красная Шапочка, Устроим веселье! Чур я — понедельник, А ты — воскресенье!
Juega conmigo: Tú serás una rosa, Yo un venadito.	Устроим веселье: Чур ты будешь розой, Я крошкой — оленем.
Yo una gota de agua, Tú un abanico. Tú cereza madura; Yo un arbolito.	Чур я теперь капля, А ты — веерочек. Ты — взрослая вишня, Я — рядом росточек.
¡ Capercita Roja, ¡ Juega conmigo!	Красная Шапочка, Устроим веселье!

На примере этого перевода хотелось бы рассмотреть следующие особенности, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать при переводе детских поэтических текстов с любого языка оригинала на русский язык:

1. Использование эмоционально-окрашенного слова «чур». Как можно заметить, в оригинале эта команда- побуждение к игре отсутствует, однако, по нашему мнению, более точно передаёт формат общения русских детей в игре: «чур я вода», «чур ты первый», делает предложение к Красной Шапочке поиграть и пофантазировать гораздо более естественным для русского реципиента младшего возраста («чур» выступает как более просторечный синоним «давай»).
2. Стратегия перевода диминутивов. Слова «venadito» (оленёнок) и «arbolito» (деревце) со-

держат в себе уменьшительно-ласкательный суффикс *ito*, использование которого позволяет автору показать ребёнку, что вокруг много вещей, похожих на него, словно общая ему: «ты маленький — и деревце, и оленёнок рядом с тобой — тоже маленькие, а значит — такие же как ты». Так ребёнку легче ассоциировать себя с персонажами стихотворения и, как следствие, главная мысль повествования начинает звучать для него более убедительно. При переводе данного стихотворения мы передали диминутивы по-разному: так, *venadito* стал «крошкой- оленем» (отсылка к известному отечественному мультяшнику про Крошку-Енота), а «*arbolito*» превратилось в «росточек», который сделал таким же маленьким и «*abanico*»- «веер» из предыдущей строки. Таким образом, возникает рифма «веерочек- росточек», что позволяет ребёнку поиграть с Красной Шапочкой как бы на одном уровне: ты маленький веер, я — маленький росток — значит, мы можем фантазировать вместе!

Хотелось бы также рассмотреть следующую особенность перевода детской поэзии на примере перевода стихотворения неизвестного автора «Five little pumpkins sitting on a gate» («Пять подружек- тыковок сели на ворота»).

Five little pumpkins sitting on a gate
The first one said: "Oh, my! It's getting late!"
The second one said: "There are witches in the air!"
The third one said: "But we don't care!"
The fourth one said: "Let's run and run, and run!"
The fifth one said: "I'm ready for some fun!"
«Oooo» went the wind and out went the light
And five little pumpkins rolled out of sight.

Пять подружек- тыковок сели на ворота.
«Ой! — сказала первая — «Уж темнеет что-то!»
«Кружат ведьмы в воздухе!» — молвила вторая.
Третья тыковка в ответ: «Думать не желаем!»
Вскинулась четвёртая: «Эй, вперёд, бегом!»
Согласилась пятая: «Ну-ка, отдохнём!»
«Уууу!» — заухал ветер. Всюду свет погас —
Пять подружек- тыковок тут же скрылись с глаз.

Важность выбора глаголов действия. Знание детской психологии обязывает переводчиков детской литературы принимать во внимание следующий факт: дети с гораздо большей эффективностью воспринимают эмоционально-окрашенную информацию, побуждающую их самих испытывать разнообразный спектр эмоций: счастье, удивление, сочувствие и другие. Кроме того, разнообразные глаголы действия расширяют словарный запас ребёнка: «сказала, вскинулась, согласилась» — все эти глаголы (в отличие от нейтрального оригинального «*said*» помогают ребёнку прочувствовать различные реакции подружек-тыковок, а значит — понять их состояние и настроение. Мы полагаем, что это в дальнейшем поможет ему лучше воспринимать характерные особенности эпохи произведений, которые он будет изучать в будущем, в том числе классических.

Таким образом, мы можем прийти к следующему выводу: грамотное со всех точек зрения детское стихотворение требует от автора или переводчика разбираться в обоих огромных мирах: детской и взрослой литературы и психологии. Только так возможно создать произведение, способное внести вклад в воспитание будущих поколений.

Литература

- Гончаренко С. Ф. Собрание Сочинений. Т. 3. М.: Рема, 1995.
Цветаева М. И. Искусство при свете совести. СПб.: Азбука, 2017.
Чуковский К. И. От двух до пяти. М.: Дискурс, 2019.

Лекомцева Ирина Алексеевна

*канд. филол. наук, доцент, кафедра английской филологии и перевода,
Санкт-Петербургский государственный университет;
i.lekomtseva@spbu.ru*

О ДЕЯТЕЛЬНОМ ТИПЕ ОНТОЛОГИИ ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: переводческий семиозис, интерпретация, речепорождение.

В отличие от субститутивно-манипуляционного типа онтологии перевода, в рамках которого перевод рассматривается как манипуляция с единицами исходного текста с помощью замен или перестановок, перевод в деятельностном типе онтологии [Сорокин 2003] представляет собой речемыслительную деятельность по заданной в оригинале программе. При рассмотрении перевода в рамках интерпретативной или деятельностной парадигмы опорными теоретическими точками отсчета нужно считать эгоструктуру личности переводчика и переводческий семиозис [Сорокин 2003: 28]. Суть переводческого семиозиса заключается, с одной стороны, в понимании и истолковании когнитивной и эмоционально-оценочной информации в условиях совмещения разных картин мира и разных способов выражения, а, с другой стороны, в создании текста перевода на языке перевода. Такой подход подразумевает рассмотрение перевода с точки зрения дихотомии «язык и речевая деятельность», а также инкорпорирует основные положения психолингвистики, когнитивной лингвистики и теории речевой деятельности. Первый этап переводческого семиозиса представляет собой интерактивную модель взаимодействия слова, текста и информационного тезауруса реципиента-переводчика. Логичная интерпретация языковых знаков может быть обеспечена правильной идентификацией когнитивно-семантических признаков и активацией соответствующего когнитивной модели. На языковом уровне когнитивные модели могут быть представлены лингвоспецифичными лексико-семантическими парадигматическими и синтагматическими полями. Лексико-семантические поля, с одной стороны, служат языковой репрезентацией когнитивных моделей, а, с другой стороны, являются результатом минимизации текста и представляют язык в «предречевой готовности», в состоянии между системой языка и речевой деятельностью. В ситуации межъязыковой коммуникации целесообразно использовать эту методику для анализа параллельных текстов. При таком подходе, лексико-семантические поля приобретают первостепенное значение на втором этапе переводческого семиозиса, т. е. при перевыражении подлинника средствами принимающего языка. Языковые средства выражения содержательных компонентов когнитивных моделей являются коммуникативно-равноценными межъязыковыми синонимами с точки зрения сопоставительных исследований [Recent trends 2002] или «естественными эквивалентами» (термин Э. Пима) с точки зрения перевода [Рум 2014]. Такие приемы переводческой деятельности могут представлять собой методологию реализации модели «смысл-текст» при переводе [Рябцева].

Unlike the substitutive-manipulative type of translation ontology, that views translation as manipulation of units of the source text via substitutions or rearrangements, translation in the activity type of ontology [Sorokin 2003] is a speech production according to a program specified in the original [Sheitser 2023]. Interpretive or activity approach to translation is underpinned by the egostructure of the translator's personality and translation semiosis [Sorokin 2003: 28]. The essence of translation semiosis lies, on the one hand, in understanding and interpreting cognitive and emotional-evaluative information [Kazakova 1988: 169], and, on the other hand, in creating a translation text in the target language. This approach sees translation from the point of view of the dichotomy "language and speech production", and also incorporates psycholinguistics, cognitive linguistics and the theory of speech production. The first stage of translation semiosis is an interactive model of interaction between words, text and the information thesaurus of the recipient-translator. A logical interpretation of linguistic signs can be ensured by the correct identification of cognitive-semantic features and activation of the corresponding cognitive model. At the linguistic level, cognitive models can be represented by language-

specific lexical-semantic fields in paradigmatic and syntagmatic dimensions. Lexico-semantic fields, on the one hand, are a linguistic representation of cognitive models, and, on the other hand, are the result of text minimization and represent the language in “pre-speech readiness”, in a state between the language system and speech production. Translationally, this method should be applied for analyzing parallel texts. As a result, lexical-semantic fields acquire paramount importance at the second stage of translation semiosis, i. e. when re-expressing the original meaning in the target language. Cross-linguistically, language units of expressing cognitive models are communicatively equivalent interlingual synonyms [Recent trends 2002] or “natural equivalents” (E. Pym’s term) from the point of view of translation [Pym 2014]. Such methods of translation activity can represent a methodology for implementing the “meaning-text” model in translation [Ryabtseva].

Литература

- Рябцева Н. К.* Переводоведение в России и за рубежом. Ч.2. Анализ эмпирического материала. URL: <https://iling-ran.ru/riabtseva/translationstudies2.pdf> (дата обращения: 02.01.2024)
- Сорокин Ю. А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003.
- Recent trends in cross-linguistic lexical studies // Lexis in contrast. Corpus-based approaches / eds B. Altenberg, S. Granger. Amsterdam: John Benjamin Publishing House, 2002.
- Пум А.* Exploring translation theories. London; New York: Routledge, Taylor&Francis Group, 2014.

Раренко Мария Борисовна

канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник,

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН); rarenco@rambler.ru

«ЧТО ЗНАЛА МЕЙЗИ» ПРО «РАЗВОД В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ»: О СЕМИОТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ СЕГОДНЯ

Ключевые слова: семиотических перевод, Г. Джеймс, экранизация художественного произведения, образовательные ресурсы.

Доклад посвящен вопросам межсемиотического перевода. Материалом исследования является кинотекст «What Maisie Knew».

Согласно классификации видов перевода, предложенной Р. Якобсоном в статье «О лингвистических аспектах перевода», межсемиотический перевод, или трансмутация, является одним из трех видов перевода, наряду с внутриязыковым и межъязыковым, и представляет собой интерпретацию вербальных знаков посредством знаков невербальных систем [Якобсон 1978: 17]. Таким образом, частным примером межсемиотического перевода можно считать экранизацию художественного произведения.

Роман американского писателя Генри Джеймса «Что знала Мейзи» (What Maisie Knew, 1897 г.) относится к позднему периоду творчества писателя и признана одним из его маленьких шедевров. В 2012 г. роман был экранизирован (режиссёры С. Макгехи и Д. Сигел) и в сентябре того же года был представлен на кинофестивале в Торонто. Английская версия фильма вышла под тем же названием, что и роман (осенью 2013 г. в русском прокате фильм появился под названием «Развод в большом городе»). Реакция зрителей, как российских, так и зарубежных, оказалась неоднозначной. Часто, особенно среди зарубежных зрителей, знакомых с творчеством Г. Джеймса, на онлайн площадках поднимался вопрос, можно ли фильм считать экранизацией романа или оригинальным произведением.

Родители шестилетней Мейзи Сюзанна и Бил заняты своей карьерой, на дочь времени у них не хватает. Участвовавшие между ними ссоры в результате приводят к разводу. Получив по суду совместную опеку над девочкой, родители Мейзи по-прежнему заняты исключительно своими проблемами, и девочка вынужденно оказывается на попечении новых спутников жизни ее отца и матери — Марго и Линкольна, которые относятся к ней с большим вниманием и заботой, нежели Сюзанна и Бил. В конце концов взрослые осознают, что в интересах Мейзи ей лучше остаться с Марго и Линкольном.

Как и в романе, в фильме используется прием «точка зрения», разработанный Г. Джеймсом и заключающийся в том, что все события зритель воспринимает через призму одного из участников описываемого события. В данном случае «точкой зрения» выступает сознание Мейзи, для которой в силу возраста и отсутствия жизненного опыта многое оказывается за рамками ее понимания.

В киноверсии сюжетная канва романа сохраняется, но действие фильма перенесено в современный Нью-Йорк. Родители Мейзи, по-прежнему обладая высоким социальным статусом, «меняют» род деятельности: Сюзанна становится рок-певицей, окруженной толпой поклонников, а Бил — успешным бизнесменом, постоянно ведущим переговоры с партнерами. Соответственно, и окружают их теперь люди, интересы которых находятся в близких им «новых» профессиональных сферах.

Создатели киноверсии сохранили название романа Г. Джеймса, однако в российский кинопрокат фильм вышел под другим названием — «Развод в большом городе», что можно, вероятно, объяснить скорее экстралингвистическими причинами, как нам представляется, прежде всего, — коммерческими. В то же самое время такое название фильма, на наш взгляд, вполне оправдано, поскольку вполне соответствует идее фильма, хотя и нарушает связь между романом и его киноверсией.

Сегодня вопрос о роли семиотического перевода представляется особенно актуальным. Исходя из понимания перевода в самом общем виде как процесса, в результате которого полученный продукт выступает заменой оригинальному, следует признать, что задача семиотического перевода, как и других двух видов перевода, заключается именно в том, чтобы реципиент (в случае с киноверсией — зритель) получил возможность ознакомиться с оригинальным произведением посредством иной семиотической системы. Вопрос о допустимости переноса времени, места действия, изменения имен и другой персональной информации в случае экранизации художественных произведений остается дискуссионным.

На наш взгляд, в эпоху массового потребления, стремительного развития технологий и высокого темпа жизни, когда инфотейтмент (просвещение и информирование широких масс посредством развлечения) приобретает все большее распространение, а чтение качественной художественной литературы становится уделом меньшинства, продукты киноиндустрии (а также комиксы, манга и пр.) могут рассматриваться как эффективные образовательные ресурсы. В случае с российскими реципиентами (в большинстве своем не владеющими в необходимой степени английским языком) ознакомление с романом Г. Джеймса возможно сегодня только посредством просмотра его киноверсии, поскольку на русский язык роман не переведен.

Таким образом, межсемиотический перевод расширяет сегодня свои функции и может использоваться в образовательных целях.

Литература

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.

Сайфуллоева Зулайхо Абдулхамидовна

канд. филол. наук, доцент, кафедра таджикского языка,
Российско-Таджикского (Славянского) университета;
sayfullayeva1970@mail.ru

ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ: ПРИЕМЛЕМОСТЬ ПЕРЕВОДА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: персидско-таджикская классическая поэзия; перевод; русский язык.

Наука перевода персидско-таджикской классической поэзии на русский язык имеет давние и прочные традиции. Уместно вспомнить о значимых заслугах В. Жуковского, В. Державина, О. Румера, И. Сельвинского, К. Липскерова, В. Левика, С. Шервинского, перу которых принадлежат художественные переложения произведений Рудаки, Фирдоуси, Хайяма, Джалолуддина Балхи, Саади, Хафиза, Джами и других ярчайших звёзд восточной поэзии. Благодаря их переводам творения классиков персидско-таджикской литературы стали достоянием многих народов мира. Важную лепту в переводе и пропаганде классической поэзии Востока внесли последующие поколения русских поэтов и переводчиков: А. Адалис, Я. Козловский, Т. Стрешнева, Г. Регистан, Т. Спендиарова, Д. Самойлов, Н. Гребнев, Ю. Нейман, А. Кочетов, В. Звягинцева и С. Северцев. Впоследствии круг переводчиков персидско-таджикской классической поэзии расширился за счет новой плеяды русских поэтов, в том числе Г. Плисецкого, Т. Кузовлевой и Г. Ашкинадзе.

К сожалению, таджикская теоретическая и критическая мысль так и не смогла дать надлежащей оценки качественному и количественному росту этих переводов.

Сравнительный анализ переводов персидско-таджикской классической поэзии на русский язык показывает, что переводчики в процессе перевода не всегда принимают во внимание «соединение концептуально-понятийной и эстетической информации» текста оригинала. В то время как всякое «искажение или отход от основ концептуальной и эстетической информации» в переводе — есть грубейшая ошибка. Соединение концептуальной и эстетической информации подразумевает совершенное соотношение содержания и формы в переводе.

Исследователи в области перевода поэзии придерживаются мнения, что перевод может быть лучше текста оригинала — с точки зрения красоты слога, но в этом случае он не может быть воспринят как совершенное переложение текста оригинала. Подтверждением этой точки зрения служит факт, что разные языки отличаются друг от друга различными принципами построения предложения, порядка расположения слов и звуков.

Перевод, как акт перевода, может быть хорошим, но он никогда не может претендовать на совершенное переложение текста оригинала. Перевод может превосходить текст оригинала, но он никогда не достигнет совершенства переложения с другого языка или, выражаясь иначе, никогда не будет тем, что было в оригинале и не сможет оказать того влияния на восприятие читателя, которое присуще тексту оригинала [Льюис 1867: 76–77].

Каждый язык является продуктом культуры той страны, на котором говорит его народ, и смысл каждого слова, в каждом языке, подчинён культурным основам этого языка.

Цель адекватного перевода вовсе не сводится в дословном переложении словосочетаний и предложений. Хороший перевод есть своего рода комментарий и как считает американский лингвист Юджин Найда: «настоящий перевод имеет дело только со сходствами и эти равнозначные конструкции переходят из одного языка в другой язык только лишь на основе смысла и стиля» [Nida 1954: 217].

С этой точки зрения, важным является то, чтобы в переводе сохранялись дух слова и совершенная верность к другому языку. Вполне закономерно, что переводчик поэзии не должен вмешиваться в текст оригинала по своему разумению. Так, многочисленные попытки русских переводчиков, в особенности Г. Плисецкого, передать своеобразие творческого наследия Хайяма теряли многое из-за атеистического восприятия самой сути суфийской поэзии, лишая ее

магии веры и мистики озарений. Именно поэтому загадка бессмертия поэзии средневекового Востока для русской аудитории остаётся «тайной за семью печатями» и русскому читателю приходится довольствоваться лишь догадками о совершенстве оригинала.

В этом аспекте можно назвать удачными переводы рубаи Хайяма и газелей Хафиза, выполненные Г. Плисецким. Эти переводы имеют достоинства: переводчик перевёл одним размером стиха — четырёхстопным анапестом, который легко читается; их словарно-музыкальная инструментовка, переданная и организованная акцентированным ударением на последних слогах, создает цельно обрاملённые отрезки поэтического звучания.

Переводы Г. Плисецкого близки русскому читателю, при этом более 450 рубаи, переведённых им, имеют изъяны. Персидско-таджикская поэзия богата элементами исторической, религиозной и мифологической реминисценции, что не подлежит переводу.

Трудности перевода персидско-таджикской поэзии являются специфичными, и в данном случае переводчик имеет дело с великой духовно-художественной традицией, а также с важными содержательно-формальными особенностями, очень важно знание интонации персидско-таджикского стихосложения. Путь к точному познанию интонации лежит через глубокое изучение структуры языка, метрики и ритма стихотворения, а также нахождения духа стихотворения поэта и стихотворных традиций этой нации.

Адекватный перевод лирического текста должен быть эквивалентен оригиналу по насыщенности, взаимосвязано с метроритмическими, фоническими и металогическими структурами, направленными на выражение концептуально-эстетического содержания [Гончаренко 1988: 109].

Опыт русских переводчиков даёт возможность русскому эквиваленту для создания ритма персидско-таджикской поэмы, образцами которого являются переводы «Шахнаме», «Месневи», «Бустан» и др. Этот опыт показывает, что персидско-таджикская классическая литература еще не нашла своего истинного переводчика на русский язык.

Литература

- Гончаренко С. Ф.* Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. С. 100–111.
- Льюис Д.* Жизнь И. Вольфганга Гёте: в 2 ч. / пер. с англ., под ред. А. Н. Неведомского. СПб.: Изд. «Русской книжной торговли», тип. Н. Тиблена и Комп., 1867. 345 с.+372 с.
- Nida Eugene A.* Customs and Cultures: Anthropology for Christian Missions. New York: Harper & Row, 1954. 306 p.

Силинская Наталия Павловна

канд. филол. наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
silinskaya.natasha@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЯХ И «ВИДИМОСТИ» ПЕРЕВОДЧИКА

Ключевые слова: художественный перевод, «видимость/невидимость» переводчика, переводческие комментарии.

Проблема допустимости переводческих комментариев в художественном тексте многие годы остается дискуссионной и не имеет однозначного решения. Представляется интересным рассмотреть ее в аспекте «видимости/невидимости» переводчика. Данная концепция была предложена известным теоретиком перевода Л. Венути, который подразумевал под «невидимостью» переводчика, во-первых, такие характеристики переводного текста, как «fluency» (лёгкость восприятия, «гладкость» текста) и «transparency» (прозрачность), и, во-вторых, практику чтения и оценки переводов, доминирующую в англо-американской культуре [Venuti 1995]. Довольно распространенной является точка зрения, согласно которой «невидимость» переводчика гарантирует более высокое качество переводного текста.

Переводческие комментарии по своей природе отвлекают читателя и напоминают ему, что читает он не оригинал. Также они могут рассматриваться как вторжение в авторский текст, при котором переводчик неизбежно напоминает о себе и превращается в видимую фигуру. В этом смысле использование переводческих комментариев становится своего рода провалом, признанием в собственном бессилии, в том, что более эффективное решение найти не удалось.

С другой стороны, использование комментариев является нормой, достаточно привычной для современного читателя, который, благодаря наличию комментариев, лучше понимает текст и осознает различия между лингвокультурами, что позволяет достичь более полной содержательной и коммуникативной равноценности перевода и оригинала. При этом читатель слышит «голос» переводчика и воспринимает его как участника коммуникации наряду с автором.

Целью настоящего исследования является выявление факторов, определяющих необходимость использования переводческого комментария и рассмотрение степени «видимости» в нем переводчика. Стратегия переводчика при этом может варьироваться от полного отказа от использования переводческого комментария (здесь речь идет о значимом отсутствии комментариев там, где они могли быть использованы) и заканчивая случаями, где переводчик, наоборот, отказывается от невидимой позиции и прямо заявляет о себе, обращаясь к читателям переводного текста.

Первым и самым очевидным фактором появления комментария в переводе произведения будет наличие смысловых лакун, вызванных временной и культурной дистанцией между читателями оригинального текста и текста перевода. Комментарии здесь выполняют пояснительную и просветительскую функции. Чем шире дистанция между культурами, тем комментарии будут актуальнее, тем более оправданной становится «видимость» переводчика. Сопутствующими факторами выступают переводческая традиция и общая переводческая стратегия (доместикация или форенизация).

Более сложным случаем будет использование переводческих комментариев для компенсации смысловых потерь при переводе интертекстуальных включений. Здесь переводчик должен определить, насколько важен данный элемент для понимания авторского замысла, есть ли способы компенсации смысловых потерь помимо комментария и, если нет, насколько глубокой должна быть интерпретация интертекстуального включения в тексте комментария.

Еще одна группа факторов, определяющих наличие переводческого паратекста и степень «видимости» в нем переводчика, связана с типом издания (например, академическое издание или издание для широкого читателя), жанром текста (в ряде случаев имеются жанровые огра-

ничения, например, в драматическом произведении использовать переводческие комментарии невозможно) и представлением о его читательской аудитории. К примеру, возрастная группа, на которую рассчитано издание, накладывает свои ограничения и на саму уместность использования переводческих комментариев, и на их тип, и на отбор используемых языковых средств.

Иногда степень «видимости» переводчика определяется соотношением и взаимовлиянием автографического паратекста (вспомогательного по отношению к основному тексту дискурса, созданного автором) и аллографического паратекста (вспомогательного дискурса, созданного не автором, но иным лицом, в данном случае, переводчиком) [Genette 1997]. Например, Р. Куанг, автор романа «Вавилон», написанного в жанре фэнтези, дает комментарии к тексту внутри авторского хронотопа, в системе вымышленного мира, хотя речь в них часто идет о реально существующих персонах и исторических аллюзиях. Переводчик в этом случае, очевидно, сталкивается с дилеммой — комментарии в виде традиционных переводческих примечаний, относящихся к историческому контексту произведения, неизбежно будут очерчивать границу между реальной и вымышленной историей Оксфорда и Британской империи и вместо заполнения смысловых лакун переходят в пространство интерпретации текста, становясь из поясняющих дискурсивными (объясняющими). Имитация же авторских комментариев, стирающих границу между реальным и воображаемым, магическим миром, станет вмешательством в авторский текст и будет неэтичной. Вероятно, в связи с этим переводчик сознательно отказывается от включения в текст переводческих примечаний. Такой комментарий, вероятно, можно охарактеризовать как нулевой (отсутствующий там, где в нем есть необходимость, термин Т. А. Казаковой) [Казакова 2006: 137].

Противоположный случай — когда переводчик становится «видимым», и его голос звучит громче голоса автора. В данной ситуации встает вопрос о том, помогает или мешает переводческий комментарий целостному восприятию художественного произведения.

Литература

- Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: ИнГязиздат, 2006.
- Куанг Р. Вавилон, или Необходимость насилия: сокрытая история революции оксфордских переводчиков. М.: Эксмо, 2023.
- Genette G. Paratexts: Thresholds on Interpretation. Cambridge: CUP, 1997.
- Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; New York: Routledge, 1995.

Уржа Анастасия Викторовна¹, Филатова Ганна Алексеевна²

¹д-р филол. наук, профессор,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

English2@yandex.ru

²канд. филол. наук, старший преподаватель,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

gphilatova@gmail.com

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕДАКЦИЙ ПЕРЕВОДА: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ С АРХИВОМ НОРЫ ГАЛЬ

Ключевые слова: переводческая стратегия, архив, редактирование перевода, Нора Галь, стиль.

В докладе представлены первые результаты комплексного исследования ряда машинописных и рукописных источников из архива известной советской переводчицы Норы Галь. В фокусе сопоставительного лингвистического анализа оказываются последовательные редакции перевода текстов — история многоэтапной правки и корректировки переводческих версий, создающая яркое представление о характерных чертах стратегии Норы Галь в работе с каждым произведением, о ее подходе к переводческому труду и принципах работы с материалом.

Нора Галь, или Элеонора Яковлевна Гальперина, — не только одна из самых известных русских переводчиц XX века, но также редактор, критик и теоретик перевода. Подход к переводу и редактированию, представленный Норой Галь в книге «Слово живое и мертвое», широко известен и до сих пор активно обсуждается [Галь 2012; Ермолович 2023]. Однако до недавнего времени у исследователей не было шанса получить доступ, так сказать, в мастерскую переводчицы, узнать, как она сама работала над текстами. Эту редчайшую возможность подарила ученым дочь Элеоноры Яковлевны — Эдварда Борисовна Кузьмина, передавшая исследовательскому семинару А. В. Уржи на филологическом факультете МГУ архив черновиков переводчицы.

В архиве более 30 папок. В некоторых папках есть тексты оригиналов небольших произведений на английском или французском языке, переписанные вручную (!). Можно предположить, что у переводчицы не всегда была возможность долго держать у себя книгу с оригинальным текстом (об этом же свидетельствуют и некоторые фрагменты переписки с редакторами, см. ниже). Далее в каждой папке обнаруживается несколько последовательных машинописных редакций перевода произведения со «слоями» правки. Правка поверх машинописи сделана тремя способами: с помощью печатной машинки, чернилами и карандашом. Каждая следующая машинописная редакция учитывает предыдущую правку. На полях и на оборотах некоторых машинописных страниц есть записи карандашом — результат обсуждения текста с редакторами (иногда их замечания, иногда возражения Норы Галь), а в ряде случаев — варианты из предшествующих версий других переводчиков или переводов на другой язык. Кроме этого, в некоторых папках есть фрагменты переписки переводчицы с редакторами и корректорами, письма в издательства с предложениями перевести произведение того или иного современного автора.

В настоящее время в исследовательском семинаре ведется работа по расшифровке и анализу слоев правки и записей на полях. Разработано несколько методик расшифровки, выделена система помет, использованная Норой Галь, определяются функции этих помет.

Сопоставительный лингвистический анализ редакций перевода не только дает представление о масштабе и тщательности работы переводчицы, о ее требовательности к качеству текста, готовности неоднократно редактировать и дорабатывать перевод, но и позволяет выявить комплекс принципов, который принято называть переводческой стратегией [Гарбовский 2013], в работе Норы Галь над каждым отдельным произведением того или иного автора.

В ходе сравнения редакций перевода становятся видны основания переводческих решений при выборе синтаксической конструкции и поиске лексических эквивалентов (обычно Нора Галь движется от подстрочника к фразе, оформленной согласно нормам русского языка, но не останавливается на «гладком» варианте (в «гладкописи» нередко упрекают советских перевод-

чиков [Довлатов 1990]), а далее стремится соотнести выбранную конструкцию или слово и их стилистическую окраску с манерой автора, с образами персонажей, с формируемыми в тексте мотивами. Именно на этом этапе происходит наиболее напряженный поиск, перебор вариантов.

В докладе освещаются некоторые примеры из истории редактирования переводов Р. Брэдли, Дж. Сэлинджера и Р. Желязны, связанные с передачей реалий, трансляцией стилистической окраски фраз, подбором синтаксической конструкции, в том числе генеритивных предложений, отражением игры слов, переводом заглавий.

Анализ черновиков Нора Галь показывает, что с реалиями, отсылающими к особенностям другой культуры, она работала очень внимательно, хотя включение заимствования могло вызвать у нее колебания. Так, в переводе известного рассказа Дж. Сэлинджера «В лодке» она несколько раз меняла решение, выбирая для перевода слова *pickles* (излюбленного лакомства маленького мальчика в американском городке) то вариант *пикули*, то сочетание *маринованные огурцы*, и в итоге все-таки предпочла *пикули*. При переводе рассказа Р. Желязны «Одержимость коллекционера», выбирая между транслитерацией или переводом, для окказионализмов она останавливается на заимствованном варианте (*deeble* — *диблиться*), а для имен собственных — на переводе (*Dunghill / Fairhill* — *Гнусогор / Красногор*), что позволяет русскоязычному читателю более ярко ощутить языковую игру, которой насыщен рассказ.

Выявляется и околотекстовая работа: попытки провести то или иное переводческое решение через цензуру, полемика и сотрудничество с редакторами. Первые результаты работы с архивом позволяют осознать ценность полученного исследователями материала, определить эффективность применяемых методик текстологического и сопоставительного анализа.

Литература

Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Время, 2012. 592 с.

Гарбовский Н. К. Сопоставительная стилистика и методология перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 14–35.

Довлатов С. Записные книжки. New York, 1990. URL: http://www.sergeidovlatov.com/books/zap_kn.html

Ермолович Д. И. Так говорит Нора Галь. Вып. 7–8. Цикл «Языковые тонкости». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c9wSU0yYNWk>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

Шутёмова Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент,
кафедра английской филологии и лингвокультурологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
n.shutemova@spbu.ru

ЭНАЛЛАГА В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»: СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ДЖ. ФЕЙЛЕНА

Ключевые слова: роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; эналлага; алогизм; смещенный эпитет; переводческий метод Дж. Фейлена.

Рассматриваемая тематика связана с изучением способов перевода алогизмов. В широком плане актуальность их исследования восходит к таким ключевым проблемам транслатологии, как репрезентация целостности оригинала в принимающей культуре, своеобразие мышления автора, специфики его идиостиля.

Эналлага является, наряду с гипаллагой, разновидностью гомогенного семантического смещения, мотивированного интерпретацией свойств предмета [Мурзин 1984]. В отличие от гипаллагы, возникающей в результате переосмысления статических и процессуальных качеств объекта (*На синих, иссеченных льдах Играет солнце; грязно тает На улицах разрытый снег* [Пушкин 1969: 219]), эналлага представляет собой семантико-синтаксическую перестановку, основанную на перераспределении характеристик между взаимосвязанными объектами (*И не попал он в цех задорный Людей, о коих не сужу* [Пушкин 1969: 34]). При этом семантическое смещение гетерогенного типа сопровождается изменением подчиненности признака его носителю (*Тут был Проласов, заслуживший Известность низостью души* [Пушкин 1969: 210]).

За счет противоречия между семантикой сдвинутого компонента и грамматического определяемого эналлага актуализирует образность авторского мышления и дезавтоматизирует восприятие художественного текста, выполняя в нем эстетическую функцию. Это предполагает необходимость сохранения эналлаг для более полной репрезентации сущности оригинала на ПЯ.

Проявляя лингвокреативность писателя, эналлага создает одну из нестандартных задач, которые решает переводчик романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Осветим способы передачи эналлаг Дж. Фейленом, которого критики причисляют к мастерам, наиболее бережно сохранившим своеобразие подлинника. Как показал сопоставительный анализ ИТ и ПТ, переводчиком реконструировано 37,5% исходных эналлаг, например:

Порой беглянки черноокой Младой и свежий поцелуй [Пушкин 1969: 116] — *At times the fresh and youthful kisses Of white-skinned, dark-eyed country maid* [Pushkin: 100];

Но вот багряною рукою Заря от утренних долин Выводит с солнцем за собою Веселый праздник именин [Пушкин 1969: 135] — *But lo! ... with crimson hand Aurora Leads forth from morning ales the sun And brings in merry mood before her The name-day feast that's just begun* [Pushkin: 121].

В частности, эналлага *ревнивый шепот жен* (*И ревом скрипок заглушен Ревнивый шепот модных жен* [Пушкин 1969: 28]) сопровождается разнонаправленностью семантических и грамматических связей прилагательного «ревнивый». Обозначая в данном контексте свойство человеческого характера и особое мнение касательно аксиологического фокуса, оно обладает семантической сочетаемостью с существительным *жен* (*шепот ревнивых жен*), но согласуется с существительным *шепот*, называющим действие персонажей — их тихую речь. Указанное противоречие реконструируется в переводе аналогично ИТ (*While muffled by the violin The wives their jealous gossip spin* [Pushkin: 17]). За счет транспозиции Дж. Фейлен нарушает грамматическую зависимость прилагательного *jealous* от существительного *wives*, сохраняя их семантическое соотношение. Реконструирование эналлаг свидетельствует о том, что Дж. Фейлен преодолевает когнитивный диссонанс, возникающий как на этапе

предпереводческого анализа алогичности эналлаги, так и на стадии объективации результатов понимания посредством английского языка.

Однако доминирует в переводе Дж. Фейлена деструктурирование, которому подвергается 62,5 % исходных эналлаг, например:

И вод веселое стекло Не отражает лик Дианы [Пушкин 1969: 36] — *The river gay and sparkling bright, Yet in its mirror not reflecting Diana's visage* [Pushkin: 25];

Перед Онегиным собрался Заимодавцев жадный полк [Пушкин 1969: 38] — *And round Eugene there soon collected The greedy horde demanding pay* [Pushkin: 27].

Деструктурирование эналлаги происходит за счет редукции противоречия между направленностью семантических и грамматических связей смещенного эпитета. Утрата авторских алогизмов может стать следствием, с одной стороны, неосвоенности их деривационного механизма и функций, с другой — непреодоленности когнитивного диссонанса, испытываемого при их репрезентации на ПЯ в условиях гетерогенности культур, языков, литературных традиций, а также ритмических ограничений, накладываемых стиховой формой.

Кроме реконструирования и деструктурирования алогизмов, переводчики прибегают и к их конструированию. Однако в рассмотренном ПТ такой способ репрезентации эналлаги (в отличие от гипаллаги) выявлен не был.

В целом редукция эналлаги А. С. Пушкина Дж. Фейленом доказывает, что передача данной идиостилевой характеристики, обусловленной своеобразием художественного мышления писателя, составляет переводческую трудность. Она влияет на полноту транслированности идейно-эмотивной основы, образности и эстетической формы оригинала, от чего зависит степень преломления его сущности в принимающей культуре.

Литература

- Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Конспект лекций. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. 56 с.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1969. 320 с.
- Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in Verse / transl. with an introd. and notes by James E. Falen. Oxford, UK: Oxford World's Classics, 1995. 288 p.